

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЩЕРБИНА

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ CVI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CVI

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1906

СОДЕРЖАНІЕ СТО ШЕСТОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1906 года).

ныя произведенія Цамблака, подражанія ему и переводы монаха Гавріила). Съ 4 снимками. Спб. 1906. М. Попруженка.—16) Е. К. Рѣдинъ. Профессоръ Николай Өеодоровичъ Сумцовъ. Къ 30-тилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Харьковъ. 1906. И. Александрова.—17) Ф. А. Львовъ. Лиходѣи бюрократическаго самовластья, какъ непосредственные виновники первой русско-японской войны. Спб. 1906. А. Б.—18) Сборникъ законодательныхъ памятниковъ древняго западно-европейскаго права, издаваемый подъ редакціей П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимирскаго-Буданова. Выпускъ первый. Lex Salica. Кіевъ. 1906. П. В. В.—19) Записки классическаго отдѣленія императорскаго Русскаго археологическаго общества. Томъ II, выпуски I и II. Спб. 1904—1906. А. Хах—ова.—20) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXXVI. Тифлисъ. 1906. А. Х—ва.—21) Z pamiętnikow Krukowieckiego, gubernatora Warszawy i prezesa rządu narod. w powstaniu 1830 r. Krakow. 1906. Г. А. Воробьева.—22) Малицкій, Н. Изъ прошлаго Владимирской епархіи. Вып. I. Владимиръ-губернскій. 1905. М.—23) Матеріалы для библіографіи мусульманской археологіи. Изъ бумагъ барона В. Г. Тизенгаузена. Издали К. А. Иностранцевъ и Я. И. Смирновъ. (Оттискъ изъ XVI т. записокъ восточнаго отдѣла императорскаго археологическаго общества). Спб. 1906. Я. Бирюкова. — 24) П. И. Пестель. Русская правда, наказъ временному верховному правленію. Спб. 1906. М. К.—25) Архимандритъ Іона. Свѣтъ съ Востока. Письмо о церковныхъ дѣлахъ православнаго Востока. Выпускъ I. Спб. 1904. Выпускъ II. Спб. 1906. Σ.—26) Готье, Ю. Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси. М. 1906. —27) Его же. Матеріалы по исторической географіи Московской Руси. М. 1906. М. К.—28) Л. М. Савеловъ. Изъ исторіи сношеній Москвы съ Крымомъ при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ. Посольство С. И. Тарбѣева въ Крымъ 1626—1628 г.г. Симферополь. 1906. В. Р—ва.—29) В. Е. Якушкинъ. Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Спб. 1906. А. Б.—30) К. Я. Здравомысловъ. Архивъ и библіотека святѣйшаго синода и консисторскіе архивы. Спб. 1906. И. Александрова.—31) Н. Ө. Сумцовъ. О національномъ самосознаніи домонгольской Руси. Харьковъ, 1906.—Его же. Замѣтки о народной словесности. Варшава. 1905. А. Я.—32) И. Анненскій. Книга отраженій. Спб. 1906. А. Ф—на.—33) А. И. Успенскій. Викторъ Михайловичъ Васнецовъ. М. 1906. А. Фаресова.—34) В. Львовъ. Девяностые годы и творчество Вересаева. Спб. 1906. А. Ф—на.—35) Э. Лиссагарэ. Исторія парижской коммуны въ 1871 г. Переводъ подъ редакціей В. Базарова. Изданіе «Знанія». Спб. 1906.—Его же. Исторія коммуны 1871 г. Переводъ В. Иванова. Изданіе Глаголева. Спб. 1906.—Ж. Вейль. Исторія соціальнаго движенія во Франціи. М. 1906. П. Б.—36) Ив. Ив. Семеновъ. Іудеи и грекоримскій міръ во II вѣкѣ христіанской эры. (Очеркъ по исторіи культурнаго взаимодѣйствія народовъ Римской имперіи). М. 1905.—Р—37) М. П. Костенко. Осада и сдача крѣпости Портъ-Артура. Кіевъ. 1906. А. Б.—38) «Przegląd Historyczny, dwumiesięcznik naukowy». Warszawa. 1906. Marzec—Kwiecien i Maj—Czerwiec. Г. А. Воробьева.—39) Труды Вятской ученой архивной коммиссіи 1906 года. Выпуски I—II. Вятка. 1906. В. Рудакова.—40) Николаевъ. Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ. М. 1906. Ф.—41) Чечулинъ, Н. Д. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1906. М. К.—42) Н. П. Лихачевъ. Къ исторіи дипломатическихъ сношеній съ папскимъ престоломъ при царѣ Борисѣ Годуновѣ, съ 2 таблицами. Спб. 1906. А. Я.—43) Д. Менделѣевъ. Къ познанію Россіи. Съ приложеніемъ карты Россіи. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1906. В. Кузнецова.—44) Гаустонъ Стюартъ Чемберлэнъ. Евреи. Ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Россіи. 3 изданіе. Спб. 1906.—Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи. Очеркъ общественной, правовой и экономической жизни евреевъ. Спб. 1906. А. Б.—45) Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. М. 1906. А. Фомина. — 46) Сергѣй Маковскій. Страницы художественной критики. Книга первая. Спб. 1906. А. Яцимирскаго.—47) Масановъ, И. Библіографія сочиненій А. П. Чехова. М. 1906. А. Ф—на. 48) Ник. Финдейзенъ. Русская художественная пѣсня (романсъ). Историческій очеркъ ея развитія. Изданіе П. Юргенсона. М. 1906. Г. Т.—49) Жоржъ Вейль. Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 по 1870 г. Москва 1906. П. Б.—50) Политическая энциклопедія, издаваемая подъ редакціей Л. З. Слонимскаго. Томъ I, выпускъ 2. Спб. 1906. А. Б.—51) Н. Коркуновъ. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Часть первая. Государство и его элементы. Изданіе 2. Спб. 1906. П. В. В.—52) Powstanie narodu polskiego 1830 r. w świetie kritiki mocarstw europejskjch z rękopisu przelozil na język polski *** (Польское возстаніе 1830 г. въ оцѣнкѣ европейскихъ державъ). 1906 г. Г. А. Воробьева.—53) Сообщеніе императорскаго Православнаго Палестинскаго общества. Томъ XVII,

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ОКТЯБРЬ, 1906 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТЯБРЬ, 1906 г.

(См. слѣд. стран.).

ШКЛОВСКІЯ АССИГНАЦІИ[1].

Историческая повѣсть.

VIII.

Ночныя видѣнія.

НО НА САМОМЪ дѣлѣ на сердцѣ Зорича лежала тяжесть; ему было совсѣмъ не весело: темныя, недобрыя предчувствія томили его. Въ этотъ день онъ рано удалился въ свою спальню; рано камердинеръ его, Живокини, раздѣлъ своего барина; рано легъ онъ на широкое ложе подъ балдахиномъ, но безсонница томила его. Онъ не спалъ, ворочался, садился на кровати и слѣдилъ за таинственной игрой луннаго свѣта, лившагося въ высокія окна спальни, которыя онъ запретилъ задергивать занавѣсами. Рои думъ вились въ головѣ Зорича, и видѣнія прошлаго проходили предъ нимъ.

Ему представлялись его старые походы, его боевые подвиги. Какъ всегда въ эти сырыя и вѣтреныя осеннія ночи, ныли его три раны, двѣ татарскимъ копьемъ и одна турецкою саблею. Онъ ложился, и ему казалось, что кровать его—это Дунай, и онъ—въ арміи Румянцева, подъ командою генералъ-поручика фонъ-Штофельна, и ему поручено воспрепятствовать турецкой переправѣ черезъ Прутъ. Въ ушахъ его грохотала канонада, трещали ружья, слышались

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. cv, стр. 673.

крики—«Алла». Вонъ полчища татаръ подъ командою паши Алибея бросаются въ глубокій заливъ. И пѣхота, и конница кипитъ въ водѣ. Но русскій берегъ и крутъ, и высокъ. Картечью осыпаютъ тонущихъ татаръ, и казацкія копья побиваютъ ихъ. А тутъ и онъ, Зоричъ, подоспѣлъ съ единорогами. Живѣе! живѣе! Единороги мечутъ гранаты. Онѣ падаютъ, шипятъ въ водѣ, лопаются. Волны окрасились кровью. Непріятель повернулъ назадъ, бѣжитъ и тонетъ, тонетъ и бѣжитъ. Ура! Во имя государыни! Переправа отбита!

Зоричъ, покоренный яркой иллюзіей видѣнія, приподнимается, срываетъ со стѣны пистолетъ и всаживаетъ пулю въ потолокъ своей спальни. Грохотъ выстрѣла пробуждаетъ его. Привычный къ баталіямъ Зорича во время ночи, когда раны генерала ноютъ, камердинеръ Живокини только поворачивается на другой бокъ на тюфякѣ своемъ, за дверями спальни. А Зоричъ опять ложится и забывается. Новая переправа... Опять волны Дуная... Идетъ крымскій ханъ съ тремя бунчужными пашами, съ девятью тысячами янычаръ и множествомъ спаговъ, съ большою артиллеріею, съ Буджацкою и другими ордами. Опять гремятъ орудія, и Зоричъ командуетъ и посылаетъ казаковъ, и опять непріятель бѣжитъ... Что это? Рябая Могила. Зоричъ гонитъ полчища турокъ. Преслѣдованіе непріятеля полное. Колютъ, рубятъ, сѣкутъ, разстрѣливаютъ, берутъ въ плѣнъ.

Зоричъ, какъ всегда, впереди своей команды. Онъ бьется, какъ простой рядовой. Но вотъ онъ окруженъ, раненъ. Его схватили, уводятъ въ плѣнъ.

И снится Зоричу, что томится онъ въ Семибашенномъ замкѣ, въ мрачной и сырой берлогѣ, нечистой, тѣсной и душной. Высоко окошко. Тяжелы цѣпи, звякающія на его ногахъ и рукахъ. Черствъ хлѣбъ, и мутна вода его пайка. Вотъ проходятъ четыре года. Въ его тюрьмѣ зиму возвѣщаетъ холодъ, отъ котораго на камняхъ проступаетъ иней, лѣто — нестерпимая жара. Весною лишь живительное, свѣжее, благовонное дыханіе вѣтерка вмѣстѣ съ пѣсней соловья слетаетъ отъ темничнаго окошка. Но вотъ гремятъ засовы. Его выводятъ, садятъ на турецкую галеру. И вотъ Босфоръ и Константинополь. Вотъ онъ представленъ султану. И пестрой, сказочной гирляндой вьются предъ нимъ чудныя видѣнія дворца, садовъ, красавицъ, льнувшихъ къ прекрасному русскому плѣннику; представляется ему мужественная дружба благороднаго Изанъ-Бея, сына султана, и бесѣды съ муллами и сановниками, соблазны принять правовѣріе, потурчиться и быть капитанъ-пашею, имѣть богатство, дворцы, гаремъ съ красавицами всѣхъ націй, и его стойкость въ христіанскомъ законѣ, и новыя мученія, тюрьма, оковы, голодъ, побои, и тайная помощь Изанъ-Бея...

Опять просыпается Зоричъ. Голубоватый лунный свѣтъ наполняетъ покой. Въ глубинѣ замка играютъ куранты. На дворѣ бьетъ

сторожъ въ чугунную доску. Лаютъ и воютъ псы на псарнѣ. Зоричъ поднимается, садится. Его раны затихли. Онъ ощущаетъ сладкую отраду успокоенія.

«Да, это все было, было когда-то!»—шепчетъ онъ и вновь ложится и засыпаетъ.

Сны его прелестны, и онъ улыбается во снѣ.

Онъ освобожденъ изъ плѣна и прибылъ въ Петербургъ. И видитъ Зоричъ свое первое представленіе государынѣ. Видитъ залу, наполненную блестящими придворными, фрейлинами и статсъ-дамами. Видитъ не высокую, но величественную женщину, полную, съ небесной улыбкой и благостной мудростью въ голубыхъ очахъ. Эта женщина—повелительница милліоновъ. Одно движеніе ея полной ручки, одно слово ея алыхъ устъ даритъ или отнимаетъ счастье и жизнь. И тайная связь незримо и мгновенно возникаетъ между нимъ и монархинею, едва ея благостный взоръ съ удовольствіемъ и милостью скользнулъ по рослой, статной фигурѣ молодого красавца и беззавѣтнаго храбреца.

Опять видѣнія, одно плѣнительнѣе другого.

Вотъ онъ назначенъ, по представленію свѣтлѣйшаго князя Потемкина, командиромъ лейбъ-гусарскаго эскадрона и лейбъ-казацкихъ ротъ. Вотъ онъ уже и полковникъ. Вотъ и флигель-адъютантомъ государыни.

И слышитъ Зоричъ лѣниво-насмѣшливый голосъ свѣтлѣйшаго: «Держись, братъ, на скользкихъ паркетахъ придворныхъ, да смотри, не запнись!»

Ахъ, пророческія слова! Одиннадцать мѣсяцевъ близости къ вершинѣ человѣческаго счастья! И слава, и почести, и богатство, и лесть всего двора, и низкопоклонство всего Петербурга!

Держись, братъ, на скользкихъ паркетахъ придворныхъ!

Зеркальные пруды Царскаго Села. Золотыя сѣни дворца. Памятники славы монархини, ея друзей и любимцевъ. И прогулки вдвоемъ, въ простыхъ утреннихъ платьяхъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ. И часы, проведенные въ чтеніи Монтескьё и Вольтера въ зеленыхъ боскетахъ. Монархиня собираетъ цвѣты въ цвѣтникахъ и кормитъ лебедей, склоняющихъ передъ нею длинныя шеи. Придворныя дамы играютъ въ горѣлки. И онъ, опустивъ глаза, стоитъ за кресломъ монархини и чувствуетъ ея ревнивый взглядъ снизу вверхъ. Ревнивый взглядъ повелительницы Россійскія державы! Ревнивый взглядъ Екатерины! Да, все это было, было! Онъ удостоенъ былъ такихъ взглядовъ...

Держись, братъ, держись на скользкихъ паркетахъ придворныхъ!

А онъ не удержался. Онъ споткнулся, и полетѣлъ, и растянулся во весь ростъ. Тотъ, кто представлялъ его государынѣ, тотъ же и низвелъ. Все онъ — Потемкинъ. И Зоричъ стонетъ и плачетъ во снѣ.

И ему видится, какъ монархиня прощается съ нимъ, объявляя ему кротко и въ благостныхъ, самыхъ милостивыхъ словахъ объ окончаніи близости къ ней, объ окончаніи фавёра. А онъ дрожитъ, пламенѣетъ. Онъ дерзаетъ упрекать монархиню. Онъ съ жаромъ говоритъ о той опасности, которой подвергаетъ себя Екатерина, удаляя его отъ себя. Вотъ кроткое лицо монархини блѣднѣетъ и становится холодно-величественнымъ. Вотъ очи ея сверкнули гнѣвомъ. Вотъ она отворачивается отъ него. Вотъ она уходитъ. Вотъ онъ одинъ въ пустой залѣ. Вотъ подходитъ къ нему дежурный камергеръ и снисходительно сообщаетъ, что аудіенція кончена.

Зоричъ просыпается въ холодномъ поту. Уже утро. Въ окна сіяетъ опушенная снѣгомъ и залитая солнцемъ окрестность. Зоричъ поспѣшно суетъ ноги въ туфли, накидываетъ шлафрокъ изъ драгоцѣнной турецкой шали и поспѣшно идетъ къ венеціанскому, громадному зеркалу. Оно отражаетъ его во весь ростъ. Да, онъ еще молодецъ! Но что-то точно сломлено въ фигурѣ. И нѣтъ былой статности. И обрюзгли плечи, и не та округлость щекъ, и гдѣ былой блескъ глазъ! Они потухли, смотрятъ холодно и печально. И эти морщинки на лбу, и кислая складка у губъ. Какъ старая кокетка, разсматриваетъ Зоричъ всего себя въ зеркало. Время его прошло. Что-то мелькнуло въ послѣдній разъ, во время проѣзда государыни черезъ Бѣлорусскій край, когда она столь милостиво останавливалась въ Шкловскомъ графствѣ. Но мелькнуло и не разгорѣлось даже мгновенной искрой. При ней былъ Ланской, эта фарфоровая куколка! Еще не было примѣра, чтобы отосланный фаворитъ вновь попалъ въ случай. Не было примѣра! А вдругъ?

Но Зоричъ взглянулъ въ зеркало и задрожалъ.

Въ зеркалѣ отражалось большое окно и видное за нимъ обгорѣлое крыло его замка, съ почернѣлыми отъ копоти стѣнами, съ выбитыми окошками, съ зіяющей крышей и скелетомъ стропилъ.

И Зоричу показалось, что въ этомъ видѣніи погорѣлаго замка ему представилось изжитое, мертвое счастье его и растраченная молодость, конченная жизнь.

IX.

Шкловская скудость.

Печальные дни наступили въ Шкловѣ. Можно ли было повѣрить, что обладатель земель, имѣній, мѣстечекъ и 16 тысячъ крестьянъ нуждался, прямо нуждался во всемъ? Все было уже заложено. Всѣ доходы на четыре года впередъ прожиты. Заложены знаменитыя Сесвегенскія мызы, въ Лифляндіи, въ Венденскомъ крейсѣ, первый подарокъ Екатерины. Даже гусарская его сабля, 36 большихъ золотыхъ пуговицъ, осыпанныхъ 72 брильянтами,

перстень съ большимъ камнемъ краснаго яхонта, Мальтійскій крестъ съ бантомъ, натуральная трость съ набалдашникомъ на синей финифти, все это съ брильянтами, было заложено за 8.556 рублей флота капитану, Семену Аѳанасьевичу Пустошкину. Заложены были экипажи, лошади, своры борзыхъ и гончихъ, гардеробъ Зорича, мебель. Даже парадные мундиры воспитанниковъ Шкловскаго благороднаго училища, картины галлереи заведенія, даже чучела, телескопы и микроскопы его музеума перешли въ руки евреевъ. Все поглотила ненасытная пропасть—картежная игра. Наконецъ, крайняя скудость почувствовалась во всемъ графствѣ.

Прежде всего это тѣмъ сказалось, что изъ замка стали удаляться многіе, зажившіеся въ немъ сослуживцы Зорича, изъ гусаръ, разные раненые и не раненые, но всѣ игроки и питухи образцовые, отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣющіе ни семьи, ни пріюта, разнаго рода, званія и націи игроки и авантюристы, всевозможные побродяги-иностранцы, весь этотъ сбродъ, который изъ мѣсяца въ мѣсяцъ пилъ и ѣлъ за столомъ Зорича, началъ отъѣзжать. По одному и по нѣскольку сразу, прощаясь съ хозяиномъ и тайно, эти люди, чувствуя, что времена приходятъ худыя, и не сегодня—завтра за долги пойдетъ и самый замокъ въ продажу, покидали Шкловъ, разбредались въ разныя стороны по Бѣлоруссіи, Литвѣ, Польшѣ, въ Москву, въ Петербургъ, отыскивая новыхъ милостивцевъ—тароватыхъ вельможъ и хлѣбосоловъ помѣщиковъ, чтобы тамъ продолжать свою жалкую жизнь паразитовъ. Всѣ они не могли нахвалиться Зоричемъ, особенно прославляя его вѣжливость и что онъ никогда самъ не шутилъ и другимъ въ своемъ присутствіи не позволялъ шутить грубыя и унижающія человѣческое достоинство шутки надъ своими нахлѣбниками, какъ это было въ обычаѣ въ другихъ домахъ. Зоричъ былъ врагъ всего грубаго и вульгарнаго. Онъ не заставлялъ дураковъ мѣряться крѣпостью лбовъ съ козлами, не поилъ до безчувствія, не травилъ псами и медвѣдями, не мазалъ дегтемъ и не валялъ въ пуху. Вообще, врагъ неблагопристойности, онъ помнилъ уроки просвѣщенной любезности, которые преподавала своимъ подданнымъ сама монархиня. Но, прославляя Зорича, его вкусъ, щедрость, великодушіе, нахлѣбники его всюду разносили, однако, и достовѣрную вѣсть о полномъ разореніи шкловскаго помѣщика. И они, конечно, лучше знали количество его долговъ, чѣмъ самъ онъ, безпечный и въ ариѳметикѣ сильно хромавшій.

Слѣдствіемъ сихъ достовѣрныхъ вѣстей было то, что Шкловъ стали объѣзжать веселящіеся богачи, вельможи и помѣщики. Пріѣздъ ко двору Зорича сокращался съ каждымъ днемъ. Посѣщенія даже бывшихъ друзей Зорича стали кратки. Но и самъ Зоричъ уже не разсылалъ посланцовъ съ приглашеніями, не учреждалъ праздниковъ. Онъ говорилъ, что все это ему прискучило, что онъ

пресыщенъ веселостями, ищетъ уединенія, хочетъ лучше быть въ обществѣ одной умной книги, одного искренняго друга или любезной, умной женщины, чѣмъ въ шумной компаніи ста глупыхъ, пустыхъ и развратныхъ людей.

За столъ его теперь собирался только самый узкій кружокъ близкихъ и оставшихся ему вѣрными — прежде всего потому, что это все были его кредиторы—людей. Все же меньше тридцати персонъ за столъ не садилось. Но питались уже главнымъ образомъ деревенскимъ запасомъ, привозимымъ крестьянами. Уже не поставляли повару-французу со всего, почитай, міра припасы для кухни, вина для погреба. И онъ задумывался, качалъ головой надъ мѣдными кастрюлями — серебряныя были въ закладѣ — и приходилъ совѣтоваться къ Сальморану, какъ ему быть. Впрочемъ онъ тоже былъ кредиторомъ Зорича.

Съ прекращеніемъ празднествъ множество всякихъ искусниковъ, артистовъ и ремесленнаго люда, проживавшаго въ замкѣ, остались безъ дѣла. Пиротехники, декораторы, обойщики, пѣвцы, пѣвицы, актерскія труппы, отпущенные своими помѣщиками на оброкъ, обивали пороги конторы графства, требуя расчета, и, ничего не добившись, уходили изъ Шклова, довольные хотя тѣмъ, что перепало имъ отъ Зорича и гостей его въ видѣ подарковъ. А такъ какъ перепадало немало въ былые разгульные дни, то они не очень и сѣтовали на неаккуратность шкловской конторы, выдавшей имъ только ордеры на будущія полученія. Всѣ они тоже хвалили Зорича за умѣнье жить съ блескомъ, со вкусомъ, въ одинъ голосъ утверждали, что другого такого барина въ Россіи нѣтъ. Но они же явились и свидѣтелями разоренія отставного фаворита.

Увы, его подданные, бѣлорусскіе многострадальные хлопы, голодали и присылали ходоковъ къ помѣщику съ жалобами на евреевъ-арендаторовъ и державшихъ въ залогѣ маетности Зорича, которые выбивали изъ нихъ свои проценты. Хотя было приказано не пускать ихъ въ замокъ, но они по цѣлымъ днямъ сторожили выѣздъ помѣщика, бросались къ его каретѣ, вопили и бѣжали за нимъ. Въ былое время карету Зорича окружали тѣлохранители-пиканёры его, въ алыхъ кафтанахъ. Но теперь они давно были отпущены на оброкъ, какъ и большая часть дворни. Зоричъ пересталъ наконецъ выѣзжать изъ замка, боялся показаться въ своихъ имѣніяхъ, гдѣ толпы женщинъ и дѣтей выходили ему навстрѣчу, несмотря на удары и ругань бурмистровъ и старостъ съ сотскими и десятскими, докучая о горькой нищетѣ, исхудалые отъ мякиннаго хлѣба, въ грязныхъ лохмотьяхъ.

— Что я могу для нихъ сдѣлать!—восклицалъ Зоричъ, ломая руки и прохаживаясь по печальнымъ заламъ своего обгорѣлаго замка, въ компаніи задумчиваго и грустнаго Сальморана.—Я уже болѣе не хозяинъ въ своихъ имѣніяхъ. Они—не подданные мои, а

бѣдные заложники ростовщиковъ. Да, я сознаю свое легкомысліе. Ввѣренныхъ мнѣ монархинею людей я довелъ расточительной жизнью до крайняго бѣдствія. Я знаю, что я—дурной помѣщикъ, и это, можетъ быть, самый великій проступокъ, за который взыщетъ съ съ меня Небесное Провидѣніе въ день суда. Но я не былъ тираномъ и мучителемъ, какъ многіе. Я веселился и хотѣлъ, чтобы другіе жили со мною весело. И къ тому же не вашъ ли Вольтеръ писалъ о роскоши, что она увеличиваетъ заработокъ ремесленниковъ и чернаго люда?

— Да,—соглашался Сальморанъ, который, по его словамъ, въ отечествѣ «находился три года подъ присмотромъ Вольтера»,—да, сей великій человѣкъ имѣетъ оное мнѣніе и неоднократно мнѣ его подтверждалъ.

— Вотъ видишь, братецъ!—съ радостью подхватывалъ Зоричъ,—такой великій мужъ то жъ говоритъ, а съ нимъ сама матушка государыня въ пересылкахъ. И какимъ бы дурнымъ помѣщикомъ я ни былъ, однимъ могу похвалиться: имѣнія съ людьми заложилъ, это—правда, но крестьянъ ни семьями, ни тѣмъ паче въ разбродъ не продавалъ. Мнѣ мерзитъ рабство и продажа живой души человѣческой! Не продавалъ, и не продамъ, до какой бы скудости ни дошелъ.

— Но если ваши дѣла въ толикомъ неустройствѣ,—сказалъ Сальморанъ,—то почему не обратитесь вы за помощью къ столь щедрой и милостливой къ вамъ императрицѣ?

— Эхъ, братецъ, и безъ тебя знаю,—съ досадой сказалъ Зоричъ,—да надо совѣсть знать. И безъ того всепресвѣтлѣйшая монархиня осыпала меня своими благодѣяніями. Не разъ уже мои долги отчасти покрывались изъ особливыхъ казенныхъ отчисленій. А неустойки по подрядамъ въ казну, мною къ сроку не выполненнымъ, съ меня скинуты и прощены. Что же вновь и вновь докучать матушкѣ-царицѣ? Погоди, можетъ быть, и отыграюсь. Колесо фортуны обращается быстро. Завтрашній день не извѣстенъ. Э, все придетъ къ счастливому концу. Пойдемъ къ дамамъ въ гостиную. Пусть намъ поиграетъ и споетъ твоя Элоиза. Счастливый человѣкъ, имѣющій власть надъ симъ прелестнымъ созданіемъ!—развеселялся Зоричъ.

— Прелестнымъ и, прибавьте къ сему, мой генералъ, добродѣтельнымъ,—съ гордостью произносилъ Сальморанъ.

Зоричъ не отвѣчалъ ни слова, только загадочно блестѣлъ своими выпуклыми глазами и, повернувшись на каблучкахъ, какъ легкій зефиръ, скользнулъ по паркету въ уютную гостиную къ дамамъ.

Коснулось оскудѣніе и Шкловскаго благороднаго училища. Экономъ былъ въ отчаяніи. Ему не доставляли припасовъ, и нечѣмъ было кормить кадетъ. Преподаватели не получали жалованья и начали скрываться изъ Шклова. Занятія почти прекратились. Вос-

питанники бродили по мѣстечку оборванные и промышляли на огородахъ и въ обывательскихъ садахъ. Однажды въ замокъ прибѣжала еврейка съ слезной жалобой на эконома училища, что онъ силой отнялъ у нея корову. Призванный для объясненій, экономъ объяснилъ, что ему нечѣмъ кормить воспитанниковъ, что всѣ заявленія его конторѣ и управляющему и рапорты Сальморану и самому генералу остались безъ послѣдствій. Да, онъ захватилъ еврейкину корову, зарѣзалъ ее и кормитъ сю кадетъ!

Зоричъ много смѣялся этому забавному случаю.

Воспитанники стали разъѣзжаться, кто домой въ побывку, кто «на кондиціи», кто просилъ перечислить въ шляхетскій корпусъ въ Петербургъ. И однажды, когда случайно съ шкловскій замокъ заглянуло одно высокое лицо, и помѣщикъ захотѣлъ похвастаться передъ нимъ училищемъ и распорядился было учинить парадъ воспитанникамъ, Сальморанъ, нагнувшись къ уху Зорича, шепнулъ, что это совершенно невозможно, потому что изъ 60 воспитанниковъ налицо осталось только 15, да и тѣ не имѣютъ штановъ.

X.

Превращеніе металловъ.

Тяжелое облако окутало Шкловскій замокъ. Не то это было томительное ожиданіе чего-то, не то предчувствіе. Но, казалось, даже неодушевленные предметы проникались какой-то сѣрой, унылой безнадежностью. Это, можетъ быть, произошло просто потому, что и лѣвое, погорѣлое крыло замка все оставалось неотстроеннымъ, зіяя выбитыми окнами и развороченной крышей, и вообще, за отъѣздомъ многихъ нахлѣбниковъ и рѣдкими посѣщеніями гостей, при уменьшившейся дворнѣ, отпущенной на оброкъ, замокъ сталъ пустыненъ, парки и сады не расщищались и тонули подъ грудами снѣга, въ покояхъ плохо и небрежно убиралось, а большая часть безчисленныхъ комнатъ замка стояла пустая, ободранная съ вывезенными мебелями, картинами, гобеленами. Зановичи пріобрѣли чрезвычайное значеніе въ замкѣ. Громадный карточный долгъ и суммы, отпущенныя ими въ разное время, поставили Зорича въ полную зависимость отъ нихъ. Онъ зналъ, что только у нихъ еще онъ можетъ сколько нибудь перехватить на свои, какъ онъ называлъ, «карманные расходы». Младшій графъ, Маркъ, сталъ какъ бы хозяиномъ замка, принималъ управляющихъ и бурмистровъ, арендаторовъ и кредиторовъ, и былъ гораздо полнѣе знакомъ со всѣми обстоятельствами Зоричевыхъ дѣлъ, чѣмъ самъ безпечный шкловскій помѣщикъ. Въ то же время, казалось, по мѣрѣ того, какъ положеніе Зорича становилось безнадежнѣе, графъ Маркъ удваивалъ

свою почтительно-дружественную, теплую къ нему внимательность. Они теперь часто просиживали цѣлые часы въ библіотекѣ, преимущественно бесѣдуя о духовидѣніи, загробныхъ тайнахъ и явленіяхъ съ того свѣта, магіи, астрологіи и алхимическихъ секретахъ. Правду сказать, хотя Зоричъ былъ остроуменъ, неистощимо веселъ и добродушенъ, что̀, конечно, свидѣтельствовало не только о счастливомъ характерѣ, данномъ ему природою, но и большомъ, хотя и своеобразномъ умѣ, все же онъ получилъ крайне ограниченное образованіе. Живя дома, подъ руководствомъ своего дяди, усыновившаго его, мальчикомъ, Зоричъ нѣсколько занимался науками и искусствами, но особенно прилежалъ и любилъ страстно верховую ѣзду, стрѣльбу въ цѣль и фехтованіе. Его военный и придворный опытъ, путешествія, встрѣчи съ замѣчательными людьми и особенно близость къ геніальной Екатеринѣ замѣняли ему отчасти систематическое образованіе, но слишкомъ во многомъ онъ былъ глубокій невѣжда.

Тонко воспитанный и образованный аристократъ и іезуитъ, графъ Маркъ Зановичъ, казался ему ученымъ авторитетомъ. Лукавый «монтенегринъ», какъ звалъ его Сальморанъ, пользовался этимъ и опутывалъ мозгъ унылаго Зорича невѣроятными теоріями и таинственными исторіями.

— Знаешь, братецъ, что я тебѣ скажу?—началъ разъ Зоричъ.— Вѣдь мои дѣла такъ плохи, такъ плохи, что, право, припоминая нашъ разговоръ о превращеніи металловъ,—помнишь?—я готовъ попросить тебя пригласить сюда твоего знакомца Казанову съ его искусствомъ.

— Ну, этого человѣка не такъ легко было бы сыскать теперь,— отвѣчалъ графъ Маркъ.—Да и къ чему онъ? Быть можетъ,—понижая голосъ, продолжалъ онъ,—около васъ есть человѣкъ, предъ искусствомъ котораго искусство даже прославленнаго Казановы окажется дѣтской игрой.

Іезуитъ умо́лкъ, скромно опустивъ глаза. Странная улыбка бродила на его тонкихъ губахъ.

— Что же, графъ, ты умѣешь превращать неблагородные металлы въ благородные? — прямо спросилъ Зоричъ, устремляя на графа свои выпуклые, большіе глаза.

Іезуитъ склонилъ голову на бокъ и охватилъ длинными руками свои ноги въ короткихъ темно-малиновыхъ штанахъ и бланжевыхъ чулкахъ.

— Что такое превращеніе—метаморфозисъ? И какъ его понять? И развѣ съ вами самими не было въ жизни самыхъ неожиданныхъ превращеній? Все зависитъ отъ взгляда на вещь. Она становится такою или иною, смотря по тому, какъ мы на нее смотримъ: что по понятіямъ жителя Европы дурно, считается, можетъ быть, на Сандвичевыхъ островахъ добродѣтелью. Простое

стекло имѣетъ множество драгоцѣнныхъ качествъ, но его много, и его не цѣнятъ. Цѣнятъ рѣдкій алмазъ. Но тамъ, гдѣ столь же рѣдко стекло, и оно считалось бы драгоцѣнностью.

— Я даже читалъ, что древніе римляне украшали стекломъ царскія короны,—сказалъ важно Зоричъ, довольный, что можетъ показать свои познанія.

— Вотъ видите, государь мой. Итакъ, превращеніе идей, вещей, людей, метаморфозисъ—въ нашей власти. Человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей,—говорилъ Протагоресъ. Вы говорите о Казановѣ. Это—человѣкъ великаго искусства. Еще больше Каліостро. Но развѣ при дворѣ вы не встрѣчали такихъ искусниковъ, которые умѣли все, что угодно, представить въ какомъ угодно видѣ, а?

— Конечно, видѣлъ, — согласился Зоричъ, хотя самъ никогда не принадлежалъ къ числу такихъ искусниковъ.—Я—простой солдатъ, графъ, простой рубака-гусаръ.

— Да, все, всякая вещь кажется такою или иною не по существу, а по тому, кто и съ какой стороны на вещь смотритъ,—продолжалъ графъ, поднимаясь и прохаживаясь предъ Зоричемъ; видно было, что въ эту минуту онъ развивалъ давно надуманныя мысли.—Кусокъ мрамора ставятъ въ храмѣ, и онъ становится богомъ, потому что всѣ считаютъ его богомъ. Убійцу судятъ, вѣшаютъ. Полководецъ ведетъ на убой и убиваетъ, его называютъ героемъ, вѣнчаютъ. Вы говорите о превращеніи металловъ, о философскомъ камнѣ алхимистовъ. Этотъ камень давно уже въ рукахъ монарховъ. Только фокусъ, который они продѣлываютъ на глазахъ народовъ, изумительнѣе всякихъ алхимическихъ превращеній. Смотрите, что это такое?—графъ вынулъ изъ кармана сторублевую ассигнацію и показалъ Зоричу.—Это—клочекъ бумаги, грязный, съ плохо сдѣланнымъ гравированіемъ надписей и рисунковъ. И этотъ клочекъ, по повелѣнію монархини,—сто рублей; этотъ клочокъ бумаги—золото, да, золото!

Графъ остановился предъ Зоричемъ и, показывая ему ассигнацію, пристально впился острымъ, какъ лезвіе кинжала, взглядомъ въ глаза его, какъ будто хотѣлъ передать ему какую-то невысказанную мысль.

Зоричъ посмотрѣлъ на ассигнацію, посмотрѣлъ на графа и вдругъ сильно покраснѣлъ, а затѣмъ поблѣднѣлъ.

— Такъ вотъ о какомъ превращеніи металловъ вы говорите!—прошепталъ онъ растерянно, и губы его задрожали. Но онъ не двигался съ мѣста и какъ-то почти по-дѣтски смотрѣлъ со страхомъ снизу на графа, который стоялъ надъ нимъ, улыбаясь, какъ самъ искуситель-дьяволъ.

— Былъ одинъ случай,—заговорилъ онъ мягко, ласково.—Нуждаясь въ деньгахъ, одинъ маркизъ приготовилъ на ручномъ станкѣ значительное число ассигнацій. Половину онъ поручилъ

размѣнять опытнымъ лицамъ, и такъ какъ ассигнаціи были приготовлены изящно, то ихъ всюду мѣняли на золото безъ сомнѣнія. Такимъ образомъ маркизъ получилъ знатную сумму золотомъ. Въ то же время другую половину ассигнацій онъ лично представилъ владѣтельному герцогу съ донесеніемъ, что ассигнаціи получилъ въ уплату картежнаго долга за границей отъ неизвѣстнаго ему лица; что, будучи удостовѣренъ и имъ, и нѣкоторыми банкирами въ подлинности сихъ ассигнацій, возвратясь въ отечество, оныя не смущался пускать въ обращеніе. Но его пріятели заподозрѣли подлинность сихъ ассигнацій, почему оныя онъ и представляетъ герцогу для того, чтобы въ случаѣ фальши были онѣ уничтожены, а тѣ, кои получили уже ихъ за настоящія, будутъ имъ самимъ удовлетворены, хотя и не вдругъ. Герцогъ, питая большую дружбу къ маркизу, повѣрилъ сему совершенно, такъ и доложилъ королю; представленныя ассигнаціи были уничтожены; тѣ, кои находились уже въ обращеніи, были изъяты, пострадавшіе же удовлетворены изъ казны, такъ какъ и маркизъ былъ признанъ пострадавшимъ. Итакъ, сей внутренній и невинный по существу заемъ никому не принесъ непріятности, и потомъ, черезъ много лѣтъ, за бокаломъ вина въ дружескій часъ бесѣды даже сія хитрость была открыта герцогу маркизомъ. И герцогъ много смѣялся изворотливости своего друга.

Графъ умолкъ. Зоричъ сидѣлъ теперь нахмуренный, мрачный. Вдругъ онъ порывисто всталъ и, проговоривъ:

— Какъ же я упалъ, и какъ же плохи мои дѣла, если мнѣ осмѣливаются разсказывать такія вещи! — поспѣшно ушелъ, не глядя на графа, въ свои покои.

Графъ, насмѣшливо улыбаясь, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и тоже удалился на свою и братнюю половину.

На другой день съ утра Зоричъ приказалъ снаряжать себя въ дорогу. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ.

Зоричъ былъ очень спокоенъ, рѣшителенъ, хотя и блѣденъ, и за обѣдомъ много разсказывалъ о своей жизни при дворѣ, о милостяхъ и мудрости монархини.

— Если вы ѣдете въ Петербургъ, генералъ,—вдругъ сказалъ ему графъ Маркъ,—то позвольте и намъ съ братомъ сопровождать васъ.

— Къ чему это?—съ холоднымъ удивленіемъ спросилъ Зоричъ.

— Вы давно выражали желаніе представить насъ съ братомъ ко двору,—вкрадчиво отвѣчалъ графъ Аннибалъ.—Быть можетъ, въ эту поѣздку вы найдете случай исполнить ваше обѣщаніе, какъ награду за посильныя услуги наши.

Зоричъ задумался. Потомъ сказалъ, что они, конечно, могутъ ѣхать, куда имъ хочется, и по той же дорогѣ, куда и онъ, но

удастся ли ему ихъ представить ко двору и даже встрѣтить въ многолюдствѣ столицы, онъ не ручается.

Графъ ничего не сказалъ. Но послѣ обѣда, улучивъ минуту, онъ отвелъ Зорича въ сторону и со слезами на глазахъ сталъ извиняться за легкомысленныя слова наканунѣ.

— Я принялъ ихъ не за что иное, — отвѣтилъ смягчившійся Зоричъ,—какъ за неучтивую, грубую и, простите, глупую шутку.

Графъ еще разъ просилъ извиненія и не только получилъ его, но за ужиномъ Зоричъ небрежно спросилъ, приготовляютъ ли багажъ графовъ.

— Вѣдь они поѣдутъ со мною въ каретѣ,—прибавилъ онъ.

XI.

Недостало на дорогу.

Съ отъѣздомъ Зорича и графовъ Зановичей, въ Шкловскомъ замкѣ окончательно воцарились унынie и пустота. Домочадцы генерала болѣе не собирались къ общему столу, а обѣдали каждый въ своемъ помѣщеніи тѣмъ, что благоугодно было отпускать повару. Но и готовили теперь русскіе поваренки. Поваръ-французъ варилъ и жарилъ только для трехъ особъ: для соотечественника своего Сальморана, для брата Зорича, полковника Давида Гавриловича Неранчича, человѣка, совсѣмъ незнакомаго съ науками, весь вѣкъ служившаго въ гусарскихъ полкахъ и никогда не выпускавшаго изъ губъ трубки, а изъ рукъ картъ, да для гордаго турка Изанъ-Бея, котораго поваръ чрезвычайно уважалъ за великолѣпную бороду, восточную невозмутимость и высокое искусство варить несравненный кофе съ пѣной-каймакомъ.

На третій день послѣ отъѣзда Зорича, по утру, поваръ пришелъ въ покои Сальморана, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, какъ онъ говорилъ, относительно сложныхъ обстоятельствъ въ замкѣ.

— Не думаетъ ли г. директоръ искать другого мѣста въ болѣе надежномъ домѣ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, и въ такомъ случаѣ не поможетъ ли и ему, поваренное искусство котораго г. директору хорошо извѣстно, своими рекомендаціями поступить въ какой либо графскій или княжескій домъ?

— Другъ мой, я самъ смущенъ обстоятельствами, въ коихъ обрѣтается г. Зоричъ, — отвѣчалъ Сальморанъ, — размышляю, колеблюсь и все еще не могу рѣшиться. Если бы живы были мои благодѣтельницы, Александра Евтихіевна Демидова, въ каретѣ которой я и пріѣхалъ изъ дорогого отечества въ эту страну медвѣдей и мужиковъ, или дочь стараго грузинскаго царевича, ея сіятельство княгиня Голицына, или, наконецъ, княгиня Варвара Але-

ксандровна Долгорукова, дочь фельдмаршала Бутурлина, то я не смущался бы ни минуты покинуть Шкловъ. Но, увы, ихъ уже нѣтъ! Всѣ онѣ давно скончались въ цвѣтущихъ лѣтахъ.

— Я слышалъ, однако,—возразилъ поваръ,—что г. директоръ до поступленія къ г. Зоричу проживалъ въ лучшихъ столичныхъ домахъ.

— Совершенная правда, другъ мой. Высшій, придворный и аристократическій кругъ обѣихъ столицъ мнѣ извѣстенъ совершенно. Могу сказать, что вездѣ бывалъ я третированъ скорѣе, какъ другъ дома, чѣмъ какъ служащій. Я былъ гувернеромъ въ домѣ генералъ-поручика Древскаго, у камергера Александра Ѳедоровича Талызина, у полковника князя Василія Никитича Трубецкого упражнялся цѣлый годъ въ чтеніи библіотеки. Но ко всѣмъ этимъ вельможамъ я былъ близокъ давно, еще будучи холостымъ. Теперь я—не одинъ. Да къ тому же г. Зоричъ мнѣ долженъ, очень много долженъ, свыше пятнадцати тысячъ.

— Да и мнѣ онъ долженъ,—сказалъ поваръ.—Я не получилъ жалованья за полтора года и, кромѣ того, уплатилъ изъ собственныхъ средствъ нѣкоторымъ поставщикамъ, когда генералъ былъ занятъ.

— Онъ всегда занятъ, когда надо платить по счетамъ. Вотъ видишь ли, другъ мой, это и заставляетъ колебаться. Вѣдь все же у г. Зорича есть достаточная опора—сама монархиня. Завтра же она можетъ повелѣть уплатить всѣ долги г. Зорича.

— Такъ что вы совѣтуете подождать?

— Хотя до пріѣзда г. Зорича. Посмотримъ, чѣмъ кончится его поѣздка въ Петербургъ. Ахъ, другъ мой, какъ жестоко я наказанъ, что не послушался совѣтовъ жены моей, прелестнѣйшей и умнѣйшей женщины, къ тому же добродѣтельной, что̀ рѣдкость въ наше развращенное время. Противъ ея воли я подписалъ контрактъ съ г. Зоричемъ и вотъ наказанъ за необдуманный поступокъ.

— Развѣ madame была противъ этого?

— О, да, она знавала господина Зорича еще въ дѣвицахъ въ Петербургѣ, живучи для компаніи въ домѣ княгини Орловой. Она въ совершенствѣ тамъ еще познала его легкомысленный и перемѣнчивый нравъ. Долженъ сказать вамъ, другъ мой, что я принадлежу къ весьма честной фамиліи, имѣю отца стараго воина и наполненнаго чести, мать, самую добродѣтельнѣйшую женщину, семь братьевъ и одиннадцать сестеръ; они всѣ живые; они не богаты, но всѣ наполнены достойными рожденія своего качествами тамъ, на родинѣ, въ Гаскони. Получилъ я отличное образованіе, три года находясь, можно сказать, подъ присмотромъ г. Вольтера.

— Какъ, самого г. Вольтера?!—удивился поваръ.

— И другихъ великихъ мужей Франціи, другъ мой. Дидро, Кондорсе, баронъ д'Ольбахъ, все это мои друзья, мои учителя и

наставники. Я велъ себя не зазорно во все время, какъ живу въ Россіи; я не говорю, чтобъ я жилъ, какъ святой, до этого весьма далеко; могу сказать еще, что я жилъ довольно развратнымъ образомъ, какъ всѣ молодые люди, имѣя къ тому же примѣры роскоши и распутства и обласканный русскими женщинами, могу сказать, выше моихъ тѣлесныхъ качествъ, если не качествъ души и образованія. Ибо я былъ великодушенъ, другъ мой, и скроменъ. И, могу сказать, постигъ искусство любви—ars amandi, мой другъ. Наконецъ, скучая родомъ такой жизни, которая ни къ чему не ведетъ, кромѣ истощенія здоровья, принялъ намѣреніе сдѣлать ей конецъ.

Сальморанъ задумался, покачалъ головою, улыбнулся и продолжалъ:

— И вотъ встрѣчаю дѣвицу Сажъ. Ну, вы знаете ея качества, небесный голосъ, игру на клавикордахъ, декламацію, совершенство свѣтской живости. Въ короткое время узнавъ ее совершенно, предлагаю руку, осчастливленъ согласіемъ, и вотъ уже я—обладатель сокровища, быть можетъ, прелестнѣйшей и образованнѣйшей женщины Франціи, другъ мой, да, самой Франціи, гдѣ столько изящнѣйшихъ женщинъ. Весь свѣтъ удивился послѣдовавшей со мной внезапной перемѣнѣ, ибо я изъ расточителя и гуляки сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ, охотникомъ до наукъ и бережливымъ. Симъ счастливымъ превращеніемъ я обязанъ добродѣтелямъ и хорошимъ качествамъ дарованной мнѣ небомъ супруги.

— И г. директоръ взялъ за супругою хорошее состояніе?—спросилъ практическій соотечественникъ.

— О, нѣтъ, другъ мой, мы не имѣли иного богатства, кромѣ нашихъ дарованій. Посему и вознамѣрились употребить ихъ въ нашу пользу. Элоиза давала уроки пѣнія и музыки четырнадцати молодымъ дворянскимъ дочерямъ.

— И хорошо вознаграждалось ея усердіе?

— За каждую она получала въ мѣсяцъ по двѣнадцати рублей. Это составитъ... составитъ...

— Это составитъ въ годъ двѣ тысячи шестнадцать рублей,—быстро сосчиталъ поваръ.

— Ну, вотъ видишь ли, другъ мой. На это можно было жить. Къ тому же квартиру намъ давалъ родитель одной изъ ученицъ Элоизы. Мнѣ же Московскій университетъ предложилъ сочиненіе первыхъ въ Россіи французскихъ вѣдомостей. Это могло принести мнѣ не менѣе тысячи рублей въ годъ. Однимъ словомъ, мы благоденствовали, и юная супруга уже носила драгоцѣнный залогъ подъ сердцемъ своимъ, какъ вдругъ явился въ Москвѣ г. Зоричъ и разрушилъ наше спокойное счастіе. Имѣя нужду въ ученомъ человѣкѣ для своей академіи, онъ просилъ меня занять въ оной должность директора. Взвѣшивая важность сей отвѣтствен-

ной должности, ибо 60 отцовъ и матерей вручали моему попеченію птенцовъ своихъ, и что для сего потребны были великія качества, долго не могъ я сказать окончательнаго рѣшенія, наконецъ, на настойчивыя просьбы его превосходительства, рѣшился принять предлагаемое мѣсто, но только не иначе, какъ за хорошее вознагражденіе.

— Это ужъ само собой разумѣется,—подтвердилъ соотечественникъ.

— За хорошее вознагражденіе. Г. Зоричъ обѣщалъ мнѣ готовый обѣдъ, квартиру, четырехъ служителей, карету и тысячу рублей жалованья. Составили и подписали контрактъ. Въ радости бѣгу домой, вручаю Элоизѣ контрактъ. Но опытная и умная женщина не раздѣляетъ моего восторга и говоритъ, что мнѣ придется горько раскаиваться въ этой далекой поѣздкѣ въ Шкловъ. И она была права, тысячу разъ права. Наши злоключенія начались немедленно. Начать съ того, что когда я на другой день явился къ г. Зоричу и попросилъ жалованья за полгода впередъ, то генералъ сказалъ, что отъѣзжаетъ въ Петербургъ и имѣетъ денегъ лишь на дорогу. А я зналъ, что въ Москвѣ онъ проигралъ въ карты сорокъ четыре тысячи рублей. Однако, г. Зоричъ меня всячески обнадежилъ: «Пожалуйста, — сказалъ онъ, — не теряйте времени и кончайте ваши дѣла какъ можно скорѣе; васъ ждутъ въ Шкловѣ. Черезъ недѣлю вы получите деньги и будьте готовы къ отъѣзду. Прощайте, любезный другъ!» Успокоенный, возвращаюсь домой. Жена совѣтуетъ отказаться и нарушить контрактъ. Но я вѣренъ своему слову и вѣрю слову вельможи. Въ ожиданіи денегъ занялись сборами въ путь. Я отказался отъ сочиненія вѣдомостей, Элоиза отъ уроковъ. Но проходитъ мѣсяцъ, другой, четвертый, а денегъ все нѣтъ. Прожили маленькія сбереженія, закладываемъ брильянты жены. А денегъ нѣтъ и нѣтъ! Пишу генералу—нѣтъ отвѣта. Прихожу въ отчаяніе, а Элоиза, между тѣмъ, разрѣшается отъ бремени сыномъ-первенцемъ. И вдругъ среди сихъ радостныхъ, но и полныхъ хлопотъ дней, является унтеръ-офицеръ отъ Зорича съ деньгами и съ ордеромъ ѣхать немедленно въ Шкловъ. Частнымъ образомъ даю чувствовать посланному, что г-жа Сальморанъ для благопристойности не можетъ отправиться прежде прошествія мѣсяца. Унтеръ-офицеръ уѣзжаетъ. Продаемъ за безцѣнокъ клавикорды, три кареты и всю мебель, и, дождавшись выздоровленія, оставя съ растерзанной душой новорожденнаго первенца на попеченіе нѣкоей добродѣтельной германки, съ платою сто рублей за годъ, ѣдемъ въ Шкловъ, въ столь веселый, но и столь печальный Шкловъ.

Сальморанъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Ну, по пріѣздѣ нашемъ, г. Зоричъ взглянулъ на меня съ весьма холоднымъ духомъ, гнѣваясь за просрочку. Жена еще

не поправилась и въ дорогѣ утомилась. Къ тому же могу сказать, что сразу были нарушены всѣ условія нашего контракта. Помѣщеніе отведено во флигелѣ весьма неудобное. Къ обязанности въ училище долженъ былъ ѣздить верхомъ ежедневно. Жить же въ корпусѣ г. Зоричъ не разрѣшалъ, не имѣя для того помѣщенія въ старомъ зданіи. Новое же еще не поспѣло. Училище нашелъ тогда въ крайнемъ запущеніи; отъ г.г. преподавателей и эконома пошли крайнія непріятности. Пробовалъ объясняться съ г. Зоричемъ, но находилъ его ежедневно и даже въ продолженіе одного дня въ перемѣнчивыхъ мысляхъ. Только послѣ пожара въ замкѣ, когда я, не потерявъ одинъ присутствія духа, умѣлыми распоряженіями, можно сказать, спасъ замокъ отъ гибели, генералъ проникся ко мнѣ благодарностью и, оцѣнивъ мои дарованія, приблизилъ къ себѣ, далъ покой въ ближайшемъ общеніи со своими и вообще возвелъ на ту степень, на которую я могу разсчитывать всюду и по происхожденію и по образованію. Вотъ чѣмъ я, мой другъ, обязанъ пожару! — заключилъ свой разсказъ Сальморанъ, хлопнувъ по плечу соотечественника.

Соотечественникъ не отвѣчалъ ни слова и только заблестѣлъ загадочно глазами.

— Но что это! Можетъ ли это быть! — вскричалъ Сальморанъ, случайно взглянувъ въ окно. — Смотрите, на дворъ замка въѣзжаетъ экипажъ генерала! Да, это онъ! Смотрите! Вонъ выходятъ Зановичи! Что это значитъ? Почему онъ вернулся?

И Сальморанъ поспѣшилъ вонъ изъ комнаты. Онъ встрѣтилъ Зорича уже поднимающимся по лѣстницѣ.

— Что случилось, генералъ? Почему вы возвращаетесь?

Лицо Зорича выразило необычное смущеніе.

— Ахъ, голубчикъ, проигрался въ Смоленскѣ,—сказалъ онъ. — Недостало денегъ на дорогу.

И, отстранивъ разинувшаго ротъ Сальморана, онъ поспѣшно прошелъ въ свои покои.

XII.

Пропасти и темныя глубины итальянскаго сердца.

Сколько ни разспрашивалъ графа Марка любопытный Сальморанъ о причинахъ, которыя заставили Зорича отказаться отъ поѣздки, графъ повторилъ то же самое:

— Недостало денегъ на дорогу! — и при этомъ смѣялся въ лицо Сальморану.

— Скажу вамъ откровенно, графъ,—съ досадой наконецъ сказалъ Сальморанъ, — что отъ этой поѣздки зависѣло, получимъ ли мы хоть часть своихъ долговъ, или не получимъ ни копейки. И

вамъ слѣдовало всѣми силами отговорить генерала возвращаться въ Шкловъ. Что ему дѣлать въ погорѣломъ замкѣ?

— Что ему дѣлать, я могу вамъ сказать сегодня вечеромъ, Сальморанъ. Я приду къ вамъ. Ждите меня.

И, продолжая смѣяться, графъ отошелъ отъ смущеннаго и не понимающаго ничего Сальморана.

Вечеромъ онъ дѣйствительно пришелъ къ нему, но сначала долго бесѣдовалъ о различныхъ системахъ воспитанія юношества, и хотя при этомъ выказалъ большія познанія, но и замучилъ нетерпѣливаго Сальморана, ожидавшаго объясненій.

— Да, кстати,—вдругъ небрежно сказалъ графъ Маркъ:—я хотѣлъ сообщить вамъ составленный мною планъ спасти генерала и уплатить его долги. Вотъ въ чемъ онъ состоитъ.

Сальморанъ насторожилъ уши.

— Я покрою ихъ изъ своихъ собственныхъ средствъ,—съ небрежностью креза продолжалъ графъ.—Для этого я долженъ буду отлучиться за границу, чтобы тамъ продать свои имѣнія. Одобряете вы мой планъ?—устремляя на Сальморана улыбающіеся глаза, спросилъ Зановичъ.

— Конечно, это дѣлаетъ честь вашему сердцу. Священныя узы дружбы...—началъ было, сбиваясь, директоръ Шкловскаго училища.

— Погодите говорить о священныхъ узахъ дружбы,—перебилъ іезуитъ.—Онѣ тутъ ни при чемъ. Я уплачу долги Зорича и, мало этого, обязуюсь ему платить по 100.000 рублей въ годъ, но при особомъ условіи.

— Что же это за условіе?

— Зоричъ долженъ передать мнѣ и брату на время управленіе Шкловомъ; только и всего.

— Я думаю, что ваше условіе весьма легкое. И въ виду уплаты всѣхъ долговъ и значительнаго годового дохода генералъ съ удовольствіемъ склонится передать вамъ управленіе графствомъ.

— Вамъ такъ кажется? Ну, такъ уговорите же Семена Гавриловича согласиться на предлагаемыя нами условія. Будьте посредникомъ въ этомъ дѣлѣ.

Сальморанъ задумался. Онъ колебался.

— Скажу вамъ откровенно,—наконецъ сказалъ онъ,—что быть посредникомъ мнѣ очень бы не хотѣлось.

— Почему же?

— Ахъ, Боже мой! Для легкомысленной французской головы трудно проникнуть пропасть и темныя глубины итальянскаго сердца

Зановичъ поднялъ удивленно брови.

— При чемъ же тутъ итальянское сердце? Кажется, вся ваша выгода постараться склонить генерала на предлагаемую ему сдѣлку. Вы сами, кажется, упоминали о томъ, что онъ и вамъ долженъ?

— И не мало,—вздохнулъ Сальморанъ.—Не считая неуплаченнаго жалованья, одно вознагражденіе за приватные, помимо непосредственныхъ моихъ обязанностей, какъ директора училища, труды мои и жены моей слѣдуетъ изрядная сумма, и наконецъ нѣкоторые, хотя и небольшіе, въ виду ограниченности нашихъ средствъ, однако чувствительные для бѣднаго и трудящагося человѣка займы. Кромѣ того, хотя многократныя обѣщанія наградъ и подарковъ и женѣ, и мнѣ за труды наши и не выполнены его превосходительствомъ, но тѣмъ паче подлежатъ удовлетворенію, какъ долги чести, и, кромѣ того...

— Сколько же всего вамъ долженъ Семенъ Гавриловичъ?

— По составленному мною на-дняхъ реестру—14.158 рублей съ копейками. Вотъ извольте ознакомиться, — и Сальморанъ досталъ изъ бюро листокъ, исписанный бисернымъ почеркомъ, и подалъ съ учтивымъ поклономъ графу Марку.

— Вы аккуратны, Сальморанъ,—съ лѣнивой усмѣшкой сказалъ графъ и началъ читать вслухъ «реестръ» съ той строки, которая подвернулась:—дано учителю французскаго языка на сапоги, чулки и башмаки—3 р.; куплено на панталоны кадету Радожицкому чернаго сукна—10 р. Э, Сальморанъ, вы даже одѣваете на свой счетъ учительскій персоналъ и кадетъ? Развѣ это входитъ въ ваши обязанности?

— Но что же дѣлать! Мой соотечественникъ не имѣлъ возможности показываться въ классахъ и ходилъ босикомъ. А кадетъ Радожицкій сидѣлъ въ лазаретѣ въ халатѣ полунагой, до того обносился. Жена моя, движимая человѣколюбіемъ, сама кроила и шила...

— Это дѣлаетъ честь отзывчивости ея сердца. ...За покраденныя крѣпостною его превосходительства дѣвкою у жены моей вещи, которыя эта дѣвка отдала любовнику своему, парикмахеру его превосходительства, за что̀ его превосходительство обѣщалъ моей женѣ заплатить 200 р. За два года, въ которые жена моя пѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей, употребляя для сего свое платье, требуетъ она не 10.000 рублей, которые его превосходительство обѣщалъ ей однажды, когда она безпримѣрно хорошо играла, но только по 100 рублей на мѣсяцъ, что̀ составляетъ за два года, въ которые она не получила ни копейки,—2.400 р. За представленія мною комедій и оперъ въ два года, на что̀ я употреблялъ свое платье и сочинялъ самъ тѣ комедіи, въ разсужденіи, что я не имѣю ничего оставить дѣтямъ моимъ, кромѣ плодовъ, которые я получаю отъ моихъ дарованій, требую я 800 р. Ну, хорошо,— прерывая чтеніе, складывая реестръ и кладя его за обшлагъ кафтаннаго рукава, сказалъ графъ Маркъ:—за то или за другое, или за десятое, но вы считаете на генералѣ 14 тысячъ рублей?

— Да, графъ, точно—14.158 рублей съ копейками.

Ну, такъ, если вы склоните генерала на предлагаемую нами съ братомъ негоцію, я деньгами, привезенными изъ-за границы, обязуюсь уплатить вамъ не 14 и даже не 15, а цѣлыхъ 30.000 рублей. И затѣмъ вы свободны ѣхать, куда вамъ будетъ угодно. Согласны?

Сальморанъ въ волненіи завертѣлся на стулѣ.

— Графъ, ваше предложеніе заманчиво, очень заманчиво для человѣка съ ограниченными средствами, весь капиталъ коего заключается въ талантахъ его и жены, къ тому же имѣющаго на родинѣ отца-старика, наполненнаго честью безстрашнаго воина, вдовца, но имѣющаго многихъ внуковъ и правнуковъ. И самъ я въ семьѣ нашей де-Сальморановъ восьмой и младшій изъ братьевъ, которые всѣ живы, и пять сестеръ, изъ коихъ двѣ — близнецы, спасенные чудомъ, наконецъ, собственный первенецъ въ Москвѣ, на попеченіи честной и дебелой германки, а другой подъ сердцемъ добродѣтельной супруги, прелестнѣйшей женщины. Но, тѣмъ не менѣе, уже не разъ тяжко обманывавшійся, прошу извинить эту недовѣрчивость... но вашъ гибкій, уловительный разумъ, трудность проникнуть пропасть и темную глубину итальянскаго сердца... и... и... позвольте мнѣ посовѣтоваться съ супругою моею!—закончилъ запыхавшійся Сальморанъ, вытирая платкомъ потъ, выступившій на многоученой лысинѣ его.

— Ну, конечно, просите пожаловать сюда m-me Элоизу, и мы рѣшимъ дѣло въ полминуты!—отвѣчалъ графъ Маркъ.

— Элоиза! Элоиза! — нѣжно сталъ звать жену свою Сальморанъ.—Поди сюда, дружокъ.

Хорошенькая француженка, хотя фигура ея сильно пополнѣла, впорхнула въ комнату сытно покушавшей птичкой. Графъ расшаркался и разсыпался въ любезностяхъ.

Элоиза сѣла къ пяльцамъ, на которыхъ вышивала подушку ко дню рожденія Зорича, а Сальморанъ сталъ запутанно объяснять, въ чемъ дѣло, и что нужно отъ нея графу.

— Видишь ли, Элоиза, хотя эти меркантильности и альгоритмы счетоводства и не могутъ занимать любезной женщины изъ общества, но, тѣмъ не менѣе...

— Зная практическій умъ француженокъ, — перебилъ князь Маркъ,—прошу васъ вникнуть въ мое предложеніе мужу вашему и рѣшить, соглашаться ему или нѣтъ на него.

И въ краткихъ словахъ онъ объяснилъ все.

Элоиза подумала и сейчасъ же сказала:

— Конечно, соглашаться.

— Вашъ мужъ все опасается какихъ-то темныхъ глубинъ моего итальянскаго сердца. Но такая прелестная, какъ вы, имѣетъ въ ручкахъ ключи къ сердцамъ всѣхъ націй земного шара! — галантно сказалъ графъ Маркъ.

Польщенная француженка разсмѣялась.

— Сальморанъ согласенъ,— сказала она.

— Прекрасно, значитъ, нашъ союзъ наступательный и оборонительный заключенъ, не правда ли?

-- Что касается наступленія,— сверкнувъ очами, сказала Элоиза,— то я беру на себя убѣдить генерала согласиться на ваше, прямо сказать, великодушное предложеніе уплаты его долговъ и принятія тяжести управленія графствомъ.

— Еще того лучше!--воскликнулъ графъ Маркъ. — Ну, а мы съ вашимъ мужемъ заключимъ тѣмъ временемъ союзъ оборонительный. Милый другъ, садитесь сюда,—хватая стулъ и ставя его у бюро, захлопоталъ графъ.—Садитесь!—онъ поднялъ его со стула, привлекъ къ бюро и усадилъ. — Берите перо, — онъ вложилъ ему въ руку перо,—макайте въ чернила и пишите здѣсь, на оборотѣ,— онъ досталъ изъ-за рукавнаго обшлага «реестръ» и положилъ передъ Сальмораномъ.—Пишите здѣсь: «я, нижеподписавшійся, Альфонсъ Сальморанъ»...—началъ онъ.

— Альфонсъ Галіенъ де-Сальморанъ,—поправилъ Сальморанъ.

— «...симъ выражаю согласіе получить отъ графовъ Марка и Аннибала Зановичей, въ удовлетвореніе претензій моихъ на генералъ-майорѣ Семенѣ Гавриловичѣ Зоричѣ, деньгами, которыя графъ Аннибалъ привезетъ изъ-за границы, 30.000 рублей, и засимъ уже ничего искать съ вышепрописаннаго генералъ-майора Зорича не имѣю». Написали? Отлично, хорошо. Подпишитесь.

Сальморанъ подписался. Графъ Маркъ перечелъ написанное и, засыпавъ пескомъ, сказалъ:

— Ну, это не соленый вексель князя Волконскаго! Помните, Элоиза!

И при серебристомъ смѣхѣ француженки и басистомъ Сальморана, самъ весело хихикая, іезуитъ спряталъ опять за обшлагъ «реестръ» и вдругъ быстро вышелъ изъ комнаты, оставивъ супруговъ въ радостномъ возбужденіи, воскликнувшими:

— Милый, любезный и благородный графъ!

XIII.

Зоричевы карлы.

Графъ Маркъ за полночь сидѣлъ съ своимъ братомъ Аннибаломъ, заперпшись въ кабинетѣ. Они о чемъ-то совѣщались, говоря по-итальянски. Графъ Аннибалъ, погрузившись въ вольтеровскія кресла у бюро, охвативъ руками колѣна, слушалъ внимательно ходившаго передъ нимъ и развивавшаго мысли свои, возбужденнаго графа Марка. Старый гусаръ усваивалъ медленно и съ тру-

домъ сложныя комбинаціи «уловительнаго разума» графа Марка, но что онѣ его и занимали, и весьма нравились, нельзя было сомнѣваться. Въ дверь кабинета послышались осторожные, видимо условные стуки. Графъ Маркъ отворилъ. Въ кабинетъ вошелъ итальянецъ, камердинеръ графа, Алессандро.

— Ваше сіятельство, — сказалъ Алессандро, — карлы Зорича здѣсь.

— Пусть войдутъ,—кивнулъ головой графъ.

Черезъ минуту изъ-за портьеры вышли два маленькихъ человѣка, съ большимъ достоинствомъ поклонились графамъ и стали по обѣ стороны топившагося камина.

Карлы Зорича были не безобразные горбуны, недоростки, но совершенно пропорціонально сложенные, изящные карлики, два родные брата-близнецы, польскіе шляхтичи. Звали ихъ—Юліанъ и Гордіанъ, и можно было бы спутать ихъ между собою, если бы не расположеніе бородавокъ на ихъ, исполненныхъ достоинства, личикахъ. У Юліана огромная бородавка украшала переносицу. А Гордіану природа посадила ее на самый кончикъ носа. Они были уже не молоды, отличались эпикурейскими привычками, алчно любили деньги, сладкое, тонкія вина и хорошенькихъ женщинъ, у которыхъ имѣли несомнѣнный успѣхъ. Красавицы сажали карликовъ, въ годы ихъ молодости, себѣ на колѣни, играли ими, какъ куколками. Карлики до поступленія въ домъ Зорича служили въ домахъ польскихъ магнатовъ и даже при дворѣ послѣдняго польскаго короля Понятовскаго. Они много путешествовали по Европѣ и знали хорошо свѣтъ и людей.

Въ замокъ Зорича они поступили на громадное жалованье. Имъ былъ сшитъ великолѣпный гардеробъ, стоящій очень большихъ денегъ, такъ какъ они были большіе щеголи. Кромѣ обязанностей при утреннемъ туалетѣ Зорича, они часто бывали отправляемы съ приглашеніями къ знатнымъ дамамъ, въ громадной золоченой каретѣ, на огромныхъ лошадяхъ, съ кучеромъ-великаномъ и брюхачемъ и такими же двумя великанами-гусарами на запяткахъ. Съ ними же Зоричъ разсылалъ подарки дѣтямъ знакомыхъ магнатовъ и вельможъ. Наконецъ они держали карты. И при бѣшеныхъ играхъ часто имъ бросали по сту рублей за каждую новую колоду. Зоричъ вѣрилъ, что ихъ присутствіе приноситъ ему счастье.

Все это дѣлало положеніе карликовъ привилегированнымъ въ замкѣ, тѣмъ болѣе, что они знали себѣ цѣну. Зоричъ перебилъ ихъ у французскаго посланника, который нанималъ ихъ для какого-то герцога. Въ то время всюду еще любили карликовъ, хотя мода на нихъ и проходила. Болѣе уже не подавали ихъ на столъ въ пирогахъ. Но все же Юліанъ и Гордіанъ всюду нашли бы отличную должность.

Но они были уже стары, хотя на ихъ безбородыхъ дѣтскихъ личикахъ и мало отразились годы.

Въ замкѣ всѣ ихъ очень боялись, такъ какъ они знали рѣшительно все, всюду подслушивали, подглядывали и оказывались гдѣ нибудь за большимъ кресломъ, за ширмами или за портьерой въ самую рискованную минуту. Передъ ними заискивали управляющіе, арендаторы, поставщики Зорича, и они брали съ нихъ немалыя взятки, устраивая дѣла и дѣлишки. Маленькіе политики умѣли плесть пагубныя сѣти сплетенъ и доносовъ. Сальморанъ ихъ ненавидѣлъ и боялся. Зановичи особенно щедро платили имъ за карты и, зазывая на свою половину, угощали виномъ. Только князь Изанъ-Бей не боялся ихъ и свирѣпо вращалъ бѣлками, едва они попадались ему на дорогѣ, обѣщаясь когда нибудь посадить ихъ въ клѣтку и на судахъ Зорича отправить по Днѣпру въ Константинополь въ подарокъ дядѣ своему, султану. Едва они слышали величественные шаги турка, какъ немедленно скрывались иногда даже въ какой нибудь шкафъ или сундукъ.

— Ну, мои милые маленькіе друзья, Юліанъ и Гордіанъ,—сказалъ ласково, почти льстиво графъ Маркъ, наклоняясь надъ одѣтыми въ драгоцѣнные кружева, бархатъ и сверкавшими перстнями на пальцахъ, брильянтовыми пуговицами на кафтанѣ и пряжками на башмакахъ карликами:—что вы намъ скажете?

— Графъ, дѣло, въ которомъ вы предлагаете намъ участіе, дѣло весьма темное и опасное,—сказалъ Юліанъ.

— Опасное, темное,—подтвердилъ Гордіанъ,—и караемое всей тяжестью законовъ.

— Для такихъ крошечныхъ человѣчковъ, какъ вы, законы не писаны, какъ для дѣтей,—сказалъ графъ Маркъ.

— Не скажите, графъ,—возразилъ Юліанъ.—Я знаю, что придворный карликъ венеціанскаго дожа за участіе въ превращеніи металловъ пострадалъ жестоко: его бросили въ котелъ съ расплавленными монетами и накрыли крышкой.

— Да, это кушанье не изъ пріятныхъ. Но вѣдь вамъ предлагаютъ только озаботиться размѣномъ тѣхъ суммъ, которыя привезетъ братъ изъ-за границы, по порученію генерала, на звонкую монету для расчетовъ при игрѣ. Вотъ и все.

— Но вѣдь суммы будутъ значительны, весьма значительны! Придется мѣнять ихъ постепенно и имѣть подручныхъ людей, а вы сами сказали, что должны получить ихъ отъ малонадежнаго лица и не совершенно увѣрены въ доброкачественности этихъ заграничныхъ ассигнацій?

— Да, я не увѣренъ, совершенно не увѣренъ. Однако, если ихъ будутъ принимать, то о чемъ же безпокоиться? Наконецъ, если суммы велики, то и прибыль будетъ отъ промѣна великая.

— А какая именно?—полюбопытствовалъ Юліанъ.

— Мой повѣренный пишетъ, что я могу получить въ Берлинѣ по три рубля ассигнаціями за каждый голландскій червонецъ.

— А кто вашъ повѣренный?

— О, это—одинъ бѣлорусскій жидъ, именемъ Исаакъ Каймаковичъ.

— Вамъ онъ отлично извѣстенъ? И не его ли вы называли малонадежнымъ?

— Мой маленькій пріятель,—наклоняясь надъ карликомъ, ласково сказалъ графъ Маркъ,—какъ же можетъ быть надеженъ нечистый жидъ, врагъ нашей святой католической вѣры? И можетъ ли быть извѣстенъ темный ростовщикъ и еврейскій дѣлецъ, хотя бы съ нимъ и много пришлось сноситься? Поймите, выгода несомнѣнная. Прибыль громадная.

— Все такъ,— раздумывая, сказалъ карликъ,—но опять, мѣняя здѣсь ассигнаціи на золото, вы потеряете ту прибыль, которую собираетесь получить, обмѣнявъ за границей свое золото на жидовскія ассигнаціи.

— Э, друзья мои, я вижу, что вы совсѣмъ не такъ проворны и ловки, какъ казались. Въ такомъ случаѣ я обойдусь и безъ васъ, обращусь къ шкловскимъ евреямъ.

— Постойте, графъ, — съ живостью воскликнулъ Юліанъ, — дайте намъ съ братомъ посовѣтоваться.

— Совѣщайтесь, друзья мои, совѣщайтесь, — равнодушно сказалъ графъ и принялся расхаживать по кабинету.

Карлики отошли въ уголокъ и тамъ принялись оживленно шептаться по-польски.

Наконецъ они опять вышли къ камину, и Юліанъ сказалъ:

— Графъ, мы согласны участвовать въ этомъ дѣлѣ, хотя оно все же для насъ темно. Но мы, во-первыхъ, удостовѣрены вашимъ словомъ, что прямой опасности намъ тутъ не грозитъ, а, во-вторыхъ, опять-таки вашимъ удостовѣреніемъ, что въ крайнемъ случаѣ генералъ-майоръ Зоричъ всегда найдетъ защиту себѣ и друзьямъ своимъ.

— Вотъ это умно! — сказалъ графъ, и, схвативъ подъ мышки карлика, къ крайнему его неудовольствію, сталъ подкидывать къ потолку, какъ ребенка. Карликъ болталъ ногами, пищалъ отъ страха и, когда, наконецъ, графъ Маркъ поставилъ его на полъ, сердито фыркая, сталъ оправлять пришедшій въ разстройство костюмъ свой. Глазки его сверкали при этомъ яростною злобою.

XIV.

Великія приготовленія.

Въ отдаленнѣйшихъ покояхъ замка, по ночамъ, по возможности скрытно отъ всѣхъ обитателей его, происходили совѣщанія Зорича съ графами Зановичами и Сальмораномъ. Дѣло шло о передачѣ въ управленіе Зановичей графства Шкловскаго, и Зоричъ всячески опасался, чтобы проживавшій въ замкѣ Неранчичъ не воспротивился тому и не извѣстилъ прочихъ родственниковъ генерала о готовящейся сдѣлкѣ. Однако, въ то же время онъ не стѣснялся всѣмъ говорить съ веселымъ лицомъ, что дѣла его совершенно поправляются, что свой долгъ, который опредѣлялъ въ 450.000 рублей, онъ надѣется выплатить въ четыре года. А свой годовой доходъ съ 60 доведетъ до 180 тысячъ рублей.

Графъ Маркъ Зановичъ, между тѣмъ, потребовалъ счеты, книги и документы на Шкловъ и прочія маетности генерала и завалилъ ими комнату ночныхъ совѣщаній. Онъ заставлялъ Сальморана считать и составлять реестры и потомъ отягощалъ бѣднаго Зорича чтеніемъ цѣлыхъ столбцовъ цифръ. До бѣлаго дня шли эти ночныя совѣщанія, такъ что Зоричъ наконецъ восклицалъ:

— Э, братъ, да когда же конецъ-то! Ну, я вѣрю тебѣ и дѣлай, какъ знаешь.

Графъ Маркъ сострaивалъ глубоко озабоченную мину и говорилъ, что онъ долженъ разъяснить и растолковать генералу всѣ, такъ сказать, карты и шансы предстоящей игры, чтобы потомъ не возникло никакого неудовольствія.

— Ахъ, братецъ, — возражалъ Зоричъ, — еще въ настоящихъ картахъ и какъ загибать соника и сетелева, это я смыслю. А въ конторскихъ книгахъ, хоть убей, понять ничего не могу. Пощади, братецъ, сдѣлай милость! Ну, я тебѣ вѣрю, довѣряю, и будетъ съ тебя.

— Что это вы говорите, генералъ? — горячился графъ Маркъ. — Если вы не привыкли къ конторскимъ книгамъ, то тѣмъ съ большей тщательностью долженъ я разъяснить вамъ всѣ запутанныя обстоятельства дѣла. Иначе могутъ сказать, что я злоупотребилъ вашей неопытностью.

— Да, кто скажетъ, братецъ? Кажется, я самъ себѣ голова.

— А хотя бы ваши родственники. Сальморанъ, покажите, пожалуйста, генералу отчеты арендаторовъ Менделя Хаимова и Ицки Каперцесъ. Вотъ извольте вникнуть, выкуренное вино...

— Эхъ, братецъ, какой? Ну, что тамъ еще? — вздыхая, говорилъ Зоричъ.

Рѣшено было, что за границу для продажи имѣній графъ Аннибалъ Зановичъ выѣдетъ въ маѣ. Но предварительно отправится въ Петербургъ, гдѣ и остановится въ Зоричевомъ домѣ, около Зимняго двора.

Графъ просилъ снабдить его на всякій случай рекомендательными письмами къ петербургскому придворному банкиру Сутерленду, а также къ русскимъ посланникамъ въ Голландіи и въ Англіи.

Когда писались письма, то графъ Маркъ ввернулъ просьбу Зоричу назвать Аннибала своимъ родственникомъ.

— Такъ письма будутъ дѣйствительнѣе,—объяснилъ онъ.

— Ты думаешь?—усомнился Зоричъ.—Впрочемъ мнѣ все равно, родственникъ—такъ родственникъ, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ вы дѣлаете для меня то, чего и родственникъ не сдѣлаетъ.

И тутъ Зоричъ распространился вообще на счетъ родственниковъ въ довольно желчныхъ словахъ.

Графъ Маркъ скромно опускалъ глаза.

Итакъ, въ рекомендательныхъ письмахъ графъ Аннибалъ Зановичъ оказался родственникомъ и даже близкимъ Зорича.

Послѣ трудовыхъ часовъ обыкновенно Зоричъ ужиналъ и отдыхалъ. Тогда неизмѣнно являлась Элоиза, пила съ нимъ вино, пѣла и играла, но все «не выходя изъ предѣловъ строгой благопристойности», какъ говорилъ присутствовавшій при этомъ мужъ ея.

За этими поздними ужинами Зоричъ, однако, пилъ необыкновенно много, къ чему вообще не имѣлъ особой склонности.

Онъ любилъ веселье, любилъ игру, но никогда не напивался. Теперь же обыкновенно онъ пилъ много и жадно и засыпалъ потомъ совершенно отуманенный винными парами.

Проснувшись поздно, онъ вставалъ угрюмый, желчный, придирался къ слугамъ, и только къ серединѣ дня домашнимъ удавалось развеселить его.

Тогда онъ приказывалъ запрячь сани и, усадивъ въ нихъ Элоизу, каталъ ее по аллеямъ парка. Иногда онъ выѣзжалъ въ Шкловъ, посѣщалъ свое запущенное училище, собиралъ немногихъ, оставшихся тамъ, кадетъ и учителей, утѣшалъ ихъ, разсказывая о скорыхъ перемѣнахъ въ своихъ дѣлахъ, затѣвалъ ученые диспуты. Потомъ возвращался домой и за позднимъ обѣдомъ опять пилъ жадно и много и заваливался спать, чтобы встать уже вечеромъ для новыхъ трудовъ.

Тогда за обѣдомъ онъ начиналъ развивать самые фантастическіе планы. Предполагалъ сдѣлать кругосвѣтное плаваніе съ цѣлью пополненія образованія своего; думалъ писать обширное сочиненіе о хозяйствѣ; находилъ, что необходимо ему построить при Шкловскомъ училищѣ обсерваторію для наблюденій за свѣтилами не-

бесными; начиналъ тутъ же сочинять, при помощи Сальморана, письмо къ Вольтеру, уличая въ безбожіи французскаго философа и доказывая премудрость Промысла.

При этомъ Зоричъ, въ особенности подпивъ, начиналъ странно раздражаться на графа Марка, съ неизмѣнной улыбкой іезуита выслушивавшаго всѣ его разсужденія. Онъ заявлялъ, что графъ, будучи католическаго вѣроисповѣданія, чуждъ истинѣ православія, и потому такъ легкомысленно судитъ о вещахъ глубокихъ и важныхъ.

Разгорячась, онъ говорилъ, что жизнь человѣка добродѣтельнаго должна состоять въ строгомъ выполненіи заповѣдей Божіихъ, въ благотвореніи ближнимъ, въ службѣ отечеству.

— Кто можетъ меня упрекнуть въ чемъ либо?—восклицалъ совсѣмъ уже пьяный Зоричъ.—Не человѣки судятъ, но Богъ. Я не закрывалъ сердца предъ несчастіями ближнихъ и давалъ каждому, и помогалъ, сколько могъ.

При этомъ онъ приказывалъ принести изъ кабинета портфель и вынималъ изъ него письма графа Румянцева-Задунайскаго, подъ начальствомъ котораго нѣкогда служилъ. Онъ читалъ эти письма, особенно ударяя голосомъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Румянцевъ выражался: «ваше похвальное расположеніе къ добродѣянію заслуживаетъ мое признаніе», или: «вы снискали себѣ уже отъ многихъ благодарность и общую похвалу въ расположеніи доброхотствія къ добрымъ и заслуженнымъ людямъ». Но, когда однажды при этомъ, графъ Маркъ сказалъ: «конечно, и священное писаніе говоритъ—«всякій путь человѣка правъ въ глазахъ его»,—Зоричъ вдругъ пришелъ въ бѣшенство и закричалъ:

— Въ глазахъ монархини, въ глазахъ всего міра правъ! Вотъ путь Зорича, путь воинской чести, доблести, славы, славы, славы! А твой путь какой и куда ведетъ? Путь бродяги, пройдохи и промышленника!

— Я извиняю вамъ выходку вашу, генералъ,—сказалъ блѣдный графъ Маркъ,—чрезмѣрно выпитымъ виномъ. Въ другое время я потребовалъ бы отъ васъ сатисфакціи. Теперь же только напомню вамъ, что въ настоящее время путь нашъ одинъ и ведетъ насъ обоихъ къ одному.

— Правда, братецъ, правда,—закричалъ вдругъ Зоричъ съ неестественнымъ хохотомъ,—виноватъ, выпьемъ вмѣстѣ на мировую.

XV.

Изанъ-Бей.

Гордый и честный турокъ, князь Изанъ-Бей, державшійся всегда въ сторонѣ отъ компаніи Зоричевыхъ домочадцевъ, не переносилъ Зановичей, называя ихъ побродягами и мошенниками. Въ тотъ день, когда Зоричъ побранился съ графомъ Маркомъ, по утру у него былъ турокъ и долго убѣждалъ его не ввѣряться коварному іезуиту и его брату, моту, игроку и величайшему плуту въ цѣломъ свѣтѣ.

— Вспомни, генералъ,—говорилъ турокъ,—что Изанъ-Бей всегда былъ тебѣ пріятелемъ и добро дѣлалъ тебѣ, а не зло.

— Я этого не забылъ, любезный другъ, и все хорошо помню. Безъ тебя плохо мнѣ пришлось бы въ Семибашенномъ и потомъ въ Константинополѣ.

— Ну, видишь. Ну, ты помнишь, и хорошо. И когда мнѣ плохо пришлось, я къ тебѣ пришелъ, и ты далъ Изанъ-Бею убѣжище. Ни къ кому бы еще Изанъ-Бей не пошелъ, а къ тебѣ пошелъ, потому что ты—добрый человѣкъ. Теперь же я опять хочу тебѣ сдѣлать добро. Я не разъ тебя остерегалъ отъ этихъ негодныхъ побродягъ, Зановичей. Ты не слушалъ. Ты имъ довѣрился. Они стали у тебя въ домѣ хозяевами. Теперь въ послѣдній разъ пришелъ тебѣ сказать: сейчасъ прогони обоихъ въ шею, слышишь!

— Да за что, братъ, мнѣ ихъ гнать? — сказалъ Зоричъ. — Они мнѣ никакого зла не сдѣлали.

— Пока не сдѣлали. Но слушай. Я объ нихъ все узналъ, кто они такіе, чѣмъ занимались.

— Что жъ, они—прирожденные графы. Фамилія графовъ Зановичей происходитъ изъ старинной и знатной фамиліи Пастровичей, извѣстной во всей Далмаціи по своимъ богатствамъ и родству.

— Все это такъ,—сказалъ Изанъ-Бей.—А знаешь ли, какъ ихъ зовутъ?

— Какъ зовутъ? Вотъ на! Графы Маркъ да Аннибалъ.

— Вотъ и не правда! Стефанъ да Предиславъ. Стефанъ поступилъ въ іезуиты, а когда орденъ уничтожили, съѣхался съ Предиславомъ. А тотъ, служивъ въ гусарахъ, къ тому времени весъ проигрался, промотался, отъ состоянія ничего не осталось, и занимался темными оборотами. Поговорили между собой и поѣхали въ Венецію. Здѣсь они ограбили какого-то купца. Ихъ и приговорили къ смертной казни. Но родственникъ ихъ, величайшій пройдоха и мошенникъ, Казанова, помогъ имъ бѣжать изъ Венеціи, и тамъ вмѣсто ихъ палачъ на площади сжегъ портреты братьевъ.

— Можетъ ли все это быть, Иванъ-Бей!—вскричалъ Зоричъ.

— Изанъ-Бей еще никогда не лгалъ съ той минуты, какъ сталъ отличать капитанъ отъ яблока,—гордо сказалъ турокъ.

— Я знаю. Я, братъ, вѣрю. Что же дальше?—въ тоскѣ спросилъ Зоричъ.

— А дальше хорошаго нѣтъ, а все одно только худое. Посѣщали они многія столицы, вездѣ вели темную игру, вездѣ дрались на дуэли, соблазняли женщинъ и мошенничали.

Графъ Стефанъ, однако, былъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ. И это вѣрно совершенно. Я самъ видѣлъ ихъ письма и разсказывалъ Даламберу въ Парижѣ, что это за люди. Я уже тогда про нихъ много зналъ. Теперь же еще больше знаю, такъ что если все записать, толстая книга вышла бы. А разсказывать на недѣлю хватитъ. Разскажу тебѣ только самое главное. Пріѣхалъ въ 1776 г. графъ Стефанъ, что̀ нынѣ здѣсь слыветъ графомъ Маркомъ, въ Потсдамъ и сейчасъ же представился ко двору принца Прусскаго. Умѣлъ втереться въ дружбу къ принцу и его супругѣ. Выдалъ себя за албанскаго господаря. Дохода, увѣрялъ, у него 300.000 червонцовъ годового, а войско онъ можетъ во всякое время выставить тридцатитысячное. Принцъ Прусскій не зналъ, куда и посадить господаря. Вдругъ узнаетъ изъ газетъ о прежнихъ нечистыхъ продѣлкахъ побродяги и сначала не хочетъ вѣрить, что это—тотъ самый. Но, когда изъ Венеціи прислали его портретъ и подробныя примѣты, принцъ выслалъ его немедленно изъ Берлина. Однако онъ прожилъ здѣсь цѣлыхъ два года и многихъ обыгралъ, многихъ женщинъ ограбилъ, негодный и лживый человѣкъ. Вотъ какой человѣкъ! Мало тебѣ этого? Еще слушай.

— Изъ Берлина Стефанъ пріѣхалъ въ Бреславль, но король Фридрихъ написалъ къ одному изъ своихъ генераловъ, что прибылъ туда графъ Зановичъ, промышлявшій обманомъ при различныхъ европейскихъ дворахъ. А потому король приказывалъ въ Бреславлѣ его задержать, подъ предлогомъ взыскиваемыхъ съ него долговъ, что жъ, хитрая эта лиса прогрызла тенета и бѣжала въ Голландію. Знаю доподлинно, что тогда у Зановича было рекомендательное письмо отъ кавалера Ковалли, венеціанскаго посланника въ Неаполѣ. Какъ онъ получилъ это письмо, спросишь? Вѣдь тотъ зналъ, что̀ за птица графъ Стефанъ, по его венеціанской жизни. Вѣрно зналъ. А не знаю — какъ. Только онъ такъ сумѣлъ этимъ письмомъ воспользоваться, что успѣлъ въ короткое время занять у голландскихъ банкировъ 300.000 гульденовъ.

— Хитрый и ловкій человѣкъ,—сказалъ Зоричъ, не безъ удовольствія слушая о необыкновенныхъ подвигахъ будущаго управляющаго Шкловомъ.

— Да, хитрый. Но Богъ его хитрѣе. Богъ великій хитрецъ,—сказалъ Изанъ-Бей,—и кончится тѣмъ, что перехитритъ и этого без-

совѣстнаго побродягу. Но слушай, что дальше было. Тѣхъ денегъ, что̀ занялъ у банкировъ въ Голландіи графъ Стефанъ, ему ненадолго хватило. А, спустивъ ихъ, онъ изъ Голландіи скрылся, и гдѣ ужъ скитался, неизвѣстно. Между тѣмъ, обманутые банкиры обращаются къ своему правительству, жалуются на плута и представляютъ рекомендательное письмо кавалера Ковалли. Голландское правительство требуетъ съ Ковалли 600.000 тысячъ гульденовъ, занятыхъ Зановичемъ. Ковалли отказывается платить, говоря, что рекомендательныя письма не суть кредитивы. Тогда голландскіе штаты обращаются къ правительству Венеціанской республики за уплатой. Но и оно отказывается платить. Тогда посолъ голландскихъ штатовъ намекаетъ, что если такъ, то штаты могутъ счесть это за оскорбленіе и объявить Венеціи войну. Да, подлинно такъ! Изъ-за негоднаго побродяги едва не началась война между Голландіей и Венеціей.

— Вотъ это удивительно!—вскричалъ, расхохотавшись, Зоричъ. — Извини, братъ, но ужасно смѣшно!—замѣтивъ неудовольствіе Иванъ-Бея, сказа̀лъ онъ. Нахмурившись, турокъ продолжалъ:

— И была бы война. Уже Голландія посылала корабли къ берегамъ Венеціанской республики, но тутъ вмѣшался императоръ Іосифъ, предложилъ свое посредничество, помирилъ штаты съ республикою, и банкиры рѣшили, что должны потерять свои гульдены въ уплату за науку, чтобы впередъ лучше разбирать людей. Но ты смѣешься, генералъ, и это мнѣ очень досадно, очень! Какъ можешь ты смѣяться, я не понимаю!

— Извини, братъ, больно ловкіе мошенники! Что же дальше-то было?

— А дальше то же было, что и раньше. Графа Предислава, между тѣмъ, за разныя плутни изгнали изъ Флоренціи, и оба брата съѣхались въ Парижѣ. Тутъ познакомился съ ними родственникъ твой, Неранчичъ, и пригласилъ ихъ въ Россію. Что жъ, они очень рады были, потому что за ними по пятамъ, какъ гончіе, гнались полицейскіе сыщики. Они уѣхали съ Неранчичемъ въ Россію и прибыли въ Шкловъ, гдѣ ты съ ними подружился и хозяевами ихъ сдѣлалъ.

— Ну, ужъ ты скажешь—хозяевами!—возразилъ Зоричъ.—Я и самъ вижу, что они—мошенники. Да, обстоятельства мои столь хитро запутаны, что только самый тонкій и опытный въ каверзахъ умъ можетъ ихъ распутать. При томъ же они у меня всегда въ рукахъ, и по первому моему заявленію ихъ вышлютъ вонъ изъ предѣловъ Россійскихъ.

— Они ли у тебя, генералъ, въ рукахъ? Не ты ли уже у нихъ? Они со своимъ коварнымъ умомъ не распутаютъ твоихъ дѣлъ, а сплетутъ такую паутину, что ты въ ней запутаешься, какъ муха, и эти негодные пауки выпьютъ изъ тебя всю кровь, какъ уже

изъ безчисленныхъ жертвъ своего искусства выпили. Поэтому-то я пришелъ тебя предупредить. Говорю тебѣ: сейчасъ, сейчасъ гони обоихъ побродягъ въ шею, ни одной минуты не медля! Вотъ я сказалъ тебѣ все. Послушаешься—будетъ тебѣ добро. Поблагодаришь потомъ Изанъ-Бея. А не послушаешься, ну, значитъ, такова судьба твоя, чтобы быть обманутымъ и погубленнымъ этими побродягами. Никто не можетъ избѣжать своей судьбы. Рыбакъ, которому суждено поймать рыбу,—поймаетъ ее и среди безводной, жаркой пустыни на раскаленномъ пескѣ. А рыбакъ, который вышелъ не въ свой день, не поймаетъ рыбы даже въ томъ случаѣ, если бы она уже лежала въ его корзинѣ.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ШЕСТИДЕСЯТНИКА.

(Автобіографія И. А. Худякова).

Печатаемая ниже автобіографія Ивана Александровича Худякова представляетъ значительный интересъ и по личности ея автора и по той эпохѣ, которой она касается. И. А. Худяковъ извѣстенъ въ русской литературѣ, какъ авторъ нѣсколькихъ работъ этнографическаго характера («Сборникъ великорусскихъ народныхъ итирическихъ пѣсенъ», Москва, 1860; «Великорусскія сказки», 3 выпуска, Москва, 1860—1862; «Великорусскія загадки», Москва, 1861; «Матеріалы для изученія народной словесности» [1]), Спб., 1863) и нѣсколькихъ популярныхъ изданій для народа («Древняя Русь», Спб., 1867 г., безъ имени автора; хрестоматія «Русская книжка»; изданное за границей «Слово Игнатія къ духовнымъ христіанамъ» и др.). Уже находясь въ ссылкѣ, онъ написалъ грамматику якутскаго языка, составилъ якутскій словарь и подготовилъ рядъ работъ этнографическаго характера. Всѣ эти работы пропали въ нѣдрахъ жандармскаго управленія... Около 1869 г. Худяковъ помѣшался. Его перевели изъ Якутской области въ Иркутскъ, гдѣ онъ и скончался въ сумасшедшемъ домѣ въ 1876 г., на 35 году жизни.

Автобіографія Худякова является очень цѣннымъ матеріаломъ для изученія радикальнаго движенія 1860-хъ г.г. Она была начата въ первые годы ссылки, и лишь начало ея получило нѣкоторую литературную обработку; дальнѣйшей обработкѣ, очевидно, помѣшала болѣзнь Худякова. Р. П. Батуринскій.

---

[1]) См. подр. Пыпина: «Исторія русской этнографіи».

I.

Первое дѣтство.

«Да вотъ хотя мы съ вами
воспитывались въ банѣ»...

(Слова Елисѣева).

Многіе утверждаютъ, что предки мои происходятъ отъ Адама... Я знаю только, что въ XVI ст. они были великоустюжскими купцами, и предполагаю, что они носили просто прозвище: Худякъ. Вскорѣ послѣ сибирскаго похода Ермака они переселились въ Тобольскъ, гдѣ и вели довольно значительную торговлю. Прадѣдушка мой имѣлъ въ Тобольскѣ даже каменный домъ, что̀ въ то время для Сибири было большою рѣдкостью. Онъ же выстроилъ противъ своего дома каменную церковь во имя Архангела Михаила. Господь живыми беретъ своихъ любимцевъ на небо; потому и прадѣдушка мой умеръ слишкомъ рано, въ то время, когда сыну его было всего два года. Опекуны разграбили все имущество, а домъ былъ приписанъ къ церкви. Когда же дѣдушка подросъ и пожелалъ воспользоваться наслѣдствомъ, десятилѣтняя давность уже прошла, и дома ему не возвратили.

Такимъ образомъ дѣдъ мой долженъ былъ жить въ большой бѣдности и добывалъ себѣ хлѣбъ вставкой оконныхъ стеколъ. Отецъ мой четырнадцати лѣтъ кончилъ курсъ въ Тобольской гимназіи, и съ такимъ успѣхомъ, что его хотѣли было отправить въ Казанскій университетъ на казенный счетъ,—дѣло еще не бывалое въ то время (1825 г.) для Тобольска. Дѣдушкина семья въ это время очень нуждалась въ матеріальной помощи, и отецъ мой не рѣшился ѣхать, а поступилъ на службу учителемъ приходскаго, а потомъ уѣзднаго училища. Его часто переводили изъ города въ городъ по Тобольской губерніи, и потому естественно, что случай вскорѣ свелъ его съ сосланными декабристами. Они выучили его французскому языку и много развили его понятія. Подъ ихъ вліяніемъ онъ перевелъ въ 1830-хъ г.г. книгу Дежерандо о воспитаніи и послалъ ее министру народнаго просвѣщенія. Уваровъ приказалъ издать ее на казенный счетъ, а переводчику выслалъ тысячу рублей ассигнаціями (300 р. с.).

Такой успѣхъ подвинулъ моего отца на другой рѣшительный шагъ, именно, женитьбу на бѣдной дѣвушкѣ, одной изъ его ученицъ,—женитьбу, которая едва ли состоялась бы безъ такого денежнаго пособія. И вотъ, вслѣдствіе этого брака, съ крикомъ отчаянія появился я на бѣлый свѣтъ въ 7 часовъ вечера 1 января 1842 г. Послѣ моихъ родовъ мать моя долго хворала кровотече-

ніемъ и болѣе уже не имѣла дѣтей (раньше меня былъ одинъ сынъ, но тотъ умеръ, не проживши года), такъ что все время я былъ единственнымъ, а, стало быть, и любимымъ сыномъ своихъ родителей.

Одиннадцати мѣсяцевъ мнѣ пришлось покинуть свою родину, переѣхать изъ города Кургана въ городъ Ишимъ, куда отца моего перевели смотрителемъ училища. Въ Ишимѣ-то мнѣ и привелось провести первыя десять лѣтъ моего дѣтства. Такъ какъ знакомство съ декабристами (Нарышкинымъ, Свистуновымъ и друг.) и книга Дежерандо значительно развили моего отца, то понятно, что онъ почти ничего не жалѣлъ для моего воспитанія. Когда я былъ колыбельнымъ ребенкомъ, онъ запрещалъ меня часто пеленать, чтобы не препятствовать моему росту. Когда я сталъ ходить на ногахъ, лѣтомъ онъ посылалъ меня играть на пескѣ и на солнцѣ и развивалъ во мнѣ физическія силы соразмѣрнымъ физическимъ трудомъ. Благодаря этому, я росъ довольно скоро и отличался значительной силой для своихъ лѣтъ. Въ то же время отецъ заботился и о развитіи моихъ умственныхъ способностей. За обѣдомъ, за чаемъ, во время прогулокъ онъ постоянно разговаривалъ со мною, задавалъ мнѣ разные вопросы, или, въ свою очередь, по мѣрѣ своихъ силъ удовлетворялъ моему любопытству. Въ дѣтствѣ я отличался очень большими способностями, весьма пылкимъ и стремительнымъ характеромъ. Отецъ часто пытался сдерживать мою пылкость: «Не торопись, Ваня, не торопись,—говаривалъ онъ:—умыкаютъ бурку крутыя горки».

Въ нравственномъ отношеніи отецъ былъ для меня хорошимъ примѣромъ: онъ былъ добрымъ мужемъ и честнымъ христіаниномъ; онъ содержалъ на свой счетъ многихъ бѣдныхъ родственниковъ; служебныя дѣла исполнялъ необыкновенно усердно и честно; ни взятокъ, ни подарковъ не принималъ.

При всемъ томъ мое первоначальное воспитаніе было далеко не завидно; гимнастика была неизвѣстна моему отцу, свѣдѣнія его по историческимъ наукамъ были ничтожны, а естественныхъ наукъ онъ совершенно не зналъ. Кромѣ того, въ свободное отъ службы время занятый молитвами, посѣщеніемъ церквей, именинами, картами, онъ не могъ имѣть за мною личнаго надзора, такъ что большую часть времени мнѣ приходилось проводить въ кухнѣ, въ обществѣ кучеровъ и кухарокъ, отъ которыхъ можно было слышать нелѣпыя сказки о сусѣдкахъ, разныя суевѣрія, брань и видѣть примѣры, недостойные подражанія. Однимъ изъ первыхъ примѣровъ такого подражанія было влеченіе къ табаку; но, къ счастью, съ перваго раза я попалъ на такую крѣпкую кучерскую махорку, что съ тѣхъ поръ навсегда отказался курить табакъ. Затѣмъ, жизнь моя въ продолженіе дѣтства подвергалась многимъ опасностямъ; нѣсколько разъ я тонулъ въ рѣкѣ; однажды я чуть

не убился, упавши съ неосѣдланной лошади, другой разъ зимой по мнѣ проѣхали на саняхъ; къ счастью, лошадь еще не наступила на меня копытами, да и санки были довольно легкія, такъ что я отдѣлался только легкимъ ушибомъ. Былъ, впрочемъ, еще случай, когда я дорого поплатился за дѣтскую неосторожность. Однажды лѣтомъ, когда мнѣ было, кажется, всего пять лѣтъ, отецъ, возвратившись съ загороднаго крестнаго хода, приказалъ привязать вспотѣвшую лошадь къ столбу выстояться. Колокольный звонъ этого дня произвелъ на меня большое впечатлѣніе; мнѣ захотѣлось самому позвонить точно такъ же, какъ звонятъ на колокольнѣ. Я быстро побѣжалъ къ привязанному коню и принялся звонить, дергая его изъ зо всей силы за хвостъ! Конь, разумѣется, лягнулъ меня такъ, что я откатился на нѣсколько шаговъ. Къ несчастью, я былъ въ одной рубашкѣ, и ударъ копыта, а, можетъ быть, и подковы, попалъ въ низъ живота. Рана была очень опасна, тѣмъ болѣе, что угрожала гніеніемъ мочи, и едва-едва, послѣ долгой и мучительной болѣзни, удалось наконецъ поставить меня на ноги. Вотъ причина, почему по голосу и по лицу многіе впослѣдствіи принимали меня за скопца. И если скопчество убійственно дѣйствуетъ на тѣло и мозгъ взрослыхъ людей, то, безъ сомнѣнія, оно еще вреднѣе должно дѣйствовать на дѣтей.

Отецъ мой жилъ въ казенной квартирѣ подъ одной крышей съ приходскимъ училищемъ, такъ что, подростая, я незамѣтно выучился грамотѣ. Библіотека обоихъ училищъ помѣщалась тоже въ квартирѣ отца, но въ ней не было порядочныхъ книгъ для первоначальнаго чтенія. Первое чтеніе всегда имѣетъ очень важное вліяніе на всякаго впечатлительнаго мальчика. Къ сожалѣнію, въ 1850-хъ г.г. хорошихъ русскихъ дѣтскихъ книгъ совершенно не существовало; даже Гоголь не былъ еще извѣстенъ въ Сибири. И первоначальнымъ моимъ чтеніемъ были книги самаго напыщеннаго лже-патріотическаго содержанія; впрочемъ, болѣе всѣхъ другихъ меня заинтересовала «Исторія войны 1812, 1813 и 1814 г.г.» Михайловскаго-Данилевскаго, въ восьми большихъ томахъ. По складамъ я прочитывалъ это сочиненіе раза четыре, и самымъ высшимъ наслажденіемъ для меня было разсматривать планы сраженій. По крайней мѣрѣ, это было для меня полезно въ томъ отношеніи, что знакомило нѣсколько съ русской географіей. Однако напыщенность и хвастливость содержанія произвели свое вліяніе, и, хотя въ то время я умѣлъ писать только по широкимъ графамъ, но уже тогда сталъ писать разныя вымышленныя войны съ планами сраженій, въ которыхъ я, какъ главнокомандующій, и мои школьные товарищи, какъ командующіе отрядами, всегда одерживали полныя побѣды надъ соединенными силами всей Европы и оканчивали войны тѣмъ, что присоединяли къ Россіи новыя области и брали контрибуціи. Во всѣхъ сраженіяхъ на од-

ного убитаго русскаго приходилось по сотнѣ или по тысячѣ непріятельскихъ труповъ. Такимъ образомъ патріотическія книги съ самаго ранняго дѣтства сообщали мнѣ свою беззазорную хвастливость. Попадись мнѣ въ это время какая нибудь книга съ картинками, относящимися къ естественнымъ наукамъ, умъ мой, столь нѣжный и впечатлительный, получилъ бы совершенно другое, здоровое направленіе, и трудолюбіе не было бы обращено на безполезный, устный и письменный азартъ.

Въ уѣздномъ училищѣ я считался первымъ ученикомъ, а Ишимское уѣздное училище въ то время считалось первымъ изъ всѣхъ уѣздныхъ училищъ Тобольской губерніи. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, что преподаваніе въ немъ было особенно хорошо. Большую часть уроковъ учителя предпочитали просиживать въ сторожкѣ, гдѣ курили табакъ и потягивали водку. Они, пожалуй, и самое училище обратили бы въ распивочное и на выносъ, если бы мой отецъ (смотритель) не посѣщалъ его аккуратно два раза въ день. Очередные сторожа изъ учениковъ всегда заблаговременно извѣщали о его приближеніи. Такимъ образомъ мы учились только въ присутствіи отца; но и тутъ наши способности тупились главнымъ образомъ объ учебники Устрялова, Кайданова съ братіею. По крайней мѣрѣ, ученики оканчивали курсъ, зная нѣсколько грамоту; впослѣдствіи, когда мѣсто моего отца занялъ другой смотритель, ученики выходили изъ училища круглыми невѣждами, и въ два года число учениковъ уменьшилось втрое. Впрочемъ, я кончилъ курсъ еще при отцѣ.

II.

Гимназія.

По окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ меня помѣстили въ Тобольскую гимназію, а вслѣдъ затѣмъ и самъ отецъ переѣхалъ въ Тобольскъ.

Въ это время Западная Сибирь находилась подъ управленіемъ полусумасшедшаго человѣка, генералъ-губернатора Гасфорта. Разсказывали, напримѣръ, что онъ, желая отличиться въ обращеніи инородцевъ къ православію, послалъ въ Петербургъ проектъ выдумать посредствующую религію: дать истуканамъ христіанскія имена, а потомъ, когда инородцы уже попривыкнутъ, то обратить ихъ въ настоящее православіе!... Учитель Тобольской гимназіи, П. А. Бѣлорусцевъ, уволенный въ отпускъ, пріѣхалъ жениться въ Омскъ и между прочимъ счелъ необходимымъ явиться къ генералъ-гурернатору. «А, вы изъ Тобольска? Скажите же мнѣ, отчего тобольская казенная палата не присылаетъ мнѣ серебра?

Мнѣ нужно серебро: я веду дѣла съ коканцами. Нынче я ѣздилъ въ степь: тамъ, знаете, дорога все вотъ такъ зигзагами (при этомъ генералъ-губернаторъ бѣгалъ по залѣ, изображая изгибы дороги)... Ну, какъ я крикнулъ: поѣзжай прямо! что жъ? и проѣхали прямо! Вотъ какъ надо прокладывать дороги!». Гасфортъ считалъ себя ученымъ генералъ-губернаторомъ. Однажды офицеръ омскаго казачьяго полка, впослѣдствіи извѣстный П., попросилъ у него отпуска ѣхать учиться въ Петербургскій университетъ. «Зачѣмъ вамъ университетъ?—возразилъ Гасфортъ.—Вы отъ меня все можете узнать!». Этихъ анекдотовъ достаточно, чтобы понять, что образованность Западной Сибири очень мало могла выиграть отъ управленія столь ученаго мужа.

Тобольскимъ губернаторомъ въ то время былъ какой-то пьяница, валявшійся иногда въ пьяномъ видѣ по улицамъ; впрочемъ, вскорѣ его смѣнилъ В. А. Арцимовичъ, губернаторъ довольно сносный, но власть его была ограничена властью генералъ-губернатора; притомъ, кажется, и самъ Арцимовичъ считалъ заботу объ образованіи дѣломъ совершенно излишнимъ для серьезнаго администратора. Самъ директоръ посѣщалъ свою гимназію не болѣе трехъ-четырехъ разъ въ годъ, при чемъ неизмѣнно повторялъ слѣдующій вопросъ: «шишь, шишь, ты получалъ письма отъ отца?»—«Получалъ».—«А мать, мать, здоровы они?»—«Здоровы».—Этотъ вопросъ онъ обращалъ ко всѣмъ мальчикамъ, родители которыхъ были ему извѣстны, и затѣмъ уходилъ, не обращая вниманія на то, преподается ли что нибудь въ гимназіи или нѣтъ.

Несмотря на все это, Тобольская гимназія была въ то время одною изъ лучшихъ сибирскихъ гимназій. Инспекторомъ ея былъ П. П. Ершовъ, извѣстный авторъ «Конька Горбунка». Въ гимназіи его не было тѣхъ истязаній, на которыя такъ щедры были въ то время другія русскія гимназіи; правда, тѣлесныя наказанія и даже розги употреблялись, но довольно рѣдко. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы преподаваніе въ гимназіи было сколько нибудь сносное. Старшій учитель математики самъ не понималъ, почему выходятъ нѣкоторыя формулы; учителя исторіи и географіи ограничивались преподаваніемъ однихъ именъ; изъ естественныхъ наукъ съ грѣхомъ пополамъ преподавалась только физика; законовѣдѣніе преподавалось только двумъ или тремъ ученикамъ. (По странному капризу учитель законовѣдѣнія не любилъ, чтобы число его учениковъ превышало цифру 2—3, и всѣхъ сверхштатныхъ прогонялъ на латинскій классъ). Латинскій классъ затруднялся въ переводѣ самыхъ легкихъ писателей, но въ самомъ жалкомъ положеніи находилось преподаваніе новыхъ языковъ: благодаря безтолковости учителя, въ семь лѣтъ гимназисты не могли выучить нѣмецкихъ склоненій. Въ то же время этотъ нѣмецъ былъ необыкновенно дѣятельный сплетникъ; не надѣясь на свое красно-

рѣчіе, онъ всегда замѣнялъ его наказаніями. «Я не буду сказывать, я буду записывать!»—грозилъ онъ цѣлому классу. «Подать два кружка хлѣба, два ломтя воды!»—таково было его лаконическое изреченіе, когда онъ оставлялъ кого нибудь безъ обѣда. Одинъ мой товарищъ по университету разсказывалъ, что въ его гимназіи нѣмецъ-учитель нѣмецкаго языка такимъ образомъ объяснялъ нѣмецкую грамматику по-русски: «Фафни пѣли пѣсню». 1. «Что фафни?»—«Фафни!»—2. «Когда фафни пѣли пѣсню?»—«Пѣсню».—3. «Зачѣмъ фафни пѣли пѣсню?»—«Пѣли».—Или: «Золото лучше, нечѣмъ серебро». 1. «Кто лучше, нечѣмъ серебро?»—«Лучше». 2. «Зачѣмъ золото лучше, нечѣмъ серебро?»—«Нечѣмъ»... Учитель французскаго языка былъ кутила большой руки, нерѣдко являлся въ классъ совершенно пьяный, составлялъ у себя въ классѣ внезапный хороводъ, къ которому немедленно присоединялись переметчики изъ другихъ классовъ, и громкіе звуки: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», потрясали стѣны гимназіи и раздавались далеко въ сосѣднія улицы. Въ такихъ случаяхъ всѣ сосѣдніе учителя складывали руки и внимали неожиданному концерту.

Умственный и нравственный уровень гимназіи былъ очень низокъ; ученики смотрѣли такими же чиновниками, какъ и учителя; гимназисты седьмого класса считали для себя крайнимъ униженіемъ подать руку ученику низшихъ классовъ. Учителя никогда не здоровались съ учениками за руку, хотя и нерѣдко били ихъ собственноручно. Въ свою очередь гимназисты были не прочь подраться между собою. Особенною грубостью отличался священникъ—отецъ-законоучитель. «Ну, что же ты? уши-то у тебя, словно заслонки: въ одно ухо влетитъ, а въ другое вылетитъ. У-у-у, ты, кобыла, кобыла, соломенное брюхо» и пр. Это былъ его обыкновенный комментарій при объясненіи слова Божія.

Гимназисты, однако, насколько могли, противились деспотизму учителей; но борьба эта, порожденная насиліемъ всей системы преподаванія, не столько обуздывала учителей, сколько пріучала учениковъ къ самой разнообразной подлости, начиная со шпіонства до самой площадной грубости. Надѣлать мерзости или обмануть надзирателя, учителя и инспектора вся гимназія считала дѣломъ не только извинительнымъ, но даже подвигомъ; ложь была дѣломъ самымъ употребительнымъ, можно сказать, ежеминутнымъ. Впрочемъ, среди самого начальства были люди, замѣчательные по своей лживости и хвастовству. Надзиратель Брейтфусъ былъ до такой степени жалкій хвастунъ, что надъ нимъ смѣялись не только гимназисты, но и сторожа. Этотъ отвратительный нѣмчура съ провалившимся носомъ и полуотвалившейся ногой разсказывалъ, напримѣръ, что въ Германіи онъ имѣлъ 16 дуэлей изъ-за любовныхъ интригъ съ германскими принцессами, въ Англіи катался на зеленыхъ лошадяхъ, а по Ладожскому озеру въ лодкѣ вмѣстѣ съ Екатериной II...

Самолюбіе развивалось систематически. Похвалы въ глаза, ежечасныя отмѣтки въ аттестатахъ и журналахъ, золотыя доски, похвальные листы, серебряныя и золотыя медали—все это было какъ будто разсчитано на то, чтобы сдѣлать воспитанниковъ самыми самолюбивыми, тщеславными, мелочными...

Кромѣ того, многіе учителя отличались большою мстительностью; учитель географіи долго не могъ забыть того, что я обыгралъ его нѣсколько разъ въ шахматы; учитель нѣмецкаго языка полтора года мстилъ мнѣ за то, что однажды, нечаянно бросивъ черезъ заборъ комокъ снѣгу, я чуть не попалъ въ его жену.

Безъ сомнѣнія, убійству моихъ умственныхъ и физическихъ силъ, всего болѣе содѣйствовала гимназія. Болѣе двухъ третей товарищей не выносили насильственнаго преподаванія и, «убоявшись бездны премудрости», возвращались вспять, не достигая седьмого класса. Я считалъ своею религіозною обязанностью приготовлять всѣ уроки по возможности хорошо и потому работалъ съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ; довольно сказать, что всѣ пять лѣтъ, проведенныя мною въ гимназіи, я былъ первымъ ученикомъ; послѣдніе три года почти за всѣ мѣсяцы по всѣмъ предметамъ я получалъ полные баллы и постоянно красовался на золотой доскѣ въ лаврахъ. Уроки же были въ высшей степени безтолковы, и нужно было очень много труда, чтобы каждый день удовлетворительно ихъ приготовлять; къ этому я еще нерѣдко приготовлялъ переводы за товарищей, составилъ для нихъ учебникъ алгебры (за что упомянутый враль Брейтфусъ прозвалъ меня «великимъ математикомъ»); кромѣ того, по лѣности учителя французскаго языка, мнѣ нерѣдко приходилось поправлять французскіе переводы учениковъ низшихъ классовъ. Все это заставляло меня работать постоянно не менѣе 10 часовъ въ сутки. И такое-то замѣчательное трудолюбіе послужило только во вредъ, къ уничтоженію силы и живости ума... Рыбачь я въ эти годы, подобно Ломоносову, или ѣзди въ степь, подобно Кольцову, безъ сомнѣнія, я сохранилъ бы къ зрѣлому возрасту въ тысячу разъ большія силы ума и тѣла.

Сами учителя были, большею частью, «нищіе духомъ»; нѣкоторые изъ нихъ предпочитали предаваться Венерѣ, другіе Бахусу, иные обоимъ вмѣстѣ; общихъ умственныхъ интересовъ ни между ними самими, ни между ними и учениками не было никакихъ. Только во время вакацій ученикамъ выпадало нѣсколько свободнаго времени для чтенія книгъ; но и тутъ или организмъ одолѣвали разныя болѣзни: сыпь, золотуха, кровавые поносы и т. п., или же и книгъ достать было неоткуда. Изъ всей русской литературы во время всѣхъ гимназическихъ вакацій въ мои руки попали только: Рославлевъ (Загоскина), Марлинскій и нѣсколько томовъ Пушкина. У Пушкина, впрочемъ, встрѣчалось такъ много иностранныхъ словъ, что многаго я почти совершенно не пони-

налъ. Такимъ образомъ кое-что интересное я узналъ помимо гимназіи и учителей. Сама же гимназія, вмѣсто того, чтобы развивать меня физически, нравственно и умственно, выпустила на бѣлый свѣтъ физическимъ и умственнымъ скелетомъ, и за такіе успѣхи наградили меня золотой медалью.

Въ это время случилось важное событіе въ моей жизни: меня отвезли для поступленія въ Казанскій университетъ.

III.

Казанскій университетъ.

(1858—1859 г.г.).

Казанскій университетъ, какъ и всѣ университеты нашего времени, былъ устроенъ на полицейскую ногу. Онъ былъ наполненъ солдатами, субъинспекторами, инспекторами. Пріемные экзамены составляли нѣчто въ родѣ таможенной заставы и мѣсячнаго карантина при входѣ въ такое священное мѣсто, какъ августѣйшій университетъ. Никакіе гимназическіе аттестаты не освобождали отъ этихъ экзаменовъ; а между тѣмъ они были довольно затруднительны для всякаго новичка, особенно для пріѣзжихъ изъ отдаленныхъ губерній; ближайшіе легче могли приноровиться къ прихотямъ и странностямъ нѣкоторыхъ профессоровъ.

Мать моя, желавшая по возможности расположить ко мнѣ будущее начальство, достала мнѣ какое-то рекомендательное письмо къ Ѳ. Ѳ. Веселаго, впослѣдствіи извѣстному цензору, а въ то время бывшему помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа. «Вы кончили курсъ?»—спросилъ меня Веселаго, прочитавъ письмо.—«Кончилъ съ золотой медалью».—«А-а, такъ вы идете своей дорогой!»—промолвилъ онъ, и послѣ такой продолжительной аудіенціи я уже почти ни разу не бывалъ у него. Но все же при случаѣ Веселаго говорилъ экзаминаторамъ что нибудь въ мою пользу.

Сперва я изъявилъ желаніе поступить на математическій факультетъ, гдѣ меня преимущественно интересовали физика и астрономія (о ботаникѣ, зоологіи я въ то время ни имѣлъ еще никакого понятія); такимъ образомъ, здравый смыслъ влекъ меня на прямую дорогу; но, къ несчастію, случайныя обстоятельства еще разъ сбили меня съ пути.

Пріемные экзамены были очень странные. Профессоръ всеобщей исторіи В., такъ зло осмѣянный Добролюбовымъ, требовалъ отъ поступающихъ твердаго знанія самой мелочной хронологіи, напримѣръ, годовъ вступленія на престолъ всѣхъ римскихъ императоровъ и т. п. Такъ какъ насъ еще въ гимназіи крѣпко душили

такою премудростью, то на вопросъ экзаминатора я написалъ родословную удѣльной системы съ годами безъ всякой ошибки; затѣмъ хронологію французскихъ королей и т. п. В. пришелъ въ восторгъ и требовалъ, чтобы я непремѣнно поступилъ на филологическій факультетъ. Я обратился за совѣтомъ къ старымъ студентамъ. «Ну, что В—ва слушать! вѣдь это идіотъ!»—отвѣчали они. Такимъ образомъ совѣты В. остались безъ послѣдствій.

Но черезъ нѣсколько дней на экзаменѣ русскаго языка проф. Варенцовъ (впослѣдствіи издатель самарскихъ пѣсенъ) тоже сказалъ мнѣ въ видѣ любезности, можетъ быть, вызванной рекомендаціей Веселаго: «Намъ хотѣлось бы, чтобы вы поступили на нашъ факультетъ». Я тогда былъ слишкомъ неопытенъ и, конечно, эту простую любезность принялъ за наличную монету; а когда я сталъ разспрашивать студентовъ о Варенцовѣ, то они отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ. Къ этому присоединилось еще новое обстоятельство. На экзаменѣ тригонометріи мнѣ задали написать на доскѣ тангенсъ какой-то дуги. Я твердо зналъ эту формулу и немедленно изобразилъ ее на доскѣ. Профессоръ чистой математики Поповъ, медленный старый флегматикъ, тихо подошелъ къ доскѣ, медленно прочиталъ формулу, какъ будто обдумывая каждую букву, и, наконецъ, сказалъ тихо, но съ полнымъ убѣжденіемъ: «такой формулы нѣтъ во всей математикѣ», и едва рѣшился написать мнѣ баллъ, необходимый для поступленія на математическій факультетъ. Это меня очень сконфузило, казалось, я такъ хорошо помнилъ эту формулу, она такъ часто преподавалась намъ въ гимназіи, да, кажется, въ учебникахъ напечатана въ такомъ же видѣ... Пришедши домой, я прежде всего справился въ своемъ учебникѣ, и что же? Завѣтная формула цѣлыми строками растянулась тамъ во всей своей красѣ; и какъ четко она была напечатана!.. «Такъ вотъ онѣ какія точныя науки!—подумалъ я.— Одинъ ученый, одобренный министерствомъ, печатаетъ таблицу умноженія; а другой ученый, тоже одобренный министерствомъ, говоритъ, что такой таблицы и быть не можетъ». Это-то обстоятельство, въ связи съ предыдущими, и рѣшило мой переходъ на историко-филологическій факультетъ.

Еще до начала лекцій я попалъ подъ вліяніе, увлекавшее въ то время всѣхъ казанскихъ студентовъ. А именно, въ это время атеистическія и республиканскія идеи начали очень сильно распространяться между студентами, но кутежи предшествовавшаго времени еще не были брошены; впрочемъ, въ послѣднихъ я никогда не участвовалъ. Брошюра Герцена и вообще запрещенныя статьи переписывались неутомимо, ходили по рукамъ всѣхъ товарищей и зачитывались до дыръ, такъ что болѣе бережливые отдавали свои тетради на сохраненіе мнѣ, потому что я жилъ довольно уединенно. Такимъ образомъ и я очень скоро сдѣлался атеистомъ, а въ по-

литическомъ отношеніи приверженцемъ конституціи. Съ религіей, которой, казалось, я былъ такъ сильно преданъ, я разстался безъ особыхъ усилій. Правда, когда меня мучили рѣшительныя сомнѣнія, я съ теплой молитвой обращался къ Богу, къ Богородицѣ, изображенія которыхъ висѣли у меня въ комнатѣ, прося у нихъ какого нибудь чуда для поддержанія моей слабѣющей вѣры, но чуда не было...

Между тѣмъ начались уже и лекціи; къ сожалѣнію, Щаповъ въ это время еще не былъ извѣстенъ въ литературѣ и не былъ профессоромъ университета. Если бы меня захватили его лекціи, безъ сомнѣнія, выходъ на прямую дорогу могъ быть для меня пятью годами раньше. Извѣстное дѣло, что преподаваніе историческихъ наукъ только тогда полезно, когда профессоръ имѣетъ извѣстные политическіе взгляды, когда изученіе древняго представляетъ одинаковый интересъ съ изученіемъ настоящаго. Напротивъ, исторія мертва, если ею занимаются чиновники или буквоѣды по призванію. Всеобщая исторія излагалась въ это время (въ 1856—1859 г.г.) самымъ безцвѣтнымъ образомъ; правда, В. имѣлъ претензію корчить Ранке, но схватывалъ только одну его наружность; лекціи же свои онъ составлялъ до того безтолково и безсвязно, что иногда было трудно даже понять ихъ. Сначала я, какъ и всѣ новички, посѣщалъ одинаково усердно всѣ лекціи, наскоро записывалъ ихъ, а дома дополнялъ и переписывалъ. По праздникамъ положилъ заниматься французскимъ языкомъ. Но эту систему я вскорѣ бросилъ, увидѣвъ ея безполезность. Не только исторія, но и вообще всѣ науки словеснаго факультета читались плохо; такія важныя науки, какъ философія, логика и психологія, были поручены священнику и преподавались на уровнѣ ученыхъ средневѣковыхъ бредней; латинскій классикъ изъ нѣмцевъ для объясненія римской исторіи бѣгалъ по аудиторіи и, размахивая руками, представлялъ наглядно битву Горація Коклеса; греческій классикъ изъ русскихъ пилъ мертвую и былъ въ непримиримой борьбѣ съ нѣмцами. Если кто дѣйствительно зналъ свое дѣло и съ любовью занимался своимъ предметомъ, такъ это извѣстный славистъ, В. Т. Григоровичъ. Будучи человѣкомъ весьма ученымъ, изслѣдуя мелочныя подробности славянскихъ древностей и языковъ, онъ въ то же время на лекціяхъ никогда не увлекался мелочами и никогда не читалъ скучно; однако, по невыработанности политическихъ взглядовъ, онъ не могъ быть увлекательнымъ. Увлекательнѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ читалъ Варенцовъ. Варенцовъ никогда не былъ ученымъ; онъ былъ только любителемъ, диллетантомъ; онъ только что знакомился съ наукой по указаніямъ Григоровича. Поэтому въ чтеніяхъ его не было какихъ бы то ни было самостоятельныхъ взглядовъ; лекціи его были даже очень отрывочны. Но даже простое чтеніе разныхъ интересныхъ памятниковъ старинной письменности и словесности,

съ немногими, но краснорѣчивыми замѣчаніями, интересовало весь курсъ, а въ томъ числѣ и меня. Кромѣ того, какъ Григоровичъ, такъ и Варенцовъ любили давать студентамъ книги для чтенія по своему предмету; такимъ образомъ, они знакомили насъ не только съ своими лекціями, но, такъ сказать, съ самой наукой; въ этомъ заключалась большая разница между казанскими и столичными профессорами; у послѣднихъ стоило очень большого труда выпросить для прочтенія какую нибудь книгу.

Меня всего болѣе заинтересовали своею странностію народные миѳы и сказки. Перечитывая ихъ, я замѣтилъ въ нихъ нѣкоторое взаимное сходство, нѣкоторую общую стройность. «Откуда они взялись?»—вотъ вопросъ, который, какъ гвоздь, засѣлъ мнѣ въ голову. Я съ жадностью бросился на всѣ источники, какіе только могъ достать въ Казани, перечиталъ ихъ, но не нашелъ въ нихъ отвѣта. Въ то же время я перечиталъ всѣ рукописи Казанскаго университета, самъ сталъ записывать разныя народныя преданія и, наконецъ, рѣшился ѣхать искать науки въ Москву. Но, по мѣрѣ того, какъ всѣ мысли мои сосредоточивались на одномъ предметѣ, вниманіе ослабѣвало къ другимъ. Подчиненныя чиновническія отношенія студентовъ къ профессорамъ всегда мѣшали ихъ сближенію между собою. Изъ студентовъ только тѣ забѣгали къ профессорамъ, которые желали подольститься и получить на экзаменѣ хорошій баллъ. Потому товарищи мои по курсу, отъ которыхъ я жилъ довольно уединенно, смотрѣли на меня подозрительно и, принимая меня за «подлипалу», старались при случаѣ вредить мнѣ. Такъ, напримѣръ, весь факультетъ постоянно смѣялся втихомолку надъ В., но когда я однажды не могъ удержаться отъ смѣха, то товарищи нарочно раздвинулись такъ, чтобъ В. увидѣлъ, чѣмъ и привели его въ неописанный гнѣвъ...

Я уже говорилъ, что въ это время (1858—1859 г.г.) умственное движеніе охватило студентовъ; прогрессъ понятій шелъ тѣмъ успѣшнѣе, что почти всѣ казанскіе студенты были знакомы другъ другу (число студентовъ было не велико); духъ товарищества былъ въ Казани гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ студенты волей-неволей затягиваются разнородной тиной городской жизни. Результатомъ умственнаго движенія былъ рядъ столкновеній между студентами и университетской полиціей, которая старалась удерживать студентовъ въ положеніи казенныхъ кантонистовъ. Въ то время студенты завели свою студенческую кассу, свою библіотеку и читальную комнату, для которой выписывали нѣсколько журналовъ и газетъ. Эта читальная комната была самымъ счастливымъ шагомъ для общаго развитія. Здѣсь студенты, случайно запоздавшіе на лекціи или свободные по болѣзни или лѣности профессора, могли проводить свободное время съ пользой. Здѣсь они читали, заводили между собою споры, обмѣнивались свѣдѣніями и

мыслями. Нечего и говорить, что читальная комната, въ которой никто никогда не видалъ водки, была прекраснымъ средствомъ отвлекать студентовъ отъ трактировъ и публичныхъ домовъ и пріучать ихъ къ общественной мысли. Здѣсь же собирались сходки по дѣламъ, касающимся библіотеки и кассы.

Случалось нерѣдко, что какой нибудь членъ университетской полиціи изъ личности дѣлалъ на какого нибудь студента ложный доносъ начальству, которое немедленно и выключало несчастнаго. Тогда исключенный немедленно апеллировалъ къ товарищамъ въ читальной комнатѣ; толпа почти поголовно вникала въ дѣло, требовала у начальства объясненій и, въ случаѣ неудовлетворительности ихъ, добивалась уступки. Начальство, не имѣя строгихъ предписаній отъ министра, должно было уступать. Тогда же появились между студентами и гражданскіе поэты, которые съ большимъ талантомъ поднимали разные вопросы, относящіеся къ университету. Однажды между газетами въ читальной комнатѣ появилось стихотвореніе, весьма мѣтко и иронически изображавшее профессора В. Хотя въ этой «Апологіи» ни разу не упоминалась его фамилія, однако всякій сразу понималъ, о комъ шла рѣчь. Въ этотъ же день почти всѣ студенты затвердили эти стихи наизусть; дошли они и до В. Тогда В. явился самъ въ читальную комнату и объявилъ студентамъ, что онъ приглашаетъ ихъ всѣхъ черезъ два дня къ себѣ на лекцію. Эту лекцію онъ заключилъ тѣмъ, что ему извѣстно появившееся стихотвореніе, что если оно выражаетъ общее мнѣніе студентовъ, то онъ оставляетъ университетъ; если же это мнѣніе отдѣльной личности, то онъ проситъ студентовъ прислать къ нему депутацію, которая бы просила его продолжать лекціи; что если въ продолженіе двухъ дней депутаціи не будетъ, то онъ, В., немедленно подастъ въ отставку. Этотъ благородный поступокъ, который впослѣдствіи находилъ себѣ такъ мало подражателей, расположилъ въ пользу В. нѣкоторыхъ студентовъ. Кромѣ того, имѣлось въ виду, что, въ случаѣ его выхода, каѳедра всеобщей исторіи останется пустой на два года. Поэтому студентъ Шиловскій, пользовавшійся тогда большимъ вліяніемъ на товарищей, а за нимъ и я, подали голоса въ пользу В. Но на нашей сторонѣ оказалось меньшинство, и В. долженъ былъ выйти. Это былъ почти единственный случай, когда я участвовалъ на студенческой сходкѣ; вообще же ихъ избѣгалъ; причиной этого былъ недостатокъ соціальнаго развитія и еще болѣе крайняя слабонервность, вслѣдствіе которой я не могъ переносить малѣйшаго шума.

Подвинулось время и къ переходнымъ экзаменамъ; тутъ отъ слабонервности и напряженныхъ занятій я такъ заболѣлъ глазами, что долженъ былъ прекратить экзамены и двѣ недѣли просидѣть въ темной комнатѣ. Выздоровѣвъ, я отправился на каникулы въ Тобольскъ къ отцу.

IV.

Московскій университетъ.

(1859—1860 г.г.).

Дома я уговорилъ своего отца отправить меня въ Москву, гдѣ я надѣялся найти побольше науки. Въ Казани Григоровичъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ Ѳ. И. Буслаеву, одному изъ лучшихъ профессоровъ словеснаго факультета въ Москвѣ.

Филологическій и юридическій факультеты Московскаго университета того времени вообще походили на умственную управу благочинія, которая какъ будто существовала для того только, чтобы образовать хорошихъ шпіоновъ, сыщиковъ и ученыхъ послѣдователей полицейскаго права (я не говорю этого о математическомъ и медицинскомъ факультетахъ, гдѣ были, напримѣръ, такіе профессора, какъ Богдановъ и Захарьинъ, которые сдѣлали бы честь любому европейскому факультету). Почти всѣ профессора излагали свой предметъ съ консервативной точки зрѣнія. Преподаватель нѣмецкаго языка Герингъ вмѣсто нѣмецкой грамматики представлялъ (впрочемъ, довольно живо) жидовъ, разговаривающихъ по-нѣмецки; вмѣсто лекцій нѣмецкой литературы разсказывалъ только анекдоты въ родѣ того, что былъ въ Москвѣ одинъ «скрега», который никогда не носилъ бѣлья и всегда нюхалъ табакъ изъ чужой табакерки, затѣмъ высушивалъ носовые платки, выжималъ изъ нихъ остатки и такимъ образомъ пріобрѣталъ свой собственный табакъ. Профессоръ греческаго языка Пѣховскій открывалъ свои вступительныя лекціи словами: «Господа! прошу васъ заниматься серьезно, а иначе я на экзаменѣ буду единицы ставить!» Заслуженный профессоръ того же языка Менщиковъ посвятилъ свою жизнь сочиненію греческихъ стиховъ въ честь коронаціи и прочихъ императорскихъ праздниковъ. Н. С. Тихонравовъ, хотя читалъ и лучше другихъ, но иногда въ продолженіе полугода прочитывалъ не болѣе двухъ-трехъ лекцій. Соловьевъ читалъ съ замѣтнымъ талантомъ, но излагалъ предметъ съ чиновническо-централизаторской точки зрѣнія и лично былъ совершенно недоступенъ для студентовъ. Да и вообще всѣ профессора занимали болѣе или менѣе неприступныя позиціи по отношенію къ студентамъ. Но, что еще хуже, нѣкоторые профессора, какъ, напримѣръ, Леонтьевъ (извѣстный «близнецъ», издававшій въ то время вмѣстѣ съ Катковымъ «Русскій Вѣстникъ», а впослѣдствіи и «Московскія Вѣдомости»), принимали къ себѣ только тѣхъ студентовъ, которые шпіонили имъ на своихъ товарищей и даже на остальныхъ про-

фессоровъ. Такіе вліятельные профессора всѣми силами старались садить своихъ наушниковъ на университетскія каѳедры. Нечего и говорить, какъ старалась о распространеніи шпіонства университетская полиція. Между тѣмъ, умственное движеніе не дѣйствовало на студентовъ со стороны такъ успѣшно, какъ это было въ Казани; студенты не имѣли еще ни своей кассы, ни своей читальни и не отличались гражданскою развитостью.

Такъ какъ я пріѣхалъ въ Москву уже съ извѣстною спеціальною цѣлью, то на меня не могла особенно убійственно подѣйствовать такая обстановка. Во мнѣ укрѣпилась только мысль собственными силами познакомиться съ наукой. Еще въ Казани я задумалъ составить свою собственную библіотеку и съ большими пожертвованіями откладывалъ деньги на покупку книгъ; въ Москвѣ эти усилія увеличивались еще больше. Впрочемъ значительная часть книгъ тотчасъ бралась товарищами для прочтенія, увозилась по разнымъ городамъ, иногда попадала на толкучку и рѣдко когда возвращалась.

Вскорѣ послѣ начала лекцій случилась исторія, которая чуть было не закрыла для меня двери университета. Виновникомъ ея былъ тотъ же профессоръ латинскаго языка, П. М. Леонтьевъ, маленькая горбатая фигура съ злобными глазами, съ большими красными пальцами, движеніе которыхъ помогало его словоизверженію. Въ старину, когда Леонтьевъ издавалъ «Пропилеи», онъ считался хорошимъ профессоромъ; но въ то время онъ уже предался «Русскому Вѣстнику» и совершенно неглижировалъ лекціями. Онъ опаздывалъ на свои чтенія съ замѣчательною правильностію всегда на полчаса и постоянно задерживалъ студентовъ полчасомъ долѣе, такъ что они должны были пропускать лекцію слѣдующаго профессора. Такое пренебреженіе къ слушателямъ производило весьма непріятное впечатлѣніе на тѣхъ студентовъ, которые уже были въ Казанскомъ университетѣ, а такихъ, кромѣ меня, было нѣсколько. Поэтому мы часто подговаривали своихъ товарищей по первому курсу совершенно уходить съ лекцій, если Леонтьевъ запоздаетъ четверть часа. Но всякій разъ, когда предпринималась такая демонстрація, одинъ или два изъ недавнихъ гимназистовъ или маменькиныхъ сынковъ оставались, желая подслужиться профессору въ виду будущихъ экзаменовъ. Леонтьевъ же совершенно довольствовался двумя студентами, какъ будто и не замѣчая отсутствія остальныхъ. Кромѣ того, занятый «Русскимъ Вѣстникомъ», онъ пріѣзжалъ на лекціи безъ подготовки и нерѣдко дѣлалъ непростительные промахи. Сверхъ того, чтеніямъ своимъ онъ придавалъ совершенно школьный характеръ; среди чтенія дѣлалъ слушателямъ вопросы, на которые весьма легко было отвѣчать всякому, кто только имѣетъ передъ глазами грамматику Цумпфта; но обыкновенно отвѣчали только двое или трое однихъ и тѣхъ же новичковъ. Случалось

иногда, что они затруднялись въ отвѣтѣ, тогда Леонтьевъ обращался съ выговоромъ ко всей аудиторіи: «Господа! за это во второмъ классѣ гимназіи становятъ на колѣни. Господа! ваша дѣятельность равна нулю. Вотъ мальчишки на дворѣ; тѣ играютъ въ снѣжки, тѣ больше дѣла дѣлаютъ... Вотъ двери-съ; тѣ больше дѣла дѣлаютъ... А вы, вы все равно, что стѣны-съ»... Слушатели наконецъ вышли изъ терпѣнія и заявили стороной одному изъ адъютантовъ Леонтьева, что если на слѣдующей лекціи Леонтьевъ не извинится передъ курсомъ, то слушатели будутъ затрудняться посѣщать его лекціи. Однако, на слѣдующей лекціи Леонтьевъ заявилъ только, что и на будущее время онъ намѣренъ также поступать.

Студенты желали дѣйствовать самымъ законнымъ образомъ и, справившись съ студенческими правилами, нашли тамъ параграфъ, въ которомъ значилось, что «студенты въ случаѣ своихъ законныхъ требованій должны обращаться не словесно, а письменно къ декану, отъ декана къ ректору, а отъ ректора къ попечителю». На основаніи этого студентъ Хрущовъ составилъ просьбу, въ которой излагалось, что профессоръ Леонтьевъ на такихъ-то лекціяхъ употреблялъ такія-то выраженія, которыя нижеподписавшіеся считаютъ оскорбительными и для себя и для всего университета, почему и просятъ напомнить профессору о правилахъ вѣжливости. Просьба была прочитана посреди курса и одобрена почти единогласно; однако, когда дошло дѣло до подписей, то подписались только шестеро: Гудимъ, Шатиловъ, Хрущовъ, Кирѣевъ, Пасхаловъ и я. Остальные товарищи подъ разными предлогами отказались. Большинство боялось будущаго экзамена; нѣкоторые же вели себя двулично: съ одной стороны, завѣряля товарищей, что они имъ вполнѣ сочувствуютъ и рады бы подписать протестъ обѣими руками, но дядя, тетка и другія неожиданныя препятствія ставятъ ихъ въ совершенную невозможность; съ другой стороны, ходили къ Леонтьеву и ректору, гдѣ заявляли, что весь курсъ весьма доволенъ Леонтьевымъ, не имѣетъ ничего общаго съ недовольными бунтовщиками и крайне на нихъ негодуетъ. Однако, несмотря на то, что подписей было мало, Хрущовъ и Шатиловъ всетаки рѣшились подать просьбу декану. Деканомъ въ то время былъ С. М. Соловьевъ. Извѣщенный уже заранѣе полиціей, онъ, прочитавъ просьбу, сказалъ депутатамъ: «Господа, тутъ меньшинство; я не могу принять просьбы».—«Но,—возразили ему,—если бы Леонтьевъ засѣкъ хотя и одного студента, вы должны же были бы принять его жалобу, произвести слѣдствіе и сдѣлать постановленіе въ факультетѣ!». Соловьевъ сконфузился и покраснѣлъ, но отвѣчалъ попрежнему: «нѣтъ, господа; однимъ словомъ, дѣло въ моей инстанціи кончено».

Послѣ неудачи у декана депутаты обратились къ ректору. Ректоръ, старикъ Альфонскій, тоже не принялъ просьбы, но объя-

вилъ, что онъ на словахъ сдѣлаетъ Леонтьеву замѣчаніе, и просилъ студентовъ успокоиться. Это извѣстіе, переданное депутатами, дѣйствительно успокоило курсъ, но дня черезъ три вдругъ неизвѣстно откуда распространилась молва, что трое изъ шестерыхъ: Пасхаловъ, Кирѣевъ и я выключены изъ университета (Хрущова боялись трогать, какъ родственника московскаго генералъ-губернатора, а Гудимъ и Шатиловъ были сторонними слушателями). Мы бросились узнавать къ секретарю совѣта. «Мы выключены?»—«Выключены».—«Кто же насъ выключилъ и за что?»—«Я не знаю,—отвѣчалъ секретарь.—Васъ выключилъ попечитель». Мы—къ попечителю. «Насъ выключили?»—«Выключили».—«За что же?»—«Не знаю. Это васъ выключилъ ректоръ; онъ—хозяинъ въ университетѣ». Мы—къ ректору. «Насъ выключили?»—«Выключили»,—отвѣчаетъ ректоръ, обративши къ намъ вмѣстѣ съ физіономіей все туловище: шея у него отличалась особенною неповоротливостью. «Кто же насъ, выключилъ и за что?»—«Это васъ выключилъ попечитель, а за то...—и тутъ ректоръ понюхалъ табаку,—за то, что вы не успѣли еще поступить въ университетъ, а уже стали въ немъ распоряжаться»... Затѣмъ ректоръ слегка поклонился, давая этимъ знать, что онъ насъ не держитъ.

Вѣсть объ этомъ сильно взволновала товарищей. Всѣ дѣйствовали путемъ законнымъ въ такомъ законномъ дѣлѣ, какъ вѣжливость (вопросъ о которой стыдно было поднимать въ половинѣ XI вѣка въ томъ университетѣ, гдѣ еще такъ недавно былъ Грановскій), и что же вышло? Не произвели ни слѣдствія, ни суда, и сдѣлали вопіющую несправедливость тремъ беззащитнымъ юношамъ. «А, стало быть, дѣйствуя законно, не отыщешь справедливости; слѣдовательно, надо добиваться ея помимо закона!» Вотъ умозаключеніе, къ которому пришли наиболѣе рѣшительные студенты, такъ что администрація своими незаконными дѣйствіями сама ставитъ своихъ подданныхъ на революціонную дорогу. На первую затѣмъ лекцію Леонтьева собралась значительная толпа студентовъ съ тѣмъ, чтобы освистать профессора и заставить его выйти изъ университета. И дѣйствительно, когда Леонтьевъ кончилъ свою лекцію, раздались явственные, хотя и не оглушительные свистки. Новое это было впечатлѣніе для Павла Михайловича; задрожалъ онъ и, злобно, злобно, оглядываясь, сталъ, покачивая своимъ горбомъ, выходить изъ аудиторіи. Но въ эту рѣшительную минуту одинъ изъ студентовъ, желавшій современемъ получить стипендію и покровительство Леонтьева, всталъ съ своего мѣста и сказалъ громко: «Помилуйте, господа, за что же?» Леонтьевъ въ это время уже подходилъ къ дверямъ, но видя, что и у него есть партія, возвратился на каѳедру и сказалъ: «Господа, нечленораздѣльные звуки недостойны человѣка; если вамъ угодно со мной говорить, то я съ большимъ удовольствіемъ». (Носъ и губы его посинѣли,

всѣ черты лица были полны сдержанной, но смертельно желчной злобы)... Никто изъ студентовъ не рѣшился первый начать объясненія; каждый понималъ, что тогда его выключатъ, какъ зачинщика; вся толпа должна была бы усилить свои свистки съ настойчивостью членовъ англійскаго парламента, но она оробѣла и не нашлась. Такимъ образомъ, черезъ минуту Леонтьевъ вышелъ изъ аудиторіи побѣдителемъ.

Свистки были уже поступкомъ беззаконнымъ, а потому немедленно было произведено полицейское дознаніе. По докладу полиціи были выключены еще двое: Шатиловъ и Мосоловъ. (Впослѣдствіи оба были сосланы въ Красноярскъ по дѣлу тайнаго общества «Земли и воли»).

Впрочемъ, на этотъ разъ шпіоны аттестовали меня хорошо, и меня одного черезъ годъ снова зачислили въ университетъ. Студенты, однако, рѣшились отвѣчать Леонтьеву; они налитографировали свой отвѣтъ и разослали по профессорамъ университета и по московскимъ властямъ. На слѣдующей лекціи Леонтьевъ говорилъ объ этомъ отвѣтѣ студентамъ: «господа, я лучше кого нибудь знаю всѣ доказательства въ пользу теоріи: laissez faire, laissez passer, но, господа, она неприложима. Свобода ученія и преподаванія не возможна. Я убѣжденъ, господа, что васъ нужно водить на помочахъ» (ужъ почему не качать въ люлькѣ?). Только очень немногіе возражали ему, главнымъ образомъ, потому, что недовольные перестали посѣщать его лекціи.

Въ остальное время этого академическаго года не происходило никакихъ исторій; годъ этотъ прошелъ для меня очень скоро въ чтеніи кое-какихъ литературныхъ книгъ, въ посѣщеніи и составленіи нѣкоторыхъ лекцій, наконецъ, въ изученіи народной словесности.

Между тѣмъ, отецъ мой въ это время былъ совѣтникомъ Тобольскаго губернскаго правленія. У него жило нѣсколько бѣдныхъ родственниковъ, и, несмотря на порядочное жалованье, онъ стѣснялся высылать мнѣ ежемѣсячно 20 рублей, потому что никогда не бралъ взятокъ. Поэтому я всячески старался найти себѣ въ Москвѣ какое нибудь средство зарабатывать деньги. Но новичку трудно найти работу въ столицѣ, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ никакого понятія о comme il faut'ствѣ, столь необходимомъ въ свѣтѣ, и жилъ крайне уединенно, такъ что за исключеніемъ лекцій рѣдко видался даже съ товарищами. Наконецъ, мнѣ удалось составить «Сборникъ народныхъ пѣсенъ для юношества», который я и продалъ Свѣчникову за 40 рублей сер. Въ то же время одинъ студентъ, съ которымъ меня познакомилъ случай, рекомендовалъ меня въ домъ одной старой генеральши учителемъ ея сына и трехъ дочерей; это были уроки на отъѣздъ въ деревню. Къ счастью, лекціи въ это время уже окончились, а переходные экзамены съ перваго и третьяго

курса были уничтожены въ первый разъ. Такимъ образомъ я получилъ возможность имѣть урокъ. Кромѣ того, мнѣ предстоялъ случай воспользоваться свѣжимъ, здоровымъ, деревенскимъ воздухомъ, здоровой, сытной пищей и полнымъ спокойствіемъ; все это могло поправить мое здоровье, которое было уже порядочно разстроено.

Въ скоромъ времени я почувствовалъ еще большее ослабленіе силъ и вздумалъ лѣчиться, чѣмъ можно. Вычитавъ гдѣ-то, что купанье въ холодной водѣ очень здорово, я началъ купаться. Это была новая ошибка; купанье въ холодной водѣ только раздражало ослабленные нервы, все болѣе и болѣе истощая мои силы. Такъ прошло чуть ли не два мѣсяца до обратнаго моего отъѣзда въ Москву.

V.

Первыя литературныя попытки.

(1860—1861 г.г.).

Продажа перваго выпуска «Великорусскихъ сказокъ» дала мнѣ 150 рублей, деньги, очень большія для такого умѣреннаго человѣка, какимъ я былъ въ то время; тѣмъ не менѣе, я ихъ издержалъ въ тотъ же день, накупивъ на 130 рублей нѣмецкихъ книгъ, а остальныя употребилъ на уплату долговъ. Между тѣмъ предполагавшіеся уроки по разнымъ причинамъ не состоялись. Меня снова захватила такая бѣдность, что по нѣскольку дней случалось совершенно ничего не ѣсть. А тутъ, какъ нарочно, рядомъ съ моей комнатой помѣщалась колбасная мастерская, которая такъ и поддразнивала аппетитъ... Съ наступленіемъ зимы бѣдствія мои увеличились, такъ какъ у меня почти не было зимняго платья, да и въ самой моей комнатѣ стоялъ холодъ отъ выпавшаго снѣга.

На Рождество я снова уѣзжалъ въ деревню для собиранія народныхъ сказокъ; результатомъ этихъ трудовъ былъ второй выпускъ «Великорусскихъ сказокъ». Издатель не отказался напечатать и второй выпускъ, но откладывалъ изданіе до осени 1861 г. Въ виду такого важнаго вопроса, какъ сказки, это мнѣ показалось невыносимой, чуть не преступной медленностью. Я перехватилъ кое-гдѣ денегъ и издалъ второй выпускъ на свой счетъ. По кажущемуся успѣху перваго выпуска я ожидалъ порядочнаго дохода, однако расчетъ мой оказался невѣрнымъ; правда, изданіе окупилось, но доходъ былъ незначительный. Осенью 1861 г. я попробовалъ еще издать книгу «Великорусскихъ загадокъ», но продажа ея тоже шла медленно, несмотря на то, что народность была въ модѣ.

Еще изданіе перваго выпуска «Великорусскихъ сказокъ» доставило мнѣ литературную извѣстность. Нѣкоторые журналы и газеты

сдѣлали болѣе или менѣе лестные отзывы объ этой книгѣ. Мнѣ было тогда еще 18 лѣтъ; такая молодость, а, можетъ быть, и убогость моей одежды вводила многихъ въ заблужденіе, и когда я рекомендовался Худяковымъ, то многіе меня принимали за посланнаго отъ Худякова, и когда я объяснялъ имъ ошибку, то они смотрѣли на меня удивленными глазами. Между многими анекдотами, вызванными моей книгой, я упомяну здѣсь только объ одномъ, довольно характеристичномъ. Попечителемъ Московскаго университета былъ тогда Исаковъ, весьма похожій наружностью на Александра II и, какъ говорили, его незаконнорожденный братъ. Видя то вниманіе, которое обнаруживалъ дворъ въ то время къ литературѣ, и онъ считалъ своею обязанностью заѣзжать иногда въ книжные магазины, чтобы покупать новыя книги, какія попадутся. Однажды, явившись въ магазинъ Глазунова на Кузнецкомъ мосту, онъ приказалъ подать себѣ «какихъ нибудь новыхъ книгъ». Бойкій приказчикъ набросалъ ему съ дюжину самыхъ разнородныхъ; между прочими были «Очерки» Буслаева и мои сказки. Исаковъ даже не взглянулъ на заглавія, приказалъ завернуть ихъ и заплатилъ деньги. Тогда приказчику пришла въ голову мысль подсунуть попечителю еще другой экземпляръ моихъ сказокъ.

— А вотъ это изданіе вашего студента!—сказалъ онъ, подавая новый экземпляръ.

— Не нужно! — отвѣчалъ попечитель, даже не взглянувъ на обертку, и вышелъ.

По закону судебъ ни одна новорожденная книга того времени не могла появиться въ печать, не будучи общипанной цензорами. Если, съ одной стороны, я считалъ текстъ сказокъ неприкосновеннымъ наравнѣ съ текстомъ священнаго писанія, то, съ другой стороны, цензора—о ужасъ!—не только запрещали цѣлыя сказки, вычеркивали мѣста, но и исправляли по-своему народныя выраженія, иногда до того неудачно, что изъ цѣлаго разсказа выходила одна безсмыслица. Для того, чтобы уничтожить хотя нѣкоторыя вопіющія цензорскія поправки, я помѣстилъ ихъ опроверженія при изданіи третьяго выпуска въ графѣ «погрѣшностей», а петербургскій цензоръ, читавшій этотъ выпускъ, и разрѣшилъ.

Свободныя самостоятельныя занятія наукой пріучаютъ человѣка къ самостоятельности до такой степени, что всякое насиліе мысли, принужденіе въ трудѣ извнѣ дѣлаются невыносимыми, возмутительными до глубины души. Поэтому понятно, что, занятый народностью, я не могъ успѣшно слѣдить за всѣми разнородными лекціями филологическаго факультета и не явился на обязательные переходные экзамены со второго курса на третій. Такая непростительная лѣность по новымъ (1861 г.) правиламъ университета наказывалась немедленнымъ исключеніемъ, но случайная ошибка канцеляріи доставила мнѣ новый билетъ на входъ въ университетъ.

VI.

Студенческія исторіи конца 1861 г.

Литографированный отвѣтъ Леонтьеву, кажется, первый подалъ студентамъ Московскаго университета мысль заняться дѣломъ тайнаго книгопечатанія. А. и нѣкоторые другіе съ жаромъ занялись литографированіемъ, распространеніемъ запрещенныхъ сочиненій. Появленіе ихъ произвело въ Москвѣ большой шумъ, тѣмъ не менѣе студенты въ то время еще не боялись тайной полиціи, открыто возили свои книги на извозчикахъ, а въ маленькихъ студенческихъ комнатахъ склады литографированныхъ книгъ возвышались почти до потолка. Но это счастливое время продолжалось не болѣе года; вскорѣ послѣдовалъ доносъ. Виновникомъ этого доноса въ Петербургѣ считали Ѳ. И. Б—ва; въ Москвѣ же я объ этомъ лично не слыхалъ. Впрочемъ, говоря правду, Ѳ. И. Б—въ не отличался гражданскою храбростью.

— Я не дуракъ, — говорилъ онъ мнѣ въ откровенномъ разговорѣ лѣтомъ 1862 г., — мнѣ своя голова дорога. Если одержатъ верхъ революціонеры, придутъ ко мнѣ: да помилуйте, господа, скажу я, вотъ такъ и такъ, я всегда держалъ вашу сторону. Если одержитъ верхъ правительство, опять я скажу: да вѣдь я всегда былъ съ вами, господа! На основаніи доноса графъ Строгановъ доложилъ императору, что студенты Московскаго университета распространяютъ книги, опасныя для алтарей и троновъ, а потому и было предписано разыскать зачинщиковъ, и той же весной 1861 г. были составлены новыя университетскія правила, самыя стѣснительныя для студентовъ. У входа въ университетъ были поставлены сторожа, которые пропускали въ него только тѣхъ, у которыхъ былъ особый билетъ на входъ; куреніе табака было запрещено; факультеты были отдѣлены другъ отъ друга военными кордонами; запрещено литографированіе профессорскихъ лекцій; студенты не имѣли болѣе права дѣлать сходки и имѣть свою библіотеку; наконецъ, всѣ были обязаны платить за право слушанія 50 рублей въ годъ—сумма очень большая для бѣдныхъ студентовъ, которые собственно только одни и занимались чѣмъ нибудь въ университетѣ. Многіе были такъ бѣдны, что, несмотря на то, что имѣли уроки, никогда не видывали въ своихъ рукахъ болѣе семи рублей серебромъ въ мѣсяцъ, и каждый вечеръ сидѣли безъ свѣчъ. Многіе изъ бѣдняковъ, не знавшіе новыхъ правилъ, пріѣхали въ столицу, но не имѣли средствъ внести 50 рублей и должны были ретироваться съ урономъ. Трудно было выдумать правила, болѣе враждебныя образованію. Понятно, что они возбудили общее него

дованіе студентовъ и образованной части общества; изъ профессоровъ, впрочемъ, никто не рѣшался открыто выступить за студентовъ. Студентъ С—скій, жившій со мною на квартирѣ, подалъ мысль остальнымъ товарищамъ сдѣлать манифестацію противъ профессоровъ подъ предлогомъ панихиды Грановскому 4 октября. Вѣсть объ этой манифестаціи быстро разнеслась по городу и приняла чудовищные размѣры. Вскорѣ послѣ того встрѣтилъ я въ одномъ салонѣ одного изъ своихъ шапочныхъ знакомыхъ, который меня отозвалъ въ сторону и сказалъ съ очень серьезной и таинственной миной:

— Я вамъ только говорю: 4 октября будетъ сборъ на четырехъ площадяхъ; начнется революція.

— Будто бы?

— Это вѣрно; я слышалъ отъ вѣрныхъ людей; я вамъ только говорю, а вы покуда никому не сказывайте.

Нечего и говорить, что 4 октября съ ранней зари уже вся полиція была на ногахъ; но панихида была совершена безпрепятственно. Этимъ бы и ограничилось негодованіе московскихъ студентовъ, если бы извѣстіе о закрытіи С.-Петербургскаго университета не подлило масла въ огонь.

Въ Петербургѣ правительство тоже перетрусило студенческаго движенія, какъ бы вооруженнаго народнаго возстанія. Въ Колокольномъ переулкѣ войска чуть не задавили мирную толпу студентовъ. Вечеромъ того дня даже члены государственнаго совѣта побоялись съѣхаться, пока для защиты ихъ не былъ поставленъ вооруженный батальонъ. На другой день передъ самымъ Петербургскимъ университетомъ была арестована другая мирная толпа студентовъ. Даже проходившимъ мимо доставалось немало. Владиміръ Лебедевъ,—впослѣдствіи братъ моей жены, а въ то время уже окончившій курсъ,—шелъ случайно мимо толпы, какъ вдругъ ударъ приклада положилъ его на мѣстѣ. Очнувшись, онъ увидѣлъ, что двое полицейскихъ ведутъ его подъ руки. «Куда вы меня ведете?» — спросилъ онъ. — «Въ трактиръ, оказать медицинскую помощь». Тутъ Владиміръ почувствовалъ, что что-то теплое течетъ у него по щекѣ; оглянувшись, онъ увидалъ, что это текла на землю его собственная кровь. «Вы меня или арестуйте, — сказалъ онъ, — или пустите домой». — «Арестовать васъ мы не имѣемъ права»,— отвѣчали они. Владиміра отпустили. На другой день онъ написалъ и подалъ протестъ. За это его снова взяли и засадили на нѣсколько недѣль въ крѣпость... Впрочемъ, несмотря на такой урокъ, Владиміръ впослѣдствіи сдѣлался шпіономъ, и утверждай послѣ этого, что у человѣка не велика страсть къ предательству! Крѣпость укрощаетъ только легкій напускной либерализмъ; люди съ твердымъ характеромъ выходятъ изъ нея уже опытными заговорщиками.

Извѣстіе о закрытіи Петербургскаго университета пришло въ Москву по телеграфу. Студенты узнали объ этомъ, бывши на лекціяхъ. Конечно, такое небывалое извѣстіе возбудило массу. Столпившись на лекціяхъ, студенты вели о немъ оживленные толки. Инспекторъ университета сдѣлалъ большую ошибку: онъ не далъ времени остыть впечатлѣнію и въ самую горячую минуту потребовалъ, чтобы студенты разошлись; тѣ отвѣчали свистками. Это была бы еще небольшая исторія; но на другой день начальство объявило первые два курса юридическаго факультета (около 400 человѣкъ) исключенными на годъ. Эта деспотическая привычка наказывать и миловать безъ суда и слѣдствія какъ будто была по сердцу университетскому начальству. Между студентами, освиставшими инспектора, были студенты всѣхъ курсовъ юридическаго и словеснаго факультетовъ; почему же были исключены только первые два курса юристовъ? Негодованіе увеличилось. Студенты стали собирать сходки въ саду; но вся незаконная цѣль этихъ сходокъ была подать государю адресъ о студенческихъ нуждахъ; и это было выставлено, какъ серьезное возмущеніе противъ правительства. Части города были немедленно соединены подземными телеграфами; въ манежѣ, напротивъ университета были сосредоточены войска, каждую минуту ждавшія приказанія переколотить мятежниковъ. Сначала, сгоряча, около тысячи студентовъ подписалось подъ адресомъ, но вскорѣ генералъ-губернаторъ Тучковъ объявилъ сходкѣ черезъ студента Раевскаго, что онъ возьметъ на себя тяжелый трудъ передать студенческую просьбу государю, если только они смягчатъ адресъ и выкинутъ нѣкоторые пункты. Болѣе умѣренные составили немедленно новый адресъ по совѣтамъ Раевскаго и вычеркнули свои фамиліи изъ стараго. Болѣе рѣшительные, въ томъ числѣ и я, остались подъ прежнимъ адресомъ. Когда раздѣленіе совершилось, генералъ-губернаторъ окончательно отказался принять просьбу. Тогда умѣренные совершенно бросили дѣло адреса и не думали уже подписываться подъ прежнимъ. Сходки слабѣли, и дѣло адреса казалось потеряннымъ. Профессора своимъ вліяніемъ также всячески старались разстроить единодушіе и твердость студентовъ. Нѣкоторые старики профессора даже открыто негодовали, что военное начальство такъ медлитъ и не употребляетъ въ дѣло штыковъ...

Дѣло, казалось, должно было кончиться ничѣмъ, какъ вдругъ изъ Петербурга возвратился московскій попечитель Исаковъ. Толпа вдругъ ожила и обратилась къ нему съ просьбой передать адресъ государю и ходатайствовать о студенческихъ нуждахъ. Исаковъ съ храбростью русскаго военнаго генерала отвѣчалъ, что онъ признаетъ толпу студентовъ незаконнымъ сборищемъ и не можетъ представлять о студенческихъ нуждахъ. Конечно, толпа была раздражена отвѣтомъ, и, можетъ быть, впервые его превосходительству

пришлось услышать нѣсколько рѣзкихъ и непочтительныхъ словъ. Студенты были взволнованы и положили на другой день снова имѣть сходку въ саду въ 9 часовъ утра. Меня тоже извѣстили объ этомъ. На другой день я тоже собрался итти, но зная, что сходки были въ разгарѣ обыкновенно съ одного до трехъ по полудни, не торопился, а случайное обстоятельство задержало меня до 12 часовъ. Между тѣмъ въ десятомъ же часу утра въ саду собралась значительная толпа студентовъ. Съ разныхъ сторонъ получались извѣстія, что за ночь арестовано генералъ-губернаторомъ около двадцати пяти товарищей. Толпа, не много думая, отправилась тотчасъ же къ генералъ-губернатору спросить, за что онъ арестовалъ товарищей. Между тѣмъ начальству уже мерещилась революція. Едва студенческая толпа показалась на улицу, какъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться конныя и пѣшія войска. Лишь только студенты остановились у генералъ-губернаторскаго дома, какъ войско уже съ трехъ сторонъ сжало студенческую толпу такъ, что никто въ ней не могъ сдѣлать отдѣльнаго движенія. Четыре студенческихъ депутата, посланные къ генералъ-губернатору, не были приняты. Адъютантъ, высланный къ толпѣ съ увѣщаніемъ разойтись, не показался, и частный приставъ приказалъ полиціи дѣйствовать. Въ нѣсколько минутъ вся толпа была смята, избита и перетаскана въ Тверскую часть. Только небольшая часть, оторвавшись, успѣла убѣжать въ переулокъ. Конные жандармы скакали по Никитской и по Тверскому бульвару, по Тверской, по Петровскому переулку, хватали студентовъ на тротуарахъ, сдергивали съ дрожекъ и иногда за волосы тащили въ полицію. На нѣкоторыхъ жандармскіе кони наступали копытами; были и тяжело раненые...

Такъ поступаетъ столичная полиція съ императорскими студентами, считающимися въ чинѣ XIV класса. Даже равнодушные нѣмцы пришли въ негодованіе и, пожимая плечами, говорили съ удивленіемъ: Oh, dieses mächtige Russland! — Вы думаете, что, по крайней мѣрѣ, генералъ-губернаторъ былъ смѣненъ? Ничуть не бывало. Правительство не позаботилось даже показать виду, что оно недовольно такимъ дѣйствіемъ опричины. А черезъ нѣсколько дней мы имѣли удовольствіе читать въ газетахъ, что студенты пришли на площадь буйной толпой, вооружившись палками (!!...), которыхъ найдено на площади 54 (на семьсотъ человѣкъ студентовъ!), да еще три кинжала; при этомъ было опущено, что изъ этихъ трехъ—два принадлежало грузинамъ, а одинъ былъ поварской ножъ какого-то повара, отправлявшагося за провизіей. Отправившись на сходку, я встрѣтилъ только товарищей, бѣжавшихъ во всю прыть. Они остановили меня, и мы условились на другой день снова сдѣлать въ университетѣ сходку, хлопотать о товарищахъ. Между тѣмъ еще въ тотъ же день вечеромъ нѣкоторые сту-

денты (Д. А. Юрасовъ) явились въ полицію, объявляя, что они желаютъ раздѣлять участь товарищей. Полиція записывала только ихъ адреса и объявляла, что за ними пришлетъ, когда будетъ нужно. На другой день по утру собралась новая сходка студентовъ; но на этотъ разъ и профессора высказали нѣкоторое сочувствіе къ студентамъ. Мало-по-малу стали показываться и студенты, только что выпущенные изъ части. Только нѣкоторымъ (напримѣръ, Праотцеву) пришлось просидѣть гораздо дольше другихъ.

Комиссія, назначенная правительствомъ по этому дѣлу, выключила многихъ изъ университета на два года (такъ, напримѣръ, Загибалова, Левашова, Коробкина и другихъ); нѣкоторыхъ выслала въ отдаленные города (Праотцева и Борисова). Я, какъ не участвовавшій въ толпѣ 12 октября, не былъ подъ судомъ и остался въ университетѣ, но не надолго. Съ приближеніемъ Рождества я уѣхалъ въ деревню, университетскій же билетъ оставилъ у товарища въ Москвѣ.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда студенты вздумали сдѣлать на лекціи демонстрацію профессору Чичерину. На эту-то демонстрацію и пошелъ одинъ товарищъ съ моимъ билетомъ. Полиція отобрала билеты у всѣхъ бывшихъ на лекціи; такимъ образомъ попался и мой. Навели справки. По справкамъ оказалось, что въ факультетскихъ спискахъ я былъ давно исключенъ, какъ не явившійся къ переходнымъ экзаменамъ, и значился только въ спискахъ инспектора. Тогда меня однимъ почеркомъ пера и исключили изъ университета. Я между тѣмъ жилъ себѣ преспокойно въ деревнѣ, собирая сказки и не вѣдая о своемъ изгнаніи.

VII.

Казань.

Конечно, немедленно послѣ пріѣзда я узналъ о своемъ исключеніи изъ университета. Что тутъ было дѣлать? По университетскимъ правиламъ я не могъ быть допущенъ къ кандидатскому экзамену ранѣе полуторыхъ лѣтъ; да и врядъ ли экзаменъ удался бы; Леонтьевъ не забылъ бы мнѣ своей исторіи (Леонтьевъ вообще отличался большою мстительностью), а дипломъ былъ мнѣ нуженъ: только онъ положилъ бы матеріальное основаніе къ болѣе серьезной ученой дѣятельности. Нужно было слишкомъ сильное чувство, чтобы подвинуть меня на такую ненавистную вещь, какъ экзамены. Чувство, которое я къ нимъ питалъ, равнялось отвращенію къ пыткѣ... Еще съ самаго ранняго дѣтства меня, какъ и всѣхъ другихъ, приспособляли къ заказнымъ казеннымъ отвѣтамъ, которые требуются чиновничьимъ формализмомъ экзаменовъ... Но съ тѣхъ поръ, какъ только я сталъ заниматься самостоятельно и получилъ

уваженіе къ себѣ, нравственное мое чувство возмущалось противъ такого насилія. Экзамены давались мнѣ такъ нелегко, что даже и теперь, по прошествіи пяти лѣтъ, послѣ громадной массы самыхъ разнородныхъ и самыхъ сильныхъ впечатлѣній, въ тревожныхъ снахъ я никогда не вижу ни Муравьева, ни слѣдственной комиссіи, ни другихъ какихъ либо бѣдъ моей жизни, а постоянно вижу лишь экзамены; такое глубоко-тревожное впечатлѣніе оставили они въ моемъ мозгу. Къ несчастью, я не зналъ, что въ Петербургскомъ университетѣ (который тогда былъ запертъ) есть выпускные экзамены, и потому рѣшился ѣхать снова въ Казань. Въ Казани я съ большой энергіей готовился къ кандидатскому экзамену и во время этихъ занятій успѣлъ написать диссертацію. Экзамены сошли удачно, хотя я и старался держать ихъ на «шаромыжку». Оставался только греческій языкъ; но тутъ произошла небольшая исторія. Профессоръ греческаго языка Ученскій съ самаго моего пріѣзда возненавидѣлъ меня: во-первыхъ, ему казалось оскорбительнымъ для чести Казанскаго университета, если студенты третьяго курса Московскаго университета будутъ выдерживать въ Казани на кандидата; во-вторыхъ, я возстановилъ его противъ себя нѣкоторыми замѣчаніями на лекціяхъ, за что онъ прозвалъ меня «петербургскимъ революціонеромъ». (Въ это время я еще ни разу не былъ въ Петербургѣ). Что касается греческаго языка, то хотя я зналъ его довольно слабо, но вообще не хуже другихъ казанскихъ товарищей. Экзаменъ греческаго языка какъ нарочно былъ послѣднимъ. Депутатовъ на экзаменѣ не было, а Ученскій, сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, напрямикъ сказалъ мнѣ, что онъ ни за что не поставитъ мнѣ кандидатскаго балла... Тогда я обратился къ декану, требуя экзамена въ факультетѣ. Деканомъ былъ тогда протоіерей Владимирскій. «Что же мы можемъ для васъ сдѣлать? — сказалъ онъ. — Буличъ теперь уѣхалъ; что же, мы соберемъ факультетъ: мы сами тоже не знаемъ греческаго языка; да, наконецъ, Ученскій просто скажетъ, что вы не спеціалисты и потому не можете быть судьями въ этомъ дѣлѣ»... Этотъ отвѣтъ меня взорвалъ, и на другой же день я немедленно подалъ просьбу объ обратной выдачѣ документовъ. Григоровичъ, услыхавъ объ этомъ, посылалъ ко мнѣ, прося взять назадъ просьбу. Онъ увѣрялъ, что факультетъ всегда поставитъ нужный баллъ... Но просьба была уже подана, а отвращеніе мое къ экзаменамъ еще усилилось. Я заупрямился и уѣхалъ изъ Казани. Такимъ образомъ, попытка получить кандидата окончилась ничѣмъ. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Казани мои отецъ и мать пріѣхали ко мнѣ изъ Сибири. Студенческія исторіи конца 1861 г. заставили ихъ опасаться за мою будущность, а потому они рѣшились на всякій случай быть ко мнѣ поближе. Случай къ тому же доставилъ моему отцу мѣсто у одного изъ самыхъ богатыхъ тамбовскихъ помѣщиковъ.

VIII.

Петербургъ.

(1862—1863 г.г.).

Осенью 1862 г. я пріѣхалъ впервые въ Петербургъ и пріѣхалъ по-своему богачомъ. Въ карманѣ у меня было до 80 рублей (эти деньги были отчасти заработаны лѣтомъ на урокѣ). Однако я сумѣлъ ихъ тотчасъ же употребить на изданіе третьяго выпуска сказокъ, такъ что на рукахъ у меня не осталось ни копейки, а впереди былъ только одинъ долгъ въ типографію. Трудно представить себѣ болѣе бѣдственную жизнь, чѣмъ та, которую я провелъ въ продолженіе второго полугодія 1862 г. Квартира состояла изъ небольшой перегородки въ кухнѣ со всѣми удобствами кухоннаго помѣщенія. По цѣлымъ днямъ приходилось сидѣть совершенно голоднымъ; въ продолженіе пяти мѣсяцевъ я обѣдалъ не болѣе двухъ разъ, и то въ гостяхъ.

Такія бѣдствія не останавливали, однако, моего археологическаго жара; я даже задумалъ издавать спеціальный журналъ по народной поэзіи: истинное безуміе для человѣка, не имѣющаго гроша! Но, смотря на дѣло исключительно съ научной стороны, я почти и не думалъ о практической. Дѣло у меня останавливалось только за разрѣшеніемъ правительства. Цензурный комитетъ потребовалъ отъ меня программу, да еще свидѣтельство о моей благонамѣренности и способности (sic!) отъ трехъ генераловъ?!.. Вопросъ о трехъ генералахъ былъ для меня весьма затруднителенъ, однако я досталъ это свидѣтельство и подалъ просьбу. Дѣло пошло съ удивительной быстротой. Секретарь доложилъ цензурному комитету, комитетъ отнесся къ министру народнаго просвѣщенія, министръ народнаго просвѣщенія отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, вѣроятно, снесся съ III Отдѣленіемъ, и наконецъ обратно по тѣмъ же истанціямъ былъ полученъ рѣшительный отказъ. Показались ли имъ мои генералы не совсѣмъ генералами, побоялись ли они моего званія «бывшій студентъ», или по чему другому,— это осталось для меня неизвѣстнымъ.

Самый терпѣливый человѣкъ не можетъ переносить голода. И потому не удивительно, что, несмотря на увлеченіе археологіей, я всѣми силами старался достать себѣ какое нибудь занятіе, которое давало бы мнѣ кусокъ хлѣба. Но всѣ мои поиски долго были неудачны. Узнавши, что въ Публичной библіотекѣ есть вакансія вольнонаемныхъ дежурныхъ, я отправился къ попечителю Петербургскаго учебнаго округа, г. Делянову (онъ же и директоръ би-

бліотеки). Деляновъ, подобно многимъ генераламъ, никогда не смотрѣлъ на просителей просто, какъ обыкновенно человѣкъ смотритъ на человѣка, а только скользилъ по нимъ взорами. Когда я представился ему съ своей просьбой, онъ отвѣчалъ, что знаетъ меня по литературной дѣятельности, взялъ меня подъ ручку и спросилъ вкрадчивымъ голосомъ: «А скажите, пожалуйста, но вы, можетъ быть, занимаетесь политическими мечтаніями?»—«Да, я желалъ бы получить это мѣсто»,—повторилъ я.—«Однако вы уклоняетесь отъ моего вопроса?»—«Да вопросъ-то странный».—«Нѣтъ, нѣтъ, эти политическіе мечтатели все волнуются; оттого у нихъ цвѣтъ лица всегда блѣдный! (Онъ, должно быть, намекалъ на М. Михайлова, сосланнаго въ концѣ 1861 г.). Вы также очень блѣдны!» — (Если бы Деляновъ зналъ, что я не ѣлъ уже нѣсколько сутокъ и за пять верстъ пришелъ къ нему пѣшкомъ, то, конечно, онъ не сдѣлалъ бы такого вопроса).—«Вы знаете»,—отвѣчалъ я ему,—что я занимаюсь народной поэзіей, а не политикой».—«Да, да, ну, хорошо; позвольте вашъ адресъ; я извѣщу васъ по городской почтѣ». Желая отдѣлаться отъ кого нибудь, Деляновъ всегда записывалъ адресъ, обѣщалъ на-дняхъ извѣстить по городской почтѣ и затѣмъ не извѣщалъ. Эта система, столь удобная для него, была тѣмъ вреднѣе для бѣдняковъ, что тѣ, полагаясь на любезныя слова его превосходительства, складывали руки и «сидѣли въ упованіи», которое иногда обходилось имъ очень дорого...

Я обращался за совѣтами къ археологамъ; профессоръ Срезневскій совѣтовалъ мнѣ только держать экзаменъ на кандидата въ Петербургскомъ университетѣ, обѣщая, что всѣ отмѣтки будутъ мнѣ поставлены безъ всякихъ вопросовъ. Но до экзаменовъ было еще далеко, а пока я имѣлъ на рукахъ безплатную археологическую работу; издалъ въ убытокъ книгу «Матеріалы для изученія народной поэзіи», а потомъ занялся составленіемъ сборника загадокъ для географическаго общества. «Да бросьте вы свои загадки,—убѣждалъ Срезневскій,—выдержите лучше на кандидата. Вы еще молоды: 21 года вы будете кондидатомъ, 22—магистромъ, 23 можете быть докторомъ, 24—академикомъ». Но, увы, экзамены начались, а я все сидѣлъ за загадками... (за что́ въ 24 года вмѣсто академіи попалъ въ тюрьму...).

Я уже не засталъ въ Петербургѣ того общаго либерализма, который шумѣлъ въ немъ въ началѣ 1862 г. Поджогъ Апраксинскаго двора, сдѣланный купцомъ Жуковымъ, осужденнымъ за это на десятилѣтнюю каторгу... Правительство закрыло «Современникъ», «Русское Слово», арестовало Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и многихъ другихъ; впрочемъ Чернышевскій своей погибелью много былъ обязанъ той стоустой молвѣ, которая около этого времени далеко распространила его славу. Довольно сказать, что еще въ началѣ мая 1862 г. на одной волжской пароходной

пристани (кажется, въ Чебоксарахъ) я встрѣтился съ двумя гарнизонными офицерами, которые наивно предложили мнѣ слѣдующій вопросъ: «скажите, пожалуйста, въ Петербургѣ, мы знаемъ, первый либералъ Чернышевскій, ну, а въ Москвѣ, кто первый либералъ?»—«Будто ужъ вы не знаете! Конечно, Иванъ Яковлевичъ!» (московскій юродивый).

Осенью 1862 г. русскій либерализмъ сталъ уже нѣсколько слабѣть, хотя новые взгляды и смѣло высказывались во всѣхъ студенческихъ и многихъ литературныхъ кружкахъ. Конецъ 1862 г., неожиданно вызвалъ польскій мятежъ 1863 г. Говорятъ, что поляки сначала предполагали поднять возстаніе только въ 1865 г., и къ этому времени они дѣлали большія приготовленія. Осенью 1862 г. три польскихъ агента пріѣхали въ Парижъ, и хотя они остановились въ разныхъ гостиницахъ, но все-таки были замѣчены полиціей. Бумаги ихъ, можетъ быть, секретно черезъ подделку ключей, были перехвачены и доставлены французскому правительству; всѣ эти бумаги относились къ польскому заговору; изъ нихъ открылось, что дѣлаются огромные запасы оружія, которые всѣ будутъ исполнены къ 1865 г. Узнавъ такую важную новость, французское правительство сообщило эти бумаги русскому посольству въ Парижѣ. Какъ разъ въ это время въ посольствѣ былъ знаменитый Сѣраковскій, полковникъ генеральнаго штаба, посланный за границу отъ русскаго военнаго министерства. Тогда въ нѣкоторыхъ офиціальныхъ иностранныхъ газетахъ были сдѣланы запросы о бумагахъ, будто бы переданныхъ французскимъ правительствомъ русскому. Но какъ «Moniteur», такъ и «Journal de St. Pétersbourg» объявили рѣшительно, что правительство никогда не выдавало ничего подобнаго. Тѣмъ не менѣе, получивъ такія важныя свѣдѣнія, русское правительство рѣшилось предупредить польское возстаніе, вызвавъ его, пока еще заговоръ окончательно не окрѣпъ. Для этого оно объявило неслыханную мѣру—необыкновенный рекрутскій наборъ, по которому нѣсколько тысячъ подозрительныхъ поляковъ сдѣлаются русскими солдатами и разсѣются по русскимъ землямъ. Расчетъ былъ вѣренъ. Поляки, какъ горячій народъ, не вытерпѣли, бѣжали въ лѣса и подняли бунтъ съ голыми руками. Они понадѣялись на помощь Европы и русскаго заговора, но Европа еще спокойно поклонялась своимъ деспотамъ, а русскій заговоръ былъ еще слабъ и уже испугался первыхъ арестовъ.

Несмотря, впрочемъ, на свою робость, русскій заговоръ издалъ въ началѣ 1863 г. большую прокламацію, въ которой онъ защищалъ передъ русской публикой польское дѣло. Почти вся молодежь открыто защищала поляковъ. Собственно русскій народъ, т.-е. крестьяне, не имѣли никакого понятія о польскомъ вопросѣ. Когда я заговорилъ было въ одной деревнѣ Нижегородской губерніи, что народу трудно выставлять лишнихъ рекрутовъ для

польской войны, то крестьяне отвѣчали съ убѣжденіемъ: «Да чаво тутъ, ишь, ты, все польскій чарь-то задиратъ нашего же». Другое дѣло—публика, начитавшаяся о безпокойствѣ поляковъ изъ Устрялова, «Полицейскихъ Вѣдомостей» и Каткова. Она судила объ этомъ съ непогрѣшимостью знатока. Однажды по этому поводу мнѣ пришлось имѣть довольно продолжительный споръ въ вагонѣ 3-го класса. Публика слушала со вниманіемъ, и хотя по большей части осталась при своемъ, но не донесла. Помѣщики по этому вопросу стояли на своей точкѣ зрѣнія. «Положимъ, я согласенъ, вы говорите правду; но все-таки если ужъ они вздумали бунтовать, то ихъ нужно сперва усмирить а тогда можно уже освободить». Гвардейскіе полковники, привыкшіе торговать своею совѣстью, толковали иначе. «Ну, что вы вмѣстѣ съ поляками сдѣлаете? Вѣдь у васъ нѣтъ денегъ—нѣтъ и солдатъ; вы идете на смерть!»—«Лучше умереть, чѣмъ помириться съ подлостью!»—отвѣчалъ я. И для многихъ въ то время такой отвѣтъ не былъ пустой фразой. Подобные споры приводили иногда къ забавнымъ анекдотамъ. Однажды я былъ на вечерѣ у Сухомлинова. Профессоръ Сухомлиновъ имѣлъ въ Петербургѣ очень обширный и разнородный кругъ знакомыхъ; на его вечерахъ мнѣ рѣдко случалось когда нибудь встрѣтить прежнее лицо. Залы были полны, но все новыми лицами. Однажды, когда хозяинъ былъ гдѣ-то въ гостиной, я, сидя съ нѣкоторыми гостями въ кабинетѣ, открыто смѣялся надъ русскими газетами, въ которыхъ постоянно печатали, что былъ упорный пятичасовой бой съ поляками, а убитыхъ съ нашей стороны было не болѣе одного или двухъ. Поэтому, продолжалъ я, нѣмецкія газеты удачно сострили, напечатавъ: «по извѣстіямъ изъ Россіи, русскіе имѣли съ поляками упорный шестичасовой бой; поляковъ убито 100 человѣкъ, въ плѣнъ взято 500; у русскихъ ни убитыхъ ни раненыхъ не было, даже одинъ прибылъ: маркитантка родила»... Какой-то полковникъ услыхалъ мои слова, подошелъ ко мнѣ и сѣлъ со мною на диванъ. «Нѣтъ, вы напрасно сомнѣваетесь».—«Я не сомнѣваюсь, я положительно не вѣрю».—«Вы не вѣрите только потому, что сами не были на войнѣ. А на войнѣ это сплошь и рядомъ случается. Вотъ, напримѣръ, въ послѣднюю восточную войну я самъ командовалъ кавалерійскимъ отрядомъ на азіатской границѣ и имѣлъ дѣло съ турками. Мы сдѣлали на нихъ натискъ и сразу обратили въ бѣгство; у нихъ убитыхъ было нѣсколько сотъ, а у насъ одинъ только слегка раненъ».—«Можетъ быть, но это былъ натискъ, а не упорный бой; тутъ большая разница!»—«Да ужъ повѣрьте: начальникъ отряда не можетъ лгать въ своихъ донесеніяхъ».—«Да еще какъ лгутъ! Вотъ, напримѣръ, что мнѣ разсказывалъ севастопольскій комендантъ Кослинскій. Во время осады съ фрегата выбывало по 200—300 человѣкъ, а показывалось убитыми человѣка три; а провіантъ и двойное

жалованье на 300 человѣкъ было командиру въ карманъ».—«Да, но это возможно въ Севастополѣ, гдѣ были ежедневныя военныя дѣйствія, а въ Польшѣ этого быть не можетъ; тутъ дѣлаются только отдѣльныя экспедиціи, и военныхъ начальниковъ постоянно повѣряютъ. Они не могутъ дѣлать ложныхъ донесеній».—«Ну, такъ могутъ, наконецъ, лгать въ «Русскомъ Инвалидѣ».—«Помилуйте-съ, это у насъ: я—редакторъ «Русскаго Инвалида». Я извинился и прекратилъ споръ. Черезъ нѣсколько дней въ «Русскомъ Инвалидѣ» была помѣщена статья, гласившая, что̀ нѣкоторые вольнодумцы сомнѣваются въ достовѣрности официальныхъ извѣстій, тогда какъ онъ, «Инвалидъ», всегда говоритъ правду. Затѣмъ были перечислены тѣ же доводы, которые редакторъ излагалъ на вечерѣ.

Весной 1863 г. русскій заговоръ принялъ фирму «общества земли и воли». Оно издало два №№ «Свободы», которые, особенно въ виду польскаго возстанія, очень перепугали правительство. Составлена была особая специальная комиссія для разысканія этого общества, но трудъ этой комиссіи остался напраснымъ. Послѣ отъѣзда П. и У. въ Сибирь, квартиру занимали мы втроемъ: Н., Я. и я. Оба они жили въ одной комнатѣ, а я—въ другой. Обыски, производившіеся такъ часто въ это время въ городѣ, коснулись, наконецъ, и нашей квартиры. Однажды, возвратившись домой довольно поздно, Н. съ Я. позабыли запереть свою дверь на ключъ, что̀ они обыкновенно дѣлали на ночь. Я самъ безпечно спалъ въ своей комнатѣ. Часовъ въ 5 утра вдругъ кто-то постучалъ ко мнѣ въ дверь.—«Кто тамъ?»—спросилъ я.—«Иванъ Александровичъ,—послышался голосъ кухарки,—у насъ полиція».—«Гдѣ?»—«Въ комнатѣ у Н.; будочники стоятъ у всѣхъ двери и меня не выпускаютъ».—«А печка топится?»—«Затопила».—«Ну, хорошо!»—Н. крѣпко спалъ на кровати, когда кто-то дернулъ его за одѣяло.—«Который изъ васъ Н.?»—спросилъ незнакомый голосъ.—«Я»,— отвѣчалъ Н., протирая глаза. При видѣ полицейскаго и дворниковъ, недавній хмель тотчасъ вылетѣлъ изъ головы. «Гдѣ ваши вещи?» спросилъ квартальный.—«Да вотъ всѣ со мной на кровати; впрочемъ сама кровать и перина чужія». (Читатель видитъ, что Н. былъ пролетарій). «А это чьи вещи?» «А это моего соквартиранта». Обыскъ продолжался около двухъ часовъ. Наконецъ утомленный квартальный отправился пить чай (онъ жилъ въ томъ же домѣ, только ниже однимъ этажомъ), а товарищей попросилъ одѣться и сойти внизъ. Я избѣжалъ обыска, а товарищи, одѣваясь, зашли ко мнѣ. Изъ квартала ихъ повезли въ комиссію по дѣлу «общества земли и воли» къ полковнику Чубакину. «Вы студентъ?»—спросилъ онъ, увидавъ Н.—«Нѣтъ; я—отставной унтеръ-офицеръ».—«Такъ вы студентъ?»—спросилъ, обращаясь къ Я.—«Нѣтъ, я—купеческій сынъ».—«Не понимаю, за что васъ взяли, господа». Полицейскій мефистофель нагнулся и шепнулъ что-то Чубакину. «Ну, хорошо, мы разберемъ».

Впрочемъ, въ бумагахъ не оказалось ничего подозрительнаго. Комиссія обратила только вниманіе на ничтожное письмо, писанное мною Н. въ Москву. Письмо это заключалось словами: «Чернышевскій, Серно-Соловьевичъ и Московскій Котляревскій арестованы. Собираюсь печатать третій выпускъ». Крупныя nota bene были поставлены противъ этихъ словъ. «Почему Худяковъ пишетъ вамъ объ этихъ арестахъ?»—«Какъ о новости».—«Почему онъ говоритъ: Московскій Котляревскій?»—«Вѣроятно, въ отличіе отъ того Котляревскаго, который переводилъ на малорусскій языкъ Энеиду».—«Ну-съ, теперь скажите-ка,—спрашивали, какъ бы сдѣлавъ важное открытіе:—это какой такой третій выпускъ вы собирались печатать? «Великороссъ?»—«Совсѣмъ нѣтъ, это только великорусскія сказки».—Арестъ былъ сдѣланъ на основаніи доноса какого-то шпіона, который впослѣдствіи самъ отказался отъ своихъ словъ. А такъ какъ при обыскѣ ничего не было найдено, то не оставалось никакого обвиненія. Тѣмъ не менѣе Н. пришлось просидѣть въ душной части два съ половиной мѣсяца и притомъ въ одной и той же рубашкѣ. «Нѣтъ, вы все что-то скрываете,—говорилъ хромой слѣдователь,—я стрѣленая птица, меня не проведешь». И видно, что стрѣленая, думалъ арестованный, глядя на его хромую ногу. Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста Н. я отправился во вторую часть, гдѣ онъ сидѣлъ, чтобы передать ему деньги и кое-какія вещи. «Здѣсь содержится Н.?»—спросилъ я въ части у дежурнаго офицера.—«Нѣтъ у насъ Н... Какого вамъ Н.? На что вамъ Н.? Нѣтъ у насъ»...—Я долженъ былъ вернуться безъ успѣха...

Знакомство мое съ Е. было весьма для меня полезнымъ въ умственномъ отношеніи. Въ то же время археологи возмущали меня своимъ равнодушіемъ къ насущнымъ потребностямъ народа. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ прямо брали на себя обязанности III Отдѣленія. На археологическихъ вечерахъ у Изм. Ив. Срезневскаго постоянно можно было слышать о политическомъ настроеніи молодежи. «Что Чернышевскій!—говорилъ археологъ Григорьевъ,—вотъ въ наше время Сенковскій былъ».—«Они тамъ въ «Современникѣ» хотятъ революцію сдѣлать!—вопіялъ Срезневскій:—я думаю, всѣ честные люди должны собраться и сдѣлать контръ-революцію и крестовый походъ противъ невѣжества!».. Понятно, что такія выходки, въ связи съ мелочностью личныхъ интересовъ археологовъ, отвлекали меня отъ общенія съ ними совершенно въ другую сторону.

Н. А. Худековъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТРАННАЯ СУДЬБА.

I.

Я ЗНАЛЪ его давно, но наши встрѣчи были мимолетны. Когда я видалъ Ольховскаго въ театрѣ, общественномъ собраніи или рѣдко у общихъ знакомыхъ, меня всегда поражало тихое страданіе, которое свѣтилось не только въ выразительныхъ, голубыхъ глазахъ, но и во всей его стройной фигурѣ, даже въ его осторожныхъ движеніяхъ. Будто онъ боялся кого толкнуть, на что наступить. Мало того, послѣ двухъ, трехъ короткихъ фразъ, которыми мы обыкновенно обмѣнивались, въ моемъ настроеніи происходила постоянно перемѣна, и легкая тѣнь печали ложилась на мое сердце.

Что это такое? почему?

Ольховскій былъ умный и чуткій человѣкъ, что̀ можно было замѣтить по первому впечатлѣнію, когда онъ ясно и опредѣленно высказывалъ свое мнѣніе о новой пьесѣ, игрѣ артистовъ или вообще по какому нибудь общественному вопросу. Говорилъ онъ спокойно, смотря въ глаза ласковымъ взоромъ, который въ то же время давалъ знать, что онъ думалъ совсѣмъ о другомъ и думалъ упорно.

Не былъ ли онъ боленъ? Нѣтъ, это былъ здоровый, плотно сложенный человѣкъ лѣтъ 37-ми.

— Вы хорошо знаете Ольховскаго? — спрашивалъ я общихъ знакомыхъ.

— Вы развѣ въ одиночествѣ? Стало быть, будемъ видѣться...

— Очень и очень радъ!

Мы условились встрѣтиться въ этотъ же вечеръ.

«Какой, однако, онъ... веселый!» — подумалъ я, и мнѣ было пріятно.

III.

Вечеръ, хотя и прохладный, былъ великолѣпенъ при полномъ лунномъ освѣщеніи, которое въ горахъ творитъ чудеса своими таинственными тѣнями. Я довольно порядочное время бродилъ по парку, приглядываясь къ гуляющимъ. Ольховскаго не было.

Утомившись, я присѣлъ на скамью недалеко отъ источника и невольно прислушивался къ говору и смѣху находившихся по сосѣдству дѣвицъ и кавалеровъ, которыхъ особенно много бываетъ именно на этомъ курортѣ.

Оригинальнымъ узоромъ отъ луннаго свѣта падали тѣни вѣтвей на землю, образуя свѣтлые кружечки, которые, какъ живые, двигались по дорожкамъ, когда горный вѣтеръ тихо качалъ листья деревьевъ. Мнѣ становилось скучно и досадно. Неужели опять одному? И какая охота Ольховскому была обѣщать прійти?.. И я, признаюсь, съ нѣкоторой непріязнью слушалъ долетавшія до меня слова несвязнаго, но веселаго разговора молодежи. Ихъ много, и имъ весело!..

— Вотъ и вы! — тихо произнесъ Ольховскій. — Прошу прощенія!.. Дѣло въ томъ, я пришелъ сюда, когда, вѣроятно, васъ не было, и скоро почувствовалъ, что надо было потеплѣе одѣться... пришлось возвратиться домой!...

— Очень радъ, — отвѣчалъ я искренно. — Пожалуйста, не безпокойтесь... я здѣсь недавно! Послѣ этихъ дождей дѣйствительно прохладно!..

Поговорили о Москвѣ, общихъ знакомыхъ и пошли по аллеямъ парка.

— Какъ я давно знаю Кисловодскъ, и, признаюсь, прежде я любилъ это мѣсто особенно. Я пріѣзжалъ бывало весной, въ маѣ, когда здѣсь не было ни одного курсового... Какъ-то прожилъ мѣсяцъ зимой... О, зима въ Кисловодскѣ божественная: свѣтлая, морозная, бодрящая!..

— Вѣроятно, работать, писать тогда хорошо?...

— Вотъ, вотъ... именно! Представьте, я даже тогда разсказъ написалъ и напечаталъ.

— Я слышалъ, что вы занимались литературой...

— Ну, нѣтъ, писателемъ я не былъ, такъ диллетантомъ могу себя назвать!.. Что вы думаете о Лермонтовѣ?

— Какъ, что? нашъ большой русскій поэтъ!..

— Великій поэтъ!.. — перебилъ меня Ольховскій, и голосъ его звучалъ торжественно.—Поэтъ, который понялъ Кавказъ!.. Постигъ Бога и демона, проникся безпредѣльнымъ величіемъ и мрачной мощью гордости!.. Понять Лермонтова можно только здѣсь, когда отдашь себя во власть всего этого!..

Ольховскій остановился и сдѣлалъ движеніе рукою.

— Вы понимаете меня?..—продолжалъ онъ.—Нѣтъ, я не такъ говорю... Да что слова обыкновеннаго человѣка!? Надо пѣть, гремѣть, рыдать и терзаться!.. О, Лермонтовъ умѣлъ все выразить, онъ уловилъ тѣнь демона, который проносится въ ночную пору надъ горными вершинами!.. Мнѣ удалось видѣть такую тѣнь, которая медленно двигалась къ востоку...

— Что вы?—удивился я.

— Вы не знаете, что я постоянно блуждаю въ горахъ... Я знаю, гдѣ пасутся отары овецъ и козъ... пастухи—мои друзья... О, эти чудныя горы, этотъ ароматный, дивный воздухъ!...

— Да вы поэтъ!..

— Всякій, кто познакомится ближе съ горнымъ царствомъ, станетъ поэтомъ... Пастухи чудно играютъ и поютъ, потому что передъ ними дивныя горы, изумрудныя балки, свѣжесть и ароматъ!.. Кисловодскія горы безъ лѣса, онѣ не тѣснятъ, не скрываютъ горизонта, тамъ вверху и ширь и даль!.. Поднимались ли когда на Сѣдло-гору?

— Нѣтъ, все собирался... Можетъ быть, вмѣстѣ... не составите ли компанію?

Ольховскій видимо волновался.

— Нѣтъ, я всегда хожу одинъ... извините, пожалуйста!..

Я, конечно, не настаивалъ.

«Какъ онъ, однако,—думалъ я,—любитъ природу, чувствуетъ ее близко и тепло». Мнѣ пріятно было находиться въ его обществѣ. За какой нибудь часъ онъ сталъ мнѣ близкимъ человѣкомъ, мое сердце отвѣчало на его призывную восторженность, и мнѣ не хотѣлось разставаться съ Ольховскимъ.

— Не хотите ли закусить?—спросилъ онъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Тогда пойдемте въ шашлычную, туда, за Тополевую аллею, гдѣ въ саду свѣтятъ разноцвѣтные фонарики.

Мы отправились и заняли столикъ около почтеннаго, морщинистаго ствола тополя. Народа было много. Но въ полутьмѣ сада и тусклаго свѣта фонариковъ трудно было различить лица присутствующихъ сосѣдей. Мой товарищъ смотрѣлъ на карту. Я себѣ выбралъ традиціонный шашлыкъ. Кругомъ было тихо.

— Если вы хотите...—раздался густой, ласковый контральто, перешедшій въ тихій шопотъ.

Ольховскій вздрогнулъ, приподнялся со стула и въ волненіи проговорилъ:

— Слышали? Это ея голосъ!

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Передо мной сидѣлъ прежній, московскій Ольховскій. Онъ молчалъ и думалъ, думалъ упорно и далеко.

IV.

Я заходилъ нѣсколько разъ къ Ольховскому, но не заставалъ его дома. Хозяинъ говорилъ, что онъ каждое утро уходитъ и только къ вечеру возвращается.

— Конечно, когда хорошая погода,—замѣтилъ я,—а въ дождь бываетъ дома?

— Нѣтъ, и въ дождь!.. Все равно уходитъ, не смотря ни на какую погоду,— смѣясь, проговорилъ хозяинъ квартиры и прибавилъ:—странный человѣкъ!

Я зналъ, что Ольховскій ходитъ въ горы, но не думалъ, что дождь и непогода не измѣняютъ его прогулокъ. Дѣйствительно, онъ любитъ горную природу, которая бываетъ порой капризна и сурова.

Прошла недѣля, я не видалъ Ольховскаго и сталъ забывать о странномъ человѣкѣ, который вдругъ неожиданно пришелъ ко мнѣ блѣдный и печальный. Одежда его была не въ порядкѣ, особенно сапоги, пожелтѣвшіе отъ сырости. Уже вечерѣло. Ольховскій былъ видимо измученъ. Я предложилъ ему чай и закуску.

— Да, пожалуйста,— заговорилъ онъ нервно,— я и самъ васъ хотѣлъ просить... съ утра ничего не ѣлъ... съ тѣхъ поръ, какъ это случилось...

При послѣднихъ словахъ онъ вздрогнулъ.

— Что случилось?—спросилъ я.

— Подождите, дайте прійти въ себя... Вѣдь я бѣжалъ, поймите, бѣжалъ отъ нея, этой, помните, дамы, которая была въ шашлычной... Я ее встрѣтилъ въ горахъ... О, она очень похожа!..

Я ничего не понималъ, но видѣлъ передъ собой взволнованнаго, почти больного человѣка, съ которымъ что-то случилось, и котораго нужно прежде всего успокоить. «Можетъ быть,—мелькало въ моей головѣ,—онъ не только странный, а просто ненормальный, больной человѣкъ?!»

Мы сидѣли на террасѣ, которая висѣла надъ крутымъ скатомъ небольшой горы... Видъ открывался превосходный. Влѣво группировался Кисловодскъ, постройки котораго были полуосвѣщены электрическими фонарями, множество огней мелькало среди темноты второстепенныхъ улицъ и переулковъ, поднимавшихся въ гору. До насъ доносились съ вокзала стройные звуки симфоническаго кон-

церта. Было тихо и тепло. Мы были совершенно одни, всѣ жильцы нашего дома отсутствовали. Прелесть роскошнаго вечера, тишина, далекіе аккорды оркестра, темное звѣздное небо и неясные силуеты горъ, — все вмѣстѣ производило впечатлѣніе покоя, раздумья и мечты. Вѣроятно, такое настроеніе охватило и Ольховскаго, который успокоился, смотря на очаровательную картину наступающей ночи.

— Скажите по правдѣ, когда я пришелъ къ вамъ, не подумали вы, что я сумасшедшій?

— Признаться, мелькнула такая мысль, но теперь она мнѣ кажется смѣшной!..

— Это все равно!.. Все-таки думали?... Я прочелъ по вашимъ глазамъ, что было такъ...

Я засмѣялся, не отвѣчая.

— Странно все это,—продолжалъ Ольховскій, пристально смотря на меня,—сколько лѣтъ прошло... и ничего... не томило меня одиночество, которое я оберегалъ. И вдругъ упорное желаніе разсказать, что со мной случилось давно, нѣсколько лѣтъ назадъ, и что живо, ясно предо мною, какъ бы это было сегодня, вчера... Ея лицо, глаза, особенно выраженіе ласки и преданности... Долгій, глубокій взглядъ!...

V.

— Побуждаетъ меня разсказать все,—началъ взволнованнымъ голосомъ Ольховскій, — ваша деликатность. Ни разу не выказали вы простого любопытства, не сдѣлали намека, не обнаружили, что мной интересуетесь и хотите проникнуть въ глубь моего сердца. Я это цѣню, и мнѣ не только кажется, но я увѣренъ, что вы поймете, какъ измучены и страдаютъ и душа и мое сердце, какая томительная жизнь, изъ которой нѣтъ выхода!.. Что это, гипнозъ? Власть посторонней силы, власть, оставшаяся послѣ ея смерти, власть, которую люди зовутъ любовью?!..

Мой гость замолчалъ и посмотрѣлъ на меня вопросительно, потому что при послѣднихъ словахъ я сдѣлалъ невольное движеніе.

— Въ обществѣ говорили, что эта любовь имѣла на васъ большое вліяніе, но говорили неопредѣленно,—пояснилъ я.

— Говорили?..—усмѣхнулся Ольховскій.—Да, дорогой мой, любовь удивительная, ужасная — любовь послѣ смерти!.. Вотъ слушайте!.. Я былъ молодъ и покоенъ, жизнь моя складывалась безъ терній и шиповъ. Правда, порой находили на меня минуты неопредѣленной тоски, когда я не зналъ, что дѣлать, и куда мнѣ дѣваться?!.. Были, конечно, у меня и пріятели, изъ которыхъ такое время я охотно проводилъ съ однимъ веселымъ, молодымъ

купцомъ изъ культурныхъ, Соколовымъ. Въ этомъ человѣкѣ мнѣ нравилась безшабашная душевность и доброта. «Что скучать, тосковать?—говорилъ онъ,—живи, пока живется!»... Онъ былъ добрый человѣкъ съ искренними порывами и безъ предразсудковъ.

— «Скучаете?—спросилъ онъ меня и прибавилъ:—вотъ не понимаю этого занятія!.. По-моему»... И онъ запѣлъ цыганскій романсъ... Погодя немного, Соколовъ, прищурившись, сказалъ:—«Погода хорошая, небольшой снѣжокъ, вечеръ только начинается... Хороша зимняя природа!.. Возьмемъ мы саночки и отправимся въ паркъ, воздухъ тамъ дивный, тишина!.. А послѣ заѣдемъ закусить, кофе напьемся... Спать зато хорошо будете!.. Одѣвайтесь».

Мы поѣхали. Этотъ день такъ мнѣ памятенъ, что не забуду самой мелкой подробности, ничтожнаго пустяка. Паркъ былъ великолѣпенъ въ своемъ безмолвіи. Покрытыя инеемъ старыя липы приняли причудливыя формы; точно сказочныя фигуры, ихъ окружали убранныя снѣгомъ елки. Березы дремали, опустивъ бѣлыя пушистыя вѣтви. Безлюдна, чиста и широка дорога. Молчалъ Соколовъ, и его живой взглядъ подернулся грустью. Сосредоточенно шагала лошадь, и вѣрно задумался кучеръ. Вѣроятно, прошелъ часъ, когда мы подъѣхали къ ярко освѣщенному ресторану. Мы были единственные посѣтители въ такой ранній часъ тамъ, гдѣ жизнь начиналась съ полуночи.

— А вѣдь не то, что въ паркѣ, хотя здѣсь и пальмы и зелень!—замѣтилъ мой пріятель.—Что-то мертво и тускло!..

— Да,—согласился я,—та обстановка величественнѣе... еще бы, когда ширь и правда!..

Мы что-то заказывали, когда къ намъ подошли двѣ женщины, одна старая, другая совсѣмъ молодая. Съ Соколовымъ они были знакомы, и онъ радушно ихъ усадилъ за столъ. Это были цыганки изъ хора. Молодая дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ и темно-сѣрыми глазами, по внѣшности и по пріемамъ ничего общаго съ кочевымъ веселымъ племенемъ не имѣла.

«Какая это цыганка!—подумалъ я.—Она и на хористку не похожа: столько граціи и деликатности!»

Дѣвушка порой устремляла на меня глубокій, грустный взглядъ. Мы не сказали другъ другу ни слова, но какая-то таинственная симпатія съ одного раза поселилась между нами. Я думалъ о дѣвушкѣ и былъ увѣренъ, что она думаетъ обо мнѣ. Почему? не знаю...

— Что хороша Маша?—спросилъ Соколовъ и прибавилъ:—Маша да не наша!

— Она совсѣмъ не похожа на цыганку?! Ничего такого цыганскаго.

— Ваша правда! отецъ и мать—цыганы настоящіе и строгіе, въ рукахъ дѣвчонку держатъ! Чортъ ихъ разберетъ!.. Слышалъ, что ее прочатъ замужъ за богатаго купца.

Мнѣ стало грустно. Не мое это дѣло, но Маша не выходила у меня изъ головы, и мнѣ казалось, что ея взглядъ меня просилъ и спрашивалъ... о чемъ?

VI.

Погода на другой день была хмурая на рѣдкость. Мое нервное состояніе продолжалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выходилъ изъ памяти образъ цыганки. Вся ея хрупкая фигура съ грустнымъ вопрошающимъ взоромъ росла, выростала изъ моего настроенія и, словно живая тѣнь, скользила по моей комнатѣ, кивала мнѣ головой и манила туда, въ сѣрую мглу туманнаго мрачнаго дня.

Я пробовалъ читать, началъ было писать дѣловое письмо, но для самой пустой работы не было энергіи. Я чувствовалъ, какъ слабѣли мои силы, и неопредѣленная, посторонняя власть держала меня въ нервномъ напряженіи, заставляя чего-то ждать, къ чему-то прислушиваться.

Разсказчикъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Испытывали ли вы состояніе, когда бываетъ жутко, когда вы боитесь, боитесь самого себя, того, что у васъ происходитъ внутри, въ вашей душѣ? Нѣтъ?—и слава Богу! Еще особенность такого состоянія—это яркость прошлыхъ, а не текущихъ впечатлѣній. Механически смотришь на улицу, на двигающихся людей, а видишь ясно и отчетливо другое: дорогу и стараго съ бѣлой бородой человѣка, котораго два года назадъ видѣлъ на скачкахъ, когда онъ стучалъ о балконъ коричневой палкой съ мѣднымъ набалдачникомъ. Вотъ этотъ старикъ спѣшитъ, опираясь на ту же палку. Еще показываются фигуры, тоже давнія, позабытыя... Помню, я пробовалъ уходить изъ квартиры, но скоро и машинально возвращался опять.

Наступалъ вечеръ. Я приказалъ не зажигать огня. Въ полутьмѣ мнѣ было покойнѣе, хотя тоска не оставляла ни на минуту. Мечталось и дремалось... Вотъ опять сѣрые глаза, о чемъ-то спрашивая, зовутъ!.. Мнѣ послышался какой-то глухой голосъ, я всталъ, одѣлся, вышелъ изъ дома, нанялъ извозчика и поѣхалъ въ загородный ресторанъ. Все это я продѣлалъ рѣшительно, какъ бы обдуманно, а между тѣмъ удивлялся самъ, куда и зачѣмъ я уѣхалъ.

При входѣ въ зимній садъ я встрѣтилъ цыганку Машу, которая сказала мнѣ: «я васъ ждала, докторъ».

— Я не докторъ,—отвѣчалъ я:—зачѣмъ меня такъ называете?

Она молча посмотрѣла на меня, мы сѣли за столъ, за которымъ сидѣли вчера. Она пугливо озиралась по сторонамъ, часто уходила и снова возвращалась.

— Вы не цыганка, Маша?

— Какъ можно! Мой отецъ и моя мать—цыганы, они здѣсь въ хору; строгіе очень! Прощайте, надо итти!

Съ этого вечера начались наши встрѣчи. Меня словно магнитомъ тянуло къ этой дѣвушкѣ, которой я не любилъ, но томился вмѣстѣ съ ней неопредѣленной печалью. Это было какое-то странное чувство, острое и тягучее.

VII.

Да! ее, мою цыганку, выдавали замужъ за богатаго человѣка, какого-то коммерсанта... Что это такое?.. Она сама мнѣ сказала и сказала съ ужасомъ. Я помню ея расширенные зрачки и блѣдное лицо. Дѣло было рѣшенное крѣпкой родительской властью, которая для «цыганки» была священна.

Веселая ресторанная жизнь, пѣсни и музыка, пьяные, развратные люди и строгая родительская власть?.. Гдѣ же свободная цыганская кровь?.. Гдѣ поэзія табора и вольной воли?.. Странно!

Мы видались каждый день, но очень короткое время. Приходила среднихъ лѣтъ, некрасивая цыганка, дѣлала таинственный жестъ моей скромной собесѣдницѣ, и Маша быстро уходила, слабо и трепетно пожимая мою руку.

Прошло недѣли двѣ. Мнѣ говорили, что я похудѣлъ, состарился. Чѣмъ я боленъ?.. Со мной происходило нѣчто странное: по цѣлымъ днямъ я думалъ о Машѣ и совершенно не понималъ моихъ къ ней отношеній. Если бы я ее любилъ? Тогда мнѣ бы увезти ее, бѣжать съ ней и наконецъ жениться.

Но это было такъ дико, непонятно, что въ мою голову и не закрадывалась подобная мысль. Я и она, мы—разные люди, двухъ различныхъ міровъ, мы молимся разнымъ богамъ, у насъ и думы разныя, потому-то мы и не находимъ темъ для разговоровъ. Мы хотя и видимся, но молчимъ, только чувствуемъ и переживаемъ... Что? какую-то печаль, которая, повидимому, одна только насъ и соединяетъ.

Наконецъ, я рѣшилъ прекратить свиданія. Въ самомъ дѣлѣ, она выходитъ замужъ!..

Въ послѣдній разъ я поѣхалъ позднѣе обыкновеннаго, и въ обычномъ мѣстѣ встрѣтилъ не Машу, а ея подругу, некрасивую цыганку.

— Что же вы такъ поздно?! Маша плачетъ,—слезами обливается!..

— Плачетъ? отчего?—удивился я.

— Ухъ, вы, мужчины?!—проговорила цыганка, оставляя меня.

Пришла Маша, блѣдная, встревоженная. Ея руки были влажны идрожали.

— Вы не хотите сюда больше ѣздить, вы не хотите видѣть меня!?.

Я молчалъ.

— Я знаю,—продолжала она,—я все знаю!.. я вѣдь цыганка, по глазамъ узнаю мысли, желанья.

— Вы скоро выходите замужъ! Неловко продолжать наше знакомство, могутъ подумать...

— Подумать? да! О, люди всегда дурно думаютъ!.. Вотъ что... Отчего вы мнѣ не говорили, гдѣ вы живете? Я хочу къ вамъ прiѣхать... Завтра вечеромъ!

— Буду ждать!

Мы простились, и я, возвращаясь домой, думалъ: «вотъ кончится наконецъ этотъ странный кошмаръ, эти таинственныя и нелѣпыя свиданiя! Ну, что мнѣ она!?»...

VIII.

— Вамъ, можетъ быть, не особенно интересно, что я разсказываю? Сейчасъ кончу, потерпите немного.—Ольховскiй подумалъ и прибавилъ:—вы не повѣрите, какое я испытываю удовольствiе, до нѣкоторой степени развязываясь съ этой, томящей мою душу, тайной. Мнѣ становится и теперь легче, и этимъ обязанъ я вамъ.

Ольховскiй пожалъ мою руку и такъ хорошо и свѣтло посмотрѣлъ на меня, что я невольно подумалъ: «какой онъ деликатный и чуткiй человѣкъ!»

— Насталъ вечеръ, прощальный вечеръ! — продолжалъ повѣствовать Ольховскiй.—Я ждалъ. Самоваръ кипѣлъ, вино искрилось, я ждалъ ея страннаго визита. Я не зналъ, терялся, какъ принять мою гостью, какъ держать себя. Тамъ въ богатомъ и скучномъ ресторанѣ мы обыкновенно проводили полумолчаливо и грустно наше время. Тамъ тяготѣла надъ нами обстановка. Надъ ней надзоръ, а надо мной неловкая опредѣленность, а здѣсь мы—свободны и совершенно одни. Но, можетъ быть, это и будетъ тяжело, вѣдь мы такъ далеки другъ отъ друга, насъ столкнула странная судьба.

Я ждалъ и радовался, но не свиданiя, а тому, что оно будетъ послѣднимъ, и я стану вновь свободнымъ.

Вотъ дрогнулъ звонокъ, и черезъ минуту Маша вбѣжала въ комнату. Она быстро оглянулась и бросилась ко мнѣ на грудь. Ея рыданiя сопровождались истерическимъ смѣхомъ. Она не позволяла мнѣ говорить, шепча: «не надо! молчи!» Я просилъ ее успокоиться, напиться чая, я наливалъ ей вина. Она быстро ходила по комнатѣ и, какъ ребенокъ, трогала и осматривала каждую вещь, искала чего-то на столѣ и на этажеркѣ. Я приготовился принять, зани-

мать ее, бесѣдовать, но эта гостья была какой-то живой потокъ, ворвавшійся въ мою скромную, тихую квартиру. Это была дѣйствительно цыганка, странная, необузданная, съ глубокими темными глазами, съ приподнятой верхней губой, изъ-подъ которой сверкали блестящіе зубы.

— Ты не хотѣлъ больше приходить къ Машѣ, я знаю!.. Вотъ я сама пришла!.. Ты радъ?! Скажи! скажи!—и она теребила меня и крѣпко прижималась къ груди.

Я терялъ голову. Дѣвушка была взволнована страшно. Она влекла неудержимо, заставляя повиноваться ея дѣтскимъ приказаніямъ, такъ они были наивны.

— Сядь сюда!.. ближе!.. говори, говори, милый—я люблю слушать твой голосъ!..—Но, спустя минуту, она зажимала рукой мой ротъ и шептала:—тише, тише! молчи!

Бѣжали минуты, проходили часы, ея ласки становились страстными, бурными. Было трудно дышать!.. Между нами шла не то борьба, не то состязаніе въ ласкахъ, въ безумныхъ, безмолвныхъ.

. . . .

— Ты мой, мой навѣки!—трепетно говорила Маша.—Я отдала тебѣ свою душу и тѣло... главное душу, которая будетъ всегда съ тобой... мой ненаглядный, голубчикъ!..

Помню, когда я пришелъ въ себя, внутренній голосъ настойчиво шепталъ: «зачѣмъ? зачѣмъ?» Я былъ доволенъ, когда Маша наконецъ ушла, бросивъ на меня проникающій въ самую душу взглядъ... Да, странные, чудные у нея были глаза! Они мѣнялись, становясь больше и меньше, темнѣли и свѣтлѣли, смотря по ея настроенію.

IX.

На утро, когда впечатлѣнія вечера съ яркой силой встали передо мной, я смутился и думалъ: что же теперь дѣлать? о, зачѣмъ это случилось? Я былъ увѣренъ, что для меня наступила житейская проза устраиваться семейно. Взять и уѣхать съ ней куда нибудь на югъ, а тамъ поживемъ и увидимъ, что дѣлать дальше...

Я не выходилъ изъ дома и ждалъ Машу, чтобы переговорить серьезно. Прошелъ день, вечеръ, но она не пришла. На другой день тоже. Что это значитъ? Какое-то неясное предчувствіе закрадывалось въ мое сердце. Вмѣсто равнодушія и нѣкотораго противъ нея раздраженія явилось страстное желаніе видѣть ее, говорить сейчасъ во что бы то ни стало. Я поѣхалъ въ обычное время за городъ. Но тамъ дѣвушки не было, и подруга-цыганка мнѣ сказала, что Маша выходитъ замужъ, что она уѣхала изъ Москвы.

— Куда?

— Не знаю.

— Не можетъ быть... Ради Бога, скажите!

Цыганка подумала и отвѣтила твердо:

— Сказать не могу, напишите письмо, я найду возможность передать. Здѣсь вамъ дадутъ и чернилъ и бумагу.

Я написалъ письмо, прося немедленнаго свиданія. Но напрасно! Проходили дни, отвѣта не было. Я ждалъ упорно и, не знаю—почему, былъ увѣренъ, что мы увидимся. Какъ же иначе послѣ того, что произошло? Я не покидалъ своей квартиры въ этомъ ожиданіи. Фатально и неуклонно вставали передо мной страстныя впечатлѣнія того вечера, когда дѣвушка стала моей. Безпокойная мысль работала, искала причины непонятнаго поведенія цыганки. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое? Какая-то загадка! Странный случай. Но этотъ случай страшно мучилъ меня и не давалъ покоя, несмотря на всѣ холодныя разсужденія, что въ этомъ я не виноватъ, что такъ хотѣла она. Днемъ я чувствовалъ себя сравнительно покойно, но когда наступалъ вечеръ, нервы напрягались до крайности, и сонъ не посѣщалъ меня до самаго утра. Я слабѣлъ морально и физически и ждалъ, ждалъ... того, что должно было случиться!.. Наконецъ! Пришла не она, а та, ея подруга. Это было подъ вечеръ. Я сначала ея не узналъ, помню, она показалась мнѣ роковымъ вѣстникомъ. Такъ и было.

— Одѣвайтесь и поѣдемъ!.. Маша желаетъ съ вами проститься!

— Какъ проститься?!—спросилъ я.

Въ отвѣтъ на вопросъ послышались рыданія глухія, порывистыя. Цыганка, закрывъ лицо руками, приникла головой къ столу.

— Въ чемъ дѣло? Что такое?—добивался я.

— Поѣдете и увидите!..— сурово, сквозь слезы проговорила цыганка.

Въ душевномъ смятеніи я отправился, куда меня повезла цыганка.

X.

Мы остановились около деревяннаго дома на окраинѣ. По скрипучей лѣстницѣ поднялись во второй этажъ. На короткій стукъ моей спутницы дверь отворилась, чья-то голова высунулась въ переднюю и быстро скрылась; мелькнули только черные глаза.

Комната, куда меня ввела цыганка, была довольно просторная, обставленная уродливой мягкой мебелью. Тускло горѣла лампада передъ множествомъ образовъ въ углу. Пахло сыростью и гнилью. Большіе стѣнные часы шумно тикали. Я ждалъ, мое сердце билось отчаянно. Тихо отворилась дверь, и сопровождавшая меня цыганка сдѣлала знакъ рукой.

Я вошелъ въ полутемную комнату, въ которой на кровати высоко на подушкахъ лежала Маша, блѣдная, какъ ея наволочка, съ

огромными, испуганными глазами, неподвижно устремленными на меня.

Это былъ живой мертвецъ. Молча я взялъ ея холодную, какъ мраморъ, руку, въ груди моей что-то оборвалось, и я не могъ выговорить ни слова отъ душившихъ меня рыданій. Не знаю, долго ли продолжалось такое мое состояніе, когда я услышалъ совсѣмъ чужой, хриплый голосъ: «не забывай... твою Машу!»... Рѣсницы ея дрогнули, вѣки приподнялись, и огромные, глубокіе глаза остановились и глянули прямо въ мою душу!..

Этотъ взглядъ былъ послѣдній и навсегда остался со мной, какъ тѣнь, какъ призракъ, какъ вѣчный спутникъ моей жизни. Гдѣ бы я ни былъ, онъ всегда со мною, особенно, когда я одинъ... Въ часы, когда я ложусь спать, этотъ взоръ является передо мной во всей ясности и глубинѣ... Онъ печаленъ, какъ тихая грусть, и нѣженъ, какъ капля росы на солнцѣ... Безъ него, этого нѣмого взора, я не могу уснуть, и я иногда подолгу жду, когда придетъ, появится образъ Маши. Я понимаю, увѣренъ, если ея тѣнь покинетъ меня, тогда все кончено, я не долженъ существовать!.. Жить безъ нея я не могу и... боюсь!.. Да, забылъ... Когда я уходилъ, то цыганка сунула мнѣ что-то въ руку: это была фотографическая карточка, которую я вамъ покажу, когда вы посѣтите меня. Впрочемъ мнѣ не нуженъ этотъ ея мертвый портретъ, когда она вѣчно со мной!..

Ольховскій замолчалъ и смотрѣлъ блестящимъ взоромъ въ одну точку. Мнѣ стало жутко.

— Отчего она умерла?—рѣшился спросить я гостя.

— Вы хотите это знать?—отвѣчалъ онъ быстро и шопотомъ.— Тогда... понимаете, въ тотъ роковой, дивный вечеръ, возвращаясь домой, она рѣшила не жить больше и, снявъ башмаки, ходила по снѣгу и получила воспаленіе легкихъ. Она умерла моей невѣстой, но не женой того, кто хотѣлъ на ней жениться, и чего требовали цыганы-родители!.. Она умерла для нихъ, но не для меня!.. Понимаете?!..

С. И. Васюковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОГРОМѢ ВЪ МАНЬЧЖУРІИ ПО ЛИНІИ ВОСТОЧНОЙ КИТАЙСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ ВЪ 1898 ГОДУ.

I.

Для всѢхъ русскихъ, находившихся въ 1898 г. въ Маньчжуріи, тогда было самое трудное и тяжелое время, потребовавшее съ ихъ стороны особаго напряженія силъ, отваги и находчивости. Я была тогда въ Маньчжуріи, записывала выдающіяся событія, потомъ собрала нѣкоторые матеріалы,—такъ и составились настоящія записки.

Въ началѣ 1898 г. Уссурійская дорога была кончена, остались кое-гдѣ маленькія недодѣлки: замѣна временныхъ мостовъ постоянными, балластировка пути, дерновка откосовъ, постройка казармъ и т. п. Строители дороги сдаютъ свои участки и разъѣзжаются — кому куда любо: кто успѣлъ накопить, удаляется за границу отдохнуть или провѣтриться. Кто стремится въ Россію къ своимъ, такъ какъ цѣлыя восемь лѣтъ нѣкоторые не видѣли родины. Многіе отказывались отъ заманчивыхъ предложеній Маньчжурской желѣзной дороги — отъ двойного оклада жалованья, а онъ былъ не маленькій: прогоны и подъемныя и проч., а черезъ три года службы и обратные прогоны, хоть до Ташкента или Колы, куда пожелаешь, да и жалованье обѣщали прогрессивно увеличивать. Какъ было не соблазниться всѣмъ этимъ, но охотниковъ въ Маньчжурію находилось мало. Кто недостаточно запасся презрѣннымъ металломъ, — предпочиталъ остаться на эксплоатаціи Уссурійской дороги, хотя на меньшемъ окладѣ, но все-таки надежнѣе, чѣмъ забираться въ дикую Маньчжурію. А кому не наскучила

жизнь съ приключеніями, тѣ, конечно, не задумываясь, поступали на «Маньчжурку», какъ прозвали Китайскую дорогу уссурійцы.

Такъ или иначе кадры строителей формировались для Маньчжурской желѣзной дороги, и агенты ея, получивъ крупные авансы, особенно молодежь, холостяки, летали по Владивостоку въ мѣстахъ веселыхъ, прокучивая деньги. «Идемъ на Маньчжурку»...—кричали они повсюду энергично и весело. Среди этихъ добровольцевъ было немало лицъ, инціатива которыхъ, а также ихъ отвага и другія душевныя качества вызывали невольно уваженіе и любовь, но, конечно, были личности и жалкія, явившіяся сюда по низменнымъ расчетамъ и мотивамъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ и будутъ выступать отрицательные и положительные маньчжурскіе герои. Между послѣдними я съ особенной симпатіей останавливаюсь на г. Рогановѣ и его женѣ. Мужъ уѣхалъ въ Маньчжурію зимой, а г-жа Роганова выѣхала со мной въ началѣ мая.

Пріѣзжаю я въ Хабаровскъ въ желѣзнодорожную гостиницу, построенную для служащихъ, отправляющихся на постройку и обратно. Обширный двухъэтажный домъ биткомъ набитъ, сверху донизу, ожидающими пароходовъ: и жены инженеровъ, агенты и телеграфные чиновники, и машинисты, и начальники депо, и жены служащихъ, и пр., и пр., А въ нижнемъ этажѣ—масса рабочихъ, гостиница полна, негдѣ пріютиться.

Наконецъ, кое-какъ устроились; начинаю знакомиться съ дамами, и спрашиваю, когда отправлять будутъ. Не знаемъ,—говорятъ,—я третью недѣлю живу здѣсь,—сообщаетъ одна,—а я ужъ мѣсяцъ,—говоритъ другая.—А я два мѣсяца,—сказала маленькая, грустная, окруженная дѣтьми женщина. На рукахъ у нея двухмѣсячный мальчикъ, на кровати съ одной стороны дѣвочка четырехъ лѣтъ, поразительно хорошенькая, спитъ сномъ невинности, не подозрѣвая горя матери, а съ другой стороны двухгодовой мальчуганъ, тоже хорошенькій.

Пассажирка эта разсказала намъ, что она пріѣхала изъ Воронежа, на пароходѣ добровольнаго флота, черезъ Одессу во Владивостокъ. Мужъ служитъ телеграфнымъ начальникомъ станціи, выслалъ билетъ на пароходъ и 70 рублей денегъ. Отъ Владивостока до Хабаровска она добралась хорошо, и здѣсь родила мальчика; отъ мужа не получаетъ никакихъ извѣстій, и никто не знаетъ, гдѣ онъ, и живъ ли. Мы отъ души пожалѣли бѣдную женщину. Такую участь терпѣла не одна она, а потомъ оказалось, и другія переживали мучительную неизвѣстность, не зная, гдѣ мужья служатъ, и даже живы ли.

Для передвиженія пассажировъ назначенъ агентъ, г. В—овъ; жилъ онъ на Красной рѣчкѣ, въ 15 верстахъ выше Хабаровска, гдѣ былъ полустанокъ маньчжурскихъ пароходовъ: тамъ грузили товары и всѣ желѣзнодорожные матеріалы, такъ какъ въ Хабаровскѣ нѣтъ

удобнаго мѣста для нагрузки и выгрузки товаровъ. Маньчжурскіе пароходы, нагружаясь на Красной рѣчкѣ, выходятъ на Уссури и доходятъ до Хабаровска, тамъ останавливаются на пристани, забираютъ пассажировъ и идутъ по Амуру до Сунгари. Вотъ почему агентъ и жилъ тамъ; только разъ въ день онъ пріѣзжалъ въ Хабаровскъ на катерѣ.

Слышимъ въ залѣ какой-то шумъ и суету; говорятъ, агентъ пріѣхалъ. Залъ наполняется народомъ, окружили агента, всѣ на перебой спрашиваютъ, когда же насъ онъ отправитъ. Кто денегъ проситъ, кто про мужей справляется, нѣтъ ли писемъ... Наконецъ узнаемъ, что 26 мая пойдетъ пароходъ «Св. Иннокентій», и многіе отправятся на немъ. Всѣ очень обрадовались. Когда г-жа Роганова подала свое свидѣтельство, агентъ сказалъ: «Вотъ васъ давно ждутъ, для вашего добрѣйшаго мужа устроимъ васъ отлично».

Прибылъ обѣщанный пароходъ, и вотъ мы размѣстились на немъ. 25 дамъ, большею частью, съ дѣтьми и 30 мужчинъ, все молодежь, телеграфисты, конторщики, артельщики, трое военныхъ: полковникъ, ѣдущій въ Фулярди, капитанъ туда же, и адъютантъ В. съ женой въ Харбинъ къ Гротусу, начальнику охраны, три инженера и другіе.

Сначала пассажиры туго знакомились, но путешествіе быстро сближаетъ, а потому понемногу и стали знакомиться; особенно мужчины дѣлали первый шагъ, а дамы холодно относились къ заискиваніямъ и напрашиваніямъ на знакомства. Передъ отходомъ парохода зашелъ въ послѣдній разъ агентъ. Всѣ поспѣшили поблагодарить его за успѣшное устройство въ путь къ Маньчжуріи.

Наконецъ, мы двигаемся; проводы были интересные. Собралось нѣсколько офицеровъ, знакомыхъ полковнику, съ хоромъ музыки, и пока пароходъ собирался, хоръ игралъ безостановочно; пароходъ отошелъ при крикахъ «ура», смѣшавшихся съ походнымъ маршемъ. Когда немного отошли отъ Хабаровска, и онъ сталъ постепенно скрываться, многіе вздохнули, лица подернулись грустью, у всѣхъ мелькнула одна и та же мысль: покидаемъ хотя и отдаленный, но все же русскій край, что-то будетъ тамъ, въ Маньчжуріи, какъ-то приметъ насъ новый край. Грустно сдѣлалось, но невеселая минута прошла, и стали любоваться красивыми картинами, которыя, какъ въ панорамѣ, убѣгали постепенно отъ насъ: и горныя вершины, и чудные луга; все цвѣтетъ и зеленѣетъ. Хотя мы плывемъ посреди Амура, однако чудный ароматъ жасминовъ и піоновъ доносится сильной струей, такъ и бьетъ въ носъ, не отошелъ бы отъ борта, но чу... звонокъ къ обѣду.

Первые разговоры у пассажировъ касались главнаго вопроса о Маньчжуріи, что и какъ тамъ; только г-жа Роганова имѣла нѣкоторыя свѣдѣнія и знала по-китайски, а изъ остальныхъ никто не могъ удовлетворить любопытство. Большинство сообщало письма мужей,

ихъ отрывочныя наблюденія относительно климата и квартиръ; оказалось, что вообще мужья все описываютъ въ розовомъ цвѣтѣ, чтобы заманить своихъ женъ, но всѣ, какъ оказалось потомъ, вѣрно писали про дешевизну продуктовъ.

На другой день, когда собрались къ утреннему чаю, узнаемъ, что мы уже плывемъ не по Амуру, а по Сунгари. Эта рѣка впадаетъ въ Амуръ въ 60 верстахъ выше Хабаровска. Здѣсь сразу бросается въ глаза перемѣна: во-первыхъ, вода буро-желтая, мутная, она никогда свѣтлая не бываетъ по причинѣ илистаго дна, и берега пошли отлогіе и ровные, горы пропали, началась степная мѣстность, съ травой высокой, особенно у береговъ. Когда пароходъ останавливается грузить дрова, мы выходимъ на берегъ побѣгать, поразмять ноги, трава оказывается выше человѣческаго роста. Мы разбредемся по берегу, не видя другъ друга, перекликаемся, и едва до парохода доберемся, впрочемъ далеко и не ходимъ, боимся: мы уже въ Маньчжуріи, повидимому, въ пустынномъ краѣ; кромѣ сторожа-китайца у дровъ, ни одной души не видать. Но пароходъ даетъ свистокъ, нагрузка дровъ кончена, и мы плывемъ дальше. Командиръ объявилъ, что къ вечеру будемъ въ первой маньчжурской деревнѣ Лаха-су-су. Ждемъ съ нетерпѣніемъ, особенно кто изъ Россіи прямо и совсѣмъ не видалъ ни китайцевъ, ни китайской деревни.

Но слышу звонокъ — зовутъ чай пить, прихожу въ столовую, у всѣхъ кислыя физіономіи и угрюмое молчаніе; на столѣ—самоваръ; изъ любезности одна дама хозяйничаетъ, наливаетъ чай желающимъ, но ихъ мало: кто пьетъ лимонадъ, кто квасъ, кто зельтерскую, а кто красное вино. Смотрю и удивляюсь: на Амурѣ были записные любители чая, а на Сунгари — ни одного почти, особенно мужчинъ, женщины еще, съ горемъ пополамъ, пьютъ по стакану, а мужчины и не смотрятъ на чай. Что это значитъ? Подхожу къ самовару и прошу мнѣ налить стаканъ чая, наливаютъ, и недоумѣніе мое сразу разрѣшилось: смотрю, вмѣсто чая у меня въ стаканѣ какая-то сѣрая бурда... подношу храбро ко рту, глотаю и на зубахъ чувствую хрустъ песка и ила, но кое-какъ допила стаканъ и болѣе уже не рѣшилась,—ужасно противно. Это—первыя прелести Маньчжуріи. Молча смотрю на другихъ, ожидаю, не скажетъ ли кто нибудь по поводу чая, но никто ни слова. Вдругъ слышимъ свистокъ, значитъ, Лаха-су-су близко, бросаемъ чай и выходимъ на палубу. Вдали виднѣются какія-то сѣрыя низенькія кучки, и между ними кое-гдѣ возвышаются громадные шесты съ конскими хвостами, это—ворота кумирни. Подходимъ ближе, начинаютъ вырисовываться отдѣльные домики, т.-е. китайскія фанзы. Каждая фанза по китайскому плану обнесена кругомъ глинобитной стѣной, съ разрисованными воротами, окнами, по-восточному, на дворъ. На берегу нѣтъ ни пристани, ни скла-

довъ, ни набережной, только стоитъ нѣсколько китайскихъ джонокъ, такъ называются большіе баркасы, похожіе на тихвинки. Джонки имѣютъ три мачты, вмѣсто парусовъ на нихъ натянуты циновки изъ бамбука.

Жители Лаха-су-су видали уже русскихъ мужчинъ, но русскихъ дамъ и въ такомъ изобиліи и такъ близко не видали; особенно китаянки, сидя дома, и понятія не имѣютъ о другихъ народахъ. И вдругъ появилось съ парохода до 30 дамъ, конечно, всѣ нарядныя, расфранченныя въ невиданные китаянками костюмы. Понятно, съ какимъ интересомъ онѣ насъ разглядывали, хотя и дичились-- закрывались рукавами, какъ наши деревенскія красавицы, когда ихъ посторонній разсматриваетъ, но понемногу осмѣлились, стали быстро обмѣниваться между собою мнѣніями и поближе подходить къ намъ. Мы тоже подвигались къ нимъ понемногу, и вотъ, благодаря ребятишкамъ-китайчатамъ, почти вплотную сошлись толпой; ребятишки, всѣ безъ исключенія голыя, ныряютъ и снуютъ безстрашно между нами, и слышны замѣчанія и фразы въ родѣ: «бабушка хо», т.-е. женщины красивыя, или «шанъ-шанго», очень хорошія. А когда пассажирка Роганова, знающая китайскій языкъ, вступила съ ними въ разговоръ, — Боже мой, какой получился эффектъ. Ребятишки и китаянки тотчасъ обступили ее и забросали вопросами, какъ она узнала ихъ языкъ и гдѣ научилась, навѣрно она джангуида, т.-е. жена начальника изъ Чифу или Тяньцзиня. Г-жа Роганова имъ объяснила, что у нея во Владивостокѣ служилъ бойка, т.-е. слуга-китаецъ, его она учила говорить по-русски, а онъ ее—по-китайски. При этомъ сообщеніи къ каждому слову разсказа китаянки прибавляли: «шанго, шанго, мáдама». Еще больше еудовольствіе доставила г-жа Роганова своимъ слушательницамъ, когда начала раздавать имъ мелкія вещи въ подарокъ: грошовыя зеркальца и куски мыла для лица, и показала, какъ надо мылить. Китаянки въ деревняхъ понятія не имѣютъ о мытьѣ съ мыломъ, и на шеѣ у нихъ обыкновенно кочки грязи, хотя лицо набѣлено и нарумянено до карикатурности. Для дѣтишекъ же г-жа Роганова вынула изъ мѣшка грошовые пряники и конфеты, а дѣвушкамъ—серьги, ленты и бусы. При раздачѣ подарковъ получился такой крикъ и гвалтъ и такая давка, что толпа чуть не смяла г-жу Роганову: хорошо, что она предусмотрительно попросила полковника дать ей въ провожатые двухъ казаковъ, да и кавалеры были около нея.

Дрова нагружены, пароходъ отчалилъ, начался обмѣнъ впечатлѣній, разсказы о разныхъ приключеніяхъ во время двухчасовой стоянки у пристани. Самый интересный случай на берегу произошелъ съ полковникомъ и его спутниками. Онъ надѣлъ парадную форму и всѣ регаліи; на всякій случай взялъ 4 казаковъ, при шашкахъ и съ нагайками, и съ этой свитой отправился предста-

виться лахасусскому фудутуну, т.-е. начальнику. Сопровождали также полковника переводчикъ и капитанъ парохода, какъ знакомые уже съ фудутуномъ. Этотъ кортежъ, состоявщій изъ 7 мужчинъ, чрезъ толпу двинулся къ начальнику; не успѣли отойти отъ пристани и ста саженъ, какъ китайцы молча послѣдовали за ними; они стали безпокоиться, но переводчикъ объяснилъ, что это—любопытные; слышны были отрывочныя замѣчанія по поводу ихъ прогулки, костюмовъ, даже наружности и ношенія бороды. Чѣмъ дальше двигается кортежъ, тѣмъ толпа дѣлается гуще, и, наконецъ, почти у самаго дома фудутуна, она сомкнулась, и казакамъ съ трудомъ пришлось пролагать путь. Когда у фудутуна увидали идущихъ,—пошла суматоха, забѣгали китайцы по всѣмъ направленіямъ, только косы развѣваются. Но вотъ бѣгутъ обратно, одинъ несется съ какой-то мѣдной трехаршинной трубой, другой вынырнулъ изъ какого-то переулка съ зеленымъ знаменемъ, обшитымъ золотой бахромой, третій, малюсенькій китаецъ, вынырнулъ чуть ли не изъ кузницы, онъ былъ черенъ и грязенъ, съ огромнымъ турецкимъ барабаномъ. Тройка эта была въ однообразныхъ синихъ кофтахъ съ широкой кумачной обшивкой по краямъ. Какъ оказалось, это—солдаты-музыканты, они выстроились на крыльцѣ фудутуна и встрѣтили нашихъ оглушительнымъ ревомъ трубы и боемъ барабана. Самъ фудутунъ сидѣлъ на нарахъ, на коврѣ, поджавъ ноги; рядомъ съ нимъ стоялъ въ почтительной позѣ его переводчикъ. Затѣмъ наши входятъ, здороваются черезъ переводчика. Послѣ всѣхъ церемоній поданъ былъ чай въ маленькихъ чашечкахъ и какіе-то леденцы. Чай былъ хорошій, ароматный, но леденцы были съ перцемъ. Потомъ закурили трубки, и полковнику дали китайскую серебряную трубку (гамзу) въ подарокъ. Табакъ у китайцевъ хорошъ, только они не умѣютъ рѣзать и замаривать его, онъ похожъ на турецкій, нѣжно-желтый, мягкій, шелковистый. Наконецъ, визитеры поднимаются и изъявляютъ желаніе осмотрѣть помѣщеніе фудутуна и мѣстную кумирню, на что́ и послѣдовало согласіе.

Фанза фудутуна имѣетъ такой видъ: представьте себѣ сарай 7 саженъ длины и 4 ширины, покрытый на два ската черепицей, потолокъ въ немъ изъ лакированныхъ бѣлыхъ досокъ съ маленькими золотыми арабесками и изреченіями Конфуція. Стѣны сдѣланы изъ тонкихъ бревешекъ и съ обѣихъ сторонъ оштукатурены и выбѣлены, въ окнахъ вмѣсто стекла промасленная бумага, переплеты у оконъ частые, черные, лакированные съ золотомъ. Внутри зданія, кругомъ стѣнъ, длинныя нары, сдѣланныя частію изъ кирпича, частію изъ плитняка, въ концахъ наръ у дверей устроена съ обѣихъ сторонъ топка подо всѣми нарами; когда ихъ натопятъ, то нары горячія, тогда ихъ покрываютъ циновками, и онѣ служатъ постелью. Посреди фанзы очагъ съ золой и горя-

чими углями для трубки, полъ земляной, по немъ ходятъ въ обуви, а на нары встаютъ, снимая башмаки, на ногахъ остаются коленкоровые носки. Перегородка на женскую половину изъ лакированнаго дерева, тамъ убранство получше: виситъ нѣсколько картинъ въ китайскомъ вкусѣ, стоитъ буфетъ изъ чернаго дерева, на буфетѣ—блюда и вазы, двѣ изъ нихъ бронзовыя старинныя, съ разноцвѣтной эмалью, и нѣсколько вазъ маіоликовыхъ и фарфоровыхъ, розовыхъ, очень хорошихъ. На стѣнахъ висятъ маньчжурскій лукъ и колчанъ со стрѣлами, какъ говорятъ, отравленными. Женъ фудутуна не оказалось дома, потомъ мы ихъ увидали на берегу, двѣ старыя и одна 15 лѣтъ, только-что вышла замужъ, всѣ три въ шелку, набѣлены и нарумянены по обыкновенію. Раскланялись съ фудутуномъ, поблагодарили его за гостепріимство; онъ подарилъ полковнику вазу, которую тотъ сильно хвалилъ. У китайцевъ свято соблюдаютъ обычай: разъ гость похвалилъ вещь, хотя она для хозяина и самая дорогая, онъ, не желая быть невѣжливымъ, долженъ ее подарить гостю. Въ свою очередь полковникъ подарилъ фудутуну портъ-сигаръ серебряный, вызолоченный, съ видомъ Варшавы, и электрическую серебряную спичечницу для закуриванія. Фудутуну очень понравился этотъ подарокъ, особенно лампочка, онъ не разъ открывалъ и закрывалъ ее, и любовался, какъ ребенокъ, повторяя: «шанго, шанъ-шанго». Наконецъ всѣ отправились къ кумирнѣ въ сопровожденіи ожидавшей толпы. Недалеко отъ кумирни наши слышатъ гвалтъ, крикъ, свистки и отчаянную русскую брань, затѣмъ видятъ раздраженную массу обывателей, кричащихъ и отчаянно размахивающихъ руками и палками. Четыре казака энергично стараются остановить толпу нагайками, а далѣе бѣжитъ, только пятками сверкая, плывшая на пароходѣ молодежь. Полковникъ и его спутники бросились немедленно бѣжать къ мѣсту стоянки парохода, протолкавшись среди бѣснующейся и угрожающей толпы китайцевъ, и, благодаря помощи казаковъ, лихо поработавшихъ и локтями и нагайками, какъ разъ во время добрались до парохода. Сходни тотчасъ стали убирать, а толпа все прибывала и прибывала, на пароходъ полетѣли камни и комья земли, пока онъ тихо отходилъ отъ пристани. Нѣкоторые болѣе смѣлые изъ китайцевъ бросились въ лодки, какъ бы собираясь атаковать пароходъ, но такъ какъ онъ идетъ противъ теченія, поворотовъ не нужно дѣлать, то пароходъ скоро пошелъ полнымъ ходомъ, тогда лодченки, видя свое безсиліе, бросились вразсыпную, гребцы показывали намъ кулаки и злобно плевали вслѣдъ. Только женщины и дѣти не принимали участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, а стояли въ сторонѣ и любовались подарками и умильно поглядывали, не принесутъ ли съ парохода еще чего нибудь для нихъ. Во время преслѣдованія китайцами молодыхъ русскихъ пассажировъ, г-жа Роганова, замѣтивъ непріязнь ки-

тайцевъ, чтобы дать бѣгущимъ русскимъ свободный входъ на пароходъ, съ подарками перешла на корму, вплоть приставшую къ берегу, и сюда переманила китаянокъ и ихъ дѣтей. Г-жа Роганова открыла корзинку съ подарками и въ самый критическій моментъ бросила въ толпу нитки бусъ, конфеты, орѣхи, отчего многіе бросились ловить эти предметы. Такимъ образомъ женщины и ребята были отвлечены отъ нападающей толпы, и китаянки не могли помогать мужьямъ.

Мало-по-малу все успокоилось, начали наводить справки, чѣмъ были раздражены китайцы. Оказывается, наша молодежь отправилась въ кумирню полюбоваться на китайскихъ боговъ; одному молодому человѣку пришла несчастная мысль—стащить одного рогатаго божка, красиво сдѣланнаго изъ бронзы, въ полъ-аршина ростомъ. Планъ удался, истуканчикъ украденъ благополучно, но спрятать его не удалось, китайцы замѣтили и заволновались, виновники съ сконфуженнымъ видомъ показали пассажирамъ злополучнаго божка; тогда начали судить, рядить, какъ бы исправить ошибку, но не пришли ни къ какому заключенію, а божка конфисковали и рѣшили преподнести его г-жѣ Рогановой, какъ спасительницѣ экипажа отъ крупной бѣды. Дѣло въ томъ, что, если бы г-жа Роганова не отвлекла бабъ и дѣтей грошовыми бездѣлушками, то онѣ первыя бы при шумѣ бросились на сходни и не пустили бы русскихъ на пароходъ, тогда вся деревня могла бы броситься на нихъ, перебить всѣхъ и разграбить. Г-жа Роганова скромно приняла злополучнаго божка, и у публики получила твердый авторитетъ.

На слѣдующій день мы стали ждать города Баянъ-су, всѣ встали, чтобы на всякій случай быть готовыми ко всему. Зовутъ чай пить, но не до него, когда на душѣ скверно, да и чай—не чай, а кисель какой-то: сколько воду ни цѣдили, все песка и ила довольно, и на зубахъ хруститъ; поворчали и разошлись. Всѣ испытывали тревогу, какъ примутъ пароходъ въ Баянъ-су, тамъ надо дрова брать, больше негдѣ. Около обѣда вдали начали вырисовываться очертанія крѣпости. Сѣрыя, глинобитныя стѣны ея имѣютъ угрожающій видъ, по угламъ ихъ круглыя башни съ бойницами довершаютъ впечатлѣніе. Всѣмъ сдѣлалось какъ-то не по себѣ, всѣ стали снова упрекать виновника описаннаго волненія, но онъ и такъ ужъ много выслушалъ упрековъ, что даже началъ прятаться. Особенно его упрекали, сильно вольнуясь, женщины.

Капитанъ всѣхъ успокоивалъ и объявилъ, что простоитъ не болѣе полчаса, только возьметъ необходимое количество дровъ, на сходняхъ поставитъ охрану, а въ случаѣ тревоги тотчасъ отойдетъ отъ берега, такъ какъ въ 20-ти верстахъ есть дрова. Вотъ пароходъ подплываетъ къ берегу, подозрительнаго незамѣтно: пассажиры со страхомъ глядятъ на крѣпостныя амбразуры: вотъ, вотъ появится дымокъ, и грянетъ выстрѣлъ, но все спокойно,

пушки молчатъ, часовые ходятъ по стѣнѣ въ ста саженяхъ отъ берега. Вышло нѣсколько китайцевъ, они даже вынесли на продажу куръ, утокъ, яйца, свѣжую рыбу и китайскія булки, похожія видомъ на оконную замазку, по формѣ — это маленькіе круглые брусочки. Торопливо было закуплено необходимое, послышался послѣдній свистокъ, всѣ вздохнули съ облегченіемъ, заговорили весело. Послышался звонокъ къ обѣду, поваръ постарался отличиться: отпустилъ на первое блюдо супъ изъ гусиныхъ и куриныхъ потроховъ, на второе—карасей въ сметанѣ, а на третье—жареныхъ утокъ, и затѣмъ въ довершеніе всего свѣжій ананасъ. Съ прекраснымъ обѣдомъ не гармонировала лишь вода, похожая на отвратительную бурду; начали судить, рядить, какъ быть, навели справку относительно посуды, оказалось, въ запасѣ нѣтъ ни кадокъ, ни котловъ, а вода прямо изъ Сунгари черпается и наливается въ самоваръ. Правда, на пароходѣ есть два фильтра, но очищаемая ими вода вся уходитъ дѣтямъ. По случаю недостатка посуды рѣшили воспользоваться находящейся въ багажѣ, принадлежащей одной пассажиркѣ, новой, только что выкрашенной, ванной, въ нее наливалась вода, отстаивалась, и вкусъ улучшался. Правильное чаепитіе теперь установилось къ общему удовольствію. Напившись чая, обыкновенно пассажиры выходили на площадку. Вездѣ пейзажъ однообразный: все степь, трава и цвѣты, ни малѣйшей возвышенности. Кое-гдѣ вдали мелькаютъ китайскія деревушки, на берегу же селеній почти нѣтъ, потому что китайскіе разбойники разъѣзжаютъ по Сунгари и грабятъ шаланды и джонки, а съ деревень берутъ правильный откупъ, а если его не даютъ, то разоряютъ деревню до тла и уплываютъ на своихъ лодкахъ въ недоступные укромные уголки, а такихъ мѣстечекъ очень много по Сунгари и ея притокамъ. Разбойники здѣсь такъ дерзки, что дѣлаютъ набѣги даже на города. Китайцы не любятъ сражаться, особенно тамъ, гдѣ рядомъ домъ, жена и дѣти, они предпочитаютъ откупиться, и откупаются цѣлымъ городомъ. Тогда разбойники наберутъ всякаго добра и уходятъ въ недоступныя горы и ущелья. Китайскія войска не отважутся преслѣдовать хищниковъ въ ихъ логовищахъ, здѣсь они въ безопасности живутъ припѣваючи, до новаго набѣга.

Разбойничьи набѣги—главнѣйшая причина, почему рѣдки деревни по берегамъ, а если и есть деревня или ханшинный заводъ, то они обнесены стѣной, какъ крѣпость, и даже есть пушки. Ханшинные заводы — это водочные заводы, перерабатывающіе изъ проса, чумизы и гаоляна водку.

Такъ какъ заводы требуютъ охраны, то имъ даютъ сто солдатъ съ условіемъ, что заводъ обязанъ стражу кормить и жалованье платить; при такой охранѣ полагается капитанъ и два офицера, въ качествѣ помощниковъ.

Продолжаемъ плыть дальше безъ приключеній, разбойниковъ мы не боялись, у насъ на пароходѣ было 30 казаковъ и человѣкъ 100 способныхъ носить оружіе мужчинъ; послѣдніе всѣ были вооружены винчестерами и проч., даже у большинства дамъ имѣлись заряженные револьверы на всякій случай. На утро просыпаемся, и, конечно, первый взглядъ—на рѣку и берега; слава Богу, степь измѣнилась, стали появляться кое-гдѣ холмики и кусты, хотя и тощіе, но все же разнообразіе. Мы постоянно удивлялись командиру, какъ онъ хорошо лавируетъ между частыми островами и не собьется съ дороги, знаетъ извивы рѣки и крутые повороты подъ прямымъ угломъ.

II.

На третьи сутки путешествія пароходъ пришелъ къ Сансинской пристани, противъ города Санъ-Сина, гдѣ китайцы отвели мѣсто для надобностей Восточно-Китайской желѣзной дороги.

Мѣстность здѣсь степная, ровная, повсюду—трава и трава, только кое-гдѣ проглядываютъ квадратики посѣва то чумизы (проса), то гаоляна выше человѣческаго роста, въ родѣ нашей гречихи. Зернами гаоляна китайцы кормятъ коней, какъ мы овсомъ, а солома этого растенія, равная 4-мъ арш. вышины и немного толще нашего болотнаго камыша, когда поспѣетъ, имѣетъ видъ золотистый, подобно нашей ржаной соломѣ, употребляется на крыши и плетеніе ковровъ, циновокъ, а также и на топливо.

На пристани стоятъ два домика, сдѣланные изъ битой глины; одинъ изъ нихъ покрытъ желѣзомъ, а другой гаоляномъ; около домиковъ—сарай изъ плетня и обмазанные глиной конюшня и ледникъ. Передъ домами прямо на открытомъ мѣстѣ масса всевозможнаго товара выгружена съ пароходовъ и баржей, весь берегъ заваленъ рельсами, ящиками съ желѣзомъ, колесами, тачками и вагонетками. Трудно было угадать, куда пароходъ пристанетъ, но для командира это, какъ видно, не диковинка: подошли вплотную къ крутому берегу и бросили сходни. Всѣ пассажиры, перепрыгивая съ ящика на ящикъ, выбрались на чистый берегъ, рады поразмять ноги, начали прогуливаться, молодежь бѣгала взапуски, обрадовалась, что по землѣ можно ходить, а не по зыбкой пароходной палубѣ. А другіе, выйдя на берегъ и вооружившись биноклями, начали осматривать городъ Санъ-Синъ, расположенный на другой сторонѣ рѣки Сунгари. Издали Санъ-Синъ показался интереснымъ, ближе къ берегу домики большіе и расписаны яркими красками, а у нѣкоторыхъ домовъ даже рѣзныя ворота, и все это размалевано въ китайскомъ вкусѣ. Санъ-Синъ расположенъ на ровномъ мысѣ, имѣющемъ видъ полуовала, примыкающемъ прямой стороной къ Сунгари, а полукругомъ онъ вдается въ горы.

Послѣднія окружаютъ Санъ-Синъ съ трехъ сторонъ. Выше Санъ-Сина у подножія горъ, упирающихся въ Сунгари, находится небольшая рѣчка Санъ-Синъ-ю, отъ нея и названіе получилъ городъ; на этой рѣчкѣ строятъ джонки, и плаваетъ китайская военная канонерка, на которой есть солдаты и офицеръ, и двѣ пушки; она крейсируетъ по рѣкѣ Сунгари для устрашенія рѣчныхъ разбойниковъ, которыхъ называютъ хунхузами. Разсказываютъ, что когда хунхузы выѣзжаютъ грабить, то канонерка благоразумно укрывается подъ защиту Санъ-Синской крѣпости, пушки которой ей кажутся надежнѣе, чѣмъ свои.

За рѣкой, у самой подошвы горы, на берегу Сунгари, возвышается большая кумирня, а вдали, какъ разъ въ серединѣ дуги, впереди зеленѣющихъ горъ, отчетливо рисуются бѣлыя глинобитныя стѣны крѣпости, и чернѣютъ амбразуры для пушекъ.

Пока пассажиры осматривали Санъ-Синъ, къ нимъ торопливой походкой подошелъ русскій агентъ, полковникъ Винниковъ. Онъ очень любезно переспросилъ, какъ доѣхали, и не нуждается ли кто въ чемъ, а затѣмъ пригласилъ къ себѣ на чай. Конечно, всѣ съ радостію согласились; предварительнно Винниковъ пригласилъ посмотрѣть устроенный имъ на Сунгари первый русскій домикъ. Послѣдній имѣлъ обыкновенное устройство, комнаты были черезчуръ малы, одна изъ нихъ предназначена для пріѣзжающихъ, на тотъ случай, если кто въ дорогѣ заболѣетъ и не можетъ слѣдовать дальше, то отлеживается здѣсь.

По осмотрѣ помѣщенія агента, перешли въ маленькій домикъ, раздѣленный на двѣ части; въ одной половинѣ помѣщаются казаки; у нихъ вдоль стѣнъ устроены нары, а посрединѣ большой столъ; въ другой половинѣ—большая русская печь для всѣхъ и по угламъ занавѣски, которыми отгорожены углы для семейныхъ и каморка для холостяковъ: плотника, слесаря и кузнеца. Домикъ обмазанъ глиной снаружи и внутри и выбѣленъ известкой. Дальше, виднѣется нѣсколько землянокъ, въ нихъ помѣщаются китайцы-выгрузчики.

Послѣ чая, по приказанію агента, казаки на лодкахъ повезли насъ смотрѣть Санъ-Синъ. Любопытство превозмогаетъ страхъ, на всякій случай просимъ другъ друга не расходиться, не терять изъ виду другъ друга. Выходимъ на берегъ, толпа манзъ собралась порядочная, но молчаливая; казакъ растолкалъ ее, и мы благополучно выбрались и направились вверхъ по Сунгари къ кумирнѣ сначала пѣшкомъ, а потомъ на лодкахъ. При устьѣ рѣчки Санъ-Синъ-ю, впадающей выше города, мы встрѣтили три китайскихъ военныхъ лодки, вооруженныя пушками; когда мы кругомъ объѣзжали эту флотилію, солдаты выскочили изъ каютокъ и уставились на насъ; изъ большой каюты медленно выползъ солидный китаецъ, съ объемистымъ брюшкомъ, одѣтый въ штофъ и атласъ,

и приказалъ нашимъ гребцамъ плыть дальше отъ канонерокъ, а солдаты переругивались съ гребцами самыми визгливыми бабьими голосами.

Высаживаемся противъ кумирни; не доходя до нея, останавливаемся любоваться громадными драконами на дверяхъ, при входѣ въ ограду; они вырѣзаны изъ цѣлаго дерева и окружены разными символами, орнаментами и чудовищами. Въ кумирнѣ есть нѣсколько богомольцевъ; передъ ними стоитъ бонза (священникъ), въ черномъ одѣяніи, съ громадной, до полу, косой, грязной и такъ засаленной, что отъ нея идетъ слѣдъ по платью кунжутнаго масла, которымъ китайцы въ изобиліи мажутъ свои косы; въ рукахъ бонза держалъ нѣсколько ароматическихъ свѣчей, бормоча молитвы; зажигаетъ одну за другой и втыкаетъ въ котелъ, наполненный пескомъ и стоящій на подставкѣ; китайцы входятъ и бросаютъ монеты на приготовленное блюдо; впрочемъ приношенія ихъ бываютъ разныя; большинство несетъ бобы, рисъ, и падаютъ на колѣна, какъ татары, воздѣваютъ руки кверху, кланяясь до земли. Бонза въ это время бормочетъ молитвы, втыкаетъ въ котелъ свѣчи, издающія пріятный ароматъ, и ударяетъ нѣсколько разъ деревяннымъ молоточкомъ, обернутымъ въ кожу, по пустому котлу, чтобы обратить вниманіе божковъ, которыхъ находится изрядное количество. На первомъ мѣстѣ сидитъ, поджавъ ноги, «Будда», огромныхъ размѣровъ статуя изъ бронзы; она настолько почернѣла, что можно принять ее за чугунную; у подножія ея кругомъ отлиты цвѣты лотоса, рядомъ съ Буддой—еще статуя почтеннаго старца, съ длиннѣйшими усами и бородой до земли, потомъ дѣва—божественной красоты, а рядомъ какой-то рогатый божокъ съ эѳіопской физіономіей; потомъ сторукій богъ плодородія, держащій въ рукахъ травы и колосья; наконецъ—цѣлая группа истуканчиковъ большихъ и маленькихъ, они разставлены вдоль стѣнъ въ разнообразныхъ позахъ. Помня случай въ Лаха-су-су, мы скоро оставили кумирню.

Въ городѣ улицы узкія и грязныя, зловоніе не передаваемое; нѣкоторыя мѣста нельзя пройти, не затыкая носа; улицы и дома никогда не очищаются. На базарѣ насъ окружила толпа и разсматривала съ любопытствомъ. При помощи казака, пассажиры купили разныя бездѣлушки: вѣеры и зонтики. Затѣмъ отправились осматривать крѣпость. Внутрь насъ не пустили, ее окружаютъ громадныя стѣны, частью глинобитныя, частью изъ кирпича и изъ камня, не отесаннаго, сложеннаго и смазаннаго глиной; стѣны вышиною до трехъ саженъ, а въ ширину до пяти саженъ; по угламъ—двухъэтажныя бойницы, въ нихъ амбразуры, изъ которыхъ выглядываютъ дула пушекъ. Въ крѣпость ведутъ нѣсколько воротъ. Направились дальше на кладбище, оно въ концѣ города, близъ рѣки, омывающей стѣны крѣпости.

Нѣсколько деревьевъ украшаютъ кладбище; они раскинули свои развѣсистыя вѣтки; мы увидѣли нѣсколько гробовъ-колодъ, стоящихъ подъ деревьями на землѣ, а нѣкоторые гроба слегка прикрыты землей; нѣсколько могилъ разрыты; китайскія собаки и свиньи разгуливаютъ свободно по кладбищу, вырываютъ покойниковъ и съѣдаютъ. Можетъ быть, поэтому свиньи тамъ громадныя, жирныя, съ ушами-заслонками; такой свиньи невольно испугается всякій, если попадется въ тѣсномъ мѣстѣ. Выходя поспѣшно съ кладбища, мы натолкнулись на огромную свинью, поѣдающую руку покойника, а подалѣе валяется обглоданная голова. Китайцы на такія явленія не обращаютъ вниманія, говоря: «мы ихъ кушаемъ, они насъ кушаютъ» (иго-янъ), т.-е. все равно... На томъ же кладбищѣ видѣли могилу китайскаго святого; она окружена небольшой рощей одичавшихъ персиковъ и пробковыхъ деревьевъ; среди нихъ наше вниманіе вдругъ привлекла кудрявая наша березка, какимъ-то чудомъ затесавшаяся на Санъ-Синское кладбище. Повидимому, она въ почетѣ, потому что увѣшана сверху донизу разными тряпочками, ленточками и лоскутками; это—приношенія почитателей святого. Посреди этой зелени—небольшой холмикъ, не болѣе сажени вышины, на немъ игрушечная кумирня, загроможденная болванами и болванчиками; вокругъ стѣнъ, по серединѣ лежатъ кости святого.

Вскорѣ мы возвратились на пароходъ безъ всякихъ приключеній, и какъ же были удивлены, когда узнали, что одинъ пассажиръ утащилъ съ кладбища голову покойника; всѣ запротестовали и просили выбросить за бортъ, но онъ упрямо твердилъ: мнѣ нужна для изслѣдованій, я нарочно ѣду для этого въ Маньчжурію. Оказалось, что это—студентъ-естественникъ, на каникулы онъ нарочно отправился въ Маньчжурію, въ качествѣ служащаго дороги. Объясненіе студента насъ успокоило, и на него махнули рукой. Онъ всю дорогу работалъ въ своей каютѣ, препарировалъ разныхъ рыбъ, которыхъ много въ Сунгари, а когда пароходъ остановится у пристани, онъ бѣжитъ на берегъ съ маленькой лопаткой, корзинкою въ рукахъ и съ сачкомъ; повсюду торопливо то срываетъ, то выкапываетъ и бѣгаетъ по берегу за бабочками, букашками и стрекозами.

Одинъ разъ онъ чуть не потерялся на берегу: хорошо, что вспомнили. Когда погрузили дрова, дали свистки одинъ за другимъ и уже убрали сходни, является студентъ весь красный, запыхавшись, въ рукахъ держитъ что-то бережно завернутое. Отъ него узнали, что увидалъ звѣрка, погнался за нимъ, и когда поймалъ, то свистки чуть слышны были. Пойманный студентомъ звѣрекъ, маленькій, бѣленькій, въ родѣ кролика, скачетъ, какъ заяцъ, глаза продолговаты, какъ у кролика; уши—длинныя, въ четверть; въ Маньчжуріи ихъ много. Впослѣдствіи всѣ русскіе завели такихъ звѣрковъ; ни одного дома

не было, гдѣ бы не находилась парочка этихъ граціозныхъ животныхъ; они скоро привыкаютъ къ людямъ и даже изъ рукъ ѣдятъ капусту, какъ кролики.

Погода стояла чудная, все бы сидѣлъ на палубѣ, только комары сильно донимаютъ, особенно предъ закатомъ солнца, цѣлыя тучи вьются на пароходѣ и несутся вслѣдъ за нимъ, куда ни взглянешь, направо, налѣво, впереди, назади, цѣлыя вереницы комаровъ жужжатъ, такія крохотныя насѣкомыя не устаютъ и не отстаютъ отъ парохода, или они смѣняются непрерывными рядами, или это одни и тѣ же.

Опять дня три прошло, въ которые ничего особеннаго не случилось. Невзирая на обиліе мошекъ, всѣ пассажиры любовались переплываніемъ козуль черезъ Сунгари. Это было на закатѣ солнца, пароходъ только-что сдѣлалъ крутой поворотъ за небольшую скалу, какъ вдругъ кто-то крикнулъ: козули! и всѣ обратили взоры впередъ. Не болѣе какъ въ ста саженяхъ виднѣлись пять плывущихъ граціозныхъ головокъ; впереди самецъ съ небольшими рожками, безпокойно поворачивавшій туда и сюда головку, за нимъ двѣ козули и двое козулятъ; они были на серединѣ фарватера и усиливались поскорѣе переплыть его; козуля какъ бы подталкивала и поощряла робкихъ и слабыхъ дѣтишекъ. Капитанъ усилилъ ходъ парохода и сталъ настигать пловцовъ, нѣкоторые мужчины схватились за ружья, чтобы подстрѣлить животныхъ, но дамы запротестовали. Самецъ, видя, что пароходъ настигаетъ, быстро повернулъ назадъ къ берегу, его примѣру послѣдовали и остальныя. Мы съ удовольствіемъ видѣли трогательную картину: выбравшись на берегъ, козелъ и одна козуля тотчасъ исчезли въ кустахъ, а козуля, мать обезсиленныхъ малютокъ, съ трудомъ подталкивала ихъ въ кусты, чтобы скрыться, но онѣ, спотыкаясь и падая, жалобно блеяли; она скрылась, но сердце матери побороло страхъ, и она тотчасъ возвратилась, легла съ ними, чтобы не покидать ихъ.

Ѣдемъ дальше, на горизонтѣ что-то собирается, должно быть, гроза, тучи низко плывутъ, подуло сыроватымъ вѣтромъ, солнце скрылось въ тучахъ, вѣтеръ все крѣпчаетъ, всѣ попрятались. Погода разыгралась не на шутку, вѣтеръ все усиливается, облака ползутъ, сталкиваются и опять расходятся, вотъ откуда-то издалека послышался громъ, все ближе и ближе, и вдругъ разразился надъ нашимъ пароходомъ, и полилъ дождь, но не нашъ обыкновенный дождь, а ливень тропическій.

Наконецъ узнаемъ, что скоро будетъ Харбинъ, цѣль нашего путешествія. Общее нетерпѣніе ростетъ: впереди свиданья съ мужьями, нѣкоторыя волнуются, уже два года не видались съ мужьями, нѣтъ ли соперницы, а нѣкоторыя опасаются, какъ бы мужъ не узналъ, что за ними много ухаживали въ дорогѣ. Такъ различно

волновались и подготовлялись къ конечной цѣли путешествія. Погода была великолѣпная, послѣ вчерашняго ливня все какъ будто бы обновилось: и трава зеленѣе, и деревья какъ будто свѣжѣе; бабочки провожаютъ нашъ пароходъ, а нѣкоторыя и обгоняютъ, стрекозы жужжатъ, коромысла своими золотистыми крылышками рѣютъ въ воздухѣ, а комары звенятъ и гудятъ, не переставая тучами сопровождать насъ. Кругомъ горы пропали, опять пошли ровныя мѣста, видны посѣвы пшеницы, бобовъ, гаоляна, чумизы, которая стала попадаться чаще; деревень на берегу нѣтъ; онѣ гдѣ-то скрываются, то въ долинѣ, верстахъ въ 6-ти отъ рѣки, то въ оврагѣ; вынырнетъ домишекъ пятокъ, окруженныхъ стѣной, обсаженной деревьями; сразу и не узнаешь, что деревня, такъ здѣсь прячутъ дома отъ хунхузовъ.

До Харбина осталось верстъ десять, всѣ пріодѣлись, прифрантились для встрѣчи и сошли въ послѣдній разъ въ каютъ-компанію пить чай. Кавалеры сговорились устроить прощальный завтракъ своимъ спутницамъ; завтракъ былъ принятъ, пошли сдабриванія влагой клико, понемногу кавалеры набрались изрядно, начались прощальныя рѣчи, тосты, спичи, экспромты. Пока все это совершалось, пароходъ приближается къ пристани; она унизана, какъ муравейникъ, народомъ; разгружаются баржи съ товарами, китайскія шаланды съ камнемъ, пескомъ, лѣсомъ, казенные и купеческіе пароходы, подвозящіе рельсы, мосты, мостовыя скрѣпленія, кессоны и проч.

Крикъ, шумъ, толкотня, давка, какъ въ большомъ портовомъ городѣ. Всю эту смѣсь людей, племенъ, нарѣчій подавляютъ толпы оборванныхъ манзъ, такъ русскіе зовутъ китайцевъ. Ихъ на берегу, кромѣ рабочихъ артелей, несмѣтное количество. Едва прикрытые рубищемъ но съ вѣеромъ въ рукѣ, безъ рубашекъ, въ однихъ невыразимыхъ, засученныхъ выше колѣнъ, китайцы въ большомъ числѣ окружаютъ пассажира. Онъ съ отчаяніемъ слѣдитъ за своимъ чемоданомъ, увлекаемымъ со смѣхомъ тремя манзами, которые жестами приглашаютъ пассажира сопутствовать имъ; но злополучный пассажиръ никакъ не можетъ двинуться вслѣдъ за чемоданомъ, потому что другая группа китайцевъ ухватила его саквояжъ, подушки и стоитъ на мѣстѣ, а третья группа отнимаетъ у завладѣвшихъ, и пассажиръ въ недоумѣніи готовъ кричать караулъ. Но не думайте, что его хотятъ обокрасть, нѣтъ, манзы—честнѣйшіе люди. Они просто взяли вещи пассажира, чтобы снести, куда онъ хочетъ, но такъ какъ у манзъ, у всякаго своя артель, всякій хочетъ работать въ своей артели, и помогаютъ другъ другу, то за багажъ ухватились двѣ враждующія артели, одни хотятъ нести по праву захвата первыми, а другіе не даютъ нести заднимъ, потому что они опоздали. Наконецъ, является нѣсколько китайцевъ въ красномъ одѣяніи, съ большими дубинами

изъ бамбука въ рукахъ и начинаютъ разгонять толпу. Теперь партіи враждебныя уже мирно разговариваютъ, забыли о ссорѣ, и багажъ благополучно доставляется, куда слѣдуетъ. Получивъ по пятаку, манзы, очень довольные, расходятся. Китайцы въ красномъ платьѣ—это нанятые для охранной стражи—гордо выступаютъ въ своихъ красныхъ платьяхъ, точно кардиналы. На спинѣ и груди большіе бѣлые круги, въ которыхъ тушью написано крупно по-китайски: «полицейскій»; они ходятъ по улицамъ, водворяютъ порядокъ, и особенно на пристани ихъ много, гдѣ большое скопленіе народа, и гдѣ ежеминутныя столкновенія усмиряются палкой десятскаго.

Пароходъ подошелъ, сходни брошены, большая толпа встрѣчающихъ хлынула вслѣдъ за полицеймейстеромъ и его помощниками, наскоро ими провѣрены паспорты, съ нѣкоторыми полицеймейстеръ знакомился, подошелъ къ г-жѣ Рогановой и сказалъ: «Торопитесь, супругъ васъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, онъ, бѣдняжка, боленъ». Г-жа Роганова спѣшила къ больному, ей подали двухмѣстный американскій экипажъ. Поѣхали вдоль берега вверхъ по Сунгари мимо механическихъ заводовъ и мастерскихъ, потомъ своротили направо и поѣхали по новой дамбѣ, устроенной черезъ болото на протяженіи трехъ верстъ; на противоположномъ берегу за болотомъ дорога поднимается круто вверхъ, и ужъ издали видны кирпичный заводъ и громадная труба гофманской печи. У самой дороги, какъ поднимешься съ дамбы на кругой берегъ, постройка и службы инженера К—ва.

Проѣхали еще съ версту, дальше нѣсколько китайскихъ фанзъ для рабочихъ, въѣхали въ обширный дворъ, обставленный со всѣхъ сторонъ такими же невзрачными мазанками. У г-жи Рогановой сердце сжалось, и она подумала: «неужели мнѣ придется тутъ жить?» Наконецъ ее подвезли къ маленькому дворику, огороженному заборомъ и калиткой, посрединѣ стоитъ невысокая мазанка, покрытая глиной; по фасаду четыре низенькихъ окошка на разныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, а въ срединѣ дверь; ее отворилъ китайченокъ, худенькій, лѣтъ десяти, съ миленькимъ дѣтскимъ личикомъ и съ улыбкой. Имя китайченка—Тинза, что значитъ гвоздь; своей фигурой онъ дѣйствительно очень походилъ на гвоздь. Въ Китаѣ нѣтъ женской прислуги, даже у себя дома китаянки не занимаются хозяйствомъ, за нихъ все исправляютъ мужчины; послѣдніе даже стряпаютъ и бѣлье стираютъ.

Богатыя китайскія женщины, большею частію, неспособны къ работѣ отъ того, что имъ портятъ ноги, зашиваютъ въ кожаные башмаки и не снимаютъ, пока ростетъ ребенокъ. Когда китаянка выростетъ, ее ноги съ трудомъ носятъ; если на улицѣ сильный вѣтеръ захватитъ китаянку, то она не можетъ итти и падаетъ, ноги не держатъ ея.

Тинза, встрѣчая г-жу Роганову, то и дѣло бормоталъ на китайско-русскомъ воляпюкѣ и вытаращилъ глаза, когда хозяйка заговорила на чистомъ китайскомъ нарѣчіи. Наконецъ г-жа Роганова находитъ мужа, онъ лежитъ на кровати и хочетъ подняться, нервно и торопливо повторяя:

— Ну, вотъ, ну, вотъ, и пріѣхала, слава Богу, а я думалъ, что ужъ не пріѣдешь, покинула старика, не хочетъ ѣхать! А я умирать собрался здѣсь, и глаза закрыть некому.

Поздоровались, она его уложила на кровать, не велѣла тревожиться..

Кто же такой г. Рогановъ?

Г. Рогановъ на Дальній Востокъ пріѣхалъ въ 1890 г., вмѣстѣ со строителями Уссурійской желѣзной дороги и составомъ служащихъ, сформированнымъ въ Петербургѣ. Сначала онъ работалъ на этой дорогѣ, во Владивостокѣ. Здѣсь онъ участвовалъ въ производившемся спѣшно устройствѣ за городомъ поселка для ссыльно-каторжныхъ командъ, привезенныхъ сюда для работъ. Потомъ г. Рогановъ былъ на 7-мъ участкѣ Уссурійской дороги, на станціи при рѣкѣ Бикинѣ. Несмотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, Ѳедоръ Ивановичъ Рогановъ былъ бодръ и дѣятеленъ и преуспѣвалъ по службѣ; въ немъ всѣмъ нравились добродушіе и простота. Г. Рогановъ не заботился о черномъ днѣ; только благодаря экономіи своей жены, удержалось у него какимъ-то чудомъ тысченокъ около трехъ. При этой суммѣ онъ вздумалъ поработать самостоятельно, разсчитался съ Уссурійской дорогой и отправился на Забайкальскую, чтобы сдѣлаться подрядчикомъ. Начальникъ участка, цѣня честность и усердіе г. Роганова, отговаривалъ его отъ этого, но безуспѣшно. Г. Рогановъ всѣмъ энергично говорилъ:

— Хочу быть подрядчикомъ, да и баста. Чѣмъ я хуже такого-то и такого-то? Они, не имѣя ни копейки, теперь владѣютъ сотнями тысячъ.

Добрый начальникъ участка, прощаясь сердечно съ Ѳедоромъ Ивановичемъ, пожелалъ ему всѣхъ благъ и подъ конецъ бесѣды сказалъ ему:

— Когда тебѣ будетъ очень плохо, не забудь, гдѣ бы я ни былъ, напиши только, что нужно, помогу.

Г. Рогановъ явился на Забайкальскую дорогу съ тремя тысячами и съ самыми радужными мечтами. Здѣсь онъ взялся доставить милліонъ кирпича на станцію Срѣтенскъ; по контракту казна за кирпичи г. Роганову должна была платить 17 рублей за тысячу, а ему самому онъ стоилъ только девять рублей. Казалось бы, что г. Рогановъ могъ положить въ карманъ чистоганомъ тысячъ двадцать рублей, но онъ не только не нажилъ, а даже разорился. Первая причина бѣдствія была та, что онъ неудачно, безъ знанія мѣстныхъ условій, выбралъ участокъ для кирпичнаго завода. Не-

ожиданно полили дожди, послѣдовало наводненіе, сильнѣйшій разливъ Шилки и Амура, вода вдругъ хлынула валомъ съ трехсаженной высоты и затопила все, пристани, дороги и всѣ постройки, снесла громадные склады матеріаловъ Забайкальской желѣзной дороги. Убытокъ былъ громадный, болѣе, чѣмъ на 700 тысячъ рублей. Г. Рогановъ подалъ заявленіе о своихъ убыткахъ, прося ихъ возмѣстить, но ему отказали. Вторая бѣда въ предпріятіи г. Роганова состояла въ томъ, что приказчики получили его деньги и скрылись съ ними, чѣмъ поставили своего хозяина въ критическое положеніе: кредиторы не даютъ покоя, рабочихъ разсчитывать нечѣмъ. Тяжко было г. Роганову, но онъ не падалъ духомъ, возстановилъ заводъ и приготовилъ большую партію кирпича. Не имѣя денегъ на перевозку его, онъ обратился къ содѣйствію инженера Крюкова; послѣдній изъявилъ любезную готовность.

— А сколько возьмете за перевозку?

— Будьте покойны, сколько будетъ стоить себѣ.

Ошибся г. Рогановъ, повѣривъ обѣщанію хитраго инженера. Наступилъ день расчета, объ немъ узнали кредиторы и рабочіе, имъ г. Рогановъ далъ честное слово немедленно разсчитаться. Неопытный предприниматель явился въ контору, здѣсь г. Роганову предъявили подсчетъ, что за перевозку кирпича удерживается по 11 рублей съ подводы, и предложили ему поставить на контрактѣ подпись, что расчетъ сдѣланъ сполна, и никакихъ претензій онъ не имѣетъ. Въ силу такого расчета г. Рогановъ не только не получилъ прибыли, у него не хватило даже на покрытіе долговъ; между нимъ и инженеромъ произошелъ споръ.

— Не хотите такъ разсчитаться, тогда подождите слѣдующей выдачи денегъ,—объявилъ инженеръ Крюковъ:—черезъ три недѣли опять пріѣдетъ артельщикъ.

Пожалѣлъ г. Рогановъ рабочихъ и съ тяжелымъ чувствомъ подписалъ условіе.

— Ограбили вы меня, старика.

А ему смѣясь отвѣтили:

— На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ.

Вышелъ г. Рогановъ изъ конторы, его сразу окружили кредиторы, и всѣ деньги онъ роздалъ тутъ же.

Подъ вліяніемъ разоренія жена г. Роганова тяжко заболѣла, для лѣченія ее отвезли въ Срѣтенскъ. Когда ей стало лучше, она убѣдила мужа поѣхать на Маньчжурскую линію и тамъ найти выгодное дѣло.

Мужъ послушался, она переѣхала во Владивостокъ для окончанія лѣченія, а онъ уѣхалъ въ далекую Маньчжурію; здѣсь онъ опять принялся за любимую работу, за кирпичный заводъ. Нелегкое это было дѣло; за рабочими г. Рогановъ ѣздилъ въ далеко отстоящіе китайскіе города Гиринъ (1.000 верстъ) и Цицикаръ (500 верстъ),

отсюда онъ привезъ большую партію работниковъ. Заводъ сталъ работать усиленно, но въ концѣ декабря г. Рогановъ простудился и слегъ въ постель. Тогда женѣ послана была срочная телеграмма, которая и побудила ее поскорѣе ѣхать въ Маньчжурію.

III.

Г-жа Роганова начинаетъ знакомиться съ жизнью мужа. Онъ помѣщался въ мазанкѣ, вблизи которой строился каменный флигель для служащихъ, съ шестью квартирами. Мазанка была приведена къ пріѣзду жены въ лучшій видъ: стѣны обиты кошмой, поверхъ ея—китайская даба, отчего комната вышла синяя, потолокъ обитъ бѣлой бязью. Мазанка была полна китайской мебели: шкафъ, буфетъ, разныя вазы, коробочки, развѣшанные разнообразные вѣера дѣлали обстановку оригинальной. Виднѣлись повсюду китайскіе фонарики со всевозможными подвѣсками и украшеніями, на дверяхъ висѣли драпировки, состоящія изъ сотни нитокъ бисера, шелестящихъ при каждомъ прикосновеніи къ нимъ. Кое-гдѣ стояли ширмы, вышитыя по манчестеру мишурой лиловаго цвѣта. Все это бросалось въ глаза своей яркостью и скрывало убогость жилища. Около дома стояло громадное дерево, подъ нимъ устроена была бесѣдка, обтянутая полотномъ, съ двумя окнами изъ кисеи отъ комаровъ. Позади дома были палисадникъ и огородъ, въ немъ нѣсколько грядокъ моркови, луку, петрушки, капусты, сахарнаго горошка, бобовъ, помидоровъ, баклажанъ и огурцовъ, былъ посаженъ также и картофель, все это цвѣло и радовало, напоминая родину. Г. Рогановъ разсказалъ женѣ, что въ этой мѣстности была небольшая китайская деревенька, но такъ какъ тутъ оказалась хорошая глина, то участокъ этотъ вошелъ въ полосу отчужденія, китайцамъ заплатили, и они выбрались на другое мѣсто. Вотъ почему много брошенныхъ фанзъ, въ нѣкоторыхъ живутъ пришлые китайцы, ихъ до пятисотъ человѣкъ, нѣсколько фанзъ передѣланы въ квартиры служащимъ, конюхамъ и казакамъ. Обходя свое новоселье, г-жа Роганова, къ своему удивленію, нашла курятникъ и гусятникъ. За огородомъ на крутомъ берегу стояла баня, тоже глинобитная. Когда г-жа Роганова зашла въ передбанникъ, къ ней обратились мордочками два прелестныхъ козуленка, одинъ съ рожками, весь красненькій, а только брюшко бѣленькое, а другой пестренькій, сѣровато-бурый, съ круглыми пятнышками по всей спинкѣ и бочкамъ. Тинза прибѣжалъ съ чашкой молока и далъ г-жѣ Рогановой, чтобы напоить козулятъ; они довѣрчиво подошли къ ней и стали пить изъ чашки молоко, потомъ, когда она пошла къ дому, они также отправились за ней, какъ будто давно знакомые. Это случилось потому, что за ними ухаживала единственная

до пріѣзда г-жи Рогановой женщина, Настасья, жена рабочаго, у которой всѣ столовались.

Въ первый же день пріѣзда г-жи Рогановой, вечеромъ, къ ея мужу собрались всѣ сослуживцы. На казенномъ кирпичномъ заводѣ составъ служащихъ былъ слѣдующій: управляющій г. Рогановъ, съ жалованьемъ 175 рублей въ мѣсяцъ, при готовой квартирѣ, съ полнымъ готовымъ содержаніемъ. Ему была назначена пара лошадей для разъѣзда въ экипажѣ и верховая лошадь съ сѣдломъ. Помощникъ управляющаго получалъ 120 рублей на тѣхъ же условіяхъ; это мѣсто занималъ молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ, Ос—овъ. Его считали любимцемъ участковаго инженера К—ва, съ которымъ онъ и пріѣхалъ изъ Питера, какъ спеціалистъ по обжигу кирпича въ гофманской печи. Для того же дѣла еще состоялъ нѣмецъ; его выписали изъ Германіи, чтобы поставить какую-то сложную машину на кирпичномъ заводѣ, но машина не вся прибыла изъ Германіи, многихъ частей не хватало, тогда была сдѣлана повторная выписка, и нѣмецъ-механикъ вотъ уже другой годъ изнывалъ въ бездѣйствіи, получая 150 р. въ мѣсяцъ и слоняясь изъ угла въ уголъ по заводу. Далѣе слѣдовали десятники и другіе служащіе: садчикъ, обжигальщикъ; всѣ они получали по 80 рублей въ мѣсяцъ. Составъ служащихъ дополняли два плотника, два дворника, переводчикъ, каждому выдавалось по 40 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, кухарка Настасья получала 10 рублей въ мѣсяцъ. Къ заводской администраціи изъ китайцевъ близко стояли двое старшинъ и два подрядчика; ихъ, такъ сказать, какъ китайскую интеллигенцію, на заводѣ русскіе принимали въ свою компанію и обучали ихъ пить большими порціями водку.

На вечерѣ у г.г. Рогановыхъ, по случаю пріѣзда жены, были карты и устроился экспромптомъ музыкальный вечеръ, въ концѣ котораго послышался на дворѣ звонъ бубенцевъ: это пріѣхали на трехъ тройкахъ инженеры и молодежь, отчего вечеръ прошелъ шумно и оживленно: горсточка русскихъ людей на далекой чужбинѣ какъ будто бы блистала дружбой и взаимностью.

Среди бесѣды на вечерѣ г-жа Роганова узнала всѣ подробности о возникновеніи кирпичнаго завода. Годъ тому назадъ сюда пріѣзжалъ князь Х—овъ, онъ поручилъ г. Роганову искать въ окрестностяхъ хорошую глину; поиски продолжались три недѣли, наконецъ напали на лучшую глину, въ большомъ количествѣ. Тутъ стояла небольшая китайская деревня, ее убрали, манзы переселились дальше, прибыли казаки для охраны. Затѣмъ г. Рогановъ нанялъ въ разныхъ мѣстахъ китайцевъ-кирпичниковъ и рабочихъ и началъ приготовлять кирпичъ, на который предъявлялись требованія со всѣхъ сторонъ; всѣмъ подай кирпича. Поэтому работали день и ночь, чтобы удовлетворить насущную потребность. Чуть не чрезъ день на заводъ являлся князь Х—овъ и все подгонялъ

работу: «дяденька, постарайся», почти каждую минуту онъ повторялъ. Хотя кирпича приготовлялось много, но его было не видно, изъ рукъ хватали, не давая остыть. Завѣдывающій заводомъ, инженеръ К—овъ, молодой человѣкъ 24-хъ лѣтъ, тоже все поторапливалъ, хотѣлось ему зарекомендовать себя своей дѣятельностью и поставить заводъ на европейскій ладъ: онъ пріѣхалъ въ Маньчжурію изъ-за границы, изучивъ тамъ заводское кирпичное производство. Тѣмъ не менѣе инженеръ нашелъ кое-чему поучиться и у г. Роганова; бывало, съ утра до вечера К—овъ не выходитъ съ завода и все выспрашиваетъ, и благодарный ученикъ, очень довольный учителемъ, для поощренія прибавляетъ г. Роганову жалованье сверхъ штата и все проситъ, какъ можно болѣе сдѣлать кирпича, потому что надо бы строить гофманскую печь. Г. Рогановъ дѣйствительно старался, дни и ночи проводилъ на заводѣ. Въ январѣ нужно было обжечь послѣднюю печь, морозъ 30 градусовъ, ночь была вѣтреная. Г. Рогановъ подошелъ къ печкѣ для наблюденія, присѣлъ на дрова и задремалъ. Когда проснулся, то почувствовалъ ознобъ, затѣмъ совсѣмъ занемогъ; болѣзнь его тянулась четыре мѣсяца, только въ маѣ г. Рогановъ опять принялся за заводъ и закончилъ его устройство.

Русскіе новосельцы, улучшая постепенно свой бытъ, не могли придумать защитныхъ способовъ отъ маньчжурскихъ вѣтровъ. Вѣтры здѣсь не такіе, какъ у насъ на родинѣ; напримѣръ, дуетъ вѣтеръ, и видишь, что онъ дуетъ въ извѣстномъ направленіи—сѣверный, восточный или южный, а въ Маньчжуріи не поймешь, какой вѣтеръ, дуетъ онъ со всѣхъ сторонъ, кругомъ, точно вихорь, и съ страшными порывами. Онъ гонитъ тучи пыли, песка, такъ что иногда темно дѣлается, въ комнатахъ постоянно слои пыли, а отъ песка не спасешься никуда, хлѣбъ на зубахъ хруститъ, какъ его ни закрывай, ни закупоривай, мясо хруститъ съ пескомъ, супъ въ кастрюлѣ съ пескомъ. Движущійся и всюду проникающій песокъ сталъ приводить г-жу Роганову въ отчаяніе; ей казалось, что вихри разносятъ по заводу въ высохшемъ видѣ скопленные годами и поколѣніями на мѣстѣ брошенной китайской деревни отбросы и нечистоты; воображеніе г-жи Рогановой постепенно усиливало эту картину: ей въ хлѣбѣ и въ супѣ, и вообще, что бы она ни ѣла, сталъ чудиться противный запахъ; она даже въ воздухѣ стала ощущать смрадный запахъ китайскихъ покойниковъ. Такому болѣзненному состоянію способствовало и то, что г-жа Роганова часто наблюдала китайскія похороны, а во время прогулокъ вблизи завода иногда видѣла то китайскую руку, то ногу, то цѣлую голову съ косой и безъ нея.

Кстати разскажу о китайской косѣ, которой такъ дорожатъ китайцы. Они ношеніе косы объясняютъ такъ. Когда маньчжуры завоевали Китай и перемѣнили китайскую династію на маньчжурскую, то въ знакъ рабства приказали носить всѣмъ китайцамъ

заплетенныя косы. Правительство, чтобы укоренить этотъ обычай, издало указъ, чтобы тому, у кого коса до пояса, выдавать курицу, а если черезъ полгода выростетъ на четверть, то выдавать вторую курицу. Такая премія стала привлекать китайцевъ, у нихъ пошло соревнованіе: кто больше отростить косу, тому честь и слава и казенная курица; у кого коса длиннѣе, тому болѣе почета. Китайцы гордятся своей косой. Попробуйте дернуть его за косу, онъ озлится; лучше ударить, чѣмъ за косу тронуть: это—оскорбленіе. Лишеніе косы считается высшимъ наказаніемъ. Привычка къ косѣ велика; въ Хабаровскѣ, напримѣръ, жилъ купецъ-милліонеръ Тифонтай, онъ принялъ православіе, назвали его Николаемъ, а все-таки косу не отрѣзалъ.

Начавшееся у г-жи Рогановой вкусовое и обонятельное разстройство усиливалось; она получила отвращеніе ко всякой пищѣ. Ей кто-то на смѣхъ сказалъ, что вода въ самомъ лучшемъ колодцѣ течетъ съ кладбища, и г-жа Роганова стала испытывать непріятное ощущеніе при питьѣ. Если поднималась пыль, она думала, что глотаетъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ прахъ покойниковъ. Если полилъ дождь, то г-жѣ Рогановой казалось, что вода съ кладбища стекаетъ въ колодезь, изъ котораго для нея берется вода; больной повсюду чудился запахъ разлагающагося трупа. Позвали доктора, онъ сказалъ ей: вы сдѣлали самовнушеніе, и трудно опредѣлить, когда гипнозъ кончится, самое лучшее лѣкарство—перемѣна мѣста. Тогда г-жа Роганова, совсѣмъ заболѣвшая, отправилась во Владивостокъ. Съ большими предосторожностями перевезли ее на пароходъ, поручивъ командиру его. Прошло нѣсколько дней. Г-жа Роганова въ дорогѣ стала чувствовать себя лучше, по цѣлымъ днямъ лежала въ гамакѣ на палубѣ, подъ вліяніемъ рѣчного воздуха появился аппетитъ, понемногу она начала ѣсть бульонъ, рыбу, и наконецъ черезъ недѣлю рискнула поѣсть мяса: ничего, трупный запахъ исчезъ. Во Владивостокѣ г-жа Роганова еще болѣе поправилась, особенно морскія купанья подкрѣпили ея силы. Передъ отъѣздомъ домой изъ Владивостока г-жа Роганова уже повела вполнѣ нормальную жизнь и участвовала въ общественныхъ увеселеніяхъ.

Собираясь обратно въ Маньчжурію, г-жа Роганова должна была сдѣлать большія закупки припасовъ, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимала любимая и распространенная здѣсь рыба кета, по вкусу похожая на семгу. Кета—весьма употребительный продуктъ питанія во всемъ здѣшнемъ краѣ; она ловится въ такомъ изобиліи по всему Амуру, что доступна самому послѣднему бѣдняку. Напримѣръ, въ Хабаровскѣ, во время хода рыбы, она стоитъ при первомъ ловѣ—5 р. сотня, а когда всѣ накупятъ, насолятъ, то доходитъ до 50 к. сотня и дешевле. Каждая рыба вѣситъ не менѣе 7 ф. Бѣднякъ, купившій сотню кеты за 50 к. и два пуда соли, можетъ насолить бочку рыбы и питаться цѣлый годъ до новой

засолки. Въ станицахъ казаки сами ловятъ и солятъ эту рыбу; питаясь преимущественно кетой, казаки не нуждаются въ хлѣбѣ, какъ они говорятъ, а были бы картофель и кета. Разсказываютъ, что всякая другая рыба соленая или свѣжая пріѣдается, кета же никогда, и что къ ней такъ же привыкаютъ, какъ курильщики къ табаку. Въ подтвержденіе такого мнѣнія разсказываютъ интересный фактъ про полковницу, уроженку Уссурійскаго края, уѣхавшую съ мужемъ въ Кіевъ. Черезъ три года знакомые встрѣтили ее во Владивостокѣ. Она объяснила, что пріѣхала за кетой: «просто болѣю, какъ долго не поѣмъ кеты»,—жаловалась полковница.

Кета въ началѣ августа или около 20 іюля начинаетъ съ моря входить въ лиманы Амура и, подымаясь все выше и выше для метанія икры по Амуру и его многочисленнымъ притокамъ, идетъ сплошнымъ мостомъ, какъ говорятъ рыбаки, и въ первый ходъ рыбы лодка съ трудомъ пробивается въ этой массѣ милліоновъ рыбъ, настойчиво стремящейся метать икру по заливамъ, протокамъ, затонамъ и вообще по всѣмъ укромнымъ рыбнымъ уголкамъ великой рѣки. Къ этому времени въ лиманы многоводной рѣки сходятся суда всевозможныхъ размѣровъ и конструкцій, и парусныя суда японцевъ, и корейскія шаланды, и китайскія джонки; на всѣхъ судахъ громадныя хранилища и погреба въ трюмахъ могутъ помѣстить по нѣскольку тысячъ засоленной кеты. Приходятъ также русскіе пароходы, баржи, лодки, шлюпки и душегубки. Для ловли кеты къ Амуру пріѣзжаютъ со всѣхъ сторонъ разные инородцы; они располагаются на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, громадными становищами. Инородцы дѣлаютъ громадные запасы этой рыбы, но за неимѣніемъ запасовъ соли они ее пластаютъ, сушатъ на солнцѣ, слегка коптятъ въ дыму и, когда высохнетъ, складываютъ въ полѣницы, какъ дрова. Этотъ запасъ помогаетъ не умереть съ голода инородцамъ, когда зимой охота неудачна, сильныя мятели или глубокіе снѣга. Сушеную рыбу называютъ «юкола», и инородцы варятъ ее съ пшеномъ. На низовьяхъ Амура, преимущественно въ Николаевскѣ, все приспособлено и сосредоточено на ловлѣ кеты, ея соленіи и копченіи въ видѣ балыковъ, а также на распродажѣ рыбы. Заграничныя суда, по преимуществу японскія, вывозятъ кету отъ насъ въ громадномъ количествѣ. Во время хода этой рыбы всѣ протоки, всѣ затоны, всѣ уголки громаднаго Амурскаго лимана превращаются въ громадные временные порты, тысячи судовъ и суденышекъ снуютъ и дѣятельно занимаются ловлей кеты, перегораживаютъ рѣку лодками и сѣтями, изъ нихъ выбираютъ рыбу, потрошатъ ее, солятъ и бросаютъ въ трюмы. Еще дѣлаются искусственныя загражденія, а именно тамъ, гдѣ теченіе почти незамѣтно и не глубоко, да и острова благопріятствуютъ; плетутъ изъ прутьевъ частый плетень около береговъ, а въ серединѣ ставится

сѣть или неводъ, тогда ни одна рыба пройти не можетъ это загражденіе и цѣликомъ вся попадаетъ. Но рыба, инстинктивно стремясь вверхъ и встрѣтивъ сопротивленіе, старается его преодолѣть. Разсказываютъ, что кета выпутывается изъ западни такъ: доходя до загражденія, часть рыбы пріостанавливается, идетъ вдоль загражденія въ глубь и попадаетъ въ сѣти, другая же, подойдя къ плетню, прыгаетъ на аршинъ отъ воды въ воздухъ и, благополучно миновавъ опасность, плыветъ дальше. Очень интересная картина бываетъ въ ясную погоду, когда солнце сіяетъ на безоблачномъ небѣ, отъ воды невыносимый блескъ и сіяніе, кругомъ берега утопаютъ въ зелени; вотъ около запора какъ будто вода поднялась и ринулась противъ теченія. Это рыба удираетъ отъ рыбаковъ, блестя на солнцѣ и сверкая серебряною чешуей и маленькими крылышками-плавниками, прыгая черезъ рѣчной плетень.

Съ моря въ рѣку кета входитъ бѣлая, серебристая; чешуя ея такъ и блеститъ; тогда она самая вкусная и жирная. Подвигаясь къ Хабаровску противъ теченія, около полуторы тысячи верстъ, и встрѣчая на каждомъ шагу сѣти, невода, загородки и крючки, къ этому мѣсту она приходитъ уже въ другомъ видѣ, становится тусклѣе, цвѣтъ кожи у нея пестрый, какъ будто избитый кнутомъ, поперечныя черныя полосы чередуются съ красными, какъ будто кровяными. Рыба здѣсь уже не такъ жирна, нѣжна и вкусна. Объясняется это явленіе тѣмъ, что рыба измучилась, избилась, стремясь все выше и выше по рѣкѣ. Между Хабаровскомъ и Благовѣщенскомъ кета получаетъ новое видоизмѣненіе, жиръ съ нея весь спадаетъ, во рту появляются громадные зубы, поэтому она здѣсь зовется зубаткой, мясо у нея становится твердое.

Желая поправить финансы, г-жа Роганова закупила массу товара, который и перепродала, воспользовавшись безплатной доставкой. На такую мысль г-жу Роганову натолкнула крупнѣйшая разница цѣнъ, а именно:

	во Владивостокѣ	въ Харбинѣ
1 п. муки крупч.	1 р. 80 к.	6 р. — к.
2 » рису	1 » 20 »	6 » — »
1 » луку	1 » — »	8 » — »
1 » кеты	1 » 20 »	6 » — »
1 » мака	7 » — »	16 » — »
1 ящ. чая 72 ф.	20 » — »	50 » — »
1 » сахару	6 » 80 »	16 » — »
1 » соли	1 » — »	3 » — »
1 » картофеля	— » 20 »	2 » 50 »
1 » капусты	1 » — »	4 » 80 »
1 » окорока	10 » — »	30 » — »
1 » сыру	16 » — »	40 » — »
1 ящ. водки	30 » — »	120 » — »

Эти запасы г-жа Роганова дополнила въ Хабаровскѣ осетровымъ балыкомъ, который здѣсь продается 20 коп. ф. или 7 — 8 р. пудъ, а также свѣжей и паюсной икрой. Слѣдуетъ замѣтить, что рыба въ Хабаровскѣ очень дешева: осетрина 2 р. пудъ, севрюга дешевле 1 р. 80 к., сазанъ 1 р. пудъ, таймень 2 р. пудъ, а мелкая рыбешка почти нипочемъ. Изобиліе рыбы въ Хабаровскѣ объясняется тѣмъ, что онъ стоитъ на сліяніи многихъ рѣкъ и рѣчушекъ.

Когда г-жа Роганова возвратилась домой, то въ день же пріѣзда распродала весь привезенный товаръ и, подсчитавъ расходы, нашла, что она въ барышахъ: получила тысячи четыре чистой прибыли на затраченныя двѣ тысячи. Мужъ очень обрадовался пріѣзду жены и улучшенію ея здоровья. Хорошему настроенію содѣйствовали и другія обстоятельства. Постройка новаго дома закончилась, перешли въ него на житье, устроивъ новоселье.

На заводѣ пустили въ ходъ гофманскую печь, уложили рельсы и поставили вагонетки для быстрой и безпрерывной доставки и выгрузки кирпича. Устройство гофманской печи приводило К — ва въ восторгъ; мечта его осуществилась. Г. Рогановъ также былъ доволенъ, потому что не придется мерзнуть зимой у обжигальныхъ печей; у него есть теперь помощникъ, обязанный обжигать кирпичъ въ новой печи цѣлый годъ безостановочно; у г. Роганова остается только управленіе заводомъ. Все сложилось хорошо, только бы отдыхать послѣ усиленныхъ трудовъ зимой, а на весну приниматься съ новой энергіей за расширеніе завода и увеличеніе числа рабочихъ, такъ какъ предположено строить вторую гофманскую печь.

У русскихъ новоселовъ было всего довольно; недоставало только русской водки, почему она особенно цѣнилась.

Сначала въ Маньчжурію водку не пропускали, ее нельзя было купить ни за какія деньги; такой нежелательный запретъ далъ печальные результаты: хотя на пристаняхъ осматривали всѣ приходящіе пароходы, чтобы не пропустить водки, однако купцы ухитрялись провозить ее въ ящикахъ подъ видомъ другихъ товаровъ и продавали тайно по 3 р. бутылку очищенной водки. Находились охотники и платили такую неслыханную цѣну: пили служащіе, пили казаки, пили и рабочіе. Затѣмъ любители хмельного стали посѣщать ханшинные заводы и покупать тамъ китайскую водку, приготовляемую изъ мѣстнаго проса (чумизы). Отвратительный этотъ напитокъ, по запаху напоминающій подонки неочищеннаго картофельнаго спирта, мерзкій ханшинъ очень дешевъ, бутылка 5 коп. Началось самое широкое употребленіе этого зелья: напивались до сумасшествія, до бѣлой горячки, потомъ умирали. Пьянство особенно распространилось среди рабочихъ и казаковъ изъ охраны; многіе изъ нихъ погибли отъ ханшина. Тогда управленіе дороги стало запрещать китайцамъ продавать ханшинъ русскимъ; но развѣ можно услѣдить, тѣмъ болѣе, что ханшинный заводъ на-

ходился въ самомъ населенномъ центрѣ работъ Маньчжурской дороги, въ 4-хъ верстахъ отъ Харбина. Неожиданно отыскался благодѣтель, пожелавшій помочь этому горю. Въ Благовѣщенскѣ проживалъ торговецъ Поповъ, у него было нѣсколько подваловъ для очистки спирта. Когда онъ запутался въ разныхъ предпріятіяхъ, къ нему явился добрый пріятель, находившійся на службѣ китайской дороги, и предложилъ ему негласную компанію въ Харбинѣ по очисткѣ ханшина на русскій образецъ. Такъ какъ иниціаторъ былъ служащій на постройкѣ, то договоръ составленъ былъ на третье лицо. Скоро пріѣхалъ Поповъ съ аппаратами, снялъ у китайцевъ, рядомъ съ ханшиннымъ заводомъ, большую фанзу и сталъ ощищать ханшинъ. Такимъ образомъ появилось подобіе русской водки; бутылка ея продавалась 15 к. Дѣла у компаніи пошли отлично, барыши были крупные, но скоро компанія по разнымъ причинамъ распалась, и предпріятіе очутилось въ рукахъ Попова. Обозленный компаніонъ сталъ всячески ему вредить. Близко соприкасаясь съ власть имущими въ Маньчжуріи, онъ довелъ дѣло до того, что Попову запретили очистку и продажу ханшина въ полосѣ желѣзной дороги. Но распоряженіе слабо коснулось Попова, такъ какъ онъ жилъ не на полосѣ отчужденія, а въ маньчжурской деревнѣ, откуда выселить его нельзя было, и онъ продолжалъ очищать и продавать тайно очищенный ханшинъ по 30 коп. за бутылку.

Казаки вездѣ караулили его водку и, по приказанію начальства, поймавъ бочки очищеннаго ханшина, выливали его безпрепятственно.

А. Соколова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КАРТИНКИ ПРОШЛАГО [1].

II.

Дѣдушка Эдуардъ Ивановичъ и крестьянскіе ребята.

ВЪ КОНЦѢ предыдущей главы я забѣжалъ далеко отъ моего дѣтства. Вернемся опять къ тому времени, когда мнѣ было только семь лѣтъ.

Дѣдушка по матери, Эдуардъ Ивановичъ (крестьяне называли его Илья Ивановичъ), происходилъ изъ лифляндскихъ нѣмцевъ и славился одно время, какъ агрономъ. Первоначально онъ былъ главноуправляющимъ надъ всѣми имѣніями князя К., извѣстнаго въ то время богача. Если не ошибаюсь, въ одной О—ской губерніи у него было 18.000 душъ крестьянъ. Своей роскошью князь разорилъ состояніе, доведя его къ 60-мъ годамъ до 800 душъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ дѣдъ мой сталъ управлять имѣніями Н—ва (бывшаго министра народнаго просвѣщенія) и переселился изъ села К—на (имѣнія князя К.) въ деревню Поздѣево, гдѣ я у него прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Любопытное во многихъ отношеніяхъ явленіе представлялъ Эдуардъ Ивановичъ, и о немъ стоитъ поговорить подробнѣе.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 771.

Трудно вообразить себѣ контрастъ болѣе полный, чѣмъ представлялъ этотъ дѣдушка-нѣмецъ съ дѣдушкой русскимъ, о которомъ я разсказываю въ другомъ мѣстѣ [1]).

Прежде всего онъ не пилъ ничего, кромѣ воды. Даже излюбленнаго нѣмцами пива я ни разу не видѣлъ въ томъ скромномъ домикѣ, въ которомъ жилъ дѣдушка въ деревнѣ Поздѣевѣ.

Это былъ свѣтлый, уютный, гигіенично-устроенный, небольшой деревянный домикъ, дѣлящійся на двѣ половины обширными сѣнями, которыя съ одной стороны выходили на «парадный подъѣздъ», а съ другой—на обширный дворъ, обстроенный кругомъ прочными хозяйственными строеніями; въ этихъ строеніяхъ помѣщались — конюшня, коровникъ, каретный сарай, ледники, сѣновалы и т. п.

Парадный подъѣздъ выходилъ на обширную площадь-пустырь, справа отъ котораго, саженяхъ въ 200 отъ дома, начиналась сѣрая «соломенная деревня», тянувшаяся вправо двумя рядами хатъ, тонувшихъ въ зелени ракитъ, разсаженныхъ для предохраненія отъ пожара.

Передъ обоими крыльями дѣдушкинаго домика были разбиты за зелеными веселенькими рѣшетками цвѣтники, о которыхъ онъ очень заботился. Лѣтомъ тутъ были чудныя розы, роскошныя георгины, левкои и проч. Изъ нихъ по утрамъ мы съ братомъ составляли букеты, украшавшіе столы...

На этой площади-пустырѣ, передъ домомъ, возвышались висячія качели, собиравшія вокругъ себя по праздникамъ всю деревенскую молодежь. Рядомъ съ качелями стоялъ высокій столбъ, на вершинѣ котораго, подъ крохотной крышей, висѣлъ колоколъ, въ который звонили къ завтраку и обѣду. Онъ могъ служить и вѣчевымъ колоколомъ на случай какой нибудь бѣды, пожара и т. п.

Правленіе у дѣдушки было, повидимому «представительное», потому что каждый вечеръ, въ опредѣленный часъ, къ нему приходило около дюжины солидныхъ крестьянъ, которые назывались «начальниками».

Лакей такъ всегда и докладывалъ:

— Начальники пришли.

Въ хорошую погоду, лѣтомъ, дѣдъ бесѣдовалъ съ «начальниками» на парадномъ крыльцѣ, которое было устроено такъ, что образовывало довольно обширную площадку, гдѣ съ правой стороны на скамьѣ сидѣлъ дѣдъ, а слѣва свободно помѣщалась передъ дѣдомъ вся дюжина «начальниковъ», стоя безъ шапокъ. Въ дурную погоду и зимой совѣщанія происходили въ лѣвой сторонѣ домика, гдѣ передъ кухней была обширная свѣтлая комната «контора».

---

[1]) «Русская Мысль», 1903 г., мартъ.

Въ правой половинѣ домика жилъ самъ дѣдъ. Онъ былъ вдовъ, и при немъ жила старая экономка, высокая, бодрая, необыкновенно чистоплотная старушка «Николавна», или «Елизавета Николавна». Къ ней относились съ большимъ уваженіемъ не только крестьяне и прислуга, но и знакомые и родные дѣда, а моя мать горячо любила эту почтенную старушку, вложившую всю свою жизнь и душу, всѣ свои помышленія въ охраненіе безмятежнаго покоя; чистоты и порядка въ этомъ уютномъ домикѣ. Мы, дѣти, тоже очень любили Николавну.

Изъ прошлой ея исторіи я зналъ только одно, что въ молодости она жила въ Петербургѣ, откуда вывезла привычку пить ежедневно кофе, о которомъ прислуга не имѣла въ то время понятія въ провинціи.

На половинѣ дѣда у нея была особая комната, свѣтлая и необыкновенно чистая, въ которую вела дверь прямо изъ передней.

Другая дверь, направо, вела въ небольшое зальце, служившее и столовой. Изъ этого зальца дверь вела въ кабинетъ дѣда, а изъ комнаты Николавны въ большую угловую комнату, служившую обыкновенно аптекой, а во время нашихъ прјѣздовъ къ дѣду— спальней для насъ. Эта комната сообщалась дверью съ кабинетомъ дѣда. Вотъ и весь домикъ.

Комната Елизаветы Николаевны имѣла справа кафельную лежанку, за которой по той же стѣнѣ стояла кровать старушки, всегда аккуратно прибранная, съ стеганымъ, шерстянымъ, краснымъ одѣяломъ и горой подушекъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными накидками, обшитыми самодѣльными вязаными кружевами. Налѣво стоялъ буфетъ съ посудой и серебромъ, столикъ и нѣсколько стульевъ. Въ углу неизбѣжные образа въ ризахъ и съ лампадками.

Николавна была выше средняго роста, средней полноты, съ продолговатымъ правильнымъ лицомъ былой красавицы. Держалась она прямо, ходила легко. Одѣвалась Николавна въ ситцевое или въ шерстяное скромное платье, смотря по времени года. На плечахъ носила шерстяной платокъ. Голову, гладко и тщательно причесанную, съ проборомъ по срединѣ, не покрывала. Въ ея темныхъ волосахъ не было ни одной сѣдины, хотя старушкѣ перевалило тогда за пятьдесятъ лѣтъ.

Я никогда не слыхалъ, чтобы дѣдъ, говоря съ нею, возвысилъ голосъ. Сама она была воплощенное спокойствіе. Говорила тихо, вдумчиво, но не печально и не шутливо, а всегда такъ, что вы чувствовали въ ней присутствіе душевной ясности и чистоты, нѣсколько строгой, пуританской, однако не стѣсняющей васъ. Если вы шутили съ нею, она тихо, чуть замѣтно улыбалась, такъ что вы убѣждались этой улыбкой въ ея сочувствіи вашему веселью, но и только.

Съ нами она была ласкова и заботлива, но безъ излишней сентиментальности и баловства.

Въ домикѣ дѣда все шло, какъ заведенные часы. Утромъ онъ просыпался въ своемъ кабинетѣ (спалъ онъ на широкой кушеткѣ безъ перинъ и пуховиковъ) и звонилъ; для этой цѣли изъ кабинета была проведена въ кухню проволока колокольчика. Отъ нея, надъ кушеткой дѣда висѣла широкая лента, вышитая шерстями и бисеромъ, съ ручкой, за которую дѣдъ дергалъ, еще лежа въ постели.

Изъ кухни черезъ залъ проходилъ къ нему лакей, Петръ, здоровенный, бритый, кудрявый малый, всегда съ какимъ-то масляным лицомъ и засаленными локтями длиннаго, сѣраго сюртука. Онъ несъ принадлежности костюма и свѣжую воду для умыванья.

Въ тотъ же моментъ къ намъ въ комнату входила Николавна и ласково будила насъ. Она уже давно встала и отпила свой кофе.

Мы быстро одѣвались и умывались безъ ея помощи и должны были до выхода въ столовую замѣтить градусы на термометрѣ, висѣвшемъ за окномъ нашей комнаты. Даже въ наблюденіи этихъ градусовъ былъ заведенъ порядокъ: одинъ день замѣчалъ ихъ я, слѣдующій день—братъ и т. д. по очереди.

Въ столовую мы должны были входить за нѣсколько секундъ до выхода дѣда изъ своего кабинета.

Въ два большихъ окна этой комнаты лился свѣтъ.

У стѣны, противоположной окнамъ, стоялъ широкій, старинный диванъ; передъ нимъ—овальный столъ. Онъ былъ уже накрытъ; самоваръ, блестѣвшій, какъ зеркало, весело кипѣлъ, пуская тонкія струйки пара. Въ комнатѣ распространялся аппетитный ароматъ булочекъ, ежедневно приготовлявшихся поваромъ (большимъ артистомъ, изъ поваровъ князя К., учившимся въ Парижѣ).

Дверь кабинета отворялась, и оттуда съ ласковой торжественностью выходилъ дѣдъ.

Это былъ полный старикъ, немного выше средняго роста, съ лысиной во всю голову, на которую онъ зачесывалъ съ затылка длинныя косицы сѣдоватыхъ волосъ. У дѣда было умное и важное лицо, всегда тщательно выбритое, съ большимъ орлинымъ, нѣсколько красноватымъ носомъ и небольшими покойными сѣрыми глазами. Нижняя губа всегда выдавалась нѣсколько впередъ, что я считалъ признакомъ большого ума. Одѣвался онъ дома въ длинный, ватный сѣрый сюртукъ, почти до сапогъ. Халата никогда не носилъ. Въ лѣвой рукѣ, лежавшей на животѣ, онъ держалъ серебряную табакерку и цвѣтной фуляровый платокъ. Очки были приподняты на лобъ: ихъ приходилось надѣвать съ утра, такъ какъ дѣдъ, прежде чѣмъ выйти къ чаю, молился по своему нѣмецкому молитвеннику.

— Gut Morgen!—говорилъ намъ дѣдъ ласково, останавливаясь.

Мы цѣловали его руку, затѣмъ прикладывались къ его гладкой выбритой щекѣ и усаживались вокругъ стола пить чай.

— А сколько сегодня градусовъ на дворѣ?—спрашивалъ дѣдъ.

Отвѣчалъ тотъ изъ насъ, кто былъ дежурнымъ по температурѣ.

Послѣ чая дѣдъ лѣтомъ уѣзжалъ въ тарантасѣ по хозяйству, за версту отъ усадьбы. Тамъ былъ хуторъ, который такъ и назывался «хозяйство». Въ «хозяйствѣ» были молотильные сараи («рыги»), тамъ же складывался хлѣбъ, стояли рабочія лошади и т. д.

Вѣроятно, это все было устроено отдѣльно на случай пожара.

Наше утро было строго распредѣлено, и за выполненіемъ программы слѣдила Николавна, пока къ намъ не пріѣхалъ учитель-гувернеръ.

Прежде всего, мы должны были нарѣзать цвѣтовъ, составить изъ нихъ букеты и помѣстить ихъ въ вазы на назначенныхъ мѣстахъ. Затѣмъ полчаса мы повторяли уроки, заданные намъ съ вечера дѣдомъ (онъ занимался съ нами по вечерамъ, отпустивъ «начальниковъ»). Послѣ повторенія уроковъ мы до обѣда отпускались гулять. При этомъ, по системѣ дѣда, намъ разрѣшалось играть съ крестьянскими мальчиками и дѣвочками, и я до конца жизни сохраню къ дѣду глубочайшую благодарность за эту систему.

Обыкновенно думаютъ, что крестьянскія дѣти могутъ «испортить» барчука: я уже упоминалъ, что мать не позволяла намъ играть съ ними. Но противъ этого мнѣнія я рѣшительно протестую и сейчасъ приведу доказательства, а пока скажу одно: это разрѣшеніе дѣда было для меня огромной драгоцѣнностью въ смыслѣ тѣлеснаго и умственнаго развитія. Крестьянскія дѣти, это—цѣлые склады самыхъ утонченныхъ знаній о природѣ. Нѣтъ травки, нѣтъ птицы, нѣтъ животнаго, водящагося въ водѣ, на землѣ или въ норкахъ, подъ землею, о которыхъ бы они не знали съ замѣчательной точностью. Они знаютъ нравы этихъ животныхъ, умѣютъ ихъ отыскивать и т. д.

Растительный міръ извѣстенъ имъ не меньше.

Дома наша горничная Поля научила меня отыскивать десятки съѣдобныхъ растеній, а деревенскія дѣти прибавили къ этому знанія о такихъ растеніяхъ, изъ которыхъ можно дѣлать игрушки, дудки, брызгалки. Для отыскиванія этихъ растеній мы убѣгали довольно далеко въ луга и болотца, перепрыгивали черезъ ручейки, т.-е. совершали «естественную» гимнастику.

Отыскиваніе кротовъ и красивенькихъ «ластокъ» (около гуменъ въ норкахъ), добываніе сладкихъ соковъ разныхъ растеній и т. д., все это было превосходнымъ средствомъ къ живому, непосредственному ознакомленію съ родной природой.

А игры? Ничто не могло такъ подробно ознакомить съ бытомъ и обычаями народа, какъ эти игры, въ которыхъ воспроизводилась, какъ говорятъ дѣти, «нарочно» вся крестьянская жизнь, не исключая сватовства, свадебъ и т. п. И при этомъ, смѣю увѣрить читателя, я узналъ въ первый разъ, чѣмъ мужчина отличается отъ женщины, только поступивъ въ гимназію,—узналъ отъ своихъ товарищей гимназистовъ-барчуковъ.

Мало этого, я помню ясно, какъ будто это было вчера, при какихъ условіяхъ у меня въ первый разъ зародилось смутное волненіе, давшее мнѣ въ раннемъ дѣтствѣ если не понятіе, то нѣчто въ родѣ предчувствія, что женщины отличаются чѣмъ-то отъ мужчинъ. Разскажу этотъ случай.

Однажды я нечаянно вошелъ въ дѣтскую, гдѣ кормилица моей новорожденной сестры что-то гладила. Звали ее Настасьей, и была она женщина очень красивая, брюнетка, рослая и прекрасно сложенная (я какъ сейчасъ вижу ее передъ собой). Она стояла, а рядомъ съ нею я увидѣлъ одного изъ моихъ дядей, гостившаго у насъ. Онъ обнималъ ее, но быстро отскочилъ при моемъ входѣ. Волосы ея были немножко растрепаны, ситцевое платье на груди раскрыто...

И вотъ въ первый разъ жизни во мнѣ смутно мелькнуло какое-то тревожное чувство любопытства, почти боли... Съ тѣхъ поръ я не могъ смотрѣть на эту кормилицу просто, какъ смотрѣлъ прежде: эта тревога, это любопытство и что-то болѣзненно-нѣжное вновь просыпались во мнѣ, когда она была близко отъ меня, или, проходя мимо, задѣвала меня своимъ ситцевымъ платьемъ...

Да, не крестьянскія дѣти и не общеніе съ крестьянами (по крайней мѣрѣ, того времени) могли пробудить въ насъ, «барчукахъ», нѣкоторыя преждевременныя волненія и чувства, а прежде всего иногда самые близкіе намъ люди, строго слѣдившіе за нашимъ поведеніемъ и нравственностью, готовые даже жестоко наказать насъ за то, что имъ казалось въ насъ, дѣтяхъ, морально вреднымъ, но что, на самомъ дѣлѣ, было безпредѣльно и дѣтски-чисто, какъ, напримѣръ, первая дѣтская «любовь» къ какой нибудь десятилѣтней барышнѣ-дѣвочкѣ, а иногда и взрослой барышнѣ или дамѣ... Такъ, напримѣръ, извѣстіе о наказаніи горничной Поли розгами [1]) взволновало мое воображеніе больше, чѣмъ самыя близкія игры съ деревенскими дѣвочками.

Я уже сказалъ, что въ числѣ разныхъ крестьянскихъ игръ были игры въ свадьбу: у меня была невѣста, насъ вѣнчали, затѣмъ мы заводились хозяйствомъ въ какой нибудь скирдѣ, дѣлая пещеры въ соломѣ и копая маленькіе погреба около скирды, куда складывали съѣдобныя растенія. Я съ своей девятилѣтней женой

---

[1]) См. въ «Русской Мысли» 1903 г. повѣсть «Тѣни и призраки».

ложился даже спать... И ни разу при этомъ я не слышалъ ни слова, ни намека, которые могли бы заставить меня подумать объ игравшихъ съ нами дѣвочкахъ иначе, чѣмъ о простыхъ товарищахъ игръ. Все вниманіе мое и крестьянскихъ дѣтей обращалось на обрядовую и хозяйственную стороны, на ихъ точнѣйшее воспроизведеніе въ игрѣ. Такъ, напримѣръ, послѣ свадьбы, насъ заставляли поцѣловаться, говоря, что «вино горько», и мы цѣловались, но такъ, какъ цѣловались бы ангелы...

Помню, что къ своей «игральной» невѣстѣ и женѣ я чувствовалъ что-то въ родѣ особой заботливости; она была для меня какъ-то ближе другихъ: такъ, напримѣръ, когда я уѣзжалъ отъ дѣда на день или на два домой (мы ѣздили съ дѣдомъ каждую субботу до понедѣльника), я, хотя и не скучалъ и почти не вспоминалъ свою жену, Матрешу, но, возвращаясь опять къ дѣду, ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда побѣгу играть съ крестьянскими ребятами и ее увижу. (Замѣчу здѣсь, что въ это время Даша, о любви къ которой я разсказалъ выше, уже вышла замужъ, и я сталъ забывать ее).

Мало-по-малу у меня явилось рѣшеніе жениться на Матрешѣ «по-настоящему», конечно, когда я «выросту большой»; я объявилъ объ этомъ ей, и она, кажется, вѣрила этому такъ же, какъ вѣрилъ и я... Но во всемъ этомъ не было даже и тѣни подозрѣнія, что Матреша чѣмъ нибудь отличается отъ меня, кромѣ костюма дѣвочки.

Быть можетъ, въ послѣднее время и въ мѣстностяхъ, близкихъ къ городамъ, крестьянскія дѣти измѣнились, но не думаю этого, судя по тому, что я наблюдалъ впослѣдствіи относительно моихъ собственныхъ дѣтей: уѣзжая лѣтомъ на дачи, не особенно отдаленныя отъ Петербурга, я всегда предоставлялъ своимъ дѣтямъ полную свободу общенія и игръ съ крестьянскими ребятами и ничего, кромѣ огромной пользы въ физическомъ и моральномъ отношеніи, не замѣчалъ отъ этой системы.

Повторяю: развращаютъ дѣтей своимъ примѣромъ и поведеніемъ взрослые, стоящіе къ нимъ ближе всѣхъ.

Но возвращаюсь къ дѣду.

Когда я вспоминаю его теперь, меня поражаетъ нижеслѣдующее удивительное противорѣчіе: онъ сѣкъ крестьянъ, но насъ не только никогда не наказывалъ, но даже не бранилъ. Если мы совершили какую нибудь вину, единственнымъ способомъ воздѣйствія былъ такой пріемъ: дѣдъ закрывалъ лицо руками и говорилъ, что онъ плачетъ. Мнѣ становилось такъ его жалко, казалось такимъ ужаснымъ преступленіемъ, что я огорчилъ добраго старика, что я бросался къ нему на шею со слёзами, старался отнять его руки отъ лица и искренно обѣщалъ, что больше никогда не буду такъ дѣлать. Единственный разъ за два года моего

пребыванія у дѣда онъ употребилъ еще одинъ пріемъ: я провинился въ томъ, за что во всякой другой семьѣ меня въ то время непремѣнно бы высѣкли: шалость была неприличная, грубая, о которой даже теперь стыдно вспомнить. И вотъ дѣдъ ограничился только тѣмъ, что крикнулъ громовымъ голосомъ по-нѣмецки, поднявъ руки вверхъ, смотря на меня гнѣвными глазами и какъ бы изрекая проклятіе:

— Бомбы-гранаты!

Затѣмъ онъ быстро ушелъ въ свой кабинетъ и заперъ дверь на ключъ, чего раньше никогда не дѣлалъ.

Трудно передать, какое поразительное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ возгласъ, вырвавшійся изъ негодующей груди старика, который никогда не возвышалъ голоса. Я понялъ всѣмъ существомъ своимъ, что совершилось что-то ужасное. Я стоялъ блѣдный и даже не плакалъ, не просилъ прощенія, считая себя недостойнымъ получить его: «Значитъ, я сдѣлалъ гадко, если дѣдушка крикнулъ «бомбы-гранаты» и заперся. Онъ, вѣроятно, теперь плачетъ».

За обѣдомъ онъ ни слова не сказалъ со мной и даже ни разу не взглянулъ на меня. Послѣ обѣда, когда онъ по обыкновенію легъ отдохнуть, я въ отчаяніи сидѣлъ въ углу столовой, не рѣшаясь итти играть съ ребятами, хотя дѣдъ ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ. Я считалъ свою вину такой большой, что не смѣлъ даже пройти въ комнату Николавны: мнѣ казалось, что и она послѣ столь необыкновеннаго происшествія, какъ окрикъ дѣда, должна на всю жизнь презирать меня. Братъ убѣжалъ играть съ дѣтьми. Я сидѣлъ одинъ, въ мертвой тишинѣ наступавшихъ сумерекъ. Только изъ кабинета дѣда доносился его обычный громовой храпъ, прерывавшійся изрѣдка восклицаніемъ: «Мальхенъ, Мальхенъ!» Это дѣдъ бредилъ, вспоминая во снѣ свою давно умершую жену, Марію-Амалію. Замѣчательно, что онъ постоянно произносилъ во снѣ это имя (Мальхенъ —сокращенное Амалія).

Моя тоска и мое отчаяніе достигли апогея, но въ это время къ двери въ столовую подошла неслышными шагами Николавна и поманила меня рукой; я прошелъ за нею въ ея комнату; она усадила меня на стулъ, сѣла рядомъ и, обнявъ рукой мою голову, стала говорить мнѣ ласковымъ шопотомъ:

— Не плачь, дитятко. Все пройдетъ. Только ты въ другой разъ такъ не дѣлай, и когда дѣдушка выйдетъ къ чаю, ты ему скажи, что никогда больше такъ не будешь... Онъ проститъ, онъ, вѣдь, добрый... И никогда послѣ не напомнитъ и мамѣ твоей не разскажетъ.

Послѣ этихъ словъ я расплакался еще сильнѣе: такъ меня тронуло участіе Николавны. Я прижался мокрымъ лицомъ къ ея плечу, и такъ мы просидѣли до тѣхъ поръ, пока изъ кабинета не раздался дѣдушкинъ звонокъ.

Конечно, за чаемъ онъ простилъ меня, даже поцѣловалъ въ голову, и все было забыто.

И вотъ этотъ же самый человѣкъ сѣкъ крестьянъ. Отъ насъ это тщательно скрывали, но я уже сказалъ, что отъ дѣтей ничего нельзя скрыть. Однажды я замѣтилъ въ сѣняхъ, подъ лѣстницей, ведущей на чердакъ, огромную кучу березовыхъ метелъ, но не такихъ, которыми мели обыкновенно, а очень длинныхъ и тонкихъ. Я спросилъ у Николавны, зачѣмъ нужны такія метлы, и она очень смутилась, отвѣтила мнѣ что-то, чему я повѣрилъ, и успокоился. Однако, черезъ нѣсколько дней я замѣтилъ, что эти метлы куда-то исчезли, и я больше ихъ не видалъ, а еще черезъ нѣсколько дней ихъ назначеніе неожиданно выяснилось для меня. Случилось это такъ: въ сѣняхъ былъ теплый чуланчикъ для извѣстныхъ надобностей. Мнѣ пришлось попасть въ этотъ чуланчикъ вечеромъ, какъ разъ около того времени, когда дѣдъ кончалъ въ конторѣ свои совѣщанія съ «начальниками». И вотъ я услышалъ, что дверь изъ кухни въ сѣни отворилась; я узналъ мягкую походку дѣда, въ его спальныхъ сапогахъ, а вслѣдъ затѣмъ раздались странные, сдавленные голоса двухъ или трехъ крестьянъ:

— Помилуй!.. Пощади!.. Никогда не будемъ...

Въ этихъ сдавленныхъ вопляхъ было такое выраженіе ужаса, что и меня охватилъ ужасъ. Слова сопровождались такими звуками, какъ будто люди падали на колѣни, а затѣмъ ползли за дѣдомъ. Я замеръ. Инстинктъ подсказалъ мнѣ, что противъ этихъ людей готовится что-то ужасное, если они говорятъ такими дикими, задушенными, страшными звуками...

Дѣдъ прошелъ въ комнаты, а въ сѣняхъ началась возня, топотъ десятка тяжелыхъ мужицкихъ сапогъ, тяжелое дыханье и сопѣнье, какъ будто бы люди боролись. Я услышалъ тихія слова:

— Да иди, не упирайся, чортъ! Хуже будетъ! Вѣдь не минешь! Ну, иди же, иди, чего ломаешься! Тащите его на рукахъ, братцы!

Я услышалъ, что кого-то тащили, кого-то толкали... Весь этотъ шумъ направлялся къ дверямъ, выходящимъ изъ сѣней на внутренній дворъ... Наконецъ, за этими дверями все затихло, но ихъ, вѣроятно, позабыли запереть, потому что, когда я вышелъ въ сѣни, весь похолодѣвшій отъ ужаса (такъ какъ понялъ, что крестьянъ ведутъ сѣчь), я вдругъ услышалъ откуда-то со двора дикій, нечеловѣческій вой. Онъ прозвучалъ и сразу оборвался, но затѣмъ повторился вновь, и буквально оледенилъ меня, такъ что я не могъ сдвинуться съ мѣста: это ужъ былъ не вой, а страшный ревъ какого-то звѣря, все существо котораго выражало въ этомъ ревѣ свою предсмертную агонію. Но звѣрь не умеръ, онъ завылъ еще и еще разъ, и съ каждымъ разомъ все ужаснѣе...

Спотыкаясь и падая, я бросился въ комнаты и совершенно обезумѣлъ: я дико кричалъ, бросался къ Николавнѣ и дѣдушкѣ,

хватался за нихъ и тащилъ ихъ, взвизгивая не своимъ голосомъ:

— Что тамъ дѣлаютъ! Что тамъ дѣлаютъ! Бѣгите туда, отнимите ихъ!

Я не помню, что было потомъ. Очнулся я въ своей постели; на головѣ моей былъ мокрый компрессъ, отъ котораго пахло уксусомъ; около меня сидѣла Николавна и, замѣтивъ, что я пришелъ въ себя, дала мнѣ пить воду съ накимъ-то лѣкарствомъ. Въ полузабытьѣ я слышалъ, что въ сѣняхъ дѣдъ долго и громко кричалъ на кого-то, какъ смѣли не запереть какихъ-то дверей, которыя онъ строго приказывалъ запирать.

Вѣроятно, послѣ этого случая мѣсто казни перенесли куда нибудь подальше, но я уже никогда не слышалъ этихъ воплей и не видѣлъ розогъ.

И вотъ черезъ многіе десятки лѣтъ я спрашиваю себя: какъ могли совмѣщаться въ моемъ дѣдѣ такія противорѣчія? Съ одной стороны—отрицаніе для своихъ внуковъ всякихъ наказаній, даже стремленіе оградить ихъ отъ знанія о томъ, что людей можно терзать розгами, а съ другой—порка крестьянъ и даже крестьянскихъ женщинъ? Да, и это было!..

Какъ понять ужасную жестокость и полное презрѣніе къ личности крестьянина и къ крестьянской женщинѣ? Очевидно, въ глазахъ интеллигента той эпохи это были не люди и даже не животныя: въ самомъ дѣлѣ, даже лошадь или собаку дѣдъ не позволилъ бы сѣчь, онъ назвалъ бы это величайшимъ варварствомъ. Вѣдь онъ былъ чрезвычайно чувствителенъ, и стихи Шиллера декламировалъ не иначе, какъ со слезами на глазахъ. Вообще для того времени онъ былъ человѣкъ съ выдающимся образованіемъ, много читалъ, у него была хорошая библіотека, въ которой, кромѣ нѣмецкихъ классиковъ и многихъ капитальныхъ сочиненій по исторіи, были философы, напримѣръ, Лессингъ и Шеллингъ. Значитъ, онъ раздѣлялъ ихъ благородныя идеи, но эти идеи относились ко всему человѣчеству, исключая только русскаго крестьянина! Для этого несчастнаго существа, очевидно, существовали спеціальныя идеи, которыя тотъ же дѣдъ счелъ бы ужаснымъ и преступнымъ примѣнить даже къ домашнимъ животнымъ! И можно ли послѣ этого удивляться, что крестьянинъ до сихъ поръ забитъ, приниженъ и не далеко ушелъ отъ дикости и варварства? Можно ли удивляться, что въ немъ мало самоуваженія, того «Selbstacht», которое такъ старательно внушалъ намъ дѣдъ, толкуя безпрестанно, что «безъ самоуваженія человѣкъ не можетъ быть ни порядочнымъ, ни нравственнымъ, а выйдетъ непремѣнно мошенникомъ и подлецомъ».

И рядомъ съ этимъ —розги взрослымъ крестьянамъ, отцамъ семействъ, старикамъ и даже женщинамъ!..

Впрочемъ, дѣдъ былъ только управляющій, и при томъ нѣмецъ, т.-е. человѣкъ, чуждый русскому народу по крови, языку и религіи...

Ну, а какъ же тѣ «русскіе» бары, которые давали ему такія полномочія?! Какъ они могли такъ смотрѣть на свой народъ, на своихъ братьевъ по крови и вѣрѣ, виноватыхъ только тѣмъ, что они занимались земледѣліемъ и кормили хлѣбомъ всю Русскую землю?

Вотъ этого я понять не могу, и умъ мой мутится, когда я думаю объ этомъ.

Я не могу строго судить дѣда: онъ просто былъ плодомъ своей эпохи и виноватъ только тѣмъ, что не умѣлъ стать выше ея. Да мнѣ и больно судить его строго: я очень любилъ его, и у него было много превосходныхъ качествъ, хотя бы необыкновенная честность, благодаря которой онъ, имѣя возможность нажить сотни тысячъ, оставилъ послѣ своей смерти наслѣдникамъ буквально гроши...

Лично для меня онъ сдѣлалъ очень многое, и, прежде всего, онъ спасъ меня отъ послѣдствій того воспитанія, которое мнѣ давали въ семьѣ, и которое развило во мнѣ нервность до степени просто невѣроятной. Ясно помню, напримѣръ, такой случай: сидѣлъ я лѣтомъ въ нашемъ саду одинъ, въ бесѣдкѣ изъ высокихъ акацій. Акаціи цвѣли своими маленькими желтенькими цвѣточками, которые, когда ихъ пронизывало солнце, казались желтыми огоньками, горѣвшими среди мягкой зелени. На эти огоньки прилетали пчелы, толстые и пестрые шмели, и вся бесѣдка гудѣла и пѣла ихъ звенящимъ жужжаньемъ. Я прислушивался къ этой музыкѣ весны, какъ вдругъ мнѣ пришла мысль, что вотъ кругомъ такъ хорошо, а между тѣмъ моя мама можетъ умереть, и какъ тогда будетъ?..

Надо сказать, что мать въ то время была совершенно здорова, и почему мнѣ пришла эта мысль, я рѣшительно не понимаю. Но я до такой степени вообразилъ себѣ, какъ ужасно будетъ безъ нея мое одиночество, что все кругомъ меня померкло, ужасная тоска охватила меня, какой-то клубокъ сталъ подкатываться изъ груди къ горлу, сердце сжалось, похолодѣло, и я разрыдался до судорожныхъ воплей, рвавшихся неудержимо откуда-то изнутри.

Вообще плакать я могъ отъ малѣйшей бездѣлицы, и каждый разъ эти слезы были для меня дѣломъ нелегкимъ, потому что соединялись всегда съ мучительною болью въ сердцѣ. Никакими усиліями я не могъ остановить рыданія, какъ нельзя остановить икоты: что-то подступало къ горлу, душило, и это переходило въ неистовые крики, кончавшіеся тѣмъ, что я падалъ на землю, колотя по ней руками и ногами.

Дѣдъ объяснялъ это тѣмъ, что я росъ среди женщинъ, которыя меня черезчуръ нѣжили, баловали и предупреждали всѣ мои желанія. И, дѣйствительно, моя старая мамка Ѳоминишна,—эта превосходная, любящая и святая женщина,—много вредила своею любовью и моему здоровью и моему характеру. Она доводила свою заботливость обо мнѣ до того, что, напримѣръ, часто зазывала

меня въ чуланъ, гдѣ стояло варенье, и кормила меня этимъ вареньемъ буквально столовыми ложками. Малѣйшее мое желаніе, а тѣмъ болѣе огорченіе, принимались ею такъ близко къ сердцу, что она причитала надо мною со слезами на глазахъ, и, конечно, доводила до того, что я самъ начиналъ себя чувствовать несчастнымъ, обиженнымъ, недостаточно любимымъ, и принимался ревѣть.

И вотъ дѣдъ, взявъ насъ къ себѣ, противопоставилъ этому воспитанію свое собственное, въ которомъ все было направлено къ тому, чтобы укрѣпить насъ физически и морально: онъ научилъ меня купаться и плавать, сразу бросаясь въ воду, научилъ ѣздить верхомъ, кататься въ санкахъ съ высокой горы, лазить на столбы и высокія деревья. Все это укрѣпило мои мышцы и нервы, сдѣлало меня болѣе смѣлымъ и подвижнымъ... Строгій распорядокъ всей жизни являлся той нравственной дисциплиной, которая, поддерживаясь одною любовью, укрѣпляла и мой моральный характеръ.

Впрочемъ, мою нервность было не легко уничтожить: предсердечная тоска, доводившая до судорожныхъ рыданій, оставалась у меня всю жизнь, а въ то время, когда я жилъ у дѣда, она овладѣвала мною каждый вечеръ: я забирался въ нашу комнату, бросался на постель и, заглушая рыданія подушкой, плакалъ по цѣлымъ часамъ. При этомъ мнѣ казалось, что я плачу отъ тоски по матери; я воображалъ, что она дѣлаетъ дома, какъ въ это время «наши» собираются пить чай, усаживаясь вокругъ стола съ кипящимъ самоваромъ; я видѣлъ ясно всѣ лица, всѣ движенія, и мнѣ казалось, что мать въ это время также тоскуетъ обо мнѣ и, вѣроятно, плачетъ. Мое сердце рвалось къ ней, тянулось какъ-то физически въ ту сторону, гдѣ была она, и это-то, какъ мнѣ казалось, причиняло мучительную боль, давившую грудь. Я старался скрыть эти слезы отъ дѣда, думая, что это огорчитъ его, что ему можетъ показаться, будто бы я недоволенъ жизнью у него, а я такъ его любилъ, что мнѣ было больно огорчать его.

Каждую субботу мы ѣздили съ дѣдомъ къ намъ домой и оставались тамъ до понедѣльника. Въ рукахъ у насъ были букеты, нарѣзанные для матери, если дѣло было лѣтомъ. Поѣздки эти дѣдъ умѣлъ дѣлать также средствомъ для своихъ педагогическихъ цѣлей. Помню, между прочимъ, одинъ пріемъ, которымъ онъ старался развить нашу сообразительность: онъ придумывалъ какой нибудь «гомонимъ», т.-е. слово, имѣющее два значенія, напримѣръ, «Изюмъ»—городъ и «изюмъ»—лакомство, и заставлялъ предложить три вопроса: «какъ вы любите? почему вы любите? и гдѣ вы любите» (этотъ предметъ)? Послѣ отвѣта на эти три вопроса мы должны были угадать гомонимъ.

Мать и Ѳоминишна были всегда такъ рады нашему пріѣзду, что обѣ плакали, какъ будто мы не видѣлись нѣсколько лѣтъ и

уѣзжали за тысячи верстъ. Во время обѣда, для котораго приготовляли нарочно для меня любимыя мною котлеты, Ѳоминишна стояла все время у притолки столовой, не сводя съ меня своихъ старческихъ глазъ и подперши рукой правую щеку. Она уже успѣвала наговорить мнѣ раньше много «жалостныхъ» словъ, какъ только я пріѣхалъ.

— Охъ, родименькій ты мой, да какъ ты похудѣлъ-то! И блѣдненькій сталъ! Видно, у дѣдушки-то не такъ тебя кормили, какъ дома, да и ухаживать за тобой некому было! Небось, Николавна-то все только о кофеяхъ своихъ думаетъ, а за дитей присмотрѣть, чтобы оно сыто было, ужъ ей гдѣ же! Ужъ сколько я безъ тебя плакала! Сколько сновъ видѣла о тебѣ!

Нужно ли объяснять, что я похудѣлъ и поблѣднѣлъ только въ предубѣжденномъ воображеніи Ѳоминишны, которая ревновала меня къ дѣдушкиной Николавнѣ.

Вотъ чѣмъ объяснялась ея пригорюнившаяся поза съ подпертой щекой.

III.

Предвѣстники надвигающейся грозы.

Объ освобожденіи крестьянъ ничего не было слышно, такъ какъ живъ еще былъ императоръ Николай I, и великая въ нашей исторіи Севастопольская война, давшая толчекъ реформамъ, началась, только три года спустя, когда я уже поступилъ въ гимназію. А между тѣмъ появлялись уже тучи на горизонтѣ крѣпостной жизни, которыя предвѣщали грозу. О нихъ въ то время старались не говорить, особенно при дѣтяхъ и прислугѣ, и я, конечно, ничего не зналъ бы о нихъ, если бы волей судьбы мнѣ не пришлось быть очевидцемъ одной изъ такихъ тучъ-предвѣстницъ, хотя я въ то время совершенно не понялъ ея значенія.

Дѣло было такъ: дѣду пришла идея устроить для занятій моихъ гигіеническую скамью, о которой онъ или прочелъ гдѣ-то, или зналъ подобныя скамьи, когда самъ учился. Для приведенія въ исполненіе этого плана выдался случай, такъ какъ въ деревню вернулся изъ города молодой искусный столяръ, фамилія котораго Бородаевъ[1]) прочно удержалась въ моей памяти по двумъ причинамъ: во-первыхъ, то, что сдѣлалъ этотъ Бородаевъ, привело всѣхъ въ ужасъ, а въ томъ числѣ и насъ, дѣтей, отъ которыхъ нельзя было скрыть его поступка, свидѣтелями котораго мы были, а, во-вторыхъ, этотъ самый Бородаевъ, двадцать лѣтъ спустя, когда уже отбылъ срокъ наказанія, или былъ прощенъ по мани-

[1]) Фамилію я здѣсь помѣщаю вымышленную по нѣкоторымъ соображеніямъ.

фесту, и возвратился на родину, купилъ у меня землю, оставшуюся послѣ отца, и сдѣлался помѣщикомъ, поселившись въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ прошло мое дѣтство, и съ которымъ соединялось столько самыхъ дорогихъ воспоминаній. Такъ измѣняются обстоятельства въ жизни людей, благодаря законамъ исторіи. Но возвращаюсь къ самому событію.

Итакъ, дѣдушка велѣлъ позвать къ себѣ этого Бородаева. При ихъ разговорѣ присутствовалъ и я, и мой учитель, такъ какъ дѣло касалось вопроса, намъ близкаго.

Въ переднюю вошелъ высокій и статный молодой человѣкъ, одѣтый въ новый дубленый полушубокъ (дѣло было зимой); его лицо цыганскаго типа, съ правильными чертами, съ смуглой кожей и вьющимися черными волосами, стоявшими шапкой вокругъ головы, обращало на себя невольное вниманіе. Поклонившись намъ изъ передней смѣло и развязно, не по-крестьянски, онъ сталъ ожидать выхода дѣда изъ его кабинета. Дѣдъ былъ чѣмъ-то занятъ и долго заставилъ себя ждать, а мое нетерпѣніе узнать, возьмется ли Бородаевъ устроить скамью, все возростало. Наконецъ я не выдержалъ и, приблизившись къ двери прихожей, сталъ разсказывать Бородаеву о причинѣ его приглашенія къ дѣду.

— Ты вѣдь въ городѣ учился, говорятъ,—сказалъ я,—и, вѣрно, сумѣешь сдѣлать такую скамейку, а, можетъ быть, уже и дѣлалъ такія?

— Дѣлать не дѣлалъ,—отвѣтилъ онъ безъ всякаго подобострастія, къ которому мы тогда привыкли,—а, если растолкуютъ, въ чемъ суть, или дадутъ чертежъ, то отчего же не сдѣлать?

Помолчавъ немного, онъ самъ предложилъ мнѣ вопросъ:

— Учитесь? Трудновато учиться? Это у васъ какія же книжки?

— Нѣтъ, ничего, не трудно. А книжки учебныя: Законъ Божій, ариѳметика, грамматика... Мы, вѣдь, въ гимназію готовимся.

— Такъ. Счастливые! А я вотъ кое-какъ самъ читать выучился. А хотѣлось бы тоже побольше поучиться, да нашему брату невозможно. А у васъ для чтенія никакихъ книжекъ нѣтъ?

— Такихъ нѣтъ; все—учебники.

— А, быть можетъ, есть какой нибудь старый ненужный учебникъ, вы бы мнѣ дали его на время. Я верну аккуратно. Все бы почиталъ въ свободное время. А то и читать-то сталъ забывать.

— Я спрошу у Константина Александровича: у насъ есть двѣ грамматики, одна Востокова, другая Греча. Одна не нужна.

И я обратился къ учителю съ вопросомъ, можно ли дать одну грамматику Бородаеву. Онъ позволилъ, и самъ вышелъ въ переднюю, гдѣ завязалъ со столяромъ разговоръ о предположенной скамьѣ.

Недѣли черезъ полторы скамья была сдѣлана, и дѣдъ остался ею очень доволенъ. Послѣ этого я видѣлъ Бородаева лишь мель-

комъ, раза два, подъ качелями, устроенными противъ дома дѣдушки, и куда по праздникамъ собиралась деревенская молодежь.

Но вотъ какъ-то вечеромъ, играя на дворѣ съ двумя щенками-водолазами, которыхъ кто-то подарилъ намъ, я видѣлъ сцену, поразившую меня: трое крестьянъ вели куда-то Бородаева, держа его крѣпко за руки подъ мышками и за воротъ полушубка. Онъ страшно сопротивлялся. Волосы его были растрепаны и сбились на лобъ. Шапки на головѣ не было. Лицо блѣдное и искаженное показалось мнѣ ужаснымъ. Я бросился къ крестьянамъ и крикнулъ имъ:

— Какъ вы смѣете его такъ тащить? Я дѣдушкѣ скажу. Онъ намъ скамейку сдѣлалъ, и дѣдушка его благодарилъ, а вы его такъ мучите!..

Но, къ моему удивленію, крестьяне, всегда вѣжливые со мной, отвѣтили очень грубо:

— Уходи, барчукъ, подобру-поздорову, пока самъ цѣлъ.

Я побѣжалъ къ Николавнѣ, но та сказала мнѣ, чтобы я не мѣшался не въ свои дѣла, что Бородаева вели подъ арестъ по приказу дѣдушки, такъ какъ на него жаловались и отецъ и крестьяне, что нехорошо себя ведетъ.

Очень все это меня удивило и огорчило, такъ какъ Бородаевъ казался мнѣ чрезвычайно симпатичнымъ и хорошимъ. «Что онъ могъ сдѣлать дурного?»—раздумывалъ я, но спросить ни у кого не рѣшался, а съ деревенскими ребятами мои игры зимой кончились, и мы встрѣчались только на катаньѣ съ горы, бывшей за деревней, гдѣ собирались и дѣти и взрослые парни и дѣвушки. Кстати объ этихъ катаньяхъ. Туда ребята привозили съ собой «ледянки» (дно плетушки, обмазанное коровьимъ навозомъ и облитое водой, отчего вся нижняя часть плетушки представляла сплошную льдину, на которой было очень удобно кататься съ горы); иные катались на «скамейкахъ» особаго устройства, а именно: ножки такихъ скамеекъ были вдѣланы нижними концами въ толстую доску, которая тоже обильно заливалась водой, образуя скользящую ледяную поверхность съ низу. На верхнюю же доску садились верхомъ, направляя ногами, висящими по бокамъ скамьи, ея движеніе. Гора была довольно крутая. На нее каждый день по приказу дѣда выливали нѣсколько бочекъ воды. По этой ледяной поверхности катающіеся дѣти, парни и дѣвушки мчались стрѣлой до самой рѣки, проносились дальше по рѣкѣ, ледъ которой расчищался, и останавливались почти за полверсты отъ горы, такъ что моціонъ былъ превосходный: назадъ приходилось итти пѣшкомъ, а затѣмъ еще карабкаться на гору. Мнѣ съ братомъ не позволяли скатываться однимъ: у насъ были «катальщики», т.-е. мальчики, хорошо владѣвшіе «ледянками». На скамейкахъ намъ скатываться не позволялось даже и съ катальщиками, потому что иногда скамейки падали, и можно было ушибиться.

Такъ вотъ на этихъ катаньяхъ, конечно, было неудобно разспрашивать товарищей моихъ лѣтнихъ игръ о Бородаевѣ, если бы даже я и помнилъ о немъ. А можно ли было о немъ помнить въ виду такого захватывающаго духъ удовольствія, какъ эти катанья?

Такъ я и забылъ бы о Бородаевѣ, если бы значительно позднѣе уже весной онъ не напомнилъ о себѣ.

Какъ-то вечеромъ мы возвращались съ дѣдушкой изъ города въ его неизмѣнномъ тарантасѣ. Вслѣдствіе весенней ростопели дорога была ужасная: зажоры, ямы, глубокія колеи... Ѣхали во многихъ мѣстахъ совсѣмъ шагомъ, а тарантасъ безпрестанно наклонялся то на одинъ бокъ, то на другой такъ сильно, что казалось, вотъ-вотъ мы всѣ очутимся въ какой нибудь лужѣ изъ ледяной воды...

Мы спускались съ крутой горы къ небольшому мосту, перекинутому черезъ оврагъ, который въ лѣтнее время былъ совсѣмъ сухъ, а теперь шумѣлъ потоками весенней воды. Отъ густыхъ тучъ, несшихся низко надъ нашими головами, стало такъ темно, что мостъ внизу со своими перилами виднѣлся довольно смутно, хотя по времени было еще не поздно. Дѣдъ велѣлъ затормозить тарантасъ, и, когда это было сдѣлано, стали медленно спускаться съ горы. Вотъ мы уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моста, и всѣ пристально туда смотримъ, боясь, какъ бы лошади не испугались чего нибудь и не свернули въ сторону. Въ это мгновенье мнѣ показалось, что изъ-за перилъ моста съ правой стороны мелькнуло что-то темное, какъ будто бы человѣческая голова въ шапкѣ. Почти въ тотъ же моментъ въ томъ мѣстѣ ярко сверкнулъ красносиній огонь, и раздался оглушительный выстрѣлъ. Лошади бросились въ лѣвую сторону, и тарантасъ опрокинулся вправо, на тотъ бокъ, съ котораго сидѣлъ дѣдъ, громко крикнувшій еще до паденія. Кучеръ упалъ раньше всѣхъ. Я съ братомъ отдѣлались только сильнымъ испугомъ и остались въ тарантасѣ. Лошади стали, задержанныя отчасти тормозомъ, а отчасти и тѣмъ, что вожжи были намотаны у кучера на рукахъ, и онъ при своемъ паденіи съ козелъ невольно натянулъ ихъ. Поднявшись съ земли, онъ бросился къ дѣду, помогая тому встать. Вышли и мы съ братомъ изъ тарантаса, лежавшаго на боку.

— Слава Богу,—сказалъ дѣдъ, ставъ на ноги,—онъ мнѣ только немножко зацѣпилъ ухо. Еще на волосокъ, и пуля была бы у меня въ головѣ.

Меня поразило, что онъ говорилъ совершенно спокойно, также спокойно вынулъ изъ кармана платокъ и перевязалъ себѣ голову.

— Вонъ онъ гдѣ улепетываетъ, мерзавецъ,—прибавилъ онъ черезъ минуту, указывая глазами на противоположную высокую часть оврага, на гребнѣ котораго была видна вдали темная фигурка, быстро бѣжавшая.

— Я сяду на пристяжную, Илья Иванычъ,—сказалъ кучеръ, и догоню убивца, а вы и безъ меня теперь доѣдете.

— А, пожалуй, попробуй, хотя я и знаю, кто это могъ сдѣлать.

— Вы думаете, Бородаевъ?—сказалъ кучеръ, отстегивая пристяжную.—И мнѣ мекается, что это—его дѣло. Хвасталъ онъ, когда его высѣкли, что такъ это, молъ, не пройдетъ... Ну, счастливо оставаться. Я его догоню. Эта лошадь хорошая. Не уйдетъ. Вотъ только тарантасъ поставлю.

О дальнѣйшей судьбѣ Бородаева я зналъ лишь по отрывкамъ разговоровъ дѣда съ Константиномъ Александровичемъ и затѣмъ съ моимъ отцомъ. Отъ насъ всѣ подробности скрывали. Я хорошо помню только одну фразу отца, сказанную дѣду послѣ того, какъ они долго говорили, запершись въ кабинетѣ, въ слѣдующій нашъ пріѣздъ домой.

— Да,—говорилъ отецъ, отворяя дверь изъ кабинета и выходя,—теперь не тѣ времена. И среди нихъ начинаютъ появляться люди съ самолюбіемъ. Приходится быть осторожнѣе...

Я уже сказалъ вначалѣ, что черезъ двадцать лѣтъ этотъ Бородаевъ купилъ у насъ имѣніе. При этомъ мнѣ пришлось видѣться и говорить съ нимъ не разъ. Ему сказали, что я продаю землю, и онъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я не узналъ бы его, если бы онъ не сказалъ своей фамиліи: сгорбленный, лицо мертвенно худое и желтое, а говорилъ онъ какимъ-то беззвучнымъ, скрипучимъ голосомъ, задыхаясь на каждомъ словѣ. Одѣтъ онъ былъ въ длинную поддевку; подъ ней глухой высокій жилетъ; сапоги выше колѣна, какъ носятъ купцы; очень длинная борода, безъ сѣдины. Я не показалъ вида, что знаю его; онъ—тоже. Я спросилъ только, чѣмъ онъ боленъ.

— Ахъ, это деревенская знахарка меня такъ обработала. Захворалъ я года три тому назадъ, должно быть, лихорадкой; ну, въ городъ за докторомъ не хотѣлось посылать, а тутъ бабы мои нахвалили знахарку. И вотъ она повела меня въ баню и тамъ натерла какой-то мазью... Съ тѣхъ поръ я и сталъ такой... Должно быть, ртуть была въ мази...

Однако, когда я сталъ послѣ разспрашивать о болѣзни Бородаева у прислуги и мамки Ѳоминишны, мнѣ объяснили его болѣзнь иначе: въ то время, какъ его осудили за покушеніе на жизнь дѣда, были еще въ полной силѣ наказанія плетьми «черезъ палача». И вотъ,—какъ выразилась Ѳоминишна,—у него тогда «нутро отшибли».

Интересовалъ меня, конечно, и вопросъ, откуда у Бородаева явились деньги. А деньги у него были порядочныя: еще до моей земли онъ купилъ порядочное имѣньице у одного помѣщика и жилъ тамъ съ семьей въ небольшомъ домикѣ, такъ какъ барскій домъ былъ тамъ сожженъ года за два до 19 февраля и потомъ уже не возобновлялся.

Въ этомъ-то имѣніи я и былъ у Бородаева.

Жилъ онъ очень скромно. Въ жены, какъ мнѣ разсказывали раньше, онъ взялъ гувернантку сосѣдняго помѣщика, не молодую уже дѣвушку, которая, будто бы, влюбилась въ него, узнавъ исторію его прошлаго. Вѣроятно, дѣвушка была романтичная. Впрочемъ, и наружность Бородаева могла поразить ее. Несмотря на свою страшную худобу, блѣдность и сгорбленность, онъ еще и теперь былъ красивъ. Волосы почти не посѣдѣли и вились, какъ и прежде. Глаза были такіе же блестящіе и черные, какъ уголь, съ выраженіемъ упорной мысли и печали...

Домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ одноэтажный, крытый соломой, съ большимъ крыльцомъ посрединѣ. Изъ широкихъ и свѣтлыхъ сѣней онъ ввелъ меня направо въ небольшой залъ, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это—рояль, правда, очень старинная, необыкновенно-длинная и узкая. На рояли я увидѣлъ нѣсколько номеровъ газеты «Москвичъ», издававшейся тогда И. С. Аксаковымъ подъ чужимъ именемъ. Въ разговорѣ я спросилъ:

— Вы согласны съ мнѣніями Аксакова?—спросилъ я какъ-то невольно, не подумавъ, что Бородаевъ можетъ и не знать имени настоящаго издателя этого органа славянофильства. Но оказалось, что Бородаевъ зналъ это.

— Не могу сказать, чтобы былъ согласенъ со всѣми его мнѣніями,—отвѣтилъ онъ уклончиво.—Я сперва получалъ его «День», а когда «День», къ моему великому огорченію, былъ закрытъ, выписалъ его же «Москву»... Теперь, оставаясь вѣренъ тому же издателю, подписываюсь на «Москвича». Въ Аксаковѣ намъ, всѣмъ бывшимъ крѣпостнымъ, должно быть дорого то, что онъ—горячій другъ крестьянства и искренній... Вы не откажетесь закусить у меня?—спросилъ онъ:—попросту, по-русски?

Я согласился, поблагодаривъ его, и Бородаевъ вышелъ въ другую комнату.

Я внимательно осмотрѣлъ залъ: на стѣнѣ надъ роялью былъ большой и хорошо написанный масляными красками портретъ Александра II; подъ нимъ, въ рамкѣ, большая фотографія молодой дамы съ очень красивыми симпатичными глазами; одинъ уголъ зала былъ заставленъ иконами въ блестящихъ окладахъ, и среди нихъ я увидѣлъ икону Александра Невскаго, имя котораго носилъ царь-освободитель. Между окнами висѣлъ фотографическій портретъ Комиссарова-Костромского тоже въ хорошей рамкѣ. Эти предметы говорили о чувствѣ, которое долженъ былъ имѣть Бородаевъ къ Александру II и ко всему, что его касалось.

Въ остальномъ убранство зала ничѣмъ не отличалось отъ обычной обстановки небогатыхъ помѣщичьихъ усадебъ: занавѣски на окнахъ, горшки съ цвѣтами, стулья съ плетеными сидѣньями

по стѣнамъ. Все было чисто, просто, видѣлась заботливая рука женщины, имѣющей настолько вкуса, чтобы избѣгать мѣщанской пестроты и грошевой роскоши.

Съ женой Бородаева мнѣ не удалось познакомиться: она не вышла. Завтракъ подала намъ молодая крестьянка, одѣтая въ чистый деревенскій, красныхъ цвѣтовъ, сарафанъ, ловкая и умѣлая безъ торопливости. Вообще я замѣтилъ и у хозяина, и у прислуги полное отсутствіе желанія показать себя, замѣчавшееся мною нерѣдко у разбогатѣвшихъ и вылѣзавшихъ въ помѣщики крестьянъ того времени. Тѣ непремѣнно заставляли выходить къ гостямъ «образованныхъ» дочекъ, играть на фортепіано какую нибудь «Ла пріеръ д'юнъ вьержъ» и т. п. Дочку Бородаева, дѣвочку лѣтъ семи, я увидѣлъ совершенно случайно: она прибѣжала откуда-то съ поля, не зная, что въ комнатѣ есть гость, раскраснѣвшаяся, веселая, съ растрепанными черными вьющимися волосами, въ простенькомъ холстинковомъ платьѣ... Вбѣжала съ какой-то начатой фразой на устахъ, но, увидѣвъ меня, остановилась, какъ вкопанная, минутку смотрѣла на меня своими горящими, какъ угли, большими глазами и затѣмъ съ громкимъ хохотомъ бросилась назадъ...

— Дикарка она у меня,—сказалъ входившій въ это время Бородаевъ:—цѣлый день въ полѣ и рощѣ... съ крестьянской дѣтворой... Хорошее время.

— Учится?—спросилъ я.

— Да, жена начала немного. Необходимо въ наше время. Да мы ея не торопимъ. Пусть здоровья набирается. Это—главное, а все остальное приложится.

Завтракъ былъ не сложный и чисто деревенскій. Бородаевъ не извинялся, не спрашивалъ, люблю я то, или это. Видъ у него былъ такой, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: это сами ѣдимъ, этимъ и угощаемъ. Я не хочу сказать, чтобы онъ былъ невѣжливъ или нелюбезенъ. Нѣтъ, но во всемъ, что онъ говорилъ, въ каждомъ его движеніи проглядывало чувство собственнаго достоинства, быть можетъ, нѣсколько преувеличенное, но это было мнѣ вполнѣ понятно: вѣдь, не могъ же онъ не помнить каждую минуту, что я—внукъ того человѣка, который когда-то его высѣкъ и этимъ подвергъ его величайшимъ пыткамъ плетей, каторги... Не могъ онъ не помнить, что я все это знаю, знаю и то, что, когда онъ стрѣлялъ въ дѣда, я сидѣлъ такъ близко отъ него, что малѣйшее невѣрное движеніе ружья могло стоить жизни и мнѣ. И при всѣхъ этихъ условіяхъ меня поражалъ и тактъ, и вѣжливость (въ предѣлахъ необходимаго), съ какими онъ держалъ себя.

Въ разговорѣ за завтракомъ, когда я случайно упомянулъ имя одного изъ декабристовъ, по поводу поэмы Некрасова «Русскія женщины», онъ совершенно спокойно замѣтилъ, что зналъ лично

въ Сибири нѣкоторыхъ изъ декабристовъ и очень многимъ обязанъ ихъ помощи, совѣтамъ и книжкамъ, которыми они его снабжали.

— Это—очень свѣтлыя личности,—сказалъ онъ и задумался.— Ну, а вы какъ, современная молодежь? Надѣюсь, что не ропщете на освобожденіе крестьянъ?

— Можно ли объ этомъ спрашивать?—воскликнулъ я, почти обиженный.—У каждаго изъ насъ только одна и мысль, какъ бы поработать для освобожденнаго народа и хотя этимъ немного искупить грѣхъ нашихъ предковъ. Никто, быть можетъ, не чувствуетъ такъ мучительно и больно этого прошлаго, какъ мы... У тѣхъ, кто выстрадалъ его, страшныя воспоминанія, но совѣсть спокойна, а у насъ...

Я такъ взволновался, что у меня выступили на глазахъ слезы.

Онъ пристально и ласково посмотрѣлъ на меня, въ первый разъ ласково, потомъ тихо протянулъ мнѣ руку и, пожимая крѣпко мою, сказалъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Хорошо это, хорошо!.. И Богъ это видитъ, и Онъ радуется на это: повѣрьте мнѣ, почти старику! Не знаю, вѣрите ли вы въ Него, но я вѣрю, вѣрю всѣмъ сердцемъ и умомъ, какъ вѣритъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій... И знаю сердцемъ, что радуется на васъ Господь за такія чувства... и поможетъ вамъ... Если я перенесъ все, что мнѣ тяжелымъ, стопудовымъ камнемъ наложила на спину судьба да люди недобрые, такъ я обязанъ только помощи Бога, котораго просилъ съ вѣрой, чтобы далъ все перенесть и перетерпѣть... И вотъ все устроилось такъ, какъ я и не ждалъ никогда, и не просилъ у Бога, и не мечталъ никогда даже въ юности, когда былъ гордъ и много о себѣ воображалъ... И не думайте, что нажилъ я то, что имѣю, нечестнымъ путемъ. Знаю я пословицу: отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ... Но это если и справедливо, то не вездѣ и не всегда. Сибирь—именно такая страна, гдѣ съ нашей трудоспособностью, бережливостью, неутомимостью да смекалкой было можно, по крайней мѣрѣ, прежде заработать много... Ну, да я точно оправдываюсь передъ вами, а потому, что вы хорошо чувствуете къ крестьянамъ, и мнѣ не хотѣлось бы въ вашихъ глазахъ уронить крестьянство... Только думаю, что вы съ такими хорошими мыслями и мнѣ повѣрите: ни единой копейки я не пріобрѣлъ нечестнымъ трудомъ... И эксплоататоромъ никогда не былъ,—выговорилъ онъ довольно свободно модное тогда слово,—народа не обижалъ... Да и здѣсь обижать не буду... Однако довольно. Очень ужъ я много о себѣ наговорилъ! А все вы виноваты: задѣли вы мое сердце своими хорошими словами и напомнили мнѣ моихъ сибирскихъ друзей и просвѣтителей... Какъ-то они живутъ тамъ? Сильные, могучіе, чистые люди!.. Хочется сказать «святые», да есть у нихъ кое-что, съ чѣмъ святость не мирится... по крайней мѣрѣ... по моему понятію... Если

знаю на Руси святого,—такъ это Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Дай, Богъ, ему здоровья и успѣха въ его дѣлѣ!...

Мнѣ очень хотѣлось увидѣть его жену. Очень много я слышалъ о ней хорошаго отъ сосѣднихъ помѣщиковъ, которые знали ее еще гувернанткой.

— У васъ кто-то играетъ,—сказалъ я, указывая на рояль.

— Жена. Да рояль плохая и старая. И настроить здѣсь некому. Вѣдь, вы, конечно, ужъ слышали, что я женился на образованной... Жила гувернанткой у помѣщика М., а я, когда вернулся сюда, поступилъ къ нему конторщикомъ. У меня было къ нему рекомендательное письмо изъ Сибири. Ну, вотъ тогда познакомился съ ней, а потомъ и поженились... Она почти ни у кого не бываетъ изъ помѣщиковъ: жена мужика, да еще и бывшаго каторжника! Вѣдь бывать самой у другихъ, надо и ихъ принять, а кто же ко мнѣ пріѣдетъ? Впрочемъ бываютъ двѣ—три семьи изъ молодыхъ. Да намъ съ нею и не нужно большихъ знакомствъ; это—излишнее: у обоихъ дѣла хоть отбавляй. Сложа руки, не сидимъ...

Я понялъ, что и мнѣ пора уѣзжать, такъ какъ дѣловая наша бесѣда была давно кончена, и я напрасно у него отнималъ время. Я сталъ прощаться, и онъ меня не удерживалъ. Этимъ и ограничилось наше знакомство.

Дорогой я спросилъ своего кучера:

— Ну, что покормили ли тебя?

— А какъ же? Накормили досыта. У него работники отлично живутъ.

— Хорошо говорятъ о немъ?

— Отецъ родной, а не хозяинъ, одно слово... И Людмила Андревна, жена его, тоже очень о людяхъ заботится. И все сама по хозяйству, во все вникаетъ... И когда у нея времени хватаетъ? Еще ребятъ деревенскихъ успѣваетъ учить. Онъ вонъ сзади своего дома училище выстроилъ. Нештο онъ не говорилъ вамъ?

— Ничего не говорилъ.

— Не любитъ онъ много говорить. На это только и жалуются люди. Никогда не разговорится съ человѣкомъ... Если бы не Людмила Андревна,—говорятъ,—очень бы у насъ скушно было. Потому, онъ ходитъ словно на похоронахъ. Отъ болѣзни это, должно быть. Ну, зато она, какъ колокольчикъ: и разговорчивая и смѣшливая. Настоящая христіанская душа... Вы ее не видали?

— Нѣтъ. А что?

— Красавица она, надо такъ говорить. Не то, чтобы тамъ какая особенная красота, а настоящая русская: бѣла, румяна, полна, ходитъ, ровно плаваетъ... Хороша!.. Не по немъ такая жена: больной онъ. А вотъ поди жъ ты! говорятъ, страсть какъ она его любитъ...

Я обернулся назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на домъ Боро-

даева, виднѣвшійся вдали на пригоркѣ, среди зелени деревьевъ, окружавшихъ его со всѣхъ соронъ. И мнѣ стало очень тоскливо: «все, кажется, есть у этого человѣка, что люди считаютъ счастьемъ,— думалъ я:—и матеріальныя средства, и любящая женщина, хорошая, просвѣщенная. Нѣтъ одного—здоровья. Не даромъ онъ сказалъ давеча: «было бы здоровье, а все остальное приложится». Не долго протянетъ онъ. И ей, этой Людмилѣ Андреевнѣ, едва ли хорошо живется: вѣдь онъ—почти умирающій человѣкъ, полутрупъ... И чѣмъ сильнѣе она любитъ его, тѣмъ тяжелѣе ей: веселостью она только гонитъ свои горькія мысли подальше»... И я еще яснѣе почувствовалъ величіе реформы Александра...

IV.

Первыя ласточки новой весны.

Нѣсколько словъ о первыхъ дняхъ этой реформы.

Я былъ уже въ старшихъ классахъ гимназіи и пріѣхалъ домой на каникулы.

Первое, что я увидѣлъ, подъѣхавъ къ нашему городскому дому, была скромная вывѣска: «Съѣздъ мировыхъ посредниковъ».

Оказалось, что отецъ отдалъ нашъ залъ, самый большой въ городѣ, подъ засѣданія этого съѣзда.

Благодаря этому, мнѣ удалось познакомиться съ нѣкоторыми изъ такъ называемыхъ «посредниковъ перваго призыва», хотя не очень близко, я все же былъ еще мальчикъ, и они почти не обращали на меня вниманія. А, если бы они знали, съ какой любовью и восторгомъ я прислушивался къ каждому ихъ слову, всматривался въ ихъ лица, которыя казались мнѣ совсѣмъ особенными, не похожими на тѣ, какія я видалъ прежде въ нашемъ городѣ! И въ самомъ дѣлѣ, если не всѣ они, то, по меньшей мѣрѣ, трое изъ нихъ были фигурами не виданными въ нашихъ мѣстахъ уже потому, что носили, какъ, напримѣръ, Рутценъ, крестьянскіе костюмы и длинные волосы. Я не разъ слыхалъ, какъ пріѣзжавшіе помѣщики, страшно горячась, жаловались моему отцу на этого Рутцена за то, что онъ всѣ дѣла рѣшаетъ въ пользу крестьянъ, что онъ ищетъ среди нихъ популярности, что и костюмъ свой носитъ для того, чтобы понравиться имъ. Всѣ такія рѣчи приводили меня въ негодованіе: достаточно было взглянуть на лицо этого человѣка— открытое, съ умными, задумчивыми глазами, обрамленное длинными русыми волосами и такой же бородой, чтобы понять, что у него не могло быть и тѣни популярничанья, что онъ весь проникнутъ своей идеей и вѣрой въ освобожденный народъ, котораго необходимо скорѣе, какъ можно скорѣе сдѣлать человѣкомъ вполнѣ,

заставить вѣрить въ его право, въ торжество закона и справедливости. И онъ работалъ буквально дни и ночи, устраивалъ въ своемъ участкѣ школы, волостныя кассы, разъѣзжая изъ деревни въ деревню безъ отдыха. Я самъ слышалъ, какъ его товарищи удивлялись, когда онъ ѣстъ. Воображаю себѣ, что онъ долженъ былъ чувствовать, когда одна изъ лучшихъ волостныхъ крестьянскихъ кассъ, устроенныхъ имъ, была расхищена старшиной, въ которомъ Рутценъ, что называется, «души не чаялъ», видя въ немъ передового, развитаго крестьянина, проникнутаго, какъ и онъ самъ, только однимъ желаніемъ—послужить своимъ освобожденнымъ братьямъ-крестьянамъ... Какое должно было разочарованіе почувствоваться этими идеалистами, увѣренными въ томъ, что достаточно дать свободу людямъ, которые были рабами столѣтія, чтобы въ нихъ явились нерабскія чувства, и чтобы они сразу стали людьми...

Такое разочарованіе долженъ былъ пережить и другой товарищъ Рутцена, Карташовъ, пожилой, сѣдоволосый человѣкъ, пострадавшій (правда, не особенно сильно) въ 1848 г. Онъ, кромѣ неустанной работы для крестьянъ, вздумалъ просвѣтить и нашъ уѣздный городишко. Почти противъ нашего дома нанялъ онъ у мѣщанина Москвитина домикъ спеціально подъ библіотеку, выписалъ всѣ лучшіе тогда русскіе журналы и газеты, нанялъ библіотекаря, и въ нашемъ городкѣ открылась небывалая «штука»: библіотека-читальня. Но единственными ея посѣтителями были нанятый библіотекарь да я, когда пріѣзжалъ въ городъ.

Года черезъ два, напрасно побившись съ равнодушіемъ мѣстной публики, библіотека была закрыта.

У этого Карташева было нѣсколько странностей, которыя приписывались, какъ послѣдствіе, тѣмъ потрясающимъ впечатлѣніямъ, какія онъ пережилъ въ 1848 г. Такъ, напримѣръ, онъ совсѣмъ не могъ спать по ночамъ. Этой его особенностью пользовались товарищи, и онъ бралъ на себя всѣ работы, которыя можно было дѣлать ночью. Другой его странностью, о которой толковали съ шутками, была удивительная боязнь угара. Говорили, конечно, вѣроятно, преувеличивая, что онъ лѣтомъ приказывалъ закрывать окна, если видѣлъ, что гдѣ нибудь напротивъ его квартиры топятъ печь. И въ этой его боязни находили какую-то таинственную связь съ его далекимъ прошлымъ, когда онъ едва не умеръ отъ угара.

Но, кромѣ этихъ двухъ странностей, во всемъ остальномъ это былъ человѣкъ не только нормальный, но и выдающійся своей трудоспособностью, неутомимой дѣятельностью, превосходнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ и такимъ знаніемъ новыхъ и старыхъ законовъ, имѣвшихъ отношеніе къ крестьянскому дѣлу, что товарищи-посредники называли его шутя своимъ юрисконсультомъ.

Я ограничусь упоминаніемъ только этихъ двухъ лицъ, которыхъ особенно ярко сохранила моя память. Но помню отлично, что весь

тогдашній съѣздъ работалъ, какъ одинъ человѣкъ, и не было слышно, чтобы его члены имѣли столкновенія другъ съ другомъ. Конечно, были между ними и болѣе или менѣе энергичные люди.

Припоминаю еще вотъ что: даже лица высшей губернской администраціи въ то время какъ будто переродились, потеряли манеру недоступныхъ олимпійцевъ. Такъ, посредники разсказывали, что тогдашній орловскій губернаторъ, графъ Л—въ, просилъ ихъ являться къ нему во всякое время дня и ночи, безъ всякихъ переодѣваній, въ чемъ были въ дорогѣ, въ поддевкѣ, такъ въ поддевкѣ, въ высокихъ сапогахъ, такъ въ высокихъ. И такъ они и поступали, вваливаясь къ нему иногда въ грязи отъ дороги. Дѣла было столько, что некогда было переодѣваться или проживаться въ губернскихъ гостиницахъ...

И вотъ прошло нѣсколько времени, и все стало измѣняться: появились слухи объ экзекуціяхъ; въ губернскомъ городѣ поселился присланный изъ Петербурга офицеръ высшаго ранга (графъ Т.) спеціально для усмиренія тѣхъ крестьянъ, которые стали бы волноваться. Кстати, этотъ графъ Т. былъ чрезвычайно милый и симпатичный человѣкъ въ обществѣ. Онъ принималъ, между прочимъ, участіе въ одномъ аристократическомъ благотворительномъ спектаклѣ, въ роли лейтенанта Жевакина (изъ «Женитьбы»). Лучшаго исполнителя этой роли я впослѣдствіи нигдѣ не видѣлъ. Игралъ онъ, помнится, и въ другомъ спектаклѣ роль Скалозуба, и тоже съ не меньшимъ успѣхомъ. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы этой чертой дорисовать духъ того времени, въ которомъ такъ удивительно мѣшалось и старое, и новое.

Эта смѣсь сказалась и у насъ въ семьѣ.

Какъ-то лѣтомъ пріѣхалъ мой дядя по матери, о которомъ я упоминалъ выше. Теперь онъ былъ уже студентомъ Московскаго университета, и я не смотрѣлъ на него, какъ прежде, съ враждебнымъ чувствомъ, а наоборотъ ловилъ съ благоговѣніемъ каждое его слово и движеніе, хотя онъ попрежнему относился ко мнѣ свысока, какъ къ мальчику, не говорилъ со мной серьезно, а когда я однажды вздумалъ посмотрѣть одинъ номеръ русской заграничной газеты, цѣлой кипой лежавшей у него на столѣ, и которую я уже видѣлъ и читалъ у товарищей въ гимназіи, онъ рѣзко крикнулъ на меня:

— Это неприлично смотрѣть чужія книги, не испросивъ согласія! Ты до сихъ поръ не умѣешь вести себя, а ужъ ростомъ высокъ сталъ. Тебѣ еще не время читать эти вещи... И, пожалуйста, чтобы впередъ этого не было, а не то серьезно поссоримся.

Въ немъ уже сказывался будущій педагогъ, которымъ онъ и сдѣлался впослѣдствіи: вѣдь педагоги почему-то глубоко увѣрены, что съ юношами и дѣтьми можно говорить только грубо, а иначе

ихъ не проймешь, и что отъ нихъ все нужно скрывать, а потому и не знать никогда, что они думаютъ, и что они знаютъ...

Такъ вотъ этотъ самый дядя какъ-то за чаемъ, въ присутствіи дѣдушки Эдуарда Ивановича, нашей матери и даже кого-то изъ гостей, началъ рѣзко нападать на моего отца, доказывая, что нѣтъ никакой разницы между взяткой и «благодарностью». Отецъ ужасно волновался и перешелъ къ такимъ нотамъ, послѣ которыхъ былъ неизбѣженъ разрывъ съ дядей навсегда. Но тотъ разгорячился и не могъ прекратить спора, несмотря на попытки дѣда замять этотъ разговоръ и даже на слезы моей матери, которая, чувствуя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, громко разрыдалась.

— Я—честный человѣкъ,—кричалъ отецъ:—спроси весь городъ и уѣздъ, а по-твоему я выхожу негодяемъ. Я въ жизнь свою никогда не покривилъ душой. Слышишь ты, клеветникъ? И лучше намъ больше не встрѣчаться съ тобою, если ты такъ обо мнѣ думаешь.

Онъ всталъ и быстро пошелъ въ свой кабинетъ, куда за нимъ бросилась мать. Дѣдушка ворчалъ на дядю, указывая глазами на насъ, дѣтей, присутствовавшихъ при этой сценѣ.

— Ну, что же, я готовъ извиниться, но это мое убѣжденіе,— оправдывался дядя.

Мнѣ было ужасно жаль отца, хотя и казалось, что въ словахъ дяди есть правда. И отъ этого было еще болѣе жаль отца. И какъ-то все это не укладывалось вмѣстѣ съ моимъ представленіемъ о немъ, какъ о самомъ идеальномъ и честномъ человѣкѣ въ цѣломъ мірѣ.

Чувство жалости, а не любопытства, тянуло меня къ двери запертаго кабинета. Что-то дѣлаетъ тамъ отецъ? Что онъ говоритъ съ матерью объ этомъ? И какъ думаетъ мать? Чѣмъ она успокоиваетъ его?

Я пробрался въ дѣтскую, дверь изъ которой вела въ кабинетъ отца, и съ замираніемъ сердца сталъ прислушиваться къ звукамъ, слабо доносившимся оттуда.

И вотъ я услышалъ рыданія. Это плакалъ отецъ...

Затѣмъ послышался его же истерическій, визгливый, жалобный крикъ:

— Пойми, Лиза, пойми, родная, что вѣдь это вся моя жизнь раздавлена...

Затѣмъ опять все замолкло, и слышались только тяжелыя рыданія.

Я сидѣлъ на своей кровати и тихо плакалъ, и мнѣ казалось, что если бы я могъ вырвать мое сердце и этимъ облегчить горе отца, я бы ни на минуту не задумался отдать ему мое сердце...

Я чувствовалъ, что отецъ не виноватъ, что онъ не можетъ быть виноватъ, но я предчувствовалъ, что правъ и дядя, только жестокъ...

Какъ же все это примирить?

Впослѣдствіи я понялъ, что въ словахъ дяди всходило солнце новой правды, котораго не было, когда работалъ отецъ, и отецъ не зналъ, что такое солнце существуетъ, не подозрѣвалъ даже, что оно можетъ существовать, и вотъ въ чемъ его теперешнее безвыходное горе: онъ понялъ, что дядя правъ, онъ увидѣлъ это новое солнце, а жизнь была уже прожита... и вернуть ее было невозможно...

Л. Е. Оболенскій.

ВЪ ТРУППѢ АНТРЕПРЕНЕРА.

I.

БЫЛЪ осенній темный вечеръ.

Нашъ поѣздъ опоздалъ и, выигрывая время, шелъ на всѣхъ парахъ. Въ вагонѣ третьяго класса, гдѣ я сидѣла, было тѣсно, душно; тускло горѣлъ фонарь надъ входной дверью, половина вагона тонула во мракѣ, въ черныхъ окнахъ мелькали искры, по временамъ онѣ сливались въ золотыя нити, и мчавшійся поѣздъ казался ими опоясанъ. Нѣкоторые изъ пассажировъ, растянувшись на лавкахъ, спали, другіе, сидя, дремали; а мнѣ не спалось — мысли одолѣвали меня. Я думала о томъ, что наконецъ стала свободна и ѣду играть на сценѣ, воображала себя извѣстной артисткой, любимицей публики, меня встрѣчаютъ аплодисментами, засыпаютъ цвѣтами, обо мнѣ пишутъ въ газетахъ, а главное, я уже никогда не вернусь къ своему мужу [1]).

Всѣ эти мысли наполняли мою душу восторгомъ и мѣшали мнѣ спать. Съ дороги я уже увѣдомила антрепренера о днѣ своего пріѣзда и просила меня встрѣтить. Но когда мой путь началъ близиться къ концу, мнѣ пришло въ голову, что я напрасно посылала телеграмму антрепренеру — съ измученнымъ отъ дороги лицомъ я навѣрно ему не понравлюсь, а такъ какъ у меня не заключено съ нимъ контракта, то онъ мнѣ можетъ и отказать; кромѣ того, меня

[1]) Предыдущія событія моей жизни разсказаны мною въ очеркахъ, напечатанныхъ въ «Историч. Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ: «Подъ родительскимъ кровомъ» (1901 г., кн. 11 и 12) и «Подъ гнетомъ судьбы» (1904 г., кн. 10—12).

безпокоило, что на мнѣ надѣто старое, порыжѣвшее отъ времени пальто, а я, хотя была и новичокъ на сценѣ, но успѣла замѣтить, что въ театрѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь, по платью встрѣчаютъ.

Передъ послѣдней станціей я такъ уже волновалась, что не могла сидѣть спокойно: то хваталась за дорожное зеркальце и начинала прихорашиваться, то въ волненіи ходила по вагону, не замѣчая при этомъ, что задѣваю за ноги и безпокою спавшихъ пассажировъ.

Но вотъ замелькали въ окнахъ фонари, и возлѣ ярко освѣщенной станціи мы остановились.

Сердце мое сильно билось, медлю выходить, стою у окна и разсматриваю публику на платформѣ. Я была увѣрена, что, хотя антрепренера и никогда не видѣла, но узнаю его съ перваго взгляда. Я его представляла величественнымъ старикомъ, съ бритымъ лицомъ и въ изысканномъ статскомъ платьѣ, но такого мужчины между публикой я не замѣтила; зато двѣ нарядныхъ дамы привлекли мое вниманіе, я вообразила, что это—актрисы, которыя нарочно пришли на вокзалъ меня посмотрѣть; послѣ этого я уже никакъ не могла показаться въ своемъ рыжемъ пальто и рѣшила проскользнуть незамѣтно съ толпой и уѣхать ночевать въ какую нибудь изъ гостиницъ, а завтра въ своемъ лучшемъ платьѣ и накидкѣ явиться въ театръ.

Съ этимъ намѣреніемъ я сняла съ полки свой саквояжъ и присоединилась къ публикѣ, медленно двигавшейся къ выходу.

Но только-что я вышла изъ вагона, какъ мнѣ бросились въ глаза двое мужчинъ съ бритыми лицами; они стояли напротивъ, у дверей вокзала перваго класса, и смотрѣли на меня. Одинъ молодой, въ гороховомъ пальто и цилиндрѣ, другой старый въ темной разлетайкѣ и круглой фетровой шляпѣ.

«Актеры»,—мелькнуло у меня въ головѣ. Спрятаться отъ нихъ уже было невозможно; черезъ минуту молодой стоялъ возлѣ меня и, приподнявъ надъ головой цилиндръ, вѣжливо спросилъ:

— Если неошибаюсь, вы— артистка Сокольская, которую мы ожидаемъ съ этимъ поѣздомъ? Позвольте представиться: режиссеръ здѣшняго театра Долинскій.

Я протянула ему руку, поблагодарила за встрѣчу, но мои глаза опять обратились на старика, который подходилъ не торопясь; его я принимала за антрепренера.

Режиссеръ между тѣмъ продолжалъ:

— Папаша передъ вами извиняется, что по болѣзни не могъ васъ встрѣтить, а прислалъ меня, и вотъ (показалъ онъ на старика) позвольте васъ познакомить съ нашимъ первымъ комикомъ, Демьяномъ Ивановичемъ Колосовымъ.

Узнавъ, что антрепренера нѣтъ на вокзалѣ, я почувствовала себя гораздо свободнѣе.

Колосовъ взялъ въ обѣ ладони мою руку и добродушно произнесъ:

— Добро къ намъ пожаловать, милая барынька, какая же вы молоденькая и хорошенькая! Вотъ когда въ «Бѣдовой бабушкѣ» у насъ Глаша будетъ настоящая.

Эти привѣтливыя слова меня сразу ободрили: слава Богу, понравилась! Отъ радости я даже забыла о своемъ рыжемъ пальто и только думала о томъ, какъ бы своимъ разговоромъ и любезностью понравиться новымъ товарищамъ. Когда я у нихъ спросила, въ какой гостиницѣ мнѣ остановиться, они объявили, что, по распоряженію антрепренера, мнѣ уже съ утра приготовленъ номеръ въ «Рижской» гостиницѣ.

— Мы хотѣли и карету для васъ приготовить,—сказалъ режиссеръ,—но, къ несчастью, извозчичьихъ каретъ въ городѣ не оказалось, и вамъ отсюда придется поѣхать на дрожкахъ.

— Я довезу г-жу Сокольскую до ея гостиницы,—вмѣшался Колосовъ,—а ты похлопочи о доставкѣ ея багажа.

—Ваши костюмы съ вами идутъ или съ тяжелымъ поѣздомъ?—освѣдомился режиссеръ.

Вопросъ о костюмахъ меня нѣсколько смутилъ: характерныхъ костюмовъ у меня вовсе не было, да и городскихъ платьевъ очень немного.

— Мой сундукъ въ багажѣ,—робко отвѣтила я,—вотъ квитанція,

Режиссеръ отправился получать мои вещи, а Колосовъ, прежде. чѣмъ мы сѣли на извозчика, подозвалъ все время глазѣвшаго на насъ еврея и сказалъ:

— Смотри, Ицко, какая къ намъ новая актриса пріѣхала! Завтра съ утра сбѣгай въ лагерь и всѣмъ про нее разскажи; да смотри у меня, жидовская твоя морда, чтобы въ воскресенье у насъ былъ полный сборъ.

— Мозетъ, имъ новое палто нузно?—началъ еврей заискивающимъ голосомъ:—я могу имъ завтра въ ихъ номеръ нѣсколько палтовъ на виборъ принесть.

Я вспыхнула и сейчасъ только увидѣла, что стою у самаго фонаря. Колосовъ, кажется, замѣтилъ мое смущеніе: онъ крикнулъ на еврея, чтобы тотъ не разсуждалъ, а бѣжалъ къ полицеймейстеру и увѣдомилъ его о моемъ пріѣздѣ.

Когда мы уже поѣхали, Колосовъ мнѣ объяснилъ, что этотъ еврей—факторъ изъ гостиницы, что здѣсь безъ евреевъ обойтись невозможно, и что они скорѣе всѣхъ и новости разносятъ. Потомъ Колосовъ началъ меня хвалить за то, что я свою театральную карьеру начинаю не въ большой труппѣ.

— У насъ,—говорилъ онъ,—вы будете постоянно заняты и скоро себѣ составите огромный репертуаръ, а тогда уже во всѣ театры вамъ открыты двери.

Я же интересовалась составомъ ихъ труппы и есть ли въ ней выдающіеся таланты.

— Хорошій артистъ у насъ антрепренеръ,—началъ Колосовъ,— я тоже не могу на публику пожаловаться—аплодисментами встрѣчаетъ, хотя, нужно вамъ сказать, я еще недавно на сценѣ: прежде исправникомъ служилъ, а вотъ страсть къ театру пересилила во мнѣ желаніе чиновъ и денегъ. Есть у насъ и трагикъ Каратыгинской школы и два молодыхъ любовника: одного вы уже знаете— нашъ режиссеръ Долинскій; другой—бывшій студентъ Семеновъ: пріѣхалъ онъ сюда на заводъ учителемъ, а когда тамъ его забраковали, онъ къ намъ въ труппу поступилъ. Что же касается женскаго персонала, то у насъ есть двѣ драматическихъ актрисы, Зайцева и Коврова. Первая—замѣчательная артистка, только публика жалуется, что она не молода, и у нея нѣтъ богатыхъ костюмовъ; но зато у опереточной артистки Сумлевичъ—такіе наряды, что многіе изъ публики только и въ театръ ходятъ, чтобы на нихъ посмотрѣть. Шикарная бабенка! поклонниковъ у нея цѣлый рой— весь первый рядъ креселъ ими занятъ, и мы этой актрисой очень дорожимъ. Есть у насъ и красавицы—первая дочь антрепренера, Елизавета Ивановна; многіе не находятъ у нея сценическаго таланта, но я увѣренъ, что она могла бы играть, и даже хорошо играть, если бы на нее не было вреднаго посторонняго вліянія; кромѣ дочери антрепренера, есть и еще красивая артистка, Соловьева, эта и съ голосомъ. Изъ нея современемъ выработается хорошая опереточная пѣвица. На драматическое же ingénue,—уже съ улыбкой началъ Колосовъ,—сегодня къ намъ пріѣхала Елена Вячеславовна Сокольская, о которой намъ писали, что она, хотя и не опытная, но талантливая артистка и навѣрно скоро сдѣлается любимицей здѣшней публики.

Хотя такой лестный обо мнѣ отзывъ и пріятно было услышать, только одно меня безпокоило: вдругъ и меня здѣшняя публика, какъ артистку Зайцеву, не взлюбитъ за плохіе костюмы.

Между тѣмъ, мы все ѣхали по темнымъ и немощенымъ улицамъ, колеса нашихъ дрожекъ вязли въ грязи; покрытое тучами небо было такъ же черно, какъ и земля; по обѣимъ сторонамъ стояли небольшіе и всѣ почти одноэтажные дома, у нѣкоторыхъ ставни были заперты; изрѣдка попадались и темныя фигуры людей.

«Не знаю, какъ днемъ,—подумала я,—но вечеромъ скучный городъ».

— Ну, вотъ и пріѣхали!—вдругъ произнесъ Колосовъ, и мы остановилась у длиннаго одноэтажнаго сѣраго дома. Передъ его подъѣздомъ горѣлъ фонарь, ставни были закрыты, но сквозь ихъ щели просвѣчивались огни.

Когда мы вошли на низкое деревянное крыльцо, я спросила у Колосова:

— Это и есть «Рижская» гостиница?

— А кто ее знаетъ: гостиница она или трактиръ?—засмѣялся онъ и дернулъ за веревку отъ звонка, висѣвшую у дверей.

II.

Номеръ, взятый для меня антрепренеромъ, оказался совсѣмъ маленькимъ: когда внесли мой сундукъ, онъ занялъ почти половину комнаты. Номеръ былъ низокъ, грязенъ и съ однимъ окномъ, у стѣны диванъ и два кресла, нѣкогда обитые клеенкой, отъ которой теперь остались одни клочья; передъ диваномъ—на одной толстой ногѣ круглый столъ; красный комодъ безъ запоровъ, кровать, заставленная деревянными ширмами; у двери два простыхъ деревянныхъ стула—вотъ и все, что составляло обстановку моей комнаты.

Но въ тотъ вечеръ я слишкомъ была счастлива, что пріѣхала въ труппу, чтобы обратить вниманіе на такія мелочи, какъ номеръ или его обстановка. Я только спѣшила пригласить своихъ новыхъ товарищей напиться со мной чая.

Факторъ гостиницы, еврейскій мальчикъ лѣтъ пятнадцати, съ плоскимъ лицомъ и красными вѣками, внесъ къ намъ грязный самоваръ и поставилъ на столъ. Я начала хозяйничать: разостлала на столѣ вмѣсто скатерти газету, изъ саквояжа достала завернутые въ бумажкахъ чай и сахаръ, а также и еврейскіе бублики, которыми запаслась еще въ вагонѣ.

На столѣ, въ двухъ низкихъ жестяныхъ подсвѣчникахъ, горѣли двѣ оплывшихъ сальныхъ свѣчки и освѣщали номеръ.

Мои гости сидѣли на диванѣ, я напротивъ на креслѣ, и разговаривая мы другъ друга разсматривали.

Колосову было лѣтъ за пятьдесятъ, лицо жирное, розовое и было бы добродушно, если бы въ его маленькихъ, голубенькихъ глазкахъ по временамъ не мелькалъ недобрый огонекъ; русые волосы на вискахъ и затылкѣ кудрявились и начинали сѣдѣть. Одѣтъ онъ былъ франтомъ—въ новую сѣрую пару; на бархатномъ жилетѣ висѣла толстая золотая цѣпь, а на жирномъ указательномъ пальцѣ блестѣлъ золотой перстень. Манеры у Колосова были мягкія, голосъ вкрадчивый, и онъ производилъ на меня впечатлѣніе свѣтскаго человѣка. Долинскій манерами и разговоромъ напоминалъ мелкаго чиновника. Это былъ брюнетъ лѣтъ двадцати пяти, съ правильными и даже красивыми чертами, но въ общемъ лицо было не выразительно, а голова съ пышной шевелюрой на узкихъ плечахъ придавала ему видъ головастика. На Долинскомъ былъ сильно поношенный костюмъ, но отъ чистой манишки и манжетъ онъ казался опрятнымъ.

Почти во все время моего разговора съ Колосовымъ режиссеръ не вмѣшивался: онъ только пилъ чай стаканъ за стаканомъ и ѣлъ бублики съ большимъ аппетитомъ. Колосовъ совсѣмъ отъ чая отказался, онъ только курилъ папиросы и все меня разспрашивалъ, гдѣ я играла, какое получала жалованье, и что понудило меня, жену офицера, поступить на сцену. Когда же я сказала, что уѣхала отъ мужа съ тѣмъ, чтобы никогда къ нему не возвращаться, Колосовъ меня похвалилъ и сказалъ, что нужно во-время пользоваться своею молодостью и наружностью.

— Вы же,—говорилъ онъ,—начинаете только жить и если будете дѣйствовать съ умомъ, то не только составите себѣ театральную карьеру, но и деньги у васъ будутъ, а главное, весело поживете.

Слова его и тонъ мнѣ не понравились, и я начала говорить, что онъ меня не понялъ: не изъ желанія весело пожить я разсталась съ мужемъ, а потому, что у меня были серьезныя на это причины.

— Да развѣ я васъ, голубчикъ, осуждаю?—воскликнулъ Колосовъ.—Я васъ хвалю: вы прекрасно поступили.

Должно быть, замѣтивъ неудовольствіе на моемъ лицѣ, онъ перемѣнилъ разговоръ и началъ мнѣ совѣтовать держать себя подальше отъ артиста Семенова.

— Это—вредный человѣкъ,—говорилъ Колосовъ,—онъ и вамъ навѣрно посовѣтуетъ, какъ одной нашей актрисѣ, бросить сцену и итти въ народъ. Совсѣмъ дѣвушку съ толку сбилъ, а до встрѣчи съ нимъ, какъ птичка Божія, была беззаботна и весела! Вѣдь не та наша Лизанька стала?—обратился онъ къ Долинскому.

Тотъ, разжевывая бубликъ, равнодушно произнесъ:

— Да, Лиза стала скучнѣе.

— Скучнѣе!—злобно передразнилъ его Колосовъ,—еще братомъ ея называешься—чье, какъ не твое, дѣло за ней слѣдить, а тебѣ все равно, только бы давали тебѣ ѣсть и пить. Смотрите, какъ онъ чужіе бублики уписываетъ! Г-жа Сокольская можетъ подумать, что дѣла нашей труппы такъ плохи, что ты цѣлую недѣлю ничего не ѣлъ.

Я удивилась, что эта шутка такъ сконфузила Долинскаго: сильно покраснѣвъ, онъ сейчасъ пересталъ ѣсть и даже отодвинулъ отъ себя стаканъ съ налитымъ чаемъ, а Колосовъ, казалось, уже забылъ о немъ и продолжалъ:

— Паршивая овца все стадо портитъ; вотъ и у насъ она въ лицѣ Семенова завелась, а вѣдь бродяга, голь перекатная! Играетъ любовниковъ, а у самого на плечахъ нѣтъ порядочнаго сюртука; и зачѣмъ его на заводѣ не оставили?—уже въ сердцемъ продолжалъ Колосовъ:—пусть бы развивалъ рабочихъ, съ которыми онъ, все равно, и теперь братается, а то въ нашу труппу затесался и все потому, что въ Лизаньку влюбился.

— Демьянъ Ивановичъ, онъ опять и сегодня Лизѣ книгу принесъ,—почему-то таинственно произнесъ Долинскій.

— А ты заглавіе книги прочелъ?

— Нельзя было: Лиза всѣ свои книги въ шкапъ прячетъ и ключъ отъ него въ карманѣ носитъ.

Лицо у Колосова сдѣлалось злое, непріятное. Онъ быстро заходилъ по комнатѣ и, грозя кому-то пальцемъ, громко произнесъ:

— Погоди, мерзавецъ, я тебѣ покажу, какъ становиться на моей дорогѣ: я еще и до сихъ поръ съ полицеймейстеромъ на «ты».

Въ это время изъ сосѣдней комнаты къ намъ постучали въ стѣну.

— Это меня зовутъ,—спохватился Колосовъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, но уже не одинъ: съ нимъ былъ молодой, высокій мужчина, который, стоя на порогѣ, не рѣшался ко мнѣ такъ поздно войти.

— Ничего, войди,—звалъ его Колосовъ:—г-жа Сокольская не разсердится: мы всѣ артисты, одна семья.

Мнѣ эта фраза понравилась, и думая, что Колосовъ уговариваетъ ко мнѣ войти одного изъ нашихъ артистовъ, я поспѣшила пойти гостю навстрѣчу и привѣтливо сказала:

— Войдите, пожалуйста.

И Колосовъ мнѣ представилъ своего, какъ онъ выразился, закадычнаго друга, помѣщика Тополева.

— Развѣ m-r Тополевъ не артистъ?—удивилась я.

— Хотя онъ на сценѣ и не играетъ, но принадлежитъ къ нашей труппѣ: мы его считаемъ своимъ,—объяснилъ Колосовъ.

— Илья Петровичъ только играетъ...—началъ было Долинскій, но Колосовъ, стоявшій возлѣ него, зажалъ шутя ему ротъ рукой и такимъ образомъ не далъ окончить фразы. Кажется, чтобы замять этотъ разговоръ, оба, Колосовъ и Тополевъ, начали трунить надъ режиссеромъ, что онъ берется играть всѣ роли: любовниковъ, простаковъ и благородныхъ отцовъ.

— Смѣйтесь, а меня вчера три раза вызвали,—съ гордостью произнесъ Долинскій.

— Еще бы тебя не вызвать—посадишь во всѣ ряды стульевъ братьевъ да сторожей, они тебя и вызываютъ. У насъ же, въ театрѣ, пустыхъ стульевъ сколько хочешь, только сажай.

Изъ этого разговора я заключила, что у Долинскаго или очень кроткій характеръ, или же возражать онъ боится.

Что же касается Тополева, то хотя съ виду онъ и былъ довольно элегантный молодой человѣкъ, но мнѣ не понравился: уже очень онъ былъ развязенъ и болтливъ, хвасталъ, что богатъ, актрисамъ дѣлаетъ дорогіе подарки и имѣетъ огромное вліяніе на здѣшнюю публику: «кому хочу, тому она и аплодируетъ»,—говорилъ

онъ. Но больше всего мнѣ въ немъ не понравилось, что онъ при мнѣ подсмѣивался надъ нашими актрисами и даже разсказывалъ о нихъ скабрезные анекдоты.

Колосовъ, кажется, замѣтилъ, что его другъ мнѣ не понравился, и когда тотъ съ Долинскимъ ушли, онъ еще съ минуту остался со мною и посовѣтовалъ быть любезнѣе съ Тополевымъ.

— Онъ можетъ быть для васъ полезнымъ человѣкомъ,—сказалъ Колосовъ.

III.

По уходѣ гостей я сейчасъ же начала разбирать свои вещи и только успѣла открыть сундукъ и вынуть изъ него сверху лежавшую икону, какъ въ мою дверь постучались.

Думая, что гости, вѣроятно, что нибудь у меня забыли, я закрыла сундукъ и крикнула:

— Войдите!

Дверь не сразу, а потихоньку начала отворяться, и, къ моему удивленію, въ комнату вошелъ незнакомый мужчина въ длинномъ сюртукѣ бураго цвѣта; когда свѣтъ упалъ на его лицо, я замѣтила, что оно багровое и съ однимъ открытымъ глазомъ, другой былъ съ закрытой вѣкой; я струсила и, отодвигаясь въ глубь комнаты, проговорила:

— Вы не сюда зашли—дверью, вѣроятно, ошиблись?

— Извините,— началъ громкимъ шопотомъ незнакомецъ:— я, кажется, вижу предъ собою только-что пріѣхавшую артистку Сокольскую?

Его шопотъ еще больше меня испугалъ—отъ страха даже ноги начали дрожать; но я все-таки постаралась какъ можно спокойнѣе сказать:

— Я—Сокольская. Что вамъ отъ меня нужно?

— Не извольте безпокоиться, я дверью не ошибся. Имѣю честь рекомендоваться: товарищъ по искусству, суфлеръ Куровъ.

Говоря, онъ ближе подошелъ ко мнѣ и обдалъ запахомъ водки.

Я страшно боялась пьяныхъ, и у меня уже явилась мысль выбѣжать въ коридоръ, но для этого сначала нужно было пройти мимо Курова, на что̀ я не осмѣлилась, и ограничилась только тѣмъ, что спряталась въ уголъ комнаты и оттуда со страхомъ на него смотрѣла.

Куровъ, замѣтивъ, что я его боюсь, попятился къ дверямъ и съ умоляющимъ лицомъ шепталъ:

— Не бойтесь меня, барышня, я вамъ ничего дурного не сдѣлаю; хоть я и выпилъ, но все же лучше нашихъ шуллеровъ; когда я увидѣлъ, что они вышли изъ вашего номера, сейчасъ же себѣ сказалъ: Куровъ, иди къ ней и предупреди, что они хоть и

при часахъ и перстняхъ, но подлецы, а ты бѣденъ, но честенъ; у нихъ полные карманы награбленныхъ денегъ, а у Курова за душой одинъ сюртукъ, и то драный.

При этомъ онъ подбоченился и такимъ образомъ показалъ свои рваные локти.

— А какой былъ талантъ!—ударивъ себя въ грудь кулакомъ, продолжалъ Куровъ:—я всегда злодѣевъ игралъ; нуженъ злодѣй—сейчасъ кричатъ: зови Курова! А когда Куровъ играетъ,— театръ отъ рукоплесканій трещитъ!

Тутъ онъ закашлялся и кашлялъ долго и съ воемъ; при этомъ выглядѣлъ такимъ больнымъ, жалкимъ, что страхъ у меня къ нему совсѣмъ прошелъ, даже жаль его стало, и я вышла изъ угла. Послѣ кашля Куровъ, видимо, ослабѣлъ и, присѣвъ у дверей на кончикъ стула, снова заговорилъ:

— Изъ-за интригъ въ суфлерскую будку попалъ, въ ней голосъ и потерялъ; теперь куда я безъ голоса, кромѣ будки, гожусь, да и то боюсь, что за кашель откажутъ; Сашка, режиссеръ, уже два раза за меня суфлировалъ.

Хотя мнѣ было и жаль Курова, но я все-таки хотѣла, чтобы онъ поскорѣе ушелъ, и вѣжливо сказала:

— Мы съ вами поговоримъ потомъ, когда я приду въ театръ, а теперь, пожалуйста, уйдите съ дороги: я сильно устала и хочу спать.

Куровъ вдругъ потянулъ ко мнѣ руку и съ умоляющимъ видомъ произнесъ:

— Товарищъ, одолжите заимообразно пять рублей!

Не просьба меня разсердила, а сумма, которую онъ просилъ у меня самой отъ дороги осталось только пять рублей, и вдругъ онъ проситъ всѣ мои деньги.

— Откуда я вамъ столько денегъ возьму!—воскликнула я съ негодованіемъ.

— Ну, хоть рубликъ, хоть рубликъ, товарищъ!

Просилъ онъ съ такой несчастной физіономіей, что мнѣ опять его стало жаль. Подавая ему рублевую бумажку, я сказала:

— Только, пожалуйста, скорѣй уходите.

— Благодарю, ангелъ красоты и невинности!—шепталъ онъ, засовывая деньги за обшлагъ сюртука.—Рольку не будете знать—только шепните: Куровъ, помоги—такъ подамъ, что въ ротъ положу.

А я все повторяла, что хочу спать.

Куровъ со страдальческимъ лицомъ замахалъ руками.

— Знаю, ангелъ, знаю!

И на цыпочкахъ пошелъ къ двери, но вдругъ остановился и, приложивъ палецъ ко рту, съ таинственнымъ видомъ произнесъ:

— Не довѣряйтесь нашему антрепренеру—обманетъ, а комикъ Демьянъ—шуллеръ!

— Покойной ночи, покойной ночи!—торопила я его.

На порогѣ Куровъ снова остановился и, поднявъ руку вверхъ, уже драматическимъ шопотомъ произнесъ:

— Прощай и помни обо мнѣ!

Съ этими словами онъ выскользнулъ изъ комнаты.

Я сейчасъ же заперла дверь на ключъ и только хотѣла начать раздѣваться, какъ въ мою дверь снова раздался стукъ, и тонкій женскій голосъ произнесъ:

— Отворите мнѣ, барышня, я только на одну минутку.

Думая, что это номерная за самоваромъ, я отворила дверь. Но какъ описать мое изумленіе, когда вмѣсто ожидаемой горничной я увидѣла огромнаго роста мужчину, который уже вошелъ ко мнѣ въ комнату и заговорилъ басомъ:

— Имѣю честь рекомендоваться: товарищъ по искусству — трагикъ Гофманъ.

У этого лицо было худое, длинное, и самъ онъ былъ худъ, какъ скелетъ; пиджакъ висѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ, а его худыя, покрытыя черными волосами руки, по крайней мѣрѣ, на четверть были видны изъ рукавовъ пиджака. Но меня больше всего поразило, куда дѣвалась только что говорившая за дверью женщина; я спросила о ней Гофмана.

— Это былъ я,—съ довольной улыбкой сказалъ онъ:—я всякому голосу могу подражать.

И сейчасъ же заговорилъ нѣжнымъ теноромъ.

— Товарищъ, одолжите на сегодняшній вечеръ десять рублей. Мы тутъ недалеко отъ вашего номера въ карты играемъ; я вамъ деньги съ процентами завтра же возвращу.

Я не думала, что Гофманъ серьезно у меня проситъ денегъ, и вообразила, что онъ шутитъ.

— Вотъ теперь вы подражаете голосу мальчика,—замѣтила я.

А тотъ опять заговорилъ басомъ:

— Ну, что же, товарищъ, для перваго знакомства выручайте.

И такъ же, какъ Куровъ, протянулъ ко мнѣ за деньгами руку.

— Вы, конечно, шутите?—нерѣшительно спросила я.

— Гдѣ тамъ шучу? Деньги до зарѣзу нужны.

И онъ провелъ пальцемъ по своей длинной шеѣ.

— Однако, какіе здѣсь артисты! — подумала я и поспѣшила сказать, что денегъ у меня нѣтъ, и что я удивляюсь, какъ онъ могъ въ такой поздній часъ притти меня безпокоить.

Но Гофманъ, не обративъ вниманія на мои слова, началъ все осматривать: трогалъ за скобки мой сундукъ, посмотрѣлъ висѣвшее на стулѣ пальто, взялъ въ руки съ комода икону, поискалъ на ризѣ пробу и, поставивъ на мѣсто, подошелъ ко мнѣ.

— Не можетъ быть, чтобъ у васъ уже совсѣмъ не было денегъ! Вы, кажется, боитесь, что я ихъ не отдамъ, но вѣдь я даю

вамъ свое честное слово, что завтра поутру съ Абрамкой пришлю ваши деньги, а если много выиграю, то и съ процентами.

Я отвѣтила, что мнѣ не нужно его процентовъ, и я прошу его уйти отъ меня.

— Но вѣдь сколько нибудь да у васъ есть?—настаивалъ онъ:— ну, пять, ну, рубль?

«Развѣ дать и этому рубль?»—мелькнуло у меня въ головѣ, но сейчасъ же и рубля стало жаль, и я твердо произнесла:

— Денегъ у меня вовсе нѣтъ, и вы напрасно просите—не получите ни одной копейки!

Только я успѣла это сказать, какъ Гофманъ, страшно выпучивъ глаза, замахалъ отчаянно руками и, упавъ въ кресло, зарыдалъ громко и естественно.

Сначала я думала, что съ нимъ сдѣлался припадокъ, и растерявшись металась по комнатѣ, наконецъ подбѣжала къ самовару за водой, но тамъ не оказалось ни одной капли, и кончила тѣмъ, что рѣшила дать Гофману денегъ; вынула изъ кошелька рубль и всунула бумажку между его пальцевъ, которыми онъ держалъ свою голову.

Средство помогло: онъ мгновенно зажалъ въ рукѣ бумажку и пересталъ рыдать. Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ, развалясь въ креслахъ, и самодовольно говорилъ:

— Что, каковъ я артистъ? Признайтесь, вѣдь вы были увѣрены, что я дѣйствительно плачу? Это еще что!—махнулъ онъ рукой:—въ театрѣ, когда я играю, сторожа плачутъ; а они на своемъ вѣку немало видятъ хорошихъ актеровъ — ихъ плохой игрой не проймешь!

За стѣной пробило два часа, и я обратила вниманіе Гофмана на позднее время, но онъ только махнулъ рукой и продолжалъ:

— Лучше скажите мнѣ, зачѣмъ вы-то сюда пріѣхали, когда всѣ хорошіе актеры и актрисы уѣхали или уѣзжаютъ, и остается одна шушера? Антрепренеръ запряжетъ васъ въ какіе нибудь водевильчики, и выйдетъ изъ васъ не актриса, а дрянь!

Такой эпитетъ мнѣ очень не понравился, и я поспѣшила сказать, что пріѣхала не на водевили, а мое амплуа—драматическое ingénue.

Гофманъ громко засмѣялся.

— Съ кѣмъ драмы-то вы будете играть?—кричалъ онъ:—ужъ не съ Сашкой ли, режиссеромъ, или деревяннымъ Семеновымъ? Развѣ они понимаютъ, какъ нужно драмы играть? Семеновъ въ драмахъ разговариваетъ, вотъ такъ, какъ я теперь съ вами, а развѣ ихъ такъ игралъ Каратыгинъ?

Я начинала думать, что Гофманъ просидитъ у меня всю ночь. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, я рѣзко объявила, чтобъ онъ уходилъ, такъ какъ я хочу спать.

Бросивъ на меня презрительный взглядъ, Гофманъ всталъ съ кресла, но не ушелъ, а только прошелся по комнатѣ.

— Тоже актриса,—ворчалъ онъ, посматривая на меня исподлобья,—я ей про драму говорю, а она—спать; вотъ и всѣ теперь такія молодыя актрисы! Вотъ что,—подошелъ онъ ко мнѣ:—не хотите ли поѣхать со мной въ Москву? Я изъ васъ такую актрису сдѣлаю, что ваше имя на всю Россію прогремитъ.

Я рѣшительно отказалась.

— Какъ знаете,—равнодушно пожалъ онъ плечами:—вамъ же добра хотѣлъ!

Прощаясь онъ протянулъ мнѣ руку и покровительственнымъ тономъ произнесъ:

— Я васъ въ театрахъ буду рекомендовать.

Наконецъ онъ ушелъ.

IV.

На другой день проснулась я поздно, и то потому, что въ мою дверь сильно стучалъ Абрамка; онъ мнѣ принесъ отъ Гофмана заклеенный конвертъ, въ которомъ оказались двѣ рублевыхъ бумажки и записка съ одной фразой: «истинный артистъ всегда честенъ».

Лишній рубль я хотѣла сейчасъ же возвратить Гофману, но узнала отъ Абрамки, что онъ, уже нѣсколько часовъ, какъ уѣхалъ въ Москву.

— Онъ мнѣ злотый далъ, чтобъ я молчалъ,— таинственно разсказывалъ Абрамка:—наши бы евреи его за долги изъ города не выпустили. И хозяйка не знала, что Гофманъ въ Москву уѣзжаетъ; свой чемоданъ онъ въ номерѣ оставилъ: «Берегите, говоритъ, мои вещи, я черезъ сутки вернусь». А какъ уѣхалъ, мы чемоданъ и открыли, а тамъ одни старыя калоши и афиши.

А меня отъѣздъ Гофмана помирилъ съ мыслію, что я на свой рубль получила жидовскіе проценты.

Въ этотъ же день, когда я пила чай, ко мнѣ вошла болѣзненнаго вида пожилая дама въ черномъ платьѣ и съ папироской въ рукѣ.

Несмотря на густой слой пудры, ея лицо и шея были желты, а когда она говорила, то видимо уставала.

— Моя фамилія Зайцева,—начала она свысока,—я здѣсь первая драматическая артистка, живу въ этой же гостиницѣ и зашла узнать, не васъ ли мы ожидаемъ на вторыя драматическія роли.

— Мое амплуа—драматическое ingénue,—сказала я.

— Это, душенька, все равно,—снисходительно улыбаясь и садясь въ кресло, замѣтила Зайцева:—со мною вы всегда будете играть только вторыя роли.

Вспомнивъ слова Колосова, что Зайцева—замѣчательная артистка, я съ ней обошлась, какъ только могла, любезно: предлагала чая, угощала бубликами.

Окинувъ глазами мою комнату, Зайцева съ грустной улыбкой замѣтила, что, кажется, и мои финансы такъ же плохи, какъ и ея, и, откинувъ надменный тонъ, принятый со мною вначалѣ, призналась, что очень рада моему пріѣзду: теперь въ театрѣ могутъ итти и серьезныя драмы.

— А то, подумайте,—разсказывала она,—вотъ уже три мѣсяца, какъ антрепренеръ артистамъ не платитъ жалованья, но другіе хоть играютъ, а я вслѣдствіе того, что не было на вторыя роли драматической актрисы, сидѣла не занятая, а съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала Сумлевичъ, у насъ въ театрѣ идутъ только водевили и оперетки.

Меня сильно огорчило извѣстіе, что антрепренеръ не платитъ артистамъ жалованья—вдругъ онъ и мнѣ не будетъ платить; тогда я не буду въ состояніи высылать мужу обѣщанныя деньги, и онъ исполнитъ свою угрозу: вытребуетъ меня чрезъ полицію. Эта мысль такъ была ужасна, что я прервала Зайцеву:

— Неужели и мнѣ антрепренеръ не будетъ платить жалованья?

Та засмѣялась.

— Какая вы еще наивная! Конечно, и вамъ не будетъ платить.

И тутъ же разсказала, что дѣла нашей труппы очень плохи: антрепренеръ весь въ долгу, у него заложены не только костюмы и платья, но даже декораціи и библіотека. Въ лавкахъ ему давно не вѣрятъ, и семья его буквально голодаетъ. Евреи даже хотѣли антрепренера засадить за долги въ тюрьму, но разсчитали, что имъ выгоднѣе оставить его на свободѣ: они хоть и не явно, но управляютъ дѣлами театра—кассу давно забрали въ свои руки; а жена одного богатаго еврея, старая Ривка, цѣлыми днями сидитъ въ квартирѣ антрепренера, чтобы знать все, что въ труппѣ происходитъ. Евреи для поправленія дѣлъ театра выписали и опереточную артистку Сумлевичъ и ей только одной аккуратно платятъ жалованье.

Разсказъ Зайцевой меня ошеломилъ; можетъ быть, я и расплакалась бы, но у меня не совсѣмъ исчезла надежда (послѣ увѣреній Колосова) понравиться здѣшней публикѣ. Получаетъ же Сумлевичъ жалованье, получу и я.

Но громко своихъ надеждъ я не высказала, а только спросила, на какія средства живутъ артисты, когда не получаютъ жалованья.

— Добрые люди помогаютъ,—отвѣтила Зайцева и предложила пойти къ нимъ въ номеръ и посмотрѣть на ихъ житье. По дорогѣ она успѣла мнѣ разсказать, что прежде, получая жалованье, она нанимала отдѣльную квартиру, но теперь живетъ у артистки Соловьевой.

— Между нами говоря,—разсказывала Зайцева,—Соловьева малограмотная. Я ей читаю роли и учу, какъ держать себя на сценѣ. Другая же наша маленькая актриса, Яковлева, за то у нея живетъ, что перешиваетъ ей платья. Даша Яковлева выходитъ замужъ за нашего же актера Степанова. Онъ былъ когда-то въ балетѣ, а теперь играетъ здѣсь небольшія роли и даетъ уроки танцевъ, кое-что этимъ и зарабатываетъ. Я рада за Дашу,—продолжала Зайцева:—Степановъ—хорошій человѣкъ, и сама она—такая добрая: когда я больна, лучше родной за мной ухаживаетъ, и не то, что Соловьева—эта гордячка! Только бы антрепренеръ началъ платить жалованье, я бы отъ нея сейчасъ переѣхала.

— Вѣроятно, артистка Соловьева богата?—полюбопытствовала я.

— Была,—улыбнулась Зайцева,—пока купецъ Чупятовъ, который повсюду ѣздитъ за нею, имѣлъ деньги, но теперь и онъ вмѣстѣ съ нами бѣдствуетъ: ему богатый отецъ не высылаетъ денегъ и требуетъ сына домой, если же тотъ скоро къ нему не вернется, грозитъ проклятіемъ и лишеніемъ наслѣдства. У Чупятова и здѣсь есть богатый дядя, фабрикантъ, но и этотъ сердитъ и не помогаетъ племяннику, зачѣмъ тотъ бросилъ торговлю и ѣздитъ за актрисой.

Разговаривая, мы дошли до ихъ номера; когда же отворили дверь, я увидѣла слѣдующую картину.

Посреди большой комнаты стояла массивная женщина съ высокоподобранными юбками; ея толстыя ноги, въ розовыхъ бумажныхъ чулкахъ и грубыхъ кожаныхъ полусапожкахъ, были видны до колѣнъ; она выдѣлывала ногами разныя па и грузно подпрыгивала. Всѣ движенія танцовщицы были не граціозны. Напротивъ ея, въ черномъ сюртукѣ, съ блѣднымъ отекшимъ лицомъ, стоялъ маленькаго роста мужчина и, выбивая тактъ рукой, громко считалъ: разъ, два, три; разъ, два, три!

— Степановъ учитъ танцовать свою невѣсту,—объяснила мнѣ Зайцева:—они, какъ скопятъ рублей тридцать или сорокъ, такъ и повѣнчаются, потомъ сейчасъ же поѣдутъ по разнымъ городамъ и будутъ вмѣстѣ танцовать. И труженица же эта Яковлева,—продолжала Зайцева:—Степановъ какъ только не ломаетъ ей ногъ! Напримѣръ, ставитъ въ такую позу: одна ея нога стоитъ на полу, другая лежитъ на вышинѣ аршина, а иногда и больше, и такъ онъ ее мучитъ нѣсколько разъ въ день. Но что дѣлать!—вздохнула Зайцева:—зато Даша вмѣсто двадцати пяти рублей, когда выучится танцовать, вездѣ получитъ семьдесятъ пять.

Яковлева не сразу прекратила танецъ, и я замѣтила по ея серьезному съ крупными чертами лицу, что она гордится своимъ умѣніемъ. Когда же кончила, подошла къ Зайцевой и грубымъ голосомъ спросила, который танецъ у нея лучше идетъ, венгерка или трепакъ.

— Какъ тебѣ, Даша, сказать,—сдерживая улыбку, начала та,—по-моему ты оба танца уже не дурно танцуешь; но въ мой бенефисъ протанцуй трепака: русскій костюмъ къ тебѣ очень идетъ.

Степановъ съ важнымъ видомъ подошелъ ко мнѣ и, отрекомендовавшись артистомъ и танцмейстеромъ, началъ меня разспрашивать откуда я пріѣхала и была ли въ Петербургѣ въ балетѣ. Затѣмъ онъ познакомилъ меня съ Чупятовымъ, который въ это время стоялъ у стола и варилъ на лампѣ кофе. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ 23-хъ, и его русское лицо съ синими небольшими глазами и круглой русой бородой мнѣ очень понравилось.

Когда я протянула Чупятову руку, прежде чѣмъ ее взять, онъ поспѣшно вытеръ свои о поддевку и тогда уже схватилъ силою руку и сильно потрясъ.

— Очень пріятно, что нашего полку прибыло-съ,—съ добродушной улыбкой началъ онъ,—только жалко, что Анна Ивановна (при этомъ онъ бросилъ взглядъ на Зайцеву) все больны, а лучше ихъ актрисы не найти-съ.

— Спасибо, Никита Ефимовичъ,—съ счастливымъ лицомъ проговорила Зайцева и при этомъ ласково потрепала его по плечу.

Яковлева, между тѣмъ, приведя въ порядокъ свой костюмъ, сѣла у окна и занялась починкой мужской рубашки; возлѣ нея стоялъ Степановъ, и они о чемъ-то тихо разговаривали.

-- Чупятовъ, — вдругъ крикнула Яковлева,— не дадите ли вы мнѣ для трепака вашу новую поддевку и шаровары?

— Всенепремѣннѣйше, съ нашимъ удовольствіемъ, Дарья Николаевна,—откликнулся тотъ.

Въ это время за портьерой, которой былъ перегороженъ номеръ, женскій грудной голосъ сказалъ:

— Развѣ ты, Даша, не знаешь, что у Чупятова новый костюмъ давно въ закладѣ?

Вслѣдъ за этими словами изъ-за портьеры вышла красивая полная блондинка съ красными, сочными губами и сильно развитымъ бюстомъ. На ней была шелковая черная юбка и нарядная батистовая кофточка.

— Вотъ и наша Екатерина Николаевна Соловьева,—сказала Зайцева, когда знакомила насъ.

— Антрепренеръ намъ уши вами прожужжалъ, — окидывая меня съ головы до ногъ взглядомъ и садясь на диванъ, проговорила Соловьева, потомъ, обращаясь къ Яковлевой, продолжала:

— Да, Дашенька, у насъ уже все въ закладѣ. Скоро вотъ и эту юбку, что̀ на мнѣ надѣта, понесу въ закладъ.

— До этого, Катенька, Богъ дастъ, не дойдетъ,—робко замѣтилъ Чупятовъ:—я сегодня опять письмо послалъ домой.

Соловьева бросила на него злобный взглядъ.

— Знаю, сколько ты на свои письма денегъ получилъ.

Тутъ Зайцева заговорила обо мнѣ.

— Господа, вѣдь и ее, бѣдняжку, навѣрно, антрепренеръ надуетъ, а она—еще такая наивная!

— Я и то на нее смотрю,—вмѣшалась Яковлева,—такая еще молоденькая и уже въ омутъ попала; главное, одна, никого не знаетъ и ужъ, навѣрно, у которой нибудь изъ нашихъ актрисъ поперекъ горла стоитъ.

И, обращаясь ко мнѣ, Яковлева продолжала:

— Приходите почаще къ намъ. Что вамъ въ номерѣ-то одной сидѣть? И я къ вамъ приду, посмотрю вашъ костюмчикъ, въ которомъ вы будете дебютировать — можетъ, въ немъ и перешить что понадобится: сами-то, вѣрно, не умѣете.

Все это было сказано безъ улыбки, грубымъ голосомъ, но меня все-таки сильно тронула ея доброта.

Соловьева поинтересовалась узнать, на какое жалованье я пріѣхала, и хотя всѣ въ одинъ голосъ сказали, что антрепренеръ никогда обѣщанныхъ денегъ мнѣ не заплатитъ, но Соловьева все-таки мнѣ позавидовала.

— Гдѣ послѣ этого правда у людей!—обиженнымъ тономъ заговорила она:—Сокольская сама говоритъ, что она неопытная и безъ голоса, а ее выписали на 150 рублей, а меня, пѣвицу съ большимъ голосомъ, только на 175. И роль ей на первый разъ дана хорошая. Я сколько разъ заявляла, что хочу сыграть «Глашу»!

— Съ вашей-то, Екатерина Николаевна, полной фигурой!— замѣтила Зайцева.

— Далась вамъ моя фигура! Не всѣмъ же быть такими присохшими, какъ вы.

Бросивъ въ это время на меня взглядъ, Соловьева продолжала:

— Я, можно сказать, красивѣе всѣхъ въ труппѣ, а счастья мнѣ нѣтъ! Возьмемъ хоть Сумлевичъ: красоты никакой и сухопарая, а въ бархатѣ и соболяхъ ходитъ, и все оттого, что свободна; за ней никому не страшно ухаживать. А вотъ попробуй кто нибудь за мной—кости переломаютъ; впереди только золотыя горы обѣщаютъ, но этого золота не дождаться—раньше съ голоду помру.

Чупятовъ, въ то время, когда она говорила, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, а когда на нее взглядывалъ, то его молодое доброе лицо до того искажалось злобой, что я была въ недоумѣніи, любитъ онъ Соловьеву, или ненавидитъ. У той же каждое слово было направлено, чтобы его оскорбить. Узнавъ, что я замужемъ, Соловьева сказала:

— Хорошо сдѣлали, что бросили нелюбимаго мужа. Какъ бы и мнѣ отвязаться отъ своего постылаго! Слышишь, Никита, что я говорю?—обернула она лицо къ Чупятову.

— Некогда, я кофей варю, двухъ дѣловъ нельзя брать въ руки!— угрюмо отвѣтилъ тотъ.

Зайцеву началъ сильно душить кашель. Яковлева съ озабоченнымъ лицомъ подбѣжала къ ней съ каплями, и я подошла къ больной и совѣтовала бросить курить.

— Не могу, душенька, я перестать курить,—наконецъ успокоившись, заговорила Зайцева:—когда я не на сценѣ, у меня только и есть одна отрада—папироска; впрочемъ, и еще есть слабость — люблю, чтобы моя постель была удобна; но скоро, скоро, вотъ этотъ коврикъ и это одѣяло, даже одну подушку придется продать.

Я начала ее успокоивать, говорила, что, когда пойдутъ въ театрѣ драмы, то, навѣрно, ей будутъ платить жалованье. Передала слова Колосова, что тотъ назвалъ ее замѣчательной артисткой.

Услыхавъ это, Зайцева отъ удовольствія даже помолодѣла, нѣсколько разъ попросила повторить, въ какихъ именно выраженіяхъ хвалилъ ее Колосовъ. Вытащила изъ-подъ кровати цѣлый пукъ афишъ, чтобы мнѣ показать, въ какихъ она пьесахъ участвовала, прочла рецензіи, въ которыхъ о ней писали, и съ восторгомъ повторяла:

— Я еще буду много, много играть!

Радовалась, что у нея теперь есть я и Гофманъ. Но когда узнала отъ меня, что тотъ сегодня утромъ уѣхалъ въ Москву, она отъ радости вдругъ перешла къ отчаянію.

— Съ кѣмъ я теперь буду играть?—сокрушалась она.—Неужели съ этимъ новичкомъ Семеновымъ? Онъ хотя и умный актеръ — у него вѣрная читка, но я, играя съ нимъ, чувствую, что онъ не входитъ въ роль, не увлекается.

И теперь на Зайцеву уже было тяжело смотрѣть. Она жаловалась на нездоровье, увѣряла, что скоро умретъ, и все сравнивала себя со старушкой Александровой, которой только что было отказано антрепренеромъ (за то, что она очень стара), и ей не оставалось ничего, какъ только ходить по міру.

— Никита Ефимовичъ,—обратилась Зайцева къ Чупятову: — хоть бы вы своего дядю попросили устроить въ городѣ подписку для Александровой.

Тутъ вмѣшалась Соловьева.

— Чупятовъ и за себя не можетъ ротъ разинуть, не только за другихъ.

— Ты, Катерина, отвѣчай за себя, а не за меня! — откликнулся тотъ.

— Что мнѣ за себя отвѣчать?—задорно начала Соловьева.— Я только знаю одно, что сдѣлаю скоро такое дѣло, что васъ всѣхъ удивлю.

На лицѣ у Чупятова выразилось безпокойство; поставивъ кастрюлю на столъ, онъ подошелъ ближе къ Соловьевой и съ минуту смотрѣлъ на нее, потомъ спросилъ:

Разскажи, что ты надумала сдѣлать?

— Это мое дѣло!

— А, можетъ, и мое. Вдвоемъ лучше обдумаемъ.

— Очень нужно!—презрительно воскликнула та и, вскочивъ съ дивана, быстро начала ходить по комнатѣ. И вдругъ, подбѣжавъ къ Чупятову, со злостью сказала:

— Твое дѣло вотъ какое — деньги для меня доставать; хоть укради, а достань!

— Ишь, расходилась, Екатерина Николаевна! — засмѣялся Чупятовъ и, снова подойдя къ столу, поставилъ кастрюлю на огонь.

— Подожди, еще не такъ посмѣешься,—задорно продолжала Соловьева:—когда поѣду къ старику Желѣзнову.

Чупятовъ такъ швырнулъ на столъ кастрюлю, что изъ нея кофе расплескался.

— Ну васъ и съ кофеемъ-то!—сердито воскликнулъ онъ:—всѣ пальцы пережогъ. Пейте—готовъ.

А самъ отошелъ къ окну и задумчиво началъ въ него глядѣть.

Кофе, какъ оказалось, былъ Зайцевой, и она всѣхъ приглашала его пить. Подошла къ столу и Соловьева и жалобно сказала:

— Накормите, Анна Ивановна, и меня, бѣдненькую: я цѣлую недѣлю питаюсь одной любовью, совсѣмъ отощала.

Чупятовъ у окна только крякнулъ и началъ сильно барабанить по стеклу. Черезъ минуту онъ съ рѣшительнымъ лицомъ подошелъ къ столу, гдѣ мы сидѣли, и, обращаясь къ Соловьевой, сказалъ:

— Подожди, Катя, ѣздить къ Желѣзнову. Деньги у меня будутъ!

И, схвативъ съ окна шапку, нахлобучилъ ее и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Куда это онъ?—спросила у Соловьевой Зайцева.

— А ну его, постылаго, хоть бы вѣкъ не возвращался! — съ брезгливымъ лицомъ отвѣтила та и сейчасъ спокойно прибавила:

— Давайте пить кофе.

V.

Антрепренеръ жилъ въ «Одесской» гостиницѣ; до нея отъ «Рижской», гдѣ я остановилась, мнѣ пришлось пройти нѣсколько улицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я ознакомилась и съ городомъ, который днемъ при солнечномъ освѣщенiи произвелъ на меня уже лучшее впечатлѣнiе, чѣмъ вечеромъ, когда я только въ него въѣхала. Хотя

улицы были узки, тротуары плохіе, и дома не превышали двухъ этажей, но мнѣ нравилось, что въ городѣ было много садовъ, бульваровъ, и, несмотря, на конецъ сентября, когда я привыкла видѣть одну только желтую листву,—здѣсь городъ еще утопалъ въ зелени. На улицахъ сновалъ народъ, но почти вся публика состояла изъ евреевъ: одни съ озабоченными лицами куда-то бѣжали, другіе, стоя возлѣ своихъ лавокъ, назойливо навязывали различный товаръ, а ихъ дѣти и калѣки безпрестанно выпрашивали милостыню. На каждомъ углу я спрашивала, какъ пройти къ «Одесской» гостиницѣ; наконецъ, мнѣ указали на большой одноэтажный домъ; но антрепренеръ, какъ оказалось, жилъ не въ немъ, а на дворѣ, въ маленькомъ флигелѣ.

Было около двѣнадцати часовъ, когда я вошла въ его квартиру, но онъ еще спалъ, а семью его я застала врасплохъ. Комната была совсѣмъ не убрана, и при моемъ появленіи жена антрепренера, пожилая женщина, со строгимъ, блѣднымъ лицомъ, поспѣшно начала убирать разбросанные по полу тюфяки и одѣяла и носила ихъ за ширмы. Сама она была очень бѣдно одѣта, въ рваную коричневую юбку и клѣтчатый большой платокъ, который, увидавъ меня, она быстро накинула прямо на рубаху.

Уже знакомый мнѣ режиссеръ, въ засаленномъ сюртукѣ, сидѣлъ у стола и выписывалъ изъ книги роли; второй сынъ антрепренера, Дмитрій, угреватый юноша, въ ситцевой рубахѣ, стоялъ у окна и на подоконникѣ считалъ карты; третій—лѣтъ четырнадцати, хорошенькій, кудрявый Коля, сидѣлъ въ одномъ сапогѣ, а другой держалъ въ рукѣ и чинилъ дратвой.

Первый меня замѣтилъ режиссеръ, онъ поспѣшилъ встать и познакомить со своею матерью, Авдотьей Ивановной. Послѣ первыхъ привѣтствій та мнѣ сообщила, что Иванъ Осиповичъ (антрепренеръ) еще спитъ, и что мнѣ придется подождать.

Режиссеръ мнѣ подалъ стулъ съ прорваннымъ сидѣніемъ; я сѣла, и всѣ опять принялись за прерванныя занятія.

Вскорѣ за ширмами я услышала шопотъ.

— Нашла время читать, хоть бы вышла поговорить съ новой актрисой.

— О чемъ я съ ней буду разговаривать? Пусть Саша ее занимаетъ.

Въ комнатѣ снова стало тихо, только Авдотья Ивановна громко шлепала по полу старыми туфлями, да и изъ-за перегородки доносилось громкое со свистомъ сопѣніе, прерываемое по временамъ легкимъ храпомъ.

Авдотья Ивановна, убравъ комнату, подошла къ старшему сыну и что-то тихо сказала, а тотъ, хотя тоже тихо, но внятно, произнесъ:

— Вѣдь вы знаете, что у меня нѣтъ ни копейки.

— Ахъ! ты, Господи!—вздохнула мать:—что же я, когда проснется папенька, дамъ ему покушать? Митя,— обратилась она къ другому сыну,—хоть бы ты сбѣгалъ къ Демьяну Ивановичу!

Въ это время за ширмами женскій голосъ громко сказалъ:

— Я, маменька, сколько разъ васъ просила не посылать за деньгами къ Демьяну Ивановичу.

— Тише, тише! — замахала руками на ширмы Авдотья Ивановна, а изъ-за перегородки уже властный мужской голосъ звалъ ее.

— Дуня, мыться давай!

— Вотъ и разбудили папеньку, старику никогда не дадутъ уснуть!—сокрушалась Авдотья Ивановна и въ это же время то хваталась за умывальникъ, то за жестяной чайникъ, бросилась за ширмы, откуда уже вышла съ полотенцемъ на плечѣ и побѣжала за перегородку.

И я, съ пробужденіемъ антрепренера, начала трусить своей съ нимъ встрѣчи; главное, меня безпокоило, какъ я у него спрошу дорожныя деньги, которыя въ своей телеграммѣ онъ мнѣ обѣщался возвратить. Но вскорѣ разговоръ трехъ братьевъ привлекъ мое вниманіе.

— Я теперь знаю,—разсказывалъ Коля,—за что Семенову на заводѣ отказали: онъ дѣтямъ, которыхъ училъ, разсказывалъ, что мы, всѣ люди, произошли отъ обезьянъ. Кромѣ того, и одинъ монахъ на него жалобу прислалъ. «Я, писалъ монахъ, въ ангельскомъ чинѣ и по сборамъ хожу, а этотъ безбожникъ, которому вы позволяете учить своихъ дѣтей, обругалъ меня пьяницей и лѣнтяемъ».

— И за дѣло отказано,—замѣтилъ Дмитрій,—а то ужъ очень уменъ твой Семеновъ—всѣхъ критикуетъ! А я самъ слышалъ, какъ про него въ публикѣ говорили, что онъ—нехорошій актеръ.

— Семеновъ себя никогда и не хвалитъ—онъ только на сценѣ до тѣхъ поръ, пока ему мѣсто не откроется, и мнѣ говоритъ: «учись, Коля, сапоги шить или какому нибудь другому ремеслу: лучше быть хорошимъ ремесленникомъ, чѣмъ плохимъ актеромъ».

— Чепуха,—замѣтилъ Дмитрій.

— Нѣтъ, не чепуха,—вмѣшался режиссеръ:—я, напримѣръ, когда служилъ въ банкѣ, получалъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, всегда былъ сытъ, прилично одѣтъ и каждый мѣсяцъ маменькѣ на кофе присылалъ, а теперь... тутъ режиссеръ началъ такъ тихо говорить, что мнѣ не было слышно.

— Бросьте вздоръ молоть!—громко произнесъ Дмитрій,—лучше посмотрите, какъ я выучился карты передергивать. Колосовъ говоритъ, что изъ меня выйдетъ второй Тополевъ.

— Тише!—остановилъ его режиссеръ и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ въ мою сторону.

Слушая ихъ, я не замѣтила, когда въ комнатѣ появились двѣ старухи. Одна, маленькая, приниженная, въ измятой черной шляпкѣ и затасканной накидкѣ, сидѣла у дверей на стулѣ; другая—высокая, въ атласномъ парикѣ и темномъ ситцевомъ платьѣ, расположилась съ корзиночкой на сундукѣ, у открытаго окна и вязала чулокъ. Ея желтыя руки съ узловатыми пальцами шевелили спицами, а впалые блестящіе глаза были устремлены на меня.

— Это—Ривка,—подумала я и только хотѣла съ нею заговорить, какъ изъ-за перегородки вышелъ антрепренеръ. Это былъ опрятно одѣтый и свѣжій старикъ; потомъ я разсмотрѣла, что онъ набѣленъ и нарумяненъ, но въ первую минуту онъ мнѣ не показался очень старымъ.

При его появленіи старушка въ шляпкѣ (какъ потомъ оказалось, артистка Александрова) поднялась со стула и со слезами въ голосѣ сказала:

— Бога не боишься, Иванъ Осиповичъ? Куда я теперь дѣнусь? Къ антрепренерамъ писать поздно—вездѣ актрисы въ это время набраны.

— Уходи, уходи!—нетерпѣливо замахалъ на нее руками антрепренеръ.—Если не будешь надоѣдать, пришлю, когда понадобишься, а теперь ступай!

Александрова начала было что-то говорить, но антрепренеръ уже затопалъ на нее ногами.

— Говорю, убирайся!—кричалъ онъ.

Всхлипывая и что-то ворча, Александрова пошла къ дверямъ, а антрепренеръ уже веселымъ голосомъ сказалъ:

— Давайте мнѣ ее скорѣе, покажите мнѣ мою новую артистку.

Когда я подошла, онъ былъ такъ со мною любезенъ, что его любезность мнѣ даже не понравилась: цѣловалъ мнѣ руки, поминутно называлъ «душенькой», «голубчикомъ», расхваливая мою наружность, назвалъ «пупочкой» и хотѣлъ уже потрепать по щекѣ, но я отъ него отодвинулась и чувствовала, что отъ негодованія вспыхнула.

Антрепренеръ, погрозивъ мнѣ пальцемъ, ласково замѣтилъ:

— Нельзя, душенька, въ театрѣ быть такой недотрогой!

Но съ этой минуты сталъ уже сдержаннѣе и заговорилъ со мною о платьяхъ.

— Есть ли у васъ, голубчикъ, для сцены хорошія платьица?

Я призналась, что ихъ у меня немного, но что я надѣюсь, получая у него сто пядьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, скоро себѣ составить хорошій гардеробъ.

Я нарочно упомянула цифру моего жалованья и ждала (какъ увѣряла Зайцева), что онъ сейчасъ же ее сбавитъ, но антрепренеръ на мои слова только молча покачалъ головой, потомъ спросилъ, есть ли у меня хотя бѣлое и черное платья.

Я отвѣтила, что они у меня есть.

— Ну, что же, уберете ихъ каждый разъ другими ленточками, а публикѣ будетъ казаться, что у васъ много платьевъ; а ты, Саша, правду говорилъ,—обратился онъ къ сыну: — она — славненькая.

Я только что подумала, что теперь удобный моментъ спросить у него свои дорожныя деньги, какъ въ комнату влетѣлъ, подобно урагану, худощавый мужчина съ длинными усами и накинулся на антрепренера.

— Что же это вы, Иванъ Осиповичъ, съ нами шутки шутите?—кричалъ онъ.—На дорогое жалованье новыхъ актрисъ набираете, а мы съ женой безъ копейки сидимъ!

Антрепренеръ не растерялся и, взявъ его за плечо, спокойно сказалъ:

— Послушайте, г. Ковровъ, что я вамъ скажу.

Но тотъ бросилъ его руку и дерзко продолжалъ:

— Я не слушать васъ пришелъ, а за своимъ жалованьемъ, и если вы его сегодня намъ не заплатите, я съ женой и оркестромъ завтра же отъ васъ уѣзжаю. Вотъ и приглашеніе изъ Рыбинска!

И Ковровъ развернулъ передъ глазами антрепренера телеграмму.

— Ангелъ мой,—началъ тотъ медовымъ голосомъ,—клянусь счастьемъ моихъ дѣтей, что я вамъ все до копейки заплачу, только дайте пройти дебютамъ г-жи Сокольской; на первый уже всѣ билеты разобраны. Теперь, господа, прошли плохія времена для нашей труппы—однѣхъ молодыхъ актрисъ у насъ сколько!

Ковровъ, слушая его, смѣялся.

— Посмотримъ,—началъ онъ злорадно и подбоченясь:—какъ у васъ безъ меня и оркестра пойдутъ оперетки и водевили. Угощайте публику драмами съ вашей чахоточной Зайцевой.

— Зайцевой?—съ удивленнымъ лицомъ переспросилъ антрепренеръ:—развѣ вы, душенька, не знаете, что она давно по болѣзни не можетъ играть? Я ей вчера совсѣмъ отказалъ. У насъ теперь только одна первая драматическая актриса—ваша супруга. Саша,—обернулся онъ къ режиссеру,—ты развѣ еще не отдалъ роли Зайцевой многоуважаемой Софьѣ Петровнѣ?

Ковровъ въ раздумьѣ прошелся по комнатѣ, но вдругъ остановился и объявилъ, что его женѣ не роли, а деньги нужны.

— Платите, или мы уѣзжаемъ!

Въ открытомъ окнѣ появилась голова Курова.

— Иванъ Осиповичъ,—зашепталъ онъ,—съ утра не жралъ. Дайте хоть четвертакъ!

Съ лица антрепренера мгновенно исчезло кроткое выраженіе; съ сжатыми кулаками подбѣжалъ онъ къ окну и, затопавъ на Курова ногами, закричалъ:

— Къ чорту убирайся, хриплая собака!

Голова Курова мгновенно исчезла, но антрепренеръ все-таки продолжалъ кричать.

— Я всю эту мразь вонъ вышвырну—театръ не богадѣльня!..

— Иванъ Осиповичъ,—прервалъ его Ковровъ,—я жду окончательнаго отвѣта.

— Душенька, клянусь жизнью...—началъ было антрепренеръ, но Ковровъ махнулъ рукой и пошелъ къ дверямъ.

Тутъ еврейка Ривка сорвалась съ мѣста и, загородивъ Коврову руками дорогу, сказала:

— И зацѣмъ ви, г. Ковровъ, въ другой городъ поѣдете? Ми вамъ сегодня же деньги заплатимъ.

— А это дѣло другое!—снимая шляпу, весело произнесъ тотъ:—намъ съ женой все равно, гдѣ ни служить.

Закуривъ папироску и поговоривъ съ антрепренеромъ о предстоящихъ спектакляхъ, Ковровъ ушелъ.

Во все это время Авдотья Ивановна была поглощена хлопотами о завтракѣ для мужа. Куда-то отсылала Дмитрія, который теперь вернулся съ двумя закрытыми тарелками. Съ радостнымъ лицомъ она вырвала изъ рукъ сына тарелки, а антрепренеръ ихъ вырвалъ у нея и, съ жаднымъ выраженіемъ заглянувъ въ нихъ, поставилъ на столъ.

— Телятинка!—произнесъ онъ довольнымъ тономъ, потирая отъ удовольствія руки.—Опять вѣрно милѣйшій Демьянъ Ивановичъ?—спросилъ онъ Дмитрія.

А тотъ съ возбужденнымъ лицомъ уже разсказывалъ, что Колосова онъ не засталъ дома, а только Тополева, и что Тополевъ—молодчина: вчера въ клубѣ одного помѣщика рублей на пятьдесятъ нагрѣлъ!

— Милый, милый человѣкъ!—сидя уже за столомъ, съ салфеткой на шеѣ, и разрѣзая телятину, повторялъ антрепренеръ. Вдругъ онъ вспомнилъ обо мнѣ и началъ приглашать раздѣлить съ нимъ завтракъ.

— Дуня, скорѣй, чистую тарелку для г-жи Сокольской!

Но отъ завтрака я отказалась и, не осмѣлившись заговорить о своихъ деньгахъ, ушла.

На дворѣ меня догнала дочь антрепренера, Лиза, и поздоровавшись пошла рядомъ. Ея смуглое лицо съ правильными чертами было очень красиво, а такихъ великолѣпныхъ, какъ у нея, глазъ и бровей я еще ни у кого не встрѣчала.

— Я за вами изъ-за ширмъ все время наблюдала,—съ улыбкой сказала Лиза:—вы совсѣмъ не похожи на актрису.

Я не знала, какъ понять ея слова, хвалила она меня или порицала, а Лиза продолжала:

— Вы тутъ съ актрисами не дружитесь—въ театрѣ нужно быть осторожной; я здѣсь только съ однимъ человѣкомъ совѣтую вамъ познакомиться.

— Съ Семеновымъ?—вырвалось у меня.

— А вы почемъ узнали?

Я сказала, что о немъ я слышала отъ Колосова.

— И навѣрно онъ вамъ и про него и про меня насплетничалъ? А я никого не боюсь!—добавила она гордо.

— Вы, кажется, смѣлая?—замѣтила я.

— А вы—трусиха: я видѣла, какъ вы сегодня передъ моимъ отцомъ трусили, но мнѣ понравилось, что вы ему не позволили потрепать васъ по щекѣ.

Больше говорить въ этотъ разъ намъ не пришлось; за Лизой уже бѣжалъ ея братъ, Дмитрій, и звалъ домой.

— Мы, вѣроятно, увидимся на репетиціи,—пожавъ мнѣ крѣпко, помужски, руку, сказала она и пошла назадъ. А я еще съ минуту стояла, любуясь ея высокимъ ростомъ и длинной черной косой.

VI.

Зданіе нашего театра архитектурой напоминало большую конюшню и, хотя было каменное, но, будучи сильно запущеннымъ, уже приходило въ разрушеніе. Штукатурка снаружи мѣстами совсѣмъ осыпалась, а изъ одного угла начиналъ выпадать кирпичъ; внутри бархатъ цвѣта бордо, которымъ были обиты кресла и барьеры ложъ, выцвѣлъ и сдѣлался бурымъ; на ветхомъ же занавѣсѣ, продранномъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, едва было можно разобрать лиру въ цвѣтахъ.

Все это я потомъ разсмотрѣла; въ первый же разъ, когда пришла на репетицію, я была озабочена лишь предстоящимъ мнѣ пѣніемъ. Я всегда пѣла не важно, а тутъ приходилось показать свой голосъ въ первый разъ и передъ незнакомыми артистами. Сцена, когда я пришла, еще была пуста; артисты въ ожиданіи репетиціи сидѣли въ ложахъ; два рабочихъ въ глубинѣ сцены передвигали декораціи; но Куровъ уже былъ въ своей будкѣ и что-то жевалъ.

Увидавъ, что я стою въ кулисахъ, онъ мнѣ съ радостнымъ лицомъ закивалъ головой и послалъ рукой воздушный поцѣлуй, потомъ и самъ ко мнѣ пришелъ освѣдомиться о моемъ здоровьѣ. Къ намъ скоро присоединился и Степановъ. Этотъ началъ бранить антрепренера, зачѣмъ тотъ отказалъ Зайцевой, и увѣрялъ, что Анна Ивановна потому больна, что не танцуетъ. Распространяясь о здоровомъ вліяніи танцевъ на организмъ, Степановъ и мнѣ совѣтовалъ начать учиться танцовать. А Куровъ шепталъ:

— Хорошая актриса Зайцева, и товарищъ она хорошій; нашъ же антрепренеръ—скотина! Я когда нибудь ему бока нагрѣю.

Замѣтивъ, что ко мнѣ подходитъ Колосовъ, Степановъ и Куровъ поспѣшили отъ меня отойти. Демьянъ же Ивановичъ съ улыбочкой и добродушнымъ тономъ прочелъ мнѣ наставленіе насчетъ

того, чтобы я не пускалась въ разговоры съ такой мразью, какъ Куровъ и Степановъ.

— Вы по своему амплуа принадлежите къ первымъ сюжетамъ,— говорилъ Колосовъ,— а такая мелкота, какъ Куровъ, Степановъ и Яковлева, должна понимать разстояніе между ними, играющими выходныя роли, и нами, настоящими артистами.

Потомъ спросилъ, была ли я у антрепренера и познакомилась ли съ его дочерью. Я съ восторгомъ отозвалась о красотѣ Лизы и разсказала, какъ она первая ко мнѣ подошла, и что, кажется, я ей понравилась.

— Очень буду радъ, если вы съ ней сойдетесь, — сказалъ Колосовъ.—Растормошите ее: она въ послѣднее время стала такая задумчивая и сидитъ лишь надъ учеными книгами. У васъ же я замѣтилъ страсть къ сценѣ, можетъ быть, вы и ее заразите этой страстью.

Не подозрѣвая, что роняю себя въ глазахъ Демьяна Ивановича, я разсказала ему о своей любви къ чтенію, похвастала, что пишу стихи, сожалѣла, что въ послѣднее время ничего не читаю, но что послѣ своихъ дебютовъ снова примусь, и если сойдусь съ дочерью антрепренера, тогда мы уже вмѣстѣ будемъ читать и учиться.

— А въ учителя пригласите Семенова! — насмѣшливо произнесъ Колосовъ и сейчасъ же отъ меня отошелъ.

Между тѣмъ, въ оркестрѣ уже собрались музыканты; посреди ихъ со скрипкою въ рукахъ сидѣлъ Ковровъ; возлѣ суфлерской будки сѣлъ режиссеръ и, хлопнувъ въ ладоши, крикнулъ:

— Г-жа Сумлевичъ, пожалуйте съ оркестромъ проходить ваши нумера!

— Иду! — отвѣтилъ изъ глубины театра музыкальный женскій голосъ, и вскорѣ возлѣ меня, въ кулисахъ, зашумѣли шелковыя юбки, и на сценѣ появилась, въ кружевахъ и бархатѣ, граціозная молодая женщина; вслѣдъ за ней, звеня шпорами, вошли нѣсколько офицеровъ. Сцена ожила: начался смѣхъ, говоръ, и стало тихо только тогда, когда Сумлевичъ, подойдя къ рампѣ, запѣла:

«Ахъ, ахъ, какъ я люблю военныхъ,
Какъ я люблю военныхъ!
И во взорахъ ихъ надменныхъ
Отраду видѣть для себя!» и т. д.

Голосъ у Сумлевичъ былъ не большой, но пріятный, и сама она была маленькая, кокетливая и граціозная, какъ кошечка. Кромѣ того, она была роскошно и со вкусомъ одѣта; глядя на нее, я чувствовала, что при ней сильно теряю, и это сразу привело меня въ дурное настроеніе.

— Браво, браво! — аплодировали ей офицеры.

Капельмейстеръ спросилъ, не желаетъ ли она еще разъ повторить свои номера.

— Не стоитъ,— отвѣтила Сумлевичъ,— вы лучше сами, милый Коврикъ, сегодня вечеркомъ, со скрипкой, ко мнѣ зайдите, тогда номера и повторимъ.

И, прищуривъ кокетливо глаза, она прибавила:

— А за это я вамъ позволю поцѣловать мою ручку.

— Свинья!—вдругъ кто-то громко произнесъ сзади меня.

Я обернулась и увидѣла полную женщину, закутанную въ кружевной шарфъ; она злыми глазами смотрѣла на Сумлевичъ; потомъ перевела ихъ на меня.

— Видите, какъ она кокетничаетъ съ моимъ мужемъ? Этой дряни, вѣрно, мало своихъ поклонниковъ!

Не зная, что отвѣтить Ковровой, я, опустивъ глаза, молчала, а та продолжала:

— Набрали въ театръ проклятыхъ кокотокъ, теперь будутъ у честныхъ женщинъ мужей отбивать!—и, громко плюнувъ, Коврова исчезла въ кулисахъ.

Наконецъ пришла и моя очередь пѣть съ оркестромъ. Сильно струсивъ, я свой номеръ пропѣла неувѣренно и сконфуженная отошла отъ рампы. Замѣтивъ, что Сумлевичъ, посматривая на меня, что-то говоритъ офицерамъ, я еще больше сконфузилась и уже хотѣла куда нибудь спрятаться, но въ это время увидѣла въ одной изъ темныхъ ложъ жену антрепренера и сейчасъ же побѣжала къ ней. Но Авдотью Ивановну я нашла совсѣмъ больной—она держалась за бокъ и охала. Я удивилась, зачѣмъ она больная пришла въ театръ.

— Нельзя. Я завтра играю вашу бабушку, — сказала она:—если бы я служила въ труппѣ у кого другого, еще могла бы, сославшись на болѣзнь, не играть, а теперь какъ я огорчу Ивана Осиповича. Если ему завтра придется отмѣнить спектакль, онъ съ горя и самъ захвораетъ; а для меня его болѣзнь гораздо хуже, чѣмъ когда я сама больна. Да вы, голубушка, не безпокойтесь—я часто хвораю. Лучше идите на сцену. Васъ, кажется, Саша ищетъ.

Режиссеръ искалъ меня для того, чтобы подвести ко мнѣ нѣсколькихъ человѣкъ изъ публики, пожелавшихъ мнѣ быть представленными. Между ними оказался довольно извѣстный писатель Ордынскій, котораго романы и я читала. Это былъ средняго роста, довольно красивый брюнетъ съ тщательно расчесанными бакенами и моноклемъ въ глазу. Я давно мечтала познакомиться съ настоящимъ писателемъ и, узнавъ, что онъ стоитъ передо мной, сильно смутилась и обрадовалась. Себя я тоже считала писательницей, и мнѣ сейчасъ же захотѣлось заявить о себѣ, сказать что нибудь умное, но какъ я ни ломала голову, ничего лучше не могла придумать, какъ только заговорить о литературѣ.

— Читала ваши произведенія и поклонница вашего таланта.

— Польщенъ, — поклонился Ордынскій. — Могу узнать, который изъ моихъ романовъ вамъ больше нравится?

Я назвала романъ.

— Увы, не я—авторъ этого романа, — грустнымъ тономъ, но сдерживая улыбку, произнесъ писатель.

Отъ стыда я готова была провалиться сквозь землю и хотя, наконецъ, вспомнила названіе одного изъ его романовъ, но мнѣ казалось, что Ордынскій уже неохотно говорилъ со мной о литературѣ и вскорѣ отъ меня отошелъ. Я была увѣрена, что онъ составилъ плохое мнѣніе о моемъ умѣ, и такъ этимъ огорчилась, что когда Лиза подвела ко мнѣ Семенова, котораго увидѣть я прежде интересовалась, теперь я на него едва взглянула. Семеновъ же былъ молодой, красивый, съ высокимъ лбомъ блондинъ; только его костюмъ мнѣ не понравился: на немъ былъ сюртукъ, а вмѣсто манишки красная, съ косымъ воротомъ рубаха. По одеждѣ и въ первую минуту его можно было принять за фабричнаго рабочаго, но никакъ не за артиста, который играетъ первыхъ любовниковъ.

— Павелъ Ивановичъ, — сказала Лиза: — Колосовъ уже успѣлъ и Еленѣ Вячеславовнѣ про васъ насплетничать.

— И какъ же это вы не боитесь послѣ словъ нашего эксъ-исправника со мной знакомиться?—съ улыбкой пожимая мнѣ руку, спросилъ Семеновъ и сейчасъ же замѣтилъ, что я чѣмъ-то разстроена.

Я умолчала о своемъ неудачномъ разговорѣ съ Ордынскимъ, только спросила, знакомъ ли съ нимъ Семеновъ.

— Кланяюсь съ этимъ фатомъ! — отвѣтилъ онъ съ гримасой.

Такой отзывъ объ извѣстномъ писателѣ меня удивилъ, и я объ этомъ замѣтила Семенову.

— Что жъ тутъ особеннаго, что Ордынскій писатель?—пожавъ плечами, сказалъ онъ: — есть писатели и писатели, этотъ же вредный, льстивый, а, какъ человѣкъ, онъ пустой.

И Семеновъ разсказалъ, какъ еще на-дняхъ Ордынскій былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ пьяной компаніи, совершавшей разныя безобразія. Послѣ разсказа Семенова меня пересталъ безпокоить мой разговоръ съ писателемъ, и я уже не заботилась, какое онъ составилъ обо мнѣ мнѣніе, и теперь, съ любопытствомъ присматриваясь къ Семенову, я замѣтила, что онъ изъ нашихъ артистовъ никого не любилъ и всѣмъ далъ прозвища: Колосова не иначе называлъ, какъ воръ-исправникъ, Сумлевичъ и Соловьеву — проститутками, антрепренера — Тартюфомъ. Мнѣ даже казалось, что Семеновъ не любитъ и театра: онъ съ озлобленіемъ говорилъ, что для артистовъ весь міръ заключается только въ одномъ театрѣ, что вслѣдствіе этого кругозоръ нашъ узокъ, что мы не интересуемся такими вопросами, которыми обязанъ интересоваться каждый честный человѣкъ.

— Я почти не встрѣчалъ развитыхъ артистовъ,—говорилъ Семеновъ:— если читаютъ они, такъ только однѣ пьесы; но больше такихъ, которые даже не интересуются и содержаніемъ пьесъ, въ которыхъ участвуютъ.

Я спорила съ нимъ и, желая заявить о своемъ развитіи, заговорила о томъ, что театръ — школа для людей, а мы, артисты, играя на сценѣ, способствуемъ развитію и улучшенію нравовъ.

Семеновъ выслушалъ меня съ иронической улыбкой и, когда я кончила, сказалъ:

— О, да! я увѣренъ, что послѣ того, какъ вы съ Сумлевичъ сыграете нѣсколько водевильчиковъ въ родѣ «Женщины-арестанты», который уже стоитъ на репертуарѣ, у насъ не только въ городѣ, но и въ театрѣ нравы, навѣрно, улучшатся.

— Я удивляюсь отцу, — вмѣшалась Лиза: — зачѣмъ онъ въ послѣднее время не ставитъ серьезныхъ пьесъ, а только оперетки и водевили съ канканами?

Когда мы такимъ образомъ разговаривали, ко мнѣ подбѣжалъ режиссеръ съ вопросомъ, танцую ли я канканъ.

Узнавъ, что я даже понятія о немъ не имѣю, онъ видимо огорчился.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать?—съ отчаяніемъ въ голосѣ говорилъ режиссеръ:—у насъ половина публики изъ-за канкана только и въ театръ ходитъ.

Я и прежде слышала, что это—не приличный танецъ, а теперь, послѣ разговора съ Семеновымъ и Лизой, рѣшила, что я никогда не буду его танцовать и объ этомъ громко и твердо заявила режиссеру.

На сценѣ вдругъ появился антрепренеръ.

— Что я слышу!—воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками:—моя юная дебютантка вздумала бунтовать! голубчикъ, голубчикъ!—глядя на меня съ укоромъ, качалъ онъ головой.

Но и при немъ я рѣшительно сказала, что я канкана танцовать не буду.

Тогда антрепренеръ подошелъ ко мнѣ ближе и тихо заговорилъ:

— Не капризничайте, сударыня. Вы пріѣхали въ маленькую труппу и потому играйте все, что вамъ даютъ. А то, знаете, голубчикъ, у меня вѣдь съ вами не заключенъ контрактъ, а на ваше мѣсто у меня хоть двадцать актрисъ явятся.

Я поняла, что антрепренеръ не дорожитъ мною. Изъ боязни, чтобы онъ мнѣ не отказалъ, я его спросила, не могу ли я вмѣсто канкана танцовать польку.

— И прекрасно, танцуйте польку,—и, уже обращаясь къ публикѣ, антрепренеръ со смѣхомъ сказалъ:

— Пусть начнетъ съ польки, а потомъ и сама не замѣтитъ, какъ платьицемъ начнетъ передергивать. А вы, господа, въ это время: браво, браво! и увидите, что въ слѣдующій разъ наша дебютантка намъ протанцуетъ уже настоящій канканъ.

VII.

Я начала бояться, какъ бы мнѣ не провалиться въ роли Глаши, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Сумлевичъ мнѣ (по-дружески) сказала, что съ моей стороны рискованно появиться въ первый разъ передъ публикой въ той роли, въ которой она привыкла видѣть прекрасную и опытную актрису Звѣреву, которая только что передо мной уѣхала.

Наканунѣ дебюта я отъ безпокойства не спала всю ночь и слишкомъ рано пришла на генеральную репетицію. Въ театрѣ никого не было, кромѣ Курова, но онъ, оказалось, не имѣя другой квартиры, всегда ночевалъ въ театрѣ, и его движимое имущество, какъ онъ называлъ свою подушку, постоянно валялось на полу въ мужской уборной. Застала я его, сидѣвшаго на корточкахъ передъ топившейся печкой, гдѣ онъ кипятилъ въ глиняномъ горшкѣ себѣ воду. Увидавъ меня, онъ подбѣжалъ и радостнымъ шопотомъ сообщилъ:

— Въ кассѣ четыреста рублей. Такого сбора давно не помнимъ

Но меня такой сборъ скорѣе смутилъ, чѣмъ обрадовалъ—я боялась, что не оправдаю ожиданій публики, и призналась Курову, что сильно трушу. Но тотъ съ такой увѣренностью говорилъ, что, судя по вчерашней репетиціи, мой дебютъ долженъ пройти блистательно, что эта увѣренность передалась и мнѣ. Поговоривъ съ Куровымъ, я уже спокойнѣе начала готовиться къ спектаклю. Но вечеромъ, когда я пришла одѣваться въ уборную, я снова разстроилась. Авдотья Ивановна такъ заболѣла, что не могла играть въ водевилѣ мою бабушку, и антрепренеръ послалъ за Александровой, которая взялась сыграть роль безъ репетиціи. Кругомъ говорили, что для меня это очень дурно, что лучшая моя сцена съ бабушкой, а Александрова хотя и хорошая актриса, но ее публика не любитъ за то, что она очень стара, и ее навѣрно ошикаютъ.

Я одѣвалась къ спектаклю съ тяжелымъ сердцемъ. Въ уборную же поминутно прибѣгалъ антрепренеръ то посмотрѣть мое платье, то прическу, отходилъ въ глубь комнаты и оттуда съ серьезнымъ лицомъ смотрѣлъ на меня; наконецъ, на моемъ носу, чтобы онъ казался тоньше, провелъ кисточкой бѣлую линію и сильнѣе меня нарумянилъ.

Когда я стояла за кулисами въ ожиданіи моего выхода, ко мнѣ подошла Сумлевичъ и съ участіемъ сказала:

— Вы, дуся, не для нашей сцены загримировались. Вамъ нужно было больше подвести глаза, а вы такъ нарумянены, что изъ креселъ ваше лицо будетъ казаться пузыремъ.

Гримъ поправлять было поздно, и я была въ полномъ отчаяніи. Къ счастью, Яковлева успѣла мнѣ шепнуть:

— Не вѣрьте Сумлевичъ. Она для того это вамъ говоритъ, чтобы васъ разстроить, и чтобы вы чувствовали себя на сценѣ связанной.

Но, несмотря на всѣ старанія Сумлевичъ, мой дебютъ, какъ предсказывалъ Куровъ, прошелъ блистательно.

Въ короткомъ голубомъ платьѣ и бѣломъ дѣтскомъ передничкѣ я со сцены, какъ всѣ говорили, выглядѣла совершенной дѣвочкой. Куплетъ меня публика заставила повторить нѣсколько разъ, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ Глаша просила у бабушки мужа, раздавались неистовые аплодисменты съ аккомпанементомъ голосовъ, стульевъ и сабель. По окончаніи водевиля мнѣ было поднесено два большихъ букета изъ живыхъ розъ, а вызывали меня, по крайней мѣрѣ, разъ пять. Когда былъ опущенъ занавѣсъ, многіе изъ публики, чтобы вблизи на меня посмотрѣть, пришли на сцену. Всѣ старались заговорить со мной, и всѣ меня расхваливали.

Полицеймейстеръ Булкинъ, толстый, плѣшивый старикъ (только съ бахромкой на затылкѣ), поцѣловалъ мнѣ руку, назвалъ «умницей» и съ таинственнымъ видомъ сообщилъ, что я понравилась одному очень вліятельному лицу.

Антрепренеръ и Тополевъ тоже вертѣлись возлѣ меня, первый восхищался своимъ искусствомъ въ гримировкѣ и говорилъ, что онъ придумалъ для меня роль, въ которой я буду еще лучше, чѣмъ въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка», и что тогда онъ уже самъ займется, а Тополевъ все меня спрашивалъ, нравится ли мнѣ букетъ изъ бѣлыхъ розъ.

И Демьянъ Ивановичъ подошелъ ко мнѣ и, поздравивъ съ успѣхомъ, сказалъ:

— Развѣ я былъ не правъ, когда говорилъ, что вы скоро сдѣлаетесь любимицей здѣшней публики?

Окруженная льстивой толпой, съ двумя букетами въ рукахъ, я стояла на сценѣ и отъ счастья была, словно въ чаду: такого полнаго успѣха я еще никогда не имѣла. Мнѣ хотѣлось отъ восторга танцовать, кружиться; всѣ люди казались милыми, добрыми; старичка же Булкина, который мнѣ поминутно цѣловалъ руки, я съ чувствомъ чмокала въ голую макушку.

Раздался звонокъ, и режиссеръ потребовалъ, чтобы публика очистила сцену.

Убѣгая въ уборную, я отъ радости, какъ ребенокъ, подпрыгивала.

Уборная теперь была полна народомъ: кромѣ актрисъ, тутъ были и ихъ знакомыя, пришедшія на даровщинку посмотрѣть на спек-

такль. Сумлевичъ играла въ слѣдующемъ водевилѣ и уже была въ короткихъ юбкахъ и трико.

Какъ только я показалась въ уборной, она подбѣжала ко мнѣ.

— Поздравляю съ успѣхомъ!—и, указавъ набѣленнымъ и въ бриллиантахъ пальчикомъ на одинъ изъ моихъ букетовъ, сказала:

— Эти бѣлыя розы вамъ поднесъ Тополевъ, а тѣ пунцовыя юнкеръ Николаевъ; они оба для васъ и сегодняшнюю овацію устроили.

Эти слова, какъ холодной водой, меня облили.

— Почему вы думаете, что эти букеты мнѣ поднесены только двоими? Мнѣ кажется, вся публика мнѣ аплодировала и вызывала.

— Ахъ, какую она изъ себя наивность представляетъ!—всплеснувъ руками, воскликнула Сумлевичъ. — Я думаю, вся труппа знаетъ, что юнкеръ Николаевъ вчера весь день бѣгалъ по товарищамъ и всѣхъ упрашивалъ вамъ аплодировать. Николаевъ и солдатъ въ раекъ насадилъ, чтобы они васъ громче вызывали. Отбила, шельмочка, отбила у меня поклонника!—уже шаловливо и грозя пальчикомъ, произнесла Сумлевичъ.

А я переживала тяжелыя минуты разочарованія, тѣмъ болѣе, что только сейчасъ была безконечно счастлива, воображая, что всей публикой признанъ мой сценическій талантъ, а теперь оказывается, что только двое, и одинъ изъ нихъ еще шуллеръ, способствовали моему сегодняшнему успѣху; мнѣ, какъ бездарной актрисѣ, выпрашивали аплодисменты! Меня душила злость, обида, я готова была бросить букеты на полъ и растоптать ихъ ногами, но пока свое зло только вымещала на кисейномъ передникѣ, который, снимая съ себя, совсѣмъ порвала.

Въ уборной уже говорили о другомъ. Яковлева, стоя у моего стола, разсказывала про Зайцеву, на которую отказъ антрепренера такъ подѣйствовалъ, что у нея уже второй день, какъ изъ горла показывается кровь.

— Она только и жила одной надеждой, что еще будетъ играть, а теперь Анна Ивановна, попомните мое слово, скоро умретъ,— съ участіемъ въ голосѣ повторяла Яковлева.

Соловьева хвастала, что Чупятовъ наконецъ получилъ отъ отца деньги, и ей подарилъ на соболью шапочку и муфту сто рублей.

Я же все не могла успокоиться и только сдерживала себя, чтобы не разрыдаться. Услыхавъ, что Зайцева скоро умретъ, я подумала: лучше бы и мнѣ умереть.

Въ это время сзади меня ласковый старческій голосъ произнесъ:

— Чего, Глашенька, вы такъ пріуныли? Не вѣрьте никому, вы очень хорошо играли. Я-то понимаю: сорокъ лѣтъ на сценѣ! Можетъ, и вы гдѣ нибудь слышали про артистку Александрову? Въ провинціальныхъ театрахъ еще меня помнятъ.

Я только что на сценѣ играла съ Александровой, но, занятая своей ролью, я не обратила на нее вниманія, когда же я ее видѣла у антрепренера, она тогда не была ни набѣлена, ни нарумянена и мнѣ показалась симпатичной старушкой; но теперь она была страшна: ея набѣленное лицо было сморщено, какъ губка, во рту ни одного зуба, и при этомъ еще на головѣ каленкоровый чепецъ съ бумажными розами. Въ то время, когда я разсматривала Александрову, она шамкая говорила:

— Молодымъ артисткамъ вы никогда не вѣрьте—онѣ всѣ завистливы; а я сама видѣла, какъ губернаторъ изъ своей ложи вамъ аплодировалъ. Онъ и мнѣ аплодировалъ, когда я вмѣстѣ съ антрепренеромъ пѣла дуэтъ. А замѣтили вы, какъ я сегодня безъ репетиціи роль-то провела? Вотъ и я понадобилась; а то сначала отказалъ за то, что стара и зубовъ себѣ не вставляю, а на что я ихъ вставлю? Фальшивые зубы кусаются, а у меня и на хлѣбъ нѣтъ денегъ.

Понизивъ голосъ, она продолжала:

— Впередъ только далъ пятьдесятъ копеекъ, остальные два рубля послѣ спектакля обѣщался заплатить. Да гдѣ ужъ! Развѣ я его не знаю, хоть бы рубль далъ, и то слава Богу.

Я же глядѣла на нее и думала: «неужели и я, если доживу до старости, буду такая же страшная, какъ она?»—и невольно спросила:

— Жаль вамъ, m-me Александрова, молодости?

При моемъ вопросѣ она вся встрепенулась.

— Я вѣдь хороша была, ухъ, какъ хороша! А кавалеровъ у меня было побольше, чѣмъ у нея,—и Александрова подмигнула на Сумлевичъ.

Въ это время въ уборную, въ пальто и шляпкѣ, вбѣжала Лиза и, бросившись возлѣ меня на стулъ, запыхавшись проговорила:

— Все бѣгомъ отъ самаго дома бѣжала. Мамѣ немножко лучше, и она непремѣнно хотѣла, чтобы я пошла въ театръ и узнала, какъ сошелъ вашъ дебютъ. Говорятъ, васъ вызывали безъ конца, и сама я сейчасъ слышала, что въ публикѣ васъ хвалятъ.

Тутъ Лизу со всѣхъ сторонъ окружили актрисы, каждая, какъ я замѣтила, хотѣла ей сказать, какъ дочери антрепренера, что нибудь лестное: одна восхищалась ея косой, другая—цвѣтомъ лица.

— Она у насъ красавица!—воскликнула Сумлевичъ и уже хотѣла поцѣловать Лизу, но та съ холоднымъ лицомъ ее отстранила отъ себя и сказала:

— Не притворяйтесь, пожалуйста. Теперь цѣлуетесь, а уйди я, сейчасъ мнѣ бока начнете мыть.

— Я когда нибудь дурно говорила о васъ?—отступивъ на шагъ и съ хорошо разыграннымъ удивленіемъ, спросила Сумлевичъ.— Пусть явится тотъ, при комъ я дурно о васъ отзывалась.

— Я сама слышала. Помните, я играла Сашеньку въ «Свѣтскихъ ширмахъ» и въ то время, когда я лежала на сценѣ у окна, вы за этимъ же окномъ стояли и, думая, что я васъ не слышу, называли меня шепелявой и деревянной актрисой.

Сумлевичъ не потерялась.

— Что вы, дуся!—весело воскликнула она:—я дѣйствительно называла и называю васъ деревянной, но не относительно вашей игры, а Колосова: онъ, бѣдный, такъ любитъ васъ, а вы предпочитаете ему этого грубаго Семенова. Знаете ли, что о немъ говоритъ Колосовъ?

— Не повторяйте мнѣ сплетенъ?—гордо остановила ее Лиза — И никто не смѣетъ въ моемъ присутствіи дурно говорить о Павлѣ Ивановичѣ: онъ—мой другъ.

При этомъ заявленіи многія съ улыбкой переглянулись, Сумлевичъ же громко вздохнула и, покачавъ головкой въ свѣтломъ парикѣ, отошла отъ Лизы.

Въ уборную, съ отчаяньемъ на лицѣ, заглянулъ режиссеръ.

— Евфросинія Ивановна,—воскликнулъ онъ,—гдѣ же вы? Сію минуту вашъ выходъ!

Сумлевичъ бѣгомъ побѣжала, и всѣ, кто былъ въ уборной, послѣдовали за ней.

Я и Лиза остались однѣ, и разговоръ зашелъ о Семеновѣ.

— Ну, какъ вамъ понравился Павелъ Ивановичъ?—опустивъ глаза, спросила Лиза.

— Умный человѣкъ, но, кажется, раздражительный,—замѣтила я.

— Въ первый разъ онъ на всѣхъ производитъ такое впечатлѣніе,—начала Лиза,—въ сущности же это—добрѣйшій человѣкъ, но не можетъ говорить хладнокровно, если видитъ кругомъ себя однѣ несправедливости. А такъ уменъ, что такого умнаго и начитаннаго человѣка я не встрѣчала: о чемъ ни спроси, все знаетъ. Онъ и меня немножко образовалъ: книги хорошія даетъ читать и обо всемъ со мной разговариваетъ. А то что я была! вотъ такая же, какъ Сумлевичъ или Соловьева, объ однѣхъ платьяхъ да поклонникахъ думала. Только одинъ Павелъ Ивановичъ на все мнѣ открылъ глаза. Его Колосовъ готовъ съѣсть за это.

— Колосовъ въ васъ влюбленъ,—сказала я,—и въ Семеновѣ видитъ своего соперника.

— И всѣ-то ошибаются!--вся вспыхнувъ, продолжала Лиза:—у меня съ Павломъ Ивановичемъ никогда про любовь и разговору не бываетъ. Павелъ Ивановичъ на женщину смотритъ не такъ, какъ всѣ другіе мужчины, а Колосовъ, какъ самъ дурной человѣкъ, то и въ другихъ одно только дурное подозрѣваетъ. Мнѣ всѣ эти театральныя сплетни такъ надоѣли,—продолжала Лиза,—что я изъ театра совсѣмъ бы убѣжала.

Я знала отъ актрисъ, что Лиза рѣдко и неохотно появляется на сценѣ, и что изъ-за этого между нею и ея отцомъ происходятъ бурныя сцены. Сама я такъ любила сцену, что мнѣ не вѣрилось, чтобы кто нибудь могъ ея не любить, и я спросила, неужели Лиза могла бы бросить театръ и никогда не играть.

— Я не люблю играть,—сказала она,—и въ этомъ мой отецъ виноватъ. Онъ всегда говорилъ, что во мнѣ нѣтъ таланта, кромѣ того, я нѣкоторыя слова картавлю и слышала, какъ меня въ публикѣ передразнивали. Вслѣдствіе этого я на сценѣ себя чувствую неловко: меня стѣсняетъ, когда сотни глазъ устремлены на меня. Я хочу другой жизни, при другой обстановкѣ,—уже ходя по комнатѣ, говорила Лиза:—хочу такого труда, чтобы я чувствовала, что дѣйствительно людямъ приношу пользу, а также хочу серьезно учиться. И если бы не мама, которую мнѣ жаль оставить, я давно бы ушла изъ дома, а о театрѣ тогда и не вспомнила бы.

— Развѣ у насъ не весело?—вдругъ произнесъ насмѣшливо старческій голосъ.

Разговаривая, мы не замѣтили Александрову, которая сидѣла на корзинѣ, въ темномъ углу, завѣшанномъ юбками, и старческими, выцвѣтшими глазами смотрѣла на насъ.

— Чего еще веселѣе, какъ у насъ въ театрѣ!—оскаливъ въ улыбку беззубый ротъ, продолжала она и начала дребезжащимъ голосомъ подпѣвать Сумлевичъ, которой пѣніе со сцены доносилось и до насъ.

> «Канканъ—душа моя,
> Съ ума схожу отъ бала.
> Гдѣ танцы, тамъ и я
> Весь вѣкъ бы танцовала».

При послѣднихъ словахъ Александрова вышла на середину уборной и начала канканировать.

— Это ужасно!—шептали мы, смотря на канканирующую старуху.

Лиза сейчасъ же ушла. Когда она уже была за дверью, Александрова перестала танцовать и злобно крикнула ей вслѣдъ:

— Скажи твоему батькѣ, аспиду, чтобы онъ меня не обсчитывалъ: я—голодная!—и, закрывъ искалѣченными ревматизмомъ руками лицо, Александрова упала на корзину и заплакала навзрыдъ.

М. Е. Васильева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И. А. САЛОВА.

Отъ редакціи.

ПЕРВАЯ часть воспоминаній покойнаго беллетриста и драматурга, И. А. Салова, была напечатана въ 1897 г. въ журналѣ «Русская Мысль». Въ этой части писатель со свойственною ему простотою и правдивостью въ изложеніи повѣствуетъ сначала о своемъ дѣтствѣ, юности и годахъ ученія въ Пензенской гимназіи; дальше онъ рисуетъ безотрадную картину помѣщичьяго разоренія, которое поглотило все состояніе матери Салова и обратило ихъ семейство изъ людей зажиточныхъ и обезпеченныхъ въ тѣхъ представителей оскудѣвшаго дворянства, которые такъ знакомы русскимъ читателямъ изъ произведеній лѣтописца дворянскаго «Оскудѣнія», нынѣ тоже покойнаго С. Н. Терпигорева (Атавы). Терпигоревъ выводилъ на сцену помѣщичью среду Тамбовской губерніи, Саловъ представилъ картинку жизни изъ Поволжскаго района. Не имѣя возможности продолжать своего образованія, Саловъ вынужденъ былъ рано поступить въ Москвѣ на государственную службу ради куска хлѣба и, сблизившись съ интеллигентнымъ кружкомъ молодыхъ чиновниковъ, страстныхъ театраловъ, началъ посвящать свои часы досуга драматической литературѣ, выступивъ сначала въ качествѣ переводчика и передѣлывателя французскихъ мелодрамъ. Вскорѣ онъ становится сотрудникомъ Каткова, постепенно знакомится и сближается съ лучшими пред-

ставителями тогдашней литературы—съ Салтыковымъ, А. Майковымъ, Григоровичемъ, И. Лажечниковымъ и др. Послѣднія главы напечатананныхъ «Воспоминаній» посвящены были описанію его служебной дѣятельности и поѣздки на Кавказъ для лѣченія ревматизма. На этомъ и кончилась печатаніемъ эта часть работы покойнаго писателя. Настоящая часть «Воспоминаній», являющаяся непосредственнымъ продолженіемъ предыдущей, начинается съ 1854 г., когда Саловъ поступилъ чиновникомъ въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, П. А. Тучкова, и обнимаетъ собою всю остальную жизнь покойнаго писателя, вплоть до 1895 г., когда его постигъ апоплектическій ударъ, послѣ котораго ему уже не суждено было долго жить.

Рукопись предлагаемой части «Воспоминаній» пріобрѣтена редакціей отъ наслѣдниковъ Салова.

I.

Балъ у П. А. Тучкова. — Встрѣча Ермолова съ Шамилемъ. — Дюма-отецъ на Бородинскомъ полѣ.—Мое знакомство съ нимъ.- Дядя Ѳ. А. Саловъ и извѣстіе о его кончинѣ. — Моя поѣздка въ Петербургъ въ качествѣ наслѣдника покойнаго.—Раздѣлъ недвижимаго имущества.—Поѣздка въ Пензенскую губернію.— Моя свадьба и путешествіе за границу.

Когда я служилъ въ 1854 г. въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, П. А. Тучкова, то однажды былъ приглашенъ къ нему на балъ, который оказался особенно интереснымъ тѣмъ, что на немъ присутствовали Шамиль и герой Кавказа А. П. Ермоловъ. Шамиль былъ въ бѣлой черкескѣ (все съ тѣмъ же бабьимъ выраженіемъ лица), а Ермоловъ въ полной парадной формѣ. Это былъ старикъ высокаго роста, крупныхъ размѣровъ и съ большущей головой, покрытой какими-то взъерошенными сѣдыми волосами. Шея у него была до того мясиста и жирна, что буквально перевѣшивалась черезъ воротникъ его мундира. Эти-то два кавказскіе героя и были great attraction бала. Очень сожалѣю, что я не былъ свидѣтелемъ ихъ первой встрѣчи, но мнѣ разсказывали видѣвшіе, что, когда было возвѣщено о пріѣздѣ Шамиля, то А. П. Ермоловъ вышелъ будто ему навстрѣчу на крыльцо и, протянувъ ему руку, сказалъ: «вашъ старый знакомый, Ермоловъ», что̀ тотчасъ же было переведено Шамилю переводчикомъ. Говорятъ, Шамиль до того растерялся, что не нашелъ отвѣта, а только крѣпко пожалъ ему руку и затѣмъ цѣлый вечеръ не отходилъ отъ него. Я тоже не спускалъ съ нихъ глазъ, и мнѣ не вѣрилось даже, что между этими двумя героями Кавказа могла существо-

вать столь продолжительная и кровавая борьба. Ермоловъ дѣйствительно смотрѣлъ героемъ. Это былъ левъ, а Шамиль въ сравненіи съ нимъ казался ничтожнымъ...

Точно такое же впечатлѣніе производили оба героя и на остальныхъ присутствовавшихъ на балу. Были даже такіе, которые не хотѣли вѣрить, чтобы это былъ дѣйствительно Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана.

— Помилуйте,—говорили они,—вѣдь это кухарка какая-то!

И, не встрѣть я Шамиля на Кавказѣ, когда онъ только-что былъ взятъ, пожалуй, и я присоединился бы къ мнѣнію послѣднихъ.

Въ этомъ же году я встрѣтился съ Дюма-отцомъ. Встрѣча эта произошла въ Бородинскомъ монастырѣ, у игуменьи того монастыря, которая когда-то училась вмѣстѣ съ моей матерью въ Смольномъ монастырѣ и вмѣстѣ съ нею участвовала на институтскихъ спектакляхъ. Нечего говорить послѣ этого, что мать находилась съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ. Фамилію этой игуменьи я забылъ, но помню, что происходила она изъ какого-то знатнаго рода.

Въ то же время у игуменьи гостили двѣ сестры Шуваловыхъ. Это были двѣ старыхъ дѣвы, изъ которыхъ старшая, Прасковья Николаевна Шувалова, находилась въ міру, а другая приняла монашество и состояла игуменьей Зачатіевскаго монастыря въ Москвѣ, и звали ее Аполлинаріей. Обѣ эти сестры были отчаянныя говоруньи, всегда говорили на французскомъ языкѣ, который знали въ совершенствѣ, но выговоръ у нихъ былъ чисто семинарскій. По старости лѣтъ онѣ были почти беззубы (вставныхъ зубовъ тогда еще не было и въ поминѣ, по крайней мѣрѣ, я никогда объ нихъ не слышалъ потому, можетъ быть, что не имѣлъ надобности), а потому онѣ шамкали, подсвистывали и даже брызгали слюной. Онѣ такъ и сыпали словами, трещали и поминутно перебивали другъ друга. Коль скоро онѣ начали говорить, то перебивать ихъ не было возможности. Дюма ужъ на что былъ великій говорунъ, но и тотъ спасовалъ передъ ними.

Помню, что Шуваловы засыпали его вопросами: разспрашивали о тогдашнемъ парижскомъ обществѣ, о театрахъ, о литературѣ, но отвѣчать на эти вопросы не давали, такъ какъ мгновенно же высыпали передъ нимъ кучу другихъ вопросовъ. Дюма долго силился вставить отъ себя хоть единое слово, но всѣ его усилія оказывались тщетными, и только за завтракомъ, сервированнымъ на гранитныхъ подножіяхъ Бородинскаго памятника, мнѣ удалось послушать Дюма.

Дѣло въ томъ, что сестры Шуваловы, насколько любили болтать, настолько же и любили покушать, а потому за завтракомъ, когда онѣ принялись усердно обрабатывать какую-то рыбу, обгла-

дывать и обсасывать ея косточки, облизывать даже пальцы и засовывать въ ротъ чуть не цѣлые ломти хлѣба и цѣлыми ложками какой-то очень вкусный салатъ,—то Дюма, какъ бы воспользовавшись этимъ, принялся говорить и заговорилъ о Бородинскомъ сраженіи, о великомъ патріотизмѣ москвичей, не задумавшихся даже, ради спасенія своего отечества, зажечь Москву, о величайшей ошибкѣ Наполеона, опьяненнаго побѣдами и рискнувшаго итти на Москву.

— Но,—добавилъ онъ,—великіе люди дѣлаютъ и великія ошибки.

Говорилъ онъ много, громко и нѣсколько театрально и театрально жестикулируя. Это былъ мужчина высокаго роста, гигантскаго тѣлосложенія, съ крупными чертами смугловатаго лица и мелко вьющимися волосами, словно шапкой, накрывавшими его большую голову. Я не могъ достаточно налюбоваться имъ, не сводилъ съ него глазъ и восхищался каждымъ произнесеннымъ имъ словомъ.

По поводу сожженной Москвы говорилъ онъ много и краснорѣчиво, но сестры Шуваловы, успѣвшія покушать, и тогда не задумались перебить его и начали доказывать, что Москву подожгли не русскіе, а французы; но Дюма на этотъ разъ не выдержалъ: вскочилъ съ мѣста и, ударяя себя въ грудь, принялся опровергать высказанное ими. Онъ чуть не кричалъ, доказывая, что Наполеонъ сумѣлъ бы остановить французовъ отъ такой грубой и пошлой ошибки, такъ какъ геніемъ своего ума не могъ не предвидѣть, что подъ грудами сожженной Москвы неминуемо должна была погибнуть и его слава и его побѣдоносная великая армія.

— Наполеонъ,—кричалъ Дюма:—какъ великій человѣкъ, могъ дѣлать великія ошибки, но, какъ геній, не могъ дѣлать глупыхъ.

Меня никто не представилъ Дюма. Было ли это сдѣлано по разсѣянности или намѣренно,—я не знаю; но думаю, что послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ стоило ли такого мальчугана, какимъ я былъ въ то время, представлять всемірной извѣстности. Однако, такъ или иначе, а я все-таки познакомился съ нимъ. Дѣло это произошло такъ. Когда завтракъ былъ покончень, вдали показалось нѣсколько городскихъ экипажей, быстро мчавшихся по направленію къ памятнику. Сестры Шуваловы, съ явнымъ любопытствомъ, принялись въ лорнеты разсматривать экипажи, увѣряя, что это непремѣнно мчатся изъ Москвы поклонницы Дюма, провѣдавшія о его поѣздкѣ въ Бородино, которыя, по правдѣ сказать, не давали ему ни прохода, ни проѣзда. Такъ случилось и въ описываемое время. Какъ только сестры Шуваловы и игуменья занялись экипажами, я подошелъ къ Дюма и самъ отрекомендовался ему. Боже мой! въ какомъ я былъ восторгѣ, когда Дюма ласково протянулъ мнѣ руку и крѣпко пожалъ мою. А когда Шуваловы замѣтили это, то тотчасъ же под-

летѣли къ Дюма и принялись рекомендовать меня, какъ начинающаго писателя. Рекомендація эта до того переконфузила меня, что я готовъ былъ проклясть этихъ неугомонныхъ болтуній и растерялся до того, что не зналъ, куда смотрѣть, куда дѣваться, что говорить... Я весь вспыхнулъ и намѣревался было бѣжать, куда глаза глядятъ, а Дюма, между тѣмъ, не выпускавшій моей руки, еще крѣпче пожалъ ее.

На мое счастье подлетѣли пріѣхавшіе изъ Москвы экипажи, переполненные блестящими поклонницами Дюма. Всѣ онѣ, граціозно выпорхнувъ изъ экипажей, окружили Дюма, разсыпаясь въ любезностяхъ. Все это были представительницы московскаго beau-monde'а. Онѣ чуть не всѣ разомъ подхватили Дюма подъ руки и пошли гулять по Бородинскому полю. Дюма словно переродился: оживился, повеселѣлъ, и любезности одна другой щеголеватѣе и остроумнѣе посыпались изъ его устъ.

Въ ту же зиму и, сколько мнѣ помнится, въ концѣ масленицы, когда мы всей семьей, т.-е. мать, я и братъ, сидѣли за вечернимъ чайнымъ столомъ въ своей скромной квартирѣ, въ Гагаринскомъ переулкѣ, въ домѣ Красновѣвцева, вдругъ раздался въ передней рѣзкій звонокъ.

Мы никого не ждали, и потому звонокъ этотъ произвелъ между нами переполохъ. Я вышелъ въ переднюю, отворилъ дверь, и въ комнату вошелъ телеграфный разсыльный.

— Настасьѣ Юрьевнѣ Саловой, — проговорилъ онъ, доставая изъ сумки телеграмму.

— Здѣсь, — отвѣтилъ я.

— Телеграмма изъ Петербурга, — проговорилъ разсыльный, подавая мнѣ телеграмму. — Потрудитесь расписаться.

Я взялъ телеграмму, торопливо расписался и еще торопливѣе открылъ телеграмму.

— Откуда... откуда? — допрашивала меня мать.

— Изъ Петербурга, — отвѣтилъ я.

— Отъ кого бы это могло быть?

И я прочиталъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Вчера скончался Ѳедоръ Андреевичъ Саловъ. Извѣщаю васъ объ этомъ и прошу пожаловать въ Петербургъ. Дюклу».

Мы всѣ такъ и оторопѣли.

Генералъ-майоръ, Ѳ. А. Саловъ, былъ родной братъ моего отца, но почему-то братья были между собою не въ ладахъ: никогда не видѣлись, а потому и мы въ свою очередь не были знакомы съ Ѳедоромъ Андреевичемъ. Я только разъ видѣлъ его, и то случайно, на какой-то почтовой станціи, на которой мы мѣняли лошадей. Въ это самое время къ станціи подкатилъ дормезъ, запряженный шестеркой почтовыхъ лошадей. На станціи поднялся переполохъ:

— Генералъ Саловъ, генералъ Саловъ. . — слышалось повсюду.

И тотчасъ бросились мѣнять ему лошадей.

Такъ какъ дѣло было лѣтомъ, то я отворилъ окно и, подойдя къ нему, сталъ наблюдать за всей этой суматохой, происходившей возлѣ станціи.

Какъ разъ въ это время соскочилъ съ козелъ человѣкъ, отворилъ дверку дормеза, откинулъ подножки, и изъ дормеза вышелъ высокій мужчина въ военной шинели съ капюшономъ и принялся ходить возлѣ дормеза. Подойдя къ заднему сидѣнью и обратясь къ сидѣвшему тамъ какому-то молодому человѣку, спросилъ:

— Петя, ты выспался?

— Нѣтъ, папаша.

Это и былъ Ѳедоръ Андреевичъ Саловъ, а сидѣвшій на заднемъ сидѣньѣ—его сынъ, Петръ Ѳедоровичъ.

Первый былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, съ горбатымъ носомъ и очень красивымъ лицомъ, а сынъ его, Петръ Ѳедоровичъ, былъ еще почти юноша съ миловиднымъ и весьма симпатичнымъ личикомъ.

Ѳедоръ Андреевичъ былъ человѣкъ очень богатый, имѣвшій тысячъ двадцать десятинъ земли въ разныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Пензенской губерніи, верстахъ въ тридцати отъ нашего бывшаго села Никольскаго. Послѣднее находилось въ Саранскомъ уѣздѣ и называлось село Саловка. Село это было родовое имѣніе, доставшееся покойному дядѣ отъ отца Андрея Степановича Салова.

Ѳедоръ Андреевичъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ потому, что женился на богатой вдовѣ, госпожѣ Дюклу. Дюклу были французскіе эмигранты, сколько мнѣ помнится, по водвореніи въ Россіи принявшіе русское подданство.

Помнится мнѣ, что въ свое время говорили, что наслѣдниками Ѳедора Андреевича должны бы быть въ сущности Дюклу, такъ какъ всѣ имѣнія его были куплены имъ на женины деньги...

Ѳедоръ Андреевичъ былъ человѣкъ очень суровый и жестокій, не задумавшійся даже сослать своего родного сына за проигрышъ въ карты двадцати тысячъ въ Сибирь, гдѣ несчастный и погибъ, сначала заболѣвъ, а потомъ спившись...

Этого-то генерала Салова я только и видѣлъ на почтовой станціи во время перемѣны лошадей.

Больше я его не видалъ.

Лошадей перемѣнили ему въ одну секунду. Онъ сѣлъ въ дормезъ, человѣкъ захлопнулъ дверцы, вскочилъ на козлы, и лошади умчались...

— Однако вы быстро перемѣнили ему лошадей,—проговорилъ я, обратившись къ ямщикамъ, все еще глазѣвшимъ на умчавшійся дормезъ.

— Еще бы!—проговорили тѣ:—съ нимъ мѣшкать нельзя... Какъ разъ запоретъ... Шутить не любитъ.

— Не смѣетъ же онъ пороть на станціи! — замѣтилъ я.

— Это другой кто не смѣетъ, а генералъ Саловъ все смѣетъ.

О смерти этого-то Салова мы и получили телеграмму... Зачѣмъ вызывали мать въ Петербургъ, мы никакъ не могли понять, такъ какъ на полученіе отъ него какого либо наслѣдства мы никакъ не разсчитывали.

Чтобы хоть сколько нибудь объяснить себѣ причину этого вызова, мать отправила меня на слѣдующій день къ Алексѣю Николаевичу Дюклу, родному брату того самаго Дюклу, отъ котораго была получена нами телеграмма.

— Братъ, по всей вѣротности, сообщилъ и Алексѣю Николаевичу о смерти Ѳедора Андреевича и о причинѣ вызова меня въ Петербургъ... Ступай туда и узнай толкомъ, зачѣмъ меня вызываютъ туда.

Я отправился къ Алексѣю Николаевичу на Никитскій бульваръ и, едва только успѣлъ войти въ кабинетъ Дюклу, какъ тотчасъ же по его разстроенному лицу догадался, что онъ чѣмъ-то былъ возмущенъ и разстроенъ.

— Вашъ дядя умеръ, — проговорилъ онъ.

— Да, — подтвердилъ я, показывая ему телеграмму. — Только мы никакъ не можемъ, понять, — прибавилъ я: — почему именно вызывается въ Петербургъ моя мать...

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь вы—прямые наслѣдники... Какъ же не вызвать наслѣдниковъ? — проговорилъ Дюклу раздраженно, быстро шагая по кабинету.

Я возразилъ ему на это, что мы не имѣемъ никакого права разсчитывать на его наслѣдство, такъ какъ никогда даже не были съ нимъ знакомы.

— По всей вѣроятности, — прибавилъ я, — покойный оставилъ духовное завѣщаніе въ пользу тѣхъ изъ своихъ племянниковъ, съ которыми былъ и знакомъ и друженъ...

— А ежели не сдѣлалъ? — чуть не вскрикнулъ Дюклу.

— Такъ вы совѣтуете ѣхать?

— Это дѣло ваше... Но будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы поѣхалъ, конечно...

— Дѣло въ томъ, Алексѣй Николаевичъ, что съѣздить въ Петербургъ чего нибудь да стоитъ, а вѣдь у насъ, какъ вамъ самимъ извѣстно, не только лишнихъ, но даже и необходимыхъ денегъ нѣтъ.

— Ну, ужъ это до меня не касается, — отвѣтилъ Дюклу.

На этомъ наше объясненіе и покончилось...

Возвратясь домой, я передалъ матери свой разговоръ съ Дюклу.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, — замѣтила она, — можетъ быть, онъ умеръ, не сдѣлавъ никакого завѣщанія. — И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, она прибавила, обращаясь ко мнѣ: —а знаешь что, поѣзжай-ка лучше ты... Хорошенько разузнай и, ежели духовнаго завѣщанія нѣтъ, то вѣдь ты—тоже наслѣдникъ...

— А деньги на поѣздку у тебя есть? — спросилъ я мать.

Мать побѣжала къ комоду, пошарила тамъ что-то и, показывая мнѣ трехрублевую ассигнацію, проговорила:

— Вотъ только всего три рубля.

— Съ чѣмъ же я поѣду?—спросилъ я.

— А занять нельзя гдѣ нибудь?—спросила мать.

Я вспомнилъ про Родиславскаго и побѣжалъ къ нему.

На мое счастье случились у Родиславскаго деньги, и онъ далъ мнѣ двадцать пять рублей. Съ этими деньгами я и отправился на другой же день въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ я остановился не въ гостиницѣ, такъ какъ у меня на это не хватало капиталовъ, а у своего пріятеля, В. Н. Бестужева-Рюмина, родного брата основателя Бестужевскихъ курсовъ.

Бестужевъ-Рюминъ меня встрѣтилъ чуть не съ распростертыми объятіями. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ, что, какъ онъ слышалъ, Ѳедоръ Андреевичъ никакого завѣщанія не оставилъ.

Умывшись и переодѣвшись, я поскакалъ къ Василію Никитичу Филиппову, служившему въ то время въ департаментѣ внѣшней торговли, взялъ его съ собой, и мы вмѣстѣ отправились къ Салову, у котораго былъ собственный домъ на Большой Морской, какъ разъ противъ дома военнаго генералъ-губернатора...

Когда мы подъѣхали къ дому Салова, тамъ уже у дома стоялъ катафалкъ.

Мое положеніе было крайне неловкое: во-первыхъ, я всего разъ, и то мелькомъ, видѣлъ дядю, а, во-вторыхъ, хотя я являлся и званымъ гостемъ, но далеко не желаннымъ.

Бориса Николаевича Дюклу я никогда въ глаза не видалъ.

Когда я вошелъ въ залъ, мнѣ представилось слѣдующая картина: посреди зала стоялъ гробъ, на возвышеніи, покрытый парчей, а по залу суетливыми шагами ходилъ какой-то пожилой господинъ въ инженерской формѣ.

Я остановился передъ гробомъ, перекрестился и сдѣлалъ земной поклонъ. Тогда инженеръ подбѣжалъ ко мнѣ и торопливо проговорилъ:

— Владимиръ Ивановичъ Граве.

Тогда я вспомнилъ, что какой-то Владимиръ Ивановичъ Граве былъ намъ сродни, и поспѣшилъ ему сказать, кто я.

— Отлично, превосходно...—заговорилъ Граве.—А мы васъ еще вчера поджидали... Пойдемте въ гостиную: я васъ тамъ кое-кому представлю.

И, подхвативъ меня подъ руку, повелъ въ гостиную.

Въ гостиной на диванѣ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ архіерей, возлѣ него нѣсколько дамъ въ траурныхъ платьяхъ, а по комнатѣ расхаживалъ какой-то мужчина, весьма похожій на Алексѣя Николаевича Дюклу.

Это и былъ дѣйствительно Борисъ Николаевичъ Дюклу, отъ котораго мы и получили телеграмму.

Онъ очень обрадовался, когда Граве представилъ меня ему, и, схвативъ меня въ свою очередь подъ руку, подвелъ къ архіерею.

— Позвольте вамъ представить, ваше преосвященство,—проговорилъ Дюклу, указывая на меня:—одинъ изъ наслѣдниковъ покойнаго Өедора Андреевича—Илья Александровичъ Саловъ.

Архіерей благословилъ меня, что-то сказалъ, а Борисъ Николаевичъ принялся представлять меня дамамъ... Но кто были эти дамы, я положительно не помню по той простой причинѣ, что былъ крайне взволнованъ и смущенъ неожиданной и никогда невиданной мною обстановкой...

Когда это представленіе кончилось, Дюклу и Граве повели меня въ кабинетъ покойнаго.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза при входѣ въ кабинетъ, это красныя сургучныя печати, приложенныя чуть не ко всей мебели.

— Какъ изволите видѣть,—сказалъ Дюклу, показывая на печати:—нами были приняты всѣ предосторожности, чтобы послѣ смерти покойнаго не было какого бы то ни было расхищенія. Мы пригласили полицію, свидѣтелей и опечатали все, что только можно было опечатать.

А затѣмъ, вынувъ изъ кармана какую-то пачку, завернутую въ бумагу, прибавилъ, передавая ее мнѣ:

— А вотъ здѣсь необходимыя деньги на похороны покойнаго и на отправку его тѣла въ Пензенскую губернію, въ село Саловку.

— Зачѣмъ же мнѣ?—проговорилъ я, растерявшись.—Вы приняли на себя этотъ трудъ, такъ потрудитесь и окончить его... Избавьте меня отъ этого, ради Бога!.. Вы видите, я и такъ совсѣмъ растерялся и положительно не знаю, что мнѣ дѣлать...

Но продолжать заботы о похоронахъ, какъ Дюклу, такъ и Граве положительно отказались.

— Да и хлопотъ вамъ немного будетъ,—утѣшали они меня:—въ этомъ сверткѣ не только деньги на похороны, но и подробный счетъ, кому сколько слѣдуетъ заплатить... Мы только попросимъ васъ сосчитать деньги и выдать намъ расписку въ полученіи оныхъ.

Я пересчиталъ дрожащими отъ волненія руками поданныя мнѣ деньги, которыхъ оказалось семь или восемь тысячъ—хорошенько не помню,—выдалъ требуемую расписку, а деньги положилъ въ карманъ.

Въ эту минуту изъ залы донеслись звуки похороннаго пѣнія.

— Ну, панихида началась,—проговорилъ Борисъ Николаевичъ.—Пойдемте.

Мы вошли въ залу, гдѣ, увидавъ Василія Никитича, я поспѣшно подошелъ къ нему и съ той поры уже не отходилъ отъ

него. Я прямо обрадовался, увидавъ его, этого друга дѣтства, этого единственнаго человѣка среди чужихъ и видимо не совсѣмъ симпатизировавшихъ мнѣ...

Панихида совершалась при торжественной обстановкѣ: служилъ архіерей, пѣлъ превосходный хоръ пѣвчихъ, и все это такъ дѣйствовало на мои нервы, что у меня даже пробѣгалъ морозъ по кожѣ. Гробъ былъ покрытъ богатымъ покровомъ, но такъ какъ мнѣ чрезвычайно хотѣлось посмотрѣть на дядю, хоть на мертваго, то я съ нетерпѣніемъ дожидался окончанія панихиды, чтобы поднять покровъ.

Наконецъ панихида кончилась. Мы съ Васей подошли къ гробу, я положилъ земной поклонъ и хотѣлъ открыть покровъ, но, увы, лица дяди мнѣ увидѣть все-таки не пришлось, такъ какъ желѣзный гробъ былъ уже запаянъ.

Итакъ, моя случайная встрѣча съ дядей на почтовой станціи была первой и послѣдней.

Немного погодя, гробъ былъ вынесенъ, поставленъ на катафалкъ, и печальный кортежъ тронулся по Невскому проспекту къ Знаменской церкви, гдѣ была отслужена заупокойная литургія, а затѣмъ отпѣваніе, послѣ чего гробъ былъ отвезенъ на станцію Николаевской желѣзной дороги и поставленъ въ приготовленный для него вагонъ.

Послѣ этого тотчасъ же всѣ разъѣхались, а мы съ Василіемъ Никитичемъ отправились къ Бестужеву-Рюмину.

На слѣдующій день я принялся наводить справки, не оставилъ ли кому нибудь покойный дядя духовнаго завѣщанія: былъ по этому поводу у его пріятеля, генерала Ростовцева, но тотъ увѣрилъ меня, что духовнаго завѣщанія нѣтъ, что покойный имѣлъ намѣреніе все свое состояніе пожертвовать на устройство кадетскаго корпуса съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы корпусъ этотъ именовался курпусомъ генералъ-майора Салова. Но, такъ какъ на это наименованіе согласія не послѣдовало, то дядя разсердился и на все махнулъ рукой...

Однако недѣли двѣ я все-таки находился въ самомъ тревожномъ состояніи: мнѣ все не вѣрилось, чтобы не было завѣщанія.

Наконецъ пріѣхали въ Питеръ и другіе сонаслѣдники, а именно: родной братъ покойнаго, Сергѣй Андреевичъ Саловъ, и родные же племянники—Андрей и Владиміръ Николаевичи Саловы, проживавшіе въ Пензенской губерніи.

Когда они явились въ Петербургъ, была снова приглашена полиція, и мы всѣ приступили къ вскрытію опечатаннаго стола и его ящиковъ. Продолжалось это очень долго, такъ какъ каждая бумага была прочитываема полицеймейстеромъ... Не могу не сознаться, что я переживалъ тогда ужасное время... Затрещитъ, бывало, отдираемая сургучная печать, звякнетъ замокъ запертаго ящика,—и сердце

мгновенно замреть: ну, какъ тутъ, именно въ этомъ ящикѣ, и найдется духовное завѣщаніе?.. Всѣ подбѣгали къ ящику, полицеймейстеръ прочитывалъ всѣ бумаги, и опять духовной нѣтъ... Тогда я отдыхалъ. Но принимались за вскрытіе слѣдующаго ящика, и опять повторялись со мной тѣ же муки. Опись эта продолжалась около недѣли, и только, когда она была окончена, и когда духовнаго завѣщанія нигдѣ не оказалось, я вздохнулъ свободнѣе.

Отъ похоронъ дяди у меня осталась довольно порядочная сумма, изъ которой я и отослалъ матери въ Москву тысячу рублей.

И вотъ такимъ-то образомъ получили мы совсѣмъ неожиданное наслѣдство.

Раздѣливъ между собою находившееся при домѣ движимое имущество, мы всѣ разъѣхались по домамъ, порѣшивъ весной пріѣхать, чтобы произвести раздѣлъ недвижимаго имущества.

Нечего говорить, что мое возвращеніе въ Москву было самымъ радостнымъ событіемъ въ жизни нашего семейства. Мать встрѣтила меня со слезами на глазахъ, а также братъ Александръ Александровичъ, получавшій тогда уже двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ.

Съ наступленіемъ весны мы отправились въ Пензенскую губернію. Весну мы провели въ имѣніи Н. М. Вонлярской, съ которой мать была очень дружна, а я тѣмъ временемъ поѣхалъ въ село Саловку къ двоюродному брату, Андрею Николаевичу Салову, и поклониться праху покойнаго дяди Ѳедора Андреевича. Оказалось, что у него заранѣе былъ приготовленъ склепъ, въ которомъ стоялъ гробъ его жены и его гробъ. Я отслужилъ въ склепѣ панихиду и, прогостивъ два-три дня въ Саловкѣ, отправился взглянуть на родное мнѣ село Никольское.

Но я даже не радъ былъ, что попалъ туда: до того оно измѣнилось.

Первымъ дѣломъ я пошелъ, конечно, на могилу отца. Но рядомъ съ могилой отца была уже и другая, а именно брата Андрея Александровича, который умеръ вскорѣ послѣ Крымской кампаніи, во время которой служилъ въ ополченіи, стоявшемъ вблизи Севастополя, въ мѣстечкѣ Алешкахъ... Былъ ли онъ въ дѣлѣ, я не знаю, но, будучи въ Алешкахъ, схватилъ тифозную горячку.

Вскорѣ послѣ его смерти жена его вышла замужъ за какого-то Петерсона, съ которымъ и жила, кажется, въ городѣ Краснослободскѣ, такъ что въ имѣніи брата, сельцѣ Павловкѣ, не было никого... Тѣмъ не менѣе, я все-таки остановился въ домѣ брата, такъ какъ въ селѣ Никольскомъ мнѣ негдѣ было остановиться; да ежели бы и было у кого, я бы тамъ не остановился, потому что мнѣ это было тяжело. Вотъ изъ Павловки я и дѣлалъ экскурсіи въ Никольское, обходилъ всѣ любимыя мѣста и съ ужасомъ увидалъ, что громаднѣйшій нашъ прудъ, на которомъ я такъ часто охотился и ловилъ острогой рыбу, уже не существовалъ и превратился въ

обширный лугъ. Новый владѣлецъ счелъ болѣе выгоднымъ спустить воду и засѣять его дно какой-то луговой травой.

Умерла и моя кормилица Марѳа, которая когда-то угощала меня калинниками; умеръ и Никита Григорьевъ, бывшій нашъ приказчикъ, да и самый домъ нашъ, слегка подновленный и выкрашенный какой-то краской, казался мнѣ какимъ-то мертвецомъ, только обряженнымъ въ парадное одѣяніе...

Я поспѣшилъ уѣхать изъ Никольскаго, а, возвратясь въ Павловку, долго не могъ опомниться отъ того тяжелаго впечатлѣнія, которое испыталъ. Проживъ въ Павловкѣ дня два-три, я возвратился къ г-жѣ Вонлярской, гдѣ вмѣстѣ съ матерью и братомъ прогостили нѣсколько недѣль.

Наконецъ, мы получили извѣстіе, что всѣ наши сонаслѣдники собрались въ Пензѣ, куда призывали и насъ для раздѣла недвижимаго имѣнія. Раздѣлъ этотъ прошелъ довольно мирно. Сначала вся оставшаяся земля была раздѣлена на три части: по числу братьевъ покойнаго Ѳедора Андреевича, при чемъ на каждаго брата пришлось по шести тысячъ десятинъ. Изъ братьевъ былъ въ живыхъ только одинъ—дядя Сергѣй Андреевичъ, который во время раздѣла и умеръ. По случаю его смерти раздѣлъ нѣсколько затормозился: во-первыхъ, потому, что пришлось ожидать пріѣзда его наслѣдниковъ, которыхъ было четверо, а, во-вторыхъ, и потому, что старшій изъ его сыновей, А. С., вздумалъ протестовать противъ состоявшагося было проекта раздѣла.

Въ это самое время управляющій саратовскими имѣніями покойнаго Ѳедора Андреевича, нѣкто г. Талаевъ, вдругъ сообщилъ намъ, что въ селѣ Ивановкѣ произошелъ бунтъ, почему и просилъ кого нибудь изъ сонаслѣдниковъ пріѣхать къ нему, а такъ какъ имѣніе это досталось на долю отца моего, то я и былъ посланъ усмирять этотъ бунтъ. Надо сказать, что все это происходило въ годъ освобожденія крестьянъ, когда малѣйшее ослушаніе со стороны крестьянъ считалось уже бунтомъ.

Когда я пріѣхалъ въ село Ивановку Саратовской губерніи, то именно такого сорта бунтъ я тамъ и нашелъ. Было время покоса... И вотъ управляющій, чтобы скорѣе скосить луга, сдѣлалъ распоряженіе выгнать на покосъ всю барщину, тогда какъ слѣдовало бы выгнать только половину. Та половина, которой не слѣдовало выходить на барщину, и отказалась исполнить требованіе управляющаго, почему онъ немедленно далъ намъ знать объ этомъ возмущеніи, назвавъ его бунтомъ.

Нечего говорить, что, пріѣхавъ въ Ивановку и разсмотрѣвъ дѣло, я живо все уладилъ: собралъ крестьянъ, объявилъ имъ, что на работу должна выйти только половина, угостилъ ихъ водкой, а, дня два-три спустя, снова вернулся въ Пензу.

Тѣмъ временемъ кое-какъ уладились недоразумѣнія между нами и А. С., и раздѣлъ былъ утвержденъ пензенской гражданской палатой.

Въ августѣ мы съ братомъ и матерью возвратились въ Москву, а въ ноябрѣ я женился уже на племянницѣ моего бывшаго опекуна, Алексѣя Алексѣевича Тучкова, Лидіи Павловнѣ Демблинской, дочери той самой Тучковой, которая, будучи еще въ дѣвицахъ, находила въ моей физіономіи большое сходство съ головками Греза.

11 ноября была моя свадьба, а весной мы съ женой поѣхали за границу. Такъ какъ въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ теперь Петербургъ съ Берлиномъ, то мы поѣхали изъ Петербурга моремъ до Штетина, а изъ Штетина по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ.

Лѣто мы провели на Рейнѣ, а зиму въ Ниццѣ, откуда ѣздили въ Римъ и Неаполь и побывали еще кое-гдѣ въ Италіи.

Весной мы возвратились въ Россію, пробыли лѣто въ деревнѣ, а осенью снова отправились за границу, побывавъ на этотъ разъ въ Парижѣ, откуда опять ѣздили въ Ниццу.

II.

Жизнь и служба въ провинціи.—Возобновленіе литературной дѣятельности.—Сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ» и отношенія къ М. Е. Салтыкову.—Повѣсть «Грачевскій крокодилъ» и ея исторія; повѣсть «Ольшанскій баринъ» и драма «Степь-матушка».—И. Н. Ге, его плагіатъ и выходки противъ меня въ газетахъ.—А. Н. Островскій, А. С. Суворинъ, П. П. Гнѣдичъ, В. П. Буренинъ.—Третейскій судъ съ Геемъ и резолюція суда.—«Степь-матушка» на сценѣ театра Корша.—Моя дѣятельность на драматическомъ поприщѣ и отношенія къ цензурѣ.—Лентовскій и постановка въ театрѣ «Скоморохъ» пьесы «Степной богатырь».—Вывихъ ноги.—Абрамова.

Послѣ этого путешествія, которое продолжалось слѣдовательно два года, мы возвратились въ Россію и поселились въ своемъ имѣніи, Саратовской губерніи, въ Балашовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановкѣ. Тамъ я былъ выбранъ въ мировые судьи, каковымъ и прослужилъ со дня открытія мировыхъ судебныхъ учрежденій въ Саратовской губерніи до дня закрытія таковыхъ. Все это время я почти безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ, и только, когда подросли у меня дѣти, я переселился въ Саратовъ, гдѣ и поступилъ на службу по вѣдомству императрицы Маріи, а затѣмъ снова возвратился въ Ивановку, гдѣ и былъ опять выбранъ мировымъ судьей.

Моя женитьба и поѣздка за границу, а отчасти и полученіе наслѣдства были причиною того, что я очень мало занимался литературой. Въ это время я написалъ только одну повѣсть «Бу-

тузка», которая была напечатана въ журналѣ М. М. Достоевскаго «Время». Очень можетъ быть, что, занявшись службой и хозяйствомъ, я и совсѣмъ бы забылъ про литературу, если бы какъ-то лѣтомъ не пріѣхалъ ко мнѣ Зименко, секретарь редакціи «Русскаго Вѣстника». Онъ прогостилъ у меня недѣли двѣ и положительно не давалъ мнѣ покоя, настаивая, чтобы я непремѣнно что нибудь написалъ и посвятилъ ему. Вотъ тогда-то я и написалъ разсказъ «Мельница купца Чесалкина». Разсказъ этотъ не вымыселъ, и всѣ дѣйствующія въ немъ лица взяты были съ натуры, а мировой судья, разбиравшій дѣло Чесалкина съ крестьянами, не кто иной, какъ я самъ. Разсказъ этотъ я послалъ въ «Отечественныя Записки», гдѣ онъ и былъ напечатанъ. О разсказѣ этомъ въ свое время довольно много говорилось въ газетахъ; отзывы были все лестные, чтò немало поощрило меня къ дальнѣйшимъ занятіямъ литературнымъ трудомъ, и вскорѣ послѣ того я написалъ разсказъ «Грызуны», который тоже былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». А послѣ разсказа «Аспидъ», тоже печатавшагося тамъ, я, не будучи лично знакомъ съ М. Е. Салтыковымъ, получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ приглашалъ меня быть сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» и печатать тамъ исключительно свои произведенія.

Письмо это еще болѣе польстило мнѣ, и вотъ тогда-то я уже принялся серьезно за литературу. Разъ какъ-то напечаталъ я въ «Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ» какой-то отрывокъ изъ повѣсти или разсказа—хорошенько не припомню. Выходившая въ то время газета «Голосъ» что-то написала по этому поводу, а вслѣдъ за этимъ я получилъ отъ Салтыкова нѣчто въ родѣ выговора, что я, обѣщавъ печататься исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ», напечаталъ какой-то отрывокъ въ «Листкѣ».

Вообще Михаилъ Евграфовичъ часто переписывался со мною и этимъ препятствовалъ мнѣ залѣниваться.

Послѣ «Аспида» написалъ я разсказъ «Арендаторъ», который обратилъ на себя вниманіе г. Скабичевскаго. И вотъ г. Скабичевскій написалъ по поводу этого разсказа крайне лестную для меня статью, гдѣ разбиралась вообще моя литературная дѣятельность. «Арендаторъ» печатался тоже въ «Отечественныхъ Запискахъ», а статья г. Скабичевскаго—въ «Молвѣ».

Я забылъ сказать, что разсказъ «Аспидъ» былъ мною передѣланъ для сцены въ одноактную комедію того же названія, которая до сихъ поръ еще очень часто дается на провинціальныхъ сценахъ.

Послѣ «Арендатора» была написана мною повѣсть «Грачевскій крокодилъ», героемъ которой былъ нигилистъ тогдашняго времени. Нигилистъ этотъ былъ мною списанъ съ натуры, такъ какъ жилъ

въ одномъ со мною селѣ. Да и вообще вся фабула «Крокодила»— не вымыселъ, а истинное происшествіе. Многія изъ дѣйствующихъ лицъ этой повѣсти названы мною даже прямо по именамъ и по фамиліямъ.

Единственнымъ вымышленнымъ лицомъ въ этой повѣсти былъ священникъ (отецъ героя), такъ какъ въ дѣйствительности священникъ этотъ былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ и нисколько не походилъ на того, котораго я изобразилъ въ повѣсти. Даже исторія о крокодилѣ, появившемся будто бы въ описанной мѣстности, отчасти была взята мною съ натуры.

Дѣло въ томъ, что, когда я окончилъ эту повѣсть, которая носила тогда совсѣмъ иное названіе, то о крокодилѣ въ ней не было и рѣчи. Повѣсть показалась мнѣ крайне скучною, неинтересною, и потому я порѣшилъ какъ нибудь передѣлать ее, чтобы придать ей болѣе занимательности. Вдругъ какъ разъ въ это время случился слѣдующій казусъ.

Однажды какъ-то пришелъ ко мнѣ, арендовавшій у меня водяную мельницу, купецъ Н. П. П. На немъ не было лица. Онъ былъ очень взволновенъ и чуть не задыхавшимся отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Слышали?

— Что такое?

— Что Өедоръ Константиновичъ чорта поймалъ?

— Какъ... гдѣ?

— Въ томъ-то и горе, что въ рѣкѣ нашей, Грачевкѣ... Рыбу онъ ловилъ,—продолжалъ П.:—судачка захотѣлось поѣсть, а вмѣсто судачка-то чорта изловилъ...

— Вы шутите, конечно?—спросилъ я.

Но П. обратился къ образу и принялся креститься:

— Вотъ вамъ Христосъ Богъ—не шучу,—продолжалъ онъ, крестясь.

— Сейчасъ собственными глазами видѣлъ...

— Кого видѣли? Өедора Константиновича?

— И Өедора Константиновича, и чорта. Онъ у него сейчасъ въ банкѣ сидитъ... Да чего: штукъ десять ушло, вишь,—продолжалъ П., ударяя себя въ грудь.—Самъ Өедоръ Константиновичъ говорилъ мнѣ. Бредень, говоритъ, рѣдковатъ былъ, а то бы я ихъ больше наловилъ. Диковина—какъ это вы до сей поры объ этомъ не слыхали. У насъ на селѣ такой-то говоръ идетъ, что не приведи-то Господи!.. Михаилъ Михалычъ даже сѣть купить собирается...

— Фельдшеръ?—спросилъ я.

— Да фершалъ... А къ нему присоединяется и сынъ священника, который вишь гдѣ-то большого видѣлъ...

Что все это значило, я никакъ не могъ понять, а потому и порѣшилъ съѣздить къ Өедору Константиновичу.

Θеодоръ Константиновичъ Талаевъ, управлявшій когда-то имѣніемъ покойнаго дяди Θедора Андреевича, и о которомъ я въ свое время говорилъ, былъ моимъ ближайшимъ сосѣдомъ. Усадьба его отстояла отъ моей верстахъ въ трехъ, и мы, какъ говорится, «сидѣли» на одной и той же рѣкѣ.

Я приказалъ заложить бѣговыя дрожки и отправился къ нему. Онъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ.

— Ужъ не насчетъ ли чорта пріѣхалъ, шаберъ?—спросилъ онъ меня, весело разсмѣявшись.

— Именно насчетъ его.

Онъ расхохотался.

— Тутъ меня одолѣли съ этимъ чортомъ,—проговорилъ онъ, махнувъ рукой.—Чуть не вся округа побывала у меня.

— И всѣмъ показывали?—спросилъ я.

— Всѣмъ, всѣмъ, какъ есть...

— Значитъ, и мнѣ покажете?

— Съ удовольствіемъ.

Немного погодя, мы сидѣли уже у него въ кабинетѣ, и Θедоръ Константиновичъ показывалъ мнѣ своего чорта.

Это былъ просто-напросто картезіанскій чортикъ, которые въ то время были въ Саратовѣ въ большомъ ходу и продавались прямо на улицахъ. Такого-то чортика купилъ Талаевъ и принялся всѣхъ увѣрять, что онъ его поймалъ въ рѣкѣ.

Вотъ этотъ-то именно казусъ и происшедшій вслѣдствіе этого переполохъ и натолкнули меня на мысль вставить въ свою повѣсть исторію о крокодилѣ.

Разскажу еще одинъ случай по поводу повѣсти «Грачевскій крокодилъ». Она была переведена на французскій языкъ, на нѣмецкій и на итальянскій.

И вотъ какая-то итальянская газета, прочитавъ эту повѣсть, была немало удивлена, что въ средней полосѣ Россіи имѣются крокодилы.

Самъ я этой газеты не видалъ, но вычиталъ объ этомъ въ хроникѣ журнала «Новь», гдѣ объ этомъ казусѣ сообщалось довольно пространно, и упоминалось названіе той газеты.

Итакъ, передѣлавъ эту повѣсть, я отправилъ ее въ «Отечественныя Записки». Но, нѣкоторое время спустя, повѣсть эта была мнѣ возвращена при письмѣ Салтыкова. Въ письмѣ этомъ онъ довольно раздраженнымъ тономъ высказывалъ мнѣ свое неудовольствіе по поводу этой повѣсти, при чемъ присовокуплялъ, что я, вѣроятно, ошибся, адресуя эту повѣсть въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», тогда какъ ее слѣдовало адресовать въ «Русскій Вѣстникъ». Тонъ этого письма и меня раздражилъ, почему я, недолго думая, взялъ и отослалъ повѣсть въ «Русскій Вѣстникъ», гдѣ она и была напечатана.

Лично мнѣ повѣсть эта не нравилась потому только, что мнѣ не удался священникъ, почему я, когда продалъ изданіе своихъ произведеній М. О. Вольфу, передѣлалъ въ ней этотъ типъ и изобразилъ его такимъ, какимъ онъ былъ въ натурѣ.

Кстати сказать: я никогда не умѣлъ сочинять ни фабулъ, ни дѣйствующихъ лицъ. Чтобы изобразить какой нибудь типъ, мнѣ необходимо было видѣть его, говорить съ нимъ, словомъ, изучить до тонкости всѣ его малѣйшія детали.

Будучи сельскимъ мировымъ судьей, я, конечно, имѣлъ возможность близко наблюдать всѣ эти типы кулаковъ, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и вообще такъ называемую деревенскую интеллигенцію. Я дошелъ до того, что стоило мнѣ, бывало, посмотрѣть на человѣка, поговорить съ нимъ нѣкоторое время, и я уже какъ будто читалъ у него въ душѣ, т.-е. безошибочно распознавалъ, говоритъ ли онъ правду, или лжетъ.

Нѣкоторые изъ моихъ критиковъ говорили, что я подражаю Салтыкову, описывая кулаковъ. Это невѣрно. Я Салтыкову не подражалъ, а срисовывалъ то, что происходило передъ моими глазами чуть не ежедневно. Всѣ мои кулаки, какъ-то: Обертышевы, Облапошевы, были списаны съ натуры, а никакъ не были подражаніемъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ типовъ я измѣнялъ только фамилію, но всѣ мои читатели, проживавшіе въ одной со мной мѣстности, или, скорѣе, въ одномъ уѣздѣ, тотчасъ же узнавали моихъ героевъ, и потомъ ужъ называли ихъ не по собственнымъ ихъ фамиліямъ, а по именамъ, мною вымышленнымъ.

Такъ, напримѣръ, въ камерѣ у меня часто судился землевладѣлецъ изъ мѣщанъ, Л., котораго въ одномъ изъ своихъ разсказовъ я назвалъ Живодеровымъ, и вотъ съ той поры этотъ Л. иначе не назывался, какъ Живодеровымъ. Точно такъ же, описывая какую нибудь мѣстность, я непремѣнно мысленно переносился въ село Никольское, вспоминалъ тамошніе ландшафты, которые и переносилъ на бумагу. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Мельница купца Чесалкина», описывая ловлю рыбы острогой, я вспомнилъ, какъ когда-то самъ ловилъ такимъ образомъ рыбу въ Никольскомъ на своемъ родномъ пруду.

Однако натянутое положеніе съ Салтыковымъ у меня продолжалось очень недолго, такъ что, когда я отправилъ въ «Отечественныя Записки» разсказъ «Крапивники», то получилъ отъ него весьма любезное отвѣтное письмо. А когда я отправилъ повѣсть «Ольшанскій молодой баринъ» и просилъ его, въ видѣ аванса, купить мнѣ рояль Беккера, то онъ просьбу мою исполнилъ, и я вскорѣ получилъ рояль, которую и подарилъ дочери. Рояль эта цѣла у нея и до сихъ поръ.

Изъ повѣсти «Ольшанскій молодой баринъ» я передѣлалъ драму «Степь-матушка».

Передѣлка эта въ свое время надѣлала много шума въ прессѣ. Сначала эту повѣсть передѣлалъ съ моего разрѣшенія покойный И. Н. Ге, назвавъ свою передѣлку «Самородкомъ». Передѣлку свою онъ мнѣ прочиталъ, и я нашелъ ее неудовлетворительною, почему и предложилъ ему сдѣлать въ ней нѣкоторыя измѣненія и кое-что добавить. Онъ на это согласился, почему и передалъ мнѣ свою рукопись, которая до сихъ поръ сохраняется у меня.

Когда я ему прочелъ свою передѣлку, то Ге нашелъ ее болѣе удачною, почему мы и порѣшили поставить ее на императорскую сцену за общимъ нашимъ подписомъ, назвавъ ее «Трясина». На этомъ мы съ нимъ и разстались, и я возвратился въ деревню.

Прошло нѣкоторое время, какъ вдругъ я прочиталъ въ «Новомъ Времени» аннонсъ, что въ непродолжительномъ времени на сценѣ въ бенефисъ артистки М. Г. Савиной будетъ поставлена драма Ге «Самородокъ». Это меня возмутило, почему я тотчасъ же и обратился съ письмомъ къ А. А. Потѣхину, который былъ въ то время начальникомъ репертуара, прося его пріостановить постановку этой пьесы, при чемъ изложилъ тѣ причины, на которыхъ я основываю свою просьбу. Постановка пьесы была пріостановлена, а Ге началъ обвинять меня въ «Новомъ Времени» въ плагіатѣ. Одновременно съ этимъ я получилъ отъ повѣреннаго Ге письмо съ предложеніемъ какъ нибудь покончить это дѣло въ противномъ случаѣ грозилъ привлечь меня къ суду.

На это письмо я не счелъ нужнымъ отвѣчать. Но Ге не унимался: продолжалъ писать въ газетахъ и кончилъ тѣмъ, что вызвалъ меня на третейскій судъ. Дѣлать было нечего. Я отправился въ Петербургъ. А такъ какъ въ это же самое время былъ въ Петербургѣ А. Н. Островскій, то я и поѣхалъ къ нему, чтобы просить его взять на себя трудъ быть моимъ судьей на третейскомъ судѣ... А. Н. Островскій остановился у своего брата, бывшаго министромъ государственныхъ имуществъ, и тамъ-то онъ меня и принялъ.

Дѣло было такъ.

Пріѣхалъ я къ Островскому часовъ въ шесть-семь вечера. И только что вошелъ въ переднюю, полъ которой былъ обитъ зеленымъ сукномъ, какъ съ лѣстницы, ведущей изъ бельэтажа, спускался Александръ Николаевичъ.

— Ба!... какими судьбами?

Я разсказалъ ему ту судьбу, которая привела меня въ Петербургъ.

вы — Знаю, знаю... говорилъ онъ: — изъ газетъ узналъ... Такъ только изъ-за этого и въ Петербургъ пріѣхали?

И, взявъ меня за руку, повелъ въ одну изъ дверей направо. Немного погодя, мы съ нимъ сидѣли въ очень большой комнатѣ, посреди которой стоялъ билліардъ.

— Только изъ-за этого и пріѣхали?—повторилъ онъ.

— Поневолѣ пришлось пріѣхать...

— Да, да...—проговорилъ онъ,—я прекрасно понимаю ваше положеніе, потому что и самъ когда-то испыталъ его на себѣ.

— Когда же это?—спросилъ я его.

— Это было давно...—отвѣтилъ онъ:—когда я написалъ «Банкрота», или, какъ теперь называется эта піеса, «Свои люди—сочтемся»... Тогда тоже нѣкто Г—въ началъ доказывать, что пьеса эта написана мною въ сотрудничествѣ съ нимъ...

— А меня такъ прямо обвиняютъ въ плагіатѣ!—перебилъ я его.

— Знаю, знаю...

—Вотъ, поэтому-то, я и пріѣхалъ къ вамъ, Александръ Николаевичъ. Будьте, пожалуйста, судьей съ моей стороны.

Островскій на минутку задумался, а потомъ проговорилъ:

— Съ удовольствіемъ бы, но...

Этимъ «но» онъ меня, словно ножемъ, пырнулъ.

— Неужели вы мнѣ откажете въ этой просьбѣ?

— Поневолѣ приходится: во-первыхъ, потому, что я—плохой говорунъ, что, вѣроятно, вы и сами замѣтили, а, во-вторыхъ, мнѣ, какъ предсѣдателю общества драматическихъ писателей, какъ-то неловко вмѣшиваться въ литераторскій процессъ.

— Къ кому же мнѣ обратиться,—замѣтилъ я,—не имѣя въ Петербургѣ никакого литературнаго знакомства?...

— А въ этомъ я вамъ помогу,—заговорилъ Островскій, взявъ меня за руку.—Я вамъ напишу письмо къ Алексѣю Сергѣевичу Суворину и попрошу его быть вашимъ судьей. Я бы и самъ съ вами поѣхалъ къ нему, но у него такая высокая лѣстница, взбираться на которую мнѣ очень трудно по нездоровью. Вотъ вы съ моимъ письмомъ и поѣзжайте къ нему. Я его очень люблю, и мы съ нимъ большіе пріятели... А ужъ говорунъ такой, что я ему и въ подметки не гожусь.

— Ну, благодарю и за это.

— Останетесь довольны,—успокоивалъ меня Островскій и затѣмъ, вставъ, прибавилъ:—ну, вотъ я сейчасъ пойду, напишу письмо, а вы здѣсь пока покурите,—и, проговоривъ это, Островскій вышелъ въ сосѣднюю комнату, а, нѣсколько минутъ спустя, возвратился съ письмомъ въ рукахъ.

— Ну, вотъ вамъ и письмо,—проговорилъ онъ.—Вы сейчасъ же къ Суворину и поѣзжайте; теперь вы его какъ разъ застанете дома.

Сколько мнѣ помнится, Суворинъ жилъ на Итальянской, куда я и отправился прямо отъ Островскаго.....

Лѣстница, ведущая въ квартиру Суворина, оказалась дѣйствительно очень высокой, хотя и очень удобной, такъ какъ была отлично освѣщена, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, на каждой поворотной площадкѣ имѣлись кресла. На каждой площадкѣ были двери съ дощечками квартирантовъ, и помнится мнѣ, что я перечиталъ этихъ дощечекъ съ десятокъ, когда наконецъ добрался до мѣдной чисто вычищенной дощечки съ надписью: Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.

Суворинъ принялъ меня весьма любезно, пригласилъ меня въ свой обширный кабинетъ, весь заставленный книжными шкафами, усадилъ меня на мягкое кресло и внимательно принялся разспрашивать подробности моего дѣла.

Предварительно было имъ прочитано письмо Островскаго.

— Съ большимъ удовольствіемъ я готовъ исполнить вашу просьбу,—проговорилъ онъ.—Только вѣдь у насъ шансы-то будутъ неравные: со стороны Ге будетъ двое судей, а съ вашей одинъ я.

— Кто же будетъ у Ге?

— Во-первыхъ, Буренинъ, а, во-вторыхъ, Гнѣдичъ.

— А у меня—вы и моя повѣсть «Ольшанскій молодой баринъ».

— И то правда,—согласился Суворинъ.

Затѣмъ подали чай, и мы перешли къ обыденному разговору.

Въ это время одна изъ дверей кабинета распахнулась (дверь эта, какъ оказалось, вела въ редакцію «Новаго Времени»), и въ кабинетъ вошелъ И. Н. Ге. Мы сухо съ нимъ раскланялись, не подавая даже другъ другъ руки (сперва мы были съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ), онъ что-то тихонько поговорилъ съ Суворинымъ и тотчасъ же вышелъ, а вмѣсто него вошелъ Буренинъ.

Суворинъ познакомилъ меня съ нимъ, и у насъ опять завязался обыденный разговоръ, кончившійся, однако, тѣмъ, что третейскій судъ былъ назначенъ на слѣдующій день въ шесть часовъ вечера.

Прощаясь со мной, Суворинъ все-таки просилъ меня изложить письменно всѣ обстоятельства дѣла и захватить съ собою, какъ повѣсть, такъ и мою передѣлку «Трясина», ту самую, которую мы, по взаимному соглашенію съ Ге, порѣшили поставить на сцену вмѣсто «Самородка».

На этомъ мы и разстались.

Останавливался я тогда на Пушкинской, въ Пале-Роялѣ.

Нечего говорить, что я провелъ безсонную ночь, соображая тѣ объясненія, которыя мнѣ предстояло излагать суду. Самымъ главнымъ аргументомъ въ свою пользу я считалъ то обстоятельство, что Ге въ свою передѣлку вставилъ одну большую сцену изъ нашей общей передѣлки «Трясина», которой не было ни въ повѣсти, ни въ его первоначальной версіи «Самородка».

Итакъ, я прометался почти всю ночь, а какъ только стало свѣтать, тотчасъ же принялся излагать на бумагѣ всѣ подробности этого дѣла.

Часу во второмъ по полудни ко мнѣ вошелъ Суворинъ.

— Являюсь къ вамъ съ визитомъ,—проговорилъ онъ. Увидавъ на столѣ исписанную бумагу, онъ спросилъ:—ужъ это не объясненіе ли?

— Да, объясненіе.

И я принялся разсказывать ему, въ чемъ именно оно состоитъ.

— Ну, вотъ и прекрасно, — проговорилъ Суворинъ: — больше намъ ничего и не требуется,—и, протягивая мнѣ руку, прибавилъ: итакъ, до свиданья... Въ шесть часовъ милости просимъ ко мнѣ.

Въ назначенный часъ я опять отправился къ Суворину.

Когда я былъ у Суворинской квартиры и позвонилъ въ звонокъ, по лѣстницѣ взбирался какой-то молодой человѣкъ, щегольски одѣтый и въ цилиндрѣ. Подойдя къ той же двери, возлѣ которой стоялъ я, онъ остановился и спросилъ:

— Вы звонили?

— Да, звонилъ.

— Вы не господинъ ли Саловъ?—спросилъ молодой человѣкъ, приподнимая цилиндръ.

— Да.

— Очень пріятно познакомиться. Гнѣдичъ.

Мы пожали другъ другу руки, а въ это время дверь отворилась, и мы съ Гнѣдичемъ вошли въ квартиру Суворина.

Онъ насъ ожидалъ уже. И такъ какъ Гнѣдичъ сталъ ему представляться, то я и заключилъ, что они дотолѣ не были знакомы. Вскорѣ мы всѣ были въ кабинетѣ. Буренинъ уже былъ тамъ, а равно и Ге.

Всѣ мы усѣлись вокругъ громаднаго письменнаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, и я принялся читать вслухъ свое объясненіе.

Какъ теперь помню, оно было написано на трехъ листахъ почтовой бумаги большого формата. Прочитавъ объясненіе, я прочиталъ и ту сцену, которая была взята изъ «Трясины», и которой не было въ повѣсти «Ольшанскій молодой баринъ».

Ге не возражалъ ни слова такъ же, какъ Буренинъ и Гнѣдичъ, ибо видимо они были убѣждены въ несправедливомъ обвиненіи меня въ плагіатѣ. Буренинъ, шутя, сострилъ что-то, но я былъ до того взволнованъ, и до того у меня разболѣлась голова, что я даже забылъ, въ чемъ именно заключалась острота; помню только, что всѣ очень много смѣялись ей.

Я настаивалъ только на томъ, чтобы была признана судомъ несправедливость обвиненія меня въ плагіатѣ, и чтобы пьеса «Самородокъ» была снята со сцены и замѣнена «Трясиной».

Только тутъ вступился г. Гнѣдичъ и, отведя меня въ сторону, объяснилъ мнѣ крайне стѣснительное положеніе Ге.

— Поэтому не поступить ли намъ такъ?—предложилъ Гнѣдичъ: — пусть на Александринкѣ идетъ «Самородокъ» за вашей общей подписью, и гонораръ пусть тоже будетъ общій...

— На такихъ же точно условіяхъ мы съ Ге порѣшили было поставить «Трясину»,—замѣтилъ я..

— Но дѣло въ томъ, что «Трясина» не была еще на разсмотрѣніи литературнаго комитета, а бенефисъ г-жи Савиной долженъ быть на-дняхъ. Поспѣетъ ли все это?

Въ виду этого я согласился на предложеніе г. Гнѣдича, и тѣмъ закончились пренія третейскаго суда.

На слѣдующій день въ «Новомъ Времени» отъ лица третейскаго суда и было напечатано, что обвиненіе г. Ге признано несправедливымъ, а, дня два-три спустя, появились въ разныхъ юмористическихъ журналахъ по этому поводу всевозможныя карикатуры.

На обратномъ пути въ деревню я на нѣсколько дней остановился въ Москвѣ, наскоро передѣлалъ «Трясину» и, назвавъ ее «Степь-матушка», поставилъ въ театрѣ Корша.

Роль Агаѳьи исполняла Глама-Мещерская, Обертышева—М. П. Васильевъ-Гладковъ, Бориса—Рощинъ-Инсаровъ, а учителя Любомудрова—Солонинъ. Пьеса была обставлена великолѣпно, какъ и всегда. Декорація, изображающая водяную мельницу, была особенно эффектна.

Однако, быть на первомъ представленіи этой пьесы мнѣ не удалось, такъ какъ—грѣшный человѣкъ—будучи въ то время мировымъ судьей, я уѣхалъ изъ деревни безъ отпуска...

Затѣмъ я поставилъ эту пьесу въ Саратовѣ. Роль Агаѳьи исполняла г-жа Шебуева, Обертышева—Никольскій и другіе. Въ роли Агаѳьи я видѣлъ актрисъ: Савину, Никулину, Гламу-Мещерскую, и, откровенно сказать, лучше Шебуевой не видалъ точно такъ же, какъ не видалъ въ учителѣ Любомудровѣ лучше Коврова.

Постановка на сцену «Степи-матушки», которая до сихъ поръ дается, какъ на столичныхъ, такъ и на провинціальныхъ сценахъ, дала мнѣ очень значительный заработокъ, а такъ какъ въ деньгахъ я всегда нуждался, то я и принялся писать пьесы для театра, тѣмъ болѣе, что я былъ еще польщенъ и тѣмъ, что за «Степь-матушку» я получилъ половину Грибоѣдовской преміи.

Нѣкоторыя изъ моихъ пьесъ были оригинальныя, какъ-то: «Степной богатырь», «Дармоѣдка», а нѣкоторыя передѣланы изъ моихъ же повѣстей. Къ послѣднимъ принадлежатъ «Аспидъ», «Золотая рыбка», «Гусь лапчатый» и другія.

За дѣло это я принялся съ большой охотой, но меня всегда приводила въ смущеніе театральная цензура.

Разскажу кстати, что́ мнѣ пришлось испытать съ «Дармоѣдкой». Первая редакція этой пьесы была такова, что герой пьесы, Фронтасьевъ, за разныя невинныя шалости былъ административнымъ порядкомъ высланъ изъ обѣихъ столицъ, а, спустя нѣкоторое время, былъ прощенъ. Прощеніе это привозитъ ему его мать, большая барыня, постоянно проживавшая въ Петербургѣ, княгиня Фронтасьева, и въ то же время сообщаетъ сыну, что она нашла для него въ Петербургѣ подходящую невѣсту, баронессу X... Но Фронтасьевъ, успѣвшій въ деревнѣ полюбить простую дѣвушку, наотрѣзъ отказалъ матери исполнить ея желаніе и въ концѣ концовъ женится на этой дѣвушкѣ.

Изъ цензуры я получилъ эту пьесу съ слѣдующей надписью: «Къ представленію на сценѣ не разрѣшается».

Тогда я отправился въ Петербургъ и обратился къ цензору, разсматривавшему пьесу, съ просьбою разъяснить мнѣ причину, почему именно пьеса запрещена. На это цензоръ, во-первыхъ, сказалъ мнѣ, что фабула пьесы нѣсколько походитъ на происшествіе, недавно случившееся въ Петербургѣ, а, во-вторыхъ, что неудобно упоминать про административную высылку, а, въ-третьихъ, что мать Фронтасьева—княгиня.

— А ежели я все это измѣню?—спросилъ я цензора.

— Тогда, можетъ быть, пьеса будетъ разрѣшена,— отвѣтилъ цензоръ.

И вотъ я нанялъ въ Петербургѣ номеръ въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ въ домѣ Лихачева и принялся передѣлывать пьесу. Изъ княгини я сдѣлалъ генеральшу, а высылку Фронтасьева изъ Петербурга приписалъ родной матери. Что же вышло? А то, что родная мать, сославъ сына въ деревню, нѣсколько лѣтъ питала къ нему злобу и даже запретила ему въѣздъ въ столицы. На какомъ основаніи? И только, десять-пятнадцать лѣтъ спустя, простила его, пріѣхала къ нему въ деревню и лично объявила ему о своемъ прощеніи. Все это, конечно, вышло неправдоподобно и фальшиво, но зато пьеса была пропущена.

А я ради этого недѣли двѣ-три прожилъ въ Петербургѣ.

Пьеса въ первый разъ шла въ Москвѣ на театрѣ Корша съ г-жей Рыбчинской въ заглавной роли.

Поѣздка въ Петербургъ, конечно, обошлась мнѣ недешево, и, хотя пьеса вознаградила меня съ избыткомъ, но, тѣмъ не менѣе, думается мнѣ, что такого рода цензура не могла благотворно повліять на достоинство моей пьесы.

Былъ у меня и еще одинъ случай съ цензурой, который единственно тѣмъ только кончился, что цензоръ сдѣлалъ надпись слѣдующаго содержанія: «Драматическою цензурою къ представленію признано неудобнымъ», но почему именно, — объ этомъ ни полслова.

Могу только сказать, что въ пьесѣ нецензурнаго ничего нѣтъ, что пьеса эта — трехактная комедія самаго невиннаго и веселаго содержанія и составляетъ буквальную передѣлку моего разсказа «Пенсіонеры», напечатаннаго въ этомъ году въ «Русской Мысли». А что всего тяжелѣе, такъ это то, что нѣтъ никакой возможности автору искать себѣ какой либо защиты въ такихъ случаяхъ, такъ какъ приговоръ цензуры является безаппелляціоннымъ.

Нельзя не сознаться съ душевнымъ прискорбіемъ, что наша, такъ сказать, театральная литература крайне бѣдна. Главною причиною этого, конечно, является отсутствіе талантовъ, а, можетъ быть, и шаблонность нашей общественной жизни. Но немалая вина падаетъ и на существующіе театральные порядки.

Для театра я писалъ очень мало, но все-таки писалъ и никакъ не могъ примѣниться къ требованіямъ театральной цензуры, такъ какъ требованія ея крайне измѣнчивы и неуловимы: то нельзя божиться, то божись, сколько угодно; то не поминай превосходительныхъ особъ, а то и высокопревосходительство можно. Меня, напримѣръ, заставили княгиню передѣлать въ генеральшу, а смотришь въ другой пьесѣ — свободно расхаживаютъ по сценѣ и княгини и графини.

Въ пьесѣ «Степь-матушка» имѣлось очень много тенденціозныхъ фразъ, особенно въ устахъ Любомудрова, такъ что я и не надѣялся даже, чтобы пьеса была пропущена, а оказывается, что она была разрѣшена безусловно, тогда какъ съ «Дармоѣдкой» вышли затрудненія. Я замѣтилъ одно только, что весной театральная цензура несравненно милостивѣе, чѣмъ зимой: начнетъ свѣтить солнышко, Нева вскроется, сады покроются цвѣтами — и цензура, словно обрадовавшись всему этому, начнетъ веселѣе смотрѣть на все. Не думайте, что я шучу, нѣтъ, это—правда.

Такія атмосферическія измѣненія, однако, очень пагубно отзываются на русской драматической литературѣ, во-первыхъ, потому, что обезкураживаютъ пишущую братію, а, во-вторыхъ, обезцвѣчиваютъ и безъ того уже неособенно цвѣтистыя ея произведенія.

Нѣкоторая доля вины падаетъ и на дирекціи нашихъ образцовыхъ сценъ, такъ какъ онѣ слишкомъ замкнуты и представляютъ собою нѣчто въ родѣ заколдованнаго круга, попасть въ который не особенно легко.

Такъ, изъ моихъ пьесъ тамъ шли только двѣ: «Гусь лапчатый» и «Самородокъ» (такъ какъ Ге былъ великій мастеръ пристраивать свои произведенія). А между тѣмъ «Аспидъ» и «Дармоѣдка», одобренныя театрально-литературнымъ комитетомъ, такъ туда попасть и не могли. По отношенію къ первой мнѣ говорили, что пьеса будетъ поставлена непремѣнно, но такъ какъ она одноактная, то надо подождать такого спектакля, къ которому ее удобно было бы присоединить. А по отношенію второй — увѣряли, что ее нельзя

поставить потому, что она прежде была играна на столичныхъ частныхъ театрахъ; между тѣмъ, комедія «Денежные тузы», первоначально поставленная на театрѣ Корша, шла потомъ и на обѣихъ казенныхъ сценахъ точно такъ же, какъ драма Шпажинскаго «Кручина», которая сначала была поставлена на Пушкинскомъ театрѣ, а затѣмъ на Александринскомъ.

Для меня было очень прискорбно, что мои лучшія пьесы, имѣвшія солидный успѣхъ, какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ— «Дармоѣдка» и «Аспидъ», остались за флагомъ.

Послѣ «Дармоѣдки» я написалъ пьесу «Степной богатырь». Пьеса эта была поставлена впервые въ Москвѣ у Лентовскаго въ театрѣ «Скоморохъ». Пьеса понравилась Лентовскому, и я ее ему отдалъ, съ тѣмъ, однако, чтобы заглавную роль игралъ самъ Лентовскій.

— Да сыграю ли я ее?—сказалъ онъ.

— Мнѣ думается, что вы сыграете отлично.

— Да вѣдь я, изволите ли видѣть, въ какихъ костюмахъ-то хожу...—проговорилъ онъ, указывая на свою поддевку.—Вѣдь я сюртуковъ не ношу...

(Лентовскій дѣйствительно всегда ходилъ въ поддевкѣ).

— Такъ въ поддевкѣ и играйте.

— Да, потомъ вотъ что еще: я вѣдь только однѣ керосинныя роли играю—«Лѣсныхъ бродягъ» и т. п. (подлинныя его слова).

— Я увѣренъ, что вы будете прелестный богатырь...

На этомъ мы и порѣшили, а такъ какъ мнѣ нужно было ѣхать въ Тверь къ сыну, то на слѣдующій день я оставилъ Москву и отправился въ Тверь. Прощаясь со мной, Лентовскій объявилъ мнѣ, что онъ поставитъ «Богатыря» въ свой бенефисъ, и просилъ непремѣнно пріѣхать на репетицію.

Въ Твери я пробылъ дня три и, снова вернувшись въ Москву, отправился къ Лентовскому.

— Ну,—проговорилъ онъ, увидавъ меня:—пьесу вашу я ставлю въ свой бенефисъ, но роль «Богатыря» передалъ Х... По правдѣ сказать, боюсь провалиться.

— Въ такомъ случаѣ возвратите мнѣ пьесу. Я непремѣнно хочу, чтобы «Богатыря» играли вы, а не кто другой.

Лентовскій задумался, а, немного погодя, сказалъ:

— Но вѣдь актеръ Х... можетъ обидѣться. Вѣдь у насъ была уже считка.

— Чѣмъ же онъ обидится, коль скоро я не желаю такой перемѣны? Ужъ если ему непремѣнно угодно обижаться, то пускай обижается на меня, а не на васъ.

— Но я этой роли никакъ не могу сыграть...

— А я повторяю вамъ, что вы будете превосходный «Богатырь».

И дѣйствительно В. М. Лентовскій былъ превосходный «Бога-

тырь», и роль эта сдѣлалась его коронною ролью на всѣхъ гастроляхъ.

У Лентовскаго былъ въ то время режиссеромъ М. В. Аграмовъ, режиссировавшій до того въ театрѣ Корша. Это былъ большой мастеръ своего дѣла и великая подмога для артистовъ.

Да и самъ Лентовскій, какъ оказалось, былъ превосходнымъ режиссеромъ; въ особенности онъ былъ великій мастеръ ставить народныя сцены и распоряжаться народными хорами и плясками.

Четвертый актъ «Богатыря» всѣмъ этимъ изобиловалъ, и я воочію убѣдился въ мастерствѣ Лентовскаго. Народъ у него дѣйствительно вышелъ народомъ, а не манекенами въ зипунахъ и лаптяхъ. А народныя пляски прямо поразили меня своею натуральностью и тою характерною простотою, которыя такъ рѣдко даются г.г. режиссерамъ.

Такой постановкѣ позавидовали бы и сами мейнингенцы.

«Скоморохъ» не понравился мнѣ только по своему наименованію. Къ чему возобновлять въ памяти этихъ скомороховъ и скоморошество, времена которыхъ миновали, и воскрешать которыхъ не стоитъ того.

Неудобна въ «Скоморохѣ» и самая сцена, на которой положительно негдѣ повернуться съ декораціями.

Какъ извѣстно, «Скоморохъ» помѣщается въ совершенно кругломъ зданіи, спеціально выстроенномъ для панорамы взятія Карса. И вотъ, когда эта панорама прекратила свои дѣйствія, то на мѣстѣ Карса помѣстился Лентовскій. Большая половина этого круглаго зданія занимается партеромъ, а меньшая половина—сценой; такъ что, если опустить задній занавѣсъ, по бокамъ уставить кулисы, то остаются только три небольшихъ полукруга, въ которыхъ и извольте размѣщаться съ декораціями и уборными.

Но для громадной энергіи Лентовскаго препятствій не существуетъ, и, несмотря на столь важное неудобство сцены, онъ всетаки сумѣлъ ставить на ней не только пьесы, требующія большой обстановки, но даже фееріи, и всегда обставлялъ таковыя съ замѣчательнымъ эффектомъ. Меня поразилъ также и тотъ порядокъ, который царствовалъ у него въ многочисленной и разнообразной труппѣ. Никакихъ споровъ и возраженій у него не существовало. У него все шло, какъ по маслу, и стоило ему только взглянуть, какъ всѣ тотчасъ же словно понимали, что именно хотѣлъ онъ выразить этимъ взглядомъ.

Итакъ, репетиціи шли у насъ ежедневно, а послѣ репетиціи насъ всѣхъ обыкновенно приглашала къ себѣ завтракать г-жа Свѣтина-Марусина, квартировавшая почти возлѣ театра. Марія Яковлевна была очень любезная и веселая хозяйка. Она недурно играла на рояли, недурно пѣла и отличалась веселымъ и симпатичнымъ характеромъ. Иногда мы засиживались у нея до того, что оставались обѣдать, а послѣ обѣда обыкновенно шли въ театръ.

Былъ въ нашей компаніи и Ге, пріѣзжавшій зачѣмъ-то въ то время въ Москву, съ которымъ у насъ опять возстановились дружескія отношенія.

Въ это же самое время гастролировалъ у Лентовскаго и Андреевъ-Бурлакъ, который тоже бывалъ въ нашей компаніи и немало потѣшалъ насъ своими разсказами и анекдотами.

Съ постановкою «Богатыря» мнѣ особенно посчастливилось, такъ какъ она совпала съ масленицей. Бенефисъ Лентовскаго былъ въ воскресенье наканунѣ масленицы. Театръ, конечно, былъ переполненъ, и такъ какъ сборъ съ театра простирался почти до двухъ тысячъ, то я за первое же представленіе получилъ отъ Лентовскаго около двухъ сотъ рублей. Затѣмъ въ теченіе масленицы «Богатырь» ставился чуть не каждый день, а въ прощальное воскресенье онъ былъ поставленъ въ бенефисъ г-жи Свѣтиной-Марусиной. Гонораръ выдавался мнѣ Лентовскимъ почти ежедневно, за исключеніемъ послѣднихъ трехъ дней, такъ какъ я не могъ быть въ театрѣ, и я ихъ получилъ на второй день великаго поста.

На третій день поста я хотѣлъ было ѣхать домой въ деревню, но со мной произошелъ слѣдующій случай, который задержалъ меня въ Москвѣ на нѣсколько дней.

Остановился я тогда въ меблированныхъ комнатахъ Бучумова на Дмитровкѣ, въ которыхъ обыкновенно всегда останавливался, бывая въ Москвѣ. Пошелъ я какъ-то утромъ къ парикмахеру на Петровку. Снѣгъ уже начиналъ таять, и вотъ, проходя по Столѣшникову переулку, я какъ-то поскользнулся и такъ неудачно упалъ, что вывихнулъ лѣвую ногу. Какой-то прохожій помогъ мнѣ подняться на ноги, позвалъ извозчика и усадилъ меня, а, возвратясь въ номера, я безъ помощи швейцара не могъ уже добраться до своего номера.

Былъ приглашенъ докторъ, г. Яковлевъ, бывшій въ то время ординаторомъ при Склифасовскомъ; онъ нашелъ у меня растяженіе какой-то жилы и наложилъ повязку, запретивъ двигаться съ мѣста.

Тоска у меня была страшная. Спасибо еще, что въ тѣхъ же номерахъ Бучумова въ то время стояли и Ге и Андреевъ-Бурлакъ, которые каждый день приходили меня навѣщать.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній вошелъ ко мнѣ Ге, подъ руку съ какой-то молоденькой и очень хорошенькой барынькой. На ней была накидка изъ бѣлаго лебяжьяго пуха и такая же пуховая шапочка.

— Я къ вамъ en deux,—сказалъ Ге и, указывая на даму, прибавилъ:—госпожа Абрамова.

Это была та самая Абрамова, которая впослѣдствіи держала театръ Шелапутина. Я извинился, что принимаю ее лежа, угостилъ ихъ чаемъ, и мы незамѣтно провели вечеръ.

Г-жа Абрамова разсказала, что пріѣхала изъ Симбирска, гдѣ играла въ какой-то труппѣ, и что отчасти знакома со мною, такъ какъ недавно еще играла въ моей пьесѣ «Аспидъ».

Г-жа Абрамова тоже останавливалась у Бучумова и тоже почти ежедневно навѣщала меня.

Позже, когда г-жа Абрамова держала Шелапутинскій театръ, мнѣ пришлось познакомиться съ ней короче, такъ какъ въ ея театрѣ шла въ первый разъ моя пьеса «Золотая рыбка».

Года два-три тому назадъ я узналъ изъ газетъ, что г-жа Абрамова умерла. Я искренно сожалѣлъ о преждевременной кончинѣ этой молоденькой и полной жизни женщины. Какъ артистка, она ничего не представляла выдающагося, но зато была крайне сердечная и симпатичная женщина.

Пролежалъ я съ вывихнутой ногой недѣли двѣ, а потомъ возвратился домой въ деревню.

И. Саловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ПО ДѢЛАМЪ МЕЛКАГО КРЕДИТА.

(Путевыя наблюденія).

I.

ПЕРЕГОНЪ изъ села Кремневки въ село Кобылянку оказался самый длинный за всю эту поѣздку—128 верстъ. Дѣло было въ половинѣ ноября, дни стояли короткіе. Выѣхавъ изъ села Кремневки часовъ въ 11 утра, я засвѣтло успѣлъ добраться только до села Балки, сдѣлавъ 48 верстъ въ три перепряжки. Слѣдующій перегонъ въ 25 верстъ пришлось сдѣлать въ темень.

Уже изъ села Вознесенки пейзажъ рѣзко мѣняется. Когда-то хорошая, а нынѣ довольно унылая южно-русская степь здѣсь съ каждой верстой дѣлается волнистѣе, а у села Балки прорѣзывается довольно глубокой балкой, на днѣ которой извилистой лентой вьется рѣчушка, теперь скованная льдомъ. Къ вечеру морозъ крѣпчаетъ, и я начинаю опасаться, что мое петербургское пальто, пожалуй, спасуетъ предъ его натискомъ. Вступаю поэтому въ переговоры съ ямщикомъ, и по его протекціи на земской почтовой станціи мнѣ даютъ крытую кибитку.

Земская почта въ Таврической губерніи—учрежденіе вполнѣ благоустроенное. Перепряжка занимаетъ не болѣе 5—7 минутъ, такъ что я едва успѣваю выпить стаканъ мутнаго чая. Ямщикъ съ шикомъ проѣзжаетъ чрезъ село. Вотъ промелькнула послѣдняя хата съ ярко-пылающимъ окномъ—хозяйка, очевидно, готовитъ ужинъ—и мы «въ чистомъ полѣ, средь невѣдомыхъ равнинъ».

Лошади бѣгутъ дружной рысью, звонкая дробь колокольчика съ какимъ-то веселымъ задоромъ разрѣзаетъ пугливую тишину осенней ночи.

Такъ вотъ онъ, мелкій кредитъ. Сегодня—ровно мѣсяцъ, какъ я изъ Петербурга. Кажется, срокъ небольшой, а между тѣмъ все петербургское такъ далеко ушло отъ меня, кажется такимъ чужимъ, чуть не дикимъ. Только собственный тяжелый опытъ можетъ показать, какая бездонная подчасъ пропасть лежитъ между теоріей и практикой, книгой и жизнью, бумагой и дѣломъ. Деревня, въ которую пріѣзжаешь съ дѣловымъ порученіемъ, оказывается совсѣмъ не похожей на ту, гдѣ, бывало, такъ отрадно было въ суденческіе годы провести каникулярные мѣсяцы.

Мелкій кредитъ въ деревняхъ и селахъ, который поручено мнѣ изслѣдовать, оказывается совсѣмъ не такимъ, какимъ я ожидалъ его видѣть по готовымъ формуламъ, выработаннымъ теоретиками. Онъ упрямо ломаетъ всѣ придуманныя для него модели, образуя иногда довольно причудливые выступы, и кристаллизуется въ совершенно самобытныя формы. Всѣ попытки примирить, согласить теорію съ практикой не ведутъ къ желаемымъ результатамъ, и мнѣ остается лишь прійти къ выводу, что у насъ существуетъ не одинъ, а два мелкихъ кредита. Одинъ—это тотъ, о которомъ идетъ рѣчь въ законодательныхъ актахъ, ведутся чинныя, степенныя разсужденія въ с.-петербургскомъ комитетѣ о сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществахъ, пишутся нравоучительныя статьи въ спеціальныхъ изданіяхъ и сочиняются стерилизованнымъ слогомъ бумаги въ подлежащихъ канцеляріяхъ и департаментахъ. А другой — это «операціонный залъ» въ крестьянской хатѣ, «директоръ-распорядитель» въ зипунѣ, онучахъ и лаптяхъ, разбитые конторскіе счеты, рваныя книги, «портфель обязательствъ» въ сахарной бумагѣ, скрывающій цѣлую перспективу народной нужды, которой, кажется, конца-края не видно. Каждое обязательство написано—ну, не кровью, такъ слезами: смерть кормильца, побитая градомъ полоса, павшая скотинка, выколоченная старостой подать, снаряженный въ солдатчину сынъ—вотъ что значатъ эти обязательства, вотъ они откуда взялись. А рядомъ съ этимъ теорія напѣваетъ сладкую мелодію: «ссуды въ товариществахъ должны быть выдаваемы только на хозяйственныя затраты (т.-е. такія, которыя создаютъ новый источникъ дохода), при чемъ срокъ возврата долженъ назначаться на такое время, когда выручка отъ предпріятія, на которое взяты деньги, дастъ возможность уплатить ссуду наличными». Попробуйте, господа, получить выручку отъ такихъ предпріятій, какъ сдача парня въ рекруты, или взысканіе учетчикомъ подати!

Хотя я родился и выросъ въ деревнѣ и деревенскую жизнь знаю достаточно хорошо, но за тотъ десятокъ лѣтъ, который

пришлось провести въ столичной сутолокѣ, поневолѣ, конечно, отвыкъ отъ сельской тишины. Теперь—«опять я вижу васъ, поля родныя»... Когда я, пролетѣвъ 2.000 верстъ курьерскимъ поѣздомъ, пустился затѣмъ въ объѣздъ намѣченныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ желѣзной дороги и отъ того, что у насъ принято называть благами культуры, мною овладѣло такое ощущеніе, какъ будто меня опускаютъ въ какой-то глубокій, темный колодезь: все меньше и меньше полоска дневного свѣта, видимая сверху, все глуше и тише отзвуки жизни и борьбы. Жуткое, тоскливое чувство. Нужно пожить въ нашей деревнѣ, прислушаться къ робкому шопоту ея жизни, привыкнуть къ угрюмой молчаливости ея обывателей, чтобы понять это чувство. Только тогда въ вашихъ глазахъ получитъ настоящій свой глубокій смыслъ это нѣсколько истертое отъ частаго повторенія изреченіе поэта:

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ... вѣковая тишина.
. . . .

Предъ глазами проносятся видѣнныя картины...

II.

Аггеевское ссудосберегательное товарищество значилось въ маршрутѣ первымъ. Отъ города Мелитополя (конечный пунктъ по желѣзной дорогѣ) до села Аггеевки всего лишь 25 верстъ, и мы съ товарищемъ рѣшаемся выѣхать въ 9 часовъ вечера, разсчитывая къ полуночи прибыть на мѣсто. Такъ какъ впереди придется еще много трястись на почтовыхъ таратайкахъ, то мы для перваго раза рѣшаемся раскошелиться и беремъ городского извозчика ради рессорной коляски. Урожай пшеницы въ здѣшней губерніи вышелъ въ этомъ году на рѣдкость хорошій, и намъ навстрѣчу ползетъ непрерывный караванъ крестьянскихъ возовъ, тяжело нагруженныхъ хлѣбомъ и направляющихся къ желѣзной дорогѣ. Южная ночь темна, дороги не видно, и коляска то и дѣло даетъ весьма опасный кренъ. Но это насъ смущаетъ мало и не мѣшаетъ все время фальшивить первый актъ изъ «Фауста».

Дорога проходитъ незамѣтно, и къ полуночи мы въѣзжаемъ въ Аггеевку. Село спитъ глубокимъ сномъ, нигдѣ не видно огня. Мой товарищъ, какъ человѣкъ мѣстный и при томъ въ такихъ поѣздкахъ бывалый, заявляетъ, что намъ нужно отыскать «общественную квартиру», гдѣ мы и расположимся лагеремъ. Долго мы колесимъ по широкимъ проспектамъ Аггеевки, пока намъ не удается

натолкнуться на сельскаго стража, который и водворяетъ насъ на общественной квартирѣ. Разбуженный хозяинъ встрѣчаетъ насъ довольно недружелюбно, долго убѣждаетъ отложить процедуру чаепитія до утра и, наконецъ, сраженный нашимъ упрямствомъ, съ ворчаніемъ начинаетъ возиться возлѣ самовара.

Терминъ: «общественная квартира», мнѣ пришлось встрѣтить только въ Таврической губерніи, въ другихъ губерніяхъ (а я ихъ изъѣздилъ больше двадцати) такихъ квартиръ видывать не приходилось. Въ каждомъ селѣ (а села здѣсь очень большія, есть по десятку и болѣе тысячъ жителей) земство арендуетъ на извѣстный срокъ одну либо двѣ комнаты въ домѣ обывателя, который живетъ попросторнѣе. Тамъ имѣетъ право располагаться всякій пріѣзжающій въ село по казенной или общественной надобности — земскій врачъ или фельдшеръ, судебный слѣдователь, членъ управы, инспекторъ народныхъ училищъ и проч. На плетневомъ заборѣ возлѣ такого убѣжища обыкновенно красуется порядочныхъ размѣровъ доска съ надписью: «общественная квартира». Здѣсь иногда бываетъ людно и оживленно. Мнѣ лично приходилось располагаться четвертымъ на такой квартирѣ. И ничего. Быстро завязываются знакомства, дружески дѣлимся скудными запасами провизіи, а также служебнымъ опытомъ и тѣмъ запасомъ курьезовъ, какихъ всегда немало хранится въ памяти всякаго, потянувшаго ту или иную служебную лямку. Заканчивалась бесѣда неизмѣнно однимъ и тѣмъ же выводомъ, что жить вообще (въ широкомъ смыслѣ) скверно. Впрочемъ, спать приходилось еще сквернѣе: кровать отводилась самому почетному по возрасту гостю, а такъ какъ я всегда оказывался наиболѣе молодымъ, то приходилось довольствоваться какой нибудь деревяной лавченкой, смягчивши ея жесткость собственнымъ пальто.

Утромъ отправляемся въ товарищество. Помѣщается оно въ собственномъ домикѣ, довольно невзрачномъ на видъ. Три душныхъ, закоптѣлыхъ комнатки. Въ первой (она же «операціонный залъ») пустовато: большой деревянный столъ, нѣсколько деревянныхъ лавокъ у стѣнъ, въ углу ведро съ водой. Небольшой желѣзной сѣткой она отдѣлена отъ комнаты бухгалтера, гдѣ стоятъ два стола и конторка. Наконецъ въ третьей комнатѣ—несгораемая касса и шкапъ съ книгами и документами. Членъ правленія, болгаринъ, говоритъ по-русски не безъ труда и, какъ новичокъ въ дѣлѣ, мало помогаетъ намъ объясненіями; бухгалтеръ—тоже новичокъ. Въ товариществѣ пахнетъ покойникомъ: незадолго до нашего пріѣзда общимъ собраніемъ низвергнутъ за разныя проказы (не безъ давленія, впрочемъ) бухгалтеръ Корбутъ, который лѣтъ пятнадцать властвовалъ здѣсь спокойно. Насъ-то и послали въ товарищество разобраться, что онъ тутъ набѣдокурилъ. Роясь въ пыльныхъ книгахъ и документахъ, мы безъ особаго труда устанавливаемъ картину сплошной и систематической деморализаціи товарищества.

Взятыя въ ссуду деньги не возвращались лѣтъ по десяти, переписывались только расписки на новый срокъ да уплачивались проценты; въ результатѣ выходило, что заемщикъ на однихъ процентахъ уплачивалъ вдвое болѣе, чѣмъ взялъ въ долгъ, а когда ему эта кабала надоѣдала, онъ и проценты переставалъ платить и начиналъ на всѣхъ перекресткахъ проклинать товарищество. Говорили при этомъ, что въ операціонные дни въ домѣ товарищества всегда царило самое непринужденное веселье, такъ какъ кліенты имѣли непохвальную привычку каждый тащить съ собою ту или иную посудинку, смотря по усердію, каковая и осушалась тутъ общими дружными усиліями. Счетоводство, какъ вещь достаточно скучная, было въ полномъ загонѣ и оказалось страшно запущеннымъ.

Но тутъ живая жизнь преподноситъ намъ неожиданную проблемму. Казалось бы, члены товарищества, которому Корбутъ нанесъ столько трудно-поправимаго зла, должны бы испытывать къ нему если не злобу, то во всякомъ случаѣ чувство далеко не дружественное. Странное, однако, дѣло! Всѣ отзывы о Корбутѣ дышатъ нескрываемой симпатіей къ этому человѣку. Надъ нимъ тяготѣетъ обвиненіе въ растратѣ, а между тѣмъ всѣ отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ безусловно честномъ, и при томъ какъ отзываются— съ тѣмъ горячимъ убѣжденіемъ, которое невольно сообщается и вамъ. Можно бы не повѣрить словамъ, но нужно вѣрить дѣлу: когда Корбутъ съ немалой семьей былъ буквально выброшенъ на улицу (онъ, нужно сказать, жилъ однимъ только бухгалтерскимъ жалованьемъ), жители села Аггеевки — члены товарищества — въ обиліи снабжали его домъ и семью всѣмъ, что нужно для пропитанія. А растрата? Довѣрялъ много,—вотъ и все объясненіе.

Прошлое товарищества окутано дымкой красивой легенды. Еще въ то далекое время, когда никакого мелкаго кредита въ селахъ и въ поминѣ не было, и когда нужно было «уважить» богача за то, чтобы онъ «пожалѣлъ», въ Аггеевкѣ зачѣмъ-то поселился нѣкто Карповъ, сдѣлавшійся потомъ, по открытіи земской школы, первымъ ея учителемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала его жена—живая, умная, веселая; старики и доселѣ помнятъ, что это была женщина ослѣпительной красоты. Въ домикѣ ихъ постоянно было людно и весело, пѣли, спорили, хохотали... Корбутъ былъ у Карповыхъ почти своимъ человѣкомъ. Здѣсь-то и зародилось Аггеевское товарищество. Потомъ какъ-то сразу все оборвалось. Пріѣхали не то жандармы, не то полицейскіе, Карповыхъ увезли съ собой, и они исчезли навѣки. И никто въ Аггеевкѣ не знаетъ, что съ ними сталось. Корбутъ послѣ того лѣтъ пять пользовался преимущественнымъ вниманіемъ со стороны полицейскихъ властей, пока наконецъ несчастная страсть, особенно, говорятъ, прилипчивая къ русскимъ талантамъ, не исказила его нравственнаго облика настолько, что полицейская власть сочла излишнимъ держать его на привилегированномъ положеніи...

III.

Какъ бы для контраста слѣдующимъ послѣ Аггеевскаго товарищества намъ предстояло посѣтить Ипатовское товарищество. Нужно сказать, что это товарищество своею видимою благоустроенностью, которая такъ пріятно бросалась въ глаза при чтеніи его отчетовъ, интересовало меня уже давно.

Въ Ипатовку мы пріѣхали вечеромъ, порядкомъ усталые, такъ какъ пришлось сдѣлать до 80 верстъ. Когда ямщикъ подвезъ насъ къ зданію товарищества, не хотѣлось просто вѣрить, что предъ нами зданіе скромнаго сельскаго кредитнаго учрежденія. За всѣ свои поѣздки я не видѣлъ такого изящнаго, красиваго, стильнаго зданія сельскаго ссудосберегательнаго товарищества. Оно скорѣе напоминаетъ тѣ уютные барскіе особнячки, которыхъ у насъ такъ много въ Петербургѣ на Каменноостровскомъ проспектѣ. Сквозь громадныя окна мягко пробивался свѣтъ лампадки у товарищеской иконы, набрасывая на все зданіе какой-то теплый колоритъ.

Въ селѣ еще не спали. Оставивъ товарища въ «банкѣ» (такъ тутъ всѣ зовутъ эти учрежденія) написать пригласительныя записки членамъ правленія и совѣта, я свезъ наши вещи на общественную квартиру, гдѣ встрѣтилъ очень добродушный пріемъ со стороны хозяина — отставного солдата, который никакъ не могъ помириться съ мыслью, чтобы въ Петербургѣ знали, что существуетъ на свѣтѣ Ипатовка. Давъ необходимыя распоряженія насчетъ чая, я поспѣшилъ въ товарищество. Не замедлили одинъ за другимъ прибыть и члены правленія; при взаимномъ отрекомендованіи выясняется, что они сами установили между собою строгое іерархическое соподчиненіе. Первымъ входитъ бѣлокурый господинъ въ суконной поддевкѣ, съ лицомъ открытымъ и симпатичнымъ, съ ясными, честными глазами и мягкими манерами, рекомендуется такъ: «третій членъ правленія Корнилій Борщъ». Затѣмъ одновременно приходятъ Ѳаддей Дорошенко, поражающій своимъ смѣлымъ, мужественнымъ лицомъ и пронизывающими глазами, и Михей Даниловичъ Зозуля, типичнѣйшая личность, пожилой уже человѣкъ, сильно сгорбленный, съ лицомъ строгимъ и нѣсколько угрюмымъ, прикрывающимъ, какъ оказалось впослѣдствіи, замѣчательное добросердечіе. Дѣлаемъ бѣглый обзоръ книгъ, вынося впечатлѣніе дѣловитой аккуратности, выводимъ балансъ, а затѣмъ приступаемъ къ провѣркѣ кассовой наличности. Ея немало — 19 тысячъ рублей, дѣлится она на оборотную и запасную, одной завѣдуетъ Ѳаддей Дорошенко, другою—Корнилій Борщъ. Такъ и выносятъ изъ кладовой каждый свой сундучокъ, бережно держа его

обѣими руками съ такимъ же трепетнымъ благоговѣніемъ, съ какимъ неплодныя бабы въ кіевскихъ пещерахъ держатъ раку съ нетлѣнными останками убіенныхъ Иродомъ младенцевъ. Провѣрка монеты затягивается до полуночи.

На другой день беремся за детальную провѣрку счетоводства. Михей Зозуля, сидя возлѣ, среди дѣловыхъ объясненій съ обычною угрюмою суровостью разсказываетъ, какъ на его глазахъ (очень умныхъ и зоркихъ глазахъ!) идетъ процессъ обѣднѣнія деревни, какъ народъ нищаетъ и оттого ожесточается, какъ оскудѣваетъ сама природа — мельчаетъ рыба въ рѣкахъ, переводится дичь въ болотахъ. Время отъ времени съ искоркой стариковской заботливости онъ предлагаетъ довольно неожиданные вопросы:

— А вамъ на общественной квартирѣ кушать-то сготовятъ что нибудь?

— А вы не будете обижаться, если мы велимъ тутъ самоварчикъ поставить да чайкомъ васъ угостимъ?

— Нѣтъ, Михей Даниловичъ, обижаться не будемъ. Совсѣмъ даже наоборотъ — будемъ очень рады и благодарны. Признаться сказать, на общественной квартирѣ мы чайничали безъ особаго аппетита, такъ какъ хозяйка однимъ и тѣмъ же полотенцемъ и чайную посуду перетирала, и вытирала гной съ своихъ больныхъ глазъ.

Узнавъ, что слѣдующій день — операціонный (въ большинствѣ товариществъ операціи производятся не ежедневно, а два, три, четыре раза въ недѣлю), мы рѣшаемъ отложить отъѣздъ, чтобы ознакомиться со всѣми подробностями хода этой сельской кредитной машины. Въ самомъ производствѣ операцій нѣтъ ничего особенно интереснаго; какъ и всюду въ банкахъ, принимаютъ деньги, сосчитываютъ, записываютъ, опять отсчитываютъ, выдаютъ, записываютъ. Публика держитъ себя серьезно и дѣловито. Зато чрезвычайно интересны комментаріи, которыми сопровождаетъ эти манипуляціи Михей Даниловичъ Зозуля (мы сидимъ рядомъ).

— Вотъ тамъ сидитъ въ углу Карпъ Степановичъ, — придушеннымъ баскомъ докладываетъ онъ, — видите, темнѣе ночи. Всѣмъ хорошъ былъ хозяинъ, и плательщикъ исправный, да двѣ бѣды сразу настигло: сына взрослаго схоронилъ, пришлось заемныя деньги истратить, а тутъ еще, какъ нарочно, злой человѣкъ пару лошадей угналъ...

....А вотъ это пробирается къ рѣшеткѣ — видите, какъ несмѣло — Данило, по прозванію Корявый; за нимъ ссуды сто рублей значится, а что взять съ него, коли послѣ пожара остался съ семьей чуть ли не въ чемъ мать родила — спасибо на томъ, что живьемъ не сгорѣлъ...

— А вотъ видите, тамъ сидитъ тетка Пелагея (да, вижу: крѣпко сжавъ въ рукѣ сложенный въ комокъ платокъ, она неподвижно

уставилась въ одну точку немигающимъ взоромъ). Не узнать ее, въ два года, какъ осталась вдовой съ пятью дѣтьми малъ мала меньше, старухой сдѣлалась. Взяла было она на подмогу кума Прохора, чтобы велъ хозяйство. Сосѣди давно замѣчали, что дѣло неладно, и покачивали головами, а нѣкоторые пробовали усовѣщивать: Прохоръ, Бога ты не боишься, зачѣмъ обижаешь вдову? Но кумъ Прохоръ Бога не побоялся и въ два года такъ обобралъ горевавшую по мужѣ бабу, что теперь въ клѣти и на гумнѣ, какъ помеломъ выметено. Чисто нааккуратъ.

Тутъ Михей Даниловичъ, спустивъ свой басокъ до шопота, заявляетъ совершенно конфиденціально мнѣ на ухо:

— Теперь, пожалуй, долгъ-то и совсѣмъ безнадежный. Простить ужъ, видно, придется на общемъ собраніи.

И такъ все безъ конца!

Да, вести банковыя операціи въ селахъ не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ въ городахъ, гдѣ къ услугамъ упитанныхъ банковыхъ дѣльцовъ имѣются и нотаріусъ съ протестомъ, и судебный приставъ съ описью. А въ селѣ единственный нотаріусъ—Господь Богъ на небесахъ. А коли Онъ Самъ вмѣсто дождичка послалъ градъ, то на Него вѣдь больше никакому нотаріусу не напротестуешь, и даже жалоба министру не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

IV.

Въ Ипатовкѣ мы разстаемся: товарищъ ѣдетъ по своему маршруту, я—по своему и первымъ дѣломъ посѣщаю Больше-Крутовское ссудосберегательное товарищество.

Село населено старообрядцами, а потому и въ товариществѣ все носитъ какой-то келейный колоритъ. Несгораемый сундукъ помѣщается подъ кіотомъ, украшеннымъ сверху большимъ семиконечнымъ крестомъ. Кромѣ того, въ разныхъ углахъ операціонной комнаты еще три кіота внушительныхъ размѣровъ. Предъ отомкнутіемъ кассы каждый изъ членовъ правленія троекратно осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ съ поясными поклонами. Бухгалтеръ всѣмъ своимъ обликомъ напоминаетъ типичнаго раскольничьяго начетчика. При производствѣ операцій каждый изъ прибывшихъ товарищей сначала истово помолится передъ всѣми кіотами, поздоровается со всѣми, сядетъ, побалагуритъ, а затѣмъ уже вынимаетъ изъ-за пазухи обмотанную платкомъ расчетную книжку съ деньгами. Платежей по ссудамъ не дѣлаетъ никто, вносятъ только проценты. А причиной всему—«столбъ»...

«Столбъ» — это разительнѣйшій примѣръ контраста между теоріей и практикой мелкаго кредита, какой трудно и представить, не столкнувшись съ нимъ на дѣлѣ. А дѣло-то вотъ въ чемъ. Можно

считать болѣе или менѣе доказаннымъ, что въ нашихъ сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществахъ съ земледѣльческой кліентурой пай (т.-е. денежный взносъ при вступленіи въ товарищество) величина болѣе воображаемая, счетная, но не реальная. По непростительной своей беззаботности крестьянинъ записывается членомъ въ товарищество (какъ и мы, грѣшные, въ общество взаимнаго кредита) не въ предвидѣніи того, что ему когда нибудь потребуются деньги для хозяйственнаго оборота, а въ самую критическую минуту, когда его, что называется, поперекъ живота схватило. Какой тутъ можетъ быть разговоръ о паевомъ взносѣ? И вотъ бухгалтеру приходится продѣлывать ту процедуру, которая на дѣловомъ языкѣ извѣстна подъ названіемъ — вычетъ паевого взноса изъ ссуды. Т.-е. паевой взносъ не поступаетъ наличными деньгами, а удерживается изъ выдаваемой ссуды. Въ нѣкоторыхъ товариществахъ, особенно, гдѣ директоръ-распорядитель пососбразительнѣе, этотъ вычетъ достигаетъ величины довольно полновѣсной: сколько угодно бываетъ примѣровъ, что на 30 р. ссуды удерживаютъ въ пай 10 рублей. При этомъ обязательно удерживаются впередъ проценты по ссудѣ, да еще какіе нибудь особые взносы въ запасный капиталъ. И не должно нисколько удивляться, если заемщикъ, подписавши обязательство по ссудѣ на 50 р., получаетъ на руки рублей 30 съ мелочью. И выходитъ, что за ссуду онъ фактически уплачиваетъ не 10—12%, а 18—20% годовыхъ. Вотъ онъ, дешевый и доступный кредитъ!

По старымъ уставамъ ссуды не выдавались больше, какъ на девять (иногда даже шесть) мѣсяцевъ. Конечно, чрезъ 6—9 мѣсяцевъ уплатить всю ссуду нечего было и думать. И вотъ начинается та канитель, которая на дѣловомъ языкѣ извѣстна подъ именемъ переписки долга. По большей части, бываетъ такъ, что въ первые сроки даже денегъ на уплату процентовъ не хватитъ, и бухгалтеръ приписываетъ ихъ къ долгу. Но не будемте пессимистами и понадѣемся, что хоть проценты заплачены. Все-таки капитальный долгъ переносится на слѣдующую очередь. Когда мысль свыкнется съ долгомъ, и онъ перестанетъ уже тревожить совѣсть, то какъ-то само собою не хочется его уплачивать. И вотъ раза два въ годъ членъ направляетъ стопы свои въ товарищество, уплатитъ проценты и перепишетъ долгъ на слѣдующій срокъ. Случается, однако, что заемщику вдругъ потребуется небольшая сумма (5—10 руб.) на какую нибудь экстренную потребность. Идетъ онъ не куда иначе, какъ въ товарищество, получаетъ, сколько нужно, и обязательно уплачиваетъ взятое въ срокъ. Такая маленькая ссуда называется прибавкой, добавкой. А вотъ та первоначальная ссуда, посредствомъ которой членъ товарищества пригвоздилъ себя къ своему банку навѣки свято и нерушимо,—она-то и называется «столбомъ».

Дѣйствительно, эта ссуда—крѣпко вбитый столбъ. Расшатать

его не подъ силу крестьянину. Много рукъ бралось за этотъ трудъ, нѣкоторые дѣятели мелкаго кредита коллективными усиліями пробовали хоть сдвинуть его съ мѣста, да такъ, кажется, и не удалось.

Попробовалъ было и я однажды побесѣдовать съ товарищами о необходимости разъ навсегда прикончить съ этимъ ненавистнымъ столбомъ. Но какъ разъ въ ту минуту, когда я разсказывалъ о привлекательности правильной постановки ссудной операціи, мнѣ живо представилась сценка изъ «Плодовъ просвѣщенія», какъ Вово Звѣздинцевъ убѣждаетъ мужиковъ «сѣять мяту. По тысячѣ рублей съ десятины слупить можно»,—прельщаетъ онъ хлѣборобовъ. На что 2-й мужикъ, какъ извѣстно, резонно отвѣтилъ: «ты поди, поворочай горбомъ, напросишься потомъ мяты-то». Такъ я и не окончилъ тогда своей рацеи, и не возобновлялъ ея и при послѣдующихъ визитахъ въ товарищества.

Какъ бы то ни было, а въ Больше-Крутовскомъ товариществѣ даже члены правленія и совѣта не только ничего слышать не хотятъ объ искорененіи переписки, но даже враждебно относятся къ поданной мною мысли—уничтожить нелѣпое ограниченіе въ уставѣ, по которому число членовъ не должно быть болѣе 500 человѣкъ,—нелѣпое для села, въ которомъ насчитывается далеко больше десятка тысячъ жителей. Товарищество, видимо, кулачковатое (такое явленіе далеко не рѣдкость въ области мелкаго кредита). Свое посѣщеніе товарищества я, какъ водится, закрѣпляю особымъ актомъ, мы торжественно прочитываемъ его и подписываемъ, что̀ всегда представляетъ собою процедуру довольно комичную. Толкаясь и сопя, члены правленія и совѣта поочередно вооружаются довольно непривычнымъ для себя орудіемъ—перомъ, старики заимствуются другъ у друга очками, бухгалтеръ уродливымъ ногтемъ проводитъ на бумагѣ рѣзкую черту, указывающую, гдѣ нужно учинить рукоприкладство, и я слышу его совѣты отчетливымъ шопотомъ: «куда лѣзешь — держи лѣвѣй». На всю эту процедуру я гляжу не безъ тревоги, какъ бы не залили бумагу чернилами. Но вотъ опасность миновала, я прячу актъ въ портфель, выслушиваю неизмѣнныя при разставаніи дружескія пожеланія общимъ хоромъ. А чрезъ полчаса — опять почтовый шарабанъ и безконечная пѣсня колокольчика, и я, по подобію Акакія Акакіевича, засыпавшаго съ мыслью — а что-то Господь Богъ пошлетъ завтра переписывать — начинаю загадывать: а какое-то будетъ товарищество въ Кремневкѣ?

А ничего: оказывается, товарищество совершенно благополучное. Незадолго передъ моимъ пріѣздомъ его забрали въ свои руки люди ловкіе, смѣтливые и въ коммерческомъ дѣлѣ очень свѣдущіе. Предсѣдатель совѣта—агентъ страхового общества, помощникъ директора-распорядителя имѣетъ собственную мастерскую бричекъ и

выглядитъ такимъ довольнымъ и веселымъ, членъ совѣта имѣетъ мастерскую вѣялокъ, человѣкъ хожалый вплоть до Петербурга, гдѣ онъ побывалъ на кустарной выставкѣ. По книгамъ вижу, что вся эта братія довольно рѣшительно берется даже за искорененіе переписки. Одно только не совсѣмъ хорошо: новыхъ членовъ они, видимо, подбираютъ себѣ подъ-стать, деревенской же бѣдноты совершенно чуждаются. Храню, однако, свои подозрѣнія про себя, и мы разстаемся друзьями. . . . .

. . . .

V.

До села Кобылянки остается еще около 60 верстъ, и этотъ путь въ три перегона я дѣлаю на другой день безъ особаго напряженія. Тѣмъ не менѣе, поспѣваю къ цѣли путешествія уже позднимъ вечеромъ. Какъ разъ въ этотъ день хозяйка вздумала вымазать глиной довольно маленькую «общественную квартиру», и я застаю ее за окончаніемъ этой операціи. Отдохнуть негдѣ, приходится сразу же пѣшешествовать въ товарищество. Коренастый хозяинъ любезно вызывается проводить меня въ помѣщеніе правленія, заранѣе предупреждая, что итти придется далеконько— версты двѣ. Къ счастію еще, грязи нѣтъ. Все время пути насъ эскортируетъ съ оглушительнымъ лаемъ отрядъ собакъ, стремительно выскакивающихъ изъ-за каждой подворотни и провожающихъ до слѣдующей, гдѣ на смѣну охрипшаго отряда вылетала новая стая. По дорогѣ посѣщаемъ «расправу» (такъ на югѣ не безъ юмора называютъ зданіе волостного правленія), чтобы распорядиться о приглашеніи членовъ правленія.

Вотъ наконецъ и Кобылянскій «банкъ». Простая крестьянская изба, въ которой для производства операцій снимается одна комната съ платой не то два, не то три рубля въ мѣсяцъ. Зажигаютъ маленькую лампочку, въ которой сразу же открывается забавный капризъ: если захочешь прибавить въ ней огня, она начинаетъ насмѣшливо мигать, а затѣмъ тухнуть, такъ что регулировать силу свѣта приходится съ помощью иголки. Усилія наши увѣнчиваются успѣхомъ, и я, наконецъ, могу подробно осмотрѣть «операціонный залъ».

Первымъ дѣломъ бросается въ глаза обиліе дешевыхъ иконъ съ затѣйливыми фигурками, вылѣпленными изъ воска и привѣшенными на яркоцвѣтныхъ лентахъ, какъ и во всякой крестьянской хатѣ на югѣ. Но вотъ и кредитные аксессуары: типичный ссудосберегательный сундукъ (я уже заранѣе знаю, что при поворотѣ ключа въ замкѣ раздастся невѣроятный звонъ и трескъ, своего рода доморощенная сигнализація), разбитые конторскіе счеты

на большомъ деревянномъ столѣ, ножки котораго плотно вбиты въ земляной полъ, а со стѣны глядятъ на меня задумчивые, какъ бы усталые глаза князя А. И. Васильчикова (извѣстнаго дѣятеля по мелкому кредиту), портретъ котораго вы встрѣтите во всѣхъ почти ссудосберегательныхъ товариществахъ.

Дверь открывается, впуская струю холоднаго воздуха, и появляются члены правленія. Рекомендуемся взаимно, я предъявляю свои вѣрительныя грамоты. Предо мною простые, симпатичные мужички, глядятъ просто, говорятъ смѣло и довѣрчиво. Побесѣдовавши минутъ десять de rebus gestis et quibusque aliis, приступаемъ къ дѣлу.

Какъ я и ожидалъ, сундукъ при отомкнутіи оретъ не своимъ голосомъ, точно въ какомъ-то ужасѣ; одинъ изъ членовъ правленія проворно извлекаетъ изъ глубины содержимое и раскладываетъ на столѣ. Вотъ книги, вотъ тощенькій «портфель обязательствъ», какая-то связка бумагъ, вотъ еще книги—и все.

— Какъ? А гдѣ же деньги, капиталы?

— Кассы мы тутъ не держимъ, — заявляетъ директоръ-распорядитель Никифоровъ. — Опасно: могутъ украсть. Мы хранимъ ее въ «расправѣ» въ особомъ сундукѣ.

— Ну, ладно, по дорогѣ зайдемъ, провѣримъ.

Чтобы не терять времени, прошу Никифорова заняться балансомъ, самъ принимаюсь за подсчетъ расписокъ. И то, и другое въ полчаса готово (Кобылянское товарищество, несмотря на двадцатилѣтній возрастъ, совсѣмъ еще маленькое). Заглядываю въ лицевые счеты и вижу, что въ товариществѣ — голая, неприкрытая переписка долговъ въ теченіе ряда лѣтъ. Дѣлюсь этимъ своимъ открытіемъ съ членами правленія.

— Да, да,—просто заявляетъ Никифоровъ,—у насъ сплошная переписка.

— Почему же вы не требуете, чтобы заемщики погашали долги?

— Мы-то говоримъ членамъ, да никто платить не хочетъ. Спасибо еще хоть проценты приносятъ, да и то не всѣ. Уже лѣтъ десять,—прибавляетъ онъ послѣ небольшого молчанія,—какъ долговъ не платятъ.

— Но вѣдь не можетъ это вѣчно продолжаться? Такимъ путемъ вы вѣдь ведете товарищество къ закрытію, къ ликвидаціи?

— Та̀къ оно, вѣроятно, и будетъ,— спокойно соглашается Никифоровъ.

Вотъ, извольте. Какъ тутъ прикажете вести инструкціонную бесѣду (а это тоже входитъ въ мою задачу) съ человѣкомъ, который и самъ хорошо видитъ всю глубину паденія товарищества, нисколько не возражаетъ, что переписка есть зло, что она подтачиваетъ и разъѣдаетъ товарищескій организмъ, и который прямо

вамъ заявляетъ о своемъ безсиліи бороться съ этимъ зломъ, потому что на пути стоитъ какая-то непреодолимая, темная сила, противъ которой ничего не подѣлаешь.

Было уже поздно приниматься вплотную за это дѣло, да и усталость давала себя чувствовать. Нужно было, однако, провѣрить еще кассовую наличность, и мы гурьбой направились въ «расправу».

Въ присутственной комнатѣ въ волостномъ правленіи (расправѣ тожъ) во всю ширину разостлана была куча соломы, на которой въ самыхъ непринужденныхъ позахъ раскинулись нѣсколько «дядьківъ», ведущихъ мирную бесѣду. Нашъ необычный визитъ въ столь позднюю пору взбудоражилъ всѣхъ. Главный сторожъ-дідъ ночевалъ въ отдѣльной комнаткѣ, запершись тамъ извнутри. Комната, какъ оказалось потомъ, наполнена была заржавѣлыми сундуками самыхъ причудливыхъ фасоновъ, гдѣ хранились всевозможные капиталы: волостные, сельскаго общества, вспомогательной кассы, сиротскіе, товарищества и пр. Десять здоровенныхъ кулаковъ заработали въ дверь, подкрѣпляемые усерднымъ крикомъ: діду, видчыниитъ! Панъ прыйшовъ!—Дідъ, видимо, предавался уже сладкому отдыху, потому что не сразу послышался его примирительный возгласъ изъ-за двери, точно изъ подземелья: «та не кричить, чую». Мы вошли въ кладовую и въ присутствіи всѣхъ дядьківъ совершили священнодѣйствіе провѣрки кассы. Вышелъ только пустой обрядъ, занявшій ровнымъ счетомъ двѣ минуты времени, ибо въ сундукѣ оказалось всего на всего 50 съ чѣмъ-то рублей.

Пора и на отдыхъ. Пробираясь чрезъ спавшее село на квартиру, я рѣшилъ, что задачу свою могу считать исчерпанной. Очевидно, приходится констатировать полный упадокъ дѣлъ товарищества и предложить уплатить—конечно, съ всевозможными льготами и отсрочками—остатокъ казеннаго долга. Не скрою, что на этотъ пессимизмъ немало вліяла усталость, которую я испытывалъ послѣ мѣсячнаго мыканія по общественнымъ квартирамъ, нерѣдко въ грязи и съ невозможнымъ питаніемъ. Мнѣ хотѣлось поскорѣе добраться до города, гдѣ я разсчитывалъ засѣсть на недѣлю, чтобы нѣсколько отдохнуть, да кстати сплавить въ Петербургъ накопившійся матеріалъ по законченнымъ поѣздкамъ. Потомъ вѣдь предстояло посѣтить еще одну группу товариществъ и пуститься въ такія дебри, гдѣ (какъ оказалось впослѣдствіи) приходилось спать, не раздѣваясь и не снимая даже теплыхъ калошъ. Безнадежная болѣзнь Кобылянскаго товарищества, казалось мнѣ, достаточная причина, чтобы здѣсь не засиживаться.

Когда на столѣ появился весело разбушевавшійся самоваръ, мысли мои сразу какъ-то настроились на болѣе бодрый ладъ, и уже за первымъ стаканомъ этого чуднаго напитка, истинную цѣну

котораго можно познать только въ далекихъ путешествіяхъ по роднымъ медвѣжьимъ угламъ, положеніе Кобылянскаго товарищества начало представляться мнѣ не въ столь безнадежномъ свѣтѣ, какъ въ первый моментъ. Переписка? Но развѣ теоретиками не изобрѣтенъ самый лучшій рецептъ, по которому, какъ говорится въ рекламахъ: «нѣтъ больше сѣдыхъ волосъ». Привлеченіе новыхъ членовъ? За этимъ, очевидно, дѣло не станетъ, потому что въ одной только Кобылянкѣ есть до 15 тысячъ жителей. А деньги всякому нужны. Приливъ вкладовъ?—Тутъ я напрасно роюсь въ памяти—никакого вѣрнаго средства насчетъ вкладовъ еще не изобрѣтено. Во всякомъ случаѣ относительно оборотныхъ средствъ смущаться особенно нечего, они найдутся: въ крайнемъ случаѣ ихъ дастъ казна (т.-е. государственный банкъ), если только товарищество дѣйствительно твердо станетъ на ноги. Вотъ только какъ взяться за дѣло?

Тутъ я вспомнилъ свою бесѣду съ членомъ правленія Никифоровымъ, который такъ охотно соглашался съ тѣми безотрадными предсказаніями, какія я дѣлалъ насчетъ будущности Кобылянскаго товарищества. Когда, возвращаясь на квартиру, я продолжалъ съ нимъ бесѣду о перепискѣ, онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ такъ:

— Видите ли, для насъ ровно ничего не стоитъ потребовать платежа при наступленіи сроковъ. Но что изъ этого выйдетъ? Повѣрьте, тогда не станутъ платить и процентовъ; пожалуй, перестанутъ вовсе являться въ товарищество. Но допустимъ даже — заплатятъ въ эту осень. А дальше? Послѣ новаго года соберется общее собраніе, и насъ всѣхъ троихъ членовъ правленія вытурятъ вонъ за строгость, выберутъ новыхъ болѣе покладистыхъ и начнется сказочка сначала. Намъ проявить строгость —значитъ навѣрняка потерять мѣсто. А вѣдь я кормлюсь этимъ. Вотъ если бы вы попробовали взяться за это дѣло. Мы будемъ въ сторонѣ, а васъ, быть можетъ, и послушаютъ.

Простота и прямизна его словъ еще и тогда подѣйствовали на меня убѣдительно. Въ тонѣ его рѣчи не было и тѣни той насмѣшки, которую безъ труда можно бы вывести изъ логическаго построенія его мыслей: говорить-то, молъ, вы всѣ горазды, а вотъ попробуйте-ка за дѣло взяться сами.

— Почему же, однако, платить не хотятъ?—полюбопытствовалъ я. — Быть не можетъ, чтобы всѣ были совершенно несостоятельные должники.

— Оно, конечно, есть и такіе,—съ обычнымъ невозмутимымъ спокойствіемъ заявилъ Никифоровъ. — А то больше боятся платить...

— Какъ боятся? Чего же тутъ бояться?

— Видите ли, онъ, положимъ, теперь заплатитъ. А дальше что будетъ? Придетъ весна, будутъ нужны деньги. Гдѣ же тогда достать ихъ?

— Какъ гдѣ? Да въ томъ же товариществѣ.

Никифоровъ сначала съ нѣкоторымъ изумленіемъ глядитъ на меня, но потомъ быстро овладѣваетъ собой и пребываетъ въ обычномъ невозмутимомъ спокойствіи. Очевидно, онъ поймалъ смыслъ кажущейся съ перваго взгляда безцѣльной циркуляціи монетъ изъ крестьянскаго кошеля въ товарищескій сундукъ и обратно.

На слѣдующій день съ утра мы засѣли за одну и ту же работу: начали писать заявленія въ волостное правленіе о производствѣ взысканія съ тѣхъ заемщиковъ, которые просрочили платежи болѣе года. Тѣмъ заемщикамъ, которые просрочили платежи въ текущемъ году, мы написали угрожающія письма съ просьбой уплатить въ семидневный срокъ, послѣ чего де деньги будутъ взыскиваться путемъ описи и продажи имущества. Въ числѣ сихъ послѣднихъ заемщиковъ оказался одинъ изъ членовъ правленія, которому мы тутъ же и вручили угрожающее письмо, и уже по тому замѣшательству и сконфуженному виду, съ какимъ онъ воспріялъ этотъ репримандъ, я рѣшилъ, что хоть одинъ платежъ поступитъ навѣрное. Когда всѣ заявленія и письма были готовы, немедленно былъ наряженъ сторожъ съ разносной книгой доставить ихъ по назначенію, а мы, поработавъ еще надъ разными мелочами, разошлись по домамъ.

VI.

Когда «во утрій день» я вошелъ въ помѣщеніе товарищества, тамъ толпилось уже множество народа. Пришли не только всѣ тѣ, кѣмъ были получены повѣстки, но даже тѣ, о которыхъ товарищество вступило въ переписку съ волостнымъ правленіемъ, изъ чего я заключилъ, что нашъ карательный замыселъ получилъ самую широкую огласку.

Выходило какъ будто, что рецептъ подъ этикеткой: «не давайте пощады, или нѣтъ больше переписки!» — вѣренъ, и что оздоровленіе товарищества—самое легкое дѣло.

Нѣтъ, не такъ это просто. На опытѣ приходится убѣждаться, что насколько легкимъ это дѣло представляется въ Петербургѣ, въ мудрыхъ и разсудительныхъ рѣчахъ теоретиковъ, настолько трудно и тяжело исполнять его на мѣстѣ. Упорядочивать товарищество и вырывать съ корнемъ переписку—это нестерпимая пытка для всякаго, кто бы ни взялся за эту задачу.

Члены правленія усаживаются на своихъ привычныхъ мѣстахъ, я тоже подсаживаюсь къ столу. Начинаются операціи. Первою подходитъ баба, подаетъ книжку и пятирублевикъ, очевидно, по старому расчету, на уплату только процентовъ.

— Нельзя,—заявляетъ кассиръ,—теперь новый порядокъ будетъ (тутъ онъ косится на меня), нужно, чтобы вы что нибудь заплатили.

Баба какъ-то сразу всѣмъ корпусомъ поворачивается въ мою сторону. Очевидно, для кліентуры не секретъ, кѣмъ заварена каша. По закону справедливости мнѣ, значитъ, нужно ее и расхлебывать.

— Помылуйте, панôчку,—слышу я тотъ деревенскій, самобытный распѣвъ, которымъ бабы причитаютъ; — ой, бідна моя головонько, а де-жъ мыні взяты стількі грошей!—и дальше слѣдуетъ подробное исчисленіе всѣхъ прорѣхъ ея хозяйства.

Въ поддержку бабы выступаетъ ораторъ изъ публики, очень резонно доказывающій, что государственный банкъ не обѣднѣетъ, если баба не внесетъ части своего долга. Въ томъ же родѣ раздается еще нѣсколько болѣе или менѣе остроумныхъ комментаріевъ, и дѣло проясняется. Моя роль, оказывается, понята очень своеобразно: За Кобылянскимъ, молъ, товариществомъ остается неуплаченнаго долга банку около 3 тысячъ рублей. Случилось такъ, что у государственнаго банка совсѣмъ не стало денегъ, вотъ меня и прислали сюда, чтобы выколачивать долги съ кобылянскихъ дебиторовъ!

Я начинаю разсказывать, что вовсе не для того пріѣхалъ, чтобы взыскивать долги для банка. А если ужъ на то пошло, то долженъ сказать, что у государственнаго банка денегъ очень много, такъ что, пожалуй, кобылянскія деньги ничего для него не составляютъ. Взысканіе это дѣлается не для банка, а для самихъ же кобылянцевъ, чтобы былъ источникъ, откуда весною можно было бы вновь выдавать ссуды нуждающимся.

Не знаю, убѣдились ли моими доводами, но вижу, что среди присутствующей публики водворяется уже иное настроеніе—дѣловитое. Ну, что жъ, коли надо платить, будемъ платить, вопросъ только, сколько платить. Пробую назначить пятую часть долга, но сразу вижу, что это много (хотя такъ именно предписываетъ теорія). Слышу заявленія, что нынче и земскій начальникъ потребовалъ платежа въ волостную кассу, но взялъ только десятую часть долга, при чемъ какой-то старый дѣдъ, мигая слезящимися глазами, пускается по этому поводу строить политическія конъюнктуры: «щи воно таке—чы то грошей въ казні мало стало, чы що, що з насъ теперъ такъ тягнуть тай тягнуть. Докечкі воно се буде!»

Нечего, однако, дѣлать, приходится мириться съ 10% погашенія, о большемъ кобылянскіе кооператоры и слышать не хотятъ. Но и эту сумму не всѣ полностью вносятъ, то и дѣло не додаютъ рубль, полтинникъ, восемь гривенъ и заявляютъ при этомъ рѣшительнымъ тономъ: «ей-Богу, більшъ нема, хоть ріжте мене», не забывъ для окончательной убѣдительности стукнуть себя кулакомъ въ грудь.

Кобылянское товарищество было послѣднее въ томъ гнѣздѣ крестьянскихъ кредитныхъ учрежденій, которыя мнѣ поручено было

изслѣдовать. «Съ отрадой, многимъ незнакомой», взобрался я на почтовую бричку, чтобы ѣхать на станцію желѣзной дороги, а затѣмъ—въ одинъ изъ крупныхъ южно русскихъ городовъ.

Передъ тѣмъ, какъ разстаться съ этими южными крестьянскими товариществами, считаю неизбѣжнымъ коснуться одного кардинальнаго вопроса: что же, великую ли пользу приносятъ народу эти товарищества? Хотя видѣлъ я немало всякихъ товариществъ и размышлялъ о семъ вопросѣ предовольно, но и до сихъ поръ не чувствую въ себѣ смѣлости съ полной убѣжденностью дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Иногда мнѣ кажется дѣломъ смѣшнымъ пускаться въ метафизическія тонкости, когда всякому должно быть ясно, что веревка есть вервіе простое. Всѣ голоса мѣстныхъ дѣятелей сходятся единодушно въ томъ, что эти товарищества приносятъ народу большую пользу. Но червь сомнѣнія не перестаетъ точить меня. Гдѣ же видимые, ощутительные результаты этой пользы? Всѣ крестьяне тоже въ одинъ голосъ заявляютъ, что двадцать лѣтъ назадъ имъ жилось не въ примѣръ легче, чѣмъ теперь. Странно: двадцать лѣтъ назадъ еще не было товарищества и въ поминѣ, и тогда было хозяйствовать легче, а теперь, когда почти всѣ домохозяева имѣютъ возможность пользоваться благодѣяніями кредита, помогающаго, какъ говорилъ одинъ краснорѣчивый финансистъ, приблизить полную чашу къ устамъ жаждущаго,—теперь стало много труднѣе! Полная чаша все дальше и дальше убѣгаетъ отъ запекшихся крестьянскихъ устъ...

Далѣе, возьмемъ взаимныя отношенія между образцово поставленнымъ товариществомъ въ Таврической губерніи и его кліентомъ—совершенно исправнымъ домохозяиномъ. Взялъ такой домохозяинъ полную ссуду въ товариществѣ, ни копейки не размоталъ изъ нея, все вложилъ въ свое хозяйство. Пришло лѣто, собралъ онъ урожай, продалъ хлѣбъ и расплатился съ товариществомъ чистоганомъ. А недѣльки чрезъ двѣ уже опять нужно итти въ товарищество, помаленьку залѣзать въ долгъ, который къ апрѣлю—маю выростетъ въ кругленькую сумму. Реализованъ урожай, хозяинъ честь-честью разсчитался съ товариществомъ, а тамъ, глядишь, опять старая исторія. И такъ десятокъ и болѣе лѣтъ тянется. Наростаетъ ли за это время уровень зажиточности хозяина, расширяется ли его хозяйственный оборотъ? Ни то, ни другое: слѣдуя обще-русскому закону, уровень зажиточности его понижается, хозяйственный оборотъ сокращается, все труднѣе и труднѣе становится ему быть исправнымъ плательщикомъ предъ товариществомъ, все короче и короче промежутокъ времени между погашеніемъ долга и взятіемъ новой ссуды. Стало быть, выходитъ какъ будто такъ, что учрежденіе мелкаго кредита нисколько не помогало народу, что оно давало только призрачную возможность вре-

менно положить заплату на какой-то зіяющей прорѣхѣ, которая продолжаетъ все дальше расползываться; или еще хуже, что оно косвенно, незамѣтно, но вѣрно подтачивало достатокъ крестьянина и вело его къ злосостоянію.

Но и это была бы неправда.

Мнѣ кажется, вотъ какъ будетъ правильнѣе разрѣшить этотъ вопросъ.

Всѣмъ намъ приходилось когда-то рѣшать извѣстную затѣйливую задачу о бассейнѣ съ двумя кранами. Если изъ бассейна вода будетъ убывать чрезъ широкій кранъ, а вливаться чрезъ тоненькую трубочку, то очевидно уровень воды въ бассейнѣ будетъ все время понижаться.

Нашей деревнѣ и нашему крестьянству приходилось въ болѣе сильной степени, чѣмъ всякой другой средѣ, испытывать на себѣ гибельное воздѣйствіе той старой системы, которую у насъ не особенно остроумно называютъ «полицейскимъ режимомъ». Та «черная неправда», въ которой мы такъ долго жили и отъ которой теперь не совсѣмъ умѣло стремимся избавиться, самымъ тяжелымъ камнемъ давила крестьянина. И аграрное неустройство, и односторонность финансовой политики, и невѣжество народное, и безправіе—да развѣ можно пересчитать громадное число тѣхъ крановъ, при посредствѣ которыхъ опустошался бассейнъ народнаго благосостоянія? И наивно было бы думать, что та слабая струйка хозяйственной помощи, которая вливалась чрезъ посредство учрежденій мелкаго кредита, можетъ вознаградить убыль народно-хозяйственныхъ силъ, разоряемыхъ и расхищаемыхъ съ бѣшенствомъ ненасытной жадности. Спасибо и за то, что учрежденія эти хоть чуточку ослабляли процессъ народнаго обнищанія.

Если предыдущія посылки вѣрны, то можно установить слѣдующій условный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ: да, наши товарищества принесли и приносятъ пользу въ томъ отношеніи, что безъ нихъ крестьянину жилось бы еще тяжелѣе, безъ нихъ крестьянство еще быстрѣе катилось бы внизъ, въ эту ужасную пропасть конечнаго обнищанія и разоренія...

Ровный, протяжный звукъ фабричнаго гудка прерываетъ мои размышленія; вглядѣвшись вдаль, я вижу, какъ на бѣлой пеленѣ снѣга вырисовываются острые силуэты фабричныхъ трубъ, изъ которыхъ, клубясь и извиваясь, высоко поднимаются полоски дыма. Это —городъ Александровскъ. Звукъ этотъ пріятно волнуетъ меня, какъ отголосокъ иной, болѣе шумной, говорливой, а главное болѣе беззаботной жизни. Подъѣхавъ къ вокзалу, забираю, какія есть въ кіоскѣ, газеты и сажусь въ вагонъ... Бьетъ третій звонокъ...

К. I. Храневичъ.

Н. Θ. ЩЕРБИНА.

> На служеніе мысли высокой,
> На служеніе правдѣ я взросъ...
>
> Щербина.

НЕ ЗАНИМАЯ особенно значительнаго мѣста въ русской литературѣ, не стоя въ тѣсной органической связи съ ея идейнымъ историческимъ ходомъ, Щербина принадлежитъ къ ея dii minores, но среди нихъ является однимъ изъ первыхъ. Щербина не былъ великимъ поэтомъ, эпохи не сдѣлалъ, но есть въ немъ что-то «надвременное», что составляетъ душу поэзіи; всего написаннаго имъ, конечно, не будутъ читать впослѣдствіи, но кое-что изъ его произведеній будетъ жить всегда въ родной литературѣ. Не умретъ память о немъ, какъ о жгучемъ и язвительномъ сатирикѣ, какъ о мыслителѣ, стремившемся постигнуть вѣковѣчныя тайны бытія и цѣли жизни, художникѣ, душа котораго жила среди нашего бѣднаго красотою быта зачарованная, убаюканная роскошными образами эллинскаго міра. «Мало оцѣненный критикой при жизни, — писалъ о немъ Г. П. Данилевскій («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., январь, стр. 36),—Щербина и послѣ своей смерти не дождался еще вполнѣ вѣрной и безпристрастной оцѣнки». Между тѣмъ, литература наша не настолько ужъ богата талантами, чтобы крупное дарованіе Щербины могло оставаться въ тѣни безъ существеннаго ущерба для нея, и забывать такого поэта, скажемъ прямо, признакъ грубаго, самаго некультурнаго отношенія къ тому, что должно быть пред-

метомъ бережнаго и любовнаго вниманія. Щербина теперь почти забытъ, но, впрочемъ, это явленіе временное: еще вернутся къ «поэту любви и красоты», какъ онъ самъ себя назвалъ.

Главные факты, составляющіе внѣшнюю канву жизни Николая Ѳеодоровича Щербины, сообщены имъ самимъ въ небольшой автобіографической замѣткѣ, написанной за нѣсколько дней до смерти. Родился Щербина 2 декабря 1821 г. въ степномъ помѣстьѣ своей матери, Грузко-Еланинскомъ, Міусскаго округа, области войска Донского, въ 60-ти верстахъ отъ Таганрога. Отецъ его былъ изъ дворянъ Харьковской губерніи, а мать по происхожденію принадлежала къ дворянству области войска Донского. Когда ему минуло восемь лѣтъ, родители его поселились въ Таганрогѣ. Въ этомъ городѣ, населенномъ греками, совсѣмъ почти не обрусѣвшими (такими они оставались долго, какъ можно судить по воспоминаніямъ А. П. Чехова, — «Историческій Вѣстникъ», 1904 г., — который рисуетъ Таганрогъ 60 — 70-хъ г.г. прошлаго вѣка), маленькій Щербина ознакомился съ греческимъ языкомъ и, можетъ быть, нѣкоторыми греческими традиціями. Греческому вліянію нетрудно было воздѣйствовать на Щербину, благодаря текшей въ его собственныхъ жилахъ долѣ греческой крови: родная бабка его, со стороны матери, была природная гречанка, переселившаяся въ Таганрогъ изъ Мореи еще въ царствованіе Екатерины II. Недаромъ впослѣдствіи Щербину въ извѣстной злобной эпиграммѣ на него (А. Н. Плещеева, Н. А. Сѣверцова, А. Г. Тихменева и друг.) называли: «полухохолъ и полугрекъ»; свой «Альбомъ ипохондрика» онъ приписалъ «греку Николаки Омега», этимъ же именемъ онъ иногда подписывалъ свои статьи и эпиграммы. Правда, меркантильная греческая среда, близъ которой росъ въ Таганрогѣ Щербина, обучавшійся въ училищѣ и потомъ въ гимназіи, не была той средой, гдѣ могли образоваться душа и умъ ребенка. Щербина писалъ въ 1843 или 1844 г. о таганрогскихъ грекахъ: «Вы не узнаете въ нихъ грека, который чувствомъ красоты, сознаньемъ гордымъ человѣка взрастилъ нетлѣнные цвѣты... Нѣтъ! Въ этихъ пасынкахъ Эллады Терситъ презрѣнный оживленъ, они за рубль продать вамъ рады свой вѣковѣчный Парѳенонъ!»... Однако, можно думать, что и въ Таганрогѣ были въ обширной колоніи греческихъ изгнанниковъ люди, которые помнили и, можетъ быть, сами переживали годы героической борьбы съ турецкимъ гнетомъ, разсказывали впечатлительному мальчику о безумныхъ подвигахъ клефтовъ, пѣли ему пѣсни далекой родины,—и въ душѣ впечатлительнаго ребенка нашло себѣ откликъ то «чувство красоты», которое создало божественные, «нетлѣнные цвѣты» эллинской культуры, зрѣла готовность всего себя отдать на «тревожное служенье предъ идеаломъ красоты», какъ выразился Ѳ. И. Тютчевъ въ посвященномъ Щербинѣ стихотвореніи. Въ гимназіи Щербина прилежно занимался

греческимъ языкомъ и, не довольствуясь гимназическимъ курсомъ, бралъ частные уроки, желая изучать греческихъ классиковъ въ подлинникѣ. Уже первое его произведеніе—поэма «Сафо», которую онъ писалъ тринадцать лѣтъ и впослѣдствіи уничтожилъ,— носило на себѣ печать влеченія къ эллинскому міру. Щербина былъ еще гимназистомъ, когда появились въ первый разъ въ печати его стихи; это былъ сонетъ «Къ морю» («Сынъ Отечества», 1838 г., т. III, ч. 2, стр. 99). Стихотвореніе это, болѣе не перепечатывавшееся Щербиною, довольно слабо; модная тогда (оно помѣчено 1837 г.) бенедиктовщина оставила на немъ свой слѣдъ: море «облака волнами подпираетъ», его «буйное плесканье и жемчугомъ, и думою кипитъ», самъ поэтъ «небесною мечтою воскрыленъ». Авторъ подписался подъ нимъ не Щербиною, а Щербининымъ, какъ видно, считая свою фамилію, очень часто встрѣчающуюся на югѣ, тривіальной и, пожалуй, не поэтическою. Одинъ его юношескій опытъ въ драматическомъ родѣ сохранился среди его бумагъ, хранящихся въ Императорской Публичной бимліотекѣ—«Ксанѳо, новогреческая драма съ прологомъ (эскизъ)». Содержаніе ея таково. Бѣдная дѣвушка Ксаноо выходитъ замужъ за богатаго молодого человѣка, противъ воли его родителей, которые желали бы женить сына на богатой, и попадаетъ въ семью мужа. Бѣдной невѣсткой всячески помыкаютъ, издѣваются надъ нею на каждомъ шагу и отравляютъ ей жизнь. Мужъ отказывается тогда отъ поддержки родителей и уходитъ съ Ксанѳо изъ отцовскаго дома. Супруговъ преслѣдуетъ жестокая нужда; мужъ Ксанѳо уѣзжаетъ куда-то искать счастья и возвращается лишь черезъ десять лѣтъ. Ни Ксанѳо, ни ихъ маленькій сынъ не узнаютъ въ пришельцѣ близкаго имъ человѣка, который не спѣшитъ открыть себя; чужеземцу удается для чего-то соблазнить Ксанѳо, которая на другой день отравляетъ соблазнителя, оказывающагося ея долгожданнымъ мужемъ, и отравляется сама. Развита эта раздирающая тема очень слабо, вполнѣ по-дѣтски, съ наивной серьезностью; герои говорятъ необыкновенно высокопарнымъ языкомъ; добродѣтельные люди въ этой пьесѣ бѣлы, какъ снѣгъ, а злые черны, какъ уголь. «Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, — расказываетъ о себѣ Щербина, — поѣхалъ учиться частнымъ образомъ въ Москву, а оттуда въ Харьковъ, гдѣ черезъ четыре года поступилъ въ университетъ. По тяжелымъ житейскимъ обстоятельствамъ, въ которыя впали мои родители, я вынужденъ былъ выдержать экзаменъ на учителя и преподавать въ деревняхъ у помѣщиковъ. По временамъ возвращался въ Харьковъ и занимался преподаваніемъ въ женскихъ пансіонахъ. Въ это время я печаталъ свои стихотворенія въ мѣстныхъ литературныхъ сборникахъ и въ нѣкоторыхъ столичныхъ журналахъ, а также и статьи въ прозѣ». Щербина печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1841 г.), «Москвитянинѣ» (1845—1846 г.г.). Въ харьковскомъ аль-

манахѣ «Молодикъ», который издавалъ И. Ю. Бецкой въ 1843 и 1844 г.г., мы находимъ цѣлый рядъ стихотвореній Щербины, подписанныхъ фамиліей или псевдонимомъ («Фата-Моргана», ***, С. Будиміровичъ). Среди этихъ стихотвореній немало плохихъ; особенно не удавались Щербинѣ стихи въ народномъ вкусѣ, подражанія народнымъ пѣснямъ. Лучшія изъ стихотреній Щербины—тѣ, которыя внушены югомъ, навѣяны духомъ Греціи; въ Щербинѣ уже опредѣлялся ясно поэтъ антологическихъ мелодій. Часть этихъ стихотвореній, конечно, лучшая, была впослѣдствіи внесена Щербиной въ собранія его стиховъ. Къ этому же времени (1843 г.) относится большая статья его: «Новогреческія пѣсни», напечатанная потомъ въ «Маякѣ» 1844 г., прекрасное изслѣдованіе о народной пѣснѣ новыхъ грековъ, показывающее, какъ хорошо былъ знакомъ Щербина съ греческой литературой и какъ глубоко проникся духомъ эллинизма. Г. П. Данилевскій разсказываетъ, что Щербина, въ бытность студентомъ Харьковскаго университета, терпѣлъ горькую нужду, писалъ за гроши проекты проповѣдей для семинаристовъ, искавшихъ священническихъ мѣстъ, и спалъ подъ такимъ изодраннымъ одѣяломъ, что его ноги выглядывали сквозь прорѣхи. Когда онъ приходилъ къ одному знакомому, нищенски одѣтый, закутанный въ какіе-то невозможные шарфы, слуга не могъ распознать по внѣшности его пола и докладывалъ о немъ своему барину: «Щербина пришла», очевидно, принимая его за женщину («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., январь, стр. 35). Мы не знаемъ проповѣдей, которыя заказывали Щербинѣ семинаристы, но, судя по дошедшимъ до насъ его «Аттестатамъ студіозусамъ семинаріи», онъ великолѣпно зналъ славянскій языкъ и семинарскій и вообще духовный бытъ, и ему были очень близко знакомы такія тонкости бурсацкой науки, какъ «лѣпорѣчивые періоды, казусныя синекдохи и хріи, какъ порядочныя, тако автопіанскія и превращенныя, велелѣпная ораторская конклюзія, яже на концѣ ораціи полагается, сочетаваясь съ витіеватою интродукціею», и тому подобные цвѣты и плоды «вертограда словесности» семинарской. Къ годамъ молодости Щербины, годамъ нужды и скитаній по кондиціямъ, нужно отнести испытанную имъ любовь, оставшуюся безъ взаимности и бывшую для его сердца, жаждавшаго тепла и привѣта, источникомъ долгихъ страданій; слѣдъ этой любви сохранился въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, которыхъ Щербина нигдѣ не напечаталъ.

Окончить университетскій курсъ Щербинѣ не удалось. Въ 1849 г. онъ переѣхалъ изъ Харькова въ Одессу. Здѣсь онъ издалъ сборникъ своихъ стиховъ, положившій начало его извѣстности: «Греческія стихотворенія Николая Щербины. Одесса. Въ типографіи Л. Нитче. 1850» (цензурное дозволеніе отъ 3 августа 1849 г.). «Греческія стихотворенія» произвели огромное впечатлѣ-

ніе. О нихъ съ большой похвалою отозвались А. В. Дружининъ въ «Современникѣ», А. Н. Майковъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», О. И. Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія»; явились рецензіи и въ «Сынѣ Отечества» и «Москвитянинѣ». Щербина сразу прославился, какъ поэтъ свѣтлыхъ, пластическихъ образовъ, и извѣстность его съ тѣхъ поръ уже не возрастала, а только утверждалась. Въ «Греческихъ стихотвореніяхъ» онъ проявилъ свой талантъ во всей его красѣ и зрѣлости, и врядъ ли впослѣдствіи его философскія раздумья и отклики на современныя ему политическія событія могли стать выше его антологическихъ стихотвореній. Къ «Греческимъ стихотвореніямъ» Щербина присоединилъ небольшое послѣсловіе (op. cit., 91—98; оно помѣчено: «Одесса, января 10 дня 1850»). Въ немъ Щербина объясняетъ, почему назвалъ свой сборникъ «Греческими стихотвореніями», и открываетъ, что̀ именно привлекло его къ греческому міру. «Греція,—говоритъ онъ,—какъ представительница молодости человѣчества, во всѣхъ возрастахъ его найдетъ къ себѣ сочувствіе... Мотивы, взятые изъ древнегреческаго міра, никогда не могутъ быть анахронизмами... Все частное, временное, случайное умерло съ Греціей; истинное же, вѣчное, общечеловѣческое передано намъ и живетъ у насъ или подъ другими формами, или въ дальнѣйшемъ развитіи. Вотъ источникъ, изъ котораго появляются въ новомъ искусствѣ подражанія искусству древнему, или воспроизведенія, созданныя изъ стихій этого міра. Они будутъ всегда интересными и новыми, если на нихъ увидятъ печать самобытной личности поэта, если они согрѣты будутъ его паѳосомъ и огнемъ таланта, питаемаго елеемъ науки и поставленнаго уже по своей природѣ на точку эллинскаго воззрѣнія на міръ... Въ антологическомъ родѣ поэзіи мы привыкли, большею частью, видѣть скульптурное или живописное начало, перенесенное въ средства слова, гдѣ не только созерцаніе, но и самая мысль становится изваяніемъ, картиной, разумѣется, мысль, по содержанію своему способная воплотиться въ такую форму»... «Греческія стихотворенія» дѣйствительно отмѣчены «самобытной личностью поэта», свѣжестью и неподдѣльной искренностью чувства красоты. Книжка снабжена двумя эпиграфами; словами Шиллера поэтъ взываетъ къ эллинской древности: «Гдѣ ты, прекрасный міръ? Воскресни вновь!»..., словами Мишлэ скорбитъ о невозвратномъ прошломъ, которое человѣчество всегда будетъ вспоминать, какъ «первую любовь». Щербина выступилъ послѣ довольно долгаго затишья въ поэзіи, въ которой до того царила бенедиктовщина съ ея ложнымъ, напускнымъ паѳосомъ, надуманными эпитетами, насильственно пристегиваемыми къ словамъ, со всѣмъ ея трескучимъ фейерверкомъ. Отъ «Греческихъ стихотвореній» пахнуло на читателя настоящимъ талантомъ, искреннимъ, молодымъ, сильнымъ,

и появленіе этой книжки было настоящимъ событіемъ. Редакторъ перваго посмертнаго изданія «Стихотвореній Н. А. Некрасова» (т. IV, Спб., 1879, часть вторая, стр. XXIV) разсказываетъ, что, «не допуская посредственныхъ стихотвореній въ свой журналъ, «Современникъ» считалъ неловкимъ печатать стихи одного изъ своихъ издателей (т.-е. Некрасова); такимъ образомъ, въ 1848, 1849 и восьми мѣсяцахъ 1850 г. въ «Современникѣ» не явилось ни одной строки Некрасова. Появленіе цѣлой книжки «Греческихъ стихотвореній» Щербины послужило первымъ толчкомъ къ появленію вновь стиховъ въ журналахъ». Въ Россіи явился свой Андрэ Шенье. Та же жгучая, пламенная привязанность къ древнему міру, та же пластичность, та же картинность. Правда, Шенье изящнѣе, нѣжнѣе Щербины, образованнѣе его; въ стихахъ Шенье описательная сторона богаче; древность была ему, если не такъ понятна духовно, какъ Щербинѣ, во всякомъ случаѣ болѣе знакома, и внѣшняя обстановка у него ярче, но зато у Щербины крѣпче внутренняя связь съ древнимъ міромъ, теплѣе чувство, больше проникновенія духомъ эллинизма, несмотря на то, что у него кое-гдѣ въ спокойный, строгій пластицизмъ антологіи врывается иной запросъ человѣка XIX столѣтія, образуя своего рода анахронизмъ. Въ нищемъ оборванномъ, харьковскомъ студентѣ жила душа аѳинскаго эвпатрида; это понялъ Ѳ. И. Тютчевъ, когда писалъ о Щербинѣ: «Такъ узникъ эллинскій порою, забывшись сномъ среди степей, подъ скиѳской вьюгой снѣговою, свободой бредилъ золотою и небомъ Греціи своей».

Критика не только расхвалила Щербину за его «Греческія стихотворенія», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внимательно разобрала книжку. Отмѣтивъ цѣлый рядъ недостатковъ и анахронизмовъ въ чувствѣ и міровоззрѣніи, Дружининъ говоритъ: «Мы смѣло причисляемъ Щербину къ числу замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ и даемъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ между тѣми изъ нихъ, которые еще пишутъ въ наше время. Уступая нѣкоторымъ изъ нихъ въ многосторонности, авторъ «Греческихъ стихотвореній» далеко ихъ превосходитъ своимъ познаніемъ древней жизни и горячимъ, живымъ сочувствіемъ къ ея поэзіи. Что у нихъ носитъ печать одной начитанности и раздраженія гдѣ-то захваченной мысли, у Щербины становится элементомъ понятнымъ и существеннымъ... Авторъ умѣетъ цѣнить идею красоты и даже прилѣпился всею душою къ этой возвышенной идеѣ, которую никакія бури неспособны изгладить изъ души правильно развитаго человѣка... Особенность поэта состоитъ въ независимости отъ древняго міра»... Впослѣдствіи Дружининъ полусерьезно, полушутя гордился тѣмъ, что сумѣлъ по достоинству оцѣнить Щербину, что «первый привѣтствовалъ аттическую музу Щербины, будто взросшую подъ яснымъ небомъ Греціи, убаюканную вспле-

сками зеленоводнаго Эгейскаго моря» («Сочиненія» А. В. Дружинина, VI, 465). Сухой и черствый О. И. Сенковскій, хваля поэта, все же не нашелъ въ его антологическихъ стихотвореніяхъ особенно сильнаго развитія эллинскаго элемента и слѣдовъ эллинскаго міросозерцанія, т.-е., собственно говоря, отказалъ музѣ Щербины въ ея главномъ и притомъ неоспоримомъ достоинствѣ, которое такъ вѣрно и справедливо отмѣтилъ Дружининъ. Рецензентъ «Сына Отечества» посвятилъ «Греческимъ стихотвореніямъ» тоже хвалебную, но не глубокую статью и не призналъ за музою Щербины ни значительной глубины мысли, ни современнаго интереса, другими словами, не нашелъ у Щербины того, чего поэтъ и не думалъ дать. Анонимная рецензія «Москвитянина» вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Щербины, что у грековъ «первымъ искусствомъ сдѣлалась пластика,—отсюда и преобладаніе пластической точки зрѣнія во всѣхъ проявленіяхъ жизни народа, пластицизмъ религіи грековъ, пластицизмъ во всѣхъ искусствахъ, въ живописи, въ поэзіи... Въ каждомъ изъ этихъ видовъ искусства былъ разгулъ пластицизму, этому стремленію всякую вещь, всякую мысль, изображаемую краской ли, словомъ ли, передать осязаемо, т.-е. представить ее какъ бы выпуклою, какъ бы изваянною рѣзцомъ... Въ области поэзіи болѣе всего поражаютъ своею пластичностью стихотворенія антологическія... Таковы и стихотворенія Щербины». Критикъ обратилъ вниманіе на даты подъ стихотвореніями: 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848 г.г., и такъ какъ всѣхъ стихотвореній въ книжкѣ тридцать шесть, справедливо заключая, что это служитъ доказательствомъ, что поэтъ строгъ къ себѣ самому и печататься не спѣшитъ. Дѣйствительно, изъ напечатанныхъ въ «Молодикѣ» пьесъ Щербины вошли въ его сборникъ немногія; остальныя, какъ слабыя, поэтъ забраковалъ, имѣя въ виду не количество пьесъ, а качество ихъ. «Греческія стихотворенія»—очень изящная, небольшая книжечка, въ 98 страницъ, стоила она полтора рубля серебромъ, и разошлась очень быстро. 29 ноября 1850 г. Щербина писалъ («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., январь, 40): «Греческія стихотворенія» всѣ у меня раскуплены книгопродавцами; я не имѣю ихъ ни одного экземпляра, требуется второе изданіе».

Интересно замѣтить, что суровая рука тогдашней строгой цензуры коснулась даже безмятежно-спокойныхъ антологическихъ мотивовъ Щербины. Изъ стихотворенія «Невольная вѣра» одесскій цензоръ, профессоръ Ришельевскаго лицея, К. П. Зеленецкій, исключилъ два показавшіеся ему «опасными» стиха: «Только слышишь: «свобода, свобода!» пролепечетъ листокъ съ вѣтеркомъ», хотя поэтъ говоритъ тутъ не о той политической свободѣ, которая всегда пугала цензоровъ, а о чувствѣ духовной свободы, оторванности отъ мелочного и пошлаго, которое овладѣваетъ склонной къ со-

зерцательности натурою на лонѣ природы; къ тому же эти стихи были напечатаны въ «Москвитянинѣ» 1846 г. Предъ богинею любви, которую Щербина воспѣлъ въ стихотвореніи: «Афродитѣ-Ураніи», цензоръ не позволилъ ему повергнуться ницъ, «какъ грѣшникъ предъ святыней», и «вольное» сравненіе пришлось замѣнить точками. Пластичность стиха, изящество формы, жаръ вдохновенія обратили на себя вниманіе читателей; «Уединеніе», «Греческая ночь», «Туника и поясъ», «Герой», «Сказки», «Эллада» принадлежатъ къ лучшимъ стихотвореніямъ въ сборникѣ, да и вообще лучшимъ у Щербины. Съ необыкновенной силой выражена любовь Щербины къ античному міру въ «Элладѣ»: «Окружена широкими морями, въ тѣни оливъ покоится она, развалина, покрытая гробами, въ ничтожествѣ великая страна. Я съ корабля сошелъ при блескѣ ночи, при ропотѣ таинственномъ валовъ... Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи: я чувствовалъ присутствіе боговъ»... Эту связь съ древностью онъ выразилъ и въ стихотвореніи «Воспоминаніе» (1853 г.): «Все, что меня съ младенчества плѣняло, въ чемъ видѣлъ я родство съ моей душой, гдѣ сердце послѣ бурь житейскихъ отдыхало,—о Грецiя, все связано съ тобой!... Прими же мой привѣтъ отъ любящаго сына!» Въ «Путешествіи въ Грецію» (того же года) поэтъ восторженно говоритъ о возлюбленной странѣ: «Истокъ живой и колыбель искусства, откуда свѣтъ познанія возникъ, гдѣ облеклось въ прекрасный образъ чувство, и истина нашла себѣ языкъ». И тутъ же поэтъ скорбитъ, предчувствуя, что не суждено ему увидѣть Элладу: «Въ слезахъ любви на жребій свой ропщу я: мнѣ не сойти въ Пиреѣ съ корабля... Нѣтъ, никогда тебя не посѣщу я, любимая мечты моей земля!» Щербинѣ не пришлось побывать въ Греціи, и не даромъ извѣстная остроумная карикатура Н. А. Степанова подтруниваетъ надъ бѣднымъ пѣвцомъ Эллады, «аѳинянином Петербургской стороны», осужденнымъ на петербургскомъ морозѣ «на воронъ и на будку глядѣть, да на чухонъ античныя лица».

Недолго пробылъ Щербина въ Одессѣ. Здѣсь онъ бывалъ частымъ гостемъ въ домѣ Льва Сергѣевича Пушкина, брата великаго поэта; Левъ Сергѣевичъ служилъ членомъ одесской таможни (въ Одессѣ онъ и умеръ 19 іюля 1852 г.), и его гостепріимная, радушная семья считалась однимъ изъ лучшихъ домовъ въ Одессѣ; бывалъ у него, посѣщая Одессу, и Н. В. Гоголь. Льву Сергѣевичу Щербина посвятилъ стихотвореніе «Счастье». Б. М. Маркевичъ разсказалъ, какъ однажды Левъ Сергѣевичъ показывалъ Щербинѣ рукописи своего покойнаго брата, и съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ Щербина на дорогія реликвіи, освященныя именемъ великаго поэта («Русскій Вѣстникъ», 1888 г., № 9, стр. 427—430). Левъ Сергѣевичъ представилъ Щербину другу своего покойнаго брата, поэту князю Петру Андреевичу Вяземскому, и это знаком-

ство потомъ очень пригодилось Щербинѣ. Въ Одессѣ же Щербина познакомился въ сентябрѣ 1850 г. въ театрѣ съ Г. П. Данилевскимъ и Я. П. Полонскимъ, который, какъ и Щербина, недавно сдѣлался извѣстнымъ, благодаря своему сборнику стиховъ, подъ названіемъ «Гаммы». Г. П. Данилевскій («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., январь, стр. 33—35) разсказываетъ объ остроуміи Щербины, его находчивости, его рѣзкости, съ которой онъ насмѣхался надъ собравшимся въ театрѣ разношерстнымъ одесскимъ обществомъ. Данилевскій описываетъ и наружность Щербины. «Это былъ ниже средняго роста человѣкъ, смуглый, съ большими черными выразительными глазами и въ черныхъ длинныхъ, тщательно причесанныхъ кудряхъ. Ему было лѣтъ подъ тридцать, онъ нѣсколько заикался. На его шеѣ, на снуркѣ, висѣла золотая лорнетка». Тогда же Щербина близко сошелся съ одесскимъ талантливымъ писателемъ, О. А. Рабиновичемъ, который впослѣдствіи своимъ еженедѣльникомъ «Разсвѣтъ» (1860—1861 г.г.) положилъ основаніе русско-еврейской журналистикѣ; познакомились они еще въ Харьковѣ, когда оба были двадцатилѣтними юношами. Рабиновичъ помогалъ изданію «Греческихъ стихотвореній», которое, по его словамъ, стоило ему немало хлопотъ и волненій («День», органъ русскихъ евреевъ, 1869 г., № 7; «Сочиненія О. А. Рабиновича», т. III, изданіе общеста «Трудъ», Одесса, 1888, стр. 417—420). Въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа Рабиновича «Калейдоскопъ» нетрудно узнать Щербину; въ 1860 г., пріѣхавъ въ Одессу, Щербина большую часть времени проводилъ у Рабиновича.

Успѣхъ «Греческихъ стихотвореній» открылъ Щербинѣ возможность печататься въ лучшемъ тогдашнемъ русскомъ журналѣ— «Современникѣ», и уже въ 1850 г. онъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько стихотвореній; продолжалъ Щербина печататься въ этомъ журналѣ и впредь въ 1851, 1856, 1859 и 1860 г.г. Осенью 1850 г. Щербина переѣхалъ въ Москву, гдѣ опредѣлился на государственную службу—въ губернское правленіе, помощникомъ редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Этому скромному мѣсту Щербина былъ очень радъ послѣ тѣхъ горькихъ мытарствъ, которыя перенесъ онъ въ поискахъ куска хлѣба. Полное тоски и скорби замѣчаніе на вѣковѣчную тему: «о бѣдность, бѣдность, какъ унижаетъ сердце намъ она!» набросано имъ въ одной изъ черновыхъ тетрадей. Его артистическая натура жаждала широкой, вольной жизни, богатой наслажденіями, а приходилось довольствоваться сѣренькой, безотрадной дѣйствительностью и смирять свои буйные порывы. Въ ноябрѣ 1850 г. Щербина писалъ Г. П. Данилевскому: «Я очень доволенъ, что наконецъ-таки добился до исполненія своего желанія—вступить въ казенную службу, которая одна только даетъ человѣку постоянное и вѣрное обезпеченіе въ жизни, а частныя занятія такъ непостоянны и непрочны. Это я испыталъ на

себѣ»!.. «Состоя на службѣ, Щербина въ то же время давалъ уроки дѣвицамъ изъ высшаго московскаго общества, участвовалъ въ «Москвитянинѣ» и печаталъ стихи въ разныхъ столичныхъ журналахъ. Въ «Москвитянинѣ» 1852 г. (январь) явилось двѣнадцать «новыхъ греческихъ стихотвореній» его. По поводу ихъ А. В. Дружининъ сдѣлалъ вполнѣ вѣрное заключеніе: «Было легко замѣтить, что въ послѣдніе два года Щербина почти не изучалъ древнихъ писателей, не знакомился съ подробностями того міра, который одинъ при постоянномъ изученіи можетъ дать обильный матеріалъ поэту и подвинуть его впередъ... Потому вымыселъ его будто обѣднѣлъ, и поэтъ изъ богатаго рудника извлекаетъ однѣ мелкія крупицы золота, и какъ часто къ этому золоту примѣшаны посторонніе минералы!» Критикъ совѣтовалъ Щербинѣ работать надъ развитіемъ своего таланта: изучать науку и сосредоточиваться въ себѣ самомъ. «И если бы всѣмъ изъ насъ, трудящихся людей, наука могла улыбаться такъ, какъ она улыбается автору «Греческихъ стихотвореній»! Для него древній міръ не есть полинявшая рукопись, въ которой каждую букву надо угадывать съ напряженіемъ,—онъ можетъ угадывать эту жизнь сердцемъ, брать изъ нея только лучшія и блистательнѣйшія стороны и понимать Грецію въ трудахъ ея лучшихъ сыновъ!» Дѣйствительно нужно признать, что Щербина, словно опьяненный успѣхомъ своего одесскаго сборника, забросилъ изученіе древности, забывая, что талантъ необходимо шлифовать трудомъ, что способность проникаться духомъ древности надо поддерживать и питать изученіемъ ея. Впослѣдствіи, по смерти Щербины, Т. И. Филипповъ даже утверждалъ, что Щербина никогда не изучалъ въ подлинникѣ греческихъ авторовъ. («Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго славянскаго общества», Спб., 1888 г., стр. 11—14; «Сборникъ Т. Филиппова», Спб., 1896 г., стр. 287—293). Это, конечно, невѣрно; греческіе эпиграфы къ стихотвореніямъ и выписки изъ греческихъ авторовъ въ черновыхъ тетрадяхъ поэта опровергаютъ слова Филиппова, но, во всякомъ случаѣ, если бы Щербина зналъ древность такъ, какъ ему слѣдовало бы ее знать, это ярко отразилось бы въ его произведеніяхъ, и такія мнѣнія, какъ мнѣніе Т. Филиппова, не могли бы даже возникнуть ни въ чьей головѣ. Нѣсколько стихотвореній Щербины находимъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1851, 1854, 1855 («Пѣсни о природѣ») и 1856 г.г. («Ямбы и элегіи»). Цѣлый рядъ стихотвореній напечаталъ Щербина въ «Москвитянинѣ».

Подъ вліяніемъ группировавшагося около редакціи «Москвитянина» славянофильскаго кружка, Щербина сталъ внимательно изучать русскую народность, собирать и записывать пѣсни изъ устъ самого народа и полюбилъ народную музыку. Впослѣдствіи, путешествуя за границей, Щербина пропагандировалъ въ музыкальныхъ и литературныхъ сферахъ русскую національную пѣсню. 22 фе-

враля 1855 г., собираясь переѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, Щербина пишетъ Г. П. Данилевскому: «Въ Петербургѣ буду собирать книги по части русской исторіи, русской старины, русской археологіи, народности и русской филологіи»... Въ мартѣ 1855 г. Щербина переѣхалъ въ сѣверную столицу и вновь поступилъ на службу—чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, князѣ П. А. Вяземскомъ. Судя по напечатанному Г. П. Данилевскимъ («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., январь, 56) письму князя П. А. Вяземскаго къ П. В. Зиновьеву, Щербина въ концѣ того же года подумывалъ объ обратномъ переѣздѣ въ Москву и хотѣлъ поступить на службу по Московскому университету—либо при университетской библіотекѣ, либо при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей». Переводъ этотъ не состоялся, и Щербина остался въ Петербургѣ. Здѣсь Щербина издалъ въ 1857 г. «Полное собраніе» своихъ стихотвореній, въ двухъ томахъ. Подъемъ въ Россіи общественнаго самосознанія заставилъ уже раньше русскаго читателя обратить вниманіе на проникнутые гражданской скорбью и благороднымъ негодованіемъ «Ямбы и элегіи» Щербины. Вся читающая Россія знала его уже не только, какъ антологическаго поэта, но и какъ пѣвца-гражданина, и повторяла его стихотворенія: «Къ поэту», «Женщинѣ», «Признаніе пророка», «Солнцу», «Ямбъ», «Иронія», «Пѣсня вѣка». Когда появилось «Собраніе стихотвореній» его, оно было встрѣчено восторженными отзывами критики. Слѣдуетъ отмѣтить рецензіи «Современника» (1857 г., мартъ), «Московскихъ Вѣдомостей» (В. Ѳ. Корша), «Сына Отечества» (В. Р. Зотова), «Библіотеки для Чтенія». Рецензентъ «Современника» указалъ на то, что Щербина самъ замкнулъ себя въ античныя одежды, въ которыхъ слишкомъ тѣсно современному человѣку, и только тогда и бываетъ искрененъ, простъ и хорошъ, когда освобождается отъ сковывающихъ его талантъ цѣпей теоріи. Дѣйствительно, «греческіе» мотивы были у Щербины естественны и прекрасны въ первую пору развитія его таланта; потомъ онъ переросъ ихъ, и возвращеніе къ нимъ только вредило ему. «Намъ случалось,—говоритъ критикъ,—слышать сомнѣніе въ томъ, сохранилась ли сила и свѣжесть этого таланта послѣ «Греческихъ стихотвореній». Критикъ, устраняетъ это сомнѣніе, выписывая три стихотворенія Щербины и говоря: «такія вещи можетъ писать только человѣкъ съ истиннымъ и сильнымъ талантомъ», и предсказываетъ, что Щербина, «занимающій и нынѣ почетное мѣсто между поэтами, долженъ стать гораздо выше, когда рѣшится дать просторъ своимъ живымъ влеченіямъ»; критикъ видитъ «развитіе человѣка въ поэтѣ»: «онъ не можетъ не быть гуманенъ, не можетъ не сочувствовать живымъ вопросамъ современности».

Это же «сочувствіе живымъ вопросамъ современности» звучитъ въ предисловіи «Отъ издателя», которое предпослалъ Щербина

своему «Сборнику лучшихъ произведеній русской словесности», вышедшему въ 1858 г. Издатель былъ «убѣжденъ, что эстетическое развитіе большинства личностей есть одна изъ важнѣйшихъ сторонъ развитія общества, а въ особенности по отношенію его къ народной нравственности и самосознанію... И правъ ораторъ, сказавшій въ своей рѣчи о Торвальдсенѣ, что «прекрасное—такая же чудная и высокая сила, какъ истина и правосудіе». Нельзя, конечно, сказать, что у Щербины не было достаточно изящнаго вкуса; довольно взглянуть на перечень помѣщенныхъ имъ въ «Сборникѣ» стихотвореній Пушкина, чтобы видѣть, съ какимъ чутьемъ и вкусомъ Щербина успѣлъ выбрать изъ пушкинскаго изобилія поражающихъ красотою стихотвореній дѣйствительно лучшія. И при такомъ несомнѣнномъ художественномъ тактѣ и пониманіи поэзіи Щербина оказался настолько неразборчивъ, что помѣстилъ въ «Сборникѣ» нѣсколько совсѣмъ посредственныхъ стихотвореній, въ родѣ: «Ты ль это, Машенька? Тебя ли вижу я?» Коренева, или «Я все еще стараюсь какъ нибудь»... Стилезова. Тѣмъ не менѣе, «Сборникъ» Щербины составленъ прекрасно, выборъ стихотвореній сдѣланъ съ бóльшимъ вкусомъ, чѣмъ во всѣхъ новѣйшихъ сборникахъ, въ родѣ изданныхъ П. Я. или г. Сальниковымъ.

Выпустивъ изданіе своихъ стихотвореній и «Сборникъ лучшихъ произведеній русской словесности», Щербина продолжалъ изучать русскую народность. Въ 1858 г. Щербина опять былъ въ провинціи. Онъ писалъ Г. П. Данилевскому 27 мая 1858 г.: «Все ѣзжу изучать Великую Русь на мѣстѣ, въ сердцѣ ея народности. Жилъ въ Костромской, Тверской и Московской губерніяхъ, а теперь ѣду въ Владимирскую губернію». 10 сентября 1858 г. Щербина пишетъ ему же: «Я былъ во Владимирской губерніи, ѣздилъ по деревнямъ, жилъ съ народомъ, изучалъ великорусскую народность, собиралъ народныя пѣсни, изучалъ русскую исторію и древности, потомъ былъ въ деревняхъ Московской губерніи, потомъ жилъ въ Москвѣ». Въ 1860 г. Щербина опять, по своему обыкновенію, ѣздилъ по Россіи. Вотъ записанный имъ краткій маршрутъ его поѣздки: «Проѣхалъ Волгу на пароходахъ отъ Твери до Астрахани... Жилъ въ Нижнемъ, въ Астрахани, потомъ изъ Царицына поѣхалъ землею Донскихъ казаковъ, достигъ Азовскаго моря и оттуда пароходомъ объѣхалъ порты Азовскаго моря, Крымское побережье; изъ Ялты до Севастополя проѣхалъ горною дорогою; изъ Севастополя опять на пароходѣ отправился въ Одессу. Изъ Одессы поѣхалъ въ Харьковъ и въ Москву, въ Нижній Новгородъ, откуда ужъ отправился домой, въ Петербургъ». Въ 1861 г. Щербина отправился въ заграничное путешествіе. Впечатлѣнія свои онъ передалъ въ «Путевыхъ наброскахъ русскаго лѣнивца и ипохондрика», записанныхъ въ тетради, которую подарилъ «поэту Щербинѣ на

счастье и память» князь В. Ѳ. Одоевскій. Щербина тогда положительно бредилъ русской народностью, и въ его «Путевыхъ запискахъ» бросаются въ глаза черты самаго крайняго національизма. Западъ пришелся ему не по душѣ. «У Парижа,—говоритъ онъ,—всѣ средства, чтобъ отъ него были въ восторгѣ хлыщи, пустозвоны и верхогляды. Парижъ—это красота внѣшней цивилизаціи и варварство внутренняго міра»... Подъ вліяніемъ такихъ мыслей Щербина жилъ въ Парижѣ, словно въ Россіи, вращаясь въ русскомъ обществѣ, посѣщая семью Кологривовыхъ, Т. П. Пассекъ, графа Ѳ. П. Толстого, знаменитаго гравера и медальера, иллюстрировавшаго греческія стихотворенія Щербины. Въ Парижѣ Щербина написалъ статью: «Медальонъ графа Ѳ. П. Толстого въ память освобожденія крестьянъ» («Современная Лѣтопись», 1861 г., № 16, стр. 10—11; о той же медали Щербина помѣстилъ статью во французскомъ журналѣ «Le Nord»). Описывая медаль Толстого, Щербина радуется мирной ликвидаціи созданныхъ крѣпостнымъ правомъ отношеній и выражаетъ надежду, что русскому народу суждено сказать и свое новое слово міру, внести въ общее движеніе новыя, непочатыя еще, освѣжающія силы и свои прирожденныя духовныя богатства вложить въ общечеловѣческую сокровищницу... Что великорусскій народъ необыкновенно даровитъ, доказательство тому,—возвращается Щербина къ своей излюбленной темѣ,—между прочимъ, богатѣйшій его языкъ, слова и музыка его пѣсенъ; ибо чего нѣтъ въ душѣ народной, того не можетъ явиться въ словѣ и въ звукѣ, какъ въ прямомъ выраженіи духовныхъ средствъ и данныхъ»... «Видѣлся,—записываетъ онъ въ своихъ дорожныхъ замѣткахъ,—съ русскими художниками, распространялъ русскія народныя пѣсни... Слава русской великой пѣснѣ»... Въ Неаполѣ Щербина вовсе не восхищался великолѣпіемъ южной природы: «на сѣверѣ больше красоты»,—писалъ онъ. Поэтъ античнаго міра остался довольно холоденъ къ реликвіямъ древности, которыми наполнена Италія; сердце пѣвца греческихъ мелодій не забилось особенно учащенно, когда онъ посѣтилъ развалины Помпеи. Онъ признается: «Убитое, позабытое античное чувство, замѣнившееся русскимъ народнымъ чувствомъ, вновь, хоть глухо, воскресло во мнѣ... Да здравствуетъ Русь, полная надеждъ, и безнадежный, но прекрасный древній міръ!» Любуясь въ Ватиканѣ статуей Аполлона, поражающаго Пиѳона, поэтъ «чувство русское больнѣе въ крови сердца ощущалъ» («Бельведеръ»). Въ Неаполѣ онъ вспоминалъ «наши пажити и нивы—безрубежныя поля, ширь и глубь души народной», и поздравлялъ русскаго человѣка, который «пережилъ свой тяжкій рокъ» и сбросилъ крѣпостныя цѣпи («Здѣсь текутъ стихи природы»...), «Гладіаторъ въ Капитоліи», въ которомъ Щербина узналъ «черты родныя, славянскія черты», посылаетъ «славянскому народу передъ смертію свой мраморный за-

вѣтъ: сознай свою духовную природу, о богатырь, проспавшій столько лѣтъ». Въ Баденъ-Баденѣ Щербина замѣчаетъ: «Въ самомъ безобразіи русскихъ такъ много кипучей жизни... Видно, что это племя еще молодое, исполненное пока дикихъ силъ... Будущее—наше... Все стараюсь о распространеніи русской народной пѣсни»... Побывалъ Щербина и въ Англіи. Тамошніе дожди и туманы были ему «отрадны», потому что напоминали Россію: «лишь они мнѣ здѣсь родные, лишь отъ нихъ мнѣ есть привѣтъ: я въ нихъ вижу много, много русской осени примѣтъ» («Лѣто на островѣ Уайтѣ»). Даже на берегахъ лазурнаго Лаго Маджіоре поэтъ тосковалъ по Россіи: «о, какъ бы я хотѣлъ отсюда убѣжать и къ братьямъ кинуться въ объятья со слезами, ихъ небомъ пасмурнымъ и вьюгами дышать, глухими ихъ страданьями страдать и пѣть о нихъ сострастными стихами!» («Въ уединеніи»). Нѣкоторыя изъ этихъ «Русскихъ пѣсенъ на чужбинѣ» появились въ слѣдующемъ году въ московскомъ еженедѣльникѣ «День», который издавалъ И. С. Аксаковъ.

Въ томъ же 1861 г. въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» Щербина напечаталъ статью о сборникѣ научнаго и нравственнаго характера для народнаго чтенія: «Опытъ о книгѣ для народа». Великій знатокъ народа, Ѳ. М. Достоевскій, не соглашаясь съ нѣкоторыми частностями, вообще одобрилъ проектъ задуманнаго Щербиною «Читальника» для народа и высказалъ полное сочувствіе его мыслямъ («Полное собраніе сочиненій Ѳ М. Достоевскаго», изд. А. Ф. Маркса, Спб., 1895 г., т. IX, ч. I, «Критическія статьи», IV, «Книжность и грамотность», статья вторая). Какъ писалъ Щербина 2 октября 1862 г. Г. П. Данилевскому («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., январь, 51 — 52), «Читальникъ» предназначался имъ «какъ для народнаго чтенія вообще, такъ и для всякаго рода простонародныхъ школъ, въ смыслѣ настольной книги для всесторонняго чтенія, объяснительнаго, развивающаго и сообщающаго разнообразныя, нужныя въ извѣстномъ быту свѣдѣнія»... «Я тянулся, — пишетъ Щербина,—на него изъ своего жалованья, стѣснялъ себя во всемъ, единственно имѣя въ виду пользу страстно-любимаго и изучаемаго мною великорусскаго простонародья... Платилъ я деньги и за нѣкоторыя спеціальныя статьи, которыхъ неоткуда взять, или по совершенно чуждому мнѣ отдѣлу знаній... Словомъ, много издерживался и терпѣлъ поэтому много скрытой, глухой, незнаемой никѣмъ нужды, прикрывая все это приличной, comme-il-faut-ною внѣшностью... Все дѣлаю самъ, никто мнѣ не помогаетъ и не обращаетъ вниманія на настоятельную, вопіющую потребность подобной книги въ настоящее время»... По тому же вопросу народнаго образованія Щербина напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1863 г. (іюнь, стр. 831 — 858) статью «О народной грамотности и распространеніи просвѣщенія въ на-

родѣ»; въ ней онъ указалъ будущую роль еще не открытыхъ тогда земскихъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Благодаря занятіямъ русской исторіей, Щербина пріобрѣлъ въ этой области большія знанія; любопытенъ именно съ научно-исторической стороны, не менѣе, чѣмъ съ художественно-эстетической, его разборъ драматической хроники А. Н. Островскаго «Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ», напечатанный въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1862 г. «Читальникъ», который составлялъ Щербина, вышелъ въ 1865 г., подъ названіемъ: «Пчела, сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи». (При жизни составителя вышли три изданія, въ 6, 8 и 10 тысячахъ экземпляровъ; теперь ихъ около десятка). Въ «Пчелѣ» много богословскаго, историческаго, беллетристическаго матеріала, немало свѣдѣній практическаго характера. Щербина весьма заботился о ея распространеніи, жертвовалъ ее въ народныя школы. Вообще, его любовь къ народности не осталась, какъ у большинства нашихъ «народолюбцевъ», въ области чувства, но перешла въ дѣло: «Пчела» была одной изъ самыхъ полезныхъ народныхъ книгъ.

Послѣднія нѣсколько лѣтъ своей жизни Щербина нечасто возвращался къ стихамъ. Какъ можно судить по его бумагамъ, хранящимся въ Императорской Публичной библіотекѣ, цѣлый рядъ произведеній, которыя онъ задумалъ и для многихъ изъ которыхъ приготовилъ планы, остался неосуществленнымъ. Не дремала только его сатирическая муза, все увеличивавшая и увеличивавшая число враговъ этого гордаго человѣка, который вообще никогда не умѣлъ «устраиваться» и пріобрѣтать симпатіи въ разныхъ вліятельныхъ литературныхъ кружкахъ. Кромѣ того, онъ писалъ рецензіи и критическія статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, составлялъ ежедневное «Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ» для представленія государю императору (на эту должность онъ былъ назначенъ послѣ того, какъ годъ проходилъ безъ мѣста, оставшись послѣ преобразованія министерства народнаго просвѣщенія за штатомъ) и представлялъ въ академію наукъ рецензіи на сочиненія, авторы которыхъ добивались уваровской преміи. Въ 1864 г. Щербина заболѣлъ горловой болѣзнью; врачи совѣтовали ему оставить Петербургъ и переѣхать на югъ, но поэтъ медлилъ. Болѣзнь почти лишила его голоса, а онъ только трунилъ надъ собою и въ «Эпиграммѣ на самого себя» предлагалъ себя на сцену, въ замѣстители пѣвца Маріо. Письма его къ С. Н. и Е. Н. Шубинскимъ, у которыхъ онъ провелъ лѣто 1866 г. на дачѣ въ Старой Руссѣ, исполнены жалобами на болѣзненное состояніе, подъ вліяніемъ котораго, конечно, онъ написалъ тамъ нѣсколько злыхъ и желчныхъ эпиграммъ. Щербина не принималъ серьезныхъ мѣръ противъ своей болѣзни, она медленно и вѣрно дѣлала свое злое дѣло, и поэту становилась все хуже. Лишь въ мартѣ 1869 г. онъ сталъ хлопо-

тать о переводѣ на службу на югъ, въ Одессу. Князь П. А. Вяземскій и министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ оказали ему содѣйствіе; онъ былъ назначенъ въ распоряженіе новороссійскаго генералъ-губернатора, графа П. Е. Коцебу, и при этомъ ему было испрошено денежное пособіе на переѣздъ въ Одессу. 22 марта онъ писалъ брату и сестрѣ («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., января, 55): «думаю года на два переселиться въ Одессу, меня только и лѣчитъ теплый климатъ». Все къ отъѣзду было готово, но не суждено было Щербинѣ увидѣть благодатный югъ. Ему предлагали не уѣзжать, покуда онъ не подвергнется операціи, но онъ не соглашался. 10 апрѣля консиліумъ хирурговъ предложилъ ему согласиться на немедленную операцію, чтобы избавиться отъ душившаго его полипа въ горлѣ, но онъ опять отказался, и въ тотъ же день болѣзнь задушила его. 13 апрѣля прахъ Н. Ѳ. Щербины былъ перевезенъ изъ его маленькой квартирки (въ четвертомъ этажѣ дома Карачаровой, въ Поварскомъ переулкѣ, на углу Колокольной улицы) на Ново-Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры и преданъ землѣ близъ могилъ А. С. Даргомыжскаго и А. Н. Сѣрова.

Полнаго изданія сочиненій Щербины еще не существуетъ; лучшее изданіе его произведеній, выпущенное въ 1873 г. редакціей «Русской Старины», давно уже стало библіографическою рѣдкостью и нечасто попадается у букинистовъ. Наша критика занималась Щербиною очень мáло, во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ этотъ замѣчательный поэтъ заслуживаетъ. Причина этой непопулярности лежитъ отчасти въ нѣкоторой неопредѣленности и расплывчатости политическихъ взглядовъ Щербины, а также въ его личномъ характерѣ. Въ литературѣ, какъ и вообще въ жизни, для успѣха мало одного таланта: нужно еще умѣть сходиться съ полезными людьми, ладить съ критиками. Этого умѣнья у Щербины не было; у него было слишкомъ много враговъ, которыхъ онъ наживалъ своими эпиграммами. Въ политическомъ отношеніи Щербина не примыкалъ ни къ какой партіи, или, говоря точнѣе, ни одна изъ нихъ не признавала своимъ этого тяжелаго, непріятнаго на первый взглядъ человѣка. Понять и оцѣнить его могъ не всякій. Одинъ изъ его пріятелей, А. А. Солнцевъ, писалъ послѣ его смерти Г. П. Данилевскому («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., январь, 56—57): «Его напускная мизантропія и желчные сарказмы не закрывали отъ меня его прекрасныхъ и благородныхъ качествъ души. Онъ со мною часто говорилъ по-человѣчески и далъ мнѣ себя близко узнать». Такъ же отзывается о немъ близко знавшій его С. Н. Шубинскій, который, тоже любя Щербину, признавалъ за нимъ слабость—иной разъ ради краснаго словца не пожалѣть родного отца. Редакція «Москвитянина», гдѣ укрѣпилась любовь его къ русской народности, изъ которой онъ сотворилъ себѣ кумиръ,

впослѣдствіи выдержала съ его стороны не одно нападеніе. Щербина осмѣялъ весь славянофильскій кружокъ: и братьевъ Аксаковыхъ, и Н. Берга, и Эдельсона, и Т. И. Филиппова, и М. П. Погодина. Щербина любилъ русскій народъ и работалъ для него, а славянофильская партія не считала его своимъ. Ольга N. («Изъ воспоминаній», «Русское Обозрѣніе», 1890 г., № 11) разсказываетъ, какъ Т. Филипповъ однажды до невѣроятія взбѣсилъ Щербину, спросивъ его, словно иностранца, по-нѣмецки: «Wie befinden Sie sich, Николай Ѳеодоровичъ?» Не примкнулъ Щербина и къ западникамъ: его пугали ихъ крайности, его страшила окровавленная тѣнь революціи, только въ наши дни возникшая на историческомъ горизонтѣ. «Лѣнивцу и ипохондрику» было противно все, что соединено съ насиліемъ; движеніе шестидесятыхъ годовъ, которому онъ сочувствовалъ и помогалъ въ его великой созидательной роли, было ему не по душѣ, благодаря нѣкоторымъ своимъ крайнимъ, темнымъ сторонамъ и инымъ несимпатичнымъ ему дѣятелямъ. Щербина иногда словно не хотѣлъ или не могъ понять естественнаго историческаго хода событій, и только этимъ упорнымъ непониманіемъ можно объяснить его безтактныя и никакъ не гражданскія эпиграммы на земскія учрежденія, на «прогрессъ», который онъ зло заключалъ въ кавычки, на томившуюся въ Петропавловской крѣпости студенческую молодежь, которую онъ называлъ «дуралеями», «шутами», позорящими «мѣсто, гдѣ страдалъ Рылѣевъ». И это писалъ человѣкъ, который видѣлъ призваніе поэта въ томъ, чтобы быть «совѣстью вѣка», «грѣхи противу духа паче всѣхъ грѣховъ карать»! Въ его «Альбомѣ ипохондрика», «Сонникѣ современной русской литературы» и «Ямбахъ, ксеніяхъ и эпиграммахъ» находимъ, на ряду съ ядовитыми, мѣткими и справедливыми нападками (на И. И. Панаева, М. П. Погодина, Н. В. Сушкова), немало образцовъ несправедливости и безтактности Щербины. Л. П. Шелгунова («Изъ далекаго прошлаго», Спб., 1901 г., стр. 77—78) разсказываетъ, что Щербина никого не оставлялъ въ покоѣ своими эпиграммами. Впрочемъ, онъ самъ зналъ за собою этотъ недостатокъ и часто сожалѣлъ о своихъ неосторожныхъ выходкахъ, объясняя ихъ «лирической вспышкой отъ извѣстнаго рода современныхъ впечатлѣній, разговоровъ, взглядовъ, литературныхъ кружковъ». Такъ, въ 1858 г. Щербина просилъ Г. П. Данилевскаго («Историческій Вѣстникъ», 1891 г., январь, 49) вычеркнуть изъ бывшаго у него экземпляра «Сонника» мѣсто, касавшееся М. Н. Каткова: «я написалъ его въ сильной ипохондріи, въ болѣзненномъ припадкѣ самаго чернаго взгляда на все». Написавъ злую сатиру на Аполл. Григорьева и пославъ ее Ѳ. Б. Миллеру для напечатанія въ «Развлеченіи», Щербина черезъ нѣсколько дней уже просилъ его не печатать ея, такъ какъ она написана «въ минуту ипохондріи» («Сочиненія» Щербины, изд. 1873 г., 434—437). Бо-

лѣзненное самолюбіе, раздражительный темпераментъ, личная неудовлетворенность жизнью, разныя неудачи, матеріальная нужда и нездоровье еще больше усиливали желчность отъ природы склоннаго къ сарказму Щербины. Однако, не имѣя близкихъ людей среди современныхъ писателей, Щербина все же былъ многими изъ нихъ цѣнимъ и уважаемъ. Ему посвятили стихи Б. Н. Алмазовъ, Ѳ. И. Тютчевъ («Вполнѣ понятно мнѣ значенье»...), Н. Кроль «Венера-Анадіамена»), Л. А. Мей (баллада «Волхвъ»), Я. П. Полонскій (баллада «Весталка), А. Н. Апухтинъ («Греція»), Ю. В. Жадовская («Боясь житейскихъ бурь и смутъ»...). Одною изъ основныхъ чертъ творчества и личнаго характера Щербины является его эстетизмъ; вотъ почему при оцѣнкѣ политическихъ событій, современникомъ и свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, онъ такъ часто терялъ единственную вѣрную и пригодную нравственную мѣрку, какъ только въ великой, общей картинѣ ему бросалась въ глаза одна несимпатичная ему или смѣшная черта.

По своему міровоззрѣнію Щербина былъ пантеистъ. Онъ поклонялся духу бытія и славилъ жизнь только за то, что она просто жизнь. Въ стихахъ его звучитъ восторженная, пылкая радость бытія: «счастливы мы, что живемъ, что родились, друзья-человѣки!»—говоритъ онъ въ стихотвореніи «Мигъ». Его «Тимонъ Аѳинскій», утомленный и пресыщенный жизнью, все же восклицаетъ: «нѣтъ, не твой я, могильная сѣнь: я живу, я живу, я живу!» Самая «Мысль о смерти» приводитъ его къ такому выводу: «я убѣжденъ и сердцемъ знаю, что быть отраднѣй, чѣмъ не быть». Страстно любя жизнь, Щербина ставитъ ей сознательную цѣль. Онъ убѣжденъ, что «есть счастіе одно, высокое, далекое, прямое—вмѣстить въ себѣ той истины зерно, что̀ облеклось въ созданье міровое»... «Сладко жить,—заключаетъ онъ,—отрадно мнѣ страдать лишь для того, чтобы къ нему стремиться» («Счастье»). «Духа совершенство, безъ границъ познанье—вотъ мое блаженство, вотъ мое страданье» («Чѣмъ я больше знаю»...). Душа поэта все видитъ, все стремится охватить: «всюду я радостно вижу иль друга, иль брата... чувствомъ широкимъ тогда обнимаю сродную жизнь и стремленье всѣхъ сущихъ, маленькій міръ ихъ любви открываю въ сердцѣ летающихъ, въ крошечной груди ползущихъ» («Симпатіи»). «Братской всемірной бесѣдѣ я внемлю, все говоритъ предо мною»... («Голосъ ночи»). «Тайныя струны природы на струнахъ души отзовутся: тогда я познаю глубоко, что плоть я отъ плоти ея, что я не живу одиноко, и вся она—лоно мое»... («Природа»). Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Зотову, еще не изданныхъ и хранящихся у С. Н. Шубинскаго, Щербина говоритъ (письмо изъ Москвы, 13 сентября 1853 г.): «Я всегда черезъ всѣ свои стихотворенія проводилъ одну идею пантеизма, въ истину которой я вѣрю по духу и крови, словомъ, по своей натурѣ, и убѣжденъ го-

рячо, что только на почвѣ пантеизма могутъ рости истинная наука (вспомните Германію) и истинное искусство, ибо искусство и есть-то самая плоть. Отнимите у него плоть,—оно перестаетъ быть искусствомъ и перейдетъ въ область философіи... Во плоти ихъ—исканіе духа»,—приводитъ Щербина свой стихъ, говоря о своихъ пѣсняхъ. «Міровоззрѣніе Н. Ѳ. Щербины» составляетъ предметъ очень интересной статьи безвременно погибшаго молодого поэта Ив. Коневскаго (И. И. Ореуса), напечатанной въ московскомъ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1902 годъ.

Это страстное «исканіе духа» заставляетъ Щербину ловить впечатлѣнія, и, проходя черезъ горнило его творчества, они изливались въ прекрасные образы: «по идеалѣ все тоскуя, родные образы ловлю я во тьмѣ ночей и въ свѣтѣ дня»,—говоритъ онъ («Идеалы»). Стремясь къ «единству стройному въ разнообразьѣ красоты», Щербина старался гармонически сочетать содержаніе съ формой: «Нѣтъ для меня, Левконоя, и тѣла безъ вѣчнаго духа, нѣтъ для меня, Левконоя, и духа безъ страднаго тѣла» («Моя богиня»). Поэтому онъ очень строго относился къ своимъ стихамъ и долго и внимательно обработывалъ и исправлялъ ихъ: «въ минуты творчества блаженствомъ не горю,—пишетъ онъ («Творчество»),—съ расчетомъ вывожу я строку за строкой». Е. А. Штакеншнейдеръ («Русскій Вѣстникъ», 1901 г., № 7) разсказываетъ, что Щербина писалъ свои произведенія прозой, а потомъ укладывалъ ихъ въ стихи; такъ иногда работалъ надъ своими стихами Пушкинъ. Онъ умѣлъ отдѣлить тяжелую, трудную ковку стиха отъ того таинственнаго момента, когда «быстрый холодъ вдохновенья власы подъемлетъ на челѣ», и, какъ Эврипидъ, находилъ, что поэтъ долженъ рождать свои творенья «въ радости»: «какая жъ мысль въ душѣ томящейся моей иль чувство свѣтлое способны зарониться среди болѣзненныхъ волненій и страстей, какая истина въ ней можетъ отразиться!» Недаромъ форма стиха у Щербины отличается безукоризненною тщательностью отдѣлки; по его черновикамъ можно видѣть, что она стоила ему немалаго труда. Стихи его словно просятся на музыку. А. Л. Гурилевъ написалъ музыку на его стихотвореніе «Морякъ» («Не слышно на палубахъ пѣсенъ»...); вся русская провинція до сихъ поръ поетъ этотъ романсъ. П. П. Сокольскій написалъ музыкальную иллюстрацію къ его тексту: «О, Rimembranza!» Есть въ рукописи музыка А. А. Кирѣева на его «Русскую колыбельную пѣсню» («Литературный Вѣстникъ», 1904 г., кн. 4, стр. 36).

Какъ истинный художникъ, Щербина горячо любилъ искусство: «только искусство тебѣ никогда не измѣнитъ, только въ искусствѣ таится прямое блаженство, только въ искусствѣ обѣщанный людямъ Элизій» («Жизнь и искусство»); въ немъ онъ видѣлъ «труда съ наслажденьемъ союзъ», тѣхъ двухъ началъ, которыя правятъ чело-

вѣческою жизнью. «Высоко твое, о человѣкъ, призванье!»—говоритъ онъ («Человѣку»): «есть все въ душѣ твоей, чѣмъ полно мірозданье, въ ней все нашло себѣ созвучье и отвѣтъ». Жизнь должна быть сознательна, разумна: «въ жизни намъ должно разумно мирить все земное съ небеснымъ» («Ваятель и натурщица»); намъ приходится падать ницъ предъ нею, принимать покорно все, что она даетъ, любить ее такою, какова она есть: «не грусти, что червь тебя изгложетъ въ ничтожествѣ и прахѣ, человѣкъ! что было разъ, того не быть не можетъ; что создано, то создано навѣкъ» («И здѣсь, и тамъ, и далѣе гробница»...). Искусство учитъ насъ понимать жизнь: «то, что въ ней неуловимо, безразлично, глубоко, что незнаемо, незримо, близко намъ и далеко,—то художника рукою царству мысли отдано» («Концертъ»). При свѣтѣ этой мысли «міръ Божій и простъ, и чудесенъ»... утренній воздухъ пѣвучій, средь свѣжихъ, здоровыхъ созвучій, торжественной пѣснью плыветъ и къ бодрому дѣлу зоветъ» («Пѣсни міра»), и «міру «эдемскія розы кажетъ грядущаго даль» («Будущее»). Жить нужно для мысли, для труда: «гордись человѣка названьемъ ты, кто мыслилъ, любилъ и страдалъ»... («Пѣсня Прометея»). Женщина должна перестать быть «игрушкою нужды и страсти»; ея «святое назначенье—нашъ геній изъ пеленъ пріять, направить душу поколѣнья, отчизнѣ гражданъ воспитать»,—«подвинуть міръ въ дорогѣ къ счастью и взволновать его застой» («Женщинѣ»). Поэтъ—«совѣсть вѣка» («Поэту»); онъ призванъ итти «тернистою дорогой на тяжкомъ жизненномъ пути, съ сумою странника убогой» («Признаніе пророка»), приближая то время, когда, наконецъ, человѣчество пойдетъ «дорогою блаженства въ нескончаемомъ полѣ совершенства» («Битва»). Страданіе не безцѣльно, жертвы нужны: «для блага зло ниспослано судьбою... изъ холода ты можешь вынесть чувство и чувствомъ мысль холодную согрѣть» («Поэту»); «открываемъ ко благу мы дверь нашимъ горемъ другимъ поколѣньямъ» («Послѣ бала»); «мы къ блаженству возрожденья ступеней нужною легли, чтобъ міра тяжкія движенья по ней впередъ отъ нестроенья къ грядущей стройности пошли» («Оправданіе»). Демонъ косности и сомнѣнія «къ отцамъ ниспосланъ съ колыбели, чтобъ дѣти здравою душой прямую жизнь уразумѣли» («Нашъ Демонъ»). Здѣсь источникъ неисчерпаемаго оптимизма Щербины: «мгновенно страданье» («Плачущей у гробницы»); «золотые вѣка впереди» («Послѣ бала»): «для міра выростутъ изъ нашихъ терній розы» («Поколѣнію»).

Имя Н. Ѳ. Щербины не будетъ забыто. Стремленіе къ идеалу, любовь къ человѣку, крѣпкая коренная связь съ родной страною, вѣра въ торжество добра, поклоненіе красотѣ, глубокое поэтическое чувство, блескъ и изящество стиха даютъ Щербинѣ права на почетное мѣсто и добрую память въ исторіи русской литературы.

Н. Лернеръ.

НЕИЗДАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Н. Ѳ. ЩЕРБИНЫ.

Эти стихи извлечены изъ рукописей Н. Ѳ. Щербины, хранящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ, пользоваться которыми я могъ, благодаря любезному разрѣшенію ея директора, Д. Ѳ. Кобеко.

Н. Лернеръ.

Осеннее чувство.

Когда осеннею порой
Морозомъ кровли серебрятся,
Несутся тучи надъ землей,
И на просторѣ вѣтры злятся,—
Я чую въ сердцѣ пустоту,
Въ душѣ холодное томленье,
И не могу я въ утѣшенье
Призвать отрадную мечту.
Когда жъ подъ робкою стопою
Листки поблекшіе хрустятъ,
Иль вѣтеръ мчитъ ихъ надъ землею,
Иль дубы старые скрипятъ,—
Въ моей душѣ сильнѣй томленье:
Я знаю, будетъ имъ весна,
Природа вспрянетъ ото сна,
А мнѣ не будетъ обновленья!

* * *

Смотрю на васъ я грустными очами,
Блестящими не страстью, но слезой,
Не раздѣляя чувствъ съ обвороженной вами
И вами презрѣнной толпой.

Она забудетъ васъ передъ кумиромъ новымъ:
Отмстите жъ ей въ благопріятный часъ;
Она васъ оскорбитъ забвеньемъ или словомъ—
Случайной памятью объ васъ...

Пѣсня паликара.

Свѣтлой ночью въ Триполицѣ
До утра я хожу
И съ окна моей Зоицы
Глазъ я не свожу.

Это чудо или шутка...
Я стою давно,
А еще моя малютка
Не глядитъ въ окно!..

Не она ль мнѣ обѣщала
До зари не спать
И, какъ прежде ожидала,
Эту ночку ждать!

Для нея, для свѣтлоокой,
Я загналъ коня:
Думалъ, скучно одинокой
Жить ей безъ меня.

Свѣта нѣтъ въ окнѣ Зоицы,
Блещутъ небеса:
Я спросилъ ихъ,—и съ рѣсницы
Капнула слеза.

Въ Божьемъ небѣ ярче солнца
Звѣздочка горитъ:
Въ ней Зоица, какъ въ оконцѣ,
На меня глядитъ.

---

* * *

Меня томитъ тяжелое сомнѣнье,
Когда встрѣчаю я твой непонятный взоръ
И вижу въ немъ то страстное волненье,
То равнодушье, то укоръ...
Но если любишь ты,—довѣрчивымъ признаньемъ
Не поспѣшай, прекрасное дитя:
Я передамъ тебѣ свои страданья
И полюблю тебя небрежно иль шутя.
И плѣнникъ твой тебѣ ужъ, какъ рабынѣ,
На ласку ласкою не будетъ отвѣчать,
На то, чѣмъ дорожилъ недавно, какъ святыней,
За что забылъ онъ плакать и страдать...
И, празднуя свое освобожденье,
Твой рабъ ужъ промѣнять готовъ
На цѣпи новыя, на новыя сомнѣнья
Страданіемъ добытую любовь...

---

* * *

Два образа предстали предъ тобою,
Равно плѣненные твоею красотою;
Одну любовь ихъ выражаетъ взоръ,
Но о любви ихъ разенъ разговоръ...

Одинъ румянъ, прекрасенъ, юнъ и свѣтелъ,—
Давно его твой дѣтскій взоръ замѣтилъ.

Онъ о любви такъ сладко говоритъ,
На жизнь свѣтло и радостно глядитъ,
И помнятся слова его съ отрадой
Твоей душѣ, надеждами богатой;
И нравятся тебѣ его мечты,
И видишь ты во всемъ его черты,
И свѣтлый взоръ, и кудри золотыя,
И дѣтскій смѣхъ, и шалости живыя...
Но ты руки ему не отдавай,
Вниманіемъ его не завлекай.

Другой глядитъ, печаль свою скрывая
На образъ твой. Надежда молодая,
Пустой восторгъ и вѣтреность мечты
Давно, давно имъ тайно прожиты...
Лицо его и блѣдно, и открыто,
И мыслію чело его обвито,
И мракъ въ очахъ,—но этотъ мракъ порой
Сокрывъ слезу надъ вспышкой огневой,
Намъ говоритъ о многомъ ясно, ясно,
Что понимать полезно, но ужасно...

И рѣчь его то холодно-грустна,
То тихихъ чувствъ гармоніей полна.
Смѣется онъ: въ насмѣшкѣ ядовитой
Видна печаль подъ желчію сокрыта.
Нѣтъ ни надеждъ, ни радугъ, ни мечты
Въ его рѣчахъ,—но отчего же ты
Всегда ему довѣрчиво внимаешь
И плакать и смѣяться съ нимъ желаешь?
Вниманіемъ твоя трепещетъ грудь,
Когда тебѣ онъ кажетъ новый путь...
Врачуетъ онъ, что уязвляетъ больно,—
И руку ты даешь ему невольно...
Прильни жъ къ нему неопытной душой,
Пускай идетъ онъ объ руку съ тобой.

27 января
1844 г.

* * *

Какъ хороши восторги заблужденья
Когда холодный умъ забытъ,
Когда душа боготворитъ
Огонь минутный увлеченья!

Когда жъ пройдутъ тѣ сладкія мгновенья,
Завянетъ цвѣтъ сердечныхъ думъ,
Обниметъ душу прежній умъ
И смѣхъ стыда и сожалѣнья...

Мнѣ кажется, ужъ больше заблужденья
Не возмутятъ моей души...
Но, нѣтъ, они такъ хороши,
Какъ горьки смѣхъ и сожалѣнье.

Καλὴ νύχτα σας! [1])

Темный садъ лимономъ дышитъ,
Вѣтерокъ кусты колышетъ...
Кто увидитъ насъ?
Будемъ мы гулять до свѣта:
Ночь и садъ полны привѣта—
Καλὴ νύχτα σας!

Сколько жизни! Сколько счастья!
Скинь экету, брось запястья,
Будь ты безъ прикрасъ!
Дышитъ сонъ на наши очи...
Слышишь,—шепчутъ звѣзды ночи:
Καλὴ νύχτα σας!

Съ береговъ прохладой вѣетъ;
Мѣсяцъ меркнетъ и темнѣетъ:
Это все для насъ!
На ланитахъ счастья слезы,
Какъ роса на цвѣтѣ розы...
Καλὴ νύχτα σας!

Долго, трудно ожиданье
Быстролетнаго свиданья!
Это жизни часъ...
Это—призракъ сновидѣнья:
Счастье—рѣдкое мгновенье...
Καλὴ νύχτα σας!

Таганрогъ.
1841 г.

---

* * *

Средь бурнаго моря
Житейскихъ волненій,
Въ теченіи горя,
Въ тревогѣ сомнѣній
Безъ слова тоскую,
Безъ вѣры я стражду:
Молитвы прошу я,
И вѣры я жажду...
Но въ часъ тотъ я знаю
Въ сознаньѣ ужасномъ,
Что ихъ призываю
Напрасно... напрасно!

25 апрѣля 1846 г.,
с. Новосѣловка.

---

[1]) Кали никта сасъ: «Добрая ночь!»—привѣтствіе современныхъ грековъ.

Примѣчаніе Щербины.

Отрывокъ.

Въ розовомъ блескѣ денницы и въ мрачномъ мерцаніи ночи
Дума о жизни волнуетъ мнѣ душу безплодною грустью.
Долго, но тщетно я жажду отвѣта и только лишь вижу,
Какъ предо мной возникаютъ ряды безотвѣтныхъ вопросовъ.
Легче мнѣ станетъ, какъ вспомню, что я не одинъ подъ луною
Этой тяжелою мыслью томлюся: не первою ль грустью
Перваго смертнаго были мечтанья и думы о жизни?
Тысячи мудрыхъ давно и недавно ее, какъ загадку,
Силились намъ разрѣшить и надъ нею свой умъ истощили.
Бѣдный дикарь Отаити, когда океанъ забушуетъ,
Волны и вѣтры далеко размечутъ шалашъ его утлый,
Сердцемъ помыслитъ о жизни, помыслитъ, быть можетъ, впервые...
Самъ я порою и мрачное море, и ясное небо
Теплою дѣтской душой вопрошаю о таинствахъ жизни:
Что со мной будетъ? Зачѣмъ я родился? Оставлю ли слѣдъ свой
Въ мірѣ?.. Зачѣмъ я такъ сильно люблю, иль зачѣмъ ненавижу?
Жду я отвѣта, но море все такъ же шумитъ равнодушно;
Небо все такъ же, какъ прежде, глядитъ на меня безъ участья,
Будто судьбы человѣка ничтожны иль чужды для неба...

Взглянешь очами разсудка иль сердца на эту природу,
Что такъ волшебно тебя обнимаетъ пространствомъ безмѣрнымъ,
Свѣжею мыслью повѣетъ природа на старую думу;
Такъ, въ старикѣ Альбіона, который подъ сѣнью древесной
Жаждалъ покоя, уставши отъ мудрой, безсмертной работы,
Плодъ, оторвавшись отъ вѣтки, посѣялъ высокія мысли...
Но ни природа, ничто не освѣтитъ намъ думы о жизни.

ГЕРОЙСКАЯ СМЕРТЬ ГРЕЧИШКИНА.

НА ПРАВОМЪ берегу Кубани, подлѣ станицы Тифлисской, виденъ курганъ, усѣянный крестами и надгробными плитами. Это — станичный некрополь. На этомъ курганѣ, отдѣльно отъ мѣста общаго упокоенія, обращаетъ на себя вниманіе другое кладбище, на которомъ похоронены офицеры и казаки, разновременно убитые въ дѣлахъ противъ горцевъ. Въ числѣ ихъ покоятся останки и сотника Гречишкина, погибшаго въ бою 15 сентября 1829 г. вмѣстѣ съ пятьюдесятью казаками, бывшими съ нимъ въ разъѣздѣ. Могила его отмѣчена особымъ обелискомъ. Казаки стараго времени пожелали въ назиданіе потомству увѣковѣчить славную память товарища надгробнымъ мавзолеемъ, который тогда же и былъ воздвигнутъ надъ общей усыпальницей героевъ, предпочитавшихъ смерть позору сдачи и плѣна.

Время и непогоды, для которыхъ нѣтъ ничего заповѣднаго, истребили этотъ памятникъ; но нынѣшнее поколѣніе кубанцевъ, достойно унаслѣдовавшее старинную славу отцовъ, опять возобновило его въ 1869 г., по инщіативѣ наказного атамана, который къ скромнымъ казачьимъ пожертвованіямъ присоединилъ и свою собственную лепту.

Вотъ что намъ извѣстно о жизни и послѣднихъ минутахъ Андрея Леонтьевича Гречишкина.

Сотникъ Гречишкинъ былъ прирожденный линеецъ Тифлисской станицы. Онъ выросъ посреди стариннаго порубежнаго казачества и съ раннихъ лѣтъ сталъ понимать, что на той вулканической почвѣ, на которой онъ родился, храбрость есть первая добродѣтель. И онъ былъ храбръ, какъ только бываютъ рыцари въ рома-

нахъ. Объ его удали, вошедшей въ пословицу между казаками, знали и въ немирныхъ горахъ, гдѣ умѣли цѣнить и уважать военныя доблести даже въ своихъ противникахъ. Въ то время по всей русской линіи гремѣло грозою имя Джембулата, владѣтельнаго князя сильнаго темиргоевскаго народа, аулы котораго были расположены въ недальнемъ разстояніи отъ поселеній кавказскаго линейнаго казачьяго полка. Джембулатъ принадлежалъ къ тѣмъ легендарнымъ личностямъ, имена которыхъ заживо увѣковѣчиваются народными сказаніями и пѣснями. Молва о Гречишкинѣ дошла и до него. Тогда онъ выразилъ желаніе познакомиться съ нимъ покороче, и при посредствѣ лазутчиковъ свиданіе между ними было устроено гдѣ-то на берегу Кубани. Они сошлись—и стали кунаками. Гречишкинъ инкогнито сталъ ѣздить въ аулы Джембулата; Джембулатъ навѣщалъ Гречишкина. Въ большіе праздники, христіанскіе и мусульманскіе, кунаки обмѣнивались подарками; но никогда не обмѣнивались они свѣдѣніями о томъ, что происходитъ по ту или по другую сторону Кубани. Каждый изъ нихъ считалъ преступленіемъ выдавать тайны своего знамени. Они говорили обо всемъ, кромѣ политики. Въ полку знали объ этихъ сношеніяхъ, но, зная и высокое понятіе Гречишкина о святости долга, не придавали имъ никакого значенія. Напротивъ, въ тѣ стародавнія времена это считалось своего рода молодечествомъ.

Такъ наступила осень 1829 г., когда по линіи пронеслась молва, что знаменитый Джембулатъ собираетъ у себя князей и старшинъ враждебныхъ намъ обществъ на какое-то совѣщаніе, на которомъ долженъ присутствовать и турецкій эмиссаръ Сеидъ-паша, присланный изъ Константинополя, чтобы поднять противъ насъ закубанскіе народы. Попытка подполковника Пырятинскаго напасть на аулъ Джембулата, чтобы захватить все это собраніе, не увѣнчалась успѣхомъ. Небольшой отрядъ его былъ открытъ на пути и послѣ жаркаго боя долженъ былъ вернуться обратно въ свой лагерь, расположенный на рѣчкѣ Псинафѣ.

А совѣщанія между тѣмъ окончились, и 14 сентября, за лѣвымъ берегомъ Кубани, подъ значками темиргоевскаго князя стоялъ уже отрядъ изъ пятисотъ отборныхъ всадниковъ съ двумя фальконетами. Отрядомъ предводительствовалъ самъ Джембулатъ.

Первые слухи объ этомъ дошли опять-таки до Пырятинскаго. Но слухи эти говорили только объ опасности, которая грозила линіи, но ничего не говорила о томъ, гдѣ непріятель, сколько его и надъ какою частью кордона разразится громовый ударъ. Чтобы во всякомъ случаѣ быть ближе къ линіи, Пырятинскій съ частью отряда выступилъ по направленію къ станицѣ Тифлисской. Онъ шелъ всю ночь, не останавливаясь, но дорога была пустынна, никакихъ признаковъ недавняго движенія на ней замѣтно не было, никакихъ слѣдовъ не открыто. Пырятинскій понялъ, что не здѣсь

слѣдуетъ искать непріятеля, и подъ утро, круто повернувъ направо, двинулся на востокъ. Предчувствіе говорило ему, что скопище стоитъ на Зеленчукѣ, и онъ шелъ прямо на Зеленчукъ, къ той переправѣ черезъ эту рѣку, которая извѣстна подъ именемъ Песчанаго Брода. Но и въ этотъ разъ такъ же, какъ и въ тотъ день, когда онъ предпринялъ движеніе къ аулу Джембулата, ему суждено было испытать неудачу, имѣвшую трагическое послѣдствіе. До Песчанаго Брода оставалось верстъ семь, когда Пырятинскій получилъ извѣстіе, что горцы прошли на Псинафъ, гдѣ былъ оставленъ имъ лагерь. Это извѣстіе заставило его вторично измѣнить свой планъ и воротиться на линію, чтобы быть ближе къ Псинафу. Если бы онъ не обратилъ вниманія на полученное свѣдѣніе, а послушался бы своего предчувствія и продолжалъ итти на Зеленчукъ,—онъ бы засталъ непріятеля тамъ. Горцы стояли именно у Песчанаго Брода, притаившись въ оврагахъ. Онъ могъ бы имѣть блистательное дѣло, и не только разстроилъ бы всѣ замыслы непріятеля, но и предотвратилъ бы катастрофу, которая разразилась почти по его слѣдамъ.

Ничего не зная о движеніи псинафскаго отряда, командиръ кавказскаго линейнаго казачьяго полка, подполковникъ Васмундъ, озабоченный охраною своихъ станицъ, выслалъ въ тотъ же день разъѣздъ изъ 56 казаковъ и трехъ урядниковъ, подъ командой сотника Гречишкина, на боевую опытность котораго могъ положиться.

— Андрей Леонтьевичъ!—сказалъ онъ:—дойди до Песчанаго Брода, осмотри всѣ балки, всѣ скрытыя мѣста, но, если откроешь слѣды, скачи назадъ и Бога ради не вдавайся въ неравное дѣло.

15 сентября Гречишкинъ выступилъ.

Миновавъ полковые покосы и покрытые вытоптанной травой выгоны, на которыхъ подъ охраной вооруженныхъ казаковъ паслись стреноженныя лошади, разъѣздъ вышелъ въ открытое поле. Утро стояло такое, какія рѣдко выпадаютъ даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Кругомъ было тихо. Лѣсъ, мимо котораго проходили казаки, безмолвствовалъ: пернатые пѣвцы покинули его всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Въ тепломъ и прозрачномъ воздухѣ рѣяли насѣкомыя, и особенно много было между ними запоздалыхъ бѣлыхъ бабочекъ. Большая часть деревьевъ еще сохраняли свой лѣтній нарядъ, и только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, и то мѣстами, начали появляться палевые и красноватые листья, блестѣвшіе на солнцѣ росой, которая не успѣла еще обсохнуть. Трава также была покрыта росой, и если бы заяцъ или тушканчикъ пробѣжали по ней, не говоря уже о человѣкѣ, то слѣдовъ ихъ нельзя было бы не замѣтить. Казаки ѣхали молча, не потому, чтобы они боялись открыть свое движеніе непріятелю: его нельзя было скрыть на большой дорогѣ и въ ясную погоду; но они молчали, пови-

нуясь предчувствію чего-то необыкновеннаго, какого-то кризиса, который въ этотъ день долженъ наступить въ жизни кождаго изъ нихъ.

Къ этимъ предчувствіямъ, овладѣвающимъ не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми массами, давно перестали относиться скептически. Они составляютъ явленіе, пока еще не объясненное, но въ высшей степени интересное. Наука отводитъ имъ мѣсто на ряду съ другими загадочными явленіями нашей внутренней природы, и, можетъ быть, скажетъ о нихъ когда нибудь свое слово.

Молча проѣхали казаки большую половину разстоянія до Песчанаго Брода, никого не встрѣтивъ. Здѣсь, въ семи верстахъ отъ Зеленчука, сотникъ Гречишкинъ вдругъ остановился. Онъ увидѣлъ широкій слѣдъ, который шелъ отъ Псинафа и подъ довольно острымъ угломъ дѣлалъ поворотъ назадъ къ станицѣ Ладожской. Открытіе это привело его въ сильное недоумѣніе. Этотъ слѣдъ оставленъ русскою колонной—въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Но какимъ образомъ онъ попалъ сюда? Очевидно, до этого мѣста доходилъ отрядъ Пырятинскаго, о выступленіи котораго изъ лагеря въ казачьемъ полку ничего не знали. Но почему онъ не пошелъ дальше къ Песчаному Броду, а своротилъ на дорогу къ Ладыжской? Не получилъ ли онъ новыхъ свѣдѣній о непріятелѣ, заставившихъ его спѣшить назадъ на линію? Сотника Гречишкина взяло раздумье. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: продолжать ли путь къ Зеленчуку, или же направить свой разъѣздъ по слѣдамъ Пырятинскаго? Казаки въ первый разъ заговорили.

— Это не ихъ сакма,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ; подъ мѣстоименіемъ ихъ онъ разумѣлъ горцевъ:—потому тутъ вотъ и отъ артиллеріи пошла колея; должно, наши тутъ были.

— Извѣстно, наши,—подхватилъ другой. — Кому тутъ быть, окромя нашихъ? У нихъ и орудіевъ такихъ нѣтъ; опять же и то: татарва нешто такъ ходитъ? Гляньте, братцы, точно шнуромъ кто отбилъ.

— Если партія черезъ Кубань переправилась, — разсуждалъ вслухъ сотникъ Гречишкинъ:—мы напрасно только время теряемъ, гоняясь за нею въ этой сторонѣ... А, впрочемъ,—добавилъ онъ, помолчавъ немного,—до Песчанаго Брода семь верстъ всего осталось; командиръ приказалъ непремѣнно до него дойти; до него, значитъ, и надо дойти. А потомъ, пріударивъ коней, мы и колонну летомъ нагонимъ.

Онъ тряхнулъ головой, какъ будто хотѣлъ отогнать невеселую думу, выпрямился въ сѣдлѣ и, приподнявъ нагайку выше плеча вмѣсто команды, повернулъ отъ загадочнаго слѣда опять на дорогу къ Зеленчуку. Казаки молча послѣдовали за нимъ. Опять та же пустынная мѣстность и то же мертвое безмолвіе кругомъ

Только мѣрный конскій топотъ глухо отдавался въ тишинѣ. До Песчанаго Брода оставалось не болѣе трехъ верстъ, когда впереди показался всадникъ въ черной папахѣ, съ винтовкой въ чехлѣ за спиною. Пригнувшись къ сѣдлу, онъ скакалъ такъ быстро, какъ будто за нимъ была погоня. Гречишкинъ приказалъ окликнуть его. Казаки кричали, но или голоса ихъ не достигали до него, или онъ притворялся, что не слышитъ. Ему махали папахами, чтобы онъ остановился, но онъ ни разу даже не оглянулся и, продолжая скакать все въ одномъ направленіи, скрылся за пригоркомъ. Откуда онъ вынырнулъ, никто не замѣтилъ. Былъ ли онъ нарочный, посланный съ какимъ нибудь важнымъ извѣстіемъ? Но отъ кого? Въ той сторонѣ, откуда онъ показался, русскаго отряда не могло быть. Если это былъ лазутчикъ, то въ такомъ случаѣ почему же онъ миновалъ казаковъ, которыхъ не могъ не видѣть, такъ какъ мѣстность была ровная и открытая. Можетъ быть, это былъ дѣйствительно нарочный, но только не нашъ; можетъ быть, онъ посланъ отъ одной непріятельской партіи, которая стоитъ на Зеленчукѣ, къ другой, которая переправляется гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Эта мысль во второй разъ заставила сотника Гречишкина призадуматься. Но онъ продолжалъ подаваться впередъ, присматриваясь къ берегамъ рѣки, которые тянулись вправо и влѣво, такіе же пустынные, какъ и вся окружавшая ихъ мѣстность. Проѣхавъ еще нѣкоторое разстояніе, онъ увидѣлъ трехъ всадниковъ, которые дѣйствительно какъ бы выросли изъ земли, такъ какъ до того времени скрывались въ глубокой балкѣ. Выбравшись на верхъ, они стали лицомъ къ дорогѣ, по которой ѣхали казаки, и какъ бы замерли на мѣстѣ, сохраняя неподвижность статуй. Это былъ непріятельскій пикетъ. Тутъ только Гречишкинъ понялъ, что скопище, пробиравшееся въ наши предѣлы, притаилось въ оврагахъ у Песчанаго Брода. Онъ только не могъ понять, почему отрядъ, шедшій изъ Псинафа, вдругъ перемѣнилъ направленіе, тогда какъ непріятель былъ отъ него такъ близко. Не зная, какими силами располагаетъ противникъ, Гречишкинъ на всякій случай отправилъ одного казака въ ближайшую станицу, чтобы поднять тревогу на линіи, а самъ понемногу продолжалъ подвигаться впередъ.

До овраговъ оставалось уже не далеко. Между двумя изъ нихъ извивалась дорога къ переправѣ. Когда Гречишкинъ вступилъ на эту дорогу, лошадь его пугливо насторожила уши и, бросившись въ сторону, едва не выбила его изъ сѣдла. Лошади нѣкоторыхъ казаковъ также заржали; снизу, почти у нихъ подъ ногами, послышалось отвѣтное ржаніе, и вслѣдъ затѣмъ изъ овраговъ справа и слѣва начали показываться папахи и ружья быстро взбиравшихся по крутымъ покатостямъ непріятельскихъ всадниковъ. Едва казаки успѣли выхватить винтовки, какъ уже были окружены съ

трехъ сторонъ: свободною оставалась пока только дорога. Впереди, прямо противъ себя, Гречишкинъ увидѣлъ хорошо знакомые значки темиргоевскаго князя и понялъ, что ему придется имѣть дѣло съ значительною партіею. Ихъ было десять противъ одного. При такомъ подавляющемъ превосходствѣ непріятеля исходъ боя не могъ быть сомнительнымъ. Сотникъ Гречишкинъ видѣлъ это; онъ понялъ, что его маленькая дружина обречена на гибель, но онъ не терялъ присутствія духа и только старался ободрить казаковъ надеждой на близкую помощь.

Казаки спѣшились и, отстрѣливаясь, стали отступать. Они двигались медленно, шагъ за шагомъ. Они по опыту знали, что торопливое отступленіе почти то же, что бѣгство, а бѣгство, позорное само по тебѣ, влечетъ за собой неминуемое пораженіе и, въ концѣ концовъ, безславную смерть. Ужъ если суждено умереть, то не лучше ли умереть такъ, чтобъ и въ приказахъ объ этомъ упомянули, и въ станицахъ заговорили. Не имѣя при себѣ патроннаго ящика, казаки дорожили каждымъ зарядомъ, и на цѣлые рои пуль, которыми горцы ихъ осыпали, они отвѣчали мѣткими, вѣрно разсчитанными выстрѣлами. Это также не могло не замедлять ихъ отступленія; но оно замедлялось еще и заботами ихъ объ убитыхъ и раненыхъ товарищахъ, которыхъ, несмотря на критическое положеніе свое, они не хотѣли бросить на произволъ судьбы.

Около часу гремѣла перестрѣлка; только фальконеты пока молчали изъ опасенія, чтобы ихъ громкіе выстрѣлы не были услышаны на линіи. Люди падали съ обѣихъ сторонъ; только убыль въ рядахъ непріятеля была едва замѣтной, тогда какъ въ командѣ, состоявшей изъ шестидесяти человѣкъ, она становилась слишкомъ ощутительной. Десятка два казаковъ уже выбыло изъ строя. Убитыхъ перекидывали черезъ сѣдла; раненыхъ приходилось поддерживать; стрѣлять могли не многіе. Скоро огонь долженъ будетъ и совсѣмъ прекратиться. Приближалась рѣшительная минута. До сихъ поръ горцы не могли броситься на казаковъ, чтобы стоптать ихъ дружнымъ ударомъ, потому что дорога, проложенная между оврагами, была такъ узка, что на ней едва могли помѣститься въ рядъ нѣсколько всадниковъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ дорога становилась шире, и передъ казаками открылась наконецъ площадка, а на площадкѣ новыя толпы непріятеля. Такимъ образомъ и послѣдній путь отступленія казакамъ былъ отрѣзанъ.

Гречишкинъ велѣлъ остановиться, заколоть лошадей и изъ ихъ труповъ составить редутъ. Такой крѣпости до него никто еще не строилъ. Онъ объявилъ казакамъ, что они должны защищаться до послѣдней капли крови, что этого требуетъ честь казацкаго войска, честь русскаго оружія. «Если къ намъ и не придутъ на помощь,—говорилъ онъ,—это не наша вина: мы сдѣлали, что могли; остается сдѣлать не многое: только умереть».

Едва казаки успѣли засѣсть въ построенный ими редутъ, какъ горцы, выхвативъ шашки, кинулись на нихъ съ такимъ ожесточеніемъ, что своимъ натискомъ, казалось, могли бы смять цѣлую колонну. Но казаки предвидѣли этотъ опасный моментъ и, встрѣтивъ непріятеля залпомъ почти въ упоръ, отбили нападеніе. Два раза горцы возобновляли атаку, и оба раза неудачно. Можетъ быть, несмотря на потери, имъ бы и удалось врубиться въ середину карре, если бы кони ихъ, испуганные видомъ нѣсколькихъ десятковъ заколотыхъ лошадей, не отказались перешагнуть черезъ ихъ трупы; они храпѣли, упирались и бросались въ стороны, или поворачивали назадъ отъ этой страшной баррикады.

Тѣмъ не менѣе, дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ, и въ одной изъ нихъ Гречишкинъ былъ раненъ. Но онъ не показалъ этому вида и продолжалъ распоряжаться. Онъ боялся, что безъ него произойдетъ замѣшательство,—и тогда все будетъ кончено. А, между тѣмъ,—кто знаетъ?—можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ подойдетъ еще помощь. Но помощи ниоткуда не было видно. Обширное пространство между Зеленчукомъ и Кубанью попрежнему представляло собою мертвую пустыню: никакой жизни, никакого движенія по дорогамъ, протянувшимся свѣтло-коричневыми лентами по направленію радіусовъ къ станицамъ и кордонамъ. Только тамъ, далеко впереди, на самомъ краю горизонта, гдѣ раскинулись русскія поселенія, облака то сходились, то расходились, точно совѣщаясь о томъ, какъ бы помочь одиноко погибавшимъ въ полѣ казакамъ, о судьбѣ которыхъ узнаютъ только тогда, когда они уже не будутъ нуждаться ни въ чьей помощи.

Тревожно всматриваясь въ даль, Гречишкинъ замѣтилъ какое-то движеніе по ту сторону рѣчки и зоркимъ глазомъ увидѣлъ, что это шла помощь, но только не къ нему: черезъ Зеленчукъ переправлялись, высоко поднявъ ружья надъ водой, болѣе ста человѣкъ непріятельской пѣхоты. Для того, чтобы раздавить горсть людей, которымъ ничего больше не оставалось, какъ умереть, пяти сотъ человѣкъ кавалеріи оказывалось недостаточнымъ; къ нимъ въ подкрѣпленіе шла еще и пѣхота. Непріятель побѣдитъ, но онъ долго будетъ помнить эту побѣду: при казакахъ останется честь, которой не отнимутъ отъ нихъ никакія скопища.

Съ момента прибытія пѣхоты участь казаковъ была рѣшена окончательно. Они и сами видѣли это. Теперь къ нимъ уже не нужно было обращаться съ воззваніями; они знали, что надо дѣлать дальше.

Между тѣмъ послѣ четвертой атаки, отбитой также съ немалымъ урономъ для горцевъ, наступилъ короткій перерывъ, и около значковъ темиргоевскаго князя образовался кружокъ, повидимому, о чемъ-то совѣщавшійся. Вотъ отъ него отдѣлились два всадника; въ одномъ узнали самого Джембулата, въ другомъ его

любимаго нукера Хануса. Они подъѣхали къ редуту съ бѣлыми платками, повязанными на шашкахъ, и Джембулатъ громко окрикнулъ по-татарски:

— Кто у казаковъ старшій?

Гречишкинъ назвалъ свою фамилію. Джембулатъ вздрогнулъ:

— Не здѣсь бы намъ встрѣтиться съ тобою, Андрей Леонтьевичъ!—сказалъ онъ задумчиво.

— Не мы устраиваемъ встрѣчи,—отвѣчалъ ему Гречишкинъ:—такъ было угодно Богу.

— Ты правъ,—возразилъ Джембулатъ.—Но Тотъ, Кто устроилъ настоящую встрѣчу, думалъ о твоемъ благѣ. Не будь здѣсь меня, тебѣ бы не уйти отсюда живому.

— Я и теперь не надѣюсь уйти,—перебилъ Гречишкинъ:—я останусь здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, съ моими храбрыми товарищами.

— Подумай, Андрей! Васъ десять, пятнадцать, много двадцать человѣкъ; насъ болѣе шестисотъ: бросьте оружіе, никто не осудитъ васъ, если вы сдадитесь.

— Меня удивляетъ твое предложеніе,—отвѣтилъ Гречишкинъ:—ты меня знаешь, князь, и знаешь, что я предпочту смерть позору и плѣну.

— Ты правъ еще разъ!—возразилъ Джембулатъ.—Да совершится судьба!

Вернувшись къ своей партіи, онъ началъ уговаривать горцевъ оставить эту горсть храбрыхъ гяуровъ, обрекшихъ себя на смерть, тѣмъ болѣе, что пользы отъ ихъ истребленія они никакой не получатъ, да и подвигомъ это истребленіе никто не назоветъ. Но горцы были другого мнѣнія. Озлобленные потерею, они требовали поголовнаго истребленія казаковъ, и Джембулатъ долженъ былъ уступить. Двусмысленное поведеніе его и безъ того вызывало общій ропотъ. Ему нужно было сберечь свою репутацію и пожертвовать личными чувствами.

Молча, впереди всѣхъ, съ обнаженной шашкой, кинулся Джембулатъ на завалъ и, ворвавшись первымъ, получилъ тяжелую рану,—такую тяжелую, что его на рукахъ вынесли изъ боя. Конница отхлынула, но на ея мѣсто появилась пѣхота. Съ пронзительнымъ гикомъ, съ шашкою въ одной и съ кинжаломъ въ другой рукѣ, вломились горцы въ ряды казаковъ,—и черезъ нѣсколько минутъ все было кончено. Гречишкинъ, несмотря на свою рану, защищался до тѣхъ поръ, пока оружіе не выпало изъ его ослабѣвшихъ рукъ. Глаза его помутились; онъ зашатался и упалъ на окровавленную землю. Его тотчасъ изрубили. Редутъ, сложенный по его приказанію изъ конскихъ труповъ, пережилъ своего строителя. Изъ семнадцати казаковъ, встрѣтившихъ послѣдній натискъ, остались въ живыхъ только пятеро: трое изъ нихъ, покрытые ранами,

лежали безъ чувствъ; двоихъ, въ которыхъ были еще признаки жизни, горцы взяли въ плѣнъ и увезли съ собой за Зеленчукъ. Они отступили такъ быстро, что не сняли ни оружія съ убитыхъ казаковъ, ни сѣделъ съ лошадей—вся ихъ добыча только и заключалась въ двухъ плѣнныхъ казакахъ.

Минутъ черезъ двадцать оба берега рѣки опустѣли, и опять водворилась кругомъ тишина. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ ее нарушалъ конскій топотъ казачьяго разъѣзда, а теперь притихъ и этотъ топотъ. Помощь, за которой посылали, и которую съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Гречишкинъ, опоздала. Прискакавшіе сюда на зарѣ четыре сотни казаковъ увидѣли такую картину, отъ которой, какъ выразился одинъ старый линеецъ, морозъ пробѣжалъ у нихъ по закожью. Въ верстѣ отъ Песчанаго Брода, между глубокими лѣсистыми оврагами, стояло, или, лучше сказать, лежало карре изъ конскихъ труповъ, а внутри его, между огромными лужами застывшей и сгустившейся крови, распростерты были въ различныхъ позахъ тѣла убитыхъ казаковъ. Подлѣ нихъ валялись шашки, кинжалы, пистолеты, ружья и даже гильзы отъ патроновъ, и все это было перепачкано и залито кровью.

Посреди мертвецовъ нашли и трехъ раненыхъ, которыхъ горцы не увезли съ собою только потому, что сочли ихъ убитыми. Отъ нихъ-то и узнали всѣ подробности совершившейся здѣсь катастрофы. У одного изъ этихъ казаковъ, Василія Русинова, было десять ранъ, у другого—Зиновія Похомова—восемнадцать; третій умеръ на дорогѣ прежде, нежели увидѣлъ дымъ изъ трубы родного пепелища. Томительно долгою показалась имъ эта страшная ночь среди глухой, уединенной мѣстности, посреди безмолвной тишины кладбища, огороженнаго конскими трупами. Обезсиленные, истекшіе кровью, мучимые жаждою, они не смѣли поддаться сну, не смѣли подать голоса, со страхомъ прислушиваясь къ малѣйшему шороху: имъ все казалось, что горцы вернутся за покинутою добычей, — и имъ не миновать плѣна или смерти. И вдугъ на зарѣ послышался имъ конскій топотъ, вѣтерокъ донесъ до нихъ русскую рѣчь,—и страдальцы радостно осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

Прошли съ тѣхъ поръ десятки лѣтъ, а могила Гречишкина съ ея скромнымъ памятникомъ и понынѣ служитъ предметомъ народнаго почитанія. Всякій разъ, когда казаки Тифлисской станицы собираются въ походъ, они наканунѣ выступленія служатъ на ней панихиду и справляютъ тризну съ стрѣльбою и джигитовкой... А сколько есть на свѣтѣ могилъ съ громкими именами и пышными мавзолеями, къ которымъ никто не заглядываетъ, для которыхъ съ той минуты, когда надъ ними произносится: «миръ праху твоему»,—дѣйствительно наступаетъ миръ, а съ нимъ и забвеніе.

В. Потто.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ РАЗЫСКАНІЯ.

II [1]).

Одно изъ неоконченныхъ предпріятій С. П. Шевырева.

ВОСЕМНАДЦАТАГО октября нынѣшняго года минетъ сто лѣтъ со дня рожденія академика, профессора Московскаго университета, Степана Петровича Шевырева.

Жизнь и учено-литературная дѣятельность этого «стараго русскаго словесника» довольно хорошо извѣстны и по его пространной автобіографической запискѣ въ «Словарѣ профессоровъ Московскаго университета» (ч. II, стр. 602—624), и особенно по документальнымъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ книгѣ Н. П. Барсукова о Погодинѣ. Но среди трудовъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ Шевырева, почти совсѣмъ неизвѣстенъ одинъ, начатый печатаніемъ, но не выглянувшій на Божій свѣтъ въ цѣльномъ видѣ, сохранившійся только въ шести экземплярахъ и потому считающійся библіографами за «чрезвычайную книжную рѣдкость» [2]): мы говоримъ о «Біографической лѣтописи», или «Біографическомъ словарѣ питомцевъ Московскаго университета».

---

[1]) Первое разысканіе: «Къ біографіи И. А. Гончарова», помѣщено въ девятой книгѣ «Историческаго Вѣстника» 1906 г.

[2]) См. «Книжныя рѣдкости», И. Остроглазова («Русск. Архивъ», 1891 г., кн. 8, стр. 451), и трудъ Д. Ульянинскаго: «Среди книгъ» (М., 1903 г., стр. 70).

Странная судьба этого неоконченнаго изданія уже дважды остановила на себѣ вниманіе изслѣдователей [1]), но не получила полнаго разъясненія; теперь, въ виду «шевыревской годовщины», мы рѣшаемся привести наиболѣе подробныя свѣдѣнія о злополучномъ учено-литературномъ предпріятіи.

По архивнымъ документамъ видно, что еще 8 марта 1851 г. высочайше была утверждена «программа приготовленій Московскаго университета къ празднованію его столѣтняго юбилея». Согласно этой «программѣ» было предположено издать къ 12 января 1855 г., кромѣ «собранія профессорскихъ трудовъ»: 1) «Исторію Московскаго университета», написанную С. П. Шевыревымъ; 2) «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей», подъ редакціей того же Шевырева; 3) «Біографическую лѣтопись всѣхъ извѣстныхъ питомцевъ Московскаго университета за все столѣтіе, съ приложеніемъ «всеобщаго ихъ списка» (также подъ руководствомъ и наблюденіемъ Шевырева).

Первыя два изданія благополучно вышли изъ-подъ типографскаго станка ко дню университетскаго юбилея (по цензурнымъ отмѣткамъ: одно 2 января 1855 г., а другое 4 января того же года), но третье, начатое тисненіемъ еще осенью 1854 г., было доведено къ столѣтней годовщинѣ университета только до 16 печатнаго листа и прервалось на полусловѣ 240 страницы.

Что̀ же послужило причиною такого перерыва?

Одинъ офиціальный документъ того времени такъ объяснялъ неудачу «Біографической лѣтописи»: «Хотя большая часть матеріаловъ собрана уже для сего изданія, но оно не могло быть изготовлено къ празднику (12 января 1855 г.) по причинамъ, отъ комитета не зависѣвшимъ, потому что многія біографическія записки славныхъ питомцевъ университета были доставлены слишкомъ поздно, а другія и до сихъ поръ еще не доставлены» [2]).

Конечно, это была самая главная причина задержки изданія; но явились и другія помѣхи къ выпуску полной «Біографической лѣтописи».

Прежде всего, С. П. Шевыревъ, взявшій на себя работу по тремъ обширнымъ изданіямъ, естественно, не могъ одинаково удѣлять время на всѣ эти предпріятія. Онъ самъ признавался въ этомъ, жалуясь въ письмахъ къ Погодину, а при своей автобіографіи даже замѣтилъ: «эти срочные труды отвлекли меня отъ продолженія Исторіи русской словесности». При такомъ положеніи дѣла, «старый словесникъ» задумалъ опереться на помощь

---

[1]) Въ «Русскомъ Архивѣ», 1867 г., кн. 7, стр. 1178—1180 (замѣтка съ подписью: 40.80, т.-е. *М. П.*) и въ «Московскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ», 1868 г., кн. 5, стр. 451—458 (статья проф. Нила Попова).

[2]) «Историческая записка о дѣйствіяхъ университетскаго начальства», М., 1855 г., стр. 7.

«молодыхъ словесниковъ»: онъ привлекъ къ работамъ надъ біографіями питомцевъ университета только-что выпущенныхъ кандидатовъ историко-филологическаго факультета, какъ, напримѣръ: П. И. Бартенева, П. А. Безсонова, А. Н. Костылева и—главнымъ образомъ—Н. С. Тихонравова. Эти лица съ большимъ стараніемъ принялись за разысканія матеріаловъ и, какъ мы знаемъ, заботились о лучшей обработкѣ добытыхъ свѣдѣній. Но на это также требовались и многіе дни: доставка обработанныхъ статей невольно затягивалась... Вотъ почему изъ-подъ пера Шевырева летѣли письма, въ родѣ слѣдующей записки, адресованной Тихонравову: «Сдѣлайте милость, не медлите. Время летитъ. Осталось четыре мѣсяца»...

Съ другой стороны, къ сожалѣнію, самъ «редакторъ», а иногда и членъ комитета, адъюнктъ И. Д. Бѣляевъ, налагали свою «тяжелую руку» на уже совѣмъ готовыя біографіи: они позволяли себѣ, даже не спрашивая согласія авторовъ, вычеркивать не только отдѣльныя строки, но и цѣлыя мѣста. Отсюда возникали многочисленныя корректуры, замедлявшія ходъ изданія; отсюда же зарождались «печальныя недоразумѣнія» между членами комитета и «юными сотрудниками». Одинъ изъ нихъ, именно Тихонравовъ, особенно усердно поработавшій для «лѣтописи», наконецъ былъ выведенъ изъ терпѣнія и рѣшился прекратить дальнѣйшую работу въ этомъ изданіи. «Отъ біографій питомцевъ,—пишетъ онъ Шевыреву въ концѣ 1854 г.,—прошу васъ меня уволить: я не въ состояніи работать для помарокъ, не въ состояніи хладнокровно смотрѣть, какъ произвольно, безотчетно, не отличая важнаго отъ пустяковъ, мараютъ то, что мнѣ стоило не только большихъ трудовъ, но и пожертвованій. Пусть лучше все написанное мною гніетъ, но зачѣмъ же насмѣхаться надъ нимъ и компрометтировать себя?» [1]). Такой отказъ отъ сотрудничества самаго главнаго «вкладчика» въ изданіе поневолѣ отодвигалъ все дальше успѣшное окончаніе «Біографической лѣтописи».

Наконецъ самый видъ уже напечатанныхъ листовъ могъ постепенно охлаждать пылъ «редактора» къ продолженію изданія. Мы говоримъ не о бумагѣ или шрифтѣ, не о длинной вереницѣ опечатокъ въ буквахъ и цифрахъ, но о странной путаницѣ въ текстѣ, можетъ быть, зависѣвшей отъ поспѣшной верстки. Приведемъ одинъ рельефный примѣръ. На 32 страницѣ біографія Александра Григорьевича Карина неожиданно обрывается на половинѣ фразы, а именно: «Онъ сочинилъ комедію подъ названіемъ Россіянинъ, возвратившійся изъ Франціи, которая впрочемъ не издана, также»... Гдѣ же окончаніе этой фразы? Оно оказывается помѣщеннымъ на 193 страницѣ. Тамъ, послѣ біографіи Θеодора Григорьевича Карина, заканчивающейся указаніемъ, что онъ

[1]) «Сочиненія Н. С. Тихонравова», М., 1898 г., т. I, стр. XXVI—XXVII.

«скончался въ 1800 г.», читаемъ: «сочинялъ и трагедію подъ названіемъ Антигона, но, не докончивъ ея, умеръ въ 1769 г.». Эти-то строки и служили окончаніемъ вышеприведенной фразы, но помѣщенныя не на мѣстѣ давали странное указаніе на два различные года смерти Ѳ. Г. Карина...

Все указанное нами даетъ ясно понять, почему «Біографическая лѣтопись» не была докончена къ 12 января 1855 г. Въ юбилейный день Московскаго университета, правда, торжественно заявлялось, что «въ теченіе сто перваго года его существованія члены комитета надѣются привести къ окончанію этотъ біографическій трудъ», однако такая надежда не оправдалась. Вскорѣ послѣ университетскаго юбилея Шевыревъ оставилъ сначала профессорскую каѳедру, а затѣмъ и Россію. Говорятъ, «выходя изъ должности, онъ поручилъ продолженіе дѣла и передалъ рукописный запасъ И. Д. Бѣляеву», выше упомянутому члену комитета. Но въ архивѣ университета, насколько намъ извѣстно, не осталось никакихъ слѣдовъ такой передачи; да и самъ Бѣляевъ, скончавшійся позже Шевырева (въ 1873 г.), ни словомъ, ни дѣломъ не подтвердилъ такого слуха о продолженіи «Біографической лѣтописи», подъ его наблюденіемъ.

Не менѣе безотрадна была участь и отпечатанныхъ листовъ этого злополучнаго предпріятія. По словамъ главнаго ментранпажа университетской типографіи, Д. Соловьева (недавно умершаго), они лежали большою грудою въ типографскомъ складѣ до 1863 г., когда, при переходѣ типографіи въ частную аренду, были проданы на макулатуру. Уцѣлѣли лишь немногіе экземпляры, которые удалось сброшюровать (даже безъ выходного листа) въ 1855 г., конечно, для участниковъ въ изданіи. Изъ нихъ-то и извѣстны теперь шесть слѣдующихъ экземпляровъ: 1) въ библіотекѣ Московскаго университета (найденный нами при переходѣ ея изъ стараго помѣщенія въ новое зданіе, среди еще неописанныхъ книгъ); 2) въ Румянцовскомъ музеѣ (изъ библіотеки Н. С. Тихонравова); 3) въ Историческомъ музеѣ (среди коллекціи Щапова); 4) въ библіотекѣ покойнаго академика Л. Н. Майкова (даръ Тихонравова); 5) въ московскомъ собраніи книгъ Н. П. Рогожина (экземпляръ купленъ у библіографа И. М. Строглазова) и 6) у собирателя книгъ въ Москвѣ, Д. В. Ульянинскаго.

Дим. Языковъ.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ ГОРОДСКОЙ ПУБЛИЧНЫЙ МУЗЕЙ.

ГОРОДСКОЙ публичный музей въ г. Архангельскѣ находится въ вѣдѣніи Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета. Обязанъ музей своимъ основаніемъ выставкѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній въ г. Архангельскѣ въ 1859 г. Послѣ этой выставки весьма многіе предметы были переданы Архангельскому губернскому статистическому комитету, и такимъ образомъ было положено начало музею. Въ первое время пополненіе музея предметами и коллекціями имѣло случайный характеръ. Такъ продолжалось до 1865 г., когда музей при статистическомъ комитетѣ былъ пополненъ коллекціями музея же при палатѣ государственныхъ имуществъ, время основанія каковаго установить вполнѣ точно невозможно; предполагаютъ, что послѣдній музей былъ основанъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ первые годы Архангельскій музей пополнялся весьма незначительно коллекціями, а, кромѣ того, и помѣщенія-то хорошаго не было для него, такъ какъ городъ никакого вниманія не обращалъ на музей, который принужденъ былъ содержаться на скудныя средства статистическаго комитета. Такое жалкое существованіе музея продолжалось до половины 1893 г., когда былъ назначенъ въ Архангельскъ губернаторомъ нынѣ уже покойный А. П. Энгельгардтъ, обратившій особенное вниманіе на Архангельскій музей и на пополненіе его коллекціями, прекрасно понимая, что осмотръ полныхъ и систематизированныхъ коллекцій даетъ понятіе и знакомство съ краемъ.

Имѣя такой взглядъ на музей, А. П. Энгельгардтъ, какъ самъ пожертвовалъ собранныя имъ во время поѣздокъ по Архангельской губерніи коллекціи, такъ и способствовалъ тому, чтобы городская дума и министерство внутреннихъ дѣлъ пришли на помощь статистическому комитету, пожертвовавъ на музей небольшія средства. Дѣйствительно, благодаря стараніямъ покойнаго губернатора, городская дума постановила въ концѣ 1897 г. ассигновать ежегодно музею пособіе въ размѣрѣ 200 рублей и дать послѣднему помѣщеніе въ зданіи думы, въ каковомъ зданіи и находится въ настоящее время музей, занимая четыре свѣтлыхъ и сухихъ комнаты. Музей по настоящее время пополняется коллекціями, такъ что онъ имѣлъ возможность неоднократно посылать свои экспонаты на выставки въ города: С.-Петербургъ, Москву и даже въ Лондонъ и Парижъ, получая на нихъ за свои коллекціи награды. Вотъ въ краткихъ словахъ исторія музея, который, находясь въ г. Архангельскѣ и представляя собою собраніе различныхъ предметовъ нашего далекаго Сѣвера, долженъ представлять интересъ для всѣхъ, знакомящихся съ этимъ далекимъ краемъ. И дѣйствительно, всякій туристъ считаетъ своимъ долгомъ осмотрѣть этотъ музей, который имѣетъ много любопытнаго. Въ немъ находится свыше двухъ тысячъ экземпляровъ коллекцій, которыя расположены въ порядкѣ по отдѣламъ: по археологіи и исторіи, по геологіи, по земледѣлію, по различнымъ промысламъ и т. п. Наиболѣе любопытенъ отдѣлъ по археологіи и исторіи, въ коемъ находится масса различныхъ старинныхъ монетъ и медалей въ особенности царствованія императора Петра I и императрицы Екатерины II, оружіе и домашнія вещи доисторической эпохи, а также мужскія и женскія украшенія заволоцкой чуди, населявшей когда-то Архангельскую губернію; кресло Филарета Никитича Романова, находившагося въ заточеніи въ Сійскомъ монастырѣ Архангельской губерніи; вещи, принадлежавшія Антону-Ульриху, принцу Брауншвейгскому, отцу малолѣтняго императора Іоанна VI Антоновича, бывшему вмѣстѣ съ семействомъ въ заточеніи въ г. Холмогорахъ, а именно: 1) серебряная чашка съ надписью на днѣ, которая по переводѣ ея съ датскаго языка гласитъ слѣдующее: «Крестница, пусть этотъ подарокъ напоминаетъ тебѣ объ обязанностяхъ крестной дочери; не забывай, что тебѣ обѣщано, и слѣдуй имъ. 1729 г. I. Марія Бекенсъ» («Patin, gedenck bey den Geschenck die Taufflings Pflicht, vergiss ja nicht, was ich versprach, und kom ihn nach. A. 1729 I. Maria Bekens»); 2) кружка хрустальная со свинцовой крышкой; на наружной сторонѣ крышки изображены лѣсъ, звѣри и надпись: «Auf grünen Wald ihr Aufenthal» (переводъ: «Въ зеленомъ лѣсу ихъ жилище»); 3) два хрустальныхъ бокала; на одномъ—вензель P. P. (Peter Primus), двуглавый орелъ съ короною, военные доспѣхи и два изображенія неизвѣст-

Архангельскій публичный музей.

ныхъ лицъ, а на другомъ—вензель Е. I. Р. и гербъ съ двумя коронами, и 4) фарфоровая кружка съ металлической крышкою, на внутренней сторонѣ которой — надпись — «1761». Въ этомъ же отдѣлѣ находятся и старинныя книги и рукописи XVII и XVIII в.в., изъ каковыхъ книгъ наиболѣе достопримѣчательны: 1) книга письма устава конца XVII вѣка подъ заглавіемъ: «Служба на день святого великомученика Димитрія Мироточиваго и страданіе великомученика Димитрія Миротворца», въ которой на 39 совсѣмъ чистомъ листѣ имѣется надпись: «списывалъ сея тетради Михайло Ломоносовъ», 2) нѣсколько купчихъ, закладныхъ, тетрадей подрядныхъ, контрактовъ и расписокъ конца XVII и начала XVIII в.в., на нѣкоторыхъ изъ коихъ имѣются собственноручныя подписи уроженца Архангельской губерніи, Михаила Васильевича Ломоносова, и 3) тетрадки съ молитвами и заговорами и сборникъ разныхъ статей второй половины XVIII вѣка съ народными былинами. Изъ картинъ, имѣющихся въ этомъ отдѣлѣ, наиболѣе любопытенъ «Рисунокъ родословнаго дерева», на которомъ съ трудомъ можно разобрать въ корнѣ дерева изображеніе головы человѣческой и подпись «Емельянъ 1566», въ верхнемъ яблокѣ дерева написано: «Иванъ, умершій 1777», а по лѣвую сторону корня дерева можно разобрать нарисованными предметы сельскаго хозяйства: серпъ, косу, грабли и т. п., а также слова «ora et labora», т.-е. молись и трудись. Остальныхъ изображеній и надписей на этой картинѣ, къ сожалѣнію, не возможно разобрать. Въ этомъ музеѣ также заслуживаетъ особаго вниманія гербарій архангельской флоры, пожертвованный музею членами императорскаго с.-петербургскаго общества естествоиспытателей, а въ частности профессоромъ А. Н. Бекетовымъ, коллекціи предметовъ по этнографіи Архангельской губерніи: предметы домашней обстановки и одежды у русскихъ, зырянъ, самоѣдовъ и лопарей, населяющихъ сѣверъ; изъ предметовъ хозяйства, напримѣръ, замѣчательны скатерть и салфетка изъ береста, полотенце изъ стружекъ, а также любопытны шаманскій бубенъ, деревянные идолы съ о. Колгуева и т. п. Въ музеѣ также большая коллекція звѣрей, птицъ и морскихъ рыбъ и предметовъ, касающихся земледѣлія и рыбныхъ промысловъ Архангельской губерніи. Музей этотъ открытъ ежедневно для обозрѣнія публики съ платою по 10 коп. съ человѣка. Для удобства публики при осмотрѣ его также имѣется недавно изданный статистическимъ комитетомъ очень недурно составленный каталогъ, изъ коего видно, что очень много потрудились для приведенія въ порядокъ коллекцій музея и для описанія ихъ политическіе ссыльные А. П. Черный, С. В. Мартыновъ, А. Пивоваръ и др. Есть въ Архангельскѣ, кромѣ городского публичнаго музея, еще церковное древлехранилище, о коемъ уже печаталось года два тому назадъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника»; это древлехра-

нилище также имѣетъ много любопытнаго, но, къ сожалѣнію, только оно не имѣетъ каталога, а посему трудно его осматривать. Недавно въ г. Архангельскѣ открытъ рыбопромышленный музей, устроенный инспекторомъ рыбныхъ промысловъ въ Архангельской губ., Н. А. Варпаховскимъ, о каковомъ музеѣ въ настоящее время еще рано говорить, такъ какъ онъ окончательно не приведенъ еще въ порядокъ.

Д. К. Ежовъ.

ОТЪ ЯРОСЛАВЛЯ ДО НИЖНЯГО [1].

VI.

За Кинешмой.

ВЕРСТАХЪ въ семи ниже Кинешмы въ Волгу слѣва впадаетъ рѣка Мера, уже пробѣжавшая до сліянія съ Волгою около 120 верстъ. Нѣкоторые полагаютъ, что въ названіи Меры сохранилось воспоминаніе о жившемъ здѣсь въ древности племени мери, но эта догадка, конечно, требуетъ еще подтвержденія. Замѣтимъ кстати, что у Меры есть еще и другое имя: Медова.

Надъ самымъ устьемъ Меры расположено въ красивой мостности село Никола-Мера, бѣлая церковь котораго живописно выдѣляется на фонѣ темнаго зеленаго лѣса. Нѣсколько ниже по теченію, на правомъ берегу находится другой Никола, именно Никола-Езъ, но мы напрасно добивались у рулевого, показывавшаго намъ эти мѣста, объясненія такого страннаго названія.

— Езъ, да и Езъ,—отвѣчалъ онъ:—а почему онъ Езъ, кто жъ его знаетъ?

Но вотъ и Рѣшма, родина извѣстнаго въ смутное время доблестнаго борца за Русскую землю, крестьянина Григорія Лапши.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 931.

Никола-Мера у Рѣшмы.

Предводительствуя своими рѣшемскими слобожанами и крестьянами сосѣднихъ мѣстностей, Лапша принималъ энергичное участіе въ истребленіи шаекъ Лисовскаго, грабившихъ Владимирскій край и среднее Поволжье. Рѣшма хотя и не разъ была разоряема поляками, но не покорилась ни имъ, ни Тушинскому царику.

У Рѣшмы же произошло сраженіе, положившее предѣлъ наступательному движенію самого Лисовскаго. Оно произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Взявъ Кинешму и избивъ ея защитниковъ съ воеводою Боборыкинымъ во главѣ, Лисовскій принужденъ былъ выдержать десятидневную осаду на Кинешемскомъ городищѣ отъ ополченія, подошедшаго изъ Юрьевца Поволжскаго. Но ему удалось наконецъ пробиться, и онъ направился къ Костромѣ на помощь своимъ, засѣвшимъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ и осажденнымъ воеводою Жеребцовымъ. Но, придя къ монастырю по правому берегу, Лисовскій не нашелъ лодокъ для переправы и расположился въ знакомомъ уже намъ Селищѣ. Здѣсь соединился съ нимъ ростовскій воровской воевода Иванъ Наумовъ. Двѣ недѣли стояли они за Волгою противъ Ипатьевскаго монастыря, не имѣя возможности

подать помощь осажденнымъ, и вдругъ услыхали, что изъ Низовыхъ земель бояринъ Θедоръ Шереметевъ отправилъ противъ нихъ ополченіе. Оставаться долѣе на мѣстѣ было невыгодно. Они рѣшили двинуться внизъ къ Юрьевцу и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нибудь, переправиться на костромскую сторону. Не доходя до Рѣшмы, они схватили мужика, который на допросѣ сказалъ Наумову, что въ Рѣшмѣ стоятъ «государевы измѣнники» (число ихъ донскіе казаки, участвовавшіе въ походѣ, опредѣляютъ въ 4.000 [1])). Лисовскій тронулся дальше къ Юрьевцу, а Наумовъ свернулъ на Рѣшму, которая и была имъ взята. Три дня простоялъ здѣсь Наумовъ, поджидая Лисовскаго, и, когда тотъ соединился съ нимъ, было рѣшено устроить здѣсь переправу. Но только они стали переправляться за Волгу, какъ съ низу по рѣкѣ показались суда Шереметевскаго ополченія и дружно ударили на враговъ. Наумовъ думалъ было спастись и укрѣпиться на острову, но потерпѣлъ полное пораженіе. «И ружье наше, и кони, и борошенъ весь отгромили,—жалуются казаки,— и мы изъ-за Волги, съ острова, переплыли наги и босы». Лисовскому и Наумову пришлось поспѣшно отступить, такъ какъ за разгромившимъ ихъ отрядомъ шелъ съ войскомъ и самъ Шереметевъ.

Въ 1612 г. рѣшемцы съ восторгомъ привѣтствовали остановившагося у нихъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, когда онъ съ нижегородскимъ ополченіемъ шелъ на Москву.

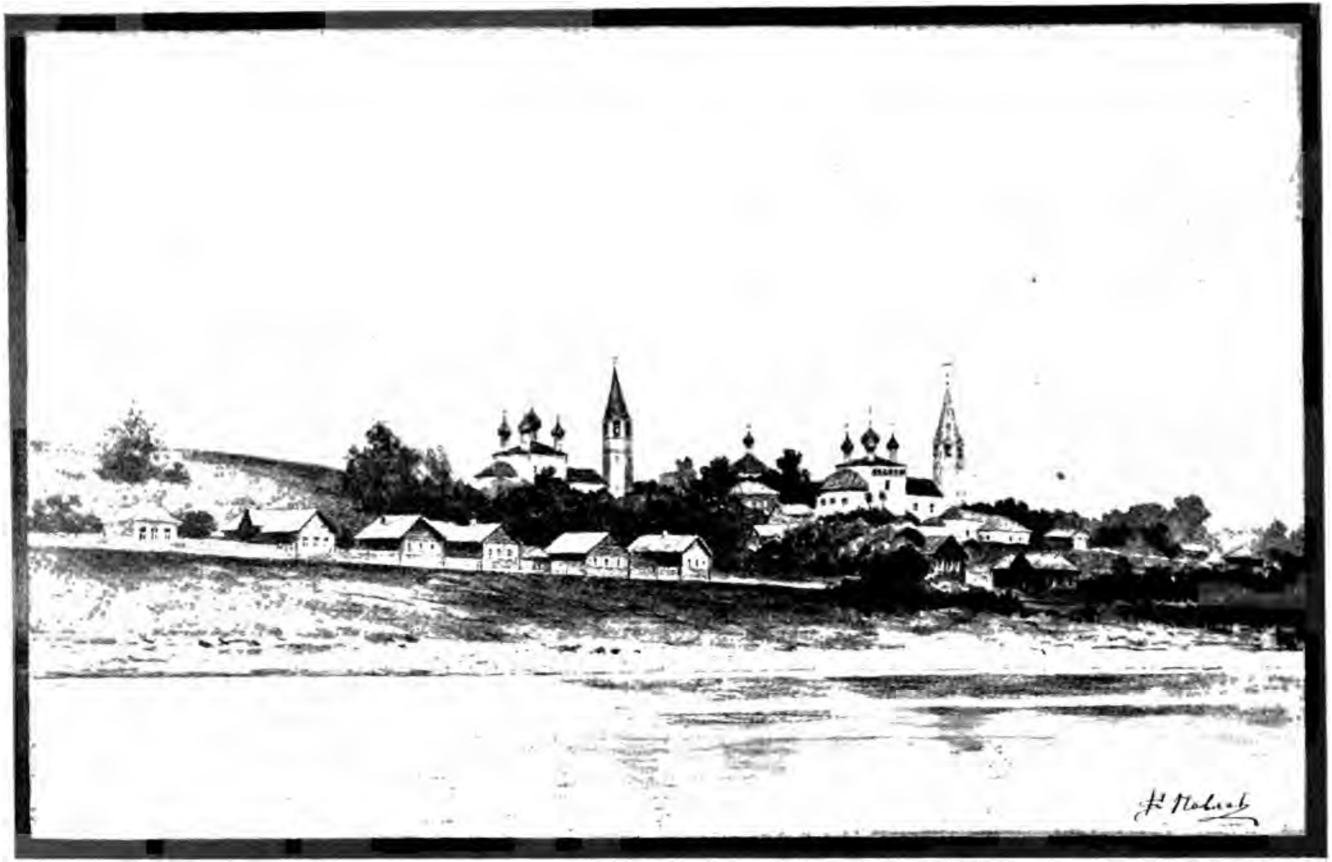
Нѣкоторое время Рѣшмою владѣлъ любимецъ царевны Софьи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, получившій Рѣшму вмѣстѣ съ Юмахонскою волостью въ награду за второй крымскій походъ. Но послѣ его опалы и ссылки Рѣшма снова сдѣлалась дворцовою слободою. Около 1754 г. она даже была центромъ названной по ея имени десятины, Суздальскаго уѣзда, въ которую входили, между прочимъ, извѣстныя по всей Россіи своими иконописцами села: Мстера и Хо́луй.

Въ позднѣйшее время Рѣшма была извѣстна, какъ производительница особаго крестьянскаго сукна, далеко извѣстнаго подъ именемъ рѣшемскаго. Его производилось въ Рѣшмѣ и сосѣднихъ деревняхъ до пятисотъ тысячъ аршинъ ежегодно.

Теперь этотъ кустарный промыслъ, какъ кажется, уже приходитъ въ упадокъ. Рядомъ съ Рѣшмою, отдѣленная отъ нея только небольшимъ оврагомъ, находится Макаріева пустынь, бѣдный, захудалый монастырекъ, весь утонувшій въ зелени окружающихъ березъ. О немъ разсказываютъ, что онъ основанъ св. Макаріемъ Желтоводскимъ въ XV столѣтіи, но, по словамъ извѣстнаго знатока русскихъ монастырей В. В. Звѣринскаго, разсказъ этотъ лишенъ основанія. Пустынь основана не преподобнымъ Макаріемъ,

---

[1]) См. ихъ челобитную Лжедимитрію въ «Актахъ Историч.», II, 282.

Рѣшма.

а только во имя его жителями Рѣшмы, и не въ XV, а въ началѣ XVII вѣка, въ благодарность за избавленіе ихъ стороны отъ поляковъ.

Когда мы подъѣзжали къ монастырю, съ горы на пристань спѣшно спускались два монаха, которые отслужили для насъ напутственный молебенъ,—послѣдній, который пассажиры слышатъ на Волгѣ, такъ какъ далѣе обителей у пристани уже не встрѣчается.

Когда Рѣшма скрылась изъ вида, мы прошли въ общую каюту, гдѣ заняли мѣсто за столомъ.

Въ каютѣ было всего два человѣка; они вели оживленную бесѣду о театрѣ.

Одинъ изъ нихъ, человѣкъ уже не молодой, по внѣшнему облику очень походилъ на актера и дѣйствительно, какъ выяснилось потомъ, оказался однимъ изъ полезныхъ дѣятелей стараго петербургскаго балета, давно уже вышедшимъ въ отставку. Товарищъ его былъ значительно моложе и, повидимому, большой любитель сцены. Онъ внимательно слушалъ разсказы своего собесѣдника, изрѣдка только вставляя вопросы и замѣчанія.

— Отецъ мой,—разсказывалъ балетный артистъ:—былъ крѣпостнымъ однихъ богатыхъ нижегородскихъ помѣщиковъ. У нихъ былъ свой театръ изъ крѣпостныхъ, и отецъ исполнялъ на немъ видныя роли. Случалось ему играть и съ Мочаловымъ. Бывало,— разсказывалъ покойный, — играемъ съ нимъ въ «Коварствѣ и любви» президента, а послѣ спектакля долженъ прислуживать за барскимъ ужиномъ съ салфеткою подъ мышкой, а баринъ сидитъ и бахвалится надъ тобою передъ гостями. Тяжело было!

— Правда ли, что съ Мочаловымъ было трудно играть по причинѣ его обильныхъ возліяній?

— Мочаловъ, правда, пилъ, и сильно пилъ, но пьяный онъ никогда не игралъ.

— А вы застали еще Гедеонова?

— Еще бы! Служилъ при немъ. Вотъ тоже господинъ-то былъ! Съ нами прямо, какъ съ крѣпостными, обращался. Со всѣми, даже съ артистками на «ты» обращался. О чемъ попросятъ, непремѣнно наоборотъ сдѣлаетъ. Разъ у насъ въ балетѣ съ нимъ курьезный случай вышелъ. Поѣхалъ онъ въ Москву, а у насъ въ театральномъ училищѣ балетная молодежь подобралась, просили перевести нѣсколько человѣкъ изъ Москвы. Вотъ выстроили передъ нимъ учениковъ. Обошелъ и отобралъ семнадцать человѣкъ. Желѣзной дороги тогда не было. Ихъ, рабовъ Божіихъ, на лошадяхъ отправили. Ѣхали, ѣхали, наконецъ добрались до Питера. Направили ихъ къ балетмейстеру. Тотъ даже въ отчаяніе пришелъ. Бѣжитъ къ Гедеонову. «Помилуйте, ваше превосходительство, кого они прислали? Эти господа не только танцовать, а и

ходить не умѣютъ!»—«Позвать ихъ ко мнѣ!» Явились. Началъ разспрашивать: какъ звать? сколько лѣтъ? почему танцовать не умѣетъ? Оказалось, что одинъ — флейтистъ, другой—скрипачъ, третій—литавристъ, четвертый—альтистъ, пятый—волторнистъ,— всѣ въ оркестръ готовятся. Это онъ, не разспросивши толкомъ, да и попалъ вмѣсто балетнаго на оркестровый классъ. А имъ, бѣднягамъ, пришлось даромъ около полуторыхъ тысячъ верстъ проѣхать, вѣдь шоссе-то тогда шло на Новгородъ!

— Скажите, пожалуйста, какого вы мнѣнія о мимическомъ языкѣ въ балетѣ?

— Очень низкаго. Языкъ крайне условный и несовершенный. Помилуйте, одно и то же движеніе, напримѣръ, руки, положенныя на грудь, означаетъ и близость, и смерть! Насмѣшилъ насъ однажды съ этою мимикою Стуколкинъ. «Вотъ,—говоритъ,—угадайте, что я скажу». Описалъ рукою въ воздухѣ кругъ, потомъ пожевалъ губами и показалъ на ногу. «Ну, что это такое?» Долго думали, понять не могли. Заставили еще разъ сдѣлать. Нѣтъ, не понимаемъ. Оказалось: я ѣмъ блинъ съ икрою.

— Вотъ вы столько лѣтъ пробыли на сценѣ. Какъ, на вашъ взглядъ, измѣнился характеръ и техника самихъ танцевъ сравнительно съ прежнимъ, или все осталось по-старому?

— О, сильно измѣнился! Признаться сказать, нынѣшніе танцы меня, старика, совсѣмъ не удовлетворяютъ. Въ наши времена въ искусствѣ преобладало стремленіе къ граціи, къ классической красотѣ движеній. Дидло, бывало, ни за что не позволялъ, даже въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ, поднять руку выше головы, и много было подобныхъ правилъ, доказывавшихъ тонкое чувство изящества и мѣры въ пластикѣ каждаго движенія. Теперь совсѣмъ не то. Старая школа канула въ вѣчность. Теперь не танцы, а какой-то акробатизмъ.

— А между тѣмъ денегъ на постановку теперь тратится куда больше.

— Еще бы! Въ тѣ времена, помню, поставленъ былъ балетъ: «Ливанская красавица», и на него затрачена была колоссальная по тогдашнимъ понятіямъ сумма въ сорокъ тысячъ рублей. Между тѣмъ балетъ большого успѣха не имѣлъ, и тогда же появился экспромптъ, оканчивавшійся слѣдующими восклицаніями:

Сорокъ тысячъ! Сорокъ тысячъ!
Балетмейстера бы высѣчь!
Сорокъ тысячъ! Сорокъ тысячъ!
Надо высѣчь! надо высѣчь!

— Однако, что это за городъ?—спросилъ онъ, взглянувъ въ окно.—Я хоть самъ нижегородскій, да на Волгѣ ужъ лѣтъ тридцать не былъ.

— Это Юрьевецъ,—замѣтилъ его товарищъ.

Мы поспѣшили на палубу.

Городъ раскинулся по уступамъ высокой горы праваго берега и съ Волги имѣетъ очень привлекательный видъ, хотя внутри онъ ни богатствомъ, ни особою красотою не отличается. Видное мѣсто въ панорамѣ съ Волги занимаетъ соборъ со своею пятиярусною колокольнею, которая, какъ бы даже конфузясь своей вышины, слегка покосилась на бокъ. Весь низменный песчаный берегъ былъ занятъ складами теса.

Противъ Юрьевца на лѣвомъ берегу виднѣлось довольно широкое устье рѣки Унжи. Рѣка беретъ начало въ Вологодской губерніи и течетъ на протяженіи 550 верстъ, захватывая въ Костромской губерніи Макарьевскій и Кологривскій уѣзды. По ней сплавляется главнымъ образомъ лѣсъ, деготь, смола и лыко, но, къ сожалѣнію, Юрьевцу отъ этой массы плывущихъ цѣнностей нѣтъ почти никакой наживы, такъ какъ плоты и суда съ товаромъ проходятъ мимо него, не останавливаясь. Гораздо полезнѣе въ этомъ отношеніи для жителей находящаяся въ городѣ юрьевецкая прядильная мануфактура, около которой кормится немало народа.

О происхожденіи города преданіе разсказываетъ, что оно относится къ 1225 г. Въ этомъ году великій князь Юрій Всеволодовичъ, плывя на судахъ Волгою отъ племянника своего Всеволода Константиновича изъ Ярославля, остановился ночевать на устьѣ Унжи. Ночью на горѣ за Волгою онъ увидѣлъ среди пустынной лѣсной мѣстности ярко мерцавшій огонекъ. Онъ послалъ справиться о причинѣ такого явленія, и на горѣ была найдена икона великомученика Георгія (Юрія) съ горящею передъ нею свѣчею. Въ память обрѣтенія иконы князь заложилъ здѣсь городокъ, назвавъ его въ честь своего ангела Юрьевцемъ. Въ отличіе отъ построеннаго среди полей на рѣкѣ Колокшѣ Юрьева Польскаго (теперь уѣздый городъ Владимирской губерніи), новый городокъ на Волгѣ получилъ имя Юрьева или Юрьевца-Повольскаго (т.-е. Поволжскаго). Городокъ принадлежалъ сначала къ Суздальско-Нижегородскому княжеству, затѣмъ перешелъ къ Городецкому. Въ 1552 г. данъ Іоанномъ Грознымъ въ удѣлъ астраханскому царевичу Кайбулѣ, а черезъ четыре года отписанъ въ опричину. Когда въ 1609 г. Лисовскій подходилъ къ Юрьевцу, жители сами сожгли свой городъ. Но не успѣли они, съ избраніемъ царя и утишеніемъ смуты, какъ слѣдуетъ, построиться на старомъ пепелищѣ, какъ городокъ въ 1614 г. подвергся новому разоренію отъ хозяйничавшихъ на Волгѣ казаковъ Заруцкаго.

Въ первыхъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича въ мирномъ Юрьевцѣ разыгралась далеко не мирная сцена. У патріархова приказа, гдѣ занимался духовными дѣлами протопопъ Входоіерусалимскаго собора, шумѣла и волновалась огромная толпа въ тысячу или полторы человѣкъ.

Рѣшма. Монастырь.

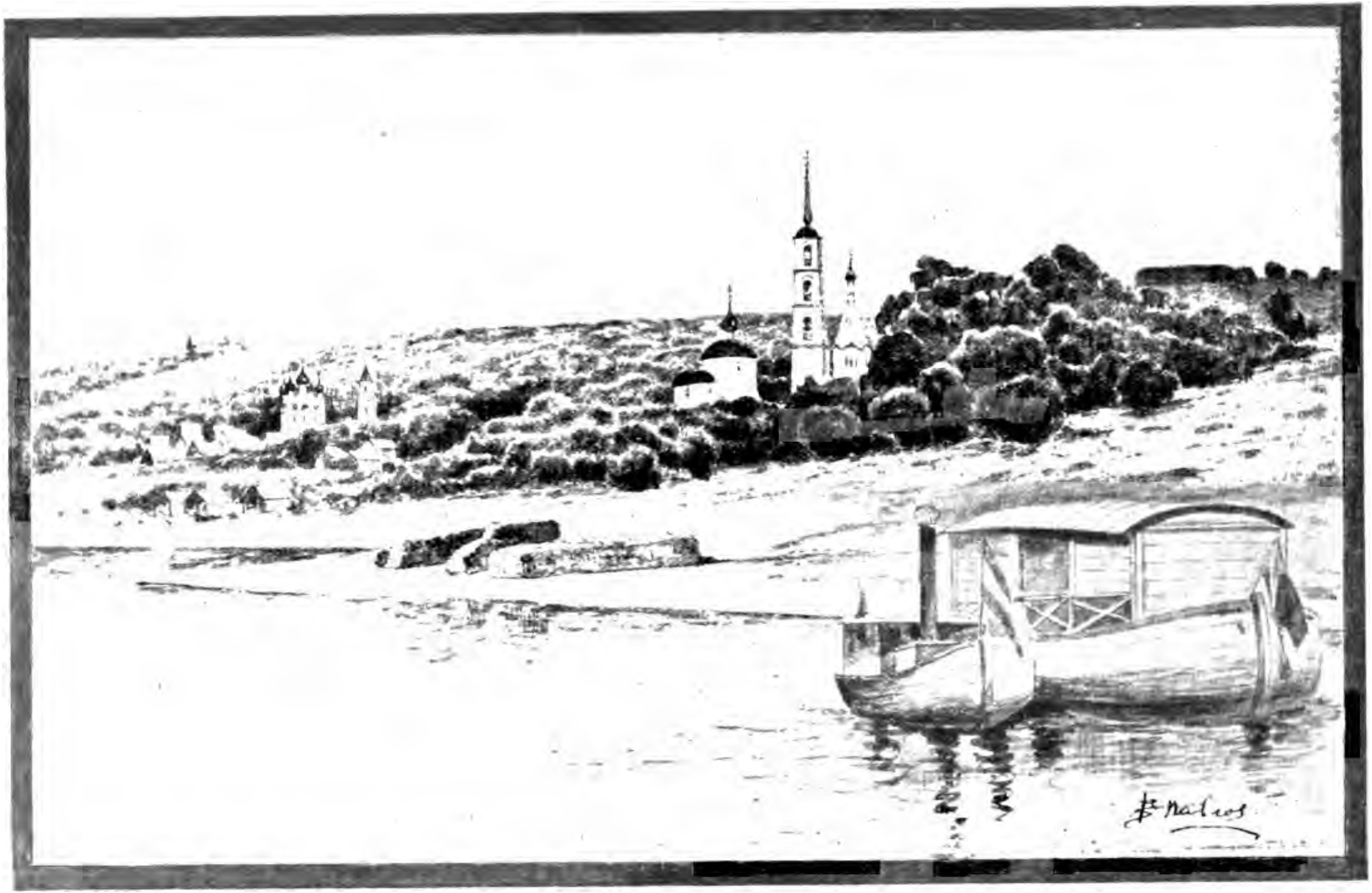
Въ толпѣ виднѣлись и посадскіе кафтаны, и однорядки, и поповскіе подрясники, и бабьи шугаи. Многіе были вооружены батогами. Особенно волновались попы и бабы. Нѣсколько человѣкъ ворвались въ приказъ и черезъ минуту появились на порогѣ, таща за собою высокую сутуловатую фигуру человѣка лѣтъ тридцати. Это и былъ протопопъ. Съ неистовымъ ревомъ бросилась на него толпа и принялась бить батожьемъ, рычагами, топтать ногами... Полумертвое тѣло бросили подъ избной уголъ. Въ это время на улицѣ появился воевода, прискакавшій съ пушкарями. Они схватили несчастнаго на лошадь и умчали изъ толпы на его подворье. Народъ былъ настолько возбужденъ, что у подворья пришлось поставить пушкарей для охраны. Шумъ по городу не унимался. Толпа,

главнымъ образомъ, тѣ же попы и бабы, съ криками напирала на подворье. «Убить вора!—вопили наступавшіе:—да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ». Но пушкари отстояли подворье. Тѣмъ не менѣе, мятежъ въ городѣ не унимался, и на третій день протопопъ, покинувъ жену и дѣтей, долженъ былъ ночью бѣжать по Волгѣ въ Кострому.

Кто же былъ этотъ злосчастный протопопъ, возстановившій противъ себя весь городъ? Не кто иной, какъ будущій ярый противникъ Никона, протопопъ Аввакумъ Петровичъ. Въ Юрьевцѣ онъ прожилъ всего восемь недѣль и своими проповѣдями и обличеніями вызвалъ противъ себя форменный народный бунтъ.

Впрочемъ смѣлому протопопу принимать побои было не въ диковинку. Больше всего, по его собственнымъ разсказамъ, приходилось ему терпѣть отъ начальства. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ одинъ начальникъ отнялъ у вдовы дочь. Аввакумъ вступился. Начальникъ воздвигъ на него бурю: «и у церкви пришедъ сонмомъ,—говоритъ Аввакумъ: —до смерти меня задавили». Болѣе получаса пролежалъ онъ безъ признаковъ жизни. Начальникъ испугался и отступился отъ дѣвицы, но потомъ не утерпѣлъ, пришелъ въ церковь и вторично билъ протопопа, волоча его за ноги по землѣ въ ризахъ. Другой начальникъ, ворвавшись въ домъ Аввакума, принялся бить его и «у руки отгрызъ персты». Бѣднякъ, завертѣвъ больную руку платкомъ, пошелъ къ вечернѣ, но по дорогѣ наскочилъ на него тотъ же начальникъ, котораго звали Иваномъ Родіоновичемъ, съ двумя «малыми пищалями» и пробовалъ застрѣлить протопопа, сперва изъ одного, потомъ изъ другого пистолета, но, къ счастью, оба дали осѣчку.

Въ третій разъ Аввакуму пришлось пострадать изъ-за ученыхъ медвѣдей. Пришли въ его село скоморохи съ медвѣдями, съ бубнами и домрами. Протопопъ не стерпѣлъ и, «ревнуя по Христѣ», выгналъ ихъ «и хари, и бубны изломалъ на полѣ, единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, одного ушибъ, и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле». Въ это время плылъ на Волгѣ на воеводство въ Казань Василій Петровичъ Шереметевъ и, вѣроятно, по жалобѣ скомороховъ, взялъ ревнителя къ себѣ на судно, много бранилъ его и въ заключеніе приказалъ благословить сына своего Матвѣя. Но тутъ опять бѣда: Матвѣй оказался бритымъ, и Аввакумъ вмѣсто благословенія принялся порицать его отъ писанія за «блудоносный образъ». Бояринъ, «гораздо осердясь», велѣлъ бросить обличителя въ Волгу. «И, много томя, протолкали, а опослѣ учинились добры до меня». Когда Шереметевъ впослѣдствіи встрѣтился съ Аввакумомъ у царя на сѣняхъ, то просилъ у него прощенія. «Такъ-то Богъ строитъ своя люди»,—заключаетъ свой разсказъ неунывающій протопопъ.

Юрьевецъ.

Немудрено послѣ этого, что и бѣда, стрясшаяся съ нимъ въ Юрьевцѣ, нисколько не повліяла на его душевную энергію. Послѣ этой послѣдней исторіи московскіе доброхоты уже не отпустили его на Волгу, а оставили въ Москвѣ.

Года черезъ три послѣ эпизода съ Аввакумомъ въ Юрьевцѣ, по царскому указу, была построена деревянная крѣпость съ пятью каменными башнями, которыя теперь исчезли безслѣдно. Въ 1780 г., когда началась постройка присутственныхъ мѣстъ, три башни были разобраны на кирпичъ для новаго зданія, а остальныя двѣ, простоявъ еще съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ, проданы на сломъ въ частныя руки. Это было въ 1823 г., а, спустя три года, сгорѣла отъ молніи и деревянная церковь во имя св. Георгія, построенная на мѣстѣ явленія иконы.

Такимъ образомъ въ городѣ изъ памятниковъ древности не осталось ничего.

Въ началѣ августа 1887 г. Юрьевецъ подвергся нашествію иноплеменныхъ, но по совершенно мирному поводу. Бельгійцы, французы и англичане явились сюда (равно какъ и въ Кинешму) для наблюденія солнечнаго затменія, и городокъ, въ этомъ отношеніи, отличился передъ другими градами и весями земли Русской. Въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ астрономамъ мѣшала сѣрая погода, въ Юрьевцѣ наблюденіе затменія совершилось при наилучшихъ условіяхъ, и иностранцы остались очень довольны избраннымъ ими городкомъ.

VII.

Окончаніе путешествія.

Мѣстности между Юрьевцемъ и Нижнимъ почтовые самолетскіе пароходы проходятъ обыкновенно въ ночное время, но мы, мѣняя пароходы, устраивали такъ, что могли осматривать берега Волги постоянно при дневномъ освѣщеніи.

Волга, двигавшаяся отъ Краснаго все время въ восточномъ направленіи, дойдя до Юрьевца, круто сворачиваетъ на югъ. Ширина ея достигаетъ теперь до 800 саженъ, но зато само русло все болѣе и болѣе мелѣетъ. Посреди рѣки то и дѣло выростаютъ острова, число и длина перекатовъ увеличивается. Все чаще и чаще приходится прибѣгать къ наметкѣ.

Верстахъ въ сорока ниже Юрьевца находится на правомъ берегу Волги значительное селеніе—посадъ Пучежъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ онъ назывался слободкою Пучище и принадлежалъ къ дворцовому вѣдомству, посадомъ же сдѣланъ лишь въ 1793 г.

О времени основанія Пучища свѣдѣній не сохранилось. Извѣстно только, что въ концѣ XVI вѣка московскій митрополитъ, а впо-

слѣдствіи патріархъ, Іовъ, построилъ здѣсь Вознесенскій мужской монастырь, упраздненный въ 1764 г. Храмы этого монастыря сохранились и до нашего времени за рѣчкою Пушавкою и носятъ названіе пушавинскихъ. Въ главномъ храмѣ осталось отъ прежняго монастыря много старинныхъ иконъ и плащаница, шитая золотомъ по алому, теперь уже полинявшему, бархату—даръ патріарха Іова. Разсказываютъ, что когда, во время изданія новыхъ штатовъ и упраздненія бѣдныхъ монастырей у пучежанъ спросили, могутъ ли они обезпечить свою обитель хотя бы пятьюдесятью рублями ассигнаціями годового дохода, то жители не могли поручиться и за эту сумму. Монастырь былъ закрытъ.

24 мая 1799 г. въ бывшемъ монастырѣ, подъ придѣломъ св. Михаила Архангела, во время перестилки половъ, были найдены нетлѣнныя мощи какого-то схимонаха. Находившаяся въ толпѣ жителей, прибѣжавшихъ посмотрѣть мощи, мѣстная кликуша въ припадкѣ назвала умершаго Іаковомъ. Стали искать въ древнемъ синодикѣ XVI столѣтія, сохранившемся при храмѣ отъ временъ обители, и дѣйствительно нашли въ числѣ братіи имена двухъ схимниковъ: одного звали Григоріемъ, другого—Іаковомъ. Отъ мощей начались исцѣленія. Объ открытіи дали знать по начальству, но начальство распорядилось обрѣтенное тѣло вновь зарыть въ землю. Тѣмъ дѣло и окончилось. Но могила схимника пользуется среди жителей большимъ уваженіемъ, и въ день обрѣтенія на ней служится панихида.

Въ Пучежѣ ведется довольно крупная торговля лѣсомъ, хлѣбомъ и льномъ, котораго много засѣвается въ окрестностяхъ. Хлѣбъ скупается купцами на низовыхъ пристаняхъ и отправляется вверхъ по Волгѣ на желѣзныя дороги или на Маріинскую систему.

Пучежскій посадъ достоинъ еще замѣчанія, какъ родина талантливаго русскаго самородка, Павла Алексѣевича Зарубина, жизнь котораго заключаетъ въ себѣ немало интересныхъ подробностей для характеристики его времени.

Павелъ Алексѣевичъ родился въ 1816 г. въ мѣщанской семьѣ. Отецъ его, Алексѣй Яковлевичъ, человѣкъ умный и большой начетчикъ церковныхъ книгъ, промышлялъ судовымъ промысломъ на Волгѣ и мелкою торговлею. Чтобъ заработать для семьи кусокъ хлѣба, онъ торговалъ и яблоками, и огурцами, и пряжей, ни минуты не оставаясь безъ дѣла и все время навигаціи проводя въ разъѣздахъ по Волгѣ. Мать Павла Алексѣевича, изъ духовнаго званія, была также женщина не глупая, красивая, но, къ сожалѣнію, очень легко переняла грубые нравы мѣщанской среды и не могла оказывать особенно благотворнаго вліянія на сына, который между тѣмъ подросталъ и близился къ учебному возрасту.

Обученіе грамотѣ,—по разсказамъ самого Павла Алексѣевича,—состояло въ тѣ времена въ вѣдѣніи старухъ-дѣвицъ, обыкновенно

перворазрядныхъ ханжей и сплетницъ, носившихъ, по своей педагогической спеціальности, названіе «мастерицъ». Воспитаніе и развитіе дѣтей основывалось главнымъ образомъ на застращиваніи. Ребяткамъ, поступившимъ въ школу, первымъ долгомъ внушалось, что въ распоряженіи мастерицы есть особая желѣзная рука, и если кто будетъ шалить, то желѣзная рука схватитъ его за бокъ и вырветъ мясо до костей. Но этого было мало. Мастерицы увѣряли своихъ воспитанниковъ, что помимо желѣзной руки есть еще таинственное, вездѣсущее существо турла-мурла, желѣзный носъ. Этотъ турла-мурла находится и подъ лавкою, и за дверью, и въ подпольѣ, и въ каждомъ темномъ закоулкѣ. Онъ сторожитъ дѣтей и уноситъ ихъ въ тартарары. Въ отношеніи религіознаго воспитанія мастерицы проводили убѣжденія, въ которыхъ выросли сами. О любви къ Богу и ближнему въ ихъ ученіи не было и помина. Всѣ религіозныя обязанности сводились къ соблюденію постовъ, автоматическому выстаиванью заутрени и обѣдни.

Въ руки мастерицъ Павелъ Алексѣевичъ, правда, не попалъ. Происходившая изъ духовнаго званія мать его взялась сама обучать сына грамотѣ. Но извѣстный методъ буки-азъ-ба, состоявшій въ безчисленномъ затверживаніи на память складовъ, былъ до того непонятенъ талантливому отъ природы мальчику, что въ три мѣсяца, несмотря на пинки, колотушки и прочія понудительныя средства, мать не могла дойти съ нимъ до складовъ, состоявшихъ изъ трехъ буквъ и читавшихся слѣдующимъ образомъ: буки-рцы-азра—бра; вѣди-рцы-икру-вру; червь-рцы-юрю—чрю и т. д. Мальчикъ приходилъ въ отчаяніе, плакалъ, томился, изнывалъ и наконецъ совершенно упалъ духомъ. Дѣло остановилось, и мать заклеймила его названіемъ оболтуса. Она перестала даже любить сына, считая его ни къ чему неспособнымъ, безполезнымъ мальчикомъ.

Главною страстью ребенка было рисованіе. Дни и ночи занимался онъ вычерчиваньемъ разныхъ кружковъ и треугольничковъ, а также изображеніемъ человѣческихъ фигуръ и разныхъ композицій.

Однажды случилось ему показать свои рисунки отцу.

— Нужно, братъ, подписывать всѣ картины. Безъ подписи что̀ за картина?—сказалъ тотъ.

— Да вѣдь я писать-то не умѣю,—робко отвѣтилъ мальчикъ.

— Не умѣешь, такъ учись,—строго возразилъ отецъ.—Прежде, братъ, и я не умѣлъ, а какъ сталъ учиться, такъ и выучился. На-ко, ты какую отговорку нашелъ: не умѣю! Я тебѣ дамъ: не умѣю! Что ты, въ самомъ дѣлѣ, пентюхомъ что ли хочешь остаться? Дуракомъ хочешь быть? У меня чтобы къ веснѣ выучиться и читать и писать! Слышишь? А не то, братъ, въ солдаты отдамъ каналью этакого! Слышишь ли, что я говорю?

— Слышу.

— Ты, братъ, на учителей-то не надѣйся: коли не умѣлъ у матери учиться, такъ учись самъ; если хорошенько примешься, такъ выучишься. Ну, а чего не поймешь, такъ молись больше Богу: онъ выучитъ всему.

И мальчикъ дѣйствительно выучился.

Буквы преслѣдовали его мысль постоянно. Огромными темными очертаніями онѣ проходили передъ нимъ даже и во снѣ. Онъ вскакивалъ съ постели и принимался усердно молиться Богу о вразумленіи и разгадкѣ таинственнаго смысла разныхъ «буки-рцы

Пучежъ снизу.

азра—бра» и тому подобной премудрости. И вотъ однажды среди жгучаго, томительнаго исканія его въ полуснѣ озарила мысль, что «буки-азъ-ба» въ сущности не что иное, какъ просто—«ба», и страшное «буки-рцы-азра»—только «бра». Ключъ былъ найденъ; мальчикъ чуть не плакалъ отъ радости. Усвоеніе дальнѣйшаго не представило для него никакихъ трудностей, и вскорѣ, ненавистное прежде, чтеніе сдѣлалось для него любимѣйшимъ предметомъ занятій.

Павлу Алексѣевичу было только четырнадцать лѣтъ, когда въ 1830 г. отецъ его умеръ отъ холеры, и онъ вмѣстѣ съ братомъ,

который былъ немногимъ его старше, остались единственными кормильцами матери, младшаго брата и трехъ сестеръ. Вскорѣ и старшій братъ умеръ.

Пришлось пятнадцатилѣтнему мальчику приняться за судопромышленность, къ которой онъ не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшаго призванія. Судьба сразу же оказалась для него мачехой. Обѣ расшивы его пошли ко дну, а, нѣсколько лѣтъ спустя, потонула и послѣдняя его барка. Отъ судовой промышленности пришлось отказаться.

Въ 1837 г. Павелъ Алексѣевичъ женился. Съ семьей расходы возросли, а отецъ оставилъ дѣтямъ только старенькій домикъ да честное имя. Но молодой Зарубинъ не унывалъ. Самоучкою изучилъ онъ столярное дѣло и сдѣлался прекраснымъ мебельщикомъ. Но въ небольшомъ посадѣ заказы на мебель были ничтожны. Онъ сдѣлался механикомъ и часовыхъ дѣлъ мастеромъ. Въ то же время не оставлялись имъ и любимыя занятія рисованіемъ и живописью. Совершенствуясь въ нихъ, онъ добился того, что написанное имъ изображеніе «Благовѣщенія» заслужило общее одобреніе на костромской губернской выставкѣ. Съ тѣхъ поръ это изображеніе было для него самою дорогою вещью.

Но, занимаясь искусствомъ, какъ любитель, Павелъ Алексѣевичъ главнымъ своимъ дѣломъ считалъ математику, къ которой имѣлъ отъ природы замѣчательныя способности. Къ сожалѣнію, единственными руководствами его на этомъ поприщѣ долгое время были старинная рукописная геометрія безъ начала и конца и ариѳметика Магницкаго 1703 г. на славянскомъ языкѣ. Много времени и напряженныхъ усилій пришлось ему потратить даромъ, чтобы самостоятельно додуматься до такихъ математическихъ законовъ и положеній, которые давно уже были извѣстны изъ учебниковъ каждому, занимающемуся этою наукою.

Отъ математики Зарубинъ перешелъ къ астрономіи и физикѣ, въ которой главное вниманіе было обращено имъ на механику. Любовь къ черченію, соединенная съ солидными познаніями въ математическихъ наукахъ, привела наконецъ Павла Алексѣевича къ рѣшенію спеціализироваться въ области топографіи и геодезіи. Видя, какъ плохо обставлено кругомъ межевое дѣло, онъ хотѣлъ принести пользу на этомъ поприщѣ. Будучи двадцатишестилѣтнимъ отъ роду, онъ прекрасно выдержалъ экзаменъ на землемѣра. Окончательное утвержденіе и опредѣленіе на должность зависѣло теперь отъ губернскаго землемѣра. Но у сего почтеннаго мужа былъ обычай брать съ каждаго новичка взятку въ 700 рублей ассигнаціями. Бѣднякъ Зарубинъ не имѣлъ такихъ денегъ и рѣшилъ разстаться съ самою дорогою для себя вещью—своимъ «Благовѣщеніемъ». Но скромный даръ его не удовлетворилъ землемѣра. Хорошіе экзаменаціонные баллы были переправлены на худшіе, и

Павелъ Алексѣевичъ низведенъ на степень простого чертежника, безъ жалованья и пособія.

Десять лѣтъ пришлось ему биться въ этомъ безправномъ положеніи, пользуясь общимъ уваженіемъ согражданъ и навлекая на себя придирки и притѣсненія начальства за свои проекты по улучшенію разныхъ частей межевого дѣла. Всѣ его проекты аттестовались, какъ занятія «затѣйливыя, вредныя и нестерпимыя для службы».

Катунки.

Въ 1853 г. новый костромской губернаторъ обратилъ вниманіе на злоупотребленія по межевой части и при изслѣдованіи замѣтилъ полезную дѣятельность пучежскаго чертежника. Павелъ Алексѣевичъ возведенъ въ званіе землемѣра съ окладомъ жалованья, при чемъ въ награду за прежнюю службу ему назначено двѣсти рублей одновременно. Но таковы были условія того милаго времени, что денегъ этихъ Павелъ Алексѣевичъ даже и не видалъ, а получилъ ихъ и расписался въ полученіи тотъ же гонитель и притѣснитель его, губернскій землемѣръ.

Губернаторъ вскорѣ былъ переведенъ въ другую губернію, но Зарубинъ, увидавъ отъ него хотя скромное признаніе своихъ заслугъ, еще болѣе окрылился духомъ и рѣшился послать въ академію наукъ свои изобрѣтеенія по землемѣрной части и въ томъ числѣ планиметръ, инструментъ чисто механическимъ путемъ опредѣляющій квадратную мѣру плоскостей и сберегающій массу времени и труда, потребныхъ на математическія вычисленія. Академія наградила его половинною демидовскою преміей, а описаніе прибора издала на свой счетъ. Черезъ два года онъ представилъ усовершенствованную форму планиметра (самокатъ) и удостоился отъ академіи преміи за свое изобрѣтеніе.

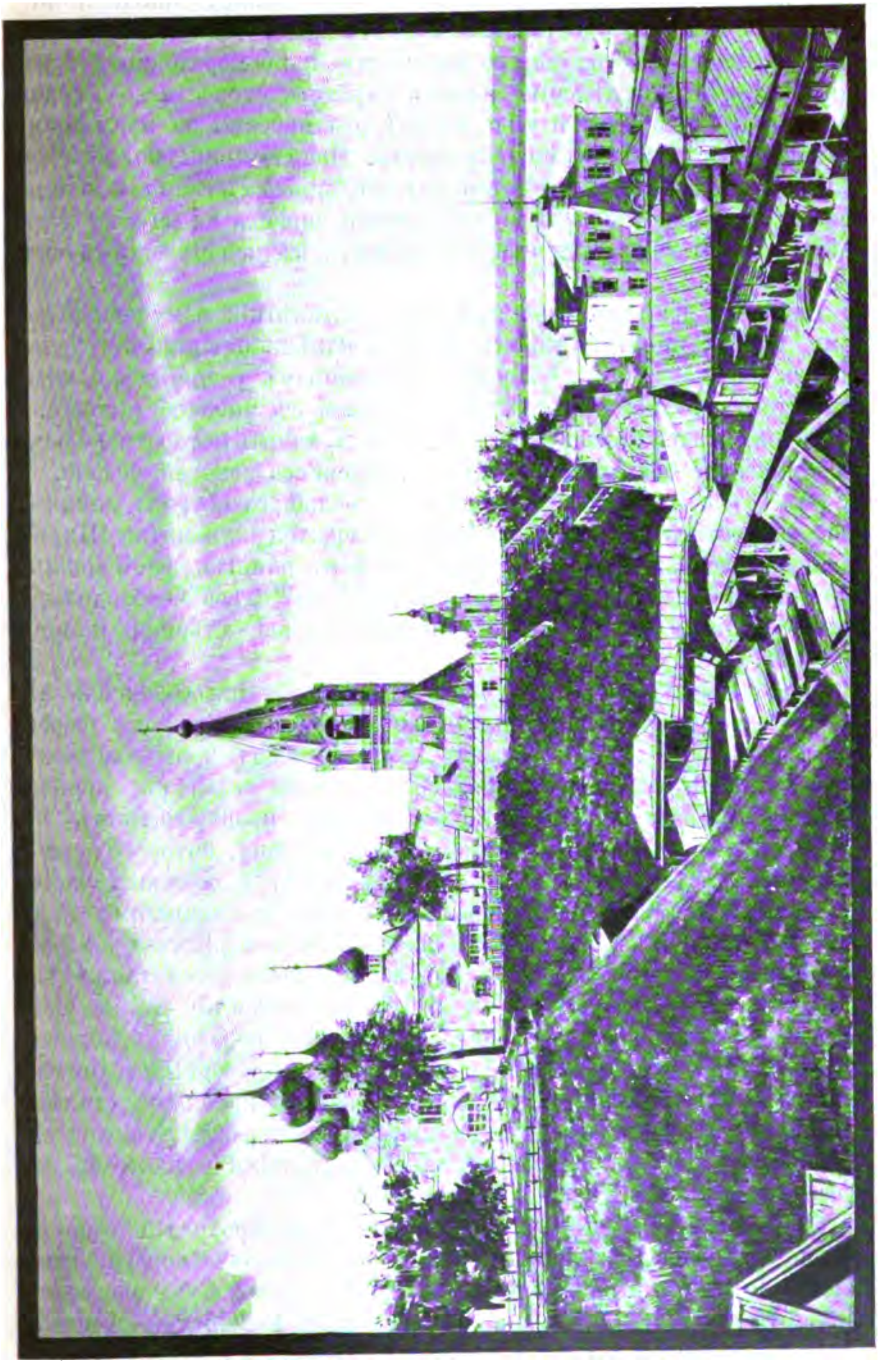
Но въ то время, какъ наше высшее ученое учрежденіе награждало полезные труды изобрѣтателя, его ближайшее начальство строго внушило ему «воздержаться отъ дальнѣйшихъ изобрѣтеній, а заниматься дѣломъ, служить, какъ всѣ порядочные чиновники». Зарубина переименовали изъ землемѣровъ въ помощники и помимо его желанія перевели въ Москву въ межевую канцелярію, гдѣ поручили его вѣдѣнію какую-то кладовую и употребляли чуть не въ качествѣ разсыльнаго. Но неутомимый дѣятель продолжаетъ попрежнему служить дѣлу, а не лицамъ. Онъ выработалъ новый проектъ планиметра, еще болѣе усовершенствованнаго, и готовился представить его въ академію, какъ вдругъ получилъ приказаніе явиться въ полное присутствіе своего непосредственнагп межевого начальства. Его ввели, какъ преступника, и предсѣдатель грозно обратился къ нему:

— Какъ вы смѣли, какое имѣли право безъ предписанія начальства дѣлать какія либо изобрѣтенія, когда вамъ было уже не разъ говорено, чтобы вы бросили заниматься вздоромъ? За всю вашу чепуху запереть бы васъ надо въ сумасшедшій домъ, и этого вы дождетесь, а пока мы васъ полѣчимъ домашними средствами.

Зарубинъ былъ посаженъ подъ строгій арестъ и заваленъ работой съ обязанностью представлять отчетъ въ томъ, что имъ сдѣлано за сутки.

Изнемогшій въ пятнадцатилѣтнихъ страданіяхъ Павелъ Алексѣевичъ два раза просилъ отставки отъ службы, но оба раза получилъ отказъ и только послѣ третьяго прошенія, въ которомъ онъ категорически заявлялъ, что ни подъ какимъ видомъ на службѣ не останется, его уволили даже безъ права на чинъ 14 класса, подъ предлогомъ, что онъ не получилъ форменнаго образованія.

Въ 1864 г. Павелъ Алексѣевичъ былъ причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ и служилъ въ должности помощника директора сельско-хозяйственнаго музея до 1883 г. Творческая дѣятельность его не прекращалась. За это время имъ изобрѣтены, награжденные золотыми медалями, многосильный гидро-

Соборъ въ Городцѣ.

пультъ и водоподъемникъ, затѣмъ сельско-хозяйственный пожарный насосъ, также удостоенный медали на Всероссійской выставкѣ. Много имѣлось въ головѣ его проектовъ и по мореходному дѣлу, напримѣръ, по опредѣленію морской глубины, скорости хода судна, пройденнаго имъ пути и т. п., но всѣ эти проекты за неимѣніемъ средствъ остались неосуществленными. Немало пришлось вынести Павлу Алексѣевичу и на новой службѣ, при чемъ главною причиною недобрыхъ отношеній и здѣсь была зависть къ его неутомимой энергіи и замѣчательной способности къ изобрѣтеніямъ всякаго рода.

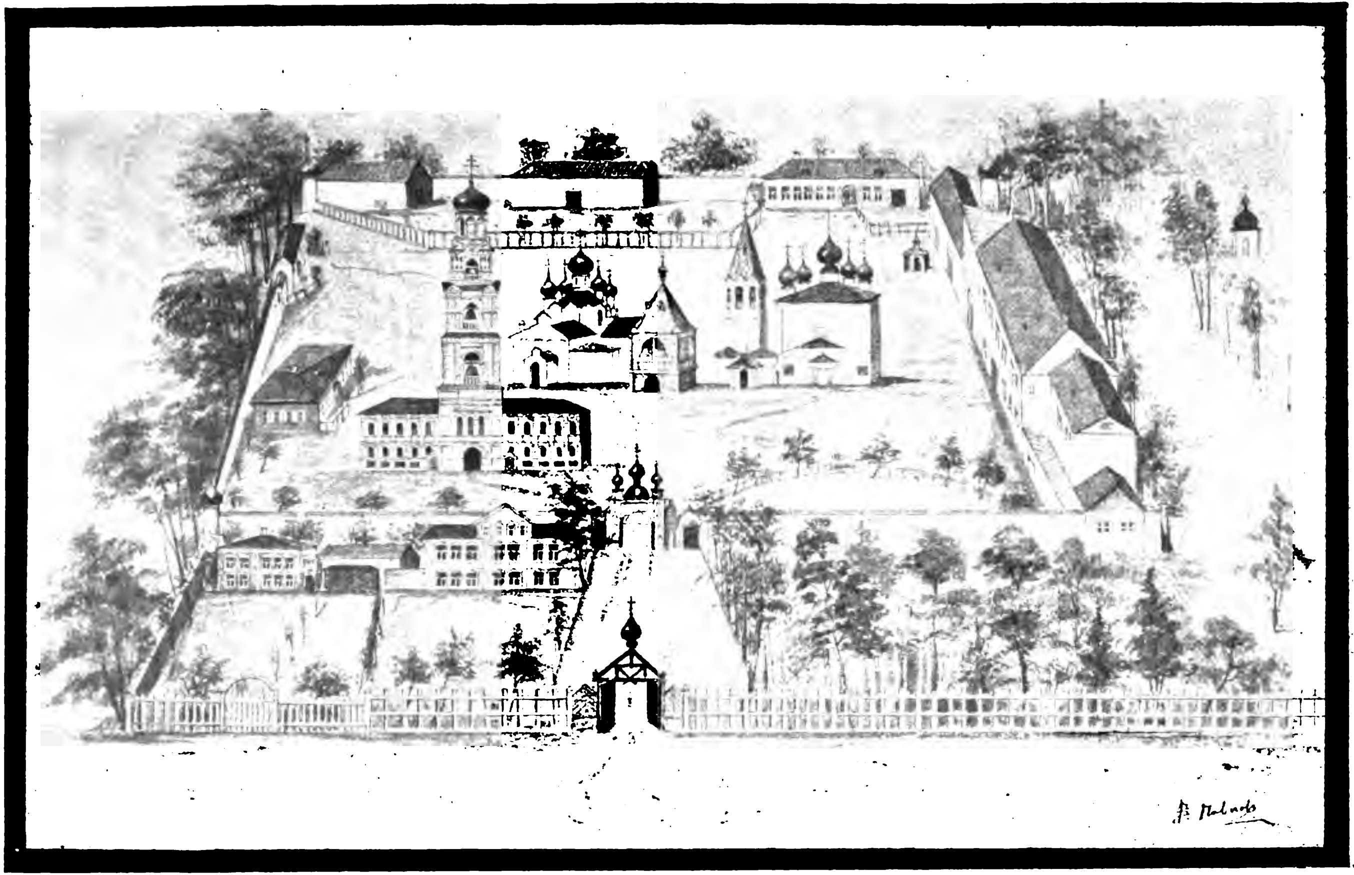
Наконецъ насталъ 1886 г., и семидесятилѣтній измученный людями, изстрадавшійся старикъ почилъ навѣки отъ всѣхъ трудовъ своихъ, не выполнивъ, благодаря жизненнымъ условіямъ, и половины того, что могъ бы сдѣлать, находясь въ иной обстановкѣ.

Такова жизнь этого бѣднаго труженика, память котораго вольное экономическое общество почтило учрежденіемъ золотой медали.

За Пучежемъ противъ оконечности большого острова, длинною полосою протянувшагося вдоль Волги, находится знаменитая Ширмокшанская мель, имѣющая около 100 саженъ длины и всего аршинъ глубины. Для большихъ судовъ перегрузка здѣсь необходима, и мель обходится въ хорошую копеечку нашей хлѣбной и иной торговлѣ.

Передъ большимъ селомъ въ предѣлахъ Нижегородской губерніи были Катунки, красиво раскинувшіеся по правому берегу Волги и извѣстные кожевеннымъ и клееварнымъ производствомъ. Первое существуетъ въ Катункахъ уже болѣе ста лѣтъ, принося немалыя выгоды населенію. Кожевеннымъ производствомъ катунцы обязаны своему односельчанину Самарину, который первый устроилъ здѣсь небольшой кожевенный заводъ и показалъ своимъ сосѣдямъ, шившимъ до той поры бабьи коты и ходившимъ за неимѣніемъ лучшаго въ бурлаки,—всю выгодность этого промысла. Катунскій клей подъ именемъ хатунскаго пользуется также широкою извѣстностью. Нѣкоторые жители занимаются также скорняжнымъ ремесломъ, обдѣлывая главнымъ образомъ кошачьи шкурки, которыя собираютъ по окрестнымъ губерніямъ. По словамъ г. Боголюбова, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія катунцы истребляли отъ пятидесяти до восьмидесяти тысячъ кошекъ ежегодно. Недаромъ и смѣялись надъ ними у насъ на палубѣ, называя ихъ «кошкодавами».

Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Катунокъ пароходъ останавливается у слободы Василевой, на томъ же правомъ берегу, занимающейся глиняным горшечнымъ производствомъ уже болѣе ста лѣтъ. Въ своемъ «Географическомъ словарѣ Россійской имперіи» 1801 г. Щекатовъ уже описываетъ этотъ василевскій промыселъ слѣдующими словами: «Глину добываютъ они у себя въ селѣ;

Θеодоровскій Городецкій монастырь.

что же касается собственно до ихъ работы, то весьма низкіе свои кружки вертятъ они не ногами, но лѣвою рукою, и печки для обжиганія вещей дѣлаютъ надъ горномъ на подобіе бочки, вышиною въ сажень, а пространствомъ въ поперечникѣ въ 5 футовъ. Обжегши довольно свои издѣлья, закрываютъ они печку сверху и подкладываютъ курево, отъ котораго дымъ проникаетъ сквозь посуду и придаетъ ей темно-синій цвѣтъ. Они также дѣлаютъ пивныя корчаги, ведра въ четыре. Посуда ихъ тонка, гладка, крѣпка и такъ хороша, что каждый годъ нагружаютъ ею до 16 барокъ, внизъ по Волгѣ отпускаемыхъ».

Василева слобода существовала уже въ XV вѣкѣ и была центральнымъ пунктомъ Бѣлогородской волости. Въ XVI вѣкѣ она перешла въ родъ Шуйскихъ и составляла родовую вотчину царя Василія Ивановича. Женившись на княжнѣ Буйносовой-Ростовской, царь подарилъ ей Бѣлогородье, которое послѣ постриженія обоихъ супруговъ перешло во владѣніе Московскаго Вознесенскаго монастыря на поминъ ихъ душъ. При Екатеринѣ II слобода обращена въ экономическую.

У Василевой слободы 4 января 1615 г., послѣ того, какъ Иванъ Заруцкій былъ уже посаженъ на колъ въ Москвѣ, воевода князь Лыковъ-Оболенскій разбилъ на голову казацкаго атамана Захара Заруцкаго, быть можетъ, брата или родственника Ивана.

Въ свое время въ Василевской слободѣ были четыре монастыря, но всѣ они въ 1764 г. упразднены и обращены въ приходскія церкви. Въ бывшемъ женскомъ Анастасіиномъ монастырѣ показываютъ могилу монахини Анастасіи, если не основательницы, то во всякомъ случаѣ видной дѣятельницы названной обители.

Въ четырнадцати верстахъ ниже Василева на лѣвый берегъ выступаетъ высокій обрывистый кряжъ, доминирующій надъ правымъ и принуждающій Волгу сдѣлать небольшой изгибъ въ правую сторону.

На этомъ обрывистомъ кряжѣ, напоминающемъ своимъ видомъ отвѣсную стѣну, раскинулось большое историческое село Городецъ, носящее также названіе Верхней или Большой слободы.

Раскинувшійся на пять верстъ Городецъ состоитъ изъ частей: Коренного Городца (центральная часть съ соборомъ), Верхней и Нижней слободъ и Скомороховой, и, кромѣ того, къ нему примыкаетъ шесть деревень: Коротайка, Кириллова, Верхняя Поляна, Оксенова, Воздвиженская и Подгорная слобода. Таково это «село», которому по всѣмъ правамъ давно бы уже слѣдовало быть городомъ.

Городецъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ поселеній на средней Волгѣ. Онъ существовалъ еще въ XII вѣкѣ и, какъ кажется, носилъ тогда названіе Родилава. Впрочемъ и имя

«Городца Волжскаго» (въ отличіе отъ другихъ Городцовъ) дано ему также въ древнія времена. Третье названіе Городца—Малый Китежъ, относится уже къ легендарной области и упоминается въ народной легендѣ о кончинѣ великаго князя Юрія Всеволодовича, которую я передамъ ниже.

Мѣстное преданіе относитъ основаніе Городца къ 1164 г. и приписываетъ его тому же Юрію Всеволодовичу, который родился, по словамъ Лаврентьевскаго списка, 26 ноября 1189 (по Никоновской лѣтописи въ 1187) и слѣдовательно никакъ не могъ быть основателемъ города. Другіе считаютъ начало Городца современнымъ построенію мѣстнаго Ѳеодоровскаго монастыря и приписываютъ его Юрію Долгорукому, но и здѣсь въ хронологіи извѣстія расходятся. По однимъ это произошло въ 1149 г., по другимъ—въ 1152 г.

Преданіе повѣствуетъ, что князь, прибывъ на мѣсто, называемое Малый Китежъ, построилъ здѣсь городъ и назвалъ его Городцомъ. У жителей Китежа въ то время была только часовня, стоявшая на кладбищѣ, и въ ней мѣстно чтимая икона Божіей Матери Одигитріи. Жители просили князя перенести эту икону въ городъ. Юрій самъ съ духовенствомъ и крестнымъ ходомъ пошелъ къ часовнѣ за иконою, но икона не пожелала двинуться съ мѣста, почему князь и рѣшилъ оставить ее на кладбищѣ и устроить тамъ иноческую обитель, что́ и было исполнено.

Внукъ Юрія Долгорукаго, великій князь владимирскій Юрій Всеволодовичъ (которому нѣкоторыя редакціи преданія и приписываютъ основаніе города), разбитый на Липицѣ Мстиславомъ Удалымъ въ 1216 г., уступилъ Владимиръ старшему своему брату Константину, а самъ удалился въ данный ему Городецъ Радиловъ съ княгинею, дѣтями и владыкою Симономъ. Но въ слѣдующемъ же году Константинъ вернулъ Юрія изъ Городца, далъ ему во владѣніе Суздаль и назначилъ своимъ наслѣдникомъ по великому княженію въ Владимирѣ. Въ 1219 г. Константинъ умеръ, и Юрій сдѣлался великимъ княземъ, а черезъ восемнадцать лѣтъ, какъ извѣстно, сложилъ голову въ битвѣ съ татарами на р. Сити.

Но мѣстныя преданія не хотѣли помириться со смертью любимаго князя, основателя Нижняго Новгорода, приключившеюся гдѣ-то въ дальнихъ мѣстахъ, на неизвѣстной рѣкѣ. Они перенесли ее въ свой приволжскій край, на берега озера Свѣтлый Яръ, находящагося въ Макарьевскомъ уѣздѣ, на самой границѣ Нижегородской и Костромской губерніи, близъ села Людны, или Владимирскаго. Здѣсь, по словамъ преданій, стоялъ городъ Большой Китежъ, построенный, какъ и Малый, тѣмъ же великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ. Когда на землю Русскую послалъ Господь нечестиваго и безбожнаго царя Батыя, благовѣрный князь Юрій, собравъ своихъ воевъ пошелъ противъ Батыя. И была сѣча

большая и кровопролитіе многое. Но у благовѣрнаго князя воевъ было мало, и побѣжалъ онъ отъ нечестиваго царя внизъ по Волгѣ въ свой градъ Малый Китежъ. Здѣсь онъ много боролся съ нечестивымъ царемъ, не пуская его въ городъ, но видя, что ему въ Маломъ Китежѣ не удержаться, ночью вышелъ тайно изъ города и удалился къ Свѣтлому Яру въ Большой Китежъ. Утромъ Батый взялъ Малый Китежъ и всѣхъ въ городѣ порубилъ и началъ мучить одного изъ жителей, именемъ Гришку Кутерьму, допытываясь у него, куда ушелъ князь. Гришка, не стерпя мукъ, указалъ ему дорогу къ Свѣтлому Яру, и Батый двинулся къ Большому Китежу, взялъ его и убилъ благовѣрнаго князя. Съ тѣхъ поръ Большой Китежъ сталъ невидимъ и пребудетъ невидимымъ до послѣднихъ временъ. Увидѣть его могутъ только богобоязненные люди и то, если, отправляясь въ Китежъ, не скажутъ о томъ ни отцу, ни матери и совершатъ свое путешествіе въ глубокой тайнѣ. Многіе отправлялись въ это паломничество, но не многимъ удавалось видѣть воздушный городъ, а тѣ, кто попадалъ въ него, навѣки оставались тамъ.

Среди старообрядцевъ обращаются нѣсколько редакцій письма одного изъ странниковъ, достигшаго Китежа и описывающаго праведную жизнь обитающихъ въ немъ святыхъ старцевъ. По мнѣнію другихъ, Китежъ съ церквами, монастырями и княжескими и боярскими хоромами погрузился на дно озера Свѣтлый Яръ, и въ тихую погоду можно будто бы слышать звонъ его колоколовъ и даже разсмотрѣть подъ водою очертанія самого города.

Таковы легенды о благовѣрномъ князѣ Юріи и объ основанныхъ имъ Большомъ и Маломъ Китежахъ.

Во время нашествія Батыя Городецъ дѣйствительно былъ взятъ и сожженъ татарами. Въ день погрома изъ города исчезла чудотворная икона Божіей Матери и, какъ мы уже знаемъ, явилась въ Костромѣ, гдѣ по великомученику Ѳеодору Стратилату и названа Ѳеодоровскою. Городчане сняли съ нея копію и помѣстили у себя въ построенномъ вновь монастырѣ.

Въ этой новой Ѳеодоровской обители 14 ноября 1263 г. закатилось «солнце земли Русской»—благовѣрный князь Александръ Ярославичъ Невскій. Онъ возвращался больной изъ своего четвертаго утомительнаго путешествія въ орду и, приближаясь по Волгѣ къ Городцу, почувствовалъ себя настолько худо, что принужденъ былъ здѣсь остановиться. Его помѣстили въ монастырѣ. Но болѣзнь черезъ нѣсколько дней такъ усилилась, что исчезла всякая надежда на выздоровленіе. Чувствуя приближеніе кончины, Александръ принялъ схиму съ именемъ Алексѣя. 14 ноября его не стало. Тѣло князя было перенесено во Владиміръ, гдѣ 23 ноября совершилось его торжественное погребеніе.

Сынъ Александра, Андрей Городецкій, почти все время проводилъ въ своемъ удѣльномъ городѣ на Волгѣ, даже и тогда, когда

сдѣлался великимъ княземъ владимирскимъ. Здѣсь въ Городцѣ онъ и похороненъ.

Въ тѣ времена столица Городецкаго княженія была окружена громаднымъ валомъ, насыпаннымъ по горѣ Оползень. Валъ этотъ заключалъ въ себѣ пространство шириною около двухъ верстъ. Но со времени нашествія Едигея, испепелившаго городъ, подобно Батыю, пространство это и до нашихъ дней представляетъ собою

Балахна. Соборная площадь.

безлюдный, унылый пустырь, поросшій травою и кустарникомъ. Въ народѣ разсказываютъ, что въ горѣ Оползень по ночамъ свѣтятся порою огоньки. Огоньки эти горятъ надъ забытыми, неизвѣстными могилами городецкихъ князей. Передъ кончиной міра могилы эти, по народному вѣрованію, должны открыться.

Въ настоящее время Городецъ, несмотря на свое официальное названіе села, является значительнымъ центромъ хлѣбной торговли и крупнымъ мѣстомъ сбыта такъ называемой горянщины, т.-е. деревянной посуды—чашекъ, плошекъ, тарелокъ, ложекъ,—

изготовляемой, главнымъ образомъ, въ сосѣднемъ Семеновскомъ уѣздѣ. Общій оборотъ на базарахъ въ Городцѣ доходитъ до четырехъ милліоновъ рублей въ годъ. Кромѣ того, Городецъ славится еще своими медовыми пряниками, которые широко расходятся по всей Волгѣ и достигаютъ даже до Дона и пріуральскихъ мѣстностей. Въ послѣднее время въ Городцѣ сталъ развиваться еще кустарный мебельный промыселъ. Городецкая мебель очень оригинальна; она раскрашивается ярко-красною краскою, по которой наводятся бронзированныя украшенія, и все это для прочности покрывается лакомъ. Въ селѣ имѣются и мукомольныя мельницы, и лѣсопильни, и кожевенные заводы. Есть даже заводъ машиностроительный. По части просвѣщенія здѣсь также не отстаютъ отъ прочихъ городовъ. Пятнадцать учебныхъ заведеній разнаго типа свидѣтельствуютъ о заботахъ городчанъ по образованію молодого поколѣнія. Имѣется также нѣсколько благотворительныхъ учрежденій, дѣтскій пріютъ, больница, а для полезнаго развлеченія обывателей недавно устроенъ клубъ съ театральнымъ заломъ, библіотекою и читальней, выписывающей много газетъ.

У пристани мы взяли извозчика.

Сначала онъ повезъ насъ вдоль Волги, по такъ называемой Нижней улицѣ.

Вдоль по улицѣ столбами ходили густыя облака пыли.

— А осенью тутъ грязища непролазная,—жаловался извозчикъ.

— Почему же не вымостятъ?

— А кто ихъ знаетъ? Должно быть, еще руки, что ли, не дошли. Наверху-то у насъ мощено.

И дѣйствительно, когда мы поднялись въ городъ, къ рядамъ, тамъ оказалась мостовая, но деревянная изъ досокъ, на подобіе настилки на деревянныхъ мостахъ.

Проѣзжая по городу въ полугорѣ, мы могли съ удобствомъ любоваться широко разлившеюся Волгою, такъ какъ постройки по эту сторону улицы находились гораздо ниже дороги, и мы ѣхали чуть не въ уровень съ ихъ крышами. Вообще, благодаря гористой, почти отвѣсной почвѣ, въ Городцѣ на каждомъ шагу попадаются очень живописныя точки, и неожиданно развертываются передъ глазами красивыя панорамы.

Извозчикъ провезъ насъ къ соборамъ, которыхъ здѣсь два. Они стоятъ почти рядомъ на вершинѣ крутого обрыва. Изъ нихъ Никольскій построенъ въ 1644, а Троицкій въ 1673 г. Въ Никольскомъ замѣчательна древняя чудотворная икона Спасителя, а въ Троицкомъ—иконы свв. Михаила Малеина и Аѳанасія Александрійскаго въ чешуйчатомъ басменномъ окладѣ,—вкладъ князя Пожарскаго. Колокольня, также XVII вѣка, украшена съ наружи изразцами, какъ у Николы Мокринскаго въ Ярославлѣ. Съ собор-

Соборъ въ Балахнѣ.

наго обрыва открывается чудный видъ на уходящую вдаль Волгу. Полюбовавшись вдоволь роскошною картиною, мы отправились въ Ѳеодоровскій монастырь, видъ котораго, изображенный съ птичьяго полета, пріобрѣли у одного изъ мѣстныхъ фотографовъ.

Но напрасно было бы искать въ нынѣшнемъ монастырѣ хоть какихъ нибудь остатковъ древней обители XIII вѣка, пріютившей въ своихъ стѣнахъ умирающаго невскаго героя. Не говоря уже о томъ, что въ XV вѣкѣ она вмѣстѣ съ остальнымъ городомъ подверглась страшному разгрому полковъ Едигея, не слѣдуетъ забывать, что въ XVII вѣкѣ обитель была даже упразднена и лишь въ 1700 г. возобновлена по просьбѣ жителей. Монастырь былъ построенъ новый, но черезъ шестьдесятъ пять лѣтъ и этотъ новый монастырь сгорѣлъ, а существующій нынѣ возникъ только въ 1767 г. Центръ его составляютъ два храма, правый изъ которыхъ, во имя Ѳеодоровской Божіей Матери, былъ освященъ въ присутствіи Екатерины II, и хранящееся въ монастырѣ, устроенное для императрицы царское мѣсто считается, за неимѣніемъ чего

либо древняго, одною изъ достопримѣчательностей, которую показываютъ пріѣзжимъ. Лѣвая церковь, возобновленная въ 1845 г., имѣетъ престолъ во имя Александра Невскаго. Между храмами находится невысокая старая колокольня, подъ которою также устроена небольшая церковь. Неподалеку отъ святыхъ воротъ, въ лѣвой сторонѣ, находится Александро-Невское училище, существующее съ 1867 г.

Въ виду того, что большинство жителей Городца принадлежитъ главнымъ образомъ къ старообрядцамъ поповщинскаго толка, монастырь долгое время сильно нуждался въ средствахъ, но съ устройствомъ часовни и подворья въ Петербургѣ (на товарной станціи Николаевской желѣзной дороги) его матеріальныя условія измѣнились къ лучшему.

Проѣзжая съ нами по городу, извозчикъ указалъ намъ и раскольничью часовню, которую онъ назвалъ Бугровскою, и прудъ на горѣ, гдѣ зимою устраивается катокъ, и набережную, гдѣ, по его словамъ, «гуляетъ купечество», и клубъ съ театромъ, и недавно построенную народную чайную.

— Теперь у насъ въ театрѣ представленія бываютъ часто,— сообщалъ онъ:—и музыка у насъ есть: двадцать человѣкъ музыкантовъ! Вотъ какъ! И играютъ хорошо. Громко!

Онъ указывалъ намъ дома здѣшнихъ первостатейныхъ богачей, сообщая попутно и ихъ характеристики. Между прочимъ, по его разсказамъ, среди нихъ есть много любителей лошадей, которые держатъ на своихъ конюшняхъ немало дорогихъ, кровныхъ рысаковъ и занимаются ихъ проѣздкою. Разсказалъ онъ также, что прежде въ Городцѣ работали «ситца», но прибавилъ при этомъ: «насъ тогда еще не было; да, пожалуй, и отцовъ-то не было. Это лѣтъ сотню назадъ было». Далѣе онъ сообщилъ о мѣстныхъ производствахъ, о пряникахъ, о мебели, о мѣстной жизни и удовольствіяхъ. Вообще изъ его словъ можно было вывести, что обывателямъ богатаго «села» живется очень и очень недурно.

— Ну, теперь на валъ съѣздимте,—предложилъ онъ:—тамъ хоть ничего и нѣтъ, а все-таки любопытно.

Поѣхали.

Вдоль насыпи огромнаго древняго вала растутъ аллеями громадныя вѣковыя сосны, широко раскинувъ во всѣ стороны свои могучія вѣтви.

Одна изъ нихъ съ симметрично распростертыми, на подобіе рукъ, двумя массивными суками, называется крестовою. Въ дуплѣ ея поставленъ мѣдный осьмиконечный крестъ.

Проходившая мимо старушка сообщила намъ, что у этой сосны крестили черемису.

— Здѣсь ни одной сосны нѣтъ распятіемъ; только она матушка,—закончила старушка, набожно крестясь.

За валомъ тянулся обширный пустырь, на краю котораго, обнесенная оградою, возвышалась среди зелени бѣлая, древняя церковь.

— А это что за церковь вдали?—спросили мы нашу собесѣдницу.

— А это Михайло Архангелъ, батюшка, архистратигъ Божій, а престолъ-то тамъ Вознесенье. Вѣдь тутъ въ старину-то городъ былъ, и на томъ мѣстѣ, говорятъ, соборъ стоялъ, и князей-то нашихъ всѣхъ тамъ погребали. Тамъ ихъ косточки-то праведныя и поднесь лежатъ.

По словамъ г. Боголюбова, Михайловская церковь построена въ 1707 г. на мѣстѣ бывшаго здѣсь въ древности Архангельскаго собора, дѣйствительно служившаго усыпальницею городецкихъ князей. Что касается до престола во имя Вознесенія Господня, то и тутъ старушка могла быть права, такъ какъ еще въ XVIII столѣтіи здѣсь существовала церковь Вознесенія, которая съ теченіемъ времени пришла въ ветхость и разрушилась.

Свистокъ парохода заставилъ насъ поспѣшить на пристань.

Нагрузка уже кончилась, и вскорѣ мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

Характерная особенность береговъ Волги въ этомъ крайнемъ концѣ средняго плеса заключается въ томъ, что здѣсь они мѣняются ролями: лѣвый, луговой берегъ становится нагорнымъ, а правый обращается въ луговую низменность, невысокій песчаный откосъ которой, обильно пробуравленный гнѣздами стрижей, желтою однообразною полосою тянется на далекое разстояніе.

Въ этой же части плеса неразлучными спутниками каждаго парохода являются цѣлыя стаи неуклюжихъ долгоносыхъ чаекъ. Эти плотовыя, бѣлыя птицы съ удивительною настойчивостью летятъ по нѣскольку верстъ по сторонамъ парохода, ожидая подачки, и съ поразительной ловкостью ловятъ на лету бросаемые имъ куски хлѣба, доставляя пассажирамъ немалое развлеченіе.

— А что если ихъ ловить начать?—предложилъ одинъ изъ сосѣдей на палубѣ.

— Какъ же ихъ ловить?

— А взять привязать мякишъ-то на тонкую ниточку, а какъ проглотитъ, ее и притянуть.

Онъ сбѣгалъ въ каюту и вернулся съ катушкой нитокъ. Нитки были очень тонки и могли бы ввести въ заблужденіе другую менѣе зоркую птицу. Но какъ ни ухитрялся нашъ ловецъ, къ какимъ тонкостямъ ни прибѣгалъ,—ни одна чайка не поддалась на удочку. Жадно хватая на лету хлѣбъ, онѣ ни разу не клюнули кусочка, брошеннаго съ ниткой, и хитроумный ловецъ потерпѣлъ полное фіаско.

Впереди показалась Балахна, далеко раскинувшаяся вдоль низменнаго праваго берега. Городъ тянется въ длину по Волгѣ чуть не на три версты, тогда какъ ширина его мѣстами не превышаетъ

и 250 саженъ. Такой своеобразный планъ города давно уже подалъ поводъ народному юмору къ замѣчанію, что Балахна «стоитъ, полы распахня». Полы у Балахны дѣйствительно длинныя, но самый станъ коротенекъ, и долго осматривать ее намъ не пришлось.

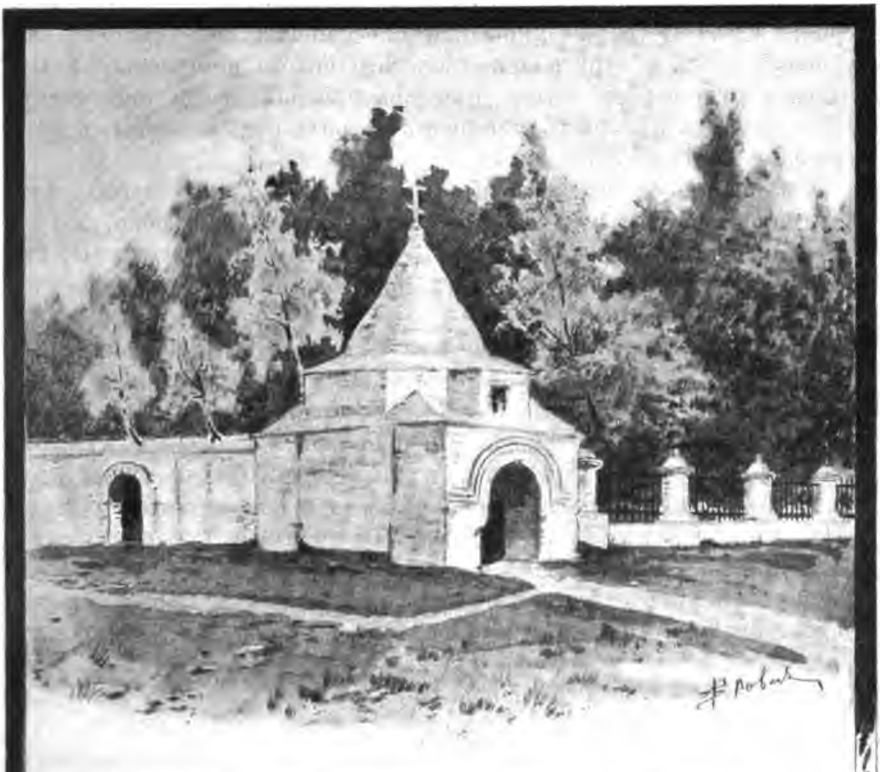
Тѣмъ не менѣе невзрачная на видъ, тихая и смиренная Балахна принадлежитъ къ числу весьма древнихъ поселеній на Волгѣ. Еще въ XI вѣкѣ здѣсь, говорятъ, уже существовалъ болгарскій городъ и торгъ для обмѣна товаровъ.

О возникновеніи на этомъ мѣстѣ русскаго поселенія преданіе разсказываетъ такъ. Ѣхали разъ по Волгѣ на своемъ суднѣ два брата, Плесянича, т.-е. жители города Плеса. Попортилось у нихъ судно, и пришлось пристать къ берегу. Пошелъ младшій братъ искать дерева, годнаго для починки судна, и набрелъ на ямку. Въ ямкѣ стояла вода, а по краямъ воды что-то бѣлѣло. Плесяничъ подошелъ ближе. Вода оказалась солоноватаго вкуса, а бѣлое вещество была соль. Онъ сообщилъ о находкѣ брату, и оба принялись дѣлать опытъ. Натаскали хворосту, зажгли костеръ, набрали воды на сковороду и стали вываривать. На сковородѣ получилась соль. Братья обошли пустынный берегъ и открыли въ немъ множество подобныхъ соляныхъ ямокъ. Они смекнули, что здѣсь можно завести выгодное дѣло, и поспѣшили вернуться въ Плесъ. Тамъ они не говоря никому ни слова о сдѣланномъ открытіи, продали свои дома, забрали семьи и втихомолку перебрались на необитаемый берегъ, гдѣ немедленно принялись за добычу соли и стали получать хорошій барышъ. Но въ тѣ времена, какъ извѣстно, ни патентовъ, ни монополій еще не существовало, и по пословицѣ: «свято мѣсто не будетъ пусто», около Плесяничей стали селиться новые пришельцы, узнавшіе о выгодѣ здѣшняго соляного промысла. Плесяничи сначала встрѣтили было новыхъ поселенцевъ крайне недружелюбно, но въ виду ихъ быстраго накопленія принуждены были смириться и уступить. Такъ образовалось Балахнинское усолье. Въ память братьевъ Плесяничей и теперь еще одна улица носитъ названіе Плесянской.

Въ XV вѣкѣ усолье стало извѣстно даже въ Москвѣ, и Иванъ III, покоривъ Новгородъ, переселилъ сюда нѣсколько семей новгородцевъ, знакомыхъ по Старой Руссѣ съ пріемами солеваренія. Но, тѣмъ не менѣе, правильная постановка соляного дѣла была заведена лишь въ 1532 г. Не прошло послѣ этого и трехъ лѣтъ, какъ Балахна была сожжена и разграблена казанскими татарами. Тогда правительница, Елена Глинская, въ слѣдующемъ же году озаботилась постройкою въ Балахнѣ надежнаго укрѣпленія, чтобы обезопасить жителей отъ хищническихъ набѣговъ. По ея приказанію въ городѣ былъ наметанъ земляной валъ, болѣе пяти саженъ вышиною, и около версты въ окружности. На валу построена деревянная стѣна съ башнями, которая стояла вплоть до 1730 г., когда

сгорѣла во время пожара. Валъ существуетъ и понынѣ, но, какъ писалъ еще Щекатовъ: «какъ поправленія валу не бываетъ, то и онъ уже видъ свой потерялъ».

Въ смутное время балахнинцы покривили было душой и передались Тушинскому вору, соблазненные увѣщаніями казацкаго атамана Тимохи Толкаева, но нижегородскій воевода, энергичный Андрей Михайловичъ Алябьевъ, тронулся съ своимъ ополченіемъ на Балахну, чтобы образумить жителей. Воеводою въ Балахнѣ

Ворота бывшаго Покровскаго монастыря въ Балахнѣ.

былъ тогда Степанъ Голенищевъ. Онъ смѣло выступилъ съ Тимохою Толкаевымъ противъ Алябьева, но былъ жестоко разбитъ въ сраженіи подъ городомъ. Балахнинцы потеряли знамена, нарядъ и набаты и принесли повинную царю Василію. Голенищевъ и Тимоха взяты въ плѣнъ и посажены въ нижегородскую тюрьму. Зато, когда во главѣ ополченія для освобожденія Москвы всталъ князь Пожарскій, для него въ Балахнѣ былъ нарочно выстроенъ особый походный дворецъ.

Солеварное дѣло, между тѣмъ, все развивалось. Въ 1618 г. здѣсь было 72 варницы, число которыхъ впослѣдствіи еще увеличилось. Одновременно съ солевареніемъ стало развиваться гончарное и кирпичное производство. Въ началѣ XVII вѣка здѣсь было уже четырнадцать кирпичныхъ заводовъ.

Но помимо этихъ двухъ отраслей промышленности, въ томъ же XVII вѣкѣ, Балахна прославилась и своимъ судостроительствомъ. Въ 1636 г. вызванные въ Нижній балахнинскіе мастера построили, подъ присмотромъ иностранца Кардеса, первый русскій корабль «Фридрихъ» для голштинскаго посла, ѣхавшаго въ Персію. Отъ зоркаго глаза Петра не укрылись способности балахнинцевъ въ судовомъ дѣлѣ, и струги для Азовскаго похода построены въ Балахнѣ, а года черезъ четыре государь прислалъ сюда иноземцевъ, чтобы научить мѣстныхъ мастеровъ строить суда по новымъ, усовершенствованнымъ образцамъ.

Балахнинки славились долгое время своимъ искусствомъ плести тончайшія кружева, которыя цѣнились очень высоко, но въ настоящее время промыселъ этотъ, равно какъ и солевареніе, находится почти въ полномъ упадкѣ; продолжается только одна судостроительная дѣятельность.

Мы взяли изввозчика и не успѣли проѣхать нѣсколькихъ десятковъ саженъ по песчаному берегу, какъ уже очутились у двухъ высокихъ деревянныхъ столбовъ съ флагштоками, за которыми начиналась соборная площадь. На площади находились мѣстные торговые ряды, въ деревянныхъ незатѣйливыхъ помѣщеніяхъ. Вдали, въ концѣ площади высился мѣстный Вознесенскій соборъ, построенный въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Соборъ въ сущности стоитъ уже не на площади, а на какомъ-то пустырѣ, на которомъ растутъ одиночныя березки, и видъ въ общемъ получается довольно унылый. Въ соборѣ достойна примѣчанія икона Владимирской Божіей Матери, присланная городу царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и находившаяся въ древнемъ соборѣ, разобранномъ передъ постройкою нынѣшняго.

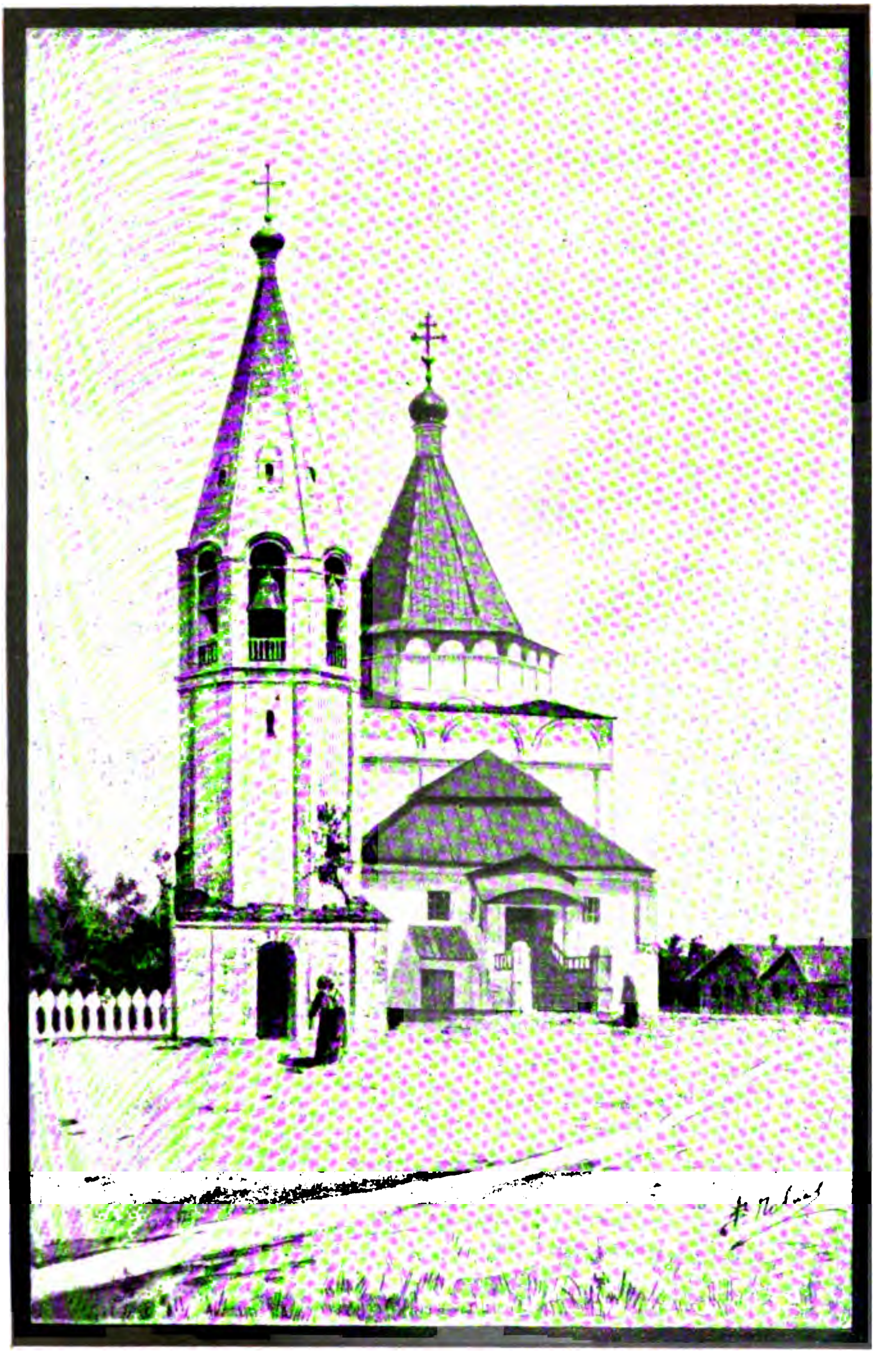
— Ну, куда же еще повезешь?—спросили мы своего возницу.

— Да ужъ и не знаю, — отвѣчалъ онъ. — Вотъ развѣ еще въ Покровскую съѣздимъ, а то больше и некуда. Городъ-то у насъ ужъ такой незанятный,—жаловался онъ:—показать нечего. Публика-то часто съ пароходовъ рядитъ: покажи, молъ, весь городъ и все, что у васъ примѣчательнаго. А что у насъ примѣчательнаго? Вотъ въ Нижнемъ, такъ тамъ извозчикамъ лафа, а у насъ просто даже совѣстно за городъ-то.

— А что у васъ соль ужъ больше не варятъ?

— Нѣтъ. Добивался тутъ Любимовъ разсолу; бился, бился, да такъ и не добился.

— А много ли у васъ жителей?

Покровскій монастырь въ Балахнѣ.

— А вотъ ужъ, право, какъ бы вамъ не соврать. Вѣрнаго-то не знаю, а тысячъ до четырехъ, надо быть, будетъ.

— Чѣмъ же занимаются?

— А кто чѣмъ. Кто торгуетъ, кто—что. Баржи опять строятъ. Десятка по три баржей за зиму-то построятъ.

— А пароходовъ не строятъ?

— Случается, пароходные корпуса тоже строятъ.

Постройка пароходовъ въ Балахнѣ началась еще съ 1845 г. Первый построенный здѣсь пароходъ назывался «Пермь».

— Кто же у васъ баржи строитъ?

— А есть тутъ три подрядчика: Плотниковъ, Худяковъ да Исаковъ, а отъ нихъ ужъ берутся артелями человѣкъ по пяти, по десяти.

— Дорого ли платятъ за постройку баржи?

— Рублей тысячу двѣсти, тысячу четыреста. Это за работу только, опричь матеріала, оснастки и прочаго.

— А что стоитъ новая баржа, съ оснасткой, со всѣмъ?

— Тысячъ пять, шесть, и до семи доходитъ. Это—глядя по тому, какая баржа.

Онъ остановилъ свою лошадь на углу невысокой каменной ограды, густо заросшей березами и другими деревьями. На углу подъ конусообразной крышей стояли небольшія каменныя ворота, стариннаго, очень интереснаго типа.

— Это что?—спросили мы.

— А это и есть Покровская-то церковь. Вотъ въ ворота пройдите.

Въ рощицѣ, въ которую мы вступили, пройдя ворота, ходилъ какой-то старичокъ, судя по костюму, мѣщанинъ. Не зная мѣстности, мы попросили указать намъ дорогу къ церкви. Старичокъ любезно согласился.

— Церквей тутъ двѣ,—сообщалъ онъ на ходу. — Обѣ древнія. Главная-то во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Вѣдь тутъ прежде монастырь былъ когда-то мужской; да ужъ лѣтъ двѣсти, какъ кончился. А церкви-то и остались. Подъ Покровской гробница есть, Пахнутія.

— А кто же онъ былъ?

— Этого не могу я вамъ точно раздробить, а только схороненъ.

По наведеннымъ впослѣдствіи справкамъ оказалось, что много «раздроблять» о Пафнутіи старичокъ и не могъ. Монастырь основанъ въ первой половинѣ XVI столѣтія дѣйствительно какимъ-то іеромонахомъ Пафнутіемъ, но на этомъ свѣдѣнія о немъ и кончаются. Точно также мало осталось данныхъ и объ исторіи монастыря. Въ 1614 г. игуменомъ здѣсь былъ Антоній, получившій отъ властей тарханную грамоту. Во время учрежденія штатовъ монастырь упраздненъ, хотя еще въ 1744 г. за нимъ числилось 97 душъ крестьянъ.

Покровская церковь стоитъ въ глубинѣ просторнаго двора и увѣнчана широкою шатровою крышею. Невысокій каменный ба-

рабанъ, служащій ей основою, красиво обработанъ рядомъ небольшихъ арочекъ. Массивное крыльцо отличается типичною тяжеловатостью древнихъ сооруженій. Къ нему по всей справедливости можно отнести слова пословицы: «не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ». Налѣво передъ церковью возвышается довольно стройная шатровая колокольня. Церковь построена въ 1682 г. Въ ней замѣчателенъ образъ богоматери Одигитріи стариннаго письма, вѣроятно, современный основанію самой обители.

— Дорога-то прежде за церковью была,—разсказываетъ старичокъ:—восточнѣе, а теперь впередъ вынесена, изъ-за Волги. Очень ужъ весной-то заливаетъ.

Мы не совсѣмъ поняли, о какой дорогѣ онъ говоритъ, но жалоба его на Волгу была вполнѣ основательна. Стоящая на низменности Балахна не разъ терпѣла отъ своевольной рѣки большія бѣдствія. Въ 1620 г. весеннимъ разливомъ смыло 77 дворовъ, а въ 1678 г. прибрежная, нижняя часть города была почти вся разрушена наводненіемъ. Во время разлива 1849 г. изъ 653 домовъ города остались незатопленными только 120.

Осмотрѣвъ бывшій монастырь, мы вернулись къ извозчику.

— А гдѣ у васъ тутъ городская дума?—спросилъ я его.—Говорятъ, постройка старинная.

Зданіе это, по словамъ г. Боголюбова, уцѣлѣло еще отъ XVII вѣка и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, было тѣмъ самымъ походнымъ дворцомъ, который балахнинцы соорудили для Пожарскаго.

— Дума?—переспросилъ извозчикъ.

— Да.

— Охъ! это вы про прежній-то домъ?—догадался онъ.—Сломанъ, давно ужъ сломанъ. Я еще маленькій былъ, какъ его ломали. Этому лѣтъ двадцать будетъ. Вотъ кирпичъ-то былъ! и ломъ не беретъ.

— Такъ что же у васъ еще-то посмотрѣть есть?

— Да ровно бы больше ничего и нѣтъ.

Мы поѣхали на пристань.

— Эка, городъ какой у насъ!—досадовалъ извозчикъ:—длиной три версты будетъ, а глядѣть господамъ нечего.

— А далеко ли отъ васъ до Нижняго?

— Да трахтомъ тридцать три версты считаемъ, а по Волгѣ, говорятъ, тридцать верстъ.

Если не считать лежащихъ нѣсколько ниже селъ Копосова и Козина, при которыхъ въ Смутное время также произошли сраженія съ поляками, то Балахна является послѣднимъ сколько нибудь интереснымъ пунктомъ этого плеса.

Балахною и закончу я свои путевые наброски о среднемъ Поволжьѣ.

И. Тюменевъ.

ПАМЯТИ ПОЭТА ИЗЪ НАРОДА.

АВГУСТА 29 въ Александровской больницѣ для чернорабочихъ въ Петербургѣ умеръ одинъ изъ лучшихъ поэтовъ-крестьянъ, Николай Андреевичъ Пановъ. Онъ много болѣлъ, въ послѣднее время пересталъ писать и тяжело страдалъ передъ смертью. Поэтъ, давшій рядъ задушевныхъ и красивыхъ стихотвореній-пѣсенъ, вызывавшій ими похвалы со стороны критиковъ и восторгъ среди читателей,—умиралъ долго и въ мученіяхъ, буквально безъ гроша. И попалъ онъ въ больницу, а не умеръ на улицѣ, только по своему «крестьянскому» паспорту... Только одинъ разъ помогло ему «крестьянство», всю жизнь бившее его по самымъ больнымъ мѣстамъ.

I.

Николай Андреевичъ Пановъ родился 22 апрѣля 1861 г. въ селѣ Софьинѣ Самарской губерніи и уѣзда, расположенномъ на берегу Волги. Родители его, крестьяне князей Урусовыхъ, были люди грамотные и заботились о развитіи сына. Раннее дѣтство Панова протекло среди приволжской природы, красоты которой положили неизгладимый отпечатокъ на впечатлительную дѣтскую душу. Нерѣдко ему приходилось ночевать въ полѣ съ отцомъ во время лѣтнихъ работъ,—и онъ прислушивался къ ласковому шелесту вѣтерка, любовался на яркія звѣзды, разбросанныя по ясному

Николай Андреевичъ Пановъ.

небу, пѣлъ вмѣстѣ со жнецами «Степь Моздокскую» и «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ».

Семи лѣтъ мальчикъ началъ посѣщать школу, но, годъ спустя, ученіе его неожиданно прервалось смертью отца, который въ послѣднее время служилъ уже управителемъ имѣнія князя Касаткина-Ростовскаго. Семья принуждена была переселиться изъ княжескаго имѣнія обратно въ Софьино. Весною 1869 г. мальчика отвезли въ

Сызрань и отдали въ приходскую школу, откуда онъ вскорѣ перешелъ въ уѣздное училище. Здѣсь учителя были лучше, и ученіе пошло успѣшнѣе. Пановъ впервые прочелъ Гоголя, Пушкина, Некрасова, Кольцова; эти писатели оказали большое вліяніе на развитіе въ немъ поэтическаго чувства. Изъ уѣзднаго училища, изучивъ «самоучкой» нѣмецкій языкъ, необходимый для экзамена, Пановъ поступилъ въ реальное училище, но проучился не долго, такъ какъ со смертью матери онъ остался безъ всякихъ средствъ. Живя вмѣстѣ съ братомъ у дяди, богатаго лѣсопромышленника и грубаго человѣка, который попрекалъ его кускомъ хлѣба, Пановъ долженъ былъ перенести много незаслуженныхъ оскорбленій.

Заниматься могъ онъ только украдкой отъ родственниковъ, которые отнимали книги, заставляли его работать съ поденщиками и за малѣйшій протестъ грозили выгнать изъ дома, однимъ словомъ— картина, извѣстная изъ біографіи многихъ нашихъ самородковъ.

И вотъ, однажды, въ холодный дождливый день осенью юноша очутился на улицѣ. Ночевать ему приходилось на берегу Волги въ полуразвалившейся землянкѣ рыбака, а питаться объѣдками ужина, которые припрятывалъ для него братъ, жившій попрежнему у дяди. Голоднаго и больного подняли его на церковной паперти, и неизвѣстная бѣдная мѣщанская семья пріютила мальчика, выгнаннаго богатымъ дядей.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Пановъ задумалъ поступить въ университетъ и сталъ готовиться къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, но незнаніе древнихъ языковъ, а потомъ тяжелая болѣзнь помѣшали ему. Тогда онъ сталъ пополнять свое образованіе традиціоннымъ способомъ—«самоучкой», пробиваясь кое-какъ грошевыми домашними уроками.

Стихи онъ началъ писать очень рано. Въ 1877 г. нѣсколько стихотвореній Панова были напечатаны въ журналѣ «Сѣверная Звѣзда». Въ 1881 г. его стихи обратили на себя вниманіе одного изъ мѣстныхъ купцовъ, Я. А. Журавлева, человѣка развитого и любившаго литературу. При содѣйствіи послѣдняго Пановъ отправился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ произведенія его начали появляться въ журналахъ «Игрушечка» и «Нева», а первая пѣсенка «Травушка-муравушка» была положена на музыку.

II.

Уже въ слѣдующемъ году стихи Панова вышли отдѣльнымъ изданіемъ и носили названіе «Думы и пѣсни». Книжка была замѣчена и довольно сочувственно принята критикой.

«Просматривая книжку г. Панова,—писалъ въ «Новомъ Времени» В. П. Буренинъ,—мы видимъ, что, несмотря на затрудни-

тельныя обстоятельства своего развитія, онъ пріобрѣлъ себѣ образованіе, которое выдвигаетъ его далеко изъ ряда такъ называемыхъ самоучекъ. Въ числѣ многихъ пьесъ въ его сборникѣ встрѣчается стихотвореніе «По прочтеніи La tentation de saint Antoine Флобера». Изъ этого мы можемъ заключить, что г. Пановъ владѣетъ французскимъ языкомъ. Кромѣ того, темы многихъ другихъ пьесъ свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтъ штудировалъ философскія и научныя книги. Все это доказываетъ, что онъ не можетъ считаться крестьяниномъ-стихотворцемъ; что развитіе его, вѣроятно, почти одинаково съ другими поэтами изъ привилегированнаго сословія. Стало быть, къ произведеніямъ г. Панова можно относиться съ такою же мѣркой, какъ и къ произведеніямъ разныхъ современныхъ пѣвцовъ. И слѣдуетъ сказать по справедливости, что г. Пановъ и по таланту, и по выработкѣ поэтической техники едва ли ниже названныхъ служителей Аполлона».

Но уже въ 1882 г. за неимѣніемъ заработка Пановъ вынужденъ былъ вернуться въ провинцію, гдѣ нѣкоторое время прослужилъ на асфальтовомъ заводѣ, а затѣмъ жилъ исключительно частными уроками. Недолгое время (въ концѣ 90-хъ г.г.) онъ служилъ въ государственномъ контролѣ, но служба пришлась не по душѣ ему,—и Пановъ предпочелъ мало обезпеченную жизнь журнальнаго работника спокойному существованію чиновника. «Служба меня душитъ казенщиной,—писалъ онъ намъ,—а безъ службы не обойдешься: ѣсть, пить надо, да я же и не одинъ. Чиновникомъ сдѣлаться не хочу, да и не сумѣю: какой я чиновникъ? Начальство это видитъ и терпитъ меня, какъ литератора, пока главнѣйшій нашъ начальникъ по департаменту [1]), тоже литераторъ А. В. Васильевъ, служитъ и оказываетъ маленькое покровительство. Насъ, литераторовъ, пока не гонятъ. За дальнѣйшее поручиться нельзя». Кромѣ того, своими литературными занятіями Пановъ пріобрѣлъ репутацію безпокойнаго и опаснаго человѣка, результатомъ чего бывали новыя скитанія, голодовки и тяжелая, почти нищенская жизнь.

Въ восьмидесятыхъ годахъ творчество его отличается мрачнымъ колоритомъ, на немъ сказывается вліяніе Шопенгауера. «Что такое жизнь?»—спрашиваетъ поэтъ,—

> Всѣ начинаемъ съ плача,
> Увы, кончаемъ всѣ ничтожествомъ.... А духъ?
> Духъ—нѣчто или ничто. Вотъ трудная задача,
> Пытливаго ума томительный недугъ.
> Духъ—нѣчто иль ничто.... Но что такое разумъ?
> Скажи мнѣ, если онъ не проблескъ Божества,
> Такъ для чего гляжу на все пытливымъ глазомъ,
> Признавъ, какъ человѣкъ, на то свои права?

[1]) Военной и морской отчетности. *А. Я*

Я жду. Отвѣта нѣтъ. Загробный мракъ и вѣчность
Одни передо мной. Иль это все обманъ,
Иль все живетъ затѣмъ, чтобъ кануть въ безконечность,
Въ пространство и пустой, безбрежный океанъ?

Но поэтъ не дѣлается пессимистомъ, хотя по временамъ ему не везетъ даже на литературномъ поприщѣ. Провинціальная скука находитъ отраженіе въ разсказахъ сатирическаго характера: «Подъ пѣсни вѣтра», «Двадцатое число», «Маленькое недоразумѣніе», «Наканунѣ овацій». Съ 1891 г. сочиненія Панова снова начинаютъ появляться въ разныхъ журналахъ, а черезъ два года мы видимъ его уже на должности секретаря редакціи журнала «Колосья». «Тяжелое было это время,—вспоминалъ онъ,—получалъ всего 25 рублей въ мѣсяцъ, при готовомъ столѣ безъ комнаты, работалъ за четверыхъ, велъ четыре отдѣла и за работой просиживалъ болѣе 18 часовъ въ сутки, такъ что спать приходилось не болѣе 4 часовъ»... И все-таки Пановъ благословлялъ судьбу [1]). Затѣмъ Пановъ сотрудничаетъ въ «Русской Жизни», «Петербургской Жизни», «Одесскомъ Листкѣ», «Самарской Газетѣ», «Новомъ Словѣ», «Наблюдателѣ», «Русской Бесѣдѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Россіи», «Волгарѣ», «Уралѣ», «Сѣверѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Волжскомъ Вѣстникѣ» и другихъ изданіяхъ. Изъ остальныхъ произведеній его извѣстны еще двѣ пьесы: «Царевна Софья» и «Ихъ торжество» (комедія въ стихахъ), рядъ критическихъ статей, журнальныхъ обозрѣній, фельетоновъ и сатирическихъ стихотвореній на политическія темы.

III.

Въ 1891 г. на средства частнаго лица изданъ сборникъ стихотвореній Панова «Гусли звончаты», который въ 1901 г. вышелъ вторымъ сокращеннымъ изданіемъ подъ названіемъ «Родному народу». «Имя Николая Андреевича Панова хорошо извѣстно въ современной изящной литературѣ,—писали мы по поводу выхода этого сборника,—и онъ безпорно принадлежитъ къ числу самыхъ талантливыхъ изъ живущихъ народныхъ поэтовъ. Характеръ его музы прекрасно выражается слѣдующими словами изъ его біографіи: «Родившись въ годъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ является не только свободнымъ представителемъ, но и смѣлымъ вдохновеннымъ пѣвцомъ родного народа. Поэтому въ его пѣсняхъ чувствуется бодрость молодой силы, какъ чувствуется подчасъ и неподдѣльная глубокая скорбь. Поэтъ—другъ

[1]) Письмо Панова ко мнѣ отъ 2 сентября 1901 г. Оригиналъ въ «Музеѣ русскихъ самоучекъ» (библіотека академіи наукъ).

обездоленныхъ, гонимыхъ судьбой, братъ несчастныхъ, откликается на ихъ тоску, горе и страданія. Онъ живетъ, такъ сказать, заодно съ народомъ, думаетъ его головой, чувствуетъ его сердцемъ, страдаетъ и радуется его душой. Онъ говоритъ не за народъ, а отъ народа». Вотъ начало одного изъ его стихотвореній, названнаго «Наша пѣсня».

Пѣсня, наша пѣсня—русская, родная,
Ты неудержимо рѣешь на просторѣ,
Мощная, какъ буря, что волнуетъ море,
Глубоко волнуетъ;
Вольная, какъ въ небѣ пташка полевая,
Нѣжная, какъ солнце, что, цвѣты лобзая,
Свѣтитъ и чаруетъ.
Пѣсня, наша пѣсня! Слушаемъ, не чудо ль?
Ты дрожишь надъ пашней да надъ полемъ чистымъ,
То въ лѣсной трущобѣ съ молодецкимъ свистомъ
Громко раздаешься.
Плачетъ ли кручина, рвется ль въ небо удаль,
Какъ намъ ни живется, хорошо ли, худо ль,—
Ты изъ сердца льешься.

Въ устахъ Панова слова о родной русской пѣснѣ—не пустой звукъ. Онъ знаетъ ее и, заимствуя у народа мотивы, отдаетъ въ народъ свои пѣсни. Насколько близки его пѣсни духу русской народной поэзіи, мы убѣдимся, прочтя его сборники. Для образца приведемъ здѣсь цѣликомъ прекрасное музыкальное народное стихотвореніе «Травушка-муравушка»:

Наша улица травою заросла,
Голубыми васильками зацвѣла,
Васильками зацвѣла, да вотъ бѣда—
Губитъ нѣжные цвѣточки лебеда.
Ужъ зато у нашихъ оконъ и воротъ
Бѣлоснѣжная черемуха цвѣтетъ.
Наша улица—зеленыя поля...
Ахъ, ты, травушка-муравушка моя,
Ты, тропиночка нетоптанная.
Я на улицу поутру выхожу,
На шелковую муравушку гляжу....
Только вспыхнутъ алой зорькой небеса,—
На травѣ горитъ алмазами роса,
А въ садахъ поютъ-рыдаютъ соловьи;
Ихъ заслушалися цвѣтики мои...
Наша улица—зеленыя поля...
Ахъ, ты, травушка-муравушка моя,
Ты, тропиночка нетоптанная.
Мнѣ не спится, не лежится молодой;
Поднимусь, пойду къ колодцу за водой:
Не увижу ль ненагляднаго я тамъ?
Не придетъ ли по муравкѣ, по цвѣтамъ?
Пусты ведра, и не надо мнѣ воды,—
Были бъ только на травѣ его слѣды.

Наша улица—зеленыя поля...
Ахъ, ты, травушка-муравушка моя,
Ты, тропиночка нетоптанная.
Мнѣ у батюшки родного не живать,
Не живать—тебя, муравушки, не мять...
Сватовъ шлетъ старикъ, богатый нашъ сосѣдъ,
Отъ родителей ему отказа нѣтъ.
Тяжело итти съ постылымъ подъ вѣнецъ:
Что-то скажетъ разудалый молодецъ?
Наша улица—зеленыя поля...
Ахъ, ты, травушка-муравушка моя,
Ты, тропиночка нетоптанная.

Какъ для поэта, вышедшаго изъ народа, для Панова очень характерно еще то, что онъ придаетъ важное значеніе собиранію народныхъ пѣсенъ. Это видно изъ его стихотворенія «Собиратель пѣсенъ», правда, довольно слабаго по формѣ.

Рыбакъ, закинувъ неводъ,
Вдоль берега идетъ,
Съ надеждою на море
Глядитъ, улова ждетъ.
Счастливецъ, онъ доволенъ
И долей бѣдняка....
Ты, собиратель пѣсенъ,
Похожъ на рыбака.
Отзывчивый и чуткій,
Въ простой народъ идешь
Съ надеждою, что пѣсенъ
Немало въ немъ найдешь.
Неслыханныя пѣсни
Увидятъ Божій свѣтъ;
А въ нихъ—душа народа
И самъ народъ—поэтъ....
Повѣрь, твои стремленья
Оцѣнятъ и поймутъ;
Тебѣ спасибо скажутъ
За твой полезный трудъ.

Онъ интересовался судьбой своихъ собратьевъ, тѣхъ злосчастныхъ «самоучекъ», которымъ «пути всѣ заказаны», и сообщилъ намъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о нихъ для предполагавшейся «Галлереи русскихъ самородковъ». Судьба книги его также интересовала, и онъ не разъ торопилъ насъ поскорѣе выпустить ее, чтобы не дать погибнуть многимъ русскимъ дарованіямъ, «вскормленнымъ сермяжной Русью».

IV.

Знатокъ народныхъ пѣсенъ и преданій, поэтъ широко пользуется ими. Извѣстна его «Пѣсня про Ваньку-клюшника». Записанное Костомаровымъ странное повѣріе волгарей о томъ, что

Стенька Разинъ живъ и снова проявится,—внушаетъ ему тему для былины «Стенька Разинъ».

Жилъ на тихомъ Дону безшабашный казакъ,
Не пригожій, а бравый собою.
Онъ гулялъ и ходилъ во царевъ ли кабакъ,—
Думу думалъ одну съ голытьбою,
Все держалъ съ ней совѣтъ, неразумно и зря,
Ради козней крамольныхъ братался;
Святорусской земли государя-царя
Извести лиходѣй домогался.
Онъ бояръ не любилъ и господъ не терпѣлъ,
А родился, на грѣхъ, сердобольнымъ.
Домекнуться легко: сдѣлать онъ захотѣлъ
Мать-отчизну казачествомъ вольнымъ.
Охъ, ты, грозный Степанъ,
Удалецъ-атаманъ,
Не добромъ тебѣ, батюшка, славиться.
Боже насъ упаси,
Коли вновь на Руси
Стенька Разинъ, какъ чудо, появится!

Въ былинѣ разсказываются похожденія Разина, смуты, произведенныя имъ на Руси, и его казнь. Но и со смертью Стеньки страшная слава его не перестаетъ жить въ народѣ.

Много лѣтъ протекло. Забывая позоръ,
Атамана народъ вспоминаетъ...
По словамъ стариковъ, Стенька живъ до сихъ поръ;
Вѣчный ужасъ злодѣя терзаетъ.
Могутъ видѣть его, какъ преданье гласитъ,
Лишь одни колдуны-чародѣи,
Что надъ Волгой-рѣкой онъ въ пещерѣ сидитъ,
Гдѣ язвятъ его лютыя змѣи...
Надо ближнихъ любить, надо душу блюсти,
Жить по-божьи, жить правдою честно;
А по нашимъ грѣхамъ... какъ ему не прійти?
Онъ придетъ, а когда—неизвѣстно.

Вообще большинство произведеній Панова отличается содержательностью и богатствомъ мысли, изяществомъ формы. Отзывъ, данный В. П. Буренинымъ по поводу перваго изданія стихотвореній Панова, съ годами пріобрѣлъ еще больше силы: талантъ Панова окрѣпъ, выросъ,—и въ ряду современныхъ поэтовъ онъ занималъ довольно видное мѣсто. Послѣ выхода послѣдняго сборника стихотвореній «Зарницы и молніи», Пановъ весь отдался освободительному движенію и написалъ рядъ остроумныхъ сатиръ.

Не будь тажелыхъ объстоятельствъ, онъ подарилъ бы литературу не однимъ крупнымъ жемчугомъ.

А. И. Яцимирскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Византійскій Временникъ, издаваемый при императорской академіи наукъ подъ редакціей В. Э. Регеля. Томъ XII. Спб. 1906.

ДВѢНАДЦАТЫЙ томъ «Византійскаго Временника» хотя вышелъ въ свѣтъ съ опозданіемъ на полгода, но попрежнему представляетъ большой научный интересъ для занимающихся исторіей Византіи и вообще христіанскаго Востока. Томъ, по обыкновенію, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщенъ рядъ изслѣдованій и матеріаловъ. Онъ открывается солидной работой профессора Н. Марра — «Аркаунъ, монгольское названіе христіанъ въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халке(и)донитахъ» (стр. 1—68). Не станемъ подробно излагать содержаніе спеціальнаго изслѣдованія г. Марра, отмѣтимъ лишь заключительныя его положенія. Халкидонитство было живучимъ религіозно-культурнымъ движеніемъ въ Арменіи и имѣло нѣкоторое время весьма плодотворное значеніе въ дѣлѣ подъема національной умственной жизни армянъ. Послѣ побѣды анти-халкидонитства, армяне-халкидониты стали постепенно исчезать, благодаря процессу денаціонализаціи, но предварительно распались на три главныя группы халкидонитовъ—грузинскихъ (грузинъ), греческихъ (грековъ) и сирійскихъ (мелькитовъ), называвшихся, быть можетъ, аркаунами. Армянинъ-халкидонитъ изъ огрузинившейся Тао-Кларджетіи, Григорій Бакуріанъ, основалъ въ XI вѣкѣ грузинскій Петрицонскій монастырь въ Болгаріи, при чемъ авторъ ставитъ вопросъ, не была ли дана офиціальная санкція привилегій монастыря со стороны грековъ, съ цѣлью борьбы на мѣстѣ съ павликіанами. За армянами-халкидонитами вообще, въ томъ числѣ и армянами-халкидонитами чисто греческой группы, должна быть признана значительная доля участія въ государственной и церковной жизни Византійской имперіи. Коло-

нія армянъ-халкидонитовъ, или аркауновъ, жившихъ одною жизнію съ сирійскими мелькитами, существовала въ Средней Азіи съ VIII вѣка, и отъ нихъ, быть можетъ, монголы и усвоили въ XIII вѣкѣ—непосредственно или посредственно—терминъ аркаунъ, если даже искать его этимологію въ связи съ съ греческимъ ἄρχων. Таковы главные научные выводы, къ которымъ пришелъ профессоръ Марръ. Безспорно, его работа возбуждаетъ интересъ новой постановкой вопроса и сложнымъ аппаратомъ, который привлекается къ его рѣшенію. Но сужденія профессора Марра очень осторожны и по мѣстамъ проблематичны. Статья несвободна отъ недочетовъ, какъ это и показалъ г. Джаваховъ въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ томъ же томѣ «Византійскаго Временника» (стр. 437—438). А по поводу предположенія г. Марра, что Петрицонскій мон настырь могъ получить отъ грековъ привилегіи въ видахъ борьбы съ павликіанами, дальше сказано, что въ уставѣ этого монастыря, опубликованнаго отцомъ Petit, нѣтъ никакихъ указаній на эту спеціальную миссію обители Бакуріано, а, съ другой стороны, эти привилегіи не представляютъ почти ничего исключительнаго и своеобразнаго сравнительно съ другими ктиторскими уставами византійскихъ монастырей средневѣковой эпохи.

Далѣе, г. Э. Курцъ въ статьѣ: «Еще два не изданныхъ произведенія Константина Манасеи» (стр. 69—98), знакомитъ съ сочиненіями одного изъ представителей византійской литературы XII вѣка, Константина Манасеи. Этому писателю посчастливилось за послѣднее время. Въ извѣстной книгѣ профессора К. Крумбахера: «Geschichte der byzantinischen Litteratur» (1897), литературное значеніе Манасеи опредѣляется лишь на основаніи его стихотвореній, обширной хроники и отрывковъ любовнаго романа. Но г. Курцъ уже опубликовалъ (1900) монодію Манасеи на кончину Θеодоры Контостефанины и утѣшительное слово къ ея мужу. К. Horna издалъ монодію Манасеи на смерть щегленка и прощальное слово къ императору (1902 г.). H. Sternbach напечаталъ описаніе придворнаго карлика, описаніе ловли зябляковъ и чижиковъ и другія произведенія Манасеи. Теперь г. Курцъ прибавилъ къ нимъ два новыхъ историческихъ сочиненія византійскаго автора: описаніе соколиной охоты и рѣчь, обращенную къ византійскому императору, Мануилу Комнину. Текстъ этихъ произведеній издатель заимствовалъ изъ греческой рукописи XIV вѣка (cod. Barocc., № 131), напечаталъ его съ обычнымъ въ трудахъ г. Курца критическимъ аппаратомъ и предварилъ интереснымъ предисловіемъ, гдѣ излагаетъ содержаніе обоихъ произведеній, опредѣляетъ хронологію рѣчи (весна 1170 г.), разъясняетъ греко-византійскія отношенія и сербскія дѣла при Мануилѣ Комнинѣ. Работа г. Курца еще разъ показываетъ, какъ еще мало разработана исторія византійской литературы, и наше богатое учено-литературное достояніе и теперь хранится въ греческихъ манускриптахъ.

Третья статья: «Три синодальныхъ грамоты митрополита ефесскаго Николая Месарита» (стр. 99—111), также принадлежитъ г. Курцу. Грамоты относятся къ 1216 г. и касаются различныхъ церковныхъ дѣлъ. Онѣ изданы по кодексу Ambros. F. 793 sup. и предварены изложеніемъ ихъ содержанія. Грамоты имѣютъ научно-историческій интересъ.

Очень интересна статья Е. К. Рѣдина: «Портреты Козьмы Индикоплова въ русскихъ лицевыхъ спискахъ его сочиненія» (стр. 112—131). Авторъ описываетъ 14 портретовъ этого писателя, которые находятся въ рукописяхъ графа А. С. Уварова (XV вѣка), Ундольскаго № 191 (XVII вѣка) и № 190, П. И. Щукина (XVI вѣка), Синодальной библіотеки № 997 (1542 г.), Кіевской духовной академіи № 212 (XVII вѣка), Барсова № 458 (XVI вѣка), Московской духовной академіи № 3 (XVI вѣка), Чертковской библіотеки № 1 $^{3}/_{4}$, Императорской Публичной библіотеки F. IV. 555 (XVII вѣка) и №№ 1089 и 1901, и другія изображенія Козьмы Индикоплова въ русскихъ спискахъ его сочиненія то имѣютъ связь съ византійскими образцами, то носятъ слѣды вліянія западныхъ образцовъ, то отличаются нѣкоторою самостоятельностью.

Затѣмъ, А. И. Пападопуло-Керамевсъ въ статьѣ на греческомъ языкѣ: «Замѣтки къ исторіи Трапезунта» (стр. 132—147), сообщаетъ свѣдѣнія о дукѣ Трапезунта и святомъ мученикѣ Ѳеодорѣ Гаврѣ (XI вѣка), о трапезунтскомъ архіепископѣ (X вѣка) Аѳанасіи, о митрополитѣ Василіи и другихъ іерархахъ города, то исправляя прежнія историческія о нихъ данныя, то сообщая новыя на основаніи рукописныхъ матеріаловъ.

Профессоръ А. А. Васильевъ помѣстилъ статью: «Происхожденіе (византійскаго) императора Василія Македонянина (X вѣка)» (стр. 148—165). Существуетъ мнѣніе, что этотъ родоначальникъ Македонской династіи въ Византіи былъ родомъ славяникъ. Такая же версія высказывалась, какъ извѣстно, и относительно знаменитаго Юстиніана, но теперь уже доказано, что главное основаніе, на которомъ покоилось славянское происхожденіе этого императора, оказалась вымысломъ позднѣйшаго происхожденія. Нѣчто подобное слѣдуетъ сказать, по изслѣдованію г. Васильева, и объ императорѣ Василіи. По его мнѣнію, Василій происходилъ изъ армянъ, поселившихся въ Македоніи. Его царское происхожденіе является, по всей вѣроятности, измышленіемъ патріарха Фотія, которое отразилось на извѣстной части и послѣдующей литературы. Свѣдѣнія, сообщаемыя арабскими писателями, даютъ возможность сдѣлать два предположенія: арабы могли весьма легко принять «македонца» за «славянина», иначе сказать, «славянинъ» у арабовъ можетъ равняться македонцу, или жителю Македоніи, т.-е. армянину, поселенному въ Македоніи у Адріанополя; или, дѣйствительно, Василій происходилъ отъ смѣшаннаго брака—армянина и славянки.

Х. М. Лопаревъ посвятилъ «благоговѣйной памяти А. А. Куника, В. Г. Васильевскаго и В. К. Ерnштедта» небольшую статью: «Церковное слово Дороѳея, митрополита митилинскаго» (стр. 166—171). Слово было произнесено Дороѳеемъ въ 1451—1453 г. по поводу нашествія турокъ на Константинополь. Любопытно то, что слово почти тождественно съ двумя бесѣдами знаменитаго византійскаго патріарха Фотія, произнесенными въ 860 г. по поводу нашествія русскихъ на Константинополь. Издатель объясняетъ это тождество тѣмъ, что бесѣды Фотія, какъ прекрасный образецъ, изучались византійскими витіями наизусть.

Наконецъ, Д. Хавіарасъ сообщаетъ на греческомъ языкѣ свѣдѣнія объ островѣ Симѣ (стр. 172—190) изъ новой его исторіи.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 191—488), посвященномъ критикѣ и библіографіи, помѣщены, прежде всего, рецензіи профессора Н. Марра на книгу г.г. Заозерскаго и Хаханова о Номоканонѣ Іоанна Постника, профессора Н. С. Суворова на книгу Пьера Гренье о Византійской имперіи, Х. М. Лопарева, А. А. Васильева, С. Шестакова и Д. В. Айналова на различныя иностранныя сочиненія по агіологіи, исторіи и археологіи. Профессоръ Ѳ. А. Кургановъ помѣстилъ весьма серьезный и сочувственный отзывъ объ извѣстной книгѣ профессора И. И. Соколова: «Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ, томъ I». Съ большимъ интересомъ читается библіографическій обзоръ русской и иностранной литературы по богословію (обзоръ предложилъ П. Верховской), филологіи и исторіи литературы (С. Ж. и В. Р.), исторіи и географіи (А. Васильевъ), праву (В. Бенешевичъ), искусству и археологіи (Е. Рѣдинъ). Кромѣ того, обслѣдованы—славянскія земли (І. Ильинскій), Греція и Турція (А. И. Пападопуло-Керамевсъ), Грузія (И. Джаваховъ), Сирія (J. Guidi), Египетъ и Абиссинія (Б. Тураевъ). Но, несмотря на обиліе и компетентность сотрудниковъ, въ ихъ обзорахъ можно найти недочеты. Такъ, мы не нашли указаній на нѣкоторыя статьи «Христіанскаго Чтенія» за 1905 г., «Православнаго Собесѣдника», «Сообщеній православнаго палестинскаго общества». Конечно эти недочеты будутъ восполнены въ слѣдующемъ томѣ прекраснаго журнала.

Въ третьемъ отдѣлѣ, содержащемъ «Мелкія замѣтки и извѣстія» (стр. 489 — 592), помѣщено сообщеніе Авреліо Пальміери о христіанскомъ археологическомъ обществѣ въ Аѳинахъ, обзоръ дѣятельности Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ, описаніе юбилея въ Грота-Ферратскомъ монастырѣ въ Италіи, некрологи Альфреда Рамбо, профессора М. Дринова, П. А. Сырку, Ваксмута, Узенера и другихъ.

Наконецъ, въ особомъ приложеніи (стр. 1—122) отецъ Petit и В. Э. Регель напечатали на греческомъ языкѣ акты аѳонскаго монастыря Есфигмена.

Такимъ образомъ, въ двѣнадцатомъ томѣ «Византійскаго Временника» содержится разнообразный и интересный научный матеріалъ. Σ.

С. Смирновъ. Духовный отецъ въ древней восточной церкви. (Исторія духовничества на Востокѣ). Изслѣдованіе въ двухъ частяхъ. Часть I. (Періодъ вселенскихъ соборовъ). Сергіевъ Посадъ. 1906.

Работа принадлежитъ перу одного изъ членовъ профессорской корпораціи Московской духовной академіи и, по нашему мнѣнію, является очень цѣннымъ вкладомъ въ историческую, богословскую и каноническую литературы, для послѣднихъ, пожалуй, бо̀льшимъ вкладомъ, поскольку безъ исторической почвы и богословіе и церковное право теряютъ характеръ сознательности и научности. Заинтересовавшись древне-русскимъ духовникомъ и его вліяніемъ на церковный бытъ собственно древней Руси, авторъ погрузился въ глубину вѣковъ, чтобы прослѣдить прототипъ древне-русскаго духовника и весь институтъ духовничества съ самаго ихъ возникновенія. Безпристрастное изслѣдо-

ваніе привело его къ выводамъ новымъ и очень цѣннымъ. Оказалось, что древне-русскій духовникъ и его прототипъ—греческій, подъ которыми разумѣются лица священнаго сана, совершающія таинство покаянія по праву власти вязать и рѣшать и руководящія духовною жизнью пасомыхъ, постепенно выродились изъ простыхъ монастырскихъ духовныхъ старцевъ, современныхъ по своему происхожденію самому монашеству и древнѣйшимъ монастырямъ,—старцевъ, не имѣвшихъ первоначально священнаго сана, иногда даже по правилу, а вовсе не случайно, и, тѣмъ не менѣе, принимавшихъ тайную исповѣдь не только отъ монаховъ, но и мірянъ и разрѣшавшихъ грѣхи кающимся такъ, что въ исповѣди предъ священникомъ не видѣли уже надобности. Въ древнѣйшее время исповѣдь не была единственнымъ средствомъ освободиться отъ бремени грѣховъ и, если, вообще говоря, поощрялась, то еще не приняла форму обряда, сопровождающаго таинство покаянія. Такъ было потому, что въ процессѣ покаянія цѣнили больше всего сокрушенное настроеніе и для засвидѣтельствованія прощенія свыше не требовали непремѣнно священника, а лишь лицо, облеченное благодатью (харизмою въ широкомъ смыслѣ слова), каковыми и были монастырскіе духовные старцы. Поскольку епископъ являлся центромъ церковно-общинной жизни и былъ судьею явныхъ грѣховъ, нарушавшихъ миръ церкви, какъ общества святыхъ, онъ же и его, такъ сказать, делегаты—священники, принимали и тайную исповѣдь, которая пріобрѣтала постепенно уже и внѣшнія обрядовыя формы. Но того, что теперь называется «таинствомъ покаянія», подъ именемъ котораго разумѣется «священное дѣйствіе, подъ видимымъ образомъ сообщающее душѣ вѣрующаго невидимую благодать Божію» (Макарій, митрополитъ московскій: Руководство къ догматическому богословію, Спб., 1874, стр. 253), при чемъ при человѣческой слабости мыслятся всегда возможными болѣе или менѣе крупныя отклоненія для священника отъ святости безупречнаго судіи совѣсти, а для кающагося—отъ глубины и искренности покаянно-сокрушеннаго настроенія, — еще не было. Это не значитъ, что не было таинства въ томъ романизированномъ смыслѣ, къ какому у насъ, къ сожалѣнію, привыкли, забывая, что этотъ смыслъ ведетъ свое начало съ запада, который разработалъ для католической церкви ея ученіе о таинствахъ подъ вліяніемъ Аристотеля и римскаго права, и передалъ намъ на Востокъ только послѣ Ліонскаго собора 1274 г. и ліонской уніи. Мысли автора, приводящія читателя къ сказаннымъ выводамъ, высказываются въ литературѣ не впервые. Очень опредѣленныя сужденія можно найти въ работахъ профессора Суворова о тайной исповѣди въ отдѣльныхъ изданіяхъ и «Византійскомъ Временникѣ Алмазова» и др. Тѣмъ не менѣе, въ заслугу г. Смирнову можно поставить то, что имъ тщательно обслѣдованы источники, заключающіеся въ житіяхъ и аскетическихъ твореніяхъ, и интересующій насъ здѣсь вопросъ, важный для богословія и церковнаго права, хотя затронутъ какъ бы попутно безъ предубѣжденія, но разрѣшенъ согласно выводамъ другихъ ученыхъ, которые занимались имъ подробно и ставили его, такъ сказать, спеціальною цѣлью.

Въ упрекъ г. Смирнову можно поставить прежде всего его зависимость отъ традиціи въ научныхъ выводахъ. Справедливо, что православный богословъ не можетъ игнорировать догматическаго преданія, и его объективность не всегда можетъ заключаться въ отрицаніи преданія. Однако, въ интересахъ добросовѣстнаго безпристрастія въ наукѣ желательна свобода отъ сложившихся формулъ, тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ формулы нашего времени, въ которыхъ практика не сомнѣвается, можно возвести, напримѣръ, даже къ періоду вселенскихъ соборовъ, не говоря о болѣе глубокой древности. Напримѣръ, текстъ разрѣшительной молитвы на исповѣди, употребительный теперь, появился на Руси впервые при изданіи въ 1677 г. патріархомъ Іоакимомъ требника съ номоканономъ, въ который этотъ текстъ переписанъ былъ изъ требника Петра Могилы. Основать только на слишкомъ двухсотлѣтней давности безусловное православіе изъявительной формы разрѣшительной молитвы было бы не очень основательно. Между тѣмъ, если не въ этомъ частномъ вопросѣ о разрѣшительной молитвѣ, то въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ замѣчается какъ бы боязнь г. Смирнова отступить отъ школьнаго богословія, которое отнюдь нельзя отожествлять съ вѣрою церкви. Вслѣдствіе этого остается совершенно невыясненнымъ понятіе «сакраментальной исповѣди», и при нѣкоторой спутанности встрѣчаются прямо натяжки (напримѣръ, на стр. 82, 84, 86, 94, 116—117, 200)... Г. Смирновъ кончаетъ даже обращеніемъ къ авторитету церковной власти (стр. 294), которая съ научной точки зрѣнія едва ли въ силахъ объявить что либо догматически истиннымъ, поскольку въ православіи истина вѣры постигается полнотою любви и святости цѣлей церкви. Равнымъ образомъ не можетъ власть повліять и на выводы исторической науки. По нашему мнѣнію, надо отрѣшиться отъ робости и полнѣе развить чисто православныя воззрѣнія, о которыхъ авторъ говоритъ на стр. 126, 134, 146, 170 и сл., 240, 306 и др. Истина вѣры не боится сомнѣнія въ ней добросовѣстной науки. Невѣріе и грубое отрицаніе обыкновенно бываетъ плодомъ невѣжества или злой воли, а серьезныя и тщательныя изслѣдованія приводятъ лишь къ раскрытію заблужденій и устраненію суевѣрнаго раболѣпства предъ чисто человѣческими ошибочными наслоеніями. Въ частности, если бы переизслѣдовать со всѣхъ точекъ зрѣнія то, что называется «православнымъ богословіемъ», можно было бы освободиться отъ многихъ латинизмовъ и протестантизмовъ. Быть самостоятельными въ научно-богословскомъ творчествѣ—вотъ задача русскихъ богослововъ, и выполненіе ея лежитъ на ихъ нравственной отвѣтственности. Большимъ, впрочемъ, если не полнымъ извиненіемъ для г. Смирнова въ этомъ отношеніи служатъ цензурныя требованія, предъявляемыя къ сочиненіямъ на соисканіе богословскихъ ученыхъ степеней. Не подчиниться имъ—практически не возможно, а они во многомъ заранѣе парализуютъ научную мысль. Оттого-то и слаба наша богословская наука, и мы фактически питаемся нѣмецкими узко-конфессіональными и отрицательными теоріями.

Павелъ Верховской.

К. Валишевскій. La crise révolutionnaire, 1584-1614 (Smutnoié vrémia). Paris. 1906.

Авторъ этой книги задался цѣлью—изученіемъ прошлаго объяснить современное положеніе Россіи. Свое изученіе онъ началъ съ XVI вѣка, результатомъ чего была извѣстная его работа объ Иванѣ Грозномъ, появившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ и вышедшая теперь уже пятымъ изданіемъ. Въ настоящей книгѣ г. Валишевскій изображаетъ дальнѣйшую фазу исторической жизни Московской Руси, подробно останавливаясь на обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смутѣ и сопровождавшихъ ее. По своему содержанію книга раздѣляется на четыре части: первая разбираетъ вопросъ династическій, вторая касается кризиса политическаго, третья—кризиса соціальнаго, четвертая часть—движенія націоналистическаго и «контръ-революціоннаго»; концомъ смуты г. Валишевскій считаетъ избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова.

Первую часть авторъ начинаетъ громкимъ заголовкомъ: «Un idiot sur le trône» (Θеодоръ Ивановичъ). Наиболѣе любопытной здѣсь является глава, въ которой рѣшается вопросъ о томъ, былъ ли убитъ въ 1591 г. въ Угличѣ царевичъ Димитрій. Г. Валишевскій подвергаетъ всестороннему разбору современныя извѣстія объ этомъ кровавомъ событіи, не оставляетъ безъ вниманія даже орѣховъ, которые найдены были въ гробу царевича со слѣдами крови на нихъ, и съ ироніей замѣчаетъ, на какомъ чудесномъ деревѣ царевичъ могъ въ маѣ мѣсяцѣ сорвать ихъ. Но, несмотря на это, автору не удалось разгадать загадку, что вполнѣ и понятно: онъ оперировалъ надъ тѣмъ же самымъ противорѣчивымъ и темнымъ матеріаломъ, который много разъ подвергался обслѣдованію съ разныхъ точекъ зрѣнія. А при такомъ положеніи, за отсутствіемъ новаго матеріала, остается мѣсто лишь безплоднымъ предположеніямъ и бездоказательнымъ гипотезамъ. Въ одномъ лишь отношеніи г. Валишевскій болѣе смѣлъ, чѣмъ его предшественники. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что трупъ, погребенный въ іюнѣ 1606 г., не былъ трупомъ царевича Димитрія (стр. 51). Это, конечно, возможно, но, за отсутствіемъ какихъ либо точныхъ данныхъ, остается однимъ простымъ предположеніемъ.

Подобный же характеръ носитъ и рѣшеніе авторомъ другого вопроса, вопроса о первомъ Самозванцѣ. Г. Валишевскій склоненъ допустить, что Димитрій Самозванецъ могъ быть, дѣйствительно, сыномъ Грознаго, но онъ же самъ оговаривается: «подлинность перваго Лжедимитрія не можетъ быть научно доказана, она покоится только на предположеніяхъ» (стр. 129—130). Но и это предположеніе автора не оригинально: еще въ 1894 г. А. С. Суворинъ въ своихъ критическихъ статьяхъ и замѣткахъ старался доказывать, что царевичъ Димитрій углицкій, раненый во время припадка падучей, былъ спасенъ и увезенъ дядей его, Аθанасіемъ Нагимъ, въ Ярославль, позднѣе скрывался по монастырямъ подъ чужимъ именемъ, бѣжалъ въ Литву, самъ открылъ свое настоящее имя и изъявилъ притязаніе на московскій престолъ; съ помощью поляковъ воцарился въ Москвѣ; значитъ, «Лжедимитрій» I былъ настоящимъ царевичемъ, послѣднимъ Рюриковичемъ на тронѣ.

Подробно остановившись на внѣшней исторіи Смутнаго времени, на смѣнѣ царствовавшихъ лицъ, г. Валишевскій касается и движенія народныхъ массъ, а также и движенія въ различныхъ слояхъ населенія. Изложеніе автора почти вездѣ образное, живое и интересное. Г. Валишевскій—мастеръ слова, его можно читать съ увлеченіемъ. Но если взять вопросъ по существу, то его книга не является строго ученымъ изслѣдованіемъ, разрабатывающимъ вопросъ обстоятельно и всесторонне и освѣщающимъ предметъ съ новыхъ сторонъ. Авторъ въ ней является скорѣе историкомъ-публицистомъ, живо и интересно пишущимъ для широкаго круга читателей, чѣмъ ученымъ спеціалистомъ, двигающимъ науку впередъ. Благодаря этому, книга г. Валишевскаго пригодна лишь для общаго ознакомленія съ предметомъ, существенно же новаго она для спеціалиста почти ничего не даетъ.

Если имѣть въ виду пристрастіе автора къ внѣшнему изображенію событій, то можно сказать, что авторъ близокъ къ историкамъ съ прагматическимъ направленіемъ, что̀ далеко не является преимуществомъ автора, такъ какъ въ настоящее время въ наукѣ упрочилось новое направленіе, которое ищетъ болѣе глубокихъ корней для объясненія событій, восходитъ къ причинамъ не внѣшнимъ, а внутреннимъ, къ причинамъ экономическимъ и соціологическимъ, обстоятельнаго анализа которыхъ мы у г. Валишевскаго не находимъ. Затѣмъ позволяемъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: авторъ изображаетъ Смутное время въ видѣ какого-то «революціоннаго» періода, однако такое примѣненіе термина «революція» намъ кажется совершенно неправильнымъ: смута, несомнѣнно, не была революціей въ установившемся смыслѣ слова. Концомъ смуты, какъ уже было указано выше, г. Валишевскій считаетъ 1613 г., избраніе на царство Михаила Романова. Но это положеніе нужно принять съ весьма существеннымъ ограниченіемъ. Избраніе на царство рѣшило лишь одну сторону задачи умиротворенія, для другихъ же сторонъ потребовалось много лѣтъ напряженной работы, чтобы привести все въ порядокъ. Такъ, напримѣръ, теперь точно извѣстно, что сельское хозяйство не только не улучшалось въ ближайшіе годы послѣ 1613 г., когда кризисъ политическій и національный уже окончился, но наоборотъ все падало, экономическій кризисъ продолжался до 1616 г., послѣ котораго лишь понемногу государственное и частное хозяйство начинаетъ оправляться (ср. Готье: Замосковный край въ XVII в., стр. 224). **К.**

Дмитріевскій, А. А. Епископъ Порфирій Успенскій, какъ иниціаторъ первой русской миссіи въ Іерусалимѣ, и его заслуги на пользу православія и въ дѣлѣ изученія христіанскаго Востока. Изъ «Сообщеній императорскаго православнаго палестинскаго общества» за 1905 г., т. XVI. Спб. 1906.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ преосвященный Порфирій, а мы все еще не имѣемъ полной біографіи этого замѣчательнаго дѣятеля, много потрудившагося не только «во всѣхъ родахъ богословскаго

вѣдѣнія, но и во многихъ иныхъ отрасляхъ человѣческаго вѣдѣнія, къ богословію почти не имѣющихъ никакого отношенія или довольно отдаленное». Такъ, преосвященный Порфирій занимался исторіей христіанской церкви на православномъ Востокѣ, писалъ богословскіе трактаты, разбиралъ памятники христіанскаго искусства и мечталъ даже, какъ говоритъ авторъ, «христіанскую живопись возвесть на степень науки», изучалъ религіи и обряды коптовъ, рукописи по медицинѣ, классической литературѣ; египетскія письмена и іероглифы «также не были обойдены вниманіемъ». Столь обширная дѣятельность епископа Порфирія сдѣлала его извѣстнымъ и западнымъ ученымъ, съ которыми иногда ему приходилось даже полемизировать, какъ, напримѣръ, съ Тишендорфомъ по поводу Синайской Библіи.

И все же преосвященному не удалось прогремѣть на весь міръ, какъ ему хотѣлось, говорить почтенный біографъ. Причину этого профессоръ А. А. Дмитріевскій видитъ въ той слабой подготовкѣ, которую получилъ покойный въ академіи, и въ стремленіи его до всего доходить собственнымъ умомъ и на основаніи исключительно только своихъ разысканій. «Поэтому,—говоритъ профессоръ Дмитріевскій,—многое, что составляло азбучную истину для спеціалиста, для преосвященнаго Порфирія въ свое время казалось новостію и даже откровеніемъ, и онъ на многихъ страницахъ своихъ сочиненій ведетъ иногда безполезные и скучные трактаты о предметахъ общеизвѣстныхъ и малоинтересныхъ».

Но неоспорима зато заслуга преосвященнаго, какъ иниціатора и организатора первой русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, указавшаго на необходимость создать особое «восточное общество», которое, собирая добровольныя пожертвованія, строило бы на Востокѣ церкви, училища, богадѣльни, больницы и оказывало бы помощь нашимъ паломникамъ. «Наше императорское православное палестинское общество,—такъ заканчиваетъ профессоръ Дмитріевскій свой трудъ,—проектированное преосвященнымъ Порфиріемъ, съ честью выполняетъ задачи, указанныя первымъ начальникомъ русской духовной миссіи».

Настоящій трудъ г. Дмитріевскаго представляетъ собою рѣчь, произнесенную имъ въ сокращеніи въ годовомъ собраніи кіевскаго отдѣла палестинскаго общества 10 апрѣля 1905 г. Авторъ использовалъ почти всѣ печатные матеріалы, касающіеся жизни и дѣятельности преосвященнаго Порфирія, и далъ намъ первую обстоятельную біографію послѣдняго.

Я. Бирюковъ.

Московская церковная старина. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи, издаваемые подъ редакціей предсѣдателя комиссіи, А. И. Успенскаго. Томъ второй. Москва. 1906.

Второй томъ «Трудовъ» комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины, посвященный его императорскому величеству, государю императору, заключаетъ въ себѣ лишь одно крупное историко-археологическое изслѣдованіе

протоіерея московскаго придворнаго Благовѣщенскаго собора, приватъ-доцента университета, Ник. Дм. Извѣкова, подъ заглавіемъ: «Московскія кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII вѣкѣ».

Какъ извѣстно, по указанному предмету уже есть нѣкоторые печатные труды, напримѣръ, у покойнаго Ив. Мих. Снегирева въ его сочиненіи: «Памятники московской древности, съ привосокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы, Москва, 1841 г.», у Ив. Ег. Забѣлина въ сочиненіяхъ: «Исторія города Москвы», ч. I, М., 1902 г., и «Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ», ч.ч. 1 и 2.

Но въ этихъ сочиненіяхъ обслѣдованы лишь отчасти, даже, можно сказать, слегка рукописные матеріалы о придворныхъ церквахъ, хранящіеся въ богатѣйшемъ хранилищѣ рукописей — въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива министерства императорскаго двора. Вотъ почему названные ученые грѣшатъ иногда не только въ отношеніи полноты изслѣдованія, но и со стороны точности исторической, т.-е. фактической.

Настоящій капитальный трудъ протоіерея Извѣкова восполняетъ эти недочеты. Авторъ для своего изслѣдованія широко и обстоятельно использовалъ документы XVII вѣка, хранящіеся въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива министерства императорскаго двора, въ Патріаршей библіотекѣ и въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Изслѣдованіе протоіерея Н. Д. Извѣкова (стр. 1—268) состоитъ изъ шести главъ. Въ составъ первой главы вошли слѣдующіе очерки: Многочисленность московскихъ дворцовыхъ церквей и причина того. Соборная церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы съ придѣльными храмами во имя св. Василія Кесарійскаго, архангела Гавріила, Георгія Побѣдоносца, Входа Господня въ Іерусалимъ, Собора Богородицы и преп. Михаила Малеина. Соборная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы съ придѣлами въ честь праведнаго Лазаря, преподобнаго Никиты Столпника и Маріи Магдалины. Соборная церковь во имя Срѣтенія Господня съ придѣломъ св. Николая Чудотворца. Церковь во имя св. великомученицы Екатерины съ придѣломъ преподобнаго Онуфрія. Церковь во имя св. преподобномученицы Евдокіи. Соборная церковь во имя Воскресенія Христова. Придѣльная церковь въ честь Распятія Господня. Соборная церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго образа. Придѣльный храмъ во имя св. Іоанна Бѣлоградскаго, а послѣ—св. Іоанна Предтечи. Церковь въ честь Положенія ризы Богоматери. Церковь въ честь Похвалы Пресвятой Богородицы. Церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго образа. Церковь въ честь Успенія Богоматери. Церковь во имя Сошествія св. Духа. Церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Во второй главѣ говорится о лицахъ, служившихъ при московскихъ кремлевскихъ дворцовыхъ церквахъ, о порядкѣ назначенія на священно-церковно-служительскія мѣста при дворцовыхъ церквахъ, о выдачѣ патріархомъ ставленныхъ и переходныхъ грамотъ и о подчиненіи ему по суду дворцоваго духовенства, объ образовательномъ цензѣ послѣдняго, о священно-церковно-служителяхъ при дворцовыхъ церквахъ и о наиболѣе извѣстныхъ изъ нихъ. Въ третьей главѣ трак-

туется о составѣ причтовъ дворцовыхъ церквей и объ ихъ содержаніи, въ четвертой главѣ—о государевыхъ пѣвчихъ дьякахъ, въ пятой—о крестовыхъ священникахъ и дьякахъ, въ шестой—о нравахъ и обычаяхъ служившихъ при дворцовыхъ церквахъ лицъ.

Въ концѣ книги въ качествѣ приложеній помѣщены наиболѣе характерныя и интересныя въ археологическомъ и другихъ отношеніяхъ извлеченія изъ документовъ Московскаго отдѣленія общаго архива министерства императорскаго двора, которыя служатъ дополненіемъ и поясненіемъ къ тексту самого изслѣдованія, и затѣмъ—указатель лицъ, упоминаемыхъ въ немъ, и, наконецъ, пояснительный словарикъ наиболѣе затруднительныхъ для пониманія лицъ и предметовъ. Эти указатель и словарь весьма облегчаютъ пользованіе трудомъ почтеннаго изслѣдователя.

Книга иллюстрирована 61 фототипіей съ иконъ, окладовъ, иконостасовъ, дверей, тощихъ свѣчей, изразцовыхъ печей и проч. изъ придворныхъ кремлевскихъ церквей. Напримѣръ, изъ Благовѣщенскаго собора взяты иконы—Тихвинская, Ѳеодоровская и Донская Богоматери, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, св. Алексѣя, человѣка Божія, и апостола Петра, Спасителя, Господа Вседержителя, два корсунскіе креста, боковыя двери изъ паперти въ главный храмъ (съ сивиллами). Изъ того же собора—иконы св. Іоанна Крестителя, Распятія Спасителя, Страшнаго суда и оклады съ иконъ (въ придѣлѣ Собора Богоматери). Изъ Верхоспасскаго собора воспроизведены изразцовыя печи, иконы—Новоникитской Богоматери, Нерукотвореннаго образа Спасителя «въ чудесѣхъ», Богоматери, Млекопитальницы, Спасителя, Іоанна Богослова; изъ Распятской церкви—Страсти Христовы, Распятіе, Благовѣщеніе, Господь Еммануилъ, Богоматерь, Господь Вседержитель, Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, архангелы Михаилъ и Гавріилъ и Божія Матерь съ семью мечами въ сердцѣ, дверь (изъ царскихъ дверей XVII вѣка) изъ Распятской церкви въ церковь Воскресенія Словущаго. Изъ церкви Воскресенія Словущаго взяты—царскія двери, Псковская икона Богоматери и арка надъ входомъ въ церковь. Изъ Лазаревской церкви хороша фреска Воскрешенія Лазаря, иконостасъ и арка надъ входомъ въ храмъ, изъ Ризположенской церкви — иконы Печерской Божіей Матери и Положенія ризы, тощія свѣчи и, наконецъ, икона Похвалы Богородицы изъ храма Спаса на Бору.

Иллюстраціи къ книгѣ протоіерея Извѣкова подобраны комиссіей очень умѣло и интересно; но самъ изслѣдователь, очевидно, не знатокъ вещественныхъ памятниковъ церковной старины, почему между его текстомъ и иллюстраціями нѣтъ яснаго для каждаго читателя соотвѣтствія; оно, несомнѣнно, смутно представляется и самимъ авторомъ книги.

Несмотря на это, значеніе труда о. Извѣкова для русской церковной археологіи весьма большое, даже крупное: авторъ собралъ громадный архивный матеріалъ, которымъ изслѣдователи вещественныхъ памятниковъ старины воспользуются съ глубокой благодарностью. Для археологовъ книга протоіерея Н. Д. Извѣкова, несомнѣнно, будетъ служить настольною, справочной книгой и источникомъ свѣдѣній для разрѣшенія очень многихъ вопросовъ.

Къ великому сожалѣнію, у насъ рѣдки подобные труды. Пишутъ, по большей части, компиляціи съ иностранныхъ работъ и щеголяютъ цитатами иностранныхъ пособій,—чѣмъ больше такихъ заимствованій (нерѣдко списываній), тѣмъ больше цѣны «изслѣдованію»... Если бы у насъ почаще заглядывали наши «историки» въ архивы и на основаніи первоисточниковъ писали свои сочиненія, гораздо бы больше пользы русской наукѣ принесли они.

Прив.-доцентъ **А—скій.**

А. А. Гирсъ. Россія и Ближній Востокъ. Спб. 1906.

Въ книгѣ г. Гирса помѣщено пять изслѣдованій по исторіи сношеній Россіи съ Турціей изъ трехъ главнѣйшихъ эпохъ—Екатерининской, Крымской войны и войны 1877—1878 г.г. Въ изслѣдованіи первомъ, подъ заглавіемъ «Изъ прошлаго россійскаго консульства въ Яссахъ» (стр. 1—46), г. Гирсъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о пребываніи и дѣятельности въ Придунайскихъ княжествахъ перваго русскаго консула С. Л. Лашкарева, назначеннаго сюда императрицею Екатериной II послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата въ 1774 г. Порта упорно противилась волѣ русской императрицы, не хотѣла назначать Лашкареву резиденцію ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи, предлагая поселиться въ Селистріи, но, наконецъ, вынуждена была (въ 1781 г.) подчиниться договору. И дѣйствительно, первому русскому консулу въ Придунайскихъ княжествахъ было очень много дѣла, такъ какъ Порта хозяйничала въ этихъ областяхъ вполнѣ по-турецки. По мнѣнію А. А. Гирса, Порта предприняла въ 1787 г. войну съ Россіей съ цѣлью освободиться отъ присутствія въ Придунайскихъ княжествахъ русскаго консула, «развратителя ея подданныхъ», дѣятельнаго пособника русскаго посланника въ Константинополѣ, съ которымъ Портѣ приходилось постоянно препираться изъ-за назначенія и смѣщенія господарей и изъ-за порядковъ управленія княжествами, въ дѣла которыхъ консулъ вмѣшивался будто бы неуклонно, въ противность договорамъ и подъ предлогомъ защиты русско-подданныхъ торговыхъ людей. Въ дѣйствительности же русскимъ представителямъ въ Придунайскихъ княжествахъ было весьма много дѣла по водворенію здѣсь законности и порядка въ управленіи, какъ это видно и изъ разсказа г. Гирса о фанаріотѣ Мавроени, добивавшемся господства въ одномъ изъ княжествъ.

Во второмъ очеркѣ (стр. 47—59) помѣщены «Два письма изъ эпохи Восточной войны (1853—1855 г.г.)». Разумѣются письма Ногэса, главнаго редактора издававшейся въ Константинополѣ ежедневной газеты «Journal de Constantinople», адресованныя логоѳету Мавроени, родственнику господаря Валахіи, князя Григорія Гики. Эти любопытныя письма, съ одной стороны, знакомятъ читателей съ совѣтами, которые Порта и ея западные друзья расточали господарямъ молдавскому Стирбею и валахскому Гикѣ, очутившимся, съ момента вступленія русскихъ войскъ въ княжества, въ положеніи между молотомъ и наковальней, а съ другой—даютъ живую картину общественнаго настроенія въ Константинополѣ, гдѣ въ то время, какъ европейскіе дипломаты напрягали всѣ усилія къ предотвращенію войны,—ея ожидали и желали, въ

убѣжденіи «полной неправоты» Россіи и въ сознаніи доказываемой англійскимъ посломъ, знаменитымъ лордомъ Стратфордомъ Рэдклиффомъ, необходимости воспользоваться случаемъ, чтобы хорошенько «проучить» Россію, въ надеждѣ, что она не оправится, по крайней мѣрѣ, въ теченіе полвѣка. Несомнѣнно, опубликованныя г. Гирсомъ два письма Ногэса въ переводѣ и съ исторической справкой проливаютъ дополнительный свѣтъ на интересную эпоху.

Далѣе слѣдуютъ (стр. 60—77) «Выдержки изъ журнала маршала Кастеллана, касающіяся Восточной войны 1853—1856 г.г.». Маршалъ Кастелланъ родился въ 1788 г., былъ офицеромъ въ арміи Наполеона, по сверженіи котораго примкнулъ къ Бурбонамъ; въ моментъ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г. командовалъ войсками въ Ліонѣ, сталъ на сторону принца-президента и, по вступленіи послѣдняго на императорскій престолъ, былъ сдѣланъ сенаторомъ и маршаломъ; онъ скончался въ 1872 г. Отъ Кастеллана сохранился журналъ, который онъ велъ съ 1804 г. Въ пятомъ его томѣ (Journal du maréchal Castellane 1804—1862, tome V-me, 1853—1862. Paris. 1897) находятся не лишенныя интереса воспоминанія автора о томъ, что говорилось и дѣлалось въ высшихъ сферахъ Франціи въ эпоху Крымской войны. Маршалъ часто ѣздилъ въ Парижъ, видѣлся съ Наполеономъ и заносилъ въ свой журналъ бесѣды съ нимъ. Отрывки этихъ воспоминаній, касающихся Россіи, и изданы г. А. А. Гирсомъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ нѣкоторыми примѣчаніями и добавленіями. Несомнѣнно, и этотъ опубликованный почтеннымъ авторомъ матеріалъ является полезнымъ для еще не исчерпаннаго во всѣхъ подробностяхъ и не обслѣдованнаго восточнаго вопроса.

Слѣдующій очеркъ, подъ заглавіемъ «Германія и Россія въ эпоху Крымской войны» (стр. 78—143), представляетъ переводъ нѣкоторыхъ главъ изъ второго тома обширнаго труда профессора Берлинскаго университета, фонъ-Зибеля (Sybel): «Основаніе Германской имперіи Вильгельмомъ I», въ которомъ характеризуется отношеніе Германіи, а также Австріи къ Россіи во время Крымской кампаніи. Въ частности здѣсь рѣчь идетъ о союзѣ между Австріей и Пруссіей ,о разладѣ между Австріей и Германіей и послѣдствіяхъ его для европейскаго концерта, описываются главнѣйшіе моменты Крымской войны. Свѣдѣнія почерпнуты авторомъ преимущественно изъ государственнаго архива Берлина и представляютъ интересъ свѣжести и новизны для русскихъ читателей, тѣмъ болѣе, что разсматриваемая въ очеркѣ историческая эпоха и теперь недостаточно у насъ обслѣдована, при всемъ обиліи разнаго рода относящихся къ вопросу литературныхъ работъ.

Послѣдній очеркъ, подъ заглавіемъ «Россія и Англія въ Турціи въ 1876—1877 г.г.» (стр. 144—218), также есть переводъ статьи изъ журнала «Revue d'histoire diplomatique» за 1896 г. (№ 1), написанной однимъ французскимъ дипломатомъ. Въ обнимаемую настоящимъ разсказомъ эпоху, говорится въ предисловіи къ этюду, стоустая народная молва болѣе, чѣмъ когда либо, находила благосклонныхъ слушателей, вѣрившихъ въ преувеличенныя и лживыя свѣдѣнія, настойчиво распространяемыя и истолковываемыя безъ всякой за-

боты объ истинѣ. Какихъ только драматическихъ зрѣлищъ Востокъ не представлялъ въ пору русско-турецкой послѣдней войны? Банкротство Турціи, революція, низложеніе властелиновъ, массовое избіеніе населенія безъ различія возраста и пола, насилія, грабежи, поджоги и, наконецъ, война между имперіею, признанною въ упадкѣ, и государствомъ, слывущимъ непобѣдимымъ и встрѣчающимъ неожиданное для него сопротивленіе. Неудивительно, что въ пылу расходившихся страстей ложно объясняли происхожденіе тѣхъ и другихъ фактовъ и приписывали разныя дѣянія не тѣмъ, кому слѣдовало. Возстановить явленія въ ихъ истинномъ свѣтѣ и указать участіе и степень вины каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ разыгравшейся драмы—такова роль настоящаго очерка. И дѣйствительно, анонимный авторъ удачно вскрываетъ внутреннія пружины пресловутой «борьбы вліяній на Босфорѣ» и умѣло показываетъ коварную роль Англіи въ недавнихъ фазахъ и теперь волнующаго Европу восточнаго вопроса.

Вообще, сообщенные А. А. Гирсомъ «матеріалы по исторіи нашихъ сношеній съ Турціей» читаются съ интересомъ и дѣйствительно оправдываютъ задачу ихъ изданія—почерпнуть освѣдомленность и энергію для возстановленія храмины нашего международнаго положенія, нынѣ расшатанной и чужими и своими руками. Книга издана тщательно, за исключеніемъ немногихъ недосмотровъ. Такъ, на стр. 80 читаемъ: «теперь (1897 г.), когда воспоминанія о неудачахъ утратили свой острый характеръ» и пр. Ссылка на 1897 г., когда впервые была напечатана статья «Германія и Россія въ эпоху Крымской войны», не должна имѣть мѣста въ книгѣ, помѣченной текущимъ годомъ. «Турецкая лира,—пишетъ А. А. Гирсъ въ примѣчаніи на стр. 146,—стоитъ около 9 р.», тогда какъ нынѣ лира равняется 8 р. 50 к., а по временамъ—8 р. 60 к., но никакъ не 9 р. Нужна точность во всемъ. О.

Н. П. Кондаковъ. Изображенія русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI вѣка. Съ таблицами и 13 рисунками въ текстѣ. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1906.

Находка русскихъ по содержанію историческихъ миніатюръ въ латинской псалтири—большое открытіе для нашей археологіи. Латинская рукопись, къ которой впослѣдствіи были пришиты пергаменные листки съ молитвами и изображеніями русской княжеской семьи, относится къ концу X вѣка, написана по заказу трирскаго архіепископа Эгберта и извѣстна подъ названіемъ «кодекса Гетруды». Это—католическое имя жены великаго князя Изяслава Ярославича и матери его третьяго сына, Ярополка, бывшей польской княжны, по мнѣнію изслѣдователя, дочери Мечислава Второго или Болеслава Храбраго. Рукопись хранится въ королевскомъ архивѣ г. Чиводале въ Ломбардіи, куда попала случайно.

О самой псалтири, типичной лицевой сѣверо-германской рукописи, недавно вышло изслѣдованіе Зауерланда и Газелофа съ шестьюдесятью таблицами снимковъ («Codex Hetrudianus in Cividale», Триръ, 1901), при чемъ рус-

скимъ миніатюрамъ удѣлено второстепенное вниманіе; болѣе подробно говорится о нихъ въ статьѣ гр. А. Бобринскаго, и подробный анализъ данъ академикомъ Н. Кондаковымъ. Главная изъ нихъ изображаетъ ап. Петра, у ногъ котораго—молящіяся фигуры русскаго князя, его жены и матери, припавшей къ ногамъ апостола; надъ этими фигурами—славянскія надписи. На поляхъ того же листа помѣщена латинская молитва, а надъ фигурой ап. Петра—греческая надпись. Это соединеніе трехъ языковъ даетъ интересный матеріалъ для рѣшенія вопроса о національности рисовальщика. Н. П. Кондаковъ думаетъ, что молитвенныя прибавленія и миніатюры написаны для Гетруды не въ Кіевѣ, а въ Луцкѣ или Владимірѣ Волынскомъ, вообще въ предѣлахъ Польши и Галича; писецъ былъ нѣмецъ или славянинъ, одинаково знакомый съ греческой и латинской письменностью. Намъ кажется, что все это можетъ относиться и къ другому городу, гдѣ приглашенный великокняжеской семьей рисовальщикъ-писецъ, или, какъ называетъ его авторъ, «мастеръ-иконописецъ», также свободно могъ исполнить заказъ не задолго до кончины князя Ярополка.

«Записка» академика Н. П. Кондакова, на самомъ дѣлѣ—цѣлая монографія, исполненная со свойственной изслѣдователю талантливостью, серьезностью и мѣстами красотой въ изложеніи. Намъ кажется. только скромностью объясняется оговорка, что цѣль этой записки—«доставить канву и матеріалъ для будущаго изслѣдованія, которое имѣетъ быть предпринято по сложной задачѣ разрѣшенія вопросовъ бытовой русско-византійской археологіи». Для сравненія авторъ привлекаетъ богатый матеріалъ изъ иконографіи византійской и русской, во многихъ случаяхъ мало извѣстный, а потому цѣнный самъ по себѣ. Кромѣ подробнаго анализа миніатюръ, особенно цѣнны многочисленные экскурсы, которые, по нашему глубокому убѣжденію. являются совершенно неизбѣжнымъ техническимъ пріемомъ при разслѣдованіи сложныхъ научныхъ вопросовъ, особенно—археологическихъ. И, несмотря на то, что у насъ многіе относятся отрицательно къ такому «загроможденію» основного изложенія экскурсами,—мы видимъ въ нихъ не только плюсъ къ самой работѣ, какъ результату изслѣдованія, но и результатъ живого процесса въ самой работѣ. Изслѣдователь, желающій освѣтить всѣ стороны изучаемаго имъ памятника, невольно прибѣгаетъ къ экскурсамъ всякій разъ, когда новые вопросы. возбуждаемые памятникомъ, требуютъ разъясненія сейчасъ же, чтобъ на выводы изъ нихъ опереться для дальнѣйшаго изслѣдованія. Такіе экскурсы сами по себѣ интересны и при иной техникѣ академика Кондакова могли бы быть очень цѣнными отдѣльными Beitrag'ами. Укажемъ, напримѣръ, устанавливаемую изслѣдователемъ разницу въ назначеніи молитвенныхъ псалтирей на западѣ и на востокѣ, характеристику византійско-русскихъ мастеровъ-художниковъ и отличіе ихъ отъ западныхъ каллиграфовъ, иконографическія сцены вѣнчанія Спасителемъ королей, замѣчанія о фрескахъ Кіево-Софійскаго собора, формахъ коронъ и головныхъ уборовъ у коронованныхъ особъ въ средніе вѣка на западѣ и на востокѣ. Затѣмъ слѣдуетъ пересмотръ вопроса о такъ называемой шапкѣ Мономаха и венгерской «коронѣ св. Стефана», торжественныхъ одѣяніяхъ византійскихъ царей, и связанномъ съ ними дворцовомъ церемоніалѣ, замѣтки о выходной миніатюрѣ Изборника Свято-

слава, изображеніяхъ князя Ярослава, Владимира въ Спасо-Нередицкой церкви и др. древнихъ портретахъ русскихъ князей, наконецъ - масса мелкихъ замѣчаній филологическаго характера въ примѣчаніяхъ. Отмѣтимъ опечатку на стр. 73: «ручной иконописи» (вм. «русской иконописи»), и выскажемъ невольное сожалѣніе по поводу отсутствія всякаго оглавленія къ изслѣдованію, которое, какъ видно было, касается многихъ посторонних вопросовъ, а потому болѣе всего и нуждается въ самомъ подробномъ оглавленіи.

А. Яцимирскій.

Баронъ Н. В. Дризенъ. Стопятидесятилѣтіе русскаго театра. (По новымъ архивнымъ свѣдѣніямъ). Спб. 1906.

Баронъ Н. В. Дризенъ давно уже занимается исторіей русскаго театра. Печатавшіяся въ разныхъ журналахъ, и въ томъ числѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», статьи его о любительскихъ и народныхъ театрахъ, о театральной цензурѣ, театральной старинѣ и сценическихъ дѣятеляхъ, недавно изданы отдѣльной книжкой. Въ настоящее время, по поводу исполнившагося стопятидесятилѣтія императорскихъ театровъ, онъ издалъ новый трудъ, гдѣ въ обстоятельномъ и живомъ очеркѣ описываетъ, главнымъ образомъ, исторію русскаго театра въ Елисаветинское царствованіе, т.-е. въ эпоху его зарожденія и первоначальнаго развитія. Нужно отдать справедливость автору въ томъ, что онъ чрезвычайно добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ. Онъ не только пересмотрѣлъ все то, что было ранѣе напечатано по этому предмету, но произвелъ тщательныя разысканія въ архивахъ: министерства двора, дирекціи императорскихъ театровъ, главнаго штаба и перваго кадетскаго корпуса. Собранные имъ матеріалы дали ему возможность нарисовать довольно полную картину условій, при которыхъ зародилась отечественная сцена. Въ изданіи приведены разныя распоряженія императрицы Елисаветы Петровны, касающіяся театра, характеристики первыхъ актеровъ, театральные нравы и обычаи того времени, отрывки изъ ставившихся тогда пьесъ и т. п. Изданіе снабжено нѣсколькими портретами, прекрасно исполненными съ рѣдкихъ оригиналовъ.

О. Ш.

К. Арсеньевъ. Салтыковъ-Щедринъ. Литературно-общественная характеристика. Спб. 1906.

Н. Покровскій. Салтыковъ-Щедринъ, какъ сатирикъ, художникъ и публицистъ. М. 1906.

Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что произведенія Салтыкова-Щедрина при всемъ крупномъ значеніи и вліяніи, оказанномъ имъ на наше общественное самосознаніе, сравнительно плохо извѣстны широкимъ слоямъ нашего общества. Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось многими критиками. Объяснить его, быть можетъ, всего правильнѣе, съ одной стороны, сложностью творчества сатирика, его манерою писать, сдѣлавшей его произведенія безъ надлежащаго освѣщенія и объясненія мало понятными

современному читателю, съ другой, тѣмъ, что наша критика сравнительно мало занималась творчествомъ писателя: такъ, до сихъ поръ мы не имѣли большого труда, посвященнаго ему. Пробужденія за послѣднее время интереса къ Салтыкову-Щедрину, выразившагося въ появленіи цѣлаго ряда объ немъ трудовъ, мы не можемъ не отмѣтить и не привѣтствовать: имя сатирика заслуживаетъ большого вниманія, оказанное имъ вліяніе на литературу и общество велико и разносторонне. Недавно вышедшіе труды г.г. Арсеньева и Покровскаго много поспособствуютъ пониманію нашимъ обществомъ сущности творчества писателя, уясненію имъ его историко-литературнаго и культурно-историческаго значеній.

Особенно большую услугу въ этомъ окажетъ работа г. Арсеньева. Послѣдній цѣлымъ рядомъ статей въ «Вѣстникѣ Европы» давно уже стяжалъ себѣ репутацію комментатора и знатока произведеній сатирика, и своими очерками много поспособствовалъ выработкѣ опредѣленнаго взгляда на творчество писателя и на его значеніе. Такъ, г. Арсеньевъ опровергъ взгляды нѣкоторыхъ критиковъ на Салтыкова-Щедрина, какъ на фельетониста, и доказалъ, что его произведенія являются богатымъ матеріаломъ для изученія современной ему эпохи. Ошибку критиковъ изслѣдователь видитъ въ томъ, что они слишкомъ односторонне подходили къ оцѣнкѣ писателя, основывали свои выводы лишь на нѣкоторыхъ произведеніяхъ, носящихъ фельетонный характеръ, игнорируя произведенія—чистыя сатиры, составляющія главный элементъ въ творчествѣ Салтыкова-Щедрина.

Цѣнныя и интересныя статьи критика до сихъ поръ были разбросаны въ «Вѣстникѣ Европы» за разные годы; собранныя теперь вмѣстѣ, онѣ много отъ этого выиграли, составивъ въ цѣломъ прекрасную характеристику писателя. Безъ сомнѣнія, книга г. Арсеньева, въ которой мы можемъ прослѣдить, какъ отразилась русская общественная жизнь въ щедринской сатирѣ за цѣлую треть вѣка, явится не только незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи творчества Салтыкова-Щедрина, цѣннымъ вкладомъ въ нашу критическую литературу, но и весьма интересной работой для историка нашей общественности.

Трудъ г. Покровскаго представляетъ сборникъ наиболѣе важныхъ и имѣющихъ значеніе критическихъ статей о Салтыковѣ-Щедринѣ, подобранныхъ такъ, чтобы онѣ въ общей сложности дали читателю объективную оцѣнку писателя, какъ сатирика, художника и публициста. Мы уже имѣемъ трудъ, подобный работѣ г. Покровскаго,—сборникъ г. Денисюка, въ который вошло въ хронологическомъ порядкѣ все, появившееся въ русской критикѣ о писателѣ (см. отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1906 г., кн. III). Несмотря на то, что трудъ г. Денисюка имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ избавляетъ насъ отъ непроизвольной траты времени на разыскиваніе въ различныхъ журналахъ тѣхъ или другихъ статей, — сборникъ г. Покровскаго принесетъ читателю болѣе пользы.

Намъ думается, что для того, чтобы понять писателя, выяснить себѣ характеръ и значеніе его творчества, нѣтъ необходимости знакомиться со всей критической литературой, а достаточно закомство лишь съ такими статьями, которыя имѣютъ извѣстное значеніе и цѣнность, такъ какъ чтеніе всего на-

писаннаго о писателѣ, изъ котораго многое уже устарѣло, опровергнуто, потеряло значеніе, породитъ только сумбуръ въ головѣ читателя, еще болѣе затемнитъ вопросъ. Этого не произойдетъ, когда чтеніе будетъ вестись съ надлежащимъ выборомъ. Но сдѣлать послѣдній въ сборникѣ г. Денисюка для читателя довольно трудно. Вотъ почему мы отдаемъ предпочтеніе сборнику г. Покровскаго, который помѣстилъ статьи съ выборомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы онѣ въ совокупности возможно полнѣе охватывали творчество писателя, затронули бы различныя стороны его дарованія, дали бы объективное понятіе о Салтыковѣ-Щедринѣ, какъ сатирикѣ, художникѣ и публицистѣ.

Но, отдавая предпочтеніе сборникамъ, составленнымъ по плану г. Покровскаго, мы въ то же время ставимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы подборъ статей былъ сдѣланъ хорошо, чтобы онѣ давали возможность читателю выработать опредѣленный взглядъ на писателя,—безъ этого подобные сборники совершенно обезцѣниваются. Это, очевидно, хорошо понимаетъ г. Покровскій: на выборѣ имъ статей видны серьезное отношеніе составителя къ своимъ задачамъ, обдуманность и выдержанность плана. Это обстоятельство дѣлаетъ его трудъ, какъ весьма полезное пособіе, заслуживающимъ вниманія.

А. Фоминъ.

Альбомъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ отчетахъ императорской археологической комиссіи за 1882-1898 г.г. Спб. 1906.

Плодотворная дѣятельность, которую проявляетъ по разысканію древностей, сокрытыхъ въ нѣдрахъ нашей родины, императорская археологическая комиссія, достаточно извѣстна всякому образованному человѣку. Выпускаемые ею съ 1859 г. ежегодные отчеты содержатъ такую массу цѣнныхъ свѣдѣній, что давно уже пользуются заслуженной извѣстностью не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, гдѣ неоднократно дѣлались попытки облегчить знакомство съ ихъ богатыми матеріалами. Отчетъ каждаго года содержитъ обыкновенно перечень цѣлаго ряда находокъ и пріобрѣтеній, такъ что для оріентировки въ его содержаніи необходимы тщательные указатели. Такіе указатели прилагаются къ отчетамъ только съ 1899 г., за первые годы существованія комиссіи они давались въ краткой формѣ, а за 1882—1898 гг. отсутствовали вовсе. Поэтому въ 1903 г. комиссія предложила вниманію всѣхъ интересующихся отечественной археологіей общій систематическій указатель за опущенные годы, гдѣ данъ былъ и обзоръ содержанія отчетовъ за означенныя 17 лѣтъ. Въ этотъ указатель не вошло только систематическаго перечня рисунковъ, находокъ и пріобрѣтеній, такъ какъ комиссія обѣщала дать ихъ въ видѣ особаго альбома. Осуществленіе этого грандіознаго предпріятія выполнено въ текущемъ году въ томъ изданіи, заглавіе котораго выписано выше. Въ альбомъ вошло 2.270 рисунковъ, расположенныхъ въ топографическомъ порядкѣ съ цѣлью болѣе нагляднаго представленія о культурѣ различныхъ районовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обозрѣніе однородныхъ предметовъ облегчается и здѣсь тщательно составленнымъ систематическимъ указателемъ. Излишне

говорить, какое важное значеніе имѣетъ данный альбомъ для всѣхъ археологовъ-любителей, которые съ помощью его могутъ быстро оріентироваться въ классификаціи своихъ находокъ и коллекцій. Немало подходящаго матеріала найдетъ для себя и историкъ, особенно если онъ интересуется отдаленнымъ прошлымъ нашего юга. Думаемъ, что не безъ пользы можетъ заглянуть въ альбомъ и ювелиръ-художникъ, который найдетъ здѣсь массу снимковъ съ весьма тонко и изящно исполненныхъ предметовъ его спеціальности. Наконецъ, желательно, чтобы альбомъ проникъ и въ библіотеки среднеучебныхъ заведеній, какъ прекрасное наглядное пособіе при изученіи отдаленной бытовой старины нашей родины. Издавая настоящій альбомъ комиссія облегчила ознакомленіе съ рисунками и болѣе раннихъ своихъ отчетовъ: нѣкоторые изъ нихъ составляютъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Именно, въ приложеніи къ изданію данъ указатель рисунковъ въ текстѣ отчетовъ за 1859 г. 1881 г. и въ атласахъ къ отчетамъ за 1859—1888 гг. По цѣнѣ своей изданіе, особенно если принять во вниманіе тщательное исполненіе рисунковъ, должно быть признано прямо дешевымъ. Судя по предисловію, редакціонная работа какъ по составленію общаго указателя, такъ и альбома рисунковъ принадлежала В. В. Латышеву. Нельзя не принести глубокой благодарности почтенному ученому за его тяжелую работу, для выполненія которой ему пришлось пересмотрѣть болѣе десятка тысячъ библіографическихъ карточекъ.

А. М.

С. Либровичъ. Нерусская кровь въ русскихъ писателяхъ. Историко-литературный этюдъ. Спб. 1906.

Книга г. Либровича посвящена совершенно незатронутому у насъ вопросу о происхожденіи нашихъ писателей. Едва ли кто станетъ отрицать, что въ нашей литературѣ отразился духъ народа и все то чѣмъ страдало и болѣло русское общество. Но мало кто знаетъ, что очень многіе наши писатели, начиная съ крупныхъ величинъ, кончая рядовыми работниками, были по крови нерусскими: въ ихъ родахъ или по отцу или по матери встрѣчались люди не русскаго или же не вполнѣ русскаго происхожденія. Г. Либровичъ собралъ въ своей книгѣ весьма интересный матеріалъ о происхожденіи дѣятелей нашего культурнаго міра. Къ нерусскому или не вполнѣ русскому происхожденію, по даннымъ автора, принадлежатъ слѣдующіе выдающіеся и извѣстные наши дѣятели литературнаго міра: Кантемиръ (отецъ—молдованинъ), Херасковъ (изъ валахскаго рода), Хемницеръ (отецъ—саксонецъ), Сумароковъ (изъ литовскаго рода), Державинъ (изъ татарскаго рода), Екатерина II (изъ нѣмецкаго рода), Фонвизинъ (изъ нѣмецкаго рода) Жуковскій (мать—турчанка), Грибоѣдовъ (мать изъ польскаго рода), Лермонтовъ (изъ шотландскаго рода), Пушкинъ (по матери негрскаго рода), Гоголь (малороссъ), Булгаринъ (отецъ—полякъ), Сенковскій (полякъ), Гречъ (изъ нѣмецкаго рода), Нарѣжный (изъ польской семьи), Кукольникъ (отецъ—ополячившійся венгерецъ), Вяземскій (мать—полька), Грановскій (мать—малороссіянка), Никитенко (изъ малороссовъ), Станкевичъ (изъ литовскаго рода), С. Глинка (изъ польскаго рода),

Некрасовъ (мать—полька), Огаревъ (изъ татарскаго рода), Тургеневъ (изъ татарскаго рода), Салтыковъ-Щедринъ (изъ прусскаго рода), Григоровичъ (мать—француженка), Аксаковы (изъ норвежскаго рода), Слѣпцовъ (мать—полька), Шеллеръ-Михайловъ (изъ эстонской семьи), Боборыкинъ (изъ литовскаго рода), Надсонъ (изъ еврейской семьи), Апухтинъ (изъ французскаго рода), Немировичъ-Данченко (мать—армянка), Короленко (малороссъ), Потапенко (малороссъ), Вересаевъ (изъ польскаго рода), Л. Андреевъ (мать—полька), Станюковичъ (изъ литовскаго рода); критики: Миллеръ (изъ нѣмецкой семьи), Писаревъ (изъ литовскаго рода), Скабичевскій (малороссъ), Венгеровъ (изъ еврейской семьи); публицисты: Герценъ (мать—нѣмка), П. Струве (изъ нѣмецкой семьи), Катковъ (мать изъ грузинскаго рода); изслѣдователи русскаго языка и фольклора: Даль (отецъ—датчанинъ), Гротъ (изъ голштинской семьи), Востоковъ (изъ нѣмецкой семьи), Ягичъ (хорватъ), Гильфердингъ (нѣмецъ), Веселовскій (изъ польскаго рода), Дювернуа (французъ), Буличъ (сербъ); историки: Карамзинъ (изъ татарскаго рода), Костомаровъ (мать—полька), Милюковъ (изъ нѣмецкаго рода); философы: В. Соловьевъ (мать—малороссіянка), Трубецкой (изъ литовскаго рода), Кавелинъ (мать—англичанка), Чичеринъ (изъ итальянскаго рода); педагоги: Гердъ (мать—англичанка), Рачинскій (изъ польскаго рода), Лесгафтъ (изъ нѣмецкаго рода), Гуревичъ (изъ еврейскаго рода) и мн. др.

Мы привели имена только наиболѣе извѣстныхъ и популярныхъ дѣятелей, перечисленіе же всѣхъ нашихъ писателей и ученыхъ нерусскаго или не вполнѣ русскаго происхожденія заняло бы нѣсколько страницъ. Всего интереснѣе, что среди нихъ встрѣчаются люди самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, настроеній, эпохъ. Мы знаемъ, сколь устойчивъ законъ наслѣдственности, безъ сомнѣнія, черты нерусскаго происхожденія сказывались въ той или другой степени на нашихъ дѣятеляхъ культурной нивы, ихъ твореніяхъ, темпераментѣ, настроеніи. И, несмотря на то, что въ ихъ крови текла не великорусская кровь, они были русскими по духу, выразителями русскаго сознанія, идеаловъ русскаго общества. Можно предположить, что яркость русскихъ талантовъ была слѣдствіемъ тѣхъ разнообразныхъ элементовъ и чертъ, которые сочетались въ ихъ природѣ.

Книга г. Либровича, заключая въ себѣ богатый матеріалъ, представляетъ глубокій интересъ, можетъ многое объяснить въ творчествѣ нашихъ писателей, въ ихъ психикѣ и душевномъ укладѣ. Авторъ не довольствуется приведеніемъ матеріала, но дѣлаетъ выводы, которымъ нельзя отказать въ обоснованности, логичности. Хорошее впечатлѣніе производитъ гуманное міросозерцаніе г. Либровича, онъ страстно возстаетъ противъ того обвиненія въ нерусскомъ происхожденіи нашихъ писателей, которое до сихъ поръ имѣетъ у насъ мѣсто, стремится фактами доказать, какъ нелѣпо это, ссылаясь на рядъ именъ нашихъ лучшихъ и дорогихъ намъ дѣятелей, которые были нерусскими по крови, но всей своей жизнью доказали, что они по духу—русскіе въ лучшемъ значеніи этого слова.

А. Ф—нъ.

Е. В. Аничковъ. Искусство и соціалистическій строй. Издательство «Якорь». Спб. 1906.

Э. Вандервельде. Соціализмъ и искусство (соціалистическіе этюды). Книгоизд. Н. Марковскаго «Земля». Спб. 1906.

Рихардъ Вагнеръ. Искусство и революція. Переводъ съ предисловіемъ И. М. Эллена. Книгоизд. «Горизонтъ». Спб. 1906.

Проф. К. фонъ-Келлесъ-Краузъ. Музыка и экономика. Переводъ А. Эдельмана. «Современная Библіотека», № 22.

Въ наше время, когда будущее такъ настойчиво стучится въ дверь, а безсильное задержать его путь «прошлое» уступаетъ ему свое мѣсто,—ведется энергичный подсчетъ всему, что изъ наслѣдій этого прошлаго можетъ занять мѣсто въ новомъ обществѣ. А такъ какъ на искусство почти всегда смотрѣли, какъ на роскошь, какъ на какой-то придатокъ къ жизни-труду и нѣчто консервативное, индивидуальное и глубоко враждебное всякому коллективизму,—то нѣтъ ничего удивительнаго, что вопросу объ отношеніи искусства къ общественности посвящается немало новыхъ или же только «обновленныхъ» книгъ и статей. Остановимся на нѣсколькихъ—болѣе выдающихся или оригинальныхъ.

Свой очеркъ Е. Аничковъ начинаетъ съ извѣстнаго «обращенія» новаго Савла соціалистическаго искусства, художника В. Морриса, который первый болѣзненно задумался надъ пропастью, отдѣляющей эстетику отъ пролетаріата, изящные кабинеты искусства отъ грязныхъ фабрикъ и ихъ измученныхъ грубыхъ рабочихъ. И, задумавшись надъ «ними», совершенно чуждыми искусству, художникъ сталъ соціалистомъ, рѣшилъ при помощи того же искусства разрушить капиталистическій строй, создать новое, счастливое племя красивыхъ и веселыхъ людей, когда искусство и жизнь сольются воедино. У русскихъ художниковъ такое «обращеніе», какъ думаетъ авторъ, невозможно потому, что наше искусство прошлаго вѣка въ подавляющемъ большинствѣ своихъ представителей было уже соціалистическимъ, т.-е. служило обществу вообще и пролетаріату въ частности. Поэтому, быть можетъ, русскому искусству суждено первому сыграть міровую роль въ всеобщей работѣ человѣчества—созданіи соціальнаго строя. И съ цѣлью показать возможную роль искусства въ этомъ созданіи авторъ повторяетъ основное ученіе соціализма; говоритъ о трудовомъ происхожденіи первобытнаго искусства-работы, дальнѣйшемъ превращеніи его въ искусство праздничное, забаву; знакомитъ читателя съ извѣстными формулами Канта, Гегеля, Спенсера и др. Къ сожалѣнію, очеркъ написанъ тяжело, нѣсколько небрежно, уловить руководящія мысли отдѣльныхъ главъ не всегда легко, и реферировать этотъ небольшой очеркъ труднѣе, чѣмъ многія изслѣдованія или сборники сырыхъ матеріаловъ. Довольно слабо разработанъ вопросъ о примиреніи индивидуализма съ соціализмомъ, личности художника и толпы, т.-е. какъ разъ самый интересный вопросъ. Болѣе ясно и дѣльно разобранъ вопросъ объ отраженіи капитализма на художественномъ сознаніи, о значеніи капиталистическаго производства

для художества и порабощеніи послѣдняго первымъ, откуда само собой вытекаетъ, что при коллективистическихъ формахъ будущаго строя искусство будетъ удовлетворять «эстетику потребленія»; оно возродитъ и возвыситъ прикладное художество, такъ какъ обстановка «будущаго» человѣчества по существу своему должна быть изящной. И тогда художникъ уже не будетъ запираться въ своей мастерской. «Грядущій хамъ» не оправдаетъ пророчествъ Мережковскаго, потому что даже при «мѣщанскомъ благоденствіи» искусство не можетъ умереть. Оно найдетъ совершенно новыя формы, и Е. Аничковъ думаетъ, что первое мѣсто займетъ трагедія—«вожделѣнная и святая, какъ новая возможность совершеннѣйшаго возсіянія жизни надъ тѣмъ что уже достигнуто».

«Соціализмъ и искусство» составляютъ самостоятельную часть извѣстныхъ «Соціалистическихъ этюдовъ» Э. Вандервельде и проникнуты той же идеей, что и остальныя части—«Соціализмъ и алкоголь», «Соціализмъ и религія». Авторъ говоритъ о народномъ искусствѣ, т.-е. искусствѣ для народа, для пролетаріата, и съ цѣлью намѣтить хотя бы въ самыхъ приблизительныхъ чертахъ успѣхъ или неудачу «хожденій въ народъ», недавно начатыхъ артистами и эстетами,—предварительно останавливается на связи между искусствомъ и экономическимъ строемъ. Говорить объ этомъ подробно ему не приходится,—и давно признано, что извѣстная форма искусства зависитъ отъ соотвѣтствующихъ времени и мѣсту формъ производства. Искусство дикарей, такое же нехитрое, какъ и вся обстановка ихъ быта, можетъ служить лучшимъ примѣромъ этого положенія. И если дѣйствительно нельзя объяснить искусство Бетховена или Вагнера вліяніемъ экономической среды во всѣхъ деталяхъ, то въ общемъ та же зависимость доходитъ и до нашего времени. Припомнимъ хотя бы то, что въ большинствѣ случаевъ исполненіе или демонстрированіе произведеній индивидуальнаго (по процессу творчества) искусства сопряжено съ коллективной работой разныхъ техниковъ. Во-вторыхъ, искусство становится возможнымъ только послѣ того, какъ борьба за существованіе, если и не прекратилась совсѣмъ, то уже утратила свою остроту, т.-е. когда человѣкъ располагаетъ нѣкоторымъ досугомъ, запасомъ энергіи. Впрочемъ, съ этимъ пунктомъ Вандервельде можно и не соглашаться, такъ какъ возникновеніе искусства обязано этой именно борьбѣ, внѣ которой существуютъ развѣ безплотные небожители. Авторъ убѣжденъ, что развитіе народнаго искусства и свобода его служителей возможны лишь при такомъ соціальномъ строѣ, когда народъ будетъ экономически свободенъ. Послѣднія слова надо понимать, конечно, относительно. Есть кажущееся противорѣчіе: въ эпохи развитія монархизма или буржуазіи во многихъ странахъ искусство процвѣтало. Но это только—пустоцвѣтъ искусства, которое лишается всякой свободы, и служители его очевидно не только не оскорбляютъ вкусовъ и чувствъ господствующаго класса, но даже льстятъ имъ.. Это—офиціальное, монопольное, буржуазное искусство, а «субсидируемые» (покровительствуемые) художники—угодливые чиновники при буржуазномъ правительствѣ. А кто не состоитъ въ числѣ этихъ «счастливцевъ»,—тѣ зарабатываютъ хлѣбъ разными способами, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющими, вплоть до чистки выгребныхъ ямъ (фактъ).

Примѣровъ у Вандервельде собрано много. Завися же отъ жизни матеріально, послѣдніе художники-работники независимы въ творчествѣ: при нищетѣ они во всемъ сохраняютъ чувство красоты. Измѣниться эти условія могутъ только тогда, когда массы разовьются эстетически и, освободившись отъ господства капитализма, положатъ конецъ аристократическому искусству. На обычныя возраженія «эстетовъ», что и въ коллективистическомъ обществѣ искусство будетъ подъ гнетомъ собственности, но не капиталистической, а соціальной,— авторъ приводитъ подробныя доказательства мысли, что по существу своему искусство вовсе не является «прислужникомъ роскоши». Соціалистическій же строй путемъ равномѣрнаго распредѣленія труда дастъ достаточное образованіе всѣмъ гражданамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эстетическое развитіе, какъ естественное слѣдствіе довольства. Отсюда ясно, что потребность въ произведеніяхъ искусства возрастетъ,—и оно станетъ свободнымъ, народнымъ вмѣстѣ съ экономической свободой всѣхъ гражданъ-работниковъ.

Брошюра «Искусство и революція» появилась въ Цюрихѣ въ 1849 г. Авторъ ея, еще неизвѣстный тогда композиторъ и поэтъ, долженъ былъ выслушать злобные упреки со стороны многихъ нѣмецкихъ художниковъ, которымъ было выгоднѣе не нападать на буржуазію, дававшую имъ заказы и вообще поддерживавшую «старое» искусство. Если припомнимъ, что незадолго передъ этимъ былъ напечатанъ надѣлавшій столько шуму «Манифестъ коммунистической партіи», то станетъ понятнымъ, почему спокойное «мѣщанство» такъ заволновалось по поводу нападокъ какого-то Вагнера на ихъ «бога»—на могучаго «дракона капитализма». Недовольство продолжалось и впослѣдствіи, когда Вагнеръ сталъ знаменитостью,—и только удачно скрытая имъ идея «Кольца Нибелунговъ» нѣсколько примирила владѣльцевъ «золота Рейна» съ защитникомъ пролетаріата въ искусствѣ. Не задаваясь цѣлью дать абстрактное опредѣленіе искусства, молодой авторъ хотѣлъ выяснить значеніе искусства, какъ продукта общественной жизни, и для этого сдѣлалъ обзоръ главныхъ моментовъ въ исторіи европейскаго искусства, начавъ его съ Греціи. Обзоръ написанъ красиво, ярко, страстно и односторонне. Послѣднее неизбѣжно и въ нашихъ глазахъ болѣе всего занимательно. Великолѣпна четвертая глава—характеристика искусства, созданнаго Меркуріемъ, богомъ торговцевъ, обманщиковъ, плутовъ и эксплоататоровъ. Меркурій создалъ искусство, заполняющее весь міръ. «Его истинная сущность индустрія, его моральная цѣль—нажива, его эстетическій предлогъ—развлеченіе для скучающихъ. Изъ центра нашего современнаго общества, изъ его кровеносного центра, спекуляціи на большую ногу, беретъ наше искусство свои питательные соки. Оно заимствуетъ бездушную грацію у безжизненныхъ остатковъ рыцарской средневѣковой условности и благоволитъ спускаться съ видомъ христіанской благотворительности, которая не брезгаетъ даже лептой бѣдняка,—до самыхъ глубинъ пролетаріата, энервируя, деморализуя, лишая человѣческаго облика всюду, гдѣ разливается ядъ его соковъ». Видимый расцвѣтъ театра представляется Р. Вагнеру расцвѣтомъ гнилого общественнаго строя—пустого, бездушнаго и противоестественнаго. И въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ разсматриваетъ разныя формы искусства постольку, поскольку оно является зеркаломъ общественнаго строя;

характеризуетъ типичныхъ художниковъ-артистовъ, какъ ремесленниковъ, которымъ «платятъ»,—и приходитъ къ выводу, что «красота и сила, какъ основанія соціальной жизни, могутъ создать прочное благополучіе лишь при томъ условіи, если онѣ принадлежатъ всѣмъ людямъ». Поэтому-то революція — истинная союзница искусства, которое такимъ образомъ можетъ возвыситься изъ своего состоянія «цивилизованнаго варварства» не иначе, какъ опираясь на великое соціальное движеніе. Цѣль ихъ—прекрасный и сильный человѣкъ: революція даетъ ему силу, а искусство—красоту. Несмотря на почтенную давность, мысли Вагнера будутъ новостью для очень многихъ.

Авторъ послѣдняго изъ названныхъ выше очерковъ воскрешаетъ нѣсколько моментовъ изъ прошлаго музыки, освѣщая ихъ экономическими принципами. Разъ такое освѣщеніе признано научнымъ въ общей исторіи любой націи или государства, то примѣненіе его къ отдѣльной исторической дисциплинѣ, напримѣръ, къ исторіи искусства, не вызываетъ никакихъ возраженій. Конечно, нельзя объяснить каждый тонъ Шопеновскаго «Похороннаго марша» или Бетховенской «Sonate pathetique» соотношеніемъ боровшихся въ данное время классовъ и партій, соотношеніемъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, подобно тому, какъ нельзя объяснить содержаніе каждой терцеты Данте изъ содержанія приходорасходныхъ книгъ тогдашнихъ флорентійскихъ купцовъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько яркихъ примѣровъ, приводимыхъ авторомъ, показываютъ, какъ умѣстно матеріалистическое пониманіе исторіи и въ изученіи прошлаго искусства. Прежде всего бросается въ глаза соотношеніе между прогрессомъ въ техникѣ музыкальныхъ инструментовъ и успѣхами ремесла, промышленнаго производства вообще. Пѣніе, не требующее такихъ инструментовъ, особенно народное, тоже зависитъ отъ экономическихъ основъ общественной жизни, отъ матеріальныхъ условій существованія въ извѣстный моментъ. Своеобразные крестьянскіе оркестры у русскихъ помѣщиковъ-меломановъ, составленные изъ однотонныхъ рожковъ, были возможны лишь при крѣпостничествѣ; теперь же они немыслимы. Какъ католическая (средневѣковая), такъ и реформаціонная церковная музыка являлась выраженіемъ разныхъ эпохъ: съ одной стороны—средневѣковаго экономическаго строя, съ другой—сознательнаго приспособленія музыкальной формы къ обновленному общественно-экономическому содержанію тѣхъ пѣснопѣній, которыя исполнялись уже всей общиной въ церкви, а не спеціальнымъ хоромъ или органомъ, и, по мнѣнію Лютера, имѣли нравственное облагораживающее вліяніе. К. Келлесъ-Краузъ беретъ одну музыку изъ всѣхъ искусствъ главнымъ образомъ потому, что она болѣе другихъ отдалена отъ основныхъ экономическихъ функцій. Отсюда основная мысль получаетъ еще большее значеніе, разъ и на музыкѣ можно доказать зависимость искусства отъ факторовъ экономическихъ.

Если со многими мыслями четырехъ авторовъ можно и не соглашаться, то во всякомъ случаѣ онѣ интересны и поучительны.

А. Яцимирскій.

Систематическій словарь всемірной литературы. Изданіе «Вѣстника Знанія». Часть I. Спб. 1906.

Положившись на заглавіе книги, мы разсчитывали найти въ этомъ изданіи справочное пособіе по исторіи всеобщей литературы. Наше время чувствительно предъявляетъ спросъ на такого рода изданія, и теперь рядомъ съ большими всеобщими энциклопедіями существуютъ и словари спеціальные: юридическіе, политическіе, техническіе и т. д., — почему бы не быть такому словарю и по всемірной литературѣ?

На дѣлѣ оказывается, однако, совсѣмъ не то. Небольшая брошюрка въ 6 печатныхъ листовъ, изданная «Вѣстникомъ Знанія», представляетъ рядъ выписокъ изъ болѣе или менѣе полныхъ курсовъ исторіи литературы, и притомъ исключительно русскихъ или имѣющихся въ русскомъ переводѣ. Вступительная статья о міровомъ эпосѣ списана въ сокращеніи изъ «Всеобщей исторіи литературы», изданной Риккеромъ сначала подъ редакціей В. Ѳ. Корша, а засимъ, за смертью послѣдняго, проф. Кирпичникова, нынѣ также покойнаго. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ стр. 5 «Систематическаго словаря» съ стр. 87 перваго тома «Всеобщей исторіи литературы». Далѣе идутъ выписки изъ Буслаева и Ор. Миллера о русскомъ эпосѣ. За статьею Шерра объ античной трагедіи прямо идетъ статья проф. Кирпичникова о среднихъ вѣкахъ и Возрожденіи, взятая изъ той же «Всеобщей исторіи литературы». Послѣ компилятивной статьи о Шекспирѣ находимъ выписки изъ Брюнетьера о сатирѣ. Отсюда смѣлый переходъ къ вѣку просвѣщенія, который весь укладывается на 5 страничкахъ. Въ концѣ идутъ почему-то выписки изъ лекцій Шахова о Фаустѣ, Прометеѣ и Вѣчномъ Жидѣ и изъ недавно вышедшей книги вовсе не авторитетнаго историка Когана о Сатанѣ и Гамлетѣ.

Уже краткій перечень содержанія «Систематическаго словаря» по главамъ показываетъ, что никакой системы въ немъ нѣтъ. Правда, редакція заявляетъ, что цѣлью настоящей брошюры было выяснить основные типы всемірной литературы и показать, какъ они измѣнялись въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ, и что впослѣдствіи планъ этотъ редакція нѣсколько расширила въ біографическомъ и критическомъ отношеніи. Такая конструкція исторіи литературы вполнѣ раціональна и законна, и еще недавно въ Лондонѣ вышла книга Фредерика Лолье «History of comparative literature», гдѣ всемірная литература трактуется именно съ точки зрѣнія ея основныхъ типовъ. Но для этого нужно строгое единство взгляда, системы, которой нѣтъ въ безтолково нахватанныхъ отовсюду выпискахъ «Систематическаго словаря». Да и самаго словаря еще нѣтъ. Онъ будетъ помѣщенъ, по заявленію редакціи, во второй части труда, при чемъ можно думать, что это будетъ не словарь, а обыкновенный указатель къ тексту.

Человѣку, знакомому съ исторіей литературы по систематическимъ курсамъ, брошюра эта рѣшительно не интересна, а новичка она только можетъ сбить съ толку.

А. Б.

А. И. Яцимирскій. 1) Изъ исторіи славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи XV—XVII в.в. (Введеніе къ изученію славянской литературы у румынъ. Терновскіе тексты молдавскаго происхожденія). Съ 9 снимками.—2) Изъ исторіи славянской проповѣди въ Молдавіи. (Неизвѣстныя произведенія Цамблака, подражанія ему и переводы монаха Гавріила). Съ 4 снимками. Спб. 1906.

Обѣ эти книги А. И. Яцимирскаго посвящены изученію той области славяновѣдѣнія, которую почтенный авторъ давно уже съ большимъ успѣхомъ изслѣдуетъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ, вышедшихъ раньше, трудовъ. Эта весьма важная и любопытная область славяновѣдѣнія заключаетъ въ себѣ вопросы о судьбахъ славянской письменности у румынъ. Румыны со славянами встрѣчались въ очень отдаленную эпоху, «когда—какъ удачно замѣчаетъ г. Яцимирскій,—этническій обликъ тѣхъ и другихъ еще не опредѣлился вполнѣ». Это даетъ румынскимъ изученіямъ большой интересъ для славяновѣдѣнія. Румыны начали давно изучать славянство, но изъ нашихъ славистовъ почти никто до сихъ поръ не сосредоточивалъ всецѣло своихъ занятій на этой области. Г. Яцимирскій съ начала своей дѣятельности посвятилъ себя изученію румынской филологіи, обративъ главнымъ образомъ свое особое вниманіе на тѣ же вопросы, которые служатъ исходной точкой при опредѣленіи славянскихъ элементовъ въ языкѣ, культурѣ, письменности, народной поэзіи, обычаяхъ румынскаго народа. Нынѣ онъ задумалъ новый трудъ по исторіи славянской письменности у румынъ XIV—XVIII вв., предполагая въ немъ объединить всѣ свои прежнія работы по разнымъ отдѣламъ той части филологіи, которую съ полнымъ правомъ можно уже называть славяно-румынской. Обѣ названныя книги и являются первыми выпусками этого труда. Въ выпускѣ, озаглавленномъ «Изъ исторіи славянской письменности въ Молдавіи и Валахіи», на страницахъ VI—CXVIII дается какъ бы введеніе въ ту область научныхъ вопросовъ, которыми авторъ занимается. Здѣсь въ высшей степени обстоятельно и детально отмѣчены всѣ важнѣйшіе моменты въ изученіи румынской филологіи славистами и славянской—румынами (гл. I), послѣ этого (гл. II и III) авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію 1) славянской письменности у румынъ въ ея представителяхъ и памятникахъ оригинальныхъ и переводныхъ и 2) памятниковъ русской письменности въ терновскихъ спискахъ въ связи съ вопросомъ о русскомъ вліяніи на славяно-румынскую литературу. Признавъ установленнымъ тотъ фактъ, что начало славянской письменности въ Валахіи связано съ дѣятельностью Никодима Тисманскаго (первыя рукописи относятся къ 1405 г.), а въ Молдавіи съ дѣятельностью Григорія Цамблака,—г. Яцимирскій даетъ въ указанномъ введеніи планъ для дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованій накопленнаго имъ обширнаго матеріала по даннымъ вопросамъ. Планъ этотъ захватываетъ всѣ стороны духовной жизни румынъ и у каждаго спеціалиста долженъ возбудить живѣйшій интересъ и пожеланіе скорѣйшаго осуществленія задуманнаго авторомъ предпріятія. Особенно интереснымъ изъ поставленныхъ авторомъ вопросовъ должно

признать вопросъ о русскомъ вліяніи на славянскую письменность у румынъ. Въ приложеніи къ книгѣ данъ рядъ текстовъ, которые должны служить хрістоматіей при обзорѣ славянской письменности у румынъ XV—XVII в.в. Здѣсь находятся тексты книгъ св. Писанія, богослужебныхъ и тексты литературные. Многіе изъ этихъ текстовъ изданы г. Яцимирскимъ впервые, не только какъ новые варіанты къ извѣстнымъ памятникамъ, но и какъ совершенно не печатавшіяся раньше статьи.

Вторая изъ названныхъ выше книгъ А. И. Яцимирскаго посвящена исторіи славянской проповѣди въ Молдавіи. Книга эта можетъ быть признана дополненіемъ къ ранѣе изданному труду г. Яцимирскаго: «Григорій Цамблакъ» (Спб., 1904), такъ какъ посвящена произведеніямъ этого писателя. Г. Яцимирскій не говоритъ о всѣхъ произведеніяхъ Цамблака, хотя бы одного молдавскаго періода, а останавливается только на тѣхъ, о которыхъ до сихъ поръ менѣе всего извѣстно. Авторъ очень высоко цѣнитъ Цамблака, какъ оратора, признавая его въ этомъ отношеніи художникомъ въ полномъ смыслѣ термина и называя его поэтомъ-лирикомъ, «который пользуется всѣмъ, что на его взглядъ красиво и возвышенно само по себѣ, что отмѣчено печатью убѣдительной величавости и полной мощи». Установивъ такой взглядъ на Цамблака, какъ проповѣдника, г. Яцимирскій даетъ въ длинномъ предисловіи послѣ цѣнныхъ библіографическихъ указаній о Цамблакѣ (стр. V—XXI) обзоръ ряда произведеній его—«Мученіе Іоанна Новаго Бѣлградскаго», «Слово великомученику Георгію», «Бесѣда о постѣ и слезахъ» и пр., а затѣмъ разбираетъ наиболѣе характерные стилистическіе пріемы Цамблака. Разборъ этотъ очень важенъ и интересенъ, какъ какъ даетъ массу матеріала вообще для характеристики славянскихъ писателей XV вѣка. Въ приложеніи къ книгѣ издаются тексты произведеній, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ. Изданы тексты по старшимъ и датированнымъ рукописямъ.

По обилію матеріала, по количеству текстовъ цѣлаго ряда произведеній, а также по постановкѣ многихъ важныхъ для славянской письменности вопросовъ—обѣ новыя книги г. Яцимирскаго являются цѣннымъ вкладомъ въ нашу ученую литературу. Обѣ книги изданы обществомъ любителей древней письменности прекрасно и снабжены отлично исполненными снимками съ ряда рукописей.

М. Попруженко.

Е. К. Рѣдинъ. Профессоръ Николай Θеодоровичъ Сумцовъ. Къ 30-тилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Харьковъ. 1906.

Если газетная замѣтка начинается фразой: такого то-числа происходило скромное юбилейное торжество..., то читатель уже догадывается, что рѣчь идетъ о томъ, кого «боги возненавидѣли и сдѣлали педагогомъ». Это—старая исторія, а потому не будемъ говорить о тяжеломъ положеніи педагога въ Россіи: это давно стало слишкомъ общимъ мѣстомъ. Скажемъ только, въ видѣ общаго вступленія къ нашей замѣткѣ, что и положеніе ученаго-педагога, напримѣръ, профессора университета, немногимъ лучше обстановки учителей на-

родныхъ школъ. Вотъ почему каждый такой «культурный праздникъ» долженъ имѣть общественное значеніе, быть достояніемъ не узкаго круга учениковъ, почитателей и товарищей юбиляра, а всѣхъ, кому дороги и близки интересы просвѣщенія. Однимъ изъ такихъ почтенныхъ юбилеевъ, имѣвшихъ мѣсто въ октябрѣ минувшаго года, было тридцатилѣтіе учено-педагогической дѣятельности одного изъ популярныхъ профессоровъ Харьковскаго университета, профессора по каѳедрѣ русской литературы, Н. Ѳ. Сумцова. Прошло оно по обыкновенію скромно. Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ, гдѣ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ давно предсѣдательствуетъ, издаетъ «Сборникъ» со статьями товарищей, учениковъ и почитателей своего предсѣдателя-юбиляра, а введеніе къ сборнику, написанное Е. К. Рѣдинымъ и снабженное портретомъ, уже вышло отдѣльнымъ оттискомъ. Здѣсь сдѣлана общая характеристика научной и общественной дѣятельности Н. Сумцова, перечислены главные изъ прежнихъ трудовъ по исторіи старой и новой малорусской литературы, фольклору, исторіи мѣстнаго края, исторіи южно-русскаго искусства, педагогикѣ и публицистикѣ. Затѣмъ приложенъ списокъ всѣхъ новыхъ трудовъ, напечатаны привѣтствія, адреса и поздравленія, полученныя изъ разныхъ городовъ. Несмотря на всѣ стереотипы, неизбѣжные въ подобныхъ празднествахъ,—въ этихъ привѣтствіяхъ всюду видны тѣ симпатичныя черты, благодаря которымъ профессоръ Сумцовъ пользуется заслуженной популярностью и любовью всѣхъ, кто его знаетъ. **И. Александровъ.**

Ф. А. Львовъ. Лиходѣи бюрократическаго самовластья, какъ непосредственные виновники первой русско-японской войны. Спб. 1906.

Авторъ этой брошюры — до нѣкоторой степени участникъ событій, разыгравшихся на Дальнемъ Востокѣ вокругъ знаменитыхъ лѣсныхъ концессій на рѣкѣ Ялу: до появленія здѣсь Безобразова и К° онъ уже имѣлъ, въ качествѣ частнаго предпринимателя и представителя русскихъ капиталистовъ, разрѣшеніе отъ китайскихъ властей на рубку лѣса на маньчжурскомъ берегу этой рѣки и проектировалъ даже основаніе цѣлой русско-китайской лѣсопромышленной компаніи. Въ основу всего дѣла онъ клалъ два вѣрные принципа: необходимость привлечь и матеріально заинтересовать въ лѣсномъ предпріятіи китайцевъ и, во-вторыхъ, втянуть въ него американскіе капиталы съ тѣмъ расчетомъ, чтобы въ случаѣ недоразумѣній съ японцами Америка поддержала бы насъ, а не Японію. Составленную въ этомъ смыслѣ записку авторъ еще въ 1901 г. представилъ тогдашнему министру финансовъ Витте, но обращеніе это по обыкновенію осталось безъ отвѣта. На Ялу скоро нагрянули концессіонеры иного рода во главѣ съ пресловутымъ Безобразовымъ, которые мало-по-малу забрали въ руки весь ходъ нашей политики на далекой окраинѣ при помощи особаго комитета по дѣламъ Дальняго Востока, называемаго авторомъ, не обинуясь, «домашнимъ совѣтомъ» концессіонеровъ.

О безобразіяхъ, допускавшихся этими господами, въ общихъ чертахъ извѣстно изъ газетныхъ разоблаченій. Брошюра г. Львова является, такъ

сказать, прямымъ обвинительнымъ актомъ противъ Безобразова, Балашева, Абазы и ихъ ближайшихъ помощниковъ, актомъ, подкрѣпленнымъ фактическими данными. Обвинитель, очевидно, настолько чувствуетъ подъ собою почву, что всенародно называетъ адмирала Абазу государственнымъ измѣнникомъ. Но авторъ не ограничивается только тѣмъ, что выводитъ на свѣжую воду дѣльцовъ, вовлекшихъ насъ въ разорительную и позорную войну. Восходя отъ частнаго къ общему, онъ справедливо указываетъ на гнилость и разложеніе общественнаго строя, при которомъ возможны дѣянія въ родѣ подвиговъ пресловутой Безобразовской компаніи. Если люди чиновные, пользуясь своими связями, «подыгрываются, какъ выражается авторъ, къ царской шкатулкѣ» и, заполучивъ изъ нея 3 съ половиной милліона народныхъ денегъ, затѣваютъ чисто хищническія, а не промышленныя предпріятія, то, конечно, при существованіи такихъ господъ нѣтъ мѣста частнымъ предпринимателямъ и частной иниціативѣ. А вѣдь всегда и вездѣ (къ несчастью, не у насъ) частные предприниматели—это главные піонеры въ отдаленныхъ окраинахъ государства. На нихъ-то и держится колоніальная политика, а не на жадныхъ «каучуковыхъ иконостасахъ», сильныхъ знакомствами въ Петербургѣ и не понимающихъ элементарныхъ пріемовъ въ здоровой торгово-промышленной дѣятельности. **А. Б.**

Сборникъ законодательныхъ памятниковъ древняго западноевропейскаго права, издаваемый подъ редакціей П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Выпускъ первый. Lex Salica. Кіевъ. 1906.

Справедливо, что изученіе исторіи вообще и исторіи права въ частности лучше всего достигается самостоятельнымъ знакомствомъ съ памятниками. Чтобы оно было возможно, нужно доступное изданіе памятниковъ, а такого изданія памятниковъ западнаго права до сихъ поръ у насъ не было. О Салической правдѣ, какъ и о Саксонскомъ зерцалѣ и др., студенты-юристы знали только по ихъ имени и краткимъ о нихъ замѣчаніямъ. Теперь такое изданіе появляется въ свѣтъ и открывается первымъ выпускомъ, Салической правдой. Это—памятникъ законодательства салическихъ франковъ приблизительно начала VI вѣка, имѣвшій большое вліяніе на другія варварскія правды и на все юридическое представленіе эпохи, тѣмъ болѣе, что Салическая правда имѣла за собою авторитетъ каролинской монархіи. За трудъ изданія нельзя не поблагодарить редакторовъ и Д. Н. Егорова, приготовившаго къ печати текстъ и примѣчанія. Издатели за первымъ выпускомъ обѣщаютъ и другіе, и отчетъ о соображеніяхъ, руководившихъ ими при изданіи этихъ памятниковъ, установленіи ихъ текста и составленіи примѣчаній къ нимъ, какъ они говорятъ въ предисловіи, будетъ данъ въ приложеніи ко 2-му выпуску. А пока, судя по первому, это—изданіе не для ученыхъ, а для учебныхъ цѣлей, поэтому оно по принципіальнымъ побужденіямъ не исчерпываетъ всего текстуально-критическаго аппарата, который возможенъ, и это— чтобы не слишкомъ развлекать мысль начинающихъ изслѣдователей. Чтобы облегчить имъ работу, изда-

тели почти выпустили спорную Малбергскую глоссу и составили подробныя примѣчанія. Чтобы не помѣшать ихъ самодѣятельности, старались не рѣшать спорныхъ вопросовъ, а давать матеріалъ для ихъ рѣшенія. Со всѣмъ этимъ не вполнѣ можно согласиться. Вмѣсто самодѣятельности легко можетъ возникнуть растерянность, потому что нѣтъ ничего хуже недоговоренности. Порою вмѣсто примѣчаній слѣдовало дать просто переводъ, иначе чтеніе памятника можетъ превратиться въ упраженіе по разбору варварской латыни. Особенно темно предисловіе г. Егорова, написанное тяжелымъ образнымъ языкомъ съ «подборомъ» и «удѣльнымъ вѣсомъ». Съ внѣшней стороны книга издана хорошо и дешево, и это новое изданіе съ участіемъ профессора Владимірскаго-Буданова, послѣ его хрестоматіи по исторіи русскаго права, можно искренно привѣтствовать. **П. В. В.**

Записки классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ II. выпуски I и II. Спб. 1904—1906.

Въ названныхъ выпускахъ продолжается трудъ В. В. Латышева, предпринятый имъ подъ заглавіемъ: «Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ». Свѣдѣнія, здѣсь собранныя въ текстѣ и оригиналахъ, обнимаютъ эпоху съ III вѣка до Р. Х. до конца V вѣка по Р. Х. Къ книгѣ приложена карта Pontus Euxinus et Caucasus aetate Romana. Тутъ приведены соотвѣтствующія свѣдѣнія изъ Цицерона, Т. Ливія, Юстина (изложившаго не дошедшаго до насъ Помпея Трога), Овидія Назона, Помпонія Мелы (любопытныя данныя о Сармаціи, Скиѳіи, халибахъ, моссинекахъ), Квинція Курція Руѳа, біографа Александра Македонскаго, философовъ Сенеки и Лукіана, натуралиста Плинія Секунда, погибшаго при изверженіи Везувія въ 79 г., писателя крайне важнаго при изученіи Кавказа, знаменитѣйшаго римскаго историка Корнелія Тацита, Юлія Солина, составившаго компилятивное землеописаніе на основаніи «Натуральной исторіи» Плинія. Извлечены свѣдѣнія изъ писателей исторіи Августовъ (Элія, Адріана, Юлія Капитолина, Матерна, автора «Книги о заблужденіяхъ языческихъ религій»), изъ сочиненія неизвѣстнаго автора «Дорожникъ Александра», антіохійскаго грека Амміана Марцелина, участника въ персидской войнѣ 359 г., сообщившаго богатыя свѣдѣнія объ аланахъ и гуннахъ; не забыты церковные историки—Аполлинарій Сидона, Амвросій Медіоланскій и Руфинъ. Послѣдній былъ уроженецъ Конкордіи неподалеку отъ Аквилеи; принялъ крещеніе въ монастырѣ въ сосѣдствѣ Аквилеи по возвращеніи изъ Рима, гдѣ онъ получилъ образованіе. 378 — 397 г.г. провелъ въ Іерусалимѣ, гдѣ основалъ монастырь на Масличной горѣ. Умеръ на родинѣ въ 1490 г. Главное значеніе для римской литературы основано на переводахъ его греческихъ отцовъ церкви: Василія Великаго, Григорія Низіанзина, Оригена, Евсевія. Къ переводу церковной исторіи Евсевія Руфинъ прибавилъ двѣ книги собственнаго сочиненія, въ которыхъ излагаетъ событія отъ 324 до 395 г. Ему принадлежатъ свѣдѣнія о просвѣщеніи Грузіи христіанствомъ. **А. Хах—овъ.**

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXXVI. Тифлисъ. 1906.

Настоящій выпускъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», снабженный предисловіемъ Л. Г. Лопатинскаго, начинается работой Е. С. Такайшвили: «Описаніе рукописей библіотеки общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія», составляющей продолженіе его труда, прерваннаго въ XXXIV выпускѣ «Сборника». Авторъ разбираетъ всѣ извѣстные списки грузинской лѣтописи «Картлисъ Цховреба». Первый отдѣлъ выпуска заканчивается обширной статьей Саида Габіева: «Лаки, ихъ прошлое и бытъ», въ исторической части которой авторъ взялъ въ основу статью А. В. Комарова «Казикумухскіе и кюринскіе ханы» (II выпускъ сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ). Въ разсказѣ же о судьбѣ этого народца, сохранившаго всѣ оригинальныя черты своей культурной самобытности, внесенъ субъективный элементъ (авторъ—природный лакъ) и помѣщены историческія преданія, въ которыхъ отражается народный взглядъ на описанныя событія; въ этихъ разсказахъ не все основано на документальныхъ данныхъ, но передано, главнымъ образомъ, то, что сохранилось въ памяти народа. Вторая часть, описывающая бытовую сторону этого народа, осталась не вполнѣ законченной. Второй отдѣлъ выпуска представляетъ свѣдѣнія изъ области кавказской этнографіи. Здѣсь помѣщены двѣ статьи Н. С. Державина: «Свадьба въ Абхазіи» и «Изъ жизни артвинскихъ армянъ». Статьи эти, представляя массу свѣдѣній о любопытныхъ обычаяхъ и обрядахъ изъ жизни абхазцевъ и артвинскихъ армянъ, составляютъ продолженіе этнографическихъ работъ почтеннаго автора, напечатанныхъ въ разное время въ «Сборникѣ» матеріаловъ. Въ томъ же отдѣлѣ помѣщены статьи: «Свадебные обряды и пѣсни города Ейска»—М. А. Харламова, «Свадьба въ станицѣ Прогноокопской»—Павлова, «Народные обычаи казаковъ станицы Бекешевской»—Василькова и «Похоронные обычаи въ Верхней Сванетіи»—Первенакова. III отдѣлъ выпуска занятъ 4-мя сартскими сказками, сообщенными редакціи извѣстнымъ средне-азіатскимъ этнографомъ Н. И. Остроумовымъ. Заканчивается «Сборникъ» отпечатанной въ IV отдѣлѣ андійской грамматикой А. М. Дирра, представляющей цѣнный вкладъ въ изученіе языковъ восточнаго Кавказа. **А. Х—въ.**

Z pamiętników Krukowieckiego, gubernatora Warszawy i prezesa rządu narod. w powstaniu 1831 r. Kraków. 1906.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ напечатана краковскимъ «Wydawnictw'омъ pism politycznych» во 2 изданіи книжка Карла Форстера, бывшаго майора польскихъ войскъ, нѣкогда адъютанта генерала графа Круковецкаго, генералъ-губернатора Варшавы и президента народнаго правительства съ 15 августа по 7 сентября (н. с.) 1831 г. Книжка составлена на основаніи сообщенныхъ Круковецкимъ Форстеру бумагъ (писемъ, документовъ) и корреспонденціи ге-

нерала-президента съ авторомъ въ 1844 г. Графъ Янъ Круковецкій родился въ 1770 г. Началъ службу въ австрійской арміи. Въ 1806 г. перешелъ на службу Варшавскаго княжества; участвовалъ въ войнахъ 1807—8013 г.г., получилъ чинъ бригаднаго генерала. Принималъ участіе въ возстаніи 1830—1831 г.г. Назначенный губернаторомъ столицы и президентомъ народнаго правительства, возстановилъ спокойствіе въ Варшавѣ. 7 сентября н. с. 1831 г. сдалъ столицу Польши Паскевичу. По подавленіи возстанія, былъ высланъ русскимъ правительствомъ на сѣверъ Россіи. Покойный академикъ А. В. Никитенко имѣлъ возможность познакомиться съ Круковецкимъ въ Вологдѣ въ 1834 г. и далъ объ немъ такой отзывъ: «За обѣдомъ у Макшеева я видѣлъ замѣчательное лицо—Круковецкаго, бывшаго диктатора Польши. Ему лѣтъ около 60. Онъ высокаго роста и прекрасной наружности. Много любопытнаго разсказывалъ онъ о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ. Виновникомъ возстанія онъ считаетъ великаго князя Константина Павловича, который раздражалъ умы насмѣшками надъ конституціей и похвальбой, что ее ничего не стоитъ уничтожить. Онъ приводилъ полякамъ въ примѣръ Карла X, говорилъ, что со всякою конституціей надо поступать, какъ тотъ поступилъ съ французскою. Когда же Карлъ за то поплатился короною, великій князь былъ этимъ недоволенъ и безпрестанно толковалъ съ приближенными поляками о томъ, что въ Польшѣ этого не можетъ быть. Наконецъ, возстаніе разразилось, и великій князь первый удалился изъ Варшавы» («Русская Старина», томъ LXIII, 298—299). По возвращеніи изъ изгнанія, Круковецкій жилъ на родинѣ и умеръ въ Варшавѣ въ 1850 г. Современники и ближайшіе потомки выражали порицаніе дѣйствіямъ Круковецкаго. Ставили ему въ вину кровавыя сцены, разыгравшіяся на улицахъ Варшавы 15 августа н. с. 1831 г., участіе въ собраніяхъ патріотическаго общества, капитуляцію Варшавы... Карлъ Форстеръ, имѣя въ рукахъ оправдательные документы самого диктатора, задался цѣлью опровергнуть взводимыя на графа Круковецкаго обвиненія (которыя, какъ видно изъ писемъ графа, въ свое время не могли быть опровергнуты, по независящимъ обстоятельствамъ) и исполнилъ свою задачу не безъ успѣха. Это—полезная для историка книжка. **Г. А. Воробьевъ.**

Малицкій, Н. Изъ прошлаго Владимирской епархіи. Вып. 1. Владимиръ-губернскій. 1905.

Въ первомъ выпускѣ помѣщены нѣсколько мелкихъ статей, характеризующихъ прошлую церковную жизнь Владимирской губерніи, и рядъ сообщеній, касающихся исторіи церквей, часовенъ и чудотворныхъ иконъ, находящихся во Владимирѣ. Между такими сообщеніями довольно любопытна небольшая замѣтка: «Къ біографіи графа М. М. Сперанскаго». Въ ней на основаніи бумагъ Суздальскаго архива сообщаются нѣкоторыя новыя данныя объ этомъ замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ. Оказывается, что Сперанскій на 8 году своей жизни, по распоряженію архіерея, первоначально былъ зачисленъ не въ семинарію, а въ архіерейскій хоръ; за нимъ было утверждено пономарское мѣсто въ с. Черкутинѣ, и сталъ онъ получать (съ 1780 г.) жалованье

въ размѣрѣ 6 рублей въ годъ. Въ это время будущій графъ Сперанскій еще не имѣлъ фамиліи, а назывался просто по имени. Фамилія была дана ему впослѣдствіи, вѣроятнѣе всего, епископомъ Іеронимомъ за его блестящія способности, благодаря которымъ на него возлагались большія надежды. Будучи въ архіерейскомъ хорѣ, Сперанскій одновременно сталъ посѣщать и семинарію. Черезъ 5 лѣтъ (въ 1758 г.), когда онъ былъ уже въ классѣ риторики, по его просьбѣ, за нимъ было утверждено діаконское мѣсто съ доходомъ въ 9 рублей ежегодно. Съ переводомъ же Сперанскаго въ философскій классъ, онъ сталъ получать еще больше, на цѣлыхъ 10 коп. въ мѣсяцъ. По окончаніи курса, Сперанскій въ декабрѣ 1788 г. былъ посланъ для продолженія образованія въ Петербургъ, въ Александро-Невскую семинарію (теперешнюю духовную академію). Вотъ сущность тѣхъ новыхъ документальныхъ данныхъ, которыя сообщаются въ замѣткѣ о Сперанскомъ. **М.**

Матеріалы для библіографіи мусульманской археологіи. Изъ бумагъ барона В. Г. Тизенгаузена. Издали К. А. Иностранцевъ и Я. И. Смирновъ. (Оттискъ изъ XVI т. Записокъ восточнаго отдѣла императорскаго археологическаго общества). Спб. 1906.

Трудъ этотъ, какъ видно изъ предисловія г.г. издателей, составился такимъ образомъ. Послѣ смерти В. Г. Тизенгаузена, члена-корреспондента археологической комиссіи, извѣстнаго нумизмата, среди его бумагъ оказались карточки съ обозначеніемъ трудовъ по мусульманской археологіи. Карточки эти редакціей Записокъ восточнаго отдѣла археологическаго общества были переданы г.г. К. А. Иностранцеву и Я. И. Смирнову для приведенія въ порядокъ, т.-е. классификаціи ихъ, и пополненія нѣкоторыхъ отдѣловъ. Г.г. издатели выполнили порученіе, насколько было возможно, пополнивъ соотвѣтствующіе отдѣлы выписками изъ библіографіи по археологіи Россіи, составленной покойнымъ же В. Г. Тизенгаузеномъ.

Что касается изданныхъ «Матеріаловъ», то г.г. издатели и сами видятъ, что трудъ ихъ далекъ отъ совершенства, такъ какъ ими и не преслѣдовалась полнота библіографическихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе, нельзя не рекомендовать археологамъ этого труда при нашей бѣдности трудами по мусульманской археологіи. **Я. Бирюковъ.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Религія за три тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ сентябрскомъ нумерѣ «Century Magazine» помѣщена любопытная статья [1]) о персидскихъ огнепоклонникахъ города Іезда— извѣстнаго американскаго профессора А. Вилльямса Джаксона, занимающаго въ Колумбійскомъ университетѣ каѳедру индо-пранскихъ языковъ. Интересуясь современными послѣдователями Зороастра, религію котораго онъ тщательно изучилъ, почтенный ученый посѣтилъ въ 1901 г. индѣйскихъ парсовъ, преимущественно въ Бомбеѣ, а чрезъ два года онъ поѣхалъ нарочно въ Иранъ, чтобы познакомиться съ остатками учениковъ Зороастра на ихъ родинѣ. Настоящую статью онъ посвящаетъ подробному описанію обычаевъ современныхъ огнепоклонниковъ въ ихъ главномъ центрѣ Іездѣ. Съ самаго начала Джаксонъ въ краткихъ словахъ характеризуетъ Зороастра, апостола древняго Ирана средины VII столѣтія до Р. Х., пересоздавшаго древнюю вѣру парсовъ,—первобытную форму поклоненія природѣ. По увѣренію учениковъ Зороастра, онъ родился въ провинціи Азарбеджанъ, къ западу отъ Каспійскаго моря, въ области, изобилующей вулканами, горячими источниками, нефтью и другими проявленіями огненной силы. По наслѣдію онъ былъ членомъ духовной касты маговъ. Одушевленный небесными видѣніями и пророческими предсказаніями, онъ училъ свой народъ этическому значенію борьбы между богомъ добра Ормуздомъ и владыкой тьмы Ариманомъ. Убѣжденный въ вѣчномъ существованіи послѣ воскресенія изъ мертвыхъ,

---

[1]) A religion nearly three thousand years old, by prof. Williams Jakson. «Century Magazine», September 1906.

онъ старался направить своихъ учениковъ къ духовной жизни и научить ихъ нравственному значенію принципа его вѣры: «добрымъ мыслямъ, добрымъ словамъ и добрымъ дѣламъ». Главной его цѣлью было практически внушить имъ знаніе земледѣлія, доброту къ животнымъ, особенно къ коровамъ, привычку къ бережливости и трудолюбію вмѣстѣ съ физической чистотой и соблюденіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ въ ежедневной жизни. Его смерть, повидимому, произошла въ городѣ Балкѣ, въ восточномъ Иранѣ, въ 583 г. до Р. Х., во время религіозныхъ войнъ между Ираномъ и Тураномъ, возбужденныхъ его ученіемъ. Это ученіе главнымъ образомъ состояло въ поклоненіи богу, творцу всѣхъ священныхъ элементовъ въ мірѣ и всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ нравственнаго и физическаго зла. Послѣдователи Зороастра послѣ честной, трудолюбивой жизни переходили къ личному блаженству въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ. Его небо—олицетвореніе святости. За отсутствіемъ набожности человѣкъ падаетъ въ адъ, состоящій изъ злыхъ мыслей, словъ и дѣлъ, а также изъ физическихъ страданій. По словамъ Авесты, тѣло грѣшника въ концѣ концовъ подымается изъ ада; и онъ становится обитателемъ неба. Для совершенія этого обновленія долженъ явиться Спаситель, который родится отъ сѣмени Зороастра и отъ Дѣвы, которая зачнетъ въ озерѣ, гдѣ хранится это сѣмя. Евреи знали персидскую религію, какъ это видно изъ Библіи и въ особенности изъ того обстоятельства, что Киръ называется помазанникомъ божіимъ. Несомнѣнно, что Зороастрово ученіе имѣло большое вліяніе на еврейскую религію. Что же касается до мидянъ и персовъ, то это ученіе было общей вѣрой великой восточной имперіи. Замѣчательнѣйшая ея черта заключалась въ томъ, что культъ Зороастра не имѣлъ въ храмахъ видимыхъ изображеній, и огонь почитался предметомъ поклоненія. При Сассанидахъ отъ 226—242 г.г. по Р. Х. это ученіе играло роль государственной религіи, а послѣ покоренія въ VII вѣкѣ Персіи мусульманами оно сохранилось только у современныхъ парсовъ. Они теперь называются гебрами, и ихъ не болѣе 10.000 человѣкъ. Въ Іездѣ, родинѣ большей части гебровъ, ихъ живетъ около 8.000 душъ; въ Кирманѣ, маленькомъ городкѣ юго-восточной Персіи—около 2.000 человѣкъ, въ Тегеранѣ, столицѣ Персіи, гдѣ, говорятъ, родилась мать Зороастра, ихъ менѣе трехсотъ человѣкъ, а въ Ширазѣ—не болѣе пятидесяти; наконецъ въ Испагани считается ихъ около дюжины, въ другихъ городахъ по два и три человѣка. Съ презрѣніемъ называемые «огнепоклонниками», они также носятъ прозвище «восточныхъ евреевъ», но они, по словамъ профессора Джаксона,—люди чрезвычайно почтенные, отличаются многими добродѣтелями и твердо сохранили религію своихъ отцовъ; чрезъ многіе вѣка, полные несчастія и бѣдствія, они остались вѣрны правдѣ, справедливости, благородству и преданности, тому, что есть лучшаго въ ихъ религіи. Объяснивъ вкратцѣ значеніе парсовъ, маздеистовъ или зороастріанъ, почтенный профессоръ переходитъ къ описанію современныхъ остатковъ этой древней общины. Пріѣхавъ въ 1903 г. въ городъ Іездъ, онъ прежде всего навелъ справки о Диніарѣ Борамѣ, главѣ или калантарѣ зороастріанской общины, насчитывающей теперь до 8.500 членовъ въ Іездѣ и его окрестностяхъ. Онъ съ трудомъ часа

два искалъ Бораму и наконецъ нашелъ его въ незатѣйливомъ жилищѣ, устроенномъ по общему персидскому образцу. Джаксона ввели въ длинную комнату, покрытую прекрасными персидскими коврами и украшенную по обыкновенію диванами и подушками, исключая одного угла, гдѣ стояли столы и стулья на европейскій образецъ. Хозяинъ дома, типичный гебръ, пятидесяти лѣтъ, съ круглымъ лицомъ и съ сѣдоватой бородой, былъ одѣтъ въ длинную одежду сѣроватаго цвѣта. На его головѣ красовался низкій тюрбанъ, служащій отличіемъ персидскихъ и индѣйскихъ зороастріанъ. Онъ встрѣтилъ американца чрезвычайно любезно и, узнавъ цѣль его путешествія, предложилъ свой домъ и имущество въ полное распоряженіе иностранца. Но профессоръ принужденъ былъ отъ этого отказаться, такъ какъ онъ обѣщалъ быть гостемъ одного англійскаго миссіонера. Хотя профессоръ объяснялся вполнѣ хорошо на нарѣчіи парсовъ, хозяинъ немедленно послалъ за членомъ зороастріанской общины, который умѣлъ говорить по-англійски. Онъ привѣтствовалъ американца также чрезвычайно любезно, и эти два зороастріанца собрали въ тотъ же день на ужинъ знатнѣйшихъ лицъ ихъ общины. Хозяинъ, по мѣстному обычаю, не занималъ мѣста за столомъ, а обходилъ всѣхъ своихъ гостей, объяснивъ американцу, что они считаютъ это настоящимъ гостепріимствомъ. Ужинъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ различныхъ суповъ, трехъ или четырехъ блюдъ баранины, зелени и сластей. Потомъ подавался чай и сладкое вино. По обычаю парсы никогда не говорятъ во время ѣды, а потому только по окончаніи ужина они стали дружески разговаривать съ иностранцемъ о всевозможныхъ домашнихъ и общественныхъ вопросахъ. На другое утро въ честь американца былъ собранъ «аньюманъ», или синодъ почетныхъ лицъ гебрской общины. Ихъ было восемнадцать человѣкъ, и такъ какъ первосвященникъ находился въ отсутствіи, то на собраніи предсѣдательствовалъ Тиръ-Андацъ, дѣйствующій первосвященникъ въ Іездѣ. Онъ былъ высокаго роста и хорошъ собою; на немъ было длинное снѣжнобѣлое одѣяніе, а на его головѣ красовался коричневый тюрбанъ Его лицо отличалось добротой, въ глазахъ же отражался необыкновенный умъ. Всѣ присутствующіе сѣли въ видѣ треугольника въ большомъ залѣ, выходящемъ въ садъ. Американца посадили на почетное мѣсто; съ одной стороны отъ него сѣлъ первосвященникъ, а съ другой—хозяинъ дома. Послѣ общихъ обоюдныхъ поклоновъ, въ комнату вошелъ слуга съ подносомъ, уставленнымъ сластями, и небольшимъ ручнымъ зеркаломъ. Джаксонъ видѣлъ уже у индѣйскихъ парсовъ угощеніе сластями, но его поразило поданное зеркало, хотя его увѣряли, что это—тарый зороастріанскій обычай. Зеркало прежде всего подали первосвященнику; онъ серьезно посмотрѣлся въ него, медленно погладилъ свою сѣдую бороду, окропилъ ее розовой водой, которую подали въ кубкѣ, и съ торжественнымъ достоинствомъ передалъ зеркало сосѣду. Кромѣ сластей, подали табакъ, который гебры съ удовольствіемъ нюхаютъ, хотя куреніе они считаютъ безчестіемъ священнаго огня. Когда были окончены предварительныя формальности, то началась бесѣда, состоявшая изъ вопросовъ и отвѣтовъ относительно религіи Зороастра и современнаго положенія его послѣдователей въ Персіи. При этомъ иностранному гостю были показаны драго-

цѣнныя гебрскія рукописи. Что же касается до вопросовъ относительно религіи Зороастра, то передовые гебры не высказали ничего новаго или особенно замѣчательнаго, хотя они обсуждали, гдѣ родился Зороастръ, истинное происхожденіе его имени и т. д. Бесѣда продолжалась довольно долго, и въ концѣ ея первосвященникъ пригласилъ американца въ тотъ же вечеръ въ свой храмъ огня, или Атамъ-Борамъ. Въ сущности это было простое и непритязательное зданіе, вовсе не походившее на великолѣпный или блестящій храмъ. Джаксонъ вошелъ въ большую комнату, рядомъ съ которой находилось святая святыхъ, гдѣ берегли священный огонь. Здѣсь жрецы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ пѣли гимнъ изъ Авесты ангелу Побѣды, какъ во времена Зороастра, около трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Чрезъ нѣсколько времени первосвященникъ отворилъ дверь въ небольшую сосѣднюю комнату и ввелъ туда Джаксона. Она была устроена для совершенія религіозныхъ церемоній. Истинные гебры приносятъ безкровную жертву въ видѣ добрыхъ мыслей, добрыхъ словъ и добрыхъ дѣлъ, а когда въ древнемъ текстѣ упоминается о жертвоприношеніи въ виды мяса, то парсы въ Іездѣ употребляютъ яйцо, какъ ихъ братья въ Бомбеѣ—масло. Вокругъ этихъ помѣщеній шли коридоры для сбереженія драгоцѣннаго дерева, которымъ поддерживается священный огонь. Прелестный садъ съ розами и другими душистыми цвѣтами окружаетъ зданіе. Ученаго американскаго профессора очень занимало сравненіе современныхъ обычаевъ зороастріанъ съ древними временами. По словамъ Авесты, самое благородное изъ человѣческихъ занятій—земледѣліе и садоводство. «Тотъ, кто сѣетъ сѣмена, сѣетъ справедливость,—говоритъ Зороастръ,—и самое счастливое мѣсто на землѣ то, на которомъ правовѣрные болѣе всего сѣютъ хлѣбныхъ зеренъ, травы и плодовъ, гдѣ они поливаютъ слишкомъ сухую землю и осушаютъ слишкомъ сырую». Вѣрная своей религіи, большая часть мужского населенія Іезда занимается земледѣліемъ и садоводствомъ. Что касается до семейной жизни, то зороастріане Іезда—моногамисты, исключая тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда подъ вліяніемъ мусульманъ они переходятъ въ полигамію. Это особенно случается, когда первая жена не даетъ имъ дѣтей. Вообще же зороастріанская община—противница многоженства. Въ домашнемъ быту ихъ жены занимаютъ болѣе свободное положеніе, чѣмъ жены магометанъ. Онѣ носятъ покрывало на лицѣ только на улицѣ, чтобы избѣжать оскорбительныхъ или непріятныхъ взглядовъ. «Вообще,— говоритъ въ заключеніе своей статьи Джаксонъ,—зороастріане въ Іездѣ произвели на меня такое же благопріятное впечатлѣніе, какъ въ Бомбеѣ и другихъ мѣстахъ. Правда, они не очень образованы, но ихъ религіозныя воззрѣнія заслуживаютъ большого вниманія. Парсы въ Индіи такъ же, какъ въ Иранѣ, придерживаются одного и того же ученія, сосредоточеннаго въ добрыхъ словахъ и добрыхъ дѣлахъ. Въ этомъ они слѣдуютъ ученію своего великаго учителя Зороастра и сохраняютъ его древнюю вѣру отъ упадка».

— Древняя Японія до эпохи христіанства. Хотя на всѣхъ европейскихъ языкахъ вышло уже значительное количество историческихъ тру-о Японіи, но о началѣ древней японской исторіи появилось только недавно

первое сочиненіе. Авторъ его—нѣмецкій ученый [1]), О. Нашодъ, и его трудъ составляетъ семьдесятъ четвертый томъ серіи Пертеса «Allogemeine Staatengeschichte». Въ этой первой части своего новаго сочиненія докторъ Нашодъ собралъ все, что только извѣстно о древнѣйшихъ временахъ, такъ называемомъ Urzeit Японіи до 645 г. ранѣе Р. Х. Нельзя сказать, чтобы вышедшая часть «Исторіи Японіи» отличалась большимъ интересомъ; это скорѣе собраніе матеріаловъ, чѣмъ художественная исторія, но для занимающихся первобытной исторіей японскаго народа ея значеніе очень важно. Первобытныя лѣтописи всѣхъ восточныхъ народовъ, за исключеніемъ евреевъ, состоятъ изъ монотоннаго и скучнаго перечня династическихъ войнъ, интригъ, личной тираніи и партійной борьбы безъ малѣйшаго проявленія прогресса къ опредѣленной политической системѣ. Въ Японіи первыхъ вѣковъ свободныя племена подчинились духовному деспотизму микадо и составили олигархію изъ крупныхъ родовъ. Въ этомъ заключается въ сущности главный интересъ первобытной японской исторіи, потому что въ эти раннія времена было положено основаніе племенному патріотизму, выдвинувшему Японію XX столѣтія на одно изъ первыхъ мѣстъ въ свѣтѣ. По мнѣнію ученаго автора, древнѣйшими туземцами Японіи были племена айно баснословнаго кавказскаго происхожденія. Къ нему присоединились два племени, явившіяся извнѣ и побѣдившія туземцевъ. Одно изъ нихъ было монголо-малайскаго происхожденія и поселилось въ юго-западной части страны, а другое—маньчжуро-корейское, занявшее сѣверо-западную половину главнаго острова. Обѣ эти расы принадлежали къ бронзовой эпохѣ, и, по всей вѣроятности, ихъ эмиграція относится ко времени начала христіанской эры или за сто лѣтъ предъ тѣмъ. Описываемое Нашодомъ первобытное соціальное положеніе Японіи относится къ шестьсотъ шестидесятому году до Р. Х., когда Іамму Тонно основалъ нынѣ царствующую династію микадо. Что же касается до японскаго завоеванія страны «восходящаго солнца», то оно совершилось въ родѣ саксонской побѣды надъ Британіей. Въ обоихъ случаяхъ завоеватели прибыли въ лодкахъ черезъ узкую и бурную полосу моря съ большого континента на группу большихъ острововъ, лежащихъ среди безграничнаго океана. Точно также въ обоихъ случаяхъ варварство завоевателей вскорѣ измѣнилось послѣдующими переселеніями съ континента; во всякомъ случаѣ они превратились въ совершенно иную расу черезъ одно или два поколѣнія. Въ «небесныхъ обычаяхъ» первоначальныхъ японцевъ замѣтно превосходство земледѣльческой расы эмигрантовъ надъ туземнымъ населеніемъ рыбаковъ и охотниковъ, и это почти единственная черта ихъ континентальнаго происхожденія, на которую намекаютъ миѳы и легенды. По мнѣнію ученаго автора, нигдѣ не выражался въ исторіи подобный земледѣльческій характеръ завоевателей, и громадное преимущество, которое такой народъ имѣлъ надъ мѣстнымъ населеніемъ рыбаковъ и охотниковъ, естественно составляетъ ядро власти микадо. Нельзя сказать, что политическая исторія древней Японіи, какъ она выясняется изъ первобытныхъ лѣтописей страны, заключала бы въ себѣ особый интересъ. Съ теченіемъ времени микадо все болѣе и

---

[1]) Geschichte von japan. Von O. Naschod. 1 Band. Gotha. 1906.

болѣе становился игрушкой въ рукахъ обширной, но исключительной олигархіи. Буддизмъ и послѣдовавшій за нимъ конфуціанизмъ обратили мысли японцевъ къ лучшей жизни, благодаря не политическимъ перемѣнамъ, а принципамъ соціальнымъ и нравственнымъ.

— Суевѣрное значеніе числа 13. Въ сентябрьскомъ нумерѣ «Chamberes Journal» Е. Джонсъ [1]) передаетъ любопытное происхожденіе суевѣрнаго предубѣжденія относительно числа «тринадцати», будто бы приносящаго несчастіе. Согласно его изысканіямъ, истинное происхожденіе древняго предубѣжденія заключается въ слѣдующей легендѣ. Однажды двѣнадцать великихъ скандинавскихъ божествъ пировали вмѣстѣ за праздничнымъ столомъ. Появленіе неприглашеннаго на этотъ пиръ бога зла и истребленія, Локи, требовавшаго себѣ мѣсто за столомъ, нарушило мирную бесѣду. Этотъ тринадцатый гость сталъ искать предлога для ссоры съ богомъ мира и согласія, Бальдеромъ, и пронзилъ ему сердце стрѣлою. Такая легенда очень распространилась у сѣверянъ за нѣсколько вѣковъ до перехода ихъ въ христіанство, прежде чѣмъ они ознакомились съ текстомъ Евангелія, гдѣ говорится о Тайной вечерѣ, трапезѣ Христа съ учениками и о предательствѣ Іуды. Повидимому, страхъ, который питали восточные народы къ цифрѣ «тринадцать», возбуждавшей такія воспоминанія, нѣсколько уменьшился въ средніе вѣка, особенно въ Италіи. Докторъ Руссель Форбесъ,—говоритъ Джонсъ,—недавно обратилъ вниманіе на латинскіе стихи, выгравированные на мраморной доскѣ, находящейся въ часовнѣ Triclinium Pauperum на горѣ Селуисъ. Въ нихъ разсказывается, что Григорій Великій каждое утро приказывалъ накрывать завтракъ на двѣнадцать бѣдняковъ, и что однажды появился Іисусъ Христосъ и сѣлъ за столъ тринадцатымъ. Съ тѣхъ поръ, говорится въ стихахъ, числа «тринадцати» уже болѣе не боялись и стали считать его счастливой цифрой. Но все-таки старыя традиціи не замедлили распространить свое господство, и страхъ къ «тринадцати» достигъ такой степени, особенно во Франціи и Англіи, что въ первую половину XIX вѣка хозяинъ дома всегда старался имѣть подъ руками четырнадцатаго гостя, готоваго во всякое время занять послѣднее мѣсто и получавшаго приглашеніе уже во время обѣда. Обыкновенно это былъ человѣкъ, хорошо воспитанный, но по разнымъ причинамъ лишенный средствъ къ существованію. Въ концѣ послѣдняго вѣка, суевѣрный страхъ къ цифрѣ «тринадцать» какъ будто немного ослабѣлъ, хотя еще находились люди, и даже выдающіеся по своимъ умственнымъ способностямъ, которыя боялись этой цифры. По словамъ Джонса, Бисмаркъ обожалъ число три, но терпѣть не могъ, когда ему предшествовала единица. Въ теченіе всей своей долгой карьеры ему никогда не приходилось сидѣть за столомъ, гдѣ число гостей было тринадцать, и даже въ апогеѣ своей славы онъ, не колеблясь, пренебрегъ бы всѣми свѣтскими приличіями, чтобы не принять участія на празднествѣ, предвѣщавшемъ ему смерть. Напротивъ, до конца своихъ дней Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что число три было изобрѣтено для него одного, и своимъ девизомъ

[1]) The superstitous character of the number 13. By E. Jones. «Chamberes Journal». 1906. September.

онъ имѣлъ «In trinitate robur», а въ гербѣ его семьи находился трилистникъ и три дубовыхъ листа. Онъ былъ первымъ министромъ при трехъ императорахъ и получилъ отъ нихъ три титула. Вильгельмъ I сдѣлалъ его графомъ и княземъ, а Вильгельмъ II — герцогомъ: это—высшій титулъ, какой можетъ получить нѣмецкій подданный. «Правда,— добавляетъ Джонсъ,—герцогъ Лауенбургъ не могъ питать живой благодарности за титулъ, предложенный ему на другой день немилости, но правило симметріи относительно числа три было соблюдено». Бисмаркъ продѣлалъ три войны, подписалъ три трактата, совершилъ эфемерный союзъ трехъ императоровъ и тройственный союзъ, слишкомъ долго длившійся. Въ заключеніе подъ нимъ было убито три лошади во время кампаніи 1870 г., и онъ имѣлъ троихъ дѣтей.

— **Эволюція нѣмецкаго лютеранства.** Въ итальянскомъ журналѣ «Rassegna nazionale» появилась любопытная статья М. Верчези объ эволюціи лютеранства у нѣмцевъ. Конецъ этой эволюціи онъ называетъ «послѣдней фазой нѣмецкаго протестантизма», и она состоитъ въ безусловномъ раціонализмѣ, освобожденномъ отъ всякихъ религіозныхъ вѣрованій, отъ чего Лютеръ былъ далекъ, ставя принципы «самой сущностью христіанской истины». Но вся его доктрина была построена на основѣ свободнаго изслѣдованія, на религіозной истинѣ, но не навязанной высшимъ авторитетомъ, а напротивъ завоеванной индивидуальнымъ изслѣдованіемъ, не подчинявшимся чужому контролю. «Я вѣрю,—объявилъ Лютеръ,—что я—христіанскій богословъ и вѣрный слуга истины, по этому случаю я хочу быть свободнымъ; я не признаю никакого авторитета, ни даже соборнаго, такъ же, какъ и императорскаго, ни даже университетскаго, одинаково, какъ и папы. Я хочу охватить съ свободной совѣстью всѣ мнѣнія, которыя считаю вѣрными, хотя бы они были объявлены еретическими и отвергнуты соборомъ». Такъ Лютеръ ставилъ принципъ свободныхъ сужденій. Дѣлаемыя имъ ограниченія не могли безконечно сковывать его учениковъ: нормальная эволюція новой религіозной доктрины должна была логически привести къ результатамъ, которые опечалили бы реформатора, если бы онъ могъ ихъ предвидѣть. Съ самаго своего основанія лютеранская религія не переставала эволюціонировать къ субъективности и раціонализму. Уже Лессингъ въ XVIII вѣкѣ объявилъ, что хотя бы и доказали субъективную ложность христіанской религіи, она все-таки осталась бы такой же истинной и неприкосновенной «въ сердцахъ тѣхъ, кто пріобрѣлъ внутреннее чувство ея истины». Такимъ образомъ догматы исторіи, религіи, всѣ факты и всѣ доктрины, которые составляютъ суть христіанства, не имѣютъ никакой важности; важно лишь внутреннее религіозное чувство каждой совѣсти. Распространеніе философской субъективности Канта и его учениковъ дало новый полетъ религіозному субъективизму нео-протестантовъ. Знаменитый Шлейермахеръ(1768—1834 г.г.), обожаемый теперь нѣмецкими протестантами всѣхъ школъ, заявляетъ, что христіанскія общины фабрикуютъ сами себѣ эволюціонирующее христіанство, измѣняющееся согласно эпохамъ, согласно состоянію души и степени цивилизаціи христіанскаго міра. Эта измѣняющаяся религія—«истинна» въ моментъ своего существованія чрезъ самый фактъ, что она создана и переживается христіанскими душами. Такимъ образомъ религіозная истина

эволюціонируетъ: изъ этого выводится заключеніе, что самъ Богъ эволюціонируетъ, что человѣчество его создало, взявъ у него совѣсть и совершенствуя по мѣрѣ того, какъ это сознаніе дѣлается свѣтлѣе; это—безусловная субъективность, которая соотвѣтствуетъ въ религіозной области метафизикѣ Шопенгауера: «Богъ, какъ воля и представленіе». Ренанъ сказалъ: «Богъ не существуетъ, но, можетъ быть, онъ будетъ существовать». Французы приняли эту фразу за простую анти-религіозную вспышку; нѣмцы же приняли ее очень серьезно и нашли естественной. Нѣкоторые католическіе богословы подпали подъ вліяніе этой теоріи. Большинство нѣмецкихъ протестантскихъ пасторовъ извлекли изъ теоріи Шлейермахера все, что въ ней скрывалось. Историческія изысканія Штрауса и Баура, которые не были свободомыслящими, а лишь свободными протестантами, окончательно отняли у нихъ вѣру въ реальную и объективную истину христіанской религіи. Добрая половина нѣмецкихъ пасторовъ откидываетъ теперь божественность Іисуса Христа, откровеніе, всѣ таинства, догматы, даже тѣ, которые были признаны Лютеромъ, какъ неприкосновенные. По ихъ мнѣнію, религія должна быть лишь чѣмъ-то въ родѣ смутной религіозности, чувствомъ божественнаго, которое каждый обязанъ съ любовью культивировать въ своей совѣсти. Они называютъ себя «либеральными протестантами», и ихъ главою состоитъ богословъ Гарнакъ. Большая часть университетскихъ каѳедръ занята ими, и юные пасторы, все болѣе и болѣе раздѣляютъ ихъ убѣжденія. Долго они не осмѣливались проповѣдывать съ каѳедръ эту раціональную субъективность, которая—въ сущности безусловное отрицаніе прежняго христіанства. У нихъ двѣ доктрины: одна эзотерическая—лично для нихъ и товарищей по университету, другая экзотерическая—для ихъ паствы, которой они продолжаютъ проповѣдовать догматы, не признаваемые ими самими. Около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ, чувствуя, что ихъ уже насчитывается порядочное количество, они скинули маску и теперь открыто вступаютъ въ диспуты. Правовѣрные протестанты жестоко борются съ новаторами, но безъ большого успѣха. Одинъ изъ ихъ наиболѣе пылкихъ главарей—знаменитый пасторъ Штекеръ, прежній придворный проповѣдникъ и глава партіи реформистовъ и антисемитовъ. Многіе изъ нихъ требуютъ строгихъ мѣръ для репрессій и вмѣшательства правительства, но Вильгельмъ II, когда-то относившійся къ нимъ благодушно, теперь понемногу отъ нихъ отсталъ, и Гарнакъ въ настоящее время лучше принятъ при дворѣ, чѣмъ Штекеръ. Либералы, впрочемъ, могутъ всегда отыграться отъ своихъ противниковъ словами, которыми оканчиваетъ свою статью Верчези: «Или вы допускаете, что христіанинъ имѣетъ право все оспаривать—тогда оставьте насъ въ покоѣ! Или вы хотите, чтобы индивидуумъ преклонялъ свой собственный смыслъ предъ рѣшеніемъ господствующаго авторитета,—тогда вы болѣе не лютеране, ступайте въ Римъ!»

— Кандидатура Луи-Филиппа на тронъ Буэносъ-Айреса. Въ послѣднемъ августовскомъ недѣльномъ нумерѣ «Journal des Débats» Христіанъ Шефферъ приводитъ малоизвѣстный историческій эпизодъ[1]) о кандида-

---

[1]) La candidature de Louis-Philippe au trône de Buenos-Ayres, par C. Scheffer «Journal des Débats hebdomadaire», 31 Août 1906.

турѣ на тронъ Буэносъ-Айреса вѣчнаго кандидата на всѣ троны, которые считались доступными,—орлеанскаго принца Луи-Филиппа, такъ долго и тщетно жаждавшаго получить какую нибудь корону и періодически имѣвшаго поползновеніе даже на престолъ Франціи. Въ 1818 г., когда Людовикъ XVIII царствовалъ во Франціи, въ качествѣ законнаго государя, а Наполеонъ томился на островѣ св. Елены, испанскія колоніи въ Америкѣ, возставшія противъ метрополіи, начали играть роль независимыхъ государствъ. Это обстоятельство сильно озабочивало французское правительство въ трехъ отношеніяхъ—торговомъ, внутренней политики и надежности плѣна Наполеона. Несмотря на всѣ усилія министра Ришелье, противныя партіи не сложили своего оружія, и въ особенности двѣ изъ нихъ возбуждали его безпокойство—орлеанисты и бонапартисты. Послѣдняя партія не переставала мечтать о побѣгѣ Наполеона изъ мѣста заключенія и разсчитывала въ этомъ случаѣ на Америку. Бонапартистскіе офицеры поступали въ арміи возставшихъ испанцевъ Южной Америки, не опасаясь европейскихъ монарховъ, такъ какъ находились у новыхъ мятежныхъ республиканскихъ правительствъ, вызывавшихъ симпатіи французовъ. Для избѣжанія грозившей опасности со стороны орлеанистовъ и бонапартистовъ у французскаго правительства былъ одинъ исходъ—возстановленіе въ Америкѣ испанскаго короля. Однако объ этомъ нельзя было и думать, но вмѣсто этого представлялась возможность преобразовать его прежнія вицекоролевства въ независимыя государства, въ пользу Бурбоновъ, и такимъ образомъ принципъ законности сохранить, а въ то же время лишить бонапартистовъ ихъ послѣдней надежды, въ виду того, что интересъ новаго монархиста заставилъ бы его быть настороже. Эта мысль такъ овладѣла французскимъ правительствомъ, что въ августѣ 1818 г. герцогъ Ришелье написалъ длинное письмо французскому посланнику въ Мадридѣ, сообщая ему свою идею о водвореніи одного изъ Бурбоновъ на тронъ Буэносъ-Айреса. Выборъ палъ на принца Лукскаго, какъ на болѣе подходящаго во всѣхъ отношеніяхъ, родственника испанскаго короля. Однако Ришелье совѣтовалъ сначала спросить его, согласенъ ли онъ на это, прежде чѣмъ начать интригу въ его пользу у генерала Пюиредона, бывшаго диктаторомъ страны, склоннаго къ возстановленію монархическаго правленія. Но пока посланникъ собирался приняться за исполненіе тайныхъ намѣреній своего правительства, въ Буэносъ-Айресъ пріѣхалъ спеціальный агентъ для проведенія новаго кандидата, ближе стоявшаго къ Франціи, чѣмъ принцъ Лукскій. Прежде чѣмъ получить тайную миссію, этотъ агентъ явился въ качествѣ частнаго человѣка къ французскому посланнику въ Лондонѣ, Осмону, и, назвавъ себя полковникомъ прежней императорской арміи, Гилэръ-Ле-Муаномъ, который въ 1814 г. присоединился къ Бурбонамъ и оставался имъ вѣренъ въ 1815 г., разсказалъ посланнику какую-ту басню о своемъ пріѣздѣ въ Лондонъ. По его словамъ, онъ очутился въ Англіи случайно, желая отыскать какихъ-то дѣльцовъ, лишившихъ его всего небольшого состоянія. Съ цѣлью ихъ преслѣдовать онъ бросилъ командованіе полкомъ и цѣлые мѣсяцы отыскивалъ ихъ въ Голландіи и Англіи. Здѣсь онъ потерялъ ихъ слѣды, но, посѣщая различные трактиры въ погонѣ за ними, онъ нечаянно наткнулся на

сборище революціонеровъ. которые, принявъ его за прежняго императорскаго офицера, открыли ему свои планы. Онъ же поспѣшилъ предупредить объ этомъ посланника и предложить ему свои услуги, если надо узнать какія нибудь подробности. Повѣрилъ ли посланникъ его словамъ, — неизвѣстно, но только вмѣсто того, чтобы выпроводить его, онъ воспользовался его услугами, и съ этого дня завязались сношенія между нимъ и представителями народившейся Аргентинской республики, а вскорѣ] скомбинировалась смѣлая интрига. Посланникъ Осмонъ могъ провѣрить, что Муанъ не лгалъ, говоря, будто начальники нѣкоторыхъ инсургентскихъ партій готовы присоединиться къ монархическимъ планамъ, и что даже южный американецъ Реновалесъ, собиравшій въ Англіи партизановъ и матеріалы, велъ переговоры съ герцогомъ Суссекскимъ, младшимъ сыномъ короля Георга III. Это послѣднее обстоятельство встревожило Осмона и вызвало опасенія за интересы и права Бурбоновъ; поэтому онъ велѣлъ узнать объ этомъ у Реновалеса. Послѣдній, не объяснивъ главнаго пункта переговоровъ, сказалъ только, что испанцу занять тронъ Буэносъ-Айреса невозможно, англичанина можно взять въ крайности, но француза желательно... «Ахъ, если бы захотѣла Франція,—воскликнулъ онъ:—французскій принцъ болѣе всего подходитъ! Пюиредонъ, мой наилучшій другъ, думаетъ также: у насъ французскія сердца!» Нѣсколько дней спустя, онъ опять возвратился и предложилъ вмѣстѣ съ трономъ Буэносъ-Айреса и въ Мексикѣ, гдѣ ему предстояло вести походъ, и, настаивая на вѣрности этого предложенія, требовалъ вступить въ прямыя сношенія съ французскимъ правительствомъ. Тогда Ришелье получилъ изъ Лондона одну половинку маленькаго листа бумаги; другая должна была служить условнымъ паролемъ для личности, которая явится къ нему съ важными деклараціями по поводу южной Америки. Корреспонденція Осмона, всегда очень таинственная, сдѣлалась еще непроницаемѣе, и ея содержаніе невозможно было понять. Такъ, напримѣръ, въ ней говорилось о прибытіи какой-то маски, но кто была эта маска, современные историки не могли узнать. Однако, несмотря на всѣ принятыя мѣры осторожности, все-таки удалось обнаружить, что между французскимъ и англійскимъ правительствами происходили переговоры, а также между правительствомъ и посольствами другихъ державъ. Всѣ эти переговоры остались для исторіи неизвѣстны, но часть ихъ относилась до посылки тайной миссіи. Мексика была отстранена. Предложенія Реновалеса было недостаточно, и все вниманіе сосредоточилось на Аргентинѣ; поэтому въ 1818 г. Муанъ, рекомендованный Осмономъ, отплылъ въ Буэносъ-Айресъ съ порученіемъ отстранить всѣхъ бонапартистовъ изъ совѣта Пюиредона, протестовать противъ всѣхъ предпріятій относительно освобожденія Наполеона и объявить, что Европа будетъ противиться основанію республики въ Южной Америкѣ. Но это были лишь офиціальныя порученія, главное же заключалось въ другомъ предложеніи. Муанъ, прибывъ въ Буэносъ-Айресъ, съ трудомъ добрался до Пюиредона, такъ какъ генералы и министры его не допускали, и только съ помощью одного француза, женатаго на родственницѣ диктатора, ему удалось попасть къ нему по тайной лѣстницѣ ночью. Муану предстояла трудная дипломатическая задача —объявить Пюиредону не только, что нѣкоторые изъ его

сотрудниковъ не нравятся Европѣ, но даже его собственное присутствіе на постѣ диктатора не желательно ей. Послѣ различныхъ дипломатическихъ ухищреній и предварительно высказанной лести, Муанъ произнесъ: «Ваша страна не можетъ быть счастлива безъ конституціонной монархіи. Вы просите поддержки друзей, но вы не найдете ихъ, пока ваше правительство не предложитъ гарантіи, и если ваше превосходительство рѣшится на столь выгодную перемѣну, то могу васъ увѣрить, что Франція первая протянетъ вамъ руку и поддержитъ васъ, если того потребуетъ случай». «Ну, такъ, полковникъ,—отвѣтилъ Пюиредонъ,—я вижу, каковы ваши намѣренія, и открою вамъ сердце!» Муанъ все-таки остерегался первый назвать имя Луи-Филиппа и только, когда, перебравъ всѣхъ кандидатовъ, Пюиредонъ дошелъ до него, найдя, что онъ подходитъ болѣе всѣхъ другихъ, то Муанъ удалился, достигнувъ цѣли. Тотчасъ были приняты имъ первыя мѣры къ выполненію плана: онъ добился удаленія бонапартистскихъ офицеровъ, и общественное мнѣніе ловко подготовлялось, чтобы съ этого времени профессора французскаго языка высоко цѣнились въ Буэносъ-Айресѣ. Но Муанъ не былъ уполномоченъ подписать договоръ, да къ тому же въ Европу былъ отправленъ аргентинскій агентъ для офиціальныхъ хлопотъ, и Муанъ уѣхалъ обратно въ Европу, предварительно заручившись отъ Пюиредона документомъ, который могъ служить доказательствомъ справедливости его словъ. Такимъ образомъ вѣчный кандидатъ на свободныя короны, такъ какъ и въ этомъ случаѣ, очевидно, интриговалъ онъ самъ, хотя прятался за спину другихъ,—повидимому, добился наконецъ трона. Но и на этотъ разъ послѣдовала неудача. Когда, нѣсколько недѣль спустя послѣ прибытія въ Парижъ Муана, туда пріѣхалъ офиціальный аргентинскій посланникъ, Гомезъ, и хотѣлъ броситься къ ногамъ Людовика XV, а затѣмъ Луи-Филиппа, то его не допустили до этого, совѣтуя потерпѣть. Когда же онъ добрался до министра и заговорилъ съ нимъ о цѣли своей поѣздки, то услышалъ формальный отказъ. Дѣло было въ томъ, что во Франціи перемѣнилось министерство, и сочувствовалъ плану только прежній премьеръ. По словамъ историка Гервинуса, мысль послать Людовика-Филиппа въ Аргентину этимъ и кончилась: погоня за престоломъ Буэносъ-Айреса кандидата на вакантныя короны не имѣла успѣха.

— **Одна изъ героинь эпохи risorgimento.** Въ Италіи появилась интересная книга Рафаэло Барбіеро, посвященная давно забытой, какъ въ Италіи, такъ и во Франціи, героинѣ risorgimento—княгинѣ Кристинѣ Бельджіоджозо[1]). Подобный типъ поборницы за независимость могла дать лишь Италія 1820 г., когда заговорщиками являлся не народъ, а свѣтскіе люди, золотая молодежь и поэты, отправлявшіеся въ Миланское собраніе карбонаріевъ послѣ проведеннаго вечера въ оперѣ буффъ и веселаго ужина въ «Café de Virtuoses». Хорошенькія женщины, только что проливавшія слезы въ «La Scala» при пѣніи Малибранъ, составляли заговоръ противъ ненавистныхъ австрійцевъ. Одной изъ самыхъ интересныхъ героинь-заговорщицъ была княгиня Бельджіоджозо, урожденная Тривульціо, потомокъ французскаго маршала во время войнъ Италіи, сурово

---

[1]) La principessa Belgiogoso i suoi amici e nemici. Rafaelo Barbiero Milano. 1906

управлявшаго Миланомъ за счетъ Франциска I. Она родилась въ Миланѣ, въ старомъ дворцѣ Тривульціо 28 іюня 1808 г. и всю молодость провела въ этомъ городѣ, гдѣ въ то время царило веселье, любовь и легкомысленные нравы, наслѣдуемые отъ Венеціи XVIII вѣка. Кристинѣ было четыре года, когда она потеряла своего отца, и ея мать вскорѣ вышла замужъ за маркиза Висконти д'Арагона, человѣка очаровательнаго, любезнаго, увлекающагося одинаково наукой и удовольствіями, литературой и музыкой, друга Манцони, покровителя Беллини, филантропа и заговорщика. Онъ былъ близокъ съ заговорщиками Сильвіо Пеллико, графомъ Луиджи Порро и знаменитымъ Федерико Конфалоньери, подстрекателемъ и главою заговора 1821 г., въ который вмѣшался и маркизъ. Въ Туринѣ въ то время была революція: графъ Санта-Роза, князь Чистерна и маркизъ Санъ-Марсано сдѣлали pronunciamento и объявили конституцію 1812 г. Монархи Священнаго союза, собравшіеся въ Лайбахѣ, произнесли проклятіе смутьянамъ, и поручили «жандарму Европы», т. е. Австріи, образумить туринцевъ. Заговорщики рѣшили образовать національную гвардію, но не успѣли. Австрійцы внезапно вошли въ Пьемонтъ и возстановили неограниченную монархію. Графъ Конфалоньери, маркизъ Палавичини, Сильвіо Пеллико, Риманьозо и многіе другіе были арестованы и приговорены къ ужасному заключенію «carcere duro» въ казематахъ Шпильберга. Маркизъ Висконти былъ приговоренъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію, но за недостаткомъ уликъ освобожденъ. Такимъ образомъ юность Кристины протекла въ кругу великосвѣтскихъ и литературныхъ заговорщиковъ. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за князя Эмиля Бельджіоджозо, также карбонарія и начальника баталіона національной гвардіи, придуманной Конфалоньери. Любитель музыки и литературы, Бельджіоджозо былъ близкимъ другомъ Россини, написавшаго на его виллѣ свою «Gazza ladro». Молодые супруги, богатые и красивые, какъ нельзя болѣе подходившіе другъ къ другу, въ сущности были совершенными противоположностями. Бельджіоджозо, румяный, жизнерадостный блондинъ, обладалъ мягкимъ, легкомысленнымъ характеромъ и темпераментомъ ненасытнаго волокиты. Напротивъ, Кристина была энергичная, пылкая, гордая, неукротимая брюнетка, съ лихорадочной и неистовой натурой. Ея честолюбивый характеръ не допускалъ ея до обыкновеннаго пошлаго существованія. Она была слишкомъ горда, чтобы слушать посторонніе совѣты или бояться быть смѣшной, способна на великіе поступки или ужасныя ошибки и не способна на низость или мелочность. Замѣчательная красавица, она отличалась оригинальной, чарующей и нѣсколько безпокойной красотой. Высокаго роста, тонкая, даже худая, княгиня Бельджіоджозо обладала громадными черными жгучими глазами, о которыхъ Мюссе говорилъ: «У нея были ужасные глаза сфинкса, такіе громадные, такіе громадные, что я въ нихъ потерялся и не нашелъ себя тамъ». По словамъ хроникеровъ, несогласія супруговъ обнаружились съ перваго дня свадьбы. Шесть лѣтъ они протянули вмѣстѣ, но наконецъ разстались, оставаясь друзьями, братьями и карбонаріями. Бельджіоджозо сошелся съ красавицей Маргаритой Руга, а Кристина отдалась всецѣло политикѣ. Находясь въ дружбѣ со всѣми миланскими красавицами-заговорщицами, какъ графиня Конфалоньери, княгиня Тетрасанта

и баронесса Дембовская, за которой тщетно ухаживалъ Стендаль, а въ особенности съ Біанкой Милези, талантливой художницей и неутомимой агитаторшей, Кристина, какъ всѣ онѣ, сдѣлалась «садовницей»,—такъ назывались женщины-карбонаріи. Вскорѣ она достигла до степени главной садовницы и принялась объѣзжать Италію вмѣстѣ съ своими «братьями» и «сестрами» съ агитаціонной цѣлью. Тщетно она старалась ускользнуть отъ австрійской полиціи, но хитрое trio извѣстныхъ и памятныхъ Милану инквизиторовъ, какъ красавецъ Антоніо Сальвотти, «президентъ комиссіи», Парисъ Цайотти, поэтъ и критикъ и старый пройдоха, комиссаръ Больцъ. Слѣдить за нею было поручено подкупному шпіону, поэту Пьетро Барбьери. Благодаря его докладамъ полиціи, историки могли прослѣдить за княгиней Бельджіоджозо сначала въ Тосканѣ и Генуѣ—гнѣздѣ заговоровъ, гдѣ она познакомилась съ Маццини, затѣмъ въ Швейцаріи, Лугано и Беллинцонѣ, гдѣ она провела много мѣсяцевъ, давая всякаго рода празднества и балы, на которыхъ собиралось безконечное количество бѣглецовъ. Губернаторъ Ломбардіи уговаривалъ ее возвратиться въ Миланъ, угрожая конфисковать ея имущество и даже предать гражданской смерти, но она отказалась. Онъ хотѣлъ ее выдать, и только тогда она вернулась тайно въ Италію, на этотъ разъ избѣгнувъ полицейской ловушки. На короткое время она появилась въ Генуѣ, и, наконецъ, уѣхала въ Провансъ. Это былъ тотъ моментъ, когда всѣ революціонныя попытки 1830 г. рушились. Моденскіе заговорщики и романскіе инсургенты стекались массами въ Марсель и собирались ежевечерно въ «Café Américain» и громко разсуждали предъ носомъ сыщиковъ о компрометтирующихъ ихъ дѣлахъ. Тамъ же, въ Марселѣ находилась главная квартира Маццини, гдѣ онъ организовалъ молодую Италію и приготовлялъ двѣ Савойскія экспедиціи. Хотя имуществу Кристины предстояло подвергнуться секвестрованію, но она все-таки, не колеблясь, дала Маццини на эту экспедицію сто тысячъ франковъ, которые достала, продавъ брильянты, и собственноручно сдѣлала трехцвѣтныя кокарды для заговорщиковъ. Наконецъ ея имущество секвестровали; она осталась разоренной и благоразумно удалилась на островъ Гіеръ. Тамъ она скоро соскучилась, хотя была въ сопровожденіи молодого, красиваго заговорщика, моденца Болоньини; но она жаждала шума, движенія, блеска. Ее привлекалъ къ себѣ Парижъ; лѣтомъ 1831 г. она покинула Провансъ въ сопровожденіи Болоньини и отправилась въ Парижъ. Здѣсь она поселилась въ отдаленномъ предмѣстьѣ, занявъ очень скромную и бѣдную квартиру. Склонная къ театральнымъ эффектамъ, она стала рисоваться своей бѣдностью и даже приколола къ двери карточку съ надписью: «несчастная княгиня». Но и въ Парижѣ шпіонъ Барбьери не переставалъ за нею слѣдить и докладывать о ней миланской полиціи. Изъ его докладовъ извѣстно, что она почти не посѣщала театровъ, но не пропускала ни одного засѣданія палаты и присутствовала на всѣхъ собраніяхъ сенъ-симонистовъ. Она основала нѣчто въ родѣ школы для дѣвушекъ, гдѣ сама преподавала имъ рисованіе, музыку и вышиваніе. Другихъ близкихъ людей, кромѣ Болоньини, у нея никого не было. Ее часто посѣщалъ Лафайетъ, задавшійся цѣлью примирить ее съ мужемъ, чтó было трудно, такъ какъ послѣдній жилъ въ Женевѣ, гдѣ ухаживалъ за любовницей Байрона, графиней Гвиччіоли. Послѣдняя

собиралась въ Парижъ, и Лафайетъ могъ разсчитывать на пріѣздъ Бельджіоджозо. Гвиччіоли въ то время была женою Буасси, который не замедлилъ ее увезти въ Парижъ и представить двору. Бельджіоджозо дѣйствительно пріѣхалъ, но Лафайету не удалось примирить его съ женою, хотя въ парижскомъ вихрѣ онъ скоро забылъ о Гвиччіоли. Сама Кристина была вся поглощена политикой. Въ салонѣ Лафайета она держалась крайней лѣвой партіи и, не довольствуясь присутствіемъ на засѣданіяхъ палаты, посѣщала депутатовъ и съ жаркимъ краснорѣчіемъ проповѣдывала свободу народовъ, возбуждая во всѣхъ восторгъ. Болѣе всѣхъ депутатовъ былъ опьяненъ ея красотой и краснорѣчіемъ будущій министръ—Адольфъ Тьеръ, и просилъ представить себя Кристинѣ. На другой день онъ явился къ ней съ визитомъ; на слѣдующій вечеръ онъ снова былъ у нея. Около этого времени она разсталась съ Болоньини, и Тьеръ проводилъ у нея цѣлые дни, оказывая ей безконечныя услуги, и, отличаясь кулинарнымъ талантомъ, онъ даже готовилъ для нея вкусныя блюда. На свою бѣду онъ имѣлъ неосторожность привести къ ней своего лучшаго друга и земляка—Франсуа Минье, красиваго, блѣднаго юношу, и съ этихъ поръ его счастье померкло, хотя въ сущности ея отношенія къ нимъ обоимъ опредѣленно не выяснены. Несмотря на отдаленный кварталъ и маленькую, бѣдную квартиру, салонъ Кристины такъ усердно посѣщался итальянскими бѣглецами, что вскорѣ тамъ нельзя было повернуться. Она стала находить, что ея салонъ и тѣсенъ и бѣденъ, и, утомясь играть роль несчастной принцесы, «стала задумываться, что не вѣчно же ея имущество будетъ секвестровано, и наконецъ императоръ сжалится». Забывъ на время свою патріотическую ненависть, она написала письмо не только къ австрійскому императору и Меттерниху, но и къ посланнику Аппони и даже противному ей совѣтнику посольства, Цайоти. Этотъ шагъ не пропалъ даромъ, и вскорѣ съ ея имущества сняли запрещеніе. Кристина, не дождавшись окончательнаго рѣшенія, бросила свою маленькую квартиру и наняла изящный небольшой домъ, обставивъ его довольно эксцентрично. Въ ея обстановкѣ было что-то болѣзненное и вполнѣ подходило къ ея неземной наружности призрака—мертвенно-блѣдной, высокой и худой, которую оживляли только черные жгучіе глаза. Чтобы еще болѣе выдѣлить свою своеобразную красоту призрака, она почти всегда носила длинныя бѣлыя платья. Теофиль Готье прозвалъ ея салонъ «настоящимъ рядомъ катафалковъ». Его стѣны были обтянуты темно-коричневымъ, почти чернымъ, бархатомъ, затканнымъ серебряными звѣздами такъ же, какъ и мебель. И въ общемъ дѣйствительно комната походила на катафалкъ, освѣщенный свѣчами. Гостей проводилъ въ гостиную негръ въ тюрбанѣ, а принимать ихъ ей помогала красивая компаньонка. Вскорѣ ея салонъ сталъ соперничать съ салонами княгини Ливенъ, г-жи Анселo и графини Мерлинъ. Сама хозяйка, умная, хорошо знакомая съ литературой, умѣла блестяще вести разговоръ и была свѣтской женщиной до мозга костей. Она принимала всѣхъ безконечно любезно, умѣла руководить разговоромъ и прекрасно постигла искусство заставлять блеснуть умомъ своего собесѣдника. Знакомая съ исторіей и философіей, музыкой и живописью, зная все, интересуясь всѣмъ, она сумѣла привлечь съ себѣ все, что,

было знаменитаго среди литераторовъ и артистовъ всѣхъ родовъ и мнѣній. По словамъ Ганото, она была нѣчто среднее между г-жею дю-Деффанъ и г-жею Рекамье. Итальянцы стремились къ ней, и не только бѣглецы, но и дипломаты, композиторы и артисты. Знаменитый юрисконсультъ Росси, убитый однимъ маццинистомъ въ Римѣ, и молодой Кавуръ часто посѣщали ея салонъ. Любя заниматься оккультизмомъ, княгиня Бельджіоджозо часто устраивала у себя различные сеансы, и Кавуръ присутствовалъ въ ея салонѣ на одномъ сеансѣ ясновидящей, который произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Она также страстно любила музыку и пѣніе. Маріо доводило ее до обморока, поэтому ее не разъ выносили безъ чувствъ изъ ея ложи. Ея постоянными гостями были Россини, Беллини, Гейне, Мейерберъ, Маріо и Гризи, Шопенъ съ Жоржъ Сандъ, съ которой она находилась въ тѣсной дружбѣ, Листъ съ г-жею Агу, Тальбергъ и другія знаменитости. Генрихъ Гейне былъ завсегдатаемъ ея дома и относился къ ней съ искреннимъ расположеніемъ. Викторъ Гюго сначала часто посѣщалъ ея салонъ но потомъ она охладѣла къ нему, такъ какъ въ «Лукреціи Борджіа» и «Маріи Тюдоръ» онъ выразился оскорбительно объ итальянцахъ. Альфредъ Мюссе страстно любилъ княгиню Бельджіоджозо, но его счастье длилось только нѣсколько мѣсяцевъ и оборвалось неизвѣстно по какой причинѣ. Онъ страшно страдалъ вслѣдствіе разрыва съ нею и хотѣлъ возобновить ихъ любовь, но она отослала его къ «болѣе легкой любви». Наконецъ къ ней возвратился мужъ, и они наняли обширный домъ. Когда въ 1844 г. старый Тьерри, ослѣпнувшій и парализованный, потерялъ свою жену, то княгиня Больджіоджозо помѣстила его у себя въ саду, въ красивомъ павильонѣ и заботилась о немъ. Однако ея легкомысленный мужъ не могъ долго жить безъ новыхъ увлеченій и въ одинъ прекрасный день опять оставилъ ее, уѣхавъ въ Италію съ красавицей герцогиней, дочерью маршала Бертье. Оба любовника поселились на виллѣ князя, на берегу Комо и прожили восемь лѣтъ въ полномъ уединеніи. Наконецъ герцогиня начала страшно скучать и бросила Бельджіоджозо. Легкомысленный князь на этотъ разъ былъ такъ влюбленъ, что не вынесъ горя и умеръ въ тоскѣ по своей любовницѣ. Мало-по-малу Кристина стала тяготиться свѣтской жизнью и успѣхами, и какъ всегда, жадная до новыхъ впечатлѣній и нуждаясь въ лихорадочной дѣятельности, она написала нѣсколько сочиненій и основала журналъ, доходъ съ котораго предназначила на дѣло освобожденія Италіи, желая единства Италіи подъ скипетромъ Савойскаго дома. Отъ времени до времени она путешествовала и, пользуясь амнистіей, жила подолгу въ Ломбардіи, основывая въ своихъ помѣстьяхъ различныя филантропическія учрежденія. Когда Наполеонъ бѣжалъ изъ Гама, она отправилась для свиданія съ нимъ въ Лондонъ и долго бесѣдовала о судьбѣ Италіи. Наконецъ она дождалась, что австрійцы были изгнаны въ 1848 г. изъ Милана послѣ пятидневнаго сраженія. Вскорѣ революція перешла изъ Тессины на Адріатику, и Карлъ-Альберъ Сардинскій явился на помощь своимъ итальянскимъ братьямъ. Вся Италія поднялась, и княгиня Бельджіоджозо снова сдѣлалась пылкой революціонеркой и бросила Парижъ. Она дождалась независимости Италіи послѣ многихъ перипетій, и въ книгѣ Барбьеро подробно разсказаны героически-комическая одиссея ея батальона и ея романическія похожденія въ азіатской Турціи въ то время, когда порядокъ царствовалъ въ Италіи.

— Герцогиня Беррійская. Въ послѣдніе мѣсяцы во французскихъ журналахъ помѣщены интересные новые документы о герцогинѣ Беррійской, вдовѣ послѣдняго французскаго дофина, сына Карла X. Ея жизнь полна самыхъ драматическихъ перипетій, и потому заслуживаетъ особаго вниманія. Изъ вышедшихъ статей всего замѣчательнѣе: «Герцогиня Беррійская» [1]—Анри Пріора, помѣщенная въ «Revue de Paris», и «Герцогиня Беррійская въ Блейской крѣпости» [2]), баронессы Пижаръ въ «Nouvelle Revue». Онѣ рельефно характеризуютъ храбрую, но идеальную до наивности героиню. Она была бурбонскаго рода—по отцу и по мужу приходилась старшей дочерью неаполитанскаго короля, Франциска I. Марія-Каролина родилась въ Палермо въ 1798 г. и вышла замужъ за герцога Беррійскаго послѣ реставраціи Бурбоновъ во Франціи. Этотъ бракъ былъ несчастливый, такъ какъ чрезъ пять лѣтъ ея мужъ погибъ отъ руки убійцы, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ она родила графа Шамбора, послѣдняго наслѣдника старшей линіи Бурбоновъ. Когда въ 1830 г. Бурбоны исчезли изъ Франціи, то Марія-Каролина сначала послѣдовала за Карломъ X въ Англію, а потомъ рѣшилась вернуться во Францію и воодушевить своимъ присутствіемъ партизановъ ея сына, регентшей котораго ее назначилъ король, его дядя. Изъ Англіи она направилась въ Голландію и предварительно поселилась въ герцогствѣ Моденскомъ. Тамъ она связала сложныя нити политической интриги и получила на это предпріятіе милліонъ отъ сардинскаго короля, Карла-Альберта. Въ Римѣ она также пріобрѣла поддержку, но въ Неаполѣ и Испаніи ея родственники отнеслись къ ней равнодушно. Когда все было готово 24 апрѣля 1832 г., она отправилась изъ Ливорно на суднѣ «Карло-Альберто» въ Марсель. Но какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ остальныхъ главныхъ центрахъ юга ей не удалось возбудить возстанія, и тогда Маріи-Каролинѣ пришлось переправиться въ Вандею, гдѣ она надѣялась найти болѣе восторженныхъ приверженцевъ. Однако и тутъ ее ожидала неудача. Переодѣвшись въ мужской костюмъ, она подъ именемъ Маленькаго Пьера, нѣсколько времени блуждала по фермамъ Вандеи. Древніе легитимисты отказались отъ обращенія къ оружію, и даже пламенный сторонникъ Бурбоновъ, Берье, поспѣшилъ въ Вандею, чтобы уговорить герцогиню отказаться отъ ея плана, но она продолжала настаивать на своемъ, увѣренная, что южная часть страны возстанетъ въ ея пользу. Въ сраженіи при Шенѣ многіе изъ ея сторонниковъ ей измѣнили, и она была принуждена бѣжать все въ томъ же мужскомъ костюмѣ. Предъ городомъ Нантомъ она переодѣлась простой поселянкой и нашла себѣ въ этомъ городѣ гостепріимство въ домѣ сестеръ Гини. Пять мѣсяцевъ она успѣшно скрывалась отъ Орлеанскаго правительства, и только еврей, ренегатъ Дейчи, предалъ ее правительству, несмотря на то, что она была твердо увѣрена въ его преданности, говоря: «Вотъ это настоящій бретонецъ: онъ безгранично преданъ мнѣ». Самое предательство было окружено патетическими подробностями. Герцогиня

---

[1]) La duchesse de Berry, par Henri Prior. «Revue de Paris». Août 1896.

[2]) La duchesse de Berry à Blaye, par baronne Pigeard. «La Nouvelle Revue». 1—15 Août 1906.

скрылась въ домѣ искренней своей сторонницы, дѣвицы Керсабикъ, и шестнадцать часовъ высидѣла въ тайникѣ, устроенномъ за печкой, но, наконецъ, тамъ оказалось такъ душно, что она едва не задохнулась—и принуждена была сдаться. «Та, которая явилась во Францію,—говоритъ Луи Бланъ въ своей «Исторіи десяти лѣтъ»,—какъ регентша отъ имени своего сына, имѣла всѣ свои вещи завернутыми въ носовой платокъ. Невѣстка короля Карла X и племянница теперешняго короля французовъ была посажена, какъ узница, въ Блейскую крѣпость, на позоръ всей бурбонской семьи». Пребываніе герцогини Беррійской въ Блейской крѣпости болѣе полугода ознаменовалось романическимъ происшествіемъ, кромѣ непріятнаго заточенія, по словамъ Луи Блана, и грубаго обращенія съ нею коменданта Бюжо. Къ величайшему скандалу она оказалась въ интересномъ положеніи и въ опредѣленный срокъ родила дочь, которая по ея заявленію была плодомъ ея законнаго, но тайнаго брака, заключеннаго въ Италіи съ графомъ Викторомъ Лукези-Палли. Хотя не было никакого основанія самнѣваться въ справедливости этого показанія, но все-таки во всей Франціи и во всей Европѣ это происшествіе надѣлало большого шума. Спустя короткое время послѣ ея родовъ, герцогиня Беррійская была освобождена изъ крѣпости и отправлена на военномъ кораблѣ въ Палермо. Тамъ она перестала играть политическую роль и всю свою послѣдующую жизнь провела частью въ Венеціи, Швейцаріи и Штиріи, гдѣ и умерла въ Бруннензее въ 1870 г.

— Романъ Виктора Гюго и Жюльетты Друэ. Англійскій публицистъ В. Вакъ случайно нашелъ на островѣ Гернсеѣ, гдѣ долго жилъ Викторъ Гюго, письма Жюльетты Друэ, близкаго друга знаменитаго французскаго поэта, и записки сына, послѣдняго Франсуа Гюго. Этими драгоцѣнными находками онъ не замедлилъ воспользоваться и прежде напечаталъ на англійскомъ языкѣ очень интересную книгу[1]) подъ названіемъ: «Романъ Жюльетты и Виктора Гюго», а потомъ вышелъ въ Парижѣ и ея переводъ Жана Лагира съ предисловіемъ Франсуа Копэ. Главное содержаніе этой книги составляетъ переписка Жюльетты съ Викторомъ Гюго, который въ продолженіе пятидесяти лѣтъ былъ при жизни жены и послѣ ея смерти ея ближайшимъ, искреннѣйшимъ другомъ. Въ сущности эта переписка не представляетъ особеннаго интереса, такъ какъ она полна только любовью и ревностью; эти многочисленныя письма заслуживаютъ вниманія, только благодаря тому, что они написаны Виктору Гюго. Кромѣ этой переписки, В. Вакъ прибавляетъ отъ себя довольно любопытныя подробности объ отношеніяхъ великаго поэта къ второклассной актрисѣ и о его жизни во время его изгнанія на островѣ Гернсеѣ. Такъ какъ все, что касается знаменитаго французскаго писателя, возбуждаетъ всеобщій интересъ, и его романъ съ Жюльеттой до сихъ поръ былъ почти неизвѣстенъ, то появленіе этой книги заслуживаетъ полнаго вниманія въ этомъ отношеніи. Въ октябрѣ 1822 г. Викторъ Гюго, юный, двадцатилѣтній поэтъ, женился по любви на Адель Фукэ. Десять лѣтъ молодая чета блаженствовала,

---

[1]) Le roman de Juliette et de Victor Hugo, par W. Wack, traduit par Jean de La Hire Paris. 1906.

и счастье ея еще умножилось тремя дѣтьми. Но въ 1833 г. первое черное облако омрачило ихъ жизнь: во время репетиціи «Лукреціи Борджіа» къ талантливому драматургу явилась молодая, прелестная актриса съ просьбой дать ей роль въ новой пьесѣ. Викторъ Гюго могъ только предложить ей незначительную роль принцессы Негрони, но онъ обѣщалъ сдѣлать для нея что нибудь получше въ будущемъ. Дѣйствительно онъ сдержалъ слово, и чрезъ нѣсколько дней упалъ, побѣжденный, къ ея ногамъ. Эта очаровательная актриса была Жюльена Говэнъ, родившаяся въ Фужерѣ въ 1806 г. Она была почти одинаковыхъ лѣтъ съ поэтомъ, когда онъ впервые увидѣлъ ее. Лишившись своихъ родителей еще съ колыбели, Жюльена была усыновлена старымъ дядей, Жаномъ Друэ, отъ котораго она и приняла имя. Поселившись у него въ Парижѣ, Жюльена поступила семи лѣтъ въ женскій пансіонъ монастыря Малаго Пикпюса, гдѣ оставалась до шестнадцати лѣтъ. Ея дядя жилъ очень скромно и не могъ принять ее къ себѣ по выходѣ изъ пансіона, и потому неизвѣстно, какъ она существовала первые три года. Только въ 1825 г. мы застаемъ ее содержанкой извѣстнаго скульптора Прадье, который соблазнился ея красотой для модели своей статуи «Страсбургъ», на площади Согласія, но чрезъ два года бросилъ Жюльену, подаривъ ей маленькую дочь. Тогда она перемѣнила свое имя на Жюльетту и начала свою театральную карьеру. Теофилъ Готье такъ описываетъ ее въ эпоху, когда она встрѣтила Виктора Гюго: «Головка Жюльетты правильной и утонченной красоты, что придаетъ ей скорѣе улыбку исполнительницы комедіи, чѣмъ страстное выраженіе, необходимое для драмы. Ея носъ правильной формы, глаза ясные и блестящіе, ротъ очень маленькій, но выражаетъ безумную веселость. Всѣ ея прелестныя черты окаймлены гармоническимъ оваломъ. Ея шея, плечи и руки поражають классическимъ совершенствомъ, такъ что она могла бы взять премію на конкурсѣ красоты». Ролью принцесы Негрони она снискала себѣ популярность. Самъ же Викторъ Гюго былъ въ восторгѣ отъ ея игры, хотя ей приходилось произнести только нѣсколько словъ. Естественно, что такая очаровательная красавица имѣла многочисленныхъ поклонниковъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали Альфонсъ Карь, авторъ «Guêps» и богатый русскій князь. Первое любовное свиданіе между поэтомъ и актрисой состоялось 17 февраля 1833 г., и съ тѣхъ поръ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ Викторъ Гюго ежегодно писалъ въ этотъ день въ прозѣ или въ стихахъ прославленіе ихъ любви въ альбомѣ подъ названіемъ «Le livre de l'anniversaire». «Ты помнишь ли, безцѣнная, нашу первую ночь?—писалъ онъ въ этомъ альбомѣ 14 февраля 1841 г. —Бѣдный мой ангелъ, сколько въ тебѣ красоты и любви? Не забудь никогда, моя красавица, этого таинственнаго часа, который измѣнилъ нашу жизнь. Что касается меня, то я никогда не забуду его до своей смерти, и если даже пройдетъ послѣ этого часа не восемь лѣтъ, а сто, то и тогда мое сердце будетъ полно тобою, и ничто его не измѣнитъ». Однако, несмотря на обѣщаніе Жюльетты не видѣть болѣе русскаго князя, она продолжала поклоняться двумъ кумирамъ за разъ. Наконецъ, поэтъ узналъ объ ея измѣнѣ и грозилъ порвать съ нею всякую связь. Тогда Жюльетта обѣщала никогда болѣе не знаться съ княземъ, хотя это ей дорого

стоило. Вскорѣ ей пришлось перемѣнить свою блестящую квартиру и продать роскошную мебель. Викторъ Гюго былъ въ то время знаменитымъ, но не богатымъ человѣкомъ, и онъ даже не могъ дать нѣсколькихъ тысячъ франковъ для уплаты ея долговъ, и ему пришлось собрать необходимую сумму въ складчину у Прадье и другихъ друзей. Онъ устроилъ для Жюльетты скромную квартиру, и съ тѣхъ поръ она, по его словамъ, «бросила блескъ, шумъ, толпу и предпочла уединеніе и любовь». Ей пришлось также оставить и театръ, потому что роль Іоанны въ «Маріи Стюартъ» Виктора Гюго совершенно ей не удалась, и она должна была на второе же представленіе уступить ее другой актрисѣ. Хотя самъ поэтъ убѣжденъ былъ, что она играла отлично, но публика и критики были съ нимъ не согласны. Поэтому Жюльеттѣ пришлось окончательно покинуть театръ. Съ этихъ поръ она сдѣлалась искренней пламенной любовницей исключительно Гюго, его сподвижницей, полной такта и деликатности, его другомъ умнымъ, любезнымъ и музой, вдохновлявшей поэта въ теченіе полувѣка. Она существовала только для него, и онъ былъ для нея божествомъ. Она раздѣляла всѣ его мысли и поощряла его во всѣхъ трудахъ. Она помогла ему бѣжать изъ Парижа послѣ 2 декабря, одѣвъ его при этомъ рабочимъ и доставъ ему поддѣльный паспортъ. Потомъ она слѣдовала за нимъ въ изгнаніе и обратила его жизнь на Гернсеѣ въ веселое, пріятное существованіе. Когда жена Виктора Гюго умерла въ 1858 г., зная въ теченіе тридцати пяти лѣтъ объ ея сношеніяхъ съ мужемъ, то Жюльетта Друэ, достигнувъ шестидесятидвухлѣтняго возраста, стала единственнымъ и преданнымъ другомъ Гюго до своей смерти. Когда поэтъ разбогатѣлъ, то, несмотря на свою обычную бережливость, онъ купилъ ей виллу и окружилъ ее, если не роскошью, то достаткомъ. Она умерла за три года до его кончины и оставила послѣ себя довольно круглую сумму. По словамъ Вака, любовь Виктора Гюго и Жюльетты Друэ вполнѣ напоминаетъ романъ Данте и Беатрисы. За три мѣсяца до ея смерти, 11 мая 1883 г., великій поэтъ написалъ въ «Книгѣ годовщины»: «Да, эта книга заключаетъ въ себѣ всю исторію моей и твоей жизни. Написавъ ее, я, кажется, прибавляю священные часы вѣчности къ нѣжнымъ часамъ нашего существованія. Я чувствую, что Богъ смотритъ на насъ, благословляя насъ; взгляни на солнце, какъ оно прекрасно, не только у насъ—праздникъ, но и на небѣ. Я тебя люблю; это величайшее слово, которое Богъ говоритъ всему творенію, а твореніе ему отвѣчаетъ тѣмъ же. Я тебя люблю, мой обожаемый ангелъ. Начнемъ этотъ пятидесятый годъ со священныхъ словъ: «Я тебя люблю!»

— Японія послѣ войны. Въ американскомъ журналѣ «North American Review» Джакобъ Шиффъ напечаталъ описаніе [1]) своего недавняго длиннаго путешествія по Японіи и Кореѣ, при чемъ сообщаетъ самыя лестныя свѣдѣнія о народѣ и японскомъ правительствѣ. Японцы не заснули на лаврахъ; они не только умѣли побѣдить, но умѣютъ и воспользоваться своей побѣдой въ политическомъ, экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Въ короткое время они

---

[1]) Japan after the war, by Jacob Schiff. «North American Review». September 1906.

совершенно ояпонили такъ называемую независимую Корею. Императоръ этой страны уже не имѣетъ никакой власти и даже не сохранилъ дипломатическихъ сношеній съ европейскими государствами; финансы, почта, телеграфъ, желѣзныя дороги и всѣ важнѣйшія отрасли администраціи перешли подъ контроль Японіи, которая сдѣлала изъ Кореи нѣчто въ родѣ англійскаго Египта. Токійское правительство поручило это дѣло своимъ самымъ замѣчательнымъ государственнымъ людямъ; такъ, маркизъ Ито, одинъ изъ создателей современной Японіи, назначенъ въ Сеулѣ генеральнымъ резидентомъ, а его помощниками состоятъ Мегата, Тсурура и американецъ Стэвенсъ. Громадные, естественные рессурсы Кореи начинаютъ развиваться. Развитіе орошенія дозволяетъ южнымъ провинціямъ производить несмѣтное количество хлѣба, а распространеніе желѣзныхъ дорогъ способствуетъ экспорту; сѣверъ очень богатъ строевымъ лѣсомъ, и, наконецъ, тамъ найдены важныя золотыя копи и другія металлическія руды. У себя также Японія всячески умѣетъ развить свои естественныя богатства; въ этомъ ей много помогаетъ дешевизна рабочаго труда, чему, однако, мѣшаетъ недостатокъ желѣзныхъ дорогъ, не превышающихъ девяти сотъ миль, отсутствіе каменнаго угля и финансовыя затрудненія вслѣдствіе недавней войны. Благодаря содѣйствію Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, Японія заняла за границей значительныя суммы, вмѣстѣ съ тѣмъ правительство сдѣлало большіе внутренніе займы. Національный долгъ Японіи превышаетъ шесть милліардовъ франковъ. Налоги все тяжелѣе и тяжелѣе отзываются на японцахъ, несмотря на всю способность и ловкость графа Матцукаты, извѣстнаго министра финансовъ, который сумѣлъ ввести въ монетную систему Японіи золотую валюту и поддержать ее безъ значительныхъ затрудненій. Одерживая ежедневно большія мирныя побѣды на всѣхъ рынкахъ Дальняго Востока, Японія, повидимому, не мечтаетъ о новыхъ авантюрахъ. Послѣ мира военная партія, которой руководитъ министръ Сланги и старый маркизъ Камагата, повидимому, взяла верхъ, и можно было бояться, что Японія, опьяненная успѣхомъ, будетъ мечтать о новыхъ побѣдахъ. Эта партія въ прошломъ году вотировала выкупъ государствомъ желѣзныхъ дорогъ. Но теперь рѣшительно овладѣла властью партія мира; во главѣ ея стоятъ самые замѣчательные государственные люди Японіи: маркизъ Ито, графъ Окумо, графъ Яннуэ и графъ Матцуката. Японія не грозитъ всесвѣтному миру подъ условіемъ, чтобы признавали за ней первое мѣсто на Дальнемъ Востокѣ.

— Кое-что о спиритизмѣ и гипнотизмѣ. Извѣстный докторъ Лаппони, занимающій постъ домашняго врача уже у второго папы, написалъ книгу о гипнотизмѣ и спиритизмѣ. Трактуемые въ его трудѣ предметы сами по себѣ интересны, но любопытство еще болѣе возбуждается вопросомъ, какъ смотритъ на гипнотизмъ и еще болѣе на спиритизмъ лицо, такъ близко стоящее къ папѣ. Въ послѣднее время оба эти предмета очень популяризировались, и распространительницей ихъ является Америка, гдѣ устроены не только различные «Institute of science», какъ американцы называютъ одну изъ такихъ школъ, гипнотизма и оккультическихъ наукъ, но даже клубы, члены которыхъ занимаются внушеніемъ на разстояніи. Американцы съ обычной практич-

ностью сумѣли извлечь изъ оккультизма не такую мелкую выгоду, какъ европейскіе кудесники. Въ Америкѣ устроены настоящія акціонерныя предпріятія съ крупнымъ капиталомъ, предназначенныя будто бы для раздачи извѣстной суммы лицамъ, купившимъ ихъ руководство и не постигшимъ по немъ преподаваемыя науки. Приманка столь заманчива, что въ ученикахъ недостатка нѣтъ. Но еще любопытнѣе устроенные тамъ клубы для внушенія на разстояніи; въ нихъ можетъ записаться членомъ каждый, желающій пользоваться круглый годъ успѣхомъ въ жизни и предпріятіяхъ—и все это за тридцать франковъ въ годъ. Такое увлеченіе гипнотизмомъ и спиритизмомъ не съ научной точки зрѣнія, а съ цѣлью эксплоатаціи, очень вредно отзывается на обществѣ, и итальянскій врачъ справедливо требуетъ не давать въ руки широкой публикѣ эту крупную побѣду науки. Почтенный ученый, обсуждая гипнотизмъ, но особенно спиритизмъ, конечно, не отрѣшается отъ нѣкоторой доли пристрастія и смотритъ на него съ точки зрѣнія добраго католика. Готовясь къ серіи публичныхъ лекцій по прикладной антропологіи, Лаппони пришлось заняться и этими двумя феноменами. То, что ему удалось узнать о нихъ, возбудило въ немъ желаніе поближе изучить эти явленія, и онъ пришелъ къ выводу, что, вслѣдствіе недостаточнаго опредѣленія и классифицированія этихъ явленій, появились сбивчивыя или неправильныя о нихъ мнѣнія, изъ которыхъ многія могли породить самыя непріятныя послѣдствія. Поэтому докторъ Лаппони считалъ долгомъ предупредить публику противъ этихъ ошибокъ и задался цѣлью представить читателю гипнотизмъ и спиритизмъ въ ихъ настоящемъ видѣ. Первой ошибкой Лаппони считаетъ мнѣніе, что гипнотизмъ и спиритизмъ аналогичны по своей природѣ, и потому ихъ смѣшиваютъ въ одно. По его словамъ, общаго между ними нѣтъ ничего. Удивленіе, возбуждаемое въ насъ гипнотическими явленіями, происходитъ лишь потому, что эти явленія для насъ неожиданны и исключительны, тогда какъ явленія спиритизма, какъ бы мало мы ни допускали его существованія, должны невольно казаться намъ таинственными и необъяснимыми. Какъ бы насъ ни удивлялъ гипнотизмъ,—говоритъ онъ,—но онъ есть фактъ научный, вѣрный, неоспоримый фактъ, который мы обязаны признать, какъ признаемъ странныя свойства радія или X лучей. Напротивъ, спиритизмъ, какъ бы мы ни отрицали его существованіе, всегда кажется чудомъ, вызовомъ законамъ, въ которые ученые «мечтаютъ» его заключить. Это смѣшеніе въ одно двухъ несоотвѣтствующихъ явленій, какъ гипнотизмъ и спиритизмъ, которое пытаются установить между ними, можетъ быть, болѣе всего препятствуетъ узнать ихъ источники, способъ дѣйствія и въ особенности производимыя гипнотизмомъ послѣдствія. Хотя Лаппони указываетъ на опасность гипнотизма, но все-таки называетъ его одной изъ самыхъ цѣнныхъ побѣдъ современной науки. По его словамъ, гипнотизмъ и спиритизмъ отдѣлены другъ отъ друга пропастью, и онъ разсматриваетъ каждый изъ нихъ отдѣльно, представляя въ двухъ серіяхъ главы, гдѣ онъ приводитъ ихъ исторію, внѣшнія проявленія, проблему ихъ происхожденія и, наконецъ, пользу и опасность, какую они представляютъ. Четыре главы своей книги Лаппони посвящаетъ гипнотизму, и хотя ему приходится лишь подводить резюме работамъ своихъ предшественниковъ, но онъ все-таки вно-

ситъ много новыхъ наблюденій. По его словамъ, въ первоначальной разработкѣ этого предмета большая доля открытій выпала на долю католическихъ патеровъ. Съ эпохи возрожденія іезуитъ, Фредрикъ Шпрее объявилъ, что большинство лицъ, приговоренныхъ за колдовство къ сожженію на кострѣ, были жертвами гипнотическаго внушенія. Позже другой іезуитъ Геллъ подалъ Месмеру идею о животномъ магнетизмѣ, а послѣ него іезуитъ Кирхнеръ далъ настоящую научную формулу гипнотизма, утверждая, что нѣкоторые люди, безъ вмѣшательства магіи, могутъ имѣть почти неотразимое вліяніе не только на людей, но и на домашнихъ птицъ. Описывая гипнотическія явленія, Лаппони особенно указываетъ на естественный и объяснимый, если уже не выясненный, характеръ этихъ явленій. «Никогда, даже въ состояніи самаго экзальтированнаго сомнамбулизма, умъ не поднимается до понятія оккультическихъ предметовъ, будущихъ событій или научныхъ тайнъ». Загипнотизированный субъектъ можетъ слово въ слово передать слова трагедіи, которую слышалъ лишь одинъ разъ въ жизни, хотя бы двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ можетъ говорить на иностранномъ языкѣ, который ему не знакомъ, но извѣстенъ гипнотизеру; онъ никогда не можетъ продекламировать поэмы, которой не слыхалъ бы, хотя разъ въ жизни, не заговорить на иностранномъ языкѣ, неизвѣстномъ ни ему ни гипнотизеру. Кромѣ того, гипнотическія внушенія въ большинствѣ случаевъ не лишатъ воли гипнотизируемаго, если послѣдній не выразитъ на это своего желанія. Чтобы гипнотизмъ дѣйствовалъ, надо прежде всего согласіе на это гипнотизируемаго, и очень рѣдко гипнотизируемый исполнитъ приказанія, противорѣчащія его характеру. Гипнотизмъ, по словамъ Лаппони, есть не что иное, какъ крайнее продленіе свойствъ, какими мы всѣ обладаемъ въ нормальномъ состояніи, видоизмѣнять умъ и волю намъ подобныхъ посредствомъ разсужденій и убѣжденій. Но въ этомъ продленіи всегда есть нѣчто болѣзненное. «По нашему мнѣнію,—говоритъ Лаппони,—гипнотизмъ не можетъ существовать одновременно съ настоящимъ здоровьемъ. Конечно, часто встрѣчаются люди, которые кажутся здоровыми и въ то же время воспріимчивы къ гипнотическимъ явленіямъ, но мы думаемъ, что они здоровы только съ виду, или, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ поддаться гипнотическому вліянію, они сдѣлались добычей разстройства питанія или кровообращенія нервныхъ центровъ, пусть это разстройство произошло произвольно или было вызвано искусственнымъ путемъ, котораго мы не знаемъ. Съ соціальной точки зрѣнія гипнотизмъ опасенъ не только потому, что увеличиваетъ число невропатовъ, но потому, что имъ можно злоупотреблять въ ущербъ интересовъ отдѣльныхъ личностей и общества. Съ индивидуальной точки зрѣнія гипнотизмъ вообще пагубенъ для физическаго здоровья и для нравственнаго благосостоянія. Онъ пагубенъ для физическаго здоровья потому, что рискуетъ пробудить зародыши невроза, грозитъ истощить черепнопозвоночную дѣятельность и все болѣе и болѣе пріучаетъ организмъ къ гипнотическому внушенію. Онъ пагубенъ для нравственнаго благосостоянія потому, что мало-по-малу уродуетъ, затемняетъ нравственное чувство, потому что онъ располагаетъ допускать, какъ истину и долгъ, самые ложные, самые прискорбные принципы, и потому, что онъ возбуждаетъ любовь къ чудесному, незамѣтно

открывая тѣмъ путь къ спиритизму». Однако, порицая нѣкоторыя стороны гипнотизма, Лаппони спѣшитъ прибавить, что гипнотизмъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ принести большую услугу, какъ отдѣльной личности, такъ и обществу. По его словамъ, онъ подобенъ тѣмъ ядамъ, которые въ рукахъ ловкаго и добросовѣстнаго врача становятся лѣчебнымъ средствомъ, и тѣмъ благотворнѣе, чѣмъ онъ дѣятельнѣе. Но онъ требуетъ, чтобы гипнотизмъ допускался къ примѣненію лишь врачами и не служилъ бы забавой, дабы публика вмѣсто того, чтобы глупо удивляться его явленіямъ, привыкла уважать его, какъ самый драгоцѣнный рессурсъ медицины. Большинство читателей заинтересуется болѣе второй половиной труда Лаппони — о спиритизмѣ, съ любопытствомъ ожидая, что скажетъ о немъ лицо, такъ близко стоящее къ папѣ. Различныхъ спиритическихъ явленій онъ лично не видалъ, но находитъ, что поддерживать въ настоящее время мысль, будто всѣ разсказываемые факты ложны,—невозможно. Онъ допускаетъ, что, можетъ быть, лица, видѣвшія спиритическія явленія, ошибались относительно ихъ происхожденія и считали за сверхъестественное явленіе то, что было лишь иллюзіей или плутовствомъ. Такимъ образомъ Лаппони не отрицаетъ этихъ странныхъ явленій, но задумывается надъ ихъ объясненіемъ. Согласно мнѣнію однихъ, они— не болѣе, какъ иллюзія, безсознательно испытываемая присутствующими, болѣе или менѣе загипнотизированными; согласно другимъ, это—не болѣе, какъ мороченье, высшая степень искусства чарованія, мало извѣстнаго фокусничества. Однако гипотеза иллюзіи не достаточна, чтобы выяснить, какимъ образомъ можно фотографировать духовъ, отмѣчать таинственное измѣненіе температуры, или убѣждаться на другой день сеанса въ передвиженіи мебели изъ одной комнаты въ другую. Что касается до мошенничества, то его еще можно допустить, такъ какъ, по словамъ Лаппони, нѣтъ ни одного медіума, который не испытывалъ бы инстинктивной необходимости лгать, злоупотреблять суевѣріемъ публики и прибѣгать ради своего успѣха къ обману. Однако всѣ отчеты о спиритическихъ сеансахъ доносятъ о массѣ фактовъ, которыхъ не объяснить самымъ ловкимъ мошенничествомъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ одно американское общество обѣщаетъ 50.000 долларовъ награды ученому или фокуснику, которые добьются выяснить, къ какимъ механическимъ пріемамъ прибѣгаютъ медіумы, но до сихъ поръ никто еще не получилъ этой награды, а въ 1868 г. англійскіе ученые, Тиндаль и Левисъ, должны были отказаться отъ объясненія какой нибудь гипотезой явленій, при которыхъ они присутствовали. Пробовали объяснить раздающіеся на сеансахъ удары, служащіе разговорнымъ языкомъ духовъ, способностью нѣкоторыхъ лицъ сокращать свои мускулы съ шумомъ, но Лаппони говоритъ, что онъ зналъ подобнаго субъекта, и шумъ, производимый такимъ сокращеніемъ, ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, какой описываютъ свидѣтели спиритическихъ сеансовъ. Онъ близко зналъ и изучалъ чревовѣщателей и признаетъ, что ихъ голоса не имѣютъ ничего общаго съ многочисленными голосами духовъ на спиритическихъ сеансахъ. Послѣдніе голоса очень внятны и кажутся выходящими изъ различныхъ пунктовъ. По его мнѣнію, надо оставить надежду на успѣшное объясненіе спиритическихъ явленій иллюзіей или мошен-

ничествомъ, тайна которыхъ, «когда ее гонятъ въ дверь, спѣшитъ вернуться чрезъ окно». «Какъ бы ни объясняли естественно эти явленія,—говоритъ онъ,— въ нихъ останется все-таки частица ненормальнаго и необъяснимаго. Напрасно стараются, какъ этого хотѣлъ когда-то св. Августинъ въ своемъ объясненіи чудесъ, поддерживать мнѣніе, что эти факты не противны законамъ природы, а только противны познаніямъ, какія мы имѣемъ о нихъ. Именно неестественное является подъ этой неожиданной формой въ тотъ моментъ, когда усилія «свободной мысли» надѣются ихъ уничтожить». По мнѣнію Лаппони, эти явленія, въ одно и то же время глубоко таинственныя, имѣютъ что-то низменное, странное, что заставляетъ стыдиться о нихъ говорить. Духи говорятъ намъ только пустяки. Ни разу, по словамъ Лаппони, спиритизмъ не служилъ для освѣщенія исторической задачи или рѣшенія труднаго научнаго вопроса и не предсказалъ точно предстоящаго событія. Дѣйствительно, духи часто выказывали свой сверхъестественный характеръ, открывая намъ тайны, неизвѣстныя никому и которыя можно было признать за достовѣрныя; но знаніе этихъ тайнъ было всегда безполезно; а когда духи, желая оказать намъ услугу, предлагали средства отъ болѣзни, то они обыкновенно были гибельны. «Поэтому,—рѣшаетъ Лаппони,—спиритизмъ—внѣ природы, внѣ науки». Что же тогда представляетъ собою спиритизмъ,—это могутъ рѣшить, по его мнѣнію, философія и богословіе; онъ же ничего не отвѣтитъ на это, но, какъ врачъ, считаетъ своей обязанностью предупредить публику насчетъ громадной опасности, связанной съ занятіемъ спиритизмомъ. «Изъ нравственнаго, соціальнаго и индивидуальнаго принципа,—говоритъ онъ,—спиритизма надо избѣгать, такъ какъ спиритическіе сеансы вызываютъ всякаго рода безумія, безконечно разнообразныя и противорѣчивыя. Въ области религіозныхъ идей спиритизмъ влечетъ за собой лишь сомнѣніе и смятеніе. У медіумовъ и у части присутствующихъ на сеансахъ лицъ проявляется иногда болѣзненная экзальтація умственныхъ способностей. Спиритизмъ причиняетъ неврозы, органическую невропатію, крайне серьезную. Большинство знаменитыхъ медіумовъ умерло отъ сумасшествія или другихъ неизлѣчимыхъ нервныхъ болѣзней, уже не говоря о другихъ болѣе серіозныхъ опасностяхъ, противъ которыхъ должны предостеречь публику богословы. Вообще, по мнѣнію Лаппони, спиритизмъ вреденъ одинаково, какъ для тѣла, такъ и для души, и эта забава почти тождественна съ азартными играми, поэтому публика должна строго преслѣдовать спиритизмъ безъ всякаго ограниченія, на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ формахъ. Почтенный ученый совершенно правъ, предупреждая публику не увлекаться спиритизмомъ, но, вмѣшивая богослововъ въ рѣшеніе этого вопроса, а не науку, онъ слишкомъ односторонне относится къ спиритическимъ явленіямъ, которыя со временемъ могутъ быть очень просто объяснены учеными и, потерявъ всю свою сверхъестественную, таинственную силу, будутъ использованы для практическаго примѣненія, какъ безпроволочный телеграфъ, X лучи и т. д. Говоря о спиритизмѣ, упомянемъ кстати о воспоминаніяхъ княгини Меттернихъ, напечатанныхъ въ «Oesterreichische Rundschau». Они касаются извѣстнаго спирита начала XIX вѣка — Дугласа Юма, хорошо знакомаго петербуржцамъ и поражавшаго своими спиритическими сеансами

русское великосвѣтское общество. Княгиня Меттернихъ въ 1863 г. находилась въ Парижѣ; это было время, когда вертящіеся столы и прочія спиритическія явленія были въ большой модѣ. Сама княгиня относилась къ спиритизму довольно безразлично, и смотрѣла на него, какъ на простую забаву. Въ одинъ прекрасный день пронесся слухъ, что въ Парижъ пріѣхалъ знаменитый Юмъ, съ презрѣніемъ смотрѣвшій на ихъ спиритическія манипуляціи. Узнавъ, что Наполеонъ и Евгенія очень увлекаются сверхъестественными явленіями, Юмъ, благодаря своей славѣ замѣчательнаго медіума и связямъ въ высшемъ русскомъ обществѣ вслѣдствіе женитьбы на русской княгинѣ, легко проникъ въ Тюильри. Императоръ и императрица были поражены его спиритическими сеансами и просили ученыхъ физиковъ присутствовать на нихъ съ цѣлью научнаго выясненія этихъ чудесъ. Но ученые ничего не могли выяснить. Сеансы Юма вызвали всеобщее любопытство, и каждый стремился познакомиться съ нимъ. Но онъ слылъ за человѣка богатаго, который никогда не бралъ денегъ за свои сеансы, а потому было трудно встрѣтиться съ нимъ иначе, какъ въ домѣ общихъ друзей. Одинъ изъ пріятелей княгини Меттернихъ, Іоакимъ Мюратъ, которому рекомендовали Юма изъ Петербурга и Америки, нашелъ случай познакомить княгиню съ Юмомъ на вечерѣ у однихъ знакомыхъ, богобоязненныхъ католиковъ, которые нѣсколько колебались принять его у себя и рѣшились на это только послѣ увѣреній, что Юмъ—самъ преданный католикъ и даже перевелъ изъ православія въ католицизмъ свою жену. По разсказамъ современниковъ, его жена послѣ рожденія сына опасно занемогла, но съ замѣчательнымъ терпѣніемъ переносила страданія. Во время своей продолжительной болѣзни она часто разсказывала, что предъ ея кроватью ежедневно появлялась женская фигура въ длинномъ бѣломъ покрывалѣ. Это видѣніе сказало ей: «Покрывало, скрывающее меня, становится все короче; когда оно будетъ покрывать только мое лицо, наступитъ часъ твоей смерти». Принявъ св. тайны, жена Юма громко объявила предъ всѣми присутствующими, что она клянется только что принятыми св. дарами, что все сказанное ея мужемъ о его сношеніяхъ съ міромъ духовъ—чистая истина. Когда умирающая женщина объявила, что ея мужъ не былъ ни колдуномъ, ни лгуномъ, она выпрямилась и воскликнула: «Я ее вижу!» – и умерла. Этотъ разсказъ, по словамъ княгини Меттернихъ, былъ переданъ двумя свидѣтелями, присутствовавшими при смерти г-жи Юмъ. Знаменитый медіумъ произвелъ на княгиню Меттернихъ благопріятное впечатлѣніе своей изящной, корректной внѣшностью и обращеніемъ вполнѣ свѣтскаго человѣка. Сеансъ прошелъ блестяще. Юмъ произвелъ необыкновенныя спиритическія явленія, и его духи работали особенно усердно, такъ что когда онъ даже не занимался ими, а велъ посторонній разговоръ, они все-таки продолжали производить стуки. Все это время Юмъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Никто не могъ дать объясненія этимъ явленіямъ, но князь и княгиня Меттернихъ все-таки продолжали скептически относиться къ спиритизму. Когда по требованію Юма двое изъ присутствующихъ отправились въ музыкальный магазинъ за маленькой ручной гармоніей, мелофономъ, и сеансъ на время былъ прерванъ, Юмъ медленно поднялся съ мѣста, видимо очень утомленный, и подошелъ къ гостямъ. Тѣмъ

временемъ духи продолжали шумѣть, хотя никто на нихъ не обращалъ болѣе вниманія, даже самъ Юмъ. На вопросъ, предложенный имъ княгинѣ Меттернихъ, не будетъ ли ей пріятно вступить въ сношенія съ духами,—она отвѣтила, что предпочитаетъ сношенія съ живыми. «Но,—отвѣтилъ Юмъ,—это такъ утѣшительно! Развѣ этого не достаточно для доказательства безсмертія души?» «Такъ какъ я—вѣрующая,—отвѣтила княгиня,—то не испытываю необходимости призывать для доказательства мертвыхъ». Тогда Юмъ приложилъ палецъ къ губамъ, какъ бы требуя молчанія, и воскликнулъ: «О, не говорите слово «мертвый». Мертвыхъ нѣтъ, а только исчезнувшіе, исчезнувшіе съ нашихъ смертныхъ глазъ; но они живутъ, какъ и мы, только въ другой сферѣ. Никогда не надо говорить о комъ бы то ни было, что онъ умеръ; а только: «онъ отправился». Юмъ не могъ выносить, чтобы его подозрѣвали въ колдовствѣ; онъ былъ глубоко преданъ папѣ Пію IX и нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему. Послѣднему не нравились его занятія спиритизмомъ, и онъ требовалъ, чтобы Юмъ бросилъ ихъ. Юмъ увѣрилъ папу, что онъ ничего не можетъ сдѣлать и былъ бы счастливъ, если бы духи оставили его въ покоѣ. Когда была принесена гармонія, то княгиню Меттернихъ попросили выйти на средину комнаты и держать гармонію, вытянувъ руку, чтобы всѣ могли провѣрить каждое ея движеніе. «Я взяла гармонію; тотчасъ же инструментъ сталъ играть истинно небесныя аріи такъ громко, прекрасно и нѣжно, что мы слушали, какъ очарованные. Это напоминало старинныя аріи въ родѣ Палестрина, но никто не узналъ этихъ арій, хотя среди присутствующихъ находились знатоки музыки. Глубоко растроганные,—это покажется, можетъ быть, смѣшнымъ,—мы слушали эту чудную музыку, и у многихъ присутствующихъ показались на глазахъ слезы. Маленькій инструментъ казался волшебнымъ». Многіе, не присутствовавшіе на этомъ сеансѣ, увѣряли, что Юмъ—ловкій фокусникъ, но княгиня Меттернихъ утверждаетъ, что онъ все время держался на разстояніи, по меньшей мѣрѣ, трехъ метровъ отъ нихъ. Также она отрицаетъ, что Юмъ гипнотизировалъ всѣхъ. Княгиню, однако, смущало «ребячество» духовъ, и она говоритъ, что этого было достаточно, чтобы отрезвить ее, если бы она была склонна вѣрить въ спиритизмъ. Нѣсколько дней спустя, императрица пригласила ихъ присутствовать на сеансѣ Юма, но онъ былъ менѣе удаченъ, чѣмъ первый. На слѣдующую недѣлю Юмъ явился съ визитомъ къ княгинѣ Меттернихъ, которая признается, что оставаться съ нимъ наединѣ ей было не очень пріятно. Лишь только они начали бесѣдовать, какъ раздались странные звуки падающихъ капель воды на камень. Сначала княгиня не хотѣла будто этого замѣчать, но такъ какъ ихъ паденіе дѣлалось все громче и громче, то она невольно повернула голову въ ту сторону. Увидя это движеніе, Юмъ очень спокойно сказалъ: «О! это ничего! это, должно быть, «одинъ», который находится очень близко къ вамъ: они меня повсюду преслѣдуютъ и рѣдко оставляютъ совсѣмъ въ покоѣ. Если бы вы видѣли, что бываетъ, когда мой маленькій сынъ находится въ комнатѣ. Хотите, я его приведу когда нибудь къ вамъ? Ему только три года. Тогда я оставлю васъ одну съ нимъ. Вы будете удивлены, и убѣдитесь, такъ какъ ребенокъ не умѣетъ фокусничать». Княгиня поблагодарила и отказалась.

— Смерть Фердинанда фонъ-Заара, Джузеппе Джіакозо и Филибера Одебрана. Въ августѣ мѣсяцѣ въ Вѣнѣ произошло неожиданное самоубійство извѣстнаго стараго австрійскаго поэта, драматурга и романиста фонъ-Заара. Оно тѣмъ болѣе поразило вѣнцевъ, что Зааръ уже былъ въ престарѣломъ возрастѣ, семидесяти трехъ лѣтъ, и убійство изъ самолюбія, какъ оказалось впослѣдствіи, далеко не соотвѣтствовало его лѣтамъ. Онъ родился въ Вѣнѣ въ 1833 г. и былъ офицеромъ во время итальянскаго похода 1859 г. Всю свою жизнь Зааръ провелъ на родинѣ, и въ молодости, а также въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ пользовался популярностью, какъ модный писатель. Особенно славились его австрійскія элегіи, и поэма: «Замокъ Костельницкій», трагедіи: «Гильдебрандъ» и «Смерть Генриха», соединенныя въ одну серію подъ названіемъ: «Императоръ Генрихъ IV»; романъ «Невинные» и народная драма «Благодѣяніе». Зааръ считался крупнымъ талантомъ на голубомъ Дунаѣ въ то время, когда въ австрійской литературѣ главенствовали Грилльпарцеръ, Гальмъ, Ленанъ, Анценгруберъ и Шитцлеръ. Всѣ они вмѣстѣ съ Зааромъ пользовались извѣстностью въ германской литературѣ, но съ теченіемъ времени не только Германія, но и родная Австрія стала разочаровываться въ своихъ отечественныхъ талантахъ. Ихъ мѣсто заняли чисто германскіе таланты, особенно вытѣснивъ ихъ изъ теетра, гдѣ стали даваться пьесы Гауптмана, Зудермана и другихъ знаменитыхъ берлинскихъ авторовъ. Особенно горько подѣйствовалъ упадокъ славы на Фердинанда фонъ-Заара, хотя три года тому назадъ вѣнское литературное и художественное общество торжественно отпраздновало его семидесятилѣтній юбилей банкетами, краснорѣчивыми рѣчами и хвалебными панегириками во всѣхъ газетахъ. Съ своей стороны императоръ далъ ему орденъ, и, казалось, не было недостатка въ въ полномъ счастіи юбиляра. Даже Бургъ-театръ, славнѣйшій храмъ драматическаго искусства въ Вѣнѣ, устроилъ три представленія лучшей изъ его драмъ. Но Зааръ чувствовалъ, что это было не торжество, а поминки. Онъ ясно понималъ, что онъ пережилъ самого себя. Еще три года онъ мрачно просуществовалъ и, наконецъ, не вытерпѣлъ и наложилъ на себя руку.

Напротивъ въ полномъ зенитѣ своей славы скончался первый итальянскій драматургъ Джузеппе Джіакозо. Онъ родился въ 1847 г. въ пьемонтскомъ городѣ Пареттѣ отъ состоятельныхъ родителей. Онъ дебютировалъ въ туринскомъ театрѣ въ маленькой пословицѣ: «Собакѣ, лижущей золу, не давайте лизать муку», и въ небольшой комедіи: «Старая исторія», но популярности онъ достигъ водевилемъ «Партія въ шахматы». Это произведеніе надѣлало столько же шуму въ Италіи, какъ во Франціи маленькая пьеска «Le passant». Затѣмъ онъ предался двумъ родамъ драматическаго искусства: историческому и любовному. Въ числѣ первыхъ произведеній особенно замѣчателенъ «Красный графъ», сюжетъ котораго взятъ изъ исторіи Савойскаго дома, и «Графиня Шалланъ», которая переведена на французскій языкъ и представлена Сарой Бернаръ съ большимъ успѣхомъ въ Нью-Іоркѣ. Трудно сказать, почему до сихъ поръ она не давалась въ Парижѣ. Что же касается до пьесъ Джіакозо, трактующихъ современные сюжеты и главнымъ образомъ любовь, заслуживаетъ особеннаго вниманія «Грустная любовь», переведенная на французскій

языкъ писателемъ Полемъ Алекси, подъ заглавіемъ «Провинціалка». Въ послѣднее время онъ писалъ новую пьесу для Сарры Бернаръ, которая очень оплакивала его смерть.

11 сентября парижскій литературный міръ потерялъ своего старѣйшаго писателя Филибера Одебрана, который умеръ 91 года. Онъ посвятилъ себя съ самыхъ юныхъ лѣтъ журналистикѣ и замѣчателенъ былъ скорѣе своей плодовитостью, чѣмъ талантомъ. Макселэ еще въ 1851 г. говорилъ: «Можно покрыть всю площадь Карусели чудовищными сочиненіями этого литератора». Въ 1842—1848 г.г. онъ былъ редакторомъ и стенографомъ отчетовъ палаты общинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ помѣщалъ любопытныя и живыя хроники въ «Charivari», «Corsair», «Gazette de Paris» и «Illustration». Кромѣ того, онъ написалъ безчисленное количество романовъ и множество томовъ литературныхъ воспоминаній. Несмотря на свои маститые годы, онъ продолжалъ все еще писать и умеръ съ перомъ въ рукахъ, такъ какъ за нѣсколько дней предъ смерью напечаталъ хронику въ «Art».

СМѢСЬ.

Увѣковѣченіе болгарами войны 1877 — 1878 г.г. На мѣстахъ, ознаменованныхъ важными историческими моментами освободительной войны 1877—1878 г. г., болгарскимъ комитетомъ «Царь-Освободитель Александръ II», состоящимъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ самого князя, устроены домики-музеи, окруженные изящными скверами и парками. Ограды и ворота при этихъ историческихъ памятникахъ украшены артиллерійскими орудіями, употреблявшимися во время войны за освобожденіе Болгаріи, преимущественно, отнятыми русскими у турокъ. Внутри музеевъ хранятся образцы русскаго вооруженія того времени, портреты героевъ войны, снимки съ полковыхъ знаменъ и манекены офицеровъ и солдатъ полковъ, участвовавшихъ въ войнѣ. Орудія, съ высочайшаго разрѣшенія пожертвованныя на это русскимъ военнымъ министромъ, размѣщены комитетомъ, по предложенію его предсѣдателя г. Стояна Заимова, по возможности такъ, чтобы при каждомъ музеѣ были орудія различныхъ калибровъ, какъ образцы, съ цѣлью лучшаго ознакомленія съ ними населенія страны и интересующихся туристовъ. Какъ самые памятники, увѣковѣчивающіе войну 1877—1878 г. г., такъ, въ особенности, находящіяся при нихъ орудія, въ настоящее время производятъ сильное впечатлѣніе на молодыя поколѣнія болгаръ, а поколѣнію того времени наглядно напоминаютъ великую для Болгаріи войну. Въ Плевну ежедневно, въ особенности въ праздники, стекается изъ деревень много народа, чтобы осмотрѣть дорогіе всѣмъ историческіе памятники и послушать отъ старыхъ людей воспоминанія изъ временъ освободительной войны. Дѣтямъ даются на мѣстѣ объясненія о происходившихъ подъ Плевной военныхъ дѣйствіяхъ. Подобныя же стеченія народа наблю-

даются и около остальныхъ памятниковъ,—въ Бѣлѣ, Порадимѣ и Горной Студенѣ. Въ деревнѣ Горной Студенѣ, передъ музеемъ находится площадь, гдѣ устраиваются народные хороводы. Такіе хороводы еще во время войны иногда наблюдалъ самъ Царь-Освободитель, о чемъ и до сихъ поръ въ мѣстномъ населеніи хранятся воспоминанія.

Народный университетъ въ Москвѣ. 10 сентября въ Политехническомъ музеѣ состоялось довольно многолюдное собраніе членовъ московскаго общества народныхъ университетовъ. Цѣль этого общества — распространеніе просвѣщенія среди самыхъ широкихъ массъ населенія. Для достиженія этой цѣли общество учреждаетъ всевозможные курсы, устраиваетъ разныя лекціи, образовательныя экскурсіи, музеи и выставки, открываетъ библіотеки, читальни и т. п. Изъ отчета о дѣятельности этого общества за 1905—1906 г. г. видно, что первый опытъ такого распространенія знаній оказался очень удаченъ. Несмотря на тревожное время и цѣлый рядъ крупныхъ событій, дѣятельность общества вызвала сильный интересъ въ народѣ: такъ, въ истекшемъ отчетномъ году было 15.535 посѣщеній разныхъ лекцій, курсовъ и проч., большинство слушателей—мелкіе служащіе и рабочіе. Въ нынѣшнемъ году предположено расширить дѣятельность общества и, кромѣ существующихъ уже трехъ секцій (воскресныя чтенія, музыкальные курсы и порайонное школьное образованіе), съ октября мѣсяца рѣшено открыть еще двѣ секціи (педагогическіе и профессіональные курсы). Начало занятій на курсахъ, чтеніе лекцій и т. п. предполагается 1 октября.

Собираніе этнографическихъ коллекцій. Этнографическимъ отдѣломъ Русскаго музея императора Александра III въ теченіе минувшаго лѣта было командировано нѣсколько спеціалистовъ для собиранія этнографическихъ коллекцій. Эти коллекціи уже доставлены изъ Сибири, Сѣвернаго края, съ Кавказа, изъ Костромской, Ярославской, Волынской и Полтавской губерній. Зданіе этнографическаго музея (на углу Садовой и Инженерной ул.) почти уже закончено; для публики музей будетъ открытъ, какъ только окончится внутренняя отдѣлка. Громадныя этнографическія коллекціи, собиравшіяся со всей Россіи въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, въ настоящее время хранятся въ подвальныхъ помѣщеніяхъ въ герметически закрытыхъ сундукахъ.

Столѣтіе антикварной книжной фирмы С. Т. Большакова. 8 сентября въ Москвѣ исполнилось столѣтіе извѣстной антикварной книжной фирмы наслѣдниковъ С. Т. Большакова. Основаніе фирмы положено въ 1806 г. извѣстнымъ ревнителемъ старины и собирателемъ древностей, Тихономъ Ѳедоровичемъ Большаковымъ. Складъ фирмы первоначально долгое время, почти до восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, ютился въ Зарядьѣ, недалеко отъ Москворѣцкаго моста, въ такой глуши, куда съ трудомъ можно было проникнуть. Несмотря на это, сюда часто заглядывали многія лица, любившія старину, представители ученаго міра, писатели, художники, любители старины. Тутъ часто встрѣчались Д. Н. Анучинъ, Н. С. Тихонравовъ, баронъ Боде, П. И. Мельниковъ-Печерскій, Н. И. Субботинъ, А. И. Хлудовъ, А. И. Морозовъ и мн. др., интерисовавшіеся стариною. Здѣсь же копались въ книгахъ и въ рукописяхъ заволжскіе старовѣрческіе начетчики. Въ адресныхъ книгахъ фирмы Больша-

ковыхъ кого-кого только нѣтъ, начиная отъ графовъ и князей до заволжскихъ мужиковъ и спасавшихся въ лѣсахъ старовѣрческихъ черничекъ включительно. Фирма удовлетворяла любознательности всѣхъ, отъ мала до велика. Кліенты ея разбросаны на всемъ пространствѣ Россіи, по Поволжью, на Дону, Кубани и за Ураломъ. Начетчики всѣхъ старовѣрческихъ толковъ и согласій, старообрядческіе архіереи и священнослужители черпали здѣсь свои книжныя знанія; ученые, археологи, изслѣдователи старины искали здѣсь необходимое для своихъ ученыхъ работъ. Государственныя книгохранилища, Императорская Публичная библіотека, Московскій Румянцевскій музей, Историческій музей—всѣ эти учрежденія пополнялись старинными рѣдкостями при содѣйствіи фирмы Большакова, извѣстныя книжныя собраніи Строева, Ундольскаго, Царскаго, Бодянскаго, Погодина, Хлудова, Щапова, Щукина и др. организовались также при участіи фирмы Большакова. Библіотека Никольскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ, пожертвованная сюда А. И. Хлудовымъ, представляетъ собою замѣчательный подборъ старопечатныхъ книгъ, преимущественно изъ экземпляровъ, хорошо сохранившихся, собранныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ фирмою Большакова. Фирма имѣла ярмарочныя отдѣленія въ Нижнемъ и Симбирскѣ съ цѣлью снабжать старинными книгами старовѣрческое Поволжье, разбросанное въ «лѣсахъ» и «на горахъ». Въ 1874—1875 г.г., въ Симбирскѣ, во время Соборной ярмарки, книжный складъ С. Т. Большакова подвергся полицейскому нашествію. Все достояніе фирмы было конфисковано и, какъ книги раскольническія, отправлено все это было въ сырые казематы симбирской духовной консисторіи. При этомъ произошло расхищеніе наиболѣе цѣнныхъ старопечатныхъ экземпляровъ. Только въ 1881 г., по высочайшему повелѣнію, уцѣлѣвшая половина конфискованныхъ книгъ и рукописей была возвращена владѣльцу. Глава фирмы, С. Т. Большаковъ, немного не дожилъ до столѣтняго юбилея своей фирмы: онъ скончался въ минувшемъ маѣ мѣсяцѣ. Наслѣдниками фирмы являются теперь сыновья покойнаго. Операціи фирмы продолжаются, какъ и прежде, удовлетворяя по возможности любознательность всѣхъ изыскателей родной старины.

Начало учебныхъ занятій въ школѣ А. С. Суворина. 31 августа въ училищѣ печатнаго дѣла при типографіи «Новаго Времени» (А. С. Суворина) состоялся обычный передъ началомъ учебнаго года молебенъ, отслуженный законоучителемъ училища въ присутствіи учениковъ и преподавателей училища, а также рабочихъ, служащихъ и администраціи типографіи. Училище это вступило нынѣ въ 23-й годъ своего безпрерывнаго существованія. Оно имѣетъ четырехлѣтній общеобразовательный курсъ, составляющій продолженіе начальнаго городского училища; для поступающихъ въ училище обязательно имѣть свидѣтельство объ окончаніи курса начальнаго училища. Кромѣ того, ученики проходятъ эламентарные курсы французскаго и нѣмецкаго языковъ и систематическіе курсы теоріи и практики наборно-типографскаго дѣла. Обученіе, учебныя пособія и форменныя блузы учащіеся получаютъ отъ владѣльца типографіи, а по истеченіи четырехъ испытательныхъ мѣсяцевъ они, кромѣ того, получаютъ небольшое жалованье, постепенно съ успѣхами увели-

чивающееся. Съ основанія училища полный курсъ его окончили 113 человѣкъ, изъ которыхъ большая часть работаетъ въ типографіи «Новаго Времени», зарабатывая отъ 35 до 150 рублей въ мѣсяцъ. Принимаются въ училище мальчики не моложе 12 лѣтъ. Предпочтеніе отдается дѣтямъ служащихъ въ учрежденіяхъ А. С. Суворина, остающіяся вакансіи замѣщаются по конкурсу. На 15 вакансій наступающаго учебнаго года явилось 52 конкуррента. Составъ училища опредѣлился въ 42 ученика при 5 преподавателяхъ.

Пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ за 1904 годъ. Капиталъ кассы къ концу отчетнаго года увеличился съ 1.674.436 р. 27 к. до 2.348.363 р. 68 к., при чемъ составляющія большую часть капитала процентныя бумаги исчислены здѣсь не по номинальной ихъ стоимости, а по курсу 31 декабря 1904 г., что составляетъ разницу въ 275. 528 р. 25 к. Въ теченіе 1904 г. въ приходъ кассы поступило 842.493 р. 58 коп., въ томъ числѣ: 1) пособія отъ казны — 286.975 р. 38 к. и 2) взносы участниковъ: а) ежемѣсячные шестипроцентные—294.193 р. 11 к., б) вступные —35.845 р. 39 к. и в) за прежнюю службу — 5.710 р. 62 к. На выдачу участникамъ кассы и ихъ семьямъ пособій и пенсій израсходовано всего лишь 925 р. 89 к. Сиротскій фондъ кассы, образовавшійся исключительно изъ случайныхъ поступленій, въ числѣ коихъ главную роль играетъ вычетъ по должностямъ, оставшимся вакантными, достигъ въ 1904 г. 150.612 р. 04 к. Чистая прибыль отъ всѣхъ операцій кассы въ отчетномъ году выразилась въ суммѣ 299.970 р. 79 к., въ зависимости отъ чего пополнился и запасный капиталъ, достигшій 197.436 р. 73 к. Число участниковъ кассы къ началу прошлаго года достигало 13.799 чел., увеличившись сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 1.236 чел. Изъ общаго числа участниковъ одинокіе составляли 71,8 проц., вдовые 2,5 проц. и семейные 25,7 проц.

Новое братство. Княземъ А. Г. Щербатовымъ учреждается «Православное братство Животворящаго Креста Господня», которое должно объединить православные приходы всей Россіи для утвержденія вѣры православной и русской государственности. Съ этою цѣлью братство ставитъ себѣ задачей: 1) распространеніе народнаго образованія въ духѣ православной церкви и русской народности и 2) обоснованіе приходскаго хозяйства, соотвѣтственно нуждамъ населенія прихода и при непосредственномъ участіи наиболѣе дѣятельныхъ членовъ его. Православное братство имѣетъ въ виду: 1) приходить на помощь нуждающимся приходамъ денежными средствами, 2) ходатайствовать о нуждахъ приходовъ предъ правительственными и общественными учрежденіями, 3) возбуждать на основаніи заявленій нѣсколькихъ приходовъ общіе вопросы по церковному обиходу, по мѣстному хозяйству, а также по государственному управленію, насколько оно касается приходской жизни. Братство имѣетъ право пріобрѣтать недвижимую собственность, учреждать свои благотворительныя заведенія, устраивать свои книгопечатни, печатать свои изданія, издавать газеты или журналы, имѣть свои высшія, среднія и низшія учебныя заведенія. Большую книгопечатню предполагается открыть въ Москвѣ, гдѣ долженъ выходить еженедѣльный или ежедневный «Временникъ».

Земельная собственность дворянъ. Почти 50°/₀ частновладѣльческой земли принадлежитъ дворянамъ. Отчуждено дворянствомъ (съ 1861 г.) свыше 28.000.000 дес. Владѣютъ землей еще 124.000 лицъ. 12.879.100 дес. дворянскихъ земель расположены въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ (крупновладѣльческій районъ). 25.137.109 дес. расположены въ губерніяхъ центральныхъ и южныхъ. Изъ остальныхъ дворянскихъ земель 15.597.072 дес. расположены въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ краяхъ. Этими землями владѣютъ (большей частью) поляки; 2.520.000 дес., расположенными въ двухъ прибалтійскихъ губерніяхъ (Курляндской и Лифляндской), владѣетъ нѣмецкое дворянство. Средняя величина владѣній дворянства каждой изъ трехъ національностей слѣдующая: польскаго дворянства—591 дес. (юго-западнаго), нѣмецкаго—2.236 дес., русскаго дворянства: въ сѣверномъ и восточномъ районѣ (9.906 владѣній)—1.320 дес., въ средне-промышленномъ районѣ—363 дес., въ средне-черноземномъ районѣ—390 дес., въ малороссійскомъ районѣ—147 дес., въ южномъ районѣ—595 дес. Нѣмецкое дворянское землевладѣніе съ 1895 г. по 1899 г. нѣсколько увеличилось; пол[illegible]е почти не увеличилось и не уменьшилось, русское же уменьшилось на 4.769.298 дес. Отчуждено 946 крупныхъ владѣній (средняя величина 5.415 дес.). Владѣютъ землей около 124.000 семействъ. Всего же дворянъ (потомственныхъ) въ Россіи, по переписи 1897 г., 1.220.000 (244.000 семействъ). Слѣдовательно половина помѣстнаго сословія не владѣетъ землей. Значительная часть частновладѣльческихъ земель (свыше 30°/₀) отдается ихъ владѣльцами въ аренду. Средняя годовая арендная плата—(приблизительно 8 р. 40 к. за десятину, и доходность средняго русскаго дворянскаго владѣнія выразится: въ средне-промышленномъ районѣ—въ суммѣ 3.099 р. въ годъ; въ средне-черноземномъ — въ суммѣ 3.276 р.; въ малороссійскомъ — въ суммѣ 1.234 р. Большинство владѣній заложено въ земельныхъ банкахъ, и за уплаой °/₀, ихъ чистая доходность составитъ по районамъ: 2.192 р., 2.421 р. 867 р. Средняя величина ссудъ—около 50 р. на десятину.

НЕКРОЛОГИ.

АДАМЮКЪ, Е. В. Телеграфъ извѣстилъ о кончинѣ въ Казани выдающагося русскаго офтальмолога, Емиліана Валентиновича Адамюка. Покойный завоевалъ себѣ всемірную извѣстность цѣлымъ рядомъ рѣдкихъ по цѣнности научныхъ трудовъ, напечатанныхъ на французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Онъ избралъ своей спеціальностью болѣзни глаза и въ этой области произвелъ съ замѣчательной тщательностью массу наблюденій. Въ разработкѣ наблюденій выказалъ рѣдкій анализъ и сдѣлалъ множество самостоятельныхъ выводовъ, обогатившихъ ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. Изъ его многочисленныхъ научныхъ трудовъ пользуются широкимъ распространеніемъ «Руководство къ изученію болѣзней глаза» и «Офтальмологическія наблюденія». Какъ окулистъ, онъ имѣлъ обширнѣйшую практику. Къ нему въ Казань собирались ищущіе исцѣленія съ разныхъ мѣстностей Россіи, на консиліумахъ его мнѣніе считалось авторитетнымъ. Е. В. по происхожденію бѣлоруссъ. Родители занимались хлѣбопашествомъ. Онъ родился 11 іюня 1839 г. въ Бѣльскѣ, Гродненской губерніи. По окончаніи курса первымъ въ Бѣлостокской гимназіи, онъ въ качествѣ стипендіата Виленскаго учебнаго округа былъ посланъ въ Казанскій университетъ. Съ этого времени сроднился съ Казанью и связалъ свою дѣятельность съ мѣстнымъ университетомъ. Сперва слушалъ лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ, куда опредѣлился, какъ любитель историческихъ знаній, затѣмъ перешелъ на медицинскій факультетъ. Въ 1865 г. блестяще защитилъ диссертацію «О внутриглазномъ давленіи» на степень доктора медицины и тогда же былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Въ концѣ 60-хъ г.г. отправился за границу, совершенствовался преимущественно въ Германіи и Австріи въ клиникахъ глазныхъ болѣзней и принялъ дѣятельное участіе въ съѣздѣ глазныхъ врачей въ

Гейдельбергѣ. Вернувшись въ Казань въ 1870 г., сталъ читать въ университетѣ лекціи глазныхъ болѣзней сперва въ качествѣ доцента, затѣмъ экстраординарнаго и ординарнаго профессора. Какъ профессоръ, Е. В. привлекалъ многочисленныхъ слушателей. Помимо университета онъ выступалъ неоднократно публичнымъ лекторомъ и принималъ живѣйшее участіе въ занятіяхъ мѣстнаго общества врачей. Умеръ онъ 67 лѣтъ, оставивъ по себѣ славную память въ научной литературѣ, а также среди своихъ многочисленныхъ учениковъ и паціентовъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.950).

† **Быстровъ, Н. И.** 5 сентября въ 10 час. вечера совершенно неожиданно скончался въ Петербургѣ почетный лейбъ-медикъ, профессоръ военно-медицинской академіи, Николай Ивановичъ Быстровъ, выдающійся ученый и популярнѣйшій дѣтскій врачъ, въ теченіе своей 30-лѣтней профессуры воспитавшій цѣлую школу извѣстныхъ дѣтскихъ врачей и самъ всю жизнь посвятившій практической дѣятельности на пользу страждущихъ дѣтей. Н. И. родился 28 февраля 1841 г. Въ медико-хирургическую академію опредѣлился стипендіатомъ князя Чернышева, кончилъ въ ней курсъ лѣкаремъ съ золотой медалью и былъ оставленъ при академіи на три года для подготовленія къ профессорской дѣятельности. Въ 1868 г. назначенъ ассистентомъ академической дѣтской клиники, черезъ годъ защитилъ диссертацію «Дѣйствіе ammonii bromati и терапевтическое употребленіе его въ дѣтской практикѣ» на степень доктора медицины. Съ 1873 г.—доцентъ, потомъ—профессоръ дѣтскихъ болѣзней въ военно-медицинской академіи. Одновременно служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и министерству императорскаго двора. Въ своей обширной практикѣ Н. И. произвелъ цѣлый рядъ наблюденій и изслѣдованій дѣтскихъ болѣзней. Наиболѣе распространенныя изъ нихъ послужили ему матеріаломъ для научныхъ статей (коклюшъ, вѣтреная оспа, болѣзни желудка и др.). Источникомъ многихъ заболѣваній, по его убѣжденію, являлась школа, и Н. И. выступилъ горячимъ поборникомъ необходимости уменьшить вредное вліяніе школы на организмъ учащихся путемъ лучшей постановки школьной гигіены. Покойный былъ предсѣдателемъ совѣта общества дѣтскихъ врачей, однимъ изъ иниціаторовъ учрежденія общества попеченія о больныхъ и бѣдныхъ дѣтяхъ, секретаремъ общества русскихъ врачей. Изъ его ученыхъ работъ назовемъ «Очеркъ современнаго состоянія педіатріи и значеніе ея среди другихъ медицинскихъ наукъ». Какъ человѣкъ, Н. И. былъ всегда доброжелательнымъ, отзывчивымъ и готовымъ оказать помощь нуждающимся. Многіе студенты-медики, придавленные матеріальной нуждой, находили у него помощь. Въ послѣдніе годы покойный состоялъ директоромъ Меѳодіевскаго пріюта и врачомъ больницы Покровской общины сестеръ милосердія. Умеръ онъ 65 лѣтъ отъ болѣзни сердца, но вмѣстѣ съ тѣмъ у покойнаго обнаружились и другія серьезныя болѣзни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.950).

† **Карягинъ, Ѳ.** Въ среду, 30 августа, скончался старѣйшій изъ старообрядческихъ священниковъ, отецъ Ѳома Карягинъ, на 101 году отъ рожденія. Покойный происходилъ изъ крестьянъ Владимирской губерніи, рукоположенъ былъ въ санъ священноіерея старообрядческимъ епископомъ мо-

сковскимъ, Антоніемъ Гуслицкимъ, за время своего священства снискалъ глубокое уваженіе со стороны не только своихъ прихожанъ, не пріемлющихъ окружнаго посланія, но даже и среди «окружниковъ». Почившій былъ истинный пастырь въ духѣ строгаго древляго благочестія и полнѣйшаго безкорыстія. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 216).

† **Кудряшовъ, Л. Я.** Въ ночь на 13 іюля въ Астрахани скончался послѣ тяжкой болѣзни одинъ изъ газетныхъ тружениковъ, Лаврентій Яковлевичъ Кудряшовъ. Состоя репортеромъ мѣстной прессы, Л. Х. въ теченіе 14 лѣтъ несъ этотъ тяжелый и неблагодарный въ провинціи трудъ, изо дня въ день давая много всевозможнаго матеріала, не только злободневнаго, но и по общимъ вопросамъ. Между прочимъ, на немъ лежала обязанность посѣщать думскія и другія засѣданія и давать о нихъ отчетъ. Съ этою задачею, требующею громаднаго вниманія, памяти и полнѣйшей добросовѣстности,— Л. Я. справлялся настолько удачно, что считался въ редакціяхъ мѣстныхъ изданій неимѣющимъ себѣ конкуррентовъ. Происходя изъ довольно состоятельной старообрядческой семьи пос. Дубовки, Саратовской губ., Л. Я. часто печаталъ мелкіе, но довольно живые и правдивые очерки старообрядческой жизни. Покойный началъ съ корреспонденціи изъ пос. Дубовки въ «Сар. Листокъ». Въ Астрахани Л. Я. въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ принялъ живое участіе въ организаціи редакціи «Астраханск. Вѣстника» и работалъ въ этомъ изданіи около 14 лѣтъ, несмотря на частыя перемѣны состава редакціи и переходъ изданія то въ однѣ, то въ другія руки. За послѣднее время, въ началѣ девятисотыхъ годовъ, Л. Я. независимо отъ участія въ «Вѣстникѣ» началъ работать въ старѣйшемъ здѣсь изданіи «Астраханскій Листокъ». Но пятнадцатилѣтней утомительной работой силы у него были настолько надломлены, что потребовался отдыхъ и покой. Врачи посовѣтовали Л. Я. проѣхаться по Волгѣ. Средствъ на поѣздку, разумѣется, не оказалось, и, лишь благодаря участію редактора «Листка» В. И. Склабинскаго, была собрана между товарищами, сотрудниками этой редакціи, сумма, давшая больному возможность хотя немного отдохнуть и освѣжиться. Послѣ поѣздки, однако, силы Л. Я. стали падать съ замѣтною быстротой, трудиться онъ уже былъ не въ состояніи, а ночью на 13 іюля умеръ, оставивъ послѣ себя жену и сына. Характерно одно обстоятельство: на похоронахъ покойнаго, труды котораго почти ежедневно подъ разными псевдонимами, а, большею частью, безъ всякихъ подписей читались публикою въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ, провожавшихъ было не болѣе 10—15 лицъ, большею частью женскаго пола, вѣроятно, родственниковъ, и возложенъ вѣнокъ лишь отъ редакціи и сотрудниковъ «Астр. Листка». (Некрологъ его: «Извѣщеніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ», 1906 г., № 6).

† **Месмахеръ, М. Е.** Въ Дрезденѣ скончался 22 августа бывшій директоръ центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица, профессоръ архитектуры, Максимиліанъ Егоровичъ Месмахеръ. Онъ былъ первымъ директоромъ училища, его организаторомъ и строителемъ. Наша художественная промышленность, благодаря ему, пріобрѣла при посредствѣ училища цѣлый рядъ художественныхъ техниковъ. Онъ вкладывалъ въ училище свои

познанія и силы, старался сдѣлать его образцовымъ. Центральное училище барона Штиглица оказало при немъ благотворное вліяніе также на школьное обученіе рисованію, выпустивъ изъ училища нѣсколько десятковъ хорошихъ учителей. При центральномъ училищѣ, открытомъ въ 1879 г., было устроено начальное училище по рисованію, затѣмъ выстроенъ, по плану покойнаго, промышленный музей. М. Е. дѣятельно пополнялъ музей и собралъ въ немъ цѣнныя коллекціи по прикладнымъ знаніямъ, которыми музей въ правѣ нынѣ гордиться. Покойный родился въ 1842 г., первоначальное образованіе получилъ въ рисовальной школѣ общества поощренія художествъ, затѣмъ поступилъ въ императорскую академію художествъ. Онъ кончилъ курсъ по архитектурному отдѣленію въ 1866 г. съ большой золотой медалью за проектъ загороднаго дворца вельможи и былъ отправленъ пенсіонеромъ академіи за границу. Въ Италіи онъ исполнилъ вмѣстѣ съ В. А. Коссовымъ реставраціонные планы, разрѣзы и фасады Таорминскаго театра въ Сициліи. Эта работа доставила ему званіе академика архитектуры, присужденное академіей художествъ въ 1872 г. Съ 1874 г. онъ преподавалъ въ рисовальной школѣ общества поощренія художествъ сочиненія художественно-промышленныхъ рисунковъ и исторію орнаментальныхъ стилей. Черезъ четыре года принялъ на себя устройство и завѣдываніе центральнымъ училищемъ техническаго рисованія барона Штиглица. Оставивъ училище въ 1897 г., покойный преимущественно жилъ за границей. Изъ его крупныхъ художественно-архитектурныхъ работъ можно назвать сооруженіе дворца великаго князя Алексѣя Александровича, зданія архива государственнаго совѣта и промышленнаго музея барона Штиглица. Умеръ онъ 64 лѣтъ, оставивъ по себѣ хорошую память среди знавшихъ его, какъ талантливаго, трудолюбиваго и сердечнаго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.946).

† **Оболенскій, Л. Е.** Въ 10 часовъ вечера, 23 Сентября, скоропостижно скончался Леонидъ Егоровичъ Оболенскій, послѣдняя часть воспоминаній дѣтства котораго, печатается въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Его распространенный некрологъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ нашего журнала.

† **Треповъ, Д. Ѳ.** 2 сентября, въ Петергофѣ скончался отъ разрыва сердца дворцовый комендантъ, свиты Его Величества генералъ-майоръ, Дмитрій Ѳедоровичъ Треповъ. Онъ родился 2 декабря 1855 г. въ Петербургѣ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ немъ по первому разряду въ 1872 г. былъ назначенъ камеръ-пажемъ къ высочайшему двору, а, спустя 2 года, былъ произведенъ въ корнеты л.-гв. Коннаго полка, съ которымъ въ 1877 г. во время русско-турецкой войны участвовалъ въ кавалерійскомъ бою подъ Телишемъ, при чемъ былъ раненъ въ руку. Послѣ военныхъ дѣйствій Д. Ѳ. продолжалъ службу въ л.-гв. Конномъ полку до 1896 г., когда былъ назначенъ въ чинѣ полковника и. д. московскаго оберъ-полицеймейстера съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. Въ 1900 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-майора съ утвержденіемъ въ должности оберъ-полицеймейстера, а черезъ 3 года зачисленъ въ свиту Его

Величества. Въ 1905 г. 1 января съ упраздненіемъ московскаго оберъ-полицеймейстерства, Д. Ѳ. былъ назначенъ въ распоряженіе главнокомандующаго всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, дѣйствовавшими противъ Японіи, но такъ и не успѣлъ фактически вступить въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей. 11 января 1905 г. въ Петербургѣ было учреждено генералъ-губернаторство, и Д. Ѳ. былъ назначенъ на постъ генералъ-губернатора съ возложеніемъ на него весьма важныхъ и отвѣтственныхъ полномочій. Вскорѣ затѣмъ Д. Ѳ., оставаясь с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающимъ полиціей. 12 октября того же года Д. Ѳ., по высочайшему повелѣнію, вступилъ въ начальствованіе войсками петербургскаго гарнизона, а 26 октября былъ назначенъ дворцовымъ комендантомъ. Въ 1906 г. здоровье его значительно пошатнулось. Постоянныя тревоги и тягостность его служебнаго положенія, требовавшаго непрерывной и напряженной дѣятельности, не могли не отразиться на состояніи сердца Д. Ѳ., и у него въ сильной степени развилась грудная жаба, которая и свела его преждевременно въ могилу. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.946).

† **Шарыгинъ, М. М.** 6 сентября палъ въ Ташкентѣ отъ руки убійцы (18-лѣтняго студента Броницкаго) прокуроръ ташкентской судебной палаты, Михаилъ Михаиловичъ Шарыгинъ, который всю свою почти тридцатипятилѣтнюю служебную дѣятельность посвятилъ судебному дѣлу на нашихъ окраинахъ. Окончивъ курсъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія въ 1873 г. и начавъ службу съ судебнаго слѣдователя Оренбургской губерніи, дѣйств. ст. сов. Шарыгинъ послѣдовательно занималъ должности совѣтника оренбургской соединенной палаты, товарища оренбургскаго губернскаго прокурора, тургайскаго, уфимскаго и сыръ-дарьинскаго областного прокурора, а также предсѣдателя самаркандскаго и сыръ-дарьинскаго областныхъ судовъ. Съ послѣдней должности онъ былъ назначенъ товарищемъ прокурора тифлисской судебной палаты, затѣмъ предсѣдателемъ тифлисскаго суда и съ 1904 г. сталъ во главѣ прокуратуры ташкентскаго округа. Популярный и любимый среди сослуживцевъ, энергичный, съ громаднымъ опытомъ сложной окраинной службы и беззавѣтно преданный судебному дѣлу и долгу, М. М. встрѣтилъ тяжелое время крайняго напряженія дѣятельности нашего суда въ одной изъ самыхъ отвѣтственныхъ должностей и умеръ при исполненіи своихъ обязанностей на своемъ трудномъ посту. Смерть его—тяжкая утрата для вѣдомства, и министръ юстиціи по полученіи донесенія о произведенномъ на Шарыгина покушеніи телеграммой просилъ старшаго предсѣдателя ташкентской судебной палаты засвидѣтельствовать семьѣ покойнаго его глубокое, сердечное соболѣзнованіе. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.951).

и измѣнника. Съ вашего позволенія я возьму вотъ эту лошадь и эту, а также эту. Ну, живо слѣзайте съ лошадей и пересѣдлайте ихъ.

— Но неужели вы не можете послать кого нибудь въ погоню за Флитвудомъ, пока вы сами будете отвозить эти письма?—спросила Анна, не протестуя противъ захвата своихъ лошадей (до ея лошади еще пока никто не касался).

Барнетъ коротко разсмѣялся и сказалъ отрывисто:

— Мои люди ѣдутъ со мной.

Можетъ быть, онъ не вполнѣ довѣрялъ своимъ людямъ, можетъ быть, онъ не хотѣлъ, чтобы честь поимки преступника принадлежала кому нибудь другому, кромѣ него; можетъ быть, онъ думалъ, что для предстоящей схватки понадобятся всѣ его наличныя силы, во всякомъ случаѣ онъ видимо твердо рѣшился не преслѣдовать пока своей жертвы, до поры до времени.

— Но вѣдь вы можете совершенно упустить изъ виду сэра Валентина!—воскликнула Анна съ нетерпѣніемъ.

— Пустяки!—отвѣтилъ онъ спокойно:—вѣдь троимъ всадникамъ трудно проѣхать такъ, чтобы ихъ не замѣтили. Рано или поздно мы ихъ нагонимъ.

Несмотря на спокойный тонъ его голоса, Аннѣ все же показалось, что въ душѣ онъ раздѣляетъ ея опасеніе.

— Его надо преслѣдовать по горячему еще слѣду,—продолжала она:—ему надо помѣшать продолжать путь, его слѣдуетъ какъ нибудь задержать, пока вы не подъѣдете,—горячо убѣждала она.

Барнетъ угрюмо посмотрѣлъ на нее, какъ бы соглашаясь съ ней и въ то же время сознавая, что то, что она говоритъ, невозможно исполнить.

— У меня лучшая лошадь во всей странѣ,—сказала она:—я настигну его во что бы то ни стало, и если только есть какая либо возможность, я задержу его до вашего прихода. Диксонъ,—проговорила она, обращаясь къ слугѣ, который держалъ фонарь,—проводи этихъ господъ до дома сэра Вильяма Грашау и мистера Брюбай, а затѣмъ отведи всѣхъ раненыхъ домой и позаботься о томъ, чтобы имъ была оказана необходимая помощь, а ты, Френсисъ,—эти слова относились къ стоящему близъ нея юношѣ,—ты поѣдешь со мной, такъ какъ и у тебя какъ разъ хорошая лошадь.

— Милостивая госпожа,—нерѣшительно замѣтилъ Диксонъ,—умоляю васъ, не рискуйте такъ своею жизнью, вѣдь васъ могутъ ограбить, убить. Не ѣздите однѣ безъ провожатыхъ.

— Успокойся, Диксонъ, и дѣлай такъ, какъ тебѣ приказано. Я поѣду такъ быстро, что самъ дьяволъ не поймаетъ меня, до тѣхъ поръ пока не настигну этого проклятаго измѣнника, а затѣмъ я поѣду дальше съ нимъ и его провожатыми, пока не подоспѣетъ мнѣ на помощь вотъ этотъ господинъ со своими слугами. Я даю слово, что сдѣлаю съ своей стороны все, чтобы задержать этого

негодяя, я буду для него обузой, я силою и хитростью заставлю его задержаться въ пути. Итакъ, Диксонъ, исполняй мое приказаніе, а ты, Френсисъ, слѣдуй за мной. Неужели я должна быть трусихой только потому, что имѣла несчастье родиться женщиной и принуждена носить юбку вмѣсто штановъ?—и, говоря это, она повернула свою лошадь и понеслась по направленію къ Стивенеджу, сопровождаемая своимъ вѣрнымъ пажемъ Френсисомъ.

— Для насъ это очень выгодно, что сэръ Валентинъ какъ разъ имѣлъ глупость убить ея брата,—проворчалъ сквозь зубы Рогеръ Барнетъ, видавшій на своемъ вѣку немало странныхъ вещей и переставшій давно удивляться чему бы то ни было, особенно если въ дѣло была замѣшана женщина.

IX.

Первый день бѣгства и преслѣдованія.

Въ то время какъ происходилъ этотъ разговоръ между преслѣдователями несчастнаго сэра Валентина, Гель и его спутники уже проѣхали Стивенеджъ и медленно подвигались дальше, несмотря на страстное желаніе ѣхать какъ можно скорѣе. Въ тѣ времена проѣзжія дороги находились въ такомъ состояніи, что подвигаться по нимъ можно было почти только шагомъ, и то на каждомъ шагу подвергаясь опасности, что лошадь сломитъ себѣ ногу, и всадникъ полетитъ съ нея кубаремъ. Не даромъ Елисавета всегда такъ негодовала на подобную медленную ѣзду, когда она горѣла нетерпѣніемъ получить письмо или отослать таковое къ Маріи Стюартъ.

Гонецъ проѣзжалъ не болѣе шестидесяти миль въ день, при чемъ часто рисковалъ своею жизнью при такой быстрой по тогдашнимъ временамъ ѣздѣ. Сами лошади тоже не отличались особенно быстрымъ бѣгомъ, и только единственнымъ утѣшеніемъ могло служить то обстоятельство, что если бѣглецъ не могъ подвигаться впередъ такъ быстро, какъ онъ желалъ этого, то и его преслѣдователь двигался не быстрѣе его.

Ночное путешествіе нашихъ трехъ путниковъ совершалось въ полномъ молчаніи; каждый изъ нихъ былъ погруженъ въ собственныя мысли. Передъ умственнымъ взоромъ Геля все время носился чудный обликъ Анны Хезльхерстъ: чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на него, тѣмъ глубже онъ вздыхалъ при мысли, что обстоятельства принудили его бѣжать отъ нея; онъ старался представить себѣ, что она теперь дѣлаетъ, какъ ей придется, вѣроятно, заботиться о своихъ раненыхъ и убитыхъ слугахъ; онъ отъ души сожалѣлъ, что доставилъ ей столько непріятностей, совершенно помимо своей воли, и съ огорченіемъ думалъ о томъ, съ какой не-

навистью она относилась къ нему, къ воображаемому убійцѣ ея брата, который еще, сверхъ того, чуть ли не грубо обошелся съ ней самой и изранилъ всѣхъ ея слугъ, оставивъ ее почти беззащитной на большой дорогѣ.

Но во всякомъ случаѣ утѣшеніемъ могло служить то обстоятельство, что ненавидѣла она вѣдь собственно не Геля Мерріота, а сэра Валентина; она ненавидѣла роль, которую долженъ былъ играть актеръ, но не самого актера. Хотя, къ сожалѣнію, часто бываетъ, что ненависть переносится въ такомъ случаѣ и на дѣйствующее лицо; никогда она не будетъ въ состояніи простить ему также то, что онъ взялся помочь сэру Валентину, ея злѣйшему врагу.

Гель рѣшилъ про себя, что, если когда нибудь судьба сведетъ его снова съ ней подъ настоящимъ его именемъ, онъ никогда не сознается ей, какую роль онъ когда-то съ игралъ въ ея глазахъ, пусть все происшедшее только-что между ними канетъ въ вѣчность. Единственное преимущество во всемъ этомъ дѣлѣ было только то обстоятельство, что онъ теперь узналъ ея имя, и гдѣ она живетъ; когда нибудь, можетъ быть, онъ будетъ въ состояніи явиться къ ней въ домъ подъ своей настоящей фамиліей.

Но чѣмъ-то кончится ихъ теперешнее приключеніе? Оно настолько странно и невѣроятно, что если бы онъ разсказалъ о немъ своимъ друзьямъ въ Лондонѣ, тѣ не повѣрили бы ему и подумали бы, что все это—плодъ его пылкаго воображенія. Удастся ли ему вообще довести до конца задуманное дѣло? Удастся ли спасти сэра Валентина? Гонится ли еще за нимъ Рогеръ Барнетъ, или онъ бѣжитъ только отъ воображаемой погони? Пока въ настоящую минуту все позади ихъ было еще тихо, не слышно было ни лошадиныхъ копытъ, ни людскихъ голосовъ. Повидимому, Барнета задержала встрѣча съ Анной и ея людьми, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ отдать еще письма, которыя ему, вѣроятно, поручила передать королева, чтобы оттянуть минуту ареста сэра Флитвуда.

Гель, погруженный въ свои мысли, ѣхалъ все время молча. Боттль нѣсколько разъ порывался было завязать съ нимъ разговоръ, но тотъ отвѣчалъ такъ неохотно и односложно, что Боттль, побѣдивъ свое видимое отвращеніе, подъѣхалъ наконецъ къ антипатичному ему Антонію и завязалъ съ нимъ разговоръ; тотъ слушалъ молча рѣчи Кита и только изрѣдка мычалъ ему что-то въ отвѣтъ.

— Знаете—что?—говорилъ ему Боттль:—я удивляюсь только тому, что папистъ можетъ терпѣть въ своемъ домѣ пуританина, и пуританинъ можетъ жить въ домѣ паписта.

Антоній сначала молчалъ, не желая отвѣчать на подобную дерзкую выходку, но потомъ сказалъ, какъ бы давая самому себѣ урокъ въ смиреніи:

— Дѣло въ томъ, что я каждый день проклинаю себя, что не ухожу изъ дома паписта; каждый день я собираюсь это сдѣлать и не могу, потому что тѣло мое немощно и слабо: я выросъ въ домѣ сэра Валентина и не могу принудить себя уйти отъ него.

— Ну, я думаю, тутъ немалую роль играетъ и то обстоятельство, что хотя имѣніе и разорено, но все на вашихъ рукахъ, такъ какъ господинъ вашъ почти всегда живетъ за границей... Я увѣренъ, что вы умѣете вознаграждать себя за тѣ угрызенія совѣсти, которыя вамъ приходится испытывать.

— Я вижу, что вы не скупитесь на насмѣшки, но имѣйте въ виду, что онѣ нисколько не трогаютъ меня. Какъ могутъ люди невѣрующіе толковать объ угрызеніяхъ совѣсти, развѣ они понимаютъ что нибудь въ этомъ?

— Какъ, я—невѣрующій? Хотя я и солдатъ и веду довольно веселую жизнь, тѣмъ не менѣе моя вѣра, можетъ быть, получше вашей: я вѣдь тоже въ свое время былъ пуританиномъ, въ тѣ времена, когда я еще служилъ въ сыщикахъ, тамъ мнѣ приходилось довольно солоно. Вотъ вы—дѣло другое: какой вы пуританинъ, живя въ свое удовольствіе на жирныхъ хлѣбахъ?

— Хороши жирные хлѣба, отъ которыхъ я, однако, не пожирѣлъ,— отвѣтилъ Антоній, оглядывая свою тощую фигуру:—можетъ быть, вы правы, и мнѣ жилось дѣйствительно недурно, если сравнить съ моимъ настоящимъ положеніемъ, гдѣ я долженъ принимать участіе въ вынужденномъ бѣгствѣ и находиться въ обществѣ такого непутеваго человѣка и грубаго солдата, какъ вы.

И съ этими словами Антоній быстро отъѣхалъ отъ Боттля, а тотъ такъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, что отпрянулъ назадъ и поѣхалъ дальше уже молча. Гель въ это время мысленно располагалъ, какъ бы лучше устроить такъ, чтобы во̀время дать отдохнуть своимъ лошадямъ и людямъ. Какъ онъ, такъ и Боттль почти совершенно не спали въ предыдущую ночь, между тѣмъ какъ Антоній преспокойно провелъ ночь въ теплой, мягкой постели, поэтому самое справедливое—заставить его караулить, пока они съ Боттлемъ лягутъ немного отдохнуть въ гостинницѣ, въ которой рѣшено было остановиться рано утромъ, чтобы Гель успѣлъ снять свою фальшивую бороду. Люди Барнета и онъ самъ тоже, конечно, нуждались въ отдыхѣ и въ подкрѣпленіи своихъ силъ пищей и сномъ, и поэтому нечего было бояться, что они застигнутъ ихъ врасплохъ.

Ночь проходила, стало замѣтно развѣтать, они ѣхали черезъ много деревень и маленькихъ городковъ и вездѣ старались шумѣть, какъ можно больше, чѣмъ привлекали жителей къ окнамъ и этимъ невольно заставляли ихъ обращать на себя вниманіе. Наконецъ, уже утромъ они подъѣхали къ гостинницѣ, заранѣе намѣченной Гелемъ, но раньше, чѣмъ слѣзть съ лошадей, Гель потребо-

валъ къ себѣ хозяина гостиницы, чтобы узнать, есть ли у него въ запасѣ свѣжія лошади. Боттль взялъ на себя переговоры. Онъ скоро сговорился съ хозяиномъ гостиницы, и тотъ привелъ требуемыхъ лошадей. Боттль осмотрѣлъ ихъ и затѣмъ уговорился насчетъ цѣны, и тогда только Гель соскочилъ съ лошади и пошелъ въ комнаты, при чемъ потребовалъ себѣ отдѣльный номеръ и приказалъ принести себѣ воду и бритву для бритья, а затѣмъ подать закусить ему и его спутникамъ. Антоній остался при лошадяхъ и съ помощью хозяина перемѣнилъ сѣдла, а затѣмъ вскочилъ на одну изъ лошадей и подъ предлогомъ, что хочетъ посмотрѣть, какова она, быстро поѣхалъ по направленію, откуда могъ появиться Барнетъ, въ то время какъ Гель и Боттль съ жадностью накинулись на рыбу, яйца и пиво, поданныя услужливымъ хозяиномъ, съ которымъ Гель и поспѣшилъ расплатиться уже заранѣе, чтобы потомъ, въ случаѣ внезапной тревоги, не было какихъ нибудь недоразумѣній, которыя могли бы помѣшать имъ продолжать свой путь. Окончивъ свою трапезу, Гель быстро сорвалъ свою фальшивую бороду и при помощи Боттля чисто обрилъ себѣ подбородокъ, который успѣлъ уже слегка обрости бородой.

Затѣмъ оба они улеглись на постеляхъ, не раздѣваясь и чутко прислушивась къ малѣйшеуу шуму.

Они спали уже довольно долго, при чемъ имъ снилось, что они все время спасаются отъ погони, какъ вдругъ раздался страшный шумъ, подобный грому. Гель въ одну минуту вскочилъ съ кровати, Боттль за нимъ.

Оказалось, что это Антоній стоитъ подъ окномъ и стучитъ изо всѣхъ силъ по рамѣ окна, чтобы привлечь ихъ вниманіе. При видѣ его, Гель бросился къ двери, и, минуту спустя, всѣ трое уже сидѣли на лошадяхъ. Хозяинъ гостиницы, привлеченный тоже къ окну этимъ шумомъ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на непонятную для него сцену. Гель нарочно повернулся къ нему лицомъ, чтобы онъ могъ хорошенько разсмотрѣть его бритый подбородокъ; потомъ, не теряя времени и не разспрашивая ни о чемъ Антонія, всѣ трое пустились быстро рысью впередъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ раньше, чѣмъ Гель наконецъ повернулся на своемъ сѣдлѣ, чтобы посмотрѣть, что именно побудило Антонія поднять тревогу. Сзади ясно слышался топотъ копытъ, Гель былъ увѣренъ, что увидитъ сейчасъ Барнета съ его людьми, и поэтому очень удивился, когда обернувшись увидѣлъ, что за ними гонятся всего два всадника, одинъ изъ нихъ — Анна Хезльхерстъ въ красномъ плащѣ и капюшонѣ, а другой—вѣрный пажъ въ зеленой одеждѣ, котораго онъ видѣлъ при ней еще тогда въ театрѣ. Сердце Геля какъ-то радостно забилось при видѣ дѣвушки, и онъ даже улыбнулся ей.

Она въ свою очередь тоже увидѣла его, посмотрѣла на него, на его двухъ спутниковъ и остановилась какъ бы въ недоумѣніи. Хозяинъ гостиницы все еще стоялъ у окна, она быстро подъѣхала къ нему и спросила его о чемъ-то. Гель ясно видѣлъ, какъ онъ отвѣтилъ ей что-то, при чемъ поднесъ руку къ своему подбородку. «Прекрасно,—подумалъ онъ,—моя хитрость удалась: онъ разсказываетъ ей, что я обрился у него въ комнатѣ, что я пріѣхалъ съ бородой, а уѣхалъ безъ нея».

Минуту спустя, она и ея пажъ уже двинулись опять впередъ въ погоню за бѣглецами.

Тогда Гель спросилъ Антонія:

— Ты видѣлъ только ее и пажа или видѣлъ также Барнета съ его людьми?

— Нѣтъ, только ее, но вѣдь она можетъ поднять весь народъ противъ насъ и такимъ образомъ задержать насъ.

— Ты думаешь, что она способна это сдѣлать?

— Весьма вѣроятно, она очевидно отъ Барнета узнала, что вы— государственный измѣнникъ и, какъ таковой, подлежите немедленному аресту; она и бросилась за нами въ погоню, съ тѣмъ, чтобы выдать васъ мѣстнымъ властямъ. Я увѣренъ, что въ этомъ именно и заключается ея месть.

— Да, это чисто по-женски, — замѣтилъ Боттль:—ужъ если она задумала отмстить, она не остановится ни передъ чѣмъ.

— Да, вы, пожалуй, оба правы,—задумчиво замѣтилъ Гель;—но все же мнѣ хотѣлось бы убѣдиться на дѣлѣ, чего именно она добивается. По-моему, намъ крайне важно знать ея намѣренія, вѣдь тутъ она намъ не можетъ причинить ни малѣйшаго вреда (они уже выѣхали за городъ): она можетъ кричать здѣсь сколько угодно, никто не услышитъ ея, мы останемся тутъ и подождемъ ее.

Антоній какъ-то быстро и подозрительно взглянулъ на Геля, Боттль тихо свистнулъ. Гель покраснѣлъ отъ ярости, такъ какъ прекрасно понялъ насмѣшку своихъ спутниковъ, но сдержался и виду не подалъ, что разсердился, такъ какъ иначе выдалъ бы себя съ головой. Онъ рѣшилъ въ душѣ поиграть съ огнемъ, какъ онъ говорилъ себѣ, и побесѣдовать немного съ этой прелестной дѣвушкой, очаровавшей его съ перваго взгляда. Онъ поѣхалъ шагомъ; нѣсколько времени спустя, оба всадника уже догнали ихъ. Гель обернулся, чтобы посмотрѣть, есть ли у нея еще мечъ, который онъ видѣлъ у нея ночью; оказалось, что она отдала его Френсису, на поясѣ котораго висѣлъ еще, кромѣ того, острый кинжалъ.

—Сударыня, вы рискуете жизнью, путешествуя безъ всякой свиты,—заговорилъ Гель первый, подпустивъ ее совсѣмъ близко.

— Да, мой братъ тоже рисковалъ своею жизнью, когда послѣдній разъ встрѣтился съ вами,—отвѣтила она быстро и съ презрѣніемъ.

Она поѣхала рядомъ съ Гелемъ, какъ бы рѣшившись не покидать его больше.

Антоній поѣхалъ опять впереди. Френсисъ, чтобы не отставать отъ своей госпожи, поѣхалъ тотчасъ за ней и такимъ образомъ очутился рядомъ съ Боттлемъ.

— Я не причинилъ ни малѣйшаго вреда вашему брату,— сказалъ Гель, тяжело вздохнувъ.

— Да, я въ этомъ убѣдилась теперь,—отвѣтила она насмѣшливо: не даромъ вы измѣнили свою наружность, брата убилъ человѣкъ съ бородой, а вы—безъ бороды. Я только удивляюсь тому, какъ вы могли подумать, что обманете кого нибудь своимъ превращеніемъ. Вамъ надо было прежде всего подкупить хозяина той гостиницы, гдѣ совершилось это превращеніе; затѣмъ вы должны были перемѣнить своихъ спутниковъ и взять новыхъ, потомъ должны были бы измѣнить свою посадку и скрыть лучше тотъ фактъ, что вы ранены и ѣдете съ трудомъ. Но, во всякомъ случаѣ, я должна отдать вамъ справедливость, вы сумѣли и безъ этого сотворить почти чудо: вы помолодѣли на цѣлый десятокъ лѣтъ, если не больше.

— Да, борода много значитъ, она ужасно старитъ человѣка,— съ улыбкой отвѣтилъ ей Гель, очень довольный тѣмъ, что она все еще принимаетъ его за сэра Валентина и нисколько ни удивляется тому, что онъ такъ помолодѣлъ и вмѣсто человѣка среднихъ лѣтъ кажется совершенно молодымъ человѣкомъ...

— Но во всякомъ случаѣ,—продолжала она,—я все же не думаю, что перемѣна въ вашей наружности обманетъ кого либо, хотя бы тѣхъ, которые слѣдуютъ въ настоящее время за нами.

Говоря это, она обернулась назадъ, какъ бы высматривая кого-то.

— Вы говорите про всадниковъ, которые слѣдуютъ за нами отъ самаго Лондона?—спросилъ Гель совершенно непринужденно.—Такъ какъ вы, повидимому, посвящены въ ихъ тайну, сударыня, не соблаговолите ли вы сказать мнѣ, насколько они близки отъ насъ въ настоящее время?

— Я думаю, сегодня къ вечеру, раньше, чѣмъ сядетъ солнце, они будутъ уже совершенно близко отъ васъ, ближе, чѣмъ вамъ это желательно.

— Вотъ какъ, въ такомъ случаѣ они ѣдутъ очень быстро.

— Можетъ быть, они догонятъ васъ вслѣдствіе того, что ѣдутъ такъ быстро, но можетъ быть, что они догонятъ васъ только отъ того, что вы сами задержитесь въ дорогѣ.

— Неужели вы думаете, что меня можетъ задержать что нибудь впереди?—спросилъ Гель съ улыбкой, изысканно вѣжливо и съ видомъ самаго глубокаго, искренняго удивленія.

— Да, и задержу васъ я, не кто иной!—воскликнула Анна горячо:—не даромъ же я все это время гналась за вами.

— Но какимъ образомъ вы думаете меня задержать?

— Еще не знаю,—отвѣтила она совершенно откровенно:—время покажетъ, какъ мнѣ придется дѣйствовать.

— По всей вѣроятности, вы выберете для этого самый простой способъ,—сказалъ Гель.

— Какой именно?—спросила она быстро.

Но Гель только улыбнулся и посмотрѣлъ направо. Она тоже посмотрѣла въ ту сторону и, увидѣвъ небольшую деревню, поняла его мысль и сказала высокомѣрно:

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, я не буду прибѣгать къ посторонней помощи, я хочу, чтобы честь эта принадлежала мнѣ одной. Да къ тому же я вовсе не хочу терять времени, сзывая мѣстныя власти, чтобы задержать васъ.

— Въ этомъ вы совершенно правы,—замѣтилъ Гель серьезно:—такъ какъ сдѣлай вы хоть малѣйшую попытку закричать или позвать кого нибудь себѣ на помощь, я съ своими спутниками въ одно мгновеніе ока скроюсь у васъ изъ виду. А этого, откровенно говоря, мнѣ бы очень не хотѣлось, такъ какъ я бы вовсе не желалъ лишаться вашего общества, которое доставляетъ мнѣ столько удовольствія.

Она покраснѣла отъ негодованія при послѣднихъ его словахъ, и онъ покраснѣлъ тоже, такъ какъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, особенно принимая во вниманіе то обстоятельство, что она все еще считаетъ его за убійцу своего брата. Ахъ, если бы только онъ могъ какъ нибудь убѣдить ее въ томъ, что онъ не убивалъ ея брата, и въ то же время оставить ее въ полной увѣренности, что она все же имѣетъ дѣло съ сэромъ Валентиномъ, а не съ подставнымъ лицомъ! Положимъ, ему удалось бы убѣдить ее, что онъ не игралъ никакой роли въ смерти ея брата, но вѣдь въ такомъ случаѣ она первымъ долгомъ направилась бы обратно въ Флитвудъ и тамъ подняла бы на ноги всю полицію, чтобы арестовать настоящаго виновника смерти ея брата. Оставалось одно—продолжать играть роль, которую онъ взялъ на себя, хотя бы цѣною ея презрѣнія и ненависти къ нему, которыя для него были особенно тяжелы, такъ какъ съ каждой минутой она нравилась ему все больше и больше.

Они ѣхали одно время молча, она не могла говорить, такъ какъ боялась, что дрожь въ ея голосѣ выдастъ ея волненіе; наконецъ она немного оправилась отъ нанесеннаго ей оскорбленія и сказала насмѣшливо:

— Я мечтаю о томъ времени, когда вы въ моемъ обществѣ будете ѣхать уже по направленію къ Лондону.

— Если насъ не будетъ сопровождать Барнетъ, то, конечно, я ничего не буду имѣть противъ этого,—отвѣтилъ Гель, и, чтобы перемѣнить разговоръ и отвлечь ея мысль отъ щекотливой темы, онъ прибавилъ:—однако вы должны были ѣхать очень быстро, что все-таки догнали насъ.

— Да, и разъ догнавъ васъ, я уже не отстану отъ васъ,—отвѣтила она.

— Но вѣдь вы не спали въ эту ночь и ничего рѣшительно не ѣли, вы должны быть очень голодны и, вѣроятно, очень устали, сударыня?

— Я не такъ устала, какъ вы думаете,—отвѣтила она,—такъ какъ живу надеждой довести свое дѣло до конца и выдать васъ властямъ.

— Но вѣдь вы рисковали попасть въ руки разбойниковъ одна на большой дорогѣ,—продолжалъ онъ спокойно.

— Теперь эта опасность уже миновала,—отвѣтила она,—такъ какъ до появленія Барнета и его людей я буду ѣхать въ вашемъ обществѣ, которое, конечно, защититъ меня отъ всякихъ разбойниковъ.

— Если на насъ нападутъ разбойники, можете быть увѣрены, что я готовъ защищать васъ до послѣдней капли крови.

— Пусть будетъ такъ—можете повернуть дѣло, какъ хотите,—отвѣтила она холодно,—главное то, что я съ вами, и вы уже не отдѣлаетесь отъ меня. Я не прошу вашей защиты, я требую ее, какъ нѣчто должное.

— Вы знаете, что ни одинъ порядочный человѣкъ не откажетъ въ защитѣ женщинѣ,—замѣтилъ Гель, но она перебила его и сказала:

— Нѣтъ, я требую ее у врага, и онъ не посмѣетъ отказать мнѣ въ ней.

Гель вздохнулъ, ему было невыносимо грустно, что она дѣйствительно считаетъ его врагомъ, но въ то же время онъ невольно дивился ея смѣлости, ея увѣренности въ томъ, что этотъ самый врагъ, погибели котораго она ищетъ, не откажется защитить ее отъ посторонняго нападенія.

Они поѣхали опять молча, каждый погруженный въ свои мысли. Онъ радовался тому, что Барнетъ все еще продолжаетъ слѣдовать за нимъ, и слѣдовательно жизнь сэра Валентина пока въ безопасности; съ этой стороны все было хорошо. Относительно Анны онъ тоже могъ быть спокоенъ: если она, какъ она говорила, не намѣрена была прибѣгать къ посторонней помощи, чтобы задержать его, ему нечего было особенно бояться ея. Чтобы испытать ее, онъ нарочно подъѣхалъ, какъ можно ближе, къ первой попавшейся деревнѣ и даже остановилъ лошадей, хотя и готовый каждую минуту, при первой опасности, пустить ихъ опять рысью.

Она остановилась тоже, но молча, повидимому, погруженная въ глубокое раздумье. Гель дорого бы далъ за то, чтобы отгадать, какія мысли бродили въ ея прелестной головкѣ; она, конечно, обдумывала, какимъ бы образомъ устроить такъ, чтобы задержать его и выдать Барнету, но что именно она думала, этого онъ не зналъ. Ему нравилось то, какъ откровенно, какъ открыто она призналась ему, что будетъ преслѣдовать его безпощадно, и какъ она просто призналась ему, что пока еще ничего не придумала, чѣмъ бы задержать его. Это доказывало только то, что у нея прямая, открытая душа, не способная хитрить и лукавить, и благородная натура, вполнѣ соотвѣтствовавшая ея благородной, прекрасной внѣшности.

Они ѣхали молча, но видно было, что она страшно устала и едва держится на сѣдлѣ, хотя всѣми силами старается скрыть свою усталость. Только однажды въ этотъ день ей удалось перекусить на скорую руку въ одной изъ гостиницъ, мимо которыхъ они проѣзжали, и гдѣ Гель остановился, чтобы дать немного передохнуть лошадямъ. Они проѣхали множество деревень и маленькихъ городковъ, и наконецъ Гель замѣтилъ ей мягко, съ глубокимъ состраданіемъ:

— Мы скоро пріѣдемъ въ Окгемъ, тамъ мы можемъ пообѣдать и отдохнуть, намъ осталось не больше трехъ миль.

— Три мили или тридцать, это все равно,—отвѣтила она рѣзко, дрожа отъ усталости и едва держась на сѣдлѣ, но все же дѣлая видъ, что чувствуетъ себя прекрасно.

Наконецъ ровно въ полдень они пріѣхали въ Окгемъ, часы пробили двѣнадцать. Это было въ четвергъ, 4 марта 1601 г., въ первый день бѣгства Геля и погони за нимъ, которыя должны были продолжаться еще цѣлыхъ четыре долгихъ дня.

X.

Запертая дверь.

Раньше, чѣмъ сойти съ лошади, Анна посмотрѣла, что будетъ дѣлать ея врагъ. Онъ поступилъ въ данномъ случаѣ совершенно такъ же, какъ и у первой гостиницы, гдѣ они останавливались, т.-е. Боттль вызвалъ хозяина гостиницы, сторговался съ нимъ насчетъ лошадей, которыхъ сейчасъ же и вывели на улицу, гдѣ и стали ихъ сѣдлать; затѣмъ уговорились насчетъ комнаты и ѣды, и тутъ же было все уплачено заранѣе. Анна во всемъ въ точности послѣдовала этому примѣру: заказала обѣдъ, пріобрѣла себѣ и пажу свѣжихъ лошадей, чѣмъ немало удивила всѣхъ обитателей гостиницы, которые не могли понять, какъ

это дама ѣдетъ вмѣстѣ съ мужчинами, повидимому, въ одномъ направленіи, и между тѣмъ заказываетъ себѣ все сама по себѣ. Болѣе догадливые рѣшили, что это, вѣроятно, братъ и сестра, поссорившіеся между собою и все же принужденные почему либо ѣхать вмѣстѣ.

Гель сначала оставался на улицѣ вмѣстѣ съ Антоніемъ, въ то время какъ Боттль пошелъ въ гостиницу подкрѣпить свои силы. Анна стояла рядомъ съ Гелемъ, не рѣшаясь оставить его ни на одну минуту. Боттль вскорѣ вернулся, подкрѣпивъ какъ слѣдуетъ свои силы; онъ взялъ лошадей за уздцы и сталъ водить ихъ по улицѣ, зорко посматривая въ то же время на дорогу, ведущую изъ Лондона. Тогда Анна рѣшилась наконецъ тоже войти въ гостиницу, и такъ какъ ея пажъ не менѣе ея нуждался въ пищѣ и отдыхѣ, она подозвала одного изъ слугъ гостиницы и приказала ему держать наготовѣ ея лошадей, пока она отдохнетъ и придетъ за ними.

Гель издали слѣдилъ все время за нею, не вполнѣ увѣренный въ томъ, что она вдругъ не измѣнитъ своего рѣшенія и позоветъ, пожалуй, на помощь людей, чтобы захватить его силой. Видя, что онъ не собирается въ настоящую минуту двигаться дальше, Анна съ своей стороны тоже успокоилась и направилась въ отведенную ей комнату, чтобы подкрѣпиться пищей и лечь отдохнуть подъ вѣрной охраной своего пажа, который долженъ былъ спать у дверей ея комнаты.

Гель замѣтилъ, что, поднимаясь по лѣстницѣ, она подозвала къ себѣ одного изъ слугъ и, сунувъ ему монету въ руку, отдала ему какое-то приказаніе, при чемъ тотъ кивнулъ головой и взглянулъ на него. Гель понялъ, что она приказала ему слѣдить за нимъ и сообщить ей, если онъ вздумаетъ уѣхать безъ нея. Минуту спустя, Гель въ сопровожденіи Антонія пошелъ въ свою комнату, чтобы наконецъ поѣсть немного, такъ какъ онъ сильно проголодался.

Проходя по коридору, Гель увидѣлъ комнату, гдѣ находился его прекрасный врагъ; передъ дверью этой комнаты стояла скамья, очевидно, принесенная сюда для Френсиса: съ этого мѣста онъ могъ видѣть не только комнату Геля напротивъ, но и лѣстницу, по которой тотъ могъ бы спуститься внизъ, если бы захотѣлъ бѣжать. Гель невольно улыбнулся, видя, какія предосторожности приняты для того, чтобы не упускать его изъ виду.

Осмотрѣвъ хорошенько свою комнату, Гель убѣдился въ томъ, что окно ея выходило на передній дворъ и на улицу, какъ это ему и требовалось; подъ окномъ была низкая крыша крылечка, такъ что въ случаѣ нужды онъ свободно могъ выбраться прямо изъ него на улицу. Осмотрѣвъ все это, Гель подошелъ къ столу, на которомъ слуга уже разставлялъ принесенныя съ собою блюда.

Какъ сама комната, такъ и вся мебель и сервировка стола были не только приличны, но даже роскошны. Въ тѣ времена гостиницы, особенно въ провинціи, поражали своими обширными помѣщеніями и удобствами, которыхъ въ настоящее время въ нихъ совершенно нѣтъ. Тогда же онѣ вмѣщали иногда въ себѣ около трехсотъ посѣтителей вмѣстѣ съ ихъ слугами и лошадями. Дворяне въ тѣ времена путешествовали тоже съ большимъ комфортомъ и многіе даже возили съ собой собственную мебель. Гостиницы тогда процвѣтали, хотя часто случалось, что слуги въ такихъ гостиницахъ находились въ тѣсной связи съ разбойниками на большой дорогѣ и всегда сообщали послѣднимъ о богатствѣ, о численности и степени вооруженности своихъ гостей. Гостиница, въ которой остановились Гель и его спутники, не отличалась ни извѣстностью, ни особенной величиной. Онъ нарочно выбиралъ болѣе скромныя и маленькія гостиницы, но во всякомъ случаѣ обѣдъ оказался превосходнымъ, и постель чрезвычайно мягкой, хотя онъ и лежалъ на ней одѣтый, съ рукояткой кинжала въ рукѣ.

Гель легъ сейчасъ же, кончивъ свой обѣдъ и даже не дождавшись, пока уберутъ посуду со стола. Антоній, который все время ѣлъ молча и угрюмо, хотя и съ большимъ аппетитомъ, немедленно послѣдовалъ его примѣру. Нѣсколько минутъ спустя, въ комнатѣ раздался его густой громкій храпъ. Гель тоже мало-по-малу забылся и наконецъ крѣпко уснулъ.

Гель приказалъ Киту Боттлю по истеченіи четырехъ часовъ, если въ это время не будетъ никакой тревоги, разбудить его, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ занять его мѣсто и остаться сторожить на большой дорогѣ, но онъ проснулся вдругъ самъ по себѣ, какъ будто кто нибудь подтолкнулъ его, и хотя онъ не слышалъ никакого особеннаго шума, ему все же почудилось, что Боттль постучалъ въ окно; онъ бросился къ окну, но тамъ никого не было, тогда онъ обратился къ Антонію, который тоже проснулся и сидѣлъ на своей постели, и спросилъ его:

— Слышалъ ты что нибудь?

— Я слышалъ во снѣ, какъ будто кто-то ломился въ нашу дверь съ шумомъ и трескомъ.

— Во снѣ обыкновенно всякій шумъ кажется гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ есть,—сказалъ Гель:—но во всякомъ случаѣ мы очевидно оба проснулись отъ одного и того же шороха, или, вѣрнѣе, мнѣ показалось, какъ будто царапаютъ обо что-то.

Въ эту минуту глаза юноши нечаянно остановились на двери, которую онъ закрылъ, но не заперъ, ложась спать. Онъ прекрасно помнилъ, что въ дверяхъ былъ огромный заржавленный ключъ, который именно бросился въ глаза по своей величинѣ; теперь ключа этого въ дверяхъ не было; онъ подошелъ къ двери и попробовалъ открыть ее, она оказалась запертой снаружи.

— Вотъ такъ-такъ!—воскликнулъ онъ:—кто-то похитилъ нашъ ключъ и заперъ насъ съ той стороны.

— Мнѣ кажется, виновниковъ намъ недалеко искать,—угрюмо замѣтилъ Антоній.

— Да, это такъ похоже на то, только женщина могла вообразить, что этимъ путемъ она сумѣетъ задержать насъ. Ну, Антоній, намъ придется теперь прыгать, вонъ, кажется, Боттль показался тамъ на улицѣ, вѣроятно, уже прошло четыре часа, и самое лучшее теперь же тронуться въ путь.

Говоря это, Гель быстро выскочилъ изъ окна на крылечко и оттуда соскочилъ на землю. Лошади Анны и ея пажа стояли тутъ же на улицѣ. Какъ только Антоній очутился тоже на свободѣ, а Гель хотѣлъ вскочить въ сѣдло,—въ дверяхъ вдругъ показалась Анна, она стояла спиной къ Гелю и отдавала какое-то спѣшное приказаніе своему пажу, повидимому, собиравшемуся куда-то ѣхать. При звукѣ шаговъ она обернулась и увидѣла Геля, съ насмѣшливой улыбкой смотрѣвшаго на нее; она перемѣнилась въ лицѣ отъ досады, что хитрость ея не удалась, и врагъ ея смѣется надъ ней.

— Не видѣли ли вы ключа отъ моей комнаты?—спросилъ Гель, совершенно неожиданно для самого себя:—я забылъ что-то у себя въ комнатѣ, а проще вернуться туда черезъ дверь, чѣмъ черезъ окно.

При этой насмѣшкѣ Анна покраснѣла до ушей, она закусила губы и, не глядя на него, быстро вышла на улицу. Гель по лицу ея увидѣлъ, что теперь она рѣшилась на все, только бы задержать его на пути и выдать въ руки правосудія.

— Я увѣренъ, что теперь она будетъ уже рѣшительнѣе дѣйствовать,—подумалъ про себя Гель:—надо быть насторожѣ.

Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Гель и Антоній сѣли на лошадей, подведенныхъ имъ Боттлемъ. Анна и ея пажъ послѣдовали ихъ примѣру. Гель вѣжливо посторонился и пропустилъ ихъ впередъ.

Анна успѣла немного выспаться и подкрѣпить свои силы пищей, но все же она имѣла усталый и изнуренный видъ, такъ какъ непривычная ѣзда и холодный мартовскій вѣтеръ не могли не дѣйствовать на нее; она сидѣла неподвижно, не говоря ни слова. Гель смотрѣлъ на нее съ глубокимъ сожалѣніемъ, страдая отъ души, что ничѣмъ не можетъ помочь ей; она видѣла его сострадательные взгляды, и они еще больше волновали и сердили ее.

Она ѣхала медленно, не поднимая глазъ, суровая и неприступная. Гель не рѣшался заговаривать съ ней; слѣдуя ихъ примѣру, молчали и всѣ остальные.

Вѣтеръ становился все холоднѣе, небо покрылось тучами, они ѣхали такъ молча почти до самаго вечера, пока наконецъ не подъѣхали опять къ гостиницѣ въ Ноттингамширѣ, гдѣ Гель рѣшился остановиться, чтобы, если возможно, провести тамъ цѣлую ночь.

XI.

Вино и пѣніе.

Когда въ дверяхъ появился самъ хозяинъ гостиницы, Гель сдѣлалъ опять всѣ нужныя распоряженія, какъ и въ первыхъ двухъ своихъ остановкахъ, только съ тою разницей, что теперь онъ самъ долженъ былъ сторожить на большой дорогѣ въ продолженіе двухъ часовъ, а затѣмъ его долженъ былъ смѣнить Антоній. Анна на этотъ разъ не могла сдѣлать все, какъ они, такъ какъ Гель взялъ единственныхъ свѣжихъ лошадей, которыя нашлись въ этой гостиницѣ, и, кромѣ того, ей не удалось также устроить, чтобы ея лошади стояли на улицѣ, совершенно наготовѣ, какъ это было въ той гостиницѣ.

Хотя Гель и скрылся на этотъ разъ изъ виду, отправившись сторожить на улицѣ лошадей, она не боялась уже теперь упустить его, такъ какъ знала, что онъ не уѣдетъ безъ своихъ спутниковъ, и, кромѣ того, онъ не могъ проѣхать мимо гостиницы такъ, чтобы она не увидѣла его. Она направилась прямо къ себѣ въ комнату, у дверей которой, на скамейкѣ расположился опять Френсисъ такъ, чтобы онъ могъ наблюдать за всѣми движеніями Антонія и его спутника. Комната послѣднихъ находилась почти рядомъ съ ея комнатой, такъ что, оставивъ окно открытымъ, она разсчитывала на то, что каждое движеніе ихъ будетъ ей слышно, особенно, если они вздумаютъ вылѣзать въ окно. Она быстро легла на постель и забылась чуткимъ, тревожнымъ сномъ.

Гель въ это время медленно двигался взадъ и впередъ по дорогѣ, все время раздумывая о томъ, что именно она придумала теперь, чтобы попытаться задержать его.

Наконецъ, по истеченіи двухъ часовъ, онъ вернулся къ гостиницѣ, осторожно заранѣе условленнымъ свисткомъ вызвалъ Антонія, и когда тотъ пришелъ смѣнить его, онъ быстро направился въ гостиницу, чтобы подкрѣпить свои силы, такъ какъ чувствовалъ волчій аппетитъ. Проходя въ общее зало, онъ увидѣлъ на порогѣ его темный женскій силуэтъ и при свѣтѣ нѣсколькихъ свѣчей, горѣвшихъ въ высокихъ подсвѣчникахъ, разглядѣлъ, что это была Анна.

— Сударь,—сказала она вѣжливымъ, но холоднымъ тономъ,—я хочу вамъ сдѣлать слѣдующаго рода предложеніе. Дѣло въ томъ, что я заказала себѣ ужинъ, и думаю, что вы такъ же проголодались, какъ я, хотя мы съ вами враги до гроба, и каждый радъ будетъ гибели другого, я вамъ предлагаю все же раздѣлить эту трапезу со мной, такъ какъ намъ придется еще, Богъ знаетъ, сколько времени ѣхать вмѣстѣ, и было бы смѣшно избѣгать общества другъ

друга, когда этого вовсе не требуется. Мы можемъ ѣсть вмѣстѣ, изъ чего еще, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы меньше ненавидѣли другъ друга, чѣмъ теперь.

Предложеніе это настолько удивило и обрадовало Геля, совершенно не подготовленнаго къ нему, что ему и въ голову не пришло доискиваться причины, побудившей ее сдѣлать его; онъ только поклонился и сказалъ: «я къ вашимъ услугамъ, сударыня»,—и приказалъ затѣмъ вошедшему слугѣ подать свой ужинъ въ общую залу, гдѣ онъ оставался совершенно одинъ съ Анной, такъ какъ всѣ обычные посѣтители гостиницы уже давно разошлись по домамъ.

Въ одномъ углу комнаты въ каминѣ горѣлъ яркій огонь. Съ другой стороны подъ большимъ высокимъ окномъ стоялъ столъ, на которомъ уже красовалось нѣсколько блюдъ. Полъ былъ покрытъ соломенными матами, нѣсколько свѣчей тускло озаряли всю комнату, и хотя здѣсь все было далеко не такъ роскошно, какъ въ «Морской Дѣвѣ», однако Гель почувствовалъ себя вдругъ здѣсь въ высшей степени уютно и хорошо.

Онъ открылъ немного окно, чтобы лучше слышать, если его позоветъ Антоній; затѣмъ усѣлся за столъ какъ разъ напротивъ Анны. Онъ замѣтилъ, что Френсисъ свѣжій, очевидно, уже немного выспавшійся, стоитъ за своей госпожей, готовый прислуживать ей за столомъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что на другомъ столѣ Френсисъ приготовилъ вино для своей госпожи, какъ это всегда бываетъ въ дворянскихъ домахъ, гдѣ вино подаютъ отдѣльно, а не ставятъ тутъ же на столъ, за которымъ ѣдятъ. Въ скоромъ времени пришелъ слуга и принесъ Гелю нѣсколько блюдъ и вина; онъ приказалъ поставить послѣднее туда же, гдѣ стояло вино Анны.

Сначала они сидѣли оба молча, потомъ вдругъ Анна предложила ему отослать слугу спать и позволить Френсису прислуживать и ему:

— Это будетъ только справедливо,—сказала она:—такъ какъ я вѣдь пользуюсь защитой, которую мнѣ оказываютъ въ пути ваши люди.

Гель ничего не имѣлъ противъ этого; если онъ и питалъ какія либо подозрѣнія противъ своей прелестной собесѣдницы и ея слуги, то онъ, конечно, не сталъ выказывать этого, хотя искоса все время наблюдалъ за всѣми движеніями ловкаго услужливаго пажа и его прелестной госпожи.

Долгое время они ѣли оба молча. Френсисъ подавалъ обоимъ блюда и наливалъ вино тихо и безшумно, безъ лишней торопливости, но всегда во время. Гель ясно видѣлъ, что Анна и ея спутникъ сильно устали отъ долгой дороги, но оба тщательно скрывали это отъ него; она ѣла медленно и какъ бы нехотя, видимо

только для того, чтобы подкрѣпить свои силы; она приказала Френсису поѣсть тутъ же съ тѣхъ блюдъ, которыя онъ подавалъ имъ, и онъ успѣвалъ дѣлать это и въ то же время неустанно подливать въ стаканъ, стоявшій передъ Гелемъ.

Гель Мерріотъ, разгоряченный виномъ и тѣмъ обществомъ, въ которомъ онъ находился, пилъ безъ устали, такъ что Френсису то и дѣло приходилось дополнять его стаканъ. Наконецъ кончилось тѣмъ, что пажъ уже больше не убиралъ вина со стола, чтобы не терять времени въ ходьбѣ за нимъ. Сдѣлалъ ли онъ это по собственной иниціативѣ или благодаря многозначительному взгляду, брошенному его госпожей,—Гель не спрашивалъ себя объ этомъ, такъ какъ онъ вовсе не видѣлъ этого взгляда. Онъ выпилъ уже настолько, что считалъ совершенно естественнымъ имѣть все время вино подъ рукой, Наконецъ ему надоѣло молчать, и онъ заговорилъ вдругъ весело и рѣшительно:

— А вѣдь это вы хорошо придумали, что хотя мы враги, но должны быть вѣжливы по отношенію другъ къ другу. Это напоминаетъ мнѣ тѣ отношенія, которыя существовали между нами и испанцами во время перемирія. Да, кромѣ того, я долженъ сказать, что и вино это великолѣпно. Вы попробуйте его, сударыня: я замѣтилъ, вы не выпили даже и стакана; если вы не выпьете тоже, я подумаю, что вы противорѣчите своимъ словамъ, сказаннымъ вами такъ недавно, и не хотите имѣть со мной ничего общаго.

Она выпила остатки вина изъ своего стакана и приказала Френсису снова наполнить его.

— Мнѣ кажется, что дамы во Франціи пьютъ гораздо больше, чѣмъ мы, англичанки,—сказала она, намекая этимъ на то, что сэръ Валентинъ большую часть своей жизни проводилъ обыкновенно во Франціи, а не въ Англіи. Тутъ только Гель опять вспомнилъ, что въ ея глазахъ онъ все еще убійца ея брата, и поэтому ея миролюбивое отношеніе къ нему должно быть довольно подозрительно, но, къ сожалѣнію, къ этому времени онъ выпилъ уже столько вина, что все представлялось ему въ совершенно иномъ свѣтѣ; онъ кончилъ уже свое вино и пилъ теперь то вино, которое принесли для Анны.

— Несмотря на это, француженки ничѣмъ не лучше англичанокъ,—сказалъ онъ.

— Да, но я слышала, что онѣ гораздо граціознѣе и изящнѣе насъ,—отвѣтила она, замѣтивъ, что послѣ каждой фразы, сказанной имъ, онъ пьетъ еще усерднѣе.

— Весьма возможно, но если онѣ граціозны и изящны, какъ кошечки, это значитъ, что и когти у нихъ такіе же, какъ у нея; что же касается сердечной доброты, откровенности и миловидности, то я предпочитаю англичанокъ.

Говоря это, онъ многозначительно взглянулъ на нее и еще многозначительнѣе поднесъ свой стаканъ ко рту. Она не могла сомнѣваться въ томъ, что, говоря объ англичанкахъ, онъ подразумѣваетъ одну ее; она терпѣливо вынесла его взглядъ и сказала спокойно:

— Но во всякомъ случаѣ зато французскія вина лучше нашихъ,—и съ этими словами она поднесла опять стаканъ къ своимъ губамъ.

Гель немедленно послѣдовалъ ея примѣру съ большимъ рвеніемъ.

Они долгое время говорили еще на эту тему, при чемъ Гель все усерднѣе и усерднѣе подливалъ себѣ вина, наконецъ онъ пришелъ въ такое чувствительное настроеніе духа, что предложилъ Аннѣ пропѣть нѣсколько пѣсенъ, которыя такъ и просились ему на языкъ; она съ радостью дала свое согласіе, обѣщая ему въ свою очередь пропѣть тоже что нибудь, а сама, между тѣмъ, принялась дѣятельно наполнять его стаканъ, такъ какъ Френсисъ потихоньку вышелъ изъ комнаты, чтобы принести еще вина.

Гель пѣлъ долго и съ большимъ чувствомъ, продекламировалъ затѣмъ нѣсколько монологовъ изъ «Гамлета» и другихъ пьесъ, когда либо игранныхъ имъ, и этимъ немало удивилъ Анну, никакъ не ожидавшую, что сэръ Валентинъ могъ интересоваться поэзіей и знать наизусть чуть ли не цѣлыя сцены. Была минута, когда въ душѣ она невольно пожалѣла, что судьба какъ разъ этого человѣка заставила быть убійцей ея брата, но эту минутную слабость она тотчасъ же подавила въ себѣ, и такъ какъ замѣтила, что Гель во время пѣнія пьетъ меньше, чѣмъ бы ей хотѣлось, она остановила его и предложила ему опять спѣть сама. Она пѣла ему одну пѣсню за другой своимъ нѣжнымъ голосомъ, и наконецъ отяжелѣвшая отъ вина голова юноши тихо склонилась на грудь, онъ откинулся на спинку стула и заснулъ тяжелымъ сномъ опьянѣвшаго человѣка. Тогда Анна встала и вышла изъ-за стола съ гордой и довольной улыбкой на устахъ. Обращаясь къ Френсису, незамѣтно подошедшему къ ней, она сказала: «Слава Богу, онъ заснулъ, и я увѣрена, что онъ теперь часовъ десять проспитъ не просыпаясь, даже если его станутъ будить; теперь я увѣрена въ томъ, что онъ не двинется отсюда, пока не пріѣдутъ арестовать его. Пойдемъ же спать, я такъ рада, что мнѣ не надо больше никуда ѣхать этою ночью, я страшно устала и едва ли вынесла бы это».

Въ эту минуту вдругъ раздался быстрый топотъ лошадиныхъ копытъ и затѣмъ пронзительный громкій свистъ, которымъ Антоній предупреждалъ Геля о надвигающейся опасности.

Гель поднялъ голову и оглядѣлся сонными глазами вокругъ себя, надъ головой его раздались тяжелые шаги: это былъ Боттль,

тоже проснувшійся отъ тревоги и быстро спускавшійся внизъ на помощь своему господину.

Гель въ первую минуту ничего не могъ сообразить, но когда глаза его встрѣтились съ глазами Анны, вопросительно глядѣвшей на него, онъ сразу же пришелъ въ себя и, понявъ только теперь хорошенько ея хитрость, крикнулъ ей громко и почти весело, уже совершенно трезвый и спокойный:

— Если хотите ѣхать съ нами, вамъ пора садиться на лошадей, сударыня. Намъ придется сдѣлать сегодня ночью миль тридцать, если не больше.

И говоря это, онъ прошелъ мимо нея во дворъ, гдѣ уже его ждалъ Антоній.

— Мнѣ кажется, что Барнетъ и его люди будутъ здѣсь черезъ нѣсколько минутъ,—сказалъ тотъ:—слышите топотъ копытъ, это навѣрное они.

Нѣсколько минутъ спустя, Гель и его спутники уже мчались на своихъ лошадяхъ по направленію къ Ноттингаму, а рядомъ съ ними ѣхали молчаливыя и мрачныя фигуры Анны и ея пажа; она забыла про свою усталость, забыла про только что постигшую ее неудачу и помнила только одно, что она не должна выпускать изъ виду свою жертву.

— Итакъ, мы путешествуемъ опять вмѣстѣ,—сказалъ ей Гель немного насмѣшливо.

— Да, и я поѣду съ вами, пока не упаду съ лошади или не предамъ васъ въ руки правосудія,—отвѣтила ему Анна.

XII.

Констебль въ городѣ Клоунъ.

Путники наши выѣхали изъ гостиницы уже въ первомъ часу ночи. Прибыли же туда ровно въ восемь часовъ вечера. И въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ ней, Гель спалъ только нѣсколько минутъ за столомъ, гдѣ онъ сидѣлъ съ Анной. Сама Анна спала не больше часу, передъ тѣмъ какъ спуститься въ общую комнату, гдѣ она ждала Геля, такъ что, въ общемъ, всѣ они чувствовали себя усталыми и разбитыми, а между тѣмъ имъ предстояло еще нѣсколько часовъ спѣшной и непрерывной ѣзды, если они хотѣли хоть нѣсколько опередить гнавшихся за ними Барнета и его людей. Лошади послѣднихъ, вѣроятно, были уже сильно утомлены, и, кромѣ того, сами всадники тоже нуждались въ отдыхѣ, и имъ приходилось постоянно останавливаться и разспрашивать встрѣчныхъ, такъ что опередить ихъ было не трудно.

Они ѣхали долго молча, пока наконецъ не прибыли въ Ноттингамъ. Тутъ ихъ ждало неожиданное препятствіе: привратникъ городскихъ воротъ ни за что не хотѣлъ пропускать ихъ, и только золотая монета, во-время сунутая ему въ руку Гелемъ, заставила его открыть ворота и пропустить ихъ. Во все время переговоровъ съ нимъ Гель не спускалъ глазъ съ Анны, такъ какъ боялся, что она вдругъ станетъ звать на помощь и попроситъ привратника задержать своихъ спутниковъ, но Анна хорошо понимала, что одинъ, да къ тому же невооруженный человѣкъ, ничего не подѣлаетъ съ тремя такими рѣшительными и воинственными людьми, какъ Гель и его два спутника, и поэтому она сидѣла молча и поѣхала также молча съ ними дальше, когда они наконецъ оставили городъ за собой и въѣхали въ густой лѣсъ, гдѣ имъ пришлось пробираться почти шагомъ. Наконецъ въ седьмомъ часу утра, сдѣлавъ въ шесть часовъ почти двадцать одну милю, они остановились для отдыха въ скромной гостиницѣ въ Скардиффѣ. Всѣ, за исключеніемъ Кита Боттля, едва держались въ сѣдлахъ и отъ усталости готовы были упасть на землю.

Къ глубокому огорченію Геля оказалось, что здѣсь они могли достать только одну свѣжую лошадь. Боттль тотчасъ же сѣлъ на нее и поѣхалъ немного дальше назадъ, чтобы сторожить на большой дорогѣ, не покажутся ли опять ихъ преслѣдователи. Другимъ пришлось довольствоваться тѣмъ, что они отвели своихъ измученныхъ лошадей подъ навѣсъ и тамъ, не разсѣдлывая ихъ, накормили и напоили ихъ. Гель раньше, чѣмъ итти отдохнуть, позаботился о томъ, чтобы заручиться, на всякій случай, надежнымъ сторожемъ для своихъ лошадей, такъ какъ боялся, чтобы Анна какъ нибудь не испортила ихъ, чтобы помѣшать ему ѣхать дальше. Но Анна и ея пажъ, повидимому, такъ устали, что помышляли теперь только объ отдыхѣ, да къ тому же онъ замѣтилъ, когда она расплачивалась, какъ всегда, заранѣе съ хозяиномъ гостиницы, что кошелекъ ея значительно опустѣлъ, такъ что подкупить кого либо ей было уже трудно. Обстоятельство это невольно привело Геля къ двумъ заключеніямъ: или она должна была въ самомъ непродолжительномъ времени прибѣгнуть къ крайнему средству, чтобы задержать его, или дойти до того, что ему придется взять на себя всѣ ея дорожныя издержки, которыя она будетъ принуждена дѣлать, продолжая слѣдовать за нимъ, съ цѣлью выдать его въ руки правосудія.

Въ ту минуту, какъ Гель собирался вслѣдъ за Анной войти уже въ домъ, онъ увидѣлъ старика, сидѣвшаго на скамейкѣ передъ домомъ за кружкой пива. Старикъ смотрѣлъ на нихъ съ видимымъ любопытствомъ и не прочь былъ вступить въ разговоръ. Когда Гель поравнялся съ нимъ, онъ всталъ, низко поклонился и

спросилъ:—Какъ изволили путешествовать, ваша милость? не повстрѣчались ли съ разбойниками?

— Съ какими разбойниками?—съ удивленіемъ спросилъ Гель.

— Ихъ у насъ теперь цѣлая шайка, ваша милость, они грабятъ, кого только могутъ на большой дорогѣ, а наши констебли такъ боятся ихъ, что смотрятъ на ихъ продѣлки сквозь пальцы и предоставляютъ каждому защищаться, какъ онъ можетъ.

— Вотъ какъ!—замѣтилъ Мерріотъ, многозначительно взглянувъ на Анну, которая подошла поближе, чтобы послушать, о чемъ онъ говоритъ со старикомъ. Увидѣвъ взглядъ Геля и понявъ, что этимъ онъ хочетъ еще разъ напомнить ей, что ея безопасность зависитъ отъ него, она вспыхнула и рѣшила про себя, что пора наконецъ положить конецъ этому и сдѣлать все, что отъ нея зависитъ, только бы задержать его. Онъ понялъ ея мысль и только улыбнулся въ отвѣтъ. Она сейчасъ же поспѣшила въ свою комнату, сопровождаемая Френсисомъ, а Гель пошелъ къ себѣ вмѣстѣ съ Антоніемъ, который и прислуживалъ ему во время обѣда. Потомъ оба они растянулись на своихъ постеляхъ, при чемъ, однако, Гель еще передъ тѣмъ заглянулъ въ коридоръ и увидѣлъ, что вѣрный пажъ, какъ всегда, лежитъ на скамейкѣ у дверей комнаты своей госпожи.

Гель и его спутникъ проспали цѣлыхъ два часа не просыпаясь. Наконецъ, ровно въ десять часовъ, Гель проснулся, посмотрѣлъ въ окно, все было тихо, выглянулъ въ коридоръ и вдругъ увидѣлъ, что Френсиса тамъ уже нѣтъ. Онъ быстро разбудилъ Антонія, такъ какъ смутное предчувствіе говорило ему, что дѣло что-то нечисто. Они одѣлись и вышли въ коридоръ, а оттуда спустились во дворъ, гдѣ стояли ихъ лошади. Обѣ лошади, принадлежащія ему и Антонію, были на мѣстѣ, но лошади Анны и ея пажа исчезли безслѣдно. Гель сейчасъ же призвалъ конюха и отъ него узналъ, что часъ тому назадъ Анна съ Френсисомъ выѣхали изъ гостиницы и поѣхали въ сѣверномъ направленіи.--Надо спѣшить, Антоній,—проговорилъ Гель мрачно.—Поѣзжай скорѣе за Китомъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ догоняй меня. Я увѣренъ, что она поѣхала впередъ, чтобы устроить намъ ловушку и выдать насъ властямъ. Увидѣвъ, что ничего не можетъ подѣлать сама, она рѣшила теперь прибѣгнуть къ чужой помощи.

— Да, рѣшеніе женщины рѣдко бываетъ неизмѣннымъ,—глубокомысленно замѣтилъ Антоній.

— На то она и женщина,—отвѣтилъ на это Мерріотъ, обрывая разговоръ и быстро садясь на лошадь, и оба они выѣхали одновременно изъ воротъ гостиницы.

— Поѣзжай скорѣе за Китомъ,—повторилъ еще разъ Гель,— а затѣмъ быстро догоняйте меня, я же поѣду и постараюсь, если можно, накрыть еще во-время эту даму и ея пажа, а то мы, по-

пожалуй, очутимся между двумя огнями, такъ какъ Барнетъ съ своими людьми тоже вѣдь не дремлетъ.

Гель пустилъ лошадь въ галопъ, охваченный безпокойствомъ, такъ какъ онъ не столько боялся предстоящей ему лично опасности, какъ того, чтобы Анна по дорогѣ не повстрѣчалась съ разбойниками, о которыхъ разсказывалъ ему старый крестьянинъ. Онъ проѣхалъ, однако, цѣлыхъ четыре версты, не встрѣтивъ ея. Китъ и Антоній тоже еще не догнали его, онъ такъ былъ занятъ однимъ—мыслью о ней—что даже не замѣтилъ, какъ вдругъ при самомъ въѣздѣ въ городъ Клоунъ очутился въ толпѣ, занявшей почти всю проѣзжую дорогу.

Однако и тутъ еще мысль о ней настолько поглотила всѣ его умственныя способности, что въ первую минуту, онъ даже не сообразилъ, что подобное сборище могло имѣть какое нибудь отношеніе къ нему лично, а между тѣмъ онъ долженъ былъ ожидать нѣчто подобное, такъ какъ именно такъ и должна была поступить Анна, потерявъ всякую надежду задержать его инымъ путемъ. И только тогда, когда вся толпа ринулась на него, и чья-то рука схватила его лошадь подъ уздцы, онъ, наконецъ, понялъ, что попалъ въ разставленную ему ловушку, и что мѣстный констебль собралъ всѣхъ этихъ людей, чтобы при помощи ихъ захватить его, не даромъ же одинъ изъ присутствующихъ дернулъ его за рукавъ со словами: «Сдавайся, ты нашъ плѣнникъ!» А другіе загородили всю проѣзжую дорогу какимъ-то старымъ огромнымъ экипажемъ, который они вытащили откуда-то съ боковой тропинки.

Гель быстро схватился за эфесъ своей шпаги и оглядѣлъ всю стоящую передъ нимъ толпу. Констебль, повидимому, собралъ сюда всѣхъ, кто только былъ въ силахъ владѣть какимъ бы то ни было оружіемъ. Большинство присутствующихъ было вооружено палками, косами, толстыми дубинами. Воодушевленные примѣромъ наиболѣе храбраго, схватившаго лошадь Геля подъ уздцы, всѣ остальные тоже стали подходить ближе и наконецъ столпились около него. И раньше, чѣмъ Гель успѣлъ взмахнуть своей шпагой, рука его была схвачена и задержана какимъ-то великаномъ, протиснувшимся къ самому его сѣдлу. Два другихъ человѣка овладѣли немедленно его пистолетами, Гель попробовалъ освободить свою лошадь отъ державшихъ ее рукъ и заставить ее встать на дыбы, но ее держали крѣпко со всѣхъ сторонъ, и Гелю ничего не оставалось больше, какъ выхватить свой кинжалъ и попробовать пустить его въ ходъ, но и эта попытка не удалась, его обезоружили совершенно и даже связали ему руки и ноги, и онъ очутился совершенно въ ихъ власти. Какъ это ни грустно было, но Гелю пришлось сознаться самому себѣ, что его перехитрили, и что онъ ничего не въ состояніи подѣлать съ грубой силой, окружавшей его. Онъ глубоко досадовалъ теперь на то, что поѣхалъ такъ опро-

метчиво безъ своихъ провожатыхъ, которые могли бы теперь оказать ему услугу и навѣрное выручили бы его изъ бѣды. Внѣ себя отъ ярости онъ безпомощно озирался вокругъ и вдругъ въ открытомъ окнѣ сосѣдняго дома увидѣлъ Анну Хезльхорстъ, смотрѣвшую на него теперь съ такой же торжествующей улыбкой, какъ онъ смотрѣлъ на нее послѣ ея неудачной попытки запереть его на ключъ. Онъ отвернулся, чтобы не видѣть ея торжества, и въ эту минуту ненавидѣлъ ее отъ всей души.

— Сэръ Валентинъ Флитвудъ,—торжественно заявилъ вдругъ констебль, выступившій теперь очень важно впередъ,—арестую васъ именемъ королевы и прошу васъ, не оказывая сопротивленія, повиноваться мнѣ во всемъ и сейчасъ же добровольно сойти съ лошади и слѣдовать за мной въ мѣсто предварительнаго заключенія.

— Что такое?—крикнулъ на него Гель такъ громко, что констебль слегка смутился:—что я сдѣлалъ такого, за что я долженъ отправляться въ тюрьму?

— Дѣло въ томъ,—замѣтилъ констебль примирительнымъ тономъ,—что мѣсто предварительнаго заключенія у насъ обставлено очень хорошо, даже лордъ или пэръ не долженъ гнушаться войти въ него. Что касается пищи и питья... •

— Чортъ побери вашу пищу и питье, а также васъ самихъ!—крикнулъ ему Гель.—Отдайте мнѣ мое оружіе и пропустите меня! Я долженъ ѣхать дальше. Какое право имѣли вы, негодяи, задерживать вѣрноподданнаго ея величества, который ѣдетъ по спѣшному дѣлу?

— Нѣтъ, сударь, я исполняю только свой долгъ,—замѣтилъ констебль спокойно.—Я задержу васъ до тѣхъ поръ, пока не вернется сюда нашъ судья, мистеръ Лудвайдъ: онъ поѣхалъ въ Честерфильдъ, и пока онъ не вернется...

— Мнѣ дѣла нѣтъ до того, куда и зачѣмъ поѣхалъ вашъ судья,—продолжалъ кричать Гель:—я требую, чтобы меня пропустили, такъ какъ долженъ ѣхать дальше.

— Я—здѣшній констебль и знаю, въ чемъ состоятъ мои обязанности. Я долженъ задерживать всѣхъ, кто обвиняется въ измѣнѣ, а тамъ уже дѣло судьи разобрать, правы вы или виноваты.

Констебль говорилъ съ большимъ достоинствомъ, повидимому, онъ рисовался передъ м-съ Хезльхорстъ и своими согражданами, онъ придавалъ себѣ храбрый видъ, хотя въ душѣ сильно трусилъ, это былъ простякъ, старавшійся казаться очень умнымъ и хитрымъ.

— Вы говорите, что знаете свои обязанности? --повторилъ Гель. Такъ вы должны въ такомъ случаѣ знать, что констебль не имѣетъ права задерживать кого либо изъ дворянъ безъ письменнаго на то приказанія, а гдѣ эти приказанія, позвольте васъ спросить?

— Что говорить о пустякахъ? Вотъ подождемъ, пока, пріѣдетъ нашъ судья, онъ уже все разберетъ, и хотя у меня и нѣтъ письменныхъ приказаній арестовать васъ, но зато я могу представить лицо, по доносу котораго я васъ арестовалъ,—и онъ посмотрѣлъ по направленію, гдѣ стояла Анна.

Гель съ грустью задумался о томъ, что плохо ему придется, если онъ дѣйствительно станетъ ждать прибытія судьи или Барнета и его людей, и хотя каждую минуту должны были подъѣхать Боттль и Антоній, но что они одни могли подѣлать противъ подобной огромной толпы? Онъ подумалъ немного, потомъ отвѣтилъ:

— Вы говорите, что у васъ есть свидѣтель, все это прекрасно, но увѣряю васъ, что мнѣ некогда ждать вашего судью, и потомъ не забудьте того, что, когда нѣтъ налицо судьи, верховнымъ судьей является констебль, такъ вѣдь? И хорошъ тотъ констебль, который вѣритъ первому встрѣчному и по его наущенію хватаетъ совершенно ни въ чемъ неповинныхъ людей безъ всякихъ доказательствъ ихъ вины. Если онъ выслушалъ перваго свидѣтеля, почему ему не выслушать второго, какой же онъ судья послѣ этого?

Констебль, видимо очень польщенный, что обращаются къ нему, какъ къ судьѣ, принялъ очень гордый и независимый видъ и сказалъ:

— Въ томъ, что вы говорите, ёсть доля правды, сударь.

Гель не преминулъ, конечно, воспользоваться благопріятной минутой и продолжалъ:

— Въ такомъ случаѣ, устройте намъ очную ставку, т.-е. сведите насъ вмѣстѣ, и затѣмъ уже судите сами, кто изъ насъ окажется правъ, кто виноватъ.

— Пусть нашего плѣнника поведутъ за мной,—важно произнесъ констебль и пошелъ впередъ по направленію къ пивной, а за нимъ повели Геля, предварительно развязавъ ему руки и ноги; позади него несли все оружіе, взятое у него. Торжественная эта процессія медленно прослѣдовала по улицѣ, и наконецъ всѣ вошли въ пивную, гдѣ констебль усѣлся за столъ, а передъ нимъ поставили его плѣнника, и сейчасъ же со всѣхъ сторонъ ихъ окружила опять та же толпа, но, минуту спустя, толпа эта разступилась, чтобы дать дорогу Аннѣ, которая, увидѣвъ изъ своего окна, что Геля куда-то повели, немедленно спустилась внизъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло; вслѣдъ за ней вошелъ и ея пажъ Френсисъ. Констебль велѣлъ себѣ подать перо и бумагу и приказалъ одному изъ присутствующихъ сѣсть и записывать всѣ показанія свидѣтелей, чтобы придать всему дѣлу законный видъ.

— Итакъ, сударь,—началъ констебль съ видомъ настоящаго судьи,—мы начнемъ прежде всего съ вопроса: правда ли вы измѣнникъ, котораго слѣдуетъ предать правосудію?

— Я имѣю полное право отвѣтить сейчасъ же на этотъ вопросъ,—прервалъ его Гель,—никогда я не былъ измѣнникомъ, наоборотъ, я самый вѣрноподданный своей королевы.

— Позвольте спросить ваше имя, сударь,—продолжалъ констебль, какъ бы не слыша словъ подсудимаго.

Не успѣлъ Гель отвѣтить, какъ уже Анна отвѣтила за него:

— Зовутъ его сэръ Валентинъ Флитвудъ, и онъ бѣжалъ отъ правосудія.

— Пиши: сэръ Валентинъ Флитвудъ,—прервалъ ее констебль, обращаясь къ писцу.

— Нѣтъ, не пишите этого!—крикнулъ Гель.—Пишите: Гарри Мерріотъ, дворянинъ и придворный актеръ,—и, говоря это, Гель взглянулъ на Анну презрительно и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающе. И раньше, чѣмъ кто либо успѣлъ сказать слово, онъ продолжалъ:—эта дама здѣсь подвердитъ при всѣхъ, что, такъ какъ я не Валентинъ Флитвудъ, то и не обвиняюсь ни въ какой измѣнѣ.

Анна на эти слова только улыбнулась, такъ какъ она была въ полной увѣренности, что Гель захотѣлъ прибѣгнуть къ хитрости, и это невольно вызвало на уста ея пренебрежительную улыбку.

— Какое же мнѣ имя записать?—спросилъ писецъ въ недоумѣніи.

— Пишите: сэръ Валентинъ Флитвудъ,—приказала ему Анна строго.—Я удивляюсь, что дворянинъ способенъ прибѣгнуть къ такой лжи, только бы спастись отъ рукъ правосудія.

— Пиши: сэръ Валентинъ Флитвудъ,—сказалъ и констебль,—и надѣюсь, что этотъ господинъ сознается, что это—его настоящее имя.

— Ничего подобнаго! — воскликнулъ Гель съ жаромъ:—предупреждаю васъ, что вамъ будутъ большія непріятности, если вы не повѣрите мнѣ, что я—не сэръ Валентинъ Флитвудъ.

Констебль, напуганный рѣшительнымъ и увѣреннымъ голосомъ Геля, смотрѣлъ въ недоумѣніи то на него, то на Анну.

Анна Хезльхорстъ смотрѣла на Геля съ презрѣніемъ и со страхомъ, такъ какъ она боялась, что констебль повѣритъ его лжи, и страшно негодовала на то, что дворянинъ могъ прибѣгнуть къ подобной неблагородной лжи, только бы спасти свою жизнь. Это какъ разъ было на руку Гелю, который хотѣлъ, чтобы она думала, что онъ лжетъ, и въ то же время стремился къ тому, чтобы констебль все же повѣрилъ его словамъ. Конечно, ему непріятно было, что послѣ этого она должна была еще больше ненавидѣть и презирать его, но въ то же время онъ мысленно уже слышалъ, какъ приближались Барнетъ и его люди, и долженъ былъ всѣми силами отстаивать правду, которая въ ея глазахъ казалась ужасною ложью.

Но Анна быстро овладѣла собой и приняла совершенно спокойный и безстрастный видъ, такъ какъ торопиться ей было не-

куда, и она хотѣла только задержать Геля до прибытія Барнета, для него же каждая минута была дорога, и поэтому онъ рѣшилъ дѣйствовать болѣе увѣренно:

— Послушайте, констебль,—сказалъ онъ:—я готовъ принять на себя отвѣтственность за всѣ поступки, сдѣланные придворнымъ актеромъ Мерріотомъ, но только, прошу васъ, поторопитесь, такъ какъ мнѣ некогда. Я клянусь вамъ именемъ Бога, клянусь вамъ моимъ мечомъ, что я не сэръ Валентинъ Флитвудъ и поэтому не могу отвѣчать за его поступки.

— Клятвопреступникъ!—крикнула Анна съ ужасомъ и презрѣніемъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, сударыня, человѣкъ этотъ поклялся, а для правосудія клятва не игрушка.

— Но, въ такомъ случаѣ, выслушайте же и мою клятву!—крикнула Анна.—Клянусь вамъ, что этотъ человѣкъ бѣжитъ отъ правосудія, что онъ—государственный измѣнникъ, и я прошу его задержать только до тѣхъ поръ, пока сюда не пріѣдутъ гонцы королевы, посланные задержать его и представить въ Лондонъ на судъ.

Констебль совершенно растерялся, онъ безпомощно смотрѣлъ то на Анну, то на Геля, то на писца, сидѣвшаго противъ него и не знавшаго положительно, что ему записывать. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Одна клятва уничтожаетъ другую—какъ же быть?

— Пусть тогда мой пажъ принесетъ тоже клятву, что это именно и есть тотъ человѣкъ, который бѣжитъ отъ правосудія,—и съ этими словами она заставила Френсиса выступить впередъ.

— Клянусь крестомъ рукоятки этого кинжала, что моя госпожа говоритъ правду,—заявилъ Френсисъ во всеуслышаніе, вынимая свой кинжалъ.

Констебль вздохнулъ съ видимымъ облегченіемъ и обратился къ Гелю со словами:

— Сама судьба противъ васъ,—и, обращаясь къ писцу, добавилъ:

— Пиши: сэръ Валентинъ Флитвутъ, и затѣмъ запиши имена обоихъ лицъ, давшихъ сейчасъ клятву, и напиши, въ чемъ она состояла.

— Подождите!—крикнулъ вдругъ Гель, который издали увидѣлъ двухъ всадниковъ, сходившихъ съ коней у воротъ пивной:—вотъ еще двое, пусть и они принесутъ свою клятву. Послушайте, Китъ Боттль и Антоній, берите свои кинжалы въ руки и клянитесь крестами ихъ рукоятокъ, что я—придворный актеръ Гель Мерріотъ, котораго вы знали и видѣли еще въ Лондонѣ на сценѣ. Эта дама здѣсь увѣряетъ, что я—сэръ Валентинъ Флитвутъ. Скажите же при всѣхъ, какъ мое настоящее имя.

Ни минуты не медля и понявъ, какое имя они должны произнести въ данномъ случаѣ, Китъ Боттль выступилъ впередъ и сказалъ:

— Клянусь всѣмъ для меня святымъ, что вы не кто иной, какъ Гарри Мерріотъ, придворный актеръ, и никогда не были сэромъ Валентиномъ Флитвудомъ.

— Да, это истинная правда, клянусь въ этомъ и я,—добавилъ Антоній также громко.

Констебль обернулся къ Аннѣ и сказалъ:

— Какъ видите, сударыня, три клятвы—больше двухъ.

— Клятвопреступники!—воскликнула Анна, обращаясь къ Гелю и его спутникамъ.

— Потише, потише, сударыня,—замѣтилъ констебль:—и вѣдь, если эти люди сказали правду, такъ, значитъ, вы сами принесли сейчасъ ложную клятву и въ такомъ случаѣ...

— Негодяй!—крикнулъ Гель,—какъ смѣете вы такъ говорить съ дамой?

— Но вѣдь, если то, въ чемъ вы сейчасъ клялись, правда, такъ, значитъ, она...

— Мы говорили правду, но и дама эта была убѣждена съ своей стороны, что она права, и поэтому всякій, кто осмѣлится сомнѣваться въ истинѣ ея словъ, будетъ имѣть дѣло со мной!—крикнулъ Гель.

Онъ посмотрѣлъ Аннѣ прямо въ лицо, но она повернулась и молча вышла изъ комнаты. Всѣ присутствующіе окружили опять Геля, ему торжественно вручили его оружіе и даже проводили его до лошади, которая все еще стояла осѣдланная. Онъ вскочилъ на нее и въ сопровожденіи своихъ двухъ спутниковъ выѣхалъ на проѣзжую дорогу. Тамъ, къ удивленію своему, онъ увидѣлъ, что огромный экипажъ, загораживавшій дорогу, уже снятъ, и путь свободенъ. Онъ невольно освѣдомился о томъ, зачѣмъ его поспѣшили убрать.

— Дѣло въ томъ, что нѣсколько минутъ тому назадъ здѣсь проѣхала та дама съ своимъ пажемъ,—отвѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Гель:—однако я дуракъ и забылъ про нее,—подумалъ онъ про себя,—а теперь она, небось, поѣхала въ слѣдующій городокъ, чтобы тамъ сыграть съ нами опять такую штуку, какъ здѣсь; и Богъ знаетъ, окажется ли слѣдующій констебль такъ же глупъ, какъ этотъ.

При этой мысли онъ невольно пришпорилъ лошадь и помчался впередъ во весь духъ.

XIII.

Плѣнница въ колымагѣ.

— Я боюсь, что на этотъ разъ она дѣйствительно найдетъ лицо, которое сумѣетъ на законномъ основанiи арестовать меня,—продолжалъ Гель вслухъ:—по-моему, ничего не остается больше, какъ догнать ее, во что бы то ни стало.

— Да, но даже если мы ее догонимъ,—отвѣтилъ Китъ,—развѣ мы можемъ запретить ей силой сзывать народъ?

Гель вдругъ вспомнилъ почему-то колымагу, оставшуюся стоять около дороги, и ему пришла въ голову счастливая мысль.

— Вотъ если бы намъ достать дюжину лошадей...—произнесъ онъ задумчиво.

— Почему бы и нѣтъ?—возразилъ Китъ:—вонъ тамъ множество лошадей, хотя всѣ онѣ съ всадниками.

Гель быстро повернулся, въ полной увѣренности, что сейчасъ увидитъ Барнета и его людей, но навстрѣчу имъ подвигалось слишкомъ много всадниковъ, это не могли быть они, тѣмъ болѣе, что всадники эти ѣхали въ большомъ безпорядкѣ, нѣкоторые изъ нихъ были хорошо одѣты, другiе напротивъ поражали своими лохмотьями. Лица у нихъ тоже были разныя, но, по большей части, свирѣпыя и злыя. Предводитель этой кучки людей могъ бы назваться красивымъ человѣкомъ, если бы не слишкомъ низкiй лобъ, который придавалъ его лицу что-то непрiятное, не располагавшее въ его пользу.

— Боже мой!—воскликнулъ вдругъ удивленно и радостно Китъ Боттль:—вотъ не думалъ, что судьба насъ снова сведетъ вмѣстѣ.

— Про кого это ты говоришь?—спросилъ его Гель коротко.

— Я говорю про этого негодяя Румнея, о которомъ я вамъ разсказывалъ. Послушай, Румней, почему ты не узнаешь старыхъ прiятелей?

Предводитель шайки, или капитанъ, какъ его звали, быстро обернулся и тотчасъ же подъѣхалъ къ своему прежнему товарищу. Гель вспомнилъ крестьянина, разсказывавшаго ему о разбойникахъ, появившихся въ окрестности за послѣднее время; онъ быстро оглядѣлъ зловѣщiя лица всадниковъ и порадовался въ душѣ, что Анна не встрѣтилась съ ними; затѣмъ онъ опять задумался о ней и снова посмотрѣлъ на колымагу, стоявшую у дороги, и на лошадей, на которыхъ ѣхали разбойники.

Когда старые прiятели наговорились между собою, Гель окончательно уже составилъ свой планъ и подозвалъ къ себѣ Кита Боттля.

— Послушай, Китъ—сказалъ онъ,—если твой пріятель и его люди согласны поступить въ полное мое распоряженіе на три дня, я щедро заплачу имъ за услуги.

— Ну, не знаю, способенъ ли Румней поступать къ кому либо на службу и честно выполнить взятыя на себя обязанности,—съ сомнѣніемъ въ голосѣ замѣтилъ Китъ,—но, во всякомъ случаѣ, предоставьте мнѣ устроить это дѣло и назначить плату за эти услуги.

И Китъ поѣхалъ обратно къ Румнею, который съ своей шайкой остановился недалеко отъ Антонія и Геля и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда кончатся переговоры его друга съ незнакомымъ ему человѣкомъ. Горожане, высыпавшіе за ворота своего города, съ любопытствомъ посматривали на эту сцену и не особенно доброжелательно глядѣли на подозрительную банду, не обѣщавшую ничего хорошаго.

Китъ и Румней долго шептались между собою; предводитель разбойниковъ, повидимому, не соглашался съ доводами своего друга и скептически покачивалъ головой, поглядывая изрѣдка на Геля, какъ будто не могъ понять, что ему за выгода принять предложеніе послѣдняго. Китъ старался уговорить его и пускалъ въ ходъ все краснорѣчіе, на которое былъ способенъ. Иногда дѣло у нихъ доходило почти до ссоры, они обмѣнивались сердитыми взглядами и сжимали кулаки, какъ будто сводили какіе-то старые счеты. Но наконецъ Румней уступилъ, и Китъ съ торжествомъ вернулся къ тому мѣсту, гдѣ его ждалъ Гель, и сообщилъ тому условія, на которыхъ разбойникъ рѣшилъ предложить ему свои услуги. Гель принялъ эти условія, и Румней былъ подведенъ къ нему и представленъ торжественно сэру Валентину Флитвуду. Гель, внимательно осмотрѣвъ своего новаго дорожнаго товарища, рѣшилъ, что дня два, три онъ еще можетъ выдержать свою роль, если обращаться съ нимъ осторожно и ничѣмъ не затрагивать его самолюбія. Румней съ своей стороны тоже внимательно осмотрѣлъ Геля, какъ бы разсчитывая въ умѣ, что собственно изъ него можно будетъ выжать. У этого негодяя былъ непріятный дерзкій взглядъ, который невольно говорилъ о томъ, что онъ можетъ быть жестокъ, нахаленъ и дерзокъ до послѣдней степени, если только дать ему поводъ къ этому.

Румней вернулся опять къ своимъ людямъ и сообщилъ имъ о принятомъ имъ рѣшеніи; они выслушали его молча и только посмотрѣли на Геля, на котораго до сихъ поръ не обращали никакого вниманія. Въ это время Гель успѣлъ уже переговорить съ констеблемъ и узналъ отъ него, что колымага принадлежала когда-то какимъ-то путешественникамъ, которые застряли съ ней въ грязи и предпочли потомъ уѣхать прямо верхомъ на лошадяхъ, чѣмъ мучиться все время съ тяжелымъ и неуклюжимъ экипажемъ:

они подарили эту колымагу хозяину гостиницы, гдѣ останавливались, и поэтому Гелю пришлось купить ее у новаго владѣльца, что онъ и сдѣлалъ немедленно, при чемъ пріобрѣлъ еще необходимую упряжь. Затѣмъ, по его приказанію, люди Румнея слѣзли съ своихъ лошадей и запрягли ихъ въ тяжелую колымагу. Поручивъ надзоръ за экипажемъ и за разбойниками Киту Боттлю, Гель въ сопровожденіи Антонія поѣхалъ впередъ, чтобы настичь, если возможно, Анну и ея пажа.

Онъ проѣхалъ, однако, болѣе семи миль отъ города Клоуна и нигдѣ не нашелъ ни малѣйшаго слѣда ея пребыванія гдѣ либо въ деревушкахъ, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ; онъ уже сталъ отчаиваться когда либо настигнуть ее, какъ вдругъ на поворотѣ дороги наткнулся на нее и ея пажа; она сидѣла еще на лошади, а Френсисъ стоялъ переѳъ нею въ грязи и внимательно осматривалъ переднюю ногу ея лошади, съ которой очевидно что-то случилось.

— Какая счастливая встрѣча, сударыня!—воскликнулъ Гель, и глаза его радостно засверкали отъ удовольствія видѣть ее и знать, что она въ безопасности.

— Вотъ какъ,—отвѣтила она презрительно,—въ такомъ случаѣ пользуйтесь моимъ обществомъ, пока можете, такъ какъ я сейчасъ ѣду дальше.

— Я увѣренъ въ томъ, что вы сейчасъ же поѣдете дальше, — очень вѣжливо отвѣтилъ Гель;—я самъ позаботился о томъ, чтобы вамъ было въ чемъ ѣхать.

— О чемъ вы позаботились?—съ удивленіемъ спросила она.

— Дѣло въ томъ сударыня, что я рѣшилъ отправить васъ дальше подъ необходимымъ эскортомъ, такъ какъ иначе вы можете попасть въ руки разбойниковъ, и къ тому же для меня это также важно и въ томъ отношеніи, что вы будете лишены такимъ образомъ возможности прибѣгнуть опять къ посторонней помощи, какъ вы это сдѣлали только-что въ Клоунѣ, даже на тотъ случай, если вы рѣшили прекратить свое преслѣдованіе и вернуться домой, такъ и то...

— Объ этомъ не безпокойтесь,—замѣтила она коротко.

— Во всякомъ случаѣ, если бы вы даже захотѣли это сдѣлать, я не могъ бы этого допустить, какъ изъ-за вашей личной безопасности, такъ и по многимъ причинамъ, извѣстнымъ мнѣ одному.

Говоря эти слова, Гель думалъ о томъ, что если она вернется и встрѣтится съ Барнетомъ, то можетъ еще, пожалуй, разсказать ему подробно о его наружности и о случаѣ въ Клоунѣ, и тогда тотъ догадается, что его обманули, и броситъ свое преслѣдованіе раньше, чѣмъ это нужно для спасенія Флитвуда.

— И поэтому, сударыня,—продолжалъ Гель,—я рѣшилъ взять васъ съ собой.

— Взять меня съ собой?—съ удивленіемъ переспросила Анна.

— Да, взять васъ съ собой, какъ мою плѣнницу.

Она посмотрѣла на него въ полномъ убѣжденіи, что онъ сошелъ съ ума.

— Я—ваша плѣнница?—воскликнула она.—Ни за что на свѣтѣ!

— Да, вы—моя плѣнница на цѣлыхъ три дня,—отвѣтилъ ей Гель, какъ можно мягче.—Антоній, присмотри за пажемъ и за лошадью, а я поѣду съ этой дамой на встрѣчу нашимъ людямъ. Сударыня, пожалуйста, поѣзжайте немного въ сторону въ эти кусты. Мы подождемъ ихъ лучше здѣсь.

— Мнѣ и въ голову не придетъ этого сдѣлать!—воскликнула Анна, и глаза ея гнѣвно сверкнули.

Гель подождалъ еще секунду, потомъ, ни слова не говоря, взялъ ея лошадь за поводъ и повелъ ее въ томъ направленіи, куда указывалъ. Она сидѣла спокойно и была такъ удивлена, что не могла сопротивляться, но взглядъ ея, брошенный на Геля, могъ бы испугать менѣе храбраго человѣка, чѣмъ онъ. Гель остановился въ кустахъ недалеко отъ дороги, такъ что имъ было слышно и видно все, что дѣлалось на ней. Антоній, въ свою очередь, легко обезоружилъ пажа, посадилъ его на лошадь и повелъ ее тоже за поводъ къ тому мѣсту, гдѣ находился Гель. Лицо Анны къ этому времени приняло другое выраженіе; она видимо испугалась въ первый разъ въ жизни и готова была соскочить съ лошади и бѣжать пѣшкомъ, только бы скрыться изъ виду, но, хорошо понимая, что это невозможно, она только тяжело вздохнула и осталась сидѣть на своемъ сѣдлѣ.

— Вы не бойтесь, сударыня,—произнесъ Гель все также мягко,—я не причиню вамъ ни малѣйшаго вреда. Пока вы будете слушаться меня, никто не дотронется до васъ пальцемъ, и, во всякомъ случаѣ, что бы ни случилось, вы будете имѣть дѣло только со мной, а я, какъ вы знаете, такой же дворянинъ, какъ и вы.

— Неужели вы рѣшитесь прибѣгнуть къ силѣ?—воскликнула она немного испуганно, глядя ему прямо въ глаза.

— Если придется, то я прибѣгну, конечно, и къ силѣ,—отвѣтилъ онъ спокойно, не опуская передъ нею глазъ.

Онъ отвернулся и замолчалъ. Антоній стоялъ рядомъ съ Френсисомъ. Всѣ четверо стояли тихо и неподвижно, и наконецъ Анна спросила:

— Чего собственно мы ждемъ?

— Мы ждемъ моихъ людей, они должны подъѣхать сюда съ экипажемъ, въ которомъ вы и поѣдете.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него, но ничего не отвѣтила.

Наконецъ, вдали послышался топотъ копытъ и тяжелый стукъ колесъ огромной колымаги. Гель взялъ лошадь Анны за поводъ и выѣхалъ вмѣстѣ съ ней на дорогу, какъ разъ въ ту минуту, когда

на поворотѣ показался экипажъ, запряженный лошадьми разбойниковъ, мирно шествовавшихъ рядомъ съ нимъ. Послѣдніе не безъ нѣкотораго, конечно, любопытства внимательно осмотрѣли Анну. Гель приказалъ имъ остановиться, слѣзъ самъ съ лошади и подвелъ лошадь Анны къ дверцамъ экипажа.

Колымага эта была изъ самыхъ первобытныхъ, такъ какъ въ употребленіе экипажи вошли только за тридцать пять лѣтъ передъ началомъ нашего разсказа. Она была безъ рессоръ съ огромными тяжелыми колесами и огромной крышкой, которая спускалась, какъ навѣсъ, надъ единственнымъ отверстіемъ, имѣвшимся въ немъ сбоку. Человѣка, сидѣвшаго въ немъ, не было ни малѣйшей возможности увидѣть, и если бы ему вздумалось кричать, то крики его были бы совершенно заглушены стукомъ колесъ и скрипомъ всей огромной, неудобной колымаги.

— Пожалуйста, сударыня, — проговорилъ Гель очень почтительно: — соблаговолите перемѣнить вашу хромую лошадь на этотъ экипажъ, будьте добры пересѣсть въ него.

И онъ протянулъ руку, чтобы помочь ей сойти съ лошади.

— И не думаю даже,- -рѣзко отвѣтила ему Анна, къ большому удивленію Румнея и его людей, не спускавшихъ съ нея глазъ.

Зная прекрасно, что тяжелый экипажъ страшно замедлитъ движеніе и этимъ значительно сократитъ разстояніе между нимъ и преслѣдователями, Гель рѣшилъ не терять больше ни минуты: онъ осторожно высвободилъ ногу Анны изъ стремени и обхватилъ ее за талію, а затѣмъ, легко приподнявъ на сѣдлѣ и высвободивъ изъ ея рукъ повода, онъ осторожно снялъ ее съ лошади. Она больше не выказывала ни малѣйшаго сопротивленія, и ей въ голову не пришло царапать или бить того, кто овладѣлъ ею, для этого она была слишкомъ горда, но если бы Гель во-время не отнялъ отъ нея кинжала, она не задумалась бы нанести ему ударъ, чтобы только высвободиться изъ его рукъ. Но зато теперь ему предстояла болѣе трудная задача. Онъ положительно не зналъ, какъ посадить ее въ экипажъ, такъ какъ она лежала, неподвижно вытянувшись у него на рукахъ, и онъ не могъ силой согнуть ее, чтобы сунуть въ отверстіе, служившее въ одно время и дверью и окномъ въ экипажѣ. Онъ велѣлъ подать себѣ скамеечку, стоявшую внутри колымаги, и поставилъ ее передъ экипажемъ и на нее поставилъ затѣмъ Анну, но такъ какъ она продолжала стоять неподвижно, твердо рѣшившись не помогать ему ни единымъ движеніемъ, и къ тому же онъ замѣтилъ на лицахъ окружающихъ его людей насмѣшливыя улыбки, онъ наконецъ вышелъ изъ себя и, не заботясь больше о ея чувствахъ, быстро обнялъ ее за талію, повернулъ ее и въ горизонтальномъ положеніи всунулъ въ экипажъ, а затѣмъ велѣлъ туда всунуть такимъ же образомъ и Френсиса, что и было исполнено.

Его собственную лошадь подвели ему также къ самому экипажу; онъ сѣлъ на нее съ твердымъ намѣреніемъ все время ѣхать рядомъ съ колымагой. Антонію онъ велѣлъ ѣхать сейчасъ же вслѣдъ за собою, а Китъ Боттль долженъ былъ ѣхать впереди каравана. Румнею онъ предоставилъ ѣхать, гдѣ тому будетъ угодно, и былъ въ полной увѣренности, что онъ, конечно, не преминетъ поѣхать съ своимъ старымъ пріятелемъ, но въ этомъ онъ ошибся: Румней предпочелъ почему-то ѣхать за экипажемъ... Это обстоятельство удивило и нѣсколько обезпокоило Геля. Его безпокойство еще усилилось, когда во время дороги къ нему вдругъ подъѣхалъ Антоній и прошепталъ:

— Вы замѣтили, какъ этотъ разбойникъ взглянулъ на эту даму? Его взглядъ мнѣ очень не понравился.

— Мнѣ тоже,—тихо отвѣтилъ Гель и глубоко задумался.

XIV.

Какъ пажъ ходилъ во снѣ.

Гель Мерріотъ потерялъ почти цѣлыхъ два часа съ инцидентомъ въ Клоунѣ, и затѣмъ еще очень много времени пошло на то, чтобы запрячь лошадей въ экипажъ и довезти его до того мѣста, гдѣ онъ ждалъ его потомъ съ Анной, такъ что, когда наконецъ они тронулись дальше въ путь, было уже два часа пополудни.

Гель, продолжая ѣхать рядомъ съ колымагой, все время думалъ о Барнетѣ и разсчитывалъ въ умѣ, какъ близко отъ него онъ долженъ находиться въ настоящее время. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что разстояніе между ними должно было теперь все время уменьшаться, такъ какъ, несмотря на то, что лошади Барнета и его людей должны были уже сильно утомиться, онѣ все же подвигались навѣрное гораздо скорѣе, чѣмъ тяжелый рыдванъ, запряженный тоже не совсѣмъ свѣжими лошадьми. Кромѣ того, Барнету раньше приходилось останавливаться, по всей вѣроятности, очень часто, чтобы наводить справки о тѣхъ, кого онъ преслѣдовалъ, теперь же общество, въ которомъ путешествовалъ Гель, было настолько велико и такъ привлекало общее вниманіе, что не было никакого труда выслѣдить направленіе, въ которомъ оно двигалось.

Гель разсчитывалъ только на то обстоятельство, что Барнетъ, узнавъ о силахъ своего противника, навѣрное, остановится немного отдохнуть, чтобы дать отдыхъ своимъ людямъ и лошадямъ, а, вовторыхъ, навѣрное, займется пріисканіемъ себѣ надежнаго эскорта изъ мѣстныхъ крестьянъ, чтобы сразиться затѣмъ съ своимъ противникомъ.

Стараясь ободрить себя радужными надеждами, хотя и не упуская изъ виду предстоящей опасности, Гель все время ѣхалъ ря-

Издатель А. С. Суворинъ. **Редакторъ С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

НОЯБРЬ, 1906 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1906 г.

(См. слѣд. стран.).

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1907 году

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1907 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать семь лѣтъ (1880—1906).

Свобода печати снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны. Поэтому, въ теченіе 1907 года, въ **„Историческомъ Вѣстникѣ"** будутъ напечатаны статьи и воспоминанія, касающіяся не только прошлой, но и современной исторіи, которыя, по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ АПУХТИНЪ.

ШКЛОВСКІЯ АССИГНАЦІИ [1].

Историческая повѣсть.

XVI.

Семейныя радости Сальморана.

НАСТУПИЛА весна. Въ началѣ мая мѣсяца графъ Аннибалъ Зановичъ выѣхалъ въ Петербургъ, располагая оттуда отправиться за границу. Въ Петербургѣ онъ остановился въ домѣ Зорича. И не раньше оставилъ столицу, какъ получивъ отъ придворнаго банкира Сутерленда вексель въ 48.000 ливровъ съ переводомъ въ Парижъ на банкирскую контору Жирарда Галлеро и К°. Сутерлендъ долго колебался, видно памятуя, что рекомендательныя письма не суть кредитивы. Между тѣмъ, въ Шкловѣ попрежнему царило оскудѣніе, уныніе и скука. Въ эти невеселые дни томительнаго ожиданія заняли всѣхъ счастливыя событія въ семействѣ Сальмородовъ. Прелестная Элоиза готовилась къ разрѣшенію отъ бремени и съ бодростью переносила свое положеніе. Однако, принимавшій изъ дружества въ ожидаемомъ событіи большое участіе Зоричъ настоялъ, чтобы изъ Москвы была выписана повивальная бабушка, славившаяся своей легкой рукой и принимавшая въ самыхъ аристократическихъ домахъ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI, стр. 5.

Растроганный попечительными заботами Зорича, счастливый отецъ, Сальморанъ не зналъ, какъ выразить свою благодарность, и сказалъ, что разъ уже рѣшено посылать въ Москву за бабушкой, то кстати было бы уже и захватить тамъ его сына-первенца, находящагося на воспитаніи у добродѣтельной германки. Зоричъ ничего противъ этого не имѣлъ. Въ Москву были отправлены за Сальморановымъ первенцомъ карета, два лакея и няня. Сальморанъ всѣмъ сообщалъ восторженно о счастливыхъ событіяхъ, готовящихся въ его семействѣ, и что онъ нѣкоторымъ образомъ будетъ дважды отцомъ—прижметъ къ груди своей первенца, котораго не видалъ цѣлый годъ, и неизвѣстнаго еще пола дитя, но, тѣмъ не менѣе, уже и теперь съ горячностью имъ любимое. Эти изліянія родительскаго чувства, переполнявшаго Сальморана, вызывали у всѣхъ странныя улыбки и служили предметомъ нескончаемыхъ разговоровъ между обитателями замка. Всѣ точно сговорились подзадоривать восторженнаго француза и старались какъ можно шумнѣе его поздравлять и всячески шумѣть около ожидаемаго событія. За обѣдомъ всѣ то и дѣло громогласно пили здоровье будущаго Сальморанова наслѣдника или наслѣдницы и первенца его. Элоиза при этомъ алѣла, Зоричъ кусалъ губы, а Сальморанъ упоенный чокался и отвѣчалъ пространными рѣчами. Мало того, входили въ подробное обсужденіе плана воспитанія чадъ Сальморана и карьеры, которую они должны избрать.

Поднимались азартные споры. Одни говорили, что первенецъ Сальморана долженъ итти по военной службѣ, а второй,—ибо не сомнительно при мужественной бодрости родителя, что ожидаемое чадо будетъ сыномъ,—по гражданской, а именно дипломатической. Другіе утверждали, что сыновья Сальморана, конечно, должны проходить курсъ наукъ въ Шкловскомъ благородномъ училищѣ, а потомъ одинъ пусть вступитъ въ ряды римско-католическаго духовенства, а другой будетъ врачомъ. Наконецъ, держали пари о судьбѣ чадъ Сальморана и заставляли его разнимать бьющихся объ закладъ.

Въ подобныхъ невинныхъ шуткахъ быстро летѣло время, когда наконецъ въ началѣ іюня прибыла изъ Москвы карета съ весьма дѣйствительно, упитаннымъ, добродѣтельною германкою мальчикомъ и съ бабушкою. Тутъ приспѣло и время Элоизѣ такъ, что она перестала появляться въ обществѣ замка и скрывалась въ своихъ покояхъ. Зоричъ, однако, каждое утро и каждый вечеръ посылалъ узнавать о состояніи здоровья Элоизы, а иногда и навѣщалъ ее, кокетливо увитую кружевами и лентами къ безконечной радости шумно-восторженнаго Сальморана.

Наконецъ ожидаемое событіе настало, и супруга Сальморана наиблагополучнѣйшимъ образомъ разрѣшилась живымъ и здоровымъ ребенкомъ, дѣвочкою. Для совершенія крещенія по обряду

римско-католической церкви новорожденной, пріѣхало въ замокъ чрезвычайно важное духовное лицо, по особому приглашенію генерала,—бискупъ могилевскій, Ясонъ Смогоржинскій. Зоричъ былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и, конечно, былъ ему долженъ. Такимъ образомъ обрядъ присоединенія маленькой Сальморанъ къ римско-католической церкви отправленъ былъ съ большимъ торжествомъ. Зоричъ по этому случаю угощалъ бискупа Ясона Смогоржинскаго завѣтными бутылками шкловскаго погреба—старой водкой и венгерскимъ, поставленными туда еще прежними владѣльцами замка, Ходкевичами. Зоричъ кое-какъ за неимовѣрные проценты добылъ у евреевъ достаточную сумму, чтобы положить на зубокъ новорожденной, устроить приличную иллюминацію и катанье на Днѣпрѣ. Бискупъ Ясонъ прожилъ въ замкѣ нѣсколько дней, при чемъ много бесѣдовалъ съ графомъ Маркомъ Зановичемъ, убѣждая его отказаться отъ мірской суеты и посвятить себя церкви. Бискупъ Ясонъ собирался ѣхать въ Римъ и предлагалъ графу Марку мѣсто въ своей каретѣ, обѣщая представить его святѣйшему отцу папѣ. Графъ Маркъ, однако, не склонился на увѣщанія бискупа, а предложилъ позабавиться ловлей рыбы въ извѣстныхъ ему Днѣпровскихъ заводяхъ, чѣмъ они и занялись дѣйствительно.

Сальморанъ счелъ своимъ долгомъ сообщить бискупу, что хотя онъ не можетъ считаться «атеемъ», однако, будучи подъ присмотромъ Вольтера три года, свободно относится къ вопросамъ вѣры. Тѣмъ не менѣе, обряды церкви трогаютъ и волнуютъ его, пробуждая воспоминанія дѣтства и напоминая ему престарѣлую, исполненную чести и всяческихъ достоинствъ матушку, оставшуюся тамъ, на родинѣ, въ Гаскони. Бискупъ Ясонъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, отнесся съ большою снисходительностью къ свободомыслію Сальморана. Однако высказалъ желаніе, чтобы тотъ, какъ директоръ Шкловскаго благороднаго училища, воздерживался показывать передъ ввѣренными ему отроками и юношами вольный складъ своего ума, такъ какъ религія есть основаніе воспитанія и единственная узда неопытныхъ и буйныхъ страстей молодежи. Бискупъ выразилъ желаніе осмотрѣть училище, и смущенный Сальморанъ принужденъ былъ сказать, что лишь немногіе воспитанники налицо, самый персоналъ учителей въ отсутствіи, и занятій не происходитъ. Тогда бискупъ сказалъ, что желаетъ осмотрѣть хотя библіотеку, музей и картинную галлерею училища, о которыхъ ему много говорили. Но и это оказалось невозможнымъ, такъ какъ, по объясненіямъ Сальморана, зданіе ремонтировалось, и картины, книги, коллекціи, инструменты — все было временно вынесено въ кладовыя. Бискупъ очень жалѣлъ и ограничился тѣмъ, что удилъ съ графомъ Маркомъ рыбу, знакомился съ завѣтными сокровищами погреба, утаенными даже расточи-

тельнымъ Зоричемъ отъ общей участи, и рвалъ цвѣты въ саду, розы разныхъ колеровъ и вязалъ изъ нихъ букеты, посылая ихъ быстро оправлявшейся Элоизѣ. Бискупъ былъ любезный, свѣтскій человѣкъ.

XVII.

Безпокойный жилецъ.

Въ срединѣ октября 1782 г. почтенная хозяйка питейнаго дома подъ вывѣскою «Золотого Яблока» въ предмѣстьѣ Брюсселя, m-me Малуазель, стояла на обычномъ мѣстѣ за стойкой, а ея служащіе исполняли свои обязанности, подавая напитки немногимъ, впрочемъ, въ этотъ утренній часъ посѣтителямъ заведенія—мелкимъ приказчикамъ магазиновъ и лакеямъ изъ дворянскихъ домовъ, когда въ комнату вошелъ щеголь и парижанинъ, мосьё Лаперъ. Общій, дружный крикъ привѣтствовалъ популярнаго молодого человѣка.

—А-а, здравствуйте, г. Лаперъ! Съ добрымъ утромъ, г. Лаперъ! Какъ почивали, г. Лаперъ? Что подѣлываетъ вашъ таинственный графъ?

Лаперъ съ граціей петиметра шумливо отвѣчалъ на эти привѣтствія, заявивъ, что онъ свободенъ до перваго часа пополудни, какъ всегда. Графъ опять поднялся въ 8 часовъ утра, по обычаю явился затѣмъ типографщикъ Гударъ, Лаперъ подалъ шоколадъ, и они заперлись на замокъ. Онъ теперь свободенъ.

— Ну, что же дѣлаетъ вашъ графъ съ типографщикомъ Гударомъ?—спросилъ кто-то.

— Они занимаются.

— Чѣмъ?

Лаперъ поднялъ брови и сказалъ, что онъ не подсматривалъ за ними въ замочную скважину, какъ это водится у другихъ камердинеровъ. Онъ слишкомъ для этого благовоспитанъ и знаетъ приличія. Онъ исполнилъ свою обязанность, подалъ шоколадъ и затѣмъ пользуется своею свободою до самаго обѣда.

И, кинувшись на стулъ, мосьё Лаперъ воскликнулъ:

— Ah, que je suis lassais d'être laqu!

Посѣтители заведенія съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ выраженію чувствъ благовоспитаннаго парижанина и принялись бранить своихъ господъ, разсказывая интимныя подробности ихъ безпутной жизни. Всѣ они находили, что нисколько не хуже своихъ господъ могли бы вести точно такой же образъ существованія, что они ни въ чемъ не уступятъ своимъ господамъ, и единственный ихъ недостатокъ—отсутствіе денегъ.

— Возьмите у господъ деньги и отдайте ихъ лакеямъ, и лакеи станутъ господами, а господа—лакеями!—какъ бы предсказывая гря-

дущую великую французскую революцію и директорію, говорили утренніе посѣтители «Золотого Яблока».

Затѣмъ они стали расходиться каждый по своимъ дѣламъ, и скоро заведеніе совершенно опустѣло.

— M-sieur Лаперъ,—сказала тогда почтенная хозяйка питейнаго дома, m-me Малуазель,—пройдите, пожалуйста, на мою половину. Мнѣ необходимо поговорить съ вами.

— Съ удовольствіемъ, m-me,—галантно отвѣчалъ парижанинъ и въ сопровожденіи хозяйки поднялся по винтовой лѣстницѣ на второй этажъ домика, занятый ея покоями.

— Садитесь, m-sieur Лаперъ,—сказала хозяйка, пододвигая кресло графскому камердинеру и садясь сама. Комната, въ которой они теперь находились—гостиная m-me Малуазель, была очень прилично убрана, и октябрьское солнце заливало ее своимъ полухолоднымъ свѣтомъ. Окна ея выходили на дворъ и примыкали къ галлереѣ, увитой виноградомъ, кисти котораго сквозили на солнцѣ, совершенно зрѣлыя и тяжелыя. Птички въ клѣткахъ подъ портикомъ галлереи заливались веселыми пѣсенками. M-me Малуазель сидѣла въ большомъ мягкомъ креслѣ, возлѣ камина, украшеннаго старинными часами и портретомъ покойнаго мужа содержательницы «Золотого Яблока».

— M-sieur Лаперъ, я давно хотѣла поговорить съ вами,—начала хозяйка.—Вы сколько нибудь знаете графа, у котораго находитесь въ услуженіи?

— Очень мало,—отвѣчалъ Лаперъ:—даже настолько, что не знаю его фамиліи, такъ какъ и онъ самъ мнѣ не сообщилъ ея, и посѣщающіе нась почти каждый день гости называютъ его просто «графъ».

— Вы неосторожны, m-sieur Лаперъ,—сказала хозяйка.—Какъ же такъ—служить неизвѣстно кому?

— Э, m-me, вы судите, какъ провинціалка,—возразилъ молодой человѣкъ:—не все ли равно, кому подавать шоколадъ, чистить платье, отворять и затворять двери? Да хотя бы самому дьяволу, лишь бы онъ аккуратно платилъ установленное жалованье. А графъ и его гости—очень щедрые люди. Къ тому же я имѣю много свободнаго времени. Утромъ съ 9 часовъ до часа и потомъ всю ночь до утра, съ 11 или 12 часовъ, когда гости графа расходятся по домамъ. И замѣтьте, m-me, то удобство: у другихъ господъ вы и не нужны, а васъ все-таки заставляютъ сидѣть безъ дѣла дома въ ожиданіи возможныхъ приказаній. Мой графъ смотритъ на это совсѣмъ иначе. Я имѣю свой особый ключъ отъ входныхъ дверей, а графъ—свой. «Пожалуйста, уходи по ночамъ, куда хочешь,—говоритъ графъ.—Пользуйся удовольствіями своего возраста. Посѣщай балы, театры. Вообще, гдѣ ты находишься ночью, въ своей ли постели или за десять верстъ отъ Брюсселя,—мнѣ рѣшительно все равно. Въ 8 ча-

совъ утра ты долженъ подать шоколадъ и вычищенное платье, въ часъ—принести обѣдъ изъ ресторацiи; послѣ обѣда до самаго ужина ты свободенъ; проводивъ гостей послѣ ужина, опять свободенъ»: И я широко пользуюсь этой свободой, m-me,—заключилъ, улыбаясь, свой разсказъ молодой человѣкъ.

— Поскольку я замѣтила,—сказала m-me Малуазель,—поутру у васъ всегда бываетъ типографщикъ Гударъ, а къ ужину являются банкиръ Сиронваль, адвокатъ Тутикъ и еще какой-то купецъ. Не находите ли вы, m-ieur Лаперъ, такую компанiю малоподходящей для графа? И не странно ли, что онъ поселился въ такомъ глухомъ предмѣстьѣ, рядомъ съ питейнымъ заведенiемъ, хотя, конечно, «Золотое Яблоко»—вполнѣ порядочное и посѣщаемое только приличной публикой питейное заведенiе, но все же странно. Къ тому же графъ занимаетъ совсѣмъ бѣдную квартиру, надъ сараемъ, въ ветхомъ одинокомъ флигелѣ. Идетъ ли это богатому человѣку и аристократу?

— За мою службу въ Парижѣ я убѣдился,—сказалъ Лаперъ,—что аристократы и богатые люди чаще, чѣмъ это думаютъ, ищутъ весьма низкаго общества. Но что графъ—природный аристократъ, въ этомъ уже повѣрьте моей опытности: я достаточно видѣлъ знатныхъ господъ. А что онъ богатъ, я убѣдился во время нашей поѣздки въ обществѣ г. банкира въ почтовой каретѣ на охоту, когда дичь насъ завела до самаго Парижа, гдѣ мы и проохотились восемь дней. Да, я вамъ скажу, графъ умѣетъ пожить!

— Все такъ, m-sieur Лаперъ. Но вотъ что меня особенно смущаетъ. Вашъ флигель приходится стѣна въ стѣну съ моей спальней. И я положительно не могу уснуть отъ шума въ графской комнатѣ. Что это онъ, право? Стукнетъ два раза и выжидаетъ.... потомъ опять... и такъ всю ночь на пролетъ! Положительно не даетъ покоя. И мои служащiе вамъ это подтвердятъ.

— Я, какъ уже вамъ объяснялъ, получилъ дозволенiе отъ графа не ночевать дома. И былъ бы, конечно, довольно глупъ, если бы при моей наружности, знанiи свѣта и возрастѣ не воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ. Поэтому я не знаю, стучитъ ли графъ и какъ стучитъ. У него къ тому же есть большая собака. Когда ей щекочешь брюхо, она начинаетъ стучать хвостомъ и задней ногой. Такъ не отсюда ли обезпокоившiй васъ стукъ?

— Помилуйте, m-sieur Лаперъ, что вы говорите?—воскликнула хозяйка.—Можно ли повѣрить тому, что графъ цѣлыя ночи на пролетъ щекочетъ брюхо у своей собаки? Возможное ли это дѣло? Сами посудите!

— Вы не знаете причудъ большихъ господъ, m-me Малуазель,—возразилъ парижанинъ:—проживая всю жизнь въ буржуазной средѣ. Я же насмотрѣлся на нихъ достаточно. Впрочемъ, кажется, я по-

нимаю, откуда происходитъ шумъ въ комнатѣ графа. Онъ—поэтъ, m-me Малуазель. Онъ пишетъ стихи.

— Какъ поэтъ?

— Да, поэтъ, стихотворецъ.

— Но вѣдь писанье стиховъ не ремесло сукновальщика, мой милый m-sieur Лаперъ. Откуда при немъ быть стуку?

— Какъ откуда? Вотъ я одно время служилъ у маркиза Буримэ. Маркизъ, правду сказать, былъ очень не богатъ. Отъ его помѣстья осталось только нѣсколько акровъ вереска и старая башня, треснувшая отъ зубцовъ до подошвы, гдѣ ютились только крысы, совы и летучія мыши. Онъ жилъ такъ высоко, что изъ оконъ мансарды былъ виденъ весь Парижъ. По цѣлымъ ночамъ онъ писалъ оды и самъ ихъ печаталъ на ручномъ станкѣ. Стукъ былъ при этомъ постоянный, то станкомъ, а то ногою, когда маркизъ считалъ слоги. Затѣмъ онъ самъ разносилъ свои оды по домамъ грансеніоровъ и получалъ за нихъ иногда такіе увѣсистые кошельки съ золотомъ, что мы спускались съ мансарды и вмѣстѣ проводили нѣсколько пріятныхъ дней. Да, онъ былъ милѣйшій человѣкъ, маркизъ Буримэ. У него я положилъ начало своему образованію. Онъ научилъ меня латинскому языку и читалъ со мною классиковъ.

— Неужели, m-sieur Лаперъ, вы такъ образованы?—удивлялась содержательница «Золотого Яблока».

— О, m-me Малуазель! Если бы я не былъ бѣденъ, я показалъ бы себя.

— Итакъ, вы полагаете, что и вашъ графъ пишетъ оды и печатаетъ ихъ на ручномъ станкѣ?

— Я не могу, конечно, это утверждать навѣрно, но знаю, что по возвращеніи изъ Парижа графъ нѣсколько дней сряду торговался съ типографщикомъ Гударомъ и купилъ наконецъ у него за три луидора ручной типографскій станокъ. Наконецъ, еще надняхъ видѣлъ въ кабинетѣ графа, передъ каминомъ, восемь большихъ пакетовъ.

— И вы полагаете, что въ нихъ лежали все оды графа? Восемь большихъ пакетовъ одъ! Возможно ли за такое короткое время столько написать?

— Вы не знаете стихотворцевъ, m-me Малуазель. У маркиза Буримэ былъ громадный сундукъ, до верху набитый его произведеніями. Наконецъ, свои оды графъ, конечно, печатаетъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

— Но почему же графъ самъ безпокоится и не спитъ ночи? Вашъ маркизъ былъ бѣденъ, а графъ, вы говорите, богатъ. Онъ могъ бы поручить тому же г. Гудару отпечатать его оды на лучшей бумагѣ.

— Э, дорогая m-me Малуазель, графъ, вѣроятно, боится, чтобы какой нибудь бездарный стихотворецъ не похитилъ изъ типографіи его оды и не выдалъ за свои. Впрочемъ мы скоро дадимъ вамъ покой, и ничто уже не будетъ нарушать вашъ сонъ. Мы уѣзжаемъ черезъ три дня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Куда же?

— Сначала въ Ахенъ и Берлинъ, а потомъ въ Россію.

— Въ Россію?!.. Боже мой! И вы не боитесь съ неизвѣстнымъ человѣкомъ ѣхать въ эту варварскую страну, гдѣ круглый годъ лежитъ снѣгъ, по улицамъ городовъ днемъ даже ходятъ бѣлые медвѣди, и любимое кушанье даже знатныхъ—сальныя свѣчи?!.

M-sieur Лаперъ снисходительно улыбнулся.

— Все это басни, m-me Малуазель. Подъ скипетромъ императрицы Екатерины Россія стала почти на уровнѣ съ Европой. Тамъ уже многіе мои соотечественники сдѣлали блестящую карьеру. Это—сторона, гдѣ французскій лакей даже и безъ денегъ можетъ стать бариномъ.

— Дай вамъ Богъ успѣха, мой милый m-sieur Лаперъ. Но скажите, гдѣ вы намѣрены устроиться въ Россіи?

— О, графъ нанимаетъ меня для одного русскаго вельможи, un boyard russe, несмѣтно богатаго: это—général Zoritz, обласканный самой императрицей Екатериной. Я ѣду въ его помѣстья—dans le gouvernement de Moguileff, le château de Sklow.

XVIII.

Въ домѣ еврея Натки.

Подъ вечеръ въ февралѣ мѣсяцѣ 1783 г. богатый шкловскій купецъ, еврей Натка, былъ занятъ въ своихъ обширныхъ амбарахъ развѣшиваніемъ чая, смѣшаннаго со «скрыпнемъ»—одинъ изъ существенныхъ промысловъ мѣстечка Шклова и до сего дня. Быстро темнѣло, еврей со своими работниками спѣшилъ, какъ вдругъ къ дому подкатилъ возокъ, запряженный четверкой утомленныхъ лошадей. Возница слѣзъ съ облучка и принялся наносить увѣсистые удары кулаками въ ворота.

— Ай! ай! что это такое? И кто это можетъ такъ шибко стучать?—закричалъ перепуганный еврей.—Поди, Мендель,—сказалъ онъ одному изъ рабочихъ, мускулистому еврею, съ рыжими кудрями,—взгляни, кто такъ нагло стучится въ ворота, и кому до насъ дѣло?

Мендель пошелъ, и такъ какъ онъ не спѣшилъ, то ворота чуть не слетѣли съ петель отъ новыхъ неистовыхъ ударовъ.

— Кто такой стучится? Чего вамъ надо?—какъ можно громче и грознѣе закричалъ Мендель, у котораго, несмотря на его ростъ и силу, душа все же уходила въ пятки, когда онъ отворялъ маленькое окошечко въ окованной желѣзомъ такъ же, какъ и ворота, калиткѣ.

— Отворяй ворота, что ли, жидъ!—закричалъ съ улицы возница.—Вишь, морозище какой, да и мятель.

— Какъ же можно отворять совсѣмъ незнакомымъ людямъ?—возразилъ Мендель.

— Значитъ, знакомые, коли говорю, чтобы отворялъ.

И возница вновь принялся громыхать въ ворота.

— Ой, постой, не стучи такъ, я пойду, хозяину скажу,—закрывая форточку, сказалъ Мендель.

Между тѣмъ, появленіе возка на шкловской улицѣ и стукъ въ ворота вызвали любопытныхъ со всѣхъ сторонъ. Изъ окошекъ, изъ воротъ, изъ дверей сосѣднихъ домовъ высунулись головы евреекъ въ парикахъ и евреевъ съ огромными пейсами. Еврейчата собрались толпой около возка, громко тараторя.

Наконецъ форточка въ калиткѣ опять отворилась, и самъ Натка спросилъ:

— Что за люди? И чего вамъ надо? И почему вы смѣете такъ ужасно стучать, когда всѣ уже легли спать? Развѣ у меня въѣзжій домъ?

Въ эту минуту изъ возка вылѣзъ высокій баринъ въ великолѣпной собольей шапкѣ и шубѣ и повелительно сказалъ по-нѣмецки:

— Развѣ ты меня не узнаешь, Натка? Отворяй скорѣй.

— Ахъ, ясновельможный панъ, сіятельнѣйшій графъ!—воскликнулъ Натка,—извините, пожалуйста, что мы не знали! Сейчасъ, сейчасъ, панъ графъ! Сейчасъ!

Раздался звонъ замка, громъ отодвигаемаго запора, бряцанье цѣпи, и Натка пріотворилъ калитку. Въ рукѣ онъ держалъ фонарь, который, однако, не снимая цѣпи, высунулъ въ протянутой рукѣ на улицу и освѣтилъ стоявшую въ сумеркахъ зимняго вечера фигуру проѣзжаго. Убѣдившись окончательно, что это—человѣкъ знакомый, онъ велѣлъ Менделю отпирать ворота, а самъ распахнулъ калитку и съ низкими поклонами пропустилъ пріѣзжаго на дворъ. Хотя дворъ Натки весь былъ заставленъ бочками и ящиками, а постройки, расположенныя вокругъ него, представляли невообразимый хаосъ дерева и камня, галлерей, наружныхъ лѣстницъ, крылецъ, клѣтуховъ и пристроекъ, пріѣзжій, съ полнымъ знаніемъ мѣстности, твердо прошелъ по двору и сталъ подниматься по лѣстницѣ въ жилье купца.

— Помоги выйти моему камердинеру, Натка, да посвѣти ему. Онъ у меня прикатилъ прямо изъ Парижа, одѣтъ по-заграничному и сильно озябъ.

Еврей освѣтилъ внутренность возка, и оттуда вылѣзъ, корчась отъ холода, камердинеръ. Несчастный напрасно обмоталъ голову шарфомъ и кутался въ свой, англійскаго покроя «каррикъ» съ десятью воротниками, русскій морозъ пробралъ француза до костей, и, опершись на руку еврея, онъ, шатаясь и еле передвигая закоченѣлыя ноги, только слабымъ голосомъ повторялъ:

— O, mon Dieu! mon Dieu! Quel pays barbare! Quel froid boréal! O, mon Dieu! mon Dieu!

Еврей провелъ француза вслѣдъ за его бариномъ по лѣстницѣ въ просторную, теплую комнату, съ огромной русской печью, съ большой картиной на стѣнѣ, изображавшей собраніе шкловскихъ раввиновъ. Лавки здѣсь были устланы прекрасными коврами. На столѣ стояли большіе, семисвѣчные серебряные канделябры, которые Натка сейчасъ зажегъ. На полкахъ и въ стеклянныхъ шкафахъ видно было много древней посуды, кубковъ, бокаловъ, графиновъ и жбановъ. Въ углу на особомъ столикѣ помѣщались цимбалы.

Между тѣмъ, Мендель и возница стали вносить дорожный погребецъ и тюки пріѣзжаго, который сбросилъ на руки Натки шубу, снялъ шапку и прохаживался, разминаясь съ дороги. Французъ-камердинеръ, обезсиленный, прислонился къ горячей печи.

— Въ самомъ дѣлѣ сильный морозъ, Натка, — сказалъ пріѣзжій.—И я промерзъ. Дай-ка намъ твоей «пейсаховки».

Еврей полѣзъ въ шкафчикъ, досталъ пузатый графинчикъ, грани котораго переливались радугой, налилъ въ серебряную чарочку и съ поклономъ поднесъ гостю. Тотъ выпилъ ее, не поморщившись, и велѣлъ налить еще и поднесъ окоченѣлому французу. Но едва тотъ опрокинулъ содержимое чарки въ горло, какъ схватился за грудь, раскашлялся, и слезы брызнули изъ его глазъ. Ему показалось, что онъ хватилъ огня.

— Ничего, Лаперъ, ничего, сейчасъ это пройдетъ, и вы согрѣетесь,—сказалъ пріѣзжій.

Затѣмъ онъ сѣлъ къ столу, потребовалъ чернилъ, перо и бумаги и написалъ записку.

— Вотъ,—сказалъ онъ еврею,—вели отнести это совершенно секретно въ замокъ къ графу Марку.

— Сейчасъ пошлю, ясновельможный панъ-графъ,—отвѣтилъ Натка.

А графъ Аннибалъ,—это былъ онъ,—принялся ходить большими шагами по еврейской горницѣ.

— Ну, вотъ вы и въ Россіи, Лаперъ,—сказалъ онъ камердинеру, который отошелъ, согрѣлся наконецъ и теперь, снявъ свой «каррикъ», возился съ вещами графа, раскладывая и готовя ему походную постель.

Но бѣдный Лаперъ, ошалѣвъ и отъ дороги, и отъ мороза, и отъ «пейсаховки», и отъ новыхъ впечатлѣній, только тяжко вздыхалъ и отдувался.

Черезъ часъ посланный Наткою еврейчикъ возвратился и сказалъ, что передалъ въ замокъ записку, и что графъ Маркъ выслалъ къ нему своего камердинера Алессандро сказать, что будетъ около полуночи. Въ ожиданіи его графъ Аннибалъ принялся ужинать запасами своего дорожнаго погребца.

Графъ Маркъ дѣйствительно явился къ полуночи. Онъ пришелъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи Алессандро, освѣщавшаго путь маленькимъ потайнымъ фонаремъ. Братья обнялись и долго бесѣдовали по-итальянски. Наконецъ графъ Маркъ велѣлъ позвать хозяина.

— Слушай, Натка,—сказалъ онъ, когда еврей явился.—Сейчасъ же посылай надежнаго человѣка на прусскую границу за посылками для генерала, Семена Гавриловича Зорича. Слышишь?

— Я слышу, но что это за посылка?—спросилъ робкій Натка.

— Самая обыкновенная: два ящика съ картами.

— Развѣ въ замкѣ будетъ такая большая игра, что сейчасъ надо посылать за картами?

— А тебѣ какое до этого дѣло?

— Я полагалъ, что въ замкѣ все давно уже проиграно, такъ что нечего больше и проигрывать. И вдругъ такъ спѣшно получить цѣлыхъ два ящика картъ?

— Ты глупъ, Натка. Не умничай, пожалуйста, а сейчасъ посылай на границу надежнаго человѣка.

— Ай, вай!—схватывая себя за пейсы, сказалъ еврей.—Развѣ въ наше время есть надежные люди? Только и есть надежный — самъ. Да и то сталъ старъ и безпамятенъ. Ну, положимъ, я могу послать Лейба Берковича. Что же ящики въ таможнѣ будутъ вскрывать и возьмутъ пошлину?

— Ни въ какомъ случаѣ ящиковъ не должны вскрывать, слышишь ли, Натка, ни въ какомъ случаѣ.

— Ай, вай! Какъ же это такъ? Развѣ таможенные послушаютъ Берковича? Они непремѣнно вскроютъ ящики.

— Нѣтъ, они не вскроютъ ихъ, вотъ письмо генерала Зорича къ главному таможенному надзирателю. Генералъ ему пишетъ о пропускѣ сихъ ящиковъ съ картами, прося, что какъ оныя для его камердинеровъ-карловъ, и пошлина за нихъ не велика, то онъ за того жида, что ихъ получаетъ, и отвѣчаетъ. Довольно съ тебя?

— Ай! ай! генералъ Зоричъ—важный баринъ, очень сильный господинъ, и главный таможенный его, конечно, послушается и не захочетъ разсердить изъ-за такого пустяка, какъ два ящика картъ. Что такое карты? Тьфу, вотъ что такое! Ну, а вдругъ да

онъ не послушается и все-таки вскроетъ ящики? Что будетъ тогда, панъ-графъ можетъ сказать?

— Я же тебѣ говорю, что ящики ни въ какомъ случаѣ не будутъ и не должны быть вскрыты!—нетерпѣливо крикнулъ графъ Маркъ.

Еврей спряталъ въ плечи голову.

— Ай, какая трудная комиссія? Ай, какая опасная комиссія! Тутъ можно потерять свою жизнь и все состояніе! Ай, ай!

— Да вѣдь ты исполнялъ же раньше комиссіи генерала?—сказалъ графъ Маркъ.—Ѣздилъ же ты, самъ генералъ мнѣ говорилъ, передъ пріѣздомъ въ Шкловъ государыни, въ Дрезденъ за фарфоровымъ сервизомъ, стоившимъ болѣе 60 тысячъ. Еще въ Пруссіи съ тебя взяли два раза пошлины—при въѣздѣ и при выѣздѣ.

— Да, взяли. И я письменно жаловался самому прусскому королю,—съ живостью отвѣчалъ еврей,—и самъ король далъ на мою жалобу такой отвѣтъ: «Господинъ шкловскій купецъ Натка! Справедливо взята съ васъ за товаръ пошлина, положенная законами; а если бы вы не захотѣли платить пошлину два раза, то могли бы купить фарфоръ на моей берлинской фабрикѣ». Хотите, я сейчасъ покажу вамъ письмо короля? Оно его рукой подписано.

— Не надо. Оставь въ покоѣ прусскаго короля и его письмо. Ты ѣздилъ за фарфоромъ, почему же боишься получать карты?

— Ой, панъ-графъ!—хватаясь за животъ, завопилъ плачевно еврей.—Вѣдь карлы Зоричевы мнѣ уже говорили объ этихъ картахъ!

— Ага! И ты знаешь, какія это счастливыя, безпроигрышныя карты.

— Ой, знаю! Ой, какого же нехорошаго и опаснаго дѣло эта картежная игра! И съ чего генералу столько картъ? Ай, ай, вай миръ!

— Ну, не ломайся, Натка. Ты знаешь, что таможенный послушается письма Зорича. Вѣдь я съ нимъ говорилъ на границѣ и даже обѣщалъ нѣсколько колодъ.

— Ой, еще того хуже, коли обѣщали! Еще того хуже! И на чье имя фрактъ-брифъ? На имя карловъ Зоричевыхъ?

— Вотъ фрактъ-брифъ, смотри. Видишь, что ли, карты получены, адресованныя въ Кёнигсбергъ Есъ-Папіаку и Шумаху изъ Берлинской конторы отъ Зала Фарони и К° на мое имя. Видишь?

— Ой, вижу! Что жъ, одному Берковичу нельзя ѣхать, нѣтъ, никакъ нельзя! Съ нимъ поѣдетъ еще Шмуйла Гиршовичъ,—сказалъ, покачивая головой надъ фрактъ-брифомъ, еврей.

— Посылай хоть Гиршовича, хоть Берковича, хоть всѣхъ шкловскихъ Лейбовичей и Срулевичей вмѣстѣ, только не медли, дѣлай дѣло скоро и споро.

— Ой, ясновельможный панъ-графъ, поспѣшно нужно только ловить блоху, а тутъ такое дѣло, очень трудное дѣло!—сказалъ Натка.

XIX.

Жиды со шкатулками.

Въ замкѣ скоро, конечно, узнали о возвращеніи изъ-за границы младшаго Зановича, графа Аннибала. Немало удивлялись тому, что онъ остановился въ мѣстечкѣ у жида, и что туда же, повидимому, переселился графъ Маркъ. Между тѣмъ, Зановичи ожидали прибытія посланныхъ достопочтеннымъ шкловскимъ купцомъ Наткою на прусскую границу людей. Обыкновенно, сидѣли они запершись вдвоемъ въ отдаленной комнатѣ еврейскаго дома, никого къ себѣ не впускали, даже пищу принимая сами отъ камердинера въ двери; выходили только поздно вечеромъ, и то поочередно. Въ то время, какъ одинъ прогуливался, другой сидѣлъ запершись.

Стараго, честнаго Натку въ ожиданіи Шмуйлы Берковича и Лейбы Гиршовича трясла лихорадка, и онъ по десять разъ на дню начиналъ въ кругу своего многочисленнаго семейства жалостно причитать, что онъ пропалъ, совсѣмъ пропалъ, ввязавшись въ это дѣло съ безбожными картами. Но вотъ однажды на зарѣ Берковичъ и Гиршовичъ явились. Они подъѣхали къ дому Натки съ возомъ пакли, а когда возъ въѣхалъ на дворъ, и ворота затворились, и работники Натки сняли паклю, на самомъ днѣ оказались двѣ средней величины, но чрезвычайно тяжелыя ясеневыя шкатулки. Берковичъ и Гиршовичъ съ торжествомъ потащили ихъ къ хозяину и войдя затараторили громко, азартно, размахивая руками, что даже безъ помощи виленскихъ евреевъ имъ все удалось обдѣлать очень скоро; что посылокъ на таможняхъ не осматривали и не вскрывали, и главный таможенный выдалъ ихъ немедленно, едва они представили письмо Зорича и фрактъ-брифъ на имя графа Зановича. Евреи ликовали и, видимо, ожидали благодарности отъ хозяина. Но старый Натка растерзалъ свои одежды, схватился за пейсы и завопилъ:

— Ай, ай, что вы такое ко мнѣ принесли? Что это за вещь? Я не знаю, зачѣмъ мнѣ эта вещь? На что мнѣ богопротивныя карты нечестивыхъ гоевъ?! Если это для графовъ Зановичей, то и несите Зановичамъ, а я не знаю, ничего не знаю!

Берковичъ и Гиршовичъ понесли посылки графамъ, а Натка шелъ сзади и кричалъ:

— Вамъ какіе-то люди привезли какія-то вещи! Получайте эти вещи! А я не знаю, я никого за вещами не посылалъ, никого.

Графъ Маркъ Зановичъ пріотворилъ комнату, но не бралъ посылокъ. Тогда Берковичъ и Гиршовичъ тоже стали говорить, что

они ничего не знаютъ, что они были себѣ въ Вильнѣ по своимъ маленькимъ дѣламъ, и имъ встрѣтился незнакомый совсѣмъ человѣкъ на постояломъ дворѣ и просилъ передать графамъ эти вещи, кажется, карты. А что это за вещи, они не знаютъ, не смотрѣли.

— Хорошо, друзья мои,—сказалъ графъ Маркъ:—подержите ихъ у себя. А вечеромъ мы пойдемъ въ замокъ, такъ вы донесете туда за нами эти посылки.

И вслѣдъ за этими словами графъ Маркъ захлопнулъ дверь и заперъ ее на ключъ.

Евреи подняли гвалтъ. Берковичъ и Гиршовичъ совали посылки Наткѣ, а Натка отпихивалъ и кричалъ, что онъ ихъ не принимаетъ, что онъ за ними не посылалъ, что это не его вещи. Тогда Берковичъ и Гиршовичъ поставили шкатулки на полъ и сами сѣли на нихъ, говоря, что если такова воля ясновельможнаго пана-графа, то они ужъ помогутъ ему донести эти вещи до замка.

Поздно ночью изъ задней калитки обширной усадьбы стараго Натки въ поле вышли таинственныя фигуры. Впереди шелъ Алессандро съ потайнымъ чуть мелькающимъ во тьмѣ фонарикомъ, за нимъ двое евреевъ со шкатулками, обвязанными паклей и взваленными на спину, далѣе шли графы Зановичи. Шествіе замыкалъ въ своемъ «каррикѣ» о десяти воротникахъ Лаперъ. Дорожка была узкая, и несчастный французъ поминутно сбивался съ нея и тонулъ въ глубокихъ сугробахъ снѣга, восклицая:

— O, mon Dieu! Quel pays barbare!

Перейдя поле, они достигли задней части обширнаго парка Зоричева замка. Здѣсь, у калитки въ каменной высокой оградѣ, ихъ ожидалъ одинъ изъ карловъ, Гордіанъ. Онъ сказалъ Алессандро, чтобы тотъ потушилъ фонарь, и повелъ процессію по совершенно почти темной и занесенной снѣгомъ аллеѣ, осѣненной старыми могучими липами, переплетавшими надъ нею толстыя вѣтви. Они долго шли, спотыкаясь и утопая въ снѣгу, когда наконецъ передъ ними открылась одна изъ башенъ замка. Дрожащій свѣтъ переливался въ стрѣльчатыхъ окнахъ. У основанія стѣны, въ нишѣ между двумя каріатидами, виднѣлась маленькая дверь. Гордіанъ стукнулъ въ нее. Она отворилась. Вышелъ другой карликъ Юліанъ. По скудно освѣщенной, узкой и крутой, улиткою завитой лѣстницѣ стали всѣ подниматься на верхъ и затѣмъ очутились въ сумрачныхъ залахъ замка. На стѣнахъ тамъ и здѣсь горѣли одинокіе шандалы. Все было тихо въ спящемъ замкѣ. Трепетные евреи съ тяжелой ношей на плечахъ, трудно дыша, крались по заламъ. За ними графы, карлики и камердинеры. Шаги ихъ глухо звучали. Отъ таявшаго снѣга, нанесеннаго ими на ногахъ, оставались на паркетахъ мокрыя пятна. Изъ мрака чуть мелькали портреты, картины, зеркала. Такъ они достигли комнаты, въ которой у топящагося камина сидѣлъ въ шлафрокѣ худой и желтый Зоричъ.

На шумъ шаговъ онъ вздрогнулъ и оглянулся. Евреи съ ящиками, обмотанными паклей, войдя, остановились, испуганно глядя на Зорича и моргая слезящимися глазами. Ихъ длинныя одежды, крючковатые носы, длинныя бороды и выбившіеся изъ-подъ шарфовъ пейсы придавали имъ странный, фантастическій видъ. Высокія фигуры графовъ, въ собольихъ великолѣпныхъ шубахъ, въ кружевахъ, дорогихъ кафтанахъ, съ башмаками и чулками, по колѣно залѣпленными мокрымъ снѣгомъ, составляли поразительный контрастъ съ согнувшимися и подгибавшими дрожащія ноги евреями. Наконецъ, красавецъ Алессандро, Лаперъ со своими воротниками и перепуганной, растерянной и замерзшей физіономіей и двое карловъ, захватившихъ по пути свѣчи въ высокихъ шандалахъ, дополняли живописную группу, озаренную трепещущимъ пламенемъ камина и отбрасывавшую на стѣну хаосъ самыхъ причудливыхъ тѣней.

Безсонница, разстроенные нервы, ночная тишина и тьма, невѣрный свѣтъ и тѣни, томительное ожиданіе и все же неожиданное появленіе всей компаніи такъ подѣйствовали на воображеніе Зорича, что ему почудилось ни вѣсть что—будто какіе-то адскіе демоны явились за его душой, и приподнявшись, съ слабымъ крикомъ онъ устремилъ взоръ, исполненный ужаса. на вошедшихъ, которые тоже какъ бы на нѣсколько мгновеній опѣшили и остолбенѣли. Первымъ очнулся графъ Маркъ.

— Генералъ,—сказалъ онъ,—ваши посылки доставлены. Получите ихъ.

При звукахъ его голоса Зоричъ откинулся въ кресло и закрылъ лицо руками.

Между тѣмъ еврейчики свалили со спинъ ношу, отвязали паклю, объясняя зачѣмъ-то, что пакля для того намотана, чтобы шкатулки не побить въ дорогѣ, потому что они не знали, что внутри карты или что другое, нѣтъ ли чего нибудь хрупкаго.

— Ясновельможный панъ-графъ, нѣтъ тамъ ничего хрупкаго?— повторяли евреи, возясь со шкатулками.

— Ничего, друзья мои, ровно ничего хрупкаго,—сказалъ графъ Маркъ.—Ставьте сюда, на столъ. Здѣсь только карты, генералъ, посмотрите, только карты. Юліанъ, мой маленькій другъ, вскрой ящикъ, пожалуйста.

И графъ вынулъ откуда-то изъ-подъ полы кафтана небольшой кинжалъ и подалъ ему.

— Зачѣмъ же вскрывать теперь? Можно и послѣ,—слабо отозвался Зоричъ, все продолжавшій неподвижно сидѣть въ креслѣ у камина и даже еще глубже запрятавшійся въ него.

— О, это дѣло двухъ минутъ, генералъ,—отвѣчалъ спокойно графъ Маркъ.

Между тѣмъ карла, взгромоздившись на стулъ, ловко подвелъ остріе кинжала подъ крышку ясеневаго ящика, пошаталъ, нажалъ

она приподнялась, гвоздики, которыми она была забита, отскочили, и карла легко отогнулъ крышку.

Всѣ, кромѣ Зорича, остававшагося въ креслѣ у камина, столпились и глядѣли на таинственный ящикъ. Любопытные евреи вытянули жилистыя шеи свои, длинныя бороды и восточные носы изъ-за спины графа Марка.

Спокойно приподнявъ бумажные обрѣзки, графъ показалъ, что подъ ними лежатъ колоды картъ, досталъ одну, хрустнувъ ею, распечаталъ и даже быстро и изящно своими тонкими бѣлыми пальцами въ драгоцѣнныхъ перстняхъ прометалъ нѣсколько направо и налѣво.

— Отличныя карты! Прекрасныя карты!—приговаривалъ онъ въ то время, какъ тузы, десятки, валеты и короли летѣли изъ рукъ его.

Вдругъ, стоявшій за спиною графа, справа, Шмуйла Гиршовичъ быстро протянулъ руку съ крючковатыми, грязными пальцами, запустилъ ее глубоко въ ящикъ и взрылъ его содержимое до самаго дня.

Разнообразныя восклицанія вырвались у присутствовавшихъ. Графъ затрепеталъ, поблѣднѣлъ, схватилъ крышку и набросилъ ее на ящикъ.

— Прочь руки, поганый жидъ, собака, пся кревь!—свирѣпо закричалъ онъ по-польски, отпихивая отъ стола Гиршовича. Тотъ не сказалъ въ отвѣтъ ни слова, согнулся въ дугу, спряталъ голову въ сутулыя плечи и на цыпочкахъ выкрался изъ комнаты. За нимъ послѣдовалъ и Берковичъ.

— Проводите жидовъ!—крикнулъ графъ Маркъ карламъ. Самъ онъ подхватилъ одинъ ящикъ, графъ Аннибалъ другой, и они быстро прошли въ спальню Зорича. Генералъ всталъ и, шатаясь, пошелъ за ними.

XX.

За клавикордами.

Опять, какъ въ былые дни обилія, въ Шкловскомъ замкѣ начались праздники, балы, обѣды, всегдашнія веселости и, какъ водится, сильная картежная игра. Опять Зоричъ сталъ разсылать приглашенія, и въ замокъ его съѣзжались магнаты и помѣщики. Начали возвращаться и старые его нахлѣбники, и разные искусники, игроки, пиротехники, фокусники. Въ замкѣ стало шумно, людно. То и дѣло хлопали пробки, то пѣли, то играли, то танцовали.

Однажды, послѣ веселаго обѣда Зоричъ проводилъ время въ гостиной Сальморановыхъ покоевъ, къ тому же расположенной

почти рядомъ съ столовой генерала. Элоиза прелестная, пополнѣвшая, чаровала собравшееся общество игрой на клавикордахъ. Зоричъ не отходилъ отъ нея, поворачивалъ листы нотной тетради, улыбаясь что-то нашептывалъ ей на ухо, то и дѣло цѣловалъ ея порхающія по клавишамъ ручки, которыя Элоиза видимо охотно подставляла, не прекращая игры, подъ его губы. Часть гостей ухаживала за другими дамами, часть, и среди нихъ графъ Маркъ, сидѣли за столиками и тянули ликеры, болтая о придворныхъ новостяхъ. У камина стояли Сальморанъ и графъ Аннибалъ.

За послѣднее время Сальморанъ сильно перемѣнился, похудѣлъ, осунулся, былое самодовольство его смѣнилось явно притворной, неловкой и непріятной веселостью, а глаза смотрѣли угрюмо и подозрительно изъ-подъ морщившихся бровей. Бѣдняга былъ «растрепанъ отъ жены:» влюбленный мужъ, онъ, благодаря полученному анонимному письму, ревновалъ Элоизу къ Зоричу, а та не обращала ни малѣйшаго вниманія на его длинныя и запутанныя рацеи, прерывая ихъ и смѣясь ему прямо въ носъ. Своими дѣтьми она очень мало занималась, хотя и кормила младшаго, такъ что Сальморанъ замѣнялъ имъ няньку, не довѣряя приставленной крѣпостной.

Но и помимо этого главнаго тернія въ жизни директора Шкловскаго училища — мукъ ревности, онъ томился весьма основательнымъ безпокойствомъ. Глухіе, странные толки пронеслись въ Шкловѣ и за его предѣлами о какихъ-то появившихся подозрительныхъ ассигнаціяхъ.

Съ нѣкотораго времени торговцы стали съ особенно пристальной внимательностью разсматривать получаемыя ими ассигнаціи, особенно сторублевыя бумажки. Сальморанъ имѣлъ случай самъ въ этомъ убѣдиться.

Какъ-то Зоричъ крестилъ ребенка одного изъ своихъ музыкантовъ и пожелалъ одарить пригожую метрдотелеву дочь, а свою куму. Дѣло было тоже послѣ обѣда и именно въ гостиной Сальморана. Зоричъ выбросилъ нѣсколько ассигнацій на клавикорды и просилъ Сальморана размѣнять ихъ на золото и отдать хорошенькой кумѣ.

Сальморанъ послалъ за шкловскимъ евреемъ-мѣнялою. Когда черезъ часъ времени еврей пришелъ, гостиная уже опустѣла. Въ ней оставался одинъ Сальморанъ, а бумажки, брошенныя Зоричемъ, такъ и лежали на разрисованной крышкѣ клавикордовъ.

Израильтянинъ, низко кланяясь, вошелъ въ гостиную и по первому слову Сальморана, указавшаго на ассигнаціи, отсчиталъ на клавикордахъ 130 червонцевъ. Однако, когда затѣмъ онъ сталъ считать бумажки, то вдругъ отбросилъ сторублевую и сказалъ, что не возьметъ ея.

— Почему же? — спросилъ Сальморанъ.

— Я ихъ не люблю, — неопредѣленно отвѣчалъ израильтянинъ, но въ то же время пальцемъ провелъ подъ надписью «Ассигнація».

Когда еврей ушелъ, Сальморанъ взялъ бумажку и нѣсколько разъ читалъ надписи на ней, находя все правильнымъ. Но вдругъ, вглядѣвшись въ слово, указанное евреемъ, поблѣднѣлъ. Впрочемъ, онъ никому не сказалъ ничего.

Вотъ почему въ данную минуту Сальморанъ и весьма разсѣянно слушалъ разсказъ графа о его заграничномъ путешествіи, и не спускалъ воспаленнаго взгляда съ Элоизы, любезничавшей съ Зоричемъ.

Графъ Аннибалъ разсказывалъ, какъ ему удалось въ Брюсселѣ получить отъ банкира Ванскори, подъ вексель на герцога Ланкастерскаго, 20.000 червонцевъ.

— Съ этими деньгами я отправился въ Остъ-Индію, — разсказывалъ графъ,—чтобы тамъ купить у одного извѣстнаго мнѣ торговца смарагдовъ и изумрудовъ, а затѣмъ уже ѣхать въ Англію для расчета по остальнымъ векселямъ моимъ. Въ ожиданіи попутнаго вѣтра сѣлъ я, для развлеченія скуки, съ нѣсколькими англичанами играть въ карты, и что же, проигралъ имъ все, до послѣдняго червонца, и свои камни, и золотыя вещи, все, за одинъ несчастный поворотъ фортуны. Что дѣлать? Просилъ англичанъ пожаловать ко мнѣ и на другой день... Но вы меня не слушаете, Сальморанъ?

— Нѣтъ, я слушаю, графъ, слушаю,—тревожно вертясь у камина, отвѣчалъ бѣдный директоръ.

— На другой день, однако, счастье повернуло въ мою сторону. Вѣрите ли, Сальморанъ, я не только возвратилъ мой вчерашній проигрышъ, но еще съ англичанъ выигралъ пятьдесятъ тысячъ рублей, которые получилъ сейчасъ же золотомъ, вещами и векселями. Съ этими деньгами спѣшу въ Европу, опять въ Брюссель. Тамъ нанялъ для генерала камердинера, накупилъ разныхъ прелестныхъ вещей, и черезъ Берлинъ двинулся въ Россію. Но вы положительно меня не слушаете!

— О, я слушаю, слушаю васъ, графъ, — плачущимъ голосомъ сказалъ Сальморанъ.

— Да, такъ на чемъ я остановился? Собрался я сюда, и, знаете, задумался. Неудобно мнѣ показалось ѣхать въ Шкловъ съ червонцами и дорогими вещами, потому что до первыхъ, вы сами знаете, великій охотникъ нашъ генералъ, а до вторыхъ—мой братъ, Маркъ. Вотъ почему я такъ обрадовался, когда мнѣ удалось наконецъ обмѣнять у одного жида всѣ свои деньги и вещи на векселя.

Тутъ графъ Аннибалъ съ досадой прервалъ рѣчь, замѣтивъ крайнюю разсѣянность Сальморана.

Дѣйствительно, тому было не до векселей. Онъ совершенно ясно замѣтилъ, что Зоричъ самымъ наглымъ образомъ нагнулся къ пылающей щекѣ Элоизы и поцѣловалъ ее.

Большими шагами, скрестивъ руки на груди, Сальморанъ вдругъ перешелъ черезъ всю комнату и, подойдя къ женѣ, повелительно сказалъ ей:

— Мнѣ должно поговорить съ вами, сударыня. Прошу пожаловать за мною.

И Зоричъ, и Элоиза съ изумленіемъ повернули головы. Элоиза хотѣла засмѣяться, но, видя отчаянное лицо своего мужа, сказала:

— Ахъ, Боже мой! Онъ несносенъ со своими отеческими чувствами. Можете себѣ представить, милый генералъ, достаточно мнѣ замедлить на пять минутъ къ сроку, когда надо кормить маленькую, онъ уже бѣжитъ съ такимъ страшнымъ лицомъ. Положительно, я еще не видывала такого смѣшного отца! Ну, пойдемъ! Извините, милый генералъ!

И, улыбаясь, Элоиза просунула ручку подъ руку мрачно насупленнаго мужа, и вышла съ нимъ изъ гостиной. Но едва они углубились въ свои покои и достигли кабинета, гдѣ никто уже не могъ ихъ слышать, какъ Элоиза выдернула свою ручку и съ пылающими отъ гнѣва очами и ланитами закричала:

— Что это такое значитъ, милостивый государь, что вы уже публично осмѣливаетесь мнѣ дѣлать сцены? Стыдитесь! Или вы не понимаете, какъ смѣшны въ глазахъ всего свѣта? Или вы хотите быть тираномъ и мужемъ самымъ несноснымъ для образованной женщины? Мужъ растрепанъ отъ жены! Скажите, пожалуйста, на что это похоже! Это гадость! Это глупость! Ну, что же вы стали, выпучивъ глаза? Чте же вы молчите? Объяснитесь!

XXI.

Абшидъ Сальморана.

Едва Сальморанъ очутился наединѣ съ супругою своею, какъ всякое присутствіе духа его оставило. Такъ индюкъ, распустившій было вѣеромъ хвостъ, напружившій перья и крылья, съ багровой серьгой на носу, съ грознымъ бормотаніемъ наступаетъ на противника, и вдругъ, едва только какой нибудь шустрый поваренокъ швырнетъ ему въ задъ горсть песку, мгновенно опускается, теряетъ все величіе и, свернувъ хвостъ, вытянувъ голову, позорно бѣжитъ.

Растерянный, сжавшійся подъ грозно-пламеннымъ взоромъ жены своей, Сальморанъ забормоталъ что-то о добродѣтели, объ

оскорбленномъ чувствѣ супружеской чести, о своемъ наполненномъ воинской доблестью старикѣ-отцѣ, сестрахъ и братьяхъ, оставшихся въ родной Гаскони.

— Дуракъ! — отрѣзала Элоиза, вслушавшись въ его бормотанье. — Дуракъ! — еще рѣшительнѣе и грознѣе повторила она. — Какъ смѣете вы вести себя столь нагло и дерзко? Вы вѣдь посмѣшище всего замка. Сперва вы, дуракъ этакій, ко всѣмъ лѣзли со своими родительскими чувствами, а теперь что вы дѣлаете? Неужели вы не видите, что всѣ замѣчаютъ эти ваши круглые, дурацкіе глаза, эти морщины на лбу, косые ваши взгляды? Всѣ смѣются надъ вами, какъ надъ шутомъ. Дуракъ, дуракъ, пошлый дуракъ!

— Но, милая Элоиза,—робко опять забормоталъ Сальморанъ,— нисколько не сомнѣваясь въ вашей добродѣтели, тѣмъ не менѣе, я долженъ, какъ мужъ и отецъ, къ тому же воспитатель шестидесяти юношей, ввѣренныхъ мнѣ ихъ родителями, сказать, что это ухаживаніе генерала Зорича и... и публичный поцѣлуй въ гостиной не могутъ... не могутъ,—скороговоркой кончилъ онъ, на всякій случай протягивая руки съ распростертыми пальцами передъ лицомъ своимъ,—принести чести ни вамъ, ни мнѣ.

— Дуракъ!—въ послѣдній разъ рѣшила Элоиза.

И повернулась было, чтобы выйти изъ комнаты и вернуться въ гостиную къ веселому обществу, какъ вдругъ Сальморанъ затопалъ ногами и завизжалъ, схвативъ ее за плечо, что онъ не позволитъ, что онъ, какъ мужъ и отецъ, имѣетъ права, и что онъ приказываетъ ей немедленно укладываться и завтра же, завтра же оставляетъ генерала Зорича и этотъ проклятый замокъ.

— Но ты положительно съ ума спятилъ, Сальморанъ!—въ глубокомъ удивленіи, повернувшись къ мужу, сказала Элоиза.

Сальморанъ умоляюще сжалъ руки и, какъ безумный, зашепталъ, близко наклоняясь къ ея лицу.

— Бога ради, бѣжимъ отсюда, бѣжимъ какъ можно скорѣе, немедленно, завтра же! Послушай, не смотри на меня, какъ на сумасшедшаго. Я—въ своемъ умѣ. Но страшная опасность насъ окружаетъ. Каждый часъ промедленія гибеленъ. О, тише, тише, умоляю тебя!—шепталъ Сальморанъ, замѣтивъ, что Элоиза хочетъ что-то сказать, и хватая ее за руку. — Насъ могутъ услышать! Тутъ, въ этихъ проклятыхъ стѣнахъ, всюду уши, всюду шпіоны, всюду предатели!

И онъ въ какихъ-то судорогахъ бросился въ кресло, задыхаясь и разрывая душившее его жабо.

Элоиза смутилась. Она видѣла, что дѣло серьезно, заботливо налила воды и стала отпаивать трепетавшаго, какъ осиновый листъ, Сальморана.

— Что съ тобою, дурачекъ? — ласково сказала она. — Что ты меня такъ пугаешь? Гдѣ ты видишь опасность?

И, поднявъ налѣзшій ему на самые глаза ученый парикъ съ кошелькомъ и бантомъ, она поцѣловала мужа въ лобъ. Блаженная улыбка раздвинула блѣдныя губы Сальморана, слезы брызнули изъ его глазъ, и онъ покрылъ поцѣлуями ручки Элоизы.

— Объясни же мнѣ, что такое страшитъ тебя!—спросила нѣжная супруга.

Сальморанъ досталъ вдругъ изъ кармана сторублевую ассигнацію и, поднеся ее къ глазамъ Элоизы, чиркнулъ по ней ногтемъ и произнесъ:

— Видишь?

Окончательно убѣжденная, что мужъ ея помѣшался, Элоиза смотрѣла на Сальморана во всѣ глаза. Но тотъ вновь и вновь совалъ ей ассигнацію, что-то въ то же время шепча ей на ухо.

Вдругъ выраженіе пониманія и глубокой тревоги разлилось на лицѣ Элоизы. Она вырвала изъ рукъ мужа бумажку и побѣжала съ ней къ окну, за которымъ разгорался малиновый зимній закатъ, и стала ее тамъ внимательно разсматривать.

— И такими ассигнаціями я получилъ все мое зажитое жалованье!—глухо простоналъ Сальморанъ.

Вдругъ громкій крикъ вылетѣлъ изъ устъ Элоизы, и она покачнулась, какъ бы собираясь упасть безъ чувствъ. Но она не упала, а, какъ раненая птица, метнулась въ одинъ и другой уголъ комнаты и потомъ устремилась въ спальню. Проснувшійся ребенокъ заплакалъ. Русская нянька, не понимавшая ничего, сидѣла, выпуча глаза, на сундукѣ.

Ворвавшись въ спальню, Элоиза бросилась къ двуспальному ложу, мгновенно сдернула съ него на полъ одѣяло, подушки, перину одну, перину другую, груду грязнаго бѣлья и, наконецъ, схвативъ лежавшій на самомъ днѣ бумажникъ краснаго сафьяна, съ большой короной на немъ, золотомъ оттиснутой, и набитый какими-то бумагами, такъ что бока оттопыривались, возвратилась съ нимъ въ кабинетъ, къ окошку и при багровомъ пламени заката разстегнула застежки бумажника неслушавшимися, прыгавшими пальцами и стала рыться въ немъ.

— Всѣ до одной такія! Всѣ до одной!—вдругъ возопила она.— Негодяй! обманщикъ! варваръ!

И вдругъ, подскочивъ къ мужу, она стала совать ему въ руки пачки ассигнацій и съ безумнымъ видомъ твердить:

— Бери это, и бери всѣ свои деньги, иди къ генералу и требуй отъ него, чтобы сейчасъ, сію же минуту онъ все обмѣнялъ на золото, сейчасъ же, а не то, скажи, донесешь, сейчасъ донесешь... И я донесу, и я... Иди же, иди, милый, хорошій, иди!— осыпая его поцѣлуями, повторяла Элоиза.—И требуй свой абшидъ! И завтра же, завтра же вонъ изъ этого позорнаго, подлаго дома, отъ этого гнуснаго, преступнаго человѣка и его соумышленни-

ковъ, вонъ изъ этой варварской страны, домой, въ прекрасную Францію!

— Постой, Элоиза, нельзя такъ, надо обдумать, какъ лучше поступить, — заговорилъ было нерѣшительный Сальморанъ, пряча ассигнаціи въ боковые карманы кафтана.

— Ни, ни, ни! Нечего думать! Нечего медлить! Иди сейчасъ, сію минуту иди!

Сальморанъ оправилъ свое жабо, парикъ и манжеты и пошелъ въ гостиную. Но тамъ уже не было никого. Выйдя на половину Зорича, онъ услышалъ необыкновенную суету, бѣготню, топотъ ногъ и крики во всемъ домѣ. Едва онъ прошелъ нѣсколько комнатъ, какъ вдругъ ворвалась съ шумомъ цѣлая ватага лакеевъ, и всѣ они, толкая другъ друга и крича, и чуть не сшибя его съ ногъ, куда-то пробѣжали. За ними ковылялъ старый дворецкій.

— Что такое случилось?—спросилъ изумленный Сальморанъ: — что за шумъ, за бѣготня?

— Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ изволятъ осчастливить прибытіемъ замокъ завтра къ двѣнадцати часамъ, — отвѣтилъ запыхавшійся старикъ.

— Можетъ ли быть?

— Совершенная правда. Проѣздомъ въ помѣстье ихнее Дубровну изволятъ пожаловать. Только что пригналъ курьеръ, и его превосходительство уже выѣхали на первую станцію отсюда встрѣтить свѣтлѣйшаго.

XXII.

Свѣтлѣйшій въ Шкловѣ.

Всю ночь напролетъ въ замкѣ готовились къ пріѣзду свѣтлѣйшаго, не прекращалась ходьба, бѣготня, передвиганіе мебели. Убирали покои для него. Во всѣ стороны скакали курьеры за запасами къ обѣду.

Между тѣмъ, Зоричъ мчался на встрѣчу князю. На душѣ его было смутно; темныя предчувствія томили его. Хотя послѣ отставки Зорича свѣтлѣйшій и не показывалъ по отношенію его никакихъ знаковъ враждебности, Зоричъ не переставалъ, однако, думать, что рано или поздно тотъ сильный человѣкъ, который такъ же легко и просто возвелъ его на высочайшую стезю почестей, какъ потомъ и свелъ, на чемъ либо уязвитъ его и погубитъ окончательно. Онъ и ненавидѣлъ свѣтлѣйшаго и трепеталъ предъ нимъ. Теперь неожиданный пріѣздъ его былъ наименѣе кстати. Припоминались Зоричу слова Потемкина еще во дни ихъ пріязни.

«Я не мщу врагамъ моимъ никогда, по Писанію, но благотворю имъ. А только фортуна за меня имъ мститъ. Вѣришь ли, самъ не знаю, не вѣдаю какъ, а только просто каретой такъ и переѣду всякаго, кто поперекъ моей дороги уляжется. Слышу—вдругъ захрустѣло. Что, что такое? А ужъ онъ, голубчикъ мой, готовъ».

Стоялъ конецъ апрѣля, послѣднія числа. Ночь была тиха, тепла, благоуханна. Цвѣла черемуха и по сторонамъ широкой дороги, осѣненной старыми, плакучими березами, то заливались въ болотахъ лягушечьи хоры, то въ рощахъ и заросляхъ гремѣли соловьи.

Лошади неслись ровно, дружно. Таинственно дрожали звѣзды. Зоричъ ѣхалъ съ опущенными стеклами кареты. И ему мнилось, что онъ—именно этотъ обреченный, который самъ стремится на встрѣчу сильнаго того человѣка, вновь попадается на его дорогѣ. Ужъ разъ помяло его бурными конями великолѣпной карьеры свѣтлѣйшаго, а теперь, видно, совсѣмъ сомнетъ. Зоричу все припоминался тотъ послѣдній ужинъ его, послѣ столкновенія ихъ, когда забывшійся Зоричъ въ ярости поносилъ князя въ Царскосельскомъ дворцѣ самыми грубыми словами, тотчасъ послѣ удаленія столь холодно обошедшейся съ Зоричемъ государыни. Бранилъ и вызывалъ его на дуэль, какъ мальчишка.

Государыня приказала ему помириться со свѣтлѣйшимъ и пригласить его на ужинъ. Что жъ, они ужинали вмѣстѣ, пили, шутили, все, казалось, было забыто. А, между тѣмъ, участь Зорича была рѣшена...

Громкіе окрики форейторовъ вызвали изъ задумчивости генерала. То несся цугъ свѣтлѣйшаго.

Зоричъ приказалъ своротить на окраину широкаго пути свою карету. И свѣтлѣйшій, узнавъ, кто ѣдетъ, велѣлъ остановить свою, дверца противъ дверцы.

Зоричъ поспѣшно вышелъ изъ кареты и привѣтствовалъ сидѣвшаго внутри экипажа Потемкина заранѣе приготовленной фразой.

— Къ тебѣ ѣду, къ тебѣ на цѣлый день!—сказалъ свѣтлѣйшій.—Захотѣлось провѣдать стараго пріятеля. Садись ко мнѣ въ карету. Государыня о тебѣ изволила спрашивать: поклонись, — говоритъ,—отъ меня шкловскому помѣщику.

Какъ всегда, едва Зоричъ увидѣлъ свѣтлѣйшаго, услышалъ его голосъ, онъ подпалъ обаянію великаго человѣка. Обласканный имъ, въ сію минуту забылъ онъ всѣ недружелюбныя о немъ мысли и, садясь въ карету къ Потемкину, принялся непринужденно болтать, справляться о здоровьѣ государыни и государя наслѣдника, о придворныхъ новостяхъ, о петербургскихъ знакомыхъ и актрисахъ придворнаго театра. Такъ въ пріятнѣйшей бесѣдѣ, по-пріятельски ѣхали они и къ утру были въ Шкловѣ. Все уже было приго-

товлено къ пріему свѣтлѣйшаго. Зоричъ простиралъ свою любезность и внимательность до послѣднихъ мелочей, не отходя отъ высокаго гостя. Обѣдъ въ часъ дня прошелъ въ тѣснѣйшей компаніи немногихъ знатныхъ лицъ, кои по нарочитому приглашенію спѣшно, еще на зарѣ прибыли изъ имѣній своихъ въ замокъ. Изъ обычныхъ застольниковъ князя никого не было допущено. Затѣмъ Зоричъ провезъ свѣтлѣйшаго по имѣнію.

Потемкинъ былъ пріятенъ и очаровательно дружественъ. Наконецъ, къ вечеру, жалуясь на дорожное утомленіе, свѣтлѣйшій удалился въ свои покои, чтобы отдохнуть передъ ужиномъ.

— Кажется, все обошлось благополучно,—думалъ Зоричъ, прохаживаясь въ своемъ кабинетѣ.

Стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть. Въ комнату вошелъ Сальморанъ.

— Извините, генералъ,—сказалъ онъ,—что я рѣшился въ такой поздній часъ, и несмотря на пребываніе въ замкѣ столь высокаго гостя, безъ доклада войти и тревожить васъ. Но, зная ваше великодушіе, и что не захотите погубить человѣка, хотя и съ ограниченными средствами, но честной фамиліи, къ тому же по настоянію жены моей, женщины столь же любезной и прелестной, сколь и добродѣтельной...

— Что вамъ надо, Сальморанъ?—перебилъ его Зоричъ.—Говорите короче.

— Я прошу, я имѣю честь почтительнѣйше испрашивать у вашего превосходительства абшидъ и съ тѣмъ вмѣстѣ,—Сальморанъ вдругъ вынулъ изъ-за борта кафтана большую пачку ассигнацій и съ глубокимъ реверансомъ положилъ ее на мозаичный столикъ около Зорича,—съ тѣмъ вмѣстѣ прошу сіи ассигнаціи, коими изволили вы вознаградить трехлѣтніе почти труды мои и жены моей, обмѣнять на золотую монету.

— Какая наглость!—закричалъ Зоричъ.—Вы сошли, кажется, съ ума!

— Я не сходилъ съ ума и въ полномъ обладаніи всѣми своими чувствами,—столь же рѣшительно, хотя нижняя челюсть его прыгала, возразилъ Сальморанъ,—и прошу оказать снисхожденіе и удовлетворить почтительнѣйшую просьбу мою, иначе я принужденъ буду безпокоить свѣтлѣйшаго и представить ему на благоусмотрѣніе сіи ассигнаціи.

— Ты мнѣ грозишь, ты! ты!—въ бѣшенствѣ закричалъ Зоричъ, наступая на Сальморана.

— Я не осмѣлился бы никогда быть столь настойчивымъ, если бы не крайность, и что не имѣю ничего оставить дѣтямъ моимъ, кромѣ плодовъ, которые я получаю отъ моихъ дарованій,— отступая, бормоталъ Сальморанъ.

Глаза Зорича метали молніи, кулаки его сжимались, и не извѣстно, чѣмъ бы объясненіе кончилось, если бы въ дверь не просунулась осторожно голова комердинера Живокини, и онъ не доложилъ, что секретарь свѣтлѣйшаго желаетъ видѣть его превосходительство по порученію князя.

— Пусть войдетъ,—сказалъ Зоричъ, поспѣшно покрывая пукъ Сальморановыхъ ассигнацій толстой книгой въ кожаномъ переплетѣ. Вошелъ секретарь, почтительно доложилъ, что свѣтлѣйшій просятъ генерала его извинить, что, чувствуя внезапное, сильное нездоровье, князь къ ужину не выйдутъ и, переночевавъ, завтра рано утромъ намѣрены отбыть, не прощаясь съ хозяиномъ, коего просили искренно благодарить за восхитительные часы, проведенные въ Шкловѣ, и показаніе всѣхъ красотъ его.

Зоричъ выслушалъ молча почтительнаго секретаря, пораженный.

Едва вышелъ секретарь свѣтлѣйшаго, изъ другой, маленькой, незамѣтной двери въ глубинѣ кабинета вошли графы Зановичи Быстро подходя къ генералу, графъ Маркъ сказалъ Зоричу:

— Все погибло, если мы только немедленно не примемъ своихъ мѣръ. Несмотря на строгое приказаніе наше никого не допускать къ свѣтлѣйшему, жидъ Давидъ Мовшовичъ добился позволенія переговорить съ княземъ наединѣ. Ужъ часъ времени, какъ жидъ находится въ особой комнатѣ съ свѣтлѣйшимъ.

Въ ту же ночь къ отдаленному подъѣзду бокового крыла замка, безъ фонарей, подана была коляска и двѣ повозки. Осторожно, шопотомъ переговариваясь между собой, съ крыльца сошли графъ Аннибалъ и Сальморанъ и усѣлись въ коляску. Въ то же время въ двухъ повозкахъ сѣли два француза камердинера, часто разъѣзжавшій по дѣламъ графа корнетъ и четверо крѣпостныхъ людей. Шагомъ, подвязавъ колокольчики, съѣхали повозки со двора и, миновавъ мѣстечко, покатили по дорогѣ въ Оршу. Кучера только покрикивали на лошадей да нахлестывали ихъ кнутами.

Свѣтлѣйшій отбылъ рано утромъ въ свое помѣстье Дубровну, не простившись съ хозяиномъ.

Въ тотъ же день, 26 апрѣля, въ Могилевское намѣстническое правленіе пригналъ курьеръ Зорича съ какимъ-то секретнымъ донесеніемъ. А 27 апрѣля примчался въ Могилевъ курьеръ отъ Потемкина.

Свѣтлѣйшій приказывалъ могилевскому губернатору, Николаю Богдановичу Энгельгардту, немедленно явиться къ нему въ Дубровну, по наиважнѣйшему и наисекретнѣйшему дѣлу.

XXIII.

Опечатка.

Когда могилевскій губернаторъ явился къ свѣтлѣйшему, тотъ сейчасъ же показалъ ему пукъ ассигнацій и сказалъ:

— Видишь, Николай Богданычъ, у тебя въ губерніи дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи, а ты не знаешь?

— Осмѣливаюсь доложить вамъ, князь,—съ обычной невозмутимостью отвѣчалъ губернаторъ, вынимая записку изъ книжки и читая по ней,—что еще наканунѣ присылки вами курьера, 26 сего апрѣля, генералъ-майоръ Зоричъ донесъ могилевскому намѣстничеству, что проживающій у него въ домѣ австрійскій подданный римско-католическаго вѣроисповѣданія, графъ Аннибалъ Зановичъ, надняхъ, какъ пишетъ генералъ въ донесеніи, пріѣхавшій изъ-за границы, отправился въ Петербургъ, для освидѣтельствованія ассигнацій, на сумму 90.000 рублей, вымѣненныхъ имъ въ Берлинѣ на голландскіе червонные и на брильянты.

— Гмъ, значитъ, муравейникъ уже переполошился, и мурашки забѣгали!—замѣтилъ князь, съ улыбкой глядя на громаднаго роста губернатора, затянутаго въ мундирѣ и туго подпоясаннаго шарфомъ по брюху, подносившаго близко къ близорукимъ глазамъ свою толстѣйшую записную книжку и не торопясь вычитывавшаго оттуда свои сообщенія.

— Къ сему имѣю прибавить,—продолжалъ губернаторъ,—что, въ виду распространившихся уже съ начала сего мѣсяца слуховъ о появленіи фальшивыхъ ассигнацій, дѣлаемо было нарочитое разслѣдованіе, но какъ дознано было, что сіи слухи и самыя ассигнаціи идутъ изъ помѣстья генералъ-майора Зорича, то оное разслѣдованіе по приказанію г. намѣстника временно было пріостановлено, до переговоровъ съ самимъ г. Зоричемъ, принимая важность замѣшанной въ сіе гнусное дѣло персоны...

— Персона! персона!—съ неудовольствіемъ сказалъ Потемкинъ,—у васъ все персоны. Подлинно, на безлюдьѣ и Ѳома дворянинъ. А скажи, Николай Богданычъ, —съ улыбкой продолжалъ свѣтлѣйшій, — это у тебя въ рукахъ знаменитая та памятная книга, за которую мнѣ сама государыня тебя хвалила?

— О, нѣтъ, князь! Это—другая. А дѣйствительно, когда въ 1779 г. я купно со всѣми вообще вице-губернаторами призванъ былъ къ ея императорскому величеству, то на представленіи, въ кабинетѣ, государыня изволила между прочимъ разспрашивать о доходахъ Могилевской губерніи. То я на многія подробности государынѣ донесъ, что не имѣю вѣрной памяти, и, чтобы не сказать ложно, то просилъ позволенія справиться со своею памятною

книжкою, которая для сего нарочно была заготовлена, и, которую вынувъ изъ кармана, тотчасъ далъ отчеты на вопросы государыни со всѣми подробностями. Императрица сказала: «Позвольте взглянуть на вашу память, которая гораздо лучше, нежели бы вы мнѣ отвѣчали словами»; долго разсматривала книжку, потомъ сказала:

— Можете ли вы меня ею подарить? Я каждому вице-губернатору прикажу имѣть таковую.

— Ну, хорошо, Николай Богданычъ,—сказалъ Потемкинъ.—Я тебя слушалъ, а теперь ужъ ты меня послушай. Какъ я про ассигнаціи узналъ, вѣдаешь ли? Былъ я въ гостяхъ у Зорича. И вечеромъ добивается ко мнѣ жидъ. Я, говоритъ, желаю говорить наединѣ, имѣя тайность. И, что жъ, я приказалъ впустить. Показываетъ мнѣ съ хитрымъ видомъ жидъ ассигнацію. Разсматривалъ я ее долго и на свѣтъ, и такъ, ничего не находилъ: такъ хорошо все отпечатано, подписи сенаторовъ и разными чернилами, казалось, не могла быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію. Досада взяла. «Ну, что же тутъ? Покажи!»—говорю. Тогда жидъ показываетъ, что вмѣсто «ассигнація» напечатано «ассигиація». «Гдѣ ты ее взялъ?»—«Если, говоритъ, угодно, я вамъ черезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ».—«Кто же, спрашиваю, ихъ дѣлаетъ?» — «А графы Зановичи и карлы Зоричевы и работаютъ, и выпускаютъ, и мѣняютъ». Далъ я жиду тысячу рублей и приказалъ, чтобъ онъ промѣнялъ ихъ на фальшивыя ассигнаціи и привезъ бы мнѣ на другой день, въ Дубровну. Что жъ, жидъ къ ночи же приволокъ цѣлую пачку.

— Что скажешь, а? хорошъ Зоричъ?! Какова опечатка-то, а? И что изволитъ сказать матушка государыня, когда объ оной г. Зорича опечаткѣ ей доложено будетъ? Подлинно, г. Зоричъ за царствующую особу себя почитать сталъ, если выпускаетъ денежные знаки.

— Имѣю донести вамъ, князь, что примѣты фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій, вышедшихъ изъ Шклова, помимо указанной опечатки, мнѣ хорошо извѣстны и списаны мною.

И, доставъ свою памятную книгу, губернаторъ, сказавъ:—Извольте слѣдить по ассигнаціи и сличать съ подлинной,—началъ читать:

— «Описаніе фальшивой ассигнаціи. Первое: бумага оной нѣсколько противъ настоящей рябѣе и синевата». Извольте поглядѣть противъ свѣта.

— Есть,—отвѣчалъ Потемкинъ.

— «Второе: квадратъ, изображающій чернилами ея видъ, въ пропорціи поперекъ уже».

— И это есть.

— «Третіе: номера отпечатаны слѣпо, а гербъ, означенный стемпелемъ, гораздо глубже, нежели у настоящей ассигнаціи, какъ то примѣтить можно изъ цыровки, на орлиномъ крылѣ, перьевъ».

Ну, ладно, братецъ. Вижу, что государыня не даромъ хвалила твою память. А теперь подумаемъ, какъ бы намъ шкловскихъ мастеровъ всей шайкой съ поличнымъ накрыть.

— Какъ прикажете, князь.

— Я не хочу, чтобъ ты самъ разслѣдовалъ это грязное дѣло,— сказалъ свѣтлѣйшій.—Я желаю, чтобы въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ не былъ употребленъ Энгельгардтъ, мой родственникъ.

— Благодарю васъ, князь.

— Поэтому немедленно возвращайся въ Могилевъ и поручи предсѣдателю уголовной палаты Малѣеву произвести строжайшее слѣдствіе, не щадя самого Зорича, ежели будетъ въ подозрѣніи. Слышишь?

— Исполню въ точности, князь.

— У Зорича три года какъ живутъ два рагузинца, графы Зановичи, бродяги и промышленники, которые ищутъ фортуны искусствомъ. Пусть, пока птица съ гнѣзда не слетѣла, Малѣевъ нагрянетъ въ Шкловъ, арестуетъ старшаго Зановича и всѣхъ опроситъ. Пусть обыщетъ весь замокъ и съ самого Зорича сниметъ допросъ и возьметъ подписку о невыѣздѣ. Затѣмъ послать въ Москву и Петербургъ эстафеты, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, чтобы при заставахъ ожидали выѣхавшаго изъ Шклова младшаго Зановича и арестовали его. Ступай теперь, Николай Богданычъ, гони назадъ въ Могилевъ. Пословица говоритъ: куй желѣзо, пока горячо.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ШЕСТИДЕСЯТНИКА [1].

(Автобіографія И. А. Худякова).

IX.

Направленіе умовъ и цензуры.

(1863—1864 г.г.).

ЦЕНЗУРА всегда была и будетъ злѣйшимъ врагомъ литературы, а въ это время она обязана была подводить каждую статью, каждую книгу подъ казенную формулу: «здравія желаемъ», или «рады стараться». Чтобы характеризовать русскую цензуру этого времени, довольно привести выдержку изъ всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ говорится: «чтобы имѣть вѣрное понятіе о духѣ и общемъ направленіи нашей прессы, надлежитъ постоянно имѣть въ виду, что ни одна книжка журнала, ни одинъ почти нумеръ газеты, почти ни одна сколько нибудь замѣчательная статья, даже нерѣдко ни одна страница въ этой статьѣ не появляется въ печати въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась бы, если бы редакторы и издатели не были подчинены предварительному контролю цензуры» («Сѣверная Почта», 1865 г., № 264).

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI, стр. 35.

Послѣ этой выдержки нечего и говорить, что каждому литератору приходилось имѣть множество столкновеній съ цензурой. Статьи и книги иногда появлялись въ такомъ изуродованномъ видѣ, что авторъ не узнавалъ своего труда. Нѣкоторые цензора отличались особенною тупостью и ненавистью къ литературѣ. Цензоръ Обертъ ни за что не читалъ корректуръ, если на пакетѣ, приносимомъ изъ типографіи, не былъ означенъ его чинъ. Въ этомъ случаѣ г. Обертъ собственноручно дѣлалъ на пакетѣ надпись: «Его превосходительству Августу Станиславовичу Оберту», и затѣмъ съ непрочитанными листами отсылалъ въ типографію. Тамъ должны были сдѣлать новый пакетъ съ требуемою надписью, вновь прислать тѣ же корректуры, и только тогда Обертъ приступалъ къ чтенію.

Впрочемъ, были цензора и невраждебные литературѣ, но дѣйствія ихъ были весьма ограничены цензурнымъ комитетомъ. Самыми строгими и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми забавными были всегда духовные цензора, назначавшіеся изъ архимандритовъ. Петербургскій духовный цензурный комитетъ помѣщался въ Невской лаврѣ. Свѣтскіе цензора любили отсылать въ духовную цензуру все, что только имѣло какое бы то ни было отношеніе къ религіи. Осенью 1862 г. я представилъ было въ цензуру «Сборникъ народныхъ легендъ»; свѣтскій цензоръ отослалъ въ духовную цензуру. По этому поводу мнѣ пришлось быть у одного изъ духовныхъ цензоровъ, архимандрита Сергія. Онъ принялъ меня съ замѣтнымъ испугомъ. Кромѣ Пыпина и Щебальскаго, онъ не зналъ почти никого изъ свѣтскихъ литераторовъ. Прежде всего онъ счелъ своимъ долгомъ разспросить мое имя, отчество и гдѣ служу. Я отвѣчалъ, что нигдѣ не служу, что я—просто бывшій студентъ, безъ всякихъ связей. «Что же? и квартиру имѣете?—прибавилъ его преподобіе.—А знаете, я боюсь свѣтскихъ литераторовъ,—сказалъ онъ, подумавъ:—вотъ прошлый разъ пріѣхалъ ко мнѣ Щебальскій. Я сдѣлалъ ему снисхожденіе: пропустилъ, всего только восемь строчекъ и вычеркнулъ; а онъ поѣхалъ къ митрополиту на меня жаловаться. Я ему и говорю: «у насъ законы такіе; не могу пропустить!»—«А протестуйте, говоритъ, противъ закона, если онъ глупъ!»—А ужъ я послѣ узналъ, что онъ—исторіографъ его императорскаго величества». Послѣ недѣльнаго разсматриванія цензура совершенно отказала въ пропускѣ сборника. «Это—матеріализмъ!»—пояснилъ архимандритъ. Я сталъ ему доказывать, что тутъ нѣтъ никакого матеріализма, что сказки эти издаются совсѣмъ не съ догматическою, а съ историческою цѣлью. «Конечно, мы не знаемъ всѣхъ намѣреній г.г. литераторовъ,—возразилъ отецъ Сергій,—а вотъ о Петрѣ-то Великомъ позволили писать вольно; вотъ послѣдствія-то и оказались».—«Какія же?»—«А вотъ какъ себя студенты показали въ прошломъ году».

Духовные цензора составили такое понятіе о свѣтской литературѣ, что если ужъ свѣтскій человѣкъ о чемъ нибудь пишетъ, то непремѣнно ругаетъ. Однажды я привезъ къ Сергію статью о женщинѣ. «Ну, ужъ вы женщинъ не браните»,—сказалъ онъ, принимая статью. Въ другой разъ Веселаго отослалъ въ духовную цензуру самую невинную сербскую сказку объ Адамѣ и Евѣ, которую тѣмъ легче было пропустить, что она помѣщалась въ совершенно специальной книгѣ, которая могла разойтись развѣ только въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Въ сказкѣ говорилось, что когда Господь садилъ свой рай, два ангела загребали за нимъ сѣмена въ землю; но одинъ изъ нихъ вздумалъ пересадить два сѣмени на другую землю, чтобы удостовѣриться въ всемогуществѣ Божіемъ: взойдетъ ли то сѣмя, или нѣтъ? Сѣмя взошло; изъ него-то и выросло древо познанія добра и зла. Господь, какъ всевѣдущій, узналъ его поступокъ, прогналъ его изъ рая, говоря: «ступай ты отъ меня, сатана!» Тогда дьяволъ просилъ у Бога занять на землѣ столько мѣста, сколько займетъ воловья кожа, и Господь ему позволилъ. Дьяволъ же изрѣзалъ кожу на мелкіе ремешки, окружилъ ими большое пространство земли, гдѣ онъ и могъ соблазнять людей съ пути истины на путь преступный. Затѣмъ дьяволъ принялъ образъ змѣя и соблазнилъ Еву съѣсть яблоко, а Ева въ свою очередь уговорила Адама. Какъ скоро Адамъ вкусилъ яблоко, онъ тотчасъ же почувствовалъ свое преступленіе и хотѣлъ его выплюнуть; но яблоко не пошло ни взадъ ни впередъ, а осталось въ горлѣ. Это-то и служитъ причиной, почему у мужчинъ на горлѣ есть кадыкъ, а у женщинъ нѣтъ. Цѣлую недѣлю разсматривалась эта сказка въ духовной цензурѣ, и, наконецъ, она объявила: гдѣ говорится о кожѣ—это ересь богумила и потому запрещается; объ яблокѣ же разсказъ правдоподобенъ и потому можетъ быть напечатанъ, но съ тѣмъ, чтобы въ заглавіи слово «сказка» было замѣнено словомъ «легенда». «Ишь, фантазія разыгралась... ишь, чѣмъ занимаются: схемы пишутъ противъ христіанства. Исправить и представить въ синодъ; обратить вниманіе высшаго начальства».

Изъ Петербурга я каждое лѣто ѣздилъ на свиданіе съ родителями, и эти поѣздки давали мнѣ случай видѣть народную жизнь.

Трудно представить себѣ болѣе трудолюбивый и болѣе бѣдный народъ, какъ тѣ крестьяне, которыхъ мнѣ приходилось видѣть близъ столицы. Они не имѣли въ своей избѣ ни одной столовой вилки и замѣняли ихъ тоненькими лучинками. Въ Симбирской губерніи одинъ помѣщикъ при объявленіи манифеста объ освобожденіи продалъ крестьянамъ часть своего лѣса и земли; у разоренныхъ крестьянъ, разумѣется, не было денегъ. «Неужто насъ великій государь оставитъ безъ лѣсу и безъ водопоя?»—толковали

крестьяне. Платы за надѣлъ, штрафы за скотину, переступившую барскую межу, совершенно разорили цѣлыя деревни. Нѣкоторыя селенія нарочно переписаны помѣщиками изъ крестьянъ въ дворовые наканунѣ объявленія манифеста; потому совершенно не получили надѣла. Нечего и говорить, что при подобныхъ обстоятельствахъ люди дѣлаются враждебны къ правительству и охотно слушаютъ всякія политическія розсказни (спрашивали у посредника). Однажды я разсказывалъ крестьянамъ, что вотъ умнымъ-то людямъ не даютъ свободно слово сказать, тогда какъ умный-то и ученый человѣкъ очень много могъ бы сказать на пользу всѣмъ. «Что и говорить!—отвѣчали мужики.—Онъ, можетъ, въ одинъ день то сдумаетъ, чего мы, хоть цѣлой сходкой недѣлю будемъ стоять,—не выдумаемъ!»

Крайнимъ невѣжествомъ отличался народъ въ захолустьѣ Симбирской губерніи около села Георгіевскаго. Узнавъ, что я печаталъ въ Петербургѣ какія-то книги, крестьяне прозвали меня чернокнижникомъ. Ямщикъ, котораго я нанялъ, удивился, какъ это ѣдетъ онъ, ѣдетъ, а все не можетъ обогнать солнышко.—«Да ты его не обгонишь»,—возразилъ я.—«Ну!... оно было вона гдѣ!»—«Да вѣдь это у насъ дорога повернула въ сторону».—Положеніе инородцевъ было тоже не завидно. Обращенные въ христіанство насильно, они все еще молились своимъ лѣсамъ и оставляли тамъ разныя жертвы, а поповны, отправляясь будто бы за грибами, подбирали тамъ полотна и другія вещи, оставленныя для боговъ. Инородцы видѣли, что ихъ жертвы исчезаютъ, и радовались, что богъ благосклоненъ къ нимъ, не отвергаетъ ихъ подарковъ, беретъ... «Боха не поюсь, чаря не поюсь,—говорили они,—очень только патько поюсь!»—«Почему же ты боишься батюшки?»—«Польно много тенько взялъ!» Крещеные инородцы не понимали самыхъ главныхъ догматовъ вѣры, хотя и посѣщали церковь. Однажды священникъ, по докладу дьячка Терентія, не допустилъ одного старика прямо къ причастію безъ исповѣди; тотъ очень обидѣлся и сказалъ дьячку съ горечью: «о Теретка, Теретка! ты ко мнѣ придешь: подай пива, подай водки! Я тебѣ сколько даю, а тебѣ эстолькой капельки жалко!»

X.

Женитьба.

Вообразите себѣ молоденькую, замѣчательно красивую дѣвочку, съ высокимъ лбомъ, большими выразительными глазами, правильными чертами лица, съ огромной густой косой, съ звучнымъ голосомъ, музыкальнымъ слухомъ, съ красивыми стройными формами тѣла. Такова была Л., когда я встрѣтилъ ее въ первый

разъ у Бакста. Наружность была столь замѣчательная, столь бросающаяся въ глаза, что всякій видѣвшій ее въ первый разъ невольно обращалъ на нее вниманіе. Въ первый разъ я видѣлъ ее только на секунду и узналъ только фамилію.

Черезъ недѣлю послѣ того, собираясь ѣхать въ Москву, я снова зашелъ къ Баксту; у него было нѣсколько незнакомыхъ мнѣ лицъ. Чтобы не мѣшать ихъ разговору, я остановился въ сторонѣ, облокотившись на фортепіано. Вдругъ сзади меня раздался звучный голосъ. «Это ваша вышла книжечка?» —«Да, моя»,— отвѣчалъ я, поворотившись. Передъ мною стояла та красивая незнакомка. «Говорятъ, вы еще что-то напечатали?» Я назвалъ ей еще нѣсколько изданій. «Тамъ моя сестра,—сказала она, указавъ головой на сосѣднюю комнату:—пойдемте съ нами читать Гоголя». Мнѣ понравилась такая простота обращенія, но, впрочемъ, я посидѣлъ съ ними недолго: дѣла торопили меня въ другія мѣста.

Когда я возвратился изъ Москвы, Владимиръ Л., съ которымъ я встрѣтился у того же Бакста, сказалъ мнѣ: «сестры просятъ васъ къ намъ; приходите, пожалуйста; у насъ вечера по четвергамъ». Конечно, я не преминулъ воспользоваться такимъ приглашеніемъ. Вечера, которые давали сестры, большею частью, проводились въ танцахъ; братья же въ это время занимались шахматной игрой; для музыки служило фортепіано.

Это были вечера, устраиваемые одними дѣтьми; мать почти не показывалась на нихъ. Были только знакомые ея дѣтей. Лишь только я показался, Л. бросила свои танцы и цѣлый вечеръ просидѣла со мной на диванѣ. Главной темой разговора были притѣсненія матери и отсутствіе средствъ заниматься. Въ отвѣтъ на это я вызвался давать обѣимъ сестрамъ уроки грамматики и исторіи. Предложеніе мое было принято, и съ той же недѣли я началъ свои лекціи.

Правда, я не бывалъ у нихъ по четвергамъ, избѣгая разношерстной публики, но, тѣмъ не менѣе, бывалъ у нихъ по нѣскольку разъ въ недѣлю. Первымъ моимъ долгомъ было натаскать имъ разныхъ запрещенныхъ сочиненій, которыя они и читали съ жадностью.

Чувство мое началось съ перваго вечера. За сочувствіемъ, которое она старалась возбудить во мнѣ въ первый же вечеръ, не было остановки. Но вскорѣ моя молодая любовь подверглась испытанію. Вдругъ, неизвѣстно почему, моя Л. стала избѣгать меня; мнѣ хотѣлось знать, что было причиной этого. Мнѣ и въ голову не пришла мысль о женскихъ капризахъ. Такимъ образомъ я уѣхалъ на лѣто въ недоумѣніи, но, возвратившись осенью, я нашелъ ее попрежнему привѣтливою....

Въ разговорѣ съ молодой, впечатлительной душой я освѣжалъ свою душу.... Но вскорѣ она сказала мнѣ совершенно неожиданно: «я желала бы, чтобы вы больше не ходили къ намъ; я не скажу вамъ причины; но буду рада видѣть васъ въ другихъ мѣстахъ».

Такъ прошло еще полгода очень рѣдкихъ и короткихъ свиданій гдѣ нибудь у знакомыхъ; на нѣсколько минутъ она была, впрочемъ, два раза и у меня. Но и этихъ рѣдкихъ свиданій было достаточно, чтобы поддерживать начинающуюся любовь. Однажды я встрѣтилъ ее у брата Л. «Плохо, Иванъ Александровичъ; нѣтъ, вы скрываете: васъ арестуютъ». Искренняя слеза скатилась по ея щекѣ. «Нашъ кружокъ такъ малъ, что жалко всякаго человѣка»,—прибавила она, стирая слезы. Конечно, эти слезы произвели бы впечатлѣніе и не на такого одинокаго и чувствительнаго человѣка, какимъ былъ я.

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ предметъ моей первой любви, но уже съ гражданскимъ мужемъ. Какъ мужъ, такъ и она были новичками въ Петербургѣ, и потому они разыскали меня, какъ единственнаго петербургскаго знакомаго. Уже значительная перемѣна была замѣтна на лицѣ; было видно, что жизненная нужда, житейская борьба уже коснулись этой нѣкогда цвѣтущей дѣвушки... Можетъ быть, старое чувство воскресло бы опять, если бы ему не было противодѣйствія съ другой стороны. Пріѣзжіе очень нуждались въ средствахъ къ жизни и потому желали жить съ кѣмъ нибудь въ ассоціаціи. Эта ассоціація устроилась такъ, что въ нее поступилъ Александръ Лебедевъ. Понятно, что я долженъ былъ рано или поздно встрѣтиться здѣсь съ его сестрой.

Однажды вечеромъ я дѣйствительно встрѣтилъ ее у брата. Мы вышли отъ него вмѣстѣ, и она предложила мнѣ проводить ее до дома. Я, разумѣется, не отказался. Разстояніе было большое; теплая, темная ночь, казалось, покровительствовала нашей тихой ночной прогулкѣ. Вскорѣ ея рука какъ-то сама неожиданно очутилась въ моей рукѣ; это меня не столько удивило, сколько порадовало: я повелъ ее въ первый разъ подъ руку. Дорогой она говорила о матери, о ея притѣсненіяхъ, что она мѣшаетъ ея занятіямъ, что ей приходится постоянно бѣгать изъ дома отъ постоянныхъ материнскихъ капризовъ, что братья или не хотятъ или не могутъ взять ее къ себѣ и т. п....—«У васъ много знакомыхъ: найдите мнѣ какое нибудь мѣсто. Вы думаете, я не могу работать? Я могу работать. Если бы только у меня была работа, я бы отошла отъ матери, стала бы жить на особой квартирѣ вмѣстѣ съ одной своей подругой».—«Если хотите, переѣзжайте къ подругѣ, а я вамъ могу помочь до тѣхъ поръ, пока вы не устроитесь, хотя бы это продолжалось и два года. Только не знаю, какой суммы вамъ достаточно на мѣсячное содержаніе?» —«Право, я и сама не знаю».—«25 рублей достаточно?» (я судилъ по себѣ).—«Достаточно».—«Въ та-

комъ случаѣ, 25 рублей въ мѣсяцъ никогда меня не затруднятъ. Я зарабатываю каждый мѣсяцъ отъ 60 до 100 рублей, изъ которыхъ употребляю на себя только 30 рублей, а остальное все идетъ на сторону». Такимъ образомъ, мы порѣшили, что черезъ мѣсяцъ она вмѣстѣ съ своей подругой переѣдутъ на одну квартиру въ одну комнату, а пока она будетъ разъ въ недѣлю ходить ко мнѣ на квартиру. Жалобы ея на мать были справедливы только отчасти. Правда, она была капризная женщина съ не совсѣмъ честнымъ характеромъ; но все-таки дочери пользовались слишкомъ большой свободой, чтобы не имѣть никакой возможности заниматься. Довѣрчивому и влюбленному человѣку слова любимой дѣвущки представляются аксіомой, не требующей доказательствъ. То же, конечно, было и со мною. Въ назначенный вечеръ она пришла ко мнѣ, и мы занялись дѣломъ. Но, наконецъ, кончили, и, сидя рядомъ на диванѣ, перешли къ дружескому разговору, который все болѣе и болѣе выяснялъ намъ наше взаимное сочувствіе. Наконецъ, какъ-то безотчетно, шутя я надѣлъ ей на шею шнурокъ и затѣмъ самымъ легкимъ образомъ потянулъ ее къ себѣ. Увлеченная собственнымъ чувствомъ, она внезапно упала ко мнѣ на грудь. Эта неожиданность совершенно помрачила мой разумъ; сердце застучало, какъ молотокъ, взволновавшаяся кровь зажгла все тѣло. Страстный поцѣлуй былъ ей наградой за эту смѣлость. «Какое это сильное чувство!»—проговорили мы оба, очнувшись отъ своего порыва. Такимъ образомъ, въ одинъ вечеръ изъ дружескихъ отношеній мы перешли въ любовныя, а черезъ два или три сдѣлались мужемъ и женой.

Это случилось вскорѣ послѣ того времени, какъ я сталъ лѣчиться и поправляться здоровьемъ, и произошло скорѣе, нежели я успѣлъ подумать. Страстные люди поступаютъ, большею частью, сломя голову, и потомъ уже обдумываютъ свои поступки. Дѣвственная и искренняя любовь всегда доставляетъ много наслажденій и мужчинѣ и женщинѣ, но разница между мною и ею была большая въ томъ отношеніи, что она любила въ первый разъ и потому была на верху блаженства... При подобныхъ обстоятельствахъ чувства ростутъ очень скоро, и закрѣпляется та связь, которую потомъ трудно разрубить... Каково было мое удивленіе, когда тотчасъ послѣ этого я замѣтилъ, что и предметъ моей первой любви сдѣлался ко мнѣ слишкомъ неравнодушенъ... Но было уже поздно; объяснись это двумя недѣлями раньше, можетъ быть, старое чувство очень скоро вспыхнуло бы во мнѣ, и теперь второй любви не бывать бы... Такъ судьбой отдѣльныхъ личностей руководитъ слѣпой случай!

Между тѣмъ планъ Л. устроиться вмѣстѣ съ подругой не удался; оставаться въ семьѣ было невозможно; если бы наша любовь открылась, она бы удесятерила тягость ея семейной жизни. Пере-

ѣхать куда бы то ни было на квартиру противъ воли матери было невозможно; мать въ досадѣ могла, по закону, вытребовать къ себѣ дочь черезъ полицію. Оставлять любимую женщину въ такомъ положеніи было бы дѣломъ нечестнымъ; а, между тѣмъ, оставалось для этого только одно средство: женитьба, такъ называемый «законный бракъ».

При мысли о женитьбѣ пришлось подумать о выгодѣ и невыгодѣ такого шага. Съ одной стороны, Л. казалась мнѣ женщиной энергичной, всей душой сочувствующей общественнымъ нуждамъ; стало быть, она можетъ быть мнѣ помощникомъ; во-вторыхъ, она нѣсколько разъ выражала желаніе трудиться и жить на собственный счетъ; а было бы только желаніе работать, работа если не на сторонѣ, то у меня всегда найдется; въ-третьихъ, выучившись иностраннымъ языкамъ, она можетъ быть переводчицей и зарабатывать этимъ порядочныя деньги; наконецъ, при ея голосѣ и музыкальномъ слухѣ она сдѣлается театральной пѣвицей и излишекъ своихъ доходовъ будетъ отдавать на общественныя нужды; въ-четвертыхъ, по ея словамъ, за ней пойдетъ 1.000 рублей отцовскаго приданаго да отъ матери и дядей не менѣе 2.000 рублей, не считая различныхъ вещей. Отъ этихъ денегъ и вещей она совершенно отказывается въ пользу народа. Такова была увлекательная сторона.

Были и нѣкоторыя возраженія:

— Я злая,—говорила Л.,—иногда я ссорюсь со всѣми; я боюсь: тебѣ со мною худо будетъ.

— Вотъ какой вздоръ! Это у тебя отъ того, что ты живешь въ дурной обстановкѣ. Поживешь спокойно, поучишься, это все у тебя отстанетъ.

Я не допускалъ мысли, чтобы я не могъ съ кѣмъ либо ужиться. Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ мнѣ приходилось жить въ самыхъ разнородныхъ семействахъ, имѣть дѣло съ самыми разнородными людьми, и ни съ кѣмъ изъ нихъ я не только не ссорился, но былъ даже въ дружбѣ, не теряя нисколько своей самостоятельности и проводя все-таки свое направленіе. Это мнѣ удавалось до такой степени, что у меня сложилось убѣжденіе, что я со всѣми могу ужиться, а тѣмъ болѣе съ любящей, честной, правдивой женщиной. Поэтому на этотъ пунктъ я не обратилъ никакого вниманія, а напротивъ возражалъ ей, что меня могутъ арестовать.

— Не завтра же тебя арестуютъ,—говорила она,—хоть бы мѣсяцъ пожить хорошенько, а тамъ хоть и умремъ вмѣстѣ, мнѣ все равно.

Затѣмъ мнѣ приходило въ голову самое тяжелое возраженіе противъ женитьбы: Л. уже обратила на себя вниманіе полиціи; стало быть, вышедши за меня замужъ, она обратила бы его и на меня. Это совершенно противорѣчило моимъ планамъ. Но возбу-

жденная страсть тащила въ свою сторону, а мысль, что нельзя же такъ ее бросить, окончательно склоняла меня на бракъ.

Такое рѣшеніе было принято нами великимъ постомъ: мы рѣшились начать обычное сватовство съ шестой недѣли, а свадьбу сдѣлать на Ѳоминой. Явилось новое затрудненіе: мать отказала напрямикъ и во что бы то ни стало заставляла дочь и не думать о такомъ предложеніи.

— Помилуй, за тебя сватаются баронъ Б. и князь Н., а ты пойдешь за нищаго.

Тогда дочь обратилась съ письмомъ къ отцу, который жилъ отдѣльно въ Москвѣ; отецъ послѣ нѣкоторой переписки выслалъ свое разрѣшеніе и тысячерублевый билетъ. Мать, узнавши объ этомъ, пришла въ бѣшенство; очевидно, несмотря на ссоры, она дорожила своею дочерью — красавицей и пѣвицей, и надѣялась сдѣлать ею выгодный торгъ. Цѣлую ночь она не спала и голосила, сидя на постели своей дочери; ушла только передъ разсвѣтомъ. На другой день въ семь часовъ утра, когда Л. только что встала, мать, уже вся одѣтая, возвращалась откуда-то съ торжествомъ.

— Ну, вотъ, поздравляю! — сказала она: — я была въ полиціи и донесла на Худякова. Оберъ-полицеймейстеръ сказалъ мнѣ, что они уже давно знаютъ его и слѣдятъ за нимъ... и что имъ нуженъ былъ только первый доносъ, чтобы сослать его въ Сибирь... Теперь ты и выходи за него замужъ, когда его завтра же увезутъ...

Эта угроза имѣла совершенно обратное дѣйствіе; Л. немедленно бросилась ко мнѣ и не возвращалась уже къ матери. На другой день была нигилистическая свадьба, безъ танцевъ, безъ пироговъ, съ тремя-четырьмя свидѣтелями въ церкви.

Супружескія отношенія безъ любви есть не что иное, какъ законное распутство, и бракъ, создавая семьи, суживаетъ интересы родственниковъ; всякій изъ нихъ радѣетъ своимъ родственникамъ нерѣдко въ ущербъ общей или государственной пользѣ. Мы не говоримъ о томъ, что бракъ закрѣпляетъ женщину за мужчиной; самая мысль брака сдѣлать изъ двухъ личностей «плоть едину» — унизительна для человѣка. До брака мужчина—человѣкъ, а послѣ брака онъ дѣлается половиной человѣка... Женщина же, большею частью, или дѣлается его рабой или въ свою очередь его дѣлаетъ рабомъ своихъ страстей; женщина заявляетъ на него такія права, какія она не можетъ получить ни отъ кого.

Можно сказать, что моя любовь была счастливой только до свадьбы. Съ тѣхъ поръ, какъ Л. вступила въ права жены, я все время былъ уже самъ не свой. Къ несчастью, не я одинъ, а всѣ, кому только случалось жить съ Л., чувствовали себя несвободно. Но все-таки первые четыре мѣсяца были болѣе или менѣе сносны.

Капризы, однакожъ, не проходили, а, напротивъ, усиливались еще больше. Всю жизнь мою я не любилъ и почти не могъ ссориться на словахъ, и потому терпѣлъ пока, скрѣпя сердце...

Я пробовалъ давать женѣ разныя порученія, чтобы самому не отрываться отъ литературныхъ работъ, но вскорѣ раскаялся. Каждый разъ она дѣлала самые непростительные промахи, всегда перемѣшивая или фамиліи или обстоятельства дѣла такъ, что я вскорѣ отложилъ въ этомъ отношеніи на нее всякую надежду.

Занятія языками и пѣніемъ тоже не удавались; непривычка къ усидчивости заставляла ее постоянно переходить отъ одного занятія къ другому, и толку не было никакого. Привыкшая къ нѣжному воспитанію, она не могла переносить тѣхъ лишеній, которыя для меня были ни почемъ. Зато всѣ ея силы сосредоточивались на самой страстной физической любви... Прощай мое воздержаніе, прощай здоровье!

Единственное хорошее дѣло, которое мнѣ удалось сдѣлать за это время, было изданіе «Самоучителя». На эту книгу, безъ сомнѣнія, я потратилъ бы гораздо больше труда, если бы не мысль, что эту книгу могутъ запретить, и, стало быть, все равно трудъ пропадетъ даромъ. Книга была написана такъ, что возбуждала интересъ къ естественнымъ наукамъ, измѣняла весь строй міросозерцанія читателя, и я былъ доволенъ этимъ. Но въ Россіи легче написать книгу, нежели процензировать ее; для этого иногда надо много и много похлопотать. Сперва взять рекомендацію къ нѣкоторой великой дамѣ, отъ дамы къ нѣкоторому Ивану Ивановичу N. и т. д. «Вы не думайте,— говоритъ, наконецъ, послѣдній Иванъ Ивановичъ,—что мы, чиновники, такъ уже ничего не понимаемъ. Нѣтъ, мы еще не совсѣмъ отсталые»,—и отсылаетъ съ запиской къ секретарю. Секретарь комитета, получая такую записку, мигаетъ отъ удовольствія своимъ единственнымъ глазомъ, и книгу подъ обманчивымъ заглавіемъ позволяется представить въ корректурахъ къ цензору Лебедеву. Тутъ нуженъ опять новый пріемъ: надо съ первымъ корректурнымъ листомъ явиться самому и рекомендоваться археологомъ... Лебедевъ, зная еще прежде о моихъ археологическихъ заслугахъ, приходитъ отъ такого знакомства въ восторгъ, и листы читаются снисходительно.

— Я слышалъ,—говоритъ онъ,—что вы не имѣете диплома... Я бы вамъ совѣтовалъ: сходите отъ моего имени къ ректору. О васъ похлопочутъ, вы получите дипломъ, будете имѣть средства заниматься наукой...

Слѣдующіе листы читались въ порядочный промежутокъ времени, чтобы забыть ихъ связь; только послѣднюю главу онъ всю испачкалъ. Но все-таки книга появилась въ такомъ видѣ, что удивила многихъ.

Вслѣдъ затѣмъ я выѣхалъ за границу; поѣздка эта для меня была бы полезна во всѣхъ отношеніяхъ, если бы я поѣхалъ одинъ. Но жена тоже во что бы то ни стало захотѣла ѣхать со мною; ссориться было некогда, и я долженъ былъ ее взять.

XI.

За границей.

Между тѣмъ, изъ Россіи приходили утѣшительныя и неутѣшительныя вѣсти. По разсказамъ пріѣзжихъ, въ Петербургѣ обо мнѣ неизвѣстно откуда распространились слухи, что я бѣжалъ отъ преслѣдованія русскаго правительства. Нѣкоторые извѣстные либералы, неизвѣстно почему, распустили обо мнѣ нелѣпый слухъ, будто бы я вмѣстѣ съ Кельсіевымъ поджигаю Малороссію. Наконецъ само правительство подняло обо мнѣ шумъ запрещеніемъ «Самоучителя». Доносъ на эту книгу былъ сдѣланъ Муравьевымъ; министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ государю, отъ министра пошло къ генералъ-губернаторамъ обѣихъ столицъ; отъ генералъ-губернаторовъ къ оберъ-полицеймейстерамъ; отъ нихъ секретные печатные приказы разосланы по квартальнымъ. Книга всего не болѣе трехъ мѣсяцевъ была въ продажѣ; ни объявленій, ни рецензій не было; много книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ еще не знали о ней, хотя продажа и шла шибко.

Сначала полиція бросилась отыскивать автора, но авторъ оказался въ отлучкѣ. Тогда дали знать одному квартальному, что книга напечатана въ его кварталѣ, и чтобы онъ отобралъ ее у типографщика. Квартальный почему-то въ своемъ кварталѣ зналъ только типографію Головачева и два раза посылалъ его въ часть. Головачевъ даже и не слыхалъ о такой книгѣ; пересмотрѣлъ всѣ свои каталоги, но и тамъ не находилъ ничего. Наконецъ въ части ему показали одинъ экземпляръ. «Что же вы ко мнѣ пристаете?— сказалъ онъ съ досадой:—развѣ не видите, что на оберткѣ означена типографія Кукеля». (Эта типографія была наискось Головачева). Тогда бросились къ Кукелю, отобрали у него 4.000 дефектныхъ листовъ и съ торжествомъ повезли въ полицію. Жандармскіе офицеры обходили книжныя лавки. Въ публикѣ поднялась тревога.

— Слышишь ты, — говорилъ одинъ мелкій букинистъ другому: — Худякова запретили: «Букварь для русской грамоты».

— За что же запретили?

— Да, вишь, говорятъ, что тамъ написано, что цари брали подать вшами.

Между тѣмъ, апатичная бездѣятельность задняго двора сердила меня... Кромѣ того, писать популярныя книги для народа за гра-

ницей — дѣло весьма трудное; стало быть, и существовать за границей, работая для Россіи въ этомъ направленіи, весьма трудная вещь... Въ это время я окончательно убѣдился, что изъ моей жены не выйдетъ даже и пѣвицы; она совершенно не трудилась, а какъ-то растрачивала время по пустякамъ. Самая красота ея представлялась мнѣ теперь съ другой стороны: красота съ дѣтства привлекала къ ней многочисленную толпу страстныхъ поклонниковъ, которые болѣе или менѣе желали нравиться ей комплиментами, отчего тщеславіе развилось въ ней ужасно. Капризы ея увеличивались все болѣе и болѣе; на свѣтѣ не было такого человѣка, который могъ бы на нее угодить; во всякомъ, какъ въ мужчинѣ, такъ и женщинѣ, она прежде всего замѣчала его недостатокъ, который какъ-то поразительно ускользалъ отъ моихъ глазъ. Мало того, что она сама ссорилась со всѣми; она хотѣла, чтобы и я прекращалъ съ ними знакомство по ея капризу. Само собою разумѣется, что я, хотя большею частью и молча, отстаивалъ свою независимость, что̀ и приводило не къ одной грустной сценѣ... Любовь ея не уменьшалась; но, къ сожалѣнію, она сдѣлалась еще ревнивѣе прежняго, или, по крайней мѣрѣ, болѣе показывала ревности; она ревновала меня даже къ мужчинамъ.

Впослѣдствіи я самъ не разъ удивлялся крайней противоположности такихъ личностей, какъ я и моя жена. Она обладала замѣчательной красотой, сильнымъ, пріятнымъ голосомъ, полною свѣжестью силъ... Наоборотъ, трудно было найти человѣка болѣе невзрачнаго, какъ я, съ болѣе слабымъ голосомъ; въ музыкальномъ слухѣ я могъ бы позавидовать глухому; собачій вой отличается большимъ разнообразіемъ и гармоніей звуковъ, нежели мое пѣніе; наконецъ, рѣдко можно встрѣтить человѣка съ болѣе истощенными силами. Далѣе, моя жена всегда одѣвалась хотя просто, но со вкусомъ; я отличался совершеннымъ презрѣніемъ къ костюму. Она безпрестанно, не оканчивая, перебѣгала отъ однихъ занятій къ другимъ; я не могъ успокоиться, пока не достигалъ заданной цѣли. Съ тѣхъ поръ, какъ она испытала нужду, она сдѣлалась скупа, что̀ вообще очень скоро дѣлается съ женщинами.

Еще въ Петербургѣ былъ однажды случай, столь ошеломившій меня, что я убѣжалъ изъ дома безъ всякой мысли по направленію къ морю. На дорогѣ былъ кабакъ. Я никогда не пилъ вина, но тутъ мнѣ страшно захотѣлось зайти въ него и напиться, какъ стелька. (Тутъ я понялъ, отчего многіе мужья бываютъ горькими пьяницами). «Неужели я буду животнымъ? Нѣтъ, никогда: лучше утопиться, нежели сдѣлаться скотомъ»... За границей ея капризы сдѣлались для меня еще нестерпимѣе; порой я дѣйствительно желалъ себѣ смерти, чтобы только избавиться отъ нихъ. А, между тѣмъ, эта женщина меня любила и любила искренно... По временамъ она внушала мнѣ глубокое сожалѣніе: она сама сознавала несносность своего характера.

— Несчастная я, — говорила она, — со мною никто не можетъ ужиться. Зачѣмъ родятъ, зачѣмъ воспитываютъ такихъ людей на тягость всѣмъ?

Дѣйствительно, все дурное она получила отъ первоначальнаго своего воспитанія; напротивъ, все хорошее было пріобрѣтено ею вопреки воспитанію. Болѣе гуманные взгляды пріобрѣтены ею со стороны вопреки матери; даже стройность стана и голосъ образовались вопреки стараніямъ матери. Въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ мать затянула ее въ корсетъ, столь тяжело достающійся многимъ дѣтямъ; маленькая дѣвочка чувствовала только, что онъ не даетъ ей дышать, но въ то же время слишкомъ боялась матери, чтобы снять корсетъ. Тогда ей пришла въ голову счастливая мысль вынуть изъ корсета кости и носить его, какъ мѣшокъ. Еще ребенку, ей пришлось отвѣдать свѣчного сала, и оно пришлось такъ ей по вкусу, что она начала истреблять его въ значительномъ количествѣ. Мать замѣтила и настрого запретила. Однако она доставала и ѣла по цѣлымъ свѣчамъ. Безъ сомнѣнія, это было полезно для организма.

Какъ бы то ни было, но у взрослаго человѣка нельзя перемѣнить характера; напротивъ, отъ постоянныхъ капризовъ я самъ сталъ раздражительнѣе. Наконецъ дѣло дошло до того, что дальнѣйшая жизнь съ ней становилась для меня невыносимой... Поэтому я рѣшился возвратиться поскорѣе въ Россію, и при томъ одинъ; я надѣялся, что меня тотчасъ арестуютъ и сошлютъ туда, «куда Макаръ телятъ не гонялъ», а жена, не имѣя средствъ уѣхать за мной, мало-по-малу позабудетъ меня и полюбитъ другого... Во всякомъ случаѣ эта разлука будетъ ей полезна: она тогда сосредоточитъ свои мысли на пѣніи и сдѣлается пѣвицей... Многіе не совѣтовали ѣхать назадъ. «Что вамъ за радость? Ну, арестуютъ, и только». Другіе говорили съ видомъ человѣка, которому извѣстны высшія тайны: «ну, его обыщутъ!.. я уже знаю это навѣрно». Я отшучивался отъ подобныхъ предсказаній и уѣхалъ, оставивъ жену въ Женевѣ учиться пѣнію.

XII.

Въ Петербургѣ.

Россія всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе на русскаго, возвращающагося изъ-за границы. Не успѣли отвориться двери вагоновъ въ станціи Wirballen, когда на мой нѣмецкій вопросъ послышалось русское: «пожалуйте паспортъ». Ряды жандармовъ, и солдатъ стояли со всѣхъ сторонъ. Можно было бы подумать, что вмѣсто почтоваго поѣзда они ожидаютъ полкъ инсургентовъ.

Наконецъ, осмотрѣли паспорты и вещи—и пропустили. Въ конторѣ жидъ мѣнялъ иностранныя деньги: серебро и золото остались у него, а намъ выдавались только ассигнаціи да мѣдные пятаки. «Боже мой!—подумалъ я:—еще бы чугунныя деньги сдѣлали!... какъ имъ кармановъ-то не жалко?».

На каждомъ шагу бросалась въ глаза огромная разница между европейскими государствами и Россіей. Даже вагоны 2-го класса были безъ печекъ, тогда какъ въ Швейцаріи, несмотря на гораздо болѣе теплый климатъ, даже вагоны 3-го класса снабжены печками. По сторонамъ дороги—разрушенныя польскія деревни и опрокинутые порубленные лѣса. Станціи всѣ заняты жандармами; первый и второй классъ вагоновъ—чиновниками III Отдѣленія и другими піявками царства Польскаго; третій классъ наполненъ самою отвратительною смѣсью остзейскихъ нѣмцевъ, жидовъ, латышей, чухонцевъ и т. п. Изрѣдка можно было увидѣть двухъ старыхъ полекъ, шопотомъ разговаривающихъ между собою попольски. На одной станціи въ вагонъ, и безъ того уже плотно занятый пассажирами III класса, натискали роту солдатъ, которые помѣстились съ свойственною имъ храбростью отчасти на пассажирахъ, отчасти другъ на другѣ. Я было думалъ протестовать, говоря, что пассажиры не за то платятъ деньги, чтобы возить на шеѣ по два солдата... Но, увы, голосъ мой былъ заглушенъ солдатскими прибаутками, а снаружи вагонъ заперли засовомъ. На петербургскомъ дебаркадерѣ двери кассы III класса удерживались отъ толпы нѣсколькими жандармами, и когда наконецъ ихъ отворили, толпа хлынула съ такою стремительностью, что нѣкоторые попадали на полъ. Наконецъ, даже Петербургъ, самый богатый, самый образованный русскій городъ, представляетъ такую массу всевозможныхъ калѣкъ, людей столь печальныхъ, столь оборванныхъ, столь бѣдныхъ и такъ поражаетъ этимъ вновь пріѣзжаго изъ-за границы, что сердце невольно сжимается... Только изрѣдка можно видѣть выведенныхъ для прогулки десятитысячныхъ коней... Бѣдный народъ! онъ можетъ позавидовать этимъ животнымъ: ихъ холятъ, а его держатъ въ черномъ тѣлѣ.

Пріѣзда моего въ Петербургъ почти никто не ожидалъ, и потому всѣ встрѣтили меня съ удивленными глазами; они уже считали меня эмигрантомъ. Одинъ изъ моихъ близкихъ друзей, слушая мои разсказы о моей заграничной жизни, сказалъ наконецъ, обратившись къ другому: «слушаешь, слушаешь его, даже досадно станетъ: говоритъ, какъ умный человѣкъ, разсказываетъ, критикуетъ, а самъ-то что дѣлаетъ?... Ну, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ? Сидѣлъ бы тамъ, за границей. Вотъ теперь возьмутъ его и посадятъ и будутъ держать». Многія барыни, видя меня почти въ первый разъ, спрашивали прежде всего: «вы, конечно, видѣлись съ Герценомъ за границей?»

По поводу моего пріѣзда случился еще слѣдующій анекдотъ. Въ мое отсутствіе появился въ продажѣ мой портретъ. Еще за границей одинъ изъ моихъ знакомыхъ просилъ меня купить на Невскомъ и выслать ему мою фотографическую карточку. «Это ни въ какомъ случаѣ не моя карточка,—отвѣчалъ я ему.—Я уже не снимался нѣсколько лѣтъ. Вѣроятно, это—карточка художника Худякова».—«Нѣтъ, ваша; я читалъ объявленіе: напечатано въ рубрикѣ литераторовъ». По пріѣздѣ въ Петербургъ я было позабылъ объ этомъ. Но одна изъ близкихъ знакомыхъ сказала, между прочимъ: «Вотъ вы еще другъ... снимались, а намъ своей карточки не дали».—«Да я не снимался».—«Какъ не снимались? Ваша карточка продается у Попова: я читала объявленіе».

На другой день послѣ этого я отправился въ Попову.

«У васъ продаются карточки Худякова?»—«Продаются, 15 к. штука».—«Это художника Худякова?»—«Нѣтъ, литератора».—«Позвольте-ка». Мнѣ подали карточку съ изображеніемъ какого-то сорокалѣтняго тучнаго помѣщика. Съ оборотной стороны подпись: «Худяковъ». «Много у васъ такихъ экземпляровъ?»—«Вотъ только три осталось».—«Хорошо; я у васъ куплю эти три экземпляра; но прошу васъ больше такихъ не продавать: это нисколько на меня не похоже». — «Извините. А намъ въ фотографіи сказали, что это—Худяковъ».—«Если такъ можно обманывать публику,—подумалъ я,—при жизни автора, то чего нельзя ожидать послѣ смерти его? Если такъ невѣрны портреты людей XIX столѣтія, то что же сказать о портретахъ средневѣковыхъ личностей?» Купленные три экземпляра я роздалъ въ разныя руки, и одинъ изъ нихъ попался впослѣдствіи въ руки Муравьевской комиссіи по дѣлу 4 апрѣля. Члены весьма заинтересовались этимъ портретомъ: «Зачѣмъ и когда Худяковъ такъ маскировался?» По этому поводу сдѣлано было нѣсколько допросовъ. «Чья это карточка?»—спросили Александра Никольскаго.—«Худякова».—«Когда же онъ снимался?»—«Вѣроятно, когда былъ постарше».... отвѣчалъ тотъ.

Вслѣдствіе шума въ городѣ я и самъ былъ почти увѣренъ, что меня арестуютъ, и потому тотчасъ по пріѣздѣ поспѣшилъ въ Москву, гдѣ былъ и мой отецъ.

Ишутинскій кружокъ, съ которымъ я познакомился еще лѣтомъ 1865 г., былъ однимъ изъ замѣчательныхъ явленій того времени. Идея добра соединила довольно тѣсно значительную кучку талантливыхъ юношей, которые рано или поздно стали бы зерномъ обширнаго заговора. Эти люди большею частью отказались отъ всѣхъ радостей жизни и посвятили себя дѣлу народнаго освобожденія. Ермоловъ пожертвовалъ съ этою цѣлью всѣмъ своимъ состояніемъ. Нѣкоторые владѣли замѣчательнымъ талантомъ: Ермоловъ, Николаевъ, И. Воскресенскій, князь Оболенскій и др. Самъ Ишутинъ обладалъ большимъ краснорѣчіемъ, когда дѣло касалось

разговора съ народомъ. Я уже не говорю о такой высокой и безупречной личности, которая бы сдѣлала честь всякому поколѣнію, какою былъ Д. А. Юрасовъ.

Послѣ каракозовскаго слѣдствія нѣкоторые полицейскіе писатели презрительно отзывались объ этихъ личностяхъ. Они судили о нихъ по той личинѣ, которую эти личности носили во время заключенія. Было бы смѣшно, если бы естествоиспытатель составилъ свое сужденіе о нравахъ, привычкахъ, способностяхъ какого нибудь животнаго единственно по тому образцу, который онъ видѣлъ въ звѣринцѣ... Если можно ихъ въ чемъ упрекнуть, то единственно въ той ошибкѣ, что они приблизили къ себѣ Маткова, человѣка со способностями, но скорѣе интригана по характеру, нежели страстнаго политическаго дѣятеля. Каждый изъ остальныхъ, можетъ быть, съ увлеченіемъ умеръ бы за свои идеи, если бы для этого требовалась только двухчасовая геройская смерть, но, конечно, не всякій изъ нихъ могъ всегда выносить ее, когда она стояла передъ нимъ безотлучно нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Что касается до ихъ показаній, то они дѣлались иногда вслѣдствіе незнанія законовъ, нѣкоторыхъ уликъ, напримѣръ, найденной шкатулки съ письмами и разными вещами, а большею частью вслѣдствіе недоразумѣній, посѣянныхъ Матковымъ, и еще отъ того, что умный человѣкъ очень скоро глупѣетъ въ крѣпости. Впрочемъ надо сказать, что въ свою жизнь я не видывалъ такой громадной массы писанной лжи всѣхъ сортовъ, какой было дѣло 4 апрѣля!

. . . .

Возвратившись въ Петербургъ, я прописалъ свой паспортъ и ожидалъ ареста. Однако полиція не являлась и мало-помалу я сталъ успокоиваться на этотъ счетъ.

Положеніе мое было въ это время крайне не завидное. Я возвратился изъ-за границы съ еще болѣе разстроеннымъ здоровьемъ, нежели до отъѣзда. Поѣздка и особенно содержаніе жены такъ обременяли меня, что я не только отказывалъ себѣ во многомъ, но даже не имѣлъ денегъ лѣчиться. Издержавъ на чужія нужды ея 1.000 рублей, пожертвованныхъ ею по ошибкѣ, я не считалъ себя въ правѣ напоминать ей обѣщаніе жить на собственный счетъ, пока еще она не зажила своей тысячи.... Кромѣ того, постороннія дѣла такъ отвлекали меня, что я едва могъ иногда писать по двѣ строчки въ день.

Въ это время относительно жены меня волновали два чувства: съ одной стороны, я сознавалъ, что жена—совсѣмъ не такая женщина, какою я представлялъ ее себѣ до свадьбы; что мы не можемъ жить вмѣстѣ; что эта женщина стала препятствіемъ моей свободной дѣятельности, которая была для меня дороже жизни; съ другой стороны, она меня любила искренно, а искреннее чувство трудно позабыть; я почувствовалъ только, что можно любить

даже вопреки разсудку, чисто кровью; что любовь иногда дѣлается составною частью физическаго существованія.

Есть люди, которые почти не могутъ ссориться на словахъ. Къ этимъ людямъ принадлежалъ и я; мнѣ очень рѣдко приходилось съ кѣмъ нибудь ссориться, и почти всегда это было письменно.... Жена писала ко мнѣ изъ-за границы, жалуясь постоянно то на того, то на другого знакомаго. Въ одномъ изъ писемъ я отвѣчалъ ей, что чаще всего она сама виновата, что рано или поздно эти капризы доведутъ до того, что ей придется разстаться и со мною... Эти сдержанныя слова, которыми хотѣлъ я подготовить ее къ такой мысли, ужасно поразили бѣдную женщину... съ ней сдѣлалась, кажется, нервная горячка, и она слегла въ постель. Докторъ объявилъ, что болѣзнь ея происходитъ отъ чисто нравственной причины. Друзья извѣщали меня о ея болѣзни и просили написать такое письмо, «отъ котораго бы ей полегчало», но что лучше всего для ея выздоровленія выписать ее поскорѣе ко мнѣ въ Петербургъ.

Въ мои планы совсѣмъ не входило убивать бѣдную женщину. Пришлось написать успокоительное письмо, звать ее въ Петербургъ; я обѣщалъ ей быть вѣчнымъ ея мужемъ во что бы то ни стало, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что въ Петербургѣ мы будетъ жить на отдѣльныхъ квартирахъ. «Я согласна на все,— отвѣчала она,—я сдѣлаю все, что только тебѣ хочется, исполню всѣ твои желанія, только бы заслужить твою любовь!» Увы, какъ иногда далеко отъ самыхъ искреннихъ словъ до дѣла!

Л. Б. пріѣхала въ Петербургъ 10 февраля прямо ко мнѣ. «Я остановлюсь у тебя,—сказала она,—дня на два, а потомъ найду квартиру и переселюсь вмѣстѣ съ сестрой». Сестра, какъ на зло, не ѣхала цѣлый мѣсяцъ. Еще одинъ мѣсяцъ убійственной жизни: долговъ, неудачныхъ хлопотъ, необузданной любви.

Пріѣхала наконецъ сестра; стали искать квартиру; страннымъ образомъ находилась квартира только для четырехъ (въ томъ числѣ и для меня). На этой квартирѣ предполагалось сдѣлать свадьбу сестры съ А. Никольскимъ, -свадьбу, расходы которой принималъ на себя богатый дядя. Я все-таки не соглашался переѣзжать вмѣстѣ съ ними. «Я уже говорилъ тебѣ, что буду жить отдѣльно».— «Да нѣтъ, Ваня, это все равно: тамъ будетъ для тебя отдѣльный ходъ и отдѣльный кабинетъ; я буду только хозяйкой дома; даже не буду ходить къ тебѣ, пока ты самъ не позовешь меня».-—«Нѣтъ, ни за что».—Но тутъ къ словамъ жены присоединилась просьба сестры ея: «Дядя узнаетъ, что вы съ Л. живете порознь: онъ не устроитъ моей свадьбы. Поживите хоть одинъ мѣсяцъ до свадьбы, а за то я вамъ дамъ въ день свадьбы 1.000 рублей, да и потомъ буду помогать. Я знаю, дядя мнѣ никогда не будетъ отказывать».--«Да развѣ лучше будетъ: меня арестуютъ, и васъ всѣхъ заберутъ?»... (Это были пророческія слова).

Но и Александръ Никольскій присоединилъ свой голосъ къ ихъ просьбѣ. А. Никольскій былъ одною изъ свѣтлѣйшихъ личностей, которыхъ я только встрѣчалъ въ своей жизни; онъ отдавалъ на другихъ всѣ деньги, которыя ему посылала мать, а самъ существовалъ на 7—8 рублей въ мѣсяцъ, которые онъ добывалъ перепиской или уроками. Этотъ человѣкъ не думалъ о своей....[1]) Когда...[2]) Онъ оказалъ мнѣ столько услугъ, онъ просилъ такъ рѣдко, что отказать ему я не имѣлъ силъ.... «Ну, только для него, и то на мѣсяцъ... А то бы ни за что на свѣтѣ!»—сказалъ я чуть не съ отчаяніемъ.

У кого сундуковъ и мебели нѣтъ, тому очень легко переѣзжать на новую квартиру. Роковая квартира въ домѣ баварскаго консула Вальца дѣйствительно отличалась нѣкоторыми удобствами; однако моя хозяйка продолжала попрежнему быть моей капризной женой, истощавшей послѣднія мои силы, мѣшавшейся во все, затруднявшей каждый мой шагъ... Въ это время она поссорилась съ своимъ братомъ Владимиромъ, и даже не стала его принимать къ себѣ.

Владимиръ, какой бы онъ ни былъ человѣкъ, очень рѣдко посѣщалъ насъ, и все-таки былъ человѣкомъ, расположеннымъ ко мнѣ. Обозлившись на мою жену, онъ поспѣшилъ вскорѣ отомстить ей доносомъ, который прежде всего обратилъ на меня серьезное вниманіе слѣдственной комиссіи. Свадьба Варвары была сопряжена съ большими затрудненіями. Мать ни за что не соглашалась выдать ее за Никольскаго, и, боясь, чтобы отецъ не прислалъ разрѣшенія, уѣхала въ Москву. Въ это время мы успѣли, однако, сыграть свадьбу 3 апрѣля. На другой день, рокового 4 апрѣля, я ожидалъ съ нетерпѣніемъ обѣщанной тысячи, но Варвара вернулась съ просьбой подождать двѣ недѣли... А событія, между тѣмъ, не ждали...

На свадьбѣ присутствовали дядя и нѣкоторые другіе родственники, которые вообще прежде съ нами не были знакомы. «Скажите, пожалуйста,—говорилъ одинъ изъ нихъ:—говорятъ, вашу книгу запретило правительство?»—«Да».—«Ну, къ чему вы такъ пишете? Говорятъ: честное направленіе. Вотъ Чернышевскій дописался до того, что услали въ каторгу. Или вотъ Павловъ. Въ казенной палатѣ совѣтникъ меня спрашиваетъ: за что его сослали? За то, что онъ сказалъ на лекціи, что монархическій образъ правленія есть деспотическій... Даже совѣтникъ смѣется: «это, говоритъ, мы знаемъ давно»... Если бы я былъ писателемъ, я бы имъ такую чушь писалъ; пускай дураки читаютъ да даютъ денежки. Ну, а чтобы честные люди меня уважали попрежнему, я бы для нихъ разъ или два въ году издавалъ хорошую книгу. Жаль только, что писать не умѣю».

---

[1]) и [2]) Въ подлинникѣ два пробѣла.

XIII.

Каракозовъ.

Благородный, молодой и честный человѣкъ часто бываетъ довѣрчивъ, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что Д. А. Юрасовъ приблизилъ къ своему кружку Маткова. Матковъ, попавъ впервые въ политическій кружокъ, правдою и неправдою сталъ искать себѣ вліянія, для этого онъ пользовался малѣйшимъ обстоятельствомъ, чтобы втереться съ знакомство съ извѣстными или вліятельными личностями. Ишутинъ удвоилъ ошибку Юрасова: онъ далъ даже рекомендательное письмо Маткову ко мнѣ, которое оканчивалось восторженными словами: «горжусь такимъ знакомствомъ!» Тѣмъ не менѣе, я не совсѣмъ довѣрялъ рекомендаціи. Еще въ концѣ ноября, видѣвшись съ Ишутинымъ въ Москвѣ, я просилъ его не знакомить меня съ его другими товарищами; тѣмъ не менѣе, онъ присылалъ ко мнѣ одного за другимъ: Никифорова, Ѳедосѣева, Маткова, Страндена. Причиной такой распущенности его было естественное довѣріе къ товарищамъ, соединенное, можетъ быть, съ нѣкоторой дозой тщеславія. Къ несчастью, онъ утроилъ свою ошибку еще тѣмъ, что, пріѣхавши въ Петербургъ, являлся ко мнѣ не иначе, какъ съ Матковымъ (который, конечно, нарочно выжидалъ такого случая), и, снова рекомендуя сказалъ: «я скоро уѣзжаю изъ Москвы, и вмѣсто меня вы можете имѣть дѣло съ нимъ» (Ишутинъ не былъ способенъ къ роли серьезнаго заговорщика, и, кажется, самъ чувствовалъ это, желая удалиться изъ Москвы). На этотъ разъ я снова повторилъ ему, что я не знаю его товарищей, и что, видя ихъ на минуту, долженъ полагаться на его мнѣніе, но что снова прошу его не присылать болѣе никого.

Около этого времени С. и К. предупредили меня, что быть знакомымъ съ этими людьми все равно, что жить возлѣ будки: того и гляди, сведутъ въ часть... Но осторожность вырабатывается только опытомъ; имѣлъ примѣры людей, которые были еще менѣе осторожны... Если бы не случилось роковыхъ недоразумѣній этотъ кружокъ не погибъ бы... Но, кромѣ того, въ виду равнодушія въ политическомъ отношеніи, столь свойственнаго русскому человѣку, мнѣ казалось лучше... [1]), нежели критиковать ихъ вмѣстѣ съ людьми, жалѣющими для отечества половину старой подошвы.

Какъ бы то ни было, но черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда Ишутина изъ Петербурга въ Москву явилось ко мнѣ отъ его имени опять новое лицо, но безъ письма... Это особенно заинте-

[1]) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

ресовало меня; разговоръ его показывалъ, что ему хорошо извѣстны дѣла Ишутина; манеры и фигура не имѣли никакого сходства съ шпіонскими. А, между тѣмъ, онъ все-таки былъ безъ рекомендаціи... Вещь весьма странная. Это былъ Каракозовъ.

На другой день я поѣхалъ въ Москву. Здѣсь Матковъ предупредилъ меня, сказавъ, что Ишутина всѣ товарищи чуждаются. Я вспомнилъ, какъ Ишутинъ рекомендовалъ Маткова, и повѣрилъ послѣднему; но въ то же время отказался имѣть съ ними какое нибудь дѣло, пока они устроятъ свои дѣла сами. «Я теперь у васъ гость, и не могу съ полнымъ убѣжденіемъ мѣшаться въ ваши дѣла». Если бы я видѣлся съ Ишутинымъ, роковыя обстоятельства объяснились бы мнѣ; то же самое было съ Малининымъ, Ивановымъ и др. Къ несчастью, Маткову удалось дотянуть роковыя недоразумѣнія до 4 апрѣля, почему они такъ тяжело и отозвались на допросахъ.

Говорятъ, характеръ есть признакъ силы ума: въ отношеніи большинства это вѣрное замѣчаніе; но иногда бываютъ такія личности, у которыхъ характеръ далеко превосходитъ силу ума. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ Каракозовъ.

Каракозовъ, виновникъ событія 4 апрѣля, былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, у которыхъ дѣло замѣняетъ слова. На сходкахъ своего кружка онъ говорилъ меньше всѣхъ. Точно также и въ дѣтствѣ онъ не былъ словоохотливъ. Бывши ученикомъ въ пензенской гимназіи, онъ никогда не высовывался и не участвовалъ въ мелкихъ стычкахъ съ надзирателями и учителями; зато, когда вышла крупная исторія съ директоромъ, онъ былъ въ ней первымъ.

Однажды, въ Москвѣ онъ шелъ вечеромъ по улицѣ и наткнулся на будочника, съ ожесточеніемъ колотившаго извозчика. Безъ всякихъ предварительныхъ увѣщеваній Каракозовъ немедленно ухватилъ будочника за шиворотъ, поднялъ его на воздухъ, потрясъ нѣсколько разъ и бросилъ въ сторону со словами: «всѣхъ бы васъ перевѣшать!» Черезъ нѣсколько минутъ послѣ подобныхъ порывовъ волнующаяся страсть улегалась, и онъ, опять согнувшись, шелъ, сидѣлъ или лежалъ неподвижно, думая какую-то думу. Товарищи еще въ гимназіи прозвали его Карломъ XII.

Каракозовъ не былъ тщеславнымъ человѣкомъ; онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своей то неподвижной, то бурной натуры; онъ мало заботился о томъ, что о немъ скажутъ, и дѣлалъ только то, что по своимъ соображеніямъ считалъ полезнымъ. Еще менѣе,—въ этомъ я увѣренъ,—онъ думалъ о себѣ. Какъ извѣстно, товарищи просили его не совершать до времени покушенія,—отсрочка, очень пріятная для человѣка, полнаго жизни... Онъ, однако, не послушался ихъ, потому что, во-первыхъ, онъ не зналъ того взаимнаго недовѣрія, которое Матковъ посѣялъ между членами обще-

ства; во-вторыхъ, онъ думалъ, что покушеніе дастъ имъ значительныя денежныя средства, а народъ получитъ «уступочку», которой общество и воспользуется для пропаганды и для достиженія своей цѣли—соціальной республики...

Однако, несмотря на силу своего характера, несмотря на предостереженіе своихъ товарищей, Каракозовъ не имѣлъ настолько силы ума, чтобы исполнить свое дѣло мастерски. Онъ какъ будто нарочно оставилъ всѣ слѣды, чтобы открыть дѣло, въ случаѣ неудачи. Я не буду упоминать о показаніяхъ дворника Цѣткина, достаточно характеризующихъ его неосторожность. Давать ему денегъ на извозчика, когда съ этими деньгами онъ самъ легко могъ съѣздить; поручать ему письмо, которое онъ самъ легко могъ положить въ почтовой ящикъ,—все это верхъ неосторожности, которая такъ меня поразила въ Каракозовѣ съ перваго раза.

Письмо, оставленное имъ въ Знаменской гостиницѣ, бумаги, найденныя въ карманѣ, самое пальто, наконецъ ядъ, который онъ взялъ въ пузырькѣ, когда легко могъ имѣть его въ шарикѣ и положить за зубы,—все это были достаточныя данныя, чтобы открыть дѣло. Самое запирательство въ фамиліи поставило только нѣкоторыхъ въ ложное положеніе и еще болѣе усилило озабоченность правительства. Все это такія данныя, которыя показываютъ, что сила его ума не совпадала съ силой характера...

При размышленіи объ этомъ, нельзя, впрочемъ, упустить изъ виду того, что та неподвижность, которая отличала Каракозова въ обыкновенное время, болѣе всего выработала эту неосторожность; незнакомый съ мелкими житейскими неудачами, онъ не могъ предугадать большой неудачи... Живя въ тѣсномъ кружкѣ молодыхъ студентовъ, онъ, подобно Березовскому, въ «повстаньѣ», безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ бы осторожнѣе...

Кромѣ того, Каракозовъ очень могъ разсчитывать и на удачу своего покушенія. Онъ былъ хорошій стрѣлокъ, а промахнуться въ упоръ было бы неслыханнымъ дѣломъ... Тогда толпа растерзала бы его на мѣстѣ, и едва ли бы тогда нашли какой нибудь слѣдъ его происхожденія; даже если бы и нашли, то его неосторожность не повлекла бы за собой вредныхъ послѣдствій.

Нѣкоторые словоохотливые господа обвиняютъ Каракозова въ томъ, что немедленно послѣ покушенія онъ струсилъ и хотѣлъ было бѣжать. Конечно, эти господа сами никогда не были въ подобномъ положеніи. Вспомните разсказы образованныхъ военныхъ: какой ужасъ страха чувствуютъ они передъ началомъ сраженія и ужасъ отвращенія послѣ него!.. Послушайте разсказы поляковъ, участвовавшихъ въ польскомъ бунтѣ 1863 г. Натыкаясь въ одиночку на русскаго солдата, имѣя полную возможность повалить его выстрѣломъ, многіе не могли сдѣлать этого... Прицѣлъ сдѣланъ, а рука отказывается спустить курокъ... Такъ возмущается чело-

вѣческое чувство противъ самаго дозволительнаго убійства, для защиты общественной свободы... Образованному человѣку, какъ бы онъ ни былъ убѣжденъ въ правотѣ своего поступка, чрезвычайно тяжело убить другого «человѣка». Въ то время, какъ мозгъ его убѣжденъ въ крайней правотѣ и необходимости извѣстнаго поступка, нервы всего тѣла, непривычные къ такому явленію, неожиданно протестуютъ... Повторяю, никто, кромѣ Каракозова, не можетъ понимать, что̀ Каракозовъ чувствовалъ въ данную минуту.

Господа резонеры, которые, можетъ быть, всю свою жизнь боятся какого нибудь паука, должны помнить, что Каракозовъ чувствовалъ страхъ чуть ли не въ первый разъ въ жизни именно въ это мгновенье, и, вѣроятно, этотъ внезапный ужасъ, объявшій его, былъ ужасъ громадной неудачи. Черезъ минуту онъ владѣлъ уже полнымъ присутствіемъ духа... Народъ уже тормошилъ его, желая его раздавить...—«Дурачье! вѣдь я для васъ же!—сказалъ онъ.— А вы не понимаете».—«Ты—полякъ?»—спросилъ его государь.—«Нѣтъ,чистый русскій»,—отвѣчалъ Каракозовъ спокойно.—«Почему же ты стрѣлялъ въ меня?»—«Потому что ты обѣщалъ народу землю, да не далъ».

Затѣмъ девять дней Каракозовъ не открывалъ своей фамиліи, пока ея не открыли обстоятельства; мало того, въ началѣ слѣдствія онъ сдѣлалъ геройское усиліе уморить себя голодомъ: нѣсколько дней не принималъ пищи, пока наконецъ онъ ослабѣлъ до такой степени, что ему силой вливали въ ротъ пищу.

Наконецъ, самое тяжелое обвиненіе, падающее на Каракозова, это—его оговоръ на меня и на Кобылина.

Человѣкъ, попавшій впросакъ, перестаетъ довѣрять себѣ; онъ болѣе полагается на мнѣнія другихъ людей, которыхъ онъ уважаетъ. Въ такомъ положеніи былъ Каракозовъ послѣ своего покушенія, и особенно, когда открыли его близкихъ знакомыхъ. Къ несчастью, въ это-то время Ишутинъ, нѣжно любимый имъ братъ, на очной ставкѣ вынудилъ у него показаніе на Кобылина, конечно, не уликой, а намекомъ, что подобное показаніе отвлечетъ подозрѣніе отъ московскаго кружка.

Затѣмъ остается показаніе на меня. Но показаніе это онъ уже сдѣлалъ тогда, когда убѣдился, что мнѣ не избѣгнуть обвиненія въ знаніи его намѣренія уже вслѣдствіе того, что я скрылъ его фамилію въ началѣ слѣдствія; стало быть, не дѣлая на меня показаній, онъ только доказывалъ комиссіи свою неискренность и усиливалъ подозрѣніе, что онъ скрываетъ другихъ товарищей. Кромѣ того, его могли убѣдить, что при множествѣ другихъ показаній на меня его оговоръ уже не прибавитъ ничего важнаго. И, конечно, не раскаяніе побудило его дѣлать оговоры, и при томъ ложные, а желаніе облегчить участь десятка товарищей.

Самыя его показанія отличались такою краткостью, такою неопредѣленностью, что разрушали не только всякую мысль объ ихъ искренности, но даже не послужили ни къ какому достаточному обвиненію передъ судомъ.

Самымъ неопровержимымъ доказательствомъ его благородства служитъ глубокая степень ужаснаго раскаянія, сожалѣнія о своемъ промахѣ, о гибели другихъ, дѣло которыхъ было для него дѣломъ жизни. Это нравственное страданіе лишило его сна, не давало ему ни минуты покоя, ослабило его до такой степени, что подъ конецъ онъ сдѣлался тѣнью прежняго человѣка, едва держался на ногахъ; самая голова даже стала склоняться на бокъ. А пять мѣсяцевъ тому назадъ Боткинъ сравнивалъ его здоровье съ быкомъ (по крайней мѣрѣ, такъ говорили мнѣ въ комиссіи).

XIV.

Арестъ.

Задумать бороться съ правительствомъ, низвергнуть его, создать новый порядокъ вещей—это, безъ сомнѣнія, такая трудная задача, которая даже такимъ избраннымъ, высокимъ и сильнымъ личностямъ, какъ Гарибальди, удается только послѣ цѣлаго ряда неудачъ и попытокъ.

Задача политическаго дѣятеля несравненно труднѣе любого ученаго генія: онъ долженъ имѣть дѣло съ самыми разнородными представителями общества; ему мало обладать замѣчательнымъ чутьемъ въ выборѣ людей; изъ обыкновеннаго человѣка онъ долженъ образовать политическаго дѣятеля; онъ долженъ имѣть въ виду безчисленныя комбинаціи, которыя могутъ произойти отъ его дѣйствій, отъ дѣйствій его друзей, отъ многочисленныхъ случайностей слѣпой судьбы; ему мало воодушевить своихъ друзей, мало подстрекать ихъ къ дѣятельности; на случай неожиданности онъ долженъ дать имъ часть своего генія, а это—вещь не всегда возможная. Непроходимая глупость человѣческая и служитъ почти всегда причиной гибели политическаго дѣятеля, какъ бы оправдывая тѣмъ извѣстныя слова Гейне, что «противъ глупости и боги напрасно борются».

Положеніе политическаго дѣятеля напоминаетъ народную сказку: царевна-свобода предлагаетъ своимъ женихамъ или смертную казнь, или себя и все свое царство, если только они отгадаютъ ея загадку, отгадать которой не можетъ ни одинъ геній въ мірѣ, если ему не поможетъ случай. И летятъ головы дерзкихъ смѣльчаковъ, пока случай не поможетъ послѣднему.

Читатель, можетъ быть, знаетъ, какъ знаменитый Дэви открылъ, что электричество Вольтова столба разлагаетъ воду на кислородъ и водородъ; онъ дѣлалъ около двадцати опытовъ, пока наконецъ не отстранилъ всѣхъ постороннихъ элементовъ и получилъ аксіому.

Въ наукѣ можно безопасно дѣлать тысячи опытовъ, а политика не допускаетъ этого... При каждомъ неудачномъ опытѣ ея борцы должны ложиться въ гробы, конечно, съ вѣрой,

Что эти гробы
Вызовутъ новое племя
Для новой борьбы.

Самымъ главнымъ препятствіемъ для всѣхъ дѣятелей служитъ недостатокъ денегъ. Дѣло, которое они принимаютъ на себя, требуетъ большихъ расходовъ; всѣ основныя силы своей машины они должны составлять изъ грунта народнаго, изъ людей нищихъ; «богатые не войдутъ въ царство Божіе»; имъ трудно примкнуть къ дѣлу, которое сопряжено не только съ рискомъ жизни, но даже и капитала. Конечно, съ позволенія начальства и они сдѣлали бы революцію...

Я уже говорилъ, въ какомъ бѣдственномъ финансовомъ положеніи находился я наканунѣ 4 апрѣля, въ день свадьбы Никольскаго. На жизненной войнѣ дорога каждая минута; но женщины не понимаютъ этого, и полученіе обѣщанной тысячи отложено еще на двѣ недѣли. Это извѣстіе равнялось пораженію...

Вечеромъ разнеслась молва о покушеніи. Разсказы были сбивчивы.

Наконецъ 6 апрѣля я узналъ отъ одного знакомаго, что Кобылинъ арестованъ. Въ карманѣ было у меня только два рубля. Почти вездѣ и кругомъ я былъ долженъ. Въ отвѣтъ на такое извѣстіе я попросилъ у него 10 рублей взаймы.

— Черезъ недѣльку я съ удовольствіемъ, а теперь деньги-то мнѣ нужны.

Прошла ночь; ареста не было.

— Не преувеличиваю ли я себѣ опасность?—думалъ я.—Развѣ такъ далеко отъ III Отдѣленія до моей квартиры?

Не прошло и полчаса послѣ обѣда, какъ въ залу ввалился хорошо мнѣ извѣстный знаменитый шпіонъ изъ жидовъ, полицейскій квартальный Юнге, съ выраженіемъ глазъ, свойственнымъ только сыщикамъ по призванію. За нимъ слѣдовалъ квартальный нашего квартала и другіе чины полиціи, дворникъ Цѣткинъ, а понятые почтительно остались въ передней. Зоркимъ окомъ осмотрѣлъ Юнге изъ залы всѣ комнаты и углы, какъ бы желая схватить всѣ предметы разомъ. Я вышелъ къ нему изъ кабинета.

— Я пріѣхалъ къ вамъ,—сказалъ Юнге,— по повелѣнію высочайше утвержденной комиссіи.

— Очень радъ. Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

Юнге вошелъ со мной въ кабинетъ и сказалъ почти шопотомъ:

— Намъ извѣстно, у васъ бывалъ человѣкъ высокаго роста, онъ ходитъ въ поддевкѣ и пр.

Запираться не было возможности; дворники и прислуга могли бы уличить, не говоря уже о той уликѣ, по которой III Отдѣленіе напало на мой слѣдъ.

— Да, какъ же; былъ у меня два раза одинъ такой человѣкъ, и я далъ ему нѣсколько рублей.

Это было сказано такъ спокойно и съ такою искренностью, что, по крайней мѣрѣ, квартальный Дмитріевъ вполнѣ повѣрилъ этому. (Въ подобныхъ случаяхъ люди дѣлаются неподражаемыми актерами).

— ...Что вы не разспросили его хорошенько: кто онъ? откуда?— сказалъ онъ съ сомнѣніемъ:—впрочемъ онъ могъ и наврать!

— Вы, кажется, уже были у насъ подъ судомъ? — спросилъ онъ опять послѣ размышленія.

— Нѣтъ, не былъ.

Въ это время было приступлено къ осмотру бумагъ. Работа продолжалась часъ или два. Я предложилъ гостямъ чай и представилъ имъ свою жену.

— Вы въ четвергъ на страстной недѣлѣ были въ магазинѣ Яковлева?—спросилъ ее Юнге.

— Да, была.

— Видите, какъ я хорошо помню! — не утерпѣлъ онъ похвастаться.

Всѣхъ лицъ, которыхъ застали въ моей квартирѣ, обязали подпиской о невыѣздѣ изъ города и вскорѣ потомъ арестовали. Часу въ восьмомъ вечера подали карету, и мы сѣли въ нее съ Юнге.

— Скажите, пожалуйста, почему я знаю, что вы ѣздили за границу?—спросилъ онъ, не утерпѣвши похвастаться своими шпіонскими свѣдѣніями.

— Вѣроятно, потому, что вы служили въ паспортной комиссіи.

Затѣмъ мы всю дорогу не говорили ни слова.

Наконецъ меня высадили у освѣщеннаго III Отдѣленія. Послѣ нѣкотораго ожиданія пригласили меня въ залу, гдѣ Огаревъ, Врангель и «шалунъ свиты его величества» разбирали мои бумаги. Въ бумагахъ не нашлось ничего подозрительнаго; зато было нѣсколько листовъ очень странныхъ народныхъ сказокъ, загадокъ, пословицъ. Чтеніе этихъ листовъ въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ доставило особенное удовольствіе нѣкоторымъ членамъ III Отдѣленія.

Огаревъ началъ допросъ.

— Вѣдь вы знали этого человѣка?

Я повторилъ прежнее.

— Вы сколько платите за квартиру?—спросилъ онъ.

— Тридцать рублей въ мѣсяцъ.

— Я плачу за квартиру двѣнадцать тысячъ рублей серебромъ въ годъ (разумѣется, это онъ солгалъ немилосердно); да отчего же онъ обратился не ко мнѣ, а къ вамъ?

— Да у васъ, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, у подъѣзда стоитъ толстый швейцаръ съ булавой и жандармъ съ саблей... Кто же съ улицы осмѣлится къ вамъ зайти? А мы живемъ попросту.

— Ну, тогда скажите, отъ кого онъ приходилъ? Вы не думайте, что вы намъ неизвѣстны. Ваша книга была запрещена правительствомъ. Вотъ теперь проповѣдываніе вашихъ взглядовъ, вашихъ идей довело васъ до знакомства съ такими людьми, отъ которыхъ вы сами теперь отказываетесь.

— Я не знакомъ ни съ однимъ подозрительнымъ человѣкомъ!

— Но ваша жена—первая нигилистка въ городѣ. Вы знакомы съ Никольскими, а они у насъ были подъ судомъ...

— Я съ ними познакомился всего нѣсколько дней тому назадъ...

— Вотъ и этотъ человѣкъ, который выстрѣлилъ въ государя, не случайно же къ вамъ зашелъ!

Услышавъ такую неожиданную вѣсть, я пришелъ въ такой ужасъ, который переходитъ въ дурноту. Это было самое убѣдительное доказательство.

— Ну, если не знаете, то скажите, отъ кого же онъ приходилъ?

— И этого положительно не знаю.

Каракозовъ, который больше всѣхъ долженъ былъ быть готовъ къ такому показанію, подтвердилъ его, но не нашелся объяснить его. Ему стоило бы только сказать, что онъ слышалъ обо мнѣ разговоръ на Невскомъ, въ какомъ нибудь книжномъ магазинѣ, наконецъ, въ Публичной библіотекѣ, и меня бы выпустили, потому что показанія дворниковъ, служанокъ какъ разъ совпадали съ моими показаніями и ставили меня внѣ подозрѣнія.

Къ несчастію, на вопросъ: почему вы обратились къ Худякову?—онъ отвѣтилъ:

— Вижу: школа, и вошелъ.

Это былъ ломовой отвѣтъ; потому все-таки остался вопросъ: отъ кого онъ приходилъ ко мнѣ?—и потому меня удержали еще на нѣсколько дней.

Считая меня уже внѣ подозрѣнія, правительственные сыщики и члены комиссіи подняли при мнѣ шумный споръ о томъ, кто такой долженъ быть цареубійца. Всякій хотѣлъ показать свою геніальность, всякій, подобно гоголевскому капитану Копейкину, давалъ свое гаданіе и утверждалъ, какъ непреложный фактъ. Но всѣхъ громче хвастался Юнге.

— Я васъ увѣряю,—говорилъ онъ,—не будь я Юнге, что онъ семинаристъ. И выговоръ у него семинарскій.

Прошло еще нѣсколько дней, пока открыли фамилію Каракозова. Каждый офицеръ, который приходилъ провожать меня въ номеръ, непремѣнно спрашивалъ:

— Вѣдь вы были съ нимъ знакомы?! Вы знали его?

— Кого? — спросилъ я однажды съ досадой.

Офицеръ былъ изъ ненаходчивыхъ, и ничего не отвѣтилъ.

Арестованныхъ, кромѣ меня и Кобылина, въ то время почти никого не было. Кобылинъ показалъ, между прочимъ, что къ нему на квартиру приходилъ однажды для свиданія съ Владимировымъ человѣкъ невысокаго роста, съ темными волосами, но лицо его было почти закрыто воротникомъ, такъ что его нельзя было разсмотрѣть. Я подходилъ подъ эти примѣты; меня одѣли въ пальто съ воротникомъ и поставили передъ Кобылинымъ.

— Этотъ?—спросили его.

Кобылинъ, очевидно, былъ въ затрудненіи...

— Да почти такой же ростъ и темные волосы.

— Вы были въ домѣ Аѳанасьева на Выборгской сторонѣ?

— Въ первый разъ слышу,—отвѣчалъ я съ удивленіемъ.

Внезапное вдохновеніе, которое посѣщаетъ иногда людей въ трудныя минуты ихъ жизни, озарило Кобылина на этотъ разъ.

— Нѣтъ, это—не тотъ. У того волосы были гладко приглажены.

— Ну, у этого уже съ колыбели волосы всклочены! — воскликнули члены, и меня съ торжествомъ отвели въ номеръ.

Однакожъ, другими путями въ то время была открыта фамилія Каракозова. Изъ дальнѣйшихъ допросовъ оказалось, что я знакомъ съ Ишутинымъ, а Ишутинъ—двоюродный братъ Каракозова; стало быть, очень ясно, что Каракозовъ обратился ко мнѣ, слыхавъ обо мнѣ отъ брата... Такимъ образомъ, дѣло оканчивалось такъ, что мои показанія оправдывались, и я долженъ былъ быть выпущенъ на свободу черезъ день или два.

И. А. Худяковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОГРОМѢ ВЪ МАНЬЧЖУРІИ ПО ЛИНІИ ВОСТОЧНОЙ КИТАЙСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ ВЪ 1898 ГОДУ [1].

IV.

Вдругъ въ ноябрѣ пріѣзжаетъ главный членъ комитета Сибирской желѣзной дороги, К. Пошли разговоры, зашевелились, всѣ засуетились отъ сторожа завода до строителя Маньчжурской желѣзной дороги включительно.

Пошли слухи, неизвѣстно кѣмъ пущенные, будто бы К. велитъ сокращать штаты и увольнять лишнихъ лицъ. Но на заводѣ всѣ были покойны; казалось, избытка служащихъ нѣтъ, поэтому никто не боялся остаться безъ мѣста. Однажды инженеръ К—въ по телефону передаетъ на заводъ, чтобы подготовлялись, потому что черезъ часъ пріѣдетъ К. съ княземъ Х. и съ главнымъ контролеромъ. Грозная комиссія наконецъ пріѣхала, обошла весь заводъ въ сопровожденіи г. Роганова, много разспрашивала его относительно завода, выдѣлки кирпича, похвалила за чистоту, порядокъ и проворство работниковъ, заставляла манзъ-мастеровъ формовать кирпичъ въ двойныхъ формахъ. Заводъ ревизорамъ понравился, они горячо благодарили г. Роганова. Прошла недѣля послѣ посѣщенія, и все успокоилось, какъ вдругъ г. Рогановъ получаетъ изъ конторы инженера К—ова служебную записку, что за сокращеніемъ штатовъ г. Рогановъ

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI, стр. 81.

увольняется отъ службы, а посему онъ долженъ все сдать по управленію заводомъ и явиться въ контору за расчетомъ. Неожиданное увольненіе, какъ громомъ, поразило старика. «Вотъ такъ поблагодарили, вотъ такъ наградили!—повторялъ онъ:—ждалъ награды, а вмѣсто нея вышибаютъ». Но сѣтованія не помогутъ, нужно собираться и выѣзжать, но куда отправиться во время суровой зимы?—вотъ мудреный вопросъ. Вспомнивъ обѣщаніе инженера Гончарова, г. Рогановъ по совѣту жены послалъ ему телеграмму на Хинганъ съ запросомъ, не нуженъ ли онъ туда. Отвѣтъ получился благопріятный. Г. Роганова приняли на новое мѣсто, ему было предложено составить транспортъ и провезти для 4-го участка дороги казенные матеріалы.

Получивъ расчетъ, г. Рогановъ отправился къ главному строителю Маньчжурской дороги, не какъ управляющій кирпичнымъ заводомъ, а въ качествѣ агента западнаго отдѣленія 4-го участка. Начальникъ удивился, что г. Рогановъ уже болѣе не служитъ на заводѣ, и между ними произошла интересная бесѣда:

— Отчего вы, г. Рогановъ, не хотите служить?

— Развѣ вы не знаете, что меня уволили за сокращеніемъ штатовъ?

— Нѣтъ, мнѣ это неизвѣстно, а, кажется, вы капризничаете и не хотите служить, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ сказали.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ г. Рогановъ:—разъ я не нравлюсь ближайшему начальству, которое меня оклеветало и обвинило передъ вами въ капризахъ, а само уволило за сокращеніемъ якобы штатовъ, то я не могу продолжать службу.

— Ну, съ вами сколько ни спорь, ни къ чему не придешь. Съ Богомъ поѣзжайте на Хинганъ, служите и тамъ такъ же усердно, какъ и здѣсь. Я убѣжденъ, что тамъ оцѣнятъ васъ лучше, чѣмъ здѣсь.

Скоро г. Роганову выдали деньги и разные предметы; онъ отправился нанимать подводы къ подрядчику въ г. Ожехе, отстоящій отъ Харбина въ 30-ти верстахъ.

Подрядчикъ согласился дать лошадей, сколько потребуется до Джелантуня, по 2 рубля съ пуда, за 500 верстъ. Чрезъ двѣ недѣли транспортъ у г. Роганова былъ готовъ. Въ это время его жена, успѣла сдѣлать всѣмъ прощальные визиты. Всѣ ее очень жалѣли, что она рѣшается ѣхать зимой 600 верстъ въ китайской арбѣ, т.-е. на телѣгѣ на двухъ колесахъ, съ деревянной вертящейся осью громадныхъ размѣровъ. Такая телѣга поднимаетъ до трехъ сотъ пудовъ груза. Сквозь слезы г-жа Роганова говорила, что поѣдетъ съ комфортомъ, потому что на арбѣ устроили прелестную повозку, съ окнами по бокамъ и впереди и съ дверью назади; повозка внутри обтянута полотномъ, потомъ прошита кошмой кругомъ, въ повозкѣ будетъ очень тепло, а сверхъ кошмы она обтянута цыновкой, чтобы дождь не промочилъ.

Началась заготовка дорожныхъ предметовъ; надѣлали пельменей, наварили крѣпкаго бульона, щей, и все это замораживали. Нажарено было много фазановъ, которые въ Харбинѣ продаются 12 к. за пару, съ десятокъ утокъ, три гуся, такъ какъ Рождество придется провести въ дорогѣ. Приготовлено было еще печенье, которое въ мороженомъ состояніи долго сохраняется, стоитъ только на ночлегѣ положить печенье въ кастрюлю и поставить на горячую печь, печенье тотчасъ и дѣлается мягкимъ, какъ будто бы только что вынуто изъ печки. Припасенъ окорокъ ветчины и нашъ черный хлѣбъ, какого въ Маньчжуріи нѣтъ. Транспортъ готовился большой. Г. Рогановъ получилъ массу телеграммъ отъ своего новаго начальника насчетъ того, что нужно привезти на Хинганъ. Нуженъ былъ керосинъ, въ Хинганѣ сидятъ впотьмахъ, за одну свѣчку платятъ полтинникъ, нѣтъ тамъ желѣза, чтобы крыть дома, нѣтъ соли, очень мало муки, и совсѣмъ нѣтъ риса. Всѣ инструменты плотничные, столярные, токарные, слесарные пришли въ негодность, ихъ нужно замѣнить новыми. Г-жа Роганова также получила много писемъ и телеграммъ съ просьбами привезти въ Хинганъ разнаго товара. Отсюда написали, что на Хинганѣ только одна лавочка, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ сорокаведерной бочки со спиртомъ, который навѣрно разъ двадцать разбавлялся водой, тѣмъ не менѣе водка изъ бочки продается—бутылка 2 р. 50 к., а къ Рождеству навѣрное будетъ 4 р., а къ масл-ницѣ и всѣ пять. «Посему, если вы сжалитесь надъ нами,—писали г-жѣ Рогановой,—то привезите хотя немного живительной влаги, вы будете спасительницей рода человѣческаго, находящагося на Хинганѣ, и спасительницей друзей своихъ; услуга ваша никогда не забудется, потому что вся надежда только на васъ. Хинганъ находится далеко отъ всѣхъ путей сообщенія, къ нему не добраться ни съ какой стороны: отъ Харбина онъ—600 верстъ, отъ Срѣтенска—1.200 верстъ; никакого купца калачомъ не заманишь сюда. Вотъ почему хозяинъ лавочки, Маеровичъ, деретъ, сколько ему вздумается, за свой ничтожный товаръ въ своей лавченкѣ. Мы все переносили и платили, что просятъ, но всему бываетъ конецъ, опустѣла лавка Маеровича, и мы умираемъ голодной смертью, а Маеровичъ вотъ уже мѣсяцъ твердитъ намъ, что изъ Благовѣщенска скоро придетъ транспортъ, за которымъ онъ послалъ своего зятя, и уже получилъ извѣстіе, что транспортъ выѣхалъ 6 декабря на Хинганъ. Поймите наше отчаяніе, избавьте насъ отъ отвратительнаго ханшина, который мы съ трудомъ достаемъ по 1 рублю бутылку». Подъ вліяніемъ такихъ писемъ г-жа Роганова принялась за хлопоты въ пользу просившихъ ее, стала закупать товары. Въ это время цѣны настолько понизились въ Харбинѣ, что почти сравнялись съ благовѣщенскими, владивостокскими и хабаровскими. Пониженіе цѣнъ произошло потому, что фирмы Альбертсъ, Чуринъ и Тифонтай устро-

или здѣсь магазины и склады, съ большими запасами. Вмѣстѣ съ тѣмъ паденію цѣнъ помогла и обуявшая всѣхъ спекуляція, всѣ принялись за торговлю. Рабочій, у котораго завелось 200 р., бросалъ службу или просилъ отпускъ по семейнымъ обстоятельствамъ; ему даютъ безплатный проѣздъ, онъ проситъ нарядъ на провозъ обратно провизіи, и, получивъ нарядъ на 100 пудовъ безплатнаго провоза до Харбина, въ Хабаровскѣ покупаетъ, что нужно, и возвращается въ Харбинъ, гдѣ у него на пароходѣ все сразу покупаютъ за тройную цѣну, и онъ, уже имѣя 600 р., бросаетъ службу и ѣдетъ опять за товаромъ, возвращаясь продаетъ за 1.000 р. и такъ далѣе. Эти случайные коммерсанты сразу увеличили торговые запасы и понизили цѣны, потому что предложеніе стало превышать спросъ.

Наконецъ, все было готово. Нагрузили 45 арбъ, поднимающихъ каждая не менѣе 300 пуд.; въ арбу были впряжены по 7 лошадей. Обозъ могъ двинуться каждую минуту, только ждали охранной стражи. Наконецъ, она прибыла. Г.г. Рогановы распрощались со всѣми и двинулись въ путь. Это было 17 декабря. Солнце ярко сіяло на безоблачномъ небѣ, снѣгъ еще болѣе усиливалъ сіяніе, рѣжущее глаза. Г-жа Роганова влѣзла въ свою повозку и завалилась на перину. Подводы вытянулись въ линію и вступили на ледъ рѣки Сунгари, чтобы перейти рѣку и двинуться по направленію сначала города Хуланъченъ, а потомъ въ Цицикаръ. Кромѣ 45 подводъ съ казеннымъ имуществомъ, четыре подводы наняты были для частнаго груза, который г-жа Роганова закупила въ Харбинѣ по заказу и на продажу въ Хинганъ. Впереди обоза ѣхала повозка со стеклами и дверью, настоящая карета, только обитая вмѣсто атласа цыновками. На верху кибитки высоко взвивался желтый флагъ съ дракономъ. Въ концѣ поѣзда двигалась повозка помощника, сопровождающаго поѣздъ, при немъ находились два его лакея изъ китайцевъ. Далѣе слѣдовала охрана, состоящая изъ 12-ти казаковъ и одного урядника. У каждой подводы былъ кучеръ и два конюха, одинъ денной, обязанный на привалахъ и постоялыхъ дворахъ кормить и поить лошадей, другой ночной, обязанный караулить весь обозъ и свой возъ въ особенности, а также запрягать и выпрягать лошадей. Многолюдство успокоивало, г.г. Рогановы не боялись нападеній хунхузовъ, потому что въ поѣздѣ было много оружія. Первый ночлегъ путниковъ былъ въ городѣ Хуланченѣ, отстоящемъ отъ Харбина въ сорока верстахъ, по направленію Цицикара. Въ это мѣстечко г.г. Рогановы прибыли вечеромъ. Поѣздъ долго двигался по вонючимъ переулкамъ, наконецъ въѣхалъ на постоялый дворъ; путникамъ отвели громадную фанзу; въ ней на нарахъ человѣкъ 20-ть китайцевъ курили, ѣли, спали, нѣкоторые пили ханшинъ и играли въ карты. Казаки вошли на постоялый дворъ, какъ побѣдители. Живо очистили одинъ уголъ

наръ для русскихъ. Нѣкоторые манзы, спросонья не понявъ, въ чемъ дѣло, и неторопливо собираясь, получили въ награду нѣсколько плетей и живо убрались подальше. Другіе, видя казацкую расправу, не смѣли протестовать, отодвинулись и, злобно поглядывая, съ любопытствомъ слѣдили за всѣми дѣйствіями пріѣзжихъ. Между тѣмъ, прислуга вносила снопы соломы и разстилала ее на нарахъ, подушки, перины, одѣяла и приготовила постели. А казаки въ то же время разводили огонь на громадной жаровнѣ, гдѣ китайцы раскуриваютъ трубки; когда угли разгорѣлись, началось разогрѣваніе мороженныхъ блюдъ. Поставили самоваръ и сварили пельменей. Китайцы за всѣмъ этимъ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ; когда казакъ сталъ опускать пельмени въ кастрюлю, громко заговорили и засмѣялись. Изъ словъ ихъ можно было понять, что они довольны тѣмъ, что и русскіе ѣдятъ пельмени, къ которымъ китайцы имѣютъ пристрастіе; у нихъ есть даже поговорка по этому поводу: «только дуракъ не ѣстъ пельменей». Наконецъ все было готово, самоваръ стоялъ на столѣ, т.-е. на китайскомъ столикѣ, похожемъ на нашу дѣтскую скамеечку, всѣ усѣлись на нары по-турецки, каждый придвинулъ къ себѣ столикъ, на которомъ приготовленъ ужинъ, поужинали, остатки были отданы прислуживающимъ китайцамъ; они съ удовольствіемъ уплетали пельмени за обѣ щеки деревянными ложками, привезенными изъ Харбина русскими. Посторонніе китайцы съ удивленіемъ смотрѣли на ѣду при посредствѣ ложки, а не двумя палочками, какъ у нихъ водится. Когда русскіе стали пить чай, то маленькая китаянка и ея мамаша недвусмысленно поглядывали на сахаръ. Китаянка, жена хозяина дома, въ которомъ остановились ночевать, одѣта была въ шелкъ; въ громадной ея прическѣ торчали серебряные помпоны, шпильки и цвѣты, но шея вся была грязная; несмотря на бѣлила и румяна, усердно наложенныя, сажа проступала. Мамаша съ маленькой дочкой, также набѣленной и нарумяненной, были одарены сахаромъ и конфетами. Дѣвочка въ восторгѣ побѣжала къ своему отцу похвастаться подарками. Кромѣ того, китаянкѣ подарены были три зеркальца и кусокъ мыла, съ указаніемъ, какъ нужно его употреблять. Ничтожные подарки произвели хорошее впечатлѣніе, присутствующіе всѣ весело заговорили, помирившись съ безцеремоннымъ къ нимъ вторженіемъ русскихъ. Китайцы, какъ дѣти, моментально вспыхиваютъ при обидѣ и тотчасъ забываютъ ее, если ихъ приласкать. Китайское благодушіе особенно увеличилось, когда г.г. Рогановы спросили, не хочетъ ли кто чая. Тотчасъ нѣкоторые изъявили согласіе, и робко подходили съ чашкой, имъ наливали чая, давали кусокъ сахару и булки. Китаецъ отходилъ съ благодарностью и показывалъ своимъ, что онъ получилъ. Такъ подходило человѣкъ десять, наконецъ вода въ самоварѣ кончилась. Г-жа Роганова засмѣялась, ки-

тайцы тоже разсмѣялись и крикнули: шанго, мадамъ, хо--мадамъ. Казаки подъ вліяніемъ тепла и сытости почувствовали себя въ благодушномъ настроеніи, также стали угощать китайцевъ ханшиномъ, котораго у хозяина купили полведра за 50 к.; китайцы окончательно помирились съ казаками, и всѣ спокойно улеглись спать. Поѣздка происходила безъ приключеній, если не считать тѣхъ случаевъ, когда на ночлегѣ г-жа Роганова падала въ обморокъ, и ее поспѣшно выносили на дворъ на свѣжій воздухъ. Такія болѣзненныя состоянія съ ней наступали вездѣ, гдѣ было накурено опіумомъ. Какъ казаки съ вечера ни обшаривали комнату на ночлегѣ, чтобы усмотрѣть, не куритъ ли кто опіумъ; какъ ни приказывали хозяину двора запретить курить опіумъ,—все-таки никто не могъ укараулить, и непремѣнно кто нибудь закуритъ опій, большею частію, самъ хозяинъ нарушалъ приказаніе, не считая его серьезнымъ. Когда г-жѣ Рогановой дѣлалось дурно, и ее выносили на улицу, хозяинъ, видя, что дѣло плохо, начиналъ колотить свою прислугу, якобы виновниковъ въ куреніи опіума, поднимался крикъ и шумъ, пока казаки не пригрозятъ плетью, тогда все успокоится. Г-жу Роганову вносятъ обратно въ домъ, хозяинъ извиняется. Такіе случаи происходили почти на каждомъ ночлегѣ. 24 декабря путники подъѣхали къ Цицикару, гдѣ имъ пришлось встрѣтить Рождество Христово. Г.г. Рогановыхъ здѣсь принялъ ихъ знакомый, управляющій русско-китайскимъ банкомъ. Такъ какъ банкъ помѣщается въ крѣпости, а ворота ея рано запираются, и никого не впускаютъ туда, то г.г. Рогановы, чтобы прибыть во время, оставили обозъ и уѣхали впередъ. Странный видъ представляетъ крѣпость Цицикаръ, когда къ ней подъѣзжаешь. Она кажется такой маленькой, мизерной, среди высокихъ песчаныхъ холмовъ, въ глубокой котловинѣ. На самомъ близкомъ разстояніи отъ крѣпости становятся едва замѣтными ея стѣны и грозныя башни по угламъ съ амбразурами для пушекъ. Твердыня эта грандіозна и несокрушима, она сдѣлана изъ дикаго камня, громадныя крѣпостныя ворота, обитыя желѣзомъ, двигаются на колесахъ. Внутри крѣпости есть вторая стѣна, какъ бы новая крѣпость. Говорятъ, за второй стѣной есть третья стѣна, за ней во дворцѣ живетъ китайскій дзянь-дзинь, по-нашему генералъ-губернаторъ.

Путешественниковъ встрѣтили въ банкѣ съ распростертыми объятіями, какъ новый свѣжій элементъ среди одуряющаго однообразія цицикарскихъ русскихъ обывателей, часто изнывающихъ въ тоскѣ. Представьте себѣ море, или, лучше, цѣлый океанъ, на немъ маленькій островъ, на которомъ проживаетъ нѣсколько человѣкъ. Такому островку и уподобляется русско-китайскій банкъ; при немъ восемь служащихъ и двѣ женщины и 10 казаковъ для охраны; эта маленькая колонія радостно встрѣтила пріѣзжихъ.

Такъ какъ бань въ Цицикарѣ нѣтъ, то гостямъ прежде всего предложили китайскую ванну. Потребность была отлично угадана, на китайскихъ ночлегахъ путники прокоптѣли и были не хуже любого китайца со слоями сажи. Радушіе хозяевъ росло постоянно; устроена была встрѣча Рождественскаго праздника даже съ елкой. Прекрасная елка невольно напоминала родину, вызывала особое чувство и нѣкоторыхъ растрогала до слезъ. Собралась вся русская колонія, и скоро всѣ перезнакомились. На семейной елкѣ управляющаго банкомъ были кассиръ, бухгалтеръ и два конторщика, капитанъ охраны изъ Фулярди и два поручика. Началось угощеніе, усѣлись за столъ, покрытый прекрасной камчатной скатертью, подъ ней, по малороссійскому обычаю, было настлано сѣно, по случаю сочельника въ центрѣ стояла кутья и кругомъ во всевозможныхъ видахъ рыбныя блюда, горячій пирогъ изъ тайменя, перемѣшаннаго съ налимьими печенками и молоками; обиліе рыбы на столѣ объясняется богатствомъ ея въ Цицикарѣ. Разумѣется, присутствовала и живительная влага.

Узнавъ, что у г.г. Рогановыхъ есть запасъ водки и вина, русскіе новоселы раскупили большую партію этого товара, а торгующая получила хорошій барышъ.

По окончаніи ужина, вставая изъ-за стола, каждый выдергивалъ изъ-подъ скатерти пучекъ травы, чтобы отгадать, сколько ему придется жить. Смѣху и шуткамъ не было конца, когда управляющій съ женой выдернули по длинному стеблю, капитанъ покороче, а поручики совсѣмъ по маленькому прутику.

25 декабря утромъ г-жа Роганова почувствовала сильную тоску по родинѣ; она была грустна и плакала. Вылѣчили ее дѣти управляющаго: они вдругъ вбѣжали въ комнату къ г-жѣ Рогановой и стали славить Христа. Г-жа Роганова была поражена такой неожиданностью. Это были прелестный мальчикъ пятилѣтній, бѣлокурый, похожій на херувима, въ розовой шелковой рубашечкѣ, подпоясанной бѣлымъ газовымъ шарфомъ, и шестилѣтняя тоже бѣлокурая дѣвочка съ чудными кудрями. Прославивши, они поздравили съ праздникомъ и увели гостью къ родителямъ въ столовую, гдѣ уже готовъ былъ завтракъ.

Хозяйка была такъ любезна, что пригласила г-жу Роганову прокатиться по Цицикару. Это—азіатскій городъ; онъ грязенъ, вонючъ, съ узкими улицами и переулками, всѣ нечистоты выбрасываются на улицу; нѣсколько почище—на базарѣ, но здѣсь зато шумъ, гамъ, смѣхъ и крикъ китайскій.

Китайцы не могутъ говорить тихо, они самый обыкновенный разговоръ ведутъ громко, съ повышеніемъ голоса и размахивая руками.

Въ одномъ переулкѣ была встрѣчена богатая свадьба. Впереди ѣхали верхомъ на мулахъ, украшенныхъ цвѣтами, лентами, помпонами и погремушками, нѣсколько молодыхъ китайцевъ, разодѣтыхъ

въ шелкъ и атласъ; за ними ѣхали человѣкъ двадцать сѣдыхъ пожилыхъ мужчинъ, потомъ десять человѣкъ музыкантовъ. За музыкой опять слѣдовала молодежь съ женихомъ на коняхъ, потомъ двухколесная повозка, запряженная двумя мулами, красиво убранными.

Въ глубинѣ колясочки сидѣла невѣста, ей не болѣе пятнадцати лѣтъ, личико довольно симпатичное, съ косыми глазами и выдающимися скулами. Одѣта невѣста была въ шелковый костюмъ яркихъ цвѣтовъ, преимущественно краснаго и синяго; около невѣсты сидѣла мать.

За повозкой ѣхало до двадцати разряженныхъ дѣвушекъ съ непокрытой головой, несмотря на морозъ, дабы не испортить головной прически, которая на нѣкоторыхъ возвышается, какъ колокольня.

За поѣздомъ дѣвушекъ опять слѣдовали музыканты, а далѣе человѣкъ двадцать пожилыхъ китайцевъ, окружавшихъ три арбы съ приданымъ невѣсты, покрытымъ коврами.

Наверху передней арбы устроено нѣчто въ родѣ алтаря, на немъ стоялъ богъ плодородія съ громадными клыками и рогами, изъ чрева его лѣзутъ во всѣ стороны всякія твари и животныя, и даже снопы и рисовые колосья, и богиня питательница, изъ ста грудей которой соки капаютъ въ громадную китайскую вазу.

Вечеромъ русская колонія опять вся была въ сборѣ, всѣ усердно занялись пѣніемъ, пѣли все, что знали.

Изъ Цицикара г.г. Рогановы уѣхали въ Фулярди. Путники переѣхали по льду рѣку Нони и отправились прямо на лѣсопильный заводъ къ своему знакомому управляющему, встрѣтившему ихъ очень радушно.

Отъ этого города мѣстность началась гористая, населеніе было рѣдкое, по дорогѣ стоятъ одиноко только постоялые дворы. Здѣсь русскими проѣзжая дорога улучшена: построены мосты, а для проѣзжающихъ служащихъ есть квартиры, почему г.г. Рогановы ѣхали довольно удобно.

Наканунѣ новаго года, вечеромъ, часовъ въ шесть, транспортъ прибылъ въ Джелантури и остановился у казеннаго склада. Рогановы помѣстились у знакомаго счетовода; онъ очень обрадовался имъ, какъ старымъ знакомымъ по прежнему мѣсту службы. По случаю пріѣзда дорогихъ гостей счетоводъ устроилъ веселую встрѣчу новаго года и елку.

Въ Джелантуни г.г. Рогановы пробыли четыре дня, нужно было разсчитать китайскихъ подводчиковъ и часть груза сдать проживающему здѣсь начальнику 5 участка. Какъ ни уговаривалъ г. Рогановъ возчиковъ везти транспортъ на Хинганъ, ничто не помогало: давалъ высокую цѣну, по 60 копеекъ съ пуда за 100 верстъ, обѣщалъ давать казенное сѣно и овесъ. Тѣмъ не менѣе, китайцы отказались. «Не поѣдемъ,- кричали они, —ты рядилъ до Джелан-

туня по 2 рубля пудъ; мы привезли, давай деньги». Въ свое оправданіе возчики указывали на то, что лошади устали, по д...ѣ совсѣмъ нѣтъ постоялыхъ дворовъ, ночевать негдѣ, казаки этапы не пускаютъ. Манзы были правы. Ихъ болѣе всего страшилъ такъ называемый Хинганскій перевалъ; на него, разсказывали, три дня взбираться нужно, а когда взъѣдешь, то надобно пожертвовать что нибудь въ кумирню, находящуюся на самомъ верху перевала. Въ нее дѣйствительно заходятъ и конные и пѣшіе манзы и всегда что нибудь даютъ, поэтому кумирня богата и хорошо убрана. Несчастія на перевалѣ бываютъ очень часто оттого, что, кромѣ крутизны подъемовъ, во многихъ мѣстахъ дорогу пересѣкаютъ вытекающіе изъ скалъ ключи; замерзая, они образуютъ на дорогѣ ледяную накипь. По ней трудно двигаться, тѣмъ болѣе, что лошади у китайцевъ всегда плохо кованы; онѣ скользятъ и падаютъ. Тогда возъ на двухколесной арбѣ опрокидывается и по инерціи катится подъ гору, затѣмъ все разбивается вдребезги. Манзы перевозятъ тяжести чрезъ перевалъ чаще на быкахъ, по парѣ впряженныхъ въ ярмо и непремѣнно подкованныхъ. Подковка быковъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: берутся три гвоздя съ широкими шляпами, ихъ вколачиваютъ въ копыто; когда гвоздь выйдетъ, конецъ его пригибаютъ, такимъ образомъ гвозди образуютъ на каждомъ копытѣ какъ бы три когтя. Хотя эта ковка облегчаетъ движеніе быковъ, однако они все-таки срываются на скользкомъ льду и часто ложатся для отдыха; тогда манза даетъ имъ сѣна или зеренъ гаоляна.

Г.г. Рогановы проѣхали перевалъ благополучно; имъ на послѣдней станціи дали возокъ и тройку хорошо подкованныхъ лошадей. Только главный подрядчикъ согласился отвезти въ Хинганъ транспортъ. Онъ имѣлъ въ обозѣ своихъ 14 лошадей, столько же лошадей своего брата и 21 лошадь сосѣда. Послѣ долгихъ переговоровъ подрядчикъ двинулся на Хинганъ на семи арбахъ. Дорога была скверная, сто верстъ нужно ѣхать горами; чѣмъ дальше къ Хингану, тѣмъ выше горы, воза съ трудомъ взбирались на гору и еще труднѣе спускались подъ гору, почти на рукахъ и веревкахъ, которыми манзы удерживали арбы. И такая дорога идетъ вплоть до Бахата, отстоящаго въ 39-ти верстахъ отъ Хингана. Въ Бахатѣ—громадная долина, по которой протекаетъ рѣчка, горы отодвинулись дальше и только передъ самымъ въѣздомъ на Хинганскій перевалъ опять сдвинулись вплотную, оставляя небольшое ущелье, которое открываетъ путь на Хинганскій перевалъ, а по бокамъ направо и налѣво громадныя вершины, поросшія густымъ лѣсомъ. Передъ путешественниками открывается чудная и грандіозная картина Хинганскаго перевала. День былъ ясный, солнечный, громадныя горныя вершины, одѣтыя лѣсомъ, казались какъ будто бы упирающимися въ синее небо. Когда въѣзжаешь въ ущелье, нужно пред-

варительно поворотить налѣво, потому что прямо стоитъ большая гора; только послѣ объѣзда подножія горы чрезъ полверсты открывается ущелье. Кажется, какъ будто бы Создатель приказалъ горѣ подвинуться, стать поперекъ дороги, чтобы заслонить перевалъ и скрыть отъ ѣдущихъ ужасъ громаднаго подъема. Спускъ на другую сторону перевала совсѣмъ отлогій и постепенный.

V.

12 января г.г. Рогановы благополучно пріѣхали въ Хинганъ; квартира для нихъ была уже готова. Началась разгрузка, немедленно явились покупатели. Кто требовалъ ящикъ вина, кто водки. Услыхалъ объ этомъ Маеровичъ и побѣжалъ немедленно къ начальнику жаловаться. «Помилуйте,—говорилъ онъ,—пріѣхали Рогановы, и у меня никто теперь въ лавкѣ не покупаетъ, всѣ бросились къ нимъ, они у меня торговлю перебиваютъ, вы меня вызвали, я думалъ, буду одинъ торговать». Жалоба Маеровича на этотъ разъ была оставлена безъ всякихъ послѣдствій, ему сдѣлано было серьезное разъясненіе. Съ тѣхъ поръ Маеровичъ затаилъ злобу противъ г.г. Рогановыхъ, при встрѣчахъ сладко улыбался, а въ душѣ готовъ въ ложкѣ воды утопить, началъ чуть не каждый день забѣгать къ нимъ и спрашивать, какъ торговля идетъ. Когда видѣлъ покупателей, отъ злости не выдерживалъ характера и убѣгалъ, даже не простившись. Въ февралѣ пришелъ наконецъ такъ давно жданный обозъ Маеровича, и тогда онъ оставилъ г.г. Рогановыхъ въ покоѣ. Цѣны на товары онъ понизилъ, по таблицѣ, утвержденной начальствомъ. Маеровичу разрѣшено было еще ввезти транспортъ изъ Стрѣтенска безъ осмотра, хотя въ этомъ обозѣ было 9-ть бочекъ спирта. Когда начальникъ узналъ объ этомъ, то велѣлъ спиртъ запечатать, бочки поставить около склада. Но ничто но помогло, ни караулъ казаковъ, приставленныхъ къ бочкамъ, ни часовой, находившійся у склада, всѣ они не замѣчали ничего подозрительнаго, а бочки по какому-то волшебству оказались чрезъ недѣлю пустыми. Когда начальникъ спросилъ, отчего это произошло, ему отвѣтили: бочки разсохлись, спиртъ весь вытекъ, а убытка, между тѣмъ, никто не предъявлялъ. Бочки со спиртомъ принадлежали цѣлой компаніи, такъ какъ одинъ Маеровичъ не рискнулъ привезти много спирта, поэтому пригласилъ компаньоновъ, имѣющихъ право торговать на Хинганѣ съѣстными припасами, а секретно торгующихъ преимущественно водкой.

Квартира у г.г. Рогановыхъ была устроена такъ. Представьте себѣ громадный баракъ, врытый въ землю на два аршина, поставлены столбы, въ промежуткахъ вставлены толстые горбыли, съ заострен-

ными концами, вколоченные въ грунтъ. На верху стояковъ сдѣланы связи вдоль барака, по серединѣ его на столбахъ укрѣплены балки, по нимъ рѣшетникъ, на немъ насыпана земля. Двери, какъ въ подвалахъ, спускаются книзу, а окна устроены вровень съ землей, маленькія, въ два стекла. Баракъ былъ по длинѣ 15 саженъ, а въ вышину три сажени, онъ раздѣлялся на четыре квартиры.

Еще не успѣлъ г.Рогановъ хорошенько устроиться въ своей квартирѣ, какъ вдругъ начальникъ потребовалъ его къ себѣ. Дѣло скоро разъяснилось. Изъ Джелантуня въ Хинганъ г. Рогановъ перевезъ только часть транспорта; много предметовъ имъ было оставлено въ первомъ мѣстечкѣ и въ складѣ 5-го участка, съ тѣмъ, чтобы отсюда перевозить на казенныхъ лошадяхъ на Хинганъ. Въ транспортѣ, кромѣ необходимыхъ предметовъ, было нѣсколько ящиковъ съ разными винами, купленными по распоряженію администраціи. Когда грузъ подошелъ къ кордону, казаки увидали боченки и ящики и остановили подъ Хинганомъ обозъ; но г. Рогановъ показалъ пропускъ, тогда обозъ пропустили безпрепятственно, но слава уже пошла по всему Хингану. Г. Рогановъ, говорили, водку привезъ, чистую, не разбавленную, не какъ у Маеровича. Шустрый еврейчикъ забѣгалъ, заносился по всему Хингану и скоро устроилъ гадость, а когда это не помогло, сбѣгалъ къ артельщику въ складъ, куда телефонъ проведенъ къ начальнику, и подговорилъ артельщика сообщить по телефону начальнику, что г. Рогановъ вмѣсто нужныхъ предметовъ для казенныхъ потребностей везетъ семь подводъ одной водки для продажи. Разумѣется, выслушавъ такое заявленіе, начальникъ раздражился, и по адресу г. Роганова высказалъ много нелестнаго: «Сейчасъ же стараго чорта выгоню вонъ»,—заключилъ свой гнѣвъ начальникъ. Маеровичъ подслушалъ весь разговоръ и съ радостью объявлялъ всѣмъ, кто попадался ему навстрѣчу: любимчикъ начальника полетитъ обратно, онъ его прогналъ.

Г. Рогановъ, не подозрѣвая интриги, спокойно вошелъ къ начальству. Не давая ему возможности говорить, разгнѣванный администраторъ началъ упрекать, а потомъ повернулся и прервалъ разговоръ. Въ прихожей г. Роганова встрѣтилъ Маеровичъ, который подслушивалъ происходившее. Г. Рогановъ догадался, что тутъ кроется какая нибудь каверза, и, когда узналъ сущность обвиненія, молча передалъ накладныя изумленному начальству; изъ этихъ документовъ вполнѣ была видна гадкая клевета. Скоро начальство свой гнѣвъ перемѣнило на милость: г. Роганову увеличенъ окладъ жалованья, и дана награда за благополучную доставку груза, а Маеровичу запрещено было являться на глаза къ начальству. Но развѣ такихъ лицъ, какъ Маеровичъ, удержитъ запрещеніе? Они, какъ клопы, пролѣзутъ въ самую незамѣтную щель и опять начнутъ кусать. Черезъ мѣсяцъ Маеровича опять можно было каждый день видѣть въ прихожей начальника.

Черезъ небольшой промежутокъ времени послѣдовало распоряженіе, чтобы г. Рогановъ съѣздилъ въ Харбинъ за матеріалами, а г-жѣ Рогановой было предложено взять въ свое вѣдѣніе гостиницу для проѣзжающихъ служащихъ и въ ней устроить столовую для состоящихъ на службѣ итальянцевъ. Домъ для гостиницы на перевалѣ выстроенъ будетъ скоро, прислуга и вся обстановка привезены будутъ изъ Харбина.

Г. Рогановъ уѣхалъ. Пасху женѣ его пришлось встрѣчать одной. Праздникъ былъ въ апрѣлѣ, дни были теплые, солнце нагрѣвало землю, кругомъ появилась зелень, пробиваясь сквозь прошлогодніе опавшіе листья. Наконецъ, земля совсѣмъ оттаяла, запестрѣли цвѣты, распустились листья и зазеленѣли на всемъ пространствѣ, лѣсъ надѣлъ свой нарядный уборъ. Г-жа Роганова немедленно приступила къ устройству палисадника предъ своей квартирой; намѣченныя деревья выкапывались и переносились въ палисадникъ, скоро у нея явилась прелестная аллея и двѣ клумбы цвѣтовъ. Не имѣя сѣмянъ, она устроила клумбы такимъ образомъ: гдѣ видѣла побольше цвѣтовъ, тотчасъ переносила ихъ въ палисадникъ съ почвой, не тревожа корней. Такимъ же образомъ она устроила двѣ гряды клубники. Тамъ въ лѣсахъ масса клубники. М-жа Роганова вмѣстѣ съ дерномъ выкапывала ее и пересаживала въ палисадникъ. Также поступала она и съ лиліями, которыхъ много росло около рѣчушки. Надъ трудами любительницы растеній много подшучивали, указывая, что ничего не выйдетъ изъ ея старанія, но когда деревья, осторожно пересаженныя, распустились и дали хорошую тѣнь, стали завидовать и частенько заходили чайку напиться на свѣжемъ воздухѣ въ садикѣ.

Прошелъ май, вѣсти съ Востока прибывали тревожныя, стали поговаривать, какъ бы не пришлось сражаться, начали составлять отряды добровольцевъ и вооружать ихъ, дѣлали ученье, ночныя фальшивыя тревоги, чтобы пріучить каждую минуту быть готовыми. Начальство отмалчивалось, когда спрашивали его. По поводу слуховъ. Нѣкоторые отвезли свои семейства на границу, по дорогѣ чрезъ Хинганскій перевалъ чуть не ежедневно проходили китайскіе отряды; начальникъ принималъ нѣкоторыхъ китайцевъ, давалъ обѣды, дѣлалъ смотръ китайскимъ отрядамъ и дружески провожалъ далѣе. По объясненіямъ китайскихъ генераловъ, всѣ они идутъ на подкрѣпленіе цицикарскаго гарнизона и для охраны Восточно-Китайской желѣзной дороги отъ нападеній боксеровъ.

Въ первыхъ числахъ іюня возвратился г. Рогановъ изъ командировки и привезъ всю обстановку для гостиницы, буфетчика, прислугу и массу предметовъ, потребныхъ для нея, а также вина краснаго и бѣлаго и водки. Немедленно компанія кабатчиковъ распустила слухъ и послала повсюду доносы, что г. Рогановъ ничего не

привезъ для казны, а только для себя цѣлый транспортъ водки, а въ Харбинѣ онъ купилъ цѣлый заводъ Попова.

По поводу постройки гостиницы стали толковать, что домъ нужнѣе для амбулаторіи и аптеки.

Начальникъ запѣлъ теперь другую пѣсню, отдалъ приказъ арестовать товаръ, который г. Рогановъ привезъ для себя на шести подводахъ по 200 п. на каждой, потребовалъ отъ него подробный отчетъ для разсмотрѣнія въ конторѣ. Подъ вліяніемъ такого поворота дѣла и отъѣзда главнаго начальника, управитель дистанціи товаръ, привезенный г. Рогановымъ для гостиницы, не принималъ въ складъ, его оставили на открытомъ воздухѣ.

Настроеніе возвратившагося изъ поѣздки главнаго начальника скоро измѣнилось вслѣдствіе одного некрупнаго событія. Когда пріѣхало 36 подводъ съ казеннымъ грузомъ, артельщикъ принялъ товаръ, а въ томъ числѣ несгораемую кассу, вѣсившую 300 п., для конторы. Увидя въ окно долго жданную кассу, начальникъ удивился и спросилъ, кто привезъ.

— Конечно, я,—отвѣтилъ г. Рогановъ:—вѣдь вы меня послали въ Харбинъ, чтобы привезти то, въ чемъ вы имѣете нужду, ну, я и привезъ кассу, такъ какъ уже слышалъ, что вы посылали нарочно въ командировку именно за ней двоихъ служащихъ; и тотъ и другой возвратились, истративъ командировочныя деньги, но кассы не привезли, вѣроятно, никто не брался везти трехсотъ-пудовую кассу, рискуя сломать арбу такою тяжестью.

— Вотъ за это и спасибо тебѣ,—проговорилъ начальникъ,—за это я тебя и люблю, что ты одинъ не стараешься сорвать съ меня, а напротивъ заботишься обо мнѣ.

Пользуясь этимъ моментомъ, г. Рогановъ завелъ бесѣду объ арестованномъ товарѣ.

— Вы приказали купить для гостиницы обстановку, товару, вина, водки, разрѣшили и людей привезти. Я все исполнилъ, но, когда я пріѣхалъ, оказывается, что нѣтъ помѣщенія, а вы обѣщали, что къ пріѣзду будетъ все готово, товара даже въ складъ не помѣстили, а бросили на улицѣ и поставили часовыхъ караулить ящики и боченки; отъ дождя товаръ портится; его куплено на 4.000 рублей. Кто же долженъ отвѣчать за убытки и порчу товара?

Начальникъ сильно смутился и проговорилъ:

— Мнѣ сказали, что ты купилъ у Попова водочный заводъ за 6.000 рубей и привезъ одной водки, я и велѣлъ арестовать водку. Я не зналъ, что весь товаръ арестованъ: это самовластно распорядились. Что касается дома для гостиницы, то онъ готовъ, но, должно быть, С—ый имѣетъ что нибудь противъ васъ или вашей жены, онъ сильно возстаетъ противъ устройства гостиницы. Твой товаръ и водку я совѣтую перепродать здѣшнимъ купцамъ.

— Маеровичу и его компаніи я не отдамъ ни за что своего товара,—отвѣтилъ г. Рогановъ.

— Ну, вы другъ друга, кажется, не любите,—проговорилъ начальникъ.—Я бы его давно выгналъ за пакости, но теперь уже не могу: онъ сдѣлался поставщикомъ мяса на весь Хингаиъ и взялъ авансъ въ 20.000 р... Ну, чортъ съ вами, надоѣли. Сдавай весь свой товаръ и получай полностью деньги, не обижайся, старина, на меня. Передай поклонъ отъ меня женѣ, я приду къ вамъ чай пить въ палисадникъ.

Прошла половина іюня. Разнесся слухъ, что Благовѣщенскъ въ осадѣ; опять стали усиленно готовиться къ защитѣ. Дошли вѣсти и о томъ, что съ Портъ-Артурской вѣтви начинаютъ разбѣгаться служащіе, особенно телеграфные чиновники, и имъ приходится служить почти въ одиночку; онъ телеграфистъ, онъ же и начальникъ желѣзнодорожной станціи, онъ же и другія должности исполняетъ, кромѣ сторожа и стрѣлочника, которыми состоятъ обыкновенные китайцы. Можно представить положеніе такого русскаго человѣка, одиноко заброшеннаго на далекой станціи!

Разсказывали, что въ довершеніе бѣдствія съ весны появилась холера въ Портъ-Артурѣ и въ Дальнемъ. Всѣ, кто могъ убѣжать, немедленно уѣзжали. Паника напала на всѣхъ, особенно на мелкихъ служащихъ. Бывали факты, что бѣжали, куда глаза глядятъ, побросавъ вещи и дома. Разсказывали, что одна женщина только что изъ Россіи пріѣхала къ мужу, который служилъ въ Портъ-Артурской вѣтви десятникомъ и каждый день ѣздилъ на работы за 10 верстъ. У нихъ было трое дѣтей. Во время холеры сначала заболѣлъ няньчившій китаецъ и умеръ; потомъ черезъ два дня умеръ отъ той же болѣзни ребенокъ, мать обезумѣла и стала просить мужа обратно отправить ее, но онъ медлилъ. Скоро заболѣлъ и второй ребенокъ у десятника, и сталъ уже умирать. Жена, когда самъ онъ отправился на работы, схватила здороваго ребенка, убѣжала на поѣздъ и уѣхала по направленію Харбина, но поѣздъ задержали въ карантинѣ, и бѣдная женщина принуждена жить около мѣсяца въ немъ.

20 іюня у г.г. Рогановыхъ въ палисадникѣ сидѣлъ начальникъ и пилъ чай. Когда г-жа Роганова сообщила свое предположеніе уѣхать границу, онъ сказалъ:

— Не торопитесь, можетъ быть, скоро всѣ уѣдемъ, только этотъ разговоръ между нами, не пугайте никого, вы—женщина умная, понимаете. Я даже женѣ своей не говорю ничего, чтобы раньше времени не пугать ея. Васъ одну теперь отправить опасно, время тревожное, боксеры, говорятъ, сюда подвигаются, весь край бунтуетъ, китайцы нападаютъ на одинокихъ путниковъ.

Въ концѣ разговора начальникъ сказалъ г. Роганову:

— У меня на рукахъ есть благословенная дочь, страшная трусиха, даже куста боится около своего двора; у нея трое дѣтей, мои крестники, я ихъ очень люблю и боюсь за Машу; мужъ ея три мѣсяца въ командировкѣ. Голубчикъ, съѣзди, смѣни его, пусть онъ скорѣе ѣдетъ сюда, а то я боюсь, какъ бы что не случилось съ его женой: она—ужасно нервная особа. Я буду спокоенъ, если онъ будетъ здѣсь. Ты поѣдешь завтра, въ случаѣ тревоги выѣзжай съ пятымъ участкомъ за нами или въ Харбинъ. За жену свою не бойся, поручи ее мнѣ; во время опасности первымъ долгомъ я позабочусь о ней, и она, надѣюсь, не струситъ и не надѣлаетъ мнѣ хлопотъ.

На другой день г. Рогановъ уѣхалъ, жена его осталась одна.

Тревожные слухи со дня на день увеличивались, китайская прислуга передавала невѣроятныя вѣсти. Говорили, что китайское войско незамѣтно стягивается и окружаетъ всѣ участки плотнымъ кольцомъ боксеровъ, сборища которыхъ скрываются въ ближайшихъ горахъ и лѣсахъ; всѣхъ иностранцевъ поголовно вырѣжутъ и завладѣютъ всѣмъ имуществомъ. На такія дѣйствія у боксеровъ есть приказъ китайской императрицы; они съ нетерпѣніемъ ждутъ знака, чтобы привести въ исполненіе свой звѣрскій планъ. Другіе разсказывали, что изъ-за горъ движется несмѣтная толпа бунтовщиковъ и, какъ лавина, обрушится на Хинганъ, гдѣ все смететъ съ лица земли. Разсказчики прибавляли, что на боксеровъ страшно глядѣть: худыя, голодныя, испитыя, звѣрскія лица въ лохмотьяхъ, всѣ проникнуты страшною ненавистью ко всѣмъ иностранцамъ. Страшно подумать, что будетъ, если попадешься къ такимъ извергамъ, не знающимъ ни чести, ни совѣсти, ни состраданія. Китайскія войска, хотя и малыми отрядами, постоянно проходятъ ежедневно мимо Хингана, по ихъ словамъ, будто бы въ Цицикаръ. Многіе этому не вѣрили, думая, что на самомъ дѣлѣ солдаты посланы, чтобы вырѣзать всѣхъ русскихъ поголовно. Такъ какъ война не объявлена съ Китаемъ, то дружескія отношенія не позволяли грубо относиться къ войску, поэтому начальникъ, какъ представитель Россіи, волей и неволей, любезно принималъ китайскихъ генераловъ и мандариновъ, принималъ ихъ съ самой любезной улыбкой, угощалъ и провожалъ дальше, желая въ душѣ, конечно, провалиться имъ всѣмъ въ преисподнюю. Тревога со дня на день увеличивалась; многія изъ дамъ запаслись револьверами и зарядили ихъ, съ цѣлью, въ случаѣ нападенія китайцевъ, убить себя, чѣмъ позволить имъ издѣваться надъ собой. Но затруднялъ вопросъ, какъ быть съ дѣтьми; матери рѣшались ихъ отдать на волю Божію. 26 іюня, вездѣ на вершинахъ горъ появился караулъ для осмотра окрестностей на далекое разстояніе; но подозрительнаго ничего не было замѣтно, только китайцы рабочіе группами собираются, идутъ въ контору, просятъ расчетъ и моментально исче-

заютъ. Когда ихъ спрашиваютъ, почему они не хотятъ работать, они только твердятъ: солдатъ много, нужно бѣжать скорѣй отсюда, убьютъ... смерть... Рабочіе въ паникѣ убѣгали, покидая мѣсто заработка, гдѣ были сыты и одѣты, и бросались въ лѣсъ, чтобы укрыться отъ своего доблестнаго войска.

Въ русскихъ поселеніяхъ по ночамъ, какъ во время военныхъ дѣйствій, стали дѣлаться тревоги, чтобы узнать готовность защитниковъ на дѣлѣ. Вотъ несутся заунывныя трели горниста къ тревогѣ; всѣ женщины вскакиваютъ съ кроватей, въ ужасѣ думая, неужели насталъ смертный часъ, и, хватая изъ-подъ подушки заряженный револьверъ, прислушиваются, что происходитъ на улицѣ. Вотъ слышенъ топотъ толпы, шумъ, крики, бряцанье оружія.

Вздохнули свободнѣе, убѣждаясь, что это —фальшивая тревога. Чтобы знать объ угрожающей опасности, приказано было зажигать костры соломы и сухого лѣса, собраннаго въ громадныя кучи. Это распоряженіе было дано съ цѣлью предупрежденія жителей и массы рабочихъ, разбросанныхъ по окрестностямъ на далекое разстояніе. Было объявлено рабочимъ, заготовляющимъ шпалы верстъ за 30 отъ Хингана, а также угольщикамъ, дегтярникамъ и другимъ, когда они увидятъ на горѣ пылающіе костры, то должны все бросить и бѣжать въ Хинганъ, захвативъ только топоры, ножи, косы и прочее, что пригодно для обороны.

Петровъ день прожили въ тревогѣ: у всѣхъ, къ кому ни придешь, нервное настроеніе, предчувствіе грозы, всѣ были въ напряженномъ ожиданіи, со страхомъ посматривали на окружающія Хинганъ горы, какъ будто бы ожидая, что вотъ-вотъ онѣ обрушатся, поглотятъ насъ въ свои нѣдра.

Начальникъ уѣхалъ на Хинганскій перевалъ, тамъ взбунтовались всѣ манзы, прекратили работу и просили расчетъ. Управитель дистанціи обругалъ ихъ, тогда они напали на контору. Съ трудомъ казаки отстояли артельщика и кассу. Въ конторѣ все было перебито, переломано. Прибывшій начальникъ уговорилъ рабочихъ подождать до слѣдующаго дня, нѣкоторыхъ тутъ же разсчиталъ и велѣлъ казакамъ выпроводить подальше крикуновъ и зачинщиковъ бунта; остальные рабочіе довольно тихо разошлись по своимъ землянкамъ. Ночь прошла спокойно.

30 числа, когда часовые спокойно расхаживали на своихъ постахъ, прислужни къ г-жи Рогановой, китайченокъ, откуда-то прибѣжалъ и тревожно сталъ кричать, размахивая руками: «цуба, цуба кокойда, мадамъ, кантоми», т.-е. уходи, уходи, скорѣе, мадамъ, смерть. Г-жа Роганова вскочила и страшно испугалась. Въ то жевремя вдругъ изъ-за угла выѣхалъ верховой, онъ несся во весь опоръ. Это былъ инженеръ К. Онъ быстро соскочилъ съ коня, подхватилъ на руки встрѣчавшую его и упавшую въ обморокъ жену, вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Шумъ и крики увеличиваются, бѣготня по всему Хингану, плачъ дѣтей, визгъ матерей, напѣвы тревожнаго рожка. Казаки, вооруженные, побѣжали къ дому командира на Хинганъ. Скоро всѣмъ стало извѣстно, что русскіе окружены китайскимъ войскомъ; инженеръ К. съ трудомъ пробрался къ Бахату. Оказалось, что тамъ въ лѣсу за пять верстъ спрятанъ цѣлый китайскій батальонъ. Только благодаря быстротѣ коня, инженеръ прибылъ сюда, онъ всѣмъ показалъ шляпу, въ двухъ мѣстахъ прострѣленную, прибавляя, что двое нападавшихъ на него солдатъ имъ убиты. Когда жена очнулась, К. сказалъ ей, что черезъ три часа отсюда необходимо выходить, никто не долженъ остаться на Хинганѣ. «Живо собирай дѣтей въ дорогу; возьми деньги и документы, и маршъ въ дорогу; я тебѣ сейчасъ подводу пришлю, а мнѣ надо итти къ отряду добровольцевъ, состоящему подъ моей командой; прощайте, благослови васъ Богъ, дѣти мои».

Немедленно подъѣхали двѣ пары за г-жей Рогановой и семьей инженера К., ихъ прислалъ начальникъ. Рекомендовано было брать провизіи на десять дней, а изъ одежды только самое необходимое. Жена К-ова оправилась отъ испуга и бодро принялась укладывать нужные предметы. Г-жа Роганова дѣятельно ей помогала, а также китайчата-прислуга.

На улицѣ въ это время отцы семействъ, какъ безумные, отыскиваютъ телѣги и экипажи, чтобы посадить и увезти свои семьи; нѣкоторымъ попались неисправные тарантасы, торопятся починить и привести экипажъ въ такое состояніе, чтобы можно было двигаться. Двое служащихъ схватились за таратайку и съ озлобленіемъ другъ у друга вырываютъ ее; одинъ даже топоромъ замахнулся на другого, но подскочилъ К-овъ, огрѣлъ нагайкой спорщиковъ и показалъ на стоящую въ сторонѣ хорошую телѣгу, которой спорщики не замѣтили. Всѣ, какіе были экипажи, быстро были заняты, послѣ чего стали готовить лошадей.

Было четыре часа вечера; тревога усиливалась. Китайцы опять обступили контору и просятъ расчета. Имъ было объявлено, что русскіе уѣдутъ, а деньги будутъ оставлены переводчику М., который немедленно ихъ и разочтетъ. На вершинахъ загорѣлись сигнальные костры, рабочіе побѣжали изъ всѣхъ мѣстъ къ центру Хингана. Начальникъ, предполагая, что манзы успокоились, въ колясцѣ поѣхалъ туда же; вдругъ его окружила плотная толпа китайцевъ рабочихъ, потребовавшая безотлагательнаго расчета, а одинъ здоровеннѣйшій манза, протискавшись къ самой коляскѣ, схватилъ его за ноги и кричалъ:

— Возьмемъ его въ плѣнъ!

Начальникъ выхватилъ у кучера кнутъ и пошелъ имъ работать направо и налѣво. Манзы инстинктивно бросились прочь. Кучеръ стегнулъ тройку, она понеслась стрѣлой подъ гору. На-

чальникъ едва сидѣлъ въ коляскѣ отъ толчковъ, а лошади несутся во всю мочь. Трое китайцевъ хотѣли ихъ схватить и тотчасъ упали на землю.

— Погоняй! - крикнулъ начальникъ и перекрестился.

Въ это время со стороны лѣса позади манзъ вдругъ поднялся крикъ, манзы испугались, попятились съ дороги, на нихъ бѣжала кучка русскихъ дроворубовъ съ топорами, ломами и желѣзными лопатами. Они, увидѣвъ начальника въ опасности, бросились его спасать. Манзы мигомъ разбѣжались, и тройка благополучно прибыла на Хинганъ.

Наконецъ, всѣ были готовы въ путь, обозы стояли на площади, въ конторѣ запаковывали документы и нагружали на подводы. Распорядители, приставленные къ обозу, водворяли порядокъ между отъѣзжающими. Казаки постоянно пріѣзжали съ приказаніями и возвращались опять за новыми. У дома начальника заканчивается нагрузка, выѣзжаетъ возъ съ прислугой, нагруженный до верху и запряженный тройкой сытыхъ лошадей. Вотъ откуда-то вынырнулъ казакъ, онъ пьянъ и едва держится въ сѣдлѣ, тѣмъ не менѣе онъ скачетъ, его останавливаютъ, но онъ отбивается и громко кричитъ:

— Шабашъ теперь Маеровичу, я выпустилъ весь спиртъ изъ бочки, не будетъ доливать водой и табачнымъ настоемъ, весь его кабакъ разгромилъ и самъ напился.

Потомъ разсказывали про этого казака, что онъ добрался до своей казармы и легъ спать подъ нарами, и проснулся тогда, когда русскіе уже выѣхали. Торговцы и купцы, у которыхъ были магазины и лавки, предлагали желающимъ брать, что нравится, но воспользоваться этимъ было нельзя вслѣдствіе неимѣнія подводъ.

Изъ лѣса прискакалъ на пятидесяти подводахъ подрядчикъ, кони у него здоровые, красивые, сытые, одинъ другого лучше, томской породы, крупные, со свѣтлой блестящей сбруей. Онъ работалъ на шпалахъ въ лѣсу, гдѣ ему объявилъ казакъ, чтобы бросалъ все и ѣхалъ на Хинганъ. Сынъ подрядчика, красивый весельчакъ, старался всѣхъ смѣшить.

— Не унывайте, — говорилъ онъ дамамъ: — буду вашимъ защитникомъ, и, когда манзы на васъ нападутъ, то я ихъ схвачу и буду лбами другъ о друга стукать. Знаете, я силенъ, подковы разгибаю, мнѣ ничего не значитъ сотня манзъ. Разъ они на работѣ взбунтовались, я ихъ двѣсти человѣкъ ломомъ перекалѣчилъ, а они царапины мнѣ не сдѣлали.

Манзы-рабочіе, которыхъ было до трехъ тысячъ, угрюмо слѣдятъ за торопливыми сборами русскихъ; нѣкоторые изъ нихъ, болѣе смѣлые, заходятъ въ казармы, гдѣ имъ отдаютъ то, что нельзя увезти. Манзы молча подбираютъ и разглядываютъ. Скоро

они вошли во вкусъ, начали уже сами брать, что имъ нравится, стали заходить въ магазины и оттуда тащили, что хотѣли, потому что купцы убѣгали подъ охрану отряда. Манзы разлакомились дешевой добычей, даже стали нахально врываться въ квартиры не успѣвшихъ выбраться служащихъ и хватали, что попало подъ руку, самовары, ковры, швейныя машины, подушки. Манзы были особенно дерзки, если въ квартирѣ была только одна женщина; они толкали ее за дверь, говоря:

— Ступай, ступай, а то умрешь.

Одинъ техникъ во время тревоги прибѣжалъ въ свою квартиру и велѣлъ своей женѣ готовиться; она съ ребенкомъ на рукахъ спѣшно собиралась, вдругъ толпа манзъ ворвалась въ квартиру и начала все грабить и обдирать. Хозяйку прижали въ уголъ съ ребенкомъ, она отъ ужаса не могла кричать и говорить. Къ счастью, мужъ вернулся во-время и, когда увидалъ жену въ полуобморочномъ состояніи, крикнулъ манзамъ, чтобы они убирались, иначе ихъ перебьетъ, что они забыли, что онъ всегда имъ покровительствовалъ и помогалъ. Тотчасъ толпа, состоявшая изъ тридцати человѣкъ, сконфуженно удалилась. Мало того, манзы пригнали чью-то подводу и стали помогать укладываться.

Когда техникъ съ женой отъѣхалъ, манзы начали грабить оставленную квартиру. Не такъ благополучно окончилось съ другой нѣмецкой семьей. Мужъ-старикъ лѣтъ шестидесяти и жена-старушка заканчивали сборы. Когда мужъ вернулся съ подводой, квартира оказалась разграбленной, а жена пропала, долго онъ бѣгалъ по горѣ и кричалъ въ отчаяніи:

— Лизбета, Лизбета, гдѣ ты, откликнись!

Но ему никто не отвѣчалъ. Наконецъ старикъ увидалъ, что уже послѣдняя подвода подымается на перевалъ, остались одни манзы, грабящіе покинутыя квартиры, тогда и онъ поѣхалъ, надѣясь, что жена ушла впередъ.

Манзамъ очень хотѣлось воспользоваться складами, въ которыхъ хранился на милліоны рублей товаръ и съѣстные припасы, но они трусили, около складовъ былъ поставленъ караулъ изъ трехъ казаковъ. Эта горсточка удерживала семитысячную толпу; казаки сказали китайцамъ, что если они подойдутъ къ складу, то казакамъ приказано взорвать его динамитомъ, и тогда не только всѣ жители, но и горы взлетятъ на воздухъ. Въ сумерки всѣ выѣхали. На 12-й верстѣ впереди есть смоляныя и угольныя ямы, тамъ постройка подрядчика; когда стали подъѣзжать къ этому мѣсту, зарево освѣтило далекое пространство: горѣла смола, зажженная для того, чтобы освѣщать путь отступающимъ. Тутъ къ нимъ присоединились угольщики и смольники, и чѣмъ дальше отрядъ двигался, тѣмъ больше къ нему прибавлялось со всѣхъ сторонъ людей и подводъ съ семействами. Къ утру подошли на

дистанцію Харго и остановились подождать тѣхъ, которые были на Бахату, ниже Хингана за 30 верстъ. Только ночью явились служащіе изъ Бахату, но между ними не оказалось двоихъ, недавно поступившихъ десятниковъ. Молодые люди только что пріѣхали изъ Россіи и служили не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Съ ними была артель человѣкъ тридцать и подрядчикъ съ семьей. Всѣ жалѣли объ отсутствующихъ десятникахъ; партія рабочихъ недоумѣвала, почему они не догнали и не присоединились; нѣсколько разъ призывали казаковъ летучаго отряда для разспросовъ. Два казака съ клятвою подтвердили, что они предупредили десятниковъ. Въ два часа ночи двинулись въ путь; это время выбрано потому, что днемъ ѣхать жарко. Приказано было вставать въ часъ ночи, итти до 11 часовъ утра, потомъ останавливаться обѣдать и кормить лошадей до четырехъ часовъ вечера, а затѣмъ снова ѣхать до 11 часовъ ночи. Отдавши такое приказаніе, командиръ Я—скій разставилъ посты на вершинахъ горъ по три конныхъ казака, окружилъ лагерь цѣпью казаковъ и добровольцевъ, въ предупрежденіе внезапнаго нападенія. Въ 11 часовъ ночи приказано всѣ костры потушить, а ихъ было разложено много, и въ нихъ бросали все, что затрудняло пѣшеходовъ.

Вотъ у одного костра собралась молодежь изъ не такъ давно прибывшихъ чернорабочихъ изъ-за Байкала, преимущественно изъ семейскихъ старовѣровъ, переселившихся сюда при императорѣ Николаѣ I во время гоненія раскольниковъ. Они поселились въ недоступныхъ Алтайскихъ горахъ по рѣкѣ Селенгѣ и Турѣ и, не смѣшиваясь съ другими народностями, сохранили во всей чистотѣ и неприкосновенности великорусскій типъ: высокій ростъ, правильныя черты лица, русые волосы, голубые глаза и богатырскія плечи. Въ каждомъ изъ нихъ замѣчалось добродушіе и юморъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ, виденъ былъ независимый характеръ, не знавшій рабства. Привыкшіе съ ранняго возраста отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ и безпрекословно повиноваться авторитету своихъ стариковъ, семейскіе старовѣры всѣхъ удивляли своей выдержкою и сплоченностью. Они были самые лучшіе работники, и потому ими вездѣ дорожили, но зато они были и самые безпокойные. За свой интересъ они боролись массой, а не въ одиночку, чувствуя въ себѣ силу, никому не уступали, почему дѣло всегда кончалось тѣмъ, что исполнялись справедливыя претензіи семейскихъ. Въ противномъ же случаѣ, если власть упрямилась, результатъ получался очень плачевный: семейскіе, молча, поднимались со своими женами и дѣтьми, со скарбомъ, брали пріисковыхъ лошадей и телѣги и отправлялись во-свояси. Можно себѣ представить положеніе управляющаго пріисковъ, оставшагося въ самое горячее время безъ рабочихъ.

Видъ описанной группы производилъ бодрящее впечатлѣніе. Въ половинѣ второго часа трубачъ проигралъ сборъ и, разъѣзжая по лагерю, будилъ спящихъ. Всѣ вставали, конюхи запрягали лошадей.

Подводы тянутся одна за другой на разстояніи 12 верстъ безпрерывно. Охранная стража изъ казаковъ на своихъ юркихъ маленькихъ лошадкахъ ѣдетъ по окраинѣ дороги, перемежаясь съ группами пѣшеходовъ изъ добровольной дружины, вооруженной разной системы ружьями и револьверами. По дорогѣ, по ея сторонамъ, группами идутъ чернорабочіе, вооруженные, кто чѣмъ могъ: у кого за плечами торчитъ пика, у кого топоръ.

Дальше, саженяхъ въ двухстахъ, ѣдутъ казаки-развѣдчики по три человѣка съ правой стороны и столько же слѣва; они то поднимаются на самыя крутыя скалы и долго разсматриваютъ внимательнымъ взглядомъ окрестности, то опускаются въ громадныя ущелья и почти скрываются въ густомъ лѣсу, то вынырнутъ гдѣ нибудь впереди опять на скалѣ. Вотъ невдалекѣ слышенъ голосъ, монотонно повторяющій:

— Лизбета, Лизбета!

Это старикъ, нѣмецъ, все еще разыскивающій свою старуху-жену. Шутники изъ молодежи, смотря на эти поиски, совѣтуютъ ему подождать до Хайлара и отнять тамъ у какого нибудь китайца молоденькую жену. Нѣмецъ внимательно слушалъ, но, когда понялъ, въ чемъ дѣло, плюнулъ и отошелъ отъ насмѣшниковъ. Дорога идетъ то внизъ то вверхъ горы, долины чередуются. Иногда попадаются постройки подрядчика или дистанція, но въ самомъ жалкомъ видѣ, все разрушено, разграблено, склады опустошены, и только кое-гдѣ ютятся въ землянкахъ покинутые больные манзы, да мяукаютъ голодныя кошки, брошенныя своими хозяевами. Въ одиннадцать часовъ сдѣлали привалъ и начали готовить обѣдъ. Народъ еще вчера на Харго, во время дневки, былъ раздѣленъ на десятки, чтобы удобнѣе выдавать провизію. Съ партіей было стадо быковъ, его гналъ поставщикъ, на остановкахъ онъ свѣжевалъ нѣсколько тушъ, затѣмъ мясо выдавалось желающимъ. Такъ же поступали съ баранами, которыхъ два гурта слѣдовало за отрядами.

Уже третій день въ пути, все тихо кругомъ, но стали околѣвать лошади, ихъ не зарывали, а бросали зря. Лошади падали совсѣмъ нежданно. Въ ночь подошли къ станціи Якши; завѣдывающій ею инженеръ уже ушелъ впередъ. Здѣсь та же картина, что и прежде была: кое-гдѣ полуобгорѣлые дома. Отсюда послали двоихъ казаковъ и одного охотника пробраться и узнать, можно ли отряду пройти на Хайларъ, китайскій городъ, имѣющій до двухъ тысячъ войска съ пушками, а также толпу боксеровъ, озлобленныхъ и готовыхъ убивать и грабить иностранцевъ.

На томъ же привалѣ Ш—скій, который оставался на Хинганѣ послѣ выѣзда русскихъ, разсказывалъ, что произошло тамъ, когда отрядъ уѣхалъ: китайскіе рабочіе расхватали сначала воза, оставленные противъ квартиры начальника по причинѣ недостатка лошадей, потомъ они бросились въ домъ начальника и, убивъ тамъ главнаго переводчика, разбили ящики съ серебромъ, оставленные для расчета. Шумъ, драки и убійства долго происходили на глазахъ безмолвныхъ свидѣтелей.

Пришла ночь. Лагерь русскихъ путниковъ расположился на ровномъ мѣстѣ, по обѣ стороны дороги изъ Хайлара въ Цицикаръ. Въ разговорахъ всѣ осуждали уловки трусливыхъ, къ какимъ они прибѣгали, чтобы обезопасить себя отъ случайностей нечаяннаго нападенія. Подводы по дорогѣ растягивались одна за другой верстъ на двѣнадцать, никому не позволено выскакивать изъ линіи, или обгонять, чтобы путь пѣшеходамъ былъ всегда свободенъ. Порядокъ этотъ нарушали, когда отрядъ начиналъ движеніе: трусы обыкновенно быстро запрягали лошадей и гнали ихъ въ середину поѣзда, гдѣ считали себя болѣе защищенными. Равнымъ образомъ, когда отрядъ останавливался, тѣ же лица стремились поскорѣе занять мѣстечко въ серединѣ круга.

Ночью караульные остановили проѣзжающаго китайскаго генерала съ переводчикомъ и двоими провожатыми, его пригласили на отдыхъ въ палатку къ начальнику, наскоро устроили пиръ, чтобы вызнать китайскіе секреты. Генерала всѣми мѣрами задерживали и усердно угощали потому, что за первымъ отрядомъ шелъ отрядъ пятаго участка, въ которомъ находился г. Рогановъ. Справедливо разсчитали, что этотъ отрядъ будетъ пропущенъ китайскими войсками вслѣдствіе нахожденія въ русскомъ обозѣ китайскаго сановника. Когда прискакалъ казакъ изъ пятаго отряда съ вѣстями, что послѣдній прошелъ черезъ Хангайскій перевалъ и идетъ недалеко, угощеніе генерала было кончено, и его отпустили въ Цицикаръ.

На Якшинской станціи къ отряду присоединились подрядчикъ съ семьей и пятьдесятъ человѣкъ служащихъ и рабочихъ. Вотъ что они разсказывали о своихъ похожденіяхъ. Когда они пришли на Бахату, то тамъ русскихъ уже не было, а находились только китайскіе солдаты; послѣдніе ихъ пропустили къ Хингану. Тамъ постоянно встрѣчались бѣгущіе манзы, всѣ они совѣтовали скорѣе уходить. За Хинганомъ на дорожномъ мосту были навалены кучи награбленнаго имущества, здѣсь его дѣлили китайскіе робочіе. Русскіе рабочіе остановились въ недоумѣніи, какъ пробраться черезъ мостъ, тѣмъ болѣе, что другой дороги не было; къ удивленію, къ нимъ подошли манзы, надѣлили русскихъ хлѣбомъ, ветчиной и водкой и расчистили мостъ, чѣмъ русскіе быстро и воспользовались. Когда русскіе подымались въ гору и поровнялись съ кон-

торой начальника дистанціи, гдѣ былъ сложенъ цѣлый ярусъ новыхъ тачекъ, вдругъ изъ самаго низа ихъ выползла женщина. Это была Лизбета, такъ долго отыскиваемая своимъ мужемъ. Подъ тачками она скрывалась цѣлыхъ два дня и рѣшилась вылѣзть, когда услыхала русскую рѣчь.

Теперь Лизбета разсказала о случившемся съ ней. Когда мужъ побѣжалъ за подводой, она начала укладывать деньги, драгоцѣнности и бумаги, и страшно боялась, что мужъ нескоро вернется; случайно она взглянула въ окно и замерла отъ ужаса: куда ни посмотритъ, кругомъ манзы грабятъ, а русскіе уѣхали. Вдругъ толпа манзъ побѣжала къ дому, гдѣ она жила. Лизбета такъ испугалась, что бросилась вонъ изъ квартиры, подошла къ сложеннымъ тачкамъ на подобіе большой пирамиды и здѣсь спряталась; она боялась, что ее найдутъ и убьютъ. Богъ услышалъ ея молитву и послалъ ей неожиданное спасеніе.

Погода измѣнилась, пошли дожди, рабочіе мокли подъ дождемъ, ничѣмъ не прикрытые; но голь на выдумки хитра: большинство изъ нихъ теперь надѣвали шкуры зарѣзанныхъ барановъ, что раньше бросали. Такъ какъ барановъ рѣзали каждый день до двадцати головъ, то вскорѣ новый нарядъ сталъ распространеннымъ.

Настроеніе въ отрядѣ было спокойное, были увѣрены, что дойдутъ до границы безъ препятствій. Путешествіе продолжалось два дня безъ всякихъ приключеній, но затѣмъ начался падежъ лошадей отъ сибирской язвы, падало по десяти и болѣе на каждой остановкѣ. Нѣкоторые пробовали спасать заболѣвшихъ лошадей, дѣлали на опухоли быстрый разрѣзъ и выпускали кровь, затѣмъ къ этому мѣсту прикладывали раскаленное желѣзо. Примѣнялось также и другое средство лѣченія сибирской язвы. Когда лошадь заболѣвала, то дѣлали разрѣзъ на опухоли груди и ставили лошадь въ воду на 8 часовъ, лошадь поправлялась. Такой способъ лѣченія сибирской язвы преимущественно практикуютъ забайкальскія ламы.

А. Соколова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ТРУППѢ АНТРЕПРЕНЕРА [1].

VIII.

ПОСЛѢ моего перваго дебюта антрепренеръ прислалъ мнѣ пять рублей. Я нашла эту сумму слишкомъ недостаточной, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщался заплатить мнѣ за дорогу двадцать пять. Посовѣтовавшись съ Зайцевой, я въ этотъ же день написала ему письмо, гдѣ просила прислать мнѣ и остальные двадцать рублей.

— Для васъ теперь самый удобный случай требовать съ антрепренера деньги,—говорила мнѣ Зайцева:— послѣ вашего успѣшнаго дебюта онъ вами дорожитъ и, что бы вы ему ни написали, вамъ не откажетъ.

Но о томъ, что онъ ей самой отказалъ, Анна Ивановна при мнѣ не упоминала; а я, боясь ее растревожить, ни о чемъ не разспрашивала. Здоровье же Зайцевой въ эти дни замѣтно ухудшилось: она жаловалась на сильную слабость въ ногахъ и говорила, что ей трудно встать съ кровати. Но послѣ того, какъ Соловьева при мнѣ ей замѣтила, что она долго валяется въ постели и, что если кто войдетъ въ ихъ номеръ, то можетъ его принять за больничную палату, Анна Ивановна сейчасъ же встала, но такъ была слаба, что одѣлась только съ помощью Яковлевой, которая, одѣвая ее, громко высказывала, какъ безсовѣстно со стороны Соловьевой не позволять больной

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI, стр. 133.

лежать въ постели, и что если объ этомъ узнаетъ Чупятовъ, то будетъ очень недоволенъ.

— Въ этомъ номерѣ не онъ, а я хозяйка!—дерзко объявила Соловьева и начала бранить Чупятова, зачѣмъ тотъ съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отъ отца деньги, началъ пьянствовать.

— И зачѣмъ я отъ него всѣхъ денегъ не отобрала! —сокрушалась она:—наши шуллера все равно обчистятъ ему карманы.

— Какъ жаль, что Никита Ефимовичъ началъ сильно пить,—со вздохомъ сказала Зайцева:—съ нимъ прежде этого никогда не случалось.

— Ему нужно уѣхать отсюда,—угрюмо замѣтила Яковлева:—онъ здѣсь пропадетъ!

— Развѣ я держу вашего Чупятова?—кричала Соловьева.—Пусть хоть сейчасъ уѣзжаетъ. У меня безъ него не такіе еще поклонники будутъ, за мной даже...

Тутъ ея рѣчь была прервана появленіемъ двухъ молодыхъ мужчинъ, которые вошли въ номеръ, не постучавшись въ дверь. Отрекомендовали они себя здѣшними помѣщиками и пріятелями Чупятова.

— Мы къ Никитѣ въ номеръ заходили,—развязно началъ одинъ изъ нихъ,—но узнавъ, что его нѣтъ дома, зашли полюбоваться на его кралечку,—и, громко засмѣявшись, онъ поклонился Соловьевой.

Я думала, что Соловьева обидится, но вмѣсто того она начала съ ними смѣяться и даже кокетничать. Мнѣ же ея гости сильно не нравились, и хотя на нихъ были надѣты довольно приличные черные сюртуки, чистыя манишки и новыя лайковыя перчатки, но ихъ лица и манеры были очень вульгарны. Разговаривали они очень громко, хохотали во все горло, а въ то время, когда говорили Соловьевой пошлые комплименты, ихъ глаза такъ и бѣгали по комнатѣ, казалось, они разсматривали каждую вещь. Заглядывали и за портьеру, гдѣ стояла еще не убранная кровать. Соловьева зачѣмъ-то открыла свой комодъ, гости сейчасъ же подбѣжали къ ней и заглянули въ ящикъ, а когда я разговаривала съ Зайцевой о Чупятовѣ, одинъ изъ гостей подсѣлъ къ намъ и началъ разспрашивать, не знаемъ ли мы, кто привезъ Чупятову деньги отъ отца.

Чтобы избавиться отъ такого собесѣдника, я сейчасъ же ушла. За дверями стоялъ Абрамка и подслушивалъ, что говорилось у Соловьевой.

— Какъ тебѣ не стыдно подслушивать?—замѣтила я ему. Но Абрамка не сконфузился и только замахалъ на меня руками, чтобы я не мѣшала ему слушать.

Черезъ минуту онъ догналъ меня и шопотомъ сказалъ:

— Барышня, можетъ, думаетъ, что у Соловьевой настоящіе господа сидятъ? Избави Богъ! — и Абрамка презрительно пожалъ

плечами.—Я ихъ въ лицо давно знаю—это сыщики; они пришли про нашего Чупятова разузнать: въ городѣ говорятъ, что онъ недавно у своего дяди конторку разломалъ и укралъ тысячу рублей.

Это извѣстіе меня ошеломило, и всю дорогу, до моего номера, я не могла успокоиться, что только сейчасъ находилась въ обществѣ сыщиковъ; но, когда я увидѣла въ нашемъ коридорѣ жену антрепренера, мои мысли уже приняли другое направленіе. Зная, что Авдотья Ивановна больна и лежитъ въ постели, я не вѣрила своимъ глазамъ, что вижу ее въ нашей гостиницѣ. Между тѣмъ, какъ оказалось, она шла ко мнѣ, выглядѣла совсѣмъ больной и отъ усталости едва передвигала ноги.

— Зачѣмъ вы больная встали съ постели? Не случилось ли чего? — забрасывала я вопросами Авдотью Ивановну въ своемъ номерѣ, когда пододвигала къ ней кресло.

— Ничего, голубушка, пройдетъ!—упавъ въ кресло, проговорила она и нѣсколько минутъ сидѣла съ закрытыми глазами; по ея лицу можно было заключить, что она сильно страдаетъ. А я смотрѣла на нее и недоумѣвала, зачѣмъ она пришла. Наконецъ, когда у Авдотьи Ивановны боль, повидимому, успокоилась, она сказала, что ее ко мнѣ прислалъ антрепренеръ переговорить относительно моихъ денегъ, о которыхъ я ему писала. Мнѣ стало совѣстно, что изъ-за меня потревожили такую немолодую женщину, и притомъ еще больную.

— Развѣ вашъ мужъ не могъ мнѣ съ кѣмъ нибудь другимъ прислать деньги?

На мои слова Авдотья Ивановна грустно покачала головой.

— То-то и бѣда, что прислать-то вамъ, голубушка, нечего, — со вздохомъ начала она:—горе у насъ! Хоть мой мужъ и антрепренеръ, но мы часто сидимъ не обѣдавши. Вчера дѣйствительно сборъ былъ полный, да развѣ деньги-то въ наши руки попали? Мы ихъ и не видѣли—все кредиторы поразобрали. Я и пришла отъ имени Ивана Осиповича васъ попросить, не можете ли вы подождать своихъ дорожныхъ денегъ до слѣдующаго спектакля. Иванъ Осиповичъ и я очень васъ объ этомъ просимъ, — и слезы тихо покатились по изможденному лицу Авдотьи Ивановны. Ея болѣзненный видъ, задушевный тонъ и эти слезы совсѣмъ меня растрогали, и я сейчасъ же согласилась не только подождать свои деньги, но просила ее о нихъ не говорить и не думать, а, чтобы скорѣе отвлечь ее отъ грустныхъ мыслей, я заговорила о Лизѣ.

— Лиза меня очень безпокоитъ,—начала Авдотья Ивановна:— совсѣмъ она къ сценѣ охладѣла; кромѣ того, сватается за нее хорошій человѣкъ, — солидный, денежный, вы его знаете — Демьянъ Ивановичъ Колосовъ, — такъ и слышать о немъ не хочетъ; а Демьянъ Ивановичъ, можно сказать, — нашъ благодѣтель. Для одного Ивана Осиповича сколько дѣлаетъ!.. Здоровья онъ у насъ

слабаго, а съ дѣтства привыкъ ко всему хорошему. Мы сами можемъ и картошки безъ масла поѣсть, и ничего—сыты; а Иванъ Осиповичъ только въ ротъ ее возьметъ, и сейчасъ же у него разстройство желудка; а когда онъ скушаетъ хорошій обѣдъ, тогда не такъ и раздражителенъ. Я и сама бы умерла спокойно,—продолжала Авдотья Ивановна,—если бы при своей жизни пристроила Лизу. А моя смерть не за горами—у меня, голубушка, очень опасная болѣзнь, докторъ говоритъ—ракъ въ печени.

— Отъ чего же вы не лѣчитесь,—спросила я:—можетъ быть, васъ можно еще и вылѣчить?

Авдотья Ивановна горько улыбнулась и безнадежно махнула рукой.

— На что лѣчиться-то я буду?—вдругъ заговорила она:—уже съ мѣсяцъ, какъ докторъ мнѣ прописалъ рецептъ; денегъ нѣтъ, онъ и валяется.

Мнѣ стало такъ ее жаль, что я ей предложила взять у меня на лѣкарство два рубля.

Нужно правду сказать, Автотья Ивановна была удивлена моимъ предложеніемъ и не сразу согласилась взять деньги; когда же взяла,—мы обѣ заплакали. Она, видимо, была тронута моимъ поступкомъ, и я, сознавая свою доброту, расчувствовалась. Потомъ мы обнялись и поцѣловались. Я взяла съ нея слово—начать лѣчиться у нашего театральнаго доктора, который за кресло въ театрѣ былъ обязанъ всѣхъ артистовъ лѣчить даромъ.

Завязавъ деньги въ кончикъ носового платка, Авдотья Ивановна замѣтно повеселѣла, но этого же самаго про себя я не могла сказать: мнѣ вдругъ стало жаль моихъ двухъ рублей, особенно когда я вспомнила, что изъ оставшихся еще у меня трехъ мнѣ нужно отдать Курову тридцать копеекъ, которыя я ему вчера, на радостяхъ, пообѣщала. Стараясь отогнать отъ себя мысль о деньгахъ, я начала придумывать, чѣмъ бы мнѣ угостить свою гостью, наконецъ, вспомнила, что у меня отъ дороги еще остался мармеладъ. За нимъ мы разговорились о своихъ мужьяхъ. Я призналась, что въ замужествѣ несчастлива, но на мой вопросъ, счастлива ли Авдотья Ивановна со своимъ мужемъ, она не сразу отвѣтила.

— Все бывало,—наконецъ сказала она,—Иванъ Осиповичъ—талантъ и былъ красавецъ; за нимъ барыни и барышни только недавно перестали бѣгать. Много онѣ, Богъ имъ судья, у меня здоровья отняли: когда онъ шелъ къ нимъ на свиданья, я же его подвивала и прихорашивала; но еще было хуже, когда онъ заводилъ интриги на моихъ глазахъ съ нашими же актрисами, тогда мукѣ моей не было и конца. Уже не онъ одинъ, но и онѣ издѣвались надо мной. А онъ это видѣлъ и молчалъ. Женился онъ на мнѣ, можно сказать, по принужденію: папенька покойный, вѣч-

ная ему память, обидѣть меня, а потомъ бросить не позволилъ. А я дѣвушка была, хоть и красивая, но простая, не о такой невѣстѣ помышлялъ Иванъ Осиповичъ—онъ разсчитывалъ жениться на графинѣ, которая въ ту пору была въ него влюблена. Онъ и до сихъ поръ ея письма сохраняетъ и ихъ часто намъ громко читаетъ. Вотъ эту графиню онъ мнѣ всю жизнь и не могъ простить, и, кажется, на свѣтѣ никто столько слезъ не пролилъ, сколько я.

Слушая ее, я возмущалась, зачѣмъ она жила съ нимъ,—не ушла отъ него. Авдо́тья Ивановна сначала подумала, потомъ, взглянувъ на меня, съ доброй улыбкой продолжала:

— Потому, голубушка, не ушла, что его любила, больше жизни любила, больше своихъ дѣтей, которыя, кромѣ горя на своемъ вѣку, ничего не видѣли. У меня, хоть минуты, но все-таки были счастливыя. Бывало, онъ поссорится съ которой нибудь изъ своихъ возлюбленныхъ и вдругъ сдѣлается ко мнѣ до́бръ и ласковъ, такъ, повѣрите ли, я ему все тогда прощала и со своимъ счастьемъ, кажется, ни съ кѣмъ бы на свѣтѣ не помѣнялась.

Говоря о своей любви къ мужу, Авдотья Ивановна ожила—блѣдныя щеки покрылись слабымъ румянцемъ, глаза заблестѣли, и въ эту минуту между ею и ея дочерью было поразительное сходство. Но ея оживленіе продолжалось недолго, она скоро начала жаловаться на боль въ боку, заговорила о своей близкой смерти и заторопилась ѣхать домой. Я ее проводила до извозчика. Прощаясь со мной, она опять заговорила о своемъ мужѣ.

— Теперь онъ старъ, о немъ нужна забота и забота, и вотъ почему я хочу, чтобы Лиза вышла за Колосова. Она послѣ моей смерти присмотрѣла бы за отцомъ—онъ жилъ бы вмѣстѣ съ ними. Колосовъ обѣщается и долги Ивана Осиповича заплатить и по театру быть его компаньономъ.

— Но Елизавета Ивановна не любитъ Колосова,—замѣтила я.

— Ничего, привыкнетъ!—уже уходя, равнодушнымъ голосомъ крикнула Авдотья Ивановна.

А меня разговоръ съ ней совсѣмъ разстроилъ; невольно припомнилась и моя съ мужемъ несчастная жизнь; а чтобы она опять не повторилась, мнѣ необходимо было высылать мужу деньги, надежда же на аккуратное полученіе въ театрѣ жалованья, послѣ посѣщенія жены антрепренера, у меня совсѣмъ исчезла. Раздумывая о своемъ печальномъ денежномъ положеніи, я шла по коридору. По вечерамъ онъ освѣщался маленькой висѣвшей на стѣнѣ лампочкой. Теперь, въ раннія осеннія сумерки, лампа уже горѣла, и ея слабый, потухающій свѣтъ еще больше наводилъ на меня тоску. Вдругъ, въ концѣ коридора я замѣтила, что кого-то медленно ведутъ подъ руки. Приглядѣвшись, я узнала Степанова, Яковлеву и между ними, закутанную въ большой платокъ, едва передвигавшую ноги, Зайцеву.

— Куда это вы собрались?—подойдя къ нимъ, спросила я.

Степановъ заговорилъ веселымъ, ободряющимъ голосомъ, какимъ говорятъ при опасно больныхъ.

— Мы въ больницу Анну Ивановну веземъ; она тамъ у насъ скорехонько поправится и на моей и Дашиной свадьбѣ еще мазурку будетъ отплясывать!

Яковлева успѣла мнѣ шепнуть, что Соловьева наконецъ выжила своей воркотней отъ себя Зайцеву.

Больная, услыхавъ мой голосъ, остановилась и, освободивъ лицо отъ платка, подозвала меня ближе къ себѣ и слабымъ голосомъ сказала:

— Я сегодня не успѣла вамъ сказать—тяжело мнѣ объ этомъ говорить!... мерзавецъ антрепренеръ мнѣ отказалъ.

Отдохнувъ немного, она продолжала:

— Послѣ этого, вотъ меня и скрутило. Вѣрно, ужъ не придется намъ вмѣстѣ поиграть. Хоть бы еще разъ одну изъ моихъ любимыхъ ролей онъ мнѣ далъ сыграть!

Тутъ больная сильно закашлялась и кашляла очень долго. Яковлева, глядя на нее, плакала. Когда Зайцева успокоилась, Степановъ напомнилъ ей, что ихъ ждетъ извозчикъ, и Анну Ивановну снова повели подъ руки.

IX.

Чупятовъ, уже двое сутокъ, какъ не показывался ни въ нашей гостиницѣ, ни въ театрѣ. Кто говорилъ, что онъ уѣхалъ къ отцу, другіе разсказывали, что дядя уже засадилъ его въ тюрьму, Абрамка же увѣрялъ, что Никита сидитъ въ трактирѣ, и Тополевъ его пьянаго въ карты обыгрываетъ.

Соловьева всѣмъ объявляла, что съ Чупятовымъ совсѣмъ разошлась, и такъ была весела, что даже, бѣгая по нашему коридору, распѣвала разныя аріи. Съ репетиціи она уѣхала съ офицеромъ кататься, и потомъ цѣлыя сутки домой не являлась, но въ ея номеръ поминутно изъ магазиновъ приносили пакеты съ покупками.

Яковлева, принимая покупки, ворчала:

— Нашу Катерину, должно быть, совѣсть не мучитъ—крадеными деньгами такъ и соритъ.

— Неужели правда, что Чупятовъ обокралъ своего дядю?—со страхомъ спрашивала я.

— Если онъ и сдѣлалъ это,—нахмуривъ брови, сказала Даша:— то все-таки не онъ, а Соловьева виновата: Никита до страсти ее любитъ, а она все ему твердила, что, если онъ денегъ не достанетъ, броситъ его. Хорошаго парня загубила!

Но сама Даша все это время, пользуясь отсутствіемъ въ номерѣ Соловьевой, безъ устали танцовала. Какъ ни зайдешь къ ней, она то пляшетъ трепака (ей все присядка недавалась), то, изучая качучу, такъ выгибала свою спину, что я иногда боялась, какъ бы она не сломала себѣ хребта.

— Нужно спѣшить выучить нѣсколько танцевъ,—говорила Даша:—мой малышъ уже скопилъ пятнадцать рублей; скоро повѣнчаемся и поѣдемъ по разнымъ городамъ. А вы отчего не хотите поучиться танцовать характерные танцы?—иногда спрашивала она и меня.

Но, видя, какъ она сама мучится, я танцами не прельщалась; зато всецѣло была поглощена своей ролью въ комедіи «Современная барышня», которая ставилась для моего второго дебюта. Наканунѣ генеральной репетиціи я рѣшила цѣлый вечеръ заняться своей ролью и, чтобы никто мнѣ не помѣшалъ, заперлась въ номерѣ на ключъ и только въ 10 часовъ отперла дверь, такъ какъ ждала Абрамку съ самоваромъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ вмѣсто него въ комнату вошелъ Чупятовъ. Онъ ко мнѣ еще ни разу не заходилъ, и его приходъ меня сильно удивилъ, тѣмъ болѣе, что онъ и въ гостиницѣ все это время не показывался.

— Простите великодушно, я только-съ на одну минутку,—стоя у дверей и комкая въ рукахъ свою шляпу, робко произнесъ онъ. Въ эти дни Чупятовъ до того измѣнился, что, если бы на немъ не былъ надѣтъ русскій костюмъ, я, пожалуй, его и не узналъ бы: прежде круглое и розовое лицо теперь осунулось и было блѣдно, какъ бумага, глаза сдѣлались больше и лихорадочно блестѣли; волосы, которые онъ носилъ въ скобку, какъ будто отросли и были нечесаны.

— Я къ своей Катѣ заходилъ,—все стоя у дверей, продолжалъ Чупятовъ:—Дарья Николаевна мнѣ сказала, что она еще вчерась изъ театра уѣхала съ уланомъ и до сихъ поръ не возвращалась. Не говорила ли Катя чего вамъ, когда уѣзжала?

Я замѣтила, что у него губы дрожатъ, и его бьетъ лихорадка.

Узнавъ отъ меня, что Соловьева на репетиціи со мной не разговаривала, онъ, кажется, хотѣлъ уже уйти, но я попросила его войти и сѣсть. Чупятовъ заперъ дверь, вошелъ въ комнату и сѣлъ бокомъ на диванѣ, недалеко отъ меня. Свѣтъ упалъ на его лицо, и я теперь еще больше замѣтила, какъ онъ сильно похудѣлъ, и что въ глазахъ у него отчаянье.

— Гдѣ же это она можетъ быть—посудите сами—цѣлыя сутки? Прежде только пугала, а теперь, значитъ, совсѣмъ...

Не зная, какъ его утѣшить, я начала увѣрять, что Соловьева скоро вернется, что она навѣрно у кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ. На мои слова онъ только молча качалъ головой и все ежился, какъ будто ему было очень холодно.

Абрамка внесъ самоваръ, но не спѣшилъ уходить и ухмыляясь посматривалъ на моего гостя.

Я выслала Абрамку изъ комнаты и начала приготовлять чай. Наливъ стаканъ, я поставила его передъ Чупятовымъ, но тотъ, не взглянувъ на него, продолжалъ:

— Прежде упрекала, что денегъ у насъ нѣтъ, и ея вещи заложены, а вотъ что и съ деньгами вышло!... Она давно говорила, что уланъ ей нравится, а я-то думалъ—меня только дразнитъ. Да гдѣ!—махнулъ онъ рукой:—никогда она меня не любила!

Чтобы отвлечь его отъ печальныхъ мыслей, я спросила, отчего онъ не пьетъ чай. Онъ искоса взглянулъ на стаканъ и, потирая руки, робко произнесъ:

— Нѣтъ, благодарю покорно-съ. Вотъ если водочка у васъ найдется, я бы рюмочку, другую выпилъ.

Вопросъ о водкѣ меня обидѣлъ.

— Зачѣмъ у меня будетъ водка?—съ неудовольствіемъ замѣтила я.

— Я это такъ-съ, простите великодушно. У моей Кати всегда водка была: она, знаете, передъ каждымъ выходомъ на сцену, бывало, для храбрости рюмочку и выпьетъ. Катя и меня къ водкѣ пріучила: у насъ въ семьѣ ея никто не придерживался, и отецъ и дѣдъ въ ротъ не брали. А какъ на вашъ взглядъ тотъ уланъ-съ, съ которымъ Катя уѣхала кататься, очень красивъ?

Я начала уже раскаиваться, зачѣмъ пригласила Чупятова войти ко мнѣ, и, когда онъ всталъ съ дивана, думая, что онъ уйдетъ, обрадовалась, но онъ только пометался по комнатѣ и опять сѣлъ, но уже не на диванъ, а въ кресло, и нѣсколько минутъ сидѣлъ въ немъ молча, согнувшись и низко опустивъ голову. И вдругъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Изволили вы когда нибудь видѣть прозорливыхъ старцевъ?

— Какихъ прозорливыхъ старцевъ?—удивилась я.

— Святыхъ старцевъ, угодниковъ Божіихъ,—пояснилъ онъ.— Я такого одного видѣлъ, пять лѣтъ тому назадъ, когда мы съ отцомъ по дѣламъ въ Новгородъ ѣздили. Тамъ въ часовнѣ, что́ стоитъ у моста, съ котораго царь Иванъ народъ въ Волховъ бросалъ, на колѣнкахъ тридцать лѣтъ стоялъ старецъ и читалъ Евангеліе,—вотъ онъ мнѣ и предсказалъ, что меня баба доведетъ до каторги.

Отъ словъ Чупятова мнѣ стало жутко. Я вспомнила, что онъ еще недавно у своего дяди разломалъ конторку и укралъ деньги.

Ужъ не убилъ ли онъ кого?—мелькнуло у меня въ головѣ, и я со страхомъ спросила:

— Развѣ предсказаніе старца сбылось?

Но Чупятовъ не отвѣтилъ на мой вопросъ и, не поднимая головы, продолжалъ:

— У насъ вся семья благочестивая, и я съ дѣтства набожнымъ былъ: въ алтарѣ священнику прислуживалъ и на клиросѣ пѣвчимъ подпѣвалъ, а дѣдъ мой два раза на Аѳонѣ былъ. Когда мнѣ было лѣтъ пятнадцать, онъ и меня съ собой звалъ: «брось, говорилъ, Никита, все мірское, пойдемъ на Аѳонъ спасаться: ты— отрокъ чистый, тебѣ легче, чѣмъ мнѣ, старику, царство небесное замолить»,—а въ это же время одинъ товарищъ меня въ театръ затащилъ,—какъ теперь помню: опера тогда шла «Норма». Съ той поры театръ для меня сталъ лучше Аѳона, лучше храма Божьяго. Гдѣ бы я ни былъ, только про театръ и думаю... И отецъ меня баловалъ: если днемъ хорошо за прилавкомъ торгую, вечеромъ всегда 30 или 40 к. дастъ, а я накоплю рубля два и сейчасъ въ театръ. Къ главнымъ актерамъ долго не смѣлъ подойти, только, какъ на иконы, издали, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ, но съ маленькими актериками дружбу велъ. Угощу въ буфетѣ рюмочкой, они мной и не брезгуютъ. Черезъ нихъ и за кулисы сталъ вхожъ. И съ Катей за кулисами познакомился. Она тогда хористкой была; отрекомендовали ей меня богатымъ купцомъ. Въ первый же разъ она меня къ себѣ и пригласила, пѣсни мнѣ русскія пѣла. Голосъ у нея такъ за сердце и хватаетъ, особенно когда она русскія пѣсни поетъ—скажи она мнѣ тогда: «бросься въ омутъ», ей-Богу, бросился бы. Въ то время отцовскихъ денегъ чрезъ мои руки пропасть шло. До знакомства съ Катей я безъ спросу отцовскй копейкой не пользовался, а потомъ,—и Чупятовъ съ отчаяньемъ махнулъ рукой,—я и про Бога и про душу свою забылъ.—Помолчавъ онъ продолжалъ:—и священникъ у меня ужъ былъ найденъ, который бы насъ безъ согласія родительскаго обвѣнчалъ. Да куда! Катя не захотѣла. «До тѣхъ поръ, говоритъ, за тебя не пойду, пока отецъ твой не помретъ». А все же прежде ей вѣрилъ,—вздохнулъ онъ,—думалъ, что она меня ни на кого не промѣняетъ! И все я дѣлалъ, чтобы она меня любила. Отецъ за товаромъ въ Москву послалъ, три тысячи мнѣ въ руки далъ, а я съ Катей, вмѣсто Москвы, въ Смоленскъ укатилъ. Когда сюда пріѣхали, у насъ только было 500 р., а Катѣ сколько денегъ ни дай, все растранжиритъ. А теперь,—уже со слезами въ голосѣ заговорилъ Чупятовъ,—я, можно сказать, изъ-за нея на все пошелъ, не слезами, а кровью обливаюсь, а она на эти проклятыя деньги съ уланомъ!...—и, закрывъ ладонями лицо, Чупятовъ сначала тихо плакалъ, потомъ началъ, какъ ребенокъ, всхлипывать, но вдругъ вскочилъ съ кресла и, заломивъ надъ головой руки, съ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Будь ты проклята, окаянная, довела до родительскаго проклятія, до каторги. Господи, что жъ мнѣ теперь дѣлать?—онъ блуждающими глазами обвелъ комнату и, громко хрустнувъ суставами пальцевъ, упалъ въ кресло и, опустивъ голову, долго молчалъ.

Я что-то ему говорила, стараясь успокоить, но онъ, казалось, меня не слушалъ. Я наконецъ отошла, и до того онъ мнѣ казался жалкимъ, что, глядя на него, я и сама расплакалась. Такъ мы сидѣли нѣсколько времени, когда я услышала, что онъ что-то шепчетъ. Сначала его шопотъ былъ невнятный, потомъ онъ ясно произнесъ:

— Поминай, дѣвица Катерина, раба божьяго Никиту.

— Что вы говорите?—взявъ его за плечо, спросила я.

Чупятовъ вздрогнулъ и испуганными глазами взглянулъ на меня.

— Простите великодушно-съ,—началъ онъ застѣнчиво:—засидѣлся я у васъ, а мнѣ бѣжать надо,—и онъ всталъ съ кресла.

Въ это же время за дверями Дмитрій, братъ Лизы, спрашивалъ:

— Не у васъ ли, Елена Вячеславовна, сидитъ Никита?

— Я здѣсь, Митя,—разыскивая по комнатѣ свою шляпу, отвѣтилъ за меня Чупятовъ.

Дмитрій вошелъ въ комнату и торопилъ, чтобы онъ шелъ скорѣе.

— Тебя Колосовъ съ Тополевымъ давно на улицѣ ждутъ,— говорилъ онъ.

Чупятовъ обернулъ ко мнѣ свое заплаканное лицо и, комкая въ рукахъ шляпу, кротко произнесъ:

— Спаси васъ, Господи, за вашу доброту!... Простите меня, грѣшнаго!

Эти слова и вся его наружность напомнили мнѣ послушниковъ въ монастыряхъ. И, глядя, какъ онъ шелъ по коридору, я думала:

— Какъ жаль, что ты, бѣдный, не пошелъ съ дѣдомъ на Аѳонъ, а вмѣсто этого пристрастился къ театру!

Ночью я долго не могла заснуть: передъ моими глазами все стояло кроткое и сильно заплаканное лицо Никиты Чупятова.

X.

Утромъ меня разбудила необыкновенная бѣготня въ коридорѣ. Думая, что въ нашей гостиницѣ пожаръ, я наскоро начала одѣваться, но бѣготня скоро стихла, и когда я отворила дверь, вблизи моего номера никого уже не было, но зато въ концѣ коридора, гдѣ жилъ Чупятовъ, стояла цѣлая толпа. У меня сердце заныло.

— Ужъ не случилось ли чего съ Никитой?—подумала я, но итти къ его номеру не рѣшалась. Мимо меня пробѣжалъ сначала докторъ, потомъ полицейскій. Я у обоихъ спросила, что случилось, но они такъ спѣшили, что въ отвѣтъ на мой вопросъ только махали руками. Предчувствуя недоброе, я наконецъ сама по-

шла по коридору и издали замѣтила, что у раскрытыхъ дверей номера Чупятова люди, толкая другъ друга, старались что-то разсмотрѣть. Я подошла ближе къ толпѣ; дверь совсѣмъ была закрыта отъ моихъ глазъ, и я къ каждому обращалась съ вопросомъ:

— Что случилось?

— Чупятовъ повѣсился!—кто-то крикнулъ мнѣ изъ толпы.

— Эти актрисы до всего человѣка доведутъ!—говорили кругомъ.

— Я бы всѣхъ актрисъ на кострѣ сожгла,—сказала рядомъ со мной стоявшая, прилично одѣтая старушка и слезливо продолжала:

— Мнѣ мать его жалко: что съ ней-то будетъ, когда ей скажутъ о смерти сына?

Мнѣ казалось, что всѣ знаютъ, что и я—актриса, и всѣ смотрятъ на меня. Я хотѣла уже уйти, но въ эту минуту полицейскій вышелъ изъ номера Чупятова и руками расталкивалъ толпу. Передъ моими глазами открылась дверь. Посреди комнаты, на крашеномъ и залитомъ солнцемъ полу, лежалъ Чупятовъ; онъ былъ такъ же одѣтъ, какъ вчера, только безъ сапогъ, и его голыя подошвы были обращены къ дверямъ. Чувствуя, что мнѣ дѣлается дурно, я поспѣшила выбраться изъ толпы и вспомнивъ, что номеръ Соловьевой недалеко, дошла до него и постучалась. Дверь мнѣ открылъ Степановъ и печальнымъ голосомъ произнесъ:

— Никита Ефимовичъ приказалъ намъ долго жить: сегодня ночью въ своемъ номерѣ на ремнѣ повѣсился.

— Это она, Екатерина Николаевна, его убила!—въ слезахъ сказала Яковлева.

Соловьева въ истерикѣ лежала на диванѣ.

— Сейчасъ только съ прогулки вернулась,—указывая на нее глазами, тихо произнесъ Степановъ.

Но все-таки Соловьева, должно быть, его услышала. Поднявъ голову, она съ сердцемъ заговорила:

— Вы всѣ лжете: Никита не отъ того повѣсился, что я уѣзжала. У него у пьянаго всѣ деньги Тополевъ выигралъ. У Никиты было двѣсти рублей. И зачѣмъ я только ему ихъ оставила?—и Соловьева снова зарыдала.

— Подите же вы лучше къ нему, попросите у него прощенія,—стоя возлѣ нея, настаивала Даша.

Соловьева вдругъ вскочила съ дивана и объявила, что ей нужно укладывать свои вещи, что она не можетъ оставаться въ томъ домѣ, гдѣ лежитъ мертвый Чупятовъ.

— Я его боюсь, я его боюсь!—бѣгая по комнатѣ, кричала она, потомъ подбѣжала ко мнѣ и начала упрашивать помочь ей уложить ея вещи, а вечеромъ непремѣнно прійти къ ней ночевать.

— Даша такъ крѣпко спитъ, — трясясь отъ страху, говорила Соловьева: — ея ни за что не добудишься, а я боюсь, что ночью онъ ко мнѣ придетъ.

Ночевать я прійти пообѣщала, но помочь ей укладывать вещи не могла, такъ какъ должна была итти на репетицію. Въ коридорѣ возлѣ номера Чупятова уже не было толпы, и возлѣ закрытой двери на табуреткѣ сидѣлъ одинъ полицейскій.

Когда я пришла въ театръ, то и тутъ услышала крикъ. Въ женской уборной Коврова съ Сумлевичъ такъ громко бранились, что ихъ голоса долетали и на сцену. Репетиція, по случаю отсутствія Ковровой, была прервана. Куровъ въ своей будкѣ съ угрюмымъ лицомъ молчалъ. Антрепренеръ и Колосовъ сидѣли на стульяхъ и разговаривали съ прилично одѣтымъ, маленькаго роста мужчиной. По его бритому лицу я заключила, что это—артистъ.

Семеновъ стоялъ въ кулисахъ, и я прежде всего подошла къ нему.

Въ это время ссора въ уборной, должно быть, дошла до крайнихъ предѣловъ, — Сумлевичъ кричала:

— Я уѣду, я не хочу служить съ рыночной торговкой.

Антрепренеръ съ озобоченнымъ лицомъ вскочилъ и побѣжалъ къ воюющимъ.

Семеновъ смѣясь говорилъ:

— Теперь нашему Тартюфу потребуется много дипломатическаго искусства, чтобы ихъ помирить. Главное, обѣ актрисы ему нужны, безъ нихъ спектакли не могутъ итти. А меня вотъ этотъ, — онъ показалъ на Колосова, — уже спла́вилъ: видите, новый артистъ Волгинъ на мое мѣсто пріѣхалъ; но Колосову мало меня выжить изъ театра, для его цѣлей нужно, чтобы я совсѣмъ уѣхалъ изъ города, и вотъ онъ науськалъ на меня и полицію: вчера у меня былъ обыскъ; но, увы, къ крайнему огорченію эксъ-исправника, у меня ничего не нашли, кромѣ подписного листа для одного бѣднаго рабочаго, которому машиной оторвало кисть руки. И я спокойно буду жить въ городѣ, пока захочу, а онъ никогда не женится на Елизаветѣ Ивановнѣ.

Колосовъ, замѣтивъ, что я разговаривала съ Семеновымъ, ко мнѣ не подходилъ, только издали чуть приподнялъ шляпу. А я въ ожиданіи репетиціи сѣла въ маленькой театральной ложѣ, окно которой выходило прямо на сцену.

И тутъ передъ моими глазами разыгралась слѣдующая сцена. Колосовъ разсказывалъ новому артисту про Чупятова. До меня долетѣли его слова:

— Паршивый купчишка, сколько хлопотъ надѣлалъ: теперь изъ-за него всю труппу будутъ допрашивать.

Въ это время изъ суфлерской будки выглянула лохматая голова Курова, и раздался злой шопотъ.

— Сколько времени тебя поилъ этотъ паршивый купчишка? Чупятовъ былъ благородный человѣкъ! Это вы его натравили на воровство, и ворованныя деньги ты же у него обобралъ!

Кажется, что въ первую минуту слова Курова сильно овадачили Колосова: онъ не сразу нашелся отвѣтить, но потомъ вскочилъ со стула и съ кулаками подбѣжалъ къ будкѣ.

— Ахъ!.. ты, циклопъ безмозглый!—началъ было онъ, но, сію же минуту овладѣвъ собой, совсѣмъ другимъ голосомъ и со смѣхомъ сказалъ:

— Что, голубчикъ, вѣрно на Чупятовскія деньги и сегодня въ буфетѣ клюнулъ? Мелешь всякій вздоръ.

Куровъ изъ будки шепталъ:

— Шуллера! Какіе вы артисты, вы только искусство унижаете!

— Кто, какъ не ты искусство-то унижаешь! — все смѣясь, но злобно сверкая голубенькими глазками, говорилъ Колосовъ и, обращаясь къ новому артисту, продолжалъ:

— Иду я на-дняхъ ночью по Соборной улицѣ и, представьте, вижу: на углу стоитъ нашъ суфлеръ Куровъ, и какая-то баба ему копейку подаетъ!..

Куровъ его прервалъ:

— Врешь! Это былъ не я.

— Ты, ты! — хохоталъ Колосовъ.—Ты думаешь, что наклеилъ себѣ усы, которые у насъ въ уборной валяются,—такъ тебя никто и не узнаетъ. А главное, самъ черный, а усы рыжіе! Да я тебя и по бурому сюртуку узналъ и по бахромѣ внизу панталонъ.

Изъ будки въ отвѣтъ не раздавалось уже шопота.

— Сконфузился!—подмигнулъ Колосовъ.

Семеновъ, все время стоявшій за кулисами, теперь вышелъ на сцену.

— Что же тутъ такого страннаго, что Куровъ проситъ милостыню? — началъ онъ. — Мы всѣ знаемъ, что онъ жалованья получаетъ въ недѣлю двадцать пять копеекъ, на это себя не прокормишь!

— А кому не нравится у насъ служить, пусть уѣзжаетъ,— насмѣшливо замѣтилъ Колосовъ.

— Съ радостью оставлю вашъ притонъ, — ѣдко произнесъ Семеновъ и ушелъ въ кулисы.

Тутъ опять заговорилъ Куровъ.

— И я бы давно ушелъ, только искусства жаль.

— Искусства! — повторилъ, презрительно пожавъ плечами, Колосовъ, — только вѣдь суфлеръ, а себя воображаетъ артистомъ!

— Врешь! Я злодѣевъ игралъ, меня публика лучше, чѣмъ теперь тебя, принимала.

Антрепренеръ съ радостнымъ лицомъ вбѣжалъ на сцену.

— Ну, слава Богу! хоть совсѣмъ и не помирилъ, но онѣ все-таки теперь тише разговариваютъ. Софья Петровна сейчасъ придетъ репетировать.

— Иванъ Осиповичъ, мнѣ Куровъ дерзитъ,— недовольнымъ голосомъ заявилъ Колосовъ.

Антрепренеръ пальцемъ погрозилъ Курову.

— Я до тебя скоро доберусь, хриплая собака. Выгоню изъ будки на морозъ... что свой глазъ-то выпучилъ? Подавай!

Куровъ покорно открылъ книгу, лежавшую передъ нимъ на полу, и началъ суфлировать.

XI.

Прошло больше мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала въ труппу, но жалованья мнѣ антрепренеръ все еще, какъ слѣдуетъ, не платилъ; только послѣ каждаго спектакля, когда мы, артисты, собирались возлѣ кассы и просили денегъ, и мнѣ выдавали то рубль, то два, на эти деньги я и существовала. Что касается моихъ сценическихъ успѣховъ, то теперь и они были не блестящи: мнѣ часто изъ креселъ шикали. Кромѣ того, у меня въ труппѣ былъ врагъ — Колосовъ. Разъ, зайдя ко мнѣ, онъ началъ совѣтовать завести, по примѣру другихъ актрисъ, себѣ покровителя и назвалъ Тополева. Я до того вспылила, что попросила его выйти вонъ. Съ тѣхъ поръ Демьянъ Ивановичъ пересталъ со мною кланяться и, чѣмъ только могъ, вредилъ мнѣ. Когда же на кого сердился Колосовъ, къ тому не благоволилъ и антрепренеръ, и часто при мнѣ говорилъ:

— Ужъ эта намъ не актриса, которой публика шикаетъ!

И я знала, за что мнѣ изъ креселъ шикали. Разъ послѣ спектакля толпа мужчинъ пришла на сцену предложить намъ, молодымъ актрисамъ, поѣхать съ ними сейчасъ же кататься на тройкахъ. Замѣтивъ, что многіе изъ нихъ пьяны, я, по примѣру Лизы, ссылаясь на нездоровье, ѣхать съ ними отказалась. На другой день я въ драмѣ играла серьезную роль. Передъ поднятіемъ занавѣса мнѣ сторожъ подалъ записку, въ которой я прочла:

«За отказъ ѣхать съ нами кататься будемъ шикать».

Только я показалась на сценѣ, какъ изъ первыхъ рядовъ креселъ раздалось шиканье. И хотя въ это же время многіе мнѣ аплодировали, но я все-таки растерялась, и роль у меня пропала. Съ тѣхъ поръ, какъ только я появлялась въ отвѣтственныхъ роляхъ, мнѣ постоянно шикали; это меня приводило въ отчаянье, отнимало бодрость и даже любовь къ сценѣ.

Но вдругъ начали и другимъ артисткамъ шикать. И Соловьева съ Сумлевичъ въ каждый спектакль за это ссорились, обвиняя другъ друга въ интригахъ. Я случайно узнала, кто имъ шикаетъ.

Разъ во время антракта режиссеръ подвелъ ко мнѣ молодого человѣка въ статскомъ платьѣ. Онъ былъ одѣтъ франтомъ и назвалъ себя Юріемъ Николаевичемъ Георгіевымъ; его блѣдное лицо съ каштановыми баками имѣло меланхолическое выраженіе. Съ почтительнѣйшимъ поклономъ Георгіевъ сказалъ:

— Я—одинъ изъ поклонниковъ вашего таланта и давно мечталъ о счастіи быть вамъ представленнымъ. Я знаю,—продолжалъ онъ уже драматическимъ голосомъ, — сколько интригъ на сценѣ ведется противъ васъ, и какъ отъ нихъ вы страдаете, но есть и благородные люди, которые умѣютъ мстить за васъ.

И сейчасъ же мнѣ признался, что онъ моимъ по сценѣ соперницамъ шикаетъ.

— Развѣ вы Сумлевичъ и Соловьевой шикаете?

— Я даже въ прошлый разъ Сумлевичъ свистнулъ!—съ торжествомъ на лицѣ хвасталъ Георгіевъ.

Хотя я его просила больше нашимъ актрисамъ не шикать и говорила, что мнѣ онъ этимъ дѣлаетъ большую непріятность, Георгіевъ въ искренность моихъ словъ не повѣрилъ и въ слѣдующіе спектакли опять шикалъ. Между тѣмъ, артистки между собой все враждовали, и я, чтобы прекратить эту вражду, имѣла неосторожность разсказать имъ о моемъ разговорѣ съ Георгіевымъ. Съ тѣхъ поръ вся ихъ злоба обрушилась на меня. Считая меня интриганкой, онѣ чернили меня вездѣ, гдѣ могли, въ театрѣ не только не разговаривали со мной, но даже не кланялись.

Соловьева и съ Яковлевой изъ-за меня ссорилась, если та подходила ко мнѣ и начинала разговаривать. Къ тому же и Лиза, по случаю болѣзни своей матери, въ театръ не приходила, а Семеновъ уже у насъ не служилъ. Такъ какъ въ театрѣ у меня были враги, мнѣ туда непріятно было и ходить. Одна Коврова на репетиціяхъ еще подходила ко мнѣ, чтобы дурно поговорить о другихъ актрисахъ.

Но Коврова такъ была груба и зла, что я сама отъ нея сторонилась.

Такимъ образомъ я стала совсѣмъ одинока и очень скучала. Меня все больше и больше тянуло къ моимъ старымъ друзьямъ, книгамъ. На сценѣ я играла уже безъ всякаго удовольствія, тѣмъ болѣе, что съ пріѣздомъ артиста Волгина, у котораго вмѣсто драматическаго таланта оказался порядочный голосъ, у насъ опять ставились только оперетки и водевили.

Одно у меня было развлеченіе—получать изъ Петербурга отъ моей подруги, Ольги Сергѣевой, письма. Она была на фельдшерскихъ курсахъ и описывала свои занятія, а также тотъ интеллигентный кружокъ людей, въ которомъ вращается.

Когда я читала ея письма, и мнѣ хотѣлось начать серьезно учиться. Но на это нужны были, прежде всего, деньги, которыхъ у меня

вовсе не было, но я все-таки мечтала, что когда нибудь брошу сцену и поступлю на курсы. Въ своихъ мечтахъ я не ограничивалась одними фельдшерскими курсами, мнѣ хотѣлось быть и врачомъ, а потомъ поѣхать въ деревню, гдѣ я родилась, и лѣчить нашихъ крестьянъ. Теперь я часто любила думать о прошломъ, только не о той порѣ, когда я жила съ моимъ мужемъ, но о своемъ дѣтствѣ, когда я, дочь помѣщика, украдкой отъ отца вела дружбу съ крестьянскими дѣтьми, которыя прибѣгали къ нашему тѣнистому, обнесенному рѣшетчатымъ заборомъ, саду и дѣлились со мной своими маленькими радостями и большими горестями. Я имъ приносила лоскутки и кусочки сахара, которые нарочно прятала для нихъ, и обѣщала имъ, когда выросту, сдѣлать много, много добра, какъ для нихъ, такъ и для ихъ родителей. Иногда въ это же время, заслышавъ по аллеѣ шаги отца, я въ испугѣ махала руками дѣтямъ, чтобы они скорѣе уходили и не попадались на глаза грозному барину; а сама, принявъ степенный видъ, шла навстрѣчу отцу, котораго въ душѣ я чаще называла бариномъ, чѣмъ отцомъ. А теперь мнѣ хотѣлось увидѣть тѣхъ дѣтей взрослыми и исполнить свое обѣщаніе быть полезной для нихъ. Когда же въ это время мнѣ приходило въ голову, что я—актриса и сегодня или завтра, въ короткихъ юбкахъ и трико, съ глупыми, а иногда и сальными словами, буду на сценѣ вертѣться передъ публикой, — сцена дѣлалась мнѣ противной.

XII.

Сумлевичъ простудилась и серьезно захворала. За нее въ опереткахъ въ первыхъ роляхъ начала выступать Соловьева. Съ тѣхъ поръ сборы со спектаклей опять стали плохіе, и изъ театральной кассы артистамъ уже не выдавались рубли, и вслѣдствіе этого я голодала. Часто случалось и такъ. Театръ освѣщенъ, артисты уже въ костюмахъ и готовы начинать пьесу, въ оркестрѣ собрались музыканты, а въ кассѣ еще нѣтъ и десяти рублей. Мы, грустные, стоимъ за опущеннымъ занавѣсомъ, и въ его дырья смотримъ, не собирается ли въ театръ публика. Антрепренеръ, ломая руки, въ отчаяніи бѣгаетъ по сценѣ. Онъ то проклинаетъ публику, которая не хочетъ ходить въ его театръ, то кричитъ и топаетъ ногами на ни въ чемъ неповинныхъ сторожей, поминутно посылаетъ котораго нибудь изъ своихъ сыновей въ кассу узнать, сколько тамъ прибыло денегъ.

— Еще стулъ въ 75 копеекъ проданъ, — возвращаясь, мрачно заявляетъ тотъ.

— Ахъ, черти, ахъ, дьяволы!—поднимая вверхъ руки, кричитъ антрепренеръ.—Послѣ этого развѣ стоитъ для этихъ олуховъ держать труппу! Имъ въ трактирахъ лучше сидѣть, чѣмъ ходить въ

театръ. Саша,—обращается онъ къ режиссеру,—не поѣхать ли намъ съ труппой на нѣсколько спектаклей въ Ковно или Минскъ?

— А денегъ, папаша, откуда мы возьмемъ на перевозку артистовъ и декорацій?

— Дурракъ! Я всегда говорилъ, что ты—бездарность, изъ тебя никогда артиста хорошаго не выйдетъ! Зачѣмъ только я бралъ тебя изъ банка?..

—И напрасно брали,—сквозь зубы ворчитъ режиссеръ:—я тамъ пятьдесятъ рублей получалъ, былъ одѣтъ и сытъ.

Между тѣмъ, уже девять часовъ; въ кассѣ же всего пятнадцать рублей; если же начнемъ играть, то расходъ по театру будетъ стоить двадцать пять.

Наконецъ антрепренеръ усталъ кричать и молча съ мрачнымъ лицомъ подходитъ къ режиссеру:

— Объяви, Саша, что по случаю малаго сбора спектакль не состоится.

Тотъ идетъ за занавѣсъ и объявляетъ. Какой-то шутникъ изъ публики аплодируетъ.

Артисты возвращаются домой, и многимъ изъ нихъ приходилось пить чай безъ сахара, съ чернымъ хлѣбомъ.

Разъ, вернувшись днемъ съ репетиціи, я на своемъ столѣ увидѣла жестяные судки съ обѣдомъ. Прежде, чѣмъ кликнуть и спросить Абрамку, я заглянула въ судки. Запахъ отъ кушаній возбудилъ во мнѣ такой сильный аппетитъ, что я съ трудомъ удержалась, чтобы ихъ не попробовать. Призванный Абрамка клялся, что не знаетъ, кто прислалъ обѣдъ: онъ будто бы нашелъ судки на полу возлѣ дверей моего номера и думая, что обѣдъ мнѣ присланъ антрепренеромъ, поставилъ судки ко мнѣ на столъ. Я знала, что онъ лгалъ, и по его лицу догадалась, что кто-то мнѣ подалъ милостыню. Я уже хотѣла приказать унести изъ моего номера обѣдъ, но въ эту минуту Абрамку кто-то кликнулъ изъ коридора. Онъ убѣжалъ, и я опять осталась одна съ обѣдомъ. Я такъ была голодна, что не выдержала и попробовала обѣдъ; но, разъ начавъ ѣсть, я уже остановиться не могла до тѣхъ поръ, пока въ судкахъ ничего не осталось. Когда я съѣла обѣдъ, мнѣ было очень стыдно, и, чтобы судки съ обѣдомъ снова не появились у меня на столѣ, я уже не оставляла ключа отъ номера у Абрамки, а брала съ собой.

Но, чтобы жить, мнѣ нужно было ѣсть, и я начала продавать Ривкѣ тѣ немногія вещи, которыя привезла съ собой. Продала подушку, лѣтнюю накидку, сундукъ, даже риза съ иконы была продана. Забирая мои вещи, Ривка давала мнѣ совѣты, какъ жить. Приводила въ примѣръ Сумлевичъ и Соловьеву. Послѣдняя послѣ смерти Чупятова начала сильно пить и такъ нравственно низко пала, что своимъ поведеніемъ позорила имя актрисы. Кромѣ того,

она сдѣлала то, что въ городѣ по ней начали судить и о всѣхъ актрисахъ. Мнѣ вслѣдствіе этого приходилось въ своемъ номерѣ запираться постоянно на ключъ, чтобы ко мнѣ не являлись пьяные мужчины, останавливавшіеся въ нашей гостиницѣ. Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ мужъ присылалъ мнѣ письмо за письмомъ, требуя высылки денегъ или немедленнаго возвращенія къ нему.

Но, какъ ни худо мнѣ жилось въ театрѣ, я все-таки не промѣняла бы этой жизни на жизнь съ мужемъ. И я, каждый день обращалась къ антрепренеру съ просьбой заплатить мнѣ хотя половину моего жалованья, чтобы эти деньги отослать моему мужу.

Антрепренеръ сначала все обѣщалъ уплатить мнѣ въ слѣдующій спектакль, потомъ началъ говорить, что не онъ мнѣ, а я ему еще должна.

— Вы, голубчикъ,—говорилъ онъ,—когда ко мнѣ пріѣхали, едва умѣли по сценѣ ходить, а теперь вы—актриса.

XIII.

Я сильно была напугана приходомъ городового, который сначала въ театрѣ навелъ обо мнѣ справки, потомъ пришелъ и ко мнѣ. Когда я отъ него узнала, что обо мнѣ наводитъ справки мой мужъ, я совсѣмъ растерялась.

Мнѣ уже казалось, что меня мужъ требуетъ по этапу. Городовой замѣтивъ, что я струсила, началъ дерзко со мной разговаривать.

— Знаемъ мы васъ, актерокъ! Зачѣмъ у тебя по вечерамъ огонь долго горитъ?

Потомъ безъ позволенія сѣлъ въ кресло и требовалъ, чтобы я его угостила водкой и дала денегъ. Когда же я сказала, что у меня ни водки, ни денегъ нѣтъ, онъ не вѣрилъ.

— Антрепренеръ,—говорилъ городовой,—мнѣ сказалъ, что онъ платитъ тебѣ полтораста рублей. Если меня не угостишь, я о тебѣ, что хочу, то и донесу!

Кончилось тѣмъ, что городовой довелъ меня до слезъ, и я отдала ему послѣднія двадцать копеекъ.

Узнавъ, что мужъ рѣшился наводить обо мнѣ справки уже черезъ полицію, я теперь отъ него всего ждала и знала, что нужно было во что бы ни стало выслать ему денегъ. Наконецъ рѣшилась подѣйствовать на антрепренера чрезъ его жену и дочь, которыя видимо ко мнѣ были расположены, но и это мнѣ не удалось. Авдотья Ивановна совсѣмъ умирала, а Лиза была въ такомъ отчаяніи, что я не нашла возможнымъ даже начать и разговоръ о своемъ жалованьѣ. Кромѣ того, и самъ антрепренеръ былъ въ ужасномъ положеніи: на него Колосовъ предъявилъ вексель въ 700 рублей,

требуя или немедленной уплаты денегъ, или же, чтобы Лиза вышла за него замужъ. Когда я пришла, антрепренеръ, по обыкновенію прилично одѣтый и нарумяненный, сидѣлъ на диванѣ, а передъ нимъ стояла Лиза въ черномъ платьѣ, не причесанная и съ разстроеннымъ лицомъ.

Я еще изъ прихожей слышала, какъ сердито отецъ кричалъ на дочь; но, замѣтивъ меня, онъ сразу понизилъ тонъ и, обращаясь ко мнѣ, съ драматизмомъ въ голосѣ сказалъ:

— Благороднѣйшая Елена Вячеславовна, какъ я радъ, что вы къ намъ пришли: васъ Лиза такъ любитъ! Поговорите съ ней. Можетъ быть, ваши слова на нее подѣйствуютъ, и она спасетъ своего отца отъ тюрьмы и гибели.

Послѣднія слова онъ уже произнесъ, со слезами въ голосѣ и вытирая платкомъ глаза.—Скажите ей,—продолжалъ онъ,—что, если она не выйдетъ замужъ за Колосова, онъ посадитъ меня въ тюрьму, а мнѣ ли, дряхлому старику, лишиться воздуха, солнца, свѣта, питаться заплѣсневѣвшими корками и спать на гнилой соломѣ, въ которой, какъ я слышалъ отъ самихъ же заключенныхъ, кишатъ крысы.

Къ концу рѣчи антрепренеръ уже совсѣмъ разрыдался. Слушая его, я не замѣтила, какъ, держась за стулья, изъ-за ширмъ вышла Авдотья Ивановна. Она была желтая, какъ лимонъ, съ провалившимися отъ худобы глазами и шеей, и при этомъ въ одной грубой рубахѣ.

— Лизанька,—начала она слабымъ и задыхающимся голосомъ,—сдѣлай это для меня: я вѣдь и въ могилѣ не буду покойна, если буду знать, что папеньку засадятъ въ тюрьму!—и Авдотья Ивановна передъ дочерью опустилась на колѣни, а эта съ отчаяннымъ крикомъ: «что ты дѣлаешь, мама!»—бросилась ее поднимать.

Обѣ обнялись и заплакали. При этой семейной драмѣ я чувствовала себя лишней и хотѣла уйти, какъ вдругъ Лиза замѣтила, что ея мать—въ обморокѣ. Тутъ мы всѣ бросились къ больной и общими силами снесли ее на кровать. Коля побѣжалъ за театральнымъ докторомъ; до его же прихода мы сами начали приводить Авдотью Ивановну въ чувство. Примачивая женѣ голову, антрепренеръ сказалъ Лизѣ:

— Значитъ, Лизанька, я сегодня Колосову скажу, что ты согласна за него выйти?

— Папа, и въ такую-то минуту ты меня терзаешь!

— Что тамъ за особенная такая минута! Говори толкомъ: да или нѣтъ?

Лиза подняла отъ матери лицо и твердо сказала:

— Скажи ему разъ навсегда, что я за него никогда не пойду.

— Змѣя безчувственная!—прошипѣлъ отецъ.—Вотъ смотрите,—обратился онъ ко мнѣ:—какая у меня хорошая дочь... Выдрать бы

ее, выдрать!—стиснувъ зубы, продолжалъ онъ:—и не одну, а съ ея Семеновымъ. Ты думаешь, я не знаю, что ты и до сихъ поръ съ нимъ потихоньку отъ меня видишься? Не удалось Демьяну Ивановичу этого подлеца въ тюрьму засадить, а теперь я попробую. Мой долгъ, какъ честнаго отца, заявить въ полицію, что этотъ мерзавецъ совращаетъ съ пути мою дочь!

Между тѣмъ, несмотря на всѣ наши усилія, Авдотья Ивановна въ себя не приходила, и Лиза была въ отчаяніи. Наконецъ Коля съ докторомъ пришли. Докторъ былъ очень вертлявый, маленькій человѣкъ. Лицо у него было веселое, жезнерадостное, вовсе не гармонировавшее со всей этой грустной обстановкой, и онъ прежде чѣмъ взглянуть на больную, началъ разспрашивать Лизу, почему она давно не играетъ на сценѣ.

— Вы маму приводите въ чувство!—крикнула на него Лиза.

— Не безпокойтесь, мы и мамашу не забудемъ,—щупая пульсъ у больной, веселымъ голосомъ сказалъ докторъ.

Потомъ приложилъ свою маленькую, сильно напомаженную головку къ сердцу Авдотьи Ивановны.

— Кажется, смертельный обморокъ,—поднявъ голову, произнесъ онъ, но, замѣтивъ отчаянье на лицѣ Лизы, началъ ее успокоивать.

— Еще, можетъ быть, мамаша и жива. Мы ее потрясемъ.

И онъ, взявъ за плечи, сильно началъ трясти больную и въ эту же минуту заговорилъ съ антрепренеромъ о театрѣ.

— Думайте о мамѣ!—крикнула опять на него Лиза.

Наконецъ Авдотья Ивановна вздохнула и открыла глаза.

Лиза съ радостными слезами бросилась къ матери, а докторъ, потирая отъ удовольствія руки, говорилъ:

— Вотъ видите, Елизавета Ивановна: дѣло мастера боится, а вы на меня разсердились?

Антрепренеръ отвелъ его къ окну и спросилъ о состояніи больной.

— Очень плоха, но все-таки послѣ моего лѣкарства, которое я ей пропишу, съ денекъ протянетъ.

— И откуда я на ея похороны денегъ возьму!—съ непритворнымъ горемъ воскликнулъ антрепренеръ.

Въ этотъ же день вечеромъ ко мнѣ зашелъ режиссеръ. Онъ былъ очень огорченъ приближающейся, по словамъ доктора, смертью матери и съ грустью говорилъ, что теперь семья ихъ распадется, что только ради матери они всѣ до сихъ поръ жили съ отцомъ.

— Съ нимъ, вѣроятно, одинъ Митя останется,—говорилъ онъ:— Лиза съ Колей уѣдутъ въ Петербургъ къ мамашиной сестрѣ, а я опять подамъ прошеніе о зачисленіи меня въ банкъ, гдѣ я прежде служилъ.

Я разсказала ему о своемъ горестномъ и безвыходномъ положеніи.

— Уѣзжайте и вы отсюда,—посовѣтовалъ онъ мнѣ:—напишите въ какую нибудь дирекцію, да вотъ,—вдругъ вспомнилъ онъ:—въ кар-

манѣ у меня газета, гдѣ пишутъ о В......омъ театрѣ. В,... не далеко отсюда, всего 5 часовъ ѣзды. Въ газетѣ помѣщена рецензія о в....хъ артистахъ, очень хвалятъ пѣвицу Ленскую.

Ленскую я знала еще съ Гельсингфорса. Она, когда мы разставались, такъ же, какъ и другіе артисты, обѣщала рекомендовать меня въ театрахъ. Мнѣ пришло въ голову къ ней написать, и, какъ только ушелъ отъ меня режиссеръ, я сейчасъ же принялась за письмо: я описала, въ какомъ безвыходномъ положеніи нахожусь, и умоляла ее постараться устроить меня на в......ую сцену.

XIV.

Въ простомъ деревянномъ гробѣ и безъ пѣвчихъ хоронили Авдотью Ивановну. Въ толпѣ говорили, что ее хоронятъ на свой счетъ друзья, Колосовъ и Тополевъ, и они же съ ея сыновьями несли и гробъ до кладбища. На выносъ жены антрепренера собралась вся труппа, и артисты хоромъ пѣли вѣчную память. До кладбища проводили немногіе. За гробомъ шли въ траурѣ Лиза и антрепренеръ. У послѣдняго былъ крепъ на шляпѣ и рукавѣ, и изъ его груди часто вырывались громкія рыданія, но и въ этотъ день Иванъ Осиповичъ не забылъ подвить себѣ волосы и напудриться. Гробъ провожали также Александрова, Семеновъ и Куровъ. Этотъ былъ сильно пьянъ и нѣсколько разъ съ угрожающими жестами подбѣгалъ къ антрепренеру, но тотъ скоро распорядился его убрать. Я видѣла, какъ полицейскіе увели Курова подъ руки. Погода въ этотъ день гармонировала съ нашей печальной процессіей. Небо было покрыто сѣрыми облаками, сначала въ воздухѣ стоялъ туманъ, потомъ пошелъ мелкій мокрый снѣгъ, на не мощеныхъ улицахъ блестѣли огромныя лужи.

Антрепренеръ недолго шелъ за гробомъ и сѣлъ на слѣдовавшаго за процессіей извозчика, а я подошла къ Лизѣ, и уже всю остальную дорогу мы шли подъ руку. Она мнѣ сообщила по секрету, что скоро вмѣстѣ съ Семеновымъ уѣзжаетъ въ Петербургъ къ теткѣ и поступитъ на курсы.

— «Всѣ хорошіе люди разъѣдутся!—подумала я.—Что же будетъ со мной? Ленская, несмотря на то, что я уже съ недѣлю какъ отослала ей письмо,—мнѣ не отвѣчаетъ!» Кромѣ того, похороны напомнили мнѣ смерть отца и еще недавнюю смерть сына. Я, сильно разстроенная, вернулась домой. Но этимъ день еще не кончился: вечеромъ меня ждала крупная непріятность.

Когда я ложилась спать, ко мнѣ постучался Абрамка и за дверями сказалъ, что по случаю перемѣны завтрашняго спектакля изъ театра мнѣ прислали роль. Я накинула на себя пеньюаръ и только успѣла отворить дверь, какъ въ комнату вбѣжалъ, столк-

нувъ меня съ порога, баронъ Шварцъ. Встрѣчала я его только за кулисами и слышала, что онъ богатъ, гордъ, а когда пьянъ— страшный скандалистъ. Абрамка мгновенно захлопнулъ дверь; баронъ повернулъ въ замкѣ ключъ и, вынувъ его, положилъ въ карманъ. Все это такъ быстро произошло, и я такъ была поражена, что въ первую минуту ничего не могла сообразить, только глядѣла на барона. А онъ въ пальто и кепи сѣлъ уже въ кресло, и мнѣ бросилось въ глаза, что онъ очень красенъ.

— «Пьянъ!»—съ ужасомъ подумала я.

Онъ, между тѣмъ, досталъ изъ бокового кармана бумажникъ, вынулъ оттуда нѣсколько бумажекъ, положилъ ихъ на столъ и, прикрывъ рукой, заплетающимся голосомъ произнесъ:

— Тутъ, m-me, двѣсти рублей, это вамъ за то, что я проведу у васъ часъ времени, замѣтьте, только одинъ часъ, и не вставая съ этого кресла.

Я смотрѣла то на него, то на деньги—догадалась, что онъ хочетъ меня осрамить; мнѣ хотѣлось заплакать и отъ не заслуженной обиды и отъ негодованія. Подойдя къ нему и указывая на дверь, я крикнула:

— Уйдите вонъ!

Онъ лѣниво махнулъ рукой.

— Ахъ, m-me, оставьте драму,—въ водевиляхъ вы мнѣ лучше нравитесь.

И, откинувъ голову на спинку кресла и закрывъ глаза, уже соннымъ голосомъ продолжалъ:

— Въ клубѣ говорятъ, что вы никого къ себѣ изъ публики не принимаете, а я спорилъ, что меня вы во всякое время примете. Теперь я сижу у васъ, и въ клубѣ ужъ это извѣстно.

Я бросилась къ двери и начала въ нее стучать изъ всей силы.

Баронъ подбѣжалъ ко мнѣ.

— Что вы дѣлаете? Меня за лжеца сочтутъ. Если вамъ мало двухъ сотъ, я дамъ триста!

А я, стуча въ дверь, кричала:

— Отоприте, помогите!

Баронъ старался оттащить меня отъ дверей, и между нами началась борьба. Онъ держалъ меня за руки и не пускалъ къ дверямъ, я же вырывалась, кричала, царапала ногтями ему руки. Наконецъ вырвалась—и въ злобѣ, не зная, какъ бы оскорбить его, подбѣжала къ столу, схватила его деньги, скомкала ихъ и бросила ему въ лицо.

Между тѣмъ, изъ коридора къ намъ уже долетали шаги, голоса.

Баронъ поднялъ съ пола деньги и съ минуту мутными, пьяными глазами смотрѣлъ на меня.

— Такъ ты вотъ какой змѣенышъ!—уже едва шевеля языкомъ, произнесъ онъ,—но я тебѣ отомщу!—и, схвативъ съ комода мое зеркало, онъ со всей силы бросилъ его на полъ. Затѣмъ отперъ дверь и выбѣжалъ изъ номера. А предъ растворенной имъ настежь дверью уже стояли зрители. Писатель Ордынскій и Колосовъ вошли ко мнѣ.

Первый началъ передо мною извинять барона:

— Онъ пьянъ и не помнитъ, что дѣлаетъ.

Колосовъ же, не подходя ко мнѣ, говорилъ:

— Я думалъ, что тутъ кого нибудь рѣжутъ, а въ сущности пустяки—влюбленные поссорились. Намъ побольше давайте такихъ скандальчиковъ, теперь г-жей Сокольской весь городъ заинтересуется, и всѣ захотятъ на нее посмотрѣть. Можно навѣрно сказать, что у насъ завтра будетъ полный сборъ.

Я же послѣ этого скандальчика отъ стыда и горя проплакала всю ночь: мнѣ казалось, что если я теперь выйду на улицу, на меня всѣ люди будутъ показывать пальцами. Утромъ съ тяжелымъ сердцемъ встала и одѣвалась, но предчувствія не всегда сбываются. Когда Абрамка внесъ самоваръ, на подносѣ лежало и письмо отъ Ленской слѣдующаго содержанія:

«Клара Ленская всегда готова покровительствовать новичкамъ. Она все для васъ, Сокольская, сдѣлала, и несмотря на то, что у насъ полный составъ труппы, я такъ расхвалила васъ передъ нашими директорами, что они сказали: «Пусть ваша Сокольская пріѣзжаетъ, и если она окажется дѣйствительно хорошей актрисой, мы ей дадимъ 100 рублей и полъ-бенефиса». Пріѣзжайте немедленно, и я надѣюсь, что вы будете держаться моей партіи и никогда не забудете, что сдѣлала для васъ Клара Ленская».

Прочитавъ это письмо, я отъ отчаянья вдругъ перешла къ шумной радости: цѣловала письмо, смѣялась, кружилась съ нимъ по комнатѣ. И даже вчерашнее приключеніе уже не такъ меня тревожило. Уѣду, и все забудется. Наконецъ, съ письмомъ побѣжала въ театръ и не безъ злорадства, въ присутствіи всей труппы объявила антрепренеру, что больше у него не служу, и громко ему прочитала письмо ко мнѣ Ленской.

По лицу его можно было заключить, что моимъ отъѣздомъ онъ былъ очень недоволенъ, хотя и повторялъ:

— Поѣзжайте съ Богомъ, я васъ не удерживаю!—и, обращаясь къ присутствующимъ артистамъ, сказалъ:

— Удивляюсь, чего это Сокольская такъ радуется: здѣсь она получаетъ полтораста рублей, а ѣдетъ всего на сто.

Такое нахальство съ его стороны меня поразило.

— Я у васъ ни копейки не получаю!—воскликнула я.

Антрепренеръ не сконфузился.

— Все бы во-время, душенька, получили, — началъ онъ спокойно,—я даже думалъ вмѣсто одного полъ-бенефиса дать вамъ на праздникахъ два. Ну, а теперь не стоитъ объ этомъ и разговаривать. Съ Богомъ, съ Богомъ! Только надѣюсь,—остановилъ онъ меня, когда я уходила,—что сегодня вашу рольку вы намъ въ послѣдній разъ сыграете.

Но послѣ вчерашняго скандала я играть отказалась, объявивъ, что сегодня вечеромъ уѣзжаю.

Теперь со всѣхъ сторонъ меня обступили артисты, поздравляли, завидовали мнѣ, что я ѣду въ дирекцію, гдѣ жалованье аккуратно платятъ. Тутъ были и Сумлевичъ и Соловьева; вражды у нихъ ко мнѣ уже не было, напротивъ, каждая изъ нихъ старалась быть со мной, какъ можно любезнѣе. Сумлевичъ, отведя меня въ сторону, сказала:

— Представьте, этотъ дуракъ, Георгіевъ, который мнѣ прежде шикалъ, теперь въ меня влюбленъ и бываетъ у меня. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ вы его просили не свистать и не шикать. Я всегда говорила, что вы, дуся, честная, и надѣюсь, что вы и въ дирекціи В—ой не будете обо мнѣ дурно отзываться. Скажите, какъ публика меня здѣсь любитъ, и что весь театръ держится только мною.

Но мнѣ уже не были интересны ни здѣшніе артисты, ни публика, я поспѣшила скорѣе уйти, чтобы начать собираться въ дорогу.

Едва я успѣла вернуться въ свой номеръ, какъ ко мнѣ вошелъ Ордынскій.

— Г-жа Сокольская,—началъ онъ торжественнымъ голосомъ,— баронъ Шварцъ, оскорбившій васъ вчера, желаетъ въ присутствіи тѣхъ личностей, при которыхъ онъ дурно говорилъ о васъ, извиниться передъ вами. Позвольте имъ всѣмъ войти.

И въ мою комнату начали входить офицеры и статскіе, и каждый изъ нихъ, сдѣлавъ мнѣ поклонъ, становился возлѣ стѣны. Послѣднимъ вошелъ баронъ. Теперь онъ не былъ пьянъ и держалъ себя съ достоинствомъ, только страшно былъ блѣденъ. Сдѣлавъ мнѣ глубокій поклонъ, онъ обратился къ присутствующимъ:

— Господа,—началъ онъ громкимъ, но взволнованнымъ голосомъ,—вчера въ клубѣ я передъ вами хвасталъ, что пользуюсь особымъ расположеніемъ г-жи Сокольской и бываю у нея въ неназначенное для пріемовъ время—я солгалъ,— и, повернувъ ко мнѣ свое взволнованное лицо, онъ продолжалъ:

— Извините меня, Елена Вячеславовна, что вчера, будучи пьянъ, я безъ всякаго повода съ вашей стороны грубо и безчестно поступилъ съ вами.

Не прибавивъ больше ни слова, баронъ пошелъ къ дверямъ; за нимъ послѣдовало и все общество.

Не знаю, что больше меня взволновало: радость ли, что вчерашнее со мной приключеніе кончилось для меня благополучно, и я уѣду изъ города съ незапятнанной репутаціей, или меня тронулъ поступокъ гордаго барона, публично и добровольно сознавшаго свою передо мной вину. Только, когда они отъ меня ушли, я расплакалась.

Въ этотъ же день вечеромъ я уже ѣхала въ В., къ артисткѣ Ленской.

М. Е. Васильева.

ПОЭТЪ МИЛОСТІЮ БОЖІЕЙ.

(Посвящается А. Ѳ. Кони).

«Но смерть не все взяла. Средь этихъ урнъ и плитъ
«Неизгладимый слѣдъ минувшихъ дней таится.
«Всѣ струны порваны, но звукъ еще дрожитъ,
«И жертвенникъ погасъ, но дымъ еще струится»...

Апухтинъ.

«Сегодня въ маленькомъ кружкѣ пріятелей предали землѣ тѣло бѣднаго Апухтина»...

Этими словами 20 августа 1893 г. начиналась въ «Гражданинѣ» замѣчательная по своей сердечности статья князя Мещерскаго о товарищѣ по училищу правовѣдѣнія, съ которымъ когда-то связывала его дружба.

Насколько помню, статья князя въ тѣ дни была единственнымъ теплымъ откликомъ изъ среды такъ называемаго «литературнаго міра» надъ прахомъ извѣстнаго поэта, Алексѣя Николаевича Апухтина. Стихотвореніе графа Голенищева-Кутузова на смерть поэта вышло позже, въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за тотъ же годъ. Еще позднѣе помянула Апухтина въ томъ же журналѣ баронесса Е. К. Остенъ-Сакенъ. А эпитетъ «бѣдный» болѣе всего соотвѣтствовалъ жизни и смерти Апухтина; память о немъ болѣе, чѣмъ чья либо, нуждалась именно въ тепломъ, дружескомъ словѣ. И вотъ почему.

Судьба постоянно и зло издѣвалась надъ Апухтинымъ при жизни, разразившись плоскими шутками послѣ его смерти, хотя бы

въ видѣ стихотворной рѣчи, произнесенной надъ его могилой какимъ-то неизвѣстнымъ господиномъ, въ рядѣ некрологовъ, гдѣ непремѣнно упоминалось о древности рода Апухтиныхъ, приводились анекдоты изъ прошлаго поэта, и мало говорилось о немъ правды, какъ о писателѣ.

Надѣливъ Алексѣя Николаевича болѣзненно тучнымъ тѣломъ, не позволяя ему посѣщать театры, концерты, картинныя выставки, галлереи, отнявъ отъ него, такимъ образомъ, все эстетическое, что скрашиваетъ порою нашу современную жизнь, приковавъ его деспотически къ дивану, судьба въ то же время сдѣлала этого человѣка писателемъ, для правильнаго, мощнаго развитія таланта котораго необходимъ постоянный, живительный притокъ свѣжихъ, раздражающихъ умъ и сердце впечатлѣній, влила въ него страстную любовь къ искусству, потребность въ передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто, въ музыкѣ, въ театрахъ, въ интеллигентномъ обществѣ. Покойный, напримѣръ, любилъ природу, именно русскую природу, которой посвятилъ столько чудныхъ, вдохновенныхъ строфъ, чутко понималъ ея духъ, ея красоты... А много ли онъ вообще ею пользовался?!...

Судьба не принесла Апухтину вполнѣ обезпечивающихъ жизнь его матеріальныхъ средствъ, введя его, однако, въ аристократическую среду, гдѣ безъ средствъ существовать трудно, съ дѣтства надѣлила его привычками, вкусами, капризами изнѣженнаго барина-сибарита...

Типичный сынъ своего времени, литературный Обломовъ (да позволено будетъ мнѣ употребить такое именно сравненіе), Апухтинъ любилъ жизнь, не требуя отъ нея невозможнаго и, какъ старый нищій въ извѣстной баснѣ, проклиная вслухъ свое существованіе, зовя смерть,—желанную избавительницу отъ нужды и страданій,—въ тайникахъ души своей дрожалъ за это самое больное, жалкое, сиротливое существованіе, холодѣлъ при одной мысли о неизбѣжности смерти, возмущался, какъ онъ мнѣ сказалъ однажды, «неэстетичностью» смерти. И что же? Судьба подарила ему жизнь, сравнительно короткую, пославъ постоянныя недомоганія, болѣзни и мучительную, по обстановкѣ, одиночеству и сознанію медленно надвигающейся смерти, кончину...

Апухтинъ былъ безконечно добръ, отзывчивъ на чужое страданіе. А, между тѣмъ, замкнутая жизнь, которую вынужденъ былъ онъ вести, лишала его возможности дѣлать добро... Не отъ того ли сложилась и легенда о его эгоизмѣ?

Онъ никому не желалъ зла и по временамъ искренно мечталъ лишь о томъ, чтобы его забыли, оставили въ покоѣ... А, между тѣмъ, клевета, зависть и людская злоба постоянно вползали въ его одинокую келью, несмотря на усилія немногихъ близкихъ людей - оградить отъ этихъ терній жизнь честнаго человѣка.

Судьба, какъ карточные домики, построенные дѣтскими руками, гибнущіе отъ легкаго дыханія вѣтра, разрушала постепенно всѣ мечты Апухтина о личномъ счастьѣ, вѣчно дразнила его надеждами на будущее, отравляя тѣмъ немногія радости настоящаго. Жажда счастья, надежда на счастье дѣлали Апухтина снова несчастнымъ.

Выдающійся поэтъ, просидѣлъ онъ свое дарованіе на диванѣ, вмѣсто капитальныхъ произведеній, достойныхъ его таланта, оставивъ намъ лишь нѣсколько десятковъ чудныхъ лирическихъ стихотвореній—истинныхъ перловъ поэзіи, да прозу, которая уже забывается... Но спасибо ему и за это!

Мнѣ суждено было, въ числѣ немногихъ лицъ, съ разрѣшенія начальства, принять грустное участіе въ сборахъ на памятникъ Апухтину,—говорю «грустное», такъ какъ въ многолюдной Вильнѣ, несмотря на всѣ мои усилія и любовь къ покойному, только одинъ человѣкъ пожертвовалъ 3 рубля; затѣмъ, на рядъ моихъ писемъ, разосланныхъ бывшимъ правовѣдамъ (значитъ, товарищамъ поэта), въ двухъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края, съ цѣлью привлечь ихъ, на правахъ офиціально уполномоченнаго, къ подпискѣ, не получилъ я даже отвѣтовъ; задуманный съ тѣмъ же намѣреніемъ спектакль не состоялся въ виду равнодушія виленскаго общества. На подписномъ моемъ листѣ красуются автографы одного писателя изъ другой губерніи да двухъ знакомыхъ, концертировавшихъ въ Вильнѣ, артистокъ. Насколько мнѣ извѣстно, «свѣтъ», за немногими исключеніями, тоже довольно равнодушно отнесся къ мысли поставить достойный дарованія Апухтина памятникъ на его могилѣ.

Такъ дороги намъ отечественные таланты, родныя могилы...

Бѣдный, бѣдный Апухтинъ!..

Едва ли найдется другой русскій писатель, личность котораго настолько ярко вылилась бы въ изданныхъ имъ же самимъ при жизни произведеніяхъ, какъ покойный Алексѣй Николаевичъ.

Что, напримѣръ, какъ не автобіографія, нашумѣвшій въ свое время «Дневникъ Павлика Дольскаго»?

Но гораздо болѣе автобіографическихъ признаній находимъ мы въ стихотвореніяхъ Апухтина. Прочтите не большую, но дорогую по цѣнѣ, ихъ книжечку! Не говоря уже о чопорной, аристократической внѣшности, прежде всего бросается вамъ въ глаза личность самого писателя: отсутствіе въ произведеніяхъ его даже намека на трудъ, ограниченность въ выборѣ темъ, среди которыхъ нѣтъ почти вопросовъ на злобы дня, отсутствіе обидныхъ, оскорбляющихъ нападковъ на чужую личность... Въ авторѣ вы сейчасъ же угадываете космополита, которому, въ сущности, все равно, что дѣлается на политическо-общественной аренѣ Россіи, сибарита-барина, у котораго личный покой, личныя удобства на первомъ планѣ...

Изучая внимательно книжку, натолкнетесь вы и на причины, невольно сузившія горизонтъ творчества поэта, придавшія музѣ его слишкомъ субъективный, меланхолическій, часто даже элегическій, порою боязливо-осторожный оттѣнокъ. Передъ вами пройдутъ отмѣченные съ безжалостной ироніей и самокритикою дни, проведенные «безъ страсти и безъ дѣла», «ночи безумныя», «игриво-похоронные рауты», «циничные пиры», цыганы, попойки, великосвѣтскія гостиныя съ блѣдными типами графинь и княгинь, не знающихъ, куда дѣть свои досуги; мгновенья счастья и годы душевныхъ мукъ; неудовлетворенная любовь, вносящая не миръ и тихую радость въ существованіе человѣка, а скорбь, протестъ пресыщеніе наслажденіями, временными радостями жизни, какъ результатъ злоупотребленій, насилій надъ природою, и вѣчная жажда новыхъ наслажденій, которыя дали бы возможность забыть настоящее...

Между тѣмъ, каждая страница убѣждаетъ васъ все болѣе и болѣе въ томъ, что авторъ—образованный, глубокочувствующій, вдумчивый человѣкъ, который не можетъ же мириться съ подобными жалкими условіями личной и общественной жизни; что это, кромѣ того, «русскій человѣкъ» и, несмотря на свой аристократическій космополитизмъ, любящій свою родину, ея бытовые, историческіе устои...

И вотъ въ произведеніяхъ Апухтина, какъ мрачный духъ надъ хаосомъ, казалось бы, непримиримыхъ контрастовъ его существованія, носится предчувствіе близкой, но все примиряющей, все приводящей къ одному знаменателю, все искупляющей смерти, сознаніе разбитой, никому ненужной жизни, художественнаго, творческаго безсилія, разлада между завѣтнымъ внутреннимъ міромъ и окружающей дѣйствительностью. Поэтъ всѣми силами богато одаренной души рвется въ высь, къ вѣчнымъ идеаламъ искусства, нравственности... Но цѣпи жизни и тѣла слишкомъ сильны; это къ тому же «пріятныя» цѣпи: онѣ тянутъ къ землѣ, къ ея радостямъ, въ которыхъ много преходящаго, но зато имѣется и наркозъ забвенія... Порою оглядывается онъ съ ужасомъ вокругъ, въ тоскѣ ищетъ около себя живой души—и не имѣетъ силъ шагнуть за роковую черту свѣтскихъ условностей и приличій... Онъ гибнетъ, но и въ моментъ паденія старается, думаетъ о томъ, чтобы по внѣшности остаться «джентльменомъ», не сказать ничего, что нарушило бы общій тонъ салона «княгини Марьи Алексѣевны»...

Дѣлается горько и тяжело, когда подумаешь, сколько чудныхъ пѣсенъ, сколько природнаго остроумія, наблюдательности, безслѣдно пропало ради условностей свѣтскаго быта, было влито Алексѣемъ Николаевичемъ «въ тоску большого свѣта», какъ удачно выразилась о немъ баронесса Остенъ-Сакенъ. Благодаря средѣ, сама

поэзія Апухтина несомнѣнно получила особый отпечатокъ, въ ней нѣтъ яркихъ образовъ, смѣлыхъ сравненій, рѣзко очерченныхъ типовъ. Сатира Апухтина (если можно назвать этимъ именемъ юмористическія его стихотворенія) въ сущности—салонная, игрушечная сатира: она не бичуетъ, умышленно обеззаражена, лишена жала, осторожна, чтобы не обидѣть главнымъ образомъ того, противъ кого направлена. Поэтъ написалъ ее, прочелъ первоначально въ интимномъ кружкѣ, быть можетъ, и пустилъ затѣмъ осторожно въ «свѣтъ», но боится, чтобы она не получила широкой огласки, не вышла бы за извѣстные предѣлы, не проникла бы въ печать, не причинила бы ему непріятностей. Вотъ почему всѣ эти милыя вещицы попали лишь въ посмертное собраніе произведеній поэта, помимо его воли... Читая нѣкоторыя стихотворенія Апухтина, вы точно находитесь въ чопорномъ салонѣ богатаго петербургскаго дома, гдѣ на окнахъ и дверяхъ—тяжелыя драпировки, гдѣ говорятъ вполголоса, на лампахъ абажуры, всюду полутоны, полусвѣтъ, подъ ногами мягкіе, заглушающіе звуки шаговъ, ковры; гдѣ ходятъ, смѣются осторожно, въ мѣру, и гдѣ громкій, здоровый, непринужденный смѣхъ, рѣзкій, правдивый голосъ были бы явнымъ неприличнымъ диссонансомъ...

Недаромъ же покойный, цѣня, любя отдѣльныя личности въ «свѣтѣ», критически, даже порою презрительно, осуждающе относился къ высшему «свѣту», какъ къ особой привилегированной кастѣ... Стоитъ только прочесть его произведенія.

Задумавъ набросать личныя воспоминанія мои объ Апухтинѣ, какъ человѣкѣ и писателѣ, пользуясь дневниками, перепиской съ нимъ и разсказами о немъ лицъ, знавшихъ его ближе, лучше меня, я долженъ оговориться, что настоящая моя статья не претендуетъ называться біографіей покойнаго: для такой біографіи у меня мало данныхъ. Да едва ли когда либо и появится подобный капитальный трудъ! Для него нужно было бы пользоваться частными архивами аристократическихъ друзей и знакомыхъ Апухтина. Самъ поэтъ, будучи скроменъ и остороженъ до застѣнчивости, ненавидѣлъ, презиралъ рекламу, не умѣлъ при жизни собирать и хранить матеріалы для своего будущаго біографа, принадлежалъ къ средѣ, которая вообще скупа на подробности о принадлежащихъ къ ней... Наконецъ, взяться за біографію Апухтина значитъ прежде всего коснуться тѣхъ сплетенъ о его частной жизни, говорить о которыхъ не хотѣлось бы изъ понятнаго чувства уваженія къ свѣтлой его памяти...

Обойти же ихъ молчаніемъ серьезный біографъ поэта не будетъ въ состояніи, такъ какъ онѣ прежде всего и отлично характеризуютъ среду, въ которой вращался поэтъ, и которая понемногу убивала его дарованіе...

Досадно, что болѣе всего сплетничалъ на покойнаго С.-Петербургъ—городъ, который онъ такъ любилъ, о которомъ какъ-то, въ разговорѣ со мною, выразился:

— Здѣсь все возбуждаетъ молодую душу, и даже чувства негодованія и омерзѣнія побуждаютъ къ вдохновеннымъ порывамъ...

Еще досаднѣе, что много выстрадалъ при жизни Апухтинъ отъ этой безыменной, подпольной сплетни, съ которой не умѣлъ бороться и къ которой, однако, не въ силахъ былъ сдѣлать себя вполнѣ равнодушнымъ. Страданіе его было тѣмъ труднѣе, что нерѣдко скрывалъ онъ его отъ другихъ. Алексѣй Николаевичъ писалъ мнѣ, будто бы, «слѣдя прилежно за собой», замѣтилъ, что «всякая враждебная выходка разстраиваетъ» его нервы «только на три дня», а потомъ «это впечатлѣніе проходитъ, какъ проходитъ все на свѣтѣ»...

Но, въ сущности, Апухтину было не все равно, что про него говорилось, и ядъ клеветы дѣйствовалъ на душу его гораздо больнѣе: какъ кровный аристократъ пера, какъ честный человѣкъ, дорожилъ онъ чистотой, неприкосновенностью добраго своего имени...

«Защищаться отъ неизвѣстныхъ враговъ въ совершенно темной комнатѣ немыслимо»,—писалъ онъ мнѣ въ 1888 г. по поводу одной сплетни, которая тогда стояла между мной и имъ, какъ людьми:— «я никогда не выдавалъ себя за образецъ добродѣтели, и моя молодость прошла очень бурно! На совѣсти моей много безразсудныхъ поступковъ, но безчестныхъ нѣтъ, и если я кому нибудь вредилъ въ жизни, то только самому себѣ»...

Далѣе, въ томъ же письмѣ сказано:

«Я надѣялся воспользоваться лѣтнимъ одиночествомъ, чтобы приняться за большой, давно обдуманный, трудъ, но, право, руки опускаются въ виду такого общаго недоброжелательства... Для чего и для кого буду я писать?!».

Въ первый разъ встрѣтилъ я Апухтина у друга его, В. Н. Герарда, и эта первая, кратковременная встрѣча произвела на меня, признаться, довольно непріятное впечатлѣніе. Затѣмъ, мнѣ пришлось быть лично у поэта по поводу недобросовѣстной продѣлки съ экземплярами перваго изданія его стихотвореній, на которую я наткнулся у букиниста. Наружность Апухтина, несмотря на красивое, умное лицо, была дѣйствительно безобразна, благодаря чудовищному по размѣрамъ туловищу. Невольно вспоминался разсказъ, когда дѣвочка, вбѣжавшая въ гостиную, гдѣ неподвижно сидѣлъ Алексѣй Николаевичъ, робко спросила свою мать:

— Это человѣкъ, или... нарочно?!..

Какъ теперь помню, на звонокъ мой отворилъ двери самъ Апухтинъ въ легкомъ шелковомъ халатѣ, мягко облекавшемъ его неуклюжее туловище, съ папиросой въ рукахъ.

Низкія, маленькія комнаты, уютная, мягкая мебель, ковры, подушки на диванахъ и подоконникахъ, піанино, табачный дымъ въ воздухѣ, отсутствіе картинъ и другихъ предметовъ искусства (однѣ только фотографіи пажей, гвардейцевъ по стѣнамъ) — вся эта обстановка, точно съ умысломъ созданная для того, чтобы заглушить «звуки дневные, несносные, шумные» и не раздражать нервовъ,—не могла, конечно, съ перваго раза вселить къ себѣ симпатію и довѣріе... Мы приглядывались другъ къ другу: я невольно припоминалъ то, что слышалъ уже про Апухтина; онъ, по всей вѣроятности, какъ всегда при новыхъ литературныхъ знакомствахъ (а онъ зналъ уже, что я «пописываю»), видѣлъ во мнѣ любопытнаго, пришедшаго взглянуть на «сказочное диво», съ цѣлью, быть можетъ, вывести его потомъ въ искаженномъ видѣ въ какомъ либо произведеніи. Гадливое чувство, — чувство вражды, даже непонятнаго, безмотивнаго презрѣнія къ этому, сидѣвшему удобно передо мной, въ углу огромнаго дивана, въ халатѣ, со скорченными подъ себя ножками, самонадѣянному господину, обладающему апломбомъ и спокойными, изящными манерами придворнаго, — постепенно выростало во мнѣ во время визита.

Грустно вспомнить теперь обманчивость этого мимолетнаго впечатлѣнія! Та же исторія съ книгою заставила меня повторить визитъ къ поэту; я пробылъ у него на этотъ разъ нѣсколько дольше, привыкнулъ къ нему немного, а въ одну изъ послѣдующихъ встрѣчъ случайный разговоръ открылъ уже мнѣ «душу» Апухтина, далъ возможность разсмотрѣть, наконецъ, подъ беззаботной внѣшностью добродушнаго, великосвѣтскаго, салоннаго остряка трагедію разбитаго, исковерканнаго существованія. На первое же искреннее слово участія отвѣтилъ онъ мнѣ, не колеблясь, также горячо, откровенно. И мы сошлись...

— Не повѣрите, что за адъ жизнь моя! — сказалъ мнѣ тогда, между прочимъ, Алексѣй Николаевичъ:—я боленъ, страдаю одышкой... Почти цѣлый день прозябаешь вотъ на этомъ диванѣ, далеко отъ живыхъ, неисковерканныхъ людей!

Это былъ вопль страдальца, который доволенъ приходомъ даже мало знакомаго человѣка съ улицы для того, чтобы вылить передъ нимъ муки, накопившіяся въ сердцѣ.

Тутъ же впервые мимоходомъ сообщилъ мнѣ Апухтинъ нѣсколько фактовъ изъ своего прошлаго, какъ всегда, не придавая подобнымъ подробностямъ автобіографическаго значенія, а лишь «къ слову», для того, чтобы стали мнѣ понятными его жалобы.

Подробнѣе остановился онъ на эпизодѣ изъ путешествія, совершеннаго имъ въ молодости по Италіи. Въ одномъ городѣ, ка-

жется, въ Неаполѣ (или Венеціи?), во время прогулки, столкнулся Апухтинъ съ бѣшеной собакою, отъ которой все сторонилось и бѣжало; ее преслѣдовали. Не былъ въ состояніи спастись, благодаря своей тучности, одинъ лишь Алексѣй Николаевичъ, хотя собака, какъ ураганъ, неслась прямо на него, а возлѣ стояла скамья, на которую всякій другой могъ бы легко взобраться. Животное убили почти у самыхъ ногъ Апухтина.

— А когда все кончилось,—добавилъ грустно онъ:—я заплакалъ, какъ ребенокъ.

Сообщилъ онъ мнѣ тогда же и нѣсколько подробностей изъ своего болѣзненнаго, грустнаго дѣтства, которыхъ теперь хорошо не помню. А тутъ, къ изумленію его, я признался, что не только «пописываю» въ часы досуга, но серьезно хочу отдаться литературѣ, что у меня есть знакомые среди литераторовъ, даже друзья... И съ жадностью человѣка, разобщеннаго съ міркомъ дѣятелей современной литературы, началъ онъ съ любопытствомъ въ меня вглядываться, ко мнѣ прислушиваться. На просьбу разрѣшить мнѣ отдать ему на судъ первые литературные мои опыты Апухтинъ откликнулся съ живѣйшимъ сочувствіемъ, предупредивъ, однако, что онъ—суровый, неумолимый критикъ и, симпатизируя мнѣ, какъ человѣку, будетъ говорить правду, только одну правду... Съ тѣхъ поръ я часто сталъ бывать у него въ его квартирѣ, которая, какъ я скоро узналъ, вопреки сплетнямъ, посѣщалась даже дамами высшаго общества, друзьями поэта: настолько считалась она приличною.

Бывало, принесешь ему новое стихотвореніе. На звонокъ отворитъ двери пожилой лакей или самъ хозяинъ. По мягкимъ коврамъ неслышно войдешь въ сонную, уютную, прокуренную дымомъ, холостую квартиру, гдѣ съ книжкой и папиросою въ рукѣ сидитъ, принявъ удобную позу, авторъ «Года въ монастырѣ», «Венеціи», чудныхъ вдохновенныхъ пѣсенъ о любви... И уже на встрѣчу тебѣ, изъ глубины дивана, звучитъ мягкій, тихій, нѣсколько дрожащій голосъ Апухтина, извиняющагося за свой «вѣчный» халатъ.

— А вы что-то, вижу, принесли мнѣ прочесть?—привѣтливо спрашиваетъ Алексѣй Николаевичъ:—новое произведеніе?!

Я усаживаюсь рядомъ съ нимъ въ кресло.

Подается чай... По улицѣ мчатся экипажи; мимо оконъ квартиры (въ нижнемъ этажѣ) снуютъ пѣшеходы; врываются и сюда нахально, властно, грубо «звуки дневные, несносные, шумные»... А часы летятъ незамѣтно въ мирной, задушевной бесѣдѣ, и льется неспѣшная, какъ бы усталая, но полная ума, искренности, рѣчь поэта, мягкимъ свѣтомъ сіяютъ его красивые, задумчивые глаза... Онъ, правда, раскритиковалъ уже мое произведеніе тонко и не безъ желчи; но критика его оставила во мнѣ лишь впечатлѣніе прикосновенія любящей, предостерегающей, опытной руки вели-

каго мастера художественнаго слова. Самъ я вижу вслѣдъ за приговоромъ, что не выносилъ еще достаточно своей работы, что надъ нею надо еще и еще подумать и перечувствовать... Я — молодъ и жадно ловлю каждое слово...

Насколько понималъ я и до сихъ поръ понимаю Апухтина, какъ человѣка, главное несчастіе его (кромѣ, конечно, болѣзненной полноты) состояло въ томъ, что въ теченіе жизни въ немъ не создалось какого либо опредѣленнаго, духовнаго центра, напримѣръ, твердой вѣры, исключительнаго служенія литературѣ, — центра, около котораго группировались бы всѣ остальныя умственныя его силы. Это былъ человѣкъ неуравновѣшенный, сотканный изъ непримиримыхъ, повидимому, противорѣчій, контрастовъ,— и опредѣлить Апухтина одной фразою, какъ опредѣлить подобной же фразою сущность его поэтическаго дарованія, положительно невозможно.

Неуравновѣшенность лишала Алексѣя Николаевича нравственныхъ средствъ для борьбы съ окружающимъ, дѣлала его порой игрушкою слѣпого случая, повела къ тому, что черезъ его прошлое красной нитью тянется черта—служеніе измѣнчивой, преходящей страсти. Впрочемъ, и самъ Апухтинъ не скрывалъ послѣдняго.

— Всю жизнь старался я насладиться возможно полнѣе и больше, хотя никогда не могъ достичь полнаго удовлетворенія, — сказалъ онъ мнѣ однажды по поводу картъ.—Въ карточной игрѣ—страсть, и она-то увлекаетъ меня. Всѣ другія страсти—любовь, опьянѣніе— имѣютъ границы, за которыми нельзя уже испытывать наслажденій, — страсть къ картамъ, при азартной игрѣ, такихъ границъ не имѣетъ... Мнѣ случалось играть три дня и три ночи, почти не отходя отъ карточнаго стола—и я чувствовалъ себя бодро... Прежде я не любилъ картъ; теперь поневолѣ къ нимъ пристрастился... Что иначе дѣлать въ обществѣ? За картами время летитъ незамѣтно; вечеръ убитъ... А это только и нужно!

Подобная и другія фразы Апухтина записывались мною своевременно въ дневники мои, откуда я, не довѣряя памяти, и беру ихъ теперь.

«La vie serait encore supportable, s'il n'y avait pas le plaisir» [1],— часто при мнѣ повторялъ онъ чью-то фразу, когда разговоръ касался страсти...

Впрочемъ, не будемъ слишкомъ сгущать тѣни, не будемъ глядѣть на жизнь и смерть Апухтина только съ мрачной стороны, брать надъ могилой усопшаго только одни минорные аккорды...

Нечего скрывать, что и отъ судьбы при жизни получалъ онъ порой благосклонныя улыбки...

---

[1]) «Жизнь была бы еще выносима, если бы не существовало въ ней удовольствія» (т.-е. наслажденія).

Судьба, прежде всего, дала Апухтину беззаботность артиста, умѣнье устроиваться хорошо и удобно при извѣстной обстановкѣ и обстоятельствахъ, какъ бы устранивъ этими качествами съ пути его мелочные вопросы насущнаго. Завтрашній день не всегда могъ привести этого человѣка въ тревожное волненіе своей неизвѣстностью.

Судьба сблизила его въ дни молодости со многими выдающимися, со многими, несомнѣнно честными людьми мыслящей, чувствующей, правящей Россіи, которые сами искали знакомства поэта и цѣнили его талантъ. (То же, хотя и рѣже, продолжалось до конца его жизни)... Она поставила его близко ко двору... А, между тѣмъ, Апухтинъ не имѣлъ никакого служебнаго, придворнаго положенія... Судьба надѣлила его искренними, преданными друзьями, вносившими въ его холостую обстановку хоть чужія счастье, надежды, радости... Еще при жизни озарила она его одинокое существованіе лучами поэтической славы...

Судьба же дала Алексѣю Николаевичу то, что выпадаетъ на долю далеко не всякаго русскаго писателя —возможность самому, при жизни, видѣть слезы умиленія, восторга горячихъ поклонницъ и поклонниковъ его музы...

Наконецъ, въ послѣдніе мѣсяцы земного существованія Апухтина, когда испытывалъ онъ жесточайшія нравственныя и физическія муки, проявились въ немъ новые душевные элементы — мужественная покорность волѣ Божіей, примиреніе съ жизнью, трогательная кротость, какъ результаты долгой, молчаливой борьбы съ самимъ собою и постепенной побѣды духа надъ плотью, на границѣ вѣчности...

Результатомъ этой внутренней, мучительной работы и было то, что хотя угасалъ онъ медленно, страдальчески, хотя видѣлъ ясно всякое движеніе подкрадывавшейся къ нему, столь ненавистной, страшной, «неэстетичной» смерти, — тѣмъ не менѣе находилъ въ себѣ достаточно силъ даже для шутокъ съ рѣдкими посѣтителями и окружающими. Ему, напримѣръ, прислуживалъ лакей Егоръ, у котораго была привычка кстати и некстати пересыпать свою рѣчь фразами: «нѣтъ словъ» и «главное основаніе». Этотъ Егоръ, переворачивая умирающаго Алексѣя Николаевича, говоритъ ему бывало:

— Вотъ, главное основаніе, у васъ... ножки въ ранахъ.

— Ахъ, Егоръ,—отвѣчаетъ ему угасающій поэтъ:—какое же тутъ главное основаніе!? Нѣтъ словъ, что у меня болятъ ноги... Но главное основаніе не въ нихъ!

И во время болѣзни Егоръ часто дѣлался предметомъ его каламбуровъ. Апухтинъ съ удивительнымъ самообладаніемъ просилъ дорогихъ лицъ сказать ему заранѣе, въ какомъ именно мѣстѣ комнаты будутъ стоять они на его панихидахъ, вѣруя въ то,

что и въ гробу не утратитъ онъ способности чувствовать ихъ ободряющее присутствіе. Онъ простилъ все и всѣмъ, ожидая и къ себѣ такой же снисходительности отъ ближнихъ. Душа его, однако, была еще невольно переполнена, въ тайникахъ ея, тоскою по жизни, что̀ чувствовалось въ бесѣдахъ съ посѣтителями, въ то время, когда отлетала всякая надежда на возможность продолжать пользоваться радостями этой самой жизни. И вдругъ... всѣ призраки земныхъ минутныхъ радостей, до тѣхъ поръ заслонявшіе истину, передъ самою кончиною отступили отъ изголовья умирающаго... Послѣднія сомнѣнія пали... Онъ, этотъ балагуръ, «libre penseur» петербургскаго большого «свѣта», его салоновъ, нашелъ примиреніе съ церковью... Свѣтъ, неземной свѣтъ, въ то же время коснулся духовныхъ очей его, озаривъ передъ нимъ правду и неправду прошедшаго, и очи эти, открывшись радостно, довѣрчиво, широко въ иной міръ, въ вѣчность, увидѣли тамъ кроткаго, прощающаго Христа, котораго такъ напрасно, такъ долго искали среди нашего полуязыческаго общества: равновѣсіе духовныхъ силъ наконецъ-то наступило!..

На долю «свѣта», да еще сравнительно небольшого кружка «несвѣтскихъ» друзей и знакомыхъ поэта, только и выпало въ послѣдніе годы счастіе видѣть Алексѣя Николаевича такимъ, какимъ, въ сущности, и былъ онъ по природѣ, въ минуты здороваго, бодраго, хорошаго настроенія: неисчерпаемымъ источникомъ заразительной веселости, характеристикъ, экспромптовъ, комическихъ подражаній, «душой» общества, несравненнымъ, щедрымъ декламаторомъ собственныхъ стихотвореній, «добрымъ малымъ», какъ самъ себя назвалъ онъ въ одномъ изъ нихъ...

Невольно приходятъ мнѣ теперь на умъ, по отношенію къ Апухтину, слова, такъ удачно сказанныя имъ о Тютчевѣ:

Вы помните ль его въ кругу его друзей?
Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитые!..

Не одинъ разъ случалось мнѣ удивляться въ Апухтинѣ этой счастливой, неизсякаемой способности, оставаясь наружно свѣтскимъ, холоднымъ человѣкомъ, вносить кислородъ остроумія, тонкой, безобидной, салонной критики, сравненій и стихотворныхъ экспромптовъ въ самое, казалось бы, чопорное или смѣшанное, сонное общество. Всѣ знали, что разъ вошелъ въ комнату Апухтинъ, влетѣло съ нимъ и вдохновеніе; всѣ ждали, что-то онъ сейчасъ скажетъ...

Злые языки увѣряли, что будто бы Алексѣй Николаевичъ заранѣе придумывалъ, такъ сказать, «высиживалъ дома», въ уединеніи, свои остроты, которыя потомъ, словно бы невзначай, ро-

нялъ во дворцахъ и салонахъ. Но это едва ли вѣрно! Самъ я не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ настроеніе минуты, извѣстная благопріятная обстановка, симпатичный человѣкъ, которому онъ довѣрялъ, рождали въ поэтѣ почти мгновенно отклики то въ формѣ сатиры, то въ видѣ кличекъ, названій...

Одну барыню, имя которой было Екатерина, и которая вышла замужъ за юриста, назвалъ онъ, напримѣръ, «Адвокатенькой»; другую, по имени Софья, за ея обожаніе Мендельсона—«Мендельсонечкою». Апухтинъ съ дѣланнымъ серьезнымъ видомъ возставалъ противъ того, что, садясь на извозчика, обыкновенно кричатъ «пошелъ!», увѣряя, что справедливѣе было бы сказать тутъ: «пошла!» Въ одномъ домѣ былъ юноша, въ которомъ души не чаяла мамаша и окружающіе... юноша представлялъ собою заурядность, весь ушелъ въ собираніе марокъ, въ платоническую любовь къ горничной Маргаритѣ. Апухтину какъ-то разсказали про эти черты характера, и у него вырвался немедленно же экспромптъ, сразу обрисовавшій юнца:

Онъ съ Маргаритой очень жарокъ
И собралъ сорокъ тысячъ марокъ.

Его, конечно, возненавидѣли въ этомъ домѣ.

Въ другомъ мѣстѣ, хозяинъ, имѣвшій отношеніе къ лицею, любившій Апухтина, какъ поэта, и равнодушный къ предстоявшимъ праздничнымъ наградамъ, послѣ интимной бесѣды съ поэтомъ на эти темы, вызвалъ слѣдующее четверостишіе:

Что слава намъ?—любовь артиста,
Иль орденъ Бѣлаго Орла,
Или поклоны лицеиста
Чуть не изъ каждаго угла?!

Комизмъ, наблюдательность, юморъ били въ Апухтинѣ постояннымъ ключомъ... Онъ даже шутилъ добродушно надъ собственной наружностью, надъ собственнымъ, какъ онъ выражался, «брюхомъ», и когда однажды пришлось ему на Пасху встрѣтиться съ такимъ же толстякомъ, какъ онъ самъ, то, насилу съ нимъ похристосовавшись, Алексѣй Николаевичъ тутъ же сказалъ: «а вотъ увѣряютъ еще, гора съ горой не сходится!»...

Ради «свѣта» уклонялся нѣсколько разъ Алексѣй Николаевичъ изъ сферы чистаго «искусства для искусства» въ область темъ на злобы дня.

Таково происхожденіе стихотвореній его «Братьямъ», «Равнодушный», написанныхъ во время русско-турецкой войны, а также письма, посланнаго имъ гр. Л. Н. Толстому по поводу «Крейцеровой сонаты».

Если стихотворенія, лишенныя воодушевленія, холодныя, разсудочныя, вышли удачными по формѣ (какъ природный поэтъ, Алексѣй Николаевичъ прямо-таки не могъ, не способенъ былъ создать дурного стихотворенія), то письмо къ Толстому показало все незнаніе имъ современной дѣйствительности и даже поверхностное знакомство съ тѣмъ ученіемъ, которое онъ такъ храбро взялся критиковать...

Не сочувствуя отвлеченному аскетизму лично антипатичнаго ему, какъ человѣка, гр. Толстого,—аскетизму, мѣшающему спокойно и не разсуждая наслаждаться благами жизни, какъ она есть, Апухтинъ долго не хотѣлъ брать на себя несвойственной его боязливой натурѣ роли публичнаго обличителя. Кромѣ того, ему больно было возставать противъ недавняго еще «идола», какимъ являлся для него, въ качествѣ великаго художника, гр. Толстой.

Но «свѣтъ» говорилъ о «Крейцеровой сонатѣ», салоны и гостиныя волновались; «княжна Зизи» и «графиня Мими», вкривь и вкось перетолковывали литературную новинку, чтобы не показаться отсталыми... На Апухтина, какъ на одного изъ немногихъ писателей русскихъ, попавшаго въ «свѣтъ», смотрѣли тамъ въ ожиданіи, что̀-то онъ скажетъ. И Алексѣй Николаевичъ не счелъ возможнымъ долѣе молчать, а сдѣлалъ грубую ошибку, сочинивъ и пославъ гр. Толстому обличительное письмо, которое распространилось въ «свѣтѣ», и на которое изъ Ясной Поляны, какъ и надо было ожидать, не послѣдовало отвѣта.

А вѣдь самъ же Апухтинъ, узнавъ, что я былъ у Толстого, прислалъ мнѣ большое, негодующее письмо по поводу этой поѣздки, говоря въ немъ, между прочимъ:

«Лучшій способъ путешествія въ Ясную Поляну—это взять любой томъ сочиненій Толстого и перечесть въ десятый или хоть въ сотый разъ «Казаковъ», «Дѣтство и отрочество», «Войну и миръ» и другія геніальныя произведенія, стоящія головой выше всего написаннаго по-русски, кромѣ Пушкина, конечно»...

И вотъ, разсуждая такъ въ теоріи, Апухтинъ вдругъ измѣнилъ этому пути, избралъ другую дорогу въ Ясную Поляну—слабое по содержанію, блѣдное по мысли, обличительное письмо...

Бѣдный! онъ такъ ждалъ отвѣта, хотя бы самаго рѣзкаго, заготовивъ уже матеріалъ для дальнѣйшей переписки, такъ живо интересовался впечатлѣніемъ, которое письмо это произвело на Толстого, былъ такъ жалокъ, безпомощенъ въ своемъ нервномъ ожиданіи отклика. Этимъ душевнымъ состояніемъ и объясняю я себѣ то обстоятельство, что, обрушившись на меня за визитъ къ Толстому, самъ же Апухтинъ просилъ меня сообщить ему подробности о моей поѣздкѣ къ графу, чего послѣ всего, высказаннаго имъ, конечно, я не сдѣлалъ. Да и могъ ли бы я передать обидчивому Апухтину откровенно, какъ смотрятъ на него въ Ясной Полянѣ!?..

Впрочемъ, подобные промахи случались съ Алексѣемъ Николаевичемъ рѣдко: какъ умный человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ, держалъ онъ себя осторожно, съ достоинствомъ.

Необходимо, однако, въ видахъ безпристрастія, отмѣтить слѣдующее явленіе: въ то время, когда литературная братія забрасывала произведенія молодого еще Апухтина грязью, или систематически ихъ замалчивала, когда спросъ на нихъ на литературномъ рынкѣ былъ сравнительно невеликъ, а читать Апухтина считалось чуть ли не позорнымъ признакомъ отсталости,—«свѣтъ» попрежнему интересовался ими, уважалъ автора ихъ, какъ своего «свѣтскаго» писателя...

Алексѣя Николаевича въ тѣ дни, по многимъ причинамъ, тянуло къ «свѣту». Мягкая, женственная, тепличная натура его нуждалась въ ласкѣ у семейнаго очага, въ любви, въ уходѣ и поддержкѣ. Ему необходимо было общеніе съ людьми во имя искусства, возможность вносить въ жизнь другихъ тепло и ароматъ своего таланта...

Все это нашелъ онъ въ «свѣтѣ», и въ благодарность за ласку и привѣтъ платилъ щедро, по-царски, тѣмъ, чѣмъ могъ—дарами своей неувядающей музы.

Если бы не «свѣтъ», кто знаетъ, быть можетъ, совсѣмъ забросилъ бы въ молодости Апухтинъ поэзію, сдѣлавшись какимъ нибудь банковскимъ чиновникомъ или аташе при посольствѣ...

Кстати будетъ замѣтить, что, завоевавъ себѣ въ «свѣтѣ» къ концу жизни почетъ, положеніе, имя, какъ писателя, единственно талантомъ, Алексѣй Николаевичъ въ присутствіи своемъ не допускалъ небрежнаго отношенія къ поэзіи, къ писателю, и нахаловъ изъ «свѣта» останавливалъ на полуфразѣ со свойственными ему находчивостью и комизмомъ.

—Ecrivez-vous quelque chose maintenant? [1])—свысока, покровительственно спросила его въ многолюдномъ обществѣ одна «особа».

— Oui, monsieur, des lettres de change [2]),—холодно, на всю гостиную отчеканилъ Апухтинъ.

Подобныя остроты быстро облетали Петербургъ...

Въ другомъ домѣ, куда главнымъ образомъ вводились знаменитости, Апухтинъ, тогда еще молодой, начинающій, мало извѣстный писатель, на быстрые вопросы хозяйки, которой его представили, заподозрѣвшей и въ немъ какую либо «знаменитость»: «Vous jouez? Vous chantez?»—съ комической, спокойной серьезностью отвѣтилъ: «Non, madame, je nage» [3]). Отвѣтъ этотъ при толщинѣ Алексѣя Николаевича носилъ въ себѣ двойную соль, но

---

[1]) Пишете ли вы теперь что нибудь?

[2]) Да, милостивый государь, векселя...

[3]) Вы играете? Вы поете?—Нѣтъ, сударыня, я плаваю.

умная барыня не обидѣлась, а первая расхохоталась и своему вопросу, и отвѣту на него, ставъ потомъ другомъ поэта.

По признанію Алексѣя Николаевича, сдѣланному имъ мнѣ (а я любилъ заводить съ нимъ нарочно разговоры о его литературномъ прошломъ), началъ сочинять онъ рано, 13-ти лѣтъ, дѣлая попытки даже въ сочиненіи комедій и драмъ, по собственному его приговору, «крайне неудачныхъ».

Когда Апухтинъ воспитывался еще въ училищѣ правовѣдѣнія, начальство этого заведенія возлагало на него большія надежды, какъ на будущаго писателя. Мальчика считали своего рода гордостью и славой училища, а покойный принцъ Ольденбургскій, удостоивавшій юнаго поэта не только бесѣдами, но и письмами, часто говорилъ (сообщаю это со словъ самого Алексѣя Николаевича): «Если въ лицеѣ былъ Пушкинъ, то у насъ есть Апущинъ».

(Его высочество по ошибкѣ называлъ Апухтина «Апущинъ»). Вотъ какія блестящія надежды возлагались въ тѣ дни на талантливаго юношу!...

Въ бумагахъ Апухтина должны бы храниться и письма къ нему добраго, благороднаго принца (кстати спросить: гдѣ вся переписка Алексѣя Николаевича?). Онъ, между прочимъ, передавалъ мнѣ, что каждый разъ, при встрѣчахъ въ училищѣ съ принцемъ, разговоръ ихъ начинался одними и тѣми же тремя вопросами его высочества: «Что твои гланды?» (Апухтинъ въ дѣтствѣ, по словамъ его, былъ крайне золотушенъ).—«Пишешь ли ты стихи?»—«Есть ли у тебя сестра въ Екатерининскомъ институтѣ?»—Отвѣчая послѣдовательно на эти вопросы, Апухтинъ докладывалъ всегда одно и то же, между прочимъ, и то, что у него нѣтъ сестры въ Екатерининскомъ институтѣ.—«Знаю, знаю, что у тебя нѣтъ тамъ сестры»,—говорилъ принцъ. Тѣмъ не менѣе, при слѣдующей же встрѣчѣ по забывчивости дѣлались снова тѣ же три вопроса...

Но вниманіе высокаго посѣтителя къ мальчику заставляло и начальство окружать ребенка особыми попеченіями, такъ что муза Апухтина съ дѣтства получила надлежащій заботливый уходъ; его считали, кромѣ того, уже на школьной скамьѣ наблюдательнымъ юмористомъ.

По выходѣ изъ училища правовѣдѣнія долго писалъ Алексѣй Николаевичъ лишь для себя, для тѣснаго кружка знакомыхъ и товарищей, какъ бы робко пробуя еще свои силы, не сохраняя черновиковъ, не заботясь о славѣ, находясь подъ обаяніемъ талантовъ Тургенева, Толстого, Некрасова... Только по настойчивому совѣту окружающихъ рѣшился онъ вынести произведенія свои на судъ критики, начавъ печататься: ихъ сейчасъ же замѣтили истинные знатоки искусства, несмотря на то, что тогда была эпоха полнаго расцвѣта нашихъ великихъ литературныхъ талантовъ. Ли-

ризмъ Апухтина, тѣмъ не менѣе, скоро освободился отъ вліянія этихъ крупныхъ дарованій; въ немъ было (и до конца осталось) свое собственное «я», свой свѣточъ, рабски не занимавшій огня у сосѣдей. И до сихъ поръ муза Алексѣя Николаевича стоитъ какъ бы одинокая, гордая тѣмъ, что она оригинальна, самобытна и почти никогда нѐ пѣла съ чужого голоса...

Но семидесятые годы недолго были благопріятными для представителей изящной, салонной литературы, въ родѣ Апухтинской,— литературы, съ отвлеченнымъ девизомъ «искусство для искусства»: на такихъ писателей скоро стали клеветать, ихъ гласно оплевывали, осмѣивали... Общей участи не избѣгнулъ, въ концѣ концовъ, и Алексѣй Николаевичъ. Всегда осторожно сторонясь, спасаясь отъ «скандала», скрылся онъ поспѣшно съ шумной, неприличной, не разбирающей средствъ для борьбы, улицы и... попалъ на «игриво похоронные рауты», къ карточному столу, къ цыганамъ, въ компанію безпечно прожигающей жизнь золотой молодежи, гдѣ соблюдаются хоть внѣшнія формы приличій. Вмѣсто служенія литературѣ появилось служеніе страсти...

Судя по разсказамъ Апухтина, которые мнѣ лично отъ него удалось слышать, въ тѣ, сравнительно отъ насъ недалекіе, дни не очень-то стѣснялись на литературной аренѣ въ способахъ допечь, уничтожить несимпатичнаго писателя... Такъ, напримѣръ, когда напечатано было извѣстное стихотвореніе Алексѣя Николаевича «Разбитая ваза», и когда по недосмотру наборщика и редакціи не появилось примѣчанія, что сюжетъ взятъ имъ изъ Сюлли Прюдома, нашелся таки журналъ, обвинившій печатно аристократа-поэта ни больше, ни меньше, какъ въ злонамѣренной кражѣ чужого произведенія, въ завѣдомой выдачѣ его за собственное...

Не помню, возразилъ ли онъ клеветнику, но ощущеніе отъ этой вылазки оставило въ немъ навсегда гадливое, брезгливое воспоминаніе...

Не могъ ужиться Апухтинъ, по признанію его, и съ новыми направленіями русской литературы. Много говорилъ я и спорилъ съ нимъ, бывало, на эту жгучую для насъ обоихъ, интересную тему...

Алексѣй Николаевичъ открыто возмущался Достоевскимъ съ его «ватагою психопатовъ» (привожу въ кавычкахъ дословныя выраженія Алексѣя Николаевича), «грубой и хлесткой, какъ пощечина, сатирой Щедрина», Некрасовскимъ опоэтизированіемъ мужицкаго быта «до вшей включительно»... Въ одинъ прекрасный день Апухтинъ почувствовалъ себя вдругъ, съ его точки зрѣнія, въ довольно-таки пестромъ, странномъ и главное опасномъ, въ смыслѣ соблюденія приличій, обществѣ: за крупными фигурами во весь ростъ Щедрина, Достоевскаго, Некрасова, — талантовъ которыхъ онъ не отрицалъ,—усмотрѣлъ онъ, по его признаніямъ, «побѣдо-

носное шествіе, съ развернутыми знаменами, легіона безталанныхъ подражателей», «литературныхъ альфонсовъ», «литературныхъ карманщиковъ», «продажныхъ, какъ женщины извѣстнаго сорта» [1])... Открывъ глаза, испуганно оглянувшись вокругъ себя, подобно соловью, беззаботную пѣсенку котораго вдругъ грубо, рѣзко оборвали на полунотѣ, онъ умолкнулъ, скрылся, поспѣшилъ дать дорогу другимъ...

Долго имя его не появлялось въ печати до тѣхъ поръ, пока не настали иныя времена, иныя вѣянія и въ обществѣ, и въ литературѣ... Стали возвращаться къ поруганнымъ идеаламъ, собирать и хранить, какъ святыню, обломки свергнутыхъ боговъ... И вотъ вспомнили про Апухтина, вспомнили печатно...

Въ послѣдніе годы жизни своей Алексѣй Николаевичъ буквально осаждался редакціями, старавшимися заполучить его въ число своихъ постоянныхъ сотрудниковъ. Многіе органы печати словно забыли прежніе грѣхи свои по отношенію къ поэту. Популярность его, какъ писателя, росла. За стихотворенія ему предлагали, платили огромныя деньги...

И надо было видѣть, что происходило вокругъ—въ желаніи заполучить новинку отъ Апухтина, когда, напримѣръ, стало извѣстнымъ, что прозою написалъ онъ разсказъ, съ успѣхомъ прочтя его въ кружкѣ такихъ высокихъ слушателей, посреди которыхъ могъ очутиться далеко не всякій... Пищи для остроумія его при зрѣлищѣ этой комедіи было достаточно, — и благодушный, тихій смѣхъ поэта часто раздавался въ кружкѣ близкихъ, симпатичныхъ ему личностей... Нарочно отмалчиваясь, злилъ онъ и дразнилъ злополучныхъ редакторовъ. А тѣ не унимались...

Боязнь печатной травли оставалась, однако, въ Алексѣѣ Николаевичѣ до послѣднихъ дней... И трудно было разсѣять его предчувствія.

«Съ нетерпѣніемъ жду вашей поэмы, — писалъ онъ мнѣ въ 1889 г.,—но рѣшительно протестую противъ посвященія. Для васъ это будетъ имѣть послѣдствіемъ только то, что ее усиленно начнутъ бранить, а мнѣ всякое печатное упоминаніе моего имени, даже публикація о продажѣ моихъ стихотвореній—всегда непріятно»...

Въ томъ же письмѣ, оправдываясь передо мною въ появленіи въ печати новой поэмы своей «Изъ бумагъ прокурора», объясняя это «нелогичностью дѣйствій» и «слабостью характера», Алексѣй Николаевичъ говоритъ: «Три года тому назадъ я вообще началъ печатать вслѣдствіе остраго финансоваго кризиса. Теперь у меня и этого оправданія нѣтъ. Когда я одумался, было уже поздно. Не знаю, какое впечатлѣніе сдѣлано въ литературномъ мірѣ, но изъ среды моихъ знакомыхъ и друзей на меня сыплются то самыя

---

[1]) Выраженія въ кавычкахъ принадлежатъ Апухтину.

преувеличенныя похвалы, то самыя ожесточенныя нападки... Теперь я въ пріятномъ ожиданіи печатной ругани, но отношусь къ этому довольно спокойно»...

«Я не понимаю одного,—желчно писалъ онъ мнѣ въ другомъ письмѣ въ отвѣтъ на увѣдомленіе о желаніи отдать въ печать законченную мною повѣсть: — почему вы такъ волнуетесь? Что за странное нетерпѣніе увидѣть поскорѣе свою дочь въ какомъ нибудь кабакѣ? Пишите бодро, обдуманно, не торопитесь; пишите пока для себя, а напечатать всегда успѣемъ. Берите примѣръ съ меня: я уже третью повѣсть пишу, а не напечаталъ еще ни одной, несмотря на всѣ заигрыванія этихъ господъ». (Передъ тѣмъ, въ письмѣ говорилось объ одномъ редакторѣ толстаго журнала, обидѣвшемъ Алексѣя Николаевича, какъ писателя).

Каковы же были литературные взгляды, симпатіи Апухтина, насколько оставался онъ имъ въ жизни вѣренъ? Или покойный являлся тѣмъ безпринципнымъ, пустымъ, салоннымъ писателемъ, какимъ до сихъ поръ считаютъ его многіе?

Постараюсь посильно отвѣтить на эти вопросы.

Алексѣй Николаевичъ ненавидѣлъ въ литературѣ, какъ онъ называлъ, «мѣстничество», «разсаживаніе писателей по клѣткамъ» съ приклейкою каждому разъ навсегда опредѣленнаго ярлыка [1]). Въ оцѣнкѣ писателей на подобныхъ основаніяхъ усматривалъ онъ «худосочіе, безсиліе критики». Размѣръ таланта, принадлежность его къ тому или другому лагерю значили для Апухтина весьма мало, почти ничего. Прежде всего были ему дороги художественныя цѣли писателя, внутренняя опрятность его произведеній, а затѣмъ уже внѣшняя форма, въ которую онъ ихъ облекаетъ. Въ указанныхъ рамкахъ и являлся обыкновенно Алексѣй Николаевичъ строгимъ критикомъ, забывая личныя отношенія и откровенно оттѣняя явленія, ему несимпатичныя въ литературѣ...

Пріязнь соединяла его, напримѣръ, съ Некрасовымъ. Горячо возставалъ онъ противъ общеизвѣстной сплетни о недобросовѣстности игры Некрасова въ карты, ссылаясь на то, что самъ часто игралъ съ нимъ и видѣлъ его играющимъ. А, между тѣмъ, какъ неумолимо осуждалъ при мнѣ Апухтинъ того же Некрасова (уже покойнаго) за избранный имъ ложный литературный путь, намѣчая тутъ же собственный взглядъ на достоинства настоящаго литератора... По мнѣнію Алексѣя Николаевича, въ Некрасовѣ, при несомнѣнной его талантливости, было много рисовки. «Некрасовъ писалъ шаблонно, на задуманныя темы,—говорилъ мнѣ какъ-то Апухтинъ:—не являясь въ дѣйствительности такимъ милосерднымъ, человѣколюбивымъ, какъ это можно вывести изъ его стихотвореній. Напротивъ, подчасъ бывалъ онъ неумолимымъ судьею и карате-

[1]) Выраженія въ кавычкахъ здѣсь и ниже принадлежатъ ему.

лемъ ближняго, сухимъ эгоистомъ, служившимъ литературѣ не столько по убѣжденію, сколько для личныхъ выгодъ, избравшимъ «музу мести и печали» лишь потому, что въ ту пору былъ на нее спросъ». Самое писанье бѣлыми стихами, которые вообще считалъ Апухтинъ пріемомъ «антихудожественнымъ, недобросовѣстнымъ»,— ставилъ онъ въ упрекъ Некрасову, объясняя его единственно желаніемъ получить возможно бóльшій гонораръ, алчностью.

(Въ доказательство того, что писанье бѣлыми стихами крайне легко давалось Некрасову и вообще не требуетъ вдохновенія, Апухтинъ принялъ даже пари, заключавшееся въ томъ, что въ опредѣленное время, на опредѣленную тему, долженъ былъ онъ исписать бѣлыми стихами нѣсколько листовъ бумаги. Алексѣй Николаевичъ не только блистательно выигралъ это пари, но всѣ читавшіе экспромптъ нашли его удачнымъ, нелишеннымъ даже поэтической красоты).

И Апухтинъ, осуждая Некрасова, какъ неискренняго поэта, нападалъ на поэму его «Кому на Руси жить хорошо» за ея «преднамѣренную растянутость», на поэму «Русскія женщины» за «наборъ словъ», за «искаженіе историческихъ фактовъ».

— Отъ того, что Некрасовъ служилъ только спросу минуты,— разсуждалъ въ другой бесѣдѣ на ту же тему со мною Апухтинъ:— его забываютъ и черезъ 20 лѣтъ совсѣмъ забудутъ.... Такова судьба всѣхъ, кто не служитъ вѣчнымъ идеаламъ, и приноситъ дары минутнымъ кумирамъ... Въ то время, когда Пушкинъ останется безсмертнымъ, Некрасовы, Надсоны, Плещеевы забудутся и, во всякомъ случаѣ, не стяжаютъ себѣ вѣчной славы.

Сочувствуя горячо «писателямъ Пушкинскихъ идеаловъ», Алексѣй Николаевичъ осуждалъ, въ большинствѣ случаевъ, направленіе современной ему литературы: были журналы, въ которыхъ ни за какія деньги не помѣстилъ бы онъ ни одной строчки, какъ были личности изъ общества, явно враждебныя поэзіи, въ присутствіи которыхъ нельзя было заставить его прочесть что либо изъ его произведеній.

Въ частности осуждалъ Апухтинъ литературные кружки.

— Вы упомянули про литературные кружки,—заявилъ онъ мнѣ однажды, когда упрекнулъ я его въ нежеланіи заводить новыя литературныя знакомства.—Да нигдѣ, какъ именно въ нихъ, въ этихъ кружкахъ, не производится столько подкапываній, униженія, бичеваній—нигдѣ!.. Лучше подальше отъ этого міра, который меня не знаетъ, и который я хорошо угадываю. Позоръ для нашего времени — литература-пасквиль, теперь процвѣтающая, — сказалъ онъ въ другой разъ.—Бывшій еще вчера вашимъ интимнымъ пріятелемъ, завтра же пишетъ повѣсть, гдѣ вы фигурируете часто въ карикатурномъ видѣ... Всѣ другъ за другомъ подслушиваютъ, подсматриваютъ, пишутъ другъ съ друга карикатуры, воображая,

что пишутъ «съ натуры»... Да, въ Россіи завелась своя особая школа «литературныхъ натуралистовъ», и она—позоръ для насъ!

«Протоколизмъ», «нытье само по себѣ», внѣ связи съ серьезнымъ настроеніемъ, раздражали Апухтина; порнографія во всѣхъ ея видахъ на страницахъ литературныхъ произведеній приводила его въ искреннее негодованіе: онъ требовалъ отъ произведеній, выходящихъ въ печать, прежде всего чистоты, приличія.

Какъ-то зашла у меня съ Алексѣемъ Николаевичемъ рѣчь о томъ, что онъ мало популяренъ въ писательской средѣ; что про него сложились тамъ легенды...

— Грязнаго, циничнаго свойства!—сердито перебилъ онъ меня.— Знаю, знаю! Мнѣ приписываются Богъ вѣсть какіе поступки, Богъ вѣсть какія стихотворенія...

— Но, Алексѣй Николаевичъ, сознайтесь, вѣдь вы дѣйствительно, какъ утверждаютъ, авторъ неизданныхъ произведеній довольно-таки игриваго содержанія,—полушутя, осторожно замѣтилъ я.

— Не говорите этого никогда,—вспылилъ Апухтинъ:—никогда не создавалъ я тѣхъ грязныхъ, эротическихъ стихотвореній, которыя мнѣ приписываются! Шутливые стихи я писалъ въ молодости, но цинизмомъ не маралъ пера!.. Знаете ли вы, что мнѣ навязываютъ авторство извѣстной пародіи на «Горе отъ ума», полной самаго грубаго и пошлаго цинизма?!.. Повторяю, я не повиненъ въ такихъ вещахъ... На меня лгутъ!... И кто же? Своя же пишущая братія... А вы упрекаете меня въ томъ, что я избѣгаю ея, чуждаюсь кружковъ, никуда не показываюсь!

И Апухтинъ вышучивалъ цинизмъ, вульгарность, пошлость не только въ выборѣ сюжетовъ, но даже въ отдѣльныхъ поэтическихъ сравненіяхъ... Прочесть ему литературную вещь, разсчитанную на возбужденіе низменныхъ, животныхъ инстинктовъ, окрестивъ ее въ то же время «художественнымъ произведеніемъ»,— значило прямо задѣть, оскорбить его, какъ писателя. «Языкъ поэта долженъ быть сжатъ,—писалъ онъ мнѣ, критически разбирая мою поэму:—стихъ поэта не долженъ

«На воздухѣ теряться по-пустому.
Какъ звукъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ!»

«Во всѣхъ отношеніяхъ радуюсь вашей поѣздкѣ въ Крымъ,— говоритъ онъ въ другомъ письмѣ ко мнѣ.—Бросьте совсѣмъ писать на это время и заботьтесь исключительно о своемъ здоровьѣ, что̀ нисколько не помѣшаетъ вамъ обдумывать свои будущія произведенія... Повѣрьте, что эти уединенныя думы вмѣстѣ съ живыми впечатлѣніями крымской природы гораздо полезнѣе для развитія поэтическаго таланта, чѣмъ лихорадочный переводъ чернилъ на

бѣлую бумагу. Чѣмъ меньше бумаги вы изведете, тѣмъ лучше будетъ написанное вами»...

Въ томъ же духѣ честнаго, доброжелательнаго писателя-друга говорилъ обыкновенно Апухтинъ вообще всѣмъ начинающимъ поэтамъ, которые обращались къ нему за указаніями.

— Не печатайтесь рано,—посовѣтовалъ онъ мнѣ однажды.— Изучайте Пушкина, Лермонтова, Тютчева! Займитесь выработкою стиха, переводами, особенно изъ А. Шенье... По опыту я убѣдился, что чрезъ нѣсколько лѣтъ стихи, которые вамъ нравились, самому покажутся ниже критики... Отдавайте въ печать лишь тогда, когда и чрезъ нѣсколько лѣтъ произведеніе ваше покажется вамъ попрежнему прекраснымъ. Не выбирайте темъ изъ жизни; наталкивайтесь на нихъ сами, въ своихъ поэтическихъ блужданіяхъ и исканіи красоты!... Всячески избѣгайте тенденціозности: писанное на заданныя темы доводитъ Богъ вѣсть до чего!... Пишите, что придетъ голову, не думая о публикѣ!.. Лучшія мои стихотворенія— тѣ, которыя писалъ я въ молодости, не предполагая ихъ печатать... Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ я писать для печати, чувствую, что постепенно теряю творчество: публика, словно призракъ, стоитъ передо мною, и много задуманнаго уничтожилъ я ради этой проклятой публики...

Таковы были, въ общихъ чертахъ, художественные идеалы и вкусы покойнаго Апухтина. Не обративъ занятія литературою въ ремесло, всегда оставался онъ вѣренъ своимъ основнымъ литературнымъ убѣжденіямъ... Вотъ почему, не соглашаясь съ нимъ во многомъ, нельзя было не уважать его въ этомъ отношеніи...

Я уже упомянулъ выше, что встрѣчи поэта съ писателями новѣйшихъ литературныхъ формацій были такъ же рѣдки, какъ и встрѣчи съ журналами, въ которыхъ они сотрудничали. Часто Апухтинъ задавалъ мнѣ наивные, повидимому, искренніе вопросы, въ родѣ: «Правда ли, что существуетъ такой-то распространенный журналъ?» «Есть ли на самомъ дѣлѣ такой-то писатель?»

Уклоняясь отъ новыхъ литературныхъ знакомствъ, Алексѣй Николаевичъ въ то же время не уклонялся отъ бесѣдъ о литературѣ, въ которыя мимоходомъ, при случаѣ, вставлялъ личныя свои воспоминанія, полныя интереса и значенія... Какъ жаль, что не занесъ я ихъ тогда же въ мои замѣтки!.. А теперь боюсь полагаться на память... Вообще же, изъ скромности, не очень-то охотно распространялся онъ о своемъ прошломъ, а тамъ, въ этомъ прошломъ, были, несомнѣнно, интересные, имѣющіе для характеристикъ цѣну, моменты. Не забуду, какъ живо описалъ онъ мнѣ свою первую встрѣчу у Тургенева съ гр. Л. Н. Толстымъ, къ которому въ то время относился онъ, по его признанію, съ безграничнымъ обожаніемъ, каждую новую строчку котораго встрѣчалъ, какъ «откровеніе свыше»...

Изрѣдка попадались въ руки Алексѣя Николаевича и произведенія текущей беллетристики, обыкновенно тѣ, о которыхъ много говорили, кричали, которыя усиленно рекомендовали ему прочесть,—и тогда, при встрѣчахъ со мною, дѣлалъ онъ имъ бѣглый разборъ, хотя чаще всего ограничивался какимъ либо однимъ мѣткимъ опредѣленіемъ. Такъ, расхваленную критикой поэму сравнилъ онъ съ «младенцемъ, страдающимъ англійской болѣзнью», у котораго—неестественно огромный животъ (содержаніе поэмы) и тощія, слабыя ножки (ея идея). Это сравненіе было удивительно вѣрнымъ.

Одинъ изъ немногихъ великосвѣтскихъ поэтовъ, бывавшій у Апухтина, по словамъ послѣдняго, входилъ къ нему со своими новыми стихотвореніями не иначе, какъ говоря:

— Алексѣй Николаевичъ! Я пришелъ послушать, какъ вы станете меня бранить.

Это означало, что онъ принесъ съ собою рукопись. И поэтъ не ошибался въ расчетѣ: брани довелось таки ему выслушать довольно (привожу это со словъ самого Алексѣя Николаевича). Однажды Апухтинъ въ видѣ указанія на то, какъ не надо писать стихи, прочелъ мнѣ произведеніе этого господина, не лишенное чувства, которое съ одинаковымъ успѣхомъ можно было декламировать сверху внизъ и снизу вверхъ, не добившись до идеи. Поэту «К. Р.» тоже не разъ указывалъ Алексѣй Николаевичъ по словамъ его, на крупные недостатки его произведеній, когда они присылались ему съ просьбою высказаться о нихъ откровенно. Этой правдивостью критики объяснялъ себѣ Апухтинъ нѣкоторое охлажденіе, которое будто бы появилось къ нему въ послѣднее время со стороны высокопоставленнаго писателя. Апухтинъ находилъ, что для правильнаго развитія всякаго начинающаго таланта прежде всего нужны самостоятельность со стороны автора въ выборѣ пути и безпощадная правда отзывовъ со стороны людей, понимающихъ дѣло. Вотъ почему такъ сердили его захваливанія, губящія, по мнѣнію его, молодыя дарованія, «какъ губитъ излишняя поливка молодыя, еще не окрѣпшія растенія».

— Въ Петербургѣ есть поэтъ Плещеевъ,—замѣтилъ онъ какъ-то мнѣ,—вредный, нехорошій старикъ, растлѣвающій пишущую молодежь своей лестью, поощреніями.

И, чтобы не походить на Плещеева, безжалостно указывалъ Апухтинъ обращавшимся къ нему за совѣтами писателямъ на прорѣхи и заплаты въ ихъ произведеніяхъ. Зато надо было видѣть, съ какимъ чисто юношескимъ восторгомъ привѣтствовалъ онъ новое, симпатичное ему почему либо дарованіе...

Помню, какъ понравился ему, какъ взволновалъ его мой разсказъ, первоначально озаглавленный «На фонѣ армейской жизни»,

который прочелъ я ему въ рукописи. Признаться, неся Апухтину тетрадь, боялся я, что уже самый сюжетъ о тѣлесномъ наказаніи солдата покажется ему неэстетичнымъ, грубымъ, почему и ждалъ суроваго приговора. Послѣ горячей похвалы, которую слышалъ уже я по поводу того же разсказа отъ В. Крестовскаго, мнѣ больно было получить рѣзкую критику отъ человѣка, мнѣніемъ котораго я дорожилъ.

Но, прослушавъ внимательно весь разсказъ, Апухтинъ пришелъ въ несвойственную ему суетливость, заставилъ меня въ своей же квартирѣ, на данной имъ мнѣ тетради, переписать набѣло рукопись; самъ придумалъ разсказу другое заглавіе: «Противъ убѣжденія». Рекомендуя обыкновенно не спѣшить печатаніемъ, Алексѣй Николаевичъ на этотъ разъ круто измѣнилъ правилу, убѣждая меня печатать возможно скорѣе, безъ перемѣнъ, боясь, что по совѣту Крестовскаго я пристегну къ концу разсказа какую либо тенденцію, которая лишитъ его художественной правды и красоты. Онъ искренно тревожился при мысли, какъ бы я не сталъ на самомъ дѣлѣ перекраивать разсказъ, увѣряя, что если я это сдѣлаю, то «литература потеряетъ дѣйствительно художественную вещицу». Этотъ день, по признанію Алексѣя Николаевича, «обратился» для него въ «праздникъ». Я былъ тоже, какъ говорится, «на седьмомъ небѣ»: молодость уносила уже меня въ розовыхъ мечтахъ къ храму славы!..

И мнѣ хочется разсказать здѣсь подробнѣе о результатахъ этого пылкаго, безкорыстнаго увлеченія поэта, какъ характеризующихъ Апухтина, незнаніе имъ современныхъ литературныхъ нравовъ, самые эти нравы... И да не заподозрятъ меня въ желаніи порисоваться на счетъ знаменитости!

Литературное утро съ чтеніемъ у Алексѣя Николаевича упомянутаго разсказа состоялось въ декабрѣ 1891 г. въ С.-Петербургѣ. Желая поскорѣе отрѣзать мнѣ всѣ пути отступленія въ смыслѣ передѣлокъ, Апухтинъ, отобравъ отъ меня перебѣленную мною рукопись, послалъ ее при письмѣ къ редактору одного толстаго журнала, въ которомъ самъ до того сотрудничалъ, рекомендуя ему разсказъ, какъ произведеніе выдающееся. На вечерѣ у Я. П. Полонскаго встрѣчаю я затѣмъ впервые этого редактора, подхожу, представляюсь и робко спрашиваю его о судьбѣ рукописи, посланной ему Апухтинымъ. Услыхавъ мою фамилію, редакторъ рѣзко оборвалъ меня, замѣтивъ, что я избралъ невѣрный путь въ журналъ его при помощи протекціи; что рекомендація Апухтина для него, редактора, ровно ничего не значитъ; что самъ онъ составляетъ обыкновенно мнѣніе о присылаемыхъ произведеніяхъ и т. п. Не менѣе грубъ былъ со мною этотъ господинъ и на другой день, когда, по его же приглашенію, зашелъ я къ нему на квартиру. Оказалось, что онъ даже не успѣлъ еще прочесть всего моего раз-

сказа... Я долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга, не простившись съ Апухтинымъ, и уже дома получилъ отъ редактора отвѣтъ, безъ объясненія причинъ, о томъ, что разсказъ не будетъ напечатанъ. Съ трудомъ удалось мнѣ затѣмъ вернуть изъ редакціи самую рукопись.

Такъ какъ я далъ Алексѣю Николаевичу слово сообщить ему о результатахъ сношеній моихъ съ толстымъ журналомъ, то я написалъ ему уклончиво о странныхъ свиданіяхъ и бесѣдахъ моихъ съ редакторомъ и о полученномъ въ концѣ концовъ мною отказѣ.

«Милый Александръ Владимировичъ,—заволновался въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Апухтинъ:—вы пишете, что Z... былъ съ вами грубъ, и... затѣмъ вы не договариваете. Прошу васъ написать мнѣ подробно о вашемъ свиданіи. Повѣрьте, что изъ этого ни выйдетъ, я васъ не выдамъ. Но я долженъ все знать, потому что писалъ о васъ этому чучелу... Онъ долженъ считать за честь напечатать вашъ разсказъ, который будетъ принятъ съ радостью въ любой журналъ»... Я написалъ Алексѣю Николаевичу снова возможно осторожнѣе о бесѣдахъ моихъ съ редакторомъ, и онъ, какъ писатель, за меня оскорбился... Напрасно старался я успокоить Апухтина, предлагая ему передать рукопись мою въ другой журналъ. Отъ него пришелъ слѣдующій отвѣтъ:

«Увлеченный вашимъ разсказомъ, я также поступилъ «противъ убѣжденія» и написалъ Z—у. Ну, и что же изъ этого вышло? А потому я отнынѣ никакихъ сношеній съ журналистами имѣть не желаю и порученія вашего исполнить не могу».

А далѣе: «Z., вѣроятно, испугался, что вы мнѣ передадите вашъ разговоръ, и тотчасъ послѣ вашего отъѣзда написалъ мнѣ очень любезное письмо, прося дать ему стихотвореніе для ближайшей книжки. Конечно, я ему не отвѣчалъ. Несмотря на это, онъ прислалъ мнѣ книжку своего журнала, въ которой напечатана очень благосклонная рецензія на мои стихи... какъ все это своевременно и мило!»

И, насколько мнѣ извѣстно, несмотря на всѣ «заигрыванія» журнала, Апухтинъ порвалъ съ нимъ навсегда всѣ связи...

Но, какъ мало знали онъ и я литературные нравы, указываетъ дальнѣйшая исторія съ разсказомъ, который такъ понравился поэту. Когда разсказъ былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» подъ придуманнымъ мнѣ самимъ же Апухтинымъ заглавіемъ «Противъ убѣжденія», одинъ журнальчикъ, который прежде расхваливалъ мои стихотворенія и охотно давалъ имъ мѣсто на своихъ страницахъ, помѣстилъ замѣтку, гдѣ обвинилъ меня ни болѣе ни менѣе, какъ въ печатной проповѣди... розги! Помню, какъ возмутился Апухтинъ, когда я принесъ и прочелъ ему эту своеобразную критику.

Если проза моя увлекла Алексѣя Николаевича до явно неосторожнаго, шедшаго прямо въ разрѣзъ съ его убѣжденіями, поступка, то это не мѣшало ему, однако, сказать мнѣ правду о поэмѣ моей «Картинки дѣтства», которую послалъ я ему ранѣе, въ 1890 г.

«Отъ души благодарю васъ,—писалъ онъ мнѣ,—за вашу поэму, которую я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ и о которой выскажу свое мнѣніе вполнѣ искренно, какъ всегда. Главные ея недостатки—растянутость и многословіе... Прочитавъ 200 страницъ вашихъ ямбовъ, между которыми можно набрать полсотни поэтическихъ стиховъ, я невольно подумалъ: отчего все это не разсказано прозою? Вышло бы нѣсколько прелестныхъ очерковъ, болѣе полныхъ, такъ какъ вы не были бы стѣснены ни размѣромъ, ни риѳмой. Въ техникѣ стиха вы сдѣлали значительные успѣхи, хотя есть нѣсколько непозволительныхъ удареній и также нѣсколько словъ, оскорбляющихъ чувство изящнаго, напримѣръ, «кальсоны» (тутъ претитъ не вещь, а самое слово; черезъ нѣсколько строкъ «штанишки» не коробятъ нисколько). Но вообще стихъ легкій и гладкій. Выводъ мой такой: книгу печатать не слѣдовало, но мѣстами въ ней попадается много наблюдательности, много теплоты чувства, и потому въ талантѣ вашемъ я не сомнѣваюсь. Надо только, чтобы онъ попалъ на свою дорогу. Во всякомъ случаѣ ваша поэма выше поэмы М..., въ которой нѣтъ ничего, кромѣ развязности».

Строгій, подчасъ даже слишкомъ придирчивый въ литературныхъ приговорахъ, Апухтинъ при созданіи собственныхъ своихъ произведеній придерживался того же рецепта, который прописывалъ другимъ, но часто самъ не сознавалъ своихъ недостатковъ.

Создавъ, закончивъ, а главное напечатавъ какое либо стихотвореніе, онъ уже отстаивалъ въ немъ каждое сравненіе, каждое слово, рѣдко соглашался на передѣлки.

Помню, какъ указывалъ не разъ я ему на то, что строфа конца его стихотворенія «Изъ весеннихъ пѣсенъ»—«И надъ моимъ забытымъ трупомъ чернымъ» (особенно слово «черный»), антихудожественна и вызываетъ даже чувство отвращенія, гадливости, отъ котораго портится все глубокое впечатлѣніе чудной вещицы: онъ былъ непреклоненъ, и ужасное изображеніе «чернаго трупа» попало-таки въ слѣдующее изданіе, какъ попали туда и нѣсколько другихъ такихъ же неудачныхъ мѣстъ. Алексѣй Николаевичъ любилъ читать свои стихотворенія еще въ рукописи, спрашивалъ совѣта, но оставался почти всегда упрямо при собственномъ мнѣніи.

Въ общемъ же былъ онъ крайне придирчивъ прежде всего къ самому себѣ и возможно дольше удерживалъ поэтому рукописи въ письменномъ столѣ.

Въ 1890 г. на вопросъ мой о его новомъ, начатомъ романѣ онъ отвѣтилъ:

— Романъ свой я бросилъ, потому что встрѣтились кое-какія трудности, которыхъ я не могъ преодолѣть; зато въ два мѣсяца началъ и кончилъ повѣсть, которою пока доволенъ...

Муза Апухтина не была продажна. Только непосредственное, свободное вдохновеніе, неотступная потребность творчества диктовали первоначальные наброски лучшихъ его стихотвореній. Затѣмъ наступала серьезная работа — отдѣлка деталей, шлифовка внѣшности.

Въ небольшомъ кружкѣ друзей: Н. Н. Герарда, В. Н. Герарда и А. Ѳ. Кони, критическому пониманію и поэтическому чутью которыхъ придавалъ Апухтинъ большое значеніе, прочитывалъ онъ въ рукописи каждое новое, болѣе или менѣе крупное, свое произведеніе. Отъ этихъ же друзей требовалась неумолимая правда. И никогда авторское самолюбіе не отталкивало его отъ критиковъ. (Кстати замѣтить, что муза Апухтина популярностью своей много обязана В. Н. Герарду, который, будучи талантливымъ чтецомъ, участвуя на литературныхъ вечерахъ, постоянно выбиралъ Апухтинскія стихотворенія).

При чтеніи поэмы «Изъ бумагъ прокурора» особенно дорого было Алексѣю Николаевичу мнѣніе вышеупомянутыхъ лицъ, какъ юристовъ. Покойный В. Н. Герардъ передавалъ мнѣ потомъ, что, когда Апухтинъ прочелъ имъ въ рукописи впервые свою поэму, то онъ, Герардъ, сказалъ ему полушутя, откровенно, отвѣтомъ вердикта присяжныхъ—«не доказано!», т.-е. что не ясна причина, приведшая героя къ самоубійству. То же самое, не зная еще мнѣнія Герарда, высказалъ Апухтину и я. Этотъ приговоръ убивалъ поэму въ главномъ, въ основной ея идеѣ, Апухтинъ же остался при своемъ мнѣніи, но отношенія его къ товарищу по правовѣдѣнію и другу и ко мнѣ нисколько не измѣнились.

И какъ сіялъ зато, какъ бывалъ счастливъ Алексѣй Николаевичъ, если друзья признавали трудъ его достаточно оригинальнымъ, законченнымъ, художественнымъ!..

Благодаря тому же кружку друзей и знатоковъ поэзіи, мнѣнію которыхъ онъ довѣрялъ, много несомнѣнно слабаго не напечатано было при жизни Апухтинымъ и осталось у почитателей его таланта лишь случайно, въ копіяхъ. Но рѣдко писатель можетъ быть вѣрнымъ цѣнителемъ своихъ произведеній. И русская литература обязана Е. А. Хвостовой и Г. П. Карцову, спасшимъ отъ забвенія нѣкоторые перлы поэзіи Апухтина, которые при жизни ошибочно считалъ онъ недостойными появиться въ печати. Не даромъ же г. Карцову посвятилъ онъ на тетрадкѣ спасенныхъ послѣднимъ отъ уничтоженія стихотвореній автобіографическій экспромптъ, помѣщенный теперь въ посмертномъ изданіи.

Послѣ смерти Апухтина случайно былъ я въ Петербургѣ, когда готовилось новое изданіе его произведеній. В. Н. Герардъ и К. К.

Случевскій (увы, оба нынѣ покойные) пригласили и меня на одинъ вечеръ принять участіе въ выборѣ стихотвореній, не вошедшихъ при жизни поэта въ его сборникъ. Принималъ въ этомъ трудѣ участіе и Г. П. Карцовъ, и еще кто-то, кажется, А. В. Гарфъ. Тутъ-то и могъ убѣдиться я въ томъ, какъ часто муза Апухтина повторялась, варьировала на тѣ же темы, употребляя одни и тѣ же сравненія. Въ тетрадкахъ попадались вещи, читая которыя, не вѣрилось, что онѣ—плодъ этой музы!..

Недаромъ же такъ боялся Алексѣй Николаевичъ посмертныхъ раскопокъ въ его бумагахъ...

— Постойте! Дайте мнѣ умереть,—остановилъ онъ меня съ неудовольствіемъ, когда въ разговорѣ отмѣтилъ я похвальную черту перваго печатнаго сборника его стихотвореній—строгій, безукоризненный подборъ послѣднихъ.—Посмотрите, какую дребедень издадутъ послѣ моей смерти!.. Тогда-то наступитъ настоящій судъ, который заранѣе меня возмущаетъ.

Чтобы показать, насколько глубоко задумывалъ Апухтинъ свои произведенія, позволю себѣ привести еще одинъ отрывокъ изъ письма его ко мнѣ, относящійся къ поэмѣ «Изъ бумагъ прокурора».

«Милый Александръ Владимировичъ! — писалъ онъ ко мнѣ 9 апрѣля 1889 г. въ отвѣтъ на мои критическія замѣтки о поэмѣ. — Пожалуйста, не считайтесь со мной письмами! Вѣдь вы очень любите писать, а для меня это составляетъ иногда непреоборимую тягость. Пожалуйста, продолжайте сообщать мнѣ и свои, и чужія замѣчанія о моей поэмѣ. Мнѣ это очень полезно. Вы напрасно придаете ей автобіографическое значеніе. Разъ самоубійство сдѣлалось почти ежедневнымъ явленіемъ жизни, оно можетъ служить предметомъ для поэзіи, и я старался быть совершенно объективнымъ, но, конечно, помимо воли, вѣроятно, кое-что изъ моихъ мыслей и чувствъ попало подъ перо Кони, т.-е. именно тотъ прокуроръ, который спеціально занимается самоубійствомъ, нашелъ поэму совсѣмъ вѣрной въ психологическомъ смыслѣ. Вы очень мѣтко указали на ея главный недостатокъ, т.-е. на то, что самоубійство недостаточно мотивировано. Я самъ это чувствовалъ, но измѣнить не могъ. Если бы была какая нибудь ясно опредѣленная причина, то совершенно устранился бы эпидемическій характеръ болѣзни, на который я хотѣлъ обратить вниманіе. Затѣмъ вы дѣлаете насчетъ моего героя рядъ вопросовъ, на которые я, по неимѣнію точныхъ свѣдѣній, отвѣтить не могу. Вѣрующимъ онъ, конечно, не могъ быть, и въ рукописи было нѣсколько кощунственныхъ строкъ (обыкновенно встрѣчающихся въ подобныхъ письмахъ), которыя я исключилъ по просьбѣ Стасюлевича. Впрочемъ, въ словахъ о Провидѣніи иронія кажется мнѣ довольно ясной. Что касается до строки: «и уши длинныя на плоскихъ головахъ»,

она, можетъ быть, некрасива, но необходима для указанія на физическое отвращеніе къ людямъ, какъ на рѣшающій мотивъ послѣ краткой борьбы. Это тяжелое ощущеніе, посѣщающее и здоровыхъ людей въ минуты сильной хандры, непремѣнно должно явиться у эпидемическаго самоубійцы»...

Позднѣе, при личномъ свиданіи, Алексѣй Николаевичъ на замѣчаніе мое, что поэма эта все же несомнѣнно носитъ на себѣ автобіографическій оттѣнокъ, отвѣтилъ мнѣ полушутя:

— Многіе находятъ то же самое. Есть друзья, которые смотрятъ на эту поэму, какъ на мое предсмертное письмо... Успокойтесь! Я не дошелъ еще до мысли о самоубійствѣ...

Однажды засталъ я Апухтина за переводомъ изъ Шенье. Онъ перевелъ всего двѣ или четыре строчки, но перевелъ ихъ зато почти буквально, сохранивъ въ то же время весьма удачно поэтическій оттѣнокъ оригинала, а затѣмъ отъ дальнѣйшаго перевода отказался. На мое замѣчаніе, что такъ переводить большую вещь прямо невозможно, Алексѣй Николаевичъ отвѣтилъ, что только подобный трудъ онъ и признаетъ настоящимъ переводомъ, достойнымъ автора...

До самой смерти своей Алексѣй Николаевичъ учился, и учителями его были «истинные поэты», какими считалъ онъ Пушкина, Лермонтова и Тютчева. Онъ изучалъ ихъ постоянно, съ добросовѣстностью прилежнаго школьника, имѣя подъ рукою сочиненія ихъ на особой книжной полкѣ, гдѣ, насколько помню, немногіе любимые писатели помѣщались по порядку, въ зависимости отъ личной симпатіи хозяина къ ихъ талантамъ.

Преклоняясь передъ геніемъ Пушкина, Апухтинъ восторгался Тютчевымъ, котораго зналъ хорошо лично и котораго читалъ вслухъ какъ-то особенно, точно священнодѣйствуя.

Сколько разъ заставалъ я его, одинокаго, въ неизмѣнномъ халатѣ, на неизмѣнномъ диванѣ, съ завѣтной книжкою стихотвореній Тютчева въ рукахъ. Съ неослабѣвающимъ восторгомъ подчеркивалъ онъ въ любимомъ писателѣ орлиный полетъ и ясность мысли, способность въ слова рѣчи человѣческой перелить неуловимое, казалось бы, непередаваемое впечатлѣніе.

Точно сейчасъ слышу Апухтина, декламирующаго мнѣ: «Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной» и т. д.

Алексѣй Николаевичъ не преувеличивалъ нисколько значенія, размѣровъ своего таланта, недаромъ же назвавъ свои произведенія плодами «лѣнивой фантазіи, т.-е. плодами досуговъ, оставшихся послѣ свѣтской жизни. Онъ самъ понималъ хорошо, что, занимаясь литературою лишь «между прочимъ», не далъ всего того, что могъ бы дать при своихъ способностяхъ, до боли страдалъ иногда, видя причины поэтическаго истощенія своей музы...

Года за три до смерти поэта, будучи въ Петербургѣ, засталъ я его однажды въ особенно грустномъ душевномъ состояніи... Въ каминѣ догорали бумаги, письма... Оказалось, что передъ приходомъ моимъ онъ занятъ былъ уничтоженіемъ... части литературнаго своего архива, между прочимъ, дневниковъ, которые, по словамъ его, велись имъ въ молодости аккуратно 18 лѣтъ подъ рядъ: каждый день перечитывалъ онъ годъ, а затѣмъ бросалъ тетрадку въ огонь. По признанію Апухтина, уничтожая дневники, «прощался» онъ «съ молодостью»; ему хотѣлось «оставить послѣ себя возможно менѣе слѣдовъ». Но всего своего архива, насколько я знаю, онъ въ тѣ дни еще не уничтожилъ.

И надо было видѣть, съ какимъ затаеннымъ испугомъ и комичнымъ негодованіемъ описывалъ мнѣ Алексѣй Николаевичъ характерную сцену, когда предпріимчивый редакторъ «Русской Старины», М. И. Семевскій, столкнувшись съ нимъ гдѣ-то въ обществѣ, сдѣлалъ было попытку заманить и его въ «альбомъ знакомыхъ», заставить написать для журнала автобіографическую о себѣ замѣтку... Апухтинъ никогда не могъ вспомнить потомъ равнодушно этой встрѣчи...

Долгое время оставалось для меня, какъ для писателя, загадкою, когда при разсѣянной, свѣтской жизни, которую велъ Апухтинъ, при его болѣзненности и лѣни, успѣвалъ писать онъ свои полныя искренняго вдохновенія стихотворенія... А, между тѣмъ, каждый разъ, какъ встрѣчался я съ нимъ послѣ нѣкотораго перерыва, онъ или читалъ мнѣ что либо новое, или сообщалъ о вновь задуманномъ. Оказывалось, что мысль его и чувства не дремали.

Однажды признался онъ мнѣ въ томъ, что большинство мелкихъ стихотвореній и отдѣльныя мѣста крупныхъ сочинилъ онъ наизусть, часто во время переѣзда въ каретѣ на какой нибудь званый обѣдъ или раутъ, по дорогѣ въ Англійскій клубъ, во время прогулки по островамъ. Память у него дѣйствительно была феноменальная и на свои, и на чужія произведенія... Пушкина, напримѣръ, зналъ онъ почти всего наизусть...

Такимъ же образомъ, т.-е. отдѣльными отрывками, изъ которыхъ многіе сложились первоначально въ памяти, будучи уже въ готовомъ видѣ перенесены потомъ на бумагу, была создана и знаменитая поэма «Годъ въ монастырѣ», въ сущности, рядъ лирическихъ отрывковъ. Апухтинъ, по словамъ его, не писалъ ея систематически, по опредѣленному, заранѣе обдуманному, плану, а, задавшись темой, набрасывалъ поэму отдѣльными мѣстами, пряча исписанные листки, безъ всякаго порядка, въ особый ящикъ. Затѣмъ, когда такихъ листковъ набралось достаточно, разсортировалъ онъ весь этотъ случайный матеріалъ, привелъ его въ извѣстную послѣдовательность, систему, при чемъ кое-что поневолѣ долженъ былъ отбросить. Алексѣй Николаевичъ любилъ читать наизусть эти

не вошедшіе въ поэму отрывки, видимо придавая имъ значеніе. Въ нихъ говорилось о доходившихъ до спасшагося въ монастырѣ свѣтскаго человѣка слухахъ на темы о злобахъ дня... Отрывки были довольно слабы, не вязались съ общимъ тономъ поэмы, и надо сказать «спасибо» друзьямъ поэта, по настойчивому совѣту которыхъ они остались ненапечатанными... А все-таки интересно бы знать, сохранились ли они въ рукописи.

Увѣряя, что «пѣсенка» его «спѣта», Алексѣй Николаевичъ не могъ, тѣмъ не менѣе, побороть въ себѣ поэтической жажды: вѣчно занятъ былъ онъ планами новыхъ работъ, изъ которыхъ многія остались только въ его памяти. Злые языки увѣряли, что это нужно было Апухтину для поддержанія интереса къ нему, какъ писателю, въ «свѣтѣ». Но мало ли что говорили и еще долго будутъ говорить о выдающемся русскомъ человѣкѣ его тайные и явные завистники!...

Въ 1888 г. сообщилъ онъ мнѣ, что задумалъ большой бытовой романъ въ прозѣ изъ эпохи Крымской кампаніи,—романъ «безъ всякой тенденціи». Апухтинъ увѣрялъ при этомъ, что планъ романа у него уже готовъ; намѣчены главныя дѣйствующія лица, матеріаловъ — масса; тема взята нарочно изъ прошлаго, которому, по словамъ его, «онъ сочувствуетъ всей душой». Оставалось только засѣсть за работу... «А это-то, кажется, мнѣ и не суждено,—добавилъ онъ:—хорошо бы уѣхать куда либо, въ деревню, подышать свѣжимъ воздухомъ,—и писать, писать»...

Въ началѣ осени того же года говорилъ онъ мнѣ, что никогда еще не писалось имъ такъ много, какъ въ это лѣто, когда, оставшись въ Петербургѣ одинъ, обдумывалъ онъ на досугѣ свои произведенія, въ томъ числѣ и упомянутый выше романъ, гуляя по утрамъ въ церковномъ скверѣ (противъ квартиры его, на Кирочной), гдѣ, благодаря раннему часу, кромѣ нянекъ и дѣтей, никого не было, и гдѣ «никто не насмѣхался надъ моей фигурою,—грустно добавилъ онъ,—какъ это случалось при посѣщеніяхъ мною Лѣтняго сада».

Но уже въ концѣ осени на вопросъ о судьбѣ задуманнаго имъ романа Апухтинъ отвѣтилъ, что романъ бросилъ по разнымъ причинамъ, главнымъ же образомъ потому, что, при системѣ долгаго обдумыванія каждой главы, одной за другою послѣдовательно, которой придерживался, онъ не кончилъ бы работы и въ тридцать лѣтъ... Впрочемъ я убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ вдохновеніе, интересъ къ задуманному, убили въ немъ величина труда, лѣнь и необходимость кропотливо изучать описываемую эпоху, чтобы сказать что либо новое и остаться въ то же время исторически вѣрнымъ.

Тутъ же сообщилъ онъ мнѣ впервые о намѣченной имъ поэмѣ «Изъ бумагъ прокурора».

— Я задумалъ ее гораздо шире,—признался Алексѣй Николаевичъ,—но случилось то же, что съ «Годомъ въ монастырѣ»: я сталъ сокращать написанное и сузилъ первоначальныя рамки... Видимо, не суждено мнѣ написать что либо крупное, замѣчательное!..

Бѣдный Апухтинъ много выстрадалъ, прежде чѣмъ смерть положила конецъ его мукамъ...

На вопросъ о состояніи здоровья дорогого мнѣ поэта одинъ изъ близкихъ друзей его писалъ мнѣ въ маѣ 1893 г. изъ Петербурга, что у Алексѣя Николаевича развилась водянка, происходящая отъ ожирѣнія сердца; что только строгое молочное лѣченье кое-какъ останавливаетъ еще развитіе страшнаго недуга; что ноги больного выше колѣнъ наполнены водою, которая появилась даже въ желудкѣ; но что, къ счастью, самъ онъ не сознаетъ опасности своего положенія.

Въ іюнѣ того же года тотъ же другъ Апухтина писалъ мнѣ, что 19 іюня видѣлъ онъ поэта въ Петербургѣ проѣздомъ въ деревню, при чемъ ничего утѣшительнаго нельзя было сказать про Алексѣя Николаевича: болѣзнь шла, развивалась своимъ порядкомъ, удерживаемая стараніями врачей отъ слишкомъ быстраго теченія. Чувствовалъ себя Алексѣй Николаевичъ довольно хорошо; вода, дойдя до половины живота, въ послѣднее время не прибывала, но и не убывала, къ несчастью. Больного навѣщали городскіе его друзья; самъ же онъ никуда не показывался, даже въ клубъ, и только въ хорошіе дни ѣздилъ на острова въ коляскѣ кататься, попрежнему не сознавая опасности своего положенія, хотя часто и высказывалъ съ увѣренностью мысль, что ему невозможно избавиться отъ болѣзни. Настроеніе духа Алексѣя Николаевича было мрачное.

Друзья думали, однако, что больной дотянетъ до октября; что ему, по крайней мѣрѣ, хоть не придется умирать лѣтомъ, въ одиночествѣ, когда всѣ разъѣдутся изъ Петербурга на дачи и по имѣніямъ. Я собирался, по приглашенію Алексѣя Николаевича, пріѣхать нарочно къ нему лѣтомъ въ Петербургъ, чтобы прочесть ему свою новую повѣсть, которою онъ очень интересовался, но поѣздка моя, къ огорченію моему, не могла состояться. Между тѣмъ, болѣзнь неожиданно пошла быстрыми шагами къ развязкѣ...

Привожу письмо ко мнѣ (отъ 11 сентября 1903 г.) хорошо знавшаго Апухтина по «свѣту», бывшаго гвардейскаго офицера С. П. Кашнева, нынѣ тоже умершаго. Вотъ что писалъ мнѣ на вопросъ мой объ Апухтинѣ Кашневъ:

«Сообщаю вамъ то, что мнѣ извѣстно о послѣднихъ дняхъ жизни Алексѣя Николаевича. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ, и въ первый же день былъ у него съ однимъ изъ товарищей моихъ по полку. Впечатлѣніе онъ произвелъ на меня удручающее, тѣмъ болѣе, что сознавалъ

свое положеніе и до послѣднихъ минутъ былъ въ полной памяти; при этомъ никого изъ близкихъ, такъ какъ лѣтомъ всѣ разъѣхались, предоставленный попеченіямъ одного своего лакея! Нашему посѣщенію онъ былъ очень радъ, все время удерживалъ, когда мы собирались уходить, такъ что мы пробыли почти цѣлый день у него. Говорилъ, между прочимъ, о васъ, что вы обѣщали пріѣхать въ Петербургъ и прочесть ему свою повѣсть, просилъ передать вамъ, что онъ васъ ждалъ и для васъ отложилъ поѣздку на дачу Шереметевыхъ; что обѣщанная вами повѣсть его очень интересовала, въ особенности послѣ прочтенной имъ повѣсти вашей «Противъ убѣжденія», что это—прелестная вещь, какъ по идеѣ, такъ и по формѣ, и что лично онъ вамъ давалъ совѣтъ не забрасывать прозу, въ которой вы доказали несомнѣнную свою талантливость, и что въ этомъ направленіи онъ отъ васъ многаго ожидаетъ. Самъ онъ началъ три повѣсти, которыя послѣдовательно должны были появиться въ «Русскомъ Вѣстникѣ», начиная съ октябрьской книжки. Одну изъ этихъ повѣстей онъ читалъ даже въ присутствіи государя у принца Ольденбургскаго подъ названіемъ «Архивъ графини Д.». Такъ какъ я собственно жилъ на дачѣ, то былъ у него всего три раза. Послѣдній разъ, 11 августа, передъ отъѣздомъ, видѣлъ его и простился уже съ живымъ трупомъ. У него послѣ водянки начиналась гангрена; онъ это зналъ и даже предупреждалъ меня, что это—заразительно. На прощанье онъ мнѣ подарилъ 3-е изданіе своихъ стихотвореній съ надписью «отъ стараго пріятеля Апухтина», дрожащей рукою, карандашемъ. Въ Вильнѣ просилъ передать поклонъ вамъ и Николаеву [1]), что̀ я и исполнилъ. Ежели когда нибудь соберусь, то напишу о немъ свои воспоминанія, какъ о пѣвцѣ несчастной любви».

Въ декабрѣ того же года получилъ я изъ-за границы письмо отъ друга Апухтина, которое какъ бы дополняетъ сообщенное мнѣ Капневымъ.

Позволяю себѣ воспользоваться, въ выдержкахъ, этимъ скорбнымъ, интереснымъ документомъ, чтобы яснѣе стала обстановка, въ которой угасалъ и умеръ знаменитый Апухтинъ.

Вотъ что сообщалъ мнѣ старый другъ поэта:

«Какъ видите, я не заставляю себя ждать; все, что только касается милаго Апухтина, мнѣ такъ дорого, всѣ, кто имъ и памятью о немъ интересуются, мнѣ такъ симпатичны, что я всегда съ восторгомъ исполню все, отъ меня зависящее, чтобы удовлетворить ихъ желанію».

---

[1]) Въ то время—полковникъ, командиръ драгунскаго Псковскаго ея величества полка, флигель-адъютантъ.

Объяснивъ, почему въ послѣдніе мѣсяцы жизни Алексѣя Николаевича не могъ онъ быть при немъ, «другъ» сообщалъ мнѣ далѣе про Апухтина:

«Лѣтомъ онъ писалъ мнѣ мало; я зналъ, что дѣло подвигается къ развязкѣ; жена моя, побывавъ у него въ іюлѣ, привезла мнѣ тревожныя вѣсти. 8 августа пріѣхалъ я въ Петербургъ къ нему и засталъ его въ слѣдующемъ положеніи: голова и плечи, какъ у ребенка, впалыя щеки, земляной цвѣтъ лица («на лицо земля пала» — по Толстому), обросшій сѣдой бородой и усами; остальное тѣло, переполненное водою, было ужасающихъ размѣровъ; ноги до колѣнъ представляли сплошную рану, изъ которой вода сочилась безостановочно; мѣняли до 25 простынь въ сутки; онъ день и ночь сидѣлъ въ креслѣ, почти не двигаясь; голова оставалась свѣжа почти до послѣдней минуты; агонія безъ сознанія длилась отъ 11 утра до $4^1/_2$ дня, когда онъ скончался. Всю послѣднюю недѣлю онъ былъ въ спячкѣ, изрѣдка просыпался и тогда немедленно, не говоря ни про что другое, начиналъ декламировать Пушкина, и только одного Пушкина; тутъ можно было убѣдиться, какою геніальной памятью обладалъ этотъ человѣкъ! Въ это время онъ относился страшно апатично къ окружающему. Физически онъ страдалъ мало, ибо тѣло его умерло раньше головы Я дѣлалъ все возможное, чтобы облегчить ему его нравственныя. страданія, которыя должны были быть ужасны, но онъ ничего не высказывалъ; онъ зналъ отлично, что умираетъ, и при томъ былъ кротокъ и безконечно жалокъ. На всѣ мои предложенія удобнѣе устроить его онъ повторялъ мнѣ одно: «Мнѣ ровно ничего не надо. Если ты не можешь дать мнѣ здоровья, то больше не безпокойся... Ни доктора, ни уходъ за мною не облегчатъ мнѣ страданій. Мнѣ ничего не надо!» Наканунѣ смерти онъ пожелалъ видѣть священника, самъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для принятія его; приказалъ одѣть себя во все чистое и исповѣдывался и причащался, снявъ халатъ, въ одномъ чистомъ бѣльѣ. Исповѣдывалъ его молодой священникъ, магистръ, котораго послѣ исповѣди, длившейся 25 минутъ, спросили: «какъ вы находите, батюшка, была ли исповѣдь искренней?» На это священникъ отвѣтилъ: «Я желалъ бы, чтобы всякій умирающій отходилъ изъ жизни такъ, послѣ такой исповѣди, какъ этотъ господинъ». 14 августа доктора сказали мнѣ, что онъ можетъ протянуть еще долго, недѣли три; мнѣ надо было возвратиться въ деревню; я вызвалъ его брата, учредилъ постоянное дежурство при немъ двухъ лакеевъ и фельдшера и уѣхалъ 15, думая вернуться къ нему около 30. Въ деревнѣ я получилъ телеграмму отъ его брата, что 17 онъ скончался. Благодаря нѣкоторымъ близкимъ къ покойному, его похоронили прилично, да, только прилично!...

«Теперь дѣло любившихъ его—стараться, чтобы память о немъ жила среди общества. Я уже составилъ планъ объ этомъ, который, конечно, сообщу вамъ. Отвѣчаю теперь на ваши вопросы. Фотографія съ покойнаго снята фотографомъ Шапиро; маска находится у меня. Бумаги его и его переписка были опечатаны приставомъ и сданы на храненіе его брату»...

Много позднѣе получилъ я изъ Петербурга письмо, въ которомъ мнѣ сообщалось, что все имущество Алексѣя Николаевича послѣ смерти его было продано съ аукціона, при чемъ друзья поэта даже не были предупреждены объ этомъ аукціонѣ, почему многимъ не удалось купить себѣ что либо на память о покойномъ...

Такъ угасъ, сошелъ съ общественной и литературной сцены этотъ замѣчательный, русскій писатель...

Настоящую статью началъ я съ цѣлью, не вдаваясь въ излишній лиризмъ, изложить возможно объективнѣе и проще извѣстные мнѣ факты изъ жизни Апухтина. Мнѣ кажется, что всякій, знающій что либо о выдающемся отечественномъ дѣятелѣ, нравственно обязанъ, имѣетъ право сказать о немъ печатно свое слово, чтобы вызвать на воспоминанія людей, ближе стоявшихъ къ покойному. Но картины недавняго прошлаго, а также взятые изъ моего архива переписка съ Апухтинымъ и дневники, куда заносились нѣкоторыя наши встрѣчи,—невольно заставили меня отступить отъ намѣченной первоначально программы, и я позволилъ себѣ много лирическихъ отступленій. Безъ нихъ, на мой взглядъ, Апухтинъ, пожалуй, сталъ бы менѣе понятенъ...

Вотъ и сейчасъ припоминается мнѣ многое, многое изъ отошедшаго уже въ область личныхъ воспоминаній... То вижу я Апухтина съ синевой около губъ отъ утомленія, съ крупными каплями пота на лбу; ему пришлось подняться всего лишь нѣсколько ступеней по лѣстницѣ на званый обѣдъ,—и этотъ незначительный подъемъ уже совершенно обезсилилъ его. Въ изнеможеніи отдыхаетъ онъ среди лакеевъ, въ передней, на стулѣ и на участливое привѣтствіе мое шепчетъ сердито, отрывисто: «Проходите! Не обращайте вниманія!.. Пустяки!.. Пройдетъ».

То представляется мнѣ кружокъ дружественной Апухтину семьи, гдѣ за обѣдомъ впервые читаетъ онъ наизусть свою «Старость»: веселый пиръ прерванъ; мужчины стали сосредоточенными; дѣти, подростки притихли; у дамъ на глазахъ слезы... Среди беззаботнаго, веселаго общества поднялись вдругъ, вызванные магической силой таланта, призраки старости, смерти, грозно заглянувъ каждому изъ насъ въ лицо... И сколькихъ нѣтъ уже въ живыхъ изъ этого же общества!..

А вотъ я съ молодой женою въ гостяхъ у Апухтина. Онъ заранѣе зналъ о нашемъ визитѣ, о часѣ его, и встрѣчаетъ насъ въ черномъ сюртукѣ. Подается чай. Тутъ же съ нами—одинъ изъ друзей

поэта. Апухтинъ говоритъ много, оживленно, интересно, читаетъ намъ новое свое стихотвореніе «Проложенъ жизни путь безплодными степями... Я молодъ! я любимъ! я счастливъ!».. И Алексѣй Николаевичъ, самъ обойденный семейнымъ счастьемъ, видимо сердечно мнѣ сочувствуетъ...

То приходитъ на память другой визитъ мой къ поэту. Душная квартирка Апухтина имѣетъ какъ бы необычайный видъ: она щедро залита весеннимъ солнцемъ; подъ окнами ея бодро кричатъ, спорятъ воробьи, воркуютъ голуби; окна эти заслонены нитями падающихъ на землю капель—оттепель въ полномъ ходу. Передъ отъѣздомъ я пришелъ проститься: меня тянетъ изъ столицы въ деревню, на свѣжій воздухъ, отдохнуть послѣ академическихъ занятій. Самъ хозяинъ тоже въ особомъ, жизнерадостномъ настроеніи, почему на просьбы мои съ охотою читаетъ мнѣ одно за другимъ свои старыя и новыя стихотворенія. Какъ торжественно и своевременно, въ виду этой ранней, бурной весны, стучащейся въ окна одинокой кельи поэта, звучатъ произносимыя Апухтинымъ вдохновенно и медленно слова:

«Давно, когда въ цвѣтахъ, синѣя и блистая,
Неслася надъ землей счастливая весна,—
Я помню, видѣлъ разъ, какъ глыба снѣговая,
На солнцѣ таяла одна!..
Одна!.. Кругомъ и жизнь, и говоръ, и движенье...
Но солнце все горитъ, звучнѣй бѣгутъ ручьи...
И въ полдень снѣга нѣтъ, и радость обновленья
До утра пѣли соловьи»...

Я гляжу на медленно, съ одышкой декламирующаго Алексѣя Николаевича: я невольно забылъ уже про его уродливую фигуру съ болѣзненно-блѣднымъ, задумчивымъ, почти скорбнымъ лицомъ, про его халатъ, про его обстановку...

Стѣны комнаты точно раздвинулись широко-широко передо мною... Приливъ восторга пробѣгаетъ мурашками по тѣлу... Боишься пошевелиться, чтобы не пропустить звука этого голоса... хочется почему-то плакать... А стихи все льются, все журчатъ, какъ журчатъ вешнія воды по петербургскимъ мостовымъ, какъ рождается свободная пѣсня жаворонка въ поляхъ, подъ чистымъ, лазурнымъ небомъ, которое тянетъ меня изъ столицы... И вотъ начинаетъ мнѣ уже казаться, что судьба бѣднаго, одинокаго Апухтина родственна съ судьбою этой блестящей, но лишней, даже дерзкой, на праздникѣ всеобщаго возрожденія, надеждъ и любви, снѣжной глыбы, о которой такъ мастерски, такъ грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ вдохновенно онъ читаетъ...

А. Жиркевичъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И. А. САЛОВА[1]

III.

Литературная работа въ журналахъ.—Жизнь въ деревнѣ.—Хозяйничанье, отношеніе къ крестьянамъ и раздѣлъ имѣнія съ братомъ.—Болѣзнь жены и ея смерть.—Поѣздка въ Москву и забота о воспитаніи дѣтей.—Служба въ мировомъ судѣ.—Переходъ на службу въ Маріинскій институтъ въ Саратовѣ. — Исторія института; хозяйственные порядки въ немъ. — Выходъ въ отставку. — Литературная дѣятельность и изданіе Куманинымъ моихъ сочиненій.—Сближеніе съ редакціей «Русской Мысли».

ОДНАКО довольно о театрѣ.

Вернемся теперь нѣсколько назадъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» писалъ я до прекращенія ихъ.

Кромѣ поименованныхъ выше разсказовъ и повѣстей, были тамъ напечатаны «Паукъ», повѣсть «Несобравшіяся дрожжи», переименованныя мною въ изданіи Вольфа въ «Разбитую жизнь», разсказъ «Витушкинъ», «Соловьятники», «Крапивники» и др.

Съ прекращеніемъ «Отечественныхъ Записокъ» я словно лишился пристанища и долго не зналъ, куда мнѣ дѣваться.

Небольшой разсказъ «Четыре времени года» я напечаталъ въ «Недѣлѣ». Какъ вдругъ получаю приглашеніе отъ А. М. Вольфа участвовать въ имѣющемъ издаваться у него журналѣ «Новь».

Я забылъ сказать, что въ «Отечественныхъ Запискахъ» я сначала получалъ 80 рублей за листъ, затѣмъ покойный Салтыковъ

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI., стр. 167.

прибавлялъ мнѣ, и послѣ разсказа «Николай Суетной» я сталъ получать 150 рублей.

Поэтому я, согласившись участвовать въ журналѣ «Новь», и поставилъ условіемъ эту послѣднюю цифру.

Въ «Нови» были мною напечатаны: повѣсть «Иванъ Загородниковъ» и разсказъ «Отчаянный». Сверхъ того, въ ту же редакцію были мною переданы разсказъ «Медоломы» и повѣсть «Шурочка».

Однако я очень мало еще говорилъ про житье-бытье мое въ деревнѣ, свалившейся намъ съ неба, и про раздѣлъ тѣхъ шести тысячъ десятинъ, которыя достались на долю моего покойнаго отца, или, правильнѣе сказать, на долю его трехъ сыновей.

Итакъ, эти шесть тысячъ десятинъ должны были раздѣлиться на три части. Раздѣлъ этотъ совершился между нами безъ малѣйшихъ недоразумѣній, а слѣдовательно и миролюбиво. Мнѣ и брату Александру Александровичу досталась земля въ количествѣ четырехъ тысячъ десятинъ при селѣ Ивановкѣ, Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи; на долю же наслѣдниковъ умершаго брата Андрея — участокъ земли въ двѣ тысячи десятинъ при деревнѣ Григорьевкѣ, отстоящей отъ Ивановки верстахъ въ двухъ.

Года два-три мы съ братомъ не дѣлились, и имѣніе у насъ состояло въ общемъ владѣніи.

Жили мы въ Ивановкѣ въ маленькомъ домикѣ, въ которомъ прежде проживалъ управляющій Ѳ. А. Салова, Ѳедоръ Константиновичъ Талаевъ. Домикъ этотъ состоялъ изъ пяти-шести крошечныхъ комнатокъ, былъ крытъ соломой, а передъ окнами его возвышались разные хлѣвы и сарайчики. Покойный дядя былъ очень скупъ и не разрѣшалъ Талаеву развести около дома какого бы то ни было сада. Хлѣвы и сарайчики испускали лѣтомъ такое зловоніе, что дышать было невозможно, и надѣляли насъ такимъ количествомъ мухъ, что вспомнить страшно.

Такъ прожили мы одно лѣто. Наконецъ съ наступленіемъ осени рѣшились перенести эти хлѣвы и сарайчики на другое мѣсто, а взамѣнъ ихъ развести небольшой садикъ. Но мѣсто было до того навозное, что никакія посадки не принимались и немедленно погибали. Приходилось навозъ этотъ выкапывать и привозить на это мѣсто свѣжей земли. Но, какъ мы ни бились, все-таки сада не добились.

Пришлось намъ съ братомъ отвести надѣлъ временно обязаннымъ крестьянамъ. Съ этимъ дѣломъ намъ и бывшему посреднику, Николаю Захаровичу Воронину, пришлось повозиться немало. На грѣхъ крестьяне выбрали такого глупаго старшину, который только смущалъ ихъ. Старшина этотъ не хотѣлъ знать ни высшихъ надѣловъ, ни среднихъ, ни малыхъ, а требовалъ, чтобы мы отдали крестьянамъ половину нашего участка и чтобы разрѣзали его такъ, чтобы на долю крестьянъ отошли и лѣсъ и водяная мельница.

— Мы ужъ по-божьему хотимъ,— говорилъ старшина: — одну половинку вамъ, а другую мужичкамъ.

И какъ посредникъ ни старался убѣдить крестьянъ, что они требуютъ невозможнаго, но они продолжали увѣрять, что желаютъ по-божьему, чтобы не было обидно ни господамъ, ни мужичкамъ, при чемъ старшина намекалъ на какую-то золотую грамоту, по которой вся земля будетъ отведена крестьянамъ.

— Ну, да мы этого не хотимъ. Мы хотимъ по-божьему...

Разговоры эти продолжались безъ конца. Посредникъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ и уѣзжалъ безъ толку. Въ такихъ разговорахъ прошла осень, прошла зима, и наконецъ только на слѣдующую весну крестьяне порѣшили малый надѣлъ. Какъ мы съ братомъ ни уговаривали ихъ взять большой надѣлъ, а не малый, но крестьяне, подозрѣвая въ нашихъ совѣтахъ какой-то подвохъ, къ совѣтамъ нашимъ остались глухи, а золотая грамота все-таки царила въ ихъ воображеніи, и въ ожиданіи ея почти большинство крестьянъ всей окрестности пошли на малый надѣлъ.

Мы отвели крестьянамъ самыя лучшія земли изъ нашего участка, а именно заливные луга вдоль рѣки Аркадака, и наконецъ уставная грамота была подписана и кѣмъ слѣдуетъ утверждена.

На второй или третій годъ братъ, задумавъ жениться, пожелалъ раздѣлить и землю. Раздѣлъ этотъ тоже былъ покончен безъ малѣйшихъ затрудненій. Ему приходилось строить новую усадьбу, а я съ женой и дѣтьми (у меня тогда было уже двое дѣтей: дочь и сынъ) остались въ старомъ генеральскомъ домѣ, вокругъ котораго все еще не было ни кустика, а только были клумбы съ цвѣтами, до которыхъ покойная жена была большая охотница.

Съ женой я прожилъ недолго—лѣтъ десять, и сдѣлался вдовцомъ, когда мнѣ не было еще и сорока лѣтъ. Смерть жены была для меня большой неожиданностью. Началось съ того, что какъ-то весной дѣти заболѣли корью, которою заразилась отъ дѣтей жена. Корь по истеченіи нѣкотораго времени прошла какъ дѣтей, такъ и у жены, и мы успокоились. Однако жена съ тѣхъ поръ начала какъ-то покашливать, но кашель былъ до того ничтожный, что ни я, ни жена не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Не находилъ въ немъ ничего серьезнаго и бывшій въ то время земскій врачъ, К. К. Бѣгучевъ, который очень часто бывалъ у насъ, во-первыхъ, потому, что былъ нашъ хорошій знакомый, а, во-вторыхъ, и потому, что жена, занимавшаяся лѣченіемъ народа, часто выписывала его на консультаціи. Такъ продолжалось до Рождественскихъ праздниковъ. Я былъ тогда мировымъ судьей, и въ числѣ моихъ товарищей былъ нѣкто Аполлонъ Ѳедоровичъ Кестеръ, кончившій курсъ медикомъ, но почему-то не практиковавшій и промѣнявшій медицину на судейство. И вотъ, будучи въ декабрѣ мѣсяцѣ на съѣздѣ мировыхъ судей въ Балашовѣ, я попросилъ

Кестера поѣхать со мной въ Ивановку и посмотрѣть жену. Онъ, конечно, охотно исполнилъ мою просьбу, и вотъ что онъ сказалъ мнѣ:

— Послушайте, вѣдь Лидія Павловна-то плоха. Я бы совѣтовалъ вамъ ѣхать съ ней въ Москву...

Я, конечно, испугался и немедленно повезъ жену въ Москву, и по совѣту знакомыхъ пригласилъ доктора Черенова. Остановился я за Москвой-рѣкой въ гостиницѣ Кокорева, которая тогда была въ большой славѣ. Череновъ изслѣдовалъ жену, прописалъ что-то, а потомъ, выйдя въ коридоръ, на мой вопросъ, какъ нашелъ онъ ея здоровье, Михаилъ Петровичъ пожалъ плечами и объявилъ мнѣ, что она безнадежна.

Не ожидавшій ничего подобнаго, я былъ пораженъ, какъ громомъ.

— Съ ней чахотка,—прибавилъ М. П. Череновъ,—и помочь ей нѣтъ никакой возможности.

Зиму мы прожили въ Москвѣ, а съ наступленіемъ весны Череновъ отправилъ насъ въ деревню. Въ концѣ марта мы вернулись домой, а 30 іюня 1871 г., т.-е. въ то же лѣто, жена моя скончалась у меня на рукахъ.

И вотъ остался я одинъ съ двумя дѣтьми на рукахъ.

Всѣ мнѣ совѣтовали жениться, но я, безпредѣльно любившій жену и своихъ двухъ малютокъ, даже не помышлялъ о женитьбѣ.

Въ годъ смерти жены была въ Москвѣ выставка, кажется, по случаю какого-то юбилея императора Петра I. Желая хоть сколько нибудь разсѣяться послѣ постигшаго меня горя, я поѣхалъ съ дѣтьми въ Москву, но горя своего, конечно, не разсѣялъ, а, когда я возвратился домой, на крыльцо выбѣжала встрѣчать меня не жена, какъ это всегда бывало прежде, а встрѣтилъ меня кучеръ Михей. Это до того поразило меня, что глаза мои наполнились слезами, и я долго не могъ опомниться... А, войдя въ пустой домъ, упалъ на диванъ и горько зарыдалъ.

Пришлось нанимать разныхъ гувернантокъ, а такъ какъ жена очень любила англійскій языкъ, которымъ превосходно владѣла, то я и рѣшилъ въ память жены пригласить англичанку.

Первая гувернантка была у меня англичанка, миссъ Микъ, старушка лѣтъ шестидесяти, прекрасно знавшая помимо англійскаго языка музыку и французскій языкъ. Эта-то миссъ Микъ и должна была замѣнить дѣтямъ родную мать. Она полюбила дѣтей, полюбила меня, а я въ свою очередь полюбилъ ее. Я, конечно, долго бы не разстался съ нею, если бы насъ не разлучила судьба.

Вотъ что случилось.

Кто-то изъ дѣтей, играя, нечаянно наступилъ миссъ Микъ на ногу. Она слегка захромала, но никакого вниманія на это не об-

ращала. На слѣдующій день хромота не проходила; не проходила она ни на второй, ни на третій день, а на четвертый день я пригласилъ жившаго въ Ивановкѣ земскаго фельдшера Тюрина (или Niruit, какъ онъ обыкновенно подписывался, измѣняя свою фамилію шиворотъ-навыворотъ). Фельдшеръ осмотрѣлъ ногу и, не найдя ничего серьезнаго, посовѣтовалъ ей прикладывать къ ногѣ холодные компрессы. Ничего серьезнаго не находили и приглашенные мною земскіе доктора, а старушка все похрамывала да похрамывала и, нѣкоторое время спустя, не могла даже ходить безъ палки. Показалась опухоль, потомъ краснота, и—о ужасъ!—дѣло кончилось гангреной, которая и свела въ могилу вторую мать моихъ дѣтей. Я похоронилъ ее и началъ искать другую гувернантку. И вотъ весь вѣкъ мнѣ пришлось возиться съ ними... И сколько я вынесъ отъ нихъ муки,—трудно сказать...

Сосѣдства у насъ, кромѣ брата Александра Александровича и Ѳедора Константиновича Талаева, никакого не было, а потому и житье наше въ деревнѣ было не изъ веселыхъ. Проходилъ день за днемъ однимъ и тѣмъ же порядкомъ. По утрамъ я занимался въ камерѣ разборомъ, а послѣ камеры проводилъ время въ сообществѣ гувернантокъ и дѣтей. Когда дѣти подросли, и когда приходилось сына отдавать въ гимназію, я оставилъ судейство и переселился въ Саратовъ.

Тамъ я поступилъ на службу въ Саратовскій Маріинскій институтъ на должность члена совѣта по хозяйственной части. Начальницей института была въ то время княжна Наталія Сергѣевна Горчакова, родная сестра того Горчакова, про дуэль котораго я въ свое время говорилъ. Начальница эта была очень образованная и воспитанная женщина и въ то же время отличная хозяйка.

Помню, когда я впервые представлялся ей, она напомнила мнѣ наружностью папу Пія IX: такая же сутана, какъ у папы, только не бѣлая, а черная, и даже то же выраженіе лица, та же улыбка и тотъ же взглядъ. Приняла она меня очень ласково, привѣтливо, а когда узнала, что я былъ чуть не свидѣтелемъ дуэли ея брата, то много разспрашивала меня по этому поводу. Я искренно полюбилъ ее, и какъ женщину и какъ начальницу. Мнѣ только не нравились въ ней та сухость и строгость, съ которой она обращалась съ воспитанницами.

Служба въ институтѣ мнѣ пришлась по сердцу, во-первыхъ, потому, что въ моемъ распоряженіи было несравненно болѣе свободнаго времени, а, во-вторыхъ, и потому, что, очутившись среди дѣтей и подростающаго юнаго поколѣнія, я какъ-то воспрянулъ духомъ и жизнерадостнѣе сталъ смотрѣть на Божій свѣтъ. Теперь никто уже не донималъ меня низкими, иногда грязными и мелкими судейскими кляузами. Мнѣ уже не мозолили глаза эти расплодившіеся на святой Руси и, словно парши, набросившіеся на нее раз-

ные кулаки, кабатчики, тайные ростовщики, корчившіе изъ себя какихъ-то святыхъ людей, всякіе эти грязные и грязнѣе любой грязи Живодеровы, Лещовы, Сушины, Гришаевы и эти оживодерившіеся нѣмцы Паули, готовые изъ-за гроша содрать съ человѣка шкуру, упитаться его кровью и пустить по міру всю его семью, жену и дѣтей, эти вампиры, не щадящіе никого и ничего.

Нѣтъ, поступивши въ институтъ, я словно стряхнулъ съ себя всю эту грязь и гадость, я попалъ въ такую среду, въ которой дѣйствительно отдохнулъ душой.

Прежде, бывало, придешь въ камеру, да какъ увидишь ихъ, всѣхъ этихъ господъ, такъ просто морозъ по кожѣ подеретъ; теперь же, какъ пріѣдешь въ институтъ, такъ сердце не нарадуется. Идешь, бывало, по институтской лѣстницѣ, а навстрѣчу бѣгутъ дѣти, на всемъ бѣгу вывернутъ, бывало, реверансъ, и такъ всѣ мило и привѣтливо улыбаются.

Этотъ быстрый переходъ отъ грязи судейской камеры къ дѣтской чистотѣ и опрятности произвелъ на меня сильное благотворное вліяніе. Я словно ожилъ.

Нѣчто подобное испыталъ я, проѣзжая изъ Турина въ Геную: въ Туринѣ была грязь, слякоть и снѣгъ и до того свѣжо и холодно, что я, сидя въ вагонѣ, долженъ былъ надѣть ватное пальто; но вотъ поѣздъ подлетѣлъ къ Альпамъ, нырнулъ въ туннель темный и сырой, прогремѣлъ въ этомъ туннелѣ минутъ пятьдесять, и снова вылетѣлъ на свѣтъ Божій... Но что за перемѣна! До этого грязь, слякоть, а здѣсь луга, усыпанные цвѣтами, цвѣтущіе апельсиновыя и лимонныя деревья и воздухъ, пресыщенный запахомъ флёръ д'оранжа. Я сбросилъ пальто, высунулся въ окно вагона и не могъ досыта налюбоваться этой жизнерадостной картиной, освѣщенной солнцемъ.

Такое же почти впечатлѣніе испыталъ я, поступая въ институтъ послѣ долголѣтней непроглядной судейской службы.

Въ это-то именно время были написаны мною наиболѣе удачныя литературныя произведенія, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ». Одновременно я писалъ и въ «Саратовскомъ Листкѣ», который тогда еще назывался «Саратовскимъ Справочнымъ Листкомъ», театральныя рецензіи подъ заглавіемъ «Театральные наброски», подъ псевдонимомъ Азъ. Наброски эти начались въ видѣ еженедѣльныхъ фельетоновъ. Я имѣлъ, конечно, отъ редакціи кресло въ театрѣ, почему и посѣщалъ театръ каждый день.

Утро проводилъ я обыкновенно въ институтѣ, а вечеръ въ театрѣ. Въ то время содержалъ труппу Костровскій. Труппа у него была очень хорошая, и почти всѣ артисты его труппы поступили на императорскую сцену. Такъ, напримѣръ, при немъ были Свободинъ, Грековъ, Рыбаковъ, Рыбчинская, Романовская и др.

Въ числѣ институтокъ были дочери моихъ старинныхъ пріятелей, какъ, напримѣръ, дочь Ивана Николаевича Сушкова, того самаго Сушкова, о которомъ я упоминалъ, описывая поѣздку на Кавказъ. Она обладала очень пріятнымъ голосомъ и была дирижеромъ въ институтскомъ хорѣ. Затѣмъ была Чегодаева, котрая въ настоящее время извѣстна по сценѣ подъ фамиліей Пасхаловой. Видѣвши ее институткой, я никакъ не предполагалъ, чтобы въ ней когда нибудь могла возгорѣться столь сильная любовь къ театру. Воспитанницу Чегодаеву я зналъ не только по институту, но она по праздникамъ довольно часто бывала въ гостяхъ у моей дочери. Кромѣ того, къ моей дочери почти каждое воскресенье пріѣзжали пепиньерки. Лѣтомъ, когда я уѣзжалъ съ своей семьей въ деревню, княжна Горчакова отпускала со мной на лѣто и нѣкоторыхъ болѣе бѣдныхъ воспитанницъ, не имѣвшихъ родныхъ. Пріѣзжали ко мнѣ въ деревню и нѣкоторыя классныя дамы.

Словомъ, я въ институтѣ былъ вполнѣ своимъ человѣкомъ, и меня называли тамъ казеннымъ папашей.

Саратовскій институтъ—достовѣрно мнѣ неизвѣстно, былъ ли институтъ построенъ на дворянскія деньги, или только зданіе пріобрѣтено—возникъ стараніями саратовскаго дворянства; тѣмъ же дворянствомъ пожертвованъ былъ на содержаніе этого института и воспитанницъ капиталъ въ размѣрѣ трехсотъ тысячъ, на каковой капиталъ пріобрѣтенъ государственный билетъ, по коему и до настоящаго времени получается 4%, т.-е. двѣнадцать тысячъ въ годъ.

При институтѣ имѣется тридцать безплатныхъ дворянскихъ стипендіатокъ, которыя избираются на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ изъ недостаточныхъ дворянскихъ семей. Всѣхъ воспитанницъ въ институтѣ полагается сто шестьдесятъ шесть; слѣдовательно, платныхъ воспитанницъ сто тридцать три.

Прежде институтъ назывался Саратовскимъ институтомъ благородныхъ дѣвицъ, такъ какъ въ немъ воспитывались исключительно дочери дворянъ; но, когда было рѣшено допустить туда дѣтей другихъ сословій, то его переименовали въ Саратовскій Маріинскій институтъ.

До постройки института то же самое саратовское дворянство пожертвовало на устройство саратовской классической гимназіи пятьдесятъ тысячъ, а въ 1896 г. то же дворянство воздвигло Саратовскій Александровскій дворянскій пансіонъ-пріютъ; поэтому тѣ, которые обвиняютъ саратовское дворянство въ равнодушіи къ дѣлу образованія, жестоко клевещутъ на него...

На томъ основаніи, что институтъ возникъ на дворянскія деньги, оно въ управленіи института и имѣетъ своего представителя въ лицѣ члена совѣта по хозяйственной части, который избирается на эту должность саратовскимъ дворянствомъ, съ жа-

лованьемъ въ размѣрѣ тысячи четырехсотъ рублей. Вотъ на эту-то должность я и былъ избранъ.

Я очень усердно принялся за это новое для меня дѣло, съ любовью, но вскорѣ мнѣ пришлось разочароваться, такъ какъ при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ я разсмотрѣлъ его темныя стороны. Дѣло въ томъ, что смѣта утверждалась въ Петербургѣ въ такъ называвшемся тогда «Отдѣленіи»; она раздѣлялась на статьи, и пополнять недостатки одной статьи изъ излишковъ другой строго воспрещалось.

Напримѣръ, оказывалось, что отъ статьи на отопленіе оставалось столько-то, а въ статьѣ на продовольствіе воспитанницъ столько-то недоставало. Какъ же поступить въ данномъ случаѣ? И вотъ практиковалось это такъ: на покупку дровъ вмѣсто четырехъ тысячъ израсходовано только три, но остатокъ этотъ не показывался, а отъ дровопромышленниковъ отбирались фальшивые счета, въ которыхъ значилось, что дровъ куплено не на три, а на четыре тысячи. Такимъ же порядкомъ распоряжались и съ остальными статьями. Такой порядокъ меня сразу покоробилъ; поэтому я предложилъ совѣту спросить у кого слѣдуетъ разрѣшенія остатками одной статьи пополнять недостатки другой, при чемъ присовокупить, что изъ смѣтной цифры мы отнюдь не будемъ выходить. Совѣтъ согласился на это ходатайство, но оно уважено не было, и мы рѣшили дѣйствовать по-старому, какъ дѣйствовали наши отцы и дѣды. Такъ и дѣйствовали.

Бывало, купишь камлотъ въ Ревелѣ на фабрикѣ по такой-то цѣнѣ, а потомъ и побѣжишь къ Агаѳонову: дайте, молъ, счетъ на камлотъ, котораго я у васъ ни аршина не покупалъ. И такимъ же образомъ—и по другимъ статьямъ. Положимъ, я всегда объяснялъ продавцамъ, почему именно сочиняются такіе счета; положимъ, что продавцы всегда увѣряли меня, что они вполнѣ увѣрены въ моей честности и хорошо понимаютъ мое положеніе, но всѣ эти увѣренія сопровождались такими жестами и улыбками, что наконецъ я сталъ бояться прослыть прямо воромъ и казнокрадомъ.

И вотъ, прослуживъ такимъ образомъ въ институтѣ года два-три, я счелъ за лучшее бѣжать зла и сотворить благо, а потому съ большимъ прискорбіемъ переселился снова въ деревню, гдѣ и былъ опять избранъ мировымъ судьей, т.-е. попалъ къ тѣмъ самымъ аспидамъ, о которыхъ говорилъ выше...

Мировымъ судьей я прослужилъ вплоть до закрытія мировыхъ судебныхъ учрежденій и тотчасъ же былъ назначенъ земскимъ начальникомъ.

Не нравилась мнѣ и моя безпріютность въ моей литературной дѣятельности. Я привыкъ писать въ «Отечественныя Записки», какъ будто сроднился съ ними, привыкъ изрѣдка переписываться

съ редакціей и вдругъ вмѣсто «Отечественныхъ Записокъ» очутился въ «Нови», съ редакторомъ которой былъ знакомъ скорѣе, какъ съ издателемъ.

По неимѣнію, такъ сказать, убѣжища, я сталъ помѣщать свои вещи то во «Всемірной Иллюстраціи», то въ какой нибудь газетѣ, а мелкіе разсказы въ «Саратовскомъ Листкѣ».

Этихъ разсказовъ накопилось довольно много, такъ что, когда покойный Ѳедоръ Александровичъ Куманинъ пріобрѣлъ отъ меня право изданія моихъ произведеній, то этихъ мелкихъ разсказовъ накопился цѣлый томикъ, который и былъ названъ издателемъ «Съ натуры».

И вотъ порѣшилъ я свести знакомство съ редакціей «Русской Мысли». Въ то время редакція «Русской Мысли» помѣщалась не на Б. Никитской, а въ Леонтьевскомъ переулкѣ. Когда я вошелъ въ редакцію, то самого редактора, В. М. Лаврова, не было, а за письменнымъ столомъ сидѣлъ бывшій секретарь редакціи, г. Бахметьевъ. Мы съ нимъ познакомились, а потомъ онъ представилъ меня и находившимся въ то же время въ редакціи М. Н. Ремезову, В. А. Гольцеву и Михайловскому-Данилевскому.

Редакція «Русской Мысли» произвела на меня самое благопріятное впечатлѣніе, и я тотчасъ же предложилъ имъ свои услуги въ качествѣ сотрудника. Предложеніе мое было принято весьма любезно, почему я на другой день и доставилъ въ редакцію повѣсть «Македонъ и Душетъ».

Съ той самой поры я и началъ исключительно помѣщать свои произведенія въ этомъ журналѣ. Только, когда началъ издаваться въ Москвѣ журналъ «Артистъ», и когда покойный редакторъ этого журнала, Ѳ. А. Куманинъ, убѣдительно просилъ меня написать что нибудь для этого журнала, я помѣстилъ тамъ маленькій разсказъ «Старый комикъ», разсказъ «Добрая Христина Максимовна», «Dentelles espagnoles», «Ученая экспедиція» и разсказъ «Злючка». Затѣмъ въ томъ же журналѣ изъ драматическихъ моихъ произведеній были напечатаны «Дармоѣдка», «Степной богатырь» и «Гусь лапчатый».

Съ Ѳ. А. Куманинымъ я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Онъ много помогалъ мнѣ въ моихъ театральныхъ дѣлахъ и даже имѣлъ отъ меня довѣренность на постановку моихъ пьесъ, такъ какъ я, постоянно живя въ деревнѣ, не могъ лично заниматься этимъ дѣломъ.

Журналъ «Артистъ» мнѣ очень нравился; но я всегда говорилъ, что долго продержаться онъ не можетъ, такъ какъ роскошное его изданіе было не по карману издателю. Сколько мнѣ помнится, всѣ года своего существованія «Артистъ», кромѣ убытка, ничего не давалъ.

Издателя, г. Новикова, я видѣлъ раза два не больше, такъ какъ онъ постоянно проживалъ за границей и рѣдко пріѣзжалъ въ Москву.

IV.

Въ должности земскаго начальника.—Голодный и холерный годы.—Хлѣбное продовольствіе населенія.—Провѣрка приговоровъ.—Лѣченіе холерныхъ больныхъ.—Санитарныя мѣропріятія и отношеніе къ нимъ населенія.—Чудесное вліяніе гомеопатіи при холерныхъ заболѣваніяхъ.—Истребленіе саранчи и борьба съ кулаками.—Провинціальное ростовщичество и отраженіе типовъ хищниковъ въ моихъ повѣстяхъ.—Апоплектическій ударъ.

На должность земскаго начальника попалъ я не въ очень веселое время, а именно какъ разъ въ голодный годъ, а послѣ голоднаго года послѣдовала холера. Въ голодный годъ мнѣ буквально всю зиму приходилось разъѣзжать по деревнямъ и жить въ крестьянскихъ избахъ, такъ какъ на земскихъ начальниковъ была возложена провѣрка крестьянскихъ приговоровъ о ссудѣ имъ хлѣбнаго продовольствія.

Пріѣдешь, бывало, въ деревню, въ такъ называемое сельское управленіе, соберешь въ это управленіе домохозяевъ, кого нибудь изъ постороннихъ лицъ и начнешь провѣрять списки нуждавшихся въ продовольствіи. Нельзя думать, чтобы провѣрка эта вполнѣ достигала своей цѣли. Постороннихъ лицъ въ деревнѣ, кромѣ священника да какого нибудь лавочника или кабатчика, не имѣется, а потому и приходилось вѣрить словамъ нуждавшихся въ продовольствіи. Священники, какъ успѣлъ я убѣдиться, по разнымъ причинамъ стѣснялись показывать правду, а лавочникамъ и кабатчикамъ, понятно, было выгодно поддерживать требованія общества. Бывали случаи, и даже нерѣдкіе, что въ списки нуждавшихся въ продовольствіи попадали и такіе крестьяне, которые нисколько въ немъ не нуждались.

Во время провѣрки такіе состоятельные крестьяне обыкновенно прятали свой хлѣбъ куда попало, всячески стараясь опорожнить свои надворные амбары. Мнѣ случалось находить цѣлые воза хлѣба, спрятанные на гумнахъ и даже въ полѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ думается, много вредила общая порука. Непремѣнно требовалось, чтобы приговоры о возвратѣ взятой ссуды были за общей порукой всего общества. Иному и не нужна была ссуда, но такъ какъ онъ становился поручителемъ возврата, то ему, конечно, былъ прямой расчетъ взять и самому. Были даже такіе случаи, что ссуду требовали и такіе крестьяне, которые даже торговали хлѣбомъ.

Однако, такъ или иначе, а все-таки всю зиму нужно было ѣздить изъ деревни въ деревню и переходить изъ избы въ избу, а ночевать либо у священника, либо у кабатчика, словомъ тамъ, гдѣ было почище и поудобнѣе.

Въ частныхъ бесѣдахъ мнѣ не разъ удавалось слышать такого сорта упреки:

— Эхъ! зря вы дали ссуду такому-то.

— Почему?—спросишь, бывало.

— Да вѣдь у него хлѣба-то не токма что на зиму, а года на два хватитъ.

— Такъ почему же вы мнѣ не заявили этого при повѣркѣ? Вѣдь вы же тамъ были, рядомъ со мной сидѣли.

— Эхъ, ваше благородіе, какъ говорить правду-то? Вѣдь мы отъ мужиковъ-то въ зависимости.

Вотъ почему думаю я, что всѣ эти повѣрки не достигали своей цѣли.

Не особенно пріятно было разъѣзжать по деревнямъ и селамъ и въ холерное время.

Помню я такой случай.

Пріѣхалъ я въ одно помѣщичье имѣніе, владѣлецъ котораго постоянно проживалъ за границей, а имѣніемъ завѣдывалъ управляющій. Я остановился у управляющаго. Вдругъ съ одного изъ хуторовъ пріѣзжаетъ приказчикъ и объявляетъ управляющему, что на хуторѣ одинъ изъ рабочихъ захворалъ холерой. При имѣніи состоялъ отъ конторы врачъ. Послали за врачомъ, а когда врачъ началъ собираться на хуторъ, то съ нимъ поѣхалъ и я. Пріѣхавъ на хуторъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ избенокъ, врачъ пошелъ къ больному, а я, не входя въ избу, сталъ смотрѣть въ нее въ растворенное окно.

Больной лежалъ на скамьѣ, и видимо съ нимъ были судороги. Врачъ стащилъ съ него сапоги, раздѣлъ его и принялся растирать. Такая самоотверженность, по правдѣ сказать, изумила меня. Вдругъ врачъ отскочилъ отъ больного, стремглавъ выбѣжалъ изъ избы и, выскочивъ на дворъ, подбѣжалъ ко мнѣ блѣдный, какъ полотно.

— Ну,—проговорилъ онъ отплевываясь,—пришелъ и мой конецъ...

— Что съ вами?—спросилъ я его, тоже испугавшись.

— Когда я растиралъ больного, съ нимъ вдругъ случилась рвота и попала мнѣ въ ротъ,—и, увидавъ бочку, подбѣжалъ къ ней, зачерпнулъ воды и принялся полоскать ротъ.

Холерный больной, кажется, на другой день умеръ, а перепугавшійся врачъ, благодаря Бога, живъ и теперь.

Въ моемъ же участкѣ, въ селѣ Боркахъ, былъ слѣдующій случай. Холера въ этомъ селѣ была сильная, и вотъ въ санитарномъ

отрядѣ была очень молоденькая фельдшерица, дѣвушка лѣтъ 17—18, по фамиліи, кажется, Іевлева. Не успѣла она пріѣхать въ это село, какъ ей пришлось ухаживать за холернымъ больнымъ. Больной поправился, а фельдшерица, возвратясь въ свою квартиру, заболѣла холерой и умерла.

Холера въ деревнѣ—не приведи Богъ!.. такъ какъ никакихъ санитарныхъ мѣръ почти принимать невозможно.

Положимъ, въ ожиданіи холеры, земскіе начальники вмѣстѣ съ врачами объѣзжали всѣ волостныя правленія, собирали сходы, объясняли, въ чемъ именно должны были состоять санитарныя мѣры, выбирались изъ крестьянъ болѣе ловкіе санитары, проповѣдывали также и имъ, что лежитъ на ихъ обязанности, но я испыталъ самъ на себѣ, что всѣ эти слова были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Толпа крестьянъ стояла, слушала, охала, вздыхала, но ровно ничего не понимала.

Дошло до меня извѣстіе, что въ деревнѣ Каменкѣ былъ съ одною женщиной холерный случай, и что туда отправился уже земскій фельдшеръ. Когда я пріѣхалъ въ Каменку, то женщина уже умерла. Отъ фельдшера я узналъ, что женщина эта была гдѣ-то на молотьбѣ, захворала тамъ и уже была привезена домой больною.

— А вы распорядились, чтобы староста принялъ какія нибудь санитарныя мѣры?

— Точно такъ, распорядился. Все платье покойной велѣлъ сжечь, въ избу запретилъ входить постороннимъ лицамъ.

Подъѣзжаю къ старостѣ.

— У тебя въ деревнѣ холерный случай былъ?—спрашиваю.

— Такъ точно-съ, — отвѣчалъ староста, поспѣшно пристегивая къ зипуну знакъ и видимо весь углубившись въ это занятіе.

— Одежду сожгли послѣ умершей?

— Такъ точно-съ.

— А запретилъ входить въ избу умершей? Смотри же, наблюди, чтобы все это было исполнено въ точности.

Избушка, въ которой произошелъ этотъ смертный случай, какъ разъ стояла на берегу небольшого вонючаго пруда, по плотинѣ котораго мнѣ надо было проѣзжать. Ѣдучи по этой плотинѣ, я увидалъ цѣлую толпу купавшихся въ пруду ребятишекъ, и тутъ же въ этомъ пруду какая-то баба мыло пшено. Баба эта заинтересовала меня. Я велѣлъ ямщику остановиться, вышелъ изъ своей таратайки и подошелъ къ бабѣ.

— Что это ты дѣлаешь?—спросилъ я ее.

— Да вотъ на блины, родименькій, пшено мою.

А рядомъ съ бабой вижу только-что вымытое бѣлье.

— А это что?—спрашиваю.

— Да вотъ, родименькій, здѣсь покойница лежитъ,—проговорила она, указывая на избу умершей холерой:—такъ бѣльишко ея вымыла...

Вотъ вамъ и санитарныя мѣры.

Только-что вымыли бѣлье, въ которомъ умерла холерная больная, и тутъ же въ этой водѣ моется пшено для блиновъ на поминки, а кругомъ по всему пруду превесело купаются дѣти.

Была у меня въ этотъ холерный годъ и маленькая служебная непріятность.

Въ одну помѣщичью экономію, въ виду ожидавшейся холеры, былъ приглашенъ отъ экономіи врачъ. Объ этомъ управляющій экономіей далъ знать окрестнымъ деревнямъ, разославъ по нимъ нѣчто въ родѣ циркуляра, которымъ приглашалъ всѣхъ имѣющихъ надобность во врачебной помощи обращаться къ приглашенному врачу, каковая помощь и будетъ оказываться врачомъ безплатно. Сельскіе писаря, конечно, прочли этотъ циркуляръ и пріобщили его къ другимъ бумагамъ, а двѣ деревни совершенно отказались отъ врачебной помощи, о чемъ и увѣдомили управляющаго. Повидимому, въ этой самой обыкновенной деревенской исторіи ничего даже не было похожаго на какое-то возмущеніе, такъ какъ заставить больного помимо его воли лѣчиться нельзя; но все это дошло до начальства, и отъ меня истребовали официальнаго объясненія, поставивъ мнѣ на видъ, что я не донесъ кому слѣдуетъ обо всемъ случившемся.

Такъ какъ село это было отъ меня верстахъ въ пятидесяти, то, по правдѣ сказать, я ничего и не слыхалъ объ этомъ мнимомъ бунтѣ. Получивъ бумагу, я тотчасъ же поскакалъ въ это село. Въ селѣ было волостное правленіе. Призываю старшину.

— Какіе у тебя здѣсь безпорядки случились?—спрашиваю.

Тотъ глаза вытаращилъ и обратился къ волостному писарю.

— Какіе у насъ, Иванъ Евсеичъ, безпорядки случились?

Писарь тоже видимо недоумѣвалъ.

— Кажется, все славу Богу,—бормоталъ онъ.

— Такъ вотъ я вамъ сейчасъ разскажу,—началъ я:—такія-то и такія-то деревни отказались лѣчиться у экономическаго врача.

Только тутъ старшина понялъ, въ чемъ дѣло.

— Это точно-съ,—проговорилъ онъ.—Лѣчиться отказались... А насчетъ этой самой дезинфекціи они съ большимъ удовольствіемъ, сколько угодно-съ.

И затѣмъ подробно разсказалъ мнѣ то, о чемъ я успѣлъ уже сказать, и чего я до той поры не зналъ.

Я поѣхалъ къ управляющему, и управляющій подтвердилъ мнѣ, что отъ принятія какихъ либо санитарныхъ мѣръ крестьяне не отказывались, а только высказали свое нежеланіе лѣчиться.

Вникнувъ въ подробности этого дѣла, я обидѣлся сдѣланнымъ мнѣ неосновательнымъ замѣчаніемъ и поѣхалъ объясняться съ начальствомъ. Начальство встрѣтило меня довольно сухо и высказало мнѣ свое неудовольствіе по поводу умолчанія о такомъ важномъ инцидентѣ, случившемся у меня въ участкѣ, и затѣмъ добавило, что, вѣроятно, я очень рѣдко бываю въ немъ. Я объяснилъ начальству настоящую суть инцидента этого и прибавилъ, что ничего важнаго въ немъ не усматриваю, такъ какъ насильно лѣчиться никого заставить нельзя, а отъ санитарныхъ предосторожностей крестьяне даже не думали отказываться. Но, будучи возмущенъ несправедливымъ замѣчаніемъ, пошелъ дальше и началъ говорить, что въ сущности нельзя и требовать отъ земскаго начальника, чтобы онъ могъ предупреждать какіе бы то ни было холерные безпорядки, когда у него являются помощниками исключительно одни полупьяные старшины да пьяные старосты. А кстати привелъ и безпорядки, бывшіе въ самомъ городѣ Саратовѣ.

— Въ Саратовѣ, говорю, имѣется организованная полиція и войска, да и то были холерные безпорядки. Какъ же требовать отъ земскаго начальника, лишеннаго всего этого, какихъ бы то ни было предупрежденій?

Заговоривъ о холерномъ годѣ, не могу не вспомнить съ удовольствіемъ о своемъ хорошемъ знакомомъ, А. А. Рахманиновѣ.

Это—старикъ моихъ лѣтъ, образованный, веселый, энергичный и пріятный собесѣдникъ. Когда-то служилъ онъ мировымъ судьей Козловскаго уѣзда Тамбовской губерніи со дня открытія судебныхъ учрежденій до дня ихъ закрытія. Г. Рахманиновъ—человѣкъ семейный, имѣетъ нѣсколько сыновей, находящихся на службѣ, двухъ дочерей, жившихъ при немъ, и жену.

Въ описываемое время онъ жилъ въ моемъ участкѣ Ново-Покровской волости, на хуторѣ Александровскомъ. Отправляясь въ село Ново-Покровское для судебныхъ разборовъ, я всегда заѣзжалъ къ Рахманиновымъ, проводилъ тамъ вечеръ, ночевалъ, а утромъ, часовъ въ семь, отправлялся въ Ново-Покровское, которое отстояло отъ хутора верстахъ въ четырехъ-пяти.

Принимали меня въ семьѣ Рахманиновыхъ, какъ своего человѣка. Барышни были хорошія музыкантши, и вотъ безконечные зимніе вечера пролетали незамѣтно въ занятіяхъ музыкой и пѣніемъ. Самъ Рахманиновъ былъ большой поклонникъ гомеопатіи и лѣчилъ народъ, котораго стекалось къ нему значительное количество.

Однажды я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая.

Пріѣхалъ я какъ-то на хуторъ осенью, когда холера была въ самомъ разгарѣ. На хуторѣ шла молотьба на паровой молотилкѣ. Народу рабочаго была масса. Мы съ Рахманиновымъ пошли на гумно, и вдругъ одинъ изъ приказчиковъ объявляетъ, что на гумнѣ

неблагополучно, и что одинъ изъ крестьянъ-работниковъ заболѣлъ холерой. Намъ указали этого рабочаго. Несчастный валялся на соломѣ, корчился отъ судорогъ и весь почернѣлъ.

Рахманиновъ сбѣгалъ домой и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ пузырькомъ въ рукѣ. Онъ накапалъ пять капель на кусочекъ сахара и далъ его съѣсть больному, объявивъ, что черезъ четверть часа онъ дастъ больному еще такой же пріемъ, и распорядился, чтобы онъ не работалъ.

Мы подошли къ паровику, а, пятнадцать минутъ спустя, Рахманиновъ вернулся къ больному и далъ ему новый пріемъ лѣкарства, а послѣ третьяго пріема мы пошли прогуляться по саду.

Проходили мы съ нимъ съ часъ времени; наконецъ возвратились снова на гумно, и вдругъ я вижу, что больной таскаетъ уже солому.

— Я тебѣ велѣлъ лежать,—проговорилъ Рахманиновъ, обращаясь къ больному.

— Да я теперь ничего, Александръ Аркадьевичъ,—проговорилъ, весело раскланявшись, рабочій.—Кубыть, и не хворалъ!

Потомъ я былъ свидѣтелемъ и другого подобнаго же излѣченія. Только на этотъ разъ заболѣлъ холерою ямщикъ, везшій меня изъ деревни Львовки въ село Ново-Покровское.

Отъѣзжая отъ станціи и глядя на покачивавшагося ямщика, я подумалъ, что онъ пьянъ. Но, когда мы выѣхали изъ деревни, и когда ямщикъ, попросивъ позволенія остановиться, слѣзъ коекакъ съ козелъ, и съ нимъ начался жестокій припадокъ холеры, я испугался и спросилъ, что съ нимъ.

— Да что...—отвѣтилъ ямщикъ, корчась и изгибаясь въ дугу.— Вѣдь моей моченьки нѣтъ: съ самаго обѣда крючитъ что-то.

Я предложилъ ямщику вернуться; но, такъ какъ въ селѣ Ново-Покровскомъ имѣлся земскій фельдшеръ, то онъ и порѣшилъ ѣхать въ Покровское.

Отъѣхали еще версты двѣ. И вдругъ тпру!.. И опять та же исторія.

— Не лучше ли назадъ вернуться?—проговорилъ я.—Вѣдь до Ново-Покровскаго то верстъ съ пятнадцать еще будетъ.

Но ямщикъ снова полѣзъ на козлы и опять поѣхалъ дальше.

— Ну, поди, не умру,—проговорилъ онъ:—доѣду какъ нибудь...

Но черезъ двѣ-три версты опять то же самое. И кончилось это тѣмъ, что ямщикъ до того ослабъ, что не могъ уже вскарабкаться на козлы.

Нечего дѣлать, я посадилъ ямщика на свое мѣсто, а самъ сѣлъ на козлы и погналъ лошадей, чтобы поскорѣе добраться до Александровскаго хутора, мимо котораго лежала моя дорога.

Пріѣхавъ на хуторъ, я увидалъ на крыльцѣ дома Рахманинова. Онъ даже руками развелъ, увидавъ меня на козлахъ, а ямщика въ таратайкѣ.

— Что это значитъ?— весело кричалъ онъ.

— А то и значитъ, — отвѣтилъ я: — что я вамъ паціента привезъ.

Но вылѣзть изъ таратайки ямщикъ уже не могъ. Крикнули кучера, который и ссадилъ ямщика на крыльцо. Тѣмъ временемъ о случившемся я разсказалъ Рахманинову, который тотчасъ же и принялся лѣчить больного. Я вошелъ въ домъ, а вскорѣ мы сидѣли уже всей семьей на балконѣ за чайнымъ столомъ. Просидѣли мы за нимъ часа полтора. Вставъ изъ-за стола, я вдругъ увидалъ своего ямщика, верхомъ уводившаго обратно лошадей, такъ какъ я объявилъ, что буду ночевать на хуторѣ.

Я не вѣрилъ глазамъ своимъ и вернулъ назадъ ямщика.

— Ты куда это собрался?—спросилъ я его, выйдя на крыльцо.

— Домой, ваше благородіе.

— Да вѣдь ты боленъ, къ фельдшеру хотѣлъ?

— Теперь, слава Богу, отпустило...

Я просто диву дался.

А Рахманиновъ тѣмъ временемъ, вышедши на крыльцо, весело говорилъ:

— Ну, что, каковъ я докторъ? А вы все не вѣрите въ гомеопатію... Чудеса дѣлаетъ, батюшка!—прибавилъ онъ.

А ямщикъ, побрякивая колокольчиками, привязанными въ дугѣ, перекинутой черезъ шею лошади, поѣхалъ въ притрусочку ко дворамъ.

Капли эти меня заинтересовали. Оказалось, что онѣ называются каплями д-ра Рубина, сильно пахнутъ камфарой и въ водѣ не растворяются, почему ихъ и даютъ на сахарѣ по пяти капель черезъ каждые четверть часа, и обыкновенно послѣ четвертаго или пятаго пріема боль утихаетъ.

Я выписалъ себѣ этихъ капель, и мнѣ удалось излѣчить ими отъ холеры своего человѣка, Семена, который и сейчасъ при мнѣ состоитъ.

Дѣло это было такъ.

Проснувшись утромъ, ко мнѣ приходитъ Сергѣвна (тоже моя прислуга) и объявляетъ, что съ Семеномъ холера, и что его всю ночь корежило и рвало. Но я побоялся взять на себя отвѣтственность за свое самостоятельное лѣченіе и послалъ за земскимъ фельдшеромъ Сергѣемъ Порфиріевичемъ.

Онъ не замедлилъ явиться и, осмотрѣвъ больного, пришелъ ко мнѣ.

— Что съ Семеномъ?—спросилъ я его.

— Да по всѣмъ признакамъ холера,— отвѣчалъ онъ.

— Такъ вотъ лѣчите, говорю.

— Да лѣчить-то нечѣмъ: лѣкарствъ никакихъ нѣтъ... А земство до сихъ поръ не высылаетъ.

— Такъ не хотите ли гомеопатическимъ лѣкарствомъ полѣчить?

— Что же, давайте...

Я отдалъ ему капли и объяснилъ, какіе надо давать пріемы.

Фельдшеръ ушелъ въ избу, гдѣ лежалъ Семенъ, а часа черезъ полтора возвратился и объявилъ, что Семену легче: судороги и рвота прекратились, и больной чувствуетъ только одну слабость.

Объ этомъ послѣднемъ случаѣ я упомянулъ только потому, что, ежели, п ачечаянія, кому либо захотѣлось бы провѣрить его, то всѣ помянутыя лица живы и теперь: живъ фельдшеръ Сергѣй Порфиріевичъ, проживающій въ селѣ Ивановкѣ, живъ Семенъ, крестьянинъ того же села, жива Сергѣвна, крестьянка того же села, живъ наконецъ и я.

Съ той поры я увѣровалъ въ гомеопатію, выписалъ себѣ аптечку, лѣчебникъ гомеопатическій и принялся лѣчить народъ. За серьезныя болѣзни я, конечно, не брался, а лѣчилъ только лихорадки, головныя боли и т. п. и именно отъ лихорадки вылѣчивалъ такихъ больныхъ, которымъ не помогало лѣченіе фельдшера. Послѣ этого я увѣровалъ въ гомеопатію до того, что, будучи уѣзднымъ земскимъ гласнымъ, собирался было предложить собранію, хотя бы въ видѣ пробы, выписать врача-гомеопата. Пока еще крестьянскіе желудки не очень попорчены аллопатическими средствами, то гомеопатія могла бы оказать народу великую услугу. Я даже списывался по этому вопросу съ правленіемъ общества послѣдователей гомеопатіи, прося рекомендовать мнѣ врача; но правленіе отвѣтило мнѣ, что врачей гомеопатовъ такъ мало, что едва достаетъ на Петербургъ, Москву и Кіевъ.

По минованіи холернаго года земскіе начальники принялись за истребленіе саранчи, а кстати и за преслѣдованіе всевозможныхъ кулаковъ, кабатчиковъ и тайныхъ ростовщиковъ, которыхъ налетѣла такая масса, что, пожалуй, наносили вреда болѣе саранчи. Саранчу кое-какъ мы ловили разными сѣтями, беднями, сжигали ее: ну, а изловить тайныхъ ростовщиковъ даже и кое-какъ не удавалось... Они всегда грызли народъ, жирѣли и продолжаютъ грызть и жирѣть до сихъ поръ. Судъ съ ними ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ все совершается на законномъ основаніи, и какъ будто ничего незаконнаго нѣтъ. Они себѣ даютъ деньги подъ обезпеченіе какого либо залога или подъ векселя, берутъ со своихъ кредиторовъ не жидовскіе, а анаѳемскіе проценты, ставятъ неустойки, отсрачиваютъ платежи и переписываютъ векселя съ добавленіемъ и неустоекъ и процентовъ, а въ извѣстное время набрасываются на свою жертву и поглощаютъ ее. Слѣды этого поглощенія въ залахъ судовъ неизвѣстны, а тѣ, которые могли бы взглянуть на эти жертвы и протянуть имъ руку помощи, брезгливо отворачиваются отъ нихъ.

Помнится мнѣ, что во время моей службы на должности земскаго начальника, на одномъ изъ съѣздовъ, гдѣ я засѣдалъ, разбиралось дѣло нѣкоего Сушина, обвиненнаго земскимъ начальникомъ въ какой-то продѣлкѣ по продажѣ хлѣба въ голодный годъ. Подробности этого дѣла я теперь забылъ, но помню, что оно насъ всѣхъ возмутило... Да, мы всѣ возмущались, а, удалившись въ совѣщательную комнату и порывшись въ законахъ, кончили тѣмъ, что вынесли оправдательный приговоръ.

Субъекты эти немало разорили и дворянъ, землевладѣльцевъ, у которыхъ, конечно, земля заложена въ какомъ нибудь банкѣ. Для владѣльцевъ этихъ самыми страшными мѣсяцами являются декабрь и іюль, такъ какъ въ эти мѣсяцы обыкновенно имѣнія неисправныхъ плательщиковъ назначаются къ продажѣ съ аукціона. И вотъ передъ наступленіемъ этихъ-то страшныхъ мѣсяцевъ всѣ эти Сушины, Лещевы, Паули и многіе другіе раскидываютъ свои паутины и излавливаютъ въ нихъ нуждающихся въ деньгахъ. Одинъ изъ поименованныхъ въ такихъ случаяхъ поступалъ слѣдующимъ образомъ.

Давалъ онъ подъ громадные проценты деньги, а затѣмъ съ взявшимъ деньги заключалъ, помимо этого, условіе на покупку хлѣба со скидкою четырехъ-пяти копеекъ съ пуда, а коль скоро деньги не уплачивались своевременно, или не продавался своевременно хлѣбъ, то сверхъ всего этого взыскивалась неустойка. Но это, такъ сказать, были однѣ только угрозы, а въ сущности дѣло кончалось миролюбивой сдѣлкой, а именно: всѣ проценты и скидки за хлѣбъ и неустойки присоединялись къ капитальной суммѣ, и вексель переписывался. Сверхъ этого бывали и такіе случаи, что старый вексель почему либо не возвращался векселедателю, а подавался ко взысканію.

Въ лапы такимъ субъектамъ я лично никогда не попадался, но не потому, чтобы я былъ особенно хорошій хозяинъ, или велъ слишкомъ уже аккуратную жизнь, а единственно потому, что постоянно находился на службѣ и сверхъ того имѣлъ приличный доходъ со своихъ литературныхъ заработковъ. Не хочу поименовывать тѣ редакціи, которыя неоднократно выручали меня въ маѣ мѣсяцѣ и въ декабрѣ. Пріѣдешь, бывало, въ редакцію, покажешь ей публикацію о продажѣ имѣнія, и она, бывало, выручитъ. Случалось такъ, что литературный заработокъ въ карманъ ко мнѣ даже и не попадалъ, а прямехонько съ редакціоннымъ же разсыльнымъ отправлялся въ Московскій почтамтъ по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, въ особый отдѣлъ Дворянскаго земельнаго банка.

Но хорошо, что у меня были, такъ сказать, побочные рессурсы, но представьте положеніе того, у кого этихъ побочныхъ рессурсовъ не имѣлось—поневолѣ полѣзешь въ паутину, да еще начнешь

вертѣться въ ней въ разныя стороны и кругомъ заматываться ею. Во время моей литературной дѣятельности я очень часто описывалъ этихъ господъ, всегда предлагавшихъ свои услуги нуждавшимся людямъ. Откровенно сказать: я думалъ описаніями этими обратить вниманіе тѣхъ, которымъ надлежало бы принять мѣры для обузданія ихъ аппетитовъ, но, увы, ихъ-то именно вниманія обратить мнѣ и не удалось.

Въ разсказахъ: «Голодовка», «Злючка», «Паукъ» и «Мелкія сошки», я чуть не поименно называлъ всю эту саранчу; читатели узнавали ихъ, даже потомъ величали данными мною прозвищами... и только. Но я искалъ не этого, а совсѣмъ другого; но мало ли что людямъ приходитъ въ голову искать и не находить? Помиримся съ этимъ.

Разскажу слѣдующій случай, достаточно характеризующій хищниковъ нашей мѣстности, т.-е. всѣхъ этихъ Клещевыхъ, Мокрушиныхъ, Раулей Синяя Борода и т. п. По сосѣдству со мной проживаютъ три брата П. Года три-четыре тому назадъ у этихъ братьевъ П. умерла старуха-мать, оставивъ своимъ сыновьямъ въ наслѣдство участокъ земли въ тысячу триста десятинъ, конечно, заложенныхъ. Братья раздѣлились между собой, но формальнаго раздѣла совершить не могли по неимѣнію на это средствъ. Раздѣлившись, каждый изъ братьевъ зажилъ своимъ домкомъ, отдѣльно одинъ отъ другого и принялся за свое отдѣльное хозяйство. Старшій, которому достался между прочимъ хуторъ матери, зажилъ на этомъ хуторѣ; средній братъ выстроилъ себѣ на своемъ участкѣ хуторокъ, а третій, женатый и семейный, жилъ въ усадьбѣ своей жены, граничащей съ его участкомъ. Какъ велось этими братьями хозяйство, я не знаю; знаю только, что жили они скромно, никуда изъ имѣнія не отлучались и за хозяйствомъ всегда слѣдили лично сами. Слышалъ я только отъ нихъ обычныя жалобы въ іюльскіе и январскіе дни. Такъ прошло года два-три, какъ вдругъ въ прошломъ году набросилась на нихъ цѣлая стая вышепоименованныхъ хищниковъ: посыпались въ судъ разные векселя, и по рѣшенію суда имѣніе всѣхъ трехъ братьевъ, какъ не раздѣленное, было назначено къ продажѣ и продано.

Ужасъ объялъ всѣхъ братьевъ. Слышались въ ихъ усадьбахъ вопли и стоны, а со старшимъ послѣдовалъ ударъ, который и парализовалъ половину его тѣла. Послѣ этого погрома мнѣ случилось быть у младшаго изъ всѣхъ братьевъ П., и вотъ какую я засталъ у него сцену: передъ нимъ, чуть не на колѣняхъ, заливаясь слезами, стоялъ молодой человѣкъ, нѣкто А. Клещевъ, сынъ одного изъ тѣхъ кредиторовъ, по милости которыхъ имѣніе было продано. И вотъ что говорилъ этотъ молодой человѣкъ:

— Я явился къ вамъ подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти за то дурное дѣло, въ которомъ былъ участникомъ, и результатомъ ко-

тораго была продажа за безцѣнокъ вашего родового имѣнія. Въ сущности братья ваши были должны моему покойному отцу четыре тысячи рублей, и только путемъ невозвращенія оплаченныхъ векселей и ростовщическихъ процентовъ да разныхъ неустоекъ сумма эта возросла до десяти слишкомъ тысячъ. Тѣмъ не менѣе,— прибавилъ онъ, — покойный родитель мой, Николай Макаровичъ Клещевъ, находясь на смертномъ одрѣ, въ присутствіи жены своей и сыновей: меня и брата Ивана, завѣщалъ, что, зная семью трехъ братьевъ П. въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, онъ не желаетъ обидѣть ихъ, а потому въ послѣднюю минуту своей жизни приказываетъ получить съ нихъ не болѣе того, сколько они сами признаютъ за собою долга, т.-е. въ дѣйствительности около четырехъ тысячъ.

Разсказывавшій все это при мнѣ неоднократно падалъ г. П. въ ноги, просилъ простить его и клялся все сейчасъ показанное подтвердить на судѣ подъ присягой.

Итакъ, вотъ вамъ сознаніе одного изъ кредиторовъ. Но вѣдь это на смертномъ одрѣ, а не изъ тѣхъ, которые до смертнаго одра еще не дожили, и которые преспокойно здравствуютъ себѣ. Тѣ ни за что такого раскаянія не обнаружатъ. Мнѣ думается, что, если бы обратить на дѣло г.г. П. должное вниманіе: произвести дознаніе, да не такъ, какъ обыкновенно производится оно въ такихъ случаяхъ, а тщательно, усердно, то можно было бы докопаться до весьма интересныхъ и поучительныхъ дѣяній этихъ недожившихъ еще до смертнаго одра грѣшниковъ. Вѣдь не однимъ только топоромъ можно убить человѣка — можно съ успѣхомъ сдѣлать это и съ помощью векселя.

Прослужить земскимъ начальникомъ мнѣ пришлось недолго, такъ какъ 26 апрѣля 1895 г. со мной случился апоплектическій ударъ, парализовавшій мнѣ лѣвую сторону тѣла. Случилось это очень просто.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ долженъ я былъ засѣдать на уѣздномъ съѣздѣ. Апрѣльскіе съѣзды всегда отличаются массою дѣлъ: такъ какъ въ мартѣ по случаю распутицы съѣздовъ не полагается, то понятно, что къ апрѣльскому съѣзду скопляется двойное количество дѣлъ. Съѣзды у насъ начинались двадцатаго числа и продолжались обыкновенно дня два-три, а апрѣльскій всегда продолжался вдвое больше. Засѣданія происходили и утромъ и вечеромъ. Я съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждалъ конца этого съѣзда, такъ какъ вознамѣрился прямо изъ города Балашова, гдѣ съѣзды происходили, отправиться въ Москву по нѣкоторымъ своимъ литературнымъ дѣламъ. Я былъ заранѣе счастливъ повидаться въ Москвѣ съ своими хорошими знакомыми и пріятелями, и сверхъ того просто хотѣлось развлечься, тѣмъ болѣе, что наступало 1-е мая, когда и сама Москва оживаетъ и воскресаетъ послѣ продолжительной

зимней спячки. Я даже предположилъ заранѣе, что 1 мая буду въ Сокольникахъ, а затѣмъ на открытіи лѣтнихъ загородныхъ театровъ.

Наконецъ наступило 26 апрѣля, послѣдній день засѣданій. Вечернее засѣданіе кончилось у насъ часовъ въ 7-8 вечера. Вечеръ былъ положительно превосходный, и я прямо изъ залы засѣданія отправился сперва въ такъ называемый «Земскій садикъ», куда собираются обыкновенно подышать чистымъ воздухомъ балашовскіе обыватели, пробылъ въ немъ часа полтора, былъ очень веселъ, болталъ и шутилъ съ тамошними барынями, а часу въ десятомъ отправился къ себѣ на квартиру, въ гостиницу Галевича.

Придя въ свой номеръ, я позаботился нанять извозчика, который бы довезъ меня до вокзала желѣзной дороги. Я распорядился этимъ заранѣе потому, что поѣздъ изъ Балашова въ Москву отходитъ очень рано, когда невсегда можно найти извозчика. Затѣмъ, нанявъ извозчика, я принялся укладывать свои пожитки, уложивши которые, потребовалъ себѣ ужинъ. Чтобы читатель не подумалъ, что я поусердствовалъ за ужиномъ—лишнее съѣлъ или выпилъ, я скажу, что ужинъ мой состоялъ изъ одного жаренаго карася небольшого размѣра и рюмки бѣлаго вина. Поужинавъ я легъ спать. Было 10 часовъ вечера. Не успѣлъ я еще путемъ улечься, какъ вдругъ на соборной колокольнѣ заколотили въ набатъ. Я наскоро вскочилъ съ постели, подошелъ къ окну, растворилъ его и спросилъ у стоявшихъ подъ окномъ извозчиковъ о мѣстѣ пожара. Они указали мнѣ зарево, и оказалось, что пожаръ происходилъ чуть ли не въ концѣ города. Я опять улегся, потушивъ свѣчу, но уснуть уже не могъ и чувствовалъ, что сердце, мое словно разрывается на части. Тогда я быстро вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ двери номера и позвонилъ коридорнаго. Сердце мое все такъ и разрывалось, а когда коридорный отворилъ дверь, то стоять на ногахъ я уже не могъ, а упалъ къ нему на шею, на которой и повисъ.

— Что съ вами, Илья Александровичъ? что съ вами, Господи Іисусе?

Я хотѣлъ отвѣтить, что мнѣ дурно, но языкъ уже не повиновался мнѣ, и я только могъ кое-какъ прошамкать:

— Доктора... доктора!..

Коридорный кое-какъ уложилъ меня на диванъ, а самъ поскакалъ за докторомъ.

Тутъ уже я потерялъ сознаніе, и что было со мной на первыхъ порахъ я не помню...

И. А. Саловъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

I.

ВЪ НАЧАЛѢ декабря 1849 г. на письменномъ столѣ, въ кабинетѣ покойнаго учителя моего, Н. В. Берга, я увидѣлъ четыре тетрадки, сложенныя въ четвертку, писанныя разными почерками. На обложкѣ первой было крупно написано «Банкротъ». Это слово зачеркнуто, и подъ нимъ тоже крупно: «Свои люди — сочтемся», комедія въ 4 дѣйствіяхъ, сочиненіе А. Островскаго». Такъ начинаетъ свои «Отрывки изъ воспоминаній», — въ частности воспоминанія объ Островскомъ,—покойный И. Ѳ. Горбуновъ [1]). Далѣе онъ разсказываетъ, какое впечатлѣніе произвело на него первое произведеніе новаго драматурга, какъ онъ хитростью добился возможности списать комедію, какъ, наконецъ, произошло его знакомство съ авторомъ. Онъ сидѣлъ и переписывалъ пьесу, когда «около восьми часовъ вечера въ кабинетъ вошелъ бѣлокурый, стройный, франтовато одѣтый (въ коричневомъ со свѣтлыми пуговицами фракѣ и, по тогдашней модѣ, въ необыкновенно пестрыхъ брюкахъ) молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Набилъ трубку табаку, выпустилъ два, три клуба дыму и съ боку мелькомъ взглянулъ на мое чистописаніе. Это былъ А. Н. Островскій.

---

[1]) Сочиненія, изд. Маркса, стр. 555 и дальше.

— «Позвольте васъ спросить,—робко обратился я къ нему:— я не разберу вотъ этого слова.

— «Упаточилась»,— отвѣчалъ онъ, посмотрѣвъ въ тетрадку:— слово русское, четко написанное.

«Спросилъ я, впрочемъ, не потому, что я не разобралъ этого слова, а просто я горѣлъ нетерпѣніемъ услыхать его голосъ»...

Извѣстно, что комедія «Свои люди — сочтемся» была начата Островскимъ въ 1846 г., но закончена имъ и сдана въ журналъ «Москвитянинъ» только въ 1850 г. Появленіе комедіи произвело сенсацію въ московскихъ литературныхъ кружкахъ. Единогласно было признано первенствующее значеніе пьесы среди другихъ произведеній подобнаго рода. Никто не сумѣлъ такъ мѣтко схватить основныя черты дореформеннаго быта русскаго купечества, никто съ такой безпощадной правдой, но такъ художественно-просто не освѣтилъ наиболѣе глухихъ уголковъ «темнаго царства», парализировавшаго страну своею дикостью и невѣжествомъ. Очень понятно, что испуганные неожиданнымъ свѣтомъ обитатели «угловъ» встрепенулись и ощетинились. Какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ назадъ въ такомъ же положеніи было чиновничество относительно Гоголевскаго «Ревизора». Потребовались нечеловѣческія усилія, вмѣшательство верховной власти, чтобы вырвать драгоцѣнную картину-фотографію изъ рукъ узнавшихъ себя въ ней Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Земляникъ, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ и т. п. Теперь насталъ чередъ купечеству. Нужно правду сказать, благодаря ли его денежному вліянію на администрацію, или по другимъ причинамъ, борьба его съ ненавистной комедіей была гораздо продуктивнѣе въ смыслѣ результатовъ. Съ момента напечатанія комедіи до момента представленія ея на сценѣ прошло десять лѣтъ. За это время враги Островскаго цѣпко держались за его произведеніе, и хотя было много пьесъ однороднаго содержанія, затрогивавшихъ ту же среду и тѣ же нравы, тѣмъ не менѣе любимое дѣтище писателя находилось подъ запретомъ, лишенное обыкновенныхъ гражданскихъ правъ. Дѣло, возникшее по поводу «Свои люди—сочтемся», даетъ любопытный матеріалъ для характеристики административныхъ взглядовъ того времени. Авторъ еще не успѣлъ заикнуться о постановкѣ пьесы, когда его имя уже волновало петербургскія канцеляріи. Доложили государю. Николай написалъ своимъ мелкимъ почеркомъ: «Кто Островскій, сочинитель пьесы «Свои люди— сочтемся»?». Этотъ вопросъ поставилъ втупикъ шефа жандармовъ, графа А. Ѳ. Орлова. Онъ никогда не слыхалъ этого имени. Обратились къ директору императорскихъ театровъ: онъ долженъ былъ знать всѣхъ драматурговъ поименно. Но и Гедеонову это имя ничего не говорило. «Пьеса «Свои люди—сочтемся»,—отвѣчалъ онъ,— прислана изъ Москвы, а потому невозможно получить сегодня самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ авторѣ. Мнѣ сказано, что сочи-

нитель—точно Островскій, молодой человѣкъ, сынъ стряпчаго, и служитъ въ Московскомъ коммерческомъ судѣ» [1]. За недостаткомъ свѣдѣній въ Петербургѣ, написали въ Москву графу Закревскому. Тотъ не замедлилъ отвѣтомъ: «Честь имѣю увѣдомить васъ, милостивый государь,—писалъ онъ Орлову,—что сочинитель пьесы «Свои люди—сочтемся», изъ дворянъ, губернскій секретарь Островскій, воспитывался въ здѣшнемъ университетѣ, изъ коего, не кончивъ курса, вступилъ въ службу первоначально въ Московскій совѣстный судъ, а нынѣ состоитъ въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ Московскаго коммерческаго суда и штатной должности не занимаетъ. Особенныхъ способностей по службѣ, какъ отозвался предсѣдатель коммерческаго суда, Островскій при обыкновенныхъ канцелярскихъ занятіяхъ оказать не могъ; проживая при отцѣ, онъ пользовался всегда хорошимъ мнѣніемъ начальства и не подавалъ повода къ заключенію о неблагонамѣренномъ образѣ мыслей. Поведенія и образа жизни, какъ доноситъ московскій оберъ-полицеймейстеръ, сказанный Островскій хорошаго» [2]. Между тѣмъ, пьеса была препровождена въ комитетъ 2 апрѣля, который спѣшно обсуждалъ ее [3].

Въ сущности разсматривало пьесу только два лица: баронъ Модестъ Корфъ (впослѣдствіи графъ) и генералъ-адъютантъ Н. Н. Анненковъ; третье лицо, камеръ-юнкеръ Ростовскій, исправляло обязанности секретаря и «скрѣпляло» журналъ. Высокопоставленные цензора отнеслись къ своей задачѣ довольно своеобразно. Въ отзывѣ ихъ о достоинствѣ и недостаткахъ комедіи постоянно сквозятъ два чувства: съ одной стороны, уваженіе къ произведенію, дѣйствительно выдающемуся по таланту, съ другой—боязнь какъ нибудь нарушить принципъ власти, обязанный за собой однимъ считать право самостоятельнаго сужденія. Поэтому мнѣніе о пьесѣ, въ общемъ благопріятное Островскому, должно было въ концѣ концовъ привести къ обвинительному приговору. Разсказавъ подробно содержаніе пьесы, члены комитета приходили къ слѣдующему заключенію: «Комитетъ прежде всего долгомъ считаетъ замѣтить, что въ этомъ произведеніи нѣтъ ничего прямо противнаго правиламъ общей цензуры. Они не запрещаютъ ни осмѣивать странности или слабости, ни представлять въ дѣйствіи страсти, порокъ и даже преступленіе. Первое есть, напротивъ, одно изъ важнѣй-

---

[1] Архивъ III Отд. Собств. Его Имп. Вел. канц. (нынѣ департ. государств. полиціи), I экспед., 1850 г., № 181.

[2] Тамъ же.

[3] Комитетъ 2 апрѣля 1848 г. представлялъ высшую цензурную инстанцію, докладывавшую свое мнѣніе непосредственно государю императору, минуя министра народнаго просвѣщенія. Онъ имѣлъ цѣлью не только слѣдить за текущей литературой, но еще контролировать дѣйствія цензуры (см. Н. Лемке: Очерки по исторіи русск. цензуры., Спб., 1904 г., 203 и дальше).

шихъ цѣлей драматическаго искусства, а послѣднее всегда и на всѣхъ театрахъ въ мірѣ давало писателямъ главные элементы и пружины для ихъ созданій. Начиная отъ греческой сцены и кончая русскою, какъ младшею, вездѣ являлись отцеубійцы, клятвопреступники, нарушители законовъ Божескихъ и гражданскихъ, словомъ преступленіе и злодѣяніе во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Слѣдственно, ни цензоръ за пропускъ комедіи г. Островскаго, ни издатель журнала за помѣщеніе оной не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности. Но въ тѣхъ высшихъ видахъ, въ которыхъ ввѣренъ комитету надзоръ за нашимъ книгопечатаніемъ, въ той нравственной, такъ сказать, цензурѣ, которая на него возложена, ему нельзя было не обратить вниманія на эту пьесу. Она, несомнѣнно, имѣетъ свою хорошую сторону, ибо въ ней съ примѣчательнымъ талантомъ выставляется на позоръ и подвергается заслуженному наказанію нелѣпая страсть нашего купечества давать дѣтямъ модное воспитаніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, карается язва нынѣшняго времени—злостное или умышленное банкротство. Но кто—дѣйствующія лица, которыми все это обставлено? Богатый купецъ, который съ громкими фразами чести и добросовѣстности на устахъ обманываетъ своихъ заимодавцевъ; жена его, глупая баба, трепещущая и передъ мужемъ и передъ дочерью; дочь, извергъ, для которой нѣтъ ничего святого и завѣтнаго; приказчикъ, который, бывъ призрѣнъ и вскормленъ въ домѣ своего хозяина, обираетъ его до-нага и отдаетъ на жертву кредиторамъ, «подлецъ безчувственный», какъ зоветъ его самъ хозяинъ; даже лица второстепенныя: стряпчій, сваха, ключница и мальчикъ, совершенно соотвѣтствуютъ главнымъ. Ни одного характера, призывающаго къ себѣ уваженіе, ни одной черты или порыва, на которомъ можно бы было съ отрадою остановиться посреди картины этой моральной низости [1]).

«Изображая наше среднее купечество и клеймя заслуженнымъ образомъ его странности и пороки, неужели авторъ не могъ найти въ средѣ его и вставить въ свою раму, для противоположности, ни одного изъ почтенныхъ нашихъ купцовъ, въ которыхъ богобоязненность, праводушіе и прямота ума составляютъ типическую и неотъемлемую принадлежность? Неужели также условія эффекта необходимо требовали возвести до такой противоестественной безчувственности гнусное неприличіе обращенія дочери съ родителями, и нельзя было выставить горькіе плоды французскаго полу-

[1]) Подобные упреки попадались и въ повременной печати. Такъ, одинъ критикъ («Москвит.», 1854 г., № 5), разбирая комедію «Бѣдность не порокъ», попутно находилъ, что Островскій въ первой своей комедіи («Свои люди—сочтемся») «былъ чистымъ сатирикомъ: ничто противодѣйствующее не было выставлено имъ на ряду съ показаннымъ зломъ». Въ такомъ же духѣ писали «Русская Бесѣда» и «Отечественныя Записки».

воспитанія въ столь же безумномъ и смѣшномъ, но менѣе преступномъ видѣ. Наконецъ, заключеніе комедіи—торжество черной неблагодарности въ двухъ лицахъ, дочери и приказчикѣ, оставляетъ самое печальное впечатлѣніе, и его ощутили не только члены комитета, но и разныя другія лица, читавшія комедію въ рукописи, въ которой она первоначально явилась въ Петербургѣ [1]). Тогда общее мнѣніе было, что ее не позволятъ напечатать, хотя, какъ уже сказано, въ ней нѣтъ ничего противъ цензуры. Засимъ, не усматривая и въ самомъ направленіи автора ничего предосудительнаго, или неблагонамѣреннаго, ибо, давая пороку торжествовать, онъ рисуетъ его, впрочемъ, въ такихъ черныхъ и отвратительныхъ краскахъ, которыя сами по себѣ внушаютъ омерзѣніе, комитетъ считалъ бы, однакожъ, полезнымъ, при явномъ отпечаткѣ таланта, лежащемъ на всемъ этомъ произведеніи, предоставить черезъ министра народнаго просвѣщенія попечителю Московскаго учебнаго округа призвать предъ себя г. Островскаго и, передавъ ему вышеизложенное, вразумить его, что благородная и полезная цѣль таланта должна состоять не только въ живомъ изображеніи смѣшного и дурного, но и въ справедливомъ его порицаніи; не только въ карикатурѣ, но и въ распространеніи высшаго нравственнаго чувства; слѣдовательно, въ противопоставленіи пороку добродѣтели, въ картинахъ смѣшного и преступнаго такихъ помысловъ и дѣяній, которые возвышаютъ душу; наконецъ, въ утвержденіи того столь важнаго для жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣяніе находитъ достойную кару еще на землѣ. Комитетъ обратился отъ сего къ другому вопросу, хотя не прямо входящему въ кругъ его дѣйствія, однако прямо истекающему изъ тѣхъ же замѣчаній. Если комедія г. Островскаго производитъ такое впечатлѣніе при одномъ чтеніи, то эффектъ ея при представленіи былъ бы еще разительнѣе и могъ бы внушить прискорбныя мысли и чувства тѣмъ изъ нашего купеческаго сословія, которые дорожатъ своею честью и доброю славою. Посему не будутъ ли настоящія соображенія приняты на видъ при разсмотрѣніи, слѣдуетъ ли разрѣшать постановку на сцену этой, сколько извѣстно, нигдѣ еще не игранной комедіи? Таковое заключеніе свое комитетъ положилъ повергнуть на высочайшее государя императора благоусмотрѣніе» [2]).

---

[1]) Въ позднѣйшей редакціи заключительная сцена комедіи пополнялась участіемъ квартальнаго, который приходилъ арестовать Подхалюзина. Только при этомъ условіи (торжество добродѣтели и наказаніе порока) пьеса была допущена на сцену въ 1858 г. (въ этомъ видѣ она называлась «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь»). Впослѣдствіи (въ 1881 г.) поправка была оставлена, и пьеса возстановлена въ первоначальной редакціи.

[2]) Архивъ III Отд. Собств. Его Имп. Вел. канц., 1850 г., № 131.

Конечно, Николай Павловичъ согласился съ мнѣніемъ Корфа и Анненкова. На докладѣ комитета онъ собственноручно написалъ карандашомъ: «Совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить, во всякомъ случаѣ увѣдомя о томъ князя Волконскаго» [1]). Одновременно было приказано московскому генералъ-губернатору взять Островскаго «подъ присмотръ полиціи». Закревскій благоволилъ къ молодому писателю. По словамъ Горбунова, Островскій читалъ у него въ домѣ свои произведенія, не только «Бѣдность не порокъ», но и опальное «Свои люди — сочтемся». По другимъ свѣдѣніямъ [2]), заступничеству Закревскаго Островскій обязанъ тѣмъ, что цензура почти не тронула «Своихъ людей». Онъ самъ лично объявлялъ А. Н. царскую волю. «Это вамъ больше чести»,— сказалъ онъ, въ видѣ утѣшенія [3]). Однако, рекомендованное комитетомъ «вразумленіе автора» было приведено въ исполненіе, хотя, быть можетъ, совсѣмъ не въ томъ духѣ, какъ объ этомъ мечтали сверху. Дѣло въ томъ, что столь пріятная миссія выпала на долю В. И. Назимова, тогдашняго попечителя Московскаго учебнаго округа, человѣка по своему времени весьма замѣчательнаго. Онъ еще въ 1841 г. не постѣснился высказать свое мнѣніе по вопросу о революціонномъ сообществѣ въ Вильнѣ и отрицаніемъ такого сообщества вооружилъ противъ себя (правда, временно) государя и министровъ [4]).

Когда исторія съ Островскимъ попала ему въ руки, онъ постарался взглянуть на нее не окомъ слѣдователя, а житейскимъ опытомъ добраго воспитателя. Свою точку зрѣнія онъ выяснилъ, впрочемъ, въ письмѣ къ министру, кн. Ширинскому-Шихматову: «Замѣчанія, изложенныя въ предложеніи вашего сіятельства, отъ 3 апрѣля [5]), касательно комедіи г. Островскаго «Свои люди — сочтемся», я обдумалъ съ тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаютъ важныя мысли, въ немъ содержащіяся, и сообразилъ его съ правилами и основаніями, которыя я имѣлъ въ виду, дозволяя произведеніе это къ напечатанію. Зная, что сочиненіе подобнаго рода требуетъ бдительнаго и строгаго разбора цензуры, я не ограничился тѣмъ, что поручилъ его разсматривать одному изъ цензоровъ, но предварительно самъ прочелъ его сполна, и притомъ, желая узнать мнѣнія другихъ, читалъ графу Арсенію Андреевичу Закревскому, которому, какъ начальнику столицы, должно быть извѣстнѣе, какъ сословіе, представленное въ этой комедіи, такъ и впечатлѣніе, которое она производила въ обществѣ, при чтеніи ея въ рукописи.

---

[1]) Министръ императ. двора (1825—1852 г.г.).

[2]) М. И. Семевскій («Русская Старина», 1894 г., №№ 4, 6 и 7).

[3]) Горбуновъ, Сочиненія, 555.

[4]) «Русская Старина», 1885 г., т. XLV—XLVI, очеркъ А. С. Н.

[5]) Министръ поручалъ Назимову вразумить Островскаго, причемъ повторялъ дословно выраженія, изложенныя въ комитетскомъ журналѣ.

Я не удовольствовался тѣмъ, что сочиненіе г. Островскаго не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры, въ буквальномъ смыслѣ, какъ и ваше сіятельство изволили замѣтить въ своемъ предложеніи: мнѣ нужно было прослѣдить тѣ мысли и намѣренія, которыя могъ питать авторъ, и рѣшить, не оскорбляютъ ли онѣ нравственнаго чувства и общественнаго мнѣнія, не противорѣча законному порядку. По тщательномъ наблюденіи я не могъ не усмотрѣть, что въ комедіи хотя и представлены люди порочные (впрочемъ и не всѣ), однако порокъ не только не торжествуетъ [1]), но наказывается самою жестокою на землѣ [2]) карою: во-первыхъ, въ нѣдрахъ семейства—неблагодарностью дѣтей и проклятіемъ родителей, во-вторыхъ, въ обществѣ—осмѣяніемъ и негодованіемъ публики, къ которой обращеніе сдѣлано въ самой комедіи, и, наконецъ, передъ закономъ и судомъ правительства—тюрьмою и страхомъ Сибири. Что же касается до нравственнаго чувства, производимаго комедіею, то оно хотя дѣйствительно нѣсколько грустно, ибо комедія и сатира всегда болѣе или менѣе пробуждаютъ тоскливое чувство, напоминая о слабостяхъ человѣческихъ, однако, съ одной стороны, оно облегчается игривымъ представленіемъ несообразностей, безъ всякой затаенной злой мысли, а единственно съ тѣмъ, чтобы возбудить простодушный смѣхъ; съ другой же стороны, оно проясняется высокою идеею справедливости, передъ которой обращаются въ прахъ всѣ злые замыслы неблагодарности. На таковыхъ основаніяхъ, въ сущности совершенно согласныхъ, какъ мнѣ кажется, съ изложенными въ предложеніи вашего сіятельства, я не усомнился разрѣшить напечатать эту комедію. Впрочемъ, я долгомъ почелъ тотчасъ же сообщить молодому, еще неопытному автору замѣчанія, которыми вамъ, милостивый государь, было угодно почтить его. Съ какимъ чувствомъ признательности г. Островскій принялъ сіи замѣчанія, вы изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ подлинника письма его ко мнѣ. Покорнѣйше прошу» и т. д.[3]). Затѣмъ слѣдовало само письмо Островскаго: «Когда я выслушалъ отъ вашего превосходительства замѣчанія г. министра народнаго просвѣщенія по поводу моей комедіи «Свои люди — сочтемся», первымъ чувствомъ моимъ была глубокая благодарность за совѣты, которыми его сіятельству угодно было почтить меня. Въ оправданіе же тѣхъ невольныхъ промаховъ, которые могли вкрасться въ это мое первое произведеніе, я осмѣливаюсь представить вниманію вашего превосходительства основанія, руководившія меня, какъ при сочиненіи, такъ и при желаніи видѣть мой трудъ обнародо-

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) То же.

[3]) М. И. Писаревъ. Къ матеріаламъ для біографіи А. Н. Островскаго („Ежегодникъ» импер. театровъ, сезонъ 1901—1902 г.г., 4).

ваннымъ посредствомъ печати. Главнымъ основаніемъ моего труда, главною мыслію, меня побудившею, было добросовѣстное обличеніе порока, лежащее долгомъ на всякомъ членѣ благоустроеннаго христіанскаго общества, тѣмъ болѣе на человѣкѣ, чувствующемъ въ себѣ прямое къ тому призваніе. Такой человѣкъ льститъ себя надеждою, что слово горькой истины, облеченное въ форму искусства, услышится многими и произведетъ желанное плодотворное впечатлѣніе, какъ все въ сущности правое и по формѣ изящное. И мои надежды сбылись сверхъ моихъ ожиданій: трудъ мой, еще не оконченный, возбудилъ одинаковое сочувствіе и производилъ самыя отрадныя впечатлѣнія во всѣхъ слояхъ московскаго общества, болѣе же всего между купечествомъ, о чемъ небезызвѣстно и вашему превосходительству. Лучшія купеческія фамиліи единодушно, гласно изъявляли желаніе видѣть мою комедію и въ печати и на сценѣ. Я самъ нѣсколько разъ читалъ эту комедію передъ многочисленнымъ обществомъ, состоящимъ исключительно изъ московскихъ купцовъ, и, благодаря русской правдолюбивой натурѣ, они не только не оскорблялись этимъ произведеніемъ, но въ самыхъ обязательныхъ выраженіяхъ изъявляли мнѣ свою признательность за вѣрное воспроизведеніе современныхъ недостатковъ и пороковъ ихъ сословія и горячо высказывали необходимость дѣльнаго и правдиваго обличенія этихъ пороковъ (въ особенности превратнаго воспитанія) на пользу своего круга. Въ глазахъ этихъ почтенныхъ людей правда и польза, коей они отъ нея надѣялись, исключала всякую мысль объ оскорбленіи мелочного самолюбія. Все это побудило меня представить мою комедію въ цензурный комитетъ, и это же, осмѣливаюсь думать, обратило и ваше вниманіе на мой трудъ. Согласно понятіямъ моимъ объ изящномъ, считая комедію лучшею формою къ достиженію нравственныхъ цѣлей и признавая въ себѣ способность воспроизводить жизнь преимущественно въ этой формѣ, я долженъ былъ написать комедію или ничего не написать. Твердо убѣжденный, что всякій талантъ дается Богомъ для извѣстнаго служенія, что всякій талантъ налагаетъ обязанности, которыя честно и прилежно долженъ исполнять человѣкъ, я не смѣлъ оставаться въ бездѣйствіи. Будетъ часъ, когда спросится у каждаго: гдѣ талантъ твой? Въ истинности словъ, что порокъ наказывается и на землѣ, которыя г. министру народнаго просвѣщенія угодно было поставить мнѣ на видъ, я не только никогда не сомнѣвался, но постоянно думалъ и думаю, что въ нашемъ отечествѣ это дѣлается правѣе и законнѣе, нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Я писалъ свою комедію, проникнутый именно этимъ убѣжденіемъ. Купецъ Большовъ, сдѣлавшій преступленіе, наказывается страшною неблагодарностью дѣтей и предчувствіемъ и страхомъ неизбѣжнаго наказанія законовъ. Онъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «Какъ я пойду мимо Иверской, какъ мнѣ

взглянуть на нее, на матушку?... А тамъ присутственныя мѣста, уголовная палата. Вѣдь я—злостный, умышленный, вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ». Подхалюзинъ меня приводилъ нѣсколько въ затрудненіе: его преступленіе—неблагодарность; передъ судомъ офиціальнымъ Подхалюзинъ можетъ оправдаться: онъ не давалъ никакихъ документовъ ни отцу, ни стряпчему; но не уйти ему отъ суда публики, а потому я заставилъ стряпчаго, который чувствовалъ бездоказательность своего иска, прибѣгнуть къ суду публики. Мнѣ хотѣлось, чтобы именемъ Подхалюзина публика клеймила порокъ точно такъ же, какъ клеймитъ она именемъ Гарпагона, Тартюфа, Недоросля, Хлестакова и другихъ. Въ заключеніе я вторично приношу вашему превосходительству искреннюю мою благодарность за сообщенныя мнѣ замѣчанія г. министра народнаго просвѣщенія и считаю долгомъ принять ихъ въ соображеніе при будущихъ моихъ произведеніяхъ, если я почувствую себя способнымъ къ продолженію начатаго мною литературнаго поприща. Смѣю увѣрить ваше превосходительство, что недостатки моей комедіи, какъ перваго произведенія, могли произойти единственно отъ неопытности; основною мыслью было желаніе, чтобы порокъ былъ смѣшонъ и гадокъ, и чтобы торжествовали добро, правда, законъ. Съ чувствомъ нелицемѣрнаго уваженія и глубочайшею преданностью имѣю честь пребыть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугой, Александръ Островскій» [1]).

Изъ сопоставленія этихъ двухъ писемъ не трудно усмотрѣть, кто кого «вразумилъ» въ дѣйствительности: попечитель ли Островскаго, или «наоборотъ». Въ сущности, отвѣтъ Назимова сводился къ простой перефразировкѣ объясненія Островскаго; ссылка же на «важность мысли», проявленной въ письмѣ министра, и на «признательность» автора, который долженъ былъ ее чувствовать въ отношеніи комитетскихъ «совѣтовъ», то все это звучало скорѣе насмѣшкой, чѣмъ было искренне. Такъ, вѣроятно, поняли въ Петербургѣ, потому что офиціальная переписка по этому дѣлу прекратилась, но произведеніе Островскаго оставалось попрежнему «внѣ закона».

II.

Безправный въ 1850 г., А. Н. Островскій въ 1866 г. былъ почти законодателемъ театра. Въ пятнадцать слишкомъ лѣтъ онъ успѣлъ подарить сценѣ лучшія свои произведенія. «Бѣдность не порокъ», «Гроза», «Доходное мѣсто», «Не такъ живи, какъ хочется», «Женитьба Бальзаминова», «Воспитанница» создали ему

---

[1]) Письмо отъ 26 апрѣля 1850 г. (Писаревъ, Матеріалы. («Ежегодникъ» имиер. театровъ, сезонъ 1901—1902 г.г., прил. 4).

славу перваго русскаго драматурга. Извѣстно восклицаніе Аполлона Григорьева: «Нѣтъ бога, кромѣ Островскаго, и пророка его выше Садовскаго» [1]). Къ той же эпохѣ (концу 60-хъ г.г.) относится и увлеченіе Островскаго исторической драмой. По свѣдѣніямъ С. В. Максимова, это увлеченіе обязано главнымъ образомъ путешествію А. Н. по Россіи, организованному покойнымъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ для изученія исторіи и этнографіи Россійскаго государства. Кромѣ Островскаго, въ этихъ экскурсіяхъ приняли участіе: А. Ѳ. Писемскій, А. Ѳ. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, С. В. Максимовъ. Посѣщая приволжскіе города, бывшіе когда-то средоточіемъ исторической жизни Руси, Островскій имѣлъ возможность близко ознакомиться съ памятниками нашей старины, пропитаться, такъ сказать, ея духомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого знакомства явилась историческая хроника, посвященная наиболѣе интересной эпохѣ нашего историческаго прошлаго—Смутному времени. Въ промежутокъ отъ 1857 г. до 1868 г. Островскимъ написаны три историческихъ драмы: въ 1862 г.—«Козьма Мининъ-Сухорукъ», въ 1866 г.—«Дмитрій Самозванецъ», въ 1867 г.—«Тушино». Тѣмъ же настроеніемъ, но съ примѣсью фантастическаго элемента, проникнута и поэма-сказка «Воевода, или сонъ на Волгѣ» (1865 г.). Изъ этихъ пьесъ не играна, кажется, только «Тушино». Хроники пользовались успѣхомъ, но сравнительно меньшимъ, чѣмъ комедіи бытового характера. Сохранились извѣстія, что въ концѣ 50-хъ г.г. Островскій былъ не въ ладахъ съ дирекціей театровъ. Это дало ему будто бы поводъ горько жаловаться на судьбу русскаго драматурга и даже отказаться писать для сцены. «До сихъ поръ я не добился,—писалъ онъ кому-то,—чтобы меня хоть мало отличили отъ какого нибудь плохого переводчика; буду писать хроники, но не **для театра**» [2]). Во всякомъ случаѣ, въ описываемую эпоху (1866 г.) не было даже рѣчи о какомъ либо разладѣ, и лучшее доказательство тому—исторія съ постановкой «Дмитрія Самозванца». Нужно замѣтить, что 7 января 1866 г. въ бенефисъ А. А. Нильскаго было дано впервые на сценѣ Александринскаго театра въ С.-Петербургѣ драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ и 17 картинахъ, подъ названіемъ «Дмитрій Самозванецъ», сочиненіе Н. А. Чаева. Встрѣченная критикой довольно недружелюбно, какъ литературное произведеніе, хроника Чаева имѣла большой успѣхъ, какъ ловко сдѣланная сценическая вещь. Особенное впечатлѣніе производилъ В. В. Самойловъ въ роли Самозванца. Его мастерское толкованіе этого типа, признанное образцовымъ самимъ авторомъ [3])

---

[1]) Прова Михайловича, извѣстнаго артиста Московскаго Малаго театра.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) «Онъ былъ во многихъ мѣстахъ великолѣпенъ, хотя перевиралъ слова; загримированъ былъ прекрасно, по портрету. *Хлестаковъ у него выходилъ, а это главное*». («Петерб. Газета», 1896 г., № 312, письмо Н. Чаева М. В. Дальскому).

привлекло въ театръ массу публики. Пьеса выдержала нѣсколько полныхъ сборовъ. Тогда у Чаева явилось естественное желаніе поставить пьесу и въ Москвѣ. Дирекція, повидимому, раздѣляла этотъ взглядъ автора, когда встрѣтилось препятствіе, совсѣмъ неожиданное для всѣхъ. Дѣло въ томъ, что А. Н. Островскій написалъ пьесу на тотъ же сюжетъ и стремился поставить ее также въ Москвѣ. Вотъ какъ онъ объяснялъ свои desiderata въ письмѣ на имя министра двора, гр. В. Ѳ. Адлерберга: «Ваше сіятельство, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ. Прошу милостиво извинить меня, что я съ своей покорнѣйшей просьбой осмѣливаюсь занимать вниманіе вашего сіятельства, посвященное болѣе важнымъ дѣламъ. Передъ вашимъ сіятельствомъ мнѣ можетъ послужить оправданіемъ только то, что, работая болѣе пятнадцати лѣтъ для русскаго театра, поставивъ болѣе двадцати оригинальныхъ пьесъ, я до сихъ поръ не безпокоилъ ваше сіятельство ни одной просьбой. Предоставляя драматическое дѣло его естественному теченію, я никогда не заявлялъ своихъ заслугъ и не просилъ себѣ исключительныхъ милостей или покровительства; и теперь, вынужденный важными побужденіями, которыя буду имѣть счастіе изложить вашему сіятельству, я прошу у вашего сіятельства только справедливости. Въ августѣ мѣсяцѣ сего представлена мною въ дирекцію императорскихъ театровъ драматическая хроника «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій»; по одобреніи ея литературно-театральнымъ комитетомъ и цензурою, я просилъ о постановкѣ этой пьесы преимущественно въ Москвѣ, такъ какъ въ Петербургѣ уже была на сценѣ и шла съ успѣхомъ пьеса г. Чаева того же историческаго содержанія. Теперь я увѣдомленъ, что дирекція предполагаетъ поставить и въ Москвѣ пьесу г. Чаева, а не мою. Если драма Чаева имѣетъ заслугою успѣхъ въ Петербургѣ, что нѣкоторымъ образомъ гарантируетъ успѣхъ ея и въ Москвѣ, то и я, съ своей стороны, имѣю успѣхъ двадцати двухъ пьесъ, поставленныхъ на сцену,—и около полумилліона серебромъ сбора, если не болѣе, доставленнаго ими дирекціи, и потому отказъ въ постановкѣ моей пьесы будетъ для меня оскорбленіемъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что оно ничѣмъ не заслужено. Я нисколько не имѣлъ намѣренія лишать г. Чаева его успѣховъ въ Петербургѣ, справедливость требуетъ, чтобы и я имѣлъ въ Москвѣ свою долю успѣха и нравственнаго вознагражденія за мой серьезный историческій трудъ. Я считаю излишнимъ и совѣщусь повторять передъ вашимъ сіятельствомъ извѣстную сентенцію, что всякій трудъ долженъ доставить хоть какое нибудь утѣшеніе трудящемуся; трудъ драматическій, не поставленный на сцену, есть трудъ потерянный, отказомъ въ постановкѣ моей пьесы я навсегда буду лишенъ возможности видѣть одно изъ самыхъ зрѣлыхъ и дорогихъ моихъ произведеній—плодъ пятнадцатилѣтней опытности и долговременнаго изученія источниковъ.

Взявъ смѣлость изложить вашему сіятельству съ полною искренностью и самое дѣло, и свою просьбу, я, тѣмъ не менѣе, сознаю всю мелочность моего требованія въ виду тѣхъ высокихъ обязанностей, которыми занято вниманіе вашего сіятельства, и потому считаю непремѣннымъ долгомъ еще разъ у вашего сіятельства испросить извиненія за то, что я злоупотребляю снисходительностью и драгоцѣннымъ временемъ вашего сіятельства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга, А. Островскій» [1]). Изъ черновика, приложеннаго къ дѣлу, можно усмотрѣть, что министерство двора было склонно тотчасъ рѣшить вопросъ въ пользу Островскаго. Бумага къ директору театровъ была составлена въ томъ смыслѣ, что «было бы несправедливо и неосновательно» новую пьесу Островскаго, «обогатившаго русскую сцену многими заслужившими вниманіе произведеніями», не предпочесть «безъ достаточной и уважительной причины» пьесѣ Чаева, хотя и «дающей хорошіе сборы, но только еще первой изъ принятыхъ на императорскую сцену его произведеній». Въ виду этого дирекція предлагала прежнее свое распоряженіе по московскимъ театрамъ «пріостановить, а взамѣнъ того предложить поставить на тамошней сценѣ пьесу Островскаго, если къ исполненію сего не встрѣтится особыхъ препятствій» [2]). Однако, когда бумагу принесли къ Адлербергу для подписи, графъ заколебался ее утверждать. Отчасти, быть можетъ, повліяли на него два слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, онъ получилъ отношеніе, написанное въ третьемъ лицѣ отъ управляющаго временною ревизіонною комиссіею при государственномъ контролѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Островскаго [3]), въ которомъ тотъ, пользуясь, очевидно, своимъ офиціальнымъ положеніемъ, ходатайствовалъ за брата. При этомъ управляющій временной ревизіонной комиссіею считалъ возможнымъ, въ качествѣ неопровержимыхъ доказательствъ, указать еще на то преимущество брата, что постановка его пьесы «обойдется дешевле» пьесы г. Чаева (?). Во-вторыхъ, отъ самого Чаева Адлербергъ получилъ собственноручное письмо, переданное ему директоромъ театровъ. «Въ прошедшемъ году,—писалъ Чаевъ, — на сценѣ императорскаго С.-Петербургскаго театра была поставлена пьеса моя «Дмитрій Самозванецъ». Огромный, хотя, можетъ быть, незаслуженный съ моей стороны успѣхъ пьесы и полные сборы, доставляемые ею дирекціи, дали мнѣ смѣлость просить дирекцію о постановкѣ сей пьесы въ Москвѣ. Въ это время А. Н. Остров-

---

[1]) Письмо собственноручное, помѣченное октябремъ (числа нѣтъ) 1866 г. (Общій архивъ министерства импер. двора, оп. 1253, д. № 40, 1866 г.).

[2]) Общій архивъ министерства импер. двора, оп. 1253, д. № 40.

[3]) Михаилъ Николаевичъ, впослѣдствіи министръ государственныхъ имуществъ.

скій написалъ пьесу подъ тѣмъ же заглавіемъ и тоже обратился въ дирекцію театровъ съ просьбою о постановкѣ. Вчера я получилъ извѣстіе, что дирекція, отказываетъ мнѣ въ постановкѣ и ставитъ въ Москвѣ «Самозванца» А. Н. Островскаго. Если это справедливо, то я имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство обратить вниманіе на слѣдующее: моя пьеса предназначалась для Большого театра въ Москвѣ, для котораго она, по увѣренію г. управляющаго здѣшнею театральною конторою, необходима; вашему сіятельству извѣстно, что въ настоящее время Большой театръ почти постоянно пустъ, между тѣмъ сочувствіе москвичей къ русскимъ историческимъ пьесамъ и успѣхъ пьесы моей въ С.-Петербургѣ ручаются за долговременный полный сборъ. Я не говорю уже о томъ, что за границею единовременная постановка пьесъ подъ однимъ названіемъ считается нарушеніемъ правъ личной собственности, не говорю о томъ, что пьеса моя, давъ въ короткое время столько полныхъ сборовъ дирекціи и будучи напечатана и одобрена обществомъ за четыре года до появленія пьесы А. Н. Островскаго, имѣетъ, по мнѣнію многихъ, нѣкоторое право на постановку, по крайней мѣрѣ, прежде только-что появившейся, еще не напечатанной даже пьесы подъ тѣмъ же названіемъ. Не говорю о томъ, что бы сказалъ А. Н. Островскій, если бы я во время постановки какой нибудь изъ уважаемыхъ пьесъ его написалъ пьесу подъ тѣмъ же заглавіемъ и обратился бы въ дирекцію съ просьбою замѣнить его пьесу моею. Оставляя на сей разъ въ сторонѣ денежные мои расчеты, я счелъ долгомъ почтительнѣйше представить вниманію вашего сіятельства вышеизложенное. Меня побудили къ этому совсѣмъ другія причины, а именно глубокое уваженіе къ чувству правды вашего сіятельства, извѣстному и чтимому у насъ въ Россіи всѣмъ и каждымъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и т. д. Николай Чаевъ» [1]). Предварительно какого либо рѣшенія потребовали «справку». Представляя ее, директоръ театровъ старался объяснить, какимъ образомъ ходатайство Островскаго осталось пока неудовлетвореннымъ: «По одобреніи театрально-литературнымъ комитетомъ и цензурою драмы г. Островскаго, подъ названіемъ «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій», контора московскихъ театровъ представляла о принятіи оной къ театру. На это г. директоръ предложилъ, прежде принятія пьесы, представить ему для соображенія смѣты о расходѣ, какой потребуется на постановку ея. Во исполненіе сего контора донесла, что для постановки вышеупомянутой пьесы г. Островскаго на *Маломъ театрѣ* [2]) потребуется израсходовать до

[1]) Письмо отъ 18 ноября 1866 г. (Общій архивъ министерства импер. двора оп. 1253, д. № 40).

[2]) Курсивъ подлинника.

4.939 р. 81 к. Расходъ этотъ предполагается отнести на бюджетъ 1867 г. Директоръ, принявъ въ соображеніе: 1) что постановка на Маломъ театрѣ пьесы Островскаго при означенномъ, весьма значительномъ расходѣ не можетъ быть для дирекціи выгодною, ибо сборы на Маломъ театрѣ и при другихъ пьесахъ, поставленныхъ съ меньшими расходами, вполнѣ удовлетворительны, и 2) что на постановку на Большомъ театрѣ другой подобной же драмы «Дмитрій Самозванецъ» г. Чаева требовался конторою расходъ свыше 19 тыс. рублей,—предписалъ отъ 14 числа минувшаго октября доставить дополнительныя свѣдѣнія: а) почему драма г. Островскаго предпочитается быть поставленною *на Маломъ, а не на Большомъ театрѣ*[1], гдѣ, можетъ быть, найдутся для нея декораціи изъ имѣющихся уже налицо; б) *такъ какъ прежде представленія г. Островскимъ своей пьесы принята уже въ дирекцію*[2] отъ г. Чаева драма, подъ тѣмъ же названіемъ и въ сущности того же содержанія, и играется въ С.-Петербургѣ почти всегда при полныхъ сборахъ, то директоръ требовалъ мнѣнія конторы, можно ли надѣяться, что драма г. Островскаго утвердится на репертуарѣ предпочтительно предъ драмою г. Чаева, и в) почему оказывается такая огромная разница въ расходѣ по монтировкѣ драмы Островскаго передъ драмою Чаева (между 19 тыс. и 4.939 р.), и въ случаѣ, если бы разрѣшена была постановка драмы Чаева на Большомъ театрѣ, не наполняя сцены излишними выходными лицами, то не будетъ ли достаточно на постановку ея той же суммы, какая требуется на пьесу г. Островскаго, такъ какъ потребности той и другой почти одинаковы. *Отвѣта на сіе еще не получено*»[3]. Попутно графъ Борхъ считалъ нужнымъ полемизировать съ Островскимъ по поводу нѣкоторыхъ выраженій въ его письмѣ: «Г. Островскій, въ письмѣ своемъ, между прочимъ, объясняетъ, что отъ доставленныхъ имъ дирекціи 22 пьесъ дирекція пріобрѣла около полумилліона сбора, и потому отказъ въ принятіи послѣдней его пьесы будетъ для него оскорбленіемъ,—на это представляется отвѣтъ тотъ, что, если дирекція имѣла отъ пьесъ г. Островскаго пользу, то и г. Островскій не остался зато безъ равносильнаго вознагражденія, ибо всѣ его пьесы играются на поспектакльномъ расчетѣ съ авторомъ, и, сверхъ того, дирекція понесла значительный для себя убытокъ отъ постановки въ прошедшемъ году послѣдней драмы г. Островскаго «Сонъ на Волгѣ», на монтировку которой въ Москвѣ израсходовано до 7.516 р. 5 коп., но пьеса не имѣла никакого успѣха[4])

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

[4]) Представленій было всего шесть. (Общій архивъ министерства импер. двора, оп. 1259, д. № 12).

и послѣ весьма немногихъ представленій на Большомъ театрѣ при далеко не полныхъ сборахъ сошла съ репертуара, какъ на Московскихъ, такъ и на Петербургскихъ театрахъ, постановка которой въ С.-Петербургѣ стоила также до 6.758 р. 26 к. Показаніе г. Островскаго о томъ, что трудъ драматическій, не поставленный на сцену, есть трудъ потерянный,—не совсѣмъ основательно: множество драматическихъ произведеній, хотя и не играются на сценѣ, но вознаграждаютъ автора посредствомъ печати ихъ» [1]). Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ ноября пришелъ отвѣтъ московской конторы: онъ былъ въ пользу Островскаго: «1) На монтировку драмы г. Островскаго требуется противу пьесы г. Чаева гораздо меньшій расходъ въ 4.939 р. 81 коп. потому, что она предполагается къ постановкѣ на Маломъ театрѣ, размѣръ котораго, по числу занятаго персонала, требуетъ меньшихъ издержекъ на костюмы и на матеріалъ для декорацій; 2) пьеса г. Чаева не можетъ быть поставлена, кромѣ какъ на Большомъ театрѣ, и при неоспоримыхъ ея достоинствахъ обѣщаетъ быть въ высшей степени полезною для сборовъ, когда будетъ поставлена со всею историческою вѣрностью, потому что всѣ мѣста, гдѣ по пьесѣ происходитъ дѣйствіе, слишкомъ хорошо знакомы всѣмъ сословіямъ тамошней публики; 3) изъ имѣющихся въ наличности въ Большомъ театрѣ декорацій русскаго характера весьма немногія могутъ быть примѣнены къ пьесѣ г. Чаева, которыя и не включены въ смѣты; 4) при такомъ положеніи дѣла весь расходъ на постановку драмы «Дмитрій Самозванецъ» г. Чаева будетъ простираться до 21.315 р. 79 коп.; 5) въ видахъ сокращенія сего расхода былъ приглашенъ въ контору авторъ пьесы, г. Чаевъ, и онъ согласился сдѣлать по монтировкѣ нѣкоторыя измѣненія, на сумму до 5 тыс. рублей, но по осмотрѣ предметовъ, которые г. Чаевъ предполагалъ замѣнить вмѣсто новыхъ старыми, между сими послѣдними удобныхъ къ тому не оказалось, и при томъ всѣ сокращенія, указанныя г. Чаевымъ, по мнѣнію инспектора репертуара, значительно повредили бы эффекту пьесы на сценѣ, и 6) при постановкѣ пьесы г. Чаева въ томъ видѣ, какъ предполагается по полнымъ смѣтамъ, драма г. Островскаго могла бы итти также на Большомъ театрѣ почти безъ издержекъ, а равно и другія пьесы, имѣющіяся нынѣ въ виду изъ русскаго историческаго содержанія» [2]).

Финансовая сторона дѣла убѣдила министра. Онъ остановился на пьесѣ Островскаго, хотя симпатіи его были на сторонѣ Чаева. Это видно изъ заключительныхъ словъ резолюціи. Вотъ ея содержаніе: «Какъ пьеса Чаева уже постановлена на петербургской сценѣ и играется съ успѣхомъ, то нѣтъ причины для постановки

---

[1]) Общій архивъ министерства импер. двора, оп. 1253, д. № 40.
[2]) Тамъ же.

ея въ Москвѣ отстранять пьесу Островскаго. А какъ сія послѣдняя требуетъ только четвертую часть расходовъ, противъ исчисленныхъ для пьесы Чаева, и какъ денегъ нѣтъ, то я полагаю на Московскомъ Маломъ театрѣ поставить пьесу Островскаго въ нынѣшній сезонъ, а пьесу Чаева имѣть въ виду на будущій сезонъ» [1]). Въ первый разъ драма Островскаго шла 30 января 1867 г. [2]) въ бенефисъ Е. Н. Васильевой.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

---

[1]) Общій архивъ министерства импер. двора, оп. 1253, д. № 40.

[2]) Это противорѣчитъ показанію біографа Островскаго, г. Носа, который относитъ первое представленіе «Дмитрія Самозванца» къ сезону 1870 г. (Сочиненія Островскаго, М., 1890 г., томъ I, стр. XXV.).

ИЗБОРСКІЙ ПРАВЕДНИКЪ.

Очеркъ.

I.

Какъ я узналъ про изборскаго праведника. — Въ путь-дорогу! — Печоры. — Отъ Печоръ до села Малѳвъ.—Иванъ Картошка.—Полувѣры.—Ленъ и грибное царство.— Матвѣй Болящій со словъ Ивана Картошки.—Утицкое озеро.—Могила неизвѣстнаго удѣльнаго князя, какъ образчикъ нашего варварства въ дѣлѣ храненія памятниковъ русской старины.

Станція Изборскъ! поѣздъ стоитъ 5 минутъ!

Я ѣхалъ съ знойнаго юга на прохладный сѣверъ провести два лѣтнихъ мѣсяца въ имѣніи отца, расположенномъ въ Лифляндской губерніи, верстахъ въ 30 отъ границы Псковской губерніи, въ мѣстности, богатой историческими памятниками русской старины, которая всегда неудержимо тянула меня къ себѣ...

Изборскъ, Печоры, Новогородокъ, Утицкое озеро — вотъ имена, съ которыми связано столько прошлаго!

Въ текущемъ году [1]) я покидалъ Одессу съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что тамъ начинались волненія, разыгравшіяся впослѣдствіи въ нешуточный мятежъ черни съ пресловутымъ «Княземъ Потемкинымъ» во главѣ.

Я ѣхалъ съ семьей и бонной, хотя и русской, но уроженкой Лифляндской губерніи. Когда поѣздъ тронулся дальше, она вошла къ намъ въ купэ и заявила:

---

[1]) 15 іюня 1905 г.

— Представьте: Матвѣюшка умеръ!

— Какой Матвѣюшка?

— Матвѣюшка Болящій, изъ-подъ Изборска. Онъ десятки лѣтъ вслѣдствіе болѣзни былъ прикованъ безъ движенія къ постели. Праведной жизни былъ человѣкъ. Къ нему многіе ѣздили издалека за совѣтами и молитвами.

— Что же, онъ за святого слылъ среди народа?

— За святою, или нѣтъ, этого я не знаю, но только многимъ помогалъ въ ихъ сомнѣніяхъ и дѣлахъ, и въ него вѣрили.

На этомъ разговоръ нашъ и кончился. Мало ли на святой Руси встрѣчается старцевъ, «болящихъ» и просто юродивыхъ, пользующихся славой среди мѣстнаго населенія? Но, пріѣхавъ въ имѣнье и развернувъ черезъ нѣсколько дней послѣдней получки нумеръ «Новаго Времени» отъ 17 іюня, я, къ удивленію своему, прочелъ въ немъ среди траурныхъ объявленій о покойникахъ нижеслѣдующее:

«15 іюня, въ Изборскѣ, въ селѣ Малахъ Псковской губерніи, тихо скончался послѣ тяжкой болѣзни

«крестьянинъ

«Матвѣй Болящій.

«Погребеніе состоится тамъ же въ субботу 18 іюня».

— Ого!—подумалъ я,—однако, моя бонна была права, и изборскій праведникъ дѣйствительно долженъ былъ пользоваться широкой извѣстностью, если сочли долгомъ извѣстить о его кончинѣ на страницахъ столь распространеннаго органа столичной печати.

Я сталъ слѣдить за газетами, не появится ли гдѣ замѣтка, или некрологъ заинтересовавшаго меня покойника, но ничего не нашелъ, и рѣшилъ непремѣнно съѣздить въ Малы, чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія о его личности, тѣмъ болѣе, что мой путь туда долженъ быть лежать черезъ мѣстности, богатыя историческими воспоминаніями. Но мнѣ удалось осуществить свое намѣреніе не ранѣе мѣсяца, такъ какъ я заканчивалъ въ то время свою работу о Псково-Печорскомъ монастырѣ, изученіемъ памятниковъ исторіи котораго я былъ занятъ послѣдніе два года. И въ текущемъ году я былъ въ немъ, и уже изъ монастыря предпринялъ свою поѣздку на погостъ Малы.

При проѣздѣ еще со станціи Печоры въ монастырь меня везъ извозчикъ изъ мѣстныхъ крестьянъ на маленькой, но шустрой лошадкѣ, запряженной въ допотопный экипажъ, именуемый гитарой,— извозчикъ, какъ оказалось, не только часто доставлявшій пріѣзжихъ къ Матвѣю Болящему, но и лично знавшій послѣдняго чуть ли не

съ дѣтства. Это было для меня находкой. Кромѣ того, извозчикъ, по прозванію Иванъ Картошка, былъ словоохотливъ, лошадка его бѣжала быстро, экипажъ былъ нетрясокъ, а дорога прекрасная, поэтому я и рѣшился, покончивъ съ своими занятіями въ Печорскомъ монастырѣ, нанять его и для дальнѣйшаго путешествія, вмѣсто почтовыхъ, тѣмъ болѣе, что спѣшить мнѣ было некуда, и ѣзда «на долгихъ», съ отдыхами и кормленіемъ въ пути, по образцу добраго стараго времени, гораздо болѣе улыбалась мнѣ и отвѣчала цѣли моей поѣздки, давая возможность останавливаться, гдѣ это было нужно, и сворачивать куда нибудь въ сторону, когда къ тому представлялась необходимость по встрѣтившимся въ пути, зачастую не предвидѣннымъ заранѣе обстоятельствамъ.

Запросилъ онъ съ меня всего на все по 3 рубля въ сутки, и, какъ это выяснилось впослѣдствіи, не одинъ только матеріальный интересъ входилъ въ его расчеты, но въ этихъ поѣздкахъ «по стариннымъ мѣстамъ» руководило имъ и чувство любознательности.

— Ужъ очень любопытно мнѣ поѣздить съ такими господами, какъ вы. Глядь, что нибудь новое и узнаешь изъ того, мимо чего ранѣе сколько разъ, бывало, безъ вниманія проѣдешь.

И всю длинную дорогу, во время переѣздовъ съ мѣста на мѣсто, мы съ нимъ свято блюли принципы взаимнаго обученія: Картошка передавалъ мнѣ все, что зналъ изъ области апокрифическихъ народныхъ сказаній, а я пояснялъ ихъ и знакомилъ его съ положительными данными русской исторіи...

Настоящій свой очеркъ начинаю прямо съ момента выѣзда своего изъ Печоръ, такъ какъ Псково-Печорскій монастырь будетъ служить предметомъ особой, спеціально посвященной ему статьи...

...Быстро выбрались мы изъ посада Печоръ и покатили по живописной дорогѣ, извивавшейся среди холмовъ, поросшихъ соснами вперемежку съ чернолѣсьемъ. Стояло чудное утро, а погода казалась спеціально заказанной для нашего выѣзда: съ ночи выпалъ небольшой дождикъ, прибившій пыль и песокъ по дорогѣ, а легкая наволочь препятствовала іюньскому солнцу жарить насъ слишкомъ немилосердно. Легкій вѣтерокъ, дувшій навстрѣчу, пріятно освѣжалъ лицо. Лѣса смѣнялись полями; преобладали посѣвы льна, разведеніе котораго составляетъ главную отрасль сельскаго хозяйства для мѣстнаго населенія, состоящаго главнымъ образомъ изъ такъ называемыхъ полувѣровъ, деревни которыхъ тянулись по тракту почти до самаго Изборска. Полувѣры по происхожденію—эстонцы, но только принявшіе православіе еще издревле, прямо послѣ язычества, и существенно отличаются отъ своихъ собратьевъ, эстонцевъ-лютеранъ, населяющихъ часть сосѣдней Лифляндіи, какъ по

костюму, такъ и по нравамъ и обычаямъ. Эстонцы-лютеране вмѣстѣ съ религіей многое восприняли отъ нѣмцевъ, въ то время какъ полувѣры остались вѣрны старинѣ вплоть до костюма включительно, весьма живописнаго и напомнившаго мнѣ отчасти одѣянія нашихъ мещеръ Саратовской и Тамбовской губерній. Даже цвѣтъ и покрой женской верхней одежды почти одинаковы: бѣлые домотканные суконные армяки, вышитые красными узорами; одинакова съ мещерками и манера повязывать платки на головѣ. Почему они прозваны полувѣрами, не знаю, но это народное прозвище какъ нельзя болѣе подходитъ къ нимъ, такъ какъ въ дѣлахъ церкви они дѣйствительно являются полувѣрами, воспринявъ отъ православія лишь внѣшнюю, такъ сказать, обрядность и сохранивъ до настоящаго времени многое изъ своего языческаго прошлаго.

Одинъ мой знакомый лифляндскій православный священникъ, имѣющій въ своемъ приходѣ много полувѣровъ, разсказывалъ мнѣ, что среди нихъ сохранилось еще почитаніе какого-то своего древняго языческаго божка, изображеніе котораго они тайно, разумѣется, возятъ по деревнямъ, и до сихъ поръ продолжаютъ приносить ему жертвоприношенія. Косвеннымъ доказательствомъ справедливости его словъ можетъ служить замѣченное мной исключительное поклоненіе со стороны полувѣровъ рѣзному изображенію Николая-угодника, стоящему въ Никольскомъ храмѣ Псково-Печорскаго монастыря. Вся деревянная фигура святого, при неоднократномъ посѣщеніи моемъ этой церкви, была неизмѣнно увѣшана нитками и разноцвѣтными лоскутьями разныхъ тканей.

— Что это?—спросилъ я сопровождавшаго меня въ мое первое посѣщеніе монастыря монаха.

— Полувѣрки приносятъ Николаю-чудотворцу въ знакъ, значитъ, благословенія святителемъ начинанія ихъ домашнихъ работъ. Мы не препятствуемъ, Господь съ ними! и только прибираемъ, когда много накопится такихъ приношеній.

Къ другимъ иконамъ, хотя бы и явленнымъ, того же монастыря полувѣры относятся индифферентно; очевидно, рѣзное изображеніе Николая-угодника имъ болѣе по душѣ, болѣе сродни ихъ полуязыческимъ вѣрованіямъ. Тѣ же жертвоприношенія въ видѣ лоскутьевъ и нитокъ мнѣ приходилось наблюдать и на могилахъ полувѣрскихъ кладбищъ.

Еще характерная особенность и различіе между эстонцами-лютеранами и полувѣрами: въ то время, когда первые, при болѣе высокомъ умственномъ развитіи и научась въ школахъ свободно говорить по-нѣмецки, стараются скрыть свое эстонское происхожденіе и выдаютъ себя за нѣмцевъ, принимая отъ послѣднихъ языкъ, костюмъ и весь внѣшній складъ жизни, полувѣры остались вѣрны своей старинѣ во всемъ: въ костюмѣ, образѣ жизни и даже языкѣ, такъ что лишь среди молодого поколѣнія, благодаря

школамъ, вы можете встрѣтить лицъ, понимающихъ русскую рѣчь. Спросите любого эстонца изъ полуобразованныхъ, кто—онъ, и вы неизмѣнно получите въ отвѣтъ утвержденіе, что онъ—нѣмецъ.

Въ данномъ случаѣ мы видимъ полное порабощеніе эстовъ высшей нѣмецкой культурой, потому что имъ это выгодно, потому что нѣмецъ является искони въ краѣ синонимомъ господина, а эстонецъ—раба, подначальнаго человѣка изъ народа; у эстонцевъ привилегированнаго класса, дворянъ, никогда не было, поэтому чтобы выбиться на широкій путь полноправнаго гражданина, ему приходится волей-неволей выдавать себя за нѣмца. Послѣдній для эстонца-лютеранина средняго класса является идеаломъ, къ которому онъ постоянно стремится. Не то въ сосѣдней Псковской губерніи съ полувѣрами; тамъ они чувствуютъ себя равными коренному русскому населенію, не порабощены имъ и потому не находятъ нужнымъ и выгоднымъ отказываться отъ своей національности.

А еще находятся господа, которые смѣютъ кричать о нетерпимости Россіи и русскихъ къ населяющимъ ее народностямъ. Напротивъ, если въ чемъ и приходится упрекать насъ, такъ развѣ въ излишней народотерпимости, въ слишкомъ мало развитой способности и умѣньѣ ассимилировать покоренные нами народы.

— А Матвѣй Болящій—не полувѣръ?

— Что вы, баринъ! русскій, настоящій русскій! Въ Малахъ и полувѣровъ-то вовсе нѣтъ, да и по фамиліи покойный Матвѣюшка чисто русскимъ значится: Кондратьевъ. Это его ужъ опосля народъ Болящимъ прозвалъ, потому долго боленъ былъ, почитай—что, полъ-ста годковъ съ своего ложа не поднимался. Болящій, да болящій, такъ это прозвище за нимъ и осталось. Все равно, какъ, къ примѣру, меня взять: Картошка. Теперь я дѣйствительно Картошка: такъ и въ документахъ прописано, и отецъ мой также про зывался, ну, а дѣдъ мой, старики сказывали, иначе по фамиліи значился, да деревня по-своему переиначила, а по какому случаю, и сами того не знаемъ. Оно часто такъ у насъ, среди крестьянства, случается... Такъ-то, баринъ! Ну, миленькая!

Послѣднее восклицаніе относилось къ шустрому коньку моего возницы, весело бѣжавшему по ровной, какъ скатерть, дорогѣ. Мы ѣхали по старинному Псково-Рижскому тракту, по которому нѣкогда проникали на святую Русь лифляндцы, шведы, литовцы, поляки и опустошали Псковское княжество. Шоссе исправно поддерживается земствомъ, и о глубокой древности дороги свидѣтельствовали лишь встрѣчающіяся по пути и кое-гдѣ уцѣлѣвшія вѣковыя развѣсистыя березы, которыми нѣкогда былъ засаженъ весь трактъ. Но, увы, отъ этихъ насажденій почти ничего не осталось, и только громадные обожженные пни краснорѣчиво говорили о быломъ величіи этой дороги, сильно суженной земскимъ шоссе, такъ что ряды пней бывшихъ боковыхъ деревьевъ отсто-

ять теперь отъ него на довольно значительномъ разстояніи, среди засѣянныхъ полей.

— Видишь, баринъ, какія допрежь деревья вдоль шассы насажены были, да мужички повырубали понемногу: сегодня одно, завтра другое, да и свели всѣ, почитай-что, на нѣтъ! И для чего?— спрашивается. Тутъ допрежь лѣсу вволю было, такъ нѣтъ же! Штрафовать пробовали, по 25 цѣлковыхъ за каждую срубленную березу земство взыскивало, не помогло, какъ видишь...

Истребленіе лѣсовъ не ради насущной потребности, а такъ зря, здорово живешь,—отличительная и совсѣмъ не понятная особенность нашего крестьянства, не любящаго вообще растительности. Не даромъ по нашимъ деревнямъ вы рѣдко встрѣтите древесныя насажденія возлѣ избъ, кромѣ развѣ ветлы, обладающей, впрочемъ, совсѣмъ исключительной способностью рости при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, и зачастую вопреки желанія самого хозяина, изъ простого кола, случайно воткнутаго въ землю.

Между тѣмъ, лѣсъ, какъ-то незамѣтно для насъ кончился, разступился и обрамлялъ теперь на горизонтѣ далеко тянущіяся поля, засѣянныя дозрѣвавшей рожью и льномъ, льномъ безъ конца.

— Вся сила наша тутъ во льнѣ,—повѣствовалъ Картошка:— если бъ не ленъ, пропадать пришлось бы крестьянству. Да вотъ еще грибы, слава Тебѣ, Господи, выручаютъ; страсть, сколько грибовъ родится. Ну, бабы, извѣстно, собираютъ и съ выгодою продаютъ скупщикамъ, а тѣ прямо вагонами ихъ на Петербургъ высылаютъ. Грибовщики эти самые большими капиталами ворочаютъ; снимаютъ цѣлые лѣса въ округѣ, тьму приказчиковъ содержатъ, все грибъ скупаютъ, сортируютъ, сушатъ и маршъ въ столицу! И имъ въ барышъ, и бабамъ не въ обиду, въ особенности, когда неурожайный годъ на хлѣба подвернется, вся округа, почитай, однимъ только грибомъ и держится; вѣдь деньги тоже немалыя платятъ, особливо за бѣлый грибъ. Тотъ дороже всего цѣнится.

Я вспомнилъ, что у насъ на югѣ, въ Одессѣ, сушеный бѣлый грибъ по 1 р. 80 к. и по 2 рубля за фунтъ въ розницу продается. Вѣдь это составляетъ до 80 рублей за пудъ, и я мысленно прикинулъ тотъ невѣроятный процентъ, который должны наживать г.г. грибные торговцы.

— Сегодня ночью еще съ поѣзда одного грибного приказчика возилъ верстъ за 15 отселева.

— На этой же лошади?—удивился я.

— А, конечно, на этой!—невозмутимо отвѣчалъ Картошка:—другой у меня и въ заводѣ нѣтъ, да и безъ нужды. Я и съ одной расчудесно управляюсь...

— А тебѣ лошади не жалко? Вѣдь, если ночью ты на ней въ оба конца верстъ 30 сдѣлалъ да вотъ теперь со мной верстъ 50

проѣдешь, такъ, она можетъ и не выдержать, издохнетъ, пожалуй?

— Зачѣмъ издохнуть? Лошадка—привычная! Я на ней лѣтъ съ пятокъ какъ ужъ ѣзжу, да и не такъ, какъ нынѣ. Когда Матвѣюшка,—царствіе ему небесное!—живъ былъ, такъ мы съ моимъ конькомъ страсть сколько господъ къ нему возили, раза по три на дню, случалось, изъ Печоръ до Маловъ отмахаемъ, и ничего, а тутъ разстояніе-то верстъ 17 будетъ, такъ ты и разочти, сколько это верстъ всего-то наберется. Кажись, что 100, а то и поболѣ... И ничего, выдерживалъ конекъ, не сдавалъ, лишь овсецомъ его подкармливай!... Да, хорошій былъ человѣкъ Матвѣюшка, праведный, а черезъ него и я своимъ извозомъ заработокъ имѣлъ. Теперь, когда онъ померши, конечно, ужъ не то будетъ; ну, да что Бога гнѣвить, я вѣдь ужъ и самъ старъ сталъ, такъ на мой вѣкъ, пожалуй, пассажировъ еще хватитъ. А вы знаете, баринъ? — обернулся онъ вдругъ ко мнѣ: — мы вѣдь съ Матвѣемъ — однолѣтки; седьмой десятокъ въ исходѣ, не то 66, не то 67 лѣтъ мнѣ будетъ... Вы не смотрите, что я волосомъ еще теменъ да шустрый и ко всякой работѣ способенъ; ужъ такимъ Господь меня, значитъ, уродилъ и отъ болѣзней, слава Тебѣ, Господи, избавилъ. И Матвѣюшка сперва тоже здоровъ былъ; хоша мы съ нимъ и изъ разныхъ деревень, но по праздникамъ зачастую вмѣстѣ гуляли. Онъ былъ ндраву веселаго, привѣтливаго, такимъ и до смерти оставался, даромъ что на голыхъ доскахъ слишкомъ 40 лѣтъ провалялся, ни однимъ членомъ двинуться не могъ.

— Чѣмъ онъ былъ боленъ?—параличомъ, что ли?

— А Господь его вѣдаетъ!—можетъ, и параличъ, а, можетъ, и другая какая болѣзнь; спроси, если знать хочешь, у дохтуровъ, чтò къ нему ѣздили, а мы не знаемъ. Видалъ только, что лежитъ себѣ человѣкъ, скрюченный весь, какъ шкилетъ худой, и самъ по себѣ пошевелиться не можетъ. Лицо желтое, изжелтое, словно воскъ, а глаза горятъ, смотрятъ на тебя и улыбаются! Право слово, быдто вся жизнь въ однихъ глазахъ сохранилась, а прочее тѣло какъ бы померши.

Иванъ Картошка видимо увлекся воспоминаніями и, повернувшись ко мнѣ всѣмъ туловищемъ, заговорилъ, понизивъ голосъ:

— А знаешь, баринъ, отчего эфта болѣзнь съ Матвѣемъ приключилась? Проклялъ его съ амвона мальскій батюшка, отецъ Іакимъ прозывался, ну, и съ того проклятія отшатнулся отъ Матвѣя Господь и ниспослалъ на него болѣзнь...

— За что же священникъ проклялъ его?

— Ничего не извѣстно. Ни попъ опосля этого ничего не сказывалъ, ни Матвѣюшка не сознавался. А только это вѣрно: весь народъ старый про эфто знаетъ.

Отъ другихъ мнѣ пришлось впослѣдствіи слышать болѣе подробный варіантъ этой легенды. Передавали, что тогдашній мальскій священникъ, придя однажды за какимъ-то дѣломъ въ хату Матвѣя, когда послѣдняго не было дома, повздорилъ за что-то съ его женой, сидѣвшей въ то время за тканьемъ холста. Разсерженный священникъ, въ гнѣвѣ на нее, обрѣзалъ ей ставъ станка. Вернувшись домой и услыхавъ отъ жены про «озорство» батюшки, а, быть можетъ, и о причинѣ, породившей этотъ гнѣвъ, въ которой не послѣднюю роль играла молодость и миловидность его жены, Матвѣй пожаловался на священника, куда слѣдуетъ, было произведено разслѣдованіе, и въ результатѣ получилось якобы проклятіе попомъ Матвѣя съ амвона и, какъ послѣдствіе, кара Божія въ образѣ болѣзни.

— Послушай, Картошка, тутъ что-то не такъ, посуди самъ: если вашъ попъ его проклядъ и самъ Господь отшатнулся, какъ ты говоришь, отъ Матвѣя и послалъ ему долгую болѣзнь, то какъ же могъ онъ сдѣлаться потомъ святымъ, каковымъ вы всѣ его почитаете?

— Ну, положимъ, святымъ-то его никто не почиталъ, а великимъ праведникомъ—это точно. Да ты сообрази, баринъ: неужели онъ не заслужилъ у Господа-то искупленіе своимъ грѣхамъ за свои долгія страданія и добрыя дѣла? Христосъ вѣдь и разбойника на крестѣ простилъ, а Матвѣюшка не только разбойникомъ никогда не былъ, а велъ такую жизнь, что не только мы, грѣшные, а сами монахи печорскіе ей удивлялись и предъ нимъ преклонялись! Господь?.. Господь ежели и проклялъ по молитвѣ попа, значитъ, такъ нужно было, а коль простилъ опосля по Своему милосердію, то, вѣдь, тоже не зря же, стало быть, зналъ, что дѣлалъ! Ты говоришь: святой. Развѣ святые при жизни бываютъ, баринъ? Святые тѣ только послѣ смерти своей объявляются, когда ихъ нетлѣнныя мощи обрѣтаютъ, а при жизни никто святымъ быть не можетъ. Какой же это будетъ святой, ежели онъ о своемъ бренномъ тѣлѣ заботиться долженъ: накормить его, напоить и все прочее, что съ плотью связано? Да и самъ Матвѣюшка, сказываютъ, сурово выговаривалъ посѣщавшимъ его, особливо бабамъ, которыя его святымъ величали и земные поклоны вмѣстѣ съ крестнымъ знаменемъ ему учинять вздумали.

— Не хорошо, тетка,—говорилъ онъ имъ:—брось, встань, не гнѣви Бога! Не подобаетъ мнѣ сіе. Я—такой же грѣшный человѣкъ, какъ и ты, а вотъ давай, лучше помолимся вмѣстѣ Господу! Вотъ Онъ, быть можетъ, и вразумитъ насъ, какъ намъ лучше твое дѣло справить, за которымъ ты пришла ко мнѣ.

Изъ дальнѣйшей моей бесѣды съ Иваномъ Картошкой постепенно вырисовывалась личность Матвѣя Болящаго. Помимо репутаціи праведника за свою угодную Господу жизнь, добрыя дѣла

и за наставленія приходившимъ къ нему, «какъ надо жить по-божьему», онъ пользовался авторитетомъ среди простого народа въ обыденныхъ, житейскихъ дѣлахъ и слылъ въ нѣкоторомъ родѣ юрисконсультомъ, которому народъ болѣе вѣрилъ, чѣмъ своимъ чиновникамъ. По вопросу ли раздѣла, наслѣдства, податей, распредѣленія имущества между отдѣльными членами семьи,—народъ шелъ къ нему, и что̀ Матвѣюшка скажетъ, то такъ и дѣлалось. Его рѣшенія были безапелляціонны и не нуждались въ подкрѣпленіи какими либо актами или судебными постановленіями. По общему народному говору (а мнѣ со многими крестьянами приходилось бесѣдовать о немъ), всѣ рѣшенія Матвѣюшки по разнымъ имущественнымъ, общественнымъ и личнымъ дѣламъ отличались большой справедливостью, ясностью и здравымъ смысломъ. Его слово, рѣшеніе было свято и твердо.

Несмотря на свою безграмотность, Матвѣй былъ чрезвычайно свѣдущимъ въ дѣлахъ вѣры и ея догматахъ, такъ что къ нему очень многіе присылали лицъ, впавшихъ въ расколъ, и онъ съ успѣхомъ наставлялъ ихъ въ основахъ православія и доказывалъ ложность ихъ кривоученій.

Многіе утверждали, что Матвѣй Болящій обладалъ даромъ провидѣнія и удачно предсказывалъ нѣкоторыя событія, въ доказательство чего передавали мнѣ многіе факты, но такъ какъ таковые относились, большею частью, къ незначительнымъ явленіямъ частной жизни, не представляющимъ интереса и къ тому же трудно провѣряемымъ, то я не привожу ихъ здѣсь, ограничиваясь однимъ случаемъ, сообщеннымъ мнѣ мальскимъ священникомъ, отцомъ Александромъ, который причащалъ Матвѣюшку передъ смертью. Онъ говорилъ, что дня за три до своей смерти, которой ничто не предвѣщало, Матвѣюшка предсказалъ свою кончину на 15-е іюня своей женѣ и жившей при немъ въ качествѣ какъ бы послушницы Дуняшѣ, и это предсказаніе въ точности исполнилось, такъ какъ онъ умеръ 15 іюня въ $3^1/_2$ часа утра.

Женское населеніе приписывало Матвѣюшкинымъ молитвамъ особую силу вымаливать у Господа Бога дѣтей для бездѣтныхъ, и въ доказательство приводились факты съ точнымъ указаніемъ времени, мѣста дѣйствія и фамиліи дѣйствующихъ лицъ, при чемъ разсказчиками являлись не только крестьяне, но и вполнѣ интеллигентныя лица. По словамъ жены мальскаго священника, она лично была знакома съ нѣсколькими семьями, у которыхъ долгое время не было дѣтей, и которыя впослѣдствіи, по исполненіи ихъ завѣтныхъ желаній, жертвовали черезъ Матвѣя Болящаго крупныя суммы на богоугодныя дѣла и на постройку новаго придѣла къ древнему храму погоста Маловъ,—предѣла, возведеннаго по иниціативѣ и стараніями изборскаго праведника.

Какъ бы то ни было, но слава о Матвѣѣ Болящемъ была распространена очень далеко. Къ нему ѣздили и обращались люди разнаго званія и самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества изъ Петербурга, Москвы, Кіева и даже съ Кавказа. Народная молва упорно называла среди его посѣтительницъ двухъ великихъ княгинь, пріѣзжавшихъ якобы къ нему инкогнито. Кто называлъ великую княгиню Александру Іосифовну, другіе—Анастасію Михайловну. Жена же Матвѣя и мальскій священникъ отрицали справедливость этого апокрифа и передавали мнѣ, что Болящаго дѣйствительно посѣтила однажды фрейлина великой княгини Александры Іосифовны, привозившая ему отъ имени ея высочества деньги на построеніе новаго, задуманнаго имъ придѣла и серебряное подвѣнечное платье великой княгини, пожертвованное ея высочествомъ на священническія облаченія для новаго храма. Фамиліи фрейлины никто не помнилъ; знали только, что зовутъ ее Анной Александровной, отсюда и создалась легенда, въ которой фантазія народа въ лицѣ невѣдомой ему фрейлины видѣла самоё великую княгиню, инкогнито посѣтившую Матвѣюшку. Этотъ фактъ еще болѣе поднялъ значеніе Болящаго въ глазахъ народа. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что извѣстность изборскаго праведника не ограничивалась однимъ крестьянствомъ, мѣщанствомъ и купечествомъ, но достигала и высшихъ столичныхъ сферъ.

Между тѣмъ, за разговорами мы незамѣтно проѣхали верстъ 11. Вправо отъ шоссе что-то блеснуло, и черезъ минуту мы остановились у обрыва, на днѣ котораго сверкала темная поверхность длиннаго озера, правый берегъ котораго былъ обрамленъ лѣсомъ, эффектно отражавшимся въ водѣ. Шоссе круто спускалось внизъ, шло нѣкоторое время вдоль берега и затѣмъ снова поднималось въ кручу.

— Утицкое озеро!—указалъ кнутовищемъ Картошка.

Утицкое озеро, Утицкія горы? Что-то знакомое? Я сталъ припоминать, и услужливая память воскресила страницу изъ исторіи древней Руси: битва при Утицкомъ озерѣ... удѣльныя распри... Такъ и есть.

Влѣво отъ шоссе, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ мы остановились, виднѣлась куча камней, сложенныхъ пирамидой, основаніемъ которой служилъ полуразрушенный цоколь изъ плитъ мѣстнаго камня.

— Что это за камни?—спросилъ я своего возницу.

— А это, баринъ, старинная могила; въ ней какой-то древній князь похороненъ. Допрежь здѣсь каменная плита была, а на ней каменный же крестъ стоялъ.

— Какой же князь здѣсь похороненъ былъ?

— А не могу знать, баринъ! На крестѣ все это было прописано. Великіе князья, какъ проѣзжали здѣсь да увидали могилу

и прочитали на ней надпись, сейчасъ это приказали губернатору, чтобы исправить могилу, и деньги на нее отпустили.

— Давно это было?

— Давно, баринъ, почитай-что, сейчасъ послѣ турецкой войны. Ну, разумѣется, по приказу князей понаѣхали мастера, каменщики, камни сложили высокой кучей, вокругъ облицовали ихъ плитами, а на самой верхушкѣ поставили старый крестъ, на которомъ надписи были.

— Куда же дѣвался этотъ крестъ?

— А Господь его знаетъ...

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, какъ Картошки, такъ и другихъ лицъ въ Малахъ и Изборскѣ выяснилась слѣдующая весьма поучительная для нашихъ археологовъ исторія. На этомъ мѣстѣ, по преданію, былъ похороненъ одинъ изъ изборскихъ князей, павшій въ битвѣ при Утицкомъ озерѣ и тамъ же преданный землѣ, при чемъ на поставленномъ на его могилѣ крестѣ было высѣчено его имя, годъ и указаніе на битву. Стоялъ этотъ памятникъ нерушимый много столѣтій, пока не увидали его случайно молодые великіе князья Павелъ и Сергій Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи, совершавшіе въ 1878 г. образовательное путешествіе по Псковской губерніи. Желѣзной дороги тогда не было, и они ѣхали на лошадяхъ изъ Пскова въ Изборскъ и далѣе по Рижскому тракту въ Псково-Печорскій монастырь. По пути изъ Изборска въ Печоры они наткнулись на этотъ забытый могильникъ у Утицкаго озера, прочитали сохранившуюся на крестѣ надпись и въ виду, должно быть, важности послѣдней въ историческомъ отношеніи повелѣли реставрировать его и соорудить на мѣстѣ найденной ими скромной плиты съ крестомъ и груды камней пирамиду, отпустивъ на это деньги. Къ слѣдующему же году новая пирамида гордо высилась на берегу Утицкаго озера, но... на этомъ и закончились заботы о памятникѣ со стороны тѣхъ лицъ, которымъ это дѣло было поручено великими князьями, находя, вѣроятно, для себя излишнимъ дальнѣйшее наблюденіе за могильникомъ, который и не замедлилъ постепенно разрушиться, какъ отъ всесокрушающаго времени, дождей и снѣга, а главнымъ образомъ благодаря невѣжеству окрестныхъ крестьянъ, такъ что къ моменту моего проѣзда отъ цоколя пирамиды были цѣлы лишь 2, 3 плиты, крупный булыжникъ былъ наполовину растасканъ, а отъ стариннаго креста и плиты не оставалось и помину. Я терялся въ догадкахъ, кому могло быть нужнымъ похищать камень съ могильника въ то время, когда таковой въ изобиліи попадался вокругъ.

— Скажу я вамъ, баринъ, что это не иначе, какъ крестьяне на лёнъ растаскали,—разсѣялъ мои недоразумѣнія Картошка.

— На какой лёнъ?

— На лёнъ, на мочку его. Вѣдь здѣсь, баринъ, вся округа льноводствомъ занимается и лёнъ по рѣкамъ и озерамъ вымачиваетъ. Также, значитъ, и на эфтомъ Утицкомъ озерѣ лёнъ мочатъ, а чтобы онъ не всплывалъ, такъ его на днѣ камнями придерживаютъ.

— Такъ зачѣмъ же камни съ могильника тащить, словно ихъ вокругъ мало валяется?...

— Оно точно, что много, но этотъ камень плитой выточенъ, такъ сподручнѣе...

— Сподручнѣе?! Неужели крестьяне осмѣлились для этой цѣли памятникъ ломать? Вѣдь имъ могло за это достаться!

— Вѣстимо, могло достаться!—согласился со мной Картошка:—ежели было бы отъ кого доставаться, а то никто къ нему не приставленъ, не смотрятъ за нимъ; стоитъ себѣ безъ вниманія, ну, мужички понимаютъ тоже, и осмѣлились... Да и ломать-то стали не сразу: видятъ, гдѣ дождемъ размыло, обсыпалось да разваливаться само стало, ну, и подбирали, чтобы зря хорошіе камни не пропадали. Вотъ и пастушонки тоже баловались: костры возлѣ памятника разводили; видишь, головёшки вокругъ валяются, да копоть чернѣетъ...

Разсказъ Картошки былъ такъ не правдоподобенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ чудовищенъ въ смыслѣ простоты разрушенія историческаго памятника русской старины, за которымъ никто не присматриваетъ, и на который никто не обращаетъ вниманія изъ власть имущихъ, постоянно проѣзжающихъ мимо него по дѣламъ службы, что я усомнился въ такой возможности, и рѣшилъ самолично провѣрить эту догадку, подтвержденную къ тому же и другимъ мужичкомъ изъ села Маловъ, встрѣченнымъ мною у озера. Я спустился внизъ и послѣ недолгихъ поисковъ, безъ труда нашелъ одну изъ плитъ съ памятника, лежавшую на берегу и на половину занесенную иломъ. Сомнѣній въ справедливости словъ Картошки болѣе не было, и фактъ варварскаго расхищенія памятника русской старины былъ налицо. Но если для крестьянъ еще можетъ быть найдено хоть какое нибудь оправданіе и объясненіе ихъ невѣжества, то для предержащихъ властей я положительно отказываюсь подыскать таковое. Вѣдь проѣзжаютъ же по этому тракту чиновники разныхъ вѣдомствъ: акцизные, слѣдователи, доктора, становые, исправники и пр., и пр. Неужели же всѣ они равнодушно проѣзжали мимо и оставляли безъ вниманія фактъ гибели памятника русской старины лишь потому, что охрана его каждому изъ нихъ въ отдѣльности не была спеціально поручена, и не составляетъ непосредственнаго предмета заботы ихъ вѣдомствъ? Непостижимо, возмутительно, но, тѣмъ не менѣе, грустный фактъ остается фактомъ: не любимъ мы своей старины, не умѣемъ хранить ее и совершенно равнодушны и не любопытны къ историче-

скому прошлому своей родины. А сколько писалось объ этомъ въ газетахъ! Газеты—не книги и, благодаря своей распространенности, проникаютъ, вѣдь, въ настоящее время въ самые захолустные уголки нашего обширнаго отечества, и тѣмъ не менѣе...

— Неужели и крестъ на мочку льна утащили?

— Не думаемъ, баринъ! Развѣ можно брать святой крестъ на такое дѣло? Вѣдь это же грѣхъ большой!—хоромъ отвѣчали мнѣ крестьяне на мой вопросъ.

— Такъ куда же онъ дѣвался?

— Скорѣе всего, кто нибудь изъ бѣдняковъ на могилу своихъ близкихъ отвезъ да поставилъ.

— На какое же кладбище?

— Да погостовъ-то у насъ всего два ближнихъ: одинъ на Малàхъ, а другой въ Печорахъ.

На кладбищѣ въ Малàхъ я разыскивалъ этотъ крестъ, но не нашелъ; разспрашивалъ о немъ мѣстнаго батюшку и узналъ отъ него, что этого креста у нихъ нѣтъ, что его уже разыскивалъ у нихъ въ прошломъ году кто-то изъ изборскихъ археологовъ, но тщетно. На Печорскомъ кладбищѣ я тоже былъ, но ранѣе, когда еще не зналъ объ утратѣ креста съ утицкаго могильника, и потому не разыскивалъ его спеціально. Думаю, однако, что врядъ ли онъ тамъ находится, и вотъ почему: Печорское кладбище я неоднократно обходилъ и довольно подробно осматривалъ могилы, читая помѣщенныя на нихъ разныя надписи въ стихахъ и прозѣ и занося болѣе оригинальныя въ свою записную книжку. Печорское кладбище небольшое, и большинство могилъ снабжено однообразными и довольно оригинальными металлическими крестами, такъ что древній каменный крестъ, буде онъ тамъ, навѣрное бросился бы мнѣ въ глаза...

Словомъ, креста нѣтъ; и если его нѣтъ на кладбищѣ, то его слѣдуетъ искать или на днѣ Утицкаго озера, гдѣ онъ раздѣляетъ печальную судьбы другихъ плитъ, обреченныхъ на мочку льна, или... но, впрочемъ, сознаюсь, что второе предположеніе мое мало правдоподобно: если бъ Утицкое озеро находилось гдѣ нибудь въ Швейцаріи, наводняемой туристами-англичанами, я могъ бы допустить, что злополучный крестъ... похищенъ англичаниномъ-археологомъ, способнымъ тоже на кражу ради коллекціонерой цѣли...

Я помню, въ 1884 г., въ бытность мою въ Португаліи, въ знаменитой Цинтрѣ, воспѣтой Байрономъ въ его Донъ-Жуанѣ, я жилъ одно лѣто въ мѣстной гостиницѣ «Лоренсъ». Въ столовой, на стеклѣ одного изъ оконъ послѣдней, находился автографъ знаменитаго поэта, нацарапанный алмазнымъ перстнемъ. Окно съ обѣихъ сторонъ было огорожено толстыми желѣзными рѣшотками, и на мой вопросъ, для чего это сдѣлано, мнѣ объяснили, что за нѣсколько лѣтъ до моего посѣщенія Цинтры въ отелѣ жилъ какой-то бога-

тый англійскій лордъ, который былъ пойманъ ночью «съ поличнымъ» при покушеніи на кражу завѣтнаго стекла.

Но... въ томъ медвѣжьемъ углу Псковской губерніи, о которомъ идетъ рѣчь, англичане, да и вообще туристы, не разъѣзжаютъ, и остается предположить, что похищеніе креста совершилъ развѣ какой нибудь случайный, доморощенный, свой же братъ, русскій любитель археологіи...

Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ по шоссе, не доѣзжая до Изборска верстъ трехъ, мы свернули на проселочную дорогу и черезъ полчаса прибыли въ деревню Малы, родину и мѣстожительство изборскаго праведника.

II.

Деревня Малы.—Въ домѣ Матвѣя Болящаго.—Бесѣда съ его женой.

Небольшая деревня Малы, мѣсто родины Матвѣя Болящаго представляла собой обыденный типъ деревень Псковской губерніи: дома деревянные, двухъ или скорѣе полутораэтажные, просторнѣе и элегантнѣе, если можно такъ выразиться, избъ крестьянъ средней полосы Россіи. Домъ Матвѣя, когда мы къ нему подъѣхали, выдѣлялся изъ остальныхъ лишь одной странностью: сторона его, выходившая фасадомъ на улицу, была совершенно лишена оконъ, на азіатскій манеръ. На вопросъ мой мнѣ объяснили, что эта изба была выстроена такъ уже послѣ болѣзни Матвѣя, съ спеціальной цѣлью предохранить больного отъ уличнаго шума и нескромныхъ взглядовъ прохожихъ и многочисленныхъ любопытныхъ, толпою собиравшихся передъ его домомъ.

У воротъ меня встрѣтила пожилая крестьянка, самой обыкновенной внѣшности, оказавшаяся вдовой Матвѣя, Анной Ѳедоровной Кондратьевой, въ дѣвичествѣ Голубкиной. Она радушно пригласила меня въ горницу, а моему возницѣ предложила заѣхать подъ навѣсъ сарая и тамъ обождать, такъ какъ накрапывалъ дождь.

Внѣшній видъ избы, какъ и внутреннее убранство ея, ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ жилищъ крестьянъ средняго достатка: та же грязь, полутьма и тяжелый воздухъ царили въ ней, и только изобиліе иконъ, лампадъ, крестовъ, священныхъ книгъ и разныхъ другихъ церковныхъ предметовъ, занимавшихъ добрую часть первой комнаты, куда я вошелъ, придавали ей отпечатокъ, свидѣтельствовавшій объ особой религіозности ея обитателей.

Я присѣлъ у обыкновеннаго деревяннаго стола, накрытаго простой домотканной скатертью и стоявшаго въ простѣнкѣ между двухъ небольшихъ оконцевъ, противъ отворенной двери, ведшей въ какую-то почти совершенно темную каморку.

— Вотъ здѣсь,—обратилась ко мнѣ хозяйка:—почти всю жизнь свою безвыходно пролежалъ мой Матвѣюшка. Не желаете ли взглянуть? Все осталось попрежнему, какъ при немъ было, безъ измѣненія; этимъ его память чтимъ...

Я заглянулъ въ двери каморки, размѣрами не превышавшей нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ, въ которой, кромѣ деревянной кровати безъ матраца, прикрытой простыней, да такого же стола съ табуреткой, больше ничего не было, да не могло бы и помѣститься, даже при желаніи. Отсутствіе вентиляціи и солнечнаго свѣта, скупо проникавшаго въ нее лишь черезъ небольшую дверь изъ сосѣдней, тоже почти полутемной комнаты, низкіе потолки дѣлали воздухъ донельзя спертымъ, несмотря на то, что эта каморка оставалась нежилой болѣе мѣсяца, съ самаго дня смерти Матвѣя. Я не могъ долго выдержать и поспѣшилъ вернуться въ первую комнату. Воображаю, какова была въ ней атмосфера при жизни больного, никогда не покидавшаго ея, спавшаго въ ней, ѣвшаго и въ ней же совершавшаго свои физіологическія отправленія! Тутъ и здоровый человѣкъ при такой обстановкѣ не вынесъ бы и дня, не только десятки лѣтъ, какъ Матвѣй Кондратьевъ. Невольно приходится удивляться, до какой степени вся физическая сторона жизни отходила у него на задній планъ, была почти чужда̀ ему, и лишь душа, мозгъ да сознаніе бодрствовали столько лѣтъ, въ столь бренномъ тѣлѣ, при столь ужасной обстановкѣ, и не только не угасали, но, напротивъ, продолжали горѣть до конца яркимъ пламенемъ.

Вдова Кондратьева радушно предложила поставить для меня самоварчикъ и приготовить яичницу, но я, грѣшнымъ дѣломъ, отказался: слишкомъ ужъ грязно было вокругъ, а по стѣнамъ и въ углахъ избы копошились тараканы и другія насѣкомыя... Наскоро закусивъ взятыми съ собой вареными яйцами съ чернымъ хлѣбомъ, я торопился занести скорѣе въ свою записную книжку всѣ интересовавшія меня про изборскаго праведника свѣдѣнія, которыми могла надѣлить меня словоохотливая, простая и добродушная вдова его, и моей мечтой было поскорѣе выбраться на свѣжій воздухъ.

— И совсѣмъ не параличомъ былъ боленъ мой Матвѣюшка,—разсказывала мнѣ между тѣмъ Кондратьева,—а суставнымъ ревматизомъ, который скрутилъ его въ конецъ и приковалъ къ постели на долгіе годы. У насъ здѣсь, въ крестьянствѣ, зачастую болѣютъ этой болѣзнью, потому по хозяйству намъ больше со льномъ приходится возиться: осенью, почитай-что, все время въ водѣ по колѣно проводимъ, лёнъ по озерамъ да рѣкамъ мочимъ. А время осеннее, сами знаете, какое бываетъ: холода̀, сиверка, дожди, вода студеная, ну, и не избѣжишь простуды, и ревматизомъ этимъ, почитай, всѣ у насъ отъ мала до велика болѣютъ. И я болѣю, да

Господь не допускаетъ: зимой кое-какъ отлежуся, къ лѣту и полегчаетъ, а тамъ съ осени опять за старое, да такъ и идетъ дѣло изъ года въ годъ. Мой Матвѣюшка-то впервые годкамъ къ 18-ти заболѣлъ, еще холостымъ былъ...

— Такъ вы, значитъ, за больного замужъ шли?— перебилъ я ее:—изъ больного какой ужъ хозяинъ въ крестьянскомъ дѣлѣ выйти можетъ?

— Да онъ поправился было совсѣмъ къ тому времени, какъ я шла за него; да и богатой семьи былъ: у яво родителевъ мельница своя была, и посейчасъ еще есть, вотъ тутъ, за домомъ, на ручьѣ стоитъ... Ну, а я изъ бѣдной семьи въ ихъ домъ отдадена... Парень онъ былъ работящій, смирный и здоровьемъ бытто ничаво; мы съ нимъ, почитай-что, еще года съ два, не то съ три счастливо прожили, и Господь намъ сынка послалъ. Мальчикъ былъ шустрый, здоровьемъ хоть куды, да къ 5-ти годкамъ его Господь къ себѣ прибралъ... Дохтура сказали, что глисты съѣли... На то Божья воля, значитъ, была... А какъ Матвѣюшка мой снова занемогъ, и посейчасъ помню: крышу перекрывалъ, а дѣло осенью было, въ непогоду, ну, къ вечеру его всего ломать зачало. Я истопила ему баньку, выпарился это онъ, какъ слѣдуетъ... не помогло, а потомъ все больше да сильнѣе, пока всего не скрючило. Да и не отъ одного эфтого рематиза ему, сердешному, страдать приходилось; болѣлъ онъ еще каменьями: камни изъ него исходить зачали... И мучился же онъ, сердешный, отъ эфтихъ каменьевъ проклятыхъ, прости Господи! И за что только Господь покаралъ его!?.

Анна Ѳедоровна задумчиво склонила голову; слеза скатилась по ея морщинистому лицу, выражавшему страданіе. Чтобы отвлечь ее отъ грустныхъ воспоминаній и навести ее на другую, интересовавшую меня тему, я воспользовался сказанной ею фразой о карѣ Господней и спросилъ ее:

— Правда, люди болтаютъ, что вашъ мужъ заболѣлъ отъ того, что священника мальскаго чѣмъ-то разгнѣвилъ, и тотъ его съ амвона проклялъ?

— И, батюшка! Мало ли вздора болтаетъ народъ! Не всему и вѣрить можно... Все это розсказни однѣ! Правда лишь въ томъ, что Матвѣюшка мой дѣйствительно на попа Іакима съ жалобой ходилъ. Было это въ скорости послѣ нашей свадьбы; зашелъ отецъ Іакимъ какъ-то къ намъ въ избу, а мужа дома въ тѣ поры не было, а я за станкомъ сидѣла, холстъ ткала... Вышелъ у насъ тутъ съ нимъ такой разговоръ, что слухать я его не захотѣла, потому не таковскія, не по сану священническому рѣчи его были. Попъ осерчалъ на меня и ставъ мнѣ въ сердцахъ перерѣзалъ. Эфто дѣйствительно было, не спорю. Ну, я—въ слезы, и мужу, когда вернулся, пожаловалась; мужъ, извѣстно, молодъ былъ, го-

рячъ, любилъ меня крѣпко, не стерпѣлъ и пожаловался на попа-то... Попу, значитъ, сверху внушеніе сдѣлали, и онъ долго на насъ серчалъ, а опосля, какъ Матвѣюшка снова заболѣлъ да слегъ, смилостивился... А насчетъ анаѳемы это все напраслину, баринъ, болтаютъ...

Она помолчала немного, отдаваясь очевидно воспоминаніямъ, и я не мѣшалъ ей. Черезъ минуту она вздохнула и снова заговорила:

— Да и не за что было мово Матвѣюшку проклинать, не таковой былъ души человѣкъ. По-божьему самъ жилъ и другихъ въ томъ же наставлялъ. Добра сколько вокругъ себя дѣлалъ, и не перечтешь! И для духовенства хорошъ былъ: о церкви постоянно радѣлъ. Вѣдь новый-то придѣлъ нашего храма его же трудами и иждивеніемъ выстроенъ; опять деньги черезъ него же все на церковь посылались его благодѣтелями. Конечно, были и изъ священниковъ такіе, которымъ это не нравилось; хотѣли, значитъ, чтобы деньги на храмъ прямо черезъ ихъ руки шли... Но Бога гнѣвить нечего, батюшки наши къ Матвѣюшкѣ хорошо относились, вотъ хоша бы нынѣшній, отецъ Александръ, хорошей души человѣкъ, ладилъ во всемъ съ мужемъ, никогда Матвѣюшка дурного слова отъ него не слыхивалъ. Пошли ему Господь здоровья и долгіе годы!

— Много народу пріѣзжало къ вашему мужу?

— Много, батюшка, всякаго народу здѣсь у насъ перебывало и со всякими просьбами: то одно, то другое. У кого въ деньгахъ недохватка была—смѣло шли къ Матвѣюшкѣ, али тамъ распри какія въ семействѣ, али мужъ съ женой не въ ладахъ жили, али кто наслѣдства подѣлить не сумѣли, всѣ къ Матвѣюшкѣ обращались, просили его Господу помолиться да дѣла ихъ по-божьему разсудить... И никому мой покойничекъ не отказывалъ, всѣхъ ублаготворялъ, какъ могъ. Вотъ, ежели которые такъ зря къ нему пріѣзжали, изъ любопытства, значитъ, пустого посмотрѣть, что это, молъ, за человѣкъ еще такой праведный объявился, такъ Матвѣюшка сразу отгадывалъ,—видно, Господь его провидѣньемъ наградилъ,—и гналъ прочь съ первыхъ же словъ; какъ взглянетъ, бывало, на такого, такъ и насупится, закроетъ глаза и ни за что разговаривать не станетъ... Вотъ тоже не любилъ онъ, когда кто ему, какъ святому, поклоняться вздумаетъ. Начнетъ стыдить, бывало, да такъ стыдитъ, пока тѣ въ слезы не ударятся.

— А какъ онъ умеръ, Анна Ѳедоровна?

— Какъ праведникъ, батюшка, и смерть свою предсказалъ загодя, дня за три до своей кончины. Я тутъ съ нимъ въ комнатѣ въ ту пору была, да еще Дуняша, что при немъ какъ бы въ послушницахъ съ десятокъ лѣтъ по усердію состояла, да еще матушка наша, мальскаго священника жена, свидѣтельницей тому

была. Такъ вотъ молчалъ это онъ, и вдругъ заявилъ: «умру, дескать, 15 числа, только мѣсяцемъ, сердешный, ошибся, сказалъ «май», когда уже іюнь шелъ, да и не мудрено: какъ онъ еще дни могъ помнить, когда 45 годовъ съ кроватки своей не вставалъ. Ну, стали мы его утѣшать да отговаривать, съ чего, молъ, это ему представляется, а онъ одно твердитъ:

— Не спорьте; говорю: 15-го, значитъ, знаю, что такъ и будетъ.

— Ну, наступилъ это вечеръ 14-го, мы мальскаго батюшку призвали. Матвѣюшка исповѣдывался, причастился, все, какъ слѣдуетъ. Просилъ, чтобы его омыли, одѣли во все чистое, велѣлъ зажечь свѣчи, лампады передъ иконами затеплить, на грудь себѣ крестъ возложить потребовалъ и вмѣстѣ съ попомъ сталъ читать себѣ отходную... да такъ и отошелъ въ вѣчность: тихо, безъ стона... вздохнулъ, закрылъ глаза и... представился.

Анна Ѳедоровна всхлипнула и замолчала. Чтобы не мѣшать ей, я всталъ и подошелъ къ столу, на которомъ были разложены разныя иконы, книги и священные предметы, и сталъ ихъ разсматривать. Черезъ минуту она сама подошла ко мнѣ.

— Любопытствуете? Это все Матвѣюшкѣ моему приношенія съ разныхъ концовъ свѣта присылались,—со вздохомъ проговорила вдова, утирая рукавомъ заплаканные глаза:—а вотъ это (она протянула мнѣ новую икону св. Нины, просвѣтительницы Грузіи) уже послѣ смерти его къ намъ прислано съ Кавказа, не упомню только, изъ какого города, да тутъ, должно, прописано...

Я взялъ икону прекрасной художественной работы и на оборотной сторонѣ доски прочелъ названіе города: Мцхетъ.

— Я знаю этотъ городъ, и самъ былъ тамъ,—сказалъ я:—это далеко, около самаго Тифлиса.

— Далече, батюшка! Далече знали про моего Матвѣюшку, далече молва о немъ распространялась. Съ краевъ свѣта, почитай, пріѣзжали къ нему люди разнаго званія: и богатые, и простые, и знатные. Всякій народъ стекался къ намъ въ Малы.

— А изъ царской семьи пріѣзжалъ кто нибудь?

— Что ты, батюшка!—испуганно заговорила Анна Ѳедоровна:—развѣ такимъ людямъ подъ стать въ такую глушь пріѣзжать? А что и тамъ знали про моего Матвѣюшку, это точно,—съ гордостью продолжала она и, понизивъ голосъ, таинственно проговорила:—изъ дворца самаго сюда одну свитскую боярыню присылали до Матвѣюшки. Сама ее видѣла, сама, грѣшная, съ ней разговаривать удостоилась. Пріѣзжала, значитъ, по порученію самой великой княгини...

— Какой великой княгини?

— Не могу знать, батюшка. Разное болтали въ народѣ, а я спросить не осмѣлилась не только про княгиню, но и про фамилію боярыни. Знаю только, что величали ее Анной Александровной...

На этомъ наша бесѣда съ вдовой Кондратьевой и закончилась. Нужно было посѣтить еще мальскаго священника, отъ котораго, какъ болѣе интеллигентнаго человѣка, я разсчитывалъ получить новыя данныя къ характеристикѣ изборскаго праведника. Къ тому же дождикъ пересталъ, и меня стало неудержимо тянуть на свѣжій воздухъ послѣ почти часового пребыванія въ спертой и душной избѣ. Но, покидая ее, я невольно проникся чувствомъ крайняго удивленія и восторга передъ этой простой крестьянской семьей, столь крѣпкой въ своихъ нравственныхъ устояхъ. При жизни Матвѣя приношенія стекались къ нему со всѣхъ сторонъ; десятки тысячъ безконтрольно проходили черезъ его руки; онъ выстроилъ на нихъ Божій храмъ, щедрою рукою помогалъ бѣднымъ, и ни копейки не удержалъ для себя, на нужды своей семьи, хотя имѣлъ на это полное право, такъ какъ большинство денегъ передавались прямо ему, на его личное усмотрѣніе. И что же? Никому изъ членовъ его семьи и въ голову не приходило, что они могутъ воспользоваться хоть копейкой изъ этихъ тысячъ для улучшенія своей личной жизни. Какъ жили они тяжкимъ трудомъ своихъ рукъ, такъ продолжали жить и послѣ смерти Матвѣя.

И это явленіе—не единичное въ крестьянскомъ быту: за мою жизнь мнѣ приходилось не разъ наблюдать такіе примѣры—и всякій разъ мнѣ невольно приходили на умъ далеко не лестныя въ отношеніи интеллигенціи сравненія. Оставаться бѣднымъ, честнымъ труженикомъ среди денегъ—на это далеко не всѣ способны, а послѣдняя война ярко доказала намъ, что даже чувство патріотизма и долгъ передъ родиной не останавливали иныхъ въ ихъ преступныхъ стремленіяхъ къ личной наживѣ за счетъ государства и даже раненыхъ.

III.

Погостъ Малы.—У отца Александра.—Развалины древняго монастыря.—Легенда о возобновленіи его.—Древній храмъ Христова Рождества.—Святой ключъ подъ алтаремъ.—Массивный крестъ Матвѣюшки.—Новый придѣлъ храма.—Живопись художника Егорова.—Церковное облаченіе изъ оригинальной серебряной кованой матеріи, сдѣланное изъ пожертвованнаго великой княгиней Александрой Іосифовной подвѣнечнаго платья ея высочества.—Могила Матвѣюшки, смежная съ могилой священника Смирнова.—Доказательства несостоятельности легенды о проклятіи послѣднимъ Матвѣя Болящаго.

Погостъ Малы, гдѣ похороненъ изборскій праведникъ, отстоитъ на четверть версты отъ деревни того же имени и расположенъ на берегу озера въ живописной и довольно широкой долинѣ, крутые склоны которой окаймлены густымъ лѣсомъ. При спускѣ, на полугорѣ стоитъ церковный домикъ, занимаемый священникомъ; возлѣ

расположено зданіе церковной школы, а развалины древняго монастыря, старый и новый храмы съ кладбищемъ находятся совсѣмъ внизу долины, недалеко отъ Мальскаго озера.

Домъ священника, къ которому я сперва подъѣхалъ, весь утопалъ въ зелени и цвѣтахъ, напоминая своими балкончиками и рѣзьбой скорѣе миніатюрную пригородную дачку, нежели сельское строеніе, и прекрасно гармонировалъ съ окружающимъ его живописнымъ ландшафтомъ. Внутренняя обстановка домика-дачки вполнѣ соотвѣтствовала его наружному виду: комнаты были, правда, маленькія, но свѣтлыя и блистали поразительной чистотой. Въ гостиной, гдѣ мнѣ предложили обождать выхода батюшки, оканчивавшаго свой обѣдъ, на стѣнѣ висѣлъ, между прочими, прекрасный акварельный портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго, съ его собственноручнымъ автографомъ: подписью и словомъ «одобряю». На другой стѣнѣ въ простой черной рамкѣ висѣлъ фотографическій снимокъ съ какого-то покойника, окруженнаго иконами съ небольшой же иконой на сложенныхъ рукахъ, еле обозначавшихся изъ-подъ бѣлаго савана, которымъ онъ былъ накрытъ. Вошедшій въ это время въ комнату священникъ объяснилъ мнѣ, что разсматриваемый мною портретъ принадлежитъ тому самому Матвѣю Болящему, которымъ я такъ интересовался, и снятъ былъ не съ мертваго, какъ я думалъ, а съ живого, нѣсколько лѣтъ назадъ. Я не могъ скрыть своего удивленія отъ о. Александра.

— Это поразительно! Я никогда бы не сказалъ, что передо мной снимокъ съ живого лица. И, лишь внимательно присмотрѣвшись, можно замѣтить, что изъ глубокихъ впадинъ на васъ смотрятъ открытые живые глаза!

— А, между тѣмъ, портретъ этотъ очень схожъ съ оригиналомъ. Настоящимъ мертвецомъ казался покойный на своемъ ложѣ, да и не мудрено: слишкомъ 45 лѣтъ вылежалъ онъ безъ движенія на кровати, изъ физической жизни почти ничего въ немъ и не оставалось. Вся жизнь его была сосредоточена на одной духовной, умственной сторонѣ. Смотришь на него, бывало, и невольно удивляешься, какъ жизнь еще могла теплиться въ такомъ бренномъ тѣлѣ. Да и какая жизнь? Не искра только, а цѣлое пламя! Въ этомъ бренномъ, почти бездыханномъ тѣлѣ сосредоточивалось столько ума, бодрости, силы духа, любви, столько терпѣнія въ перенесеніи физическихъ страданій тѣла, что и объясненія этому не подыщешь сразу. Доктора и тѣ не разъ высказывали удивленіе по этому поводу; какъ и чѣмъ онъ жилъ, да еще такъ долго, составляло для нихъ загадку, и они въ шутку называли его безсмертнымъ.

— Не безсмертенъ я, а часъ мой еще не пришелъ,—спокойно отвѣчалъ имъ на это Матвѣюшка:—а когда наступитъ, я самъ вамъ объ этомъ скажу.

И дѣйствительно предсказалъ дня за два свою кончину.

— Отъ чего онъ скончался?—спросилъ я.

— Болѣлъ онъ многими болѣзнями, а непосредственной причиной смерти было самоотравленіе мочей, какъ послѣдствіе долгихъ страданій отъ каменной болѣзни мочевого пузыря. Нѣсколько дней была задержка мочи, а когда пріѣхалъ фельдшеръ и поставилъ катетръ, было уже поздно: вмѣсто мочи пошелъ гной, и спасти его не удалось!

— Терпѣливѣе Матвѣя я въ жизни своей не видѣлъ другого человѣка, — продолжалъ батюшка:—а страдалъ онъ временами немилосердно, что̀ усугублялось еще невозможностью пошевельнуться самостоятельно, безъ посторонней помощи, но никогда не выказывалъ своихъ страданій передъ другими. Зайдешь, бывало, невзначай къ нему въ каморку и видишь, что лицо его просто искажено отъ боли, а когда спросишь:

— Ну, что, Матвѣюшка, больно тебѣ?—онъ непостижимою силою воли поборалъ свои страданія и, улыбаясь, неизмѣнно отвѣчалъ:

— Ничего! на грѣшную плоть вниманіе обращать не подобаетъ...

— Да, сильной воли былъ человѣкъ! — продолжалъ батюшка, помолчавъ немного:—доброты непомѣрной и обладалъ весьма любвеобильнымъ сердцемъ. Никогда я не слыхалъ, чтобъ онъ возроопталъ на кого нибудь, пожаловался бы на свое тяжелое положеніе, разсердился... Всегда ровный, улыбающійся своей кроткой и даже веселой улыбкой, онъ самъ еще ободрялъ всѣхъ приходившихъ къ нему съ своими страданіями, утѣшалъ ихъ, наставлялъ, давалъ совѣты, кому какъ поступить въ данномъ случаѣ, какъ жить, и щедрою рукою помогалъ бѣднымъ и неимущимъ. Все, что жертвовали ему, шло или на храмъ, или раздавалось другимъ, но ни копейки не оставлялось для себя, для своей семьи. Вотъ воистину его правая рука не вѣдала, что творила лѣвая. Самъ онъ былъ безграмотенъ, но все зналъ, все помнилъ на память. Правда, при немъ состояла въ качествѣ добровольной послушницы нѣкая пожилая дѣвица: Дуняша—Евдокія Туманова, крестьянка сосѣдней деревни Корелъ; въ теченіе десятка лѣтъ она безвозмездно прислуживала ему и, какъ грамотная, вела всю его обширную переписку и приходорасходныя книги, но Матвѣюшка самъ все держалъ въ своей памяти до мельчайшей подробности: сколько кому выдано и на какое дѣло, сколько денегъ отъ кого получено, и нерѣдко поправлялъ по памяти свою секретаршу; та посмотритъ въ книжку, и точно: что сказалъ Матвѣюшка, такъ оно и есть, такъ и въ книгахъ въ свое время записано!

Я очень сожалѣлъ, что эта Дуняша ко времени посѣщенія моего погоста Маловъ была въ отсутствіи въ какомъ-то монастырѣ, гдѣ младшая сестра ея состояла послушницей, и не могъ разспросить ее, а кому, какъ не ей, безотлучно пробывшей около больного

и сидѣлкой и секретаршей лѣтъ съ пятнадцать, могли быть лучше извѣстны всѣ детали его жизни? Роль же сидѣлки при немъ была страшно тяжела, по словамъ его близкихъ. Когда больному надо было приподнять голову, чтобы дать ему напиться или поѣсть, то вмѣстѣ съ головой приходилось приподнимать и все туловище, такъ какъ шея была сведена и лишена самостоятельнаго движенія. Ѣлъ же Матвѣюшка поразительно мало: единственной пищей, которую онъ могъ проглотить, служила ему жидкая кашица, а за послѣдніе годы онъ питался исключительно просфорой, накрошенной и размягченной въ чашкѣ съ горячей водой. Въ этомъ состояла вся его пища.

Подобное низведеніе до минимума питанія бреннаго тѣла, доведеннаго многочисленными болѣзнями и физическими страданіями положительно до образа трупа, и исключительное сосредоточеніе жизни въ теченіе 45 лѣтъ на одной духовной сторонѣ ея, не могли не отразиться и на внѣшнемъ видѣ изборскаго праведника. Глядя на изображеніе его, никто не скажетъ, что это—портретъ простого крестьянина: настолько одухотворено и интеллигентно лицо его. Маленькая подробность: даже усы и эспаньолка, которые какъ-то случайно, сами собой, вмѣсто бороды выросли у него, совсѣмъ не свойственны нашему сѣрому пахарю, встрѣчаясь большею частью лишь у лицъ изъ интеллигенціи...

Александръ Ивановичъ Дегожскій, священникъ погоста Малоъвъ, оказавшійся очень симпатичнымъ и привѣтливымъ человѣкомъ, принялъ меня крайне любезно и, чѣмъ только могъ, посодѣйствовалъ мнѣ въ доставленіи свѣдѣній о Матвѣѣ Болящемъ и историческихъ данныхъ о быломъ Мальскаго монастыря. Жена его, несмотря на свое болѣзненное состояніе, тоже вышла къ намъ и съ оживленіемъ передавала разные эпизоды изъ жизни Болящаго, къ которому относилась, равно какъ и ея мужъ, очень симпатично, отзываясь о немъ, какъ о человѣкѣ исключительномъ.

— Куда до него монахамъ Печорскаго монастыря!—говорила она:—они сами удивлялись святости его жизни и часто пріѣзжали къ нему служить молебны; все уговаривали его переселиться къ нимъ въ монастырь на жительство и принять монашество, да Матвѣюшка не захотѣлъ...

— Какой я монахъ!—говорилъ онъ имъ въ отвѣтъ:—я—живой трупъ, монашескаго подвига исполнить не могу, въ церковь ходить—тоже. А лежать и молиться все равно и дома можно...

Молодая симпатичная матушка, окруженная дѣтьми, волновалась, вспоминая разные факты изъ жизни любимаго и чтимаго ею покойника; яркій румянецъ пятнами покрывалъ ея блѣдное, точно восковое лицо, и подозрительный кашель часто прерывалъ ея рѣчь. Отецъ Александръ съ любовью и грустью смотрѣлъ на нее.

Видно, моя матушка «на нѣтъ» сходитъ,—тихо сказалъ онъ мнѣ, печально качая головой.

Пошли, Господь, чтобы эта вѣрующая и симпатичная женщина поправилась поскорѣе отъ своего недуга. Погостъ Малы̀ съ его песками и сосновымъ боромъ—та же климатическая станція, и я буду очень радъ, если въ то время, когда эти строки попадутся ей на глаза, здоровый румянецъ окраситъ ея блѣдныя щеки, и она прочтетъ о своемъ зломъ недугѣ, какъ о далекомъ прошломъ и темномъ явленіи своей жизни, канувшемъ безвозвратно въ вѣчность.

Послѣ продолжительной бесѣды о Матвѣѣ Болящемъ, сопровождавшейся чаепитіемъ съ вкуснымъ домашняго печенья хлѣбомъ, отецъ Александръ предложилъ мнѣ спуститься внизъ къ озеру, гдѣ высились развалины, старый храмъ съ новымъ придѣломъ, и находилось кладбище, на которомъ былъ похороненъ изборскій праведникъ...

На мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ погостомъ Мала̀ми, издревле находился монастырь, развалины котораго довольно хорошо сохранились и до настоящаго времени. Когда и кѣмъ былъ основанъ этотъ монастырь, историческихъ данныхъ не имѣется, и достовѣрныя свѣдѣнія о немъ начинаются лишь съ XV вѣка, со времени появленія въ его стѣнахъ преподобнаго Онуфрія; впрочемъ о личности и жизни послѣдняго также не сохранилось почти никакихъ фактовъ, кромѣ извѣстія о смерти его и погребеніи въ Мальскомъ монастырѣ 12 іюня 1492 г. (7000 г.); съ этого времени монастырь получаетъ въ народѣ наименованіе Онуфріевскаго. Дальнѣйшая историческая судьба этого монастыря также малоизвѣстна, такъ какъ въ современныхъ ему лѣтописяхъ не сохранилось на этотъ счетъ никакихъ указаній. Можно лишь съ большей достовѣрностью предполагать, что онъ раздѣлялъ на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій печальную участь всѣхъ другихъ «зарубежныхъ» монастырей, какъ, напримѣръ, своего сосѣда Псково-Печорскаго, и подвергался наравнѣ съ ними нападеніямъ разноплеменныхъ враговъ, постоянно нападавшихъ на Псковское княжество: шведовъ, ливонцевъ, литовцевъ, нѣмцевъ и поляковъ. Вѣроятность такого предположенія оправдывается самимъ мѣстоположеніемъ бывшаго монастыря, отстоящаго всего въ 2—3 верстахъ отъ стариннаго Псково-Рижскаго тракта, по которому искони и двигались на святую Русь непріятельскія полчища. Въ 1581 г. Мальскій, или Онуфріевскій, монастырь былъ окончательно разрушенъ войсками Стефана Баторія, осаждавшаго одновременно Печоры и Псковъ. Около 150 лѣтъ монастырь оставался въ развалинахъ, а въ 1730 г. по указу императрицы Анны Іоанновны при епископѣ псковскомъ и изборскомъ Рафаилѣ Зборовскомъ онъ былъ возобновленъ, но просуществовалъ недолго, всего

лишь около 35 лѣтъ, и окончательно упраздненъ въ 1764 г. по неизвѣстнымъ причинамъ, а храмъ его, существующій и нынѣ, обращенъ въ приходскую церковь.

Кромѣ этой, такъ сказать, исторической справки, существуетъ еще поэтическая легенда о причинахъ возобновленія монастыря въ 1730 г., разсказанная мнѣ моимъ возницей, Иваномъ Картошкой, и весьма распространенная среди мѣстныхъ крестьянъ. Такъ какъ этотъ апокрифъ, передаваемый изъ устъ въ уста, помимо своего фантастическаго элемента, заключаетъ въ себѣ и много правдоподобнаго, то я и передаю его читателямъ.

Жилъ-былъ въ началѣ XVIII столѣтія въ Тамбовской губерніи, въ Кирсановскомъ уѣздѣ, въ неизвѣстномъ селѣ, одинъ крестьянинъ, фамилія котораго не сохранилась въ памяти народа. Былъ онъ благочестивъ, добръ, добродѣтеленъ и, какъ всегда это водится въ такихъ случаяхъ, бѣденъ, но на бѣдность свою не роптал, и, владѣя лишь небольшимъ пчельникомъ за селомъ, прокармливался имъ кое-какъ, проводя свои досуги въ созерцательной жизни. Въ одинъ прекрасный день одна изъ матокъ его пчелиныхъ роевъ заговорила съ нимъ человѣческимъ голосомъ и объявила ему, что Господь въ виду его благочестія повелѣваетъ ему покинуть свою пасѣку и отправиться въ далекіе, невѣдомые ему края и возобновить тамъ монастырь съ храмомъ Божіимъ, разрушенный погаными иновѣрцами. Удивился было мужичокъ, что пчела заговорила съ нимъ по-человѣчески, но тотчасъ же понялъ, что это, знать, самъ Господь, творящій чудеса, удостоилъ его, грѣшнаго, своей бесѣдой, снялъ шапку, перекрестился и воскликнулъ:

— Благодарю тебя, Господи, что призываешь меня, недостойнаго раба твоего, на благочестивый подвигъ! Но какъ же прикажешь исполнить Твое повелѣніе, когда я о той странѣ никогда и не слыхивалъ, дороги туда найти не смогу, а построить храмъ да монастырь—не изъ чего? Самъ знаешь мои капиталы: весь я тутъ передъ Тобой съ своимъ имуществомъ, и, окромя десятка пчелиныхъ колодъ, ничего у меня нѣтути...

И заговорила опять пчела:

— Не сумлѣвайся, мужичокъ, и дѣлай, какъ тебѣ приказываютъ. Иди смѣло; дорогу я тебѣ сама съ своимъ роемъ указывать буду, а о капиталѣ не безпокойся: какъ достигнешь того мѣста, что̀ тебѣ предуказано, будетъ тебѣ особое предупрежденіе...

Выслушалъ мужичокъ пчелиную рѣчь и сталъ готовиться въ дальній путь. Какіе сборы у бѣднаго мужика? Натянулъ зипунишко, положилъ за пазуху краюшку хлѣба да кусокъ сотоваго меда, срѣзалъ посошокъ и готовъ. На разсвѣтѣ, чуть солнышко взошло надъ его пасѣкой, перекрестился онъ на четыре стороны, положилъ по земному поклону, поцѣловалъ родную землю, а гор-

сточку въ тряпку завернулъ, чтобы, значитъ, потомъ, когда умирать придется, въ гробъ ему родной землицы положили, и тронулся въ путь. Шелъ онъ дни, да недѣли, да мѣсяцы, а пчелиная матка съ своимъ роемъ все впереди летитъ. Къ вечеру, гдѣ сядетъ пчела, тамъ и мужичокъ на ночлегъ ложится, а, чуть свѣтъ, пчелы его будили и въ дальнюю дорогу торопили, вели его черезъ степи да дремучіе лѣса, по рѣкамъ бродъ указывали. Долго шелъ мужичокъ, а только и долгому пути конецъ насталъ. Привела его пчелиная матка къ Мальскому озеру, къ этимъ самымъ развалинамъ, и заявила ему, что путь его оконченъ, что это мѣсто и есть то самое, что Господь ему указалъ. Утомился мужикъ съ долгой дороги и заснулъ въ развалинахъ каменной башни, какъ убитый, а ночью ему видѣніе было, въ родѣ ангельскаго, и слышался голосъ съ небесъ:

— Какъ встанешь, мужичокъ, поутру, копай, молъ, въ такомъ-то углу, подъ такимъ-то камнемъ землю, и копай безъ устали, доколѣ не найдешь того, что тебѣ нужно для исполненія воли Божіей.

Всталъ мужикъ поутру, помолился Богу, разыскалъ указанное ему во снѣ мѣсто и сталъ разбирать камни, а подъ ними нашелъ цѣлый кладъ: были тутъ и деньги, и золото, и серебро, и самоцвѣтные камни; нашелъ и церковные сосуды, книги, кресты и иконы въ дорогихъ ризахъ. Закопано все это было, знать, прежней монастырской братіей ради спасенія отъ нечестивыхъ рукъ короля Баторія, что̀ напалъ со своими нехристями на монастырь и предалъ его разрушенію.

— Ну, — продолжалъ Иванъ Картошка: — какъ нашелъ нашъ мужичокъ эфтотъ кладъ, дѣло и пошло у него, значитъ, на ладъ, и смогъ онъ въ точности волю Божію исполнить. Отстроилъ развалины монастыря да храмъ, набралъ братію и сталъ надъ ней игуменствовать. Такъ-то, баринъ! А вѣдь допрежь, просто ледащій мужиченко былъ, да Господомъ Богомъ возвеличенъ. Господь-то знаетъ, что дѣлаетъ! Значитъ, тамбовскій мужичокъ и нуженъ былъ Ему на эфто благочестивое дѣло, ежели выбралъ именно яво, а не кого иного изъ мѣстныхъ псковскихъ жителевъ.

Легенда эта, весьма поэтическая сама по себѣ, имѣетъ, какъ мнѣ кажется, и фактическое основаніе: нѣтъ повода отрицать возможности возобновленія монастыря иждивеніемъ и по ходатайству какого нибудь частнаго лица изъ Тамбовской губерніи. На частныя же средства того же лица монастырь и просуществовалъ 34 года, а по смерти его основателя и за отсутствіемъ, вѣроятно, собственныхъ монастырскихъ средствъ, духовное вѣдомство не сочло нужнымъ содержать его за счетъ казны, тѣмъ болѣе, что по сосѣдству съ Онуфріевскимъ монастыремъ существовалъ уже другой, еще болѣе древній и богатый монастырь: Псково-Печорскій. Такимъ

образомъ онъ и былъ упраздненъ въ 1764 г., а Мальская церковь обращена въ приходскую.

Храмъ этотъ полутораэтажный, четыреугольный, пятиглавый, поражаетъ толщиною своихъ стѣнъ, какъ, впрочемъ, и большинство древнихъ церквей порубежныхъ монастырей, служившихъ встарь также и крѣпостями. На ту же роль указываетъ и находящійся въ подвалѣ, подъ алтаремъ храма, источникъ ключевой воды, явленіе, довольно обычное для древнихъ храмовъ Псковской губерніи, устройство которыхъ вызывалось опасеніемъ отвода непріятелемъ воды при осадахъ. Достойно удивленія, что источникъ Мальскаго храма, бьющій непосредственно изъ-подъ стѣны, до сихъ поръ не подточилъ и не разрушилъ ея несмотря на нѣсколько столѣтій своей работы. Умѣли, видно, строить въ старину и принимать невѣдомыя намъ техническія приспособленія для избѣжанія размыва.

Мрачныя холодныя стѣны, полутьма, потемнѣвшая живопись иконъ, старинныя паникадила и рѣшетки изъ кованаго желѣза, иконостасъ—все это производитъ сильное впечатлѣніе, и я понимаю, что въ такихъ древнихъ храмахъ дѣйствительно можно было молиться: такъ все въ нихъ наводитъ васъ на молитвенное настроеніе. Это рѣзко бросается въ глаза въ особенности при сравненіи съ новымъ придѣломъ, пристроеннымъ къ старому храму и имѣющимъ съ нимъ непосредственное сообщеніе. Тутъ все ново, блеститъ, сіяетъ, но религіознаго настроенія не получается. То же чувство я испыталъ и въ Кіевѣ при осмотрѣ древняго Софіевскаго собора и новаго Владимирскаго. Въ первомъ васъ прямо при входѣ какъ-то невольно охватываетъ молитвенное настроеніе, не разсѣиваемое впослѣдствіи деталями, подернутыми полутьмой; доминируетъ общее впечатлѣніе отъ всего храма. Не то—въ новомъ соборѣ: послѣдній—скорѣе картинная галлерея, которой вы восторгаетесь, нежели храмъ. Ваши глаза разбѣгаются, переходятъ съ восклицаніемъ отъ одной иконы къ другой, но общаго настроенія, могущаго держать васъ въ извѣстномъ молитвенномъ направленіи, не получается. То же впечатлѣніе вынесъ я и изъ осмотра храма Спасителя въ Москвѣ.

Чрезвычайно интересно и сурово по своей простотѣ паникадило въ строго выдержанномъ стилѣ изъ кованаго желѣза, передъ царскими вратами; подъ нимъ подвѣшенъ небольшой стеклянный шаръ, въ которомъ находились изображенія святыхъ въ миніатюрной молельнѣ съ восковыми свѣчами. По бокамъ паникадила къ иконостасу были придѣланы тоже желѣзные кенкеты, на которыхъ висѣли старинной работы лампады. Въ алтарѣ стараго храма, на престолѣ лежалъ массивный серебряный крестъ, по виду совсѣмъ новый и блестящій, съ вырѣзанной на немъ по-славянски молитвой.

— Что это за крестъ?—спросилъ я отца Александра:—вѣдь онъ не старинный?

— О, нѣтъ. Я только держу его здѣсь въ память о Матвѣѣ Болящемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ его почитатели прислали ему этотъ крестъ изъ Петербурга, а когда онъ умеръ, я предложилъ его женѣ пожертвовать крестъ нашему храму.

Вотъ еще одна черта безкорыстія со стороны бѣдной крестьянской семьи. Крестъ представляетъ собой несомнѣнную цѣнность, но вдова не задумалась ни минуты и отдала его въ церковь.

— Крестъ этотъ, — продолжалъ священникъ, — лежалъ почти безсмѣнно на груди у Матвѣюшки. Онъ увѣрялъ, что это облегчаетъ ему страданія. А возьмите-ка его въ руки, посмотрите, какой онъ тяжелый.

Я чуть не ахнулъ, когда взялъ отъ батюшки протянутый мнѣ крестъ: до того онъ оказался тяжелымъ, не менѣе 12—15 фунтовъ вѣсу, между тѣмъ какъ съ виду былъ не особенно великъ, и, глядя на него, никакъ нельзя было предположить въ немъ такой тяжести: словно свинцомъ былъ залитъ внутри. Долго держать его въ рукѣ было трудно; что же долженъ былъ испытывать больной старикъ, продержавшій его нѣсколько лѣтъ подъ рядъ на своей груди?! Да, велика сила вѣры, и это доказываетъ еще разъ, до какой степени Матвѣй Болящій былъ чуждъ всякой физической стороны жизни, тѣлесныхъ болей и страданій. Одинъ духъ всецѣло царилъ въ немъ надъ тѣломъ, и таковое почти не существовало для него.

Изъ древняго храма мы перешли въ новый придѣлъ, построенный и отдѣланный исключительно на средства, собранныя изборскимъ праведникомъ. Сооруженіе храма было задумано, и начался сборъ денегъ на него въ 1895 г., закладка произведена въ 1901 г., а въ 1902 г. придѣлъ былъ оконченъ постройкой, отдѣланъ и освященъ. Новый храмъ не великъ, но въ противоположность старому полонъ свѣта. Вся живопись какъ стѣнная, такъ и большинство иконъ исполнены художникомъ Егоровымъ въ свѣтлыхъ тонахъ, придающихъ храму, если можно такъ выразиться о храмѣ, веселый видъ. Есть въ немъ и нѣсколько древнихъ иконъ въ новыхъ богатыхъ серебряныхъ ризахъ и кіотахъ, сооруженныхъ уже впослѣдствіи иждивеніемъ того же Матвѣя Болящаго.

Изъ иконъ художника Егорова обращаютъ на себя вниманіе большой образъ Іоанна Рыльскаго и Николая-чудотворца на правой сторонѣ амвона и икона Вознесенія Спасителя, написанная во весь ростъ на оконномъ стеклѣ алтаря передъ престоломъ. Работа—безусловно художественно исполненная, но, на мой взглядъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему православному взгляду на Христа. На этой иконѣ художникъ изобразилъ Христа полунагимъ, съ наброшеннымъ на плечи плащомъ, оставивъ ему обнаженными часть торса, рукъ и ногъ, при чемъ тѣло и мускулатура послѣднихъ выписаны хотя и очень хорошо, но слишкомъ ужъ реально. Мы представляемъ себѣ Іисуса царемъ, но царемъ исключительно

духовнымъ, и если Христосъ воплотился и принялъ человѣческій образъ, то какъ простую необходимость, и никогда его воплощеніе, его тѣло не могли играть въ христіанской религіи первенствующей роли. Между тѣмъ художникъ изобразилъ Христа не только прекрасно сложеннымъ, здоровымъ человѣкомъ, но даже обладающимъ сильной мускулатурой,—мускулатурой почти что атлета, бросающейся прежде всего въ глаза при взглядѣ на икону: такъ сильно и тщательно выписаны мускулы. Благодаря этому, прекрасно исполненное лицо Спасителя, вполнѣ одухотворенное, отходитъ на второй планъ. Такого Христа всѣ христіанскія церкви, не говоря уже о православной, не знаютъ. У христіанъ Христосъ— духъ, а плоть—аксессуаръ, правда, неизбѣжный, однако не первенствующій. Поклоненіе не духу, а тѣлу, тѣлесной красотѣ свойственны Элладѣ и Риму, но никакъ не христіанству.

Относительно другого большого образа того же художника Егорова «Моленіе о чашѣ», весьма талантливо и колоритно написаннаго, также не могу согласиться съ художникомъ по вопросу о приданіи имъ Христу слишкомъ типичныхъ чертъ еврейскаго лица. Это, на мой взглядъ, совсѣмъ не правильно съ точки зрѣнія христіанства. Христосъ дѣйствительно былъ евреемъ, но только по происхожденію, а не по духу, и поэтому не могъ и не долженъ былъ имѣть чего либо общаго съ духовнымъ обликомъ евреевъ, такъ какъ пошелъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ ними, создавъ собственную, діаметрально противоположную еврейству религію: христіанство; въ силу этого придавать Христу типичный обликъ еврея—не въ духѣ христіанства. Христосъ въ силу своего ученія уже пересталъ быть евреемъ и сталъ космополитомъ: «нѣсть эллинъ ни іудей»... т.-е. всечеловѣкомъ, и придавать ему рѣзкія отличительныя еврейскія черты лица значитъ грѣшить противъ истины. Кромѣ того, мы, православные, знаемъ своего русскаго Христа, и этотъ типъ сродни намъ, нашимъ понятіямъ о Немъ. Плоть, тѣло, черты лица—все это на изображеніи Спасителя не должно доминировать, должно отходить на задній планъ и стушевываться.Важенъ духъ, передача въ Его лицѣ идеи христіанства, а развѣ это можетъ быть достигнуто приданіемъ Ему типичныхъ еврейскихъ чертъ, дающихъ намъ сразу вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе идеи, враждебной самому христіанству?!

Въ алтарѣ новаго придѣла хранится священное облаченіе, сдѣланное изъ пожертвованнаго великой княгиней Александрой Іосифовной своего подвѣнечнаго платья (трена). Матерія на видъ представляетъ собой кованое серебро матоваго отлива, мягкое, какъ шелкъ, чрезвычайно эффектное, но очень тяжелое. Матеріи было такъ много, что вышло цѣлыхъ два облаченія: одно для храма въ Малахъ, а другое для Печорскаго монастыря, гдѣ облаченія и шились.

Осмотрѣвъ затѣмъ развалины бывшаго Онуфріевскаго монастыря и современную ему звонницу, реставрированную при возстановленіи монастыря въ 1730 г., прекрасно сохранившуюся, съ старинными колоколами, правда, не особенно крупными, но съ мелодичнымъ звономъ, характернымъ для всѣхъ древнихъ колоколовъ XIV, XV и XVI вѣковъ, мы прошли на кладбище, окружавшее съ трехъ сторонъ древній храмъ, на могилу Матвѣя Болящаго, расположенную въ двухъ шагахъ отъ церкви, какъ разъ противъ входныхъ дверей.

Сперва было предположено похоронить Матвѣя Кондратьева въ самой церкви, подъ алтаремъ, какъ строителя храма, и было уже приготовлено для могилы мѣсто, но передъ смертью, по желанію самого Болящаго, этотъ проектъ былъ измѣненъ, и его похоронили внѣ храма, мотивомъ чему послужило, по словамъ отца Александра, слѣдующее соображеніе: несомнѣнно, послѣ смерти человѣка, пользовавшагося при жизни такой извѣстностью, на могилу его станетъ стекаться масса народа, желающаго отслужить панихиды на его могилѣ. Служить же постоянно послѣднія не всегда возможно въ церкви (когда идетъ служеніе, напримѣръ), помѣщеніе которой къ тому же не настолько обширно, чтобы вмѣстить много молящихся.

Матвѣюшка умеръ 15 іюня, а я посѣтилъ его могилу, мѣсяцъ спустя, и нашелъ ее еще не отдѣланной, безъ креста и памятника, украшенную лишь растеніями и цвѣтами, живыми и искусственными. И вотъ иронія судьбы: могила его приходится почти вплотную съ могилой бывшаго мальскаго священника, Іоакима Николаевича Смирнова, враждовавшаго съ нимъ при жизни, и которому народная молва приписываетъ причину заболѣванія Болящаго. Я спрашивалъ объ этомъ отца Александра, который подтвердилъ мнѣ, что лично допытывался у Матвѣя относительно справедливости народной легенды, но послѣдній категорически отвергъ фактъ проклятія его священникомъ, съ которымъ онъ дѣйствительно когда-то не ладилъ, но впослѣдствіи они помирились и жили въ мирѣ и согласіи. Впрочемъ, я самъ убѣдился въ несостоятельности этого апокрифа помощью сопоставленія хронологическихъ данныхъ, вырѣзанныхъ на крестѣ могилы священника Смирнова. Послѣдній умеръ въ 1885 г. на 61 году своей жизни, просвященствовавъ 27 лѣтъ. Матвѣй Болящій умеръ 67 лѣтъ въ 1905 г., значитъ, родился въ 1838 г. Заболѣлъ онъ 18 лѣтъ отъ роду, т.-е. въ 1856 г., когда священникомъ въ Малàхъ было другое лицо, а не Смирновъ, назначенный туда лишь въ 1858 г., т.-е. два года спустя...

— Рѣшетка и памятникъ Матвѣюшки,—сказалъ мнѣ отецъ Александръ:—заказаны въ Петербургѣ и сооружаются на средства его богатыхъ и высокопоставленныхъ почитателей.

Я покидалъ могилу Матвѣя Болящаго съ относительнымъ чувствомъ недоумѣнія: никому невѣдомый, бѣдный крестьянинъ, жившій въ глухой деревушкѣ, заброшенной въ дебряхъ Псковской губерніи, силою любви, твердостью духа, добрыми дѣлами, прикованный къ одру въ теченіе 45 лѣтъ, достигъ извѣстности и вліянія до далекихъ окраинъ Россіи, начиная съ своего собрата мужика и кончая высшими сферами, стоящими у подножія престола. И достигнуто все это безъ всякаго усилія, старанія или стремленія, однимъ свѣтлымъ разумомъ и примѣромъ личной жизни...

Миръ праху твоему, изборскій праведникъ, на дѣлѣ и словѣ умѣвшій возвеличить духъ и сохранить его высокимъ и чистымъ въ полумертвомъ тѣлѣ!

IV.

Отъ погоста Малòвъ до Изборска.—Часовня св. Илья Мокраго.—Изборскъ.—Его прошлое и настоящее.—Алебастровыя каменоломни.—Станція Изборскъ и алебастровые заводы.

Погостомъ Малàми оканчивалась, въ сущности, цѣль моего путешествія, но я не хотѣлъ возвращаться прежней дорогой, и избралъ другую, на пригородъ Изборскъ, отстоящій всего верстахъ въ трехъ отъ погоста. Слишкомъ велико было искушеніе посѣтить одинъ изъ древнѣйшихъ нашихъ городовъ, связанный почти что съ началомъ русской исторіи, съ призваніемъ варяговъ на святую Русь.

На полъ-пути до Изборска, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проселочная дорога выходитъ на Псково-Рижскій трактъ, стоитъ весьма чтимая въ народѣ старинная часовня св. «Ильѣ Мокрому». Къ ней совершается ежегодно 20 іюля крестный ходъ изъ мальскаго храма и служится молебствіе Ильѣ-пророку, который, какъ извѣстно, слыветъ въ народѣ покровителемъ грозы и дождя. Поэтому въ ней происходятъ служенія и въ другіе дни, въ годины засухи. Въ часовнѣ горитъ неугасаемая лампада передъ иконой св. Ильи, висящей надъ колодцемъ источника, бьющаго изъ-подъ земли.

Когда мы повернули съ проселка на Псковскій трактъ, передъ нами открылся видъ на Изборскъ, на ту его часть, которую занимаетъ изборское кладбище, извѣстное въ народѣ подъ названіемъ Князе-кладбища, гдѣ и находился древній Изборскъ, его городище, расположенное на возвышенности съ крутымъ спускомъ къ озеру, называемому Городищенскимъ, или Бородиченскимъ, и впадающей въ него рѣчкѣ.

Изборскъ куда древнѣе Пскова, хотя и числился впослѣдствіи его сторожевымъ пригородомъ, былъ основанъ, по преданію, однимъ изъ сыновей новгородскаго князя Гостомысла, Славяномъ Изборомъ, по имени котораго и получилъ свое названіе. Впослѣдствіи,

при призваніи варяговъ на Русь, онъ былъ избранъ стольнымъ городомъ одного изъ варяжскихъ братьевъ-князей, Трувора, который съ 862 г. и княжилъ въ немъ благополучно надъ кривичами до самой смерти, послѣдовавшей, впрочемъ, въ скорости, два года спустя, и былъ тамъ же похороненъ. Мѣсто погребенія Трувора точно неизвѣстно. По однимъ предположеніямъ, онъ похороненъ на Городищенскомъ кладбищѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ среди древнихъ крестовъ находится плита съ квадратными насѣчками; по другой версіи, погребеніе князя состоялось на мѣстѣ, занимаемомъ старинной церковью св. Николая, принадлежавшей древнему мужскому монастырю, приписанному одно время къ Псково-Печорскому и упраздненному въ 1585 г.

Въ 1878 г. великіе князья Павелъ и Сергій Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи, еще молодыми людьми, посѣтили Изборскъ во время своего образовательнаго путешествія по Псковской губерніи, и въ ихъ присутствіи производились розыски могилы Трувора. Въ Изборскѣ мнѣ приходилось бесѣдовать съ мѣстными жителями, очевидцами этихъ раскопокъ.

— Молодые князья были стройные и такіе шустрые, страсть!— разсказывалъ мнѣ одинъ пожилой крестьянинъ:—взбѣжалъ это одинъ изъ нихъ на крутой валъ, да такъ легко, будто по ровному мѣсту, и приказалъ: вотъ тутъ, молъ, копайте! А землероевъ было собрано съ окрестностей много, ну, и зачали они дружно копать, да не по-простому: всю землю, что̀ вырывали, скрозь грохота пропущали, чтобы, значитъ, какая вещь зря не пропадала, а что найдутъ, кость ли, черепокъ, али тамъ желѣзный кусочекъ некудашній, все складывали въ кучу. Разсмотрятъ со всѣхъ сторонъ, разглядятъ, поговорятъ между собой непонятное такое и бережно отложатъ...

— Что же они искали?

— Сказывали тогда, что кости какого-то древняго князя искали?

— Нашли?

— А Господь ихъ знаетъ! Костей, дѣйствительно, много нашли, а тѣ ли были эфти кости, али другія какія,—неизвѣстно. Все это вырыли, съ собой забрали и увезли.

— И веселые же да обходительные были великіе князья!— продолжалъ свое повѣствованіе крестьянинъ, очевидно съ удовольствіемъ вспоминая про рѣдкое въ его жизни событіе, проѣздъ высокихъ особъ:—да ужъ и любопытные какіе! Все знать хотѣли, съ народомъ говорить не гнушались, а народу эфто самаго страсть сколько набралось: любопытно тоже на князей посмотрѣть. Были и полувѣрки въ своихъ старинныхъ одеждахъ. Запримѣтили князья одну, на которой нарядъ побогаче былъ, да и сама съ лица покрасивѣе, ну, извѣстно, имъ въ диковину, обступили эфто ее, разсматриваютъ, смѣются, разспрашиваютъ, а та труситъ отъ страха,

русскихъ рѣчей не понимаетъ, только глазами хлопаетъ. Позвали это, однакожъ, переводчика и черезъ него полувѣрку допытывать зачали, какъ зовется та или другая часть наряда, монисты тамъ, а губернаторъ тутъ же стоитъ и все въ книжку записываетъ... а какъ кончили, отпустили бабу и золотымъ червонцемъ одарили. А та опосля разсказывала, что со страху чуть не померла, долго не могла опомниться и все монету въ рукахъ вертѣла, не знала, значитъ, что съ ней дѣлать, и за какое такое дѣло ей ее пожаловали! Что смѣха въ тѣ поры кругомъ было!

На мѣстѣ, гдѣ стоялъ древній Изборскъ, или, вѣрнѣе, его городище, и теперь еще можно видѣть остатки укрѣпленій въ видѣ высокаго вала и рва. Въ началѣ XIII вѣка городище было взято и сожжено ливонскими рыцарями, опустошавшими періодически эту часть Псковскаго княжества. Послѣ этого, ради стратегическихъ цѣлей, Изборская крѣпость была перенесена псковитянами нѣсколько въ сторону, ближе къ озеру, на вершину горы Жеровы. Въ 1328 г. были воздвигнуты на ней толстыя стѣны и башни, довольно хорошо сохранившіяся и до нашихъ дней, благодаря заботамъ государя Николая Павловича, при которомъ крѣпость была реставрирована.

Послѣ утраты Изборскомъ значенія стольнаго города удѣльныхъ князей онъ еще долгое время служилъ сторожевымъ оплотомъ отъ вторженія непріятелей, благодаря своему мѣстоположенію на самой границѣ Ливоніи. Въ немъ постоянно жилъ особый князь-намѣстникъ, а впослѣдствіи, при московскихъ государяхъ, особый отъ Пскова воевода, вѣдавшій «дворами (какъ назывались въ старину канцеляріи отдѣльныхъ вѣдомствъ): государевымъ, воеводскимъ и печорскимъ»; въ крѣпости стоялъ стрѣлецкій гарнизонъ, а стѣны и башни были вооружены пушками. Въ царствованіе Іоанна Грознаго Изборскъ попалъ было въ руки поляковъ, благодаря ихъ хитрости: они переодѣлись опричниками и заняли крѣпость безъ боя, но вскорѣ, по обнаруженіи обмана, были выбиты оттуда стрѣльцами изборскаго гарнизона... Изборскъ былъ окруженъ дремучими лѣсами, и жители его издревле славились, какъ неутомимые и искусные звѣроловы. Одинъ изъ нихъ, по имени Селиша, во время охоты открылъ на рѣкѣ Каменцѣ природныя пещеры и скрывавшихся въ нихъ пустынниковъ. Испросивъ разрѣшеніе у Пскова прирѣзать къ своимъ владѣніямъ эти, хотя и дикія земли, но принадлежавшія Пскову, жители Изборска подѣлили ихъ между собой, и на участкѣ, доставшемся нѣкоему изборскому жителю Дементьеву, и возникъ впослѣдствіи, въ XIV вѣкѣ, Псково-Печорскій монастырь-крѣпость, извѣстный въ исторіи древней Руси, какъ грозный оплотъ государства противъ многочисленныхъ и разноязычныхъ непріятелей, безпокоившихъ вплоть до XVII столѣтія русскія земли. Извѣстны въ исторіи факты отра-

женія Печорами нашествій: Стефана Баторія, венгровъ, ливонцевъ, поляковъ и шведовъ.

Съ горы Жеровы, на вершинѣ которой стоитъ древняя Изборская крѣпость, открывается дивный видъ на далекія окрестности, въ особенности съ пункта одного пролома стѣны, гдѣ предупредительно поставлена скамейка. У вашихъ ногъ раскинуты современныя строенія посада, довольно жалкія, къ слову сказать, среди которыхъ выдѣляются двѣ старинныя церкви: Богородицкая и Сергіевская, расположенныя вблизи другъ отъ друга, съ характерной архитектурой своихъ куполовъ, звонницъ и стѣнъ. Лѣвѣе открывается видъ на озеро. При желаніи можно обозрѣвать окрестности со всѣхъ сторонъ горы, такъ какъ вокругъ крѣпостной стѣны проложена узенькая тропинка, по которой можно обогнуть гору вокругъ, если не бояться головокруженія: такъ высоко мѣсто, занимаемое крѣпостью. Я даже и не подозрѣвалъ, что могу встрѣтить такія возвышенности въ Псковской губерніи. Лучшаго мѣста нельзя было выбрать для сторожевого пункта: ни одинъ непріятель не могъ бы приблизиться къ Изборску незамѣченнымъ.

Внутри крѣпостныхъ стѣнъ находится старинный Николаевскій соборъ, возлѣ котораго стоитъ на подставкахъ древнее металлическое «било», подобное видѣнному мной въ Печорскомъ монастырѣ, но только значительно меньшихъ размѣровъ. Оно служило для призыва народа на молитву, или по тревогѣ, въ тѣ далекія времена, когда еще не было колоколовъ, и замѣняло ихъ. Недалеко отъ крѣпости изъ той же Жеровской горы бьетъ цѣлый рядъ ключей, стекающихъ въ рѣку Орловку и носящихъ названіе «Славянскихъ». Вообще родниковъ здѣсь изобиліе,—одинъ, напримѣръ, находится подъ самымъ зданіемъ Николаевскаго собора какъ на Мальскомъ погостѣ; другой обратилъ наше вниманіе своимъ бурнымъ теченіемъ; попробовавъ его воду, я нашелъ, что онъ насыщенъ углекислотой и напоминаетъ по вкусу отчасти нашъ кавказскій нарзанъ. Я—не спеціалистъ въ этомъ дѣлѣ, но думаю, что минеральные источники должны быть не чужды Изборску, такъ какъ горы его состоятъ изъ слоевъ известковаго плитняка и алебастра; алебастръ же известковый представляетъ собой отложеніе кальцита (углекислой извести), образующагося въ осадкахъ минеральныхъ ключей. Добыча его и составляетъ главный промыселъ изборскихъ жителей, хотя по всему видно, что эта отрасль добывающей промышленности не очень-то развита, такъ какъ въ посадѣ нынѣ существуетъ всего 2 алебастровыхъ завода, а большею частью въ Изборскѣ его только ломаютъ и вывозятъ за 9 верстъ къ желѣзнодорожней станціи того же имени.

Современный Изборскъ въ настоящее время представляетъ собой жалкій пригородъ съ 1½ тысячами населенія и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ русскихъ селъ.

Въ немъ даже нѣтъ гостиницы, гдѣ туристу можно было бы остановиться. Какой разительный контрастъ съ его историческимъ прошлымъ, и какое равнодушіе и невниманіе къ этому прошлому, для сохраненія котораго въ памяти народной рѣшительно ничего не предпринято! За историческими крѣпостными стѣнами, которыя пощажены самимъ временемъ, находятся постройки мѣстнаго церковнаго причта, разбиты огороды, фруктовый садъ и на протянутыхъ веревкахъ прозаично просушивается бѣлье...

Что сдѣлали бы иностранцы съ Изборскомъ на нашемъ мѣстѣ?!..— невольно подумалъ я.—Всѣ развалины сохранялись бы тщательно, былъ бы устроенъ мѣстный музей древностей, библіотека, спеціально посвященная богатому прошлому этого историческаго города, продавались бы фотографіи, снимки съ разныхъ живописныхъ мѣстъ. Жители, несомнѣнно, занялись бы выдѣлкой изъ красиваго, мраморополобнаго алебастра различныхъ вещицъ на память объ Изборскѣ; были бы построены гостиницы для туристовъ и многочисленныя дачи въ этой чудной, красивой и здоровой мѣстности; несомнѣнно, былъ бы устроенъ и курортъ; для этого всѣ данныя налицо: горы, сосны, песокъ и дивный воздухъ. Я не говорю уже о его минеральныхъ источникахъ, которые могли бы, по изслѣдованіи, оказаться цѣлебными. Туристы валомъ валили бы сюда и сторицею окупили бы всѣ расходы, тѣмъ болѣе, что Изборскъ отстоитъ на 9 верстѣ отъ желѣзнодорожной станціи, и всего въ 28 верстахъ отъ Пскова, до котораго не болѣе 10 часовъ ѣзды отъ Петербурга.

А теперь Изборскъ... не хочется говорить объ этомъ! Даже фотографій Изборска нельзя было достать на мѣстѣ, а мой собственный аппаратъ, захваченный съ собою, что-то зашалилъ еще въ Печорскомъ монастырѣ, и я, увы, не могъ имъ воспользоваться. Да, не любимъ мы своей старины, не умѣемъ хранить ее, не умѣемъ ею интересоваться. Не любимъ мы пользоваться благами родной природы, не знаемъ географіи Россіи и вообще не любимъ путешествовать у себя на родинѣ.

По пути изъ Изборска къ желѣзнодорожной станціи того же имени мнѣ встрѣтилась еще одна старинная церковь, но я не осматривалъ ея, такъ какъ собиралась сильная гроза, и я боялся опоздать къ поѣзду. Въ концѣ концовъ я перенесъ обѣ эти непріятности: поѣздъ пропустилъ, а ливень промочилъ меня, какъ говорится, до нитки. Къ довершенію бѣдъ, на станціи совсѣмъ не оказалось буфета, и, лишь благодаря любезности начальника станціи, мнѣ удалось достать самоваръ и напиться чая съ бубликами мѣстнаго издѣлія.

Такъ какъ слѣдующаго поѣзда приходилось ожидать часа 4, то я и воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы осмотрѣть алебастровые заводы, которыхъ нѣсколько при станціи Изборскѣ. Два

изъ нихъ приводятся въ дѣйствіе электричествомъ и оборудованы по послѣднему слову техники, а всѣ безъ исключенія, какъ мнѣ передавали, и какъ это зачастую, увы, встрѣчается у насъ на Руси, принадлежатъ иностранцамъ. Алебастръ доставляется на заводы изъ Изборскихъ каменоломенъ двухъ сортовъ: сѣрякъ и бѣлякъ. Первый послѣ цѣлаго ряда манипуляцій мелется, варится и въ видѣ муки отправляется въ мѣшкахъ въ столицу, а второй, какъ болѣе цѣнный и идущій на скульптурныя подѣлки, вывозится туда же въ своемъ естественномъ, получаемомъ при ломкѣ, видѣ, кусками.

На станціи при проходѣ поѣздовъ я опять встрѣтилъ массу бабъ съ грибами; грибы безъ конца; очевидно, я находился въ царствѣ грибовъ и охоты. Вмѣстѣ со мной на платформѣ ждали поѣзда нѣсколько человѣкъ охотниковъ изъ Пскова и Петербурга съ собаками и цѣлой грудой убитыхъ ими тетеревей и утокъ...

Наконецъ нашъ поѣздъ подошелъ, я поспѣшилъ въ вагонъ, наскоро устроился и заснулъ, какъ убитый, послѣ нѣсколькихъ сутокъ скитаній по Псковскому краю, счастливый и полный впечатлѣній отъ только что посѣщенныхъ и видѣнныхъ мной памятниковъ дорогой старины.

В. С. Марковъ.

ПАМЯТИ ОРЕНБУРГСКАГО ЕПИСКОПА НИКОЛАЯ.

ДВАДЦАТЬ девятаго октября минуло десять лѣтъ со дня кончины одного изъ выдающихся духовныхъ іерарховъ позднѣйшаго времени, епископа оренбургскаго и уральскаго Николая (въ мірѣ Петръ Степановичъ Адоратскій), оставившаго замѣтный слѣдъ и въ духовной литературѣ и въ учено-просвѣтительной дѣятельности. О жизни и трудахъ его, однако, еще очень мало свѣдѣній въ печати, должно быть, потому, что архипастырь этотъ почти всю жизнь свою провелъ вдали отъ «шумнаго свѣта», на отдаленныхъ окраинахъ, и даже внѣ предѣловъ отечества, и мало заботился о томъ, чтобы о немъ говорили и его рекламировали, какъ это принято, дѣлать многими теперь. Онъ творилъ пастырское дѣло въ духѣ Христова завѣта тихо, для постороннихъ почти незамѣтно, но для окружающихъ ощутительно.

Въ нынѣшній эгоистическій, расчетливый вѣкъ, въ эпоху безвѣрія и братоненавистничества, такіе люди встрѣчаются рѣдко даже и въ духовномъ мірѣ. Преосвященный Николай не только, какъ духовный дѣятель, былъ пастырь истинный, полагавшій «душу свою за овцы своя», являясь столпомъ вѣры и защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ, но и, какъ человѣкъ, представлялъ собой рѣдкій примѣръ дѣятеля, проникнутаго сознаніемъ долга и любви къ ближнему,—дѣятеля честнаго, неподкупнаго, прямого и рѣзко правдиваго, вслѣдствіе чего для многихъ своихъ подчиненныхъ казался стро-

14*

гимъ и суровымъ; вообще былъ противникъ лжи, лести и низкопоклонства. Правда подъ конецъ жизни вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія онъ сдѣлался крайне раздражительнымъ и не въ мѣру взыскательнымъ, но все-таки не уклонялся отъ справедливости и старался послѣ допущенныхъ вспышекъ исправить ошибку.

Владыку Николая я зналъ лично, бывалъ у него нѣсколько разъ, встрѣчая радушный пріемъ безъ всякой напыщенности или показной любезности. Онъ одинаково относился и къ старшимъ, и къ младшимъ, и къ сильнымъ міра сего, и къ мелкимъ труженикамъ. Но, какъ самъ писатель и человѣкъ просвѣщенный, онъ отдавалъ предпочтеніе людямъ пера, не отказывая никогда въ разумной бесѣдѣ и совѣтахъ въ той или другой области знаній. Думаю поэтому, что въ десятую годовщину его кончины будетъ небезынтересно подѣлиться на страницахъ историческаго изданія о такомъ недюжинномъ архипастырѣ моими воспоминаніями и разсказами людей, близко знавшихъ его.

Покойный былъ уроженецъ г. Казани, сынъ извѣстнаго тамъ заслуженнаго протоіерея, Стефана Ивановича Адоратскаго (скончавшагося 23 августа 1882 г.). Родился 15 сентября 1849 г. и съ 10-ти-лѣтняго возраста обучался въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ родного города. По окончаніи въ 1874 г. курса наукъ въ мѣстной духовной академіи, со степенью кандидата богословія, молодой Адоратскій, Петръ Степановичъ, 2 декабря былъ опредѣленъ на вакансію псаломщика при посольской церкви въ Вѣнѣ, гдѣ, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, помогалъ больнымъ соотечественникамъ, а въ свободные часы знакомился съ иностранными языками и церковно-исторической литературой, преимущественно среднихъ вѣковъ. Занимаясь, кромѣ того, въ канцеляріи посольства, онъ имѣлъ возможность не разъ путешествовать въ качествѣ курьера по разнымъ мѣстамъ Европы, гдѣ ко всему присматривался, старался со всѣмъ видимымъ знакомиться и тѣмъ пополнять свои знанія. Это очень сильно расширило его кругозоръ и увеличило его образованіе. Очевидно, благодаря этому обстоятельству, преосвященный впослѣдствіи имѣлъ громадныя свѣдѣнія о положеніи иноземныхъ церквей и по исторіи духовнаго развитія на Востокѣ и на Западѣ [1]).

Черезъ полтора года по пріѣздѣ въ Вѣну, Петръ Степановичъ женился на старшей дочери посольскаго священника, протоіерея І. К. Яхонтова, Аннѣ, но, спустя 13 мѣсяцевъ (2 іюня 1876 г.), лишился

---

[1]) Результатомъ собранныхъ имъ на Западѣ свѣдѣній были двѣ обширныя статьи: «Историческій очеркъ вопроса о свободѣ вѣроисповѣданія въ современной Испаніи» («Православный Собесѣдникъ», 1876 г., №№ 6 и 7) и «Замѣтки объ общественной дѣятельности современнаго французскаго духовенства» (тамъ же, № 9).

горячо любимой подруги, умершей отъ родовъ. На попеченіи осиротѣвшаго мужа остался слабенькій ребенокъ, который вскорѣ послѣдовалъ въ лучшій міръ за матерью. Можно судить, какъ все это повліяло на впечатлительную натуру Петра Степановича. Онъ едва, какъ говорятъ, не лишился разсудка.

Смерть жены измѣнила всѣ лелѣянные имъ планы сдѣлать со временемъ ученую карьеру. Теперь онъ всецѣло рѣшилъ посвятить себя служенію церкви. Отбывши обязательный пятилѣтній срокъ должности псаломщика, Адоратскій 19 іюня 1880 г. уѣхалъ изъ Вѣны на родину въ Казань и тамъ принялъ съ именемъ Николая монашество. Черезъ годъ (23 ноября) его назначили на вакансію іеромонаха въ составъ Пекинской миссіи, гдѣ о. Николай пробылъ четыре года, принималъ дѣятельное участіе въ переводѣ богослужебныхъ книгъ на китайскій языкъ, устроилъ при миссіи хоръ пѣвчихъ и много работалъ надъ изслѣдованіемъ прошлаго православной и другихъ христіанскихъ миссій въ Срединной имперіи [1]). Вслѣдствіе болѣзни (въ февралѣ 1886 г.) онъ покинулъ Пекинъ и вернулся въ Россію. Здѣсь, по ходатайству херсонскаго архіепископа Никанора, его опредѣлили (16 августа) смотрителемъ Херсонскаго духовнаго училища, а 16 октября слѣдующаго года архимандритъ Николай получаетъ мѣсто ректора Ставропольской семинаріи. 7 января 1888 г. онъ защищалъ въ Казани диссертацію по исторіи Пекинской миссіи и былъ удостоенъ отъ академіи степени магистра богословія [2]). Два года спустя (27 января), его назначаютъ епископомъ новомиргородскимъ, викаріемъ Херсонской епархіи. Хиротонія происходила 6 марта 1890 г. въ Петербургѣ въ присутствіи членовъ синода [3]).

Однако преосвященный Николай пробылъ въ Херсонской епархіи недолго. 7 сентября того же года состоялось перемѣщеніе его въ Балту, викаріемъ Подольской епархіи, откуда 22 октября 1895 г. онъ перешелъ на самостоятельную каѳедру епископа обширнѣйшей епархіи Оренбургской, въ составъ которой, помимо Оренбургской губерніи, входятъ области Уральская и Тургайская, растянувшись отъ сибирскихъ слободъ до Каспійскаго и Аральскаго морей.

---

[1]) За это время имъ было напечатано: «Настоящее положеніе и современная дѣятельность православной миссіи въ Китаѣ («Православный Собесѣдникъ», 1884 г., №№ 8 и 9), «Историч. очеркъ политической пропаганды въ Китаѣ» (тамъ же, 1885 г., № 10), «Отецъ Іакинѳъ Бичуринъ» (тамъ же, 1886 г., №№ 2—6). и «Православіе и православная миссія въ Китаѣ» («Современн. Извѣстія», 1886 г., № 355).

[2]) Диссертація эта была издана въ Казани особой книгой въ 1887 г. подъ названіемъ: «Православная миссія въ Китаѣ за 200 лѣтъ существованія».

[3]) Въ «Тургайской Газетѣ» за 1896 г., № 96, неправильно указано, что преосв. Николай (Адоратскій) въ 1890 г. изъ викаріевъ Херсонской епархіи былъ опредѣленъ епископомъ алеутскимъ. Въ дѣйствительности туда былъ назначенъ другой преосв. Николай (въ мірѣ Михаилъ Зіаровъ), тоже духовный писатель и выдающійся дѣятель послѣдняго времени.

Въ духовно-просвѣтительномъ отношеніи епархія эта стояла на очень низкой степени развитія. Предшественникъ епископа Николая, преосвященный Макарій (впослѣдствіи епископъ калужскій, нынѣ умершій), бездѣятельный, честолюбивый, заботился больше о своей особѣ, чѣмъ о благоустройствѣ ввѣренной ему паствы. Онъ мало думалъ о насажденіи просвѣщенія среди населенія, о поднятіи нравственнаго уровня мѣстнаго духовенства, которое было до невозможности распущено. Въ пастыри и учители народа избирались люди не по душевнымъ качествамъ или научнымъ и нравственнымъ достоинствамъ, а по протекціи извѣстныхъ или приближенныхъ къ владыкѣ лицъ, чаще всего консисторскаго секретаря, который едва ли старался за своихъ кандидатовъ безъ мзды. Консисторія и благочинные свободно торговали священническими и даже псаломщическими мѣстами. Въ консисторіи нельзя было получить ни одной пустячной справки, не говоря уже о метрическихъ свидѣтельствахъ, безъ смазки столоначальниковъ и прочей начальственной челяди до архиваріуса и писцовъ включительно. Часто случалось, что въ духовный санъ посвящали людей совершенно неграмотныхъ, съ сомнительнымъ прошлымъ и даже, въ противность каноническимъ правиламъ, съ физическими недостатками. Такъ, напримѣръ, въ единовѣрческую церковь Сакмарскаго городка былъ рукоположенъ дьякономъ совсѣмъ хромой казакъ, настолько страдавшій этимъ недугомъ, что при ходьбѣ онъ «ковылялъ».

Въ этихъ случаяхъ преосвященный Макарій оправдывался тѣмъ, что самъ глава церкви Христосъ приглашалъ въ апостолы простыхъ рыбаковъ, не взирая на ихъ наружную красоту, и завѣщалъ имъ «ловить человѣковъ».

Очевидно, епископъ Николай былъ хорошо освѣдомленъ о положеніи епархіи, такъ какъ на первыхъ же порахъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ вступилъ съ духовенствомъ въ борьбу. Всѣмъ памятенъ его пріѣздъ. Это было въ одинъ изъ сѣрыхъ ноябрьскихъ дней. Для встрѣчи владыки на вокзалъ Оренбургской желѣзной дороги собралось все городское духовенство во главѣ съ соборнымъ протоіереемъ, Н. С. Сперанскимъ, и членами консисторіи. При приближеніи поѣзда священники высыпали на платформу. Но какъ только поѣздъ остановился, владыка быстро, не глядя ни на кого, прошелъ въ царскія комнаты. Пастыри, толкая другъ друга, послѣдовали за нимъ и выстроились въ двѣ линіи. Преосвященный обвелъ всѣхъ испытующимъ окомъ, точно хотѣлъ въ очахъ пастырей прочесть ихъ настроеніе и по лицамъ ихъ узнать помыслы каждаго. Многіе потупили очи долу, съ трепетомъ ожидая приближенія деспота. Владыка, обходя ихъ ряды, со всѣми знакомился и разспрашивалъ каждаго о службѣ, дѣлая тѣ или другія суровыя наставленія. Подойдя къ настоятелю Троицкой церкви, преклон-

ныхъ лѣтъ протоіерею П., человѣку высокой нравственности, скромному, тихому и богобоязненному, преосвященный остановился.

— Сколько тебѣ лѣтъ, отче? — глядя на его бѣлую голову, спросилъ владыка.

— Близъ 80-ти, ваше преосвященство, — смиренно отвѣтилъ старецъ.

— Пора бы тебѣ, отче, на покой.

— Истину, владыко, глаголешь, но у меня на рукахъ двѣ сироты-внучки.

— А гдѣ ты служишь?

Тотъ удовлетворилъ любопытство епископа.

— Давно?

— Да лѣтъ около 60-ти.

— Сколько же времени ты священствуешь?—удивился владыка.

— Лѣтъ 50, ваше преосвященство.

— О, да ты старше меня! Я еще не родился[1]), когда ты былъ священникомъ. И все въ одномъ приходѣ?

— Да, владыко.

— Похвально!.. Ну, а крестъ-то у тебя отъ кого: отъ кабинета или прихожанъ?— спросилъ епископъ, указывая на висѣвшій на груди протоіерея наперсный крестъ.

— Отъ прихожанъ, ваше преосвященство.

— Это хорошо, что ты дружно живешь съ прихожанами. Ну, благослови тебя Богъ! Продолжай свое смиренное служеніе на пользу ближнихъ.

Старецъ наклонилъ было голову подъ благословеніе владыки, но тотъ остановилъ его.

— Не ты, а я долженъ просить у тебя благословенія на мой многотрудный путь.

Епископъ поклонился старцу чуть не до земли, взялъ его благословляющую руку, поцѣловалъ ее, а потомъ трижды облобызалъ смущеннаго протоіерея, у котораго отъ полноты чувствъ текли по щекамъ обильныя слезы.

Послѣ такого пріема пастыри оренбургскіе сразу почувствовали, каковъ будетъ ихъ новый деспотъ.

Въ ближайшій царскій день, 6 декабря, преосвященный служилъ въ Казанскомъ соборѣ литургію. Народа собралась масса, помимо съѣхавшейся на молебенъ знати. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его перваго слова къ паствѣ, и владыка сказалъ его.

Описавъ въ краткихъ чертахъ прошлое и современное положеніе Оренбургской епархіи, населенной и иновѣрцами и фанатическими исповѣдниками сектантства, онъ говорилъ объ упадкѣ прав-

---

[1]) Въ годъ назначенія преосвященнаго Николая оренбургскимъ епископомъ (въ 1895 г.) ему было 46 лѣтъ.

ственности и безвѣріи, о халатномъ отношеніи къ дѣлу просвѣщенія духовенства и объ алчныхъ замашкахъ пастырей, благодаря чему развился и развивается расколъ, и призывалъ вѣрующихъ жить въ мирѣ и согласіи, сплотиться воедино и вернуть въ лоно св. церкви отщепенцовъ Христова стада ради ихъ спасенія, но не суровыми, карательными мѣрами, а мѣрами кротости и любви въ духѣ евангельскаго ученія. Словами Божественнаго Учителя владыка наставлялъ своихъ духовныхъ дѣтей: «Вы—соль земли. Если соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Вы — свѣтъ міра и, зажегши свѣчу, не ставьте ея подъ спудомъ, но на свѣщницѣ. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ».

Стоявшее по бокамъ духовенство въ смущеніи, потупя взоры, внимало обличительнымъ рѣчамъ владыки. Не понравилось архипастырское слово и нѣкоторымъ изъ мірянъ вслѣдствіе того, что на первыхъ порахъ епископъ выступилъ съ обличеніемъ поступковъ своихъ пасомыхъ. Нашлись даже изъ нихъ такіе, которые рѣшились заявить преосвященному о неумѣстности его рѣчи. Но, конечно, получили отъ владыки суровый и правдивый отпоръ.

По настроенію духовенства и горожанъ преосвященный понялъ, что ему предстоитъ тяжелый, тернистый путь, чтобы сломить годами укрѣпившуюся рутину, мракъ и невѣжество и своеобразный укладъ быта и жизни пастырей, которые являлись не учителями въ истинномъ смыслѣ, а чиновниками, за подачки исполнявшими обязанности для безбѣднаго своего существованія. И онъ твердо рѣшилъ исправить паству и вызвать ее къ болѣе возвышеннымъ стремленіямъ. Слѣдуя завѣтамъ Перваго Учителя, онъ неуклонно старался провести ту идею, о которой говорилъ въ первой своей проповѣди. Въ короткое время проницательнымъ окомъ онъ успѣлъ отличить поддѣльную «соль» отъ настоящей, правду отъ лжи, полумракъ отъ свѣта. Упорно, обнаруживая свою непреклонную волю, шелъ онъ къ намѣченной цѣли. О немъ можно сказать словами поэта:

> Упорно, волнуясь и спѣша,
> Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
> Кипѣлъ, горѣлъ...

Натура его не мирилась съ царившимъ режимомъ. Всякая ложь, даже принужденная неправда, незаконное, противогуманное дѣйствіе страшно его волновали, усиливая и безъ того болѣзненное его состояніе. На каждомъ шагу онъ искалъ правды и открыто, не страшась даже сильныхъ міра сего, высказывалъ ее. Условности, фальши не терпѣла его душа. И, благодаря этому, среди окружающихъ онъ слылъ за «тяжелую личность».

Помню, въ богатомъ вознесенскомъ приходѣ настоятелемъ церкви былъ священникъ Руднянскій, человѣкъ, несмотря на его образованіе (академистъ), грубый, дерзкій и алчный до невозможности. Его громадный ростъ, тучная фигура, осанка, толстый протодіаконскій голосъ и какія-то извозчичьи манеры производили на окружающихъ отталкивающее впечатлѣніе. Прихожане очень не любили его. Да и водились за нимъ кое-какіе грѣшки. На служеніе церкви онъ смотрѣлъ, какъ на промыселъ, на доходную статью, и говаривалъ не разъ многимъ:

— Вотъ васъ учили воевать, и вы этимъ добываете себѣ пропитаніе, а насъ учили кадить и отпѣвать. Вотъ и вся задача. Остальное—пустяки! Какая тамъ вѣра, религія? Просто узда сдерживанія народа!...

Такія сужденія, коробившія каждаго вѣрующаго, конечно, не могли не дойти до слуха преосвященнаго. Послѣдній потребовалъ антихристіанскаго проповѣдника къ себѣ, сдѣлалъ ему «приличное» внушеніе, а потомъ распорядился перевести его изъ богатаго прихода отъ Вознесенія въ пригородную казачью станицу Форштадтъ, въ Георгіевскій соборъ.

— Тамъ тебѣ будетъ лучше среди казаковъ проповѣдничать. Авось, одумаешься и поймешь силу христіанскаго ученія,—сказалъ ему на прощанье владыка.

Изъ георгіевскаго же прихода престарѣлаго о. Димитрія, также сильно нажившагося и лѣнившагося исполнять требы прихожанъ, преосвященный перевелъ въ новую бѣдную церковь, въ слободу Оторвановку, на самомъ краю города, верстъ на 5 отъ центра. Послѣдній примирился съ рѣшеніемъ владыки и не протестовалъ. Но о. Руднянскій вздумалъ противорѣчить. Онъ объѣхалъ всѣхъ богатыхъ и вліятельныхъ горожанъ прихода и униженно просилъ ихъ составить приговоръ объ оставленіи его въ Вознесенской церкви. Нѣсколько депутатовъ, во главѣ съ директоромъ общества взаимнаго кредита, отправились къ преосвященному просить за о. Руднянскаго, расхваливая послѣдняго, какъ примѣрнаго священника, которымъ всѣ прихожане довольны. Владыка далъ имъ высказаться, а потомъ сурово заявилъ:

— Я знаю, что приходъ не доволенъ этимъ священникомъ, и знаю, что онъ тамъ творитъ. А вы явились ходатайствовать за нелюбимаго пастыря и говорите мнѣ неправду. Какъ вамъ не стыдно, господа!

Преосвященный такъ «отчиталъ» депутатовъ, что они не знали, какъ отъ него выбраться.

Строгій къ самому себѣ, епископъ Николай требовалъ строгой исполнительности и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу и отъ окружающихъ. Не терпѣлъ ссоръ и жалобъ среди духовенства. Часто случалось, что онъ оставлялъ жалобы одного пастыря на

другого безъ послѣдствій, требуя, чтобы отцы духовные жили по завѣту Спасителя: «любите другъ друга». Если же кто ужъ очень сильно надоѣдалъ ему съ жалобой, то онъ наказывалъ и того, кто жаловался, и того, на кого принесена жалоба. Для иллюстраціи приведу такой случай.

При Покровской церкви въ Старой слободкѣ было два священника. Настоятель о. Андрей, старикъ, изъ семинаристовъ, уже составившій изрядный капиталецъ, изъ алчности старался, чтобы богатыя свадьбы вѣнчались у него, предоставляя вѣнчать бѣдныя свадьбы младшему священнику, о. Владимиру. Послѣдній былъ крайне этимъ разобиженъ. Считая себя на одинаковыхъ правахъ съ настоятелемъ, а по образованію (академистъ) выше его, онъ просилъ преосвященнаго сравнять ихъ доходы. Владыка очень разумно примирилъ ихъ. Немедленно приказалъ взять изъ церкви метрическія книги, чтобы не смѣли вѣнчать свадьбы ни тотъ, ни другой.

— Кому больше дано, съ того больше и спросится,—сказалъ онъ прибывшей къ нему съ просьбой отмѣнить это рѣшеніе депутаціи.

Итакъ, тотъ, кто пользовался больше доходами, потерпѣлъ больше, а кто получалъ меньше, тотъ и пострадалъ менѣе.

Съ первыхъ же дней пріѣзда въ Оренбургъ владыка занялся благоустройствомъ епархіи. Старался во все вникать, все узнать и провѣрить, ничуть не довѣряя сообщеніямъ благочинныхъ и консисторіи. Онъ не столько заботился о благолѣпіи храмовъ, сколько о благочиніи церковнаго служенія, любилъ чистоту и дѣйствительный, а не наружный порядокъ.

Ревизію церквей преосвященный производилъ безъ всякаго блеска и ненужной шумихи. Отправляясь по епархіи, онъ не бралъ съ собой пѣвчихъ, дьяконовъ, протодьякона и прочаго соборнаго синклита, составляющаго у другихъ архіереевъ неизмѣнную свиту. Его сопровождалъ или одинъ его личный секретарь или его помощникъ, архимандритъ Ириней. Совершалъ онъ свои поѣздки налетомъ, безъ предупрежденія или циркулярныхъ и маршрутныхъ извѣщеній, являясь въ селенія неожиданно и нарочно въ такое время, когда мѣстное духовенство, по его предположенію, было не въ сборѣ. Онъ былъ врагъ пышныхъ пріемовъ и обильныхъ угощеній, на которыя неимущіе сельскіе пастыри должны были пустить послѣдніе гроши.

Помню, какъ онъ ревизовалъ приходскія церкви въ Оренбургѣ. Сидитъ, бывало, дома, вдругъ вздумается ему осмотрѣть какой нибудь храмъ. Зная, когда тамъ совершается богослуженіе, онъ велитъ заложить лошадей и одинъ отправляется въ намѣченную церковь къ концу обѣдни или вечерни. Незамѣтно войдетъ въ храмъ, встанетъ въ сторонкѣ и смотритъ, какъ совершается служба. Судите

сами, что долженъ чувствовать въ это время священникъ, узнавъ о прибытіи архіерея. Первое время, впрочемъ, когда церковные сторожа и многіе прихожане еще не знали владыки въ лицо, его часто принимали за простого іеромонаха.

Какъ только богослуженіе кончилось, преосвященный подходилъ къ священнику и просто говорилъ ему:

— Службу твою я слышалъ, отецъ, а теперь покажи мнѣ благолѣпіе твоего храма.

Горе пастырю, если владыка замѣчалъ непорядки. Смотря по степени вины, на другой же день провинившемуся прописывалось суровое наказаніе, не умалявшее, однако, предъ прихожанами достоинства іерея.

Самъ преосвященный вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія совершалъ церковную службу рѣдко: только въ торжественные дни и двунадесятые праздники. Но, когда онъ исполнялъ архіерейское служеніе, чуть не весь городъ сходился его слушать. Служба его была образцомъ изящества: совершенство, столь необходимое въ дѣлѣ религіозномъ. Это былъ истинный эстетикъ.

Какъ знатокъ церковнаго пѣнія (о чемъ еще при жизни его говорилось печатно), онъ особенно заботился о выборѣ церковныхъ напѣвовъ, чтобы они «проникали въ душу молящихся», а не веселили ихъ, въ видѣ комаринской, какъ это часто можно встрѣтить въ хорахъ церковныхъ теперь подъ именемъ «партеснаго» пѣнія.

Кромѣ того, на архіерейскую службу епископа Николая многихъ богомольцевъ привлекало его краснорѣчіе. Какъ проповѣдникъ, онъ былъ вполнѣ современенъ. Его проповѣди были чужды рутинной схоластики, жизненны, просты и убѣдительны, будучи составлены съ большимъ литературнымъ тактомъ и знаніемъ края, въ который онъ былъ призванъ служить. А зналъ и изучилъ онъ край основательно. Мнѣ извѣстно, что владыка очень интересовался мѣстной исторіей, стараясь разыскать и прочесть все, что касалось прошлаго и настоящаго края. Слѣдилъ за исторической литературой и современнымъ настроеніемъ въ области особенно раскола и развитія просвѣщенія. Прочитывая то или другое новое произведеніе, онъ дѣлалъ соотвѣтствующія для себя замѣтки.

Я былъ у него въ началѣ іюня 1896 г., чтобы получить разрѣшеніе на доступъ мнѣ въ консисторскій архивъ (хотя я не достигъ этого, вслѣдствіе тормозовъ со стороны члена консисторіи и секретаря, несмотря на полное сочувствіе этому стремленію со стороны владыки). Мы долго бесѣдовали съ нимъ о прошломъ Оренбургскаго края. Преосвященный находился подъ впечатлѣніемъ только-что прочитанныхъ имъ моихъ статей «О графѣ В. А. Перовскомъ» и «Пугачевщинѣ», напечатанныхъ въ майской и іюньской книжкахъ

«Русской Старины» и «Русскаго Архива». Я былъ пораженъ, что владыка уже многое знаетъ по затронутымъ вопросамъ и даже не изъ печатныхъ источниковъ. Онъ высказалъ свое удовольствіе по поводу указанныхъ работъ, поощрялъ меня къ дальнѣйшимъ изысканіямъ и далъ нѣсколько дѣльныхъ совѣтовъ. Не скрою: пришлось мнѣ выслушать отъ него и порицаніе за затѣянную мной на страницахъ «Оренбургскаго Листка» противъ «Тургайской Газеты» полемику, въ которой преосвященный находилъ мои замѣчанія недостаточно сдержанными и корректными, что̀, по его мнѣнію, только озлобляетъ противника, но ничуть не убѣждаетъ его, представляя въ то время мало убѣдительности и для читателей.

— Печатное слово должно быть строго обдумано и взвѣшено,— сказалъ мнѣ епископъ:—потому что оно остается навѣки и является достояніемъ каждаго. Его нельзя объяснить минутной вспышкой, которую можетъ простить общественное мнѣніе.

Такого принципа владыка держался до конца жизни. Если ему и случалось иногда разносить своихъ подчиненныхъ, то онъ дѣлалъ это съ глазу на глазъ, безъ постороннихъ свидѣтелей. И едва ли кто либо можетъ упрекнуть его за то, что онъ публично оскорбилъ или унизилъ достоинство своихъ подчиненныхъ, не говоря уже о постороннихъ лицахъ.

Какъ администраторъ, преосвященный Николай заявилъ себя самымъ блестящимъ образомъ. При немъ быстро завелись лучшіе порядки въ консисторіи: усилилось дѣлопроизводство, прекратилось, если не совсѣмъ, то въ большой мѣрѣ взяточничество, а, главное, назначеніе священно-церковнослужителей стало зависѣть отъ его архипастырской воли, а не отъ степени вліянія того или другого важнаго лица. Онъ заботился и о подъемѣ духовнаго просвѣщенія. Улучшилъ положеніе учащихся въ семинаріи и женскомъ епархіальномъ училищѣ. Вникалъ и въ хозяйственную часть епархіальныхъ учрежденій, напримѣръ, централизировалъ свѣчной заводъ: вмѣсто трехъ оставилъ одинъ, что̀ очень выгодно отразилось на экономической сторонѣ дѣла.

Никакихъ любимцевъ, никакихъ приспѣшниковъ владыка не терпѣлъ. Ко всѣмъ подчиненнымъ своимъ относился одинаково. Бо̀льшимъ противъ прочихъ расположеніемъ его пользовался только одинъ ректоръ духовной семинаріи, протоіерей Дмитревскій, какъ товарищъ его по академіи. У него онъ часто бывалъ, слушая музыку его жены, которая отлично играла на рояли. Пріѣзжая къ ректору, владыка нерѣдко приглашалъ туда семинаристовъ-богослововъ и нѣкоторыхъ воспитанницъ епархіальнаго училища[1]) выпускного класса каждый разъ по очереди, предла-

[1]) Оба учебныя заведенія (семинарія и училище) находятся на одной площади одно противъ другого, на близкомъ разстояніи.

галъ имъ повеселиться: пѣть, танцовать. Сначала молодые люди стѣснялись преосвященнаго и отчасти съ непривычки дичились другъ друга, но владыка самъ руководилъ ими и поощрялъ ихъ.

— Вы вѣдь еще не попы, чтобы отказываться отъ такихъ невинныхъ удовольствій. Дома же вы поете и пляшете? Отчего же при мнѣ не хотите этого дѣлать?—говорилъ онъ имъ.— Вѣдь въ этомъ нѣтъ грѣха, а грѣхъ въ томъ, если обидѣть своего брата.

Молодежь знакомилась между собой, кавалеры и дамы узнавали другъ друга, влюблялись, сходились настолько близко, что, по окончаніи курса, многіе изъ семинаристовъ женились на своихъ избранницахъ, которыхъ до пріѣзда архіерея они не знали.

— Вотъ такъ-то лучше,—благословлялъ ихъ браки владыка.— А то высматриваете себѣ женъ, перекочевывая изъ села въ село. Ни ты ея не знаешь, ни она—тебя. И живете весь вѣкъ, ссорясь и не понимая другъ друга.

Для нѣкоторыхъ оренбуржцевъ такое дѣйствіе преосвященнаго казалось зазорнымъ: «не дѣло, молъ, архіерея сватать невѣстъ». Но люди здравомыслящіе и особенно сельскіе батюшки и матушки привѣтствовали эту мѣру соединенія ихъ дѣтей съ восторгомъ.

— Вотъ ужъ истинно добрый архіерей,— повторяли они.— Какъ онъ заботится о нашихъ дѣтяхъ,—благослови его Богъ!

Къ сожалѣнію, кратковременное пребываніе епископа Николая въ Оренбургской епархіи не дало ему возможности осуществить многихъ его благихъ замысловъ. Тяжелый недугъ, какимъ онъ страдалъ, и который не могли опредѣлить врачи, не давалъ ему покоя, особенно по ночамъ. Онъ все жаловался на боль въ лѣвомъ боку.

— Несмотря на здѣшніе тропическіе жары,—говорилъ онъ мнѣ,—я постоянно чувствую ознобъ въ тѣлѣ. Мнѣ трудно дышать, я задыхаюсь...

Въ концѣ іюня онъ взялъ мѣсячный отпускъ для поѣздки на воды въ Крымъ и вернулся оттуда нѣсколько бодрѣе. 7 сентября встрѣчалъ въ Казанскомъ соборѣ Табинскую икону Божіей Матери, на другой день служилъ литургію. Но вскорѣ послѣ того съ нимъ сдѣлался припадокъ. Врачи опять поставили его на ноги и совѣтовали перемѣнить квартиру.

Домъ, въ которомъ жилъ архіерей (бывшій загородный домъ Перовскаго), отъ времени полуоблѣзъ, обвалился, въ немъ было и холодно и сыро. Поэтому преосвященный переѣхалъ на житье въ семинарію. Не задолго до кончины, именно 23 октября, онъ пригласилъ къ себѣ соборнаго протоіерея, Н. С. Сперанскаго, занимавшаго одновременно должность смотрителя мужского духовнаго училища, и предложилъ ему отказаться отъ послѣдней должности, обѣщая выхлопотать за выслугу лѣтъ пенсію.

Тотъ отвѣтилъ отрицательно. Между ними начался крупный разговоръ. Преосвященный вспылилъ и, топая ногами, крикнулъ:

— Я тебя упеку въ пономари!.

— Вы, ваше преосвященство,—растягивая слова, спокойно возразилъ протоіерей,— превышаете власть.

Повернулся и ушелъ.

Это такъ повліяло на впечатлительную натуру владыки, что съ нимъ сдѣлался ударъ: отнялась вся правая половина тѣла. Цѣлую недѣлю мучился онъ. Вотъ какъ о послѣднихъ дняхъ его пишетъ въ № 96 «Тургайской Газеты» очевидецъ:

«26 число, суббота. Уже четыре дня ужаснѣйшей болѣзни при полномъ сознаніи... Еще недавно острый языкъ теперь парализованъ и не можетъ промолвить слова. Суровыя, умныя очи все время закрыты отяжелѣвшими вѣками. Не слышно ни малѣйшаго стона, только одно безконечное, тяжелое дыханіе. Богатырская съ виду фигура безпомощно разметалась на широкомъ ложѣ. То и дѣло поднимается лѣвая рука и подноситъ пальцы къ засохшимъ устамъ, прося этимъ знакомъ напоить страдальца, или подать для цѣлованія икону. Наступаетъ время всенощной. Въ комнату больного доносится звонъ къ «молитвѣ благостной» сначала тихо, потомъ сильнѣе, и немощный святитель осѣняетъ себя трижды крестнымъ знаменіемъ. Всѣ мы отъ радости приходимъ въ умиленіе; готовы плакать и съ облегченнымъ сердцемъ возлагаемъ надежду на выздоровленіе страдальца.

«Но вотъ, наконецъ, наступилъ и шестой день неизмѣнно ужасныхъ страданій. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже... Съ каждымъ часомъ болѣзненный стонъ слабѣетъ... Тяжелые вздохи чаще и чаще летятъ изъ груди, въ которой что-то клокочетъ. Лѣвая рука не въ силахъ повернуться и, придавивъ пальцами положенный образокъ св. Николая, безпомощно лежитъ на груди. Всѣ мы, предчувствуя близкую кончину мученика, тѣснѣе окружаемъ его ложе и не спускаемъ глазъ съ больного.

«Было 25 минутъ третьяго пополуночи, когда пламенное сердце нашего незабвеннаго архипастыря перестало горѣть въ этомъ мірѣ, и строгія очи сложились навѣки, бросивъ послѣдній мутный взглядъ на окружающихъ».

Епископъ Николай отошелъ въ вѣчность 29 октября 1896 г., въ 3 часа утра, не произнеся ни единаго слова. 31 октября въ 4 часа вечера тѣло его было перенесено изъ семинаріи въ Введенскій (зимній) соборъ. Здѣсь произошло необычайное явленіе, наводящее на многія размышленія.

На выносѣ, какъ соборный протоіерей, присутствовалъ, конечно, и о. Сперанскій. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его какъ будто знобитъ. Вечеромъ сходилъ въ баню, но возвратился от-

туда, чувствуя себя еще хуже; легъ въ постель и больше не веталъ: 7 ноября отошелъ слѣдомъ за владыкой [1]).

Черезъ день прахъ епископа былъ перенесенъ въ Казанскій соборъ, гдѣ обрядъ погребенія надъ нимъ совершали преосвященные самарскій Гурій и острогожскій Владиміръ. «Порядокъ былъ образцовый, шествіе величественное!»... До могилы его провожалъ почти весь городъ.

П. Л. Юдинъ.

---

[1]) Случай этотъ подтверждается письмами ко мнѣ двухъ оренбургскихъ старожиловъ.

ВНИЗЪ ПО ВОЛГѢ.

Очерки.

I.

Нижній Новгородъ.—Красота мѣстоположенія.—Прошлое Нижняго.—Ярмарка, ея значеніе бывшее и настоящее. — Характеръ города.—Пароходъ «Чайковскій».— Отбытіе.

РАНЬШЕ я былъ въ Нижнемъ два раза: во время ярмарки и зимой. Помню, ярмарка оглушила и ошеломила меня, тѣмъ болѣе въ тотъ годъ (одинъ изъ 1880-хъ), какъ говорили, она была значительная и очень многолюдная. Днемъ жара и пыль, и движеніе, и говоръ безъ конца. Люди бѣгутъ, кричатъ на ходу, махая руками. Извозчики спѣшатъ на сбитыхъ ногами лошадяхъ, которыя отчаянно подпрыгиваютъ по отчаяннымъ мостовымъ. Въ складахъ народъ, въ лавкахъ толкотня, всюду гамъ и спѣшка. Впрочемъ, въ складахъ потише и серьезнѣй: тамъ ведутся важные разговоры, въ результатѣ которыхъ получается движеніе этихъ многочисленныхъ тюковъ въ далекую Сибирскую окраину или сибирскаго сырья въ Москву. Въ складахъ пахнетъ милліонами. На улицахъ Кунавина оживленіе растетъ. Какія все веселыя лица! Бѣгутъ красные, потные люди въ чесунчевыхъ пиджакахъ, въ черныхъ, желтыхъ башмакахъ и высокихъ сапогахъ, въ поддевкахъ и на ходу кидаютъ: «Вечеромъ гдѣ? въ Желѣзномъ[1])?»—«Нѣтъ, мы сегодня въ театрѣ, приходи!»...—«Въ какомъ?»—

[1]) Ресторанъ.

кричитъ первый. Но второй, махая рукой, скрывается за угломъ улицы. «Иванъ-то Петровичъ... съ супругой»,—докладываетъ толстякъ въ «котелкѣ» худощавому человѣку съ толстой золотой цѣпочкой на бѣломъ жилетѣ. Послѣднiй останавливается, производитъ нѣчто въ родѣ змѣинаго шипѣнiя, что̀ означаетъ печаль и удивленiе, и бѣжитъ дальше. Что дѣлается въ нотарiальныхъ конторахъ, въ банкахъ, въ транспортныхъ конторахъ—просто ужасъ: шумятъ, кричатъ, пишутъ, бросаютъ на счетахъ, и какъ бросаютъ!.. быстро, отчаянно, какъ бросать можно только на ярмаркахъ. Бѣгутъ артельщики, посыльные со счетами, письмами, записками. Среди этой суетящейся толпы, толпы торговой, толкутся въ разноцвѣтныхъ шляпахъ дамы, которыхъ толкаютъ, наступаютъ на ихъ платья, но и онѣ веселы и оживлены... Я подумалъ: «если посмотрѣть теперь на ярмарку съ птичьяго полета, то навѣрно она очень похожа на разоренный муравейникъ въ его энергичномъ ремонтѣ»... Бѣгутъ и бѣгутъ люди со связками, портфелями и со всякими образцами и покупками.

Вечеромъ иная картина: кончилась уличная суматоха, и дѣйствуютъ театры и трактиры, которые биткомъ набиты веселыми, неунывающими русскими, важными нѣмцами, хитрыми армянами и персами и всякими азiатскими и европейскими купцами и промышленниками. Мѣста нѣтъ, всѣ столы заняты, дымъ и шумъ и совершенно безумная бѣготня съ подносами половыхъ.

Мы ходили изъ одного ресторана въ другой, ждали, опять уходили и снова приходили, пока наконецъ не получили возможности присѣсть, чтобы поужинать. Но нѣтъ, это адъ какой-то, отдаленный шумъ голосовъ сливается въ непрерывный глухой гулъ... Болитъ голова и кружится, и безъ вина становится не по себѣ...

Другой разъ я прiѣхалъ зимой и провелъ дня два въ самомъ городѣ. Скучно и пустынно, и я теперь понимаю—почему. Уснули Волга и Ока, покрывшись ледянымъ саваномъ, а безъ нихъ, безъ этихъ красавицъ-рѣкъ, Нижнiй—совершенно обыкновенный провинцiальный городъ, старинный, правда, но мало ли у насъ старинныхъ мертвыхъ городовъ?!.

Несмотря на то, что тогда въ Нижнемъ устроился на жительствѣ нѣкоторый литературный кружокъ извѣстныхъ писателей, мнѣ было скучно, да и писатели тоже наводили унынiе своей важностью и самомнѣнiемъ. Я скоро покинулъ городъ, который мнѣ тогда не понравился.

Совсѣмъ не такое впечатлѣнiе произвелъ Нижнiй на меня въ мою теперешнюю поѣздку, когда я прiѣхалъ туда въ срединѣ iюня мѣсяца. Нижнiй былъ въ ожиданiи ярмарки: городъ и особенно пристани жили, а Макарьевская сторона только еще просыпалась, умывалась, пудрилась, подкрашивалась и подбадривалась на всякiй манеръ. Проѣзжая на Сибирскую пристань съ вокзала, я видѣлъ,

кромѣ вывѣсокъ складовъ, маляровъ, штукатуровъ и другихъ мастеровъ, а также сторожей. Около тротуаровъ росла зеленая трава, которую навѣрно въ два дня растопчутъ безъ остатка, когда откроется ярмарка, и побѣгутъ, поскачутъ люди...

Я представлялъ себѣ эту картину.

Сдавъ на пароходъ на Сибирской пристани свои вещи, я поѣхалъ въ городъ, гдѣ мнѣ нужно повидаться съ людьми, поговорить и сообразить, какая ожидается ярмарка теперь во время войны, когда Сибирская желѣзная дорога занята исключительно перевозкой войскъ и военныхъ принадлежностей и для товаровъ закрыта. Я думалъ, что «дѣлъ» не будетъ, но опытные люди предполагали иное...

Мнѣ понравился Нижній, этотъ совершенно русскій своеобразный городъ матушки-Волги, которая даетъ ему и жизнь и красоту, которая его поитъ и кормитъ... И это понимаютъ настоящіе нижегородскіе люди, не прерывающіе тѣсныхъ сношеній съ «матушкой» и остающіеся ея вѣрными сынами. Такіе люди, люди сильные, съ волей, съ вѣрой, съ надеждою на просторъ и ширь своей работы... Еще бы!.. какая ширь и даль!.. Глазъ теряется на лѣвомъ берегу, среди поемныхъ луговъ, далекихъ селъ и крестовъ церковныхъ...

Въ самомъ дѣлѣ, если хотите полюбоваться красотой русской природы, идите въ кремль, въ скверъ, гдѣ памятникъ поставило «благодарное потомство гражданину Минину [1]) въ 1826 г.».

Не уйдете долго съ высокаго и крутого берега и будете не только удивлены, но растроганы той широтой горизонта, которая, словно въ сказочной панорамѣ, развертывается, ширится и уходитъ въ туманную, едва синѣющую, даль. Тамъ внизу и вдали все зелено, луга изумруднымъ ковромъ переливаются на солнцѣ. Подъ вами—могучая Волга и пароходы и суда. Лодки, малыя и большія, безпрерывно снуютъ между судами, плывутъ на лѣвый берегъ, навстрѣчу имъ другія съ пассажирами-крестьянами. Живетъ Волга вольною, безпечальною жизнью.

Я смотрѣлъ на волжанъ и думалъ: еще бы имъ да не любить свою «матушку»! Любить не только за то, что кормитъ да поитъ, а за удаль, волю молодецкую—вотъ за что... Здѣсь на берегу, на твердой землѣ порядокъ и строгости разныя, а на рѣкѣ родимой нѣтъ полицейскихъ крючковъ и всякаго вздорнаго начальства—тамъ тотъ выше и главнѣе кто съ Волгою больше знакомъ, выросъ да воспитанъ ею. Тамъ порядки вольные, которые самъ Господь установилъ, а здѣсь не разберешь, гдѣ правая и гдѣ лѣвая сторона. Трудно лавировать...

---

[1]) Также князю Пожарскому, что̀ значится на другой сторонѣ высокаго памятника.

Нижній Новгородъ.

Нижній можно раздѣлить на 3 части: а) Кунавино, пространство площадью болѣе 6 кв. верстъ, часть котораго (750 десятинъ) застроена правильными рядами каменныхъ корпусовъ: это ярмарочные ряды, гдѣ и происходятъ торги. У моста черезъ Оку помѣщается желѣзное зданіе ярмарочной биржи, этого торговаго сердца, гдѣ совершаются многомилліонные обороты. Недалеко высится новый ярмарочный соборъ, огромная постройка во имя св. Александра Невскаго, и въ центрѣ ярмарки, ея главныхъ рядовъ, находится огромное такъ называемое главное зданіе, или домъ, гдѣ играетъ музыка, и гдѣ блестящіе магазины; в) Нижній базаръ, крайне оживленную торговую и рабочую часть во время навигаціи, эта часть занимаетъ берега Оки и Волги, и с) Верхній базаръ, собственно городъ, расположенный на горѣ, надъ уровнемъ моря 490 футовъ.

Нижній Новгородъ основанъ въ 1221 г. Юріемъ Всеволодовичемъ съ цѣлью защиты отъ инородцевъ: мордвы, болгаръ и др. Легенда объ основаніи Нижняго разсказываетъ: въ давнія, предавнія времена при впаденіи Оки въ Волгу жилъ мордвинъ, по прозванію «Скворецъ», большой другъ и пріятель Соловья-Разбойника. У Скворца была огромная семья, и жили они очень богато. Сосѣдомъ Скворца былъ колдунъ Дятелъ, который предсказалъ Скворцу, что русскіе покорятъ его и поставятъ «градъ каменъ и крѣпокъ зѣло». Скворецъ уважалъ и боялся Дятла и, когда онъ умеръ, похоронилъ его на горѣ, которая и по сіе время называется Дятловой горой.

Какъ же сбылось предсказаніе?

На это отвѣчаетъ мордовская пѣсня: ѣхалъ съ дружиной по Волгѣ русскій князь и увидѣлъ, что на горѣ молится своимъ богамъ мордва, одѣтая въ бѣлые халаты. Князь спросилъ: «что за березнякъ мотается и къ земкѣ-матушкѣ на востокъ преклоняется? пойдите и узнайте сіе». Посланные доложили князю, что это «мордва своему Богу поклоняется; въ бадьяхъ стоитъ у нихъ пиво сладкое, на дрючкахъ виситъ яичница, а въ котлахъ ихъ попы говядину варятъ». Мордовскіе старики, узнавъ отъ посланныхъ о князѣ, послали ему съ молодыми людьми говядины и пива. Молодые люди дорогой говядину съѣли, пиво выпили, а русскому князю принесли воды да земли. Князь обрадовался такому дару, принялъ его, какъ знакъ покорности мордовскаго народа, и поплылъ далѣе по Волгѣ-рѣкѣ: гдѣ кинетъ на берегъ горсть земли, тамъ городу быть, гдѣ щепотку—тамъ селенію. Надо полагать, на мѣстѣ Нижняго князь не пожалѣлъ земли и бросилъ ея великую горсть.

Такъ, по преданію, основался Нижній, которому пришлось играть въ исторіи Россіи важную роль. Имена гражданина Минина и князя Пожарскаго записаны на скрижаляхъ исторіи, какъ освободителей отъ поляковъ въ Смутное время.

Но во втутренней, экономической жизни русскаго народа Нижній былъ первымъ торговымъ центромъ, гдѣ происходилъ обмѣнъ товаровъ всей Россіи съ далекой Сибирью, Китаемъ, землями персидскими и трухменскими. Знаменитая Макарьевская ярмарка была близъ Макарьевскаго монастыря на Волгѣ. О ней впервые упоминается въ царской грамотѣ, данной монастырю въ 1641 г. на право брать монастырскую пошлину съ торгующихъ. Однако мѣсто для ярмарки у Макарья было неудобно по причинѣ низкости песчанаго берега, который Волга сильно размывала. Послѣ огромнаго пожара 1816 г., истребившаго ярмарочныя зданія до тла, всероссійское торжище было перенесено въ Нижній, когда въ 1817 г. было приступлено архитекторомъ Бетанкуромъ къ постройкѣ ярмарочныхъ шестидесяти корпусовъ съ храмомъ св. Макарія, армянской церковью, татарской мечетью и домомъ для губернатора и администраціи. Постройка ярмарки обошлась въ $12^1/_2$ милліоновъ рублей ассигнаціями.

Съ тѣхъ поръ началось быстрое развитіе торговыхъ сношеній и обмѣна въ Нижнемъ. Послѣ нашествія французовъ внутреннее развитіе русской жизни пошло по пути развитія. Торговыя сношенія съ Западомъ упрочились, торговля вообще ширилась, развивалась, при чемъ понемногу зарождалась въ Россіи свободная промышленность.

Росла, процвѣтала ярмарка, а вмѣстѣ съ нею развивался и росъ городъ Нижній, застраиваясь новыми зданіями и привлекая къ себѣ постоянныхъ жителей: народонаселеніе увеличивалось изъ года въ годъ. Особенный толчокъ и полное свое развитіе ярмарка получила послѣ реформы освобожденія 1861 г., когда она стала какъ бы указателемъ состоянія русской промышленности и экономическаго и финансоваго положенія Россіи. Съ того времени привозъ заграничныхъ товаровъ увеличился, и западные торговые рынки все болѣе и болѣе принимали участіе въ Нижегородской ярмаркѣ, обороты которой становились дѣйствительно колоссальными. Но съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги ярмарка до нѣкоторой степени пошла на пониженіе. Дѣло въ томъ, что крупнымъ сибирскимъ покупателямъ стало удобнѣе вести дѣла съ Москвою, откуда по желѣзной дорогѣ не такъ портятъ товары, какъ водой, и самая доставка не такая медленная. Мануфактуристамъ московскимъ, и говорить нечего, такое обстоятельство весьма на руку, избавляя ихъ отъ хлопотъ и накладныхъ ярмарочныхъ расходовъ. Однимъ словомъ, въ настоящее время ярмарка получила характеръ уже не складочнаго мѣста, а скорѣе ярмарочной биржи, т.-е. съѣзда торговыхъ людей со всѣхъ концовъ Россіи, купцовъ, покупающихъ товары по образцамъ и платящихъ по кредиту.

Какіе же товары на Нижегородской ярмаркѣ являются предметами спроса и предложенія? Перечислю вкратцѣ.

Однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ товаровъ оказываются хлопчатобумажныя издѣлія, составляющія почти $^1/_3$ всего ярмарочнаго оборота; затѣмъ—сырые кожевенные товары. Послѣдніе, составляя предметъ заграничнаго экспорта, идутъ не только изъ Россіи, но съ Кавказа, изъ среднеазіатскихъ владѣній и даже изъ Монголіи. Такого товара [1]) привозится на ярмарку милліоновъ на семь рублей. Шерсти привозится на 4—5 милліоновъ рублей, при чемъ разнообразіе сортовъ шерсти, идущей съ разныхъ концовъ Россіи и Азіи, поистинѣ изумительное. Слѣдующая по цѣнности категорія товаровъ—металлы, преимущественно желѣзо уральскихъ заводовъ. Нижегородская ярмарка по отношенію торговли пушнымъ товаромъ представляетъ собой международный рынокъ, какъ и Лейпцигская ярмарка. Далекая Сибирь съ ея обширной дремучей тайгой ежегодно доставляетъ огромное количество разнообразныхъ и дорогихъ мѣховъ. Привозятъ въ Нижній мѣха изъ внутреннихъ губерній и съ Кавказа, но такіе мѣха менѣе цѣнны. Мочала имѣетъ en grand единственный сбытъ въ Нижнемъ. Очень много на ярмаркѣ деревянныхъ издѣлій и мебели: нѣкоторые изъ уѣздовъ губерніи—преимущественно лѣсные. Въ прежнее время по размѣрамъ оборотовъ чай занималъ первое мѣсто, но теперь его торговля на ярмаркѣ упала значительно, вслѣдствіе доставки чая морскимъ путемъ. Астраханская рыба занимаетъ на ярмаркѣ не послѣднее мѣсто. Перечисливъ главные товары, которые дѣлаютъ милліонные обороты, я долженъ прибавить, что на ярмаркѣ имѣется буквально все, что производитъ Россія въ своихъ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ. Въ послѣдніе годы кустарь все болѣе и болѣе принимаетъ участіе въ ярмаркѣ, организуясь для этого въ артели.

Нижегородская ярмарка, какъ явленіе, создавшееся вѣками на исключительно русской экономической почвѣ, несомнѣнно, будетъ существовать и развиваться, но только въ нѣсколько иномъ направленіи, теряя свой, хотя и не важный, международный характеръ, и принимая главнымъ образомъ народное сельскохозяйственное и кустарное направленіе. Крупная промышленность покинетъ ярмарку, а сырье и кустарныя производства займутъ еще болѣе прочное мѣсто. Пока не изсякнутъ воды матушки-Волги, и пока въ своемъ гордомъ величіи богатырь-рѣка будетъ править свое $3^1/_2$ тысячно-верстное разстояніе, до тѣхъ поръ будетъ существовать великое нижегородское торжище вмѣстѣ съ Нижнимъ Новгородомъ.

Нижегородская ярмарка даетъ кредитъ и, что болѣе важно, ставитъ цѣны на всякій товаръ. Поэтому и крупному промышленнику все-таки трудно обойтись безъ ярмарки, которая, несомнѣнно, всегда будетъ вліять на цѣну мануфактуры.

---

[1]) Въ сыромъ и выдѣланномъ видѣ.

Часть ярмарки въ Нижнемъ Новгородѣ.

Въ Нижегородской ярмаркѣ есть нѣчно стихійное, загадочное. Никто не знаетъ, не можетъ заранѣе сказать, какая будетъ ярмарка, а цѣны на товары — тѣмъ болѣе. Происходитъ это отъ сложности ярмарки, но въ общемъ громадное вліяніе на ходъ и торговлю ярмарки имѣетъ господинъ урожай, этотъ самый первый и главный факторъ экономическаго положенія народа. Въ самомъ дѣлѣ пошло большое требованіе на ситецъ, смотришь, желѣзо въ цѣнѣ, а тамъ оживляются дѣла и съ тѣмъ и другимъ товаромъ, и ярмарка живетъ, растетъ торгъ, быстро заключаются сдѣлки.

Вотъ обороты ярмарки съ основанія въ Нижнемъ черезъ десятилѣтіе:

Года.	Привезено на:			Продано на:		
1818	32	милліона	рублей.	20	милліоновъ	рублей.
1828	29	»	»	16	»	»
1838	44	»	»	36	»	»
1848	51	»	»	43	»	»
1858	96	»	»	89	»	»
1868	125	»	»	110	»	»
1878	141	»	»	128	»	»
1888	190	»	»	176	»	»
1898	156	»	»	144	»	»

Изъ этой таблички мы видимъ, какой толчокъ получило развитіе ярмарки при воцареніи императора Александра II, когда въ воздухѣ уже повѣяло реформами, и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было рѣшено. Затѣмъ, когда импульсъ русской жизни въ 60-хъ годахъ забилъ громче и свободнѣе, цифры оборотовъ ярмарки показываютъ ея усиленную дѣятельность и развитіе торговли. 1898 г., какъ годъ неурожайный, отразился отрицательно на повышеніи оборота. Развился Нижній и сталъ столицей Поволжья. А до освобожденія крестьянъ такую роль исполняла Казань, въ то время богатая, помѣщичья. Около дворянства тогда ютилось и купечество; но послѣ реформы дворянство пало, и поволжскія дѣла перешли изъ Казани въ Нижній. Перешло судоходство, всякія пароходныя конторы, управленія, и вершителями судебъ судоходства стала Нижегородская биржа, въ которой заключаются всѣ судоходныя сдѣлки, назначаются фракты, нанимаются служащіе и проч. Въ то же время Нижній сталъ большимъ центромъ зимовки судовъ и пароходовъ и концентрировалъ около себя механическую промышленность по постройкѣ пароходовъ и ихъ ремонту.

Да, мнѣ понравился Нижній съ его широкими, прямыми улицами, весьма приличными домами, окруженными зеленью садовъ. Вагоны электрическаго трамвая вносятъ въ городскую жизнь новизну и оживленіе. Скользя по рельсамъ, безъ шума бѣгутъ ва-

Волжскій пароходъ.

гоны и опускаются внизъ посредствомъ элеватора съ крутой горы Кремлевскаго съѣзда и поднимаются почти по отвѣсному съѣзду Похвалинскому.

Немного страшно такое путешествіе!

— А не срываются вагончики?—спрашиваю я извозчика, проѣзжая мимо послѣдняго съѣзда.

— Какъ не срываются!—отвѣчаетъ онъ, недружелюбно посматривая на элеваторъ.—Всяко бываетъ!... И чего только господа на свою потѣху не выдумаютъ!—прибавилъ онъ, слегка похлестывая лошадь.

Большая Покровская улица полна магазинами и всякими заведеніями. Въ Нижнемъ двѣ газеты: «Листокъ» и «Волгарь». Одна либеральная, другая консервативная, но обѣ конечно, шаблонныя, напичканныя мертвыми корреспонденціями и такими статьями, которыя только въ газетахъ и печатаются. Но все-таки литература! Нижній, между прочимъ, гордится своей литературностью: въ немъ жилъ и умеръ А. С. Гацисскій, родился и учился Н. А. Добролюбовъ; П. И. Мельниковъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ—тоже уроженцы Нижняго.

Нѣсколько книжныхъ магазиновъ, довольно приличныхъ и съ достаточнымъ матеріаломъ можно видѣть тоже на Покровской улицѣ.

— Хорошо торгуете?—спрашиваю я въ одномъ изъ нихъ у завѣдующаго.

— Недурно. Спросъ имѣется и съ каждымъ годомъ увеличивается.

Слава Богу! Я посмотрѣлъ на полки: ничего, изданія болѣе или менѣе приличныя безъ, характера «сытинской фабрикаціи».

Общественныя и казенныя зданія въ городѣ хотя не отличаются изящной архитектурой, но помѣстительныя и просторныя. Повидимому, воздуха и свѣта много въ внутреннихъ покояхъ. Я не стану останавливаться на отдѣльныхъ, можетъ быть, чѣмъ нибудь и замѣчательныхъ зданіяхъ и церквахъ, разскажу только о кремлѣ, построенномъ еще при великомъ князѣ Василіи IV итальянскимъ архитекторомъ Франческо въ 1508 г. Въ настоящее время стѣны кремля, не вполнѣ сохранившіяся, послѣ ремонта, какъ и высота башенъ, уменьшены, трубы для стока родниковыхъ водъ засыпаны, почему часть стѣнъ обрушилась, и церковь св. Духа потрескалась. Но древнѣе кремля—Архангельскій соборъ, построенный Юріемъ II въ 1222 г. при основаніи города. Храмъ, сначала деревянный, былъ передѣланъ въ каменный, почти вполнѣ сохранившій донынѣ свою архитектуру и объемъ. Грандіозное впечатлѣніе производитъ кремль съ Волги своими зубчатыми старинными башнями, между которыми извѣстная Коромыслова. Про эту башню разсказываютъ, что, когда было приступлено къ ея

закладкѣ, то по народному повѣрью для благополучнаго окончанія работъ необходимо зарыть первое живое существо, которое появится. И вотъ пришла на Почайну за водой молодая женщина, которую рабочіе схватили и зарыли вмѣстѣ съ ведрами и коромысломъ, откуда и названіе башни.

Не правда ли, жестокая легенда?

На горѣ, въ городѣ—прилично и порядокъ. Но внизу на Нижнемъ базарѣ, среди узкихъ и далеко не такихъ чистыхъ улицъ, какъ вверху, и шумъ, и говоръ, и торговля. Торгуютъ по маленькимъ магазинамъ, подъ воротами, просто на улицахъ и около пароходныхъ пристаней. Торгуютъ мужчины и женщины огурцами, рыбой и набитыми домашнимъ способомъ папиросами. Здѣсь вы увидите бурлаковъ и босяковъ. Первые грузятъ, вторые гуляютъ. Въ поту и грязи тащитъ 15-ти-пудовую тяжесть бурлакъ. Его лицо сурово, жилы натянуты, но шагъ твердъ, и медленно подвигается онъ съ ношей.

Я заглядѣлся.

— Посторонись, баринъ!—прохрипѣлъ онъ.

Я почувствовалъ, сколько было непосредственнаго презрѣнія въ произнесенномъ имъ словѣ баринъ, каждый мускулъ, нервъ протестовалъ противъ слабаго, празднаго барина. Я отошелъ отъ богатырей-тружениковъ.

— Помогите племяннику Горькаго,—просипѣлъ блѣдный, въ полосатой курткѣ, босякъ. Онъ тяжело дышалъ, глаза его были мутны, и нервно шевелились худыя руки. Ему хотѣлось выпить.

— Племяннику?—разсмѣялся я. Засмѣялся и несчастный, получая пятакъ на водку. Я подумалъ: «нѣтъ, тотъ, другой не попроситъ, а скорѣй самъ угоститъ по-своему, по-широкому, бурлацкому».

Въ самомъ дѣлѣ, какая разница: бурлакъ и босякъ, сила и безсиліе, вѣра и отчаяніе! То же, что въ литературѣ—Л. Толстой и М. Горькій.

Гудитъ второй свистокъ, пора на пароходъ, который отходитъ въ 4 часа. «Чайковскій», пароходъ общества «Надежда», американскаго типа, очень опрятный, чистый пароходъ съ почти роскошными каютами 1-го класса. Добрякъ капитанъ, похожій на косолапаго мишку, уже волновался и что-то кричалъ и приказывалъ. Надо выйти вò-время, сняться съ шикомъ. Послѣдній гудокъ. Пароходъ дрогнулъ, зашипѣли, завертѣлись колеса, забурлила желтая вода рѣки, и, выдвигаясь, выпрямляясь по теченію, довольно ходко пошелъ внизъ по Волгѣ «Чайковскій». Палуба-терраса была вся полна пассажирами, которые съ биноклями въ рукахъ и такъ просто смотрѣли на удаляющійся городъ, на остающіяся позади крѣпостныя стѣны, главы собора и церквей и зеленый скатъ «откоса» и сосѣднія съ Нижнимъ пригородныя села, нарядныя, крѣп-

кія избы которыхъ словно глядѣли на насъ съ возвышенностей и посылали «счастливаго пути!». Исчезалъ, и на поворотѣ совсѣмъ не стало видно города... Передъ нами была красавица-Волга, могучая, далекая...

II.

Отъ Нижнаго до Казани.—Красота береговъ Волги и ихъ разнообразіе.—Село Лысково.—Ночи на Волгѣ.—Знакомства и бесѣды.

Не широка и ничего особеннаго не представляетъ Волга послѣ Нижняго, если бы... если бы не берега ея и не населенныя мѣста.

Мы идемъ на пароходѣ, который загибаетъ вправо, гдѣ на крутомъ берегу показываются всѣ въ зелени крестьянскія постройки. Онѣ спускаются внизъ, нѣкоторыя ютятся тамъ, за горой, откуда начинаются поля, церковь на видномъ мѣстѣ рѣзко выступаетъ, сверкая на солнцѣ и на зеленомъ фонѣ своей бѣлизной.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ много зелени вездѣ: и по скату и въ самомъ селѣ!

— Это Подновье, селеніе, которое пріобрѣло огромную извѣстность культурой огурцовъ.

Еще и еще селенія, богатыя, многолюдныя. Живутъ люди при матушкѣ-Волгѣ, занимаются плодоводствомъ и ягоднымъ промысломъ. Все вправо и вправо, прошли низкіе кустарники, укрѣпленные песчаные берега и крутые красной глины возвышенности выступили своими на солнцѣ багровыми цвѣтами. Здѣсь Волга глубока, и пароходъ идетъ увѣренно по серединѣ, держа курсъ правильный. Не то въ районѣ перекатовъ, когда пароходъ лавируетъ съ одного берега на другой. Печальной извѣстностью пользовался въ 9 верстахъ отъ Нижняго перекатъ былой памяти Телячій бродъ, гдѣ въ мелководье воды бывало менѣе полутора аршина. Этотъ «бродъ» очень жирно и вкусно кормилъ г.г. инженеровъ, которые устроили здѣсь разныя гидротехническія сооруженія.

Какіе красивые, оригинальные пейзажи!.. Вотъ красныя горы, котловина, селеніе и бѣлая церковь среди зелени!.. Хорошо, красиво и привольно!..

Прошли 50 верстъ, и первая остановка парохода—село Работки (1.200 жителей), центръ рѣчныхъ лоцмановъ, матросовъ, кочегаровъ, вообще самыхъ близкихъ къ Волгѣ людей. Лоцманы на Волгѣ играютъ первую роль, они знаютъ не только всѣ мели и перекаты, но знакомы съ характеромъ «матушки», ея капризами, глубиной и быстротой.

Въ сущности не капитанъ управляетъ пароходомъ, а лоцманъ. Капитанъ—начальникъ парохода, онъ слѣдитъ за общимъ порядкомъ, за нагрузкой и выгрузкой, онъ—начальникъ всего живого и

Баржа съ дровами на Волгѣ.

мертваго товара, всего, что плыветъ на пароходѣ. Лоцманъ ведетъ судно, онъ знаетъ Волгу вдоль и поперекъ, онъ зорко смотритъ впередъ и порой махаетъ рукой капитану, куда направлять пароходъ. Лоцманъ—это вѣрный, родной сынъ Волги, съ дѣтства ему знакомой и любимой рѣки.

Мы опять идемъ внизъ, идемъ не быстро, но и не медленно; мнѣ кажется, особая быстрота и не подходитъ здѣсь, когда въ разнообразныхъ художественныхъ очертаніяхъ мѣняются берега, выступаютъ то и дѣло такіе пейзажи, которые такъ и просятся на полотно художника.

Вотъ рѣка упирается въ густую стѣну вѣковой рощи. Мощные, сильные стволы сосенъ съ могучими вѣтвями глядятся въ красавицу Волгу. Что за прелесть въ этомъ мѣстѣ и роща и рѣка! потемнѣли ея воды у темныхъ, тѣнистыхъ береговъ, словно затихло теченіе, и торжественная тишина прервала живую бесѣду пассажировъ.

Всѣ молча любуются.

Опять новые виды!.. Высокій, крутой, правый берегъ щетинится лѣсомъ, глина при закатѣ солнца выступаетъ багровыми пятнами среди зелени березы, осины. Волга не шелохнетъ. Тихо совершенно, только шумятъ колеса парохода, и мѣняются разъ за разомъ декораціи волжскаго приволья и красоты!..

Именно приволья: раскинулись далеко села низовыя, сгрудились, выступили и нависли надъ берегами нагорныя селенія и между ними, этими населенными центрами, покой и просторъ! Какая прелесть, что за ландшафты попадаются намъ навстрѣчу!

Вотъ суживается гляняная возвышенность и мягко сползаетъ зеленымъ ковромъ въ лощину, тоже зеленую, кудрявую, веселую, гдѣ притаилось село, а на небольшомъ бугрѣ возвышается церковь, за которой вытянулись постройки верхней части селенія, а еще выше стройная, какъ средневѣковая красавица или черкешенка, выпрямилась небольшая, но сильная роща. Ниже заводь, заливъ.

Кончилась, исчезла за поворотомъ чудная панорама, и снова на правомъ берегу плавно выступаютъ горы съ кудрявыми шапками смѣшаннаго лѣса.

Вотъ еще картина: не спускаются, а отходятъ горы отъ рѣки стройной чередой, образуя поемные луга, изумруднымъ ковромъ переливающіеся на солнцѣ... А тамъ, выше, по отлогому скату возвышенности—опять село и церковь и жизнь и просторъ!..

Да, хороши, живописны волжскія села и деревни!.. Среди зелени садовъ въ сосѣдствѣ съ березовыми рощами опрятныя, крѣпкія избы спускаются къ рѣкѣ, глядятся въ нее и словно ждутъ благодати отъ своей, въ самомъ дѣлѣ, «кормилицы». Хорошо, весело жить при такой рѣкѣ, гдѣ жизнь и движеніе, гдѣ истинная Русь со своимъ бурнымъ прошлымъ и, надѣюсь, свѣтлымъ трудовымъ будущимъ!..

Близится вечеръ, мы подходили къ извѣстному Лыскову, которое находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега Волги. Вотъ такъ село! Какія постройки, деревянныя и каменныя палаты и амбары, девять церквей, болѣе полутораста вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, солодовые заводы и, наконецъ, всѣ присутственныя мѣста находятся въ этомъ селѣ, ибо уѣздный городъ Макарьевскъ, который едва виденъ напротивъ на лѣвомъ берегу Волги, захирѣлъ послѣ того, какъ оттуда переведена ярмарка въ Нижній. Монастырь св. Макарія стоитъ на самомъ берегу рѣки, тамъ, гдѣ Волга дѣлаетъ крутой поворотъ. Каждую весну сильнымъ теченіемъ рѣка отрываетъ берега, подмывая монастырскія стѣны, которымъ предстоитъ несомнѣнное крушеніе. Макарьевскъ—за монастыремъ, потому городъ не совсѣмъ виденъ, да онъ и не представляетъ въ настоящее время никакого интереса... Вся жизнь, кипучая дѣятельность сосредоточилась въ Лысковѣ, которое ведетъ большую хлѣбную торговлю. Лысково, село историческое, давнее, теперь насчитываетъ 10.000 жителей. Еще при Стенькѣ Разинѣ лысковцы играли нѣкоторую роль, поддерживая лихія шайки лихого атамана. Въ XVII вѣкѣ Петръ I пожаловалъ Лысково бѣжавшему въ Россію грузинскому царевичу Арчиму Вахтанговичу. Послѣдній ли, или его ближайшій потомокъ отличался необычайнымъ самодурствомъ, не давая пощады ни крестьянамъ, ни купцамъ. Много сохранилось разсказовъ о дикихъ выходкахъ князя-барина, который съ людьми всегда расправлялся самъ, билъ, истязалъ и проч. Съ купцами на торгахъ постоянно происходили скандалы, князю перечить никто не могъ и торговаться также. Купцы брали цѣну, предложенную княземъ. Разсказываютъ, что одинъ молодой купецъ не согласился было принять отъ ««барина»» предложенной очень дешевой цѣны за какую-то вещь. Вспылилъ князь и съ кулаками бросился на купца, тотъ «на-утекъ»—изъ лавки. Князь—за нимъ, купецъ—отъ него. Наконецъ преслѣдуемый добѣжалъ до озера, кинулся въ воду и залѣзъ по самое горло. Князь—туда же за нимъ, но сдѣлать ничего не можетъ, не можетъ достать купца. Тогда сталъ просить, чтобы тотъ вышелъ изъ воды, увѣряя, что ударитъ только одинъ разъ, но купецъ не соглашался. Они стояли долго въ водѣ, пока наконецъ князь не простилъ купца.

Любопытное было зрѣлище, дикое, но смѣшное, особенно по тому грубому времени!

За Лысковымъ—порядочное село Исады, отъ котораго начинаются фруктовые сады, преимущественно яблочные, села Бармино, Фокино и др.

Насколько я понялъ, крестьяне недурно ознакомлены съ культурой плодоводства, они могутъ ходить и поддерживать яблочныя деревья. Яблочная культура идетъ до Васильсурска включительно. Городъ стоитъ на рѣкѣ Сурѣ при впаденіи ея въ Волгу. Сура

сыздавна славится своими стерлядями. Читатели «Историческаго Вѣстника», вѣроятно, помнятъ помѣщенную въ журналѣ обстоятельную статью о Васильсурскѣ, который мы проѣзжали поздно ночью, и, вѣроятно, потому на пристани не было никакого оживленія.

Впрочемъ въ послѣдніе годы плодовая промышленность развивается все больше и больше, занимая районъ ниже по Волгѣ до Симбирска и Сенгилея. И тамъ живутъ и работаютъ крестьяне-садоводы, которые за извѣстную плату сажаютъ яблоки, ухаживая въ теченіе первоначальнаго роста за каждымъ деревцомъ.

Хороши, увлекательны ночи на Волгѣ!

Пассажиры не уходятъ въ каюты, они перезнакомились другъ съ другомъ и бесѣдуютъ довольные, спокойные. Путешествіе по Волгѣ замѣчательно хорошо и притомъ быстро дѣйствуетъ на нервы даже раздражительныхъ людей. Это—прекрасное лѣкарство, котораго не найти ни въ какой аптекѣ. Начать съ того, что Волга—не море, стало быть, качки, бури нечего бояться. Плаваніе на пароходѣ безопасное, спокойное, даже комфортабельное, и эти живописные берега и ночи тихія, лунныя... дивныя ночи!..

— Въ самомъ дѣлѣ, какой аппетитъ!.. Знаете, вѣдь мнѣ опять ѣсть хочется,—говоритъ одинъ пассажиръ другому...—Обѣдалъ поздно, и не угодно ли? ужинать надо!.. Я вѣдь, батенька, не припомню, когда и ужиналъ-то... Право, удивительно!..

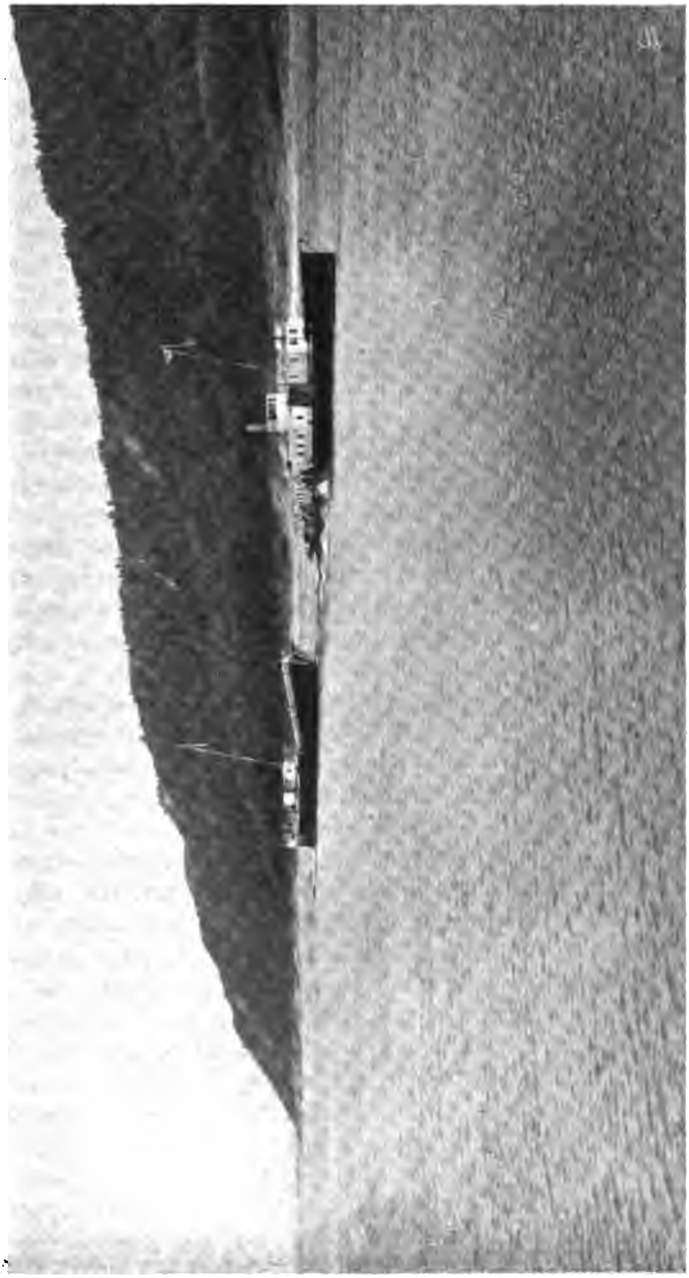
— Пойдемте, я раздѣлю съ вами компанію,—отвѣчалъ другой довольнымъ голосомъ и прибавилъ:—дѣйствительно аппетитъ на Волгѣ... нечего сказать!.

— Замучила меня безсонница!. Чего, чего только не принимала!.. доктора прописывали, а сна нѣтъ и нѣтъ!.. А теперь здѣсь на пароходѣ послѣ обѣда спала, и теперь мнѣ опять ужасно спать хочется,—говорила одна молодая дама, слегка зѣвая.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—отвѣчалъ собесѣдникъ.—Идите и ложитесь.. сонъ дѣйствительно на Волгѣ хорошій,—и молодой человѣкъ, смѣясь, зѣвнулъ тоже.

— Нѣтъ, подожду не много... жаль разстаться съ такой ночью... Посмотрите, какая прелесть!..

Мы дѣйствительно проѣзжали мимо поэтичнаго мѣстечка среди лѣсного высокаго берега, въ ложбинѣ котораго притаилась вся освѣщенная луной небольшая деревня. Я сталъ смотрѣть на правый берегъ, и странное дѣло! это мѣсто напоминало мнѣ Кавказско-Черноморское побережье въ миніатюрѣ.. Крутыя, довольно высокія возвышенности, поросшія лѣсомъ, иногда пересѣкались съ верху до самой рѣки сравнительно широкими ложбинами, совсѣмъ, какъ наши береговыя «щели» на Черномъ морѣ. И въ довершеніе сходства и тамъ и тутъ въ щеляхъ-ложбинахъ живутъ люди, луна освѣщаетъ постройки, въ окнахъ которыхъ свѣтятся огоньки, такіе маленькіе и не совсѣмъ ясные.. Это, впрочемъ, отъ дальности разстоянія.. Я смотрѣлъ долго на берега и задумался..

Берегъ Волги близъ села Работокъ.

— Все любуетесь природой!—раздался около меня голосъ; я вздрогнулъ и оглянулся.

Молодое красивое лицо студента наклонилось ко мнѣ съ тѣневой стороны: мнѣ были видны только его бѣлые зубы и блестящіе глаза. Этотъ студентъ былъ контролеръ парохода и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательный наблюдатель волжской жизни. Студентъ—бѣднякъ, лѣтомъ зарабатывающій «гроши», на которые онъ жилъ и учился зимой. Мнѣ всегда нравилась такая категорія студентовъ, изъ которыхъ выходили почти постоянно разумные общественные дѣятели. Я съ нимъ познакомился, бесѣдовалъ и теперь былъ радъ подѣлиться впечатлѣніями, послушать его.

— Хорошо,—сказалъ я,—чувствую такое тихое, спокойное настроеніе, пожалуй, созерцательное: сидѣлъ бы, да все смотрѣлъ, слушалъ бы, что разсказывали, а самому ни дѣлать, ни вспоминать, ни обдумывать, право, не хочется... На Волгѣ живу настоящимъ... мнѣ нѣсколько грустно, но очень и очень хорошо!..

— Грустно, потому что рѣка, а русскія рѣки грустныя, какъ и лѣса.. Войдите вечеромъ вонъ въ тотъ лѣсъ, и вамъ станетъ не только грустно, но даже жутко. Относительно Волги я привыкъ и почти не испытываю такого, какъ вы, настроенія.. Я не обращаю вниманія на природу, меня интересуютъ только люди...

Я посмотрѣлъ на студента: онъ говорилъ тихо, склонивъ голову.

— И что же?—спросилъ я.

— Люди разные, интересные люди, но хорошихъ, самостоятельныхъ въ добрѣ не встрѣчаю... То больные душой, то ни то ни се, а то попросту эгоисты явные и тайные. Интересовался сектантами, босяками, знакомился съ ними...

— Разскажите про босяковъ...

— Это было въ Нижнемъ,—началъ студентъ,—нуждался я очень. Помню, по цѣлымъ днямъ все искалъ работы.. Финансы мои совершенно истощились, чувствовалъ себя совсѣмъ плохо, а на черную работу итти не хотѣлось, да и костюмъ былъ у меня приличный.. Что дѣлать?! Прослышалъ я, что въ полицейскомъ участкѣ нуженъ писарь.. Отлично, думаю, и сейчасъ направился туда.. Было время подъ вечеръ, когда я пришелъ въ канцелярію, гдѣ засталъ одного писаря и еще какого-то человѣка, мрачнаго вида, очень тощаго и повязаннаго старымъ, малиноваго цвѣта, шарфомъ.. Я не знаю, почему-то этотъ шарфъ обратилъ мое вниманіе.

— Приставъ придетъ часа черезъ два,—отвѣчалъ мнѣ писецъ, продолжая свою работу.

Я присѣлъ было недалеко отъ малиноваго шарфа, потомъ всталъ, вышелъ изъ комнаты, чтобы покурить, думая, что ждать два часа—долго. Черезъ минуту вышелъ и малиновый шарфъ. Онъ тоже закурилъ папиросу. Разговорились, я сказалъ, зачѣмъ при-

шелъ въ полицію. Новый знакомый выслушалъ, состроилъ гримасу и пробурчалъ: «вѣрно, плохо, что въ такое мѣсто пришли искать работу.. а кто вы будете»? —«Студентъ», —отвѣчалъ я. Шарфъ свистнулъ и прибавилъ: «любопытно!» Въ это время гдѣ-то случился пожаръ, и писецъ, уходя, замѣтилъ, что врядъ ли приставъ придетъ вечеромъ, а утромъ часовъ въ 10 его всегда видѣть можно. Новый знакомый пригласилъ меня пить чай. Мнѣ было все равно, да я и не зналъ, куда итти, дѣваться.. Пошли грязными переулками, вошли во дворъ двухъэтажнаго дома, влѣзли на деревянную крышу какой-то пристройки и наконецъ благополучно добрались до чердака, гдѣ квартировалъ странный человѣкъ. «Вы тутъ посидите, а я сбѣгаю въ трактиръ за чаемъ и кстати хлѣба захвачу». Онъ покопался въ ящикѣ и ушелъ. Я сѣлъ на кровать, если такъ можно назвать широкую сучковатую доску на двухъ чурбанахъ съ какимъ-то рванымъ хламомъ, замѣняющимъ подушку. Подъ кроватью стоялъ небольшой деревянный ящикъ, который вытаскивалъ на время хозяинъ, и наконецъ короткій и толстый чурбанъ, несомнѣнно, столъ, ибо на немъ лежали спички и огарокъ свѣчи, а также чашка безъ ручки. Вообще это была странная обитель.

Хозяинъ вернулся скоро съ жестянымъ чайникомъ, стаканомъ и хлѣбомъ. Теперь онъ мнѣ показался не такимъ угрюмымъ, какъ съ перваго раза. Стали пить чай и разговорились, какъ вы думаете—о чемъ?... о литературѣ, самой современной, о Горькомъ, Андреевѣ.. «Знаете, на что не обратилъ вниманія Горькій?»—спрашивалъ меня странный человѣкъ и отвѣчалъ:—«на то обстоятельство, что босякъ любитъ одиночество, его раздражаютъ люди, которыхъ въ сущности онъ ненавидитъ: богатыхъ за богатство, своихъ братьевъ босяковъ за ихъ ничтожество, ложь и пьянство.. Вы, конечно понимаете, что передъ вами босякъ, ну... нѣсколько интеллигентный, но настоящій босякъ... А видите, какъ я устроился... все-таки квартира, и я—самъ себѣ хозяинъ, на чердакѣ, да одинъ, могу во всякое время уйти отъ жизни, которая... да что объ этомъ говорить!»—и онъ махнулъ рукой, налилъ себѣ и мнѣ жидкаго чая. Потомъ засмѣялся и продолжалъ: «вѣдь я—тоже литераторъ, печаталъ небольшія замѣтки въ газетахъ, репортерствовалъ... да и теперь».. разсказчикъ остановился, вытянулъ ящикъ, откуда вынулъ свертокъ бумагъ и, отдѣливъ нѣсколько листовъ, таинственно прошепталъ: «я вамъ прочту кое-что... не имѣете ничего противъ?»... Странный человѣкъ прочелъ очеркъ, который произвелъ на меня прямо потрясающее впечатлѣніе своей силой, правдой и истиннымъ мученіемъ. Разсказана была случайная встрѣча босяка съ женой, хорошей, умной женщиной, которую босякъ любилъ. Тема интересная, но интересна и любовь, которая при встрѣчѣ съ женой вызвала въ немъ лучшія человѣческія чувства, которыя

каждаго читателя заставили бы произнести: «се человѣкъ!»—Почему же вы этого не печатаете?»—почти закричалъ я.—«Повторять, что сказалъ Горькій?... Нѣтъ, я для этого слишкомъ самолюбивъ!»... Мой новый знакомый засмѣялся дикимъ смѣхомъ и, потрясая сверткомъ бумагъ, шепталъ: «у меня здѣсь много такого матеріала!»... да-съ!»... Я подумалъ, не имѣю ли дѣло съ сумасшедшимъ, и поспѣшилъ уйти...

— Больше его не встрѣчали?—спросилъ я студента.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, видимо взволнованный воспоминаніемъ.

Скоро мы разошлись по каютамъ.

Ночью проѣхали Козьмодемьянскъ, Чебоксары, Маріинскій посадъ, мѣста, богатыя лѣсомъ, гдѣ среди русскаго населенія живутъ чуваши и черемисы, старинные обитатели поволжскихъ губерній. Было утро, когда пароходъ подходилъ къ селу Вязовымъ, пункту, куда доходитъ получившая печальную извѣстность своими безпорядками Рязанско-Казанская желѣзная дорога. Изъ Вязовыхъ надо переправляться черезъ Волгу, ибо моста нѣтъ, нѣтъ никакихъ удобствъ для переправы. Противъ Казанской пристани—Верхній Услонъ, большое, богатое село, гдѣ почта и телеграфъ, разныя мастерскія. Въ этомъ селѣ похоронена жена князя Меншикова, умершая въ дорогѣ, когда ея мужа везли въ 1728 г. въ ссылку. Услонцы считаются первыми головорѣзами и ушкуйниками на Волгѣ.

III.

Казань и татары.—Воспоминанія о Пасхаловѣ и Андреевѣ-Бурлакѣ.—На пароходѣ до Симбирска.

Къ историческому городу, бывшему городу царства Казанскаго, мы подошли около полдня. Неподвижный воздухъ, зной и яркое солнце напоминали югъ. А грязь, безпорядокъ на пристани, какія-то жалкія, почернѣвшія отъ дождя постройки и татары и татарки съ закрытыми лицами напоминали Азію. Казань—это полу-Азія.

Городъ отъ пристани отстоитъ на семь верстъ—это неудобство, и большое, электрическій трамвай, соединяющій Волгу съ городомъ, удобство только нѣкоторое, для пассажировъ, а не товаровъ, которые тянутъ лошади по весьма плохому пути. Чтобы построить хорошее шоссе!

Пристань, или «Устье», завалена товарами, окружена трактирами, пивными, невзрачными мелочными лавками. Такая неряшливость и бѣдность построекъ объясняется тѣмъ, что весной въ половодье пристань заливается водой и начинаетъ функціонировать по спадѣ водъ. По дорогѣ въ городъ—унылыя картины низкой, болотистой мѣстности. Вниманіе каждаго остановитъ странное по архитектурѣ

Воскресенская улица въ Казани.

и мрачное зданіе съ крестомъ—это памятникъ по убіенныхъ при взятіи Казани. Колоколъ—не колоколъ, пирамида—не пирамида, когда смотришь издали, но вблизи дѣйствительно напоминаетъ послѣднюю только въ усѣченномъ видѣ. Внутри —церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго, подъ церковью—подземелье, гдѣ находится огромный гробъ со множествомъ череповъ, которые видны изъ приподнятой крышки. Это—братская могила воиновъ, павшихъ въ бою съ татарами. Черепа и человѣческія кости встрѣчаются во множествѣ кругомъ памятника, находятся въ землѣ, если хотя немного вскопать послѣднюю. Да, это—мрачный памятникъ мрачнаго времени, при томъ въ мѣстѣ мрачномъ и уныломъ. Теперь блещетъ солнце, чудный день, а осенью, воображаю, какое тяжелое впечатлѣніе производитъ эта сѣрая полупирамида-церковь.

Кремль—это дѣйствительно памятникъ старины. Передъ нимъ на обширной площади возвышается очень недурная статуя императора Александра II во весь ростъ съ непокрытой головой. Отъ казанскихъ кремлевскихъ стѣнъ вѣетъ далекимъ, былымъ временемъ, которое съ силой встаетъ въ воображеніи, при видѣ башни Сумбеки, этой старинной татарской постройки. Впрочемъ въ кремлѣ имѣется и русская старина: Спасская башня съ набатнымъ колоколомъ, возвѣщающимъ о каждомъ пожарѣ; основанная въ день взятія крѣпости Казани 2 октября 1642 г. церковь во имя мучениковъ Кипріана и Устиніи; Спасо-Преображенскій монастырь, Благовѣщенскій соборъ заложенный Иваномъ Грознымъ 6 октября 1552 г. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находился ханскій дворецъ, теперь живетъ губернаторъ. Двухъэтажное простое, недурной архитектуры зданіе окружено густой зеленью деревьевъ, что̀ придаетъ жилищу уютъ и симпатичность. Возлѣ дома губернатора—Сумбекина башня, священное для татаръ мѣсто, куда они приходятъ, пріѣзжаютъ молиться.

— По средамъ и пятницамъ ихъ много бываетъ,—говорилъ мнѣ сторожъ:—больше женщинъ, нѣкоторыя издалека пріѣзжаютъ.. Помолятся, здѣсь же на травѣ закусятъ, отдохнутъ, когда тепло и хорошая погода!..

Я смотрѣлъ на башню-минаретъ, высокую, стройную и думалъ о послѣдней казанской царицѣ Сумбекѣ. Можетъ быть, и она была такая стройная, граціозная, и мнѣ казалось, что печальны и грустны были глаза царицы, часто подернутые слезой. Около стѣнъ башни сидѣли двѣ татарки, ихъ лица были закрыты, но по фигурамъ можно было заключить, что одна—старая, другая—молодая. Обѣ женщины замерли въ благоговѣйномъ положеніи. На зеленой травѣ рѣзко выдѣлялись ихъ яркіе костюмы, отъ башни падала густая тѣнь, отчего зелень казалась темной, нѣсколько даже сумрачной, что̀ вполнѣ подходило къ настроенію и общему колориту.

Памятникъ павшимъ воинамъ при взятіи Казани.

Сумбекина башня—минаретъ главной мечети. Это—единственный уцѣлѣвшій памятникъ татарской Казани. Мечеть была обращена въ православную церковь, а башня осталась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Высота башни—35 саженъ, она представляетъ собой семиэтажное зданіе, которое всегда открыто для посѣтителей, желающихъ полюбоваться сверху видомъ города довольно оригинальнымъ, который рѣзко раздѣляется на двѣ части: европейскую и азіатскую. Нижніе этажи башни выложены изъ дикаго камня, верхніе кирпичные. По всей вѣроятности, послѣдніе во время осады крѣпости были повреждены и уже послѣ возстановлены.

Имя казанской царицы Сумбеки въ татарскомъ народѣ стало легендарнымъ. Молодая, красивая Сумбека перенесла въ жизни много горя и страданія, не зная семейнаго счастія. Любящая, съ горячимъ сердцемъ царица-женщина принуждена была быть свидѣтельницей паденія своего царства и стать плѣнницей Грознаго царя. Впрочемъ народная молва отрицаетъ этотъ историческій фактъ плѣненія царицы и разсказываетъ, что въ припадкѣ отчаянія Сумбека бросилась съ самаго верха башни и разбилась на смерть. Тѣмъ священнѣе и дороже эта башня для татаръ, вѣрящихъ въ такую кончину своей послѣдней царицы.

Тринадцатилѣтняя Сумбека, дочь ногайскаго хана, была отдана въ такомъ раннемъ возрастѣ замужъ за казанскаго хана Эналея, который черезъ годъ былъ убитъ. Съ того времени и начинаются страданія молодой женщины. Противъ своей воли, красивая, симпатичная вдова была взята въ жены развратнымъ, грубымъ ханомъ Сафа-Гиреемъ. Тогда для царицы потянулись страдные, унылые дни, которые обратились въ долгіе годы (13 лѣтъ), когда наконецъ ненавистный ханъ и мужъ въ пьяномъ видѣ убился до смерти. У Сумбеки остался сынъ-малютка, который наслѣдовалъ ханскій тронъ, а его мать стала правительницей Казанскаго царства. Въ эти, увы, недолгіе годы свободно чувствовала себя правительница. Неудовлетворенное, больное сердце искало друга и покоя. Сумбека страстно полюбила молодого татарина Кончака, который нѣкоторое время вслѣдствіе своего близкаго отношенія къ царицѣ имѣлъ довольно большое вліяніе на государственныя дѣла, что не понравилось татарскимъ вельможамъ, и они выдали Кончака русскимъ. Опять одиночество для царицы, окруженной интригами и вѣроломными татарскими царедворцами.

Но пришли, наступили еще худшія времена!..

Сумбека стала заклятымъ врагомъ Россіи.

Тогда Иванъ Грозный сталъ поддерживать требованія на престолъ бывшаго казанскаго хана, Шигъ-Алея. Въ результатѣ борьбы съ Россіей Сумбека должна была покориться царю Грозному, который приказалъ взять ее въ плѣнъ и привезти въ Москву. Такое порученіе было возложено царемъ на воеводу князя Серебря-

наго, который благополучно исполнилъ приказаніе. Лѣтописи и нашъ маститый историкъ Карамзинъ описываютъ подробно плѣненіе царицы, ея печальный, невольный путь до Волги, гдѣ князь Оболенскій ждалъ ее и повезъ на судахъ въ Москву.

Народъ съ грустью, но безмолвно провожалъ свою развѣнчанную царицу. О дальнѣйшей судьбѣ Сумбеки ничего неизвѣстно. По всей вѣроятности, эта неизвѣстность породила молву среди казанскаго народа, что любимая царица была вѣроломно умерщвлена русскими во время пути въ Москву. Легенда и слухи росли, и безъ того симпатичный образъ царицы съ теченіемъ времени пріобрѣталъ все новыя, поэтическія черты женщины-страдалицы, пока наконецъ имя Сумбеки не стало синонимомъ мученицы за казанскій народъ.

Въ этомъ короткомъ пересказѣ о судьбѣ молодой казанской царицы читатель замѣтилъ, что казанскіе татары не лишены нѣкотораго поэтическаго характера. Сумбека не была счастлива: она не имѣла любимаго мужа и уютнаго семейнаго очага, что̀ татарами цѣнится весьма дорого и стоитъ на первомъ планѣ ихъ жизни.

— Что торговля? дѣла?!—говорилъ мнѣ не одинъ казанскій татаринъ:—развѣ это жизнь?! Это—забота о жизни, тяжелая, трудная!. Мы живемъ и счастливы только дома, гдѣ меня усталаго встрѣтитъ любимая жена и при легкомъ поцѣлуѣ накормитъ и успокоитъ!.. О, семья для насъ—дѣло великое!..

Вообще типъ казанскаго татарина не лишенъ интереса. Неглупый, очень подвижной, казанскій городской татаринъ нѣсколько отошелъ по внѣшности отъ монгольской расы. Объясняется такое обстоятельство тѣмъ, что до татарскаго владычества Казанскій край населяли болгары, которые при нашествіи и завоеваніи ихъ татарами, смѣшавшись съ послѣдними, повліяли извѣстнымъ образомъ на завоевателя. Несомнѣнное присутствіе славянской крови въ казанскихъ татарахъ, по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, благотворно отразилось на послѣднихъ.

Живость характера, подвижность, очень большая способность къ торговлѣ рѣзко отличаютъ казанскаго татарина отъ неподвижнаго и дикаго монгола. Торговля—стихія казанскаго татарина. Дѣйствительно, чѣмъ онъ только не торгуетъ и чего не покупаетъ, это знаютъ столичные жители. Но въ Волжскомъ краѣ татары занимаютъ видное мѣсто въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ: въ Казани лучшіе мыловаренные заводы принадлежатъ татарамъ, а казанское мыло, какъ извѣстно, славится своей добротой по всей Россіи. Во главѣ кожевеннаго дѣла стоятъ тоже татары. Въ Симбирской губерніи отличныя суконныя фабрики принадлежатъ казанскимъ татарамъ.

Какъ земледѣльцы, татары стоятъ ниже русскихъ, и въ значительной степени, что̀, между прочимъ, доказывается большимъ ко-

личествомъ татарскихъ земель, сдающихся въ аренду; арендаторы, большею частію, русскіе или чуваши.

Вслѣдствіе постояннаго сношенія съ русскими нравы татаръ, особенно въ послѣднее время, стали измѣняться. Татарскія женщины, хотя и съ закрытыми лицами, стали показываться въ общественныхъ садахъ, въ театрахъ. Среди татарокъ много красивыхъ, но, къ сожалѣнію, онѣ такъ красятся и бѣлятся и такъ безвкусно и пестро одѣваются, что портятъ свою внѣшность самымъ безпощаднымъ образомъ, по крайней мѣрѣ, для европейца.

Между прочимъ, бѣдныя, рабочаго класса, татарки такимъ художествомъ не занимаются, да имъ и некогда: бѣлила и краска—принадлежность богатыхъ женщинъ.

Татары очень религіозны, они—магометане-сунниты, свои обряды исполняютъ аккуратно, творятъ намазъ утромъ и вечеромъ вездѣ, не стѣсняясь народомъ, въ пути, на пароходахъ и проч.

Татарская часть въ Казани—довольно своеобразная, состоящая изъ ряда улицъ, не особенно, впрочемъ, опрятныхъ, гдѣ лавки и магазины, склады занимаютъ всѣ помѣщенія одно и двухъэтажныя. Жилая татарская сторона—отдѣльная. Тамъ тихо и сравнительно уютно: недурные домики, часто окруженные садами, улицы шире, приличнѣе, нежели въ торговой части, гдѣ постоянный шумъ, толкотня и безъ конца знаменитое казанское мыло, которое вы видите въ окнахъ, въ дверяхъ, въ подвалахъ, запахомъ котораго вы дышите въ торговыхъ татарскихъ улицахъ.

Русская сторона Казани гораздо чище, дома и зданія просторнѣе, магазины красивѣе, но безлюднѣе и скучнѣе на этихъ европейскихъ улицахъ, нѣтъ той жизни, которая шумитъ, торгуетъ тамъ, гдѣ мыло и татаринъ. Противъ недурнаго зданія театра—небольшой скверъ, гдѣ поставленъ памятникъ уроженцу Казани поэту, Г. Р. Державину. Этотъ монументъ сооруженъ въ 1846 г., а въ 1896 г. на площади Воскресенской поставленъ другой памятникъ—профессору Лобачевскому.

Городъ Казань, въ которомъ мнѣ пришлось бывать лѣтомъ и зимой, несмотря на свое положеніе волжскаго и университетскаго центровъ, городъ скучный, монотонный. Почему—я не знаю, но полагаю, что отдаленность его отъ Волги и смѣшанное русско-татарское населеніе—тому причиной.

Кожевенное производство глохнетъ, ибо скотоводство и вообще сельское хозяйство пало, также и мыловаренное производство, работаютъ меньше мельницы. Вообще въ настоящее время Казань представляетъ собой образовательный и административный центры.

Въ Казани издаются двѣ газеты, имѣются музеи, университетъ, ветеринарный институтъ и духовная академія. Университетскія клиники помѣщаются на Арскомъ полѣ, этомъ историческомъ и обширномъ полѣ, гдѣ бывали когда-то битвы при набѣгахъ на Ка-

Перевозный паромъ черезъ Волгу у Козьмодемьянска.

занъ, и гдѣ происходила большая ярмарка. Теперь поле частью застроено и не представляется огромной площадью; около него—высокая березовая роща: это—кладбище. Намъ захотѣлось посѣтить его, роща манила подъ свою тѣнь и прохладу.

Бродя подъ развѣсистыми, высокими березами кладбища, я нашелъ знакомыя фамиліи на памятникахъ. Вотъ могила артиста Бурлака-Андреева. Прекрасный памятникъ поставленъ или почитателями или товарищами-артистами. Мнѣ пришла на память газетная замѣтка послѣ его кончины, довольно торжественно возвѣстившая, что у артиста по описи имущества капитала было найдено наличнаго въ деньгахъ 15 копеекъ. Кто не зналъ изъ прежнихъ театраловъ талантливаго Бурлака? Тѣ, вѣроятно, помнятъ «Мармеладова», а въ «Аркашкѣ Счастливцевѣ» онъ былъ не сравненъ, это была его коронная роль, и покойный А. Н. Островскій говорилъ, что Бурлакъ игралъ Аркашку, какъ никто. Воспоминанія колыхнулись, и мнѣ живо представились встрѣчи съ покойнымъ въ обществѣ, среди артистовъ. Всегда веселый, возбужденный Бурлакъ былъ честный товарищъ и душа общества. Онъ былъ прекрасный разсказчикъ за стаканомъ вина въ дружеской бесѣдѣ, артистъ вызывалъ смѣхъ искренній, здоровый. Его любили москвичи, и онъ имѣлъ постоянный и серьезный успѣхъ въ Москвѣ.

Памятникъ другого знакомаго былъ неуклюжій, громоздкій—это былъ простой складень изъ кирпича. Подъ этой тяжелой плитой похороненъ талантливый музыкантъ и композиторъ Пасхаловъ. Мотивы его чудныхъ романсовъ и пѣсенъ трогаютъ сердце человѣка, а въ ихъ нѣжныхъ, печальныхъ звукахъ живетъ истомленная душа автора, такая же нѣжная и деликатная, какъ и его музыка.

Какое далекое время!. Полные жизни и общественнаго интереса 70-е г., когда я познакомился съ Пасхаловымъ на одномъ изъ концертовъ, устроенномъ М. В. Лентовскимъ, тогда еще скромнымъ артистомъ Московскаго Малаго театра. Помню, участвовали М. Н. Ермолова, А. В. Аристова и другіе. Пасхаловъ произвелъ на меня съ перваго раза тяжелое впечатлѣніе: онъ былъ не то боленъ, не то чѣмъ-то удрученъ; говорилъ тихо, смотря въ сторону, словно чего-то ожидая. Потомъ, когда я ближе познакомился съ артистомъ, онъ былъ всегда такой тихій, боязливый. Богемой оставался до конца дней своихъ Пасхаловъ. Пословица: «omnia mea mecum porto», совершенно подходила къ артисту: у него была одна только фрачная пара, которую онъ, повидимому, берегъ и носилъ аккуратно.

Въ четвертомъ этажѣ—небольшая меблированная комната, комодъ, въ которомъ пусто, столъ съ нотами и начатыми этюдами романсовъ... Піанина не было у музыканта-композитора.. Странное обстоятельство, какъ подумаешь, что въ настоящее время у каждой бездарной пѣвицы имѣется инструментъ, посредствомъ кото-

раго она можетъ изводить душу каждаго, а Пасхаловъ, музыкантъ и художникъ, не могъ «вылить своей души», которая страдала молча, когда мотивы и звуки томили талантливаго человѣка въ его безмолвномъ одиночествѣ. Мнѣ всегда казалось, когда я смотрѣлъ въ небольшіе глаза Пасхалова,—глаза, сверкающіе по временамъ какимъ-то угрюмымъ блескомъ: что? что такое таится въ душѣ этого деликатнаго, мягкаго человѣка?

Но никто не зналъ, никто особенно близокъ не былъ съ артистомъ.. А было, несомнѣнно, было нѣчто, что привело его къ такой ужасной смерти. Пасхаловъ въ Казани въ гостиницѣ повѣсился на полотенцѣ: у бѣднаго композитора веревки даже не было, совсѣмъ не оказалось денегъ, даже такого капитала, который былъ найденъ у Бурлака. Мнѣ говорили, что послѣ него осталась неоконченная опера, которая гдѣ-то хранится...

Талантливые русскіе люди!.. Злой, гнетущій рокъ тяготѣетъ надъ вами... Отчего не даетъ вамъ родина развернуть во всю свои силы, свою печаль и радость, свои надежды и сомнѣнія? Нѣкоторые скажутъ: «водочка». Но я отвѣчу: «нѣтъ, водочка—это послѣдствіе, а не причина!»... А много, много такихъ погибшихъ, не использовавъ всѣхъ своихъ силъ и способностей, и еще какихъ!..

Послѣдніе годы Пасхаловъ провелъ въ Казани, давая частные уроки и участвуя въ домашнихъ концертахъ. У него были искренніе почитатели, которые обыкновенно залучали его къ себѣ, угощали предварительно и сажали за рояль. Пасхаловъ игралъ чудно, игралъ, увлекаясь и забывая тоску, которая грызла его больное сердце. Страннымъ, выразительнымъ шопотомъ онъ пѣлъ свои романсы, аккомпанируя до художественной тонкости. Слушатели проводили съ музыкантомъ цѣлыя ночи до самаго утра, нервное напряженіе, вызываемое его вдохновенной музыкой, заставляло нѣкоторыхъ дамъ падать въ обморокъ, мужчинъ плакать. Такіе концерты назывались въ Казани «пасхаловскими ночами», и еще живы многіе, которые помнятъ эти музыкальныя ночи. Опера, о которой я упоминалъ, называлась «Первый винокуръ». Мнѣ разсказывали объ этой музыкѣ слышавшіе отрывки оперы, разсказывали объ оригинальности и чисто русской поэзіи народныхъ мотивовъ. Дѣйствующія лица были крестьяне и чортъ, чортъ русскій, смѣшной и не особенно коварный, такой чортъ, котораго нашъ русскій народъ проводитъ и ставитъ въ критическое положеніе. Потому у Пасхалова и адская музыка не характеризовалась мрачнымъ, угрюмымъ колоритомъ, напѣвы и характеръ бѣсовскихъ пѣсенъ были оригинальны и забавны. Поэзіей народной, воздухомъ полей, шелестомъ лѣса, утренними и вечерними зорями дышала его музыка, трогая сердце и заставляя вспоминать тихую даль родныхъ селъ и деревень.

Еще печальнѣе казалась Казань съ ея малолюдными улицами и тоскливой низиной-болотомъ, когда мы возвращались на пароходъ.

Не правда ли, какія здѣсь грустныя воспоминанія? Былые годы, смерть, памятники смерти, башня страданія, могилы русскихъ талантовъ... скорѣй дальше отъ этого города-могилы, дальше внизъ по Волгѣ, гдѣ по берегамъ—зеленые уступы горъ и скалы и многолюдныя, полныя жизни, села!

На пристани у парохода шелъ оживленный торгъ пассажировъ съ татарами. Торговали платки, туфли, турецкія фески.. Какія въ самомъ дѣлѣ оживленныя, веселыя лица!.. Продаетъ, торгуется татаринъ съ шутками и прибаутками, прямо играетъ своимъ товаромъ! Пароходъ тронулся; молодой, красивый татаринъ успѣлъ на ходу бросить платокъ на палубу и получить такимъ же способомъ съ пассажира-покупателя деньги. Казань исчезла со своими мрачными башнями, главами и крестами церковными. Нѣтъ, это—не живописная картина Нижняго, Казань не производитъ съ Волги впечатлѣнія. Снова крутой лѣсистый правый берегъ, лѣвый низменный, пески и кустарникъ.

Мы ждали впаденія Камы въ Волгу, устье которой въ 74 верстахъ отъ Казани, сейчасъ же за большимъ селомъ Богородскимъ. Ничего особеннаго, грандіознаго. Кама при впаденіи совсѣмъ не широка, мы видимъ отмели и пустынные, некрасивые берега. Говорятъ, весною здѣсь настоящее море. До Камы, въ селахъ по лѣвому берегу живутъ «казанскія сироты», профессіональные нищіе. Промыселъ—старинный, упорный. Нельзя не упомянуть о селѣ Антоновкѣ, которое славится своими антоновскими яблоками, это село красивое, все въ садахъ (болѣе 150 десятинъ), за 14 верстъ передъ устьемъ Камы.

Живописно расположенъ со своей бухтой Спасскій затонъ, зимовка пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій». Отъ этого затона въ 20 верстахъ находится село Успенское, на мѣстѣ котораго и около находятся развалины бывшей столицы Болгарскаго царства. Это историческое мѣсто посѣтили Петръ I, Екатерина II, былъ въ «Болгарахъ» даже знаменитый Гумбольдтъ. Академики Палласъ и Лепехинъ въ 1768 г. указали на 44 памятника, но теперь едва наберется 10. Прекрасный каменный матеріалъ старины пошелъ на устройство мѣстной церкви, полъ которой состоитъ изъ плитъ съ древними надписями. Православные въ буквальномъ смыслѣ попираютъ сѣдую древность ногами, а крѣпкіе камни и известку съ древнихъ башенъ растаскиваютъ на свои нужды. Въ настоящее время сохранились, да и то не всѣ, стѣны Черной и Бѣлой палатъ и Малый минаретъ высотою въ 7 саженъ. Внизу—узкій входъ, наверху—терраса, надъ которой высится второй этажъ башни. На террасу ведетъ узкая, мѣстами разрушенная, каменная

лѣстница. Близъ церкви сохранился фундаментъ 4-хъ башенъ: это—остатки Большого минарета, который Петръ I приказалъ строго-настрого хранить и принимать всякія мѣры для поддержанія одного изъ лучшихъ памятниковъ Болгаръ. Но, какъ видите, отъ дорогихъ памятниковъ остались въ настоящее время «рожки да ножки».. Хороша была охрана!..

Большой минаретъ разрушился въ 1841 г. совершенно.

С. Васюковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО.

Скоропостижная кончина Леонида Егоровича Оболенскаго не была событіемъ слишкомъ неожиданнымъ для литературной среды. Сердечныя схватки, удушье, боли въ области груди въ послѣдніе мѣсяцы текущаго года были всѣмъ намъ, состоявшимъ съ нимъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, хорошо извѣстны, и всѣ мы уже съ начала наступившаго года считали, что Леонидъ Егоровичъ не долгій жилецъ на этомъ свѣтѣ. И, тѣмъ не менѣе, вѣсть о его кончинѣ жутко отозвалась въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ его хорошо знали, любили и почитали, какъ полезнаго общественнаго дѣятеля, какъ отзывчиваго писателя съ широкой эрудиціей, подходившаго къ каждому вопросу вдумчиво и съ вполнѣ опредѣленной точки зрѣнія. Съ этой точкой зрѣнія можно было не соглашаться, но за ней нельзя было отрицать обоснованности, искренности и порою оригинальности.

Пишущему эти строки приходилось въ послѣднія десять лѣтъ довольно часто встрѣчаться съ покойнымъ писателемъ, работать съ нимъ на разныхъ, преимущественно профессіонально-литературныхъ поприщахъ, а потому узнать и оцѣнить его, какъ писателя, человѣка и общественнаго дѣятеля. Поэтому я радъ, что могу вслѣдъ ушедшему въ вѣчность товарищу по журналу и литературѣ сказать доброе слово и особенно потому, что его кончина, его похороны и литературные поминки прошли очень ужъ блѣдно и незамѣтно въ нынѣшней сутолокѣ нашей нервной жизни. Оболенскій заслужилъ всей своей работой для русской журналистики гораздо большей признательности, чѣмъ представители ея ему воздали и передъ лицомъ его мертваго тѣла на панихидахъ, и въ часъ

послѣдняго разставанья на Волковомъ кладбищѣ. Очень лишь тѣсный кружокъ признательныхъ друзей по литературѣ пришелъ 28 сентября проводить его въ мѣсто вѣчнаго упокоенія, и за послѣднимъ комомъ земли, брошенной въ могилу, всѣ какъ-то понуро и печально разошлись, какъ бы чувствуя, что опущенный въ землю писатель заслужилъ гораздо бо́льшаго вниманія со стороны собратьевъ по перу, со стороны учащейся молодежи, которую онъ такъ страстно любилъ и къ которой такъ часто обращался, и со стороны широкихъ круговъ столичной интеллигенціи, гдѣ былъ популяренъ и въ жизни которой принималъ такое горячее непосредственное участіе. И мнѣ сдается, что въ этой недостаточной признательности къ писателю сказалось что-то роковое, что̀ всегда отпечатывалось, на мой взглядъ, на всей дѣятельности и жизни Леонида Егоровича.

Родился Л. Е. Оболенскій въ 1845 г. въ городѣ Малоархангельскѣ Орловской губерніи въ довольно зажиточной семьѣ, представители которой были людьми далеко незаурядными, оригинальными, но съ болѣзненными зачатками въ характерахъ и въ организмахъ. Знакомясь съ его автобіографическими записками, которымъ писатель придалъ искусственную беллетристическую форму («Русская Мысль», 1903 г., кн. IV), мы теперь, когда автора ихъ нѣтъ между нами, можемъ понять, что въ его характерѣ безусловно и очень наглядно проглядывали многія черты наслѣдственности, доставшіяся ему и по материнской и по отцовской линіи, и притомъ наслѣдственности болѣзненной: порывистость, быстрая воспламеняемость, нѣкоторая экзальтированность, нервность, мнительность и подозрительность — съ одной стороны и съ другой — поэтичность натуры, музыкальность, мягкость, ласковость и частая сосредоточенность, переходящая порою въ грусть,—всѣ эти черты явно обрисовываются въ характерахъ семейства Н—скаго, срисованныхъ писателемъ съ родныхъ дѣда, отца и матери. Уже съ дѣтскихъ лѣтъ нашего философа-публициста окружаютъ печальныя тѣни прошлаго и настоящаго, и его пытливая дѣтская мысль болѣзненно пытается слишкомъ рано заглянуть за черту того дѣтству недоступнаго, гдѣ кроются и ненормальныя отношенія между взрослыми—отцомъ и матерью, и странныя отношенія къ его больному дѣду и къ окружающей крѣпостной средѣ. Эта среда оставила въ немъ глубокій слѣдъ, и впечатлительная дѣтская душа слишкомъ рано познала все то скорбное и ужасное въ соціальномъ отношеніи, что таила въ себѣ дореформенная крѣпостная Россія. Его воспоминанія объ этой дореформенной эпохѣ, относящіяся именно къ порѣ дѣтства,—передъ глазами читателей въ его воспоминаніяхъ, напечатанныхъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ.

Получивъ хорошую домашнюю образовательную подготовку, онъ проходитъ годы своего ученія сначала въ орловской гимназіи, а

затѣмъ въ частномъ заведеніи, основанномъ и руководимомъ извѣстнымъ впослѣдствіи педагогомъ И. О. Рашевскомъ, оставившимъ по себѣ столь добрую извѣстность въ качествѣ организатора нашей народной земской школы и выдающагося дѣятеля въ области женскаго высшаго образованія. Рашевскій имѣлъ несомнѣнное вліяніе и на развитіе въ юномъ Оболенскомъ его прогрессивныхъ взглядовъ и его склонности къ литературнымъ занятіямъ, которыя ясно обнаружились въ немъ еще на школьной скамьѣ. Въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ и характеристикахъ» («Историческій Вѣстникъ», 1902 г.) Оболенскій даетъ по настоящему вопросу прямыя указанія.

Съ 1862 г. Леонидъ Егоровичъ слушаетъ сначала лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и медико-хирургической академіи по физикѣ, химіи и физіологіи, а затѣмъ поступаетъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ и тогда же получаетъ любовь къ занятіямъ философіей. По прибытіи въ столицу изъ провинціи, молодой слушатель университета пытаетъ свои силы на литературномъ поприщѣ. Свое журнальное крещеніе, подобно многимъ изъ нашихъ писателей, онъ получаетъ у извѣстнаго редактора «Искры» В. С. Курочкина, а потомъ ближайшими къ нему старшими по возрасту литературными дѣятелями, которые доброжелательно протянули ему руку, были А. Плещеевъ, А. Шеллеръ, Г. Благосвѣтловъ, М. Салтыковъ, профессоръ Н. Вагнеръ. Уже одинъ перечень этихъ именъ показываетъ, каково должно было быть литературно-общественное направленіе юнаго писателя. На его стихотвореніяхъ того періода лежитъ отпечатокъ модной тогда гражданственности, протеста и оппозиціи. Здѣсь очевидно сказалось вліяніе автора «музы мести и печали». Позднѣйшіе стихи Леонида Егоровича носили уже болѣе мягкій колоритъ, и въ его лирикѣ (а онъ былъ по природѣ скорѣе всего именно лирикъ) мы видимъ много задушевности, того исканія «добра и красоты», которыя при началѣ его литературной карьеры заглушались у него исключительно гражданскими мотивами. Какъ поэтъ и стихотворецъ, покойный писатель не оставилъ по себѣ значительнаго слѣда въ литературѣ, и не на поэтической дѣятельности была основана его позднѣйшая извѣстность. На русскомъ парнассѣ онъ отмежевалъ себѣ очень скромное мѣсто, и его заслуга заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что его поэтическія произведенія не звучали диссонансомъ съ тѣмъ хоромъ прогрессивныхъ голосовъ, въ которомъ онъ принималъ долгое время активное участіе. Выпуская свои стихотворенія отдѣльнымъ изданіемъ, самъ авторъ такъ характеризовалъ себя, какъ стихотворца:

Я не трибунъ: мои писанья
Народъ ни разу не прочтетъ
(Мѣшаетъ азбуки незнанье).
Писалъ я только для господъ.

Они одни меня читали:
Я въ нихъ старался перелить
Сознанья высшаго печали,
Я ихъ училъ любить,—

Любить науку, трудъ, природу,
Родной, трудящійся народъ...
Не пѣлъ я даже про свободу:
Она иныхъ поэтовъ ждетъ.

Мечталъ я душу человѣка
Къ сознанью правды пробудить,
Вражду, царящую отъ вѣка,
Любви сіяньемъ освѣтить.

Мечталъ я въ сердце влить стремленья
Къ добру, работѣ и любви,
Чтобъ не тонули поколѣнья
Въ братоубійственной крови...

Да, эта проповѣдь любви къ наукѣ, къ труду, проповѣдь любви къ человѣчеству во имя правды была проповѣдью, которая послѣдовательно проводилась имъ болѣе или менѣе во всѣхъ родахъ его литературнаго творчества, опредѣляла ему этимъ самымъ мѣсто не въ крайнихъ нашихъ партіяхъ, стоящихъ подъ воинственными знаменами непримиримой борьбы, а въ томъ по преимуществу культурномъ центрѣ, который пока у насъ такъ еще слабъ и рѣдокъ, но который современемъ, конечно, выдѣлится съ особенною силою и займетъ въ нашей жизни почетное мѣсто, въ интересахъ именно культурнаго развитія нашего народа.

Если поэзія Оболенскаго не носила на себѣ отпечатка особой оригинальности и сочности яркихъ красокъ, на которыя въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія уже народился столь значительный спросъ, то то же можно сказать и про его беллетристику, про его повѣсти, разсказы и романы, въ которыхъ авторъ опять-таки по преимуществу является проповѣдникомъ все тѣхъ же культурныхъ началъ на основахъ мирной соціальной эволюціи. Его беллетристика за подписью М. И. Красова не выдвигается въ разрядъ литературной прозы первой категоріи, и врядъ ли новѣйшимъ поколѣніямъ читателей она даже извѣстна. Среди этихъ произведеній, однако, надлежитъ отмѣтить его романъ «Два полюса», гдѣ находятъ себѣ отраженіе нѣкоторыя народническія тенденціи, пользовавшіяся особенною популярностью въ концѣ 70-хъ годовъ, и обрисованы передовые типы, преимущественно провинціальные, того времени.

Знакомство съ провинціей было у Оболенскаго основательное. Увлеченный народолюбивыми идеями шестидесятыхъ годовъ и подъ вліяніемъ призванной къ жизни земщины, онъ въ 1866 г. съ цѣлью

сближенія съ народомъ покинулъ столицу и поступилъ секретаремъ калужской земской управы. Но здѣсь онъ ужился недолго и вслѣдствіе недоразумѣній съ администраціей на почвѣ политической неблагонадежности черезъ 3 мѣсяца службы въ земствѣ покинулъ мѣсто; также кратковременна и все по тѣмъ же обстоятельствамъ была его служба въ Буѣ и Варнавинѣ. Въ 1870 г. онъ осѣлся въ Орлѣ, занявшись здѣсь адвокатурой. Только въ 1878 г. онъ получилъ право и возможность переселиться въ Петербургъ, съ каковаго времени онъ уже всецѣло посвящаетъ себя журналистикѣ, являясь сотрудникомъ многихъ передовыхъ столичныхъ органовъ печати, ихъ издателемъ-редакторомъ и окончательно опредѣляетъ свое литературное призваніе, какъ философа-публициста, популяризатора выдающихся западно-европейскихъ научныхъ теорій и представителя въ нашей журналистикѣ ученія о соціальной эволюціи.

Уже изъ Орла Оболенскій посылаетъ въ научно-литературный журналъ «Свѣтъ» свои статьи по соціологіи и психологіи, которыя по заключающимся въ нихъ научнымъ положеніямъ пришлись по душѣ редактору-издателю журнала, извѣстному профессору Н. П. Вагнеру; профессоръ-идеалистъ оцѣнилъ своего молодого сотрудника, тоже ученаго идеалиста, и отсюда рождается ихъ близкая связь, ведущая къ тому, что Вагнеръ приглашаетъ Оболенскаго къ себѣ компаніономъ по журналу и соредакторомъ. Объ этомъ періодѣ жизни Леонидъ Егоровичъ далъ подробныя свѣдѣнія, напечатанныя въ его «Литературныхъ воспоминаніяхъ» на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за 1902 г. Въ этихъ воспоминаніяхъ онъ, между прочимъ, такъ обрисовываетъ свои отношенія къ профессору-спириту и представителю идеалистическаго спиритуализма: «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нашей совмѣстной работы уже сказались нѣкоторыя неудобства,—повѣствуетъ онъ.—Мнѣ приходилось безпрестанно ѣздить на Васильевскій островъ съ Песковъ, гдѣ я вынужденъ былъ поселиться, такъ какъ мнѣ необходимо было жить вблизи женскихъ медицинскихъ курсовъ, помѣщавшихся въ то время на Пескахъ, въ Николаевскомъ сухопутномъ госпиталѣ. Другое неудобство состояло въ томъ, что, сходясь съ почтеннымъ профессоромъ въ основныхъ нашихъ научныхъ стремленіяхъ, мы расходились въ нѣкоторыхъ деталяхъ, и хотя въ условіи нашемъ онъ обязывался не проводить въ своихъ статьяхъ этого частнаго своего воззрѣнія, а я обязывался не нападать на него, однако въ практикѣ иногда случались разногласія: то мнѣ казалось, что въ какой нибудь статьѣ почтеннаго ученаго проглядываетъ тенденція, которую мы рѣшили устранить, то ему казалось, что въ моей статьѣ проглядываетъ явно недружелюбное отношеніе къ ней (дѣло идетъ о «спиритуализмѣ», которымъ въ то время увлекался поэтъ-профессоръ). Говоря по правдѣ, мы оба очень корректно относились къ принятымъ на себя обязательствамъ въ этомъ отношеніи, и вообще о

многоуважаемомъ Николаѣ Петровичѣ я долженъ сказать, что болѣе мягкаго, гуманнаго, терпимаго и христіански-настроеннаго человѣка я никогда не встрѣчалъ ни прежде ни потомъ. Онъ былъ вовсе не фанатикъ «спиритуализма» (или «спиритизма»), а широко и свободно-мыслящимъ человѣкомъ, который страстно возмущался тѣмъ, что общество и большинство ученыхъ отвергаютъ великіе вопросы безъ предварительнаго опытнаго изслѣдованія. Онъ видѣлъ

Леонидъ Егоровичъ Оболенскій.

въ этомъ недостатокъ свободы мысли, отсутствіе истинной «научности» мышленія, такъ какъ истинная наука ничего не принимаетъ безъ точнаго изслѣдованія, но ничего и не отвергаетъ, не подвергнувъ изслѣдованію.

«Помимо этого, Вагнера влекла къ спиритуализму и его поэтическая натура, вдохновенно-фантастическое настроеніе его крупнаго художественнаго таланта, наконецъ, его этическое настроеніе. Онъ

гораздо раньше Льва Толстого сталъ задумываться о значеніи «любви», какъ основного принципа жизни и морали. Онъ всюду искалъ обоснованія этого принципа, а вовсе не въ одномъ «спиритуализмѣ», какъ это казалось полуневѣжественной публикѣ и мелкимъ газетнымъ зубоскаламъ. Такъ, напримѣръ, онъ видимо увлекался и философіей Шопенгауера, у котораго этика основана также на «симпатіи», связывающей людей, благодаря единству ихъ «сущности», хотя это единство и облечено въ раздѣляющія, индивидуальныя оболочки.

«Насъ вначалѣ и сближала больше всего эта «этика любви», которой я и посвятилъ первыя мои статьи въ «Свѣтѣ» 1879 г.»

Издательская связь между Вагнеромъ и Оболенскимъ длилась недолго; старый профессоръ уступилъ первое мѣсто своему энергическому и плодовитому молодому соредактору, отойдя на второй планъ въ роли простого сотрудника. Въ слѣдующемъ (1880) году онъ даже выхлопатываетъ разрѣшеніе на изданіе новаго научно-популярнаго журнала «Мысль», который вмѣстѣ съ подписчиками «Свѣта» и передаетъ цѣликомъ Оболенскому. Новый издатель энергично повелъ дѣло, сгруппировавъ вокругъ себя тѣсную литературную семью, въ составъ которой входили Вагнеръ, Баранцевичъ, профессоръ Тархановъ, профессоръ Н. Гротъ, профессоръ Глазенапъ, Филипповъ, Португаловъ и другіе. Въ 1883 г., желая нѣсколько расширить журнальныя рамки своего изданія, Оболенскій пріобрѣтаетъ отъ г-жи Бажиной журналъ «Русское Богатство», которое и замѣнило собою предыдущія два спеціально-научныя изданія — «Свѣтъ» и «Мысль».

Органъ народниковъ, издававшійся въ предыдущій періодъ на артельныхъ началахъ группой литераторовъ, вышедшихъ изъ нѣдръ «Отечественныхъ Записокъ», «Русское Богатство» подъ редакціей Оболенскаго получило болѣе научный характеръ, хотя не лишалось и своего народническаго колорита, который только нѣсколько какъ бы потускнѣлъ, потерялъ свой политическій ароматъ. Въ журналѣ Леонида Егоровича принимаетъ участіе и Левъ Толстой, здѣсь же развивается и крѣпнетъ талантъ Надсона и Гаршина, здѣсь сотрудничаютъ всѣ тѣ же былые товарищи по журналистикѣ: Гротъ, Португаловъ, Вагнеръ, къ нимъ же присоединяются Юзовъ (Каблицъ), Цебрикова, Сергѣй Атава (Терпигоревъ), Ясинскій, профессоръ Н. Карѣевъ, М. Гольдштейнъ; тутъ же начинаетъ свою литературную карьеру Н. Рубакинъ, І. Клейберъ, Ю. Безродная и др. Очень полезными въ научно-общественномъ отношеніи явились приложенія къ журналу, которыя завелъ Оболенскій—переводы научныхъ и философскихъ сочиненій Вундта, Спенсера и др. Какъ этими переводными приложеніями, такъ и своими популярными объяснительными къ нимъ статьями Леонидъ Егоровичъ сослужилъ русской читающей публикѣ безусловно добрую службу.

Онъ бросилъ въ сознаніе общества немало научно-культурныхъ понятій, раскрылъ передъ нимъ новыя области европейской мысли, популяризируя эти мысли и обогащая ими содержаніе русской повседневной жизни. Въ этомъ отношеніи его дѣятельность на пользу читателей сходна съ дѣятельностью другого отошедшаго тоже недавно отъ насъ философа-публициста, Н. К. Михайловскаго.

У Оболенскаго, конечно, не было блеска таланта Николая Константиновича, остроумія и политической страстности послѣдняго—отсюда и его относительно меньшая извѣстность и популярность. Кромѣ того, не будучи представителемъ боевого начала въ журналистикѣ, лишенный спеціальнаго полемическаго таланта и занимая центральное въ политическомъ отношеніи мѣсто въ нашей общественности, онъ не могъ имѣть громкаго успѣха въ широкихъ кругахъ читателей и оставался какъ бы на второмъ мѣстѣ въ журналистикѣ, заслоненный публицистомъ-соціологомъ, гордо и съ громкимъ успѣхомъ шествовавшимъ подъ обаятельнымъ для массы знаменемъ, на коемъ ярко значились слова: не эволюція, а революція!

Мнѣ кажется, что Оболенскій, будучи отъ природы человѣкомъ очень самолюбивымъ, какъ бы чувствовалъ и понималъ несоотвѣтствіе между своею громадною и напряженною литературною работою и тѣмъ успѣхомъ, который ей сопутствовалъ; отсюда его какъ бы нѣкоторая общественная уязвленность и неудовлетворенность. Она его нѣсколько раздражала и озлобляла. Къ тому же онъ не былъ баловнемъ судьбы, каковымъ былъ несомнѣнно, напримѣръ, все тотъ же Н. К. Михайловскій: жизнь давалась ему не такъ легко, и добрыя феи не усыпали старательно его пути розами успѣха и удачи. Начиная съ гимназической скамейки, продолжая службу на практическомъ поприщѣ и кончая литературными издательствами, на его жизненной дорогѣ постоянно встрѣчались неудачи, приводившія его къ разочарованіямъ и разгрому того, что имъ предпринималось съ такою страстною вѣрою въ успѣхъ задуманнаго. Такъ, несмотря на поддержку «Русскаго Богатства» со стороны Л. Толстого и другихъ литераторовъ, журналъ Оболенскаго не получилъ большого распространенія въ публикѣ, и черезъ шесть лѣтъ отчаянной борьбы съ безденежьемъ и отсутствіемъ необходимой подписки, издатель вынужденъ былъ передать свое предпріятіе въ другія руки. Съ 1891 г. журналъ перешелъ сначала къ Е. Гаршину и С. Кривенку, а потомъ въ распоряженіе Н. К. Михайловскаго и его группы. Съ этого времени Оболенскій остается безъ собственнаго литературнаго угла и обращается въ того журнальнаго батрака, который ради куска хлѣба мыкается по разнымъ хозяевамъ, стоявшимъ сплошь и рядомъ много ниже его и по своему умственному развитію, по своимъ литературнымъ запросамъ и своему общественному и политическому кругозору.

Леонидъ Егоровичъ, несмотря на сильно бившуюся въ немъ общественную жилку, не былъ настоящимъ газетнымъ работникомъ; въ немъ отсутствовала легкость газетнаго слова, въ немъ не было эластичности газетной фразы. Къ тому же и его литературный арсеналъ былъ слишкомъ тяжеловѣсенъ и громоздокъ для газетнаго дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельства жизни слагались такъ, что именно въ газетахъ и сосредоточилась его дальнѣйшая работа. Это въ значительной мѣрѣ размѣнивало, какъ говорится, значеніе его трудовъ и ослабляло его научныя силы. Притомъ онъ не встрѣчалъ здѣсь соотвѣтствующаго ему подбора товарищей по работѣ и чувствовалъ себя какъ бы случайнымъ гостемъ на шумномъ и подчасъ легкомысленномъ журъ-фиксѣ. Правда, были моменты, когда казалось, что онъ снова занимаетъ подобающее ему мѣсто и вступаетъ на долгую совмѣстную работу въ союзѣ съ былыми единомышленниками по «Русскому Богатству» — это было, когда С. Н. Кривенкомъ былъ основанъ журналъ «Новое Слово» подъ издательствомъ О. Н. Поповой, а также, когда все тотъ же С. Кривенко совмѣстно съ К. Станюковичемъ принялъ въ свое завѣдываніе и руководство Добродѣевскій «Сынъ Отечества». Тутъ Оболенскому были отведены подходящіе отдѣлы, и онъ могъ хоть душою и мыслью отдохнуть на работѣ по своему личному выбору и бокъ о бокъ съ близкими по убѣжденіямъ лицами. Но эти моменты были краткосрочны, и не по винѣ Леонида Егоровича. Издательскіе замыслы разбивались злою волею судебъ, и изъ всѣхъ начинаній подобравшейся литературной группы не выходило ничего обстоятельнаго и существеннаго.

А старость и сопутствующія ей болѣзни надвигались. Про черный день ничего не было припасено, и философу-публицисту снова приходилось бѣгать по редакціямъ и искать хоть какой нибудь работы. Еще въ прошломъ 1905 г. его положеніе было настолько серьезно, что какъ-то при встрѣчѣ со мною Оболенскій настойчиво просилъ меня, зная мое личное знакомство съ однимъ издателемъ, вокругъ котораго создался либеральный успѣхъ дня, переговорить съ нимъ о предоставленіи ему постоянной и обезпеченной работы; иначе ему грозилъ настоящій «черный день». Мои переговоры успѣха не имѣли, но какъ разъ въ это же время ему представилась необходимая работа въ провинціи, гарантировавшая нужный кусокъ хлѣба: онъ получилъ мѣсто редактора «Приднѣпровскаго Края» въ Екатеринославѣ. Это мѣсто дало ему нужный заработокъ, но безусловно съ этимъ же мѣстомъ и въ непосредственной связи оказались и его послѣдніе дни. Изъ напечатаннаго въ текущемъ году его очерка въ «Историческомъ Вѣстникѣ»: «Что я пережилъ въ провинціи въ дни смуты», читатели помнятъ, какіе дѣйствительно нервные дни и часы пришлось испытать редактору газеты. Въ своемъ провинціальномъ редакціонномъ кабинетѣ, безъ семьи около себя, безъ близкихъ

друзей и знакомыхъ, онъ постарѣлъ на много лѣтъ и приблизился быстрымъ шагомъ къ той могилѣ, которая на-дняхъ разверзлась передъ нимъ на Волковомъ кладбищѣ... А когда миновали кровавые дни смуты, Оболенскій очутился между общественнымъ молотомъ и редакціонной наковальней. Напоръ молодыхъ и буйныхъ силъ въ газетной редакціи и со стороны требовательной улицы за стѣнами этой редакціи, во-первыхъ, личныя убѣжденія примирительнаго характера и реальная газетная полезность и необходимость—во-вторыхъ, создали бѣдному философу-редактору невыносимое положеніе. Онъ попалъ въ заколдованный кругъ противорѣчій, гдѣ нужному примиренію не было мѣста. Пришлось отступить, отказаться отъ редактированія газеты и принять заботливое предложеніе издателя перейти на роль почетнаго сотрудника, посылающаго свои литературныя работы изъ далекой столицы. Въ сентябрѣ Оболенскій былъ уже въ Петербургѣ, хотя и съ нѣкоторымъ разочарованіемъ въ душѣ отъ всего пережитаго въ послѣдній годъ, но съ новой надеждой на будущее. У него въ рукахъ было разрѣшеніе на изданіе журнала «Прогрессъ», гдѣ онъ, какъ нѣкогда въ былые годы, снова собирался выступить передъ публикою подъ знаменемъ науки и съ проповѣдью на устахъ любви, мира, добра. Журналъ долженъ былъ начать выходить, кажется, съ новаго года, но судьбѣ угодно было другое. Мечта мгновенно погасла, и вѣчная непробудная ночь затмила его очи... Оболенскаго не стало.

Приводить здѣсь полный литературно-послужной списокъ скончавшагося философа-публициста не представляется возможнымъ. Имъ было написано на своемъ относительно недолгомъ вѣку очень много. Не считая газетныхъ работъ, большая часть его статей помѣщались, кромѣ собственныхъ изданій, на страницахъ «Новаго Слова», «Русской Мысли» и др.; «Историческій Вѣстникъ» помѣстилъ его любопытныя автобіографическія воспоминанія, послѣдняя часть которыхъ увидѣла свѣтъ, когда автора уже не было въ живыхъ. Трудно было бы сдѣлать сводъ и всему философско-соціальному міровоззрѣнію Леонида Егоровича—для этого въ моемъ распоряженіи не имѣется достаточнаго мѣста, но дабы восполнить хоть нѣкоторый въ этомъ отношеніи пробѣлъ, приведу лишь формулировку его философскаго символа вѣры, какъ его излагаетъ нашъ историкъ русской философіи, Я. Н. Колубовскій, въ своемъ переводѣ книги Ибервега-Гейнце [1]). Оболенскій,—говоритъ г. Колубовскій,—«находится подъ рѣшительнымъ вліяніемъ англійской философіи. Это вліяніе замѣтно даже тамъ, гдѣ Оболенскому приходится не соглашаться съ ея выводами. Оболенскаго особенно

---

[1]) Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Изд. 1890 г., гдѣ имѣется и самостоятельная глава, написанная переводчикомъ—«Философія у русскихъ».

занимаютъ вопросы этики. Она воздвигается на психологической основѣ. Первичныя чувствованія боли путемъ сознательнаго и безсознательнаго опыта осложняются и даютъ позднѣйшія чувствованія. Въ боли, какъ состояніи непріятномъ, мы уже имѣемъ волю. Желанія относятся къ группѣ волевыхъ чувствованій. Они являются основой опытной нравственности. Кромѣ того, есть еще альтруистическая мораль, вытекающая изъ первичнаго свойства органической матеріи—получать при одинаковыхъ условіяхъ однородныя субъективныя состоянія. Это раздѣленіе чувствованій кладется и въ основу ученія о прогрессѣ. На чувствованіяхъ, происшедшихъ путемъ эволюціи, строятся объективныя условія блага, а первичный альтруизмъ создаетъ чисто субъективныя условія блага. При субъективыхъ условіяхъ стимулъ—непосредственная жалость къ другому, вложенная въ органическое вещество и растущая съ ростомъ сознанія о субъективномъ сходствѣ съ другими. Внѣопытный альтруизмъ подчиняетъ себѣ опытную мораль. Онъ одинъ только и можетъ быть критеріемъ поведенія.

«Первичный альтруизмъ—то единое, что ведетъ постоянную борьбу съ призраками индивидуальности, это сущность, единая у всѣхъ, но сущность не въ матафизическомъ смыслѣ, а только ея проявленіе для насъ въ нашемъ состояніи индивидуализаціи. Всѣ чувствованія имѣютъ генетическимъ центромъ *я*, только симпатія—голосъ того общаго и единаго, которое временно приняло оболочку индивидуальности. Значитъ, эту любовь и жалость мы можемъ считать закономъ, неоспоримымъ требованіемъ и свойствомъ міровой сущности, ноумена, Бога. Въ субъективныхъ явленіяхъ мы имѣемъ свойство сущности, непосредственно являющейся намъ, въ объективномъ—только символизацію той же невѣдомой сущности. Философія должна давать намъ цѣльное представленіе о мірѣ, или должна охватывать и область чувствъ, и сущность міра, должна быть панфилософіей, если хочетъ служить жизни. Матеріализмъ и позитивизмъ не удовлетворяютъ этому требованію. Они не могутъ непосредственно служить жизни, ибо даютъ одинъ элементъ міра, его скелетъ вмѣсто цѣлаго.

«Человѣкъ можетъ порождать въ себѣ хотѣнія и желанія, которыхъ нѣтъ, но которыя путемъ знанія онъ считаетъ нужными и полезными. Воля безъ мотивовъ не только не свободна, а просто ничто, или не воля, а судорога спинного мозга. Сознательная воля всегда мотивирована, и чѣмъ выше и разумнѣе мотивы, тѣмъ они свободнѣе, т.-е. независимѣе отъ всего, кромѣ чистыхъ требованій разума и первичнаго альтруизма».

Въ качествѣ переводчика и редактора переводовъ ученыхъ трудовъ Оболенскій познакомилъ русскихъ читателей съ такими выдающимися иностранными авторами, каковы—Фулье, Сёлли, Кирхманъ, Маудсли, Тардъ, Гефдингъ и др.

Отзывчивый въ своихъ статьяхъ на волновавшіе общество вопросы, Оболенскій активно и горячо откликался и на всѣ начинанія общественнаго характера, имѣвшія мѣсто въ спеціально писательской средѣ. Такъ, онъ принималъ ближайшее участіе въ извѣстныхъ «Литературныхъ обѣдахъ» семидесятыхъ годовъ, въ Пушкинскомъ кружкѣ, гдѣ одно время былъ товарищемъ предсѣдателя; самымъ живымъ образомъ содѣйствовалъ основанію «Союза писателей» (этотъ «Союзъ» именно Леониду Егоровичу обязанъ своимъ возникновеніемъ, о чемъ разскажу въ другой какой нибудь разъ), былъ дѣятельнымъ членомъ кассы взаимопомощи писателямъ, гдѣ его неизмѣнно выбирали членомъ почти всѣхъ комиссій до послѣдняго времени, членомъ правленія и предсѣдателемъ общихъ собраній. Писатели цѣнили въ немъ его нервную отзывчивость, охотно прощали ему порою его неровность въ отношеніяхъ, зная, что источникомъ ихъ является его болѣзненная порывистость и экзальтированность, и, приступая къ какому нибудь начинанію, всегда спѣшили привлечь сюда философа-собрата по перу. Жизнь его такимъ образомъ протекла въ самой тѣсной связи съ физическимъ и духовнымъ міромъ русской журналистики, которой онъ до гробовой доски оставался преданнымъ, выдающимся и полезнымъ представителемъ. Мгновенная смерть застигла его за письменнымъ столомъ съ неуспѣвшимъ обсохнуть перомъ. Начатая журнальная фраза оказалась недописанною; литературная мысль оборвалась, а съ нею оборвалась и жизнь...

Б. Г.

ПО ТУ СТОРОНУ ПРУССКОЙ ГРАНИЦЫ.

(Изъ историко-археологическихъ экскурсій).

I.

Въ какомъ отношеніи важно знакомство съ пограничными мѣстностями Восточной Пруссіи?—Кольно.—Винцента.—Примѣръ родной переписки по инстанціямъ.—Нѣмецкая таможня.—Въ корчмѣ на прусской границѣ.—Ежево-Іоганнисбургъ. Его внѣшность.—Александръ Благословенный въ Іоганнисбургѣ въ 1813 г. Встрѣча его.—Домъ, въ которомъ жилъ Александръ. Память о немъ.—На вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда. Русская пѣсня. Нечаянная встрѣча.

ВОСТОЧНАЯ Пруссія, особенно та часть ея, которая примыкаетъ къ нашей государственной границѣ, населенная нашими, съ теченіемъ вѣковъ, онѣмеченными единоплеменниками, должна бы, кажется, интересовать насъ. На дѣлѣ этого не видно. Недаромъ говорятъ, что мы лѣнивы и нелюбопытны. Попробуйте спросить любого соотечественника изъ тѣхъ, что рыскаютъ безъ всякой цѣли «по заграницамъ», бывалъ ли онъ въ Кёнигсбергѣ. Онъ вытаращитъ на васъ глаза и озадачитъ вопросомъ:

— А развѣ стоитъ? Да, скажите, пожалуйста, гдѣ этотъ самый Кёнигсбергъ находится? Большой это городъ?

Въ литературѣ, а также и въ періодической печати свѣдѣнія о Восточной Пруссіи и рѣдки и скудны до чрезвычайности. Даже ни въ одной изъ нашихъ большихъ и «распространенныхъ» газетъ

никогда не встрѣтите корреспонденціи изъ старой прусской столицы. А вѣдь Кенигсбергъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Германіи и, казалось бы, долженъ интересовать россійскихъ коммерсантовъ... Что же, послѣ того, говорить о другихъ мѣстностяхъ Восточной Пруссіи, хотя среди нихъ встрѣчаются такія, которыя должны быть дороги по своимъ воспоминаніямъ для славянина вообще и для своего сосѣда—русскаго—въ частности. Старый польскій Ольштынекъ, перекрещенный нѣмцами въ «Алленштейнъ», помнитъ Коперника, который здѣсь имѣлъ свою астрономическую обсерваторію. Въ разстояніи 40 километровъ отъ Алленштейна, на поляхъ между Гогенштейномъ и Гильгенбургомъ 15 іюля 1410 г. Владиславъ Ягелло сломилъ могущество Тевтонскихъ рыцарей, хотя мой профессоръ исторіи, покойный Мих. Ос. Кояловичъ, старался

Іоганнисбургъ. Часть рынка и домъ (направо), въ которомъ жилъ императоръ Александръ I въ 1813 г.

увѣрить, будто рыцарей побили не поляки, а смоленскія дружины въ компаніи съ татарами... Подъ Прейсишъ-Эйлау 7—8 февраля (н. с.) 1807 г. произошла жестокая битва между Наполеономъ I и русскими и пруссаками, подъ начальствомъ Бенигсена и Лестока. У Фридланда 14 іюня (н. с.) того же года разбитъ на голову Наполеономъ генералъ Бенигсенъ, уже величавшій себя побѣдителемъ непобѣдимаго (le vainqueur de l'invincible). Въ Іоганнисбургѣ (Янсборгъ) останавливался Александръ Благословенный, и до сихъ поръ показываютъ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Въ Тильзитѣ состоялось 25 іюня (н. с.) 1807 г. свиданіе Александра съ Наполеономъ, и былъ подписанъ 7 іюля (н. ст.) того же года памятный миръ между воюющими сторонами. Наконецъ, въ трехугольникѣ, бразуемомъ желѣзнодорожною линіею Алленштейнъ—Корпенъ—Лыкъ (Элкъ), проживаютъ потомки русскихъ старовѣровъ, поки-

нувшихъ родину при Николаѣ I, вслѣдствіе преслѣдованій правительства. Они населяютъ нѣсколько деревень и, утрачивая постепенно родной языкъ, сохранили вѣру и свои обычаи [1].

Много путей ведутъ въ Восточную Пруссію изъ предѣловъ Русскаго государства. Для меня наиболѣе удобнымъ представлялся путь чрезъ Винцентскую таможню. Таможня эта находится въ деревнѣ Винцентѣ Ломжинской губерніи, въ 6-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Кольна. Оставивъ за собою Кольно, захудалый городишко, разбросанный среди торфяныхъ болотъ, съ постройками, скорѣе напоминающими глухую деревню, нежели уѣздный городъ, я со своими спутниками по очень, впрочемъ, хорошему шоссе чрезъ полчаса былъ уже на границѣ. Паспортныя формальности для выѣзжающихъ, какъ извѣстно, даже и у насъ несложны. Заняли онѣ всего нѣсколько минутъ. Мы быстро покатили къ рогаткѣ. Послѣдняя отстоитъ отъ таможеннаго дома въ разстояніи четверти версты, передъ въѣздомъ на мостикъ чрезъ рѣчку Винценту, составляющую государственную границу между россійскими и германскими владѣніями.

Одна половина мостика принадлежитъ Россіи, а другая — Германіи. Соотвѣтственно этому обѣ половины выкрашены въ свои «казенные» цвѣта. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мостикъ этотъ былъ предметомъ дипломатической переписки между обѣими великими державами. Онъ—деревянный и отъ времени до времени требуетъ, разумѣется, починки. Случилось, что деревянная настилка обветшала. Нѣмцы на своей половинѣ скоро ее поправили. У насъ же, какъ водится, пошла переписка по инстанціямъ. Настилка все болѣе и болѣе разрушалась. Не вытерпѣли наши добрые сосѣди—снова написали, куда слѣдуетъ. Переписка снова пошла по инстанціямъ... Тогда уже нѣмцы не выдержали—починили на свои средства, а своему сосѣду, погрязшему въ «перепискѣ», препроводили счетъ. Передъ самымъ мостомъ — цѣпь. Стоящій налѣво у полосатой будки какой-то таможенный инвалидъ опустилъ цѣпь, и наша коляска съ грохотомъ въѣхала на мостъ. Еще нѣсколько секундъ, и мы вдыхаемъ зарубежный воздухъ. Коляска катится по превосходному шосее. Съ лѣвой стороны начинается чудесный лѣсъ. Направо—нѣмецкій пограничный столбъ съ чернымъ одноглавымъ орломъ. Вдали лугъ, а за нимъ тоже лѣсъ. Шоссе закругляется вправо. Отъѣхали немногимъ болѣе версты. Показалась первая нѣмецкая деревня Длутово (Dlottowen).

---

[1] Объ этихъ русскихъ, именуемыхъ филиппонами, упоминалъ я мимоходомъ въ описаніи своихъ археологическихъ экскурсій по Ломжинской губерніи («Истор. Вѣстн.», 1904 г., кн. VI); г. І. Кучинскій посвятилъ имъ замѣтку въ «Нов. Вр.», года два тому назадъ, подъ заглавіемъ: «Филипповцы въ Пруссіи». Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія находимъ въ рядѣ статей «Na pograniczu prusskiem» въ «Kraj»'ѣ за 1900 г.

Налѣво - небольшой двухъэтажный кирпичный, неоштукатуренный, домъ. Это—таможня. Останавливаемся.

На крыльцѣ появляется толстый таможенный чиновникъ въ зеленомъ сюртукѣ съ золотыми пуговицами, въ фуражкѣ, обшитой по околышу позументомъ. Приподнимаетъ фуражку. Подходитъ къ экипажу и, задавъ нѣсколько вопросовъ, отходитъ, снова приподнявъ фуражку. Онъ уже спокоенъ за безопасность своей родины въ таможенномъ отношеніи...

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ таможни, на противоположной сторонѣ, корчма—деревенскій заѣзжій домъ. Постройка каменная изъ неоштукатуреннаго кирпича. Внутри чисто. Для привилегированныхъ посѣтителей, преимущественно, конечно, пріѣзжихъ, от-

Древній соборъ въ Алленштейнѣ.

дѣльная комната, составляющая часть хозяйской квартиры. При домѣ—садикъ, заставленный столиками. Въ корчмѣ можно достать пиво, вино, даже недорогой сортъ шампанскаго, кофе, сигары, очень хорошій шоколадъ. Желающій можетъ и закусить. Большинство посѣтителей пьютъ пиво. Русскіе, вырвавшись за границу, прежде всего долгомъ считаютъ попробовать нѣмецкаго національнаго напитка, по правдѣ сказать, неизмѣримо лучше отечественной контрафакціи, не многимъ дороже и не дурманитъ головы. Отвѣдали и мы нѣмецкаго пива и двинулись дальше по направленію къ Іоганнисбургу, ближайшей желѣзнодорожной станціи, до которой отъ нашей границы считаютъ 18 километровъ. Шоссе содержится въ большомъ порядкѣ. Слѣдующая деревня на пути—Ежево. Не доѣзжая

ея, въ ½ вер. отъ Длутова, направо, на горѣ, поросшей лѣсомъ, Diebitsch-Platz — временная могила гр. Дибича-Забалканскаго, описанная мною въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ статьѣ «Мѣста первоначальнаго погребенія фельдмаршала, гр. И. И. Дибича-Забалканскаго» [1]). Миновали новую каменную неоштукатуренную кирку. Рядомъ съ нею—небольшой, чистенькій, утопающій въ земли распустившихся деревьевъ, домикъ пастора. Напротивъ него—почтовое отдѣленіе. Снова по обѣ стороны шоссе—поля. На горизонтѣ показался Іоганнисбургъ, городокъ съ населеніемъ, не превышающимъ пяти тысячъ душъ. Іоганнисбургъ по обыкновенію всѣхъ нѣмецкихъ городовъ—чистенькій, благоустроенный. Центръ его составляетъ обширная, въ формѣ продолговатаго четыреугольника, базарная площадь—Markt. На ней—отличное, въ готическомъ стилѣ, новое зданіе ратуши, по сторонамъ—рядъ каменныхъ домовъ, нижніе этажи которыхъ заняты разными магазинами, лавками, ресторанами. Есть въ городѣ каменная не особенно старая кирка, съ неизбѣжнымъ въ прусскихъ городахъ памятникомъ передъ нею мѣстнымъ уроженцамъ-солдатамъ, павшимъ въ кампаніяхъ 1866, 1870—1871 г.г., щегольской почтамтъ, нѣсколько фабрикъ. Въ городѣ живетъ ландратъ и имѣетъ свое мѣстопребываніе судъ. Достопримѣчательностей въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли ихъ понимать, нѣтъ никакихъ.

Тѣмъ не менѣе для насъ, русскихъ, Іоганнисбургъ долженъ быть памятенъ пребываніемъ въ немъ императора Александра Павловича.

1 (13) января 1813 г. императоръ Александръ съ Кутузовымъ перешли съ войсками Нѣманъ у Мереча и вступили въ Варшавское княжество. Они двинулись на Лыкъ. 11 (23) русскіе заняли Іоганнисбургъ. Туда же слѣдомъ за ними прибылъ и Александръ. Участникъ этой кампаніи, С. Б. Хомутовъ, пишетъ въ своемъ Дневникѣ подъ 11 января 1813 г.: «Рано прибыли въ Іоганнисбургъ и пошли смотрѣть, какъ пруссаки встрѣчали нашего императора. Инвалиды выстроились въ двухъ линіяхъ отъ заставы до квартиры его величества, дѣлали различные маневры и кричали виватъ. Когда государь сошелъ съ лошади, къ нему подошли двѣ молодыя дѣвицы и надѣли на него вѣнки изъ цвѣтовъ. Народъ окружилъ его квартиру съ восторженными криками, которые раздавались по всему городу. Вечеромъ передъ домомъ императора поставленъ былъ транспарантъ, на которомъ было написано: «Александру Великому, избавителю Европы». Когда государь подошелъ къ окну, громкій крикъ и радостный виватъ оглушили насъ. Императоръ принужденъ былъ послать князя Волконскаго благодарить народъ и просить, чтобы разошлись. Въ Іоганнисбургѣ,—

---

[1]) «Ист. Вѣстн.», 1901 г., кн. IV.

продолжаетъ авторъ,—мы простояли два дня, и народъ все время окружалъ квартиру императора и кричалъ виватъ, какъ только онъ подходилъ къ окошку» [1]).

На рыночной площади до сихъ сохранился домикъ, въ которомъ останавливался императоръ Александръ Павловичъ. Принадлежалъ онъ въ то время кондитеру Фюму (Füm). До 1901 г. его не трогали, и онъ оставался въ первоначальномъ видѣ—каменный, одноэтажный, съ мезониномъ, въ три окна по фасаду. Въ послѣднее время домикъ принадлежалъ купцу Риммеку. Въ 1901 г. его перестроили, продолживъ мезонинъ въ правую сторону, и такимъ образомъ получился второй этажъ. Тѣмъ не менѣе, по серединѣ фасада, подъ

Замокъ съ башнею Коперника въ Алленштейнѣ.

вывѣскою какого-то моднаго магазина, надъ дверями послѣдняго, осталась на стѣнѣ мраморная доска, съ надписью слѣдующаго содержанія:

Hier weilte
von 23 bis 26 Januar 1813
Zar Alexander I,
der Befreier Europas,—

т.-е. здѣсь имѣлъ пребываніе съ 23 по 26 января [2]) 1813 г. царь Александръ I, освободитель Европы.

Когда и кѣмъ поставлена эта доска, неизвѣстно. Но какъ пріятно русскому сердцу видѣть за границею вниманіе къ славнымъ соотечественникамъ!..

---

[1]) «Дневн. свитскаго офицера 1813 г.». («Русск. Арх.», 1869 г., 222—223).
[2]) Числа мѣсяца по нов. стилю.

Іоганнисбургъ стоитъ на желѣзнодорожной линіи Лыкъ—Алленштейнъ. Вокзалъ желѣзной дороги отъ города отстоитъ на порядочномъ разстояніи. До отхода поѣзда на Алленштейнъ оставалось около пятнадцати минутъ. Поѣзда еще не было, его ждали изъ Лыка. Публики немного. Она сидитъ частію на скамейкахъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ вокзала, на площади, частью—въ пассажирской комнатѣ. Началъ накрапывать дождикъ. Мы ушли въ вокзалъ и отъ нечего дѣлать стали разсматривать автоматическую витрину, выбрасывающую за 10 пфенниговъ разные «сюрпризы». Вдругъ до нашего слуха долетѣли слова пѣсни. Начали прислушиваться. Кто-то вполголоса пѣлъ:

> Разлука, ты, разлука—
> Чужая сторона!
> Никто насъ не разлучитъ—
> Ни солнце, ни луна,
> А только насъ разлучитъ
> Сырая мать-земля.

Что такое? Русская пѣсня здѣсь, за границею, въ Пруссіи! Спѣшимъ выглянуть на платформу.

А голосъ, между тѣмъ, продолжаетъ уже громче:

> На што жъ намъ разлучаться,
> Не лучше ль вмѣстѣ жить?
> Не лучше ль намъ свѣнчаться,
> Въ разлукѣ не тужить?

Пѣли молодыя дѣвушки въ платьяхъ русскаго покроя и въ платочкахъ, подвязанныхъ подъ подбородкомъ.

Изъ разспросовъ мы узнали, что онѣ—русскаго происхожденія, родились и проживаютъ неподалёку отъ Іоганнисбурга, въ деревнѣ. Не подлежало сомнѣнію, что дѣвушки были такъ называемыя филиппонки. Разспросамъ нашимъ о ихъ житьѣ-бытьѣ, къ сожалѣнію, помѣшалъ приходъ поѣзда. Простившись съ дѣвушками (онѣ ожидали поѣзда съ противоположной стороны—изъ Алленштейна) и пообѣщавъ побывать въ ихней сторонѣ, мы поспѣшили въ вагонъ.

Чрезъ двѣ-три минуты, безо всякихъ предупредительныхъ звонковъ, поѣздъ тронулся въ путь. Въ открытое окно вагона неслось:

> А пташки-канарейки
> Такъ жалобно поютъ!
> Разлуку намъ, разлуку,
> Разлуку намъ несутъ...

Гавань Кёнигсберга.

II.

Окрестности Іоганнисбурга.—Нѣсколько словъ о нѣмецкихъ желѣзнодорожныхъ порядкахъ въ сравненіи съ нашими. — Пріѣздъ въ Алленштейнъ. — Изъ его исторіи.—Прогулка по городу.—Башня Коперника.—Городской соборъ. Его архитектурныя особенности.—Hohes Thor.—Krieger-Denkmal.—Военно-воспитательное значеніе подобныхъ памятниковъ.—«Gazeta Olsztyńska».—Ея издатель-редакторъ, г. Пенёнжный.—Ея враги.—Ея политическая миссія.—Плоды послѣдней.

Мѣстность, которую мы проѣзжаемъ, очень красива. Окрестности Іоганнисбурга поэтичны. Полотно желѣзной дороги то прорѣзываетъ превосходные лѣса, то бѣжитъ по высокой насыпи, настолько высокой, что вершины деревьевъ едва достигаютъ ея, то круто спускается внизъ, и передъ глазами путешественниковъ неожиданно разстилается направо и налѣво зеркальная гладь озеръ. Всю дорогу раздается гудѣнье колокола, подвѣшеннаго, по здѣшнему обычаю, къ локомотиву, что̀ замѣняетъ предохранительные свистки машиниста. Здѣсь все упрощено до чрезвычайности. Нѣтъ, напримѣръ, многочисленныхъ домиковъ дорожныхъ сторожей, нѣтъ такихъ, какъ у насъ, шлагбаумовъ на переѣздахъ черезъ полотно желѣзной дороги. Наши ручные шлагбаумы въ Пруссіи давно уже замѣнены автоматическими. Установленный на переѣздѣ аппаратъ передъ проходомъ поѣзда начинаетъ давать звонки, и шлагбаумъ самъ опускается, а послѣ прохода поѣзда самъ же снова поднимается. Поэтому здѣсь невозможны «печальныя случайности» по-

пасть подъ поѣздъ,—явленія, къ прискорбію, обычныя на нашей родинѣ, гдѣ желѣзнодорожные сторожа столь скудно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, что и требовать отъ нихъ добросовѣстной службы было бы... жестоко...

Былъ уже седьмой часъ вечера, когда нашъ поѣздъ подошелъ къ Алленштейну. Здѣсь—бойкая перекрестная станція. Поэтому и вокзалъ большой. Удобный экипажъ доставляетъ насъ въ «Hotel Kronprinz». Отъ вокзала въ направленіи къ городу идетъ длинная и широкая улица, обсаженная по сторонамъ деревьями. Постройки не выдаются крупными размѣрами, но отличаются вкусомъ. Это—не тѣ дома, которые у насъ мозолятъ глаза на каждомъ шагу. Не думайте, что это—дома-особняки. О, нѣтъ, каждый такой домъ раздѣленъ на 3—4 квартиры. Здѣсь человѣкъ и съ ограниченнымъ достаткомъ умѣетъ жить съ извѣстнымъ комфортомъ.

Отдохнувъ немного, мы вышли на улицу. Уже смерклось. Зажигали фонари. Въ ярко освѣщенныхъ магазинахъ шла бойко торговля. Была суббота. Завтра, по случаю воскреснаго дня, лавки будутъ открыты не надолго, да и то съ перерывами. Каждый спѣшилъ запастись всѣмъ необходимымъ. Направились въ центръ города, на рынокъ. Это—большая квадратная площадь. Середину ея занимаетъ городская ратуша съ башнею и часами. Площадь обстроена старыми каменными двухъ и трехъэтажными домами на аркадахъ, подъ которыми производится торгъ. Алленштейнъ имѣетъ видъ совершенно нѣмецкаго города. Всюду чисто. Правительственныя и общественныя учрежденія (Kreishaus, Amts— u. Landgericht, Eisenbahn-Betriebsamt, почта, гимназія, госпиталь) помѣщаются въ прекрасныхъ зданіяхъ. О польскомъ происхожденіи городка напоминаютъ туристу развѣ нѣсколько польскихъ фамилій на вывѣскахъ да два-три памятника старины. Читаете: «Rutkowski», «Chrżanowski», «Gerlicki» и тутъ же рядомъ—уже онѣмеченныя: «Schanawski», «Schumlanski». Осмотръ памятниковъ старины отложили на другой день.

Алленштейнъ-Olsztynek былъ городомъ еще во второй половинѣ XIV вѣка и вмѣстѣ съ 70-ю окрестными деревнями составлялъ собственность каѳедральныхъ канониковъ въ Фрауенбургѣ. Въ 1414 г. король Владиславъ Ягелло отнялъ его, въ числѣ еще нѣсколькихъ городовъ Warміи, у крестоносныхъ рыцарей. Въ 1657 г. сильный пожаръ опустошилъ городъ. Съ XVIII ст. началось возрожденіе Ольштынка.

Старѣйшій историческій памятникъ—зáмокъ. Онъ расположенъ на краю города, надъ рѣкою. Хорошо сохранились часть стѣны со стороны рѣки, два боковыя крыла зданія, съ готическими щитовыми стѣнами и съ круглою башнею, примыкающею къ одному изъ крыльевъ. Башня носитъ имя «башни Коперника». Великій астрономъ, въ санѣ каноника вармійскаго капитула, часто бывалъ

въ Ольштынкѣ и съ этой башни дѣлалъ свои астрономическія наблюденія. Въ восточномъ крылѣ замка было каплица, обращенная теперь въ военный магазинъ. Пространство между обоими крылами со стороны города занимаетъ постройка позднѣйшаго происхожденія, здѣсь помѣщаются разные полковые склады.

Другимъ памятникомъ древности и вмѣстѣ съ тѣмъ былого могущества вармійскихъ епископовъ остался величественный ка-

Памятникъ Канту въ Кёнигсбергѣ.

менный костёлъ въ готическомъ стилѣ. Оригинальна его четыреугольная башня-звонница, возвышающаяся надъ входомъ и замѣняющая фронтонъ зданія. Ее покрываетъ невысокая пирамидальная крыша, увѣнчанная готическою главою. Костёлъ—продолговатый. Освѣщенъ высокими, украшенными витражами, окнами. Алтарная его часть завершается готическою стѣною съ зубцами. Внутри дѣлится въ длину на три части. Такое дѣленіе образуютъ

огромныя колонны, или столбы, на которыхъ покоятся своды. Средняя часть шире двухъ боковыхъ. Готическіе своды ея великолѣпны: они выпуклы и поражаютъ зрителя обиліемъ пересѣкающихъ другъ друга линій, такъ что снизу производятъ впечатлѣніе замысловато сотканной паутины. Прекрасный готическій рѣзной алтарь и такой же амвонъ (проповѣдническая каѳедра) вполнѣ гармонируютъ съ величественною внутренностію бывшаго соборнаго храма вармійскихъ епископовъ.

Третій остатокъ старины мы нашли въ концѣ Oberstrasse. Это—остатокъ старыхъ укрѣпленій: высокая готическая башня съ воротами (Hohes Thor). Башня приведена въ первоначальный свой видъ и содержится, къ чести нѣмцевъ, въ превосходномъ порядкѣ. Это—не то, что у насъ, когда просвѣщенные администраторы безнаказанно разрушаютъ остатки даже своей старины.

По дорогѣ встрѣтили, въ одномъ изъ скверовъ, неизбѣжный Krieger-Denkmal, представляющій на этотъ разъ на высокомъ пьедесталѣ статую пѣхотинца, бросающагося впередъ, съ развернутымъ знаменемъ въ лѣвой рукѣ и обнаженнымъ палашомъ въ правой. Какъ я уже, когда-то писалъ, такіе памятники послѣ побѣдоносной кампаніи 1870 г. Германія разставила чуть ли не во всѣхъ своихъ городахъ. Значеніе подобныхъ монументовъ въ военно-воспитательномъ отношеніи несомнѣнно. Они возбуждаютъ соревнованіе въ новыхъ поколѣніяхъ, смѣняющихъ старыя, поддерживаютъ воинственный духъ. Вотъ почему въ германской арміи немыслимы генералы, сдающіе врагу крѣпости «изъ чувства человѣколюбія», а въ германскомъ флотѣ невозможны «подвиги», которыми прославилъ себя черноморскаго флота броненосецъ «Князь Потемкинъ».

Самосознаніе польской народности въ Алленштейнѣ и въ цѣлой Вармія поддерживаетъ, насколько возможно, мѣстный печатный польскій органъ—«Gazeta Olsztyńska». Онъ старается въ этомъ отношеніи изо всѣхъ своихъ силъ. Отъ лицъ, хорошо ознакомленныхъ съ дѣлами «Gazet'»ы, я узналъ, что дѣла эти далеко не блестящія. Весь годовой доходъ изданія не превышаетъ 4.500 марокъ. На эти деньги надо содержать типографію, покупать бумагу, жить съ семьею, оплачивать довольно нерѣдкіе «политическіе процессы», изъ которыхъ каждый обходится не въ одну сотню марокъ... Сюда слѣдуетъ прибавить ту ненависть, съ которою приходится бороться редактору-издателю... О нѣмцахъ уже нечего говорить: они давно точатъ зубы противъ польской газетки, а вотъ кто удивляетъ — это «свои», собратья. Мѣстное католическое духовенство, проникнутое германизаторскимъ духомъ, выставило противъ «Gazet'ы Olsztyńsk'ой» періодическое изданіе на польскомъ языкѣ «Warmjak». Издаваемый въ духѣ германизаторскихъ стремленій, «Вармякъ» усердно рекламируется

ксендзами, даже съ церковной каѳедры навязывается сельскому люду и въ матеріальномъ отношеніи причиняетъ немалый ущербъ г. Пенёнжному. Вотъ ужъ подлинно надо обладать большимъ запасомъ энергіи, чтобы работать при подобныхъ условіяхъ! А, между тѣмъ, скромная польская газетка все-таки дѣлаетъ свое

Соборная церковь въ Кёнигсбергѣ.

дѣло. И результаты очевидны. За пятнадцать лѣтъ существованія «Gazet'ы Olsztyńsk'oй» въ Варміи возникли польскія общества (towarzystwa), чаще, чѣмъ прежде, даются польскія представленія, людъ, находя поддержку въ газетѣ, защищаетъ свой родной языкъ и свои отличительныя народныя черты.

III.

Отъ Алленштейна до Кёнигсберга.—Дорогою до Коршена.—Почему наши города не похожи на европейскіе?—Коршенъ.—Прейсишъ-Эйлау.—Подъ Кёнигсбергомъ.—Прибытіе въ Кёнигсбергъ.—На вокзалѣ.—Какъ ѣздятъ нѣмцы.—Первоначальное впечатлѣніе.—Улицы.—Прегель.—Биржа.—Наша квартира.—Gezekus-Platz.—Возникновеніе и ростъ города.—Карамзинъ о Кёнигсбергѣ.—Кёнигсбергъ въ настоящее время.—Обиліе военныхъ.—Причины этого.

На третій день нашего пребыванія въ старомъ Ольштынкѣ, въ три часа пополудни, мы сидѣли снова въ вагонѣ.

Снова поля и лѣса. Лѣсовъ здѣсь меньше. Станціи чаще. До Коршена ихъ пять. Разстояніе между ними маленькое. Только двѣ послѣднія станціи отстоятъ другъ отъ друга въ 14—15 километрахъ. Въ Коршенѣ—пересадка. Отсюда до Кёнигсберга восемьдесятъ километровъ. Въ пять часовъ съ минутами поѣздъ тронулся. Открытая мѣстность. Станціи мелькаютъ одна за другою. Въ числѣ ихъ, на полпути, Прейсишъ-Эйлау, въ окрестностяхъ котораго произошло въ 1807 г. памятное сраженіе между французами, русскими и нѣмцами. Послѣдняя станція передъ Кёнигсбергомъ—Викбольдъ, въ 11 километрахъ отъ него.

Скоро показались постройки новыхъ предмѣстій старой прусской столицы: фабрики, заводы, пакгаузы. Рельсовый путь расширился въ нѣсколько десятковъ паръ рельсовъ. Безпрестанные свистки локомотивовъ, гудѣнье фабрикъ. Массы вагоновъ на запасныхъ путяхъ. Вдали, сквозь пыль, въ лучахъ заходящаго солнца рисуются силуэты башенъ и готическихъ храмовъ древняго Крулевца, передѣланнаго нѣмцами въ Кёнигсбергъ. Поѣздъ грузно громыхаетъ на стыкахъ, переходя съ одного пути на другой. Въ вагонѣ—необыкновенное оживленіе. Пассажиры собираютъ свои пожитки. Здѣсь, когда поѣздъ остановится, его не осадитъ ватага носильщиковъ. Къ услугамъ послѣднихъ здѣсь прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно пассажиры обходятся безъ нихъ. Каждый нѣмецъ везетъ съ собою только самое необходимое, не дѣлая такимъ образомъ затрудненій себѣ и не стѣсняя въ пути своихъ сосѣдей по вагону.

Поѣздъ остановился передъ Ost-Bahnhof'омъ. На площади вокзала—извозчики точь въ точь, какъ въ Берлинѣ: ландо, парою, съ таксометромъ, возницы въ цилиндрахъ. Намъ рекомендовали chambres-garnies de m-me Marquardt на Gezekus-Platz, 7, какъ вполнѣ удобное и недорогое помѣщеніе. Туда мы и велѣли себя везти. Улицы довольно оживлены, особенно Kant-Strasse, на которой сосредоточено много большихъ магазиновъ. На пути, въ двухъ мѣстахъ, переѣхали по подъемнымъ мостамъ, Прегель—Alt-Pregel и

Neue-Pregel,—запруженный пароходами-буксирами и грузовыми судами разныхъ типовъ. Видѣли великолѣпное зданіе биржи, построенное между 1870—1875 г.г. архитекторомъ Миллеромъ. Зданіе выходитъ тремя сторонами на улицы, а четвертою на набережную Прегеля.

Наша временная квартира оказалась подлѣ самаго за́мка. За 4 марки 50 пфенниговъ въ сутки мы располагали большою, съ

Королевскій замокъ въ Кёнигсбергѣ.

комфортомъ обставленною, комнатою во второмъ этажѣ, съ обходительною и усердною прислугою и завтракомъ, состоявшимъ изъ кофе съ хлѣбомъ и масломъ. Изъ оконъ видна площадь. Тамъ съ ранняго утра до 10 часовъ торгъ со столиковъ. Послѣ 10 часовъ утра не найдете даже слѣдовъ торга, все прибрано, выметено. Нарядная толпа снуетъ на тротуарахъ. Среди домовъ новой архитектуры рѣзко выдается круглая, почернѣвшая башня, остатокъ древнихъ городскихъ укрѣпленій, да направо—твердыня за́мка.

Современный Кёнигсбергъ (Königsberg)—старый польскій Królewiec, въ актахъ: Królowgród, Regiomons—составленъ изъ трехъ городовъ: Стараго города (Altstadt), Лебенихта и Кнейпгофа (Knipawa) [1]).

Старый городъ основанъ въ 1255 или 1256 г. крестоносцами, которые въ честь чешскаго короля Пржемыслава III (Оттокара), прибывшаго къ нимъ на помощь противъ самбитовъ (пруссовъ-язычниковъ), назвали его Крулевцемъ—королевскимъ городомъ. Въ XIV ст. возникли Новый городъ, названный позднѣе Лебенихтомъ, и Книпава, или Кнейпгофъ, получившій свое наименованіе, какъ думаютъ, отъ своего строителя, великаго магистра Винрика фонъ-Книпроде (1351—1382). Въ 1701 г. здѣсь короновался Фридерикъ I прусскою короною. Съ тѣхъ поръ прусскіе короли слѣдуютъ его примѣру. Съ того временя Кёнигсбергъ началъ быстро развиваться. Н. М. Карамзинъ видѣлъ Кёнигсбергъ въ 1789 г. и далъ о немъ такой отзывъ: «Кёнигсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати верстъ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ ганзейскихъ городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель, на которой онъ лежитъ, хотя не шире 150 или 160 футовъ, однакожъ такъ глубока, что большія купеческія суда могутъ ходить по ней. Домовъ считается около 4.000, а жителей 40.000—какъ мало по величинѣ города! Я видѣлъ довольно хорошихъ домовъ, но не видалъ такихъ огромныхъ, какъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, хотя вообще Кёнигсбергъ выстроенъ едва ли не лучше Москвы» [2]). Такъ писалъ нашъ знаменитый путешественникъ. За сто слишкомъ лѣтъ многое перемѣнилось. И Кёнигсбергъ красотою своихъ «домовъ» и благоустройствомъ перещеголялъ обѣ наши столицы. Вы видите теперь линіи великолѣпныхъ новыхъ домовъ, особенно на Mitteltragheim'ѣ, Am-Schoss'ѣ, Klapperwiese, отличное освѣщеніе, гладкія мостовыя, чистоту и порядокъ на улицахъ, водопроводъ, электрическіе трамваи, прекрасно содержимые городскіе сады, наконецъ, образцово-устроенныя мѣста для дѣтскихъ игръ и народныхъ гуляній подлѣ города [3]). Населеніе достигло 180.000 душъ. Торговля процвѣтаетъ [4]). «Здѣшній гарнизонъ,—прибавляетъ Карамзинъ,—такъ

---

[1]) Гербъ Кёнигсберга по этой причинѣ представляетъ соединеніе на одномъ щитѣ отдѣльныхъ гербовъ трехъ помянутыхъ городовъ.

[2]) Письма русск. путешеств. Письмо отъ 19 іюня 1789 г.

[3]) Смѣта городскихъ доходовъ достигаетъ 6.000.000 мар., а смѣта расходовъ превышаетъ эту сумму. Городской долгъ превышаетъ 15.000.000 мар. Городъ располагаетъ разными завѣщанными въ его пользу фондами, численность которыхъ доходитъ до полутораста.

[4]) Предметы торговли: хлѣбъ, лёнъ, конопля, дерево, петроль, чай, рыба, сельди, желѣзо, янтарь, колоніальные товары. Промышленныя предпріятія въ городѣ и его окрестностяхъ: пивоваренные и кораблестроительные заводы, лѣсо-

многочисленъ, что вездѣ попадаются на глаза мундиры». То же самое повторяется и въ наши дни. Кёнигсбергъ представляетъ собою сильную крѣпость. Его многочисленные форты и укрѣпленія въ видѣ воротъ (Thor) и низкихъ, толстыхъ стѣнъ съ амбразурами встрѣчаются въ разныхъ концахъ города. Орудій на нихъ, правда, нѣтъ, но они могутъ появиться въ теченіе 24 часовъ... По этой причинѣ въ городѣ держатъ постоянно много войскъ.

Набережная въ Кёнигсбергѣ.

IV.

Королевскій замокъ.—Его исторія и описаніе.—«Московская зала».—Публичные монументы.—Нѣсколько словъ о Кантѣ.—Визитъ Карамзина Канту.—Кнейпгофъ.—Dom-Kirche. Исторія ея. Органы. Памятники въ ней. Хоры.—Карамзинъ въ Dom-Kirche.—Stoa Kantiana. — Библіотека.—Palaestra Albertina. — Университетъ. Его славная эпоха. — Вспомогательныя при немъ учрежденія. Библіотека. — Тайный архивъ.—Лебенихтъ.—Въ Thiegarten'ѣ.—Какъ нѣмцы проводятъ праздники.—Въ кафе-шантанѣ. — Картинка нравовъ.

Осмотръ городскихъ достопримѣчательностей мы начали съ королевскаго зáмка.

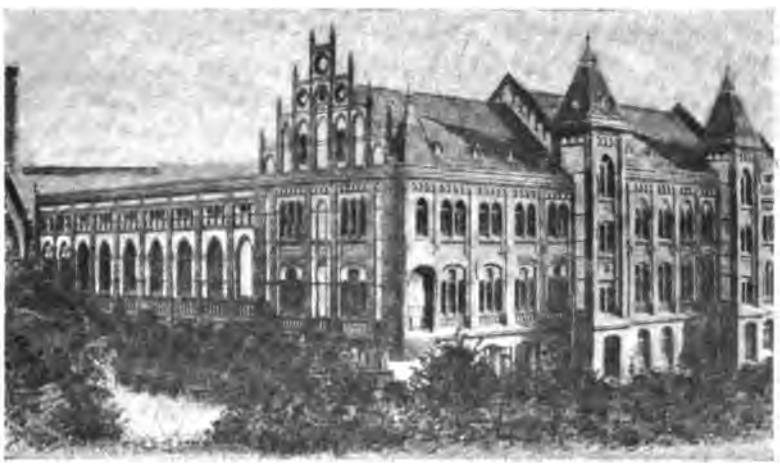
Первоначальный зáмокъ построенъ королемъ Пржемыславомъ III въ XIII в. Но его уже нѣтъ. Тотъ, который существуетъ теперь,

---

пильни, машинныя и вагонныя фабрики, литейные заводы, фабрики сигаръ и фортепіанъ, вальцевыя мельницы, заведенія для разведенія рыбъ искусственнымъ путемъ и удобренія земли химическимъ способомъ.

поставленъ, безъ сомнѣнія, позднѣе. Современный зáмокъ занимаетъ обширную площадь въ формѣ не много скошеннаго четыреугольника, съ круглыми башнями на трехъ углахъ. Четвертая башня—самая высокая, готическая, четыреугольная, вѣнчаетъ замковую каплицу. Двое воротъ съ противоположныхъ сторонъ ведутъ во дворъ замка. Посерединѣ двора разбитъ круглый скверъ. Въ замкѣ обращаетъ всеобщее вниманіе своими размѣрами Московская зала. Длина ея равняется 166 шагамъ, а ширина 30 шагамъ. Сводъ сведенъ безъ столбовъ. Почему эта зала называется «Московскою», пытался узнать еще Карамзинъ. Но такъ и не узналъ. Существуетъ предположеніе, будто зала получила свое названіе потому, что въ ней происходилъ торжественный пріемъ московскихъ пословъ, вѣроятно, въ 1518—1519 г.г., когда шли переговоры относительно союза между великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ и великимъ магистромъ ордена Альбрехтомъ. Передъ главными воротами замка, 3 августа 1802 г., поставленъ памятникъ Фридриху I, работы берлинскихъ ваятелей Шлитера и Якоби. Это—самый старый изъ кёнигсбергскихъ монументовъ. Кромѣ него, въ Кёнигсбергѣ есть еще нѣсколько памятниковъ. Въ 1851 г. открытъ памятникъ Фридриху-Вильгельму III противъ новаго зданія университета: конная статуя—произведеніе профессора Авг. Кисса. Въ 1864 г. поставленъ памятникъ философу Иммануилу Канту, близъ новаго университета, работы Рауха. Великій метафизикъ представленъ во весь ростъ, съ открытою головою, въ камзолѣ, правая рука немного приподнята, словно онъ обращается къ аудиторіи, которую составляетъ цѣлый міръ, въ лѣвой—держитъ шляпу и трость. На пьедесталѣ одно слово «Kant». Стоя у подножія памятника Канту, припомнили мы трогательный разсказъ Карамзина о его визитѣ къ великому ученому. Карамзинъ, находясь проѣздомъ въ Кёнигсбергѣ, почелъ обязанностію изъявить свое почтеніе Канту, не будучи съ послѣднимъ лично знакомъ и не имѣя къ нему рекомендательныхъ писемъ. Въ XVIII столѣтіи, когда еще были свѣжи традиціи Преобразователя Россіи, передовые русскіе люди считали обязанностію выражать почтеніе свѣточамъ знанія, двигателямъ европейскаго прогресса. Тогда и Россія была могуча... Ослабли эти традиціи, восторжествовало самомнѣніе,—ослабла и Россія сначала морально, а послѣ и физически... Кантъ родился въ Кёнигсбергѣ въ 1724 г., учился въ здѣшнемъ университетѣ, въ 1770 г. получилъ каѳедру логики и метафизики, которую оставилъ только въ 1797 г. Умеръ въ 1804 г., обремененный, по мѣткому выраженію одного изъ біографовъ, славою и лѣтами. Кромѣ памятника, городской муниципалитетъ почтилъ память своего славнаго гражданина, назвавъ его именемъ одну изъ бойкихъ и лучшихъ улицъ въ Старомъ городѣ.

Въ 1891 г. съ сѣверной стороны замка поставлена статуя Альбрехта Бранденбургскаго, «послѣдняго гохмейстера и перваго прусскаго герцога», какъ гласитъ надпись на ея пьедесталѣ. Наконецъ, на перекресткѣ Wilhelm-Platz, образуемомъ пересѣченіемъ улицъ Kant-Strasse и Altstädtische-Berg-Strasse, у стѣны замка, въ 1894 г. воздвигнутъ колоссальный монументъ императору Вильгельму I (Великому). Надпись на пьедесталѣ утверждаетъ, что памятникъ поставили «благодарныя восточныя прусскія провинціи», и называетъ Вильгельма «миролюбивѣйшимъ королемъ», что̀, однако, не помѣшало скульптору придать старческой фигурѣ императора ужасно воинственный видъ. Вильгельмъ въ порфирѣ, съ короною на головѣ, грозитъ мечомъ въ правой рукѣ невидимымъ врагамъ Германіи. На островѣ, образуемомъ рукавами Прегеля, расположился

Palaestra Albertina въ Кёнигсбергѣ.

Kneiphof, vel Knipawa, мѣстожительство богатаго купечества. Въ центрѣ Kneiphof'а высится каѳедральный храмъ—Dom-Kirche. Карамзинъ называетъ его огромнымъ. Дѣйствительно, это—грандіозное сооруженіе. Длина зданія достигаетъ 286 фут., ширина—93 фут., башня—184 фут. высоты. Воздвигнулъ храмъ великій магистръ Людеръ (Лотарій), князь Бруньсвицкій (1331—1333), въ 1332 г. До начала XVI ст. принадлежалъ католикамъ. Въ половинѣ великаго поста 1519 г., въ пятницу, была совершена здѣсь послѣдняя торжественная процессія католическаго духовенства. Съ 1523 г. началъ отправлять богослуженіе по протестантскому ритуалу и излагать догмы реформаціи первый протестантскій епископъ, Георгъ фонъ-Поленцъ. Въ храмѣ замѣчателенъ средній алтарь 1591 г. съ образомъ Мадонны кисти Луки Кранаха. Великолѣпны орга́ны

работы славнаго Іог. Мозенгеля, на которыхъ мѣстная Musikalische Akademie даетъ отъ времени до времени концерты. Заслуживаютъ вниманія: древняя купель 1595 г., сакристія, украшенная произведеніями кисти и рѣзца знаменитыхъ мастеровъ, усыпальница герцоговъ и великихъ магистровъ Тевтонскаго ордена. Здѣсь погребены герцоги: Альбрехтъ, съ женами Доротеею († 1547) и Анною-Маріею († 1568), Альбрехтъ-Фридрихъ (1568—1618), его жена Марія-Элеонора и дочь Анна; курфирстъ бранденбургскій Георгъ-Вильгельмъ; великіе магистры: Людвигъ фонъ-Эрлихсгаузенъ (1450—1467), Генрихъ Рейссъ фонъ-Пляуенъ (1469—1470), Генрихъ Рефле фонъ-Рихтенбергъ (1470—1477), Мартинъ Трухсессъ фонъ-Ветцгаузенъ (1477—1489) и Гансъ фонъ-Тиффенъ (1489—1497). На хорахъ находятся памятники: канцлера Іог. фонъ-Коспота († 1665), Іог. фонъ-Грейссена († 1575), епископа Г. фонъ-Поленца († 1551), Іог. Бриссмана († 1549), перваго по времени евангелическаго проповѣдника въ Кёнигсбергѣ, и др. Вообще хоры въ Dom-Kirche весьма замѣчательны и во многомъ напоминаютъ хоры Вестминстерскаго аббатства. Здѣсь же находится Stoa [1]) Kantiana, съ гробницею Канта, украшенная бюстомъ философа и копіей съ Рафаелевой «Аѳинской школы». Это святилище Канта бываетъ открыто для публики только два раза въ году: 12 февраля — въ день смерти Канта, и 22 апрѣля — въ день его рожденія, отъ 12-ти до 2-хъ часовъ. Въ соборной башнѣ помѣщена знаменитая «Валленродова библіотека», состоящая изъ 10.000 томовъ и рѣдкихъ произведеній печати и драгоцѣнныхъ рукописей, въ числѣ которыхъ хранится историческая «охранная грамота» Лютера. На Карамзина Dom-Kirche произвела сильное впечатлѣніе: «Я мечталъ около часа, прислонясь къ столбу. Гдѣ вы, думалъ я, гдѣ вы, мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя тѣни ваши ужасаютъ робкое просвѣщеніе нашихъ дней».

Неподалеку отъ Dom-Kirche стоитъ зданіе стараго университета, носящее названіе Palaestra Albertina, Regiomontana и Prelegiana. Здѣшній университетъ основанъ 17 августа 1544 г. маркграфомъ бранденбургскимъ и герцогомъ прусскимъ Альбрехтомъ I (Albertus), по имени котораго и сталъ называться Collegium Albertinum. Король Сигизмундъ-Августъ, въ 1560 г., сравнилъ его въ привилегіяхъ съ Краковскимъ. Въ 1844 г., въ день празднованія 300-лѣтняго юбилея университета, король Фридрихъ-Вильгельмъ III собственноручно заложилъ новое зданіе для него въ Старомъ городѣ, вблизи театра. Въ старомъ зданіи въ настоящее время помѣщается городская библіотека, съ цѣнными для исторіи Кёнигсберга хрони-

---

[1]) Греч. στοά обозначаетъ галлерею, или коллоннаду, какія древніе устраивали при храмахъ и общественныхъ зданіяхъ для того, чтобы имѣть возможность прогуливаться даже во время дождя.

Зданіе биржи въ Кёнигсбергѣ.

ками и манускриптами. Новое зданіе на Königs-Garten—оригинальной архитектуры, съ колоннадой, украшено барельефами: основателя университета, наиболѣе знаменитыхъ профессоровъ, статуями Лютера, Меланхтона, зять котораго Георгъ Sabinus былъ тутъ первымъ ректоромъ, и аллегорическими изображеніями наукъ и

Новое зданіе университета въ Кёнигсбергѣ.

искусствъ. Университетская aula и зала университетскаго сената изобилуютъ художественными работами Розенфельдена, Нейде, Піотровскаго, Кнорра, Вагнера, фонъ-Шадова и его ученика Гагемана. Въ Кёнигсбергскомъ университетѣ—четыре факультета. Онъ всегда съ достоинствомъ держалъ знамя науки. Имена его преподавателей: Симона Даха (1639—1659), Гердера (1744—1803), Крауса (1780—1807), І.-Г. Фихте († 1814), Бурдаха (1814—1847), Гербарта (1809—1833), Якоби (1817—1842), Канта, Лобека (1814—1816), извѣстны всему образованному міру. При университетѣ находятся пять клиникъ, нѣсколько семинарій, ботаническій садъ, кабинеты: анатомическій, нумизматическій, минералогическій, физическій, искусствъ и слѣпковъ съ антиковъ, зоологическій музей и обсерваторія (съ 1811—1813 г.), обладающая образцовыми приборами Рейхенбаха и Бесселя [1]). Университетская библіотека заключаетъ въ себѣ 150.000 томовъ, кромѣ множества рукописей, инкунабулъ и гравюръ. Тайный архивъ Тевтонскаго ордена содержитъ важные для исторіи ордена, Пруссіи, Польши, Литвы и нѣмецкихъ земель акты и документы, начиная съ 1225 г.

Изъ Книпавы-Кнейпгофа, по Schmidt-Brücke, переходимъ обратно въ Alt-Stadt и по полной движенія набережной, застроенной оригинальными старыми домами Fisch-Markt, мимо цѣлой флотиліи рыбацкихъ судовъ, выходимъ на главную артерію Лебенихта—Loebenichtsche-Langgasse. Эта часть Кёнигсберга—совершенно новый городъ. Поражаетъ, между прочимъ, обиліе всевозможныхъ госпиталей и лазаретовъ, здѣсь сосредоточенныхъ. Изъ старинныхъ зданій заслуживаетъ упоминанія римско-католическій костелъ XVII столѣтія. Въ этой же части города, Berg-Platz, стоитъ бронзовый бюстъ, вѣроятно, многимъ читателямъ извѣстнаго, знаменитаго оператора, профессора Августа Бурова († 1874).

Передъ отъѣздомъ изъ Кёнигсберга я и мои спутники пожелали взглянуть, какъ проводитъ праздники рабочій и ремесленный классъ городского населенія [2]). Выбрали мы воскресный день и послѣ полудня отправились въ Thiergarten, расположенный подлѣ города, за Steindammer-Thor. Толпы рабочихъ группами, съ же-

---

[1]) Кромѣ университета, въ Кёнигсбергѣ существуютъ еще слѣдующія учебныя заведенія: Kunst-Akademie (художествъ), Sing-Akademie (пѣнія), институты: физико-математическій, минералогическо-геологическій, медико-поликлиническій, высшая городская женская школа, художественно-промышленная школа, Mädchen-Bürger-Schule, Burg Schule, 4 гимназіи, въ томъ числѣ одна реальная, реальная школа, не считая многочисленныхъ частныхъ и элементарныхъ училищъ и пансіоновъ.

[2]) Люди болѣе состоятельные—богатое мѣстное купечество и аристократія, въ послѣднее время избрали мѣстомъ своихъ прогулокъ Кранцъ, въ разстояніи $^1/_2$ часа ѣзды отъ Кёнигсберга, по желѣзной дорогѣ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ это была убогая рыбацкая деревушка, въ настоящее же время благоустроенный, превосходный морской курортъ, обѣщающій стать моднымъ.

нами и дѣтьми, направлялись туда. Вагончики трамвая едва успѣвали подвозить публику. Черезъ полчаса мы очутились на длинной и кривой улицѣ, застроенной по обѣимъ сторонамъ cafe, bierhalle, кегельбанами, ресторанами и кафе-шантанами. Тутъ же и зоологическій садъ. Кёнигсбергскій зоологичесскій садъ, по своей организаціи, немного похожъ на своего петербургскаго собрата. Какъ въ петербургскомъ, такъ и кёнигсбергскомъ зоологическихъ садахъ, кромѣ выставки коллекціи звѣрей и животныхъ, даются увеселенія. Но въ Кёнигсбергѣ отъ такого совмѣстительства не страдаетъ ни зоологія, ни увеселйтельная часть. Коллекціи звѣрей и животныхъ настолько богаты, что въ отношеніи нѣкоторыхъ экземпляровъ могутъ соперничать даже съ берлинскимъ Zoologische Garten. Увеселительная программа ограничивается концертами. Послѣдніе исполняютъ оркестры городского театра и военные. За входъ взимается 50 пфенниговъ съ взрослыхъ, дѣти платятъ половину. Въ Петербургѣ зоологія давно уже принесена въ жертву буфету, и садъ съ его «увеселительной программою» обратился въ кафе-шантанъ низшаго разбора. И въ Thiergarten'ѣ есть обширный буфетъ, но онъ здѣсь не имѣетъ первенствующаго значенія. За столиками сидятъ цѣлыя семьи, чуть не съ грудными ребятами, подкрѣпляются національнымъ напиткомъ и услаждаютъ свой слухъ звуками Wacht am Rein. Нѣкоторые углубились въ чтеніе мѣстныхъ газетъ, изъ числа которыхъ, кстати сказать, «Königsberger Hartungsche Zeitung» и «Königsberger Allgemeine Zeitung» пользуются заслуженнымъ уваженіемъ въ міровой прессѣ. Всюду чинно и тихо. Изрѣдка только кто нибудь нарушитъ тишину аплодисментами по адресу музыкантовъ. Наглядѣвшись вдоволь на разныхъ львовъ, тигровъ, леопардовъ, гіенъ, шакаловъ, орловъ, обезьянъ и наслушавшись музыки, мы перекочевали въ одинъ изъ ресторановъ-театриковъ по близости зоологическаго сада. Это былъ какой-то кафе-шантанъ. Зрительный залъ, два яруса ложъ вокругъ. Сцена. Въ партерѣ и въ ложахъ столики. У входа бравый оберъ-кельнеръ съ аксельбантомъ на плечѣ. Когда мы вошли, народу уже было порядочно. Преобладали мужчины. Всѣ въ шляпахъ. Пили пиво. Оркестръ что-то сыгралъ. Поднялся занавѣсъ. Вышелъ какой-то господинъ во фракѣ и въ цилиндрѣ, вяло проговорилъ свои куплеты, расшаркался и ушелъ. Его замѣнила нѣмочка, блондинка, съ ямочками на щечкахъ, въ которыхъ, если вѣрить В. К. Тредьяковскому, всегда сидитъ «плутъ Купидо, нѣжно сложа персты», въ коротенькомъ платьицѣ. Нѣмочка начала веселенькую пѣсенку. Въ это время одинъ изъ сидѣвшихъ въ партерѣ вздумалъ громко подпѣвать ей. Пѣвичка пріостановилась. Черезъ минуту стала снова продолжать. Проказникъ тоже. Нѣмочка смутилась. Гримаска исказила ея личико. Закрывшись платочкомъ, она убѣжала за кулисы. Въ залѣ под-

нялся страшный шумъ. Зрители потребовали удаленія веселаго посѣтителя.

— Er muss heraus! Fort!—неистовствовала публика.

Къ нарушителю порядка подошелъ оберъ-кельнеръ, сказалъ ему нѣсколько словъ, очевидно, предложилъ выйти. Но тотъ не тронулся съ мѣста. Кельнеръ ушелъ. Появился полиціантъ. Безобразникъ сейчасъ же поднялся со стула и направился къ выходу. Оберъ-кельнеръ предупредительно несъ за нимъ шляпу. Публика начала аплодировать и вызывать обиженную шансонистку. Когда она вышла, снова раздались аплодисменты, и кто-то подалъ ей корзиночку цвѣтовъ. Пѣвичка утѣшилась, и звонко залился ея голосокъ въ залѣ.

Было уже далеко за полночь, когда мы оставили театрикъ.

На другой день, въ 6-мъ часу вечера, подъѣзжали къ Коршену, обмѣниваясь своими кёнигсбергскими впечатлѣніями.

Г. А. Воробьевъ.

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ [1].

5. Общественныя настроенія въ Николаевскую эпоху и начало эмиграціи.

I.

СПРАВЛЯЯСЬ довольно легко и удачно съ политическими движеніями, въ которыхъ сосредоточивался элементъ хоть какой нибудь активной оппозиціи, правительство Николая Павловича стояло также на зоркой стражѣ и всѣхъ тѣхъ общественныхъ настроеній, которыя въ болѣе или менѣе яркой окраскѣ обнаруживались въ ту эпоху, и которымъ суждено было такъ или иначе воспитывать общество въ сознаніи необходимости коренной ломки прогнившаго бюрократическаго строя. Декабристы всколыхнули стоячія воды русской жизни, и волны этого движенія, гонимыя непрестанно западнымъ вѣтромъ, противъ котораго были безсильны искусственныя административныя мѣропріятія, расходились все шире и шире по лицу родной земли, не давая ей уже притти въ состояніе прежняго покоя и бездѣйствія. Желѣзная рука правителя тушила закипавшую бурю въ одномъ мѣстѣ. а она готова была вспыхнуть въ другомъ. Принимались мѣры строгости, обузданія назрѣвающей мысли, и чѣмъ круче и послѣдовательнѣе были эти мѣры, тѣмъ настойчивѣе рвалась наружу мысль и созданное ею настроеніе, угрожая постоянно перейти изъ мирнаго эволюціоннаго состоянія съ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. cv, стр. 890.

характеромъ прогрессивно-созидательнымъ въ состояніе революціонное, съ характеромъ разрушительнаго свойства и съ оттѣнкомъ оппозиціи quand-même. Отталкивая отъ себя всякую попытку общественной самодѣятельности, лишая общество всякаго права мнѣнія и сомнѣнія, признавая за обывателями лишь обязанности слѣпого повиновенія велѣніямъ власти, русская администрація тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ изумительнымъ рвеніемъ, достойнымъ лучшей доли, искусственно развиваетъ состояніе напряженнаго общественнаго неудовольствія всею наличностью русской жизни, создаетъ глухую оппозицію правительственной власти и совершенно дискредитируетъ въ глазахъ населенія понятія о законности, о правѣ, о правдѣ. Отсутствіе у этой администраціи всякаго творческаго начала и прогрессивнаго почина, соотвѣтствующаго духу времени и потребностямъ населенія, вынуждаетъ передовыхъ и наиболѣе интеллигентныхъ представителей общества принять на себя исключительную заботу о благѣ этого населенія и поставить коренные вопросы русской жизни ребромъ. Вся политическая, соціальная и экономическая наличность этой жизни подвергается неумолимой критикѣ и тщательному пересмотру, и въ зависимости отъ принятаго и установленнаго историческаго и философскаго угла зрѣнія при этомъ пересмотрѣ образуются тѣ главнѣйшія общественныя философско-литературныя группы, изъ которыхъ, какъ изъ первичныхъ ячеекъ, родились и тѣ спеціальныя политическія партіи и ихъ разнообразныя фракціи, которыя усматриваются, какъ активно-дѣйствующія въ наши дни, при разработкѣ и разрѣшеніи наиболѣе существенныхъ вопросовъ современной русской жизни.

Эти философско-литературныя группы фактически возникли и окрѣпли на пепелищѣ сожженной Москвы, къ тому времени уже обстроившейся и принявшей столь хорошо намъ знакомый изъ произведеній родной словесности патріархально-дворянскій характеръ, состоявшій въ ближайшемъ родствѣ и въ генетической связи со всей дореформенной дворянской Россіей. Здѣсь, въ этой Грибоѣдовской Москвѣ, въ ея привольныхъ столичныхъ усадьбахъ, въ отдаленіи отъ холодныхъ и всепроникающихъ взоровъ петербургскаго властелина нашли себѣ мѣсто и оформились историко-философскія настроенія, которымъ въ тѣ годы не нашлось бы приволья на берегахъ сѣверной столицы, состоявшей въ исключительномъ завѣдываніи «порфироноснаго» всероссійскаго оберъ-полицеймейстера. Полицейское самодержавіе Николая Павловича давало себя знать и необыкновенно ярко обнаруживалось именно въ Петербургѣ, надъ дыханіемъ жизни котораго онъ съ поразительно болѣзненной чуткостью бодрствовалъ. Самодержецъ всероссійскій съ какою-то особенною страстью принялъ на себя именно обязанности невскаго градоправителя, муштруя жителей и регламентируя ихъ жизнь, духовныя настроенія, вкусы и симпатіи. Въ этомъ отношеніи въ немъ наглядно

проявлялись отцовскія наклонности и сказывался наслѣдственный павловскій деспотизмъ, конечно, только нѣсколько облагороженный и уравновѣшенный. Николай Павловичъ послѣ своего великаго пращура—пращура не по крови, а по генеалогическому преданію, былъ наиболѣе типичнымъ петербургскимъ императоромъ изъ всѣхъ до него и послѣ него бывшихъ. Москва издали почтительно и раболѣпно ему поклонялась, какъ бы любовалась его личнымъ величественнымъ и гордымъ видомъ, но жизнь свою, жизнь внутреннюю и духовную, слагала не по его указкѣ и не подъ давленіемъ его полицейскихъ формальныхъ требованій. Она воздавала Кесарю кесарево, а Богу — Божіе, потому-то въ ней и могли спокойно сложиться и развиться тѣ культурные центры, откуда почти одновременно вышли вожди двухъ крайнихъ и противоположныхъ направленій сороковыхъ годовъ — западниковъ, съ одной стороны, и славянофиловъ—съ другой, и откуда также образовался тотъ политическій центръ, который въ послѣдующее царствованіе сталъ общественною базою для правительственной власти.

Кружокъ Герцена, кружокъ Станкевича, кружокъ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и Хомякова, кружокъ Погодина и Шевырева, сферы офиціальной народности,—вотъ тѣ главнѣйшія и многознаменательныя явленія тогдашней русской общественности, имѣвшія столь громадное значеніе для нашей культуры и нашего духовнаго развитія, которыя сложились и отлились въ окончательныя научно-политическія формы въ благопріятной для ихъ развитія московской обстановкѣ николаевскаго царствованія. Въ тиши московскихъ барскихъ кабинетовъ, на лонѣ подмосковной живописной природы, въ исторической кремлевской обстановкѣ, среди стѣнъ старѣйшаго русскаго университета развернулись крупныя дарованія нашихъ общественныхъ вождей, и здѣсь горячо забилась русская тоскливая дума о будущемъ родной земли. Здѣсь же въ безысходной тоскѣ раздался отчаянный голосъ русскаго мыслителя, извѣрившагося въ Россію, историческую и настоящую, и не видѣвшаго никакой возможности лучшаго будущаго безъ отреченія отъ своей народности и своей самобытности. «Философическое письмо» Чаадаева было такимъ же искреннимъ голосомъ природнаго москвича, какими искренними были и рѣчи главарей западничества и славянофильства.

Задавленная свободная Россія въ Петербургѣ начинала расправлять свои омертвѣвшіе члены въ Москвѣ... На общемъ смутномъ историческомъ фонѣ грозно и медленно отдѣлялись другъ отъ друга двѣ противоположныя силы, готовыя съ теченіемъ времени ринуться въ долгую и ожесточенную борьбу: конфликтъ между властью и освободительными идеями съ его кровавымъ исходомъ на Сенатской площади перешелъ въ 1840-хъ г.г. въ болѣе мирную и затяжную стадію. Голштинская полицейско-бюрократическая власть стала въ новый разрѣзъ съ запросами интеллигентной коренной

Россіи, при чемъ въ началѣ этой стадіи элементы прогрессивные не проявляютъ никакой активной политики; ихъ позиція—разработка и распространеніе опредѣленныхъ историко-философскихъ положеній путемъ устной рѣчи и печатнаго слова. Наоборотъ, административная власть находится все время въ постоянной активной борьбѣ и въ наступательно-агрессивномъ курсѣ. Она чутко внимаетъ всякому голосу, раздавшемуся изъ общественныхъ группъ, и, если въ звукахъ этого голоса ей слышалось хоть что нибудь оригинальное, враждебное и осуждающее, она спѣшила съ неумолимой строгостью заглушить этотъ голосъ и не дать ему быть услышаннымъ, не брезгая въ данномъ случаѣ никакими пріемами, никакими мѣрами строгости. Въ этомъ отношеніи очень характерна для той эпохи расправа, учиненная надъ Чаадаевымъ.

II.

Другъ Пушкина и декабристовъ, человѣкъ громадной эрудиціи и съ спеціально-философскимъ складомъ ума, Чаадаевъ первый въ нашей литературѣ рѣзко сопоставилъ въ своемъ надѣлавшемъ такого шума «Философическомъ письмѣ» значеніе Россіи и Запада (особенно католическаго) и пришелъ къ тому ужасному заключенію, что наше отечество не имѣетъ ни разумнаго прошлаго, ни сознательнаго и индивидуальнаго настоящаго, ни опредѣленнаго будущаго. «Всѣ народы Европы выработали опредѣленныя идеи,—говоритъ онъ.—Это—идеи долга, закона, правды, порядка. И онѣ составляютъ не только исторію Европы, но ея атмосферу. Это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія европейца». Обращаясь спеціально къ Россіи, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что «по нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединить въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ, должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества, ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе... Ни одной полезной мысли не возросло на безплодной нашей почвѣ, ни одной великой истины не возникло среди насъ. Мы ничего не выдумали сами изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь. Повторю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени, что бы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія». Въ

дальнѣйшей части своего знаменитаго письма авторъ набрасываетъ и свои положительные идеалы, которые ему хотѣлось бы привить всей Россіи, какъ панацею отъ всѣхъ терзающихъ ее золъ и бѣдствій, и такую панацею онъ усматриваетъ въ нашемъ приближеніи къ католичеству, въ поклоненіи ему и пріобщеніи ко всему тому культурному, что дало человѣчеству именно это западно-религіозное исповѣданіе. Такимъ образомъ онъ, въ противоположность, съ одной стороны, Радищеву, а съ другой—декабристамъ, не выступилъ передъ обществомъ съ какимъ нибудь вполнѣ опредѣленнымъ и конкретнымъ политическимъ планомъ и предложеніемъ; онъ не коснулся какихъ нибудь реальныхъ сторонъ русской дѣйствительности, но только въ общей формѣ объявилъ тогдашнее официіальное національное самообольщеніе фальшивымъ и громко призналъ русскую культуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно и политическую гражданственность, стоящею на очень низкой ступени развитія, а также указалъ ей опредѣленный западно-европейскій образецъ, какъ образецъ, по его мнѣнію, совершенный, къ которому она должна стремиться.

Такое положеніе шло совершенно въ разрѣзъ съ самодовольнымъ понятіемъ о нашей дѣйствительности, которое громко проповѣдывали «льстецы, толпою рабскою стоящіе у трона», по словамъ которыхъ (гр. Бенкендорфъ): «Le passé de la Russie a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer». Письмо Чаадаева оскорбило представителей такого необычайно высокаго мнѣнія о нашемъ отечествѣ, еще находившихся въ упоеніи послѣ кровавaго разгрома петербургскаго либерализма, и, несмотря на то, что спеціальнаго политическаго элемента, подлежащаго какой либо карѣ, въ письмѣ никакого отмѣчено быть не могло, тѣмъ не менѣе и на голову автора «письма» и на издателя, это письмо помѣстившаго, обрушился ударъ отъ руки самого императора. Несчастный Надеждинъ, давшій мѣсто «письму» на страницахъ «Телескопа», былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, а самъ Чаадаевъ официіально объявленъ сошедшимъ съ ума. Официіальный документъ по сему предмету гласилъ: «Появившаяся въ «Телескопѣ» статья Чаадаева выраженными въ ней мыслями возбудила во всѣхъ безъ исключенія русскихъ чувства гнѣва, отвращенія и ужаса, въ скоромъ, впрочемъ, времени смѣнившіяся на чувство состраданія, когда узнали, что достойный сожалѣнія соотечественникъ, авторъ статьи, страдаетъ разстройствомъ и помѣшательствомъ разсудка. Принимая въ соображеніе болѣзненное состояніе несчастнаго, правительство въ своей заботливости и отеческой попечительности предписываетъ ему не выходить изъ дому и снабжать его даровыми медицинскими пособіями, на который конецъ мѣстное начальство имѣетъ назначить особаго изъ подвѣдомственныхъ ему врача».

Дѣйствительно, Чаадаевъ былъ подвергнутъ домашнему аресту, и ежедневно къ нему являлись «медики ex officio», при чемъ дѣло не обходилось безъ оскорбленій по адресу мнимо больного; кромѣ того, съ него была взята подписка: «ничего не писать» болѣе въ журналахъ. Такимъ образомъ писатель былъ жестоко обреченъ на высшую мѣру казни: его сдѣлали безгласнымъ.

Оцѣнивая значеніе Чаадаевскаго письма и самый историческій моментъ его появленія, историкъ той эпохи, покойный А. Н. Пыпинъ, говоритъ въ извѣстныхъ «Характеристикахъ литературныхъ мнѣній» [1]: «Въ своемъ общемъ смыслѣ оно имѣло то любопытное историческое значеніе, что, явившись въ періодъ полнѣйшаго развитія системы официіальной народности, выставило самое крайнее противорѣчіе этой системѣ. Во все теченіе этого періода не было высказано такого рѣзкаго, безпощаднаго приговора надъ русской дѣйствительностью и ея прошедшимъ: здѣсь собралось столько горькаго чувства, столько неотразимаго сознанія въ недостаткахъ русской жизни, сколько не было ни у кого еще изъ дѣятелей нашей умственной жизни, и сколько авторитеты, привыкшіе къ панегирику, вѣроятно, даже не считали возможнымъ». И далѣе: «Скептицизмъ Чаадаева завершаетъ то, что высказывалось отрицательнаго въ русскомъ обществѣ и литературѣ. Люди тайнаго общества были вооружены противъ положенія вещей: Пушкинъ въ молодости сталъ какъ будто сатирическимъ органомъ тогдашнихъ либераловъ и изображалъ разочарованіе Онѣгина; Грибоѣдовъ писалъ филиппики Чацкаго; неизвѣстный авторъ письма 1824 г. высказывалъ объ умственномъ состояніи русскаго общества мысли, которыя иногда очень родственны съ мыслями Чаадаевскаго «письма». Если собрать всѣ эти симптомы сомнѣнія, которые высказывались у наиболѣе мыслящихъ людей того времени, мы найдемъ, что скептицизмъ Чаадаева имѣетъ свою родословную. Чаадаевъ только возвелъ эти сомнѣнія въ систему, распространилъ ихъ на прошедшее (либералы уже не вѣрили въ историческія картинки Карамзина) и, наконецъ, далъ своей системѣ доктринерское основаніе»...

По справедливому мнѣнію Пыпина, «своимъ суровымъ обличеніемъ недостатковъ русской жизни, высотой указанныхъ имъ требованій европейской цивилизаціи Чаадаевъ, какъ не многіе другіе, способствовалъ уничтоженію того національнаго самообольщенія, которое издавна было одной изъ главнѣйшихъ помѣхъ нашему образованію. Выставляя высокій идеалъ общечеловѣческой цивилизаціи, Чаадаевъ побуждалъ общество возвысить и свои стремленія; почти отчаиваясь въ русской жизни, Чаадаевъ тѣмъ самымъ долженъ былъ вызвать реакцію живыхъ силъ, къ какому бы онѣ ла-

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ». Историческіе очерки.

герю ни принадлежали. Наконецъ, крайнее сомнѣніе относительно русской жизни было той точкой перелома, откуда начинался новый періодъ въ нашемъ умственномъ развитіи,—перелома, которому въ литературѣ художественной соотвѣтствуетъ появленіе сатиры Гоголя».

Да, переломъ въ общественномъ настроеніи, если не совсѣмъ хронологически, то психологически, долженъ быть пріуроченъ именно къ отчаянному, вырвавшемуся изъ наболѣвшей груди, крику Чаадаева. Это былъ дѣйствительно боевой кличъ, который пробудилъ къ реакціи живыя общественныя силы и поставилъ передъ ними для разрѣшенія отвѣтственную задачу: или признать Россію здоровымъ организмомъ, развивающимся естественно и планомѣрно, соотвѣтственно съ требованіями христіанской культуры, или признать ее больною и намѣтить средства врачеванія. Свое средство онъ посильно указалъ, но центръ тяжести былъ не въ томъ: это средство серьезно никѣмъ принято не было, но кличъ его былъ дѣйствительно услышанъ «живыми силами»: онѣ вышли на арену русской дѣйствительности и произнесли надъ ней свой судъ и осужденіе. Но, прежде чѣмъ обрисовать, каковъ былъ этотъ историко-юридическій судъ, необходимо отмѣтить въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ и мнѣніе рыцарей этой дѣйствительности, которые стояли за нее горою въ нашей литературѣ, и которые являлись общественнымъ оплотомъ правительственной власти.

Выше было отмѣчено, какъ смотрѣлъ одинъ изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Николая Павловича, его правая рука, на настоящее и будущее Россіи: оно внѣ критики, и ея будущее блестяще! Status quo долженъ быть удержанъ всѣми силами, а его критики и противники суть крамольники, измѣнники родины и ея враги, по отношенію которыхъ система поблажекъ и попустительствъ не можетъ быть терпима. Вигель шлетъ доносъ на Чаадаева, Гречъ и Булгаринъ состоятъ въ явныхъ и тайныхъ сношеніяхъ съ полиціей, и постоянно пробавляются добровольнымъ шпіонствомъ. Уваровъ провозглашаетъ свою знаменитую тріаду объ основныхъ началахъ, на коихъ покоится весь историческій строй русской жизни: «православіе, самодержавіе и народность» являются тѣми тремя основными моментами, по отношеніямъ къ которымъ все кругомъ судится и разсматривается. Православіе признается исключительно съ богослужебной точки зрѣнія, самодержавіе разсматривается подъ полицейско-бюрократическимъ угломъ пониманія, а народность освѣщается въ узко-національномъ значеніи. При наличности такихъ основныхъ историческихъ устоевъ все отечественное, какъ продуктъ и результатъ установившейся государственной системы, не подлежитъ какому либо видоизмѣненію или реформѣ, а тѣмъ болѣе въ соотвѣтствіи съ проповѣдью западныхъ ученій. Предержащая власть есть источникъ всякаго блага и мудрости, и предъявлять ей какія либо политическія требованія преступно и не со-

отвѣтствуетъ народному духу. Эта власть и ея исполнительные органы не подлежатъ суду, и безпрекословное и механическое имъ повиновеніе есть добродѣтель, угодная Богу. Крѣпостное право—одно изъ главныхъ условій порядка и благополучія существующаго строя и не подлежитъ отмѣнѣ. Таковъ былъ символъ вѣры покорныхъ сыновъ Николаевскаго престола,—символъ, охраняемый и самимъ государемъ и его сотрудниками со всею стогостью и послѣдовательностью.

III.

Вернувшись изъ своего изгнанія и получивъ право жительства въ Бѣлокаменной, Герценъ въ 1842 г. нашелъ въ ней слѣдующее настроеніе и такъ обрисовывалъ ея одухотворенный обликъ въ своихъ знаменитыхъ «Быломъ и Думахъ» [1]: «Возвратившись изъ Новгорода въ Москву, я засталъ оба стана (т.-е. западниковъ и славянофиловъ) на барьерѣ. Славяне были въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ своей легкой кавалеріей подъ начальствомъ Хомякова и чрезвычайно тяжелой пѣхотой Шевырева и Погодина, съ своими застрѣльщиками, охотниками, ультра-якобинцами, отвергавшими все бывшее послѣ кіевскаго періода, и умѣренными жирондистами, отвергавшими только петербургскій періодъ: у нихъ были свои каѳедры въ университетѣ, свое ежемѣсячное обозрѣніе, выходившее всегда два мѣсяца позже, но все же выходившее. При главномъ корпусѣ стояли православные гегеліанцы, византійскіе богословы, мистическіе поэты, множество женщинъ и пр., и пр.

«Война наша сильно занимала литературные салоны въ Москвѣ. Вообще Москва входила тогда въ эпоху возбужденности умственныхъ интересовъ, когда литературные вопросы, за невозможностью политическихъ, становятся вопросами жизни. Появленіе замѣчательной книги составляло событіе, критики и анти-критики читались и комментировались съ тѣмъ вниманіемъ, съ которыми бывало въ Англіи или во Франціи слѣдили за парламентскими преніями. Подавленность всѣхъ другихъ сферъ человѣческой дѣятельности бросала образованную часть общества въ книжный міръ, и въ немъ одномъ дѣйствительно совершался, глухо и полусловами, протестъ противъ гнета. Въ лицѣ Грановскаго московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. Въ лицѣ славянофиловъ оно протестовало противъ оскорбленнаго чувства народничества».

Вспоминая далѣе то время въ своемъ лондонскомъ изданіи «Колоколъ» по случаю смерти К. Аксакова, Герценъ въ слѣдующихъ задушевнѣйшихъ словахъ и въ аллегорической картинѣ характеризуетъ отношенія между собою двухъ воинствовавшихъ въ соро-

---

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905.

ковыхъ годахъ лагерей—славянофиловъ и западниковъ [1]): «Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ сдѣлали свое дѣло; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петромъ, и въ которой сидѣлъ Биронъ и колотилъ ямщика, чтобъ тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей,—то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

«Съ нихъ начинается переломъ русской мысли. И когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрѣть въ пристрастіи.

«Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинаковая.

«У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство,—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ сердце билось одно.

«Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому, что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнатѣ было намъ душно; все почернѣлыя лица изъ-за серебряныхъ окладовъ, все попы съ причетомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачъ объ утраченномъ счастіи раздиралъ наше сердце; мы знали, что у нея нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній, мы знали и другое, что не счастіе впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ— это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступили старшинство. А пока—

Mutter, Mutter lass mich gehen
Schweifen auf die wilden Höhen!»

Въ настоящихъ очеркахъ не мѣсто излагать въ подробностяхъ борьбу западниковъ и славянофиловъ, въ ея постепенной послѣдовательности, по главнѣйшимъ моментамъ этой борьбы, съ указаніемъ лицъ, въ ней участвовавшихъ. Эта тема уже достаточно разработана въ нашей литературѣ; но, тѣмъ не менѣе, въ интересахъ полноты картины общественныхъ настроеній той эпохи, необходимо отмѣтить то главное политическое, что заключалось въ ученіи

---

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, изданіе Павленкова. Спб. 1905.

обоихъ лагерей, что шло въ разрѣзъ съ установившимся полицейско-бюрократическимъ строемъ, и въ чемъ правительство Николая I усматривало опасность для спокойствія и благополучія столь ревниво охраняемаго имъ status quo. Элементъ спеціально философскій, создавшій обѣ школы, ее одухотворявшій и питавшій, остается нами безъ изложенія и разсмотрѣнія. Интересующіеся этой стороной дѣла найдутъ наиболѣе полный и обработанный матеріалъ, сюда относящійся, въ «Характеристикахъ литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ» А. Н. Пыпина, хотя и нѣсколько пристрастно освѣщенный.

Герценъ своимъ чуткимъ художественнымъ талантомъ удивительно мѣтко освѣтилъ точку соприкосновенія, или, вѣрнѣе, отправленія обѣихъ партій въ ихъ отношеніяхъ къ живой современной имъ Россіи. И западники, и славянофилы ее одинаково страстно любили и признавали ее глубоко несчастною отчасти въ ея прошломъ, а главное въ настоящемъ. Все ея счастье полагалось ими въ будущемъ, покоящемся на демократическихъ началахъ братства; но западники признавали все прошлое заблужденіемъ, несчастіемъ, славянофилы же усматривали въ немъ проблески счастья, прочные къ нему залоги, которымъ не суждено было, однако, развиться и крѣпнуть. Западники утверждали, что счастье въ будущемъ и въ тѣхъ соціальныхъ и политическихъ формахъ, которыя выработала европейская культура; славянофилы возражали, что эти формы—мертвыя формы, не одухотворенныя христіанствомъ, которое есть единственный источникъ для правды и счастья человѣческаго, при чемъ за истинное христіанство ими признавалось лишь христіанство, воспринятое нашей родиной отъ восточной церкви, какъ церкви соборной, «во Христѣ братіи». Соборность и коллективность ума и совѣсти ставятся ими въ уголъ и гражданскаго устройства человѣческаго общества, откуда ихъ поклоненіе общинѣ, общинности и московскимъ земскимъ соборамъ. Народу—мнѣніе, царю—власть: кесарю—кесарево, Богу—Божіе. Отсюда и признаніе, что не все въ прошломъ въ Россіи подлежитъ отрицанію. Въ этомъ прошломъ имѣется въ наличности истина, которая, очищенная отъ всего позднѣйшаго, наноснаго и ей чужого, должна возсіять. Союзъ, добровольный и основанный на довѣріи и любви, а не на борьбѣ и подчиненіи, царя съ народомъ, чистаго самодержавія съ народосовѣтіемъ — вотъ политическое будущее Россіи, которое должно уврачевать ея раны и вернуть ее на ея былой христіанскій путь исторической жизни и историческаго развитія. Константинъ Аксаковъ, этотъ вдохновенный поэтъ-историкъ славянофильской теоріи, училъ[1]:.. «Въ основаніи государства западнаго—насиліе, рабство и вражда. Въ основаніи го-

[1]) Полное собраніе сочиненій К. Аксакова, томъ I.

сударства Русскаго—добровольность, свобода и миръ. Эти начала составляютъ важное и рѣшительное различіе между Русью и Западною Европою и опредѣляютъ исторію той и другой.

«Пути—совершенно различные до такой степени, что никогда не могутъ сойтись между собою, и народы, идущіе ими, никогда не согласятся въ своихъ воззрѣніяхъ. Западъ, изъ состоянія рабства переходя въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя призванную ею самою власть, хранитъ ее добровольно, свободно, и поэтому въ бунтовщикѣ видитъ только раба съ другой стороны, который также унижается передъ новымъ идеаломъ бунта, какъ передъ старымъ идеаломъ власти; ибо бунтовать можетъ только рабъ, а свободный человѣкъ не бунтуетъ.

«Но пути эти стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма... Страшно въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе; но, если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дали и истинный и ложный путь вѣры, первый—Руси, второй—Западу. Ясно стало для русскаго народа, что истинная свобода только тамъ, идѣже духъ Господень».

Обращаясь къ опредѣленію внутреннихъ отношеній въ древней Руси между властью и народомъ, между землею и государствомъ, К. Аксаковъ обрисовываетъ ихъ такъ: «Земля призвала себѣ государство на защиту, огражденіе, прежде всего отъ враговъ внѣшнихъ, потомъ и отъ враговъ внутреннихъ. Отношеніе земли и государства легло въ основаніе русской исторіи...

«Подобно тому, какъ князь собиралъ вѣче, царь созывалъ земскую думу, или земскій соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣніе. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа... Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ, какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы были здѣсь, а обоюдное искренное желаніе пользы...

«Во все время русской исторіи народъ русскій не измѣнилъ правительству, не измѣнилъ монархіи. Если и были смуты, то онѣ состояли въ вопросѣ о личной законности государя: о Борисѣ, Лжедимитріи и Шуйскомъ. Но никогда не раздавался голосъ въ народѣ: не надо намъ монархіи, не надо намъ самодержавія, не надо намъ царя. Напротивъ, въ 1612 г., одолѣвъ враговъ и будучи безъ государя, вновь громко и единогласно призвалъ народъ царя... Но нѣтъ никакого обезпеченія, скажутъ намъ: или народъ, или власть могутъ измѣнить другъ другу. Гарантія нужна!—Гарантія не нужна! Гарантія есть зло. Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра; пусть лучше разрушается жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощью

зла. Вся сила въ идеалѣ. Да и что значать условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней? Никакой договоръ не удержитъ людей, какъ скоро нѣтъ на это желанія. Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи. Это сокровище и есть въ Россіи, потому что она всегда въ него вѣрила и не прибѣгала къ договорамъ».

IV.

Общія соображенія славянофиловъ касательно историческаго прошлаго, настоящаго и будущаго Россіи шли, конечно, несомнѣнно, въ полный разрѣзъ съ официальнымъ символомъ вѣры, который всему населенію неукоснительно повелѣно было исповѣдывать. Поэтому правительство Николая Павловича отнеслось совершенно отрицательно къ новому самобытному національному теченію въ области мысли, каковое отрицательное отношеніе усугублялось еще и тою позиціею, которую эта народившаяся группа заняла при опредѣленіи своего отношенія къ кореннымъ тогдашнимъ вопросамъ русской жизни — къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, а также къ вопросу о свободѣ слова и личности. Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ было отмѣчено, что крѣпостное право разсматривалось въ официальныхъ сферахъ, какъ оплотъ общественнаго строя, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней, на которыхъ зиждется русскій престолъ. Понятно, что всякое поползновеніе къ уничтоженію этого камня судилось, какъ явленіе оппозиціоннаго и даже революціоннаго настроенія. И славянофилы въ этомъ отношеніи, при всемъ миролюбивомъ ихъ настроеніи, во все царствованіе Николая I находились на особомъ замѣчаніи и въ положеніи заподозрѣнныхъ, явно гонимыхъ и преслѣдуемыхъ.

Историкъ крѣпостного вопроса, В. И. Семевскій, въ своемъ сочиненіи «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка» [1]), при всемъ своемъ несочувствіи къ московскимъ самобытникамъ сороковыхъ годовъ, произведя строжайшее и придирчивое дознаніе ихъ словъ и дѣйствій по крѣпостному вопросу, признаетъ, однако, ихъ несомнѣнныя заслуги въ этой области. Онъ говоритъ: «Тщательно собравъ все, что извѣстно объ отношенія славянофиловъ къ крестьянскому вопросу въ царствованіе Николая, мы видимъ, что они мало могли высказаться по этому предмету въ печати (въ чемъ, разумѣется, они не повинны); въ своемъ же кружкѣ они постоянно и письменно и словесно обсуждали вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, а одинъ изъ нихъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, имѣлъ возможность и въ служебной своей дѣятельности работать на пользу улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ... Славянофилы еще въ николаевскую эпоху

---

[1]) «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка». Томъ II.

додумались до мысли о необходимости освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею, и, притомъ, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія, и усердная защита этихъ принциповъ составляетъ немалую ихъ заслугу. Какимъ образомъ въ это время они думали осуществить освобожденіе на дѣлѣ, мы не знаемъ, но одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ изъ нихъ, К. Аксаковъ, если мы не ошибаемся, желалъ даже предоставленія имъ земли въ собственность безвозмездно. Однако же, мы видѣли, что не только ни одинъ славянофилъ не освободилъ своихъ крестьянъ, но что даже положеніе ихъ крестьянъ было вообще не лучше, а у нѣкоторыхъ еще и хуже средняго уровня; не только Хомяковъ и Кошелевъ, какъ оказалось, были крайне требовательными помѣщиками, но даже добродушный П. В. Кирѣевскій снабдилъ крестьянъ слишкомъ недостаточнымъ количествомъ земли. Такое рѣзкое несоотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ не можетъ помѣшать намъ, однако, признать, что славянофилы принесли немалую пользу теоретическимъ обсужденіемъ крестьянскаго вопроса съ правильной точки зрѣнія и пропагандою своихъ взглядовъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ и о сохраненіи общиннаго землевладѣнія».

Сильные своею проповѣдью народности, общинности и соборнаго начала, славянофилы высоко ставили и личность, какъ таковую, но требовали отъ нея добровольнаго подчиненія себя благу общаго, ея растворенія во имя братства и любви въ мірѣ. Защищая право за всякимъ свободнаго мнѣнія по всѣмъ вопросамъ жизни общественной и государственной, они громко и ясно ставили вопросъ о свободѣ слова, и въ этомъ отношеніи, какъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, они опять-таки становились по необходимости въ оппозиціонное отношеніе къ суровому курсу, установленному въ Петербургѣ и самимъ Николаемъ Павловичемъ и его сподвижниками. Если западники, умѣренные, въ лицѣ, напримѣръ, Грановскаго, или крайніе, въ лицѣ Бѣлинскаго и Герцена, относились вполнѣ отрицательно къ русской государственности въ ея историческомъ развитіи и въ воплощеніи николаевскаго режима, исходя изъ сочувствія къ западно-европейскимъ прогрессивнымъ формамъ жизни и идеаламъ, то не менѣе, если не сильнѣе ихъ въ отрицаніи современности были создатели славянофильской школы, имѣя, однако, своею точкою отправленія въ вопросѣ совершенно противное западникамъ историко-философское положеніе. Они, пожалуй, были первыми по времени, которые рѣзко противопоставили власти и государственности «самъ народъ», plebs съ его vox populi. Отсюда яркая демократическая окраска славянофильства, являвшаяся по существу идей полной антитезой къ полицейско-казарменному укладу николаевскаго режима.

И правящія сферы той эпохи, повидимому, достаточно серьезно оцѣнивали значеніе этой разницы, усматривая въ ней для себя жи-

вой историческій укоръ и осужденіе, основанные на неопровержимыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ прошлаго того народа, которымъ они распоряжались по системѣ голштинской выправки. Голштинскіе идеалы и преданія не имѣли ничего общаго и родственнаго съ земскими началами, выдвинутыми славянофилами, несмотря на всю поддѣлку подъ русскую народность, которою «стоящіе у трона» старались фальсифицировать настоящее иноземное происхожденіе вещей. «Православіе, самодержавіе и народность», идеальная тріада, почерпнутая изъ прошлаго русской исторіи, какъ гражданской, такъ и церковной, въ сущности не имѣла ничего общаго съ тѣмъ, что проповѣдывалось русскому обществу изъ нѣдръ петербургскихъ канцелярій съ всерѣшающею надписью: «Быть по сему», во имя именно этой тріады. И это-то отсутствіе общаго особенно подчеркивалось славянофилами при помощи историческихъ противоположеній, благодаря чему николаевская дѣйствительность представлялась по необходимости въ ея истинномъ освѣщеніи, внѣ круга тѣхъ искусственныхъ лучей, которые были наведены на нее волшебнымъ фонаремъ гр. Уварова. Въ тогдашнемъ режимѣ съ поразительною очевидностью именно отсутствовали тѣ самыя православіе, самодержавіе и народность, какъ начала чистыя, идеальныя, освященныя христіанскимъ сознаніемъ, которыя министръ Николая Павловича съ такою офиціальною самоувѣренностью вплеталъ въ царственный вѣнецъ своего монарха. И вина славянофиловъ въ глазахъ представителей администраціи была воистину велика: они лишали этотъ вѣнецъ выдающагося украшенія и его сіянія! Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заслуга общественная, помимо указанной и при томъ характера критическаго, заключалась въ томъ, что они демократизировали понятія общественныя и поставили интеллигенцію лицомъ къ лицу съ народомъ. И эта ихъ заслуга не прошла неоцѣненною въ нашей литературѣ.

А. Н. Пыпинъ, котораго нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ школѣ Хомякова, Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ, хотя и съ оговорками, но такъ опредѣляетъ эту заслугу [1]): «Въ общемъ смыслѣ славянофильство перваго періода имѣло свою большую историческую заслугу въ развитіи русскаго общества. Родившись подъ несомнѣнными вліяніями романтическихъ стремленій, оно сохранило въ сущности до конца этотъ романтическій, идеальный, мало приложимый къ жизни характеръ; но оно съ такимъ упорствомъ настаивало на своемъ идеалѣ, такъ искренно въ него вѣрило и горячо его защищало, что успѣло дать ему силу въ литературѣ и въ мнѣніяхъ общества. Этимъ идеаломъ былъ народъ, и здѣсь была сила этой школы. Не совсѣмъ вѣрно, но очень сильно она затроги-

[1]) А. Н. Пыпинъ. «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ». Историческіе очерки.

вала чувствительную струну времени. Славянофильское пониманіе народа было преувеличенное, но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ оно было заслугой: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было тогда довольно смѣлымъ дѣломъ указывать въ народѣ единственный критеріумъ государственной и общественной жизни; придавать ему такое значеніе, о которомъ не помышляла официальная народность; возвышать и превозносить этотъ «черный» народъ тогда, когда надъ нимъ еще тяготѣло осужденіе государственнаго закона, пренебреженіе барства, чиновничества и почти всего, что стояло надъ низшими классами, когда считалось, что онъ годится только служить рабочей силой и толпой для народныхъ празднествъ официальной жизни. Славянофилы указывали обществу его оторванность отъ народа, ничтожество его въ этомъ раздѣленіи отъ истиннаго корня національной жизни, необходимость союза, который одинъ даетъ обществу нравственную силу и даетъ его образованію дѣйствительную плодотворность».

Но славянофильство при всей кажущейся популярности своего политическаго романтизма не могло имѣть слишкомъ широкаго успѣха и распространенія. Его вліяніе на массу было очень ограничено и по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, оно лишено было возможности по тогдашнимъ общимъ цензурнымъ условіямъ откровенно писать и печатать о событіяхъ времени и о тогдашнемъ положеніи вещей, вслѣдствіе чего его критическая оппозиціонная сторона совершенно блѣднѣла и сходила почти на нѣтъ. Оно не могло само собою рядомъ положительныхъ умозаключеній дѣлать опредѣленные выводы и предоставляло эту задачу тѣмъ, кто на это имѣлъ силы и возможность. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его положительныхъ утвержденіяхъ, въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ вещей и той философикаціей, которая была пущена въ ходъ графомъ Уваровымъ, увы! встрѣчались точки внѣшняго соприкосновенія, благодаря чему получалось такое представленіе, какъ будто славянофильство реабилитируетъ дѣйствительность и санкціонируетъ ее выводами историко-философскаго порядка, чего на самомъ дѣлѣ, конечно, не было. Наконецъ, близость славянофиловъ, въ силу совершенно личныхъ отношеній къ представителямъ болѣе консервативнаго и узко-націоналистическаго лагеря, ихъ вынужденное участіе въ ихъ органахъ печати, за неимѣніемъ, по невозможности къ тому, своихъ личныхъ, въ глазахъ широкаго общества и ихъ принципіальныхъ противниковъ, накладывали на нихъ невольную тѣнь и дѣлали отвѣтственными за то, что говорятъ ихъ случайные союзники, союзники по необходимости. Центральное и лѣвое крыло славянофильства, при неустановившейся еще исторической перспективѣ, сливалось съ правымъ крыломъ, и все направленіе такимъ образомъ получало наклонъ именно вправо съ кажущимися тяготѣніями къ официальной политикѣ. Что въ томъ, что они терпѣли гоненія, за

ними слѣдили, имъ не разрѣшались органы печати, и ихъ произведенія подвергались цензурнымъ преслѣдованіямъ! Эти гоненія и преслѣдованія были общею узаконенною системою той эпохи, и примѣнительно къ славянофиламъ они истолковывались съ обывательской точки зрѣнія, какъ кара за продерзости личнаго свойства.

V.

«Скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты такой», - этотъ афоризмъ сыгралъ въ исторіи и развитіи славянофильства, какъ политическаго ученія, роковую роль. Главари этой школы стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ Погодину и Шевыреву, «Москвитянинъ» неоднократно являлся въ глазахъ читающей публики органомъ именно славянофиловъ, и ихъ полемика съ западниками въ исторіи нашей литературы и общественности связана главнымъ образомъ съ «Москвитяниномъ», дѣтищемъ русской журналистики, выношеннымъ М. Погодинымъ, при ближайшемъ участіи его личнаго друга, С. Шевырева. Описывая общественную роль «Москвитянина» въ тотъ періодъ, когда враждебные станы были «на барьерѣ», Герценъ говоритъ [1]): «Москвитянинъ», раздраженный Бѣлинскимъ, раздраженный успѣхомъ «Отечественныхъ Записокъ» и успѣхомъ лекцій Грановскаго, защищался чѣмъ попало и всего менѣе жалѣлъ Бѣлинскаго; онъ прямо говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ опасномъ, жаждущемъ разрушенія, радующемся при зрѣлищѣ пожара.

«Впрочемъ, «Москвитянинъ» выражалъ преимущественно университетскую доктринерскую партію славянофиловъ. Партію эту можно назвать не только университетской, но и отчасти правительственной. Это большая новость въ русской литературѣ. У насъ рабство или молчитъ, беретъ взятки и плохо знаетъ грамоту или, пренебрегая прозой, беретъ аккорды на лирѣ.

«Булгаринъ съ Гречемъ не идутъ въ примѣръ: они никого не надули, ихъ ливрейную кокарду никто не принялъ за отличительный знакъ мнѣнія. Погодинъ и Шевыревъ, издатели «Москвитянина», совсѣмъ напротивъ, были добросовѣстно раболѣпны: Шевыревъ,—не знаю отчего, можетъ, увлеченный своимъ предкомъ, который средь пытокъ и мученій, во времена Грознаго, пѣлъ псалмы и чуть не молился о продолженіи дней свирѣпаго старика; Погодинъ — изъ ненависти къ аристократіи... Близнецы «Москвитянина» стали зацѣплять ужъ не только Бѣлинскаго, но и Грановскаго за его лекціи. И все съ тѣмъ же несчастнымъ отсутствіемъ такта, который возстановлялъ противъ нихъ всѣхъ порядочныхъ людей. Они обвиняли Грановскаго въ пристрастіи къ западному

---

[1]) Сочиненія, т. II. «Былое и Думы».

развитію, къ извѣстному порядку идей... Грановскій поднялъ ихъ перчатку и смѣлымъ и благороднымъ возраженіемъ заставилъ ихъ покраснѣть... Отвѣты Грановскаго были такъ просты и мужественны, его лекціи такъ увлекательны, что славянскіе доктринеры притихли, и молодежь ихъ рукоплескала не меньше насъ. Послѣ курса былъ даже сдѣланъ опытъ примиренія... Попытка нашего Кучукъ-Кайнарджи очень скоро оказалась невозможной, и бой закипѣлъ съ новымъ ожесточеніемъ.

«Съ нашей стороны было невозможно заарканить Бѣлинскаго, онъ слалъ намъ грозныя грамоты изъ Петербурга, отлучалъ насъ, предавалъ анаѳемѣ и писалъ еще злѣе въ «Отечественныхъ Запискахъ». Наконецъ, онъ торжественно указалъ пальцемъ противъ «проказы» славянофильства и съ упрекомъ повторилъ: «Вотъ вамъ они!» Мы всѣ понурили голову. Бѣлинскій былъ правъ!

«Умирающей рукой нѣкогда любимый поэтъ, сдѣлавшійся святошей отъ болѣзни и славянофиломъ по родству, хотѣлъ стегнуть насъ; по несчастію, онъ для этого избралъ опять-таки полицейскую нагайку. Въ пьесѣ подъ заглавіемъ «Не наши» онъ называлъ Чаадаева—отступникомъ отъ православія, Грановскаго—лжеучителемъ, растлѣвающимъ юношей, меня—слугой, носящимъ блестящую ливрею западной науки, и всѣхъ троихъ—измѣнниками отечеству. Конечно, онъ не называлъ насъ по имени, ихъ добавляли чтецы, носившіе съ восхищеніемъ изъ зала въ залу доносъ въ стихахъ. К. Аксаковъ съ негодованіемъ отвѣчалъ ему тоже стихами, рѣзко клеймя злыя нападки и называя «Не нашими» различныхъ славянъ, во Христѣ-Богѣ нашемъ жандармствующихъ.

«Обстоятельство это прибавило много горечи въ наши отношенія. Имя поэта, имя чтеца, кругъ, въ которомъ онъ жилъ, кругъ, который этимъ восхищался, — все это сильно раздражало умы»...

Авторъ стихотворнаго произведенія, о которомъ говоритъ Герценъ, былъ Языковъ, поэтъ близкій, родственный и славянофиламъ и Погодину съ Шевыревымъ, которые именно съ особенною настойчивостью и распространяли его пасквильное произведеніе. Такимъ образомъ, изъ описанія событій, сдѣланнаго Герценомъ, этимъ виднымъ представителемъ тогдашней литературной и научной Москвы, мы видимъ, что близость чистаго славянофильства, какъ школы политической, въ лицѣ Хомякова, К. Аксакова и др., съ подобіемъ и внѣшнимъ отраженіемъ славянофильства, въ лицѣ Погодина и Шевырева, дискредитировала самую школу, ея ученіе и ея представителей, смѣшивала ихъ въ понятіи общественномъ и тѣмъ самымъ парализовала ихъ политическое оппозиціонное значеніе.

А. Н. Пыпинъ въ своихъ «Литературныхъ мнѣніяхъ» опредѣляетъ общественное значеніе того ученія и той группы, къ кото-

рой примыкали Погодинъ и Шевыревъ въ ихъ отношеніяхъ къ тогдашней оффиціальной дѣйствительности, слѣдующимъ образомъ:

«Мы упомянули,—говоритъ онъ,—что историки этой категоріи (т.-е. оффиціальной народности) брались изображать и настоящее. Можно себѣ представить, что это были постоянные и слишкомъ неумѣренные панегирики, историческая амплификація извѣстной темы, что все обстоитъ благополучно, и что граждане благословляютъ свою судьбу. Людямъ разсудительнымъ и тогда странно было читать эти вещи; еще страннѣе было читать ихъ впослѣдствіи, когда теченіе событій совершенно опровергнуло панегирики: неумѣренныя восхваленія иногда становились похожи на иронію...

«Въ дополненіе къ этой исторіи являлись труды, менѣе проникнутые оффиціальностью, но не менѣе отличавшіеся восхваленіемъ русской старины, стращаніемъ Европы и превознесеніемъ настоящаго. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ такой исторіи можетъ служить «Исторія русской словесности, преимущественно древней» Шевырева и другія произведенія этого писателя, представлявшаго вмѣстѣ съ Погодинымъ особую школу, которой не надо смѣшивать съ славянофильствомъ (хотя между ними было все-таки много общаго). Стиль Шевырева, отличавшійся елейнымъ краснорѣчіемъ, соотвѣтствовалъ содержанію его теоріи, находившей въ древней Руси всѣ нравственные идеалы: онъ опять переносилъ въ прошедшее тѣ понятія и нравы, какими жилъ въ настоящемъ, и, не представляя себѣ возможности иныхъ формъ жизни, прямо выставилъ высшимъ идеаломъ не только личнымъ, но и гражданскимъ, добродѣтель «смиренія»; смыслъ прошедшей исторіи и задачу будущей онъ видѣлъ для русскаго народа въ «приниженіи личности».

«Такія черты принимала литература, выроставшая изъ тогдашняго положенія вещей, изъ господствующихъ понятій и нравовъ. Она была, съ одной стороны, продолженіемъ консервативнаго романтизма, съ другой, примѣненіемъ оффиціальной народности; вообще это была литература неподвижности и застоя, отличавшихъ огромное большинство общества. Она не предполагала ни возможности другого порядка идей, ни возможности сомнѣнія, сурово опекаемая, она не имѣла даже сознанія своего положенія, полагала, что иначе быть не можетъ и не должно, и наконецъ завершилась мрачнымъ обскурантизмомъ «Маяка», или, чтобы мнимо-научнымъ образомъ оправдать свое существованіе, возводила въ принципъ отсутствіе всякой личной и общественной свободы и самодѣятельности».

Съ этой-то литературой и дружила отчасти по необходимости, отчасти по случайности литература славянофильская, въ ней она до извѣстной степени тонула и растворялась и, благодаря этому несчастному стеченію обстоятельствъ, теряла свою оригинальную физіо-

номію, свою отличительную политическую особенность. Отсюда и незначительность ея общественнаго вліянія и невозможность для нея воздѣйствовать въ строго опредѣленномъ направленіи на развитіе политическихъ идей въ Россіи. Удары, наносимые ей ея принципіальными противниками, часто сыпались на нее не по адресу и незаслуженно. Она искупала грѣхи другихъ и дорого платила за свой случайный и внѣшній союзъ. Правительству Николая Павловича это было на руку, и тѣмъ самымъ оно избавлялось отъ сильнаго врага, который во славу его избивался его же другимъ врагомъ. Западники и славянофилы своей борьбой не на животъ, а на смерть ослабляли другъ друга, въ своемъ наступательномъ движеніи противъ отживавшаго порядка вещей и только, каждые въ отдѣльности другъ отъ друга, пріуготовляли общественное мнѣніе къ сознанію необходимости въ будущемъ коренной ломки этого порядка и замѣны его новымъ. Вопросъ сводился къ тому: каково же должно быть это новое? Мнѣніе по сему предмету, или, правильнѣе, историческій идеалъ славянофиловъ нами изложенъ въ настоящей части «Очерковъ». Къ чему же стремились и чего желали ихъ противники—западники, умѣренные и крайніе?

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Пестель. Русская Правда, наказъ временному верховному правленію. Спб. 1906.

ИЗВѢСТНАЯ «Русская Правда» Н. И. Пестеля, его любимое дѣтище и систематическій трудъ многихъ лѣтъ, впервые появляется въ печати. Исторія этой книги такова. Около 10 лѣтъ Пестель работалъ надъ ней, читая иногда отрывки своимъ друзьямъ. Передъ арестомъ, повидимому, Пестель уничтожилъ часть ея; вѣроятно, такой участи подверглась шестая глава, трактовавшая объ образѣ правленія въ Россіи. Въ моментъ ареста Пестель успѣлъ сказать своему сообщнику кн. Волконскому: «Одно только необходимо сдѣлать—это уничтожить Русскую Правду: она насъ можетъ погубить». Друзья Пестеля поспѣшили устроить дѣло: они зарыли рукопись въ землю, но позднѣе нашелся такой ихъ сообщникъ (офицеръ Заикинъ), который указалъ слѣдственнымъ властямъ мѣсто, гдѣ была зарыта «Правда». Ее выкопали и привезли въ Петербургъ. Она-то и послужила самой сильной уликой противъ Пестеля въ томъ, что онъ хотѣлъ, по выраженію слѣдственной комиссіи, «разрушить существующій образъ правленія и ниспровергнуть престолъ». До 80-хъ годовъ «Русская Правда» вмѣстѣ съ остальными бумагами была запечатана, а потомъ съ высочайшаго соизволенія запретъ былъ снятъ для академика Н. Ѳ. Дубровина, который и сдѣлалъ съ «Русской Правды» копію. Съ этого списка, представляющаго точное воспроизведеніе подлинника, и издана «Русская Правда» П. Е. Щеголевымъ.

Пестель предполагалъ разбить «Русскую Правду» на десять главъ. Первая глава разсуждала о границахъ государства, вторая—о жителяхъ Россіи,

третья—о сословіяхъ, въ государствѣ обрѣтающихся, четвертая—о политическомъ или общественномъ состояніи народа и о правахъ гражданства, шестая—о верховной власти, при чемъ, по показанію Пестеля, она должна быть написана вдвойнѣ: «одна—въ монархическомъ, а другая—въ республиканскомъ смыслѣ, любую можно было избрать и въ общее сочиненіе включить»; седьмая—о мѣстномъ управленіи, восьмая—объ учрежденіяхъ, устраивающихъ государственную безопасность, девятая—объ учрежденіяхъ, завѣдывающихъ общественнымъ благосостояніемъ, десятая—долженствовала содержать родъ наказа для составленія общаго государственнаго свода законовъ.

«Русская Правда» Пестелемъ не была закончена, а потому въ печати мы находимъ: введеніе (объ основныхъ понятіяхъ), первыя пять главъ полностью, а изъ послѣднихъ пяти лишь отрывки. «Русская Правда», по опредѣленію самого автора въ введеніи, «есть верховная всероссійская грамота, опредѣляющая всѣ перемѣны, въ государствѣ послѣдовать имѣющія, всѣ предметы и статьи, уничтоженію и ниспроверженію подлежащіе, и, наконецъ, коренныя правила и начальныя основы, долженствующія служить неизмѣннымъ руководствомъ при сооруженіи государственнаго порядка и составленіи новаго государственнаго уложенія».

Предпосылая отдѣльнымъ главамъ общее введеніе, Пестель настаиваетъ, что, хотя каждая изъ составныхъ частей государства (правительство и народъ) имѣетъ свои права и обязанности, однако прежде всего нужно имѣть въ виду народъ и его интересы, такъ какъ «правительство учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства». Благосостояніе же народа можетъ быть тогда, когда государство находится «подъ властью и управленіемъ законовъ», «а не прихожей личныхъ властителей». Отсюда вытекаютъ для Россіи «двѣ главныя необходимости: первая состоитъ въ совершенномъ преобразованіи государственнаго порядка и устройства, а вторая—въ изданіи полнаго новаго уложенія или свода законовъ, сохраняя при томъ все полезное и уничтожая все вредное». Но цѣль эта иначе «не можетъ быть достигнута, какъ посредствомъ учрежденія временнаго верховнаго управленія и обнародованія Русской Правды», началамъ которой будутъ слѣдовать при преобразованіи государственнаго порядка правленія.

Что касается территоріи, то «Русская Правда» настаиваетъ, что «Россія есть государство единое и нераздѣлимое», «всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло». Изъ этого общаго положенія исключеніе дѣлается въ отношеніи Польши: «по правилу народности должна Россія даровать Польшѣ независимое существованіе», но принять ее «подъ свое покровительство». Вся Россія административно раздѣлялась по «Русской Правдѣ» на 53 губерніи, при чемъ столица должна быть перенесена въ Нижній Новгородъ (съ переименованіемъ его во Владиміръ) въ виду срединнаго его положенія и хорошихъ путей сообщенія и еще того, что «всѣ воспоминанія о древности нижегородской дышатъ свободою и прямою любовью къ отечеству» (стр. 26).

Обсуждая разноплеменный составъ государства, «Русская Правда» указываетъ, что «при всѣхъ мѣропріятіяхъ временнаго верховнаго правленія въ отношеніи

къ различнымъ народамъ и племенамъ, Россію населяющимъ, безпрестанно должно опредѣленную цѣль имѣть въ виду, чтобы составить изъ нихъ всѣхъ только одинъ народъ и всѣ различные оттѣнки въ одну общую массу слить такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства Россійскаго государства всѣ были русскіе»; средствами для этого должны служить—«господство одного только русскаго языка на всемъ протяженіи государства, одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія» (55).

Въ главѣ о сословіяхъ «Русская Правда» выставляетъ одно общее правило: «всѣ люди въ государствѣ должны составить только одно сословіе, могущее именоваться гражданскимъ, и всѣ граждане должны имѣть одни и тѣ же права и быть передъ закономъ всѣ равны» (стр. 60 и 91). Вотъ почему всѣ привилегіи теперешнихъ сословій, въ особенности дворянскаго, должны быть отмѣнены, и даже самая группировка населенія по сословіямъ, хотя бы съ тѣнью прежнихъ правъ, должна быть, по настоянію «Русской Правды», упразднена совершенно, такъ чтобы все населеніе слилось въ одну общую массу гражданъ. Соотвѣтственно этому и крѣпостные крестьяне должны были получить свободу отъ власти помѣщиковъ съ значительнымъ земельнымъ надѣломъ. Любопытно у Пестеля рѣшеніе земельнаго вопроса. Онъ думалъ соединить идею соціализаціи земли съ правомъ частной собственности на нее, проектируя раздѣлить земли каждой волости на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна должна составлять земли общественныя, другая—оставаться во владѣніи частныхъ лицъ.

Большое вниманіе «Русская Правда» удѣляетъ военному дѣлу: составу арміи, ея административному и хозяйственному управленію и другимъ вопросамъ, связаннымъ съ организаціей арміи. Въ главѣ о судѣ «Русская Правда» настаиваетъ на строгой законности, на широкомъ участіи въ судѣ присяжныхъ засѣдателей; въ отношеніи наказаній «Русская Правда» требуетъ полной отмѣны смертной казни навсегда (стр. 101).

Вообще говоря, «Русская Правда» охватываетъ жизнь всесторонне и представляетъ собою планъ колоссальной реформы всей политической и общественной жизни тогдашней Россіи. **М. К.**

Архимандритъ Іона. Свѣтъ съ Востока. Письмо о церковныхъ дѣлахъ православнаго Востока. Выпускъ I. Спб. 1904. Выпускъ II. Спб. 1906.

Ближній Востокъ представляетъ для русскихъ большой интересъ въ разныхъ отношеніяхъ, особенно же въ церковно-религіозномъ, какъ въ силу прежнихъ отношеній нашего отечества къ Византіи, Аѳону, Іерусалиму, Синаю и другимъ центрамъ церковно-богословской и религіозно-созерцательной жизни восточнаго православія, такъ и въ виду возникшаго у насъ въ послѣднее время церковно-религіознаго движенія, ведущаго насъ къ помѣстному собору, а чрезъ него—къ различнымъ преобразованіямъ въ области церковнаго управленія, суда, просвѣщенія и т. д. Что бы ни говорили нѣко-

торые русскіе писатели нашего времени, интересующіеся церковно-богословскими вопросами и пытающіеся рѣшать ихъ внѣ всякаго знакомства съ церковной исторіей и каноническимъ правомъ, какъ бы ни хулили они Византію и православный Востокъ, не имѣя въ сущности ни малѣйшаго представленія о подлинномъ византинизмѣ, о которомъ они судятъ безъ всякаго знакомства съ научными источниками, къ какимъ бы декадентскимъ средствамъ, до психопатическаго кликушества включительно, они ни прибѣгали, въ замѣнъ серьезныхъ и основательныхъ сужденій, коихъ у нихъ по существу и быть не можетъ,—Византія въ своемъ прошломъ стояла на недосягаемой пока для русскихъ высотѣ и создала такія формы культурно-общественной жизни, предъ которыми съ изумленіемъ останавливались такіе крупные ученые, какъ Крумбахеръ, Гельцеръ, Диль, Шлюмберже, В. Г. Васильевскій, Ѳ. И. Успенскій, Ламиросъ, Папарригопулъ и многіе другіе, посвятившіе изученію исторіи и быта Византіи почти всю свою жизнь. Нашимъ скороспѣлымъ и малообразованнымъ критикамъ византинизма не мѣшало бы ознакомиться хотя съ нѣкоторыми трудами указанныхъ ученыхъ, дабы видѣть, какъ они преступно несправедливы въ своей оцѣнкѣ того, чего не знаютъ. И современный православный Востокъ представляетъ много интереснаго и поучительнаго въ церковно-религіозномъ отношеніи. Но у насъ и о немъ судятъ съ высоты птичьяго полета, безъ надлежащаго пониманія его прошлой и современной судьбы. А, между тѣмъ, многіе церковные вопросы, подлежащіе рѣшенію на предстоящемъ соборѣ русской церкви и теперь вкривь и вкось обсуждаемые на страницахъ журналовъ и газетъ всѣми, кому только не лѣнь, давно уже разрѣшены на православномъ Востокѣ наилучшимъ образомъ. Для примѣра можно указать на организацію приходской жизни, на взаимныя отношенія высшаго и низшаго духовенства и простого народа, на устройство школъ для приготовленія клириковъ. Въ виду поучительнаго характера церковно-религіозной жизни на православномъ Востокѣ, особенно цѣннаго для русскихъ въ переживаемое переходное время, нельзя не обратить вниманія на два выпуска «Свѣта съ Востока», принадлежащіе архимандриту Іонѣ, настоятелю русской посольской церкви въ Константинополѣ, имѣющему возможность непосредственно наблюдать и изучать ближній Востокъ, въ его современномъ фактическомъ состояніи.

Въ первомъ выпускѣ «Свѣта съ Востока» помѣщено семь статей, изъ коихъ однѣ касаются Востока «въ самомъ себѣ», а другія характеризуютъ Востокъ въ его отношеніи къ Россіи. Въ частности, въ очеркѣ первомъ, подъ заглавіемъ «Что такое православный Востокъ въ церковномъ отношеніи» (стр. 3—15), авторъ характеризуетъ въ краткихъ чертахъ греческое духовенство, монаховъ и народъ. Востокъ, по словамъ автора, есть колыбель христіанства, неисчерпаемый источникъ чистой воды истинно-церковнаго ученія, величественный священно-историческій памятникъ, основа, ограда и укрѣпленіе православія. На землѣ нѣтъ мѣста, подобнаго православному Востоку. Самъ Господь избралъ его и благословилъ, его земля освящена стопами Христа, полита Его кровью и кровью безчисленныхъ мучениковъ. Правда, внѣшнее положеніе православной церкви на Востокѣ не блестяще. Убожество

и скудость церковныхъ зданій и принадлежностей богослуженія здѣсь поразительны, униженіе христіанства предъ мусульманствомъ очень велико. Тѣмъ не менѣе, истинное духовное богатство, сила духовныхъ дарованій и теперь не изсякли на Востокѣ и проявляются въ формахъ, напоминающихъ первые вѣка христіанской эры. Достаточно указать, прежде всего, на то, что на греческомъ Востокѣ мученичество за вѣру и теперь является фактомъ, о которомъ мѣстные христіане боятся и говорить, опасаясь грозныхъ проявленій фанатизма мусульманъ. За время турецкаго ига восточная церковь причислила къ лику святыхъ до трехсотъ вновь прославленныхъ мучениковъ за вѣру. На высотѣ стоитъ и греческое монашество. Въ недавнее время на островѣ Халки близъ Константинополя жили два подвижника: Евстратій и Арсеній, которыхъ за высокую нравственную жизнь, за подвиги молитвы и поста чтили не только христіане, но и мусульмане; къ нимъ являлись и турецкіе паши съ женами и дѣтьми, смиренно входили въ ихъ кельи, цѣловали руку, просили помолиться за нихъ, окропить святой водою больныхъ дѣтей, возложить на нихъ руки. Среди греческихъ архіереевъ есть много лицъ съ высшимъ образованіемъ, полученнымъ въ западныхъ университетахъ, низшее духовенство выходитъ изъ среды народа, находится въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ паствой, да и митрополиты; до патріарха включительно, живутъ жизнью своихъ паствъ, радуются общими радостями и скорбятъ общими печалями. Общеніе духовенства и народа здѣсь постоянное, а простота жизни изумительна. На Востокѣ не встрѣтишь епископа, ѣдущаго въ каретѣ, даже патріархи нерѣдко странствуютъ per pedes apostolorum. Простой народъ отличается религіозностью, а интеллигенція не стыдится вѣры отцовъ, интересуется религіозными вопросами, посѣщаетъ богослуженія, уважаетъ духовенство, соблюдаетъ посты. Вообще, и теперь складъ жизни на православномъ греческомъ Востокѣ (кромѣ Эллады, куда проникла западно-европейская цивилизація съ печальными продуктами религіознаго индифферентизма и невѣрія) проникнутъ духомъ церковности.

Во второмъ очеркѣ (стр. 15—25) архимандритъ Іона раскрываетъ значеніе православнаго Востока для церковной жизни русскаго народа. Въ виду того, что Востокъ и теперь живетъ по началамъ христіанской вѣры, авторъ полагаетъ, что здѣсь есть чему поучиться и нашей интеллигенціи, и русскому монашеству, и приходскому духовенству и, наконецъ, простому народу, особенно въ настоящее тревожное время. Какъ бы въ pendant тому, что представляетъ Востокъ въ самомъ себѣ, авторъ далѣе характеризуетъ русскихъ дѣятелей на православномъ Востокѣ (стр. 25—36), подъ которыми онъ разумѣетъ Палестинское общество, археологическій институтъ въ Константинополѣ, русскихъ ученыхъ, писавшихъ о Востокѣ, и прочее. Въ этомъ очеркѣ, выходящемъ отчасти за предѣлы наблюденія архимандрита Іоны, высказываются и ошибочныя сужденія. Такъ, онъ неправильно говоритъ, будто Палестинское общество отстраняетъ духовенство отъ участія въ его дѣятельности, укоряетъ общество за то, что оно устраиваетъ школы только въ Палестинѣ и Сиріи, а не помогаетъ греческому населенію Балканскаго полуострова, хотя дѣятельность общества и въ указанныхъ странахъ, по недостатку

средствъ, не можетъ развиться въ такихъ размѣрахъ, какъ это обществу желательно, и какъ этого требуютъ достоинство и честь Россіи, бѣдность и безпомощность арабскаго населенія въ Сиріи и Палестинѣ.

Слѣдующій очеркъ, подъ заглавіемъ «Русскій Аѳонъ въ его идеѣ, въ современной дѣйствительности и въ желательной будущности» (стр. 35—74), посвященъ русскимъ монахамъ Святой Горы и указываетъ нѣкоторые недочеты, иногда весьма крупные, въ ихъ жизни. Особенно далека отъ идеаловъ монашества жизнь такъ называемыхъ келліотовъ, которые, проводя время въ Константинополѣ, занимаются здѣсь немонашескими дѣлами и роняютъ въ глазахъ и грековъ, и европейцевъ города свое достоинство и престижъ родины.

Далѣе архимандритъ Іона касается латинской пропаганды на православномъ Востокѣ (стр. 74—94) и яркими чертами изображаетъ хитрые пріемы прозелитизма, къ которымъ прибѣгаютъ католическіе миссіонеры съ цѣлью совратить православныхъ въ лоно латинской церкви или распространить среди нихъ разрушительную церковную унію съ Римомъ, состоящую лишь въ признаніи папскаго главенства, но съ сохраненіемъ туземнаго духовенства, родного языка при богослуженіи и прежнихъ церковныхъ обрядовъ. Впослѣдствіи, однако, унія приводила къ національному обезличенію и къ подавленію племенного самосознанія.

Въ дальнѣйшей статьѣ -- «Послѣдствія Митиленскаго договора» (стр. 94—106), состоявшагося между Франціей и Турціей въ 1901 г., разъясняется роль Франціи въ отношеніи къ католицизму на Востокѣ послѣ указаннаго договора.

Въ очеркѣ «Современное направленіе религіозно-общественной жизни на православномъ Востокѣ» (стр. 106—140) говорится о положеніи греческаго духовенства въ отношеніи къ паствѣ на Востокѣ, о богослуженіи и участіи народа въ церковной жизни, о церковныхъ сношеніяхъ Константинополя съ Англіей съ цѣлью взаимнаго единенія, о просвѣщенной церковно-общественной дѣятельности современнаго константинопольскаго патріарха Іоакима III, одного изъ выдающихся іерарховъ на Востокѣ.

Наконецъ, въ «Словѣ на новый годъ» (стр. 141—146), произнесенномъ 1 января 1902 г. въ русской посольской церкви въ Константинополѣ, въ присутствіи посланниковъ всѣхъ православныхъ державъ Балканскаго полуострова, архимандритъ Іона провелъ характерную антитезу между христіанствомъ на Востокѣ и Западѣ.

Что касается второго выпуска «Свѣта съ Востока», то въ немъ помѣщены только двѣ статьи, являющіяся дополненіемъ къ очеркамъ перваго выпуска. Въ частности, въ статьѣ «Восточная православная и англиканская церкви» (стр. 1—18) архимандритъ Іона возвращается къ характеристикѣ современнаго направленія религіозно-общественной мысли и жизни на православномъ Востокѣ и говоритъ объ изученіи греками англиканства съ цѣлью подготовить почву къ единенію церквей. Параллельно отмѣчаются попытки западныхъ ученыхъ ближе и лучше ознакомиться съ Востокомъ и поразительная въ этомъ отношеніи небрежность русскихъ, которые «лѣнивы и нелюбопытны» и

судятъ о Востокѣ по формулѣ Нестора-лѣтописца («суть бо греци льстиви даже до сего дне»), или по самодовольному и невѣжественному руководству блаженной памяти протопопа Аввакума, который приглашалъ грековъ «къ намъ учитца», ибо «православіе у нихъ пестро стало», и они «не мощны». Sancta simplicitas!..

Въ статьѣ «Будущность латинскихъ миссій на Востокѣ» (стр. 18—42) отмѣчается ложь латинской пропаганды христіанства среди православныхъ Востока, при чемъ авторъ въ раскрытіи любопытнаго тезиса пользуется аргументами одного католическаго писателя, бичующаго своихъ единовѣрцевъ.

Вообще, два выпуска «Свѣта съ Востока» архимандрита Іоны читаются съ интересомъ и даютъ обильный и, большею частью, вѣрный матеріалъ относительно современной церковно-общественной жизни въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Необходимо отмѣтить и новую точку зрѣнія на церковныя дѣла Востока, которую авторъ, по нашему мнѣнію, и доказалъ и провелъ чрезъ всѣ помѣщенные въ его книгахъ очерки безъ малѣйшей утрировки.

Σ.

Готье, Ю. Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси. М. 1906. Его же. Матеріалы по исторической географіи Московской Руси. М. 1906.

Книга г. Готье посвящена изученію исторіи сельскаго населенія, землевладѣльческихъ отношеній и сельскаго хозяйства въ XVII вѣкѣ. Въ основу этого изслѣдованія авторомъ положенъ архивный матеріалъ, именно писцовыя и переписныя книги замосковныхъ уѣздовъ. Чтобы не обременять себя почти непосильной задачей—обслѣдовать экономическій бытъ всего Московскаго государства, г. Готье предусмотрительно выдѣляетъ для своего изученія лишь центръ Московской Руси, болѣе или менѣе однородный, носившій названіе Замосковнаго края, теперешнія губерніи: Московскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую и часть сосѣднихъ.

Своему изслѣдованію авторъ предпосылаетъ обширную главу (1—168 стр.), посвященную критическому изученію его источниковъ; дѣлаетъ обзоръ писцовымъ и переписнымъ книгамъ Замосковнаго края (за XVI и XVII в.в.) поуѣздно, характеризуетъ работу писцовъ и переписчиковъ на мѣстахъ и разбираетъ содержаніе писцовыхъ книгъ и ихъ терминологію. Глава вторая (169—207) говоритъ о территоріи края, о его природныхъ условіяхъ и историческомъ значеніи, объ областномъ дѣленіи на волости, станы и уѣзды. Въ третьей опредѣляется вліяніе, оказанное смутой на экономическое положеніе края, при чемъ свои выводы авторъ подтверждаетъ многочисленными цифровыми данными. Оказывается, «народное хозяйство Замосковья, которое въ 1590-хъ г.г. какъ будто начало улучшаться послѣ долгаго и тяжкаго кризиса, тотчасъ вслѣдъ за этимъ испытало новый очень рѣзкій упадокъ», «ярко характеризуемый данными 1612—1616 г.г.»; правда, къ концу 30-хъ годовъ край оправился, но кризисъ, вызванный смутой, «прервалъ и на много

лѣтъ замедлилъ возстановленіе народнаго хозяйства», потрясеннаго кризисомъ XVI вѣка.

Четвертая глава (257—319) посвящена населенію, въ ней авторъ слѣдитъ за ростомъ населенія, за его притокомъ въ центръ и отливомъ на окраины. Въ итогѣ этого обзора указывается, что замѣтенъ «значительный ростъ сельскаго населенія, доведшій его съ 600—700 тысячъ въ 20-хъ годахъ до 2 слишкомъ милліоновъ ко времени начала преобразованій». Но увеличеніе населенія парализовалось постояннымъ отливомъ на югъ.

Въ пятой главѣ разсматривается исторія землевладѣнія дворцоваго, чернаго, церковнаго и служилаго, помѣстнаго и вотчиннаго. Къ концу XVII в. можно установить слѣдующее: дворцовое землевладѣніе постоянно убываетъ, черное—приходитъ къ полному исчезновенію въ изслѣдуемомъ краѣ; землевладѣніе духовенства остается незыблемымъ въ продолженіе всего XVII в.; служилое землевладѣніе выигрываетъ больше всего, оно «возростало въ огромныхъ размѣрахъ», хотя и подвергалось постоянной мобилизаціи въ очень сильной степени, что̀ вызывалось причинами, главнымъ образомъ, экономическими.

Въ послѣдней (шестой) главѣ (430—543) разбираются: техника сельскаго хозяйства, формы и размѣры сельскохозяйственнаго производства, сельская промышленность и торговля, повинности сельскаго населенія, государственныя и частновладѣльческія; по послѣднему вопросу устанавливается, «несомнѣнный ростъ въ XVII в. податного бремени, падавшаго всею своею тяжестью исключительно на крестьянина». Въ общемъ заключеніи авторъ указываетъ, что XVII вѣкъ «огромнымъ ростомъ частнаго землевладѣнія, и при томъ не помѣстнаго, а вотчиннаго», прочно подготовилъ и создалъ ту «экономическую почву», на которой пышно расцвѣли въ слѣдующемъ столѣтіи «крѣпостное вотчинное хозяйство и политическое могущество дворянства». Что касается благосостоянія тяглыхъ массъ, то оно «въ XVII в. не повысилось, а понизилось»; «внутренняя колонизація не сопровождалась увеличеніемъ интенсивности сельскаго хозяйства», техника котораго «не сдѣлала ни одного шага впередъ»; благосостояніе не увеличивалось и потому, что ни сельская торговля, ни сельскіе промыслы не развивались правильно. Можно сказать, что «едва ли общее экономическое состояніе Замосковнаго края въ концѣ XVII ст. было многимъ выше, нежели передъ Смутнымъ временемъ».

Въ концѣ книгѣ приложены матеріалы по исторической географіи, именно перечислены въ алфавитномъ порядкѣ замосковные уѣзды и входившіе въ составъ ихъ станы и волости съ указаніемъ ихъ границъ. Эти географическія данныя нанесены на карту довольно большого размѣра. «Матеріалы», какъ уже указано въ заголовкѣ, изданы и отдѣльно.

Вообще говоря, книга г. Готье представляетъ собою обстоятельную и всестороннюю обработку данныхъ, содержащихся въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ. Авторъ очень умѣло поставилъ себѣ задачу изслѣдованія, ограничившись опредѣленной, довольно однородной территоріей, отчего выводы его выигрываютъ въ большей точности и опредѣленности. Книга его является полезнымъ вкладомъ въ историческую литературу. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ съ авторомъ едва ли можно согласиться. Такъ, напримѣръ, предста-

вляется сомнительнымъ вычисленіе населенія въ 2 милліона. Еще П. Н. Милюковъ признавалъ задачу опредѣленія общаго количества населенія въ Замосковномъ краѣ для XVII в. «почти не разрѣшимой». Г. Готье разрѣшаетъ ее (правда, предположительно), но при этомъ иногда пользуется такимъ пріемомъ, который не можетъ быть названъ строго научнымъ, именно по протяженію земли судитъ о количествѣ населенія на ней (ср. 386 стр.). Отъ такихъ промаховъ, однако, изслѣдованіе его въ общемъ цѣнности своей, конечно, не теряетъ.

М. К.

Л. М. Савеловъ. Изъ исторіи сношеній Москвы съ Крымомъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Посольство С. И. Тарбѣева въ Крымъ 1626—1628 г.г. Симферополь. 1906.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ изъ всѣхъ имѣющихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ документовъ о посольствѣ С. И. Тарбѣева напечатаны: 12 «отписокъ въ Посольскій приказъ изъ Крыма находившихся тамо россійскихъ посланниковъ Тарбѣева и Барсова, присыланныхъ съ разными гонцами» (тутъ же и отпуски государевыхъ къ нимъ грамотъ); списокъ съ грамоты Джанбекъ-Гирея къ царю Михаилу Ѳеодоровичу; «дѣло по челобитью возвратившагося изъ Крыма посланника Степана Тарбѣева о награжденіи его за службу его тамо и за понесенное терпѣніе придачею жалованья» и «роспись кому имянемъ дали царицамъ и царевичамъ и царевнамъ отъ государя поминковъ, а къ ближнимъ людямъ государева жалованья». Этими документами, какъ справедливо замѣчаетъ и Л. М. Савеловъ, вполнѣ опредѣляется довольно яркая картина того тяжелаго положенія, тѣхъ притѣсненій и оскорбленій, какія должны были выносить наши послы отъ «чрезмѣрно жадныхъ до поминокъ» и «даровъ» татаръ, начиная съ самого хана. Документамъ предпослано небольшое введеніе издателя, въ сжатомъ видѣ иллюстрирующее ихъ.

В. Р—въ.

В. Е. Якушкинъ. Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Спб. 1906.

Есть мысли, которыя, будучи въ основѣ невѣрными, тѣмъ не менѣе, отъ постояннаго употребленія ихъ въ качествѣ непреложной истины и въ самомъ дѣлѣ начинаютъ казаться очевидными истинами. Къ числу такихъ мыслей принадлежитъ и постоянное, недавно еще бывшее въ большомъ ходу утвержденіе, будто самодержавіе — единственно у насъ органическая, вышедшая изъ историческихъ условій форма государственной власти. Опровергать такое положеніе до послѣдняго времени по цензурнымъ и инымъ условіямъ было почти невозможно, и только теперь историкъ болѣе свободно и правильно можетъ оцѣнить цѣлый рядъ попытокъ общества измѣнить абсолютно-монархическій образъ правленія въ сторону ограниченія его если не вполнѣ народ-

нымъ, то хотя бы только аристократическимъ представительствомъ. Это и дѣлаетъ въ своей книгѣ г. Якушкинъ.

Начинаетъ онъ съ земскихъ соборовъ, которые, на его взглядъ, имѣли не только законосовѣщательное, но нерѣдко и рѣшающее для правительства значеніе. Въ новомъ освѣщеніи представляется теперь и попытка «верховниковъ» ограничить безграничную власть выборной императрицы Анны Іоанновны. Это не было замысломъ какой-то олигархіи. «Большинство членовъ верховнаго тайнаго совѣта,—говоритъ г. Якушкинъ,—выступили черезъ нѣсколько лѣтъ съ опредѣленной попыткой измѣнить строй государственной власти», и читатель видитъ, что верховники старались ввести у насъ такую же конституцію, которая дѣйствовала въ то время въ Швеціи.

Особенно подробно останавливается авторъ на знаменитомъ созывѣ депутатовъ Екатериною II и о данномъ имъ въ руководство «Наказѣ». Несмотря на широковѣщательные планы императрицы, изъ ея затѣи ничего не вышло по той простой причинѣ, что, какъ выразился еще Пушкинъ, екатерининскій запоздавшій земскій соборъ былъ только «фарсой депутатовъ».

Въ каждое царствованіе оживало прежнее стремленіе перейти къ конституціоннымъ началамъ. Въ началѣ царствованія Александра I для выработки проекта конституціи была даже составлена особая комиссія изъ Новосильцова, Чарторижскаго, Кочубея и Строгонова, которую императоръ въ шутку называлъ «комитетомъ общественнаго спокойствія». Но, такъ какъ проектъ этотъ былъ затѣянъ не по сознанію государственной въ томъ необходимости, а изъ прекраснодушія, то, естественно, съ перемѣной душевнаго настроенія улетучились и замыслы о россійской конституціи.

Въ слѣдующее царствованіе ее думаютъ провести уже насильственнымъ путемъ, путемъ декабрьскаго бунта. Декабристы знали, за что они поднялись противъ Николая I, и многіе изъ нихъ имѣли уже разработанные проекты конституціи. Они болѣе или менѣе извѣстны. Новинкой въ книгѣ г. Якушкина является конституція, составленная Никитой Муравьевымъ. Проектъ этотъ, напечатанный г. Якушкинымъ въ приложеніи, былъ найденъ въ бумагахъ Пущина уже послѣ возвращенія декабристовъ изъ Сибири.

Заканчивается интересная работа г. Якушкина эпохой «диктатуры сердца» и проектомъ гр. Лорисъ-Меликова. **А. Б.**

К. Я. Здравомысловъ. Архивъ и библіотека святѣйшаго синода и консисторскіе архивы. Спб. 1906.

Очеркъ К. Здравомыслова интересенъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ дается фактическій матеріалъ, забавенъ въ мѣстахъ «лирическихъ» и состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Первый изъ нихъ—обзоръ дѣятельности «комиссіи для приведенія въ ясность (?) и порядокъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ синода», за сорокъ лѣтъ со дня учрежденія комиссіи (1865—1905 г.г.).

Побужденіемъ къ составленію такой юбилейной записки служило чье-то сознаніе, что долгій періодъ существованія комиссіи «обязываетъ насъ (кого

именно?) словомъ, или, если хотите (кто?), отчетомъ какъ передъ собою, такъ и передъ ученымъ міромъ, о сорокалѣтней работѣ на пользу церковно-исторической науки, тѣмъ болѣе, что въ печати весьма немного имѣется свѣдѣній объ этой дѣятельности». Послѣдняя причина, т.-е. отсутствіе свѣдѣній въ печати, почти не имѣетъ здѣсь значенія, такъ какъ за свои сорокъ лѣтъ комиссія, несмотря на сравнительно благопріятныя условія для работы и гонораръ за печатныя работы вмѣстѣ съ высочайшей благодарностью (гонорара не даютъ даже такія ученыя учрежденія, какъ академія наукъ, географическое и археологическое общества, общество исторіи и древностей, университеты, не говоря уже о болѣе мелкихъ и провинціальныхъ учрежденіяхъ),—сдѣлала, во-первыхъ, слишкомъ мало, а, во-вторыхъ (если не самое главное), не нашла нужнымъ распространять свои изданія среди «ученаго міра». Достаточно сказать, что на многія изданія писались рецензіи только лицами, близкими къ самой комиссіи; въ ученыхъ трудахъ по церковной исторіи можно очень рѣдко найти ссылки на синодальныя изданія, а продано ихъ поразительно мало экземпляровъ. До сихъ поръ издано всего 25 томовъ «Описаній дѣлъ» и «Собраній постановленій», относящихся къ первой половинѣ XVIII вѣка. Такимъ образомъ издательская дѣятельность очень скромна.

Иное дѣло—разборъ архивныхъ дѣлъ и приведеніе ихъ въ извѣстную систему. Судя по послѣднему отчету, по этой части дѣйствительно кое-что сдѣлано, но опять-таки это едва ли достаточно для сорокалѣтней работы. Сравненіе дѣятельности синодальной комиссіи съ другими, какъ русскими, такъ и заграничными, было бы не выгодно для юбилейной. Не забудемъ, что иногда дѣла поступаютъ въ архивъ синода уже въ извѣстномъ порядкѣ, иногда и съ готовыми реестрами, въ другіе же архивы старыя дѣла (особенно столбцы) привозятся прямо въ мѣшкахъ безъ всякаго порядка. Слѣдовательно, работа въ тѣхъ и другихъ не одинаковая. Правда, реестры эти составлены нисколько не научно, но еще вопросъ, насколько научны описи, составляемыя нынѣшними чиновниками синода. Небогатой оказывается и библіотека синода въ сравненіи съ тѣмъ, что можно ожидать отъ такого солиднаго учрежденія, какъ синодъ, всегда имѣвшій возможность получать книги и рукописи безплатно путемъ массовыхъ конфискацій, чрезъ цензурные комитеты, казенныя учрежденія и т. д.

Однимъ словомъ, авторъ очерка замѣтно преувеличиваетъ заслуги комиссіи и ея дѣятелей, «не жалѣвшихъ, можно (?) сказать, для архива даже жизни своей» (стр. 15). Намъ неизвѣстно, въ чемъ именно выражался этотъ беззавѣтный героизмъ, дѣйствительно ли имѣло здѣсь мѣсто пожертвованіе чьей нибудь жизнью, пошла ли эта жертва на благо архива и т. д. Не нашли мы также, что «страница со спискомъ членовъ, трудившихся и трудящихся въ комиссіи, блещетъ громкими (?) и славными именами свѣтилъ (!!) науки» (стр. 24), такъ какъ наиболѣе извѣстныя изъ перечисляемыхъ лицъ какъ разъ проявили меньшую дѣятельность въ изданіяхъ или же не сдѣлали почти ничего. Утѣшительно, однако, что, по заявленію автора брошюры, «это полезнѣйшее и въ высшей степени симпатичное (?), авторитетное ученое учрежденіе работаетъ безъ устали» (стр. 25). Конечно, г. Здравомыслову, какъ дѣло-

производителю вознесенной такъ высоко имъ же самимъ комиссіи, лучше извѣстны польза, симпатичность и авторитетность ея; но читатель долженъ больше вѣрить, чѣмъ убѣждаться изъ фактовъ. Является только опасеніе, что единодушная работа «безъ устали» значительно ослабитъ силы комиссіи, а потому всѣмъ, кто стоитъ на стражѣ научныхъ интересовъ Россіи, слѣдуетъ дать комиссіи добрый совѣтъ—изрѣдка и отдохнуть, конечно, съ цѣлью набрать новыя силы. Работать же безъ устали, это—героизмъ, въ наше время положительно рѣдкій... **И. Александровъ.**

Н. Ѳ. Сумцовъ. О національномъ самосознаніи домонгольской Руси. Харьковъ. 1906.
Его же. Замѣтки о народной словесности. Варшава, 1905.

Намъ не разъ и отъ многихъ приходилось слышать то наблюденіе, что въ своихъ популярныхъ работахъ профессоръ Н. Сумцовъ интереснѣе, чѣмъ въ работахъ научныхъ. Въ извѣстной степени такое мнѣніе справедливо, хотя и односторонне, главнымъ образомъ потому, что для сравненія научной дѣятельности и популяризаторской нужно строго отдѣлить одну отъ другой, а для работъ Н. Сумцова это невозможно. Живой и подвижный по природѣ, онъ вноситъ общественный и общечеловѣческій элементъ во всѣ свои научные труды, излагаетъ ихъ доступно и живо, имѣетъ въ виду легкость усвоенія читателями-неспеціалистами и т. д. Въ то же время въ своихъ популярныхъ работахъ профессоръ Н. Сумцовъ пользуется собственными научными работами подготовительнаго характера. Отсюда ясно, что «популяризировать» собственныя серьезныя разысканія—совсѣмъ не то, что дѣлать то же самое съ чужими трудами, хотя бы и руководясь самыми благими цѣлями, т.-е. превращать въ достояніе широкаго круга читателей то, что, благодаря своей тяжеловѣсной формѣ, обречено быть достояніемъ небольшого круга спеціалистовъ. Между Сумцовымъ и типичнымъ популяризаторомъ-журналистомъ А. И. Кирпичниковымъ—большая разница. По нашему мнѣнію, Сумцова-ученаго нельзя отдѣлять отъ Сумцова-журналиста,—и каждая почти работа его, даже небольшая по размѣрамъ и написанная наскоро, совмѣщаетъ оба эти качества. Такихъ филологовъ у насъ немного, и заслуга ихъ для русскаго общества отъ этого становится болѣе почтенной.

Изъ статей Н. Ѳ. Сумцева, вышедшихъ за послѣднее время, обращаетъ на себя вниманіе брошюра «О національномъ самосознаніи домонгольской Руси». Ея значеніе заключается прежде всего въ томъ, что авторъ удачно опредѣляетъ «реальный» націонализмъ—вопросъ, который насъ лично занимаетъ съ давнихъ поръ, и который обыкновенно, въ толкованіяхъ большинства, сводится къ понятію типичной «офиціальной» и идеальной народности, въ настоящее время равносильной «патріотизму», когда о немъ говорятъ съ ироніей. Мы думаемъ, что націонализмъ не есть нѣчто «исключающее», и нельзя противополагать его международной солидарности, такъ какъ «послѣдовательный націонализмъ», по удачному опредѣленію профессора А. Потебни, это—«интернаціонализмъ» или «универсальность». Исходя изъ этого опре-

дѣленія, Н. Сумцовъ разсматриваетъ формальное и идейное значеніе древне-русскаго патріотизма и въ красивой передачѣ приводитъ лучшія мѣста изъ такихъ художественныхъ памятниковъ русскаго самосознанія, какъ Слово о полку Игоревѣ, нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія, Слово о погибели Русской земли и слово Иларіона о законѣ и благодати. Мы присоединяемся къ сѣтованію автора по поводу того, что въ нашихъ школахъ неправильно воспитываютъ національное чувство, оперируя надъ одной «Москвой», сводя понятіе націонализма къ государственности и не расширяя рамокъ націонализма до всей удѣльно-вѣчевой Руси. Но для поясненія этой мысли автору слѣдовало бы болѣе подробно разобрать тотъ **мѣстный** патріотизмъ, который вошелъ въ основу сказаній въ родѣ легенды о приходѣ Андрея въ Кіевъ и Новгородъ. Говорить же о древнемъ патріотизмѣ обще-русскомъ—нѣсколько рискованно.

Вторая статья профессора Н. Сумцова имѣетъ въ виду «Введеніе въ исторію русской словесности» профессора П. Владимирова и доказываетъ, какъ ненаучность цѣлаго ряда отрывковъ, касающихся русскаго фольклора, такъ и отсутствіе въ «Введеніи», предназначенномъ служить пособіемъ для студентовъ,—всякой педагогичности. Критическій разборъ сдѣланъ основательно и, кромѣ цѣнныхъ поправокъ, имѣетъ самостоятельное значеніе. А такъ какъ книга П. Владимирова до сихъ поръ остается не только лучшей, но и единственной по этой части, то замѣчанія Н. Сумцова надо принимать во вниманіе всѣмъ, кто разобранной имъ книгой будетъ пользоваться для научныхъ или учебныхъ цѣлей. **А. Я.**

И. Анненскій. Книга отраженій. Спб. 1906.

Въ настоящую книгу вошелъ рядъ статей, написанныхъ г. Анненскимъ въ разное время. Здѣсь мы найдемъ замѣтки о Гоголѣ, Достоевскомъ, Тургеневѣ, о соціальныхъ драмахъ, о «Горькой судьбинѣ» Писемскаго, о «Власти тьмы» Толстого, о пьесахъ «На днѣ» Горькаго и «Трехъ сестрахъ» Чехова и, наконецъ, о Бальмонтѣ. Эти очерки авторъ назвалъ «Книгой отраженій», поясняя такое названіе тѣмъ, что они являются отраженіемъ поэтическихъ созданій. «Я писалъ,—говоритъ критикъ,—только о томъ, что мною владѣло, за чѣмъ я слѣдовалъ, чему я отдавался, что я хотѣлъ сберечь въ себѣ, сдѣлавъ собою». Оригинально задуманные на первый взглядъ очерки привлекутъ читателя, и онъ съ интересомъ отдастся чтенію книги, думая найти въ ней вдумчивый анализъ, новый, оригинальный взглядъ, вполнѣ правильно полагая, что, если критикъ предлагаетъ теперь разборъ такихъ произведеній, какъ «Власть тьмы», «На днѣ», «Три сестры» и т. п., давно уже разобранныхъ и освѣщенныхъ критикой, то онъ выступаетъ съ какимъ либо новымъ взглядомъ, истолкованіемъ. Но, познакомившись уже съ первыми статьями, читатель сразу разочаруется: критикъ не говоритъ ничего новаго, въ его очеркахъ нѣтъ ни вдумчиваго анализа, ни широкаго синтеза, здѣсь все старо—не только взгляды, но и сама манера разбора. Авторъ умышленно пишетъ «витіеватымъ» языкомъ, наполняетъ свою рѣчь своеобразными выраженіями, видя, навѣрное, въ этомъ оригинальность, но не трудно здѣсь замѣ-

тить истинную подкладку — тенденціозное стремленіе быть во что бы то ни стало оригинальнымъ. Но, если мы, лавируя между различныхъ стилистическихъ прикрасъ и «оригинальностей» языка критика, доберемся, наконецъ, до сущности его взглядовъ, то, повторяемъ, не найдемъ ничего новаго, заслуживающаго вниманія,—все сѣро, безцвѣтно; то, что можно сказать въ двухъ-трехъ словахъ, неизвѣстно, для какихъ цѣлей и по какимъ побужденіямъ растянуто на десятки страницъ. При всемъ нашемъ стараніи мы не нашли ничего новаго въ очеркахъ, посвященныхъ, напримѣръ, «Горькой судьбинѣ», «На днѣ», «Тремъ сестрамъ». Что же касается манеры разбора, то разборъ лирики г. Бальмонта столь устарѣлъ по своему методу, что мы отказываемся понять, зачѣмъ понадобилось г. Анненскому откапывать изъ своего литературнаго архива этотъ плодъ своихъ досуговъ и помѣщать въ сборникѣ эту, очевидно, давно написанную статью. Послѣдняя по своей кропотливости, сухости, формализму напоминаетъ разборы латинскихъ и греческихъ писателей «классиками» изъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Очевидно, служба въ этомъ учрежденіи оказала нѣкоторое вліяніе на творчество критика.

Но всего обиднѣе то, что г. Анненскій исполненъ большихъ претензій. Онъ назвалъ свои очерки отраженіями. На произведеніи всякаго критика, уже на самомъ выборѣ имъ предмета всегда отражается въ извѣстной степени и его личность, но этого еще не достаточно для того, чтобы онъ имѣлъ право назвать ихъ отраженіями. Подъ этимъ именемъ мы понимаемъ нѣчто болѣе опредѣленное, полно и ярко отражающее автора. Но на статьяхъ г. Анненскаго отраженіе самого критика слишкомъ неясно и туманно.

А. Ф—нъ.

А. И. Успенскій. Викторъ Михайловичъ Васнецовъ. Москва. 1906.

Изъ всѣхъ русскихъ художниковъ въ живописи наиболѣе отвѣчаетъ народному настроенію В. М. Васнецовъ. Въ его произведеніяхъ отразились черты не только современнаго намъ быта, но и историческія и религіозныя представленія русскаго народа объ идеалѣ. Изъ книги о немъ г. Успенскаго мы узнаемъ, что знаменитый художникъ родился 3 мая 1848 г. въ селѣ Рябовскомъ, Вятской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Онъ вышелъ въ 1867 г. изъ богословскаго класса Вятской семинаріи съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ С.-Петербургскую академію художествъ. Денегъ на поѣздку въ Петербургъ у Васнецова, конечно, не было, и пришлось разыграть въ лотерею двѣ его картины, писанныя масляными красками: «Молочница» и «Жница». За нихъ выручили 60 рублей на дорогу. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Викторъ Михайловичъ разыскалъ императорскую академію художествъ и прекрасно сдалъ въ ней экзаменъ по рисунку. Въ академію художествъ В. М. Васнецовъ поступилъ въ 1868 г., гдѣ вскорѣ былъ награжденъ совѣтомъ императорской академіи художествъ серебряною медалью второго достоинства.

Въ это время художникъ принужденъ былъ жить уроками рисованія и изготовленіемъ рисунковъ къ различнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ («Иллю-

страція», «Будильникъ», «Конекъ-Горбунокъ», «Солдатская азбука», «Семья и Школа» и др.). Въ то же время его картины начинали обращать на себя вниманіе типичнѣйшими чертами русской дѣйствительности: «Сборщикъ-монахъ», откормленный и лицо праздничное; «Тряпичникъ» изъ міра несчастныхъ тружениковъ; «Заштатный» и «Развлеченіе» изъ міра чиновниковъ; «Нищіе-пѣвцы», «Рабочій съ тачкой», «Старуха кормитъ птицъ», «Дѣти разоряютъ гнѣзда», «Чаепитіе» и т. д.

По поводу этихъ картинъ въ газетѣ «Голосъ» писали: «Какъ типистъ, Васнецовъ, безспорно, будетъ однимъ изъ лучшихъ русскихъ художниковъ. Типы его оригинальны, разнообразны, въ нихъ нѣтъ карикатурности или утрировки... Такіе художники, какъ Васнецовъ, незамѣнимы были бы въ этнографическомъ отношеніи. Обладая замѣчательными достоинствами въ рисункѣ перомъ, обладая въ то же время умѣньемъ подмѣчать и схватывать типъ во всей его оригинальности и полнотѣ, Васнецовъ оказалъ бы, разъѣзжая по Россіи, несомнѣнныя услуги этнографіи. Картины его изъ быта и жизни народа пріобрѣли бы, намъ кажется, громадный успѣхъ».

Въ академіи г. Васнецовъ пробылъ до 1875 г. Во время своего пребыванія здѣсь онъ сблизился съ И. Н. Крамскимъ, а затѣмъ съ И. Е. Рѣпинымъ. Въ академіи Васнецовъ занимался (хотя и очень немного) подъ руководствомъ профессора П. П. Чистякова, оставившаго по себѣ благодарное воспоминаніе въ его знаменитомъ ученикѣ.

Послѣдующія картины г. Васнецова («Съ квартиры на квартиру», «Военная телеграмма», «Преферансъ») и т. д. исполнены того же реализма и движенія; но въ то же время художникъ начинаетъ писать картины на фантастическія темы, сохраняя реально-историческій колоритъ. «Витязь на распутьѣ», «Послѣ побоища», «Богатыри», «Каменный вѣкъ», «Коверъ-самолетъ», «Аленушка», «Царь Берендей» и т. д. одухотворены народными симпатіями и наглядно воспроизводятъ минувшіе вѣка.

Но болѣе всего въ г. Васнецовѣ нашелъ самаго талантливаго выразителя религіозный культъ русскаго народа.

Его живопись въ кіевскомъ Владимирскомъ соборѣ, несмотря на то, что проникнута потрясающимъ мистицизмомъ, въ то же время въ высшей степени «національзирована», воплощая вѣрованія русскаго народа...

Составитель жизнеописанія В. М. Васнецова собралъ въ своемъ трудѣ отзывы о немъ почти всѣхъ выдающихся критиковъ по искусству: Стасова, Дѣдлова, Бенуа и т. д. Ихъ отзывы, въ большинствѣ случаевъ восторженные, сообщаютъ значительный интересъ каждому произведенію этого самобытнаго художника.

А. Фаресовъ.

Львовъ, В. Девяностые годы и творчество Вересаева. Спб. 1906.

Г. Львовъ задумалъ интересную работу—прослѣдить связь творчества В. Вересаева съ 90-ми годами и дать характеристику настроенія русскаго общества въ эти годы. Возможно ли обрисовать наше общество, его идеологію и психологію за то или другое время по произведеніямъ художественной ли-

тературы? Намъ думается, что въ извѣстной степени возможно. Наша литература, въ силу исключительныхъ условій русской жизни, являлась единственною областью проявленія общественной мысли, такъ какъ всѣ другія были совершенно закрыты. Въ виду этого, въ нашей литературѣ, какъ ни одной изъ европейскихъ, съ поразительною ясностью отразилось все то, чѣмъ страдало и мучилось наше общество въ тотъ или иной періодъ своего развитія; произведенія нашихъ писателей представляютъ богатый матеріалъ для изученія общества, смѣны общественныхъ идеаловъ, настроеній; по нимъ можно довольно полно возстановить эволюцію русской общественной мысли. Въ силу этого, замысель г. Львова заслуживаетъ вниманія, но его работа не можетъ не вызвать замѣчанія.

Давая характеристику 80-хъ годовъ и совершенно справедливо называя ихъ «безвременьемъ», авторъ старается опредѣлить, что способствовало наступившему затѣмъ повороту въ настроеніи общества. Причину послѣдняго вполнѣ основательно г. Львовъ видитъ въ сложныхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, заставившихъ искать новыхъ путей, новыхъ перспективъ. Авторъ думаетъ, что этотъ поворотъ всего лучше прослѣдить на произведеніяхъ В. Вересаева. Дѣйствительно, на произведеніяхъ этого чуткаго и отзывчиваго художника не могли не отразиться, въ большей или меньшей степени, настроеніе общества, его вѣрованія, надежды, но мы отказываемся согласиться съ авторомъ, что «въ ничьихъ произведеніяхъ не бросается такъ въ глаза зависимость литературы отъ жизни, какъ это можно наблюдать въ произведеніяхъ В. Вересаева». Это положеніе необоснованно. Достаточно взглянуть не только на весь ходъ развитія нашей литературы, но хоть бы на писателей, работающихъ въ одно время съ В. Вересаевымъ, чтобы увидѣть, что эта связь выступаетъ довольно опредѣленно у всѣхъ болѣе или менѣе чуткихъ и отзывчивыхъ къ жизни, русской дѣйствительности. Нельзя также согласиться съ г. Львовымъ, что, «знакомясь съ творчествомъ В. Вересаева, узнаешь эволюцію русской жизни за послѣднее десятилѣтіе». Въ каждый моментъ общественнаго развитія живетъ и дѣйствуетъ рядъ поколѣній, изъ которыхъ каждое вноситъ свое въ общее настроеніе, въ пониманіе жизни. Поэтому, чтобы разобраться въ общественной психологіи 90-хъ годовъ, надо изучить цѣлый рядъ писателей, представителей различныхъ поколѣній, оттѣнковъ общественныхъ идей, теченій. Тогда только можно нарисовать сложную картину общественной психологіи, настроенія, разобраться въ немъ, дать формулу. А г. Львовъ считаетъ, что для этого достаточно разсмотрѣть лишь одного В. Вересаева. Въ этомъ заключается главная ошибка автора. Г. Львовъ хорошо прослѣдилъ, какъ отразились на произведеніяхъ художника тѣ или иныя общественныя теченія, но по его очерку нельзя все-таки составить полнаго и яркаго представленія объ эпохѣ, и именно потому, что онъ не коснулся совершенно другихъ писателей, въ твореніяхъ которыхъ не менѣе рельефно отразилась жизнь и настроенія общества того времени.

А. Ф—нъ.

Э. Лиссагарэ. Исторія парижской коммуны въ 1871 г. Переводъ подъ редакціей В. Базарова. Изданіе «Знанія». Спб. 1906.

Его же. Исторія коммуны 1871. Переводъ В. Иванова. Изданіе Глаголева. Спб. 1906.

Ж. Вейль. Исторія соціальнаго движенія во Франціи. М. 1906.

Лиссагарэ былъ очевидцемъ тѣхъ событій, которыя онъ описываетъ, и въ этомъ главный интересъ его книги. Но онъ принималъ участіе въ революціи, стоялъ на сторонѣ коммунаровъ, впослѣдствіи находился въ изгнаніи, и оттого его сочиненіе всего меньше похоже на безпристрастную исторію. Это—настоящій панегирикъ коммунѣ, и вотъ причина, почему въ наше революціонное время запискамъ Лиссагарэ, составленнымъ 10 лѣтъ тому назадъ, у насъ особенно посчастливилось, и онѣ появились сразу въ двухъ переводахъ.

По словамъ Лиссагарэ, къ центральному коммунизму, провозгласившему парижскую коммуну, примкнули всѣ рабочіе, всѣ наиболѣе порядочные и сознательные элементы мелкой буржуазіи. Въ офиціальной газетѣ статья, разъясняющая значеніе новой революціи, начиналась такими словами: «Пролетаріи столицы въ моментъ слабости и измѣны правящихъ классовъ поняли, что настaлъ ихъ часъ спасти положеніе, взявъ въ свои руки веденіе общественныхъ дѣлъ». По мнѣнію Лиссагарэ, это было первое соціалистическое объясненіе этой революціи, глубоко правдивое, трогательное и политичное.

Бывшій коммунаръ въ восторженныхъ выраженіяхъ восхваляетъ коммуну. Десятый разъ уже съ 1789 г.,—говоритъ онъ,—рабочіе выводили Францію на вѣрный путь. Франція, какъ Лазарь, воскресла наконецъ. Она сдернула покрывало съ головы, сбросила саванъ и начинала новую жизнь. Она снова жила своимъ умомъ, дышала своими легкими, она протянула братскую руку всѣмъ возродившимся французскимъ общинамъ. Люди, впавшіе было за послѣдній мѣсяцъ въ полное отчаяніе, снова сіяли одушевленіемъ. Незнакомые подходили другъ къ другу, чувствовали себя братьями, у всѣхъ была одна и та же воля, вѣра, любовь. Едва удается уловить моментъ, чтобы крикнуть: именемъ народа коммуна провозглашена! Въ отвѣтъ раздается безумный крикъ восторга, вырвавшійся изъ двухсотъ тысячъ грудей: «Да здравствуетъ коммуна!» На штыкахъ качаются кепи солдатъ, знамена развѣваются въ воздухѣ. Изъ оконъ тянутся тысячи рукъ, машутъ платками. Непрерывный грохотъ пушекъ, музыка, трубные звуки, барабанный бой—все сливается въ одну величественную симфонію. Сердца трепещутъ, на глазахъ выступаютъ слезы. Еще ни разу съ 1790 г. Парижъ не былъ такъ потрясенъ въ своихъ нѣдрахъ. Всѣ души охвачены однимъ пламенемъ, мелкая буржуазія растворяется въ пролетаріатѣ, средняя буржуазія дѣлается терпимѣе. Въ такія минуты народъ способенъ къ полному перерожденію.

Изложеніе Лиссагарэ крайне тенденціозно, онъ представляетъ дѣло такъ, будто спасеніе Франціи заключалось въ коммунѣ, и будто сражаться съ ней могли только враги отечества. Парижъ,—пишетъ онъ,—борется не только за территорію, но за жизненныя основы націи. Если онъ побѣдитъ, его побѣда не

будетъ безплодной, какъ побѣда на поляхъ битвы; обновленный народъ подведетъ фундаментъ подъ зданіе общественной жизни. Если онъ будетъ побѣжденъ, свобода погаснетъ. Благородный, братски настроенный Парижъ не содрогается при этой борьбѣ между французами. Идея осѣняетъ батальоны своими широкими крыльями. Они движутся съ приподнятымъ челомъ, съ блестящими глазами, съ гордымъ выраженіемъ на устахъ. Если буржуа отказывается итти въ сраженіе и говоритъ: я—семейный человѣкъ, рабочій возражаетъ: я сражался за моихъ дѣтей.

При воспоминаніи о кровавомъ междоусобіи Лиссагарэ впадаетъ въ лирическій паѳосъ. Тотъ,—восклицаетъ онъ,—кто жилъ твоей лихорадочной жизнью, Парижъ, чье сердце трепетало на твоихъ бульварахъ, кто плакалъ въ твоихъ предмѣстьяхъ, кто воспѣвалъ зарю твоихъ революцій и, нѣсколько недѣль спустя, мылъ позади баррикадъ свои руки, почернѣвшія отъ пороха, кто слышалъ голоса мучениковъ идеи изъ-за твоихъ каменныхъ плитъ и привѣтствуетъ твои улицы, какъ творившія эпохи въ развитіи человѣчества, для кого каждая твоя улица—живой нервъ,—даже и тотъ не можетъ воздать тебѣ должное, великій мятежный Парижъ.

Лиссагарэ представляетъ дѣло такъ, какъ будто правительство, удалившееся въ Версаль, совершило величайшую ошибку и величайшую несправедливость, вступивъ въ борьбу съ коммуной и воспротивившись диктатурѣ пролетаріата.

Иначе судитъ безпристрастный историкъ. Проф. Вейль указываетъ на то, что самые разнообразные мотивы, отъ самыхъ благородныхъ до самыхъ низкихъ, толкали парижанъ къ возстанію въ 1871 г. Защитники и противники коммуны сошлись впослѣдствіи на томъ, чтобы считать роль соціализма громадной и видѣть въ провозглашеніи коммуны попытку соціальной революціи. Но такое мнѣніе совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Соціализмъ не былъ мотивомъ возстанія; но соціальная идея глубоко засѣла въ умахъ возставшихъ, пріобрѣла для многихъ изъ нихъ силу религіознаго вѣрованія, и какъ только власть очутилась въ ихъ рукахъ, они вспомнили столько разъ повторявшіяся ими формулы и сочли свою побѣду за побѣду демократической и соціальной республики. Въ коммунѣ было 17 членовъ интернаціонала, почти всѣ рабочіе и далеко не придерживавшіеся одинаковыхъ идей. Большинство состояло изъ буржуазныхъ революціонеровъ, писателей, адвокатовъ, клубныхъ ораторовъ, для которыхъ соціальная реформа была дѣломъ туманнымъ и отдаленнымъ. Что же касается рабочихъ вообще, то большинство изъ нихъ не знало, что такое соціализмъ, и даже наиболѣе извѣстные дѣятели проявляли себя порядочно невѣжественными и совершенно непрактичными.

Заграничные соціалисты смотрѣли на коммунаровъ, выселившихся изъ Франціи, какъ на мучениковъ соціальной идеи, тогда какъ это было заблужденіемъ, и главной причиной возникновенія коммуны было возмущеніе противъ генераловъ, сдавшихъ Парижъ пруссакамъ, и ненависть къ монархіи. Сами эмигранты, въ числѣ которыхъ былъ и Лиссагарэ, по словамъ Вейля, создали себѣ иллюзію о парижскомъ возстаніи и, окружая ореоломъ славы свое пораженіе, стали вѣрить въ то, что только соціальная идея побудила ихъ къ возстанію.

Книга проф. Вейля заслуживаетъ вниманія публики. Это —интересно написанная и безпристрастная исторія соціальнаго движенія во Франціи съ Наполеона III до нашихъ дней. Подъ соціальнымъ движеніемъ авторъ разумѣетъ совокупность усилій, направленныхъ на улучшеніе экономическаго положенія рабочаго класса, и въ исторіи соціальнаго движенія онъ показываетъ, какъ разныя правительства и разныя партіи ставили или разрѣшали вопросы труда.

По словамъ Вейля, несмотря на крупныя достоинства вожаковъ соціалистической партіи, много сдѣлавшихъ для рабочихъ, среди недостатковъ партіи поражаетъ обиліе личныхъ раздоровъ между ея главными представителями. Это—общій порокъ во Франціи. Во всѣхъ партіяхъ были люди, защищавшіе одно и то же дѣло, служившіе одному и тому же правительству и, тѣмъ не менѣе, проводившіе время въ отчаянныхъ поединкахъ. Но соціалисты выдѣлились въ этомъ отношеніи особенной жестокостью борьбы, какимъ-то болѣзненнымъ желаніемъ восторжествовать, исключительной рѣзкостью взаимныхъ нападокъ и оскорбленій.

Первоначально французскіе соціалисты разныхъ оттѣнковъ проповѣдывали насильственную революцію, относясь недовѣрчиво къ реформамъ, которыя казались годными только для того, чтобы усыпить народъ и отсрочить рѣшительную битву; они ссылались на желѣзный законъ заработной платы, чтобы доказать, что въ буржуазномъ обществѣ всякое требованіе обращается противъ пролетаріевъ. Мыслители соціализма признали, что есть полезныя реформы. Взяли верхъ реформисты.

Какую бы активность,—говоритъ Вейль,—ни проявляли среди рабочихъ революціонеры и анархисты, реформисты не кажутся въ меньшинствѣ въ рабочемъ классѣ, и число ихъ съ каждымъ днемъ все увеличивается въ классѣ буржуазіи. Такимъ образомъ, является возможность мирнаго соглашенія. И этого достаточно для тѣхъ, которые, отказавшись отъ laisser faire, но относясь недовѣрчиво и къ коллективизму, желаютъ, чтобы соединенными усиліями личностей, свободныхъ ассоціацій и государства было водворено въ законахъ, какъ и въ нравахъ, больше справедливости и равенства.

Книга проф. Вейля—несомнѣнно цѣнное литературное пріобрѣтеніе, а тенденціозное сочиненіе французскаго коммунара Лиссагарэ могло бы и не появляться на нашемъ книжномъ рынкѣ тѣмъ болѣе, что переводъ товарищества «Знаніе» сдѣланъ неудовлетворительно, а переводъ г. Иванова еще хуже.

П. В.

Ив. Ив. Семеновъ. Іудеи и грекоримскій міръ во II вѣкѣ христіанской эры. (Очеркъ по исторіи культурнаго взаимодѣйствія народовъ Римской имперіи). Москва. 1905.

Профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института, Ив. Ив. Семеновъ, для своей магистерской диссертаціи выбралъ очень интересную тему, имѣющую тѣмъ больше значенія, что въ настоящее время еврейскій вопросъ волнуетъ самые широкіе круги общества, а для правильнаго его разрѣшенія необходимо его всестороннее освѣщеніе и съ исторической точки зрѣнія. По-

этому необходимо желать, чтобы работу г. Семенова миновала участь, тяготѣющая надъ весьма многими русскими диссертаціями по классической филологіи, и чтобы ее прочли не одни только официальные оппоненты.

Въ краткомъ предисловіи (стр. 1—22) авторъ предлагаетъ читателямъ общій очеркъ отношенія грекоримскаго міра въ іудейской культурѣ въ II вѣкѣ христіанской эры, а затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію вліянія еврейскихъ раввинскихъ школъ на кодификацію римскаго права (23—76). Путемъ детальнаго сопоставленія текста римскихъ законовъ съ ученіями отдѣльныхъ раввиновъ авторъ старается доказать, что раввины оказали самое сильное вліяніе на созданіе римскихъ законовъ преимущественно въ области семейнаго права. По мнѣнію автора, отмѣченное имъ «сходство въ разработкѣ и развитіи одного и того же закона въ области семейной нравственности и брака въ римскомъ и іудейскомъ правѣ II вѣка говоритъ, несомнѣнно, за близкую связь, существовавшую тогда между римскими юридическими школами, съ одной стороны, и высшими раввинскими школами, дѣйствовавшими въ Палестинѣ и Римѣ—съ другой. Кромѣ того обычнаго взаимодѣйствія государственно-правового характера, которое должно было существовать между римскимъ и іудейскимъ правомъ, какъ правомъ народа, входившаго въ составъ Римской имперіи, между ними было взаимодѣйствіе и другого рода, обусловленное специфически-іудейской ролью въ римскомъ обществѣ и состояніемъ науки права въ раввинскихъ школахъ».

Въ третьей главѣ (стр. 77—114) авторъ разсматриваетъ взаимоотношенія религіозной философіи и этики грекоримскаго міра и ученій высшихъ раввинскихъ школъ Палестины, между которыми усматривается очень много точекъ соприкосновенія.

Такіе выводы представляются весьма любопытными особенно въ примѣненіи къ римскому праву, которое мы привыкли считать характернымъ и совершенно самобытнымъ созданіемъ римскаго народа, воплотившаго въ своихъ законахъ всѣ особенности своего духа. Поэтому-то къ мысли о вліяніи на римскіе законы еврейскихъ раввиновъ надо отнестись съ особенной осторожностью. Всѣ доводы автора, непосредственно сопоставляющаго еврейскіе тексты съ соотвѣтствующими параграфами римскихъ юристовъ, становятся шаткими, если допустить, что въ свою очередь и еврейскіе раввины, еще въ александрійскій періодъ подвергшіеся весьма серьезной эллинизаціи, создавали свои ученія не самостоятельно, а подъ вліяніемъ проникавшихъ къ іудеямъ идей античнаго міра. Тогда окажется, что самобытно развивавшаяся мысль римскихъ юристовъ во II вѣкѣ совпала съ ученіями раввиновъ, являвшимися повтореніемъ того, чему іудеи выучились въ центрахъ грекоримской культуры, или что въ немъ было занесено вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ Іудею римской государственной власти. Однимъ словомъ, всю схему взаимоотношеній, существовавшихъ между Іудеей и Римомъ, построенную г. Семеновымъ, съ полнымъ успѣхомъ можно перевернуть наоборотъ и на основаніи приведенныхъ имъ случаевъ совпаденія юридической и религіозной мысли у обоихъ народовъ говорить о вліяніи Рима на Іудею.

Затѣмъ съ точки зрѣнія метода представляется болѣе чѣмъ рискованной манера автора вырывать изъ цѣлой юридической системы два-три пункта и

на основаніи ихъ сходства съ такими же случайно выхваченными изъ законодательства другого народа положеніями устанавливать ихъ исторію. Сходство отдѣльныхъ пунктовъ при различіи всей системы рѣшительно ничего не доказываетъ и можетъ наблюдаться между совершенно независимыми другъ отъ друга системами. При такой отрывочной манерѣ сравненія можно прійти къ самымъ неожиданнымъ и неосновательнымъ сужденіямъ, что̀ и случилось съ г. Семеновымъ. На стр. 62 и слѣд. онъ вопреки прочно установившемуся въ наукѣ мнѣнію утверждаетъ, что въ Римѣ представители сцены пользовались высокимъ уваженіемъ. Но всѣ приводимые имъ въ подтвержденіе этого примѣры являются только исключеніями изъ юридической нормы, а вовсе не ея осуществленіемъ, но если бы авторъ ознакомился со всей исторіей римскаго законодательства объ актерахъ и разобралъ внимательно каждый случай въ отдѣльности, онъ убѣдился бы, что приводимые имъ примѣры вниманія императоровъ къ актерамъ по существу для послѣднихъ были только оскорбительны, низводя ихъ до степени личныхъ забавниковъ и шутовъ. Надо очень своеобразно понимать терминъ «уваженіе», чтобы основывать свои утвержденія о привилегированномъ положеніи актеровъ на томъ, что «актеры были въ модѣ у римскихъ матронъ» (стр. 63). Все это тѣмъ болѣе странно читать въ ученой работѣ, что вопросъ этотъ основательно освѣщенъ и въ иностранной и въ русской ученой литературѣ (см. Б. В. Варнеке: Очерки изъ исторіи древнеримскаго театра, Спб., 1903), но авторъ не считаетъ нужнымъ даже упоминать о трудахъ своихъ предшественниковъ, предпочитая все разрабатывать заново. Неудивительно, если при такомъ отношеніи къ своимъ предшественникамъ авторъ кое-гдѣ не подвигаетъ изслѣдованія впередъ, а дѣлаетъ несомнѣнный шагъ назадъ.

Не бѣда, если русскій ученый опуститъ двѣ-три иностранныя брошюры, но русскую литературу своего предмета онъ долженъ знать въ совершенствѣ: для кого же и пишутъ русскіе спеціалисты, если даже ихъ послѣдователи не желаютъ знакомиться съ ихъ трудами? Мы считаемъ непростительной виной автора, что онъ ни разу не упомянулъ работы проф. Г. Э. Зенгера: «Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ», появившейся еще въ 1889 г. Эта работа научила бы автора и методу изслѣдованія и системѣ толкованія историческихъ текстовъ.

Мы взялись за работу г. Семенова съ большими надеждами, а закрыли ее съ полнымъ разочарованіемъ. Поставивъ очень интересную задачу, авторъ не только не разрѣшилъ ея, но запуталъ то, что было яснымъ до него, и значительно подвинулъ назадъ разрѣшеніе вопроса, столь поучительно разработаннаго хотя бы Г. Э. Зенгеромъ. —р—

М. П. Костенко. Осада и сдача крѣпости Портъ-Артура. Кіевъ. 1906.

Авторъ этой книги, генералъ-майоръ Костенко, попалъ на Дальній Востокъ въ 1902 г. Сначала пришлось ему жить во Владивостокѣ, но незадолго до начала войны его перевели въ Портъ-Артуръ, гдѣ онъ выдержалъ всю

осаду, а по сдачѣ крѣпости былъ отправленъ въ Нагасаки въ качествѣ военноплѣннаго. Такимъ образомъ передъ читателемъ разсказъ очевидца и надежнаго свидѣтеля.

Читая его спокойно и объективно изложенныя впечатлѣнія, диву даешься, какъ сравнительно дешево отдѣлались мы въ эту несчастную войну. Нѣтъ сомнѣнія, что японцы, повѣрь только они донесеніямъ о невозможныхъ творившихся у насъ на Дальнемъ Востокѣ безобразіяхъ, давно могли бы безъ особаго труда захватить Портъ-Артуръ и сразу же на голову разбить маньчжурскую армію. Авторъ совершенно справедливо указываетъ на основную ошибку нашей дальневосточной политики. Англичане, захватывая колоніи стараются посылать туда въ качествѣ культуртрегеровъ лучшихъ и вполнѣ знающихъ и край и дѣло людей. У насъ предпочитали поступать наоборотъ, и отправляли въ Маньчжурію такихъ господъ, которымъ предстояла альтернатива: или выходить въ отставку или ѣхать на Дальній Востокъ. Легко себѣ представить, во чтò мало-по-малу превратилась русская администрація въ этомъ краѣ! Гордый, съ огромнымъ самомнѣніемъ, намѣстникъ Алексѣевъ не зналъ, какъ свидѣтельствуютъ излагаемые авторомъ факты, ни края, ни общаго политическаго положенія, заботясь только о царственной пышности своихъ выѣздовъ. О беззаботности его и блаженномъ невѣдѣніи свидѣтельствуетъ одно то, что въ роковую ночь первой минной атаки нашихъ судовъ онъ запретилъ адмиралу Старку надѣть на суда сѣтчатыя загражденія, находя такую мѣру недипломатичной.

Прекрасно обрисованъ авторомъ и другой герой артурской эпопеи, генералъ Стессель. Вынесенный на верхъ чужими трудами и дарованіями, грубый и даже безграмотный—прочтите его безграмотно изложенные приказы—этотъ пресловутый герой съ назначеніемъ начальникомъ всего укрѣпленнаго Квантунскаго района почувствовалъ себя настоящимъ сатрапомъ и весь размѣнялся на мелочныя распри изъ-за предѣловъ своей власти. На позиціяхъ его и не видали точно такъ же, какъ и генерала Фока, которому первому пришлось столкнуться съ японцами. Распущенность, отсутствіе дисциплины и чувства долга такъ и били въ глаза. Особенно это замѣчалось у моряковъ. Матросы цѣлыми бандами пьянствовали и дебоширили на улицахъ, а ихъ офицеры уже послѣ открытія военныхъ дѣйствій не находили для себя болѣе достойнаго времяпровожденія, какъ кутить въ кабачкахъ и купать въ шампанскомъ своихъ содержанокъ. Всѣ знали бездарность и дрянность начальства, и въ побѣду никто не вѣрилъ. Пріѣздъ Макарова быстро поправилъ дѣло, влилъ энергію и увѣренность, но катастрофа съ «Петропавловскомъ» окончательно погрузила всѣхъ въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что всѣмъ стало ясно, что Портъ-Артуръ почти и не укрѣпленъ, а кое-какъ оборудованъ уже во время военныхъ дѣйствій.

Таковъ общій фонъ наблюденій автора, который не скупится подтверждать ихъ фактами. Слѣдя за его въ высшей степени интереснымъ разсказомъ, невольно спрашиваешь себя: до какой же степени распущенности и нравственнаго паденія должны дойти правящіе классы страны, чтобы терпѣть безобразія, подобныя нашимъ дальневосточнымъ? А. В.

«Przegląd Historyczny, dwumiesięcznik naukowy». Warszawa. 1906. Marzec—Kwiecień i Maj—Czerwiec.

Въ книжкахъ варшавскаго историческаго двухмѣсячника «Историческое Обозрѣніе» (Przegląd Histor.) за мартъ—апрѣль и май—іюнь помѣщено продолженіе статьи краковскаго профессора Станислава Смольки о поѣздкѣ министра финансовъ царства Польскаго, Кс. Любецкаго, въ Петербургъ въ 1830 г. съ политическою цѣлью («W drodze do Petersburga»). Авторъ, если помнятъ читатели «Историческаго Вѣстника», оставилъ своего героя у воротъ невской столицы («Историческій Вѣстникъ», май). Теперь г. Смолька возвращается назадъ и описываетъ путь, совершенный министромъ и его свитою. Многое изъ передаваемаго Смолькою русскому внимательному читателю извѣстно изъ трудовъ покойнаго Н. К. Шильдера и работъ польскихъ историковъ. Тѣмъ не менѣе, встрѣчаются очень интересные эпизоды, матеріалъ для которыхъ почерпнутъ авторомъ изъ архивныхъ документовъ. Таково, напримѣръ, описаніе встрѣчи варшавскихъ делегатовъ съ великимъ княземъ Константиномъ. Любецкій и его товарищи употребляли всѣ усилія, чтобы до пріѣзда въ Петербургъ увидѣться съ Константиномъ Павловичемъ. Они его догоняли, а онъ отъ нихъ уходилъ. Великій князь рѣшилъ переправиться черезъ Вислу около Пулавъ и двинуться черезъ Коцкъ и Радинъ на Брестъ, но внезапно измѣнилъ свой планъ. Причиною этой перемѣны было слѣдующее обстоятельство. Въ главную квартиру великаго князя Константина прибылъ нѣкто Волицкій. Волицкаго командировалъ диктаторъ Хлопицкій, съ цѣлію предупрежденія столкновеній между войсками польскими и отступающими русскими. Кромѣ этой цѣли, была еще и другая—секретная: «вывѣдать, что удастся». Волицкій предсталъ передъ великимъ княземъ въ мѣстечкѣ Сецеховѣ. Онъ предложилъ войти въ соглашеніе съ частями польскихъ войскъ и «устроить дѣло» относительно продовольствія отступавшихъ русскихъ. Интересна бесѣда Константина Павловича съ Волицкимъ. «Невзирая на сдѣланное на Бельведеръ нападеніе,—говорилъ братъ царя,—я забылъ все. Въ существѣ дѣла я—лучшій полякъ, нежели вы всѣ. Вступилъ въ бракъ съ полькою, поселился среди васъ и такъ долго говорилъ по-польски, что мнѣ теперь трудно выражаться по-русски, наконецъ, я далъ вамъ доказательства моихъ симпатій, запретивъ русскимъ войскамъ стрѣлять; если бы я пожелалъ, вы были бы уничтожены въ первую же минуту». Несмотря на такую «откровенность», Константинъ оставилъ Волицкаго у себя заложникомъ. Волицкій этого не ожидалъ, давалъ честное слово снова вернуться. Великій князь оставался непреклоннымъ. Тогда Волицій пустился на хитрость. Въ пути въ 2-хъ миляхъ за Сецеховымъ поднялъ тревогу, будто поляки напали на тылъ русскихъ войскъ, и, пользуясь замѣшательствомъ, скрылся въ лѣсу, откуда добрался до Варшавы. Вотъ почему Константинъ сталъ бояться нападенія и измѣнилъ свой маршрутъ. Любецкій, хотя и узналъ отъ Волицкаго о положеніи дѣлъ въ главной квартирѣ Константина Павловича, однако не былъ увѣренъ въ томъ, что въ дѣйствительности не польется кровь. Онъ хорошо зналъ о неудовольствіи среди членовъ патріотическаго клуба относительно

пропуска великаго князя съ войсками... Къ истинному удовольствію варшавскихъ депутатовъ Любецкій получилъ въ Яблони два письма великаго князя. Въ первомъ Константинъ Павловичъ выражаетъ согласіе принять и выслушать во Влодавѣ «делегатовъ временнаго правительства и диктатора». Во второмъ письмѣ великій князь выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что замедлилъ отвѣтомъ на выраженное депутатами желаніе видѣться съ нимъ. Замедленіе въ отвѣтѣ онъ объясняетъ остановкою въ пути по случаю недомоганія жены. Оба письма отправлены изъ Хоростыты и датированы 30 ноября (12 декабря) 1830 г. Аудіенція во Влодавѣ продолжалась съ 4½ час. пополудни до 11 ч. вечера. Константинъ подробно разспрашивалъ делегатовъ о варшавскихъ «событіяхъ», высказывалъ готовность, по мѣрѣ силъ, оградить Польшу отъ грядущихъ несчастій. На просьбу депутатовъ облегчить имъ возможность видѣть государя великій князь сначала отозвался незнаніемъ о мѣстѣ нахожденія своего брата, а потомъ предложилъ депутаціи отправиться въ Тересполь и тамъ ожидать прибытія въ Брестъ-Литовскъ его самого, которое должно послѣдовать не позже трехъ дней. Въ этомъ смыслѣ послѣдовалъ «письменный отвѣтъ» депутатамъ за подписью цесаревича. Передъ выѣздомъ изъ Влодавы депутаты еще разъ видѣли великаго князя. При этомъ имъ удалось добиться перемѣны текста помянутаго «письменнаго отвѣта»; они получили тотъ же самый отвѣтъ, но съ прибавкою словъ: «**et j'aviserai de Brześć Litevski, au plus prompte moyen, pour vous rendre auprès de Sa Majesté**». Не слѣдуетъ удивляться чрезмѣрной, можетъ быть, осторожности Константина Павловича во Влодавѣ. Онъ страшился «Петербурга» точно такъ же, какъ страшился войны и революціи. Николая не любилъ и зналъ, что и тотъ его не любитъ; несмотря на это, братья не щадили «сердечныхъ» фразъ въ перепискѣ между собою. Все-таки Константинъ не подозрѣвалъ державнаго брата въ козняхъ, онъ лишь содрогался петербургскихъ генераловъ и сановниковъ типа Палена и Бенигсена... тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ еще изъ Петербурга отвѣта на свои письма. Онъ еще не зналъ, какъ взглянетъ Николай на происшедшее въ Варшавѣ, какъ посмотритъ на образъ дѣйствій его, Константина. Во всякомъ случаѣ догадывался, что за многое его не похвалитъ. Онъ для того и сплавилъ пословъ въ Тересполь, чтобы выиграть время — получить отвѣтъ изъ столицы. Изъ письма Любецкаго и Езерскаго къ диктатору изъ Тересполя отъ 15 декабря видно, что «всякое сообщеніе съ Брестомъ прервано». Посламъ приходилось остаться въ Тересполѣ. Тѣмъ временемъ Константинъ писалъ брату изъ Влодавы въ защиту возставшаго народа, слагая вину на «горсть унтеръ-офицеровъ, молодыхъ офицеровъ и студентовъ». Они заварили кашу. Генералы, офицеры и солдаты не могли не пристать къ нимъ. «Молодежь и унтеръ-офицеры всѣхъ взбаламутили». Въ новый годъ (1831) по ст. ст. великій князь еще разъ предстательствовалъ передъ Николаемъ «за заблудшій народъ». Авторъ видитъ въ обоихъ случаяхъ слѣды вліянія кн. Ловичъ, кроткой и добродѣтельной супруги вбалмошнаго Константина. На влодавское письмо привезъ отвѣтъ генералъ-адъютантъ Орловъ. Письмо это напечатано у Шильдера («Императоръ Николай Первый», II, 473). Въ немъ государь увѣряетъ брата, что «въ отношеніи поляковъ выполнитъ всѣ лежа-

щія на немъ обязанности, до послѣднихъ предѣловъ возможнаго». Наконецъ, депутатамъ разрѣшили двинуться въ дальнѣйшій путь. Въ день царскихъ именинъ 6 (18) декабря они пріѣхали въ Вильну. Въ портфелѣ Любецкаго, въ числѣ разныхъ документовъ, находилась инструкція посламъ, редактированная самимъ Любецкимъ и подписанная Хлопицкимъ. Между «требованіями», въ этой инструкціи помѣщенными, voeux de la nation pour servir de bases aux négotiations à ouvrir, два главные пункта касались «польскихъ губерній»: 1) распространеніе, согласно трактатамъ, конституціи царства Польскаго на Литву, Волынь, Подолію и Украйну; 2) созваніе на 1 мая 1831 г. сейма съ приглашеніемъ на него не только пословъ и депутатовъ изъ царства Польскаго, но также пословъ и депутатовъ поименованныхъ провинцій, соединенныхъ съ царствомъ. Тактичный Любецкій никому въ Вильнѣ не показывалъ этихъ пунктовъ. Состояніе умовъ здѣсь и безъ того было напряженное. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнулъ грозный пожаръ. Черезъ пять дней послы были уже въ Нарвѣ, въ 140 верстахъ отъ Петербурга. Мѣстный комендантъ вручилъ Любецкому письмо министра, статсъ-секретаря царства Польскаго, графа Грабовскаго. «Его императорское величество государь императоръ освѣдомился изъ рапорта великаго князя цесаревича о выѣздѣ вашего сіятельства и графа Езерскаго въ Петербургъ,—писалъ Грабовскій.—Его императорское величество не знаетъ мотивовъ, которые склонили ваше сіятельство предпринять это путешествіе. Если варшавскія событія побудили васъ выступить въ качествѣ делегата правительства, возникшаго безъ соизволенія нашего монарха, то государь не можетъ васъ къ себѣ допустить, а равно позволить прибыть въ его столицу. Если же, впрочемъ, побужденія, кои направляютъ васъ въ Петербургъ, согласны съ обязанностями поста, который, князь, занимаете, благодаря довѣрію государя императора, въ такомъ случаѣ его императорское величество согласенъ васъ принять и выслушать въ качествѣ министра финансовъ царства Польскаго. По той же самой причинѣ императоръ и король не могъ бы принять графа Езерскаго иначе, какъ только въ качествѣ посла на сеймъ царства. Ваше сіятельство не откажете его объ этомъ увѣдомить. Прошу принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи. Петербургъ. 10 (22) декабря 1830 г. Графъ Стефанъ Грабовскій». Въ своемъ отвѣтѣ, датированномъ 11 (23) декабря, кн. Любецкій, между прочимъ, писалъ: «...имѣя намѣреніе, по порученію правительственнаго совѣта (rady administracyjnej), сложить у подножія трона его донесеніе о варшавскихъ событіяхъ, я ѣду въ качествѣ королевскаго министра, будучи готовъ представить его величеству подробности всего того, чему былъ очевидцемъ, и я никогда не принялъ бы на себя миссіи предстать предъ монархомъ въ иной роли». Въ заключеніе Любецкій пишетъ, что нарвскій комендантъ ихъ, депутатовъ, пока дальше не пускаетъ, ожидая изъ Петербурга распоряженій, и что они, послы, «станутъ ожидать приказаній, какія угодно будетъ государю императору отдать въ этомъ отношеніи». Черезъ два дня депутатовъ пустили, и они благополучно добрались до невской столицы.

Изъ прочихъ статей 2-й и 3-й книжекъ «Р. Н.», не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ русской исторіи, заслуживаетъ вниманія разборъ

мнѣній польскихъ историковъ касательно святости Станислава Щепановскаго, епископа краковскаго, умерщвленнаго по приказанію короля Болеслава Смѣлаго 8 мая 1079 г., канонизованнаго въ 1253 г. и съ того времени ставшаго «святымъ патрономъ короны польской». Статья Przegląd'а вызвана появленіемъ умной книги Т. Войцеховскаго «Szkice historyczne jedynastego wieku» (Краковъ, 1904). Ученый пересмотрѣлъ мнѣнія историковъ, писавшихъ въ защиту дѣятельности Станислава, возбудившей противъ себя короля, и въ порицаніе послѣдняго. Г. Войцеховскій сдѣлалъ переоцѣнку первоисточниковъ, послужившихъ базисомъ для защитниковъ краковскаго епископа, нравственный образъ котораго если и не совершенно развѣнчанъ, то во всякомъ случаѣ представляется значительно въ иномъ видѣ.

Г. А. Воробьевъ.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1906 г. Выпуски I—II. Вятка. 1906.

Главное содержаніе разсматриваемаго выпуска «Трудовъ» Вятской архивной комиссіи составляютъ «грамоты и акты Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря 1580—1764 г.г.», изъ которыхъ пока напечатана 51 грамота, за время отъ 1580 по 1680 г. Грамоты эти заимствованы собирателемъ и издателемъ ихъ, А. С. Верещагинымъ, изъ архива Вятской казенной палаты, Московскаго архива министерства юстиціи и частныхъ собраній и имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи Вятскаго края, особенно его колонизаціи, а также и для ознакомленія съ бытомъ какъ монастырей, такъ и крестьянъ, жившихъ во владѣніяхъ монастыря. Подробнѣе о нихъ мы надѣемся поговорить послѣ окончательнаго ихъ изданія.

Затѣмъ заслуживаетъ вниманія, хотя и не большая, но обстоятельная статья того же А. С. Верещагина: «Суздальско-Нижегородскіе князья въ исторіи древней Вятки». Въ заключеніе ея авторъ говоритъ: «Суздальсконижегородскіе князья проживали и на Вяткѣ во время своего изгойства и скитаній за предѣлами своихъ отчинъ; владѣли они на Вяткѣ нѣкоторыми мѣстностями, но всею русскою Вяткой не владѣли, и владѣтельными «вятскими князьями» назвать ихъ не приходится... особой памяти о себѣ они на Вяткѣ не оставили, но все же оказали услуги Вяткѣ тѣмъ, что привели съ собой немало русскихъ людей и приняли участіе въ колонизаціи русской Вятки въ начальный ея періодъ» (30 стр.).

Изъ цѣлаго ряда другихъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ, наиболѣе любопытны три посланія митрополита Іоны вятскимъ воеводамъ, вятскому духовенству и вятчанамъ 1452—1459 г.г., съ пояснительной замѣткой того же А. С. Верещагина; три акта, сообщенные А. А. Спицынымъ; два доношенія московскихъ студентовъ, уроженцевъ Вятской губерніи, преосвященному Антонію Илляшевичу, 1749 и 1751 г.г., довольно ярко рисующія положеніе въ академіи московскихъ студентовъ; выписки изъ дневника-журнала о матеріальномъ положеніи церквей Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ въ 1768 и 1769 г.г. и нѣк. др.

Разсматриваемый нами выпускъ «Трудовъ» Вятской архивной комиссіи составляетъ въ общей серіи ея изданій шестую книжку «Трудовъ», и это за время менѣе чѣмъ двухлѣтняго существованія комиссіи. Можно только удивляться и благодарить главнаго вкладчика и редактора «Трудовъ», А. С. Верещагина, какъ весьма просвѣщеннаго и неутомимаго изслѣдователя историческихъ судебъ Вятскаго края. **В. Рудаковъ.**

Николаевъ. Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ. Москва. 1906.

Воспоминанія г. Николаева относятся къ 1867—1872 г.г., ко времени пребыванія Чернышевскаго въ каторгѣ въ Александровскомъ заводѣ. Автору пришлось въ продолженіе пяти лѣтъ дѣлить съ критикомъ невзгоды и лишенія, за это время онъ имѣлъ возможность слѣдить за тѣмъ нравственнымъ состояніемъ, которое переживалъ въ каторгѣ Чернышевскій. Хотя воспоминанія г. Николаева даютъ мало новаго по сравненію съ уже извѣстнымъ, и въ нарисованномъ имъ портретѣ Чернышевскаго нѣтъ ни одной новой, болѣе или менѣе значительной черты,—воспоминанія, тѣмъ не менѣе, читаются съ интересомъ, они согрѣты теплымъ чувствомъ, отъ нихъ такъ и вѣетъ страданіемъ пережитаго. Авторъ ничего не прикрашиваетъ, онъ изображаетъ все сухими, правдивыми красками, но картина безрадостной жизни изгнанника живо встаетъ передъ читателемъ. Становится больно, что на такую жизнь были обречены лучшіе представители русскаго общества. **Ф.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АВЕНТИНСКІЙ холмъ въ древности. Извѣстно, что древній Римъ располагался на семи холмахъ, которые имѣютъ болѣе или менѣе свою исторію. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Капитолій, который упрочилъ себѣ историческій престижъ, Палатинскій, на которомъ располагалась древнѣйшая часть города и еще посейчасъ гордящійся своими развалинами, и Целійскій, который и теперь славится прекраснымъ закатомъ солнца и открывающейся съ него замѣчательной панорамой, Авентинскій же, самый скромный, съ перваго взгляда ничѣмъ не привлекаетъ къ себѣ вниманія и только напоминаетъ объ античныхъ легендахъ, разсказываемыхъ древними историками, когда плебсъ выражалъ свое неудовольствіе всеобщей забастовкой и былъ побѣжденъ лишь апологомъ одного изъ сенаторовъ. Жители Рима любятъ его лишь за пустынное спокойствіе, змѣеобразныя дороги, монастыри и маленькую церковь, совсѣмъ не любопытствуя узнать его исторію. Однако, не всегда этотъ холмъ былъ такой вымершій: у него была своя исторія, и даже блестящая, которую недавно разсказалъ въ своемъ трудѣ [1]) французъ Альфредъ Мерлэнъ. Онъ говоритъ, что по своему географическому положенію Авентинскій холмъ долженъ былъ играть господствующую роль. Расположенный на берегу Тибра, онъ владычествовалъ надъ рѣкою болѣе, чѣмъ этимъ могутъ хвастаться Капитолій и Палатинъ;

---

[1]) L'Aventin dans l'antiquité, par Alfred Merlin. Paris. 1906.

поэтому онъ невольно бросался въ глаза кораблямъ, которые направлялись съ моря къ Риму, и они приставали къ его подножію. Главная дорога, проходившая у его подножія, вела къ Сабинѣ и центральной Италіи. Такимъ образомъ Авентинъ сдѣлался коммерческимъ центромъ, мѣстомъ встрѣчи жителей внутренней части территорій и купцовъ, являвшихся изъ средиземныхъ метрополій, и его будущность рѣшили условія, въ которыя онъ былъ поставленъ природой. Жизнь тамъ протекала совсѣмъ сельская: жители были бѣдны, и ихъ держали вдали отъ Рима и Палатина, который все болѣе и болѣе разростался. Авентинцы жили землепашествомъ, занимаясь исключительно сельскими работами. Когда царь Сервій Туллій создалъ городъ для четырехъ сословій, то онъ оставилъ Авентинъ внѣ городского района, и его считали за обширное поле. Но все это послужило ему въ пользу. Оставленный въ сторонѣ у дверей въ «гордый городъ», Авентинъ сдѣлался убѣжищемъ всѣхъ, кто не нашелъ себѣ мѣста въ гордомъ городѣ. Поэтому тамъ водворился плебсъ: побѣжденные сосѣднихъ городовъ, которымъ государство отвело тамъ участки земли, кліенты, освобожденные отъ попечительства, сохранившіе свои поля, но въ особенности иностранные купцы, которыхъ держали въ сторонѣ отъ политики. Очень богатые и могущественные, они внушали страхъ, потому что помогали кормить городъ и кончили тѣмъ, что въ V вѣкѣ добились, чтобы имъ роздали нѣсколько участковъ земли, и эта уступка патриціанскаго города была началомъ благоденствія авентинцевъ. Съ того дня, какъ торговцы могли тамъ удобно основаться, холмъ сталъ заселяться, украшаться и сдѣлался оживленнѣе. Туда допускались иноземныя божества, которыхъ привозили на иностранныхъ корабляхъ съ юга Италіи или востока, какъ, напримѣръ, Артемида изъ Марселя, Деметра греческая, Дамія изъ Таренты. Это было запрещено въ Римѣ, тогда какъ на Авентинскомъ холмѣ имъ оказывали широкое гостепріимство, и ихъ храмы свободно устраивались, а послѣдователи различныхъ культовъ могли исполнять свои обряды, какъ дома. Это привело къ тому, что мало-по-малу на Авентинѣ образовался совершенно новый міръ, многочисленный и богатый, съ собственными обычаями, занятіями и нравами, который совершенно естественно желалъ участвовать и въ завѣдываніи дѣлами страны. Поэтому Авентинъ сдѣлался плебейской горой, гдѣ готовились громы для пораженія Форума. Тамъ устраивались народныя манифестаціи, и онъ былъ цитаделью плебса, куда укрылся Гракхъ, и гдѣ такъ трагически съ нимъ покончили. Неудивительно, что Авентинъ не нравился аристократу Суллѣ, который внушилъ Цезарю недовѣріе къ нему. Авентинская гора была главнымъ образомъ центромъ римской торговли и мѣстомъ, гдѣ формировалась политика купцовъ. Добившись владѣнія землею и разрѣшенія устраивать свои святилища, авентинцы естественно стали добиваться равноправія и почетныхъ должностей, такъ что изъ шести первыхъ плебейскихъ консуловъ было три авентинца. Но эта побѣда не служила лишь для удовлетворенія ихъ честолюбія: она вела еще къ успѣху въ области новой политики — экономической. Они убѣдились, что территоріальное господство необходимо для торговаго благоденствія, завладѣли сосѣдями, а затѣмъ и всѣмъ полуостровомъ, заняли порты западнаго берега, побили карѳагенянъ, совсѣмъ уничтожили

Коринѳъ, словомъ они распространились повсюду, отъ Александріи до Испаніи, заняли первые ряды среди политиковъ и негоціантовъ. Это благоденствіе преобразовало Авентинъ: онъ сдѣлался слишкомъ населеннымъ, богатымъ и, кромѣ того, потерялъ то, что дѣлало его исключительнымъ. Онъ уже болѣе не былъ страною плебеевъ, которые отдѣлялись своими гражданскими и политическими правами отъ остальнего римскаго населенія, не имѣлъ монополіи иностранныхъ религій, а былъ подведенъ подъ общій характеръ города, а наканунѣ имперіи онъ уже потерялъ свою оригинальность, свой плебейскій характеръ. Во время имперіи для Авентина настала вторая жизнь, и онъ сдѣлался уже совсѣмъ инымъ, чѣмъ былъ прежде: онъ превратился въ аристократическую гору. Императоры провели туда воду, устроили улицы и термы. Земля поднялась въ цѣнѣ, и ея уже болѣе не хватало, поэтому тамъ было мало публичныхъ памятниковъ, вмѣсто которыхъ красовались многочисленныя частныя, блестящія виллы, Авентинъ съ этихъ поръ вошелъ въ моду, и даже Неронъ и Вителлій охотно посѣщали тамъ виллы въ садахъ Сервилія. Въ эпоху Антонія Севера крупные администраторы въ большомъ количествѣ проживали тамъ. Пребываніе императоровъ и постройка новыхъ термовъ окончательно сдѣлали моднымъ Авентинъ, и въ IV вѣкѣ термы Деція были самыми лучшими во всемъ Римѣ. Они были украшены произведеніями греческаго искусства и служили мѣстомъ сборища высшаго общества. Прежняя цитадель плебса потеряла свою оригинальность и стушевалась императорскимъ великолѣпіемъ. Христіанство нашло тамъ свою славу, когда въ IV вѣкѣ Альбина и ея дочь Марцелла въ своемъ обширномъ жилищѣ, унаслѣдованномъ отъ предковъ, приняли схимниковъ, изгнанныхъ изъ Египта арійскимъ преслѣдованіемъ; тамъ онѣ собрали христіанъ высокаго рожденія, увлеченныхъ идеальнымъ ученіемъ Христа. Марцелла, по словамъ Огюстена Тьерри, была и меланхолична, обладала не по лѣтамъ открытымъ, вдумчивымъ умомъ и казалась иногда экзальтированной. Она слышала о существованіи на востокѣ женскаго монастыря и устроила во дворцѣ родителей келью и жила въ ней въ молчаніи и сосредоточеніи. Вокругъ нея мало-по-малу собрались другія патриціанки, и такъ образовался маленькій монастырь, въ которомъ не было опредѣленныхъ правилъ, а гдѣ каждый по своему вкусу изучалъ св. Писаніе, пѣлъ псалмы и т. д. Св. Іеронимъ видѣлъ тамъ добровольныхъ монахинь и во время своего пребыванія въ Римѣ ободрялъ ихъ и помогалъ имъ. Его связывала съ Марцеллой дружба, и послѣ своего отъѣзда онъ долго съ нею велъ переписку. Маленькій монастырь мало-по-малу лишался самыхъ ревностныхъ единомышленницъ Марцеллы, но все-таки существовалъ, пока она не умерла. Ея идеальное созерцаніе было прервано вторженіемъ Аларика и варваровъ. Это вторженіе обратило Авентинъ въ дикое состояніе, не оставившее и слѣда прежнихъ политической дѣятельности, искусствъ, изящной жизни и высокой нравственности. Въ средніе вѣка восточные монахи пытались возстановить тамъ нѣкоторую жизнь, но тщетно. «Величіе Авентина, заключалось,—говоритъ авторъ, въ томъ, что онъ былъ средоточіемъ плебеевъ и торговли, а также служилъ посредникомъ между республиканскимъ Римомъ и чужими краями».

— **Изнанка XVIII вѣка.** Развѣнчиваніе прежнихъ кумировъ коснулось и Франціи XVIII вѣка,—вѣка пресловутыхъ «изящества, учтивости, граціи», вѣка всего красиваго, созданнаго въ области живописи — Ватто, Ванлоо, Бушэ, Фрагонаромъ, Грезомъ, Ла-Тушемъ, Ланкрэ, художественной мебели—Андрэ-Шарлемъ Буллемъ, гравированія — Сентъ-Обеномъ, шляпнаго мастерства—Шардономъ, дамскихъ модъ—Бертономъ, художественныхъ вышивокъ—Погеллемъ, Варно, Ледюкомъ, Трипперомъ, ювелирныхъ издѣлій—Роттье, чеканки—Гутьеромъ. Изнанку этой изящной эпохи, о которой Талейранъ отзывался коротко, но краснорѣчиво: «кто не жилъ въ послѣднемъ вѣкѣ, тотъ не знаетъ сладости жизни», взялся обнаружить А. Галлье, собравъ въ цѣлое отрывочные отзывы и мнѣнія различныхъ современниковъ [1]). Конечно, полагаться на эти отзывы нельзя безусловно, въ виду пристрастія авторовъ изъ личной вражды къ тому или другому современнику, но они все-таки могутъ служить намеками на общій характеръ эпохи. XVIII вѣкъ былъ двуличный, какъ и каждая эпоха имѣетъ двѣ стороны, но его изнанка слишкомъ ярка, чтобы не обратить на себя вниманія. Изящество и галантность французовъ доходили до того, что они отправлялись на войну въ кружевахъ и со шпагою, украшенной любимыми цвѣтами ихъ дамы сердца. Ихъ обращеніе съ врагами отличалось самой изысканной учтивостью, какъ это было при Ажанкурѣ во время непріятельской встрѣчи французской и англійской арміи, когда лордъ Гей, приблизившись къ первой, воскликнулъ: «Господа французскіе гвардейцы, стрѣляйте!»—и въ отвѣтъ генералъ Отрошъ, привѣтствуя его шпагой, произнесъ: «Господа, мы никогда не стрѣляемъ первые, стрѣляйте вы сами!» Эта французская учтивость, по словамъ автора, обошлась французамъ въ тысячу человѣкъ, но зато французскія традиціи были сохранены. Женщины, искусно наклеивавшія себѣ въ углу рта мушки, которыя назывались «поцѣлуями», казалось, могли держать въ своихъ пальчикахъ только цвѣты. Французскій умъ былъ блестящій, красиво-ироническій, веселость легкая, игристая, кипучая, которой не омрачалъ даже эшафотъ. Тогда не умѣли ни любить, ни бороться, ни вѣрить, но вмѣсто этого испивали чашу мимолетныхъ наслажденій до дна, доходили до наслажденія смертью и умѣли красиво умирать. Весь этотъ блескъ стушевывалъ, маскировалъ ужасную драму жизни—нищету, эпидеміи и голодъ. Но рядомъ съ этимъ общество XVIII вѣка, не имѣвшее соперниковъ по учтивости, манеръ, деликатности языка и чувствъ, въ сущности было грубое, рѣзкое и старалось скрыть даже отъ себя эту истину. Нѣкоторые французы той эпохи сознавали свои недостатки, что̀ видно изъ ихъ мемуаровъ и писемъ. Галлье не отрицаетъ, что при дворѣ были не всѣ дурно воспитанные люди: тамъ встрѣчались дѣйствительно учтивые придворные, но большинство таковыхъ надо искать среди провинціальныхъ дворянъ, хотя придворные ихъ жестоко осмѣивали. Напротивъ, придворные, по словамъ герцогини Орлеанской, играя въ карты во дворцѣ и проигрывая громадныя суммы, стучали по столу

---

[1]) La courtoisie et le savoir-vivre au XVIII siècle, par H. de Gallier. «La Revue», 10 Octobre 1906.

кулаками, горланили, богохульствовали такъ, что волосы становились дыбомъ, выходили изъ себя, и ихъ страшно было видѣть. По другимъ источникамъ, разряженные придворные, носящіе самыя знатныя имена Франціи, играя въ карты, между собою спорили, какъ лакеи въ офиціантской. Графъ Куаньи, проигравъ крупную сумму принцу Домбу, оскорбилъ его словами: «Надо быть ублюдкомъ, чтобы такъ везло счастье!» При дворѣ короля случались часто даже карманныя воровства: такъ, у Субиза во время игры украли изъ кармана 2.000, а у другого придворнаго табакерку съ портретомъ короля. Что же касается до плутовства во время игры, то это было въ порядкѣ вещей, и о лицахъ, ловко упражняющихся въ передергиваніи картъ, говорили съ восторгомъ. Сенъ-Симонъ упоминаетъ объ одномъ высокопоставленномъ придворномъ, который плутовалъ подъ самымъ носомъ короля. Этимъ же занимались и дамы, заслуживая репутацію «хорошихъ игроковъ»; вообще плутовать въ картежной игрѣ называлось «хорошо играть». Игра въ карты была главнымъ рессурсомъ бездѣльнаго общества той эпохи, и молодыя дѣвушки еще при выходѣ изъ монастыря учились играть въ карты. Страсть къ картамъ доходила до того, что жены обкрадывали мужей, а дѣти—родителей, чтобы удовлетворить свою слабость. Лакеи, стоя за спинами своихъ господъ и смотря чрезъ ихъ плечо на игру, иногда просили поставить на карту свое годовое жалованье. Вандомъ проигралъ съ одного раза свой домъ, а г-жа Монтеспанъ въ одну ночь выиграла въ фараонъ 400.000 пистолей. Эта страсть перешла изъ Франціи даже за границу, и въ Римѣ создались профессіональные банкометы, державшіе всю ночь банкъ у важныхъ вельможъ. Провинція также не отставала. Когда разорялись въ карты, то поправляли дѣла, открывая игорные дома, и еще въ царствованіе Людовика XIV жена маршала Эстрада держала у себя открыто публичный игорный домъ. Не стѣсняясь плутовать въ картахъ и въ средствахъ поправлять свои растраченныя состоянія, вельможи XVIII вѣка не были разборчивы и въ другихъ отношеніяхъ. Жить на средства женщинъ было въ то время обычнымъ дѣломъ, которое совсѣмъ не позорило мужчину въ глазахъ общества, не вызывало съ его стороны порицаній, а получать субсидіи отъ богатой женщины считалось хорошимъ тономъ. Это казалось даже совершенно естественнымъ и бравшимъ и дававшимъ. Когда одинъ провинціалъ, молодой офицеръ, только-что представленный ко двору, сказалъ на ужинѣ у великосвѣтской дамы: «Не понимаю, какъ это порядочный человѣкъ можетъ унизиться до продажи своихъ поцѣлуевъ»,—то всѣ рѣшили, что онъ—слишкомъ «провинціалъ». Впослѣдствіи, когда этотъ офицеръ сдѣлался любовникомъ г-жи Аржансонъ, съ нимъ случилось забавное приключеніе. Возвратившись изъ арміи къ дамѣ своего сердца и заставъ свое мѣсто занятымъ, онъ рѣшительно предложилъ ей сдѣлать выборъ между нимъ и его замѣстителемъ и одержалъ побѣду. Нѣкоторое время спустя, онъ узналъ, что его замѣститель не только нѣсколько мѣсяцевъ жилъ милостями своей любовницы, но еще заставилъ ее выдать вексель на 30.000 ливровъ. Онъ съ трудомъ заставилъ его вернуть г-жѣ Аржансонъ вексель. Однако она не раздѣляла его мнѣнія и не возмущалась поступкомъ бывшаго любовника, находя совершенно справедливымъ платить

любовнику. Понявъ поступокъ провинціала по-своему, она поспѣшила въ благодарность предложить ему 20.000 ливровъ, но онъ отказался. Этотъ провинціальный дворянинъ имѣлъ иное мнѣніе о порядочности, чѣмъ придворные, и считалъ, что отъ женщины можно принять ленту, бантъ на шпагу, самое бо́льшее — кольцо, но деньги взять считалъ позоромъ, недостойнымъ дворянина. По его мнѣнію, если необходимо достать двѣсти луидоровъ, то ихъ можно у нея занять, какъ у друга, но поскорѣе ихъ вернуть. Ему всегда приходилось имѣть дѣло съ щедрыми женщинами, и до его связи съ г-жею Аржансонъ онъ былъ близокъ къ г-жѣ Роганъ. «Она часто дѣлала мнѣ подарки,—говорилъ онъ, — но ловко и менѣе обидно для моего достоинства». Такъ, однажды она вручила ему хрустальную въ золотой оправѣ бонбоньерку, полную конфетъ, на днѣ которой лежалъ прекрасный брильянтъ, цѣною 12.000—14.000 ливровъ. Провинціалъ взялъ бонбоньерку, но брильянтъ возвратилъ, несмотря на всѣ настоянія г-жи Роганъ. Чрезъ нѣсколько дней она подарила ему нѣсколько дюжинъ кружевныхъ манжетъ; затѣмъ замѣнила его скромные часы другими, великолѣпными, украшенными брильянтами. Наконецъ не разъ онъ находилъ въ своей шляпѣ свертки съ пятьюдесятью луидорами, и хотя его жалованье было ничтожно, онъ все-таки отклонилъ эти благодѣянія. Придворные не стѣснялись съ своими любовницами и даже заставляли ихъ закладывать принадлежавшія имъ драгоцѣнности, и это никого не удивляло; многіе изъ нихъ жили открыто на опредѣленныя субсидіи любовницъ. Изящное обращеніе даже со слугами при дворѣ и въ обществѣ совершенно преобразовывалось дома, и придворные изъ высшей аристократіи внѣ общества обращались съ женами и любовницами грубо и рѣзко: Обиньи, любовникъ г-жи Дезюрсэнъ, обращавшійся съ нею въ обществѣ почтительно, наединѣ былъ грубъ и при малѣйшемъ поводѣ билъ ее. Впрочемъ это не возмущало ея такъ же, какъ и герцогиню Беррійскую, съ которой ея любовникъ Ріомъ, племянникъ Лозёна, обращался еще хуже, такъ что однажды регентъ возмутился и угрожалъ выбросить его за окно. Впрочемъ самъ Лозёнъ, когда онъ былъ влюбленъ въ герцогиню Монако и однажды засталъ ее сидѣвшей на травѣ съ королемъ, къ которому онъ ее ревновалъ, то, дѣлая видъ, что не замѣтилъ, и проходя мимо, такъ сильно наступилъ ей на руку, что едва не раздавилъ. Субизъ, при малѣйшемъ подозрѣніи своей любовницы, г-жи де-Нель, въ невѣрности, давалъ ей пощечины и бросалъ ее на землю, а Ришелье такъ толкалъ дѣвицу Шаролэ, что причинялъ ей синяки. Также обращались и другіе придворные, съ своими женами и любовницами. Какъ мужчины, такъ и женщины XVIII вѣка внѣ общества выражались грубо, даже если не было повода къ ссорѣ. Напримѣръ, сестра короля въ отвѣтъ на слова своей внучки, дѣвицы Шаролэ: «Я беременна. Что теперь дѣлать?»—отвѣтила: «Ну, что же, надо родить»... Но еще лучше поступила герцогиня Орлеанская, которая, соскучившись ѣхать за похоронной процессіей принцессы Генріеты, неожиданно обратилась къ сидящему съ нею въ экипажѣ епископу: «Правду ли говорятъ, что вы еще сохранили вашу дѣвственность?» Послѣднее слово герцогиня замѣнила грубымъ выраженіемъ. Дочери короля, прозванныя имъ Graille, Coche, Logre и Chiffe, звали г-жу Помпадуръ: «maman...». Аржансонъ писалъ: «Дворъ теперь

не что иное, какъ лупанаръ. Громадное количество женщинъ наводняетъ апартаменты нашихъ принцессъ; это—дворъ не галантный, а распутный». Изъ-за малѣйшаго несогласія между дамами, даже принцессами, поднимался невообразимый шумъ и гамъ. Дамы не стѣснялись въ выраженіяхъ даже въ письмахъ; шутки же ихъ были грубы, а сочиненные ими стихи, предназначенные для прочтенія при дворѣ и обращенные къ барышнѣ, касались не только такихъ вульгарныхъ предметовъ, какъ газы, но еще и болѣе худшихъ; подобныя произведенія печатались съ королевскаго разрѣшенія и посвящались королевскому исповѣднику. Герцогиня Орлеанская посвятила королю въ такомъ же родѣ стихи, и они его такъ очаровали, что придворные старались заучить ихъ на память. «Свѣтскія манеры,—писалъ Вальполь,—которыми такъ гордятся французы, заключаются въ томъ, что они говорятъ объ ужинахъ и обо всѣхъ болѣзняхъ, которыя приключаются вокругъ нихъ, или о которыхъ имъ разсказываютъ. Третьяго дня на ужинѣ, гдѣ былъ и я, читали бюллетень о здоровьѣ дофина». При этомъ, по словамъ автора, слѣдовали такія подробности, что напечатать ихъ невозможно, и самому невзыскательному современному читателю было бы противно ихъ читать. Насколько онѣ должны быть циничны, можно судить по отказу автора сообщить ихъ, такъ какъ вообще онъ не очень стѣсняется, приводя нѣкоторыя очень циничныя подробности. Напримѣръ, онъ передаетъ о привычкѣ короля принимать нѣкоторыхъ придворныхъ, сидя на креслѣ, которое не принято держать въ парадныхъ комнатахъ. Эту же слабость питали и нѣкоторые придворные. Рядомъ съ изящными панно Бушэ и роскошной мебелью Булля царствовала поразительная неопрятность, далеко не гигіеничная, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ удобствъ въ домашней обстановкѣ, благодаря чему на парадной лѣстницѣ дворца и въ коридорахъ была такая зараза, о которой одинъ современникъ коротко и ясно выразился: «въ Версалѣ скверно воняетъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ изящные придворные XVIII вѣка и красивыя куколки-маркизы въ кокетливыхъ туалетахъ со складками Ватто и мушками-поцѣлуями на углахъ рта не довольствовались, по словамъ одного современника, «имѣть носъ, запачканный табакомъ», но отъ нихъ еще несло виномъ. Страсть къ пьянству доходила до того, что герцогиня Беррійская напивалась, какъ любой носильщикъ, и умерла 24 лѣтъ «съ перегорѣлыми внутренностями». Относительно ѣды дѣло обстояло одинаково, и та же маркиза Беррійская просиживала за ѣдой и виномъ по семи часовъ. Смотря на тоненькія тальи хорошенькихъ маркизъ Ватто и Бушэ, можно усомниться въ ихъ страсти къ обжорству. Внучка великаго Конде, герцогиня Вандомская, умерла отъ пресыщенія сильными ликерами, дочери герцогини Бурбонской слыли также за мало сдержанныхъ особъ. Придворныя дамы слѣдовали ихъ примѣру, и хорошенькая г-жа Буфлэ, вдохновлявшая поэтовъ, возбуждавшая нѣжныя страсти и въ честь которой написано столько нѣжныхъ стихотвореній, однажды, по обыкновенію выпивъ не въ мѣру вина, вдругъ, воспылала страстью къ пѣвцу Шасси, погналась за нимъ на улицу, растрепанная, въ безпорядочномъ костюмѣ и громко кричала: «Я его хочу! я его хочу!» Она же въ обществѣ г-жи Люксембургъ такъ громко смѣялась и нагло шутила съ мужчинами, сидя въ оперѣ, что зрители, не стѣс-

няясь, дѣлали грубыя замѣчанія. Авторъ приводитъ еще много циничныхъ подробностей, происходившихъ съ придворными дамами, но онѣ очень грязны, а потому лучше ихъ не упоминать, тѣмъ болѣе, что уже довольно доказательствъ, насколько изящество той эпохи было показаное, прикрывавшее природную грубость нравовъ, какъ красивая маска прикрываетъ безобразное лицо. Поэтому прославленный XVIII вѣкъ, служившій въ исторіи Франціи образцомъ изящныхъ манеръ, учтивости и хорошаго тона, теряетъ свою цѣну, но Ватто, Бушэ, Грезъ, Буль и другіе художники той эпохи все-таки остаются такими же, какими ихъ нашли критики послѣдующихъ вѣковъ, и статья Галлье, конечно, ихъ не касается.

— **Вашингтонъ въ управленіи своимъ помѣстьемъ и домашними дѣлами.** Хотя вышло безконечное количество книгъ о «Первомъ Американцѣ», трактуя о немъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, но все-таки еще отъ времени до времени появляются сочиненія, если не поражающія своей новизной, то во всякомъ случаѣ представляющія любопытный матеріалъ, обогащающій и то уже изобильную Вашингтоніану. Къ числу означенныхъ произведеній надняхъ присоединилось еще одно, подъ заглавіемъ: «Письма и воспоминанія Джорджа Вашингтона» [1]). Въ немъ помѣщены главнымъ образомъ письма Вашингтона къ своему секретарю и адъютанту, Тобіасу Лиру, и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ въ девятилѣтнюю эпоху отъ 1790 до 1799 г. Предисловіе и примѣчанія къ этому сборнику сдѣланы внучкой Лира—мистриссъ Луизой Лиръ-Эйеръ. Собраны эти письма съ цѣлью познакомить читателя съ домашней и дѣловой жизнью «отца отечества», а, кромѣ того, прибавленъ еще дневникъ Лира о послѣднихъ дняхъ Вашингтона. Въ сущности здѣсь нѣтъ ничего новаго, и означенные матеріалы можно найти въ многотомныхъ изданіяхъ Вашингтоновскихъ писемъ, въ числѣ трехъ тысячъ, изданныхъ Д. Спарксомъ и В. Фордомъ. Послѣдній въ четырнадцатомъ томѣ своего изданія помѣстилъ даже и дневникъ Лира. Наконецъ существуетъ книга подъ названіемъ: «Вашингтонъ въ домашней жизни»—Роберта Руша, бывшаго американскимъ посланникомъ въ Англіи въ пятидесятыхъ годахъ XIX столѣтія; въ ней отчасти исчерпанъ тотъ же матеріалъ, послужившій источникомъ для труда мистриссъ Эйеръ. Несмотря на это, новая книга очень любопытна по собраннымъ воедино даннымъ изъ писемъ Вашингтона о его домашнихъ дѣлахъ, воспитаніи усыновленныхъ дѣтей, обращеніи съ слугами и управленіи фермами. Конечно, по временамъ встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія объ общественныхъ дѣлахъ и интересныя данныя о самомъ Вашингтонѣ. Онъ, напримѣръ, находился въ дѣятельной перепискѣ съ знаменитымъ Артуромъ Юнгомъ насчетъ земледѣльческихъ вопросовъ, и, кромѣ того, мы узнаемъ, что онъ желалъ реализировать большую часть своихъ разбросанныхъ земельныхъ участковъ, такъ, чтобы послѣдніе дни своей жизни онъ могъ провести спокойно и беззаботно. Большая часть писемъ Вашингтона касается сельскаго хозяйства, которымъ онъ занимался практически и теоретически. Повидимому, «Первый Американецъ» имѣлъ не очень высокое мнѣніе о своихъ соотe-

---

[1]) Letters and recollections of George Washington. New-York. 1906.

чественникахъ, какъ фермерахъ, и считалъ земельную собственность, не состоявшую подъ руководствомъ самого собственника, далеко не производительнымъ дѣломъ. Что же касается до экономическаго значенія негровъ, то онъ выражалъ свое мнѣніе объ этомъ въ письмѣ къ генералу Споцбуду: «Въ отношеніи другого рода собственности, о которой вы спрашиваете мое мнѣніе, я долженъ откровенно сознаться, что не люблю думать, а тѣмъ болѣе говорить объ этомъ предметѣ. Если бы я принципіально не былъ противъ продажи негровъ, какъ скота, на рынкѣ, то чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ у меня не осталось бы ни одного раба. Я увѣренъ, что не пройдетъ и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ они окажутся чрезвычайно безпокойной собственностью». Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ выражалъ свое сожалѣніе, что ему пришлось нарушить рѣшимость болѣе не покупать ни одного негра, но это пришлось сдѣлать, «потому что у меня убѣжалъ поваръ». Что же касается до дневника Тобіаса Лира о послѣднихъ дняхъ жизни Вашингтона, то замѣчательны лишь слова великаго человѣка за нѣсколько времени до его смерти: «Докторъ, мнѣ тяжело умирать, но я этого не боюсь; съ первой минуты я предчувствовалъ, что не переживу своего припадка; я не могу долго дышать». Вообще, по прочтеніи сборника писемъ Вашингтона, получается представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ благородномъ, справедливомъ, достойномъ уваженія и не дозволяющемъ никому недостойно съ собою обращаться. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ своему секретарю онъ выражаетъ сильное желаніе, «чтобы, когда я покину человѣческую арену, всѣ мои дѣла остались въ такомъ положеніи, чтобы они не причинили никакой заботы тѣмъ, которые будутъ моими наслѣдниками». Относительно своихъ писемъ самъ Вашингтонъ признавался, что они не отличались особенно блестящимъ стилемъ и даже правильностью, но если онъ иногда эксцентрично выражался, то всегда писалъ ясно и опредѣленно.

— Столѣтіе Іены. Въ прошломъ году минуло сто лѣтъ самой важной побѣдѣ Наполеона—при Аустерлицѣ, и однако французы не праздновали этого юбилея по политическимъ причинамъ, именно потому, что республикѣ не прилично праздновать торжества бонапартистовъ и, кромѣ того, подъ Аустерлицемъ понесла пораженіе теперешняя союзница Франціи—Россія. Теперь наступилъ юбилей другой великой побѣды того же Наполеона—надъ пруссаками въ 1806 г. подъ Іеной. По странной ироніи исторіи, не Франція, а Пруссія торжественно празднуетъ столѣтіе своего громаднаго пораженія. 14 октября въ день годовщины роковой для пруссаковъ битвы въ Іенѣ произошли офиціальныя торжества и воздвигнуты памятники въ честь убитыхъ въ этихъ двухъ сраженіяхъ. На празднествахъ предсѣдательствовали фельдмаршалы Гезелэръ и Ганкэ, а первые роскошные вѣнки были возложены отъ имени императора Вильгельма II. Пруссаки и нѣмцы потому такъ торжествовали свое колоссальное пораженіе, что результатомъ его было возстановленіе національнаго духа и реформа арміи. Іена, по обще-нѣмецкому убѣжденію, была въ одно и то же время уничтоженіемъ старой Пруссіи и рожденіемъ новой. Еще при жизни Бисмарка муниципалитетъ Іены воздвигнулъ его бюстъ съ надписью: «Съ чувствомъ гордости и благодарности мы думаемъ о томъ, кто возвратилъ намъ единство и величіе, уничтоживъ позоръ Іенской битвы». А

самъ Бисмаркъ, говоря рѣчь по случаю этого событія, воскликнулъ: «Если мое сердце опечаливается при этомъ воспоминаніи, то мой разумъ мнѣ напоминаетъ, что если бы не была Іена, то не было бы Седана». До счастливаго для нѣмцевъ возмездія они на всѣ лады повторяли: «Вспомнимъ Іену!», и недавно, когда уже этотъ кликъ пересталъ имѣть для нихъ нѣчто позорное, они соорудили музей, Städtisches Museum, въ которомъ собраны всѣ предметы и всѣ документы, напоминающіе великую битву. Открытіе этого музея по случаю юбилея возбудило національное нѣмецкое паломничество, хотя и не обозначенное въ офиціальной программѣ торжества. Даже французъ Александръ Кутэ во второй октябрьской книжкѣ «La Revue» подробно описываетъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ музей, и, по его словамъ, французы могутъ имъ гордиться въ прошедшемъ, а нѣмцы въ настоящемъ. Тутъ находятся остатки тогдашнихъ мундировъ французскихъ и прусскихъ солдатъ, безконечныя картины, гравюры, карикатуры, историческія сочиненія, всевозможные столѣтніе предметы, медали и прочее, одинаково памятное обѣимъ странамъ. Въ числѣ карикатуръ того времени замѣчательна одна, свидѣтельствующая одинаково о выдающихся роляхъ, которыя играла Испанія и Россія въ возмездіи за Іену. На ней изображенъ испанецъ, говорящій Наполеону: «Не хотите ли испанскаго Bitter'a?» —а также казакъ, предлагавшій: «Не желаете ли русскаго мороженаго?» Императоръ отвѣчаетъ: «Послѣднее слишкомъ холодно, а первый слишкомъ горячъ». Конечно, нѣтъ конца до сихъ поръ журнальнымъ и газетнымъ статьямъ, говорящимъ Германіи о Іенскомъ юбилеѣ. Особое вниманіе обращаетъ на себя очеркъ П. Бэлье въ октябрьскомъ номерѣ «Deutsche Rundschau», подъ заглавіемъ: «Королева Луиза во время войны 1806 г.». Въ немъ рельефно изображена личность этой замѣчательной женщины, мужественной и храброй, но далеко не государственнаго человѣка, такъ что безъ помощи Испаніи и Россіи Пруссія никогда не добилась бы реванша Іены. Во всякомъ случаѣ королева Луиза стóитъ историческаго панегирика и особенно въ юбилей событія, въ которомъ она принимала такое близкое участіе, хотя въ данное время едва не погубила Гогенцоллернской династіи, и только въ будущемъ доставила ей славу и могущество. Въ то время, когда потомки побѣжденныхъ подъ Іеной торжествовали свое пораженіе, придавая ему значеніе побѣды въ будущемъ, тогдашніе побѣдители, французы, почти пропустили незамѣтнымъ этотъ побѣдоносный для нихъ день въ исторіи. Только въ журналахъ и газетахъ наперекоръ Аустерлицкому юбилею появились многочисленныя статьи о Іенской битвѣ. Особенно замѣчательны очерки Эдуарда Гашо и полковника Б... въ «Nouvelle Revue», извѣстнаго историка Вельшенжэ въ «Revue hebdomadaire» и того же Гашо въ «Figaro», также перепечатавшаго разсказъ самого Наполеона изъ его «Бюллетеней» объ Іенской битвѣ. Еще замѣчательно, что въ этихъ статьяхъ преимущественно взяты нѣмецкія матеріалы, такъ что собственно изъ всѣхъ истинныхъ французовъ одинъ Наполеонъ одиноко славословитъ свою побѣду.

— Недѣля въ Ватерлоо въ іюнѣ 1815 г. [1]). Подъ этимъ заглавіемъ

---

[1]) A woman at Waterloo. A week at Waterloo. The narrative of lady de Lancey. London. 1906.

на-дняхъ вышла въ Лондонѣ любопытная книжка, или, скорѣе, брошюра, въ которой помѣщенъ разсказъ лэди Лансэй о смерти ея мужа вслѣдствіе раны, полученной имъ въ знаменитой битвѣ при Ватерлоо, и критическіе отзывы объ этомъ чисто литературномъ описаніи, какъ ухаживала лэди Лансэй за своимъ мужемъ въ послѣдніе дни его жизни. Конечно, всего любопытнѣе эти критическіе отзывы, такъ какъ они принадлежатъ Вальтеръ-Скотту и Чарльсу Диккенсу, которымъ братъ лэди Лансэй, капитанъ Б. Холлъ, передалъ рукопись для просмотра и оцѣнки. Затѣмъ почти сто лѣтъ этотъ интересный разсказъ и еще болѣе интересные критическіе на него взгляды знаменитыхъ писателей оставались подъ спудомъ, и только въ нынѣшнемъ году, прежде въ американскомъ журналѣ «Century», а потомъ особымъ изданіемъ, они вышли въ свѣтъ. Хотя въ той и другой формѣ сначала помѣщены критики, а потомъ самый разсказъ, но гораздо цѣлесообразнѣе и правильнѣе говорить прежде о разсказѣ, а потомъ о его оцѣнкѣ. Еще молодой дѣвушкой миссъ Холлъ вышла замужъ за полковника, сэра Вилльяма Лансэя, служившаго въ главной арміи Веллингтона подъ Ватерлоо, и это событіе совершилось лишь за три мѣсяца до памятной битвы. Она послѣдовала за своимъ мужемъ на войну, и 8 іюня 1815 г. они пріѣхали въ Брюссель, гдѣ онъ полагалъ спокойно остаться около мѣсяца. Въ этомъ городѣ юная чета провела очень весело первое время. На счастье молодыхъ, полковникъ имѣлъ очень мало военныхъ занятій и только ежедневно около часа проводилъ въ штабѣ, а остальное время посвящалъ женѣ и свѣтскимъ удовольствіямъ. 14 іюня сэръ Вилльямъ обѣдалъ въ первый разъ со времени ихъ свадьбы безъ жены у испанскаго посланника. Вскорѣ послѣ его отъѣзда огорченная жена еще болѣе опечалилась, когда увидѣла, что за нимъ прискакалъ адъютантъ отъ главнокомандующаго, и узнавъ, гдѣ онъ, отправился за нимъ. Чрезъ нѣсколько минутъ на лошади того же адъютанта примчался сэръ Вилльямъ, очевидно спѣшившій къ герцогу. Въ 9 ч. вечера онъ вернулся домой и, увидѣвъ лицо жены заплаканнымъ, просилъ ее не дѣлать глупостей, такъ какъ, по всей вѣроятности, война скоро кончится. Во всякомъ случаѣ на другой день должно было произойти большое сраженіе, и на это время онъ долженъ отправить ее въ Антверпенъ въ виду того, что, безъ всякаго сомнѣнія, въ Брюсселѣ будетъ паника вслѣдствіе близости мѣста сраженія. Послѣ того онъ ѣздилъ еще два раза къ герцогу; въ первый разъ онъ засталъ его въ одной рубашкѣ и туфляхъ, несмотря на то, что у него былъ какой-то прусскій генералъ въ мундирѣ и лентѣ. Оказалось, что онъ собирался на балъ къ герцогинѣ Ричмондской. Этотъ балъ былъ очень веселый, и многіе англійскіе офицеры танцовали до упада, а утромъ отправились въ бой, съ котораго многіе не возвратились. Въ два часа сэръ Вилльямъ снова поскакалъ къ герцогу, но послѣдній преспокойно спалъ. Черезъ часъ по всѣмъ улицамъ начали бить тревогу и маршировать солдаты. Рано утромъ лэди Лансэй разсталась съ мужемъ и поѣхала въ Антверпенъ, гдѣ провела весь день въ самой ужасной тревогѣ. Наконецъ, вечеромъ она получила извѣстіе отъ англійскихъ офицеровъ, что битва была выиграна англичанами и окончилась самымъ побѣдоноснымъ образомъ, но о сэрѣ Вилльямѣ никто ничего не зналъ. На другой день снова было сраженіе и такъ близко отъ Брюсселя, что тамъ слышалась

пальба, и всѣ жители, особенно женщины и дѣти, обратились въ бѣгство. Къ увеличенію отчаянія лэди Лансэй, ее посѣтила знаменитая лэди Гамильтонъ, близко съ ней знакомая, и разсказала, что французы уже взяли Брюссель, и что всѣ англійскія дамы тотчасъ уѣзжаютъ изъ Бельгіи. «Ты, Фанни, знаешь меня,—отвѣчала лэди Лансэй,—что если бы французы стрѣляли даже въ этотъ домъ, то я не удалилась бы изъ него безъ приказанія мужа. Но у тебя нѣтъ подобнаго долга, поэтому уѣзжай, если хочешь». Лэди Гамильтонъ обидѣлась на этотъ упрекъ и объявила, что не оставитъ своего друга, хотя бы французы схватили ее и посадили въ крѣпость на пять лѣтъ. Въ тотъ же вечеръ пришла коротенькая записка отъ сэра Вилльяма съ извѣстіемъ, что онъ живъ и здоровъ, а французы разбиты 16 числа. На слѣдующій день въ воскресенье, 18 іюня, должна была произойти окончательная, рѣшительная битва, и въ понедѣльникъ утромъ лэди Лансэй увѣдомили, что французы были совершенно побѣждены, а сэръ Вилльямъ—невредимъ. Она пришла въ совершенный восторгъ и съ удовольствіемъ приняла лэди Гамильтонъ, которая была очень встревожена, и послѣ долгихъ приготовленій объявила, что сэръ Вилльямъ былъ тяжело раненъ. Отъ спокойствія бѣдная женщина перешла къ ужасу и рѣшилась тотчасъ отправиться въ Ватерлоо отыскивать раненаго, но по дорогѣ она встрѣтила знакомаго капитана, который на ея вопросъ: «онъ умеръ?» печально отвѣчалъ: «все кончено». Она упала въ обморокъ, и ее отвезли назадъ въ Антверпенъ. Когда же она немного оправилась, то капитанъ сообщилъ ей, что самъ онъ не былъ въ сраженіи, но слышалъ, что сэръ Вилльямъ былъ убитъ ядромъ въ грудь возлѣ самого Веллингтона. Всю ночь бѣдная женщина провела въ отчаяніи, а на утро служанка объявила ей, что имѣетъ сообщить ей хорошую вѣсть. «О, Эмма!—воскликнула лэди Лансэй:—какъ ты безчеловѣчна! Развѣ теперь для меня могутъ быть какія нибудь хорошія вѣсти?» — «Конечно, — отвѣчала горничная: — сэръ Вилльямъ живъ». Лэди Лансэй не хотѣла вѣрить своему счастью и успокоилась лишь, когда ей подтвердилъ это извѣстіе генералъ Маккэнзи, получившій письмо изъ веллингтоновскаго штаба о томъ, что сэръ Вилльямъ живъ, хотя тяжело раненъ. Лэди Лансэй снова пустилась въ путь, но дорога изъ Антверпена и особенно Брюсселя до Ватерлоо была самая ужасная. Не только она была переполнена всякаго рода экипажами и фургонами, но со всѣхъ сторонъ шли солдаты и везли раненыхъ. Съ большимъ трудомъ и продолжительными остановками лэди Лансэй наконецъ достигла деревни, сдѣлавшейся знаменитой въ исторіи, и отправила впередъ сопровождавшаго ее капитана Гея. Вскорѣ онъ вернулся съ громкимъ крикомъ: «Все благополучно: я его видѣлъ, онъ васъ ждетъ». Черезъ нѣсколько минутъ лэди Лансэй вошла въ маленькую хижину и съ невыразимой радостью услышала изъ сосѣдней комнаты довольно твердый голосъ ея мужа: «Что же она не войдетъ?» «Я ожидала увидѣть его мертвымъ или умирающимъ,—пишетъ она,—а потому пришла въ восторгъ, увидя его столь бодрымъ. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Войди, войди, Магдалина, хотя мое положеніе печальное». Я не могла ничего отвѣтить, но молча сѣла подлѣ него и взяла его руку. Въ этомъ положеніи мнѣ пришлось провести шесть дней». Отъ мужа и докторовъ лэди Лансэй узнала всѣ обстоятельства страш-

ной катастрофы. Во время рѣшительной битвы 18 іюня сэръ Виллььямъ ѣхалъ рядомъ съ герцогомъ Веллингтономъ, когда внезапно ядро ударило его въ спину и въ правое плечо, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Герцогъ сначала думалъ, что онъ умеръ, такъ какъ онъ никогда не видалъ, чтобы послѣ подобной раны кто нибудь оживалъ. Соскочивъ съ лошади, Веллингтонъ подбѣжалъ къ раненому и, увидѣвъ, что онъ дышитъ, протянулъ ему руку. Сэръ Виллььямъ могъ только произнести, чтобы его оставили одного умереть и удалили бы сбѣжавшуюся толпу офицеровъ. Герцогъ простился съ нимъ и приказалъ всѣмъ удалиться. Всѣ были увѣрены, что онъ черезъ нѣсколько минутъ умретъ, но его двоюродный братъ, Барклэй, засталъ его живымъ и съ помощью товарищей отнесъ на перевязочный пунктъ. Послѣ перевязки его перевезли въ деревню Ватерлоо, гдѣ его и застала жена. Въ то же утро Лансэя посѣтилъ Веллингтонъ, который былъ очень огорченъ тѣмъ, что, принявъ его за мертваго, внесъ его въ списокъ покойниковъ. Поговоривъ съ нимъ, онъ очень любезно сказалъ, что никогда не видывалъ такой ужасной рѣзни, какъ въ этой битвѣ, и не желалъ бы болѣе видѣть такого сраженія. Что же касается до сэра Виллььяма, то онъ съ первыхъ словъ сказалъ женѣ: «Если я поправлюсь, то уже никогда не буду болѣе служить въ арміи. Никто даже не потребуетъ этого отъ меня. Мы поселимся въ какомъ нибудь мирномъ жилищѣ, гдѣ проживемъ всю остальную свою жизнь». Эта надежда не покидала его нѣсколько дней, во время которыхъ жена преданно ухаживала за нимъ, а онъ старался постоянной улыбкой скрывать свои страданія. Въ сущности же полученный имъ ударъ ядромъ подѣйствовалъ на легкія и произвелъ не только воспаленіе, но и водянку въ груди. Болѣзнь сэра Виллььяма продолжалась шесть дней, и въ послѣднія сутки началась тяжелая агонія. За нѣсколько часовъ до смерти онъ находился еще въ сознаніи и сказалъ женѣ: «Магдалина, любовь моя, дай спирту». Она наклонилась къ нему и поднесла склянку къ его носу. Казалось, ему стало легче отъ нюханья. Онъ неожиданно втянулъ въ себя воздухъ, и въ его горлѣ послышался клокотъ. Докторъ, услышавъ это, произнесъ: «Ахъ, бѣдный Лансэй! Все кончено». Черезъ нѣсколько дней покойника похоронили на реформатскомъ кладбищѣ въ Брюсселѣ, и въ тотъ же день несчастная вдова уѣхала въ Англію, ровно черезъ три мѣсяца послѣ своей свадьбы. Для современныхъ читателей интереснѣе этого патетическаго, художественнаго разсказа критическіе о немъ отзывы знаменитыхъ писателей. Сэръ Вальтеръ-Скоттъ увѣряетъ, что онъ никогда ничего не читалъ, что такъ сильно подѣйствовало бы на его чувство. Онъ прибавляетъ, что это—одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ и важныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о бѣдствіяхъ войны. «Я, — оканчиваетъ онъ свой отзывъ, — такого высокаго мнѣнія объ этомъ произведеніи, что надѣюсь увидѣть вскорѣ его въ печати». Что же касается до Диккенса, то, по его словамъ, чтеніе этого разсказа составляетъ эпоху въ его жизни, и онъ никогда не забудетъ ни одного его слова, такъ какъ во все свое существованіе онъ ничего не читалъ столь реальнаго, чувствительнаго и правдиваго. «Если я проживу еще пятьдесятъ лѣтъ,—прибавлялъ онъ,—то всегда въ моихъ глазахъ будутъ мерещиться страшно реальныя картины лэди Лансэй. Когда

упомянуть о какомъ нибудь сраженіи, то мнѣ сейчасъ вспомнится ея разсказъ. Я никогда не могу думать о герцогѣ Веллингтонѣ иначе, какъ разговаривающемъ въ рубашкѣ съ прусскимъ генераломъ въ полной парадной формѣ или сходящемъ съ лошади, чтобы проститься съ своимъ умирающимъ офицеромъ. Однимъ словомъ, всѣ страницы этого разсказа напоминаютъ мнѣ великаго писателя Дефо. Я узнаю его въ каждой строчкѣ, въ каждомъ словѣ. Право, никогда въ литературномъ произведеніи не было представлено такой удивительной правды».

— **Мемуары князя Гогенлоэ.** Давно уже не дѣлала никакая книга такого шума и скандала въ Германіи, какъ воспоминанія [1]) князя Хлодвига Гогенлоэ, бывшаго посломъ въ Парижѣ, намѣстникомъ въ Эльзасъ-Лотарингіи и имперскимъ канцлеромъ. Хотя онъ не былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, но его политическая дѣятельность была самая разнообразная и поэтому представляла богатый матеріалъ для записокъ. Князь Хлодвигъ Гогенлоэ-фонъ-Вальденбургъ-Шиллингсфорстъ родился въ Ротенбергѣ на Фульдѣ въ 1819 г. и сначала служилъ въ прусской администраціи, а потомъ былъ членомъ верхней баварской палаты, баварскимъ первымъ министромъ и боролся съ клерикалами, что побудило его въ 1870 г. выйти въ отставку. Въ слѣдующемъ году онъ заявилъ себя въ пользу германскаго имперіализма и вступилъ членомъ и вице-предсѣдателемъ рейхстага. Въ 1874 г. онъ на 55 году своей жизни занялъ впервые высокій политическій постъ—германскаго посла въ Парижѣ. Обыкновенно послы и особенно въ Парижѣ замѣчательны тѣмъ, что имѣютъ значительную связь съ правительствами, при которыхъ они аккредитованы, какъ это было во Франціи при Второй имперіи съ итальянцемъ Нигрой, австрійцемъ Маттернихомъ и русскимъ княземъ Орловымъ. Но Гогенлоэ во время своего пребыванія во Франціи представлялъ исключеніе въ этомъ отношеніи. Онъ не былъ ни другомъ, ни врагомъ французскаго правительства, а просто представлялъ германскаго посланника, и хотя его донесенія своему правительству не были враждебными Франціи, но онъ всегда былъ готовъ исполнить малѣйшія приказанія Бисмарка. Во всякомъ случаѣ онъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ образцовымъ чиновникомъ, исполнителемъ воли своего начальника, но не тонкимъ дипломатомъ, хотя онъ содѣйствовалъ Бисмарку въ его дѣятельности на Берлинскомъ конгрессѣ. Точно такимъ же энергичнымъ помощникомъ канцлера былъ Гогенлоэ при исполненіи обязанностей намѣстника Эльзасъ-Лотарингіи; его назначили на этотъ постъ въ 1885 г., и онъ оставался на немъ до 1894 г. Какъ администраторъ въ этой странѣ, онъ отличался жесткимъ бюрократизмомъ и грубыми попытками онѣмечить несчастныхъ эльзасцевъ. Послѣ удаленія изъ канцлеровъ Каприви, замѣнившаго Бисмарка, Вильгельмъ II назначилъ Гогенлоэ его преемникомъ. Въ это время онъ былъ уже дряхлымъ, глуховатымъ старикомъ, не говорившимъ, а читавшимъ свои рѣчи въ рейхстагѣ. При этомъ онъ отличался полнымъ отсутствіемъ самостоятельности мнѣній, а лишь безпрекословно исполнялъ волю императора. Онъ имѣлъ такое незначительное вліяніе въ рейхс-

[1]) Die Erinnerungen des Fürstens Hohenloe. Stuttgart. 1906.

тагѣ, что молча принялъ выговоръ предсѣдателя Баллестрема, который призвалъ его къ порядку за сдѣланныя имъ замѣчанія одному депутату. Императоръ такъ мало церемонился съ этимъ маститымъ старцемъ, что, напримѣръ, китайскую экспедицію рѣшилъ одинъ, даже не увѣдомивъ своего канцлера: это такъ возмутило Гогенлоэ, что въ 1900 г. онъ подалъ въ отставку, которая и была принята. Въ слѣдующемъ году старикъ умеръ восьмидесяти лѣтъ. Что касается до исторіи его мемуаровъ, то она довольно любопытна: покойный князь оставилъ рукопись своего труда второму сыну, Александру, который тогда былъ его секретаремъ и членомъ рейхстага, а теперь состоитъ верховнымъ президентомъ или префектомъ Верхняго Эльзаса. Онъ еще по желанію отца поручилъ изданіе мемуаровъ сыну извѣстнаго ученаго историка, Эрнеста Курціуса, который и занялся редакціей и приготовленіемъ къ печати записокъ. Когда все было готово, то профессоръ Курціусъ передалъ дѣло изданія одному штутгартскому типографу, а самъ только напечаталъ съ іюля мѣсяца въ «Deutsche Revue» отрывки изъ проредактированнаго лично имъ труда. Еще появились такіе же отрывки въ «Ueber Land und Meer», но какимъ образомъ редакторъ означеннаго журнала досталъ рукопись или корректурные листы,—неизвѣстно. Какъ бы то ни было, Курціусъ полагалъ, что вслѣдъ за напечатаніемъ его статей появится и самая книга, что̀ дѣйствительно и случилось, а, слѣдовательно, онъ можетъ смѣло пользоваться ея оригиналомъ, редакторъ же другого журнала, воспользовавшійся неправильно драгоцѣннымъ матеріаломъ, помышлялъ только о своемъ интересѣ. Иначе взглянулъ на это дѣло императоръ Вильгельмъ: онъ пришелъ въ ярость, увидя напечатанными на страницахъ означеннаго журнала тайные факты своего царствованія—именно относительно отставки Бисмарка, и не справляясь, кто виноватъ въ этомъ, телеграфировалъ старшему сыну покойнаго автора мемуаровъ: «Я прочелъ съ негодованіемъ, что было напечатано относительно моихъ частныхъ, интимныхъ разговоровъ съ твоимъ отцомъ объ отставкѣ Бисмарка. Какимъ образомъ подобные документы могли быть отданы въ печать безъ моего разрѣшенія? Я долженъ объявить, что этотъ поступокъ въ высшей степени безтактенъ, нескроменъ и неприличенъ, потому что не возможно, чтобы факты, касающіеся нынѣ царствующаго государя, были доведены до свѣдѣнія публики безъ его согласія». Князь Филиппъ отвѣчалъ императору, что дѣло о мемуарахъ его отца вовсе его не касается, а имъ завѣдывалъ его братъ Александръ. Этотъ послѣдній, лишь только узналъ о скандалѣ, о которомъ онъ не имѣлъ ранѣе ни малѣйшаго понятія, нашелъ нужнымъ тотчасъ же подать въ отставку. Этимъ и кончилась исторія, возбужденная императоромъ Вильгельмомъ изъ-за мемуаровъ Гогенлоэ. Что же касается до самихъ мемуаровъ, то они теперь уже вышли отдѣльнымъ изданіемъ, а въ нѣмецкихъ газетахъ увѣряютъ, что въ дальнѣйшихъ изданіяхъ будутъ исключены тѣ мѣста, которыя непріятны императору или иностраннымъ дворамъ. По содержанію этой скандальной книги, она интересна, благодаря многимъ подробностямъ о политическихъ событіяхъ того времени. Конечно, наибольшее вниманіе обращаютъ на себя тѣ страницы мемуаровъ, которыя касаются до парижскаго посольства Гогенлоэ и до тѣхъ

обстоятельствъ, которыя сопровождали отставку Бисмарка, такъ какъ эти послѣднія данныя всего болѣе оскорбили императора. Отправляя Гогенлоэ въ Парижъ въ 1874 г., Бисмаркъ объявилъ ему, что «Германія хочетъ мира, но если французы хотятъ войны черезъ пять лѣтъ, то мы ее начнемъ черезъ три года». Этими предписаніями и руководствовался Гогенлоэ въ своихъ сношеніяхъ съ французскимъ правительствомъ, но, исполняя политическую программу своего начальства, онъ записываетъ въ свой дневникъ все интересное, что онъ замѣчаетъ въ Парижѣ. Такъ, онъ говоритъ о Ренанѣ, съ которымъ обѣдалъ у княгини Трубецкой, что онъ—очень любезный человѣкъ и по внѣшности походитъ на нѣмецкаго ученаго. Изъ его разговоровъ замѣчательно выраженіе, что папство не долго продержится. Относительно Гамбетты Гогенлоэ выражается, что «онъ былъ очень самолюбивъ, никого не любилъ, отличался эгоизмомъ и фальшивостью; при этомъ не имѣлъ никакого образованія; хотя впрочемъ Бловицъ увѣрялъ, что онъ очень талантливъ, и къ тому же онъ былъ честенъ, никогда не вмѣшивался въ сомнительныя дѣла и не имѣлъ никакого состоянія». Князю очень не понравились торжественныя похороны Виктора Гюго, такъ какъ онъ вполнѣ сомнѣвался въ величіи этого великаго человѣка. Когда въ 1878 г. собрался Берлинскій конгрессъ, то Гогенлоэ и Радовицъ были назначены въ помощь къ Бисмарку, который былъ сдѣланъ предсѣдателемъ. Гогенлоэ находитъ, что Бисмаркъ очень постарѣлъ и тогда сталъ носить бороду. Онъ казался очень нервнымъ и старался, какъ можно скорѣе, кончить всѣ пренія. Старый русскій канцлеръ, Горчаковъ, видимо боялся столкновеній съ Дизраэли и постоянно безпокоился о результатѣ конгресса, такъ что однажды чуть не отправилъ телеграммы въ Петербургъ о своемъ отозваніи, если бы его не удержалъ Шуваловъ. Судя по дневнику Гогенлоэ, тайнымъ руководителемъ Берлинскаго конгресса былъ Бловицъ, корреспондентъ «Times»'а. Этотъ толстый австрійскій еврей, по увѣренію Гогенлоэ, былъ наперсникомъ всѣхъ посланниковъ, и его слова всѣ слушали, словно оракула. «Россія, потерявшая столько,—разсказываетъ князь,—хотѣла, по крайней мѣрѣ, сохранить Батумъ, а Бловицъ не хотѣлъ дать ей Батума. Что дѣлать? Бисмаркъ скромно приглашаетъ великаго человѣка къ себѣ обѣдать, и великій человѣкъ соглашается. Вся Европа съ нетерпѣніемъ ожидаетъ результата. За мадерой Бловицъ—непоколебимъ, за шато-марго—Бловицъ соглашается вести переговоры, а за шампанскимъ—Бловицъ уступаетъ Батумъ Россіи. Война устранена—и Европа дышитъ свободно». Черезъ годъ вернувшійся въ Парижъ Гогенлоэ имѣлъ очень интересный разговоръ съ Тургеневымъ, только что пріѣхавшимъ изъ Россіи послѣ сдѣланныхъ ему тамъ овацій. «Русскій народъ, по словамъ великаго романиста, находился въ броженіи: рядомъ съ нигилистами, продолжающими серію покушеній, радикалы говорятъ, что надо поджечь Петербургъ съ четырехъ сторонъ, чтобы выстроить новый городъ. Наконецъ, толпы мирныхъ людей—ученые профессоры, чиновники—требуютъ конституцію,—прибавлялъ Тургеневъ, и Александръ умѣренными уступками могъ бы уладить все дѣло, пока еще есть время». О Вильгельмѣ II Гогенлоэ выражается очень пикантно. «Онъ производитъ на меня впечатлѣніе ловкаго человѣка, сознающаго свой долгъ; говоря съ нимъ,

я всегда вспоминаю принца Альберта: между ними есть сходство въ голосѣ и серьезномъ тонѣ». Что же касается до обидѣвшихъ Вильгельма выраженій Гогенлоэ относительно отставки Бисмарка, то имъ 21 марта 1980 г. въ его дневникѣ записано: «Я узналъ сегодня вечеромъ, что императоръ назначилъ Бисмарка герцогомъ Лауэнбургскимъ. Причина отставки послѣдняго—дѣйствительный разрывъ между императоромъ и канцлеромъ. Манера въ обращеніи Бисмарка съ императоромъ, неблагопріятныя мнѣнія о немъ въ разговорахъ съ дипломатами и ихъ натянутыя отношенія дѣлали подобный разрывъ неизбѣжнымъ. Императоръ уже переговаривался съ Каприви о назначеніи его въ канцлеры, о чемъ зналъ и Бисмаркъ. Мнѣнія раздѣлились: одни оправдываютъ императора, другіе—Бисмарка. Говорятъ, что въ послѣднее время Бисмаркъ часто мѣнялъ свои мнѣнія и тѣмъ возбуждалъ недовѣріе императора. Бисмаркъ же былъ недоволенъ тѣмъ, что императоръ далъ орденъ Чернаго Орла Бетхеру, не сказавъ Бисмарку ни слова». Чрезъ три дня Гогенлоэ замѣчаетъ въ дневникѣ, что императрица Фридерика говорила ему о своемъ неудовольствіи по случаю отставки Бисмарка, при чемъ она прибавила: «Васъ слѣдовало назначить его преемникомъ». 27 марта Гогенлоэ заѣхалъ къ Бисмарку, который сказалъ ему, что онъ очень удивился своей отставкѣ, «и, однако,—прибавилъ онъ,—я долженъ былъ этого ожидать, такъ какъ императоръ хочетъ самъ царствовать. Вы меня болѣе не увидите здѣсь, но если пріѣдете ко мнѣ въ Варзинъ или Фридрихсруэ, то всегда встрѣтите любезный пріемъ». Послѣ этого Гогенлоэ уѣхалъ въ Страсбургъ, но слышалъ отъ генераловъ, что императоръ имъ сказалъ: «Причина отставки Бисмарка—отношенія къ Россіи, которая хотѣла занять военнымъ образомъ Болгарію и для этого нуждалась въ нейтралитетѣ Германіи, но онъ обѣщалъ Австріи быть ея вѣрнымъ союзникомъ и сдержитъ свое слово. Занятіе Болгаріи русскими значило объявленіе войны Австріи, а онъ не могъ ее оставить. Бисмаркъ же болѣе не хотѣлъ итти рука въ руку съ Австріей, а напротивъ желалъ содѣйствовать Россіи. Такимъ образомъ я объясняю себѣ, что Бисмаркъ считалъ политику императора похожею на политику Фридриха-Вельгельма IV». Конечно, еще найдется много интереснаго въ мемуарахъ Гогенлоэ, но и этихъ отрывковъ достаточно, чтобы указать на ихъ интересъ.

— **Три политическія партіи въ Бельгіи.** Успѣхи соціалистическихъ партій въ Европѣ все болѣе и болѣе возбуждаютъ интересъ, и иностранные журналы наполнены обзорами иностранныхъ парламентовъ. За послѣдніе годы въ Бельгіи замѣтно усилилась дѣятельность соціалистовъ, и по этому поводу французскій публицистъ Анри Жоли, клерикалъ, представилъ въ «La Revue hebdomadaire» краткій очеркъ [1]) бельгійскихъ парламентскихъ партій. Въ Бельгіи уже давно существовали, какъ и въ Англіи, двѣ парламентскія партіи: въ послѣдней тори и виги, а въ первой католики и либералы. Но въ послѣдніи двадцать или двадцать пять лѣтъ въ англійскій парламентъ проскользнули двѣ новыя партіи—рабочая и ирландскихъ націоналистовъ. То же случилось и въ Бельгіи; только туда проникли подъ именемъ рабочей партіи соціалисты,

[1]) Les trois partis politiques, par Henri Joli. «La Revue hebdomadaire». 4 Août. 1906.

вызвавъ тревогу въ обѣихъ партіяхъ. Поэтому въ бельгійскомъ парламентѣ въ настоящее время три партіи, которыя одинъ профессоръ Люттихскаго университета мѣтко охарактеризовалъ: «либеральную—прошедшимъ, католическую—настоящимъ и соціалистическую—будущимъ». Дѣйствительно, либералы властвовали въ парламентѣ съ 1834 по 1884 г., съ тѣхъ поръ католики замѣнили первыхъ, а затѣмъ до выборовъ 1906 г. соціалисты угрожали властвовать въ близкомъ будущемъ, такъ какъ, по мнѣнію автора, имъ легко набирать единомышленниковъ въ средѣ заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, только что покинувшихъ свои родныя поля и семьи, легко поддающихся увѣреніямъ, что не фабриканты и заводчики строятъ локомотивы, вагоны и машины, а они сами, и что ихъ трудъ совсѣмъ не оплаченъ. Дѣломъ вербовки новыхъ членовъ соціальной партіи завѣдуютъ нѣкоторые политики матеріалисты, для которыхъ человѣчество можетъ быть счастливо только на землѣ и наслаждаясь землею, и нѣкоторые ораторы, не получившіе свободнаго доступа въ другія партіи. Въ либеральной партіи находятся богатые люди, всѣ тѣ, которые говорятъ, что пріобрѣтенное ими принадлежитъ имъ, и они свободны дѣлать съ своими деньгами, что хотятъ; что они никому не мѣшаютъ поступать такъ же, какъ они; что соціальное неравенство—неизбѣжное послѣдствіе, справедливое и съ общей точки зрѣнія благотворное для самой свободы. Ихъ поддерживаетъ большинство чиновниковъ и ученыхъ, примкнувшихъ къ нимъ вслѣдствіе преградъ, долго разставляемыхъ правительствомъ полной свободѣ преподаванія. Относительная важность этихъ двухъ группъ стала уменьшаться съ тѣхъ поръ, какъ усилилась католическая партія, школы которой, по словамъ Жоли, во всѣхъ отношеніяхъ процвѣтаютъ. Конечно, король и его семья расположены къ либераламъ, которые долго держались у власти. Католическая партія, члены которой, по ироническому выраженію одного либерала, «голосуютъ для Бога», состоитъ изъ большей части дворянъ и старой богатой буржуазіи, а также простого неразвитаго народа, считающаго и посейчасъ деревенскаго патера своимъ лучшимъ другомъ. Часть бельгійскаго народа, какъ, напримѣръ, набожные фламандцы, болѣе терпѣливые и выносливые работники и болѣе привязанные къ землѣ, не очень увлекаются соціализмомъ. Напротивъ валлонцы—интеллигентные, легкомысленные, скептическіе, болѣе привычные къ заводскимъ и фабричнымъ работамъ и желающіе облегчить свои семейныя заботы, иначе къ нему относятся. Что касается программы партій, то либералы, по словамъ Жоли, надо отдать имъ справедливость, задались цѣлью видѣть Белгію послѣ власти герцоговъ Бурбонскихъ, Карла V, Маріи-Терезіи, французской революціи, Наполеона и наконецъ Голландіи — независимой, самой собою, и буржуазія 1830 г. сдѣлала многое, чтобы добиться этого результата. Однако, либераламъ помогали въ этомъ католики, не терпѣвшіе протестантовъ, и вся Европа видѣла, что главной причиной окончательнаго отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи была разница религій. Вообще авторъ противъ бельгійскихъ либераловъ и ихъ программы и упрекаетъ ихъ въ томъ, что ради усиленія центральной власти и ея дѣятельности они видѣли въ католикахъ опасныхъ партикуляристовъ. Дѣйствительно, послѣдніе стояли за мѣстныя свободы—свободу религіи, обу-

ченія, и, живя съ самымъ устойчивымъ и консервативнымъ народомъ, они отстаивали его наслѣдственные языки. «Но если ослабятъ одну послѣ другой столько живыхъ свободъ, что̀ останется хотя бы для отвлеченныхъ свободъ доктринеровъ?—спрашиваетъ авторъ:—свобода поэтому будетъ предоставлена лишь людямъ, стоящимъ у власти». Такъ случилось и съ либералами. Они злоупотребили закономъ 1842—1850 г.г. противъ свободы обученія, и Жоли приводитъ въ доказательство брошюру соціалистовъ: «Семьдесятъ пять лѣтъ буржуазнаго господства», въ которой представлено печальное положеніе бельгійскихъ школъ. По его замѣчанію, либералы, находясь у власти, совсѣмъ не дали либеральнаго обученія народу, «приберегая его для тѣхъ, которыхъ хотѣли подготовить себѣ въ чиновники». Въ то же время они слишкомъ придавали себѣ видъ партіи, которая думала основать на монополіи науки монополію правительства. Такое же безучастное отношеніе проявляли либералы и къ рабочему вопросу, не довѣряя рабочимъ синдикатамъ и всѣми силами стараясь воспрепятствовать основанію рабочихъ католическихъ синдикатовъ—«синдикатовъ разумныхъ и христіанскихъ, которые сдѣлали бы рабочаго свободнымъ въ отношеніи всѣхъ». «Что изъ этого вышло?—говоритъ авторъ.—А то, что между тираніей либеральнаго патрона и тираніей соціалистическаго синдиката рабочіе, конечно, предпочтутъ послѣдній». Сѣтованія автора на либеральную партію понятны въ виду его принадлежности къ клерикальной партіи Франціи. Программа бельгійскихъ соціалистовъ сводится къ одному желанію, чтобы капиталъ въ заводахъ, фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ и проч. находился, какъ собственность одного класса людей; они стремятся распредѣлить его между производительной силой, т.-е. лицами, способствующими его накопленію—рабочими. Въ виду того, что бельгійскіе рабочіе—не анархисты, эта революція произойдетъ не насильственнымъ путемъ, а съ помощью законодательнаго большинства голосовъ. Организацію соціалистической партіи авторъ признаетъ замѣчательной, и въ данный моментъ она обезпечиваетъ большинству рабочихъ благотворное значеніе серьезно поставленной коопераціи. Конечно, правительство всячески подкапывается къ соціалистамъ, и при этомъ случаются даже забавные инциденты, когда ему приходится указывать соціалистическимъ вожакамъ на нарушеныя ими же ихъ правила. Авторъ говоритъ, что соціалисты добиваются лучшаго, заставляя рабочаго перейти чрезъ рядъ испытаній и лишеній въ настоящемъ, и въ то же время упрекаютъ католиковъ, что они слишкомъ говорятъ о «будущемъ блаженствѣ» въ другой жизни и этимъ отвлекаютъ людей отъ требованія его сейчасъ же. Они также обвиняютъ католиковъ въ томъ, что они откладываютъ требованіе полной справедливости до своего отбытія на небеса, тогда какъ ее слѣдуетъ требовать здѣсь, на землѣ; что они считаютъ болѣзни, неравенство жизненныхъ условій, бѣдность фатальными послѣдствіями безпорядка, причиной котораго является грѣхъ. По мнѣнію соціалистовъ, это—вредная проповѣдь, которая заставляетъ вѣрить, что всѣ соціальныя неравенства желательны Богу, и что человѣкъ долженъ ихъ переносить, какъ заслуженное наказаніе. На это католики отвѣчаютъ, что хотя они и призываютъ людей къ безусловной справедливости и къ совершенному счастію на небѣ, но это не доказы-

ваетъ, что они отказываются искать прежде всего относительную справедливость и несовершенное счастье на землѣ; это противорѣчитъ правдѣ. Они вѣрятъ въ вѣчную реальность идеальной справедливости, поэтому они осуждаютъ временную несправедливость, которую они стараются оттолкнуть вездѣ, гдѣ могутъ. Это — слова бельгійскихъ католиковъ; дѣйствія же ихъ оказались, по словамъ автора, «еще демонстративнѣе». Какъ только они оказались у власти, то сдѣлали обширное изслѣдованіе всѣхъ общественныхъ бѣдствій, усилили законъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья, пенсіяхъ, жилищахъ рабочихъ и объ уменьшеніи проѣздной платы рабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ, они дали свободу обученія для всѣхъ партій, какъ вѣрующихъ, такъ и невѣрующихъ. Этого закона и требовали соціалисты, замѣчаетъ авторъ, но католиковъ онъ не удовлетворилъ, и они, безъ помощи правительственной власти, основали въ деревняхъ земледѣльческія коопераціи, какъ для покупокъ, такъ и для производства и продажи, а также ссудныя, сберегательныя, пенсіонныя кассы и страхованіе. Всѣмъ этимъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ завѣдывало духовенство. Надо признаться, что если условія, которыя примѣняются въ этихъ учрежденіяхъ, ничѣмъ не связываютъ крестьянъ, то католическое духовенство вполнѣ использовало свою изворотливость. Даже соціалистъ Вандервельдъ не могъ удержаться, чтобы не похвалить клерикаловъ въ своей книгѣ, говоря: «Три вещи дѣлаютъ честь Бельгіи въ концѣ XIX вѣка: колонизація Конго, соціалистическая организація рабочихъ и земледѣльческія кооперативныя организаціи. Въ данный моментъ я ничего не скажу о двухъ первыхъ, но несомнѣнно, что третья скорѣе сблизитъ соціалистовъ съ клерикалами, чѣмъ съ либералами, если соціалисты имѣли бы въ виду только благоразумное облегченіе народныхъ условій». Жоли не безъ нѣкоторой ироніи отдаетъ должную похвалу бельгійскому соціалисту Вандервельду — человѣку изящному, учтивому, живущему въ очаровательномъ помѣщеніи, разъѣзжающему въ своемъ автомобилѣ, очень общительному, любезному, вообще живущему не въ той обстановкѣ, какую ожидалъ увидѣть Жоли. Онъ сравниваетъ его съ однимъ либераломъ, бывшимъ министромъ финансовъ, котораго предъ тѣмъ видѣлъ, и это сравненіе не выгодно для послѣдняго.

— Австралійское общество. Австралія, владѣющая территоріей столь же обширной, какъ Европа, населена небольшой націей въ четыре милліона душъ, которая, однако, также прониклась соціалистическими идеями, понемногу примѣнявшимися уже около пятнадцати лѣтъ. Она не думаетъ ограничиться въ своихъ стремленіяхъ только устройствомъ внутренней жизни, а мечтаетъ о болѣе заманчивой перспективѣ—возстановленіи ея полной независимости. Съ этой маленькой націей насъ знакомитъ трудъ Біарда д'Онэ [1]), помѣщенный въ двухъ нумерахъ «Revue des Deux Mondes». Авторъ упрекаетъ французовъ за равнодушіе, съ какимъ они относятся къ австралійцамъ, счи-

---

[1]) La société australiénne, par Biardd'Aunet.«La Re vue des Deux Mondes» 15 Août 1906. Le socialisme australien, par Biaard d'Aunet. «La Revue des Deux Mondes». 1 Septembre 1906.

тая ихъ безопаснымъ для себя народомъ, расположеннымъ слишкомъ далеко отъ нихъ. Между тѣмъ, этотъ народъ представитъ собою въ будущемъ нѣчто неожиданное, какъ это сдѣлала маленькая Японія. Австралійское общество организуется и формируется на полной свободѣ, избавленное отъ аристократическихъ традицій. Всѣ думаютъ, что оно развивается въ томъ же родѣ, какъ Соединенные Штаты; на дѣлѣ же два историческіе факта съ самаго начала показали громадную между ними разницу. Прежде всего первыми піонерами въ Америкѣ были пуритане, изгнанные изъ своей страны религіозными преслѣдованіями, тогда какъ австралійцы были сыновья и внуки 700 или 800 эмигрантовъ, привлеченныхъ съ 1851 г. въ Викторію золотыми пріисками. Поэтому создателями Астраліи являются собственно авантюристы, переселившіеся съ родины, не какъ американцы, чтобы наслаждаться свободой и мирно исповѣдать свою религію, а ради наживы. Способъ проникнуть въ страну у австралійцевъ былъ тоже иной, чѣмъ у американцевъ: территорія Соединенныхъ Штатовъ, почти равная австралійской — 780 милліоновъ гектаровъ — раздѣлялась на маленькія единицы, теперь доходящія до 49, которыя стремились соединиться въ одинъ союзъ. Напротивъ, Австралія раздѣлялась на пять колоній средняго размѣра, равнаго увеличенной въ три раза Франціи. Личныя мнѣнія австралійцевъ служили препятствіемъ общности ихъ взглядовъ. Зато сердцемъ они остались зависимыми отъ своей родины—Англіи, такъ какъ 95 на 100 австралійцевъ—британскаго происхожденія. Австралійское общество слишкомъ мало поддается дѣйствію артистическихъ, литературныхъ элементовъ, также и высшей научной культуры. Политическіе дѣятели тамъ только-что начали проявляться; родовой аристократіи совсѣмъ нѣтъ, денежная же не такъ богата, чтобы предписывать свои фантазіи. Это общество, безъ направленія и традиціи, еще ищетъ свой путь. Въ ожиданіи оно остается прикованнымъ къ рутинамъ, завезеннымъ съ родины. Относительно проводимыхъ тамъ соціалистическихъ идей авторъ говоритъ: «Опыты послѣднихъ годовъ позволяютъ различать въ ходѣ соціалистической партіи три движенія, отправленіе которыхъ было послѣдовательно, а дѣйствіе—параллельно. Первое движеніе, направленное противъ принципа конкурренціи, уже очень ушло впередъ; второе—индивидуальной свободы, а третье—противъ частныхъ имуществъ. Это послѣднее движеніе еще не принесло никакой цѣнной выгоды созданіемъ законовъ объ обязательномъ третейскомъ судѣ». Авторъ затѣмъ сравниваетъ французскій соціализмъ съ австралійскимъ, и, по его словамъ, «съ той и другой стороны объектъ одинъ и тотъ же—требовать прогрессивной отмѣны частныхъ имуществъ, но психика—совершенно разная. Французскіе соціалисты отказываются отъ идеи о родинѣ, тогда какъ у австралійскихъ, напротивъ, чувство патріотизма — могущественное и всеобщее; у однихъ изъ нихъ оно—имперіалистское, у другихъ—строго мѣстное. Но, будь оно то или другое, ихъ патріотизмъ всегда пламенный, недовѣрчивый, доходящій до гасконады». Та же разница въ религіозныхъ чувствахъ: клерикальный вопросъ мало занимаетъ австралійскихъ политическихъ людей. Третья разница во взглядахъ французскихъ и австралійскихъ соціалистовъ касается уваженія общественнаго порядка: уваженіе личности и имущества есть абсолютный принципъ австралійцевъ.

— Англійская рабочая партія. Рабочая партія въ англійскомъ парламентѣ, сильно поддерживаемая либеральнымъ министерствомъ, быстро шагаетъ впередъ по пути соціальныхъ реформъ. Такой успѣхъ этой группы вызвалъ интересъ къ себѣ европейской печати, и въ журналахъ уже появилось много статей, посвященныхъ соціализму и рабочему вопросу. Между прочимъ, въ сентябрьскомъ нумерѣ «Revue des Deux Mondes» Жакъ Барду изучаетъ [1]) организацію этой партіи, хотя и говоритъ, что «слишкомъ рано писать исторію движенія, которое, вѣкъ спустя послѣ появленія среднихъ классовъ, снова колеблетъ равноправное меньшинство общества и наиболѣе консервативное. Послѣ полуторавѣковаго соціальнаго существованія рабочіе англійскихъ заводовъ и фабрикъ, сформировавшіе уже пятьдесятъ лѣтъ синдикальныя и кооперативныя ассоціаціи, методично, не торопясь направляются, безъ посторонняго вмѣшательства, по дорогѣ къ завоеванію власти. Еще недавно они прошли въ муниципалитеты большихъ городовъ, теперь ихъ делегаты составляютъ важную фракцію въ палатѣ общинъ, а завтра потребуютъ себѣ мѣсто на скамьяхъ, предназначенныхъ для министровъ, и повышеніе Бурнса служитъ тому примѣромъ». Рабочее движеніе можно раздѣлить на три эпохи: отъ 1868 до 1874 г., отъ 1885 до 1892 г. и отъ 1900 по 1906 г. Въ первую эпоху рабочіе добились правъ голосованія для своего большинства. Синдикаты образовали первый комитетъ для предоставленія рабочимъ права засѣдать въ парламентѣ. Съ процвѣтаніемъ эры свободной торговли, рабочіе прогрессивно стали прибѣгать къ постоянному и прямому давленію политическихъ ассоціацій вмѣсто эфемерныхъ насильственныхъ манифестацій. Вторая эпоха—1885—1892 г.г., когда наступилъ кризисъ: иностранныя правительства возобновили протекціонныя преграды заграничнымъ товарамъ, что сильно отозвалось на англійскихъ фабрикантахъ. Съ 1877 по 1879 г. и съ 1884 по 1885 г. вспыхнули два такіе сильные кризиса, какихъ до тѣхъ поръ не знала Англія, увеличившіе количество безработныхъ. Повсюду начались забастовки, и всѣмъ останутся памятны дни въ Трафальгарскомъ скверѣ и конфликтъ портовыхъ носильщиковъ. Благодаря этимъ соціальнымъ несчастіямъ, стали развиваться синдикаты, открывшіе свои ряды для чернорабочихъ и поденщиковъ. Тезисъ индивидуалистовъ подвергся со всѣхъ сторонъ нападкамъ. Муниципализація промышленности составила соціальную доктрину чисто англійскую. Рядомъ съ этимъ соціальнымъ утилитаризмомъ вошелъ и коллективизмъ. Такимъ образомъ основалась новая ассоціація Independent labour parti, которая вскорѣ насчитывала до 20.000 членовъ, распредѣленныхъ на 318 группъ. Однако выборы не были для нихъ благопріятны. Въ парламентѣ съ 1892 по 1895 г. и въ 1900 г. считалось 15, 12 и 11 депутатовъ-рабочихъ; напротивъ, съ 1892 по 1902 г. Independent labour parti оспаривала 2.000 муниципальныхъ полномочій, и ей удалось провести 800 своихъ членовъ. 1900—1906 г.г. были эпохой борьбы противъ этихъ ассоціацій. Промышленники составили синдикаты—National free labour association, въ которой насчитывалось 80.000 чле-

[1]) Le parti ouvrier anglais, par Jacques Bardoux. «Revue des Deux Mondes», 15 Septembre 1906.

новъ. Эти синдикаты даже посылали рабочихъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ на фабрики и заводы, гдѣ рабочіе устраивали забастовки. Болѣе того, палата лордовъ, какъ высшій верховный трибуналъ, въ случаѣ забастовокъ безъ предварительнаго предупрежденія признала 22 іюля 1901 г. отвѣтственными за это синдикаты. Эта борьба совпала съ южно-африканской войной, за которой послѣдовалъ жестокій кризисъ, какой только знали рабочіе. Разоблаченія, сдѣланныя англійскими радикальными газетами, и вліяніе акціонеровъ золотыхъ и брильянтовыхъ минъ возбудили въ народѣ страшное волненіе. Побѣды муниципалитетовъ продолжались, а въ парламентѣ онѣ начались: отъ 88.000 голосовъ, поданныхъ за рабочихъ кандидатовъ, дошло до 453.000, изъ 54 депутатовъ избрано 29 членовъ общества рабочихъ представителей, 12 рабочихъ радикаловъ и 12 независимыхъ рудокоповъ.

Успѣхъ рабочей партіи все усиливается, о чемъ свидѣтельствуетъ только-что голосованный законъ о полной ненаказуемости синдикатовъ за убытки, причиненные ихъ членами, если бы даже они дѣйствовали преднамѣренно, и поставленный на очередь вопросъ о пенсіяхъ. По этому поводу въ сентябрьскомъ нумерѣ «Nineteenth Century» бывшій министръ Томасъ Буртъ[1]) помѣстилъ статью о послѣднемъ вопросѣ. Эта идея—не новая: ее развивали еще авторъ «Робинзона Крузо»—Даніэль Дефо, и знаменитый памфлетистъ-радикалъ—Томасъ Пэнъ, первый въ началѣ, а второй въ концѣ XVIII вѣка. Въ то время Англія была маленькой страной, почти исключительно земледѣльческой. Съ тѣхъ поръ ея народонаселеніе увеличилось въ громадной пропорціи; поля и долины исчезли подъ заводами и фабриками, и вопросъ о пенсіяхъ рабочимъ все настойчивѣе и повелительнѣе требуетъ своего разрѣшенія. Разумѣется, въ теченіе пятидесяти лѣтъ положеніе рабочихъ значительно улучшилось: плата поднялась, а рабочіе часы уменьшились. Однако, съ другой стороны, съ каждымъ годомъ увеличивается количество безработныхъ, и естественно болѣе всѣхъ страдаютъ отъ такого положенія дѣлъ пожилые рабочіе, такъ какъ въ случаѣ безработицы отказываютъ имъ первымъ, а берутъ ихъ послѣдними. Средній возрастъ рабочихъ правильно понижается во многихъ промышленностяхъ, а потому неудивительно, что при такихъ условіяхъ количество нуждающихся въ помощи стариковъ все увеличивается. По этому случаю велись три отдѣльныя изслѣдованія въ 1890 г. и 1892 г.—одно депутатомъ Томасомъ Буртомъ, авторомъ послѣдней статьи, другое—Чарльсомъ Бутомъ и третье—сэромъ Чарльсомъ Вальполемъ. Всѣ они пришли почти къ одному и тому же выводу. Согласно Бурту 41.180 человѣкъ въ возрастѣ шестидесяти—шестидесяти пяти лѣтъ и 245.687 свыше этого возраста находились на попеченіи общинъ. Бутъ и Вальполь констатировали, что треть пожилыхъ рабочихъ свыше шестидесяти пяти лѣтъ не можетъ существовать безъ помощи общественной благотворительности. Со времени сдѣланныхъ ими изслѣдованій положеніе все ухудшалось. Большое количество рабочихъ не можетъ въ дѣйствительности дѣлать сбереженій; съ другой стороны, синдикаты и товарищескіе кружки не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы обезпечить существованіе всѣмъ престарѣлымъ рабочимъ, хотя въ 1904 г. сорокъ главныхъ синдикатовъ отложили на это дѣло не менѣе 267.396 фунтовъ стерлинговъ. Парламентскій

---

[1]) «Nineteenth Century». September 1906. Labour pensions in England, by T. Burt

комитетъ, избранный въ 1899 г. для изученія этого вопроса, предложилъ выдавать каждому, по меньшей мѣрѣ, шестидесятилѣтнему рабочему, исполнявшему предусмотрѣнныя условія,—пять или семь шиллинговъ въ недѣлю. Комитетъ экспертизы при министерствѣ финансовъ опредѣлялъ потребную на это сумму, если бы законъ былъ принятъ, въ 10.300.000 фунтовъ стерлинговъ на 1901 г. и 12.650.000 на 1911 г. На этомъ дѣло и кончилось. Однако въ этомъ году снова заговорили, и очень упорно, о проектѣ 1899 г. Министръ Асквитъ на сдѣланный ему запросъ опредѣлилъ необходимую сумму въ 11$^{1}/_{2}$ милліоновъ фунтовъ ежегодно. Чамберлэнъ и Бутъ имѣютъ какіе-то свои проекты по этому вопросу. Конечно, по словамъ автора, такіе расходы лягутъ тяжелымъ бременемъ на плечи облагаемыхъ, а все-таки надо покориться. При этомъ онъ приводитъ слова Рёскина: «Развѣ государство не даетъ ежегодно двѣсти милліоновъ франковъ своимъ прежнимъ слугамъ, чиновникамъ, генераламъ и проч.? А развѣ рабочіе также не полезные слуги государства? Землепашецъ служитъ родной странѣ своей лопатой такъ же хорошо, какъ люди средняго класса своей шпагой, перомъ, мозгами или ланцетомъ».

— Августъ Бебель. Основатели нѣмецкаго и международнаго соціализма — Либкнехтъ, Вальдерсъ и Пэпэ, уже умерли, и на политической сценѣ остался одинъ герой—Бебель, глава и предводитель германскихъ соціалъ-демократовъ. Когда онъ говоритъ въ рейхстагѣ, то всегда залъ наполняется слушателями, и волненіе въ рядахъ парламента напоминаетъ излюбленные дни, когда тамъ раздавались рѣчи Бисмарка. Въ настоящее время даже враги Бебеля согласны, что онъ не имѣетъ соперника въ дѣлѣ парламентскаго краснорѣчія. Нѣкоторыя изъ его рѣчей представляютъ образецъ совершенства въ искусствѣ краснорѣчія. Онъ говоритъ образно, энергично и прекраснымъ языкомъ. Къ тому же судьба наградила его самымъ привлекательнымъ изъ голосовъ всѣхъ европейскихъ ораторовъ. Правда, онъ не такъ увлекаетъ слушателей своимъ энтузіазмомъ, какъ это было съ Либкнехтомъ, но ни одинъ ораторъ рейхстага не умѣетъ убѣждать, какъ онъ, и не говоритъ, по словамъ его друзей, съ такой очаровательной разсудительностью. Вообще онъ чрезвычайно рѣдко и только въ послѣднее время выражается въ своихъ рѣчахъ грубо, и въ самомъ крайнемъ случаѣ онъ проповѣдуетъ насиліе. Его смѣлость и мужество доходили до безконечности: онъ говорилъ неустрашимо, прекрасно зная, что его ожидала тюрьма, и теперь бросается въ единоборство съ самимъ императоромъ. Послѣдній называетъ всѣхъ соціалистовъ, а, слѣдовательно, въ томъ числѣ и Бебеля: «rote vaterlandslose Gesellen», а глава многочисленнѣйшей въ Германіи партіи гордо отвѣчаетъ на это оскорбленіе не только ему и его партіи, но и всей Германіи: «Что должны подумать чужеземныя націи о нѣмцахъ, когда ихъ собственный императоръ заявляетъ, что большинство ихъ—измѣнники?» Бебель не всегда былъ соціалистомъ и въ молодые годы напротивъ считался ярымъ индивидуалистомъ, радикаломъ и демократомъ. Даже и теперь многіе скорѣе называютъ его демократомъ, чѣмъ соціалистомъ. По рожденію онъ принадлежитъ къ низшему - среднему классу: его отецъ былъ полякъ и служилъ унтеръ-офицеромъ въ пѣхотномъ полку, а его мать была дочерью мелкаго вецлярскаго бюргера. Самъ Бебель родился въ Кёльнѣ въ 1840 г., и ему было только два года, когда умеръ его отецъ. Мать его вышла

вторично замужъ за брата своего мужа, служившаго въ Браунвейлерской тюрьмѣ. Онъ, однако, вскорѣ умеръ, и его вдова вернулась съ малолѣтнимъ сыномъ въ свой родной городъ. Когда ему минули школьные годы, то его стали учить читать и писать, а четырнадцати лѣтъ онъ былъ помѣщенъ въ ученіе къ токарю. Такимъ образомъ будущій знаменитый защитникъ рабочихъ самъ занимался ручнымъ трудомъ. Въ это время онъ былъ одинъ на свѣтѣ, такъ какъ его мать умерла за два года предъ тѣмъ. Въ 1858 г. Бебель началъ свой Wanderjahr. Въ то время онъ былъ уже искуснымъ ремесленникомъ: ему были извѣстны всѣ тайны его ремесла и его красоты, отъ граціозныхъ линій до симметрическихъ формъ. Онъ отправился съ своей родины въ Австрію и Швейцарію, которую прошелъ пѣшкомъ, останавливаясь то тамъ, то сямъ на мѣсяцъ и зарабатывая себѣ обѣдъ ежедневнымъ трудомъ. При этомъ, придя въ каждое новое мѣсто, первымъ дѣломъ онъ справлялся, есть ли тамъ вечерняя школа, такъ какъ онъ жаждалъ образованія и послѣдній кусокъ хлѣба жертвовалъ на покупку книгъ. Между прочимъ, въ Зальцбургѣ онъ нѣсколько мѣсяцевъ усердно занимался въ Вечернемъ Институтѣ, гдѣ преподавали іезуиты. Странная была судьба Бебеля, искавшаго умственнаго развитія у іезуитовъ, которыхъ онъ потомъ такъ безжалостно преслѣдовалъ. Въ 1859 г. вспыхнула итальянская война, и Бебель, какъ вся тогдашняя молодежь, хотѣлъ поступить въ солдаты. Но въ Тиролѣ его не приняли, такъ какъ онъ былъ иностранецъ. Тогда онъ отправился на сѣверъ Германіи, гдѣ носились слухи о близкой войнѣ, но въ его родномъ Кельнѣ онъ снова не былъ принятъ на военную службу вслѣдствіе физическихъ недостатковъ. Дѣлать нечего, ему пришлось вернуться къ токарному станку и книгамъ. Поселившись въ Лейпцигѣ, онъ сдѣлался поденщикомъ по токарному ремеслу. До этого времени онъ никогда не бывалъ на митингахъ и не слышалъ политическихъ рѣчей, но тогда въ Лейпцигѣ была большая рабочая партія, и онъ присоединился къ ней, сдѣлавшись въ короткое время передовымъ демократомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ сначала либераломъ, а потомъ радикаломъ, и, участвуя въ исполнительномъ комитетѣ рабочаго общества, онъ горячо защищалъ объединеніе Германіи. «Я стоялъ за единство Германіи, заявлялъ онъ,—когда Гогенцоллерны и юнкера были противъ него». Но, конечно, это было единство народное, а не офиціальное, не милитарное. Бебель твердо поддерживалъ свои принципы и не поддался театральнымъ эффектамъ проповѣди государственнаго соціализма Фердинанда Лассаля, напротивъ, на него сильно подѣйствовало соціалъ-демократичское ученіе Вильгельма Либкнехта, изгнаннаго изъ Берлина и поселившагося въ Лейпцигѣ. Преобразованіе общества на соціальномъ базисѣ его окончательно соблазнило, и онъ сразу сдѣлался ярымъ соціалистомъ. Его вліяніе въ рабочемъ классѣ Лейпцига было такъ велико, что вся народная масса пошла за нимъ въ его новую вѣру. Около этого времени въ 1867 г. онъ вступилъ въ парламентъ Сѣверной Конфедераціи и впервые познакомился на трибунѣ съ Бисмаркомъ, который его съ самаго начала возненавидѣлъ, такъ какъ онъ проповѣдывалъ противъ австро-прусской войны, какъ братоубійственной борьбы, за которой должна была слѣдовать новая война. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ основалъ въ Эйзенахѣ съ своимъ пріятелемъ, Либкнехтомъ соціалъ-демократическую рабочую партію и газету

«Volksstadt». Въ 1870 г., когда Бебелю стукнуло тридцать лѣтъ, онъ смѣло выступилъ врагомъ Бисмарка, войны съ Франціей и германскаго имперіализма. За то, что Бебель вооружился противъ займа, безъ котораго нельзя было одержать побѣды, привѣтствовалъ французскую республику и протестовалъ противъ присоединенія Эльзаса-Лотарингіи, — онъ и его неразлучный другъ, Либкнехтъ, были преданы суду Лейпцигской палаты. Ихъ обвиняли въ томъ, что они нарушали общественное спокойствіе, возбуждали народное мнѣніе противъ императорской короны и составляли заговоръ съ иностранцами. Въ результатѣ оба друга были ввергнуты въ тюрьму на два года. Выйдя изъ заключенія, Бебель находился въ такомъ непопулярномъ положеніи, что на улицахъ его родного Лейпцига его называли измѣнникомъ, сжигали его изображеніе и били стекла въ его домѣ. Но онъ все же настаивалъ на своемъ и, не любя Россіи, проповѣдывалъ, что, удерживая Эльзасъ-Лотарингію, Бисмаркъ игралъ въ руку Россіи, злѣйшаго врага Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ публично издѣвался надъ новымъ германскимъ императоромъ и снова попалъ въ тюрьму на девять мѣсяцевъ. Затѣмъ продолжалась до самаго ухода отъ власти Бисмарка ожесточенная борьба между этими двумя противниками. Одинъ безжалостно преслѣдовалъ другаго, пряча отъ время до времени въ тюрьму, а послѣдній все-таки настаивалъ на своей соціалистской политикѣ и сорокъ лѣтъ лишь съ немногочисленными перерывами засѣдалъ и засѣдаетъ до сихъ поръ на своемъ парламентскомъ мѣстѣ. Для того, чтобы изобразить вполнѣ его политическую жизнь, необходимо повторить всѣ безконечныя рѣчи, произнесенныя имъ въ рейхстагѣ, какъ ярое обвиненіе противъ политики быстро смѣнявшихся императоровъ и министровъ. Бебель еще стоитъ непреклонно на своемъ мѣстѣ, а Вильгельмъ I, Фридрихъ, Бисмаркъ, Каприви, Гогенлоэ и Бюловъ—одинъ за другимъ исчезли. Онъ сумѣлъ свою незначительную партію превратить въ самую могучую, и въ настоящее время онъ гордо предводительствуетъ тремя милліонами соціалистовъ. Кромѣ своихъ рѣчей, онъ написалъ много книгъ и брошюръ по политическимъ и общественнымъ вопросамъ; изъ нихъ, быть можетъ, всего замѣчательнѣе книга: «Женщина и соціализмъ», вышедшая въ тридцати изданіяхъ. На всѣхъ соціальныхъ конгрессахъ Бебель играетъ главную роль, и еще недавно въ нынѣшнемъ году въ Мангеймѣ онъ одержалъ одну изъ величайшихъ своихъ побѣдъ. Многіе изъ самыхъ ярыхъ соціалистовъ даже возстали противъ него, требуя, чтобы онъ перемѣнилъ свою умѣренную политику, но онъ краснорѣчиво и упорно настоялъ на своемъ, именно на томъ, что общая забастовка возможна только въ случаѣ нападенія правительства, а не въ виду пріобрѣтенія путемъ насилія даже такихъ полезныхъ завоеваній, какъ всеобщая подача голосовъ въ прусскомъ парламентѣ. На этой побѣдѣ успокоился шестидесятишестилѣтній герой и глава нѣмецкихъ соціалистовъ, о которомъ по случаю его мангеймскаго торжества во всѣхъ иностранныхъ газетахъ и журналахъ печатаются статьи и очерки. Особаго вниманія заслуживаетъ этюдъ [1]) Поля Луи, помѣщенный въ «Revue Bleue», которымъ мы и руководились для характеристики Бебеля.

[1]) «Bebel», par P. Louis. 16 Septembre 1906.

СМѢСЬ.

Присужденіе уваровскихъ премій. Въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 25 сентября, въ часъ дня, въ публичномъ засѣданіи непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ, былъ прочитанъ отчетъ о 48-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. На соисканіе этихъ наградъ въ 1905 г. было представлено 8 сочиненій, которыя были разсмотрѣны особой комиссіей. Одно изъ сочиненій отложено на слѣдующее соисканіе въ виду того, что рецензентъ не доставилъ о немъ отзыва, несмотря на двукратное напоминаніе. Премій удостоены слѣдующія сочиненія: 1) «А. А. Кизеветтеръ. Посадская община Россіи XVIII ст. Москва. 1903». Разборъ этого сочиненія принялъ на себя адъюнктъ М. А. Дьяконовъ. 2) «Арсеній, епископъ псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. Спб. 1904». Разборъ этого сочиненія принялъ на себя проф. Ѳ. А. Кургановъ, во многомъ не согласившійся съ мнѣніями автора. Оба эти сочиненія: А. А. Кизеветтера и епископа Арсенія, признаны академіей заслуживающими большой награды, но въ виду того, что комиссія имѣла въ своемъ распоряженіи лишь одну большую награду, она постановила съ согласія графини П. С. Уваровой раздѣлить большую награду поровну между обоими авторами. Малыя награды присуждены за слѣдующія сочиненія: 3) «В. Н. Бенешевичъ. Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 г. Спб. 1905». Сочиненіе это разсматривалъ ординарный академикъ Е. Е. Голубинскій. 4) «А. В. Стороженко. Стефанъ Баторій и днѣпровскіе казаки. Кіевъ. 1904». Рецензія на этотъ трудъ составлена профессоромъ Мо-

сковскаго университета, М. К. Любавскимъ. 5) «Ѳ. Вержбовскій. Матеріалы къ исторіи Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Выпуски 1—5. Варшава. 1896—1903». Оцѣнку этого труда принялъ ученый корреспондентъ академіи въ Римѣ, Е. Ф. Шмурло. 6) «Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. II (съ 1815 по по 1835 г.). Харьковъ. 1904». Оцѣнку этого труда произвелъ академикъ В. И. Ламанскій, признавшій этотъ трудъ достойнымъ почетнаго отзыва. Академія наукъ, въ изъявленіе своей глубокой признательности за понесенные труды, положила благодарить г.г. рецензентовъ, при чемъ назначила установленныя для постороннихъ ученыхъ уваровскія медали: Ѳ. А. Курганову, М. К. Любавскому и Е. Ф. Шмурло.

Премія имени графа А. С. Уварова. Въ Московскомъ археологическомъ обществѣ въ настоящее время обсуждается проектъ означенной преміи. Предсѣдатель общества, графиня П. С. Уварова, жертвуетъ на этотъ предметъ 2.000 рублей. Премія пріурочивается къ 28 декабря 1909 г., когда исполнится 25 лѣтъ со дня кончины основателя и перваго предсѣдателя археологическаго общества, графа А. С. Уварова. Предметомъ изученія должны послужить древности Москвы. Эта премія и самое составленіе для нея программы должны очень заинтересовать любителей и знатоковъ старины первопрестольной столицы.

Даръ Румянцевскому музею. Вдова покойнаго извѣстнаго коллекціонера А. П. Бахрушина извѣстила правленіе Румянцевскаго музея о желаніи своемъ принести въ даръ музею вторую коллекцію художественныхъ произведеній, оставшихся послѣ покойнаго мужа. Первая богатая коллекція картинъ и бронзы поступила въ музей по завѣщанію самого А. П. Бахрушина. Настоящее собраніе является самостоятельнымъ даромъ со стороны вдовы покойнаго. Оно состоитъ изъ 105 предметовъ, представляющихъ интересъ художественно-этнографическій и частью художественно-промышленный. Изъ собранія г-жи Бахрушиной часть поступила въ отдѣленіе искусствъ Румянцевскаго музея, другая часть—въ этнографическій музей, а остальное—художественно-промышленнаго значенія, передано въ художественно-промышленный музей при Строгановскомъ училищѣ. Изъ вещей, поступившихъ въ отдѣленіе искусствъ, представляютъ интересъ три акварели Щербова юмористическаго содержанія. Кромѣ того, почетнымъ членомъ музея, академикомъ Н. С. Мосоловымъ, пожертвовано весьма цѣнное собраніе, состоящее изъ оригинальныхъ рисунковъ, акварельныхъ и карандашомъ, старой школы, работы мастеровъ XVII вѣка, изъ офортовъ Ванъ-Дейка въ прекрасныхъ отпечаткахъ и множество новыхъ работъ, иллюстрирующихъ новѣйшее искусство Западной Европы. Собраніе академика Мосолова настолько цѣнное, что уже теперь привлекаетъ много интересующихся.

Памятникъ Александру III. 30 сентября особая комиссія въ составѣ бывшаго вице-президента академіи художествъ гр. Толстого, проф. А. Бенуа, директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ [illegible], въ присутствіи членовъ комитета [illegible] по устройству памятника императору Александру III на Знаменской площади, осматривала [illegible] модель па-

мятника, наканунѣ въ разобранномъ видѣ привезенную изъ мастерской Гвиди на мѣсто постройки. Модель здѣсь была собрана и установлена на временный деревянный пьедесталъ. Высота фигуры, отлитой въ натуральную величину, и коня составляетъ $5^1/_2$ аршинъ, а съ пьедесталомъ—7. Императоръ изображенъ сидящимъ на конѣ, опираясь правой рукой въ бокъ, а въ лѣвой держа поводья. Князь Трубецкой, такъ долго работавшій надъ памятникомъ, еще въ апрѣлѣ окончилъ свою работу. Въ настоящее время отливкой бронзовой фигуры занятъ извѣстный спеціалистъ, выписанный изъ Турина, литейщикъ-итальянецъ Сперати. Фигура императора отливается въ литейной мастерской Гвиди, а коня—на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ. Модель будетъ находиться на площади впредь до установки памятника, а затѣмъ кн. Трубецкой предполагаетъ перевезти ее въ Парижъ. Модель обошлась въ 7.000 рублей.

Больница имени Петра Великаго. Въ императорскомъ обществѣ архитекторовъ 26 сентября состоялось присужденіе премій по конкурсу больницы имени императора Петра Великаго для города С.-Петербурга на 1.000 человѣкъ. Всего на конкурсъ поступило 24 проекта, въ томъ числѣ 8 иногороднихъ. Первая премія, въ 1.500 р., присуждена гражданскимъ инженерамъ Л. А. Ильину, А. И. Клейну и А. В. Розенбергу; вторая, въ 1.100 р., академику архитектуры А. И. фонъ-Гогену; третья, въ 900 р., архитектору А. Б. Минкусу; четвертая, въ 800 р., архитектору А. Л. Лишневскому и пятая, въ 700 р., гражданскимъ инженерамъ А. Ф. Бубырю и Н. В. Васильеву. Къ пріобрѣтенію рекомендованъ проектъ гражданскаго инженера М. М. Перетятковича. Согласно условію конкурса, авторамъ проекта, получившимъ первую премію, поручается за особое вознагражденіе въ 5.000 р. разработать свой проектъ въ четырехмѣсячный срокъ. Стоимость больницы опредѣляется въ $2—2^1/_2$ милліона рублей.

Выставка для рабочихъ въ народномъ домѣ гр. Паниной. Подвижной музей учебныхъ пособій при русскомъ техническомъ обществѣ открылъ въ помѣщеніи народнаго дома гр. Паниной выставку для рабочихъ и другихъ посѣтителей народнаго дома различныхъ предметовъ, относящихся къ культурѣ и природѣ Китая. Выставка занимаетъ очень небольшое мѣсто и состоитъ главнымъ образомъ изъ вещей домашняго обихода. Тутъ же развѣшены по стѣнѣ на плакатѣ заповѣди, китайскія пословицы и изреченія Конфуція. Обращаютъ на себя вниманіе шелковыя вышивки. Изображеніе быта китайцевъ дополняетъ на выставкѣ рядъ фотографическихъ снимковъ и иллюстрацій. Въ двухъ небольшихъ витринахъ находится коллекція дорогихъ предметовъ, вырѣзанныхъ изъ кости. Здѣсь находится цѣлый ассортиментъ боговъ, различныя эмблемы, вазы и другія художественныя вещи. На первомъ планѣ обращаетъ вниманіе такъ называемый джуй, т.-е. скипетръ, или жезлъ—знакъ власти мужа надъ женою. Это-слегка изогнутая лакированная палка съ тремя рѣзными изъ кости медальонами. Во время праздничныхъ и воскресныхъ дней посѣтителямъ выставки устроители ея даютъ объясненія. Выставки такого рода, устраиваемыя музеемъ систематически, очень охотно посѣщаются рабочими.

Первая пловучая народно-художественная выставка. Въ Москвѣ въ настоящее время подготовляется къ открытію «первая пловучая народная художественная выставка» картинъ извѣстнаго художника-этнографа Степана Никитича Уварова. На выставкѣ предполагается помѣстить до 300 картинъ. Устраиваться она будетъ при необычайной обстановкѣ—на Москвѣ-рѣкѣ, на баржѣ; на послѣдней устроенъ будетъ интересный куполообразный теремъ, за образецъ котораго взятъ типъ деревянныхъ старинныхъ построекъ Архангельской и Вологодской губерній. Въ этомъ теремѣ и будутъ развѣшены картины. С. Н. Уваровъ, съ цѣлью изучить индивидуальныя особенности крестьянъ разныхъ районовъ, пѣшкомъ исходилъ губерніи: Рязанскую, Калужскую, Тульскую, Смоленскую, Ярославскую, Владимирскую, Костромскую, Новгородскую, Тверскую, Нижегородскую, Псковскую, Витебскую, Архангельскую и Вологодскую, и Финляндію. Въ своихъ произведеніяхъ г. Уваровъ является глубокимъ этнографомъ, въ совершенствѣ изучившимъ костюмы, домашнюю утварь, типы построекъ, бытъ, жизнь и обычаи крестьянина. Картины С. Н. Уварова имѣются во многихъ собраніяхъ. Такъ, въ 1902 г. ея императорское величество государыня императрица Александра Ѳеодоровна пріобрѣла нѣсколько картинъ г. Уварова. Есть его картины у ихъ высочествъ герцоговъ Георгія и Михаила Георгіевичей Мекленбургъ-Стрелицкихъ, у П. В. Жуковскаго, В. М. Васнецова, А. И. Сомова, фонъ-Мекка, Плаутина, Беклемишева, гр. Голенищева-Кутузова, кн. Волконскаго и у многихъ другихъ. Въ 1900—1901 г.г. въ Петербургѣ уже устраивалась выставка картинъ г. Уварова и прошла очень удачно, въ 1904 г. она съ большимъ успѣхомъ прошла въ Вологдѣ. Изъ Москвы г. Уваровъ намѣренъ со своей выставкой на баржѣ прослѣдовать внизъ по теченію рѣкъ Москвы, Оки и Волги.

Общее собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 5 октября состоялось подъ предсѣдательствомъ С. Ф. Годлевскаго чрезвычайное общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. По обыкновенію г.г. члены кассы собирались очень туго, и только въ 4 часа (вмѣсто 2-хъ) можно было открыть засѣданіе и приступить къ обсужденію вопросовъ, выставленныхъ на повѣсткѣ, благодаря чему разрѣшеніе наиболѣе крупныхъ изъ нихъ пришлось отложить опять на неопредѣленное время. Настоящимъ собраніемъ были произведены выборы 19 новыхъ предложенныхъ членовъ кассы и трехъ членовъ правленія; въ послѣдніе избраны: гг. Баро, Василевскій и г-жа Шапиръ. Затѣмъ предсѣдатель правленія Я. Н. Колубовскій, доложилъ нѣкоторыя текущія дѣла. Между прочимъ, онъ коснулся и современнаго денежнаго положенія кассы, которое настолько окрѣпло, что, несмотря на необычайно неблагопріятный годъ и на огромное количество платежей, около 45.000 р., касса свободно справилась со своей задачей и даже нашла возможнымъ сдѣлать облегченіе плательщикамъ, въ случаѣ нужды разрѣшая имъ отсрочку взносовъ еще на лишнихъ 6 мѣсяцевъ сверхъ принятыхъ двухъ. Среди другихъ текущихъ дѣлъ на обсужденіе общаго собранія былъ поставленъ вопросъ объ изъявленіи благодарности главной кассиршѣ газеты «Новое Время», П. Я. Леонтьевой, за безвозмездный, безкорыстный и весьма нелегкій пятнадцатилѣтній трудъ, несомый ею въ качествѣ

кассирши «кассы взаимопомощи». Обремененная своими непосредственными занятіями по конторѣ «Новаго Времени», г-жа Леонтьева съ неизмѣнными готовностью и любезностью оказываетъ кассы всякія зависящія отъ нея услуги значительно тѣмъ облегчая работу правленія. Собраніе постановило единогласно выразить благогодарность. Во исполненіе постановленія общаго собранія предсѣдателемъ кассы, въ сопутствіи секретаря, было вручено П. Я. письменное постановленіе собранія и выражена горячая признательность бюро правленія. Первая часть засѣданія была посвящена памяти умершихъ членовъ кассы – Оболенскаго, Панова и друг. О Л. Е. Оболенскомъ краткое слово сказалъ Я. Н. Колубовскій, а покойному поэту Панову посвятилъ довольно длинную, нѣсколько тенденціозную и аффектированную рѣчь г. Годлевскій. Обѣ рѣчи вызвали нѣкоторыя побочныя замѣчанія присутствовавшихъ, касающіяся главнымъ образомъ вопроса о почтеніи памяти скончавшихся членовъ кассы вообще и о возложеніи вѣнковъ отъ имени кассы на ихъ могилы. Кромѣ того, собраніе выразило также желаніе, чтобы на слѣдующемъ засѣданіи были произнесены краткія рѣчи, посвященныя тоже скончавшимся членамъ кассы—В. В. Бирюковичу и С. Н. Кривенкѣ.

25-лѣтіе попечительства о слѣпыхъ. Въ Александро-Маріинскомъ училищѣ слѣпыхъ, на Песочной улицѣ, 18 октября, въ 2 часа дня, происходили два торжества: открытіе памятника покойному статсъ-секретарю К. К. Гроту и празднованіе 25-лѣтія со дня открытія дѣйствій Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ. На торжество прибыли: министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ, члены государственнаго совѣта: П. П. Семеновъ и М. Н. Галкинъ-Врасской, кн. Оболенскій, почетный академикъ А. Ѳ. Кони, проф. Н. Е. Введенскій, д. с. с. О. К. Адеркасъ, окулистъ Л. Г. Беллярминовъ, преосвященный Кириллъ и мн. др. Въ домовой церкви училища въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ, учительскаго и учащагося персонала и многихъ почетныхъ гостей была отслужена панихида по К. К. Гротѣ, и затѣмъ послѣдовало открытіе памятника работы скульптора Антокольскаго. Послѣ краткой литіи было сдернуто покрывало, окутывавшее памятникъ, представляющій собою бюстъ на колоннѣ, у подножія которой помѣщена бронзовая фигура слѣпой дѣвочки, читающей книгу пальцами. Къ подножію памятника были возложены вѣнки: серебряный отъ тюремнаго вѣдомства и металлическіе отъ семьи Карновичъ, отъ Собственной Его Величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи, отъ канцеляріи по управленію всѣми дѣтскими пріютами вѣдомства императрицы Маріи и отъ слѣпыхъ тружениковъ и труженицъ. По окропленіи памятника, сопровождавшемся рѣчью вице-предсѣдателя попечительства О. О. Новицкаго, въ актовомъ залѣ училища состоялось посвященное памяти К. К. Грота чрезвычайное общее собраніе, открывшееся импровизированной, но блестящей рѣчью А. Ѳ. Кони, начавшаго приблизительно такъ: «Есть на землѣ правосудіе человѣческое и божеское. Первое, оцѣнивая поступки какого нибудь дѣятеля, спрашиваетъ, что онъ сдѣлалъ; второе же задается вопросомъ, то ли онъ сдѣлалъ, что долженъ былъ сдѣлать, и такъ ли сдѣлалъ, какъ слѣдуетъ. Сейчасъ совершился актъ человѣческаго правосудія — открытъ памятникъ К. К. Гроту. И люди въ своемъ судѣ не ошиблись: Гротъ всю свою жизнь

боролся со слѣпотой общественной и личной. Онъ началъ свою дѣятельность въ то время, когда вся Россія была погружена въ слѣпоту общественную»... Освѣтивъ всесторонне дѣятельность покойнаго К. К. Грота, его прекрасную душу и теплое сердце, ораторъ закончилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что и божеское правосудіе вполнѣ оправдываетъ постановку памятника. Рѣчь была покрыта долго несмолкавшими аплодисментами. Затѣмъ Я. Н. Колубовскій прочелъ отчетъ о сооруженіи памятника, для чего въ свое время была открыта подписка по всей Россіи, давшая свыше 26 тыс. рублей. Вице-предсѣдатель, О. О. Новицкій, провозгласилъ имена избранныхъ въ почетные члены дѣятелей по улучшенію участи слѣпыхъ. Среди нихъ выдаются имена: министра финансовъ В. Н. Коковцова, окулиста Л. Г. Беллярминова, вице-предсѣдателя совѣта попечительства С. В. Маркова, члена государственнаго совѣта П. П. Семенова, т. с. О. К. Адеркаса, И. Б. фонъ-Шведера и многихъ членовъ-учредителей и бывшихъ и настоящихъ уполномоченныхъ попечительства. Особо была провозглашена почетнымъ членомъ четверть вѣка потрудившаяся на пользу слѣпыхъ г-жа С. А. Эллисъ. Послѣ краткаго перерыва Я. Н. Колубовскій прочелъ краткій отчетъ о дѣятельности попечительства за 25 лѣтъ. За этотъ срокъ капиталы попечительства возросли до 4.684.718 рублей, и цѣнность его имущества — до 2.300.000 рублей. Торжество закончилось пріемомъ многочисленныхъ депутацій и чтеніемъ привѣтственныхъ телеграммъ.

НЕКРОЛОГИ.

Бейльштейнъ, Ѳ. Ѳ. 5 октября скончался выдающійся химикъ, ординарный академикъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бейльштейнъ. Имя его пользуется обширной и крупной извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Многочисленные труды покойнаго по органической и аналитической химіи, особенно по изслѣдованію соединеній ароматическаго ряда, обогатили науку цѣлымъ рядомъ новыхъ фактовъ и выводовъ, давшихъ новое направленіе научнымъ разысканіямъ и химической промышленности. Его крупной заслугою является изслѣдованіе состава кавказской нефти. Онъ первый выяснилъ преимущества русской нефти передъ американской богатствомъ углерода и свѣта при горѣніи. Благодаря его изслѣдованіямъ, создалась новая отрасль промышленности: добываніе хлористаго бензина, масла горькихъ миндалей и бензойной кислоты изъ каменноугольной смолы. Имъ же разработаны нѣкоторые аналитическіе пріемы, между прочимъ, и путемъ электролиза. Помимо практическихъ лабораторныхъ работъ, ему принадлежитъ множество литературныхъ трудовъ, большая часть которыхъ появилась на нѣмецкомъ языкѣ. Изъ нихъ «Handbuch der organischen Chemie» выдержалъ нѣсколько изданій и представляетъ собой полное и подробное руководство по органической химіи. Его «Аналитическая химія», какъ учебникъ, нашла широкое примѣненіе у насъ и за границей. Ѳ. Ѳ. родился 5 февраля 1838 г. въ Петербургѣ и кончилъ курсъ въ училищѣ св. Петра (Peterschule). Юношей онъ отправился для изученія химіи у профессора Бунзена въ Гейдельбергъ. Затѣмъ слушалъ лекціи Либиха въ Мюнхенѣ. Занимаясь въ физическомъ кабинетѣ проф. Жолли, опубликовалъ первый свой трудъ: «О диффузіи жидкостей». Эта работа восемнадцатилѣтняго юноши обратила на него вниманіе въ ученомъ мірѣ. Въ

Геттингенѣ онъ получилъ степень доктора философіи за диссертацію о мурексидѣ. Въ Парижѣ въ лабораторіи Вюрца изслѣдовалъ ацетилъ и хлористый этилидинъ. Въ 1859 г. былъ приглашенъ помощникомъ профессора при бреславльской университетской лабораторіи, черезъ годъ перешелъ на такую же должность въ Геттингенъ и читалъ лекціи химіи; въ 1865 г. былъ зачисленъ профессоромъ химіи въ нашемъ технологическомъ институтѣ. Съ года его переселенія на родину (1866 г.) онъ не разставался съ технологическимъ институтомъ и съ его химической лабораторіей, преподавалъ, кромѣ того, химію въ Николаевской инженерной академіи и былъ химикомъ совѣта торговли и мануфактуръ. Подъ его руководствомъ произведенъ учениками цѣлый рядъ лабораторныхъ изслѣдованій и работъ, и получили спеціальное образованіе много русскихъ техниковъ и военныхъ инженеровъ. Какъ лекторъ и руководитель, покойный оставилъ по себѣ хорошія воспоминанія. Академія наукъ избрала его въ ординарные академики въ концѣ 1886 г.; Московскій университетъ отмѣтилъ его ученые труды присужденіемъ ему ученой степени почетнаго доктора химіи, Кіевскій университетъ и англійское химическое общество избрали его въ свои почетные члены. Досуги своихъ работъ Ѳ. Ѳ. посвящалъ музыкѣ и въ послѣдніе годы былъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго общества любителей-исполнителей камерной музыки. Умеръ онъ 68 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.979).

† **Быковскій, К. М.** 3 октября тихо скончался извѣстный московскій зодчій, профессоръ архитектуры, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Константинъ Михайловичъ Быковскій. Сынъ извѣстнаго московскаго архитектора, Михаила Доримедонтовича Быковскаго, покойный воспитывался въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія. Окончивъ курсъ, онъ получилъ званіе академика и профессора архитектуры отъ Петербургской академіи художествъ. Съ тѣхъ поръ началась его какъ ученая, такъ и практическая дѣятельность. Онъ былъ преподавателемъ того самаго училища, въ которомъ окончилъ курсъ, затѣмъ сдѣлался предсѣдателемъ Московскаго архитектурнаго общества и завѣдующимъ многочисленными комиссіями при Московскомъ археологическомъ обществѣ. По его планамъ воздвигнуты многія зданія, украшающія Москву, въ томъ числѣ новое зданіе Московскихъ клиникъ и нѣсколько зданій Московскаго университета. Покойный оставилъ послѣ себя много печатныхъ научныхъ трудовъ. Изъ нихъ слѣдуетъ особенно отмѣтить рѣчь, произнесенную имъ на первомъ засѣданіи художественнаго отдѣла 1-го съѣзда русскихъ зодчихъ: «О значеніи изученія древнихъ русскихъ памятниковъ для современнаго зодчества» (1892). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 242).

† **Веселовскій, А. Н.** 10 октября скончался академикъ Александръ Николаевичъ Веселовскій. Покойный, какъ историкъ литературы, пользовался крупной всемірной извѣстностью. Въ обширной области изслѣдованія литературныхъ памятниковъ онъ примѣнилъ сравнительно-историческій анализъ встрѣтился съ удивительнымъ совпаденіемъ многихъ мотивовъ нашего преданія съ мотивами западными и византійскими и въ результатѣ устранилъ многое изъ старыхъ выводовъ и выяснилъ новыя данныя для оцѣнки народнаго

творчества. Сдѣланныя имъ сличенія русскихъ легендарныхъ преданій съ преданіями другихъ народовъ отличаются поразительнымъ разнообразіемъ и обширностью обозрѣваемаго имъ горизонта. Не будучи лингвистомъ, онъ хорошо изучилъ не только новые, но и средневѣковые языки. Это дало ему возможность непосредственно ознакомиться съ первоисточниками и обставлять свои работы множествомъ сравненій и аналогій. Для выясненія общихъ нитей миѳовъ и поэзіи разныхъ народовъ онъ пользовался съ одинаковымъ знаніемъ древними византійскими житіями и канонами, латинской легендой, скандинавской сагой, нѣмецкой и французской средневѣковой поэмой, западно-славянскимъ преданіемъ, румынской или новогреческой пѣсней, преданіями русскихъ полудикихъ народовъ. Его эрудиція въ знаніи литературныхъ памятниковъ была поистинѣ удивительной. Темы, послужившія для разысканій Веселовскому, разнообразны. Онъ останавливался на древней повѣсти и сектаторской легендѣ, на житіяхъ, на русскомъ эпосѣ, обрядовой поэзіи, староязыческихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ. Благодаря его многочисленнымъ трудамъ, передъ изслѣдователями русскихъ и средневѣковыхъ памятниковъ открылся новый литературный міръ. «Это былъ міръ, по словамъ А. Н. Пыпина, не только созданный старымъ національнымъ преданіемъ разныхъ европейскихъ народовъ, но и тѣмъ ихъ общеніемъ съ Востокомъ, которое устанавлялось историческими отношеніями культуры и въ особенности христіанствомъ». Изъ множества научныхъ изслѣдованій покойнаго выдѣляются его разысканія языческихъ арійскихъ миѳовъ, выяснившія ихъ связь съ преданіями христіанской миѳологіи, изслѣдованія колядокъ, христіанскихъ легендъ, апокрифическихъ сказаній, иноземныхъ переводныхъ повѣстей, южно-русскихъ былинъ, индѣйскихъ сказокъ. Разысканіямъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ и южно-русскихъ былинъ онъ посвятилъ цѣлый рядъ выпусковъ. Въ 1891—1892 г.г. вышли два тома его перевода «Декамерона» Боккачіо. А. Н. родился въ Москвѣ въ 1838 г. и прослушалъ курсъ словеснаго факультета Московскаго университета. На него особенно благотворное вліяніе имѣлъ профессоръ Буслаевъ. По окончаніи университетскаго курса со званіемъ кандидата покойный уѣхалъ за границу сперва въ Испанію, затѣмъ по командировкѣ университета въ Берлинъ, Прагу и австрійскую Сербію. Особенно влекла Веселовскаго Италія, но командировка его кончилась, и онъ отправился туда на свои личныя средства. Въ Италіи онъ увлекся изученіемъ средневѣковыхъ памятниковъ и вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность въ ученой итальянской литературѣ своими изслѣдованіями по итальянской книжной старинѣ. Тамъ онъ проработалъ три года и такъ освоился съ Италіей, что пожелалъ совсѣмъ поселиться въ ней. Письма отъ профессоровъ Буслаева и Леонтьева съ обѣщаніемъ каѳедры въ Москвѣ вызвали его на родину. Въ 1870 г. онъ получилъ степень магистра отъ Московскаго университета, однако свободной каѳедры въ Московскомъ университетѣ не оказалось, и А. Н., по рекомендаціи О. Ѳ. Миллера, поступилъ доцентомъ по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы въ С.-Петербургскій университетъ. Освоившись на спеціальной работѣ по первоисточникамъ съ западнымъ средневѣковымъ міромъ и съ тогдашними пріемами изслѣдованія въ западной наукѣ, онъ перешелъ къ

изслѣдованіямъ въ мірѣ славяно-русскомъ, и съ этого времени стали появляться его замѣчательныя изслѣдованія, связавшія славяно-русскія сказанія съ средневѣковой поэзіей. Въ 1872 г. онъ былъ признанъ докторомъ исторіи всеобщей литературы послѣ защиты диссертаціи: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и народныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ». Затѣмъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Въ 1877 г. онъ былъ избранъ адъюнктомъ императорской академіи наукъ по II отдѣленію и въ 1881 г. ординарнымъ академикомъ. Одновременно съ 1878 по 1889 г. онъ читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ. Ученыя заслуги покойнаго отмѣчены Болонскимъ университетомъ присужденіемъ ему титула доктора, императорскимъ географическимъ обществомъ присужденіемъ въ 1893 г. большой Константиновской медали. А. Н. принималъ дѣятельное участіе во многихъ ученыхъ и научныхъ обществахъ, былъ предсѣдателемъ неофилологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, а также состоялъ членомъ-корреспондентомъ Вѣнской, Баварской и Бѣлградской академій наукъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.989).

† **Де-Векки, Ф. В.** 27 сентября скоропостижно скончался на 63 году своей жизни редакторъ-издатель «Судебной Газеты», инженеръ-архитекторъ, Фердинандъ Викентьевичъ де-Векки. Покойный получилъ образованіе за границей и въ молодости занимался дѣломъ своей спеціальности. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ покойный женился на вдовѣ своего друга, товарища прокурора виленскаго окружного суда, Олимпіадѣ Васильевнѣ Знаменской, которая, будучи сама хорошо знакома съ юриспруденціей, сумѣла заинтересовать ею и своего супруга. Въ 1886 г. они купили «Судебную Газету» и издавали и редактировали этотъ единственный тогда юридическій органъ, для развитія котораго истратили до 50 тысячъ, такъ какъ газета вначалѣ имѣла весьма ограниченный кругъ подписчиковъ, какъ и всякое спеціальное изданіе. Съ 1896 г. къ газетѣ стали прилагать въ видѣ преміи «Сборникъ рѣшеній сената», а немного спустя «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства». Въ 1897 г. О. В. скончалась, и Ф. В. одинъ продолжалъ дѣло до самаго конца. Редакторомъ-издателемъ покойный состоялъ 20 лѣтъ, а сама газета просуществовала 25 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.978).

† **Виноградовъ, К. Н.** 26 сентября въ С.-Петербургѣ скончался заслуженный профессоръ военно-медицинской академіи, Константинъ Николаевичъ Виноградовъ, извѣстный среди русскаго врачебнаго міра, какъ талантливый патолого-анатомъ и авторъ цѣнныхъ изслѣдованій по своему предмету. Покойный ученый происходилъ изъ духовнаго званія. Родился онъ 1 марта 1847 г. въ Тверской губерніи и, по окончаніи средняго образованія, былъ принятъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, гдѣ, успѣшно пройдя курсъ, получилъ въ 1870 г. степень лѣкаря съ отличіемъ. Служебная дѣятельность покойнаго началась въ качествѣ военнаго врача при 7-мъ гренадерскомъ Самогитскомъ полку; затѣмъ онъ состоялъ одно время докторомъ въ Варшавскомъ Уяздовскомъ военномъ госпиталѣ. Съ 1872 г. К. Н. былъ прикомандированъ къ Петербургскому Николаевскому военному госпиталю и на

ряду съ этими служебными обязанностями работалъ надъ своею диссертаціею («Матеріалы для патологической анатоміи сапа и сибирской язвы у человѣка»), которая доставила ему степень доктора медицины. Продолжая служить при Николаевскомъ госпиталѣ, покойный постепенно прошелъ здѣсь должности прозектора анатоміи, младшаго и старшаго ординатора. Въ 1881 г., получивъ званіе профессора военно-медицинской академіи, онъ оставилъ мѣсто госпитальнаго врача и съ этихъ поръ почти всецѣло посвятилъ себя учено-литературной дѣятельности. Многочисленныя работы покойнаго разсѣяны на страницахъ «Журнала гистологіи и фармакологіи», «Медицинскаго Вѣстника», «Врача», «Медицинскаго Обозрѣнія» и др. періодическихъ изданій. Кромѣ самостоятельныхъ изслѣдованій, К. Н. перевелъ, между прочимъ, на русскій языкъ капитальное сочиненіе нѣмецкаго профессора Баумгартена—«Болѣзнетворные растительные организмы (Спб., 1885 г., 337 стр.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 239).

† **Дашкова, В. А.** 9 октября 1906 г. въ склепъ Даниловскаго монастыря опущено тѣло вдовы бывшаго предсѣдателя Московскаго отдѣленія опекунскаго совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. В. А. Дашкова, Елисаветы Андреевны, скончавшейся на 82-мъ году жизни. Е. А. какъ по положенію покойнаго ея супруга, такъ и сама лично была выдающеюся особой въ московскомъ обществѣ. Еще со временъ прежней Москвы, временъ князя Голицына и графа Закревскаго, домъ Дашковыхъ былъ открытъ для всѣхъ истинно-русскихъ образованныхъ людей. Е. А. всегда сочувствовала и служила личною помощью благотворительнымъ обществамъ. Въ дамскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ завѣдывала богадѣльней для слѣпыхъ женщинъ, въ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ состояла попечительницей пріюта и долгое время была его вицепредсѣдательницей. Вмѣстѣ съ покойнымъ своимъ супругомъ она учредила богадѣльню въ г. Рязани, Дашковскій этнографическій отдѣлъ при Румянцовскомъ музеѣ и картинную галлерею историческихъ портретовъ при томъ же музеѣ. Живя въ водоворотѣ общественной жизни прежнихъ временъ, благодаря своей не ослабѣвшей памяти, она была живымъ справочнымъ календаремъ событій прошедшаго времени, и расказы ея о быломъ были дорогимъ вкладомъ въ исторію прошедшей жизни Москвы. У Дашковыхъ была единственная дочь Ольга Васильевна, въ замужествѣ за членомъ государственнаго совѣта, графомъ Павломъ Ипполитовичемъ Кутайсовымъ. (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 250).

† **Захаринъ-Якунинъ, И. Н.** Въ Кисловодствѣ скончался 7 октября отъ тифа писатель Иванъ Николаевичъ Захарьинъ-Якунинъ. Покойный былъ хорошо извѣстенъ въ журнальномъ мірѣ. Въ рѣдкомъ изъ періодическихъ изданій онъ не работалъ, печатая въ нихъ крупныя или мелкія замѣтки, корреспонденціи и статьи. Онъ началъ свою литературную дѣятельность въ 70-хъ годахъ. Съ 1865 г. по 1871 г. былъ мировымъ посредникомъ въ Бѣлоруссіи, въ 1879 г. назначенъ мировымъ судьей въ г. Хмельникъ Подольской губ. Его судебная дѣятельность при его наблюдательности дала ему массу матеріала. Въ Хмельникѣ онъ пробылъ недолго. Получивъ оскорбленіе отъ одного изъ мѣстныхъ обывателей, И. Н. вызвалъ обидчика на дуэль.

Когда тотъ не согласился, Якунинъ ранилъ его выстрѣломъ изъ револьвера, былъ судимъ окружнымъ судомъ и оправданъ. Собственное судебное дѣло послужило ему канвой для ряда статей и очерковъ. Въ «Новомъ Времени» въ 1882 г. былъ напечатанъ его фельетонъ «Законъ и жизнь», въ «Недѣлѣ» рядъ статей «Изъ судебныхъ дѣлъ». Съ тѣхъ поръ И. Н. занялся почти исключительно журналистикой, сотрудничалъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Странѣ» Л. А. Полонскаго, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ. Жизнь столкнула покойнаго со многими выдающимися людьми. Воспоминанія о нѣкоторыхъ изъ нихъ покойный напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Отдѣльно имъ изданы личныя воспоминанія, подъ заглавіемъ: «Жизнь, служба и приключенія мирового судьи». Умеръ онъ 66 лѣтъ (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.984).

† **Помяловскій, И. В.** 28 сентября скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, членъ-корреспондентъ академіи наукъ и почетный членъ многихъ русскихъ и иностранныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ, Иванъ Васильевичъ Помяловскій. Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ педагоговъ и ученыхъ; филологъ по спеціальности, онъ въ то же время считался большимъ знатокомъ въ области классической археологіи, агіографіи, палестиновѣдѣнія и проч. Благодаря необычайно широкой эрудиціи, рѣдкой добросовѣстности и строгости, съ какими онъ относился къ своимъ личнымъ занятіямъ, почти всякая его работа представляетъ въ той или другой степени научную цѣнность. Иванъ Васильевичъ Помяловскій — сынъ священника, родился въ С.-Петербургѣ 16 іюня 1845 г.; по окончаніи курса въ С.-Петербургской третьей гимназіи, поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета и окончилъ послѣдній въ 1867 г., удостоенный за сочиненіе: «Римская жизнь по Ювеналу», награжденія золотою медалью. Занимаясь въ теченіе 1868—1869 г.г. русскимъ языкомъ и обоими классическими съ университетскими стипендіатами царства Польскаго, онъ въ 1868 г. напечаталъ двѣ большихъ рецензіи въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», изъ которыхъ въ одной сообщилъ рядъ дополненій и поправокъ къ «прекрасному», по его же оцѣнкѣ, труду А. Деллена: «Cornelii Taciti Germania. Съ комментаріемъ и введеніемъ» (Кіевъ, 1867 г.), а въ другой далъ обстоятельный критическій разборъ труда Фелькеля: «Избранныя рѣчи Цицерона»,—и въ 1869 г. представилъ и защитилъ свою магистерскую диссертацію: «Маркъ Теренцій Варронъ Реатинскій и Мениппова сатира». Трудъ этотъ распадается на двѣ части: первая заключаетъ біографію Варрона, а вторая — его литературную дѣятельность. Послѣ, главнымъ образомъ, внѣшняго обзора литературныхъ произведеній Варрона, или, вѣрнѣе, сводки всѣхъ свидѣтельствъ древности о нихъ, авторъ подробнѣе остановился на поэтическихъ его сочиненіяхъ и въ особенности на сатирахъ Мениппа, которому подражалъ Варронъ. Въ этомъ трудѣ впервые не только у насъ, но и въ западной литературѣ, сообщаются болѣе полныя біографическія данныя о Варронѣ,

подвергаются критической разработкѣ свидѣтельства древнихъ о его произведеніяхъ и сообщается историко-литературное изслѣдованіе Мениппей. Удостоенный, по защитѣ названной диссертаціи, степени магистра римской словесности и зачисленный въ составъ штатныхъ доцентовъ С.-Петербургскаго университета. И. В. Помяловскій въ томъ же 1869 г. былъ командированъ за границу на два года съ ученою цѣлью. Проживая въ Берлинѣ, онъ слушалъ лекціи и участвовалъ въ семинаріи профессора Гаупта, посѣщалъ лекціи Генцерта, Іоффе, Моммзена; въ Лейпцигѣ работалъ подъ руководствомъ знаменитаго Ричля и, посѣтивъ Миланъ, Римъ, Венецію, Флоренцію, Неаполь, всюду знакомился съ мѣстными древностями и списалъ множество латинскихъ надписей, послужившихъ ему источникомъ для докторской диссертаціи. Изъ-за границы онъ выслалъ въ редакцію «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» двѣ статьи, свидѣтельствующія о его усидчивыхъ тамошнихъ занятіяхъ: «Филологическая семинарія профессора Гаупта въ Берлинѣ въ зимній сезонъ 1869—1870 г.» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1870 г., № 5) и «Филологическая семинарія и занятія латинской эпиграфикою профессора Ричля» (ib., 1870 г., № 8). Въ 1873 г. Иванъ Васильевичъ защитилъ представленную имъ диссертацію: «Эпиграфическіе этюды», и былъ удостоенъ степени доктора классической филологіи; тогда же былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и историко-филологическомъ институтѣ. Въ предисловіи къ своей диссертаціи, состоящей изъ двухъ главъ: «Древніе наговоры» (tabulae defixionum) и «Римскіе колумбаріи», онъ говоритъ: «Предлагаемая книга есть результатъ нашихъ занятій древними надписями въ Римѣ. Ознакомившись болѣе или менѣе основательно съ большинствомъ какъ общественныхъ, такъ и частныхъ эпиграфическихъ собраній, мы сочли нелишнимъ изложить часть своихъ наблюденій въ формѣ отдѣльныхъ этюдовъ. Первыми мы рѣшились поставить предлагаемые два, думая, что они представляютъ болѣе интереса, какъ по содержанію, такъ и по новизнѣ. Дѣйствительно, даже въ западной наукѣ темы, разъясненіемъ которыхъ занимаются предлагаемыя изслѣдованія, не составляли до сихъ поръ предмета отдѣльныхъ разсужденій въ томъ объемѣ, какой приданъ имъ настоящими этюдами». Этотъ трудъ Ивана Васильевича былъ привѣтствованъ не только русскими учеными, но и западно-европейскими, какъ цѣнный научный вкладъ. Въ немъ авторъ собралъ относительно наговоровъ и колумбаріевъ всѣ эпиграфическіе памятники, сопоставилъ ихъ съ главными свидѣтельствами писателей и разсмотрѣлъ затронутые имъ вопросы «въ связи съ другими однородными явленіями», чего не было сдѣлано до него никѣмъ изъ западно-европейскихъ ученыхъ. Въ 1884 г. покойный былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета, оставаясь въ историко-филологическомъ институтѣ въ качествѣ преподавателя до 1898 г. Въ теченіе 10 лѣтъ до 1884 г. читалъ еще курсъ римской словесности въ училищѣ правовѣдѣнія. Сверхъ чтенія и объясненія классическихъ писателей: Лукреція, Теренція, Катулла, Тибулла, Проперція, Вергилія, Горація, Ювенала, Цицерона, Тита Ливія, Тацита и Плинія Младшаго, онъ читалъ еще курсы исторіи римской литературы, римскихъ государственныхъ древ-

ностей, энциклопедія и исторіи древней филологіи. Лично намъ довелось прослушать у него въ теченіе двухъ лѣтъ курсъ римскихъ государственныхъ древностей и переводъ съ комментаріями «Germania» Тацита. Неизмѣнно аккуратный, всегда спокойный и ровный, онъ читалъ монотоннымъ, но пріятнымъ голосомъ. Строго выработанная его литературная рѣчь лилась безъ остановки, и онъ изрѣдка заглядывалъ въ свои черновые листки. Студенты всегда слушали его со вниманіемъ и въ свою очередь были вознаграждаемы имъ болѣе чѣмъ снисходительнымъ отношеніемъ къ ихъ познаніямъ и всегдашнею готовностью прійти на помощь къ интересующимся римской словесностью. При своей широкой эрудиціи онъ могъ оказать поддержку филологамъ различныхъ спеціальностей и дѣйствительно былъ виднымъ наставникомъ и руководителемъ многихъ нынѣшнихъ профессоровъ и ученыхъ. Въ 1897 г., по случаю исполнившагося 30-лѣтія его ученой и педагогической дѣятельности, отъ признательныхъ учениковъ и слушателей былъ поднесенъ ему сборникъ, подъ заглавіемъ: «Commentationes philologicae», съ адресомъ, слѣдующія слова котораго наиболѣе вѣрно и ярко опредѣляютъ значеніе педагогической и научной дѣятельности покойнаго: «при широкомъ пониманіи задачъ избранной вами отрасли знанія, вы ознаменовали вашу плодотворную научную дѣятельность многими выдающимися трудами въ различныхъ областяхъ филологіи, намѣчали задачи, подлежащія разработкѣ, указывали ученикамъ вашимъ методы и пріемы научнаго изслѣдованія и въ то же время съ неизмѣннымъ участіемъ слѣдили за успѣхомъ другихъ наукъ, входящихъ въ программу историко-филологическаго факультета, и высказывали ревнивую заботу о ихъ болѣе правильной постановкѣ въ университетѣ, вникая въ интересы различныхъ каѳедръ». Въ упомянутый сборникъ вошли, напримѣръ, статьи: бывшаго министра народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера, профессоровъ: А. И. Введенскаго, И. Н. Жданова, М. И. Ростовцева, А. Щукарева, С. Л. Пташицкаго, А. А. Павловскаго, Эрнштедта, С. Ѳ. Платонова, гг. Лепера, Жебелева, Я. Смирнова и др. Въ теченіе трехъ четырехлѣтій Иванъ Васильевичъ былъ избираемъ деканомъ историко-филологическаго факультета, не разъ предсѣдательствовалъ въ испытательныхъ комиссіяхъ на государственныхъ экзаменахъ, участвовалъ въ различныхъ комиссіяхъ по выработкѣ новыхъ учебныхъ плановъ для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и съ 1874 г. состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и учебнаго при святѣйшемъ синодѣ. Какъ членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, онъ помѣстилъ множество рецензій на труды, относящіеся до римской словесности, въ «Журналѣ Министерства», въ отдѣлѣ «Учебная литература», безъ подписи. Послѣдующіе за докторской диссертаціей труды покойнаго въ области классической филологіи и археологіи состоятъ, помимо его переводовъ: «Древніе классики для русскихъ читателей», переводъ съ англійскаго серіи классиковъ В. Коллинза (Гомеръ, Юлій Цезарь, Ксенофонтъ, Платонъ, Вергилій. Спб., 1876—1877), и Фр. Авг. Вольфъ: «Очеркъ науки древности», переводъ съ нѣмецкаго (Спб., 1877 г.),—преимущественно изъ статей и рецензій, печатавшихся въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Очень многія изъ нихъ, несмотря на свою иногда незна-

чительную величину, представляютъ собою цѣнныя замѣчанія и наблюденія. По поводу изданнаго въ 1877—1878 г.г. профессоромъ И. Цвѣтаевымъ «Сборника осскихъ надписей», онъ впервые и въ доступномъ изложеніи ознакомилъ русскую публику съ западно-европейской литературой по изученію осскихъ надписей, съ исторіей и характеромъ осскаго языка и съ главнѣйшими памятниками осской эпиграфики («Осскія надписи», въ «Ж. М. Нар. Пр.», 1879 г., № 10). Тотчасъ же по нахожденіи г. Сырку въ Болгаріи двухъ римскихъ военныхъ дипломовъ, онъ въ особой обстоятельной статьѣ сообщилъ ихъ содержаніе и значеніе, коснувшись и военныхъ дипломовъ вообще («Ж. М. Нар. Пр.», 1880 г., № 5). Подробно разсказалъ о «Съѣздѣ германскихъ филологовъ и педагоговъ въ Карлсруэ въ 1882 г.», на основаніи отчета Бекеля и протоколовъ, печатавшихся въ «Philologische Wochenschrift» (ib., 1883 г., № 6); о «Преподаваніи классической филологіи въ германскихъ университетахъ» (Страсбургскомъ, Боннскомъ и Лейпцигскомъ), по новому труду Коллара (ib., 1883 г., № 9); объ «Австрійскихъ ученыхъ экспедиціяхъ въ Ликію», по книгѣ Benndorf'a (ib., 1883 г., № 11); о «Перепискѣ между А. Бекомъ и К. О. Миллеромъ» (ib., 1884 г., № 1); о военной исторіи римской Африки за время отъ Августа до нашествія вандаловъ, по труду г. Канья: «L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs» (ib., 1892 г., № 9); объ одной очень важной фресковой живописи («Преломленіе хлѣба»), открытой извѣстнымъ знатокомъ древне-христіанской археологіи, Іосифомъ Вильпертомъ (ib., 1896 г., № 3), и т. д. Изъ рецензій его особенно цѣнны на книги: Ю. Кулаковскаго — «Коллегіи въ древнемъ Римѣ. Опытъ по исторіи римскихъ учрежденій» (ib., 1883 г., № 8), В. И. Модестова — «Сочиненія Корнелія Тацита» (ib., 1886 г., № 9), И. Мансветова — «Митрополитъ Кипріанъ въ его литературной дѣятельности» (ib., 1883 г., № 5) и др. Ему же принадлежатъ въ названномъ журналѣ и некрологи: П. И. Аландскаго (1884 г., № 1), А. О. Іонина (1883 г., № 1), К. М. Тресса (1886 г., № 6) и Н. М. Благовѣщенскаго (1892 г., № 9).

Съ избраніемъ въ 1871 г. въ члены С.-Петербургскаго археологическаго общества, Иванъ Васильевичъ Помяловскій съ особенной охотой приступаетъ къ занятіямъ классической археологіей, и послѣ того какъ въ 1873 г. его избрали секретаремъ общества, онъ дѣлается самымъ ревностнымъ и полезнымъ дѣятелемъ послѣдняго. Его самое продолжительное секретарство въ археологическомъ обществѣ, свыше 20 лѣтъ, «послужило», — говоритъ историкъ этого общества, Н. И. Веселовскій, — «къ оживленію издательской дѣятельности общества. При немъ вышли «Труды» Спб. съѣзда археологовъ и осуществлены наиболѣе крупныя предпріятія общества». Ставъ затѣмъ въ 1893 г. управляющимъ отдѣленія классической археологіи того общества, онъ организовалъ особый органъ: «Записки классической археологіи». Онъ участвовалъ въ комиссіи по реставраціи Софійскаго собора въ Кіевѣ, въ предварительныхъ комитетахъ по устройству археологическихъ съѣздовъ: шестого въ Одессѣ, седьмого въ Ярославлѣ и восьмого въ Москвѣ. Подъ его наблюденіемъ и редакціей печатались изданныя обществомъ изслѣдованія извѣстнаго археолога Оленина, десятый и послѣдній томъ «Извѣстій» археологическаго общества (1881—1884 г.г.), труды настоятеля Іерусалимской миссіи, Антонина

(«Поѣздка въ Румелію», 1879 г., и «Изъ Румеліи», 1886 г.), и т. д. Лично принадлежатъ покойному изъ изданныхъ С.-Петербургскимъ археологическимъ обществомъ слѣдующіе труды: 1) «Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ, описанныхъ академикомъ Л. Э. Стефани» (переводъ съ нѣмецкаго,Спб.,1872г.).2)«Храмъ Тифатинской Діаны» (1884г.); здѣсь послѣ предварительныхъ замѣчаній о древнихъ Тифатахъ близъ Капуи, представлявшихъ собой важный стратегическій и таможенный пунктъ, и означенитомъ храмѣ Діаны, гдѣ теперь бѣдная бенедиктинская церковь S. Angelo Farmis, рѣчь идетъ о найденныхъ въ мѣстечкѣ надписяхъ. 3) «Храмовой инвентарь, найденный въ Неми» (1876 г.), заключающій интересныя данныя о тѣхъ вкладахъ, которые дѣлали древніе въ храмы (статуэткахъ, вѣнкахъ, бронзовыхъ жертвенникахъ, одеждахъ и проч.). 4) «Нѣсколько неизданныхъ римскихъ надписей» (1876 г.). 5) «Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей» (1892 г.), составленный имъ, по предложенію графа А. С. Уварова, къ пятому археологическому съѣзду въ Тифлисѣ и заключающій въ себѣ тексты надписей до позднѣйшаго времени и сводъ указаній путешественниковъ о надписяхъ, съ объясненіями и переводомъ. За этотъ «Сборникъ» награжденъ отъ общества большой золотой медалью. 6) «Изслѣдованія въ области римско-германской границы» (1886 г.), на основаніи книги Н. Haupt'a: «Der römische Grenzwall in Deutschland nach der neueren Forschungen». 7) «Археологическая находка въ Пуатье» (1886 г.) и др. Помимо указанныхъ сочиненій покойнаго въ области классической филологіи и археологіи, ему принадлежитъ рядъ цѣнныхъ работъ въ области агіографіи, гдѣ онъ также считался большимъ знатокомъ. Работы эти, печатавшіяся въ «Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ» и отд., слѣдующія: 1) «Паломничество ко святымъ мѣстамъ конца IV вѣка. Peregrinatio ad Loca Sancta saeculiI V exeuntis edita, rossice versa, notis illustrata ab Joh. Pomialowsky» (1889 г.). Здѣсь въ обширномъ введеніи И. В. Помяловскій даетъ оцѣнку литературнаго памятника «Паломничества» и сводъ литературы о немъ и устанавливаетъ новое мнѣніе, что паломницей была не дочь императора Θеодосія, Галла Плацидія, какъ до того утверждали нѣмецкіе ученые, а Сильвія, сестра уроженца Аквитаніи, Руфина, бывшаго при императорѣ Θеодосіи префектомъ Востока, причисленная къ лику святыхъ. Его же примѣчанія къ тексту «Паломничества», по отзыву проф. И. И. Холодняка («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1889 г., №10), «представляютъ вполнѣ самостоятельный научный трудъ, отличающійся обширной эрудиціей». 2) «Θеодосій. О мѣстоположеніи Святой Земли, начала VI вѣка» («Православный Палестинскій Сборникъ», т. X, в. I). 3) «Житіе иже во святыхъ отца нашего Θеодора, архіепископа едессаго, по двумъ (греческимъ) рукописямъ Московской синодальной библіотеки» (1892 г.). 4) «Житіе Киріака-отшельника» (1891 г.). 5) Аммонія мниха повѣсть объ отцахъ, въ Синаѣ и Раиѳѣ избіенныхъ» (1891 г.). 6) «Житіе святого Саввы Освященнаго, составленное святымъ Кирилломъ Скиѳопольскимъ въ древне-русскомъ переводѣ, по рукописи общества любителей древней письменности» (1890 г.). 7) «Житіе Евѳимія Великаго» и 8) «Житіе Іоанна Молчальника». Два послѣдніе перевода составляютъ часть Палестинскаго Патерика, изданнаго Право-

славнымъ Палестинскимъ обществомъ. Избранный членомъ археологической комиссіи въ 1895 г., И. В. Помяловскій редактировалъ напечатанный въ 1899 г. восьмой выпускъ Великихъ Макарьевскихъ Миней, главное содержаніе котораго составляетъ: «Житіе и поученія святого Іоанна Златоустаго». Въ заключеніе остается еще указать на рядъ его замѣтокъ въ «Русскомъ Архивѣ» («Русскіе въ Архипелагѣ въ 1771 г.», 1878 г., т. II; «Графъ В. А. Перовскій: его бумаги и письма», 1879 г., т. II; «Письма М. И. Топильскаго къ А. М. Кубареву», 1889 г., т. I; О трудѣ Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина» и др.) и на найденные имъ среди старыхъ книгъ у букиниста и напечатанные въ «Русской Старинѣ» (1880 г., № 3)—«Разсказы, замѣтки и анекдоты изъ записокъ Елисаветы Николаевны Львовой», дочери извѣстнаго писателя конца XVIII в. Николая Александровича Львова, воспитывавшейся въ домѣ поэта Державина, и мачехи композитора Александра Өедоровича Львова. «Разсказы» касаются императора Николая Павловича и записаны въ 1855 г. Мы здѣсь, конечно, далеко не исчерпали всѣхъ учено-литературныхъ трудовъ покойнаго, но и приведенныхъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о немъ, какъ о разностороннемъ и глубокомъ ученомъ. Если еще вспомнить, что онъ былъ отзывчивый и весьма доступный человѣкъ, то потеря его должна поистинѣ быть признана тяжкой и трудно вознаградимой, особенно въ настоящее время. Покойный отличался рѣдкой любовью къ книгѣ и особенно старой; хорошо былъ извѣстенъ всѣмъ петербургскимъ букинистамъ и успѣлъ составить богатѣйшую библіотеку рѣдкихъ книгъ. Очень жаль, если его наслѣдники рѣшатся на розничную, какъ уже было слышно, продажу этого рѣдкаго книгохранилища. **В. Рудаковъ.**

† **Рембовскій, А.** 27 августа скончался въ Варшавѣ одинъ изъ выдающихся польскихъ ученыхъ, историкъ-юристъ, Александръ Рембовскій. Покойный родился въ 1847 г. въ Клёновѣ, Калишской губ. Высшее образованіе получилъ въ Варшавѣ и Гейдельбергѣ. Съ 1872 г. началась его учено-литературная дѣятельность. Первое сочиненіе Рембовскаго было о гминѣ польской, ея устройствѣ и отношеніяхъ къ государству. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ покойный помѣщалъ въ фельетонахъ Kurjer'a Warszawsk'аго рефераты о вновь вышедшихъ выдающихся произведеніяхъ польской исторіографіи. Долгое время состоялъ библіотекаремъ знаменитаго книжнаго собранія ординатовъ гр. Красинскихъ въ Варшавѣ. Съ 1895 г. былъ членомъ Краковской академіи (Akademji umiejętności). А. Р. оставилъ по себѣ добрую память серьезнаго ученаго, добросовѣстнаго и трудолюбиваго изслѣдователя прошлаго своей родины.

† **Спасовичъ, В. Д.** Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ, скончавшійся 14 октября, является однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей эпохи великихъ реформъ. Съ его именемъ неразрывно связана вся постановка русской адвокатуры, въ рядахъ которой онъ работалъ съ перваго года введенія уставовъ Александра II. Въ частности сложныя и столь щекотливыя правила объ отношеніяхъ адвокатуры къ кліентамъ были разработаны при самомъ активномъ участіи покойнаго, нѣсколько лѣтъ занимавшаго почетный постъ предсѣдателя и товарища предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ спб. округа.

Въ качествѣ судебнаго оратора В. Д. былъ извѣстенъ глубиной, блескомъ и сжатостью своихъ рѣчей. Такія характеристики, какъ Нины Андреевой, Нечаева и Островлевой, навсегда останутся образцами тонкаго, жизненнаго и правдиваго анализа. Въ нѣкоторыхъ процессахъ В. Д. мастерски освѣщалъ большія и запутанныя общественныя проблемы: такъ, въ дѣлѣ Утина онъ далъ изслѣдованіе о происхожденіи и внутреннемъ значеніи поединка; въ дѣлѣ Кронеберга онъ подробно разсмотрѣлъ вопросъ о предѣлахъ карательной власти государства и о соотношеніи съ ней этики права; въ рядѣ дѣлъ о преступленіяхъ противъ вѣры затронута важная проблема о свободѣ вѣроисповѣданія. Въ качествѣ ученаго, покойный составилъ себѣ громкую извѣстность своими лекціями по уголовному праву. Въ то время самостоятельная каѳедра философіи была уничтожена, и В. Д. пользовался общею частью своего курса для того, чтобы знакомить русское общество съ теоріями Фихте, Канта и Гегеля. Изданный имъ курсъ уголовнаго права, первое самостоятельное изслѣдованіе этого рода на русскомъ языкѣ, проникнутъ гуманными идеями и легъ въ основаніе цѣлой школы русскихъ криминалистовъ. Кромѣ этого учебника, извѣстны еще работы покойнаго о литературной собственности, о правахъ нейтральныхъ, о теоріи судебныхъ доказательствъ, объ отношеніяхъ супруговъ по древнему польскому праву и т. д. Кромѣ спеціально юридическихъ работъ, В. Д. печаталъ изслѣдованія по исторіи всеобщей литературы: о Гамлетѣ, о предшественникахъ Байрона, о байронизмѣ Пушкина и т. д. Въ качествѣ политическаго дѣятеля, В. Д. являлся лидеромъ той фракціи польскаго общества, которая стремится къ русско-польскому сближенію, и органъ которой «Kraj» былъ основанъ покойнымъ. В. Д. родился въ 1829 г., воспитывался въ Минской губ. и С.-Петербургскомъ университетѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.987).

† **Стасовъ, В. В.** Въ ночь съ 10 на 11 октября скончался въ глубокой старости маститый писатель, почетный академикъ, Владиміръ Васильевичъ Стасовъ. Еще не далѣе, какъ 28 сентября, въ газетѣ «Страна» былъ напечатанъ его послѣдній фельетонъ «Дружескія поминки», явившійся, такимъ образомъ, «лебединой пѣснью» почившаго. Никто изъ близкихъ и друзей В. В. не ожидалъ столь быстрой развязки. Въ день Покрова В. В. постигъ ударъ, не внушавшій, однако, особенныхъ опасеній, хотя больной и чувствовалъ себя очень слабымъ. Но въ слѣдующее воскресенье послѣдовалъ полный параличъ, отъ котораго В. В., не приходя въ сознаніе въ теченіе двухъ дней, и скончался. Съ именемъ В. В., этого могучаго, борца за національное искусство, понимая этотъ терминъ въ благородномъ, истинномъ значеніи и смыслѣ слова, связаны, безъ преувеличенія можно сказать, нѣсколько эпохъ культурной жизни русскаго общества, начиная съ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія и кончая ближайшими днями. В. В. представлялъ собою весьма крупную, изъ ряда выдающуюся и глубоко оригинальную личность, столь хорошо знакомую всему образованному русскому обществу. Нельзя было не удивляться его желѣзной волѣ и характеру, не преклоняться передъ ничѣмъ несокрушенною, мужественною энергіею этого красиваго, типичнаго, убѣленнаго сѣдинами старца, сердце котораго неустанно билось горячимъ, чисто юноше-

скимъ задоромъ и пыломъ. Его убѣжденія и взгляды на цѣли и задачи искусства отличались, быть можетъ, нѣкоторою излишнею прямолинейностью, но они всегда были благожелательны, искренны, неподкупны и честны. Онъ не допускалъ сдѣлокъ съ совѣстью, и, увлекаясь иногда, быть можетъ, и ошибочно, увлекалъ за собою и другихъ. Его болѣе чѣмъ полувѣковая кипучая литературная дѣятельность проявлялась съ особенною интенсивностью въ области національнаго искусства, которому онъ былъ преданъ всею душою. Его критическому перу принадлежитъ безчисленное множество статей о выдающихся русскихъ живописцахъ, композиторахъ, музыкантахъ и артистахъ, печатавшихся въ нашихъ лучшихъ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Въ своихъ критическихъ статьяхъ онъ являлся передовымъ неустрашимымъ борцомъ за молодое русское искусство, за начинавшіяся въ немъ новыя теченія. Онъ смѣло шелъ на встрѣчу каждому новому движенію, горячо поощрялъ нарождавшіеся у насъ молодые таланты, пробуждалъ къ нимъ вниманіе общества, велъ страстную полемику съ своими литературными противниками, и, благодаря этимъ крупнымъ качествамъ своего публицистическаго дара, успѣшно достигалъ своей цѣли. Съ нимъ не всегда можно было соглашаться, но не считаться съ нимъ было нельзя. Къ его призывному голосу одинаково прислушивались и друзья и враги. Имя В. В. неразрывно связано съ пышнымъ расцвѣтомъ отечественной живописи и музыки во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Онъ первый явился горячимъ пропагаторомъ реалистическихъ идей въ знаменитомъ художественномъ кружкѣ «Передвижниковъ», посвятивъ пламенныя критическія статьи о такихъ выдающихся художникахъ, какъ Крамской, Верещагинъ, Рѣпинъ, Перовъ, Антокольскій, и о многихъ другихъ. Въ области русской музыки, также пережившей свое «Drang und Sturm», покойный являлся тѣмъ же неутомимымъ и смѣлымъ борцомъ за все новое, даровитое, свѣтлое и глубоко народное по существу. Современникъ Глинки, передъ геніемъ котораго онъ благоговѣйно преклонялся, и памяти котораго онъ посвятилъ немало своихъ прекрасныхъ литературныхъ трудовъ, В. В. былъ впослѣдствіи горячимъ пропагандистомъ народнаго направленія въ русской музыкѣ, начало которому было положено безсмертнымъ творцомъ «Руслана». Его симпатіи привлекъ къ себѣ кружекъ молодыхъ талантливыхъ композиторовъ, группировавшихся вокругъ М. А. Балакирева. Изъ этого кружка вышли такіе крупные художники, какъ Мусоргскій, Бородинъ, Римскій-Корсаковъ, Кюи, а позднѣе Глазуновъ и др. Въ цѣломъ рядѣ своихъ критическихъ статей, въ которыхъ онъ никогда не касался техники искусства, онъ пробуждалъ вниманіе, общества застывшаго въ то время въ рутинѣ, и, несомнѣнно, сильно способствовалъ къ выясненію ихъ художественныхъ задачъ и цѣлей. Онъ высоко цѣнилъ Балакирева, Даргомыжскаго и Чайковскаго, которымъ также посвятилъ немало своихъ литературныхъ трудовъ. Въ широкой публикѣ сравнительно менѣе извѣстны труды В. В. по русской археологіи. А, между тѣмъ, онъ внесъ въ нее немало цѣнныхъ вкладовъ, значеніе которыхъ признано нашимъ ученымъ міромъ. Особенно крупную роль въ исторіи русской науки сыграла его работа о происхожденіи былинъ. Въ бѣглой замѣткѣ нѣтъ возмож-

ности даже вкратцѣ перечислить хотя бы главнѣйшіе литературные труды В. В., явившіеся плодами его многолѣтней, разносторонней и поразительно продуктивной дѣятельности, какъ ученаго и художественнаго критика. В. В. родился въ 1824 г. и по окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія служилъ сначала въ межевомъ департаментѣ, а позднѣе въ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Выйдя въ 1851 г. въ отставку, онъ отправился за границу, живя до 1854 г. преимущественно въ Римѣ и Флоренціи. Съ 1856 по 1872 г. онъ принималъ участіе во всѣхъ работахъ по художественному отдѣлу Императорской Публичной библіотеки, а въ 1872 г. вступилъ въ должность библіотекаря этого отдѣла, которымъ онъ завѣдывалъ до своей кончины, внеся въ него многія улучшенія, и обогатилъ его богатою и рѣдкою коллекціею автографовъ выдающихся художественныхъ и музыкальныхъ дѣятелей. (Некрологъ его: «Петербургскій Листокъ», 1906 г., № 280).

† **Тихомировъ, А. И.** 10 іюня скончался бывшій преподаватель Пермской духовной семинаріи по предмету св. писанія, ст. сов. Александръ Ивановичъ Тихомировъ. А. И. происходилъ изъ духовнаго званія; родился въ 1861 г. и по окончаніи курса въ Нижегородской семинаріи въ 1887 г. со званіемъ студента А. И. поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію. Прослушавъ въ ней полный курсъ наукъ, онъ былъ удостоенъ степени кандидата богословія и утвержденъ въ ней 15 іюня 1885 г. Въ академіи покойный съ особенною любовью занимался изученіемъ св. писанія подъ руководствомъ проф. Якимова. Спустя полгода послѣ окончанія курса въ духовной академіи, А. И. получилъ мѣсто преподавателя св. писанія въ Пермской духовной семинаріи, которое онъ преподавалъ въ ней до самаго выхода въ отставку. Кромѣ преподаванія св. писанія, А. И. временно преподавалъ въ той же семинаріи библейскую исторію и еврейскій языкъ и, сверхъ, того, въ Пермскомъ духовномъ училищѣ состоялъ учителемъ пѣнія. Помимо исполненія преподавательскихъ обязанностей, на А. И. было возложено исполненіе обязанности секретаря семинарскаго правленія. За свою отлично-усердную службу былъ всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 3-й и 2-й ст. и св. Анны 3-й ст. Начавшаяся еще въ 1900 г. серьезная нервная болѣзнь вынудила его въ 1903 г. выйти въ отставку. А. И. былъ далеко не заурядным преподавателемъ и, кромѣ новыхъ языковъ—итальянскаго, нѣмецкаго и англійскаго, изъ которыхъ послѣднимъ очень хорошо владѣлъ, покойный зналъ хорошо и древніе языки, въ томъ числѣ и еврейскій, который, какъ сказано выше, преподавалъ въ Пермской семинаріи. Оставшаяся послѣ покойнаго библіотека заключала въ себѣ подборъ сочиненій, касающихся по преимуществу изученія св. писанія. Кромѣ цѣлаго ряда учебниковъ, пособій и руководствъ къ изученію св. писанія, А. И. собралъ еще выдающіяся сочиненія на новыхъ языкахъ, и преимущественно на англійскомъ, по своей спеціальности. Въ его библіотекѣ находились сочиненія и по другимъ отраслямъ богословскихъ и свѣтскихъ наукъ.

† **Шперкъ, Ѳ. Ѳ.** Въ Нижнемъ Новгородѣ скончался врачъ Францъ Ѳедоровичъ Шперкъ, извѣстный своими многочисленными трудами по географіи и этнографіи различныхъ мѣстностей Россіи, куда его забрасывала служба по

медицинской части. Изъ его сочиненій отмѣчены императорскимъ географическимъ обществомъ «Россія Дальняго Востока» серебряной медалью, «Очерки Астраханскаго края»—малой золотой медалью. Покойный, братъ извѣстнаго сифилидолога Шперка, родился въ 1835 г., образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ со степенью лѣкаря. Врачебную дѣятельность началъ въ Олекминскѣ Якутской губерніи. Затѣмъ былъ врачомъ верхоленскимъ окружнымъ, Иркутской губ., амурскимъ областнымъ. Въ Восточной Сибири Ф. Θ. прослужилъ 18 лѣтъ. Переселившись въ 1876 г. въ Петербургъ, онъ былъ во время русско-турецкой войны врачомъ санитарнаго имени государыни императрицы поѣзда, потомъ бѣлостокскимъ уѣзднымъ врачомъ и помощникомъ инспектора астраханскаго врачебнаго отдѣленія. Въ 1889 г. вышелъ въ отставку и посвятилъ свои силы литературнымъ занятіямъ. Литературно-научная дѣятельность покойнаго началась въ 1864 г. въ «Иркутскихъ Вѣдомостяхъ», потомъ продолжалась въ различныхъ изданіяхъ: въ «Сборникѣ судебной медицины и общественной гигіены», въ «Запискахъ географическаго общества», «Русской Старинѣ», «Научномъ Обозрѣніи» и др. Въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Эфрона напечатано до 400 статей и замѣтокъ покойнаго по этнографіи и географіи Россіи. Ф. Θ. принималъ дѣятельное участіе въ нѣсколькихъ медицинскихъ научныхъ обществахъ. Собранный имъ во время службы интересный гербарій онъ пожертвовалъ обществу испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ. Какъ человѣкъ, покойный оставилъ по себѣ хорошую память, отличаясь честностью и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Умеръ онъ 71 года. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.987).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена статья И. А Худякова «Изъ воспоминаній шестидесятника».

Принадлежа тоже къ шестидесятникамъ, какъ поступившій по окончаніи курса въ московской 4-й гимназіи осенью 1861 г. на физико-математическій факультетъ Московскаго университета, я съ удовольствіемъ вспомнилъ старину, читая воспоминанія г. Худякова о волненіяхъ того года, и считаю необходимымъ болѣе подробно остановиться на панихидѣ по проф. Грановскомъ, упоминаемой только мелькомъ.

Отъ кого шла инициатива, навѣрное сказать не могу, но на общей сходкѣ (кажется, 3 октября) было рѣшено отслужить торжественно панихиду на могилѣ проф. Грановскаго, находящейся на Пятницкомъ кладбищѣ. Въ день панихиды утромъ, довольно рано и дружно, на дворѣ новаго зданія университета собралось нѣсколько сотъ студентовъ; тронулись торжественнымъ шествіемъ,

имѣя во главѣ студентовъ, несшихъ корзины съ цвѣтами и вѣнки. Путь шествія былъ по Моховой, Охотнымъ рядомъ, по Петровкѣ, Кузнецкому мосту, Большой Лубянкѣ, Срѣтенкѣ, черезъ Сухареву башню, по 1-й Мѣщанской въ Крестовскую заставу. Погода была великолѣпная, чисто лѣтняя, и до того тепло, что почти всѣ участвующіе были безъ пальто. Почти всѣ были въ студенческихъ фуражкахъ, но въ мундирахъ было мало, почти только старые студенты, такъ какъ первокурсники мундировъ не заводили—студенческая форма была вѣдь отмѣнена. Весь путь былъ пройденъ въ лучшемъ порядкѣ, безъ всякаго участія и воздѣйствія полиціи. Лишь при переходѣ, уже за Крестовскою заставою, моста черезъ Николаевскую желѣзную дорогу на поворотѣ къ Пятницкому кладбищу мы увидѣли значительный нарядъ жандармовъ и, кажется, казаковъ. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ съ начальникомъ этого отряда, полицеймейстеромъ или приставомъ, студенты были допущены на кладбище, но съ предупрежденіемъ относительно содержанія рѣчей, имѣющихъ быть произнесенными на могилѣ Грановскаго.

Кладбищенскимъ духовенствомъ была отслужена панихида; затѣмъ была произнесена кѣмъ-то прекрасная, спокойная, прочувствованная рѣчь, посвященная памяти Грановскаго; за дальностію моего нахожденія отъ могилы я не могу утвердительно сказать, кто говорилъ, но думаю что—Раевскій или Заринъ (а, можетъ, кто и другой). Послѣ этого выступилъ Борисовъ (товарищъ мой по 4-й гимназіи) со страстною рѣчью, которая, однако, вскорѣ была прервана полицейскимъ представителемъ, какъ выходящая изъ разрѣшенныхъ рамокъ.

Студентамъ предложили расходиться, что и было исполнено въ наилучшемъ порядкѣ и, насколько помню, безъ всякихъ инцидентовъ и непріятностей. Студенты разсыпались по кладбищу, на которомъ покоятся много замѣчательныхъ лицъ, и затѣмъ отправлялись, кому куда нужно.

Панихида эта, шествіе студентовъ и его торжественность составляютъ одно изъ лучшихъ воспоминаній тѣхъ, кто въ нихъ участвовалъ.

Студентъ выпуска 1865 г. **Эрнестъ Бауманъ.**

домъ съ экипажемъ; въ особенно грязныхъ мѣстахъ, гдѣ колеса уходили въ грязь по ступицу, онъ приказывалъ всѣмъ слѣзать съ лошадей и помогать тащить рыдванъ, чѣмъ, конечно, большинство разбойниковъ, не привыкшихъ къ подобной работѣ, оставались очень недовольны, и только повелительный взглядъ Румнея сдерживалъ ихъ негодованіе, онъ же въ свою очередь повиновался Гелю, такъ какъ тотъ умѣлъ своимъ вѣжливымъ и предупредительнымъ тономъ дѣйствовать на его самолюбіе и такимъ образомъ подчинять его себѣ. Такъ они ѣхали долго и медленно, пока наконецъ Гель не рѣшился остановиться немного около одной таверны, чтобы подкрѣпить лошадей и людей водой и пивомъ. Самъ онъ оставался неподвижно у дверецъ экипажа на случай, если бы Анна вздумала вдругъ позвать себѣ неожиданно на помощь.

Но Анна и ея пажъ, проведшіе безсонную ночь, теперь такъ устали, что сидѣли молча, не помышляя ни о какомъ сопротивленіи. Они сидѣли, или, вѣрнѣе, полулежали въ своемъ экипажѣ, не обращая вниманія на то, что происходило вокругъ нихъ, но когда Гель велѣлъ подать имъ въ окно пищу, заказанную въ небольшой встрѣчной тавернѣ, они не отказались отъ нея и, все также молча, съѣли все, что имъ было подано. Дверцы экипажа оставались все время открытыми, и только, когда проѣзжали большой, сравнительно, городъ Ротергамъ, Гель счелъ необходимымъ закрыть ихъ наглухо.

Такъ ѣхали они долго до самой ночи и, когда совершенно стемнѣло, остановились у маленькой гостиницы въ шести миляхъ на сѣверъ отъ Ротергама. Хозяинъ этой гостиницы принялъ ихъ сначала очень неласково и даже собирался отказать имъ въ ночлегѣ, но, когда онъ увидѣлъ Румнея, лицо его сразу прояснилось, и онъ сталъ очень радушенъ и предупредителенъ; повидимому, онъ состоялъ въ большой дружбѣ съ атаманомъ этой разбойничьей шайки и, вѣроятно, нерѣдко дѣлилъ съ нимъ барыши. Съ большою готовностью онъ исполнилъ всѣ требованія Геля, накормилъ всѣхъ людей, отвелъ имъ для ночлега нѣсколько небольшихъ хозяйственныхъ пристроекъ и зажегъ вездѣ на дворѣ костры, чтобы они могли грѣться около нихъ. Гель приказалъ отвезти рыдванъ во дворъ, велѣлъ вложить въ него матрацъ и покрывала, сообщилъ Аннѣ, что ей придется переночевать въ немъ, а Френсису приказалъ принести себѣ соломы и расположиться на ней недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ рѣшилъ провести самъ ночь, т.-е. у дверей экипажа, гдѣ спала Анна. Антоній, получившій свѣжую лошадь, долженъ былъ, какъ всегда, выѣхать на большую дорогу, чтобы караулить, не ѣдетъ ли Барнетъ. Боттль, дежурившій въ предыдущую ночь, долженъ былъ спать въ сараѣ, куда отправился также и Румней. Устроивъ всѣхъ на мѣстахъ, Гель отдалъ строгій приказъ собираться всѣмъ вмѣстѣ по первому его знаку, въ случаѣ тревоги, и поэтому спать всѣмъ не раздѣваясь.

Лошади были отведены въ конюшню, но не совсѣмъ разсѣдланы, чтобы на случай тревоги ихъ можно было поскорѣе употребить опять въ дѣло.

Гель самъ принесъ Аннѣ ея ужинъ и слѣдилъ за тѣмъ, какъ она его ѣла; она ни отъ чего не отказывалась, ѣла и пила, не говоря ни слова, но по лицу ея онъ видѣлъ, что она вовсе еще не отказалась отъ мысли выдать его въ концѣ концовъ властямъ; она, повидимому, только рѣшила отдохнуть и собраться хорошенько съ мыслями, чтобы потомъ съ новыми силами приступить къ исполненію какого нибудь плана, который рано или поздно долженъ былъ возникнуть въ ея изобрѣтательной головкѣ.

Когда всѣ поужинали, сонъ мало-по-малу овладѣлъ и Гелемъ, и онъ проспалъ вплоть до трехъ часовъ ночи; тогда онъ наконецъ проснулся и быстро сталъ поднимать на ноги весь свой караванъ, и, нѣсколько времени спустя, всѣ двинулись опять впередъ. Рано утромъ на третій день своего бѣгства изъ Флитвуда Гель такимъ образомъ очутился въ городѣ Барнеслей, но, пока они проѣзжали этотъ городъ, онъ все время ѣхалъ около окна кареты и даже задернулъ его занавѣской, чтобы помѣшать Аннѣ высунуться изъ него.

Когда они очутились опять въ открытомъ полѣ, Анна усѣлась въ своемъ экипажѣ такъ, чтобы видѣть, что происходитъ позади его, т.-е. спиной къ лошадямъ. Всякій, кто ѣхалъ позади экипажа, немного лѣвѣе его, могъ свободно видѣть ее, и этой привилегіей первое время пользовался Антоній Ундергиль.

Пять миль южнѣе Барнеслея Мерріотъ сдѣлалъ опять остановку, чтобы позавтракать, и, какъ и прежде, плѣнникамъ принесли поѣсть. Румней воспользовался этимъ обстоятельствомъ и заглянулъ въ окно экипажа.

Наконецъ, когда въ девять часовъ утра опять тронулись въ путь, Румней, не говоря ни слова, поѣхалъ позади рыдвана, оттѣснивъ Антонія, который собирался, какъ и прежде, занять свое мѣсто.

— Простите, сударь,—сказалъ онъ довольно вѣжливо:—но вѣдь до сихъ поръ я здѣсь ѣхалъ.

— Пустяки! —возразилъ нахально Румней.—Мнѣ что за дѣло до того, гдѣ вы ѣхали до сихъ поръ?

— Я долженъ ѣхать тамъ, гдѣ мнѣ приказано,—отвѣтилъ все также спокойно Антоній, собираясь опять таки занять свое прежнее мѣсто.

— А я желаю ѣхать тамъ, гдѣ ѣду теперь,—сказалъ Румней упрямо, не подаваясь ни шагу назадъ.

Антоній сердито нахмурился и вопросительно взглянулъ на Мерріота, ѣхавшаго впереди и обернувшагося назадъ, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Гель сразу замѣтилъ, что Румней глядитъ на него свирѣпо и готовъ каждую минуту затѣять ссору. Сознавая,

что въ данную минуту это очень невыгодно для него, Гель рѣшилъ придать всему видъ шутки и сказалъ Антонію:

— Я приказалъ тебѣ, Антоній, ѣхать за мной, а поѣдешь ли ты съ этой или съ другой стороны экипажа, это совершенно безразлично.

Антоній молча отъѣхалъ на другую сторону, стараясь не смотрѣть на Геля, чтобы онъ не прочелъ укора въ его глазахъ. Гель въ душѣ страшно негодовалъ на то, что обстоятельства вынудили его стать въ данную минуту на сторону разбойника и какъ бы предать своего вѣрнаго слугу. Онъ еще болѣе разсердился, когда замѣтилъ, съ какою торжествующею улыбкой Румней взглянулъ на Анну, смотрѣвшую на него теперь прямо изъ окна, и онъ сразу понялъ, что Анна рѣшила, повидимому, воспользоваться услугами этого разбойника, чтобы въ концѣ концовъ все же захватить его, Геля, врасплохъ и предать его въ руки правосудія.

Но, хотя въ душѣ Гель сильно волновался, онъ не показалъ и виду, что волнуется, и ѣхалъ съ спокойнымъ, безстрастнымъ лицомъ, какъ будто ему и въ голову не приходитъ, что его могутъ обмануть или провести. Онъ прекрасно понималъ, что въ данную минуту ничего не можетъ подѣлать и долженъ терпѣливо выжидать, какой оборотъ приметъ все дѣло дальше.

Въ продолженіе цѣлыхъ шести часовъ Гель ѣхалъ такимъ образомъ около экипажа и все время наблюдалъ за тѣмъ, какъ Анна, то и дѣло, обмѣнивалась многозначительными взглядами съ разбойникомъ. Гель старался дѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ, и даже не оборачивался назадъ къ Румнею, чтобы не дать тому повода затѣять ссору. Онъ ѣхалъ спокойно, не опасаясь нападенія сзади съ его стороны, такъ какъ зналъ, что Антоній ѣдетъ тутъ же за нимъ и тоже не спускаетъ глазъ съ Анны и Румнея.

Наконецъ, ровно въ три часа караванъ опять остановился на отдыхъ въ трехъ миляхъ отъ Галифакса. Мерріотъ не отъѣзжалъ отъ окна экипажа, Румней все время держался около него, но до сихъ поръ еще не рѣшался обратиться прямо къ Аннѣ не изъ-за того, чтобы онъ боялся Геля, а потому, что не привыкъ обращаться съ знатными дамами, и поэтому терялся въ ея обществѣ. Гель подозвалъ Кита Боттля и, отдавая ему громко различныя приказанія, сказалъ затѣмъ шопотомъ:

— Твой другъ Румней, кажется, порядочный мерзавецъ: онъ каждую минуту готовъ перегрызть мнѣ горло!

— Мнѣ кажется, мы поступили очень неосторожно, взявъ съ собой этого разбойника,—отвѣтилъ также тихо Боттль:—особенно въ виду того, что въ дѣло замѣшана женщина. Вѣдь изъ-за женщины мы съ нимъ и поссорились когда-то. Если бы не было этой дамы, мы бы смѣло могли довѣриться ему, такъ какъ онъ тоже не долюбливаетъ представителей правосудія, и ему было бы крайне невыгодно предать насъ.

— Если онъ разсчитываетъ спасти эту даму отъ насъ и похитить ее...—началъ было Гель.

— Хорошо будетъ спасеніе, нечего сказать,—замѣтилъ Боттль.

Гель невольно вздрогнулъ отъ ужаса.

— И все же я увѣренъ, что она согласится попасть въ его руки, только бы уйти отъ насъ и предать меня,—сказалъ онъ грустно.

— Если она воображаетъ, что очутится на свободѣ, благодаря Румнею, то очень ошибется: плохо она его знаетъ. Если вы лично желаете отдѣлаться отъ нея, то, конечно, самое лучшее отдать ее сейчасъ же Румнею.

— Я бы убилъ тебя, Боттль, если бы не зналъ, что это—только глупая шутка съ твоей стороны. Но во всякомъ случаѣ теперь намъ не до шутокъ. Она можетъ дѣйствительно войти въ соглашеніе съ этимъ животнымъ и причинить намъ много вреда. Да, хорошо тебѣ смѣяться, ты въ такихъ годахъ, что тебѣ подобныя вещи смѣшны, но я откровенно сознаюсь, что, конечно, прежде всего забочусь о ея безопасности. Подумай только о томъ, что она можетъ дѣйствительно попасть въ руки этого негодяя! И зачѣмъ только я связался съ нимъ?

— Да, между прочимъ,—замѣтилъ Боттль,—знаете ли вы, что я убѣдился въ томъ, что многіе изъ разбойниковъ не прочь перейти на службу къ вамъ и бросить этого негодяя Румнея?

— Я увѣренъ въ томъ, что одинъ изъ нихъ,—вонъ тотъ, круглоголовый, быстроглазый разбойникъ, его зовутъ, кажется, Томъ Коббль,—навѣрное, скорѣе на моей сторонѣ, чѣмъ на его. Мнѣ кажется, что вообще въ шайкѣ произошли какія-то разногласія.

— Да, это вѣрно. Вотъ еще другой такой же, зовутъ его Джонъ Гатчъ; мнѣ кажется, онъ въ сущности человѣкъ честный, и ему противно его теперешнее ремесло. Есть еще одинъ, подъ названіемъ Нэдъ Моретонъ, тотъ тоже не особенно долюбливаетъ Румнея; затѣмъ я могу назвать еще двухъ, трехъ, которые, если дѣло дойдетъ до драки, перейдутъ, конечно, на нашу сторону, но зато другіе—такіе негодяи, что становится невольно жутко въ ихъ обществѣ.

— Въ такомъ случаѣ, Боттль, постарайся переманить къ намъ какъ можно больше людей, но избѣгай всего, что могло бы повести къ ссорѣ, которая вовсе нежелательна въ данное время.

День, однако, прошелъ безъ всякихъ приключеній, и вечеромъ Гель и его спутники остановились опять на ночлегъ въ уединенной гостиницѣ; здѣсь были приняты всѣ мѣры предосторожности, какъ и въ предыдущую ночь. Гель, привыкшій за послѣднее время обходиться почти совершенно безъ сна, усѣлся около экипажа, рядомъ съ которымъ лежалъ Френсисъ, и приготовился опять прокараулить всю ночь. Антоній на этотъ разъ долженъ былъ спать вмѣстѣ съ Румнеемъ на общей кучѣ соломы, а Боттль

отправился на большую дорогу сторожить, не покажется ли вдали Барнетъ съ своими людьми.

Гель сидѣлъ молча, погруженный въ глубокую думу: онъ положительно иногда недоумѣвалъ, почему такъ долго не показывается Барнетъ, но потомъ объяснилъ себѣ его запозданіе тѣмъ, что лошади его очевидно устали, свѣжихъ онъ не могъ достать, да наконецъ могло случиться, что у него оказался и недостатокъ въ деньгахъ, такъ какъ онъ выѣхалъ вѣдь только изъ Лондона въ Флитвудъ и разсчитывалъ вернуться обратно на другой же день.

Вдругъ рядомъ съ Мерріотомъ послышался не то вздохъ, не то стонъ; онъ сталъ тревожно прислушиваться: этотъ стонъ выходилъ изъ-подъ навѣса, гдѣ лежали Румней и Антоній, и напоминалъ стонъ человѣка, въ котораго только что вонзили кинжалъ.

Весьма возможно, что разбойникъ покончилъ съ Антоніемъ и разсчитывалъ теперь сдѣлать то же самое съ нимъ и Боттлемъ, который оставался совершенно одинъ и беззащитный на большой дорогѣ. Гель одну секунду колебался, итти ли ему узнавать, въ чемъ дѣло, или нѣтъ. Онъ посмотрѣлъ на Френсиса: тотъ лежалъ неподвижно и дышалъ ровно и глубоко; въ экипажѣ тоже раздавалось ровное и спокойное дыханіе. Гель рѣшился и быстро направился къ навѣсу, гдѣ спалъ Антоній.

Антоній лежалъ, завернутый въ свой плащъ, спиною къ разбойнику, который лежалъ тоже спокойно, съ закрытыми глазами; спалъ ли онъ или притворялся спящимъ, Гель не могъ разсмотрѣть. Но Антоній, во всякомъ случаѣ, спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Гель дотронулся до его плеча и прошепталъ:

— Пойдемъ со мной.

Антоній, ни слова не говоря, всталъ и пошелъ за нимъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ экипажъ.

— По-моему, лучше тебѣ спать рядомъ со мной, около Френсиса,—сказалъ Гель шопотомъ, указывая на солому, гдѣ лежалъ юноша, и вдругъ глаза его широко раскрылись отъ удивленія: Френсиса не было и слѣда, на соломѣ уже никого не было.

Френсисъ исчезъ.

Гель оглянулся кругомъ, нигдѣ не видно было ни единой души. Онъ подошелъ къ экипажу: изъ него все попрежнему раздавалось ровное, спокойное дыханіе.

— Она хоть, по крайней мѣрѣ, еще здѣсь,—сказалъ Гель удивленному Антонію,—но Френсисъ исчезъ, чтобы, вѣроятно, исполнить какое нибудь ея порученіе; онъ притворялся только спящимъ, но во всякомъ случаѣ, онъ не могъ уйти далеко, вѣдь я уходилъ только на минутку. Посторожи-ка здѣсь у экипажа, а я пойду, поищу его.

Но не прошло и секунды, какъ Гель уже увидѣлъ Френсиса выходящимъ изъ-подъ навѣса, гдѣ онъ только-что побывалъ самъ, и гдѣ лежалъ Румней.

— Это что такое?—крикнулъ Гель, схвативъ мальчика за руку и поднося горящій факелъ къ его лицу.

Френсисъ стоялъ съ широко раскрытыми глазами и только при окрикѣ Геля вздрогнулъ и какъ бы пришелъ въ себя.

— Что ты дѣлалъ, негодяй?— спрашивалъ Гель, крѣпко сжимая его руку:—зачѣмъ тебѣ понадобилось отправляться туда подъ навѣсъ, воспользовавшись минутой моего отсутствія? Ты, вѣроятно, отнесъ какое нибудь посланіе отъ своей госпожи этому разбойнику Румнею? Сознавайся сейчасъ же, иначе тебѣ худо придется.

— Я не знаю, гдѣ я былъ, и что я дѣлалъ, сударь,—отвѣтилъ юноша спокойно:—я вѣдь лунатикъ и хожу по ночамъ, самъ не зная гдѣ.

Гель внимательно взглянулъ Френсису прямо въ глаза, тотъ совершенно спокойно выдержалъ его взглядъ и затѣмъ по приказанію Геля также спокойно улегся опять на свою солому.

Гель усѣлся на свое мѣсто и снова погрузился въ глубокое раздумье, такъ что не замѣтилъ даже, какъ темная фигура, весьма похожая на Румнея, бродила вокругъ спящихъ разбойниковъ и отдавала имъ какое-то приказаніе; повидимому, Румней былъ тоже лунатикъ.

XV.

Измѣна.

— А вотъ и снѣгъ, который ты предсказывалъ намъ,—сказалъ Мерріотъ, обращаясь къ Антонію, когда наконецъ кавалькада опять тронулась въ путь, въ третьемъ часу ночи.

— Да, еще и вѣтеръ порядочный,—весело замѣтилъ Румней такимъ тономъ, что Гель подозрительно покосился на него.

Всадники завернулись плотнѣе въ свои плащи, чтобы укрыться отъ падающихъ хлопьевъ снѣга, котораго почти не было видно, такъ какъ только въ началѣ ихъ процессіи Боттль держалъ въ рукахъ факелъ, да позади экипажа былъ привѣшенъ фонарь. Разбойники ѣхали молча, и изрѣдка у нихъ вырывались проклятія, относящіяся къ погодѣ. На разсвѣтѣ они проѣхали черезъ большой городъ и, проѣхавъ еще три мили послѣ него, остановились въ довольно уединенной гостиницѣ, чтобы позавтракать. Когда Мерріотъ открылъ окно въ экипажѣ, завѣшенное занавѣской, чтобы защитить пассажировъ отъ снѣга, и хотѣлъ подать въ него на подносѣ принесенную ѣду, Анна высунула голову и сказала:

— Вмѣсто ѣды позвольте мнѣ лучше пройтись немного по дорогѣ: у меня затекли ноги, такъ какъ я вѣдь цѣлыхъ два дня сижу безвыходно въ этой колымагѣ.

— Нѣтъ, только полтора дня, а не два,—отвѣтилъ ей Гель,—но, во всякомъ случаѣ, вы, конечно, свободно можете прогуляться

немного, пока мы здѣсь отдыхаемъ. Имѣйте только въ виду, что снѣгъ такъ глубокъ, что покрываетъ почти всю ступню ноги.

— Мнѣ это безразлично, хотя бы снѣгъ доходилъ даже до колѣна.

— Но, если я выпущу васъ погулять, дадите ли вы мнѣ слово, что вернетесь опять обратно въ экипажъ, когда я попрошу васъ объ этомъ?—Гель чувствовалъ себя положительно не въ состояніи примѣнить опять грубую силу, какъ въ первый разъ.

— Да, конечно, вѣдь другого выхода для меня нѣтъ.

— И все время, пока вы будете гулять, я буду находиться по сосѣдству съ вами, а съ другой стороны пойдетъ Френсисъ.

— Я вѣдь говорила вамъ, что выбирать мнѣ не изъ чего, и другого выхода нѣтъ; я должна во всемъ повиноваться вамъ.

Гель предложилъ ей руку, чтобы помочь ей выбраться изъ экипажа, но она сама легко выпрыгнула изъ него и пошла по тому направленію, откуда они пріѣхали. Гель подождалъ Френсиса и потомъ пошелъ рядомъ съ ней, придерживая пажа за рукавъ. Китъ Боттль въ это время хлопоталъ о томъ, чтобы накормить и напоить хорошенько лошадей. Румней гулялъ взадъ и впередъ по дорогѣ, поглощенный всецѣло, казалось, кружкой эля, которую онъ держалъ въ рукахъ. Антоній взобрался на пригорокъ и оттуда смотрѣлъ вдаль, не покажется ли Барнетъ и его люди.

Мерріотъ молча шагалъ рядомъ съ своей прекрасной плѣнницей и невольно задумался о томъ, не разсказать ли ей теперь всю правду, чтобы она перестала относиться къ нему съ такой ненавистью: вѣдь она находилась теперь всецѣло въ его власти и не могла причинить ни малѣйшаго вреда сэру Валентину. Но повѣритъ ли она ему? А если и повѣритъ, развѣ не можетъ случиться, что она какъ нибудь случайно убѣжитъ отъ него въ эти два дня? Осторожность предписывала Гелю хранить на этотъ счетъ молчаніе и не выдавать ей своей тайны. И поэтому онъ рѣшилъ опять заговорить съ ней о смерти ея брата и постараться какъ нибудь иначе поколебать въ ней увѣренность въ томъ, что именно онъ былъ убійцей.

— Клянусь вамъ, м-съ Хезльхорстъ,—сказалъ онъ робко,—что я не наносилъ вашему брату этой несчастной раны. Во всемъ этомъ кроется недоразумѣніе, которое со временемъ выяснится.

Къ его удивленію, она не оттолкнула его рѣзко, какъ онъ ожидалъ, но заговорила съ нимъ спокойно и безъ раздраженія, какъ бы стараясь, съ своей стороны, выяснить многое, непонятное ей.

— Какъ можете вы утверждать? — заговорила она тихо. — Я узнала всю эту исторію отъ слугъ моего брата, которые присутствовали при вашемъ поединкѣ.

— Но вѣдь согласитесь сами, что правосудіе не нашло ничего особеннаго въ этомъ поединкѣ, иначе меня бы сейчасъ же арестовали въ Флитвудѣ.

— Да вѣдь вы прекрасно знаете, что свидѣтелями этого поединка были только слуги моего брата и вашъ слуга. Всѣ они молчали, такъ какъ вашъ слуга опасался подвести васъ подъ наказаніе, а слуги моего брата потому, что... все равно, почему, но, во всякомъ случаѣ, они молчали обо всемъ, пока я не пріѣхала домой.

— Но почему слуги вашего брата молчали, вы чего-то не договорили сейчасъ?

— Я могу вамъ сказать, это неважно. Дѣло въ томъ, что слуги моего брата находились отъ васъ дальше, чѣмъ вашъ собственный слуга, и поэтому они видѣли все недостаточно ясно, имъ даже показалось, что вы обнажили шпагу, чтобы защитить только свою жизнь, такъ какъ мой братъ первый напалъ на васъ. Да къ тому же, и братъ мой тоже велѣлъ имъ молчать и не болтать о томъ, что они видѣли.

— Вѣдь это одно уже доказываетъ то, что ссору началъ онъ, и слѣдовательно зачинщикомъ и нападающимъ лицомъ былъ именно онъ самъ.

— Что же изъ этого? Онъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ помощи правосудія, потому что плохо вѣрилъ въ его безкорыстіе и справедливость, вѣдь онъ хорошо зналъ, что его здѣсь вообще всѣ ненавидѣли по сосѣдству. Вы это прекрасно знаете, сэръ Валентинъ. Я смотрю на это дѣло нѣсколько иначе. Мнѣ все равно, кто первый началъ ссору, вы пролили кровь моего брата, и этого для меня достаточно, чтобы я желала теперь въ свою очередь, чтобы пролилась ваша кровь.

— Но я же увѣряю васъ, что нисколько не виноватъ въ пролитіи крови вашего брата. Вѣрьте мнѣ, что не я убилъ его.

— Какая наглая ложь съ вашей стороны. Вѣдь мои слуги сами своими глазами видѣли, какъ вы нанесли моему брату эту роковую для него рану. Неужели вы воображаете, что такъ легко можете ввести меня въ заблужденіе относительно того, кто—истинный виновникъ смерти моего брата?

— Я говорю только, что во всемъ этомъ кроется крупное недоразумѣніе, которое будетъ выяснено со временемъ, а пока обстоятельства не сложатся такъ, что я буду въ состояніи доказать противное, вы, конечно, не перестанете меня считать убійцей вашего брата. Клянусь вамъ...

— Вы говорите о клятвѣ? вы еще смѣете клясться? Вспомните, что было два дня тому назадъ въ городѣ Клоунѣ въ присутствіи мѣстнаго констебля.

Гель вздохнулъ и промолчалъ. Увлеченный разговоромъ съ нею, онъ не обратилъ вниманія на то, что она старалась увлечь его какъ можно дальше отъ экипажа, который теперь какъ разъ скрылся у нихъ изъ виду за поворотомъ дороги.

— Во всякомъ случаѣ, время докажетъ, что я былъ правъ,— сказалъ онъ,—и также объяснитъ вамъ, почему я рѣшился подвергнуть такую очаровательную особу, какъ вы, столь тяжелому для нея плѣну.

— Будемъ лучше надѣяться на то, что время дастъ мнѣ возможность отмстить за все зло, причиненное мнѣ. Во всякомъ случаѣ, я еще не потеряла всякую надежду добиться правосудія въ этомъ мірѣ.

— Я ничего не могу возразить вамъ на это, но надѣюсь, что мнѣ не придется прибѣгнуть къ крайнему средству.

— Къ какому?—спросила она, останавливаясь и глядя ему прямо въ глаза.

— Предположите, что вы, проѣзжая черезъ какой либо городъ, вздумали бы высунуться изъ экипажа и начали бы кричать и звать къ себѣ на помощь.

— Что тогда?

— Тогда мнѣ пришлось бы собственными руками завязать шелковымъ платкомъ самый очаровательный ротикъ во всей Англіи.

— Ну, раньше, чѣмъ вы успѣли бы это сдѣлать, я бы уже созвала цѣлое сборище вокругъ экипажа. Будьте увѣрены, что нашлись бы тогда люди, которымъ вамъ пришлось бы давать отвѣтъ за ваше обращеніе со мной.

— Я сказалъ бы имъ немедленно, что вы—сумасшедшая, и васъ поручили моему надзору.

— Новая ложь съ вашей стороны—и только!

— Нѣтъ, это не была бы ложь. Развѣ это не сумасшествіе, когда хорошенькая женщина ставитъ себѣ задачей погубить человѣка, не причинившаго ей никакого вреда?

Она ничего не отвѣтила на это, и они молча вернулись къ экипажу. Румней стоялъ около него, отвернувшись и глядя вдаль въ глубокой задумчивости. Онъ поднялъ голову при ихъ приближеніи и быстро сѣлъ потомъ на свою лошадь; остальные разбойники послѣдовали его примѣру во главѣ съ Боттлемъ. М-съ Хезльхёрстъ позволила Гелю помочь ей взобраться въ колымагу. Френсисъ вошелъ въ нее вслѣдъ за нею. Мерріотъ позвалъ Антонія и тоже сѣлъ на лашадь.

Какъ только Антоній присоединился къ остальному обществу, Гель подалъ знакъ Боттлю, что все готово къ выступленію каравана. Лошади налегли на упряжь, тяжелая колымага медленно тронулась съ мѣста и проѣхала нѣсколько шаговъ, но вдругъ раздался трескъ, одно изъ заднихъ колесъ свалилось, и весь экипажъ грузно опустился на одну сторону.

Антоній быстро соскочилъ съ лошади и освидѣтельствовалъ упавшее колесо. Онъ съ перваго же взгляда убѣдился въ томъ, что ось была только что передъ тѣмъ перепилена острой пилой.

Антоній многозначительно взглянулъ на Геля, тотъ въ одну секунду сообразилъ, въ чемъ дѣло, и ему ясно, какъ день, представилось теперь все, что было сдѣлано тихонько за его спиной. Онъ вспомнилъ, какъ Анна не спускала глазъ съ капитана, вспомнилъ затѣмъ ночную прогулку пажа къ Румнею, вспомнилъ и понялъ теперь, почему Анна захотѣла вдругъ прогуляться и постаралась увлечь его подальше отъ экипажа, въ то время какъ Антоній находился далеко на пригоркѣ, а Боттль былъ занятъ лошадьми. Анна задумала все это очень умно, и Румней, повидимому, въ точности привелъ въ исполненіе все, что она приказала ему. Она рѣшила, что самое лучшее испортить экипажъ, этимъ она задержитъ Геля, и такимъ образомъ дастъ возможность Барнету догнать ихъ. Она вовсе не желала спасаться одна съ разбойникомъ, такъ какъ, повидимому, не особенно довѣряла ему, она не хотѣла портить его лошадей или подкупать его людей, такъ какъ знала, что онъ можетъ отплатить ей за то и за другое, и поэтому она рѣшила прибѣгнуть къ самой невинной хитрости, не рискуя сама положительно ничѣмъ.

Румней прекрасно игралъ свою роль и съ самымъ невиннымъ и удивленнымъ видомъ смотрѣлъ на колесо, валявшееся въ грязи среди дороги.

Теперь было только утро четвертаго дня бѣгства Геля. Онъ мечталъ о томъ, чтобы еще только этотъ день и слѣдующій провести въ мирѣ съ своимъ нежеланнымъ союзникомъ, и поэтому ему пришлось сдержать себя и сдѣлать видъ, что онъ приписываетъ все простой случайности.

— Какая жалость, что колесо сломалось!—проговорилъ онъ, многозначительно глядя на Антонія и Кита Боттля.—Надѣюсь, сударыня, что вы не пострадали отъ неожиданнаго толчка, когда экипажъ свалился на бокъ?

Гель, говоря это, внимательно смотрѣлъ ей прямо въ глаза, но она ничего не отвѣтила и продолжала молча сидѣть въ экипажѣ съ Френсисомъ, и, повидимому, дѣйствительно нисколько не пострадала отъ толчка, такъ какъ, конечно, ждала его съ минуты на минуту.

— Какая досадная задержка!—воскликнулъ Румней съ притворнымъ сожалѣніемъ.

— Да, ужасно досадно,—повторилъ Мерріотъ со вздохомъ, какъ бы очень огорченный этимъ неожиданнымъ препятствіемъ. Онъ нарочно хотѣлъ провести своихъ собесѣдниковъ и заставить ихъ думать, что онъ дѣйствительно ничего не подозрѣваетъ о ихъ зломъ умыслѣ. Онъ прекрасно понималъ, что Румней вовсе не расположенъ въ данную минуту къ открытой ссорѣ, такъ какъ они находились недалеко отъ города, и въ его расчеты вовсе не входило слишкомъ близкое знакомство съ его обитателями. Онъ

предпочелъ бы завести ссору и напасть на своего противника гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, далеко отъ обитаемыхъ жилищъ.

Гель быстро сообразилъ, что ему дѣлать теперь дальше, но изъ боязни, чтобы Румней не догадался о его намѣреніяхъ и не помѣшалъ ему, онъ нагнулся къ Антонію и шопотомъ отдалъ ему самыя необходимыя приказанія.

Антоній, не говоря ни слова, быстро сѣлъ опять на свою лошадь, поѣхалъ къ той гостиницѣ, гдѣ они закусывали, и спросилъ что-то у человѣка, стоявшаго въ дверяхъ.

Результатъ этихъ переговоровъ былъ, повидимому, не благопріятенъ, такъ какъ, отъѣзжая отъ воротъ гостиницы, Антоній отрицательно покачалъ головой Гелю и быстро помчался по направленію къ городу, мимо котораго они недавно проѣзжали.

Боттль молча наблюдалъ за Антоніемъ такъ же, какъ и Румней, и посмотрѣлъ вопросительно на Геля, какъ бы спрашивая у него, въ чемъ дѣло.

— Ничего,—отвѣтилъ ему Гель спокойно,—если онъ замѣтитъ Барнета и его людей раньше, чѣмъ найдетъ то, зачѣмъ я послалъ его, онъ вернется сюда, и мы тогда встрѣтимся съ Барнетомъ въ открытомъ бою; можетъ быть, это будетъ еще къ лучшему.

Нечего говорить о томъ, что Гель всегда имѣлъ въ виду послѣднее средство—сразиться съ Барнетомъ и его людьми, но по возможности старался избѣгать подобной встрѣчи, такъ какъ боялся, что Барнетъ сразу увидитъ, что имѣетъ дѣло съ подставнымъ лицомъ, а вовсе не съ сэромъ Валентиномъ.

Чтобы привести свой планъ въ исполненіе, не теряя драгоцѣннаго времени, Гель подъѣхалъ къ Румнею и сказалъ ему:

— Велите своимъ людямъ выпрячь лошадей изъ экипажа: не имѣетъ никакого смысла оставлять ихъ въ упряжи, такъ какъ двинуть его съ мѣста все равно нельзя.

Разбойники быстро исполнили данное имъ приказаніе и въ одну минуту выпрягли лошадей; они сидѣли теперь всѣ верхомъ, переговариваясь и недоумѣвая, что будетъ дальше. Анна и ея пажъ тоже сидѣли молча, не выдавая своихъ тайныхъ мыслей. Боттль и Румней проѣзжали шагомъ взадъ и впередъ, перекидываясь отдѣльными фразами.

Наконецъ, вдали показалась фигура Антонія. Онъ подвигался быстро, но спокойно. Повидимому, онъ нигдѣ не нашелъ ни малѣйшихъ слѣдовъ Барнета и его людей. Онъ везъ съ собой старое дамское сѣдло и множество охотничьихъ роговъ, нанизанныхъ на веревку. Повидимому, онъ ѣздилъ въ городъ только для того, чтобы достать тамъ эти предметы. Спутники Геля съ любопытствомъ оглядывали ихъ, не понимая, зачѣмъ они ему понадобились.

Мерріотъ приказалъ Антонію и Киту сойти съ лошадей. Затѣмъ онъ велѣлъ прежнюю лошадь Френсиса подвести къ экипажу, и Антоній осѣдлалъ ее подъ дамское сѣдло, привезенное имъ.

— Ну, а теперь, сударыня,—сказалъ Гель, обращаясь къ Аннѣ,— позвольте помочь вамъ взобраться на это сѣдло.

Она сидѣла неподвижно и молча, какъ будто слова эти относились не къ ней, и только многозначительно взглянула на Румнея.

Гель понялъ, что долженъ дѣйствовать скорѣе, иначе разбойникъ пойметъ ея нѣмой призывъ и вступится за нее.

— Томъ Коббль, подержи мою лошадь!—воскликнулъ Гель и въ одну секунду очутился на землѣ. Затѣмъ, онъ быстро очутился въ колымагѣ, поднялъ на руки Анну, вынесъ ее изъ экипажа, и раньше, чѣмъ она успѣла опомниться, она уже сидѣла на лошади.

— Давай сюда веревку!--крикнулъ Гель, и Антоній подалъ ему веревку, на которой висѣли охотничьи рожки, и раньше, чѣмъ Анна успѣла соскользнуть опять на землю, Гель дважды обернулъ веревку вокругъ ея таліи и взялъ оба конца въ свои руки, затѣмъ быстро вскочилъ на эту же лошадь впереди Анны и обвязалъ оба конца веревки вокругъ себя.

— А теперь, Антоній, привяжи такъ же за собой Френсиса! — воскликнулъ Гель, и Антоній моментально исполнилъ его приказаніе, раньше, чѣмъ пажъ успѣлъ сообразить, что съ нимъ дѣлаютъ.

— Китъ, раздай-ка всѣмъ эти рожки, одинъ дай мнѣ, другой Антонію, третій Румнею и еще одинъ Тому Коблю. А теперь всѣ по мѣстамъ! Китъ, поѣзжай впередъ! Капитанъ Румней можетъ ѣхать, гдѣ ему угодно. Слушайте всѣ, что я вамъ скажу: когда я затрублю въ этотъ рогъ, всѣ должны сдѣлать то же самое, а у кого нѣтъ рога, тотъ долженъ кричать изо всѣхъ силъ, и всѣ должны ѣхать галопомъ, пока я не прикажу перемѣнить аллюръ.

Минуту спустя, вся кавалькада понеслась впередъ, оставляя позади себя сломанный экипажъ, который все еще продолжалъ лежать печально на боку.

Анна сразу поняла, почему Гель счелъ нужнымъ запастись рожками. Теперь, когда она уже не сидѣла въ глубинѣ колымаги, ей было гораздо легче закричать и позвать людей на помощь, и поэтому онъ заранѣе принялъ мѣры, чтобы заглушить ея крики. Вся эта шумная ватага должна была навести свидѣтелей на мысль, что это — просто веселая компанія, которая выпила больше, чѣмъ слѣдуетъ, и поэтому несется мимо съ гикомъ и шумомъ. Присутствіе женщины въ данномъ случаѣ никого не могло удивить, такъ какъ въ тѣ времена находились нерѣдко женщины, раздѣлявшія самыя шумныя увеселенія мужчинъ.

Зато Анна не могла понять сначала, почему Гель счелъ нужнымъ взять ее на свою лошадь, вмѣсто того, чтобы посадить ее отдѣльно на другую лошадь. Ей и въ голову не приходило, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы въ случаѣ кроваваго столкновенія съ Барнетомъ и его людьми она не попала въ руки Рум-

нея, который несомнѣнно будетъ сторожить ее, такъ какъ очевидно горитъ желаніемъ обладать ею. Привязанная къ его сѣдлу, она всегда будетъ находиться подъ его защитой, и если ему придется спасаться бѣгствомъ, онъ можетъ быть увѣренъ, что она останется все же въ его власти. Если ему будетъ грозить неминуемая опасность быть убитымъ, онъ всегда сумѣетъ во время разрѣзать веревку, которой она была привязана къ нему, и она сможетъ во всякое время воспользоваться тогда своей свободой.

Что касается Френсиса, то благоразумнѣе всего было, конечно, привязать его къ Антонію, такъ какъ, благодаря своей смѣлости и рѣшительности, онъ былъ способенъ на самый отчаянный шагъ, только бы спасти свою госпожу.

Ровно въ восемь часовъ они покинули сломанный экипажъ, а въ девять уже въѣзжали въ городъ Скитонъ. Гель рѣшилъ попробовать, хорошо ли поняты его инструкціи, и затрубилъ въ свой рогъ; моментально всѣ остальные сдѣлали то же самое, при чемъ пустили лошадей вскачь и понеслись, какъ угорѣлые, по улицамъ города, къ удивленію и несказанному испугу жителей этого города, которые долго еще потомъ смотрѣли вслѣдъ этой шумной ватагѣ. Разбойники пришли всѣ сразу въ хорошее расположеніе духа, имъ, повидимому, очень понравилась эта забава, и только одинъ Румней ѣхалъ молчаливый и угрюмый, не дотрогиваясь до своего рожка.

Румней вообще послѣ исторіи съ колымагой находился въ самомъ удрученномъ настроеніи духа, онъ ѣхалъ теперь позади Геля, и Анна, сидѣвшая на лошади бокомъ, все время не спускала съ него глазъ; въ ея взорѣ онъ ясно читалъ удивленіе по поводу того, что онъ до сихъ поръ не предпринимаетъ ничего для ея спасенія. Это положительно выводило его изъ себя, и онъ въ душѣ рѣшилъ по возможности скорѣе оправдать себя въ ея глазахъ.

Они проѣхали такъ довольно долго, вдругъ Румней громко крикнулъ:

— Ребята, стойте, всѣ ко мнѣ!

Разбойники сразу осадили лошадей, большинство изъ нихъ съ удивленіемъ смотрѣло на своего предводителя, но многіе сразу поняли, въ чемъ дѣло, такъ какъ, повидимому, они были уже заранѣе предупреждены. Они вытащили свои сабли и окружили Румнея.

Румней въ одно мгновеніе ока тоже повернулъ свою лошадь и всталъ лицомъ къ Гелю. Тотъ тоже, не долго думая, обнажилъ свой мечъ и громко крикнулъ:

— Что это значитъ, Румней?

— Это значитъ, что вы должны сдаться мнѣ и сложить свое оружіе, — отвѣтилъ Румней очень развязно, повидимому, чувствуя себя наконецъ въ своей сферѣ.

— Неужели вы находите, что это умно—рисковать своею жизнью за то, что все равно по условію должно быть выдано вамъ завтра?—спросилъ Гель.

— Убирайтесь къ чорту съ своими деньгами, хотя, конечно, и онѣ пригодятся, но прежде вы должны выдать мнѣ эту даму, которую вы везете съ собой.

— Скорѣе я повѣшу тебя, негодяй, чѣмъ выдамъ ее!—воскликнулъ Гель.

— Вотъ какъ! Ну, ребята, впередъ, смѣлѣе! — крикнулъ Румней, выхватывая пистолетъ и готовясь стрѣлять изъ него.

Въ ту же секунду произошло сразу два событія: во-первыхъ, Антоній Ундергиль скрестилъ свою шпагу съ первымъ изъ разбойниковъ, который бросился было исполнять приказаніе своего начальства, а, во-вторыхъ, Гель удачнымъ ударомъ своей рапиры выбилъ изъ рукъ Румнея его пистолетъ.

Слѣдующимъ движеніемъ Геля было защититься кинжаломъ отъ кончика меча, направленнаго Румнеемъ прямо ему въ грудь. Анна сидѣла за его спиной, стараясь не выказать невольнаго страха, охватившаго ее. Ея пажъ тоже весь съежился, сидя на сѣдлѣ Антонія, такъ какъ рисковалъ каждую минуту быть проткнутымъ шпагою разбойниковъ, бросившихся на Антонія.

Къ этому времени, однако, Китъ Боттль уже подоспѣлъ на помощь Антонію.

— Ахъ, вы, изверги,—крикнулъ онъ,—неужели вы будете еще слушаться этого разбойника Румнея и станете нападать на моего благороднаго господина и его слугъ? Вѣдь онъ все равно всѣхъ васъ предастъ, какъ онъ когда-то предалъ и меня. Послушайте, Эдуардъ Моретонъ, и ты, честный Джонъ Гатчъ, а также ты, добрякъ Оливеръ Бунчъ, я увѣренъ, что вы окажетесь на нашей сторонѣ и не пойдете противъ насъ.

— А Томъ Коббль?—воскликнулъ Гель, не оглядываясь назадъ, такъ какъ онъ былъ занятъ тѣмъ, что отражалъ яростное нападеніе Румнея. — Я увѣренъ, что Томъ Коббль тоже перейдетъ на нашу сторону и не захочетъ больше служить подъ начальствомъ такого измѣнника и изверга, какъ этотъ Румней.

— Что скажете, товарищи?—воскликнулъ на это Томъ Коббль.—Я перехожу на сторону этого благороднаго господина, не знаю, какъ вы!

— Я тоже! — отвѣтилъ Джонъ Гатчъ, а также и Моретонъ, и Оливеръ Бунчъ, и еще нѣсколько человѣкъ.

— Къ чорту вашего благороднаго господина!—заревѣлъ чей-то грубый голосъ, и большинство разбойниковъ подхватило этотъ крикъ, такъ что ясно стало, что всѣ они остаются на сторонѣ Румнея.

— Хорошо, ребята,—радостно воскликнулъ Румней, лицо котораго было омрачилось при словахъ Кита Боттля:—впередъ же, то-

варищи, и помните, что добыча будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше измѣнниковъ вы убьете.

— Смотри, чтобы тебя самого не убили, негодяй! — крикнулъ ему Мерріотъ, продолжая отражать его яростное нападеніе и стараясь повертываться такъ, чтобы которая нибудь изъ шпагъ не задѣла нечаянно Анны.

Поединокъ между Гелемъ и Румнеемъ продолжался, никто не обращалъ на нихъ вниманія, такъ какъ всѣ были заняты собственнымъ дѣломъ. Разбойники съ трудомъ отражали нападеніе Кита Боттля, Антонія и тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые перешли на сторону Геля; послѣдніе сражались съ отчаянной храбростью, такъ какъ знали, что въ случаѣ побѣды Румнея имъ не сдобровать. Наконецъ, благодаря быстрому и ловкому движенію, Гелю удалось ранить своего противника въ руку, державшую шпагу; тотъ вскрикнулъ отъ боли и быстро осадилъ свою лошадь лѣвой рукой.

Гель бросился впередъ, прямо на него, съ крикомъ:

— Смерть тебѣ, собака!

Румней вообразилъ, что дѣйствительно насталъ его конецъ, и отчаянно вскрикнулъ:

— Сдаюсь, пощадите!

— То-то же!—отвѣтилъ Гель спокойно: — ну, такъ отзови всю эту свору!

— Хорошо, — смиренно отвѣтилъ Румней, — эй, вы, ребята, назадъ, сдавайтесь!

Люди его съ удовольствіемъ исполнили его приказаніе, такъ какъ дѣла ихъ были далеко не блестящи, и обѣ стороны пострадали почти одинаково.

— А теперь, Румней,—воскликнулъ Гель громкимъ голосомъ,— можете возвращаться назадъ своей дорогой и не попадайтесь мнѣ больше на глаза. Тѣ изъ людей, которые перешли на мою сторону, могутъ ѣхать со мной, остальные проваливайте, куда хотите.

Разбойники молча и угрюмо повиновались Гелю и одинъ за другимъ, здоровые и раненые, потихоньку стали отъѣзжать въ сторону, и только люди, оставшіеся вѣрными Гелю, не трогались пока еще съ мѣста.

Гель молча слѣдилъ за тѣмъ, какъ Румней и его люди скрылись за поворотомъ дороги; потомъ онъ обернулся къ Аннѣ и сказалъ ей:

— Надѣюсь, сударыня, вы остались живы и невредимы, вашъ пажъ, кажется, тоже не пострадалъ нисколько.

Анна ничего не отвѣтила на это, и всѣ молча поѣхали дальше.

— Какъ я радъ, что отдѣлался отъ Румнея и его людей!—сказалъ Гель.

— Да, хорошо было бы, если бы мы «дѣйствительно» отдѣлались отъ него,—проворчалъ Боттль.

XVI.

Фоксбай Холлъ.

Только что описанный случай произошелъ утромъ, въ субботу, 7 марта, на четвертый день бѣгства Геля. Кавалькада Геля состояла теперь изъ него самого, Антонія, Боттля, двухъ плѣнниковъ, Моретона, Тома Коббля, Оливера Гатча, Джона Бунча и нѣсколькихъ другихъ лицъ. Раненые стоически переносили свои страданія, раны ихъ были кое-какъ перевязаны тряпками, и здоровые ѣхали около раненыхъ, чтобы оказывать имъ помощь и поддержку.

Мерріотъ проѣхалъ уже двѣсти миль отъ Флитвуда въ три съ половиною дня, т.-е. дѣлалъ почти по шестидесяти миль въ день, несмотря на всѣ задержки и приключенія, но съ тѣхъ поръ, какъ пошелъ снѣгъ, дорога совершенно испортилась, и поэтому вернуться назадъ отсюда въ Флитвудъ можно было также никакъ уже не раньше трехъ дней съ половиной, и такимъ образомъ, если бы бѣглецы были настигнуты теперь преслѣдователями, то все же сэръ Валентинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ семь дней. Еще полтора дня, и десять дней, необходимые для полнаго его выздоровленія, были налицо.

Что касается Рогера Барнета, онъ подвигался впередъ тоже медленно, какъ это и предполагалъ Гель, такъ какъ ему нигдѣ нельзя было запастись свѣжими лошадьми, и къ тому же въ Клоунѣ, гдѣ Гель пережилъ такія непріятныя минуты, благодаря мѣстному жандарму, съ нимъ случилось досадное приключеніе. Дѣло въ томъ, что лошадь его была такъ загнана, что въ ту минуту, какъ онъ слѣзалъ съ нея, она не выдержала усталости и пала, при чемъ при паденіи придавила Барнета и жестоко зашибла ему ногу, такъ что ему пришлось пролежать въ пивной нѣсколько часовъ подъ рядъ, прежде, чѣмъ онъ былъ опять въ состояніи двинуться дальше въ путь, и то съ страшной болью, которую онъ, однако, переносилъ съ большимъ героизмомъ. Гель, конечно, не могъ знать объ этомъ случаѣ, столь благопріятномъ для него, и поэтому удивлялся тому, что до сихъ поръ еще Барнетъ не могъ догнать его. Чтобы не дать ему сбиться съ слѣда, Гель нарочно приказывалъ своимъ людямъ шумѣть какъ можно больше и даже трубить въ рога, проѣзжая большіе города, чтобы хоть этимъ привлечь къ окнамъ жителей, которые всѣ попрятались по домамъ, благодаря ужасной погодѣ. И дѣйствительно, этотъ шумъ и дикіе крики привлекали общее вниманіе, и еще долго всѣ смотрѣли вслѣдъ странной группѣ всадниковъ, среди которыхъ находилась одна женщина.

Все время Анна сидѣла молча и неподвижно, закутавшись въ свой плащъ и опустивъ капюшонъ низко на голову. Она также молча принимала пищу, которую Китъ Боттль приносилъ ей по знаку Геля. Сначала Гель обращался къ ней съ короткими вопросами, но, такъ какъ она не отвѣчала ему, онъ только молча посматривалъ на нее, недоумѣвая въ душѣ, рѣшила ли она наконецъ покориться своей судьбѣ, или сидитъ и молчитъ, такъ какъ занята придумываніемъ какого нибудь новаго коварнаго плана.

Китъ Боттль все время держался вблизи раненыхъ и заботливо освѣдомлялся, какъ они себя чувствуютъ, наконецъ, онъ подъѣхалъ къ Гелю и сказалъ ему шопотомъ:

— Нѣкоторые изъ раненыхъ такъ плохи, что ихъ необходимо сейчасъ же уложить на время въ постель: они не могутъ ѣхать дальше при такой погодѣ.

— Но куда же намъ положить ихъ? Гдѣ мы можемъ ихъ пристроить?—сказалъ также тихо Гель.—Вѣдь въ тѣхъ домахъ, гдѣ они могутъ быть приняты, и гдѣ мы можемъ оставить ихъ въ полной безопасности, навѣрное знаютъ также и Румнея, и поэтому онъ легко можетъ найти ихъ тамъ, а тогда имъ плохо придется, въ этомъ невозможно сомнѣваться.

— Да, это вѣрно,—отвѣтилъ Боттль задумчиво:—но вотъ въ чемъ дѣло. Я только что разговаривалъ съ Оливеромъ, и онъ разсказывалъ мнѣ, что служилъ раньше здѣсь въ окрестности въ одномъ французскомъ семействѣ, которое эмигрировало за границу; все имущество ихъ, кажется, конфисковано, но домъ, гдѣ они жили, стоитъ еще запертый и пустой до сихъ поръ; мы можемъ свободно остановиться въ немъ, чтобы отдохнуть немного и дать вздохнуть нашимъ раненымъ; называется этотъ домъ—Фоксбай Холлъ.

— Но если домъ запертъ, какъ же мы попадемъ въ него?—спросилъ Гель.

— Видите ли, въ чемъ дѣло: у Оливера есть ключъ отъ маленькой боковой двери, онъ спряталъ его тамъ гдѣ-то въ стѣнѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ нечего и разговаривать: надо ѣхать скорѣе, чтобы быстрѣе очутиться тамъ.

Они погнали лошадей и скоро прибыли къ тому мѣсту, гдѣ издали виднѣлся домъ, о которомъ говорилъ Китъ Боттль. Съ одной стороны дорога здѣсь граничила съ лѣсомъ, съ другой стороны шла длинная деревянная изгородь, за которой сначала виднѣлось поле, а затѣмъ уже длинная каменная стѣна, позади нея возвышались деревья столѣтняго парка. По серединѣ стѣны виднѣлась небольшая калитка. Оливеръ остановился передъ ней, всѣ послѣдовали его примѣру.

Гель сошелъ съ лошади и посмотрѣлъ въ калитку, которая распахнулась отъ перваго его прикосновенія. Онъ увидѣлъ прямо передъ собой огромное зданіе, отъ главнаго фронта котораго шли два длинныхъ боковыхъ флигеля, образовавшихъ какъ бы, въ

общемъ, три стѣны вокругъ квадратнаго большого двора. Съ четвертой стороны шла низкая терраса, спускавшаяся прямо къ дорогѣ, гдѣ виднѣлась опять другая, тоже очень низкая стѣна.

Главное зданіе было построено отчасти изъ дерева, отчасти изъ кирпича, на обоихъ флигеляхъ виднѣлись высокія затѣйливыя башенки. Окна главнаго зданія были высокія, узкія и заостренныя сверху, во флигеляхъ они были тоже высоки, но гораздо шире и квадратнѣе. Впереди виднѣлась высокая готическая дверь, а въ одномъ изъ флигелей, почти незамѣтно для глаза, находилась другая крошечная дверь.

Въ серединѣ двора помѣщался бассейнъ, а вокругъ террасы росли высокія стройныя деревья.

— Весьма гостепріимный видъ у этого домика,—замѣтилъ Гель,— но только онъ отстоитъ довольно далеко отъ дороги. Если Барнетъ появится на дорогѣ, врядъ ли мы успѣемъ выѣхать отсюда со двора.

— Это пустяки, сударь,—вмѣшался Оливеръ въ разговоръ:— тамъ дальше конюшни, ихъ отсюда не видно, но отъ нихъ идетъ прямая дорога прямо на большую проѣзжую дорогу, и надо только знать ее, а затѣмъ уже можно быть спокойнымъ, что никто не догонитъ насъ, разъ мы выѣхали на нее.

— Въ такомъ случаѣ, чѣмъ скорѣе мы попадемъ въ этотъ домъ, тѣмъ лучше. Отыскивай скорѣе ключъ, Оливеръ. Надо надѣяться, что онъ лежитъ еще тамъ, куда ты его спряталъ.

Толстякъ, не теряя ни минуты, быстро слѣзъ съ своей лошади и исчезъ во дворѣ. Черезъ нѣсколько минутъ маленькая дверь во флигелѣ распахнулась, и онъ появился въ ней сіяющій и довольный.

— Ну, вотъ и прекрасно!—воскликнулъ Гель.—Надо будетъ занять одно изъ оконъ въ башенкѣ, оттуда видно всю дорогу. Если Барнетъ подъѣдетъ, мы увидимъ его еще издали.

— Антоній, позаботься о лошадяхъ,—сказалъ Гель.—Оливеръ, покажите ему, гдѣ конюшни. Томъ Коббль, пожалуйста, заботьтесь теперь вы объ этомъ юношѣ. Моретонъ пусть поможетъ нести раненыхъ, а Боттль можетъ отправиться въ башенку и найти тамъ окно, изъ котораго видна будетъ вся дорога. А васъ, сударыня, я попрошу сойти съ лошади и послѣдовать за мной въ домъ.

Гель, говоря это, быстро развязалъ веревку, которою Анна была привязана къ нему, соскочилъ самъ съ лошади и помогъ ей спуститься на землю. Она приняла его услугу молча, почти машинально.

Въ большой комнатѣ, куда они вошли, находился огромный красивый каминъ, стѣны были украшены коврами и увѣшаны оружіемъ, въ углу стоялъ огромный буфетъ. Мерріотъ усѣлся съ Анной на одной изъ стоящихъ здѣсь скамеекъ и молча слѣдилъ за тѣмъ, какъ приносили раненыхъ и устраивали ихъ на полу въ сосѣдней комнатѣ. Къ тому времени, какъ Антоній и Оливеръ верну-

лись въ комнату, Гель уже составилъ свой планъ дѣйствій на нѣсколько ближайшихъ часовъ. Все это время они ѣхали такъ быстро, что онъ рѣшилъ, что они спокойно могутъ провести цѣлую ночь въ этомъ домѣ.

До сихъ поръ его все время заботила мысль, гдѣ проведетъ эту ночь Анна. Ему не хотѣлось, чтобы она провела ее подъ открытымъ небомъ, и теперь онъ успокоился на этотъ счетъ и съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что на слѣдующій день кончается его миссія, и онъ будетъ свободенъ и можетъ поступать, какъ хочетъ; только мысль о разлукѣ съ Анной слегка огорчала его, но такъ какъ въ данную минуту у него было слишкомъ много заботъ, лежащихъ на немъ одномъ, то онъ и откинулъ на время эту мысль и всецѣло предался своей роли.

Онъ узналъ отъ Оливера, что недалеко отъ того мѣста, гдѣ паркъ граничитъ съ большой дорогой, находится маленькая гостиница, и послалъ туда Антонія за провизіей; въ случаѣ неожиданной тревоги Антоній долженъ былъ встрѣтиться со своими, такъ какъ и они поѣхали бы черезъ паркъ кратчайшей дорогой.

Затѣмъ Мерріотъ распорядился послать своихъ людей за хворостомъ, чтобы развести огонь въ каминѣ внизу въ общей комнатѣ, а затѣмъ въ каминѣ въ одной изъ комнатъ наверху, которую онъ по указанію Оливера выбралъ для Анны, и наконецъ еще въ каминѣ третьей комнаты, которая являлась проходной для той, гдѣ должна была находиться Анна.

Гель самъ проводилъ свою безмолвную плѣнницу въ назначенную для нея комнату и безъ всякой просьбы съ ея стороны приказалъ Френсису быть готовымъ услуживать ей, но при этомъ такъ, чтобы она слышала, громко сказалъ Тому Кобблю, чтобы онъ неотлучно все время находился въ смежной комнатѣ, гдѣ топился каминъ, и слѣдилъ бы оттуда за каждымъ шагомъ пажа, которому нельзя довѣрять. Анна все это выслушала молча, затѣмъ сдѣлала Френсису знакъ слѣдовать за собой и направилась къ себѣ въ комнату.

Гель отправился затѣмъ искать комнату себѣ и выбралъ себѣ комнату въ томъ флигелѣ, гдѣ находился Боттль. Такъ какъ Гель изъ своего окна могъ прекрасно видѣть всю дорогу, онъ отослалъ Боттля внизъ къ остальнымъ, при чемъ посовѣтовалъ ему лечь сейчасъ же спать, а самъ остался караулить у окна до возвращенія Антонія, который долженъ былъ смѣнить его.

Время тянулось безконечно долго, и только, когда уже стало смеркаться, на горизонтѣ наконецъ появился Антоній, нагруженный всякими съѣстными припасами. Часть ихъ Гель оставилъ себѣ и Аннѣ, а бо̀льшую часть отослалъ своимъ людямъ, которые сильно проголодались за это время. Анна, освѣживъ свое лицо водой, принесенной ей услужливымъ Френсисомъ, вышла затѣмъ

въ общую комнату, гдѣ находился какъ разъ Гель, и къ его удивленію согласилась раздѣлить съ нимъ его скромную трапезу; потомъ они очень миролюбиво раскланялись, и каждый отправился въ свою комнату, чтобы отдохнуть.

XVII.

Побѣда женщины.

Пронзительный свистъ разбудилъ вдругъ Мерріота, онъ вскочилъ на ноги, прошло, вѣроятно, уже нѣсколько часовъ, какъ онъ спалъ, огонь въ каминѣ почти догорѣлъ, свистъ повторился, кто-то свистѣлъ на дорогѣ подъ самымъ окномъ. Мерріотъ открылъ окно, и въ комнату ворвалась струя холоднаго воздуха вмѣстѣ съ снѣгомъ и вѣтромъ. На дорогѣ виднѣлся темный силуэтъ Антонія на лошади.

— Въ чемъ дѣло, Антоній?—спросилъ Мерріотъ.

— Съ юга подвигается группа всадниковъ. Я видѣлъ, какъ они ѣхали сюда и затѣмъ остановились въ гостиницѣ недалеко отъ нашего дома, чтобы провести, вѣроятно, тамъ ночь, а, можетъ быть, для того, чтобы достать тамъ свѣжихъ лошадей.

— Какъ ты думаешь: это—Барнетъ и его люди?

— Трудно сказать: такъ темно, что невозможно ничего различить, можетъ быть, это Барнетъ съ своими людьми, а, можетъ быть, также, что это Румней съ своими разбойниками.

— Во всякомъ случаѣ, они не думаютъ ночевать въ этой гостиницѣ, такъ какъ городъ вѣдь въ четырехъ миляхъ отсюда; они остановились въ ней только, чтобы разспросить о насъ, и, конечно, они въ скоромъ времени догадаются, гдѣ мы, такъ какъ скрыть это довольно трудно.

— Да, вѣроятно, такъ. Я слышалъ—часы пробили одиннадцать, и думаю, что лучше всего теперь же тронуться намъ дальше въ путь,—замѣтилъ Антоній.

— Въ такомъ случаѣ отправляйся внизъ, Антоній, и подними нашихъ людей, а затѣмъ распорядись, чтобы вывели лошадей изъ конюшни. Мы постараемся проѣхать по большой дорогѣ, чтобы тамъ видны были наши слѣды. Но если эти таинственные незнакомцы пріѣдутъ сюда раньше, чѣмъ мы успѣемъ выбраться, то, конечно, намъ придется ѣхать черезъ паркъ.

— Но что же дѣлать съ ранеными?

— Тѣ изъ нихъ, которые не въ состояніи ѣхать съ нами, могутъ остаться здѣсь въ одномъ изъ флигелей, и пусть Джонъ Гатчъ останется съ ними. Я дамъ ему денегъ на всѣ ихъ нужды. Распорядись обо всемъ, Антоній. Я тоже сейчасъ спущусь внизъ.

Антоній пошелъ исполнять приказанія своего господина, а Гель разбудилъ Тома Кобб ля и Френсиса и велѣлъ имъ спуститься внизъ, гдѣ собрались всѣ остальные; затѣмъ онъ подошелъ къ дверямъ комнаты Анны и тихонько постучалъ въ нее.

Онъ подождалъ отвѣта, но все было тихо; онъ постучалъ во второй разъ.

— М-съ Хезльхёрстъ,—произнесъ Гель довольно громко,—намъ пора отправляться дальше въ путь.

Кругомъ царило глубокое молчаніе. Геля охватилъ вдругъ смутный страхъ: ему стало жутко за Анну, за исходъ своей миссіи. Неужели что нибудь случилось съ ней?

— Сударыня,—сказалъ онъ уже громче,—я попрошу васъ встать, время не терпитъ, мы должны ѣхать дальше!

Все было тихо. Мерріотъ не выдержалъ и, откинувъ въ сторону всякія церемоніи, быстро распахнулъ дверь и вошелъ въ комнату.

Въ комнатѣ еще догоралъ каминъ, огонь его ярко освѣщалъ кровать, гдѣ должна была спать Анна. Она и лежала тамъ, неподвижно устремивъ широко раскрытые глаза на уголья въ каминѣ.

При видѣ Мерріота она быстро соскочила съ кровати и хотѣла сдѣлать шагъ по направленію къ нему, но силы вдругъ измѣнили ей, и она пошатнулась, такъ что онъ только съ трудомъ успѣлъ поддержать ее. Она безсильно прислонилась къ нему, и съ губъ ея сорвался жалобный стонъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ ее Мерріотъ тревожно.

Она тихонько высвободилась изъ его рукъ и, покачиваясь, съ трудомъ направилась въ другую комнату, гдѣ и остановилась, ухватившись обѣими руками за столъ, чтобы не упасть.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ опять Мерріотъ, бросаясь къ ней на помощь и поддерживая ее, чтобы она не упала.

— Не знаю, что со мной,—сказала она слабымъ голосомъ:—мнѣ очень худо, мнѣ кажется, что я умру.

И она прислонилась головкой къ его плечу, какъ будто силы совершенно измѣнили ей.

Мерріотъ, совершенно растерянный отъ этой неожиданности, не зналъ, что сказать, и только нѣжно прижималъ ее къ себѣ.

Она судорожно держалась за него, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Какъ здѣсь холодно!—прошептала она чуть слышно.

— Сударыня, это только минутная слабость,—произнесъ Мерріотъ съ трудомъ:—это пройдетъ, соберитесь съ силами, прошу васъ. Я не могу больше медлить, мои люди ждутъ насъ уже во дворѣ, мы должны сейчасъ же спуститься къ нимъ.

— Вы хотите моей смерти,—прошептала она, и по лицу ея пробѣжала судорога, какъ будто отъ сильной сдерживаемой боли; она еще тяжелѣе оперлась на руки Мерріота.

— Но что же мнѣ дѣлать?—пробормоталъ онъ.—Послушайте, соберитесь съ силами, подойдемте къ окну, свѣжій воздухъ приведетъ васъ опять въ себя.

Онъ открылъ окно и подвелъ ее къ нему; она содрогнулась отъ холоднаго, рѣзкаго вѣтра.

— Этотъ холодъ убьетъ меня,—прошептала она:—снѣгъ леденитъ мою кровь.

— Но вѣдь у васъ совершенно теплое лицо,—проговорилъ онъ, осторожно дотронувшись рукой до ея лба.

— Тѣло мое горитъ, и, несмотря на это, мнѣ холодно до глубины души,—отвѣтила она.

— Но вѣдь и руки у васъ совершенно теплыя,—сказалъ онъ, осторожно пожимая ея ручки.

Она не отворачивала своего лица, которое почти прикасалось съ его лицомъ, и не отнимала своихъ рукъ, и хотя тѣло ея дрожало, она все же продолжала еще прижиматься къ нему.

— Я чувствую себя очень плохо, я навѣрно умру,—повторила она:—я не могу и думать о томъ, чтобы ѣхать дальше.

— Но вѣдь вамъ уже лучше, и голосъ вашъ уже не такъ слабъ, какъ вначалѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вы уже будете въ состояніи ѣхать дальше.

— Я упаду съ лошади. Послушайте, сударь, вы называете себя дворяниномъ и честнымъ человѣкомъ и, между тѣмъ, хотите тащить умирающую больную женщину по такой погодѣ, въ эту темную, ненастную ночь. Если я еще стою на ногахъ, такъ только оттого, что я еще думаю умолить васъ пощадить меня и оставить меня въ покоѣ.

И, говоря это, она обѣими руками обвила его шею, какъ бы для того, чтобы не упасть отъ слабости.

— Но, сударыня, неужели вы не понимаете, какъ дорога мнѣ каждая минута? Цѣлая группа всадниковъ остановилась въ ближайшей гостиницѣ, каждую секунду они могутъ быть здѣсь. Можетъ быть, это Барнетъ съ своими людьми, можетъ быть, это Румней и его разбойники, во всякомъ случаѣ, мы не можемъ больше медлить, и хотя мнѣ безконечно жалко васъ, но все же вы должны собраться съ силами и ѣхать дальше со мной.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте одни и оставьте меня здѣсь.

— Я не смѣю оставить васъ здѣсь. Если Рогеръ Барнетъ пріѣдетъ сюда и найдетъ васъ здѣсь...—онъ не кончилъ своей фразы, но про себя подумалъ, что въ такомъ случаѣ Барнетъ немедленно догадается, въ чемъ дѣло, и сейчасъ же помчится обратно въ Флитвудъ.

— Но вѣдь, если вы возьмете меня съ собой:—сказала она:—я могу умереть по дорогѣ.

Мысль эта привела Мерріота въ отчаяніе. Онъ не могъ представить себѣ, что эта прелестная женщина вдругъ будетъ лежать мертвая и неподвижная на его рукахъ.

— Но вѣдь вы преувеличиваете опасность,—сказалъ онъ:—вы навѣрное можете сѣсть на лошадь. Я посажу васъ передъ собой и буду васъ поддерживать все время. Дѣлать нечего, но я долженъ все же пустить въ ходъ опять силу.

— Вы готовы желать моей смерти, только бы спастись самому,—сказала она съ горечью.

— Я забочусь не о себѣ,—сказалъ онъ,—а забочусь о другомъ, которому чрезвычайно важно, чтобы я спасся отъ своихъ преслѣдователей.

— Въ такомъ случаѣ спасайтесь сами и оставьте меня здѣсь,—и она сдѣлала слабую попытку освободиться отъ его объятій.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнулъ онъ, еще крѣпче сжимая ее,—ради васъ самихъ я уже не смѣю оставить васъ здѣсь. Вѣдь эти всадники могутъ быть Румней съ его людьми,—подумайте, что будетъ, если вы попадетесь имъ въ руки.

— Пусть я попадусь имъ въ руки!—воскликнула она:—вѣдь для васъ же будетъ лучше, если Румней найдетъ меня здѣсь. Вы знаете, что онъ пріѣхалъ теперь за мной, и если я буду въ его власти, онъ не станетъ гнаться за вами.

— Какъ, неужели вы согласны попасть въ руки этого негодяя? Но развѣ вы не знаете?...

— Да, конечно, я знаю все, я прекрасно понимаю, на что способенъ этотъ негодяй, но какой же выборъ остается мнѣ? Я не могу ѣхать съ вами. Неужели вы потащите меня съ собой и этимъ ускорите мою смерть? Нѣтъ, я останусь здѣсь, и если вы хотите ѣхать, то должны бросить меня на произволъ судьбы.

И совершенно неожиданно для него она вдругъ быстро выскользнула изъ его объятій, прислонилась къ стоявшему недалеко отъ нихъ комоду и обѣими руками уцѣпилась за него. Гель сейчасъ же бросился за ней и хотѣлъ приподнять ее, но она съ такой силой держалась за комодъ, что онъ не рисковалъ оторвать ее отъ него, чтобы не причинить ей боли.

И вслѣдъ затѣмъ она вдругъ стала стонать и рыдать такъ горько, что Гель наконецъ тоже пришелъ къ тому убѣжденію, что она дѣйствительно врядъ ли въ состояніи ѣхать теперь верхомъ. Онъ быстро подошелъ къ окну, закрылъ его и затѣмъ обратился къ ней и сказалъ:

— Сударыня, что же я теперь буду дѣлать? Вѣдь, если вы дѣйствительно заболѣли вслѣдствіе всѣхъ перенесенныхъ вами передрягъ, такъ вы еще не скоро оправитесь, вамъ нуженъ покой и отдыхъ, я же не могу оставаться съ вами.

— Въ такомъ случаѣ не оставайтесь, оставьте меня одну.

— Хотите, я оставлю вамъ своихъ людей? Они защитятъ васъ.

— И моего пажа тоже? Но вѣдь онъ не достаточно силенъ, чтобы защищаться противъ Румнея и его людей.

— Въ такомъ случаѣ я оставлю вамъ тѣхъ изъ людей, которые присоединились къ намъ изъ шайки Румнея.

— Конечно, эти несчастные раненые останутся со мной, такъ какъ они не могутъ ѣхать дальше. Остальные четверо останутся здѣсь, пока не увидятъ вдали Румнея; тогда они сбѣгутъ или останутся тоже здѣсь, но погибнутъ всѣ отъ его мстительной руки.

— Но если я оставлю при нихъ Боттля и Антонія?

— Да, конечно, если эти всадники окажутся гонцами королевы, для васъ будетъ лучше, если ваши вѣрные слуги погибнутъ, а вы сами спасетесь.

— Сударыня, я не заслужилъ этой насмѣшки. Вѣрьте мнѣ, что я не трушу за свою жизнь, а спасаю чужую, впрочемъ вы вѣдь ничего не знаете объ этомъ. Какъ жаль, что это еще не завтрашній вечеръ, тогда бы увидѣли, какъ мало я берегу собственную жизнь. Но еще въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ я не имѣю права располагать собою.

Анна не обратила никакого вниманія на его слова, смыслъ которыхъ ей остался не понятенъ.

— Почему же вы остаетесь здѣсь?—спросила она—Развѣ я прошу васъ оставаться изъ-за меня? Уѣзжайте и берите съ собой своихъ людей: они навѣрное вамъ еще понадобятся.

— Да, это вѣрно, — отвѣтилъ Мерріотъ, думая только о томъ, что дѣйствительно слѣды трехъ людей замѣтнѣе, чѣмъ слѣды одного.

— Ваши оба спутника—здоровые и сильные люди,—продолжала Анна,—но врядъ ли они станутъ защищать меня ради меня самой: этотъ пуританинъ дѣйствуетъ только по вашему приказанію.

— Это вѣрно,— пробормоталъ Гель разсѣянно.—Противъ цѣлой шайки разбойниковъ шесть человѣкъ ничего не подѣлаютъ, особенно, если имъ приходится сражаться только для того, чтобы защитить слабую женщину: на это способенъ только дворянинъ. А тотъ дворянинъ, который рискуетъ своею жизнью ради женщины, непремѣнно разсчитываетъ на то, что она вознаградитъ его за подобную преданность, въ которой высказалась вся его любовь къ ней.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Она ни единымъ звукомъ не выдала своихъ чувствъ, охватившихъ ее при этомъ первомъ открытомъ признаніи въ любви съ его стороны; изъ этого онъ могъ убѣдиться въ томъ, что признаніе это не явилось для нея неожиданнымъ.

— Какъ безжалостна ко мнѣ судьба! — заговорила она вдругъ тихимъ, прочувствованнымъ голосомъ.—Только вы одинъ, какъ истый джентльменъ, готовы защищать меня до послѣдней капли крови, только

вы съ своимъ благороднымъ и мужественнымъ сердцемъ могли бы устоять противъ всѣхъ опасностей и побѣдить ихъ, только вы при своемъ умѣніи ладить съ этими людьми сумѣли бы заставить ихъ выступить въ мою защиту, только ваше присутствіе здѣсь могло бы меня спасти отъ этого негодяя, но судьба такъ жестока, что вы должны оставить меня, чтобы спастись самому, такъ не медлите же и уѣзжайте и предоставьте меня моей судьбѣ.

Она кончила почти шопотомъ и лежала неподвижная и блѣдная, какъ бы не въ силахъ даже думать о томъ, что ей предстоитъ.

— Сударыня, — воскликнулъ Гель внѣ себя, — развѣ я могу еще выбирать? Если это Румней съ своими людьми, я не могу оставить васъ одну и уйти самому. Если же это гонцы королевы, я не могу оставаться съ вами. Неужели вы дѣйствительно не можете проѣхать еще немного верхомъ? Неужели это невозможно? Постарайтесь собраться съ силами, переломите себя и встаньте.

Вмѣсто отвѣта она только безнадежно улыбнулась и промолчала.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія, — сказалъ онъ отрывисто и, круто повернувъ, пошелъ къ дверямъ.

Тихій стонъ остановилъ его, онъ обернулся и посмотрѣлъ на нее; сердце его, переставшее почти биться, когда онъ такъ рѣшительно отошелъ отъ нея, забилось вдругъ съ удвоенной силой.

Она не смотрѣла на него и не перемѣнила своей позы, но при свѣтѣ огня видно было, что на глазахъ ея стоятъ слезы.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее, а она тихо всхлипывала, какъ бы покорно приготовляясь къ ужасной судьбѣ, ожидавшей ее, — къ тому, что она будетъ оставлена совершенно одна въ пустомъ домѣ и во власти негодяя, отъ котораго ей нечего ждать пощады.

Когда Мерріотъ, не помня себя, бросился опять къ ней, по лицу ея уже струились ручьи слезъ.

— Сударыня, — сказалъ онъ, бросаясь передъ ной на колѣни и осторожно прикасаясь къ ея опущенной рукѣ, — не бойтесь, я останусь съ вами, хотя я рискую своею жизнью и измѣняю дѣлу, которому посвятилъ всѣ свои силы, но я не могу оставить васъ въ такомъ безпомощномъ положеніи. Пусть проститъ меня Богъ, пусть простятъ меня тѣ, ради которыхъ я рисковалъ жизнью всѣ эти четыре дня; пусть простятъ меня мои предки, которые не измѣняли никогда данному слову ни изъ боязни передъ другими, ни изъ любви къ женщинѣ. Но я люблю васъ! Я дорого плачу за право держать васъ въ своихъ объятіяхъ, я люблю васъ!

Онъ отпустилъ ея руки и обвилъ ея станъ, она не только не сопротивлялась, но даже обѣими руками обняла его за шею. Она уже не плакала, но на щекахъ ея виднѣлись еще слезы, и ноздри ея слегка раздувались, личико ея такъ близко наклонилось къ нему, что губы ея почти касались его губъ. И когда онъ сталъ безумно цѣловать ихъ, она не выказала ни малѣйшаго сопротивленія.

— О божество мое! — шепталъ онъ, не помня себя, стараясь заглянуть въ ея глаза, въ которыхъ онъ читалъ отраженіе того, что такъ краснорѣчиво говорили его собственные:—никогда не думалъ я, что окажусь такъ слабъ и въ то же время испытаю столько радости. Хотя я рискую своею жизнью и своей миссіей, но въ эту минуту я ни о чемъ не жалѣю. Въ эту минуту ты меня любишь, не такъ ли? Иначе всѣ поцѣлуи на свѣтѣ лгутъ, и всѣ глаза также лгутъ. Скажи мнѣ сама, дорогая, правда ли, ты любишь меня, или это все прекрасный сонъ?

— Неужели вы хотите, чтобы уста мои повторили словами то, что уже выразили на дѣлѣ?—отвѣтила она шопотомъ, какъ будто едва владѣя собой.

— Я не убивалъ твоего брата,—продолжалъ онъ, все еще глядя ей въ глаза.—Этому ты должна вѣрить, но мнѣ кажется, что даже если бы насъ раздѣляла кровь твоего брата, такъ и то ты все же должна была бы любить меня.

Она ничего не отвѣчала, и когда онъ опять хотѣлъ заговорить, она прижалась своими устами къ его устамъ и такимъ образомъ заставила его замолчать.

Потомъ, вдругъ, по мановенію ока, она изо всей силы оттолкнула его отъ себя и осталась стоять, прислушиваясь къ чему-то.

XVIII.

Прибытіе всадниковъ.

По дорогѣ слышенъ былъ топотъ конскихъ копытъ. Мерріотъ быстро поднялся съ колѣнъ, обернулся и пошелъ навстрѣчу Боттлю, входившему въ дверь.

— Все готово къ отъѣзду, сэръ, — сказалъ Боттль.

— Мы никуда не поѣдемъ, — спокойно отвѣтилъ Мерріотъ, стараясь не выдать своего волненія. — Мы останемся здѣсь всю ночь и, можетъ быть, еще дольше.

— Останемся здѣсь?—спросилъ Китъ, съ удивленіемъ глядя на Мерріота.

— Пусть Антоній отведетъ лошадей обратно въ конюшни, а затѣмъ...—Мерріотъ чувствовалъ, что удивленіе Боттля было такъ велико, что онъ долженъ дать ему какія нибудь объясненія относительно такой быстрой перемѣны своего рѣшенія, и поэтому, ни минуты не медля, онъ прибавилъ рѣшительно:—а затѣмъ мы должны приготовить здѣсь все, чтобы выдержать въ этомъ домѣ осаду. Иди внизъ и пошли сюда Френсиса и Тома Коббля, а всѣ остальные пусть ждутъ моихъ приказаній.

Китъ исчезъ, онъ сразу понялъ теперь намѣреніе Мерріота. Слово «осада» объяснило ему все. Десять дней были необходимы для спасенія сэра Валентина; прошло уже четыре дня, четыре еще понадобятся, чтобы вернуться обратно въ Флитвудъ, и такимъ образомъ надо обезпечить себѣ еще только всего два дня. Если удастся удержаться въ этомъ домѣ въ продолженіе двухъ дней, миссія ихъ будетъ исполнена, и сэръ Валентинъ спасенъ.

Но что же потомъ будетъ съ Гелемъ и со всѣми ими? Теперь не время было думать объ этомъ, прежде всего надо было заручиться этими двумя днями.

Анна, въ свою очередь, не знавшая ничего объ этихъ знаменательныхъ десяти дняхъ, радовалась тому, что задержала Геля и такимъ образомъ дала его преслѣдователямъ возможность догнать его, т.-е. достигла цѣли, къ которой стремилась и ради которой вынесла столько за послѣдніе дни. Она лежала неподвижно, ни единымъ движеніемъ не выдавая того, что происходило въ ней въ эту минуту.

— А теперь, сударыня,—сказалъ Гель, обращаясь къ ней:—скажите мнѣ, что я могу сдѣлать для васъ. Я не умѣю обращаться съ больными. Можетъ быть, кто нибудь изъ моихъ людей сумѣетъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она соннымъ голосомъ:—мнѣ нуженъ только отдыхъ и покой. Вся моя болѣзнь заключается въ томъ, что я смертельно устала. Единственное средство противъ этой болѣзни—сонъ.

— Перенести васъ на вашу постель?

— Какъ хотите.

Какъ только онъ перенесъ ее въ ея комнату и положилъ на постель, она, казалось, сразу погрузилась въ сонъ, отъ котораго ждала подкрѣпленія своихъ силъ. Онъ посмотрѣлъ немного на нее, но не осмѣлился нарушить ея покоя новой лаской; услышавъ шаги въ сосѣдней комнатѣ, онъ вышелъ туда и увидѣлъ Френсиса и Тома.

— Ваша госпожа спитъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ пажу.— Оставьте дверь къ ней открытой, чтобы вы могли слышать, когда она позоветъ васъ. И ни на одну минуту не выходите изъ этой комнаты. Если что нибудь понадобится, пусть Томъ придетъ сказать мнѣ это.

Затѣмъ онъ быстро спустился внизъ къ людямъ, уже ожидавшимъ его по приказанію Кита. Огонь въ каминѣ ярко горѣлъ, кое-гдѣ виднѣлись зажженные факелы. Мерріотъ, видя, что Антонія и Бунча еще нѣтъ, такъ какъ они отводили лошадей въ конюшню, подождалъ ихъ возвращенія раньше, чѣмъ начать свою рѣчь. Когда они наконецъ пришли и закрыли за собой дверь, онъ подошелъ къ своимъ людямъ и сказалъ имъ:

— Ребята, въ четырехъ миляхъ отъ насъ находится группа всадниковъ: весьма возможно, что это—Румней и его шайка, а, можетъ быть, также, что это—гонцы королевы, посланные сюда съ приказаніемъ

арестовать меня. Если это Румней, самое благоразумное встрѣтить его за стѣнами этого дома, такъ какъ онъ не посмѣетъ напасть на насъ открыто, чтобы не привлечь шерифа и его людей. Если это тѣ, кто задался цѣлью арестовать меня, отъ тѣхъ мнѣ нечего ждать пощады, тѣ будутъ преслѣдовать меня до конца или уморятъ меня голодомъ. Если они увидятъ, что вы являетесь моими помощниками, весьма возможно, что васъ ждетъ за это висѣлица. И поэтому я даю вамъ право сейчасъ же покинуть меня. Я увѣренъ въ томъ, что никто изъ васъ не будетъ такъ низокъ и не воспользуется своей свободой, чтобы предать меня въ руки правосудія, и поэтому я отпускаю всѣхъ тѣхъ, кто пожелаетъ уйти, но уходите сейчасъ. такъ какъ съ той минуты, какъ я стану готовить этотъ домъ къ ожидаемой осадѣ. я застрѣлю всякаго, кто захочетъ выйти изъ него.

Можетъ быть, изъ чувства привязанности къ Мерріоту, можетъ быть, изъ боязни попасть въ руки Румнея или потому, что самое безопасное казалось остаться въ стѣнахъ этого крѣпкаго вѣрнаго убѣжища, но никто изъ присутствовавшихъ не шевельнулся.

— Честные и добрые малые! — воскликнулъ Гель, подождавъ немного: — благодарю васъ отъ всей души. Можетъ быть, мнѣ удастся спасти васъ, если даже меня самого схватятъ. Но теперь къ дѣлу! Боттль, отправляйся сейчасъ на поиски бревенъ и досокъ, пусть Оливеръ поможетъ тебѣ. Если готовыхъ досокъ нѣтъ, руби, что хочешь и чѣмъ хочешь, но чтобы у меня были доски и бревна, которыми мы заколотимъ всѣ окна и двери, доступныя съ улицы. А пока мы займемся тѣмъ, что забаррикадируемъ мебелью все, что можемъ. Когда досокъ будетъ довольно, всѣ станутъ помогать намъ въ нашей работѣ.

— Тамъ около конюшенъ цѣлый складъ бревенъ и досокъ, — сказалъ Оливеръ.

— Прекрасно, въ какую же дверь легче всего внести ихъ?

— Въ маленькую дверь въ кухнѣ, она ближе всего къ конюшнямъ, но она заперта и заложена крюкомъ.

— Въ такомъ случаѣ отопри ее, а зато запри хорошенько дверь въ конюшни, чтобы сохранить нашихъ лошадей. Пусть онѣ тамъ и остаются не разсѣдланными. Мы должны здѣсь продержаться, по крайней мѣрѣ, дня два. А теперь за дѣло, ребята, только раньше выложите вотъ сюда на столъ весь запасъ вашихъ ружей, кинжаловъ и пороха, чтобы я зналъ, сколько у насъ всего этого добра, и хватитъ ли его на все время осады. Слава Богу, что погода такая плохая, это значительно облегчитъ намъ задачу, такъ какъ мы все время будемъ находиться подъ кровлей, а наши преслѣдователи—подъ открытымъ небомъ.

Раненые улеглись опять на полу, здоровые принялись за работу, а Гель и Китъ стали осматривать оружіе и аммуницію.

Кромѣ кинжаловъ и мечей, налицо имѣлось нѣсколько револьверовъ, ружей и пистолетовъ.

Мерріотъ и его помощникъ, окончивъ осмотръ, который вполнѣ удовлетворилъ ихъ, скинули верхнюю одежду и принялись устраивать баррикады у дверей и оконъ при помощи сундуковъ, скамеекъ и столовъ, которые они нашли въ смежныхъ комнатахъ. Затѣмъ стали приносить постепенно и бревна съ досками; они тотчасъ же пошли въ дѣло, и скоро всѣ двери и окна были забаррикадированы, при чемъ оставлены только маленькія отверстія, чтобы можно было просунуть дуло револьвера или ружья.

За этимъ занятіемъ Мерріотъ и его люди провели нѣсколько часовъ подъ рядъ. Когда наконецъ все было кончено, и домъ превратился въ неприступную снаружи крѣпость, Гель почувствовалъ, что падаетъ отъ усталости. Но все же раньше, чѣмъ лечь спать, онъ поднялся наверхъ, чтобы взглянуть на свою плѣнницу и узнать о ея здоровьѣ.

Френсисъ и Томъ спали у дверей ея комнаты, изъ которой доносилось ровное, спокойное дыханіе Анны. Тогда Гель спустился опять внизъ и увидѣлъ, что всѣ улеглись, кто какъ могъ, на полу, и только одинъ Антоній сидѣлъ еще у камина.

— Я теперь пойду спать, Антоній, — сказалъ ему Гель: — по-моему караулить теперь больше нечего, такъ какъ все равно мы отсюда никуда не уйдемъ, а если наши преслѣдователи подъѣдутъ къ дому, они, навѣрное, такъ будутъ шумѣть, что сразу разбудятъ насъ всѣхъ.

— Конечно, они не минуютъ нашего дома, — вмѣшался Китъ Боттль въ разговоръ:—навѣрное они узнаютъ въ городѣ про этотъ пустой домъ и завернутъ сюда, чтобы осмотрѣть его хорошенько, а если сначала и проѣдутъ, пожалуй, мимо, то тотчасъ же вернутся, такъ какъ увидятъ, что слѣды отъ копытъ нашихъ лошадей кончаются здѣсь и дальше не идутъ. Кромѣ того, вѣдь наши лошади въ конюшнѣ тоже не стоятъ спокойно. Когда онѣ заржутъ, ихъ слышно далеко, и, конечно, ихъ присутствіе въ пустомъ домѣ сразу возбудитъ общее вниманіе.

— Ну, мы, во всякомъ случаѣ, готовы теперь къ пріему непрошенныхъ гостей,—сказалъ Гель, прислоняясь къ камину.

— Да, у насъ все есть, оружіе, баррикады, провіантъ,—но Китъ не договорилъ послѣдняго слова и сразу вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный.

— А вѣдь это правда!—воскликнулъ Гель, тоже быстро вскакивая на ноги:—гдѣ же провизія, принесенная Антоніемъ?

— Чортъ возьми аппетитъ этихъ ословъ!—проворчалъ Китъ:—вѣдь намъ, пожалуй, придется поститься за эти два дня.

Гель при мысли, что придется не ѣсть два дня, тотчасъ же почувствовалъ приступъ голода. Ему вспомнилась Анна, и пришла

въ голову мысль, какъ-то она перенесетъ этотъ невольный постъ. Она уже умираетъ отъ усталости,—неужели ей придется умереть отъ голода?

— Мы должны достать еще провизію, — рѣшительно заявилъ Гель.

-- Гдѣ?—спросилъ Боттль коротко.

— Тамъ же, гдѣ мы ее достали вчера. Кто нибудь долженъ тотчасъ же отправиться туда.

— Я пойду,—сказалъ Антоній:—я знаю уже дорогу туда.

— Разбуди хозяина гостиницы и достань намъ провіанта за какую угодно цѣну,—сказалъ ему Гель, протягивая золотую монету.

— Теперь уже разсвѣтаетъ, —отвѣтилъ Антоній:—онъ навѣрное уже встанетъ къ моему приходу.

— Но смотри, не наткнись на непріятеля,—замѣтилъ Гель.

-- Если по своемъ возвращеніи я найду ихъ расположенными вокругъ дома и осаждающими васъ, я брошусь прямо къ одной изъ дверей. Вы можете смотрѣть въ одно изъ верхнихъ оконъ и должны только во-время отперетъ мнѣ эту дверь.

— Да, а потомъ мы опять забаррикадируемъ ее, — сказалъ Гель, — но лучше всего, если ты войдешь въ ту же дверь, черезъ которую выйдешь, чтобы намъ было меньше возни съ ней.

— Въ такомъ случаѣ лучше всего выйти черезъ дверь около конюшенъ,—замѣтилъ Боттль:—такъ какъ Антоній вѣдь все равно поѣдетъ на лошади.

Когда, нѣсколько минутъ спустя, Антоній выѣзжалъ изъ дома, начинало уже разсвѣтать. Тѣмъ временемъ Гель разбудилъ Бунча и заставилъ его наполнить всѣ кувшины въ домѣ водой и снести ихъ всѣ въ одну комнату. Китъ закрылъ наглухо дверь, ведшую къ конюшнямъ, но не забаррикадировалъ ея, чтобы легче было ее отворить, когда вернется Антоній. Онъ предложилъ караулить у одного изъ верхнихъ оконъ, не покажется ли Антоній. Мерріотъ согласился на это и, расположившись около Оливера, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Часъ спустя, Геля разбудилъ Боттль, показавшійся наверху лѣстницы, ведшей внизъ.

— Антоній возвращается назадъ?—спросилъ Гель, быстро вскакивая на ноги.

— Нѣтъ, его еще нѣтъ, — отвѣтилъ Боттль спокойно, — но я думаю, что пусть лучше Оливеръ пойдетъ караулить его, а мнѣ теперь найдется другая работа внизу.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

-- Всадники показались вдали. Они уже подъѣхали, кажется, къ дому и объѣзжаютъ его кругомъ, поглядывая на окна.

— Кто эти всадники?—быстро спросилъ Гель, стараясь напрасно скрыть свое волненіе.

— Это—Румней.

Гель невольно нахмурился: онъ предпочелъ бы, чтобы это былъ Барнетъ, такъ какъ онъ тогда былъ бы увѣренъ въ томъ, что тотъ все еще преслѣдуетъ его.

Въ эту минуту послышался громкій стукъ въ главную дверь. какъ будто кто-то стучалъ въ нее доской.

— Да, ты правъ,—сказалъ Гель: — я пошлю на твое мѣсто Оливера.

Отдавъ нужныя приказанія по этому поводу, Гель направился къ своимъ людямъ и разбудилъ ихъ всѣхъ. Онъ роздалъ всѣмъ аммуницію и порохъ, разставилъ людей у оконъ и дверей и велѣлъ въ случаѣ тревоги собираться всѣмъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы отразить непріятеля. Затѣмъ, поставивъ Кита у главныхъ дверей, гдѣ собрались теперь всѣ всадники, онъ самъ поднялся наверхъ и выглянулъ изъ окна на дворъ. Было уже совершенно свѣтло, и шелъ густой снѣгъ.

Румней очевидно объѣхалъ весь домъ и убѣдившись, что всѣ двери и окна внизу заперты, велѣлъ своимъ всадникамъ слѣзать съ лошадей и собраться у дверей, чтобы сразу начать наступленіе.

XIX.

Всадники уѣзжаютъ.

Когда Мерріотъ выглянулъ изъ окна, онъ увидѣлъ, что всѣ лошади поставлены въ одномъ углу двора, а Румней и его люди стоятъ у фонтана, нѣкоторые держатъ въ рукахъ огромное бревно, которымъ, повидимому, собираются опять ударить въ дверь. Около воротъ, насколько Гель могъ разсмотрѣть сквозь густой снѣгъ, стоялъ на-сторожѣ еще одинъ всадникъ. Повидимому, Румней предпочиталъ обдѣлать свое дѣло такъ, чтобы никто не слышалъ и не подозрѣвалъ о немъ.

Мерріотъ открылъ окно и высунулся изъ него съ пистолетомъ въ рукахъ.

— Назадъ!—крикнулъ онъ людямъ, толпившимся около дверей,—или я пристрѣлю васъ, какъ собакъ.

Люди остановились, посмотрѣли на него и видимо не знали, что имъ дѣлать.

— Выбивайте дверь! — крикнулъ имъ Румней:—а я уже самъ справлюсь съ этимъ задирой.

Онъ поднялъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ Геля. Пуля пролетѣла мимо него и ударилась въ противоположную стѣну комнаты. Люди Румнея стали опять колотить въ дверь. Гель, вѣрный своему слову, выстрѣлилъ въ нихъ. Двое изъ нихъ упало: одного онъ

ранилъ въ плечо, другого въ руку. Одинъ громко завылъ отъ боли, другой молча и удивленно взиралъ на Геля. Румней второй разъ выстрѣлилъ въ Геля, но Гель уже спрятался за выступъ окна, такъ какъ долженъ былъ зарядить свой пистолетъ. Тогда Румней быстро передалъ свой пистолетъ одному изъ своихъ людей, чтобы тотъ зарядилъ его, а самъ опять сталъ цѣлить въ Геля изъ другого пистолета, который ему подалъ близъ стоявшій разбойникъ, и приказалъ продолжать выбивать дверь; его приказаніе было исполнено въ точности, но крѣпкая дверь не поддавалась никакимъ усиліямъ. Въ эту минуту раздались одновременно два выстрѣла, и два разбойника повалились на землю, это Китъ Боттль и одинъ изъ осажденныхъ стрѣляли изъ отверстій, продѣланныхъ въ дверяхъ.

Люди Румнея бросились прочь отъ дверей и укрылись въ отдаленномъ углу двора, куда за ними послѣдовалъ и Румней, а также и люди, державшіе подъ уздцы ихъ лошадей.

На дворѣ теперь стало тихо и спокойно. Мерріотъ поспѣшилъ спуститься внизъ.

— Если дѣла пойдутъ такъ дальше,—сказалъ Гель Боттлю,— то мы скоро обратимъ въ бѣгство Румнея, или увидимъ его трупъ.

— Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ,—отвѣтилъ Боттль:—первая неудача научитъ его быть осторожнѣе и не слишкомъ надѣяться на свою силу. Теперь онъ прибѣгнетъ навѣрное къ хитрости. Мы должны внимательно слѣдить за каждой дырочкой, въ которую можетъ пролѣзть хоть мышка... Хорошо, что дверь въ конюшню охраняетъ этотъ толстякъ Гатчъ. Я желалъ бы, чтобы Антоній уже былъ опять здѣсь. Я начинаю дрожать за его шкуру. Несмотря на его вѣчно кислую мину, онъ все же парень хорошій.

Мерріотъ поднялся наверхъ въ комнату, гдѣ находились Томъ и Френсисъ. Шумъ выстрѣловъ разбудилъ ихъ, и они были очень заинтересованы тѣмъ, что происходило внизу. Анна еще спала, какъ сказалъ Френсисъ. Мерріотъ вкратцѣ сообщилъ имъ, въ чемъ дѣло, чтобы они потомъ могли разсказать все Аннѣ, когда та проснется, и затѣмъ пошелъ опять внизъ къ Киту.

Время шло, въ домѣ и внѣ его все было тихо. Румней не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Мерріотъ уже началъ говорить о томъ, не ушли ли разбойники, испугавшись того, что лишились четырехъ человѣкъ, но Китъ все время стоялъ на своемъ, повторяя: Румней—хитрый негодяй!

Гель обошелъ весь домъ, никто изъ людей, разставленныхъ повсюду у дверей и оконъ, не видалъ Румнея и его шайку, изъ оконъ никого не было видно. Всадникъ, сторожившій у воротъ, тоже исчезъ. Но, какъ Боттль и говорилъ, это еще вовсе не свидѣтельствовало о томъ, что Румней дѣйствительно исчезъ: онъ прекрасно могъ скрыться въ постройкахъ, расположенныхъ вокругъ дома.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Ш—къ**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ДЕКАБРЬ, 1906 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1906 г.

(См. слѣд. стран.)

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ

Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михайловичу.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1907 году

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1907 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать семь лѣтъ (1880—1906).

Свобода печати снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны. Поэтому, въ теченіе 1907 года, въ **„Историческомъ Вѣстникѣ"** будутъ напечатаны статьи и воспоминанія, касающіяся не только прошлой, но и современной исторіи, которыя, по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ШКЛОВСКІЯ АССИГНАЦІИ [1].

XXIV.

Ночной переполохъ.

НА ТРЕХЪ тройкахъ, однако, съ подвязанными колокольчиками, ночью, предсѣдатель могилевской уголовной палаты, Малѣевъ, вмѣстѣ съ земскимъ исправникомъ и уѣзднымъ стряпчимъ, сопровождаемый отрядомъ губернскихъ драгунъ, нагрянулъ въ Шкловъ.

На выѣздѣ, изъ погруженнаго въ молчаніе, сонъ и мракъ мѣстечка, изъ-подъ забора выскочилъ на дорогу оборванный еврейчикъ. Кучеръ придержалъ лошадей, и еврей, какъ кошка, вскарабкался на козлы.

— Ну, что, Шлемка?—спросилъ Малѣевъ.

— Здоровеньки будьте, ясновельможный панъ засѣдатель, а въ замкѣ насъ не ожидаютъ, нисколечки вотъ не ожидаютъ!

— Отлично. А что Зановичъ?

— Графъ Зановичъ и камердинеръ его теперь въ самыхъ дальнихъ комнатахъ, въ погорѣломъ крылѣ живутъ въ башнѣ. Только вы поставьте у двухъ махонькихъ такихъ калиточекъ драгуновъ, и тогда они оттуда не выйдутъ. Изнутри туда хода совсѣмъ нѣтъ, и полы сняты, и окна выбиты. Ай-вай! самаго плохого помѣщенія выбиралъ для себя графъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI, стр. 369.

— Смотри, Шлемка, если ты насъ надуешь, и дичь скроется, совсѣмъ тебѣ плохо будетъ.

— Ой, какъ же мнѣ будетъ тогда плохо! И я развѣ не знаю? И съ чего же я буду обманывать? Что мнѣ этотъ графъ хорошаго сдѣлалъ? Ничего хорошаго. Только разъ за пейсики оттаскалъ на охотѣ, когда я показывалъ ему тетеревиные выводки, и собака подняла птицу, графъ стрѣлилъ и не попалъ. Больно тогда такъ оттаскалъ за пейсики. А я чѣмъ виноватъ, что онъ не попалъ?

— Шлемка-бестія намекаетъ,—сказалъ Малѣевъ исправнику,—что если мы упустимъ дичь, то сами будемъ виноваты.

— Какъ можно упускать!—сказалъ исправникъ.

Громада строеній замка, среди старинныхъ парковъ, темныхъ и запущенныхъ, угрюмо чернѣла надъ Днѣпромъ, озаренная луною, поминутно то прятавшейся за проходившими по небу облаками, то выходившей изъ-за нихъ. Всѣ огни были потушены. Только въ поварнѣ теплился едва замѣтный огонекъ, да въ покояхъ Зорича переливался свѣтъ. Все спало, все молчало въ замкѣ. Тройки свернули съ широкой аллеи, ведшей къ главнымъ воротамъ и подъѣзду замка, и по узкой дорожкѣ въ кустахъ стали объѣзжать кругомъ паркъ и, наконецъ, остановились у отдаленнаго конца его. Здѣсь Шлемка спрыгнулъ съ козелъ и вдругъ замяукалъ, какъ голодная кошка. Офиціантъ въ засаленной курткѣ вышелъ изъ калитки и привѣтствовалъ низкимъ поклономъ выходившаго изъ экипажа Малѣева.

— Что, генералъ спитъ?—спросилъ онъ офиціанта.

— Никакъ нѣтъ, ужъ которую ночь страдаютъ безсонницей. Прежде у камина въ залѣ сиживали, а теперь все больше въ образной предъ иконой Смоленской Божіей Матери акаѳисты читаютъ. А то Соломонида столѣтняя имъ сказки сказываетъ, а они въ креслахъ лежатъ. Иную же ночь въ залахъ велятъ поставить по одной свѣчѣ, да все и ходятъ, какъ маятникъ, да съ собою разговариваютъ.

Прибывшіе вошли въ калитку и двинулись черезъ пустынный, сумрачный паркъ. Луна серебрила купы деревьевъ. Мелькали бесѣдки, мостики, бѣлѣли, точно спѣша укрыться за листвою при приближеніи ночныхъ посѣтителей, статуи античныхъ богинь и нимфъ. Изъ цвѣтниковъ отъ сиреневыхъ куртинъ волнами шло нѣжное благоуханіе, и сладко, осыпая всю молчаливую окрестность громкими гармоническими звуками, пѣли въ различныхъ частяхъ парка соловьи. Пруды сверкали зеркальною неподвижною поверхностью. И посрединѣ, бѣлѣя, какъ комы снѣга, и отражаясь въ глубинѣ, спали, подвернувъ подъ крыло голову, величавые лебеди. Звукъ шаговъ проходившихъ по аллеямъ людей пробудилъ ихъ. Они вытянули шею и трижды издали странные скрипучіе звуки. Но никто не слышалъ ихъ предостерегающаго клекта. Только гдѣ-то на заднемъ дворѣ брехнула собака и замолчала.

Подойдя къ углу зданія, прибывшіе раздѣлились на двѣ группы. Еврей повелъ исправника и часть драгунъ къ башнѣ погорѣлаго крыла замка, гдѣ они и стали карауломъ у всѣхъ выходовъ. Офиціантъ же провелъ Малѣева, стряпчаго и остальныхъ драгунъ цвѣтниками къ большой, мраморной террасѣ. Стеклянная дверь отсюда вела въ покои Зорича. Она была не заперта, и Малѣевъ со своими спутниками быстро пошелъ по озареннымъ одинокими свѣчами заламъ и достигъ образной. Цѣлая стѣна здѣсь была увѣшана иконами въ драгоцѣнныхъ окладахъ. Свѣчи и лампады теплились, озаряя строгіе и благіе лики подвижниковъ. Камни горѣли таинственными огнями.

Въ шлафрокѣ, сидя въ глубокихъ вольтеровскихъ креслахъ, Зоричъ дремалъ. У ногъ его, на коврѣ сидѣла столѣтняя Соломонида-сказочница и толстыми деревянными спицами вязала чулокъ, въ то же время монотоннымъ голосомъ разсказывая о приключеніяхъ славнаго витязя Францеля Венеціана. Въ углу, на тюфякѣ, на полу спалъ одѣтымъ камердинеръ Живокини. Услышавъ осторожные шаги въ сосѣдней комнатѣ, Зоричъ поднялъ голову и тревожно спросилъ:

— Кто тамъ?

Въ отвѣтъ раздалось только шевеленье и покашливанье въ руку.

— Кто тамъ? Кто такіе?—опять спросилъ Зоричъ.—Живокини! Живокини!—закричалъ онъ.

Камердинеръ вскочилъ.

— Тамъ кто-то есть! Посмотри!—не покидая кресла, сказалъ Зоричъ.—О, опять, какъ тогда! Опять, какъ тогда! За душой моей пришли...—простоналъ онъ.

Живокини, полагая, что его господину просто что-то померещилось въ ночное это время, вышелъ изъ образной. Зоричъ услышалъ тихій разговоръ, и затѣмъ Живокини возвратился смущенный.

— Не извольте, ваше превосходительство, тревожиться,—сказалъ онъ.—Но это господинъ предсѣдатель могилевской уголовной палаты и съ ними уѣздный стряпчій. Они желаютъ видѣть васъ по нарочито важному дѣлу.

— Какъ, въ ночное время, безъ предупрежденія! Живокини, что же это такое? И какъ они вошли?—вскричалъ Зоричъ.

— Не могу ничего объяснить вашему превосходительству. Но у всѣхъ дверей стоятъ драгуны съ ружьями къ ногѣ.

— Это возмутительно! Это неслыханная дерзость и насиліе! Что же, я арестованъ? Зови его сюда, Живокини.

Малѣевъ въ сопровожденіи стряпчаго, съ низкими поклонами, вошелъ въ образную. Въ дверяхъ мелькнули фабреные усы губернскихъ архангеловъ.

— Что это такое значитъ? Какъ осмѣливаетесь вы врываться ко мнѣ ночью, прокрадываясь воровскимъ манеромъ?—грозно спросилъ Зоричъ, не покидая своего кресла.

— Извините, генералъ,—отвѣчалъ Малѣевъ,—но я дѣйствовалъ по распоряженію могилевскаго намѣстническаго правленія и по особо важному дѣлу.

— Съ какихъ это поръ намѣстническое правленіе забрало такую власть? Вы, государь мой, шутите плохія шутки, учиняя такой ночной, неприличный и разбойничій переполохъ. Я буду жаловаться самой государынѣ.

— Генералъ, я творю волю пославшаго меня, а намѣстничество дѣйствуетъ по приказанію свѣтлѣйшаго,—спокойно и учтиво сказалъ Малѣевъ.

— А... по какому же дѣлу вы явились? — спросилъ опѣшивъ Зоричъ.

— Собственно по дѣлу о поддѣлкѣ и выпускѣ въ обращеніе графами Зановичами въ сообществѣ съ нѣкоторыми другими лицами фальшивыхъ ассигнацій сторублеваго достоинства, — еще мягче и вѣжливѣе сказалъ Малѣевъ.

—Но если дѣло касается Зановичей, къ нимъ и обращайтесь!—гнѣвно крикнулъ Зоричъ.

— Помѣщеніе графа Марка въ сію минуту уже охраняется стражей, что же касается выѣхавшихъ отсюда графа Аннибала, учителя Сальморона и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, то о задержаніи ихъ уже послана нарочитая эстафета. Къ вамъ же я потому собственно обращаюсь, что, какъ хозяинъ Шклова, вы отвѣчаете за всѣхъ, въ немъ живущихъ.

— Но вѣдь я только-что донесъ намѣстничеству о выѣздѣ графа Зановича въ Петербургъ для освидѣтельствованія полученныхъ имъ за границей ассигнацій.

— Донесеніе вашего превосходительства принято намѣстничествомъ къ свѣдѣнію.

— Вѣдь не обвиняюсь же я въ семъ гнусномъ дѣяніи?

— О, нѣтъ, генералъ! Пока не обвиняетесь.

— Что же, я арестованъ?

— Никакъ нѣтъ. Вы только потрудитесь пройти съ нами въ болѣе удобное помѣщеніе, хотя въ кабинетъ вашъ, и тамъ дадите показанія по нѣкоторымъ допроснымъ пунктамъ, а потомъ еще дадите подписку о невыѣздѣ изъ Шклова безъ разрѣшенія намѣстническаго правленія.

— А, только! Ну, мы еще посмотримъ... Впрочемъ я готовъ,— сказалъ Зоричъ, поднимаясь. — Пойдемте въ кабинетъ. Да вы вѣдь, вѣроятно, до утра здѣсь пробудете?—болѣе дружелюбно спросилъ Зоричъ.

— Виноватъ, генералъ,— расцвѣтая любезнѣйшей улыбкой, съ низкимъ реверансомъ отвѣчалъ Малѣевъ,—не только до утра, но; вѣроятно, нѣсколько дней, ибо я имѣю приказъ о тщательномъ обыскѣ всего замка и его окрестностей.

XXV.

Камердинеръ-дѣвка.

Вопросные пункты, представленные Зоричу, не были многочисленны. Однако и на нихъ генералъ отвѣчалъ «весьма глухо и закрыто». Только на вопросъ, когда именно пріѣхалъ графъ Аннибалъ Зановичъ изъ-за границы, Зоричъ отвѣтилъ, что въ февралѣ.

— Такъ-съ. А между тѣмъ въ донесеніи вашего превосходительства въ управленіе намѣстничества сказано, что графъ пріѣхалъ «на-дняхъ», у насъ же теперь 30 апрѣля,—сказалъ Малѣевъ,—но какъ же оба показанія согласить?

— Ну, да, на-дняхъ, въ февралѣ! Не все ли едино?—возразилъ Зоричъ смутившись.

— Не все-съ едино,— вздохнувъ сказалъ Малѣевъ,— не все едино-съ. Таковымъ разнорѣчивымъ показаніемъ вы себя означасте крайне неосторожнымъ, потому что, вѣдая о сихъ ассигнаціяхъ и самого Зановича имѣя въ Шкловѣ, не арестовали и дали свободно съ ассигнаціями выѣхать.

— Я—солдатъ и къ кляузамъ не привыкъ,—отвѣчалъ Зоричъ.

Малѣевъ прищурилъ глаза, опять вздохнулъ и сказалъ, что допросъ конченъ.

Затѣмъ, остерегаясь всякаго шума, тѣмъ же путемъ, черезъ террасу и цвѣтники, онъ прошелъ къ погорѣлой части замка.

— Странное, въ самомъ дѣлѣ, помѣщеніе выбралъ для себя г. Зановичъ,—сказалъ онъ стряпчему, указывая на выбитыя окна, закоптѣлыя стѣны и обнаженныя стропила зданія.

Кругомъ лежали не убранными обгорѣлыя бревна, всякій хламъ, груды битаго кирпича и стекла. Все это уже проросло крапивой и мордвинникомъ. Часть прилегавшаго къ этому крылу парка совсѣмъ была запущена, дорожки заросли травою, грачиныя гнѣзда сушили деревья. Никто сюда не ходилъ. Было пусто, дико и уныло. Уцѣлѣвшая башня одна возвышалась среди печальнаго разрушенія.

— Да, хорошее гнѣздо выбралъ себѣ молодецъ! — повторилъ Малѣевъ.

Подойдя къ башнѣ, у низенькой двери которой стоялъ исправникъ съ драгунами и еврей, Малѣевъ сталъ совѣщаться съ ними о томъ, какъ лучше накрыть графа въ его убѣжищѣ.

— У дверей, ведущихъ изъ башни въ погорѣлую часть замка,—объяснилъ исправникъ,—я тоже поставилъ караулъ.

— Отлично. Ну, такъ мы поднимемся до его спальни по лѣстницѣ и постучимся въ двери. Если онъ не отворитъ самъ, придется выломать двери силою,—сказалъ Малѣевъ.

— Ой, къ чему же ломать?—сказалъ Шлемка.—Вы скажите только, что генералъ проситъ его къ себѣ, и онъ отворитъ, навѣрно отворитъ.

— Быть такъ, попробуемъ.

Всѣ вошли въ нижнее помѣщеніе башни, предварительно затепливъ фонарь. Здѣсь ничего не было, кромѣ разнаго хлама—поломанной мебели, пробитыхъ во время пожара картинъ и портретовъ, приставленныхъ къ стѣнѣ. Узкая, крутая лѣстница вела во второй и третій этажи башни. Зановичъ помѣщался въ послѣднемъ, и, по показаніямъ всевѣдущаго Шлемки, тамъ было двѣ комнаты: одна, въ родѣ прихожей, спереди, а другая служила спальней Зановичу и его камердинеру Алессандро. Во второмъ этажѣ была устроена столовая.

Поднявшись къ дверямъ третьяго этажа, Малѣевъ приказалъ сопровождавшему его официанту стучаться къ графу.

— Ваше сіятельство!—позвалъ тотъ, стукнувъ нѣсколько разъ въ дверь.

Отвѣта не было.

— Стучи еще!—сказалъ Малѣевъ.

Официантъ еще разъ постучался и позвалъ графа.

— Почему ты зовешь самого графа, а не камердинера?—спросилъ шопотомъ Малѣевъ официанта.

— Онъ знаетъ себѣ,—отвѣчалъ за него Шлемка,—что камердинеръ графа любитъ крѣпко спать, а добрый господинъ всегда остерегается его тревожить и выходитъ самъ.

Дѣйствительно, за дверью раздались шаги, и недовольный голосъ графа Марка спросилъ:

— Кто тутъ? Что надо?

— Ваше сіятельство, пожалуйте къ генералу, они требуютъ васъ,—сказалъ официантъ.

За дверью раздалось нѣсколько французскихъ и итальянскихъ проклятій и ругательствъ.

— Онъ несносенъ со своей глупой безсонницей, этотъ слабодушный сербъ! Скажи, что сейчасъ буду.

— Слушаю-съ!—откликнулся официантъ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

Прочіе незваные гости затаили дыханіе и ждали, притаившись за выступами стѣнъ на лѣстницѣ, въ тѣни.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь тихо пріотворилась. Зановичъ выглянулъ: на площадкѣ, озаренной луною, лившей свѣтъ свой въ узкое, стрѣльчатое окошечко, не было никого. Онъ вышелъ, заперъ на ключъ двери, положивъ его въ карманъ камзола. Но

только-что онъ занесъ ногу за первую ступеньку, сильныя руки драгунъ схватили его съ двухъ сторонъ, какъ клещами, а передъ нимъ выросъ Малѣевъ.

— По указу ея императорскаго величества я арестую васъ, графъ!—сказалъ онъ.

— Что такое? Что это значитъ? Кто вы такой?—надменно закричалъ графъ, котораго все держали за плечи, руки и даже за ноги драгуны.

— Я—предсѣдатель могилевской уголовной палаты, графъ,— сказалъ Малѣевъ, — и посланъ для вашего задержанія и ревизіи вашего имущества отъ управленія намѣстничества.

Графъ вдругъ, заскрежетавъ зубами, рванулся съ нечеловѣческой силой и ловкостью, и, какъ угорь, выскользнувъ изъ рукъ драгунъ, отскочилъ къ двери. Въ рукѣ его засверкалъ кинжалъ.

Шесть штыковъ поднялись мгновенно и уставились противъ его груди.

— Графъ, — сказалъ спокойно Малѣевъ: — сопротивленіе вамъ не поможетъ, а только ухудшитъ ваше положеніе. Вотъ указъ свѣтлѣйшаго о вашемъ задержаніи! — и Малѣевъ поднялъ надъ головой бумагу.

Графъ Маркъ вдругъ засмѣялся и съ поклономъ протянулъ кинжалъ, держа его за лезвіе.

— Прошу извинить меня, но я не привыкъ къ насилію, какъ иностранецъ. Въ Европѣ нѣтъ такой манеры, чтобы врываться ночью въ помѣщеніе частнаго лица и дворянина, тѣмъ болѣе, что я вижу васъ первый разъ въ жизни и могъ предполагать тутъ обманъ и разбойничество подъ прикрытіемъ закона. Я не окажу вамъ никакого сопротивленія и дамъ всѣ нужныя разъясненія сейчасъ, честное слово дворянина! И, конечно, это печальное недбразумѣніе,—я убѣжденъ, что это только недоразумѣніе,—сейчасъ разъяснится, и вы дадите мнѣ возможность проспать остатокъ ночи спокойно.

— Графъ, тутъ нѣтъ никакого недоразумѣнія, — сказалъ Малѣевъ.—Вы именно то лицо, которое намъ надо.

— Хорошо, хорошо! Но прикажите вашимъ солдатамъ опустить штыки и, во всякомъ случаѣ, не оттискивать больше на моихъ несчастныхъ членахъ своихъ желѣзныхъ пальцевъ. Я и такъ весь въ синякахъ.

— Графъ, они васъ не тронутъ больше. Но, предупреждаю, при первой вашей попыткѣ бѣжать я принужденъ буду принять свои мѣры.

— Но со мною поступаютъ, не какъ съ дворяниномъ, иностранцемъ и гостемъ генерала Зорича, а какъ съ какимъ-то бродягой!

— Законъ, дорогой графъ, законъ! — сказалъ, вздохнувъ, Малѣевъ.

— Впрочемъ, все равно. Пойдемте къ генералу, и я дамъ всѣ показанія, какія вамъ отъ меня потребуются. Онъ вамъ разъяснитъ, кто я, какими связями обладаю, и за кого меня почитать!

И графъ двинулся было на лѣстницу.

— Э, нѣтъ, графъ, постойте!—остановилъ его Малѣевъ.—Мы будемъ разговаривать съ вами здѣсь, въ вашей комнатѣ. Достаньте ключикъ и передайте его мнѣ.

— Но зачѣмъ же! Послушайте, оставьте здѣсь у двери солдатъ, а мы съ вами пойдемъ къ генералу. Все разъяснится въ нѣсколько минутъ, и вы убѣдитесь въ ненужности обыска.

— Это невозможно, графъ.

— Я прошу васъ. Тамъ мой камердинеръ, бѣдный юноша боленъ. Онъ спитъ, и вы своимъ появленіемъ можете такъ его напугать, что это повредитъ ему.

— Какъ ни жалко мнѣ вашего камердинера, но... отдайте ключъ.

Графъ угрюмо протянулъ ключъ Малѣеву. Дверь мгновенно была отворена. Драгуны, лишь легонько на этотъ разъ придерживая его, ввели въ первую комнату графа. Онъ опустился на стулъ и скрестилъ на груди руки. Короткая весенняя ночь уже проходила. Небо просвѣтлѣло, и въ комнатѣ все было видно. Малѣевъ и стряпчій остались съ графомъ и сторожившими его драгунами въ прихожей, а исправникъ съ другими солдатами вошелъ въ спальню. Сначала было все тихо. Потомъ вдругъ раздался истерическій, похожій на женскій, крикъ.

Графъ задрожалъ и рванулся къ двери. Драгуны его удержали.

— Это насиліе! Гнусное насиліе!—проскрежеталъ графъ, опять падая на стулъ.

Вдругъ исправникъ съ драгунами вышелъ изъ спальни.

— Что такое?—спросилъ удивленный Малѣевъ.—Почему вы не арестовали камердинера графа?

— Непредвидѣнное обстоятельство,—отвѣчалъ исправникъ.—Ихъ камердинеръ—итальянская дѣвка!

XXVI.

Тайникъ.

— Государь мой,—сказалъ графъ Маркъ:—пощадите бѣдную и ни въ чемъ неповинную дѣвушку. Къ тому же она иностранка и не понимаетъ другого языка, кромѣ итальянскаго.

— Хорошо, графъ, не безпокойтесь,—отвѣчалъ Малѣевъ.— Юноша ли, дѣвица ли вашъ камердинеръ, пусть одѣвается и выйдетъ сюда. Что касается языка, то при могилевскомъ намѣстничествѣ есть лица, говорящія на многихъ языкахъ. Итакъ, сей особѣ допросъ будетъ учиненъ на ея природномъ діалектѣ.

— Развѣ вы насъ повезете въ Могилевъ?

— О, да, графъ, непремѣнно, по снятіи съ васъ предварительнаго допроса.

Графъ угрюмо замолчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ камердинеръ графа вышелъ одѣтымъ въ обычное свое платье. Крайняя степень испуга выражалась на его юномъ, прекрасномъ лицѣ.

Увидѣвъ, что господинъ его сидитъ между двумя вооруженными драгунами, Алессандро всплеснулъ руками и, бросившись къ ногамъ графа, обнялъ его колѣни, проливая потоки слезъ.

Драгуны хотѣли было отстранить прикладами ружей камердинера, но Малѣевъ сдѣлалъ имъ знакъ не трогать его. Графъ успокаивалъ въ свою очередь Алессандро, говоря съ нимъ по-итальянски.

Между тѣмъ, исправникъ съ остальными драгунами обыскивалъ спальню графа.

Когда это было кончено, исправникъ вышелъ, неся шкатулку графа.

— Ничего пока не найдено, — сказалъ онъ Малѣеву: — кромѣ этой шкатулки.

— Что же въ ней?—спросилъ Малѣевъ.

— Червонцами около двухъ тысячъ рублей, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и шесть писемъ на иностранномъ языкѣ изъ Брюсселя, подписанныхъ буквою В.

— Съ ихъ содержаніемъ познакомимся въ намѣстническомъ правленіи. А что, графъ, вы можете сказать насчетъ сихъ ассигнацій? — спросилъ Малѣевъ, доставая сторублевый билетъ изъ шкатулки.

— Сіи ассигнаціи изъ тѣхъ, которыя получены моимъ братомъ Аннибаломъ за границей отъ какого-то еврея въ обмѣнъ на золото и разныя вещи.

— А извѣстно вамъ, что онѣ фальшивыя?—спросилъ Малѣевъ.

— Откуда можетъ мнѣ быть это извѣстно? — сказалъ графъ Маркъ.

Алессандро, между тѣмъ, успокоился и усѣлся возлѣ своего господина на стулъ.

— Графъ,—торжественно произнесъ Малѣевъ:—чистосердечное показаніе самыя истины о сихъ ассигнаціяхъ будетъ лучшимъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ вы находитесь. Вспомните, что если вы не отвѣтите мнѣ здѣсь, при предварительномъ допросѣ, то васъ ожидаетъ болѣе тщательное увѣщеваніе въ управленіи намѣстничества, даже такъ могу сказать, что будете безотступно увѣщеваемы,—ударяя на этихъ словахъ, сказалъ Малѣевъ:—доколѣ удовлетворительныхъ объясненій не дадите.

Графъ презрительно усмѣхнулся поблѣднѣвшими губами.

— Что бы меня ни ожидало, я могу только изумляться тому насилію, которому уже подвергся. И полагаю, что генералъ Зоричъ, подъ покровительствомъ коего я, какъ гость, здѣсь нахожусь, не умедлитъ о семъ довести до свѣдѣнія самыя императрицы.

— Генералъ Зоричъ не одинъ, есть и другіе,—сказалъ Малѣевъ.—Впрочемъ, потрудитесь отвѣчать по симъ вопроснымъ пунктамъ.

Онъ развернулъ бумагу. Стряпчій приладился у окна записывать показанія.

— Что знаете о сихъ ассигнаціяхъ?—опять повторилъ Малѣевъ, поднимая за уголокъ изъ открытой шкатулки сторублевый билетъ.

— Я знаю одно,—сказалъ графъ:—что братъ мой уѣхалъ въ Петербургъ свидѣтельствовать привезенныя имъ изъ-за границы ассигнаціи, но фальшивыя онѣ или нѣтъ, рѣшать не берусь, потому что не признаю себя въ семъ дѣлѣ экспертомъ.

— Ассигнаціи сіи фальшивыя, въ семъ могу васъ завѣрить, и если братъ вашъ уѣхалъ ихъ свидѣтельствовать, то что подало ему поводъ подозрѣвать сіи ассигнаціи?

— Положительно не могу вамъ сказать, но, кажется, самый способъ полученія ихъ за границею отъ извѣстнаго израэлита смущалъ его. Сей народъ жидовскій—самый обманчивый въ семъ свѣтѣ.

— А не имѣли вы подозрѣнія, что ассигнаціи сіи не заграничныя, а приготовлены здѣсь, въ Шкловѣ, въ самомъ замкѣ или въ его окрестностяхъ братомъ вашимъ нарочитыми изъ Берлина привезенными инструментами?

— Какъ могъ я имѣть такую мысль о родномъ братѣ! Имѣть таковую почелъ бы гнусностью.

— А не принимали ли вы сами участія въ приготовленіи сихъ ассигнацій здѣсь, въ Шкловѣ, и не можете ли указать, гдѣ лежатъ инструменты, коими вы работали?

— Я знаю одно, что братъ повезъ свои ассигнаціи свидѣтельствовать въ Петербургъ. Это его и дѣло. Что же касается до дѣланія ассигнацій, то я считаю это занятіе самымъ негоднымъ и опаснымъ средствомъ къ обогащенію,—нехотя, небрежно отвѣчалъ графъ, между тѣмъ какъ Малѣевъ пронизывалъ его, казалось, насквозь небыстрымъ, стальнымъ взглядомъ своихъ узкихъ глазокъ.

— Вотъ какъ! Такъ ли это?—произнесъ онъ.

— Я знаю довольно много способовъ,—все такъ же небрежно, презрительно и лѣниво цѣдилъ сквозь зубы графъ Маркъ,—которые гораздо проще, искуснѣе и нимало не опасны, почему для пріобрѣтенія денегъ никогда и не подумаю дѣлать ассигнаціи.

— Графъ, вы стараетесь болѣе блистать умомъ, чѣмъ говорить истину,—сказалъ Малѣевъ,—и это напрасно. Я не спрашиваю, что вы думаете въ будущемъ дѣлать для пріобрѣтенія денегъ. Я спрашиваю тебя, мошенникъ,—вдругъ грозно загремѣлъ слѣдователь,—о тѣхъ инструментахъ, которыми вмѣстѣ съ своимъ негоднымъ братомъ ты дѣлалъ здѣсь въ Шкловѣ фальшивыя ассигнаціи? Будешь ли мнѣ отвѣчать? Гдѣ они спрятаны? Покажешь ли?

— Что за тонъ! Что за выраженія! — презрительно сказалъ графъ. — Такимъ тономъ вы ничего не добьетесь отъ меня. Я просто не желаю говорить съ человѣкомъ грубымъ и невоспитаннымъ и умолкаю.

Графъ скрестилъ руки на груди и, сжавъ губы, молча бросалъ горящіе ненавистью взгляды изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

— Добро, государь мой, добро! — прохаживаясь въ возбужденіи по комнатѣ, говорилъ Малѣевъ. — Мы и не такимъ голубчикамъ языкъ развязывали.

Но исправникъ вдругъ взялъ его за локоть и попросилъ на минутку въ спальную комнату графа.

— Намѣстникъ просилъ съ ними полегче обходиться, — сказалъ онъ тамъ Малѣеву. — Вѣдь сами знаете, какая рука у генерала Зорича въ Петербургѣ.

— А коли такъ, — съ досадой сказалъ слѣдователь, — то сажайте этого побродягу съ его дѣвкой на тройку и везите въ Могилевъ. Пусть самъ намѣстникъ его допрашиваетъ. А какова птица?

— Да, видно, сему молодцу уже не первина быть въ допросахъ, — согласился исправникъ.

Затѣмъ, выйдя въ первую комнату, онъ учтиво попросилъ графа Марка и его камердинера слѣдовать за нимъ. Тотъ молча послушался.

Черезъ нѣсколько минутъ уже двѣ тройки, на которыхъ сидѣли съ драгунами Зановичъ, Алессандро и исправникъ, мчались во весь духъ по дорогѣ къ Могилеву.

Почти весь май мѣсяцъ Малѣевъ продолжалъ слѣдствіе. Допрошены были карлы и всѣ домочадцы и слуги Зорича. Поминутно изъ мѣстечка приводили драгуны разныхъ Хаимовъ, Менделей, Ицекъ и Мошекъ. Малѣевъ разспрашивалъ ихъ въ отдаленномъ отъ замка флигелькѣ, и тамъ раздавались жалостные вопли «неотступно увѣщеваемыхъ» израильтянъ. Наконецъ, почтеннѣйшіе и богатѣйшіе изъ шкловскихъ купцовъ, имѣя во главѣ раввина, явились къ Малѣеву, напоминая о подтвержденныхъ государынею привилегіяхъ шкловскимъ евреямъ, выданныхъ еще отъ польскихъ королей. При этомъ старый Натка уединялся съ Малѣевымъ въ особливую камеру для бесѣды.

Послѣ этого евреевъ на допросъ перестали приводить. Отправлены были только въ Могилевъ тѣ евреи, которые привезли шкатулки Зановича, впрочемъ съ объясненіемъ, что о содержимомъ ящиковъ они знать не могли.

Въ Могилевѣ намѣстникъ Пассекъ самъ допрашивалъ графа Марка Зановича, и онъ написалъ свои объясненія на французскомъ языкѣ. Противно словамъ Малѣева, графъ, хотя и находился подъ тщательнымъ присмотромъ, нарочитымъ «увѣщеваніямъ» не

подвергался. Напротивъ, намѣстникъ посылалъ ему французскія книги изъ своей библіотеки, вино и кушанья со своего стола. Помѣщенъ онъ былъ со своимъ камердинеромъ превосходно. И не мудрено. Еще такъ недавно Пассекъ просиживалъ цѣлыя ночи въ Шкловѣ, ставя карту за картой, между тѣмъ какъ графъ металъ. Малѣевъ даже получилъ выговоръ отъ Пассека за грубое обращеніе, на которое пожаловался графъ. Но въ то же время Пассекъ приказывалъ самымъ тщательнымъ образомъ обыскивать Шкловъ, для отысканія инструментовъ, коими работалъ Зановичъ. И Пассекъ выражалъ то убѣжденіе, что, «видно, сему молодцу уже не первина быть въ допросахъ».

Малѣевъ нанималъ особыхъ людей, которые по ночамъ искали въ колодезяхъ, опускаясь туда на веревкахъ, и въ прудахъ парка сѣтями и бреднями. Съ фонарями бродили они вокругъ замка и не находили ничего. Искалъ Малѣевъ и по берегамъ Днѣпра, копался въ песчаныхъ откосахъ. Но ничего найдено не было. Наконецъ, чуть не въ сотый разъ осматривая нижнюю комнату той башни, которую занималъ Зановичъ, и гдѣ былъ наваленъ только всякій ломаный и обгорѣлый хламъ, Малѣевъ, топнувъ по одной изъ каменныхъ плитъ, устилавшихъ здѣсь полъ, услышалъ такой звукъ, точно подъ нею была пустота. Дѣйствительно, когда плиту подняли, подъ нею оказался ходъ въ тайникъ, вырытый въ землѣ въ видѣ большой, квадратной ямы. Въ ней-то и найдены были всѣ инструменты для дѣланія ассигнацій.

Въ радости повезъ найденное Малѣевъ въ Могилевъ, и тотчасъ же графъ Маркъ былъ отправленъ подъ сильной стражей въ Петербургъ.

А Зоричъ туда еще раньше уѣхалъ. Однажды поутру Малѣевъ увидѣлъ у главнаго подъѣзда замка поданные экипажи. Люди толпились, укладывая въ нихъ вещи, а на вопросъ удивленнаго Малѣева одинъ изъ лакеевъ небрежно кинулъ ему черезъ плечо, что генералъ, молъ, изволятъ отбывать въ Петербургъ. Малѣевъ хотѣлъ пройти къ Зоричу, но не былъ допущенъ лакеями, смѣявшимися ему въ глаза, когда онъ говорилъ, что производитъ слѣдствіе по указу намѣстническаго управленія и долженъ воспрепятствовать отъѣзду шкловскаго помѣщика.

Управляющій и дворецкій не совѣтовали Малѣеву даже и на глаза попадаться генералу:

— Какъ бы худо не было!..

Не зная, что предпринять, бѣдный предсѣдатель уголовной палаты рѣшился, однако, дождаться, когда Зоричъ выйдетъ садиться въ экипажъ.

Съ низкими поклонами приступилъ онъ къ сходившему величественно Зоричу на лѣстницѣ.

— Кто такой? Что вамъ надо? — не узнавалъ его Зоричъ.

Малѣевъ почтительнѣйше напомнилъ его превосходительству о подпискѣ, данной имъ о невыѣздѣ изъ Шклова.

Зоричъ презрительно улыбнулся.

— А, вы, слѣдователь по этому кляузному дѣлу.

И, сунувъ Малѣеву подорожную къ носу, сказалъ:

— Видишь подпись намѣстника, крапивное сѣмя?

Затѣмъ онъ сѣлъ въ карету и былъ таковъ.

Отъ 6 же іюня могилевскій намѣстникъ Пассекъ писалъ свѣтлѣйшему князю Потемкину на запросъ послѣдняго, почему Зоричъ отпущенъ въ Петербургъ: что какъ Зоричъ требовалъ подорожной для проѣзда въ столицу, то онъ не осмѣлился воспретить дать ему оную, дабы не понесть какого неудовольствія. Онъ помышлялъ самъ посовѣтовать Зоричу не ѣздить въ Петербургъ, но, увѣренъ будучи, что онъ не послушаетъ, сей совѣтъ про себя оставилъ. Когда онъ, генералъ Зоричъ, и указами правительственнаго сената пренебрегалъ, то могъ ли сей совѣтъ намѣстника принять съ уваженіемъ? А напротивъ бы сталъ всѣмъ разсказывать, что онъ совѣтъ отъ намѣстника слышалъ, но, не уважая, ѣдетъ въ Петербургъ.

XXVII.

У московской заставы.

Выѣхавшія еще въ ночь на 25 апрѣля изъ Шкловскаго замка коляска и двѣ повозки подъ вечеръ 2 мая подъѣзжали къ Москвѣ.

Сальморанъ, истомленный дорогою и самъ по себѣ съ поникшимъ, угнетеннымъ духомъ, когда вдали, озаренная алымъ свѣтомъ заката, показалась Москва со своими крестами, высунулся изъ коляски и опять запрятался въ кузовъ, пробормотавъ только что-то о «sainte Russie et sa ville magnifique, mais barbare».

Дорогою онъ то по цѣлымъ часамъ молчалъ, какъ убитый, закрывъ глаза, то начиналъ лихорадочно болтать, въ сотый разъ пускаясь въ безконечные разсказы о тѣхъ знатныхъ господахъ, у которыхъ нѣкогда служилъ въ Москвѣ, и которые могутъ принять участіе въ человѣкѣ, хотя и бѣдномъ, но честной фамиліи, имѣющемъ жену, любезную женщину, обнимающую двухъ дѣтей трепетными дланями матери, а третьяго носящую подъ сердцемъ, въ отечествѣ отца, исполненнаго чести, и т. д.

— Самъ главнокомандующій, графъ Чернышевъ, меня знаетъ!— говорилъ Сальморанъ. Въ Смоленскѣ графа Аннибала догналъ посланный изъ Шклова грекъ Симоніани съ письмомъ отъ графа Марка. По уходѣ его Сальморанъ, нечаянно войдя въ комнату и увидя на столѣ какую-то простую бумагу, которая и была этимъ письмомъ, прочиталъ. Бѣдный директоръ Шкловскаго благороднаго училища теперь совсѣмъ палъ духомъ.

На одной станціи, когда графъ и всѣ бывшіе съ нимъ люди спали, не выходя изъ повозокъ, на дворѣ, пользуясь теплотою весенней ночи, Сальморанъ даже задумалъ было бѣжать. Осторожно вылѣзъ онъ изъ коляски, и, выйдя за ворота станціи, двинулся было въ сторону отъ дороги, въ кусты, но остановился, подумалъ, посмотрѣлъ на звѣзды, на туманъ, ползшій изъ перелѣска, глубоко вздохнулъ и, тихонько вернувшись, опять залѣзъ въ коляску, толкнувъ спавшаго графа, пробормотавшаго при этомъ какое-то четырехъэтажное итальянское проклятіе.

Онъ отводилъ душу только съ двумя французами-камердинерами, Лаперомъ и Лефранкомъ. Соотечественники его тоже проклинали свою довѣрчивость и злой рокъ, который завелъ ихъ такъ далеко отъ отечества, въ такую варварскую страну, какъ Россія, во власть такихъ людей, каковы генералъ Зоричъ и графы Зановичи.

Что касается корнета, тѣснившагося въ повозкахъ вмѣстѣ съ прислугою, то онъ постоянно былъ полупьянъ и принималъ дѣятельное участіе въ игрѣ въ носки, которою развлекала себя челядь, состоявшая изъ вора-повара Сеньки, обжоры-форейтора Кирюшки, фалалея-камердинера Захарки и плохо бритой, облеченной въ запачканный балахонъ, въ фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ, крѣпостной твари—домашняго адвоката и крючкотворца Просоковича.

Едва вся эта компанія достигла Московской заставы, и графъ Аннибалъ предъявилъ подорожную инвалиду, какъ экипажи окружила полицейская команда. Напрасно графъ благородно протестовалъ противъ чинимаго ему насилія. Коляска подъ конвоемъ была немедленно доставлена на дворъ генералъ-губернаторскаго дома, а затѣмъ графъ Зановичъ отведенъ къ главнокомандующему, графу Захару Григорьевичу Чернышеву.

— А, плутъ, вы попали въ наши руки наконецъ!—сказалъ Чернышевъ съ презрѣніемъ, когда введенный Зановичъ поклонился ему.

— Графъ, какъ вы имѣете дѣло съ человѣкомъ извѣстной фамиліи, дворяниномъ и иностранцемъ,—сказалъ Зановичъ,—то ваше именованіе меня плутомъ до изслѣдованія дѣла болѣе чѣмъ странно.

— Что васъ изслѣдовать, вы и такъ весь тутъ! Ахъ, плутъ, плутъ!—повторилъ Чернышевъ.—Ну, покажите, что найдено при нихъ,—сказалъ Чернышевъ полицеймейстеру.

— Въ коляскѣ, ваше сіятельство, вдѣланъ былъ весьма искусно потайной ящикъ, а въ немъ оказалось 700.000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ, поддѣльныя карты и вотъ сіе письмо на имя государыни императрицы.

Полицеймейстеръ подалъ письмо графу Чернышеву.

— И крапленыя карты! Какъ же вы не плутъ?—сказалъ Чернышевъ.

— Удивляюсь и вашему обращенію со мною, графъ,—запальчиво воскликнулъ Зановичъ,—и задержанію меня въ то время, какъ я ѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ представить императрицѣ привезенныя мною изъ-за границы ассигнаціи.

— Молчите!—крикнулъ Чернышевъ.—Вы—смѣлый и наглый плутъ, извѣстный по всей Европѣ вмѣстѣ съ братомъ вашимъ мошенническимъ искусствомъ.

— Но самое письмо, изготовленное на имя ея величества, обличаетъ во мнѣ невиннаго человѣка,—отвѣчалъ Зановичъ.

— Оно обличаетъ только плута, не знающаго преградъ для своей изобрѣтательности и дерзости. Прочитайте это письмо,—приказалъ графъ полицеймейстеру.

Тотъ сталъ читать нижеслѣдующее:

«Ваше императорское величество

«Всемилостивѣйшая монархиня.

«Въ жестокой необходимости потерять все мое имѣніе или сдѣлаться преступникомъ, не колеблюсь я избрать первое. Послѣ претерпѣнныхъ убытковъ, послѣ несчастливыхъ приключеній удалось мнѣ въ послѣдній поѣздъ въ чужіе края выиграть деньгами и вещами около 30.000 червонныхъ. Одинъ бѣлорусскій жидъ, именемъ Исаакъ Каймаковичъ, знавшій меня въ Спа, увѣдомясь, что я ѣду обратно въ Россію, предложилъ мнѣ въ Берлинѣ, гдѣ я опять его нашелъ, чтобъ я промѣнялъ деньги и вещи на ассигнаціи, то я, вѣдая о великой прибыли отъ такого промѣна, послѣ многихъ разговоровъ отдалъ ему свои деньги. Пріѣхавъ въ имперію вашего величества и будучи въ Шкловѣ у его превосходительства генералъ-майора Зорича, съ которымъ я имѣю связь по причинѣ одинаковаго происхожденія нашихъ фамилій, началъ я употреблять свои ассигнаціи и промѣнивать ихъ въ случаяхъ надобностей; но братъ мой, находящійся тоже при помянутомъ генералъ-майорѣ и знающій больше Россію, нежели я, показалъ мнѣ мою нерасторопность въ томъ, что я въ чужихъ краяхъ и съ неизвѣстнымъ жидомъ вошелъ въ такое важное дѣло, и стращалъ меня безпрестанно подозрѣніями своими, что тѣ ассигнаціи могутъ быть фальшивыя. Понуждаемъ представленіями его, отвращеніемъ, которое онъ имѣлъ къ сему дѣлу, и собственнымъ моимъ сомнѣніемъ въ столь нѣжной матеріи, вознамѣрился я сложить у престола вашего императорскаго величества сумму 77.000 р., составляющуюся изъ ассигнацій, дабы ваше величество благоволили повелѣть разсмотрѣть оныя и возвратить мнѣ ихъ, если онѣ настоящія, или уничтожить, когда фальшивыя».

— Ну, какъ же вы не плутъ,—сказалъ Чернышевъ,—и не правду ли я сказалъ, еще не зная содержанія письма, что оно покажетъ только безмѣрную наглость вашу. Дерзкій преступникъ! Вы въ письмѣ «слагаете у престола»,—прекрасный даръ престолу, что и говорить!—всего 77.000 р. ассигнаціями, а при васъ найдено 700.000. То значитъ, свыше шестисотъ тысячъ хотѣли вы при себѣ оставить. Отвѣчай, что бы ты съ ними въ Петербургѣ дѣлалъ, плутъ!

— Меня примѣчаютъ, какъ разбойника, а не какъ человѣка благороднаго!—запальчиво вскрикнулъ Зановичъ.—Здѣсь я больше ничего не скажу. Я все разскажу самой императрицѣ. Ржевскій и многіе другіе господа знаютъ, что я—добрый человѣкъ!

— Уведите его!—съ глубокимъ отвращеніемъ сказалъ главнокомандующій, графъ Чернышевъ.

XXVIII.

Въ тайности.

Въ концѣ іюня 1783 г., утромъ, въ арестный домъ при московской тайной экспедиціи прибылъ чиновникъ, представившій начальнику тюрьмы бумагу отъ главнокомандующаго, графа Захара Григорьевича Чернышева. Графъ приказывалъ допустить этого чиновника къ лицамъ, содержащимся подъ стражей въ тайности по дѣлу о шкловскихъ ассигнаціяхъ, для принятія личныхъ просьбъ о встрѣчающихся имъ нуждахъ.

Надзиратель повелъ прибывшаго въ мрачныя нѣдра зловонной и грязной тюрьмы. По узкому, полутемному коридору, съ удушающей вонью, обычной такого рода мѣстамъ, чиновника привели къ камерамъ, гдѣ сидѣли арестованные по дѣлу Зановича. Самъ графъ Аннибалъ уже увезенъ былъ въ Петербургъ, въ кандалахъ, для очной ставки съ братомъ его, Маркомъ, и «неотступнаго увѣщеванія» въ виду упорнаго обоихъ преступниковъ запирательства.

— Вамъ, собственно, кого изъ сихъ заключенныхъ надо видѣть?—спросилъ надзиратель.

— Учителя Сальморана,—отвѣчалъ чиновникъ.

— Отвори 5-й номеръ!—приказалъ надзиратель сторожу, мрачному, волосатому мужику съ горбатыми лопатками и съ связками ключей на поясѣ.

Изъ отворившейся маленькой двери пахнуло на гостя еще болѣе густой и зловонной духотой. Чуть озаренная забраннымъ желѣзной рѣшеткой окошечкомъ подъ самымъ потолкомъ, узкая свод чатая келья показалась вошедшему со свѣта чиновнику совсѣм черной дырой. Ослѣпленный сумракомъ, онъ сначала ничего н могъ разобрать.

На шумъ отпиравшейся двери и шаговъ вошедшихъ кто-то зашевелился въ особенно темномъ углу и издалъ слабый стонъ.

— Однако, въ какомъ тѣсномъ заключеніи содержатся арестованные по шкловскому дѣлу!—невольно сказалъ чиновникъ.

— Въ виду чрозвычайности дѣла и прикосновенныхъ къ нему особъ они содержатся въ особливой тайности,—объяснилъ смотритель.

Глаза посѣтителя освоились, между тѣмъ, съ сумракомъ печальнаго убѣжища. Онъ различилъ столъ, стулъ и кровать въ углу. Какой-то человѣкъ поднялся, все продолжая стонать, и сѣлъ на кровати, расперпшись руками.

— Господинъ Альфонсъ де-Сальморанъ,—сказалъ чиновникъ,—вы писали къ его сіятельству, графу Захару Григорьевичу, о своихъ крайностяхъ и нуждахъ. Я присланъ къ вамъ по порученію графа.

При этихъ словахъ, сидѣвшій на постели человѣкъ медленно приподнялся и, шатаясь и простирая передъ собой руки, какъ слѣпой, сдѣлалъ два-три шага по направленію къ вошедшему и остановился въ полосѣ скуднаго свѣта, падавшей съ косого подоконника подпотолочнаго окошка кельи на ея средину. Теперь можно было разсмотрѣть его обросшее бородой худое, мертвенное лицо. Парика не было на немъ, и стриженые волосы тоже отросли и стояли сѣдой щетиной на головѣ его, оставляя большую лысину. Одѣтъ онъ былъ въ одно нижнее, до послѣдней степени грязное, платье. Это былъ Сальморанъ.

Онъ дико и угрюмо вглядывался въ вошедшаго.

— Господинъ Альфонсъ де-Сальморанъ, — повторилъ ласково чиновникъ,—графъ Захаръ Григорьевичъ принимаетъ въ васъ живѣйшее участіе. Заключеніе ваше будетъ облегчено, и по обстоятельствамъ дѣла чаятельно, что сѣкира закона минуетъ голову вашу.

Сальморанъ вдругъ весь задрожалъ съ головы до ногъ и, простирая умоляюще руки къ чиновнику, безпорядочно и глухо залепеталъ.

— Судьба моя состоитъ въ сильныхъ и правосудныхъ рукахъ его сіятельства... Но я знаю, что онъ, имѣя суровость Катонову, справедливъ, какъ Аристидъ.

— Графъ просилъ справиться, въ чемъ особливую имѣете нужду,—сказалъ чиновникъ.

— Въ чемъ имѣю нужду?—переспросилъ Сальморанъ.—О, только въ справедливости, въ одной справедливости! Имѣю надежду, что вложивый чашу въ вретище Веніаминово убоится Бога и будетъ толь совѣстенъ, что не захочетъ быть причиною несчастія неповинныхъ, которые чрезъ безразсудныя распоряженія принуждены были ѣхать въ такой злоключительной компаніи.

Несчастный закрылъ руками лицо и беззвучно зарыдалъ.

— Сальморанъ, успокойтесь,—сказалъ чиновникъ.—Повторяю, что графъ, а равностью и нѣкоторыя другія знатныя обоего пола особы, въ домахъ коихъ вы и жена ваша извѣстны, принимаютъ въ васъ участіе.

— О, государь мой,—отирая бѣгущія по провалившимся щещамъ слезы, простоналъ Сальморанъ,—простите слабость душевныхъ силъ моихъ. Примите во вниманіе пятидесятидневное содержаніе подъ стражей въ тайности, молчаніи, безъ книгъ, неизвѣстность будущаго, лютость настоящаго, допросы и строгія увѣщеванія!

— Мнѣ искренно жаль васъ, Сальморанъ,—сказалъ чиновникъ, дѣлая знакъ смотрителю, чтобы онъ вышелъ за дверь кельи, беря стулъ и садясь.—Сядьте, облегчите себя сообщеніемъ нуждъ вашихъ, прошу васъ.

Сальморанъ тоже усѣлся на кровати, нѣсколько успокоиваясь.

— Шестеро несчастныхъ, раздѣляющихъ со мною горестное состояніе, не столь жалки, какъ я,—сказалъ онъ.—Они почти всѣ холосты или рабы; я же,—воодушевляясь продолжалъ Сальморанъ,—я же имѣю званіе, принадлежу весьма честной фамиліи, имѣю отца, стараго воина и наполненнаго чести, мать самую добродѣтельнѣйшую женщицу, 14 сестеръ и 5 братьевъ, всѣ живые; они не богатые, но всѣ наполнены достойными рожденія своею качествами. Я привязанъ къ любезной женѣ, къ одному дитяти, отнятому отъ груди, къ другому, который еще сосетъ, и къ третьему, дышащему въ утробѣ почтенной моей супруги; словомъ, я принадлежу шестидесяти отцамъ или матерямъ, ввѣрившимъ мнѣ дѣтей. Я долженъ оправдать мою честь предъ ними, предъ имперіей, предъ моимъ отечествомъ, предъ всею вселенною!

Несмотря на всѣ понесенныя несчастія, актерская природа Сальморана брала свое, и онъ всталъ въ благородную позу и сопровождалъ заученныя слова свои ораторскими жестами.

— Но какъ вы попали въ эту компанію,—спросилъ чиновникъ,—что̀ была арестована при московской заставѣ?

— Единственно по неопытности и природному моему добродушію,—поспѣшно сказалъ Сальморанъ.—Ѣхалъ въ Москву по порученію генерала Зорича для закупки лексиконовъ и иныхъ нужныхъ вещей для Шкловскаго благороднаго училища, директоромъ коего состою. Государь мой,—продолжалъ онъ,—невинность моя довольно уже доказана, а потому, противъ обыкновенія всѣхъ ученыхъ людей, буду говорить о себѣ мало. Но по восторжествованіи справедливости, возстановленіи честнаго имени моего и выходѣ изъ сихъ зломрачныхъ стѣнъ, я почту за верхъ моего благополучія, чтобы жить у его сіятельства, графа Захара Григорьевича Чернышева, и посвятить малыя свои дарованія службѣ такому господину, коего высокія знанія, разумъ и великодушіе, извѣстны всей

имперіи. Сіи надежды мои основываю я на томъ, что еще пять лѣтъ тому назадъ графъ предлагалъ мнѣ мѣсто въ качествѣ секретаря его сіятельства, но на толико малое жалованье, что оное предложеніе я въ то время принять не могъ, ибо долженъ былъ еще содержать своего племянника, только что пріѣхавшаго изъ Франціи и служившаго въ Михельсоновомъ полку.

— Не знаю, расположенъ ли будетъ нынѣ графъ предоставить вамъ сіе мѣсто,—уклончиво сказалъ чиновникъ.

— Отличныя дарованія жены моей въ пѣніи, въ музыкѣ, въ играніи на клавикордахъ и театральныхъ представленіяхъ могли бы пригодиться для компаніи ея сіятельства, супруги графа, я же, съ своей стороны, употреблю всѣ свои силы, чтобы свѣдѣнія мои въ наукахъ были небезполезны.

Чиновникъ обѣщалъ передать графу просьбу Сальморана. Между тѣмъ директоръ Шкловскаго училища воодушевлялся все больше и больше, поддерживаемый радостными надеждами и пылкимъ воображеніемъ.

— Если же не угодно графу воспользоваться моими учеными познаніями,—говорилъ онъ,—то я бы предложилъ себя правительству для разысканій по самому тому дѣлу, въ которомъ моя невинность ясно оказуется. Для полнѣйшаго раскрытія преступленія извѣстныхъ вамъ монтенегриновъ Зановичей должно разослать въ разныя мѣста Европы искуснѣйшихъ агентовъ. Пусть они побывали бы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Зановичъ останавливался, и провѣдывали бы о его поступкахъ и упражненіяхъ, подслушивали бы, высматривали! Тутъ должно пустить въ дѣло прозорливость и хитрость и даже обманъ, ибо въ такихъ обстоятельствахъ и онъ позволителенъ.

Чиновникъ не могъ не улыбнуться заботамъ Сальморана о безпомощномъ въ розыскахъ правительствѣ.

Принявъ улыбку чиновника за поощреніе, Сальморанъ поспѣшилъ предложить себя самого для поѣздки за границу.

— Я употреблю такіе поиски,—съ жаромъ говорилъ онъ,—что развѣ представится физическая невозможность, чтобы я не раскрылъ сего неистоваго умысла. Въ случаѣ же успѣшнаго окончанія порученія,—продолжалъ Сальморанъ,—мнѣ должны дать мѣсто, приличное моему званію.

— Какое же?—спросилъ чиновникъ, едва успѣвавшій слѣдить за полетомъ Сальморановой фантазіи.

— Напримѣръ, при библіотекѣ ея величества, — съ важностью сказалъ Сальморанъ, проводя ладонью по щетинѣ торчащихъ надъ лысиной волосъ своихъ, — ибо я знаю совершенно библіографію, или въ академіи, или, наконецъ, въ дипломатикѣ, которой я обучался почти всю жизнь и имѣю совершенное понятіе о всемъ, касающемся до мирныхъ трактатовъ, союзовъ и государственныхъ пользъ.

Посовѣтовавъ Сальморану изложить всѣ эти соображенія свои въ особой запискѣ, чиновникъ ушелъ.

Содержаніе арестованныхъ по дѣлу Зановичей вслѣдъ за посѣщеніемъ чиновника было облегчено. Ихъ перевели въ лучшее помѣщеніе, хорошо кормили и выпускали гулять на тюремный дворъ. Въ августѣ всѣ они были освобождены изъ-подъ караула, какъ оправданные, съ обязательствомъ не дѣлать ни малѣйшаго разглашенія объ извѣстномъ дѣлѣ.

XXIX.

Осада Нейшлота.

Осеннее, бурное и злое море ревѣло у береговъ русской Финляндіи и бросало бѣлые, опѣненные валы на твердыни крѣпости Нейшлота.

Шведскій король Густавъ III внезапно объявилъ войну Россіи, и сухопутныя войска его поспѣшно вступили въ предѣлы имперіи, между тѣмъ какъ флотъ, подъ командой герцога Зюдерманландскаго, появился въ виду Нейшлота, грозя осадой.

Комендантъ Нейшлотской крѣпости, секундъ-майоръ Кузьминъ, еще въ прежнюю войну потерявшій лѣвую руку, на присланное герцогомъ требованіе сдачи крѣпости отвѣчалъ:

— Я радъ бы отворить ворота, но у меня одна рука, да и та занята шпагой.

Кузьминъ дѣлалъ смотръ на дворѣ крѣпости немногочисленной командѣ своей. Гарнизонъ состоялъ больше изъ старыхъ, битыхъ и трепанныхъ инвалидовъ.

Секундъ-майоръ, прохаживаясь по двору, качалъ головой.

— Какъ съ такой гарнизой крѣпость оборонять? — сообщалъ онъ свои сомнѣнія раздѣлявшимъ его труды офицерамъ. — Инъ надо, какъ ни есть, ухитриться, во славу матушки-государыни, утереть носъ шведамъ.

И, взявъ шпагу подмышку обрубка лѣвой руки своей, старый служака набилъ себѣ носъ здоровой понюшкой табаку и, прочихавшись, утеръ его, какъ бы поясняя наглядно, какъ онъ просто и ловко распорядится и съ носомъ герцога Зюдерманландскаго.

— Вывести изъ камеръ всѣхъ заключенныхъ! — приказалъ вдругъ секундъ-майоръ.

Скоро, бряцая кандалами, появились на дворѣ заключенные и построились, недоумѣвая, почему они выведены въ необычный часъ.

— Всѣ ли заключенные здѣсь? — спросилъ безрукій воитель

— Всѣ, кромѣ двухъ, особенно секретныхъ, — сказалъ смотритель: — коихъ велѣно содержать въ тайности.

— Хорошо. Ребята! — обратился онъ къ заключеннымъ: — швед взбунтовался противъ матушки-государыни: выслалъ флотъ пр

тивъ нашей крѣпости. Что-жъ, моихъ инвалидовъ хватило, чтобы васъ сторожить, а теперь, видно, приходится намъ всѣмъ вмѣстѣ постоять за отечество. Даете ли мнѣ честное слово, что ежели я сниму съ васъ кандалы, раздамъ вамъ амуницію и оружіе, вы станете грудью за крѣпость Нейшлотъ и, не щадя крови и живота, будете отбиваться отъ непріятеля?

— Обѣщаемъ! Даемъ!—хоромъ закричали всѣ заключенные.

— А даете ли слово, по окончаніи баталіи, возвратить оружіе и, опять надѣвъ кандалы, итти по своимъ камерамъ?

— Даемъ! Обѣщаемъ!—опять хоромъ поклялись узники.

— И я, старый солдатъ, этому вашему обѣщанію вѣрю. Помните, что я даю вамъ возможность искупить вины свои предъ Богомъ и великой государыней. Либо всѣ ляжемъ до единаго, либо отстоимъ крѣпость. А она, матушка, васъ не оставитъ своею милостью. Расковывайте людей!—приказалъ секундъ-майоръ, а самъ пошелъ въ ту башню, гдѣ заключены были въ нарочитой тайности двое узниковъ, которыхъ смотритель не рѣшился выпустить на дворъ.

Черезъ часъ времени онъ опять появился на дворѣ, ведя одѣтыхъ въ офицерскіе мундиры и опоясанныхъ шпагами стройныхъ и атлетически сложенныхъ узниковъ.

Къ этому времени всѣ арестанты, безъ оковъ, облеченные въ солдатскую амуницію, стояли уже въ ружьѣ.

— Вотъ, ребята, и командиры вамъ! — сказалъ старый инвалидъ, указывая на приведенныхъ имъ молодцовъ.

Нѣсколько дней велась оборона крѣпости. Осада шведовъ была храбро отбита гарнизономъ и заключенными, показавшими примѣръ доблести и дисциплины. Казалось, довѣріе коменданта, сознаніе важности услуги, которую оказываютъ они отечеству, пробудило въ груди этихъ, осужденныхъ за разныя весьма тяжкія вины, людей всѣ задавленные жизнью и судьбой благородные инстинкты. Но особой отвагой, умѣньемъ и дѣльными совѣтами при возведеніи спѣшныхъ укрѣпленій, дѣйствительно послужившихъ къ тому, отличились два таинственные узника, коимъ предоставлено было командовать столь необыкновеннымъ отрядомъ.

На бомбардировку непріятеля крѣпость дѣятельно, нанося ему существенный вредъ, отвѣчала изъ своихъ орудій. Приступы высадившагося дессанта тоже были успѣшно отбиты съ весьма значительными потерями людей убитыми и ранеными. Подошедшій русскій флотъ, подъ командою вице-адмирала Грейга, заставилъ шведовъ отойти отъ крѣпости.

Безрукій комендантъ опять собралъ всю свою команду на дворѣ крѣпости.

— Ну, ребята, уважили стараго солдата! Молодцами работали во славу матушки-государыни. А теперь, помните ваше обѣщаніе?

— Помнимъ!—отвѣтили храбрецы.

— Принять у заключенныхъ оружіе и амуницію! — приказалъ комендантъ.

Оружіе было выдано заключенными безъ промедленія. Они сняли амуницію, надѣли обычные наряды свои.

— Заковывайте арестантовъ! — приказалъ комендантъ, а самъ повелъ въ башню двухъ таинственныхъ узниковъ.

По рапорту коменданта Нейшлотской крѣпости о достохвальнымъ поведеніи заключенныхъ при оборонѣ крѣпости послѣдовало существенное облегченіе ихъ участи. А что касается до двухъ узниковъ, содержавшихся въ тайности, то по высочайшему указу они препровождены были къ городу Архангельску и высланы оттуда на случившемся запоздавшемъ купеческомъ кораблѣ внѣ имперіи, при чемъ подтверждено было имъ подъ жесточайшимъ наказаніемъ впредь не возвращаться въ границу Россіи.

Эти два нейшлотскихъ узника были братья Зановичи.

XXX.

Двѣ души.

Со времени шкловской передряги прошло десять лѣтъ. Не разъ русское оружіе покрывалось неувядаемыми лаврами. Уже великолѣпный князь Таврическій покоился вѣчнымъ сномъ, оплаканный великою Екатериною. Уже разразилась французская революція, и Людовикъ Капетъ вознесся въ сонмы небесныхъ мучениковъ. Однажды въ золотой залѣ Царскосельскаго дворца Екатеринѣ представлялось нѣсколько юношей хорошихъ дворянскихъ фамилій Бѣлоруссіи.

То были воспитанники Шкловскаго благороднаго училища, успѣшно окончившіе тамъ полный курсъ наукъ.

Генералъ-майоръ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, главный директоръ училища, ходатайствовалъ о дальнѣйшей судьбѣ питомцевъ своихъ.

Зачисленные въ гвардейскіе полки, въ мундирахъ, сооруженныхъ тоже на средства Зорича, юноши съ замиравшими сердцами ожидали выхода монархини.

Екатерина появилась и, какъ всегда, милостивая и чарующая, улыбаясь, глядѣла на молодыхъ людей, въ то время какъ колѣнопреклоненные они лобызали державную руку царицы. Но голубыя очи ея выражали утомленіе долголѣтнимъ царствованіемъ.

Графъ Зубовъ равнодушно любезничалъ съ придворными дамами.

Но когда одинъ изъ юношей, облобызавъ руку Екатерины, поднялъ голову, и монархиня вглядѣлась въ нѣжное, прекрасное лицо его, съ правильнымъ носомъ, большими, карими глазами и

двумя буклями, которыя, свѣшиваясь съ висковъ, обрамляли алыя щеки молодого человѣка, то вдругъ невольное волненіе выразилось въ чертахъ державной жены.

— Какъ похожъ!—прошептала она. И съ мечтательной грустью проводила она взглядомъ отошедшую молодежь.

Была ли то игра случая, или въ самомъ дѣлѣ кровь ея бывшаго фаворита текла въ жилахъ юноши, обратившаго на себя вниманіе монархиня, но онъ живо напомнилъ ей былые дни. Удалившись въ свои внутренніе покои, Екатерина достала медальонъ съ миніатюрнымъ изображеніемъ Зорича и потомъ много говорила о немъ и разспрашивала, все такъ же ли чудитъ, пируетъ и понтируетъ шкловскій помѣщикъ.

— Ваше величество,—сказалъ графъ Зубовъ,—насколько мнѣ извѣстно, генералъ-майоръ Зоричъ особенное тщаніе прилагаетъ къ усовершенію своего благороднаго училища. Можно сказать, что учрежденіе сіе является гнѣздомъ просвѣщенія для всего того края и особливо благодѣтельно недостаточному, благородному шляхетству бмоленскому и сѣлорусскому.

— Да, намѣренія генерала заслуживаютъ всякаго поощренія и похвалы,—сказала Екатерина.

Вечеромъ, за картами, она опять вспомнила Зорича и сказала задумчиво статсъ-секретарю Храповицкому:

— Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ дурное; былъ храбръ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, но лично трусъ. И виноватъ по дѣлу графовъ Зановичей о фальшивыхъ ассигнаціяхъ,—помолчавъ, прибавила государыня.

Н. Энгельгардтъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ШЕСТИДЕСЯТНИКА [1].

(Автобіографія И. А. Худякова).

XV.

Слѣдствіе.

НО, УВЫ! первымъ вреднымъ свидѣтельствомъ противъ меня было показаніе Ермолова, что Ишутинъ слыхалъ отъ меня въ Москвѣ о пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ. Конечно, дѣлая такое показаніе, Ермоловъ не воображалъ, что онъ ставитъ меня въ неловкое положеніе. Ишутинъ подтвердилъ его показаніе, что уже доказывало, что Каракозовъ былъ мнѣ извѣстенъ подъ настоящимъ именемъ. Снова взялись за меня; запираться долѣе значило только навлекать на себя большее подозрѣніе, и потому я показалъ, что дѣйствительно скрылъ фамилію Каракозова, но единственно изъ опасенія, чтобы такой ужасный человѣкъ не сдѣлалъ на меня какого нибудь оговора... Этимъ, можетъ быть, дѣло и кончилось бы; но, къ несчастію, тутъ уже доносы посыпались со всѣхъ сторонъ.

Трудно себѣ представить, какая шпіонская манія охватила публику послѣ 4 апрѣля... Жена офицера Алексѣева, разссорившис- съ мужемъ изъ-за какихъ-то пустяковъ, донесла, что онъ был знакомъ съ друзьями Каракозова, и что, безъ сомнѣнія, у них

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI, стр. 397.

было тайное общество. Красавецъ Корево, только-что познакомившійся съ Страндерномъ, донесъ на цѣлый десятокъ человѣкъ, какъ на членовъ ада, положившаго истребить царскую фамилію. Однимъ изъ самыхъ жестокихъ доносовъ былъ доносъ на меня Владимира Лебедева. Это—тотъ самый, котораго въ 1861 г. чуть не убили на площади, и съ которымъ жена моя имѣла неосторожность поссориться за двѣ недѣли до 4 апрѣля... Можетъ быть, его подстрекнула къ доносу и мать, которая еще годъ тому назадъ хвастала доносомъ, а теперь была сильно зла на насъ за свадьбу Никольскаго. Доносъ В. Лебедева былъ сдѣланъ такъ, что, по всѣмъ соображеніямъ, я виновникъ событія 4 апрѣля; что я всегда былъ агитаторъ; что моя жена въ 1864 г. бросила на площади букетъ Чернышевскому; что я всегда и вездѣ проповѣдывалъ свои идеи; что, наконецъ, весь городъ указываетъ на меня, какъ на зачинщика. Только, къ сожалѣнію, самъ я лично не говорилъ съ нимъ ни о какомъ политическомъ дѣлѣ. По городу разосланы были шпіоны, которые и подтвердили городскіе слухи. Тогда принялись за меня обѣими руками; съ той поры рѣдкій день проходилъ, чтобы мнѣ не было допросовъ разъ или два, а иногда и три раза. «Что это васъ таскаютъ такъ часто къ допросу?—спросилъ одинъ дежурный офицеръ:—развѣ вы въ чемъ нибудь виноваты?»—«Нѣтъ, вѣрно, они предпочитаютъ говорить болѣе съ невинными».

Сначала не знали, чѣмъ взяться. «Муравьевъ васъ осудитъ на основаніи «Самоучителя»: вы распространяли идеи, направленныя къ низверженію религіи и правительства».—«Нисколько; вѣрно, Муравьеву ложно доносили; книга самая нравственная и полезная».—«Хорошо, вамъ будутъ объ этомъ вопросы. Я книгу принесъ». Я посмотрѣлъ: экземпляръ еще не былъ разрѣзанъ.—«Позвольте же мнѣ разрѣзать».—«Нѣтъ, вамъ нельзя: эта книга запрещена правительствомъ. Нѣтъ, уже вы не отговаривайтесь: ячейки, ячейки! рано еще народу было знать объ ячейкахъ!» Этимъ и кончился вопросъ о «Самоучителѣ».

Потомъ шли вопросы о нигилизмѣ, о центрахъ нигилизма, о томъ, что я сдѣлалъ бы, если бы былъ начальникомъ края; каждый допросъ начинался и оканчивался вопросомъ: «Вы направили ударъ?» Увѣщанія продолжалось по суткамъ, такъ что утомляли меня даже физически. «Неужели вы думаете, что между этой массой доносовъ правительство не сумѣетъ различить правды? Теперь васъ въ городѣ готовы растерзать. Михаилъ Николаевичъ—государственный человѣкъ; городъ послалъ ему однихъ з о л о т ы х ъ калачей цѣлыя тысячи. Теперь Комиссаровъ сдѣланъ»... — «Членомъ-сотрудникомъ филантропическаго общества!» —подсказалъ я. На это слѣдователь, улыбаясь, погрозилъ мнѣ пальцемъ. Затѣмъ шли допросы объ Утинѣ, Печаткинѣ, о поѣздкѣ за границу; все это не приводило ни къ чему. «Скажите, пожалуйста, да почему

же въ городѣ всѣ говорятъ про васъ?»—«Очень понятно; ну, написалъ либеральную книжку, теперь арестованъ. Имъ нечего дѣлать; вотъ и кричатъ... Да, можетъ быть, сами ваши шпіоны и подняли этотъ крикъ»...—«Нѣтъ, ужъ вы не отпирайтесь... Вотъ вчера былъ здѣсь (въ крѣпостномъ соборѣ) митрополитъ; я нарочно хотѣлъ за вами послать».—«Да напрасно вы воображаете, что я—политическій человѣкъ; довольно уже взглянуть на меня, чтобы убѣдиться, что я не могу быть политическимъ дѣятелемъ»...—«Ну, нѣтъ, сила духа обратно пропорціональна тѣлу»...—«Напримѣръ, Петръ Великій!»—возразилъ я.—«Ну, это исключеніе».

Затѣмъ слѣдовалъ допросъ о дѣятельности и образѣ мыслей моей жены. Я, конечно, не могъ отгадать, какъ она будетъ держаться при допросѣ, и отвѣчалъ, что у нея, какъ у женщины, никакого образа мыслей нѣтъ, и на каждой недѣлѣ семь пятницъ.

Такимъ образомъ, допросы оканчивались ничѣмъ, зато опасность приближалась съ другой стороны. Москвичи уже выдали, что я былъ великимъ постомъ въ Москвѣ, и что мнѣ была извѣстна фамилія Каракозова. Это было тѣмъ болѣе странно для меня, что, по моимъ расчетамъ, ни Ишутинъ, ни Странденъ никоимъ образомъ не могли быть въ комиссіи; самое запирательство Каракозова въ [1]...

Затѣмъ, комиссія какъ-то узнала, что я знакомъ съ Матковымъ: наконецъ, мнѣ дѣлали допросы объ «обществѣ вольныхъ стрѣлковъ»... Этотъ вопросъ всего болѣе смущалъ меня; стало быть, у нихъ открыто общество, если о немъ даютъ письменные вопросы. «Вы ужасно упорны, — сказали мнѣ въ комиссіи:—у насъ вы самый упорный. Да и запираетесь-то вы напрасно. Васъ все равно уличатъ; вамъ будетъ много очныхъ ставокъ: съ Корево, Юрасовымъ, Странденомъ, Ишутинымъ и пр. и пр. Сегодня Михаилъ Николаевичъ ѣдетъ къ государю и, если вы сейчасъ же не напишете сознанія, то онъ долженъ будетъ доложить о васъ государю, какъ о самомъ упорномъ». Все разоблачено, — думалъ я,— не даромъ предупреждалъ Матковъ. «Пусть докладываютъ, какъ знаютъ, а я совершенно ничего не знаю»...

Положеніе всякаго попавшагося въ руки III Отдѣленія сходно съ положеніемъ сказочныхъ героевъ. Богатырь идетъ къ своей цѣли длинными, неизвѣстными путями, а нечистая сила со всѣхъ сторонъ старается испугать его страшными образами; она принимаетъ виды огненнаго озера, ужасающихъ чудовищъ, всевозможныхъ гадовъ и голосовъ; то прикидывается она плачущей красавицей, то зарѣзаннымъ ребенкомъ. Если только герой обернется лицомъ, нечистая сила съ торжествомъ разрываетъ его на мелкія части; если же онъ, несмотря на ужасъ, идетъ себѣ безъ оглядки,

[1]) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

онъ наконецъ благополучно достигнетъ своей цѣли, а нечистая сила, видя его побѣду, съ дикимъ воплемъ кинется отъ него въ сторону...

Въ такомъ же положеніи находился и я; къ сожалѣнію, я не былъ богатыремъ; здѣсь я долженъ напомнить читателю, въ какомъ жалкомъ состояніи я вернулся изъ-за границы въ Петербургъ, гдѣ я не имѣлъ средствъ лѣчиться, а новые два мѣсяца жизни съ женой довели меня наконецъ до того, что я едва держался на ногахъ. Ишутинъ видѣлъ меня изъ окна Никольской куртины и подумалъ: «онъ непремѣнно вскорѣ умретъ». И такой-то полумертвый человѣкъ выдерживалъ сотни допросовъ и часто давалъ весьма тонкіе отвѣты...

Въ крѣпости кормили такой пищей, которой не позавидовали бы многія собаки. Подозрительность моя такъ усилилась, что я не принималъ даже лѣкарства, присланнаго докторомъ Беромъ. Конечно, заключеніе, соединенное съ постоянной тревогой, не могло поправить моего здоровья; напротивъ, оно совершенно лишило меня аппетита и физическихъ силъ. Притомъ, въ это время я сидѣлъ уже въ Никольской куртинѣ, какъ бы обреченный на съѣденіе вшамъ.

При такомъ-то физическомъ состояніи меня снова потребовали къ допросу (24 апрѣля). «Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете?—говорили слѣдователи.—Муравьевъ уже докладывалъ государю императору, и онъ приказалъ требовать отъ васъ сегодня же немедленнаго сознанія, а то приказалъ васъ объявить внѣ законовъ, пытать и затѣмъ разстрѣлять черезъ шесть дней военнымъ судомъ!» Зная Муравьева, зная исключительность слѣдствія, не бывавшаго уже 150 лѣтъ, кто бы не повѣрилъ, что это—правда... «Пусть лучше разстрѣляютъ!»—вскричалъ я съ отчаяніемъ. Будь я здоровъ, не будь мои нервы такъ разстроены, безъ сомнѣнія, я отвѣтилъ бы иначе: «Что жъ, вы можете разстрѣлять и невиннаго; но все-таки я и на площади скажу, что я невиненъ».

Изъ этого возгласа слѣдователи заключили, что я дѣйствительно что-то знаю, только не хочу сказать. — «Да вы напрасно отказываетесь. Повѣрьте, вѣдь намъ все извѣстно. Ваше показаніе намъ даже не нужно; ваши товарищи уже все показали».— «Что же?»—«Да вотъ объ ихъ тайномъ обществѣ, о вашихъ сношеніяхъ, о поѣздкахъ, о томъ, зачѣмъ Странденъ съ Ишутинымъ были у васъ въ Петербургѣ два раза!» Эти слова были каплей, переполнившей сосудъ. Прислуга не могла показать этого: она не знала фамиліи моихъ знакомыхъ; Ишутина и Страндена не можетъ быть въ комиссіи; стало быть, это несомнѣнное доказательство, что москвичи разболтали все до послѣднихъ пустяковъ.

Меня побороли двѣ мысли: мысль о пыткѣ (я былъ слишкомъ слабъ физически, чтобы презирать ее) и убѣжденіе въ томъ, что

безполезно скрывать то, что уже дознано. Въ эту минуту мнѣ даже показалось выгоднымъ написать что нибудь для того [1])...

Это ложное соображеніе заставило меня написать на Ишутина какую-то ерунду (смѣшно думать, что это выдавалось за сознаніе). Но не успѣлъ я еще окончить показаніе, какъ по глазамъ слѣдователей я съ быстротой кошки успѣлъ замѣтить, что меня поймали въ ловушку. Первымъ моимъ движеніемъ было изорвать показаніе; если бы я ограничился этимъ, изорванные клочки никогда бы не оставили показанія; но нервные больные люди бываютъ иногда весьма эксцентричны въ своихъ дѣйствіяхъ; а мнѣ захотѣлось даже, чтобы никто не прочиталъ моего показанія; и потому, смявъ клочки, я захотѣлъ сжевать ихъ... Въ одну минуту два звѣря бросились на меня, и изъ всѣхъ силъ избили меня до такой степени, что я потерялъ сознаніе, и написалъ новое показаніе о томъ же, но уже подъ диктовку слѣдователей.

Меня отвели въ казематъ совершенно убитаго нравственно и физически: съ отчаянія я рѣшился прекратить свою жизнь (на этотъ случай у меня былъ ремень, который я съ самаго начала искусно пряталъ отъ всѣхъ обысковъ). Ночью, лежа на кровати подъ одѣяломъ, я затянулъ себѣ шею какъ можно туже и задѣлъ за желѣзный крюкъ; кровь стала приливать въ голову; я чувствовалъ, какъ лицо мое раздувалось, дыханіе сдѣлалось затруднительнымъ, но смерти не было... Будь я въ то время здоровъ, полнокровнѣе, этого было бы вполнѣ достаточно для самоубійства. Я пробился такъ часъ или два, силы мои истощились, умъ и его энергія омрачились отъ прилива крови, а рука какъ-то совершенно противъ воли сама собой сдернула ремень съ крючка... Такимъ образомъ эта попытка не умертвила меня, а только окончательно истощила мои силы. Такова была годовщина свадьбы!..

На другой и на третій день я едва-едва ходилъ, былъ въ какомъ-то полусознательномъ состояніи и еще разъ написалъ въ комиссіи подлое показаніе.

Наконецъ, на четвертый день ко мнѣ привели крѣпостного доктора; этотъ докторъ глядѣлъ человѣкомъ; онъ внимательно осмотрѣлъ меня и прописалъ лѣкарство, которое снова возстановило мои силы въ такое нужное время.

Между тѣмъ, члены комиссіи торжествовали... Они поймали теперь въ сѣти главную птицу; теперь отъ нихъ никто не уйдетъ... «Веревокъ у насъ много; мы ихъ всѣхъ перевѣшаемъ»,—разсуждали они въ восторгѣ...

Каково же было ихъ удивленіе, когда при новыхъ допросахъ я потребовалъ себѣ бумаги, чтобы опровергнуть прежнія показанія. Конечно, мнѣ въ этомъ отказали, и составили **ложный** актъ, что

[1]) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

будто бы я подтвердилъ свои показанія и даже разъяснилъ ихъ въ подробностяхъ (но какихъ—неизвѣстно). Въ этомъ случаѣ они, конечно, подсунули бы бумагу... Однако, и эта уловка была безполезна.

Въ это время смотрѣли на насъ слегка, какъ на кучку мальчиковъ, не представлявшую серьезной опасности государству. Еще съ самаго начала слѣдствія москвичи повредили себѣ тѣмъ, что сознались въ знаніи намѣренія Каракозова; они припутали въ своихъ показаніяхъ имя Константина Николаевича, какъ будто нарочно для того, чтобы дать Муравьеву бо́льшую силу (Константинъ Николаевичъ былъ всегда врагомъ Муравьева). Затѣмъ показаніе объ европейскомъ комитетѣ впервые убѣдило комиссію въ существованіи серьезнаго заговора. Тутъ-то начался самый разгаръ слѣдствія. Я не буду здѣсь передавать груды письменныхъ показаній, а сдѣлаю только нѣсколько замѣчаній, которыхъ нѣтъ при дѣлѣ.

Только секретарь и нѣкоторые прикомандированные офицеры и чиновники отличались опытностью въ слѣдственныхъ дѣлахъ. Напротивъ, члены комиссіи отличались замѣчательною тупостью. Муравьевъ почти ничего не понималъ, что происходило у него передъ глазами, и только, какъ слабоумное дитя, радовался, вспоминая, что ему еще прежде удалось донести на мой «Самоучитель». «Безпечность властей, безпечность властей!—твердилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ:—если бы не я... пожалуй, теперь продавали бы второе изданіе!»... Генералъ Шварцъ, выписанный изъ Варшавы, не могъ сказать слова, чтобы не упомянуть о висѣлицѣ; генералъ Огаревъ не зналъ, что такое трихина, и смѣшивалъ ее съ стрихниномъ; послѣ обѣда всегда былъ пьянъ и сидя храпѣлъ на стулѣ; трезвый любилъ болѣе всего похабные разговоры... «Эти нигилистки живутъ по пословицѣ: чей быкъ ни скачетъ, а телята наши»,—сказалъ онъ однажды при мнѣ.—«Ваше превосходительство говорите, какъ экспертъ въ этихъ дѣлахъ»,—замѣтилъ я ему. Послѣ этого онъ при мнѣ былъ сдержанъ.

Какъ ни билась комиссія, но все-таки при новыхъ письменныхъ показаніяхъ я совершенно отвергнулъ прежнія, какъ данныя въ болѣзненномъ состояніи. Такимъ образомъ, старыя показанія совершенно уничтожались, къ величайшему озлобленію комиссіи; она не могла воспользоваться моими показаніями при составленіи обвинительныхъ актовъ... Послѣ того, меня осыпалъ цѣлый дождь большихъ и малыхъ показаній, а комиссія не могла добиться отъ меня ничего... Европейскій комитетъ съ цѣлью убить всѣхъ государей Европы; фальшивые паспорты, наркотическія вещества, рекомендательныя письма для освобожденія Чернышевскаго; сношенія и знакомства съ Герценомъ, Огаревымъ и Утинымъ; показаніе Маткова о томъ, будто онъ мнѣ поручалъ донести, что Кара-

козовъ хочетъ покуситься на жизнь государя; показаніе самого Каракозова, что мнѣ извѣстно было его намѣреніе, что я содѣйствовалъ его преступленію, давши ему денегъ на покупку пистолета; письмо, писанное неизвѣстной рукой химическими чернилами, письмо, гдѣ говорилось, что «скоро крестъ Михаила Архангела будетъ въ нашихъ рукахъ», и упоминался рядъ псевдонимовъ, письмо, которое будто бы далъ я; наконецъ, показаніе о томъ, что будто бы я имѣлъ намѣреніе взорвать на воздухъ наслѣдника престола, и пр.,—все это падало на меня своею тяжестью, но я не сдавался и отрицалъ рѣшительно все. Комиссія, впрочемъ, имѣла полное убѣжденіе, что смерть моя будетъ ея утѣхой. Когда Ишутинъ хотѣлъ отказаться отъ своихъ показаній противъ меня, то ему сказали очень спокойно: «Не думайте, что вы его избавите отъ смертной казни, его разстрѣляютъ уже по одному сибирскому сепаратизму». Но всего болѣе обозлило комиссію противъ меня показаніе, что будто бы я подговаривалъ Ишутина основать въ Москвѣ особое тайное общество съ исключительною цѣлью цареубійства; что, когда онъ возразилъ мнѣ, что народъ привыкъ къ царямъ, то я отвѣчалъ, что все-таки можно убить царя, произвести революцію, а народу сказать, что его убили помѣщики... «А, такъ, вотъ что ему хотѣлось: насъ-то, насъ-то всѣхъ перерѣзать»,—кричали члены комиссіи. Они всѣ были помѣщики...

Едва ли съ основанія Россійскаго государства на кого нибудь были столь тяжелыя показанія. Комиссія заранѣе меня повѣсила, и объявила почти всей Россіи о моей смерти... Однако, торжество ея оказалось впослѣдствіи преждевременнымъ.

Досада комиссіи была тѣмъ сильнѣе, что уже никто ничего не могъ болѣе отъ меня добиться. Муравьевъ лично грозилъ мнѣ пыткой, посадилъ меня на хлѣбъ на воду (также сажали Ишутина и Никифорова) и поставилъ караульныхъ въ номерѣ.

Впрочемъ, никакія мѣры не дѣйствовали; а въ случаѣ пытки я хотѣлъ сдѣлать показаніе на Срезневскаго, а на другой день опять отказаться, чтобы поставить тѣмъ комиссію въ новое затрудненіе.

Всѣ члены комиссіи, не исключая «шалуна свиты его величества», поочередно брали меня подъ свое покровительство и употребляли всѣ способы выпытать что нибудь изъ меня... «Ну, Худяковъ, повѣсятъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—по крайней мѣрѣ, императору-то надо все открыть». «Да ужъ покайтесь; тутъ нечего запираться»... «Ну, что другихъ жалѣть, когда своя крыша каплетъ... Вы не скажете, другіе скажутъ». (Пусть себѣ говорятъ, если знаютъ; а я былъ бы радъ показать, да нечего). «Вотъ Каракозовъ: въ томъ, по крайней мѣрѣ, раскаянье есть... А вы? Вы ничего не хотите показать. Вотъ посмотрите: Каракозова императоръ помилуетъ, а васъ нѣтъ»... Я самъ твердо былъ убѣжденъ въ

этой мысли; помиловать человѣка, увлеченнаго, толкнутаго другимъ (такъ думала комиссія), и казнить подстрекателя было бы дѣломъ справедливости. «Вотъ этого я люблю, — говорилъ... — пропадать, такъ пропадать одному». И дѣйствительно, я рѣшился скорѣе десять разъ умереть, чѣмъ сдѣлать вынужденное показаніе. И впослѣдствіи, когда моя твердость такъ неожиданно вознаградилась, мнѣ нерѣдко приходили на память евангельскія слова: «Кто хочетъ спасти душу свою, погубитъ ее, а кто хочетъ погубить душу свою, спасетъ ее»...

Между тѣмъ въ обѣихъ столицахъ былъ поднятъ обо мнѣ ужасный шумъ. Всѣхъ моихъ знакомыхъ, даже мою шубу и платье, все заарестовали и потребовали къ допросу. Каракозовъ и еще кто-то показали, что они видѣли у меня нѣкоего поляка съ черными усами; поэтому полиція пересчитала по пальцамъ всѣхъ поляковъ Петербурга и нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовала. (Таковъ былъ, между прочимъ, Гурко, сотрудникъ «Голоса»). Не знаю, кто (но, вѣроятно, Вл. Лебедевъ) донесъ, что я два мѣсяца обѣдалъ въ технологической кухмистерской. По этому случаю чуть не арестовали весь технологическій институтъ. Напрасно я увѣрялъ комиссію, что ходилъ въ кухмистерскую единственно съ гастрономическою цѣлью. «Нѣтъ, вы непремѣнно тамъ свои идеи проповѣдывали». Несчастный Линевъ, бывшій у меня всего два раза за покупкой археологическихъ книгъ, просидѣлъ въ крѣпости нѣсколько мѣсяцевъ... Всѣ хозяева моихъ квартиръ, чуть ли не съ самаго моего пріѣзда въ Петербургъ, служанки, дворники, будочники, даже часовые съ мостовъ (напримѣръ, Самсоніевскаго) должны были давать обо мнѣ свои показанія.

Нечего говорить, что мои сожители по квартирѣ не избѣгли общей участи. Сестра моей жены, Варвара, шестнадцатилѣтняя дѣвочка, жившая со мною только три дня передъ моимъ арестомъ, просидѣла въ части шесть недѣль. Скверное содержаніе, духота помѣщенія вредно подѣйствовали на болѣзненную дѣвочку, такъ что, по выходѣ ея на свободу, докторъ объявилъ, что она непремѣнно умретъ, что у нея начали гнить легкія... Такъ легко можно убить невиннаго человѣка!.. На арестъ этотъ комиссія не имѣла права; но комиссія придерживалась средневѣковаго права, когда за преступленія одного казнили всѣхъ родственниковъ.

Дѣло Александра Никольскаго имѣло близкое отношеніе ко мнѣ. Комиссія производила обыскъ въ моей старой квартирѣ, и по пути обыскала тѣ комнаты, которыя были по сосѣдству. Тутъ, между прочимъ, жилъ студентъ Яковенко, у котораго и нашли письмо Александра Никольскаго,—письмо, писанное наканунѣ 4 апрѣля: «Вчера **тамъ** говорили, что нужно усилить работу... Присылай побольше денегъ»... Вчера относилось ко 2 апрѣлю; а Каракозовъ по ошибкѣ показалъ, что онъ получилъ отъ меня денегъ на писто-

леть въ субботу, 2 же апрѣля. У комиссіи естественно явилось подозрѣніе, что въ субботу у насъ была сходка, на которой и было рѣшено покушеніе. Никольскаго спросили: «гдѣ это тамъ?» Никольскій указалъ на Лопатина, но Лопатинъ отвѣчалъ, что онъ не видѣлъ Никольскаго двѣ недѣли до покушенія. На новый допросъ Никольскій отвѣчалъ, что тамъ значитъ университетъ, но и это объясненіе было неудачно: 2 апрѣля была Пасха, и въ университетѣ никого не было. Подозрѣніе усиливалось еще болѣе показаніемъ Каракозова, что онъ видѣлъ въ моей квартирѣ Никольскаго. Наконецъ, дѣвица Комарова по ошибкѣ показала, что Кобылинъ просилъ у нея на страстной недѣлѣ квартиры для человѣка, «который пріѣдетъ изъ Москвы по важному дѣлу», и что когда она обратилась къ Никольскому, то у него вырвалось только два слова: «а, знаю!» Комиссія сообразила, что я былъ у Кобылина, и у Каракозова, что о замыслѣ Каракозова знали не только Кобылинъ и я, но черезъ меня и Никольскій. Это дѣло грозило мнѣ новой петлей; но Никольскій былъ твердъ, а дѣвица Комарова показала, что у Никольскаго была такая привычка говорить: «а, знаю!».

Еще съ двадцатыхъ чиселъ мая меня перевели въ равелинъ. Комиссія держалась такой безсмысленной системы: главные виновники (Каракозовъ и Ишутинъ) сидѣли въ равелинѣ, и на содержаніе имъ отпускалось 70 копеекъ въ сутки; менѣе виновные сидѣли въ крѣпости, и на нихъ отпускалось 30 копеекъ въ сутки; наконецъ, невинные свидѣтели сидѣли по частямъ и получали 10 копеекъ въ сутки. Нечего и говорить о строгости равелинскаго заключенія; солдаты всегда входили вшестеромъ и должны были слѣдить другъ за другомъ; имъ было запрещено отвѣчать что бы то ни было, кромѣ «не могу знать»...—«Сегодня дождикъ?»—«Не могу знать».—«Сегодня среда?»—«Не могу знать» и т. д.

Комендантомъ равелина былъ старый полковникъ-нѣмецъ, постоянно приговаривавшій: «Ну-съ (Nuss) по-русски орѣхъ» (вмѣсто того, чтобы сказать: Nuss по-нѣмецки орѣхъ). Провожая меня къ допросамъ, онъ постоянно удивлялся: «И съ чего вы выдумали сдѣлаться распорядителемъ такого обширнаго тѣла, какъ громадная Россійская имперія?»...—«Не знаю, съ чего вы выдумали, что мы выдумали,—отвѣтилъ я,—можетъ быть, мы ничего и не думали»...—«Захотѣли вы быть умнѣе насъ»...—«Удивительно! какова дерзость!»—подсмѣивался я.—«Я думаю, это все отъ праздности»,—заключилъ онъ рѣшительно. Иногда, впрочемъ, отъ скуки, идя къ допросамъ или обратно, я самъ начиналъ съ нимъ разговоръ. «Такъ-то вотъ старая Россія молодую на веревкѣ и водитъ». — Помощникъ равелинскаго коменданта, еще молодой офицеръ, Соболевъ, приговаривалъ обыкновенно другое: «Ничего, ничего, все перемелется—мука будетъ». Или: «А вы думали: тяпъ-ляпъ, да и клѣтка»...

Сначала я думалъ, что показанія мои 24 и 25 апрѣля повредили только мнѣ одному; я даже считалъ ихъ полезными въ томъ отношеніи, что [1])... Однако очныя ставки и показанія москвичей убѣдили меня въ томъ, что и моя ошибка вредна многимъ: мало того, она уже перестала мнѣ казаться ошибкой и представлялась, какъ самое наглое и подлое преступленіе. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе всего заключенія и долго послѣ того я смотрѣлъ на себя, какъ на человѣка, сдѣлавшаго самую возмутительную пакость. Подъ вліяніемъ нервности, усиленной вслѣдствіе голода, тюремнаго заключенія, допросовъ, мой проступокъ казался мнѣ столь громаднымъ, столь безконечно-преступнымъ, что ни ночью, ни днемъ, ни на минуту я не былъ въ нравственно-спокойномъ состояніи. Ложась въ девятомъ часу спать, я могъ заснуть только въ три-четыре часа; послѣ двухъ-трехъ часовъ безпокойнаго сна я тревожно вскакивалъ съ кровати и въ величайшихъ нравственныхъ мученіяхъ бѣгалъ по комнатѣ... Я даже не могъ читать книгъ: каждое слово казалось мнѣ обличеніемъ моей неслыханной подлости и возбуждало только сильное угрызеніе совѣсти... Къ несчастью, я никогда не отличался слезливостью, а слезы были бы для меня большимъ облегченіемъ въ подобномъ положеніи. Мученія мои были столь сильны, что я едва-едва совершенно не сошелъ съ ума; днемъ и ночью я безпрестанно бѣгалъ кругомъ по каземату и ругалъ себя всякими ругательствами, какія только могъ придумать (на свободѣ я никогда не ругался). Казенные башмаки были очень тонки, и ноги мои ежедневно покрывались новыми и очень большими мозолями. Я возненавидѣлъ себя, по крайней мѣрѣ, во сто разъ больше, нежели самыхъ злѣйшихъ своихъ личныхъ враговъ, и вмѣстѣ съ собою возненавидѣлъ свою жену, какъ коренную причину моихъ ошибокъ. Даже до сихъ поръ, несмотря на то, что уже полтора года и множество новыхъ впечатлѣній легли на душу, я не могу забыть этого обстоятельства, и еще ни разу не былъ такъ веселъ, какъ бывало прежде. Даже прогулка въ равелинскомъ саду не могла меня развлечь: и въ саду я точно такъ же бѣгалъ, повторяя себѣ тѣ же проклятія. «Что это вы, баринъ, такъ мучитесь?»—спросилъ меня часовой (это было уже въ августѣ).—«Нагрѣшилъ, такъ вотъ теперь и мучусь»,—отвѣчалъ я.—«Ну, какіе у васъ грѣхи!—воскликнулъ онъ тономъ самаго искренняго убѣжденія,—развѣ за родительскіе!» Самъ я считалъ себя достойнымъ казни, и если бы не ненависть къ комиссіи, то, кажется, я сознался бы во всемъ, что могло вести меня одного на висѣлицу.

Я страдалъ такъ глубоко, что не знаю, съ чѣмъ сравнить свое чувство; нравственныя терзанія сильно истощаютъ физическія силы... Поэтому я впослѣдствіи самъ нерѣдко удивлялся: от-

[1]) Пропускъ въ рукописи.

куда у меня взялись силы, что при своей физической слабости я перенесъ все это и остался живъ? Вдумываясь теперь въ это, полагаю, что только эта постоянная безсознательная бѣготня вслѣдствіе могучести мученій и дала мнѣ силы перенести страданія: волей-неволей она должна была доводить меня до физическаго утомленія и давать мнѣ хотя по два, по три часа нѣкотораго успокоенія во снѣ.

Между тѣмъ, допросы продолжались; большая часть членовъ комиссіи уже махнула на меня рукой. И тѣ члены, которыхъ посылали увѣщевать меня, уже лѣнились говорить со мною что нибудь о допросахъ и, помолчавъ наединѣ со мной, возвращались съ отвѣтомъ: «упорствуетъ». Одинъ изъ нихъ, посланный однажды ко мнѣ, просидѣвъ со мною молча 10 минутъ, сказалъ наконецъ: «а вѣдь признайтесь, вы никогда не жили такъ хорошо и удобно?»— «Конечно; тутъ, по крайней мѣрѣ, не боишься, что арестуютъ»,— отвѣчалъ я. Затѣмъ послѣдовало снова молчаніе минутъ на 10.—«А въ комиссіи вами недовольны»,—началъ онъ.—«Что такъ?»—«Да вы ужасно не откровенны».—«Помилуйте, я откровененъ болѣе, чѣмъ кто нибудь. Я показалъ даже болѣе, чѣмъ зналъ».

Правой рукой Муравьева, секретаремъ комиссіи, былъ нѣкто Переяславцевъ, необыкновенно отвратительная фигура съ огромнѣйшими вывалившимися глазами, которые напрасно старались закрыть большія очки. Однажды, когда послѣ улики трехъ человѣкъ я все-таки не сознался въ томъ, что давалъ имъ фальшивые паспорты, Переяславцевъ сказалъ мнѣ: «послѣ этого вы, пожалуй, скажете, что вы—не Худяковъ?»—«Да и сказалъ бы, если бы такъ было!»

Нѣкоторыя важныя очныя ставки, противъ обыкновенія, дѣлались безъ предварительныхъ письменныхъ показаній; комиссія какъ будто хотѣла поразить ими меня. Таковы были очныя ставки о намѣреніи покуситься на жизнь наслѣдника и о снабженіи Каракозова деньгами на покупку пистолета.

На первой изъ этихъ очныхъ ставокъ я увидѣлъ одного изъ своихъ знакомыхъ: худого, больного; очевидно, онъ много перенесъ, а, можетъ быть, и былъ боленъ. Онъ разсказалъ несвязныя фразы о наслѣдникѣ, о маленькой штучкѣ, которая можетъ взрывать корабли и поѣзды. Вопреки ожиданія комиссіи я не только не смутился, но даже засмѣялся. «Ну, что вы смѣетесь?—воскликнулъ генералъ Бергъ, размахивая съ досады руками.—Нынѣ химическія средства такъ развиты, что одной бутылкой можно подорвать цѣлый домъ».— «Не знаю, я химіи не изучалъ, а показаніе его опровергается всетаки уже тѣмъ, что никакая штучка не можетъ дѣйствовать въ одно и то же время на водѣ и на сушѣ; ужъ что нибудь одно».— «Нѣтъ, вы ужъ, пожалуйста, сознайтесь!»—упрашивалъ несчастный обличитель.—«Да вамъ-то что?»—спросилъ я его. — «Пожалуйста,

развѣ мнѣ хочется умирать?»—отвѣчалъ онъ. Бѣднякъ былъ такъ разстроенъ заключеніемъ, что не видѣлъ, что, дѣлая на меня такое показаніе, онъ самъ лѣзъ въ петлю уже за одно недонесеніе, и воображалъ, что этимъ онъ отъ нея избавится. — «А мнѣ все равно»,—отвѣчалъ я ему рѣзко. Огаревъ посмотрѣлъ на меня внимательно: «Вотъ онъ mortus-то гдѣ!»—прибавилъ онъ, показывая на меня очками, которыя вертѣлъ въ рукахъ.

Очная ставка съ Каракозовымъ тоже не произвела ожидаемаго результата; я только разсердился и сказалъ ему, возвысивъ голосъ: «Ну, что это вы говорите! Это подло и глупо!» Однако, Каракозовъ былъ человѣкъ твердаго характера, и если онъ рѣшилъ однажды свой поступокъ, то никакими возгласами его не спугнешь. Отъ моихъ словъ онъ только покосился и утвердилъ свое. Затѣмъ его увели. «Ну, что вы еще запираетесь!—началъ снова Бергъ.— Вотъ человѣкъ; вамъ его не отвести: вѣдь онъ вами былъ доволенъ, онъ получилъ отъ васъ деньги. Онъ—человѣкъ, удрученный своимъ преступленіемъ; онъ знаетъ, что ему судьбы своей не миновать: неужели вы думаете, что повѣрятъ вамъ, а не ему?»—«Не знаю, кому вы повѣрите; вижу только, что Каракозову кажется скучнымъ помирать одному».

Муравьевъ самъ пробовалъ нѣсколько разъ увѣщевать довольно грубо, но совершенно безъ успѣха. Тогда онъ перемѣнилъ тактику. Однажды, призвавъ меня въ полное собраніе комиссіи, Муравьевъ сказалъ мнѣ: «Вы, какъ государственный преступникъ, во всемъ запираетесь. Ну, что вы не хотите показать на этого мѣщанинишку Никифорова? Вѣдь онъ во второй разъ хотѣлъ стрѣлять по государю?»—«Я его видѣлъ только на нѣсколько минутъ, и фамилію даже позабылъ; я ничего не знаю о немъ».—«Право, я васъ жалѣю,—началъ Муравьевъ:—вы—еще человѣкъ молодой; если вы будете откровенны, я самъ буду ходатайствовать о васъ передъ государемъ императоромъ. Государь милосердъ и, въ уваженіе къ вашему чистосердечному сознанію, можетъ еще даровать вамъ жизнь, а послѣ, быть можетъ, лѣтъ черезъ тридцать, освободившись отъ работъ, вы будете себѣ съ своей семьей жить на поселеніи, и вамъ, можетъ быть, подъ старость еще улыбнется счастье. Я очень о васъ жалѣю. Вотъ я вамъ даю срокъ подумать дозавтра; потомъ я самъ буду съ вами заниматься. Если позволитъ государственный совѣтъ, то завтра, а если нельзя будетъ, то послѣзавтра. Если вы, можетъ быть, стѣсняетесь г.г. членовъ комиссіи, то я ихъ всѣхъ попрошу выйти и самъ одинъ стану съ вами заниматься». Чтобы посмѣяться надъ Муравьевымъ, я отвѣчалъ ему самымъ почтительнымъ тономъ: «Сочту долгомъ все чистосердечно изложить лично вашему высокопревосходительству».

Однако, назавтра государственный совѣтъ задержалъ Муравьева, и меня повели къ нему только послѣзавтра. Члены всѣ были из-

гнаны изъ главной присутственной залы и сидѣли въ другой, такъ что, проходя къ Муравьеву, я миновалъ ихъ. Всѣ они сидѣли въ глубокомъ молчаніи, облокотившись на столъ. Надо сказать, всѣ ужасно трусили Муравьева, даже боялись курить при немъ папиросы, поэтому они вполнѣ были убѣждены, что я все открою Муравьеву. Всѣ государственныя лица приняли напускной видъ государственной мудрости: всѣ они уже какъ бы видѣли передъ собой мои откровенныя показанія и дѣлали на основаніи ихъ уже новыя государственныя соображенія.

Въ присутственной залѣ съ Муравьевымъ былъ только одинъ секретарь. «Ну, приготовились ли вы разсказать все чистосердечно?»—«Совершенно готовъ».—«Ну, садитесь вотъ сюда!» Бархатное кресло было уже давно готово, я сѣлъ рядомъ съ Муравьевымъ, покоившимся въ золотомъ креслѣ. «Ну, разскажите же, какъ это вы вздумали республику-то устроить?»—спросилъ онъ.—«Что же? республика, конечно, въ Россіи непремѣнно будетъ»...—отвѣчалъ я твердо.—«Ну, конечно, будетъ, — подтвердилъ Муравьевъ. — Но какъ же вы старались ускорить это время? Вѣдь своимъ «Самоучителемъ» вы и въ 25 лѣтъ этого не сдѣлали бы?» (Эти подлинныя слова Муравьева весьма замѣчательны именно, какъ вынужденное признаніе главы консервативной партіи, и именно въ минуту ея полнаго торжества).—«Ну, скажите, зачѣмъ вы ѣздили за границу?»—«Лѣчиться».– «Мм... мм... ну, хорошо, такъ—лѣчиться. Ну, а еще зачѣмъ?»—«Больше ни за чѣмъ». Затѣмъ послѣдовалъ рядъ вопросовъ, на которые послѣдовали такіе же отвѣты. Муравьеву стало досадно: «Уведите его,-- обратился онъ къ секретарю:—мнѣ некогда съ нимъ заниматься». Я всталъ и пошелъ къ дверямъ. «Да, надо еще, чтобы вы изложили свой образъ мыслей».—«Хорошо, дайте бумаги; я напишу».– «Тамъ вамъ дадутъ». Мы вышли черезъ прежнюю комнату; члены все еще сидѣли неподвижно: было очевидно, что ихъ государственныя соображенія только еще достигли своего апогея.

Меня отвели въ отдѣльную комнату и дали бумаги. Тонъ, съ какимъ сказаны были Муравьевымъ слова, что надобно изложить мой образъ мыслей, породилъ во мнѣ догадку, что этотъ допросъ ему приказанъ свыше; а такъ какъ члены комиссіи всѣ будутъ знать, что я напишу, и такъ какъ всѣ они въ ссорѣ между собою, и каждый изъ нихъ можетъ шпіонить на каждаго, то, очевидно, мое показаніе дойдетъ до государя. Я написалъ, что съ распространеніемъ богатства распространяется образованіе, а съ образованіемъ у всякаго народа появляется потребность большей свободы; въ свою очередь можетъ быть богата только та страна, которая имѣетъ свободное политическое устройство; что Турція, несмотря на богатство природы, самая бѣдная страна въ Европѣ; напротивъ Англія вслѣдствіе свободы самая богатая; что революція (т.-е. измѣненіе ста-

раго порядка) начата самимъ государемъ: освобожденіемъ крестьянъ и другими мѣрами; что теперь для полнаго счастья страны остается сдѣлать только одинъ шагъ: дать полную свободу печати и англійскую конституцію; что, къ сожалѣнію, Строгановъ и тому подобные государственные люди поссорили государя съ литературой въ такое время, когда она всего болѣе поддерживала правительство противъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ (въ началѣ 1861 г.), и что рядъ полицейскихъ притѣсненій вызвалъ рядъ явленій, показавшихся государю бунтомъ противъ его особы; что рядъ постоянныхъ заговоровъ (въ Польшѣ, Петербургѣ, Москвѣ, Казани Сибири) за послѣдніе четыре года показываетъ, что потребность политической свободы проникла всюду; что люди съ радостью возьмутъ то, что они желаютъ пріобрѣсти цѣной жизни; что иначе приближающійся финансовый кризисъ разрѣшится ужаснымъ кровопролитіемъ; что черезъ восемь лѣтъ послѣ закрѣпленія крестьянъ въ 1596 г. наступило для Россіи «смутное время», и оно, несмотря на грубость этого вѣка, привело къ конституціи 1613 г.; что въ настоящее время, если государь хочетъ пріобрѣсти полную любовь народа и имя полнаго освободителя народа, онъ долженъ дать Россіи свободу печати, дать большія права земству и ввести, по крайней мѣрѣ, англійскую конституцію; что подобный шагъ окружитъ навсегда его царствующій домъ такою глубокою любовью и преданностью, какія окружаютъ англійскую королеву, не опасающуюся никакихъ покушеній на свою жизнь; что народу будетъ выгодно платить нѣсколько милліоновъ на содержаніе императорскаго двора за охрану народной свободы; что тѣ лица, которыя теперь представляются самыми ярыми врагами монархизма, будутъ тогда самыми жаркими защитниками. Къ сожалѣнію, я не могъ дать своему показанію той литературной обработки, которой бы хотѣлъ: во-первыхъ, потому, что на меня неожиданно нашло такое нервное состояніе, что слова совершенно не слушались меня (это нерѣдко бывало со мною въ крѣпости); во-вторыхъ, меня ужасно торопила комиссія; ей такъ и хотѣлось прочитать поскорѣе. Наконецъ, такъ какъ я имѣлъ въ виду увлечь императора реформами, то мнѣ неловко было яснѣе изложить ему всю тождественность между глупымъ освобожденіемъ крестьянъ и закрѣпленіемъ ихъ въ 1596 г.

Лишь только я кончилъ мое показаніе, поспѣшно его подхватили и понесли для прочтенія въ комиссію, а я попросилъ своего полковника отвести меня обратно въ равелинъ. Не успѣлъ я отобѣдать, какъ ко мнѣ впопыхахъ вбѣгаетъ комендантъ и забѣгалъ по комнатѣ съ такимъ безпокойствомъ, какъ будто у него горѣли фалды.—«Что вы дѣлаете? что вы дѣлаете?—затараторилъ онъ.— Вы этимъ только себѣ повредите. Я не совѣтую вамъ этого писать» и т. п. Я, конечно, хорошо понималъ, что онъ не обо мнѣ безпокоится.

Теперь мнѣ представляется вопросъ: хорошо ли я сдѣлалъ, давъ такое показаніе? Вѣдь оно не увлекло государя къ реформамъ, хотя, конечно, не могло усилить реакціи, которая уже достигла своего апогея въ рескриптѣ 16 мая 1866 г. Стало быть, оно было безполезно. На такое заключеніе я припомню читателю ту истину, выработанную исторіей, что «никакое благородное усиліе не проходитъ даромъ». Кто знаетъ, можетъ быть, оно принесло пользу кому нибудь изъ придворныхъ, кому нибудь изъ низшихъ офицеровъ крѣпости и комиссіи, которые вообще люди мало образованные. Наконецъ, несомнѣнный фактъ той пользы, что я могу упомянуть о немъ теперь. Требованія русской заграничной печати могли не доходить до дворца, или на нихъ могли не обращать вниманія по пренебреженію къ литературѣ; но слова Каракозова, сказанныя имъ лично государю, и мои показанія, какъ человѣка, «давшаго деньги на пистолетъ и возбудившаго все волненіе» (какъ представляла меня комиссія), не могли не дойти. Такимъ образомъ, правительство могло само предупредить кровавое столкновеніе, которое можетъ произойти вслѣдствіе натянутаго положенія дѣлъ; и если еще польется кровь, то, конечно, не партія свободы будетъ въ этомъ виновата.

XVI.

Судъ.

Въ одинъ прекрасный день мнѣ принесли платье, съ особенною тщательностью вычищенные сапоги, одѣли меня, усердно причесали волосы и повели. Что бы это значило?—думалъ я. Мой офицеръ былъ въ новенькомъ мундирѣ и въ свѣжихъ бѣлыхъ перчаткахъ. «Что это вы сегодня въ мундирѣ?»—спросилъ я его.—«Я сегодня дежурный»,—отвѣчалъ онъ. Сейчасъ видно, что лжетъ,—подумалъ я:—онъ всегда былъ дежурный, да и ведетъ теперь не туда, гдѣ была комиссія. Ужъ не пріѣхалъ ли кто изъ царской фамиліи для личныхъ допросовъ? (Я никакъ не предполагалъ, чтобы слѣдствіе кончилось такъ скоро). Меня привели въ комендантскій домъ; комендантъ и другіе члены крѣпости въ мундирахъ ходили на цыпочкахъ въ передней... Наконецъ, я очутился въ залѣ, наполненной генералами и чиновниками. «Что это за сборище?»—думалъ я и старался вглядѣться въ него; всѣ лица мнѣ были не знакомы, за исключеніемъ Врангеля... «Не имѣете ли вы чего сказать?»—спросилъ меня князь Гагаринъ.—«Опять допросъ!»—подумалъ я, и отвѣчалъ: «Ничего не имѣю сказать». Пока я вглядывался въ лица, мнѣ дали въ руки какую-то бумагу, заставили гдѣ-то расписаться и вывели.

Только дорогой я успѣлъ заглянуть въ тетрадь и увидѣлъ надпись: «Обвинительный актъ». Такъ вотъ что: торопятся повѣсить,—думалъ я. Только въ казематѣ я могъ прочитать этотъ актъ;

онъ составленъ былъ такъ нахально, что усердіе министра юстиціи втащить меня на висѣлицу было внѣ всякаго сомнѣнія. Озлобленіе было первымъ результатомъ этого чтенія. Вотъ подлецы, — подумалъ я:—удавятъ въ 24 года, когда еще нѣкоторыя знаменитости преспокойно играли въ бабки. Не успѣлъ я прочитать акта, какъ ко мнѣ уже прибѣжалъ равелинскій полковникъ. «Вы прочитали? Ну, что вы скажете?»—«Да, разбойническое слѣдствіе; больше ничего». Полковникъ разсердился: «И какъ это вы смѣете говорить, что разбойническое?» Затѣмъ онъ убѣжалъ, но черезъ десять минуть воротился. «Ну, что вы будете писать въ свою защиту? Что вы будете возражать?»—«Ничего не буду писать, ничего не буду возражать. Развѣ можно что нибудь сдѣлать противъ такого государственнаго акта?»... Этотъ отвѣтъ успокоилъ ихъ (т.-е. коменданта и Муравьевскую партію).

Но они снова обезпокоились, когда на другой день я выбралъ своимъ адвокатомъ В. П. Гаевскаго. До судебнаго слѣдствія оставалось только семь дней; изъ нихъ четыре дня прошли прежде, чѣмъ мнѣ дано было свиданіе съ адвокатомъ. Адвокатъ былъ въ недоумѣніи. «Я не знаю, что могу сдѣлать въ виду такихъ обвиненій»,—сказалъ онъ.—«Какъ, что! защищать!»—«Да, но дѣло громадное, я и части не успѣю прочитать; показаній такое множество, и они всѣ такъ противорѣчатъ другъ другу, я думаю уже, не выѣхать ли на вашей литературной дѣятельности, что вамъ некогда было такими вещами заниматься».—«Ну, на этомъ далеко не выѣхать; развѣ всѣ мои книги запретятъ». — «Нѣтъ, не запретятъ: Гагаринъ все-таки порядочный человѣкъ [1]). А то мнѣ совершенно нечѣмъ взяться?»—«Возьмитесь обвинительнымъ актомъ». — «Ну, хорошо; съ чѣмъ же вы тутъ согласны?»—«Да вотъ на висѣлицу-то я не согласенъ». Тутъ я сообщилъ ему свои замѣчанія. Онъ совершенно ожилъ и съ большимъ жаромъ принялся за дѣло. Конечно, его энергіи я обязанъ своею жизнью.

14 августа было начало судебныхъ слѣдствій, въ первый день произвели только слѣдствіе Каракозова и мое. Здѣсь первый разъ я познакомился со своими судьями. Всѣ они были маститые старцы! Корнеолину Пинскому было 90 лѣтъ слишкомъ, Гагарину - 80, Панину, Метлину, Башуцкому болѣе 70; самый молодой, принцъ Ольденбургскій, былъ 55 лѣтъ. Считая по лѣтамъ, они должны были смотрѣть на меня (24), какъ я смотрѣлъ на восьмилѣтнихъ дѣтей. Впрочемъ, даже самый маститый старецъ, Корнеолинъ Пинскій, выказывалъ свою азартность и пробовалъ дѣлать вопросъ: «Вы,

---

[1]) Вскорѣ послѣ защиты комиссія поспѣшила призвать къ допросу Ма[illegible]нина, у котораго былъ складъ нѣкоторыхъ моихъ книгъ, и старалась добиться показанія, что распространеніе этихъ книгъ имѣло возмутительную цѣль.

Прим. автора.

говорятъ, писали. Ну, скажите намъ какое нибудь ваше мнѣніе. Можетъ быть, вамъ, какъ Чернышевскому, угодно было бы въ Россіи фаланстеры завести?»... Гагаринъ тоже допрашивалъ тономъ самаго полнаго убѣжденія въ моей виновности. Это меня озлобило [1]). «Шемякинъ судъ!» — подумалъ я, и потому старался на зло раздразнить судей. Это, конечно, мнѣ много повредило; но кто войдетъ въ мое положеніе, тотъ пойметъ, что для меня оставалось единственное удовольствіе, хоть умирая, поддразнить своихъ палачей. Длинный рядъ свидѣтелей подтверждалъ мою виновность; черезъ нѣсколько часовъ слѣдствія я вышелъ изъ залы въ совершенно нервномъ состояніи, такъ что, когда я вступилъ въ садъ, глаза мои наполнились слезами. Къ счастью, это было только на минуту, и провожатые не замѣтили моей слабости.

Между тѣмъ Муравьевская комиссія уже вездѣ трезвонила свою побѣду. «Московскія Вѣдомости», отголосокъ III Отдѣленія, объявили публикѣ, что изъ всѣхъ подсудимыхъ «только одно лицо, издатель народныхъ книгъ, отличается политическимъ характеромъ; до пріѣзда его изъ-за границы въ Москвѣ былъ только кружокъ нигилистовъ, не думавшихъ дѣлать изъ себя тайны; что только я взбудоражилъ ихъ и подстрекнулъ Каракозова». Нечего и говорить, что главной причиной къ этимъ заявленіямъ было то оскорбленное чувство шпіонскаго хвастовства, по которому Катковъ полагалъ, что при его предсѣдательствѣ въ Москвѣ тамъ уже не могутъ образовываться какіе бы то ни было соціалисты и революціонеры; и что они могутъ заѣзжать туда только изъ другихъ городовъ или изъ-за границы.

Несмотря на окончаніе моего судебнаго слѣдствія, судъ еще пытался привести меня къ сознанію и положилъ достигнуть этого преимущественно религіозными средствами. Для этого былъ избранъ протопопъ Полисадовъ, профессоръ университета, человѣкъ образованный и отчасти понимавшій свое неловкое положеніе. Я познакомился съ нимъ еще прежде, когда только была открыта фамилія Каракозова. Его посылали тогда ко мнѣ сказать ложь, но онъ не рѣшился тогда это сдѣлать. Когда послѣ продолжительной бесѣды я вышелъ къ членамъ комиссіи, они противъ ожиданія сказали мнѣ новость: «Ну, вотъ батюшка вамъ теперь сказалъ, что Каракозовъ во всемъ признался и на духу сказалъ, чтобы о немъ ничего не скрывали».

Итакъ, Полисадовъ получилъ приказаніе тронуть меня своимъ краснорѣчіемъ. Для этого въ камендантской церкви онъ долженъ былъ служить обѣдню и говорить назидательныя рѣчи. При этомъ присутствовали также Каракозовъ и Ишутинъ. Полисадовъ имѣлъ

---

[1]) И дѣйствительно, раздражительность Гагарина вызвала нѣкоторыя ложныя показанія, напримѣръ, Ермолова. Прим. автора.

даръ говорить пустяки краснорѣчивыми словами и прекрасной дикціей Во время его проповѣдей комендантъ обыкновенно стоялъ на клиросѣ и умиленно слезился. «Мы,—говорилъ между прочимъ Полисадовъ,—оттого становимся холодны къ Евангелію, что слышимъ его съ дѣтства, свыкаемся съ нимъ, и оно не представляетъ намъ ничего новаго. Но когда эту радостную евангельскую вещь слышитъ въ первый разъ какой нибудь тунгусъ или алеутъ, то этотъ простой человѣкъ отъ полноты сердца своего восклицаетъ: «какое дивное слышаніе, какое чудное благовѣствованіе!» Поэтому, господа, прошу васъ приготовиться въ самихъ себѣ и быть на будущій разъ столь же простыми и чистыми сердцемъ, какъ эти простые алеуты и тунгузы». Послѣ обѣдни Полисадовъ обыкновенно подходилъ ко мнѣ для продолженія своихъ увѣщаній. «Ну, батюшка,—сказалъ я ему,—я съ вами не согласенъ: истинный христіанинъ милліонъ разъ читаетъ Евангеліе и каждый разъ открываетъ новые источники вдохновенія. А намъ вообразить себя тунгусами или алеутами такъ же трудно, какъ вамъ вообразить себя шаманомъ».

Послѣ подобныхъ отвѣтовъ Полисадовъ уже боялся толковать со мною о вѣрѣ. Посѣщая нерѣдко въ казематѣ Каракозова, Ишутина, онъ только разъ зашелъ ко мнѣ. Но и тутъ, не зная, какъ приступить, завелъ обыкновенный свѣтскій разговоръ, разсказывалъ о своей заграничной жизни; что «когда въ 1848 г. во Франціи вспыхнула революція, онъ былъ въ Баденѣ. Въ Баденѣ тоже сдѣлалось волненіе; король испугался и далъ народу Geschworen-Gerichte—судъ присяжныхъ и свободу печати. Тогда студенты образовали изъ себя милицію, и въ городѣ было тихо, какъ никогда». Разсказывая объ этомъ, онъ незамѣтно перешелъ къ разсказу о своей жизни въ Парижѣ. «Вотъ и тутъ мнѣ пришлось тоже видѣть революцію, когда Наполеонъ III объявилъ себя императоромъ; съ одной стороны везли пушки, двигались войска, а рабочіе стрѣляли изъ оконъ, убитыхъ было болѣе 10.000 человѣкъ. Такъ-то вотъ революція никогда до добра не доводитъ»,—прибавилъ онъ въ заключеніе. «Въ Парижѣ вы видѣли не революцію,—сказалъ я ему,—а императорскій разбой. А вотъ студенческая революція въ Баденѣ не стоила ни одного человѣка, а страна пріобрѣла свободу».—«Вотъ такъ-то бывало, мы спорили съ Серно-Соловьевичемъ,—сказалъ на это Полисадовъ:—священники—говоритъ, бывало—агенты полиціи. Ну, а потомъ покаялся». Посидѣвъ еще немного, Полисадовъ сталъ уходить, но у дверей остановился и сказалъ нерѣшительнымъ голосомъ: «Можетъ быть, вы чувствуете потребность въ молитвѣ... Вотъ я служилъ у другихъ»...—«Нѣтъ, повремените: я послѣ приговора»...

Казалось, мое дѣло было давно кончено, но нѣтъ: мнѣ пришлось имѣть нѣсколько очныхъ ставокъ, напримѣръ, съ Матковымъ. Онъ

уличилъ меня раза два или три во время предварительнаго слѣдствія. Надобно сказать, что большая часть очныхъ ставокъ съ Матковымъ всегда оставляли на меня тяжелое впечатлѣніе. Многіе изъ подсудимыхъ показывали по ошибкѣ, по незнанію законовъ, по недоразумѣнію, наконецъ, по слабости характера, но никто не показывалъ и не уличалъ con amore. На очныхъ ставкахъ онъ держался такъ, какъ будто гордился своею должностью сатанинскаго доносчика. Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ показывалъ на всѣхъ и все, да еще такъ, что къ былямъ небылицъ безъ счету прилагалъ и чуть не втащилъ нѣсколько человѣкъ на висѣлицу. Даже во время ссылки онъ выкидывалъ такія штуки, что товарищи единодушно прозвали его: «пузырь, наполненный гноемъ».

Я былъ удивленъ, когда меня привели на судебное слѣдствіе къ Маткову: я на него ничего не показывалъ, кромѣ того, что онъ у меня былъ два раза въ гостяхъ. «Давалъ ли вамъ Матковъ порученіе донести на Каракозова?»—спросилъ Гагаринъ. Надо сказать, что только во время ссылки я усвоилъ себѣ мрачный взглядъ на Маткова; потому вопросъ Гагарина, какъ чепуха, выдуманная Матковымъ, показался мнѣ смѣшнымъ, но въ то же время и досаднымъ. «Да мнѣ то[1])»... (смѣхъ былъ записанъ министромъ юстиціи подъ именемъ «принужденнаго смѣха»).—«Я съ своей стороны имѣю честь довести до свѣдѣнія, что это могутъ подтвердить Александръ Ивановъ и Кичинъ».—Я зналъ, что Матковъ говоритъ ложь, но не рѣшился потребовать къ допросу этихъ двухъ новыхъ свидѣтелей; я ихъ совершенно не зналъ: кто могъ поручиться, что со страху они не подтвердятъ даже того, чего не было? Но все-таки впослѣдствіи, уже въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, я сдѣлалъ очную ставку Александра Иванова съ Матковымъ и уличилъ послѣдняго во лжи!.. А между тѣмъ до ареста всѣ товарищи считали Маткова порядочнымъ человѣкомъ; такъ иногда человѣкъ умѣетъ разыгрывать до поры до времени роль благороднаго человѣка.

Другое дѣло—Ишутинъ; этотъ производилъ очныя ставки какъ будто «смѣха ради».—«Нѣтъ, вы отрицаетесь,—сказалъ онъ улыбаясь на своемъ судебномъ слѣдствіи:—вы мнѣ говорили объ «Европейскомъ комитетѣ».—«Никогда не говорилъ,—отвѣтилъ я,—вы вѣрно слышали какой нибудь трактирный слухъ».

На послѣдней очной ставкѣ со мною Панинъ, этотъ типъ допотопнаго верблюдообразнаго человѣка, замѣтилъ Ишутину очень злобно: «но смѣшного тутъ ничего нѣтъ».

Показаніе объ «Европейскомъ комитетѣ» интересовало всѣхъ.

— Правда ли это,—спросилъ меня кто-то изъ подсудимыхъ,—что есть Европейскій комитетъ? Въ газетахъ о немъ ничего не было.

---

[1]) Пробѣлъ въ подлинникѣ.

— Что нибудь одно: или правда или нѣтъ. Если правда, то онъ существуетъ, если неправда, то самые толки о немъ въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ вызовутъ его; стало быть, вы можете принимать его за фактъ.

Желая отъ меня какъ нибудь добиться свѣдѣній объ Европейскомъ комитетѣ, правительство еще разъ употребило усиліе. Въ одинъ прекрасный день меня снова одѣли самымъ тщательнымъ образомъ, причесали и привели въ зданіе суда. Это было въ началѣ перваго пополудни.

Что значитъ такое необыкновенное время?—думалъ я. Въ судъ обыкновенно водили или раньше или позже. При этомъ и движенія вокругъ суда не было никакого, только два офицера, отошедши къ окну, разговаривали о чемъ-то шопотомъ. Отъ безпокойнаго ожиданія на меня опять нашло нервное состояніе, о которомъ я упоминалъ; оно выражалось продолжительною дрожью всего тѣла и тѣмъ, что языкъ въ такое время не слушается мозга. Такъ продолжалось почти около часу. Наконецъ показался комендантъ; нервное состояніе вдругъ окончилось...

— А я имѣю къ вамъ пріятную новость,—сказалъ комендантъ вкрадчивымъ голосомъ; для большей почтительности онъ въ такихъ случаяхъ закрывалъ глаза. — Пожалуйте за мною.

Что бы это за новость?—думалъ я. — Можетъ быть, въ родѣ «легонькаго вопросика» [1]).

Мы прошли комнату судебныхъ слѣдствій; она была пуста; только какой-то адвокатъ или чиновникъ писалъ что-то очень усердно; въ другой комнатѣ то же самое и т. д. Тишина была мертвая. Наконецъ, мы вошли въ зало. Какія-то картины висѣли по стѣнамъ; прямо противъ дверей, въ которыя мы вошли, стоялъ столъ, накрытый краснымъ сукномъ. На столѣ лежалъ развернутый томъ Свода законовъ новаго изданія. У стола стояли членъ царской фамиліи, принцъ Ольденбургскій, и секретарь верховнаго уголовнаго суда. Меня заставили прочитать вслухъ статью Свода законовъ, гдѣ говорилось, что «если кто, принявъ участіе въ заговорѣ, раскается и донесетъ на товарищей, когда еще правительству ничего не было извѣстно объ ихъ умыслѣ, то ему прощается половина (!) преступленія; если, даже будучи арестованъ, онъ чистосердечно предастъ товарищей и тѣмъ предотвратитъ грозящую государству опасность, то и тогда ему прощается нѣкоторая часть наказанія».

— Ну, вотъ,—сказалъ принцъ,—если вы хотите, чтобы вамъ была дарована жизнь, вы должны сдѣлать сознаніе и открыть все!

[1]) «Вотъ еще одинъ легонькій вопросикъ»,— приговаривалъ иногда Огаревъ, подавая вопросные пункты о какомъ нибудь обстоятельствѣ, ведущемъ на висѣлицу. Прим. автора.

— Я и безъ того все показалъ, что зналъ,— отвѣчалъ я.

Нѣсколько минутъ прошло въ подобныхъ увѣщаніяхъ. Тутъ другая дверь отворилась, и черезъ все зало, какъ клубокъ, быстро подкатилась ко мнѣ моя жена... Ее заманили подъ предлогомъ свиданія, а цѣль была та, чтобы ея слезы заставили меня поколебаться и разсказать все. Мы сѣли вдвоемъ на диванѣ и стали разговаривать шопотомъ. Принцъ, стоя у стола, толковалъ о чемъ-то съ комендантомъ и секретаремъ. Говоря съ женой, краемъ лѣваго уха я уловилъ слова принца:

— Можетъ быть, она уже сказала ему объ этомъ?

Затѣмъ онъ обратился къ женѣ и спросилъ громко:

— Вы получаете газеты?

— Нѣтъ, — отвѣчала она.

Это какъ будто успокоило принца.

Затѣмъ начались допросы; даже комендантъ Сорокинъ вмѣшался съ своею вкрадчивою рѣчью.

— ...Вотъ ваша супруга... Подумайте, что будетъ, если васъ не будетъ, — при этомъ для убѣдительности онъ снова закрылъ глаза. — Ваша жена беременна.

— Когда она родитъ? — спросилъ рѣзко принцъ.

Нельзя было не разслышать, но я молчалъ.

— Я васъ спрашиваю, когда она родитъ.

— Ваше высочество, это трудно узнать,—сказалъ нерѣшительно Сорокинъ и снова закрылъ глаза, на этотъ разъ уже изъ глубочайшаго почтенія.

Принцъ снова ощетинилъ свои усы и закидалъ меня вопросами:

— Вы ѣздили за границу, вы говорили, что всѣхъ царей надобно убивать? Вѣдь у васъ было тайное общество въ Петербургѣ? Вы теперь въ нашихъ рукахъ; мы все съ вами можемъ сдѣлать. Ну, Худяковъ хотѣлъ освободить Чернышевскаго, а Худякова кто освободитъ? Вы знаете Чернышевскаго? Вѣдь я его судилъ (мнѣ хорошо было извѣстно, что Чернышевскаго судилъ сенатъ; а принцъ лгалъ только изъ хвастовства). Подлецъ! ужасный подлецъ! Но за границей у васъ былъ комитетъ? Sprechen sie deutsch? Говорятъ, вы въ Бога не вѣруете, въ церкви ни разу не перекрестились? Изъ Москвы у насъ судится тридцать человѣкъ, у васъ въ Петербургѣ непремѣнно должно быть тридцать? А-а, вамъ смѣшно; послѣ будетъ не смѣшно! — прибавилъ онъ съ ожесточеніемъ.

— У меня нервный смѣхъ! — отвѣтилъ я.

Такимъ образомъ и этотъ допросъ кончился ничѣмъ къ крайнему оскорбленію принца, тѣмъ болѣе, что я по ошибкѣ назвалъ его высочество его превосходительствомъ.

Наконецъ наступило время судебныхъ преній; страданія Каракозова въ это время уже кончились... и потому первымъ по обвинительнымъ актамъ былъ я. Министръ юстиціи, Замятнинъ, высокій сѣдой старикъ съ старой солдатской выправкой, прочиталъ обвинительную рѣчь, въ которой онъ окончательно подводилъ меня подъ смертную казнь.

Ну, плохо дѣло: казнятъ черезъ повѣшенье, да еще послѣ смерти въ другой разъ повѣсятъ,— подумалъ я.

Министръ юстиціи былъ такъ наглъ въ своей рѣчи, что дозволилъ себѣ исказить мои слова и извратить нѣсколько показаній. Затѣмъ началась рѣчь моего адвоката, она окончательно опровергла всѣ обвиненія, кромѣ пустяковъ, и закончилась требованіемъ выпустить меня на свободу.

Впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, было весьма сильно: власти были поражены иные удивленіемъ, иные негодованіемъ; нѣкоторые пришли въ состояніе столбняка. Гагаринъ, однако, спокойно обратился къ министру юстиціи съ вопросомъ:

— Что вы имѣете возразить?

Замятнинъ какъ будто не ожидалъ этого вопроса и вдругъ выпрямился, какъ аршинъ.

— Я остаюсь при прежнемъ мнѣніи,—проговорилъ онъ и сѣлъ, судорожно передернувшись.

Жалкій министръ юстиціи! Суду нужны были не мнѣнія вашей фантазіи, а доказательство обвиненій.

Затѣмъ нѣсколько словъ въ свою защиту сказалъ я самъ. Но, къ несчастію, предварительныя рѣчи привели меня снова въ нервное состояніе. Языкъ мой не слушался меня, такъ что наконецъ съ досады я оборвалъ свою рѣчь словами: «Больше я ничего не имѣю сказать». А, между тѣмъ, мнѣ хотѣлось сказать гораздо больше, нежели я сказалъ; главное, мнѣ хотѣлось опровергнуть показанія объ Европейскомъ комитетѣ; я хотѣлъ возразить, что такіе люди, какъ Ишутинъ, для которыхъ, по ихъ собственному сознанію, цѣль оправдываетъ средства, могли нарочно вводить въ заблужденіе своихъ товарищей, указывая имъ на такія личности, которыя ни къ чему не были причастны. Къ сожалѣнію, это капитальное возраженіе осталось у меня въ карманѣ до настоящаго времени. Къ несчастію, и мой благородный адвокатъ какъ будто признавалъ это обвиненіе и сказалъ только, что «если Европейскій комитетъ имѣетъ цѣлью Францію, то я не могу подлежать отвѣтственности за него передъ Россіей». Къ тому же «присяжные» адвокаты, защищая нѣкоторыхъ москвичей, сверхъ надобности упоминали объ этомъ фактѣ, какъ о несомнѣнной истинѣ. Это повредило мнѣ впослѣдствіи.

Но, какъ бы то ни было, моя защита оканчивалась требованіемъ выпустить меня на свободу. Судъ разъѣхался, а крѣпостное на-

чальство не знало, какъ со мною обращаться, какъ съ человѣкомъ, котораго послѣзавтра выпустятъ, или преступникомъ, котораго черезъ недѣлю повѣсятъ. Поэтому равелинскія власти, въ ожиданіи инструкцій, исполняли свои обязанности молча. На другой день, утромъ, полковникъ повелъ меня на гауптвахту (меня водили въ судъ обыкновенно черезъ гауптвахту). Случилось такъ, что въ казематѣ топилась печь, и потому полковникъ, расположивъ по часовому у окна и у двери, поставилъ третьяго ко мнѣ въ казематъ. Это былъ одинъ изъ расположенныхъ ко мнѣ солдатъ; едва его заперли со мною, какъ онъ подмигнулъ мнѣ и сказалъ шопотомъ:

— Ты не говори никому: того-то (т.-е. Каракозова) повѣсили... а тебя выпустятъ. Право слово, сейчасъ сказывали.

Въ двѣ минуты мой полковникъ успѣлъ сходить въ судъ, и, услыхавъ тамъ, по всей вѣроятности, то же самое, вдругъ явился ко мнѣ необыкновенно любезный, какимъ я его никогда не видалъ. Цѣлью его посѣщенія былъ не обыскъ, не допросъ, а только одна любезность, желаніе расположить въ свою пользу, загладить свои разныя прежнія выходки въ виду того, что я буду выпущенъ на свободу.

И дѣйствительно, если бы мой приговоръ былъ постановленъ въ одинъ день съ судебными преніями, какъ того требовалъ законъ, или даже на другой день, я былъ бы освобожденъ отъ суда. Но, къ сожалѣнію, судебныя пренія относительно другихъ отсрочили постановленіе приговора на нѣсколько дней. Въ это время III Отдѣленіе и всѣ члены комиссіи, узнавъ, что меня выпустятъ, подняли ужасный вой и забѣжали съ задняго крыльца ко всѣмъ членамъ суда и, можетъ быть, къ государю. И потому судъ приговорилъ меня къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ въ «отдаленнѣйшія» мѣста Сибири, обвинивъ меня въ какомъ-то недонесеніи на московское тайное общество, будто бы на основаніи показаній Маткова и Ишутина. Не знаю, показывалъ ли объ этомъ Матковъ, но Ишутинъ ничего не показывалъ. Кромѣ того, объ этомъ мнѣ не было ни допросовъ, ни очныхъ ставокъ ни на предварительномъ слѣдствіи ни на судѣ; наконецъ, такого обвиненія не было даже въ обвинительномъ актѣ. Кромѣ этой несправедливости, сдѣлана была другая: членовъ московскаго общества присудили просто къ ссылкѣ, а меня за недонесеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

XVII.

Похороны.

Скоро въ городѣ разнеслась вѣсть, что меня осудили на поселеніе.

— Только-то! — восклицали либералы, какъ будто они желали, чтобы меня осудили покрѣпче.

— Что его такъ мало? что его такъ мало?—кричала патріотическая партія.—Кто его защищалъ? кто смѣлъ его защищать?!

— Вы дешево отдѣлались,— говорило мнѣ крѣпостное начальство.

— Очень недешево. Вѣдь я ни въ чемъ не виноватъ: вы это примите въ расчетъ!

Однажды вечеромъ, когда стемнѣло, мнѣ подали платье, одѣли и повели. Что бы это значило, въ такое необыкновенное время? Нѣтъ ли какого новаго показанія?—думалъ я.

— Куда мы идемъ?—спросилъ я офицера.

— Вотъ увидите,— отвѣчалъ онъ.

Эта военная манера водить человѣка, какъ лошадь, всегда возмущала меня. Къ тому же было темно, холодно, подъ ногами лужи; мои плохіе сапоги промокли насквозь. Конечно, всѣ эти обстоятельства заранѣе привели меня въ раздраженіе. Наконецъ мы пришли, и куда же? въ церковь. Ну, отчего бы не сказать это раньше! По крайней мѣрѣ, я бы пришелъ въ церковь въ спокойномъ состояніи духа, которое необходимо для молитвы. Комендантская церковь всегда производила на меня пріятное впечатлѣніе, несмотря на то, что священникъ позволялъ себѣ иногда дерзкія выходки: такъ, однажды, въ концѣ сентября, онъ вышелъ говорить проповѣдь и замѣтивъ, что я не перекрестился, вскричалъ съ сердцемъ:

— Не хотите креститься — можете итти вонъ!

Эта выходка была тѣмъ болѣе несправедлива, что я пришелъ не по собственному желанію, а меня привели. Окончательно разссориться съ попомъ значитъ подвергать себя духовному покаянію. «Вы предпочитаете проповѣдывать, прогнавши слушателей!»—подумалъ я, но, несмотря на досаду, сказалъ только:

— Я слушаю.

Трудно себѣ представить силу патріотической маніи, объявшей публику послѣ покушенія. Со всѣхъ сторонъ посыпались адресы; Муравьева носили на рукахъ; этотъ потомокъ Чингисхана явился спасителемъ отечества; даже либеральный и очень талантливый поэтъ Некрасовъ писалъ патріотическіе стихи и публично въ стихахъ просилъ Муравьева «не жалѣть преступниковъ». Это говорилъ другъ Добролюбова, Чернышевскаго, издатель «Современника» и лучшій поэтъ, и говорилъ, не сидя въ крѣпости, не келейно съ деспотомъ, а публично!.. При всей подлости этого поступка, какая была при этомъ въ немъ доля глупости!.. «Современникъ» Муравьевъ закрылъ, «не жалѣя преступниковъ»; стало быть, только Некрасовъ и проигралъ, хотя, надо сказать, ничто не оправдывало его трусости. Онъ былъ совершенно неприкосновенъ къ дѣлу. Но, главное, Муравьевъ былъ только начальникомъ слѣдственной комиссіи; стало быть, судъ подлежалъ другимъ, и потому Муравьевъ

могъ только быть слѣдователемъ, а не судьею; у него не было права ни миловать, ни казнить. Столь ребяческими были юридическія познанія высшихъ представителей литературы... Мы не говоримъ уже о гнусности того факта, что литература сочла за свой долгъ добровольно соперничать съ палачами. Некрасовъ сдѣлалъ бы меньшую подлость, если бы на собственный счетъ построилъ для насъ висѣлицы!..

Народъ, пѣвчіе, хорошее освѣщеніе — все это пріятно дѣйствовало на нервы, и вскорѣ я позабылъ уже первое впечатлѣніе.

— Пожалуйте сюда,—вдругъ раздался позади меня голосъ полковника.

Въ умѣ моемъ возникли три вопросительныхъ знака. Меня отвели въ отдѣльную комнату, поставили подъ мѣрку, осмотрѣли зубы и прочія примѣты и затѣмъ... что бы вы думали?—снова отвели въ церковь. Какая тупость у этого правительства, которое такъ оскверняетъ ту религію, которой оно покровительствуетъ!..

Отъ всенощной меня уже не водили въ равелинъ, а оставили ночевать на гауптвахтѣ. Мнѣ принесли туда мое собственное платье и отобрали казенное. Но когда я попросилъ, чтобы мнѣ отдали тотъ листъ бумаги, который я въ послѣднюю недѣлю исписалъ замѣтками по естественнымъ наукамъ, то мнѣ на это отвѣчали:

— Нѣтъ, уже вы это намъ оставьте на память.

На другой день, 4 октября, насъ подняли раньше свѣту, напоили чаемъ, немедленно посадили на похоронныя дроги и повезли на Голодай. Конница и пѣхота окружали шествіе; народъ взлѣзалъ на крыши; барыни жались въ окнахъ; толпы бѣжали справа и слѣва за рядами солдатъ. Былъ ужасно холодный вѣтеръ и мокрый осенній снѣгъ. Нарочно или ненарочно, но мнѣ не позволяли надѣть подъ похоронный халатъ даже теплаго пальто, тогда какъ другіе были даже въ полушубкахъ. Шествіе двигалось шагомъ и продолжалось очень долго; снѣгъ промочилъ меня до костей; тонкіе сапоги занесены были снѣгомъ на палецъ: «Вотъ и поселеніе! — думалъ я: — сегодня получишь горячку и поселишься на томъ свѣтѣ». Даже тепло одѣтые совершенно промокли и дрожали.

Самая церемонія не только на меня не подѣйствовала, но казалась даже смѣшной; въ самомъ дѣлѣ трудно выдумать что нибудь глупѣе этого по отношенію къ независимымъ убѣжденіямъ. Отъ церемоніи по закону освобождались только несовершеннолѣтніе, т.-е. дѣти, именно тѣ, на которыхъ комедія могла произвести впечатлѣніе. Несмотря на то, что погода изъ этой забавы сдѣлала для меня пытку, смѣшныя сцены, происходившія въ толпѣ, заставили меня улыбнуться.

— Смотри, смотри, смѣется! — заговорила толпа.

Наконецъ мы прибыли на площадь; все грязное поле было заставлено солдатами (я пожалѣлъ объ ихъ сапогахъ); воздухъ былъ

такой грязный, что рѣшительно невозможно было разглядѣть, есть ли народъ за войскомъ, или нѣтъ.

Мы взошли на эшафотъ. Палачъ разставилъ всѣхъ къ столбамъ и прицѣпилъ цѣпью. Только я одинъ не былъ прицѣпленъ, потому что я самъ сталъ къ столбу. Передъ нашими глазами готовились повѣсить Ишутина; его закутали въ какой-то бѣлый мѣшокъ, накинули петлю на шею, при чемъ онъ такъ согнулся, что совершенно походилъ на живой окорокъ. Это была возмутительная сцена! Его продержали въ петлѣ десять минутъ и потомъ уже объявили монаршее повелѣніе. Малодушный человѣкъ могъ бы помереть на его мѣстѣ. Палачъ, освобождая его, спросилъ тономъ судьи жизни и смерти:

— Что? Не будешь больше?

Палачъ, очевидно, сознавалъ свою государственную важность. Онъ былъ выписанъ изъ Вильны.

Послѣ церемоніи насъ разсадили по каретамъ и повезли. Мы думали, что насъ везутъ въ пересыльный замокъ, гдѣ,—какъ увѣряли въ крѣпости,—мы пробудемъ еще двѣ недѣли, увидимся съ родственниками и запасемся всѣмъ необходимымъ на дорогу. Вмѣсто того насъ привезли на московскую желѣзную дорогу, выдали какіе-то жалкіе арестантскіе армяки и отправили въ путь. Если бы родные не успѣли мнѣ выслать тулупа въ Нижній, я непремѣнно бы замерзъ дорогой.

XVIII.

Послѣ смерти.

Изъ Нижняго насъ повезли на почтовыхъ телѣжкахъ; мы ѣхали двумя партіями, каждая по шести человѣкъ, на разстояніи четырехъ часовъ другъ отъ друга; на каждую партію было по офицеру и на каждаго человѣка было по два жандарма. Насъ везли, почти сломя голову; телѣжки были такъ тряски, что мы могли спать только на станціяхъ, и для этого намъ давали не болѣе четырехъ часовъ въ сутки. Бѣдные жандармы нашей партіи были лишены даже этого; изъ двѣнадцати человѣкъ только четверо могли спать; остальные всѣ должны были стоять на часахъ въ одной комнатѣ. Отъ безсонницы глаза ихъ совершенно залились кровью, и они ѣхали до Тобольска, совсѣмъ выбившись изъ силъ.

По дорогѣ до Тобольска почти ничего не случилось замѣчательнаго. Въ одной деревнѣ какая-то баба бросила мнѣ въ телѣжку хлѣба и погрозила жандармамъ палкой. На другой станціи парень, запрягая лошадей, спросилъ жандарма:

— Это опять поляковъ гонятъ?

— Поляковъ, — отвѣчалъ жандармъ.

— Экъ, ихъ опять прорвало!

Русскій жандармъ—не сыщикъ по призванію; это—народъ довольно простой и безхитростный, какъ и обыкновенные русскіе мужики. Изъ моихъ жандармовъ одинъ былъ молчаливъ и тупо смотрѣлъ глазами; другой былъ довольно уменъ и разспрашивалъ обо всемъ, что его интересовало.

— Вѣдь вотъ подумаешь,—сказалъ онъ, когда мы подъѣзжали къ Тобольску, — въ эту Сибирь сколько людей ссылаютъ, да все умныхъ, а она — все глупая Сибирь: ничего не образуется.

— Чудакъ ты,—отвѣчалъ я ему:—если хорошее сѣмя бросишь въ ледъ, развѣ изъ него что выростетъ? Мало того, что сошлютъ человѣка; ему еще свяжутъ руки и ноги.

Въ Тобольскѣ насъ продержали двѣ съ половиной недѣли, и, несмотря на такой длинный срокъ, мнѣ ни разу не позволили видѣться съ родственниками. Заключеніе въ Тобольскомъ тюремномъ замкѣ отличалось крайней строгостью и удушливостью воздуха; впрочемъ, посѣщали насъ часто.

— Довольны ли вы содержаніемъ? — спросилъ у меня полковникъ.

— Содержаніемъ-то я доволенъ.

— Чѣмъ же вы недовольны?

— Да вотъ мнѣ не позволяютъ видѣться съ родственниками.

— Послѣ этого вы недовольны и тѣмъ, что печка у васъ замазана? — вскричалъ онъ съ досадой.

Начальство воображало почему-то, что двѣ старухи, родственницы, бывшія у меня въ Тобольскѣ, непремѣнно меня украдутъ. Дежурные офицера каждый вечеръ приходили спрашивать:

— Который тутъ Худяковъ? Тутъ ли онъ?

Крайняя строгость карауловъ раздражила даже смотрителя замка.

— Да что они у васъ — воробьи, что ли? Развѣ вылетятъ? — сказалъ онъ однажды съ досадой.

Изъ Тобольска насъ стали отправлять по этапамъ вмѣстѣ съ арестантскими партіями, по четыре человѣка на партію; но такъ, чтобы мы ѣхали особо, ночевали въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ и не имѣли никакихъ сношеній съ гражданскими арестантами. Путешествіе наше было воистину жестокое. Мы должны были ночевать на глухомъ запорѣ, въ самыхъ скверныхъ комнатахъ этапа, при чемъ даже не могли выходить изъ номера за извѣстными нуждами. Такъ называемая «парашка», родъ полубочья, цѣлую ночь превращала наше мѣстопребываніе въ отхожее мѣсто. При томъ насъ обыскивали каждый день, что было весьма непріятно, потому что солдаты только разрывали все и ничего не укладывали. Чтобы освободиться отъ этихъ обысковъ, мы просили въ Тарѣ городничаго запечатать наши вещи, но онъ отказался.

Впрочемъ, начиная съ границы Томской губерніи, насъ держали

нестрого, такъ что мы могли видѣться не только съ гражданскими арестантами, но и съ своими товарищами второй категоріи, которые всегда догоняли насъ по городамъ, гдѣ бывали дневки. Въ Томскѣ мы впервые узнали о содержаніи манифеста, въ обширности котораго почему-то были увѣрены всѣ адвокаты; гражданскіе арестанты собирались поставить свѣчку.

Мы ѣхали съ арестантской партіей до Ачинска, уѣзднаго города Енисейской губерніи. Отсюда гражданскіе арестанты должны были итти пѣшкомъ, а насъ, шесть человѣкъ, послѣ небольшой остановки отправили далѣе.

Ночевать попрежнему приходилось въ этапныхъ домахъ съ тою невыгодою, что вшестеромъ мы никакъ не могли нагрѣть этихъ нетопленыхъ, огромныхъ и часто дырявыхъ казармъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже жалѣли отпустить дровъ, которыя въ Сибири ничего не стоятъ. Ночь приходилось мерзнуть, а тулупъ, обращенный въ одѣяло, никогда не закрывалъ всего тѣла; простуживались по очереди то голова, то ноги, то грудь, то спина. Въ Красноярскѣ пришлось провести два дня еще въ худшемъ помѣщеніи: въ какой-то полуразрушенной прачечной, безъ пола (на голой землѣ), съ полуразвалившейся печью и разбитыми стеклами (и это 16 декабря). Эта прачечная помѣщалась на совершенно особомъ дворѣ тюремнаго замка; но, кромѣ обыкновеннаго караула у воротъ и дверей, къ намъ приставили еще нѣсколько жандармовъ и не выпускали даже за покупкой провизіи. Увидавъ прокурора, мы протестовали противъ такого помѣщенія и просили себѣ бани; многіе уже полгода почти не были въ банѣ и ощущали на себѣ всѣ послѣдствія этой насильственной неопрятности. Прокуроръ сказалъ только, что «онъ подумаетъ». Мнѣ даже до сихъ поръ неизвѣстно, что онъ надумалъ. Увидавъ жандармскаго офицера, мы обратились къ нему съ тѣми же просьбами.

— О, конечно, господа, — отвѣчалъ онъ, — это все насущныя потребности. Я сейчасъ же пойду къ губернатору и доложу ему. А гдѣ унтеръ-офицеръ? — спросилъ онъ, обратившись къ жандармамъ.

— Вышелъ за провизіей, ваше благородіе.

— Какъ же онъ смѣлъ?—закричалъ офицеръ.

— Это мы его послали; мы еще цѣлый день ничего не ѣли,— отвѣчали товарищи.

— Если такъ, то, конечно, это—насущная потребность.

Вышедши отъ насъ, офицеръ на дворѣ встрѣтился съ унтеръ-офицеромъ.

— Какъ ты смѣлъ, подлецъ, отлучаться?

— Помилуйте, ваше благородіе: они не ѣли цѣлыя сутки.

— Ты еще вздумалъ разсуждать, сволочь; тебѣ сказано стоять на караулѣ, и только; пусть ихъ себѣ сидятъ голодомъ... Ты у меня смотри!.. — закончилъ онъ съ выразительнымъ жестомъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такой обстановкѣ поѣздки я наконецъ опасно захворалъ; со мною сдѣлалось что-то въ родѣ горячки. Чѣмъ болѣе мы ѣхали, тѣмъ болѣе усиливалась моя болѣзнь, увеличивалась слабость и бредъ. Впрочемъ, я еще не бросалъ мысли доѣхать поскорѣе до Иркутска.

Однако, близъ Нижнеудинска я такъ ослабѣлъ, что товарищи наконецъ положили оставить меня на дорогѣ, а мнѣ не хотѣлось отъ нихъ отставать.

— Подумай! да ты помрешь дорогой! — говорили они, и оставили меня въ Нижнеудинскѣ.

И дѣйствительно, я бы умеръ дорогою, и даже если бы доѣхалъ до Иркутска, гдѣ я надѣялся найти хорошую больницу, то непремѣнно умеръ бы въ Иркутскомъ лазаретѣ, гдѣ въ то время свирѣпствовала сильная болѣзнь.

Юрасовъ и Странденъ отнесли меня въ больницу почти на рукахъ (конечно, подъ конвоемъ). Цѣлый день я пролежалъ безъ памяти и, можетъ быть, въ бреду. Докторъ въ это время былъ въ округѣ. Къ счастью, мнѣ удалось вытребовать у фельдшера слабительное, и послѣ пріема я почувствовалъ себя легче, хотя еще долго былъ такъ слабъ, что не могъ вставать съ постели. Нижнеудинское начальство, извѣщенное, что я умираю, пріѣхало посмотрѣть на покойника; флигель-адъютантъ, посланный изъ Петербурга въ Иркутскъ, заглянулъ въ палату, чтобы убѣдиться въ моей смерти.

Нижнеудинская городская больница, воздвигнутая, кажется, по плану медицинскаго департамента, была раздѣлена на четыре палаты: женскую, арестантскую, поселенскую и крестьянско-солдатскую. Трудно было придумать что нибудь глупѣе: люди самыхъ разнородныхъ болѣзней лежали вмѣстѣ и, вылѣчившись отъ одной болѣзни, заражались другой. Содержаніе больнымъ отпускалось такое, что могло свалить съ ногъ и здороваго человѣка. Несмотря на исключительную внимательность ко мнѣ доктора и фельдшера, мнѣ отпустили однажды такое мясо, отъ котораго тошнило цѣлые два дня сряду, что, наконецъ, разразилось самою отвратительнѣйшею рвотою. Докторъ нѣсколько разъ представлялъ въ Иркутскъ о смѣнѣ смотрителя за воровство и пьянство; но, увы, у смотрителя въ Иркутскѣ протекція, и онъ воруетъ попрежнему. Воровство доходило до самыхъ отвратительныхъ размѣровъ; довольно привести слѣдующій примѣръ. На похороны умершихъ въ больницѣ отпускалось 30 копеекъ на человѣка. Эти деньги собственно должны были итти на саванъ и на свѣчку, такъ какъ гробъ и могил[у] приготовляли рабочіе больницы. Смотритель умѣлъ и здѣсь полу[-] чать выгоду; онъ накоплялъ покойниковъ штукъ до восьми и х[о-] ронилъ ихъ вмѣстѣ. Это совершалось слѣдующимъ образомъ. В[ъ] одинъ большой гробъ сваливали восемь голыхъ труповъ (одеж[...]

неизвѣстно куда исчезала вмѣстѣ съ душой), сверху накрывали холстиной, 10 копеекъ употреблялось на свѣчку; и такимъ образомъ съ каждыхъ похоронъ получалось доходу болѣе двухъ рублей серебромъ.

— Что же это, вы только одну холстину и дадите имъ въ гробъ? — спросили больные у сторожей.

— Зачѣмъ? Это только до могилы, а тамъ мы и холстину возьмемъ съ собою назадъ; можетъ быть, и для васъ пригодится!

Главная гнусность этой экономіи заключалась въ томъ, что покойникамъ приходилось, лежа въ амбарѣ, дожидаться общаго гроба иногда по двѣ и по три недѣли!..

Нужно ли говорить, какъ дѣятельно воровала сама городская полиція? Довольно сказать, что она разъ восемь выпускала изъ острога знаменитаго вора Паклина. Мало того, она вмѣстѣ съ арестантами занималась поддѣлкой фальшивыхъ ассигнацій; арестанты фабриковали ихъ, смотритель острога и чины полиціи занимались ихъ сбытомъ. Однажды купцы поймали квартальнаго съ такими ассигнаціями. Но нижнеудинскимъ властямъ, какъ видно, самъ Богъ покровительствуетъ, и они благоденствуютъ попрежнему. Я даже читалъ въ газетахъ, что по случаю неудачнаго покушенія Березовскаго нижнеудинскіе арестанты купили икону Александра Невскаго; это на фальшивыя-то ассигнаціи.

Вмѣстѣ со мною въ палатѣ лежалъ одинъ больной водянкою, отъ котораго вслѣдствіе разложенія распространялся смрадный духъ на всю комнату. Я, конечно, не желалъ быть больнымъ снова, и, какъ только поднялся на ноги, поспѣшилъ выписаться изъ больницы; при томъ изъ Иркутска уже былъ полученъ обо мнѣ запросъ.

Теперь меня отправили одного и тоже этапнымъ путемъ; но ночевалъ я не въ этапномъ помѣщеніи, а по солдатскимъ.

— Ишь, чего-то ты, молодецъ, нагрезилъ, — говорила старуха, подозрительно покачивая головою, — ладно же куда тебя гонятъ! — Извѣстно дѣло: съ жиру бѣсился!

Въ Иркутскѣ я еще однимъ днемъ засталъ своихъ товарищей. На другой день ихъ отправили за Байкалъ, а меня хотѣли отправить на третій. Изъ Петербурга было дано предписаніе немедленно отправить меня далѣе и донести по телеграфу. Но офицеръ, которому было приказано сопровождать меня, шилъ себѣ какой-то мундиръ и откладывалъ поѣздку день за днемъ; такимъ образомъ мнѣ пришлось прожить въ Иркутскѣ около трехъ недѣль. Дворянское отдѣленіе, въ которомъ я сидѣлъ, было въ высшей степени неудобно; единственное окно было покрыто такимъ толстымъ слоемъ пыли, что безъ свѣчи днемъ почти ничего не было видно; каменная стѣна на цѣлый аршинъ отъ полу была мокрая; печи въ комнатѣ не было, и въ комнатѣ было холодно. Еще не окрѣпшій отъ

болѣзни, я подвергался ежедневной простудѣ, почти совершенно оглохъ и, кажется, во всю жизнь никогда не былъ такъ глухъ, какъ въ Иркутскомъ замкѣ.

Наконецъ мнѣ объявили, что завтра меня непремѣнно отправятъ, и притомъ рано утромъ.

— Э, вздоръ! рано не отправятъ,—говорили поляки, изъ которыхъ многихъ задерживали въ Иркутскѣ по полугоду безъ всякихъ причинъ, — раньше одиннадцати или двѣнадцати часовъ не уѣдете, а то и послѣ обѣда, часа въ три.

Вдругъ ночью раздался стукъ въ нашу комнату. Это былъ смотритель.

— Что вамъ угодно?

— Приготовьтесь, пожалуйста. За вами пріѣзжалъ офицеръ, привезъ кандалы, хотѣлъ васъ заковать; да я сказалъ ему, что «нельзя, вы слѣдуете на поселеніе и изъ дворянскаго сословія».

— Да онъ одинъ или съ казаками?

— Съ казаками. Теперь ночь, я ему отказалъ. А онъ поѣхалъ жаловаться къ полицеймейстеру. А вы на всякій случай приготовьтесь.

Затѣмъ смотритель скрылся, а я началъ собираться.

— Э, вздоръ, — говорили товарищи, — офицеръ, должно быть, пріѣзжалъ пьяный; никого еще не увозили ночью.

Доводы ихъ были убѣдительны, и я легъ спать. Но черезъ полчаса послышался новый стукъ.

— Худяковъ, вставайте, полицеймейстеръ пріѣхалъ.

Я спустился въ комнату замка въ два часа ночи. Тутъ, въ присутствіи полицеймейстера, меня обыскали самымъ тщательнымъ образомъ и отобрали единственную опасную вещь: мелкую иголку. По строгости предписаній, офицеръ, которому меня сдавали, заблаговременно распорядился вести меня съ обнаженными саблями (приказъ не былъ исполненъ казаками по причинѣ жестокихъ морозовъ); офицеръ почему-то воображалъ меня чѣмъ-то въ родѣ Кипсары-разбойника, или такого богатыря, который ударомъ одного кулака можетъ убить весь конвой. Когда же вмѣсто богатыря онъ увидѣлъ тщедушнаго больного человѣка, храбрости его прибыло.

— Я не ручаюсь довезти его до Якутска: видите, какой онъ больной, онъ умретъ дорогой,—сказалъ онъ на ухо полицеймейстеру.

Между тѣмъ вынесли мои вещи за ворота, и началась укладка.

— Этотъ мѣшокъ вамъ мѣшаетъ; вотъ такъ будетъ лучше. Позвольте, я вамъ чемоданъ поправлю!—говорили на подхватъ полицеймейстеръ и офицеръ, усаживая меня въ повозку.

Часа въ три утра мы выѣхали изъ Иркутска.

Офицеръ, которому я былъ сданъ, былъ нѣкто Константиновъ, отвозившій раньше Огрызка. Теперь онъ получилъ назначеніе быть комендантомъ предполагаемаго заключенія поляковъ на Вилюѣ. Въ инструкціи ему было даже запрещено со мною разговаривать.

XIX.

Чистилище.

Рѣдкій изъ моихъ читателей видывалъ что нибудь пустыннѣе тракта изъ Иркутска въ Якутскъ... Жители нѣсколькихъ станцій сами сидѣли безъ хлѣба.

— Указъ полученъ, да распоряженіе не пришло; вотъ и сидимъ безъ хлѣба.

Но трактъ изъ Якутска въ Верхоянскъ былъ еще хуже; даже чиновникъ, сопровождавшій меня изъ Якутска, назвалъ эту ѣзду хуже каторжной работы.

Положеніе мое въ Верхоянскѣ безъ денегъ. Мысль, однако, не поддается никакому ограниченію.

....Людямъ, относящимся ко всему, кромѣ жвачки, съ равнодушіемъ коровы, трудно понять всю тяжесть агоніи человѣка, находящагося въ моемъ положеніи. Жить вмѣстѣ съ телятами, по цѣлымъ недѣлямъ голодать, при невозможности работать что нибудь дѣльное, среди общества самыхъ пошлыхъ ябедниковъ, среди людей, которыхъ всѣ мысли и поступки возмущаютъ душу; не имѣть болѣе года никакого извѣстія отъ самыхъ дорогихъ и близкихъ людей, ждать ихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и снова ничего не получать, наконецъ, видѣть ужасныя бѣдствія родной страны, которыя могли быть.... [1]).

Человѣкъ, способный чувствовать, пойметъ, какія тяжелыя чувства должны сопровождать мою жизнь, и потому я часто повторяю мысленно желаніе Михайлова, обращенное къ молодой Россіи:

> Будь борьба успѣшнѣй ваша,
> Встрѣть въ бою побѣда васъ,
> И минуй васъ эта чаша,
> Отравляющая насъ!

10 декабря 1867 г.

И. А. Худяковъ.

[1]) Въ рукописи мысль не кончена.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОГРОМѢ ВЪ МАНЬЧЖУРІИ ПО ЛИНІИ ВОСТОЧНОЙ КИТАЙСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ ВЪ 1898 ГОДУ [1].

VI.

РАЗВѢДЧИКИ изъ Хайлара воротились и сказали, что итти черезъ него опасно, тамъ полное возстаніе. Поэтому рѣшено было Хайларъ обойти и отступать луговой стороной, а для этого нужно было построить черезъ рѣчку хорошій мостъ. Остановились лагеремъ параллельно рѣкѣ, повозки выпрягли, коней пустили на луга пастись и энергично принялись строить мостъ. Матеріалы были подъ рукой, на дорогѣ находились постройки брошенной дистанціи. Въ теченіе четырехъ часовъ мостъ былъ приготовленъ вполнѣ, всѣ работали усердно, торопясь переѣхать рѣку. Особенно старался М. И. Огладинъ, которому былъ порученъ надзоръ за постройкой моста. Михаилъ Ивановичъ Огладинъ обучался въ школѣ десятниковъ, на дорожныхъ постройкахъ онъ служилъ давно, его всѣ уважали, ему давали серьезныя и отвѣтственныя постройки, какъ авторитетному лицу. Вотъ почему поручили ему построить мостъ черезъ Хайларъ, задача не легкая, при отсутствіи инструментовъ и матеріаловъ. Другой всталъ бы втупикъ, но М .И. Огладинъ побѣдоносно вышелъ изъ затрудненія. Онъ велѣлъ разбирать новыя станціонныя сооруженія, выдергивать гвозди, разбирать полы и перегородки, и въ результатѣ черезъ че-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI, стр. 424.

тыре часа былъ приготовленъ мостъ въ 30 саженъ. Когда клали мостъ, въ отрядѣ случилась вдругъ страшная тревога: мужчины броеились за лошадьми для скорѣйшей запряжки. Вдали заголосили женщины и дѣти, безотчетный ужасъ на всѣхъ напалъ. Среди суматохи быстро прискакалъ казакъ и прокричалъ, что впрягать лошадей не надо, но подъ вліяніемъ аффекта показалось обратное, что велѣно запрягать, почему паника еще болѣе усилилась. Недоумѣнію способствовало и то, что разставленные часовые спокойно занимали свою позицію, а далѣе виднѣлось человѣкъ пятьдесятъ верховыхъ, выѣзжавшихъ изъ Хайлара, вооруженныхъ съ ногъ до головы, съ длинными пиками. Тогда командиръ русскаго отряда, Я—скій, собралъ всю охрану и послалъ нѣсколько казаковъ съ хорунжимъ навстрѣчу кавалеристамъ для разъясненія дѣлъ.

Скоро изъ приближающагося отряда отдѣлились человѣкъ пятнадцать и двинулись дальше, имѣя впереди знаменоносца съ бѣлымъ флагомъ. Русскіе развѣдчики также отдѣлили пятнадцать человѣкъ и переводчика и двинули имъ навстрѣчу. Остальные же стояли на мѣстѣ, ожидая результата переговоровъ. Черезъ полчаса всѣ разъѣхались къ своимъ отрядамъ: монголы отправились обратно къ Хайлару, а казаки возвратились къ своимъ. Всѣ вздохнули свободно, такъ какъ вполнѣ выяснилась причина тревоги. Когда русскіе пришли сюда и стали на рѣчкѣ строить мостъ для переправы, монголы, пасшіе здѣсь овецъ, испугались; они вообразили, что русскіе, перейдя рѣчку, ограбятъ пастуховъ и отнимутъ барановъ; и, боясь такой напасти, послали гонца въ Хайларъ просить для защиты войско. Для ихъ спокойствія изъ Хайлара выслали отрядъ; многіе изъ китайскихъ чиновниковъ, ради любопытства, присоединились къ нему, чтобы посмотрѣть, какъ русскіе справятся съ рѣкой; пастухи были успокоены, почему монголы и удалились.

Наконецъ, послѣдовалъ приказъ переѣхать мостъ. Конечно, всѣ какъ можно скорѣе пожелали оставить за собой негостепріимную рѣчку, гдѣ столько волненій пережито въ маленькій срокъ. За мостомъ виднѣлась дорога по берегу рѣки, окаймленная лѣсомъ съ обѣихъ сторонъ. Когда подводы двинулись, немалаго труда стоило охранять и водворять порядокъ на мосту, пропускать по одной въ рядъ повозкѣ и наблюдать порядокъ очереди.

Переправа происходила медленно вслѣдствіе послѣдовавшаго предупрежденія, чтобы каждая подвода взяла дровъ на три дня, потому что скоро начнется степь. Наконецъ, водворился порядокъ, подводы слѣдуютъ другъ за другомъ; добровольцы съ ружьями стоятъ на пригоркѣ передъ мостомъ, ожидая переѣзда всѣхъ, чтобы итти вслѣдъ за отрядомъ. Началась степь, покрытая густой зеленой травой безъ единаго кустика; въ отрядѣ немедленно раздалась пѣснь, постепенно усиливающаяся.

Вдругъ что-то случилось, послышался крикъ испуга, два развѣдчика несутся назадъ и кричатъ:

— Казаковъ, казаковъ!

Тотчасъ казаки промелькнули вихремъ по три человѣка въ рядъ, ухитрившись какимъ-то чудомъ никого не задавить. Слѣдомъ за казаками двинулись добровольцы, они бѣгомъ направились подъ командою двухъ офицеровъ. Толпа, испуганная еще предыдущимъ случаемъ, придумывала подъ вліяніемъ страха новость, одну другой нелѣпѣе; нашлись такіе фантазеры, которые разсказывали, что давеча отъ монголовъ откупились, они ушли, но потомъ имъ мало показалось денегъ, они послали изъ Хайлара войско стороной, оно теперь идетъ навстрѣчу отряду. Смятенью положила конецъ г-жа Роганова. Въ свой бинокль она стала поспѣшно и тщательно разсматривать разстилающуюся степь, гдѣ происходило что-то необыкновенное: густое облако пыли, масса движущихся темныхъ предметовъ и большой конный отрядъ нестройной массой, въ разбродъ, мечется то туда то сюда, въ рукахъ всадниковъ длинные предметы, похожіе на пику, при чемъ отрядъ подвигается не впередъ къ русскимъ, а, напротивъ, удаляется.

Скоро бинокль раскрылъ тайну: вдали гнались гурты барановъ, ихъ угоняли съ пастбища пастухи. Вотъ одинъ монголъ выѣхалъ на конѣ на небольшой пригорокъ, на которомъ лежало стадо барановъ, онъ махнулъ длинной палкой, и всѣ бараны соскочили и бросились съ пригорка бѣжать, а монголъ палкой погонялъ отставшихъ.

Г-жа Роганова подозвала казаковъ, которые мимо мчались съ распоряженіями, подала имъ бинокль и сказала: «смотрите, это пастухи-монголы угоняютъ отъ насъ барановъ дальше въ степь, а мы подумали, что войско напало на насъ, пойдите, скажите начальству». Казаки такъ и сдѣлали. Бинокль правдивѣйшимъ образомъ объяснилъ иллюзію. Монголы, сторожившіе стадо, подумали, что ихъ хотятъ ограбить, и потому бросились собирать барановъ и пустились гнать въ глубь степи, отчего поднялась пыль столбомъ, а сами пастухи съ длинными палками представились солдатами. Когда дѣло разъяснилось, всѣ успокоились. У моста оставленъ былъ взводъ казаковъ для его охраны, пока не подойдетъ пятый участокъ; казакамъ поручено беречь мостъ и не допускать китайцевъ. Русскій отрядъ двигался до границы безъ всякихъ приключеній, если не считать того, что жена инженера, начальника, на ночлегѣ родила сына.

Когда стали подходить къ рѣкѣ Аргуни, границѣ русскихъ владѣній, восторгамъ не было предѣловъ; повсюду крики: ура! бросали шапки вверхъ. У самой рѣки на пограничной чертѣ есть высокая скала, на ней находятся монгольскія юрты. Когда вблизи кордона среди русскихъ раздался восторженный привѣтъ родной

землѣ, монголы съ испугу выскочили изъ юртъ на вершину скалы; увидавъ нѣсколько тысячъ людей и лошадей, они заметались съ испугу, вскочили на коней и промчались въ сторону, бросивъ кордонъ на произволъ судьбы.

Русскіе перебрались на другую сторону рѣки съ затрудненіями: казаки переправились вплавь, стадо быковъ также вплавь перегнали, на поромѣ перевезли только женщинъ и ребятъ. Едва переправились на границу, всѣ бросились на ст. Цуру-хай-ту покупать припасовъ; хлѣбъ покупался на вѣсъ золота, потому что уже шесть дней не видали его, а питались прѣсными лепешками и галушками. Начальникъ отряда заказалъ во всей деревнѣ печь хлѣбъ для пятаго участка, такъ какъ было извѣстно, что онъ идетъ голодный. На другой день охрана казаковъ повезла къ мосту двѣсти пудовъ хлѣба и тамъ стала ждать пятый участокъ. Эту помощь ему послалъ начальникъ западнаго отдѣленія, зная, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится участокъ. Переночевавъ въ пограничной станицѣ Цуру-хай и Шереметьевкѣ, русскіе поѣхали дальше на станицу Новый Цуру-хай, такъ какъ Шереметьевка не въ состояніи прокормить 5-ти-тысячный отрядъ, а потому направились внизъ по Аргуни до мѣстечка Доно. Здѣсь есть небольшая церковь, всѣ пошли въ нее поблагодарить Создателя за спасеніе, заказали обѣдню и горячо молились за свое избавленіе и спасеніе пятаго участка, потому что, по слухамъ, онъ былъ въ плѣну. Въ напряженномъ ожиданіи пятаго участка прошло пять дней, наконецъ, желанные пришли, радости не было конца. Роганова встрѣтила мужа и отъ радости даже лишилась чувствъ.

VII.

Рогановъ во время своей поѣздки перенесъ цѣлый рядъ приключеній. Отправляясь туда, гдѣ былъ инженеръ К., онъ взялъ съ собою лакея корейца и трехъ казаковъ. Чѣмъ дальше они двигались, тѣмъ болѣе имъ попадались навстрѣчу китайскіе военные отряды, пѣшіе и конные. Тѣ и другіе на Роганова и его свиту посматривали косо и угрюмо. 25 іюня, Рогановъ добрался благополучно до Джеюнтуна, принялъ складъ отъ Ку—ва безъ повѣрки, а прямо расписавшись, что получилъ все сполна, чтобы скорѣе кончить дѣло. 29 іюня, нежданно получена телеграмма, приказано немедленно выступать на границу за Байкалъ со всѣмъ отрядомъ, взять казну и документы, везти черезъ Хинганъ и имѣть провизіи на 15 дней. Послѣдовали спѣшные сборы съ разными случайностями. Рогановъ передъ отъѣздомъ побѣжалъ къ капитану Смолянинову, чтобы помочь. Когда онъ вошелъ въ комнаты, капитанъ со слезами на глазахъ благословлялъ своихъ дѣтей иконою и прощался съ ними, жена плакала, обнимая мужа, а

недалеко въ креслахъ сидѣлъ китайскій генералъ Па-о, командующій мѣстнымъ тысячнымъ отрядомъ. Онъ третій разъ принимался увѣрять, чтобы не безпокоились и никуда не уходили.

— Я поднимаю руки къ небу,—восклицалъ онъ:—вамъ не угрожаетъ ничто, напрасно уходите, я отвѣчаю своей головой, войны нѣтъ, никто не смѣетъ васъ тронуть, не уходите.

Затѣмъ генералъ Па-о, дружески разставаясь съ Смолянииновымъ, подалъ открытый листъ о пропускѣ пятаго участка на границу. Наконецъ, все приготовлено къ выѣзду. Рогановъ вернулся въ свою квартиру и едва узналъ своего лакея, плосконосаго франта, корейца Николая; онъ былъ въ новомъ сюртукѣ тонкаго сукна, въ новой пуховой шляпѣ, въ лакированныхъ сапогахъ и перчаткахъ, крахмальная рубашка блестѣла свѣжестью изъ-подъ жилета. По этому поводу Николай разсказалъ, что магазины открыты, и всѣ купцы предлагаютъ брать, что кто хочетъ, такъ какъ послѣ отъѣзда китайцы разграбятъ.

Отъѣзжающихъ провожалъ генералъ Па-о съ 50 солдатами въ видѣ почетнаго конвоя. Проѣхавъ верстъ пять, онъ простился, а солдатамъ приказано было проводить отъѣзжающихъ до дистанціи инженера Симановскаго, куда всѣ пришли на другой день къ вечеру, захватывая по пути народъ со всѣхъ частей участка, почему отрядъ все болѣе и болѣе увеличивался. Скоро обнаружился недостатокъ хлѣба, всѣ разсчитывали у Симановскаго пополнить хлѣбную нужду, но надежды рушились. Симановскій не дождался пятаго участка, а заблагоразсудилъ догонять хинганцевъ и присоединиться къ нимъ. Его отрядъ, состоящій изъ 700 человѣкъ, поднялся налегкѣ, не заботясь о провизіи, разсчитывая дня черезъ два догнать четвертый участокъ, но случилась бѣда. Когда Симановскій съ отрядомъ подходилъ къ Бахату, тамъ уже было китайское войско, подъ командой Джан-шинь-ю, того самаго генерала, котораго хинганскій отрядъ въ Якши задержалъ больше сутокъ. Генералъ пріѣхалъ въ Бахату за день до пріѣзда Симановскаго; онъ занялъ мѣстность войскомъ и приказалъ всѣхъ китайцевъ, прячущихся въ лѣсахъ, ловить, обшаривать и обирать деньги, а переводчиковъ велѣлъ убивать и грабить за то, что служили русскимъ.

Симановскій съ молодой женой ѣхалъ впереди отряда, въ коляскѣ, за нимъ двигался обозъ изъ двухъ сотъ пятидесяти подводъ съ семьями, а по бокамъ—тридцать охранныхъ казаковъ. Въ 8 верстахъ отъ Бахату есть большая скала, дорога круто поварачиваетъ вправо, и открывается долина, на которой построенъ этотъ городъ. Здѣсь казаки ѣхали безпечно, отрядъ не успѣлъ выдвинуться изъ-за скалы, какъ раздался залпъ; два казака упали, лошади взбѣсились и понеслись, произошла неописуемая паника. Нѣкоторые мужчины отпрягали пристяжныхъ лошадей, садились верхомъ и бросались въ лѣсъ, куда глаза глядятъ, только бы по-

дальше отъ выстрѣловъ. Одинъ конюхъ сидѣлъ на подводѣ съ женой и держалъ ребенка. Когда раздались выстрѣлы, онъ ребенка бросилъ на возъ, отрѣзалъ поводъ и гужи у пристяжной и поскакалъ вправо. Жена, державшая другого грудного ребенка на рукахъ, не успѣла подхватить брошеннаго мужемъ на телѣгу мальчика, и онъ скатился подъ ноги лошадямъ, телѣга его переѣхала. Жена еще болѣе перепугалась и бросилась за мужемъ: «Митрій, Митрій!—кричала она:—возьми меня, куда ты меня покидаешь?»—но его и слѣдъ простылъ. Это семейство и тридцать рабочихъ пропали безъ вѣсти. Симановскій, видя, что въ него стрѣляетъ цѣлая рота, выстроенная по правую и лѣвую сторону дороги, послѣ вторичнаго залпа остановилъ экипажъ и предъявилъ пропускной билетъ отъ генерала Па-о. Пока бумагу читали, китайскіе солдаты бросились грабить обозъ и коляску Симановскаго, а, когда переговоры кончились, у Симановскаго не осталось ничего, хотя и приказано было прекратить грабежъ, но было уже поздно. Китайцы успѣли хорошихъ лошадей обмѣнять на своихъ клячъ, которыя въ русской запряжкѣ ходить не умѣютъ; у многихъ съ возовъ потаскали оружіе, сапоги и съѣстные припасы. Затѣмъ послѣдовалъ приказъ взять всѣхъ въ плѣнъ, а если будутъ упрямиться, то убивать. Сдавшихся въ плѣнъ, когда подойдетъ начальникъ Офенбергъ, отпустить на волю за выкупъ. Когда къ этой мѣстности прибылъ съ отрядомъ Офенбергъ, къ нему отпустили Симановскаго съ переводчикомъ и офицеромъ для переговоровъ, а жену его и другихъ оставили заложниками. Переговоры длились цѣлую ночь, такъ какъ китайскіе начальники ставили невозможныя условія. Напримѣръ, охранная стража отдала бы все свое оружіе и коней, всѣ отдали бы серебро, во избѣжаніе недоразумѣній отрядъ до Хингана долженъ итти подъ конвоемъ китайскаго войска. Но это предложеніе всѣхъ возмутило, рѣшили сражаться. Наконецъ, кое-какъ уговорились на двадцати тысячахъ серебряныхъ китайскихъ рублей, которые и свезли китайцамъ въ ящикахъ.

Это было уже днемъ, въ 10 часовъ утра; русскіе двинулись дальше подъ двойными дулами ружей, какъ сквозь строй; по правую и лѣвую сторону дороги китайскіе солдаты все время держали ружья на прицѣлъ, готовясь каждую минуту спустить курокъ. Жутко было каждому, особенно казакамъ, ихъ прямо передергивало; малѣйшій неправильный поступокъ грозилъ смертью всему отряду. Надобно замѣтить, что китайское начальство все-таки заставило исполнить одно унизительное условіе: такъ какъ китайскіе солдаты страшно раздражены противъ казаковъ и не могутъ видѣть равнодушно ихъ, а потому предложено было сдѣлать такъ: когда будетъ отрядъ проходить мимо войска, чтобы солдаты не могли узнать казаковъ, послѣдніе должны спрятать оружіе и проѣзжая

не затрогивать китайскихъ солдатъ вызывающими дѣйствіями. Въ виду критическаго положенія русскихъ, молодцы-казаки покорились такому требованію и поклялись страшно отомстить въ случаѣ войны этому отряду.

Симановскому были возвращены нѣкоторые ограбленныя вещи и часть бриллiантовъ его молодой жены.

VIII.

Китайскій вопросъ внесъ сильнѣйшую тревогу среди русскихъ въ глухой Маньчжуріи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на китайскій берегъ высадился международный дессантъ и двинулся по направленію къ Пекину на выручку осажденныхъ посланниковъ. Много разъ бойки передавали за вѣрный фактъ, что полученъ указъ китайской императрицы къ маньчжурскимъ войскамъ, чтобы они въ одинъ день повсемѣстно напали на постройку желѣзной дороги и всѣхъ поголовно вырѣзали. Теченіе нормальной жизни нарушилось и въ Харбинѣ. Ему пришлось выдерживать настоящую осаду. Здѣсь, кромѣ охраны, состоящей изъ 1.000 человѣкъ, русскіе составили вольную дружину стрѣлковъ, въ которую вошли охотники кавказцы, вооруженные съ ногъ до головы, а также всѣ агенты и служащіе на постройкѣ.

26 утромъ, одна барышня поѣхала на службу въ деревню Ваховку въ трехъ верстахъ отъ Харбина и воротилась съ дороги вся истерзанная. Послали казаковъ на поиски, но виновниковъ и слѣдъ простылъ. Лошадь и кабріолетъ нашли въ полѣ. Случаи нападенія на русскихъ стали повторяться. Въ тотъ же день получена отъ дзянь-дзюна изъ Цицикара телеграмма, предупреждающая о скоромъ открытіи военныхъ дѣйствій и о томъ, что восемь пароходовъ будутъ пропущены по Сунгари лишь до 1 іюля. Всѣ, кто могъ, бросились на пароходы. Сначала постарались отправить женщинъ и дѣтей, а потомъ уже остальныхъ. Въ Харбинъ стали въ безпорядкѣ прибывать русскіе изъ участка Бренштейна, гдѣ особенный переполохъ случился, потому что начальникъ Бренштейнъ заболѣлъ и не принималъ никакого участія въ спѣшномъ отступленіи, прося его не безпокоить, а поступать, какъ знаютъ, хотя была полная возможность уѣхать въ Харбинъ въ полномъ порядкѣ на поѣздѣ. Бѣгство было столь торопливое, что начальникъ бросилъ денежную кассу, состоящую изъ 60-ти тысячъ.

Разсказываютъ, что капиталъ этотъ попалъ артельщикамъ. Пользуясь болѣзнью и угнетеннымъ состояніемъ Бренштейна, они убѣдили его въ томъ, что если кассу повезутъ, то послѣдуетъ нападеніе, а потому лучше ее оставить. Больной Бренштейнъ махнулъ рукой и сказалъ: «Вамъ поручена касса, за васъ отвѣчаетъ артель, а я знать ничего не хочу». Тогда артельщики будто бы кассу за-

рыли въ землю, а съ Бренштейна взяли удостовѣреніе, что она осталась въ конторѣ и затѣмъ разграблена китайскими рабочими. Послѣ окончанія погрома, когда Бренштейнъ умеръ, поступилъ другой начальникъ, онъ произвелъ слѣдствіе о кассѣ и отдалъ артельщиковъ подъ судъ. Ему въ свое оправданіе подсудимыми предъявлена бумага инженера Бренштейна съ его подписью, въ которой говорится, что кассу разрѣшается оставить. Злые языки по этому поводу разсказывали, что бланковъ съ заранѣе написанными подписями инженеровъ всегда можно достать, сколько угодно, и въ нихъ вписывать, что желательно. Такой пріемъ практикуется на постройкахъ; инженеры, чтобы не безпокоиться по пустякамъ, выпускаютъ въ обращеніе бланки съ готовыми подписями. Будто бы артельщики при бѣгствѣ и воспользовались такими бланками. По окончаніи погрома, артельщики деньги вырыли и подѣлили вдвоемъ, но третій, которому они не пожелали дать, сдѣлалъ доносъ на нихъ.

Съ 29 іюня полчища китайцевъ стали дѣлать нападенія сначала на окрестности Харбина. Тогда русскіе перебрались всѣ въ городъ и укрѣпились на берегу Сунгари въ механическихъ зданіяхъ, гдѣ усиленно занялись литьемъ пушекъ и снарядовъ и успѣли отлить четыре мѣдныя пушки. Затѣмъ отряды «Большого Кулака» окружили харбинцевъ со всѣхъ сторонъ, но близко не подходили, боясь мѣткихъ выстрѣловъ и вылазокъ охотниковъ.

1 іюля, казаки и охотники, во главѣ съ капитаномъ Бодиско, сдѣлали ночную вылазку и взяли ханшинный заводъ приступомъ, гдѣ укрылись китайцы, и откуда они сильно безпокоили Харбинъ, стрѣляя изъ пушекъ. На заводѣ оказалось много провизіи, десять пушекъ, складъ оружія; все это весьма пригодилось нашимъ защитникамъ. 3 числа, китайцами былъ сдѣланъ энергичный приступъ, но онъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ, а у насъ убитъ одинъ офицеръ, пять казаковъ и двѣнадцать человѣкъ вольной дружины. Послѣ этой схватки китайцы окружили весь городъ плотнымъ кольцомъ, видимо, желали взять его изморомъ. Черезъ три дня осаждаемые получили радостную вѣсть: сквозь скопища «Большого Кулака» проскользнулъ казакъ и привезъ извѣстіе, что къ защитникамъ Харбина идетъ помощь, сюда ведетъ войско генералъ Сахаровъ, идущій по рѣкѣ Сунгари.

Этотъ отрядъ 15 іюля взялъ крѣпость Сан-Синъ, куда казаки и пѣхота переправились въ бродъ; китайцы бѣжали, бросивъ оружіе; черезъ пять дней генералъ Сахаровъ былъ уже около Харбина и здѣсь разогналъ боксеровъ.

Кромѣ Харбина, нашими войсками были взяты города: Хайларъ, Айгунъ и крѣпость Нью-чуангъ. Взятіе этихъ пунктовъ и успѣхи международной экспедиціи наконецъ сломили упрямство и военный азартъ китайцевъ.

Подъ вліяніемъ пережитыхъ событій на Дальнемъ Востокѣ много было разговора о той картинѣ, которую создало нѣсколько лѣтъ тому назадъ художественное воображеніе германскаго императора Вильгельма о желтой опасности, съ приглашеніемъ народовъ Европы оберегать свои священнѣйшія права.

IX.

Въ этой главѣ я разскажу о страшной гибели агента, полковника Винникова, о которомъ выше было упомянуто.

Печальное это дѣло случилось за недѣлю до погрома Китайско-Восточной желѣзной дороги. Тревожные слухи о возстаніи китайцевъ давно уже проникли въ Санъ-Синъ, и здѣсь китайцы перестали работать исправно и слушаться приказаній. У агента Винникова на пристани находилось 10-ть казаковъ охранной стражи, два конторщика, два плотника, одинъ слесарь и одинъ кузнецъ съ женой и троими дѣтьми. У двоихъ казаковъ тоже были жены и пятеро казачатъ. А на мѣстѣ выгрузки жили 30-ть китайцевъ, переводчикъ и подрядчикъ; всѣ они жили на берегу въ землянкахъ и никуда не отлучались. Съ провинившимися китайцами расправа была установлена короткая. Если китаецъ стащитъ съ пристани хотя бы разбитый ящикъ на дрова, то этого несчастнаго отправляютъ къ казакамъ, а тѣ ведутъ въ конюшню или сарай, и всыплютъ нѣсколько нагаекъ; бѣдный китаецъ жаловаться не смѣетъ, въ противномъ случаѣ его отведутъ къ санъ-синскому фудутуну, а тамъ, вмѣсто справедливаго разслѣдованія, прибавятъ еще бамбуковъ. Бамбуки, въ родѣ нашихъ батоговъ, двухъ аршинъ длины, крѣпкіе, какъ желѣзо. При наказываніи бамбуками виновнаго разложатъ на полу на циновкѣ, сядутъ ему одинъ на голову или на плечи, другой на ноги, гдѣ колѣни сгибаются, китаецъ лежитъ внизъ лицомъ и вверхъ пятками, разуваютъ его и начинаютъ жарить бамбуками по пяткамъ, китаецъ визжитъ, рычитъ, а пошевелиться не можетъ. Вотъ отсчитали штукъ 200 бамбуковъ, несчастнаго отпускаютъ, но онъ долженъ, по китайскому обычаю, раболѣпно подползти къ фудутуну, который во время экзекуціи сидитъ на коврѣ, поджавъ ноги и покуривая кальянъ, поблагодарить за отеческое внушеніе и заплатить за бамбуки и судебныя издержки. Китайцы страшно боятся фудутунова суда, они говорятъ: ужъ лучше казакъ съ плетью, все не такъ больно, да и жалостливые есть среди нихъ; если начальство не видитъ, то только для вида постегаютъ, да велятъ пошибче кричать, чтобы начальство не подозрѣвало шутки. Въ мѣстѣ жительства агента Винникова китайцы стали собираться часто группами и таинственно совѣщаться; между ними одинъ былъ замѣтенъ, какъ коноводъ; это былъ высокій рябой китаецъ, звѣрскаго вида, посту

пившій числа 10 іюня на выгрузку; онъ не столько работалъ, сколько безъ всякой причины ходилъ по всѣмъ службамъ и все высматривалъ. Винниковъ нѣсколько разъ заставалъ его въ сѣняхъ, но не придавалъ этому значенія, да и некогда было: работа велась лихорадочно, спѣшно. Агентъ, какъ бывшій полковникъ, помня свою былую отвагу, надѣялся благополучно выпутаться. Его не особенно пугало то, что китайцы становятся все озлобленнѣе и смѣлѣе; тѣмъ не менѣе, 15 іюня онъ подалъ телеграмму Юговичу, спрашивая, что̀ дѣлать. Строитель Китайско-Восточной желѣзной дороги далъ отвѣтъ: будьте готовы, ждите приказанія. 25 числа почти уже никто не явился работать, манзы разсчитались и ушли. Съ полковникомъ остались только казаки и русскіе служащіе, да маленькій китаецъ бойка, лѣтъ 10, состоявшій у агента лакеемъ; онъ ежедневно ѣздилъ въ Санъ-Синъ на развѣдки и привозилъ вѣсти самыя тревожныя, а 27 числа пріѣхалъ испуганный и сообщилъ, что хунхузы близко и всѣхъ русскихъ рѣжутъ. Бойка былъ очень преданъ полковнику и любилъ его, привязанность возникла потому, что мальчикъ былъ спасенъ Винниковымъ отъ голода и смерти; отца его убили хунхузы, все семейство вырѣзали, въ мальчика попала шальная пуля, когда онъ бѣжалъ и прятался въ гаолянѣ. Случайно мальчика нашелъ полковникъ, подобралъ его, вылѣчилъ, взялъ къ себѣ и платилъ ему три рубля въ мѣсяцъ; по условіямъ китайской жизни это— крупное вознагражденіе. Можно представить ужасъ всѣхъ, когда бойка прибѣжалъ съ такимъ извѣстіемъ и кричалъ съ плачемъ: спасайтесь, никого не пощадятъ. Бойку кое-какъ успокоили казаки, а агентъ выдалъ ему револьверъ. Кроткое личико бойки съ косыми глазами превратилось въ свирѣпое и кровожадное.

Въ тотъ же день агентъ поѣхалъ къ фудутуну въ Санъ-Синъ и скоро возвратился съ неутѣшительными вѣстями; тамъ подтвердили, что весь край волнуется; войска сочувствуютъ движенію. Фудутунъ посовѣтовалъ агенту собраться и уѣхать, какъ можно скорѣе. Винниковъ снова послалъ запросъ по телеграфу въ Харбинъ, какъ слѣдуетъ поступить. Между тѣмъ, китайцы приняли угрожающее положеніе и стали красть у русскихъ ружья. Съ этими ворами агентъ расправился самъ, приказалъ дать имъ плетей и отправить на другую сторону рѣки и высадить на берегу. Затѣмъ Винниковъ сталъ подготовляться къ отъѣзду, приготовили баржу, на нее перешли всѣ служащіе съ семействами, туда же перенесли цѣнные и необходимые предметы; баржа эта была желѣзная, открытая, безъ палубы; ее отвели отъ берега и поставили на якорь на серединѣ рѣки. Когда это было сдѣлано, на берегу собралась громадная толпа китайцевъ, въ баржу полетѣли камни. Разграбивъ контору и квартиры, толпа бросилась въ склады, гдѣ находились запасы провизіи, и все мигомъ растащила. Многіе китайцы

пріѣхали на лодкахъ изъ Санъ-Сина и старались добраться незамѣтнымъ образомъ до баржи, но возвращались ни съ чѣмъ; въ какую сторону ни сунется лодка, вездѣ встрѣчаетъ дула ружей и лѣсъ штыковъ, направленныхъ противъ смѣльчаковъ. Вечеромъ китайцы попробовали баржу застать врасплохъ, но и тутъ потерпѣли неудачу. Такъ расположились два враждебные лагеря. Мимо баржи нерѣдко проходили пароходы въ Хабаровскъ, переполненные женщинами и дѣтьми, а также бѣглецами изъ Маньчжуріи, не желающими подвергаться случайностямъ войны; пароходы на минутку задерживали ходъ, чтобы переговорить съ осажденными; всѣ капитаны приглашали агента съ собой, но онъ отвѣчалъ: «Я жду приказанія начальства, оно знаетъ, что я въ осадѣ».—«Смотрите, не ошибитесь,—говорили ему,—бросьте все и пойдемте». Особенно рекомендовалъ агенту отъѣздъ командиръ парохода «Орелъ». Всю ночь на 28-е іюня провели тревожно, китайцы не предпринимали никакихъ враждебныхъ дѣйствій, они были убѣждены, что добыча не ускользнетъ отъ нихъ. Настало утро, толпа все прибывала и рѣшилась взять баржу. Въ это время вдали, выше Санъ-Сина, показался пароходъ, нападающіе пріостановились. Пользуясь этимъ, агентъ послалъ къ фудутуну шлюпку, но она, не дойдя до берега, воротилась, ее встрѣтили съ берега камнями, а лодки ее окружили кольцомъ, при чемъ веслами были ранены казакъ и переводчикъ; шлюпка повернула обратно къ баржѣ; одновременно отъ фудутуна пришло извѣстіе, чтобы всѣ спасались, онъ не можетъ защищать. Китайской толпой сталъ предводительствовать огромнаго роста рябой манза: онъ набралъ до сотни лодокъ, разсадилъ по нимъ вооруженныхъ китайцевъ и двинулся къ баржѣ агента. Пароходъ, какъ на зло, не подвигается съ мѣста, только усиленно пыхтитъ и выпускаетъ густой дымъ. Оказалось, что манзы ночью загородили фарватеръ, и пароходъ едва не разбился, отыскивая выходъ. На баржѣ приготовились дорого отдать свою жизнь. Манзы съ крикомъ и воемъ начали окружать стоящую на якорѣ баржу. Несмотря на открытую пальбу, лодки подвигались все ближе и ближе, потому что для защиты отъ пуль китайцы разбили ящики съ листовымъ желѣзомъ, и каждая лодка такимъ образомъ заблиндировалась. Казаки, чтобы заряды были подъ рукой, поставили ящики съ ними на середину баржи. Тогда свирѣпый рябой манза распорядился бросать въ баржу китайскія ракеты, разбрасывающія искры по всѣмъ направленіямъ; теперь приходилось и отстрѣливаться и тушить пожаръ. Такъ какъ на скорое прибытіе парохода надежды не было, то агентъ перерубилъ якорный канатъ и самъ всталъ на руль. Когда баржа тронулась, то одна шальная ракета упала въ заряды и воспламенила ихъ: послѣдовала частая стрѣльба по всѣмъ направленіямъ. Манзы отхлынули, казаки бросились въ рѣку, агентъ былъ раненъ, бойка убитъ. Раненый въ

плечо и ногу, Винниковъ не могъ дождаться парохода и упалъ, обливаясь кровью. Пока пароходъ подходилъ осторожно, баржа подвигалась все дальше и дальше, китайцы ее догнали, пожаръ потушили и стали перегружать въ лодки; рябой манза подошелъ къ истекающему кровью агенту и сталъ его мучить. А когда пароходъ догналъ баржу, то на ней уже никого и ничего не было; бойка лежалъ съ обрубленными ушами, Винниковъ былъ повѣшенъ на рулѣ, съ выпученными глазами, спина у него была изрѣзана вдоль и поперекъ. Командиръ парохода остановился и взялъ тѣло, также подобралъ нѣсколькихъ казаковъ, появлявшихся то съ одной стороны, то съ другой стороны Сунгари, куда ихъ отнесло теченіемъ, когда они бросились изъ пылающей баржи. Пароходъ двинулся дальше, среди пассажировъ наступилъ ужасъ и смятеніе, особенно между женщинами и дѣтьми, мужчины приготовились сражаться, у всѣхъ ружья и патроны наготовѣ. Въ Санъ-Синѣ пароходъ не остановился; онъ прошелъ здѣсь на всѣхъ парахъ, но скоро дрова всѣ вышли, необходимо было пристать. Подплыли къ мѣсту склада дровъ, но ни сторожа, ни шалаша, ни дровъ. Быстро выбѣжали матросы, по берегу собрали все, что уцѣлѣло отъ пожара. Командиръ съ трудомъ довелъ пароходъ до крѣпости Баянъ-су, тамъ ему дали дровъ и провизіи. Еще больше затрудненій выпало на долю парохода «Орелъ», на который были посажены, по распоряженію Винникова, казачьи семьи.

Пароходъ этотъ буксировалъ за собой двѣ баржи, переполненныя чернорабочими семьями и ихъ имуществомъ. На десятиверстномъ разстояніи до Баянъ-су, крѣпости, гдѣ рѣка Сунгари суживается и дѣлаетъ крутой поворотъ, по пароходу вдругъ китайцами была открыта пальба съ обоихъ береговъ. Суматоха сдѣлалась не передаваемая, но скоро мужчины оправились отъ неожиданности, наскоро загородили борта тюками и ящиками, которыхъ на пароходѣ было много, а казаки, въ количествѣ 30-ти человѣкъ, разсыпались по бортамъ и начали отстрѣливаться. Командиръ, желая ускорить движеніе парохода, приказалъ, чтобы народъ перешелъ въ одну баржу, а другую бросить. Произошли ужаснѣйшія сцены, трудно передаваемыя перомъ. Разстаться съ своимъ добромъ каждому было жалко. Съ обоихъ береговъ летитъ градъ пуль, по бортамъ спѣшно ставятся изъ сундуковъ баррикады, всѣ спѣшатъ укрыться изъ задней притянутой баржи въ трюмъ передней баржи, куда летятъ безостановочно подушки, перины, и на нихъ прямо кидаютъ дѣтей, а внизу ихъ подхватываютъ и уносятъ дальше. Потомъ стали въ трюмъ передавать дѣтей старшаго возраста. Вотъ молодой человѣкъ перемахнулъ съ одного борта баржи на переднюю и скрывается въ трюмъ, на рукахъ у него прелестная дѣвочка лѣтъ 15-ти, лежитъ безъ памяти. Далѣе—престарѣлый дѣдушка, у него ноги отъ страха отнялись, и два внука подхватили

его подмышки и тащатъ къ трюму. А вотъ побывавшій уже въ трюмѣ, перетащившій туда больную жену и троихъ дѣтей, какъ безумный, бросился на покинутую баржу, отыскивая здѣсь затерявшагося ребенка 3-хъ лѣтъ. Ему закричали, что здѣсь ребенокъ, добрые люди перенесли его, и онъ стремглавъ бросился и вцѣпился въ него. Какой-то господинъ лѣзетъ изъ трюма и тоже несется къ покинутой баржѣ, у которой уже рубили канатъ: у него тамъ осталась шкатулка съ 6.000 р.

Наконецъ, пароходъ пошелъ полнымъ ходомъ. Китайцы, видя, что добыча ускользаетъ отъ нихъ, съ дикимъ крикомъ и воемъ неслись по берегу, нѣкоторые изъ нихъ пытались на лодкахъ преградить путь, но поплатились за это: три лодки пошли ко дну. Закончившаяся схватка имѣла печальныя послѣдствія: было убито 18 человѣкъ, въ томъ числѣ инженеръ изъ Фулярди, провожавшій жену, дѣвочка семи лѣтъ, двое служащихъ, купецъ и три казака, 10 человѣкъ чернорабочихъ. Ранено было человѣкъ 15.

X.

Телинскій отрядъ пострадалъ болѣе другихъ при своемъ отступленіи къ Харбину. Онъ очутился въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ западный. Послѣдній отступалъ въ полномъ порядкѣ, и хотя ждалъ каждую минуту нападенія китайскаго войска, окружающаго его, но не такого страшнаго, чтобы можно было терять голову. Русскимъ, состоящимъ въ западномъ отдѣлѣ, было извѣстно, что войску приказано ихъ пропустить свободно на границу Забайкалья. Между тѣмъ, Телинскій отрядъ долженъ былъ двигаться среди населенія, мало знакомаго съ русскими, притомъ отрядъ взялъ подъ свое покровительство всѣхъ миссіонеровъ, искавшихъ спасенія отъ рѣзни у названнаго отряда, охраняемаго 150 казаками и 300 добровольцами. Они самоотверженно приняли подъ свою защиту епископовъ, священниковъ разныхъ національностей, а также стекавшихся со всѣхъ сторонъ крещеныхъ китаянокъ и китайцевъ. Страшась боксеровъ за свое отступленіе отъ родной вѣры, христіане искали помощи у русскихъ.

Такимъ образомъ Телинскій отрядъ принялъ на себя труднѣйшую задачу спасти всѣхъ, притекающихъ къ русскому покровительству. Чудная и трогательная картина: кто не умилится, когда узнаетъ отступленіе многострадальнаго Телинскаго отряда. Повсюду тревога, бьютъ барабаны, скачутъ казаки летучаго охраннаго отряда, передавая съ опасностью жизни въ отдаленные уголки русскимъ, чтобы они бросали дѣло и скорѣе шли къ отряду. Такой трудъ, непосильный для другого, казаки совершаютъ обдуманно и безстрашно. Я люблю прислушиваться къ разсказамъ о молодецкой удали казаковъ и сама наблюдала такія дѣла муже-

ства и отваги, какія казакъ дѣлаетъ, не замѣчая, что совершилъ подвигъ, почти чудо. Казакъ привыкъ полагаться на собственныя силы и не разсчитывать, что у него за спиной цѣлая армія. Полюбуйтесь на казака, когда онъ ѣдетъ исполнять трудное порученіе. По крайней мѣрѣ, такъ зарекомендовали себя казаки Телинскаго отряда. Разскажу нѣсколько фактовъ. Казаку велѣли ѣхать въ лѣсъ за восемь верстъ къ русскимъ рабочимъ, чтобы предупредить ихъ объ угрожающей опасности, потому что туда устремилась большая толпа китайцевъ съ топорами, чтобы убить и ограбить русскаго подрядчика и его семейство, живущее въ лѣсу въ отдаленномъ домикѣ. Что можетъ сдѣлать тутъ одинъ казакъ? Но этотъ вопросъ не смущаетъ его, онъ быстро отправился исполнять приказъ. Китайцы пошли на грабежъ большой дорогой и дойдутъ до мѣста не ранѣе, какъ черезъ два часа. Казакъ, закуривъ трубку, принялъ это обстоятельство во вниманіе и рѣшился остановить китайцевъ хитростью. Окольными тропинками казакъ понесся къ ущелью, гдѣ онъ думалъ опередить грабителей, но надежды его не сбылись. Ущелье было занято кучкой китайцевъ, которая угрюмо слѣдила за приближающимся всадникомъ. Казакъ не убавилъ хода коня и не вздрогнулъ. Ущелье было узко, плотная толпа стояла тѣсно. Казакъ свистнулъ и понесся во весь опоръ; толпа инстинктивно шарахнулась въ сторону. Когда казакъ проскочилъ ущелье, то осадилъ коня, повернулся къ манзамъ и закричалъ по-китайски: «Эй, ходя, дай огня». Казакъ вынулъ трубку, сталъ хладнокровно набивать ее, китайцы въ недоумѣніи переглянулись, нѣкоторые изъ нихъ также достали трубки, закурили и подали казаку огня. Среди куренія и взаимнаго угощенія трубкой началась бесѣда. Манзы разсказали казаку, что ждутъ своихъ, которые пошли другой дорогой; манзы совѣтовали казаку воротиться въ Телинъ, потому что за ущельемъ есть опасные китайцы. Казакъ засмѣялся и сказалъ: «Вы своихъ долго не дождетесь; правда, они отправились, но ихъ разогнали казаки». Авторитетное увѣреніе казака смутило китайцевъ, они порѣшили выждать, а затѣмъ отправились въ другую сторону. Казакъ во-время пріѣхалъ, куда ему было назначено, собралъ всѣхъ русскихъ и провелъ ихъ благополучно въ Телинъ. Китайцы нагрянули черезъ нѣсколько часовъ, мѣсто было уже пустое. Они съ яростью набросились жечь дома и шпалы.

Магическое вліяніе казаковъ на китайцевъ удивительно: отступающіе русскіе отряды поручали охраненіе складовъ и имуществъ нѣсколькимъ казакамъ, иногда даже троимъ, и все-таки семитысячная неистовствующая толпа слушалась казаковъ.

Вотъ манзы, разграбивъ магазины, перепились даровымъ виномъ, спиртомъ, ликеромъ и шампанскимъ и совсѣмъ озвѣрѣли. Однако, они не смѣютъ приступить къ богатому складу, у кото-

раго стоитъ казакъ на караулѣ, прохаживаясь по узкой тропинкѣ передъ воротами склада. Манзы кругомъ обступили его, но роковой черты не переходятъ, потому что подвинувшагося манзу осаживаетъ штыкъ казака и его запретительный окрикъ. Мало того, казакъ начинаетъ давать манзамъ разъясненіе: «Ходя, если тебѣ твой богдыханъ скажетъ: умри,—ты идешь домой, собираешь родню, надѣваешь лучшее платье и, сидя среди друзей послѣ обильнаго угощенія, распарываешь себѣ животъ, правда?»—«Правда, правда!»—кричали манзы. Тогда казакъ прибавляетъ: «А мнѣ мой царь приказалъ тутъ стоять и, если нужно, умереть, и вотъ я исполняю царскій указъ».—«Хо, хо!» т.-е. «хорошо, хорошо!»—похвалили китайцы.

Чѣмъ дальше двигался Телинскій отрядъ, тѣмъ больше увеличивался его составъ, то и дѣло по пути слѣдованія отряда появлялись бѣдные, оборванные китайцы и китаянки съ дѣтьми, вытаскивая крестъ изъ-за пазухи, вставали на колѣна, умоляя русскихъ взять ихъ съ собой, потому что они—христіане, и ихъ боксеры зарѣжутъ. Обыкновенно начальникъ отряда разрѣшалъ имъ присоединяться; радость китайцевъ была безпредѣльна, они соскакиваютъ съ колѣнъ, мечутся, стараясь поцѣловать руку начальника. Къ вечеру въ первый день отступленія составъ отряда увеличился почти вдвое, къ нему пристали иностранные миссіонеры, въ числѣ которыхъ были епископы.

Ночь прошла благополучно, преслѣдователи скрылись, но наутро они появились впереди отряда и заняли путь, по которому онъ долженъ былъ итти. Собранъ былъ совѣтъ, на немъ русскіе рѣшили пробиться сквозь толпу мятежниковъ. Впереди ѣхали казаки, въ средину собрали женщинъ и дѣтей, посаженныхъ на подводы, по бокамъ шли казаки и добровольцы, полсотня казаковъ и лучшіе стрѣлки прикрывали тылъ. Передовые казаки разогнали мятежниковъ почти безъ выстрѣла, они отступили и залегли въ гаолянъ. Когда отрядъ прошелъ съ версту, вдругъ назади завязалась перестрѣлка, мятежники стали насѣдать, тогда часть отряда бросилась въ штыки и отбросила непріятеля.

Хорошо, что отрядъ изъ Телина запасся мукой, рисомъ, пшеномъ и другой провизіей, а то было бы плохо, нужно было кормить двойную партію приставшихъ китайцевъ-христіанъ. Мятежники едва не восторжествовали около Куанъ-ченъ-дцы. Измученный шестидневной постоянной тревогой, отрядъ поздно вечеромъ пришелъ на бивуакъ, сварили ужинъ, кое-какъ поѣли, и всѣ полегли спать, конечно, уснули, только часовые и охрана бодрствовали, перекликаясь. Прошло часа три отдыха, луна сіяла въ полномъ блескѣ, какъ вдругъ забили въ барабанъ тревогу, горнистъ сзываетъ всѣхъ къ оружію, непріятель близко; не успѣли хорошенько понять, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались пули.

Мѣстность была гористая, перевалъ только что миновали, лагерь расположился внизу, въ долинѣ, а впереди была лѣсистая возвышенность. Боксеры воспользовались сномъ уставшаго отряда, окружили его, спрятавшись за деревьями и неровностями почвы. Началась отчаянная перестрѣлка, большинство мужчинъ бросилось впередъ прокладывать путь для своихъ семей. Пока запрягли подводы, и послѣднія рысью двинулись впередъ, десять человѣкъ было убито, а тридцать запасныхъ съ инженеромъ Верховскимъ безъ вѣсти пропали. Оказалось, что они, сражаясь въ рукопашную съ мятежниками, незамѣтно забрались въ лѣсъ; здѣсь Верховскій былъ раненъ, его схватили боксеры въ плѣнъ, запасные бросились выручать любимаго начальника, но неудачно. Верховскаго въ плѣну замучили. Когда запасные поняли, что они заплутались, то часть ихъ бросилась въ противоположную сторону, и только 18 человѣкъ вышли на корейскую границу, гдѣ ихъ радушно приняли, по приказу короля больныхъ вылѣчили и отправили въ Россію.

Наконецъ Телинскій отрядъ пробился сквозь кольцо мятежниковъ, китайцевъ много было убито и ранено, почему, вѣроятно, боксеры не рѣшались болѣе продолжать нападенія. Русскіе дошли до Сунгари и переѣхали ее на поромѣ, который какимъ-то чудомъ удалось найти недалеко отъ мѣста стоянки. До Харбина уже осталось только два дня. Удастся ли благополучно дойти отряду, а вдругъ Харбинъ взятъ?—мелькаетъ ужасная мысль у всѣхъ въ отрядѣ, и сердце жутко, жутко замираетъ.

Вотъ уже послѣдній переходъ, мятежники совсѣмъ скрылись, ночью казаки посланы на развѣдку и принесли радостную вѣсть: Харбинъ освобожденъ отъ осады, генералъ Сахаровъ вступилъ въ него съ арміей. На другой день всѣ поднялись чуть свѣтъ и отправились въ Харбинъ. Какъ всѣмъ хотѣлось поскорѣй уйти оттуда, гдѣ они столько вытерпѣли, а многіе погибли! Къ вечеру отрядъ благополучно вступилъ въ Харбинъ.

XI.

Въ заключеніе своихъ воспоминаній разскажу о расправѣ русскихъ съ китайцами въ Благовѣщенскѣ.

1 іюля прибыли въ Благовѣщенскъ новобранцы, а все войско выступило отсюда 29 іюня на выручку Харбинскаго отряда подъ начальствомъ Сахарова.

Въ Благовѣщенскѣ остался только гарнизонъ, нужный для обслуживанія караульной службы, и инвалиды.

Съ противоположнаго берега Амура, съ китайской стороны, стали доходить вѣсти угрожающаго свойства, будто бы китайцы

стянули войско и дѣлаютъ вдоль берега окопы, но этимъ толкамъ не придали серьезнаго значенія.

Стало извѣстно также, что китайцы, проживающіе ниже Благовѣщенска, съ 25 числа начали спѣшно покидать свои деревни, расположенныя за р. Зеей на русской сторонѣ, гдѣ имъ разрѣшено жить по Айгунскому трактату. Изъ станицы Радды, построенной на китайской сторонѣ Амура, казаки донесли, что китайцы переплавили черезъ Амуръ весь свой скотъ и отправили все имущество на китайскую сторону. Губернаторъ Грибскій усилилъ гарнизонъ Благовѣщенска охотниками и инвалидами. 2 іюля новобранцы отправились на устье Зеи, гдѣ есть удобное мѣсто для купанья. Когда новобранцы раздѣлись и бросились въ воду, китайцы изъ-за Амура съ своихъ окоповъ открыли огонь. Имъ почудилось, что наше войско хочетъ переплыть на ту сторону, чтобы занять китайскія позиціи.

Новобранцы выскочили изъ воды и бросились въ свои казармы за оружіемъ. Составилась вольная дружина. Нѣкоторые подъ шумокъ бросились грабить китайскія лавки, особенно постарались въ этомъ отношеніи молокане, сосланные сюда за свое сектантство. Здѣсь они чувствуютъ себя лучше, чѣмъ въ Россіи; никто ихъ не преслѣдуетъ.

Многіе изъ молоканъ занимаются тѣмъ, что скупаютъ краденое золото и продаютъ китайцамъ его на крупныя суммы. Поэтому молокане имѣютъ громадный кредитъ у китайскихъ купцовъ, живущихъ въ Благовѣщенскѣ и на противоположной сторонѣ Амура въ селеніи Сахалинѣ. У китайскихъ купцовъ всегда есть въ рукахъ масса молоканскихъ векселей.

Среди первой бомбардировки Благовѣщенска молокане задумали исполнить хитрую мысль—послужить родинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ кредиторовъ.

На другой день бомбардировки Благовѣщенска молокане сговорились, вооружившись, кто чѣмъ можетъ, и съ крикомъ: «бей китайцевъ!» бросились на мирныхъ купцовъ китайскихъ и на ихъ магазины. Полетѣли на улицу вазы, изящные сервизы, ширмы, вѣера и т. п., пошла рѣзня китайцевъ, особенно тѣхъ, у кого находились молоканскіе векселя.

Къ молоканамъ примкнули всѣ пропойцы и бездомные босяки. Позорное это дѣло было сдѣлано быстро, а когда виновниковъ переловили, они притворились смиренными патріотами, просили прощенія у губернатора Грибскаго. «Простите, погорячились изъ любви къ родинѣ»,—говорили они. Имъ сдѣлали строгій выговоръ и отпустили.

Изъ исторіи избіенія китайцевъ въ Благовѣщенскѣ жена чиновника Краснова разсказала слѣдующій интересный случай. У ея семейства былъ знакомый купецъ Лю-юнъ-мо, его магазинъ рядомъ

съ домомъ Красновыхъ, послѣдніе у него постоянно забирали товаръ и относились всегда къ нему дружественно; дѣти купца играли вмѣстѣ на одномъ дворѣ съ мальчиками-гимназистами разсказчицы.

2 іюля, во время бомбардировки, Красновы страшно перепугались и спрятались въ подвалъ. Когда они были на дворѣ, то услыхали стоны и крики, доносящіеся изъ смежнаго сада купца Лю-юнъ-мо. Мальчики Красновы, Боря и Коля, бросились въ садъ, и имъ представилась печальная картина. На верандѣ, окружающей домъ, у двери въ него лежалъ Лю-юнъ-мо, избитый, съ раной въ боку. Около него стояли два сына, у обоихъ поцарапанныя лица, рядомъ мать въ отчаяніи, ломая руки, стоитъ на колѣняхъ передъ раненымъ мужемъ. Мальчики съ энергіей и терпѣніемъ стараются укрѣпить дверь, они ее подперли бревномъ, съ цѣлью защитить раненаго отца отъ убійцъ, съ ругательствами ломившихся сюда; мальчики успѣли вставить въ дверь задвижку. Коля и Боря схватили раненаго Лю-юнъ-мо и отнесли его въ подвалъ. Здѣсь положили его на сѣно и сдѣлали первую перевязку; жена его и дѣти купца также послѣдовали сюда. Лю-юнъ-мо очнулся, рана оказалась легкой. Красновы съ родственной сердечностью ухаживали за Лю-юнъ-мо и его семействомъ. Пострадавшій разсказалъ, что на него напали молокане; отъ нихъ онъ отбивался болѣе получаса, кричалъ женѣ, чтобы она съ дѣтьми, собравъ деньги и драгоцѣнности, скрылась въ саду или бѣжала дальше, но жена не хотѣла уйти отъ мужа, а мальчики-сыновья какъ разъ во-время отворили заднюю дверь для помощи отцу. Онъ въ это время былъ раненъ, скрылся за дверь и заперъ ее на засовъ, далѣе онъ упалъ, въ какомъ состояніи его и нашли гимназисты.

Гимназисты Красновы и Лю-юнъ-мо съ семьей скрывались въ подвалѣ болѣе четырнадцати дней, только иногда ночью осторожно выходили подышать воздухомъ. Лю-юнъ-мо передалъ Красновой на храненіе молоканскихъ векселей на сорокъ тысячъ, денегъ 10 тысячъ рублей и золота на 20 тысячъ. Когда все затихло, и Лю-юнъ-мо перешелъ въ свой домъ, въ немъ и въ магазинѣ многаго не оказалось, молокане все разграбили, а больше поломали и перепортили.

Враждебное настроеніе населенія къ китайцамъ, которыхъ въ Благовѣщенскѣ по торговымъ дѣламъ и ремесламъ проживало тысячъ до десяти, сильнѣе всего выразилось 9 іюля. Разнесся слухъ, что они собираются напасть на русскихъ и ночью всѣхъ вырѣзать. Китайцы, уцѣлѣвшіе отъ рѣзни, чтобы спастись, начали вооружаться и собираться въ группы для отпора, что еще болѣе возбудило подозрѣніе. Народъ заволновался и требовалъ удаленія китайцевъ изъ Благовѣщенска. Тогда губернаторъ Грибскій издалъ

приказъ отправить китайцевъ всѣхъ на другую, т.-е. китайскую, сторону Амура, но такъ какъ китайцевъ было много, а средствъ для переправы очень мало, то вышло неожиданное замѣшательство: казаки, торопясь очистить городъ отъ китайцевъ, гнали ихъ къ берегу нагайками и предоставляли имъ переправляться, на чемъ они хотятъ. Китайцами были собраны лодки и баркасы, одни стали переправляться, другіе рискнули вплавь перебраться черезъ рѣку. Съ китайской стороны китайцы въ плывшихъ къ нимъ родичей начали стрѣлять изъ пушекъ, а тѣхъ, которые доплывали до берега, отталкивали и топили. Китайцы въ этомъ случаѣ даже своимъ не довѣряли, думая, что соплеменники, переплывавшіе Амуръ, шпіоны.

Въ то время, когда происходила эта драма, въ городѣ молокане шныряли по китайскимъ домамъ, отыскивая жертвы. Многіе китайцы были спасены русскими, даже къ губернатору Грибскому прибѣжалъ одинъ его знакомый, богатый купецъ Юн-хо-занъ, блѣдный, какъ смерть, ища покровительства и защиты. У Грибскаго онъ скрывался два дня въ уборной, и губернаторъ самъ кормилъ его эти дни.

Во время переправы и междоусобной схватки китайцевъ погибло болѣе семи тысячъ человѣкъ.

А. Соколова.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ БРАКЪ.

I.

Ровно сто пять лѣтъ назадъ, при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, на Фонтанкѣ, недалеко отъ Лештукова переулка, стоялъ небольшой каменный домъ съ мезониномъ. Крыльцо было пристроено къ нему снаружи и поднималось до второго этажа въ видѣ пирамиды, упираясь во входную дверь, надъ которой висѣли огромныя золотыя ножницы, а на вывѣскѣ между мундиромъ съ красными отворотами и зеленымъ кафтаномъ было обозначено по лазоревому полю черными буквами: «Портной мастеръ изъ Берлина Іоганнъ Клокенбергъ».

Было покрыто мракомъ неизвѣстности, изъ Берлина, Риги или изъ Митавы происходилъ на самомъ дѣлѣ Іоганнъ Клокенбергъ. Портнымъ того времени не возбранялось заставлять спорить о мѣстѣ ихъ рожденія семь городовъ. Они прибывали въ Петербургъ даже изъ Парижа и изъ Лондона. Но такъ какъ Іоганнъ Клокенбергъ былъ человѣкъ солидный, тучный, имѣлъ связи съ многими знатными поставщиками, рѣдко улыбался и не только на рабочихъ, но и на жену и на дочь смотрѣлъ грозными глазами, уважалъ себя и любилъ, чтобы уважали его; то, надо думать, онъ не совсѣмъ лгалъ: въ раннемъ дѣтствѣ онъ могъ обучаться великому искусству въ Берлинѣ.

Его нѣмецкая чистокровность подтверждалась его нескрываемымъ презрѣніемъ къ русскимъ. У него было три подмастерья и много учениковъ, которыхъ онъ называлъ «рюсски поросенки». Ихъ лупили ремнями, аршинами, били утюгами и кололи ножницами. Никто не умѣлъ давать такихъ страшныхъ и хладнокровныхъ пощечинъ, какъ портной мастеръ Іоганнъ Клокенбергъ. А по субботамъ производилась порка учениковъ.

Онъ не былъ истязателемъ по природѣ, но онъ смотрѣлъ на розги, какъ на неизбѣжное средство къ исправленію человѣческой слабости.

Онъ приговаривалъ къ казни, какъ прописываетъ докторъ лѣкарство. Подмастерья могли таскать учениковъ за вихры и бить ихъ подъ сердитую руку, но сѣчь розгами могъ только самъ Іоганнъ Клокенбергъ. Это было его хозяйское право, внушавшее къ нему трепетъ во всемъ домѣ.

Когда жена его, Амалія Христіановна, поговоривши съ нимъ утромъ и напившись кофе, видѣла, какъ онъ медленно встаетъ изъ-за стола, идетъ на кухню, вынимаетъ изъ лаханки заранѣе приготовленныя намокшія розги, и когда наказуемые робко одинъ за другимъ входили, отодвигали скамейку и покорно ложились на нее, а мастеръ Іоганнъ начиналъ перечислять, за какія преступленія несчастный подлежитъ поркѣ,—Амалія Христіановна улыбалась въ приливѣ радости, что у нея такой большой, сильный, жестокій и справедливый мужъ. Когда же воздухъ оглашался визгомъ «русскаго поросенка», у нея отъ состраданія начинало тревожно биться сердце, она прикрывала дверь, накидывала шаль, повязывала шляпку и уходила за покупками, въ которыхъ вдругъ являлась надобность. Возвращалась она какъ разъ въ то время, когда Іоганнъ, слегка вспотѣвшій, покидалъ кухню и, какъ ни въ чемъ не бывало, мылъ руки, переодѣвался, цѣловалъ жену въ лобъ, говорилъ ей:

— Смотри же, хорошо себя веди, ты видишь, что я не изъ тѣхъ людей, которые поступаютъ глупо.

И уѣзжалъ собирать по городу дань съ заказчиковъ, которые въ тѣ отдаленныя времена точно такъ же, какъ и теперь, любили испытывать терпѣніе портныхъ.

Неизвѣстно, почему Амалія Христіановна, добродушная, курносая нѣмка съ сѣрыми глазами, каждый разъ слегка пугалась прощальныхъ рѣчей мужа; было ясно, что онъ шутитъ. Впрочемъ, къ испугу въ душѣ Амаліи Христіановны примѣшивалось чувство искренней любви. Она вспыхивала, какъ дѣвушка, наклонялась и цѣловала руку у мужа. Въ отвѣтъ онъ трепалъ ее по щекѣ и произносилъ по-русски:

— Ну, ты есть добрый птичка. Если я буду получать свои деньги, то мы сдѣлаемъ съ тобой зеводня послѣ ужина какой нипуть маленькій глюпость.

Напяливъ на себя бобровый картузъ, онъ на лѣстницѣ, думая о женѣ и о ея поцѣлуѣ, смахивалъ съ своей бѣлой рѣсницы слезу чувствительности.

II.

У супруговъ Клокенберговъ была дочь Катерина. Пока она была «маленькій глюпость», она жила въ нѣмецкомъ пансіонѣ, содержимомъ женою пастора Шварцбаумана. Въ четырнадцать лѣтъ она окончила пансіонъ и ее взяли домой. Это была высокая и тоненькая, какъ тросточка, дѣвушка съ наслѣдственными, круглыми, большими синими глазами, съ свѣтлыми, какъ ленъ, волосами и съ румянцемъ во всю щеку. При взглядѣ на дочь, Іоганнъ Клокенбергъ думалъ о сынѣ своего товарища по ножницамъ, придворнаго портного Штакеншнейдера, учившемся за границей инженерному дѣлу. Онъ думалъ еще о двухъ или трехъ молодыхъ нѣмцахъ, принадлежавшихъ къ ремесленному или торговому сословію. Какъ-то онъ подѣлился съ женою своими планами. Она поймала огромную руку мужа, положила ее къ себѣ на сердце и сказала съ умиленіемъ, что она цѣлый день думала то же самое.

— О! мы—мужъ и жена, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что у насъ однѣ и тѣ же мысли,—сказалъ Іоганнъ.

Катерину родители одѣвали, какъ куколку. Ея волосы, сложенные на затылкѣ въ греческій узелъ, перехватывались всегда свѣжими голубыми лентами. На вискахъ и на лбу они завивались въ многочисленные локончики. Муслиновыя, шерстяныя и даже шелковыя платья Катерина носила, какъ знатная барышня. Родители обѣщали ее взять на рождественскій балъ, который ежегодно устраивался въ Бюргеръ-клубѣ. Ей было сдѣлано тончайшее, какъ воздухъ, бѣлое платье, въ которомъ она должна была быть похожа на ангела и свести съ ума, по крайней мѣрѣ, дюжину молодыхъ людей. Родителямъ Катерина казалась самой красивой дѣвушкой въ столицѣ.

Къ ихъ удивленію, на балу Катерина не произвела большого впечатлѣнія. Ее даже мало замѣтили. А инженеръ Штакеншнейдеръ, одѣтый въ гороховый фракъ, неосторожно обмолвился, что Катерина черезчуръ длинна и, когда танцуетъ, то похожа на ножницы. Іоганнъ Клокенбергъ стоялъ позади и все слышалъ. Онъ засопѣлъ, какъ кузнечный мѣхъ. Штакеншнейдеръ оглянулся и поспѣшилъ сказать, что рѣчь идетъ совсѣмъ о другой фрейлейнъ Катеринѣ.

— Именно такъ есть,—сказалъ портной:—потому что эта фрейлейнъ Катерина, если похожа на ножницы, то на золотыя. И счастливъ будетъ тотъ молодой человѣкъ, который сумѣетъ выкроить этими золотыми ножницами себѣ жизнь.

Штакеншнейдеръ не утерпѣлъ и съ улыбкой возразилъ:

— Съ насъ довольно, впрочемъ, стальныхъ ножницъ, а золотыя очень тупы.

Дружеская бесѣда фрау Клокенбергъ съ фрау Штакеншнейдеръ, сидѣвшихъ за колоннами собранія, дала лучшіе результаты. Фрау Штакеншнейдеръ по секрету любезно сообщила подругѣ, что если бы ея мужъ согласился, она сочла бы себя счастливой породниться съ Клокенбергами. Правда, юный Штакеншнейдеръ мечтаетъ о баронессахъ, но какіе же бароны выдадутъ свою дочь за сына ремесленника? Надо держаться своего круга. Что касается Катерины, то она давно не встрѣчала такого прелестнаго личика. И изъ всѣхъ молоденькихъ дѣвушекъ ни одна не танцуетъ такъ граціозно вальса. Хотя Катерина дѣлаетъ па нѣсколько шире, чѣмъ принято, но это потому, что у нея ножки длинныя, какъ у мраморной статуи въ Лѣтнемъ саду, или какъ у аиста, любящаго свой домъ.

По возвращеніи съ бала, Амалія Христіановна разсказала Іоганну, что̀ она услышала отъ фрау Штакеншнейдеръ. А мастеръ Іоганнъ ничего не разсказалъ. Онъ промолчалъ. Утромъ, когда Катерина подошла къ рукѣ отца пожелать ему добраго утра, онъ смѣрилъ дѣвушку съ ногъ до головы своимъ холоднымъ взглядомъ, отъ котораго у нея обыкновенно душа переселялась въ пятки, и проговорилъ:

— Нравственная дѣвушка, которая имѣетъ съ рѣшенія господина Бога и Его единственнаго Сына очень длинныя ноги, должна стараться дѣлать небольшіе шаги длиною, однако, въ полъ-аршина и, можетъ быть, безъ одного вершка.

Мать растолковала Катеринѣ загадочныя слова отца, и дѣвушка цѣлый день краснѣла до слезъ.

Пуще всего на свѣтѣ боялась она отца. Онъ казался ей всемогущимъ воплощеніемъ судьбы. Въ его присутствіи она сдерживала дыханіе, теряла аппетитъ и молчала, какъ убитая. Мать пріучила ее къ хозяйству. Катерина умѣла варить великолѣпный кофе и биръ-зупъ. По воскресеньямъ она внимательно слушала, какъ отецъ читаетъ библію Мартина Лютера, переплетенную въ бѣлую свиную кожу съ огромными мѣдными застежками.

Когда молодой инженеръ Штакеншнейдеръ пріѣхалъ со своею матерью къ Клокенбергамъ и провелъ въ ихъ домѣ полчаса, Катерина играла на клавесинахъ и пѣла. Она подняла къ потолку свои голубые глаза съ поволокой, и у нея былъ свѣжій голосокъ. Но опять она не произвела впечатлѣнія на заграничнаго франта. Онъ уѣхалъ и больше не бывалъ на Фонтанкѣ.

III.

По субботамъ Амалія Христіановна съ утра уводила дочь на Сѣнную площадь, откуда онѣ возвращались въ санкахъ, нагруженныя покупками.

Но мастеръ Іоганнъ началъ хмуриться. А отсутствіе жены и дочери вносило безпорядокъ въ домъ. Амалія Христіановна, воспользовавшись доброй минутой, сказала мастеру Іоганну, что дочь ихъ Катерина очень еще молода, чтобы слышать, какъ визжатъ «рюсски поросенки».

Портной сухо возразилъ:

— Ей пора уже выходить замужъ за честнаго мастера, и я былъ бы очень радъ, если бы она вышла за настоящаго портного, который былъ бы справедливъ, какъ я.

— Ты очень справедливъ, мой Іоганнъ. Но въ слѣдующую субботу пасторша Шварцбауманъ хочетъ пригласить къ себѣ на весь день нашу дочь Катерину.

Мастеръ Іоганнъ промолчалъ. Онъ только покряхтѣлъ. Прошла суббота; пасторша вечеромъ сама привезла Катерину и попросила Клокенберга сшить пастору новые невыразимые, такъ какъ она замѣтила, что ея супругъ очень много сидитъ, и матерія недолго выдерживаетъ это испытаніе.

— Нельзя ли, г. Клокенбергъ, если вы будете любезны, положить на сидѣніе кусокъ лосинной кожи.

Мастеръ Іоганнъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Можно поставить лосинную кожу; но было бы гораздо пріятнѣе для г. пастора и отвѣчало бы его высокому положенію въ обществѣ, если бы я сдѣлалъ въ его панталонахъ замшевое сидѣніе.

Пасторша поблагодарила Клокенберга и съ свойственною ей внимательностью осмотрѣла подъ руководствомъ хозяйки квартиру, въ которой помѣщалось семейство портного. Она похвалила посуду, берестовый шкафъ, часы съ кукушкой и полюбовалась семью пивными кружками, которыя красовались на полкѣ и представляли собою полныхъ нѣмцевъ въ розовыхъ жилетахъ и въ голубыхъ и желтыхъ кафтанахъ. Благочестивыя изреченія и нѣмецкія пословицы, вышитыя на канвѣ Амаліею Христіановной и голубоглазою Катериною, удостоились также одобренія пасторши.

— О, ja, это есть очень хорошо. Это образуетъ умъ и возвышаетъ душу.

Кромѣ мастерской, гдѣ работали и жили ученики и подмастерья— она занимала три комнаты—въ домикѣ было еще четыре комнаты. Квартира состояла такимъ образомъ изъ столовой и вмѣстѣ гостиной Клокенберговъ, изъ ихъ обширной спальни, заставленной шкафами, изъ узенькой маленькой комнаты, въ которой жила Кате-

рина, и одной лишней комнаты, которая была меблирована, и гдѣ разъ въ годъ собирались гости и пили пиво въ день тезоименитства портного мастера Іоганна Клокенберга.

Пасторша сказала:

— Зачѣмъ вамъ эта лишняя пустая комната?

— Ее можно было бы отрѣзать, но ее некуда пришить,—отвѣчалъ портной.

— Но ее можно было бы сдавать, и этимъ способомъ понемножку увеличивать приданое вашей дочери.

Амалія Христіановна вздохнула.

— Дѣйствительно, правда, что приданое нужно каждой дѣвушкѣ,—согласилась она.

— О, да, это безспорно,—подтвердилъ мастеръ Іоганнъ.

— Вы сами, г. Клокенбергъ,—продолжала пасторша:—жаловались моему мужу, что съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Павелъ Петровичъ,—тутъ пасторша понизила голосъ,—запретилъ французскія моды, у васъ уменьшилось число заказчиковъ, а тѣ, которые пользуются услугами вашего мастерства, не отличаются достаточною аккуратностью.

— Это все такъ же вѣрно,—произнесъ Клокенбергъ:—какъ то, что сегодня суббота, и она будетъ еще продолжаться до двѣнадцати часовъ.

— Хотя, конечно, вы были благоразумны и въ свое время подумали о томъ, что всякая маленькая дочь становится наконецъ большой дѣвушкой и въ заключеніе выходитъ замужъ, для чего требуется дать ея мужу приличное приданое, однако, есть ли расчетъ, я васъ спрашиваю, отказываться отъ полученія еще прибавочныхъ доходовъ, которые на этотъ предметъ отлично употреблены могутъ быть?

— Какой огромный умъ имѣетъ г-жа пасторша! — вскричала Амалія Христіановна.

Мастеръ Іоганнъ глубокомысленно взмахнулъ бѣлыми рѣсницами.

— Имѣть жильца тѣмъ хорошо,—вслухъ сообразилъ онъ:—что жилецъ можетъ заказать хоть одну пару въ годъ, и это была бы опять новая выгода.

— Если хотите,—величественно сказала пасторша:—я могу прислать вамъ очень солиднаго жильца, который какъ разъ нуждается въ комнатѣ и притомъ со столомъ. Не слѣдуетъ пренебрегать ни однимъ грошемъ, который можетъ пойти на улучшеніе вашей жизни. Я говорю такъ, и такъ говоритъ мой мужъ, пасторъ Шварцбауманъ.

Потомъ она сообщила болѣе подробныя свѣдѣнія о рекомендуемомъ ею жильцѣ.

— Онъ до сихъ поръ нанималъ комнату у булочника Раухуса въ Коломнѣ. Но дочь Раухусовъ выходитъ замужъ, и они прини-

маютъ своего будущаго зятя въ домъ, такъ что имъ нужна комната.

— Намъ остается только благодарить уважаемую г-жу пасторшу,—сказала Амалія Христіановна, когда замѣтила, что ея мужу понравилось предложеніе пасторши.

Пасторша приняла благодарность легкимъ наклоненіемъ головы и сказала:

— А теперь, душенька Амалія, я хотѣла бы взглянуть на кастрюли въ вашей кухнѣ.

Амалія Христіановна съ гордостью повела высокоуважаемую гостью на кухню. Тамъ, при свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчей, на двухъ полкахъ сіяли мѣдныя кастрюли. Онѣ горѣли, какъ жаръ. Сначала шли маленькія кастрюли, потомъ среднія, потомъ большія. Это было трогательное зрѣлище. Его нельзя было равнодушно выдержать. У пасторши было больше кастрюль, она не позавидовала г-жѣ Клокенбергъ, но все же она пришла въ умиленіе. Она нѣжно дотронулась до руки Амаліи Христіановны.

— Ты счастливая дочь, Катерина,—съ чувствомъ сказала она и пояснила:—потому что у тебя есть такая замѣчательная мать. Можетъ быть, Богъ скоро благословитъ тебя, какъ Онъ благословляетъ всѣхъ нравственныхъ дѣвушекъ, и видъ твоей образцовой кухни доставитъ мнѣ также нѣсколько добрыхъ минутъ.

Что-то закипѣло въ душѣ у Катерины. Она согнулась, чтобы поцѣловать мать жаркимъ поцѣлуемъ и обнять пасторшу.

Смерклось. Пасторша распрощалась и сѣла въ санки, къ которымъ былъ прикрѣпленъ одинъ фонарь. Падалъ мокрый снѣгъ.

IV.

Въ слѣдующую субботу произошло два событія, которыя страшно потрясли Катерину.

Напившись кофе, свареннаго ею, отецъ вышелъ въ кухню, затѣмъ вернулся, долго смотрѣлъ на дочь и наконецъ направился въ пустую комнату. Еще когда отецъ смотрѣлъ и ничего не говорилъ, а только мигалъ своими бѣлыми рѣсницами, необъяснимый страхъ охватилъ Катерину, и она, поднявшись навстрѣчу отцу, стояла, опустивъ глаза, и въ одной рукѣ сжимала другую. Потомъ она услышала топотъ ногъ, грохотъ передвигаемой скамейки, и изъ пустой комнаты сталъ доноситься крикъ, отъ котораго сердце чуть не разорвалось въ груди у дѣвушки,—такъ она испугалась. Не отдавая себѣ отчета и не сознавая, что дѣлается, она бросилась на крикъ и увидѣла отца съ протянутой рукой и еще что-то маленькое и жалкое, растянутое на скамейкѣ. Катерина въ то же мгновеніе захлопнула дверь и шатаясь упала на руки матери, которая выскочила вслѣдъ за Катериною и не успѣла ее предупредить.

Амалія Христіановна прижала голову дочери къ своей груди и покрыла ее поцѣлуями.

— Мое наивное сокровище,—уговаривала она дочь, приведя на кухню:—отецъ нарочно увелъ наказывать виновныхъ учениковъ, чтобы изъ нихъ вышли хорошіе люди, въ отдаленную комнату, щадя твои уши. Но зачѣмъ же ты огорчила твоего отца обнаруженіемъ ненужной чувствительности? Надо быть умненькой дѣвушкой и понимать, что на свѣтѣ не будетъ ни хорошихъ кухарокъ, ни булочниковъ, ни портныхъ, ни хорошихъ солдатъ и даже дворянъ, повинующихся своему государю, если ихъ не будутъ наказывать въ дѣтствѣ до извѣстнаго возраста, а нѣкоторыхъ и до самой ихъ смерти... именно мужиковъ!

Амалія Христіановна дала дочери напиться холодной воды. Она слышала, какъ медленно бьется сердце у Катерины, какъ вся она похолодѣла, какъ застыли и поблѣднѣли ея глаза. Пришлось спрыснуть ребенка еще водой. Въ первый разъ Амалія Христіановна въ душѣ разсердилась на мужа.

Виновныхъ учениковъ было много—всѣ были виновны. Цѣлый часъ длилось наказаніе преступниковъ. Мало-по-малу Катерина оправилась, но въ ушахъ у нея звенѣло. Она подошла къ окну и смотрѣла на Фонтанку, которая замерзла и покрыта была снѣгомъ. Баба стояла у проруби и валькомъ шлепала по мокрому бѣлью. Что-то тусклое и страшное совершалось кругомъ Катерины. Она не протестовала, она согласилась съ матерью, что такъ должно быть, и что, вѣроятно, надо сѣчь людей, чтобы они были хорошими. Бываютъ веселые дни, бываютъ скучные, бываетъ, когда люди поютъ пѣсни, бываетъ, когда они кричатъ подъ розгами. Нельзя сомнѣваться, что самъ Господь Богъ установилъ этотъ порядокъ. Въ школѣ у пасторши она часто слышала отъ г. пастора Шварцбаумана о томъ, что Богъ правосуденъ и наказываетъ грѣшниковъ. Кромѣ того, ихъ наказываютъ чиновники; а дрянныхъ дѣтей наказываютъ родители и наставники. Нѣсколькихъ дѣвочекъ пасторша высѣкла. Было страшно, но не такъ. На другой день дѣвочки уже смѣялись, и наконецъ это было давно, и она не видѣла, какъ наказываютъ. Катерину никогда не наказывали ни дома, ни въ школѣ. Отчего же изъ нея вышла хорошая дѣвушка? Катерина была увѣрена, что она хорошая, и что единственный ея недостатокъ—длинныя ноги.

Стоны кончились. Розги перестали свистать въ воздухѣ. Только Катерина продолжала стоять у окна и смотрѣла на Фонтанку. Отецъ вошелъ въ комнату. Глаза у него смѣялись, но онъ старался придать своему лицу мрачное и грозное выраженіе.

— Н-ну!—произнесъ онъ.

У Катерины подкосились ноги, и она схватилась за подоконникъ обѣими руками.

Мастеръ Іоганнъ ничего больше не сказалъ и тяжелою поступью направился въ спальню, чтобы отдохнуть, а потомъ переодѣться и пуститься въ субботнія странствованія къ наиболѣе солиднымъ заказчикамъ. Въ домѣ водворилась необычайная тишина. Съ Фонтанки доносилось только сквозь двойныя рамы шлепанье валька.

Черезъ полчаса послѣ ухода отца изъ дома, Катерина стояла въ сѣняхъ и овсомъ кормила куръ. Мать была на кухнѣ. Подмастерья ушли въ мезонинъ, а высѣченные ученики, которымъ не сидѣлось на столахъ, беззвучно возились между собой. Вдругъ по внутренней лѣстницѣ поднялся господинъ среднихъ лѣтъ, очень черный, съ маленькими бакенбардами, въ енотовой шубѣ и, вѣжливо приподнявъ шапку, спросилъ:

— Не могу ли я видѣть господина или госпожу Клокенбергъ?

Катерина бросила куръ, опустила передникъ, покраснѣла и, сказавши: «сейчасъ», побѣжала къ матери.

Незнакомый господинъ былъ введенъ въ гостиную.

— Имѣю честь наименоваться: синодскій регистраторъ Максимовъ.

Онъ низко поклонился Амаліи Христіановнѣ и, обернувшись, отвѣсилъ такой же низкій поклонъ Катеринѣ.

— Позвольте узнать, что вамъ угодно, сударь?

— Я жилъ до сихъ поръ нахлѣбникомъ на квартирѣ у булочника Раухуса, а сегодня утромъ пасторша прислала сказать, что у васъ отдается комната на выгодныхъ условіяхъ, и поелику отсюда до синода ближе, то я, идя со службы, зашелъ къ вамъ посмотрѣть предлагаемое мнѣ жилище.

— Г-жа пасторша очень есть любезна, — отвѣчала Амалія Христіановна и расцвѣла улыбкой.—Съ разрѣшенія моего мужа охотно будетъ сдана вамъ имѣющаяся у насъ комната, на которую я приглашаю васъ взглянуть.

— Съ моимъ удовольствіемъ,—произнесъ Максимовъ.

Тутъ онъ опять поклонился Амаліи Христіановнѣ и Катеринѣ. Видно было, что онъ любезный и тонкій господинъ, хорошо понимающій свѣтскія приличія.

Амалія Христіановна повела его осматривать комнату. Максимовъ остался очень доволенъ помѣщеніемъ. Цѣна, объявленная Амаліей Христіановною, показалась ему снисходительною; онъ вѣжливо поторговался и, вскорѣ согласившись, далъ задатокъ. Въ тотъ же день вечеромъ онъ обѣщалъ переѣхать. При этомъ онъ сообщилъ о себѣ, что онъ плохо говоритъ по-нѣмецки и, имѣя въ виду службу въ Курляндіи, гдѣ у него есть вліятельный родственникъ, желалъ бы «въ ономъ языкѣ навостриться», поэтому онъ предпочитаетъ жить и столоваться въ нѣмецкихъ семействахъ. Кромѣ того, его привлекаютъ къ себѣ нѣмцы своею опрятностью,

спокойствіемъ и аккуратностью. Говоря, онъ мелькомъ взглянулъ на Катерину. У него были длинныя черныя рѣсницы, которыя придавали его глазамъ бархатное выраженіе. Катерина опустила свои глаза, и гость замѣтилъ, что она сильно покраснѣла. Онъ ушелъ, расточая поклоны и комплименты.

Послѣ него въ комнатѣ осталась струя амбре. Катерина прошлась одна по комнатѣ и втянула вздернутымъ носикомъ сладкій запахъ въ себя.

Второй разъ въ этотъ день сильно забилось у нея сердце, но теперь не отъ страха, а отъ другого непонятнаго ей чувства.

V.

Іоганнъ Клокенбергъ пріѣхалъ домой въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ неожиданно встрѣтилъ гусара, который еще со временъ императрицы Екатерины оставался ему долженъ за леопардовую шкуру—необходимая принадлежность тогдашняго лейбъ-гусара,—и получилъ съ него сполна деньги.

Когда жена объявила ему о жильцѣ, онъ опустилъ переданный ему задатокъ въ карманъ своего пестраго камзола, похлопалъ себя по животу и, нахмуривъ бѣлокурыя брови, проговорилъ:

— О, да.

Въ назначенное время синодскій регистраторъ Максимовъ пріѣхалъ на извозчикѣ со своими вещами. Слышно было, какъ по стеклянному коридору со двора вносили его сундуки и узлы. Впрочемъ, вносили недолго. Своего человѣка у него не было. Помогли ученики.

Максимовъ послалъ въ лавочку за макаными свѣчами, что̀ не говорило о его богатствѣ. Около получаса устраивался онъ въ комнатѣ, прибивая картинки и раскладывая туалетныя принадлежности на особомъ столикѣ.

Наступило время ужинать. Амалія Христіановна стала совѣщаться съ мастеромъ Іоганномъ.

— Наши подмастерья и ученики кушаютъ особо отъ насъ, а мы кушаемъ особо отъ учениковъ и подмастерьевъ. Но это мы дѣлаемъ потому, что наши кушанья лучше, чѣмъ ихъ кушанья. Теперь какъ мы должны поступать по отношенію къ нашему нахлѣбнику?

— Амалія, ты—королева кухни, а я—король своего ремесла,— отвѣчалъ мастеръ на слова жены: — ты можешь поступать, какъ требуетъ твоя благоразумная расчетливость.

— Благодарю тебя, мой добрый Іоганнъ, но королева должна испрашивать позволенія у своего короля. Если жильцу мы будемъ посылать кушанья въ комнату, то онъ можетъ быть недоволенъ, что ему мало посылаютъ, ибо я не намѣрена посылать много; если

же его приглашать за общій столъ, то онъ будетъ кушать два бутерброда вмѣсто одного и брать два кусочка телятины или пить очень много пива.

— Пиво онъ можетъ пить свое.

— Онъ можетъ пить свое собственное пиво,—продолжала Амалія Христіановна.—Но онъ можетъ кушать даже три кусочка телятины.

Іоганнъ потеръ переносицу.

— Ты можешь дать мнѣ очень умный совѣтъ, Іоганнъ.

Мастеръ Клокенбергъ еще разъ потеръ переносицу и сказалъ:

— Надо сдѣлать маленькую примѣрку. Пускай онъ придетъ сегодня за столъ, и ты посмотришь, сколько онъ кушаетъ. Если онъ будетъ брать три кусочка телятины, то на другой день ты пошлешь ему въ комнату одинъ кусочекъ телятины.

Супружеское совѣщаніе кончилось тѣмъ, что Амалія Христіановна, по обыкновенію, поцѣловала у мужа руку, а Максимовъ появился за ужиномъ съ свѣтскими поклонами, въ сапогахъ съ кисточками, въ кружевной манишкѣ и въ шелковой косынкѣ, застегнутой золотой на горлѣ булавкой съ краснымъ камешкомъ. Затылокъ у него былъ подстриженъ, на лбу вился легкій, какъ облако, черный кокъ.

Поздоровавшись съ дамами и съ мастеромъ Іоганномъ, онъ первымъ дѣломъ предложилъ ему свою табакерку. Мастеръ Іоганнъ взялъ щепотку табаку и понюхалъ. Синодскій регистраторъ тоже понюхалъ табаку и вынулъ шелковый желтый платокъ, которымъ предварительно махнулъ въ воздухѣ.

Осатанѣвъ на нѣкоторое время отъ сильной понюшки, мастеръ Іоганнъ похлопалъ глазами и, побагровѣвши, сказалъ:

— Какой прекрасный табакъ!

— Настоящій французскій,—подтвердилъ Максимовъ.—Я покупаю его у французскаго эмигранта, маркиза де-Ври.

За ужиномъ, который состоялъ изъ чая, колбасы и остатковъ телятины, мастеръ Іоганнъ занялъ свое обычное мѣсто въ кожаномъ креслѣ. Противъ него сѣла Амалія Христіановна, а синодскій регистраторъ Максимовъ очутился противъ Катерины. Хотя впечатлѣніе отъ французской понюшки мастеръ Іоганнъ получилъ благопріятное, но у него все-таки явилось подозрѣніе, что жилецъ хотѣлъ его только задобрить, и онъ искоса слѣдилъ за аппетитомъ Максимова. Съ другой стороны куски, которые съѣдалъ Максимовъ, мысленно сосчитывала Амалія Христіановна. Разговоръ отца съ матерью о жильцѣ не былъ тайной для Катерины. Она по глазамъ родителей видѣла, чѣмъ заняты ихъ мысли, и волновалась исходомъ испытанія. Максимовъ съѣлъ уже два кружка колбасы. Неужели онъ возьметъ еще?

Къ счастью для Катерины, синодскій регистраторъ еще наканунѣ разстроилъ желудокъ и рѣшилъ воздержаться не только отъ третьяго кружка колбасы, но и отъ телятины. Онъ только попросилъ стаканъ чая покрѣпче.

Мастеръ Іоганнъ обмѣнялся съ женой довольнымъ взглядомъ и въ вознагражденіе за любезность, съ какою Максимовъ потчевалъ его табакомъ, хотѣлъ попотчевать его пивомъ.

Амалія Христіановна стала улыбаться, и радостно улыбнулась Катерина, но Максимовъ любезно отказался отъ пива.

— Не церемоньтесь, г. Максимовъ, потому что пиво мое зобственное только зеводня, а завтра можетъ быть ваше зобственное пиво.

— Іоганнъ, ты можешь говорить съ г. Максимовымъ по-нѣмецки, такъ какъ онъ хотѣлъ бы изучать нѣмецкій языкъ, чтобы потомъ служить въ Курляндіи.

Мастеръ Іоганнъ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ словъ жены. Между тѣмъ, Максимовъ, чтобы не обидѣть почтеннаго толстаго нѣмца, съ усиліемъ выпилъ глотокъ пива.

— У какой портной ви заказываль этотъ вашъ костюмъ?— спросилъ мастеръ Іоганнъ послѣ ужина.

— Признаюсь, я этотъ кафтанъ и камзолъ дѣлалъ у русскаго портного Соловьева.

— О, Золовьевъ изъ Москвы. Злѣдующую пару мой здѣлаетъ вамъ немного лючше... Я есть портной изъ Берлина! — закуривъ трубку и вытаращивъ свои бѣлые глаза, почти грозно заключилъ мастеръ Іоганнъ.

— Почту своимъ долгомъ, какъ только представится надобность, обратиться къ вашему искусству,—сказалъ синодскій регистраторъ и началъ уходить съ поклонами.

Онъ раскланивался и расшаркивался, и въ это время сорвалась съ колечка и покатилась на полъ къ ногамъ Катерины его большая сердоликовая печать. Максимовъ бросился, согнувшись вслѣдъ за печаткой, но Катерина успѣла поднять ее и передать по принадлежности. Признательности Максимова не было конца. Онъ былъ сладокъ, какъ пряникъ. Трудно было уберечься, чтобы, передавая печатку, не прикоснуться кончиками пальцевъ къ рукѣ регистратора. При этомъ точно какая-то искорка ожгла Катерину и побѣжала по всѣмъ ея жиламъ.

Мастеръ Іоганнъ продолжалъ курить трубку. У него была фарфоровая трубка съ портретомъ Фридриха Великаго. Онъ курилъ и думалъ о Максимовѣ. У него былъ опытный глазъ. Онъ опредѣлилъ Максимова, какъ бѣднаго человѣка, существующаго только жалованьемъ, и ему не нравилось, что Максимовъ молодится и старается казаться лучше и богаче своихъ средствъ. Онъ долго курилъ, и, наконецъ, подозвавъ жену и дочь, пристально взглянулъ имъ въ глаза и свирѣпымъ шопотомъ проговорилъ:

— Я говорить съ нимъ по-нѣмецки вамъ запрещаю!

VI.

Прошла недѣля, и Катерина окончательно влюбилась въ обольстительнаго жильца. Конечно, о своемъ чувствѣ она никому не заикнулась. Она не вполнѣ даже сознавала, отчего, ложась въ постель, она думаетъ не о пасторшѣ, не о своихъ подругахъ, не о нарядахъ, а только объ одномъ Максимовѣ. Она видѣла его глаза, задумчиво устремленные на кусочекъ телятины; его улыбку немного въ бокъ, когда онъ раскланивался на французскій манеръ; его не совсѣмъ опрятные пальцы со слѣдами чернилъ и въ дешевыхъ перстняхъ; его дворянскую манеру нюхать табакъ. Въ мечтахъ о немъ она все представляла его роняющимъ сердоликовую печатку, а себя все наклоняющейся и поднимающей эту печатку.

Какъ-то Амалія Христіановна при дочери, бесѣдуя съ одной знакомой о своемъ жильцѣ, назвала его старымъ господиномъ, такъ какъ ему было за тридцать. Катерина дала себѣ клятву не выходить замужъ за человѣка моложе тридцати лѣтъ.

Въ тѣ дни, когда Максимовъ имѣлъ неосторожность обнаруживать аппетитъ, и мастеръ Іоганнъ выразительно смотрѣлъ на жену и таинственно качалъ головой, а на лицѣ Амаліи Христіановны проступало что-то жесткое и какъ бы оскорбленное, Катерина страдала и сама старалась не ѣсть—для равновѣсія.

Всѣ ея помыслы устремлены были на жильца. Это была первая беззавѣтная дѣвичья любовь. Ей все нравилось въ Максимовѣ—начиная отъ его сапогъ и кончая его кокомъ. Она прислушивалась къ его шагамъ за перегородкой. Выбѣгала на крыльцо кормить куръ въ урочный часъ, когда Максимовъ возвращался со службы. Простаивала у окна часы, чтобы увидѣть его на улицѣ. Пѣла и играла на клавесинахъ въ надеждѣ, что Максимовъ услышитъ и похвалитъ.

У Максимова была гитара, струны которой онъ пощипывалъ въ сумеркахъ и при этомъ напѣвалъ козлинымъ теноркомъ какой нибудь романсъ. Чаще всего онъ пѣлъ:

> Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
> Розу я любилъ,
> И лишь ею въ полѣ
> Взоръ свой веселилъ.

Катерину схватывало умиленіе; она едва удерживалась отъ слезъ.

Остаться же наединѣ съ Максимовымъ не представлялось пока нималѣйшей возможности. Если онъ встрѣчался съ нею на крыльцѣ, то раскланивался и торопливо проходилъ мимо. Онъ съ одинаковой любезностью смотрѣлъ своими бархатными глазами на

Катерину, на Амалію Христіановну, на мастера Іоганна и даже на кухарку. Катерина мысленно пробовала сочинять любовныя записочки къ Максимову, но въ дѣйствительности написать такую записку она не могла. Утромъ, проснувшись и одѣвшись, она чувствовала себя безсильной и преступной. Она стыдилась своихъ мыслей о Максимовѣ и глубоко скрывала ихъ.

VII.

Произошелъ неожиданный случай, имѣвшій для Катерины роковыя послѣдствія.

Наступили жестокіе февральскіе морозы, которые продолжались двѣ недѣли. Пришлось топить домъ по два и по три раза въ день. Катерина проснулась ночью въ своей комнаткѣ, пробужденная страшнымъ храпомъ, который доносился къ ней изъ родительской спальни. Въ мастерскихъ происходила странная суматоха. Раздавались протяжные стоны, и что-то грохотало, спускаясь съ лѣстницы. Побуждаемая внезапнымъ страхомъ, Катерина вскочила съ постели, накинула на плечи шаль и вбѣжала въ спальню. Изъ-за занавѣсокъ храпѣніе продолжалось и казалось особенно зловѣщимъ. Воздухъ былъ тяжелый. У самой Катерины стучало въ вискахъ. У ней мелькнула страшная догадка объ угарѣ. Она бросилась, раскрыла дверь на лѣстницу и увидѣла при свѣтѣ сальной плошки подмастерьевъ и учениковъ, стонущихъ на полу и внизу лѣстницы. Нѣкоторые выскочили на дворъ и уткнулись головой въ снѣгъ.

— Смотри, братъ, хозяйская дочка плачетъ... Ужъ не пришелъ ли Ивану Каспаровичу карачунъ?—сказалъ полуживой подмастерье.

Вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ онъ, шатаясь, проникъ въ спальню. Черезъ минуту съ трудомъ вывели раздѣтаго мастера Іоганна, который на холодномъ воздухѣ тотчасъ же потерялъ сознаніе и грохнулся, какъ колода. Амалія Христіановна упала рядомъ съ мужемъ.

Катерина, оставивъ родителей, подбѣжала къ дверямъ жильца и стала стучать. Максимовъ выскочилъ въ шлафрокѣ и въ папильоткахъ. Катерина тоже была въ папильоткахъ.

— Что? Пожаръ? Гдѣ горитъ!?—вскричалъ Максимовъ.

Катерина стала стонать и спросила:

— А вы не угорѣли, г. Максимовъ?

— Боже мой! Катерина Ивановна! И въ такомъ легкомъ дезабилье! Въ домѣ угаръ? Я съ вечера замѣчалъ, что свѣча якобы тухнетъ, но у меня крѣпкая голова, и въ моей комнатѣ топили сегодня только единожды... Войдите же ко мнѣ, потому что вы можете простудиться и схватить горячку.

Онъ взялъ Катерину за талію и съ легкимъ насиліемъ ввелъ къ себѣ.

Она продолжала стонать. Максимовъ сталъ искать среди своихъ туалетныхъ принадлежностей нашатырную соль. Когда же нашелъ флаконъ, то поднесъ его къ носику Катерины.

— Но мнѣ же не нужно,—сказала она со слезами.—Спасите моихъ родителей.

Въ тѣ времена трудно было добыть огня, и если бы не лампадка, горѣвшая передъ образомъ въ комнатѣ, было бы совсѣмъ темно; при ея тускломъ свѣтѣ Максимовъ стоялъ передъ Катериной, которую посадилъ на диванъ, и, несмотря на ея протесты, старался ей помочь.

Шаль ея упала съ плечъ.

Впрочемъ, дверь изъ комнаты въ коридоръ была раскрыта, и оттуда неслись стоны, хрипѣніе и бормотаніе угорѣвшихъ людей.

Катерина выхватила флаконъ изъ рукъ Максимова и хотѣла убѣжать. Но онъ еще разъ и, можетъ быть, не совсѣмъ осторожно удержалъ ее на диванѣ и произнесъ:

— Сидите здѣсь, фрейлейнъ, и осчастливьте вашимъ присутствіемъ мое мѣстопребываніе, а я пойду самъ и помогу, ибо въ ранней молодости былъ нахлѣбникомъ у цырюльника, который прекрасно лѣчилъ отъ всѣхъ болѣзней и, между прочимъ, отъ угара.

Онъ ушелъ, и Катерина не смѣла его ослушаться. Она была убѣждена, что родители ея останутся живы, и короткая свобода, дарованная ей несчастьемъ, была для нея дороже всего въ мірѣ.

Максимовъ вскорѣ вернулся безъ флакона. Но тутъ Катерина почувствовала приливъ непомѣрнаго стыда передъ Максимовымъ.

— Что съ папашей и съ мамашей?—жалобно спросила она, вставая и кутаясь въ шаль.

— Помилуй Богъ, не слѣдуетъ выходить на тридцатиградусный морозъ такому нѣжному цвѣтку!—вскричалъ синодскій чиновникъ и хотѣлъ взять Катерину за голый локоть.

Но она была уже за дверью. Мастеръ Іоганнъ какъ разъ раскрылъ глаза въ тотъ мигъ, когда дочь нагнулась надъ нимъ. Амалія Христіановна уже сидѣла и громко чихала. Катерина не попадала зубъ на зубъ. Кухарка успѣла уже натереть хрѣну. Подмастерья опять перенесли хозяина и хозяйку въ провѣтренную спальню. Были открыты вьюшки и форточки. На душѣ у Катерины стало легче. Она расцѣловала руки у виновниковъ своихъ дней. Наскоро пріодѣлась и отправилась поблагодарить Максимова.

Она опять только пріотворила дверь.

— Г. Максимовъ, — дрожащимъ голосомъ сказала она:— примите въ благодарность мои самыя нѣжныя слова за то, что вели себя, какъ герой, и были спасителемъ моихъ бѣдныхъ угорѣвшихъ родителей!

Максимовъ почти насильно ввелъ Катерину къ себѣ.

— Душа моя, Катерина Ивановна,—заговорилъ онъ внезапно совсѣмъ другимъ тономъ, давая волю рукамъ:—когда я жилъ въ булочной, то состоялъ въ амурной связи съ хозяйской дочерью, и только замужество ея прервало нить моего блаженства. У тебя есть женихъ?

— Нѣтъ, г. Максимовъ, у меня нѣтъ жениха.

— Тебѣ надлежитъ обзавестись какимъ нибудь Карлушей, безъ чего ты не можешь предаваться той вольности чувства, о коей лелѣешь плутовскія мечтанія.

Онъ ущипнулъ ее и продолжалъ:

— Твою склонность ко мнѣ я давно уже запримѣтилъ, ибо я въ семъ мастерствѣ весьма опытенъ, но дѣйствовать обманомъ, хотя и могъ бы, почитаю за дурное. Поелику же ты при твоей младости еще далека отъ узъ Гименея, то уходи отъ меня немедля, дабы не было грѣха. Я отъ нечистоты и тайнаго любодѣянія не воздерживаюсь и въ объятіяхъ такой милочки охотно испилъ бы чашу безумія, но имѣю предосторожность на тотъ предметъ, что, какъ дворянинъ, не могу на тебѣ жениться въ случаѣ у тебя начнетъ щемить подъ сердцемъ. Не имѣя жениха, за кого же ты выйдешь тогда замужъ, и кѣмъ проступокъ твой будетъ обращенъ въ добродѣтель?

Катерина поняла изъ словъ плѣнительнаго регистратора только то, что онъ —высшее существо. О себѣ же она знала, что она—дочь портного и тѣлосложеніемъ похожа на ножницы. Каждую секунду надо было цѣнить, такъ какъ она могла уже не повториться. Катерина вспомнила, какъ ея мать обращалась со своимъ мужемъ, и молча поцѣловала руку у Максимова. Такая наивность и преданность до того тронули регистратора, что онъ проговорилъ участливо, склоняя свои папильотки къ папильоткамъ Катерины:

— Если бы даже я и полюбилъ тебя, то клянусь тебѣ могилою моей матери, что я по званію своему не могъ бы наименовать тебя своею супругою, и ты можешь быть только моею любовницею.

Не извѣстно, чѣмъ бы кончилось ночное свиданіе Катерины съ Максимовымъ, если бы слово «любовница» не ужаснуло молодую дѣвушку. На нее напалъ страхъ. Она освободилась изъ объятій жильца, тихо вскрикнула:—«о, г. Максимовъ, я никакъ отъ васъ не ожидала услышать такое оскорбленіе!» и исчезла, какъ мышка.

Была страшная сутолока въ домѣ, и мастеръ Іоганнъ вмѣстѣ съ супругой своей еще такъ дурно чувствовали себя и не все сознавали, что дѣлается вокругъ, что приключеніе Катерины прошло незамѣченнымъ. Часть ночи Катерина провела около больныхъ. Мастеръ Іоганнъ пересталъ хрипѣть, смотрѣлъ на дочь безсмысленными глазами и отъ времени до времени говорилъ только:

- Donnerwetter!

Амалія Христіановна черезъ силу поднялась и вскипятила крѣпкій кофе, который развязалъ наконецъ языкъ мастеру Іоганну.

— Я говорилъ Колькѣ, что много дровъ кладетъ въ печь,—пожаловался онъ.—Онъ давно пробовалъ, что такое березовая каша. Все плохо въ Россіи—и дрова, и печи, и люди. Въ Берлинѣ я не зналъ, что такое угаръ.

У Амаліи Христіановны и у мастера Іоганна головы были обвязаны полотенцемъ. Обративъ вниманіе, что Катерина безъ полотенца, родители заставили и ее обвязать голову.

Конецъ ночи и все утро и половина дня протекли въ недомоганіяхъ. Ученики не работали, а подмастерья вздумали опохмеляться послѣ угара, точно послѣ выпивки. Они забрались въ мезонинъ и стали пѣть «Среди долины ровныя». Жилецъ не пошелъ на службу.

Въ душѣ Катерины было свѣтло и радостно. Она благословляла угаръ, но боялась жильца.

Нѣсколько разъ она выскакивала въ коридоръ и проходила мимо двери Максимова; и нѣсколько разъ онъ пріотворялъ дверь и высовывалъ изъ нея свой длинный носъ. Катерину тянуло къ нему, какъ къ магниту тянетъ желѣзо, но все-таки она не повернула головы въ сторону Максимова, и только жаркій румянецъ разливался на ея круглыхъ и полныхъ, какъ апортовое яблоко, щекахъ.

VIII.

Быстро приведенъ былъ въ порядокъ нѣмецкій домъ, потрясенный угаромъ. Уже на другой день все вошло въ норму. Можетъ быть, руководствуясь какимъ-то темнымъ инстинктомъ, Амалія Христіановна рѣшила посылать жильцу обѣдъ въ комнату. Можетъ быть, съ другой стороны, ей было стыдно, что въ нѣмецкой семьѣ, аккуратность которой такъ цѣнилась Максимовымъ, произошла непріятность. Такъ или иначе, три дня Максимовъ обѣдалъ отдѣльно. Какъ ни экономно нарѣзывалась телятина, но чувствительная совѣсть Амаліи Христіановны представляла себѣ аппетитъ синодскаго регистратора болѣе значительнымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. У него такъ много оставалось объѣдковъ, что онъ выносилъ ихъ во дворъ и прикармливалъ бродячихъ собаченокъ. При мысли объ этомъ Амалія Христіановна начинала дурно себя чувствовать. Она даже блѣднѣла. Мастеръ Іоганнъ видѣлъ, что дѣлается въ сердцѣ жены, и безмолвно свирѣпѣлъ. Только трубка его громко и внушительно хрипѣла.

— Амалія,—сказалъ онъ наконецъ:—отчего я не вижу за столомъ нашего нахлѣбника?

— Отъ того, что ему приносятъ кушать въ комнату,—поспѣшила отвѣтить Катерина.

— Какъ ты смѣешь отвѣчать раньше матери!—вскричалъ мастеръ Іоганнъ.

Катерина укротила гнѣвъ отца поцѣлуемъ его руки. Къ обѣду приглашенъ былъ Максимовъ.

— Ипполитъ Карповичъ,—обратился къ нему мастеръ Іоганнъ:—мнѣ кажется, что я вижу передъ собою почтеннаго господина, который желайтъ меня немножко обирайтъ!

Катерина низко опустила надъ тарелкой голову, а Максимовъ бросилъ на дѣвушку быстрый взглядъ и сказалъ:

— Иванъ Каспаровичъ, я попросилъ бы васъ изъясниться, поелику я дворянинъ и обирать никого не имѣю въ мысляхъ. Я—не аршинникъ и не сапожникъ.

Онъ привсталъ и взялся рукой за спинку стула.

Мастеръ Іоганнъ разсмѣялся. Онъ почти никогда не смѣялся, и его смѣхъ изумилъ Катерину и Амалію Христіановну.

— Хо, хо, хо, хо! Нѣтъ, я утверждаю, что вы собирайтъ обирайтъ меня и оскорбляйтъ честный мастеръ... О, мой вамъ сейчасъ изъяснитъ,—продолжалъ онъ, любуясь гнѣвомъ и смущеніемъ Максимова:—у васъ былъ мальшикъ отъ портной Золовьевъ, и ви отдаваль ему пошинка... Хо, хо, хо!...

«Ахъ, глупый нѣмецъ»,—подумалъ Максимовъ, сѣлъ и самъ сталъ смѣяться.

Амалія Христіановна тоже разсмѣялась, и долго улыбалась Катерина. Максимовъ далъ слово мастеру Іоганну, что даже починку онъ перестанетъ поручать портному Соловьеву. Миръ былъ заключенъ, и Максимовъ пожелалъ угостить Ивана Каспаровича своимъ собственнымъ пивомъ. Но мастеръ протянулъ руку и великодушно возразилъ:

— Нѣтъ, зеводня опять мой зобственный пиво; но въ тотъ разъ, который придетъ послѣ этого раза, пусть будетъ ваше зобственное пиво!.. Хо, хо, хо!...

IX.

Пасторшу давно подмывало побывать у Клокенберговъ и выслушать отъ нихъ благодарность за жильца, котораго она имъ рекомендовала. Она пріѣхала и имѣла удовольствіе узнать поразительную новость объ угарѣ и о томъ, что мастеръ Іоганнъ чуть не умеръ, а Амалія Христіановна до сихъ поръ глуха на правое ухо. Катерина, расцѣловавшись съ пасторшей, выбѣжала на кухню присмотрѣть за кухаркой и самой кое-что приготовить и выказать себя съ доблестной стороны, такъ какъ въ школѣ пасторша внушила ей, что нѣмецкая дѣвушка, если хочетъ быть счастливой въ

жизни, должна научиться дѣлать сальцесоны, варить кофе, биръзуппъ и прочія нѣмецкіе снѣди и напитки.

Мастеръ Іоганнъ, довольный визитомъ пасторши, сидѣлъ, сложивъ руки на животѣ, хлопалъ глазами и придумывалъ, чѣмъ бы еще развлечь высокую гостью.

— О, какъ печально было, когда меня на коридоръ вытащили! Мнѣ столько давали хрѣна въ уши, носъ и мой раскрытый ротъ, что я похожъ былъ на русскаго порозенка!

— Ты не долженъ такъ себя называть, мой добрый Іоганнъ,— съ улыбкой возразила Амалія Христіановна.

— Однако же, кто мнѣ запретитъ? Я хочу такъ себя называть. Я былъ похожъ, я очень былъ похожъ!

Пасторша изрекла нѣсколько нравоучительныхъ мыслей о томъ, напримѣръ, что люди должны благодарить Бога, когда онъ ихъ испытываетъ и временно заставляетъ страдать. Его пути неисповѣдимы. Мастеръ Клокенбергъ тотчасъ же впалъ въ благочестивое настроеніе.

— Каждый разъ, когда бываетъ у насъ г-жа пасторша, мы слышимъ отъ нея много замѣчательныхъ мыслей, и какъ мы счастливы, что подъ ея руководствомъ воспиталась наша прекрасная Катерина.

Пасторша строго взглянула на Амалію Христіановну.

— Вы, фрау Клокенбергъ, должны знать, что есть дѣвушки гораздо красивѣе Катерины, и вы были бы ближе къ истинѣ, если бы сказали, что я воспитала вамъ дочь въ правилахъ самой твердой нравственности.

— О, да.

— Такую нравственность не можетъ ничто совратить съ пути истины,—продолжала пасторша:—и никакимм соблазнами она не можетъ быть сокрушена.

— О, разумѣется.

— О!

— Катерина,—одушевляясь продолжала пасторша:—была нивой, которую мы вспахали вмѣстѣ съ мужемъ и засѣяли самыми добрыми сѣменами.

Пасторша подняла глаза къ потолку.

Вслѣдъ за нею подняли глаза къ потолку мастеръ Іоганнъ и его супруга Амалія.

Среди водворившейся тишины раздалось пріятное, слегка козлиное пѣніе, сопровождаемое звономъ гитары.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ,
И лишь ею въ полѣ
Взоръ свой веселилъ.

— Вы довольны вашимъ жильцомъ?—спросила пасторша.

— Надо за все благодарить Бога,—отвѣчала съ улыбкой Амалія Христіановна, впадая въ тонъ пасторши.

— Раухусы имъ не могли нахвалиться,—рѣшительно заявила пасторша съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ, такъ какъ сопѣніе мастера Іоганна ей показалось чѣмъ-то въ родѣ черной неблагодарности.

— Мы тоже имъ очень довольны,—поспѣшила заявить Амалія Христіановна.

— Говоритъ ли онъ у васъ по-нѣмецки?

— Онъ за это не платитъ намъ денегъ,—угрюмо отозвался Клокенбергъ.

Пасторшѣ не понравился отвѣтъ. Чтобы выразить по этому поводу свое негодованіе, она встала и направилась вмѣстѣ съ Амаліею Христіановной на кухню.

— Надѣюсь, ваши кастрюли находятся въ томъ же добромъ состояніи?

— Я бы хотѣла,—отвѣчала сіяя Амалія Христіановна:—чтобы вы укрѣпились въ хорошемъ мнѣніи о моихъ кастрюляхъ.

— Г-жа пасторша,—покорно проговорилъ мастеръ Іоганнъ,—если вамъ угодно, мы начнемъ безплатно говорить по-нѣмецки съ г. Максимовымъ.

Пасторша остановилась и благосклонно разъяснила толстяку, что нѣмецкій языкъ—самый великій въ мірѣ, и настоящіе нѣмцы должны распространять его, потому что, если кто только говоритъ по-нѣмецки, тотъ уже наполовину нѣмецъ.

— О!—радостно вскричалъ портной и толстымъ пальцемъ ткнулъ себя въ лобъ,—вы всегда правы суть.

Послѣ этого пасторша съ Амаліей Христіановной окончательно вошли въ кухню.

— Гдѣ же Катерина?—спросила фрау Клокенбергъ у кухарки.

— Она давно уже вышла,—отвѣчала кухарка.

— Куда же?

— Можетъ быть, она въ мастерской, если не въ комнатахъ?

— Она никогда не бываетъ въ мастерской, Іоганнъ!—появляясь на порогѣ, проговорила Амалія Христіановна:—нѣтъ ли Катерины въ ея комнатѣ?

— Она не проходила въ свою комнату.

— Іоганнъ, все верхнеее платье Катерины виситъ на крючкѣ, а ея нѣтъ. Если она вышла во дворъ и гуляетъ раздѣтая, то, несмотря на то, что оттепель, она можетъ простудиться. Ты отецъ и скажи ей, пожалуйста, пару словъ.

Іоганнъ съ трубкой въ зубахъ вышелъ въ коридоръ. Едва начинало смеркаться. Было все видно. За окномъ съ ледяныхъ сосулекъ капали свѣтлыя капли воды. Мастеръ Іоганнъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по коридору.

Внезапно дверь изъ комнаты жильца распахнулась, и вылетѣла Катерина. Но вокругъ ея тоненькой таліи обвились двѣ руки и не пускали ея. Она сдѣлала отчаянное усиліе, рванулась, освободилась и очутилась лицомъ къ лицу съ отцомъ.

X.

Госпожа Шварцбауманъ не произнесла ни единаго звука. У ней страшно только завертѣлись глаза. Амалія Христіановна разсказывала потомъ мужу, что у пасторши завертѣлись глаза въ разныя стороны. Беззвучно, словно нѣмая, съ крѣпко стиснутыми зубами, одѣлась пасторша, не простилась, ни на кого не взглянула и вышла на улицу. Сѣвши въ свои сани, она подняла глаза къ небесамъ, какъ бы призывая Бога въ свидѣтели своей невинности, и уѣхала домой, забывъ даже спросить въ мастерской, когда будутъ готовы панталоны съ замшевымъ сидѣньемъ для ея супруга.

Амалія Христіановна въ душѣ вполнѣ одобрила поведеніе пасторши. Она даже удивилась, почему пасторша не выказала ей своего презрѣнія болѣе нагляднымъ образомъ. Она считала себя погибшей, опозоренной и достойной оплеванія. Выйдя на середину коридора, она ломала руки, чувствовала, какъ въ ея кроткой душѣ просыпается волчица, и какъ ей хочется броситься на дочь и разорвать ее пополамъ.

Мастеръ Іоганнъ стоялъ передъ Катериной, страшно выдвинувъ впередъ нижнюю челюсть. Онъ уперся кулаками въ свои бока и не могъ произнести ни слова, потому что горло его было сжато судорогой ужаса и гнѣва.

Наконецъ Катерина скользнула мимо отца и матери съ крикомъ и плачемъ:

— O mein Gott! О Боже мой! Я не виновата!—закричала она и заперлась въ своей комнатѣ.

Мастеръ Іоганнъ между тѣмъ обдумалъ положеніе.

Тутъ Амалія Христіановна подивилась характеру дарованнаго ей небесами мужа, его умѣнью сдержать себя и вó-время прійти къ такому рѣшенію, которое необходимо. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по холодному коридору и остывъ, мастеръ подошелъ къ женѣ и мрачно сказалъ:

— Амалія, я бы долженъ наказывать тебя, потому что ты не досмотрѣла за Катериной, но я точно также не досмотрѣлъ за Катериной. Амалія, ты должна убѣждаться и ступай, поговори съ Катериной, а я возьму желѣзный аршинъ и пойду разговаривать съ г. Максимовымъ.

Онъ взялъ желѣзный аршинъ, пошелъ къ жильцу и началъ разговаривать. Было бы неосновательно думать, однако, что мастеръ Іоганнъ пустилъ въ ходъ желѣзный аршинъ. Синодскій ре-

гистраторъ былъ вооруженъ только гитарою. А все-таки не далъ посрамить себя. Онъ обуздалъ мастера Іоганна своимъ краснорѣчіемъ, объявивши ему, что Катерина сама влюбилась и первая призналась въ любви, а онъ, напротивъ, всячески убѣждалъ ее выйти замужъ за какого нибудь добродѣтельнаго Карлушу, и что онъ, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ еще времени воспользоваться дарами шаловливаго купидона.

— Ай, ай, ай!—произносилъ мастеръ Іоганнъ и поникалъ головой.

— Или возможно, что Катерина Ивановна,—любезно началъ регистраторъ:—была лишь орудіемъ вашего родительскаго на меня злоумышленія?

Мастеръ Іоганнъ считалъ себя справедливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Онъ всталъ и закричалъ:

— Ну, тутъ ты ужасно врешь! Я не могу женить свою единственную дочь Катерину на какой нибудь синодскій щелкоперъ! Господи, помилуй!

— Я—дворянинъ!—закричалъ Максимовъ и ткнулъ себя въ грудь пальцемъ.

— Я хотѣлъ чихать на такой дворянинъ.

— Регистраторъ государя моего!

— Я дышалъ на тебя. Пошелъ вонъ изъ моего дома. Сейчасъ придутъ люди и выбрасываютъ твои вещи. Я не буду убивать тебя желѣзнымъ аршиномъ по голова. Я пущу тебя внизъ голова на Фонтанка! У! Золовьевскій кафтанъ на пестрядинной изнанка! У!..

Нѣмецъ тяжело затопалъ ногами, а регистраторъ Максимовъ забѣжалъ за диванъ и сталъ кричать.

— Гитарой размозжу тебѣ башку! Ты не заставишь меня жениться на твоей дочери! Напрасно лукавишь, нѣмецкая колбаса! Тщетны твои притворства! Я съ перваго же раза догадался, чѣмъ пахнетъ уксусная любовь. Говорю тебѣ, не подходи, берлинскій боченокъ. Подниму такой крикъ, что прибѣжитъ квартальный, и ночевать тебѣ въ части за разбойническое нападеніе не синодскаго чиновника! Помни, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не забывайся! Нѣтъ, не видать тебѣ своимъ зятемъ дворянина Максимова, какъ своихъ ушей.

— Ти ужасно врешь, щелкоперъ!—возмущался мастеръ Іоганнъ.—Глюпый пятнадцатилѣтній дѣвушка не для твой носъ!

— Я не захотѣлъ, а о моемъ носѣ ты долго тужить будешь. Тебѣ самому хотѣлось моего носа!

Еще долго ругался портной Клокенбергъ съ своимъ жильцомъ Максимовымъ. Потомъ страшно хлопнулъ дверью и на нѣкоторое время какъ воды набралъ въ ротъ. Онъ только грозно смотрѣлъ на жену, а дочери не допустилъ къ себѣ.

Мучительно долго тянулась ночь въ домѣ Клокенберга. Почти никто не спалъ. Жилецъ уложилъ вещи и ушелъ ночевать къ своему товарищу, который наутро явился за его сундучками и узлами.

Мастеръ Іоганнъ всталъ, умылся, но кофе не сталъ пить. Взявши же изъ кухни размоченный пучокъ розогъ, велѣлъ женѣ привести Катерину въ опустѣвшую комнату. Дѣвушка побѣлѣла, какъ полотно, когда узнала отъ матери, что отецъ ее зоветъ. Живо вспомнились ей субботнія расправы мастера Іоганна съ учениками. Сердце ея застыло. Ноги не слушались.

— Иди же, иди, Катерина,—поощряла ее мать.—Отецъ—мудрый и справедливый человѣкъ. Я ему сказала, что ты невинна. Но ты не станешь отрицать, что ты все-таки огорчила насъ и осрамила, и, подумай, это случилось на глазахъ пасторши, которая такъ тебя расхваливала. Ступай и получи, что ты заслужила.

Катерина стала рыдать. Она упала на колѣни предъ матерью и просила прощенія.

— Ты, должно быть, не знаешь твоего отца Іоганна. Онъ непремѣнно хочетъ дать тебѣ двадцать пять горячихъ, и то, что онъ сказалъ, свято!—рыдая, проговорила Амалія Христіановна.

Катерина поднялась. Она шаталась отъ внутренняго страданія и тоски и уцѣпилась за плечо матери. Та повела ее. Мастеръ Іоганнъ ожидалъ дочь и сопѣлъ, какъ кузнечный мѣхъ.

XI.

...Вдругъ Катерина рванулась, какъ безумная, съ пресѣкающимся дыханіемъ и съ ненавистью къ своей молодой жизни, выбѣжала по коридору на дворъ и на улицу, пробѣжала сотни двѣ шаговъ и по каменной лѣсенкѣ быстро спустилась къ Фонтанкѣ, на которой послѣ оттепели образовались широкія полыньи, такъ что прачки не рѣшались уже мыть бѣлья, опасаясь рыхлаго льда. Ни секунды не размышляя, Катерина ринулась въ воду.

Но за нею бѣжалъ хожалый въ высокомъ киверѣ. Онъ обратилъ вниманіе на безумную дѣвушку, узналъ дочь портного мастера Клокенберга, изъ дома котораго слышались передъ тѣмъ крики, и успѣлъ во-время схватить Катерину и вытащить на ледъ. Она была уже безъ сознанія. Полицейскій служитель, вѣрный своему долгу, остановилъ извозчика, положилъ въ санки мокрую барышню и повезъ въ часть.

Изъ дома Клокенберга выскочили подмастерья и самъ мастеръ Іоганнъ ловить бѣглянку, но ея и слѣдъ простылъ.

У Амаліи Христіановны распухли глаза отъ слезъ. Нѣсколько слезинокъ смахнулъ съ носа мастеръ Іоганнъ. Затѣмъ подошелъ къ женѣ и сказалъ:

— Амалія, запомни разъ навсегда, что мы потеряли единственную нашу дочь Катерину.

Онъ не успѣлъ кончить этихъ словъ, какъ пріѣхалъ квартальный и привезъ Катерину домой. Очнулась она въ первой Адмиралтейской части и была представлена въ частный судъ, гдѣ инспекторъ отобралъ отъ нея показанія. Катерина ничего не скрыла—ни своей любви къ Максимову, ни жестокаго обращенія съ нею отца.

Квартальный, войдя съ Катериной, на которой былъ казенный полушубокъ, сказалъ:

— Портной мастеръ Иванъ Каспаровъ Клокенбергъ и его жена Амалія Христіанова, дѣйствительно ли сія дѣвушка есть ваша дочь?

— Да, г. квартальный, она дѣйствительно есть наша дочь,— съ крикомъ отвѣчала Амалія Христіановна.

Клокенбергъ снялъ съ дочери полушубокъ и, осмотрѣвъ ее съ разныхъ сторонъ, проговорилъ:

— Она была нашей дочерью.

— Вы должны ее принять по постановленію частнаго суда и на семъ расписаться въ полученіи ея,—сказалъ квартальный.

Мастеръ Іоганнъ подписалъ на бумагѣ свою фамилію.

— Кромѣ того, съ васъ приказано взять подписку, дабы вы такъ со взрослою дочерью не поступали подъ строгою отвѣтственностью.

Клокенбергъ захлопалъ глазами, покраснѣлъ и, пожавъ плечомъ, подписалъ другую бумагу.

— Памятуйте же, дѣвица Клокенбергъ,—заключилъ квартальный:—что родители ваши впредь столь строго съ вами обращаться не будутъ, ибо вы находитесь подъ покровительствомъ частнаго суда; впрочемъ, едва ли происшествіе сіе тѣмъ ограничится.

Онъ строго взглянулъ на мастера Іоганна и вышелъ.

У Катерины сдѣлался жаръ. Ее пришлось напоить липовымъ чаемъ и уложить въ постель. Ночью она немного бредила и плакала во снѣ, но къ утру успокоилась. Здоровая натура взяла свое, и ледяная ванна прошла безнаказанно для молодой дѣвушки.

XII.

Синодскій регистраторъ былъ на положеніи жениха среди своихъ сослуживцевъ, людей все женатыхъ. Только канцеляристы и подканцеляристы да копіисты не должны были спѣшить съ брачными узами, потому что имъ полагалось быть людьми молодыми. Регистраторъ же былъ полупочтенной личностью и если бы женился во-время и на дѣвицѣ со связями, то могъ бы разсчитывать на повышеніе.

Объ этомъ съ нимъ горячо бесѣдовалъ его товарищъ, помощникъ столоначальника, Надеждинскій.

— Какъ тебѣ, такъ и мнѣ приличествуетъ, принимая въ расчетъ наши годы, женатое состояніе. Пора тебѣ перестать фоблазничать и строить куры молоденькимъ нѣмкамъ, ибо сіе тебя не доведетъ до добра, и, согласись самъ, какой репримандъ вышелъ бы, и какъ взбудоражился бы весь святѣйшій синодъ, если бы ты содѣлался зятемъ нѣмецкой колбасы?! Послѣзавтра же мы поѣдемъ съ тобою въ нѣкій приличный домъ, гдѣ ты увидишь мою невѣсту, которая хотя и не блещетъ красотою, но добродѣтельна и, будучи дочерью вице-губернатора, имѣетъ возможность предоставить мнѣ мѣсто совѣтника въ губернскомъ правленіи. Старшая сестра ея еще свободна, и ты могъ бы въ ея рукѣ тоже найти свое счастье. Но въ томъ домѣ ты встрѣтишь также и другихъ достойныхъ дѣвицъ. А при твоей наружности, прекрасномъ голосѣ и добрыхъ манерахъ ты поистинѣ предназначенъ къ высокимъ степенямъ.

Слушая сладкія рѣчи, Максимовъ взбивалъ свой кокъ и ходилъ козыремъ. Онъ бѣжалъ изъ дома портного, или, какъ онъ выражался, «совершилъ почетную ретираду» и полагалъ, что все этимъ ограничилось. Но тучи сгущались надъ его головой.

Прійдя со службы, онъ взялъ гитару и только что въ мечтахъ о выгодныхъ невѣстахъ запѣлъ: «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ», какъ явился квартальный офицеръ и потребовалъ его немедленно къ оберъ-полицеймейстеру.

«Вотъ тебѣ разъ!»—съ вытянутымъ лицомъ подумалъ Максимовъ и торопливо одѣлся. «Будетъ, должно быть, взбучка за французскую шляпу, въ которой я проѣхался вчера».—Должно быть, за круглую шляпу!—успѣлъ онъ пробормотать перепуганному товарищу и крѣпко на прощанье пожалъ ему руку.

Его увезли. Въ тотъ день онъ не вернулся. Пропалъ человѣкъ!

XIII.

Одновременно въ домъ портного мастера Клокенберга вошелъ полицеймейстеръ Зильбергорнъ и, не снимая трехуголки, сказалъ:

— Амалія Клокенбергъ съ дочерью своею Катериной имѣетъ немедленно послѣдовать за мною по чрезвычайному дѣлу къ его сіятельству санктъ-петербургскому военному губернатору, графу Петру Алексѣевичу фонъ-деръ-Палену.

— Мой тоже желаетъ ѣхать къ его зіятельству.

— Молчать!—закричалъ Зильбергорнъ и покраснѣлъ отъ натуги.—Ты заварилъ кашу, а намъ приходится расхлебывать ее.

Мастеръ Іоганнъ нахмурилъ брови, повернулся и ушелъ въ мастерскую. А Зильбергорнъ взялъ Катерину и Амалію Христіановну и увезъ на своей парѣ въ саняхъ.

Было уже темно, и на столѣ графа фонъ-деръ-Палена горѣло восемнадцать восковыхъ свѣчей, когда къ нему ввели Катерину.

Графъ понюхалъ табаку, отряхнулъ пальцы и, посмотрѣвъ на молодую дѣвушку тѣмъ глазомъ, которымъ лучше видѣлъ, сказалъ съ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Но ти, дюшенька, не пугайся. Я тебя сейчасъ обрадовать намѣренъ. Мы—добрые люди, и всѣхъ добрѣе нашъ пресвѣтлѣйшій государь Павелъ Петровичъ, коему доложено было сегодня о твоемъ несчастіи и о причинѣ, побудившей тебя къ безразсудному поступку. Скажи мнѣ съ чистымъ сердцемъ: ты желала бы вступить въ бракъ съ Максимовымъ? Ты хотѣла бы быть его законной супругой?

Катерина тяжело дышала. Она смотрѣла на звѣзду губернатора и на шарфъ въ серебряныхъ и черныхъ полоскахъ, которымъ онъ былъ опоясанъ.

— Я не знаю.

— Нѣтъ, ты отвѣчай прямо. Если бы ты не любила Максимова, зачѣмъ бы тебя наказывалъ отецъ? И зачѣмъ ты сама себя утопила бы?.. Ну, сказывай, живо!

Изъ глазъ Катерины полились слезы.

Губернаторъ, съ нетерпѣніемъ взглянувъ на нее, велѣлъ позвать Амалію Христіановну и объяснилъ ей:

— Государю императору угодно, чтобы дочь ваша Катерина была выдана замужъ за синодскаго регистратора Ипполита Максимова, и о семъ объявляю вамъ именное императорское повелѣніе.

Амалія Христіановна упала на колѣни предъ губернаторомъ:

— Ваше сіятельство, я и мой супругъ, мастеръ Іоганнъ Клокенбергъ, не могутъ быть согласны выдавать нашу дочь Катерину замужъ за синодскій регистраторъ Макзимовъ, потому что онъ бѣдній русскій шиновникъ, и онъ имѣетъ вдвое больше лѣтъ, чѣмъ наша дочь. У насъ были мызли совсѣмъ о другихъ женихахъ.

— Воля государя! Ты слышала, матушка?—прикрикнулъ графъ, навелъ еще разъ на Катерину свой здоровый глазъ, поднялся и важно ушелъ въ другую комнату.

Зильбергорнъ махнулъ рукой обѣимъ женщинамъ и отвезъ ихъ обратно домой. Онъ ничего не сказалъ утѣшительнаго Амаліи Христіановнѣ.

— Что ты надѣлала, Катерина? О Катерина!..

Мастеръ Іоганнъ, между тѣмъ, выслушавъ разсказъ жены, закурилъ трубку и произнесъ съ глубокимъ убѣжденіемъ:

— Глюпій шутка его зіятельства.

А Катеринѣ онъ указалъ рукой на ея комнату и, когда она покорно отправилась къ себѣ, заперъ ее на замокъ, сказавши потомъ женѣ:

— Въ слѣдующую субботу я опять намѣренъ наказывать наше собственное дитя. Но только надо будетъ приглашать г. пастора Шварцбаумана и г-жу пасторшу присутствовать! Послѣ чего они могутъ сдѣлаться къ намъ опять благосклонными.

Катерина такъ волновалась, что наконецъ устала и заснула.

Утромъ мать долго не будила ея. Катерина уже проснулась и лежала подъ одѣяломъ, вспоминая сказочныя событія послѣднихъ дней. Вдругъ послышался чей-то властный голосъ. Звякнулъ ключъ въ замкѣ, дверь отворилась, и отецъ трясущимися губами проговорилъ:

— За тобой пріѣхала полиція. Очень хорошія хлопоты имѣемъ мы съ нашимъ ребенкомъ! Очень приличныя и благородныя хлопоты!

Мать вбѣжала и торопливо стала одѣвать Катерину.

— Мама, куда же меня опять везутъ?

— Катерина, ты сѣешь, что пожала. Ахъ, Катерина, помни, что всегда надо было любить только отца и мать!

Катерина заплакала. Заплакала и Амалія Христіановна.

Квартальный офицеръ торопилъ, стуча въ перегородку. Наконецъ Катерину увезли снова въ губернаторскій домъ. И, когда она робко вошла въ знакомую залу, то увидѣла, что тамъ стоитъ, ни живъ, ни мертвъ, осунувшійся и пожелтѣвшій Максимовъ.

Тотчасъ же изъ другой комнаты вышелъ графъ фонъ-деръ-Паленъ, нацѣлился на Катерину и на Максимова своимъ смѣющимся глазомъ и сказалъ:

— Ви есть влюбленные... Ви—женихъ и невѣста... Ви сейчасъ отправляетесь въ Казанскій соборъ въ зопровожденіи оберъ-полицеймейстеръ Рачинскій.

— Ваше сіятельство,—взмолился Максимовъ:—не извольте губить мою будущность!

— Именнымъ повелѣніемъ государя императора... Тутъ очень короткія сказки!..—нетерпѣливо вскричалъ графъ.—Оберъ-полицеймейстеръ Рачинскій, извольте наблюдать за женихомъ и невѣстой и по окончаніи бракосочетательнаго снаряда явиться доложить мнѣ о происшедшемъ. Маршъ, съ Господомъ Богомъ!

Оберъ-полицеймейстеръ посадилъ въ карету жениха и невѣсту.

Въ соборѣ ихъ ожидалъ уже священникъ.

Въ дѣлахъ сохранилось имя священника. Повѣнчалъ Ипполита Карповича Максимова съ Катериной Ивановной Клокенбергъ отецъ Стефанъ Михайловъ.

Трепеща отъ страха, новобрачные не замѣтили, какъ священникъ поздравилъ ихъ съ новой жизнью и пожелалъ имъ счастья. Они вышли на улицу. Полицейскіе провалились, точно сквозь землю. До четы никому не было больше никакого дѣла.

На Невскомъ Максимовъ злобно посмотрѣлъ на жену:

— Какъ сіе случилось?—спросилъ онъ.

Но ей стыдно было разсказать мужу, какъ она была наказана отцомъ и какъ бросилась въ Фонтанку. Она стояла съ потупленными глазами.

— Я буду жаловаться... его высокопреосвященству митрополиту санктъ-петербургскому и ладожскому!

Потомъ онъ опять взглянулъ на жену.

— Ну, пока что, нѣмецкая колбаса на своемъ поставила... Поймали голубчика... Я бы, можетъ быть, ничего, но больше всего мнѣ это обидно...

Онъ взялъ жену за руку.

— Куда же мы пойдемъ?

— Домой.

— А гдѣ нашъ домъ?

Въ отвѣтъ Катерина опять потупила глаза.

— То-то же!

Проѣзжалъ извозчикъ.

Максимовъ посадилъ жену, сѣлъ рядомъ съ нею и пріѣхалъ къ товарищу, которому и разсказалъ все, что съ нимъ случилось.

— Исторія, братецъ, серьезная.

Пріятели стали совѣщаться. А Катерина слушала и плакала. По ихъ словамъ выходило, что бракъ—насильственный и высшею духовною властью долженъ быть расторгнутъ. Митрополитъ непремѣнно вмѣшается, а его самъ государь уважаетъ.

— Теперь войди въ мое положеніе,—сказалъ Максимовъ, почесывая кокъ:—квартиры у меня нѣтъ, денегъ очень мало, надежды на будущее разсѣялись, яко дымъ, и вдобавокъ—я женатъ. Какъ я покажусь теперь въ синодъ?

— Что и говорить, жаль мнѣ тебя, братецъ.

Подъ окномъ прогремѣлъ и остановился экипажъ. Максимовъ подошелъ къ окну и сказалъ:

— Разносило ихъ! Паки оберъ-полицеймейстеръ Рачинскій. Но теперь, видно, твоя очередь пришла, Надеждинскій.

Надеждинскій побѣлѣлъ и затрясся.

Оберъ-полицеймейстеръ вошелъ, посмотрѣлъ направо и налѣво и долго отдувался. Онъ былъ тученъ. Наконецъ кивкомъ пальца подозвалъ къ себѣ новобрачныхъ и, при видѣ слезъ на лицѣ Катерины, сказалъ:

— Нашъ мудрѣйшій государь, выслушавъ докладъ о вашемъ бракосочетаніи, немедленно повелѣлъ выдать тебѣ, Максимовъ, тысячу рублей на обзаведеніе и оберъ-прокурору особливое имѣть къ тебѣ вниманіе, если ты пожелаешь продолжать жить съ женою. Если же не пожелаешь, то деньги выдать тебѣ, Катерина, въ утѣшеніе за твою несчастную любовь къ безчувственному въ семъ случаѣ человѣку и произвести по твоему прошенію разводъ въ установленномъ порядкѣ.

Съ этими словами Рачинскій отправилъ руку за бортъ полу-разстегнутаго мундира и вынулъ толстый синій пакетъ.

— Даю вамъ пять минутъ на размышленіе,—сказалъ онъ, поигрывая бѣлой замшевой съ раструбомъ перчаткой.

Взглянувъ на часы, онъ обратился съ вопросомъ къ Катеринѣ:

— Желаешь ли ты имѣть съ мужемъ своимъ брачное сожитіе?

— Желаю,—робко отвѣтила Катерина.

— А ты, Максимовъ, желаешь ли?

— Желаю,—сказалъ Максимовъ и расшаркался передъ оберъ-полицеймейстеромъ.

— Получите деньги и дайте расписку. Да смотри, Максимовъ, не стригись à la Титусъ, потому что ненарокомъ государь можетъ вспомнить и потребовать къ себѣ, и тогда сдѣлаетъ онъ тебѣ прическу.

Онъ добродушно разсмѣялся, подалъ всѣмъ руку и уѣхалъ.

Въ пирожную лавку къ Доміанту побѣжалъ Надеждинскій и накупилъ разныхъ деликатесовъ, чтобы наскоро устроить свадебный пиръ. Пригласили еще двухъ-трехъ синодскихъ чиновниковъ. А когда пирушка кончилась, Надеждинскій уступилъ свою комнату новобрачнымъ и пошелъ ночевать къ одному изъ гостей.

Вражда между портнымъ мастеромъ Іоганномъ Клокенбергомъ и синодскимъ регистраторомъ Максимовымъ длилась много лѣтъ. Они не хотѣли видѣть другъ друга. Къ тому же Максимовъ продолжалъ одѣваться у портного Соловьева. Амалія Христіановна украдкой видѣлась съ дочерью и няньчила внучатъ.

Максимовъ умеръ въ сороковыхъ годахъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Максимъ Бѣлинскій (І. Ясинскій).

АРАКЧЕЕВЪ, КАКЪ НЕ «ГЕРОЙ».

(Опытъ характеристики).

I.

ИСТОРІЯ ходячей оцѣнки общественныхъ дѣятелей учитъ насъ тому, что въ большинствѣ случаевъ масса не можетъ себѣ представить ихъ иначе, какъ людьми цѣлостными въ томъ или другомъ смыслѣ.

Народный герой не имѣетъ слабостей и недостатковъ; достоинства его преувеличиваются въ десятки разъ; герой становится центромъ общественнаго вниманія, воображеніе современниковъ около его имени группируетъ рядъ благопріятныхъ сказаній; въ итогѣ настоящая личность героя затмевается настолько, что послѣдующія поколѣнія уже оскорбляются при попыткѣ безпристрастнаго историка снять съ общепризнаннаго любимца или авторитета ореолъ совершенства.

Подобное же явленіе, но только съ другой стороны, мы наблюдаемъ въ отношеніи признанныхъ злодѣевъ, имена которыхъ становятся нарицательными. Если для героя у толпы недостаетъ словъ для восхваленія его подвиговъ и не хватаетъ красокъ для изображенія всѣхъ свѣтлыхъ чертъ его характера, то для злодѣя отыскивается и то и другое, но только для созданія его тщательнаго портрета. Мы не будемъ останавливаться на примѣрахъ, въ особенности на любимцахъ общественнаго мнѣнія. Достаточно указать на Кутузова или Суворова изъ области нашей исторіи,

образы которыхъ для массы священны. Точно такъ же съ другой стороны достаточно отмѣтить злую память Григорія Отрепьева или Бориса Годунова, по своимъ дарованіямъ и даже заслугамъ не уступавшихъ различнымъ признаннымъ героямъ, но, тѣмъ не менѣе, въ народномъ воображеніи сохранившихся въ мрачномъ свѣтѣ.

Въ такомъ цѣлостномъ пониманіи той или другой исторической личности сказывается особенность массовой психики, по существу своему не могущей вникать въ подробности и принужденной жить общими цѣлостными представленіями. Съ подобнымъ явленіемъ можно было бы легко мириться, но, къ сожалѣнію, признаніе массы не всегда вѣнчаетъ лаврами или терніями дѣйствительно такъ или иначе выдающихся людей. Очень часто общественное вниманіе, въ силу различныхъ обстоятельствъ, останавливается на лицахъ средняго уровня лишь потому, что случайно волна жизни вынесла ихъ на своемъ хребтѣ наверхъ и поставила у всѣхъ на виду. По общему указанному закону и такая посредственность въ зависимости отъ различныхъ условій дѣлается или героемъ, или злодѣемъ со всей относящейся къ этимъ понятіямъ обстановкой восхваленій или проклятій. Къ такимъ посредственностямъ у насъ, между прочимъ, можно отнести Аракчеева, изъ котораго, однако, молва сдѣлала какого-то генія зла, лютаго змѣя, поѣдомъ ѣвшаго Русскую землю и державшаго ее въ оковахъ своего безпощаднаго самовластія. Характеризуя такими словами знаменитаго временщика двухъ царствованій, мы вовсе не хотимъ защищать устроителя военныхъ поселеній отъ многихъ справедливыхъ упрековъ, обращенныхъ къ нему, какъ современниками, такъ и потомствомъ. Да, несомнѣнно, Аракчеевъ оставилъ по себѣ плохую память: онъ былъ мелоченъ, придирчивъ, зачастую очень несправедливъ, жестокъ и даже свирѣпъ, самовластенъ, распутенъ въ половомъ отношеніи; Аракчеевъ наушничалъ императорамъ Павлу и Александру, ревновалъ ихъ ко всѣмъ остальнымъ приближеннымъ; выполняя ихъ волю, готовъ былъ довести свое выполненіе до безсмыслицы и тѣмъ принесъ много зла Россіи. Но была ли это исключительная личность, хотя бы и отрицательныхъ качествъ, злого вдохновителя своихъ властелиновъ, въ родѣ какого нибудь Оливье Брадобрея, Басманова или Лермонтовскаго Сокола изъ «Боярина Орши»?

Вовсе нѣтъ. Аракчеевъ не выдавался особенною силою ума и вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ цѣльнымъ характеромъ. Онъ обладалъ въ извѣстной степени волей, очень часто направлялъ ее въ дурную сторону, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и среди зла не возвышался надъ уровнемъ средняго человѣка. Уже потому такое заключеніе казалось бы вѣрнымъ, что Аракчеевъ, собственно говоря, никогда не былъ вдохновителемъ или начинателемъ-иниціаторомъ. Тайна его

успѣха заключалась въ образцовой исполнительности и прямолинейной настойчивости, пришедшихся по вкусу двумъ монархамъ—отцу и сыну. Успѣху тому, конечно, содѣйствовали и другія сопутствующія обстоятельства.

За исключеніемъ указанныхъ двухъ качествъ, Аракчеевъ не былъ своеобразенъ: онъ отразилъ въ себѣ воспитаніе, школу гатчинской службы и бытовыя черты эпохи, не внеся ничего своего. Но если изъ окружающей среды онъ вынесъ много отрицательныхъ свойствъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ отразились и положительныя. Отцовское вліяніе ранняго дѣтства укрѣпило въ немъ правила честности, нелюбостяжательности, извѣстной прямоты, независимости. Извѣстно, что Аракчеевъ былъ очень постояненъ въ своихъ немногочисленныхъ привязанностяхъ, обладалъ преданностью, дорожилъ дружбой и родственными чувствами, въ извѣстной степени проявлялъ чувство справедливости и даже сострадания. Различныя свойства, какъ во многихъ людяхъ, клубкомъ спутались въ душѣ Аракчеева, безъ приданія тѣмъ или другимъ исключительной напряженности. Только исполнительность и настойчивость выдвигались въ этомъ характерѣ болѣе ярко, но, какъ качества служебныя, не опредѣляли его внутренняго содержанія.

Попытаемся теперь разобраться въ достоинствахъ и недостаткахъ Аракчеева подробнѣе. Начнемъ съ недостатковъ, и притомъ важнѣйшихъ. Аракчеевъ былъ жестокъ, но являлась ли жестокость отличительнымъ свойствомъ, или «таковъ былъ вѣкъ суровый»? Несомнѣнно, что таковъ былъ вѣкъ. Въ нашихъ войскахъ царили самыя жестокія наказанія. Еще господствовали духъ и буква «Воинскаго устава» Петра Великаго, а по «Воинскому уставу» начальнику могло быть почти прощено убіеніе подчиненнаго, если такое дѣйствіе являлось слѣдствіемъ «должной служебной ревности». Жестокость царила не только въ военной жизни; она господствовала повсюду. Не будемъ говорить о средствахъ и способахъ усмиренія Пугачевщины; въ уголовномъ процессѣ до Александра Благословеннаго примѣнялась пытка, въ числѣ наказаній сохранялся кнутъ, плети, шпицрутены, палки, линьки; помѣщики истязали крестьянъ «за обычай», какъ говорилось въ старину; всякаго рода бои и насиліе господствовали въ частной жизни, не вызывая особеннаго порицанія даже въ высшихъ судебныхъ установленіяхъ. Розги являлись основой воспитанія и главнымъ учебнымъ пособіемъ того времени. Аракчеевъ въ нѣжномъ возрастѣ прошелъ всѣ прелести тогдашней военной школы — Артиллерійскаго корпуса 90-хъ годовъ XVIII столѣтія. «Насъ воспитывали въ страхѣ Божіемъ и въ страхѣ розогъ», — вспоминалъ впослѣдствіи Аракчеевъ свои школьные годы. А что онъ увидѣлъ при вступленіи въ жизнь? Тѣ ужасы, о которыхъ пришлось упомянуть выше. Для обрисовки военныхъ нравовъ

того времени достаточно вспомнить, когда на парадѣ вслѣдствіе ошибки, происшедшей отъ плохо слышанной команды, Милюкова, командира конно-гвардейскаго эскадрона, приказано было императоромъ Павломъ «снять съ лошади, оборвать и дать ему сто палокъ». Если такой приказъ могъ быть отданъ въ отношеніи эскадроннаго командира, то чего долженъ былъ ожидать провинившійся рядовой?

Аракчеевъ былъ грубъ, придирчивъ, завистливъ и при каждомъ удобномъ случаѣ ябедничалъ государю. Были ли это основныя черты личнаго характера временщика? Опять-таки нѣтъ. Въ данномъ случаѣ дѣйствовала гатчинская школа, въ средѣ которой молодой офицеръ волею судебъ довершалъ свое военное и общее образованіе.

Указанные недостатки Аракчеева являлись недостатками большинства гатчинцевъ. Одинъ изъ современниковъ павловской эпохи такъ отзывался о гатчинскихъ опричникахъ-офицерахъ: «Это были, по большей части, люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи: выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди находили убѣжище въ гатчинскихъ батальонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а, можетъ быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда имъ счастіе наконецъ улыбнулось, они закипѣли местью: разъѣзжая по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятной наружностью или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили». Аракчеевъ, выйдя изъ такой среды, усвоилъ всѣ ея недостатки; онъ также мстилъ при Павлѣ екатерининскимъ гвардейцамъ, также придирался и доносилъ на вельможныхъ офицеровъ и никогда не могъ отрѣшиться отъ того представленія, что бранить и оскорблять не значитъ то же самое, что учить. Въ смыслѣ придирчивости и жестокости среди павловскихъ приближенныхъ имѣлись люди, которые могли дать Аракчееву нѣсколько очковъ впередъ. Таковъ былъ, напримѣръ, прусскій гусаръ Линденеръ, при воцареніи Павла назначенный инспекторомъ кавалеріи. Этотъ человѣкъ считалъ сотнями погубленныхъ имъ людей, но русская память забыла этого служаку, отличивъ земляка.

Аракчеевъ былъ ярый фрунтовикъ и шагистикъ, пропитанный духомъ капральства. Но гдѣ былъ корень такого капральства? Опять-таки въ Гатчинѣ, пропитавшей своими вкусами все мужское поколѣніе императора Павла. Александръ Благословенный не менѣе отца страдалъ пристрастіемъ къ экзерцирмейстерству и парадоманіи. Не при комъ иномъ, какъ при Констэнтинѣ Павло-

вичѣ, было пущено въ ходъ изреченіе, что война портитъ войско, въ смыслѣ сохраненія выправки. Эти взгляды перешли и въ Николаевское царствованіе, когда ермоловскимъ кавказскимъ орламъ были поставлены на счетъ ихъ вахтпарадные недочеты. Нужно было грянуть Севастопольской кампаніи, чтобы воззрѣнія эти измѣнились. Аракчеевъ же отражалъ ихъ полностью, какъ исправный исполнитель.

II.

Аракчееву ставили въ вину устройство военныхъ поселеній. Но развѣ онъ былъ ихъ творцомъ и изобрѣтателемъ? Военныя поселенія являлись любимой затѣей императора Александра Благословеннаго. Заимствованныя по идеѣ изъ Европы, но пересаженныя на другую почву и выроставшія при другихъ условіяхъ, военныя поселенія не пришлись ко двору нашему крестьянству и превратились въ источникъ тягостнѣйшихъ страданій.

Несмотря на всю свою безотвѣтную исполнительность, Аракчеевъ, по свидѣтельству Маевскаго, пытался уклониться отъ чести устроительства старорусскихъ поселеній, но воля императора была непреклонна, и Аракчееву пришлось повиноваться.

Личность императора Александра остается загадочной по существу своему до сихъ поръ, хотя трудъ покойнаго Шильдера въ извѣстной степени пролилъ на нее опредѣленный свѣтъ. Во всякомъ случаѣ, нужно признать, что Благословенный страдалъ нѣкоторой двойственностью характера. Часто одно выливалось у него на словахъ, другое на дѣлѣ; часто подъ обворожительнымъ обращеніемъ скрывалось отрицательное отношеніе къ человѣку; нерѣдко личный взглядъ императора въ жизнь проводился такъ, что виновными оказывались или обстоятельства, или совершенно другіе люди. Кто-то сказалъ, что вторая половина царствованія Благословеннаго представляла собою палки, обвитыя розами. Если такъ, то палки въ значительной степени отошли къ Аракчееву и легли тяжелой памятью на его имя, тогда какъ императоръ взялъ на свою долю розы народной признательности и обожанія. Государь зналъ, какъ встрѣчалось учрежденіе военныхъ поселеній крестьянами; онъ зналъ, какія мѣры принимались для усмиренія непокорныхъ; онъ не обратилъ вниманія на личныя ходатайства распростиравшихся въ пыли передъ нимъ мужиковъ и бабъ, жестоко поплатившихся за свои слезы и жалобы. Если соединить отношеніе императора къ тайнымъ обществамъ въ арміи съ насильственно водворяемыми поселеніями, то можно подумать, что Благословенный какъ бы умышленно волновалъ населеніе, создавая въ средѣ его вооруженную недовольную силу. Вѣрнѣе, конечно, что государь при введеніи поселеній преслѣдовалъ человѣколюбивыя цѣли, которыхъ, однако, не могли понять русскіе мужики,

а съ ними и все тогдашнее общество. Вотъ какъ передаетъ Маевскій слова императора, излагавшаго этому генералу свой взглядъ на дѣло: «Я хочу открыть глаза публикѣ съ усовершенствованіемъ уже поселенія. Теперь ты представь себѣ милліонъ солдатъ. У нихъ все занятіе хлопать ружьемъ. Бывъ сведены въ одну массу изъ необъемлемаго пространства Россіи, она для нихъ, какъ чужая: родство ихъ не связываетъ, браки служатъ только въ тягость; увѣчный и калѣка не находятъ пріюта; солдатскія жены и ихъ дѣти, а особливо дочери, служатъ образцомъ нищеты и разврата. Милліонъ солдатъ не оживляетъ общества, и каждый годъ Россія теряетъ столько же населенія. Въ военномъ поселеніи солдатъ имѣетъ вѣчную свою осѣдлость и, въ случаѣ похода, имущество, жена и дѣти его устроены, самъ онъ служитъ съ надеждою и возвращается съ радостью».

Императоръ, судя по этимъ словамъ, задавался возвышенными цѣлями; онъ хотѣлъ счастія своему народу и въ упорствѣ сопротивленія видѣлъ одно непониманіе. Самъ упорный въ своихъ желаніяхъ, Благословенный выбралъ орудіемъ ихъ выполненія, между прочимъ, и Аракчеева. Выборъ былъ сдѣланъ вѣрно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неудачно. Исполнительность временщика была всѣмъ хорошо извѣстна. Если онъ могъ угодить требовательному Павлу и сдѣлаться его любимцемъ, то, значитъ, въ исполнительности съ Аракчеевымъ сравниться было не легко. Приказъ повелителя онъ привыкъ и считалъ нужнымъ выполнять, не взирая ни на что. Аракчееву были извѣстны человѣколюбивыя благія намѣренія императора: по-своему онъ старался ихъ также проводить въ жизнь, но въ мелочномъ, придирчивомъ и сухомъ умѣ человѣческое счастіе должно было уложиться въ привычныя рамки отъ Гатчины унаслѣдованной выправки, отчетливости и показного блеска.

Въ поселеніи старорусскомъ все было придумано ко благу человѣчества: повивальныя бабки, родильныя, ванны, носилки, почти царскія, но ими не пользовались; по лощенымъ поламъ больницъ больные боялись ходить, на полковую мебель не смѣли садиться даже офицеры, и каждый шагъ жизни былъ скованъ соотвѣтственнымъ параграфомъ правилъ, составленныхъ лично Аракчеевымъ. Говорили, что по этимъ правиламъ солдату и коровѣ были написаны съ одной и той же точностью маршруты для ихъ ежедневныхъ переходовъ. Дѣло губила гатчинская школа. Аракчеевъ думалъ, что онъ благодѣтель, и, разругавъ однажды офицеровъ малороссійскаго поселенскаго батальона въ присутствіи двухъ тысячъ поселянъ, онъ кричалъ: «Видите, какъ я съ ними поступаю. Ежели бы не я, у васъ давно бы гнили спины отъ палокъ; молите Бога за меня. Не слушайте ихъ, пишите обо всемъ ко мнѣ— я вашъ покровитель. Но когда меня не станетъ, тогда вы меня вспомните и не разъ кулакомъ слезы утрете».

Исполнительный капралъ искренно желалъ добра. Прежде всего, несмотря на свою ограниченность, онъ не былъ дуракомъ и въ Гатчинѣ даже читалъ лекціи тамошнимъ офицерамъ въ неслужебное время. Еще въ дѣтствѣ онъ полюбилъ ариѳметику, а въ корпусѣ учился настолько старательно, что кончилъ первымъ и заявилъ себя отличнымъ съ тогдашней точки зрѣнія артиллеристомъ. Новаго въ гатчинской и русской артиллеріи онъ ничего не сдѣлалъ, но существующее приводилъ въ образцовый порядокъ. Его конекъ были исполнительность и исправность.

Вопреки господствовавшей тогда общей недобросовѣстности Аракачеевъ являлся человѣкомъ безукоризненной честности. Онъ не кралъ казенныхъ денегъ—не присваивалъ ихъ, не бралъ взятокъ и со своей стороны, когда могъ, строго преслѣдовалъ эти пороки русскаго военнаго и гражданскаго служилаго класса. Несмотря на широко поставленное строительство среди военныхъ поселеній, несмотря на заведеніе хлѣбныхъ магазиновъ, конскихъ и другихъ заводовъ, при большихъ оборотныхъ суммахъ, Аракчеевъ лично не увеличилъ своихъ собственныхъ средствъ, но создалъ спеціальные и вспомогательные капиталы военныхъ поселеній, достигшіе къ 1826 г. громадной цифры въ 26 милліоновъ. Когда послѣ войны съ Франціей были открыты въ военномъ вѣдомствѣ громадныя злоупотребленія, Аракчеевъ былъ поставленъ императоромъ Александромъ во главѣ военнаго министерства, и упорядоченіе всѣхъ частей вѣдомства, въ томъ числѣ и хозяйственной явилось слѣдствіемъ этого назначенія. Но и управленіе военнымъ министерствомъ не сдѣлало Аракчеева богаче. Онъ не былъ корыстолюбивъ. Въ то время какъ другіе, не только временщики, но просто вельможи, всякими правдами и неправдами на службѣ наживали себѣ несмѣтныя богатства, усиливавшія блескъ нашихъ и старыхъ и молодыхъ дворянскихъ родовъ, Аракчеевъ не пользовался отъ службы и не обращалъ въ деньги милостей къ нему государей.

Было бы несправедливостью утверждать, что Аракчеевъ не былъ преданъ обоимъ императорамъ какъ Павлу, такъ и Александру. Не даромъ Павелъ передъ смертью въ рѣшительную минуту послалъ за Аракчеевымъ, а двуличный Паленъ умышленно не пустилъ его, задержавъ у рогатки. Особенностью аракчеевской преданности являлось то, что онъ былъ преданъ не идеѣ самодержавной власти, не императору, какъ таковому, не воплотителю идеи государства, а человѣку Павлу Петровичу, человѣку Александру Павловичу. Онъ, однако, не смотрѣлъ на императоровъ также съ точки зрѣнія источника милостей. Ему дорога была близость къ государямъ, въ особенности къ Александру. Вѣрный общему воззрѣнію, Шильдеръ всякій разъ, когда упоминаетъ объ Аракчеевѣ, отзывается о немъ только съ дурной стороны

и самое безкорыстіе временщика и уклоненіе отъ наградъ ставитъ на счетъ его злымъ качествамъ. Едва ли это справедливо. Конечно, дружба и довѣріе монарха сами по себѣ вещи не ничтожныя, но рѣдко кто изъ приближенныхъ къ царямъ особъ довольствуется только сознаніемъ этой дружбы и истекающей изъ нея силы. Любимцы Екатерины Великой изъ пріязни ея дѣлали себѣ золотое дно, и одинъ лишь Ланской сохранилъ память о себѣ незапятнанной алчностью и корыстолюбіемъ. А что дѣлали послѣдующіе временщики, губившіе Россію: разные Бенкендорфы, Клейнмихели и другія лица, болѣе близкія къ намъ по времени! Несомнѣнно, что своебразное, но все же болѣе высокое чувство заставляло Аракчеева отказываться отъ денежныхъ подарковъ, орденовъ и всѣмъ звѣздамъ предпочитать портретъ Александра безъ всякихъ драгоцѣнныхъ украшеній. Въ этой наградѣ Аракчеевъ былъ оригиналенъ, и такая рѣдкая оригинальность должна быть оцѣнена по заслугамъ. «Змѣй», какъ его называли въ своей перепискѣ «герои отечественной войны» — Растопчинъ и Закревскій, не оставилъ послѣ себя особенно большихъ богатствъ, да и тѣ въ томъ или другомъ видѣ почти цѣликомъ вернулись въ казну.

III.

Нельзя не замѣтить, что преданность государямъ не стояла какъ нибудь особенно въ душѣ Аракчеева, сохранявшаго это чувство только для монарховъ. Нѣтъ! По-своему «змѣй» умѣлъ быть преданнымъ и другимъ людямъ. Онъ умѣлъ привязываться къ человѣку, могъ сильно чувствовать пріязнь. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ отчаяніемъ Аракчеевъ принялъ вѣсть объ умерщвленіи своей фаворитки и домоправительницы Минкиной. Въ данномъ случаѣ, надо замѣтить, говорило не только чувство мужчины къ женщинѣ. Аракчеевъ не былъ постояненъ въ плотской любви и частенько мѣнялъ предметы своихъ увлеченій, но привязанность къ Минкиной, женщинѣ холодной и злой, но умѣвшей притворяться преданной, была основана на болѣе глубокихъ чувствахъ. Въ первыя мгновенія послѣ полученія вѣсти о смерти Настасьи Аракчеевъ казался какъ бы помѣшавшимся, а потомъ въ немъ заговорила потребность дикой безчеловѣчной мести, для которой мѣсто въ душѣ его приготовилъ весь складъ тогдашней нашей общественной и частной жизни. «Змѣй» также дорожилъ семейными и дружескими связями, проявлялъ большую нѣжность къ матери, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не позволялъ, подобно Ланскому, родственнымъ и дружественнымъ чувствамъ брать верхъ надъ требованіями справедливости, а въ попыткахъ оказать давленіе на царскаго любимца недостатка не было. «Матушкѣ Елизаветѣ Андреевнѣ Аракчеевой,— писалъ онъ въ 1805 г., при отправленіи брата Петра Андреевича,—

имѣю отвѣчать самъ на ваше родительское приказаніе: 1) господина Мышенькова я съ большой нуждой опредѣлилъ въ корпусъ и болѣе прошу васъ въ корпусъ опредѣлять не присылать, ибо всегда въ корпусахъ много сверхкомплектныхъ и ни подъ какимъ видомъ не принимаютъ; 2) Петербурскаго полка унтеръ-офицера Михайлу Андреева перевесть нынѣ къ себѣ въ артиллерію не можно, ибо таковые переводы запрещены, въ чемъ и прошу извинить меня».

Матушку свою Аракчеевъ очень любилъ и цѣнилъ, но, тѣмъ не менѣе, къ просьбамъ ея относился осмотрительно. Всесильный временщикъ не отказывалъ въ содѣйствіи, когда признавалъ ходатайство достойнымъ вниманія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, старался воздерживаться отъ «радѣнія родному человѣку», становясь этимъ самымъ выше нравовъ своей эпохи. По-своему Аракчеевъ хотѣлъ служить правдѣ. «Сосѣдъ вашъ,—сообщалъ онъ въ другомъ письмѣ къ матери,—писалъ ко мнѣ и просилъ, дабы я его опредѣлилъ къ должности, я къ нему отвѣчалъ, что онаго сдѣлать не могу»...

Въ другомъ посланіи къ Авдотьѣ Ивановнѣ Корсаковой онъ пишетъ: «Письмо ваше отъ 4 іюля я получилъ и не доволенъ вами, что вы безпокоите своими пустыми просьбами мою матушку: вы бы могли сами ко мнѣ написать, и я бы вамъ написалъ. Меньшого вашего сына я опредѣлилъ въ артиллерію, а большему сыну офицерскаго чину дать невозможно, ибо онъ совершеннѣйшій лѣнтяй и болѣзнь свою самъ нарочно приписываетъ; онъ могъ бы служить и очень хорошо, а, видно, хочетъ быть въ деревнѣ пастухомъ, то можетъ быть въ ономъ званіи и безъ офицерскаго чина, и впредь болѣе объ немъ ни меня, ни матушку прошу не безпокоить, и надобно знать вамъ честь, я и такъ вамъ много сдѣлалъ» [1]).

Въ соблюденіи порядка и безпристрастія крылась, между прочимъ, черта гордости Аракчеева. Маевскій разсказываетъ, что однажды во время дѣлового разговора доложили о пріѣздѣ Княжного. Пока ходили спрашивать, зачѣмъ прибыло названное лицо, Аракчеевъ говорилъ присутствовавшимъ: «Княжной—другъ мой; его портретъ виситъ въ моемъ кабинетѣ. Но я такъ справедливъ, что ни для кого не перемѣню моего правила». Между тѣмъ Клейнмихель доложилъ, что Княжной просилъ государя дать ему мѣсто въ совѣтѣ военнаго министерства, но государь отправилъ его къ Алексѣю Андреевичу, отъ котораго и зависитъ судьба Княжного. «Нѣтъ,—отвѣчалъ Аракчеевъ,—я этого не сдѣлаю. Пусть просится въ военное поселеніе. Другого мѣста онъ не будетъ имѣть во всю мою жизнь»...

---

[1]) «Вѣстникъ Европы». Изъ Аракчеевской переписки 1805—1833 г.г.

За опозданіе при выходѣ на смотръ Аракчеевъ въ приказѣ объявилъ выговоръ своему пріятелю, Шкурину. Товарища по корпусу и личнаго друга онъ хотѣлъ за уклоненіе отъ выполненія служебныхъ обязанностей выключить изъ службы, и только заступничество Александра Павловича спасло провинившагося.

По природѣ Аракчеевъ былъ человѣкомъ благодарнымъ. Не будемъ говорить о его преданности императорамъ Павлу и Александру, милость которыхъ извлекла Алексѣя Андреевича изъ неизвѣстности и поставила въ ряды первыхъ государственныхъ дѣятелей. Но помимо признательности государямъ Аракчеевъ вообще не забывалъ людей, оказавшихъ ему тѣ или другія услуги или благодѣяніе. Благодаря Мелиссино, Аракчеевъ былъ принятъ въ корпусъ и избавленъ отъ нищенскаго существованія въ Петербургѣ. Мелиссино же рекомендовалъ исполнительнаго артиллерійскаго офицера наслѣднику престола. За это Аракчеевъ навсегда сохранилъ добрую память о своемъ начальникѣ и впослѣдствіи въ Грузинѣ соорудилъ въ честь его цѣлый павильонъ. Во время перваго несчастнаго пребыванія въ Петербургѣ и долгаго безуспѣшнаго хожденія въ пріемную Артиллерійскаго корпуса Аракчеевы, отецъ и сынъ, встрѣтили поддержку со стороны сенатскаго секретаря Гурьева. Это лицо Алексѣй Андреевичъ не только принималъ впослѣдствіи въ Грузинѣ съ особымъ почетомъ, но и сыну его оказалъ большія услуги. Тѣ же чувства онъ всегда питалъ къ Апрѣлеву, содѣйствовавшему его укрѣпленію въ Гатчинѣ. Сохранился рядъ свидѣтельствъ также и относительно проявленія добрыхъ чувствъ со стороны временщика, независимо отъ личной пользы изъ человѣка, которому онъ оказывалъ покровительство или вниманіе. Аракчеевъ по-своему цѣнилъ заслуги и скупо, но вознаграждалъ ихъ. Такъ, напримѣръ, передъ отъѣздомъ Маевскаго въ Старорусское военное поселеніе Алексѣй Андреевичъ безъ всякихъ просьбъ со стороны нуждавшагося подчиненнаго испросилъ ему крупную сумму жалованья, подъемныхъ и прогоновъ, при чемъ приказалъ своему адъютанту съѣздить за женою и дѣтьми Маевскаго. «Смѣшеніе грубостей съ отеческимъ, можно сказать, попеченіемъ явно противорѣчило свойству одного и того же человѣка», замѣчаетъ по этому поводу Маевскій въ своихъ запискахъ. Точно также, оскорбляя на каждомъ шагу инженера Детлова грубостью обращенія, Аракчеевъ цѣнилъ знанія и работоспособность этого офицера и осыпалъ его наградами, а въ приказѣ писалъ: «По засвидѣтельствованію директора работъ, генералъ-майора Фабра, и личному усмотрѣнію моему успѣха въ построеніи въ семъ году каменныхъ зданій въ штабахъ округовъ поселенія гренадерскихъ полковъ... подъ особеннымъ инженеръ-майоровъ Рерберга и Детлова руководствомъ, въ особое удовольствіе себѣ вмѣняю, какъ чиновникамъ отлично усерднымъ, изъявить имъ по корпусу поселен-

ныхъ войскъ мою совершенную благодарность» («Инженеръ генералъ-майоръ К. Ф. Детловъ», «Русская Старина», 1885 г.). Также цѣнилъ онъ врача Европеуса, оставившаго интересныя записки о временахъ аракчеевскихъ.

Сохранились и другія свидѣтельства о порывахъ добрыхъ чувствъ Аракчеева. Нужно отдать должное г. Струкову и барону Дризену, изъ которыхъ первый въ «Географическомъ Словарѣ», а второй въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1904 г. указали на эту сторону спутаннаго Аракчеевскаго характера. Вотъ что пишетъ г. Струковъ: «Разсказываютъ о его (Аракчеева) звѣрствахъ по отношенію къ поселеніямъ, не подозрѣвая о существованіи уцѣлѣвшихъ ходатайствъ графа по отмѣнѣ, напримѣръ, смертной казни для осужденныхъ поселянъ Слободской-Украйны наказаніемъ шпицрутенами, а въ другомъ случаѣ и о совершенной отмѣнѣ послѣднихъ. Негодовали на него за крѣпостническій взглядъ на поселянъ, тогда какъ въ письмахъ Аракчеева къ одному изъ начальниковъ округа, генералу Маевскому, сохранилось настоятельное требованіе его, чтобы, «гдѣ касается до людей, то оныя дѣла нужно гораздо обстоятельнѣе разсуждать... должно всякое семейство хорошо разсмотрѣть и пристроить его съ пользою къ военному поселенію... всякое излишнее наказаніе легко можетъ ожесточить людей, уже и безъ того глупыхъ и безразсудныхъ, а нужно на убѣжденіе оныхъ время и терпѣніе». Изъ поколѣнія въ поколѣніе передается извѣстная басня о понужденіи Аракчеевымъ поселянъ къ насильственнымъ бракамъ по жребію, тогда какъ въ письмѣ къ тому же Маевскому онъ писалъ, что «свадьбы должны быть добровольныя и брать свидѣтельство непремѣнно отъ священниковъ». Аракчеевъ, какъ было сказано выше, не старался наживаться; средства свои онъ употреблялъ на устроеніе Грузина и его поселянъ; громадную премію изъ своихъ денегъ онъ назначилъ историку-біографу императора Александра I; крупный вкладъ положилъ на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей изъ дворянъ Новгородской и Тверской губерній. Баронъ Дризенъ приводитъ любопытныя данныя о частной благотворительности Аракчеева. Однажды нѣкто Шебашевъ разсказывалъ Алексѣю Андреевичу о бѣдственномъ своемъ положеніи и молилъ о помощи. Не отвѣчая ему, Аракчеевъ вложилъ триста рублей въ конвертъ и препроводилъ ихъ черезъ пріятеля своего Ильина Шебашеву такъ, что послѣдній не зналъ, отъ кого имъ получены были деньги. Самъ Ильинъ былъ состоятельный человѣкъ, что давало поводъ Аракчееву говорить: «Мнѣ жалко, что ты богатъ, и что я не могу быть тебѣ полезенъ; я увѣренъ, что ты былъ бы мною доволенъ, и я былъ бы подъ старость спокоенъ».

Аракчеевъ не проявлялъ никакой склонности къ искательству. Еще въ корпусѣ онъ жилъ особнякомъ, не подслуживаясь, не за-

искивая и всецѣло полагаясь на себя. Такъ онъ велъ себя и въ Гатчинѣ, слѣпо исполняя волю сперва великаго князя, а потомъ императора Павла. Аракчеевъ не дорожилъ отношеніями и связями съ вельможами; онъ дружилъ съ простыми смертными, имѣлъ среди нихъ своихъ искреннихъ поклонниковъ въ родѣ помѣщика Волынскаго, дружилъ съ государственными людьми, напримѣръ, съ барономъ Кампенгаузеномъ, но царедворцевъ величалъ гогами-магогами и сторонился ихъ. Онъ зналъ свое мѣсто и свое значеніе сѣрой эминенціи. Гоги-магоги должны были заискивать его расположеніе, а не онъ ихъ. Аракчеевъ держался своей безпредѣльной и безкорыстной преданностью Павлу и Александру; въ этомъ крылась его сила, и онъ, какъ человѣкъ не глупый, не хотѣлъ навязывать себѣ другой неподходящей и унизительной роли подлаживающагося подъ высшій тонъ случайнаго любимца счастья. Онъ заставилъ съ собой считаться, какъ съ Аракчеевымъ, а не какъ съ графомъ, полнымъ генераломъ и кавалеромъ высшихъ орденовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ вѣренъ себѣ и послѣдователенъ, отклонивъ пожалованіе нѣжно любимой имъ матери въ статсъ-дамы.

IV.

До послѣдняго времени личность Аракчеева обрисовывалась намъ исключительно въ непривлекательныхъ краскахъ въ силу того, что мы владѣли показаніями только его многочисленныхъ враговъ, своими огульными порицаніями заглушавшихъ всякіе другіе голоса. Понемногу обнародываются другіе документы, и на личность грознаго временщика проливается новый свѣтъ. Въ особенности новыя данныя содержатся въ обширной перепискѣ Аракчеева семейной и дружеской по преимуществу. Въ нашемъ распоряженіи, между прочимъ, оказались нѣкоторые документы подобнаго рода: именно подлинныя письма Алексѣя Андреевича къ корпусному однокашнику, генералу Бухмейеру, и его женѣ [1]).

Въ этой перепискѣ, относящейся главнымъ образомъ къ послѣднимъ годамъ жизни Аракчеева, когда по смерти своего благодѣтеля Александра Павловича нѣкогда всесильный временщикъ короталъ свои дни не у дѣлъ въ опалѣ. Если письма Аракчеева къ матери и къ братьямъ полны родственной нѣжности, то переписка съ Бухмейерами обнаруживаетъ смятеніе души и страданіе того, кого современники считали бездушнымъ и безсердечнымъ.

«Любезный и почтенный другъ Ѳедоръ Остафьевичъ, — писалъ онъ Бухмейеру 8 февраля 1826 г. передъ отъѣздомъ за границу,— со слезами и сокрушеннымъ сердцемъ пишу сіе письмо, яко нѣкую себѣ отраду; увѣдомляю тебя, моего друга, дабы ты пожа-

---

[1]) Оригиналъ въ настоящее время пріобрѣтенъ П. Я. Дашковымъ.

лѣлъ обо мнѣ, бѣдномъ и совершенно несчастномъ твоемъ другѣ, и дабы ты не думалъ, что я здѣсь спокоенъ; нѣтъ, другъ мой, Богу еще не угодно оное со мною сотворить, но Его Божія воля посѣщаетъ меня вновь лютѣйшимъ страданіемъ, отъ кого все мое сердце изныло».

Эти сердечныя огорченія доставлялъ Аракчееву его воспитанникъ, сбившійся съ пути офицеръ Шумскій, котораго Алексѣй Андреевичъ ошибочно считалъ своимъ сыномъ. Исторія Шумскаго хорошо извѣстна для того, чтобы о ней много распространяться [1]). Но этотъ Шумскій отплатилъ Аракчееву за всѣ заботы самой черной неблагодарностью и заставилъ своего названнаго отца пережить много тяжелыхъ минутъ. Жестокій и суровый, сильный волей Аракчеевъ, тѣмъ не менѣе, долго не могъ поставить крестъ на Шумскомъ и, даже отказавшись отъ него формально, въ глубинѣ души не переставалъ страдать, болѣть и думать о судьбѣ неблагодарнаго и ничтожнаго существа.

«Шумскій мой вновь напился до безумія пьянъ, такъ что нѣтъ сладу: Клейнмихель и всѣ оное видѣли. Легко ли мнѣ оное переносить! Боже, Ты вѣси сіе въ моей душѣ. Еще это не все; я на другой день, когда ему сталъ выговаривать, одинъ будучи съ нимъ въ дорогѣ послѣ обѣдни въ возкѣ, ѣдучи изъ Юрьева монастыря, то онъ мнѣ сказалъ, что онъ меня не любитъ и не хочетъ быть при мнѣ ни за какіе милліоны, я и оное терпѣлъ и замолчалъ; на третій день нахожу письмо на столѣ, писанное его рукою ко мнѣ, гдѣ онъ рѣшительно изъяснилъ свое желаніе бросить, оставить меня, и болѣе лучше въ Сибири, нежели жить со мною. Любезный другъ, я увѣренъ, что ты чувствуешь, каково легко было оное получить».

Аракчеевъ потому такъ подробно сообщалъ Бухмейеру о всѣхъ горестяхъ, получаемыхъ отъ Шумскаго, что Бухмейеръ принималъ въ этомъ семейномъ дѣлѣ большое участіе, и ѣздилъ въ Минскую губернію добывать для мнимаго Аракчеевскаго сына дворянскіе документы [2]). Въ то время подобное пріобрѣтеніе дворянства, не предусмотрѣнное законами, было въ большомъ ходу въ Западномъ Краѣ.

«Помолись обо мнѣ несчастномъ Богу,—писалъ далѣе Алексѣй Андреевичъ своему бывшему повѣренному въ дѣлахъ,—дабы Онъ подкрѣпилъ меня перенести Его наказаніе, и вотъ теперь семь дней и онъ (Шумскій) со мною не бываетъ, окромѣ обѣденнаго стола, а остается все въ своемъ мнѣніи, дабы я его отпустилъ отъ себя, и что онъ со мной жить никогда не хочетъ. Спитъ еще у

---

[1]) См., между прочимъ, статью С. Н. Шубинскаго въ «Нивѣ» за 1899 г., № 3, «Сынъ Аракчеева».

[2]) С. Н. Шубинскій: «Сынъ Аракчеева».

меня въ комнатѣ, но придетъ тогда, какъ я лягу въ постель, то онъ ляжетъ и даже не только не поклонится мнѣ, но даже не взглянетъ на меня. Сегодняшнюю ночь уже мои силы меня оставили, и я всю ночь не спалъ и стоналъ и охалъ, и онъ слышалъ все оное; не только не всталъ ко мнѣ, но даже не хотѣлъ лѣкаря Миллера ко мнѣ кликнуть, а завернулся въ одѣяло и повернулся. Любезный другъ! Каково мнѣ все оное переносить отъ такого человѣка, коего я воспиталъ, вывелъ въ люди и всякій день и часъ объ немъ думалъ и берегъ его; пожалѣй обо мнѣ, несчастномъ — это облегчитъ мою печаль и скорбь, ибо признался тебѣ, что я не показывалъ онаго никому, но сердце мое все изныло. Прощай, любезный другъ, кланяйся достойной и почтенной Христинѣ Ивановнѣ, и остаюсь несчастнѣйшій твой на свѣтѣ другъ и слуга,

«Г. Аракчеевъ».

Мы нарочно привели это трогательное письмо цѣликомъ. Въ немъ ясно сказывается домашняя изнанка «злого и безчувственнаго Аракчеева». Этотъ грозный человѣкъ страстно хотѣлъ быть отцомъ, хотѣлъ насладиться сыновней любовью, вывести сына въ люди, приблизить его къ тѣмъ, отъ кого самъ былъ отдѣленъ судьбою.

Но люди отняли у него возможность осуществленія мечты; они разбили ее. Аракчеевъ, гордый и независимый, заставлявшій разныхъ «гоговъ и магоговъ» искательствовать передъ собою, допустилъ ошибку, отдавъ своего Шумскаго въ Пажескій корпусъ и приблизивши его къ дѣтямъ тѣхъ, кто ненавидѣлъ Алексѣя Андреевича всѣми силами души. Сыновья «гоговъ-магоговъ» отомстили за отцовъ и сбили съ толку слабовольнаго и ничтожнаго Аракчеевскаго воспитанника. Обиднымъ презрѣніемъ они отравили Шумскому существованіе въ корпусѣ и возстановили противъ благодѣтеля.

Старанія ихъ достигли цѣли. Шумскій отравилъ жизнь Аракчееву. Несмотря на всю любовь къ названному сыну, поведеніе молодого офицера наконецъ заставило Алексѣя Андреевича отвернуться отъ него, при чемъ необходимо имѣть въ виду, что Аракчеевъ вмѣнилъ въ вину Шумскому не грубое обращеніе съ названнымъ отцомъ, а его общественную жизнь, полную безобразій и скандаловъ, изъ которыхъ одинъ привелъ его къ лишенію флигель-адъютантскаго званія и ссылкѣ въ линейный полкъ на Кавказъ.

Послѣ этого скандала Аракчеевъ зажалъ сердце рукой и въ короткомъ сухомъ письмѣ увѣдомилъ Шумскаго о томъ, что отрекается отъ него.

Въ письмахъ къ Бухмейеру изъ-за границы, куда Алексѣй Андреевичъ ѣздилъ въ 1826 г. и куда хотѣлъ взять съ собой воспитанника, онъ не упоминаетъ о Шумскомъ, но часто говоритъ

о подавляющемъ его горѣ и называетъ себя несчастнымъ человѣкомъ. Вотъ что писалъ, между прочимъ, Аракчеевъ изъ Парижа 11 сентября 1826 г.: «Вотъ, почтенный другъ, вчерась исполнился цѣлый годъ, какъ начались мои несчастія; я просилъ Бога, дабы Онъ обратилъ свою милость на меня бѣднаго и даровалъ бы мнѣ спокойствіе, ибо прошедшій годъ я терпѣлъ ужасно много; всѣ мои огорченія еще тебѣ неизвѣстны, и здѣсь во время моего вояжа я былъ преслѣдуемъ моими несчастьями, но буди Его святая воля со мной».

Теперь ему нужны были повѣренные не въ дѣлахъ, а въ горестяхъ. На возвратномъ пути изъ-за границы Аракчеевъ заѣхалъ къ Бухмейерамъ, но еще изъ Кіева имъ писалъ: «Располагаю отсюда выѣхать 28 или 29 декабря такъ, чтобы въ первыхъ числахъ новаго году пріѣхать къ тебѣ, любезному другу, и къ ея превосходительству, почтенной моей милостивой государынѣ Христинѣ Ивановнѣ, и у васъ погостить, чтобы только вамъ не наскучить, побесѣдовать съ моими друзьями и разсказать имъ всѣ мои горести... Горе и мука несчастнаго и печальнаго моего сердца ищутъ себѣ хотя малую отраду, которую надѣются найтить у васъ въ пріятельской бесѣдѣ».

Аракчеевъ не ошибся въ Бухмейерахъ. Они не только радушно приняли опальнаго временщика, но съ чувствомъ искренней пріязни безкорыстно стремились залѣчить его душевныя раны. То обстоятельство, что опальный Аракчеевъ могъ найти такія чувства у людей, доказываетъ, что у него были данныя вызывать ихъ. Послѣ отъѣзда Алексѣй Андреевичъ поспѣшилъ горячо поблагодарить друзей за сочувствіе и ласку: «Если бы я вздумалъ, — писалъ онъ Бухмейерамъ съ дороги,—изъяснять вамъ, почтенные мои друзья, мою благодарность въ ономъ письмѣ, то я бы принялся за невозможное, ибо родственное ваше ко мнѣ расположеніе и вниманіе ваше ко мнѣ, несчастному сиротѣ, превосходятъ всякую на свѣтѣ благодарность, а я только со слезами ко Господу Богу молюсь всякій день, дабы Онъ наградилъ васъ всѣхъ тѣмъ, что вы сами себѣ желаете, и болѣе всего даровалъ бы вамъ Богъ добраго здоровья. Я во всю свою жизнь еще никогда такъ спокойно и пріятно нигдѣ не жилъ, какъ у васъ, почтенные мои друзья, и всякій часъ безпрестанно оное меня утѣшаетъ».

По пріѣздѣ въ Грузино Аракчеевъ испыталъ новыя непріятности. «Я сюда пріѣхалъ 4 марта, а 7 марта поутру Богу угодно было меня вновь наказать огорченіемъ: сгорѣла большая у Волхова ранжерея, въ которой находились дорогія померанцовыя деревья, пожалованныя покойнымъ государемъ, и вся моя 30 лѣтъ собираемая библіотека, а особливо жаль мнѣ разныхъ письменныхъ бумагъ, коихъ нигдѣ не можно и получить... И по слабости моего здоровья всѣ огорченія меня крайне разстраиваютъ и при-

ближаютъ къ смерти, куда я и готовлюсь; а спокойныхъ дней, видно, мнѣ не видать; я былъ спокоенъ только въ вашемъ домѣ, въ кругу моихъ истинныхъ друзей. Пріѣзжайте, почтенные мои друзья, ради Бога, ко мнѣ поранѣе лѣтомъ, я васъ умоляю, ради самого Господа Бога... Здѣсь нашелъ между моими начальниками брань и несогласіе; но сіе еще не столько бы меня огорчило, если бы былъ у меня другъ, коему я могъ бы открывать мою душу».

Несмотря на отреченіе отъ Шумскаго, Аракчеевъ продолжалъ болѣть о немъ душой и любить его, пожалуй, не менѣе прежняго. Желѣзная воля гатчинскаго образцоваго офицера подавила человѣка, но убить его не могла.

9 апрѣля 1827 г. Аракчеевъ писалъ Бухмейеру: «Неблагодарный Минутъ (любимый архитекторъ и довѣренное лицо Алексѣя Андреевича) оставляетъ меня; объявилъ мнѣ съ грустью, что онъ не хочетъ у меня быть, а между тѣмъ надѣлалъ очень много по вотчинѣ и по мызѣ худого, такъ что я не знаю, что теперь и дѣлать».

Неблагодарность Минута являлась однимъ изъ множества щелчковъ, которые пришлось вынести недавно всесильному временщику отъ окружавшихъ его людей. Вмѣстѣ съ другими паденію Аракчеева, между прочимъ, радовался и безразсудный Шумскій. Но для этого неблагодарнаго въ сердцѣ Алексѣя Андреевича нашлось теплое чувство послѣ всѣхъ перенесенныхъ огорченій. «Теперь я, почтенные мои друзья,—продолжаетъ онъ въ упомянутомъ выше письмѣ,—скажу вамъ и то, что я былъ въ самую страстную субботу рано поутру порадованъ: иду я въ церковь къ заутренѣ, мнѣ на дорогѣ отдаютъ письмо изъ Петербурга, гдѣ я нахожу своего Мишеля письмо, писанное изъ Тифлиса 10 марта, на четырехъ страницахъ весьма умное, гдѣ онъ не денегъ у меня проситъ, а проситъ моего прощенія; я копію онаго вамъ посылаю; я очень поплакалъ, но и Бога поблагодарилъ. Я уже къ нему писалъ еще изъ Бѣжецка 26 февраля, то я и надѣялся, что онъ уже оное получилъ».

Радость старика, однако, была непродолжительна. Шумскій уже къ этому времени сложился окончательно, и проблескъ благоразумія могъ быть у него только порывомъ. Аракчееъ самъ это понялъ, хотя и продолжалъ сохранять въ душѣ смутную надежду на возможность исправленія. Въ маѣ онъ писалъ Бухмейеру изъ Грузина: «Къ Шумскому несчастному я писалъ на его письмо отвѣтъ, но отъ него болѣе писемъ не имѣю; но онъ теперь находится въ въ дѣйствующей арміи, слѣдовательно и некогда ему ко мнѣ писать, что я ему извиняю». Аракчеевъ ошибался. Военныя дѣйствія отвлекали Шумскаго своимъ чередомъ, но привычный порокъ дѣлалъ свое дѣло. «Сынъ Аракчеева понемногу опустился совсѣмъ и въ 1830 г. былъ уволенъ въ отставку. Когда онъ съ помощью

добрыхъ людей добрался до Грузина, Аракчеевъ не захотѣлъ его видѣть, но одѣлъ его и, давъ 25 р., пристроилъ въ Новгородскую казенную палату. Оскорбленіе вице-губернатора заставило Шумскаго уйти изъ палаты и вернуться въ Грузино. Аракчеевъ имѣлъ духу не принять названнаго сына. Шумскій превратился въ бродягу. Спустя нѣсколько времени, при посредствѣ Бухмейера Аракчеевъ принялъ Шумскаго и, снабдивъ его ежемѣсячнымъ содержаніемъ въ сто рублей, для исправленія отослалъ въ Юрьевскій монастырь къ извѣстному архимандриту Фотію. Еще разъ въ жизни Аракчеевъ, будучи лично глубоко-религіознымъ, допустилъ возможность спасенія заблудшагося при посредствѣ монастырской дисциплины и желѣзнаго характера Фотія, тоже увлекшагося мыслью «исправить» разжалованнаго флигель-адъютанта. Алексѣй Андреевичъ умеръ, не дождавшись плодовъ монастырскаго перевоспитанія.

V.

Итакъ, Аракчеевъ при всѣхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ не былъ лишенъ добрыхъ сторонъ души, хотя и обнаруживавшихся иногда уродливо или грубо. Въ этомъ виновато было уродливое воспитаніе и такой же первый опытъ жизни. Но если въ Аракчеевѣ можно было найти свѣтлые проблески, то почему же въ воспоминаніи современниковъ и въ памяти потомства временщикъ сохранился въ образѣ чудовища или «змѣя», по выраженію переписки Закревскаго и Растопчина? Отвѣтъ на такой вопросъ нужно искать въ условіяхъ тогдашней жизни.

Тяжелые уроки бѣдности, воспринятые въ раннемъ дѣтствѣ, суровая обстановка корпуса выработали изъ Аракчеева замкнутаго, самолюбиваго, исполнительнаго и независимаго человѣка, во всемъ полагающагося только на самого себя. Гатчинскій воздухъ далъ развиться тѣмъ качествамъ, которыя начали складываться въ корпусѣ. Исполнительность, доведенная до послѣднихъ степеней, царила въ атмосферѣ гатчинской службы. Великій князь замѣтилъ и отличилъ новаго служаку. Благодарный артиллеристъ постарался оправдать лестное мнѣніе и довѣріе наслѣдника. Но если требованія Павла Петровича вообще сами по себѣ отличались крайностью, то можно себѣ вообразить ихъ въ не менѣе крайнемъ исполненіи. Въ погонѣ за достиженіемъ выправки Аракчеевъ не сходилъ съ учебнаго плаца, исполненіе требованій дисциплины и службы онъ готовъ былъ вмѣнить въ обязанность даже сонному. Вмѣстѣ съ тѣмъ, особенности воспитанія дѣлали его начальникомъ холоднымъ, непривѣтливымъ, неспособнымъ внушить въ подчиненныхъ любовь къ дѣлу. Его привыкли бояться, но не любить. Можетъ быть, эта холодная и даже жестокая строгость была особеннымъ пріемомъ для удержанія симпатій Павла Петровича. Но скорѣе, что она и являлась слѣдствіемъ исполнительности. Аракчеевъ взялъ за

правило вести ту линію, которую ему намѣчали до конца. Можетъ быть, это такъ же было въ его природѣ сильнаго волей человѣка.

Порядки екатерининскіе и павловскіе разнствовали, какъ свѣтъ и мракъ. Новый императоръ огуломъ отрицалъ все, что существовало при Екатеринѣ. При пылкости нрава онъ скорѣе хотѣлъ все передѣлать на новый свой ладъ, и въ томъ нашелъ въ Аракчеевѣ незамѣнимаго помощника.

Съ укоренившимися безпорядками нужна была строгость: приказано было екатерининскихъ свитскихъ офицеровъ заставлять работать. Аракчеевъ не давалъ имъ ни отдыху, ни сроку, при малѣйшемъ поводѣ ругая ихъ позорнѣйшими словами. Молодому колонновожатому Фитингофу онъ далъ пощечину; георгіевскаго кавалера, подполковника Лена, оскорбилъ площадной руганью; самолюбивый офицеръ застрѣлился. О малѣйшемъ промахѣ провинившагося онъ доносилъ государю; всѣ люди екатерининскаго вѣка для него были равны, въ этомъ отношеніи онъ усвоилъ себѣ точку зрѣнія новаго императора, и когда стопобѣдный Суворовъ попался въ нарушеніи гатчинскихъ порядковъ, Аракчеевъ донесъ на него, видя въ немъ прежде всего не великаго полководца, а тестя графа Зубова. Этого одного было достаточно, чтобы возстановить всю гвардію и армію. Но гвардія возненавидѣла любимца императора, кромѣ того, за то, что онъ неумолимо стремился вытравить въ гвардейцахъ ихъ прежній духъ, основанный на славныхъ воспоминаніяхъ. По званію командира Преображенскаго полка Аракчеевъ публично обругалъ преображенцевъ и щедрою рукою разсыпалъ, обходя по рядамъ, удары своей трости, что̀ произвело, наконецъ, дурное впечатлѣніе даже на самого императора. Аракчеевъ, какъ говорится, переборщилъ. Дѣло застрѣлившагося подполковника Лена усилило это впечатлѣніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, содѣйствовало окончательному упроченію дурной славы временщика.

Итакъ, въ своей служебной ревности Аракчеевъ не проявилъ самостоятельности, въ карикатурномъ видѣ онъ отразилъ въ ней и въ своей дѣятельности странные порядки и пріемы новаго царствованія, и если съ умершимъ императоромъ не приходилось болѣе считаться, то его живое отраженіе оставалось постояннымъ напоминаніемъ пережившимъ тяжелую послѣекатерининскую эпоху.

Павелъ Петровичъ рекомендовалъ Аракчеева Александру Павловичу, какъ отмѣннаго служаку и преданнаго человѣка. Во второмъ и въ первомъ Благословенный могъ убѣдиться, еще будучи наслѣдникомъ, когда Аракчеевъ являлся наставникомъ будущаго государя по части мудростей гатчинской выправки. Аракчеевъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые были способны не допустить печальнаго событія послѣднихъ минутъ Павла Павловича. Не даромъ императоръ его вытребовалъ въ Петербургъ, а Паленъ задержалъ у рогатки. Свою личную собачью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опричничную пре-

данность Аракчеевъ перенесъ на Благословеннаго, и здѣсь опять отразилъ въ себѣ державнаго повелителя, доводя исполнительность до крайняго предѣла. Когда было приказано, Алексѣй Андреевичъ искоренялъ хищничество провіантскихъ чиновниковъ, переправлялъ войска черезъ Ботническій заливъ, несмотря на казавшуюся невозможность подобнаго предпріятія; когда у государя явилась мысль освобожденія крестьянъ, Аракчеевъ немедленно представилъ проектъ такого освобожденія и притомъ на основаніяхъ, которыя въ извѣстной мѣрѣ были приняты при крестьянской реформѣ Царя-Освободителя. Было предписано вводить военныя поселенія. Аракчеевъ безъ всякой склонности къ подобному порученію взялся за его выполненіе и довелъ до конца. Благословенный высказывалъ гуманныя мысли по поводу этихъ самыхъ поселеній, желая создать изъ нихъ нѣчто въ родѣ военныхъ фаланстеръ, Аракчеевъ проникался этими взглядами, но условія вѣка и подборъ помощниковъ коверкали дѣло, превращая его въ какое-то сплошное истязаніе солдата-поселенца съ семействомъ.

Нельзя не признать справедливости заключенія г. Струкова, что во многихъ случаяхъ участь поселенцевъ ухудшалась не самимъ Аракчеевымъ, а исполнительными снаружи и безчестными внутри подчиненными командирами, умѣвшими подъ видомъ достиженія порядка мучить людей и наживаться. Самъ Аракчеевъ давалъ такую же оцѣнку большинству своихъ помощниковъ. Пытаясь представить характеристику временщика эпохи военныхъ поселеній, Маевскій говоритъ: «Образъ мыслей графа столь же страненъ, какъ и характеръ его. Онъ подозрителенъ до неимовѣрности; онъ не знаетъ различія мыслей между людьми и всѣхъ считаетъ, какъ одного. Ему кажется, что самое слово «человѣкъ» есть уже злоупотребленіе; ибо, по его мнѣнію, что ни человѣкъ, то воръ, что вся страсть его—брать и наживаться. Для этого онъ и ссоритъ одного съ другимъ, чтобы оба ему высказались».

Увы, Аракчеевъ по своимъ столкновеніямъ съ тогдашнимъ чиновничествомъ и офицерствомъ имѣлъ много случаевъ вынести о русскихъ служакахъ неблагопріятное представленіе. Такой взглядъ и продиктовалъ ему слѣдующія строки письма поселенскому генералу: «Прошу васъ покорно не спускать, и строгость болѣе нужна для штабъ и оберъ-офицеровъ, нежели для военныхъ поселянъ... Я полагаю, что, когда строгость, разумѣется, справедливая, безъ интригъ (коихъ я не терплю, и всякій тотъ у меня потеряетъ, который начнетъ интриговать), употребляется на начальниковъ, то все пойдетъ хорошо, и солдаты будутъ хороши. А у васъ въ обыкновенной службѣ съ командирами обхожденіе бываетъ пріятельское, церемонное, что никогда по службѣ не годится, ибо у васъ всегда считается за стыдъ обнаружить какое либо преступленіе или злоупотребленіе, сдѣланное ротнымъ».

Дѣлая общій выводъ, приходится повторять сказанное. Аракчеевъ представлялъ собою героя въ смыслѣ человѣка въ томъ или другомъ отношеніи, стоящаго надъ толпою. Онъ былъ человѣкомъ массы извѣстной долей ума, честности, сердечности, отзывчивости; онъ обладалъ сильной волей, но вмѣстѣ съ тѣмъ отражалъ недостатки своего времени и вдохновителей. Аракчеевъ рожденъ былъ образцовымъ исполнителемъ, и въ другой обстановкѣ онъ могъ бы также свободно сдѣлаться выполнителемъ дѣйствительно великихъ начинаній и проявить всѣ лучшія стороны своей средней рядовой природы. Аракчеевъ не стоитъ особнякомъ въ ряду другихъ нашихъ администраторовъ предъ и послѣ разсвѣтной эпохи. Отсутствіе чувства гражданственности и слѣпая вѣра въ силу благъ насильственнаго распорядка всегда отличали нашего рядового исполнителя. Но Аракчеевъ, пользуясь дружбой двухъ императоровъ, слишкомъ рѣзко противопоставилъ свою личность массѣ, слишкомъ ретиво отразилъ въ себѣ своихъ повелителей и, возбудивъ противъ себя общественное неудовольствіе своего времени, связалъ его съ своимъ именемъ и на будущее. Склонность къ повторенію, къ общимъ, хотя бы и не провѣреннымъ сужденіямъ—черта психики массъ, сложила вокругъ Аракчеевскаго имени легенду и превратила его въ мрачнаго героя.

В. Грибовскій.

РАЗГРОМЪ САХАЛИНА.

(Изъ воспоминаній).

ОСЕНЬ 1903 г. на Сахалинѣ была превосходная, теплая, сухая. Меня удивляла такая чудная погода на островѣ, о которомъ принято говорить, что «на Сахалинѣ нѣтъ климата, а лишь дурная погода».

Въ сентябрѣ еще не пожелтѣли листья, но голубое небо не можетъ отражаться въ вѣчно волнующихся водахъ Татарскаго пролива. Строенія Александровскаго поста поражали своей сѣростью, недодѣланностью, нехозяйственностью; видно, что возведеніемъ зданій тюремнаго вѣдомства и жилищъ для чиновниковъ интересовались очень мало, настолько, насколько меньше позволяютъ обстоятельства интересоваться казеннымъ дѣломъ.

Но общество поста было очень оживленное. Три обстоятельства волновали его. Упорно держались слухи объ объявленіи намъ войны японцами. Населеніе Дальняго Востока вообще допускало это, а высшіе классы склонны были иронизировать.

— Объявленіе японцами *намъ* войны было бы неслыханной дерзостью! Этого быть не можетъ! Газетная болтовня.

Но населеніе, сообщавшееся съ японцами, думало иначе и упорно ждало объявленія къ 28 *сентября*.

Гораздо больше всѣхъ занимали торжественные проводы, готовившіеся военному губернатору острова, генералу Ляпунову, уѣзжавшему въ отпускъ въ Россію и объявившему, что больше не вернется на Сахалинъ, намѣреваясь выйти въ отставку по окончаніи отпуска. Ему готовили подарки, адреса, спектакли, обѣды...

— Который разъ онъ насъ надуваетъ!—говорили скептики:— вотъ увидите, опять вернется!

Тѣмъ не менѣе, всѣ сдѣлали видъ, что вѣрятъ, и проводы устроили лихіе. Вѣдь это было большое развлеченіе въ однообразной сахалинской жизни. Спектакль, обѣдъ, поднесеніе иконы, шампанское на пристани и даже одиннадцать пушечныхъ выстрѣловъ—все состоялось. Даже дамы провожали до пристани. Всѣ тюремныя лошади были въ разгонѣ.

Намъ же, людямъ свѣжимъ, казалось страннымъ, что слухи о войнѣ держатся твердо и упорно, а губернаторъ и начальникъ мѣстныхъ войскъ уѣзжаетъ въ полугодовой отпускъ.

Не успѣло общество просмаковать всѣ обстоятельства шумныхъ проводовъ, какъ новый случай «взволновалъ умы». Разрѣшено, наконецъ, японцамъ открыть магазинъ подъ извѣстной фирмой «Сигіура». Они уже нѣсколько лѣтъ получали отказъ, теперь «помощникъ военнаго губернатора въ гражданскихъ чинахъ» счелъ своевременнымъ разрѣшить японцамъ открыть торговлю въ Александровскомъ посту. Дамы очень интересовались японскимъ магазиномъ и безпошлинной продажей японскаго шелка, бездѣлушекъ и т. п. Но вскорѣ всѣ удивились, что вмѣсто магазина открылась «на выѣздѣ» лавочка въ очень миніатюрныхъ размѣрахъ. Японскихъ товаровъ почти совсѣмъ не было, а изъ европейскихъ — шелки, нитки, тесемки, грошевыя лампы, носки и разная мелочь, все—завалявшееся, оборъ. Зато приказчиковъ было одиннадцать человѣкъ! Вся эта обстановка не могла не броситься въ глаза и не навести на подозрѣніе. Но власти не придавали этому никакого значенія. Зато г-жа Ск—ко, одна изъ военно-тюремныхъ дамъ, зайдя въ лавченку и живо все взвѣсивъ, разразилась филиппикой противъ японцевъ, они все раскланивались, улыбаясь.

Не было обращено вниманія на японцевъ и тогда, когда одна изъ сестеръ милосердія узнала въ одномъ изъ приказчиковъ офицера японскаго генеральнаго штаба, котораго она видѣла въ Тяньцзинѣ во время китайской войны. Между тѣмъ одиннадцать приказчиковъ разъѣзжаютъ по острову; ихъ видятъ въ отдаленныхъ деревняхъ продающими яблоки и всякую мелочь. Японскіе приказчики появляются даже въ клубѣ, посѣщаютъ спектакли, ужинаютъ, пьютъ шампанское съ торговцемъ Бородинымъ, который ихъ вводитъ. Мы видѣли ихъ расхаживающими по залу и отмѣ-

ривающими что-то руками. Мнѣ показалось, что они отмѣриваютъ мѣста для кроватей и прикидываютъ, сколько ихъ здѣсь можетъ помѣститься. Я высказала свою мысль, и ее осмѣяли, найдя, что у меня богатое воображеніе. (Но... впослѣдствіи здѣсь помѣщались русскіе плѣнные!..).

Какъ-то въ клубѣ мы ужинали въ небольшой компаніи, занимая конецъ длиннаго стола. А на другомъ концѣ помѣстился Б. съ своими японцами, надъ которыми у насъ посмѣивались.

— Война, по правдѣ сказать, необходима. Намъ надо встряхнуться, —говорили одни.

— Да и вздуть хорошенько этихъ обезьянъ.

— А знаешь что, — обращается пожилой поручикъ къ сосѣду:—на случай войны я возьму у тебя франкотку: прекрасная вещь снимать караулы.

А японцы на другомъ концѣ стола, уничтожая консервированные ананасы, запивая шампанскимъ и прислушиваясь къ нашимъ разговорамъ, ухмылялись. Вѣчно пьяный Б—ъ видимо надоѣдалъ уже имъ своей навязчивой предупредительностью.

Послѣдніе мѣсяцы 1904 г. и святки прошли шумно и весело по-мѣстному. Ѣздили пьянствовать на командные праздники въ Дуэ и въ Рыковское. Устраивали спектакли. Плясали, маскировались, сплетничали... Сплетничали грязно, по-сахалински, грызлись между собой. Я обратилась съ вопросомъ къ начальнику Александровскаго округа, почему здѣсь такъ особенно грязно враждуютъ и злословятъ.

— Вѣдь какъ-то особенно всѣ переругались?—спросила я.

— Ничего нѣтъ удивительнаго. Заприте въ одну клѣтку разнообразныхъ звѣрей, выйдетъ то же,—отвѣтилъ онъ.

Но, присмотрѣвшись, нельзя было не отмѣтить, что на публику оказываетъ вліяніе отрѣзанность острова, замкнутость и постоянное общеніе съ невѣроятно циничной, преступной, каторжной прислугой.

Незамѣтно пролетѣло время до 28 января, поразившаго, какъ громомъ, всѣхъ сахалинцевъ. Въ это время на островѣ имѣлись четыре «мѣстныхъ команды», отъ 200 до 400 нижнихъ чиновъ, которыя и должны были развернуться въ батальоны въ 1.000 душъ, по объявленіи мобилизаціи, но это совершилось не сразу. Первое, что было предпринято,—это удовлетвореніе г.г. военныхъ разными суммами по случаю войны, а затѣмъ сформированіе дружинъ изъ каторжныхъ и крестьянъ изъ сыльныхъ. Образовалось нѣчто въ родѣ «новаго правительства»—тріумвиратъ, состоящій изъ помощника военнаго губернатора (титулярнаго совѣтника Бунге), чиновника контрольнаго вѣдомства, обратившагося въ полевого контролера (ст. сов. Блударова), и исполняющаго обязанности начальника мѣстныхъ войскъ за отсутствіемъ губерна-

тора (полк. Данилова, начальника Рыковской команды). Собственно эти лица вершили дѣла мобилизаціи, а въ общежитіи носили названіе «военнаго совѣта». Выдача разныхъ суммъ офицерамъ повлекла за собой усиленіе картежной азартной игры, безъ того здѣсь процвѣтавшей, и ряды скандаловъ.

Кромѣ мѣстныхъ командъ, въ Александровскомъ посту имѣлись пушки для взвода артиллеріи, но безъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ артиллеристовъ. Но по случаю военныхъ обстоятельствъ назначили командовать взводомъ пѣхотнаго поручика, который самъ заявлялъ, что съ артиллерійскимъ дѣломъ не знакомъ.

Дружины сформировали очень быстро, при чемъ особенно отличился начальникъ Тымовскаго округа. Онъ почти въ двое сутокъ все устроилъ, и по этому поводу начальникъ Александровской тюрьмы разсказывалъ слѣдующее.

— Да—а... сформировалъ дружины, нечего сказать! Захотѣлъ отличиться противъ насъ. А посмотрите-ка, что на дѣлѣ-то натворили. Ну-съ, прислали сюда своихъ дружинниковъ, а здѣсь ихъ должна комиссія осматривать. Приступили. Хорошо-съ. Стариковъ понабрали, слѣпыхъ... Одинъ разулся, а у него цѣлой ступни нѣтъ. Ну, и забраковали... А они, калѣки-то, всѣ ужъ въ казенномъ платьѣ, въ полушубкахъ и въ валенкахъ. Свое-то платье давно пропили. Да, кромѣ того, безъ малаго недѣлю казенные харчи ѣли! Теперь съ кого взыскивать казенные убытки? Начетъ долженъ быть на Соболева (нач. Тымск. окр.). Не знаю, какъ выкрутится.

Сформированіе дружинъ произвело и другія осложненія: учрежденія оставались безъ прислуги, писарей, а тѣмъ паче чиновниковъ. Тюремное вѣдомство къ тому же побаивалось вооруженныхъ дружинниковъ. Что касается дружинниковъ—тюремныхъ рабочихъ, канцелярскихъ служителей, прислуги у чиновниковъ, то этотъ вопросъ былъ обойденъ, и каждый получилъ свое.

Дружинники таковыми только числились, а къ приходу японцевъ въ нѣкоторыхъ дружинахъ налицо оказывалось вмѣсто 200—120, даже 80 человѣкъ.

Въ февралѣ—мартѣ ждали возвращавшагося изъ отпуска губернатора, а тѣмъ временемъ занялись перевозкой за 70 верстъ въ селеніе Рыковское семействъ тюремнаго и военнаго вѣдомствъ, ихъ имущества и казенныхъ учрежденій.

Всѣ спѣшно укладывались и выѣзжали. Ежедневно обозы и тройки увозили обывателей. На тюремныхъ лошадей записывались по очереди. Для казначейскаго ящика заказывали особыя сани, въ которыя запрягали быковъ, а казначей съ женой, какъ нѣжные супруги, вмѣстѣ сопровождали ящикъ и вываливались на каждомъ шагу, какъ и ящикъ.

Семьдесятъ верстъ они ѣхали почти двое сутокъ.

Словомъ, грустно начиналась весна на островѣ.

Столица—Александровскій постъ, пустѣла.

Все вывезли еще по зимнему пути. Вывезена и кандальная тюрьма. Одно утѣшеніе, что мы перестали слышать съ утра до вечера звонъ кандаловъ. Наконецъ ушла послѣдняя почта на собакахъ. Въ то же время запретили пріемъ частныхъ телеграммъ съ острова. Агентскія телеграммы отпечатывались въ сокращенномъ видѣ и давали только отрывочныя свѣдѣнія, что дѣлается на театрѣ военныхъ дѣйствій; о томъ, что дѣлается въ Россіи, мы не знали ничего и не могли знать на неопредѣленное время. Зимнее почтовое сообщеніе кончилось въ февралѣ, а навигація могла открыться съ Владивостокомъ въ апрѣлѣ, а съ Николаевскомъ въ концѣ мая, но теперь не предвидѣлось никакого сообщенія. Пароходы Добровольнаго флота обращены въ крейсеры, а китайскія дороги почти всѣ забрали японцы, и вообще предвидѣлась полная отрѣзанность.

Губернаторъ долженъ былъ пріѣхать на собакахъ по послѣднему пути.

— Собственно зачѣмъ онъ возвращается? Вѣдь онъ не военный, онъ никогда ничѣмъ не командовалъ,—говорили скептики.

— Вѣдь почему-то назначенъ же онъ начальникомъ войскъ? Значитъ, имѣетъ права...

— Да не въ правахъ дѣло, а въ знаніи, въ практикѣ, а онъ и въ строю не бывалъ. Вѣдь онъ всю жизнь на судейскомъ креслѣ сидѣлъ, онъ былъ военнымъ прокуроромъ. Ну, какой же онъ командиръ? Помните, какъ онъ безтолково суетился во время китайской войны?

— Ну, да авось японцы не придутъ сюда.

— Не сунутся! Чего они здѣсь не видали?

Вскорѣ власти выѣхали навстрѣчу.

Губернаторъ ѣхалъ на собакахъ и уже переѣхалъ Амурскій лиманъ.

Наконецъ, Александровскъ засуетился и принарядился. Сегодня около полудня долженъ совершиться въѣздъ начальника войскъ.

Назначенъ молебенъ въ церкви и парадъ.

Публика устремилась смотрѣть на въѣздъ.

— А вы знаете, что съ Ляпуновымъ ѣдетъ Соколовъ? Это хорошо. С—въ хорошо вліяетъ на Ляпунова,—заявляютъ мнѣ.

— Это еще кто?

— Онъ служилъ здѣсь въ канцеляріи губернатора, потомъ судебнымъ слѣдователемъ, товарищемъ прокурора, а теперь—тюремнымъ инспекторомъ... Онъ—изъ запасныхъ. Вѣроятно, призванъ по мобилизаціи... Въ Благовѣщенскѣ во время китайскихъ дѣлъ отличился.

Въѣздъ состоялся не на собакахъ, а на лошадяхъ. Парадъ отмѣненъ. Состоялся только молебенъ, да нѣсколько дамъ изъ старожилокъ, старыхъ знакомыхъ супруги г. Ляпунова, устроили ему

встрѣчу съ шампанскимъ въ его квартирѣ. Это было безтактно во всѣхъ отношеніяхъ. Нужно было не устраивать по секрету встрѣчу втроемъ, вчетверомъ, а предложить или всѣмъ знакомымъ дамамъ, а знакомы были почти всѣ, или не нарушать вовсе офиціальный пріѣздъ начальника войскъ на Сахалинъ бабской фамильярностью, совершенно неумѣстной.

На слѣдующій день представлялись чиновники гражданскихъ вѣдомствъ, а на третій губернаторъ дѣлалъ всѣмъ визиты.

Со времени пріѣзда Ляпунова Александровскъ превратился въ военный лагерь. Офицеры, солдаты, дружинники исключительно видны на улицахъ. Женщинъ очень мало. Двѣ-три, оставшіяся до колеснаго пути въ Рыковское, семьи живутъ на бивуакѣ.

Великопостный благовѣстъ вызываетъ особенно грустное настроеніе. Живемъ на бивуакѣ. Ни у кого ничего нѣтъ. Со стороны губернатора было очень мило пригласить насъ всѣхъ на розговѣнье послѣ Пасхальной заутрени.

Ляпуновъ очень гостепріимно всѣхъ угощалъ и ораторствовалъ на разныя темы, военныя и гражданскія.

Вскорѣ онъ разрѣшилъ посылку телеграммъ, но прошедшихъ чрезъ военную цензуру, что̀ немногимъ улучшало дѣло. Что касается агентскихъ телеграммъ, то посылка ихъ такъ была стѣснена разными военными приказами и циркулярами, что корреспонденты не находили темъ, возможныхъ для корреспондированія. И когда съ Сахалина всѣ бѣжали, или отправляли на материкъ имущество, въ агентскихъ телеграммахъ неизмѣнно говорилось: «на Сахалинѣ все спокойно». Это отличался полевой контролеръ Блударовъ.

Къ намъ же доходятъ ужасныя вѣсти съ поля сраженія. Апрѣль мѣсяцъ проходитъ, а на Сахалинѣ ничего не предпринимается для укрѣпленія его чудныхъ природныхъ позицій. Рейдъ открылся давно, и японцы могутъ притти ежечасно. А мы ничего не дѣлаемъ. У насъ изсякаютъ даже запасы. Говорятъ, что нельзя рыть окопы: земля недостаточно оттаяла, потомъ высохла. Можно смѣло сказать, что для защиты острова ничего не дѣлалось. Офицеры кутили и картежничали и занимались предположеніями, придутъ или нѣтъ японцы. Одни были убѣждены, что на Сахалинъ они придутъ только въ томъ случаѣ, если дѣла ихъ будутъ плохи на материкѣ; другіе придерживались обратнаго мнѣнія, а третьи вообще рѣшили, что японцы на Сахалинъ не сунутся. И кутежи смѣнялись оргіями; картежная игра сопровождалась скандалами. Губернаторъ время отъ времени призывалъ ихъ «на кофе», т.-е. для разноса. Но «брань не чадъ — глаза не ѣстъ». Разносы мало оказывали дѣйствія. Въ маѣ сахалинцы оживились: рыбопромышленникъ Биричъ въ Косунсѣ (южнѣе на 300 верстъ) конфисковалъ японскую шкуну и взялъ въ плѣнъ 63 японца. За шкуной отправили чиновника тюремнаго вѣдомства Иванова и нѣсколько солдатъ на гиляцкихъ

лодкахъ. Чиновникъ проѣздилъ долго, и губернаторъ страшно волновался. Шкуна была предназначена для перевозки грузовъ изъ Николаевска и должна была крейсировать между Николаевскомъ и Александровскомъ. Потомъ пробрались изъ Владивостока еще нѣсколько шкунъ, всѣ нѣкогда конфискованныя у японцевъ, какъ хищническія. Чиновникъ Ивановъ подалъ мысль просить у генералъ-губернатора путейскій катеръ «Владивостокъ» для перевозки почты, что и осуществилось. Семь шкунъ, попавшихъ въ распоряженіе Сахалина, въ первое же лѣто были погублены. Это—«Биричъ I» («Дайсанъ-кайсе-мару»), «Маруся» («Переселенецъ»), «Эмилія», «Нонни», «Елена», «Биричъ II», а «Каменецъ» былъ первое лѣто попорченъ, а въ 1905 г. погибъ. Первыя шесть шкунъ погибли, только благодаря нашей неопытности, незнанію, а отчасти пьянству командировъ и шкиперовъ. Кто не подтвердитъ, что въ Александровскѣ за рѣдкимъ исключеніемъ ихъ не видѣли трезвыми?

Какая красивая была бѣлая шкуна «Дайсанъ», какъ оснащена, въ какомъ порядкѣ! У насъ ее обаварили въ первый же день по приходѣ.

Въ маѣ начали рыть окопы и устраивать позиціи вдоль берега моря, по обѣ стороны Александровскаго поста.

Пробрались съ грузами нѣсколько иностранныхъ пароходовъ. «Лодзинъ» предлагалъ за 36 тыс. рублей за навигацію перевезти на Сахалинъ изъ Николаевска весь необходимый грузъ и войска, но эта цифра показалась генералу Линевичу великой, а послѣ, зимой перевозили страшно дорого, и обошлось вмѣсто 40 к. пудъ 3 или 2 р., да всего не успѣли перевезти, особенно войскъ.

Въ іюнѣ «Лодзинъ» перевезъ къ намъ батарею артиллеріи, которую торжественно, съ музыкой, встрѣчали. Но вышло недоразумѣніе, какъ говорится, «съ мѣста въ карьеръ». Полковникъ Т—о, командиръ А—го батальона, лицо, очень приближенное къ губернатору, съ властолюбивыми замашками, вздумалъ отдавать приказанія не подчиненнымъ ему артиллерійскимъ офицерамъ. Этотъ инцидентъ явился фундаментомъ дальнѣйшихъ сплетенъ и интригъ.

Позиціи, приготовленныя для артиллеріи, оказались негодными, старотипными и зловредными. Окопы были слишкомъ открыты, обнажены и обращали на себя вниманіе издали, съ моря. Они были видны простымъ глазомъ, привлекая вниманіе желтизной незамаскированныхъ глины и песка.

Позиціи для дружинниковъ тоже браковались, но это мы еще увидимъ далѣе на дѣлѣ.

Начали устраивать новые ложементы въ другомъ мѣстѣ. Въ средѣ немногихъ офицеровъ бригады началась рознь. У командира вѣчныя исторіи съ Тар—ко и съ своими офицерами.

Въ результатѣ артиллерійскіе офицеры подаютъ рапортъ за рапортомъ о болѣзни, а командиръ стремится съ Сахалина. Нако-

нецъ онъ получаетъ нервное разстройство, назначается комиссія, и его убираютъ. Отъ этого всего артиллерійское дѣло не выигрываетъ нисколько. А непріятель можетъ появиться ежеминутно.

Губернаторъ время отъ времени разъѣзжалъ «осматривать позиціи», его сопровождалъ конвой и поручикъ С—въ (тюремный инспекторъ), который отличился въ «смѣлой вылазкѣ» противъ китайцевъ въ Благовѣщенскѣ, за чтò имѣетъ орденъ св. Владимира съ бантомъ. «Храбрый поручикъ», какъ его звали, вызывалъ всеобщее недоумѣніе и неудовольствіе. Во-первыхъ, разочаровались въ его благомъ вліяніи на губернатора. Во-вторыхъ, изумлялись его странной роли. Онъ былъ начальникомъ конвоя губернаторскаго, т.-е. на унтеръ-офицерской должности, но жилъ у губернатора и представлялъ весьма наглядно приближенное къ губернатору лицо. Конвой состоялъ изъ десяти человѣкъ, во главѣ которыхъ находился интеллигентный ефрейторъ. Въ командахъ недоставало офицеровъ, и тамъ былъ нуженъ храбрый поручикъ, а онъ пребывалъ все у губернатора и сопутствовалъ ему не только, когда онъ ѣздилъ на позиціи съ конвоемъ, но вообще по дѣламъ службы и въ гости. Это все возбуждало или зависть, или неудовольствіе и особенно вліяніе и давленіе на дѣла.

— Ему мѣсто было въ Портъ-Артурѣ! Почему онъ тамъ не остался? Онъ тамъ служилъ, тамъ боевое мѣсто.

— Онъ, можетъ быть, надѣется, что и сюда придутъ японцы? И здѣсь люди нужны,—отвѣчали защитники.

— Да, «надѣется». Онъ—старый знакомый Ляпунова и надѣется, что при его протекціи удастся устроить вновь «смѣлую вылазку» и получить за это «Георгія». И это такъ и будетъ!

— Во всякомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ отказаться здѣсь и отъ двусмысленной роли, и отъ губернаторскаго столованья. Простонародье его помощникомъ губернатора величаетъ...

— Во всякомъ случаѣ такое положеніе вещей ненормально. Это—соблазнъ...

— Даже—развратъ! Начальникъ конвоя разъѣзжаетъ съ губернаторомъ въ коляскѣ... Ѣздитъ съ нимъ въ коляскѣ осматривать позиціи, лагери и принимаетъ заодно обѣды... хоть бы въ Дуэ!

— Но, господа, противъ этого ничего не подѣлаешь. Кстати, онъ назначается защитникомъ въ военномъ судѣ. Это мѣняетъ картину.

— Конечно. И еще дадутъ что нибудь...

Такъ или иначе, а С—въ и капитанъ Ж—ко были оба «правыми руками» губернатора, и онъ являлся какимъ-то троерукимъ, чтò было несомнѣннымъ уродствомъ.

А «храбрый поручикъ», не смущаясь не то, что дисциплиной, но простымъ тактомъ, принималъ наравнѣ съ хозяиномъ гостей,

участвовалъ въ офиціальныхъ обѣдахъ, катался въ экипажѣ и верхомъ, ухаживалъ и презиралъ порицанія своему неосновательно привилегированному положенію.

Бывали въ лѣто 1904 г. и тревоги. Первая—весной маякъ принялъ за миноносцевъ льдины съ навозомъ. Затѣмъ позже дали знать съ маяка, что «на горизонтѣ видны дымки».

Губернаторъ озабоченно проѣхалъ со свитой и конвоемъ на пристань. Офицерамъ приказано быть въ казармахъ. Цѣлый часъ напряженнаго состоянія духа, и что же?—Катеръ ведетъ плоты изъ Дуэ!

Но зато въ концѣ іюля, въ 11 час. вечера къ намъ звонитъ начальникъ округа, и сообщаетъ:

— Сейчасъ съ пристани сообщаютъ, что идетъ пальба въ сторонѣ Императорской гавани... Видны огни.

Требуемъ лошадь и несемся на пристань. Тихая ночь. Тихое море, а въ сторонѣ Императорской гавани... зарница!

Вотъ до чего ожиданіемъ можно настроить воображеніе! А вѣдь нѣсколько человѣкъ слышали пальбу и видѣли огни. А въ августѣ разыгралась исторія съ «Новикомъ», о которой мы впервые узнали отъ мальчишекъ и реалистовъ. Губернаторъ держалъ все въ секретѣ даже отъ высшаго общества въ Александровскѣ, а денщики, все выслушавъ, разболтали по всему городу.

Спустя нѣкоторое время, на гиляцкихъ лодкахъ пріѣхали Шульцъ, командиръ «Новика», и механикъ Ждановъ. Ихъ встрѣтили, какъ героевъ. Устраивали рауты, обѣды, завтраки. Моряки были скромны, какъ герои, и произвели отличное впечатлѣніе.

Недѣли двѣ-три спустя, пришли изъ Корсаковска и остальные, сдѣлавъ путь пѣшкомъ, верхомъ и на лодкахъ вмѣстѣ съ матросами. Этихъ съ энтузіазмомъ встрѣчало населеніе, общество, власти... Телеграммы и корреспонденціи летѣли во всѣ стороны.

Залъ въ клубѣ былъ особенно декорированъ андреевскими флагами, когда общество давало обѣдъ морякамъ. Къ сожалѣнію, на Сахалинѣ не было шампанскаго, и его замѣнили какой-то смѣсью; не помню названія этого питья, но вообще—бурда, производящая сильное дѣйствіе.

На этомъ обѣдѣ подкутили сестры милосердія.

Дѣло въ томъ, что медицинскій персоналъ на Сахалинѣ былъ непропорціонально великъ, а отряды сестеръ все прибывали, и одинъ изъ нихъ, въ пять или шесть сестеръ, отличался малоинтеллигентностью, и сестры «вели себя неважно»; онѣ должны были быть отправлены въ Корсаковскій округъ, но сообщенія съ нимъ не было удобнаго для сестеръ, и вотъ, когда онѣ подкутили на «морскомъ» обѣдѣ, то Ляпуновъ разсердился и за-

явилъ, что онъ ихъ отправитъ въ Корсаковскъ во что бы то ни стало.

— Пусть хоть вплавь плывутъ! Вывезу на пристань, и пусть плывутъ.

Въ октябрѣ жалкій частный пароходъ «Муха» привезъ еще отрядъ сестеръ милосердія—отрядъ великой княгини Елисаветы Θеодоровны,—съ церковью, іеромонахомъ и псаломщикомъ.

И эта «Муха» увезла въ Касунай Корсаковскаго округа прежнихъ сестеръ.

Начинается ухаживанье за отрядомъ великой княгини. Губернаторъ устраиваетъ имъ обѣды и завтраки, и во главѣ прочихъ военныхъ наноситъ визитъ за визитомъ молоденькимъ и хорошенькимъ, какъ на подборъ, сестрамъ. Менѣе красива, но болѣе симпатична дѣльная и скромная старшая сестра Михайлова. Одна изъ сестеръ—замужемъ. Мужъ ея—докторъ при отрядѣ, онъ—молодой, знающій врачъ, хорошій пѣвецъ, но большой матеріалистъ.

Вскорѣ начался разладъ и въ этомъ отрядѣ.

Старшую сестру совсѣмъ затерли и даже выжили изъ общаго помѣщенія. Она переѣхала, а за ней и еще двѣ сестры. Въ помѣщеніи отряда остались докторъ съ женой, псаломщикъ и сестра С—а. Затѣмъ—гости съ утра до вечера и у тѣхъ и этихъ. Общественная жизнь. Поклонники. Катанье на поромѣ, тройкахъ, наونькахъ... Въ концѣ концовъ надоѣло смотрѣть—примелькались. Послѣ двухъ часовъ обязательно катитъ на парѣ «храбрый поручикъ», обнявъ крѣпко одну сестру. «Храброму поручику» подъ сорокъ, онъ давно полысѣлъ и имѣетъ лимонный цвѣтъ лица, но «престижъ» и ловкость все покрываютъ.

Погодя, летитъ на одиночкѣ начальникъ штаба съ другой сестрой... и т. д. Буквально каждый день, а къ веснѣ заѣздилъ и нашъ военный губернаторъ, катая третью сестру.

Глядя на нихъ, невольно твердится, что

Соблазнъ былъ великъ:
Не стерпѣлъ нашъ старикъ.

Если понаблюдать за этими парочками, то всякій убѣдился бы, что на дѣло оставалось у нашихъ военныхъ властей времени очень мало, въ особенности зная препровожденіе времени, домашніе порядки и тому подобное.

Зима 1904—1905 г.г. ознаменовалась тѣмъ, что впервые былъ проложенъ санно-конный путь между Николаевскомъ на Амурѣ и Александровскомъ на Сахалинѣ. До того это считали невозможнымъ. По этому пути безъ перерыва въ обѣ стороны двигались обозы.

Наши пораженія и откровенныя депеши японцевъ о будущемъ взятіи Сахалина сдѣлали то, что всѣ классы сахалинскаго насе-

ленія удирали съ острова, на которомъ не оставалось даже необходимыхъ запасовъ. Не было ни мяса, ни крупчатки, ни сахару, ни водки, ни табаку. Ждали голода. Единственный свѣтлый лучъ— это была надежда на эскадру Рождественскаго.

На саняхъ за дорогую цѣну теперь везли на Сахалинъ патроны, ружья, интендантскій грузъ. Не хотѣли «Лодзину» платить 40 к. съ пуда, а теперь платятъ рубли.

И подкрѣпленія гонятъ пѣшкомъ.

Въ октябрѣ перевезли въ Александровскъ опять всѣ учрежденія, а въ февралѣ-мартѣ снова все потянулось въ Рыковскъ. Такъ было поступлено съ товарами «Фонда» и съ интендантскими грузами. Однако, чего стоило казнѣ троекратное и ненужное передвиженіе? Чего стоила эта повинность населенію?

Паденіе Портъ-Артура сильно поразило губернатора. Онъ заболѣлъ. Другое потрясеніе онъ перенесъ, получивъ извѣстіе о назначеніи главнокомандующимъ генерала Линевича.

Итакъ, съ Сахалина бѣжали всѣ на лошадяхъ, быкахъ, собакахъ и пѣшкомъ. Увозили все, что могли. За зиму изъ военныхъ приготовленій наиболѣе замѣтными и эффектными оказались слѣдующія: поручику Г—о было поручено осмотрѣть мосты въ Пилингскихъ хребтахъ. Онъ ходилъ съ командой на лыжахъ и, конечно, о дорогахъ и мостахъ, занесенныхъ снѣгомъ, точнаго понятія составить не могли.

Затѣмъ «дружину Ландсберга» заставили отрывать дорогу чрезъ Пилингскій хребетъ, но это было вязанье Пенелопы. Сегодня отроютъ, а завтра все снѣгомъ занесетъ, и снова начинаютъ рыть. Потомъ весной поправляли мосты, которые вслѣдъ за тѣмъ сгорали, и ихъ снова поправляли.

Говорятъ, что жгли бродяги (?!).

Пріѣхали новый батарейный командиръ и офицеры для партизанскихъ отрядовъ.

Къ этому же времени создался конфликтъ между военнымъ судомъ, губернаторомъ и «храбрымъ поручикомъ». Генералъ Ляпуновъ хотѣлъ имѣть давленіе на приговоры суда, а генералъ Кошелевъ въ качествѣ предсѣдательствующаго хотѣлъ быть самостоятельнымъ.

— Повѣсьте, пожалуйста, такихъ-то! Это намъ необходимо,— говорилось ему за картами или за обѣдомъ.

— Если непремѣнно нужно кого нибудь повѣсить, то я съ удовольствіемъ это исполнилъ бы и повѣсилъ бы первымъ дѣломъ полковника Т., какъ начало и конецъ всѣхъ сахалинскихъ преступленій!

Вообще генералъ К. былъ остеръ и, не стѣсняясь, прямо высказывалъ свои воззрѣнія.

Впутался тутъ и храбрый поручикъ, а отъ него отказались, какъ отъ защитника, но губернаторъ настаивалъ, чтобъ непре-

мѣнно онъ былъ защитникомъ, хотя иные имѣли больше на это правъ и основаній.

— Никому изъ офицеровъ не разрѣшу защищать!—горячился губернаторъ:—пусть остается С—ъ.

Въ то же время пріѣхавшіе съ театра войны офицеры для командованія партизанскими отрядами очутились въ положеніи начальниковъ дружинъ, наравнѣ съ Ландсбергомъ, мѣщаниномъ изъ ссыльныхъ, бывшимъ гвардейскимъ офицеромъ. Ему какъ-то особо протежировали и полковникъ Т. и помощникъ губернатора Бунге. Но вновь прибывшихъ офицеровъ паразило то, что имъ было объявлено, что сейчасъ нѣтъ и не будетъ партизанскихъ отрядовъ, а что, когда придутъ японцы, то тогда...

Офицеровъ шокировало наравнѣ съ Ландсбергомъ командовать дружинами. Всѣ эти обстоятельства вызывали упадокъ духа, да, кромѣ того, въ дружинахъ найдено было много безпорядковъ, даже злоупотребленій. Всѣмъ этимъ офицерамъ на войнѣ въ Маньчжуріи предстояло получить роты, а теперь у нихъ дружины изъ ссыльно-каторжныхъ. Они ѣхали не для этого. Да и вообще приняты они были недоброжелательно. Т—о и другіе находили самостоятельные отряды неумѣстными.

— На Сахалинѣ все должно было быть подчинено полковнику Т—ѣ!

Всѣ эти офицеры рѣшили проситься обратно къ своимъ частямъ.

Въ то же время новый батарейный камандиръ жаловался на полнѣйшее неустройство своей части, на распущенность офицеровъ, на бездѣятельность, интриги Т—а. Позиціи предназначенныя были неудобны, негодны. Батарею разбили на части и изолировали одну отъ другой, да, кромѣ того, какъ ни невѣроятно, а командиру батареи, полковнику Мельникову, предстояло командовать взводомъ собственной батареи! Такіе распорядки такъ его возмутили, что и онъ вознамѣрился проситься обратно на материкъ.

— Знаете,—говорилъ онъ намъ,—я теряю голову. Мнѣ кажется, что я схожу съ ума отъ всѣхъ этихъ безпорядковъ, дрязгъ и интригъ. Рейдъ давно открытъ, непріятель можетъ явиться, а у насъ ни диспозицій, ни мѣста сбора. Ерунда какая-то! Вмѣсто траншей устроили какіе-то ватерклозеты.

Наконецъ разразилась катастрофа съ эскадрой Рождественскаго. Не хотѣлось вѣрить. Узнали мы объ этомъ изъ условной телеграммы нѣмецкаго инженера Клейе. Въ 20 числахъ мая все выяснилось. Къ первому іюня мы получили почту. Катеръ «Владивостокъ» и транспортъ «Тунгусъ» привозили почту, солдатъ и увозили всѣхъ и все изъ остававшихся. Записаны очереди. Населеніе бѣжитъ съ Сахалина на лодкахъ. Паника. А дрязги и сплетни продолжаются, какъ на романической почвѣ, такъ и на военной.

24 іюня вечеромъ мы мирно пили вечерній чай. Чудный былъ вечеръ. Окна открыты. Въ комнатахъ массы ландышей благоухаютъ.

Вдругъ отворяется дверь въ столовую, и влетаетъ надзиратель.

— Ваши благородія!.. Однако въ Корсаковскѣ японецъ!—блѣдный, запыхавшись, говоритъ онъ.

— Не можетъ быть!

— Ей-Богу, ваше—скобродіе! депеша...

— Вотъ вамъ: и «не сунутся»!

— Вотъ вамъ: «чего они на Сахалинѣ не видали?»

— А помните, какъ «храбрый поручикъ» говорилъ, что «японцы на Сахалинѣ обломаютъ зубы»?

— Какъ же! Вотъ посмотримъ!

На огонекъ и въ волненіи зашло еще два-три человѣка, военные...

— Представьте! Никакихъ распоряженій, ни диспозиціи, ни мѣста сбора... Есть извѣстіе, что 60 вымпеловъ ушли на сѣверъ. Бомбардируютъ Корсаковскъ. Наши отвѣчаютъ изъ орудій съ «Новика». Мичманъ Максимовъ молодцомъ себя держитъ.

Утромъ появились подтвержденія и офиціальная телеграмма. Губернаторъ ѣздилъ въ «Красный крестъ», а потомъ ходилъ по улицамъ и почему-то безъ шпаги. Сооружаютъ обозы. Суета. Всѣ мечутся, и никто не знаетъ, что предпринять. Днемъ же 25 іюня вышелъ приказъ военнаго губернатора о выѣздѣ изъ Александровскаго поста всѣхъ мирныхъ жителей въ глубь острова и о перевозкѣ туда управленій (военнаго, полицейскаго и т. д.).

Оставалась только персона начальника округа и завѣдующій полицейской частью.

Кстати сказать, что по открытіи военныхъ дѣйствій вообще, какъ говорилось, военные получили массу денегъ на отправку семей, на обмундировку и проч. Чиновники финансоваго вѣдомства точно такъ же получили оклады, какъ и телеграфные разныя вспомоществованія.

Тюремные на мѣстѣ пользуются разными удобствами, и къ тому же на выѣздъ въ Рыковское они получили лошадей и подводы безплатно, а также и по 75 р. на подъемъ.

И только чиновники судебнаго вѣдомства министерства юстиціи не получили ничего. Даже отъ суда или палаты не было никакихъ распоряженій насчетъ камеръ. И когда уже сообщили съ Крильонскаго маяка, что японская эскадра ушла на сѣверъ, то судебные чины, проживающіе въ Александровскѣ, обратились за распоряженіями къ губернатору. Островъ въ осадномъ положеніи, и губернаторъ уже является начальствомъ. Въ результатѣ—разговоръ по телефону съ начальникомъ округа.

Спросили подводы для перевозки камеръ.

— Я запишу ваши заявленія относительно подводъ,—отвѣчаетъ начальникъ округа,—но когда ихъ получите и получите ли,—неизвѣстно.

— Тогда мы перевеземъ камеры въ Рождественское. Докуда же намъ ждать? Въ Рождественскомъ мы сами найдемъ подводы. Доложите губернатору.

— Губернатору, ей-Богу, все равно, кто куда ѣдетъ, лишь бы убирались и потомъ ничего отъ него не требовали бы. Поѣзжайте вы, куда хотите! Увѣряю васъ.

Начались сборы. Офицеры разсказываютъ, что диспозиціи мѣняются едва ли не каждый день. Въ одной все объ «отступленіи», а въ другой—«лечь костьми», а потомъ—опять отступленіе... смотря по обстоятельствамъ. Капитанъ Рог—ій говоритъ, что позиціи для дружинниковъ на Жонкіерѣ никуда не годятся, съ нихъ защищать пристань и отбивать десантъ нельзя. Для берданокъ и прицѣлъ, и уклонъ, и разстояніе невозможны. Позиція безцѣльна.

Работая на двѣ части, батарея отправилась защищать два перевала, на которыхъ нѣтъ никакихъ укрѣпленій, и ничего по этому поводу не было сдѣлано.

Въ Корсаковскомъ же округѣ все отступаютъ и отступаютъ. Японцы преслѣдуютъ русскихъ по слѣдамъ.

28 іюня изъ Николаевска пришли транспорты «Тунгусъ» и «Камчадалъ», привезя необходимый какой-то грузъ и немного солдатъ, а также извѣстіе, что командовать войсками на Сахалинѣ назначенъ генералъ Флетчеръ, но онъ еще ѣдетъ...

28 же подъ вечеръ мы отправились въ Рождественское съ собаками и лошадьми, оставивъ въ квартирѣ слѣдователя все имущество. Наша квартира была подъ выстрѣлами (потомъ она была прострѣлена бомбой, а также второй снарядъ упалъ во дворъ и на улицу передъ домомъ).

Дорога лежала по берегу моря. На рейдѣ еще стояли «Тунгусъ» и «Камчадалъ» и сильно дымили, а чрезъ нѣсколько минутъ снялись и безъ свистковъ пошли въ кильватеръ на сѣверъ. Море слегка волновалось. Заходило солнце, а на фонѣ этой картины долго еще чернѣли силуэты транспортовъ, а потомъ—дымки... Мы ѣхали верхами... Темнѣло... На десятой верстѣ замѣтили губернаторскихъ лошадей... Старичокъ нашъ каталъ сестру милосердія N... Съ Корсаковскимъ округомъ правильныя телеграфныя сообщенія прекратились.

Съ 28 іюня по 10 іюля событій не произошло. «Публика» поуспокоилась, и даже рѣшено было, что японцы ограничатся южнымъ Сахалиномъ. «На что имъ сѣверный?»

Намекали даже на своевременность возвращенія судейскихъ камеръ. На морѣ все время былъ штормъ, но 10 іюля прояснилась и установилась теплая и тихая погода. Судебный слѣдова-

тель П—а по дѣламъ службы былъ въ Александровскѣ, откуда выѣхалъ въ семь часовъ утра и до девяти ѣхалъ берегомъ моря, не наблюдая ничего тревожнаго, а въ 11 ч. уже у насъ въ Рождественскомъ разнесся слухъ, что «японцы въ Дуэ». Дѣйствительно, 10 іюля къ Александровску неожиданно подошли японскіе миноносцы. Маякъ, принимавшій, большей частью, по праздникамъ за японцевъ кучи навоза, плоты съ сѣномъ и тому подобное,—на этотъ разъ прозѣвалъ, и въ Александровскѣ произошли такія сцены.

— Ваше высокоблагородіе! Однако японцы! — сообщаютъ съ пристани начальнику округа, Н. И. С—му.

Н. И. вообще не довѣрялъ возможности прихода японцевъ.

— Опять японцы! Дались вамъ японцы.

— Ваше благородіе! Ей-Богу... у пристани...

— Не можетъ быть!

— Больше некому...

Нечего дѣлать. Сообщилъ Н. И. губернатору и вытребовалъ съ конюшни свою прелестную пару въ рессорной коляскѣ, чтобъ лично на пристани провѣрить происходящее.

И... о ужасъ!.. Къ пристани подъѣхали два японскихъ судна!..

Въ Александровскѣ началась паника. Жители бѣжали, куда могли... У многихъ еще ранѣе имущество было свезено въ тайгу... Жара... давка... толкотня.

Губернаторъ велѣлъ укладывать бѣлье и готовить отъѣздъ за 8 верстъ въ деревню Михайловку.

Начальнику округа съ полиціей было объявлено, что «Александровскъ защищаться не будетъ». Приказано отворить для населенія склады и магазины, если придутъ японцы. Военные оставили Александровскъ. Склады отперты. Начинается хищеніе, грабежъ, пьянство. Спиртъ таскали ведрами, пока начальникъ округа, возмутившись, не принялъ своихъ мѣръ. Спиртъ отбирали и выливали. 10 приходили только развѣдочныя суда, но 11 іюля съ утра началась бомбардировка и высадка. Бомбы рвутся въ городѣ. Отъ губернатора изъ Михайловки за 8 верстъ вышелъ приказъ отобрать у населенія сапоги, которые оно растащило изъ складовъ. «У насъ войска безъ сапогъ».—«Поздно. Непріятель наступаетъ»,—былъ отвѣтъ. Оставшаяся въ Александровскѣ кучка чиновниковъ собралась въ домѣ начальника округа и выкинула на крышѣ бѣлый флагъ.

Непріятель высаживается. Гремятъ выстрѣлы. Бомбардируется все западное побережье Сахалина. Небо безоблачно. Море тихое на диво. Собравшіеся у начальника округа сообща рѣшили, что при появленіи въ городѣ японцевъ объявятъ, что здѣсь только мирные жители. Но вдругъ, совершенно неожиданно, чрезъ дворъ этого дома летятъ въ смежный губернаторскій садъ два пулемета...

И начинается трескотня... Усиливается и японская канонада... Собравшіеся, побросавъ все, какъ сидѣли, выбѣжали изъ дома, ища убѣжища въ укромныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ картофельной ямѣ.

— Хоть бы предупредили мерзавцы!—твердятъ одни.

— Подлость—сказать, что защиты не будетъ, и начать пальбу,— повторяютъ другіе.

Вдругъ звонокъ по телефону.

— Что такое? Кто меня можетъ звонить, когда непріятель на пристани?

Оказывается, губернаторъ изъ Михайловки.

— Николай Ивановичъ! Пошлите надзирателей на двухъ подводахъ взять порохъ въ военныхъ погребахъ и взорвите пристань...

«Николай Ивановичъ», пораженный такимъ распоряженіемъ, разводитъ руками и говоритъ про себя: «будь у меня подвода, я свое имущество увезъ бы куда нибудь».

— Ваше превосходительство! Я—не военный. У васъ есть спеціальный для этого офицеръ. Прикажите ему. Да вѣдь непріятель уже занялъ пристань. Ваше превосходительство, вы сказали, что не будете защищать Александровскъ, а у меня во дворѣ пулеметы.

— Какіе пулеметы? Кто ихъ послалъ? Я не приказывалъ.

Вскорѣ пришлось бѣжать въ сосѣднюю деревню, гдѣ была главная квартира. Когда начальникъ округа потребовалъ своихъ лошадей, то оказалось, что на нихъ увезъ свою жену его кучеръ. каторжникъ.

Побѣжали пѣшкомъ въ Михайловку. На дорогѣ давка, шумъ, вой...

Въ Михайловкѣ только-что отдавалось саперамъ распоряженіе «взорвать пристань», когда городъ уже былъ занятъ. Пулеметы, «выпустивъ по лентѣ, испортились», и ихъ бросили тутъ же въ рѣку. За годъ не научились обращаться съ ними. На позиціяхъ тоже не стрѣляли. Стрѣлять было безцѣльно и безрезультатно, и отступили. Японцы высаживались по всему побережью острова. Наши безъ боя отступили по двумъ дорогамъ за хребты. Обѣ великолѣпныя позиціи—перевалы Камышевый и Пилинговскій, были отданы безъ боя. Японцы съ грабежемъ подвигались внутрь острова. Въ Александровскѣ происходила оргія грабежа. Грабили и свои и японцы. «Многіе нажились, разбогатѣли»,—хвастали потомъ поселенцы.

Японцы высадились въ Арковской долинѣ, гдѣ русскіе, только завидя два японскихъ контръ-миноносца, еще 10 іюля сожгли телеграфную станцію, провіантъ и патроны и, такимъ образомъ сами себя обезсиливъ и отрѣзавъ, отступили за Камышевый перевалъ.

Японцы шли по пятамъ, ихъ солдаты грабили населеніе. Въ деревнѣ 2-мъ Арковѣ былъ замученъ крестьянинъ Чешинъ за то, что защищалъ семью и имущество отъ японскихъ солдатъ.

Слѣдующій пунктъ высадки къ сѣверу отъ Аркова былъ Владимирскій рудникъ, а въ шести верстахъ, въ глубь острова, стояла дружина. Безсрочно каторжный Кобылинскій, на что имѣются доказательства, содѣйствуя японцамъ, обвелъ ихъ въ тылъ дружинѣ по горной тропѣ чрезъ 1-е Арково, но дружина успѣла независимо отъ сего уйти въ горы, а японцы въ заброшенной деревушкѣ Константиновкѣ наткнулись на двухъ судебныхъ чиновъ, которыхъ и ограбили «до нитки», посадили подъ арестъ и намѣревались вести къ главнокомандующему, но ночью были вызваны тревогой брать Пилингскій перевалъ, почему и бросили плѣнныхъ: судебнаго слѣдователя Подорогу и мирового судью Поплавскаго.

Все, чего не могли японцы унести съ собой, они предавали сожженію, рубили своими кинжалообразными штыками. Все, что можно было съѣсть,—съѣдено. Обращеніе грубо. Солдаты недисциплинированы, голодны, жадны. Видя судейскіе погоны, не хотѣли вѣрить, что это—не офицеры. Спасителемъ былъ подошедшій съ другимъ отрядомъ переводчикъ.

Все это происходило въ ночь съ 12 на 13 іюля.

— Однако, чрезъ три дня поймаемъ вашего Ляпунова, и тогда конецъ войнѣ.

— Почему вы думаете, что «поймайте», и именно чрезъ «три дня»?

— Надо догнать... Скоро убѣгаетъ... Время надо. Нашъ солдатъ такъ скоро не бѣжитъ, какъ вашъ. Нашъ плохой солдатъ, но наши офицеры хороши. Вашъ солдатъ очень хорошъ, а офицеры никуда не годятся.

Въ концѣ концовъ переводчикъ у судейскихъ попросилъ сапоги. Отдали послѣдніе штиблеты.

Въ ту же ночь была ограблена деревня Рождественская, въ трехъ верстахъ отъ Константиновки.

Къ сѣверу весь Сахалинъ, т.-е. побережье, обстрѣливался въ населенныхъ пунктахъ, а высадка дѣлалась, чтобы забирать скотъ и птицу у населенія.

Погода съ 10 по 20 и далѣе стояла безподобная. Море тихо, какъ никогда, и 60 вымпеловъ японскихъ судовъ вытянулись гирляндой съ сѣвера на югъ, сколько видно простымъ глазомъ. Море оживленно, снуютъ во всѣ стороны баржи, катера, кунгасы, идетъ выгрузка. Съ 12 числа не слышно выстрѣловъ.

Главныя силы подвинулись къ Рыковскому.

На территоріи западнаго побережья Сахалина японцы немедленно ввели военное управленіе. На выѣздахъ деревень поставили шесты съ японскими флагами. Въ деревняхъ вывѣсили объявленія, въ которыхъ жителямъ запрещались охота, рыбная ловля, сѣнокошеніе. Запрещалось посѣщеніе мѣстъ вблизи расположенія

японскихъ войскъ и многое другое подъ страхомъ «жестокаго наказанія». Потомъ вывѣсили таксу на продукты, за которые, тѣмъ не менѣе, японцы не платили.

Затѣмъ началась перепись жителей, лошадей и иной живности. Затѣмъ на деревню оставили около трехъ-четырехъ кобылъ, отобравъ остальное въ свою пользу. Коровъ и птицу поѣли, обѣщая платить, но не заплатили. Потомъ островъ раздѣлили на участки, которыми завѣдывали офицеры съ отрядами, а каждой деревней—«жандармскіе сержанты».

Солдаты группами каждый день ходили по деревнямъ, отбирая у жителей, что нравится. Крестьянъ погнали на работы, ихъ кормили брошенными нашими войсками солониной и консервами, платили по 50 к. въ день.

Вскорѣ была введена японская монета.

19 іюля разнеслась вѣсть о плѣненіи русскихъ войскъ и сдачѣ острова.

Спустя три-четыре дня, разрѣшили жителямъ посѣщать Александровскъ, для чего выдавались особые билеты завѣдующими участкомъ офицерами или жандармами.

Всѣ кинулись въ Александровскъ. Островъ кишѣлъ японцами. Другого выраженія не придумаешь.

— И откуда ихъ берется?—говорили крестьяне:—ползутъ и ползутъ... точно тараканы изъ щелей.

— И чисто разбойники! Кресты съ робятъ снимаютъ... Сапоги съ ногъ... Среди бѣла дня. Увидятъ: дай! А не то штыкъ показываютъ. «Заколю», молъ. Боимся съ лошадью показаться... Сейчасъ отберутъ. Божеское наказаніе!...

Какъ бы тамъ ни было, а сообщеніе возстановилось, и вѣсти одна другой печальнѣе или позорнѣе стали распространяться по острову, который сданъ безъ боя, почти безъ выстрѣла. Если и была какая перестрѣлка, то вслѣдствіе паники по своимъ.

Но герои оказались тѣ самые, какъ предсказывала публика. Это Т—ко, Сок—въ («храбрый поручикъ») и Ландсбергъ. Герои по протекціи, всѣми ожидаемые.

До Рыковска отступали благополучно и быстро. Въ Рыковскомъ разыгралось нѣсколько драмъ. Первая. Генералъ Ляпуновъ «далъ слово» (?!) Бунге, своему гражданскому помощнику, что подъ Рыковскомъ «боя не будетъ». Поэтому власти рѣшили встрѣтить японцевъ и заявить имъ, что въ селеніи только гражданское управленіе, женщины и дѣти. Начальникъ округа перестарался, приготовляя встрѣчу, но одумался или его остановили.

Явился конный разъѣздъ, его встрѣтили власти и отрапортовали. Японцы сняли наши караулы при провіантскихъ магазинахъ и обезоружили, замѣнивъ своими, а затѣмъ удалились. Не успѣли уйти японцы, какъ явился «Ляпуновъ съ войсками» съ

Пилингскаго перевала. Помощника губернатора и нѣсколькихъ чиновниковъ японцы увезли за 15 верстъ въ Дербинское для дачи показаній. Появленіе русскихъ войскъ дѣлало увезенныхъ лицъ обманщиками, да къ тому же наши умертвили японскихъ часовыхъ, и это послѣднее обстоятельство едва не стоило жизни помощнику губернатора Бунге, интенданту Богдановичу и другимъ. Все было принято за засаду, и Бунге только случайно отдѣлался отъ казни. Его семья переживала ужасныя минуты. Ляпунова умоляли убираться скорѣй съ войсками на всѣ четыре стороны, что̀ онъ и продѣлалъ, вдоволь нарисовавшись со своимъ штабомъ. Не успѣли наши удалиться, какъ снова явились японцы и уже не въ качествѣ развѣдочнаго отряда. Японскія войска, стрѣляя вдоль улицъ и по домамъ, входили въ селеніе. Мирные жители снопами валились по улицамъ.

Среди бѣла дня, на глазахъ у населенія, были связаны и здѣсь же на площади обезглавлены помощникъ начальника Александровскаго округа Солонина, полицеймейстеръ Масловъ и тюремный чиновникъ Еремѣевъ. За что?

— Надо спросить японцевъ! Одни говорятъ, что приняли ихъ за шпіоновъ, за офицеровъ, за предателей и т. д. Предположеній много.

Видя это, многіе получили нервное разстройство. Два чиновника помѣшались. Начался грабежъ и аресты или полоненіе гражданскихъ чиновъ. Такъ кончилась вторая драма, и начала разыгрываться третья.

Предъ приходомъ японцевъ распустили кандальную тюрьму. Китайцы же донесли, что подъ поломъ тюрьмы спрятано оружіе. Японцы сдѣлали обыскъ и нашли берданки. Администрація объяснила, что это сами арестованные натворили. Тогда японцы приказали переловить 130 человѣкъ кандальныхъ и доставить, иначе начальники округа и тюрьмы должны лишиться своихъ головъ. Сроку дано 24 часа. Всякій пойметъ, что «головка каторги», закоренѣлые преступники, неисправимые бродяги, сорвавшіеся съ цѣпей, почуявшіе свободу,—не будетъ околачиваться въ Рыковскомъ на глазахъ начальства и войскъ и ждать новыхъ превратностей судьбы... Но... 130 человѣкъ были доставлены и всѣ обезглавлены японцами. По всеобщему утвержденію попали обманомъ въ числѣ другихъ и невинные и полноправные. Впрочемъ объ этой исторіи упоминалось уже въ южныхъ газетахъ. Въ Корсаковскомъ округѣ, въ деревнѣ Владимировкѣ повторилась аналогичная исторія. Тамъ казнено 200 человѣкъ.

Покончивъ съ Рыковскимъ, японцы отправились «поймать» Ляпунова, «заведшаго войска въ болото: ни взадъ, ни впередъ».

Тамъ происходило нѣчто ужасное. При Сергіевскомъ станкѣ была паника: стрѣляли по своимъ; много убитыхъ и раненыхъ. Офи-

-церы вели себя вообще непохвально. Одного, бросившаго работу, съ револьверомъ въ рукахъ заставили вылѣзть изъ канавы и командовать. Тяжело перечислять подобные факты. Но 19 іюля все было кончено. Впрочемъ не обошлось и безъ «смѣлой вылазки» «храбраго поручика» и безъ «военнаго подвига Ландсберга», который требовался Куропаткинымъ, когда Ландсбергъ просилъ на основаніи манифеста превратить его изъ мѣщанина г. Владивостока въ прапорщика или поручика русской арміи. Говорятъ, онъ получилъ «солдатскаго Георгія».

Интересно, что въ посредничествѣ между японскими и русскими при переговорахъ о сдачѣ принималъ участіе С—въ, начальникъ Тымовскаго (Рыковскаго) округа. Это удостовѣряетъ исправляющій должность военнаго прокурора на Сахалинѣ. Но... кто не хотѣлъ сдаваться въ плѣнъ, тотъ не сдался, а если бъ были самостоятельные партизанскіе отряды, то завоеваніе острова не было бы закончено до заключенія мира.

Капитанъ Быковъ не сдался съ своей дружиной и тайгой вышелъ на сѣверный Сахалинъ. Также поступилъ и капитанъ Филимоновъ. Военный прокуроръ Новосельскій съ нѣсколькими охотниками и офицерами тоже не сдался, какъ и Стерлиговъ на южномъ Сахалинѣ. Къ сожалѣнію, подвигъ Новосельскаго съ охотниками затертъ Линевичемъ, а общеизвѣстно, что онъ перенесъ больше всѣхъ. Они шли безъ провіанта, питаясь мясомъ собственныхъ лошадей. Затѣмъ начинается перевозка плѣнныхъ въ Александровскъ. Что за картина! Офицеровъ и чиновниковъ съ семьями везутъ шагомъ на простыхъ телѣгахъ подъ конвоемъ. Тянутся цѣлые обозы. Что за срамъ, что за униженіе!

А въ Александровскѣ засадили сперва всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ въ тюрьму, потомъ перевели на квартиру, держали подъ арестомъ и гоняли каждый день на новыя квартиры, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже... Кормили плохо и во всемъ стѣсняли. Изъ имущества осталось у бѣдняковъ только то, что надѣто на нихъ самихъ. Да еще приходили издѣваться надъ ними японскіе офицеры и солдаты.

Рыковскихъ плѣнныхъ также помѣстили въ женской тюрьмѣ. Грязь, вонь, духота и тѣснота. Спятъ на нарахъ, «вповалку». Здѣсь же дамы и дѣти. Лица усталыя, убитыя, сконфуженныя. Багажу разрѣшили взять столько, сколько можно унести самому въ рукахъ.

Объявлено, что всѣ должны объявить о выѣздѣ до 7 августа, а послѣ седьмого незаявившіе считаются японскими подданными и платятъ налоги. Заявившихъ о выѣздѣ поселенцевъ и крестьянъ рѣшили вывозить въ Де-Кастри и тамъ выгружать на пустынный берегъ, а интеллигенція повезется въ Іокогаму, Шанхай, а потомъ въ Одессу. Военные до окончанія войны останутся въ Японіи.

Все это у японцевъ такъ быстро рѣшается и организуется, что невольно изумляешься. Телеграфъ и телефоны исправлены и возстановлены. Въ Александровскѣ на улицахъ устроены почтовые ящики съ англійскими надписями. Возстановлено почтовое сообщеніе съ Японіей, а чрезъ нее и съ Европой. Но во всѣхъ зданіяхъ хаосъ, сбродная мебель и посуда, которыми пользуются десятки японцевъ, занявшихъ каждую квартиру.

Итакъ, все кончено. Мы лишились Сахалина. Военные не убиты. Напротивъ, какъ будто герои. За послѣднее время и на материкѣ такъ легко и быстро, массами, сдавались въ плѣнъ, просто лѣзли въ плѣнъ, что начинаешь терять голову, не новая ли это нравственность или тактика, какъ въ шахматной игрѣ—игра «въ поддавки». Кто больше возьметъ, тотъ и проигралъ. Въ условіяхъ Сахалинской сдачи была оговорена цѣлость офицерскаго имущества. Далѣе—кругосвѣтное путешествіе на казенный счетъ, участіе къ «плѣннымъ страдальцамъ» въ Россіи.

Гражданскіе чины, которыхъ никто не защищалъ, никто не обезпечивалъ, никто о нихъ не заботился,—потеряли много и натерпѣлись вдоволь, неизмѣримо больше военныхъ: съ первыми обращались, какъ хотѣли, а къ военноплѣннымъ примѣнялась извѣстная тактика. Чиновники рвались скорѣе уѣхать. Населеніе сахалинское проявило себя трояко. Наибольшая часть крестьянъ и поселенцевъ, бросая посѣвы, огороды, остатки имущества, стремилась на родину. Лишь немногіе, обремененные дѣтьми, оставались на зиму.

Татары, поляки, кавказцы въ большемъ процентѣ дѣлъ не ликвидировали и поладили съ японцами. Были встрѣчавшіе японцевъ хлѣбомъ-солью. Японцы же къ нашимъ инородцамъ относятся благосклонно-покровительственно.

Интересно, что одинъ политическій ссыльный, увѣрявшій ранѣе, что японцы народъ культурный и «мирныхъ жителей не трогаютъ»,—былъ страшно разочарованъ.

Онъ не принялъ предложенія японцевъ и американскихъ соціалистовъ ѣхать въ Америку, и, рискуя, отправился въ Россію.

Небезынтересно, что ни одинъ священникъ не выражалъ желанія остаться на зиму на островѣ, несмотря на сотни остающагося населенія, и нужно было «воздѣйствіе».

О перемиріи и мирѣ японцы старались скрывать, эвакуируя гражданскихъ чиновъ и населеніе.

Впрочемъ, помимо Де-Кастри и японскихъ пароходовъ населеніе и нѣкоторые чиновники уходили съ Сахалина, какъ могли: на кунгасахъ, на лодкахъ, пѣшкомъ, верхомъ, на сѣверъ острова и тамъ, въ самой узкой части Татарскаго пролива, переправлялись къ Лазареву мысу и въ Николаевскъ на Амуръ.

Японцы—удивительный народъ. Они правдивы между собой и лживы по отношенію иностранцевъ. Они интриганы, мелочны, меркантильны. Они трезвы и трудолюбивы, практичны, сообразительны, предусмотрительны. У нихъ «цѣль оправдываетъ средства», и въ этомъ отношеніи они далеко опередили послѣдователей патера Лойолы.

Энергія японцевъ такъ же удивительна, какъ ихъ трудолюбіе и практичность.

Японцы—народъ безсердечный, сухой, черствый, жестокій. Они нѣжны только къ дѣтямъ. Домашнія животныя въ рукахъ японскихъ массъ—мученики и страдальцы. Японцы не знаютъ ихъ и совершенно не умѣютъ ни обращаться, ни ухаживать, ни эксплоатировать.

Японцы—великолѣпные организаторы.

Высаживаясь на островъ и завоевывая его, они одновременно выгружали все необходимое для войска, начиная съ прессованнаго сѣна, овса, дровъ, риса, консервовъ и кончая палатками и разборными строеніями деревянными.

Вмѣстѣ съ выгрузкой провіанта выростали деревянные сараи.

А мы пятьдесятъ лѣтъ владѣли островомъ и ничего не создали, лишь разорили его.

Вьючный обозъ японцевъ съ австралійскими лошадьми—картина.

Сѣдла легки, красивы, изящны. А наши сѣдла были годны на двѣ версты. Лошади ложились.

И такъ все!

По заключеніи мира на Сахалинъ отправилась разграничительная комиссія и отрядъ солдатъ, но до ратификаціи мирнаго договора японцы ихъ не приняли и, даже много спустя по заключеніи мира, «по ратификаціи», они пустили на Сахалинъ военнаго губернатора Валуева только при ограниченномъ конвоѣ и при холодномъ оружіи.

Военный губернаторъ Сахалина засталъ островъ въ совершенномъ опустошеніи. Даже японцы взвыли отъ грабежей и поджоговъ бродягъ.

Сахалинъ разграбленъ и разгромленъ и своими и чужими.

Японцы вывезли все, что могли и успѣли, начиная съ мебели, посуды и кончая лошадьми, скотомъ, собаками.

Нечего говорить, что катера и кунгасы—все было взято.

Нашимъ нечѣмъ разгружаться. Осень. Дожди и холода. Ужасающіе штормы. Въ Татарскомъ проливѣ терпятъ аваріи наши суда или треплются въ волнахъ Татарскаго пролива противъ Александровскаго поста, тщетно ожидая выгрузки, а на берегу шайки разбойниковъ грабятъ выгруженное.

Деревни и села горятъ. Не щадятъ церквей. Населеніе дрожитъ отъ ужаса, отъ набѣговъ разбойниковъ, отъ поджоговъ.

Въ Александровскѣ сожжено зданіе музея. Тюрьмы сгорѣли безъ остатковъ. Горитъ канцелярія губернатора.

Чиновники тѣснятся въ квартирѣ губернатора. Живутъ всѣ вмѣстѣ.

Въ оставшихся зданіяхъ нѣтъ мебели. «Японцы оставили только свои специфическія грязь и вонь». А въ иныхъ домахъ вонь такая, что нельзя оставаться безъ головокруженія пяти минутъ.

Наконецъ кончается и сообщеніе съ материкомъ. Въ Татарскомъ проливѣ льды. Прилагаютъ усилія возстановить телеграфъ.

Разгромъ Сахалина полный.

М. Диксъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У МАЗИНИ.

I.

КОГДА ВЫ будете въ Италіи, заѣзжайте ко мнѣ, въ Эрба, буду очень радъ васъ видѣть,—сказалъ король теноровъ, знаменитый Анджело Мазини, когда мы съ нимъ прощались на дебаркадерѣ вокзала Варшавской желѣзной дороги.

Сезонъ итальянской оперы только-что окончился, увы, довольно печально для меня, денежнаго участника въ этой антрепризѣ.

Несмотря на громадные сборы (были спектакли, приносившіе до 10 тысячъ рублей въ вечеръ), благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, отъ меня не зависящимъ, сезонъ окончился съ убыткомъ, хотя всѣмъ артистамъ, а равно хору и оркестру, было уплачено сполна до копейки. Въ томъ числѣ «caro Angelo» получилъ на свою долю шестьдесятъ три тысячи рублей чистаганомъ.

Къ предложенію Мазини я отнесся безразлично, оно представлялось мнѣ простымъ актомъ вѣжливости, но, тѣмъ не менѣе, разумѣется, я ему отвѣтилъ:

— Благодарю васъ, если представится возможность, заѣду.

Мы пожали другъ другу руки, и «король теноровъ» вошелъ въ свое купе перваго класса, сопровождаемый таинственной незнакомкой, тщательно закрывшей свое лицо густою вуалью.

— Caro, amico!—услышалъ я изъ глубины вагона, и поѣздъ плавно отошелъ отъ станціи, увозя въ своихъ нѣдрахъ «божественнаго Angelo» съ его таинственною спутницей.

II.

Противъ моего ожиданія я встрѣтился съ Мазини довольно скоро.

Лѣтомъ я уѣхалъ въ Италію, денежныя обстоятельства снова заставили меня вернуться на сцену и превратиться изъ антрепренера въ обыкновеннаго рядового пѣвца.

Италію я зналъ хорошо и былъ увѣренъ, что нигдѣ такъ быстро не удастся мнѣ пристроиться къ оперѣ, какъ здѣсь, но я совершенно упустилъ изъ виду, что лѣтняя пора—самое неудобное время года для этого.

Итальянскіе театры, начиная съ мая мѣсяца и кончая сентябремъ, всѣ закрыты. Оперы даются на маленькихъ курортныхъ сценахъ.

«Цвѣтъ вокальнаго искусства» въ продолженіе лѣта обыкновенно отдыхаетъ, пользуясь «dolce far niente» на модныхъ морскихъ купаньяхъ, или же проводя время на охотѣ въ горахъ, какъ это дѣлаетъ знаменитый Баттистини, или же просто отдыхаютъ въ своихъ роскошныхъ помѣстьяхъ.

Миланъ, эта биржа пѣвцовъ, лѣтомъ совершенно пустѣетъ, всѣ мало-мальски состоятельные его жители бѣгутъ изъ каменныхъ стѣнъ ломбардской столицы, представляющей собою въ это время года настоящее пекло, на берега Соединенныхъ озеръ или же къ вѣчно лазурнымъ волнамъ Средиземки.

Я находился далеко не въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ жизни. До удовольствія ли тутъ, когда нужно хлопотать, чтобы зарабатывать деньги на свое существованіе?

Но, тѣмъ не менѣе, мнѣ скоро пришлось убѣдиться, что изъ моихъ прогулокъ по галлереѣ Виктора-Эммануила ничего не выйдетъ.

Это мнѣ еще больше подтвердили слова моего пріятеля Деллильэ, всесильнаго агента по заключенію «оперныхъ скриттуръ» и издателя знаменитой «Rivista teatrale melodrammatica».

— Дорогой другъ, оставимъ всѣ заботы о «скриттурѣ», а пока будемъ наслаждаться отдыхомъ,—пѣвуче проговорилъ онъ мнѣ и шутливо прибавилъ:

— Отчего бы намъ не сдѣлать маленькую экскурсію въ «Варезэ» къ Таманьо?

Я пожалъ плечами, выражая недоумѣніе.

— Я съ нимъ не знакомъ,—замѣтилъ я ему.

— А, пустое, Франческо будетъ очень радъ. У него въ «Варезэ» домъ—полная чаша, онъ любитъ, когда къ нему пріѣзжаютъ гости, я беру на себя отвѣтственность, поѣдемъ.

Мнѣ не пришлось долго колебаться.

Деллильэ уже протягиваетъ руку, повторяя:

— Ну, чего упрямишься. Соглашайся!

И я согласился.

III.

Рано утромъ, на другой день я зашелъ къ агенту, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Варезэ, какъ мы условились, къ Франческо Таманьо.

На мой звонокъ прислуга съ заплаканными глазами отворила мнѣ дверь и печально сообщила:

— Съ синьоромъ Витторе случилось несчастіе, онъ лежитъ въ постели.

— Залѣнился, должно быть, вставать, сегодня праздникъ, итти въ контору не нужно...

— Вовсе нѣтъ, синьоръ, padrone сломалъ себѣ вчера вечеромъ ногу.

Предполагавшаяся поѣздка разстроилась, одинъ я не рѣшался ѣхать къ мало мнѣ знакомой знаменитости, приходилось опять толочься въ Миланѣ.

Больной Деллильэ стоналъ и ругался: ему самому непріятно было оставаться въ городѣ.

— Лежи себѣ въ постели мѣсяцъ, а то и всѣ шесть недѣль!— невольно ворчалъ агентъ, тоже бывшій пѣвецъ, теноръ, до сихъ поръ, несмотря на свои немолодые годы, любящій вести разсѣянный, веселый образъ жизни...

— И только подумать, какой пустякъ былъ причиною моего несчастія!—продолжалъ онъ.

— Какой именно?—невольно полюбопытствовалъ я.

— Знаете навѣрно русскаго баса Смирни, ну, того, у котораго еще такой хорошій голосъ?

— Смиренскій, знаю, а что?

Глаза больного сердито загорѣлись.

— Онъ и причина этого случая. У него вѣдь malevista (дурной глазъ),—таинственнымъ шопотомъ объяснилъ мнѣ суевѣрный, какъ дитя, итальянецъ.

Я невольно вспомнилъ о дурной славѣ, которая сложилась о моемъ землякѣ, басѣ Смиренскомъ.

Его присутствіе въ театральной труппѣ постоянно сопровождалось какимъ нибудь фатальнымъ несчастіемъ или неудачею.

Прогаръ антрепризы, провалъ оперы или ея исполнителей, были случаи и внезапной смерти, опасной болѣзни кого нибудь изъ

труппы, если только въ ней былъ этотъ русскій пѣвецъ, обладатель превосходнаго голоса.

Слухъ о дурномъ глазѣ баса былъ причиною тому, что антрепренеры опасались приглашать Смиренскаго и при встрѣчѣ съ нимъ бѣжали, какъ отъ зачумленнаго, дѣлая вслѣдъ ему знакъ изъ двухъ пальцевъ, извѣстный у насъ въ Россіи подъ имемемъ «козы», и которымъ щекочутъ маленькихъ дѣтей.

Въ Италіи же эти два пальца играютъ роль таинственной, но чрезвычайно дѣйствительной силы противъ «дурного глаза».

Деллильэ, не замѣтившій появленія злосчастнаго русскаго пѣвца и не успѣвшій вò-время показать ему «козу», жестоко поплатился неожиданнымъ переломомъ ноги.

IV.

Разстроенные случайностью планы внесли непріятный отпечатокъ на весь мой послѣдующій день.

Проѣхавшись до Монцы въ вагонѣ Вицинальной дороги, я отправился осмотрѣть чудный дворцовый паркъ, весь состоящій изъ вѣковыхъ платановъ и магнолій. Часть его, отгороженная легкими перилами, была предназначена для личныхъ прогулокъ королевской семьи, проводившей обыкновенно первую половину лѣта въ Монцѣ.

Мнѣ не было извѣстно это правило, а случайное отсутствіе парковыхъ сторожей дало мнѣ возможность проникнуть повсюду.

Не обращая вниманія на легкія перекладины, перегораживавшія аллеи, я обошелъ ихъ по травѣ и продолжалъ свою прогулку.

Причудливо раскинутыя по газону клумбы, со множествомъ яркихъ, въ тонъ подобранныхъ цвѣтовъ, приковали мое вниманіе, когда легкіе шаги сзади заставили меня невольно обернуться и почтительно снять шляпу.

Мимо меня проходилъ, одѣтый въ свѣтлую, лѣтнюю пару, съ палкой въ рукѣ самъ король Гумбертъ, видимо изумленный появленіемъ незнакомаго лица въ заповѣдномъ уголкѣ парка.

Остановившись, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Какъ вы сюда попали? Постороннимъ входъ сюда запрещенъ.

— Простите, ваше величество, но меня объ этомъ никто не предупредилъ...

Немного суровый взглядъ короля смягчился.

— Вы—иностранецъ, я угадалъ, судя по вашему произношенію, это—оправданіе для васъ. Разъ вы сюда попали, пожалуйста, осматривайте все,—и, усмѣхнувшись, онъ прибавилъ:—пойдемте вмѣстѣ, я буду вашимъ чичероне.

Смущенный подобнымъ предложеніемъ, я молча послѣдовалъ за моимъ вѣнценоснымъ спутникомъ.

V.

— Вы—нѣмецъ или скандинавецъ?—спросилъ меня король.

— Русскій, пѣвецъ,—смутился я почему-то еще больше.

— Sacerdotte del'arte bel canto (жрецъ искусства красиваго пѣнія)!—привѣтливо говорилъ Гумбертъ, и его темно-каріе зрачки глазъ лучисто блеснули.

— Въ вашемъ отечествѣ любятъ и цѣнятъ вокальное искусство нашихъ пѣвцовъ и ихъ голоса. Пѣть съ успѣхомъ въ Петербургѣ—это выдержать экзаменъ на степень міровой извѣстности. Я слышалъ и вашу національную музыку, она очень мелодична, но отъ нея вѣетъ грустью, минорная гамма преобладаетъ въ ней. Не можете ли вы объяснить этому причину?

Сознаться долженъ, что среди насъ, пѣвцовъ, немного лицъ, которыя могли бы точно объяснить эту причину, къ нимъ принадлежалъ и я, но, не желая выказать свое незнаніе, поспѣшилъ отвѣтить наугадъ:

— Причины грусти, которою проникнута русская музыка, кроются, ваше величество, во-первыхъ, въ томъ порабощеніи и разореніи, отъ которыхъ страдала наша родина во время владычества татаръ, а, во-вторыхъ, въ крѣпостномъ правѣ, отъ него наша родина немного болѣе четверти вѣка только-что еще освободилась...

— Вы правы,—глубоко вздохнувъ, промолвилъ король:—рабы не могутъ пѣть веселыхъ пѣсенъ, веселье создано не для нихъ.

Гумбертъ задумался и молчалъ.

— Я слышалъ въ Туринѣ оперу русскаго маэстро Глинки «La vita per lo tzar». Чудная музыка, чрезвычайно мелодичная, но туринцы не поняли ея, къ сожалѣнію. Мнѣ говорили о вашей современной знаменитости, маэстро Чайковскомъ, но до сихъ поръ мнѣ еще ничего не удалось слышать изъ его произведеній. Скажите, кто больше другихъ изъ нашихъ пѣвцовъ нравится у васъ въ Россіи.

Я назвалъ Мазини, Котони...

Лицо короля снова освѣтилось улыбкой.

— Il ravo Antonio (славный Антоніо)! Немало доставилъ онъ мнѣ и женѣ удовольствія, когда мы слушали его въ театрѣ Аржентина въ Римѣ. А Таманьо? Этотъ голосовой гигантъ?

— Онъ еще никогда не пѣлъ въ Россіи, и приглашенъ только на будущій осенній сезонъ.

— Недавно я слышалъ молодого тенора Кремонини, онъ поразилъ меня красотою своего голоса, это—несомнѣнно будущая знаменитость.

(Друзеппе Кремонини, поразившій итальянскую публику при своемъ первомъ появленіи въ началѣ 20 годовъ, не сдѣлался знаменитостью).

Невдалекѣ виднѣлся уже дворецъ.

Властитель Италіи продолжалъ разспрашивать меня, и когда мы подошли къ ступенямъ лѣстницы, ведущей на террасу, онъ наклонился надъ кустомъ розъ, сорвалъ еще нераспустившійся бутонъ и передалъ его мнѣ со словами:

— Prego, prendetevi questo fiore, al ricordo d'un re! Il futuro e sempre chiuso e misterioso, comme questo bottone! (Прошу, возьмите этотъ цвѣтокъ на память о королѣ. Будущее закрыто и таинственно, какъ этотъ бутонъ).

Онъ протянулъ мнѣ руку, попрощался и сталъ подниматься по ступенямъ...

Это было моею первою и послѣднею встрѣчею съ королемъ Гумбертомъ.

Теперь, послѣ его смерти, какимъ-то страннымъ предчувствіемъ звучатъ его слова:

«Будущее закрыто и таинственно»...

VI.

Когда я возвращался по той же аллеѣ обратно, ко мнѣ подошелъ какой-то господинъ и, пытливо глядя на меня, рѣзко спросилъ:

— О чемъ вы разговаривали съ его величествомъ?

Смущенный его вопросомъ, я, тѣмъ не менѣе, рѣшительно отвѣтилъ:

— Едва ли это вамъ будетъ интересно знать, что именно.

И не останавливаясь вышелъ мимо него изъ парка.

Въ Миланъ я возвратился въ обѣденное время и зашелъ въ городской садъ.

Онъ былъ весь переполненъ горожанами, не имѣвшими возможности выбраться куда нибудь изъ Милана на лѣто.

Около извилистыхъ озерковъ стояла толпа дѣтей, кормившихъ утокъ и другихъ водяныхъ птицъ. На горкѣ, возлѣ ресторана, военный оркестръ съ чисто южнымъ brio игралъ финалъ изъ «Карменъ».

Звонкая мѣдь духовыхъ трубъ оглушала многочисленныхъ посѣтителей ресторана, шумѣвшихъ, какъ разоренный пчелиный рой.

Мнѣ съ трудомъ удалось раздобыть для себя столикъ и заказать обѣдъ.

Только-что я съ аппетитомъ принялся поглощать остывшую «минестра», какъ почувствовалъ, что кто-то ударилъ меня по плечу.

Я поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшаго около столика Мазини.

— Скоро же мы съ вами опять встрѣтились!—шутливо замѣтилъ онъ мнѣ.

— Вотъ кого я не ожидалъ встрѣтить сегодня,—изумился я его появленію.

— Я пріѣхалъ навѣстить своихъ миланскихъ друзей проѣздомъ черезъ городъ и, къ сожалѣнію, не засталъ никого дома. Пригласилъ бы васъ къ себѣ въ Эрба, но долженъ сегодня же ѣхать въ Фаэнца...

— А у васъ кто же тамъ?

— Я оттуда родомъ,—улыбнулся пѣвецъ,—тамъ у меня живетъ старикъ-отецъ. Онъ захворалъ, меня и вызвали туда. Въ августѣ, а, можетъ быть, и раньше, я вернусь домой, въ Эрба, и буду васъ ожидать къ себѣ.

Затѣмъ мы съ нимъ разстались; онъ отправился къ себѣ въ гостиницу «Ancora», гдѣ онъ постоянно останавливался, а я остался еще въ саду...

VII.

Сегодняшнія встрѣчи невольно меня взволновали, въ особенности первая; я долго не могъ заснуть; статная фигура короля съ его большими сѣдыми усами, со взглядомъ его лучистыхъ темнокарихъ глазъ стояла предо мною, какъ живая.

Проснувшись утромъ, я первымъ долгомъ бережно вынулъ изъ моей записной книжки полуувядшій розовый бутонъ. На меня пахнула ароматная струя...

«Il futuro e sempre chiuso e misterioso, comme questo bottone!» вспоминались мнѣ прощальныя слова короля.

Сутолока миланскаго дня всецѣло захватила меня, вчерашнія впечатлѣнія мало-по-малу сглаживались, дѣлиться ими мнѣ было не съ кѣмъ. Всѣ мои знакомые изъ русской колоніи разъѣхались изъ Милана, разсказывать итальянцамъ о моей случайной встрѣчѣ съ ихъ королемъ не представляло никому изъ нихъ интереса.

Они чуть ли не ежедневно встрѣчаютъ его, и встрѣчи эти не считаются чѣмъ либо особеннымъ.

Безцѣльныя прогулки по полупустой галлереѣ мнѣ страшно опротивѣли, подписать ангажементъ, даже въ самый захудалый театръ, гдѣ нибудь на курортѣ, не представлялось возможнымъ, все было переполнено.

Приходилось терпѣливо ожидать конца августа, когда должны были выясниться оперныя предпріятія.

Деллильэ поправлялся, его опасенія относительно перелома ноги оказались неосновательными, «malevista» русскаго баса было причиною только вывиха и растяженія связокъ.

— Все-таки лежать мнѣ придется порядочно, —тоскливо говорилъ веселый толстякъ, прикованный къ постели,—нескоро придется, кажется, съѣздить намъ съ тобою къ Франческо.

Я понималъ это самъ хорошо и, не ожидая дальше его выздоровленія, уѣхалъ одинъ въ Sestri Ponenti, купальное мѣстечко около Генуи; оставаться же въ Миланѣ, при царящей тамъ тропической жарѣ, въ особенности каменныхъ громадъ и раскаленнаго асфальта, было невозможно.

VIII.

Въ «Сестри Поненти» мнѣ не пришлось устроиться: черезчуръ большой наплывъ проѣзжихъ переполнилъ не только всѣ отели и пансіоны, но немало было ихъ и въ частныхъ домахъ. Я перебрался въ Савонну, лежащую немного дальше по берегу средиземнаго красавца, по направленію къ Франціи.

Жаркіе мѣсяца миновали, хотя августъ тоже принадлежитъ къ ихъ числу, но случайный вѣтеръ съ горъ сильно умѣрилъ солнечный зной, а перепадавшіе довольно часто дожди, нерѣдко даже ливни, значительно понизили температуру.

— Въ Миланѣ настала прекрасная погода, вовсе не жарко,— сообщилъ мнѣ мой пріятель, мѣстный ветеринаръ, ѣздившій въ столицу Ломбардіи на нѣсколько дней по своимъ дѣламъ.

— А что слышно о «скриттурахъ»?—невольно сорвался съ моихъ губъ вопросъ, вполнѣ понятный для пѣвца.

— Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ!

«Съѣздъ пѣвцовъ и пѣвицъ уже начался, онъ не обѣщаетъ быть очень обильнымъ, большое число знаменитостей въ отъѣздѣ, за океаномъ, въ Америкѣ, многіе еще не вернулись изъ своихъ помѣстій, курортовъ... Спѣши, amico, разъ ты желаешь получить хорошую скриттуру»,—писалъ мнѣ мой пріятель, агентъ Деллильэ, вполнѣ уже оправившійся отъ своего вывиха.

Подобное письмо для молодого пѣвца равносильно хорошимъ шпорамъ для лошади.

На другой день, вечеромъ, я былъ уже въ Миланѣ, и мы съ Витторе распивали асти въ ресторанѣ Компари, пытающагося, хотя безплодно, устроить конкурренцію своему сосѣду, древнему ресторану Биффи.

Изъ многихъ предложенныхъ мнѣ агентомъ ангажементовъ я выбралъ театръ Лонато, въ маленькомъ городкѣ на Лаго-ди-Гарда, составляющемъ одинъ изъ важныхъ пунктовъ, укрѣпленнаго сильными крѣпостями, треугольника Пескьера-Верона-Виченца.

Давали оперу Верди «Трубадуръ», въ которой партія Манрико была одною изъ моихъ лучшихъ.

— Вотъ видишь, какъ все хорошо устроилось,—говорилъ мнѣ Деллильэ, пряча въ карманъ полученное отъ меня за сдѣлку вознагражденіе.

Черезъ недѣлю, послѣ репетицій въ Миланѣ, наша труппа, или, какъ ее называютъ здѣсь, «компанія», отправилась въ Лонато, гдѣ спектакли должны были продолжаться три недѣли.

IX.

Не стану говорить о короткомъ сезонѣ въ этомъ городкѣ, онъ прошелъ недурно, хотя нашъ импрессаріо, по укоренившемуся во всѣхъ нихъ обычаю, не додалъ никому изъ пѣвцовъ жалованья за послѣднюю четверть.

Я снова очутился въ Миланѣ въ поискахъ новаго, если возможно, болѣе продолжительнаго ангажемента, чѣмъ былъ послѣдній.

На этотъ разъ мой пріѣздъ не былъ такъ удаченъ, большинство пѣвцовъ уже вернулись изъ своихъ поѣздокъ, и на оперной биржѣ, въ галлереѣ, предложеніе значительно превышало спросъ.

Найти даже посредственную скриттуру было не легко, если же что и предлагалось, то было черезчуръ ненадежно, зачастую даже представлялось явнымъ мошенничествомъ для уловленія простаковъ.

— Не совѣтую подписывать тебѣ что либо подобное,—дружески предупреждалъ меня Витторе, обладавшій какимъ-то особымъ нюхомъ, умѣвшимъ отличать хорошія «дѣла» отъ «дутыхъ»:—даромъ потеряешь и время и деньги.

Послѣднее въ особенности было для меня важно: капиталы мои были настолько ничтожны, что я съ ужасомъ думалъ о ближайшемъ будущемъ, когда я останусь безъ центима въ карманѣ.

— Подожди лучше!—повторялъ онъ мнѣ.

Но всему имѣются свои предѣлы, точно также и ожиданію, въ особенности при полномъ оскудѣніи кармана.

Къ довершенію бѣды, мнѣ удалось сильно простудиться, промочивъ во время сильнаго дождя ноги. Голосъ мой охрипъ и окончательно сѣлъ, волею-неволею приходилось вмѣсто того, чтобы выступить на сценѣ, серьезно лѣчиться.

Милѣйшій докторъ Де-Орки, спеціалистъ по горловымъ болѣзнямъ, лѣчилъ меня въ долгъ сеансами электричества, осторожно предупредивъ меня, что болѣзнь моя неопасная, но затяжная, такъ какъ превратилась въ хроническій катаръ глотки.

— Пѣть вы не должны, по крайней мѣрѣ, недѣли три, мѣсяцъ, иначе можете совсѣмъ потерять голосъ, — заявилъ онъ мнѣ, подробно осмотрѣвъ горло.

Задача представлялась мнѣ невыполнимою: не имѣя денегъ, я не могъ существовать безъ заработка, а какой же могъ быть заработокъ, когда инструментъ, посредствомъ котораго я долженъ былъ зарабатывать деньги, былъ въ неисправности?

Дилемма представлялась нелегкою для разрѣшенія, а найти выходъ нужно было во что бы то ни стало.

X.

И онъ нашелся.

Случайно я вспомнилъ о приглашеніи Мазини. Въ другой бы разъ, при другихъ обстоятельствахъ, я, можетъ быть, еще не разъ подумалъ прежде, чѣмъ къ нему поѣхать, но теперь я сразу рѣшился подъ впечатлѣніемъ мысли, крѣпко засѣвшей мнѣ въ голову:

— Мазини богатъ, давно ли еще заработалъ въ нашей антрепризѣ такую крупную сумму. Неужели ему будетъ тяжело ссудить меня временно, пока я окончательно поправлю свое горло, тысячу франковъ, пустякъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ получилъ: всего триста семьдесятъ пять рублей!

Эта мысль захватила меня самого своею оригинальностью, и въ исполненіе ея я настолько вѣрилъ, что на другое же утро отправился по маленькой Сѣверной дорогѣ прямо въ мѣстечко Эрба, лежавшее на берегу озера Пузіано, въ недалекомъ сосѣдствѣ съ озерами Лекко и Комо.

Я былъ такъ увѣренъ въ исполненіи моей просьбы, что взялъ обратный до Милана билетъ, годный только на двое сутокъ.

Освѣдомившись въ отелѣ «Ancora», дома ли знаменитость, на что̀ мнѣ отвѣтили утвердительно, я съ легкимъ сердцемъ, съ очень легкимъ багажемъ, а также съ пустымъ бумажникомъ, отправился къ «божественному Анджело», образовавшему въ Петербургѣ и Москвѣ новую разновидность энтузіастокъ, «мазинистокъ», платонически обожающихъ своего кумира и несущихъ ему всевозможные дары.

Я не напѣвалъ аріи Ленскаго изъ «Онѣгина»:

«Что день грядущій мнѣ готовитъ?»

такъ какъ былъ вполнѣ увѣренъ, что завтра же вернусь въ Миланъ съ тысячею франковъ въ карманѣ, очарованный радушнымъ пріемомъ короля теноровъ.

Даже хитроумный теноръ, хохликъ С., мой пріятель, спокойно мнѣ сказалъ на прощанье:

— Вернешься, такъ подѣлись грошами и со мной: сотню франковъ дай на недѣлю,—что̀ я ему и обѣщалъ.

XI.

До Эрбы пришлось мнѣ ѣхать около трехъ часовъ по незнакомой до сихъ поръ дорогѣ. Желѣзнодорожный путь шелъ по чрезвычайно живописной мѣстности, мало-по-малу выходя изъ долины и поднимаясь въ гору, частыя остановки задерживали его ходъ.

Несмотря на конецъ сентября, погода стояла теплая, дождей выпадало немного.

Мѣстное населеніе почти сплошь занимается шелководствомъ, а потому стороны дороги были обсажены шелковицею, или, какъ ее здѣсь называютъ, «gelso».

— Страна шелка и сыра!—пояснилъ мой спутникъ по вагону, пожилой итальянецъ, видимо замѣтивъ, что я—иностранецъ:—нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не дѣлается такъ много сыра, какъ въ этой мѣстности, и притомъ чрезвычайно разнообразнаго. Тутъ вы найдете и груэра (швейцарскій), и горгондзоло, и стракино, однихъ названій не сочтешь.

Невысокія зданія шелководныхъ кустарныхъ зданій виднѣлись повсюду.

Все пространство полей, окаймленныхъ деревьями, послѣ снятой кукурузы и пшеницы, зеленѣли свѣжей травой, высѣянной вмѣстѣ съ ними и теперь, освободившись отъ ихъ спасительной во время лѣтняго зноя тѣни, оживившейся на просторѣ. Тутъ же бродилъ хорошо откормленный скотъ...

Мирная картина богатой Ломбардіи.

Поѣздъ нашъ остановился на желѣзнодорожномъ узлѣ въ Мероне и, перескочивъ сердитую горную рѣченку Ламбро, соединяющую два озера Альсеріо и Пузіано, снова спустился въ равнину, въ концѣ которой, у подножія отроговъ Альпъ, лежало мѣстечко Эрба, цѣль моей поѣздки.

Станція находилась еще въ долинѣ, но сейчасъ же вправо и влѣво отъ нея шоссейная дорога поднималась въ гору.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ вилла г. Мазини? — спросилъ я начальника станціи, выбравшись изъ опустѣвшаго еще раньше поѣзда чуть ли не единственнымъ пассажиромъ на платформу станціи Эрба.

Итальянецъ наморщилъ лобъ, точно это имя ему приходилось слышать впервые.

— Мазини? — протянулъ онъ, смѣшно оттопыривая верхнюю губу:—не слыхалъ, такой виллы въ Эрба нѣтъ!

Изумленію моему не было предѣла.

— Какъ нѣтъ? Да я самъ отлично знаю, что у Мазини здѣсь чудное помѣстье!—возразилъ я молодому желѣзнодорожнику.

— Вы мнѣ скажите, кто онъ такой, тогда будетъ легче отыскать его, можетъ быть, вилла вовсе не его, а онъ только хвастается.

Это завѣдомый милліонеръ-то хвастунъ! Я былъ возмущенъ словами моего собесѣдника.

— Онъ—пѣвецъ, синьоръ, знаменитый пѣвецъ, понимаете, такая celebrita, что русскія дамы готовы спорить между собой изъ-за его стараго жилета, шляпы, галстука, не говоря уже о носовомъ платкѣ.

Чернышъ довольно осклабился.

— Такъ это не Мазини, а Мадзини. Его я знаю лично, его палаццо недалеко отсюда.

Не все ли было для меня равно, какъ онъ на своемъ характерномъ ломбардскомъ нарѣчіи называетъ божественнаго Анджело: Мазини или Мадзини? Мой понятный испугъ о возможной неудачѣ смѣнился теперь полной увѣренностью въ успѣхѣ.

Разспросивъ подробно, куда мнѣ итти, я смѣло отправился къ моему старому знакомому.

XII.

Вѣроятно, это «недалекое», по словамъ желѣзнодорожника, разстояніе считала наша русская баба клюкою, такъ какъ я взбирался по горной дорогѣ уже болѣе получаса, но ничего не могъ добиться, попутно спрашивая проходящихъ, отъ которыхъ получалъ очень точныя указанія, въ родѣ:

— Сперва прямо, пройдете двѣ выбоинки въ стѣнѣ Кузинати, сверните налѣво, и отъ воротъ, у которыхъ лежитъ постоянно собака, да не рыжая, а пестрая съ подпалинами, рыжая—это синьоры Акконзи, а пестрая—столяра Сатиро Буо, пойдете направо, пока...

Всѣ эти «рыжія, пестрыя собаки», синьоры и столяры, въ концѣ концовъ, надоѣли мнѣ страшно своею безтолковщиною, и я, обливаясь пòтомъ, благодаря старательному солнышку, лѣзъ все выше и выше въ гору, пока наконецъ не убѣдился, что дальше едва ли возможны не только виллы, но даже простыя постройки: повсюду виднѣлись кручи, овраги.

Нужно было возвращаться книзу, но куда?

Никакихъ собакъ, ни рыжихъ, ни пестрыхъ, я больше нигдѣ не замѣчалъ, точно также исчезли и прочія примѣты, указанныя мнѣ въ моихъ исканіяхъ истиннаго пути къ жилищу знаменитости.

Я отправился наугадъ, по русскому обыкновенію, «куда кривая ни вывезетъ».

На этотъ разъ кривая вывезла своего земляка.

Не успѣлъ я спуститься по другой дорогѣ и четверти километра, какъ очутился у невысокой каменной ограды. На хорошо культивированномъ виноградникѣ работалъ садовникъ въ шляпѣ, съ большими полями.

«Можетъ быть, онъ знаетъ виллу тенора?»—невольно промелькнула у меня въ головѣ мысль.

Изумленно посмотрѣлъ на меня работающій.

— Ecco-la (это и есть она самая)!—крикнулъ онъ мнѣ:—ступайте ниже, тамъ ворота, здѣсь прохода нѣтъ.

Пришлось спуститься еще шаговъ сто.

Передо мною находились чугунныя съ позолотой ворота, длинная аллея отъ нихъ вела опять куда-то въ гору.

Пустынно было въ саду, когда я вошелъ въ него и направился къ моему спасителю-садовнику для дальнѣйшаго разъясненія:

— Sempre dritto (все прямо),—указалъ онъ на чуть желтѣвшіяся среди зелени вдали на пригоркѣ стѣны дома.

Я вздохнулъ облегченно, я находился у конечной цѣли моего странствованія. Уставшія на горныхъ подъемахъ ноги требовали отдыха, а такъ какъ время далеко уже перешло за полдень, то мой желудокъ тоже жаждалъ подкрѣпленія.

Но всѣ эти маленькія неудобства искупались увѣренностью успѣха въ задуманномъ дѣлѣ.

XIII.

Невысокое двухъэтажное каменное зданіе, старинной постройки, ярко блестѣвшее на солнцѣ своею желтою окраскою, предстало передо мною, когда я добрался до конца аллеи.

Входъ въ комнаты былъ вровень съ пескомъ аллеи. Почти всѣ окна во второмъ этажѣ были открыты, книзу опущены зеленые створчатые ставни. На площадкѣ было пустынно.

Я подошелъ къ двери и взялся за ручку молотка.

За стекломъ двери показалась фигура служанки.

— Синьоръ Мазини дома?—спросилъ я ее.

— Дома, но падроне гуляетъ въ горахъ, въ верхней части парка... Войдите, онъ скоро вернется, а, если желаете, я могу послать за нимъ Этторе.

— Не безпокойте его, я подожду,—отвѣтилъ я ей и вошелъ въ комнату.

Эта комната представляла собою что-то въ родѣ пріемной.

Стѣны ея были оклеены юмористическими рисунками Гаварни; отъ времени бумага сильно пожелтѣла, рисунокъ кое-гдѣ выцвѣлъ.

По срединѣ стоялъ круглый столъ, по стѣнамъ разставлены были простенькіе стулья. На простомъ деревянномъ полу лежали циновки. Больше въ комнатѣ ничего не было.

Прямо противъ входа черезъ полуоткрытую дверь я замѣтилъ стоящій билліардъ.

Мнѣ недолго пришлось оставаться въ одиночествѣ; усиливавшійся невдалекѣ веселый лай собакъ сообщилъ мнѣ о возвращеніи съ прогулки хозяина.

Онъ сейчасъ же вошелъ въ комнату въ сопровожденіи двухъ молодыхъ людей и старика Пеккори, его секретаря, когда-то бывшаго однимъ изъ извѣстнѣйшихъ импрессаріо театра Алла Скала въ Миланѣ.

— Sei benvenuto!—привѣтливо встрѣтилъ меня знаменитый теноръ, пожимая мнѣ руку,—очень радъ вашему пріѣзду.

Мазини познакомилъ меня со своими гостями. Пеккори я зналъ по театру, двое молодыхъ людей оказались сыновьями миланскаго банкира, пріятеля пѣвца.

— Вы навѣрно проголодались?—заботливо освѣдомился у меня Мазини.—Мы сейчасъ будемъ завтракать.

И онъ хлопнулъ въ ладоши.

— Этторе, готовъ ли завтракъ?—спросилъ онъ явившагося на зовъ слугу.

— Давно уже накрытъ, падроне. Ужъ я звонилъ, звонилъ въ колоколъ, а васъ все нѣтъ, — грубовато простодушнымъ тономъ отвѣтилъ Этторе, пожилой чернышъ съ большой просѣдью въ волосахъ.

— Рекомендую вамъ—мой фактотумъ, онъ же и кучеръ,—шутливо обратился хозяинъ ко мнѣ.

Молодежь разсмѣялась, и мы отправились завтракать.

XIV.

Завтракъ былъ простой, но сытный.

Намъ подали по куску жаренаго мяса «in sugo» (въ соку), два сорта сыра, яблоки и груши.

Все это было обильно сдобрено хорошимъ домашнимъ виномъ.

У Мазини небольшой виноградникъ, и получаемое съ него каждый годъ вино онъ оставляетъ для домашняго расхода, благодаря чему въ погребѣ синьора Анджело имѣются довольно старыя, выдержанныя вина.

Во время завтрака я замѣтилъ, что хозяинъ самъ чѣмъ-то разстроенъ, но старается это скрыть.

Разговоръ все время вертѣлся около сцены и пѣвцовъ.

Самъ Мазини мало интересовался миланскими новостями, тогда какъ старикъ Пеккори, всю свою жизнь проведшій у театральныхъ подмостковъ, знавшій отлично чуть ли не каждаго пѣвца и пѣвицу, подробно разспрашивалъ о заключенныхъ скриттурахъ, о новыхъ театральныхъ предпріятіяхъ. Молодые люди болѣе интересовались, какіе балеты предполагаются къ постановкѣ въ текущемъ карнавалѣ въ театрѣ.

Увлеченные нашимъ разговоромъ, мы обратили на нашего хозяина только тогда вниманіе, когда онъ сжатыми въ кулаки руками началъ бить себя по вискамъ, повторяя:

— Maladetti donni (проклятыя бабы)!

Смущенный, что онъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія, Мазини вышелъ изъ-за стола. Встали и мы. Завтракъ былъ оконченъ.

Мы вышли въ садъ съ Пеккори послѣдними.

— Что это за причина, что Анджело сегодня не въ духѣ?—спросилъ я у него.

— Старая исторія,—усмѣхнулся древній антрепренеръ:—бабы! Съ нимъ восемь лѣтъ жила вмѣстѣ синьора К..., вы ее навѣрно знаете, плохонькое меццо-сопрано, но очень красивая собой. Она когда-то вмѣстѣ съ нимъ пѣла одинъ сезонъ въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ того, когда у него окончился романъ съ Сала, знаменитой сопрано, пѣвшей тоже въ Петербургѣ.

— Это было самое выдающееся время его артистической карьеры: Анджело пѣлъ великолѣпно.

— Слушайте дальше. Анджело крѣпко привязался къ К..., мы, всѣ его близкіе, предполагали, что они не разстанутся. Но случилось иначе. Мать К..., старая бестія, старая фурія, «una stregha» (вѣдьма), все время ихъ ссорила между собой. Дѣло кончилось тѣмъ, что Анджело вчера выгналъ ихъ отсюда обѣихъ. Разумѣется, долголѣтнюю связь нельзя такъ оборвать сразу. Мазини страшно тоскуетъ, ему скучно безъ Карлотты, онъ не находитъ себѣ мѣста.

Пеккори хотѣлъ продолжать свой разсказъ, но въ эту минуту къ намъ подошелъ самъ хозяинъ.

XV.

— О чемъ толкуете?—спросилъ онъ, пытливо глядя на стараго антрепренера.

Послѣдній ловко перемѣнилъ разговоръ.

— Мы толковали съ синьоромъ о вашемъ превосходномъ паркѣ. Ему онъ чрезвычайно нравится.

Успокоенный пѣвецъ началъ разсказывать мнѣ о своемъ помѣстьѣ и какъ онъ его пріобрѣлъ.

— Я купилъ его еще тогда, когда мнѣ улыбнулось впервые счастье, вскорѣ послѣ моего появленія въ Петербургѣ, на сценѣ императорскаго Большого театра. Я выступалъ тогда въ Аидѣ, Фаустѣ, по желанію самого Верди, я спѣлъ въ его новой оперѣ «Forza del Destino» (Сила судьбы) партію Донъ-Альвара, когда эта опера шла въ первый разъ вообще. Знаменитый маэстро самъ восхищался ею, но успѣха въ Петербургѣ она не имѣла и, кажется, больше не шла тамъ. Гонораръ я получалъ очень хорошій, но далеко не въ такомъ размѣрѣ, какъ послѣ, когда я началъ пѣть въ частной оперѣ.

Я невольно вспомнилъ, что минувшій годъ Мазини получалъ тысячу пятьсотъ рублей за вечеръ, тогда какъ раньше за весь сезонъ казенной оперы—шестьдесятъ тысячъ франковъ.

— Утромъ завтра я покажу вамъ всѣ мои владѣнія, сегодня неудобно, мои миланскіе гости послѣ обѣда уѣзжаютъ, нужно побыть съ ними,—продолжалъ хозяинъ и предложилъ войти въ домъ.

Въ небольшой комнатѣ, у окна помѣщалось піанино; мягкая мебель и гардины отсутствовали.

— Cantiamo (споемъ)!—шутливо замѣтилъ Мазини и предложилъ одному изъ сыновей банкира ему аккомпанировать.

— Эдженіо, мой милый, вотъ эту вещь,—дружески хлопая по плечу молодого человѣка, продолжалъ онъ, ставя на пюпитръ «Марту».

Отдохнувшій за лѣто голосъ пѣвца звучалъ великолѣпно. «Послѣдняя роза» рѣдко бываетъ спѣта такъ красиво, голосъ лился прямо въ душу, поражая своими исключительными достоинствами.

«Марту» смѣнилъ разсказъ «Лоэнгрина». Эту оперу Мазини пѣлъ прошлую зиму въ первый разъ. Чудный голосъ все больше и больше овладѣвалъ нами; старикъ Пеккори, переслушавшій на своемъ долгомъ вѣку немало вокальныхъ знаменитостей, восторженно замѣтилъ:

— Tu sei vero un angelo, macosa iodetto... un arcangelo (ты въ дѣйствительности ангелъ, что я говорю... архангелъ).

Мазини, не заставляя себя просить, все пѣлъ и пѣлъ. Что бы дали наши мазинистки, если бы могли слышать въ настоящую минуту этого соловья здѣсь, не стѣсненнаго неудающимися ему условіями сцены?

— Basta (довольно)!--проговорилъ пѣвецъ и опустился на одно изъ креселъ, закончивъ пѣніе.—Adesso—riposo (теперь—отдыхъ)!

XVI.

Мы перебрались опять въ комнату, оклеенную рисунками Гаварни, и усѣлись за круглымъ столомъ, на которомъ уже стоялъ графинъ со старымъ хересомъ; хозяинъ въ это время дня имѣлъ обыкновеніе пить рюмку этого чуднаго вина.

Онъ розлилъ его всѣмъ намъ и промолвилъ:

— Господа, теперь каждый изъ насъ долженъ разсказать интересное изъ своей жизни.

— Ну, за кѣмъ же чередъ?

Рѣшили бросить жребій.

Старикъ Пеккори былъ первый, которому предстояло разсказать изъ своего прошлаго.

Онъ иронически посмотрѣлъ на насъ, провелъ рукою по своему лысому черепу и спокойно сказалъ:

— Я въ продолженіе всей моей жизни, а мнѣ ужъ теперь 74 года, качался, какъ корабль, на волнахъ жизненнаго моря, безчисленное число разъ былъ импрессаріо, то зарабатывая крупный кушъ, то снова оставаясь безъ гроша въ карманѣ. Четыре раза держалъ театръ Alla Scala, у меня пѣли всѣ знаменитости послѣднихъ сорока лѣтъ, и вотъ теперь, когда близится финалъ моей жизни, я—буквально нищій, и если бы не Анджело, мнѣ нечего было бы ѣсть. Вотъ и весь мой разсказъ.

Въ голосѣ стараго антрепренера чувствовались слезы.

— Не скажу, amico, чтобы твой разсказъ былъ изъ веселыхъ, — возразилъ хозяинъ.—Моя жизнь сложилась нѣсколько иначе. Когда я дѣлалъ бочки въ родной Фаэнцѣ, я даже не могъ предположить, что когда нибудь буду тѣмъ, чѣмъ я есть въ настоящее время. Положимъ, мнѣ всегда хвалили мой голосъ, но это не мѣшало мнѣ прилежно стучать моимъ молоткомъ, думая, какъ бы нажить лишніе 2 или 3 франка; затѣмъ встрѣча съ этой дамой, помогшей мнѣ выбраться на мою настоящую дорогу, счастіе и затѣмъ удача, блестящая карьера, да, блестящая карьера, но... Мазини замолчалъ, воцарилось какое-то неловкое безмолвіе, не досказанная фраза хозяина сразу нарушила его хорошее расположеніе духа.

Молодые люди пытались шутками оживить снова разговоръ, но онъ не клеился, всѣмъ было какъ-то неловко, всѣ напряженно ожидали, когда раздастся звонъ колокола, призывавшій къ обѣду.

Я понялъ также, что разговоръ о деньгахъ съ Мазини въ настоящую минуту неудобенъ, и отложилъ его до слѣдующаго раза.

— Не сыграть ли намъ партію въ билліардъ? — предложилъ Пеккори, стараясь внести оживленіе въ нашу компанію.

Посрединѣ комнаты помѣщался большой билліардъ, молодые банкиры играли противъ хозяина и старика Пеккори; я не участвовалъ въ игрѣ, не имѣя понятія въ принятой здѣсь партіи съ фигурами.

Но и билліардъ не разсѣялъ охватившаго всѣхъ тоскливаго настроенія.

Съ какимъ удовольствіемъ бросили игроки свои кіи и отправились въ столовую, едва только раздался звукъ мѣди, призывавшій къ обѣду.

Дымящееся ризотто стояло на столѣ въ большой суповой мискѣ, самъ хозяинъ раскладывалъ его по тарелкамъ. Появилось красное вино, точно такое-же, какъ и за завтракомъ. Итальянцы не привыкли ѣсть безъ него. Ризотто смѣнили «ossa buccо» (тушеное на кости мясо), затѣмъ слѣдовали какіе-то пичужки, и все завершилось громадными вареными грушами въ ананасномъ сокѣ.

Мазини вышелъ изъ-за стола, взялъ ключи и спустился въ свой погребъ, оттуда вернулся съ двумя бутылками Моэта.

— Мое любимое шампанское, — объяснилъ онъ мнѣ.—Въ то время, когда я пою, я рѣдко позволяю себѣ его выпить, но теперь, на свободѣ, я не отказываюсь каждый обѣдъ отъ этого прекраснаго напитка.

Подавалъ намъ тотъ же Этторе, иногда прибѣгала изъ кухни и его жена.

Шампанское не развеселило хозяина, онъ попрежнему оставался скучнымъ.

Миланскіе гости торопились попасть на послѣдній поѣздъ, а потому за столомъ не засиживались, и вскорѣ молодые люди отправились въ коляскѣ на станцію, въ сопровожденіи своего хозяина, а я остался сидѣть съ задремавшимъ старикомъ импрессаріо на площадкѣ передъ входомъ.

XVII.

— Теперь нашъ Анджело захандритъ надолго!—увѣренно сказалъ Пеккори:—проклятыя бабы отравили ему эти свободные отъ работы дни.

— Кто же виноватъ въ этомъ?

— Старая вѣдьма, мать синьоры... Покоя отъ нея не было, во все совала свой носъ, всѣмъ хотѣла распоряжаться. Изъ-за нея и и та уѣхала. Можетъ быть, въ вашемъ присутствіи Мазини постѣснится нервничать, молодые люди прожили у насъ три дня, онъ былъ все время довольно веселъ...

Темнѣло, стало свѣжо, мы вошли въ домъ. Скоро вернулся и самъ хозяинъ... Онъ былъ въ плохомъ расположеніи духа.

— Не сыграть ли намъ партійку въ скопа? — предложилъ Пеккори, пытаясь разсѣять Мазини.

— Отчего же, я не прочь,—коротко отвѣтилъ послѣдній. — До ужина время-то незамѣтно и пробѣжитъ...

Мы усѣлись въ столовой играть въ карты; «скопа», чрезвычайно распространенная въ Италіи игра, напоминаетъ наши «пьяницы». Играютъ въ двѣ колоды.

Пеккори ради шутки плутовалъ, крылъ неправильно, но хозяинъ не замѣчалъ его продѣлокъ. Онъ повидимому, сосредоточенно слѣдилъ за игрою, но, въ дѣйствительности, мысли его были далеко отсюда.

Большіе часы въ столовой гулко пробили половину девятаго.

Анджело облегченно повелъ плечами, тяжелый, пережитый имъ сегодня день кончался.

На столѣ появился незатѣйливый, легкій, хотя съ однимъ горячимъ блюдомъ, ужинъ.

Аппетита ни у кого не было: противъ обыкновенія, сегодня обѣдали не въ два, а въ шесть часовъ.

За ужиномъ хозяинъ обмѣнивался съ нами рѣдкими фразами и съ послѣднимъ ударомъ девятаго часа отправился спать, проговоривъ намъ на прощанье:

— Доброй ночи!

Вслѣдъ за нимъ, забравъ наши мѣдные подсвѣчники съ огарками, разошлись и мы по нашимъ спальнямъ. Онѣ были расположены во второмъ этажѣ.

Пеккори проводилъ меня по длинному коридору со множествомъ дверей до моей комнаты.

XVIII.

На столикѣ, около моей постели, я нашелъ нѣсколько брошюръ о положеніи современной оперы; одна изъ нихъ была на русскомъ языкѣ, въ ней говорилось о тріумфахъ Мазини въ Москвѣ и Петербургѣ. Привычка моя читать на ночь, въ кровати, на этотъ разъ была побѣждена усталостью.

Я едва успѣлъ затушить свѣчу, какъ уже крѣпко спалъ.

Разбудилъ меня тотъ же колоколъ, который былъ въ домѣ глашатаемъ завтрака и обѣда. Онъ такъ настойчиво звонилъ, что я проснулся и принужденъ былъ вставать.

Взглянувъ на часы, я увидѣлъ, что всего еще только шесть часовъ утра, но, не желая нарушить правилъ дома, я сейчасъ же началъ одѣваться.

Утро было довольно свѣжее, когда я растворилъ окно, выходившее въ огородъ.

Спустившись внизъ, я убѣдился, что рабочій день въ домѣ уже начался.

— Гдѣ же синьоръ?—спросилъ я вчерашняго садовника.

— Онъ ожидаетъ васъ въ кухнѣ.

Сознаюсь, меня немного смутило это обстоятельство: къ чему ожидалъ меня онъ на кухнѣ?

Тѣмъ не менѣе, я туда отправился.

Кухня помѣщалась отдѣльно на дворѣ, въ каменномъ низенькомъ помѣщеніи. Посрединѣ ея, ближе къ окнамъ, стоялъ довольно длинный, чисто выстроганный столъ, полъ въ кухнѣ былъ изъ кирпичей, въ углу помѣщался большой очагъ, надъ которымъ висѣлъ мѣдный котелъ для воды.

Около очага копошилась кухарка, жена Этторе.

Самъ Мазини, въ плотно застегнутой курткѣ австрійскаго покроя, сидѣлъ у стола и пилъ утренній кофе.

Съ нимъ былъ и Пеккори.

— Вотъ и отлично, что вы вó-время встали, выпьемте кофе и отправимтесь осматривать мои владѣнія. Простите, что я пригласилъ васъ сюда, въ кухню, но у меня здѣсь простота нравовъ. Первый и второй завтракъ, а иногда и обѣдъ, когда нѣтъ постороннихъ гостей, я провожу здѣсь. Удобнѣе, не стынутъ кушанья, да и имъ,—при этомъ онъ указалъ на прислугу,—не приходится лишній разъ бѣгать въ домъ.

Я наскоро выпилъ чашку кофе и вмѣстѣ съ хозяиномъ отправился выше, въ горы. Старый импрессаріо остался сидѣть.

— Гуляйте хорошенько, а я лучше дома останусь, прежней силы и легкости у меня уже нѣтъ.

Довольно широкая аллея шла все въ гору, но, спустя немного, она исчезла, мы шли прямо по травѣ. Внизу подъ нами виднѣ-

лись среди зелени бѣлые домики съ красными кровлями селенія Эрбы; тонко вырисовывалась узкая колокольня мѣстной церкви.

Горный воздухъ ободряюще дѣйствовалъ на меня.

Мы подошли къ кустамъ акаціи, разсаженнымъ эллипсисомъ. Точно оазисъ, раскинулась эта крохотная рощица на взгорьѣ, старые платаны и вязы находились въ отдаленіи отъ нея.

— Это—мѣсто моей утренней охоты,—объяснилъ мнѣ хозяинъ.— Я вамъ сейчасъ все разскажу.

Мы вошли внутрь этого эллипсиса изъ деревьевъ. Въ одномъ концѣ его помѣщалась наблюдательная сторожка. Между деревьевъ, густою стѣною окружающихъ небольшую полянку, съ небольшимъ углубленіемъ, вырытымъ посрединѣ, стояло нѣсколько небольшихъ клѣтокъ съ птичками, бродили пернатыя плѣнницы и на волѣ, только крылышки ихъ были тщательно связаны, что̀ не позволяло имъ улетѣть. На деревьяхъ тоже висѣло нѣсколько такихъ же клѣтокъ съ птицами. Отъ одного конца до сторожки тянулась длинная веревка, разукрашенная цвѣтными лоскутками и бубенчиками. Внизу на вырытомъ пространствѣ и на дорожкахъ вокругъ него были разсыпаны зерна и куски бѣлаго хлѣба.

XIX.

— Хотите посмотрѣть, какъ я ловлю птичекъ?

Я согласился.

— Нужно будетъ посидѣть нѣсколько времени тихо, тогда птицы сюда слетятся,—сказалъ онъ мнѣ.

Дѣйствительно, немного спустя, на полянкѣ появилось нѣсколько птичекъ, привлеченныхъ пѣніемъ своихъ плѣнныхъ подругъ.

Беззаботно прыгали онѣ около клѣтокъ, клевали на дорожкахъ зерна, весело чирикали, не замѣчая опасности.

Когда безпечныхъ пташекъ набралось на полянкѣ достаточное количество, Анджело взялся за конецъ веревки, протянутой въ сторожку, и началъ ее дергать. Цвѣтные лоскутки замелькали въ воздухѣ, раздался оглушительный звонъ бубенчиковъ...

Птичья стайка, испуганная неожиданнымъ шумомъ, разлетѣлась по сторонамъ, ни одна изъ птичекъ не поднялась вверхъ.

— Ого, сегодня у насъ хорошая охота, дичи на обѣдъ и на ужинъ хватитъ,—довольно замѣтилъ хозяинъ.

Мы выбрались изъ сторожевого домика на полянку. Мазини сталъ обходить кусты акацій.

Только теперь я замѣтилъ, что всѣ они обтянуты тонкой, но частой сѣтью, сплетенной изъ крѣпкихъ нитокъ.

Въ ней запуталось лапками и крыльями большинство птичекъ, тщетно пытавшихся освободиться изъ плѣна.

Пѣвецъ хладнокровно свернулъ нѣкоторымъ изъ нихъ головки, избавивъ ихъ отъ страданій.

— Какой небрежный Этторе, не всѣхъ выбралъ изъ сѣтокъ на прошлой недѣлѣ,—указалъ онъ мнѣ на раньше запутавшихся въ сѣтяхъ птичекъ, уже околѣвшихъ.

Сложивъ птичекъ въ ягдташъ, предусмотрительно захваченный съ собою, Мазини направился дальше въ гору.

Паркъ кончился, пошла дикая природа, вѣковыя скалы, обросшія мохомъ, невысокія деревья, кустарникъ...

Мы добрались до древней полуразрушенной римской арки. Присутствіе ея ясно говорило, что горы эти были раньше обитаемы. Мазини гордился этой древностью, находившеюся въ его владѣніи. На ней были замѣтны слѣды латинской надписи, прочитать которую не представлялось возможнымъ.

Съ одной изъ скалъ открывался великолѣпный видъ на озера.

Точно круглое громадное окно, лежало озеро Пузіано, окаймленное гладко укатаннымъ шоссе.

Амеріо, закрытое отчасти высокими деревьями и скалами, жидкимъ серебромъ блестѣло на солнцѣ.

Горы шли все выше и выше. Далеко-далеко, чуть виднѣлись снѣжныя вершины Итальянскихъ Альпъ, начинавшихся за мѣстечкомъ Колико, въ сѣверномъ концѣ озера Комо.

Дышалось здѣсь, на взгорьѣ, чрезвычайно легко, не хотѣлось уходить отсюда, но мой хозяинъ нарушилъ очарованіе, охватившее меня, замѣтивъ:

— Ну, теперь пойдемте, я покажу вамъ мое новое палаццо, которое я строю для себя.

XX.

Дѣйствительно, это былъ маленькій дворецъ, по своимъ размѣрамъ, красивому расположенію на высокой горной площадкѣ; зданіе было окончено только вчернѣ.

Мы вошли въ обширный вестибюль, откуда поднимались лѣстницы во второй этажъ, гдѣ должны были помѣщаться спальни хозяина и гостей.

Въ нижнемъ этажѣ были расположены: концертное зало, билліардная, столовая и другія парадныя комнаты.

— Вотъ посмотрите, какой я устраиваю погребъ для винъ,—не безъ гордости показалъ мнѣ хозяинъ обширное бетонированное помѣщеніе подъ домомъ, въ горѣ. Въ погребѣ могъ помѣститься не одинъ десятокъ бочекъ съ виномъ.

Въ настоящее время, когда я пишу эти строки, палаццо знаменитаго пѣвца давно уже готово, и онъ въ немъ живетъ, но тогда строеніе только-что было покрыто крышей.

Книзу отъ дома былъ разбитъ вчернѣ цвѣточный садъ, срублены кусты, закрывавшіе видъ на озеро.

Наверху новой постройки былъ устроенъ бельведеръ.

— Тамъ я поставлю небольшой рефракторъ, августовскія и сентябрьскія ночи прелестны, звѣзды въ особенности ярки въ это время года.

Мы возвращались къ дому по аллеѣ, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись шпалерами дорогіе сорта грушъ и яблокъ.

Для апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ мѣстный климатъ былъ суровъ.

Въ Мазини сказался бывшій крестьянинъ; его зоркій, хозяйскій глазъ сейчасъ замѣтилъ, когда мы проходили мимо, нѣсколько совершенно спѣлыхъ грушъ.

— Если ихъ теперь не снять, то онѣ упадутъ сами и разобьются,—замѣтилъ экономный хозяинъ, предлагая мнѣ грушу,—скушайте, чрезвычайно полезно для ingestione (пищеваренія).

Надъ нашими головами, равно какъ и на боковыхъ шпалерахъ, висѣло множество плодовъ, легкій ароматъ спѣлыхъ яблокъ чувствовался въ воздухѣ.

Залитый сентябрьскимъ солнцемъ паркъ казался волшебнымъ. Чудный день повліялъ и на дурное расположеніе духа хозяина.

Синьоръ Анджело былъ веселъ, онъ видимо забылъ о своей непріятности.

Около дома зазвенѣлъ призывной колоколъ ко второму завтраку.

— Ну, идемте скорѣе, Маріула сердится, когда опаздываешь.

Скоро мы были у кухни.

XX.

Второй завтракъ былъ еще сытнѣе, чѣмъ первый; подали горячую триппу (по-русски рубцы, по-польски фляки). Итальянское простонародье очень любитъ это кушанье. Въ Венеціи въ особенности оно вносится въ ежедневное меню различныхъ тратторій и остерій.

Горный воздухъ, которымъ мы надышались, возбудилъ аппетитъ; видъ большой, глиняной, дымящейся чашки, стоящей на столѣ, еще болѣе его усиливалъ.

Хозяинъ сталъ у конца длиннаго кухоннаго стола, сдернулъ съ головы мягкую шляпу, которую носилъ, надвинувъ сильно на правую сторону лба, и ровнымъ, мягкимъ голосомъ прочиталъ молитву. Затѣмъ онъ сѣлъ тутъ же, за столъ, на простой деревенскій стулъ съ сидѣньемъ изъ плетеной соломы, пригласивъ меня и Пеккори помѣститься по обѣимъ сторонамъ.

Остальныя мѣста за столомъ заняли Этторе, Тито и многочисленные работники, работавшіе въ имѣніи.

Мазини самъ вышелъ изъ народа, а потому не дѣлалъ различія между хозяиномъ и работникомъ; доказательствомъ этому могли служитъ его ежедневные завтраки, нерѣдко и обѣды, когда у него не было гостей, вмѣстѣ съ рабочимъ людомъ.

На каждыхъ трехъ работниковъ стояла на столѣ бутылка краснаго вина изъ молодыхъ сортовъ, намъ же Анджело налилъ по стакану темнаго и густого, какъ кровь.

— Попробуйте, господа, эта барбера хоть куда, ей ужъ восемь лѣтъ,—предложилъ онъ намъ, и съ видомъ знатока, прищуривъ одинъ глазъ, поднялъ свой стаканъ и посмотрѣлъ на свѣтъ.

— Vero rubino d'un bel colore (настоящій рубинъ чистой воды). Пейте, пріятель, это вино вливаетъ въ человѣка здоровье! Vino nero—vino di sangue (красное вино—вино крови)!

Авторитетныя слова хозяина послужили къ тому, что мы съ секретаремъ его, Пеккори, поналегли на это «вино крови».

Вино дѣйствительно хорошее, и, благодаря ему, нелюбимая триппа была мною поглощена.

За столомъ дѣлалось все веселѣе, шумнѣе, работники, преимущественно молодежь, замѣчая хорошее расположеніе духа хозяина, поднимали кверху пустыя бутылки и добродушно ему кричали:

— Padrone, non ce piu (хозяинъ, пусто)!

Мазини знакомъ приказалъ Этторе замѣнить пустыя бутылки полными.

— Evvivo, il nostro buono padrone (будь здоровъ, нашъ добрый хозяинъ)!

Кто-то пробовалъ запѣть, Анджело прислушался.

— Ibben, cantiamo (ну, споемъ)!—предложилъ онъ завтракающимъ и запѣлъ первымъ.

Это была какая-то простонародная пѣсня съ восточнаго берега полуострова, съ Адріатики, я зналъ ее тогда, но теперь уже забылъ.

Мощный хоръ дружно подхватилъ напѣвъ, кухня потонула въ звукахъ.

Трудно рѣшить, знали ли поющіе эту пѣсню, но со свойственной всѣмъ итальянцамъ музыкальностью первые голоса сейчасъ же уловили мелодію, а вторые сумѣли ловко ее гармонизировать.

О словахъ не думали, богато одаренные чуткимъ размѣромъ ритма пѣвцы, знакомые съ поэзіей, съ музыкой стиха, быстро, налету подбирали текстъ, мелодія говорила ихъ сердцу больше, чѣмъ слова.

Я невольно заслушался. Молодые, сильные, но вмѣстѣ съ тѣмъ мягкіе, пѣвучіе голоса этихъ артистовъ по рожденію красиво переплетались между собою, ни разу не диссонируя, не выходя изъ ритма.

Нужно было только имъ позавидовать; что намъ, русскимъ, дается съ такимъ трудомъ, что зачастую составляетъ для насъ камень преткновенія, для итальянца является пустячкомъ, шалостью...

Счастливая въ своей природной музыкальности Авзонія!

— Basta (довольно)!—оборвалъ пѣніе хозяинъ послѣ какой-то затѣйливой и только его феноменальному по гибкости голосу доступной фіоритуры.

— Что же, вы будете здѣсь бездѣльничать, а работа стоять? Нѣтъ, довольно, принимайтесь за дѣло!—приказалъ онъ.

Въ эту минуту въ пѣвцѣ опять сказался экономный крестьянинъ, не забывающій о своихъ выгодахъ.

Вся ватага вывалилась изъ кухни; направились и мы къ старому дому, барбера вмѣстѣ съ здоровьемъ влила въ наши вены какую-то временную слабость, впрочемъ хозяинъ шутливо утѣшалъ насъ:

— Эта слабость ненадолго, черезъ часъ силы прильютъ къ вамъ еще больше...

XXI.

— А пока вы оправитесь, я вамъ покажу кое-что, что васъ очень заинтересуетъ,—продолжалъ онъ:—мою коллекцію.

Коллекцію! Вотъ странно, до сихъ поръ я никогда не слышалъ, чтобы знаменитый пѣвецъ былъ коллекціонеромъ!

Какая же могла быть эта коллекція, что такъ сильно захватила его вниманіе? Бабочки, марки, старинныя вещи, картины?...

Но, несмотря на размѣры дома, помѣщеніе для послѣднихъ въ немъ едва ли мыслимо: нѣтъ свѣтлыхъ, большихъ комнатъ, и, судя по тѣмъ экземплярамъ довольно неважной мазни, которые висѣли въ столовой и билліардной, бывшій фаэнцскій крестьянинъ не могъ претендовать на званіе знатока въ живописи,—думалъ я, слѣдуя за Мазини по коридору во внутренность дома.

— Для вашей коллекціи вы, вѣроятно, построили особое зданіе?—съ любопытствомъ спросилъ я хозяина.

— Нѣтъ, это совершенно излишне, и, кромѣ того, опасно, моя коллекція не велика, но стоитъ большихъ денегъ.

Недоумѣніе мое усилилось.

«Что же это, въ самомъ дѣлѣ?»—пытливо спрашивалъ я самъ себя.

— Вы сейчасъ сами увидите,—коротко отвѣтилъ на мой вопросъ Пеккори, ничѣмъ не удовлетворивъ моего любопытства.

Мы вошли въ небольшую комнату, красиво отдѣланную тяжелыми драпри и солидной мягкой мебелью.

Въ комнатѣ было только одно окно, защищенное рѣшеткою изъ толстыхъ желѣзныхъ прутьевъ, вслѣдствіе чего здѣсь царила полутемнота.

Мазини чиркнулъ спичку и зажегъ двѣ стѣнныя лампы съ вставными рефлекторами.

Я продолжалъ съ изумленіемъ осматриваться, недоумѣвая, гдѣ же находится знаменитая коллекція.

Нигдѣ не было замѣтно ни шкапа, ни другого помѣщенія для нея.

— Гдѣ же ваша коллекція?—невольно вырвался у меня вопросъ.

Мазини улыбнулся, подошелъ къ одной изъ спущенныхъ портьеръ, за которыми я подозрѣвалъ дверь, и поднялъ тяжелую матерію.

Дѣйствительно, я не ошибся: за нею находилась толстая чугунная дверца несгораемаго шкапа, вмазаннаго въ стѣну.

Синьоръ Анджело досталъ изъ кармана куртки связку ключей, поставилъ кнопку на извѣстныя буквы, пластинка отскочила, онъ вложилъ ключъ въ замокъ и отворилъ дверь.

Мягко повернувшись на шалнерахъ, она отошла въ сторону; предупредительно направленный на внутренность шкапа рефлекторъ освѣтилъ его содержимое...

Широко раскрывъ глаза, я онѣмѣлъ отъ изумленія.

Передо мною лежали всѣ сокровища Голконды.

Груда бриллiантовъ и другихъ самоцвѣтныхъ камней, правильными рядами расположенные на голубомъ бархатѣ, искрились, испускали лучи, блестѣли жаромъ...

Довольный произведеннымъ на меня эффектомъ, Мазини съ улыбкой наблюдалъ за моимъ изумленіемъ.

Пеккори, вѣроятно, уже не разъ видѣвшій это зрѣлище несмѣтныхъ богатствъ хозяина, съ потухшимъ хладнокровнымъ взглядомъ человѣка, стоящаго на порогѣ могилы, сидѣлъ въ креслахъ и молчалъ.

— Тутъ драгоцѣнностей на нѣсколько сотъ тысячъ, — прошепталъ я.

— Болѣе чѣмъ на полтора милліона, по оцѣнкѣ знаменитыхъ миланскихъ ювелировъ,— спокойно замѣтилъ Мазини; видимо желая показать мнѣ свои сокровища ближе, онъ выдвинулъ доску, на которой онѣ лежали, и, вынимая нѣкоторыя изъ нихъ изъ бархатныхъ лунъ, передавалъ мнѣ ихъ въ руки, разсказывая исторію ихъ полученія.

XXII.

— Вотъ этотъ перстень,—указалъ онъ на крупный бриллiантъ очень рѣдкой воды, вправленный въ массивную золотую оправу,— я получилъ въ подарокъ отъ вашего императора Александра III за исполненіе вмѣстѣ съ нимъ въ Гатчинскомъ дворцѣ дуэта изъ оперы «Искатели жемчуговъ».

— Вамъ, вѣроятно, интересно знать,— продолжалъ хозяинъ,— хорошо ли пѣлъ императоръ?—спросилъ онъ меня.

Я молча кивкомъ головы подтвердилъ его вопросъ.

— У него недурный голосъ, баритонъ, и такъ какъ онъ играетъ на духовомъ инструментѣ, то достаточно музыкаленъ, но

у кого изъ вашей царской фамиліи превосходнѣйшій голосъ, vero diamanto (настоящій брилліантъ), такъ это у великаго князя Павла. Если бы подобнымъ голосомъ владѣлъ простой смертный, онъ былъ бы не менѣе знаменитъ, чѣмъ я. Такого сильнаго, мягкаго и теплаго (pottente, dolce e vibrato) голоса я никогда не слышалъ, онъ лучше, чѣмъ былъ у моего друга Котоньи въ молодости.

— А вы слышали великаго князя?

— Да, нѣсколько разъ, видѣлъ его даже на сценѣ въ театрѣ императорскаго Эрмитажа въ роли Руслана.

Мазини положилъ перстень на мѣсто и досталъ великолѣпнѣйшую булавку для закалыванія галстуха, брилліанты на ней красиво чередовались со смарагдами и сапфирами.

— Ее мнѣ подарилъ мой другъ, покойный король испанскій Альфонсъ III. Какъ-то послѣ перваго акта «Barbiere di Sevigla», онъ позвалъ меня въ свою ложу и лично прикололъ эту булавку на бѣлый шарфъ графа Альмавива.

Лицо пѣвца оживилось, онъ видимо переживалъ снова въ эти минуты былые успѣхи на сценѣ.

— Эту пряжку съ брилліантами преподнесъ мнѣ король Эдуардъ. Ему очень понравилось мое исполненіе партіи герцога въ Риголетто. Онъ считаетъ его своимъ прототипомъ.

— Да развѣ вы пѣли въ Англіи?

— Много сезоновъ. Англія, Россія, Испанія всегда были ареной моей дѣятельности. На сценахъ Друри-Ленскаго, Reale въ Мадридѣ и Большихъ театровъ въ Петербургѣ и Москвѣ создался мой репертуаръ.

— А въ Италіи, дома, вы пѣли? — спросилъ я его.

— Да, нѣсколько разъ въ разныхъ городахъ,—съ легкимъ оттѣнкомъ неудовольствія сказалъ Анджело.

XXIII.

Какъ я позже узналъ, его исполненіе графа Альмавива въ «Севильскомъ цырюльникѣ» въ Санъ-Карло, въ Неаполѣ, было встрѣчено неодобрительно итальянскою публикою.

Несмотря на все необычайное искусство Мазини въ фіоритурахъ, итальянцы не могли простить ему, что онъ передѣлываетъ всю партію по-своему.

— Онъ поетъ свою музыку, а не Россини!.. — негодовали неаполитанцы за своего любимца, Пезарскаго лебедя.

Кромѣ того, король теноровъ, отъ волненія ли, выступая передъ своими строгими соотечественниками, или, будучи нездоровымъ, пѣлъ мѣстами фальшиво, понижая чуть ли не на четверть тона, что для впечатлительнаго уха итальянца является прямо преступленіемъ.

— Lui stonava (онъ понижаетъ)!—съ ужасомъ говорили слушатели въ антрактахъ другъ другу.

Этого было вполнѣ достаточно, чтобы послѣ первой неудачи Мазини никогда не пѣлъ болѣе въ Неаполѣ, рѣдко соглашаясь пѣть и въ другихъ городахъ своей родины.

За полгода передъ моимъ посѣщеніемъ его виллы онъ склонился на просьбы своихъ земляковъ и спѣлъ десять вечеровъ подъ рядъ въ родной Фаэнцѣ «Кавалерію Рустикана», при чемъ весь сборъ поступилъ на сооруженіе здѣсь богадѣльни. Мазини не только не взялъ ни копейки, но еще добавилъ своихъ сто тысячъ франковъ.

Разумѣется, благодарные фаэнцы принимали его, какъ бога, и не обращали вниманія, понижалъ онъ или нѣтъ.'

Этимъ случаемъ пѣвецъ въ особенности гордился, онъ досталъ изъ драгоцѣнностей небольшую медальку, выбитую въ память открытія богадѣльни въ Фаэнцѣ, и съ гордостью сказалъ:

— Вотъ эта маленькая медалька дороже мнѣ всѣхъ находящихся здѣсь брилліантовъ!

Трудно было заключить, говорилъ-ли онъ искренно.

Нашъ осмотръ Голконды Мазини окончился.

Хозяинъ старательно заперъ шкафъ, нѣсколько разъ подергалъ за ручку, чтобы убѣдиться, хорошо ли онъ запертъ, опустилъ надъ нимъ гардину, потушилъ лампы, и когда мы вышли изъ комнаты, закрылъ и ее на ключъ.

Онъ былъ правъ: вліяніе барберы исчезло, голова была свѣжа, слабости какъ не бывало.

XXIV.

Въ пріемной комнатѣ, куда мы вошли, послѣ осмотра коллекціи драгоцѣнностей, находился телеграфный разсыльный.

Замѣтивъ хозяина, онъ подалъ ему три телеграммы.

Мазини принялъ ихъ и осторожно началъ вскрывать, точно опасаясь, что въ нихъ онъ прочитаетъ какую нибудь непріятность для себя, но, когда онъ прочиталъ первую, по лицу его пробѣжала довольная улыбка, и онъ передалъ депешу Пеккори, а самъ принялся за чтеніе другихъ. Повидимому, эти двѣ сообщали тоже что-то пріятное хозяину, и онъ, не ожидая моего вопроса, весело проговорилъ:

— Предлагаютъ двѣ скриттуры: въ Испанію, въ Мадридъ, и къ вамъ въ Россію, въ Москву, на постъ къ Прянишникову.

Третью телеграмму, прочитавъ, онъ положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Но которую изъ нихъ вы предпочтете?—спросилъ я Анджело.

— Они мнѣ обѣ подходятъ: въ Испаніи мнѣ предлагаютъ пѣть сезонъ карнавала, а затѣмъ въ Россіи, но,—прибавилъ онъ съ

загадочной улыбкой,—раньше нихъ мнѣ предложена еще одна скриттура.

— Куда именно?

— Это—секретъ! Scrittura non teatrale, ma amorosa (не театральная скриттура, а любовная). Она недолго продлится, всего одну недѣлю, но эта женщина, о, если бы вы знали! Divina creazione (божественное созданіе)!

Глаза Мазини восторженно блеснули.

— Sempre vivere de gio...—старческимъ голосомъ пропѣлъ изъ «Травіаты» Пеккори, хитро скосивъ глазъ, указывая на хозяина.

— Sempre buffone (вѣчный шутъ)!—добродушно возразилъ пѣвецъ, сразу преобразившись.

Привыкнувъ къ лихорадочной сценической дѣятельности, къ постояннымъ оваціямъ, аплодисментамъ, восторженному поклоненію слушателей, Мазини, въ обыденной жизни, былъ самъ не свой, тоска заѣла его, дни отдыха превращались для него въ дни мученія.

Достаточно было этихъ телеграммъ, чтобы Мазини, какъ старая полковая лошадь, заслышавъ знакомые ей звуки трубы, сейчасъ же оживился, нервность его куда-то исчезла.

— Что жъ мы будемъ здѣсь сидѣть взаперти и дома, никого не видѣть? Я велю заложить лошадей, поѣдемте покататься,—предложилъ онъ намъ.

Экипажъ былъ скоро готовъ; красивыя караковыя лошади подкатили его на площадку около дома. На козлахъ возсѣдалъ, преобразившійся на этотъ разъ въ кучера, Этторе.

Мы помѣстились въ экипажъ и отправились, спускаясь по шоссе къ озеру Пузіано.

Хорошее расположеніе духа хозяина представлялось для меня удобнымъ временемъ, чтобы сказать о моей просьбѣ, но присутствіе стараго секретаря мнѣ мѣшало; я рѣшился подождать, пока мы возвратимся съ прогулки домой.

XXV.

Хорошая погода сдѣлала нашу поѣздку еще пріятнѣе.

Мазини оживленно указывалъ мнѣ на разныя достопримѣчательности во время нашего пути.

Пѣвца видимо знали всѣ въ окрестности, ему то и дѣло приходилось отвѣчать на поклоны; сидѣвшій въ небольшой деревенской остеріи, карабиньеръ въ его традиціонной мантиліи и черной шляпѣ вытянулся даже во фронтъ и что-то крикнулъ намъ вслѣдъ.

— Это Лучіано, мой старый пріятель,—снисходительно объяснилъ мнѣ Мазини:—онъ частенько меня навѣщаетъ, бѣднякъ сильно нуждается въ деньгахъ.

— Онъ тебя обманываетъ, знаю я этого birbaccioио (мошенника),—замѣтилъ Пеккори.

— Ахъ, не все ли равно,—прервалъ его Анджело,—сотней франковъ больше, сотней франковъ меньше... Да развѣ меня мало обманывали!

Эти слова пѣвца о жалкой сотнѣ франковъ снова укрѣпили мою увѣренность, что моя просьба не будетъ имъ отвергнута.

Съ обѣдомъ сегодня мы значительно опоздали, вернувшись домой только къ четыремъ часамъ.

— Ну, ну, не сердись,—успокаивалъ Мазини кухарку, недовольную нашимъ позднимъ пріѣздомъ,—сегодня у меня такой пріятный день.

— Мнѣ все равно, но супъ перекипѣлъ, жаркое подгорѣло... Ахъ, я и забыла вамъ сказать, синьоръ падроне, что вамъ принесли еще телеграмму, я ее положила на кругломъ столѣ въ прихожей.

— Bene, bene, buoni novelli soni sempre benvenuti (хорошо, хорошо, добрыя вѣсти всегда желательны),—красивой музыкальной фразой пропѣлъ Анджело, быстро направляясь изъ кухни къ дому.

На этотъ разъ знаменитому тенору пришлось разочароваться: извѣстія оказались не изъ пріятныхъ.

Въ этомъ мы съ Пеккори могли убѣдиться, когда Мазини, прочитавъ телеграмму, ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что стоявшія приготовленныя для хереса рюмки со звономъ скатились на каменный полъ и разбились.

— Oh, moribondo stregha (кладбищенская вѣдьма)!—крикнулъ онъ громко и, не стѣсняясь въ моемъ лицѣ посторонняго, началъ быстро передавать старику содержаніе депеши.

Оказалось, что выгнанная имъ изъ дома мать его долголѣтней сожительницы требовала съ него довольно крупную сумму, угрожая въ противномъ случаѣ судебнымъ процессомъ.

Спокойнаго и веселаго за минуту Мазини трудно было узнать, самообладаніе его исчезло, точно также извѣстная выправка, пріобрѣтенная имъ за долгое время его сценической дѣятельности и замѣнявшая ему воспитаніе; въ немъ сказался простолюдинъ.

Мы съ Пеккори пробовали его успокаивать, но это было невозможно.

Обѣдъ прошелъ при общемъ молчаніи. Хозяинъ изрѣдка колотилъ себя сжатыми кулаками по вискамъ, глухо повторяя:

— Maladetti (проклятая)!

Мой денежный вопросъ отлагался опять на неопредѣленное время. Трудно было предполагать, что въ эту минуту Мазини благосклонно выслушаетъ мою просьбу.

Послѣ обѣда хозяинъ куда-то скрылся, въ столовой стало еще тоскливѣй, мы продолжали со старикомъ играть въ карты, но игра не ладилась, и ранехонько мы разошлись по своимъ комнатамъ.

Спальня Мазини была расположена недалеко отъ моей.

Въ звучной тишинѣ мало обитаемаго дома слышны были его порывистые шаги.

Нервно настроенный, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей спальнѣ.

XXVI.

На другое утро обыденный колоколъ разбудилъ меня рано, я поспѣшилъ одѣться и вышелъ изъ комнаты, но уже не засталъ хозяина дома, онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Пеккори въ Комо, гдѣ проживалъ его повѣренный по дѣламъ.

Одному мнѣ сдѣлалось очень тоскливо, надежды мои на заемъ опять упали. Отъ нечего дѣлать я пошелъ бродить по саду.

Сзади дома тянулся большой огородъ, на грядахъ земляники копошился Этторе, онъ собиралъ оставшіяся ягоды поздней земляники, осторожно укладывая ихъ въ плетеную корзинку.

— Патронъ нашъ очень любитъ землянику, а потому я стараюсь держать ее какъ можно дольше на грядахъ, иногда дотягивая до ноября,—объяснилъ онъ мнѣ,—а послѣ я выращиваю ее въ парникахъ, впрочемъ въ этомъ нѣтъ большой надобности, такъ какъ патронъ никогда не проводитъ зиму дома.

— А когда, въ Италіи, онъ всегда здѣсь живетъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Кромѣ этой виллы, у него есть чудный домъ на родинѣ въ Фаэнцѣ, тамъ живетъ старикъ отецъ, которому уже много лѣтъ. Сыновья синьора Анджело, одинъ изъ нихъ офицеръ, проживаютъ постоянно въ Римѣ per divertimento (для удовольствія). Ахъ, да что молодымъ господамъ и дѣлать, они дѣти богатаго отца, имъ не нужно зарабатывать своимъ трудомъ хлѣбъ. Немало горя приносятъ они ему! Если когда сюда и пріѣзжаютъ, то только для того, чтобы попросить у отца денегъ.

Видимо было, что старый служака былъ посвященъ въ отношенія Мазини къ его дѣтямъ.

— При синьорѣ К. они рѣдко когда сюда пріѣзжали, а теперь вѣрно опять зачастятъ.

Мнѣ неудобно было разспрашивать о семейныхъ тайнахъ, и, чтобы избѣжать болтовни Этторе, я побрелъ опять къ дому.

Обычный порядокъ дня, несмотря на отсутствіе хозяина, ничѣмъ не измѣнился.

Мазини вернулся домой только къ обѣду. Нахмуренный лобъ его, недовольный взглядъ ясно говорили, что переговоры въ Комо нисколько его не успокоили.

Послѣ обѣда, прошедшаго, какъ и въ вчера, въ молчаніи, мы выбрались снова въ садъ, и я рѣшилъ передать Мазини мою просьбу.

Я ясно сознавалъ несвоевременность этого, но оставаться дольше въ Эрбѣ мнѣ было нельзя.

Мазини безучастно меня выслушалъ и спокойно отвѣтилъ:

— Я долженъ отвѣтить отказомъ. Я такъ много давалъ всѣмъ денегъ, что теперь мнѣ должны около четырехсотъ тысячъ франковъ, и если буду продолжать поступать такимъ же образомъ, то въ одинъ прекрасный день у меня ничего не останется.

Хотя подобный отвѣтъ меня ошеломилъ, но я старался возражать, что просимыя мною деньги мнѣ необходимы на короткій срокъ, что въ Петербургѣ у меня имѣется земельная собственность, я намекнулъ ему о полученныхъ имъ отъ нашей прошлогодней антрепризы 60-ти тысячъ рубляхъ, равнявшихся почти 200-мъ тысячъ франковъ, двухсотая часть этого гонорара, даже въ случаѣ потери, не могла тяжело отозваться на его благосостояніи.

Мазини сдѣлалъ видъ, что онъ не понялъ моего послѣдняго замѣчанія, и перемѣнилъ разговоръ. Пользоваться дольше его гостепріимствомъ я не нашелъ для себя возможнымъ и въ тотъ же вечеръ отправился обратно въ Миланъ.

Мазини былъ настолько обезпокоенъ своими непріятностями, что не удерживалъ меня, хотя раньше просилъ погостить подольше.

Къ назначенному времени коляска была приготовлена, проводить меня на станцію вызвался Пеккори. Дорогой я ему разсказалъ о моей неудачной просьбѣ.

— Я знаю характеръ Анджело, въ другое время онъ, можетъ быть, не отказалъ бы, но теперь нервы его такъ взвинчены, что онъ на всѣхъ бросается, какъ дикій звѣрь, въ эту минуту просить его о чемъ либо безполезно.

Во всякомъ случаѣ это объясненіе мало измѣнило мой взглядъ на короля теноровъ.

Вотъ и вся исторія моего посѣщенія его виллы и нѣсколькихъ дней, проведенныхъ съ нимъ.

Г. Т. Сѣверцевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О К. А. СКАЛЬКОВСКОМЪ.

ДАВНО и близко зналъ Константина Аполлоновича Скальковскаго, зналъ его, какъ журналиста, сотрудничая вмѣстѣ въ газетахъ, какъ театрала, вращаясь съ нимъ въ кружкахъ, близкихъ кулисамъ, и, наконецъ, какъ чиновника горнаго вѣдомства, совершивъ съ нимъ поѣздки по районамъ южнаго и сѣвернаго горныхъ округовъ. Такимъ образомъ Скальковскій знакомъ мнѣ въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ... Всѣ эти роли ему были по душѣ! Журналистику онъ любилъ, увлекался ею, — онъ не умѣлъ писать длинно и скучно. Это не мѣшало ему говорить о самыхъ серьезныхъ предметахъ общественной и государственной важности. Запасъ знаній, эрудиція, блестящій, остроумный талантъ и полемическій задоръ придавали интересъ всему, что выходило изъ-подъ пера Скальковскаго. Его постоянными читателями были даже тѣ, которые совершенно не раздѣляли его взглядовъ и убѣжденій. Онъ умѣлъ захватить читателя газеты съ первыхъ строкъ, разсуждая о чемъ и о комъ хотите: о Виржиніи Цукки или о богатствахъ Кривого Рога, о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ или о туалетахъ парижанки.

Легкая, живая, доступная форма, въ которую Константинъ Аполлоновичъ облекалъ свою журнальную работу, дала ему обширнѣйшую аудиторію читателей.

Въ журналистикѣ у него было много враговъ, но они не удручали особенно Скальковскаго, и онъ довольно хладнокровно отно-

сился къ стрѣламъ и брани по его адресу, обѣщая при случаѣ отплатить тѣмъ же. Скальковскій, театралъ и балетоманъ, былъ не менѣе популяренъ, чѣмъ журналистъ. Онъ и въ сферу искусства внесъ много интереснаго своими книгами о балетѣ, о театральныхъ вопросахъ и пр.

Публикѣ, посѣщающей театры, примелькалась фигура Скальковскаго: онъ сидѣлъ и въ итальянской оперѣ, и въ драматическомъ театрѣ, и въ балетѣ. Артисты любили Скальковскаго, который удѣлялъ имъ особенное вниманіе, помѣщая статьи о нихъ, дѣлая мѣткія характеристики и привѣтствуя ихъ рѣчами и спичами на всѣхъ театральныхъ пирушкахъ. И вотъ этотъ-то Скальковскій, другъ кулисъ и артистовъ, злой и безцеремонный журналистъ, вышучивавшій часто бездарныхъ государственныхъ бюрократовъ, самъ дослужившись до высокихъ чиновъ, сдѣлался государственнымъ человѣкомъ.

Назначеніе его директоромъ горнаго департамента было многимъ не по вкусу. И не столько это назначеніе, сколько возможность въ будущемъ сѣсть на министерское кресло.

Горное вѣдомство встрѣтило новаго директора сочувственно и съ розовыми надеждами; оно знало Константина Аполлоновича хорошо, оно вѣрило, что онъ вдохнетъ въ дѣло жизнь, вложитъ энергію и выдвинетъ людей даровитыхъ.

Горное вѣдомство само по себѣ и безъ Скальковскаго отличалось всегда жизнеспособностью, обиліемъ способныхъ, талантливыхъ людей, выдвинувшихся и на другихъ поприщахъ. Здѣсь бюрократическая канцелярщина хотя и существовала, но, сравнительно съ другими вѣдомствами, смотрѣла болѣе легкой, застѣнчивой.

Скальковскій занялъ здѣсь высшее мѣсто и, встрѣтивъ плеяду своихъ старыхъ товарищей, остался именно ихъ товарищемъ. Олимпійства и гордости въ немъ не было, онъ внесъ въ чиновничьи отношенія простоту, доступность и, по характеристикѣ мѣстнаго курьера, предъ которымъ прошла фаланга директоровъ, былъ любезнѣе и добрѣе даже всѣхъ начальниковъ отдѣленій.

Какъ человѣкъ удивительно ровный, онъ былъ одинаковъ и съ чиновниками, и съ просителями, и съ курьерами.

Конечно, два-три горныхъ сановника шипѣли, злобствуя противъ Скальковскаго, который опередилъ ихъ. Являлись къ Константину Аполлоновичу, когда угодно, и съ просьбами и съ докладами.

Въ департаментѣ царило настроеніе самое радужное: дѣла, лежавшія годами и покрывавшіяся пылью, Скальковскій разрѣшалъ стремительно и быстро. Онъ умѣлъ схватить суть дѣла, понять его и быстро дѣлалъ резолюціи.

Нѣкоторые просители, таскавшіеся ранѣе въ департаментъ, не вѣрили, что ихъ ходатайства разрѣшались съ необычной быстротой.

— Все объяснилъ, все разрѣшилъ, — говорилъ про него одинъ армянскій нефтепромышленникъ, — и даже успѣлъ о балетѣ поговорить!

Ну, разумѣется, инымъ мѣстнымъ сановникамъ представлялось непостижимымъ, какъ могъ директоръ департамента во время пріема сказать: «отчего васъ въ балетѣ не видно?»

На этомъ недоброжелатели играли, рисуя новаго директора въ опереточномъ духѣ. Тѣмъ не менѣе работа закипѣла, и всѣ это чувствовали, всѣ подражали Константину Аполлоновичу.

Большинство горныхъ инженеровъ сумѣло оцѣнить его.

Мои наблюденія въ этомъ отношеніи не основаны на чужихъ мнѣніяхъ: я самъ все видѣлъ и слышалъ, потому что причислился къ инспекторскому отдѣленію и часто бывалъ въ департаментѣ.

Мнѣ хотѣлось ѣхать со Скальковскимъ на югъ, куда онъ былъ командированъ для открытія въ Екатеринославѣ южнаго горнаго округа, затѣмъ на сѣверъ въ Олонецкій горный округъ. Отправился я въ качествѣ корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Г. Авсѣенко. Скальковскій, въ виду этого, причислилъ меня къ инспекторскому отдѣленію, такъ что я превратился въ канцеляриста и «сопровождалъ» его, разумѣется, не на казенный счетъ.

Итакъ, вотъ тѣ «роли», въ которыхъ долго я приглядывался къ Скальковскому, а потому и считаю себя въ правѣ подѣлиться воспоминаніями о немъ, а не слышаннымъ съ чужихъ словъ...

Въ іюлѣ 1891 г. утромъ мы пріѣхали на станцію Екатерининской желѣзной дороги. Здѣсь новаго директора департамента встрѣчали начальникъ горнаго управленія южной Россіи, директоры мѣстныхъ металлургическихъ обществъ, управляющіе рудниками и др. Скальковскаго сопровождали два чиновника, одинъ изъ которыхъ, г. Б., въ блестящей формѣ, необыкновенно важный и величественный, выглядѣлъ гвардейцемъ. Онъ первый выскочилъ изъ вагона, а за нимъ въ довольно потертомъ пальто и полинявшей форменной фуражкѣ слѣдовалъ Скальковскій.

Встрѣчавшіе, мало знавшіе Скальковскаго, приняли Б. за директора департамента и представлялись. Начальникъ округа, однако, не ошибся.

Скальковскій, видя эту суету, отъ души хохоталъ.

— Вотъ видите, я не похожъ на директора департамента!—говорилъ Скальковскій, привѣтствуя собравшихся.—Такая жара, господа, къ чему вы нарядились въ мундиры!

Вся торжественность момента исчезла, потому что директоръ департамента заговорилъ пріятельскимъ тономъ, уклонившись отъ обмѣна официальными привѣтствіями. Съ мѣста онъ обращался ко

всѣмъ съ вопросами и на всѣхъ произвелъ самое пріятное впечатлѣніе.

Въ Екатеринославѣ на торжествѣ открытія горнаго управленія южной Россіи Скальковскій произнесъ рѣчь, вспомнивъ планы великой Екатерины и Потемкина, замыслы ихъ касательно учрежденія въ Екатеринославѣ университета, музыкальной академіи, основанія собора, равнаго по размѣрамъ собору Петра въ Римѣ и т. д. Онъ закончилъ пожеланіемъ процвѣтанія Екатеринославу, зданію, прочно заложенному на чугунѣ и желѣзѣ изъ окрестныхъ заводовъ.

Ему отвѣчалъ нынѣшній членъ государственнаго совѣта по выбору, горный инженеръ Н. С. Авдаковъ, который предсказалъ новую эру развитія горнаго дѣла въ Россіи подъ руководствомъ Константина Аполлоновича.

— Вотъ у насъ какъ говорятъ горные инженеры! — замѣтилъ Скальковскій про краснорѣчіе Авдакова, говорившаго минутъ двадцать.—Лучше адвокатовъ и профессоровъ.

Начались поѣздки по заводамъ Юза, отъ Юза отправились на Верхне-Днѣпровскій, на Александровскій Брянскаго общества и т. д. Вездѣ устраивались по случаю пріѣзда директора департамента лукулловскіе пиры.

Скальковскій на одномъ изъ такихъ пировъ сказалъ, что все это невыгодно для акціонеровъ заводовъ, что желудокъ его—не доменная печь, и что, съѣвъ все предлагаемое, онъ можетъ тутъ же закончить свою служебную карьеру.

Скальковскій внимательно осматривалъ всѣ заводы, спускался въ шахты, бесѣдовалъ съ рабочими. Тогда эти бесѣды были самаго мирнаго характера, и даже мѣстный губернаторъ В. К. Шлиппе видѣлъ только одно зло, вредившее обезпеченію и спокойствію рабочаго — это питейный уставъ: кабаки разоряли людей.

Скальковскій не придалъ значенія этому злу, сознавая, что оно въ будущемъ окажется микроскопическимъ изъ золъ въ вопросѣ объ обезпеченіи рабочаго труда. Тѣмъ не менѣе, онъ не предвидѣлъ въ мѣстномъ районѣ нынѣшняго обостренія рабочаго вопроса, хотя и не отрицалъ низкой оцѣнки труда нѣкоторыми промышленниками. Что онъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи, мнѣ не извѣстно.

Осматривая больницы, Скальковскій гдѣ-то замѣтилъ:

— Отлично, чисто... Только краска еще не высохла: должно быть, вчера больница приведена въ такой видъ къ моему пріѣзду. О томъ, что больные здѣсь выздоравливаютъ,—это тоже мнѣ извѣстно...

— Ну, какъ вы нашли?—спросилъ я у Скальковскаго, когда мы садились въ экипажъ, покидая каменноугольныя копи.

— Тутъ, кажется, главное вниманіе было обращено на завтракъ.

Надо отдать ему справедливость, что онъ не стѣснялся и вы-

сказывалъ свои замѣчанія откровенно горнымъ инженерамъ, рекомендуя тѣ или другія мѣропріятія.

Въ Олонецкомъ горномъ округѣ онъ, остановившись у бывшаго товарища, начальника горнаго округа, не постѣснился тутъ же сказать окружающимъ: «ему надо скорѣй уходить,—куда онъ годится?»—и тутъ же на мѣстѣ намѣтилъ замѣстителя, который и былъ вскорѣ назначенъ. Болѣзнь ускорила удаленіе стараго начальника. Рабочіе жаловались Скальковскому на дороговизну хлѣба, чтò было тамъ общимъ бѣдствіемъ. Онъ рекомендовалъ до минимума понизить заготовительныя цѣны на хлѣбъ.

Попутно, совѣщаясь съ инженерами, Скальковскій не упускалъ и стороннихъ мелочей.

— Хоть бы вы господа прибили доску на домѣ, гдѣ жилъ Державинъ.... это не разоритъ горнаго вѣдомства,—предложилъ онъ въ Петрозаводскѣ.

Доска была прибита.

— Вообще у васъ тутъ многое сохранилось въ неприкосновенности со времени Петра I,—посмѣивался онъ.

Около Кончезерскаго завода находятся марціальныя воды, открытыя въ 1714 г., гдѣ пребывалъ Петръ Великій съ императрицей.

Скальковскій пожелалъ заглянуть и сюда, и нашелъ здѣсь огороженную не то лужу, не то яму и избушку на курьихъ ножкахъ, на которой прибита доска объ открытіи водъ.

Впрочемъ о Петрѣ 1 напоминаетъ еще обросшій мохомъ его бюстъ. Въ церкви сохранились кой-какіе предметы Петровскаго времени.

— Прикажите вычистить все это, обновите павильонъ,—распорядился Скальковскій:—вѣдь это чортъ знаетъ что такое! хоть бы ради историческаго значенія позаботились! Виши изъ этого не сдѣлаешь, но все-таки можно придать видъ приличный. У насъ въ Новой Деревнѣ подобнаго не сыщешь. Лѣчатся ли здѣсь?

— Жена инженера лѣчилась... пояснилъ сторожъ.

— Весьма сожалѣю ее.

Водопадъ Кивачъ, воспѣтый Державнымъ, совсѣмъ удручилъ Скальковскаго. Онъ нашелъ домъ; принадлежащій горному вѣдомству, безъ всякой мебели.

— На чемъ же сидятъ и отдыхаютъ у васъ?

— На сѣнѣ, ваше превосходительство!—объяснилъ кто-то.

— Да бываютъ посѣтители?

— Бываютъ, не много, а бываютъ.

— Кто жъ сюда поѣдетъ! Красота, но первобытность... Насъ высмѣютъ. Пожалуйста, меблируйте, я дамъ денегъ... Да заведите книжку, чтобы посѣтители расписывались... чтобы знать, сколько ихъ было... А вѣдь сюда ѣздили бы и иностранцы!

Скальковскій завалился отдыхать на сѣнѣ, разложенномъ въ комнатѣ.

Въ другой комнатѣ былъ приготовленъ скромный завтракъ.

— Вотъ для завтрака у васъ и стулья и столъ нашлись, а тутъ хоть бы скамейка. Не удивляюсь, что, кромѣ олонецкихъ собакъ-лаекъ, здѣсь никого нѣтъ!

Скальковскій объѣхалъ всѣ заводы, кончая самымъ сѣвернымъ Валазминскимъ, гдѣ можно при счастьѣ и медвѣдей встрѣтить. На этомъ заводѣ всего 42 рабочихъ, оторванныхъ отъ міра. Къ чести Скальковскаго скажу, что онъ самъ вызвался сдѣлать все, что только можетъ, для мѣстныхъ служащихъ, находя условія ихъ работы исключительными.

Къ Константину Аполлоновичу, не смотря на его требовательность, рѣзкія замѣчанія, часто какъ будто насмѣшливый тонъ, всѣ горные инженеры питали довѣріе, признавая близкое знаніе имъ дѣла и желаніе двинуть его впередъ.

Строгое замѣчаніе передавалось у него съ добродушной шуткой, и отношенія между нимъ и подчиненными были искренними. Онъ охотно выслушивалъ возраженія, спорилъ и соглашался, если былъ не правъ. Онъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, какъ начальникъ, вдохнулъ энергію въ горное дѣло; былъ подъемъ, который и отмѣтилъ Н. С. Авдаковъ, привѣтствуя Скальковскаго на Екатеринославскихъ торжествахъ.

Такимъ запечатлѣлся Константинъ Аполлоновичъ и въ моей памяти, какъ горный дѣятель, къ голосу котораго прислушивались. Это не былъ объѣздъ начальника, который ѣздилъ ради прогонныхъ денегъ, онъ дѣйствительно вникалъ въ дѣло и на мѣстѣ знакомился съ нимъ.

Курьезовъ во время этихъ командировокъ было много. Скальковскій подтрунивалъ надъ генеральствомъ сопровождавшаго его чиновника, упрекая его въ желаніи производить впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, петербургскаго градоначальника.

Проѣзжая дремучимъ лѣсомъ Олонецкой губерніи, мы остановились въ деревнѣ около избы, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ.

Къ удивленію своему, вмѣсто щей и каши Скальковскій увидѣлъ на столѣ тонкія, гастрономическія закуски и красное вино, то самое, которое онъ пилъ въ Петербургѣ.

— Что это такое?—спросилъ онъ горнаго инженера, сопровождавшаго его.

— Ужъ извините, чѣмъ Богъ послалъ, ваше превосходительство...

— Не Богъ, а вы это сюда прислали!.. Можетъ быть, это принято у васъ по традиціямъ при проѣздѣ начальства, но я противъ этой «освѣдомленности» на счетъ моихъ вкусовъ.

— Должно быть, они освѣдомляются чрезъ курьеровъ въ Петербургѣ о вкусахъ начальниковъ. Не даромъ всѣ такъ рвутся въ

командировки!—говорилъ дорогой Скальковскій.—Очень ужъ это по-балетному! Дремучій лѣсъ, горный инженеръ въ видѣ благодѣтельной феи и на столѣ завтракъ съ иностранными винами! Пожалуйста, не тратьтесь или берите съ меня за харчи! Я вамъ благодаренъ, но разоряться не слѣдуетъ.

— Куда ты гонишь, лошадей хлещешь!—кричалъ Скальковскій на ямщика.

— По высочайшему повелѣнію изволите ѣхать, ваше превосходительство.

— Поѣзжай, какъ слѣдуетъ.

— Приказывали гнать... по высочайшему всегда...

Послѣ смерти Скальковскій оставилъ капиталъ академіи наукъ, съ тѣмъ чтобы выдавали премію за лучшее сочиненіе по истребленію клоповъ въ Россіи.

О клопахъ онъ говорилъ вездѣ, гдѣ бы ни приходилось останавливаться на ночлегъ.

Въ одномъ училищѣ горнаго вѣдомства клопы особенно одолѣвали Скальковскаго. Онъ всталъ, одѣлся и не спалъ всю ночь.

Начальникъ мѣстнаго горнаго округа по той же причинѣ поднялся рано утромъ.

— Плохо почивали?—спросилъ онъ Скальковскаго.

— Да, какъ будто клопы кусали?

— Да есть... нельзя сказать, чтобы много, а рубинчики есть...

«Рубинчики» понравились Скальковскому и, гдѣ бы онъ ни останавливался, прежде всего спрашивалъ: «а какъ у васъ насчетъ рубинчиковъ?»

Это преслѣдованіе его по Россіи рубинчиками и послужило причиной къ происхожденію преміи за ученое сочиненіе.

Скальковскій отличался поразительной памятью и по пріѣздѣ въ Петербургъ ничего не забылъ изъ видѣннаго и слышаннаго. О каждомъ инженерѣ, о каждомъ рабочемъ онъ напоминалъ... «А вотъ этотъ просилъ то-то, а тотъ вотъ это... я обѣщалъ, не забудьте».

Можно съ точностью сказать, что съ воцареніемъ въ горномъ департаментѣ Константина Аполлоновича начался тотъ періодъ, который извѣстенъ былъ подъ названіемъ «расцвѣта промышленности». Это былъ дѣйствительно расцвѣтъ промышленности, и если онъ вылился въ биржевую вакханалію, то, конечно, не по винѣ горнаго вѣдомства. Предпріятія процвѣтали, и весьма естественно, что къ нимъ примазались разные спекулянты, вздувавшіе акціи металлургическихъ заводовъ и каменноугольныхъ предпріятій до баснословныхъ цѣнъ. Не въ этихъ бѣглыхъ наброскахъ подводить итогъ всему сдѣланному Скальковскимъ для горнаго дѣла. Наконецъ, я—не спеціалистъ, а потому ограничился только субъективными впечатлѣніями и наблюденіями, видя Скальковскаго

у самаго дѣла, видя его отношенія къ горнымъ работникамъ. Въ него вѣрили и не разочаровались. При немъ горный департаментъ, словно отъ сна, возсталъ.

Немало раздавалось голосовъ, не сочувствовавшихъ Скальковскому, но это не были голоса спеціалистовъ. Скальковскаго-балетомана мѣшали со Скальковскимъ-горнымъ инженеромъ, со Скальковскимъ - публицистомъ, обличителемъ. Но вотъ именно это и были совершенно разные Скальковскіе, у которыхъ одно занятіе не мѣшало другому.

К. А. Скальковскій, какъ журналистъ, представлялъ собою рѣдко талантливаго, остроумнаго человѣка, писавшаго много, живо, задорно, легко. У него былъ юморъ, свойственный журналисту парижскому, который рѣдко обходится, даже обсуждая государственные вопросы, безъ каламбура и остроты. Политическія убѣжденія свои Скальковскій высказывалъ открыто, но не навязывалъ ихъ тѣмъ, кому они не симпатичны. Иначе какъ объяснить его пріятельскія отношенія съ людьми совершенно противныхъ взглядовъ?

Странно было видѣть, напримѣръ, въ ресторанѣ, за однимъ столомъ, болтавшихъ Скальковскаго и Е. В. Де-Роберти. Вѣдь это— два полюса, отдаленные другъ отъ друга. Иногда они горячо спорили, не соглашались между собою, и на этомъ все заканчивалось, но бесѣда продолжалась.

Работалъ Скальковскій съ поразительной быстротой, и только по утрамъ. Энциклопедическій словарь для него былъ лишнимъ, онъ держалъ его въ своей головѣ и могъ бы добавлять Брокгауза и Ефрона, а не пользоваться ихъ изданіемъ.

Изъ своихъ газетныхъ статей Скальковскій опять таки съ ловкостью, присущей парижскому журналисту, лѣпилъ книги, быстро спаивая клочки и отрывки. У него не пропадала газетная работа, какъ пропадаетъ она у большинства моихъ собратьевъ. Она приносила ему ренту. Нѣкоторыя книжки выдерживали десятки изданій.

— Самая тяжелая для меня работа,—жаловался Скальковскій,— читать корректуры. У меня такой почеркъ, что его за 25 лѣтъ наборщики не привыкли разбирать.

Недаромъ онъ завѣщалъ имъ двѣ тысячи.

Не обходилось составленіе Скальковскимъ книгъ и безъ печальныхъ курьезовъ: умиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ, и Скальковскій заготовилъ для «Новаго Времени» его характеристику, которая была набрана и въ наборѣ ожидала своей очереди. Константину Николаевичу стало лучше, дни его жизни продлились, и Скальковскій, чтобы не пропала характеристика, вклеилъ ее въ одну изъ своихъ новыхъ книгъ.

Книга вышла, поступила въ продажу, и потомъ лишь хватились, что великій князь два раза былъ названъ «покойникомъ». Экземпляры отбирали, и пришлось перепечатывать страницу. Спѣшка работы Скальковскаго на этотъ разъ доставила ему непріятности.

Безпокойство причиняли Константину Аполлоновичу появившіяся относительно недавно его воспоминанія. Ему возражали по поводу оцѣнки и характеристики разныхъ личностей, и Скальковскому приходилосъ вывертываться и отписываться.

— N. не говорилъ по-русски, а ломалъ только отдѣльныя, безсвязныя слова,—увѣрялъ Скальковскій. Ему возражали, что N. говорилъ по-русски отлично.

— Z. былъ пьяница!—напечаталъ Константинъ Аполлоновичъ, но это опровергали знавшіе Z.

— Возражаютъ,—сердился онъ,—потому что сами все позабыли... хотя, конечно, иногда можно и ошибиться, описывая то, что было полвѣка назадъ... да вѣдь и они могли перепутать!—раздражался онъ, разсказывая объ этомъ за обѣдомъ въ клубѣ сельскихъ хозяевъ, гдѣ бывалъ ежедневно.

Смѣлость Скальковскаго, какъ публициста, который не церемонился иногда съ выраженіями о самыхъ «сильныхъ міра сего», порождала недоброжелателей, которые тоже не щадили имени автора.

Про Константина Аполлоновича замѣчали основательно, что онъ говорилъ такъ, какъ писалъ. Невоздержный на языкъ, онъ такимъ оставался и съ перомъ въ рукѣ. Нерѣдко читая въ корректурахъ его статьи, бывало, замѣтишь, что какое нибудь выраженіе о покойникѣ грубовато, могутъ дѣти обидѣться.

— Что жъ тутъ обиднаго? — ровно ничего... вотъ еще церемониться! о такихъ господахъ можно все писать. Да и что я написалъ?—былъ на руку не чистъ! Просто мошенникъ былъ.

Возникали объясненія, даже угрожали Константину Аполлоновичу, но онъ не мѣнялся. Въ свою очередь, когда появлялись безпощадные нападки въ печати по его адресу, онъ относился къ нимъ довольно индифферентно. Волновался, но развѣ полчаса, пока читалъ эти нападки.

Константинъ Аполлоновичъ не возмущался, когда знакомые упрекали его въ цинизмѣ и излишней откровенности. Передѣлаться онъ не могъ.

Остроумные, блестящіе афоризмы, остроты и отдѣльныя мѣткія слова Скальковскаго, появлявшіяся въ печати, постоянно подхватывались другими коллегами и повторялись въ газетахъ, служа нерѣдко темой для статей. Подхватывая какой нибудь пустякъ, Скальковскій раздувалъ его въ цѣлый вопросъ, о которомъ звонили, перезванивали, полемизировали, и это иногда оживляло стоячія воды періодической печати.

Онъ ухитрялся даже о театрѣ писать такъ, что люди, никогда не посѣщавшіе театровъ, читали его рецензіи. Не шутка, что онъ соблазнилъ нѣсколькихъ сановниковъ, сдѣлавшихся записными балетоманами.

Писалъ онъ въ «Новомъ Времени» долго о французскомъ театрѣ, изрѣдка о драматическомъ, много о балетѣ, объ актерахъ, актрисахъ, ихъ нравахъ и слабостяхъ. Скальковскій умѣлъ о самой высокой трагедіи написать такъ, что читатель неожиданно улыбнется. Отзывъ отъ этого нисколько не страдалъ, трагедія тоже... Ни одна балерина не обогатила такъ сундука театральной дирекціи, какъ К. А. Скальковскій, увлекшій публику своими восторгами по адресу, открытой имъ, балерины Виржиніи Цукки.

Чего онъ только не нашелъ въ ней! Ноги Діаны, спину, въ которой больше поэзіи, чѣмъ въ половинѣ современныхъ итальянскихъ поэтовъ. Провозгласилъ ее «божественной Виржиніей».

— Надо посмотрѣть эту Цукки,—приходилось слышать на каждомъ шагу,—вонъ какъ за нее Скальковскій распинается.

Пропалъ интересъ къ Цукки, онъ указалъ еще на десятокъ итальянскихъ балеринъ, и захудалый петербургскій балетъ сдѣлался излюбленнымъ мѣстомъ извѣстной части петербургскаго общества.

— Дирекція должна бы мнѣ назначить пенсію,—смѣялся Скальковскій.

Завистники Константина Аполлоновича не мирились съ совмѣстимостью должности директора департамента, балетомана и журналиста, хотя сами занимаютъ десятки мѣстъ.

— Помилуйте,—слышалъ я,—у Скальковскаго сегодня на пріемѣ въ горномъ департаментѣ двѣ балерины были!

Ну, конечно, распространеніемъ подобныхъ извѣстій желали довести до свѣдѣнія министра, какіе у него чиновники отвѣтственныя мѣста занимаютъ. Министръ М. Н. Островскій отлично зналъ Скальковскаго. Когда Скальковскаго назначили директоромъ горнаго департамента, ему масса высокопоставленныхъ лицъ сдѣлали визиты. Скальковскій былъ очень огорченъ этимъ.

— Я вовсе не намѣренъ таскаться къ нимъ,—ворчалъ онъ.— Прежде они презирали меня, а теперь оказываютъ вниманіе... лицемѣрное. Онъ позвалъ курьера.

— Вотъ что... Я тебѣ буду благодаренъ... Надѣнь шубу... Есть у тебя шуба?

— Есть, ваше превосходительство!

— Не форменная шинель?

— У меня хорошая шуба, ваше превосходительство, медвѣжья-съ.

— Ну, такъ вотъ... надѣнь шубу, подними воротникъ, сядь на извозчика и поѣзжай по составленному мной списку адресовъ...

Забрасывай всѣмъ мои визитныя карточки... какъ будто я самъ ихъ развожу.

— Слушаю, Константинъ Аполлоновичъ.

— Носа изъ воротника не высовывай.

И курьеръ визитировалъ вмѣсто Скальковскаго, который самъ разсказывалъ объ этомъ водевилѣ, рекомендуя описать его въ газетахъ.

Помню я день, когда состоялся приказъ объ отставкѣ Скальковскаго, рѣшившаго переѣхать въ Парижъ. Враги его ликовали.

Скальковскій утомленный пришелъ завтракать въ ресторанъ Кюба. Его встрѣтили необыкновенно сочувственно.

— У васъ усталый видъ!—сказалъ кто-то участливо.

— Жидовка задержала.

— Какая жидовка?

— Позвалъ жидовку и продалъ ей мундиръ и ордена. Въ случаѣ какой нибудь свадьбы попрошу у кого нибудь изъ пріятелей ленту на прокатъ. Все продалъ! Торговался цѣлый часъ. Теперь нужно торговаться, командировокъ больше не будутъ давать. Весьма радъ, что раздѣлался съ этой службой.

Константинъ Аполлоновичъ былъ оригиналъ, не притворявшійся имъ, а самый искренній, не рисовавшійся. Онъ прекрасно понималъ, что ровно ничего не теряетъ, выходя въ отставку, а теряетъ скорѣе горный департаментъ.

Покинувъ службу, Скальковскій переѣхалъ въ Парижъ, откуда наѣзжалъ раза по три въ годъ и болѣе. Въ Парижѣ онъ пріобрѣлъ себѣ маленькій домикъ въ три или четыре этажа. Но какіе этажи! Въ каждомъ этажѣ было по одной или по двѣ комнаты. Сюда онъ перевезъ часть своей библіотеки и много работалъ, готовя какой-то историческій трудъ. Разлука его со службой возвратила его журналистикѣ: онъ сталъ писать чаще и больше.

Приведу записанныя мною свѣдѣнія о литературной дѣятельности Скальковскаго, которыя онъ сообщилъ мнѣ лично, какъ матеріалъ для біографіи, въ виду праздновавшагося въ январѣ 1901 г. сорокалѣтія его литературно-публицистической дѣятельности.

— Я помѣстилъ первую статью въ журналѣ «Разсвѣтъ» Кремпина, и называлась она «Герцогиня Беррійская». Въ «Разсвѣтѣ» начали свою дѣятельность мой товарищъ по институту Николай Михайловскій, Писаревъ и другіе. Въ этомъ журналѣ я напечаталъ рядъ біографій выдающихся женщинъ. Затѣмъ писалъ въ «Современномъ Словѣ» Писаревскаго и Леонтьева и въ «Модномъ Магазинѣ» Софіи Мей. Окончивъ курсъ, работалъ въ «Горномъ Журналѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и особенно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», сдѣлавшись членомъ этой редакціи въ 1870 г. Черезъ шесть лѣтъ вступилъ въ «Новое Время», гдѣ оставался до апрѣля 1891 г. Много работалъ подъ псе-

вдонимами въ разныхъ изданіяхъ. Занимался статистикой, законодательствомъ, исторіей.

Скальковскій послѣ паузы улыбнулся и замѣтилъ:

— Если придется некрологъ мой писать, воспользуйтесь этими свѣдѣніями. А теперь отмѣтьте, что я открываю серію юбилеевъ новаго столѣтія.

Такъ какъ я и нашъ общій пріятель, Н. М. Безобразовъ, распоряжались организаціей юбилея Скальковскаго, то послѣдній не разъ по этому поводу обращался ко мнѣ съ замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго:

— Ужъ вы моихъ пріятелей-то пожалѣйте! Не вздумайте назначить дорогого обѣда! поскромнѣй и поменьше блюдъ! Кому это нужно? Я даже думаю, что и самаго юбилея не нужно, ну, да ужъ разъ вы объявили — все равно! Это—случай лишній разъ выругать меня журналистамъ. Я самъ не люблю платить много за юбилейные обѣды и понимаю, какъ это непріятно другимъ! Помоему юбиляръ долженъ самъ угощать гостей.

Константинъ Аполлоновичъ былъ расчетливъ въ мелочахъ, и потому, когда изъ двухъ редакцій обратились къ нему за портретами, онъ сказалъ:

— Ну, вотъ еще расходъ! Сниматься долженъ! Еще хорошо, что фракъ у меня есть новый, а то уклонился бы отъ чествованія!—подтрунивалъ онъ.

— Не пригласить ли музыку?—предлагалъ кто-то. Скальковскій это узналъ и вспылилъ.

— Да, что вы, господа, за торжество сочиняете! Удивительно пріятно моимъ добрымъ знакомымъ тратиться на музыку! Они и меня изъ-за васъ проклянутъ!

— Допускать ли дамъ?

— Какъ не допускать? Безъ дамъ тощища будетъ! Что же рѣчи слушать только? Интересно! Дамы оживленіе внесутъ! надо благодарить ихъ! Не генералами же любоваться!

Юбилей этотъ принесъ ему немало треволненій, такъ какъ Скальковскій все время боялся, что устроятъ все на широкую ногу и введутъ въ непроизводительные расходы присутствующихъ.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдователенъ. Я помню, когда ему приходилось расплачиваться на разныхъ обѣдахъ и ужинахъ, онъ долго не могъ забыть.

— Ограбили!—кричалъ онъ.—Развѣ можно такіе ужины устраивать. Я вѣдь не Ротшильдъ и не Манташевъ.

Скальковскаго зналъ буквально весь Петербургъ, и тѣ, которые не были съ нимъ знакомы, считали его надменнымъ, дерзкимъ, грубымъ. Въ дѣйствительности это былъ добродушнѣйшій человѣкъ, доброжелательный и привѣтливый.

Репутація не въ пользу его слагалась, благодаря тому, что Константинъ Аполлоновичъ всегда громко разговаривалъ—въ театрѣ ли, въ ресторанѣ ли, острилъ, подсмѣивался, но въ этомъ ничего не было напускного: онъ такимъ былъ по натурѣ. Конечно, и его журнальная дѣятельность, его хлесткій, задорный, порой невоздержный тонъ способствовали этой репутаціи. Знавшіе лично Скальковскаго,—а ихъ очень много,—были о немъ совершенно противоположнаго мнѣнія. Въ немъ было, если хотите, что-то комическое, располагающее и именно беззлобное.

Люди, политическіе взгляды которыхъ были діаметрально противоположными взглядамъ Скальковскаго, могли относиться къ нему враждебно, но опять таки, повторяю, онъ свои убѣжденія, хороши ли, дурны ли они, высказывалъ открыто, прямо и никому не навязывалъ ихъ.

Позволю себѣ даже сказать: политика его вовсе не захватывала за послѣднее время, и онъ относился къ нынѣшнему движенію не безучастно, но спокойно.

Припомню нѣсколько мелкихъ эпизодовъ изъ жизни Скальковскаго. Мелочи тоже рисуютъ человѣка и кладутъ штрихи на его фигуру.

Попался мнѣ Скальковскій какъ-то на улицѣ.

— Нѣтъ ли у васъ дешеваго знакомаго художника?

— Есть, молодой... начинающій...

— Вотъ и отлично, пришлите-ка его ко мнѣ... у меня горное вѣдомство просило мой портретъ, хотятъ повѣсить.

— Значитъ, надо написать вашъ портретъ?

— Нѣтъ... видите ли, у меня есть портретъ, такъ пусть онъ только бороду удлинитъ и мундиръ горный вмѣсто сюртука напишетъ.

— Отчего вы новаго не закажете?

— Ну, вотъ еще! буду я за свой портретъ большія деньги платить!

Портретъ подмалевали, и Скальковскій послалъ его по назначенію.

Когда онъ уходилъ изъ горнаго департамента, въ честь его была выбита большая медаль.

— Какъ вы находите? — обращались къ нему пріятели.—Надо напечатать объ этомъ.

— Да, отчего же?... Только не теперь.

— А когда же?

— А вотъ развѣ въ моемъ некрологѣ, тогда мнѣ рѣшительно все равно.

За завтракомъ въ ресторанѣ Константинъ Аполлоновичъ находился въ компаніи военныхъ людей, и даже съ высшимъ образованіемъ, и въ случайномъ разговорѣ превзошелъ ихъ въ знаніи военной исторіи.

Бесѣда неожиданно коснулась кампаніи маршала Саксонскаго въ 1745 г., когда въ сраженіи подъ Фонтенуа маршалъ на голову разбилъ отборныя англійскія войска герцога Кумберлендскаго. Гг. военные съ высшимъ образованіемъ выразили сомнѣніе въ достовѣрности существенныхъ подробностей этого сраженія. Скальковскій, вступивши въ этотъ разговоръ, не только вспомнилъ анекдотическую сторону эпизода, но нарисовалъ полную его картину со всѣми тактическими подробностями.

Онъ указалъ, что въ этомъ сраженіи имѣли рѣшающее значеніе борьба за дефиле и галантность французскихъ войскъ, предоставившихъ англичанамъ право перваго выстрѣла.

Гг. военные принуждены были сознаться въ скоромъ запамятованіи академическаго курса... и, пожалуй, даже курса исторіи Иловайскаго.

Память Константина Аполлоновича всѣхъ поражала. Запасъ разнообразнѣйшихъ свѣдѣній и эрудиція его представлялись феноменальными.

О чемъ бы ни заговорили, какой бы спеціальности разговоръ ни коснулся, Скальковскій вступалъ въ него во всеоружіи знаній, и сбить его было мудрено. Исторію онъ зналъ превосходно и даже по части хронологіи никогда не ошибался.

Такого энциклопедиста среди журнальной братіи другого я не знаю..Онъ не лазилъ на книжныя полки за справками для провѣрки, цитируя наизусть массу источниковъ.

Существуетъ единственный экземпляръ автобіографіи Константина Аполлоновича, принадлежащій теперь брату его, П. А. Скальковскому.

Эту автобіографію Константинъ Аполлоновичъ снабдилъ слѣдующей собственноручной надписью: «Эта автобіографія была написана въ 1886 г. по случаю юбилея «Новаго Времени» для А. С. Суворина, для книги, изданной въ 1 экземплярѣ и кѣмъ-то украденной изъ редакціи». Скальковскій говоритъ въ ней, что если сложить всѣ его поѣздки по свѣту, то выйдетъ тысячъ триста верстъ, а если соединить всѣ его статьи и книги, то вышло бы томовъ 70.

«Вотъ почему,—замѣчаетъ онъ,—меня, вѣроятно, родственники нерѣдко упрекали въ «ничегонедѣланіи». Правда, я пишу очень легко и скоро, и того мнѣнія, что страсть къ писанію ничѣмъ существенно не отличается отъ хроническаго насморка. Замѣчательно, однако, что я никогда не писалъ стиховъ, даже будучи влюбленнымъ».

Этотъ единственный печатный экземпляръ автобіографіи К. А. дополнялъ постоянно съ теченіемъ времени приписками, отмѣчая послѣдующія событія своей жизни.

Въ послѣднемъ примѣчаніи, между прочимъ, упоминается (1906 г.), что К. А. намѣчали въ министры торговли, но что въ высокихъ сферахъ это не встрѣтило сочувствія. Въ этомъ же году, по его словамъ, онъ «бѣжалъ въ Монте-Карло, Испанію и Португалію».

По поводу празднованія юбилея, о чемъ я говорилъ выше, тоже имѣется автографическая приписка:

«15 января праздновалъ 40-лѣтній юбилей, успѣхъ, но обруганъ въ печати. Отказался отъ предсѣдательства въ торговой палатѣ» [1]).

24 мая нынѣшняго года назначено было въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло по обвиненію К. А. Скальковскаго по статьѣ 1535, возбужденному княземъ Э. Э. Ухтомскимъ, редакторомъ «Разсвѣта».

Константинъ Аполлоновичъ не дожилъ до этого суда, и повѣстка, доставленная ему въ день смерти, осталась на его письменномъ столѣ.

Дѣло возникло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ передовой статьѣ «Разсвѣта» 28 іюня 1905 г. по поводу русско-японскаго свиданія въ Вашингтонѣ уполномоченныхъ для мирныхъ переговоровъ оскорбили Скальковскаго, на что онъ отвѣчалъ письмомъ въ редакцію «Новаго «Времени», гдѣ въ свою очередь наговорилъ по адресу князя Ухтомскаго много рѣзкаго. Письмо и послужило поводомъ къ возникновенію дѣла, которое князь Ухтомскій прекратилъ послѣ смерти Константина Аполлоновича, не желая, очевидно, преслѣдовать одного редактора «Новаго Времени», Мих. Ал. Суворина.

Я не касаюсь по существу этого объясненія Скальковскаго и князя Ухтомскаго, находя лишнимъ напомнать объ этихъ счетахъ.

Среди документовъ и справокъ, приготовленныхъ К. А. къ предстоявшему процессу, имѣется между прочимъ обстоятельная справка о дѣятельности Скальковскаго, составленная имъ самимъ.

Приведу ея содержаніе. Горный инженеръ, тайный совѣтникъ Скальковскій въ горномъ вѣдомствѣ занималъ должности секретаря горнаго ученаго комитета, члена того же комитета, члена горнаго совѣта, вице-директора и директора горнаго департамента.

Въ министерствѣ финансовъ онъ состоялъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ и членомъ ученаго комитета министерства. Онъ былъ дѣлопроизводителемъ комиссіи гр. Баранова по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла и преподавалъ въ горномъ институтѣ политическую экономію и горную статистику. Въ званіи секретаря горнаго ученаго комитета Скальковскій организовалъ горную статистику и собраніе свѣдѣній о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими (первое въ Россіи). Ему принадлежитъ множество

---

[1]) Въ Парижѣ. А. П.

статей и изслѣдованій по горному дѣлу въ Россіи и за границей. Въ горномъ вѣдомствѣ, помимо многочисленныхъ командировокъ по высочайшему повелѣнію, геологическихъ, техническихъ, для участія въ выставкахъ и по инспекціи заводовъ, Скальковскій принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ комиссій не только своего вѣдомства, но и другихъ министерствъ, въ томъ числѣ во всѣхъ совѣщаніяхъ по пересмотру таможеннаго тарифа.

Управляя горной частью, онъ провелъ весьма важные для горнаго дѣла законы: о разработкахъ на земляхъ казенныхъ, объ арендныхъ крестьянскихъ земляхъ, о правильномъ веденіи горныхъ работъ, о мѣстномъ горномъ управленіи, о нефтяномъ промыслѣ, о горномъ промыслѣ въ царствѣ Польскомъ, о добычѣ драгоцѣнныхъ камней, о надзорѣ за безопасностью горныхъ рабочихъ, о наймѣ рабочихъ на горные заводы и промыслы и мн. др. Горное законодательство этими законами совершенно видоизмѣнилось, и горное дѣло развилось быстрѣе всѣхъ другихъ отраслей русской промышленности.

По министерству финансовъ Скальковскій былъ командированъ на открытіе Суэцкаго канала (написалъ книгу о будущности русской торговли при посредствѣ канала), въ Остъ-Индію, въ Китай, Японію, въ южные порты. По порученію Вышнеградскаго онъ составилъ проектъ закона о покровительствѣ русскаго торговаго флота.

Въ теченіе 10 лѣтъ Скальковскій былъ секретаремъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, что̀ дало ему возможность близкаго знакомства съ нуждами русской торговли.

Выйдя въ отставку, К. А. принялъ участіе во многихъ русскихъ и иностранныхъ предпріятіяхъ и акціонерныхъ обществахъ, былъ предсѣдателемъ торговой палаты въ Парижѣ и принималъ участіе въ различныхъ правительственныхъ комиссіяхъ. Въ 1904 г. избранъ гласнымъ петербургской думы; онъ состоялъ почетнымъ членомъ разныхъ обществъ.

Эти свѣдѣнія, какъ безусловно точныя, могутъ пригодиться составителю обстоятельной характеристики дѣятельности Константина Аполлоновича.

Скальковскій говорилъ, что у него съ юности была страсть къ бумагомаранію, унаслѣдованная отъ отца, который заклиналъ дѣтей не дѣлаться писателями. Въ дѣтствѣ Скальковскій издавалъ рукописный журналъ «Хаджибейскій Вѣстникъ» и даже сочинилъ либретто оперы «Донъ-Алонзо», которая шла два раза.

Скальковскій танцовалъ, по его словамъ, въ спектаклѣ въ дивертисементѣ. Можетъ быть, благодаря этому, онъ сдѣлался и балетоманомъ!

Впрочемъ Константинъ Аполлоновичъ точно говорилъ, что всегда любилъ балетъ, но балетоманомъ сдѣлался съ 1880 г., влюбившись въ танцовщицу.

Константинъ Аполлоновичъ даже ѣздилъ искать кладъ около Таганрога по высочайшему повелѣнію.

Родился Скальковскій, какъ выразился онъ, въ годъ созданія русскихъ кредитныхъ билетовъ и мормонскаго догмата о многоженствѣ.

Враговъ, по словамъ К. А., онъ имѣлъ всегда болѣе, чѣмъ необходимо для человѣка, который ко всѣмъ непріятностямъ прибавилъ катаръ желудка.

Окончательные выводы жизни Скальковскій сдѣлалъ все-таки пессимистическіе, прося «для потомства» написать ихъ на могилѣ. Я не имѣю права привести эту злую шутку Константина Аполлоновича.

Заключеніе, къ которому сводится автобіографія, слѣдующее:

«Сводя итогъ своей жизни, которой уже добрыхъ двѣ трети пройдены, я пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ ничего справедливѣе словъ Христа, что «у неимущаго отымется и имущему дастся», а также къ убѣжденію, что умственная дѣятельность есть самая глупая, и нѣтъ несообразительнѣе родителей, которые развиваютъ мозги своихъ дѣтей спозаранку. Чтобы быть счастливымъ, надо въ дѣтствѣ поменьше учиться и болѣе посвящать себя гимнастикѣ, а въ жизни быть молчаливымъ, презирать женщинъ, имѣть независимыя средства и исправныя кишки. Надобно еще не удивляться никакой мерзости, ибо дѣйствительность даже хуже того, что можно себѣ представить».

Во всей его дѣятельности на всѣхъ поприщахъ Скальковскій не мѣнялся, оставаясь вѣрнымъ своему характеру, соединяя серьезное дѣло съ юмористическимъ настроеніемъ. Разсуждая о самыхъ важныхъ предметахъ, онъ могъ «выпалить» шутку, остроту, что нисколько не мѣшало этой работѣ. Углубляясь въ бюрократическіе труды, онъ не разставался съ остальной жизнью, съ ея мелочами, потому что закоренѣлымъ чиновникомъ по своей натурѣ быть не могъ. Талантъ его заставлялъ примиряться съ нимъ самыхъ отчаянныхъ бюрократовъ.

Высокая бюрократія находила Скальковскаго, ссылаясь на его дѣйствія и поведеніе,—едва ли не либераломъ! Онъ отзывался объ ея представителяхъ откровенно, безъ церемоніи, рѣзко и громко, не задумываясь о послѣдствіяхъ. А послѣдствія были: подъ Скальковскаго подкапывались постоянно.

Такимъ образомъ одни возмущались его строго консервативными убѣжденіями, а другіе—его вольностью и либерализмомъ, который они толковали по-своему.

Политическихъ горизонтовъ Скальковскаго я почти не касался, вспоминая о немъ, какъ о человѣкѣ большого таланта, живомъ, интересномъ и отзывавшемся на всевозможные вопросы.

Въ заграничныхъ газетахъ появились весьма обстоятельныя статьи, посвященныя памяти Константина Аполлоновича, особенно подробно говорилъ о немъ графъ Ржевусскій въ «Figaro».

А. Плещеевъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ РАЗЫСКАНІЯ [1].

III.

«Двѣнадцать спящихъ будочниковъ».

УЖЕ ПОЧТИ семьдесятъ пять лѣтъ на русскомъ книжномъ рынкѣ служитъ предметомъ торговли одна небольшая книжка, которая имѣетъ свою любопытную исторію, еще не вполнѣ разъясненную въ нашей библіографической литературѣ: это—«поучительная баллада» «Двѣнадцать спящихъ бутошниковъ», «сочиненіе Елистрата Фитюлькина» (М., 1832 г., 46 стр.). Имѣя подъ руками нѣсколько собранныхъ нами свѣдѣній, сообщаемъ ихъ, какъ матеріалъ для объясненія интересной судьбы этой «загадочной книжки».

По довольно распространенному преданію, какъ вспоминалъ покойный С. В. Максимовъ [2]), въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, одно событіе долгое время занимало Москву и служило предметомъ толковъ, пересудовъ всего первопрестольнаго города. Тогдашній московскій оберъ-полицеймейстеръ Цинскій, объѣзжая ночью полицейскіе посты, набралъ въ свои сани 12 аллебардъ, стоявшихъ прислоненными къ будкамъ (живыхъ охранителей налицо не оказалось). «Такая попечительность

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1906 г., кн. 9 и 10.

[2]) «Воспоминанія» С. В. Максимова въ «Русской Мысли», 1897 г., кн. 1, стр. 39.

главнѣйшаго оберегателя городского спокойствія и блюстителя благочинія явилась дѣйствительно историческимъ событіемъ такой особой важности и значенія, что его поспѣшили обезсмертить въ стихахъ»: была написана въ подраженіе извѣстной балладѣ В. А. Жуковскаго (Двѣнадцать спящихъ дѣвъ) довольно остроумная пародія: «Двѣнадцать спящихъ бутошниковъ», вызвавшая по напечатаніи неудовольствіе среди полицейскихъ властей и—вслѣдствіе того—изъятіе ея изъ продажи.

Это «неудовольствіе», прежде всего, отразилось на служебной дѣятельности тогдашняго московскаго цензора, потомъ извѣстнаго писателя, С. Т. Аксакова. Онъ «дозволилъ» напечатаніе названной книжки, осмѣивавшей пьянство, крючкотворство и взяточничество полиціи, точно внявъ мольбѣ автора, выраженной въ «предисловіи» такими стихами:

Цензурушка
Голубушка,
Нельзя ли пропустить?
Я Господа
О здравіи
Твоемъ буду молить!..

Но за такое «вниманіе» къ авторской просьбѣ благодушный цензоръ потерялъ свое мѣсто. «Въ недавнемъ времени,—говорится въ «журналѣ Московскаго цензурнаго комитета» отъ 26 февраля 1832 г.,—появилась въ Москвѣ книжка подъ названіемъ Двѣнадцать спящихъ будочниковъ, пропущенная въ печать цензоромъ Аксаковымъ. Государь императоръ, прочитавъ оную книжку, изволилъ найти, что она заключаетъ въ себѣ описаніе дѣйствій московской полиціи въ самыхъ дерзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ; написанная самымъ простонароднымъ языкомъ, приноровлена къ грубымъ понятіямъ низшаго класса людей, изъ чего видимо обнаруживается цѣль распространять чтеніе ея въ простомъ народѣ и внушить оному неуваженіе къ полиціи. Наконецъ, предисловіе сей книжки, равно какъ и слѣдующее за онымъ обращеніе къ цензурѣ, писаны съ явнымъ нарушеніемъ всякаго приличія и благопристойности. Его императорское величество, заключая изъ сего, что цензоръ Аксаковъ вовсе не имѣетъ нужныхъ для званія сего способностей, высочайше повелѣлъ уволить его отъ сей должности»[1]).

«Отставили,—писалъ Погодинъ Шевыреву 12 марта 1832 г.,—нашего добраго, благороднаго, умнаго Аксакова. Какой-то пьяница написалъ глупую книжку 12 спящихъ бутошниковъ. Аксаковъ пропустилъ, ибо не могъ не пропустить, когда у насъ играютъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1898 г., кн. 5, стр. 90—91.

Ябеду и проч., а оберъ-полицеймейстеръ, человѣкъ сильный, вступился, и отецъ многочисленнаго семейства лишенъ службы»[1])...

Остался безъ «взысканія» лишь одинъ загадочный авторъ «пародіи». Хотя его книжка, при своемъ появленіи, была отмѣчена двумя тогдашними періодическими изданіями — «Молвою» (1832 г., № 11) и «Сѣверною Пчелою» (1832 г., № 37), тѣмъ не менѣе онъ самъ искусно и ловко сумѣлъ скрыться отъ преслѣдованій, оставивъ, по словамъ г. Максимова, «для историческихъ изслѣдователей имя свое полутемнымъ и спорнымъ».

Дѣйствительно, до настоящаго времени твердо и убѣдительно не разъяснено, кто именно скрывался подъ такимъ крѣпкимъ и непроницаемымъ забраломъ, какъ странный псевдонимъ: «Елистратъ Фитюлькинъ». Напримѣръ, его не разгадалъ извѣстный библіографъ Г. Н. Геннади, занесшій, однако, балладу о Двѣнадцати спящихъ будочникахъ въ свои «Книжныя рѣдкости» [2]); точно также не далъ положительнаго отвѣта объ авторѣ «пародіи» и Н. П. Барсуковъ, коснувшійся ея въ біографіи Погодина [3]). Да и для самого Погодина, какъ мы видѣли выше, сочинитель книжки представлялся только «какимъ-то пьяницей»... Лишь одинъ г. Максимовъ, да и то по преданію, указалъ, что названную «пародію» будто бы написалъ нѣкто «Аркадій Марковъ», составитель дѣловыхъ «Письмовниковъ» и поставщикъ многочисленныхъ переводовъ французскихъ романовъ Евгенія Сю и Дюма-отца для книжнаго издательскаго рынка на Никольской улицѣ въ Москвѣ. Это указаніе покойнаго Максимова представляется намъ только «вѣроятнымъ», но оно можетъ стать безспорнымъ лишь тогда, когда отыщется другое и, притомъ, современное свидѣтельство о близкой прикосновенности къ «пародіи» Аркадія Маркова, знакомаго намъ пока въ области стихотворства не «сатирическими», а «напыщенными подносными виршами» на дни тезоименитствъ князей С. М. Голицына и М. А. Салтыкова [4]).

Гораздо правдоподобнѣе другое свѣдѣніе объ истинномъ авторѣ «пародіи», принятое, между прочимъ, и покойнымъ московскимъ библіографомъ, И. М. Строглазовымъ: онъ голословно, по одному «литературному преданію», указалъ, что книжка «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ» сочинена В. И. (?) Протàшинскимъ [5]).

При такомъ новомъ указаніи невольно является вопросъ: что̀ это за личность, не знакомая ни по одному литературному словарю?

---

[1]) См. «Русскій Архивъ», 1882 г., кн. 6, стр. 195.

[2]) «Книжныя рѣдкости», Спб., 1872 г., стр. 100—101, № 155.

[3]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», Спб., 1891 г., кн. IV, стр. 12—13.

[4]) «Реэстръ русскимъ книгамъ», М. Д. Ольхина, Спб., 1846 г., №№ 5562 и 5565.

[5]) «Книжныя рѣдкости» И. М. Строглазова въ «Русскомъ Архивѣ», 1891 г., кн. 8, стр. 460—461.

Въ дополненіе къ голословному показанію г. Остроглазова сообщаемъ тѣ немногія свѣдѣнія, какія удалось собрать о малоизвѣстномъ авторѣ, назвавшемъ себя «Елистратомъ Фитюлькинымъ».

Василій Андреевичъ Протàшинскій, сынъ тульскаго помѣщика, приходился братомъ (съ лѣвой стороны) Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, по мужу Мойеръ, и слѣдовательно племянникомъ поэту Жуковскому. Онъ воспитывался въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ при университетѣ (1802 — 1805 г.г.), затѣмъ поступилъ на военную службу унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, участвовалъ въ Отечественной войнѣ 1812 г. и былъ раненъ подъ Бородинымъ. Въ 1814 г. Протащинскій, не выходя въ отставку изъ рядовъ арміи, находился въ Москвѣ и добивался чрезъ Жуковскаго болѣе обезпеченнаго мѣста: или при московскомъ главнокомандующемъ, гр. Ѳ. А. Растопчинѣ, или въ Петербургѣ при военномъ министрѣ[1]). По изустнымъ же преданіямъ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія онъ числился въ штатѣ московской полиціи, но затѣмъ вышелъ въ полную отставку.

Въ своей ранней юности В. А. Протàшинскій, какъ и многіе воспитанники Московскаго университетскаго пансіона, отдавался литературнымъ занятіямъ. Намъ извѣстны, съ одной стороны, его актовыя рѣчи («О пользѣ основательныхъ знаній», «О истинной славѣ и величіи») и, съ другой, его переводныя стихотворенія съ англійскаго языка: «Кладбище» и «Покорность Провидѣнію» [2]). Эти переводы живо напоминаютъ вкусъ и первоначальную манеру В. А. Жуковскаго, точно такъ же, какъ его баллада: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», послужила несомнѣннымъ образцомъ для пародіи: «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ».

Наконецъ, косвеннымъ подтвержденіемъ, что именно В. А. Протàшинскій (можетъ быть, и въ союзѣ съ А. Марковымъ) былъ прикосновененъ къ созданію интересующей насъ «пародіи», является слѣдующій любопытный фактъ, на который до сихъ поръ почти не обращали вниманія.

Въ Московской университетской типографіи, на должности корректора, съ 1842 г. числился канцеляристъ Иванъ Васильевичъ Протàшинскій [3]), скончавшійся, какъ намъ передавали знавшіе его (г.г. Смирновъ и Васильевъ), въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ

---

[1]) См. «Русскій Архивъ», 1883 г., кн., 2, стр. 317, и 1900 г., кн 9, стр. 7, а также «Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу», М., 1895 г., стр. 35—36 и 114.

[2]) Всѣ эти четыре произведенія напечатаны въ «Утренней Зарѣ»—сборникъ «Трудовъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона» (М., 1805—1806 г., кн. III и IV).

[3]) См. «Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ императорскаго Московскаго университета» за 1855 г., прилож., л. 10 на обор.

качествѣ «родственника» (но не сына) В. А. Проташинскаго онъ считалъ себя «литературнымъ наслѣдникомъ» автора «пародіи» и потому, по разсказамъ близкихъ къ нему лицъ, продалъ ее какому-то предпріимчивому петербургскому издателю, который, ровно черезъ тридцать лѣтъ послѣ перваго изданія книжки, выпустилъ ее съ небольшими сокращеніями подъ такимъ заглавіемъ: «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ», баллада (Спб., 1862 г., типографія Богданова, 52 стр. въ 12° л.) [1].

Дим. Языковъ.

[1]) См. «Книжный Вѣстникъ», 1862 г., стр. 452, № 1648.

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ.

5. Общественныя настроенія въ Николаевскую эпоху и начало эмиграціи [1]).

VI.

Здѣсь не мѣсто, конечно, обрисовывать, какъ просачивалось «западничество», т.-е. идеи, положенныя въ основаніе западной культуры и всего западно-европейскаго строя, въ нашу литературу и въ сознаніе нашего общества Это—тема, достаточно исчерпанная, и интересующіеся вопросомъ найдутъ по сему предмету въ трудахъ А. Н. Пыпина [2]), А. Н. Веселовскаго [3]) и В. И. Семевскаго [4]) обстоятельныя и доступныя свѣдѣнія. Наша задача для настоящей части очерковъ другая: въ самыхъ общихъ чертахъ, но на живыхъ людяхъ и фактахъ отмѣтить, каково было политическое западничество въ Николаевскую эпоху, и что оно выставляло въ противовѣсъ и офиціальной народности и славянофильству.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI, стр. 659.

[2]) А. Н. Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки.

[3]) Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки Алексѣя Веселовскаго.

[4]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка— В. И. Семевскаго.

Кружки тридцатыхъ годовъ были охвачены тѣми конституціонными идеями, во имя которыхъ пролилась кровь въ 1825 г., но ихъ конституціонализмъ не отливался въ опредѣленныя программы и формы, и все дѣло сводилось скорѣе къ довольно-таки неотчетливымъ блужданіямъ мысли. Такъ, Кавелинъ, вспоминая впослѣдствіи вліяніе на него его учителя Бѣлинскаго, говоритъ про него: «Критическое отношеніе ко всей окружающей меня дѣйствительности, соціальной, религіозной и политической, благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло, хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ»; однако самъ Бѣлинскій еще въ 1837 г. былъ далекъ не только отъ какого нибудь политическаго радикализма, но даже отъ либерализма политическаго, доказывая, что Россія не созрѣла для свободы политической, и что «гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ».

То же и Станкевичъ, этотъ центръ, вокругъ котораго группировался цвѣтъ молодей либеральной Москвы. Будучи въ 1837 г. за границею, когда на вечерѣ у одной русской дамы шли дебаты на тему о преимуществахъ народнаго представительства въ государствѣ, о всесословномъ участіи народа въ несеніи государственныхъ повинностей и о доступѣ ко всякой государственной дѣятельности, Станкевичъ, возвращаясь съ пріятелями (Невѣровымъ и Грановскимъ) домой, по поводу происходившей бесѣды замѣтилъ: «Предсѣдательница бесѣды забываетъ, что масса русскаго народа остается въ крѣпостной зависимости, и потому не можетъ пользоваться не только государственными, но и общечеловѣческими правами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно правительство сниметъ съ народа это ярмо, но и тогда народъ не можетъ принять участіе въ управленіи общественными дѣлами, потому что для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, и потому, прежде всего, надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія. Послѣдняя мѣра сама собою вызоветъ и первую, а потому, кто любитъ Россію, тотъ, прежде всего, долженъ желать распространенія въ ней образованія».

Тридцатые годы вообще не дали въ смыслѣ развитія политическаго либерализма западнической окраски чего нибудь вполнѣ опредѣленнаго и замѣчательнаго. Скорѣе ихъ нужно разсматривать, какъ своего рода философскую школу, гдѣ отшлифовывались умы, гдѣ послѣдніе получали методы мышленія и обращались въ тѣ боевыя знамена, подъ стягомъ которыхъ закипѣла борьба въ послѣдующее десятилѣтіе. Тотъ оселокъ, на которомъ острились умы, была сначала философія Шеллинга, а потомъ Гегеля. «Введеніе Гегелевой философіи было дѣломъ Станкевича, извѣстнаго даровитаго юноши, которому вообще принадлежало большое умственное и нравственное вліяніе въ

молодомъ (Московскаго университета) кружкѣ,—повѣствуетъ А. Пыпинъ [1]).—Его имя въ особенности связано съ развитіемъ Бѣлинскаго и потомъ Грановскаго. Гегелева философія стала всепоглощающимъ интересомъ. Друзья Станкевича, посвященные имъ въ фолософію Гегеля, увлеклись ею, какъ откровеніемъ науки. Она была постояннымъ предметомъ ихъ бесѣдъ и горячихъ споровъ. По разсказамъ современника, «нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности» и о ея по себѣ бытіи. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней». Гегелисты усвоили себѣ особый языкъ, особое пониманіе и толкованіе предметовъ. То же въ искусствѣ. Знаніе второй части Гете было необходимо; философія музыки была обязательна; опала была наложена на итальянскую музыку, на французскую литературу, а главное—на все политическое.

Долго такое идеалистическое настроеніе продолжаться не могло, вскорѣ оно въ извѣстной своей части слетѣло съ членовъ кружка, и они вернулись на землю съ тѣмъ, чтобы еще съ большей страстностью къ ней прильнуть, но элементъ идеализма, почерпнутый изъ перваго періода философскаго крещенія, остался имъ свойственъ навсегда, и этимъ элементомъ проникласъ вся ихъ послѣдующая дѣятельность.

Итакъ, тридцатые годы не дали для политическаго либерализма реальныхъ результатовъ. Таковой сказался лишь въ слѣдующемъ десятилѣтіи, въ сороковыхъ годахъ, когда, по словамъ А. Н. Пыпина, «кружокъ друзей, которые лѣтъ десять передъ тѣмъ съ юношескимъ энтузіазмомъ увлекались нѣмецкой философіей и были мало замѣтны въ литературѣ, еще полной романтическими преданіями,—этотъ кружокъ съ своими новыми развѣтвленіями, хотя все еще немногочисленный, занималъ въ литературѣ господствующее положеніе. Разнообразная дѣятельность Герцена, университетское преподаваніе и историческія сочиненія Грановскаго, труды по русской исторіи Соловьева, Кавелина, Павлова, Калачева, изученіе европейской новѣйшей исторіи, политико-экономическіе интересы, изученіе новой европейской литературы—въ работахъ Боткина, Кудрявцева, Влад. Милютина, Анненкова, Фролова и т. д.,— все это вносило въ литературу содержаніе, полное глубокаго зна-

[1]) «Характеристики литературныхъ мнѣній».

ченія. Эта дѣятельность, проникнутая однимъ общимъ характеромъ — стремленіемъ къ просвѣщенію, къ объясненію русской жизни, къ нравственному освобожденію, съ перваго раза, какъ она могла установиться нѣсколько правильно, привлекла къ себѣ ту часть общества, въ которой были лучшіе задатки, и въ которой подобныя стремленія еще оставались неяснымъ инстинктомъ. Бѣлинскому въ этой дѣятельности принадлежала важная роль: онъ не былъ въ этомъ цѣломъ кругу господствующей личностью, которой и вовсе не было; многимъ онъ даже обязанъ былъ другимъ,—но это былъ человѣкъ страстнаго убѣжденія, неутомимой дѣятельности, и онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ больше всѣхъ другихъ въ распространеніи тѣхъ понятій, которыя составляли содержаніе и особенность такъ называемаго «западнаго» направленія».

А. Пыпинъ въ приведенныхъ словахъ очень полно и мѣтко отмѣтилъ значеніе дѣятельности людей «западнаго» направленія: по мѣрѣ силъ и возможности для тогдашняго времени они своею проповѣдью сѣяли истинное просвѣщеніе, понимая таковое въ широкомъ и либеральномъ смыслѣ; они объясняли русскую жизнь и освѣщали ее, хотя и очень осторожно, подъ Дамокловымъ мечомъ Николаевской цензуры, ея темныя стороны, ея неправильный, по ихъ мнѣнію, путь развитія, они же взывали къ нравственному освобожденію, толкуя слово «нравственное» не только въ прямомъ и узкомъ пониманіи, но беря его значительно шире и включая сюда и понятія о соціальной и политической свободѣ. Они говорили и писали, правда, эзоповымъ языкомъ, но общій смыслъ словъ былъ ясенъ: свобода, свобода!—прежде всего. И въ государственныхъ учрежденіяхъ Запада эта свобода ими именно усматривалась, въ построеніяхъ западной мысли она для нихъ отливалась, какъ въ радугѣ разноцвѣтными переливами. Въ этомъ заключалась ихъ наступательная роль по отношенію Николаевскаго режима, который они старательно и успѣшно подтачивали, пріуготовляя русское общество къ лучшему будущему и указывая ему пути этого будущаго. Правительство побѣдителя декабристовъ прекрасно понимало ихъ разрушительную роль и дѣятельность, всячески принимало съ своей стороны мѣры къ тому, чтобы положить предѣлъ этой дѣятельности, но противникъ, по большей части, бывалъ неуязвимъ: съ идеями и фактами, изложенными въ легальной формѣ, по извѣстнымъ поводамъ и въ опредѣленныхъ положеніяхъ борьба была сплошь и рядомъ непосильна даже Бенкендорфамъ, и опредѣленный порядокъ мыслей дѣлалъ свое дѣло быстро и вѣрно.

VII.

Какой нибудь строго опредѣленной программы съ указаніемъ ея политическаго выполненія западники и въ сороковыхъ годахъ не выставили. Все сводилось къ дискредитированію дѣйствительности и тѣхъ знаменитыхъ основъ, на коихъ покоилось могущество Николаевской Россіи. Минуя рядъ документовъ и показаній по сему вопросу, позволяемъ себѣ привести одинъ чрезвычайно любопытный документъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилось настроеніе западниковъ въ тѣ приснопамятные дни. Документъ этотъ—бывшее легендарнымъ доселѣ, знаменитое историческое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, о которомъ много говорено въ печати, которое было извѣстно лишь въ отрывкахъ и рукописи, но подлинный текстъ котораго полностью возможно было, въ связи съ облегченіями дѣла печати, опубликовать лишь въ нынѣшнемъ году. Политическій памфлетъ Бѣлинскаго былъ страстнымъ голосомъ западниковъ, бросившихъ къ подножію Николаевскаго самодержавія всю свою ненависть, презрѣніе и злобу. И этотъ голосъ, страшный абсолютизму именно своею злобою и ненавистью, былъ настолько вліятеленъ, что всякое знакомство съ историческимъ письмомъ, распространеніе его считалось преступленіемъ, достойнымъ самой строгой кары. Бѣдный Достоевскій, читавшій это письмо на вечерѣ у Петрашевскаго, былъ въ значительной степени приговоренъ къ своему жестокому наказанію именно за это чтеніе.

Ранняя смерть избавила Бѣлинскаго отъ печальной участи, которая ему грозила за его пламенное слово, хотя и сказанное частнымъ образомъ. Несомнѣнно, онъ былъ бы привлеченъ по дѣлу Петрашевскаго, и тогда, весьма вѣроятно, русскій кровавый синодикъ увеличился бы еще однимъ именемъ. Не становясь цѣликомъ на сторону взглядовъ знаменитаго письма и особенно не сочувствуя его рѣзкому тону, мы приводимъ здѣсь его цѣликомъ, безъ пропусковъ, какъ любопытный историческій матеріалъ и документъ, облетѣвшій въ рукописи въ свое время почти всю Россію, и который можно разсматривать въ его историческомъ значеніи, какъ первую русскую прокламацію, направленную противъ правительства,—прокламацію, распространенную въ рукописныхъ спискахъ въ громадномъ количествѣ. Такъ И. Аксаковъ по поводу популярности этого письма писалъ своему отцу: «Много я ѣздилъ по Россіи, имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько нибудь мыслящему юношѣ, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдѣльныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозели-

товъ... Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ,—говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу, — ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго».

Вотъ это историческое письмо.

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большого числа, и которыя въ свою очередь тоже никогда не видали насъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и нелитературные—Чичиковы, Ноздревы, Городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ

вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ. Если бы она и была написана вслѣдствіе глубокаго, искренняго убѣжденія, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатлѣніе. И если ее приняли всѣ (за исключеніемъ немногихъ людей, которыхъ надо видѣть и знать, чтобы не обрадоваться ихъ одобренію) за хитрую, но черезчуръ нецеремонную продѣлку для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли,—въ этомъ виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительнымъ. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россію только, какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что столько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего прекраснаго далека; а вѣдь извѣстно, что ничего легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть; потому, что въ этомъ прекрасномъ далекѣ вы живете совершенно чуждымъ ему, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ,—права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ—не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей! Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь—уничтоженіе крѣпостнаго права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами, и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью.

Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатичномъ снѣ! И въ это-то время великій писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ,—является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше... И это не должно было привести меня въ негодованіе?... Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки... И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ! если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова ученія—совсѣмъ не то написали бы въ вашей новой книгѣ. Вы сказали бы помѣщику, что, такъ какъ крестьяне его братья о Христѣ, а какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ или дать имъ свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами, какъ можно выгоднѣе для нихъ, сознавая себя, въ глубинѣ своей совѣсти, въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ.

А выраженіе: «Ахъ, ты неумытое рыло!» Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго? Да, это и такъ у насъ дѣлается въ частую, хотя еще чаще всего порютъ только праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія, и другая поговорка говоритъ тогда: безъ вины виноватъ! И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтлѣнія! Не можетъ быть! Или вы больны: и вамъ надо спѣшить лѣчиться, или... не смѣю досказать моей мысли... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ—что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною... Что вы подобное ученіе опираете на провославную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ? Что вы нашли общаго между нимъ и какою нибудь, тѣмъ болѣе православною церковью? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ и было спасеніемъ людей, пока не организовалось въ церковь и не приняло за основаніе принципа ортодоксіи. Цер-

ковь же явилась іерархіей, стало быть, поборницой неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми, чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ поръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой нибудь, Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты, патріархи! Неужели вы этого не знаете! Вѣдь это теперь не новость для всякаго гимназиста... А потому неужели вы, авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», неужели вы искренно отъ души пропѣли гимнъ гнусному русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше духовенства католическаго? Положимъ, вы не знаете, что второе когда-то было чѣмъ-то, между тѣмъ какъ первое никогда ничѣмъ не было, кромѣ какъ слугою и рабомъ свѣтской власти; но неужели же въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа? Про кого русскій народъ разсказываетъ похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть ли попъ на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, безстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По-вашему, русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! Основа религіозности есть піэтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій. А русскій человѣкъ произноситъ имя Божіе, почесывая себѣ . . . . Онъ говоритъ объ образѣ: годится—молиться, а не годится—горшки покрывать.

Приглядитесь попристальнѣе, и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается съ ними; живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными, гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не привилась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ, исключительныхъ личностей, отличающихся такою холодною аскетической созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантствомъ да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинять въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ, его скорѣе можно похвалить за образцовый индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольпоследнее

ническихъ сектахъ, столь противоположныхъ, по духу своему, массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ нею численно.

Не буду распространяться о вашемъ диѳирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ диѳирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по ихъ направленію. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да и выгодно), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего прекраснаго далека: вблизи-то оно не такъ красиво и не такъ безопасно... Замѣчу только одно: когда европейцемъ, особенно католикомъ овладѣетъ религіозный духъ, онъ дѣлается обличителемъ неправой власти, подобно еврейскимъ пророкамъ, обличавшимъ беззаконія сильныхъ земли. У насъ же наоборотъ: постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей-психіатровъ подъ именемъ religiosa mania, онъ тотчасъ же земному богу подкуритъ болѣе, нежели небесному, да еще такъ хватитъ черезъ край, что тотъ хоть и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ скомпрометировалъ бы себя въ глазахъ общества... Бестія нашъ братъ, русскій человѣкъ!...

Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только, передавши ее бумагѣ, вы не знали, что говорили... Но, можетъ быть, вы скажете: «Положимъ, что я заблуждался, и всѣ мои мысли ложны, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?» Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно, въ вашей книгѣ болѣе ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ; но зато они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и съ большей послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ; тогда какъ вы, не желая поставить по свѣчкѣ и тому и другому, впали въ противорѣчіе, отстаивали, напримѣръ, Пушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея погибели... Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искрен-

ности подобныхъ убѣжденій. Что же кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія—ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь; сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну наслѣдника. Еще въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ о Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете неудовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда ими будетъ доволенъ царь. Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики, и какъ писателя и еще болѣе человѣка?...

Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но, сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находятъ исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почетно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое, такъ называемое, либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, искренно или неискренно отдающихъ себя въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ—Пушкинъ, которому стоило написать только два-три вѣрноподданническихъ стихотворенія и надѣть камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ» вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною и талантомъ и менѣе горькія правды высказали ей? И старая школа, дѣйствительно, сердилась на васъ до бѣшенства, но «Ревизоръ» и «Мертвыя души» отъ того не пали, тогда

какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!..

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ, что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ Петербургѣ слухъ, что правительство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣнѣ,—мои друзья пріуныли; но я тогда же сказалъ имъ что, несмотря ни на что, книга не будетъ имѣть успѣха, и о ней скоро забудутъ. И дѣйствительно, она памятнѣе теперь всѣми статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубокъ, хотя и не развитъ еще инстинктъ истины.

Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль довести о немъ до свѣдѣнія публики была самая несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ все равно, и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди, или никогда не носившіе его въ груди своей, или потерявшіе его. Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжело зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей,—тотъ носитъ Христа въ груди своей, и тому незачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смиреніе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ, не ново, а, во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, страшною гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ можетъ быть плодомъ или гордости или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ неизбѣжно къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ въ вашей книгѣ вы позволили себѣ цинически-грязно выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжливо), но и о самомъ себѣ — это уже гадко; потому что, если человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, то человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги!

И что за языкъ, что за фразы? «Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ», неужели вы думаете что сказать всякъ вмѣсто всякій значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что, когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляетъ умъ и талантъ! Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, кто бы подумалъ, что эта надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ—произведеніе автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ».

Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы это только разсердило меня, я только объ этомъ и отозвался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ не хорошъ. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому что какъ-то по-человѣчески не ловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все же не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла; но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ, да еще вдобавокъ обвинить ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы, конечно, сдѣлали это по увлеченію главной мыслью вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземскій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ, развилъ вашу мысль и напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть, на меня всѣхъ болѣе) частный доносъ. Онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохого риѳмоплета, произвели въ великіе поэты, кажется, сколько я помню, за его «вялый, влачащійся по землѣ стихъ». Все это не хорошо. А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ; не могъ, да, признаться, и не захотѣлъ бы знать. Передо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи, я не

могъ этого сдѣлать, ибо тамошніе «Шпекины» распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и Некрасовъ переслалъ мнѣ ваше письмо въ Зальцбруннъ, откуда я сегодня же ѣду съ Анненковымъ въ Парижъ, черезъ Франкфуртъ на Майнѣ. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ, что я заблуждался въ моихъ о васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому; но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія.

Зальцбруннъ.
15 іюля 1847 г.

VIII.

Письмо Бѣлинскаго было собственно голосомъ Петербурга, гдѣ къ тому времени съ переѣздомъ сюда Бѣлинскаго и съ расцвѣтомъ «Современника» образовалась главная штабъ-квартира западничества, откуда и давали пароль и лозунгъ по всей линіи. Главный пароль, во имя котораго тѣсно сдвинулась сѣверная дружина, былъ крестьянскій вопросъ, т.-е. вопросъ объ уничтоженіи крѣпостничества. Этотъ вопросъ старой давности, смущавшій еще чуткое сердце Радищева, сталъ въ кругу петербургскихъ литераторовъ-западниковъ тѣмъ главнымъ мѣстомъ русской жизни, на которое обращено было особенное вниманіе, во имя котораго слагалъ свой «унылый» стихъ Некрасовъ, которому посвятили свое дарованіе Тургеневъ, Григоровичъ и др. Политика, какъ таковая, по условіямъ цензуры, представлялась, конечно, слабо, а потому, состоя подъ бдительнымъ надзоромъ верховнаго правителя западники не могли какъ нибудь конкретно выразить въ общей формулѣ весь символъ своей политической вѣры. Между ними были и люди, согласные принять существующую форму правленія, но лишь на условіи, что Россіи будутъ даны реформы, гдѣ въ первую голову неизмѣнно ставили вопросъ объ упраздненіи крѣпостничества, затѣмъ слѣдовали пожеланія свободы гласности, реформы суда, расширенія областного самоуправленія. Это была очень ходячая либе-

ральная программа, встрѣчавшая горячее сочувствіе и пользовавшаяся популярностью. Въ слѣдующемъ періодѣ русской жизни именно это-та программа и получила право гражданства и увидѣла свое осуществленіе.

Были и другіе, новые элементы жизни, которые, признавая указанныя реформы неотложными, не считали ихъ исчерпывающимъ вопросъ во всемъ его историческомъ объемѣ и ставили на очередь вопросъ о коренной реформѣ основныхъ «незыблемыхъ» законовъ, т.-е. объ ограниченіи самодержавія. Одну изъ тенденцій въ такомъ направленіи мы видѣли среди петрашевцевъ, гдѣ нѣкоторые громко высказывались за необходимость русской конституціи и даже дѣлали предположеніе о средствахъ и способахъ ея достиженія. Западническое направленіе и связанный съ нимъ политическій либерализмъ такимъ образомъ при всей суровости петербургскаго режима и даже прямо ему пропорціонально проникали собою столичное общество, увлекая въ водоворотъ будущихъ событій всѣ интеллигентные слои, во главѣ съ міромъ журналистовъ и университетскихъ ученыхъ.

Что же дѣлалось въ Москвѣ въ тѣ годы?

Описывая свой пріѣздъ съ женою въ Бѣлокаменную въ 1842 г., Герценъ говоритъ [1]): «Новые друзья насъ приняли горячо, гораздо лучше, чѣмъ два года назадъ. Въ ихъ главѣ стоялъ Грановскій, ему принадлежитъ главное мѣсто этого пятилѣтія. Огаревъ былъ почти все время въ чужихъ краяхъ. Грановскій замѣнялъ его намъ, и лучшими минутами того времени мы обязаны ему. Великая сила любви лежала въ этой личности. Со многими я былъ согласнѣе въ мнѣніяхъ, но съ нимъ я былъ ближе—тамъ гдѣ-то въ глубинѣ души.

«Грановскій и всѣ мы были сильно заняты, всѣ работали и трудились, кто занимая каѳедры въ университетѣ, кто участвуя въ обозрѣніяхъ и журналахъ, кто изучая русскую исторію. Къ этому времени относится начало всего сдѣланнаго потомъ.

«Мы были уже очень не дѣти; въ 1842 г. мнѣ стукнуло тридцать лѣтъ; мы слишкомъ хорошо знали, куда насъ вела наша дѣятельность, но шли. Не опрометчиво, но обдуманно продолжали мы нашъ путь съ тѣмъ успокоеннымъ ровнымъ шагомъ, къ которому пріучили насъ опытъ и семейная жизнь. Это не значило, что мы состарились, нѣтъ, мы были въ то же время юны, и отъ того одни, выходя на университетскую каѳедру, другіе, печатая статьи или издавая газету, каждый день подвергались аресту, отставкѣ, ссылкѣ.

«Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многосторонних и чистыхъ я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ

---

[1]) Сочиненія. «Былое и Думы».

вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и аристократическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое».

Итакъ, Москва сороковыхъ годовъ продолжала жить замкнутой, кружковой жизнью, гдѣ во главѣ западниковъ давалъ всему тонъ Грановскій. Въ его лицѣ, по словамъ Герцена, «московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее». Характерно рисуя своего друга, Герценъ со свойственной только ему литературной художественностью, такъ обрисовываетъ его портретъ и опредѣляетъ его дѣятельность: «Грановскій не былъ ни боецъ, какъ Бѣлинскій, ни діалектикъ, какъ Бакунинъ. Его сила была не въ рѣзкой полемикѣ, не въ смѣломъ отрицаніи, а именно въ положительно нравственномъ вліяніи, въ безусловномъ довѣріи, которое онъ вселялъ, въ художественности его натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка въ Россіи. Не только слова его дѣйствовали, но и его молчаніе: мысль его, не имѣя права высказаться, проступала такъ ярко въ чертахъ его лица, что ее трудно было не прочесть. Грановскій сумѣлъ въ мрачную годину гоненій сохранить не только каѳедру, но и свой независимый образъ мыслей, и это потому, что въ немъ съ рыцарской отвагой, съ полною преданностью страстнаго убѣжденія, стройно сочеталась женская нѣжность, мягкость формъ и та примиряющая стихія, о которой мы говорили.

«Грановскій напоминаетъ мнѣ рядъ задумчиво покойныхъ проповѣдниковъ-революціонеровъ временъ реформаціи; не тѣхъ бурныхъ, грозныхъ, которые въ «гнѣвѣ своемъ чувствуютъ вполнѣ свою жизнь», какъ Лютеръ, а тѣхъ ясныхъ, кроткихъ, которые такъ же просто надѣвали вѣнокъ славы на свою голову, какъ и терновый вѣнокъ.

«Они невозмущаемо тихи, идутъ твердымъ шагомъ, но не топаютъ; людей этихъ боятся судьи, имъ съ ними неловко; ихъ примирительная улыбка оставляетъ по себѣ угрызеніе совѣсти у палачей.

«Таковъ былъ самъ Колиньи, лучшіе изъ жирондистовъ, и дѣйствительно Грановскій, по всему строенію своей души, по ея романтическому складу, по нелюбви къ крайностямъ, скорѣе былъ бы гугенотъ и жирондистъ, чѣмъ анабаптистъ или монтаньяръ.

«Вліяніе Грановскаго на университетъ и на все молодое поколѣніе было огромно и пережило его; длинную, свѣтлую полосу оставилъ онъ по себѣ»...

«Глубокій протестъ противъ существующаго порядка въ Россіи»—вотъ то знамя, подъ которымъ, на виду у всѣхъ, стоялъ

Грановскій, что привлекало къ нему массы, и чѣмъ наполнялись ея чувства и мысли. Но, кромѣ этой, такъ сказать, отрицающей стороны дѣятельности, за нимъ оставалась и положительная: «рвущаяся къ свободѣ мысль запада, мысль умственной независимости и борьба за нее». Въ такомъ настроеніи воспитывалось московское общество, и такимъ образомъ и въ этомъ центрѣ русской жизни наблюдается кипѣніе общественныхъ силъ, потокъ которыхъ предназначался къ уничтоженію со временемъ созданнаго Николаемъ Павловичемъ порядка вещей. Въ Петербургѣ скоплялись элементы активные, радикально-дѣйствующіе, въ Москвѣ эти элементы носили болѣе спокойный характеръ, но цѣли ихъ по существу дѣла были тѣ же. И обѣ столицы одинаково вмѣстѣ съ тѣмъ приносили ужасному режиму свои роковыя жертвы. На берегахъ Невы чахоточный, съ кровавой пѣной на губахъ и съ политическою злобою во взорѣ, подъ гнетомъ дѣйствительности умиралъ Бѣлинскій, а въ Бѣлокаменной тихо, съ грустію во взорѣ угасалъ Грановскій «не отъ угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ, и которое по этому самому пагубнѣе перваго». Оба представителя западничества были въ прямомъ смыслѣ слова тѣми жертвами, которыя взяла себѣ безжалостная эпоха, и ихъ кровь и кости покрыли собою путь, по которому должны были пройти слѣдующія поколѣнія навстрѣчу радостному утру русской жизни послѣ ужаснаго севастопольскаго погрома.

IX.

Въ то время, какъ одни, подобно Бѣлинскому и Грановскому, принесли себя въ жертву на родинѣ во имя будущаго этой родины, другіе рѣшили свой жизненный путь иначе. Они ни въ жертву себя не принесли, ни покорились существующему порядку, а, получивъ къ тому счастливый случай и подходящую возможность, перенесли свои кипучія силы на «другой берегъ», гдѣ и объявили русскому правительству открытую борьбу, начавъ собою такимъ образомъ длинную и сложную исторію русской эмиграціи, о которой не разъ придется говорить въ нашихъ послѣдующихъ очеркахъ, посвященныхъ «исторіи русской революціи». Огаревъ, Герценъ, Бакунинъ — вотъ они, піонеры русской эмиграціи и первые представители свободнаго русскаго голоса за рубежемъ отчизны.

Начавъ съ поклоненія правому крылу гегеліанства, Бакунинъ съ 1840 г. всего тѣснѣе изъ философовъ-москвичей примыкаетъ къ Герцену и Огареву и, благодаря имъ и ихъ денежной поддержкѣ, въ 1841 г. появляется уже въ Берлинѣ, но далеко не съ какою нибудь политическою цѣлью, а въ интересахъ просвѣщенія и усовершенствованія своихъ философскихъ познаній. При своихъ

громадныхъ способностяхъ его друзьямъ на первое время начинаетъ казаться, что «Мишель»—будущій ученый, но эта ученость была мнимая, мимолетная: природный бунтарь проснулся скоро, расправилъ свои силы и уже въ 1843 г. сталъ передъ нѣсколько озадаченной Европой во весь свой колоссальный ростъ. Россія впервые поставляла своей западной сосѣдкѣ удивительнаго экземпляра изъ числа своихъ сыновъ, который своимъ зычнымъ голосомъ легко перекрикивалъ самые революціонные европейскіе голоса. Въ немъ все было какъ-то стихійно, и въ этомъ быломъ діалектикѣ-гегеліанцѣ и отставномъ артиллеристѣ невольно сказывался духъ и обликъ волжскаго богатыря, Стеньки Разина съ его широкимъ размахомъ и призывомъ къ разрушенію и общему хаосу. 1843 г. застаетъ Бакунина въ Швейцаріи, гдѣ онъ примыкаетъ къ партіи соціалистовъ, и его имя фигурируетъ въ процессѣ извѣстнаго нѣмецкаго коммуниста, портного Вейтлинга.

Правительство Николая Павловича встрепенулось и насторожилось. Изъ Петербурга послѣдовалъ запросъ швейцарскому правительству, а по полученіи надлежащаго отвѣта Бакунину предложено было немедленно явиться на родину. Блудный сынъ отвѣтилъ отказомъ своему отцу-монарху, и тогда, по повелѣнію Николая I, надъ нимъ былъ наряженъ заочный судъ, по приговору котораго Бакунинъ былъ лишенъ дворянства, имущество его объявлено конфискованнымъ, и въ случаѣ его появленія въ Россію ему назначена ссылка въ Сибить [1]).

Громко о себѣ Бакунинъ заставляетъ говорить уже въ 1847 г., когда на банкетѣ въ годовщину польскаго возстанія 1830 г. онъ произноситъ свою первую политическую рѣчь, гдѣ отъ имени оппозиціонной и революціонной Россіи бросаетъ передъ лицомъ всей Европы императору Николаю обвиненіе по всѣмъ статьямъ. Эта рѣчь была первымъ громкимъ вольнымъ голосомъ русскаго человѣка за рубежомъ отчизны, гдѣ онъ съ потрясающею ненавистью излилъ передъ слушателями всю злобу, накопившуюся у него въ груди долгими годами отъ всего имъ прожитаго и пережитаго. Наравнѣ съ письмомъ Бѣлинскаго считаемъ необходимымъ воспроизвести ее въ нашихъ очеркахъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя касаются русскихъ дѣлъ, какъ документъ, имѣющій важное историческое значеніе для исторіи борьбы общественныхъ силъ съ правительствомъ.

---

[1]) Вмѣстѣ съ Бакунинымъ опала распространилась и на И. Г. Головина, бывшаго дипломата, позволившаго себѣ опубликовать за границею сочиненія, компрометирующія Россію и царствованіе Николая I. Но Головинъ въ исторіи нашихъ движеній стоитъ совсѣмъ особо, почему о немъ и не приходится распространяться; однако въ числѣ первыхъ политическихъ эмигрантовъ должно быть обозначено и его имя. Б. Г.

Бакунинъ началъ свою рѣчь такъ:

«Господа.

«Настоящая минута для меня очень торжественная. Я русскій и прихожу въ это многочисленное собраніе, которое сошлось, чтобъ праздновать годовщину польскаго возстанія, и котораго одно присутствіе здѣсь есть уже родъ вызова, угрòза и какъ бы проклятіе, брошенное въ лицо всѣмъ притѣснителямъ Польши; я прихожу въ него, господа, одушевленный глубокою любовью и непоколебимымъ уваженіемъ къ моему отечеству.

«Мнѣ небезызвѣстно, насколько Россія не популярна въ Европѣ. Поляки смотрятъ на нее, не безъ основанія, быть можетъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ ихъ несчастій! Люди независимые въ другихъ странахъ видятъ въ столь быстромъ развитіи ея могущества опасность, постоянно растущую, для свободы народовъ. Повсюду имя русскаго является синонимомъ грубаго угнетенія и позорнаго рабства. Русскій, во мнѣніи Европы, есть не что другое, какъ гнусное орудіе завоеванія въ рукахъ ненавистнѣйшаго, какъ и опаснѣйшаго деспотизма. Господа, не для того, чтобъ оправдывать Россію отъ преступленій, въ которыхъ ее обвиняютъ, не для того, чтобъ отрицать истину, взошелъ я на эту трибуну. Я не хочу пробовать невозможное. Истина становится болѣе, чѣмъ когда либо, нужною для моего отечества.

«Итакъ, да, мы—еще народъ рабскій! У насъ нѣтъ свободы, нѣтъ достоинства человѣческаго. Мы живемъ подъ отвратительнымъ деспотизмомъ, необузданнымъ въ его капризахъ, безграничнымъ въ дѣйствіи. У насъ нѣтъ никакого права, никакого суда, никакой апелляціи противъ произвола; мы не имѣемъ ничего, что составляетъ достоинство и гордость народовъ. Нельзя вообразить положеніе болѣе несчастное и болѣе унизительное.

«Извнѣ наше положеніе не менѣе плачевно. Будучи пассивными исполнителями мысли, которая для насъ чужая, воли, которая такъ же противна нашимъ интересамъ, какъ и нашей чести, мы страшно ненавидимы, я хотѣлъ даже сказать, почти презираемы, потому что на насъ повсюду смотрятъ, какъ на враговъ цивилизаціи и человѣчества. Наши повелители пользуются нашими руками для того, чтобы сковать міръ, чтобъ поработить народы, и всякій успѣхъ ихъ есть новый позоръ, прибавленный къ нашей исторіи».

Сдѣлавъ такой приступъ, Бакунинъ перешелъ къ польскому вопросу, связалъ симпатіи съ нимъ передовыхъ представителей русскаго общества и перешелъ къ грозной филиппикѣ николаевскаго режима:

«Я знаю, въ Европѣ вообще думаютъ, что мы съ нашимъ правительствомъ составляемъ нераздѣльное цѣлое, что мы чувствуемъ

себя очень счастливыми подъ управленіемъ Николая, что онъ и его система, притѣснительная внутри и наступательная извнѣ, прекрасно выражаютъ нашъ національный духъ.

«Все это неправда.

«Нѣтъ, господа, народъ русскій не чувствуетъ себя счастливымъ! Я говорю это съ радостью, съ гордостью. Потому что, если бы счастье было возможно для него въ той мерзости, въ которую онъ погруженъ, это былъ бы самый подлый, самый гнусный народъ въ мірѣ. Нами тоже управляетъ иностранная рука, монархъ происхожденія нѣмецкаго, который не пойметъ никогда ни нуждъ, ни характера народа русскаго, и котораго правительство, странная смѣсь монгольской грубости и прусскаго педантизма, совершенно исключаетъ національный элементъ. Такимъ образомъ, лишенные политическихъ правъ, мы не имѣемъ даже той свободы натуральной,—патріархальной, такъ сказать,—которою пользуются народы наименѣе цивилизованные, и которая позволяетъ, по крайней мѣрѣ, человѣку отдохнуть сердцемъ въ родной средѣ и отдаться вполнѣ инстинктамъ своего племени. Мы не имѣемъ ничего этого; никакой жестъ натуральный, никакое свободное движеніе намъ не дозволено. Намъ почти запрещено жить, потому что всякая жизнь предполагаетъ извѣстную независимость, а мы только бездушныя колеса въ этой чудовищной машинѣ притѣсненія и завоеванія, которую называютъ Русской имперіей. Но, господа, предположите, что у машины есть душа и, быть можетъ, вы тогда составите себѣ понятіе объ огромности нашихъ страданій. Мы не избавлены ни отъ какого стыда, ни отъ какой муки, и мы имѣемъ всѣ несчастія Польши безъ ея чести.

«Безъ ея чести,—сказалъ я,—и я настаиваю на этомъ выраженіи для всего, что есть правительственнаго, офиціальнаго, политическаго въ Россіи.

«Нація слабая, истощенная, могла бы нуждаться во лжи, для поддержанія жалкихъ остатковъ существованія, которое угасаетъ. Но Россія не въ такомъ положеніи, славу Богу! Природа этого народа попорчена только на поверхности: сильная, могучая и молодая,—ей только надо опрокинуть препятствіе, которымъ смѣютъ ее окружать,—чтобъ показаться во всей первобытной красотѣ, чтобъ развить всѣ свои невѣдомыя сокровища, чтобъ показать наконецъ всему свѣту, что русскій народъ имѣетъ право на существованіе не во имя грубой силы, какъ думаютъ обыкновенно, но во имя всего, что есть наиболѣе благороднаго, наиболѣе священнаго въ жизни народовъ, во имя человѣчности, во имя свободы.

«Господа, Россія не только несчастна, но и недовольна,—терпѣніе ея готово истощиться. Знаете ли вы, что говорится на ухо даже при дворѣ въ Петербургѣ? Знаете ли, что думаютъ приближенные, фавориты, даже министры и литераторы? Что царствова-

ніе Николая похоже на царствованіе Людовика XV. Всѣ предчувствуютъ грозу, — грозу близкую, ужасную, которая пугаетъ многихъ, но которую нація призываетъ съ радостію.

«Внутреннія дѣла страны идутъ ужасно дурно. Это—полная анархія со всѣми видимостями порядка. Подъ внѣшностію іерархическаго формализма, крайне строгаго, скрываются отвратительныя раны; наша администрація, наша юстиція, наши финансы, все это одна ложь: ложь, чтобъ обмануть заграничное мнѣніе, ложь, чтобъ усыпить чувство безопасности и сознаніе императора, который поддается ей тѣмъ охотнѣе, что дѣйствительное положеніе дѣлъ его пугаетъ. Это—наконецъ организація на большую руку, организація, такъ сказать, обдуманная и полная несправедливости, варварства и грабежа, потому, что всѣ слуги царя, начиная отъ тѣхъ, которые занимаютъ наивысшія должности и оканчивая самыми мелкими уѣздными чиновниками, разоряютъ, обкрадываютъ страну, совершаютъ несправедливости самыя вопіющія, самыя отвратительныя насилія, безъ малѣйшаго стыда, безъ малѣйшаго страха, публично, среди бѣлаго дня, съ нахальствомъ и грубостью безпримѣрными, не давая себѣ даже труда скрывать свои преступленія передъ негодованіемъ публики, настолько они увѣрены въ своей безнаказанности.

«Императоръ Николай принимаетъ иногда видъ, будто онъ хочетъ остановить ростъ этой страшной испорченности, но какъ можетъ онъ устранить зло, котораго главная причина въ немъ самомъ, въ основѣ самаго его правительства,—и вотъ гдѣ тайна его глубокаго безсилія къ добру. Потому что правительство, которое кажется такимъ импозантнымъ извнѣ, внутри страны безсильно: ничто ему не удается, всѣ преобразованія, которыя оно предпринимаетъ, тотчасъ же обращаются въ ничто. Имѣя опорой своей только двѣ самыя гнусныя страсти человѣческаго сердца: продажность и страхъ, дѣйствуя внѣ всѣхъ національныхъ инстинктовъ, внѣ всѣхъ интересовъ, всѣхъ полезныхъ силъ страны, правительство Россіи ослабляетъ себя каждый день своимъ собственнымъ дѣйствіемъ и разстраиваетъ себя страшнымъ образомъ. Оно волнуется, кидается съ мѣста на мѣсто, перемѣняетъ ежеминутно проекты и идеи, оно предпринимаетъ сразу много, но не осуществляетъ ничего. У него есть одна только сила—вредить, и ею оно пользуется широко, какъ будто оно хотѣло само ускорить минуту своей гибели. Чуждое и враждебное странѣ посреди самой этой страны, оно отмѣчено для будущаго паденія.

«Враги его повсюду: во-первыхъ, эта страшная масса крестьянъ, которые не ждутъ болѣе отъ императора своего освобожденія, и которыхъ бунты съ каждымъ днемъ все болѣе частые показываютъ, что они устали ждать; далѣе классъ промежуточный, очень многочисленный и состоящій изъ элементовъ очень различныхъ, классъ

безпокойный, буйственный, который бросится со страстью въ первое революціонное движеніе.

«Наконецъ и особенно это—безчисленная армія, которая покрываетъ все пространство имперіи. Николай смотритъ, правда, на своихъ солдатъ, какъ на своихъ лучшихъ друзей, какъ на самыя твердыя опоры трона: но это—странная иллюзія, которая не преминетъ сдѣлаться для него гибельною. Какъ! Опора трона, эти люди, вышедшіе изъ рядовъ народа, такъ глубоко несчастнаго, люди, которыхъ отрываютъ грубо отъ ихъ семействъ, которыхъ ловятъ, какъ дикихъ звѣрей, по лѣсамъ, гдѣ они прячутся, часто изуродовавши сами себя, чтобъ избавиться отъ рекрутства, которыхъ ведутъ закованными въ полки ихъ, гдѣ они приговорены въ теченіе 20 лѣтъ, т.-е. всю жизнь человѣка, къ одному существованію, гдѣ ихъ бьютъ каждый день, угнетаютъ ежедневно новыми тяжкими работами, и гдѣ они постоянно умираютъ съ голода! Чѣмъ были бы они, великій Боже! эти русскіе солдаты, если бы посреди такихъ пытокъ они могли любить ту руку, которая ихъ мучитъ! Вѣрьте мнѣ, господа, наши солдаты самые опасные враги теперешняго порядка вещей,—особенно гвардейскіе, которые, видя зло у источника его, не могутъ обманываться на счетъ единственной причины всѣхъ ихъ страданій. Наши солдаты—это самъ народъ, но еще болѣе недовольный, это—народъ совершенно разочарованный, вооруженный, привыкшій къ дисциплинѣ и къ общему дѣйствію. Хотите ли доказательства? Во всѣхъ послѣднихъ бунтахъ крестьянскихъ отпускные солдаты играли главную роль. Чтобъ окончить этотъ обзоръ враговъ правительства въ Россіи, я долженъ наконецъ сказать, господа, что въ дворянской молодежи есть много людей образованныхъ, великодушныхъ, патріотовъ, которые краснѣютъ отъ стыда и ужаса нашего положенія, которые оскорбляются чувствовать себя рабами, которые всѣ питаютъ противъ императора и его правительства неугасимую ненависть. Ахъ, вѣрьте мнѣ, право, элементовъ революціонныхъ достаточно въ Россіи! Она оживляется, она волнуется, она считаетъ свои силы, она узнаетъ себя, сосредоточивается, — и минута не далека, когда буря, великая буря, наше общее спасеніе, поднимется! (Продолжительные апплодисменты).

«Господа, я вамъ предлагаю союзъ отъ имени этого новаго общества, этой настоящей націи русской!» [1]).

Свою рѣчь Бакунинъ заключилъ эффектнымъ тостомъ за союзъ революціонной Россіи съ революціонной Польшей противъ общаго врага—офиціальной Россіи императора Николая.

---

[1]) «М. А. Бакунинъ» изд. И. Балашова.

X.

Въ 1847 г. Бакунинъ произносилъ свою рѣчь, какъ заправскій уже политическій дѣятель, а въ томъ же году Герценъ, получившій къ тому времени крупное наслѣдство послѣ смерти отца, тоже переѣхалъ на законномъ основаніи русскую границу. Повидимому, въ моментъ разставанія съ родиною опредѣленныхъ политическихъ плановъ у него не было: на Руси становилось очень уже «душно»; онъ поѣхалъ сначала попросту «на воды», но вскорѣ эти «воды» обратились въ самую заправскую и яркую эмиграцію, сыгравшую въ исторіи нашего общественнаго и политическаго развитія такую огромную роль.

Въ 1847 г. онъ шлетъ въ «Современникъ» свои прелестныя «Письма изъ Avenue Marigny», въ которыхъ, отрицательно относясь къ западно-европейской буржуазіи, высказываетъ горячую, почти восторженную вѣру въ грядущее четвертаго сословія. Въ 1849 г. на нѣмецкомъ языкѣ появляется его книга «Съ того берега», гдѣ въ посвященіи онъ объясняетъ друзьямъ, политическимъ единомышленникамъ, почему онъ безповоротно рѣшилъ не возвращаться на родину. «Прощайте»,—говоритъ онъ имъ и вслѣдъ ставитъ вопросъ:

«Зачѣмъ же я остаюсь?»

«Остаюсь затѣмъ, что борьба з д ѣ с ь, что, несмотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но г л а с н ы, борьба открытая, никто не прячется. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность— я остаюсь здѣсь; за нее я отдаю все, я васъ отдаю за нее, часть своего достоянія, а, можетъ, отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства, гонимыхъ, но не низлагаемыхъ.

«За эту рѣчь я переломилъ, или, лучше сказать, заглушилъ на время мою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзывовъ на свѣтлыя и темныя стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ—моя пѣснь и мой языкъ, и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетарія и отчаянному мужеству его друзей... Я остаюсь здѣсь не только потому, что мнѣ противно, переѣзжая черезъ границу, снова надѣть колодки, но для того, чтобъ работать; жить, сложа руки, можно вездѣ; здѣсь мнѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ н а ш е г о дѣла.

«Кто больше двадцати лѣтъ проносилъ въ груди своей одну мысль, кто страдалъ за нее и жилъ ею, скитался по тюрьмамъ и ссылкамъ, кто ею пріобрѣлъ лучшія минуты жизни, самыя свѣтлыя встрѣчи, тотъ ея не оставитъ, тотъ ея не приведетъ въ зависимость внѣшней необходимости и географическому градусу широты и долготы. Совсѣмъ напротивъ, я здѣсь полезнѣе, я здѣсь—

безцензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель...

«Для русскихъ за границей есть еще другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ; она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ и больше ничего... Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго отроческую силу она оцѣнила въ боѣ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; разскажемъ ей объ этомъ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; о народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капральской палкой казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ; который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостного состоянія, и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина. Пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда, они его только боятся, надобно имъ знать, чего они боятся».

Изъ приведенной выдержки видно, что, перебравшись на чужой берегъ и рѣшившись принять самое дѣятельное участіе въ мѣстной политической жизни, Герценъ далеко еще не является передъ нами, подобно Бакунину, ярымъ агитаторомъ-революціонеромъ, и голосъ его настроенъ мирно. Онъ ищетъ лишь свободы рѣчи, при чемъ принимаетъ на себя задачу спеціально-культурнаго характера—быть трубадуромъ русскаго народа среди иноземныхъ племенъ. Такимъ образомъ первые моменты изъ жизни и дѣятельности русской эмиграціи звучатъ неодинаковостью тона и задачъ. Гармонія политической рѣчи явилась впослѣдствіи, когда волна событій вынесла Герцена на самыя вершины русской общественной мысли и чувствъ и превратила его въ высшій трибуналъ, къ которому апеллировало все, что не находило правды у себя, въ русскомъ домѣ. Но это относится къ позднѣйшимъ событіямъ, о которыхъ рѣчь еще впереди.

Такимъ образомъ въ настоящей части нашихъ очерковъ, посвященныхъ «общественнымъ настроеніямъ въ Николаевскую эпоху и началу эмиграціи», передъ читателями обрисовались тѣ главныя общественныя силы, на долю которыхъ выпало въ Николаевскую эпоху произвести большую и отвѣтственную работу—изъясненія обществу настоящаго положенія вещей, намѣченія ему новыхъ путей жизни и установленія себѣ тѣхъ или иныхъ запросовъ, тѣхъ или иныхъ идеаловъ. Мы видѣли, что при всей суровости Нико-

лаевской системы управленія, этой системѣ не удалось привести общество въ состояніе полнаго покоя: жизнь незамѣтно закипала повсемѣстно, и по кажущейся ровной поверхности незамѣтно проявлялась та зловѣщая. зыбь, которая рано или поздно должна была превратить все русское море въ состояніе бурнаго кипѣнія. Нуженъ былъ только необходимый для того историческій моментъ, и таковымъ явился Севастопольскій погромъ, въ которомъ весь Николаевскій режимъ обремизился, обнаруживъ всѣ свои изъяны и недостатки, которые такъ или иначе констатировались представителями общественной мысли разныхъ фракцій и направленій. Потребовались потоки крови несчастнаго народа, тысячи и тысячи его жертвъ, чтобъ смыть этотъ ужасающій режимъ, послѣ чего только обновленная Россія приступила къ рѣшенію своихъ коренныхъ внутреннихъ вопросовъ историческаго существованія. Какъ рѣшить эти вопросы, въ какомъ направленіи, по какой системѣ и въ какомъ масштабѣ,—все это явилось новыми вопросами, какъ бы не имѣвшими своей исторіи и своихъ преданій. Естественно, что около этихъ вопросовъ закипѣла опять борьба—борьба общественныхъ силъ съ правительственной властью, въ которой приняли непосредственное участіе знакомыя намъ общественныя наслоенія. Николай Павловичъ, не допуская при своей жизни мало-мальски свободнаго обсужденія политическихъ вопросовъ, къ которымъ рвались силы интеллигенціи, создалъ тѣмъ самымъ своему наслѣднику очень трудное наслѣдіе, реализація котораго обратилась въ результатѣ въ ужасную драму съ трагическимъ кровавымъ финаломъ. Обозрѣнію всѣхъ перипетій этой драмы и будутъ посвящены наши историческіе очерки въ 1907 году.

Б. Глинскій.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

ВЪ ЛИЦѢ скончавшагося 10 октября 1906 г. профессора и академика **Александра Николаевича Веселовскаго** русская историко-литературная наука потеряла крупнѣйшаго и пользовавшагося всемірной извѣстностью разносторонняго ученаго дѣятеля. «Онъ не былъ только русскимъ ученымъ,—пишетъ о немъ профессоръ Ѳ. Д. Батюшковъ [1]),—но первый изъ русскихъ въ избранной имъ отрасли знанія заставилъ представителей западно-европейской науки считаться съ его работами. Онъ поѣхалъ въ западные университеты ученикомъ, а вскорѣ былъ провозглашенъ и на Западѣ авторитетомъ, и даже единственнымъ въ своемъ родѣ авторитетомъ. Западные ученые предъ нимъ преклонялись, не пытаясь соперничать съ нимъ въ необъятности его эрудиціи. Въ этомъ отношеніи Александръ Николаевичъ обладалъ преимуществами русскаго ученаго, который выступилъ передъ иностранцами съ запасомъ богатаго и не использованнаго еще матеріала, но онъ научился имъ орудовать, лишь пройдя школу западной науки».

По обычному наименованію спеціальности покойнаго онъ былъ «историкъ литературы», по занимаемой имъ каѳедрѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ теченіе тридцати шести лѣтъ—«исто-

[1]) См. его статью «Памяти А. Н. Веселовскаго» въ газетѣ «Рѣчь», 1906 г., октября 14, № 190.

рикъ всеобщей литературы»; но такое опредѣленіе,—какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же профессоръ Ѳ. Д. Батюшковъ,—отличается неясностью и неточностью. «Въ своихъ лекціяхъ,—читаемъ въ упомянутой уже его статьѣ,—а еще болѣе того, конечно, въ своихъ кабинетныхъ работахъ, Александръ Николаевичъ часто отходилъ отъ чисто историко-литературныхъ задачъ, заглядывалъ въ чужія области, возвращался опять къ литературѣ и языкамъ, но зачастую дѣлалъ изъ такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ самостоятельный предметъ изученія; онъ не разъ забывалъ литературу для археологіи, жертвовалъ эстетикой для фольклора, курсы историко-литературные обращалъ въ общіе курсы исторіи культуры или, наоборотъ, отступалъ отъ исторической послѣдовательности развитія національныхъ литературъ, чтобы создать отвлеченную схему развитія поэтическихъ родовъ или слѣдить за судьбой поэтическихъ сюжетовъ. Общая исторія, лингвистика, археологія, миѳологія, чтеніе рукописей, потомъ—историческая эстетика, «народная психологія», исторія религій, соціологія, философія, теорія словесности, біографіи,—ко всѣмъ этимъ отраслямъ гуманитарныхъ наукъ академикъ Веселовскій обращался и приступалъ къ нимъ, не какъ дилетантъ, усваивающій себѣ лишь конечные результаты, чтобы ихъ использовать для своихъ цѣлей, а какъ работникъ, который раньше, чѣмъ высказать свое слово, стремится овладѣть съ наибольшимъ совершенствомъ методами работы и умѣть пользоваться источниками. Имъ оставленъ огромный трудъ, плодами котораго еще долго будутъ пользоваться всѣ интересующіеся исторіей духовной жизни человѣчества».

Такая характеристика учено-литературныхъ трудовъ покойнаго, конечно, далеко оставляетъ за собою и отзывъ академика И. И. Срезневскаго, писавшаго еще въ 1877 г., что «всѣ большіе и малые труды г. Веселовскаго важны, какъ для изслѣдователей иностранныхъ, такъ и для русскихъ. Въ русской научной литературѣ они не замѣнимы»; и заключительныя слова, произнесенныя въ 1893 г. профессоромъ и академикомъ И. Н. Ждановымъ: «русская наука можетъ гордиться богатымъ вкладомъ, который внесенъ уважаемымъ академикомъ въ сокровищницу не только русскаго, но и обще-европейскаго знанія», и наконецъ отзывъ историка нашей этнографіи, А. Н. Пыпина, ставившаго въ особую заслугу А. Н. Веселовскому его «наиболѣе вѣрное разъясненіе историческаго генезиса народныхъ преданій».

Въ качествѣ обозрѣвателя учено-литературной дѣятельности А. Н. Веселовскаго, мы должны были бы разсмотрѣть всѣ его ученыя работы и сообщить болѣе или менѣе значительный матеріалъ для желающихъ ознакомиться съ этой дѣятельностью; но, къ сожалѣнію, мы связаны мѣстомъ и задачами общеисторическаго журнала и потому должны ограничиться разсмотрѣніемъ

лишь наиболѣе крупныхъ и цѣнныхъ работъ покойнаго академика, сообщивъ предварительно въ краткихъ словахъ его біографическія данныя.

Александръ Николаевичъ Веселовскій.

Родился А. Н. Веселовскій въ Москвѣ 24 февраля 1838 г., отъ брака «поручика 1 московскаго кадетскаго корпуса», Николая Алексѣевича Веселовскаго, «съ дѣвицею Августою Францовою, дочерью надворнаго совѣтника Франца Андреева Лисевича»,—со

стоявшагося 12 февраля 1837 г. [1]). По окончаніи курса во второй московской гимназіи, онъ поступилъ 16 лѣтъ на словесный факультетъ Московскаго университета, гдѣ занимался подъ руководствомъ профессора Ѳ. И. Буслаева исторіей литературы, а подъ руководствомъ профессора Кудрявцева—исторіею. Немало также оказалъ на него вліянія и профессоръ П. М. Леонтьевъ своими лекціями по сравнительному языковѣдѣнію и греческой миѳологіи, по отзыву котораго онъ былъ удостоенъ золотой медали за кандидатское сочиненіе «De lupi et canis in mythologia graeca et romana symbolis». По окончаніи университетскаго курса, А. Н. Веселовскій уѣхалъ за границу, сперва въ Испанію, гдѣ пробылъ около года, затѣмъ въ Германію, гдѣ посѣщалъ въ разныхъ университетахъ нѣмецкихъ профессоровъ по германской и общей филологіи (гг. Мелленгофа, Штейнталя, Гоше, Вагена, Дица и др.), въ Чехіи [2]) и, наконецъ, въ Италіи, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. Помимо заграничныхъ корреспонденцій, печатавшихся въ «Современной Лѣтописи», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», онъ въ первый же годъ (1859) своего пребыванія за границей напечаталъ и первую свою научную работу по поводу одного изъ выпусковъ Гауптова журнала: «Zeitschrift für deutsches Alterthum», гдѣ были помѣщены статья Ригера о Тацитовыхъ ингевонахъ, истевонахъ и гертинонахъ, статья В. Гримма объ испанскихъ сказкахъ и др. «Въ разборѣ этихъ статей,—говоритъ профессоръ И. Н. Ждановъ,—рецензентъ обнаруживалъ такое обширное знакомство съ литературой миѳологическихъ преданій и народныхъ сказокъ и такое умѣнье работать надъ народно-поэтическимъ матеріаломъ, которыя давали основаніе утверждать, что въ лицѣ г. Веселовскаго наша наука пріобрѣтала сильнаго дѣятеля, отъ котораго можно ожидать много цѣнныхъ и важныхъ работъ» [3]). Проживъ въ Италіи болѣе 3 лѣтъ уже на собственныя средства, онъ все почти время работалъ надъ открытымъ имъ романомъ XV вѣка, который и издалъ на итальянскомъ языкѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Il Paradiso degli Alberti», въ 1867—1868 г.г., въ четырехъ томахъ, и рѣ-

---

[1]) Такъ записано въ брачной метрикѣ Николая Алексѣевича; въ метрикахъ же сыновей его (Александра и Ѳедора) отчество его жены измѣнено на «Ѳедоровна». Ср. архивъ департамента герольдіи правительствующаго сената, дѣла о дворянствѣ Веселовскихъ: 1) по Московской губерніи, 1844 г., и 2) по Калужской губерніи, 1876 г.; изъ послѣдняго видно, что Николай Алексѣевичъ Веселовскій (1811—1884), генералъ-майоръ въ отставкѣ съ 1865 г., имѣлъ четырехъ сыновей: Александра, Ѳедора (р. 1840 г.), Алексѣя (р. 1843 г.) и Николая (р. 1861 г.), и имѣніе Нѣмцово въ Малоярославецкомъ уѣздѣ, принадлежавшее ранѣе Радищеву, и утвержденъ вторично въ дворянствѣ по личнымъ заслугамъ.

[2]) Отчетъ о занятіяхъ его въ тамошнихъ университетахъ см. «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1863 г., ч. 118, 119 и 120, и 1862 г., ч. 121.

[3]) См. «Отчетъ импер. Русскаго географическаго общества» за 1894 г., «приложенія», стр. 16.

шился даже навсегда остаться въ Италіи; но письма профессоровъ Буслаева и Леонтьева, обѣщавшихъ ему каѳедру въ Московскомъ университетѣ, заставили перемѣнить это рѣшеніе. Онъ вернулся въ Москву; но отсюда вскорѣ, обманутый въ своихъ надеждахъ получить каѳедру, принялъ приглашеніе профессора О. Ѳ. Миллера и навсегда поселился въ Петербургѣ. Въ Москвѣ онъ успѣлъ только защитить свою магистерскую диссертацію, которая представляетъ собою переработку изъ упомянутаго выше четырехтомнаго труда: «Il Paradiso degli Alberti», двухъ первыхъ его томовъ, подъ заглавіемъ: «Вилла Альберти, новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтій» (М., 1870 г.). Предисловіе къ изданію текста, впервыя разысканнаго Веселовскимъ, изслѣдованіе объ авторѣ этого романа и его отношеніи къ современнымъ литературнымъ теченіямъ были признаны иностранными авторитетными учеными (Фел. Либрехтъ, Гаспари, Кертингъ и др.) во многихъ отношеніяхъ образцовыми. Итальянское же королевское общество, усматривавшее въ изданномъ имъ трудѣ наиболѣе цѣнный матеріалъ для изученія итальянскаго общества въ эпоху, предшествовавшую возрожденію клессической древности, избрало его своимъ членомъ-корреспондентомъ.

Черезъ два года съ небольшимъ А. Н. Веселовскій защитилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и диссертацію на степень доктора исторіи всеобщей литературы, подъ заглавіемъ: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Изъ исторіи литературнаго общенія востока и запада». Второе заглавіе этого труда указываетъ и на самую задачу, какую поставилъ себѣ авторъ, а именно — историко-сравнительное изученіе общенародныхъ сказаній [1]). Въ немъ онъ прослѣдилъ литературную исторію Соломоновой саги отъ ея древнѣйшихъ восточныхъ образцовъ до позднѣйшихъ европейскихъ переработокъ; другими словами, указалъ всѣ переходы соломоновскихъ сказаній отъ памятниковъ индійской литературы, еврейскихъ и мусульманскихъ легендъ до позднѣйшихъ ихъ отголосковъ въ русскихъ древнихъ стихахъ и на окраинахъ Западной Европы, въ кельтскихъ народныхъ преданіяхъ. Отстаивая теорію литературныхъ заимствованій (Бенфей, Дуилопъ-Либ-

---

[1]) Вопроса о сравнительномъ изученіи восточныхъ темъ, обрядовыхъ преданій и обычаевъ онъ касался еще въ первой своей научной работѣ, вышеуказанной рецензіи на журналъ Гаупта, и затѣмъ въ двухъ статьяхъ на итальянскомъ языкѣ, напечатанныхъ въ 1866 г.: «Le tradizioni popolari nei poemi d'Antonio Pucci» (Преданія народныя въ поэмахъ Антонія Пуччи) и «Novella della figlia del re di Dacia» (Новелла о королевнѣ Дакійской. Неизданный текстъ лучшаго вѣка итальянскаго языка, съ предисловіемъ).

рехтъ, Пыпинъ) въ противовѣсъ прежней школѣ Якова Гримма и его послѣдователей, объяснявшихъ сходство различныхъ сказаній у индо-европейскихъ народовъ общностью ихъ источника въ пра-индо-европейскомъ преданіи, А. Н. Веселовскій впервые съ такою подробностью оттѣнилъ важное значеніе Византіи въ исторіи европейской культуры и указалъ на ея посредствующую роль между востокомъ и западомъ. Между прочимъ, въ своей вступительной рѣчи онъ также впервые указалъ и на тотъ переломъ въ исторіи литературныхъ вкусовъ и понятій, который произошелъ въ половинѣ XII вѣка: «до этого времени литература носитъ на себѣ характеръ чисто феодальный (chansons de geste, животный эпосъ въ видѣ Romana du Renard); послѣ же первой половины XII вѣка въ литературѣ начинаютъ преобладаютъ сюжеты національные, принадлежащіе къ разряду странствующихъ сказаній».

Избранный послѣ защиты этой диссертаціи въ экстраординарные профессоры по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы, онъ въ 1879 г.. былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ и наконецъ въ 1895 г.—заслуженнымъ профессоромъ.

Кромѣ того, читалъ лекціи и на высшихъ женскихъ курсахъ съ 1878 по 1889 г. («Курсъ итальянской литературы до конца XV вѣка»; «Исторія всеобщей литературы», историческое развитіе эпоса, драма, романъ..; «Божественная комедія Данте» и проч.).

Высоко цѣня научные труды А. Н. Веселовскаго, императорская академія наукъ еще въ 1877 г. избрала его своимъ адъюнктомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ 1880 г.—экстраординарнымъ академикомъ, въ 1881 г.—ординарнымъ и, наконецъ, въ 1901 г.—предсѣдателемъ отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности. Послѣ смерти И. Н. Жданова онъ сталъ и во главѣ образованной при отдѣленіи комиссіи по изданію полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина. Кромѣ того, А. Н. Веселовскій много труда положилъ на организацію неофилологической секціи при образованномъ еще въ 1869 г. при С.-Петербургскомъ университетѣ И. И. Срезневскимъ филологическомъ обществѣ, былъ предсѣдателемъ этой секціи и оставался таковымъ и тогда, когда секція расширилась и преобразовалась въ самостоятельное неофилологическое общество. Какъ предсѣдатель послѣдняго, онъ, между прочимъ, много хлопоталъ объ устройствѣ института преподавателей новыхъ иностранныхъ языковъ,—преподавателей научно-подготовленныхъ и хорошо изучившихъ свой родной языкъ и особенно русскій, и написалъ рядъ записокъ и проектовъ... Но всѣ они были приняты министерствомъ народнаго просвѣщенія съ мертвящею холодностью, несмотря на очевидную и даже кричащую необходимость вызываемаго ими института.

Состоя дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ цѣлаго ряда русскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, покойный состоялъ

почетнымъ членомъ финляндскаго общества наукъ въ Гельсингфорсѣ; членомъ-корреспондентомъ Вѣнской королевской академіи наукъ, юго-славянской, Чешской и Баварской академій наукъ, членомъ Сербской королевской академіи въ Бѣлградѣ, почетнымъ членомъ Краковскаго Ягеллоновскаго университета и др.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію учено-литературныхъ трудовъ академика Веселовскаго, мы остановимся прежде всего на тѣхъ изъ нихъ, которые касаются исторіи западно-европейскихъ литературъ, и которыми начинается его учено-литературная дѣятельность. Въ числѣ ихъ, кромѣ уже упомянутыхъ: «Il Paradiso degli Alberti», «Вилла Альберти» и др., назовемъ: «Данте и символическая поэзія католичества» [1] («Вѣстникъ Европы», 1866 г., № 12); «Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса. По поводу итальянскихъ сказокъ» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1868 г., № 1); «Джордано Бруно. Біографическій очеркъ» («Вѣстникъ Европы», 1871 г., № 12); «Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1873 г., № 2); «Джузеппе Питре и его библіотека народныхъ сицилійскихъ преданій» (ib., 1876 г., № 1); «Раблэ и его романъ. Опытъ генетическаго объясненія» («Вѣстникъ Европы», 1878 г., № 3) «Робертъ Гринъ и его изслѣдователи (ib., 1879 г., № 8); «Противорѣчія итальянскаго возрожденія. Разборъ и замѣчанія, по поводу нѣсколькихъ новыхъ книгъ» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1887 г., № 12); «Джіованни Боккаччьо — Декамеронъ. Переводъ съ этюдомъ о Боккаччьо и иллюстраціями», т.т. I и II (Москва, 1891—1892; второе изданіе— Москва, 1896 г.); «Боккаччьо, его среда и сверстники», 2 тома (Спб., 1893—1894 г.; оттискъ изъ LVI и LVIII томовъ «Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности); «Пѣснь о Роландѣ—переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де-ла-Бартъ съ предисловіемъ, академика А. Н. Веселовскаго» (Спб., 1897 г.), и «Петрарка въ поэтической исповѣди Canzoniere», 1304—1904 г.г. (Москва, 1905 г.). Самыми капитальными изъ указанныхъ работъ покойнаго академика являются «исполненный съ рѣдкимъ искусствомъ» переводъ Декамерона и обширнѣйшее изслѣдованіе о жизни и литературной дѣятельности знаменитаго автора всемірно извѣстныхъ новеллъ—

---

[1]) Разсмотрѣнію тѣхъ же христіанско-легендарныхъ представленій о загробной жизни, на почвѣ которыхъ коренится поэма Данте, посвящены и другія его работы: «Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи», «Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ», «Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія» и др. (См. его «Разысканія въ области русскаго народнаго стиха»).

Боккаччьо, а также и его сверстниковъ: Петрарки, Барбато изъ Сульмоны, Джіованни Баррили, Никколо д'Алифе и др.

Вторую группу трудовъ А. Н. Веселовскаго составляютъ изданія и изслѣдованія памятниковъ старорусской письменности. Здѣсь, конечно, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены: его докторская диссертація, о которой мы уже говорили выше, и двухтомное изслѣдованіе: «Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія» (Спб., 1886—1888 г.г.; отдѣльный оттискъ изъ XL и XLIV томовъ «Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности»). Въ первый томъ, посвященный «греко-византійскому періоду», вошли: 1) «Исторія или теорія романа? Вмѣсто предисловія». 2) «Христіанскія превращенія греческаго романа. Житіе Ксантиппы, Поликсены и Ревекки». 3) «Эпизодъ о Таврѣ и Минеѣ» въ древнеславянскомъ житіи св. Панкратія, по рукописи XIII—XIV вв., и 4) «Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи». Въ приложеніяхъ помѣщены обширныя поправки и дополненія «Повѣсть о Таврѣ и Минеѣ» и др. Содержаніе второго тома, обнимающаго «славяно-романскій отдѣлъ», составляютъ послѣ введенія, гдѣ дается опредѣленіе понятія славяно-романскихъ повѣстей и сообщается «характеристика чувства любви и отношенія къ женщинѣ по нимъ»: 1) «Южно-славянская повѣсть о Троѣ. Троянская притча по рукописи Ново-Софійской № 1497; и 2) бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ (по рукописи Познанской публичной библіотеки). Въ приложеніяхъ— тексты, замѣтки и дополненія. «Изученіе этихъ текстовъ,—говоритъ академикъ И. Н. Ждановъ,—дало возможность изслѣдователю освѣтить многіе темные отдѣлы литературной исторіи нашей старой повѣсти, вліяніе которой отразилось и на народной сказкѣ. Укажу для примѣра на повѣсть о Бовѣ, которая переработалась въ сказку, широко распространенную на Руси. Изслѣдованія г. Веселовскаго показали, что въ старо-русской письменности извѣстны были двѣ редакціи этой повѣсти. Одна изъ этихъ редакцій сохранилась въ Бѣлорусскомъ сборникѣ XVI в., принадлежащемъ Познанской библіотекѣ; другая версія извѣстна по нѣсколькимъ великорусскимъ рукописямъ XVII—XVIII вв. Первая редакція не пользовалась, повидимому, большой распространенностью; вторая редакція, напротивъ, пошла «гулять по лицу Русской земли», она живетъ и до сихъ поръ въ формѣ народной сказки. Общій источникъ и той и другой редакціи—сербская письменность, куда повѣсть о Бовѣ проникла изъ итальянской литературы» [1]).

Изъ другихъ произведеній этой группы назовемъ: 1) «Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Раг-

---

[1]) Приложеніе къ «Отчету императорскаго Русскаго географическаго общества за 1892 г.», стр. 20.

нарѣ Лодброкѣ», (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1871 г., № 4). Новые матеріалы дали возможность автору поколебать прежній взглядъ о доисторическомъ сродствѣ преданій, легшихъ въ основу Муромской легенды и сѣверной саги о Рагнарѣ-Лодброкѣ, установить прямую историческую связь между сагою и русскимъ сказаніемъ о Петрѣ и Февроніи и въ значительной мѣрѣ рѣшить вопросъ о возможности перехода къ намъ германо-скандинавскихъ сказаній и участія набожнаго списателя легенды. 2) «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. I. Поэма о Дигенисѣ-Девгеніѣ» («Вѣстникъ Европы», 1875 г., № 4). II. «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ» («Славянскій Сборникъ», т. II, стр. 122—165). То и другое было напечатано и на нѣмецкомъ языкѣ въ «Russische Revue», т. IV, и «Archiv» Ягича, т. II. 3) «Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Ihd. Brief an H. Prof. d'Ancona» (въ «Russische Revue», т. X) заключаетъ въ себѣ разборъ трехъ отрывковъ хожденія Авраамія Суздальскаго о мистеріяхъ: Благовѣщенія Маріи и Вознесенія Христова. 4) «Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши», по рукописи XV вѣка Кирилло-Бѣлозерской библіотеки (въ «Приложеніи къ XXXIV тому «Записокъ императорской академіи наукъ»). Здѣсь авторъ вполнѣ устанавливаетъ значеніе сновъ Шахаиши для рѣшенія вопроса о непосредственномъ литературномъ общеніи древней Руси съ Востокомъ. 5) «Памятники литературы повѣствовательной: византійскія и южно-славянскія повѣсти; повѣсти западнаго происхожденія; начало русской повѣсти» (въ «Исторіи русской литературы» А. Д. Галахова, т. I, стр. 394—517), и 6) «Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII в.» (въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности», т. 43; тутъ рѣчь идетъ о романѣ г-жи д'Онуа о Гипполитѣ и сличеніи его съ русскимъ переводомъ по двумъ текстамъ: лубочному изданію и рукописи).

Третью наиболѣе обширную группу учено-литературныхъ трудовъ покойнаго академика составляютъ изслѣдованія по народной словесности. Исходнымъ пунктомъ ихъ обыкновенно служатъ данныя, отыскиваемыя въ русской литературѣ, но въ объясненіи этихъ данныхъ развертывается такое богатство сопоставленій, которое, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ объ обширнѣйшемъ знакомствѣ изслѣдователя съ нашей народной словесностью и съ народной поэзіей другихъ славянскихъ народовъ, съ средневѣковой литературой запада и съ византійской письменностью и наконецъ даже съ румынской литературой, и, съ другой, даетъ возможность опредѣлить съ точностью составъ и происхожденіе нашихъ былинъ, пѣсенъ, духовныхъ стиховъ и т. д. Среди этихъ изслѣдованій прежде всего укажемъ на тѣ, которыя посвящены русскому былевому эпосу. Наиболѣе обширное изъ послѣднихъ— «Южно-русскія былины» (Спб., 1881—1884 г.г.); сюда вошли очерки:

о Михаилѣ Даниловичѣ и младшихъ богатыряхъ; Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Будимировичѣ въ письмѣ XVI вѣка; «Былины о Саулѣ Леванидовичѣ и греческая пѣсня объ Армури»; «Былины объ Иванѣ, гостиномъ сынѣ, и старофранцузскомъ романѣ объ Иракліи»; очерки: «Богатыри Сурожцы», «Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣснямъ объ немъ», «Какъ перевелись на Руси богатыри», «Царь Константинъ въ русскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ», «Бой Ильи Муромца съ сыномъ», «Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ—Илья Муромецъ и Идолище», и «Алеша, бабій приспѣшникъ, и сюжетъ Цимбелина». Затѣмъ, идутъ статьи объ отдѣльныхъ былинахъ: «Объ одномъ эпизодѣ изъ былины о Святогорѣ» («Филологическія Записки», 1876 г., вып. VI); «Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1878 г. № 4; здѣсь дается полное разъясненіе состава этой былины, пріуроченной къ имени царя Ивана Васильевича, преданія о которомъ послужили предметомъ особой статьи: «Сказки объ Иванѣ Грозномъ»—въ «Древней и Новой Россіи», т. I, № 4); «Былина о Садкѣ», гдѣ находимъ драгоцѣнное указаніе на родственное нашей былинѣ сказаніе о Садкѣ, занесенное въ старофранцузскій романъ о Тристанѣ (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1886 г., № 12); «Былины о Потокѣ и сорока каликахъ со каликою» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1905 г., № 5), и др., и наконецъ «Мелкія замѣтки къ былинамъ», рядъ небольшихъ статей, печатавшихся въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», за 1885—1896 г.г., которыя, по словамъ профессора И. Н. Жданова, имѣютъ, однако, «крупное значеніе», такъ какъ заключаютъ въ себѣ и новые литературные факты и новыя догадки, открывающія просвѣты въ «трудно доступные тайники нашего былевого эпоса». Въ этихъ своихъ изслѣдованіяхъ покойный академикъ съ особою ясностью доказалъ, что въ созданіи русскаго эпоса обильно участвовали книжные эпическіе элементы, которыхъ дотолѣ не подозрѣвали. «Это, — говоритъ академикъ А. Н. Пыпинъ, — былъ выводъ первостепенной важности. Прежняя идеалистическая или сентиментальная апоѳеоза русскаго былиннаго эпоса, какъ вполнѣ самобытнаго созданія народной поэзіи, продолжавшаго языческую эпоху космогоніи небеснаго богатырства, эта апоѳеоза блѣднѣла, но взамѣнъ выростала болѣе научная постановка вопроса. Былинный эпосъ являлся въ новыхъ, болѣе реальныхъ историческихъ отношеніяхъ, чѣмъ «тучи и молніи» [1]).

Второй отдѣлъ той же группы изслѣдованій въ области народной словесности составляютъ: «Опыты по исторіи развитія

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1883 г., № 11, стр. 321.

христіанской легенды» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1875—1877 г.г., томы 178, 184 и 189) и «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха». Въ виду важности выводовъ и обобщеній, къ которымъ приходитъ въ нихъ нашъ изслѣдователь, дѣлающій нерѣдко и самостоятельные экскурсы въ различныя области литературы и народной жизни, а равно и въ виду новизны сообщаемаго матеріала — многихъ новыхъ текстовъ на разныхъ языкахъ, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь хотя бы вкратцѣ содержаніе и «Опытовъ» и «Разысканій». Первая глава «Опытовъ» носитъ общее заглавіе: «Откровеніе Меѳодія и византійско-германская императорская сага», и имѣетъ слѣдующія подраздѣленія: 1) «легенда о послѣднемъ императорѣ», 2) «легенда о возвращающемся императорѣ» и 3) «легенда о скрывающемся императорѣ». Вторая глава: «Берта, Анастазія, Пятница (опытъ миѳологическаго анализа)» съ подраздѣленіями: 1) «Сивилла—Самовила—reine Pedauque: Берта». Начавъ съ сближеній критическаго разбора легендъ мусульманско-еврейскихъ, славянскихъ и нѣмецкихъ о царицѣ Савской, именуемой Сивиллой или по-болгарски «Самовилой» (Сивилла—Марія), онъ доходитъ до утвержденія тождественности образа «Гусеногой царицы» (reine Pedauque) съ Бертой большеногой, сказочной матерью Карла Великаго и Бертой нѣмецкихъ преданій и въ заключеніе сближаетъ послѣднюю съ Сивиллой, перенося на нее аттрибуты Сивиллы. 2) «Эпистолія о недѣлѣ» (по преимуществу разборъ текстовъ эпистоліи); 3) «Сонъ Богородицы и сводныя редакціи епистоліи»; 4) «Сказаніе о 12 пятницахъ»; 5) «Недѣля-Анастасія (Domenica Anastasia) и Пятница-Параскева» и 6) «Freihit-Элевѳерій» (критическій разборъ пересказовъ повѣсти объ Элевѳеріи, ея источникахъ, связи съ другими источниками и т. д,). Въ «Приложеніяхъ» помѣщены самые тексты легендъ. Содержаніе шести томовъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха», печатавшихся въ «Запискахъ» (томы 36, 37, 40 45 и 46) и «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности» (томы 20, 21, 28, 32 и 53), гораздо сложнѣе и разнообразнѣе. Въ нихъ вошли: 1) «Греческій апокрифъ о св. Ѳеодорѣ»; 2) «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядахъ» (наиболѣе обширное изслѣдованіе сь рядомъ новыхъ житій и сказаній о чудесахъ); 3) «Алатырь (камень) въ мѣстныхъ преданіяхъ Палестины и легенды о Гралѣ»; 4) «Сонъ о деревѣ въ повѣсти града Іерусалима и стихъ о Голубиной книгѣ»; 5) «Новыя данныя къ исторіи Соломоновскихъ сказаній, по поводу новой книги K. Vogt'a: «Die deutschen Dichtungen von Solomon und Morolf» (1880 г.); 6) «Духовные сюжеты въ литературѣ и народной поэзіи румынъ»; 7) «Румынскія, славянскія и греческія коляды» (тутъ, между прочимъ, цѣлое самостоятельное изслѣдованіе о скоморохахъ, разъясняющее исторію старорусскаго скоморошества въ связи съ подобными же явленіями на Западѣ

и въ Византіи); 8) «Илья-Илій (Геліосъ)»; 9) «Праведный Михаилъ изъ Потука»; 10) «Западныя легенды о деревѣ св. креста и слова Григорія о трехъ крестныхъ древахъ»; 11) «Дуалистическія повѣрья о мірозданіи»; 12) «Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи»; 13) «Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ», (здѣсь изслѣдователь «пытается внести въ разнообразную смѣсь суевѣрій, выражающихъ понятіе судьбы, идею историческаго генезиса, которая и даетъ новое освѣщеніе группѣ народно-поэтическихъ представленій, надъ которой работали ранѣе такіе изслѣдователи, какъ Аѳанасьевъ, Потебня, Краусъ); 14) «Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи»; 15) «Валькиріи»; 16) «Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія»; 17) «Амфилогъ-Evalach въ легендѣ о св. Гралѣ»; 18) «Вѣщанія Вельвы (Völuspa) и новѣйшаи экзегеза» (здѣсь помѣщенъ русскій переводъ Волюспы, съ обширными примѣчаніями, которымъ приданъ видъ разбора книги г. Мейера-Völuspa); 19) «Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія»; 20) «Еще къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ»; 21) «Къ видѣнію Амфилога»; 22) «Большой стихъ о Егоріи о сказка оба Ильѣ и Змѣѣ»; 23) «Къ развитію народныхъ представленій о Долѣ» и 24) «Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ». Многія изъ приведенныхъ главъ печатались отдѣльно на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Послѣ 1891 г., когда вышелъ шестой «выпускъ» или томъ «Разысканій», покойный напечаталъ по данному вопросу лишь три крупныхъ статьи: «Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ. Нѣсколько матеріаловъ и обобщеній» («Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности», томъ I, 1896 г.); «Гдѣ сложилась легенда о св. Гралѣ? Нѣсколько соображеній» (ib., томъ V, книга 2, 1900 г.) и «Легенда объ Евстрастіи-Юліанѣ и сродныя съ ней» (ib., томъ VI, книги 2, 1901 г.).

Уже въ вышеуказанныхъ трудахъ покойный академикъ неоднократно обращался къ разсмотрѣнію вопросовъ по теоріи словесности, напримѣръ, въ изслѣдованіи «Изъ исторіи романа и повѣсти», и вообще вопросовъ методологическаго свойства. Кромѣ того, онъ избиралъ предметомъ своихъ чтеній въ университетѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ «Теорію поэтическихъ родовъ въ ихъ историческомъ развитіи» (литографированныя лекціи), къ которой примыкаютъ и его послѣдующія изслѣдованія: «Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1898 г., № 3 и отд.) и «три главы изъ исторіи поэтики: I. «Синкретизмъ древнѣйшей поэзіи и начала дифференціаціи поэтическихъ родовъ». II. «Отъ пѣвца къ поэту. Выдѣленіе понятія поэзіи» и III. «Языкъ поэзіи и языкъ прозы» (Спб., 1899 г.). Есть еще нѣсколько отдѣльныхъ статей, посвященныхъ вопросу о происхожденіи лирической

поэзіи (въ рецензіи на «Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ» въ Приложеніи къ XXVII тому «Записокъ академіи наукъ») и народнаго эпоса (см. «Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса» въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1868 г., № 11; «Сравнительная миѳологія и ея методъ», по поводу книги Де-Губернатиса, въ «Вѣстникѣ Европы», 1873 г., № 10; «Новая книга о миѳологіи», по поводу диссертаціи Воеводскаго, тоже въ «Вѣстникѣ Европы», 1882 г., № 4, и др.), общимъ вопросамъ по методологіи («О методѣ и задачахъ исторіи литературы», въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1870 г., № 11) и т. п.

Въ заключеніе остановимся еще на статьяхъ А. Н. Веселовскаго, въ которыхъ онъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о писателяхъ и ученыхъ дѣятеляхъ и характеристики ихъ литературныхъ трудовъ. Здѣсь на первомъ планѣ должны быть поставлены его изслѣдованія о В. А. Жуковскомъ: «Изъ исторіи русскаго сентиментализма. Жуковскій и Андрей Тургеневъ по новымъ даннымъ» (въ журналѣ «Научное Обозрѣніе», 1902 г., №№ 3 и 4); «Алеша Поповичъ» и «Владимиръ» Жуковскаго («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1902 г., № 5); «В. А. Жуковскій» (Спб., 1902 г.); «Жуковскій о Байронѣ, Гёте и Шиллерѣ» («Научное Обозрѣніе», 1902 г., № 12); «В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ въ литературныхъ кружкахъ Дрездена (1826—1827). Замѣтки къ дневнику А. И. Тургенева» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1905 г., № 5), и «В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и «сердечнаго воображенія». Съ приложеніемъ 6 фототипій» (Спб., 1904 г., стр. XII + 546). Послѣдній пространный трудъ покойнаго академика устанавливаетъ совершенно новый взглядъ и на личность поэта и на значеніе его поэзіи. До появленія этого труда «у всѣхъ біографовъ,— какъ справедливо говоритъ г. Яцимирскій [1]),— получался не живой образъ Жуковскаго, не живописный его портретъ или точная фотографія, а «иконописный» стереотипъ и прежде всего — слишкомъ идеальный. Поэтому всѣ критики преклонялись предъ одной правдой настроенія, принимая ее за результатъ искренняго вдохновенія, непосредственнаго чувства, повторяя оцѣнку Жуковскаго, сдѣланную еще современниками поэта, и проходя мимо многихъ болѣе характерныхъ проявленій его поэзіи». А. Н. Веселовскій, одинъ изъ первыхъ, обратилъ свой анализъ не на одну личность поэта, а постарался выяснить его общественно-психологическій типъ, заставилъ говорить самого Жуковскаго фразами его писемъ, дневниковъ и стихотвореній, оставляя въ сторонѣ благоговѣйные отзывы прежнихъ историковъ литера-

---

[1]) См. его статью, написанную по поводу этого изданія: «Жуковскій передъ судомъ «завистливыхъ вѣковъ»—въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1905 г., № 5.

туры. Въ результатѣ характеристика — болѣе реальная, но и въ то же время «нѣсколько отрицательная». «Миролюбивый», пассивный, избѣгающій какой бы то ни было активной роли, допускающій «раздвоеніе въ личной жизни, въ увлеченіяхъ», Жуковскій и въ своей поэзіи допускалъ рядъ компромиссовъ, которая при своихъ наиболѣе ярко выступающихъ чертахъ: индивидуальности, эгоистичности, холодности и отсутствіи разнообразія, не могла имѣть большого воспитательнаго значенія.

Въ день столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина покойный академикъ откликнулся живою рѣчью въ академическомъ засѣданіи: «Пушкинъ—національный поэтъ» (Спб., 1900 г.).

Остальныя его статьи этого отдѣла имѣютъ родъ некрологовъ: Л. Боткина, французскаго переводчика Беовульфа («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1882 г., № 10), Н. И. Костомарова (въ «Отчетѣ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ» за 1885 г.), И. Н. Жданова (въ «Извѣстіяхъ императорской академіи наукъ», т. XV, № 2, 1901 г.) и А. Н. Пыпина (въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности», т. IX, кн. 4 и въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1905 г., № 1) [1]).

Здѣсь мы, повторяемъ, коснулись только важнѣйшихъ трудовъ А. Н. Веселовскаго и говорили о нихъ въ краткихъ словахъ, насколько намъ позволяло и мѣсто и столь близкое время отъ дня кончины покойнаго. «Учесть,—какъ справедливо сказалъ профессоръ Ѳ. Д. Батюшковъ въ вышеуказанной нами замѣткѣ,—результаты его изслѣдованій, оцѣнить значеніе собранныхъ имъ матеріаловъ, разобраться въ массѣ частью разработанныхъ, частью только намѣченныхъ имъ вопросовъ—это дѣло его преемниковъ, замѣстителей и послѣдователей».

В. Рудаковъ.

---

[1]) Къ научнымъ трудамъ А. Н. Веселовскаго было составлено три указателя: 1) въ 1888 г., 2) въ 1896 г. и 3) въ 1906 г. Послѣдній, наиболѣе точный, принадлежитъ П. К. Симони, который за три года передъ тѣмъ напечаталъ въ «Литературномъ Вѣстникѣ» статью: «Къ LX-лѣтію учено-литературной дѣятельности профессора и академика А. Н. Веселовскаго. 1859—1902 г.г. Біо-библіографическія справки». Болѣе точныя біографическія данныя объ А. Н. Веселовскомъ можно найти во II томѣ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, стр. 422 — 427, гдѣ напечатана автобіографія покойнаго, сообщенная А. Н. Пыпину въ частномъ къ нему письмѣ.

ВНИЗЪ ПО ВОЛГѢ[1].

IV.

Симбирскъ.—Красота положенія.—Былое города.—На пароходѣ до Самары.—«Жегули».

СИМБИРСКЪ стоитъ надъ Волгой высоко, надъ уровнемъ рѣки 67 саженъ. Основаніе города относится къ половинѣ XVII столѣтія, когда онъ былъ построенъ на мѣстѣ татарскаго урочища того же имени. По своему положенію Симбирскъ въ тѣ смутныя времена часто подвергался разбойнымъ нападеніямъ: осаждали его и Разинъ, и Шелудякъ, и Емельянъ Пугачевъ, но Симбирскъ всегда, выдерживая бѣдствія, оставался вѣренъ россійской коронѣ. Вслѣдствіе таковой преданности Екатерина II въ 1780 г. пожаловала ему гербъ: бѣлый столбъ съ золотою короною. Вотъ почему нѣкоторое время симбирскіе дворяне подписывались «столбовыми».

Городъ отъ пристани отстоитъ на четыре версты. Петропавловскій спускъ, соединяющій городъ съ Волгой, построенъ очень недурно, и, несмотря на высокій подъемъ, дорога неутомительна. Имѣется еще пять спусковъ, но первый—лучшій и болѣе удобный. Поднимаясь въ гору среди зелени садовъ, минуете Успенскую церковь на мѣстѣ стариннаго Успенскаго монастыря. Церковь окружена темными елями, одна изъ которыхъ по преданію посажена Петромъ I.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVI, стр. 592.

Свободно и широко раскинулся городъ Симбирскъ по правому берегу Волги. Не говоря о живописности видовъ, широкій, далекій горизонтъ съ бульвара прямо поразителенъ. Какія мягкія, ласковыя краски! Сколько и зелени и воды! Кромѣ Волги, по противоположному ей направленію течетъ рѣка Свіяга. Берега разнообразны, съ капризными очертаніями, бухтами и заливами стелются подъ вами и исчезаютъ въ прелестной миніатюрѣ. А деревни и села съ бѣлѣющими на буграхъ церквами! Сколько ихъ и за Волгой и надъ Свіягой!

Весь потонувшій въ садахъ съ широкими, прямыми улицами хорошъ и покоенъ городъ. Именно тишь, да гладь, да Божья благодать: ни торговой сутолоки, ни городского оживленія. Словно дремлетъ городъ въ тихой задумчивости, вспоминая прошлое, иное время, когда щегольскіе фаэтоны, запряженные заправскими рысаками, носились по городу, когда магазины съ лучшими изъ Москвы товарами торговали лихо, когда по вечерамъ въ частныхъ домахъ и дворянскомъ собраніи гремѣла музыка, и дамы и кавалеры легко и плавно скользили по паркету, а старые и солидные люди сидѣли за интересными «пульками», когда обѣды смѣнялись ужинами, а пиры и балы—пикниками, когда жилъ Симбирскъ шумною дворянскою жизнію. То было въ крѣпостное время... Тогда застроился Симбирскъ хорошими, удобными домами, богатыми общественными зданіями, украсился церквами и памятниками, тогда было лучшее, живое время города, и все дворянство проживало по зимамъ въ своемъ излюбленномъ Симбирскѣ. Лучшія улицы на самой вершинѣ Симбирской горы, извѣстной подъ названіемъ «Вѣнца», занимали дворяне; здѣсь же и соборы Троицкій и Николаевскій, послѣдній построенъ въ 1712 г. въ память побѣды надъ Стенькой Разинымъ. Бульваръ на самомъ обрывѣ «Вѣнца» надъ Волгой великолѣпенъ, продолженіемъ ему служитъ городской садъ, прекрасно содержимый. На Соборной площади въ небольшомъ скверѣ находится памятникъ уроженцу Симбирской губерніи: «Н. М. Карамзину, историку Россійскаго государства, повелѣніемъ императора Николая I, 1844 г.»,—гласитъ надпись. Памятникъ на мраморномъ пьедесталѣ изображаетъ бронзовую статую музы исторіи Кліо. Сооруженъ памятникъ на средства дворянства извѣстнымъ скульпторомъ Гольберомъ, высоты имѣетъ 4½ саж.

Въ народѣ этотъ памятникъ извѣстенъ подъ названіемъ «чугунной бабы», при чемъ нѣкоторые объясняютъ, что сдѣлана женская статуя въ память какой-то покаявшейся разбойницы, а другіе просто думаютъ, что фигура изображаетъ жену Карамзина, котораго на пьедесталѣ имѣются два барельефа. Вообще нельзя назвать памятникъ удачнымъ, ему недостаетъ простоты, этого перваго условія художественности. Вблизи памятника находится домъ дворянскаго собранія, въ которомъ помѣщается Карамзин-

Пристань въ селѣ Великомъ Врагѣ.

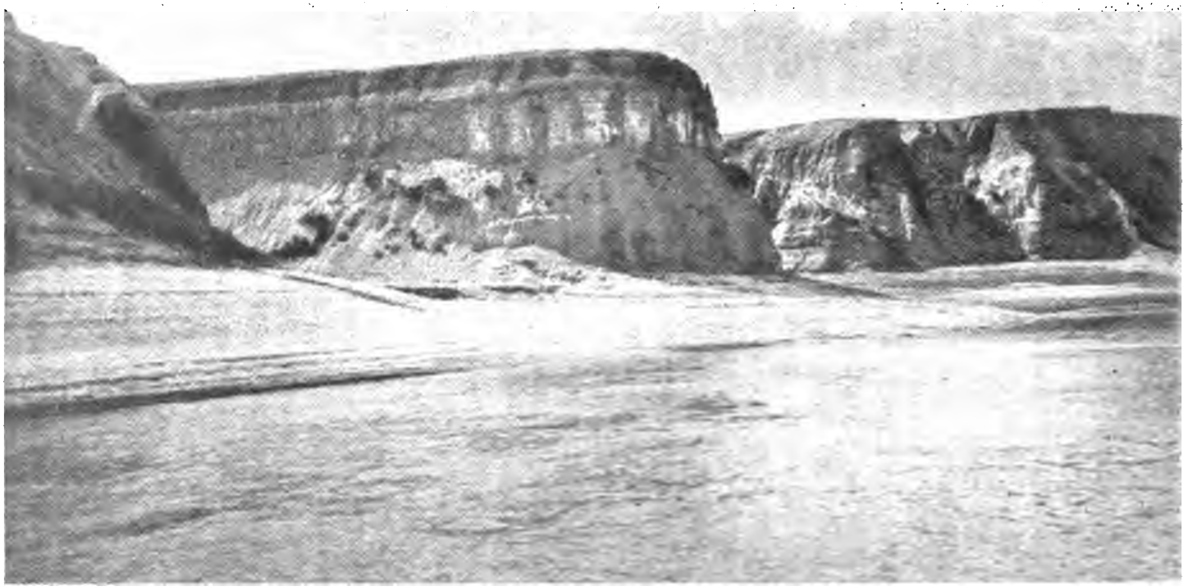
ская публичная библіотека, основанная вскорѣ послѣ открытія памятника въ 1846 г. Огромнымъ пожаромъ въ 1864 г. эта библіотека была истреблена, но въ скоромъ времени, благодаря пожертвованіямъ сына покойнаго историка, возобновлена и находится почти въ блестящемъ положеніи, имѣя 34.000 томовъ, въ числѣ которыхъ много рѣдкихъ, иностранныхъ изданій.

Городъ Симбирскъ не безъ основанія гордится нѣкоторыми своими уроженцами, а также невольными жителями, которыхъ симбирцы умѣли уважать. Семья Тургеневыхъ насчитываетъ среди своихъ членовъ немало образованныхъ, развитыхъ людей. Въ Симбирскѣ родился, учился И. А. Гончаровъ, братья Языковы, поэтъ Д. Д. Минаевъ. Проживали въ ссылкѣ грузинская царевна, бывшая фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны Тамара и А. Ф. Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», авторъ многихъ религіозно-мистическихъ сочиненій, гонимый въ то время извѣстнымъ архимандритомъ Фотіемъ. Лабзинъ былъ близокъ съ министромъ народнаго просвѣщенія, кн. Голицынымъ, и былъ лично извѣстенъ Александру I. Попалъ же онъ въ ссылку, какъ разсказываютъ по слѣдующему случаю: въ бытность свою вице-президентомъ академіи художествъ, въ засѣданіи, когда зашла рѣчь объ избраніи въ почетные члены академіи графа Гурьева, Лабзинъ страстно возражалъ противъ этого. Когда же ему замѣтили, что графъ—близкій человѣкъ къ государю, то вице-президентъ тогда предложилъ избрать еще болѣе близкаго императору человѣка, а именно его кучера Илью. Сосланъ былъ Лабзинъ сначала въ Сенгилей, а затѣмъ черезъ три года въ 1823 г. переведенъ въ Симбирскъ, гдѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ и по смерти похороненъ въ Покровскомъ монастырѣ.

— Говорить нечего,—разсказывалъ мнѣ старожилъ-обыватель,—жилось до воли въ Симбирскѣ весело, куда сравнить съ нынѣшнимъ житьемъ!.. Теперь одна печаль!.. Развѣ во время ярмарки, а то...—и онъ махнулъ рукой.—Бывало, извозчикамъ по 100 рублей «на чай» давали, денегъ не жалѣли... Что говорить, много около помѣщиковъ народа кормилось!.. Тоже сказать и о ссыльныхъ, которыхъ къ намъ присылали, изъ ученыхъ и господъ. Хорошіе господа были, тихіе, степенные и добрые. Я былъ въ то время извозчикомъ, такъ каждый день кого нибудь изъ ихъ компаніи возилъ. Вечеромъ они всегда вмѣстѣ въ клубѣ или на квартирѣ, Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ съ ними, Александръ Сергѣевичъ Бутурлинъ и другіе. Что смѣха бывало, когда ѣдутъ, и все-то стихи!.. Дмитрій Дмитріевичъ сочинялъ на всѣхъ и на губернатора, полицеймейстера... и ловко же таково!..

— А не помните какихъ стиховъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не упомню...—отвѣчалъ старикъ:—память совсѣмъ ослабѣла, а прежде запоминалъ, другимъ разсказывалъ. Всѣ, бывало, въ городѣ знаютъ... Смѣху что было!!.

Утесъ Стеньки Разина.

Ярмарка, о которой упоминалъ разсказчикъ, называется Сборной, потому что открывается послѣ сборнаго воскресенья на первой недѣлѣ Великаго поста. Ярмарка служитъ мѣстомъ сбыта для Поволжья мануфактурныхъ и колоніальныхъ товаровъ, обороты ея простираются до 10 милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ Симбирскъ изъ дворянскаго города превратился въ средній торговый;. особо богатыхъ капиталистовъ нѣтъ въ городѣ: торговецъ и промышленникъ средняго капитала. Во время моего короткаго пребыванія въ Симбирскѣ тихая грусть не оставляла меня. Эта гордая высота надъ матушкой Волгой, эти уютные дома съ тѣнистыми садами, просторъ и даль необъятная, а нѣтъ жизни кипучей, свободной, даже газеты въ Симбирскѣ не издается, хотя почти 45.000 жителей. Городъ, въ которомъ поѣсть хорошо и уснуть можно покойно, безмятежно, вонъ въ этомъ домикѣ, въ окна котораго тихо стучатся вѣтви старой липы.

Совсѣмъ другое настроеніе на пароходѣ, который медленно удаляется отъ красавца-города, загибая за луку. Красива и широка отъ Симбирска Волга, здѣсь она дѣйствительно могуча и характерна. Ея ширина не менѣе версты, она многоводна; въ Симбирскомъ плесѣ бываютъ и бури, благодаря горнымъ ущельямъ на правомъ берегу.

Пароходъ идетъ, и навстрѣчу намъ идутъ пароходы пассажирскіе, буксирные, мы перегоняемъ бѣляны, плоты. Волга живетъ и двигаетъ разный товаръ: лѣсъ и кожу, хлѣбъ и цементъ, рыбу и джутовые мѣшки, канаты, сѣти и желѣзо. Обмѣнъ совершается у васъ на глазахъ: идутъ товары вверхъ, тянутъ пароходы баржи снизу. Перегоняемъ плоты одинъ, другой. Красивая небольшая изба на странномъ пловучемъ фундаментѣ, и крылечко, и окна, и все жилище въ порядкѣ. Плыви и живи! не правда ли, оригинально?! Вонъ женщина развѣшиваетъ, вѣроятно, только что вымытое бѣлье, на другомъ плоту въ кружкѣ обѣдаютъ бурлаки. Обгоняемъ красивую, крѣпкую бѣляну. Люди на ней такіе сильные, веселые, они что-то кричатъ и махаютъ платками. Это просто волжское привѣтствіе!. Проходимъ разнообразные берега, грустные песчаные по лѣвой низовой сторонѣ и веселые, оживленные по правой, крутой съ лѣсомъ, ущельями и селеніями. Встрѣчаемъ рыбацкія ватаги, заводы, города и плывемъ внизъ по теченію. Долго идемъ, но не нервничаемъ, не спѣшимъ скорѣй пріѣхать, нѣтъ, это не душный вагонъ желѣзной дороги, не почтовая перекладная, особенно на черноморскомъ кавказскомъ побережьѣ, когда несчастному пассажиру не до горныхъ красотъ, а какъ бы живому доѣхать на удивительной телѣжкѣ по прозванію «Ванька-встань-ка». Нѣтъ, на пароходѣ хорошо, спокойно и интересно. На пароходѣ свободно: хочешь—сиди, лежи въ своей каютѣ, на палубѣ любуйся видами, бесѣдуй съ пассажирами, съ которыми тутъ же можно пить чай, а то наблюдай, прислушивайся.

Я пошелъ въ 3-й классъ. Настроеніе тоже тихое, спокойное, словно люди отдыхаютъ. Нѣкоторые лежатъ на нарахъ, гдѣ другіе пьютъ чай, читаютъ вслухъ газету о войнѣ, ведутъ разговоры.

— Японъ изъ-за земли воюетъ, мало у него, значитъ, земли приходится, тѣсно... вотъ онъ и пошелъ, а мы эту самую землю рендовали... Понялъ?

— Понялъ. Только онъ не нашей православной вѣры?—спрашиваетъ парень по обличью изъ волжскихъ земледѣльцевъ... Другой, почтенныхъ лѣтъ, въ пиджакѣ по-городскому одѣтый, ѣдетъ изъ Иванова-Вознесенска на побережье Каспійскаго моря около Петровска.

— Вѣра у него, точно, другая, не наша... слышалъ, вольная вѣра, но народъ ходовой, больно до земли охочій...

— Ишь, ты! Народъ, значитъ, сурьезный!

— А ты какъ думалъ!? Война, братецъ, дѣло... дѣло бѣдовое, на войнѣ смерть принимаютъ!..

— А земли, должно, тамъ хорошія, когда война за нихъ?!.

— Земли, братъ, всякія, и теплыя и холодныя есть... Вотъ у насъ на Кавказѣ земля теплая, родитъ и виноградъ, и фрукту всякую, а во Владимирской губерніи не возьмешь, этого, братъ, винограду не получишь, рожь, картошку—такъ, а иного прочаго не моги. По-моему больше изъ-за теплыхъ земель дерутся: холодныхъ и у насъ въ Россеѣ много имѣется...

— А вы сами съ Кавказа?

Почтенный человѣкъ живо обернулся ко мнѣ и весело и любовно разсказывалъ: «годовъ пятнадцать на фабрикахъ работалъ въ Ивановѣ... и, и! и работа же! изо дня въ день при станкѣ, шумъ, гамъ, въ головѣ неясность. Привычку пріобрѣлъ, а все плохо... работаешь, работаешь, а капиталу нѣтъ... Что говорить... трактиръ да водка—одно утѣшеніе... Такъ бы пропалъ и сдохъ при фабрикѣ, если бы дѣло хорошее не подошло. Земляки на Кавказъ переселились, да и зовутъ меня, «больно», говорятъ, «житье вольное и при землѣ... Ты, пишутъ мнѣ, по слесарной части знаешь, можешь деньги заробить, къ землѣ пристроиться»... Еще бы думаю, не хорошо, да не для нашего брата. Думалъ я такъ, значитъ, а Господь иначе полагалъ. Въ эту пору умри у меня мать, больше рöдныхъ никого нѣтъ, безземельные мы со старухой, а усадьба, изба, коровенка были, какъ у прочихъ, можно сказать, хозяевъ, рядомъ съ богатымъ мужикомъ, у котораго большая семья. Этотъ мужикъ купилъ у меня домъ и хозяйство, и я, получивъ порядочныя деньги съ фабрики, изъ этого самаго ада долой, да на Кавказъ и отправился... да-съ!

— Тамъ теперь и живете?

— Тамъ, недалеко отъ Петровска города. Можетъ быть, слышали? Хорошія, богатыя мѣста, я и землю пріобрѣлъ и хату по-

ставилъ... отличное житье! Теплота и тишина, воля, не фабрика окаянная!.. Хозяйку теперь везу, за ней въ Иваново ѣздилъ, и онъ указалъ мнѣ на 15-лѣтнюю дѣвочку, худую и блѣдную. Сиротка, племянница моя, въ чужихъ людяхъ все жила, не сладкое житье!.. Теперь на волѣ поправится!.. Еще бы!.. Воздухъ у насъ прямо роскошный!

И долго мой новый знакомый хвалилъ Кавказъ, каспійскіе его берега.

— И здѣсь не дурно, — сказалъ я, показывая на прелестное горное мѣстечко, гдѣ по скату ущелья ползло село, надъ которымъ возвышалась церковь.

— Кто говоритъ, что дурно!.. холодно зимой, а у насъ тепло!.. и воздухъ и земля теплые!..

Въ это время подошелъ къ намъ безъ шапки, босой, въ холщевой рубахѣ дѣтина и сталъ смотрѣть вопрошающе-глупымъ взоромъ. За нимъ стояло трое крестьянъ, которые сказали, что дѣтина ѣдетъ изъ Нижняго безплатно по распоряженію капитана на ихъ порукѣ.

— Что же онъ больной?—спросилъ я, смотря на здороваго и глупаго человѣка.

— Почесть, ничего!—отвѣчали мнѣ.—Онъ въ Саровѣ былъ у преподобнаго... денегъ и шапки у него нѣтъ!

Я далъ ему легкую монету и спросилъ, откуда онъ.

— Изъ Саратова,—отвѣчалъ мнѣ блаженный человѣкъ, очень обрадованный деньгами, которыя онъ показывалъ другимъ. Старый, но еще крѣпкій мужчина съ большой сѣдой бородой укоризненно качалъ головой и говорилъ другимъ, но я не слышалъ.

— Старикъ хорошія разсказываетъ сказки,—сказалъ мнѣ новый знакомый кавказецъ:—совѣтую послушать, старикъ занимательный.

Я обѣщался прійти опять и ушелъ на свою культурную половину парохода.

Вечерѣло. Густыя тѣни падали съ вершинъ холмовъ и дѣлали правый берегъ мрачнымъ, между тѣмъ какъ лѣвый, освѣщенный солнцемъ, переливался изумрудными красками. Неслась съ горъ прохлада, на небѣ загорались звѣзды, было тихо, пароходъ работалъ своими колесами, нарушая покой и дремоту Волги. На палубѣ 1 класса шли оживленные разговоры тоже о войнѣ. Но странно! тамъ говорили о землѣ и смерти, здѣсь о деньгахъ, кризисѣ и промышленности.

— Наше канатное производство идетъ прекрасно,—говорилъ фабрикантъ изъ Горбатова.—На войнѣ веревки нужны, безъ веревокъ не обойдешься, но другія дѣла стали.

— Какія дѣла?

Видъ Самары.

— Мануфактурныя, ножевое производство и вообще товаръ, который шелъ въ Сибирь, на Дальній Востокъ. Не знаю, какъ пройдетъ Нижегородская ярмарка, а Сибирь очень нуждается въ товарѣ... но какъ его доставить? развѣ по водѣ...

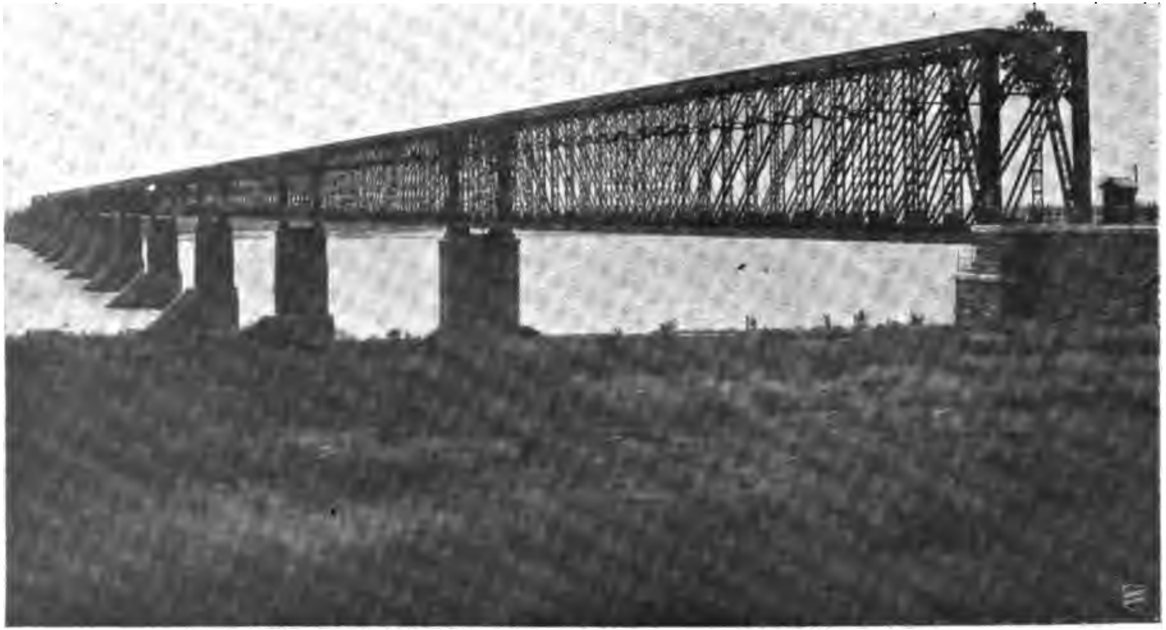
— Крестьяне ничего не покупаютъ и небольшія деньги, которыя у нѣкоторыхъ есть, берегутъ,—говорилъ волжскій купецъ.—Въ самомъ дѣлѣ, ждутъ призыва, не до покупокъ, хотя для дома и хозяйства нужно и то и другое. Но впереди Богъ знаетъ, что будетъ... пусть деньги лучше въ запасѣ!..

— Должно быть, война не скоро кончится.. Тяжелая для народа война!. да и японецъ вонъ какимъ воиномъ оказался.

Да, тамъ, далеко на востокѣ лилась кровь и гибли люди, тамъ ужасъ и несчастье, тамъ сконцентрировалась мудрость и техника для истребленія жизни человѣческой, а здѣсь эта жизнь растетъ, ширится и развивается по благословеннымъ законамъ природы. Тамъ громъ пушекъ и трескъ ружейный, здѣсь покой и тишина. Тамъ ненависть и кровь, здѣсь любовь и трудъ.. А слезы?—шепнулъ мнѣ тайный голосъ, слезы матерей и женъ, тѣхъ, кто гибнетъ тамъ.

Пароходъ подходилъ къ деревнѣ Усолью, откуда начинаются извѣстныя Жегулевы горы. Усолье, очень древнее населеніе, существуетъ съ XVI вѣка, когда было пожаловано царемъ Петромъ I кн. Меншикову, а послѣ его ссылки перешло въ собственность гр. Орлова-Давыдова. Противъ Усолья—вершина «Караульный бугоръ», которымъ начинаются Жегули, идущія по правому берегу Волги на 90 верстъ къ югу. Прозваніе народное Жегули происходитъ отъ фразы «жечь на вѣникахъ». Въ прежнее лихое время, когда въ жегулевскихъ лѣсахъ и ущельяхъ, кромѣ разбойниковъ и дикихъ звѣрей, никто не проживалъ, тогда волжскіе добрые молодцы со своими атаманами грабили торговыхъ людей, поджидая ихъ суда въ укромныхъ мѣстахъ и нѣкоторыхъ, таившихъ деньги, раздѣвали донага и сѣкли зажженными вѣниками. Такая своеобразная пытка развязывала языки самыхъ терпѣливыхъ и упорныхъ купцовъ.

Жегулевы горы въ прежнее время сплошь были покрыты непроходимыми лѣсами, возвышаясь, какъ и теперь надъ уровнемъ рѣки до 1.000 футовъ. Въ настоящее время, когда Жегули до нѣкоторой степени заселены, лѣса вырублены, мѣстами земля раздѣлана, разбойники и ихъ подвиги ушли въ область преданія, горы представляютъ одну изъ самыхъ интересныхъ художественныхъ картинъ Поволжья. Тянутся, перегибаются разнообразныя вершины тупыя, острыя, напоминающія то столъ, то палатку, то выдвинется усѣченный конусъ, то покажется гигантская голова великана. Мѣстами сгрудились вершины, образовавъ кучу разнообразныхъ фигуръ, повисшихъ крутымъ скатомъ надъ Волгой, дальше отходятъ горы отлого, перевалами, и вершины стоятъ далеко отъ

Александровскій желѣзнодорожный мостъ у Сызрани.

рѣки. Растительность могучая, дубъ и липа, осина и кленъ, встрѣчается и сосна. Нѣкоторыя вершины совсѣмъ лысыя, большинство же покрыто лѣсомъ, который издали кажется мелкимъ кустарникомъ. Безмолвны, мѣстами угрюмы Жегули. Проходимъ порой мрачныя мѣста, и тогда мысль невольно несется къ тѣмъ временамъ, когда «удалые» здѣсь властвовали, чувствуя себя дома. Вспоминаются легендарные разсказы объ атаманахъ-молодцахъ, побывавшихъ здѣсь.. И Стенька Разинъ, и Булавинъ, Заметаевъ, Шелудякъ, Кольцо и Ермакъ Тимоѳеевичъ — всѣ оставили по себѣ память на Жегулевыхъ горахъ.

Сидѣли бывало эти молодцы на высокой вершинѣ и «бачили». Забѣлѣли вдали паруса, плыветъ судно, тогда внизъ разбойники къ лодкамъ, привязаннымъ въ чащѣ нависшихъ надъ водою деревьевъ. «Сарынь на кичку!»—рѣзко катится по рѣкѣ и наводитъ ужасъ.. Ложатся всѣ на палубѣ судна лицомъ внизъ[1]) (кичка по-разбойному значитъ носъ) и не шевелятся, застыли словно мертвые... Еще бы!.. встанешь, поднимешься, такъ вѣрная смерть!,. А удалые хозяйствуютъ на суднѣ, берутъ, что надо и что нравится, а у хозяина отнимаютъ казну. Нѣкоторые храбрые купцы пробовали иногда сопротивляться, но тогда дѣло кончалось совсѣмъ худо: лилась кровь, и падали мертвыми смѣлые.. Трудно, почти невозможно бороться было съ разбойниками частнымъ лицамъ, когда удалые не боялись царскихъ отрядовъ, смѣло вступая съ ними въ кровавый бой. Простой народъ молодцы не трогали и жили съ нимъ въ мирѣ, а съ бурлаками и совсѣмъ въ дружбѣ. Послѣдніе, обиженные, неправильно разсчитанные за работу хозяевами, не шли жаловаться въ судъ, который страдалъ въ то время волокитой, да и не особенно стоялъ на правдѣ. Бурлаки поступали проще: шли и били челомъ атаманамъ-молодцамъ, которые безъ пощады расправлялись съ хозяевами-кулаками.

Разбои въ Жегуляхъ и вообще на Волгѣ происходили и въ XIX вѣкѣ, несмотря на репрессивныя со стороны правительства мѣры, и кончились введеніемъ пароходства въ 1845 г.

Впрочемъ не одни только Жегули служатъ памятью объ удалыхъ молодцахъ, но вообще средняя часть и низовье Волги полно воспоминаніями о былыхъ, лихихъ временахъ.

Недалеко отъ Ставрополя, на противоположномъ крутомъ берегу—Молодецкій курганъ, съ котораго, по преданію, своей возлюбленной во время сна былъ сброшенъ удалой, но не вѣрный добрый молодецъ. Имѣется и Дѣвичій курганъ, и вершины Два брата, и утесъ Стеньки Разина.

Жегули—очень красиво расположенное въ ущельѣ того же названія торговое село съ 2.500 жителей, съ базаромъ, лавками и при-

---

[1]) Бурлаки, тянущіе лямку, тоже ложатся на землю.

станью. Ставрополь—противъ этого села, на лѣвомъ берегу Волги. Городъ имѣетъ значеніе кумысо-лѣчебнаго пункта, куда лѣтомъ на пользованіе кумысомъ съѣзжаются до 5.000 человѣкъ больныхъ и просто дачниковъ. Когда-то Ставрополь былъ калмыцкимъ городомъ, съ калмыцкимъ войскомъ, канцеляріей и проч., но теперь это обыкновенный уѣздный городъ, такъ какъ калмыковъ къ осѣдлой жизни пріучить не удалось, и они переселились въ Оренбургскую губернію.

Жегули мы проходили вечеромъ. Была вѣликолѣпная погода. Жара спала, и съ горъ на рѣку спускались тѣни. Воздухъ былъ замѣчательный; мѣнялись, какъ въ панорамѣ, горныя декораціи, уходить въ каюты не хотѣлось, всѣ были на палубѣ, очевидно поэтически настроенные.

Темнѣло, сгущались тѣни, стало тихо совершенно. Но вотъ близъ лѣваго берега скользнула свѣтлая полоска, еще и еще, и... изъ-за горъ показалась луна и облила ровнымъ, таинственнымъ свѣтомъ и лѣса и рѣку, которая задрожала легкой серебряной зыбью.. Какая красота!.. Какой таинственный, сказочный характеръ приняли горы и берега со своими, теперь совершенно темными, ущельями или буераками, какъ ихъ зовутъ на Волгѣ.

Полсотни молодыхъ свѣжихъ голосовъ грянули «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»,—грянули, и мнѣ показалось, что дрогнула палуба, затрещали мачты. Пѣсня лилась, ширилась, звуки неслись къ берегамъ, уходили въ лѣсъ, за ними катились по рѣкѣ другіе тихіе, которые трогали сердце. За одной пѣсней, слѣдовала другая. Молодежь пѣла о любви и о свободѣ, о Волгѣ и Невѣ. Пѣли хорошо, даже очень..

— Что это за хоръ? такой стройный, свѣжій?

— Семинаристы Одесской семинаріи. Они совершаютъ экскурсію по Волгѣ. Видѣли?... Молодые люди въ форменныхъ пиджакахъ съ малиновыми кантами!

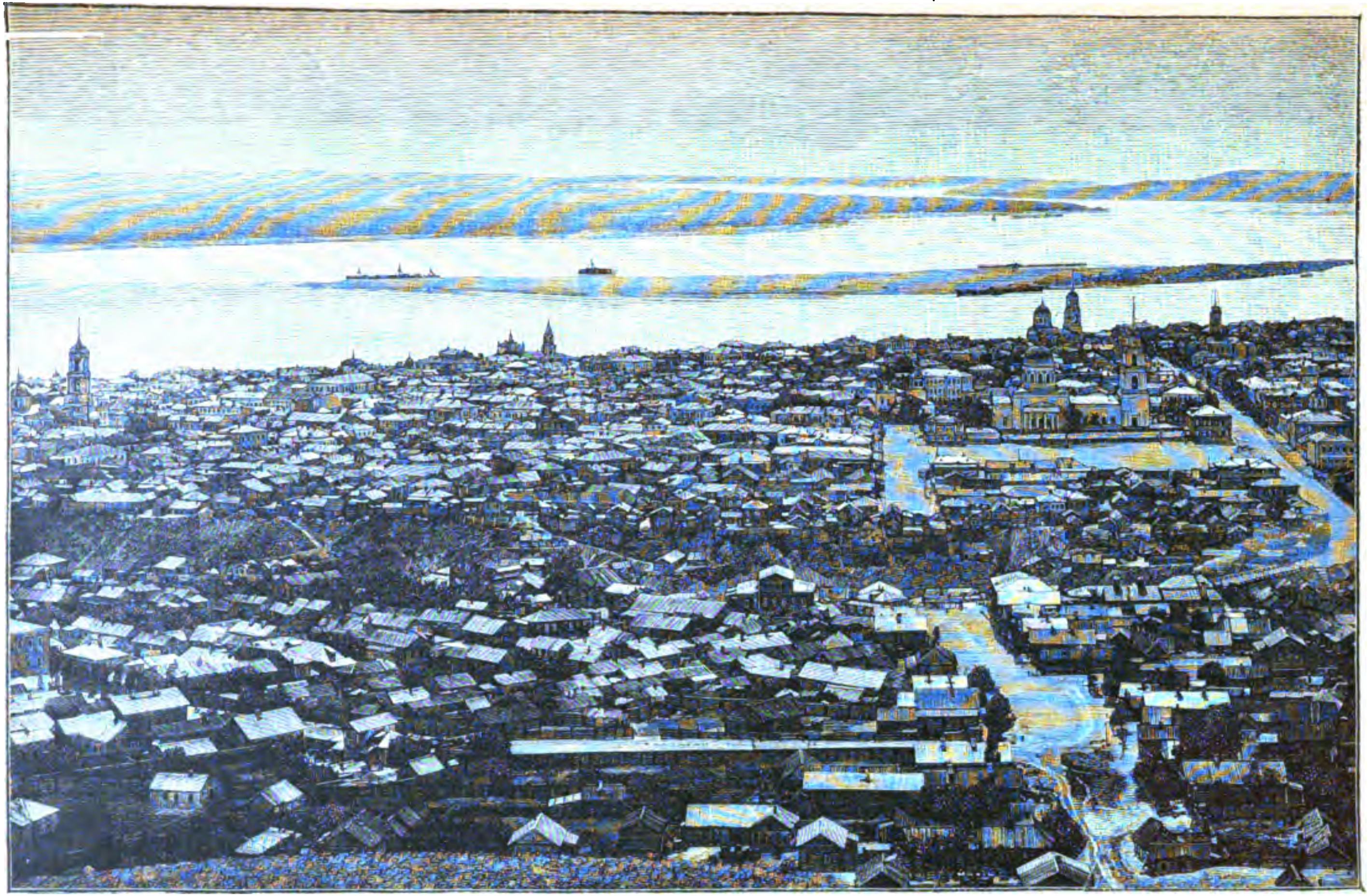
Подъ такое прелестное пѣніе, такъ гармонировавшее съ дивной ночью и красавицей-рѣкой, мы дошли до Царева кургана. Курганъ стоитъ одиноко на лѣвомъ берегу. Народное сказаніе приписываетъ курганъ невѣдомому царю, пожелавшему узнать, много ли у него войска, и какова его сила несмѣтная, и повелѣлъ онъ каждому воину принести по шапкѣ земли и ссыпать въ одно мѣсто. Такъ и выросъ Царевъ курганъ, который намъ дѣйствительно казался темной огромной кучей. Здѣсь Волга ворочаетъ на югъ, становится уже, и здѣсь самое узкое мѣсто, называемое «Самарскими воротами». И мѣтко и правильно, потому что мы подходили къ Самарѣ.

V.

Самара. Современность и живость города.—«Всенощная» на пароходѣ.—Александровскій мостъ.—Цементное дѣло на Волгѣ.—Нѣмецкая колонія.—Сказка о колоколѣ.

Нѣтъ, это—не дворянскій Симбирскъ, не полутатарская Казань, нѣтъ, это—городъ другого склада, иного характера. Самара—городъ живой и дѣловой. Послѣднее чувствуется сразу, какъ только вы сошли съ парохода на пристань. Извозчики, хотя не важной внѣшности, веселые, разбитные ребята, видимо знакомые со всякаго рода сѣдоками, съ двухъ словъ понимаютъ, что надо, безсовѣстныхъ цѣнъ на заламываютъ. Поднимаемся въ гору. Навстрѣчу и за нами идутъ бурлаки по три, по четыре группами, идутъ быстро, разговариваютъ громко, не обращая ни на кого вниманія. Проѣзжаемъ бурлацкій базаръ. Самара стоитъ на лѣвомъ берегу Волги, расположена террасой съ уступами, что̀ съ рѣки придаетъ городу очень красивый и оригинальный видъ.

Городъ не имѣетъ особенно красивыхъ зданій, улицы широки, но далеко не упорядочены. Магазиновъ и лавокъ въ городѣ пропасть, всѣ торгуютъ. Я ни въ одномъ изъ волжскихъ городовъ не наблюдалъ такого блестящаго успѣха «монополіи», какъ въ Самарѣ. Пьютъ много, значитъ, деньги есть, значитъ, работа вольная. Самара не завела себѣ электрическаго трамвая и пользуется лошадиной тягой по рельсамъ. Недурные книжные магазины, гдѣ можно найти лучшія столичныя изданія, напримѣръ, А. Ф. Девріена. Памятникъ императору Александру II очень не дуренъ, гораздо лучше задуманъ и исполненъ, нежели въ Казани; помѣщается онъ въ скверѣ на лучшей площади Алексѣевской. Изъ старины имѣются въ Казанской церкви евангеліе, напечатанное въ Москвѣ въ 1657 г., и вѣчевой колоколъ, подаренный Самарѣ въ 1645 г. царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Зданіе самарскаго театра поставлено на красивомъ мѣстѣ на берегу Волги; театръ большой, удобный. Въ Самарѣ издается очень порядочная и серьезная газета «Самарскій Листокъ»; организована и скоро будетъ выходить другая—«Самарскій Курьеръ». Для 100.000 жителей одной газеты мало, принимая во вниманіе продолжающееся развитіе города, поставленнаго вслѣдствіе проведенія черезъ Самару Симбирской желѣзной дороги въ очень выгодное экономическое положеніе главнаго транзитнаго пункта на Востокѣ. Торговля хлѣбомъ въ Самарѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ: не говоря о самой губерніи, какъ хлѣбородной, въ Самару поступаетъ хлѣбъ по желѣзнымъ дорогамъ и рѣкамъ Волгѣ и Самарѣ. Въ общемъ въ годъ на Самарскій рынокъ привозится хлѣба до 20 милліоновъ пудовъ, изъ которыхъ 12 милліоновъ пшеницы, послѣдней Самара славится издавна (бѣлотурка).

Видъ Саратова.

Когда я справлялся о хлѣбной торговлѣ и о цѣнахъ, мнѣ отвѣчали, что въ настоящее время подвозъ слабый, хотя урожай предвидится великолѣпный. Тысячи полторы пудовъ въ сутки поступаетъ, а то и менѣе...

— Почему такъ?

— По случаю мобилизаціи!. забрали на войну лошадей. На комъ же возить?

— А сколько обыкновонно поступаетъ хлѣба на рынокъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ?

— Болѣе 10.000 пудовъ въ сутки по осени и зимой.

Для храненія зерна въ Самарѣ имѣется желѣзнодорожный элеваторъ. Масса паровыхъ и вѣтряныхъ мельницъ перерабатываютъ ежегодно 10 милл. пудовъ муки, торговля которой въ Самарѣ процвѣтаетъ. Самара ведетъ большую торговлю саломъ, кожами и шерстью. Много фабрикъ и заводовъ: казенный водочный, пивоваренный (извѣстное жегулевское пиво), салотопенные, механическіе, маслобойные и другіе.

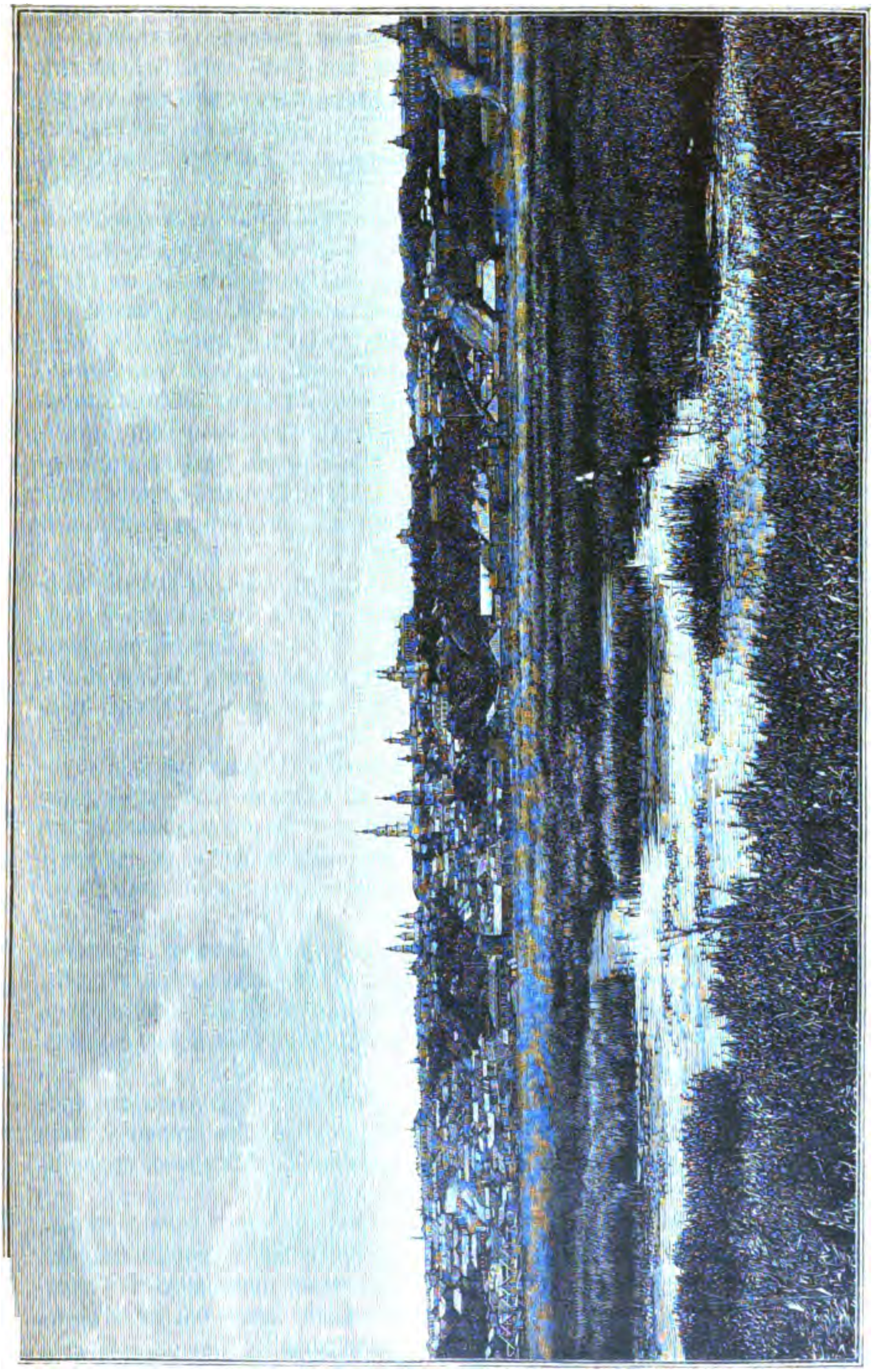
Въ отправкѣ сала и кожъ Самара занимаетъ первое мѣсто на Волгѣ, хотя торговля этими продуктами въ настоящее время слабѣетъ. Вольное скотоводство уменьшается, вслѣдствіе увеличенія населенія и обработки земель подъ пашни, такъ что количество пастбищъ съ каждымъ годомъ все сокращается.

Самара—богатый, вполнѣ торговый городъ, къ которому тяготѣютъ поволжскія и другія губерніи. Въ Самарѣ все купятъ, за всякій товаръ расплатятся наличными [1]). Капиталисты въ Самарѣ— не то, что въ Симбирскѣ и Казани: стотысячниковъ здѣсь зовутъ «средничками» вслѣдствіе наличности многихъ милліонеровъ. Помимо положенія Самары, связанной съ центрами и далекой окраиной желѣзными дорогами, положеніе города на Волгѣ замѣчательное: Самара обладаетъ лучшими, удобными пристанями, какъ на Волгѣ, такъ и на рѣкѣ Самарѣ, по противоположнымъ берегамъ которой расположены хлѣбные амбары и салотопни. Рѣка Самара вскрывается раньше Волги, и въ половодье суда подходятъ для нагрузки къ самымъ амбарамъ, которые соединяются съ палубами судовъ деревянными мостками. Грузить можно удобно и быстро. И вотъ, когда Волга вскрывается, изъ р. Самары уже выходятъ вполнѣ готовыя къ отплытію суда, которыя на Рыбинскъ приходятъ недѣлей раньше, нежели казанскіе и симбирскіе караваны, начавшіе только грузиться, когда самарскіе уже ушли.

Однимъ словомъ Самара одарена всякими, какъ искусственными, такъ и естественными удобствами, чтобы играть на Волгѣ первую роль. Мы вполнѣ увѣрены, что будущее готовитъ блестящее поло-

---

[1]) Въ городѣ ежегодно бываетъ три двухъ-недѣльныя ярмарки: Сборная, Казанская и Воздвиженская.

Видъ Симбирска (съ рѣки Свіяги).

женіе этому городу, которому, какъ центру русскаго хлѣбнаго и «сырого» производства, не мѣшало бы подумать объ устройствѣ демократическаго высшаго сельско-хозяйственнаго заведенія, откуда бы выходили не «бѣлоручки нѣжныя», а работники настоящіе, волжскіе. Надо же почтить честью славною и Волгу-матушку, съ землей родной кормилицу!

Вечеромъ мы посѣтили тѣнистый, довольно большой городской садъ, который называется «Струковскимъ». Народу было много, даже очень: почти всѣ аллеи были заняты гуляющими, а по главной можно было двигаться только тихимъ шагомъ въ толпѣ; на террасѣ ресторана съ трудомъ можно было найти мѣсто. Мы приглядывались къ толпѣ, которая держала себя довольно оживленно, производя впечатлѣніе культурности. Вообще характеръ толпы можно отнести къ полу-интеллигентному: здѣсь были и чиновники, и студенты, и офицеры, разные кавалеры и дамы, но въ общемъ доминировали работники по конторамъ, складамъ, пристанямъ, заводамъ, работники приволжскіе. Положеніе «Струковскаго» сада надъ Волгой превосходное.

Самара сыздавна считается центромъ кумысо-лѣчебныхъ заведеній, которыхъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города нѣсколько, а также много дачъ неподалеку отъ берега Волги. Заведеніе и дача Аннаева въ мавританскомъ стилѣ на крутомъ берегу Волги поражаетъ эффектомъ и красотой положенія и построекъ, а также прекраснымъ, культурнымъ садомъ.

Вообще впечатлѣніе отъ живого, дѣлового города таково: прошлаго будто нѣтъ и не было у Самары, нынѣшнее—это переходное состояніе къ блестящему будущему, когда Самара разовьется во всю свою мощь, и когда Самарская губернія станетъ снова житницей Россіи съ раціональнымъ хозяйствомъ и русской земледѣльческой культурой.

Былъ вечеръ, когда «Чайковскій» покинулъ Самару, и пассажиры оживленные и довольные посылали съ балконовъ палубы обычное «прости» въ огняхъ потухающему городу. Становилось темно, вѣтеръ съ низу крѣпчалъ, и волны рѣки замѣтно стучали по нашему пароходу.

Былъ канунъ праздника. Ко мнѣ подошелъ горбатовскій промышленникъ и спросилъ: «не буду ли я чего имѣть противъ, если въ залѣ 1-го класса отслужатъ всенощную? пассажировъ спрашиваетъ ректоръ семинаріи».

— Помилуйте, я буду очень радъ,—отвѣчалъ я съ оживленіемъ, думая въ то же время: «какая прелесть всенощная на Волгѣ, въ такой обстановкѣ, когда у всѣхъ настроеніе приподнятое благородной природой и здоровыми впечатлѣніями. Еще бы не хорошо помолиться, когда сердце молитвенно настроено!».

Макарьевскій монастырь на р. Свіягѣ.

Я не забуду этого богослуженія. Крѣпчалъ вѣтеръ на Волгѣ, бѣлые гребни волнъ катились навстрѣчу, качался слегка пароходъ, разрѣзая волны, потемнѣли берега, и надъ нами проносились тучи, порой рѣдѣя и показывая за своей мрачной завѣсой яркія звѣзды и свѣтлыя полосы неба, къ которому неслась восторженная пѣснь. Тѣ же молодые, свѣжіе голоса, которые пѣли удалыя пѣсни тогда на палубѣ, теперь сдержанно посылали молитвы распятому Богу-человѣку, пострадавшему за правду и свободу всего міра. Строго-благоговѣйное настроеніе пассажировъ въ началѣ богослуженія постепенно смѣнялось теплымъ и простымъ, сердце вступало въ свои права, умолкнулъ умъ, и тихія, невольныя слезы дрожали на рѣсницахъ у нѣкоторыхъ молящихся.

Юноши пѣли превосходно, ровно, выдержанно и съ чувствомъ. Народъ заполнилъ все помѣщеніе зала, столовой и толпился въ коридорахъ и дверяхъ. Прошло два часа, а служба еще продолжалась: служилъ совсѣмъ еще молодой священникъ, а ректоръ молился съ прочими, стоя близъ хора. Мы не замѣтили, какъ прошло время, какъ кончился дождь и вѣтеръ, и небо, усѣянное миріадами звѣздъ, полуосвѣщало и рѣку и берега. Послѣ всенощной пассажиры всѣ разошлись, и я тоже поспѣшилъ лечь отдохнуть, предварительно попросивъ дежурнаго разбудить меня къ тому времени, когда пароходъ станетъ подходить къ знаменитому Александровскому мосту.

Было совсѣмъ рано, когда я съ нѣкоторымъ трудомъ проснулся, одѣлся и вышелъ на палубу. Утро было прелестное, хотя и свѣжее. Странное дѣло!.. Когда я посмотрѣлъ на Волгу, рѣка мнѣ показалась крайне интересной и здѣсь совсѣмъ новой, въ иной обстановкѣ, среди которой восходящее солнце бросало свѣтлые лучи, игравшіе по проснувшейся красавицѣ-рѣкѣ. Волга дѣйствительно не надоѣстъ, она не можетъ наскучить, постоянно мѣняясь въ своемъ теченіи и берегахъ. Пятый день мы идемъ на пароходѣ, и все новыя, свѣжія впечатлѣнія природы! Можно добавить даже, что слишкомъ много этихъ впечатлѣній, трудно съ ними справиться, и потому путешествіе по Волгѣ не наскучитъ при повтореніи.

— Что, Василій Васильевичъ, — спрашиваю я волжскаго промышленника:—вѣрно и не помните, сколько разъ проѣхали въ жизни своей по Волгѣ?

— Нѣтъ, не упомню, Семенъ Ивановичъ!..

— И не скучно?.. не скучно когда?..

Волжанинъ развелъ руками и, оглядѣвъ рѣку-матушку, воскликнулъ:

— Экое приволье, да скучать, что вы, помилуйте!.. Развѣ когда непогодь, тогда въ каютахъ посидѣть, побесѣдовать съ хорошими и интересными людьми можно!.. такіе на Волгѣ всегда найдутся, если не въ 1-мъ классѣ, то тамъ въ народѣ!...

Царицынъ.

Онъ былъ правъ: на Волгѣ не соскучишься, развѣ въ хмурые осенніе дни, когда природа, умирая до весны, производитъ грустное впечатлѣніе, но каюты волжскихъ пароходовъ такъ удобны, а если интересные люди, то и тогда путешествовать по Волгѣ хорошо: нельзя сравнить съ ѣздой по желѣзной дорогѣ.

Миновали большое селеніе Почорское, расположенное по правому берегу. Окрестныя возвышенности этого мѣста изобилуютъ асфальтомъ, котораго на Волгѣ вообще мало. Вдали показался знаменитый мостъ, граціозно и легко перекинутый черезъ широкую рѣку (695 саженъ). Онъ состоитъ изъ 13 пролетовъ по 50 саженъ каждый, съ ѣздой въ нижней части и тротуаромъ для пѣшеходовъ. Мостъ построенъ въ одинъ, къ сожалѣнію, путь, постройка его колоссальна, стоимость около семи милліоновъ, строители—инженеры Михайловскій и Березинъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ мостъ, дно Волги состоитъ изъ твердаго известняка, покрытаго слоемъ песку. Средняя глубина рѣки около 6 саженъ, при половодьѣ около 12. Всѣ опоры поставлены изъ цѣльнаго известняка Жегулевскихъ горъ, ледорѣзы облицованы гранитомъ. Средняя высота быковъ отъ основанія $18^1/_2$ саженъ. Все верхнее строеніе моста, конечно, желѣзное. Рѣдкое по техникѣ сооруженіе, грандіозное, величавое. Подумайте, сколько гигантскаго труда употреблено здѣсь въ борьбѣ съ рѣкой, которая весной разливается на 7 верстъ и повышается на 6 саженъ при скорости 1 сажени теченія въ секунду! Этотъ мостъ дѣйствительно образецъ и чудо русскаго техническаго искусства, мостъ, которымъ можно гордиться, и который вполнѣ заслужила великая Волга..

Когда пароходъ приближался къ мосту, желѣзныя фермы котораго вырисовывались въ утреннемъ воздухѣ, тогда шелъ по гигантскому мосту поѣздъ. Тонкой паутиной вился дымокъ изъ паровозной трубы, двигались медленно паровозъ и вагоны, живо представляя собой ползучаго многочленнаго червяка.

— Рѣдко приходится видѣть проходящій по мосту поѣздъ... больно чудно!.. вагоны не разобрать!..—проговорилъ пассажиръ.

— Не правда ли, червякъ ползетъ?

— Совершенно вѣрно, червякъ, настоящій червякъ!..

— Ну, и мостъ!..—слышалось съ другой стороны.—Удивительно, какъ они воздвигнули такую махину!..

— Какой ужасъ!..—вскричала закутанная въ платокъ дама.—Я бы никогда не поѣхала по такому мосту!..

Нѣкоторые засмѣялись.

— Дѣйствительно, будто жутко смотрѣть съ моста,—разсказывалъ одинъ пассажиръ.—Когда я ѣхалъ въ первый разъ и взглянулъ изъ окна внизъ, голова закружилась... А вотъ вы говорите, что на червякъ похожъ поѣздъ, а пароходы, когда оттуда глядишь, если въ такомъ, какъ теперь нашъ, разстояніи, тоже червяки, по водѣ плывущіе!.. то же самое!!.

Мы продолжали любоваться мостомъ и послѣ, когда прошли его, когда еще долго была видна перекинутая черезъ рѣку тонкая, едва замѣтная сѣтка желѣзнаго строенія, а гигантскіе быки казались маленькими столбиками.

Теперь по правому берегу тянулось село Батраки съ желѣзнодорожной станціей и огромными нефтяными баками. Село протянулось верстъ на пять по берегу.

— Что дѣлаетъ желѣзная дорога!..—говорилъ волжанинъ. — Я помню, когда Батраки были совсѣмъ маленькое селеніе, а теперь навѣрное скоро городомъ будутъ... Съ каждымъ годомъ все ширится, растетъ!..

— Отчего такъ скучены постройки? Смотрите, домишки такъ и лѣпятся другъ къ другу. Не дай Богъ, загорится!..

— Строили безъ плана и, кажется, на арендованной у крестьянъ землѣ... Все служащіе при желѣзной дорогѣ, приказчики, мѣсто торговое, транзитное...

На пристани у Батраковъ шла оживленная торговля хлѣбомъ, рыбой, яйцами, молокомъ. Бабы торговали съ шутками и прибаутками. Продукты очень дешевы. Я помню, что за огромную крынку не молока, а почти сливокъ, я заплатилъ вмѣстѣ съ посудой 10 копеекъ. По Волгѣ замѣчательно дешево путешествовать. Если отправиться третьимъ классомъ, что̀ лѣтомъ вполнѣ возможно, особенно для молодежи, и кормиться продуктами, которые предлагаются на каждой пристани, то совсѣмъ пустяки! Продукты всегда свѣжіе, а рыба разнообразная и очень вкусно приготовленная.

Послѣ Батраковъ берега неинтересные. Пошли мѣловыя горы, скучныя, безъ растительности. Прошли Сызрань, которая находится не на самой Волгѣ, а на Воложкѣ, судоходной только весной, небольшой рѣчушкѣ. Городъ торговый, главный предметъ вывоза хлѣбъ и прекрасное пшено мѣстной обработки, извѣстное подъ именемъ «Сызранскаго». Среди жителей много раскольниковъ. Вообще всѣ селенія по Волгѣ, начиная съ Сызрани и до Вольска, своимъ происхожденіемъ обязаны раскольникамъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ торговлю и капиталы. Село Балаково торговое, скорѣе похоже на «добрый» городъ (16.000 жителей), поразило насъ огромнымъ количествомъ амбаровъ на берегу. Оказывается, что село послѣ Самары—самая важная хлѣбная пристань. Это село основано раскольниками, вернувшимися изъ Польши въ 1772 г. по манифесту императрицы Екатерины II.

— Знаете, чѣмъ извѣстно Балаково?—просилъ меня волжанинъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— «Мартышками»... и собесѣдникъ засмѣялся.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Вы думаете, обезьянами? Нѣтъ. Видите ли, въ чемъ дѣло: въ Балаковѣ живутъ скупками хлѣба у крестьянъ, конечно, этимъ

занимаются богачи-раскольники, конкуррируя другъ съ другомъ. Они, такъ сказать, ловятъ мужиковъ, которые везутъ въ село на продажу хлѣбъ. Ловятъ, разумѣется, не богачи, они для такихъ дѣлъ тяжелы... Нужно имѣть легкихъ, быстрыхъ приказчиковъ, которые бы, какъ собаки, перехватывали другъ у друга мужиковъ. Эта, настоящая горячая охота!.. Вотъ эти-то приказчики и называются «мартышками». «Мартышка» долженъ поймать мужика и купить у него хлѣбъ съ воза, «мартышка» долженъ быть ловокъ, практиченъ, прекрасно знать качество зерна, онъ долженъ окрутить, обвѣсить мужика и вручить ему квитокъ, по которому тотъ получитъ въ конторѣ деньги за свой товаръ. Понимаете, что такое «мартышка»? какой это ходовой, можно сказать, ртутный человѣкъ?.. Они дѣйствуютъ и поодиночкѣ и партіями... торгуются до невозможности, не даютъ бѣдному хода и доводятъ его до полнѣйшаго изнеможенія... Ошеломленный, измученный «мартышками» крестьянинъ продаетъ часто ниже базарной цѣны!..

Передъ Вольскомъ нашъ пароходъ остановился для погрузки цемента съ завода. Грузили бурлаки, распоряжались иностранцы. Недавно нѣмцами или бельгійцами открытъ этотъ заводъ, и дѣло кипитъ, давая прекрасные барыши.

— Сколько сбываете въ годъ?

— 300.000 пудовъ.

— Цѣна боченка (10 пудовъ)?

— 3 р. 50 к. При покупкѣ партіей солидная уступка.

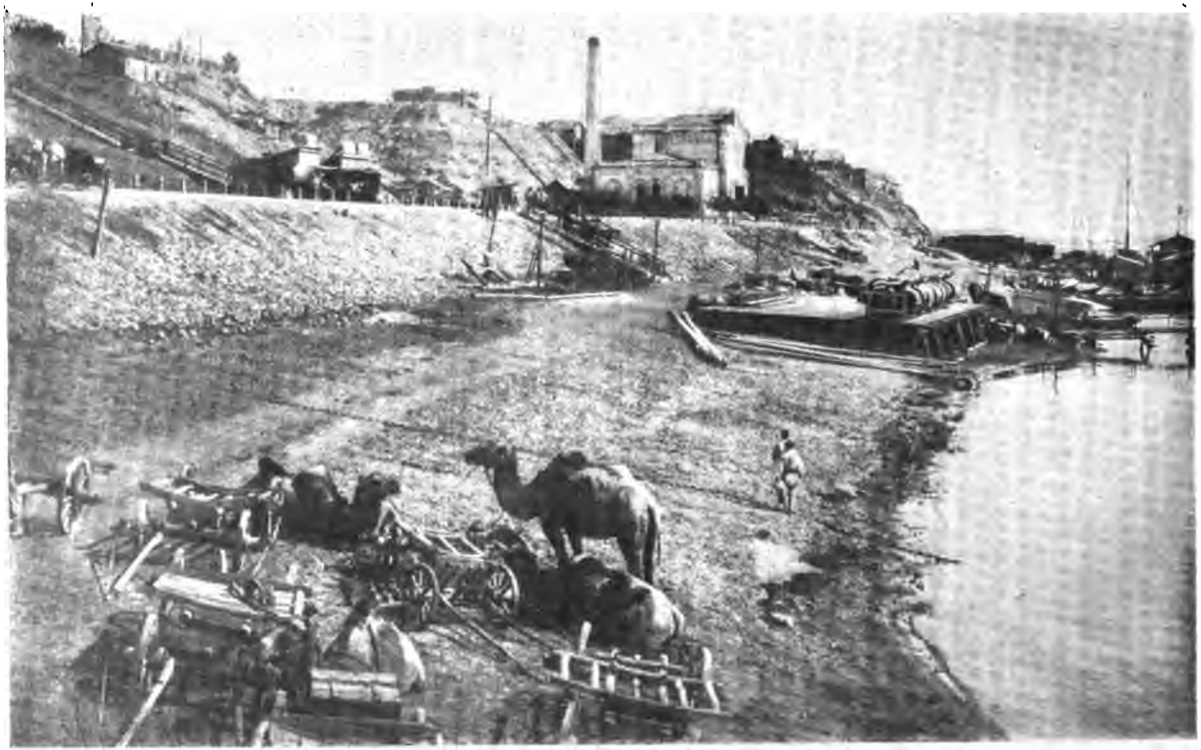
— Куда сбываете?

— Въ Баку и Россію. Цементъ отличный, настоящій портландскій!

Цементное дѣло въ Россіи новое и крайне выгодное. Но почему оно въ рукахъ иностранцевъ? Мнѣ извѣстны два завода: одинъ въ Новороссійскѣ, другой въ Геленджикѣ. Оба эти завода въ рукахъ иностранцевъ, и дѣла идутъ блестяще. Изъ Геленджика цементъ шелъ на устройство крѣпости Портъ-Артура и вообще на Дальній Востокъ, изъ Новороссійска тоже. Не правда ли, блестящіе казенные заказы?.. Наживаются иностранцы въ Черноморской губерніи, гдѣ запрещено имѣть имъ земельную собственность, и гдѣ будто бы интересамъ русскимъ покровительствуютъ... Странно,— скажетъ читатель,—а гдѣ они этотъ самый цементъ въ сыромъ видѣ берутъ, съ какихъ такихъ земель? Арендуютъ у крестьянъ... Какъ арендуютъ, если?...

Но довольно: я пишу о Волгѣ, а не о Черноморскомъ побережьѣ!

Прошли Вольскъ, начались нѣмецкія колоніи. «За Вольскомъ нѣмецъ пошелъ»,—говорятъ волжскіе крестьяне. Дѣйствительно, на луговой сторонѣ Волги одна за другой тянутся Гларусъ, Базель, Цюрихъ, Брокгаузенъ и другія колоніи, между которыми выдѣ-

Набережная въ Царицынѣ.

ляется Екатеринштадтъ, центръ нѣмецкихъ самарскихъ колоній. Благодарные нѣмцы, призванные Екатериной II заселить волжскія земли, поставили императрицѣ памятникъ въ видѣ очень красивой бронзовой статуи съ манифестомъ въ рукѣ. Жителей въ этой колоніи до 8.000 человѣкъ. Имѣются нѣсколько школъ, церквей и костеловъ, волостное правленіе, почта, телеграфъ и клубъ. Чистота и порядокъ безусловные, жизнь опредѣленная, трудовая. Вообще колонисты живутъ зажиточно: они прекрасные хозяева, земель у нихъ достаточно, и землю они держатъ въ общинномъ владѣніи, хотя и пожалована она подворно, на правахъ участковаго владѣнія. Фактъ весьма интересный, чтобы не обратить на него вниманія. Несомнѣнно, русскіе нѣмцы культурнѣе и хозяйственнѣе поволжскихъ крестьянъ, но способнѣе ли послѣднихъ въ земледѣльческомъ отношеніи,—это еще вопросъ. Нѣмцы давно живутъ въ Россіи—съ 1765 г., они свободно работали подъ покровительствомъ русскаго правительства въ то время, когда вся земледѣльческая Россія стонала подъ страшнымъ игомъ крѣпостного права, когда о какой либо народной культурѣ говорить было и смѣшно и нелѣпо. Тогда нѣмцы работали тихо, приспособляясь, имъ никто не мѣшалъ. Такимъ образомъ за ними установилась традиція свободныхъ земледѣльцевъ, умныхъ и опытныхъ. Наступила эпоха освобожденія, совершился великій переломъ въ экономической жизни русскаго народа, который, впрочемъ, безъ опеки административной не остался. На земледѣльца со всѣхъ сторонъ началось воздѣйствіе, и темный, вчера еще крѣпостной человѣкъ напрасно приспособлялся и искалъ твердой почвы для свободной сельско-хозяйственной дѣятельности. А нѣмецъ работалъ да работалъ совершенно свободно, не зная тѣхъ многочисленныхъ вожжей, въ которыя попалъ освобожденный крестьянинъ. Да и въ настоящіе годы вглядитесь въ земельную путаницу, круговую административную опеку, всмотритесь внимательно и, положа руку на сердце, отвѣчайте: свободенъ ли крестьянскій сельско-хозяйственный трудъ, зависимъ онъ или нѣтъ отъ случайностей, не предвидѣнныхъ обстоятельствъ (конечно, не стихійнаго характера)? Отвѣтъ получится отрицательный. Мужика заѣло, заклевало начальство. Нѣмцы, чехи, эстонцы, шотландцы и проч. свободные въ Россіи земледѣльцы, а русскіе крестьяне нѣтъ: первый урядникъ въ сообществѣ съ кулакомъ можетъ разорить вдребезги хозяйство каждаго мужика, а о такомъ фортелѣ съ нѣмцемъ или чехомъ и подумать побоится... Нѣтъ, за послѣдними традиція свободнаго труда!

Пусть не подумаетъ читатель, что я противъ иностранцевъ-колонистовъ, ставшихъ давно русскими подданными. О, нѣтъ, далеко нѣтъ! Развѣ можно имѣть что либо противъ честнаго, трудового элемента, къ какой бы онъ націи ни принадлежалъ... Пусть живутъ и работаютъ, и да благословитъ Господь ихъ трудъ... Да, я про-

тивъ покровительства иностранцевъ-спекуляторовъ и разныхъ гешефтмахеровъ... На что они Россіи? У насъ и національнаго своего такого «фрукта» вдоволь,—«фрукта», которому не мѣшало бы пообрѣзать жировыя вѣтви!

— Что, Василій Васильевичъ?

— Развелось много по Волгѣ этой иностранщины... такъ и рыщутъ, ищутъ, гдѣ бы выгодное и легкое дѣло, какъ бы скорѣй денегъ нажить, да восвояси...

— А противъ нѣмцевъ-колонистовъ имѣете что?—спрашиваю я волжанина.

— Что противъ ихъ имѣть, Семенъ Ивановичъ? Народъ полезный, трудовой, нѣмецъ хлѣба добываетъ, а чѣмъ хлѣба на Волгѣ больше, тѣмъ лучше... тогда всѣмъ хорошо!

Темнѣло на Волгѣ. Берега и селенія потопали въ сгущающемся сумракѣ наступающей ночи. На палубѣ пассажиры группами вели оживленныя бесѣды.

— Когда думаете ужинать?—спросилъ Василій Васильевичъ.

— Что вы? еще рано!..

— Нѣтъ, я потому, чтобы сказать доктору... вѣдь вмѣстѣ будемъ?..

— Конечно! Часа черезъ два, я думаю.

Василій Васильевичъ вынулъ изъ кармана часы. О, онъ былъ очень точный человѣкъ, хотя и русскій.

— Вы куда же?—спросилъ онъ меня.

— Пойду къ народу,—отвѣчалъ я.—Мнѣ говорили, что какой-то старикъ хорошія сказки разсказываетъ. Пойду, послушаю.

— Дѣло!.. Тогда и намъ перескажите!..

Когда я пришелъ въ третій классъ, то около строгаго старика толпился кружокъ слушателей. Онъ говорилъ, нѣкоторые ему возражали, но довольно слабо. Тонъ старика былъ очень авторитетный.

— Какое теперь благочестіе стало!? Церковь Христову забыли!.. Если и ходятъ въ храмъ, то не молиться, а бѣса тѣшить... Да, говорю вамъ, что бѣсъ въ аду не нарадуется, что безъ его, а по его все въ мірѣ творится... Что ему?.. и дѣловъ не стало!.. А въ старое время крѣпкій былъ въ вѣрѣ народъ, такой народъ, что самому главному дьяволу и тому не поддавался, а не токмо срединному чорту!.. Святые въ прежнее время чтò съ нечистой силой творили!.. Да, не сладко было чертямъ на землѣ въ тѣ поры!.. А теперь пожалуйте, окаянные, честь честью, гости желанные!..

— Одначе и теперь народъ,—перебилъ старика молодой деревенскій парень,—у, какой строгій народъ находится, хоть бы въ нашемъ селеніи... Какъ вдарятъ въ колоколъ, такъ и бѣгить, все бросае... ни, ни!.. прямо до церкви!.. Золото дай—не возьметь... ни на есть... Какъ, значитъ, въ колоколъ...

— Стой болтать зря!—строго перебилъ старикъ съ презрѣніемъ, глядя на парня.—Ты говоришь, что ударятъ въ колоколъ, а ёнъ и бѣжитъ... а безъ колокола въ Божій храмъ не можетъ?

Всѣ молчали. Молчалъ парень и старикъ.

— Колоколъ нуженъ,—продолжалъ послѣдній:—разбуди, молъ, позови, а сами по себѣ не могимъ итти... отвыкли безъ зова-то, безъ приглашенія... стали нонѣ великатные!

Молчаніе продолжалось. Слушатели, повидимому, были въ недоумѣніи.

— Почему же колоколъ?—проговорилъ человѣкъ въ пиджакѣ. — Если онъ, значитъ, по положенію... отъ церковнаго начальства!?...

— Что?!. — грозно окрикнулъ старикъ.—По положенію?!... Кто тебѣ сказалъ?!. Самъ приди къ Господу, помни о ёмъ ежечасно, безъ зова!.. Ишь, какой прыткій!.. По положенію!.. а знаешь, кто колоколъ выдумалъ? а?.. кто?...

— Знаемъ, что полагается...

— Я говорю: кто выдумалъ?

— Кто же, дѣдинька?—послышался дѣтскій голосъ.

— Сатана... вотъ кто!..—отвѣчалъ старикъ... Самый ёнъ, смутитель душъ христіанскихъ...

Получился эффектъ. Нѣкоторые пырснули, кружокъ оживился. «Ишь, куда метнулъ старый!.. почему же это такое?»...—послышался голосъ.

— А вотъ разскажу,—отвѣчалъ старикъ,—какъ самъ отъ старыхъ да твердыхъ людей слыхивалъ. Въ давнее то было время, когда церкви Божіи безъ колоколовъ полны народомъ стояли, когда не первыми попы, а послѣдними приходили, когда не ждали, что въ храмъ позовутъ, ровно на свадьбу, али именины, а сами шли съ ночи, съ утра ранняго, а не когда солнце взойдетъ!.. Строгое время было, трудное для окаяннаго... Думалъ онъ въ тѣ поры долго, какую бы смуту въ христіанъ внести, чтобы ихъ отъ церквей отвадить, чтобы не таково усердно храмы посѣщали. Думалъ, думалъ и надумалъ... Пришелъ на землю, къ намъ, на Волгу, гдѣ самая крѣпкая вѣра была, неуклонная... Пришелъ въ родѣ, какъ работника, въ батраки найматься... Ходитъ чортъ по базару, ждетъ... Пріѣзжаетъ князь, богатый, котораго земли по близости были, батрака себѣ искать... Какъ разъ чортъ ему навстрѣчу.

— Ты что?—спрашиваетъ князь.

— Пришелъ найматься, говоритъ.

— Иди ко мнѣ.

— Съ моимъ удовольствіемъ. Это окаянный-то говоритъ,—и разсказчикъ, плюнувъ при этомъ, продолжалъ: — а князь не знаетъ, видитъ — батракъ передъ нимъ, а не нечисть, креста, значитъ, не спрашиваетъ, чтобы показалъ, а спрашиваетъ, какъ зовутъ. «Кличутъ, молъ, меня Жарый», не принялъ, значитъ,

на себя христіанскаго имени чортъ-то... нельзя имъ, должно!.. Ну, князю что, Жарый, такъ Жарый, взялъ батрака, да въ свою вотчину и повезъ и приставилъ къ работѣ самой чижолой, чтобы спытать... Чортъ началъ робить таково, что на диво: гдѣ трое не смогутъ, а чортъ одинъ управится... Дальше, больше, и сталъ чортъ у князя первымъ работникомъ, въ родѣ сподручнаго. Никуда князь безъ чорта не можетъ... Въ городъ ѣхать, и чортъ съ имъ за кучера... Вотъ, одначе, возвращались они до дома, и напали на ихъ разбойники... Чортъ по лошадямъ на утекъ, а разбойники за ими, въ догонъ, значитъ... Вотъ совсѣмъ надгоняютъ. Что дѣлать?.. Испугался князь и говоритъ чорту: «выручай, Жарый, награда будетъ!» Ну, чортъ своротилъ лошадей, да въ Волгу... Откуда ни возьмись плотъ, люди какіе-то, али черти... да на ту сторону въ минуту переплыли, а разбойники, значитъ, остались ни съ чѣмъ, дарма лошадей заморивши... Тогда больше полюбилъ князь чорта, только его и жалуетъ, только съ имъ и совѣтъ держитъ...

Разсказчикъ передохнулъ, потрогалъ свою широкую, сѣдую бороду и продолжалъ болѣе тихимъ, но размѣреннымъ голосомъ:

— Заболѣла княгиня, которую князь любилъ больше родной матери. Стали пользовать доктора, бабы мудрыя—не могутъ, нѣтъ облегченія!.. Что дѣлать? Ни казны, ничего князь не жалѣетъ, а хуже княгинюшкѣ, на себя стала не похожа, а красавицей была писаной. Только одна самая умная баба и говоритъ: «выпользовать можно, только средствіе не можно достать, а есть». «Какое?»—спрашиваетъ князь.—«Львиное молоко,—сказываетъ баба;—если въ теплую воду влить этого самаго молока и въ той водѣ выкупать княгиню, то лихость, какъ рукой сниметъ». Задумался князь, да и заплакалъ... Гдѣ онъ можетъ такого молока достать, знать, пропадать княгинѣ во младости! Приходитъ чортъ, которому князь и открылся... И говоритъ нечистый: «дѣлу помочь можно, не печалься, князь, а положись на своего слугу вѣрнаго!»—«Ничего не пожалѣю,—сказалъ князь,—награжу, исполню все, что ни пожелаешь».—«Ладно,—сказалъ чортъ:—помни свое слово», да и былъ таковъ. Слеталъ онъ за ночь въ африканскія степи, нашелъ тамъ львицу, что̀ львенка кормила, отбросилъ отъ сосцовъ онъ того львенка, выдоилъ львицу и къ утру съ молокомъ къ князю прилетѣлъ. «Получай,—говоритъ,—князь, молоко самое настоящее, львиное, свѣжее, не прокисло еще»... Ну, и вылѣчилась княгиня и стала еще краше, чѣмъ допрежь была!.. Князь не знаетъ, какъ наградить чорта, даетъ ему триста червонцевъ, мало если, проси еще, столько же прибавлю! А чортъ ему въ отвѣтъ: «держи, князь, свое слово и сдѣлай, что я тебя попрошу, а свои червонцы возьми, мнѣ ихъ не надо!»—«Ладно,—отвѣчаетъ князь:—говори, все исполню»... «Построй,—говоритъ чортъ:—колокольню при церкви и поставь на ней колокола, а больше мнѣ ничего не надо!.. про-

щай!.. держи слово, а то худо будетъ княгинѣ!» Ну, князь и поставилъ колокола, и зачали они звонить, а православные ждать, пока зазвонятъ, да ихъ позовутъ Господу молиться!»...

Разсказчикъ смолкъ, молчали и слушатели, одинъ только проговорилъ: «ну, и выдумалъ старый!.. каку таку неладную сказку!»

За ужиномъ я пересказалъ, что слышалъ, а Василій Васильевичъ замѣтилъ: «много такихъ сказокъ гуляетъ по Волгѣ, изъ раскольничьихъ скитовъ, изъ лѣсовъ дремучихъ заносятъ ихъ люди... На Волгѣ немало услышишь, а про Степьку Разина какія легенды и по сіе время разсказываютъ?!... Завтра нѣкоторыя передамъ»...

«Странная сказка,—думалъ я: — вѣрно, что изъ лѣсовъ дремучихъ, гдѣ укрывались, хоронились раскольники въ тиши и безмолвіи... какіе тамъ колокола!»...

VI.

Саратовъ.—Радищевскій музей.—Низовье Волги.—Бурлаки.—Преданія о Стенькѣ Разинѣ.—Царицынъ.

Городъ Саратовъ свое названіе получилъ отъ татарскаго сари, что̀ значитъ желанный, и тау—гора. Имѣются указанія, что на мѣстѣ Саратова былъ болгарскій городъ, когда еще болгары не были христіанами, исповѣдуя исламъ. Русскій городъ Саратовъ, какъ и вообще другіе волжскіе города, основанъ въ XVI вѣкѣ. Этому низовому городу въ смутныя времена понизовщины едва ли не болѣе другихъ пришлось пострадать отъ вольницы и ея лихихъ атамановъ. Брали и грабили Саратовъ и Стенька Разинъ, и Пугачовъ, и другіе атаманы-молодцы. Особенно много легендъ и народныхъ воспоминаній сохранилось о первомъ атаманѣ именно въ мѣстахъ подъ Саратовомъ, который Стенькѣ сдался безъ сопротивленія, и воевода Лопухинъ, приказные и бояре всѣ были перевѣшаны. Собственно торговое значеніе Саратова началось съ развитіемъ на Волгѣ пароходства. Соединеніе же желѣзными дорогами Саратова съ Москвой и съ Ураломъ выдвинуло его на первое мѣсто среди волжскихъ городовъ, и соперничество, притомъ страстное, съ Казанью кончилось въ пользу низового Саратова, который одно время слылъ подъ именемъ столицы Поволжья, несмотря на то, что былъ не университетскій и не историческій. Тогда Саратовъ жилъ приподнятой, кипучей жизнью. Дѣйствовала мѣстная биржа: сдѣлки на хлѣбъ и нефть были громадныя. Но русскія желѣзнодорожныя сѣти росли, а съ ихъ развитіемъ появлялись конкурренты Саратову: Царицынъ и Самара изъ небольшихъ провинціальныхъ городовъ становятся торговыми и перебиваютъ дѣла у Саратова. Дѣлится столица Поволжья своимъ торговымъ значеніемъ и вліяніемъ съ сильными и энергичными въ настоящее

время соперниками по торговлѣ. Золотое время Саратова, повидимому, прошло безвозвратно, но торговое значеніе и опредѣленное положеніе города, какъ культурнаго волжскаго центра, остается навсегда. Вообще развитіе волжскихъ городовъ скачками миновало, и каждому серьезному центру въ настоящее время приходится работать надъ своей мѣстной культурной жизнью и ея общественно-экономическими задачами.

Я знавалъ Саратовъ прежде и посѣтилъ его теперь. Повидимому, все по-старому, но чего-то нѣтъ. Повліяла ли война или другія обстоятельства? Я думаю—и то и другое, и мнѣ кажется, что въ Саратовѣ теперь нѣтъ такихъ шальныхъ денегъ, которыми бросались прежде инженеры и промышленники. Въ настоящее время и тѣ и другіе пріутихли и вошли по положенію въ свои рамки. Вездѣ, на улицахъ, въ торговлѣ стало тише, цѣны въ магазинахъ вошли въ норму, а прежде по части нѣкоторой роскоши нельзя было приступиться: забирали тогда г.г. инженеры. Попрежнему городъ остался театральнымъ: въ сезонное время всегда въ Саратовѣ хорошая труппа, оперная или драматическая. Въ артистическомъ мірѣ Саратовъ считается однимъ изъ первыхъ провинціальныхъ городовъ, несмотря на отсутствіе большого театра. Дѣйствительно, саратовское общество привыкло цѣнить талантливую игру и дарованія артистовъ, въ этомъ отношеніи оно воспитано. Мнѣ приходилось слушать въ Саратовѣ прекрасную оперу съ первоклассными артистами во главѣ и быть зрителемъ драматическихъ пьесъ самаго серьезнаго общаго и бытового содержанія, разыгранныхъ прекрасно, нисколько не хуже, нежели на столичныхъ сценахъ. Теплое, живое отношеніе публики къ спектаклямъ составляло существенную черту саратовскаго зрительнаго зала. Саратовская пресса отдавала много мѣста и вниманія театру. Тогда, какъ и теперь издавались двѣ газеты: «Саратовскій Листокъ» и «Саратовскій Дневникъ», конечно, враждовавшія другъ съ другомъ, совершенно, какъ россійскіе предводители дворянства съ мѣстными губернаторами, считавшіе отношенія въ contre'ахъ неизмѣнно-традиціонными.

Коснувшись искусства, я долженъ сказать нѣсколько словъ о Радищевскомъ музеѣ, этомъ знаменитомъ учрежденіи города Саратова. Музей основанъ художникомъ А. П. Боголюбовымъ, внукомъ знаменитаго автора книги «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»,—книги, давшей имя ея автору, А. Н. Радищеву, но заставившей его отправиться, по волѣ Екатерины II, въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, «на десятилѣтнее безвыходное въ ономъ пребываніе». Радищевъ, впрочемъ, какъ извѣстно, возвращенъ былъ при Павлѣ и умеръ въ царствованіе Александра I. Онъ былъ уроженцемъ Саратовской губерніи, почему память его и чтитъ Саратовъ. На содержаніе музея городъ выдаетъ ежегодно 2½ тысячи рублей

при основномъ капиталѣ въ 200.000 рублей, пожертвованномъ Боголюбовымъ.

Порядокъ и тишина царятъ въ просторныхъ свѣтлыхъ комнатахъ, хранящихъ художественныя произведенія преимущественно русскихъ и нѣкоторыхъ французскихъ художниковъ, большинство которыхъ пожертвовано, благодаря энергіи основателя. Много прекрасныхъ этюдовъ самого А. П. Боголюбова. Имѣются рукописи Пушкина, Щедрина, Некрасова, Ренана. Тургенева. Одно изъ интересныхъ мѣстъ музея—это свѣтлый уголокъ, гдѣ стоитъ обыкновенный, невэжной работы письменный столъ, на которомъ писалъ И. С. Тургеневъ, и его простое кресло, перо и тога доктора Оксфордскаго университета. Всѣ эти вещи подарены музею подругой писателя, извѣстной артисткой Віардо. Я долго стоялъ около этого стола, позабывъ прекрасныя картины и другіе интересные предметы музея. Этотъ уголокъ со всѣми аттрибутами для вдохновенной работы Тургенева вызвалъ въ моемъ воображеніи реальный образъ писателя: на меня смотрѣли ласковымъ блескомъ его глаза, мягкая улыбка складывала его губы и по сѣдой бородѣ игралъ лучъ заходящаго солнца, прорвавшійся какъ-то низомъ изъ окна. Я былъ одинъ, и мнѣ не хотѣлось уйти отсюда, гдѣ было такъ тихо и печально. Память художника-писателя! какъ онъ волновалъ мое сердце, деликатно трогая его самыя нѣжныя, тонкія струны. Любовь и природа... и человѣкъ!.. И мнѣ почудилось, что я—не одинъ: безконечно-грустные глаза Рудина безъ словъ говорили о его истерзанномъ сердцѣ, въ которомъ горѣла любовь, Лиза въ одеждѣ монахини съ блѣднымъ и строгимъ лицомъ страданія показалась на мигъ и исчезла... Кто еще?.. Послышался стукъ... Я глянулъ и опомнился... Въ музей входили посѣтители.

Въ Саратовѣ провелъ дѣтство и учился въ семинаріи Н. Г. Чернышевскій. Мнѣ показывали его домъ, гдѣ онъ провелъ свои послѣдніе дни и похороненъ на Саратовскомъ кладбищѣ, гдѣ почтенное духовенство не могло или не хотѣло мнѣ указать его могилы. Это—другой страдалецъ, одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ экономистовъ и защитниковъ общиннаго землевладѣнія. Идея широкаго освобожденія крестьянъ привела Чернышевскаго, какъ и Радищева, въ тяжкую ссылку въ Сибири.

А. Н. Пыпинъ, І. Е. Благосвѣтловъ—тоже саратовцы. Русскій литературный міръ еще многихъ можетъ назвать дѣятелей изъ Саратова. Н. Г. Чернышевскій, долгіе годы проведшій въ Сибири, былъ возвращенъ сначала въ Астрахань, гдѣ онъ снялся. Эта рѣдкая фотографія «послѣ ссылки» досталась мнѣ отъ одного изъ его друзей. Въ зданіи музея находится публичная городская библіотека, весьма содержательная и полная, которую, мнѣ кажется, слѣдовало бы назвать: библіотека имени Н. Г. Чернышевскаго въ pendant музея памяти Радищева.

Земледѣльческой культурѣ и промышленности немало способствовали нѣмцы, живущіе, какъ въ Саратовѣ, такъ и въ Покровской слободѣ на другомъ берегу Волги, торговомъ и промышленномъ мѣстечкѣ, съ болѣе чѣмъ 20-ти-тысячнымъ населеніемъ. Главная улица въ Саратовѣ—Нѣмецкая: это—саратовскій Невскій проспектъ.

Покровская слобода развилась и продолжаетъ развиваться вслѣдствіе постепеннаго обмеленія берега у города, въ чемъ и заключается большое горе Саратова. За Саратовомъ начинается низовье Волги, которая раздалась въ ширь, достигая 4-хъ верстъ. Здѣсь иныя картины, другія впечатлѣнія. Чередой, прерываясь лѣсными ущельями, идутъ по правому берегу скалы и утесы, большею частію, угрюмые, мрачные, нѣкоторые съ таинственными пещерами. Эти каменные, разнообразные по величинѣ и очертаніямъ великаны уперлись въ самую Волгу и глядятъ въ красавицу-рѣку своими мертвыми очами. Пустынно, безлюдно на буграхъ и утесахъ, гдѣ хищныя птицы смѣло гнѣздятся въ расщелинахъ скалъ, и гдѣ не видно человѣка, которому и нечего дѣлать здѣсь въ этомъ мертвомъ, каменномъ царствѣ. Оригинальны и суровы берега, но хороша и величественна и необъятна рѣка. Экая ширь, какой просторъ! Живетъ и дышитъ Волга своими богатырскими легкими!

Не помню, на какой-то пристани пароходъ задержался долго вслѣдствіе разгрузки. Отъ нечего дѣлать я спустился внизъ, чтобы посмотрѣть на работу матросовъ-бурлаковъ. Они были при формѣ, т.-е. въ кожаныхъ рукавицахъ и съ подушками на спинахъ. Разгружали тюки джутовыхъ мѣшковъ по 12 пудовъ каждый. Большинство легко и свободно шагало съ такой тяжестью на спинѣ и не спѣша складывало въ указанное мѣсто на пристани. Еще и еще... работали спины и ноги, а у нѣкоторыхъ катится градомъ потъ! Но вотъ кончили 12-ти-пудовые тюки и въ буквальномъ смыслѣ забѣгали, особенно молодые, съ легкими 8-ми-пудовыми тяжестями.

— Однако же и черти!..—произнесъ здоровый, широкоплечій семинаристъ, пѣвшій басомъ въ хорѣ.

— А что?—спросилъ я.

— Слишкомъ свободно расправляются съ пудами... Ну, кончили!.. Смотрите, смотрите!..

Я оглянулся. Молодые бурлаки съ раскраснѣвшимися лицами отплясывали, какъ ни въ чемъ не бывало, пожилые, улыбаясь и отирая со лба потъ, шли къ своимъ мѣстамъ.

Нравится мнѣ улыбка угрюмаго волжскаго бурлака, такая мягкая, дѣтская. Впрочемъ онъ рѣдко улыбается, его взоры печальны, они устремлены обыкновенно въ даль. Что онъ думаетъ, или вспоминаетъ!?

— Сколько зарабатываютъ, такіе молодцы?—спросилъ я помощника капитана.

— Десять рублей въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ!—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Это—наши матросы...

— И ничего больше?

— Впрочемъ послѣ каждой такой разгрузки получаютъ на водку... по пятаку на брата выйдетъ!..

Пароходъ тронулся и медленно сталъ отваливать отъ пристани. Я поднялся на верхъ и сталъ глядѣть на блестящую, широкую рѣку и на скалистые берега. Все та же угрюмая красота, нѣсколько однообразная, цѣлая серія каменныхъ твердынь.

— Скоро будетъ утесъ Стеньки Разина?—спросилъ я новаго знакомаго.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ волжанинъ,—пройдемъ село Красный Яръ, тогда и будетъ утесъ; село на лѣвомъ берегу, а утесъ на правомъ...

— Вы хотѣли мнѣ разсказать о Стенькѣ Разинѣ, Василій Васильевичъ.

— Много я слышалъ прежде этихъ разсказовъ,—началъ онъ,—да, признаться, забылъ... Но одинъ въ памяти остался... Этотъ разсказъ я слышалъ на пароходѣ отъ старика, вѣроятно, похожаго на вчерашняго, который вамъ сказывалъ о чортѣ и колоколахъ... Прежде много этихъ стариковъ встрѣчалось, а теперь они становятся рѣже... Помню, я совсѣмъ молодой человѣкъ былъ и, кажется, во второй разъ ѣхалъ въ Астрахань съ отцомъ... ѣхали мы въ третьемъ классѣ: тогда дороже было, да и родитель мой былъ скуповатъ, или меня не хотѣлъ баловать—не знаю, право!.. Подходили мы къ селенію Красному Яру, я и говорю товарищу: вотъ скоро будетъ утесъ Стеньки Разина... сказалъ такъ себѣ, какъ всѣ говорятъ... Былъ старикъ тутъ, услышалъ это, и въ родѣ какъ разсердился на меня, покачалъ головою, поднялъ руку и говоритъ мнѣ при народѣ: «эхъ, парень!.. на языкъ больно склизкій!.. Стенька!.. ровней тебѣ что ли сдался Степанъ Тимоѳеевичъ? неуважительный ты парень, я посмотрю!»... Признаюсь, сконфузился я тогда отъ словъ старика, неловко мнѣ стало, къ тому же смотрятъ на меня пассажиры... ну, мальчишка я былъ, строго насъ дома держали, а старикъ такой почтенный, высокій, съ большой бородой... Я и пошелъ отъ него, а онъ сталъ разсказывать, когда мимо утеса проходили... разсказывалъ онъ про пещеру, гдѣ хранятся богатства Стенькины, и гдѣ онъ будто и теперь лежитъ въ обмершемъ состояніи, не умеръ вполнѣ, значитъ... «Настанетъ время,—торжественно говорилъ старикъ,—и встанетъ изъ подземелья Степанъ Тимоѳеевичъ, и начнетъ онъ судить народъ русскій, разбирать, какіе грѣхи и поступки... Судить и наказывать станетъ по рукамъ: если руки рабочія, въ мозоляхъ, тогда

ничего, а если бѣлыя да холеныя—тогда плохо. Но особенное впечатлѣніе произвела на меня тогда часть разсказа о выходѣ Стеньки изъ пещеры: «и выйдетъ онъ, весь покрытый мохомъ, съ землянымъ духомъ, а борода у него длинная, предлинная, до самой земли и голосъ глухой, подземный будто»...

— Да, картина довольно внушительная!—замѣтилъ я и спросилъ:—а о Пугачевѣ нѣтъ легендъ и сказаній? Вѣдь онъ немало на Волгѣ куролесилъ, да и послѣ Разина, а народъ, кажется, мало его вспоминаетъ?

— Совершенно вѣрно!.. не говорятъ о Пугачевѣ, а о Стенькѣ все Низовье наполнено и сказками, и пѣснями, и преданіями... Самый любимый атаманъ на Волгѣ...

— Не знаете ли какую нибудь пѣсню?

— Позабылъ, по правдѣ сказать, да теперь рѣже ихъ и слышишь... Бурлаки, впрочемъ, поютъ много пѣсенъ о Разинѣ.

Послѣ я узналъ, что въ ходу пѣсня, которую будто бы самъ атаманъ сочинилъ, сидя въ тюрьмѣ въ ожиданіи казни. Конечно, это не вѣрно, но пѣсня сложилась несомнѣнно на Волгѣ, мотивъ ея грустный, но довольно энергичный, такъ сказать, внушающій почтеніе къ грозному атаману-молодцу. Слова пѣсни такія:

«Схороните меня, братцы, среди трехъ дорогъ:
Межъ Московской, Астраханской, славной Кіевской;
Въ головахъ поставьте животворный крестъ,
А въ ногахъ положьте саблю вострую.
Кто пройдетъ, проѣдетъ—остановится:
Моему ль кресту тотъ поклонится...
А, завидя саблю вострую, испужается:
Здѣсь лежитъ, молъ, Степанъ Разинъ,
Тимоѳеевичъ по прозванію».

Дѣйствительно, пѣсня Стеньку величаетъ Тимоѳеевичъ. Вѣрно, тотъ старикъ, который разсказывалъ сказки, знаетъ интересныя пѣсни про «Тимоѳеевича». Я пошелъ въ 3-ій классъ, но старика уже не было на пароходѣ: онъ сошелъ на какой-то незначительной пристани. Когда я вернулся на палубу 1-го класса, то многіе пассажиры-туристы ждали утеса Стеньки Разина. Одни говорили, что утесъ прошли, другіе указывали на путеводители, въ которыхъ значилось, что утесъ впереди. Между прочимъ, кстати добавлю, что изъ многочисленныхъ по Волгѣ путеводителей самый толковый, обстоятельный и сжато составленный «Путеводитель А. Безчинскаго», цѣна—1 рубль; въ немъ путешественникъ найдетъ всѣ справки отъ Твери до Астрахани.

Прошли небольшую деревеньку Лапоть, и показался утесъ Разина. Онъ не произвелъ того впечатлѣнія, котораго ожидали: ничего оригинальнаго, грандіознаго!.. Столообразная скала саженъ 50—60, отдѣляется отъ такихъ же сосѣднихъ широкими оврагами.

Говорятъ, что на утесѣ есть яма, въ которой содержались плѣнные, даже и теперь находятъ человѣческія кости и черепа. Нѣсколько далѣе утеса показываютъ другую тюрьму—лѣсное ущелье, откуда будто бы въ тѣ времена, кромѣ выхода въ Волгу, иного не было. Не одинъ только упомянутый утесъ, но и другіе бугры, притомъ весьма многіе носятъ имя знаменитаго атамана.

Я не стану останавливаться на тѣхъ уже извѣстныхъ народныхъ сказаніяхъ (Костомаровъ: Бунтъ Стеньки Разина) о Разинѣ, повторяю только, что популярность этого разбойника-героя на низовьяхъ Волги внѣ всякаго сомнѣнія.

Чѣмъ дальше мы шли внизъ, и я смотрѣлъ на угрюмые, скалистые берега, на широкую и глубокую Волгу, тѣмъ ярче выступала предо мной фигура атамана. Стенька воспринялъ именно здѣсь въ этомъ мѣстѣ характеръ великой рѣки, могучей и угрюмой съ ея берегами. Онъ именно здѣсь полюбилъ Волгу за ея ширь и даль, а не въ тѣхъ, болѣе веселыхъ, живыхъ мѣстахъ, которыя мы прошли. Говорятъ, на вершинѣ утеса было кресло изъ слоновой кости съ золотой насѣчкой, и на этомъ креслѣ сидѣлъ грозный атаманъ, наблюдая за проходящими по Волгѣ судами, которыя онъ останавливалъ мановеніемъ руки. Мнѣ думалось, что именно здѣсь, сидя на удивительномъ креслѣ, атаманъ думалъ угрюмыя, какъ эти скалы, думы...

> И задумалъ итти, по другому пути,
> И итти на Москву онъ рѣшился...

Да, низовая Волга, величавая, грандіозная на сильнаго духомъ и тѣломъ человѣка должна производить захватывающее, вольное впечатлѣніе:.. Широкія русскія натуры рождаются вѣрно здѣсь въ сосѣдствѣ утесовъ великановъ! Но теперь не время для такихъ натуръ въ нашъ нервный и техническій вѣкъ, когда богатыря и слабосильнаго сразитъ удивительный снарядъ усовершенствованнаго орудія.

Утесъ давно прошли. Я оглянулся, прислушиваясь. Говорили о войнѣ.

— У японцевъ дальше бьютъ орудія...

— Нѣтъ, у нихъ легкая, горная артиллерія, имъ удобнѣе въ горахъ...

— Англичане помогаютъ... Развѣ они могли бы одни, безъ помощи?..

Затѣмъ разговоръ перешелъ на промышленный кризисъ, на заминку въ торговлѣ.

— Куда изволите ѣхать?—спрашивалъ видимо купецъ другого коммерсанта.

— Въ Саратовѣ былъ, теперь въ Ростовъ пробираюсь, въ Таганрогъ...

— По какой части?

— По мануфактурной. Ѣду провѣрить своихъ покупателей, посмотрѣть, можно ли кредитъ продолжить...

— Плохо?!

— Какъ вамъ сказать?.. По теперешнему времени слабые—не плательщики, а которые шире дѣла ведутъ, тѣ продержатся... Что дѣлать, война!..

Да, тамъ далеко, гдѣ солнца восходъ, тамъ льется кровь, и смерть таинственной сѣтью покрыла и горы, и долины, а здѣсь тишина и коммерческіе разговоры. Я оглянулся назадъ, на утесъ Разина, котораго не было видно за выступившими темносѣдыми, грозными тучами. Волга дрожала отъ набѣгавшаго съ сѣверо-востока вѣтра.

— Что, капитанъ, скоро Царицынъ?..

— Нѣтъ еще!..—отвѣчалъ онъ, смотря на тучи, и прибавилъ:—дождь собирается...

Мнѣ нужно было сойти въ Царицынѣ, чтобы ѣхать на Черноморье. Астрахань и ея знаменитыя рыбныя ловли я рѣшилъ осмотрѣть и ознакомиться послѣ: и такъ Волга слишкомъ много дала впечатлѣній.

— Смотрите, — говорилъ мнѣ Василій Васильевичъ: при прощаніи:—берегитесь!... Въ Царицынѣ «лихихъ» людей много, живо безъ багажа останетесь!..

— Ну, вотъ, — отвѣчалъ я, — время лихихъ людей миновало, остались жалкіе босяки, которые не страшны, да и городъ же наконецъ!..

— Все-таки берегитесь, хоть мелочь, а все стащатъ!

Въ Царицынъ мы пришли ночью, и я съ парохода отправился прямо на вокзалъ желѣзной дороги, откуда черезъ два часа въ вагонѣ поѣзда несся по необозримымъ степямъ къ Черному морю, на Кавказское побережье.

С. И. Васюковъ.

ВОЗСОЗДАНІЕ РУССКОЙ РЕЛИГІОЗНОЙ ДРАМЫ.

По инициативѣ предсѣдателя комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины города Москвы и Московской епархіи, приватъ-доцента А. И. Успенскаго, предположено въ началѣ будущаго 1907 г., приблизительно на второй недѣлѣ Великаго поста, возсоздать древне-русскую религіозную драму. Комиссіей предположено начать съ такъ называемыхъ «литургическихъ дѣйствъ», входившихъ въ составъ богослужебныхъ обрядовъ, при нѣкоторыхъ соборныхъ храмахъ (напримѣръ, въ Успенскомъ въ Москвѣ, въ Софійскомъ въ Новгородѣ и др.). Къ числу «литургическихъ дѣйствъ» относятся: пещное (3-хъ отроковъ въ Вавилонскомъ плѣну), страшнаго суда, новаго лѣта и др. Вопросъ о постановкѣ пещного дѣйства окончательно рѣшенъ въ засѣданіи комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины города Москвы и Московской епархіи, происходившемъ 3 ноября с. г. въ квартирѣ предсѣдателя; на засѣданіи этомъ присутствовали: преосвященные—Анастасій, епископъ серпуховскій, и епископъ Наѳанаилъ, управляющій Спасо-Андроніевскимъ монастыремъ и членъ Московскаго святѣйшаго синода. Рѣшено дать это дѣйство не въ полномъ видѣ, какъ оно совершалось въ соборахъ: этому мѣшала бы невозможность участі первосвятителя русской православной церкви (патріарха) въ этом: обрядѣ, а, съ другой стороны, съ эстетической точки зрѣні дѣйство это много выиграетъ, если оно будетъ передѣлано прим нительно къ требованіямъ современнаго общества. Будутъ лиш

взяты идея дѣйства и основные его моменты. Пѣснопѣнія будутъ исполнены хоромъ и отдѣльными солистами («халдеи» и «отроки»). Пѣть будетъ Московскій синодальный хоръ пѣвчихъ, подъ управленіемъ извѣстнаго композитора А. Д. Кастальскаго; послѣднему будутъ принадлежать и переложенія пѣснопѣній и обряда на ноты. Самый чинъ печного дѣйства будетъ приспособленъ для сцены предсѣдателемъ комиссіи А. И. Успенскимъ и профессоромъ императорской Московской консерваторіи, извѣстнымъ знатокомъ древняго пѣнія, отцомъ В. М. Металловымъ. Профессору Металлову удалось разыскать интересныя старинныя рукописи, въ которыхъ, между прочимъ, содержатся пѣснопѣнія печного дѣйства, переданнаго на крюкахъ. Крюки (или крючки)—это особые пѣвческіе знаки, которыми записывались въ старину церковные напѣвы. У насъ на Руси, у придерживающихся старой вѣры, сохранилось крюковое обозначеніе нотъ, наравнѣ съ стариннымъ осьмогласнымъ знаменнымъ распѣвомъ: они остались вѣрными древнему почтенному русскому церковному пѣнію. Открытыя отцомъ Металловымъ крюковыя пѣснопѣнія печного дѣйства послужатъ главнымъ матеріаломъ для композитора Кастальскаго при постановкѣ этой религіозной драмы на сценѣ. Чтобы остаться вѣрнымъ дѣйствительности, г. Успенскій и о. Металловъ нашли за наилучшее дать музыкальныя картинки. Не будетъ устроено «пещи халдейской», не будутъ шиться отроческіе и халдейскіе костюмы (здѣсь всегда возможны ошибки, тѣмъ болѣе, что такихъ костюмовъ не сохранилось; неизвѣстно также, что представляла собою «пещь», не былъ ли это высокій рѣзной амвонъ въ видѣ каѳедры?), а будутъ лишь при посредствѣ волшебнаго фонаря воспроизведены миніатюры древнихъ рукописей, иллюстрирующія текстъ печного дѣйства. Это будетъ и вѣрно, и оригинально. Чинъ печного дѣйства открывается пѣніемъ хора: въ стихирахъ воспѣваются три отрока: Ананій, Азарій и Мисаилъ, и халдеи изобразятъ, если можно такъ выразиться, драму дѣйства. По окончаніи дѣйства, хоръ исполнитъ извѣстное пѣснопѣніе «на рѣкахъ Вавилонскихъ»; въ основаніе композиціи этого пѣснопѣнія будутъ также взяты старинные крюки. Пѣснопѣніе «на рѣкахъ Вавилонскихъ» также входило въ составъ печного дѣйства (на одной изъ дневныхъ службъ); во время пѣнія будутъ демонстрированы многочисленныя иллюстраціи, также взятыя изъ старинныхъ миніатюръ. Въ заключеніе будетъ пропѣтъ «многолѣтный» (переложеніе съ крюковъ XVII вѣка), какъ образчикъ обычнаго речитативнаго пѣнія времени царя Алексѣя Михайловича. Въ «многолѣтныхъ» воспѣваются: «благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій царь и великій князь Алексій, благовѣрная царица и великая княжна Наталія и ихъ благородныя чада и благородныя царевны, святѣйшій патріархъ и вся православныя хрестіаны». Нельзя не посочувствовать этой интересной

идеѣ. Если мы вспомнимъ, какое громадное, можно сказать, міровое значеніе имѣла религіозная драма на западѣ, въ средніе вѣка (для желающихъ укажемъ трудъ недавно умершаго академика А. Веселовскаго: «Старый театръ въ Европѣ», стр. 87—88, и стр. XLIV и XLV капитальнаго труда профессора Н. В. Покровскаго: «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ»), то не удивительно, что и настоящее начинаніе не погибнетъ безъ слѣда, а, можетъ быть, принесетъ извѣстную пользу. Мѣстомъ для представленія печного дѣйства предполагается избрать залы Московскаго епархіальнаго дома. Нельзя не пожелать, чтобы представленіе это столь интересное, какъ русское національно-археологическое и художественное, перенесено было и къ намъ въ Петербургъ.

В. Р. Апухтинъ.

ЧЕРЕЗЪ МАКЕДОНІЮ И БОЛГАРІЮ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

МАКЕДОНІЯ! При одномъ этомъ словѣ въ умѣ возникаетъ кровавый призракъ раздора и войнъ — не за расширеніе территоріи, не за открытіе новыхъ торговыхъ рынковъ, а за основное и первичное достояніе человѣка — за право на жизнь. Нѣтъ страны, которая была бы въ такой мѣрѣ пропитана слезами народа, кровью его дѣтей. Бомбы, динамитъ, взрывы поѣздовъ, убійства изъ-за угла, грабежъ и пожаръ деревень, безчеловѣчная рѣзня куцо-валаховъ греками, грековъ болгарами, болгаръ и сербовъ арнаутами, и надъ всѣмъ этимъ насильническая орда турокъ, безсильныхъ водворить спокойствіе, но достаточно еще могущественныхъ, чтобы во имя порядка разстрѣливать и мучить порабощенную христіанскую райю,— вотъ содержаніе понятія, которое мы обозначаемъ словомъ: Македонія. Это—неугасающій огонь волненій, гдѣ, то замирая, то разгораясь, тлѣютъ искры пожара, который каждую минуту готовъ вспыхнуть и освѣтить своимъ заревомъ не Турцію только, а все славянство и Европу. Это—лакомый кусъ, надъ которымъ стоятъ великія державы, не позволяя, чтобы онъ достался кому нибудь одному. Это, наконецъ,— одна изъ тѣхъ частныхъ территорій, на которой предстоитъ практически разрѣшиться властно теперь ста-

вшему передъ европейской цивилизаціей общему вопросу о справедливой установкѣ международныхъ отношеній, понимая здѣсь слово «народъ» не только въ политическомъ, но и въ этнографическомъ смыслѣ. Родственное чувство давно уже инстинктивно подсказало Россіи важность для насъ македонскаго вопроса. Указанная выше общая задача, въ разрѣшеніи которой Россіи придется, можетъ быть, сыграть главную роль, усугубляетъ эту важность, и потому, хотя македонскихъ впечатлѣній у насъ въ настоящее время и у себя дома слишкомъ достаточно, русскому человѣку, который желаетъ сознательно относиться къ своей родинѣ и славянству, слѣдуетъ ознакомиться съ современнымъ положеніемъ Македоніи. Это было одной изъ причинъ, почему, проѣзжая изъ Аѳинъ въ Царьградъ и Болгарію, мы заѣхали въ Македонію. Рѣдко кто изъ русскихъ попадаетъ въ эту славянскую глушь. Кое-что удалось намъ видѣть, кое-что мы услышали и узнали отъ мѣстныхъ жителей. Можетъ быть, эти бѣглыя македонскія впечатлѣнія въ связи съ переживаемыми теперь Болгаріей смутами будутъ нелишни для читателя.

II.

Мы подъѣхали къ Македоніи съ Эгейскаго моря рано утромъ. Грозою привѣтствовалъ насъ материкъ. Разбуженные короткими, точно пушечные выстрѣлы, ударами грома, мы съ товарищемъ выглянули въ окно: дождь, не виданный нами уже два мѣсяца, лилъ во-всю, точно предвѣщая ожидающія насъ въ Македоніи впечатлѣнія. Но, когда мы одѣлись и вышли на палубу, грозовая туча на краю горизонта улетала въ даль, а впереди передъ нами спускался съ горныхъ уступовъ главный македонскій городъ Солунь. Море все пестрѣло отъ лодокъ и красныхъ фесокъ. Лодочники — евреи и турки — красивый, точно на подборъ народъ, съ темными, спадающими на лобъ изъ-подъ сдвинутой на затылокъ фески кудрями и мощною, открытою грудью зазывали насъ къ себѣ. Едва опустился трапъ, какъ пароходъ зароился отъ нихъ, и нашимъ чемоданамъ пришлось бы плохо, если бы portier отеля не освободилъ ихъ отъ услужливыхъ рукъ перевозчиковъ.

Осмотръ вещей въ общемъ былъ довольно легокъ и скоръ. Впрочемъ, зная строгость турецкой цензуры, каждый изъ насъ заранѣе запряталъ въ карманъ всѣ путеводители и книги. Только у одного изъ пассажировъ, почтеннаго и пожилого педагога, остались въ чемоданѣ почтовыя карточки съ видами, среди которыхъ находились снимки съ классическихъ статуй голыхъ Геркулесовъ и Венеръ. Всѣ Венеры, какъ опасныя для государства падишаха, были конфискованы, и нашъ почтенный спутникъ очутился въ нескромной роли соблазнителя невинныхъ подданныхъ султана.

Двое здоровенныхъ молодыхъ турокъ или евреевъ — ихъ не всегда отличишь въ Салоникахъ — усѣвшись на козлы, водворили насъ въ отель «Имперіаль». Передъ нашими окнами, пестрѣя лодками, разстилалась водная равнина Бѣлаго Эгейскаго моря, нѣж-

Памятникъ императору Александру II въ Софіи.

наго, ласкающаго, мягкаго и какъ-то особенно свѣтлаго въ это раннее утро, а вокругъ, несмотря на раннюю пору, уже кипѣла жизнь, зазывая насъ въ городъ.

Городъ Солунь, или Салоники, а еще вѣрнѣе—Өессалоники, названъ такъ по имени сестры Александра Македонскаго. Болѣе 2.000 лѣтъ, какъ смотрятся онѣ въ зеркальное море. Здѣсь когда-то въ

изгнанiи ходилъ по берегу и тосковалъ по своему Риму Цицеронъ. Здѣсь апостолъ Павелъ устроилъ первую христiанскую общину. Здѣсь, на родинѣ св. Кирилла и Меѳодiя, зачалось наше славянское просвѣщенiе. Но теперь и слѣдовъ отъ этого почти не осталось. О римскихъ временахъ еще напоминаетъ трiумфальная арка Галерiя, отъ христiанскихъ осталось нѣсколько церквей, обращенныхъ въ мечети, а отъ позднѣйшаго времени слѣдъ прожорливыхъ хищниковъ средневѣковья, венецiанцевъ, — Бѣлая башня, теперь тюрьма. Все остальное смыло время и турецкое владычество.

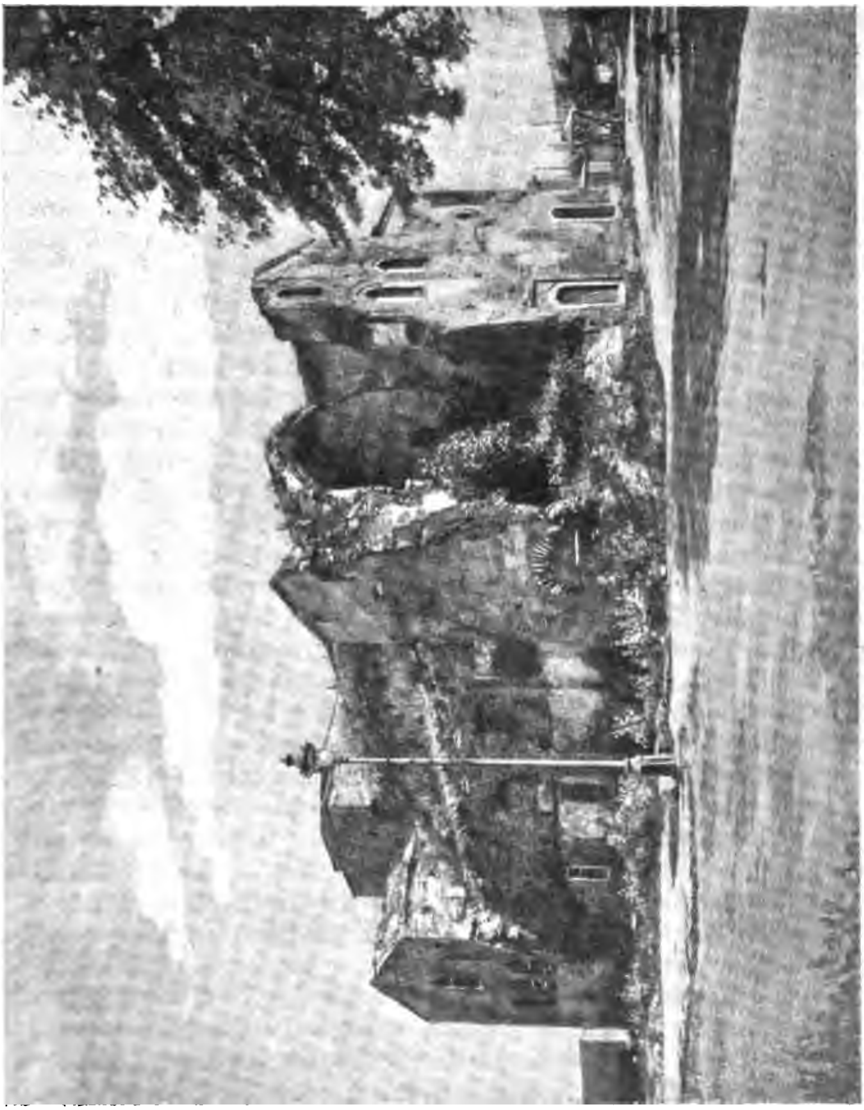
Теперь Солунь — второй послѣ Царьграда торговый городъ Турцiи. Представьте себѣ узенькую набережную, гдѣ прямо о мостовую тихо плещется море, и на подъемѣ не особенно высокой горы двѣ параллельныя морю улицы, перерѣзанныя безчисленными рядами мелкихъ, извилистыхъ, грязныхъ и узенькихъ-узенькихъ уличекъ, къ которымъ скорѣе пристало бы названiе закоулковъ,—вотъ вамъ и вся Солунь. Изъ улицъ самая дальняя отъ моря—тиха и безлюдна. Будь Солунь русскiй городъ, она непремѣнно получила бы названiе дворянской: нѣтъ тамъ ни магазиновъ, ни присутственныхъ мѣстъ. На улицу смотрятъ только окна частныхъ домовъ, да и тѣ заставлены густо переплетенными деревянными рѣшетками, чтобы любопытный взглядъ прохожаго не проникъ въ гаремныя тайны какого нибудь турецкаго бея.

Зато серединная улица, Вардарская, полна жизни и движенiя. Это — главная торговая артерiя Солуни. Тутъ, какъ въ любомъ восточномъ городѣ, вся жизнь вынесена на улицу. Тутъ и кушанья готовятъ у васъ на глазахъ, и пьютъ, и ѣдятъ, стригутся, бреются, шьютъ сапоги, расправляютъ фески. Грудами валяются на улицѣ зеленые арбузы и желтыя дыни. Виноградное деревцо прилѣпилось къ стѣнкѣ и перекинуло свои вѣтки на другую сторону. Сочныя кисти винограда висятъ прямо надъ вами, а внизу гроздья въ корзинахъ лежатъ, готовые для продажи. Грязь, шумъ, движенiе, звонкiй крикъ мальчишекъ, зазывающихъ въ лавки покупателей, ржанье ословъ, навьюченныхъ кладью такъ, что изъ-за нея торчатъ только ослиныя уши, конка, передъ которою бѣжитъ и трубитъ въ рогъ молодой турокъ, разгоняя съ дороги народъ; на зеленомъ фонѣ овощей—красныя фески, длинные полосатые халаты евреевъ, черныя няньки-эѳiопки. Разноцвѣтная, полная жизни и яркихъ красокъ толпа! Пересѣкающiй Вардарскую улицу крытый базаръ выводитъ на набережную.

Здѣсь картина мѣняется. Это — болѣе европейская часть города. Шляпы вытѣсняютъ фески. Тутъ всѣ лучшiя гостиницы, рестораны, кофейни. Вечеромъ, когда спадетъ жаръ, на улицу выносятся столики, во всѣ стороны шныряютъ лакеи, разнося кофе, мороженое или ужинъ, и тогда уже пѣшеходъ только съ

трудомъ можетъ пробраться посреди столовъ, тамъ, гдѣ оставлена узенькая полоска для прохода конножелѣзной дороги.

Прислушиваясь къ говору пестрой солунской толпы, вы услышите самые разнообразные языки, но преобладаютъ турецкій и

Церковь въ Софіи.

испанскій. На послѣднемъ говорятъ евреи, переселившіеся сюда изъ Испаніи во время еврейскихъ гоненій пр Филиппѣ III. Онио составляютъ половину 125-тысячнаго населепія Солуни и среди прочихъ евреевъ гордятся чистотою своей креви Срсди инхъ нѣтъ

ни одного блондина, и съ нашими евреями они не хотятъ вступать въ браки. Халаты они носятъ такіе же длиннополые, какъ и наши евреи, но пейсовъ нѣтъ и слѣда. Еврейки не бреютъ головъ и въ своихъ зеленыхъ головныхъ повязкахъ и шелковыхъ платьяхъ, съ грудями, даже у 80-лѣтнихъ старухъ почти обнаженными до самаго пояса, смотрятъ выходцами изъ среднихъ вѣковъ. Въ рукахъ евреевъ почти вся торговля Солуни и — удивительно! — хотя евреи—самые вѣрные и надежные подданные султана, турки, кажется, ихъ такъ же мало любятъ, какъ у насъ поляки и малороссы.

Изъ христіанскаго населенія—всего больше грековъ. Они—владѣльцы всѣхъ ресторановъ и отелей. Греческій языкъ раздается повсюду. Славянской рѣчи почти не слышно. Двѣ-три болгарскихъ надписи на базарѣ, да и то такія мизерныя, что ихъ съ трудомъ можно отыскать среди множества греческихъ, турецкихъ и еврейскихъ вывѣсокъ, двѣ болгарскихъ книжныхъ лавки въ узенькихъ, извилистыхъ закоулкахъ да болгарская гимназія—вотъ почти все, что можно найти славянскаго въ главномъ городѣ славянской Македоніи. Славяне— вообще не мастера налагать свой отпечатокъ даже на тѣ города, гдѣ они составляютъ большинство, и готовы фигурировать подъ какой угодно вывѣской: мадьярской въ Новомъ Садѣ, нѣмецкой въ Сараевѣ, итальянской въ Рѣкѣ, а въ Солуни они—въ меньшинствѣ. Это—одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые, какъ нѣмецкая Лодзь или польскій Львовъ, чужеземнымъ народомъ тяготѣютъ надъ мѣстнымъ населеніемъ.

Солунь по виду спокойна, но подъ этой спокойной внѣшностью кипятъ народныя страсти и то и дѣло прорываются наружу, давая тогда полную волю турецкому звѣрству. Когда мы были въ Солуни, вся болгарская гимназія отъ послѣдняго сторожа до директора была арестована; греки, которымъ турки покровительствуютъ, стрѣляли на набережной въ болгарскаго доктора Николова и смертельно его ранили. Бѣда человѣку, который выдвинется, какъ народный дѣятель: если его не убьютъ греки, то засадятъ въ Бѣлую башню турки. Когда у насъ теперь происходятъ убійства, мы утѣшаемъ себя, по крайней мѣрѣ, мыслью, что они минуютъ, когда пройдетъ революція; у турокъ вѣчная революція, и порядокъ, какъ въ старой Польшѣ, держится безпорядкомъ. Впрочемъ, я не знаю, можно ли даже назвать порядкомъ турецкіе порядки. Мстительность и жестокость турокъ равняется ихъ безсилію и тупости. Я хотѣлъ отправить письмо по турецкой почтѣ и попросилъ въ магазинѣ написать мнѣ адресъ по-турецки. «Какъ, вы хотите послать письмо черезъ турецкую почту? Оно не дойдетъ».—«Но въ письмѣ нѣтъ ничего особеннаго. Наконецъ, я пошлю хоть открытку».—«Не совѣтую вамъ: и ее конфискуютъ. Вѣдь здѣсь есть русская почта. Вы не знаете, что такое турки, и какъ мы здѣсь живемъ. Это

ужасно!» Такъ и пришлось пойти на русскую почту, которая замѣчательна тѣмъ, что въ ней ни одинъ чиновникъ не понимаетъ по-русски.

Пока турки конфискуютъ невинныя открытки и преслѣдуютъ путеводители и капитолійскихъ Венеръ, македонскія волненія, которыя, какъ всякое революціонное движеніе, будучи сильны не столько своей собственной силой, сколько слабостью и неспособностью противника, только усиливаются.

Турецкіе порядки и мѣры турецкаго благоустройства предстали намъ въ неприкрашенномъ цвѣтѣ, когда мы выѣхали изъ Солуни. Мы ѣхали въ Константинополь черезъ Болгарію и потому пересѣкли всю Македонію съ юга на сѣверъ до сербской границы, проѣхавъ по мѣстамъ, которыя служатъ всего чаще ареной македонской рѣзни. Поѣздъ былъ цѣликомъ заполненъ турецкими солдатами и офицерами. Солдаты—изъ Сиріи и Малой Азіи, грязные, оборванные, растерянные и... жалкіе. Офицеры такіе же грязные, но съ дикимъ, зловѣщимъ огонькомъ въ глазахъ. Ѣдятъ арбузы — сѣмечки и объѣдки бросаются прямо на полъ вагона, вода течетъ по рукамъ туда же, и образуется грязная лужа, такъ что пройти нельзя. На насъ и наши книги они бросаютъ косые и недовѣрчивые взгляды. По всему полотну дороги и въ деревняхъ разставлены караулы: они встрѣчаютъ поѣздъ и отдаютъ ему честь. На каждой станціи—войска. Насиліе, наѣздничество и хищничество чуется въ воздухѣ. Это—не обыкновенный поѣздъ: это—дикій военный набѣгъ, родъ спартанскихъ криптій, охоты на славянскихъ илотовъ.

Мы видѣли этихъ илотовъ. Высокіе, плотные, стройные, они состарились преждевременно. Внизъ опустились длинные усы. На лицѣ прорыли свой слѣдъ рѣзкія складки морщинъ. Въ глазахъ, глубоко впавшихъ въ орбиты, написаны страхъ, запуганность и ненависть. Сегодня эти люди—покорные рабы, а завтра—гайдуки, что, сражаясь «за крестъ честной и за свободу золотую», не задумываясь перерѣжутъ горло врагу. Дикость и насиліе никогда еще не приносили успокоенія: въ отчаявшемся и безправномъ человѣкѣ они пробуждаютъ звѣря. Македонія — страна, гдѣ каждый видитъ въ сосѣдѣ врага и жмется въ свой уголъ, какъ прижались къ горѣ маленькіе, сѣрые, такіе же жалкіе и оборванные, какъ люди, домики одного изъ главнѣйшихъ македонскихъ городовъ Велеса. Куча жалкихъ человѣческихъ гнѣздъ, выставленныхъ на добычу турецкому хищнику.

Ужасная жизнь! Смотрѣть на нее издали тяжело. Густыми слоями тумана ложатся на душу давящія впечатлѣнія, и, когда нашъ поѣздъ, миновавъ Скопле, переѣхалъ наконецъ границу, у насъ обоихъ, какъ у людей, послѣ долгаго пребыванія въ запертой и душной комнатѣ почувствовавшихъ вдругъ свѣжій приливъ

воздуха, невольно вырвался вздохъ облегченія, и мы оба, точно по уговору, сказали: «Слава Богу, вырвались наконецъ изъ Турціи!»

И странное дѣло! Граница между Турціей и Сербіей условная. То же яркое синее южное небо раскинулось надъ нами. Такія же горы насъ окружали и тамъ, съ полей смотрѣли на насъ тѣ же темные, съ задумчивой поволокой, красивые сербскіе глаза, но отчего же все такъ измѣнилось? Горы разукрасились деревьями; зазеленѣли поля и огороды; нѣтъ мѣста пустого и необработаннаго; всюду видна спокойная и мирная работа. Мѣстность и люди были тѣ же, да не такіе же. Великое дѣло—свобода! Чтобы быть плодотворнымъ, человѣческій трудъ долженъ стать вольнымъ. Тамъ, гдѣ дышать нечѣмъ, не спорится работа, и нѣтъ Божьяго благословенія землѣ, гдѣ царитъ насиліе и произволъ.

Сербія мала; въ борьбѣ за свою самостоятельность она истощила свои силы и ослабѣла, но она свободна, и мирно и тихо течетъ ея патріархальная жизнь. Когда изъ Македоніи мы въѣхали въ сербскій Нишъ съ его бѣлой церковью на просторной площади, съ его бѣленькими, одноэтажными домиками, выглядывающими изъ-за зеленой листвы тополей, съ его тихимъ бульваромъ надъ желтой Нишавой, гдѣ по вечерамъ подъ звуки военной музыки мирно прогуливаются городскіе обыватели, на насъ повѣяло теплой лаской родныхъ воспоминаній, патріархальной семейственностью Орла или Чернигова, и захотѣлось сказать вслѣдъ за Бальмонтомъ:

Славяне! вамъ свѣтлая слава
За то, что вы сердцемъ открыты,
Веселымъ младенчествомъ нрава
Съ природой весеннею слиты.
Къ любому легко подойдете,
Съ любымъ вы сойдетесь, какъ съ братомъ,
И все, что чужого возьмете,
Вы топите въ морѣ богатомъ.
Враждуя съ врагомъ поневолѣ,
Сейчасъ помириться готовы,
Но если на бранномъ вы полѣ,
Вы тверды и молча суровы.
И снова, мечтой расцвѣчаясь,
Вы—гдѣ-то, забывши объ узкомъ,
И свѣтятъ созвѣздья, качаясь,
Въ сознаніи польскомъ и русскомъ.
Звеня, разбиваются цѣпи,
Шумитъ зеленѣя дубрава,
Славянскія души—какъ степи.
Славяне, вамъ свѣтлая слава!

Зашумитъ ли наконецъ когда нибудь свободно и широколиственно славянская дубрава? Разобьются ли цѣпи, сковавшія Македонію? Разобьются, конечно! Турки, можетъ быть, потому такъ и дики, что сами чувствуютъ свою слабость. Когда-то турецкій

бунчукъ развѣвался съ высокихъ башенъ Буды, въ Бѣлградѣ еще недавно сидѣлъ турецкій паша, а Софія передъ освободительной войной была другимъ Велесомъ. А теперь на всемъ огромномъ пространствѣ мадьярско-сербской равнины, гдѣ когда-то безнаказанно хозяйничалъ турецкій наѣздникъ, нѣтъ и слѣда турокъ. Разнесло и развѣяло ихъ вѣтромъ исторіи. Въ Бѣлградѣ только одна единственная мечеть напоминаетъ о турецкомъ кварталѣ, а Софія стала европейской столицей. Конечно, Россія одна не пошлетъ теперь своихъ сыновъ освобождать Македонію, а другой Россіи нѣтъ. Но Македонія — вѣчно дѣйствующій вулканъ, грозящій всей Европѣ изверженіемъ, и при первомъ же историческомъ катаклизмѣ его лава снесетъ изъ Македоніи турокъ. Богъ терпитъ только до времени. Можетъ быть, еще не пришелъ часъ, но онъ придетъ, и къ нему должны быть готовы и балканскія государства, и Россія, а для этого мы должны себѣ выработать твердый, ясный и опредѣленный взглядъ на македонскій вопросъ.

III.

Македонія—пестрый винегретъ народностей, перемѣшавшихся одна съ другой, какъ змѣи въ клубкѣ. Отъ этнографической карты Македоніи рябитъ въ глазахъ: народы вкраплены здѣсь другъ въ друга такъ, что и отдѣлить ихъ невозможно. Рядомъ съ куцовалашской деревней стоитъ греческая, въ одномъ и томъ же селѣ одна половина хатъ—албанскія, другая—славянскія. При этомъ запутанность и сложность македонскаго вопроса удваивается отъ различій религіозныхъ, вѣроисповѣдныхъ и церковныхъ. Среди христіанъ, а особенно у албанцевъ, идетъ борьба между католичествомъ и православіемъ, а у православныхъ не прекращается рѣзкій и крайне напряженный споръ между греческой вселенской патріархіей и болгарскими экзархистами. Много славянъ омусульманилось и подъ именемъ помаковъ, сохранивъ вполнѣ свой славянскій языкъ, держится отъ прочихъ славянъ совершенно особо. Все это, какъ мы уже сказали, дѣлаетъ изъ несчастной страны складъ горючаго матеріала, готоваго при южной страстности и живости темперамента вспыхнуть отъ одной искры. А любители пожаровъ всегда найдутся... Главный элементъ раздора даютъ этнографическія отличія, и именно они и въ цѣляхъ справедливости и въ интересахъ выгоды, всегда согласной со справедливостью, должны опредѣлять русскую политику въ македонскомъ вопросѣ.

Какъ ни много народностей въ Македоніи, споръ, однако, ведется главнымъ образомъ между двумя изъ нихъ—греческой и славянской. Греки, которымъ съ ранняго дѣтства кружатъ голову пары давнихъ воспоминаній, живя только въ южной части Македоніи, заявляютъ притязанія на всю Македонію, хотя жалкіе лохмотья давно сгнившей византійской пурпуры императора ромеевъ подъ

громкимъ названіемъ историческихъ правъ—единственное основаніе для ихъ претензій. По статистическимъ даннымъ, опубликованнымъ въ трудахъ Карла Oestreich'a и Peucker'a, не говоря уже о славянскихъ работахъ Жупанича, Кънчева, Гопчевича и др., изъ трехмилліоннаго населенія современной Македоніи славянъ живетъ тамъ болѣе половины всего населенія, а грековъ всего только 240.000. Реальная политика не можетъ считаться съ сентиментальнымъ романтизмомъ историческихъ реставрацій, и на жалкія претензіи грековъ не стоило бы обращать вниманія, если бы они, пользуясь покровительствомъ вселенской патріархіи и султанскаго правительства, не высылали безнаказанно въ Македонію своихъ бандъ, которыя съ ножомъ въ рукахъ угрожаютъ не только правамъ, но иногда и жизни славянъ. Въ этой борьбѣ для Россіи, какъ славянской державы, возможно только одно: стать твердо за безспорныя права македонскихъ славянъ.

Но именно здѣсь и начинается гордіевъ узелъ македонскаго вопроса. Славянскій характеръ Македоніи безспоренъ. Еще византійцы называли Македонію Словеніей, но къ какому изъ славянскихъ народовъ принадлежатъ эти македонскіе «словенцы»,—вопросъ чрезвычайно темный и запутанный. Болгары считаютъ ихъ болгарами, сербы—сербами. Сербъ Гопчевичъ не признаетъ даже существованія болгаръ въ Македоніи; болгарскій этнографъ и самъ македонскій уроженецъ Кънчевъ не нашелъ въ ней ни одного серба. Можно бы за рѣшеніемъ вопроса обратиться къ незаинтересованнымъ ученымъ, но и здѣсь мы столкнемся съ вопіющими противорѣчіями. Ястребовъ, въ должности консула имѣвшій возможность хорошо изучить Македонію, рѣшительно становится на сторону сербовъ. П. Н. Милюковъ и А. А. Башмаковъ, лично объѣздившіе Македонію, увѣряютъ, что она заселена болгарами. Такимъ образомъ мало того, что македонскихъ славянъ душатъ турки и рѣжутъ греки и албанцы, они еще служатъ объектомъ братоненавистнической болгаро-сербской распри, и славянская Македонія не можетъ ни найти стойкой и согласной помощи со стороны сосѣднихъ независимыхъ славянскихъ державъ, ни сама дать сконцентрированный отпоръ чужимъ притязаніямъ, потому что разъѣдается глубокой внутренней язвой. На чью же сторону въ этомъ спорѣ должна стать Россія? Иначе говоря, на чьей сторонѣ правда—на болгарской или на сербской?

Можетъ быть ни на той ни на другой. Послѣдняя научная попытка рѣшить македонскій вопросъ принадлежитъ бѣлградскому профессору І. Цвиjичу. Въ своей книгѣ «Проматрањa о етнографиjи македонских словена» (Београд, 1906) онъ защищаетъ мнѣніе, высказанное еще раньше А. В. Амфитеатровымъ, что македонцы представляютъ собою зыбкую массу, еще не окристаллизовавшуюся въ опредѣленное этнографическое образованіе. Языкъ

и бытъ ихъ даютъ возможность разныхъ заключеній объ ихъ народности, а того, что въ наше время главнымъ образомъ опредѣляетъ народность,—народнаго самосознанія, у нихъ нѣтъ. Правда, они зовутъ себя сами «болгарами», но, по мнѣнію Цвиjича, это слово значитъ не «болгаринъ», а «славянинъ вообще» въ противоположность турку или греку, или же «простой необразованный человѣкъ». Русскую, сербскую и болгарскую рѣчь македонецъ одинаково называетъ «бугарской», т.-е. славянской. Съ другой стороны подобно тому, какъ дурная пшеница слыветъ въ народѣ подъ именемъ «бугарки», о тѣхъ, кто живетъ просто и бѣдно, говорятъ, что они—«асли бугари», настоящіе бугаре. Въ старину подъ владычествомъ болгарскихъ царей имя бугаринъ имѣло въ Македоніи, по мнѣнію Цвиjича, не этнографическое, а политическое значеніе: стоило только сербскому царю Стефану Душану покорить Македонію, какъ недавніе бугары превратились въ сербовъ, потому что—не досказываетъ Цвиjичъ своей тайной мысли—они были скорѣе сербы, чѣмъ болгары. Исчезновеніе сербскаго имени послѣ покоренія Сербіи турками авторъ объясняетъ психологически: имя серба стало опаснымъ и компрометирующимъ въ глазахъ турокъ, и македонцы опять стали называться бугарами. Эти психологическія соображенія въ связи съ современной болгарской пропагандой въ Македоніи наводятъ Цвиjича на мысль, что мы—наканунѣ обратнаго процесса, и что теперешніе македонскіе «бугаре» въ виду того, что имя «болгаринъ» стало теперь въ свою очередь компрометирующимъ въ глазахъ турокъ, станутъ себя снова называть сербами.

Недалекое будущее провѣритъ эти догадки. Мы же лично думаемъ, что, если даже современные македонскіе «бугаре» и не болгары, а только tabula rasa, на которой съ одинаковымъ правомъ можетъ написать свое имя и болгаринъ и сербъ, то это имя напишетъ не кто иной, какъ болгаринъ. Прочное владѣніе берется трудомъ и скрѣпляется кровью. Въ доказательство несомнительности своихъ правъ на Македонію болгары справедливо ссылаются на библейское преданіе о Соломоновомъ судѣ. Можно и должно осудить послѣднее македонское возстаніе, но, какъ бы то ни было, это была отчаянная попытка сбросить со своей шеи турецкое ярмо. И кто же тогда оказался истинной матерью македонскихъ славянъ, кто болѣе пролилъ за нихъ крови, болгары или сербы? Двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. И въ мирной культурной работѣ болгары берутъ перевѣсъ надъ сербами. Каждую свою народную школу сербы должны съ бою брать у фанатической греческой патріархіи, для которой каждый православный—патріархистъ-грекъ. Болгары съ возникновеніемъ у нихъ своей народной церкви покрыли Македонію цѣлою сѣтью болгарскихъ школъ, изъ которыхъ выходятъ сознательные борцы за македонскую болгарскую народ-

ность. Сербы—изнѣженные мечтатели, болгары—энергичные и дѣятельные практики. Побѣда, безъ сомнѣнія, будетъ за ними.

Мы, русскіе, можемъ смотрѣть на эту распрю безъ особыхъ сочувствій въ ту или другую сторону. Задача нашей дипломатіи должна заключаться только въ томъ, чтобы содѣйствовать пока урегулированію спора, замѣняя борьбу при помощи бомбъ, ножей и краснаго пѣтуха свободнымъ соревнованіемъ силъ, а затѣмъ кто въ условіяхъ этой мирной культурной работы останется побѣдителемъ, болгаринъ или сербъ, для насъ безразлично. Намъ важны не болгарскіе или сербскіе, а славянскіе успѣхи, потому что не надо увлекаться утопическими мечтами о всеславянской федераціи, чтобы понимать, что каждый успѣхъ славянства—нашъ успѣхъ.

Слѣдуетъ отдать справедливость нашему правительству. Оно давно это не столько поняло, сколько почувствовало, и учредило въ Македоніи цѣлый рядъ русскихъ консульствъ, хотя мы не ведемъ никакой торговли съ Македоніей, и за исключеніемъ Солуни собственно русскихъ интересовъ въ узкомъ смыслѣ этого слова у насъ почти нѣтъ. Достигаютъ ли эти консульства своей цѣли? Думаемъ, что не вполнѣ. Первое, что встрѣчаетъ въ консульствѣ не только славянина, но даже русскаго путешественника, подозрѣніе и недовѣрчивость:

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали, господа?

— Да такъ себѣ; мы—туристы, хотѣли посмотрѣть Македонію.

— А, можетъ быть, у васъ есть какія нибудь политическія цѣли?

Такое начало отбиваетъ охоту продолжать разговоръ и искать какихъ нибудь указаній.

Дѣло можетъ измѣниться только съ ростомъ у насъ славянскаго самосознанія. Мы не только на востокѣ, но и у себя дома все еще склонны итти по нѣмецкой дорожкѣ. На востокѣ спеціально мѣшаетъ намъ нашъ начальническій тонъ и привычка смотрѣть не съ высоты, а свысока. Разсказываютъ, что, когда одинъ турокъ въ присутствіи одного изъ нашихъ бывшихъ консуловъ не всталъ, тотъ схватилъ его за бороду и, медленно приподымая, сказалъ: «знай, какъ надо уважать представителя Россіи». Намъ кажется, что обаяніе Россіи было бы дѣйствительнѣе, если бы наши представители послѣдовательно являлись стойкими служителями правды, непреклонными заступниками за слабое и угнетенное славянское населеніе.

Не будемъ скрывать истины: тѣ, для кого существуютъ наши консулы въ Македоніи, мѣстные славяне, часто не находятъ у насъ опоры, на которую въ правѣ были бы разсчитывать. Недовольство слышится слишкомъ явно, и мы дѣлимъ его съ международной комиссіей, опекающей Македонію. Въ глазахъ многихъ изъ охранителей македонскіе славяне—только безпокойные бунтовщики,

такой взглядъ на руку только туркамъ и покровительствуемымъ ими грекамъ. Въ результатѣ являются безчинства грековъ, которыя грозятъ вызвать пожаръ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Да отчасти уже и вызвали. Отраженное ихъ дѣйствіе мы имѣли случай сами видѣть, когда проѣзжали черезъ Болгарію, гдѣ какъ разъ въ это время происходили греческіе погромы.

IV.

Благодаря выданному намъ австрійской компаніей кружному билету, намъ пришлось проѣхать черезъ Болгарію дважды: по дорогѣ изъ Сербіи въ Константинополь и обратно. Переѣздъ изъ Сербіи въ Болгарію совершенно незамѣтенъ. «Вы чувствуете разницу?»—смѣясь спросилъ ѣхавшій съ нами французъ, указывая на окно, откуда на насъ смотрѣли тѣ же небольшія красивыя горы, поросшія букомъ, и тѣ же поля кукурузы въ долинахъ. Но бывшій тутъ болгаринъ всталъ, снялъ шляпу и, привѣтствуя свою родину, воскликнулъ:

— Хубава си, Българио, сичко въ тебе зрѣе и сичко цъфти [1])!

Воздухъ родины имѣетъ въ себѣ что-то особенно свѣжее и живительное, неуловимое для посторонняго и, однако, мягкой, ласкающей волной приливающее къ сердцу. Но, если эта волна въ Царибродѣ была ощутительна только для болгарина, въѣздъ въ Болгарію черезъ турецкую границу соединенъ съ рѣзкой перемѣной для всякаго сколько нибудь наблюдательнаго человѣка.

По дорогѣ отъ Мустафа-Паши—первой турецкой станціи на болгарской границѣ—до Константинополя вы не рискуете, какъ въ Македоніи, быть прогнаннымъ сквозь турецкій военный строй. Въ самомъ Константинополѣ можно устроиться довольно удобно. И, однако, какъ ни живописенъ пестрый и яркій Царьградъ, какъ ни очаровательна его панорама, вы и тамъ, какъ во всей Турціи, чувствуете себя дурно. Одни темные женскіе манекены съ закрытыми густою вуалью лицами чего стоятъ! Старый бегъ сѣлъ въ проходѣ вагона у купэ, гдѣ сидятъ его жены, и сторожитъ, чтобъ кто нибудь случайно не отворилъ дверь и не увидѣлъ въ нихъ лицо человѣческое. Точно для насъ такъ уже завлекательна ихъ, впрочемъ, очень проблематическая красота, и точно у нихъ, кромѣ этой красоты, ничего уже нѣтъ. Въ этой мысли есть нѣчто глубоко оскорбительное для человѣческаго достоинства, и оттого такъ отвратительны эти константинопольскіе гаремы, съ которыми вы сталкиваетесь всюду, и на конкѣ и на пароходѣ. Я хотѣлъ купить себѣ феску, но послѣ Константинополя она стала мнѣ противной, какъ символъ того духа неволи, который проникъ въ Турціи во всѣ отношенія, и я понялъ, почему съ такой охотой

[1]) Прекрасна ты, Болгарія, все въ тебѣ зрѣетъ и все цвѣтетъ!

турецкіе подданные, минуя границу, тотчасъ же сбрасываютъ ее съ головы и надѣваютъ европейскія шляпы.

А затѣмъ эта жалкая комедія съ паспортами! Мы были достаточно забронированы отъ всякихъ случайностей паспортами и особымъ тескере, безъ котораго въ Турціи нельзя переѣхать изъ одного города въ другой, но самая процедура осмотра паспортовъ у турокъ въ своемъ родѣ единственная на свѣтѣ. Осмотрѣли паспорта, какъ обыкновенно, на границѣ, но едва только мы вышли въ Константинополѣ на перонъ, какъ уже намъ заступили вновь дорогу турецкіе чиновники: «пожалуйте ваши паспорта». Образовалась цѣлая толпа пассажировъ, носильщиковъ съ вещами, и мы стоимъ всѣ, какъ подсудимые. Одинъ изъ чиновниковъ читаетъ тескере, другой переписываетъ его чуть не полностью въ особую книжку. Затѣмъ идутъ вопросы: «зачѣмъ вы пріѣхали? на сколько дней? въ какой гостиницѣ остановитесь?» Наконецъ васъ отпускаютъ. Казалось бы, довольно осмотровъ? Нѣтъ! При входѣ въ вокзалъ новые три чиновника за столикомъ и новая задержка для повторенія той же процедуры. И если тутъ стоитъ portier избранной вами гостиницы, выразительный жестъ въ его сторону: смотри, молъ, за ними хорошенько, а не то отвѣтишь.

И смотрятъ. Одинъ изъ пунктовъ обязательныхъ для постояльцевъ правилъ гласитъ: въ отелѣ нельзя вести разговоровъ о политикѣ. Сидимъ въ номерѣ—внезапно безъ всякаго предварительнаго стука отворяется дверь, и просовывается голова хозяина, посмотритъ и скроется.

Если ужъ такъ опасны иноземцы, можно было бы думать, что, чѣмъ скорѣе ихъ спровадить домой, тѣмъ лучше. Но нѣтъ. Чтобы выѣхать, надо пройти черезъ рядъ новыхъ мытарствъ и выхлопотать себѣ въ русскомъ консульствѣ позволеніе на выѣздъ, за которое платите помимо принудительнаго налога на русскую больницу еще 10 піастровъ неизвѣстно за что. Тутъ родная канцелярщина сидитъ чуть не за однимъ столикомъ съ турецкой азіатчиной, и, отдавъ свой паспортъ русскому чиновнику, вы получаете его обратно отъ турецкаго. «Это все? теперь можно свободно ѣхать?»—спрашиваете вы. «Да». Но не вѣрьте: это «да» по-турецки значитъ «нѣтъ». И на обратномъ пути нельзя войти въ вокзалъ, чтобы не натолкнуться на столикъ съ чиновниками и услышать знакомые уже, хотя и видоизмѣненные, вопросы: «гдѣ вы останавливались? сколько дней пробыли? куда ѣдете?» Само собою у самаго мирнаго человѣка подымается въ груди негодованіе. А когда вспомнишь, что еще недавно въ Италіи съ насъ не требовали вовсе паспортовъ, а въ Греціи не пожелали даже и узнать, кто мы такіе, оцѣнишь по достоинству турецкіе «порядки». Что нибудь одно: они или проявленіе тупости, развитой духомъ рабства, или издѣвательство. Одно другого стоитъ.

Вотъ почему, когда поѣздъ подкатитъ къ первой болгарской станціи, съ души, какъ въ сербскомъ Ристовцѣ, сбрасывается тягостное бремя, и болгарскій желѣзнодорожный жандармъ въ нашей русской бѣлой рубашкѣ и съ русскою фуражкой, рослый и статный, какъ всѣ болгары, кажется, чуть ли не символомъ свободы. Даже курица со своими цыплятами, что̀ бродитъ около станціи, какъ будто веселѣе клюетъ свой кормъ. А ужъ турецкому маленькому болгарину съ той стороны границы никогда не дѣлать тѣхъ свободныхъ, легкихъ и безпечныхъ па, которыя продѣлываетъ своими ногами въ широчайшихъ шароварахъ болгарченокъ, что̀, обвязавъ голову отъ жара женскимъ платкомъ, весело гоняется по полю за собакой.

Но Болгарія на этотъ разъ готовила намъ такія впечатлѣнія, что не только мы, но и самый пылкій славянофилъ могъ бы утратить вѣру въ славянство. Мы въѣхали въ Пловдивъ (Филиппополь), когда грозная буря народнаго гнѣва, вызваннаго греческими неистовствами въ Македоніи, разразилась надъ головой беззащитныхъ въ Болгаріи грековъ, жителей княжества, съ особенной силой. Первое же, что бросилось намъ въ глаза по пріѣздѣ, была положенная въ ресторанѣ передъ каждымъ приборомъ карточка съ отпечатанной на ней «волей народа»:

«Най-строго се забранява говоренето на фанариотския гръцки езикъ по улицитѣ и публичнитѣ мѣста. Заповѣдь отъ народа».

Какимъ сарказмомъ прозвучала эта новая, XX вѣка «заповѣдь» надъ нашимъ идиллическимъ настроеніемъ при переѣздѣ черезъ границу! Такъ вотъ оно, это славянское простодушіе и воспѣтое Бальмонтомъ «веселое младенчество нрава», такъ вотъ оно, это миролюбіе славянъ, которые, «враждуя поневолѣ, готовы тотчасъ же мириться съ врагомъ». Если такую «свободу» мечтаютъ они водворить въ мірѣ, избави насъ, Боже, отъ этой славянской свободы!

Пообѣдавъ, мы пошли осмотрѣть городъ. На что это? Пожаръ здѣсь былъ? Или нарочно сломали цѣлую улицу домовъ подъ рядъ, чтобы выстроить какое нибудь большое зданіе? Камни, обломки, обгорѣлыя балки и надъ всей этой кучею мусора, покрывшаго всю улицу, стоятъ только полуобломенные скелеты печей. Спрашиваемъ у встрѣчнаго балгарина, что значитъ это разрушеніе. «А това за гръцкитѣ звѣрства въ Македония», и не остывшая еще злоба задрожала въ его голосѣ. Ужасна была картина только что видѣннаго нами въ Италіи недавняго изверженія Везувія, когда огненно-красный потокъ лавы, дыша смертью, лился, затопляя виноградники, дома и людей, но въ тысячу разъ ужаснѣе изверженіе страстей человѣческихъ. Онѣ сносятъ на своемъ пути не только зданія, но и самое дорогое, что есть у насъ: онѣ топчутъ въ грязь имя—человѣкъ.

16 іюля на главной площади Пловдива «Князь Борисъ» собралась десятитысячная толпа на митингъ для протеста противъ греческихъ насилій въ Македоніи. Нѣкто Юрданъ Крапчевъ, позоря званіе учителя, произнесъ зажигательную рѣчь, въ которой при помощи передержекъ и подчеркиваній такъ возбудилъ толпу, что, опьяненная ненавистью, она бросилась въ греческую соборную церковь св. Марины. Ворота были заперты. Сломать ихъ! И подъ натискомъ многотысячной толпы рухнули запоры. Толпа ворвалась въ церковь и прежде всего схватилась за богослужебныя книги, рвала греческое евангеліе и требники, топтала ихъ ногами. Затѣмъ десятки ножей стали гулять по иконамъ, выскабливая съ нихъ греческія надписи. Зазвонили въ колокола, составился подъ руководствомъ нѣкоего Шопова любительскій хоръ, отыскали болгарскаго священника Чукурумева, и надъ кучами разорванныхъ и растоптанныхъ православныхъ священныхъ книгъ, передъ ликомъ изрѣзанныхъ ножами иконъ онъ возгласилъ: «Паки и паки миромъ Господу помолимся!» Начался торжественный молебенъ. Церковь перекрестили изъ св. Марины въ св. Бориса и имѣли еще настолько спокойствія, чтобы избрать новое настоятельство. А затѣмъ послѣ кощунственной молитвы бросились на кощунственное дѣло. Началась вакханалія погрома. Грековъ около половины всего населенія Пловдива. Кофейни, рестораны, аптека, гимназія, училища, частные дома — все было разграблено, разорено, частью обращено въ прахъ. Одинъ грекъ вздумалъ защищаться — его убили. Мы видѣли свѣжіе слѣды этихъ неистовствъ, мы видѣли запуганныя, робкія, печальныя лица грековъ, смолкавшихъ при появленіи каждаго прохожаго. Страшный посѣвъ засѣялъ Пловдивъ для будущаго, и, мы увѣрены, не добромъ взойдетъ онъ на поляхъ Болгаріи и Македоніи.

Спустя два дня, правительство приказало временно отдать грекамъ двѣ изъ отобранныхъ у нихъ церквей, но съ условіемъ, чтобы греки молились въ нихъ не прежнимъ святымъ, а новымъ, которымъ посвятили эти церкви болгары. Трудно итти дальше въ издѣвательствѣ надъ чужой, да впрочемъ и своей собственной религіей, потому что и болгары и греки — православные. Тутъ уже не минутный порывъ народнаго гнѣва, а отборная изысканность ненависти показала наружу свою отвратительную змѣиную голову. И, что печальнѣе всего, умъ страны, вся интеллигенція, журналы, и газеты оказались на сторонѣ толпы. Нѣсколько органовъ пытались было противостоять общему ослѣпленію, но послѣ новаго софійскаго митинга и они повернули фронтъ. А другіе, и, между прочимъ, самая распространенная газета «Вечерна Поща», офиціальный органъ правительства, сразу стали во главѣ агитаторовъ. «Вечерна Поща» напечатала воззваніе, требуя въ отместку за Македонію немедленнаго удаленія со службы всѣхъ чиновниковъ гре-

ческаго происхожденія. И на страницахъ газетъ начался розыскъ, кто изъ чиновниковъ грекъ. Не пощадили ни ничтожныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, ни народныхъ учительницъ. Всѣхъ выгнать, хоть будь они — болгарскіе уроженцы и подданные!

А въ провинціи подхваченная столичная пѣсня разрослась еще больше въ дикій крикъ истребленія. Митингъ слѣдовалъ за митингомъ, и на каждомъ принимались резолюціи одна другой нетерпимѣе и возмутительнѣе. «Не позволить въ частныхъ училищахъ учить дѣтей на родномъ языкѣ учащихся; прогнать всѣхъ греческихъ учителей—они сѣютъ въ дѣтяхъ ненависть ко всему болгарскому; воспретить грекамъ, не болгарскимъ подданнымъ, заниматься торговлею, отнять всѣ греческія общественныя имущества; изгнать всѣхъ грековъ изъ Болгаріи; объявить предателемъ всякаго, кто подъ предлогомъ народной терпимости осуждаетъ послѣднія движенія!»

Изъ городовъ питаемое газетной агитаціей движеніе перешло въ села. «Въ нѣсколькихъ селахъ,—характерно сообщала объ этомъ «Вечерна Поща»,—на этихъ дняхъ разобраны и растоптаны на нивахъ снопы, принадлежащіе фанатикамъ-грекамъ, которые злословили болгаръ». Болгары бьютъ и грабятъ и требуютъ еще, чтобы ограбленные ихъ благодарили за грабежъ!

Еще такъ недавно лучшій поэтъ Болгаріи, Иванъ Вазовъ, писалъ: «Не тужи, Болгарія, что у тебя нѣтъ памятниковъ прошлаго, не озирайся назадъ. Передъ тобой, Болгарія, новый и широкій кругозоръ—грядущаго. Трудись, работай и созидай—не грубое, гнилое и тлѣнное, не высокія стѣны и громадныя крѣпости, воздвигнутыя толпою несчастныхъ невольниковъ, а памятники честныхъ и святыхъ трудовъ, до которыхъ не посмѣетъ коснуться плѣсень». Куча камней отъ разграбленныхъ и разоренныхъ домовъ, раскиданные по полю снопы греческихъ крестьянъ и кусокъ болгарскаго хлѣба, съ ненавистью вырываемый изъ рта несчастной учительницы за то только, что она, живя въ Болгаріи, родилась гречанкою,—вотъ что въ послѣдніе дни было отвѣтомъ на благородный призывъ поэта. Кто любитъ Болгарію, тотъ не можетъ говорить объ этомъ равнодушно!

Болгары единогласно сваливаютъ вину за всѣ послѣднія событія на грековъ и великія державы, которыя недостаточно стойко выступаютъ противъ греческихъ насилій въ Македоніи. Послѣднее вѣрно. Благодарный султанъ недаромъ поставилъ императору Вильгельму заживо памятникъ въ Константинополѣ передъ св. Софіей: за однимъ или двумя исключеніями международный концертъ въ Македоніи сознательно или безсознательно играетъ, повинуясь велѣнію дирижерской палочки изъ Берлина. Но всѣ эти соображенія не оправдываютъ болгаръ. Мы понимаемъ ихъ настроеніе. Траурное знамя «жалкой Македоніи» неизмѣнно развѣвается во всѣхъ

болгарскихъ процессіяхъ, какъ напоминаніе о страдающемъ и даже гибнущемъ братѣ. Болгарія и Македонія—одинъ живой организмъ. Каждый ударъ, нанесенный македонскимъ славянамъ, нигдѣ не отдается такой живою, жгучею болью, какъ въ Болгаріи. При страстной несдержанности молодого народа это легко можетъ вызвать погромы въ родѣ пловдивскаго. Но во имя человѣчности возможно ли ратовать безчеловѣчными средствами! Логическія противорѣчія мстятъ за себя и въ жизни. Уже австрійскія газеты воспользовались пловдивскимъ погромомъ, чтобы указать, чего можно ожидать отъ введенія македонской автономіи. Греческіе погромы—лишній козырь въ рукахъ враговъ Болгаріи и славянства.

Болгарія, хотя и маленькое, но европейское государство. Оно должно знать азбуку политической науки. При современномъ скрещиваніи и общности интересовъ обособленная народная жизнь—нелѣпость. Болгарамъ придется жить на людяхъ и съ людьми, а, если когда нибудь настанетъ удобный часъ, и долины Вардара и Струмы составятъ единое политическое цѣлое съ долиной Марицы, народный вопросъ станетъ въ новой, цѣлостной Болгаріи однимъ изъ важнѣйшихъ: надо будетъ устроить порядокъ, удовлетворяющій всѣ народности. Теперешніе греческіе погромы — дурная для этого школа. Внутреннія отношенія въ Болгаріи отравлены ими надолго, и можно только желать, чтобы они не вызвали опасныхъ внѣшнихъ осложненій.

V.

Съ тяжелымъ чувствомъ покидали мы Пловдивъ. Софія развѣяла до нѣкоторой степени печальныя мысли. Здѣсь раскрылись передъ нами новыя стороны современной болгарской жизни, и взглянуло намъ въ глаза прошлое Болгаріи, освѣщая собою настоящее.

Софія — древній Срѣдецъ — получила свое теперешнее названіе отъ церкви святой Софіи. Среди молодой, новой, правильно распланированной болгарской столицы еще до сихъ поръ, какъ живой призракъ минувшаго, высятся развалины этой церкви, обращенной турками въ мечеть. Отъ прежняго великолѣпія остались только жалкіе обрывки фресокъ. Давно слетѣла со стѣнъ штукатурка, на кругломъ куполѣ выросла трава, на кучѣ камней и никѣмъ не убраннаго мусора, образовавшагося отъ обвала передней стѣны, подымаются высокія, стройныя деревья, и во внутренность храма заглядываетъ синее болгарское небо. Но рядомъ въ маленькомъ придѣлѣ уже затеплилась опять на старомъ мѣстѣ новая жизнь. Стоишь въ церкви и думаешь, сколько было пережито, сколько перечувствовано и выстрадано народомъ въ связи съ исторіей этой церкви, сконцентрировавшей въ себѣ въ миніатюрѣ всю исторію Болгаріи: пышный и скороспѣлый расцвѣтъ болгарской государ-

ственности въ X—XIII вѣкахъ, потомъ провалъ въ бездонную пропасть, мракъ пятисотлѣтней исторической ночи безъ надежды на избавленіе и, наконецъ, теперь вновь забрезжившійся разсвѣтъ.

Въ не большомъ, но замѣчательномъ народномъ болгарскомъ музеѣ, пріютившемся въ девятикупольномъ зданіи бывшей турецкой мечети, можно видѣть два края этого страшнаго, почти безпримѣрнаго историческаго обвала. Это—двѣ картины, замѣчательныхъ не художественнымъ достоинствомъ, а захватывающимъ сердце драматизмомъ содержанія.

На одной, чешскаго художника Голарека, передъ нами снѣжная балканская ночь. Ни огонька, ни хаты. Тьма и снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ. А по бѣлой снѣжной полянѣ тянется безъ конца, теряясь во мглѣ, вереница людей. Впереди безъ шапки идетъ старикъ. Метель снѣгомъ засыпаетъ ему лицо. Вѣтеръ развѣваетъ его волосы и рветъ рубашку. Старикъ держитъ въ рукахъ веревку, а за нимъ идутъ, держась за нее и цѣпляясь другъ за друга, молодые, здоровые, рослые люди. У всѣхъ у нихъ на мѣстѣ глазъ пустыя впадины. Это 15.000 болгарскихъ плѣнныхъ, ослѣпленныхъ въ 1014 г. византійскимъ царемъ Василіемъ II. Калѣками возвращаются они на родину, и дряхлому старику довелось вести ихъ, молодыхъ и здоровыхъ. Но у нихъ есть еще родина. Еще три вѣка, и ея не станетъ. Все рухнуло, и воцарился безраздѣльно мракъ.

И послѣ пятисотлѣтняго промежутка передъ нами новая картина. Та же балканская ночь, но уже не зимняя, а весенняя, майская. Но ужасомъ дышитъ она. Красное зарево пожара набросило на все свой кровавый отблескъ. Горитъ деревня, а на переднемъ планѣ у рѣки, окрашенной людскою кровью, сидитъ группа людей за ужиномъ. И дивится человѣкъ, какъ могутъ эти люди ужинать. Вокругъ, куда ни оглянись, все трупы и трупы. Лежатъ одна подлѣ другой отрубленныя головы и торсы мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Никто не пощаженъ. Съ утра до вечера работалъ турецкій топоръ, мстя сдавшейся болгарской райѣ. Это Батакъ, болгарская деревня, гдѣ въ апрѣльское возстаніе 1876 г. турки, выманивъ у болгаръ обѣщаніемъ пощады оружіе, вырѣзали въ теченіе двухъ дней все населеніе, такъ что лошади потомъ по колѣно угрязали въ людскихъ тѣлахъ!

Все это вынесъ народъ. И все-таки сталъ свободнымъ! Кровавое зарево батакскаго пожара стало зарею разсвѣта. Но густымъ осадкомъ за пятисотлѣтнее рабство налегла на душу и нравы болгарина турецкая жестокость. Простые болгары еще до сихъ поръ сидятъ, поджавши по-турецки ноги, и по-турецки, какъ въ Пловдивѣ, расправляются со своими врагами. Дивиться надо не пловдивскимъ неистовствамъ, а тому, что въ безпросвѣтной тьмѣ турецкаго владычества болгаринъ не потерялъ сознанія, что и онъ—

человѣкъ, сохранилъ въ себѣ силы къ жизни, сберегъ въ своей душѣ славянскую любовь къ свободѣ. Его развращали еще въ дни перваго Болгарскаго царства сосѣдствомъ своей формалистической и лицемѣрной культуры византійцы, его истребляли въ долгіе годы своего владычества турки, забирая славянскихъ мальчиковъ въ янычарскій корпусъ, давя и угнетая все, что не хотѣло отуречиться, его разоряли и обирали его же собственные духовные пастыри, фанаріоты-греки, которые, какъ «черные вороны», терзали народъ, уничтожая славянскую литургію, предавая сожженію книги, злобно преслѣдуя училища и все, что носило противный греку слѣдъ болгарской народности. Всѣми, казалось, былъ покинутъ несчастный народъ. Но ничто не сломило болгарина. Это — признакъ великой, необыкновенной энергіи. Среди славянскихъ народовъ нѣтъ другого, который бы въ такой мѣрѣ, какъ болгары, обладалъ изощренной долгими годами угнетенія практичностью разума и напряженной страстностью воли.

Рѣзко и отчетливо обозначился этотъ народный характеръ въ поэзіи Христо Ботева, чей бюстъ находится также въ народномъ музеѣ. Сынъ бѣднаго калоферскаго учителя, красавецъ собою, плечистый и статный, съ орлиными глазами, богатырь и гайдукъ, Ботевъ въ апрѣльское возстаніе, живя нищимъ изгнанникомъ въ Румыніи, собралъ около себя чету въ 185 человѣкъ, силою овладѣлъ австрійскимъ пароходомъ «Радецкій» и, переплывъ Дунай, углубился со своими юнаками въ самое сердце Балканскихъ горъ. Болгаріи онъ, конечно, не освободилъ, а самъ палъ. Его необдѣланный, мощный, выкованный изъ желѣза стихъ проникнутъ грубой, первобытной силой жизненной энергіи [1]):

> Не плачи, майко [1]), не тужи,
> Че [2]) станахъ [3]) азн [4]) хайдутинъ.
> Този [5]), който падне въ бой за свобода,
> Той не умира: него жалѣятъ
> Земля и небо, звѣръ и природа,
> И пѣвци пѣсни за него пѣятъ [6]).

Вы слышите здѣсь голосъ той самой силы, что̀ не дала умереть Болгаріи. У старыхъ гайдуковъ, которые въ дни рабства одни поддерживали въ народѣ огонь самосознанія, она отливалась въ разбойничество и идеализмъ, въ грабительство и самопожертвованіе, являясь для турокъ грозно-мстительной и жестокой, для угнетенныхъ и страдающихъ болгаръ великодушной и милосердой. У интеллигентнаго гайдука Ботева чувства нѣсколько видоизмѣнились, и рядомъ съ вдохновеннымъ гимномъ свободѣ слышится страшное кощунство противъ того Бога, за котораго сражались

---

[1]) Ботевитѣ стихотворенія. Кюстендилъ, 1901, стр. 5, 12. [1]) Мать. [2]) Что. [3]) Сталъ. [4]) Я. [5]) Тотъ. [6]) Поютъ.

гайдуки, но своеобразные переливы энергіи то въ свѣтъ, то въ тѣнь, то въ добро, то въ зло остались. Въ современной Болгаріи эта энергія сегодня даетъ пловдивскіе погромы, но завтра можетъ вылиться въ благородномъ подвигѣ или въ культурной работѣ.

Эти слова—не праздное предположеніе. Мы не стѣснялись на этихъ страницахъ указать на темныя стороны болгарскаго народа. Теперь, не боясь быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи, мы съ тою же прямотой скажемъ: несмотря на пловдивскій погромъ, болгары въ значительной степени оправдали призывъ Вазова и за короткое время самостоятельной исторической жизни успѣли уже создать «памятники честныхъ трудовъ». Доказательство—ихъ молодая столица, Софія.

Давно ли тамъ на краю города торчала турецкая висѣлица и качалось на ея перекладинѣ тѣло «великаго апостола свободной Болгаріи», Левскаго? Съ насупленнымъ и жесткимъ взглядомъ стояли о бокъ турецкіе аскеры, а вдали робко жалась «презрѣнная болгарская райя», безмолвно смотря на гибель человѣка, который всю жизнь свою посвятилъ для спасенія родного народа. Теперь на этомъ мѣстѣ высится памятникъ Левскому, и болгарскій «апостолъ» глядитъ на дѣло рукъ своихъ. Турецкая дичь разлетѣлась при первыхъ же ощутительныхъ побѣдахъ культуры. Обозами потянулись турецкіе выселенцы въ Малую Азію, и на 70.000 софійскаго населенія турокъ теперь всего только 2.000. Начатое болгарами дѣло культуры подвигается впередъ не по днямъ, а по часамъ. Въ Софіи, куда ни оглянись, всюду слышенъ веселый шумъ работы, чуется живое дѣло. Работаетъ болгаринъ нервами, мышцами, руками, умомъ. Передъ памятникомъ Левскаго по одну сторону стоитъ красивое зданіе гимназіи съ отдѣломъ высшей школы, по другую — громадный корпусъ военнаго училища. Съ любовью, вкусомъ и знаніями собираетъ болгаринъ въ свой молодой національный музей памятники древности. На главныхъ улицахъ бойко идетъ торговля. Тамъ рабочіе, взобравшись на лѣса, доканчиваютъ изящное зданіе городско̀го театра, здѣсь заложено широкое основаніе новой каѳедральной церкви во имя св. Александра Невскаго, рядомъ возобновляе́тся старый храмъ св. Софіи. Войдите на почту—новенькое зданіе, чистое, изящное, свѣтлое. Всюду видна заботливая рука и во все вникающій глазъ энергичнаго хозяина.

Юноша-народъ, болгары только-что вышли на путь исторической жизни, только-что приступили къ работѣ. Только первыя дорожки софійскаго сада «Князь Борисъ» распланированы и разбиты. Дальше аллеи недавно посаженныхъ молодыхъ деревьевъ уходятъ въ широкое поле и теряются въ Софійской равнинѣ. Но смотришь, какъ взялся болгаринъ за историческій плугъ, и тягость пловдивскихъ впечатлѣній разлетается, какъ облака, что таютъ, расползаясь по склонамъ уходящей въ небо Витоши.

Созданіе такого города, какъ Софія, заслуга, и, если внѣшняя культура можетъ служить показателемъ способностей народа, его права на жизнь, болгары блестяще выдержали экзаменъ зрѣлости, заданный имъ исторіей послѣ освобожденія. Въ трудолюбіи и практичности и мы могли бы поучиться у нашего ученика. Черезъ ничтожный ручеекъ, протекающій черезъ Софію, перекинуты два изящныхъ большихъ моста: одинъ стерегутъ бронзовые львы, эмблема Болгаріи, на другомъ, распустивъ свои крылья, приготовляются къ лету орлы. А мы въ нашемъ старомъ тысячелѣтнемъ Псковѣ до сихъ поръ весною перебираемся въ Завеличье по ломкому льду, но и повторяющееся каждый годъ холодное купанье въ рѣкѣ не заставило насъ удосужиться построить хоть какой нибудь мостъ черезъ р. Великую.

Да, мы вѣримъ въ Болгарію. Бурный ураганъ безумно расходившагося національнаго чувства пронесется, а сила войдетъ въ берега и останется.

Но внѣшняя, матеріальная культура — это только крѣпкій, съ плотными стѣнками сосудъ, который еще предстоитъ наполнить духовнымъ содержаніемъ. Дѣятельное участіе въ исторической жизни человѣчества требуетъ не силы только, но и идеаловъ, и не узко-эгоистическихъ, а широкихъ, всечеловѣческихъ. Самый жизненный вопросъ для Болгаріи заключается теперь въ томъ, сумѣютъ ли болгары найти въ себѣ идею, которая бы оплодотворила для нихъ грядущее.

Одни народы для своей дѣятельности находятъ себѣ опору въ прошломъ. Болгары съ любовью и преданностью сохраняютъ въ своемъ народномъ музеѣ остатки былой болгарской государственности, память о своихъ Симеонахъ и Асѣняхъ, когда «вся благая» сходились въ Прѣславу и болгарскій царь, ῥήξ, какъ его называли не въ примѣръ прочимъ европейскимъ государямъ, занималъ въ Византіи первое мѣсто подлѣ самого императора ромеевъ. Но именно оба болгарскія царства показываютъ, какъ хрупка внѣшняя культура, если вмѣсто живыхъ началъ жизни господствуетъ въ религіи мертвый формализмъ догмы, а въ политикѣ полное пренебреженіе народными интересами. Скороспѣлыя созданія случая, они пали, не оставивъ по себѣ ни одного плодотворнаго зачатка для будущаго. У болгаръ нѣтъ въ этомъ смыслѣ прошлаго, какъ говорилъ Ботевъ.

Но тотъ же Ботевъ сказалъ, что у нихъ нѣтъ и настоящаго. Это было въ 1875 г. Съ тѣхъ поръ очень многое измѣнилось, но не все къ лучшему. Въ настоящемъ самая любимая пѣсня болгарской интеллигенціи—это знаменитая «молитва» Ботева «разуму и правдѣ», первыя строфы которой—одно сплошное кощунство противъ Бога, которому, какъ выражается Ботевъ, «палятъ свѣчи православные скоты». Эту возмутительную по откровенности ци-

низма «молитву» поютъ на каждой пирушкѣ, ее даютъ въ руки дѣтямъ въ школахъ—явленіе, которому подобнаго вы не найдете нигдѣ на свѣтѣ. Воспитываемое въ такой атмосферѣ болгарское общество чуть не все поголовно заражено мертвящей и безжизненной доктриной позитивизма. Ея холодное дыханіе убило на нашихъ глазахъ нѣжный и изящный цвѣтокъ поэзіи лучшаго изъ болгарскихъ лириковъ Кирилла Христова и грозитъ серьезной опасностью болгарскому умственному движенію. На послѣднемъ съѣздѣ болгарскихъ учителей жаловались на крайне низкій нравственный уровень воспитанниковъ. Неудивительно: нельзя безнаказанно вынимать изъ дѣтскаго сердца Бога.

«Соединение-то прави сила-та», гласитъ надпись на фронтонѣ болгарскаго собранія. Но сила не въ одномъ только единеніи, а и еще въ чемъ-то. Въ апрѣльское возстаніе знамя свободы развѣвалось вольно и широко, а что было результатомъ? пожары деревень, всѣ ужасы рѣзни и новыя неистовства турокъ. Въ самомъ «чревѣ ада» заключенные болгары никогда не вышли бы оттуда, если бы не вывела ихъ рука Божія, которая, всколыхнувъ великую русскую равнину, выслала на помощь Болгаріи русское воинство. Спасъ Болгарію не Ботевскій, въ сущности очень положительный, осторожный и практическій «богъ разума», а живой настоящій Богъ, Тотъ, кто учитъ, что, только губя душу свою, мы спасаемъ ее. Безуміемъ съ точки зрѣнія «разумной» политики была освободительная война 1877—1878 г. г. И, однако, развѣ есть что нибудь болѣе благородное и высокое, чѣмъ этотъ «безумный» походъ? Конечно, болгары—первые виновники своего освобожденія: въ комъ навѣкъ заснуло чувство народнаго достоинства, того не пробудитъ чужая сила. Но фактъ остается фактомъ. Если бы не вѣра, Русь не выслала бы своихъ сыновъ на Балканъ. Не живи въ сердцѣ русскаго мужика, нищаго и голоднаго, высокаго понятія о братѣ, а въ сознанія русскаго народа славянской идеи, не было бы теперь свободной Болгаріи.

Къ счастью для болгарскаго народа, въ душѣ его еще цѣлы эти источники силы живой. Объ этомъ говорятъ намъ три замѣчательныхъ памятника въ Софіи. Два изъ нихъ находятся въ народномъ музеѣ. Тамъ въ одной изъ боковыхъ комнатъ нижняго этажа за стекломъ хранится простой деревянный крестъ, передъ которымъ 20 апрѣля 1876 г. жители Копривщины клялись душу свою положить за спасеніе родного народа. А рядомъ въ маленькой комнаткѣ, гдѣ собраны модели памятника Царю-Освободителю, стоитъ по срединѣ «черешово топче», изъ ствола черешни сдѣланная деревянная пушка, которою болгарскій народъ въ томъ же 1876 г. встрѣтилъ турокъ. Дорогіе это для Болгаріи памятники! Въ нихъ воплотились двѣ великихъ идеи, которыхъ осуществленіе наполнитъ собою грядущую жизнь человѣчества—идея истиннаго, жи-

вого Бога и нераздѣльной съ нимъ справедливости и идея свободнаго развитія личности человѣческой и народной.

Третій памятникъ дополняетъ и расширяетъ эти идеи, указывая на третью, безъ которой невозможно осуществленіе первыхъ двухъ,—идею служенія и самопожертвованія. Это памятникъ Царю-Освободителю, что стоитъ передъ народнымъ собраніемъ. Арнольдъ Цокки сдѣлалъ его. Царь представленъ сидящимъ на лошади. Поза его проста, спокойна, увѣренна, точно онъ чувствуетъ высокую правоту своего дѣла, знаетъ, что съ нимъ и его народомъ Богъ. А на цоколѣ съ передней стороны въ стремительномъ порывѣ, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ рвется впередъ Побѣда. Ее окружаютъ русскіе солдаты: главные герои войны, и среди нихъ на лошадяхъ Скобелевъ, Гурко и другіе полководцы, а сзади ликующій отъ перваго дыханія свободы толпится въ своихъ красивыхъ народныхъ костюмахъ волнующійся болгарскій народъ. Нѣтъ другого подобнаго памятника въ Европѣ, потому что не было и дѣла, равнаго великому освободительному подвигу русскаго народа. Стоитъ русскій человѣкъ передъ памятникомъ, и въ груди его, несмотря на все сознаніе родной некультурности, несмотря на живую память о пережитыхъ за послѣднее время на родинѣ дикихъ сценахъ и ужасахъ, не лучшихъ, чѣмъ пловдивскій погромъ, подымается вѣра въ свой народъ и его будущее и глубокая благодарность за то, что дано было русскому народу возвратить Болгаріи жизнь и свободу. Взгляните въ Софіи на мать болгарскихъ юнаковъ. Это—«типъ величавой славянки». Какой смѣлый, увѣренный въ себѣ, свободный взглядъ! Его дали ей собственная сила, воля Божья и помощь брата. Великая это дла насъ радость, великое счастье!

Служеніе правдѣ и справедливости, освѣщенное вѣрой въ Бога и покоящееся на прочной основѣ народнаго самосознанія,—вотъ путь къ будущему, задачей котораго является прежде всего справедливая установка общественныхъ и народныхъ отношеній. Сумѣетъ ли болгарскій народъ прочесть эту истину въ своей молодой исторіи? Не знаемъ, но вѣримъ въ это, желаемъ этого и знаемъ во всякомъ случаѣ, что это—единственный путь для всякаго народа, стремящагося къ достойной жизни, а въ частности и для правильнаго рѣшенія македонскаго вопроса. Ставъ на эту дорогу, Болгарія пойдетъ рука объ руку съ Россіей и остальными славянскими народами, ибо указанными выше идеалами опредѣленъ путь грядущаго въ міръ славянства.

Андрей Сиротининъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

Забытый вершитель европейскихъ судебъ.

НЕДАВНО появилась книга, по обилію собранныхъ въ ней интересныхъ и разнообразныхъ матеріаловъ, несомнѣнно, заслуживающая внимательнаго изученія [1]). Авторъ, первоначально кавалерійскій офицеръ, давно уже обратился къ ученымъ занятіямъ, состоя при архивѣ австрійскаго военнаго министерства и въ то же время дѣятельно работая въ «Институтѣ для изученія исторіи Австріи». Опираясь на ознакомленіи съ источниками въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ, а равно на частныхъ показаніяхъ современниковъ, Штробль пріурочилъ собранный годами матеріалъ къ описанію политической дѣятельности князя Меттерниха.

Сочиненіе это, обнимающее два обширныхъ тома, состоитъ собственно изъ біографіи князя Меттерниха, существенно пополняющей и оживляющей блѣдные и лишенные оригинальности мемуары князя. На ряду съ біографіею своего героя авторъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ даетъ характеристику политической дѣятельности отдѣльныхъ европейскихъ странъ, поскольку таковая соприкасалась съ интересами Габсбургской монархіи и болѣе или менѣе подчиня-

---

[1]) Strobl von Ravelsberg (Ferdinand). Metternich und seine Zeit (1773—1859). 2 т.т. Wien. Stern's Verlag. 1906.

лась вліянію всесильнаго руководителя европейской политики въ эпоху реакціи, послѣдовавшей за низверженіемъ Наполеона.

Приписывая значительное вліяніе на ходъ и развитіе европейской политики родственнымъ узамъ, связывающимъ европейскія царственныя династіи, авторъ отводитъ въ своей книгѣ широкій просторъ генеалогіи и родословнымъ таблицамъ, и этотъ же элементъ наслѣдственныхъ и родственныхъ вліяній прослѣживается имъ и въ отношеніи наиболѣе крупныхъ политическихъ дѣятелей. Въ книгѣ Штробля значительное мѣсто занимаютъ исторія царствованій Александра I и Николая I, а равно въ частности и польскій вопросъ, почему это сочиненіе для русскаго читателя пріобрѣтаетъ особый интересъ.

Сынъ дипломата не особенно богатаго, но имѣвшаго обширныя родственныя связи среди надменной и замкнутой австрійской аристократіи, Клеменцъ Меттернихъ, получивъ образованіе въ Страсбургскомъ и Майнцкомъ университетахъ и вступивъ въ практическую жизнь, рано созналъ, что для успѣха надо ко всему прислушиваться, приглядываться и приспособляться. Красавецъ собою, умный и вкрадчивый, Меттернихъ, едва достигнувъ совершеннолѣтія, женился по разсудку на внучкѣ австрійскаго канцлера Кауница и вмѣстѣ съ богатствомъ нашелъ въ женѣ умную и дѣятельную помощницу для отправленія дипломатическихъ и свѣтскихъ обязанностей. Самъ Меттернихъ отзывался о женѣ довольно цинично: «Она обдѣлена привлекательностью и пріятностью, но обладаетъ значительнымъ умомъ, и я отнюдь не брезгаю, когда нужно, обсуждать съ нею напередъ возможные шансы предстоящихъ мнѣ политическихъ шаговъ. По пріѣздѣ въ Дрезденъ мы согласились дружно держаться другъ за друга, во всемъ же прочемъ мы каждый идемъ своимъ путемъ, нисколько другъ друга не стѣсняя».

Занявъ съ 1801 г. должность австрійскаго посланника при Дрезденскомъ дворѣ, Меттернихъ нашелъ здѣсь блестящій образецъ для подражанія въ лицѣ англійскаго посланника Элліота, славившагося умѣніемъ еженедѣльно снабжать англійское министерство содержательными и интереснѣйшими дипломатическими сообщеніями. Секретъ оживленности этой переписки Меттернихъ сумѣлъ вывѣдать у искусившагося дипломата. Элліотъ ему признался: «Это ужасно просто. Когда случается что нибудь интересное, я, конечно, объ этомъ довожу до свѣдѣнія моего правительства. Если же ничего любопытнаго не предвидится, я присочиняю вѣроподобныя новинки, уснащая ихъ дипломатическими соображеніями, а со слѣдующимъ курьеромъ шлю опроверженія, сопровождая ихъ не менѣе глубокомысленными доводами. Такимъ образомъ матеріалъ для реляцій я всегда имѣю наготовѣ».

Другимъ факторомъ для проникновенія въ тайныя пружины европейской дипломатіи Меттерниху, вообще большому женолюбу, послу

жилъ вліятельный и интересный кружокъ, образовавшійся въ Дрезденѣ около княгини Чарторижской [1]). Здѣсь вращались и давали тонъ дрезденскому обществу вдовствующая герцогиня курляндская (жена Петра Бирона, урожденная графиня Доротея Медемъ) и княгиня Катерина Багратіонъ. Особенно увлекался въ эту пору Меттернихъ княгинею Багратіонъ (рожденной Скавронской). Прославленная красавица, кичившаяся родствомъ съ царскимъ дворомъ, княгиня была одною изъ многочисленныхъ дипломатическихъ сиренъ, вербовавшихъ за границею сторонниковъ для русской политики. «Представьте себѣ юное личико, бѣлизны алебастра, порою нѣжно румянившееся, мелкія и нѣжныя черты лица, выразительную, легко возбуждавшуюся физіономію, взглядъ, которому близорукость придавала робость и разсѣянность, небольшую чудно сложенную фигурку, преисполненную восточной томности и андалузской граціи». Эта красавица, извѣстная среди тогдашнихъ дипломатовъ подъ прозвищемъ «красиваго голаго ангела», благодаря туалетамъ, декольтированіе которыхъ граничило съ неприличіемъ, совершенно заполонила Меттерниха, а въ результатѣ связи въ 1802 г. явилась дочь Клементина, узаконенная княгинею Меттернихъ и впослѣдствіи выданная замужъ за графа Блома.

Гибкія дипломатическія способности, проявленныя Меттернихомъ въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, гдѣ австрійскій дипломатъ сумѣлъ завязать интимную связь съ сестрою императора, Каролиною Мюратъ, не замедлили выдвинуть Меттерниха. Послѣ Ваграмскаго пораженія императоръ Францъ предложилъ ему замѣнить графа Стадіона въ управленіи иностранными дѣлами. Меттернихъ и тутъ нашелся: скромно преуменьшая свои способности, онъ увѣрялъ, что не чувствуетъ въ себѣ призванія сдѣлаться го-

[1]) Происходя изъ графскаго рода Флемминговъ, поставлявшаго фаворитовъ и фавориткъ польскимъ королямъ саксонскаго дома, графиня Изабелла отличалась столько же духомъ интриги, какъ пылкимъ темпераментомъ. Когда ея мужу, князю Адаму Чарторижскому, не удалось побить на выборахъ своего двоюроднаго брата—Станислава-Августа Понятовскаго, и тотъ получилъ корону, княгиня Чарторижская завела любовную связь съ королемъ. Позднѣе, когда въ Варшавѣ получилъ преобладающее вліяніе князь Николай Репнинъ, Чарторижская сошлась съ нимъ, и этой связи скандальная хроника приписываетъ происхожденіе на свѣтъ князя Адама Чарторижскаго junior (впослѣдствіи столь лицемѣрнаго друга императора Александра). Послѣ ряда громкихъ любовныхъ похожденій съ герцогомъ Лозёномъ, графомъ Ксаверіемъ Браницкимъ и другими, княгиня Чарторижская въ царствованіе Александра остепенилась и содержала цѣлый дворъ въ Пулавахъ, интригуя чрезъ сына въ интересахъ Польши. Послѣ ряда милостей, оказанныхъ ей и ея сыновьямъ русскимъ дворомъ, княгиня вмѣстѣ съ своимъ мужемъ передалась на сторону Наполеона, а послѣ изгнанія французской арміи изъ Россіи князь Адамъ младшій воззвалъ къ великодушію государя и добился торжественнаго обѣщанія, что полякамъ, передавшимся на сторону Наполеона, ихъ измѣна противъ Россіи въ вину вмѣняться не будетъ. Вліяніе честолюбивой матери опредѣлило и всю дальнѣйшую дѣятельность князя Адама.

сударственнымъ человѣкомъ; онъ взывалъ къ своему повелителю объ единой милости: ужъ если неизмѣнна его воля призвать князя на отвѣтственный постъ, пусть государь, нисколько не стѣсняясь, удалитъ его при первомъ же проявленіи неспособности и промахѣ. Всѣми этимя фокусничествами Меттернихъ сумѣлъ поставить себя въ глазахъ императора Франца такъ, будто и всю-то службу онъ несетъ только въ угоду императору, но внутренно тяготясь этимъ тяжелымъ бременемъ.

Вознесенный силою тогдашнихъ головокружительныхъ событій на постъ, съ высоты котораго онъ властно двигалъ пружинами европейской дипломатіи не одно десятилѣтіе, Меттернихъ создалъ для себя такое исключительное положеніе, какимъ не пользовался и Бисмаркъ въ зенитѣ своей славы. Зависимости отъ кого либо Меттернихъ органически не выносилъ: властный по природѣ, онъ во всѣхъ дѣлахъ предпочиталъ слѣдовать только собственнымъ велѣніямъ. Во главѣ дипломатическаго корпуса всей Европы постепенно оказались такіе дѣятели, на благонамѣренность коихъ всесильный канцлеръ могъ положиться. Такихъ же перемѣщеній добивался кн. Меттернихъ и въ личномъ составѣ управленія по внутреннимъ дѣламъ Австріи съ неменьшею настойчивостью и успѣхомъ, но вообще вопросы внутренней политики и государственное хозяйство его интересовали, лишь поскольку соприкасались съ политикою внѣшнею. То обстоятельство, что, кромѣ императора Франца, Меттернихъ хорошо ознакомился съ личными свойствами и слабостями Александра I, Фридриха-Вильгельма III, Георга III, Карла-Августа Саксонскаго и Максимиліана I Баварскаго, совершенно развязывало руки Меттерниху: онъ безошибочно гналъ линію, и гдѣ льстивыми убѣжденіями, гдѣ угрозами добивался того, что его рѣшенія и замыслы послушно выполнялись Европою.

Совершенно своеобразную дѣятельность и задачи преслѣдовалъ кн. Меттернихъ въ эпоху пресловутаго Вѣнскаго конгресса. Прежде всего предстояло озаботиться размѣщеніемъ и снабженіемъ надлежащимъ комфортомъ одного императора, трехъ королей, свыше двухъ десятковъ великихъ герцоговъ и герцогинь и такого же количества государей и князей, утратившихъ владѣнія, кромѣ цѣлой еще оравы министровъ, придворныхъ, адъютантовъ и прочихъ; всѣмъ вѣдь надо было угодить и никого не обидѣть.

По ловко задуманному и безукоризненно выполненному плану Меттернихъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, съ октября 1814 по февраль 1815 г., не давалъ многочисленнымъ гостямъ австрійскаго императора передышки. Одно празднество смѣнялось другимъ: поѣздки въ Пратеръ, театральныя представленія, концерты, военные парады, охоты, балы, маскарады, живыя картины быстро чередовались и сопровождались гастрономическими завтраками, обѣдами и ужинами. Меттернихъ убѣдилъ вообще бережливаго императора

Франца не скупиться на расходы по конгрессу и принять всѣ его развлеченія и утѣхи на счетъ Вѣнскаго двора. Дѣлалось это затѣмъ, чтобы явить міру доказательство внутренняго величія и богатства Габсбургской монархіи. Передъ тѣмъ европейскіе дипломаты въ Лондонѣ въ теченіе двухъ недѣль прошли черезъ невиданные по пышности пріемы. Это впечатлѣніе необходимо было стереть. Расточительное и радушное гостепріимство Вѣнскаго двора преслѣдовало, впрочемъ, не только тщеславныя цѣли. Всячески угождаемые и по долгу свѣтскихъ обязанностей понуждаемые къ признательности, дипломаты, хотя бы и непріязненныхъ Австріи державъ, утрачивали свободу дѣйствій и при возникновеніи несогласій и столкновеній интересовъ, конечно, стѣснялись выступать съ рѣзкою рѣшительностью. Доколѣ европейскіе дипломаты дышали вѣнскимъ воздухомъ, напоеннымъ эпикурейскимъ наслажденіемъ жизнью, они обрекались на уступчивость и сдержанность. Среди утѣхъ, заботливо припасенныхъ Меттернихомъ, конечно, одно изъ главныхъ мѣстъ по праву должно было быть отмежевано женщинамъ. Такъ оно и было. Участіе Талейрана, напримѣръ, въ конгрессѣ было навязано «европейскому концерту» супругою его племянника, принцессою Доротеею Курляндскою, несмотря на столь же настойчивое противодѣйствіе дѣятельной княгини Багратіонъ[1]). Лэди Эмилія Кэстльри, супруга англійскаго посланника въ Вѣнѣ, дѣйствовала въ интересахъ своего правительства такъ открыто, словно должностное лицо. О Даніи хлопотала графиня Бернсторфъ. Интересы Прусскаго двора поддерживала сестра покойной королевы Луизы, принцесса Тереза

---

[1]) Пріѣхавъ въ Вѣну 30 августа частнымъ лицомъ и поселившись у своего племянника Эдмонда (мужа принцессы Доротеи Биронъ), Талейранъ 23 сентября, написавъ себѣ самъ полномочіе участвовать въ конгрессѣ, выступилъ уже офиціальнымъ представителемъ Франціи и по необъяснимому недоразумѣнію былъ допущенъ къ обсужденію щекотливыхъ вопросовъ, въ которыхъ участіе Франціи представлялось наименѣе желательнымъ. Освоенный съ ухищреніями шпіонства и издавна зная большинство участниковъ конгресса, Талейранъ затоплялъ конгрессъ интригами, натравливая другъ противъ друга своихъ коллегъ и ссоря ихъ между собою. Убѣдительный паѳосъ, невозмутимое хладнокровіе, злое остроуміе и дѣловая освѣдомленность обезпечивали Талейрану видную роль, но никакихъ совѣтовъ, а тѣмъ менѣе содѣйствія даромъ отъ него добиться было нельзя, а если вчерашній противникъ и недругъ сулили ему бóльшія выгоды, чѣмъ прежніе единомышленники, то Талейранъ цинично переходилъ на его сторону. При дѣятельномъ сотрудничествѣ принцессы Доротеи, не останавливавшейся передъ интригами, Талейранъ за услуги, оказанныя на Вѣнскомъ конгрессѣ саксонскому и неаполитанскому королямъ, отъ перваго получилъ 3 милліона, а отъ второго 6 милліоновъ франковъ. Все свое движимое состояніе, несмотря на расточительность владѣльца, достигавшее внушительной цифры 18 милліоновъ франковъ, Талейранъ завѣщалъ въ 1838 г. принцессѣ Доротеѣ, которая не замедлила развестись съ мужемъ, а 6 апрѣля 1845 г. получила отъ короля Фридриха-Вильгельма IV титулъ герцогини Саганской по силезскимъ владѣніямъ Бироновъ, перешедшимъ въ ея руки.

Турнъ-Таксисъ. За мелкія нѣмецкія государства настойчиво вступалась умная и энергичная вдовствующая и бездѣтная княгиня Каролина Фюрстенбергъ.

Въ свою очередь, и тароватые гости, какъ, напримѣръ, императоръ Александръ I, въ своей свитѣ привезли въ Вѣну придворныхъ дамъ, а тѣ не замедлили приложить руку къ политическимъ интригамъ, которыми кишмя кишѣлъ конгрессъ[1]).

Чрезъ своихъ политическихъ агентокъ Меттернихъ старался заранѣе вывѣдать и отпарировать удары, враждебные австрійской политикѣ[2]).

Въ этихъ же видахъ противъ «ангела мира съ береговъ Невы», какъ окрестили вѣнцы императора Александра I, велась форменная атака шестью вѣнскими замужними красавицами, возрастъ которыхъ колебался между 20 и 30 годами[3]).

---

[1]) Въ свитѣ, сопровождавшей государыню Елисавету Алексѣевну и великихъ княженъ Марію Павловну и Екатерину Павловну, видное мѣсто занимали княгиня Зенаида и Софія Волконскія, Рѣпина, Суворова, Прозоровская и четыре сестры Саганъ (пр. Биронъ).

[2]) И самъ Меттернихъ, не щадя силъ и здоровья, приносилъ порою на алтарь отечества крикливыя и довольно таки обременительныя любовныя авантюры. Особенно его угнетала связь съ герцогинею саганскою Вильгельминою (перемѣнившей трехъ мужей: князя Рогана, князя Василія Трубецкого и графа Шуленбурга). Сблизился князь съ очаровательною «болтушкою» (Plaudertasche) въ 1813 г., желая вывѣдать черезъ нее о сокровенныхъ замыслахъ Александра Павловича. Въ 1814 г. герцогиня, выступая уже въ интересахъ Талейрана, настолько затормошила Меттерниха въ Баденѣ, что онъ утратилъ возможность заниматься государственными дѣлами. Эта, по выраженію Генца, «чортова баба» изводила Меттерниха сварливостью, и онъ принужденъ былъ прибѣгать къ посредничеству услужливаго Генца для улаживанія взаимныхъ недоразумѣній, особенно усилившихся, когда на Вѣнскомъ горизонтѣ появилась еще княгиня Багратіонъ, къ которой герцогиня Вильгельмина не замедлила приревновать Миттерниха.

[3]) Искусительницы Александра аттестовались такъ:

Графиня Розина Эстергази	beauté étonnante
Гр. Заурма	beauté du diable
Гр. Каролина Чегени	beauté coquette
Гр. Юлія Зичи	beauté céleste
Гр. Софія Зичи	beauté triviale
Кн. Габріеля Ауэрспергъ	beauté, qui inspire seule du vrai sentiment.

Пріемы использованія женской красоты въ цѣляхъ политическихъ вообще отвѣчали духу времени, а по отношенію къ русскимъ дѣламъ и дѣятелямъ были освящены и петербургскою практикою. По крайней мѣрѣ, сардинскій посолъ при петербургскомъ дворѣ, знаменитый графъ Жозефъ де-Местръ, въ своихъ запискахъ подчеркиваетъ, что въ Петербургѣ женскій элементъ давалъ всему тонъ. Когда графъ де-Местръ обращался къ знакомымъ мужчинамъ за справками и политическими вѣстями, ему лишь изрѣдка удавалось вывѣдать нѣчто интересное. Наоборотъ, у петербургскихъ дамъ сардинскій дипломатъ всегда находилъ непреходящій интересъ къ политикѣ, фактическую освѣдомленность и удивительную дальнозоркость. Будучи старикомъ, де-Местръ могъ использовать лишь связи и отношенія съ пожилыми великосвѣтскими дамами, и потому просилъ свое правительство отрядить ему на помощь болѣе молодыя дипломатическія силы.

Меттернихъ, который во время предшествовавшей войны, скрѣпя сердце, подчинялся волѣ Александра I, въ Вѣнѣ началъ скидывать съ себя маску послушности.

Высказанное Александромъ I желаніе видѣть Саксонію присоединенною къ прусскимъ владѣніямъ побудило Меттерниха заключить 3 января оборонительный договоръ съ Кэстльри и Талейраномъ, что̀ угрожало войною въ случаѣ аннектированія Саксоніи. Эта скрытая угроза произвела на Александра крайне непріятное впечатлѣніе; въ отвѣтъ на приглашеніе кн. Меттерниха пожаловать къ нему на балъ государь откровенно высказался предъ графомъ Игнатіемъ Гардеггомъ: «Вы сами солдатъ. Меттернихъ меня уже разъ провелъ [1]. Если бы обстоятельства позволяли, я бы прекрасно зналъ, какъ мнѣ теперь поступить. Во всякомъ случаѣ я не желаю видѣть этого хитреца». Хотя отсутствіе государя на балу у Меттерниха и было щелчкомъ для самолюбія канцлера, тѣмъ не менѣе, государю пришлось поступиться мыслью объ упраздненіи Саксоніи. Точно также, несмотря на желаніе государя исполнить давнишнія обѣщанія, сдѣланныя Адаму Чарторижскому, Польша получила конституцію, но вопросъ о возстановленіи королевства въ предѣлахъ, предшествовавшихъ раздѣлу 1772 г., на конгрессѣ у державъ, заинтересованныхъ въ польскихъ дѣлахъ, сочувствія не встрѣтилъ [2].

Веронскій конгрессъ въ жизни Меттерниха составилъ кульминаціонную точку дипломатическихъ успѣховъ. Въ октябрѣ 1823 г. намѣчивалось въ Черновицахъ новое свиданіе съ Александромъ I для устнаго соглашенія по греческимъ дѣламъ, но на пути Меттенихъ заболѣлъ. Это очень смутило имп. Франца. «Ну, что мы теперь станемъ дѣлать?—печалился онъ предъ сопровождавшимъ его

---

[1] Александръ Павловичъ здѣсь намекалъ на эпизодъ изъ коалиціонной войны, котораго онъ Меттерниху никогда забыть не могъ. При передвиженіяхъ союзныхъ армій послѣ Лейпцигскаго сраженія возникло опасеніе нарушенія нейтралитета Гельветической республики. Имп. Александръ далъ честное слово герцогинѣ саксенъ-веймарской Маріи Павловнѣ, что не допуститъ нарушенія конституціи Швейцаріи, но при этомъ разсчитывалъ на сдѣланное ему лично Меттернихомъ обѣщаніе ни въ какомъ случаѣ швейцарскаго нейтралитета не нарушать. Воспользовавшись кратковременною отлучкою государя изъ Франкфурта въ Карлсруэ, Меттернихъ самовольно распорядился 20 декабря занять Швейцарію австрійскими войсками. По возвращеніи къ арміи Александръ Павловичъ потребовалъ Меттерниха къ отвѣту. Негодуя, государь высказалъ канцлеру презрѣніе къ циничному его двоедушію: «Успѣхъ увѣнчалъ затѣянное вами предпріятіе. Въ качествѣ союзнаго государя мнѣ къ этому нечего прибавить, но, какъ человѣкъ, я прямо вамъ заявляю, что вы мнѣ вашимъ распоряженіемъ нанесли неизгладимую обиду». Вкрадчивыя извиненія и отговорки Меттерниха государь рѣзко оборвалъ, сухо промолвивъ: «Вы, очевидно, не понимаете, какое горе мнѣ причинили. Вы не сознаете исключительныхъ условій моего положенія».

[2] Нѣкоторыя подробности о польскихъ дѣлахъ на Вѣнскомъ конгрессѣ и въ эпоху предшествовавшую см. въ моихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1905 г.: «Баронъ фонъ-Штейнъ при русской главной квартирѣ».

дипломатомъ, графомъ Мерси.—Я самъ съ дѣломъ знакомъ поверхностно, а вы его знаете со вчерашняго дня. Печальныя фигуры мы изъ себя разыграемъ. Если дѣло не пойдетъ, я потащу Александра къ Меттерниху, а тотъ въ полчаса сумѣетъ отъ него добиться такого, чего намъ вдвоемъ и въ восемь дней не сдѣлать». Государь, однакоже, въ Лембергъ не поѣхалъ и настолько убѣдился въ двуличности австрійской политики по восточнымъ дѣламъ, что сблизился съ Англіею, и Каннингъ послѣ переговоровъ съ княземъ Ливеномъ писалъ лорду Ливерпулю, между прочимъ: «Велика вражда къ Австріи, или, вѣрнѣе, къ Меттерниху. Я начинаю думать, что наступитъ время предпринять нѣчто, достигнувъ соглашенія съ Россіей... Для меня совершенно ясно, что разсчитывать на честность Меттерниха нельзя, равно какъ нельзя совѣщаться съ нимъ безъ того, чтобы онъ не постарался всѣхъ обмануть» [1]).

Быстро одинъ за другимъ стали сходить въ могилу надежнѣйшія и лучшія опоры Меттерниховской политики: передъ открытіемъ Веронскаго конгресса лордъ Кэстльри въ припадкѣ безумія покончилъ съ собою самоубійствомъ; послѣ Веронскаго конгресса отъ дряхлости скончался князь Гарденбергъ, а въ 1825 г. сошелъ со сцены и императоръ Александръ I, долголѣтнее предубѣжденіе котораго Меттернихъ лишь подъ конецъ жизни, послѣ исторіи въ Семеновскомъ полку, сумѣлъ нѣсколько побѣдить. Воцареніе императора Николая Павловича внесло въ европейскую политику новую струю.

Герцогъ Веллингтонъ, отъ имени Сентъ-Джемскаго двора приносившій поздравленія Николаю Павловичу по поводу вступленія на престолъ, воспользовался шестинедѣльнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ, чтобы склонить государя въ пользу созданія изъ Греціи королевства, съ подчиненіемъ его сюзеренитету Турціи, о чемъ между Англіею и Россіею и состоялось соглашеніе 4 апрѣля 1826 г. Противъ такой уступки Порта, конечно, протестовала, но 16 іюня въ Константинополѣ разыгрался янычарскій бунтъ. Представлявшіе собою нѣкогда отборныя войска янычары превратились въ банду грабителей и убійцъ, обуздать и искоренить которую турецкое правительство смогло лишь съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Воспользовавшись безпомощностью Турціи, имп. Николай понудилъ султана въ октябрѣ 1826 г. подписать Аккерманскій трактатъ, по которому Сербія, Молдавія и Валахія получили нѣкоторую самостоятельность. 6 іюля 1827 г. русскою политикою на Востокѣ былъ достигнутъ новый успѣхъ чрезъ заключеніе союза съ Франціею Въ іюлѣ 1827 г. союзники отправили въ Геллеспонтъ военныя

---

[1]) Ph. Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. I. Berlin. 1904. Стр. 349.

эскадры, и 20 октября 1827 г. турецкій флотъ былъ потопленъ въ Наваринской битвѣ. Въ сухопутныхъ войнахъ 1828 и 1829 г.г. русскія арміи подъ начальствомъ Паскевича и Дибича одновременно на азіатскомъ и европейскомъ театрахъ войны дѣйствовали противъ Турціи успѣшно: 3 іюля 1829 г. Паскевичъ вступилъ въ Эрзерумъ, а 20 августа 1829 г. Дибичу сдался на капитуляцію Адріанополь.

Исходъ турецкой войны угрожалъ нарушеніемъ искусственнаго европейскаго равновѣсія, налаженнаго хитроумными стараніями Вѣнскаго конгресса. Для примиренія интересовъ державъ въ февралѣ 1830 г. въ Лондонѣ состоялась конференція изъ представителей Россіи, Франціи, Англіи и Турціи.

Австрія отъ переговоровъ была отстранена, и Меттернихъ лишь окольнымъ путемъ былъ освѣдомленъ, какъ о свершившемся фактѣ, что русское вліяніе обезпечило за Греціею независимость; освободительный этотъ починъ, шедшій въ разрѣзъ съ традиціями Меттерниховской политики, получилъ даже печать легитимности, когда державы-покровительницы создали для Греціи королевскую династію въ лицѣ принца Оттона Баварскаго, родственнаго россійскому императорскому дому.

На ряду съ Греціею императоръ Николай I, столь же рѣшительно принялъ подъ свое покровительство единовѣрныхъ балканскихъ славянъ, а пробужденіе подъ вліяніемъ разгрома Турціи идеи панславизма угрожало монархіи Габсбурговъ новыми осложненіями. Вѣками томясь подъ турецкимъ гнетомъ валахи, болгары, сербы и кроаты прекрасно сознавали свое безсиліе для борьбы съ поработителями, доколѣ за ихъ интересы не вступилась бы Австрія или Россія—такой шагъ съ политикою Меттерниха былъ несовмѣстимъ, потому что Австрія опиралась и дѣйствовала въ интересахъ исключительно нѣмецкаго элемента своего населенія, принося ему въ жертву интересы даже и австрійскаго славянства.

Императоръ же Николай находился въ иномъ положеніи: своими побѣдами надъ Турціей онъ пробудилъ въ южныхъ славянахъ стремленіе къ раскрѣпощенію безправной христіанской райи, а созданіе вассальныхъ Дунайскихъ княжествъ, по почину Россіи, указывало на нее, какъ на естественную покровительницу и всего дальнѣйшаго культурнаго и политическаго возрожденія славянства. Возникновеніе идеи панславизма, впрочемъ, въ началѣ 30-хъ годовъ прошло незамѣченнымъ, такъ какъ вниманіе европейскихъ дипломатовъ отвлекалось событіями и послѣдствіями іюльской революціи во Франціи. Руководящіе государственные дѣятели Европы принуждены были примириться съ фактомъ сверженія династіи Бурбоновъ.

Хотя Австрія и Россія и поставили свои войска на военную ногу, но о серьезномъ вмѣшательствѣ во французскія дѣла и ду-

мать было нечего, такъ какъ парижская революція дала толчокъ къ такимъ же движеніямъ въ Бельгіи и Польшѣ.

Особеннаго напряженія силъ требовало подавленіе польскихъ освободительныхъ стремленій. Несомнѣнно, на императорѣ Александрѣ I лежитъ вина не только въ томъ, что онъ питалъ національныя надежды полячества, но искусственно ихъ раздувалъ, подчинившись вліянію своего друга, Адама Чарторижскаго. Первоначально государь былъ увлеченъ политически незрѣлою мыслью свести на нѣтъ зло, причиненное Польшѣ раздѣлами: не зная дѣйствительной Польши, Александръ не имѣлъ представленія и о прошлыхъ судьбахъ Польши, которыя привели нѣкогда могущественное королевство къ распаду, какъ естественному и неизбѣжному финалу шляхетской анархіи.

Позднѣе на практикѣ освоившись съ реальными запросами политики, Александръ I объединялъ возстановленіе Польши съ мыслію о персональной уніи преемника короны Ягеллоновъ въ его лицѣ съ Россійскою державою. Для примиренія поляковъ съ этою мыслью Александръ I воспринялъ программу Чарторижскаго, клонившуюся къ тому, чтобы военное могущество Россіи побудило сначала Пруссію, а затѣмъ и Австрію поступиться въ пользу Александра плодами раздѣла 1772 г. Что по достиженіи этой ближайшей цѣли дальнѣйшія политическія интриги князя Адама направились бы въ пользу возстановленія независимости Польши, показала его дѣятельность во время мятежа 1830 г. и послѣ эмиграціи изъ Россіи.

Въ Наполеоновскую эпоху планъ отторгнуть отъ Пруссіи ея польскія владѣнія не удался; мало того, созданіе великаго герцогства Варшавскаго отмежевало полякамъ нѣкоторую роль сначала въ дипломатической, а затѣмъ и въ военной борьбѣ между Востокомъ и Западомъ. Если поляки и Польша для Наполеона всегда были только средствомъ, которое и было имъ широко использовано въ эгоистическихъ цѣляхъ, то въ глазахъ Александра объединеніе Польши съ Россіею подъ единымъ скипетромъ рисовалось привлекательною и самодовлѣющею цѣлью. Осуществленія этой цѣли Александръ Павловичъ страстно добивался, даже когда рѣшительно отрицалъ эти намѣренія.

Сущность русско-французскихъ противорѣчій въ польскомъ вопросѣ поляки не сумѣли постигнуть за тѣ критическіе годы, когда окончательно рѣшалась судьба ихъ отечества. Поляки въ эту пору только интриговали съ неизмѣнною хитростью и лицемѣріемъ передъ Наполеономъ и Александромъ, но ни въ чемъ истинной государственной мудрости не обнаружили. При томъ же образѣ дѣйствій остались они и послѣ паденія Наполеона. Александръ еще въ Калишѣ понялъ неосуществимость объединенія подъ своею высокою рукою Польскаго королевства въ предѣлахъ, предшествова-

вшихъ раздѣлу 1772 г. Австрія не склонна была выпустить изъ цѣпкихъ рукъ пяди польскихъ своихъ пріобрѣтеній, и на Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ смогъ добиться только максимума тѣхъ уступокъ польской территоріи, какія возможнымъ оказалось вынудить у Пруссіи.

Вѣрный многократнымъ обѣщаніямъ, дававшимся Чарторижскому, Огинскому и другимъ лицамъ, Александръ въ русской Польшѣ согласился предоставить польскому народу всю ту національную самобытность и политическія вольности, какихъ только народъ могъ желать подъ условіемъ нерасторжимости связи между королевствомъ и имперіею. Александръ съ безпримѣрною щедростью одарилъ поляковъ. Нежданно, негаданно имъ свалилась съ неба конституція въ польскомъ вкусѣ, съ подтвержденіемъ дворянскихъ прерогативъ, національно-польская армія, замѣщеніе всѣхъ должностей въ краѣ поляками, первенствованіе римско-католической церкви, національное народное просвѣщеніе, обособленіе таможенныхъ границъ и самостоятельность польскаго финансоваго хозяйства, при чемъ существеннѣйшая часть государственныхъ расходовъ взваливалась на русскую казну.

Но и въ этой односторонней сдѣлкѣ, ставившей поляковъ въ исключительно выгодныя условія по сравненію съ русской метрополіею, поляки не выполнили единственнаго требованія, которое имъ поставилъ Александръ I, — признать окончательно династическую и государственную неотдѣлимость отъ Россіи, ради безмятежнаго использованія всѣхъ дарованныхъ имъ политическихъ благодѣяній.

«На самомъ дѣлѣ поляки домогались политической независимости и ничѣмъ не обуздываемой свободы, которая исторически неразрывно связывается съ самымъ понятіемъ польской вольности. Даже и умнѣйшіе среди поляковъ не умѣли сдержаться въ границахъ мѣры. Сеймъ впадалъ въ декламацію, университетъ и школы занимались политиканствомъ и полонизаціею; все, что принадлежало къ польской интеллигенціи въ средѣ административной и военной, вступило въ заговоръ противъ существовавшаго порядка, т.-е., если отвлечься отъ близорукости, изъ-за конспираціи поляки поступились неисчислимыми благами, какія будущее сулило народу. Вмѣсто созидательной работы поляки тѣшились тѣмъ, что сами же подкапывались подъ основы политическаго существованія Польши. Неудивительно, что и Александръ I сталъ сомнѣваться въ осуществимости прежнихъ предначертаній; наступилъ моментъ, когда даже онъ началъ подумывать объ упраздненіи своего любимаго дѣтища (польской конституціи), но его сумѣли успокоить и отговорить отъ этого. Сеймъ 1825 г. вернулъ государя на почву начинаній 1816 и 1818 г.г., но потому только, что Александръ I тѣшился видимостью и не проникалъ въ дѣйствительность польской жизни и сокровенныхъ польскихъ видовъ.

«Когда преемнику Александра I открылось положеніе польскихъ дѣлъ въ истинномъ свѣтѣ, онъ оказался вынужденнымъ напрячь всю русскую мощь и свести на нѣтъ Польшу, созданную заблужденіями Александра I. Что мятежъ 1831 г. оправдывалъ въ глазахъ всего міра необходимость крутыхъ мѣръ подавленія, должно быть вмѣнено въ особую вину полякамъ. Уже тѣ дѣянія, которыми поляки ознаменовали послѣдніе годы царствованія Александра I, сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее сохраненіе за Польшею національной самобытности» [1]).

Тайныя политическія общества, перенесшія свою дѣятельность изъ Познани въ царство Польское, дѣлали все возможное, чтобы раздуть ненависть къ Россіи и искусственно взвинтить «патріотовъ». Профессора Виленскаго университета вмѣсто занятія наукою совращали незрѣлые умы слушателей на занятія политикою и прививали учащейся молодежи превратныя понятія. Уже осенью 1821 г. у нѣсколькихъ горячихъ головъ зародилась мысль умертвить цесаревича Константина; въ маѣ 1823 г. планъ этотъ принялъ осязательныя формы, когда четыре студента добровольно вызвались совершить покушеніе; злоумышленниковъ, захваченныхъ съ поличнымъ, пожелалъ опросить самъ великій князь, и на вопросъ, знаютъ ли они его, и чѣмъ онъ обидѣлъ ихъ лично или ихъ семьи, послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ съ туманными поясненіями, что затѣянное покушеніе представлялось необходимымъ, такъ какъ великій де князь повергъ ихъ родину въ бѣдствія. Въ чемъ заключались эти бѣдствія, никто толкомъ объяснить не умѣлъ, ибо польскіе патріоты въ своихъ дѣйствіяхъ руководились туманными фантазіями. Все польское общество было объято тоскою по отошедшимъ въ область преданій прелестямъ шляхетскаго привольнаго быта, столь образно воспѣтаго Мицкевичемъ. Среди общаго броженія каждая единичная личность испытывала жгучее желаніе свершить необычайные героическіе подвиги. 28 мая 1830 г. въ Варшавѣ совершилось открытіе памятника Яну Собѣсскому въ присутствіи государя, на средства котораго въ сущности и былъ сооруженъ памятникъ. Лицезрѣніе статуи окончательно помутило разсудокъ у польскихъ патріотовъ. Каждый день умножалъ ряды героевъ, которые чувствовали въ себѣ силы объявиться новыми Собѣсскими. Бурно жаждали они освободить «несчастную, порабощенную отчизну». Что для подобной задачи требуются вещественные способы и средства, а прежде всего деньги и войска, что въ основѣ революціоннаго предпріятія долженъ быть положенъ зрѣло взвѣшенный и всесторонне обдуманный планъ, объ этомъ польскіе патріоты и не помышляли; у нихъ засѣла одна мысль: какъ можно

---

[1]) Th. Shiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. B. I. Berlin 1904. Стр. 177, 178.

скорѣе выступить съ активными дѣйствіями. 29 ноября 1830 г. юныя сорви-головы, побуждаемыя скорѣе нетерпѣніемъ, чѣмъ разумомъ, учинили нападеніе на великокняжескую резиденцію, часть польской арміи передалась мятежникамъ, а съ остальною арміею великій князь отступилъ къ русской границѣ, въ ожиданіи подкрѣпленій. Потерявъ окончательно голову отъ успѣха этого отчаяннаго coup de main, польскій сеймъ 25 января 1831 г. декретировалъ низложеніе королевской династіи, а 3 февраля объявилъ о возсоединеніи къ королевству и отторгнутыхъ въ 1772 г. Австріею и Пруссіею областей.

Помѣряться съ однимъ врагомъ, т.-е. съ Россіею, польскимъ повстанцамъ казалось недостаточнымъ еще геройствомъ, а потому былъ еще кинутъ вызовъ и Австріи и Пруссіи. Ближайшіе дни показали все легкомысліе польскихъ расчетовъ. Въ предѣлы королевства вступила 120-тысячная армія подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича, 25 февраля произошла битва подъ Гроховымъ, и если тогда же не состоялся штурмъ Варшавы, то потому только, что великій князь, намѣстникъ, настаивалъ на пощадѣ мятежниковъ и желалъ предотвратить уличную рѣзню въ Варшавѣ. Несмотря на еще болѣе рѣшающій успѣхъ русскаго оружія въ битвѣ подъ Остроленкою 26 мая, окончательное подавленіе возстанія замедлено было развившеюся среди русскихъ войскъ холерою, жертвами которой пали и Дибичъ и великій князь. Пока польскій сеймъ носился съ фантастическою затѣею навязать польскую корону принцу Людовику-Наполеону, Паскевичъ принялъ начальство надъ русскою арміею и, не сдерживаемый никакими колебаніями, 7 сентября 1831 г. взялъ Варшаву штурмомъ. Польская пѣсня была окончательно спѣта: конституція 1815 г. отмѣнена, важнѣйшіе изъ захваченныхъ участниковъ мятежа подверглись ссылкѣ въ Сибирь и разжалованію въ солдаты, столь же многочисленны были конфискаціи имѣній мятежныхъ магнатовъ; Варшавскій и Виленскій университеты подверглись закрытію, изъ гимназій были выключены всѣ воспитанники старшихъ классовъ, и въ Польшѣ надолго замерла національная умственная жизнь.

Побѣда Россіи надъ польскимъ мятежомъ, несомнѣнно, спасла берлинскій и вѣнскій кабинеты отъ серьезныхъ невзгодъ: замыслы поляковъ не ограничивались желаніемъ выбиться только изъ-подъ русскаго вліянія, но преслѣдовали и отторженіе польскихъ областей отъ Австріи и Пруссіи.

Чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ польскимъ вожделѣніямъ, императоръ Николай лѣтомъ 1833 г. предпринялъ поѣздку въ Берлинъ, къ своему тестю, королю Фридриху-Вильгельму III, а оттуда, въ сопровожденіи прусскаго кронпринца, великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго и герцога Нассаускаго проѣхалъ въ Мюнхенгрецъ (въ Богеміи) для обсужденія съ императоромъ Францомъ совмѣст-

ныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ обузданію польскаго своеволія.

Конференціи по этому предмету затянулись съ 10 по 20 сентября. Такъ какъ по смерти Александра I отношенія между Австріею и Россіею замѣтно охладѣли особенно вслѣдствіе освобожденія Греціи и поддержки, оказанной Россіей славянскимъ придунайскимъ княжествамъ, Меттернихъ теперь напрягалъ всѣ усилія для пріобрѣтенія благосклонности императора Николая Павловича. Зная слабость государя къ военному дѣлу, Меттернихъ при помощи дивизіоннаго генерала, князя Альфреда Виндишгреца, старался развлечь государя рядомъ маневровъ. По началу государь на заигрыванія отвѣчалъ холодною сдержанностью, а въ разговорахъ не выходилъ изъ предѣловъ банальной любезности. Цѣлую недѣлю сказывалась натянутость въ отношеніяхъ, которая для участниковъ пріема являлась сущею пыткою. И вдругъ въ царскомъ настроеніи свершился крутой поворотъ. 16 сентября Николай Павловичъ присутствовалъ на кавалерійскомъ ученіи гусарскаго Виландскаго полка, которымъ командовалъ племянникъ князя Меттерниха, графъ Владиславъ Врбна. Лихость наѣздниковъ видимо смягчила военное сердце Николая. Чтобъ использовать до конца поворотъ въ царскомъ настроеніи, графъ Виндишгрецъ тутъ же намекнулъ, что кстати было бы сдѣлать государя шефомъ понравившихся ему гусаръ. Меттернихъ поспѣшилъ объ этомъ доложить императору Францу, и тотъ вечеромъ же просилъ государя принять шефство надъ полкомъ. Государь расцѣловалъ Франца, радовался этому отличію и поспѣшилъ облечься въ австрійскую гусарскую форму. Ледъ холодности былъ счастливо разбитъ, и въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ съ австрійскимъ императоромъ Николай сталъ обнаруживать бо́льшую сердечность и откровенность.

Испытавшій немало передрягъ на своемъ вѣку 65-лѣтній императоръ Францъ и преисполненный мужественной отваги и рыцарства 32-лѣтній императоръ Николай въ концѣ Мюнхенгрецкаго свиданія сблизились; далеко не склонный къ сентиментальностямъ Францъ, высказывая свои опасенія насчетъ будущаго, обратился къ государю съ просьбою перенести расположеніе и на находившагося въ отсутствіи австрійскаго кронпринца. Растроганный, государь склонился на колѣни и, поднявъ правую руку, поклялся въ дружбѣ Габсбургамъ словомъ и дѣломъ, а Францъ, опустивъ дрожащія руки на голову царя, благословилъ его. Патетическая эта сцена, разыгравшаяся между обоими государями съ глазу на глазъ, была потомъ ими обоими разсказана князю Виндишгрецу и сдѣлалась достояніемъ исторіи [1]).

[1]) Подробный разсказъ объ этомъ см. у Helfert'a: Geschichte Oesterreichs Прага, 1869—1872, 3 тома; томъ I, стр. 69.

Весьма вѣроятно, что при изворотливости и лукавствѣ Меттерниха имъ были пущены въ ходъ въ Мюнхенгрецѣ всѣ средства въ интересахъ сближенія императоровъ. При томъ страхѣ передъ освободительнымъ движеніемъ народовъ и революціею, который проходитъ красною нитью чрезъ Меттерниховскую политику съ 1815 г., Австріи, конечно, было лестно заручиться поддержкою могущественнаго восточнаго сосѣда. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что рыцарской натурѣ Николая изворотливое лукавство Меттерниха не могло быть симпатично, но недовѣріе къ австрійскому канцлеру у императора Николая еще ранѣе 1833 г. смѣнилось болѣе дружелюбнымъ чувствомъ, благодаря стараніямъ австрійскаго посланника при Петербургскомъ дворѣ (въ 1829—1830 г.г.), графа Карла Фикельмона, съ 1821 г. женатаго на графинѣ Доротеѣ Тизенгаузенъ, дочери любимаго флигель-адъютанта императора Александра I и сестры статсъ-дамы государыни Александры Ѳеодоровны.

Другимъ факторомъ, способствовавшимъ примиренію императора Николая съ Меттернихомъ, послужило показное отношеніе послѣдняго къ польскому вопросу.

Когда возстанію 1831 г. въ русской Польшѣ наступилъ конецъ, тысячи повстанцевъ перешли австрійскую границу и, блуждая безъ опредѣленныхъ занятій отъ приключенія къ приключенію, причиняли австрійскимъ властямъ немало тревогъ. Желая положить конецъ польской вольницѣ, князь Меттернихъ возложилъ обузданіе ея на управлявшаго гражданскою частью въ Галиціи барона Франца Крина и тамошняго военнаго губернатора, барона фонъ-Лангенау. Установленіе строгаго полицейскаго надзора за дѣятельностью польскихъ эмигрантовъ возымѣло въ 1833 г. послѣдствіемъ рядъ процессовъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, а въ 1835 г. былъ открытъ заговоръ среди пограничной стражи, оперировавшей по побережью Вислы. Параллельныя дѣйствія предпринимались польскими агитаторами и въ русской Польшѣ: такъ, въ 1833 г. кучка 40 патріотовъ сдѣлала мертворожденную попытку къ новому повстанію; въ 1835 г. въ русскую Польшу пытались изъ Парижа проникнуть эмиссары; изъ нихъ одинъ заболѣлъ и уѣхалъ обратно въ Германію, другой былъ захваченъ и во избѣжаніе кары застрѣлился, а третій—Конарскій, былъ пойманъ и осужденъ лишь въ 1839 г.

Всѣ эти новыя революціонныя затѣи обусловливались тѣмъ, что среди эмигрировавшихъ въ Парижъ въ 1831 г. поляковъ произошелъ расколъ.

На ряду съ аристократическимъ кружкомъ, во главѣ котораго стоялъ князь Адамъ Чарторижскій, образовалась демократическая группа. По подвижности и предпріимчивости она не оставляла желать лучшаго. Такъ какъ большинству польскихъ эмигрантовъ-

демократовъ приходилось бороться съ нуждою изъ-за хлѣба насущнаго, то они прежде всего выступили съ литературными обличеніями польской знати въ провалѣ возстанія 1831 г. и отсутствіи государственной прозорливости у магнатовъ. Съ театральными паѳосами и звонкими фразами польскіе демократы чрезъ агентовъ пытались подготовить на родинѣ новую инсуррекцію, увѣряя, будто Польшу можно спасти только подъ флагомъ демократіи. Задачи тутъ расходились съ дѣйствительностью, ибо для созданія революціоннаго движенія на демократической почвѣ не хватало малаго—истинныхъ носителей демократическихъ принциповъ: польское общество издревле въ соціальномъ отношеніи распадалось на благородное шляхетское дворянство и хлоповъ, а мѣщанство или буржуазія были представлены еврействомъ, недовѣрчиво сторонившимся отъ новаго ученія, въ которомъ не безъ основанія провидѣло угрозу экономическому своему благосостоянію.

Въ Галиціи же въ частности правительство, чтобы привязать польскую шляхту послѣ раздѣла 1772 г., широко и дальновидно использовало польское тщеславіе, предоставивъ желающимъ (съ 1783 г.) полученіе графскаго титула за взносъ пошлинъ, въ размѣръ 6.000 флориновъ. Такимъ образомъ въ Галиціи за короткое время народилось свыше 2.0о0 титулованныхъ фамилій, обреченныхъ на широкій образъ жизни въ соотвѣтствіи съ новымъ рангомъ. Въ результатѣ аристократическихъ потугъ галиційское дворянство быстро прожилось н захудало, а политическій вѣсъ съ богатствомъ удержала немногочисленная олигархія княжескихъ родовъ Чарторижскихъ, Яблоновскихъ, Любомирскихъ, Понятовскихъ, Радзивилловъ, Сангушекъ, Сапѣгъ и Сулковскихъ, графскихъ родовъ—Ланкоронскихъ, Потоцкихъ, Ржевусскихъ и Замойскихъ и единственнаго въ Польшѣ маркизскаго рода Велепольскихъ-Гонзаго-Мышковскихъ.

Осенью 1845 г. парижская эмиграція уже порѣшила привести новое возстаніе въ дѣйствіе. Знаменія надвигавшагося возстанія не ускользнули и отъ императора Николая, который неоднократно указывалъ Вѣнскому двору на угрожавшую опасность. При посѣщеніи Вѣны въ декабрѣ 1845 г. императоръ Николай предлагалъ выдвинуть на границу Галиціи 30 пѣхотныхъ баталіоновъ, но тогдашній намѣстникъ Галиціи, эрцгерцогъ Фердинандъ, провожавшій государя до Варшавы, отклонилъ это предложеніе, полагаясь на собственныя силы и умѣніе справиться съ галицкимъ движеніемъ. Предполагалось, что отдѣльные инсуррекціонные комитеты подготовятъ движеніе въ Познани, русской Польшѣ, Галиціи и вольномъ г. Краковѣ; сигналомъ для дальнѣйшихъ дружныхъ дѣйствій имѣли послужить вооруженныя выступленія въ Познани и въ Западной Галиціи, въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ Бохніи и Тарнову. Прусское правительство приняло быстрыя и рѣшительны

мѣры. Агитаторъ Людвигъ Мѣрославскій уже 14 февраля 1846 г. былъ арестованъ, и познанское движеніе было парализовано[1]).

Въ Тарновскомъ округѣ комитетъ успѣлъ согласить на инсуррекцію мѣстныхъ польскихъ пановъ; они сулили выставить рать изъ челядинцевъ силою въ 2.000 человѣкъ. Кромѣ того, повстанцы увѣряли, будто увлекутъ за собою до 10 тысячъ хлоповъ. Хлопы, однакоже, не проявляли ни малѣйшаго желанія участвовать въ мятежѣ. Тогда панскіе отряды стали понуждать хлоповъ къ этому силою, хлопы вооружились косами и цѣпами, часть пановъ перебили, а часть перевязали и привезли на подводахъ для передачи австрійскимъ властямъ; въ иныхъ мѣстахъ десятки пановъ-инсургентовъ, скрученныхъ накрѣпко веревками, были водворены въ деревенскія корчмы подъ караулъ. Съ какою вообще наивностью устраивалась революція, видно изъ того, что галиційскіе помѣщики не позаботились даже заручиться симпатіями хлоповъ путемъ облегченія барщины (Kobot) и иныхъ натуральныхъ повинностей. Съ такимъ же легкомысліемъ инсургенты, не дождавшись исхода движенія, поднятаго въ Тарновѣ 18 и 19 февраля, уже въ воскресенье, 22 февраля, въ Краковѣ поторопились провозгласить временное правительство, которое сейчасъ же декретировало независимость всей польской земли. Краковское pronunciamento было подавлено съ помощью отряда въ 480 человѣкъ подполковникомъ Бенедекомъ (впослѣдствіи опозорившимся при Садовѣ).

---

[1]) Людвигъ Мѣрославскій, родившійся и воспитанный въ Парижѣ, шестнадцатилѣтнимъ юношею принялъ участіе въ возстаніи 1830 г., а чрезъ десять лѣтъ польскіе эмигранты ославили его новымъ Мессіею. Мѣрославскій обладалъ бойкимъ перомъ и еще болѣе бойкимъ языкомъ и возомнилъ себя не только великимъ историкомъ, поэтомъ, драматургомъ, музыкантомъ и политикомъ, но даже стратегомъ и полководцемъ. Въ Пруссіи первый же его опытъ военачальствованія окончился заточеніемъ. Выпущенный изъ-подъ ареста въ мартѣ 1848 г., Мѣрославскій опять началъ мутить въ Познани и снова былъ посаженъ за рѣшетку.

По возвращеніи въ Парижъ, Мѣрославскій, сіяя въ ореолѣ мученика за отчизну, обезпечилъ себѣ на двадцать лѣтъ неоспоримое поклоненіе со стороны польскихъ патріотокъ. Въ февралѣ 1863 г. Мѣрославскій покинулъ Парижъ въ рангѣ диктатора польскихъ мятежныхъ бандъ, и кратковременное пребываніе въ русской Польшѣ ознаменовалъ не столько военными доблестями, сколько пышностью и расточительностью своего штаба. Разбитый въ первой же стычкѣ съ русскими войсками и смѣщенный жондомъ, онъ послѣ четырнадцатидневнаго пребыванія въ «конгрессувкѣ» принужденъ былъ безславно вернуться въ Парижъ. Станиславъ Кожмянъ характеризуетъ Мѣрославскаго такъ: «Мѣрославскій былъ апостоломъ нелѣпыхъ мечтаній и безцѣльнаго самопожертвованія. Зловредный по своимъ дѣяніямъ, безразсудный въ своихъ рѣчахъ, онъ являлся роковымъ провозвѣстникомъ и творцомъ всѣхъ польскихъ политическихъ и военныхъ пораженій. Подъ его вліяніемъ воспитались цѣлыхъ два поколѣнія, а партія польскихъ патріотовъ упорно съ нимъ носилась, какъ съ оракуломъ, потому только, что своимъ неразуміемъ онъ мирволилъ польскимъ національнымъ слабостямъ и ошибкамъ». (St. v. Kozmian. Das Jahr. 1863. Wien. 1896).

Во всемъ этомъ легкомысленномъ движеніи интеллигентное ядро инсуррекціи совершенно спасовало передъ хлопами. Нигдѣ инсургенты не проявили ни присутствія духа, ни упорства въ проведеніи намѣченной цѣли. Правда, впрочемъ и то, что накоплявшаяся въ хлопахъ вѣками непріязнь къ надменной шляхтѣ вылилась теперь въ формѣ кровавой расправы; въ ближайшихъ къ Тарнову деревняхъ было перебито и привезено въ городъ до 157 панскихъ труповъ, кромѣ 450 инсургентовъ, взятыхъ живьемъ—всего же въ пресловутой Галиційской рѣзнѣ, которую поляки раздули въ новую «Сицилійскую вечерню», погибло до 1.200 представителей мѣстнаго польскаго дворянства. Галиційское трагикомическое интермеццо вслѣдствіе соглашенія между Австріею, Пруссію и Россіею завершилось упраздненіемъ вольностей города Кракова и присоединеніемъ его къ короннымъ землямъ. Эта неудача возымѣла то спасительное дѣйствіе, что польскія земли въ эпоху революціи 1848 г. не могли быть подвигнуты на новую инсуррекцію; въ Лембергѣ попытка національной гвардіи къ выступленію 2 ноября 1848 г. была въ нѣсколько часовъ подавлена одною артиллерійскою батареею. Успѣхъ революціи въ Галиціи былъ подорванъ въ корнѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что смѣнившій эрцгерцога Фердинанда намѣстникъ графъ Стадіонъ заблаговременно использовалъ въ интересахъ правительства программу польской демократической партіи; декретомъ отъ 23 апрѣля 1848 г. были раскрѣпощены галиційскіе хлопы съ окончательною отмѣною барщины и иныхъ обременительныхъ повинностей. Такимъ образомъ, аграрная реформа Стадіона обезпечила правительству вѣрность русинъ (малороссійскихъ хлоповъ) и, сильно ударивъ шляхту по карману, отняла у нея «нервъ войны»—широкія матеріальныя средства. Такимъ образомъ, духъ повстанческой предпріимчивости приходилось перенести только на чужбину. Графъ Адамъ Потоцкій, владѣлецъ Кжесцовицъ близъ Кракова, долгое время содержалъ на своемъ иждивеніи соотечественниковъ, принимавшихъ участіе въ инсуррекціи 1846 г. и помилованныхъ по амнистіи 4 апрѣля 1848 г. Желаніе избавиться отъ неудобныхъ гостей натолкнуло Потоцкаго на мысль образовать особый польскій легіонъ въ помощь венгерскимъ мятежникамъ. Образованный для этого въ Лембергѣ комитетъ въ лицѣ Пульскаго, Цешковскаго и Высоцкаго похвалялся, что выставитъ въ поле отъ 10 до 15 тысячъ головорѣзовъ. Услужливая молва удвоила предполагаемый контингентъ до 30.000 чел., на самомъ дѣлѣ польскій легіонъ явился въ Венгрію въ составѣ всего нѣсколькихъ сотенъ ратниковъ, но и ему ореолъ національнаго величія был[illegible] приданъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рядахъ легіонеровъ н[illegible] считывались крупныя имена князя Мечислава Воронецкаго, граф[illegible] Генриха Дембинскаго и князя Владислава Понинскаго. Слухи [illegible] томъ, будто Кошутъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи до 30.0[illegible]

польскихъ войскъ, были однимъ изъ факторовъ, опредѣлившихъ въ 1849 г. русское вмѣшательство въ судьбы Венгріи. Въ манифестѣ, выпущенномъ по этому поводу государемъ Николаемъ Павловичемъ, польскіе легіонеры квалифицировались «нарушителями спокойствія, искателями приключеній и безнравственными людьми, которыхъ объединяетъ лишь общность преступныхъ намѣреній».

Вѣрный клятвѣ, данной императору Францу на Мюнхенгрецкомъ свиданіи, поддержать въ минуту опасности императора Франца-Іосифа, Николай Павловичъ 9 мая 1849 г. двинулъ чрезъ Краковъ въ Градичъ пѣхотную дивизію Панютина, а въ началѣ іюня въ Венгріи уже дѣйствовала 200-тысячная армія подъ начальствомъ Паскевича. Весьма любопытенъ фактъ, приводимый Штроблемъ, что за пять дней до Виллагосской капитуляціи Кошутъ чрезъ парламентера предлагалъ главной русской квартирѣ окончательно занять Венгрію съ тѣмъ, чтобы венгерская корона св. Стефана была возложена на кого либо изъ русскихъ великихъ князей. 13 августа 1849 г., получивъ извѣщеніе отъ Паскевича: «Венгрія лежитъ у ногъ вашего величества», императоръ Николай по справедливости могъ счесть себя спасителемъ Австріи.

Какъ Александръ I первое время послѣ низверженія Наполеона игралъ руководящую роль въ европейской политикѣ, такъ императоръ Николай въ Ольмюцѣ (въ іюнѣ) и въ Варшавѣ (въ октябрѣ 1850 г.) безапелляціонно разрѣшалъ недоразумѣнія между Берлинскимъ и Вѣнскимъ дворами и создалъ себѣ исключительное положеніе, запечатлѣнное крылатымъ словомъ: «достаточно царю зѣвнуть, чтобы даже въ Испаніи всѣ куры на полчаса раньше собирались на насѣсти».

Преобладающее значеніе императора Николая въ европейскомъ концертѣ было неожиданно потрясено пораженіями Крымской кампаніи, а двусмысленное поведеніе Вѣнскаго двора, заигрывавшаго съ коалиціею, вызвало изъ устъ Николая ядовитый вопросъ, обращенный къ австрійскому посланнику графу Георгу Эстергази: «Знаете ли двухъ глупѣйшихъ среди королей польскихъ? Я вамъ скажу: то были Янъ Собѣсскій и я. Оба мы спасли Австрію, но признательности отъ нея за это не пожали».

Подкрѣпляемая многочисленными собранными фактами характеристика польскихъ революціонныхъ движеній приводитъ Штробля вполнѣ логически къ суровому приговору: «Вплоть до 1863 г. поляки совершенно серьезно мнили себя наиболѣе даровитою и способною націею въ Европѣ. Только подавленіе мятежа 1863 г. привело къ просвѣтлѣнію, и болѣзненное самообожаніе начало постепенно смѣняться разсудительностью. Вмѣсто накопленія познаній и опыта поляки долгое время предавались какому-то національному идолопоклонству. Успокоившись на культѣ пріятныхъ, сладкихъ самозаблужденій, поляки должны были подвергнуться ряду

чувствительныхъ ударовъ, чтобы постигнуть, наконецъ, какихъ бѣдъ натворила въ Польшѣ плеяда національныхъ историковъ-романтиковъ. Вѣдь никто изъ нихъ и не подумалъ сколько нибудь критически отнестись къ разсмотрѣнію основъ соціальнаго строя Польши: оставляя въ сторонѣ истинную суть дѣла, польскіе ученые и общественные дѣятели восхищались только мерцаніемъ внѣшности. Существенно пагубнымъ заблужденіемъ историковъ-романтиковъ было ихъ пылкое воображенія: оно населяло Польшу необычайно мужественными богатырями, тогда какъ неприкрашенная дѣйствительность на каждомъ шагу поучала, что среди польскаго общества сила и энергія сохранилась лишь среди польскихъ патріотокъ. Всякая попытка претворить мечтаніе о польской непобѣдимости въ реальную жизнь заканчивалась плачевнѣйшимъ разочарованіемъ. Начиная съ Косцюшки и кончая Лангевичемъ, у всѣхъ польскихъ героевъ сказывалась одна общая черта: осязательную трезвенную дѣйствительность они игнорировали. На половину дѣти, на половину мечтатели, они только витали въ заоблачной выси самообольщенія, а залогъ успѣха въ затѣваемыхъ предпріятіяхъ возлагали только на случайность.

Сдѣланная по книгѣ Штробля обширная экскурсія въ исторію польскаго вопроса и вмѣшательства Россіи въ венгерскія дѣла отвлекла насъ отъ центральной фигуры разсматриваемаго сочиненія, т.-е. отъ князя Меттерниха и связнаго изложенія біографическихъ о немъ свѣдѣній.

1825 годъ ознаменовался для Меттерниха смертью первой его супруги. Хотя тѣсной и сердечной близости между супругами не было, однако княгиня весь свой вѣкъ усердно интриговала въ салонахъ въ интересахъ канцлера, а послѣдніе годы, проживая въ Парижѣ, неоднократно изъ дружескихъ отношеній къ графу де-Виллелю, сдѣлавшемуся послѣ смерти герцога Беррійскаго руководителемъ политическихъ судебъ Франціи, заимствовала для мужа цѣнныя указанія на счетъ борьбы съ революціей.

Тяготясь одиночествомъ и попрежнему доступный чувственнымъ увлеченіямъ, Меттернихъ не замедлилъ вступить въ новый бракъ: среди авантюристовъ, которыми всегда изобилуетъ Вѣна, большою извѣстностью въ ту пору пользовалась семья Лейкамъ: родоначальникомъ ея былъ жалкій извозчикъ въ Ветцларѣ, сынъ его долгое время служилъ въ государственной канцеляріи и добился званія референдарія и баронскаго титула. Внукъ извозчика, Амбросъ, женился въ Неаполѣ на пользовавшейся дурною репутаціею и легкомысленной пѣвицѣ Бретеллѣ, которая съ вѣдома супруга пользовалась благосклонностью неаполитанскаго короля. На дочери Амброса Лейкама Антоніи, и затѣялъ жениться Меттернихъ. Чтобы затушевать неравенство брака, императоръ Францъ пожаловалъ невѣстѣ своего министра титулъ графини Бейльштейнъ

но злые языки въ Вѣнѣ не унялись и придумали канцлеру далеко не почетное прозвище «Herzog von Bordella». Новый бракъ Меттерниха былъ весьма не продолжителенъ: княгиня чрезъ годъ скончалась отъ родовъ. Годъ спустя, князь Меттернихъ вступилъ уже въ третій бракъ съ графинею Меланіею Зичи, гордой, смѣлой и страстной красавицею. Своими рѣзкими выходками новая княгиня не разъ ставила въ неловкое положеніе канцлера, который въ своемъ ближайшемъ антуражѣ терпѣлъ присутствіе эксъжениха графини Меланіи, барона фонъ-Гюгеля, разыгрывавшаго долгіе годы въ домѣ канцлера двусмысленную роль ami de la maison. Вообще салонъ канцлера уже въ тридцатыхъ годахъ производилъ тягостное впечатлѣніе: князь издавна окружалъ себя всевозможными проходимцами (Lumpen); среди нихъ первенствовали ренегаты и перекресты. Кто стойко, послѣдовательно и неизмѣнно былъ преданъ консерватизму, начала котораго настойчиво проводились въ жизнь канцлеромъ, тѣхъ-то Меттернихъ и презиралъ, какъ тупицъ, ибо охранительные принципы были для Меттерниха дѣломъ показа и принадлежностью роли, которую онъ далеко не убѣжденно разыгрывалъ годами. Наоборотъ, кто изъ либераловъ или невѣрующихъ начиналъ сознательно заискивать въ Меттернихѣ изъ-за выгодъ или карьеры, тотъ въ его глазахъ рисовался умникомъ, а если умѣлъ къ канцлеру подольститься, вóвремя развлечь и насмѣшить, то онъ въ салонѣ князя становился persona grata[1]).

«Когда по смерти императора Франца особенную вліятельность получили принцессы императорскаго дома, которыя издревле коротаютъ скуку повседневнаго быта выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, князь въ этой средѣ не преминулъ сдѣлаться святошею».

Зная ту почву, на которой съ 1831 г. протекала частная жизнь князя Меттерниха, становится понятными мотивы и его государственной дѣятельности въ эту эпоху. Въ сферѣ интересовъ французской династіи Бурбоновъ лежалъ источникъ всѣхъ его успѣховъ и пораженій. Низверженіе Наполеона вознесло Меттерниха на высоту, а паденіе Бурбоновъ подготовило всѣ его пораженія. Па-

---

[1]) Затменію этическаго чутья у старѣющаго канцлера Штробль приводитъ и другой любопытный примѣръ. Когда княжество Саксонское, по смерти принцессы Вильгельмины, перешло къ ея сестрѣ, принцессѣ Полинѣ Гогенцоллернъ-Гехнигенъ, а сынъ послѣдней окончательно разорился, онъ въ 1845 г. въ числѣ прочей движимости продалъ княгинѣ Меттернихъ за 2.000 гульденовъ старинный письменный столъ, нѣкогда принадлежавшій герцогу Шуавелю. Роясь въ этомъ диковинномъ образцѣ французскаго столярнаго мастерства XVIII вѣка, князь Меттернихъ напалъ на потайной ящичекъ и нашелъ тамъ пакетъ съ когда-то запрятанными и позабытыми прежнимъ владѣльцемъ 2.000 гульденами. Благодаря этой находкѣ, Меттернихъ похвалялся, что письменный столъ Шуавеля достался ему даромъ. Metternichs nachgelassene Papiere, VII, стр. 80.

деніе Наполеона настолько потрясло Европу, что современники послушно склонились предъ реакціоннымъ символомъ вѣры австрійскаго канцлера и послушно послѣдовали внушеніямъ этого общепризнаннаго охранителя интересовъ легитимизма. Какъ Наполеонъ командовалъ надъ Европой въ помощью гренадеровъ и маршаловъ, такъ Меттернихъ муштровалъ европейскіе дворы при помощи пословъ и внушеній отъ вѣнской государственной канцеляріи. Пока Меттернихъ находилъ дипломатовъ, работавшихъ въ его духѣ, ему обезпечивалась руководящая роль, но положеніе круто измѣнилось, когда кругъ единомышленниковъ Меттерниха порѣдѣлъ. Канцлеръ постепенно становился одинокъ. Успокоившись на общеніи съ придворнымъ клерикальнымъ кружкомъ, онъ началъ утрачивать всякое пониманіе запросовъ современности. Новое поколѣніе, воодушевляемое иными идеалами и вѣрованіями, медленно, но неудержимо выдвигалось впередъ, а Меттернихъ, вращаясь исключительно въ дворцовой атмосферѣ, не могъ и не умѣлъ расширить своего умственнаго горизонта; обладая подвижнымъ и яснымъ умомъ, онъ, пожалуй, и сознавалъ, что его система, построенная на дипломатическихъ интригахъ и шахматныхъ ходахъ, пережила самое себя, но для того, чтобъ отбросить ее прочь и пойти впередъ въ уровень съ вѣкомъ и его сложными требованіями, Меттернихъ былъ слишкомъ старъ. Устало и лѣниво плелся онъ по прежде проторенному пути, а возникавшіе конфликты улаживались уступками, которыя не примиряли ни правыхъ ни лѣвыхъ.

Такъ, въ дѣлахъ Венгріи, вслѣдствіе родственныхъ отношеній къ высшей знати, Меттернихъ шелъ на уступки добровольно, а на приставанія либераловъ изъ желанія отъ нихъ отвязаться выкидывалъ и имъ подачки. По соображеніямъ оппортунизма Меттернихъ недальновидно допустилъ созывъ въ Прессбургѣ ландтаговъ въ 1830, 1832, 1835, 1839, 1840, 1842, 1843—1844 и 1847 г.г., которые засыпали вѣнскую государственную канцелярію политическими, національными, экономическими и военными требованіями, но Меттернихъ въ своемъ самообольщеніи преуменьшалъ все болѣе возраставшія домогательства венгровъ. Когда же король Фридрихъ-Вельгельмъ IV прусскій высказалъ канцлеру, что онъ непріятно пораженъ бурными преніями и домогательствами венгергерскаго ландтага, Меттернихъ отвѣчалъ королю: «Прошу ваше величество не ломать себѣ головы надъ нашимъ ландтагомъ: при всемъ вашемъ мудромъ умѣ вы не въ состояніи по достоинству оцѣнить этого собранія... Когда рѣчь заходитъ о Венгріи, г слѣдуетъ забывать, что всего полтораста лѣтъ назадъ Венгрія п слушно повиновалась турецкому пашѣ».

Закрывая глаза на вѣянія эпохи, Меттернихъ съ не меньши легкомысліемъ и непослѣдовательностью относился и къ польски

дѣламъ. Послѣ галиційскаго мятежа, который завѣдомо былъ финансированъ на средства князя Адама Чарторижскаго, Меттернихъ распорядился сгоряча положить секвестръ на галиційскія имѣнія князя Адама, но вскорѣ по настояніямъ польской своей родни (братъ его Іосифъ былъ женатъ на княгинѣ Сулковской) поспѣшилъ отмѣнить эту мѣру строгости. Точно также, въ угоду польской аристократіи, пользовавшейся вліяніемъ при Вѣнскомъ дворѣ, высшія должностныя лица, столь быстро подавившія въ Галиціи польскій мятежъ 1846 г., подверглись опалѣ.

13 марта 1848 г. политической дѣятельности Меттерниха пришелъ конецъ. Со времени 1830 г. въ Австро-Венгерской имперіи скопилось достаточно горючаго матеріала, и теперь революція вспыхнула съ стихійной силою. Маттернихъ поспѣшилъ подать въ отставку и настолько струсилъ за жизнь, что ночь съ 13 на 14 марта скрывался у графа Людвига Таафе. Самъ князь готовъ былъ примириться съ совершившимися фактами, но честолюбивая его жена и слышать не хотѣла объ удаленіи въ частную жизнь. Подъ рукою она освѣдомилась у эрцгерцога Людвига, неужели императоромъ будетъ принято прошеніе ея мужа объ отставкѣ. На это эрцгерцогъ только пожалъ плечами и промолвилъ: «сегодня вы, а завтра я».

Уже 15 марта Меттернихъ съ женою, переодѣтые при помощи князя Рудольфа Лихтенштейна, добыли телѣжку, въ которой добрались до г. Эйсгруба. Мѣстный бургомистръ не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности за ихъ безопасность и посовѣтовалъ ѣхать дальше. 22 марта Меттернихи добрались до Ольмюца, но комендантъ и въ крѣпость ихъ не пустилъ. Безпомощные, безъ денегъ пріѣхали Меттернихи 24 марта въ Дрезденъ; здѣсь ни одинъ трактирщикъ не соглашался ихъ пріютить. Кружнымъ путемъ, чрезъ Лейпцигъ, Ганноверъ и Минденъ пробрался павшій канцлеръ въ Гаагу и Роттердамъ и только 20 апрѣля почувствовалъ себя въ безопасности, когда поселился въ Лондонѣ, а затѣмъ въ Брайтонѣ.

Здѣсь повстрѣчались Меттернихи съ неразлучною спутницею другого павшаго министра—Гизо, княгиней Ливенъ.

Сходство положенія сблизило обѣ семьи; онѣ часто видѣлись, и княгиня Ливенъ, между прочимъ, занесла въ дневникъ: «Часто видимся съ Меттернихами—княгиня Меланія толстуха, весьма заурядна, но естественна, благодушна и пріятна въ обращеніи. Князь важенъ, самодоволенъ, необычайно болтливъ, медлителенъ въ движеніяхъ и очень глухъ. Онъ впадаетъ въ метафизичность и становится донельзя скученъ, когда распространяется о своей особѣ и собственной непогрѣшимости, но дѣлается очарователенъ, когда разсказываетъ о прошломъ, а особенно о Наполеонѣ» [1]).

---

[1]) Daudet. Princesse Lieven.

Проживъ въ Англіи до осени 1849 г., Меттернихи переселились въ Брюссель, и здѣсь цѣлыхъ два года пережидали, пока не улеглась окончательно буря, поднятая революціоннымъ движеніемъ. Испросивъ разрѣшеніе у императора вернуться на родину, Меттернихъ только въ сентябрѣ 1851 г. появился въ Вѣнѣ. Здѣсь его встрѣтила вѣсть о безуміи, постигшемъ мужа его дочери, княгини Леонтины, графа Сандора [1]).

Удалившись отъ свѣта, князь Меттернихъ поселился на своей виллѣ близъ Вѣны. Герцогъ Эрнстъ Кобургъ-Готскій, посѣтившій канцлера въ апрѣлѣ 1854 г., вскорѣ послѣ смерти княгини Меланіи разсказываетъ такъ о своемъ визитѣ: «Получалось такое впечатлѣніе, что изящная уютность и безмятежность этого старческаго существованія скрашиваютъ и все окружающее. Меттерниха можно было заслушаться, когда онъ начиналъ вспоминать о прошломъ мірѣ, надъ которымъ такъ долго властвовалъ, и который его столь ненавидѣлъ. Теперь старикъ былъ примиренъ со всѣми прежними противорѣчіями; благодаря же маститому возрасту, онъ своими бесѣдами вызывалъ такія чары воспоминаній, которыя обаятельно подѣйствовали даже на меня, привыкшаго отъ юности скорѣе бояться канцлера, чѣмъ любить его».

Трогательную привязанность къ канцлеру сохранила и княгиня Е. П. Багратіонъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, она пріѣхала погостить къ давнишнему другу. Прежняя очаровательница превратилась въ мумію, но сохранила пристрастіе къ свѣтлымъ и нарядным платьямъ и шляпамъ, украшеннымъ розами. Княгиня была принята Маттернихомъ съ большою предупредительностью; самъ онъ и вся его семья дѣлали все возможное, чтобы скрасить гостьѣ пребываніе въ Вѣнѣ, но когда послѣ внезапной ея кончины (24 мая 1857 г.) домашніе послѣ трехдневныхъ подготовленій объявили канцлеру эту вѣсть, опасаясь, не взволнуетъ ли это его, онъ равнодушно замѣтилъ: «Въ сущности меня удивляетъ одно, что она такъ долго зажилась». Равнодушный ко всему, Меттернихъ

---

[1]) Смѣлый кавалеристъ и спортсменъ, гр. Сандоръ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ «чортова шталмейстера», политикою не занимался, наслаждался жизнью и пользовался извѣстностью за свою лихость. Ему нипочемъ было изъ Вѣны до Ишля (326 верстъ) проскакать верхомъ 16 часовъ, на скачкахъ для него никакой ровъ не былъ достаточно глубокъ, а изгородь достаточно высока, онъ умудрялся въ фаэтончикѣ, правя четверней, въѣзжать по лѣстницѣ во второй этажъ и такъ же благополучно съѣзжать внизъ. Послѣ паденія Меттерниха уличная толпа, желая подчеркнуть ненависть къ канцлеру, устроила предъ домомъ графа Сандора кошачій концертъ; графъ, ничтоже сумняся, вышелъ на балконъ въ сопровожденіи двухъ камердинеровъ и съ помощью свистковъ и мяуканія въ три глотки поднялъ такой шумъ, что демонстранты замолкли. Затѣмъ графъ совершенно хладнокровно спустился къ толпѣ и собственноручно булыжниками перебилъ стекла по всему фасаду своего дома. Покончивъ съ этимъ онъ заложилъ руки въ карманы и обратился къ опѣшившей толпѣ къ саркастическимъ вопросомъ: «Ну, а теперь куда пойдемъ буянить?»

очень спокойно отнесся къ знаменательной новогодней рѣчи императора Наполеона Ш, предвѣщавшей въ 1859 г. новыя бѣды для Австріи; напряженное политическое положеніе заставило Франца-Іосифа обратиться къ испытанной политической мудрости престарѣлаго канцлера, и долгіе часы проводилъ императоръ въ довѣренныхъ бесѣдахъ съ Меттернихомъ на его виллѣ.

11 іюня 1859 г. князь Метгернихъ скончался безъ страданій отъ дряхлости въ возрастѣ 86 лѣтъ.

Книга Штробля интересна уже потому, что, можетъ быть, и помимо намѣренія автора она рѣзко обрисовываетъ контрастъ, который являли собою оба поборника традицій консерватизма: Меттернихъ и Николай Павловичъ. Тогда какъ первый, лукавя и лицемѣря, превыше мѣры использовалъ въ интересахъ Австріи реакціонныя вѣянія, назрѣвшія въ Европѣ въ 20-хъ годахъ, какъ естественная смѣна освободительнаго движенія, а позднѣе, проповѣдуя консерватизмъ въ дѣлахъ внѣшней политики, впадалъ въ полнѣйшую непослѣдовательность въ политикѣ внутренней по отношенію къ венграмъ и полякамъ,—императоръ Николай по цѣльности прямой натуры до конца дней своихъ оставался стойкимъ поборникомъ тѣхъ политическихъ началъ, какія, быть можетъ, и ошибочно, но по крайнему своему разумѣнію убѣжденно почиталъ за спасительныя для Россіи и Европы.

Съ гордостью вспоминая, что онъ уже 38 лѣтъ отслужилъ въ военной службѣ, императоръ Николай признавался саксонскому посланнику, графу фонъ-Витцтуму, что прежде всего сознаетъ себя солдатомъ. Государь къ этому присоединилъ любопытное поясненіе: «Что касается другихъ дѣлъ, бремя которыхъ на меня взвалило Провидѣніе, то я ими занимаюсь, потому что кому нибудь нужно же ими заниматься, а я никого около себя не имѣю, кому бы могъ ихъ поручить. Но тѣ дѣла не по мнѣ» [1]).

Это признаніе весьма цѣнно и, извиняя заблужденія того курса, которому государь неуклонно слѣдовалъ во внутренней и внѣшней своей политикѣ, показываетъ, что императоръ Николай дѣйствовалъ bona fide въ сознаніи тяжелой лежащей на немъ отвѣтственности и при усмиреніи польскаго мятежа, и на мюнхенгрецкомъ свиданіи, и при усмиреніи Венгріи, и въ Ольмюцѣ.

Другая любопытная сторона въ книгѣ Штробля — это правильное освѣщеніе польскаго вопроса. Мы приводили тотъ суровый приговоръ, который дѣлается австрійскимъ историкомъ польскимъ патріотамъ, въ родѣ князя Адама Чарторижскаго, Мѣрославскаго и tutti quanti. Въ Австріи громадную государственную заслугу стяжали себѣ графы Агеноръ Голуховскій и Карлъ Ланкоронскій; несмотря на ненависть соотечественниковъ, они своею

---

[1]) V. Vitzthum. Petersburg und London 1852—1864. Штутгартъ. 1888 г. 2 т.

настойчивою и долголѣтнею дѣятельностью вывели галиційскихъ поляковъ на новые пути и подготовили новое поколѣніе польскихъ практическихъ дѣятелей, чуждыхъ романтикѣ повстанческихъ движеній; галиційскіе поляки постепенно научились примиряться съ подчиненіемъ общеимперскимъ видамъ австрійской политики и удовлетворились вполнѣ сознательно тѣмъ широкимъ самоуправленіемъ, которое Галиціи предоставляется въ области мѣстныхъ провинціальныхъ дѣлъ. Тотъ поворотъ въ польскомъ самосознаніи, какой Галиція постепенно для себя выработала послѣ 1848 г., лишь теперь, въ ближайшіе къ намъ годы, начинаетъ намѣчаться и въ русской Польшѣ въ дѣятельности партіи угодовцевъ.

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Чечулинъ, Н. Д. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1906.

Ближайшая задача этой книги, по указанію автора, «дать общія свѣдѣнія о финансовомъ управленіи Россіи и финансовомъ положеніи правительства въ царствованіе Екатерины II». Авторъ не считаетъ возможнымъ останавливаться на разработкѣ второстепенныхъ вопросовъ, касающихся исторіи финансовъ, такъ какъ, съ одной стороны, подобная разработка при современномъ состояніи матеріаловъ одному человѣку едва ли по силамъ, съ другой — детальное изученіе разныхъ сторонъ финансоваго дѣла нарушило бы цѣльность работы и затемнило бы общую картину русскихъ финансовъ.

По содержанію своему книга г. Чечулина раздѣляется на четыре очерка. Очеркъ первый посвященъ высшему управленію финансами въ XVIII вѣкѣ, которое обозрѣвается, начиная со времени учрежденія камеръ-коллегіи. Здѣсь авторъ останавливается на разборѣ регламентовъ камеръ-коллегіи, перваго и второго, даетъ общій очеркъ дѣятельности коллегіи, указываетъ на измѣненія въ высшемъ управленіи финансами, вошедшія въ жизнь со времени введенія новаго губернскаго управленія, и доводитъ исторію финансоваго управленія до учрежденія министерствъ. Во второмъ очеркѣ (стр. 93—262) разсматриваются государственные доходы: сборы подушные, питейные, соляные, таможенные, консульскіе и доходы горные, при чемъ каждому роду сборовъ посвящена особая глава. Этотъ очеркъ и слѣдующій основаны на разработкѣ огромнаго цифроваго матеріала, взятаго преимущественно изъ «Сборника Императорскаго Русскаго общества». Въ концѣ даны свѣдѣнія о бюджетѣ обыкновенныхъ до-

ходовъ въ царствованіе Екатерины II, при чемъ подробныя цифры бюджета доходовъ по разнымъ его статьямъ сведены въ таблицу. Третій очеркъ изслѣдуетъ государственные расходы за время съ 1762 по 1796 г., и для бюджета расходовъ тоже составлена погодная таблица съ указаніемъ цифры расхода на отдѣльный предметъ (напримѣръ, на дворъ, на армію и т. д.). Въ четвертомъ очеркѣ (320 — 380) разсматривается, какимъ образомъ въ итогѣ царствованія Екатерины II оказался громадный государственный долгъ. Изъ цифръ, приводимыхъ Н. Д. Чечулинымъ, мы видимъ, что за все царствованіе Екатерины II въ казну поступило государственныхъ доходовъ около 1.415 милліоновъ (въ круглыхъ цифрахъ), израсходовано около 1.615 милліоновъ, дефицита оказалось 200 милліоновъ рублей, который былъ покрытъ чрезвычайными мѣрами: выпускомъ ассигнацій на сумму свыше 156 милліоновъ и внѣшними займами.

Въ заключительныхъ словахъ авторъ указываетъ: «Не боясь упрековъ въ нескромности», что «нѣкоторые отдѣльные эпизоды, проходящіе въ изслѣдованіи предъ глазами читателя, весьма интересны и имѣютъ самостоятельную цѣнность, какъ историческіе факты не мелкаго значенія», «считая преждевременнымъ» «излагать послѣдніе и окончательные выводы», авторъ все же «считаетъ себя въ правѣ» выставить «три положенія», которыя вытекаютъ изъ его работы «совершенно опредѣленно».

Прежде всего предъ нами выступила съ несомнѣнностью,—говоритъ г. Чечулинъ,—«полная неудовлетворительность высшаго финансоваго управленія, полная неподготовленность правящихъ сферъ къ тѣмъ запросамъ, которые естественно возникали, и полное отсутствіе сколько нибудь крупныхъ финансовыхъ дарованій въ тогдашнемъ русскомъ правительствѣ»; со времени Петра Великаго, который ввелъ новую систему податей и новое управленіе финансами, не было сдѣлано ни одного шага впередъ, наоборотъ, «финансовое управленіе становилось все менѣе удовлетворительнымъ», а комиссія, которая попробовала было произвести въ финансахъ крупную реформу, обнаружила полное непониманіе важнѣйшихъ экономическихъ явленій. Второе положеніе, которое, по мнѣнію автора, выяснилось съ такою же очевидностью, это—«крайне незначительное экономическое движеніе страны впередъ за время цѣлаго столѣтія». Бюджеты доходовъ и расходовъ, если принять во вниманіе преимущественно крупнѣйшія статьи дохода и расхода, ясно говорятъ о томъ, что въ теченіе цѣлаго столѣтія не произошло никакихъ, сколько нибудь крупныхъ измѣненій; источники государственныхъ доходовъ остаются все тѣ же, возрастаніе ихъ не является ни въ какой мѣрѣ результатомъ повышенной экономической дѣятельности, а объясняется повышеніемъ только размѣра сборовъ и естественнымъ приростомъ населенія. Наконецъ третье положеніе, являющееся естественнымъ послѣдствіемъ двухъ первыхъ: «крайнее отягощеніе плательщиковъ, какъ неизбѣжный результатъ плохого управленія финансовъ и своего рода застоя въ экономическомъ развитіи страны». Если разсчитать количество платежей съ каждаго человѣка, то окажется, что «на пространствѣ 30 лѣтъ съ каждаго плательщика стали взимать въ два съ половиною раза больше, чѣмъ платилъ онъ прежде». Что касается самой системы податного обложе-

нія, то можно сказать, что въ то время «существовали всѣ тѣ условія, которыя теперь признаются наукою нежелательными и вредными для государственнаго и для народнаго хозяйства». «Съ чего бы ни брать, только бы брать— это было лозунгомъ, девизомъ финансовой системы XVIII вѣка»; но при этомъ въ финансовой системѣ была еще одна черта, вредно отзывавшаяся на народномъ благосостояніи: «Податное бремя не только не было распредѣлено равномѣрно, но падало непропорціонально тяжело именно на классы неимущіе» (258 стр.). Въ результатѣ такого хозяйничанья возникли первые государственные долги, сумма которыхъ къ концу царствованія превысила 200 милліоновъ рублей, т.-е. равнялась тремъ среднимъ годовымъ бюджетамъ второй половины царствованія. Можно сказать, что «финансовая и, вообще, экономическая сторона является наиболѣе слабою и наиболѣе мрачною стороною» екатерининскаго времени.

Таково вкратцѣ содержаніе книги г. Чечулина. Нѣтъ сомнѣнія, что эта книга является полезнымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу: въ ней разработанъ и систематизированъ громадный цифровой матеріалъ, финансовыя же мѣропріятія обстоятельно освѣщены новыми матеріалами и свѣдѣніями, взятыми изъ архива государственнаго совѣта, изъ дѣлъ государственнаго архива и др. Книга Н. Д. Чечулина любопытна тѣмъ, что она возбуждаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые у автора частью даются опредѣленные отвѣты, частью намѣчается общая тенденція отвѣтовъ. Впрочемъ слѣдуетъ добавить, что далеко не всѣ рѣшенія вопросовъ представляются намъ достаточно ясными и правильными. Такъ, напримѣръ, авторъ утверждаетъ, что «независимость русской финансовой системы XVIII вѣка отъ иноземныхъ образцовъ есть фактъ несомнѣнный и неоспоримый (стр. 95)», что «русская финансовая система... вообще не заимствовала ниоткуда даже отдѣльныхъ существенныхъ своихъ частей» (стр. 108). Намъ кажется, что настаивать на подобномъ утвержденіи въ полной мѣрѣ едва ли возможно. Напримѣръ, введеніе подушной подати, связанное съ расположеніемъ полковъ на мѣстахъ, навѣянно Петру I, несомнѣнно, шведскими порядками (ср. Богословскій, Областная реформа Петра Великаго, 324—325; П. Сильванскій, Проекты реформъ въ «Запискахъ современниковъ Петра Великаго», 108). По вопросу о тяжести податного бремени исчисленія г. Чечулина носятъ характеръ только ариѳметическій: онъ дѣлитъ сумму доходовъ на количество плательщиковъ, но въ выводахъ своихъ онъ самъ нѣсколько колеблется: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что съ каждаго плательщика стали взимать «въ два съ половиною раза болѣе», чѣмъ онъ платилъ прежде (стр. 278), нѣсколько ниже онъ говоритъ уже объ «удвоеніи податного бремени». Намъ кажется, что для опредѣленія тяжести податного бремени нужно произвести болѣе сложныя операціи, чѣмъ простой ариѳметическій расчетъ. Здѣсь нужно принимать во вниманіе степень благосостоянія населенія, а также цѣнность самихъ денегъ: рубль средины XVIII вѣка по своей цѣнности не былъ равенъ рублю конца XVIII в., значитъ, увеличеніе тяжести податей едва ли возможно измѣрять только количественнымъ отношеніемъ размѣра податей одного времени къ размѣру ихъ за другое время.

Въ заключеніе не можемъ не указать нѣкоторыхъ неточностей и неправильностей, допущенныхъ авторомъ. Такъ, напримѣръ, авторомъ сообщается, что при введеніи подушной подати «были посланы по областямъ высшіе военные чины, чтобы на мѣстахъ произвести провѣрку, ревизію свѣдѣній, какія были доставлены» (116). Это не совсѣмъ было такъ: провѣрка свѣдѣній, полученныхъ переписью, сначала была поручена губернаторамъ и воеводамъ (П. С. З., № 3782), а высшіе военные чиновники (сначала одинъ генералъ-майоръ Волковъ—ib., № 3720) были посланы «для расположенія полковъ», лишь позднѣе выяснилось, что имъ удобнѣе поручить и свидѣтельствованіе душъ, такъ что они, явившись на мѣста, продолжали дѣло, начатое губернаторами и воеводами, и, кромѣ того, распредѣляли полки по душамъ, собирали рекрутъ и исполняли другія правительственныя порученія (см. у Богословскаго, 381 и др.). Затѣмъ г. Чечулинъ сообщаетъ, что подушная подать была опредѣлена первоначально указомъ 11 ноября 1722 г. по 80 коп. съ персоны (стр. 120), тогда какъ на самомъ дѣлѣ она сначала была опредѣлена указомъ отъ 5 марта 1721 г. въ размѣрѣ 32 алтынъ 2 денегъ (см. П. С. З., № 3753). Встрѣчаются и другіе промахи. Но, разумѣется, промахи возможны въ каждомъ ученомъ трудѣ, и отъ нихъ книга г. Чечулина не теряетъ того значенія, на которое указано выше. **М. Клочковъ.**

Н. П. Лихачевъ. Къ исторіи дипломатическихъ сношеній съ папскимъ престоломъ при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Съ 2 таблицами. Спб., 1906.

Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ оживились съ пріѣздомъ къ Іоанну Грозному Антонія Поссевина—и все-таки не сдѣлались постоянными. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ польскій посолъ былъ въ Москвѣ два раза, но отвѣтнаго русскаго посольства не посылалось. При преемникѣ Ѳеодора сношенія съ Римомъ совсѣмъ было прекратились, и только въ самомъ концѣ своего царствованія (въ ноябрѣ 1604 г.)., хватаясь въ отчаяніи за всѣ средства, Борисъ Годуновъ отправилъ къ Клименту VIII длинное дружественное письмо въ надеждѣ на то, что папа повліяетъ на короля Сигизмунда III въ вопросѣ о признаніи законныхъ правъ Лжедимитрія. Посланіе Бориса къ папѣ было отправлено вмѣстѣ съ письмомъ къ императору Рудольфу II.

Въ одну изъ поѣздокъ въ Италію Н. П. Лихачеву удалось пріобрѣсти два интересныхъ документа, имѣющіе непосредственное отношеніе къ судьбѣ этого письма. Первый изъ нихъ представляетъ изложеніе письма Бориса и носитъ заглавіе: «Sommario della lettera di Borisso gran Duca di Moscovia alla S—ta mem. S. P. P. Clementi VIII scritta di Novembre 1604». Н. П. Лихачевъ объясняетъ происхожденіе этого «sommario» тѣмъ, что дипломатическіе документы (и не только русскіе) писались съ большой вычурностью и манерностью изложенія такъ, что красоты канцелярскаг стиля часто совершенно затемняли содержаніе документа. По мнѣнію истс рика, папская канцелярія не умѣла сама разобрать смысла предложені Бориса, и обратилась за помощью къ іезуитамъ, переводъ которыхъ, найден

ный Н. П. Лихачевымъ, и былъ подготовленъ для доклада папѣ. Сравнивая два письма Бориса къ императору Рудольфу II и папѣ, Н. П. Лихачевъ находитъ въ послѣднемъ документѣ нѣсколько важныхъ дополненій. Такъ въ письмѣ находится извѣстіе о посылкѣ посольства къ папѣ и задержаніи пословъ въ Литвѣ; затѣмъ, совѣтъ направить черезъ Архангельскъ пословъ въ Персію отъ папы, во избѣжаніе дороги черезъ Польшу, при чемъ Борисъ отвѣчаетъ вмѣстѣ со свободнымъ пропускомъ за снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ; наконецъ, Борисъ сообщаетъ о томъ, что иностранные купцы «per farmeli piu amici» освобождены имъ отъ таможенныхъ пошлинъ, отчего царское правительство получаетъ ежегодный убытокъ въ сто тысячъ флориновъ. Кромѣ того, въ найденномъ «Sommario» слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующій фактъ. Темныя выраженія московскихъ документовъ смутнаго времени, позволявшіе думать, что правительство Годунова дѣйствительно допускало мысль о томъ, что самозванецъ былъ истиннымъ Димитріемъ,—находятъ отголосокъ и въ письмѣ Бориса къ папѣ, именно, въ указаніи Годунова, что если бы Отрепьевъ и былъ дѣйствительнымъ сыномъ Грознаго, то вѣдь все-таки онъ сынъ «незаконный»—«naturole».

Второй изъ пріобрѣтенныхъ Н. П. Лихачевымъ документовъ представляетъ, по его мнѣнію, окончательный черновой экземпляръ, приготовленный для передѣлки въ оригинальный актъ папскаго отвѣта на письмо Бориса. Хотя въ датировкѣ разбираемаго документа и нѣтъ указанія на печать, что̀ является доказательствомъ формы документа, какъ офиціальнаго письма папы, но на основаніи знака сокращенія подъ датировкой—etc., Н. П. Лихачевъ справедливо склоняется къ мысли, что найденный имъ документъ предполагался быть выданнымъ въ формѣ бреве на открытомъ листѣ пергамента съ обычной красновосковой печатью рыбаря. Въ своемъ бреве папа Павелъ V обѣщаетъ Борису немедленно написать какъ императору, такъ и королю Сигизмунду, при чемъ, какъ подчеркиваетъ историкъ, обѣщаетъ воздѣйствовать авторитетомъ императора: «utidem Sigismundus rex Grizkum complecti ac fovere desistat». Далѣе папа убѣждаетъ Бориса отказаться отъ похода на Литву, чтобы не ухудшить этимъ дѣла, и очень хвалитъ за намѣренія относительно дѣйствій противъ турокъ. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что предложеніе Бориса о посылкѣ посольства въ Москву и Персію, помимо Польши, черезъ Архангельскъ оставлено папой безъ всякаго отвѣта. Оканчивается бреве пышными пожеланіями благъ отъ Бога

Въ монографіи «La Russie et le Saint-Siège» о. П. Пирлингъ говоритъ, что на письмо Бориса отвѣчено не было, и что онъ былъ предоставленъ своей судьбѣ. Заключеніе почтеннаго владѣльца вновь открытыхъ документовъ то, что посылка папскаго письма была остановлена полученнымъ въ Римѣ извѣстіемъ о смерти Бориса. Въ противномъ случаѣ должна бы была находиться запись въ регистрахъ бреве, которой не найдено.

Въ концѣ приложены три фотографическія таблицы—черновикъ письма папы Павла V къ царю Борису Годунову, «Sommario» письма Годунова къ Клименту VIII и два снимка поменьше: а) адресъ и указаніе содержанія того же письма и b) зачеркнутая подпись составителя «Sommario». **А. Я.**

Д. Менделѣевъ. Къ познанію Россіи. Съ приложеніемъ карты Россіи. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1906.

Въ этой брошюрѣ профессоръ Д. И. Менделѣевъ задался благодарной цѣлью использовать наиболѣе поучительныя цифры нашей первой всеобщей переписи 1897 г. для выводовъ «по вопросамъ того порядка, который преобладаетъ послѣ заключенія мира съ Японіей, послѣ дарованія всякихъ свободъ и при созывѣ государственной думы».

Предметъ въ высшей степени интересный, и знаменитый ученый выполнилъ свою задачу съ выдающимся успѣхомъ. Первое изданіе брошюры, выпущенное въ свѣтъ въ іюнѣ 1906 г., разошлось менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, такъ что въ августѣ потребовалось напечатать этотъ замѣчательный трудъ вторымъ изданіемъ, заглавіе котораго и выписано выше [1]).

Работу свою авторъ раздѣлилъ на три части: выводы изъ переписи, опредѣленіе центра Россіи и общая карта Россіи.

Конструкція всей работы такова. Основаніемъ служатъ таблицы цифровыхъ данныхъ [2]), а въ текстѣ даются объясненія цифръ и выводы изъ нихъ.

Главный интересъ представляютъ выводы изъ переписи, которымъ посвящена наибольшая часть брошюры (122 стр. изъ 156).

Относящіяся сюда цифровыя данныя размѣщены въ трехъ таблицахъ подъ слѣдующими общими рубриками: 1) Число жителей. 2) Распредѣленіе жителей по возрасту. 3) Умалишенные, глухонѣмые, слѣпые и нѣмые. 4) Основныя условія хозяйственной жизни (площадь земли и расчетъ ея на душу). 5) Распредѣленіе жителей по ихъ природному языку. 6) Распредѣленіе по вѣроисповѣданію. 7) Число обучавшихся. 8) Число хозяйствъ. 9) Число жителей въ городахъ. 10) Распредѣленіе жителей по занятіямъ, способамъ жизни и видамъ промысла. 11) Число кормильцевъ и 12) число домочадцевъ при кормильцахъ.

Въ территоріальномъ отношеніи всѣ данныя пріурочены къ губерніямъ, а губерніи распредѣлены между «краями» и «землями» [3]).

Наиболѣе важные выводы, сдѣланные авторомъ изъ данныхъ переписи, сводятся къ слѣдующему.

Распредѣленіе жителей Россіи (по переписи 128,2 милл. душъ, а съ приростомъ къ началу 1906 г. 146,6 милліоновъ душъ) по губерніямъ, краямъ и землямъ крайне неравномѣрно, вслѣдствіе чего получается такая огромная разница въ отношеніи густоты населенія.

---

[1]) Изданіе это почти тожественно съ предшествующимъ.

[2]) Въ расчетахъ для таблицъ и составленіи карты принимали участіе приглашенные авторомъ единомышленные сотрудники (11 чел.), въ числѣ которыхъ находился и сынъ автора, И. Д. Менделѣевъ.

[3]) «Краями» названы авторомъ тѣ части Россіи, которыя прилегаютъ хотя отчасти къ границамъ имперіи. Всѣхъ «краевъ» 13: Петербургскій, Ливонскій Польскій, Малороссійскій, Литовско-Бѣлорусскій, Южно-Русскій, Кавказскій, Закавказскій, Закаспійскій, Южно-Сибирскій или Киргизскій, Восточно-Сибирскій, Западно-Сибирскій, Сѣверно-Русскій. Четырнадцатымъ «краемъ» авторъ считаетъ Финляндію («Финскій край»). Всѣхъ «земель» (внутреннія части Россіи) 5: Подмосковная, Среднерусская, Верхневолжская, Пермская и Нижневолжская.

Въ 68 губерніяхъ Европейской Россіи, безъ Сѣверно-Русскаго края, но со включеніемъ Кавказа, Закавказья и Польскаго края, всѣхъ жителей 101,3 милл., земли 4.1 милліона квадратныхъ верстъ, въ среднемъ на душу $4^1/_5$ десятинъ.

Въ 21 губерніи Сѣверно-Русскаго, Закаспійскаго и Сибирскихъ краевъ жителей 24,3 милліона, земли 14,8 милліоновъ квадратныхъ верстъ, на душу $63^1/_2$ десятинъ [1]).

Наконецъ, въ 8 губерніяхъ Финляндіи 2,6 милліона жителей, 0,3 милліона квадратныхъ верстъ земли, изъ которой въ среднемъ на душу приходится 12 $^1/_2$ десятинъ [2]).

Такимъ образомъ, «огромное большинство жителей Россіи находится въ такомъ же положеніи (малоземелья), въ какомъ три или четыре столѣтія тому назадъ находилось большинство странъ Западной Европы. Это положеніе вызвало тамъ... религіозныя войны, бунты, революціи»... переселенія и т. п. У насъ «часть совершающихся нынѣ событій, безъ сомнѣнія, должно приписать такому же положенію, въ которое мы поставлены въ настоящее время».

Наиболѣе удовлетворительный и цѣлесообразный выходъ изъ этого положенія (основную или коренную мѣру) авторъ видитъ, однако, не въ переселеніи изъ густонаселенныхъ мѣстностей въ рѣдконаселенныя, и въ особенности не въ передѣлахъ земли между владѣльцами, вообще не въ увеличеніи земельныхъ надѣловъ, а въ улучшеніи земледѣлія и переходѣ части народа къ другимъ, неземледѣльческимъ промысламъ.

Авторъ является противникомъ расширенія территоріи Россіи путемъ завоеваній. «Намъ за глаза довольно дѣла и тамъ, гдѣ мы сѣли. Попробовали было мы... поживиться на счетъ Китая, да получили урокъ, показавшій, что расплываться намъ совершенно не слѣдуетъ, а лучше, даже настоятельно необходимѣе, заняться тѣмъ, что давно стало нашимъ»...

Народное образованіе въ Россіи вообще стоитъ на низкой ступени, а въ частности среднее и высшее образованіе «за послѣдніе годы сильно упало, что доказывается... тѣмъ малымъ научнымъ содержаніемъ, которое находится въ литературныхъ, техническихъ и всякихъ иныхъ прогрессивныхъ произведеніяхъ лицъ послѣдняго времени въ Россіи». Въ общемъ вся наша образованность выражается въ слѣдующихъ данныхъ: 26 милліоновъ душъ съ низшимъ образованіемъ и 1,44 милліона, — съ среднимъ и высшимъ. Всего 21,1 %, или немного болѣе $^1/_5$ части всего населенія. Четыре человѣка изъ каждыхъ пяти неграмотны, т.-е., увы, вполнѣ темны и невѣжественны.

Несмотря, однако, на столь плачевное состояніе народнаго образованія, авторъ признаетъ невозможнымъ приступить нынѣ же къ введенію всеобщаго обученія, въ виду того, что для этого нужны большія средства и хорошо подготовленные учителя, которыхъ у насъ нѣтъ. По мнѣнію автора, пока не

[1]) На стр. 25, очевидно, ошибочно напечатано: въ первомъ случаѣ 47 губерній, а во второмъ 22 губерніи.

[2]) Свѣдѣнія о Финляндіи взяты изъ «Статистическаго ежегодника Финляндіи за 1905 годъ».

собраны средства и не подготовлены учителя, затѣвать всеобщее обученіе совершенно нецѣлесообразно. Отраднымъ фактомъ въ области образованія является сравнительно большое число у насъ образованныхъ женщинъ. Получившихъ среднее и высшее образованіе мужчинъ 884 тысячи, а женщинъ 557 т., т.-е. на 8 мужчинъ приходится 5 женщинъ.

Авторъ совершенно справедливо указываетъ на крупный недостатокъ переписи, заключающійся въ отсутствіи въ ней свѣдѣній о количествѣ оборотовъ и доходовъ, получаемыхъ жителями, и о запасахъ всякаго рода полезностей. Въ противоположность переписи, «этотъ путь поняли многія земства, учредившія мѣстную статистику» съ оцѣнкой всего производимаго и потребляемаго крестьянами. Столь же справедливы указанія автора и на другіе важные пробѣлы въ переписи, каковы отсутствіе данныхъ о земельныхъ угодьяхъ, горныхъ залежахъ, перевозкѣ и торговлѣ, вознагражденіяхъ служащихъ и т. п.

Недостатокъ свѣдѣній переписи не даетъ возможности опредѣлить степень нашей бѣдности. Но земскія данныя доказываютъ, что годовой достатокъ нашего крестьянина нельзя считать больше 50—60 р., тогда какъ стоимость производства фабрикъ и заводовъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ даетъ въ среднемъ на каждаго жителя 350 р. въ годъ.

Бѣдность населенія Россіи устанавливается авторомъ положительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ указываются и причины этой бѣдности: «занятія преимущественно первичными промыслами» и «незначительность затрачиваемаго у насъ труда». Поэтому избавленіе отъ бѣдности и подъемъ народнаго богатства авторъ видитъ въ улучшеніи земледѣлія по мѣрѣ развитія образованія въ народѣ и накопленія у него средствъ и въ параллельномъ развитіи неземледѣльческой, особливо горной, промышленности, что̀ дастъ возможность населенію съ пользою прилагать свой трудъ въ свободное отъ земледѣлія время и такимъ путемъ увеличивать свое благосостояніе и поднимать уровень общаго богатства страны. Въ частности, авторъ, повидимому, склоняется къ тому, чтобы государственная дума выработала законы, по которымъ нѣдра земныя составляли бы общенародную, но никакъ не частновладѣльческую собственность.

Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ указать еще на многіе другіе важные выводы автора, которыми такъ богатъ разсматриваемый его трудъ. Поэтому, отсылая интересующихся къ самому первоисточнику, ограничиваемся здѣсь упоминаніемъ еще о центрѣ и картѣ Россіи, которымъ посвящены вторая и третья часть брошюры.

Понятіе центра страны выражается въ нѣсколькихъ опредѣленіяхъ: центръ административный, центръ поверхности, центръ населенности, срединный пунктъ (у американцевъ median point). Въ Россіи отысканіе центра ея до сихъ поръ, насколько извѣстно, никогда не дѣлалось въ сколько нибудь точномъ видѣ. Авторъ занялся этимъ и опредѣлилъ центры Россіи относительно поверхности и населенности, какъ наиболѣе интересныхъ точекъ. Географическое положеніе этихъ центровъ опредѣлено для каждой губерніи, для каждаго «края» и «земли» и для всей Россіи. Въ послѣднемъ случаѣ центръ поверхности упадаетъ на 63° 29′ с. ш. и 53° 0′ в. д. отъ Пулкова (между Обью и Енисеемъ въ Енисейской г., немного южнѣе г. Туруханска), а центръ

населенности на 53 ° 20 ′ с. ш. и 10 ° 23 ′ в. д. (въ Тамбовской г., на сѣверо-востокъ отъ Козлова и на западъ отъ Моршанска).

Составленіе авторомъ новой карты Россіи вызвано указанными имъ недостатками въ существующихъ картахъ относительно изображенія Россіи въ цѣломъ видѣ (чаще всего въ проекціи Гаусса). Авторъ употребилъ много усилій, чтобы найти такой способъ картографическаго изображенія всей Россіи, въ которомъ Европа слилась бы съ Азіею, и выступало бы нынѣ первенствующее значеніе Европейской Россіи, которая, напротивъ, совершенно несоотвѣтственно ея значенію, на нынѣшнихъ картахъ является какимъ-то придаткомъ, находящимся сбоку, такъ что получается общее впечатлѣніе о Россіи, какъ странѣ по преимуществу Азіатской, что̀, по мнѣнію автора, совершенно неправильно. Вновь составленная карта приложена къ изданію.

В. Кузнецовъ.

Гаустонъ Стюартъ Чемберлэнъ. Евреи. Ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Россіи. 3 изданіе. Спб. 1906.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи. Очеркъ общественной, правовой и экономической жизни евреевъ. Спб. 1906.

Первая изъ отмѣченныхъ здѣсь книгъ выходитъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ третьимъ изданіемъ. Уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что Чемберлэнъ отвѣтилъ на очень важный и, очевидно, давно существовавшій въ обществѣ вопросъ, и отвѣтилъ вполнѣ обстоятельно. Благодаря своей причастности къ возникновенію христіанства, евреи внесли часть своего религіознаго міросозерцанія, часть своего внутренняго міра въ психику и религіозную жизнь христіанскихъ народовъ. Съ другой стороны, овладѣвъ капиталомъ — этимъ nervus rerum всей современности, занявъ крѣпкую позицію въ европейской наукѣ и искусствѣ, потомки древнихъ іудеевъ добились огромнаго вліянія на современную жизнь, которое, все болѣе и болѣе усиливаясь, заставляетъ вдумчивыхъ людей тревожно доискиваться причинъ ихъ силы. Нѣтъ ничего мудренаго, что на западѣ, хотя еврейскій вопросъ тамъ и не чувствуется такъ остро, какъ у насъ, давно уже принялись за научную разработку исторіи и сущности еврейства. У насъ эти вопросы до сего времени трактовались или съ богословской точки зрѣнія, или же съ публицистической, разными лицами, не обладающими достаточнымъ въ этомъ дѣлѣ научнымъ авторитетомъ. Чемберлэнъ переноситъ разрѣшеніе поставленныхъ имъ вопросовъ на почву строгой и безпристрастной науки, отчего его выводы сразу пріобрѣтаютъ необходимый для убѣдительности вѣсъ и значеніе. Судя по обширной эрудиціи и по осторожному анализу, Чемберлэнъ—не публицистъ и не политикъ, а солидный ученый, прошедшій хорошую школу нѣмецкой исторической науки. Недаромъ этотъ англичанинъ пишетъ по-нѣмецки!

Вооружившись всѣми данными, имѣющимися въ распоряженіи исторіи востока, его археологіи и естествознанія, Чемберлэнъ съ осмотрительностью истаго ученаго подходитъ, прежде всего, къ вопросу о происхожденіи израильскаго народа, отдѣляя отъ него позднѣйшихъ его потомковъ, именуемыхъ

евреями. По его мнѣнію, народъ этотъ—результатъ племенного смѣшенія крайне разнородныхъ человѣческихъ типовъ, въ которомъ семитическій элементъ въ нравственномъ отношеніи былъ самымъ мощнымъ, но физически участвовалъ въ образованіи новой этнографической индивидуальности развѣ только на половину. Семитическое племя бенъ-израиль въ незапамятныя времена покинуло Аравію путемъ выселенія изъ нея маленькими группами. Эти группы послѣ долгихъ странствованій на почвѣ Палестины пришли въ соприкосновеніе, а затѣмъ и въ смѣшеніе съ двумя туземными племенами—хеттеями сирійскаго происхожденія и амореями, которые, по всѣмъ даннымъ, представлялись народомъ арійскимъ, т.-е. родственнымъ европейцамъ. Каждое изъ этихъ племенъ, къ моменту встрѣчи съ народцемъ бенъ-израиль, уже достигло и своей культурной и духовной индивидуальности и, растворившись въ израилѣ, внесло въ него антропологическое и культурное наслѣдіе. Такъ, свойственный евреямъ носъ въ видѣ нависшей сливы они, несомнѣнно, получили отъ сирійцевъ, хеттеевъ, а попадающіеся иногда среди евреевъ бѣлокурые волосы—отъ амореевъ. Хеттеи научили израильтянъ письменнымъ знакамъ, земледѣлію и виноградарству. Они же дали имъ институтъ пророковъ. Ихъ богъ Ваалъ постепенно сросся съ израильскимъ Іеговою.

Амореи же сообщили израильтянамъ высокій ростъ и крѣпкую физическую силу. Въ психическомъ отношеніи смѣшеніе съ хеттеями наградило позднѣйшихъ пришельцевъ въ Іудею—любовью къ порядку, хитростью, практичностью. Трудолюбіе и выносливость достались арабскому народцу въ наслѣдство отъ амореевъ. Но главнымъ преобладающимъ свойствомъ въ психикѣ израильтянина осталась навѣки древняя семитическая черта—стальная воля, порабощающая себѣ всѣ остальныя стороны души. Семитъ, по словамъ извѣстнаго ученаго Ратцеля, отличается большею односторонностью религіознаго чувства. Склонность къ насилію и исключительность, словомъ сказать, фанатизмъ—самая характерная черта семита. Другой естествоиспытатель Лассенъ даетъ такую характеристику семита въ интеллектуальномъ отношеніи: «Воззрѣнія семита субъективны и эгоистичны. Поэзія его лирична и потому субъективна; эпосъ ему не удается. Философія чужда семитамъ, одни арабы заимствовали ее у индогерманцевъ. Въ своей религіи семитъ также эгоистиченъ и исключителенъ». Но при перевѣсѣ воли съ присущимъ ей у семита эгоизмомъ высшія духовныя дарованія глохнутъ: религія вырождается въ фанатизмъ, мышленіе становится произволомъ, искусство — выраженіемъ любви и ненависти данной минуты, наука—промышленностью. Фантазія семита, по словамъ Ренана, дѣйствуетъ ограничивающимъ, связывающимъ образомъ; великая мысль, глубокій символъ возвращаются послѣ ихъ обработки его мозговой дѣятельностью блѣдными и жалкими, какъ бы расплющенными». Въ религіи семитъ—матеріалистъ: творческой фантазіи, изумленію здѣсь нѣтъ мѣста. Его религія, по выраженію Ренана, есть минимумъ религіи: «Область, обнимаемая семитическимъ духомъ,—говоритъ онъ,—крайне ограничена, но онъ охватываетъ это немногое съ чрезвычайной силой».

И вотъ народъ съ такимъ психическимъ складомъ постигаетъ страшное національное несчастіе. Въ 721 г. до Р. Х. вавилоняне разгромили Израиль-

ское царство и большую часть жителей увели въ плѣнъ. Передъ оставшимся въ одиночествѣ Іудейскимъ царствомъ, шедшимъ до сихъ поръ въ политическомъ, религіозномъ и соціальномъ отношеніи какъ бы на буксирѣ у сѣвернаго, болѣе даровитаго собрата, вдругъ выростаетъ огромная задача сохранить свою не только политическую, но и національную самостоятельность. Съ этого момента въ Іудейскомъ царствѣ начинается усиленная работа по отмежеванію себя отъ всего остального міра. «Весь кругъ понятій,—говоритъ Чемберлэнъ,—обратившійся затѣмъ въ самую основу іудейства, возникъ въ это время и развился довольно быстро изъ зародышей, которые при нормальныхъ условіяхъ никогда не дали бы такого богатаго расцвѣта». Работа эта завершилась Эздрой, который, вернувшись изъ плѣна вавилонскаго, будто бы нашелъ, а на самомъ дѣлѣ, вновь написалъ Второзаконіе, гдѣ національная исключительность іудеевъ стала уже самой сильной религіозной догмой. Этому специфическому іудейству,—говоритъ Чемберлэнъ,—было положено твердое основаніе на чужбинѣ, во время плѣна вавилонскаго. Религія іудея стала вѣрой, дышащей безсиліемъ и жаждой мести, пытающаяся забыть горе настоящаго въ картинахъ несбыточнаго будущаго. Израиль, училъ пророкъ этой эпохи Іезекіиль, созданъ не для того, чтобы работать и изображать, какъ другіе народы, но чтобы быть святыней Іеговы. Съ этого времени сынъ іудея могъ вступить въ бракъ только съ іудейкой, и вотъ почему евреи теперь являются самой чистокровной расой во всей Европѣ, донесшей даже изъ глубины вѣковъ свой хеттейскій носъ. Съ этого времени іудейство стало не націей, а идеей или надеждой, до сихъ поръ крѣпко связывающей всѣ разсѣянные по землѣ обломки этого азіатскаго народа.

Результатомъ страшнаго подлога Эздры было полнѣйшее презрѣніе іудеевъ къ другимъ народностямъ, стремленіе къ власти и господству во имя самосохраненія, движимое могучей волей. И эти свои свойства іудейство проявило на протяженіи десятковъ вѣковъ. Еще въ Вавилонѣ, будучи плѣнниками, израильтяне достигли огромнаго вліянія при помощи дворцовыхъ интригъ (Мардохей) и своихъ богатыхъ банкировъ. Въ средневѣковой Европѣ евреи, по временамъ, не только достигали равноправія, но находились, бдагодаря тѣмъ же банкирамъ, и въ привилегированномъ положеніи. Такъ, при Карлѣ Великомъ считалось признакомъ хорошаго тона посѣщать еврейскую синагогу. Они—incredibile auditu! — занимали даже высшія должности въ іерархіи христіанской церкви! И вездѣ и всегда, когда евреи пользовались безграничной свободой дѣйствій, за іудействомъ, какъ его тѣнь, слѣдовало явленіе, нынѣ называемое антисемитизмомъ. Напрасно говорятъ, что юдофобство—продуктъ невѣжества и человѣконенавистничества. Исторія говоритъ иное. Даже такіе просвѣщеннѣйшіе и либеральные для своего времени правители, какъ Фридрихъ II Гогенштауфенъ, принуждены были исключить евреевъ изъ всѣхъ общественныхъ должностей въ виду того, что тамъ, гдѣ еврей допущенъ къ власти, онъ вездѣ ею злоупотребляетъ. Гердера, Гете и Вольтера никому не придетъ въ голову заподозрѣть въ обскурантизмѣ и человѣконенавистничествѣ, а между тѣмъ вотъ какъ отзываются они о еврействѣ. «Какъ можемъ мы допустить причастность еврея къ высшей культурѣ,—спрашиваетъ Гете,—источникъ и происхожденіе которой онъ отрицаетъ?»

«Причисляютъ ли себя эти образованные евреи къ колѣну Нафѳалинову или Иссахарову, это имѣетъ весьма мало значенія,—пишетъ, между прочимъ, Вольтеръ: — они, во всякомъ случаѣ, всѣ величайшіе плуты, когда либо осквернявшіе собою земную поверхность». Гердеръ прямо высказываетъ мысль, что наличность въ любомъ государствѣ извѣстнаго числа евреевъ такъ пагубна для него, что въ этомъ случаѣ «нельзя руководствоваться общими гуманными принципами».

Едва ли есть на свѣтѣ страна, гдѣ наличность евреевъ чувствовалась бы сильнѣе, чѣмъ въ Россіи. Еврейскій вопросъ, какъ извѣстно, уже давно служитъ у насъ темой самой ожесточенной полемики, но полемика эта ведется, такъ сказать, à vol d'oiseau, безъ ссылки на факты исторіи. Чтобы путемъ историческаго изслѣдованія «помочь уясненію, а слѣдовательно, и разрѣшенію еврейскаго вопроса на зарѣ XX вѣка», рѣшился выступить съ своимъ историческимъ трудомъ г. Гессенъ. Его книга посвящена спеціально исторіи евреевъ въ Россіи. Въ краткихъ чертахъ исторія эта такова.

Евреи достались намъ при раздѣлѣ Польши. Нельзя сказать, чтобы Екатерина II была очень довольна пріобрѣтеніемъ этихъ новыхъ подданныхъ, такъ какъ еще при восшествіи своемъ на престолъ она категорически отвергла предложеніе сената открыть въ Россію доступъ евреямъ. Тѣмъ не менѣе, за новыми русскими подданными были сохранены всѣ права имущественныя и публичныя и свобода въ отправленіи вѣры. Евреямъ разрѣшено было принимать участіе въ дѣлахъ ратушъ, магистратовъ и сословныхъ учрежденій, при чемъ они наравнѣ съ христіанами могли выбираться въ должности ратмановъ, бурмистровъ и другихъ должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ, евреи пользовались довольно обширными правами и, во всякомъ случаѣ, не меньшими, чѣмъ христіанское населеніе. И что же? Еще при жизни Екатерины правительство признаетъ необходимымъ постепенно ограничивать эти права. Въ 1791 г. для евреевъ устанавливается черта осѣдлости, обнаруживается тенденція освобождать отъ нихъ уѣзды, ограничивается ихъ участіе въ органахъ городского и сословнаго самоуправленія. На ряду съ этимъ Екатерина настаиваетъ, чтобы кагалы не касались «иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія». Уже Екатерина заботилась о томъ, чтобы собрать и сконцентрировать въ городахъ евреевъ, разселившихся по деревнямъ и селамъ. Необходимость водворенія евреевъ въ города еще сильнѣе сказывалась при Павлѣ. Особенно настаивалъ на принятіи ограничительныхъ противъ нихъ мѣръ Державинъ, которому въ 1800 г. было поручено Павломъ изслѣдовать сыпавшіяся на еврейскую эксплоатацію жалобы. «Чтобы истребить изъ нихъ (евреевъ) ненависть къ иновѣрнымъ,—докладывалъ Державинъ, изучавшій еврейскій вопросъ на мѣстѣ,—надобно ихъ просвѣтить».

И дѣйствительно, когда въ 1804 г. былъ образованъ особый комитетъ по разработкѣ еврейскаго вопроса, онъ, прежде всего, постановилъ, что «всѣ дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей во всѣхъ россійскихъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ». Но евреи не сочли нужнымъ воспользоваться этой I ст. Положенія. «Не говоря уже о причинахъ,—объясняетъ еврейскій историкъ,—таившихся вовнутренней

еврейской жизни, уже одни ограниченія въ правовомъ положеніи евреевъ побуждали еврейское общество бдительно охранять свои религіозно-національные интересы и видѣть въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ начало какого-то новаго зла. Живя сплоченной массой, евреи обходились въ повседневномъ быту еврейскимъ языкомъ. Поэтому знаніе русской или польской грамоты могло интересовать евреевъ лишь постольку, поскольку это образованіе имѣло значеніе въ сферѣ общенія ихъ съ христіанами». А если это такъ, то жалобы магистратовъ и судебныхъ мѣстъ, куда евреи могли избираться въ члены, на то, что вслѣдствіе «ихъ незнанія ни россійскаго, ни польскаго языковъ отъ присутствія ихъ въ судахъ всегда больше затрудненій бываетъ», слѣдуетъ признать правильными и мѣры для устраненія такихъ жалобъ, выразившіяся въ томъ, что сначала стали ограничивать число выборныхъ членовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, а затѣмъ и вовсе перестали допускать евреевъ къ исправленію нѣкоторыхъ должностей, — вполнѣ раціональными, тѣмъ болѣе, что и власти, и сословно-выборныя учрежденія, и жители дружнымъ хоромъ заявляли правительству «о враждебной склонности евреевъ засадить между ихъ собраніями разныя въ пользу своего рода извороты», какъ выразился въ официальномъ представленіи 1800 г. виленскій губернаторъ. Еще рѣзче выступило въ 1803 г. противъ евреевъ само христіанское населеніе города Вильны. Оно прямо указывало, что «городъ черезъ допущеніе евреевъ къ должностямъ терялъ бы свои со временемъ права, свободу и прерогативы, и граждане его христіане принуждены были подпасть подъ разные, свойственные евреямъ происки такъ, что сіи послѣдніе могли бы взять надъ ними верхъ». Такихъ жалобъ поступало безчисленное количество, и правительство, надо полагать, урѣзывало права евреевъ на основаніи фактовъ, на которые указывали эти жалобы, а вовсе не изъ желанія «унизить еврея» или подъ вліяніемъ какой-то фантастической ненависти Державина къ евреямъ, какъ пытается объяснить дѣло г. Гессенъ. Само населеніе поддерживало въ этомъ случаѣ правительство. Витебскій, напримѣръ, магистратъ просто выгналъ силою изъ своего состава евреевъ.

Другимъ постояннымъ Leitmotiv'омъ жалобъ населенія являются непрерывныя указанія на спаиваніе евреями крестьянъ и на экономическую эксплоатацію ихъ при помощи разныхъ арендъ. По мнѣнію историка еврейства въ Россіи, евреи и здѣсь были ни при чемъ. Правительство де, не желая сталкиваться съ классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые пользовались правомъ курить вино, само спаивало народъ, а евреи только являлись посредниками по продажѣ водки. Пусть даже такъ. Но, если евреи являлись посредниками въ продажѣ вредныхъ вещей, если, благодаря ихъ присутствію въ деревняхъ, водка дѣлалась доступной каждому крестьянину, то развѣ правительство не было въ правѣ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, сократить этотъ вредный классъ посредниковъ и, положивъ конецъ ихъ посредничеству, уменьшить размѣры винокуренія, что̀ на самомъ дѣлѣ и имѣлось въ виду сдѣлать, при помощи выселенія евреевъ изъ деревень въ городъ? Г. Гессенъ горько жалуется на это водвореніе въ города, считая эту мѣру пагубной для евреевъ. Почему же, однако, могутъ существовать города съ чисто рус-

скимъ или польскимъ населеніемъ. а евреи непремѣнно должны прилѣпляться къ какой нибудь народности, а сами своей общиной жить не могутъ? Въ 1804 г., въ самый разгаръ либеральныхъ вѣяній, когда сильно чувствовалось во всемъ вліяніе Сперанскаго, былъ образованъ особый комитетъ по еврейскимъ дѣламъ, въ составъ котораго входили такіе дѣятели, какъ Кочубей, Чарторижскій и др. Въ него были даже приглашены представители евреевъ по ихъ выбору. Самъ г. Гессенъ признаетъ, что комитетъ задавался самыми гуманными цѣлями. И что же?

Комитетъ не только не отмѣнилъ ограниченій еврейскихъ правъ, но кончилъ тѣмъ, что г. Гессенъ обвиняетъ его въ недостаткѣ гражданскаго мужества! Мы полагаемъ, что если бы еврейскій историкъ взглянулъ на дѣло съ точки зрѣнія блага общегосударственнаго, а не судилъ о фактахъ исключительно потому, выгодны и удобны ли они для евреевъ, то и объясненія его были бы другія, болѣе убѣдительныя, чѣмъ указанія на недостатокъ у членовъ комитета гражданскаго мужества.

Мы не имѣемъ ни возможности, ни охоты собирать здѣсь воедино разбросанныя въ книгѣ г. Гессена указанія на эксплоататорскую дѣятельность евреевъ въ Россіи. Для того, кто дастъ себѣ трудъ внимательно прочесть его книгу, станетъ ясно, что евреи лишались и у насъ нѣкоторыхъ своихъ правъ вовсе не по нетерпимости правительства, а вслѣдствіе того, что и въ Россіи они проявили характерныя качества своего племени: національную исключительность и сплоченность, наклонность къ «проискамъ», стремленіе во что бы то ни стало мирволить своимъ и взять верхъ надъ другими, т.-е. тѣ самыя свойства, которыя они, по свѣдѣніямъ Чемберлэна, проявили еще въ древнемъ Вавилонѣ, а затѣмъ и на протяженіи всей человѣческой исторіи. А. В.

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Москва. 1906.

Наше общество теперь мало интересуется литературной критикой, книгъ по этой области у насъ за послѣднее время почти не выходитъ. Что же представляютъ «Силуэты русскихъ писателей», если авторъ рѣшился выпустить ихъ въ такое время, которое даетъ ему надежду, что его книга встрѣтитъ сочувственное отношеніе публики? Г. Айхенвальдъ не обманулся въ своихъ надеждахъ: его очерки, безъ сомнѣнія, вызовутъ въ читателѣ сочувствіе. Укажемъ, въ чемъ заключается центръ тяжести интереса книги автора, что въ ней привлекаетъ читателя.

Работа г. Айхенвальда представляетъ рядъ очерковъ о нашихъ писателяхъ: Батюшковѣ, Крыловѣ, Грибоѣдовѣ, Рылѣевѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ, Баратынскомъ, Тютчевѣ, С. Аксаковѣ, Огаревѣ, Гончаровѣ, Плещеевѣ, Помяловскомъ, Г. Успенскомъ, Гаршинѣ, Короленко и Чеховѣ. Авторъ не говоритъ, какія цѣли преслѣдовалъ онъ въ своихъ работахъ, очевидно, сущность очерковъ опредѣляется общимъ ихъ заглавіемъ—силуэты. Подъ этимъ именемъ мы понимаемъ такой рисунокъ, въ которомъ нѣтъ деталей, а есть лишь общія очертанія, контуры. И, дѣйствительно, очерки г. Айхенвальда—силуэты. Авторъ не даетъ портрета, въ которомъ были бы отмѣчены

всѣ мелкія черты, онъ даетъ лишь общую характеристику, рисуетъ обликъ того или иного писателя штрихами, отдѣльными мазками. Есть критики, которые, сказавъ очень много, написавъ обширную статью, въ концѣ концовъ, не скажутъ ничего. Г. Айхенвальдъ же умѣетъ на нѣсколькихъ страницахъ, въ небольшомъ эскизѣ дать яркій силуэтъ писателя, изобразить его сложный внутренній міръ, психику, міросозерцаніе. Въ этой высшей степени обобщенія и синтеза заключается большое достоинство критика. Авторъ — психологъ, ему хорошо понятны натуры со сложнымъ внутреннимъ міромъ, мучащіяся, страдающія отъ разлада идеала съ дѣйствительностью, какъ, напримѣръ, Лермонтовъ, Гаршинъ, Чеховъ и т. п.; силуэты ихъ удачны. Но на ряду съ ними попадаются очерки незначительные и неяркіе, какъ, напримѣръ, Огарева, Крылова. И въ нихъ мы найдемъ вѣрныя замѣчанія, указанія, видно, что авторъ стремится дать полную характеристику, но это ему не удается, силуэты выходятъ блѣдными, туманными. Это вноситъ диссонансъ, который звучитъ рѣзко, нарушаетъ то цѣльное, хорошее впечатлѣніе, которое выносишь изъ нѣкоторыхъ очерковъ, талантливыхъ, вдумчивыхъ.

Но, несмотря на этотъ диссонансъ, на неодинаковую цѣнность силуэтовъ, въ книгѣ г. Айхенвальда есть что-то такое, что производитъ особенное впечатлѣніе, привлекаетъ къ ней. Это — та теплота, гуманность, ширина міросозерцанія, которыми проникнуты очерки. Многіе критики обращаютъ свое вниманіе исключительно на внѣшность фактовъ, въ глубину же, въ сущность не вглядываются, ихъ работы сухія, безъ чувства, хотя иногда и цѣнныя въ какомъ либо отношеніи, не производятъ на насъ глубокаго вліянія. Г. Айхенвальдъ всегда старается взглянуть въ сущность явленій, онъ пытается посмотрѣть въ душу писателя и тамъ, въ ея тайникахъ найти ключъ къ пониманію его произведеній, онъ умѣетъ облечь свои мысли въ такую форму, такъ нѣжно и мягко подойти къ писателю, что пробуждаетъ въ насъ какое-то особенное чувство, вызываетъ насъ на размышленіе, и намъ хочется внимательнѣе вглядѣться въ писателя, въ его внутренній міръ. **А. Фоминъ.**

Сергѣй Маковскій. Страницы художественной критики. Книга первая. Спб. 1906.

Съ любовью написанныя страницы. Лучше сказать—съ влюбленностью въ искусство, живое и безсмертное. «Страницы» сотканы изъ капризныхъ нитей—тонкихъ, какъ паутина, едва уловимыхъ. И когда на эту сѣть нитей-мыслей, на работу изящнаго ювелира-критика, падаетъ лучъ солнца,—она вся переливается блестящими тонами, словно сѣть паука; а отъ колыханія самаго легкаго вѣтра она превращается въ мелодію—молитвенный гимнъ въ честь возрождающагося искусства.

Въ этомъ нѣтъ ни преувеличеній, ни рисовки. Книга С. Маковскаго мнѣ особенно дорога потому, что говоритъ близкими мнѣ мыслями и чувствами, говоритъ то, что болѣзненно выношено мною самимъ въ теченіе многихъ лѣтъ,— когда, убѣдившись въ эгоизмѣ всякихъ моралистическихъ тенденцій въ вопросахъ художественной критики, я добровольно отказался отъ юношескаго credo

и долго не писалъ объ искусствѣ. Въ то же время я рвался къ нему, думалъ о немъ, прислушивался къ себѣ, стараясь въ себѣ самомъ отдѣлить искреннее отъ навѣяннаго извнѣ,—и снова сталъ писать только тогда, когда «примирился» съ тѣмъ, что цѣль вѣчнаго искусства—въ немъ самомъ. И теперь, когда я повторяю или перефразирую мысли критика, въ общемъ далеко даже не оригинальныя,—мнѣ кажется, что я говорю собственныя мысли. А потому да простится мнѣ и восторженность въ моихъ словахъ объ искусствѣ и влюбленность въ книгу, отъ начала и до конца проникнутую одной влюбленностью въ искусство.

Особенной заслугой С. Маковскаго для популяризаціи взглядовъ на возрождающееся искусство я считаю то, что онъ простыми словами и ясно,—много проще, чѣмъ Пшибышевскій,—формулировалъ тенденціозность всей прошлой художественной критики. Русскій эстетикъ существовалъ и раньше, но онъ преклонялся передъ искусствомъ только до тѣхъ поръ, пока смотрѣлъ на него, какъ на какой-то придатокъ къ жизни; и съ первыми попытками уловить главное, единственное назначеніе искусства, онъ становился горячимъ моралистомъ. Тогда онъ повторяетъ вслѣдъ за апостоломъ, что «все минется, одна любовь останется», и, какъ бы испугавшись своихъ прежнихъ увлеченій красотой, начинаетъ топтать въ грязь лучшіе цвѣты неумирающаго сада—красоты; отъ каждаго произведенія искусства онъ начинаетъ настойчиво требовать морали, идей пользы и истины. Примѣровъ немало. Критикъ указываетъ на Гоголя, уничтожившаго рукописи предъ смертью во имя «добраго дѣла», на Толстого, называющаго свои романы «побасенками», на Иванова, который призналъ безсиліе воплотить въ образахъ христіанскую идею, наконецъ, на Пушкина, который отводилъ «черни» довольно опредѣленное мѣсто въ вопросахъ красоты и память о себѣ въ потомствѣ предопредѣлилъ только за «чувства добрыя». Гдѣ же здѣсь искусство? И выходитъ, что дѣствительно у насъ никто еще не признавалъ въ красотѣ «высшаго, всеобъединяющаго и всепримиримаго начала, неподчинимаго ни нравственности, ни религіи, не нуждающагося въ объясненіи и въ оправданіи». У насъ никто не говорилъ, что «вѣчное творятъ тѣ, кто творитъ прекрасное»; у насъ большинство, если не всѣ художники смотрятъ на свое призваніе, какъ на миссію «учителей жизни», а на искусство, какъ на средство, но не самостоятельную цѣль. Они говорятъ, что «дѣла долговѣчнѣе самой сіяющей красоты», другими словами, служатъ обществу, требуя того же и отъ другихъ. Но вмѣстѣ съ развитіемъ индивидуализма нужно отказаться отъ этого взгляда, такъ какъ «загадочный процессъ превращенія жизни въ красоту не знаетъ различія между праведнымъ и грѣшнымъ»; такъ какъ мораль условна, зависитъ отъ эпохи и національности; такъ какъ потомство можетъ, и оно въ правѣ смѣяться надъ сентиментальными подвигами своихъ славныхъ предковъ; такъ какъ мы, ненавидящіе ложь, восторгаемся вымысломъ, безъ котораго не вѣчно ничто въ прошломъ или будущемъ. «Храмы и кумиры безсмертнѣе боговъ. Олимпійцы умерли. Тысячелѣтія назадъ послѣднія бѣлыя голубицы обагрили кровью алтари Венеры и Аполлона, но ихъ изваяніямъ все еще продолжаютъ шептать молитвы. Съ каждымъ поколѣніемъ почитателей красота ихъ рождается вновь. Никогда

больше Іегова не нашлетъ на землю своихъ пророковъ. Но огненные образы библейскихъ пророчествъ и вдохновенное сладострастіе Пѣсни Пѣсней спасутъ отъ тлѣнія Вѣчную книгу. Красота религіи переживаетъ религію. Творческое слово несомнѣннѣе Бога. И если—когда люди забудутъ ученіе Христа—христіанская легенда останется, то оттого, что она прекрасна».

Ошибку прежнихъ теорій С. Маковскій объясняетъ желаніемъ ихъ умѣрить тайны нашего духа красотой, въ то время какъ послѣдняя не можетъ рѣшить загадокъ разума, совѣсти, воли. Одно—начало жизни, морали; другое—начало творчества, эстетической мистики. Поэтому всѣ попытки выработать опредѣленныя формулы-догматы о назначеніи искусства были неудачны въ самомъ зародышѣ. Нельзя повторять за моралистами, что искусство должно имѣть конечную этическую цѣль, что иначе оно становится зломъ, потому что искусство стоитъ внѣ нравственности,—и лучшія его произведенія нерѣдко трактуютъ самые «безнравственные» мотивы. Когда утилитаристы утверждаютъ, что искусство должно быть полезно, и имѣютъ въ виду соціальное благо, то дѣлаютъ ошибку въ томъ смыслѣ, что конечная цѣль человѣчества—вопросъ не рѣшимый; стремленіе же къ соціальному счастью само по себѣ превращается въ красоту, которая при коллективистическомъ строѣ будетъ играть выдающуюся роль. Наконецъ, неправы и эстеты, которые удѣляютъ художнику полный просторъ въ творчествѣ и жертвуютъ нравственностью во имя красоты: «прекрасное побѣждаетъ нравственное,—говорятъ они.—Внѣ прекраснаго нѣтъ цѣлей. Все дозволено»... Такимъ образомъ, въ подобныхъ формулировкахъ нѣтъ ни тѣни чего нибудь примиряющаго эти противорѣчія, откуда ясно, что при опредѣленіи искусства нѣтъ мѣста догматизму, и оно остается таковымъ только до тѣхъ поръ, пока свободно. Авторъ заканчиваетъ свои мысли признаніемъ, что жизнь это—непрерывная борьба прошлаго съ будущимъ, а красота ея—вѣчное настоящее, почему безсмертно только прекрасное. «Среди многообразныхъ переживаній современности, среди тысячи борющихся теченій экономическихъ, соціальныхъ, политическихъ, религіозныхъ—искусству отмежевано самое скромное мѣсто. Но въ итогѣ—одно искусство не умираетъ. Когда нибудь и отъ нашей эпохи, отъ всего, что̀ мы считаемъ правдой, отъ всего для насъ святого и великаго останется только творимая нами красота. Самая глубокая мысль, самая безкорыстная побѣда духа—хрупкіе сосуды красоты. Мы существуемъ для того, чтобы другіе о насъ мечтали. Народы волнуются и бѣдствуютъ, чтобы ихъ жизнь претворилась въ сказку поэта. Вѣчный смыслъ и нашей современной революціи—въ какомъ-то еще не созданномъ произведеніи художника. Искусство—не дѣятельная сила жизни, но отраженіе ея превращеній въ вѣкахъ». Такова исповѣдь одного изъ лучшихъ и независимыхъ нашихъ художественныхъ критиковъ.

Надо отдать справедливость автору: онъ остается вѣренъ этой исповѣди во всѣхъ очеркахъ, составляющихъ содержаніе «Страницъ»—о Беклинѣ, Штукѣ, Клингерѣ, Карьерѣ, Менье, Бирдслеѣ, въ обзорахъ нѣсколькихъ выставокъ и т. д. И если «содержаніе книги остается случайнымъ», какъ извиняется онъ, то личныя впечатлѣнія С. Маковскаго въ общемъ составляютъ нѣчто единое—согрѣтое и одухотворенное единымъ. **А. Яцимирскій.**

Масановъ, И. Библіографія сочиненій А. П. Чехова. Москва. 1906.

Несмотря на то, что литература о Чеховѣ довольно велика, мы до сихъ поръ не имѣли полнаго списка всего написаннаго имъ. Какъ извѣстно, Чеховъ въ полное собраніе своихъ сочиненій не помѣстилъ многихъ своихъ работъ, главнымъ образомъ, раннихъ, не видя въ нихъ никакого значенія, между тѣмъ, онѣ очень интересны для изученія его творчества, по нимъ можно хорошо прослѣдить, какъ развивался его талантъ. Въ виду этого, трудъ г. Масанова, представляющій подробный перечень всего написаннаго Чеховымъ, имѣетъ большое значеніе и представляетъ глубокій интересъ. Нѣкоторыя указанія мы имѣемъ въ работѣ о Чеховѣ г. Смирнова, но они отрывочны, не полны и имѣютъ случайный характеръ. Конечно, и въ трудѣ г. Масанова не достигнуто абсолютной полноты, но этого нельзя даже и требовать отъ составителя, принявъ во вниманіе трудность библіографической работы при современномъ состояніи у насъ библіотечнаго дѣла, а также то обстоятельство, что Чеховъ многія свои произведенія не подписывалъ, и установить ихъ принадлежность ему очень трудно, почти немыслимо, но, во всякомъ случаѣ, г. Масановъ упоминаетъ все наиболѣе важное. Можно только сдѣлать ему упрекъ въ томъ, что онъ не придерживается хронологическаго порядка въ размѣщеніи собраннаго имъ матеріала, а слѣдуетъ очень неудобному. Но это во всякомъ случаѣ не можетъ уменьшить значенія его книги.

Библіографическая работа трудна и не цѣнится обществомъ, но, между тѣмъ, имѣетъ громадное значеніе. Можно только порадоваться, что находятся люди, которые, несмотря на это, работаютъ въ этой почему-то пренебрегаемой у насъ области книжнаго дѣла. **А. Ф—нъ.**

Ник. Финдейзенъ. Русская художественная пѣсня (романсъ). Историческій очеркъ ея развитія. Изд. П. Юргенсона. Москва. 1906.

Исторія русской музыки столь мало разработана и столь бѣдна литературой, что всякая работа въ этой области заслуживаетъ вниманія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, и небольшая книжка г. Финдейзена интересна тѣмъ болѣе, что это—первая попытка прослѣдить по возможности издалека—съ конца XVIII вѣка—развитіе русскаго романса и дать цѣльную картину этого развитія вплоть до нашего времени. Нельзя сказать, однако, чтобъ эта нелегкая задача удалась г. Финдейзену.

Начать съ того, что самый терминъ—«русская художественная пѣсня», на которомъ настаиваетъ г. Финдейзенъ, изгоняя терминъ «русскій романсъ», не удаченъ. Вѣдь дѣло заключается въ томъ, чтобы разграничить понятія русскаго народнаго пѣсеннаго безличнаго творчества и такого же творчества личнаго, являющагося на извѣстной ступени національной культуры. Послѣднее и обозначается терминомъ русскій романсъ. Лучше было бы нѣмецкій терминъ lied—«пѣсня» и volkslied—«народная пѣсня» усвоить и русскимъ. Но нецѣлесообразно продукты искусственнаго пѣсеннаго творчества называть «художе-

ственной пѣсней», какъ будто русская народная пѣсня не можетъ быть художественной.

Трудъ г. Финдейзена распадается на двѣ части—одну до Глинки, другую послѣ Глинки до нашего времени.

Первая часть, наименѣе до сихъ поръ разработанная, обнаруживаетъ знакомство автора съ обширнымъ матеріаломъ, но не видно, чтобы выводы и обобщенія автора логически вытекали изъ тщательнаго его изученія. Такъ какъ романское творчество въ XVIII вѣкѣ невозможно отдѣлить отъ водевильно-opернаго, то слѣдовало на послѣднее обратить больше вниманія. Этого, однако, авторъ не дѣлаетъ. Получается поверхностность. Достаточно сказать, что онъ вовсе не упоминаетъ о Пашкевичѣ, считавшемся въ концѣ XVIII вѣка знатокомъ русскаго характера въ музыкѣ (ему заказывались нумера русской музыки въ операхъ служившихъ при дворѣ иностранцевъ); молчитъ и о Катерино Кавосѣ, игравшемъ большую роль въ началѣ XIX вѣка и тоже писавшемъ оперы въ національномъ русскомъ стилѣ, при чемъ одна изъ его оперъ «Илья Богатырь», на либретто И. А. Крылова, была, такъ сказать, офиціально признана русской и долгое время давалась въ офиціально-торжественныхъ случаяхъ.

Къ первой части труда г. Финдейзена приложены интересные образцы романскаго творчества въ Россіи,—образцы, выбранные, впрочемъ, совершенно случайно изъ музыкальныхъ альманаховъ Герстенберга конца XVIII вѣка.

Если въ первой части своего труда г. Финдейзенъ не обнаруживаетъ ни широкаго историческаго кругозора, ни научной пытливости, то во второй—онъ является лишь критикомъ, руководствующимся личнымъ вкусомъ. Упрекая въ пристрастіи Ц. Кюи, автора очерка «Русскій романсъ», въ которомъ даются талантливыя характеристики главнѣйшихъ нашихъ романсистовъ, начиная съ Глинки, г. Финдейзенъ самъ грѣшитъ въ томъ же. Онъ, напримѣръ, называетъ лирическія пѣсни Даргомыжскаго «наименѣе удачными въ его творчествѣ». Это несправедливо. У Даргомыжскаго—лиризмъ былъ не менѣе сильной стороной творчества, чѣмъ другія. Стоитъ только вспомнить его элегію: «Я помню глубоко» — вещь сильную, искреннюю, глубокую и выдержанную. Значеніе Антона Рубинштейна, какъ композитора, г. Финдейзенъ много преувеличиваетъ, а, между тѣмъ, самъ сознаетъ, что «въ творчествѣ Рубинштейна было мало національно-русскаго». Отсутствіе русскаго національнаго характера въ его музыкѣ ясно для всѣхъ, но если прибавить, что въ творчествѣ Рубинштейна нѣтъ оригинальности, то въ чемъ же его значеніе въ исторіи не только русскаго романса, но и всей русской музыки? Г. Финдейзенъ называетъ его «основателемъ консервативнаго направленія въ русской музыкѣ». Но что считать консервативнымъ направленіемъ? Рубинштейнъ явился уже послѣ Глинки, создавшаго русскую національную школу въ музыкѣ. Казалось бы, консервативное направленіе въ русской музыкѣ должно охранять устои, данные Глинкой. Охранялъ ли ихъ Рубинштейнъ? Нѣтъ. Что же онъ охранялъ въ русской музыкѣ, когда его творчество было лишено русскаго національнаго характера?

Напротивъ, значеніе Балакирева и Мусоргскаго г. Финдейзенъ склоненъ умалять. Балакирева онъ находитъ неувлекательнымъ и холоднымъ и совершенно не оцѣниваетъ художественной законченности его пѣсенъ, въ которыхъ всѣ элементы пѣсеннаго творчества: аккомпанементъ, голосъ, текстъ, фразировка, декламація и пр. находятся въ полномъ равновѣсіи между собою. У Мусоргскаго г. Финдейзенъ гораздо больше обратилъ вниманіе на техническія несовершенства (и даже преувеличилъ ихъ), чѣмъ на другія главныя стороны его пѣсеннаго творчества. Онъ не оцѣнилъ разнообразія и новизны его задачъ, расширившихъ самую область пѣсеннаго творчества. Онъ какъ будто не понялъ и основного взгляда композитора на музыку. Извѣстныя слова Мусоргскаго, что мызыка должна быть «средствомъ для бесѣды съ людьми, а не цѣлью», доказываютъ, по его мнѣнію, будто «въ музыкѣ Мусоргскій отрицалъ искусство», тогда какъ Мусоргскій въ сущности отрицалъ только безцѣльную игру звуковъ, или, иными словами, формулу: «искусство для искусства». Пристрастіемъ въ сторону умаленія значенія отличается и оцѣнка творчества Ц. Кюи, одного изъ крупнѣйшихъ мастеровъ романса не только русскаго, но и вообще европейскаго. Тонкая музыкальная психологія, осуществляемая этимъ композиторомъ въ вокальной музыкѣ, наиболѣе ему свойственной, осталась совершенно не замѣченной и не оцѣненной г. Финдейзеномъ.

Кстати сказать, производя оцѣнку дѣятельности еще живущихъ композиторовъ, г. Финдейзенъ нарушаетъ собственное свое намѣреніе, трактуя лишь о композиторахъ, уже сошедшихъ съ жизненной арены. Впрочемъ врядъ ли смерть того или другого композитора можетъ существенно повліять на справедливость оцѣнокъ г. Финдейзена, всегда мало обоснованныхъ и черезчуръ субъективныхъ.

Ненаучность и необдуманность работы г. Финдейзена сказывается и въ нѣкоторыхъ деталяхъ. Такъ, онъ смѣшиваетъ термины «лиризмъ» и «широкая мелодичность», говоря про Даргомыжскаго, что онъ въ пѣсняхъ «болѣе декламаторъ, чѣмъ лирикъ»; причину «задушевности и горячности» пѣсенъ Глинки ищетъ въ томъ, что онъ «создавалъ свои пѣсни, точно импровизировалъ ихъ», какъ будто импровизаціи вовсе не могутъ быть холодными; Балакирева называетъ «превосходнымъ акварелистомъ» въ музыкѣ, какъ будто у него не бываетъ густого и сочнаго оркестроваго колорита; упоминаетъ «рядъ прелестныхъ мелодекламацій» Араскаго, хотя онѣ не относятся къ пѣсенному творчеству; отзывается о поэтѣ Кольцовѣ, какъ о дилетантѣ, и пр. и пр. детали, выдающія неподготовленность автора.

Ко всему сказанному необходимо еще прибавить, что языкъ г. Финдейзена изобилуетъ тяжелыми оборотами, не свойственными русскому языку.

Г. Т.

Жоржъ Вейль. Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 г. по 1870 г. Москва. 1906.

Великая Французская революція нанесла сильный ударъ республиканскимъ тенденціямъ. Въ 1814 г. послѣ паденія Наполеона не было и рѣчи о

возстановленіи республики. Въ глазахъ высшихъ классовъ, республика связывалась съ представленіемъ о якобинцахъ и о гильотинѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ воспоминаніе о террорѣ оставалось однимъ изъ главныхъ препятствій, мѣшавшихъ демократической партіи завоевать Францію.

Въ интересной книгѣ проф. Вейль разсказываетъ, какъ постепенно крѣпла республикская партія во Франціи, и какимъ путемъ она дошла до окончательной побѣды.

Во время іюльской революціи нѣкоторые вожаки республиканской партіи высказывали возвышенные взгляды. Политическія обязанности каждаго,—говорилъ, напримѣръ, Гарнье-Пажесъ,—заключаются въ томъ, чтобы соотвѣтственно своему положенію работать надъ улучшеніемъ участи всѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1830 г. къ республиканцамъ примѣшались, какъ это всегда бываетъ, крикуны, занятые единственно тѣмъ, чтобы громить правительство, и настоящіе бандиты, ищущіе въ революціи удобнаго случая обдѣлать свои личныя дѣла.

Конституція 1848 г. страдала доктринерствомъ. Вѣрные своимъ традиціоннымъ идеямъ, республиканцы выводили изъ этихъ идей всѣ ихъ логическія послѣдствія, не спрашивая себя, получится ли отсюда что нибудь прочное. Проектъ конституціи былъ составленъ Арманомъ Маррастомъ, ученикомъ идеологовъ. Въ основѣ общественной жизни,—говорилъ онъ,—лежитъ законъ прогресса; этотъ законъ встрѣчаетъ многочисленныя препятствія, революціи представляютъ не что иное, какъ взрывъ и побѣду совершившагося прогресса. Всеобщее избирательное право кладетъ конецъ революціямъ: формулируя рѣшенія большинства, оно дополняется свободой слова, печати и союзовъ, что̀ даетъ возможность меньшинству пропагандировать свои идеи; вслѣдствіе этого возстаніе уже становится тогда величайшимъ изъ преступленій. Цѣль республики—не простое равенство, т.-е. не свобода каждаго, ограниченная свободою другихъ, а равенство, освящаемое и объясняемое братствомъ. Братство, лежащее въ основѣ всѣхъ учрежденій и всѣхъ законовъ и одухотворяющее своимъ прикосновеніемъ все государство, вотъ, по нашему мнѣнію, счастливая и плодотворная идея нашей республики и нашего вѣка.

Прекрасная по своимъ принципамъ, великодушная по своему настроенію и мало приспособленная къ тому, чтобы быть осуществленной на практикѣ, конституція 1848 г., по словамъ Вейля, была именно такой, какую можно было ожидать отъ партіи, одушевленной благими намѣреніями и глубокимъ пониманіемъ будущаго, но часто терявшейся передъ насущной дѣйствительностью.

Тѣмъ не менѣе изъ борьбы съ монархіей респубиканская партія вышла побѣдительницей, потому что на ея сторонѣ была нравственная сила. У всѣхъ французскихъ политическихъ партій былъ извѣстный идеалъ, составлявшій ихъ силу и обезпечивавшій имъ долговѣчность, у легитимистовъ—религіозный и традиціонный идеалъ, у бонапартистовъ—идеалъ военнаго величія. Республиканцы добивались торжества демократіи съ увѣренностью, что имъ воспользуется одновременно и отечество и все человѣчество. Это двѣ идеи, противопоставляемыя иногда одна другой, составляли для нихъ неразрывное цѣлое; къ сочувствію угнетеннымъ народамъ, въ уваженію національностей, къ желанію

увидѣть осуществленіе великой европейской федераціи они присоединяли страстную любовь къ своему французскому отечеству.

Около 1860 г. новое республиканское поколѣніе устранило религіозныя идеи, при чемъ одни ограничились агностицизмомъ, а другіе отрицали существованіе божества. Но всѣ они—деисты, атеисты, или сторонники естественной религіи—вѣрили въ существованіе повелительной, вѣчной морали. Всѣ они говорили, что демократія должна давать своимъ дѣтямъ очень возвышенное моральное воспитаніе, и что, выражаясь словами Распайля, республика безъ морали это—зданіе безъ фундамента. П. Б.

Политическая энциклопедія, издаваемая подъ редакціей Л. З. Слонимскаго. Томъ I, выпускъ 2. Спб. 1906.

Въ отзывѣ о первомъ выпускѣ «Политической энциклопедіи» мы указывали на крупный, допущенный редакціей, недостатокъ: черезчуръ легкомысленное отношеніе къ серьезнѣйшимъ вопросамъ права и изложеніе ихъ въ стилѣ бойкаго фельетона, совершенно, на нашъ взглядъ, неумѣстное въ изданіи, претендующемъ на научность и авторитетность. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ теперь, что недостатокъ этотъ понемногу начинаетъ исчезать, хотя вліяніе «лѣвыхъ» и ихъ газетныхъ полемистовъ продолжаетъ еще сказываться. Такъ, г. Слонимскій въ статьѣ: «Антисемитизмъ, какъ орудіе полемики и полемической борьбы», не можетъ воздержаться отъ хлесткихъ выпадовъ по адресу «Новаго Времени», умѣстныхъ въ газетной перепалкѣ, но рѣжущихъ глазъ въ многотомномъ изданіи, предназначенномъ не для нашего только времени. Кромѣ того, статья г. Слонимскаго даетъ и невѣрное освѣщеніе дѣла. Авторъ, напримѣръ, увѣряетъ, что всѣ государственныя преступленія у насъ совершаются почти исключительно русскими, и что «евреи рѣдко нарушаютъ чужія права и вступаютъ на путь преступленія». Хроника уголовно-политическихъ преступленій ежедневно можетъ служить опроверженіемъ подобнаго завѣренія.

Не свободна энциклопедія и отъ обычныхъ пріемовъ репортеровъ лѣвыхъ газетъ. Возьмемъ хотя бы статьи, написанныя г. Рейнгардтомъ. Толкуя, напримѣръ, слово «баррикады», г. Рейнгардтъ распространяется о примѣненіи ихъ во время возстанія въ Москвѣ и замѣчаетъ: «Многіе сильно сомнѣваются въ революціонномъ происхожденіи этихъ баррикадъ, полагая, что инціатива ихъ, какъ и всего московскаго возстанія, принадлежала ловкимъ провокаторамъ» и т. д. Полагаемъ, что добросовѣстная и объективно изложенная энциклопедія должна воздерживаться отъ подобныхъ инсинуацій и сообщать строго провѣренные и установленные факты, а не предположенія, ни на чемъ ровно не основанныя. Ссылка автора статьи на мнѣніе многихъ вовсе не убѣдительна: мало ли какія бываютъ дикія мнѣнія! А. В.

Н. Коркуновъ. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Часть первая. Государство и его элементы. Изданіе 2. Спб. 1906.

Въ послѣднее время, при пробудившемся интересѣ къ политикѣ, на книжный рынокъ Россіи было выпущено и до сихъ поръ выпускается множество книгъ и брошюръ по государственнымъ знаніямъ. Почти всѣ они составляютъ неважный переводъ заграничныхъ, главнымъ образомъ, полемическихъ или тенденціозныхъ очерковъ. изъ которыхъ читающая публика, не посвященная спеціально въ область науки государственнаго права, далеко не всегда можетъ пріобрѣсти вѣрныя свѣдѣнія и сужденія. И такимъ образомъ получается та поверхностность, которая при свойственной ей претенціозности лишаетъ, однако, возможности всякаго на нее опереться.

Небольшая по объему книжка покойнаго профессора С.-Петербургскаго университета, оставившаго по себѣ добрую память, какъ въ немъ, такъ и въ русской наукѣ, представляетъ собою въ указанномъ отношеніи громадное преимущество. Это—работа настоящаго ученаго, чуждая какихъ бы то ни было постороннихъ наукѣ цѣлей, и потому дающая всякому, кто поинтересуется съ нею познакомиться, положительныя и вѣрныя знанія, настоящую образованность. Какъ видно изъ заглавія, Коркуновъ не занимается государственнымъ правомъ Росссіи, потому что въ его время оно было далеко отъ конституціоннаго строя, которымъ живутъ иностранныя державы. Зато право этихъ послѣднихъ изложено очень подробно. Коркуновъ въ этомъ выпускѣ занимается собственно общею частью науки, государствомъ и его элементами, и, знакомя съ ними читателя, излагаетъ, какъ теоретическіе взгляды современной науки, такъ и отраженіе науки и практики въ прежнемъ и современномъ конституціонномъ законодательствѣ.

Его книга распадается на пять главъ: 1) государство; 2) государственная власть; 3) территорія; 4) населеніе государства; 5) право гражданской свободы. Послѣдняя глава (89—159 стр.) имѣетъ и живой публицистическій интересъ.

Книжка вышла вторымъ изданіемъ и издана хорошо и дешево. Распространеніе ея въ читающей публикѣ весьма желательно. П. В. В.

Powstanie narodu polskiego 1830 r. w świetie kritiki mocarstw europejskich z rękopisu przełożił na język polski *. (Польское возстаніе 1831 г. въ оцѣнкѣ европейскихъ державъ). 1906.

Исполняющееся въ текущемъ году семидесятилѣтіе со времени второй попытки польскаго народа освободиться изъ-подъ русскаго владычества вызвало нѣсколько юбилейныхъ изданій въ польской литературѣ. «Офиціальная» отмѣна русской цензуры дала возможность появиться этимъ изданіямъ на полкахъ нашихъ книжныхъ магазиновъ. Происхожденіе книги, о которой мы собираемся сказать нѣсколько словъ, облечено таинственностію. Пере-

водчикъ рукописи, скрывшій свое имя подъ тремя звѣздочками, въ краткомъ вступленіи заявляетъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ получилъ отъ «одной особы, занимающей высокое офиціальное положеніе», рукописи, содержавшія въ себѣ взгляды европейскихъ державъ на польское возстаніе 1830 г. съ тѣмъ, чтобы онъ, ***, перевелъ эти рукописи на польскій языкъ и издалъ не прежде, какъ по смерти этой особы. Особа уже умерла, и г. *** издалъ рукописи. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія разсматриваемой книги, нельзя не подивиться чрезмѣрной таинственности, ее окружающей. Разъ особа, снабдившая переводчика рукописями, умерла, то отчего бы читателямъ не узнать имени этого новаго «добродѣя» исторической литературы? На какомъ языкѣ были рукописи, полученныя г. ***? Къ чему эти звѣздочки? Заглавіе книги не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Въ ней описывается исключительно ходъ русско-польской кампаніи 1831 г., оцѣниваемой со строго военной точки зрѣнія. Такимъ образомъ становится явнымъ, что авторомъ рукописей былъ человѣкъ военный. Русско-польская война 1831 г. создала, какъ извѣстно, цѣлую литературу у насъ и на Западѣ. Въ русской военно-исторической литературѣ существуетъ трудъ покойнаго генерала Пузыревскаго о кампаніи 1831 г. Трудъ этотъ у насъ очень цѣнятъ. Но рѣдкій изъ русскихъ читателей знаетъ, что А. К. Пузыревскій черпалъ, при составленіи своего труда, щедрою рукою изъ составленнаго, по порученію императора Николая I, бывшимъ въ 1831 г. генералъ-квартирмейстеромъ польской арміи, талантливымъ Прондзинскимъ, описанія войны. Надо отдать справедливость, что Пузыревскій основательно познакомился съ русскимъ военнымъ архивомъ и съ русскою литературою, касающеюся военныхъ дѣйствій въ 1831 г. Въ архивѣ штаба Варшавскаго военнаго округа хранится свыше 100.000 дѣлъ, относящихся къ кампаніи 1831 г. Но это далеко еще не весь матеріалъ первоисточниковъ кампаніи. Немало его въ польской библіотекѣ въ Парижѣ, въ портфеляхъ полковника штаба Клеменсовскаго и въ неизданныхъ запискахъ Прондзинскаго. Этимъ матеріаломъ Пузыревскій не воспользовался такъ же, какъ и произведеніями нѣмецкой военно-исторической литературы. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ очеркъ русско-польской войны 1831 г. Каництъ-Дальвича, прусскаго военнаго attaché при Дибичѣ, впослѣдствіи прусскаго военнаго министра. Въ оцѣнкѣ дѣйствій воюющихъ сторонъ Каницъ всталъ на сторону той арміи, которую зналъ лучше, т.-е. русской. Далѣе слѣдуютъ нѣмецкіе авторы: ген. Виллисенъ и Кунцъ. Первый—авторъ «Theorie des grossen Krieges», старается быть безпристрастнымъ. Онъ одинаково смотритъ на Дибича и на Прондзинскаго. Въ Дверницкомъ находитъ сходство съ Блюхеромъ. Кунцъ издалъ свои лекціи въ военной школѣ о кампаніи 1831 г. Кунцъ оказался наиболѣе строгимъ для поляковъ. Онъ, подобно Виллисену, усматриваетъ сходство между Дверницкимъ и Блюхеромъ. Но, тѣмъ не менѣе, откровенно высказываетъ пожеланіе, чтобы Богъ сохранилъ нѣмцевъ отъ такихъ генераловъ, какъ поляки. Наиболѣе обширная литература въ данномъ случаѣ у поляковъ. У Мѣрославскаго, Солтыка, Шмидта, Прондзинскаго читатель найдетъ подробную картину организаціи начала и продолженія возстанія и послѣдовавшей за нимъ войны. Ав

торъ разсматриваемой книги въ своихъ оцѣнкахъ военныхъ дѣятелей и ихъ дѣйствій приближается къ нѣмецкимъ историкамъ. Но только приближается, а не слѣдуетъ имъ рабски. Такъ, напримѣръ, Каницъ-Дальвичъ не считаетъ Гроховской битвы рѣшительною и не признаетъ польской арміи деморализованною. Нашъ авторъ соглашается съ Каницомъ, но порицаетъ Дибича. Послѣдній въ самую рѣшительную минуту не позволилъ гренадерамъ Шаховского штурмовать Прагу. Не сдѣлай этого Дибичъ, Варшава, по мнѣнію анонимнаго автора, была бы взята, и войнѣ былъ бы положенъ конецъ. Не даромъ дальновидный Николай Павловичъ никогда не могъ забыть этой ошибки Дибича. Не можемъ не отмѣтить спокойнаго отношенія автора къ воюющимъ сторонамъ. Онъ одинаково симпатизируетъ гр. Толю и ген. Прондзинскому и одинаково не расположенъ къ военнымъ бездарностямъ: грубому Дибичу и хвастливому Скржинецкому. Говоря о послѣднемъ, анонимный авторъ старается опровергнуть ходячее мнѣніе, будто въ эпоху 1830—1831 г.г., кромѣ Скржинецкаго, некого было назначить главнокомандующимъ. Польская армія имѣла тогда высокодаровитаго Дверницкаго, побѣдителя русскихъ подъ Стоцкомъ и Новой Весью. Но, къ сожалѣнію, тогда, когда происходилъ выборъ главнокомандующаго, Дверницкаго не было въ Варшавѣ. Попытка поляковъ свергнуть русское владычество кончилась неудачею. Причину неудачи авторъ видитъ въ несогласіяхъ и ссорахъ между собою современныхъ польскихъ дѣятелей и партій. «Не могли остаться великимъ народомъ, потому что были нелогичны и пусты, ссорились другъ съ другомъ и, благодаря этому, ослабили свои силы». «Великая трагедія 1831 г. подтвердила ту истину, что народы падаютъ, благодаря только самимъ себѣ». Вѣрно, но не ново. Еще Николай Рей изъ Нагловицъ, Янъ Кохановскій изъ Чарнолѣсья и Вацлавъ изъ Потока, поэты-сатирики XVI и XVII в., твердили, что своеволіе и распри портятъ въ Польшѣ всѣ предпріятія. Въ томъ смыслѣ, лишь болѣе категорично, выражались «златоустый» Скарга (†1612) и Веспасіанъ изъ Кохова († 1699)... Тѣмъ не менѣе, не такъ-то легко передѣлать характеръ націи.

Г. А. Воробьевъ.

Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества. Томъ XVII, выпуски 1—2. Спб. 1906.

Православное Палестинское общество, возникшее еще въ 1882 г., поставило своею цѣлью—облегчать путешествіе русскимъ паломникамъ въ Святую Землю, поддерживать тамъ православіе и знакомить русскихъ людей съ бытомъ жителей и исторіей Палестины. Съ этою цѣлью отдѣлы общества, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ Россіи, для простого народа устраиваютъ чтенія, которыя нерѣдко сопровождаются туманными картинами, а для болѣе образованнаго класса само общество печатаетъ два періодическихъ изданія: «Православный Палестинскій Сборникъ» и «Сообщенія»; послѣднія выходятъ въ настоящее время подъ редакціей проф. С.-Петербургской духовной академіи, И. И. Соколова.

Какъ первый, такъ и второй выпуски «Сообщеній» содержатъ въ себѣ массу интересныхъ статей, касающихся исторіи Палестины и вообще ближняго Востока. Мы укажемъ только наиболѣе интересныя, по нашему мнѣнію, статьи этихъ выпусковъ. Къ числу такихъ, безъ сомнѣнія, нужно отнести статью г. редактора: «Святогробское братство въ Іерусалимѣ», въ особенности потому, что вопросъ, затронутый въ ней авторомъ, въ нашей русской исторической литературѣ мало разработанъ. Г. Соколовъ здѣсь, хотя и кратко, но ясно передаетъ исторію возникновенія братства, воздаетъ должное его заслугамъ на пользу православія въ Святой Землѣ, обосновывая свой взглядъ на первоисточникахъ. Конечный выводъ автора—тотъ, что «одни іерусалимскіе патріархи, безъ содѣйствія Святогробскаго братства, не совершили бы своего громаднаго подвига борьбы съ мусульманами, армянами, протестантами и латинянами», хотя, съ другой стороны, и «одно братство безъ руководства патріарховъ и идейнаго ихъ вдохновенія» врядъ ли бы оказалось въ состояніи побѣдить всѣ трудности «неравной борьбы съ многочисленными противниками».

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ также статья, имѣющая до нѣкоторой степени полемическій характеръ: «Византійскій патріархъ. Эскизъ изъ исторіи IX—XV вѣковъ». Цѣль этой статьи—показать, что «основнымъ и неизмѣннымъ типомъ церковнаго управленія Византіи IX—XV вѣковъ» было «органическое сочетаніе соборнаго и единоличнаго начала», т.-е. что церковь византійская управлялась не одною только властью патріарха, но и соборомъ изъ прочаго духовенства, и что она вовсе не была слугою государства, какъ принято думать у насъ. Наглядными примѣрами дѣятельности выдающихся византійскихъ патріарховъ авторъ весьма убѣдительно доказываетъ, что «подлиннаго византинизма» въ русской церковной жизни никогда не было, что изъ Византіи русскими были усвоены только отдѣльныя части сложнаго цѣлаго, которыя и были прилажены къ церковной организаціи «неудачно и неумѣло».

Во второмъ выпускѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе статья: «Происхожденіе православныхъ жителей Сиріи и Палестины», принадлежащая г. Жузе, которая затрогиваетъ жгучій и чрезвычайно интересный вопросъ— о національности такъ называемаго сиро-арабскаго населенія въ Іерусалимскомъ и Александрійскомъ патріархатахъ. Вопросъ этотъ важенъ по своимъ послѣдствіямъ, когда самосознаніе проникнетъ въ массу сиро-арабовъ, ибо до сихъ поръ тамъ дѣло обстояло такъ, какъ будто выходцы изъ мѣстнаго православнаго населенія недостойны занять іерархическую должность. До сихъ поръ въ названныхъ патріархатахъ высшая церковная іерархія, да и низшая, тоже состояла и состоитъ только изъ греческаго элемента, который систематически не допускаетъ сиро-арабовъ не только къ занятію должностей въ іерархической лѣстницѣ, но даже и въ простые монахи ихъ не принимаетъ.

Я. Бирюковъ.

К. В. Харламповичъ. Архимандритъ Макарій Глухаревъ. По поводу 75-лѣтія Алтайской миссіи. Спб. 1905.

Во внутренней исторіи русской церкви имя архимандрита Макарія, осно вателя Алтайской миссіи, занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Это был

прежде всего человѣкъ высокой жизни, на котораго всегда обращались и будутъ обращаться благоговѣйные взоры русскихъ православныхъ людей. Это былъ убѣжденный, ревностный просвѣтитель алтайскихъ язычниковъ и мѣстнаго темнаго люда (въ Болховѣ), такъ часто далекаго отъ живой вѣры и нравственности. Это былъ, наконецъ, ученый богословъ и церковный писатель, много потрудившійся надъ переводомъ священнаго писанія. Память объ архимандритѣ Макаріи навсегда останется свѣтлой страницей нашего церковнаго прошлаго и всякое изслѣдованіе о немъ заслуживаетъ теплаго вниманія.

Въ основѣ работы г. Харламповича лежатъ, какъ извѣстныя уже данныя источниковъ и воспоминаній о Макаріи, такъ и новые, неизданные письма и документы, открытые самимъ авторомъ, который поэтому не повторяетъ стараго, уже сказаннаго, а даетъ рядомъ съ нимъ новое, свое. Отъ этого довольно пространный очеркъ представляется очень цѣннымъ въ научно-историческомъ смыслѣ, а личность Макарія выступаетъ предъ читателемъ въ живыхъ и выпуклыхъ краскахъ. Послѣ обстоятельной біографіи Макарія первыхъ лѣтъ его жизни сообщаются свѣдѣнія о его дѣятельности въ алтайскій періодъ и переѣздѣ въ Болховъ, гдѣ онъ и умеръ. Заканчивается работа характеристикой Макарія и обзоромъ его учено-литературныхъ трудовъ. Послѣдней своей главѣ авторъ придаетъ наибольшую цѣну.

Работа К. В. Харламповича была напечатана сперва въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1905 г. Извлеченіе и изданіе ея отдѣльно можно только привѣтствовать, ибо, какъ личность Макарія, такъ и всякій трудъ о немъ имѣетъ не одинъ только научный интересъ, но и просвѣтительное значеніе среди широкаго круга читателей, поэтому имъ не слѣдуетъ прятаться на однѣхъ только страницахъ академическаго органа, мало распространеннаго и мало доступнаго. П. В.

Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимирской епархіи, построенные до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія, съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Часть первая. Монастыри. Издано подъ редакціей протоіерея В. В. Касаткина. Губернскій городъ Владимиръ. 1906.

Происхожденіе вышеуказанной книги таково. Въ началѣ 1903 г. было объявлено опредѣленіе святѣйшаго синода, приглашающее мѣстное духовенство, «въ цѣляхъ упорядоченія способовъ сохраненія памятниковъ церковной старины въ монастыряхъ и церквахъ имперіи», составить описи ризницъ какъ современныхъ, такъ и старинныхъ предметовъ. При этомъ были преподаны и особыя правила. Во Владимирской епархіи дѣло описанія ризницъ взялъ на себя протоіерей В. В. Касаткинъ, который пополнилъ синодскія правила, согласно мѣстнымъ условіямъ, и уже въ концѣ 1904 г. имѣлъ возможность доложить объ ихъ содержаніи на засѣданіи Владимирской ученой архивной комиссіи. Послѣдняя, справедливо сознавая важное значеніе этихъ опи-

сей, издала ихъ къ своему областному историко-археологическому съѣзду (іюнь 1906 г.). Въ настоящій **первый** выпускъ вошли описи **монастырей**, расположенныя по такому плану: сначала сообщаются краткія историческія свѣдѣнія о монастырѣ, а затѣмъ уже идетъ самая опись находящихся въ немъ старинныхъ предметовъ, рукописей, старопечатныхъ книгъ и проч. «Почти каждый изъ древнихъ монастырей Владимирской епархіи, — говоритъ въ своемъ предисловіи составитель,—хранитъ въ своихъ храмахъ большее или меньшее количество древнихъ предметовъ, дорогихъ для русскаго человѣка въ томъ или другомъ отношеніи». Но, какъ хранилище лучшихъ наиболѣе характеризующихъ древній строй жизни памятниковъ родной старины, особенно замѣчательны три монастыря: мужской Спасо-Евѳиміевъ и женскіе Покровскій въ городѣ Суздалѣ и Успенскій въ городѣ Александровѣ, бывшіе мѣстомъ жительства и кончины разныхъ знатныхъ особъ и лицъ царскаго рода. Въ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ находится могила князя Дм. Мих. Пожарскаго; между жертвованными имъ вещами сохраняется съ собственноручною его надписью евангеліе, шитая его супругою плащаница и проч. Въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ 17 лѣтъ провела сосланная сюда за свое безплодіе супруга великаго князя Василія Ивановича III—Соломонія Юрьевна Сабурова. Сюда же была сослана Іоанномъ Грознымъ пятая его супруга, Анна Васильчикова. Здѣсь же около 18 лѣтъ провела сосланная Петромъ I его супруга, Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, въ иночествѣ Елена. «Послѣ нихъ, а также нѣкоторыхъ другихъ княгинь и княженъ, спасавшихся въ семъ монастырѣ, сохраняются принадлежавшія имъ иконы, панагіи, кресты, предметы женскихъ украшеній, какъ-то: ряски, ожерелья, серьги, кольца и проч., очень интересныя въ археологическомъ отношеніи». Въ Александровскій женскій монастырь въ концѣ 1693 г. была сослана Петромъ I сестра его Мареа, въ иночествѣ Маргарита. Отъ нея и ея сестры Ѳеодосіи Алексѣевны, тоже погребенной здѣсь, остались «келейныя ихъ иконы, разные предметы женскаго украшенія и домашняго обихода». Въ ризницѣ монастыря сохраняются и копіи съ писемъ царевны-инокини Маргариты, писанныхъ ею къ сестрамъ и нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ. Наконецъ, особую достопримѣчательность этого монастыря составляютъ «Васильевскія двери», рѣдкій памятникъ русской иконографіи и палеографіи XIV в., вывезенныя изъ Новгорода въ 1570 г.

Изъ рѣдкостей монастырскихъ библіотекъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія: принадлежащая Спасо-Евѳиміеву монастырю—**Толковая псалтирь** 1523 г., «писатели» которой «бѣша Михаилъ Медоварецъ и Селиванъ инокъ», и Кормчая 1517 г.; затѣмъ вкладная книга 1685 г. Рождественскаго Владимирскаго собора, разрисованная акварелью и золотомъ; наконецъ, много рѣдкихъ рукописей въ Боголюбовомъ монастырѣ, Флорищевой пустынѣ и въ Александровскомъ женскомъ монастырѣ.

Въ первый отдѣлъ «Описанія» вошло 17 мужскихъ монастырей и пустынь и во второй 12 женскихъ.

Несмотря на краткій перечень рукописей, изслѣдователи въ области генеалогіи найдутъ здѣсь для себя цѣнныя указанія: при описаніи синодиковъ

и нѣкоторыхъ другихъ документовъ приводятся упоминаемыя въ нихъ фамиліи княжескихъ и дворянскихъ родовъ, нерѣдко съ ихъ родословными.

Ждемъ съ удовольствіемъ слѣдующихъ выпусковъ этого цѣннаго «Описанія». **В. Рудаковъ.**

Щукинскій Сборникъ. Выпускъ пятый. Изданіе музея П. И. Щукина. М. 1906.

Въ пятомъ выпускѣ сборника Щукина напечатанъ рядъ дѣлъ, касающихся управленія имѣніями свѣтл. кн. А Д. Меншикова и свидѣтельствующихъ о колоссальномъ богатствѣ этого «безроднаго баловня счастья», какъ назвалъ его Пушкинъ. Отчетъ о камчатской экспедиціи 1758 г. имѣетъ значеніе цѣннаго матеріала для исторіи русской колонизаціи въ Сибири. Отъ нѣкоторыхъ страницъ этого отчета отдаетъ эпосомъ, въ наше время уже невозможнымъ: «на всех же тех осми островах обитает незнаемой же народ и имѣют таковых же над собою началников х коимъ народам они здвух острововъ ѣздят походомъ и междуусобные имеютъ драки и берутъ у них плѣнниковъ которыхъ при себѣ и нынѣ нѣсколко имѣютъ... При отправленіи съ тех острововъ по доброволному оных народовъ къ подданству склонению а чрез ласку к нимъ и привѣтъ оные желание возъимели и впредь быть в подданствѣ и чтоб к нимъ россійские люди всегда на судах ходили»... Очень интересны письма Андр. Николаевича Муравьева къ В. А. Муханову 1827 и 1830 г.г., имѣющія историко-литературное значеніе. Для исторіи двадцатыхъ годовъ весьма важны письма В. А. Муханова къ братьямъ (1824—1831 г.г.); съ родовитымъ и просвѣщеннымъ московскимъ семействомъ Мухановыхъ былъ очень близокъ Пушкинъ. «Дневникъ Н. П. Цылова» (1863—1864 г.г.) очень важенъ для біографіи М. Н. Муравьева-Виленскаго и исторіи послѣдняго польскаго мятежа. Самое интересное въ «Сборникѣ»—письма И. С. Тургенева къ одной петербургской дамѣ, къ которой знаменитый писатель былъ далеко неравнодушенъ; въ одномъ изъ писемъ находимъ настоящее любовное признаніе, проникнутое старческою грустью (Тургеневу тогда было 58 лѣтъ), сознаніемъ, что «ничего не выйдетъ» изъ этой запоздалой любви: «мнѣ все еще тепло и нѣсколько жутко становится при мысли: ну, что если бы она меня прижала къ своему сердцу не по-братски?—и мнѣ хочется спросить, какъ моя Марія Николаевна въ «Вешнихъ водахъ»:—Санинъ, вы умѣете забывать?».. Писемъ Тургенева до полусотни; въ нихъ весь Тургеневъ, немного лукавый, влюбленный, кокетливый, говорящій великолѣпной, бархатной, «тургеневской» прозой, горячо судящій о литературныхъ новинкахъ, о политическихъ событіяхъ. Матеріалъ, даваемый «Щукинскимъ Сборникомъ», богатъ и разнообразенъ, и историку русской жизни и литературы XVIII—XIX вѣковъ не обойтись безъ этого прекраснаго собранія. Можно пожалѣть лишь о томъ, что «Сборникъ» лишенъ алфавитнаго указателя. **Н. Л.**

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга одиннадцатая. Спб. 1906.

Одиннадцатая книжка «Старины и Новизны» составлена весьма разнообразно. Открывается она статьей профессора К. Я. Грота, рисующей личность покойнаго императора въ его отношеніяхъ къ наставнику своего дѣтства, извѣстному академику Я. К. Гроту, и заканчивается любопытными воспоминаніями архимандрита Ново-Аѳонскаго монастыря Іерона о посѣщеніи въ 1888 г. этого монастыря царской семьей. Изъ статей и работъ, посвященныхъ старинѣ, отмѣтимъ обширную «столовую книгу патріарха Филарета Никитича» по списку Московскаго архива министерства юстиціи и въ особенности статью графа С. Д. Шереметева о царѣ Василіи Шуйскомъ. Въ ней авторъ даетъ тонко написанную характеристику этого стараго интригана, стремившагося погубить и Нагихъ, и Годуновыхъ и самому пробраться на престолъ, чего, какъ извѣстно, и достигъ: «выкрикнутый» царемъ, онъ кончилъ жизнь плѣнникомъ поляковъ. Князь Василій Шуйскій долгое время укрывался отъ историковъ во тьмѣ своихъ интригъ, но теперь его извлекаютъ на свѣтъ Божій. Шуйскій—одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ угличскомъ дѣлѣ 1591 г., и характеристика этого разслѣдователя убійства царевича Димитрія, несомнѣнно, должна помочь понять, наконецъ, этотъ загадочный эпизодъ русской исторіи. Проявляя, такъ сказать, историческій снимокъ съ Василія Шуйскаго и другихъ, графъ С. Д. Шереметевъ мало-по-малу даетъ панораму этой любопытнѣйшей эпохи. Неясенъ пока центръ этой панорамы, но, когда будутъ готовы боковыя подробности, само собою выступитъ и центральное событіе 15 мая 1591 г.

Къ отдѣлу новизны сборника надо отнести записку коммерческаго характера Аарона Пальмера о Сибири и Маньчжуріи, поданную имъ въ 1848 г. президенту Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Джемсу Полку, отрывки изъ дневника извѣстнаго слѣпца-поэта Козлова и статью бывшаго помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа, Юзефовича, не разрѣшенную въ 50-хъ годахъ къ напечатанію. Содержаніе ея—славянофильское противопоставленіе личности у насъ и на Западѣ. **А. В.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТРИ ПЕРВЫЯ жены Генриха VIII. Въ текущихъ нумерахъ «Revue Bleue» печатается посмертный трудъ Альбера Ревиля [1]: «Король Генрихъ VIII и его жены». Болѣе половины его уже вышло въ пяти нумерахъ этого журнала отъ 21 іюля до 3 ноября, и мы познакомимъ читателя съ его содержаніемъ. Первая глава этого интереснаго историческаго очерка посвящена характеристикѣ короля Генриха VIII, который, по выраженію автора, не пользуется хорошимъ мнѣніемъ большинства историковъ. Уже не говоря о томъ, что всѣ католическіе писатели отзываются о немъ очень рѣзко и сурово, какъ объ офиціальномъ установителѣ протестантства въ Англіи, но и вообще почти всѣ историки говорятъ о немъ съ пренебреженіемъ, несочувствіемъ и даже гнѣвомъ, называя его соперникомъ «Синей Бороды», любителемъ разводовъ съ женами и ихъ палачомъ. Конечно, Ревиль далекъ отъ того, чтобъ быть панегиристомъ этого короля, но, признавая его многочисленные недостатки, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ, что за нимъ были и замѣчательныя достоинства. Точно также современные англійскіе историки далеко не раздѣляютъ неблагопріятнаго мнѣнія о Генрихѣ VIII континентальной публики и писателей. По новѣйшимъ матеріаламъ, это былъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ государей Англіи; онъ установилъ расшатанный при его предшественникахъ государственный порядокъ, содѣйствовалъ

---

[1]) Le roi Henri VIII et ses femmes, par Albert Reville. «Revue Bleue», 21 Juillet, 4 Août, 1 Septembre, 6 Octobre, 4 Novembe 1906.

укрѣпленію парламентскихъ обычаевъ и издалъ много полезныхъ постановленій относительно труда и общественной помощи. Послѣ его смерти народъ о немъ сожалѣлъ и называлъ его «добрымъ королемъ Генрихомъ VIII». Всѣ эти данныя доказываютъ, по мнѣнію Ревиля, что «онъ далеко не помышлялъ только о томъ, чтобы разводиться съ своими женами и предавать ихъ палачамъ». Что касается до религіозныхъ вопросовъ, то мнѣнія о немъ въ этомъ отношеніи зависятъ отъ протестантской или католической точки зрѣнія; въ политическомъ же отношеніи Англія во всякомъ случаѣ пріобрѣла большую пользу отъ разрыва съ папистами. Какъ частный человѣкъ, Генрихъ VIII былъ прекрасно образованъ: бѣгло говорилъ на четырехъ языкахъ — англійскомъ, французскомъ, латинскомъ и испанскомъ, при этомъ любилъ искусство, особенно музыку, зналъ, насколько можно было знать въ то время, физику и механику, и имѣлъ основательныя богословскія знанія. Онъ былъ преданнымъ католикомъ не безъ дозы суевѣрія. Главными недостатками его характера являлись тщеславіе и самонадѣянность. Онъ считалъ себя, по словамъ Ревиля, человѣкомъ универсальнымъ, знавшимъ все и любившимъ вмѣшиваться во все и всегда во всемъ первенствовать. Такимъ образомъ, когда папа Левъ X за одно его богословское сочиненіе далъ ему титулъ «Defensor fidei», онъ былъ въ восторгѣ и помѣстилъ эту фразу въ гербъ англійскаго королевскаго дома. Заканчивая свою рельефную и мѣткую характеристику Генриха VIII, Ревиль говоритъ: «Генрихъ по своимъ вкусамъ, направленію своего ума, гордости и тщеславію былъ настоящимъ англичаниномъ и во всемъ отличался чисто-англійскимъ пошибомъ». Переходя во второй главѣ своего труда къ первому браку короля Генриха, ученый профессоръ замѣчаетъ, что съ самаго начала онъ въ этомъ отношеніи потерпѣлъ неудачу. Первая его жена, Екатерина Арагонская, была вдовой его старшаго брата, Артура, и дочерью Фердинанда Католическаго и Изабеллы Кастильской. Тогда еще былъ живъ его отецъ, Генрихъ VII, настоявшій изъ политическихъ видовъ на этомъ бракѣ, хотя невѣстѣ было тогда двадцать шесть лѣтъ, а ему восемнадцать. Однако онъ безъ отвращенія согласился на этотъ бракъ, такъ какъ отецъ объяснилъ ему всю его выгоду въ настоящемъ и будущемъ. Первые годы ихъ брачной жизни не имѣли, такъ сказать, исторіи, и въ сравненіи съ другими молодыми принцами того времени Генрихъ VIII, сдѣлавшись уже королемъ, могъ считаться образцовымъ мужемъ. Говорятъ, онъ позволялъ себѣ легкія измѣны женѣ и, между прочимъ, извѣстную въ исторіи связь съ дѣвицей Монбрэнъ, отъ которой у него былъ сынъ, называвшійся герцогомъ Ричмондомъ и умершій ранѣе отца. Екатерина въ первое время не считала себя оскорбленной выходками короля болѣе, чѣмъ обыкновенно бывали государыни того времени, для которыхъ подобная судьба являлась почти обычной. Напротивъ, она была сентиментальна, очень дорожила титуломъ королевы и потому цѣнила то, что ея мужъ не заводилъ при дворѣ офиціальной фаворитки. По словамъ Ревиля, она не была красива и даже не имѣла свѣжести молодого возраста, что иногда скрываетъ уродливыя черты. Она была толстой матроной, съ массивной головой на короткой шеѣ и очень выдававшимся лбомъ, который соотвѣтствовалъ также сильно выступавшему подбородку. Ея глаз

довольно красивые, однако, были не выразительны, а неуклюжая осанка походила на мужскую. Впрочемъ, всѣ ея физическіе недостатки сглаживались чѣмъ-то въ родѣ королевскаго достоинства. Что же касается выраженія ея лица, то оно было упрямое и не обнаруживало ни ума, ни быстрой сообразительности. Кромѣ того, она была горда, не предупредительна и не пользовалась популярностью, тѣмъ болѣе, что ея бракъ былъ канонически не разрѣшенъ католической церковью, а потому многіе считали, что даже папа не былъ въ состояніи его дозволить. Но большинство англійскаго народа было довольно этимъ бракомъ, особенно потому, что онъ вскорѣ имѣлъ результатъ за результатомъ. Однако, по несчастію, одинъ ребенокъ за другимъ въ количествѣ четырехъ умерли при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ. Наконецъ, въ 1516 г. Екатерина благополучно родила дочь, будущую кровавую Марію. Хотя лучше было бы имѣть въ будущемъ королеву, чѣмъ вовсе не наградить мужа ребенкомъ, но когда послѣ этого она еще разъ выкинула, то самъ король и многіе изъ окружавшихъ его стали подозрѣвать, что королевскій бракъ былъ проклятъ небомъ, несмотря на разрѣшеніе папы. Что касается до Екатерины, то она ничего не дѣлала, чтобы возвратить къ себѣ подозрительнаго и желчнаго мужа. Королева чувствовала, по выраженію новаго ея историка, что она старилась, хотя еще была во всей своей физической силѣ; ея частые и трудные роды совсѣмъ ее изуродовали. Она пріобрѣла отталкивающіе недуги и теперь горько упрекала мужа за его измѣны. Холодная и обращавшаяся со всѣми надменно, она все замѣтнѣе и замѣтнѣе выказывала свое невѣжество, рѣшительно не умѣла разговаривать, такъ что ея дворъ былъ скучный, а ея привычка придираться надоѣла Генриху—однимъ словомъ, королевская чета очень дурно жила. Такимъ образомъ желаніе короля развестись съ женою во имя каноническаго права не только совпадало съ его внутренними стремленіями, но вполнѣ согласовалось съ желаніемъ англійскаго народа. Впрочемъ его рѣшимость развестись съ женою была основана на теоріи и на принципѣ, а не на любви къ другой женщинѣ, какъ вообще увѣряютъ, и хотя вторично онъ женился по любви, но эта любовь явилась послѣ развода. Сначала онъ надѣялся, что въ дѣлѣ развода приметъ участіе папа Климентъ VII и уничтожитъ разрѣшеніе на бракъ съ Екатериной, данное Юліемъ II, но папа не поддался на всѣ уговоры, какъ Генриха, такъ и могущественнаго англійскаго министра, кардинала Вольсея. Онъ боялся дяди Екатерины Аррагонской, великаго императора Карла V, который былъ и германскимъ императоромъ, и королемъ испанскимъ, и государемъ Нидерландовъ, и владѣтелемъ бо́льшей части Италіи. Тогда власть Вольсея пошатнулась, и Генрихъ сталъ повиноваться совѣтамъ другого выдающагося богослова, Томаса Кранмера, человѣка чрезвычайно умнаго и ловкаго. Проповѣдуя богословіе въ Кембриджѣ, онъ настаивалъ на правѣ короля, по каноническимъ принципамъ Англіи, выказывать законодательную власть вопреки папѣ и въ случаѣ несогласія съ нимъ обратиться къ высшему разрѣшенію національнаго собора. Но прежде всего необходимо было потребовать мнѣніе по данному вопросу англійскихъ и иностранныхъ университетовъ. Прежде спросили совѣта нѣмецкихъ богослововъ, но они не любили Генриха VIII,

какъ автора злобнаго памфлета противъ Лютера, и не высказались ни положительно, ни отрицательно. Точно также поступили и итальянскіе богословы, одинаково не терпѣвшіе англійскаго короля. Напротивъ, французы и англичане устами Парижскаго, Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ высказались въ пользу Генриха. Послѣ этого собранъ былъ духовный парламентъ, или конвокація, принципіально существовавшая въ Англіи съ древнихъ временъ. Этотъ парламентъ утвердилъ такъ называемый актъ первенства, которымъ англійскій король признавался главою англійской церкви. Это было началомъ и основаніемъ англійскаго протестантизма. Вмѣстѣ съ этимъ важнымъ разрѣшеніемъ духовныхъ вопросовъ «актъ первенства» рѣшалъ судьбу Катерины Аррагонской. Вопросъ объ ея разводѣ, въ сущности, не влекъ за собою королевской ереси, а только разрѣшалъ вопросъ духовной дисциплины. Получивъ такимъ образомъ согласіе англійской церкви и парламента, а также разсчитывая на помощь французскаго короля, Франциска I, Генрихъ рѣшился, по совѣту Кранмэра, поставить папу лицомъ къ лицу съ рѣшеннымъ вопросомъ. Къ этому времени у Генриха VIII нашлась и вторая жена. Это была Анна Боленъ, фрейлина Екатерины и дочь Томаса Болена, не богатаго дворянина, но старинной англійской фамиліи. Пятнадцати лѣтъ она сопровождала во Францію въ качествѣ фрейлины англійскую принцессу Марію, сестру Генриха VIII, для вступленія въ бракъ съ французскимъ королемъ Людовикомъ XII. Но эта чета недолго пользовалась счастіемъ, и Людовикъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а его молодая вдова вскорѣ утѣшилась, выйдя за герцога Суфолька. Она возвратилась въ Англію, но Анна Боленъ осталась въ Парижѣ при дворѣ Маргариты Ангулемской и пользовалась большимъ успѣхомъ, благодаря своей красотѣ, колкому уму, художественнымъ и литературнымъ вкусамъ, а также прелестному обращенію. Подъ вліяніемъ своей высокой покровительницы она обнаружила стремленіе къ религіозной реформѣ и хотя не была опредѣленной протестанткой, но чувствовала симпатію къ этой вѣрѣ. Несмотря на ея видимое легкомысліе и пристрастіе къ свѣтской жизни, она имѣла серьезные вкусы, была хорошо образована, говорила на нѣсколькихъ языкахъ и совершенно офранцузилась. Однако въ 1525 г. родственники вызвали ее въ Англію, и тамъ она сдѣлалась фрейлиной Екатерины Аррагонской. При суровомъ, строгомъ дворѣ послѣдней Анна Боленъ блестѣла необыкновеннымъ блескомъ, поэтому неудивительно, что она понравилась Генриху, тѣмъ болѣе, что оба имѣли склонность къ протестантскимъ идеямъ. Вскорѣ любовь Генриха дошла до апогея, и, объявивъ недѣйствительнымъ свой бракъ съ Екатериной Аррагонской, онъ тайно женился на Аннѣ Боленъ въ 1533 г. Однако чрезъ два мѣсяца пришлось обнародовать второй бракъ, такъ какъ Анна сдѣлалась беременна. Въ это время она жила въ Гринвичѣ, гдѣ король устроилъ для нея роскошное жилище. Въ назначенный срокъ совершилась ея торжественная коронація въ Вестминстерѣ, къ общему удовольствію всего народа. Нечего распространяться объ отчаяніи Екатерины Аррагонской, которая подъ титуломъ вдовствующей англійской принцессы продолжала жить въ царственной обстановкѣ. Она, конечно, отъ всей души ненавидѣла свою преемницу и называла ее не только наложницей, но «колдуньей

и дщерью сатаны». Вмѣстѣ съ тѣмъ она всѣми силами старалась интриговать противъ нея, но эта цѣль не удалась ей при жизни, и она умерла въ 1536 г., не удовлетворивъ своей мести. Что касается до Анны Боленъ, то она не обращала на нее никакого вниманія и въ первые годы своей брачной жизни была очень счастлива тѣмъ болѣе, что родила дочь, будущую великую Елисавету, которая считалась всѣми за законную наслѣдницу англійской короны, потому что за непризнаніемъ законнымъ брака съ Екатериной никто не думалъ о правахъ Маріи на престолъ. Все-таки Генрихъ надѣялся на наслѣдника и, дѣйствительно, дожилъ до этой счастливой минуты. Но радостный моментъ былъ только мгновеннымъ: ребенокъ умеръ, едва появившись на свѣтъ. По словамъ Ревиля, король былъ чрезвычайно разочарованъ и считалъ это печальное событіе доказательствомъ небеснаго гнѣва за его бракъ съ Анной Боленъ, которая становилась такимъ образомъ въ одномъ ряду съ прежней Екатериной. Въ сущности, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ любовь короля къ второй его женѣ перешла въ ненависть. Но надо предполагать, что большую роль въ этомъ отношеніи сыграла дочь Екатерины, Марія, которую она всячески возбуждала интриговать противъ Анны. Окруженная обширной придворной партіей и особенно папистами, Марія начала съ того, что немедленно послѣ смерти своей матери стала подозрѣвать Анну въ ея отравленіи и всячески распространяла слухи объ ея измѣнахъ королю. Все это тѣмъ болѣе подѣйствовало на Генриха, что всѣ замѣчали его пристрастіе къ другой придворной дамѣ—Джэнъ Симоръ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Екатерины и сына Анны ей былъ нанесенъ роковой ударъ: она была заточена въ Лондонскую башню по обвиненію въ томъ, что имѣла въ теченіе своей трехлѣтней супружеской жизни пятерыхъ любовниковъ: трехъ молодыхъ англійскихъ дворянъ—Бреретона, Нориса и Вестона, молодого музыканта Смэтона и ея собственнаго брата, лорда Рокфорда. Въ сущности, согласно всѣмъ имѣющимся доказательствамъ, Анна Боленъ была рѣшительно ни въ чемъ не виновата, и Ревиль подтверждаетъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ. «Анна Боленъ,—говоритъ онъ,—была и умерла совершенно невиновной въ томъ, въ чемъ ее обвиняли, хотя, надо сказать, она вела себя относительно короля неосторожно, безтактно. Веселая, легкомысленная Анна продолжала и королевой поддерживать ненравившійся мужу флиртъ съ придворными и вообще надъ всѣми смѣялась, со всѣми болтала и никогда не старалась вести себя осторожно, какъ слѣдовало королевѣ. Этимъ воспользовались ея враги, особенно Марія, и ея судьба была рѣшена. Хотя Анна держала себя во все время съ удивительнымъ достоинствомъ и отвергала въ письмѣ къ королю свою виновность, но онъ быстро перешелъ отъ любви къ пламенной ненависти. Прежде королевы были казнены ея пять предполагаемыхъ любовниковъ, а потомъ и она сама—19 мая 1536 г. Ея казнь была обставлена самымъ торжественнымъ образомъ, и она умерла съ удивительной силой воли. Она сама положила голову на плаху, и чрезъ секунду на землю скатилась ея хорошенькая головка». Третья жена Генриха VIII была, какъ и Анна Боленъ, фрейлиной Екатерины Аррагонской. Джэнъ Симоръ принадлежала къ старинной аристократической семьѣ Англіи и Шотландіи—Ленноксъ, которая апогея своего величія достигла

послѣ ея замужества. Братъ Джэнъ, герцогъ Сомерсэтъ, сдѣлался регентомъ при Эдуардѣ VI, сынѣ Генриха VIII и Джэнъ; изъ той же семьи Ленноксъ происходилъ Дарнлэй, второй мужъ шотландской королевы, Маріи Стюартъ, и отецъ короля Іакова I. Новый бракъ Генриха VIII былъ очень популяренъ, какъ среди аристократіи, такъ и во всемъ народѣ, потому что королева принадлежала къ установленной королемъ религіи, хотя въ то же время тайно питала сочувствіе къ католичеству и находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Маріей, дочерью Екатерины. «Ничтожество королевы въ политическомъ и религіозномъ отношеніи,—говоритъ Ревиль,—нравилось королю. Ея портретъ существуетъ только одинъ, и на основаніи его несправедливо сказать, что она была некрасива. Овалъ ея лица былъ утонченный и граціозный; ея глаза отличались величиной и красотой, а носъ, нѣсколько толстый, не мѣшалъ ея чертамъ быть правильными и пріятными на взглядъ. Но надо сознаться, что у нея былъ большой недостатокъ—отсутствіе выраженія, даже въ ея большихъ темныхъ глазахъ, они на все смотрѣли, но ничего не замѣчали. Ея холодное лицо не выражало никакой мысли, и въ противоположность Аннѣ Боленъ она ничѣмъ не интересовалась и относилась безразлично ко всему. Генриху это очень нравилось, и онъ называлъ ее «женою всякаго отдохновенія». Прибавимъ, что ея поведеніе было образцовое и безукоризненное». Третій бракъ Генриха, заключенный къ удовольствію всей Англіи, былъ сначала самый счастливый. Король былъ болѣе чѣмъ доволенъ своимъ выборомъ. Работая самъ безъ устали, онъ съ удовольствіемъ отдыхалъ въ свободныя минуты подлѣ своей спокойной, молчаливой и ни надъ кѣмъ не издѣвавшейся жены. Апогея счастья онъ достигъ, когда 17 октября 1537 г. королева родила сына Эдуарда. Вся Англія вслѣдъ за королемъ ликовала, но недолго: 22 октября 1557 г., спустя годъ и четыре мѣсяца послѣ ея свадьбы, королева умерла отъ лихорадки послѣ родовъ.

— Чѣмъ кормился Парижъ въ старину. Интересныя свѣдѣнія о питаніи парижанъ почти два вѣка назадъ помѣщены Маркомъ Шассэнэ въ «Revue des études historiques». Этотъ вопросъ былъ для тогдашняго правительства нелегкой задачей, и въ исторіи революціи голодъ занималъ большую ея часть. Короли считали, по словамъ Людовика XIV, что ихъ первая забота должна быть обращена на рѣшеніе вопроса, какъ доставить подданнымъ легкое и удобное существованіе. Народъ смотрѣлъ на это такъ же, какъ на обязанность короля, что видно изъ требованія 6 октября «доставить въ Парижъ булочника». Монтескье высказался въ томъ же смыслѣ, говоря, что государство обязано доставить всѣмъ гражданамъ обезпеченное существованіе. То же объявилъ и Некеръ. Въ энциклопедіи послѣ напоминанія, что гражданскія власти много разъ поддерживали бѣдноту противъ алчности собственниковъ, говорится: «Всякая нація, которая хочетъ установить довольство подъ своей сѣнью, должна имѣть по этому предмету полицейскія правила». Въ концѣ XVIII вѣка были установлены подобныя правила, и авторъ приводитъ цифры уничтожаемаго народомъ продовольствія. Въ то время въ Парижѣ и его предмѣстьяхъ насчитывалось милліонъ человѣкъ, которые въ годъ употребляли

100.000 быковъ, 480.000 барановъ, 30.000 телятъ, 140.000 свиней и полтора милліона мюйдъ хлѣбнаго зерна. Изъ этого видно, что мясного продовольствія было недостаточно, принявъ во вниманіе, что теперь 2.714.000 жителей Парижа потребляютъ 300.000 быковъ, столько же телятъ, 2.000.000 барановъ и 320.000 свиней. Мясо быка было дорого, особенно для бѣдныхъ, такъ такъ, по словамъ Мерсье, богатые отбирали все, а бѣднымъ приходилось оспаривать другъ у друга оборыши. Конкурировавшая нищета поддерживала почти такую же цѣну на эти оборыши, какъ на хорошіе куски. Были семьи, которыя питались только колбасой на три су, и нездоровая колбаса продавалась по восемнадцати су за фунтъ—цѣна, которую самый богатый принцъ не платилъ за то, что подавалось у него за столомъ. Любопытны усилія полиціи, чтобы доставить бѣдному люду дешевое питаніе. Всѣ правила торговли по этому случаю имѣли въ виду продолжительность времени продажи выставленныхъ продуктовъ, запрещеніе нѣкоторымъ гуртовымъ торговцамъ являться за покупкой ранѣе или послѣ назначеннаго для нихъ часа, снова пускать въ продажу уже разъ выставленные товары и предназначеніе ихъ къ выбрасыванію послѣ часа, когда торговля запрещалась. Такъ, булочники въ разноску, продававшіе два раза въ недѣлю, въ среду и субботу, хлѣбъ, испеченный въ предмѣстьяхъ или за городомъ, какъ, напримѣръ, знаменитый ганесскій хлѣбъ, должны были прекращать торговлю въ шесть или семь часовъ, согласно сезону. Затѣмъ имъ давались два часа на распродажу ихъ товара по пониженной цѣнѣ, и тогда его покупали бѣдные люди. По воскресеньямъ булки печь запрещалось, чего добивается современное общество, но и тогда, какъ теперь, это правило не исполнялось. Полиція играла роль кормилицы народа, и въ неурожайное время сама продавала хлѣбъ и мясо. Въ 1724 г. она открыла четыре мясныя лавки, гдѣ продавалось мясо по 7 су за фунтъ, когда въ частныхъ лавкахъ его можно было купить только по 14 су; но зато это мясо годилось только для бѣднаго люда. Въ другой разъ полиція не торговала сама, а лишь заботилась обезпечить бѣднымъ доступъ къ покупкѣ провизіи на рынкѣ, и мясники «подъ угрозой смертной казни» обязаны были имѣть у себя дешевую говядину. Зимою полиція заранѣе подготовляла, чтобы на парижскихъ рынкахъ были сушеные овощи и соленая рыба, главная пища того времени въ Парижѣ. Купцы должны были заранѣе объявить, какое количество товара вытребовано, и установить на него цѣну. Если количество недостаточно, то судья самъ проходилъ по рынкамъ, чтобы установить количество необходимаго товара. Въ Парижѣ недавно надѣлали немало шума санитарныя правила, установленныя на бойняхъ префектомъ полиціи, тогда какъ еще въ XVIII вѣкѣ было обязательнымъ убивать только здоровый скотъ, и за этимъ строго наблюдала полиція. Въ старину еще дальше шли въ санитарномъ отношеніи: въ 1677 г. изданъ былъ приказъ запирать мясныя лавки въ шесть часовъ вечера, въ виду того, что свѣтъ отъ свѣчей придавалъ пожелтѣвшей негодной говядинѣ свѣжій видъ. Торговцы обманывали публику всевозможнымъ способомъ и продавали ей вмѣсто быка корову, беря одинаковую цѣну, а вмѣсто бедра подсовывали челюсть. Къ трактирщикамъ относились еще

строже, и одинъ изъ нихъ былъ приговоренъ къ наказанію за то, что имѣлъ обыкновеніе продавать вмѣсто телятины ослину, а другой — конину. Съ XVIII вѣка парижане начали употреблять въ пищу много молока, и торговцы принялись его разбавлять и поддѣлывать. Полиція слѣдила не только за торговцами, но и за обывателями, поэтому съ этой цѣлью каждое 25 сентября всѣ попорченныя дыни уничтожались, такъ какъ употребленіе ихъ вызывало лихорадку. Продажа винограда запрещалась во время его созрѣванія съ цѣлью предотвратить развитіе дизентеріи отъ излишняго употребленія и воровства въ садахъ. Продавецъ долженъ былъ представить свидѣтельство патера его округа въ томъ, что виноградъ дѣйствительно собранъ въ его саду. Продажа устрицъ была запрещена съ 1 мая по 10 сентября, а съ 1731 г. до 13 декабря. Въ 1736 г. запрещеніе коснулось и продажи льда, которая разрѣшалась лишь съ 1 іюня изъ боязни, что его не хватитъ на ледники. Такимъ образомъ, по выраженію Мерсье, «полиція слѣдила за парижанами, какъ нянька за дѣтьми».

— Французскія женщины XVIII вѣка. Ни одинъ изъ минувшихъ вѣковъ не былъ такъ богатъ парижскими салонами, гдѣ собирались бы въ такомъ количествѣ представители всѣхъ элементовъ общества съ философами во главѣ, какъ XVIII вѣкъ. Успѣхъ такихъ салоновъ всецѣло зависѣлъ отъ особой психологіи французскихъ женщинъ XVIII вѣка, независимо отъ ихъ красоты, хорошихъ обѣдовъ и прочихъ приманокъ. Многія изъ нихъ были далеко не такія красавицы, какъ г-жа Рекамье, и совсѣмъ не богатыя, чтобы задавать роскошные обѣды, но, тѣмъ не менѣе, пользовались успѣхомъ. Одною изъ послѣднихъ и наиболѣе извѣстныхъ, салонъ которой прозвали «лабораторіей», потому что энциклопедисты подготовляли тамъ свои философскія системы, была г-жа Леспинасъ. Этой замѣчательной по своему успѣху женщинѣ французскій историкъ Сегюръ посвятилъ цѣлую книгу, недавно появившуюся въ печати [1]). Въ сущности физическая личность г-жи Леспинасъ такъ же, какъ и исторія ея жизни, не представляетъ выдающихся особенностей, и потому авторъ подробно разсматриваетъ другія причины ея успѣха. Правда, начало ея жизни сложилось нѣсколько печально и необыкновенно. Ея мать, г-жа Альбони, принадлежала къ лучшему обществу, но разошлась съ своимъ мужемъ, такъ что г-жа Леспинасъ родилась отъ неизвѣстнаго ей отца, хотя подозрѣвали, что это былъ нѣкій Гаспаръ де-Виши. Г-жа Альбони воспитала ее вмѣстѣ съ своими законными дочерьми, но не признавала открыто за свою дочь и, умирая, оставила ей всего триста ливровъ пожизненнаго дохода. Шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ не хотѣлось поступать въ монастырь, а жить самостоятельно на такія скудныя средства было невозможно; поэтому ей пришлось повиноваться волѣ Виши, уже женившагося на одной изъ законныхъ дочерей своей любовницы, и переселиться къ нему въ домъ. Не зная, что онъ—ея отецъ, она и не подозрѣвала, что онъ сдѣлался теперь ея зятемъ, а сестра—мачехой. Они взяли ее къ себѣ въ качествѣ воспитательницы своихъ дѣтей, которыя приходились ей племянниками и въ то же время братьями. Мало-по-малу ея житье сдѣлалось невыносимымъ; съ нею обращались, какъ съ прислугой: го-

---

[1]) Julie de Lespinasse, par marquis de Ségur. Paris. 1906.

ворили ей грубости, желая отъ нея отдѣлаться изъ боязни, чтобы она не предъявила своихъ правъ на наслѣдство, такъ какъ она родилась еще въ то время, когда ея мать была замужемъ за Альбони. Такое унизительное положеніе было тѣмъ болѣе тягостно для молодой дѣвушки, что отъ природы она обладала нѣжнымъ, чуткимъ сердцемъ и гордымъ характеромъ. Она уже хотѣла поступить въ монастырь, какъ неожиданно ее взяла съ собою въ Парижъ въ качествѣ компаньонки старая сестра Виши, извѣстная маркиза Дюдеффанъ, хозяйка одного изъ блестящихъ салоновъ философовъ и пріятельница Вольтера. Хотя она обѣщала обезпечить ея будущнось, но эта перемѣна не была для г-жи Леспинасъ утѣшительной. Г-жа Дюдеффанъ была очаровательной женщиной, когда она этого хотѣла, но по природѣ оказалась не лучше брата, и когда ей приходилось кого возненавидѣть, то она становилась грубой. Молодая дѣвушка вскорѣ привлекла вниманіе посѣтителей салона г-жи Дюдеффанъ, и вокругъ нея собрался кружокъ изъ лучшихъ умовъ. Естественно, что это возбудило ревность г-жи Дюдеффанъ, и она совершенно перемѣнилась къ ней: сдѣлалась придирчивой, непріятной, колкой, а когда однажды застала въ ея комнатѣ цѣлый кружокъ друзей, то выгнала ее изъ своего дома. Опять г-жа Леспинасъ очутилась на улицѣ, но, впрочемъ, на этотъ разъ ея судьба устроилась иначе: ее поддержали друзья, собравъ между собою для нея пенсію. Такимъ образомъ, получая кое-какія деньги, она сняла маленькую, но приличную квартиру, стала принимать у себя своихъ вѣрныхъ друзей и много выѣзжала, а съ шести часовъ вечера открыла у себя философскій и свѣтскій салонъ. Естественно, безъ романа дѣло не могло обойтись; поэтому однажды среди своихъ посѣтителей она замѣтила одного двадцатидвухлѣтняго испанца, маркиза де-Мори, женатаго и даже отца семейства. Тридцатичетырехлѣтняя г-жа Леспинасъ безумно въ него влюбилась и, хотя не была красавицей, но воспламенила въ свою очередь испанца. Ихъ любовь, впрочемъ, платоническая, доходила до экзальтаціи. Къ несчастью, влюбленный былъ слабогрудый, да къ тому же находился на военной службѣ, и докторъ совмѣстно съ военнымъ министромъ вызвалъ его на родину. Но едва онъ уѣхалъ, какъ г-жа Леспинасъ встрѣтила на одномъ празднествѣ блестящаго офицера, графа Гибера, и, хотя посылала пылкія письма своему испанцу, но также внезапно влюбилась вторично. Гиберъ не могъ устоять противъ ея пылкаго увлеченія и отвѣчалъ тѣмъ же чувствомъ. На этотъ разъ ея любовь не была уже идеально-платонической, такъ какъ французъ оказался менѣе благороднымъ, чѣмъ испанецъ, и довелъ ее до паденія; ей было тогда сорокъ одинъ годъ. Тѣмъ временемъ несчастный влюбленнный испанецъ переживалъ тяжелую нравственную борьбу: у него было кровоизліяніе горломъ, но онъ все-таки боролся съ родными за разрѣшеніе жениться на женщинѣ старше его на половину, безъ всякихъ средствъ и неизвѣстнаго происхожденія. Онъ продолжалъ переписываться съ г-жею Леспинасъ, и его письма были полны страсти, а ея отвѣты дышали нѣжной привязанностью и заботой о немъ, хотя въ то же время ея страсть къ Гиберу достигла высшей степени безумія и, по ея признанію, совершенно опьяняла ее. Испанецъ не могъ болѣе выносить разлуки съ нею и стремился въ Парижъ, мечтая обвѣнчаться съ нею, но дорогою умеръ отъ кровохарканья. Напротивъ,

Гиберъ не только не торопился предлагать ей своей руки, но уже сталъ тяготиться ея любовью и задумалъ жениться на молодой дѣвушкѣ изъ знатной и богатой семьи. Этотъ нравственный ударъ пришелся не подъ силу г-жѣ Леспинасъ: она чувствовала, что ей, сорокачетырехлѣтней женщинѣ, состарившейся, благодаря разстроенному здоровью, отъ злоупотребленія опіемъ и жизненными невзгодами, бѣдной и неизвѣстнаго происхожденія, трудно отвоевать тридцатидвухлѣтняго блестящаго, полнаго силъ, знатнаго человѣка—и она упала духомъ. Постепенно угасая и ослабѣвая, эта женщина, предъ которой преклонялись энциклопедисты, умерла, какъ самая обыкновенная мѣщаночка—отъ любви. Въ сосѣдней комнатѣ заливался слезами Гиберъ, не ожидавшій такой развязки, такъ какъ ему приходилось не впервые покидать любовницъ безъ всякихъ трагедій. Еще до романа съ г-жей Леспинасъ у него была любовная связь со свѣтской женщиной, г-жею Мансонжъ, и онъ ее прервалъ, оставаясь съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, чѣмъ возбуждалъ въ ея замѣстительницѣ ревность. Изъ біографіи г-жи Леспинасъ видно, что ея личность не представляла ничего особеннаго, что могло бы привлечь къ ней такіе блестящіе умы, какъ Даламберъ, Кондорсе, Сюаръ, который, благодаря ей, попалъ въ академію, Давидъ Юмъ, Гальяни и лордъ Сельбурнъ. Даламберъ даже былъ ея вѣрнымъ, преданнымъ другомъ, не покидавшимъ до послѣдней минуты жизни, онъ жилъ въ ея домѣ, обѣдалъ вмѣстѣ съ нею и, считаясь ея любовникомъ, наивно не зналъ о ея романахъ. Что же привлекало къ ней столько свѣтлыхъ умовъ не только французскихъ, но даже иностранныхъ? Этимъ вопросомъ занялся Сегюръ въ своемъ трудѣ и подробно его разсмотрѣлъ. Онъ дѣлаетъ выводъ, что вообще салоны той эпохи обязаны своимъ успѣхомъ единственно обаятельному вліянію ихъ хозяекъ, и что оно скрывалось главнымъ образомъ въ ихъ сердечности. Хотя г-жа Дюдеффанъ и славилась своими прекрасными обѣдами, но этого могли достичь и другія женщины и съ помощью хорошаго повара привлекать въ свои салоны лучшіе умы. Однако, не всѣмъ это удавалось, потому что г-жа Дюдеффанъ и ея послѣдовательница, г-жа Леспинасъ, обладали даромъ, благодаря которому играли въ обществѣ большую роль и имѣли вліяніе въ академическомъ мірѣ, особенно, послѣдняя. Онъ заключался не только въ обладаніи граціей, умомъ, но еще въ способности хорошо говорить и еще лучше писать, особенно быть философомъ и совершенно ни во что не вѣрить. Такими женщинами изобиловалъ XVIII вѣкъ, и самой замѣчательной изъ нихъ была г-жа Леспинасъ. Перечитывая ея длинныя письма, положительно изумляешься отъ количества самыхъ тонкихъ психологическихъ вопросовъ, которыми занимались женщины той эпохи. Ихъ мысли и выраженія поражаютъ своей гибкостью, чудной проникновенностью и тѣмъ едва уловимымъ оттѣнкомъ, который обнаруживаетъ сокровищницу ихъ сердца. Онѣ умѣли безпрестанно обновлять свои сентиментальныя мысли, умѣли проникнуть въ самые сокровенные уголки совѣсти, гдѣ едва можно было уловить лишь смутную мысль, настолько она была мало осязаема. Ихъ чувства не знали устали, сколько бы онѣ ихъ ни примѣняли и какъ бы внезапно ни разнообразили. Можетъ быть, имъ не хватало рельефности и силы, но зато онѣ выигрывали въ неуловимой нѣжности; иногда ихъ находили пошлыми, благо-

даря черезчуръ изысканнымъ выраженіямъ; но все-таки жанръ этой эпохи довольно характеристиченъ, и онъ особенно выразился въ характерѣ г-жи Леспинасъ. Совершенно религіозно не вѣрующая, она вся отдалась философіи: вмѣшивалась въ многочисленные споры литераторовъ и философовъ, старалась ихъ умиротворить и примирить. Она возбуждала диспуты, интересовалась идеями, задавала проблемы, при этомъ на все у нея находились свои замѣчанія, и настолько не лишенныя оригинальности и справедливости, что окружающіе принимали ихъ къ свѣдѣнію. Не будучи педанткой, г-жа Леспинасъ настолько была образованной, что могла вступать въ бесѣды съ философами, однимъ словомъ, она была выше средняго умственнаго развитія, и въ ея вѣкъ, когда такихъ женщинъ было немало, она занимала особое мѣсто. Дружбу она подраздѣляла на простую и обоюдную симпатію, проистекающую отъ общности вкуса, ума и сердца, при этомъ въ совершенствѣ обладала даромъ вдохновлять ее и поддерживать. Этого она достигала умѣньемъ говорить съ друзьями о нихъ и о себѣ ровно столько, сколько требовалось, выражая при этомъ незамѣтно свою симпатію, когда дѣло касалось ихъ, и сохраняя изящный тактъ, когда вопросъ доходилъ до нея. Это знаніе мѣры давало ей такое обаяніе, что было невозможно избѣжать ея чаръ, и, благодаря ему, она сохранила до самой своей смерти преданныхъ друзей. Какъ хозяйка салона, она привлекала къ себѣ умѣньемъ такъ выражать свое вниманіе, что каждый считалъ его предназначеннымъ исключительно ему и думалъ, что она занята только его личностью, стараясь выставить въ выгодномъ свѣтѣ блескъ его таланта. Вотъ почему всѣмъ нравилось бывать у нея. Кромѣ того, она обладала умѣньемъ поддерживать разговоръ, освѣтить его словомъ и придать ему оригинальную новизну—даръ не изъ легкихъ, который, впрочемъ, зависитъ лишь отъ качества ума. Но главное она вкладывала въ роль хозяйки салона сердце, желая сохранить единодушіе въ собиравшемся у нея дружескомъ кружкѣ, что̀ видно изъ ея писемъ. «Сто разъ я чувствовала,—писала она,—что я нравлюсь, благодаря впечатлѣнію, произведенному на меня пріятными и умными рѣчами людей, въ обществѣ которыхъ я находилась, и вообще меня любятъ только потому, что или видятъ произведенное на меня впечатлѣніе, или вѣрятъ въ это. Это доказываетъ разомъ и скудость моего ума, и дѣятельность моей души; въ этомъ замѣчаніи нѣтъ ни тщесловія, ни скромности: это правда». Это письмо доказываетъ, что главная причина ея обаянія была сердечность. Салоны г-жи Жоффрэнъ и г-жи Рекамье прославились, также благодаря тому, что сердце у нихъ играло бо̀льшую роль, чѣмъ превосходство ума. Завоевать дружбу мужчины той эпохи было легче, чѣмъ ее удержать, и, однако, г-жа Леспинасъ успѣшно достигала этого. «Я не знаю другого удовольствія,—писала она,—у меня только одинъ интересъ—дружба: она меня утѣшаетъ. Я существую только, чтобы любить и беречь своихъ друзей. Я хотѣла бы стереть всѣ дни своей жизни, когда я не вижу моихъ друзей». Вообще въ XVIII вѣкѣ процвѣтала нѣжная дружба между женщиной и мужчиной, которая часто переходила въ страсть. У г-жи Леспинасъ она походила, по выраженію Бальзака, «на вулканъ». Это была настоящая экзальтація, въ которой реальныя чувства смѣшивались съ воображеніемъ, воспаленнымъ отъ чрезмѣрнаго чте-

нія, и дѣлались ненормальными, болѣзненными, такъ что предметъ любви становился даже какой-то жертвой и вызывалъ сожалѣніе. Это доходило до того, что письма г-жи Леспинасъ были неудобны для чтенія молодыхъ дѣвушекъ, и матери запрещали дочерямѣ ихъ читать, какъ это было съ «Новой Элоизой». Впрочемъ, сама г-жа Леспинасъ это сознавала и называла себя «безумнымъ термометромъ, неспособнымъ остановиться въ умѣренной области». Она переходила отъ одной крайности къ другой, но это объясняется ея нервной болѣзнью, всѣ признаки которой были налицо. Причиной этого недуга было ея тяжелое нравственное положеніе и испытанія, перенесенныя въ жизни, которыя заставили ее искать забвенія въ опіумѣ. «Три вещи меня успокаиваютъ,—писала она:—любимый другъ, опіумъ и музыка». Щекотливыхъ страницъ ея жизни авторъ касается очень деликатно, имѣя главной цѣлью представить одну изъ самыхъ выдающихся представительницъ парижскихъ литературныхъ салоновъ XVIII вѣка и друга энциклопедистовъ.

— Источники произведеній Гёте. По личному признанію Гёте, всѣ его произведенія отражали пережитыя имъ нравственныя волненія, а потому всегда можно отыскать ихъ источникъ въ которомъ нибудь изъ кризисовъ его умственной и сердечной жизни. Поэтому современные нѣмецкіе ученые принялись за выясненіе источника его странной и довольно несимпатичной драмы «Stella», написанной въ 1775 г., когда ему было двадцать шесть лѣтъ. Направленіе ея настолько нравственно неопрятно, что даже его ярые поклонники и самые отъявленные ницшеанцы находятъ ее отвратительной. Впрочемъ, даже самъ авторъ призналъ ее нѣсколько грубой, и когда въ 1806 г. онъ ставилъ ее на сценѣ Веймарскаго театра, то измѣнилъ конецъ, придававшій ей особенно отталкивающее впечатлѣніе. Вотъ ея содержаніе. Нѣкій господинъ, по имени Фернандо, мужъ прелестной и добродѣтельной женщины и отецъ очаровательной дѣвочки, вдругъ покинулъ ихъ, чтобы соблазнить шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, которая не знала, что онъ женатъ. Въ одинъ прекрасный день оба любовника встрѣтились съ несчастною женою Сесиль; послѣдовало объясненіе, и сначала обѣ женщины попробовали упрекать Фернандо, а потомъ признали, что онѣ неправы, и опять стали относиться къ нему съ уваженіемъ и любовью. Любя его одинаково сильно, онѣ рѣшили жить втроемъ, и Фернандо сталъ дѣлить свою любовь между обѣими жертвами. Въ заключеніе, всѣ обнимаются, и Стелла падаетъ въ объятія Сесиль. Впослѣдствіи, видя, что его драма возмущаетъ публику, Гёте передѣлалъ конецъ, приговоривъ всѣхъ трехъ дѣйствующихъ лицъ къ самоубійству. Однимъ изъ изслѣдователей источника этой драмы является профессоръ Адольфъ Метцъ, помѣстившій въ октябрьскомъ нумерѣ «Jahrbücher» свои соображенія[1]). Во-первыхъ, онъ подозрѣваетъ, не послужила ли для Гёте источникомъ одна изъ біографій Іонатана Свифта, автора «Путешествій Гулливера». Этотъ знаменитый памфлетистъ возбудилъ пылкую страсть въ Эстерѣ Джонсонъ, которую онъ назвалъ поэтически Ванессой. Онъ ее скомпрометировалъ, какъ только могъ, но жениться отказался. Затѣмъ онъ влюбился въ миссъ Эстеру Ба

---

[1]) «Preussische Jahrbücher», October 1906.

номригъ и тайно на ней женился. Она не знала о его связи съ Ванессой, отъ которой онъ тщательно скрывалъ свою женитьбу, и такимъ образомъ ему удалось вести двойную игру. Кончилось это, однако, тѣмъ, что все обнаружилось. Ванесса умерла съ отчаянія; Стелла тоже умерла отъ омерзѣнія, а Іонатанъ остался одинъ со своимъ позоромъ. «Stella» Гёте имѣетъ много общаго съ вышеприведеннымъ эпизодомъ, но профессоръ Метцъ называетъ это совпаденіемъ и приводитъ еще другое довольно странное положеніе, но менѣе неопрятное, въ какомъ очутился другъ Гёте, Фрицъ Якоби. Однако, всѣ упомянутые источники менѣе вѣроятны, если принять во вниманіе признанія Гёте. Поэтому профессоръ Метцъ обращается уже къ настоящему источнику—къ самому автору «Stella», и приводитъ слѣдующее. Въ 1775 г., когда была написана «Stella», Гёте былъ страстно влюбленъ въ молодую дѣвушку Лили, годы и наружность которой совершенно подходили къ Стеллѣ. Онъ даже хотѣлъ на ней жениться, но, по обыкновенію, въ послѣдній моментъ передумалъ. Въ то же время онъ велъ самую экзальтированную переписку съ сестрою его товарищей, поэтовъ Штольберговъ—Августой. Можетъ быть, это обстоятельство дало ему мысль написать драму, или, какъ предполагаетъ Метцъ, драма «Stella» была заключеніемъ всей сентиментальной жизни Гёте, такъ какъ онъ обыкновенно влюблялся сразу въ двухъ женщинъ, или, вѣрнѣе, молодыхъ дѣвушекъ. Поэтъ ухаживалъ за ними въ одно и то же время, тревожилъ имъ сердца съ цѣлью прибавить къ своей коллекціи нѣсколько новыхъ, болѣе или менѣе рѣдкихъ, впечатлѣній и психологическихъ наблюденій, а затѣмъ бросалъ бѣдняжекъ и искалъ новыхъ жертвъ. «Если бы мы, слабые люди,—говоритъ профессоръ Метцъ,—позволили себѣ такую игру, то насъ справедливо назвали бы эгоистами, жестокими, сухими, безсердечными людьми, вѣроломными и даже злодѣями, потому что мы—не сверхчеловѣки». По его мнѣнію, Гёте имѣлъ право такъ дѣйствовать, и не только право, но даже, какъ сверхчеловѣкъ, долженъ былъ такъ поступать; этимъ онъ оказывалъ своимъ жертвамъ даже благодѣяніе. Если его драма «Stella» противна даже ницшеанцамъ, то лишь потому, что своего героя Фернандо онъ не представилъ сверхчеловѣкомъ, сознававшимъ свою высокую миссію. Фаустъ же, хотя развращаетъ и бросаетъ Маргариту, однако, всѣмъ нравится вслѣдствіе того, что онъ представленъ сверхчеловѣкомъ. Если бы Фернандо былъ превращенъ въ Фауста или въ самого Гёте, то «Stella» показалась бы публикѣ самой цѣломудренной, назидательной пьесой. Источникъ происхожденія его поэмы «Германъ и Доротея» уже положительно выясненъ, и по обыкновенію Гёте взялъ сюжетъ этой поэмы изъ жизни такъ же, какъ для «Вертера», составленнаго изъ двухъ правдивыхъ исторій. Въ послѣднемъ томѣ годичнаго Goethe-Jahrbuch, появившагося нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, профессоръ Синтенисъ выражаетъ свое мнѣніе, что Гёте взялъ сюжетомъ свое пребываніе въ маленькомъ промышленномъ городѣ Посснекѣ, гдѣ онъ провелъ нѣкоторое время, отправлясь въ Карлсбадъ. На основаніи этого, профессоръ увѣряетъ, что гостиница «Золотого Льва», обозначенная въ «Германѣ и Доротеѣ», существовала на Брейтенштрассѣ и носила это названіе ранѣе 1796 г.; въ ней дѣйствительно останавливался Гёте. Свои увѣренія профессоръ Синтенисъ основываетъ на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ другимъ профессоромъ, Кохомъ, и

замѣткахъ, веденныхъ изо дня въ день самимъ Гёте. Прошедшее лѣто, третій профессоръ, Кульмеръ, изъ Сиракузскаго университета въ Соединенныхъ Штатахъ, лично отправился въ Посснекъ и установилъ, что пожаръ въ домѣ, прилегающемъ къ гостиницѣ «Золотой Левъ», свадьба старшей изъ трехъ дочерей купца и другія подробности, приведенныя въ «Германѣ и Доротеѣ»,—не вымыселъ Гёте, а дѣйствительные факты, слѣды которыхъ можно найти въ этомъ городѣ. Подробности Кульмеръ обѣщаетъ напечатать въ одномъ изъ американскихъ журналовъ.

— Вторая серія новыхъ писемъ Тургенева къ Полинѣ Віардо. Въ послѣднихъ четырехъ нумерахъ «Revue Bleue» напечатана вторая серія писемъ Тургенева къ г-жѣ Віардо[1]). Они относятся къ 1867 г. въ количествѣ восьми, къ 1868 г.—пяти и къ 1871 г.—восьми. Затѣмъ переписка прекращается, и издатель ея, Гальперинъ-Каменскій, замѣчаетъ, что г-жа Віардо по различнымъ причинамъ нашла нужнымъ удержать отъ напечатанія остальныя письма, около сотни, изъ переписки отъ 1844 до 1871 г. Что же касается до позднѣйшей эпохи, отъ 1871 г. и до смерти Тургенева въ 1883 г., то Каменскій не упоминаетъ ни слова объ относящихся къ ней письмахъ, хотя ихъ должно быть много, особенно изъ Россіи въ тѣ годы, когда Тургеневу дѣлались здѣсь шумныя оваціи. Несмотря на это безмолвіе, надо ожидать, что г-жа Віардо вскорѣ сжалится надъ русскими читателями и познакомитъ ихъ со всѣмъ драгоцѣннымъ богатствомъ, находящимся у нея. Первыя два письма Тургенева, напечатанныя въ «Revue Bleue», относятся къ марту мѣсяцу 1867 г. и написаны въ Петербургѣ. Въ нихъ говорится преимущественно о музыкѣ, именно о концертѣ у г-жи Абазы. На немъ участвовалъ Рубинштейнъ, который, по словамъ Тургенева, «желая постоянно превращать фортопіано въ оркестръ, кончаетъ тѣмъ, что раздражаетъ нервы». Впрочемъ, музыка Рубинштейна дѣйствовала на всѣхъ различно, и, напримѣръ, Боткинъ преспокойно спалъ на этомъ концертѣ. Вообще Тургеневъ въ этихъ письмахъ отзывается о русскихъ музыкантахъ довольно раздражительно. Второй концертъ, о которомъ онъ упоминаетъ, былъ наполненъ русской музыкой будущаго, и Тургеневъ относится къ ней недружелюбно. «Она безусловно жалкая и лишена всякой идеи, всякой оригинальности: это—дурная копія съ того, что дѣлается въ Германіи; кромѣ того, она заносчива и доказываетъ недостатокъ нашей цивилизаціи. Всѣхъ забросили въ одинъ мѣшокъ: Россини, Моцарта и даже Бетховена. Просто жалко!» Остальныя письма въ 1867 г. адресованы въ мартѣ и апрѣлѣ изъ Москвы, куда онъ поѣхалъ съ цѣлью отправиться въ свою орловскую деревню—Спасское, по случаю непріятной исторіи съ дядей, котораго онъ долженъ былъ замѣнить наемнымъ лицомъ, вслѣдствіе дурного веденія его дѣлъ. Пробывъ въ Москвѣ нѣсколько дней и посѣтивъ, между прочимъ, Писемскаго, котораго онъ называетъ «однимъ изъ нашихъ хорошихъ писателей», Тургеневъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Серпуховъ, но путь отъ станціи до города былъ до того отвратительный, изъ ухаба въ ухабъ, что онъ достигъ

[1]) Lettres inédites d'Ivan Tourguéneff à m-me Viardot. «Revue Bleue», 20—27 Octobre, 10—17 Novembre 1906.

Серпухова въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Дальше ѣхать было невозможно, и утромъ на другой день онъ вернулся въ Москву съ страшнымъ кашлемъ. Доктора вылѣчили его въ четыре дня, хотя у него оказался сильный бронхитъ. Однако, все-таки ему пришлось остаться нѣсколько дней, тѣмъ болѣе, что послѣ бронхита у него сдѣлался припадокъ подагры. Тургеневъ, отдѣлавшись отъ своего обычнаго недуга, съ трудомъ «дотащился» до концерта Николая Рубинштейна, который, по его мнѣнію, «играетъ лучше брата—проще и правильнѣе». Онъ игралъ Бетховена, Моцарта и пьеску Мендельсона, «которая послѣ первыхъ двухъ безсмертныхъ колоссальныхъ твореній кажется въ музыкальной литературѣ хорошо написанной статьей въ «Revue des deux mondes». На другой день Тургеневъ читалъ у Каткова свой разсказъ: «Исторія лейтенанта Ергунова», который всѣмъ понравился и былъ тотчасъ купленъ Катковымъ для своего журнала. Чтеніе этого разсказа состоялось во второй разъ у княгини Черкасской, жены министра внутреннихъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ. По словамъ Тургенева, тамъ присутствовало небольшое количество умныхъ людей, мало интересующихся литературными вопросами, и пожилыхъ женщинъ, святошъ, но не желчныхъ, а также одинъ модный дуракъ, добрый малый и энтузіастъ. «Среди нихъ былъ длинный Васильчиковъ, но не онъ былъ дуракъ»,—прибавляетъ Тургеневъ, который замѣчаетъ также, что настоящая для него пытка читать въ публикѣ, такъ какъ онъ не можетъ побороть въ себѣ чувство тайной робости. На другой день у Тургенева сдѣлался такой страшный припадокъ подагры, какого онъ еще никогда не имѣлъ, и, по его выраженію, 1867 г. рѣшительно для него, какъ выражается графъ Вьелгорскій,—климактерическій. «Все въ этомъ году идетъ чортъ знаетъ какъ плохо,—прибавляетъ онъ,—и я постоянно получаю einen Strich durch die Rechnung». Около недѣли продолжался этотъ недугъ, и въ это время Катковъ приставалъ къ знаменитому романисту, чтобы онъ передѣлалъ свой романъ «Дымъ», увѣряя, что какъ бы не узнали въ Иринѣ извѣстную личность, а потому, по его мнѣнію, надо ее исключить изъ романа. Тургеневъ наотрѣзъ отказалъ, потому что эта идея не имѣла здраваго смысла, онъ не хотѣлъ испортить своего романа, и, наконецъ, передѣлка корректуръ взяла болѣе десяти дней, а ему ужъ надоѣло жить въ Москвѣ. Далѣе онъ замѣчаетъ, что Катковъ хочетъ во что бы то ни стало сдѣлать изъ Ирины добродѣтельную матрону, а изъ генераловъ и другихъ господъ, выведенныхъ въ романѣ,—образцовыхъ гражданъ. Наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько уступокъ, авторъ вышелъ изъ себя и сказалъ: «Довольно!» «Онъ ни за что не хотѣлъ болѣе отступать ни на шагъ: у артистовъ должна быть совѣсть,—говоритъ онъ,—и я не хочу, чтобы моя совѣсть упрекала меня». Черезъ нѣсколько дней все устроилось: авторъ пожертвовалъ маловажной сценой и спасъ все остальное. По его словамъ, главное осталось нетронутымъ, но все-таки онъ признаетъ, что «подобные порядки—настоящая оборотная сторона медали въ литературѣ; но надо утѣшаться мыслью, что могло быть хуже, и двѣ тысячи рублей все же остались». Вообще въ это время онъ нажилъ много денегъ, такъ какъ продалъ собраніе своихъ сочиненій, къ которому онъ обѣщалъ громадное предисловіе въ сто страницъ съ своими литературными и общественными воспоминаніями за двадцать пять лѣтъ, такъ

какъ въ слѣдующемъ году наступалъ двадцатипятилѣтній юбилей его участія въ литературѣ, начавшагося съ очень посредственныхъ стиховъ. «Тотъ же 1843 г.,—прибавляетъ онъ,—имѣетъ для меня болѣе замѣчательное и драгоцѣнное воспоминаніе: въ ноябрѣ 1843 г. я имѣлъ счастье съ вами познакомиться. Вы видите, этому вскорѣ минетъ четверть столѣтія. Будемъ надѣяться, что наша дружба отпразднуетъ пятьдесятъ лѣтъ». Оправившись отъ своей подагры, Тургеневъ публично прочелъ главу изъ «Дыма», въ которой много дѣйствующихъ лицъ болтаютъ о революціи, и происходитъ первая бесѣда героя съ русскимъ философомъ Потугинымъ. Успѣхъ былъ громадный, и ему много рукоплескали. Присутствовало отъ 300 до 400 человѣкъ. Автора всего болѣе удивило, что, повидимому, онъ очень хорошо читалъ, и «главное его обрадовало то, что онъ могъ объ этомъ сообщить г-жѣ Віардо». Рѣшившись не ѣхать, по случаю своей болѣзни, въ деревню, Тургеневъ съ удовольствіемъ собрался въ обратный путь въ свой любимый Баденъ, но, прежде чѣмъ уѣхать изъ Москвы, онъ выражаетъ въ своихъ письмахъ нѣсколько мыслей о политикѣ. «Несмотря на выставку, французы и пруссаки, вѣроятно, еще лѣтомъ подерутся между собою. Не надо ошибаться, если это случится, то Россія откровенно встанетъ на сторону Пруссіи, какъ въ 1815 г. Общественное мнѣніе въ нашей странѣ очень анти-французское, и, что странно, въ этой борьбѣ пруссакъ представляетъ прогрессъ, цивилизацію и будущность, а французъ, сынъ француза 1830 г.,—рутину и прошедшее». Переписка Тургенева съ г-жей Віардо въ слѣдующемъ 1868 г. началась въ Парижѣ съ марта мѣсяца, и въ этомъ письмѣ онъ говоритъ о прелестномъ впечатлѣніи, которое произвела на него игра Нильсонъ въ «Гамлетѣ». Затѣмъ въ іюнѣ и іюлѣ онъ пишетъ своей «theuerste, beste Freundin» изъ Спасскаго нѣсколько нѣжныхъ посланій. Онъ расхваливаетъ свою деревню и говоритъ, что г-жѣ Віардо необходимо ее посѣтить. Конечно, преимущественно въ этихъ письмахъ описывается сельская природа и, между прочимъ, высказываются различныя идеи, внушенныя сельскими впечатлѣніями. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ, что однажды, сидя на скамейкѣ въ саду среди окружающей его красоты, благоуханія и спокойствія, онъ видѣлъ, что всѣ существа на землѣ съ яростью истребляли другъ друга. Онъ спасъ жизнь маленькому муравью, котораго преслѣдовалъ, словно тигръ, большой муравей; едва онъ избавилъ отъ опасности маленькое существо, какъ оно бросилось съ той же жестокостью на еще меньшую мушку. «Уничтожать или быть уничтоженнымъ,—замѣчаетъ Тургеневъ,—нѣтъ на свѣтѣ средины: будемъ уничтожать». Относительно положенія русскаго народа знаменитый писатель отзывается очень грустно: «Всюду глубокая нищета, святая Русь далеко не процвѣтаетъ, впрочемъ святой не обязанъ процвѣтать». Послѣ трехлѣтняго перерыва мы встрѣчаемся съ Тургеневымъ въ 1871 г. въ Кельнѣ по дорогѣ въ Петербургъ изъ Англіи, гдѣ онъ оставилъ семью Віардо въ прелестномъ мѣстопребываніи въ Девонширъ-Плэсѣ. Онъ грустно отзывается о политическихъ событіяхъ и о предстоящемъ въ концѣ февраля вступленіи нѣмцевъ въ Парижъ. Остальныя письма за этотъ годъ до половины марта адресованы изъ Петербурга. По обыкновенію, въ нихъ болѣе всего говорится объ артистахъ особенно онъ хвалитъ ученицу Віардо, знаменитую Лавровскую, только что

достигшую тогда успѣха, и молодого скульптора изъ Вильны—Антокольскаго, который только что исполнилъ статую Іоанна Грознаго. По мнѣнію романиста, «это произведеніе просто великолѣпно по исторической, психологической тонкости изученія и чудному исполненію: безъ всякаго сомнѣнія, въ этомъ болѣзненномъ, бѣдномъ юношѣ, который до двадцати двухъ лѣтъ былъ простымъ рабочимъ и не умѣлъ читать и писать, скрывается геній». Вообще Тургеневъ въ Петербургѣ бывалъ во многихъ свѣтскихъ домахъ и общественныхъ собраніяхъ; между прочимъ, онъ обѣдалъ у П. (Половцева) и говоритъ о немъ, какъ о ловкомъ человѣкѣ, который женился на побочной дочери банкира Штиглица и сдѣлался ужасно богатъ, живетъ во дворцѣ и даетъ роскошные обѣды. Потомъ онъ участвовалъ на юбилейномъ обѣдѣ въ день освобожденія крестьянъ и произнесъ рѣчь, но такъ былъ взволнованъ, что его слова были не вполнѣ понятны. О Петербургѣ Тургеневъ отзывается очень недружелюбно, называя его «чортовскимъ городомъ». На него произвелъ большое впечатлѣніе докладъ одной молодой девятнадцатилѣтней дѣвушки К. (Кавелиной). «Это,—говоритъ онъ,—безъ всякаго сомнѣнія, новинка, въ ней нѣтъ и тѣни педантизма; она наивна, какъ ребенокъ, и нимало не думаетъ о себѣ, хотя не отличается робостью. Она говорила объ исторіи, какъ наукѣ, съ удивительнымъ апломбомъ и краснорѣчіемъ, безъ робости, предъ двумястами слушателей. Это просто феноменъ; публика рукоплескала безъ конца». По утрамъ великій писатель позировалъ предъ двумя художниками: Маковскимъ и Гэ; первый разъ въ жизни съ него дѣлали портреты масляными красками. Затѣмъ онъ принужденъ былъ дѣлать литературные визиты, но находилъ ихъ очень скучными. Съ большимъ сочувствіемъ онъ говоритъ объ Эрмитажѣ, въ которомъ провелъ много времени, любуясь новыми чудесами: «Мадонной» Леонардо да-Винчи изъ галлереи Литта, коллекціей вазъ Кампаны и особенно великолѣпнымъ маленькимъ сфинксомъ, привезеннымъ изъ Керчи. Посѣщая многіе политическіе и литературные салоны, Тургеневъ знакомился съ тѣмъ, что называлось общественнымъ мнѣніемъ въ cara patria, но обѣщаетъ подробно поговорить обо всемъ этомъ лично, когда увидится съ г-жею Віардо. Однажды онъ читалъ въ публикѣ своего «Бурмистра» изъ «Записокъ охотника» и имѣлъ необыкновенный успѣхъ—удивительную овацію. «На вечерѣ у Самойлова онъ встрѣтилъ Антона Рубинштейна, который тогда ненавидѣлъ нѣмцевъ и, находя, что необходимо быть всегда занятымъ чѣмъ нибудь, задумалъ открыть въ Петербургѣ художественно-артистическое общество. «Петербургскій водоворотъ, въ который я попалъ,—пишетъ онъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ,—и изъ котораго я намѣренъ скоро освободиться, не заставляетъ меня ни на минуту забывать Лондона и моего возвращенія, а также того, что я васъ люблю болѣе всего на свѣтѣ. Я не буду совершенно счастливъ прежде, чѣмъ не перейду порога Девонширскаго дома». Въ концѣ предыдущихъ писемъ Тургеневъ подписывался «der ihrige», но на этотъ разъ онъ написалъ: «Дозавтра, theuerste Freundin. Вашъ Тургеневъ».

— Пробужденіе ислама. Успѣхи Японіи пробудили дремавшихъ мусульманъ, разбросанныхъ вездѣ понемногу, и по этому поводу М. А. Стэдъ пугаетъ на страницахъ «Fortnigthly Review» призракомъ священной войны

противъ «невѣрныхъ» [1]). По его словамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобное предположеніе заставило бы засмѣяться, но теперь не до смѣха. Во всѣхъ странахъ отъ Индіи до Судана, отъ Марокко до китайскаго Туркестана замѣтны опасные признаки этого пробужденія: вездѣ проповѣдуютъ евангеліе пророка, и проявляется фанатизмъ. Хотя мусульмане принадлежатъ къ различнымъ національностямъ и расамъ, но всѣ они горятъ одинаковой ненавистью къ невѣрнымъ и считаютъ другъ друга земляками. Нѣтъ ни одной религіи, которая бы связывала такъ тѣсно между собою далеко разбросанныхъ единовѣрцевъ, какъ мусульманская. Хотя турецкій султанъ Абдулъ-Гамидъ офиціально управляетъ нѣсколькими милліонами правовѣрныхъ, но, какъ преемникъ Магомета, какъ калифъ, глава ислама и хранитель святыни въ Меккѣ и Мединѣ, онъ имѣетъ громадное значеніе въ глазахъ всѣхъ мусульманъ. Несмотря на то, что милліоны недовольныхъ правовѣрныхъ, спасшихся отъ ига его политики, оспариваютъ въ обыкновенное время его религіозный авторитетъ, но едва вспыхнетъ священная война, едва падишахъ призоветъ къ оружію всѣхъ сыновъ ислама, да еще если онъ съ самаго начала будетъ имѣть какой нибудь успѣхъ,—всѣ непріязни исчезнутъ, и послѣдуетъ панисламическая унія. Въ настоящее время она—еще мечта, но мечта можетъ вдругъ осуществиться подъ побѣдоноснымъ зеленымъ флагомъ. Въ то же время религія Магомета развиваетъ и возбуждаетъ воинственныя страсти, а мусульманскіе индусы, китайцы и негры; къ тому же—самые храбрые изъ всѣхъ индусовъ, негровъ и китайцевъ. Магометанъ различныхъ расъ—немало: индусы съ бассейна Ганга, китайцы изъ Юнама, Туркестана и Афганистана, татары, турки, арабы, египетскіе фелахи, негры изъ Дарфура и Кордофана, грозятъ всѣ они опасностью, особенно большой, по словамъ автора, Франціи и Англіи. Франціи они грозятъ, какъ властительницѣ въ Алжирѣ и Тунисѣ и случайно господствующей въ Марокко; Англіи же, какъ владѣтельницѣ Индустана, гдѣ она повелѣваетъ шестьюдесятью милліонами мусульманами и милліонами другихъ поклонниковъ ислама въ Египтѣ и Суданѣ. Напрасно оба государства кичились тѣмъ, что отвлекли отъ себя опасность, цивилизовавъ и давъ образованіе самымъ богатымъ и развитымъ элементамъ завоеванныхъ народовъ. Случилось какъ разъ наоборотъ: въ Египтѣ и Индіи образовались туземные правящіе классы, которые мало-по-малу стали непреклонными противниками иностраннаго владычества и дали самыхъ горячихъ и опасныхъ пророковъ панисламическаго пробужденія. Англичане достигли этимъ лишь того, что лично дали имъ оружіе для борьбы съ собою. Египетская и индѣйская интеллигенція все болѣе и болѣе возстаетъ противъ англійскаго вліянія, и рядомъ съ миролюбивымъ предпріятіемъ англичанъ имѣютъ мѣсто кровопролитія, какъ это случилось на египетской границѣ, Табахъ, или Марокской границѣ. Все это, можетъ быть, служитъ опаснымъ предвѣстникомъ. По мнѣнію Стэда, Абдулъ-Гамидъ вовсе не представляетъ тупого, неспособнаго тирана; напротивъ, это тонкій политикъ, который, не покидая своего Ильдизъ-Кіоска, самъ управляетъ всѣмъ, направляетъ все; при этомъ онъ обладаетъ такими длинными руками, которыя заходятъ далеко за

[1]) «Fortnightly Review». October 1906.

предѣлы его «временной» имперіи. Но онъ--только послушное оружіе въ рукахъ германскаго императора Вильгельма II. Всѣмъ памятны два путешествія императора въ Турцію, роль его въ армянскомъ и критскомъ дѣлахъ, а также и знаменитая рѣчь въ Дамаскѣ, въ которой онъ провозгласилъ себя покровителемъ ислама. Всѣмъ одинаково извѣстно, какое мѣсто занимаетъ въ Турціи нѣмецкая политика, коммерція и финансы. Конечно, говоритъ авторъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Вильгельмъ неповиненъ въ большей части этого панисламскаго пробужденія, а также и въ возбужденіи Абдулъ-Гамида противъ невѣрныхъ, все-таки у него есть въ рукахъ ужасное оружіе, которымъ онъ вполнѣ можетъ поразить своихъ старыхъ враговъ—Англію и Францію. Правда, по мнѣнію Стэда, онъ играетъ опасную игру, но этотъ рискъ его не пугаетъ, и игра стоитъ свѣчъ. Недавно его глашатый, профессоръ Дельбрюкъ, написалъ такую фразу: «Что касается внѣшней политики, то нашей цѣлью прежде всего должно быть распространеніе нашего вліянія на исламъ, съ одного конца до другого». Этотъ совѣтъ, конечно, примутъ къ свѣдѣнію какъ Англія, такъ и Франція. Съ своей стороны, Арминій Вамбери, давнишній врагъ Россіи и поклонникъ ислама, отрицаетъ идею панисламизма, называя ее рискованной. Вліяніе Вильгельма на султана онъ не отрицаетъ, но его подстрекательства Абдула-Гамида онъ тоже не допускаетъ, говоря, что напротивъ онъ ожесточаетъ просвѣщенныхъ турокъ своей поддержкой султана.

— Итальянскіе соціалисты. Было время, когда писать о соціалистахъ считалось едва не преступленіемъ даже въ республиканской Франціи, и первый конгрессъ французскаго пролетаріата въ 1878 г. казался чѣмъ-то столь ужаснымъ не только въ глазахъ консерваторовъ, но даже республиканцевъ, что ни одинъ репортеръ республиканскихъ газетъ не рискнулъ бы дать о немъ отчетъ. Теперь, напротивъ, самые консервативные органы печати цивилизованныхъ странъ переполнены отчетами о собраніяхъ соціалистовъ, и когда въ сентябрѣ былъ конгрессъ нѣмецкихъ соціалистовъ въ Мангеймѣ, то имъ занималась едва ли не подробнѣе буржуазная «Berliner Tagblatt», чѣмъ соціалистическій «Vorwaerts»; то же было и въ Римѣ въ началѣ октября, когда тамъ собрался соціалистическій и корпоративный конгрессъ. Но интересъ консервативныхъ органовъ къ соціалистамъ даетъ въ результатѣ невѣрное освѣщеніе фактовъ. Такъ, они увѣряютъ, что соціалистамъ не везетъ, и вмѣсто «впередъ» они принуждены направляться «назадъ». Несогласіе въ программахъ партій консервативная печать принимаетъ чуть не за упадокъ соціализма, увѣряя, что Бебель въ Мангеймѣ вмѣсто того, чтобы вести атаку, скомандовалъ отступленіе и тѣснѣе примкнулъ къ уравновѣшеннымъ умамъ нѣмецкихъ синдикалистовъ. Мало того, они говорятъ, что партія соціалистовъ слегка уменьшается въ Италіи, и приводятъ слѣдующія цифры: въ 1905 г. было 43.925 соціалистовъ, а въ 1906 г. 42.860 ч.; на самомъ же дѣлѣ соціализмъ въ Италіи, зародившійся двадцать лѣтъ назадъ, ни въ одной странѣ такъ быстро не развился, какъ тамъ. Раздѣленіе соціалистовъ на партіи консерваторы считаютъ дурнымъ для соціалистовъ признакомъ и въ еженедѣльномъ прибавленіи къ «Débats»[1])

---

[1]) Les socialistes italiens. I. B. «Journal des Débats. Revue hebdomadaire». 2 Novembre 1906.

уже празднуютъ чуть ли не полное ихъ пораженіе, говоря, что на конгрессѣ жестоко спорили не только о программахъ, но задѣвали даже личности. Между тѣмъ прогрессивная печать объясняетъ этотъ расколъ естественнымъ явленіемъ, говоря, что, когда политическія партіи достигаютъ извѣстной степени развитія, зрѣлости, то всегда раздѣляются, раздробляются, и это «неизбѣжно», какъ выражается Ракени въ «Nouvelle Revue», авторъ статьи[1]) прогрессивнаго направленія. Быстрое развитіе соціализма въ Италіи объясняется плачевнымъ положеніемъ итальянскаго пролетарія, особенно земледѣльческаго, главное въ южной Италіи, гдѣ нищета доходитъ до maximum'а, что признаютъ и сами консерваторы. Какъ ни странно, но соціализмъ особенно развился не тамъ, а въ болѣе культурной, богатой части Италіи—центральной и сѣверной, гдѣ развита промышленность. Итальянскіе соціалисты разбились на три партіи—реформистовъ съ лидерами Тюрати и Бисолати, помощниками которыхъ состоятъ Нофри и Тревесъ; они проповѣдываютъ освободить пролетаріатъ отъ рабскаго положенія посредствомъ развитія его умственнаго образованія и воспитанія. Ихъ политическая и экономическая программа совершенно практична—полезныя реформы и умственное развитіе рабочаго. Что касается до формы правленія, то они находятъ, что это безразлично для соціальныхъ реформъ; они только требуютъ покровительства труда, реформы въ системѣ налоговъ, уменьшенія военныхъ расходовъ, закона о невмѣшательствѣ духовенства въ дѣла общинъ, благотворительности и школъ, всеобщее также голосованіе. Эту программу реформистовъ республиканцы, радикалы и даже монархическіе прогрессисты готовы принять. Реформисты представляютъ правую ихъ партіи и имѣютъ въ своемъ распоряженіи три журнала: въ Миланѣ,—Гетро, въ Генуѣ—«Lavoro», въ Реджіо Эмилія—«Giustizia». Лѣвую партію составляютъ синдикалисты, которые—не что иное, какъ революціонеры-коллективисты. Они, проповѣдуютъ борьбу классовъ, общую забастовку, которую считаютъ Дамокловымъ мечомъ, висящимъ надъ головами буржуазіи, и антимилитаризмъ. Но эту теорію приняли не всѣ синдикалисты. Итальянское правительство болѣе всего волнуетъ ихъ антимилитаристская программа, такъ какъ, благодаря пропагандѣ, среди солдатъ стало появляться неповиновеніе. Однако многіе соціалисты признаютъ эту проповѣдь несвоевременной, въ виду осложненій въ отношеніяхъ между Италіей и Австріей. Реформисты въ отвѣтъ на это требуютъ замѣнить армію вооруженой націей, какъ хотѣлъ Гарибальди. Разногласіе въ рѣшеніи этого вопроса заставило соціалистовъ предложить референдумъ среди своихъ членовъ, чтобы большинствомъ голосовъ постановить рѣшеніе. Большинство главныхъ членовъ партіи высказаваются противъ этой пропаганды, и одинъ изъ нихъ, Тессео Росси, соціалистъ irredento, заявилъ: «я согласился бы на это, если бы иностранные дипломаты сумѣли покровительствовать миру. Интернаціональная демократія должна быть антимилитарная, но эта пропаганда должна быть проведена дѣйствительнымъ образомъ во всѣхъ странахъ. Италія, имѣющая право на существованіе, не должна уменьшать своей арміи. Съ хорошо организованной и дисциплинированной арміей, подготовленной къ войнѣ, Италію бу

---

[2]) Les socialistes italiens, par Raquene. «La Nouvelle Revue», 15 Novembre 1906

дутъ болѣе уважать; вмѣстѣ съ тѣмъ итальянцы могутъ быть антимилитаристами, не будучи антипатріотами». Прежній депутатъ радикаловъ, Карати, высказался, что демократія дѣйствуетъ естественно, обуздывая военные расходы, чрезмѣрное злоупотребленіе милитаризмомъ, контролируя платежъ податей и согласуя свою пропаганду мира и цивилизаціи съ демократическими стремленіями другихъ странъ. Итальянская демократія, по его словамъ, не хочетъ войны, и онъ не думаетъ, что Австрія угрожаетъ Италіи, вооружаясь. «Поведеніе Австріи зависитъ отъ нашего поведенія, а итальянская демократія съ гарибальдійскими традиціями должна сохранять спокойствіе и воздерживаться отъ какихъ либо провокацій». Соціалисты-революціонеры называются синдикалистами, потому, что считаютъ профессіональные синдикаты экономическимъ и политическимъ организмомъ, самымъ дѣйствительнымъ для выполненія революціонной задачи. Одна фракція синдикалистовъ противится какому либо участія въ публичной администраціи буржуазіи, но допускаетъ его съ цѣлью борьбы и раздробленія такъ, чтобы интересы пролетарія и буржуазіи никогда не совпадали. Среди соціалистовъ всего меньше синдикалистовъ; ихъ главари—Габріола, Вальтеръ, Мокко, Энрико Леоно, а журналы—въ Неаполѣ «Propaganda» въ Римѣ «Il Devenire Devembre sociale», «Syndicat» и около десяти еженедѣльныхъ журналовъ, распространенныхъ по всей Италіи. Центромъ лѣвой и правой называются интегралисты, что означаетъ полное согласованіе со всѣмъ, что есть хорошаго и менѣе крайняго въ программахъ обѣихъ партій. По ихъ теоріи, программа minimum'а относится къ программѣ maximum'а, какъ средство къ цѣли. Они не исключаютъ революціонныхъ пріемовъ и принимаютъ синдикальныя дѣйствія, какъ парламентскія, не теряя изъ вида главной цѣли соціалистской программы — соціализаціи производства. Ихъ представители — Анрико Ферри, Моргари, Габрини, а главные органы—въ Римѣ—«Avanti» и «Provincia di Mantova», а также нѣсколько еженедѣльныхъ журналовъ. Конгресъ въ Римѣ былъ полнымъ пораженіемъ синдикалистовъ, и самый ярый изъ нихъ послѣ конгресса сказалъ автору: «Итальянской соціалистической партіи болѣе не существуетъ».26.947 голосовъ раздавили 5.278 голосовъ синдикалистовъ. Интегралисты и реформисты, какъ одинъ человѣкъ, сплотились и поразили революціонеровъ. Главнымъ виновникомъ этого пораженія былъ краснорѣчивый Габріола. Революціи была противопоставлена эволюція, какъ способъ проникнуть въ самую среду буржуазіи. И они этого достигнуть, такъ какъ уже выражаются мнѣнія среди консервативныхъ круговъ, что въ интересахъ консерваторовъ принять въ справедливой мѣрѣ все, что есть хорошаго, разумнаго и полезнаго въ соціализмѣ. Знаменитый въ Италіи сенаторъ Виллари, человѣкъ спокойный и далеко не революціонеръ, тоже высказалъ, что водвореніе четвертаго сословія — неизбѣжно. Поэтому мнѣніе автора таково, что буржуазія изъ своихъ личныхъ интересовъ должна приложить всѣ усилія, чтобы вступленіе пролетаріата въ государственную жизнь произошло безъ насилій, толчковъ и переворотовъ. «Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—большинство консерваторовъ въ Италіи, какъ и въ другихъ странахъ, слѣпо, а иногда даже хуже самихъ революціонеровъ». Интегралисты подняли вопросъ о республикѣ съ программой Мац-

цiни; республиканцы поддерживали мнѣнiе, что соцiальныя реформы подчинены правительственной формѣ. Соцiалисты-реформисты, какъ Тюрати и Бисолати, напротивъ поддерживали монархiю, находя, что она не представляетъ препятствiя къ соцiальнымъ реформамъ. Этимъ они расположили къ себѣ симпатiю либеральныхъ монархистовъ. По этому поводу между двумя органами—реформистовъ «Il Tempo» и интегралистовъ «Avanti»—завязалась полемика. Въ послѣднемъ Ферри отвѣчаетъ на замѣчанiе Бисолати въ «Tempo», что, утверждая, будто республика въ настоящее время—вопросъ революцiонный прежде всѣхъ возможныхъ, дѣйствительныхъ реформъ, онъ не хотѣлъ сказать: сначала соцiальная республика, а потомъ реформы. По его мнѣнiю, республиканская пропаганда безусловно необходима въ настоящiй моментъ при правительственной партiи и парламентскомъ большинствѣ, служащемъ выраженiемъ выродившейся буржуазiи, дряблой, неспособной управлять страной и реализировать соцiальныя реформы и мечтающей только о томъ, какъ бы увеличить военный бюджетъ, ложно поднимая воинственные крики въ пользу «cricche affaristiche», т.-е. спекуляторовъ, и бросаясь въ объятiя клерикаловъ, отрицая такимъ образомъ революцiонныя основы Савойской монархiи. Въ этомъ отношенiи авторъ находитъ, что Ферри правъ, такъ какъ въ Италiи есть такъ называемые либералы-прогрессисты и даже франкъ-масоны, которые вступаютъ въ союзъ съ клерикалами противъ соцiалистовъ. «Бисолати,—прибавляетъ Ферри въ своей полемикѣ,—не правъ, приписывая мнѣ отвлеченную, непреложную, догматическую теорiю, которая, если можетъ принадлежать республиканской партiи, добивающейся въ особенности республики, то не можетъ принадлежать соцiалистической партiи, которая, считая республику формой правленiя, при которой легче вести борьбу классовъ, имѣетъ немедленную, неотложную необходимость въ пролетарскихъ побѣдахъ противъ единственнаго неизмѣннаго врага, какъ при монархическомъ правленiи, такъ и при республикѣ—капитализмъ. Давно говорятъ, что нацiональная экономiя процвѣтаетъ, что народныя богатства увеличиваются, какъ доказываетъ конверсiя итальянской ренты; сдѣлано много предложенiй въ пользу потребителей и плательщиковъ податей изъ миллiоновъ, происходящихъ отъ большой финансовой операцiи. Но правительство мечтаетъ о трехъ элементахъ своего господства: о фискѣ, о насилiи и о бюрократiи, о подготовленiи удовлетворить ненасытность военной комиссiи, которая требуетъ увеличить военные расходы на полъ-миллiарда, совершить покушенiе противъ свободной пропаганды антимилитаризма и отмѣнить старый законъ покровительства труда Ламеллинскаго забастовавшаго пролетарiата. Отсюда вытекаетъ необходимость антимонархической пропаганды. Мы судимъ монархiю согласно историческому матерiализму, но мы не возбуждаемъ противъ нея принципiальнаго вопроса». Изъ этого авторъ заключаетъ, что Ферри поддержалъ бы монархическое министерство, если бы въ его программѣ были полезныя соцiальныя реформы для рабочаго класса, какимъ было министерство Джiолитти, когда онъ склонялся къ крайней лѣвой и поддерживалъ борьбу противъ хищныхъ капиталистовъ, а также министерство Сонино, которое поразило спекуляторовъ. Авторъ говоритъ, что такой прогрес-

систскій монархъ, съ культурнымъ умомъ и одинъ изъ самыхъ образованныхъ королей Европы, какъ Викторъ-Эммануилъ, притомъ безусловно современный, не можетъ быть препятствіемъ для совершенія соціальныхъ реформъ. Не монархіи вина, если умѣренные вступили въ союзъ съ клерикалами, замѣчаетъ одна итальянская газета, и Ракени съ нею согласенъ. Условія итальянскаго порлетарія не улучшатся, если уничтожатъ монархію и провозгласятъ республику. Реформистъ Бисолати придерживается того же мнѣнія и замѣчаетъ: «Можно ли серьезно вѣрить, что, устраняя монархію, можно сдѣлать шагъ впередъ противъ закона историческаго развитія страны? Не лучше ли употребить энергію на что нибудь другое, болѣе полезное и положительное, чѣмъ растрачивать ее въ агитаціи противъ формы правленія?» Ракени вполнѣ съ нимъ соглашается и говоритъ, что требуется главное: уменьшить налоги на предметы первой необходимости для облегченія бѣднаго класса, такъ какъ ни въ одной странѣ нѣтъ такой тяжелой пошлины, какъ въ Италіи, и назначить министерство изъ соціалъ-реформистовъ, какъ Тюрати или Бисолати, для реализаціи экономическихъ реформъ, необходимыхъ для итальянскаго народа. Король Викторъ-Эммануилъ съ такимъ же удовольствіемъ увидитъ министра-соціалиста, какъ онъ видѣлъ даже республиканца Пантано въ министерствѣ Сонино, и объ этомъ желаніи короля Ракени знаетъ изъ вѣрнаго источника. Соціалистическій конгрессъ въ Римѣ такимъ образомъ окончился пораженіемъ синдикалистовъ-революціонеровъ, и Ферри заявилъ, что цѣль соціализма — соціализація производства и средство борьбы классовъ, а, чтобы реализировать коллективизмъ, соціалисты должны примѣнять законныя средства, удерживаясь отъ насилія, если имъ откажутъ въ равенствѣ. Они должны настаивать на антиклерикальной, антимонархической пропагандѣ, не вступать въ систематическій союзъ съ бружуазной партіей, но во временный могутъ. Они не должны злоупотреблять забастовками и насильственными дѣйствіями, допускать прямыя дѣйствія лишь для укрѣпленія парламентской дѣятельности, а не для того, чтобы оспаривать ее, какъ хотятъ анархисты. Тюрати заявлялъ, что марксизмъ—не что иное, какъ разореніе, поддерживаемое «зеленѣющимъ плющемъ» рѣчей, что миссія соціалистовъ—ослаблять, гуманизировать борьбу классовъ, и что замѣна монархіи буржуазной республикой ни къ чему не поведетъ. Интегралисты ограничились предложеніемъ, чтобы солдаты не поднимали оружія противъ забастовщиковъ и отказывались бы замѣнять ихъ на работахъ. Реформисты требовали, чтобы армія не была оружіемъ въ борьбѣ классовъ, а лишь защитницей противъ чужеземцевъ. Впрочемъ на эти три тенденціи рѣшено не разсчитывать. Вотъ и весь результатъ конгресса.

— Смерть профессора Герцена, Ристори и Альбера Ревиля. Лозанскій университетъ потерялъ недавно извѣстнаго профессора физіологіи, Александра Герцена, сына знаменитаго русскаго писателя. Александръ Герценъ родился во Владимірѣ въ 1839 г. и, перебравшись съ родителями за границу, провелъ тамъ всю свою жизнь, вдали отъ отечества. Изучивъ медицину въ Лондонѣ и Бернѣ, онъ сдѣлался сотрудникомъ знаменитаго физіолога Шифа во Флоренціи. Призванный на каѳедру физіологіи въ Лозанну, Герценъ содѣй-

ствовалъ организаціи тамошняго медицинскаго факультета и особенно занимался физіологической психологіей, наукой сравнительно новой, которая многимъ одолжена его труду: «Физіологія воли». Несмотря на то, что Герценъ въ 1881 г. натурализовался швейцарцемъ, онъ всегда интересовался своей родиной и написалъ въ 1890 г. интересную брошюру: «Русскій народъ и его правительство», въ которой онъ предсказывалъ многія изъ совершившихся за послѣднее время событій. Лозанна дорого цѣнила значеніе этого ученаго, который свободно владѣлъ пятью языками, отличался глубокимъ научнымъ образованіемъ и вообще считался человѣкомъ сердечнымъ и гуманнымъ. Онъ имѣлъ многочисленную семью, состоявшую изъ семи сыновей и трехъ дочерей. Въ послѣднее время его приглашалъ на каѳедру физіологіи одинъ изъ южныхъ русскихъ университетовъ, но, къ сожалѣнію, Герценъ не дожилъ до возвращенія въ свое отечество и умеръ шестидесяти семи лѣтъ отъ роду.

9 октября скончалась отъ воспаленія въ легкихъ восьмидесяти-лѣтняя сценическая знаменитость—Аделаида Ристори. Она родилась въ 1821 г. въ Фріулѣ, въ семействѣ бѣдныхъ актеровъ и, по словамъ однихъ біографовъ, дебютировала чрезъ нѣсколько дней послѣ своего рожденія въ роли новорожденнаго ребенка, по словамъ же другихъ—четырехъ мѣсяцевъ, на рукахъ матери. Во всякомъ случаѣ ея театральной дѣятельности было столько же лѣтъ, сколько ей самой, четырехъ лѣтъ она уже играла дѣтскія роли, двѣнадцати—дебютировала субреткой, а четырнадцати—исполняла значительную роль въ трагедіи Сильвіо Пеллико: «Франциска Римини». Послѣ этого на ливорнской и пармской сценахъ она играла комедіи Гольдони и сдѣлалась знаменитостью во всей Италіи; наконецъ она перешла на амплуа первыхъ трагическихъ ролей и составила себѣ всесвѣтную извѣстность. Но въ 1847 г. Ристори вышла замужъ за маркиза Капроника дель Грилло и, по желанію своей новой семьи, должна была отказаться отъ театра. Она была въ отчаяніи, ибо любила безъ ума свое искусство, но одного обстоятельства было достаточно, чтобы вскорѣ вернуться на сцену. Она участвовала на одномъ представленіи въ пользу бѣднаго актера и имѣла такой необыкновенный успѣхъ, что мужъ и его семья согласились на ея возвращеніе на сцену. Съ этой минуты и до ея старости она считалась одной изъ первыхъ въ свѣтѣ актрисъ, и была соперницей Рашели. Въ 1849 г. она играла въ Римѣ во время осады города французами и еще болѣе увеличила свою популярность гуманнымъ уходомъ за ранеными въ больницахъ. Въ 1855 г. она въ первый разъ посѣтила Парижъ и имѣла самый шумный успѣхъ, при чемъ ее превозносили до небесъ въ прозѣ Дюма, а въ стихахъ Ламартинъ. Театръ Французской Комедіи въ то время находился въ ссорѣ съ Рашелью, потому пригласилъ Ристори на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, но она отказалась отъ этого приглашенія, такъ какъ не была увѣрена въ своемъ достаточномъ знаніи французскаго языка. Однако одинъ разъ она участвовала на торжественномъ представленіи въ театрѣ Мольера и прочитала по-французски стихи на злобу дня, но ея акцентъ былъ совершенно итальянскій. Результатомъ ея посѣщенія Парижа было взятіе ею у Легуве его трагедіи «Медея», которую Рашель отказалась исполнить. Въ итальянскомъ переводѣ эта пьеса была съ торжествомъ дана Ристори въ старомъ и

новомъ свѣтѣ. Только пять лѣтъ спустя, она снова явилась въ Парижъ и рѣшилась играть по-французски. На этотъ разъ Легуве снова далъ ей одну пьесу: «Беатриса, или Мадонна искусства». Ее поставили на сценѣ Одеона, гдѣ великая итальянская актриса имѣла большой успѣхъ, но далеко не такой, какъ играя на итальянскомъ языкѣ. Ристори была всесвѣтной знаменитостью и съ одинаковымъ успѣхомъ играла во всей Европѣ, не исключая Россіи и во всей Америкѣ съ сѣвера до юга. Въ 1874 г. она сошла со сцены въ апогеѣ своей славы. Главной чертой драматическаго таланта Ристори была естественность и искренность ея игры, такъ что она занимала первое мѣсто среди актеровъ и актрисъ, игравшихъ, что называется, «нутромъ». Въ 1901 г. она помѣстила въ англійскомъ журналѣ «Maxmillan's Magazine» очень любопытную статью, которую можно назвать ея художественнымъ завѣщаніемъ. Она считаетъ всѣ академіи, консерваторіи самыми вредными учрежденіями для настоящаго искусства. Въ нихъ развивается, по ея словамъ, только офиціальный драматизмъ, монотонная, пѣвучая дикція и однообразные жесты; она считаетъ сцену лучшей школой для начинающихъ актеровъ. Практически она доказала правильность этихъ воззрѣній своей собственной игрой.

Въ началѣ ноября умеръ въ Парижѣ Альберъ Ревиль, замѣчательный профессоръ и писатель по исторіи религіи. Онъ родился въ Діепѣ въ 1826 г. въ протестантскомъ семействѣ. Отецъ его былъ пасторомъ и предсѣдателемъ мѣстной консисторіи, а самъ онъ получилъ образованіе въ кальвинистскомъ центрѣ, въ Женевѣ, гдѣ ему дали ученое званіе бакалавра богословія; потомъ онъ защитилъ диссертацію на доктора тѣхъ же богословскихъ наукъ въ Страсбургѣ. Пламенный республиканецъ, онъ отстаивалъ передовыя идеи въ 1848 г. и покинулъ Францію послѣ государственнаго переворота въ 1852 г. Тогда онъ принялъ предложенное ему мѣсто пастора въ валонской церкви въ Роттердамѣ и тамъ прославился многими блестящими учеными трудами, изъ которыхъ особый успѣхъ имѣли евангеліе святого Матѳея и «Замѣтки о жизни Христа Ренана», благодаря чему онъ заслужилъ дружбу великаго ученаго. Послѣ возстановленія во Франціи республики Ревиль вернулся туда, несмотря на свое нездоровье и выражаемое ему въ Голландіи расположеніе. Въ своемъ старомъ отечествѣ онъ словами и перомъ ревностно защищалъ республику и сдѣлался въ Діепѣ окружнымъ совѣтникомъ. Когда Жюль Ферри учредилъ въ французской коллегіи каѳедру исторіи религіи, то она была отдана Альберу Ревилю, а впослѣдствіи, чрезъ нѣсколько лѣтъ, онъ былъ назначенъ директоромъ отдѣленія духовныхъ наукъ въ школѣ высшихъ наукъ. Съ тѣхъ поръ онъ серіозно занялся своимъ любимымъ предметомъ и написалъ нѣсколько важныхъ трудовъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ «Исторія религій» въ четырехъ томахъ и «Іисусъ Назарей» въ двухъ томахъ. Несмотря на то, что Ревиль спеціально занимался исторіей религій, онъ писалъ также интересныя книги и статьи по всеобщей исторіи. Послѣднимъ его трудомъ былъ любопытный очеркъ: «Жены Генриха VIII». Ревиль умеръ восьмидесяти лѣтъ среди своихъ научныхъ занятій.

СМѢСЬ.

Въ литературномъ фондѣ. Въ залѣ географическаго общества 21 октября, въ 2 ч. дня подъ предсѣдательствомъ П. И. Вейнберга состоялось общее собраніе членовъ фонда, открытое приглашеніемъ предсѣдателя почтить вставаніемъ память почившихъ членовъ и между ними: академика А. Н. Веселовскаго и присяжнаго повѣреннаго В. Д. Спасовича. Кромѣ того, почтена была память В. В. Стасова, хотя и не состоявшаго членомъ литературнаго фонда, но оказавшаго большія услуги наукѣ. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ секретаря за періодъ май—сентябрь. Изъ этого отчета видно, что комитетъ имѣлъ 11 засѣданій. Просьбъ о пособіяхъ было подано 217, изъ нихъ отклонены 82 и удовлетворены 135. Единовременыхъ пособій было выдано 82 лицамъ на сумму 2.030 р., изъ капитала фонъ-Дамича было выдано пособіе 3 лицамъ на сумму 850 р. Продолжительныхъ пособій было назначено 15 лицамъ на сумму 2.700 р.; срочныхъ ссудъ выдано 6 лицамъ на сумму 440; безсрочныхъ ссудъ тоже 6 лицамъ на сумму 330 р.; назначена одна пенсія на сумму 300 р.; На воспитаніе и обученіе 15 лицамъ на сумму 697 р. 50 к. Пособій, выданныхъ на похороны, было назначено лицамъ на сумму 310 р.; всего выдано 7.657 р. 50 коп. Отказано 82 лицамъ по различнымъ причинамъ. Кромѣ того, комитетъ имѣлъ возможность своими ходатайствами оказать услуги 8 писателямъ. Л. Ф. Пантелѣевымъ пожертвовано фонду по 50 р.; на каждое засѣданіе комитета съ мая по сентябрь, всего 450 р., а также прибавлены къ назначеннымъ комитетомъ двумъ лицамъ пособіямъ— 25 р. Издателями газеты «Русскія Вѣдомости» пожертвовано 200 р., А. С. Чу-

товымъ—15 р. Артистическій кружокъ «Ливадія» предлагаетъ фонду безвозмездно свое помѣщеніе для устройства вечеровъ въ пользу фонда; пяти студентамъ здѣшняго университета предоставлены стипендіи фонда; двѣ стипендіи—въ женскихъ гимназіяхъ Гедда и княгини Оболенской. Начато печатаніемъ 22-е изданіе стихотвореній Надсона. Далѣе былъ прочитанъ отчетъ казначея за апрѣль—сентябрь. Цифровыя данныя этого отчета таковы. Въ капиталѣ неприкосновенномъ состояло на 1 апрѣля 37.411 р. 57 коп. Эта цифра осталась безъ движенія. По счету именныхъ капиталовъ на то же число состояло 603.272 р. 60 коп. Поступило за шесть мѣсяцевъ: а) отъ изданій общества 2.191 р., б) процентовъ съ капитала убѣжища для писателей (имени В. О. Михневича) 1.282 р. 50 коп. Итого—3.473 руб. 50 коп. Израсходовано а) г-жѣ Михневичъ—1.282 р. 50 коп., б) на изданіе книги Г. А. Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ» и послѣднихъ томовъ сочиненій Н. И. Костомарова — 6.060 р. 61 коп. Всего на 1 октября состоитъ 599,402 р. 85 коп. Капиталъ Н. Ф. фонъ-Дамича: на 1 апрѣля состояло: 41.608 р. 88 к., выдано пособій молодымъ ученымъ 1.600 р.; къ 1 октября состоитъ 40.008 р. 88 коп. Капиталъ ссудный: на 1 апрѣля состояло 170 р. 50 коп. Благодаря тому, что возвращеніе, хотя и обезпеченныхъ поручительствомъ, срочныхъ ссудъ идетъ очень туго, за истекшіе полгода при возвратѣ ссудъ на 683 р. 95 коп. могло быть выдано новыхъ ссудъ только на 640 р. Къ 1 октября состоитъ 214 р. 45 к. Капиталъ расходный: поступило въ теченіе шести мѣсяцевъ 16.573 р. 86 коп. Израсходовано: а) на пенсіи—3.743 р.; б) на продолжительныя пособія — 5,550 р., в) на единовременныя пособія и безсрочныя ссуды—3.705 р., г) на стипендіи—601 р. 50 коп., д) на пособія на воспитаніе и обученіе дѣтей писателей—867 р. 50 коп.; е) по завѣщанію Г. З. Елисѣева—100 р.; ж) на дѣлопроизводство и почтовые расходы, по храненію капиталовъ и др. 386 р. 43 коп.; з) на отчисленіе въ капиталъ Н. Ф. фонъ-Дамича—1.795 р. 50 к. Всего израсходовано 16.748 р. 93 коп. при доходѣ—16.573 р. 86 коп. Получился перерасходъ въ 175 р. 7 коп. Предстоящее полученіе ноябрьскаго купона, членскихъ взносовъ и ожидаемый доходъ съ устраиваемаго спектакля даютъ комитету основаніе думать, что годъ будетъ законченъ безъ дефицита. Но въ виду обязательныхъ выдачъ по назначеннымъ уже пенсіямъ и продолжительнымъ пособіямъ и единовременныя пособія приходится сокращать до небывалаго въ прежніе годы минимума. Нѣкоторыя данныя этихъ отчетовъ вызвали обсужденіе вопроса, и при томъ весьма важнаго въ принципіальномъ отношеніи. Прежде комитетъ фонда расходовалъ на пособіе литераторамъ въ каждое засѣданіе 700—800 р., теперь же благодаря прошлогоднему дефициту и бѣдности наличной кассы, онъ можетъ расходовать на тѣ же цѣли не болѣе 230—250 р. на каждое засѣданіе. Приходится поэтому отказывать многимъ просящимъ. Собраніе нашло, что отказывать въ помощи—вообще неудобно, и что слѣдовало бы предоставить комитету право дѣлать въ ссудный и расходный капиталы позаимствованія изъ другихъ капиталовъ. Вопросъ вызвалъ весьма оживленный обмѣнъ мнѣній. Въ заключеніе были произведены выборы новыхъ членовъ. Избрано 21 лицо.

XXV лѣтъ изданія «РОДНИКА». 10 декабря 1906 г. минетъ 25 лѣтъ существованія дѣтскаго журнала «Родникъ», подъ редакціей Е. Н. Сысоевой (нынѣ покойной) и А. Н. Альмедингена. Поработать на нивѣ народнаго образованія, въ продолженіе 25 лѣтъ, въ качечтвѣ издателя и редактора, создавшаго популярный дѣтскій журналъ, заслуга немаловажная передъ русскимъ обществомъ. Положимъ, издатели бываютъ разные. Одни, напримѣръ, какъ Новиковъ, Павленковъ, Солдатенковъ, Суворинъ и друг. работали на пользу русскаго просвѣщенія; другіе, напримѣръ, издатели Никольскаго рынка, или Гостинаго двора, радѣли больше о своихъ матеріальныхъ выгодахъ, чѣмъ о пользѣ читателя. А. Н. Альмедингенъ создалъ типъ дѣтскаго журнала для «малыхъ сихъ», которому подражаютъ, какъ по внѣшности, такъ и по внутреннему содержанію, прочіе дѣтскіе журналы. «Родникъ» выписывается преимущественно въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ онъ за 25 лѣтъ своего существованія представляетъ своего рода общеобразовательную энциклопедію. Всѣ произведенія по естествознанію профессоровъ Кайгородова, Богданова, изданныя цѣлымъ рядомъ книгъ, напечатаны были предварительно въ «Родникѣ», какъ и работы г. Авенаріуса: всѣ его историко-біографическія и историческія повѣсти. Въ «Родникѣ» же печатались и сказки Кота-Мурлыки. (профессора Н. П. Вагнера). Не чуждъ былъ «Родникъ» и современности. Въ 1903 г., по случаю 200-лѣтія Петербурга, редакція выпустила роскошный №, посвященный этому событію, съ многочисленными иллюстраціями. Нельзя сказать, чтобы наши журналы вообще были долговѣчны. Болѣе другихъ у насъ живучи изданія офиціальныя, разные «Вѣстники», «Вѣдомости» и т. п., которыя издаются общественными учежденіями, а не отдѣльными лицами, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости», право изданія которыхъ принадлежитъ Московскому университету. Сюда же надо отнести и разные «Губернскія Вѣдомости». Изъ статистическихъ таблицъ періодической печати Н. М. Лисовскаго, бывшихъ на первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла, видно, что за время съ 1703 по 1880 г. на русскомъ языкѣ выходило въ Россіи 1353 изданія, которыя въ общей сложности дали 11.133 годоизданія, и что поэтому средняя долговѣчность ихъ составляетъ 8, 23 лѣтъ. Значитъ, «Родникъ» въ три раза пережилъ среднюю долговѣчность русскихъ повременныхъ изданій. Для наглядности и для сравненія приведемъ таблицу средней долговѣчности повременныхъ изданій по группамъ:

Изданія политическія и литературныя (журналы, газеты, изданія для дѣтей, изданія для народа)

Средняя долговѣчность	5, 09	лѣтъ.
Изданія офиціальныя	17, 90	»
Изданія ученыя и научно-практическія	8, 93	»
Изданія по наукамъ гуманитарнымъ	6, 30	»
Изданія по наукамъ естественнымъ	8, 29	»
Итого, средняя долговѣчность	8, 23	лѣтъ.

Первые читатели «Родника» имѣютъ уже внуковъ, которые тоже скоро будутъ читать «Родникъ». Вслѣдствіе нашей малой культурности спросъ на

дѣтскіе журналы у насъ не великъ. «Родникъ», напримѣръ, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ дѣтскихъ журналовъ, имѣетъ только около 6.000 подписчиковъ. Всѣ наши дѣтскіе журналы болѣе или менѣе испытали превратности своей судьбы, и переходили изъ рукъ въ руки отъ одного издателя къ другому. Самый старѣйшій изъ нихъ, «Дѣтское Чтеніе», побывалъ въ разныхъ рукахъ: у Надѣина, Алексѣя Острогорскаго, Виктора Острогорскаго, Семенова, Борисова и наконецъ Д. И. Тихомирова—въ Москвѣ. «Дѣтскій Отдыхъ издавался Берсомъ, Сарычевой, Барскимъ и наконецъ Поповой. «Задушевное Слово» редактировался Макаровой, Весселемъ и Ольхинымъ. «Игрушечка» отъ Пассекъ перешла къ Тюфяевой-Толивѣровой. Даже наиболѣе молодой дѣтскій журналъ, напримѣръ, «Всходы», успѣлъ уже побывать въ двухъ рукахъ. И только «Родникъ» за все время своего 25-лѣтняго существованія издается и редактируется въ однѣхъ рукахъ. Со временемъ, съ введеніемъ въ Россіи обязательнаго всеобщаго образованія, количество юныхъ читателей, безъ сомнѣнія, возрастетъ. Появятся новые дѣтскіе журналы, новые издатели, но они, чтобы оказаться на высотѣ своего призванія, пойдутъ по пути, проторенному «Родникомъ», и по его стопамъ. »Родникъ» избѣгалъ сентиментальныхъ статей, вызывающихъ своею фальшью улыбку дѣтей. Основное правило «Родника» было: печатать такія статьи для дѣтей, которыя съ интересомъ могъ бы прочитать и взрослый читатель.

Общество любителей естествознанія. 15 октября въ Москвѣ состоялось годичное засѣданіе общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, привлекшее многочисленную публику. Отчетъ читался за два года, такъ какъ въ минувшемъ году, по случаю октябрьской забастовки, не было годичнаго засѣданія. Въ почетные члены общества избраны профессора: В. Ѳ. Лугининъ, В. Рамзай, лордъ Рэлей, В. Спримъ и Э. Элерсъ; непремѣннымъ членомъ избрана графиня Е. В. Шереметева. За 1905 г. присуждены преміи: имени А. П. Разцвѣтова по антропологіи—А. А. Аутинову и К. С. Бари; имени В. П. Мошнина по химіи—В. В. Челинцеву. Золотая медаль имени Разцвѣтова присуждена А. Л. Здроевскому и большая серебряная медаль—Н. А. Володину. Затѣмъ преміи только-что истекшаго года присуждены: августѣйшаго имени великаго князя Сергѣя Александровича—С. М. Чугунову за труды по антропологіи; имени А. П. Разцвѣтова—А. Н. Джалахову, имени В. П. Мошнина по физикѣ—В. Я. Альбертсу; премія великаго князя Сергѣя Александровича въ память международныхъ конгрессовъ 1892 г.—Д. И. Аракчіеву; за труды по этнографіи имени А. П. Богданова—П. Ю. Шмидту и Д. М. Рузскому. Золотая медаль имени А. П. Разцвѣтова присуждена А. А. Курдову. Въ засѣданіи были сдѣланы научныя сообщенія.

Юбилей врачей. Четверть вѣка назадъ, 7 ноября медико-хирургическую академію окончили 284 врача. Нѣкоторые изъ нихъ достигли извѣстности и занимаютъ нынѣ профессорскія каѳедры, нѣкоторые умерли, большинство же разсѣялось по городамъ и мѣстечкамъ, занимаются главнымъ образомъ врачебной дѣятельностью и являются въ провинціи видными мѣстными дѣятелями въ качествѣ гласныхъ различныхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Изъ живущихъ постоянно въ Петербургѣ врачей-юбиляровъ заслуженной

извѣстностью пользуется имя профессора военно-медицинской академіи, Г. И. Турнера. Его спеціальность—хирургія. Въ медицинской академіи онъ явился преемникомъ извѣстнаго хирурга Е. В. Павлова по каѳедрѣ десмургіи и занимаетъ эту каѳедру донынѣ. Въ области психіатріи крупныя заслуги имѣются у приватъ-доцента военно-медицинской академіи И. Я. Розенбаха, завѣдующаго съ 1904 г. психіатрическихъ отдѣленіемъ. Изъ юбиляровъ, живущихъ въ провинціи, пользуется извѣстностью профессоръ Кіевскаго университета А. Д. Павловскій по каѳедрѣ хирургической патологіи и терапіи, затѣмъ профессоръ по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней Томскаго университета И. Н. Граматикати. Изъ другихъ юбиляровъ назовемъ профессора гигіены Варшавскаго университета Н. Н. Брусянина, А. А. Липскаго, Н. Н. Вакуловскаго, А. В. Богданова, А. К. Лимберга, Г. А. Смирнова, В. В. Строганова, Л. И. Тумаса; главныхъ врачей больницъ: П. Д. Кувшинскаго, А. Ф. Модестова, Н. В. Соломка, Л. О. Финкельштейна, И. Я. Ѳомина, В. И. Яковенка; редакторовъ медицинскихъ журналовъ: Л. Ш. Личкуса, С. Б. Орѣчкина, М. С. Уварова, И. Я. Ѳомина и старшаго врача императорскаго родоспомогательнаго заведенія и преподавателя женскихъ болѣзней въ повивальномъ институтѣ Н. М. Поршнякова.

Памятникъ Пушкину. Выработанъ проектъ положенія о домѣ Пушкина, учреждаемомъ съ цѣлью создать хранилище, гдѣ было бы собрано все, что касается Пушкина, какъ писателя, человѣка и гражданина. Домъ Пушкина будетъ состоять въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Завѣдывать имъ будетъ совѣтъ, въ который войдутъ членами президентъ, вице-президентъ и непремѣнный секретарь императорской академіи наукъ, отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ и разрядъ изящной словесности въ полномъ ихъ составѣ, по одному представителю отъ литературнаго фонда и литературно-художественныхъ обществъ.

Духовное завѣщаніе В. Д. Спасовича. Покойнымъ В. Д. Спасовичемъ завѣщано сто тысячъ въ пользу Краковской академіи наукъ, 10.000 р. въ пользу недостаточныхъ учащихся поляковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, 5.000 р., кассѣ помощи польскимъ ученымъ и 5.000 р. въ распоряженіе петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Траурная колесница фельдмаршала Кутузова. На-дняхъ Угличскій музей древностей обогатился весьма рѣдкимъ и цѣннымъ въ историческомъ отношеніи вкладомъ. Угличскій предводитель дворянства, Николай Николаевичъ Тучковъ, принесъ въ даръ музею траурную колесницу съ гробомъ, на которой въ 1813 г. было перевезено изъ Австріи въ Петербургъ, для погребенія въ Казанскомъ соборѣ, тѣло скончавшагося 16 апрѣля 1813 г. въ силезскомъ городкѣ Бунцлау фельдмаршала русской арміи, Михаила Иларіоновича Кутузова-Голенищева, свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго. Колесница эта долгое время хранилась съ прочими многочисленными реликвіями въ родовомъ домѣ Кутузовыхъ въ Петербургѣ на Французской набережной (прежде Гагаринской), а затѣмъ, во время большой передѣлки дома настоящими владѣльцами Тучковыми, была перевезена изъ Петербурга въ ярославское имѣніе Тучковыхъ «Шишкино», гдѣ, благодаря своей громоздкости и неудобствамъ помѣщенія,

пришла въ большую ветхость. Комитетъ музея, получивъ столь рѣдкій даръ, принялъ мѣры къ необходимой реставраціи колесницы, предполагая помѣстить ее въ одномъ изъ подвальныхъ помѣщеній дворца. Въ виду приближающагося столѣтія двѣнадцатаго года, считаемъ не лишнимъ сообщить, что домъ Н. Н. Тучкова полонъ реликвій 1812 г., среди которыхъ первое мѣсто нужно отвести вещамъ фельдмаршала Кутузова и въ особенности собственнымъ часамъ «свѣтлѣйшаго», по которымъ шелъ знаменитый Бородинскій бой, и боевымъ, пробитымъ пулями, мундирамъ генераловъ Тучковыхъ, павшихъ въ бою 26 августа подъ Бородинымъ.

НЕКРОЛОГИ.

Алфераки, Л. К. † Въ Петербургѣ 2 ноября скончалась Любовь Козьминична Алфераки, стяжавшая себѣ при жизни репутацію широкой благотворительницы. Покойная провела значительную часть своей жизни на югѣ Россіи и помнила еще тѣ времена, когда южныя привольныя степи, облегавшія Азовское море, были не распаханы. Л. К. была вдовою крупнаго землевладѣльца, производившаго на своихъ поляхъ пшеницу сотнями тысячъ четвертей въ годъ. Покойная, до своего переселенія въ столицу, жила съ семьею въ Таганрогѣ въ собственномъ, замѣчательномъ по архитектурѣ, домѣ, занимавшемъ вмѣстѣ съ садомъ цѣлый кварталъ. Въ этомъ домѣ, проѣздомъ черезъ Таганрогъ, останавливался во время своего путешествія по Россіи покойный старшій сынъ императора Александра II, тогда еще бывшій наслѣдникомъ, великій князь Николай Александровичъ. Л. К. скончалась на 83 году своей жизни. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1906 г., № 11.008).

† **Астафьевъ, Н. А.** 17 октября въ Петербургѣ скончался Николай Александровичъ Астафьевъ, полвѣка состоявшій профессоромъ всеобщей исторіи. Покойный родился 17 марта 1825 г. въ селѣ Совѣтѣ (Екатеринославской губерніи) и послѣ домашняго воспитанія учился въ петербургскомъ пансіонѣ Журдана, а затѣмъ на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. По окончаніи курса кандидатомъ (1847 г.), онъ скоро пріобрѣлъ степень магистра за ненапечатанную диссертацію: «О правленіи четырехсотъ въ Аѳинахъ» (1850 г.), и званіе приватъ-доцента за сочиненіе «Македонская гегемонія и ея приверженцы» (Спб., 1856 г.), послѣ чего состоялъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ родномъ университетѣ и профессоромъ того же предмета въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ. Во время

своей профессорской дѣятельности Н. А. спеціально интересовался древнѣйшею исторіей. Плодами этого изученія явились большой трудъ: «Древности Вавилоно-Ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ» (Спб., 1882 г.), и замѣчательная статья: «Вавилоно-Ассирійскія клинообразныя надписи» (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1876 г., книга 12). Съ 1863 г. покойный положилъ основаніе Обществу распространенія св. писанія въ Россіи и долгое время состоялъ его предсѣдателемъ. Глубоко интересуясь судьбою этого учрежденія, онъ напечаталъ: «Опытъ исторіи Библіи въ Россіи» (Спб., 1889 и 1892 г.г.), «Очеркъ происхожденія и дѣятельности общества распространенія св. писанія» (Спб., 1895 г.), «О духѣ времени» (Спб., 1899 г.) и рядъ духовно-нравственныхъ брошюръ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 257).

† **Бирюковичъ, В. В.** 11 августа скончался Владимиръ Васильевичъ Бирюковичъ. Онъ родился въ 1857 г. въ Минской губерніи, въ семьѣ сельскаго священника. Первоначальное образованіе, онъ получилъ въ минской гимназіи, но не имѣлъ возможности окончить ее и держалъ экзамены экстерномъ. Окончивъ затѣмъ военно-топографическое училище, онъ нѣкоторое время прослужилъ въ полку, но скоро былъ уволенъ въ запасъ, и съ 1881 г., поселившись въ С.-Петербургѣ, всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности. Сотрудничалъ во многихъ газетахъ и журналахъ, какъ-то: въ «Голосѣ», «Странѣ», «Новостяхъ», «Недѣлѣ», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отечества» и въ нѣкоторыхъ другихъ. Наиболѣе крупныя изъ его журнальныхъ статей помѣщены были въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Наблюдателѣ», «Русскомъ Богатствѣ», гдѣ онъ велъ также въ теченіе нѣкотораго времени внутреннее обозрѣніе, и въ «Русской Школѣ». Служа при министерствѣ земледѣлія, покойный не разъ былъ командированъ въ разные районы для изученія на мѣстѣ различныхъ вопросовъ сельскаго хозяйства, меліоративнаго дѣла и другихъ отраслей народнаго хозяйства, и велъ въ «Извѣстіяхъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ» отдѣлъ, въ которомъ региструется дѣятельность земствъ по этимъ вопросамъ, а также составлялъ обзоры подъ названіемъ: «Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству». Болѣзнь, безвременно сведшая В. В. въ могилу, уже давно подтачивала его силы, но онъ крѣпился и работалъ до послѣднихъ дней. (Некрологъ его: «Извѣщенія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ», 1906 г., № 7).

† **Вильчковскій, Н. А.** 1 ноября въ Петербургѣ скончался одинъ изъ извѣстныхъ дѣятелей въ области медицины, почетный лейбъ-хирургъ, докторъ медицины, тайный совѣтникъ Николай Александровичъ Вильчковскій. Покойный, сынъ штабъ-лѣкаря, православнаго исповѣданія, родился въ 1824 г. Окончивъ Дерптскій университетъ со степенью доктора медицины, Н. А. занялъ мѣсто врача въ Варшавскомъ военномъ госпиталѣ, но черезъ годъ уже былъ командированъ полковымъ врачемъ въ Александровскій егерскій полкъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, покойный получилъ мѣсто старшаго лѣкаря 1 резервнаго саппернаго баталіона, а затѣмъ въ I Петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Въ 1859 г. Н. А. былъ командиро-

ванъ за границу, гдѣ и пробылъ два года. По возвращеніи въ Россію, онъ поступилъ на должность помощника главнаго доктора въ I Петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, а въ 1864 г. занялъ мѣсто главнаго доктора въ томъ же госпиталѣ. Затѣмъ Н. А. сдѣлался консультантомъ въ Маріинскомъ институтѣ; въ то же время медицинскій ученый комитетъ избралъ его въ свои совѣщательные члены. Въ 1875 г. извѣстный докторъ получилъ званіе гофъ-медика III округа, а въ 1882 году занялъ мѣсто помощника управляющаго придворною медицинскою частью. Покойный оставилъ послѣ себя нѣсколько печатныхъ научныхъ трудовъ по медицинѣ. Скончался Н. А. 84 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 271).

† **Врангель, Е. К.** 6 ноября хоронили художницу, баронесу Елену Карловну Врангель. Уроженка Новгорода, дочь генерала, Е. К. получила свое первоначальное образованіе дома, а затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ занималась живописью подъ руководствомъ академика В. О. Шервуда. Впослѣдствіи, переѣхавъ въ Петербургъ, она пользовалась совѣтами такого опытнаго акварелиста, какъ профессоръ Л. О. Премацци, и указаніями академика П. П. Чистякова. Поощряемая своими руководителями, Е. К. въ 1869 г. выставила на конкурсъ въ Москвѣ нѣсколько акварелей, а въ 1870 г. одна изъ нихъ «Сцена изъ малороссійской жизни», будучи на академической выставкѣ, доставила экспоненткѣ званіе неклассполо художника. Черезъ два года за ея картины «Встрѣча» и «Борьба быковъ» академіей художествъ ей была присуждена большая поощрительная медаль, а въ 1874 г. за картину «Сцена изъ малороссійскаго быта» Е. К. награждена званіемъ почетнаго вольнаго общника академіи. Е. К. всегда обращала вниманіе своими произведеніями почти на всѣхъ выставкахъ. Особенно часто она писала коровъ, лошадей, и нѣкоторыя изъ ея работъ въ этомъ родѣ попадали и на заграничныя выставки. Баронеса Врангель—одна изъ учредительницъ перваго дамскаго художественнаго кружка, гдѣ всегда была однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ и привѣтливыхъ членовъ, положившихъ немало труда и силъ на помощь своимъ нуждающимся собратьямъ по искусству. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1906 г., № 11.012).

† **Елеонскій, О. Г.** 3 ноября послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни скончался весьма извѣстный въ духовномъ мірѣ заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи и почетный членъ ея, докторъ богословія, Ѳедоръ Герасимовичъ Елеонскій. Профессоръ Елеонскій—одинъ изъ выдающихся знатоковъ библейской исторіи. Скончавшійся—уроженецъ Нижегородской епархіи, сынъ священника, высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи, курсъ которой онъ окончилъ въ 1863 г. въ числѣ первыхъ магистрантовъ. По окончаніи академическаго образованія назначенъ былъ преподавателемъ древней исторіи въ литовскую духовную семинарію. Въ то же время онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ разборѣ и изданіи историческихъ памятниковъ Западнаго края. Съ 1870 г. почившій поступилъ на службу въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ занималъ, сначала въ должности доцента, а потомъ профессора, каѳедру библейской исторіи. Эту должность онъ проходилъ въ теченіе 35 лѣтъ. Одно время профессоръ Елеон-

скій состоялъ управляющимъ синодальной типографіей. Почтенному профессору принадлежитъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ по преимуществу въ области его спеціальности. Среди нихъ особенно выдаются: «Исторія израильскаго народа въ Египтѣ отъ поселенія въ землѣ Гессемъ до египетскихъ казней», — солидный трудъ, за который скончавшійся удостоенъ былъ степени доктора богословія, и «Разборъ мнѣній современной отрицательной критики о времени написанія пятикнижія». Профессоръ Ѳ. Г. Елеонскій былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ въ извѣстномъ изданіи «Толкованія ветхаго завѣта» и въ новѣйшемъ изданіи «Творенія св. Іоанна Златоуста». Среди своихъ сослуживцевъ и многочисленныхъ учениковъ скончавшійся профессоръ всегда пользовался неизмѣнными симпатіями и глубокимъ уваженіемъ, какъ авторитетный ученый, сердечный и отзывчивый человѣкъ. Умеръ онъ 67 лѣтъ. 4 ноября у гроба скончавшагося отслужены были въ Царскомъ Селѣ (Кадетская улица) двѣ торжественно-печальныя панихиды. На гробъ отъ профессоровъ академіи и бывшихъ питомцевъ ея былъ возложенъ дорогой вѣнокъ. (Некрологъ его: «Петербургскій Листокъ», 1906 г., № 937).

† **Іонаѳанъ, архіепископъ.** 18 октября въ Ярославлѣ тихо скончался одинъ изъ маститыхъ іерарховъ православной церкви, преосвященный Іонаѳанъ, бывшій архіепископъ ярославскій и ростовскій. Преосвященный Іонаѳанъ (въ мірѣ Иванъ Наумовичъ Рудневъ) родился 18 апрѣля 1819 г. въ селѣ Вязовики, Орловской губерніи, Ливенскаго уѣзда. Онъ воспитывался въ орловской духовной семинаріи, а затѣмъ перешелъ въ Кіевскую духовную академію, окончилъ курсъ со степенью старшаго кандидата богословія. Въ 1843 г. И. Н. Рудневъ получилъ мѣсто преподавателя во второмъ Бѣлгородскомъ духовномъ училищѣ, а, спустя три года, былъ назначенъ профессоромъ гражданской исторіи въ орловской семинаріи. Въ это же время И. Н. Рудневъ женился, но вскорѣ овдовѣлъ и принялъ иноческій санъ съ именемъ Іонаѳана. Іеромонахъ Іонаѳанъ сначала былъ инспекторомъ въ той же орловской семинаріи, а потомъ, получивъ санъ архимандрита, сталъ настоятелемъ Спасо-Прилуцкаго монастыря и ректоромъ вологодской духовной семинаріи и состоялъ въ этихъ должностяхъ до 1864 г., когда былъ назначенъ ректоромъ олонецкой духовной семинаріи. 4 сентября 1866 г. былъ возведенъ въ санъ епископа кинешемскаго, викарія Костромской епархіи, а черезъ три года получилъ самостоятельную каѳедру епископа олонецкаго и петрозаводскаго. Въ продолженіе восьми лѣтъ преосвященный Іонаѳанъ состоялъ въ этомъ санѣ и былъ переведенъ епископомъ Кроcлавскимъ и ростовскимъ. Въ 1883 г. высокопреосвященный Іонаѳанъ получилъ санъ архіепископа. Его энергичная духовная и благотворительная дѣятельность принесла немало пользы. Благодаря его содѣйствію, въ Ярославлѣ открылось просвѣтительное противораскольническое братство во имя св. Димитрія Ростовскаго, возникло множество церковно-приходскихъ школъ, а, кромѣ того, воздвигнуто женское епархіальное училище, названное Іонаѳановскимъ. Большая любовь высокопреосвященнаго Іонаѳана къ отечественной археологіи способствовала возобновленію многихъ старинныхъ храмовъ и различныхъ древнихъ зданій въ Ярославлѣ и Ростовѣ. Императорскія общества: исторіи и древностей россійскихъ и Московское археологи-

ческое, избрали архипастыря своимъ членомъ. Преосвященный Іоаннъ священствовалъ 63 года и умеръ на 91 году жизни. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 258).

† **Мончаловскій, О. А.** 1 ноября скончался во Львовѣ Осипъ Андреевичъ Мончаловскій, публицистъ и видный общественный дѣятель Галицкой Руси. Сынъ сельскаго учителя, онъ выросъ съ народомъ и всю свою жизнь посвятилъ народу. За послѣдніе годы едва ли какой нибудь галицкій крестьянинъ не зналъ Мончаловскаго. Покойный былъ всецѣло проникнутъ духомъ и идеалами прот. І. Наумовича. Онъ составилъ прекрасное его жизнеописаніе, изданное обществомъ М. Качковскаго. Наумовичъ служилъ для покойнаго живой и естественной связью съ первыми провозвѣстниками галицко-русскаго возрожденія. Оттого покойный былъ чуждъ мелкой партійности и нетерпимости. Беззавѣтно любя свою родину, онъ считалъ грѣхомъ отрывать ее отъ общаго корня, «половинить» Русь, и въ равной мѣрѣ считалъ своимъ достояніемъ и Шевченка, и Гоголя съ Пушкинымъ. Отсюда горячая любовь къ Россіи, ея исторіи и литературѣ. Мончаловскій прекрасно зналъ русскій литературный языкъ и былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ сторонниковъ общерусскаго литературнаго единенія. Благодаря ему, предпринятое въ 1901 г. галицко-русской матицей изданіе «Научно-литературнаго сборника» продолжалось до послѣдняго времени на общерусскомъ литературномъ языкѣ. Покойный горячо любилъ и свою родную малорусскую рѣчь, но его глубоко возмущало желаніе во что бы то ни стало обособить ее въ совершенно отдѣльный языкъ, при чемъ для этой цѣли выковывались новыя дикія слова или заимствовались отовсюду, лишь бы только не изъ общерусской сокровищницы. Покойный напечаталъ въ «Галичанинѣ» рядъ статей по вопросу о литературномъ спорѣ двухъ русскихъ народностей. Онѣ изданы были потомъ отдѣльной брошюрою («Литературное и политическое украйнофильство», Львовъ, 1898), которая не потеряла своего значенія и до сихъ поръ. Тяжелая жизнь галицко-русскаго публициста подорвала крѣпкое здоровье покойнаго. Онъ умеръ въ цвѣтѣ силъ, 48 лѣтъ отъ роду. Въ Галицкой Руси онъ оставилъ глубокій слѣдъ и благодарную память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 11.014).

† **Поповъ, Л. В.** 25 октября скончался докторъ медицины, академикъ, Левъ Васильевичъ Поповъ, пользовавшійся крупной извѣстностью въ медицинскомъ мірѣ, какъ выдающійся патологъ и терапевтъ. Онъ былъ ученикомъ профессора С. П. Боткина, затѣмъ его помощникомъ по чтенію лекцій при клиникѣ и послѣ смерти профессора Боткина его замѣстителемъ по каѳедрѣ академической терапевтической клиники въ военно-медицинской академіи. Ученая дѣятельность покойнаго началась со студенческой скамьи и касалась разработки самыхъ разнообразныхъ вопросовъ внутренней медицины: измѣненій крови (ея пигментовъ), болѣзней желудка (процессы броженія), сахарнаго мочеизнуренія, холеры, тифозныхъ заболѣваній (измѣненія мозга при нихъ и мышечной ткани и пр.), болѣзней печени, почекъ, легкихъ и сердца. Его изслѣдованія внесли много новаго и цѣннаго въ область медицинскихъ знаній. По окончаніи курса въ военно-медицинской академіи, Л. В. работалъ въ Берлинѣ у Вирхова, въ Парижѣ у Шарко, въ Страсбургѣ у Гоппе-Зейлера. Вер-

нувшись въ Петербургъ, началъ въ 1873 г. свою учебно-педагогическую дѣятельность чтеніемъ лекцій въ качествѣ доцента по общей патологіи и діагностикѣ въ военно-медицинской академіи, съ 1881 г. по 1890 г. былъ профессоромъ по каѳедрѣ госпитальной терапевтической клиники въ Варшавскомъ университетѣ, въ 1890 г. занялъ каѳедру въ военно-медицинской академіи. Какъ профессоръ-клиницистъ, онъ съ особенною любовью посвящалъ силы воспитанію и образованію молодыхъ врачей и пользовался со стороны учащейся молодежи общими симпатіями. Особенно обширна была практическая дѣятельность покойнаго, какъ врача у постели больныхъ и консультанта-діагноста и терапевта въ кругу товарищей-врачей. Его внимательное отношеніе къ больнымъ и безразличіе къ размѣру оплаты своего труда рѣзко отличали покойнаго отъ другихъ медицинскихъ знаменитостей. Врачи, цѣня выдающіяся знанія Л. В. Попова, прибѣгали къ нему, какъ къ діагносту, за помощью въ трудные моменты своей врачебной практики. На консиліумахъ его мнѣніе всегда отличалось замѣчательной обоснованностью и часто спасало больныхъ отъ роковой развязки. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. Л. В. былъ врачемъ л.-гв. Гренадерскаго полка и много поработалъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ тифозными заболѣваніями. Въ послѣднее время онъ состоялъ лейбъ-медикомъ высочайшаго двора, совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета и медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ комитетѣ санаторій для чахоточныхъ онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ предсѣдателя, относившимся съ особенной заботливостью къ недостаточнымъ больнымъ. Общество русскихъ врачей въ Петербургѣ потеряло въ немъ своего многолѣтняго предсѣдателя. Въ частной жизни покойный былъ чрезвычайно милымъ и привѣтливымъ хозяиномъ и собесѣдникомъ. Онъ не лишенъ былъ поэтическаго дарованія и посвятилъ красотамъ Кавказа рядъ своихъ очень недурныхъ лирическихъ стихотвореній. Умеръ онъ на 62 году жизни, оставивъ по себѣ свѣтлую память честнаго и безукоризненнаго дѣятеля и въ высшей степени добросовѣстнаго замѣчательнаго научнаго работника. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 11.000).

† **Пузикъ-Подкольскій, В. В.** 28 сентября въ Петербургѣ скончался 39 лѣтъ отъ роду Вячеславъ Викторовичъ Пузикъ-Подкольскій. Покойный родился въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Самарской губерніи и среднее образованіе получилъ въ самарской гимназіи; затѣмъ окончилъ Ярославскій Демидовскій лицей. Еще будучи гимназистомъ, В. В. помѣщалъ корреспонденціи въ «Самарской Газетѣ». Позднѣе онъ спеціализировался на беллетристикѣ, печатая разсказы въ «Артистѣ», «Недѣлѣ», «Новомъ Времени», «Россіи», «Нивѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Сынѣ Отечества», «Новостяхъ дня», «Осколкахъ». Разсказы эти вышли двумя отдѣльными книжками, изъ которыхъ одну издалъ г. Куманинъ, издатель «Артиста»; другая книжка, подъ названіемъ «Вечеромъ», вышла въ Петербургѣ, въ 1903 г. Покойный страдалъ сухоткой спинного мозга и умеръ на 39 году жизни. Послѣдніе тяжелые годы безнадежно больного писателя облегчались участіемъ близкаго человѣка—жены, которой удалось поступить продавщицей въ казенную винную лавку и не покинуть мужа до послѣдняго его издыханія. (Некрологъ его: «Извѣщенія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ», 1906 г., № 7).

† **Кн. Друцкой-Соколинскій, Д. В.** 7 ноября скончался на 75-мъ году князь Дмитрій Васильевичъ Друцкой-Соколинскій, бывшій мокшанскимъ (Пензенской губ.) уѣзднымъ предводителемъ дворянства, немало писавшій по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Изъ другихъ его литературныхъ работъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 г. была напечатана повѣсть «Первая любовь», а въ «Русскомъ Архивѣ» (1901 г.)—«Воспоминанія». (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 11.018).

† **Семенова, О. П.** 12 ноября скончалась на 44 году жизни Ольга Петровна Семенова (род. 1863 г.), дочь вице-предсѣдателя географическаго общества, члена государственнаго совѣта П. П. Семенова. Это была недюжинная русская женщина, скромно служившая русской наукѣ и обществу, жизнь и дѣятельность которой, полныя умственныхъ интересовъ и благородныхъ стремленій, не прошли безъ слѣда для русскаго просвѣщенія. Обладая тонкимъ умомъ, съ философскимъ складомъ, разнообразно даровитая и разносторонне образованная, надѣленная отъ природы большимъ художественнымъ чутьемъ и крупнымъ талантомъ къ живописи (ея пейзажи-акварели, поражавшіе всѣхъ мастерствомъ и жизненностью, бывали на выставкахъ), покойная посвятила себя главнымъ образомъ трудамъ по этнографіи, по дѣятельному собиранію какъ памятниковъ и произведеній народнаго творчества, такъ и предметовъ народнаго быта, кустарнаго промысла и проч. Горячо любя родину и русскій народъ, страстно любя русскую деревню, въ которой (въ имѣніи родителей Рязанской губ., Данковскаго уѣзда) она проводила бóльшую половину года, О. П. увлекалась изученіемъ окружавшей ее сельской среды во всѣхъ отношеніяхъ, вникала во всѣ ея интересы и нужды и дѣлала много истиннаго добра сельскому люду. Служить всячески простому народу, изучать его бытъ и нравы, его домашній обиходъ, его обстановку и одежду, и не менѣе его типы, его духовную, нравственную личность, ея внутреннюю красоту и особенности—это была ея стихія, ея первое наслажденіе. Большая наблюдательность, психологическая проницательность и чуткость души вмѣстѣ съ основательностью и шириною знаній и теоретической подготовкой (не взирая на исключительно домашнее образованіе) выработали изъ нея опытнаго практическаго этнографа, оказавшаго русской наукѣ значительныя услуги своими собраніями произведеній творчества (народныхъ пѣсенъ) и предметовъ быта (особенно женскихъ одеждъ и уборовъ) и своими наблюденіями. Не разъ ею были доставляемы полезные этнографическіе матеріалы императорскому Русскому географическому обществу, и еще въ 1886 г. за сборникъ пѣсенъ изъ Рязанской губ. ей была присуждена серебряная медаль. Ея сообщенія встрѣчаются въ ученыхъ изданіяхъ, напримѣръ, въ «Живописной Старинѣ», изд. подъ ред. В. И. Ламанскаго (см. 1891 г., вып. IV). Она сотрудничала въ извѣстномъ изданіи «Россія» (географическомъ описаніи ея), редактируемомъ ея братомъ, В. П. Семеновымъ. Въ послѣдніе годы она ревностно и успѣшно собирала крестьянскія женскія одежды и уборы для этнографическаго музея императора Александра III. Преждевременная смерть ея—тяжелая потеря для всѣхъ знавшихъ эту свѣтлую, благородную, отзывчивую на все доброе личность, эту оригинальную, интересную и даровитую русскую женщину. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1906 г., № 11.018).

† **Филиппьевъ, В. И.** 19 августа скончался ученый секретарь, членъ ученаго комитета главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, Викторъ Ивановичъ Филипьевъ. Онъ родился въ 1858 г. и первоначальное образованіе получилъ въ екатеринославской гимназіи, окончивъ ее съ золотою медалью; затѣмъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на физикоматематическій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по разряду естественныхъ наукъ со степенью кандидата, получивъ кесслеровскую премію за сочиненіе о «Хлѣбномъ жукѣ». Еще до окончанія университетскаго курса В. И. занимался прикладной энтомологіей и затѣмъ въ теченіе пяти лѣтъ былъ командируемъ министерствомъ государственныхъ имуществъ и учеными обществами въ разныя мѣстности Россіи для изученія вредныхъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи насѣкомыхъ. Результатомъ этихъ поѣздокъ и послѣдующей разработки собраннаго матеріала явился цѣлый рядъ его трудовъ по энтомологіи: «О яровомъ червѣ Симбирской губерніи», «О яровой моли Самарской губерніи», «О вредныхъ насѣкомыхъ Полтавской губерніи», «Враги и болѣзни плодовыхъ деревьевъ», «Борьба съ филоксерой въ Россіи» и пр. Будучи натуралистомъ-агрономомъ и интересуясь вопросами нашего хозяйства, В. И. состоялъ сотрудникомъ многихъ сельскохозяйственныхъ повременныхъ изданій («Труды вольнаго экономическаго общества», «Вѣстникъ Винодѣлія», «Плодоводство», «Сельскій Хозяинъ», «Международный птицеводный журналъ») и помѣстилъ въ нихъ рядъ статей по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства (каковы: «Матеріалы къ вопросу о состояніи въ Россіи птицеводства», «Къ исторіи русскаго винодѣлія», «Результаты изслѣдованія винъ» и пр.) и многочисленныя библіографическія статьи, создавшія ему извѣстность одного изъ лучшихъ знатоковъ сельскохозяйственной библіографіи. Съ сентября 1901 г. В. И. состоялъ главнымъ редакторомъ издаваемой А. Ф. Девріеномъ (въ 10 томахъ) «Полной энциклопедіи русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ» и руководилъ этимъ изданіемъ до самой своей смерти. (Некрологъ его: «Извѣщенія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ», 1906 г., № 7).

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ.

Письмо въ редакцію.

Такъ какъ я не выписывала и не читала за текущій годъ журнала «Историческій Вѣстникъ», то сейчасъ только случайно узнала, что въ апрѣлѣ этого года въ журналѣ вашемъ, въ статьѣ г. Фаресова, помѣщено сообщеніе о мужѣ моемъ, бывшемъ земскомъ начальникѣ, Д. Н. Бизюкинѣ, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительностью.

Имѣя четырехъ сыновей и дорожа честнымъ именемъ семьи нашей столько же, сколько и правдой вообще, прошу васъ напечатать это письмо.

Въ своей замѣткѣ г. Фаресовъ сообщаетъ о земскомъ начальникѣ Д. Н. Бизюкинѣ, что онъ, якобы злоупотребивъ властью, навязалъ подвѣдомственному ему волостному правленію свой какой-то потерявшій въ цѣнѣ, билетъ.

Единственный билетъ, которымъ владѣла касса Сине-Никольскаго волостного правленія, а именно билетъ 4% государственной ренты въ 500 рублей, былъ уступленъ ей причтомъ Сине-Никольской церкви еще въ 1899 г., когда по курсу онъ стоилъ 202 рубля. Билетъ этотъ, зачисленный въ запасный капиталъ волости, находился налицо при ревизіи волости г. губернаторомъ, кн. Б. А. Васильчиковымъ (нынѣ министромъ земледѣлія), и членомъ губернскаго присутствія, М. М. Корсаковымъ, обратившими вниманіе на выгодность для волости имѣть свой запасный капиталъ въ бумагахъ, вмѣсто не приносящихъ дохода денегъ.

Въ ноябрѣ прошлаго года, полупьяная ватага буяновъ, подстрекаемая агитаторами пришлыми и мѣстными, произведя самовольную ревизію въ конторѣ волостного правленія, нашла въ кассѣ билетъ 4% государственной ренты, упавшій въ цѣнѣ послѣ войны; 24 ноября эта шайка учинила насиліе надъ земскимъ начальникомъ Бизюкинымъ, заперевъ его въ конторѣ волостного правленія и требуя, чтобы онъ тотчасъ купилъ «негодный» билетъ за 500 рублей, что̀ онъ и вынужденъ былъ исполнить. При этомъ безсильно присутствовали въ Сине-Никольскомъ волостномъ правленіи нашъ предводитель дворянства, графъ П. А. Гейденъ, исправникъ и становой.

Это было нѣчто въ родѣ начала тѣхъ дневныхъ грабежей («руки вверхъ»), которые съ такимъ успѣхомъ нынѣ практикуются.

Д. Н. Бизюкинъ потерялъ на этомъ билетѣ, продавъ его, 94 рубля.

Все вышеизложенное могу подтвердить документами.

Анна Бизюкина.

Въ то время, какъ Гель сидѣлъ и бесѣдовалъ съ Боттлемъ, вдругъ послышались поспѣшные шаги. Оливеръ быстро сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ и сообщилъ запыхавшись:

— Антоній подъѣзжаетъ къ дому.

— Слѣдуй за нами!—крикнулъ ему Гель, быстро отправляясь съ Китомъ къ маленькой двери, въ которую долженъ былъ войти Антоній.

— Скорѣй отворяйте дверь и становитесь всѣ съ пистолетами наготовѣ, чтобы не пропустить никого, кромѣ Антонія!—приказалъ Гель своимъ людямъ.

Гатчъ открылъ дверь, а Мерріотъ и Китъ съ пистолетами въ рукахъ встали на самомъ порогѣ, за ними помѣстился Оливеръ Бунчъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, но тоже съ пистолетомъ наготовѣ.

По темнымъ аллеямъ парка быстро несся Антоній на лошади, вѣтеръ развѣвалъ его плащъ, на лѣвомъ плечѣ его висѣлъ мѣшокъ, въ которомъ онъ, очевидно, везъ провизію, въ правой рукѣ онъ держалъ обнаженный мечъ. По его посадкѣ и по всей позѣ его было видно, что онъ подозрѣваетъ присутствіе враговъ и приготовился къ встрѣчѣ съ ними.

Мерріотъ посмотрѣлъ въ ту сторону, куда глядѣлъ Антоній, и сообразилъ, что разбойники спрятались за выступомъ стѣны. Предположеніе его подтвердилось, такъ какъ въ ту же минуту оттуда выскочило человѣкъ девять, и всѣ они бросились къ Антонію, чтобы перехватить его. Гель сразу призналъ въ нихъ людей Румнея, но самого предводителя среди нихъ на этотъ разъ онъ не замѣтилъ. Антоній пришпорилъ лошадь и бросился вскачь.

Первый изъ разбойниковъ выстрѣлилъ, лошадь Антонія дрогнула, упала и осталась лежать неподвижно на землѣ. Антоній успѣлъ во-время высвободить свою ногу изъ стремени, такъ что лошадь не придавила его своей тяжестью, но онъ тотчасъ же былъ окруженъ разбойниками.

Мерріотъ и Китъ выстрѣлили, недолго думая, въ эту кучу людей, а затѣмъ, обнаживъ мечи, бросились на выручку къ Антонію. Два разбойника остались лежать на мѣстѣ, другіе два свалились также отъ внезапнаго паденія первыхъ, остальные быстро обернулись назадъ, такъ какъ боялись, что Гель и Боттль нападутъ на нихъ съ тылу. Это дало время Антонію подняться на ноги. Пока его спасители занялись разбойниками, Антоній бросился впередъ къ двери, чтобы спасти скорѣе свою провизію, но тутъ на него напали опять другіе непріятели, однако на выручку ему теперь поспѣшилъ Джонъ Гатчъ, оставивъ Оливера сторожить у дверей.

Два разбойника, увидѣвъ, что двери оберегаются теперь недостаточно тщательно, быстро направились къ ней; дрожащій отъ страха Оливеръ выстрѣлилъ въ одного изъ нихъ въ упоръ, а въ

другого направилъ было свой мечъ, но въ ту же минуту мечъ этотъ былъ вырванъ изъ его рукъ; онъ увидѣлъ сверкнувшее передъ нимъ лезвіе шпаги и, не зная, мертвъ онъ, или живъ, свалился на землю. Тогда второй разбойникъ быстро перескочилъ чрезъ него, его примѣру послѣдовалъ еще другой, и оба скрылись въ дверяхъ.

Китъ Боттль сразилъ перваго попавшагося ему разбойника и уже принялся за слѣдующаго, Мерріотъ же все еще не могъ справиться съ первымъ напавшимъ на него, такъ какъ это былъ сильный, здоровенный мужчина, съ большой черной бородой. Гель, однако, уже начиналъ одерживать побѣду надъ нимъ, какъ вдругъ онъ услышалъ вдали заглушенный женскій крикъ, и сразу же понялъ, что это кричитъ Анна.

Онъ сейчасъ же бросилъ своего противника и кинулся къ открытой двери. По дорогѣ ему встрѣтился одинъ изъ вошедшихъ уже было разбойниковъ; онъ оттолкнулъ его съ силой въ сторону и точно также обошелся и со вторымъ, успѣвшимъ уже проникнуть за дверь. И тутъ Гель снова услышалъ крики Анны, какъ бы звавшей къ себѣ на помощь. Не помня себя отъ ужаса, онъ бросился вверхъ по лѣстницѣ, пробѣжалъ цѣлый рядъ комнатъ и наконецъ очутился въ ея комнатѣ.

Въ серединѣ комнаты лежалъ одинъ изъ разбойниковъ, повидимому, убитый наповалъ, рядомъ съ нимъ валялись Френсисъ и Томъ Коббль, оба раненые; въ открытое окно виднѣлась лѣстница, приставленная, очевидно, снаружи; на ней стоялъ человѣкъ и, повидимому, ждалъ, когда Румней справится съ своимъ дѣломъ, заключавшимся въ томъ, что онъ связывалъ Аннѣ руки веревкой.

Эта лѣстница объясняла все. Румней съ нѣсколькими изъ своихъ людей, воспользовавшись суматохой во дворѣ, успѣлъ приставить эту лѣстницу къ окну и влѣзъ въ него раньше, чѣмъ Френсисъ и Томъ успѣли замѣтить его.

Зналъ ли Румней о томъ, что это была какъ разъ комната Анны,—неизвѣстно. Теперь не время было спрашивать. Гель, какъ сумасшедшій, бросился впередъ на своего врага, обнаживъ свою шпагу, съ которой капала еще кровь, пролитая имъ внизу во дворѣ.

При видѣ его, въ глазахъ Анны засвѣтилась радость, и съ лица ея исчезъ ужасъ, написанный на немъ. Но раньше, чѣмъ Гель успѣлъ броситься на своего противника, тотъ повернулся такъ, что пришелся за Анной, и она какъ бы защищала его своимъ тѣломъ, и въ то же время разбойникъ, не теряя времени и поддерживая Анну, какъ перышко, направился съ ней къ лѣстницѣ и готовился уже вступить на нее, однако Гель бросился за нимъ.

Человѣкъ, стоявшій настороже на лѣстницѣ, вскочилъ вдругъ въ комнату и кинулся неожиданно на Геля, такъ что сразу пова-

лилъ его и хотѣлъ было его обезоружить. Гель съ отчаяніемъ взглянулъ на Анну, она отвѣтила ему безпомощнымъ взглядомъ, а Румней въ это время уже влѣзъ на лѣстницу и готовился спуститься по ней.

— Боже мой, все потеряно!—крикнулъ Гель въ отчаяніи.

Но въ эту минуту съ дороги внизу послышался вдругъ рѣзкій, отрывистый свистокъ. Румней остановился, какъ вкопаный, и замѣтно поблѣднѣлъ.

Гель воспользовался минутой, когда навалившійся на него человѣкъ тоже приподнялся, какъ бы прислушиваясь къ свистку, и быстро вскочилъ на ноги. Свистокъ повторился на этотъ разъ уже значительно ближе. Румней больше не колебался, онъ съ подавленнымъ проклятіемъ выпустилъ изъ рукъ Анну и въ одну минуту спустился внизъ по лѣстницѣ. Разбойникъ, державшій только что передъ тѣмъ Геля, тоже бросился къ окну и въ одну минуту исчезъ въ немъ, и такимъ образомъ въ комнатѣ вдругъ не оказалось никого, кромѣ Анны и Геля. Мерріотъ первымъ долгомъ, конечно, разрѣзалъ веревки, связывавшія руки Анны. Отстранивъ его, она повалилась на свою постель и осталась лежать тамъ почти безъ чувствъ отъ перенесеннаго страха.

Гель выглянулъ въ окно и увидѣлъ, какъ Румней и его люди поспѣшно скрывались за угломъ зданія. Что собственно вызвало это бѣгство?

Мерріотъ хотѣлъ было разспросить Анну, но она только отрицательно покачала головой, какъ бы давая этимъ понять, что проситъ оставить ее въ покоѣ. Потомъ онъ осмотрѣлъ раны Тома и Френсиса, раны были очень болѣзненныя, но, повидимому, не серьезныя. Тогда Гель занялся разбойникомъ, лежавшимъ на полу. Сначала онъ принялъ его за мертваго, но теперь тотъ пришелъ въ себя и слабо стоналъ. Гель нагнулся къ нему и спросилъ его, почему Румней влѣзъ именно въ это окно, а не въ другое, и получилъ въ отвѣтъ объясненіе, что когда они въ первый разъ подъѣзжали къ дому, Анна стояла у этого окна, и они видѣли ее.

Повидимому, это обстоятельство было новостью какъ для Тома, такъ и для Френсиса, такъ какъ они въ то время крѣпко спали, но тотъ фактъ, что Анна могла стоять у окна, послѣ того какъ она притворялась передъ тѣмъ совсѣмъ умирающей, невольно опять возбудилъ въ немъ подозрѣнія. Вернувшись вслѣдъ затѣмъ внизъ, Гель былъ очень удивленъ, встрѣтивъ тамъ Боттля, съ лица котораго обильно струился потъ.

— Въ чемъ дѣло?—воскликнулъ Гель:—гдѣ же разбойники?

— Всѣ они скрылись въ одно мгновеніе окна, услышавъ чей-то свистокъ на большой дорогѣ.

— А Антоній?

— Онъ и всѣ остальные наши люди уже въ домѣ, они опять баррикадируютъ дверь, есть нѣсколько раненыхъ между ними, но убитыхъ, слава Богу, нѣтъ.

— Но почему это разбойники обратились вдругъ въ бѣгство?

— Повидимому, на большой дорогѣ у нихъ оставленъ былъ караульный, и тотъ далъ имъ знать свисткомъ, что приближается какая-то опасность. Пойдемте, посмотримъ, что тамъ дѣлается.

Оба они поднялись опять на вышку, и оттуда посмотрѣли на дорогу. Прямо противъ дома у воротъ стояла группа всадниковъ и внимательно разглядывала фасадъ ихъ дома. Нѣкоторые изъ нихъ были въ панцыряхъ и шлемахъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ повернулъ лошадь къ дому, всѣ остальные послѣдовали его примѣру.

— Теперь все ясно,— сказалъ Китъ,—повидимому, разбойники испугались этихъ людей и поэтому обратились въ бѣгство.

— Но кто же этотъ человѣкъ, который ѣдетъ впереди?—спросилъ Гель, хотя предугадывалъ заранѣе, какой онъ получитъ отвѣтъ.

— Это—Рогеръ Барнетъ,—угрюмо отвѣтилъ Китъ.

XX.

Рогеръ Барнетъ отдыхаетъ и куритъ трубочку.

Аллея, по которой теперь ѣхали всадники, оканчивалась какъ разъ подъ окнами той комнаты, гдѣ находилась Анна. Гель вдругъ вспомнилъ о лѣстницѣ, все еще оставленной тамъ у окна, и, крикнувъ Киту:

— Бѣги скорѣе, иначе они влѣзутъ наверхъ, какъ Румней!— бросился туда.

Когда они вбѣжали въ комнату, онъ тотчасъ подошелъ къ окну, и они вмѣстѣ съ Китомъ приступили къ нелегкому дѣлу, намѣреваясь втянуть лѣстницу въ комнату, но это оказалось чрезвычайно трудно: такъ она была длинна и тяжела. Сначала ее пришлось втянуть до половины, такъ что она упиралась въ потолокъ, потомъ повернуть ее горизонтально и продолжать втаскивать такъ, чтобы конецъ ея прошелъ въ другую комнату. Боттль стоялъ у окна и втягивалъ лѣстницу, а Гель направлялъ ее дальше. Въ эту минуту всадники подъѣхали совсѣмъ близко, такъ что Барнетъ увидѣлъ Боттля, стоявшаго у окна; послѣдній не выдержалъ и крикнулъ ему:

— Что, узнаешь меня, дружище?

Мерріотъ стоялъ немного поодаль, прислушиваясь къ тому, что будутъ говорить теперь снизу.

— Я такъ и думалъ, что это ты, въ ту ночь, когда сэръ Валентинъ скрылся изъ Флитвуда,—послышался голосъ Барнета,—

Я въ этомъ убѣдился еще болѣе, когда услышалъ потомъ въ гостиницахъ повсюду, что съ нимъ ѣдетъ красторожій негодяй, который пьетъ, какъ буйволъ, и не соблюдаетъ постовъ.

— Я надѣюсь, что еще долго буду ѣсть мясо въ постные дни, когда тебя уже съѣдятъ черви,—отвѣтилъ ему Китъ.

— Теперь придется тебѣ долго поститься,—всю дорогу, пока я буду везти тебя въ Лондонъ,—сказалъ Барнетъ.—Гудсонъ, возьми десять человѣкъ, пять поставишь позади дома, а пять сѣвернѣе ихъ. Послушай, Боттль, передай сэру Валентину, что я желаю говорить съ нимъ отъ имени королевы.

— А что если сэра Валентина уже нѣтъ здѣсь?

— Твое присутствіе свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ здѣсь.

— Я также свидѣтельствую о томъ, что онъ здѣсь,—крикнулъ вдругъ чей-то голосъ позади Боттля, и къ окну подбѣжала Анна, которая быстро соскочила съ постели.—Онъ здѣсь и находится какъ разъ въ этой комнатѣ. Онъ держитъ меня здѣсь въ плѣну.

— Прекрасно, мы сами скоро возьмемъ его въ плѣнъ,—отвѣтилъ Барнетъ.

Говоря это, онъ отъѣхалъ дальше, отдавая приказанія своимъ людямъ. Китъ повернулся и смотрѣлъ на Мерріота, но тотъ видѣлъ только одну Анну; ея энергія, быстрота, съ которой она вскочила съ постели, свидѣтельствовали о томъ, что она совершенно здорова и только представлялась раньше больной.

— Вы—прекрасная актриса,—сказалъ онъ скорбно, но безъ всякой горечи.

— Я имѣла полное право пускать въ ходъ какую угодно хитрость, послѣ того какъ я объявила васъ своимъ врагомъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Гель спокойно.

Ему не хотѣлось говорить ей, что его огорчило не то, что она представилась больной, а то, что она отвѣчала такъ искренно на его ласки: къ чему она представлялась въ такой мѣрѣ, вѣдь этого вовсе не требовалось? Ему хотѣлось высказать ей многое, но теперь не время было разговаривать. Китъ стоялъ и ждалъ его приказаній, раненый разбойникъ тоже не спускалъ съ него глазъ. Онъ долженъ былъ забыть на время свои личныя чувства и заботиться о безопасности своей и другихъ.

— За этой дамой надо слѣдить,—сказалъ онъ холодно.—Китъ, ты останешься здѣсь, пока я не пришлю Антонія. Смотри, чтобы она не помогла какимъ нибудь образомъ взобраться Барнету и его людямъ въ окно. Нѣтъ, сударыня, Китъ не стѣснитъ васъ, онъ можетъ оставаться въ другой комнатѣ и оттуда наблюдать за вами въ открытую дверь. Но помни, Китъ, что если ты увидишь, что эта дама подходитъ къ окну и дѣлаетъ знаки нашимъ врагамъ, ты имѣешь полное право принять какія угодно мѣры, чтобы помѣшать ей дѣлать это. Итакъ, сударыня, я васъ предупредилъ объ этомъ.

И, вѣжливо поклонившись, онъ вышелъ изъ комнаты. Боттль усѣлся на другой конецъ лѣстницы и не спускалъ глазъ съ своей плѣнницы.

Внизу Гель нашелъ Антонія, стоявшаго у главныхъ дверей и равнодушно прислушивавшагося къ тому, какъ стучалъ въ нее Рогеръ Барнетъ, именемъ королевы приказывая открыть эти двери. Гель тотчасъ отправилъ его наверхъ смѣнить Кита Боттля, затѣмъ разыскалъ Оливера, къ своему удивленію, убѣдившагося въ томъ, что онъ не умеръ, и велѣлъ ему итти также наверхъ, отнести раненому разбойнику воды и хорошенько перевязать его раны, а также раны Френсиса и Тома.

Затѣмъ Гель обошелъ весь домъ. Оказалось, что всѣ люди, разставленные имъ у оконъ и дверей,—на своихъ мѣстахъ, всѣ они передавали ему, что хотя въ двери разбойники и ломились, но нигдѣ имъ не удалось открыть ихъ.

Вернувшись въ большую комнату внизу, Гель встрѣтился съ Китомъ; тотъ объявилъ ему, что Барнетъ велѣлъ своимъ всадникамъ спѣшиться и отвести лошадей подальше. Онъ разставилъ вездѣ караульныхъ, а самъ усѣлся на край фонтана; повидимому, у него болитъ нога, такъ какъ онъ хромаетъ.

— Какъ ты думаешь, что онъ теперь намѣренъ дѣлать?—спросилъ Мерріотъ, не рискуя выглянуть въ окно, чтобы Барнетъ не увидѣлъ его лица.

— Время покажетъ. Онъ или атакуетъ насъ или будетъ выжидать. Но врядъ ли онъ пойдетъ въ атаку.

— Почему нѣтъ?

— Онъ очень остороженъ и терпѣливъ. Вѣдь на дворѣ еще сохранились слѣды недавней схватки, и онъ прекрасно знаетъ, что мы всѣ вооружены. Барнетъ думаетъ, что загналъ зайца, а поймать его теперь легко. Кромѣ того, во время схватки легко можно ранить или убить человѣка, а Барнетъ желаетъ доставить своего плѣнника живымъ въ Лондонъ. Онъ навѣрное предпочтетъ выжидать и бездѣйствовать пока.

— Почему ты это говоришь такъ увѣренно?

— Потому, что онъ теперь сидитъ и набиваетъ себѣ трубку и, кажется, готовится закурить ее. Если Рогеръ Барнетъ закурилъ трубку, значитъ, онъ приготовился сидѣть и выжидать. Никто не въ состояніи заставить его дѣйствовать, пока онъ не выкуритъ своей трубки.

— Если онъ подождетъ до завтрашней ночи, моя миссія, что касается спасенія другихъ, окончена. Шесть дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Вельвина, и потребуется не менѣе четырехъ при такой погодѣ, чтобы вернуться туда назадъ.

— А затѣмъ намъ придется уже спасать собственныя шкуры, не такъ ли? Дѣло въ томъ, что если Барнетъ убѣжденъ, что че-

ловѣкъ, котораго онъ ищетъ, находится въ этомъ домѣ, онъ не уйдетъ отсюда, пока человѣкъ этотъ не околѣетъ съ голоду. А если онъ узнаетъ, что, несмотря на это, его настоящая жертва скрылась, онъ будетъ вымещать свою неудачу на человѣкѣ, обманувшемъ его, и тогда ждать отъ него пощады нечего. Ужъ все равно кого, но кого нибудь онъ поведетъ отсюда на расправу въ Лондонъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, послѣзавтра, — поговорилъ Мерріотъ,—мы будемъ въ правѣ пустить въ ходъ всю нашу хитрость и ловкость, чтобы избѣжать его козней.

— Много потребуется ловкости и хитрости, чтобы удрать отъ Барнета, послѣ того, какъ онъ уже настигъ насъ. Кромѣ того, вѣдь нашимъ плохо вооруженнымъ людямъ не сравниться съ его богатырями. Всѣ они вооружены съ головы до ногъ. Не думайте, что я боюсь смерти, или что я трушу,—я говорю все это только потому, что считаю долгомъ предупредить обо всемъ.

— А что если мы пристрѣлимъ Барнета изъ окна?

— Это—безполезно. Во-первыхъ, мы врядъ ли попадемъ въ него, и къ тому же навѣрное на немъ надѣтъ панцырь, а тогда онъ совсѣмъ разсвирѣпѣетъ и можетъ поджечь домъ. Во-вторыхъ, если мы даже и убьемъ его, то навѣрное его помощникъ Гудсонъ подожжетъ тогда самъ отъ себя нашъ домъ. Вѣдь это не Румней, эти не струсятъ и не сбѣгутъ.

— Но, можетъ быть, намъ удастся уменьшить число его людей, подстрѣливая ихъ по очереди изъ окна, а затѣмъ мы можемъ сдѣлать вылазку, и, если удастся, мы тогда прорвемся черезъ строй непріятеля.

— Нѣтъ, это не годится: вмѣсто каждаго убитаго Барнетъ достанетъ двухъ живыхъ изъ ближайшаго селенія. Вѣдь до сихъ поръ онъ не прибѣгаетъ къ посторонней помощи только потому, что хочетъ, чтобы вся слава этой поимки принадлежала ему одному, но если мы разсердимъ его, онъ не задумается призвать мѣстныя власти для исполненія приговора королевы.

— Въ такомъ случаѣ намъ ничего, значитъ, не остается сдѣлась для своего спасенія?

— Пока ничего, надо выждать, можетъ, время укажетъ, какъ намъ быть. Онъ будетъ сидѣть и выжидать въ полной увѣренности, что голодъ наконецъ заставитъ насъ сдаться, или, по крайней мѣрѣ, перессоритъ здѣсь всѣхъ, такъ что сами люди выдадутъ васъ головой. Но Румней очень ошибется: мы запаслись провизіей и выдержимъ еще долго.

— Хорошо, что Антоній принесъ...—началъ было Гель, но въ эту минуту вошелъ Оливеръ и сказалъ:

— Эта дама проситъ васъ прислать ей что нибудь поѣсть, она умираетъ отъ голода.

— Я тоже, да, я думаю, и всѣ остальные также, но гдѣ же провизія, которую принесъ Антоній?

— Я знаю, что провизія эта похищена разбойниками,—сказалъ Оливеръ:—я видѣлъ, какъ они отобрали ее у Антонія, когда онъ упалъ, а потомъ они увезли ее съ собой.

Въ комнатѣ воцарилось мертвое молчаніе. Гель и Китъ Боттль старались не смотрѣть другъ на друга; наконецъ, Гель первый оправился.

— Скажи этой дамѣ,—обратился онъ къ Оливеру:—что ей придется немного поголодать, такъ какъ въ данную минуту у насъ ничего нѣтъ у самихъ; потомъ я постараюсь достать для нея что нибудь у нашего непріятеля.

— Но, въ такомъ случаѣ, вѣдь Барнетъ сразу узнаетъ, какъ стоятъ наши дѣла,—сказалъ Китъ Боттль, когда Оливеръ ушелъ.

— Что же дѣлать? Мы, во всякомъ случаѣ, можемъ выдержать два дня безъ ѣды. А послѣ этого Барнетъ только убѣдится въ томъ, что ему не придется долго курить своей трубочки, вотъ и все.

XXI.

Рогеръ Барнетъ продолжаетъ курить свою трубку.

День медленно проходилъ своимъ чередомъ, снѣгъ пересталъ итти, но небо было пасмурно, и все кругомъ носило какой-то грустный сѣрый отпечатокъ. Въ большомъ пустомъ домѣ все было тихо, и только по временамъ слышенъ былъ трескъ половъ, раздававшійся громко, какъ ружейный выстрѣлъ.

Мерріотъ, обойдя опять всѣхъ своихъ людей, сообщилъ имъ о потери провизіи. Многіе уже знали объ этомъ, другіе молча и безъ жалобъ выслушали это извѣстіе. Къ счастью, запасъ воды былъ настолько великъ, что нечего было опасаться, что придется еще томиться и отъ жажды.

Когда наконецъ Мерріотъ пришелъ въ комнату, смежную съ комнатой Анны, онъ засталъ тамъ Оливера, перевязывавшаго раны Тому, Френсису и разбойнику. Антоній, усѣвшись на конецъ лѣстницы, распѣвалъ свои псалмы. Анна казалась спящей, или на самомъ дѣлѣ спала. Когда Мерріотъ постучалъ къ ней, чтобы извиниться передъ ней за то, что она сидитъ безъ пищи, она ничего не отвѣтила, и въ комнатѣ ея продолжало царить глубокое молчаніе.

Тогда онъ послалъ Кита Беттля, чтобы онъ черезъ окно переговорилъ съ Барнетомъ и попросилъ того прислать Аннѣ чего нибудь поѣсть, такъ какъ она вѣдь, въ концѣ концовъ, была его союзницей и трудилась въ его же пользу.

Китъ вступилъ въ переговоры, осторожно спрятавшись за выступъ окна, чтобы не подвергать себя лишней опасности.

Но Рогеръ Барнетъ, продолжавшій все еще курить свою трубку, не прикасался къ своимъ пистолетамъ, а также не отдавалъ никакихъ приказаній по этому поводу своимъ подчиненнымъ. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ выслушалъ вѣсть, что у осажденныхъ нѣтъ провіанта, и выразилъ подозрѣніе, что Китъ, нарочно, прикрывается именемъ Анны, чтобы получить пищу для себя и своихъ товарищей, и поэтому, если сэръ Валентинъ дѣйствительно хочетъ, чтобы Анна была сыта, онъ долженъ выпустить ее на свободу. Онъ въ своей стороны дастъ ей провожатыхъ, которые могутъ сопутствовать ей до какой нибудь ближайшей деревни.

Но Мерріотъ боялся рискнуть и выпустить Анну раньше времени, чтобы она не стала описывать его наружности Барнету, и поэтому онъ велѣлъ Киту сказать, что Анна очень больна и не можетъ выйти изъ дома. На это Рогеръ спокойно отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ ей придется немного попоститься, помочь ей онъ не можетъ.

Внѣ себя отъ ярости Гель поручилъ Киту передать Барнету, что Анна вѣдь попала въ подобное непріятное положеніе только потому, что хотѣла помочь ему. Рогеръ на это отвѣтилъ, что вовсе не просилъ ея помощи.

Тогда Китъ по наущенію Геля сообщилъ ему, что если бы не Анна, то не видать бы ему никогда сэра Валентина. Рогеръ отвѣтилъ, что доказательствъ на это у него никакихъ нѣтъ, и мало ли что Китъ можетъ разсказывать, да, въ сущности говоря, это для него глубоко безразлично. Онъ не отвѣчаетъ за непріятности, которымъ подвергается Анна, хотя бы она и оказала ему помощь. Во всякомъ случаѣ, онъ не намѣренъ доставлять въ домъ пищу, развѣ только ему самому или кому нибудь изъ его людей позволятъ принести ее лично.

— Когда ваши люди не выдержатъ голода, пусть они отворятъ намъ дверь, а до тѣхъ поръ прошу меня не безпокоить,— сказалъ онъ, продолжая курить свою трубку.

— Ахъ, ты, проклятый негодяй!—крикнулъ ему Китъ въ ярости:—намъ и въ голову не придетъ открывать тебѣ двери!

И долго еще онъ изощрялся въ ругательствахъ по адресу своего бывшаго друга, а тотъ сидѣлъ невозмутимо на своемъ мѣстѣ и какъ будто не слышалъ ничего. Наконецъ, когда ему очень надоѣла вся эта сцена, онъ, какъ бы играя, взялъ въ руки пистолетъ, тогда Китъ счелъ за болѣе благоразумное скрыться.

— Дѣлать нечего,—сказалъ онъ Мерріоту:—ей придется голодать со всѣми остальными, если вы не освободите ея.

— Это я могу сдѣлать только послѣзавтра утромъ,—отвѣтилъ Гель съ невольнымъ вздохомъ.

Затѣмъ онъ пошелъ опять наверхъ и сообщилъ Френсису о результатѣ своихъ переговоровъ, чтобы тотъ разсказалъ обо всемъ

своей госпожѣ, если она будетъ спрашивать его о чемъ нибудь. Но пока она дѣлала видъ, что спитъ, или, можетъ быть, дѣйствительно крѣпко спала.

Мерріотъ раздѣлилъ всѣхъ своихъ людей на двѣ партіи: первую онъ отдалъ подъ начальство Кита, вторую взялъ себѣ; обѣ онѣ должны были караулить поочереди. Свободные отъ караула люди тотчасъ же отправились утолить свою жажду, а затѣмъ легли спать. Гель послѣдовалъ ихъ примѣру.

Вечеромъ Китъ разбудилъ его, чтобы онъ съ своими людьми всталъ на караулъ въ первую половину ночи.

— А Барнетъ все еще внизу у фонтана?—спросилъ онъ Кита.

— Нѣтъ, онъ оставилъ вмѣсто себя Гудсона и, кромѣ того, раздѣлилъ своихъ людей тоже на партіи. Они помѣстили вездѣ зажженные факелы, такъ что каждая пядь земли вокругъ дома освѣщена, а люди разставлены за этими факелами, такъ что отсюда ихъ не видно, и только изрѣдка то тамъ, то здѣсь блеснетъ оружіе. Если бы мы вздумали выйти изъ дома, они немедленно пристрѣлили бы насъ, какъ собакъ.

Мерріотъ отправился на караулъ въ какомъ-то отупѣніи, на него напала глубокая апатія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился въ обманѣ со стороны Анны, онъ потерялъ всякій интересъ къ жизни и думалъ только о томъ, какъ бы исполнить миссію, взятую на себя, а остальное ему было глубоко безразлично; исполнить данное слово—вотъ все, къ чему онъ могъ теперь стремиться.

Во вторую половину ночи Мерріотъ опять дремалъ, а Боттль караулилъ. Рано утромъ Рогеръ Барнетъ опять сидѣлъ на краю фонтана и курилъ свою неизмѣнную трубку. Но, насколько Китъ могъ замѣтить, въ движеніяхъ его проглядывало какъ бы нетерпѣніе, повидимому, онъ страдалъ отъ своей раны, заставлявшей его хромать.

И дѣйствительно, нога его сильно болѣла, но онъ стоически переносилъ боль, и только Боттль, хорошо знавшій его, могъ подмѣтить его страданія.

— Я боюсь, что Рогеръ, пожалуй, вздумаетъ ускорить ходъ дѣла, -сказалъ Китъ, обращаясь къ Гелю:—у него, пожалуй, не хватитъ табаку.

— Дай Богъ, чтобы его хватило до завтрашняго дня,—отвѣтилъ Мерріотъ.

Въ этотъ день (былъ понедѣльникъ) небо было ясно, и солнце ярко свѣтило, несмотря на холодъ. Мерріотъ караулилъ опять до полудня. Когда Китъ смѣнилъ его, раньше, чѣмъ отправиться опять спать, онъ пошелъ посмотрѣть на Анну, такъ какъ чувствовалъ, что, несмотря ни на что, онъ долженъ все же заботиться о ней, какъ о своей плѣнницѣ.

Когда онъ постучалъ въ дверь и спросилъ ее, не надо ли ей чего нибудь, она отвѣтила, что проситъ объ одномъ—оставить ее

въ покоѣ. Если ей придется умереть съ голоду, она предпочитаетъ умереть безъ свидѣтелей.

Онъ объявилъ ей, что завтра же она будетъ свободна, и Рогеръ Барнетъ берется проводить ее до ближайшей деревни; подъ его защитой она можетъ быть спокойна. Она выслушала его молча. Гель постоялъ еще у дверей и потомъ ушелъ.

Когда его разбудили вечеромъ, чтобы онъ опять сталъ на караулъ, онъ узналъ отъ Кита, что весь день прошелъ спокойно. Рогеръ Барнетъ, повидимому, страдалъ все сильнѣе, но крѣпился и ничѣмъ пока не проявлялъ рѣшенія перемѣнить свою тактику. Всѣ люди въ домѣ были очень голодны, они уже больше не подшучивали надъ вынужденнымъ постомъ, а переносили голодъ молча. Гель на собственномъ желудкѣ и по собственной слабости могъ прекрасно судить о томъ, какъ они должны себя чувствовать послѣ двухдневнаго поста.

Въ эту ночь со стороны осаждающихъ были приняты опять тѣ же мѣры предосторожности, и повсюду были зажжены факелы.

Наконецъ, когда уже стемнѣло, и Мерріотъ проходилъ по большой комнатѣ, Китъ остановилъ его и сказалъ:

— Мнѣ кажется, теперь уже восемь часовъ, если не позже?

— Да, кажется, что такъ...

— Въ такомъ случаѣ прошло уже ровно шесть сутокъ, какъ мы уѣхали изъ дома сэра Валентина.

— Да, какъ разъ шесть дней.

— Въ такомъ случаѣ наша миссія окончена?.

— Да, окончена, Китъ, и благодаря только тебѣ и Антонію, благодаря вашей преданности, вашему усердію и выносливости.

— Но вѣдь и ты, Гель, выказалъ не менѣе насъ тѣ же качества.

И, говоря это, старый солдатъ повернулся на другой бокъ и снова заснулъ, а Гель продолжалъ задумчиво смотрѣть въ огонь.

Они говорили между собою шопотомъ, и хотя не выказали особенной радости по поводу того, что миссія ихъ кончена, но въ сердцахъ ихъ чувствовалась безконечная радость по поводу того, что, благодаря имъ, спасенъ такой человѣкъ, какъ сэръ Валентинъ, и что теперь они могутъ спокойно ждать, какъ сложатся обстоятельства, безъ мучительной заботы о немъ.

Въ полночь смѣненный Китомъ, Мерріотъ заснулъ тяжелымъ, тревожнымъ сномъ; ему снились разныя вкусныя вещи, и казалось, что онъ пьетъ лучшія, избранныя вина. Онъ проснулся отъ пустоты своего желудка и узналъ отъ Кита, что Барнетъ опять во дворѣ, но на этотъ разъ, несмотря на боль въ ногѣ, не сидитъ, а расхаживаетъ взадъ и впередъ по двору.

— Мнѣ кажется, что Рогеръ Барнетъ скоро перейдетъ къ болѣе активной дѣятельности,— сказалъ Китъ, наблюдая въ окно за

своимъ бывшимъ пріятелемъ.—Ему, очевидно, надоѣло выжидать, тѣмъ болѣе, что нога, вѣроятно, не даетъ ему покоя.

— Въ такомъ случаѣ намъ, значитъ, скоро предстоитъ борьба на жизнь и на смерть.

— Да, конечно, лучше такая борьба, чѣмъ эта медленная смерть. Постъ—пренепріятная вещь. Люди внизу начали уже жевать дрова и свои кожаные пояса.

— Жаловались они на голодъ?—спросилъ Гель.

— Ни одинъ изъ нихъ. Это—все молодцы, какъ на подборъ. Они готовы умереть съ тобой или за тебя, но не выдадутъ тебя.

Мерріотъ посмотрѣлъ на Кита и убѣдился въ томъ, что тотъ испытываетъ то же чувство, о которомъ говоритъ относительно другихъ. Онъ зналъ также, какъ выносливъ, какъ терпѣливъ и нетребователенъ Антоній.

— Молодцы ребята,—прошепталъ Гель и тутъ же принялъ рѣшеніе спасти ихъ всѣхъ.

— Какъ ты думаешь, Рогеръ Барнетъ сдержитъ данное слово?—спросилъ онъ.

— Да, если ему не слишкомъ много придется терять при этомъ.

— Если я ему предложу сдаться съ тѣмъ, чтобы онъ отпустилъ на свободу всѣхъ моихъ людей, какъ ты думаешь, исполнитъ онъ свое обѣщаніе, или нѣтъ?

— Ради Бога, Гель, не предлагай ему этого.

— Я самъ этого и не сдѣлаю. Мы будемъ переговариваться съ нимъ черезъ тебя. Я покажусь ему не раньше, чѣмъ все будетъ уже сдѣлано. И ты не долженъ называть меня сэромъ Валентиномъ, а долженъ говорить обо мнѣ, какъ о господинѣ, которому ты служишь. Такимъ образомъ, когда Барнетъ убѣдится въ томъ, что я—не сэръ Флитвудъ, онъ все же долженъ будетъ сдержать данное слово.

— Никогда старый вояка Китъ Боттль не согласится купить свою жизнь цѣною твоей, Гель.

— Ты кончишь тѣмъ, что сдѣлаешь, какъ я хочу. Какая польза, если погибнутъ мои люди, вѣдь они все равно не спасутъ меня? Вы лишите меня тогда единственнаго утѣшенія, что я спасъ преданныхъ мнѣ людей. И я долженъ буду сожалѣть объ этомъ до самой смерти. Неужели вы не захотите доставить мнѣ этого утѣшенія? Неужели вы не исполните моей просьбы? Ты исполнишь мое желаніе, старый дружище, иначе я сейчасъ же пойду къ Барнету и выдамъ себя, такъ какъ все равно спасти васъ я не могу

— Если это твое искреннее желаніе, Гель, я, конечно, исполню его, но я имѣю право итти въ плѣнъ вмѣстѣ съ тобою. Пусть спасаются другіе, а я желаю раздѣлить твою участь, какова бы она ни была.

— Ты говоришь глупости, Китъ. Если ты будешь на свободѣ, ты можешь оказать мнѣ, еще пожалуй, услугу. Подумай, какъ далекъ еще путь до Лондона! Если я буду вполнѣ во власти этого человѣка и не выкажу ни малѣйшаго желанія уйти отъ него, онъ навѣрное значительно со временемъ ослабитъ надзоръ за мной, а если ты все время будешь ѣхать за мной, можетъ быть, тебѣ и удастся выручить меня какимъ нибудь образомъ. Сначала я долженъ спасти тебя и другихъ молодцовъ, а потомъ уже вы можете спасать меня.

Гель сказалъ все это въ надеждѣ заставить Кита исполнить его желаніе, хотя на самомъ дѣлѣ вовсе не стремился къ тому, чтобы спастись самому.

Китъ задумчиво выслушалъ его, потомъ сказалъ:

— А вѣдь въ этомъ есть доля правды. Но мы теряемъ напрасно время въ пустыхъ разговорахъ. Теперь, когда Барнетъ уже увѣренъ, что мы не уйдемъ отъ него, врядъ ли онъ согласится на какія либо условія съ нашей стороны.

— Но вѣдь онъ очень много выиграетъ отъ подобнаго соглашенія: во-первыхъ, ему не придется терять времени, не придется терять людей въ схваткѣ, онъ возьметъ меня живымъ, и, кромѣ того, легче доставить въ Лондонъ одного плѣнника, чѣмъ многихъ. Онъ будетъ радъ отдѣлаться отъ другихъ.

— Да, это все вѣрно, но врядъ ли онъ согласится на переговоры съ своимъ плѣнникомъ.

Мерріотъ подумалъ немного, потомъ сказалъ:

— Пусть онъ не знаетъ, что это предложеніе исходитъ отъ меня. Пусть онъ думаетъ, что мои люди выдали меня, тогда онъ скорѣе согласится на переговоры. Если мои люди предложатъ ему выдать меня, для него это будетъ удобный случай отпустить ихъ на свободу, какъ бы въ благодарность за то, что они выдали своего господина.

— Да, это вѣрно. Рогеръ врядъ ли войдетъ въ соглашеніе съ своимъ непріятелемъ, но охотно согласится вести переговоры съ тѣми, кто измѣняетъ своему господину. Пріятно будетъ провести его хоть такимъ образомъ.

— Въ такомъ случаѣ пора приступить къ дѣлу, пойди, поговори съ нимъ съ вышки, но какъ будто тайкомъ отъ меня.

— Мнѣ противно даже разыгрывать роль измѣнника, но ради тебя, Гель, я готовъ даже на эту унизительную роль.

И съ этими словами Китъ поднялся на вышку, оставивъ Мерріота одного у камина.

Китъ жестами и таинственными знаками далъ понять своему бывшему товарищу, что желаетъ говорить съ нимъ по секрету, и такъ какъ Барнетъ былъ хорошо вооруженъ и не отличался трусостью, то онъ, нисколько не медля, подошелъ къ окну. Съ са-

мымъ таинственнымъ видомъ, шопотомъ Китъ спросилъ его, что будетъ съ нимъ и его товарищами, если господинъ ихъ попадетъ въ руки Барнета. Послѣдній отвѣтилъ, что немедленно же велитъ повѣсить ихъ всѣхъ. Тогда Китъ вступилъ въ переговоры съ нимъ относительно выдачи своего господина.

Переговоры длились очень долго, такъ какъ Боттлю пришлось пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Барнета, что ему выгодно отпустить на волю ни въ чемъ неповинныхъ людей и, благодаря этому, безъ всякаго боя овладѣть человѣкомъ, за которымъ онъ уже такъ давно охотится. Барнетъ въ душѣ не могъ не согласиться съ справедливостью словъ своего собесѣдника, но ему долго не хотѣлось выпустить изъ рукъ самого Боттля, котораго онъ охотно увидѣлъ бы на висѣлицѣ.

Наконецъ, было рѣшено съ обѣихъ сторонъ, что не позже, чѣмъ черезъ часъ, Китъ Боттль'и его соумышленники выведутъ своего господина съ связанными руками въ главную дверь.

Когда Мерріотъ узналъ результаты переговоровъ, онъ созвалъ всѣхъ людей, за исключеніемъ Кита, которому былъ порученъ надзоръ за Анной, и объявилъ имъ, въ чемъ дѣло. Они съ удивленіемъ смотрѣли на него, а потомъ другъ на друга, какъ бы не довѣряя своимъ ушамъ, а Антоній проворчалъ вслухъ:

— Я не могу сказать, чтобы эта сдѣлка была мнѣ по душѣ

— Отправляйся, Антоній, къ дверямъ комнаты лэди Анны и посторожи ее, а Кита пошли сюда, чтобы онъ могъ связать мнѣ руки и выдать меня непріятелю. А затѣмъ приведи сюда свою плѣнницу, чтобы и она могла очутиться на свободѣ, какъ и вы всѣ. Я не думаю, чтобы она стала мѣшкать, когда ты объявишь ей, что она свободна.

Затѣмъ онъ раздѣлилъ всѣ свои деньги между своими людьми, чтобы они не нуждались послѣ его сдачи, просилъ всѣхъ здоровыхъ позаботиться о раненыхъ и, наконецъ, приказалъ открыть главныя двери. Передъ тѣмъ Гель, однако, отдалъ еще послѣднія деньги Киту, у Антонія, какъ извѣстно, былъ свой запасъ денегъ.

Когда Анна спустилась внизъ, блѣдная и похудѣвшая, но все же прекрасная, несмотря на продолжительный постъ, Гель стоялъ уже связанный, и позади его виднѣлись мрачныя и серьезныя лица его людей и Кита. Она видѣла, что руки Геля за его спиной, но связаны ли онѣ, или нѣтъ, она не могла сразу разглядѣть и поэтому молча, вопросительно взглянула на Антонія, какъ бы спрашивая у него объясненія этой странной сцены.

Китъ Боттль приказалъ отворить двери и жестомъ пригласилъ Анну выйти первой. Она послушалась его, не переставая удивляться. Френсисъ, голова котораго была еще завязана, послѣдовалъ за ней. Антоній всталъ съ другой стороны Геля.

По ту сторону двери, во дворѣ, стоялъ Барнетъ съ своими людьми. Онъ посмотрѣлъ на Анну, но безъ особеннаго интереса и посторонился, чтобы дать ей пройти. Она прошла, но потомъ остановилась и оглянулась назадъ, чтобы видѣть, что теперь будетъ происходить.

Изъ дверей вдругъ вышелъ Гель съ связанными руками; съ обѣихъ сторонъ его шли Китъ Боттль и Антоній.

— Вотъ вашъ плѣнникъ,—угрюмо сказалъ Боттль, и онъ подвелъ Геля къ Барнету, не выпуская, однако, его плеча.

Барнетъ, въ правой рукѣ сжимая какой-то документъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и подошелъ къ Гелю, но только-что онъ поравнялся съ нимъ, какъ на лицѣ его вдругъ выразилось глубокое изумленіе и смущеніе. Окружавшіе его люди вытягивали шею, чтобы лучше видѣть человѣка, за которымъ они гнались такъ долго.

— Послушайте,—сказалъ Барнетъ,—но вѣдь это не тотъ, кого мнѣ надо!

Анна превратилась вся въ слухъ.

— Это—тотъ господинъ, подъ начальствомъ котораго мы служили въ продолженіе этихъ шести дней,—спокойно замѣтилъ Китъ Боттль.

— Ахъ, ты, Боже мой!—воскликнулъ Барнетъ:—меня обманули, мнѣ разставили ловушку, и я попался въ нее, а въ это время настоящій сэръ Флитвудъ думаетъ скрыться, но это ничего. Оцѣпите домъ со всѣхъ сторонъ и обыщите всѣ углы. Старая лисица не уйдетъ отъ насъ.

Люди молча и безпрекословно исполнили приказаніе Барнета, и только четыре человѣка остались около Геля.

— Клянусь тебѣ, Барнетъ, что ты ошибаешься,—сказалъ Китъ Боттль.—Мы слѣдовали за этимъ господиномъ отъ самаго Флитвуда, и, кромѣ него, въ домѣ никого больше нѣтъ.

— Да, онъ говоритъ правду,—сказала вдругъ Анна, выступая впередъ.—Я могу подтвердить это, такъ какъ цѣлыхъ шесть дней находилась въ обществѣ этого господина и ни на одну минуту не выпускала его изъ виду.

— Я не отрицаю того, что вы находились въ его обществѣ, сударыня, но если вы принимаете его за сэра Флитвуда, то вы жестоко ошибаетесь: вѣроятно, вы того никогда не видали въ глаза.

— Но, вѣдь, не правда ли, я похожъ на него?—сказалъ вдругъ Гель, принимая опять позу сэра Валентина и дѣлаясь вдругъ очень похожимъ на него.

— Но въ такомъ случаѣ вѣдь все потеряно!—воскликнулъ Барнетъ.—Значитъ, борода, которую онъ сбрилъ себѣ тогда въ гостиницѣ, была фальшивая?

— Я могу сказать только одно,—вмѣшался вдругъ одинъ изъ людей Барнета:—что я знаю, кто этотъ господинъ. Я видѣлъ его въ театрѣ въ Лондонѣ: это—одинъ изъ придворныхъ актеровъ. Я готовъ поклясться въ этомъ, но только я забылъ его имя.

— Это Мерріотъ?—спросилъ Барнетъ, который вдругъ вспомнилъ, что ему разсказывали про происшествіе въ Клоунѣ.

— Да, это—Мерріотъ. Я не разъ приносилъ ему пива, когда служилъ въ театрѣ рабочимъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ сыгралъ свою послѣднюю роль, клянусь въ этомъ своею честью. Я научу его морочить людей фальшивыми бородами. Если вы достигли своей цѣли и дали возможность сэру Валентину бѣжать за границу, можете быть увѣрены, что будете повѣшены вмѣсто него. Я арестую васъ именемъ королевы. Теперь мы тронемся въ обратный путь, въ Лондонъ. Только знайте, что вы поѣдете связанный по рукамъ и по ногамъ. Сударыня, это я вамъ отчасти обязанъ всѣмъ, такъ какъ вы увѣряли меня, что это сэръ Валентинъ повстрѣчался вамъ тогда по дорогѣ. Вы все время преслѣдовали постороннее лицо и дали возможность Флитвуду спастись.

Но слова его не произвели никакого впечатлѣнія. Анна стояла молча, какъ статуя. Она вспомнила все, что произошло за это время, она вспомнила, что этотъ человѣкъ любитъ ее, что онъ сдѣлался теперь плѣнникомъ, только благодаря ей, и что, хотя собственно она только хотѣла представиться больной и возбудить его жалость, но на самомъ дѣлѣ...

Дальше она не могла думать, она стояла безсильная и безмолвная, опираясь на руку своего пажа и чувствуя, что сердце ея почти перестало биться.

XXII.

Рѣчь безъ словъ.

10 марта, ровно въ полдень, въ городъ Скиптонъ въѣзжала съ сѣвера группа всадниковъ, предводительствуемая коротконогимъ, толстымъ человѣкомъ съ черной бородой; въ группѣ этой замѣтно бросался въ глаза блѣдный молодой человѣкъ съ усталымъ и измученнымъ лицомъ; руки его были связаны на спинѣ, а ноги связаны подъ брюхомъ лошади.

Когда они остановились всѣ у гостиницы, плѣннику развязали ноги, и бородатый человѣкъ отвелъ его, съ все еще связанными руками, въ одну изъ верхнихъ комнатъ. Здѣсь оставили четырехъ человѣкъ сторожить его и принесли ему поѣсть, но рукъ не развязывали, такъ что одинъ изъ его сторожей кормилъ его прямо изъ рукъ. Ему разрѣшено было потомъ спать на постели, но съ тѣмъ, чтобы руки все же оставались связанными.

Пять минутъ спустя послѣ появленія этой группы всадниковъ, съ сѣвера появилась еще другая группа, но гораздо менѣе многочисленная. Центральной фигурой ея являлась молодая красивая женщина съ усталымъ и печальнымъ лицомъ, погруженная въ тяжелое раздумье. Рядомъ съ ней ѣхалъ тоже молодой пажъ съ перевязанной головой, а позади медленно подвигались старикъ съ бодрымъ воинственнымъ лицомъ и другой старикъ худощавый и сумрачный. Когда они узнали, что въ гостиницѣ уже нѣтъ свободныхъ мѣстъ, они отправились въ другую поменьше, но близко отстоявшую отъ первой.

Во время путешествія обѣ эти группы нерѣдко ѣхали такъ близко одна отъ другой, что не теряли другъ друга изъ вида. Въ глазахъ Барнета присутствіе ихъ не возбуждало никакого подозрѣнія, такъ какъ ему было очевидно, что Анна наняла себѣ въ спутники и защитники Кита Боттля и Антонія, такъ какъ она ненавидѣла Мерріота, а послѣдніе двое только-что измѣнили ему и выдали его врагу. Барнетъ предложилъ было ей поѣхать въ Лондонъ подъ его защитой, но она отказалась отъ этого и молча наблюдала вмѣстѣ съ Антоніемъ и Китомъ, какъ двинулась въ путь первая партія, во главѣ съ своимъ плѣнникомъ. Затѣмъ она, повидимому, вошла въ соглашеніе съ оставшимися около нея, бывшими слугами Геля.

Мерріотъ съ своей стороны предполагалъ, что Антоній и Китъ Боттль нарочно предложили ей свои услуги, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ томъ, что они остались вѣрны своему господину, такъ какъ всѣмъ хорошо была извѣстна ненависть Анны къ нему. Они же надѣялись такимъ образомъ не терять его изъ виду и слѣдовать за нимъ до самаго Лондона. Онъ зналъ, что денегъ у нея не было, и поэтому догадался, что, вѣроятно, она заняла ихъ на время у Антонія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ дѣйствительно правъ, но зато, что касается состоявшагося между Анной и этими двумя людьми соглашенія, онъ, конечно, не могъ ничего знать.

Онъ радовался только тому, что она ѣдетъ подъ такой надежной защитой. Когда онъ услышалъ, что она отказалась отъ предложенія Барнета проводить ее, онъ надѣялся въ душѣ, что Антоній и Китъ Боттль изъ желанія угодить ему будутъ такъ добры, что предложатъ ей проводить ее, по крайней мѣрѣ, до какого нибудь богатаго дворянскаго дома, гдѣ она могла бы заручиться деньгами и провожатыми.

Что касается разбойниковъ, оказавшихъ ему такую важную услугу, по отсутствію ихъ Гель совершенно вѣрно заключилъ, что они предпочли устроиться каждый, какъ могъ, по собственному разумѣнію. Деньги, данныя имъ, давали имъ возможность уѣхать куда нибудь подальше, гдѣ бы Румней уже не могъ настичь ихъ.

Гель спалъ спокойно, но очень чутко, вѣрнѣе онъ дремалъ, не

просыпаясь. Рано утромъ ему принесли завтракъ, онъ съѣлъ его съ удовольствіемъ, но только потому, что былъ голоденъ; тѣло его продолжало существовать попрежнему, но душа какъ бы замерла: онъ почти не сознавалъ, что творится вокругъ него, и все время былъ погруженъ въ какую-то глубокую, безотрадную думу.

Послѣ завтрака опять тронулись въ путь. Какъ только они выѣхали изъ города, Анна съ своими провожатами немедленно послѣдовала за ними. Простая ли то была случайность, или Китъ Боттль нарочно устроилъ такъ?—невольно подумалъ при этомъ Гель.

Шелъ опять снѣгъ и залѣплялъ глаза нашимъ путникамъ, что̀, конечно, не могло способствовать хорошему расположенію духа Рогера Барнета.

Быстрая ѣзда на лошади, тревоги и волненія послѣднихъ дней не могли не отозваться на его здоровьѣ: онъ чувствовалъ себя очень плохо, нога болѣла невыносимо.

Въ Галифаксѣ остановились обѣдать, опять повторилась та же процедура: Гелю развязали ноги, отвели въ комнату и дали поѣсть; передъ въѣздомъ въ городъ онъ потерялъ изъ вида Анну и ея людей; вообще въ продолженіе всей дороги онъ очень рѣдко оборачивался назадъ, чтобы поглядѣть на нее.

Послѣ обѣда Мерріотъ подошелъ къ окну и совершенно нечаянно выглянулъ изъ него: ему видно было оттуда двѣ улицы, которыя перекрещивались между собою. По той улицѣ, которая была дальше отъ него, онъ увидѣлъ лошадь, которую велъ подъ уздцы юноша съ повязанной головой. Не былъ ли это Френсисъ? Странно, почему онъ водилъ осѣдланную лошадь такъ далеко отъ гостиницы?—подумалъ Гель, но тотчасъ же забылъ объ этомъ, такъ какъ Барнетъ торопилъ всѣхъ садиться опять на коней.

Они проѣхали много миль отъ Галифакса раньше, чѣмъ Гель опять увидѣлъ Анну и трехъ ея провожатыхъ. Сначала они ѣхали вдалекѣ, но потомъ замѣтно придвинулись ближе, что̀ было вполнѣ естественно, такъ какъ люди Барнета однимъ уже своимъ видомъ внушали всѣмъ страхъ и служили надежной защитой. Въ этотъ вечеръ обѣ группы остановились ночевать въ Барнеслеѣ, такъ какъ состояніе дорогъ и нога Барнета не давали возможности двигаться дальше. Еще не совсѣмъ стемнѣло, когда Гель очутился въ отдѣльной комнатѣ съ своими караульными; онъ тотчасъ сѣлъ опять у окна.

Прошло минуты три. Ожидая ужина, онъ безцѣльно смотрѣлъ въ окно и вдругъ увидѣлъ, что вдали Антоній водитъ взадъ и впередъ осѣдланную лошадь, какъ разъ противъ гостиницы. Странно, что онъ въ точности повторилъ маневръ, продѣланный утромъ Френсисомъ. Но подали ужинъ, и Гель опять забылъ видѣнное имъ и поразившее его зрѣлище.

На слѣдующее утро передъ отъѣздомъ Гель увидѣлъ опять то же зрѣлище, съ тою только разницею, что на этотъ разъ лошадь водилъ Китъ Боттль. Прошло нѣсколько часовъ непрерыв-

ной ѣзды. Гель не разъ оборачивался назадъ и наконецъ опять увидѣлъ позади себя вдали Анну и ея провожатыхъ. Барнетъ ѣхалъ рядомъ съ нимъ и держалъ поводъ его лошади. Половина людей ѣхала попарно впереди, половина также попарно позади ихъ.

На поворотѣ дороги онъ опять оглянулся назадъ и на этотъ разъ встрѣтился глазами съ Анной: она, повидимому, давно ловила этотъ моментъ. Всѣмъ своимъ лицомъ, всѣми зависящими отъ нея средствами она, казалось, просила у него прощенія, умоляла его простить ее и позволить ей служить ему. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ удостовѣриться, что не ошибся въ томъ, что увидѣлъ, они выѣхали опять на ровную дорогу, и Анна скрылась изъ его глазъ.

Въ продолженіе еще нѣсколькихъ часовъ онъ мучился неизвѣстностью и все спрашивалъ себя, не ошибся ли онъ, не придалъ ли ея взгляду значенія, котораго тотъ вовсе не имѣлъ. Онъ рѣшилъ при первой же возможности опять посмотрѣть на нее, чтобы прочесть отвѣтъ въ ея глазахъ.

Когда, наконецъ, случай этотъ представился, онъ успѣлъ только оглянуться назадъ и улыбнуться ей ласковой, всепрощающей улыбкой.

Къ его несказанной радости она тотчасъ отвѣтила такой же радостной и ласковой улыбкой.

Весь этотъ молчаливый разговоръ, столь важный для бѣднаго плѣнника, прошелъ, конечно, совершенно незамѣченнымъ для его мучителей. Барнетъ вполнѣ понималъ, что ему было интересно знать, слѣдуютъ ли за нимъ его предполагаемые предатели, или нѣтъ, и поэтому онъ все оглядывался назадъ.

Въ Клоунѣ, гдѣ они остановились въ той самой гостиницѣ, гдѣ Анна давала показанія противъ него, Гель опять подошелъ къ окну и увидѣлъ Френсиса, который водилъ взадъ и впередъ осѣдланную лошадь. Теперь онъ только понялъ, что это — не простая случайность, а имѣетъ какое-то отношеніе къ нему и его освобожденію.

Въ тотъ же день, обернувшись еще разъ назадъ, онъ опять встрѣтился взглядомъ съ Анной, и она пальцемъ указала ему на лошадь Френсиса, какъ бы говоря: для васъ всегда наготовѣ лошадь, если только вы сумѣете освободиться отъ своихъ тюремщиковъ.

XXIII.

Дорога въ Лондонъ.

Наконецъ-то Мерріотъ сталъ опять самимъ собою, и сразу къ нему вернулось желаніе жить и быть свободнымъ. Онъ рѣшилъ употребить теперь всѣ усилія, чтобы добиться этой свободы. Видимое сочувствіе къ нему со стороны Анны говорило ему о томъ, что она относится къ нему болѣе тепло, чѣмъ этого заслужилъ бы всякій посторонній человѣкъ, попавшій ради нея въ бѣду. Оче-

видно, она твердо рѣшилась спасти его, если не устаетъ слѣдовать за нимъ и держать все время для него наготовѣ лошадь.

Но откуда въ ней явилось это сочувствіе, этотъ интересъ къ нему? Повидимому, она не могла забыть его любовь, всю силу которой онъ выказалъ ей, оставшись ради нея въ домѣ, откуда, онъ зналъ, что уже не будетъ спасенія.

Хоть бы ему только уйти отъ своихъ преслѣдователей и добраться до нея, чтобы убѣдиться самому въ ея чувствѣ къ нему!

Но Рогеръ Барнетъ слѣдилъ за нимъ все время, не спуская глазъ. Онъ ѣхалъ съ нимъ всегда рядомъ, самъ провожалъ его въ гостиницу и изъ нея, и бдительность его усиливалась по мѣрѣ того, какъ ослабѣвали его физическія силы.

Въ эту ночь они спали и ужинали въ Ноттингамѣ. Барнетъ спалъ въ той же комнатѣ, гдѣ Гель, и часто послѣдній просыпался отъ стоновъ несчастнаго. Утромъ у Барнета было такое лицо, что сразу было видно, что онъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь. И, только благодаря его желѣзной волѣ, онъ осилилъ себя и заставилъ приняться за свои обязанности.

Мерріотъ, какъ только всталъ утромъ, сейчасъ же бросился къ окну и увидѣлъ, что лошадь, какъ всегда, ждетъ его; на этотъ разъ ее водилъ взадъ и впередъ Китъ Боттль, а далеко отъ нея виднѣлась другая лошадь, на которой сидѣла Анна.

Въ эту минуту онъ дорого бы далъ, чтобы находиться на свободѣ. Но позади его стояли его мрачные сторожа, за которыми виднѣлась еще болѣе мрачная фигура Барнета съ красными отъ безсонницы глазами.

Вѣтеръ стихъ, небо было безоблачно, и стало значительно теплѣе, чѣмъ всѣ эти дни. Но Барнетъ подвигался впередъ очень медленно, такъ какъ боль въ ногѣ давала себя чувствовать при каждомъ движеніи лошади. Онъ остановился обѣдать, когда не было еще одиннадцати часовъ, и отъѣхали они не дальше Мельонъ-Мобрау.

Мерріотъ очень радовался тому, что путешествіе ихъ совершается медленно, но какъ ни тихо подвигались они впередъ, все же Лондонъ постепенно все приближался къ нимъ, и теперь онъ былъ не дальше ста миль отъ нихъ. Только сто миль, а, между тѣмъ, не было еще никакой надежды на то, что совершится чудо, и ему удастся снова очутиться на свободѣ, чтобы воспользоваться блаженствомъ, которое сулила ему любовь Анны. Жизнь пріобрѣла для него снова цѣну, и весь міръ казался прекрасенъ, такъ что мысль о переселеніи въ другой міръ ужасала его несказанно.

Когда они снова тронулись въ путь, Мерріотъ замѣтилъ, что Барнетъ чувствуетъ себя такъ худо, что очевидно энергія его стала уже ослабѣвать. Они ѣхали все время рядомъ, побѣдитель, мучимый физическими страданіями, побѣжденный, изнывая отъ нравственныхъ мукъ. Въ два часа они пріѣхали въ Окгемъ. Барнетъ приказалъ остановиться въ первой попавшейся гостиницѣ и объ

явилъ, что больше въ этотъ день они уже не поѣдутъ дальше, такъ какъ страданія его невыносимы.

Затѣмъ онъ послалъ Гудсона впередъ, чтобы тотъ заготовилъ, какъ всегда, комнату для плѣнника, чтобы прямо съ лошади свести его туда. Барнетъ не въѣзжалъ въ ворота гостиницы, такъ какъ видѣлъ, что тамъ очень много народа, и ждалъ, пока ему дадутъ отвѣтъ относительно комнаты. Онъ нарочно старался окружить Геля нѣсколькими своими людьми, чтобы никто не замѣтилъ его связанныхъ рукъ и ногъ: благодаря этому, достигалъ того, что никто не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія.

Гель, сидя спокойно на лошади, обдумывалъ все испытанное имъ за послѣднее время и вспомнилъ, что какъ разъ въ этотъ вечеръ истекало ровно десять дней съ того дня, какъ онъ выѣхалъ изъ Флитвуда, а, между тѣмъ, до Вельвина оставалось еще цѣлыхъ семьдесятъ миль.

Но размышленія его были прерваны появленіемъ Гудсона, который сказалъ что-то шопотомъ на ухо Барнету; тотъ приказалъ въѣзжать всѣмъ во дворъ, и тамъ уже помогли Гелю сойти съ лошади, и четверо человѣкъ повели его по черному ходу, наверхъ, въ приготовленную для него комнату. Очевидно, его не повели черезъ главный ходъ, чтобы не возбуждать любопытства другихъ гостей.

Гель первымъ долгомъ подошелъ къ окну, чтобы посмотрѣть, не выходитъ ли оно на улицу, но, къ его ужасу, онъ убѣдился въ томъ, что оно выходитъ на большой четырехугольный дворъ гостиницы, съ трехъ сторонъ ограниченный стѣнами самаго зданія, а съ четвертой стороны виднѣлась каменная стѣна съ воротами; часть двора была скрыта отъ его взоровъ крышей балкона, шедшаго вдоль всего внутренняго фасада зданія. Отсюда, конечно, онъ не могъ видѣть лошади, хотя бы ее водили въ ожиданіи его.

— Что вы тамъ смотрите такъ пристально?—спросилъ подозрительно Барнетъ.

— Я смотрю и удивляюсь, что во дворѣ такъ много людей: вѣроятно, произошло что нибудь особенное.

— Да, въ этомъ дворѣ сегодня будетъ спектакль; дворъ долженъ замѣнить собой зрительный залъ и сцену, такъ какъ городской театръ закрытъ по случаю пятницы.

— Спектакль, но кто же собирается здѣсь играть?

— Придворные актеры, они совершаютъ теперь свое турнэ. Они, кажется, играли въ Лондонѣ, въ театрѣ «Глобъ». Вѣдь и вы тамъ играли, если не ошибаюсь.

Но Гель не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, такъ какъ онъ былъ взволнованъ извѣстіемъ, что его друзья: Шекспиръ, Слай и др., такъ близко отъ него, въ то время, какъ онъ воображалъ, что они гдѣ нибудь далеко, и онъ никогда больше не увидитъ ихъ.

Въ эту минуту въ толпѣ внизу раздался хорошо знакомый ему голосъ.

XXIV.

Въ старой пьесѣ новая сцена.

Причина, по которой Мерріотъ не могъ видѣть лица, голосъ котораго показался ему столь знакомымъ, и не могъ также видѣть небольшой сцены, сдѣланной во дворѣ, заключалась въ томъ, что все это происходило подъ его окномъ и закрывалось отъ него балкономъ нижняго этажа.

Какъ Мерріотъ, такъ и Барнетъ такъ были заняты своими дѣлами, что при входѣ въ гостиницу не замѣтили расклеенныя повсюду афиши, которыя гласили, что пойдетъ «Битва при Альказарѣ», пьеса Джорджа Пиля. Но дѣло въ томъ, что послѣ того, какъ была уже наклеена эта афиша, въ гостиницу вдругъ пріѣхалъ молодой герцогъ Туррингтонъ съ своей молоденькой женой. Они заняли цѣлый этажъ и привезли съ собой множество слугъ и багажа; когда молодая узнала, что будутъ играть «Битву при Альказарѣ», она выразила сожалѣніе по поводу того, что придворные актеры, которыхъ она уже давно желала видѣть, выбрали такую пьесу, гдѣ вовсе не говорится о любви, и что было бы лучше, если бы они сыграли что нибудь трогательное. Молодой герцогъ, влюбленный въ свою красавицу-жену, немедленно призвалъ къ себѣ актеровъ и попросилъ ихъ, если возможно, выбрать другую пьесу вмѣсто той, которая значилась на афишахъ. Актеры послѣ короткаго совѣщанія рѣшили удовлетворить его просьбу, и поэтому передъ началомъ представленія вышелъ на эстраду одинъ изъ актеровъ и громко провозгласилъ, что они будутъ играть «Ромео и Джульетту» Шекспира. Голосъ этого актера и долетѣлъ до ушей Геля.

— Это Виль Слай!—воскликнулъ онъ невольно.

— Вы его знаете?—спросилъ не безъ интереса Барнетъ.

Послѣдній вообще какъ-то измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ заговорили о театрѣ, и видимо смягчился по отношенію къ своему плѣннику.

— Да, много веселыхъ дней и ночей мы провели вмѣстѣ съ нимъ,—отвѣтилъ Гель.

— Вы, вѣроятно, знаете ихъ всѣхъ? знаете Шекспира, Бурбеджа и другихъ?—продолжалъ разспрашивать Барнетъ, не стараясь скрыть свое любопытство.

— Да, конечно, я знаю Бурбеджа и всѣхъ остальныхъ, а съ Шекспиромъ я жилъ подъ одною кровлею. Я знаю его жизнь, какъ свои пять пальцевъ, но, что еще важнѣе, я хорошо знаю его самого, что̀ уже само по себѣ цѣлое откровеніе.

— Я больше всего люблю его пьесы,—сказалъ Рогеръ,—и изъ нихъ предпочитаю именно «Ромео и Джульетту». Тамъ такъ прекрасно говорится о любви, и вообще это—прелестная пьеса.

Въ голосѣ Барнета послышалось столько сдержаннаго чувства, что Гель съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Этотъ негодяй, этотъ

грубый и жестокій человѣкъ читаетъ поэмы и любитъ поэзію и театръ! Это казалось прямо невѣроятнымъ, но въ то же время доказывало, какъ многостороненъ бываетъ человѣкъ.

— Если бы намъ удалось посмотрѣть сегодня эту пьесу, мнѣ кажется, это облегчило бы немного наши нравственныя и физическія страданія, — сказалъ Гель, обращаясь къ Барнету: — что вы страдаете невыносимо, это я вижу по вашему лицу.

— Я положительно не вижу никакой причины, почему бы вамъ не посмотрѣть пьесы подъ вѣрной охраной. Доукинсъ, отправляйся къ хозяйкѣ гостиницы и вели ей отвести намъ комнату визави, оттуда мы прекрасно увидимъ всю сцену. Мнѣ въ голову не придетъ отказывать человѣку, осужденному на смерть, въ исполненіи его послѣдняго желанія.

Нѣсколько минутъ спустя, Гель и его спутники уже очутились въ другой комнатѣ, окно которой выходило прямо на сцену, такъ что оттуда все было прекрасно видно. Гель и Барнетъ усѣлись на низенькія табуретки у окна, остальные четверо помѣстились за ними, стараясь смотрѣть черезъ ихъ головы во дворъ, руки у Геля были связаны попрежнему за спиной.

Какъ разъ, противъ нихъ, но наискось, на балконѣ виднѣлся лордъ Туррингтонъ съ своей молодой женой, которая видимо съ нетерпѣніемъ ждала начала представленія. Вокругъ нихъ сидѣла разряженная въ пухъ и прахъ свита. Оба молодые супруги сидѣли близко другъ отъ друга, такъ что почти касались одинъ другого, и хотя герцогъ имѣлъ право сидѣть на самой сценѣ, но онъ предпочелъ оставаться рядомъ съ женой, чтобы въ особенно трогательныхъ мѣстахъ выражать ей крѣпкимъ рукопожатіемъ свое чувство. На сценѣ сидѣло нѣсколько разодѣтыхъ аристократовъ, они громко говорили и смѣялись, стараясь привлечь на себя вниманіе молодой герцогини.

Сцена была устроена прямо изъ досокъ, укрѣпленныхъ на бочкахъ и бревнахъ. Задняя стѣна ея была завѣшена огромнымъ ковромъ, который скрывалъ входъ внутрь гостиницы, передняя которой замѣняла теперь актерамъ уборную. На балконѣ виднѣлось множество публики, сюда собрался, казалось, весь городъ. Но одна часть балкона, какъ разъ съ боку сцены, оставалась пустой, такъ какъ должна была служить балкономъ для Джульетты; вышина его была такова, что полъ приходился наравнѣ съ глазами Ромео, но въ тѣ времена подобная нелѣпость никого не стѣсняла, и никто не обращалъ на это никакого вниманія.

Во дворѣ тоже столпилось множество народа, тутъ уже были больше представители низшаго класса населенія, и поэтому шумъ и гамъ стоялъ тамъ невообразимый.

Двери въ гостиницу были закрыты, и оставлена только крошечная боковая дверь, около которой стояло двое актеровъ, собиравшихъ деньги съ все прибывающихъ еще зрителей.

Часъ, назначенный для начала спектакля, давно уже прошелъ, но публика была очень терпѣлива, тѣмъ болѣе, что всѣ знали, что одну пьесу замѣнили другой. Въ тѣ времена «Джульетта и Ромео» считалась лучшей пьесой Шекспира, и слава о ней облетѣла всю Англію, такъ что жители Окгема ждали съ напряженнымъ вниманіемъ, когда наконецъ они увидятъ эту пьесу, нашумѣвшую такъ въ Лондонѣ.

Но наконецъ терпѣніе стало истощаться, зрители зароптали. Музыканты переиграли уже все, что знали; голоса изъ публики стали громко вызывать актеровъ изъ уборной; герцогиня уже не разъ мѣняла принятую вначалѣ позу, а герцогъ начиналъ недоумѣвать, что̀ значитъ подобное промедленіе.

Наконецъ, занавѣсъ, отдѣлявшій сцену отъ публики, слегка отодвинулся въ сторону, и показался опять Слай, на этотъ разъ уже одѣтый для роли, которую онъ долженъ былъ играть въ пьесѣ. Публика сразу смолкла, оркестръ тоже оборвалъ начатую было пьесу, и всѣ вообразили, что сейчасъ начнется прологъ. Но Слай видимо и не собирался говорить пролога, онъ обернулся лицомъ къ герцогу и громогласно объявилъ, что, къ несчастью, одинъ изъ актеровъ заболѣлъ, и некому замѣнить его, такъ что придется отложить «Ромео и Джульетту» и сыграть что нибудь другое или читать по книгѣ роль больного актера, хотя это испортитъ всю пьесу, такъ какъ именно этому-то актеру, играющему довольно важную роль въ пьесѣ, приходится биться на дуэли.

Разочарованіе овладѣло всѣми, начиная съ герцогской четы и кончая послѣднимъ простолюдиномъ. Во дворѣ воцарилось мертвое молчаніе, такъ что Слай не зналъ, что ему дѣлать, предвидя, что дѣло добромъ не кончится. Вдругъ сверху изъ одного окна послышался громкій голосъ, кричавшій:

— Послушай, Виль Слай: навѣрное, это—роль Тибальта? Джиль Грове, вѣроятно, опять напился, и поэтому не можетъ играть ее?

Слай посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда раздавался этотъ голосъ, вся публика послѣдовала его примѣру, каждый старался увидѣть говорившаго.

— Да, это — ты, Гарри Мерріотъ! — воскликнулъ Слай. — Какимъ образомъ ты очутился здѣсь?

— Это не важно, — отвѣтилъ Гель возбужденно, — однако я угадалъ причину, почему Джиль Грове не можетъ играть сегодня?

— Да, конечно, но ты, Гель, можешь сыграть его роль? Ты вѣдь училъ ее въ Лондонѣ.

— Да, я даже однажды игралъ ее, когда Грове былъ тоже боленъ.

— Въ такомъ случаѣ все уладится, — и, обращаясь къ герцогу, Слай добавилъ:—это—одинъ изъ нашихъ актеровъ, бывшій въ отсутствіи нѣкоторое время. Вы полюбуетесь, глядя, какъ онъ умѣетъ фехтовать. Спѣши скорѣе сюда, Гель.

За занавѣской изъ актерской уборной послышался взрывъ аплодиментовъ: очевидно, тамъ слышали слова Слая и одобрили ихъ

Лордъ Туррингтонъ взглянулъ на Геля и ласково поманилъ его внизъ рукой; молоденькая жена его теперь тоже улыбалась, предвкушая предстоящее ей удовольствіе; глаза всѣхъ были устремлены на Геля.

— Къ сожалѣнію, я не могу уйти отсюда,—отвѣчалъ Гель:—я считаюсь плѣнникомъ и нахожусь подъ арестомъ посланнаго королевы.

Улыбки сразу исчезли съ лицъ присутствующихъ. Барнетъ, увидѣвъ свой промахъ, невольно пожалѣлъ, что не вмѣшался въ дѣло раньше.

— Пустяки! — крикнулъ Слай:—ты не могъ совершить ничего криминальнаго.

— Я обвиняюсь въ томъ, что способствовалъ бѣгству государственнаго измѣнника,—отвѣтилъ Гель коротко.

Слай видимо удивился и не зналъ, что сказать. Въ толпѣ все еще царило молчаніе.

— Ну, что же такое? Вѣдь ты все же можешь играть, даже находясь подъ надзоромъ.

— Мой плѣнникъ остается моимъ плѣнникомъ, — заговорилъ вдругъ Барнетъ.—Онъ арестованъ мною именемъ королевы, и этимъ же именемъ я приказываю ему оставаться тамъ, гдѣ онъ есть.

Слай въ нерѣшительности взглянулъ на молодого герцога, вся толпа тоже смотрѣла на него, жена смотрѣла съ умоляющимъ видомъ, какъ бы не сомнѣваясь въ томъ, что онъ все можетъ, только бы захотѣлъ, мужу не хотѣлось показаться безсильнымъ въ ея глазахъ, и поэтому, обращаясь къ Барнету, онъ сказалъ:

— Послушайте, развѣ не все равно, будетъ ли вашъ плѣнникъ находиться рядомъ съ вами или на сценѣ, откуда онъ никуда не можетъ бѣжать? Пусть за нимъ слѣдятъ тамъ, вотъ и все.

Барнетъ хотѣлъ было возражать, но въ это время въ толпѣ поднялся такой шумъ, что онъ счелъ за болѣе благоразумное уступить, и сказалъ во всеуслышаніе:

— Такъ какъ это общее желаніе, то, конечно, я долженъ его исполнить. Но я попрошу, чтобы мнѣ было разрѣшено поставить своихъ людей на сценѣ и въ уборной актеровъ, чтобы охранять моего плѣнника.

— Можетъ быть, вашъ плѣнникъ дастъ честное слово, что онъ не будетъ дѣлать никакихъ попытокъ къ бѣгству,—сказалъ герцогъ, глядя на Геля.

— Какъ угодно,—сказалъ Гель,—но я увѣренъ, что этотъ человѣкъ, арестовавшій меня, больше довѣряетъ своимъ людямъ, чѣмъ моему честному слову.

— Да, конечно,—отвѣтилъ Барнетъ угрюмо.

— Въ такомъ случаѣ я этого слова не дамъ,—отвѣтилъ Гель:— можете ставить свою стражу, гдѣ хотите.

Музыканты опять начали играть, и Барнетъ повелъ своего плѣнника за сцену. Тамъ онъ разставилъ вездѣ своихъ людей съ пистолетами въ рукахъ. Гелю развязали руки, такъ какъ онъ не могъ играть съ завязанными руками. Барнетъ, осмотрѣвъ шпаги, убѣдился, что онѣ не достаточно остры, чтобы можно было убить

человѣка, но успокоился, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что, уступивъ общему желанію, пріобрѣлъ этимъ общее расположеніе, и поэтому всѣ присутствующіе помогутъ ему съ своей стороны слѣдить за тѣмъ, чтобы плѣнникъ его не ушелъ отъ него.

Друзья Геля окружили его со всѣхъ сторонъ и радостно привѣтствовали его. Даже Бурбеджъ какъ будто обрадовался встрѣчѣ съ нимъ. Шекспиръ выразилъ надежду, что дѣло Геля уладится, и его выпустятъ опять на свободу. И только одинъ Джиль Грове ничего не говорилъ, такъ какъ онъ лежалъ въ углу уборной и спалъ непробуднымъ сномъ пьянаго человѣка.

Друзья Геля охотно разспросили бы его подробнѣе о всѣхъ происшествіяхъ, которыя повлекли за собой его арестъ, но онъ такъ радовался своей временной свободѣ, что не хотѣлъ теперь вступать въ серьезные разговоры.

Музыка кончилась. Вышелъ на сцену одинъ изъ актеровъ и на этотъ разъ дѣйствительно сказалъ прологъ. По окончаніи его, одинъ изъ пажей взялъ бумажку, на которой крупными буквами было написано «Улица въ Веронѣ», и прицѣпилъ ее къ занавѣси. Послѣ этого на сценѣ появились сначала слуги Капулетти, потомъ слуги Монтекки, затѣмъ Бенволіо и наконецъ самъ Тибальтъ, и поднялась такая кутерьма, что людей Барнета чуть не уронили съ платформы, замѣнявшей сцену.

Гель въ это время думалъ не о своей роли, а объ Аннѣ, и недоумѣвалъ, гдѣ она въ настоящее время, и ждетъ ли его, какъ всегда, лошадь, на которой онъ могъ бы спастись отъ всѣхъ этихъ людей, зорко слѣдившихъ за каждымъ его движеніемъ.

Въ продолженіе всего второго дѣйствія, во время сцены на балконѣ, Гель все время сидѣлъ въ актерской комнатѣ подъ присмотромъ Гудсона, а Рогеръ Барнетъ наслаждался сценой между Ромео и Джульеттой. Наконецъ, началось первое дѣйствіе третьяго акта, и Гель вышелъ на сцену, чтобы начать ссору, которая должна была привести къ дуэли.

Онъ горячо началъ наступать на Меркуціо, при чемъ Бонволіо тщетно старался отвлечь ихъ вниманіе другъ отъ друга; вошелъ Ромео, онъ отказался драться съ Тибальтомъ, стараясь не обращать вниманія на его рѣзкія, вызывающія слова, тогда Меркуціо обнажилъ свою шпагу и вызвался драться съ Тибальтомъ на дуэли. Тибальтъ принялъ вызовъ, и въ воздухѣ сверкнули одновременно двѣ рапиры. Ромео бросился разнимать дерущихся, приказывая въ то же время Бенволіо овладѣть, если можно, обѣими рапирами. Нечего и говорить, что подобное зрѣлище совершенно очаровало зрителей, которые присматривались ко всему, затаивъ дыханіе, не даромъ же Гель игралъ такъ естественно, не даромъ на сценѣ былъ Меркуціо, одна изъ самыхъ интересныхъ личностей этой пьесы, и наконецъ самъ знаменитый Бурбеджъ въ роли Ромео,—

Бурбежджъ, считавшійся тогда лучшимъ актеромъ въ мірѣ. Рогеръ Барнетъ сидѣлъ, какъ очарованный, не спуская глазъ со сцены.

— Остановись, Тибальтъ! Остановись, Меркуціо!—кричалъ Ромео.

Но Меркуціо уже лежалъ на землѣ, а Тибальтъ бросился вонъ съ своими сторонниками. Барнетъ слышалъ, какъ онъ крикнулъ что-то, видѣлъ, какъ онъ исчезъ за занавѣсью, но сейчасъ же забылъ о немъ, такъ какъ все вниманіе его было обращено на группу, остававшуюся еще на сценѣ.

Меркуціо, въ объятіяхъ Ромео, проклиналъ оба враждовавшихъ между собою дома Капулетти и Монтекки и наконецъ тихо скончался на его рукахъ.

Ромео съ горечью констатировалъ его смерть и воскликнулъ:

— Тибальтъ живъ и вернется сейчасъ обратно, а Меркуціо убитъ!

И Ромео всталъ въ позу и съ рапирой въ рукахъ готовился встрѣтиться съ убійцей своего друга, чтобы отомстить за его смерть, но Тибальтъ почему-то не появлялся на сценѣ, всѣ ждали его, но его все не было.

— Почему же Тильбатъ медлитъ? Что съ нимъ случилось?

Въ театрѣ воцарилось мертвое молчаніе. Бѣдный Бурбеджъ одну минуту совершенно потерялся, но потомъ оправился и шепнулъ нѣсколько словъ Бенволіо, тотъ отдернулъ занавѣсъ, раздѣлявшій сцену отъ актерской, и глазамъ зрителей представились остальные актеры, уже одѣтые и ожидавшіе время своего выхода на сцену, однако Геля между ними не было.

— Гдѣ Мерріотъ?—крикнулъ имъ Бенволіо.—Онъ долженъ выходить на сцену, его ждутъ.

— Его здѣсь нѣтъ!—отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ.

— Онъ еще не возвращался со сцены, — сказалъ Гудсонъ громко:—я все время не спускалъ глазъ съ занавѣси, онъ не выходилъ сюда со сцены.

— Но куда же дѣвался Тибальтъ?—спросилъ Бенволіо, обращаясь къ его сторонникамъ, бѣжавшимъ съ нимъ вмѣстѣ послѣ дуэли съ Меркуціо.

— Мы не знаемъ!--отвѣтили они нерѣшительно:—мы не видѣли его послѣ этого.

Гудсонъ, не обращая никакого вниманія на публику, вышелъ прямо на сцену, къ удивленію Бурбеджа, не понимавшаго въ чемъ дѣло, и, направившись къ Барнету, сказалъ ему громко:

— Дѣло не чисто, нашъ плѣнникъ бѣжалъ со сцены, а, между тѣмъ, въ актерскую онъ не заходилъ; его нѣтъ ни тамъ, ни здѣсь.

— Что съ тобой, Гудсонъ!—воскликнулъ Барнетъ:—вѣдь я видѣлъ, что онъ бѣжалъ по направленію къ актерской.

— Нѣтъ,—сказалъ одинъ изъ аристократовъ, сидѣвшихъ на сценѣ,—я видѣлъ, какъ онъ вскочилъ на тотъ балконъ и исчезъ въ домѣ. Онъ быстро вскарабкался на перила и затѣмъ влѣзъ на балконъ, гдѣ передъ тѣмъ появлялась Джульетта.

— Да, конечно, это такъ!—крикнули теперь и другіе, сидѣвшіе съ этой стороны сцены или около балкона, о которомъ шла рѣчь.

— Въ такомъ случаѣ, Гудсонъ, возьми трехъ человѣкъ и обыщи немедленно весь домъ,—распорядился Рогеръ, направляясь черезъ всю сцену къ тому мѣсту, гдѣ находился роковой балконъ, и, обращаясь къ сидѣвшимъ здѣсь людямъ, сказалъ:

— Вы всѣ видѣли, какъ онъ бѣжалъ,—неужели никто изъ васъ не могъ предупредить меня объ этомъ?

— Я думалъ, что это такъ полагается по сценѣ,—отвѣтилъ одинъ изъ аристократовъ съ виноватымъ видомъ:—я думалъ, что онъ бѣжалъ отсюда, чтобы его не захватили друзья убитаго имъ на дуэли Меркуціо.

— Да, онъ долженъ былъ бѣжать, но только не черезъ балконъ,—возразилъ Барнетъ.

— Онъ сначала бросился къ актерской,— заявилъ одинъ изъ зрителей, — а потомъ крикнулъ: «нѣтъ, я лучше спасусь» черезъ балконъ», и побѣжалъ туда. Я думалъ тоже, что это такъ полагается по ходу пьесы.

— Эй, вы!—крикнулъ Барнетъ своимъ людямъ:—трое изъ васъ пусть отправятся на улицу и посмотрятъ, нѣтъ ли его тамъ, а другіе отправляйтесь въ конюшни и сѣдлайте лошадей. Къ чорту всѣ представленія, и чортъ бы побралъ всѣхъ актеровъ!

И, прихрамывая, онъ пошелъ за Гудсономъ, чтобы помочь обыскивать домъ.

Гостиница была очень велика, и обыскать ее всю было трудно. Что касается людей, посланныхъ осмотрѣть хорошенько смежныя улицы, они долго не могли пробраться сквозь густую толпу, заполнявшую дворъ гостиницы.

Между тѣмъ, зрители, отвлеченные на минуту отъ интереснаго зрѣлища, потребовали теперь, чтобы представленіе продолжалось. Шекспиръ замѣнилъ собой Тибальта: онъ произнесъ нѣсколько фразъ, которыя еще надо было сказать, а затѣмъ быстро скончался отъ нанесеннаго ему удара, чѣмъ и кончилась вся роль Тибальта. Представленіе продолжалось дальше безъ всякаго перерыва, и когда наконецъ оно кончилось, большинство зрителей было такъ глубоко тронуто трагической смертью несчастныхъ любовниковъ, что почти забыло объ инцидентѣ, происшедшемъ въ третьемъ актѣ.

Но бѣдный Рогеръ Барнетъ потерялъ всякій интересъ къ представленію: онъ забылъ о своей больной ногѣ и принималъ дѣятельное участіе въ розыскахъ бѣжавшаго, но эти розыски какъ въ домѣ, такъ и на улицѣ были совершенно безуспѣшны. О плѣнникѣ ничего не было слышно, кромѣ только довольно неяснаго показанія, будто видѣли человѣка, похожаго на него, быстро ѣдущимъ по дорогѣ въ Стамфордъ. Кромѣ того, Барнету донесли, что Анна Хезльхёрстъ со своими провожатыми останавливалась на время въ близлежащей гостиницѣ, но затѣмъ опять поѣхала дальше, что нисколько не удивило Барнета, такъ какъ ей вѣдь не

зачѣмъ было оставаться подобно ему въ этомъ городѣ, когда она спокойно могла ѣхать дальше; ея отъѣздъ не могъ имѣть ни малѣйшаго отношенія къ бѣгству его плѣнника.

Между тѣмъ, лошади Барнета и его людей были уже давно осѣдланы и ждали на улицѣ. Рогеръ велѣлъ садиться на лошадей и ѣхать по дорогѣ въ Стамфордъ, чтобы нагнать человѣка, который могъ быть Гелемъ, а самъ онъ рѣшилъ ѣхать въ Флитвудъ.

Это происходило какъ разъ въ ту минуту, когда актеры послѣ представленія садились ужинать, и когда Шекспиръ со вздохомъ сказалъ:

— Я желалъ бы, чтобы нововведеніе, сдѣланное Гелемъ въ моей пьесѣ, способствовало его спасенію.

XXV.

Сэръ Гарри и лэди Мерріотъ.

Мерріоту во время своего поединка съ Меркуціо вдругъ пришла въ голову блестящая мысль: онъ рѣшилъ воспользоваться балкономъ, чтобы незамѣтно исчезнуть со сцены и спастись бѣгствомъ черезъ него. Онъ прекрасно зналъ, что, когда вниманіе зрителей сосредоточено на чемъ нибудь особенно интересномъ, происходящемъ на сценѣ, они уже не видятъ ничего другого и не слѣдятъ за другими лицами, остающимися на сценѣ; онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ и бѣжать, тѣмъ болѣе, что ему вѣдь и по ходу пьесы надо было спасаться послѣ смерти Меркуціо.

Не успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ немедленно же привелъ въ исполненіе свою мысль, и не успѣли оглянуться ближайшіе къ балкону зрители, какъ онъ уже вскарабкался на него и исчезъ въ комнатѣ, откуда незадолго передъ тѣмъ появлялась Джульетта; онъ быстро выбѣжалъ изъ нея въ коридоръ и оттуда бросился къ окну, обращенному на улицу и находившемуся во второмъ этажѣ; не долго думая, онъ выскочилъ изъ него прямо на землю и слегка ушибъ себѣ ногу и руку, но въ ту же секунду былъ опять на ногахъ и оглядѣлся кругомъ: улица была пуста, всѣ отправились смотрѣть представленіе. Онъ посмотрѣлъ въ оба конца улицы, но не увидѣлъ нигдѣ лошади. Затѣмъ онъ бросился бѣжать вокругъ гостиницы, вѣдь могло быть, что лошадь ждала его съ другой стороны ея; онъ оказался правъ въ своемъ предположеніи и въ одной изъ смежныхъ улицъ, въ другомъ концѣ ея, увидѣлъ ожидавшую его лошадь и бросился бѣжать къ ней.

Онъ никогда не могъ потомъ вспомнить, какимъ образомъ вскочилъ на сѣдло и понесся; онъ помнилъ только, что его тотчасъ окружили тоже верхомъ Анна, Китъ Боттль и Антоній, а Френсисъ стоялъ тутъ же и отправился сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ раздобывать себѣ лошадь, такъ какъ Гель сидѣлъ на его лошади. Лица окружающихъ Геля были очень серьезны и почти не выражали

никакой радости: настолько торжественна была для нихъ эта минута.

– Слава Богу!—произнесла наконецъ Анна чуть слышно:—я уже не надѣялась на подобное чудо.

— Я тоже нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—но куда же мы поѣдемъ?

— Вы поѣдете въ Линкольнширъ съ Антоніемъ: онъ знаетъ, какъ проѣхать окольными путями къ берегу моря. Тамъ вы немедленно сядете на корабль, чтобы отправиться во Францію.

— Но вы вѣдь ждали меня верхомъ, вѣроятно, для того, чтобы сейчасъ же ѣхать со мной дальше?

— Нѣтъ, я хотѣла только видѣть собственными глазами васъ живымъ и на свободѣ. У Антонія достаточно денегъ, чтобы добраться до Франціи, а мы съ Френсисомъ и капитаномъ Боттлемъ поѣдемъ ко мнѣ домой. Не медлите больше ни одной минуты. Вы должны ѣхать сначала совершенно одни. Антоній выѣдетъ отсюда съ нами, а потомъ окольными путями догонитъ васъ по дорогѣ въ Стамфордъ. Я написала на этомъ клочкѣ бумаги, гдѣ вамъ встрѣтиться, такъ будетъ вѣрнѣе, иначе вы можете еще разъѣхаться. А теперь ради Бога не медлите и поѣзжайте скорѣе!

— А вы?.. Когда же мы увидимся, или когда я хоть услышу о васъ?

— Антоній скажетъ вамъ, какъ вы можете получить отъ меня вѣсточку, а теперь не медлите, умоляю васъ, поѣзжайте скорѣе!

— Вы были такъ добры ко мнѣ.

— Это не только доброта съ моей стороны...

Она не кончила и только взглянула ему прямо въ глаза. Онъ вполнѣ удовлетворился этимъ молчаливымъ отвѣтомъ и поцѣловалъ горячо ея руку.

— Вы будете ждать меня?—спросилъ онъ чуть слышно.

— Если надо, буду ждать вѣчно, но лучше, если мнѣ придется недолго ждать.

Затѣмъ Гель, крѣпко пожавъ руки Киту Боттлю и Антонію, пришпорилъ лошадь и помчался въ указанномъ ему направленіи. На поворотѣ онъ остановился и оглянулся назадъ: друзья его все еще стояли на прежнемъ мѣстѣ, глядя ему вслѣдъ грустными, серьезными глазами. Онъ безъ всякихъ приключеній добрался до берега моря, гдѣ его уже ждалъ Антоній, и вмѣстѣ съ послѣднимъ уѣхалъ во Францію, гдѣ встрѣтился съ сэромъ Флитвудомъ, спасшимся благодаря его самопожертвованію, и былъ принятъ имъ съ распростертыми объятіями. Сэръ Флитвудъ оказался женатымъ на богатой и прекрасной француженкѣ, и это вполнѣ объясняло, ради кого онъ такъ дорожилъ своею жизнью, что даже готовъ былъ спасти ее цѣною другой жизни. Жена сэра Флитвуда была очень богата и оказалась крайне признательной за спасеніе своего мужа. Когда послѣ воцаренія Іакова I Мерріотъ вернулся снова въ Англію, у него оказалось имѣніе, купленное на его имя Антоніемъ Ундервилемъ изъ суммъ, данныхъ для этой цѣли женой сэра Флитвуда. Имѣніе это было конфисковано когда-то

во времена царствованія Елисаветы и оказалось тѣмъ имѣніемъ, въ домѣ котораго Гель такъ храбро выдерживалъ атаку сначала разбойника Румнея, потомъ Рогера Барнета. Оказалось также, что братъ Анны, убитый на дуэли сэромъ Валентиномъ, былъ мотъ и кутила и не только заложилъ свою часть имѣній, но также и всѣ земли своей сестры, такъ что она осталась нищей, какъ разъ къ тому времени, когда Гель вернулся въ Англію; такимъ образомъ Анна, не находившая себѣ жениховъ, пока была богатой женщиной, вышла замужъ, когда стала нищей.

— Мнѣ кажется, моя дорогая, — сказалъ сэръ Гарри (онъ получилъ этотъ титулъ при королѣ Іаковѣ за то, что по собственной иниціативѣ устроилъ облаву на разбойника Румнея, котораго его слуга Боттль и убилъ въ рукопашной схваткѣ),—мнѣ слѣдуетъ писать свои мемуары, какъ это дѣлается обыкновенно во Франціи.

Онъ сидѣлъ около окна, а рядомъ съ нимъ помѣщалась его жена, лэди Анна.

— Но развѣ ты совершалъ какіе нибудь подвиги въ дни своей юности, Гель?—спросила она:—почему ты мнѣ не сообщилъ о нихъ?

— Я лично подвиговъ не совершалъ, но мнѣ хотѣлось бы описать, какъ судьба свела насъ съ тобой чудеснымъ образомъ. Подумай только, вѣдь если бы ты тогда не удержала меня хитростью въ этомъ самомъ домѣ, ты навѣрное стала бы потомъ разсказывать все подробно Рогеру Барнету, и онъ немедленно вернулся бы въ Флитвудъ, и сэръ Валентинъ погибъ бы непремѣнно, такъ какъ онъ вѣдь выѣхалъ изъ своего дома только на десятый день моего отъѣзда оттуда. Если бы онъ не спасся, я бы не заслужилъ благодарности его жены, которая выразилась для меня въ такомъ реальномъ видѣ, я не вернулся бы сюда владѣльцемъ этого имѣнія, какъ разъ въ то время, когда любимая мною дѣвушка оказалась почти на улицѣ, по милости своего достойнаго брата. Если бы не поединокъ его съ сэромъ Валентиномъ и не моя странная встрѣча съ королевой и ея порученіе, я бы никогда не встрѣтился съ тобой, вѣдь только ради моего сходства съ сэромъ Валентиномъ ты поѣхала тогда за мной.

Смерть Елисаветы сняла съ него обѣтъ молчанія, но только своей женѣ онъ открылъ тайну о данномъ ему когда-то порученіи.

— Да, только благодаря тому, что королева все еще была неравнодушна къ сэру Валентину, и благодаря тому, что она не хотѣла выказать свою слабость, какъ женщина, передъ своими подданными, мы сошлись съ тобой, мой дорогой. Но, несмотря на это, я считаю, что со стороны королевы это была большая жестокость посылать почти на вѣрную смерть молодого человѣка, только ради спасенія своего самолюбія.

— Ну, милая Анна, бываютъ случаи, когда женщины, и даже не королевы, даютъ еще болѣе опасныя порученія своимъ вѣрнымъ вассаламъ. Я вѣдь взялся исполнить ея порученіе, не требуя за

это никакого вознагражденія. Но если я и дѣйствовалъ вполнѣ безкорыстно, судьба все же наградила меня за это косвеннымъ образомъ: отъ королевы я не получилъ никакой благодарности, но зато я обрѣлъ тебя, мое сокровище!

— Подожди, Гель, открой-ка окно и крикни Боттлю, чтобы онъ не заставлялъ бѣгать такъ быстро маленькаго Виля: твой старый слуга положительно портитъ намъ ребенка.

— Да, конечно, онъ балуетъ его, но зато я спокоенъ за то, что онъ любитъ его, какъ собственнаго сына. А знаешь ты, чему онъ вчера училъ мальчика? Онъ училъ его передразнивать Антонія Ундервиля, когда тотъ поетъ свои псалмы: по-моему къ такому старому и заслуженному дворецкому надо относиться съ большимъ уваженіемъ.

— Чему бы онъ ни училъ нашего сына, я надѣюсь, что изъ него выйдетъ такой же храбрый и достойный человѣкъ, какъ его отецъ, Гель.

— Да, я хотѣлъ бы, чтобы нашъ сынъ походилъ также на своего крестнаго отца — Шекспира. Я думаю, что наши актеры и не узнаютъ мальчугана, когда мы опять вернемся въ Лондонъ: онъ такъ вытянулся за послѣднее время.

— Но ты, кажется, говорила о томъ вечерѣ, когда ты своими слезами заставила меня остаться въ этомъ домѣ, несмотря на то, что...

— Ты говорилъ объ этомъ, а не я, дорогой мой.

— Ты мнѣ никогда не говорила, и я никогда не рѣшался тебя спрашивать объ этомъ, но теперь скажи мнѣ: неужели ты все время притворялась въ тотъ вечеръ, имѣвшій для меня такія важныя послѣдствія?

— Болѣзнь, конечно, была мнимая; что же касается поцѣлуевъ, хотя я и отложила ихъ какъ разъ до такой важной для меня минуты, однако они были вызваны неподдѣльнымъ чувствомъ. А когда, наконецъ, твои уста коснулись дѣйствительно моихъ устъ, я, кажется, готова была забыть все на свѣтѣ отъ счастья. Я теперь понять не могу, какъ тогда все же не отказалась еще отъ мысли о мщеніи. Нѣтъ, нѣтъ, Гель, пожалуйста, не повторяй опять этой сцены, это совершенно лишнее, оставь меня, ты мнешь мнѣ кружево, уйди...

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

1906 г. [1]).

А.

---

[1]) Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ,— арабскія—страницу.

Б

Г

Д

Е

Ж

З

И

І

К

Л

О.

П.

Р

С

Т.

Х

Ц

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ

РИСУНКОВЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1906 г.

I. Портреты:

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ:

III. Разные рисунки:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева.—2) Тайна королевы Елисаветы. Историческій романъ Р. Н. Стивенса. Переводъ съ англійскаго В. А. Магской. XX—XXV. (Окончаніе).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1906 г., и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

При этой книжкѣ прилагается гг. городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ «Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова».

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13